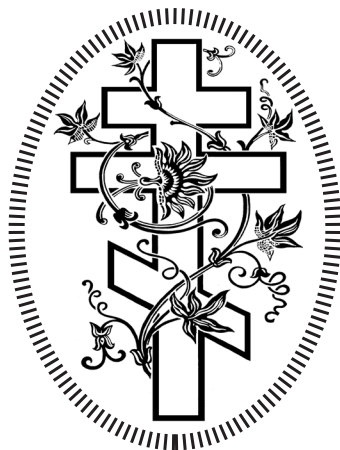

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Исследования русской цивилизации

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Синодикъ или Куликовская битва в лицах
Русская цивилизация: экологический аспект
Великие русские достижения
Русская артель
Русская община

РУССКАЯ ОБЩИНА

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

УДК 316.3

ББК 60.5

Р 89

Русская община

Р 89 Составитель, автор предисловия, ответственный редактор О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 1376 с.

Настоящее издание является наиболее полным сводом главных исследований русских ученых, посвященных русской поземельной общине.

Община сыграла ключевую роль в развитии русской истории. С древнейших времен она является основной формой социально-экономической жизни России, определившей направление развития русской цивилизации. Курс на разрушение общины, принятый правительством Столыпина в 1906 году, стал первым решительным шагом в сторону революции, так как разрушал основной оплот устойчивой крестьянской жизни.

Опираясь на точные факты и статистику, исследователи доказывают, что община в русской истории развивалась и крепла, особенно это прослеживается после отмены крепостного права. В начале XX века 75% русских крестьян жили в условиях общины. Столыпинская антиобщинная реформа закончилась крахом. Только небольшая часть крестьян согласилась выйти из общины.

ISBN 978-5-4261-0038-1

© Институт русской цивилизации, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Община – общественно-производственное объединение крестьян на началах самоуправления, самоорганизации, взаимопомощи и совместного владения землей.

Слово «община» позднего происхождения. Оно возникло путем точного перевода аналогичных иностранных понятий. Русские же крестьяне говорили «мир» или «общество».

Основы существования общины (во всех ее разнообразных видах – вервь, задруга, *печище* и др.) лежали в «самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество», – писал видный исследователь русской общины И. Н. Миклашевский. Народное сознание выработало бесчисленное количество пословиц, так или иначе связанных с общиной (миром), которые отражали господствующее значение ее в жизни и судьбах народа. «Никакой мирянин от мира не прочь, от мира прочь не мирянин», «Миром все снесем», «Мирская слава сильна», «Мир, община столбом стоит», «Мира не перетянешь, мир за себя постоит», «На мир и суда нет», «На мир ничего не сменяют», «В миру виноватого нет», «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось».

Понятие «мир» для крестьянина отражало всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяя не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее – соборное соединение, имеющее характер высшего закона.

Крестьянин говорил так: «мир собирался», «мир порешил», «мир руки давал», «мир выбрал», вкладывая сюда значение высшей духовно-нравственной инстанции – «мир крещеный», «мир христианский».

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, – полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины.

Мальтус считал, что право на жизнь имеет только сильнейший, победивший в острой конкурентной борьбе; побежденный в ней не имеет таких прав. Нет! – решительно говорил русский крестьянин. Право на жизнь имеет всякий родившийся на этот свет – гарантией чего является взаимопомощь и взаимная поддержка в общине.

Община, писал русский историк и этнограф И. Г. Прыжов, основана на вечном законе о братской любви, на законе, что «Веревка крепка с повивкой, а человек с помощью», «Друг о друге, а Бог обо всех». Мир как одна семья, мнение которой нередко стоит выше писаного закона: «Деритесь, да не расходитесь», «Все за одного и один за всех», «Вперед не забегай, от своих не отставай», «Отстал – сиротою стал», «Хоть назади, да в том же стаде». Сила, связующая мысль, по мнению Прыжова, – общая выгода, общая беда: «Люди – Иван, и я – Иван, люди в воду, и я в воду», «На миру и смерть красна». Личность в общине всецело предана ее интересам: «Где у мира руки, там моя голова», «К миру приложился – головой заложился». Мир являет собой высшую инстанцию для крестьянина, выше которой только царь да Бог: «Мир – велик человек», «Мир – великое дело», «Сто голов – сто умов». В преданности миру – залог благополучия и преуспевания, поэтому решения мира подчиняются беспрекословно: «Где мир да люди – там Божья благодать», «Глас народа – глас Божий», «Что мир порядил, то Бог рассудил», «Что миром положено, так тому и быть», «Мир один Бог судит», «Мир с ума сойдет – на цепь не посадишь».

В народном сознании мир (община) – могучий богатырь: «Коли всем миром вздохнут, и до царя слухи дойдут», «Как мир вздохнет, и временщик издохнет», «Мирская шея толста» (то есть многих спасти может), «Мирская шея туга: тянется да не рвется. Мирская шея жилиста», «Мир по слюнке плюнет – так и море», «Мир сразу не похоронишь».

«Мир силен, – отмечает Прыжов. – Ему нипочем никакое несчастье, никакая нищета: «Вали на мир – все снесет», «Мир – золота гора», «С миром и беда не убыток». Мир силен и несокрушим: «С миром не поспоришь», – говорит народ и при этом гордо спрашивает: «Кто больше мира будет?», «Мир не перетянешь», «Мир заревет, так леса стонут», «Мирская слава звонка», «Мир запоет, так камень треснет», «Собором и черта поборем», потому что «Одному страшно, а миру не страшно», «Не то страх, что вместилах, а сунься – на один».

Самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегали пространства в 100–200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называ-

лась крестьянами волостью, а население волости – миром. Волость на своих собраниях-сходах выбирала старосту и некоторых других руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель. «В деревне, – писал Н. П. Павлов-Сильванский, – действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам...»

Волостная община самостоятельно ведала сбор податей, низший суд и полицию. Тиун и доводчик являлись в волость, только когда в ней возникало уголовное дело и начинался спор о границах ее территории с соседними или крупными землевладельцами.

...Значение мирского самоуправления усиливалось высшей выборной должностью сотского, общего представителя этих волостных общин стана. Сотский связывал эти общины в одно целое, в один земской мир стана. Он являлся посредником между волостным старостой и чиновниками наместника... Свои кормы и поборы чиновничество могло получать только... от высшего мирского представителя – сотского...

В более поздние времена выборный сотский выполнял полицейские функции: наблюдал за чистотой в селениях, за чистотой воды в речках, за пожарной безопасностью, за порядком во время торгов, базаров, за продажей доброкачественных продуктов, за проведением торговли с надлежащими свидетельствами и др.

Сход был далеко не единственной формой общественных собраний крестьян. Историк Л. В. Черепнин рассказывает, как еще в XIV–XV вв. существовал обычай «пиров» и «братчины», представлявших собой «коллективные торжественные собрания, во время которых съехавшиеся угощались за праздничным столом. В этих формах проявлялась деятельность сельской крестьянской общины. Во время «пиров» и «братчин» могли обсуждаться крестьянские нужды, решаться мирские дела. «Пир» и «братчина» были одним из средств сплочения крестьянства по отдельным, мало связанным еще между собой селениям, разбросанным на огромной территории».

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян: «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйства, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки.

«Кто за сколько душ тянет, столько земли берет», – говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл» (то есть налог, тягота), «Постылое тягло на мир полегло» (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимал).

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов: земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в начале XX в. можно было встретить социальные структуры, существовавшие пятьсот и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество обязательно со своим демократическим собранием – сходом – и своим выборным управлением – старостой, десятским, сотским.

На сходах демократическим путем обсуждались дела по общинному владению землей, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, отлучки и удаления из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожаев.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) демократически регулировались все стороны трудовой жизни села: сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукционы); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Крестьянские сходы, их гласность, независимый характер выступлений поражали наших интеллигентов. Вот как описывал одну из таких сходов писатель Н. Н. Златовратский:

«Сходка была полная. Большая толпа колыхалась против моей избы. Тут собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшиеся с заработков в страдное время, бабы и ребятиш-

ки. В тот момент, когда я пришел, ораторские прения достигли уже своего апогея. Прежде всего меня поразила замечательная откровенность: тут никто ни перед кем не стеснялся, тут нет и признака дипломатии. Мало того что всякий раскроет здесь свою душу, он еще расскажет и про вас все, что только когда-либо знал, и не только про вас, но и про вашего отца, деда, прадеда... Здесь все идет начистоту, все становится ребром; если кто-либо по малодушию или из расчета вздумает отделаться умолчанием, его безжалостно выведут на чистую воду. Да и малодушных этих на особенно важных сходах бывает очень мало. Я видел самых смиренных, самых безответных мужиков, которые в другое время слова не заикнутся сказать против кого-нибудь, на сходах, в минуты общего возбуждения, совершенно преображались и, веруя пословице: «На людях и смерть красна», – набирались такой храбрости, что успевали перещеголять заведомо храбрых мужиков. В такие минуты сход делается просто открытою взаимною исповедью и взаимным разоблачением, проявлением самой широкой гласности. В эти же минуты, когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшей степени напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля».

Важное значение на сходах принадлежало старосте, который организовывал сходы, наблюдал за порядком, заведовал мирскими делами, а в случае необходимости даже обладал правом арестовать виноватого. «И мир не без начальника», – говаривали крестьяне. «Мир всех старше, а и миру урядчик есть», «Сноп без перевязи – солома» (о старосте).

Своих выборных крестьяне уважали и подчинялись им, но и подходили к ним довольно строго. Кого попало и просто так крестьяне не выбирали. «Сидишь на ряду (в начальниках), не молви «не могу», «Коли сидеть на ряду, так не играть в дуду», «На старосту не челобитчик, а от миру не прочь».

Несколько сельских общин образовывали волость, которая также управлялась демократическим путем. Высшим органом волости был волостной сход, собиравшийся в большом торговом селе и состоявший из сельских старост и выборных крестьян (по одному из десяти дворов). Но это совсем не означало, что на сход не могли прийти и другие крестьяне, желавшие участвовать в волостном собрании. Волостной сход выбирал волостного старшину (как правило, на три года), волостное правление (собственно, это были старшины и все старосты волости) и волостной суд.

Волостное правление вело книги для записи решений схода, а также сделок и договоров (в том числе трудовых), заключенных крестьянами как между собой, так и с посторонними для волости лицами. Вся бумажная работа велась волостным писарем, который, конечно, был важным лицом в деревне, но крестьянского схода побаивался, ибо всегда мог быть с позором изгнан.

Да и волостного старшину крестьяне не больно боялись. Знали, коль старшина начнет злоупотреблять доверием общества, то его в следующий раз не выберут или убавят жалованье.

Кроме руководителей, на крестьянских сходах по мере необходимости выбирали ходатаев по общественным делам, челобитчиков в губернский или столичный город. Такие ходатаи звались мироедами (негативный смысл у этого слова появился позже, а тогда это означало людей, живших на мирской счет во время своей командировки по общественным делам) и каштанами. «Мироед, каштан, а без него не проживешь», ибо «от мира челобитчик, а сам никому не обидчик».

В каждой волости на крестьянском сходе избирался волостной суд из четырех судей – крестьян-домохозяев, достигших 35 лет, грамотных, пользующихся уважением среди односельчан.

В волостном суде, руководствуясь местными крестьянскими обычаями, дела разбирались по совести, склонить спорящих старались к примирению. Конечно, права волостного суда ограничивались мелкими спорами и тяжбами, хотя они могли разбирать дела по мелким кражам, о мотовстве, дела, связанные с наказанием пьяниц и других нарушителей общественной нравственности. Волостные суды имели право приговаривать виновных к денежным взысканиям до 30 рублей и к аресту на хлебе и воде до 30 дней.

Бывали случаи, когда народный сход в общине превращался в настоящий суд, а порой просто в самосуд над ворами и конокрадами. Известны случаи, когда виновных немедленно предавали смерти.

Общинные формы жизни существовали даже в тюрьме, что было даже признано тюремным начальством. Здесь присутствовали все характеристики общины – сход, выборы, общественное мнение, общий суд и наказание, иногда даже в форме смертных приговоров острожного самосуда.

Наряду с самоуправлением, краеугольным основанием общины служила общественная взаимопомощь и взаимоподдержка. Осуществлялась она прежде всего посредством древней формы совместного труда – *помочей*, *капусток*, *супрядок* и др.

За многие столетия существования самоуправляемых волостных и простых общин (в отдельных случаях состоявших только из одного селения) навык к самоуправлению и взаимопомощи стал национальной чертой и общественной потребностью русских крестьян, с которыми центральной власти и отдельным феодалам приходилось считаться.

В XIV–XVI вв. происходила широкая раздача князем тяглых волостных земель вместе с крестьянским населением в *поместье* в виде платы за службу, а то и вотчины обладания боярам, детям боярским и дворянам. В этих условиях волостная община погибала, так как ее функции переходили к владельцам

вотчин и поместий, но, как правило, продолжала существовать обыкновенная община. Вотчинники и помещики, с одной стороны, вынуждены были считаться со сложившейся за многие столетия этой формой крестьянской жизни, а с другой стороны, сохранение обыкновенной общины им было выгодно организационно. Община с помощью круговой поруки выплачивала все повинности и организовывала выполнение барщинных работ. Таким образом, помещик имел готовую организацию труда, производства и распределения, а крестьянин продолжал существовать в привычных ему формах общественного самоуправления. Вместе с тем волостная община погибла не повсеместно, но продолжала существовать на государственных землях, выполняя вплоть до начала XX в. те же самые функции, что и много веков назад.

Как справедливо отмечал М. И. Семевский, попытки уничтожить общинные формы землевладения и общественной жизни крестьян были сравнительно редки даже на помещичьих землях. Во второй половине XVIII в. большинство имений состояло на *оброке*, а в таких вотчинах крестьяне обыкновенно совершенно свободно пользовались землей на излюбленных ими общинных началах, почти без всякого вмешательства со стороны помещика. В этом отношении наш крепостной крестьянин находился в несравненно более выгодном положении, чем такой же крестьянин в Западной Европе.

В крупных крепостных вотчинах владелец крепостных и назначенный им управляющий, *вотчинная* канцелярия или *контора*, состоявшая нередко из нескольких отделов, были лишь верхним этажом вотчинного управления; по древней традиции, нарушать которую боялись многие помещики, находился нижний этаж управления – крестьянское самоуправление – староста, выборные, десятские, сотские и общий сход, который самостоятельно решал внутренние вопросы общины. Конечно, были и злоупотребления. Помещики часто пытались покровительствовать определенным крестьянам при выборах их на определенные выборные должности, хотя сами в сходах участия не принимали.

Пока земли и угодий было много в крестьянской общине, переделы не производились. Но вот в XVII–XVIII вв. в связи с ростом населения земли стали регулярно осуществлять передел между членами общины.

Земля и все другие крестьянские угодья (покосы, луга, леса) раздавались крестьянам поровну. Сначала все угодья делили на равные куски по качеству и степени удаленности от селения – хорошие, средние и плохие. Потом каждый крестьянин, согласно жребию, получал по куску угодий каждого качества и удаленности от селения.

«Дело в шляпе», – говаривали крестьяне, так как жребий тянули из шляпы. Но: «Жребий метать, после не пенять», «Жребий – Божий суд». Переделы угодий осуществлялись раз в 5–20 лет, обычно в зависимости

от «размножения народа». Распределение осуществлялось либо по семействам, либо по тяглам (работающие муж и жена). Таким же образом распределялись между крестьянами и повинности – налоги, а у помещичьих крестьян также барщина или оброк.

Раздел земли в общине носил ярко выраженный трудовой характер. Земля принадлежала только тому, кто мог ее обработать.

В самой процедуре раздела земли был настоящий ритуал. Для разделов выбирали своего рода комиссию из старожиллов и земляного старосту, которому давали несколько тягелных помощников. «Комиссия» внимательно следила за тем, чтобы участки были одинакового достоинства, уравновешивая худшее качество или неудобство большим количеством земли или компенсацией в другом месте. Обычно начинали раздел с ближайшей земли от гумен: первое, яровое, поле – весной до посева, второе, паровое, – в так называемом междупарье и третье – осенью по уборке ржаного хлеба. На такой раздел каждого поля употреблялось не более трех дней. Порой каждое поле разбивалось на десять и более участков. При разбивке учитывалось важное трудовое правило. Величину участка или полосы земли назначали, «сколько работник одним днем обработать может, что составляет примерно третью долю десятины». Общинная «комиссия» по разделу земли, как правило, делала все сама, не привлекая казенных землемеров. Общинный лад и искусство крестьян производить измерение и передел земли без помощи межевых инструментов определяли ненужность землемеров, потому что крестьяне, по словам тверского помещика Зубова, «между себя учинят раздел» и «в безобидном от одного к другому равенстве, употребляя на то сажени, аршины и даже ступни ног своих».

Между официальными переделами крестьяне могли обмениваться участками, снимать непосильный труд с немощных, передавать землю способным ее обработать. Вот, к примеру, в д. Ямы после смерти мужа его вдове с пятью малыми детьми и с двухдушевым наделом сход решает оставить надел умершего мужа. Вдова отказывается и от надела мужа, и от своего, так как ей это не по силам, даже при коллективной помощи общинников. На освобожденный надел вдовы претендовал безземельный Наум Шмонин. А так как с пользованием наделом связана уплата податей, то среди общинников возник вопрос, сможет ли Наум Шмонин платить подать, в противном случае пришлось бы платить общине. Кроме бедного общинника Наума Шмонины, в деревне были и богатые, которые, живя в городе и занимаясь торговлей, особо не нуждались в земле. Поменявшись с другими членами общины, они имели наименьший надел, а следовательно, платили и меньше податей. На одном из сходоу многие из общинников высказали мысль о том, что неплохо бы отдать богачам больший надел. А те в свою очередь обиделись и прислали посыль-

ного с ответом, что они пересядут только на свои наделы, больше же наваливать мир не имеет права. Возникшее разногласие грозило неприятностями тем крестьянам, которые сидели на чужих наделах, и мир порешил следующее: землю, от которой отказалась вдова, передать Науму Шмонину – все два надела полностью; самой вдове помочь сжать хлеб нынешнего посева, богачей же оставить в покое до другого случая (изложено по рассказу очевидца, писателя Н. Златовратского).

В получении всех повинностей помещик имел дело не с отдельными крестьянами, а со всей общиной, которая ежегодно платила ему определенно установленную сумму денег. «Всю раскладку сию, – писал помещик XVIII в., – делают крестьяне сами по себе, ведая каждый о другом, сколько может заплатить без тягостей перед другими и по общему мирскому приговору».

Как все это происходило в деревне, хорошо рассказал русский историк И. Н. Болтин. «Положение, – говорил он, – что в селе или в деревне 250 душ мужского люда, кои составляют 100 тягол, что оброку платит вся деревня помещику 1000 руб., да государственных податей, яко-то подушных, рекрутских и разных мелочных расходов сходит с них 500, итого всего 1500 руб., и что вся земля той деревни разделена на 120 паев. Из них 100 паев земли раздают они на каждое тягло по одному, достальные 20 разделяют по себе те, кои семьянистее или зажиточнее других, по добровольному согласию или по жеребью, какая часть пая кому достанется. Имеющие по одному паю земли платят в год по 12 руб. 60 коп.; те же, кои разберут по себе достальные 20 паев, каждый платит расчисленно, т.е. кто полпая возьмет, тот платит 6 руб. 30 коп., а за четверть пая – 3 руб. 15 коп. сверх 12 руб. 60 коп., которые каждый за владение целого пая должен».

При всех расчетах с государством и помещиком крестьяне учитывали стариков, неспособных работать, инвалидов и вдов. Для них либо делались послабления, либо они вообще не платили повинностей, которые за них вносила община, перекладывая тяготу на плечи тех, кто был способен работать.

Например, если по смерти крестьянина оставалась вдова, то за ней нередко сохранялся надел, который она могла бы обработать с помощью батраков; если же она не могла это сделать, то община платила за нее подати и если и забирала у нее землю, то только на время, до тех пор, пока не подрастут дети.

Для бедняков устраивали запасные участки, из которых им выделяли землю без обязанности вносить общинные повинности.

Из этого же запасного участка выделялось поле для общего посева, жатва и уборка его осуществлялись совместно всеми крестьянами, а хлеб шел в общее гумно. Из мирского хлеба оказывалась помощь старикам, сиротам, остальное же продавалось для уплаты государственных податей.

Из хлеба, собранного миром из общественной запашки, «общество назначает мясину за службу мужей солдаткам с их детьми, буде родственники держать его откажутся, также престарелым и одиноким, пережившим свои семейства, дабы оные не скитались по миру».

Воистину справедливы были пословицы: «На Руси никто с голоду не помирал» (имелось в виду, что в случае чего мир поможет). «Да и за голодного Бог заплатит», – считал крестьянин.

Общественная защита бедных, нетрудоспособных, вдов, стариков, сирот гарантировалась всем крестьянским миром.

История доносит до нас голоса очевидцев разных губерний России.

«Когда же какого-либо крестьянина постигает несчастье, например выгорит у него дом, то крестьяне из сострадания к нему помогают в свободное от своих работ время, возят ему задаром дрова, с катища – бревна на новый дом и пр., преимущественно в воскресенье» (Вологодская губ.).

«В случае постигшего домохозяина несчастья, например пожара, мир дает бесплатно лес для постройки, если кто заболает, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т.п.» (Новгородская губ.).

«Обработать поле и убрать его у одинокого больного, а также привезти лес на постройку мир считает нравственной обязанностью; в тех редких случаях, когда кто-нибудь из однодеревенцев под предлогом недостатка лошадей отказывается участвовать в помощи, мир не приступает ни к каким карательным мерам, но общественное мнение осуждает его, а идти против мира редко кто решается» (Тульская губ.).

«...Каждый член общества трудится, выходя на работу для вспашки поля или уборки урожая у захворавшего домохозяина или бедной вдовы, вывозит лес на постройку сгоревшей у кого-либо из своих членов избы, платит за участки, отведенные беднякам, больным, старым, сирым, за отпускаемые им бесплатно: лес на починку избы, материал на изгороди и отопление, хоронит их за свой счет, вносит подати за разорившихся, поставляет лошадей для обработки поля хозяину, у которого они пали или украдены, несет хлеб, холст и прочее погорельцу, поит, кормит, одевает сирот, поселенных в его избе, и мн. др.» (Тверская губ.).

Крестьянская община была одной из главных стабилизирующих основ русской жизни. О необходимости ее сохранения говорили лучшие умы России.

«Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, – писал Д. И. Менделеев, – заключает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений... а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может

тем же общинным началом воспользоваться для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному».

«Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, – подчеркивал Менделеев, – должно считать общину, согласно – под руководством лучших и образованнейших сочленов – ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике... Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещицкой усадьбе – вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях...»

Разрушение общины. Первые известные нам попытки разрушить общину относятся к 60-м гг. XVIII столетия. Они осуществляются агрономами, ссылавшимися на пример европейских государств, особенно на Пруссию. Возражения этих агрономов против общины, и прежде всего общинного владения землей, основывались на общих соображениях о вреде общины с агрономических позиций без понимания внутреннего содержания этой древней формы народной жизни.

Историк русского крестьянства В. И. Семевский приводит рассказ о событиях, происшедших в 1792 г. в некоторых государевых вотчинах, крестьяне которых жаловались на беспорядки. Когда жалобы крестьян в некоторых имениях дошли до Вел. кн. Павла Петровича (будущего имп. Павла I), он приказал поставить их в такое же положение, в каком находятся английские фермеры, и взыскивать с них ничтожную арендную плату; крестьяне были снабжены всеми орудиями для хозяйства, и к ним назначили наставников для обучения земледелию. От такой жизни и учения крестьяне взвыли, умудрились в течение двух лет продать свою собственность, после чего не смогли уже платить арендную плату и просили позволить им жить по-старому.

Александр I 20 февраля 1803 г. издал Указ о свободных хлебопашцах, смысл которого носил либерально-западнический характер и не отвечал общественным и хозяйственным условиям жизни страны.

Согласно этому указу крестьяне по добровольному договору с помещиком за выкуп или как-то иначе получали свободу, но не на правах общинной собственности, как жили многие столетия их предки, а на правах частной собственности. Предусматривалось, что раздел земли между крестьянами будет осуществлен с выдачей каждому плана его участка с подписью уездного землемера. Таким образом, крестьянин получал право свободно распоряжаться землей (завещание, продажа, дарение и т. д.) с единственным ограничением: не дробить участки менее 8 дес., а также право залога недвижимости и вступления во всякого рода залоговые обязательства. Свободные хлебопашцы становились подчиненными местным властям и административно, и судебно, выходя из подчинения общины. Все это неизбежно вызвало конфликт между индивидуальным и общинным началом. Как справедливо отмечалось, «взнос денег за выкуп земли внедрял в сознание крестьянина мысль, что он является собственником земли пропорционально величине взноса». С этим убеждением не могла согласовываться уравнительная разверстка земли, практикующаяся в русской деревенской общине. Она исключала равное распределение земли при неравенстве взносов и устройство переделов по мере прироста душ. Отказ от привычных форм жизни вызывает у крестьян много вопросов и конфликтов по поводу разверстки повинностей, уплаты долгов, поставки рекрутов. Больше всего смущало крестьян нарушение принципа уравнительности в пользовании землей.

К 40-м гг. XIX в. Указ о свободных хлебопашцах фактически потерпел полный крах – западноевропейский принцип индивидуалистической хозяйственной деятельности «разбился об общинный порядок крестьянского хозяйства».

Особой страницей среди попыток разрушения русской общины было введение военных поселений при том же Александре I. Почти за 100 лет до еврейских большевиков была сделана попытка милитаризировать русское село, превратив крестьян в солдат трудовых армий. Попытки эти, естественно, потерпели неизбежный крах. Крестьяне яростно сопротивлялись навязыванию им чужеродных форм жизни. В дело пошли штыки и картечь, деревни брали приступом, непокорных запарывали шпицрутенами.

Однако не только государственный механизм пытался посягать на древние обычаи крестьян. А. И. Герцен рассказывает, как дворяне, по большей части прибалтийских губерний, пытались вводить европейскую парцеллярную систему раздела земель и частную собственность. Но все эти попытки проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещика или поджогом его усадьбы.

Посягательства на древние обычаи общины продолжались весь XIX век, но, как правило, кончались безуспешно, разбиваясь о крестьянскую солидарность. Хотя, конечно, немалую роль в сохранении традиционного крестьян-

ского уклада играл здравый смысл многих русских ученых и организаторов сельского хозяйства, которые восставали против безумного копирования западного опыта, предлагая учитывать национальную самобытность.

Славянофилы, Д. И. Менделеев, ведущие русские экономисты XIX – начала XX в. отмечают необходимость сохранения общинных форм хозяйствования, предупреждают о страшной беде, которая может последовать с их уничтожением.

«Ничего не надо делать, – говорил в 1903 г. знаток русской общины А. В. Еропкин, – ничего не предпринимать, а предоставить общине правильное естественное развитие; начальный опыт западноевропейских государств на родине и на Востоке пусть послужит поучительным уроком неудачных правительственных реформ и мероприятий по отношению к общинной форме землепользования. Современная поземельная община в России, несмотря на давнишнее изучение ее, доселе остается, однако, неисследованной статистически на пространстве всей империи. Этот существенный пробел сам по себе является достаточным, чтобы признать всякие решительные реформы по отношению к общине преждевременными и малообоснованными».

Общинные крестьянские хозяйства, по мнению Менделеева, могли предоставить незаменимые выгоды при коренных улучшениях нашего крестьянского хозяйства, потому что при нем могут вводиться улучшения на сравнительно больших площадях, а на малых запашках сделать этого нельзя, без коренного же улучшения, вроде травосеяния, разведения корнеплодов, глубокой вспашки и т. п., нельзя ждать крупных успехов в нашем крестьянском хозяйстве.

О пагубности бездумного копирования западноевропейских форм хозяйствования писал министр земледелия России, крупнейший ученый А. Е. Ермолов. «На Западе, – указывал он, – нам можно заимствовать только частности, отдельные приемы и способы культур, вывозить из-за границы машины, скот и т. п., пользоваться основными началами сельскохозяйственной науки, которые – одни для целого мира, но затем мы должны создавать свой собственный строй хозяйства, сочетая отдельные элементы производства так, как того требует относительное значение их при наших условиях, и стремясь к установлению между этими элементами нормального взаимодействия, которое одно может повести к достижению возможно высшего в данное время чистого дохода».

Успешно может существовать только то хозяйство, которое организовано сообразно местным условиям, а не то, которое ведется на заграничный лад по образцу западноевропейских. Самые лучшие образцы ведения хозяйства, переносимые на российскую почву, приходили к неминуемому банкротству.

Ермолов в качестве примера бесплодности перенесения на российскую почву западноевропейских систем хозяйствования рассказывает нам об имении англичанина Джонсона в Самарской губернии.

В конце 70-х гг. XIX в. этот богатый англичанин во время путешествия по Волге прельстился естественными богатствами края и купил большое имение при с. Тимашево. В нем он решил завести образцовое имение на английский лад. Ермолов рассказывает, как радовались многие, высказывая свое мнение в газетах, что наконец-то русские помещики и крестьяне увидят, как можно вести дело на «правильных, рациональных основаниях». Богатый англичанин вложил в хозяйство огромные капиталы, купил и послал в имение несколько паровых молотилок, жатвенных машин, всевозможных плугов различных усовершенствованных систем, построил сахарный завод. Хотя прежде чем дело было пущено в ход, Джонсон засомневался в успешности предприятия и уступил его другому не менее богатому англичанину. На вспаханной плугом чуть не до аршина глубины и затем искусственно орошенной самарской почве, рассказывает Ермолов, пошли могучие бурьяны, которые заглушали посевы, а свекла погибала от морозов то весной, то осенью. Денег в имение вкладывалось все больше и больше, но вместо прибыли получали только убыток и вместо образцового ведения хозяйства, которое ожидалось от англичан, получился только образец того, как не следует вести дело. В конце концов сахарный завод закрылся, плуги, скот и машины, а затем и само имение были проданы с молотка и куплены удельным ведомством, которое возобновило хозяйство уже на основе учета местных особенностей. Таким образом, подчеркнул Ермолов, не помогли ни паровой плуг, ни английские капиталы, когда дело было поставлено неправильно, без знания местных условий.

В 1889 г. Министерство внутренних дел и Государственный Совет обеспокоились «фактическим безвластием в сельских местностях», «призрачностью» правительственного надзора за крестьянским общественным управлением и нашли, что «без ущерба для спокойствия и порядка в государстве» крестьянское самоуправление впредь «не может быть оставлено без бдительного надзора правительственных органов». А посему, чтобы обуздать самоволие крестьянских общин и в лице их создать «близкую населению твердую правительственную власть, самодержавие распорядилось ввести в деревне должность земского начальника, контролирующего жизнь общины».

Была нарушена многовековая традиция своего рода суверенитета крестьянской общины. Уезд разбивался на земские участки, и в каждый участок назначался земский начальник, подбиравшийся, как правило, из местных, получивших образование дворян-помещиков и утверждаемый министром внутренних дел по представлению губернатора. Земский начальник начинает осуществлять надзор над теми сторонами жизни крестьян, которые раньше не подвергались вмешательству центральной власти – крестьянское общественное управление, волостной суд, состояние мирских денег, хозяй-

ственное благоустройство и нравственное преуспеяние крестьян. Земский начальник приобретал невиданную прежде административную власть и, более того, становился судьей для всего местного населения, решал дела по спорам и искам не свыше 500 руб., а также дела об обидах и оскорблениях. Земские начальники являлись частью бюрократической машины царского режима, совсем не зависели от населения, над которым они надзирали. Отсюда многочисленные злоупотребления властью с их стороны и недовольство крестьян их деятельностью.

В 1903 г. специальным законом был отменен один из основополагающих принципов общины – круговая порука, ослабляя зависимость крестьян от решения мирского схода и крестьянского самоуправления и вместе с тем усиливая зависимость крестьян от местных административных властей.

По новому закону сельское общество освобождалось не только от ответственности по платежам своих неисправных членов, но и от всякого участия во взимании окладных сборов. Роль, которую ранее выполняли органы крестьянского самоуправления, взял на себя назначаемый государством земский начальник с подвластным ему волостным старшиной и сельским старостой. Земский начальник был поставлен даже выше уездного крестьянского съезда.

Крестьяне, отвечавшие за свои долги перед миром, теперь были поставлены лицом к лицу с государственной властью, от чиновников которой зависело, какие меры и взыскания принять по отношению к недоимщику. Сход являлся на сцену только в том случае, когда власти уже решили ликвидировать хозяйство недоимщика. За общиной признавалось лишь преимущественное право аренды полевого надела недоимщика; во всем остальном и эта крайняя мера взыскания, недоимок всецело зависел от уездного крестьянского начальства.

Умаление прав общины привело к значительному территориальному расширению полномочий местной администрации в 62 тыс. селений в 46 губерниях Европейской России.

Следующим актом разрушения общины была столыпинская реформа, которую, однако, не следует интерпретировать только в отрицательном смысле. По-видимому, замысел П. А. Столыпина реформировать земельные отношения в русском сельском хозяйстве имеет корни в исследованиях его старшего брата Д. А. Столыпина, который еще в 70-х гг. XIX в. высказал соображения, ставшие главной идеей столыпинской реформы.

В 1906 г. был принят Указ 9 ноября (ставший с некоторыми изменениями Законом 14 июня 1910 г.), согласно которому каждый домохозяин, владеющий надельной землей в общине, имел право требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Выделенная земля становилась не семейным владением, как прежде, а личной собственностью

домохозяина, который мог распорядиться ею по собственному усмотрению. Однако продавать землю крестьянин мог только лицам, приписанным к общине, закладывать только в Крестьянском банке, а завещать по обычному праву – ближайшим наследникам.

Отмена переделов и передача земли в личное владение (а, подчеркиваем, не в частную собственность) домохозяев, конечно, не означали разрушение общины. Ведь земельные переделы были не главным и не единственным признаком общины. Вспомните, еще в XVII–XVIII вв. во многих местах земельных переделов не было, отсутствовала необходимость в них, ибо земли было много. И тогда в течение многих веков и после 1906 община была в чистом виде демократическим союзом местного самоуправления и взаимопомощи, хотя, конечно, всегда испытывала посягательства на эти свои права.

Привыкший жить в своей среде среди представлений и взглядов, ему понятных, крестьянин болезненно воспринимал любые отклонения от них. В условиях отказа от народных основ, традиций и идеалов, привычной ему шкалы ценностей, лишения самостоятельности, крестьянин становился медлителен и непонятлив, что воспринималось как косность, темнота и забитость. Община угасала. «Дорожка глохнет, так и мир (община) сохнет», – говорили крестьяне.

Потеря самостоятельности и «суверенитета» общины способствовали ее разложению, развитию в ней разных негативных явлений. В некоторых общинах крестьянские сходы превращались в проформу, а порой становились орудием в руках небольшой части богачей. «Крестьянская сходка – земская водка», – замечала новая крестьянская поговорка. «Мир сутки стоял, небо подкоптил и разошелся», – жаловался крестьянин на неспособность самостоятельно решать дела в новых условиях. А отсюда новый элемент крестьянской жизни: «Мир на дело сошелся виновного опить» (гибельный обычай): вместо правосудия, например, за потраву, приговаривают поставить миру ведро водки. «Эта вина стоит полведра вина» (присужденное на сходке).

Курс на разрушение общины, принятый правительством Столыпина в 1906 г., стал первым решительным шагом в сторону революции, так как разрушал основной оплот устойчивой крестьянской жизни. Столыпинская реформа разорвала связь времен, перечеркнула вековую крестьянскую традицию. После нее община в уже агонизирующем состоянии просуществовала до конца 1920 – начала 1930-х гг., когда была официально ликвидирована при введении советской колхозной системы.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич
(1818–1885)

I

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины – это смешение общины административной с поземельной. Находят, что община поглощает индивидуальность, не дает почти никакого простора для личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно, к общине административной. Коль скоро подать лежит не на земле, а на душе... государству невозможно иметь дело с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов и ответственность за них – современное государственное хозяйство, к слову, от всякой ответственности свободно, – поскольку имеет дело не с крестьянами – личностями в полном смысле, а с наемной рабочей силой. Последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее может измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально. В мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т. е. пока имеет в нем оседлость. Получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед. Оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не вправе даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому

что они на мирской земле, в которой у него нет более части: последняя поступает в распоряжение мира.

Как же пользуются члены общины землями и угодьями? В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба, сад, дом, огород; лес состоит в общем пользовании всех членов общины, по мере надобности; также и выгон, если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам.

Луга и сенокосы тоже или разделяются на участки ежегодно перед косью по числу земельных частей, или же сено косится и ставится в копны всем миром, а затем уже делится.

Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины. Каждое из остальных двух полей разделяется или по числу душ, или по числу тягловых работников в семье на равные части. Качество и плодородие почвы, местоположение пашни – все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков.

Сроки пользования одними и теми же земельными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделывать землю не иначе, как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделываются и остаются неизменными... Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов.

Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить, но общинное землевладение удержать необходимо.

От переделов мирской земли, рано или поздно, придется отказаться совсем – это бесспорно.

...Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями:

1) член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользования. Поэтому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники в случае, если не пожелают остаться в общине, не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий... какие бы они ни были;

2) владение и пользование общинною землей неразрывно связано с постоянною оседлостью в общине. Нельзя владеть общинными земельными паями в одно и то же время в нескольких общинах; нельзя владеть в одной и той же общине двумя и более паями, уступать, дарить свой пай не только члену другой общины, но даже той самой, к которой принадлежит владелец;

3) владение и пользование общинною землею соединено с отправлением известных податей и есть пожизненное, ограниченное сроком жизни; но если после умершего владельца остались малолетние сироты или взрослый сын, не имеющий своего земельного пая, то они имеют предпочтительное перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отводятся безденежно, то есть без требования залога, поручительства состоянием или задатка.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подметить сходство их то с тою, то с другою формами землевладения, выработанными римским правом и законодательством новых христианских народов; но взятые в совокупности, они представляют особый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее на личную собственность.

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс, не представляет, за исключением названных выше несущественных его принадлежностей: чересполосица, передел, – ни одного положения, которое не подходило бы под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Говорят: безвозмездный отвод земельного пая есть благодеяние... Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием отвод земли с обязанностью платить подати. Это кредит, к развитию которого стремятся все законодательства в мире. И надобно сказать, что кредит далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Крестьянин улучшил, удобрил участок, вложил в него труд и капитал.

Взгляните поближе: все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки. Хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтобы он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина и вместе с ним безвозмездно и поставленное на нем строение, часто наниматель всего лишь не платит при этом аренды. Приме-

ров подобных сделок множество. Те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые со временем также безвозмездно переходят в собственность государства – главного владельца земли.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землею в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным, в течение первых лет арендного содержания, не только не получать никакого дохода от заарендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, что исключено в общине, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение. Но если расчет верен и срок достаточен – в выигрыше и сдатчик, и арендатор. Вопрос второй: «Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит за них. Что тогда делать?»

II

С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции. Система же мелких и практически бесплатных у общины аренд служит верным, единственным возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Наоборот, система мелкой, личной, поземельной собственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом отношении ни в какое сравнение с системой таких мелких аренд. Это вытекает само собою из самого свойства личной собственности.

Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к непрерывному расширению, увеличению: стяжание есть ее лозунг и знамя. Но в том-то и беда, что бойцы не равны. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и дает им безграничную материальную власть над неимеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно

переходят в работников. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон – личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованием общественного блага.

Такой порядок действует губительно на народные массы и в материальном, и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими.

Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же время сохранить исключительное господство начала личной собственности, доказывают только, что корень зла не понят; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Но успех ее опять-таки зависит от тысячи случайностей, в т. ч. от капитала.

III

Социальная анархия, т. е. ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных, разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддерживает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд. Но это заблуждение!

Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям жизни. Суд существует на вора, разбойника, убийцу... Борьба же капиталов, собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать без нарушения законов. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Представить всю землю в частную собственность – она тотчас же делается предметом ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты... цена ее будет подыматься... масса земледельцев обратятся в батраков и бездомников... Возражения на этот непреложный закон социальной анархии, подтверждаемый наблюдениями из других областей коммерции, невольно вызывают улыбку...

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить этому конец. Личная собственность становится началом гибели и разрушения, когда не будет умеряема другим организующим началом. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведенном к его юридическим началам и приспособленном у более развитой и граждански самостоятельной личности. Не представляя никакой возможности для спекуляции, оно будет служить надежным убежищем для людей неимущих от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на труд. Общинное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил.

Из боязни промышленного застоя не вгоняйте человека в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающий, а не поддерживающий силы. Устраняйте только препятствия, замедляющие естественный рост народа. Искусственные приемы хороши в местной патологии, но убийственны против всей экономии общественного организма. Дорожите общиной, как зеницей ока, поддержите, закрепите заложенный в общине смысл народный законом на вечные времена! В нем верный оплот от будущих бед.

СПБ. 3 ноября 1858 года

О ДРЕВНИХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИВАНИШЕВ Николай Дмитриевич
(1811–1874)

В актовых книгах Киевского Центрального архива сохранилось несколько судебных дел, в которых изображаются народные собрания сельских общин, существовавших с незапамятного времени в юго-западной России. Эти судебные дела так же важны для истории русского и других славянских законодательств, как для истории немецкого права акты древних германских общин, называемые *Ordeel* и *Weisthumer*. Открытие и исследование этих актов служило немецким юристам главным источником для восстановления германской общины с ее законами и юридическими обычаями. Судебные дела сельских народных собраний юго-западной России, так же точно, как и акты германских марок, изображают состав общин, устройство народных собраний, порядок судопроизводства и юридические обычаи, по которым решались дела. Открытие и исследование этих народных юридических обычаев представляет важные затруднения. Приговоры народных собраний не были выражаемы письмом, но сохранялись в памяти народа. Уже в позднейшие времена, когда судебные места получили правильную и обширную организацию, акты народных собраний представляемы были в уряд для внесения в актовые книги; но это случалось редко, и притом зависело от произвола общин и частных лиц, подлежащих ведомству народного собрания. От этого, рассмотрев около трехсот актовых книг Луцких, Владимирских и Житомирских, я открыл в них не более двадцати двух судебных актов; древнейший из них писан 1564, позднейший 1622 г.

На основании этих материалов я изложу состав юго-западной сельской общины, устройство сельских народных собраний и юридические обычаи, по которым производилось следствие и постановлялись судебные решения. Для того чтобы читателю дать возможность наглядно поверять наше иссле-

дование, я счел нужным приложить шесть актов, более важных по своему содержанию, с переводом их на русский язык. Первый из этих актов (18 апреля 1564 г.) замечателен тем, что в нем собрания сельских общин называются вечами; второй акт (12 января 1570 г.) дает понятие о том неуважении, с каким помещики и их урядники смотрели на сельские веча; в третьем акте (2 января 1583 г.) наглядно изображается древний способ преследования преступника по его следам; в четвертом акте (5 августа 1596 г.) заключается порядок следствия над трупом неизвестного лица; пятый акт (15 мая 1608 г.) доказывает, что сельские веча, состоявшие большей частью из крестьян, могли требовать на свой суд не только поселян, но и помещиков; наконец, в шестом акте (9 декабря 1622 г.) изображается порядок уголовного суда: из этого акта видно, что сельские общинные суды имели право подвергать обвиняемого пытке и казнить преступника смертной казнью.

В отношении к составу сельские общины юго-западной России являются в различных формах. Одно многолюдное селение могло составлять отдельную общину. Такую общину составляло село Богуринское в Луцком повете, принадлежавшее нескольким помещикам¹.

Но общины, состоявшие из одного селения, встречаются редко; большей частью они заключали в себе несколько, от четырех до девяти, соседних селений². Одно из селений, составлявших общину, служило центральным местом, в котором собирались крестьяне на вече. Частое стечение народа в это селение развивало городские отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селение обращалось в местечко или город; жители его получали звание мещан, но по-прежнему принадлежали к общине, состоявшей из местечка или города и соседних селений³. Когда местечку или городу, составлявшему

¹ См. прил. II.

² В открытых нами актах находим шесть таких общин: 1) община во Владимирском повете заключала в себе четыре селения: помещичьи селения Низненичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимирского Тышкевичи (прил. VI); 2) община в том же повете заключала в себе пять селений: королевское село Стеферицкое и помещичьи села Овлучим, Вербое, Руда и Вохновичи (прил. V); 3) в Луцком повете община заключала в себе шесть помещичьих селений: Крупое, Ставок, Дворец, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. В состав этой общины входило также предместье Луцкое (книга гродская Луцкая 1583 г., лист 255); 4) общину во Владимирском повете составляли семь помещичьих селений: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колин, Войчов и Вербое (книга гродская Владимирская 1602 г., лист 131); 5) общину в Луцком повете составляли восемь селений: Велицк, Селецк, Подлесье, Арсоново, Корсын, Читогощ, Брезхово и Уголье (прил. I); **6) в том же повете** общину составляли девять помещичьих селений: Пoryцк, Жмуч, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафия Коровая, сельцо пана Андрея Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлесы (книга гродская Луцкая 1591 г., лист 47).

³ К такого рода общинам принадлежали: 1) местечко Турийск и селения: Ставок, Ежи, Туровичи и Клековичи – в повете Владимирском (книга гродская Владимирская 1622 г., лист 638); 2) местечко Рожщи и села: Любеч, Рудка, Козин, Став, Соловин, Дуц, Навоз, Соколен и Смердин – в повете Луцком (прил. III); 3) город Дубно, принадлежавший князю Константину Острожскому, и селения: Ранчин, Погорельцы, Иван, Головчичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы – в повете Луцком (прил. IV).

центр сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселение отделялось от общины, составляло отдельную корпорацию, учреждало особенное управление, основанное на избирательном начале, и освобождалось от участия в сельских народных собраниях. Вследствие такого отделения самой богатой части народонаселения сельская община слабела; но связь между селениями, ее составляющими, не прекращалась. Можно полагать, что таким способом отделился город Луцк от своей общины; потому что, несмотря на право магдебургское, которым пользовался этот город, предместье его Окопища все еще продолжало сохранять связь с селениями Вышками, Жидичином, Теремным, Яровицами, Дворцом и Липлянами и составляло с ними одну общину¹.

Селения, составлявшие общину, назывались *селами околичными*. На каком основании и в какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, определить трудно. Этот вопрос можно будет решить тогда, когда будут открыты более древние акты. В памятниках письменного законодательства, дошедших до нас, нет об этом никаких постановлений. Крестьяне иногда жаловались в уряд, что некоторые селения, состоя в них в одной общине, уклоняются от исполнения общинных обязанностей; но связь между селениями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одной только давностью: «они издавна с нами о шкоды вшелякия схоживались»².

Каждому селению принадлежало пространство земли, определенное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что в случае преступления ответственность, прежде всего, падала на то селение, на землях которого находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавших таким селениям, составляла округ сельской общины. По присоединении древних областей юго-западной России к Литве и Польше, общинные земли частью присоединены были к королевским имениям, частью розданы помещикам, городам, церквям и монастырям; поэтому сельские общины в том виде, как они изображаются в открытых нами актах, не имели права собственности на земли, ими занимаемые. Впрочем, каждый крестьянин отдельно мог приобретать поземельные участки и владеть ими на праве полной собственности.

Сельская община состояла из всех лиц простого сословия (люди простого стана), имевших постоянную оседлость в ее округе. Сюда относились:

¹ Книга городская Луцкая 1596 г., лист 237. Иностранные писатели средних веков упоминают о невероятном множестве городов, принадлежавших славянским племенам юго-западной России. Так, сочинитель Географических Мюнхенских записок, живший прежде Нестора, говорит о бужанах, или волынцах, живших по реке Бугу: «Бужане имеют 231 город (civitates)». С достоверностью можно предполагать, что под городами разумеются здесь центральные места общин.

² Приложение III.

крестьяне королевские, помещицы, монастырские и церковные, сельчане, или свободные поселяне¹, мещане, не пользовавшиеся правом магдебургским². Сверх того, к общине принадлежали также земляне королевские, то есть безземельные шляхтичи, которые получали во владение участки королевских земель под условием исполнять определенные, преимущественно военные повинности³.

Исчисленные нами общины находились только в двух поветах: Луцком и Владимирском, но из Статута Литовского видно, что это установление распространено было по всей Руси и в других местах⁴; а Русь в теснейшем смысле составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское и Русское, к которому принадлежали земли Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмская⁵. Сверх того, из актов видно, что сельские общины существовали и в воеводстве Киевском.

Главная цель соединения селений в общины состояла в том, чтобы предупреждать нарушение законов, открывать и преследовать преступников, судить и наказывать их, наконец, присуждать и доставлять обиженному вознаграждение. Каждое селение порознь и вся община вместе отвечали за проступки всех своих членов. В пределах своего округа община ручалась за безопасность жизни и имущества как своих собственных членов, так и пришельцев. Мы говорим здесь о сельской общине, как она является в открытых нами актах XVI и XVII веков; во времена более отдаленные она могла иметь более обширный круг власти и ответственности.

Каждая сельская община имела свои народные собрания для совещаний и для решения дел, подлежавших ее ведомству. Такое народное собрание называлось *копа* или *купа*, также *громада*, *великая громада*. Совещание народного собрания называлось *вечем*: копа собиралась на вече, то есть для совещания⁶. Из этого видно, что вече, о которых упоминают наши древние летописи, не были исключительной принадлежностью городских общин, но они принадлежали и сельским общинам. Слово «вече» встречается только в древнейшем из открытых нами актов (18 апреля 1564 г.), в позднейших актах употребляются слова «купа», «копа» и «гро-

¹ См. прил. I.

² Книга справ поточных гродских Луцких 1590 г., лист 942, на обороте.

³ Книга гродская Луцкая 1583 г., листы 255–259.

⁴ Статут Литовский 1588 г., роз. XIV, артик. 9. Здесь говорится собственно не о сельских общинах, а о копах: «на Руси и инде, где здавна копы бывали. Копы сбираны и отправованы были мают, яко ся на Руси заховывало и заховует». Но копами, как мы объясним в продолжении нашего исследования, назывались народные собрания сельских общин; следовательно, где была копа, там была и сельская община.

⁵ *Starozytna Polska*, Balinskego. т. 2. St. 36.

⁶ См. прил. I.

мада»; в актах XVII века слово «копа» исчезает и употребляется везде слово «громада»¹.

Не все лица, принадлежавшие к сельской общине, составляли народное собрание и участвовали в его совещаниях; это право предоставлялось одним только домохозяевам, имевшим постоянную оседлость. Их сыновья и братья, не имевшие отдельных хозяйств, а также женщины являлись в собрание только по особому требованию копы и притом не для совещания, а только для свидетельских показаний². Копы иногда поручала домохозяевам допросить сыновей и братьев и представить собранные сведения народному собранию³. На cope являлся священник, но он присутствовал для приведения подсудимых к присяге и в качестве свидетеля, не принимая участия в народных совещаниях⁴.

Домохозяева, составлявшие народное собрание, назывались: *сходатаи, сходатаи суграничные, соседи околичные, соседи-суграничники, судьи копные, мужеве, нанове-мужеве, обчие*, то есть общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, чье мнение пользовалось уважением особенно в таких случаях, когда нужно было постановить приговор на основании давних решений народного собрания.

Так как каждый домохозяин обязан был присутствовать в народных собраниях и так как крестьяне в молодых годах вступали в брак и могли основывать отдельные хозяйства, то поэтому каждый из них имел возможность в течение многих лет изучать народное обычное право и, в свою очередь, передавать его младшим поколениям. Таким образом, вече было не только судебным собранием, но и школою для изучения права, которое без помощи письма сохранялось в памяти мужей-сходатаев, переходя от одного поколения к другому.

Сверх сходатаев в народное собрание приглашались люди из трех селений соседней общины, по одному или по два человека из каждого селения.

¹ Слова «купа» и «громада» древние; они встречаются в переводе Библии: «И принесоша десятины от телец и овец; и десятины от коз и посвятиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша купы многи. Месяца третьяго начала купам полагаги основания. И вниде Езекия и видеша купы» и проч. (Втор. книга Паралип., глав. 31, ст. 7–10). «И наметиша громаду камня велику» и проч. (Иис. Нав., глав. 7, ст. 26). Заметим мимоходом, что и слово «община» встречается в переводе Библии: «Душа, еже аще согрешит и солжет другу о вдании или о общине» (Левит, глав. 6, ст. 1–3). Слово «громада» в смысле народного собрания встречается в Краледворской рукописи, в поэме о Бенеше Германове: «Aita Beneš Hermanów tamo lud w hromadu zve protiv sasikóm». Kralodworsky Rukopis. W Prazе, 1892, st. 140. В законе Винодольском (1280) народное собрание называется куп или вкуп: «Скупишесе все на куп»; «Избраше се од всакога града старийши на вкуп». Чтения в Общ. истор. и древ. росс. 1846 г. № 3-й. У сербов и до сих пор народное собрание называется «скуп»: см. «Общественный и домашний быт сербов». Жур. М. Н. П., апрель 1856 г., с. 91.

² Книга гродская Луцкая 1583 года, лист 255–259.

³ В той же книге, лист 274.

⁴ Там же, лист 297.

Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали в совещаниях и в постановлении приговора, но следили за ходом дел в народном собрании, чтобы, в случае надобности, свидетельствовать о производстве дел и судебных решениях.

Помещики и их управители могли также присутствовать на копе; это случалось тогда, когда они сами приводили своих крестьян на вече. Впрочем, помещики и их управляющие не участвовали ни в совещаниях копы, ни в постановлении судебных приговоров. Как народному собранию, так и подсудимым предоставлялось право приглашать возного из гродского уряда. В таком случае возный присутствовал на копе в качестве свидетеля, составлял протокол и представлял свое донесение в уряд гродский для вписания в акты книги.

Число сходатаев иногда было весьма значительно. Копы, собиравшаяся в 1601 году, заключала в себе около ста человек, хотя собрание было неполное, потому что некоторые помещики своих крестьян на вече не пустили. Копы, собиравшаяся в 1602 году, состояла из полутора ста судей копных.

Копы собиравались в центральном месте сельской общины, которое называлось коповище или копище, и занималась исследованием и решением дел под открытым небом. Для исследования дел уголовных копы собиравались на месте преступления: в дубраве, в бору, под горою. Если нужно было решить спор о поземельной собственности, то копы собиравались на спорной земле; а когда в округе общины оказывался труп убитого человека, то копы собиравались в том месте, где находился труп или его разрозненные члены.

Ведомству копы подлежали все лица простого сословия, имевшие свою оседлость в округе сельской общины, именно: крестьяне королевские, помещичьи, монастырские и церковные, свободные поселенцы и мещане городов, не пользовавшихся правом магдебургским. В некоторых случаях власть копы простиралась и на самих помещиков. Помещики имели право, по добровольному согласию, представлять копе решение споров, между ними возникавших. Так, в 1591 году возник спор между паном Малинским и паном Вышинским о праве собственности на ниву и копань. Вместо того чтобы обратиться в уряд, помещики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной ниве несколько лет тому назад покрадена была репа и что копы присудила удовлетворение пану Малинскому, что в другой раз собиравлась копы и по краже пшеницы на той же ниве и что вознаграждение присуждено было тому же пану Малинскому. На этом основании спорная нива и копань признаны собственностью пана Малинского; решение было записано в акты книги и получило законную силу. Если в помещичьем имении, находившемся в округе общины, причинен был вред и если подорожье падало на одного или нескольких помещиков, имевших оседлость в

том же округе, то помещик, потерпевший вред, имел право собрать копу и просить, чтобы она исследовала дело и присудила удовлетворение за причиненный вред. Тогда копа посылала возных и требовала, чтобы обвиняемые помещики вместе со своими крестьянами явились перед собранием и оправдались в обвинении. Если помещики не являлись, то копа три раза посылала свое требование, и затем, без всякого дальнейшего исследования, определяла декретом своим взыскать с непослушных помещиков и их крестьян удовлетворение за весь вред, причиненный истцу. По окончании суда копа отправляла в уряд гродский депутатов, которые вместе с возным излагали дело и объявляли решение для внесения в гродские книги¹. Копы имела право производить следствие над помещиком. Если он присутствовал при этом и замечал, что открываются обстоятельства, уличающие его в преступлении, то мог прервать действие копы и требовать, чтобы дальнейшее исследование дела предоставлено было уряду гродскому. Так, на копе, производившей в 1581 году следствие об убиении жидов-мытников луцких, присутствовал пан Яков Шибенский со своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала под пыткой, что убийство совершено с ведома пана Шибенского. Тогда пан Шибенский сказал: «Слышу, что здесь и обо мне идет речь; эта подлая женщина и меня вмешала в дело. Поэтому я, чтоб доказать свою невинность, предаю всех, подозреваемых в преступлении, суду уряда гродского и сам являюсь в уряд в назначенный срок». Затем копа разошлась, прекратив исследование дела².

Постоянно возрастающая власть помещиков, ограничивая общинные права поселян, произвела важное изменение в составе народных собраний. В XVII в. мужи-сходатаи начинают терять свое прежнее значение, уступая власть своим помещикам. Села околичные посылают от себя только по одному депутату: помещик или помещица с несколькими приятелями, иногда в присутствии священника, производят суд и расправу, постановляя приговор на основании Литовского Статута. Крестьяне, присланные околичными селениями, присутствуют безмолвно, соглашаясь с распоряжениями помещика и его приятелей; суд общинный перестает называться копным судом и получает название сельского суда (*sąd wiejski*)³.

Изложив устройство общин сельских и состав народных собраний, мы представим юридические обычаи, которыми руководствовалась копа при исследовании и решении дел. Но чтобы восстановить эти обычаи во всей их полноте, для этого недостаточны открытые нами акты; в них заключаются

¹ См. прил. V.

² Книга гродская Луцкая 1583 г., лист 297–300.

³ См. прил. VI. Также книга гродская Владимирская 1622 г., лист 480. Книга гродская Владимирская 1622 г., лист 638.

только судебные обычаи, в применении к немногим, частью уголовным, частью гражданским делам. В двух актах изображается суд о выдрании пчел из бортей¹, в одном акте заключается дело о порубке бортного дерева и о похищении из борти меду², один акт заключает суд о покраже вола³, одно дело о поджоге⁴, два дела об убийстве⁵, одно дело о найденном в округе общины трупе неизвестного человека⁶, наконец, один акт изображает решение спора, возникшего между двумя помещиками, о праве собственности на ниву и копань⁷. На основании этих актов мы рассмотрим порядок исследования дел, постановление судебных решений и их исполнение.

В порядке судопроизводства копа следовала своим древним обычаям: «водле стародавнее звыклости, водлуг давного звычаю, водлуг стародавнаго звычаю»⁸. Совокупность народных юридических обычаев называется *копным* правом; суд, производившийся на основании этих обычаев, называется *копным судом*. Сходатаи говорили: «звычай права нашего копнаго», противопоставляя это право Посполитому праву, под которым они разумели писанные законы, изложенные в Статуте Литовском. Некоторые обычаи копного права вошли в состав Статута и таким образом получили силу писаного закона. О таких обычаях сходатаи говорили: «копный звычай, в праве посполитом описанный»⁹.

Если преступлением нарушены были права частного лица, то, по началам копного права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истец расспрашивал людей, собирал письменные доказательства, отыскивал улики. Такое предварительное исследование дела называлось *обыском*. Если истец при всем своем старании не мог отыскать своего шкодника и если он подозревал, что преступник находится в округе сельской общины, то он имел право требовать, чтобы собрана была копа. Для этого он обращался к помещикам, которые по просьбе истца высылали своих крестьян на вече. Истец мог также обратиться в уряд гродский, который давал ему урядовый

¹ Прил. I. Книга гродская Владимирская 1601 г., лист 131.

² Прил. V.

³ Прил. II.

⁴ Прил. III.

⁵ Книга гродская Луцкая 1583 г., лист 255–259, лист 274; лист 274 на обор. по 277; лист 297–300; лист 331 на обор. Книга справ поточных Луцкий 1590 г., лист 942.

⁶ Прил. IV.

⁷ Книга гродская Луцкая 1591 г., лист 47 на обороте.

⁸ См. прил. III; книга гродская Луцкая 1591 г., лист 47 на обороте; книга гродская Владимирская 1601 г., лист 131.

⁹ Книга гродская Луцкая 1569 г., лист 237. Здесь помещено следствие и суд о найденном в округе общины трупе неизвестного человека. Обычай, в этом случае наблюдавшийся, внесен в Статут и составил арт. 31, разд. 11.

лист ко всем околичным селениям, составлявшим общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права) в определенное время и в назначенном месте. Такие же листы уряд рассылал от себя по всем околичным селениям¹. Крестьянин помещичий, желавший предложить дело на решение копного суда, обращался к своему помещику, который оповещал околичные селения, назначая место и время собранию.

Все селения, составлявшие общину, обязаны были собраться на копу в назначенный срок. Если какое-нибудь селение не являлось в собрание, то копа избирала депутатов, которые вместе с возным отправлялись в неявившееся селение и звали сходатаев на копу. Когда сходатаи идти не хотели, то депутаты возвращались и объявляли об этом копе. Тогда копа, следуя стародавнему обычаю, постановляла приговор, что селения, не явившиеся на вече, за их упорство в непослушании должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вред, а себе искать виноватого. Правило, на котором копа основывала такой приговор, выражалось словами: «невыход платит шкоду»².

Когда все околичные селения, составлявшие общину, были собраны на копе, то истец имел право сделать им перекличку, чтобы удостовериться, все ли сходатаи находятся налицо; затем он словесно излагал свою жалобу и произведенный им обыск, прося сходатаев исследовать дело и постановить приговор на основании права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая речей.

По выслушивании жалобы копа обязана была разъяснить все обстоятельства преступления и открыть виновного. Для достижения этой цели употреблялись два способа: во-первых, расспрос на копе ходатаев и других лиц, прикосновенных к делу; во-вторых, исследование *знаков*, то есть улик, доказывающих преступление; первый способ называется *опыт* (чинить опыт, выслушать опыт), второй способ называется *лик* (копа ликом доходит шкодника, копа выходит на лик о шкоды).

Право производить опыт принадлежало истцу. Сходатаи, тотчас по выслушивании жалобы, начинали совещание, переговариваясь между собою. Если при этом совещании какой-нибудь сходатай проговаривался или открыто объявлял, что знает преступника или имеет на кого-нибудь подозрение, то истец должен был засвидетельствовать это объявление копою <...>, и тогда копа требовала, чтобы проговорившийся сходатай объявил имя преступника и все, что ему известно о преступлении. Если он отказывался исполнить это требование, то должен был удовлетворить истца по приговору копного суда; но, удовлетворив истца, он приобретал право отыскивать преступника, требовать от него удовлетворения или предать его суду.

¹ Книга гродская Луцкая 1583 г., лист 255.

² См. прил. III.

Когда сходатаи, окончив переговоры, объявляли, что им ничего не известно ни о преступлении, ни о преступнике, тогда истец объявлял, на кого он имеет подозрение, и подтверждал свои слова доказательствами. Подозрение могло быть двоякого рода: во-первых, истец мог объявить, кого именно он считает преступником (кому дает вину); во-вторых, он мог изъявить подозрение, что кто-нибудь из лиц, принадлежавших к общине, знает, кем совершено преступление, но не хочет выдать преступника. Обвиняемый против доказательств истца должен был дать *вывод*, то есть очистить себя от подозрения, опровергнув доводы истца или представив доказательства своей невинности. Если ответы обвиняемого копа находила удовлетворительными, то освобождали его от подозрения; но если истец не соглашался с мнением копы, то мог требовать, чтобы обвиняемый был подвергнут пытке, и копа исполняла требование истца. Но если допрашиваемый был человек добрый, веры годный и неподозрительный, то истец мог подвергнуть его пытке только тогда, когда подтверждал свое подозрение присягою. Если бы истец ничего не домучился и подозрение его осталось недоказанным, то он обязан был заплатить обвиняемому за муку по приговору копного суда. Пытка производилась в присутствии копы; допрашиваемого секли прутьями и жгли огнем.

Истец мог три раза собирать копу, если расспрос сходатаев и исследование судебных доказательств того требовали. После первого копного собрания истец, до окончания суда, отдавал помещику на поруки, в определенной сумме денег, всех крестьян того села, на которое падало подозрение. Помещик обязан был заботиться о том, чтобы крестьяне этого селения, уклоняясь от ответственности, не разошлись вразброд. Между каждой сходкой назначалось три дня промежутка; в течение этого времени истец продолжал розыскание для пополнения своих доказательств, а сходатаи обязаны были собирать сведения, допрашивая сыновей и слуг своих.

Если копа на всех трех сходках объявляла, что она ничего не знает и не ведаёт ни о преступлении, ни о преступнике и если истец, со своей стороны, ни на кого не мог объявить подозрения, то ему предоставлялось выбрать по произволу по несколько мужей из всех селений, присутствовавших на копе, и требовать присяги в том, что они ничего не знают о преступлении и преступника не ведают. После третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова и сходатаи, избранные истцом, приводились к присяге; впрочем, истцу предоставлялось требовать присяги только от одного из них, и если он отказывался, то по приговору копы должен был удовлетворить истца.

Сверх расспроса сходатаев средством к открытию преступника служили улики, называемые в актах копного суда *знаками*. К таким знакам преимущественно относились следы, оставленные преступником на дороге, по которой он уходил, совершив преступление, также труп убитого и разрозненные

его члены. Если уликой были следы, оставленные преступником, то истец, собрав на копу сходатаев всех селений, составлявших общину, и пригласив людей сторонних, *знал след*. Копа, *взяв след* в том месте, где совершено преступление, вела его до конца. Каждое селение, входившее в состав общины, обязано было отвести след от своих земель. Если бы какое-нибудь селение на копу не являлось, а между тем след доведен был до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на следу, вызывала сходатаев, требуя, чтобы они вышли, *взяли след* от копы и отвели его от своей земли к чужой границе, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зов, то копа ночевала на следу и на другой день, во второй и третий раз, вызывала жителей селения. Если и после третьего зова никто не являлся, то копа, оставаясь на том же следу, присуждала все селение, не явившееся на след, к удовлетворению истца за причиненный преступником вред и за все убытки. Жители этого селения, удовлетворив истца, получали право отыскивать преступника.

Если в округе общины находили труп неизвестного убитого человека и если никто не явился с жалобой на убийство, то помещик или его управляющий, приняв меры к сохранению трупа, созывал сходатаев околичных селений для расспроса, который производился над трупом убитого. Сначала расспрашиваемы были крестьяне того селения, на землях которого найден был труп. Затем помещик или его урядник три раза спрашивал сходатаев, не известно ли кому-нибудь из них, кто был убитый и кем совершено убийство? Если сходатаи объявляли, что не знают ни убитого, ни убийцы, то каждый из них должен был присягнуть в том, что он убитого не знает, преступника не ведает и что никто из его общины не совершал убийства. Затем копа погребала труп, составлялся акт копного следствия и вносился в акты книги.

Если истец, производя обыск, отыскивал своего шкодника в каком-нибудь селении, то обращался к сельской громаде, которая, выслушав жалобу истца и рассмотрев представленные им доказательства, обязана была выдать преступника. Истец мог помириться со своим шкодником, получив от него удовлетворение по добровольному согласию, или мог препроводить его на место преступления и предать копному суду. Если преступник подлежал смертной казни за совершенное преступление, то истец должен был приглашать палача. Копа, выслушав жалобу истца и рассмотрев его доказательства, допрашивала обвиняемого, а если не довольствовалась добровольным признанием, то подвергала его пытке. По окончании следствия копа постановляла приговор, и если обвиняемый за свое преступление подлежал смертной казни, то он тотчас предавался в руки палача.

Перед совершением казни каждый из присутствовавших в народном собрании мог требовать, чтобы осужденный преступник был подвергнут пытке для удостоверения, не совершил ли он еще каких преступлений; осо-

бенно предсмертная пытка считалась необходимой, если в округе общины преступления были часты. Пытке подвергался преступник также и тогда, когда он оговаривал кого-нибудь в преступлении; но оговор только тогда имел важность, когда осужденный подтверждал свои слова перед самим совершением казни, стоя на ступенях лестницы, приставленной к виселице (на последнем ступню у шибеницы на дробине). Затем палач совершал казнь в присутствии народного собрания.

Приговор копного суда называется *выналязок*¹, *найденье копное*, *усказанье* или *осказанье копное*². В позднейших актах употребляется слово *декрет*, *декрет копный*³. Приговор постановлялся общим голосом всех сходатаев, составлявших народное собрание (копа сказала или всказала, копа заборонила). Не известно, как поступала копа в случае разногласия, возникшего между сходатаями при решении дел; такой случай не встречается в открытых нами актах.

В юридических обычаях юго-западной России, как вообще в древних славянских и германских законодательствах, начало частного права было преобладающим не только в делах гражданских, но и уголовных. Лицо, право которого было нарушено преступлением, могло предать виновного всей строгости законов или окончить дело добровольным соглашением; в последнем случае преступник освобождался от всякого наказания. Особенно уважалось прощение, которое давал смертельно раненый своему убийце; преступник освобождался от всякого суда и не платил головщины родственникам убитого. Даже и в том случае, когда преступник был приговорен и к смертной казни, он мог *поедняться*, то есть помириться с истцом и освободиться от наказания⁴. Если дело не оканчивалось добровольным соглашением, то копа постановляла приговор на основании Статута Литовского⁵.

Постановив приговор, копа принимала меры к его исполнению. Если преступник приговорен был к смертной казни, то приговор немедленно исполнялся в присутствии копы, на месте суда. Если копа присуждала к денежному взысканию помещичьего крестьянина и если он платить отказывался, то все сходатаи отправлялись к помещику и требовали, чтобы он приказал своему крестьянину исполнить приговор копного суда⁶. Право

¹ Книга гродская Луцкая 1583 г., лист 274.

² См. прил. I.

³ Книга гродская Луцкая 1595 г., лист 70 на обороте. Книга гродская Владимирская 1622 г., лист 480.

⁴ Так, в селе Подгайцах копа осудила на смертную казнь за убийство тиуна отъявленных разбойников крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и были освобождены от наказания. Книга гродская Луцкая 1583 г., лист 274.

⁵ Книга гродская Владимирская 1622 г., листы 480 и 638, прил. VI.

⁶ См. прил. II.

собственности на бортное дерево в общем лесу обозначалось на самом дереве клеймом владельца. Если кто жаловался об уничтожении клейма и о незаконном завладении бортным деревом, то копа отправлялась в лес и, постановив приговор, возобновляла клеймо истца, уничтожив клеймо незаконного владельца¹. Во всех случаях, когда ответчик отказывался исполнить приговор копного суда, сходатаи приглашали возного, излагали ему дело и вместе с ним отправляли от себя посланцев в уряд гродский, прося записать приговор в актовые книги.

Сельская община юго-западной России, с ее юридическими обычаями и самостоятельным составом копных судов, имеет признаки глубокой древности. О начале и происхождении этого установления мы не находим никаких сведений ни в летописях, ни в письменных законодательных памятниках. С большой вероятностью можно предполагать, что сельские общины возникли в то время, когда славянские племена, населявшие нынешнюю юго-западную Россию, еще не были соединены государственным союзом, под верховной властью государей. Это предположение мы основываем на следующих доказательствах: древние князья русские, как великие, так и удельные, не могли быть основателями сельских общин. В первый период образования русского государства городские общины существовали в юго-западной России во всей их силе, выражая свою власть посредством народных собраний, которые назывались вечами. Демократическое начало, на котором основаны были эти народные собрания, было совершенно противоположно политике великих князей русских, стремившихся к самодержавию, поэтому древняя история России представляет продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей с могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья русские, истребляя городские общины огнем и мечом, в то же время основывали сельские общины, тем более что города, по крайней мере те из них, которые возникали не по распоряжению правительства, но по естественным экономическим законам – вследствие увеличения народонаселения и развития промышленности, возникали из сельских общин и черпали из них свои жизненные силы.

Древних польских королей нельзя также считать основателями сельских общин в юго-западной России. Они, так же как и русские князья, стремились к самодержавию и поэтому старались ослабить общинное начало у всех славянских племен, вошедших в состав польского королевства. Этой цели короли польские достигали преимущественно распространением немецкого права в землях, им подвластных, и усилением власти помещиков над крестьянами. Немецкое право, проникавшее в Польшу со времен Болес-

¹ См. прил. V.

лава I (992–1025), основывалось на избирательном начале; вместо народного собрания или веча являлся войт с лавниками и ратманами. Эти лица имели административную и судебную власть; народные собрания под открытым небом заменялись заседаниями в магистратах и ратушах, народные юридические обычаи уступали место немецкому праву, общины или совершенно исчезли, или слабели, теряя свое древнее юридическое значение.

В Статуте Литовском в первый раз находим ясные и определенные сведения о существовании сельских общин в юго-западной России, об их древнем обычном праве и народных собраниях¹. Во всех трех редакциях Статута сельская община является не новым, но стародавним установлением; народное сельское собрание, или копа, производит суд и расправу по стародавним обычаям.

Статут Литовский 1529 года в первый раз предоставил народным сельским собраниям законную, обязательную силу. Копа собирается производить следствие и суд в следующих случаях: 1) в случае вреда, причиненного в чужом лесу (разд. VIII, арт. 51); 2) в случае присвоения чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3) копа производила также следствие и суд о воровстве, если преступник был неизвестен и если подозрение в покраже падало на целое селение. Впрочем, законодатель не считал нужным вносить в Статут полную систему обычного права, предполагая это право более известным, чем писанные законы. Поэтому в Статуте постановлено решать дела по стародавним обычаям, во всех тех случаях, на которые нет определенных писанных законов (разд. VI, арт. 1, 5, 25; разд. VIII, арт. 6). Таким образом, обычное, или копное, право, имевшее своим основанием автономию общин, утверждено было верховной властью и получило силу закона наравне с писаными законами.

Второй Статут Литовский, изданный в 1566 году, подтвердил статьи первого Статута о копных судах и, сверх того, заимствовал из копного права еще несколько постановлений, не вошедших в первый Статут. Сюда относятся: следствие и суд над трупом человека проезжего или бесплеменного, за которого некому было получить годовщину (разд. XI, арт. 31); следствие и суд о потраве хлеба скотом (разд. XIII, арт. 2); о преследовании и открытии преступника по его следам (разд. XIV, арт. 6).

Третий Статут Литовский, изданный в 1588 году, принял в свой состав постановления о копных судах, помещенных в первых двух Статутах², подтвердил существование древних сельских общин в юго-западной Руси и

¹ В Русской Правде находим также следы общины и народных юридических обычаев, хотя с примесью немецкого права. Но об этом законодательном памятнике мы не будем говорить до тех пор, пока не откроем большого количества и более древних актов копного права.

² Разд. XI, арт. 26; разд. XIII, арт. 2; разд. XIV, арт. 2, 9, 17 и 18.

распространил это установление на некоторые другие области, входившие в состав польского королевства. Говоря о преследовании преступников, Статут постановляет, что на Руси и в других местах, где издавна бывали народные собрания сельских общин (копы), там они должны существовать на старых коповищах, по старому обычаю. В тех местах, где прежде копы не бывали, там они должны быть собираемы таким же порядком. Подкомории, заведовавшие разграничением и размежеванием земель, должны были в тех местах, где прежде коп не бывало, назначить сборные места, или коповища, приписав к этим центральным местам все околичные селения, находившиеся со всех четырех сторон на расстоянии одной мили¹.

Несмотря на постановление Статута Литовского, имевшее целью распространить сельские народные собрания в юго-западной Руси и дать им законную силу, сельские общины в XVI и XVII веках являются в состоянии совершенного упадка и разрушения. Находясь в противоречии с новыми началами государственного устройства и особенно с властью помещиков, не соответствуя тому состоянию, в какое были поставлены, как увидим ниже, крестьяне в это время, – сельские общины юго-западной России, со своими вечами и копным правом, поражают исследователя как развалины древнего, некогда обширного и (может быть) стройного здания, среди вновь построенного города. Власть веча и юридические обычаи, им созданные, в древние времена имели основанием автономию общин. Но эта автономия должна была прекратиться с принятием верховной властью новых начал и с развитием неограниченной власти помещиков. С тех пор общинное, или копное, право должно было оставаться неподвижным; вся его сила и действительность принуждены были основываться только на верном сохранении обычаев в памяти мужей-сходатаев, на старине и давности. Поэтому когда сходатаи являлись в уряд и требовали исполнения постановленного ими приговора, то они ничем не могли доказать справедливость своего требования, как только давностью своего копного права. Так, общинная связь между селениями, обязанность являться на копу и отвечать за совершенные в округе общины преступления основывались только на том, что крестьяне этих селений были сходатаями издавна: «издавна о шкоды вшелякия схоживалися». Так же точно и основные положения копного права, которыми руководствовались собрания общин в производстве следствия и суда, основывались на одной только давности: «издавна межи нами шкодника ничем иным, как только копою доходят»; или: «невыход всегда платит шкоду, по стародавнему обычаю»; «копа вела след, подле стародавное звыклости»². Основываясь на давности и остановившись неподвижно в своем развитии, копное право

¹ Стат. Литов. 1588 г., разд. XIV, арт. 2.

² См. прил. III.

в XVI и XVII веках является несовременным, несоответствующим новым условиям общественной жизни. Притом же в это время существовали правительственные места по разным отраслям управления: урядам гродским принадлежала местная полиция, суд над преступниками и решение споров о движимой собственности; дела о поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморские суды заведовали межевыми делами. Эти правительственные места, обнимая все отрасли местного управления, руководствовались определенными писаными законами, поэтому копские суды со своими древними обычаями, сохранявшимися в памяти сходатаев, представляли странную аномалию в общем составе управления.

Сходатаи, составлявшие народные сельские собрания, находясь в состоянии жалкого унижения и угнетаемые бедностью, теряли способность быть беспристрастными следователями, разумными судьями и правоведами¹. От этого при исследовании преступлений они действуют робко и решения их не всегда согласны с правом. Так, на копе, производившей следствие в 1564 году о выдрании пчел из бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьян, объявили подозрение в покраже на повара господарского Степана. Обвиняемый давал отвод, ссылаясь на мещанина Мельницкого Зенька. По копному праву следовало прежде всего расспросить Зенька, но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемого пытке, били прутьем и жгли огнем. Сходатаи, вместо того чтобы удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умер под пыткой². Унижение и бедность произвели нравственную порчу в сельском народонаселении; поселяне, вместо того чтобы предотвращать преступления, открывать и наказывать преступников, сами разбойничали, поджигали и грабили имения соседних владельцев, упорно отказываясь являться на вече для открытия и наказания преступников.

Судебная власть, которой пользовались крестьяне в народных собраниях, находилась в резком противоречии с неограниченной властью помещиков. Помещик и его управляющий имели безответственное право казнить своих слуг и крестьян смертью³. Эти же самые крестьяне, собранные

¹ В актовых Луцких книгах находится описание некоторых селений, входивших в состав одной из исчисленных нами выше общин, именно селений: Топольного, Воли Рожищской, Пожарок, Теремного, Липлян и местечка Рожища. Возный доносил уряду, что все эти селения «зубожонные, дворы покажонные, погнилые, людит разогнанные, знищенные». Книга гродская Луцкая 1591 г., листы 314–318.

² См. прил. I.

³ Это право было предоставлено помещикам в 1557 г. (Voll. Legg. 607). Следующая выписка из актовых книг представляет образец помещичьего суда и доказывает, что помещики и их управляющие действительно пользовались правом казнить смертью своих слуг и крестьян. В 1593 г. генеральный возный доносил уряду гродскому: «Был я в местечке Степановском, когда пан Василий Золотолинский судил слугу своего Миша, который убил Петра Творевского, слугу пана Богдана Омеляновича, старосты Степанского. И когда тот Мишо, убийца, представлен был на суд, то пан Золотолинский спрашивал его: “Признается ли он в своем преступлении?” и Мишо сказал: “Я ни

на копу, могли, в некоторых случаях, требовать помещиков на свой суд и подвергать их взысканиям (прилож. V). Сходатаи, находясь в полной зависимости от своих помещиков и решая дела в их присутствии, не могли иметь той свободы мыслей, которая необходима для беспристрастного исследования дела и для добросовестного суда. Иногда помещичий урядник, присутствуя на копе, вмешивался в делопроизводство, перебивая речи истца, прерывая расспрос сходатаев ругательствами, и самовольно уводил крестьянин из собрания, не дождавшись судебного решения¹. Производя следствие и суд под влиянием помещиков и их урядников, копа постановляла решения, не всегда согласные с правом. Так, например, копа, собиравшаяся для исследования и решения дела о покраже яблок и хмеля в саду Евстафия Коровая, в угоду этому помещику решила дело неправильно. Один из сходатаев, Хведько Игнатов сын, объявил на копе, что он видел, как сыновья крестьянина Кузьмича везли хмель через село от сада пана Евстафия Коровая. После такого показания нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя суд в присутствии помещика, решила дело иначе, предоставив истцу право выбрать из присутствовавших в собрании крестьян шести мужей, которые должны были присягнуть, что они о покраже ничего не знают и преступника не ведают. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: «Уж как ты себе хочешь, пан Коровай, а мы присягать не пойдем и не хотим; так как Хведько Игнатов сын вызнал, что сыны Кузьмичовы везли чрез село хмель от сада пана Евстафия Коровая ко двору своего помещика». Тогда пан Коровай выбрал одного из шести сходатаев, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовал от него одного присяги. Герасько Кузьмич также присягать отказался. Тогда копа определила декретом своим, что Герасько Кузьмич, отказавшийся присягнуть по требованию пана Коровая, должен заплатить за весь вред, причиненный покражею в саду пана Коровая. Таким приговором никакой вражды с Петром Творовским не имел; только грех попутал, что я его убил». Пан Золотолинский, услышав такое добровольное признание слуги своего Миша, осудил его как убийцу на смертную казнь. Тот же час, предомною возным, осужденный отдан был в руки палача и как убийца подвергнут строгой казни: «был четвертован» (книга гродская Луцкая 1593 г., лист 798). В 1573 г. возный Кременецкий, Григорий Гуляльницкий, доносил уряду Кременецкому: «Был я у пана Ласка Секунского, имеет слугою князя Николая Збаражского, Лаврином Козулею. И Лаврин Козуля спрашивал пана Михаила Ласка: «Для чего ты приказал безвинно повесить боярина господарского Евхима, которые имел братьев и оседлость в Жолобе?» И пан Михаил Ласко отвечал: «Кто безвинно велел умертвить боярина Евхима, тот за него хорошо заплатит; а велел я его повесить потому, что он был в то время моим крестьянином». Потом спрашивал Лаврин у пана Михаила Ласка: «По какой причине ты приказал замучить насмерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сидельника, для чего забрал себе все их имущество?» Пан Ласко признавался, что Воронко умер у него в тюрьме, а о Лавриновиче и Степане сказал: «Они получили плату по заслугам, и я никому не обязан давать в этом отчет, так как они были крестьяне моих сел»» (книга гродская Луцкая 1573 г., лист 166 на обороте).

¹ См. прил. II.

ром было нарушено копное право в существенных его основаниях. Так как общинный союз оказывался бессильным для предупреждения преступлений и для водворения безопасности, то помещики устанавливали между собою *заруку*: они заключали договор, по которому крестьяне одного селения, причинившие вред другому селению, обязаны были, сверх удовлетворения за убытки, платить денежный штраф, определенный договором¹.

Вследствие жалкого состояния крестьян и их безусловной зависимости от помещиков народные сельские собрания теряли доверие; их копное право выходило из употребления, их судебные приговоры оставались бессильными, возбуждая презрение помещиков. Так, однажды был объявлен приговор копы помещице Хребтовичевой в Богурине. На основании этого приговора вся копа в полном составе явилась к помещице и требовала, чтобы она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвечала: «Я на голое слово мужицкое платить не приказываю»². Наконец, в XVII веке некоторые помещики вовсе запретили своим крестьянам ходить в народные сельские собрания и принимать участие в общинных судах. В 1602 году копа собиралась во Владимирском повете, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившего в состав общины, не явились на вече. Тогда сходатаи отправили от себя депутатов в село Овадно и требовали, чтобы крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатам: «Мы ради были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы на какую копу не ходили, поэтому, боясь своих панов, не пойдем»³.

Изображенное нами состояние сельских общин юго-западной Руси в XVI и XVII столетиях доказывает, что это установление уже отжило свой век, что оно как остаток древности противоречило новым формам общественной жизни и должно было исчезнуть от расширения власти правительственных мест и лиц, от нравственного и экономического упадка поселян, наконец, от постепенного возрастания власти помещиков над крестьянами⁴.

¹ Книга гродская Луцкая 1595 г., лист 70 на обороте.

² См. прил. II.

³ Книга гродская Владимирская 1601 г., лист 131.

⁴ Представленное мною исследование не решает окончательно вопроса о сельских общинах в юго-западной России. Я рассмотрел около трехсот актовых книг; но в Киевском Центральном архиве находится таких книг 6715 и, сверх того, 377, 307 отдельных актов. Подобные же центральные архивы учреждены в Вильне и Витебске. В Виленском Центральном архиве находится 9370 актовых книг; число актовых книг в Витебском архиве мне неизвестно. Но самые древние актовые книги, с 1384-го по 1784 год, хранятся во Львове, в Бернардинском монастыре, в числе трех тысяч томов. При взгляде на эту массу почти не тронутых письменных памятников делается понятным, почему самые важные вопросы, касающиеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерешенными, несмотря на добросовестные усилия наших ученых: мы еще слишком мало исследовали и издали в свет исторических материалов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Жалоба королевского повара Васька Степановича о том, что Сенько Турович и Демьян Федцевич, в присутствии копы, собранной на вече в дубраве, замучили пыткой отца его Степана. Показание урядового вижа. 18 апреля 1564 года

1564 года, апреля 18-го дня, во вторник.

Явившись предо мною, Андреем Ивановичем Русином, подстаростою Луцким, повар Его Королевской милости, Васько Степанович Велицкий, с приятелями своими, с плачем горько жаловался на Сеньку Турецковича, человека Подлесского, крестьянине ее милости, княгини Матвеевой Четвертенской, княгини Авдотьи Федоровны, урожденной Вакановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынского крестьянина их милостей, князей Василия и Марка Сролтановичей Сокольских, объявляя свою жалобу следующими словами: «Прошлою осенью, в истекшем тысяча пятьсот шестьдесят третьем году, выдраны были из бортей в дубраве пчелы, принадлежавшие поименованным выше крестьянам, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, в прошлое воскресенье, апреля шестнадцатого дня, Сенько и Демьян собирали копу, чтоб доискаться виноватого. На этой копе были люди Велицкие, Селецкие, Подлесские, Арсоновские, Корсынские, Читогошские, Бреховские и Угольские. В означенный выше день, в дубраве, на вече, Сенько и Демьян, питая вражду к отцу моему Степану, без всякой с его стороны вины, не слушая копного приговора, а только по своеволию, насильно схватив отца моего, начали его бить прутьем, говоря: «Если мы от него ничего не додумаемся, то за муку дадим хорошую плату». Копы запрещала им это, пошла прочь. А они, безвинно, только по вражде и гневу своему, били его прутьем, мучили, жгли огнем и там же его насмерть замучили, не домучившись от него никакого признания. Вследствие чего Васько Степанович Велицкий, для исследования дела и для осмотра трупа покойного Степана, отца своего, брал у меня вижом, из уряда замка Луцкого, Николая Марковича Красносельского, боярина господарского, который, побывав на месте преступления, оттуда приехал и, явившись предо мною в замке Луцком, донес, для записания в замковые книги, следующее: «Был я в Тристени под Велицком, у поваров господарских, и, вместе со сторонними добрыми людьми, осматривал труп, тело покойного Степана, повара господарского, и видел, что все тело избито и пожжено огнем. А потом, отправившись в Велицк, спрашивали мы людей

Велицких: Юшка Бортниковича, Яцка Кузьмича и соседей их, которые на том вече были, спрашивали также и сельчан: “По какой причине Сенько и Демьян избили, измучили и насмерть замучили Степана, повара господарского: по приказанию ли и приговору копы или своевольно?” Люди Велицкие, крестьяне пана Малинского и пана Ивана Яцковича Борзобогатого, владыки Владимирского, а также и сельчане единогласно показали: “Копя не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарского, Степана, ни на какую муку, потому что Степан давал вывод, утверждая, что он, выбрав пресный мед у мельницы, оставшийся от пчел, улетевших нынешней весной, продал этот мед мещанину Мельницкому Занку за шестнадцать грошей; причем Степан хотел снести с тем мещанином Мельницким. Но Сенько и Демьян, не сносясь с мещанином Мельницким и отвергая оправдательный довод обвиняемого, своевольно, без поличного и в противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, несмотря на то, что копя Подрезжская им запрещала и их к тому не допускала”». Засвидетельствовав это показание мною, вижом урядовым, и приехав домой, Васько Степанович, сын покойного Степана, велел похоронить труп отца своего. Имея намерение начать об этом иск, Васько Степанович просил, чтобы означенное выше показание было записано; поэтому я, как жалобу истца, так его показание и донесение вижа, приказал записать в замковые книги.

(Книга гродская Луцкая 1564 г., лист 62 на обороте).

II

Копный суд о покраже вола. 12 января 1570 года

1570 года, месяца января, 12 дня.

Явившись лично в замке Луцком предо мною, Петром Хомяком, подстаростой Луцким, возный повета Луцкого Яско Опарипеский объявил для записания в книги гродские, сознал нижеследующее: «Был я отряжен урядом, по делу ее милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской, паньи Любки Дчусанки, и сыновей ее милости. И когда я был в Богурине, то ее милость, пани Богуринская, объявила мне: “В прошлом тысяча пятьсот шестьдесят девятом году, в Великий пост, украден вол из хлева у боярина моего Богуринского, Томила Гардевичу, который, следуя обычаю, собирал на копу все село Богуринское: людей из участка паньи Васильевой Хребтовичевой, моих людей, также людей из участка паньи Петровой Хребтовичевой и производил расспрос копным обычаем. На первой копе урядник ее милости, паньи Петровой, Нестор, не выслушав розыска, произведенного боярином моим Томилцом, начал говорить, перебивая его речи, нарушая обычай копного права.

Затем, не выслушав расспроса, обругал моего боярина и пошел прочь, созвав и крестьян с копы. Копа, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще раз собрать копу. Боярин мой собрал и другую копу, на которой было все наше общее село, все люди из участка паньи Петровой и люди из участка паньи Васильевой, а также сторонние люди, а именно: из имения его милости, пана подскарбдия, Новоставец, крестьянин Осип Семенович из Прус – крестьянин князя Ярославовича, Томило Микитич, и Симоновский урядник пана Михаила Вильгорского, Кондрат. Эти люди, уже собравшись на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровой и принуждены были послать за ним, чтобы на копу пришел. И когда он пришел на копу с крестьянами своей паньи и увидел сторонних людей, то, прежде всего, начал спрашивать, зачем они на копу пришли и кто их послал? И те люди сторонние сказали, что они посланы урядниками панов своих по просьбе боярина ее милости, паньи Богуринской. Тогда урядник паньи Петровой, Нестор, начал говорить: “Найду-де я виноватого; напрасно мы здесь тратим время”. Как только он это сказал, тотчас боярин мой Богуринский, Томило, начал свидетельствовать эти слова копою, говоря: “Я уже больше не повинен искать виноватого: пусть он ищет, когда так говорит”. Копа, все это увидевши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знает ли он, кто вола украл? “Так как твоя милость обещал найти виноватого, то должен объявить вора на этой же копе и, согласно своему обещанию, сказать: находится ли он здесь на копе, или где инде? Потому что если твоя милость не объявишь вора, как ты сам обещал, то боярин паньи Богуринской уже не повинен будет производить расспрос, а твоя милость должен будешь заплатить за украденного вола”. Видя это, урядник паньи Петровой начал увертываться иными словами и объявил, что он ни искать, ни объявлять вора не хочет. Копа, выслушав это, отложила дело до третьей копы. И когда собралась третья копа, то боярин мой Богуринский, не отступая ни в чем от производства дела, бывшего на второй копе, просил копу присудить урядника паньи Петровой, Нестора, к уплате за украденного вола; так как этот урядник только по одному упорству, противясь требованию копы, не хотел ни объявить, ни отыскивать виноватого. Копа, слыша это, приговорила взыскать с урядника паньи Петровой, Нестора, за украденного вола в пользу моего боярина, назначив такую цену, какую, по законному удостоверению, давали за того вола покупщики, именно две копы грошей литовских; срок платежа назначен по истечении четырех недель. По просьбе моей копа и люди сторонние сознали свой суд перед паньей Петровою. Я и сама от себя посылала, по этому делу, к панье Петровой, прося, чтобы она приказала своему уряднику заплатить моему боярину за украденного вола. Ее милость, панья Петровая, отвечала: “Я-де на голое мужицкое слово уряднику своему за того вола платить не приказываю”». Там же вышеозначенная копа и

люди сторонние сделали предо мною, возным Луцким, Яском Опарипеским, показание о том, как собиралась копа, что происходило на этой копе между урядником пани Петровой и боярином пани Богуринской, как пред паньєю Петровою копа и люди сторонние объявляли свой приговор и как пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатить за украденного вола в назначенный срок, и что отвечала на это пани Петровая; все это мне рассказали. И просила ее милость, пани Богуринская, вместе с сыновьями своими, чтобы это было записано. Поэтому я вышеизложенное личное донесение возного приказал записать в гродские книги.

(Книга гродская Луцкая 1570 г., лист 19 на одбороте).

III

Копный суд о поджоге. Копа ведет след. Решение копного суда. 2 января 1583 года

1583 года, месяца января, 2 дни.

Предо мною, Фалелеем Бережецким, исправляющим временно должность пана Станислава Петровского, подстаросты Луцкого, явившись в замке господарском Луцком, шляхетный Матыс Хорковский жаловался, объявляя свою жалобу следующими словами: «Соседи мои близкие, пограничные люди из имения Рожищ, не хотели выйти на след моего шкодника, а мне, с их стороны, нанесены великие обиды и причинен вред немалый, а шкодника своего между ними ведать не могу и не знаю, где он скрывается, а они открыть его и на след выйти не хотят. И уже мне не в первый раз, с их стороны, причиняется вред неизвестно кем: жгут и опустошают все мое имущество и именье мое, село Кобче, данное мне для прокормления его вельможною милостию князем Марком Сокольским, паном моим милостивым; это имение жгут и опустошают, а виноватого я не ведаю. И теперь, в недавнее время, в тысяча пятьсот восемьдесят втором году, месяца ноября двадцать пятого дня, с недели на понедельник, ночью, ровно во время первого сна, кто-то, подошедши воровским обычаем, уже в пятый раз сжег пятое строение. Этого строения я никаким способом защитить и имения своего спасти не мог. Такою неоднократно поджогами и опустошением села, имущества моего причинены мне шкодником моим великие убытки более чем на четыреста коп грошей литовских. Чтob отыскать шкодника, я, в понедельник утром, собрал людей добрых, соседей околичных, смежных сходатаев Рожищских, из всех сел, нижепоименованных: из Любча, из Рудни, из Козина, из Става, из Соловина, из Дуца, из Навоза, из Соколя, из Смердина; сверх того людей сторонних: из Сусна, из Володковщины, из Носячевич, из Лукова. Со всею этою копою я погнал след, который был ни чей иной, как только моего шкодника. Копа,

взяв след от пожарища, отвела его из моего села Кобча до границы земли Рожищской, недалеко от сельца и урочища Свинюк, где живут пастухи. Остановившись там на следу, вся копа послала в Рожищское сельцо Свинюки и звала жителей, чтоб шли на след; но они выйти не хотели. Поэтому копа, не уклоняясь от строгости права, переночевав на следу, во вторник утром снова послала от себя добрых сторонних людей ко всем селам Рожищским как к своим сходатаям: в село Свинчаны, Топольное, в село Старое Рожище, в Вол Рожищскую и Пожарки, приглашая на копу и требуя, чтобы жители из сельца Свинюк, где пастухи живут, также жители из всех сел Рожищских вышли на свою Рожищскую землю, взяли бы на границе этой земли, от всей копы, след шкодника и вывели бы этот след из своей земли Рожищской до иной границы, по стародавнему обычаю. Но все вышеозначенные села Рожищские ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взять и отвести след не хотели. Копа оказала им снисхождение тем, что еще раз послала от себя доброго человека к уряднику Рожищскому Степану Каленниковичу, требуя, чтобы Рожищские крестьяне его милости, пана владыки Луцкого, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольского, потому что шкода никому не мила; притом же между нами отыскивают преступника ничем иным, как только копою. Поэтому Рожищские, будучи издавна нашими сходатаями, если на копу не вышли все или одно из их сел, то весь причиненный преступником вред падет на них. Но урядник Рожищский не хотел ни сам слушать, ни объявить об этом крестьянам. Копа снова, в третий раз, требовала чрез своих посланцев, чтобы на копу вышли; но они, догадываясь, вероятно, что между ними находится преступник, не уважили и этого позва, на копу выйти, и ответа о себе дать не хотели. Копа, видя такое великое упорство их, тот же час, стоя на том же следу, послала в уряд за возным и с этим возным и с сторонними людьми приговорила все села Рожищские за их невыход к уплате всех убытков, причиненных мне преступником». Затем более десяти человек из копы, явившись в уряде замка господарского Луцкого, в тот же день, вышеозначенного числа, объявили следующими словами: «Мы, вместе с возным и сторонними людьми присланы в уряд Луцкий от копы, от всей нашей великой громады, для признанья и объявления суда своего копского, а именно: Лукьян, крестьянин пана Андрея Загоровского из Навоза; Сивулаш, крестьянин князя Марка Сокольского из того же Навоза; Гриц, крестьянин пана Щасного Харлинского, подкомория Киевского, из Смердина; из того же Смердина Иван, крестьянин князя Сокольского, из Душа Моисей и Трут, а из Соколина Куц и Ивашко, крестьяне того же пана Сокольского; из Любча Нестор, крестьянин князя Григория Любецкого; из Рудки Феня, а из Козина Данило, из Ставу Симон, из Соловина Бортош, крестьяне того же князя Любецкого; из Любча Онисько и Кондрат из Рудки; Кунц из Става; Исаия из Соловика, крестьяне ее милости

паньи Николаевой Харлинской; из Любча Ян Лях, крестьянин князя Григория Коширского; притом сторонние люди: из Лукова Прокоп и Мишко Жданович, крестьяне пана Андрея Загоровского, из Суска Юско Романчич, из Носачевич Антон, крестьяне пана Щасного Харлинского, из Волоковщизны Остап, крестьянин князя Василия Сокольского. Все мы, посланцы, объявляем от всей копы, что вышепоименованные села издавна сходились с Рожищанами для исследования всякого вреда, причиненного преступником, на границе или где бы ни был причинен вред, а теперь ни один из них для исследования вреда, причиненного соседу нашему пану Хорковскому, ни выйти на след шкодника, ни дать о себе надлежащего сведения не хотели. А так как, по нашему копному праву, выход всегда платит за вред, понесенный истцом, то поэтому вся копа, поступая по возможному праву и стародавнему обычаю своему, присудила все убытки истца взыскать с сел Рожищских за их невыход. Вследствие этого копа, в присутствии возного и сторонних людей, подвергла взысканию все села Родищские за их невыход, оценив убытки согласно с показанием истца, который, по определению копы, должен был подтвердить свое показание присягою. Истец, пан Матыс Хорковский, оценил понесенные им убытки в четыреста коп грошей литовских и там же, пред нами, пред всею копою, в присутствии военного и сторонних людей, сам-третей, подтвердил свое показание присягою. А мы присудили ему взыскание на всех селах Рожищских с тем, чтобы эти села, удовлетворив пана Хорковского, искали себе виноватого. Вслед за тем возный повета Луцкого, Войтех Яблонский, явившись лично предо мною, здесь же в замке господарском Луцком, объявил, для записания в книги гродские Луцкие, следующее: «Будучи отражен урядом за вышепомянутую копу, присутствовал я, вместе с двумя шляхтичами, панами Яном Несебенцким и паном Матысом Выгоновским, а также со сторонними добрыми людьми, на копе, великой громаде, которая была собрана паном Матысом Хорковским на следу шкодника его, у границы на земле Рожищской, в тысяча пятьсот восемьдесят втором году, месяца ноября двадцать восьмого дня. Там же, в это время, видел я след и ступни человеchie по дороге к сельцу Рожищскому, где живут пастухи. Громада, дойдя по этому следу до земли Рожищской, кликала и вызывала Рожищан: но ни один человек с их стороны не отозвался, никто не вышел и не взял следа. Копа засвидетельствовала невыход их мною возным и сторонними людьми. Затем я осматривал вред, причиненный пану Хорковскому в имении его Кобчем, и видел пять домов, сожженных со всеми принадлежностями, и три тамошние хаты. Копа, оценив весь этот вред, при мне, возном, и сторонних людях определила, чтоб истец сам-третей подтвердил оценку понесенных им убытков присягою. И пан Хорковский, оценивая свои убытки в четыреста коп грошей, подтвердил это сам-третей присягою. На основании этого

законного доказательства, согласно артикулу шестому в разделе четырнадцатом Статута, вся копа определила взыскать за вред, причиненный преступником, со всех сел Рожицских за их невыход и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому с тем, чтобы Рожищане, уплатив эту сумму, искали себе виноватого». Такой суд копный объявила мне, уряду, вся копа, чрез возного и поименованных выше сторонних людей, дав половину пересуда. Вследствие чего я, не отступая от права посполитого, статута Великого Княжества Литовского, назначил срок для уплаты четырехсот коп согласно артикулу пятьдесят девятому раздела четвертого, то есть, на каждые сто коп, двенадцать недель, считая срок с нынешнего второго числа месяца января, восемьдесят третьего года. Затем я вышеизложенное объявление пана Хорковского, донесение возного, также засвидетельствование сторонних людей о копном суде и срок для уплаты денежного взыскания, урядом назначенный, приказал записать в гродские Луцкие книги.

(Книга гродская Луцкая 1583 г., листы 76–79).

IV

Следствие и расспрос громады о найденном в городе Дубне трупа неизвестного убитого человека. Донесение возного. 5 августа 1596 года

Тысяча пятьсот девяносто шестого года, месяца августа, пятого дня.

Явившись в уряд Луцкого замка его королевской милости, предо мною, Александром Семашком на Хупкове, кастеляном Брацлавским и старостою Луцким, благородный пан Петр Сметанкович Былчинский, Дубенский урядник князя, его милости, пана воеводы Киевского, объявил следующими словами: «В нынешнем девяносто шестом году, месяца июля, двадцать второго дня, в понедельник утром, на самом рассвете, мещане Дубенские нашли тело неизвестного убитого человека в городе Дубне, на Швецкой улице; и неизвестно, был ли этот человек убит где-нибудь в другом месте и привезен в Дубно, или кто-нибудь убил его в этом городе. Я, согласно с правом посполитым, три раза собирал громаду, в том же городе Дубне, из мещан и предмещан Дубенских, а также из сел околичных Дубенских. На всех этих трех громадах никто не узнал, кто был убитый и откуда. И так как я не мог допытаться, кто был убийца, то на последней, третьей громаде приказал присягнуть всем вышеозначенным людям, которые присягнули в том, что они не знают между собою убийцы, что они сами не были причиною убийства и убитого не знают, кто он и откуда». И когда пан Былчинский объявил это в уряде, то тот же час, в том же году, вышеозначенного месяца и числа, явившись лично предо мною, Ян Валевский, Генеральный возный воеводства

Вольнского, донес следующее: «Был я приглашен на следствие паном Петром Сметанковичем Былчинским, урядником Дубенским, в нынешнем девяносто шестом году, месяца июля, двадцать второго дня, а при мне была шляхта, сторонние люди. Прибыв в город Дубно, я видел человека убитого насмерть, лежащего на носилках, посреди рынка Дубенского, против церкви Святого Николы. Тут же были собраны на громаду мещане и предмещане Дубенские и крестьяне из сел околичных Дубенских. И объявил предо мною возным пан Былчинский, что сего дня, утром на рассвете, мещане Дубенские нашли этого человека, убитого насмерть, в здешнем городе Дубне, на Швецкой улице. Мещане Дубенские и вся громада объявляли и показывали мне раны на теле убитого: голова и все лицо избиты, так что едва можно узнать, что человек был; а на затылке две раны, нанесенные, вероятно, секиркою, и все тело синее, избитое. И сказали мне мещане и вся громада: “Мы-де этого человека не знаем и не ведаем, откуда он и кто его убил; не знаем также, не был ли он убит где-нибудь в другом месте, подвезен в наш город и здесь покинут”. Потом пан Былчинский приказал тем же мещанам, предмещанам и селам околичным, для лучшего исследования и расспроса, сойтись на вторую громаду на то же место, на рынок Дубенский, нынешнего девяносто шестого года, месяца июля, двадцать четвертого дня. На этой громаде пан Былчинский, приказав вынести убитого на то же место, делал, в моем присутствии, расспрос между всеми означенными выше людьми, стараясь выведать, кто и откуда был убитый и кто его убил. Но никто из них не отозвался, кто бы убитого знал или ведал, откуда он был. Не могли также доведаться и об убийце, а также и о том, не был ли убитый привезен из какого-нибудь другого места. Затем пан Былчинский под страхом наказания, в праве посполитом назначенного, приказал еще раз собраться на громаду на том же месте, на рынке Дубенском, против церкви Св. Николы, тем же мещанам и селам околичным Дубенским, которые и прежде собирались, а именно: селу Ранчину, селу Погорельцам, селу Иваню, селу Головчинам, селу Вознесенью, селу Тороканову и селу Подборцам. Срок для этого назначен в субботу, того же месяца июля двадцать шестого дня. И когда все, как и в первый раз, сошлись на громаду, при трупе, который был в третий раз вынесен к ним, то делали, согласно с правом, расспрос, допытываясь, откуда был убитый и кто его убил. А пан Былчинский как урядник тамошний еще особо об этом спрашивал. Когда и на этой третьей последней громаде сходатаи ничего между собою о том убитом человеке не допытались, тогда пан Былчинский, поступая согласно с правом, определил декретом своим, чтобы все вышеозначенные люди присягнули в том, что они убитого не знали, убийцы между собою не ведают и что никто из них не был виновником убийства. Такую присягу каждый из них, на основании вышеозначенного декрета, по выданной форме, учинил предо мною, возным,

при трупе, пред церковью Св. Николы. Засвидетельствовав все это мною, ввозным, и сторонними людьми, пан Былчинский приказал похоронить труп на кладбище у католического костела, в городе Дубне». После такого объявления, подтвержденного донесением возного, просил пан Былчинский, чтобы это объявление записано было в книги; и я записать приказал.

(Книга гродская Луцкая 1596 г., лист 588).

V

Копный суд о покраже меду из борти и о сожжении бортного дерева. 15 мая 1608 года

Тысяча шестьсот восьмого года, мая пятнадцатого дня.

В уряде гродском, в замке его королевской милости Владимирском, являлись лично, предо мною, Томашем Козиковским, бургграфом и наместником подстароства Владимирского, крестьянин его королевской милости Федор Стеферицкий войт, присяжный Кратлипченя, присяжный Лучка Панасеня, присяжный Юшко Ярмакович, а с ними крестьяне его милости пана Юська Овлучимского, писаря земского Владимирского из Овлучима: Яцко Бортник, Федор Буткович и крестьянин пана Ивана Овлучимского из Овлучима, Янко Бортник, также крестьяне пана Фридриха подсудка Хелмского, из Великой Вербы и из Руды: Яско Попкович, Иван Гриценя, Совтун Соченя, Симон Юськович, сами от себя и от всех других соседей своих, бывших на праве копном. А при них были генеральные возные, шляхетные Наум Кузминский и Стефан Ковалевский. Вышепоименованные лица объявили, для записания в гродские книги, следующее: «В нынешнем тысяча шестьсот восьмом году, месяца апреля, двадцатого дня, были мы позваны на копу, от ее милости паньи Магдалинги из Овлучима Аврамовой Пузовской, на назначенное место, в бор Пузовский, за Белиным полем. И когда мы там, в бору Пузовском, засели на копе, то ее милость, пани Аврамовая Пузовская, пред нами и в присутствии их милостей панов шляхты: Павла Пузовского, Максима Лудовича, Яна и Шимана Вербских, и в присутствии всех крестьян их, жаловалась следующими словами: “В нынешнем тысяча шестьсот восьмом году, месяца апреля, второго дня, причинен мне вред: подрублена сосна бортная, восемь лет нелаженная, мед выбран, а сосна сожжена”. В этом поступке она обвиняла панью Васильевую Вербскую, пана Семена Русальского, пана Мартына Андрузского и пана Павла Дахновича и просила нас, чтобы мы, по своей обязанности, послали к панам Вербским и пригласили их явиться пред нами на копу со всеми крестьянами из Вербое и из Вохнович, для оправдания в означенном выше обвинении. Мы посылали к обвиняемым с повесткою

поименованных выше возных. Но так как пань Вербские сами перед нами на копе, на месте преступления, не явились, крестьян своих не представили и никакого от себя не дали ни ответа, ни известия, то мы, не оканчивая этого дела, для лучшего расспроса и исследования отложили до другой копы, то есть до двадцать седьмого дня того же апреля месяца. И когда настал этот срок, то все мы, вышеозначенные лица, засев на прежнем месте, на копе, посылали, по просьбе паньи Аврамовой Пузовской, тех же возных, в Вербое и Вохновичи, к панье Васильевой Вербской и к вышепоименованным панам, напоминая, по своей обязанности, чтоб они сами явились пред нами на копе и всех крестьян своих представили. Но они как в первый, так и во второй раз и сами не явились пред нами, и крестьян своих не представили. Поэтому мы, не оканчивая дела для лучшего расспроса и исследования, отложили до третьей копы, то есть до будущей пятницы, до четвертого числа мая месяца. И когда этот срок, назначенный для третьей копы, настал, то все мы, вышеупомянутые лица, судьи копные, засев на этой копе, по просьбе паньи Аврамовой Пузовской, посылали в третий раз тех же возных, в Вербое и Возновичи, и вышепоименованным панам Вербским, напоминая им, чтоб они сами явились пред нами и крестьян своих представили. Но они, как после первого и второго, так и после третьего послания и напоминания нашего, и сами пред нами не явились, и крестьян своих не представили, и никакого ответа и сведения о себе не дали. Тогда мы все, судьи копные, которых было около полутора человека, поступая по обычаю права нашего копного, видя упорное непослушание поименованных выше панов Вербских и крестьян их, засвидетельствовав все это возными и бывшею при нас шляхтою, определили декретом своим взыскать удовлетворение за весь вред, причиненный панье Аврамовой Пузовской, с поименованных выше панов Вербских, с них самих и с крестьян их Вербских. Мы нашли также и знак на бортной сосне, на колоде, клеймо паньи Федоровой Пузовской, а на этом клейме – клеймо паньи Аврамовой Пузовской, наложенное бортником паньи Васильевой Вербской, которое клеймо мы засвидетельствовали шляхтою». Здесь же, явившись лично предо мною, в уряде, возные Наум Кузьминский и Стефан Ковалевский сознали вышеизложенный копный суд теми же словами, как сознавали и сами копные судьи, то есть что они на месте копного суда были, при всем делопроизводстве присутствовали, что три раза ездили в Вербое и Вохновичи, каждый раз заставляли всех вышепоименованных панов Вербских в домах их и напоминали, чтоб они сами явились на копе, и крестьян своих представили. Но они, после всех трех напоминаний, на копу не явились и крестьян своих не представили. Это личное показание судей копных и вышепоименованных возных принято мною и записано в гродские книги.

(Книга гродская Владимирская 1608 г., лист 286).

VI

Суд сельской громады о воровстве; пытка и смертная казнь. 9 декабря 1622 года

Тысяча шестьсот двадцать второго года, месяца декабря, девятого дня.

В уряде гродском, в замке его королевской милости Владимирском, предо мною, Станиславом Собанским, бургграфом замка Владимирского, и пред книгами нынешними гродскими старостинскими, явившись лично, шляхетный Николай Закревский, земский генеральный возный воеводства Волынского, сознал явно, ясно и добровольно, для вписания в нынешние гродские Владимирские книги, и подал на письме свою реляцию, написанную следующими словами и заключающую в себе нижеследующее: «Деялося в 1622-м году, декабря 8-го дня, в имении его милости, пана Адама Киселя, Низкеничах, в присутствии благородных их милостей панов, Яна Сембля, Петра Калусовского, Стефана Вентчика, также в присутствии духовной особы, Спасского священника, отца Иеремии из Тышкович, имения его милости владыки Владимирского, также в присутствии крестьян из разных сел околичных, а именно: при Самуиле Бартошевиче из громады Бутятицкой, при Фedyке Сенке из громады Тышковицкой, Левке Репях из громады Вареской, из имения пана судьи Львовского, и при многих иных. В это время, по доносу Низкеницкого крестьянина Николая Щербача, поставлен был на суд, пред всею громадою Низкеницкою, по обычаю и праву посполитому, под обычным арестом, какой-то Васько, сын Юрия Черевка, как он сам называл себя, из села Завишня, принадлежащего к староству Сокальскому. На него представлена была следующая жалоба и обвинение: “Поименованный человек, забыв страх Божий, не помня благодеяний, которыми пользовался прежде, служив вышеозначенному истцу, рассчитавшись с ним обыкновенным способом и получив условленную плату, отправился ночью, четвертого числа, из Низкенич, а потом, подкравшись воровским способом, взял и украл у истца, на подворье, коня, шерстью темно-мышастого, оцениваемого истцом в сорок злотых, с возом и хомутом, и с украденным конем уехал”. Вор был отыскиваем везде и застигнут в селе Голубях, имении вельможного его милости пана Станислава Жоравинского, кастеляна Белзского. Потом, по требованию того же истца, вор был выдан старостою и громадою вышеозначенного села. Там же вор тотчас признался в своем преступлении и объявил, где он оставил и припрятал коня, именно за Сокалем, в селе Вольке, принадлежащем к Сокалю. Отыскав украденного коня, истец ставил вора на суд вместе с поличным. Представив означенную выше жалобу, сообразно с законами, пригласив генерального возного воеводства Волынского, шляхетного Николая Закревского и палача Яска, из города Торчина, он требовал

и просил, чтобы вор был осужден по законам, по мере его вины. Вследствие чего вышепоименованные их милости, также лица, присланные от громад, вместе с Низкеницкою громадою, сообразуясь с обычным правом и с писаным статутом, спрашивали вора: признается ли он в преступлении и в том, что у него найдено поличное? И этот обвиненный вор признался в преступлении и в том, что у него найдено поличное. Затем вышеозначенные лица определили декретом своим, чтобы он, как заслужил и как повелевает право, был казнен смертию. На основании такого приговора он отдан был в руки вышепоименованного палача на экзекуцию. При этом людям из других сел, желавшим допросить вора, предоставлено было вольное право требовать, чтоб вор подвергнут был пытке, не признается ли он еще в каком-нибудь преступлении. Но так как никто не требовал, чтобы вор, для признания в воровстве, был подвергнут пытке, то он и не был более подвергаем пытке; но за одну только означенную выше покражу получил от вышепоименованного палача награду по своей заслуге и согласно с писаным правом: был казнен смертию». Вышепоименованный возный, объявив, что все это действительно так происходило, просил, чтобы его личное и добровольное сознание было принято и в книги записано; и оно принято и записано.

(Книга гродская Владимирская 1622 г., лист 911 на обороте).

ОБЩИНА ПРОТИВ КОММУНИЗМА

*ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Илларионович
(1818–1881)*

Мы должны также объяснить то глубокое, существенное различие, которое отличает наш мирской быт от общинных и так называемых коммунистических воззрений, проявляющихся в наше время на Западе, ибо, как известно, противники русского мира между прочим приводят и довод, что будто бы наша община есть грубый, но живой зародыш коммунизма, как ее понимают европейские революционеры, и, с другой стороны, наши народолюбивые юноши тоже мечтают найти в русском мире элементы для излюбленных ими учений об упразднении собственности и хозяйства.

В этом отношении те и другие одинаково ошибаются, как и часто случается с людьми крайних мнений, принимающих свои личные опасения и увлечения за всенародные угрозы и стремления.

Наш мирской быт не имеет ничего общего с коммунистическими стремлениями европейских рабочих и не представляет никаких элементов для разрушения собственности и семейства; он, напротив, вырос на двух основах: праве поземельной собственности, обусловленном семейным бытом. Это мы постараемся доказать.

Если не ошибаемся, то суть всех коммунистических учений состоит в том, что доход недвижимых имуществ, и земли в особенности, по справедливости, принадлежит не столько собственнику, сколько лицу, эксплуатирующему имущество, возделывающему землю, и это учение, доведенное до крайних своих афоризмов, приводится окончательно к тому, что не принадлежность имущества, а труд, на него употребленный, основывает право на получение дохода; далее, возводя эту теорию в общий закон человеческих обществ, коммунисты отвергают всякое семейное право на владение, заменяют брачный союз сожитием рабочих мужского и женского пола, двор и общество – казармой и артелью и, по пресловутому принципу – *a chacun selon ses oeuvres*, распределяют прибыли и убытки по заработкам, добытым работою сообща.

Общее пользование, общинный труд, вольная ассоциация, дележ продуктов и заработков между членами общества – таковы главные основания новейших коммунистических вымыслов.

Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу.

Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли; обработка сообща и дележ продуктов, хлеба или сена в натуре, при уборке, никогда не были в обычае русского крестьянства и совершенно противны мирскому быту.

Общественные запашки, огульные работы всегда внушают нашим общинникам неодолимое отвращение, и когда подобные меры принимались помещиками или начальством (в удельных имениях и военных поселениях), то они исполнялись только по принуждению и часто с помощью насильственных средств, военных команд и экзекуций, а при освобождении крестьян были повсеместно отменены.

При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод канав и т. п. крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам, и исполняют наряд под личную ответственностью каждого домохозяина. Вообще, коммунистический принцип общественного обязательного труда так противен нраву русских рабочих, что они, без сомнения, встретили бы проповедников подобных иноземных учений с таким же радушием, с каким принимали сельских начальников и аракчеевских офицеров, выгонявших их, по наряду, на сельские полевые работы.

Существо мирского общинного быта заключается в равном праве на земли всех членов общества пропорционально их рабочим силам; но земля, однажды наделенная, разверстанная, возделывается, пашется, боронится и косится отдельно каждым владельцем.

Коренное понятие, из коего выросло русское мирское общество, есть равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстание всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими, но вовсе не совместное, общинное пользование, о коем мечтают легковверные реформаторы-социалисты, отвергающие право собственности и семейные связи. Русский мир есть, напротив, наивысшее, даже несколько преувеличенное подтверждение прав собственности и семейного быта, ибо полагает основанием всякого общества – право на землю всех его членов и ставит одно условие, один срок для получения земельного надела – вступление в брак и в семейную жизнь. Полное тягло слагается из двух рабочих душ мужского и женского пола, совершеннолетнего мужика и замужней бабы, и

они, совокупно в одном общем хозяйстве, выражают единицу рабочей силы, первое звено хозяйственного и мирского общественного быта.

Поэтому можно смело утверждать, что мирское землевладение в том виде, в коем оно устроилось в великороссийских губерниях на местах первобытных поселений славянских племен, имеет главную основу рабочую семейную силу, полным выражением коей служат не отдельные личности, не индивидуальные способности и нужды, а хозяйственный быт мужа с женой, совокупный их труд, скрепленный брачным союзом и потребностями, истекающими из супружества, пропитанием детей, прокормлением престарелых родителей. Земельный надел есть не только право, но и обязанность; женатый крестьянин не только может, но и должен держать землю; холостой или вдовый мужик должен отыскивать невесту, потому что дом, крестьянский двор без бабы признается неполным, расстроеным хозяйством. Все эти понятия, права и обязанности домохозяйства и супружества, равноправности и равнотягости соединяются в выражении «тягло», которое есть основное понятие русского крестьянского землевладения, точно так, как подворный участок есть основа германского аграрного строя.

ОБЩИННОЕ УСТРОЙСТВО СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

БЕЛЯЕВ Иван Дмитриевич
(1810–1873)

Основой древнейшей русской государственности была община. Первобытное устройство общественной жизни славян на Руси было общинное, а не родовое. Общинное вечевое устройство у славян проникло во все стороны общественной жизни. Каждое племя является союзом городов, город является союзом улиц, улица – союзом семейств. Следовательно, первобытное устройство славянских обществ на Руси было вечевое, а вече при родовом быте неуместно, там глава всего устройства родоначальник, а не вече. Сама история поселения славян на Руси указывает также на общинное, а не родовое устройство. Нестор говорит: «Волохом бо нашедшим на словени на дунайские, седшем в них и насиляющим им. Словени же овии пришедшие седоша на Висле и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне. Тако же и ти словени, пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша между Припетью и Двиною и нарекошася дреговици; инии седоша по Двине и нарекошася полочане речки ради, яже течет в Двину, именем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же, седоша около оз. Ильменя, прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и Семи, и по Суле, и нарекошася север. Тако розыдеся словенский язык». Эти слова Нестора показывают, что славяне не вдруг заселили Русскую землю, но постепенно – «седоша, – говорит, на Висле, на Днепре, седоша на Десне» и пр. Из того свидетельства летописи видно, что славяне не были старожилками на Руси, а переселились в эту сторону с Дуная. А если они были пришельцами на Руси, то родовой быт не мог быть осуществлен. Об общем быте славян Нестор говорит: «И живяху в мире поляне и древляне, север и радимичи, и вятичи, и хорваты. Дулебы живяху по

Бугу, где ныне воляныяне, а уличи, тиверцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви, бе множество их, седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их до сего дне». А существование городов есть уже явный признак общинного быта; городская жизнь, на какой бы степени развития она ни была, не может быть не общинная, ибо с ней неразлучно первое и главное условие общинности – жить вместе и управляться одной властью, общей силой поддерживать укрепление города, защищать город, иметь общие улицы, площади, быть в постоянных сношениях с гражданами; без этих условий нельзя представить городской жизни, а эти условия и представляют главные начала общинности, отрицающие родовой быт в самых его основаниях и составляющие корень и основание всякого общественного развития. Конечно, между переселенцами может иногда существовать родовой быт, свидетельство чему встречаем мы в германских племенах, которые при своих переселениях большей частью удерживали формы родового быта в общественном устройстве довольно долго, так что некоторые следы этого устройства даже и до сих пор заметны в иных обществах Германии. Но для такого порядка дел нужно много посредствующих обстоятельств и особенное устройство народа, особенная привязанность его к родовому быту. У славянских же племен на Руси не было ни особенной привязанности к родовому быту, ни благоприятствующих к тому обстоятельств. Германские племена, переселявшиеся в разные страны Европы, передавали свои родовые имена вновь занимаемым местностям, например, Нордлинг, Нортумберленд в Саксонии и Англии; напротив того, славянские племена сами принимали названия от местностей, ими занимаемых: поляне – от полей, древляне – от леса, полочане – от речки Полоты, на которой они поселились, новгородцы – от Новгорода. Явно, что славяне у нас не дорожили своим дунайским родовым бытом; германцы же так дорожили своим родовым бытом, что даже устраивали искусственные роды, например, дитмарсенские роды, когда на самом деле переселенцы не были родичами между собой. В истории русских славян не было упоминания об искусственных родах. Сохранению родового быта у германцев благоприятствовало то, что германские племена совершали свои переселения во время владычества родового быта на родине, поэтому германские переселенцы большей частью отправлялись в путь со строгим соблюдением родовых форм, под предводительством родоначальника. Переселения германские были произвольны; напротив, славяне стали переселяться с Дуная тогда, когда их родовой быт был сильно потрясен и даже расстроен римлянами, которые постепенно занимали их земли и строили там свои города. Славяне начали переселяться за Дунай не по доброй воле, а по принуждению, вследствие насилия, как прямо говорит Нестор: «Волохом бо нашедшим на словени на Дунайские». Притом не нужно упускать из виду, что близкое и продолжи-

тельное соседство славян с греками и римлянами на Дунае сильно потрясло их родовой быт и развило в них потребность общественного устройства. Что уже славяне дунайские должны были во многом изменить свой родовой быт, показывает их история на Дунае; так, в к. VIII – н. IX в. в царстве Болгарском и у сербов появляются города с чисто общинным устройством. Хотя история заметила их только в эту эпоху, но, по всей вероятности, они были еще раньше. Стало быть, переселяясь в Восточную Европу, славяне уже разуверились в превосходстве родового быта еще на Дунае. Переходя к нашей истории, мы видим, что, когда славянские племена пришли на Русь, у них появляется уже общинное устройство; следовательно, родовой быт был потрясен еще на Дунае. Племена, переходя на Русь, принесли с собой некоторое образование, чему служит доказательством то, что они уже занимались земледелием; в сравнении с туземными финскими и латышскими племенами они были несравненно выше в своем развитии, чему лучшим доказательством служит то, что большая часть латышских и финских племен еще до Рюрика была подчинена славянам, и притом не столько, кажется, войною, сколько колонизацией, постройкой славянских городов между финскими и латышскими племенами. Так, история уже застаёт Ростов, Суздаль, Белоозеро и другие славянские города среди поселений веси, мери и муромы, и этот финский край на глазах истории до того ослабился, что уже в XII в. их трудно было отличить в некоторых местах от славян – явный признак, что славяне пришли на Русь, уже находясь на известной степени развития, что общественное устройство у них было не родовое, а общинное, так что они принимали всякого иноплеменника в свое общество и делали его равноправным. Родовой быт этого не допускал: здесь всякий, вступавший на землю чужого рода, должен был сделаться или рабом, или умереть, как то было у германцев; напротив, у славян на Руси не видим, чтобы исключали неродича. Славяне принимали в свое общество финнов как равноправных; так, известно, что в приглашении варяго-русов вместе со славянами участвовала и чудь – следовательно, признавалась одноправной со славянами; это уже условие принятия в общество иноплеменников явно указывает на общинное устройство у славян на Руси, только община не полагает различия между единоплеменниками и иноплеменниками. Вообще можно принять с достоверностью, что славяне изменили свой быт еще на Дунае и преимущественно от влияния соседних греков и римлян. Наконец, верным признаком общественного состояния славян могут служить еще особенные условия владения землей. У нас, на Руси, и у сербов на Дунае было два вида владения: общинное и частное поземельное владение. В первом виде земля составляла принадлежность целого общества и каждый член его имел право владения и пользования без права отчуждения; во втором же виде земля составляла полную собствен-

ность владельца с правом отчуждения. Такой порядок владения возможен только при общинном устройстве. В родовом же быте земля принадлежит целому роду и члены его пользуются ею. В древней Германии все члены рода делили между собой всю землю, составлявшую принадлежность одного известного рода, и ни один хозяин не оставался по нескольку лет на одной земле. Это сохранилось в некоторых местах до сих пор, тогда как у славянских племен на Руси и упоминания не было о подобном ежегодном разделе. У нас каждый член общества владел землей общины так, что мог передать ее и своим детям. Общинное владение отличалось от частного только тем, что владелец общинной земли непременно должен был быть членом общества.

Две причины имели влияние на изменение родового быта славян: 1) соседство с греками и римлянами, поколебавшее родовой быт славян еще в то время, когда они жили на Дунае; 2) переселение в чужую землю, занятую финскими и латышскими племенами, поставило славян перед необходимостью жить в чужой земле общинами и строить города, чтобы не смешаться с туземцами. По свидетельству Нестора, родовый быт сохранился только у одного из славянских племен, переселившихся на Русь, – у полян: «Полян же, живущим особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим». Но и поляне недолго держались форм родового быта. Нестор же говорит далее, что над всеми родами полянскими возвысился род Кия, Щека и Хорива и что у них был построен город Киев. Из этого видно, что поляне оставили впоследствии родовый быт и стали держаться быта общинного, потому что преобладание одного рода над другими невозможно при родовом быте, точно так же, как и построение города есть прямое отрицание родового быта.

Славянские племена, пришедшие на Русь с Дуная, заняли пространство земли от Черного до Белого и Балтийского морей. Естественно, что при такой расселенности они не все жили одинаково: иные из них скорее почувствовали необходимость в общинном быте и развили его, другие, напротив, могли остаться при старом родовом быте. Рассмотрим их по-порядку, начиная с племен, живших на юге России.

Уличи и тиверцы жили по побережью Черного моря, от Нижнего Дуная до Днепра. Угрожаемые с запада тем же врагом, который принудил их передвинуться на Русскую землю, а с востока разными кочевниками, уличи и тиверцы вскоре после переселения вынуждены были обратиться к общинной жизни. Баварский географ, относящийся ко 2-й пол. IX в., насчитывает у уличей 318, а у тиверцев 148 городов. Существование городов у этих племен доказывает, что быт их был общинным. Но насколько он был развит у них, как устроен был каждый город, в подробностях нам неизвестно. Нестор говорит только, что они были сильны, так что кн. Олег не мог покорить их, хотя воевал

с ними 10 лет. Кн. Игорь с большим трудом вел войну с ними, под одним из их городов Пересечном его войска стояли около трех лет. Но неизвестно, были ли эти племена покорены им, известно только то, что они платили Игорю дань.

Дулебы, или бужане, («зане седоша по Бугу») и волыняне жили по р. Бугу на севере от уличей и тиверцев. Об их внутреннем устройстве мы имеем мало сведений. По свидетельству Нестора, эти племена переселились очень рано и в сер. VII в. были покорены аvaraми, которые слишком жестоко обращались с покоренными. На север от дулебов и волынян жили дикие литовцы и еще более дикие воинственные ятвяги – племя, которое, несмотря на все усилия покорить его, просуществовало ок. 500 лет. Соседство с этими племенами, конечно, заставило дулебов и волынян жить не иначе как обществами и иметь города. Таким образом, мы имеем, хотя и косвенное, указание в летописи на то, что дулебы и волыняне жили общинами, но, кроме этого, мы имеем еще другое историческое свидетельство – мифы, которые мы находим в былинах Владимира Святого. В них уличи и волыняне представляются чрезвычайно богатыми людьми. Далее в этих мифах есть указания и на внутреннее устройство этих племен; из этих краев у Владимира Святого были два богатыря, имевшие особенный от других богатырей характер – это Дюк Степанович и Чурило Пленкович, красивый молодой человек, в сопровождении богатой дружины едет в Киев к Владимиру, который принимает его очень ласково и расспрашивает его, кто он. «Я сын, – говорит Чурило, – старого Плена из Волыни; мой отец просит тебя принять меня к себе на службу». Владимир принял его, но через некоторое время вздумал сам побывать в гостях у старого Плена. Здесь он находит у него великолепное жилище, около которого красовались громаднейшие строения; везде видны были поразительное богатство и пышность. О Дюке Степановиче есть другое предание. Галичанин Дюк по смерти своего отца явился на службу к Владимиру с великолепной свитой и хвастался своим богатством, так что дивил всех. На обеде у Владимира он резко высказался против бедности киевлян. Раздраженный князь отправил посла для разузнания о Дюковых богатствах. Посланный, воротившись, говорил, что богатство Дюка действительно необъятно: «Чтобы переписать его, нужно два воза перьев и чернил, а бумаги невесть сколько». Но ни Дюк Степанович, ни Чурило Пленкович нигде не называются князьями. Стало быть, у уличей, тиверцев, дулебов и волынян не было князей, но тут жили какие-то богатые люди, от которых вполне зависели прочие жители.

На восток от дулебов и на северо-восток от тиверцев жили древляне, соседствовавшие у верховьев Ирши и Тетерева с полянами. Об общественном устройстве в этом племени Нестор сохранил несколько драгоценных известий при описании войны древлян с кн. Игорем и с кн. Ольгой. Из этих известий видно, что главой древлянского племени был князь, он был главным попечи-

телем всей земли, он пас деревскую землю, по выражению летописи, старался о ее распространении, о порядке и наряде целой страны. Но вместе с князем участвовали в управлении и лучшие мужи, которых Нестор прямо называет держащими землю; так, при описании вторичного посольства древлян к Ольге он говорит: «Древляне избраша лучшие мужи, иже держашу деревскую землю». Замечательно, что летописец сих держателей древлянской земли называет лучшими мужьями, а не старейшинами – явный признак общинного быта в сильном развитии. Далее, вместе с князем и лучшими мужами участвовало в управлении и все племя древлян. Так, летописец, описывая вторичное нападение Игоря на древлянскую землю, говорит: «Древляне, сдумавше со Князем своим Малом, послали к Игорю глаголюще: почто идеши опять». Или древлянское посольство говорит Ольге: «Посла ны деревская земля». Здесь община выступает во всем своем развитии; послы прямо говорят, что они посланы от всей деревской земли, а не от князя или старейшин; следовательно, деревская земля составляла что-то целое, общину, моральную личность. Общественное устройство древлян совершенно одинаково с общественным устройством сербов, как оно представляется из Душанова Законника и других древнейших памятников. У сербов, как и древлян, был свой князь, или жупан, свои властели, или лучшие люди, держащие землю, как они именно и называются в сербских памятниках, а также свои народные собрания, или веча, называвшиеся соборами. А сербское общинное устройство, по последнему слову науки, признается общинным, или, как сербы называют, оптина, обькина (доктор Крстичь). Следовательно, ясно, что и древлянское устройство, описанное Нестором, было общинное. Еще замечание относительно лучших людей. В лучших людях нельзя видеть родоначальников, или старейшин, а только поземельных собственников, как у сербов волостели. Существование частной собственности служит лучшим доказательством того, что быт их был не родовой, а общинный. У народов, живущих в родовом быте, земля принадлежит целому роду, а частной собственности не может быть.

На восток от древлян, прямо по западному берегу Днепра, жили поляне. Об этом племени, о его общественном устройстве Нестор оставил довольно свидетельств. По свидетельству Нестора, поляне пришли с Дуная еще под влиянием родового быта: они при начальном поселении сели у Днепра подунайски, врассыпную, каждый род отдельно, по горам и по лесам, и занимались звероловством. Но чужая земля скоро принудила полян отступить от родового быта. Между ними скоро усилился один род, примыкавший своими поселениями прямо к Днепру, и старейшие представители этого рода, братья Кий, Щек и Хорив, сделались главными начальниками, князьями всех полянских родов и выстроили в этом краю первый город Киев. По смерти Кия и его братьев власть, приобретенная ими, перешла в их род: «...и по сих

братьи, – по словам Нестора, – почаша род их держати княжение в Полях». Таким образом, еще в первых поколениях дунайских переселенцев последовало соединение полянских родов в одно целое, а вместе с тем и первоначальное родовое их устройство потерпело сильное изменение. А когда вымерли потомки Кия, управлявшие полянами, то общинные начала в этом племени получили полное развитие – поляне уже начали управляться вечем, так что Нестор уже сравнивает их с новгородцами: «Новгородцы бо и смолняне, и кияне, и вся власти, якоже на думу на вече сходятся, начтоже старейшии сдумают, на том же пригороды станут». С пресечением Киева потомства все племя полян составило союз общин и прежнее родовое старейшинство обратилось в новое старейшинство – общинное, основанное сколько на старейшинстве, столько же на могуществе и богатстве; старшим сделался не род и не его представитель – родоначальник, а город, послуживший первой основой общины, младшими же – его выселки, пригороды. Родовой быт здесь решительно потерял свое прежнее значение, общество пошло совсем иным путем, выгоды его совершенно разошлись с выгодами рода. Род требовал разъединения и удаления от других, а общество искало общения и соединения в одно целое и сыскало его в подчинении пригородов старшему городу. У полян представителем и руководителем целого племени сделался не родоначальник, а старший в том краю город – Киев; о родах же как представителях родового быта нет и упоминания во всей последующей истории полянского племени. Первое известие об общинном устройстве у полян, засвидетельствованное историей, мы встречаем при нападении козар. Нестор говорит: «Наидоша я Козаре, сидяща на горах сих, и реша Козари: «платите нам дань». Сдумавше поляне и вдаша от дыма меч». Вот первое известное нам киевское вече. Второе вече встречаем при нашествии Аскольда и Дира.

При общинном устройстве поляне стали усиливаться, чему много способствовали выгоды местности, занимаемой ими при торговом пути от варяг к грекам. Поляне стали представителями общинного быта, начала которого стали проникать и в семейную их жизнь. Само устройство семьи у полян было особенное. Брак определялся по договору, которым определялось количество приданого за невестой, а договор – дитя общины. Семейные отношения у полян отличались особенной строгостью, чинностью: «Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих и стыдение к снохом своим, и сестрам, и к деверем великой стыдение имяху; брачныя обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но проводяху вечер, и заутра приношаху ей, что владуче». Сама религия полян подверглась влиянию общинного устройства. По свидетельству Прокопия, славяне на Дунае не изменяли древних обычаев и строго соблюдали их, тогда как поляне, переселившись, изменили свою религию. Первоначально религия их состояла в поклонении озерам, рекам, лесам, горам, но

впоследствии мы видим у них других богов – Перуна, Стрибога, Волоса и др., которых они заимствовали у литовцев и финских племен. Это заимствование чужих богов, немислимое при родовом быте, служит неопровержимым доказательством, что племя славян перешло от отчуждения и замкнутости к общине в самых широких размерах.

На восток от полян, на противоположном берегу Днепра, жили северяне. Это племя, по свидетельству Нестора, составилось из выселенцев, пришедших от кривичей; кривичей же Нестор называет выселенцами полочан, а полочан производит от ильменских славян, или новгородцев. Таким образом, северяне принадлежат к одному поколению с новгородцами, полочанами и кривичами и были колонистами ильменских колонистов, что, кроме свидетельства Нестора, доказывает и само название северян, т. е. пришельцев с севера. Это известие о происхождении северян указывает на их общинное устройство, ибо колонисты общинников не могли быть не общинниками; к тому же мы не имеем никаких известий, что у северян были в древности князья, а это еще более указывает на общинное устройство в этом племени, ибо в князьях, хотя не всегда верно, можно было бы еще предполагать родоначальников. На общинное же устройство у северян указывает ряд северянских городов от Любеча до Переяславля, уже в X в. известных по своей торговле византийцам, о чем ясно свидетельствует Константин Порфирородный, который говорит, что ежегодно у Киева сходятся лодки из Любеча и Чернигова для отправления в Константинополь. Кроме Константинополя северяне вели еще обширную торговлю с Козарией и Камской Болгарией, о чем говорит Ибн-Фоцлан, посол Калифа Муктадера, бывший в Булгаре и Итиле в 921 и 922 гг. По его словам, в Итиле хозарском была особая слобода для северянских купцов, где помещались их жилища и амбары с товарами; они там жили обществами и по своим торговым делам иногда довольно долго проживали в Итиле и Булгаре и в одной роще имели свою особую кумирницу, куда приходили для жертвоприношений. Обширная и деятельная торговля северян с Византией, Болгарией и Козарией свидетельствует о довольно развитости северянского племени, ибо никак нельзя согласиться, что торговля эта была следствием нужд естественных и бесплодия земли, потому что край, занятый северянами, очень плодороден и обилен для того, чтобы прокормить дикарей и удержать их дома, не странствуя по отдаленным землям для прокормления торговлей; явно, что торговля была следствием развития потребностей не чисто физических, но уже более нравственных, гражданских. Для северян, по свидетельству Ибн-Фоцлана, нужны были золото, серебро, греческие парчи и другие предметы довольства и обилия, неизвестные и ненужные бедным дикарям.

Нестор дает нам некоторые сведения о жизни и нравах северян. Так, он говорит, что они имели обычай собираться на игрища, происходившие

между их селений, на которые сходились мужчины и женщины: «Схожахуся на игрища, на плясания и на вся бесовския игрища, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещаешься». Существование такого обычая заставляет предполагать, что быт северян был общинный: они не нуждаются друг в друге, живут незамкнуто, как живут обыкновенно в родовом быте. Утверждение брачных договоров имеет у них точно так же характер общинного быта: невеста отдавалась жениху в присутствии большого собрания народа, впрочем, не без предварительного между ними согласия. Этот обычай сохранился в общих чертах и до настоящего времени в Курской, Орловской и некоторых уездах Черниговской губ. Свадьбы заключались на общих сходбищах по случаю какого-нибудь торжественного праздника или на ярмарке, и если жених объявлял свою невесту, то она считалась настоящей его невестой и отказаться от нее жениху уже не было возможности. Кроме свидетельства о брачных обычаях у северян Нестор сообщает еще о похоронных обрядах. В этих обрядах тоже заметно влияние общинного быта. Как при заключении брака или вводе в семью требуется публичность, так же точно публичность требуется и при выходе из семьи, т. е. при смерти кого-либо из ее членов. Похороны состояли в том, что мертвеца сжигали и пепел его, собранный в какой-нибудь сосуд, ставили в таких местах, где пересекалось несколько дорог, после чего совершалась тризна: «Аще кто умряше, творяху тризну над ним, а по сем творяху кладу велику и взложашуть на кладу мертвеца, сожгаху, а по сем, собравше кости, вложашу в судину малу и ставяху на столпе, на путех». Тризна же есть общинный, а не родовой обряд; на ней устраивались игры в честь покойника, и, кроме родственников и друзей его, могли присутствовать все желающие. На эту тризну отделялась третья часть имущества, оставшегося после покойника.

Одноплеменники и родоначальники северян – кривичи, принадлежавшие, как мы уже видели, к одному поколению с новгородцами, по свидетельству Нестора, жили при верховьях Днепра, Западной Двины и Волги. Это племя было одним из многочисленнейших и занимало страну хотя не богатую земными произведениями, но выгоднейшую по местоположению: Днепр указывал кривичам путь в Константинополь, Западная Двина и Неман открывали им дорогу к Балтийскому морю и Западной Европе, а Волга отворяла ворота в Камскую Болгарию и Хазарию. Выгодами местоположения своего кривичи не замедлили воспользоваться; о торговле кривичей с Византией свидетельствует имп. Константин Порфирородный, писатель X в., по его словам, в Константинополь ежегодно приходили купеческие лодки из Смоленска в июне или около этого времени; на севере кривичи торговали с новгородцами в Холму и с чудью в Изборске, откуда Чудским оз. и Нарвой доходили до Балтийского моря; на востоке, по Волге кривичи,

очевидно, торговали с Камской Болгарией и Хазарией, ибо, по свидетельству Ибн-Фоцлана, под именем славянских купцов, приезжавших в Итиль и живших там в особой слободе, называемой Хазеран, должно иметь в виду не иных каких славян, как новгородцев и кривичей, приезжавших в Болгарию и Хазарию по Волге с северо-запада. Но, кажется, преимущественная торговая деятельность кривичей была направлена к литовской стране, где они не имели соперников для своей торговли и где через Неман могли иметь сообщение с Балтийским морем. На ближайшие и деятельные сношения кривичей с литовцами и вообще с латышскими племенами указывает привычка латышей называть всех русских кривичами и Русскую землю – кривской землей. Об общинном устройстве у кривичей, или смолян, по их главному городу свидетельствует Нестор. Он говорит, что смоляне, так же как и новгородцы, управлялись в древности вечем и что вече старшего города Смоленска было руководителем всех кривских пригородов.

Полочане, одноплеменники и родоначальники кривичей, жили по р. Полоте и Западной Двине; их старейший город Полоцк находился при впадении Полоты в Двину, потом по Двине их селения доходили почти до ее устьев в Балтийском море, ибо, по свидетельству ливонской летописи, там были полоцкие города Кукейнос и Берсик. Далее, на юг от Двины, через землю литовскую, поселения полочан доходили до Немана и за Неманом на юго-запад, может быть, до Буга и Вислы, на что намекают чисто полоцкие названия р. Дисны и Нарева и г. Полтовеска или Пултуска. На это же углубление полочан в земли литовские и латышские указывает и свидетельство Нестора о том, что тамошние неславянские племена: литва, зимгола, корсь и либь – платили дань Руси; да и вся последующая история Литвы ясно говорит, что полочане издавна были господствующим народом в Литве и находились в близких сношениях с литовскими и латышскими племенами, так что нет сомнения, что большая часть городов литовской земли, и именно древнейшие из них, были построены полочанами и кривичами, которые постепенно колонизировали этот край славянскими поселениями, точно так же, как новгородцы колонизировали земли чуди, мери и веси. Об общественном устройстве полочан мы имеем два свидетельства у Нестора: в первом он называет Полоцкую землю княжением, следовательно, признает у полочан князей, а во втором говорит, что полочане, «якоже на думу, на вече сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут»; то же подтверждает и Быховец в литовской летописи; по его словам, «мужи полочане ся справляли, как великий Новгород». Из свидетельств Нестора и Быховца ясно, что общественное устройство у полочан было общинное, одинаковое с устройством древлян и сербов.

ЗА ОБЩИННЫЕ И АРТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

КАБЛИЦ Иосиф Иванович
(1848–1893)

Исходным историческим пунктом, с которого начал Маркс, был феодально-ремесленный общественный строй. Он доказывает, что этот строй по законам своей внутренней жизни стремится перейти в капиталистический. Всякое общество, основанное на полном индивидуализме и находящееся в периоде ремесленной кооперации труда, закончит капитализмом – вот что говорит теория Маркса.

Находится ли Россия в периоде феодально-ремесленной кооперации труда или в какой-нибудь еще более близкой к капиталистическому производству переходной форме? Нуждается ли русский рабочий люд в той артельности, которую за собой ведет капиталистическое производство? Не достигнет ли он этой артельности (социализации) другим своеобразным путем? Вот вопросы, которые мы обязаны разрешить, обсуждая приложимость теории Маркса к России.

Мы утверждаем, что тип общественной кооперации труда в России – другой, нежели был на Западе при зарождении капиталистического производства. У нас есть то, что называется «мирским владением»; в «мирском владении» находится главное орудие производства в России – земля. Русский народ не нуждался в капиталистическом кнуте для развития в себе способности сообща владеть орудием производства. «Вообще, – говорит Ю. Самарин, – можно доверять чувству правды в мирах и стремлению в них уравнению тягостей со средствами». Наша история дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное для многих поколений средство – общину, артель. «Не может быть более сомнения, – говорит г. Соколовский, – что в среде нашего крестьянина существовала с первых дней его жизни и существует теперь совершенная система социально-экономических отношений, принципиально отличная от господствующей у нас (т. е. в высшем сословии) и на Западе.

«Наши артели древнего типа, – по словам г. Исаева, – не находят соответствующих форм в Западной Европе».

По мнению С. К.-на, «общинные порядки жизни, общинные понятия, выработанные до крайней тонкости, составляют главнейшую массу умственных представлений нашего крестьянства или, говоря иначе, общинными тенденциями проникнуто насквозь его мышление, из общинных принципов составляется кодекс его нравственности; общинные инстинкты всасываются у него с молоком матери, а вследствие этого, куда ни занеси его судьба, он проявит везде общинные наклонности». По мнению того же автора, ломка общинных порядков – это «ломка миросозерцания русского крестьянина, его нравственных понятий, наклонностей, инстинктов – одним словом, склада души его». Можно ли верить, что капиталистическое производство само собою, естественным путем появится среди народа с подобными нравами и привычками?

По мнению Маркса, капиталистическое производство было вполне естественным последствием феодально-ремесленного периода – насилие только ускорило переход из одного состояния в другое. У нас же если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия; у него нет корней в самой жизни народа. «У нас еще крепка земельная община, – говорит г. Исаев, – у нас она еще способна защитить многочисленные массы от развития пролетариата, у нас еще нередко крестьяне – личные собственники – переходят к общинному владению землей. Верный заветным преданиям, наш народ, помимо всякого участия образованного слоя, в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой всего лучше охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек – и тысячи наших сограждан соединяются в артели, образованию которых на западе Европы предшествует красноречивая устная и печатная проповедь».

Тут может явиться вопрос: не имеет ли капиталистическое производство почвы в Малороссии – стране, прославившей у нас своим индивидуализмом и участковым владением землей? По нашему мнению, миросозерцание малоросса относительно экономических отношений, долженствующих быть между людьми, мало чем отличается от миросозерцания великоросса. «По общераспространенному крестьянскому воззрению, – говорит г-жа Ефименко, – землю должен пользоваться лишь тот, кто вкладывает в нее свой труд. Это справедливо как относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правах общинного владения, так и той, которая пользуется ею на правах частной собственности». «Крестьяне спокойно смотрят на настоящий порядок вещей, противоречащий их основным воззрениям, тем более спокойно, что они вполне убеждены, что их *summum jus* на землю находится в надежных руках верховной власти, которая ждет лишь удобного момента для осуществления их права». Следствием такого взгляда

на поземельную собственность было то, что «убеждение в необходимости или, точнее сказать, в неизбежности всеобщего дележа земель господствует повсеместно, одинаково в общинной Великороссии, как и в участковой Малороссии. Оно коренится в той особенности крестьянских воззрений на собственность, по которой земля есть мирская да Божья; поэтому не может быть права частной собственности на землю, а может быть лишь право пользования землей, которое дается трудом, в нее вкладываемым. Община ли является в данную минуту владельцем земли или отдельное лицо – все равно: право на землю безусловно связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право». Если принять во внимание, что «существо мирского общинного быта, как говорит князь Васильчиков, заключается в равном праве на землю всех членов общества пропорционально их рабочим силам», то, следовательно, сущность мирского великороссийского владения господствует и в участковой Малороссии. Различие только в форме, а не в сути вещей. Владея землей даже по участковой системе, малороссы необходимо будут приходиться к мысли регулировать свое владение посредством периодических переделов, так как участковое поземельное владение будет постоянно вести к накоплению земли у одних и к обезземелению других и таким образом нарушать коренные основы их воззрения на социальный строй. Эти переделы мало-помалу станут обычным делом, и Малороссия будет жить на основании такого же мирского владения землей, как и Великороссия. А так как «земля – основа наших социальных отношений», то в руки капитала не попадет именно «основа» социального строя и он, следовательно, не сможет заполнить русскую землю, если будет предоставлен своим собственным силам. Что же касается сказанного нами о Малороссии, то все это подтверждается новейшими событиями. Так, например, в последнее время в некоторых уездах Киевской губернии проявилось желание перейти к общинному пользованию землей (...). То же самое, по словам князя Васильчикова, замечено «во многих селениях» Подольской и Волынской губерний. Г. Поругавин сообщает про село Благодатное (Екатеринославской губ. Мариупольского уезда) следующее: «Оно населено крестьянами Гадячского уезда, Полтавской губ., переселившимися сюда в 1842 году. На своей родине эти крестьяне владели землей на правах частной собственности – покупали и продавали ее в вечность. Здесь, в Мариупольском уезде, владели землей на правах захвата 10 лет, потом поделили землю на души. “Что же заставило вас поступить так, произвести такой передел?” – спрашивал я. “Нашли средство. Дали порядок!” – с глубоким сознанием в справедливости произведенных действий отвечали крестьяне».

В Херсонской губернии некоторые малорусские села издавна владеют землей на общинных началах. Исследования г. Лучицкого доказали, что об-

щинное владение землей в Малороссии имеет свою историю и что малорусский крестьянин давно знаком с этой формой – исследователь нашел общинное владение в некоторых местах левобережной Украины. Правда, когда-то благодаря обилию земель общинное владение не было так сильно настоятельно необходимо, как теперь, чем и объясняется его слабое развитие; но при современной земельной тесноте крестьянин все чаще и чаще начинает наталкиваться на мысль о необходимости перейти к этой форме владения. История общинного владения на севере, как она изложена г-жою Ефименко, может нам дать ключ к будущей истории этого владения в Малороссии: необходимо, чтобы интеллигенция стала на сторону этого владения, подобно тому как она сделала это в 30-х годах на севере России, – историческая же почва для этого владения несомненно существует в Малороссии.

Так, например, еще в начале 50-х годов нашего столетия в Слободской Украине появилось народное движение к общинному владению. «Зародившись в больших центральных пунктах, движение в пользу общинного землевладения, главной формы землевладения Слободской Малороссии настоящего времени, перешло в хутора и, несмотря на увеличившиеся внешние и внутренние препятствия, охватило много селений и хуторов, еще сохранивших старозаимочный личный тип землевладения». «Община продолжает организоваться. Нам известен случай передела частных старозаимочных и крепостных земель в 1881 году в Удах, Харьковского уезда».

Г. Варзер утверждает, что напрасно упрекают малороссов во вражде к артельному началу. Он говорит, что «примеров артельных аренд в Черниговском уезде найдено достаточное количество, и, судя по собранным фактам, можно даже сказать, что артельный вид аренды земель преобладает среди казенных и помещичьих крестьян уезда». Так, из 18 случаев крестьянских аренд около 10 случаев представляют «себринные» (товарищеские, артельные) аренды. Крестьяне с. Грековки (15 домохозяев), взявши в аренду имение г. К., порешили, что «дележ земли по хозяевам крайне невыгоден по местным условиям; они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой. Так же они поступили и с сенокосами. До 1877 года у них уже прошел год с соблюдением членами артели указанных условий. Практика несколько не охладила членов, и они находят свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновению совместный труд запашки и скоса не только не представил никаких недоразумений, но даже показался и веселым, и удобным; «як вышли в поле до закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов: люди дивуются, а мы за день все отмахали». И даже дележ вымолоченного зерна и скошенного сена, этот слабый пункт во всех совместных предприятиях у поселян-малороссов («гуртове-чертове»), даже эта операция не вызвала никаких пререканий».

У нас очень часто повторяется мысль, что общинное владение держится только традицией и бессознательной привычкой к ней крестьян. Это мнение, ни на чем не основанное, есть отражение того дворянского презрения к народу, которое господствовало в литературе. Все исследователи народного быта утверждают противное: так, например, г. Кавелин говорит про крестьян, что «кто с ними хоть раз толковал о праве личной поземельной собственности и общинном землевладении, тот знает, что они их различают очень отчетливо и сознательно». Ал. Л-ш говорит про олонекского крестьянина, что тот знает цену общине; он понимает все те выгоды, которые вносятся в его трудовую жизнь этою благодарною «формою общения». П. Соколовский утверждает, что сознательное отношение крестьян к общинному владению доказывается многими фактами. На доводы против общины крестьянин Вологодской губернии Никольского уезда отвечал сравнением общинного владения с крестьянской рукавицей, а частного – с дворянской перчаткой: «В дворянской перчатке у каждого пальчика свой чуланчик, а в мороз они зябнут, в крестьянской рукавице они вместе и друг друга греют».

Толки о земле, споры и перебранки, говорит г. Приклонский, слышатся постоянно, как только соберется кучка крестьян в свободную минуту. Вопрос о сельской общине не менее волнует олонекских крестьян, чем занимает он и наше интеллигентное общество. Крестьяне недовольны существующим порядком и ставят вопрос об общине в таком виде: следует ли уничтожать общинное владение или же изменить общинные порядки в таком направлении, чтобы они более согласовывались с принципом справедливости и равенства?

Пока поставленный таким образом вопрос решается, так сказать, теоретическим путем, в частных спорах и беседах, до тех пор, говорит автор, все недовольны существующим порядком, все требуют изменения его в том или другом направлении. Но скоро вопрос переносится на сход, где предстоит практически разрешить его, тогда одна из враждебных партий требует сохранения существующего порядка и тем парализует усилия противной партии, направленные к изменению этого порядка. Например, если одна партия заявляет на сходе о необходимости уничтожить общинное землевладение, то другая партия большинством голосов постановляет оставить землевладение в том же виде, как оно существует ныне. Но вслед за тем партия, требовавшая сохранения существующего порядка землевладения, вносит на сход предложения в смысле более справедливого уравнивания земель между всеми членами общины. Тогда другая партия, недавно требовавшая уничтожения общинного землевладения, становится защитницею существующего порядка и добивается сохранения его на будущее время, так как имеет на своей стороне более $\frac{1}{3}$ голосов. Таким образом,

жгучий вопрос об общине откладывается в долгий ящик и продолжает по-прежнему волновать крестьянские общества.

В Харьковской губернии крестьяне относятся крайне недружелюбно к мысли о переходе от общинного владения к подворному, говоря, что это повело бы к окончательному разорению. В некоторых общинах государственных крестьян в семидесятых годах были даже беспорядки, вызвавшие вмешательство военной власти вследствие недоразумений, возникших от нежелания крестьян переходить к подворному владению.

Существует также мнение, будто наша община – это что-то застывшее, не имеющее никакого стремления к развитию. Мы не можем согласиться с этим. История общины ведется с верви, т. е. семейной общины (задруги), которая переходит в общину территориальную, на первый раз в общину-волость (у нас еще и в наши дни существует община-волость – это земля Уральских казаков; земля Донских казаков недавно изменила свое общинно-волостное устройство в общину с переделами, а потом в ныне существующую общину с периодическими переделами. «Если сопоставить, – говорит Мэн, – различные славянские обычаи, то для нас не останется ни малейшего сомнения в том, что естественным развитием семейной общины будет переход ее в сельскую общину. В России она почти повсеместно приняла эту форму». Что переход от верви к территориальной общине-волости был шагом вперед, думаю, об этом говорить нечего; что же касается разложения общины волости на деревенские общины, то г. Соколовский говорит, что «принцип равенства проводится с гораздо большей строгостью по мере перехода от общинно-волостной системы к передельной», т. е. нынешней деревенской общине.

Итак, существующие формы общинного владения не остаются таковыми испокон веков, без всяких изменений и усовершенствований. Г-жа Ефименко доказывает, что северная община даже в тот относительно короткий промежуток времени, который захватывает достоверная история (т. е. приблизительно с XIV в.), пережила несколько фазисов. Очень оригинально то обстоятельство, что землевладение севера, теперь исключительно мелкое, крестьянское, когда-то начало свою историю обширными боярскими латифундиями, бывшими результатом завоевания «Двинской земли» Новгородом. Московское завоевание вырвало с корнем боярское землевладение, но зато насадило монастырское, к которому крестьяне относились очень враждебно. Крестьянство мешало заводиться новым монастырям и пустыням, гнало и преследовало отшельников, оседавших вблизи крестьянских земель. Акты наполнены свидетельствами о постоянной вражде монастырей с окрестным крестьянством. Вражда иногда так обострялась, что монастырь погорал. Достоверная история организации поземельной собственности на севере начинается с господ-

ства задружной формы землевладения, известной тут под именем «печища». При этом группа родственников сообща ведет обширное хозяйство. Эта форма обширного владения господствовала в новгородский период истории севера. Вне печищ лежала не захваченная под эксплуатацию дикая земля, которая не входила в район никаких общин, а была просто-напросто Божья. Впрочем, бояре уже в новгородский период успели захватить себе куски дикой земли, а позже московские государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Вторым фазисом в истории поземельной организации на севере, по словам г-жи Ефименко, является деревня с долевым владением. Она образовалась от разложения печища, т. е. кровного союза, семейной коммуны. Мало-помалу союз родственников замещался союзом «складников», соседей, «сябров», сохраняя, однако же, под собою всецело старую кровную схему. Это не было общинное владение в нынешнем смысле этого слова, так как величина участка каждого деревенского совладельца определялась наследованием, покупкою и т. п. основаниями, не имеющими ничего общего с теми основаниями, которыми теперь определяется право общинника на его долю. Замещая собою кровных родственников и являясь в силу этого обстоятельством представителями какой-нибудь идеальной доли общего деревенского целого, складники, естественно, могли также требовать передела и уравнивания в своих долях, какого имели права требовать кровные родственники. Обычай передела был так распространен, что надо было особо оговаривать в актах на приобретение доли деревни о непривлечении к переделу даже вновь расчищаемой после дележа земли. Дело в том, что печище, дробясь и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя со стороны земельных отношений как на целое: до дележа – простое, после дележа – сложное. Впрочем, печище почти никогда не делилось вполне; всегда оставалась какая-нибудь неделимая собственность. «Долевая» деревенская организация может быть сочтена за материнскую форму, которая заключает в себе в зародыше все существенные черты обеих развившихся из нее форм поземельного владения, как общинной, так и подворно-участковой. Северная деревня развила последнюю сторону и перешла таким образом в третий фазис – подворно-участковое владение индивидуального характера.

Личное землевладение привилось быстро; корни его, говорит г-жа Ефименко, лежали в прошлом. Процесс обезземеления одних и скопления в руках других теперь быстро двинулся; по-видимому, все шло к насаждению того типа сильного крестьянского хозяйства, державшегося на бобылях, захребетниках и казаках, который составляет идеал некоторых русских европейцев. Но вдруг на сцене появляется *dens ex machina* в виде правительства, изменившего свои взгляды на крестьянское землевладение, и все получает

иной вид. Землевладение нашего севера вступает в свой четвертый и последний общинный фазис.

Г-жа Ефименко очень далека, однако, от мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладения была создана правительством или помещиками. Не говоря уж об априорной несообразности этой мысли, против нее есть и несомненные исторические свидетельства. Автор указывает с настойчивостью на то, что деревня обращалась в общину именно сама собою: нет ни малейшей надобности предполагать участие в этом переходе какого-либо постороннего влияния или вмешательства со стороны помещиков или государства, – ввиду равенства повинностей крестьяне непременно должны были сами поравнять землю. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владельцы принимали участие в ее поддержке и распространении, так как общинная форма землевладения вполне совпадала с их выгодами и удобствами. Еще позднее правительство взяло на себя распространение общины. Так, оно ввело общину не только в Архангельской губернии, но, вероятно, и на других северных окраинах, где сохранились государственные крестьяне, оно же вводило ее и на южных окраинах, как показывает пример Харьковской губернии.

Остановится ли прогрессивное развитие общины на современной ее форме или, наоборот, принцип справедливости более и более будет воплощаться в общинных отношениях? Факты дают нам право надеяться на дальнейшее развитие общины.

На севере России в 1863 году происходило наделение крестьян землею. Эти последние «приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Так, например, в огромной Великониколаевской волости более ста деревень согласились иметь общую землю. В одних частях этой волости преобладали луга, в других леса, и они решили между собою, что луговые селения допустят лесные к своим лугам, а лесные взамен того допустят луговые к своим лесам, и таким образом каждый крестьянин будет иметь в своем распоряжении в достаточном количестве все уголья, которые ему нужны. Только русский крестьянин способен делать такие вещи: в целом свете вы не найдете ничего подобного таким широким начинаниям по отношению к земле. Это в высшей степени достойно было поощрения, но, к несчастью, вместо поощрения вызвало противодействие. И тут крестьяне не сошлись во взглядах с исполнителями (чиновниками, распорядившимися наделом землею). Эти толковали о зле чересполосности и ради уничтожения этого будто бы сущего зла толковали о разделении земель между общинами раз и навсегда.

В разных концах России рядом с разделом общинных земель во временное частное пользование появляется и общая обработка земли с разделом добытого продукта. В большинстве случаев это касается сенокосов: крестьяне сообща скашивают сено и потом делят его. Но в наше время стала

появляться и общая обработка полей с разделом хлеба, а также и исполнение таких грандиозных предприятий, как осушение болот и превращение их в луга. Разумеется, что это – редкие и исключительные случаи, которые только могут служить вехами для указания того пути, по которому идет развитие нашей общины.

В самой тесной связи с общиной искони стояла артель. Нет сомнения, что артель поможет общине в предстоящей ей реформе, а потому она и должна не менее общины привлекать на себя внимание всех интересующихся развитием нашего общественного организма. <...>

Что касается положения артели в настоящее время, то необходимо признать, что она развилась и распространилась сравнительно с прошлым. Мы говорим об артелях вполне народных, имевших свой корень не в пропаганде известных идей со стороны интеллигенции, а в артельном духе нашего рабочего класса, большею частью воспитываемого деревенской общиной, владеющей землей на общинных началах. Большая артельность русского рабочего класса сравнительно с западноевропейским несомненно поддерживается и развивается общинным владением землею. Вместе с тем надо надеяться, что эта артельность, в свою очередь, выведет русскую сельскохозяйственную промышленность на дорогу вполне самобытного, чисто русского крупного производства с распределением дохода по принципу не капиталистического, а артельного начала. Несомненно, что прогресс сельскохозяйственной промышленности рано или поздно приведет к необходимости дорогостоящих работ осушения и орошения почвы, а также всякого рода крупных машин, для действия которых сельской общине придется слить те мелкие дольки земли, на которые она делится теперь. Как бы ни было отдаленно это время, но нам необходимо помнить, что такова тенденция промышленности, а потому государству и необходимо способствовать внесению в жизнь артельных принципов, чтобы мы могли обойтись без всяких социальных переворотов, тормозящих жизнь западноевропейских народов. Уже и теперь мы встречаем у нас много предвестников артельного крупного производства в сельскохозяйственной промышленности – это вехи, по которым мы можем судить о том направлении, которое старается принять наша народная промышленность. Как бы ни были малочисленны эти факты, они все-таки знаменательны, так как вырастают вполне самобытно на крестьянской почве и никак не могут считаться чем-то навязанным извне. < ... >

Земледельческие артели встречаются у нас на севере очень давно, так что г. Исаев утверждает <...> об их исконном существовании. Эти артели повсеместно распространены в Вологодской губернии и известны под именем *обчих*. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможно большей

производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. По окончании работы товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью.

В последнее время, как мы уже говорили, у нас начинают появляться земледельческие артели по всем концам России; появляются они и в таких местах, население которых прослыло своим индивидуализмом. Так, «в 1863 г. помещик села П., Сорокского уезда, Бессарабской области, узнал, что местные крестьяне замышляют устроить артель. При помощи этого помещика крестьяне дружно принялись за дело. Поголовным трудом всей деревни были засеяны поля, собрана жатва, совершена молотьба; было выстроено артельное гумно. Хлеб был распределен между домохозяевами соответственно с числом рабочих рук, поставленным каждым двором для совместного труда. На 560 руб., вырученных от продажи излишков хлеба, было арендовано несколько десятин и открыта мелочная лавка для торговли предметами, наиболее употребительными в крестьянском быту. В следующие годы на излишки было выстроено училище, общий скотный двор и уплачены все недоимки. Обстановка крестьян заметно улучшилась; приобретение некоторых земледельческих орудий на общий счет подняло уровень сельского хозяйства».

«В 1874 г. в Полтавской губернии группа односельчан составила артель и арендовала участок земли в несколько десятин для совместной обработки. Жатва была распределена по числу рабочих рук, поставленных каждым членом. Успех артели побудил все сельское общество пристать к ней, и вся артель-деревня арендовала 200 десятин».

Насколько наш народ способен приноровлять к своей артельно-общинной жизни улучшенные орудия производства, видно, например, из следующего факта. «Крестьяне некоторых уездов Рязанской губ., в особенности Скопинского, сами делают молотилки. Они возят их с собою вместе с разбирающимся приводом. При молотилках этих путешествует целый комплект рабочих, которые при заподряде производят молотьбу. Такие молотилки принадлежат большей частью не одному, а целой артели крестьян, которая обыкновенно и путешествует с ними. Артели таких молотильщиков уже несколько лет и прежде обходили все хозяйства большей части уездов губ. Тамбовской, проходили отсюда в губ. Воронежскую и область Войска Донского. В нынешнем году число таких молотильщиков особенно велико; цены, по которым они молотят, невелики: обыкновенно 10 коп. с копны. Работы для них находится очень достаточно». Основываясь на подобного рода фактах, мы считаем себя вправе надеяться, что по мере необходимости введения таких машин и орудий, кото-

рые не под силу отдельным хозяевам, они найдут себе место в нашей жизни под покровительством артельно-общинных форм ее. Если наш крестьянин, видя необходимость держать быка для своих коров и не будучи в силах завести его для себя отдельно, входит в соглашение с членами своей поземельной общины и заводит быка на общий счет, то нет никакого основания предполагать, чтоб он не завел, даже в настоящее время, например, жатвенную машину на таких же основаниях, если бы это показалось ему выгодным. Это доказывается и тем, что наш крестьянин способен быстро перенимать очень интенсивную сельскохозяйственную культуру, если видит наглядно ее выгоды. Так, например, русские поселенцы в Иссыккульском уезде завели искусственное орошение полей. «Повсюду в долине, – говорит г. Кранов, – введено искусственное орошение полей. Везде по канавкам струится вода, отведенная из горных речек, поочередно затопляются то тот, то другой из четырехугольных участков, засеянных пшеницей, просом, ячменем и другими яровыми хлебами». Орошение полей находим и в Забайкальской области Восточной Сибири. Там «в некоторых селениях, где только была возможность, устроили водопроводные каналы, местами через скалистые горы; устройство этих водопроводов крестьянским обществам стоит значительных затрат одновременно и особо каждогодне; на расчистку употребляют до 10 дней и более всем селением крестьян, которые занимаются посевом хлеба».

В газете «Земство» (1881) сообщали о следующем факте: крестьяне всей Кузьмичевской волости при энергичном содействии г. Кроэра купили имение в 16 000 руб. с уплатою в рассрочку. В имении находится винокуренный завод и 3 мукомольные мельницы. Крестьянское волостное общество выбрало г. Кроэра распорядителем купленного имения и всех работ, какие будут производиться им по его собственному усмотрению. По плану этого распорядителя ни пахотные, ни сенокосные, ни лесные угодья не должны делиться на отдельные участки соответственно количеству ревизских душ, а составляют нераздельную собственность всей волостной общины, причем все необходимые работы будут производиться сообща и одновременно всеми наличными работниками, точно так, как производились они прежде по найму управляющего имением. Часть доходов будет откладываться для образования фонда на устройство местной больницы и школы. Крестьяне обязались слушаться своего распорядителя до тех пор, «пока он им понравится». Мы не знаем, чем окончилось прекрасное дело г. Кроэра и крестьян Кузьмичевской волости. Первое затруднение – само совершение купчей крепости. Дело в том, что наши нотариальные порядки не допускали до сих пор покупки земли в общинную собственность, а только в общую, что составляет большую разницу. Кроме того, некоторые из местных землевладельцев стараются разрушить это предприятие.

«В Мценском уезде Орловской губернии несколько лет тому назад крестьяне с Долгого и сельца Меньшикова заарендовали у соседнего помещика г. Меньшикова землю целым обществом, причем решили арендуемую землю не делить по дворам, а производить общую запашку и вести все хозяйство сообща. Дело ведется следующим образом: работники должны являться на каждую работу от каждого дома по распределению, сколько придется с каждого пая: убранный с поля хлеб свозится на гумно помещика, обмолоченное зерно ссыпается в амбары имения и затем продается; из вырученной суммы выплачивается аренда, а остаток деньгами или зерном делится по паям. Такой способ аренды и ведения хозяйства оказался крайне выгодным для крестьян. На пай выручается крестьянами 200–300 руб. ежегодно. Несколько лет ведения общего хозяйства оправили крестьян, дали им возможность уплатить все недоимки и долги, обзавестись достаточным количеством скота и т. д. В 1882 г. крестьяне снова арендовали землю на 6 лет на тех же условиях, несмотря на то, что владелец повысил арендную плату на 40 %; и при таком возвышении крестьяне остаются в барышах, так как, обзаведшись скотом, они получили возможность лучше обрабатывать и лучше удобрять землю, а стало быть, и получать больше дохода, а также ввиду того, что и при возвышенной аренде земля им достанется на 30–40 % дешевле, нежели местным крестьянам, арендующим землю в одиночку».

Сколько шуму подняли подобные предприятия в Западной Европе и так тихо и спокойно возникают они у нас! Наша интеллигенция так привыкла к артельному духу, проявляемому нашим крестьянином, что сделалась непомерно требовательной и готова упрекать этих же крестьян в отсутствии артельности, сравнивая, разумеется, нашу артельность с ее идеалом, а не с артельностью, проявляемую ею самою и западноевропейскими обществами. Между тем, по словам г. Исаева (подтверждаемым всеми знатоками русской жизни, имевшими случай наблюдать и народы других стран), «наш народ имеет столь большую склонность к артели, какая не проявляется у наших западных соседей».

Нам могут заметить, что мы до сих пор говорим только о земледельцах, не упоминая о промышленном населении и что как ни незначительно количество этого последнего сравнительно с первым, но оно должно все больше и больше увеличиваться с развитием экономической жизни. Так как наше промышленное население выходит из тех же деревень, которые, благодаря своему общинному устройству, способствовали сравнительно сильному развитию социальных чувств русского народа, то и это население тоже не нуждается в просветительном влиянии капиталистического кнута. Оно уже издавна составляло артели во всякого рода промышленных предприятиях. Г-н Соколовский говорит, что русский крестьянин и «во все другие сферы

экономической деятельности» внес тот же коллективизм, которым проникнуто его землевладение, и что «общинное начало проникло во все отрасли экономической деятельности северно-русского населения. Для какой бы экономической цели ни соединялось несколько человек, они устраивали свои отношения на основании одного и того же принципа – равенства всех участвующих в предприятии». С. К-н говорит о «легкости, с которою составляются у нас многочисленнейшие промышленные и рабочие артели, работающие в лесах и дворцах», и о «стройности их внутренней жизни, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни беспорядками вне». Иногда артели бывают глубоко альтруистичны; для примера укажем на порядки рыболовных артелей в устьях рек Селенги и Верхней Ангары, впадающих с восточной стороны в озеро Байкал. «Артель составляется человек из 30, управление ею и рыболовным судном вверяется самому способному, именуемому “большаком”, который никакими особыми привилегиями не пользуется. На ловлю выезжают целыми селениями, все по силе возможности приносят на общее дело свой труд. Каждый член семьи, какого бы возраста и пола он ни был, считается пайщиком. Здесь вы видите в артельном начале труд всей семьи, какой она может выставить, а дележ добычи по ртам, по едокам. Впрочем, необходимо заметить, что артели с таким характером встречаются нечасто и что общий их тип гораздо ниже только что указанного».

К сожалению, наше законодательство, можно сказать, игнорирует существование артелей. В наших законах, правда, находятся отдельные законоположения о союзах этой формы, но из них можно только убедиться в том, что артель сама по себе нимало не привлекала внимания законодательной власти. Все эти положения об артелях изданы отнюдь не ради артелей, а в интересах тех лиц или учреждений, которые пользуются артельным трудом. В них незаметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления и в то же время обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, который они могут им нанести. Среди положений, охраняющих выгоды лиц и учреждений от нанесения им вреда артелями, встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей; но эти статьи большею частью неясны и неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для них оплотом против давления капитала. Необходимо, чтобы наше законодательство совершенно изменило свое отношение к артели. Вместо того чтобы поддерживать капитал, оно должно помочь артели в ее трудной борьбе с могучим противником. Г. Исаев вполне справедливо настаивает на этой мысли. Он предполагает, чтобы государство посредством артелей удовлетворяло всем своим хозяйственным нуждам. Так, сооруже-

ние и отделка казенных зданий, изготовление для войск известных частей одежды, снабжение казенных больниц, учебных заведений и т. д. разными принадлежностями – все это должно быть сдаваемо по преимуществу артелям. Это доставит большие выгоды и самому государству, как видно из опыта нижнетуринаской механической артели, приготовлявшей ударные трубки, и екатеринбургской, приготовлявшей лафеты.

< ... > Если мы убеждены, что община – развивающийся организм, обобществляющий труд, а следовательно, и подготавливающий новые формы экономической жизни, то мы обязаны будем всеми силами поддержать ее в борьбе с надвигающимся на нее капитализмом. Можно предположить, что, несмотря на нашу поддержку, капитализм «слопает» общину; в таком случае нам остается хотя то утешение, что мы непричастны этому преступлению. Много хорошего погибает на свете в борьбе со злом! Факт победы не дает права признавать победителя за более совершенный организм.

Но где же факты, указывающие на несомненную победу капитализма? В ответ на это обыкновенно указывают на пример Западной Европы. Мы уже говорили о странности ссылок на историю Европы: там, по свидетельству истории, капитализму никогда не приходилось бороться с общиной; победил общину не капитализм, а феодализм, т. е. кулачное право. Посмотрим же, какая судьба постигла капитализм у нас в промышленности, служащей основой нашего богатства, а именно в земледелии. Автор прекрасной статьи «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» говорит следующее: «Так как общинное начало препятствует приложению капитала к земледельческому производству, то в производстве он никакой роли не играет, а выступает на сцену как капитал купеческий только по окончании процесса производства, в качестве разъединителя продукта от производителя». Следовательно, в земледелии роль капитала сужена и говорить о нем как об «обобществителе» труда немислимо. У нас, можно сказать, нет сельско-промышленных хозяйств, которые бы велись на капиталистических началах; наши крупные землевладельцы просто торгуют землей. Отсюда ясно, что никакой борьбы между капиталистической формой сельскохозяйственного производства и общиной не существует. У нас вполне господствует одна форма земледельческого производства – крестьянская. Усилия капитала направлены просто на обезземеливание народа, а не на победу над крестьянской формой производства путем конкуренции более производительной – капиталистической. Обезземеливая народ, наши капиталисты не вводят на этих землях более усовершенствованных культур, а остаются при крестьянской же обработке. А при подобного рода условиях дело общины отнюдь не может считаться проигранным. Все зависит, можно сказать, от того, как будут вести себя относительно общины правящие

классы. На их совести будет лежать ее гибель: они только будут виноваты, если такая дурная трава, как Разуваевы, заглушат общину. Для народа же община является несомненно излюбленной общественной формой, с которой он никак не хочет расстаться, а напротив, совершенствует ее по мере своего умственного и нравственного развития.

Из фактов, приводимых А. С. Ермоловым, можно заключить, что ходячее мнение об отсталости крестьянского хозяйства не имеет под собою никакого фактического основания и может быть отнесено к той же категории, как и то, что крестьяне бедны, потому что пьяницы. Если у нас не видно усовершенствованных систем полеводства, какие мы видим на западе, так только потому, что они пока будут только убыточны. Крестьянское хозяйство, можно сказать, имеет тенденцию идти в уровень с требованиями минуты, но задерживается на своем пути малоземельем и обилием платежей. Не недостаток знаний составляет главную причину той отсталости полеводства, которая проявляется в некоторых местах, а недостаток земли и сельскохозяйственного инвентаря. Это доказывается тем, что богачи из тех же крестьян, т. е. люди, не обладающие большими сельскохозяйственными сведениями, чем вообще крестьяне, ведут в тех же местах более рациональное хозяйство, нежели их малоземельные и бедные соседи. Какое мы имеем основание требовать от крестьянского хозяйства улучшений, истоющая вместе с тем это хозяйство налогами и платежами? На основании «Трудов податной комиссии» можно заключить, что платежи бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражались 198 %, т. е. не только отдавали весь свой доход с земли, но должны были еще приплачивать почти столько же из сторонних заработков. Главную роль в этих платежах играют «выкупные», т. е. платежи, идущие в частные руки, а не на общественные потребности. Государство великодушно истощает платежную силу крестьянина в пользу частных лиц и этим самым преграждает путь к расширению собственного бюджета. Но, несмотря на громадные суммы выкупных платежей, доставшихся в руки помещиков, эти последние разоряются и сбывают земли кулакам и торговцам. Если с большой натяжкой можно было утверждать, что помещики способны вести сельскохозяйственную промышленность в лучшем виде, нежели крестьяне, то относительно купцов этого сказать уже никак нельзя. Земли, переходящие из рук помещиков к купцам, для этих последних служат только средством эксплуатации крестьян. Купец, пользуясь их малоземельем, доводит арендную плату за землю до крайних размеров и обыкновенно не ведет никакого хозяйства. В некоторых местах, по преимуществу черноземных степных, купцы делают громадные запашки, но это не есть правильная сельскохозяйственная промышленность, а торговая спекуляция, принимающая вид сельскохозяйственного предприятия.

В то время, когда ученые и неученые экономисты ломают копья в защиту крупного землевладения как рассадника улучшенных систем полеводства, как пропагандиста разных веялок, молотилок, культиваторов и т. п. прекрасных вещей, говорит г. Варзер, на практике крупных хозяйств почти совсем не существует. Так, например, по сведениям, собранным в 1877 году, «в Черниговском уезде не оказалось ни одного владельческого имения, которое бы вело хозяйство самостоятельно, своими орудиями, скотом и рабочими; в Борзенском уезде труд дороже и земля состоит главным образом из чернозема, таких имений всего четыре». Обыкновенно хозяйство ведется посредством «скопщины», т. е. земля раздается по кусочкам окружающим крестьянам с известной доли урожая с разного рода доплатами деньгами или рабочими днями. «Правда, – говорит г. Варзер, – нельзя считать, чтобы все имения буквально жили только скопщиной; правда, из этой общей массы выделяется особый тип смешанного характера, в котором система хозяйства будет представлять соединение скопщины с собственными запашками владельцев, но таких имений очень мало и насчет характера их не должно обманываться. В Черниговском уезде подобных имений смешанного типа всего 48 из 175, т. е. менее $\frac{1}{3}$, в Борзенском их 44 из 122, т. е. около $\frac{1}{3}$ всех, и кроме того, все они, несмотря на то, что большинство их принадлежит к числу заботливо управляемых самими владельцами, все-таки держатся главным образом скопщиной». Рабочие дни, добываемые земледельцами путем скопщины и известные в народе под названием «отбучи», «панщины», «басаринки» и т. п., секрет существования бесхозяйственных имений, не имеющих ни рабочих, ни скота. При помощи этих отработков владелец делает все, что ему надо: запахивает свои унавоженные поля, молотит хлеб, унавоживает пашню, возит себе дрова, хворост, заплетает плетни, косит часть сенокосов, расчищает их, убирает огороды, чистит сад, пруд и проч. и проч., – словом, выполняет все текущие хозяйственные и нехозяйственные работы». Отбывание рабочих дней в вознаграждение за землю ложится таким тяжелым гнетом на сельский люд, что, по его мнению, басаринок хуже панщины (т. е. барщины при крепостном праве), ибо теперь не одним крестьянам, а всем, и казакам, и казенным (крестьянам) приходится отбывать его.

Ни помещики, ни купцы не являются у нас сельскими хозяевами, способными вести земледельческую промышленность. Ею занимаются почти исключительно крестьяне, и уровень развития земледелия определяется их знаниями и их сельскохозяйственным инвентарем. Крупные землевладельцы и казна, говорит г. Красноперов про Пермский край, непосредственно ведут только лесное хозяйство, прочие же земельные угодья сдают в аренду крестьянам, которые и обрабатывают как эти, так и свои надельные земли. Поэтому, говоря вообще, сельское хозяйство в крае есть крестьян-

ское. Хотя некоторые частные владельцы имеют и собственные хозяйства, но таковые составляют в общем крайне незначительное исключение. Ввиду этого все существенные нужды сельского хозяйства в крае есть вместе с тем и нужды крестьянского быта.

Отсюда, понятно, вытекает то, что земля только в надежных руках крестьян может явиться орудием сельскохозяйственной промышленности, а не торговли. И помещик, и купец только торгуют землею, – крестьянин занимается земледелием; только он – сельский хозяин. Интересы общества и государства требуют, чтобы земля была в тех руках, в которых она дает наибольший доход, не говоря уже о том, что вообще обеспечение населения землею необходимо с точки зрения общественной солидарности и справедливости. Следует помочь крестьянам приобрести достаточное количество земли, необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. Подобная мера не противоречит интересам бывших помещиков, так как все равно земля уплывает из их рук. Пусть же лучше она прямо попадет в руки крестьян, нежели сделается орудием торговли и возвышения вредных и для государства, и для народа кулаков и мироедов.

Необходимо позаботиться, чтобы земля, перешедшая в крестьянские руки, не могла опять попадать к мироедам. Лучшее средство для этого – искренняя поддержка общинного владения землею там, где оно начинает прививаться. Еще недавно многие волости Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии желали ввести у себя общинное владение землей; следовало не препятствовать этому, а помочь. Ведь история мелкой поземельной собственности в Малороссии ясно подтвердила давно установленный экономистами вывод о стремлении этой собственности к окучиванию в одних руках, т. е. к обезземелению мелких собственников и к образованию крупных землевладельцев. Крестьяне прекрасно понимают это свойство мелкой собственности, а потому и недолюбливают ее. Вообще, фактов распространения общинного владения немало; очевидно, сама жизнь выдвигает этот принцип, хотя он и не пользуется до сих пор благосклонностью правящих классов. Наш закон, например, не знает общинного владения; крестьяне-общинники, покупая землю в общинное владение, принуждены совершать купчие крепости на правах товарищества в общую собственность. Покупает, следовательно, не юридическое лицо – община, а отдельные члены ее на правах товарищества. При общинном владении право пользования, владения и распоряжения принадлежит только всему сельскому обществу; а в общей собственности все эти права принадлежат отдельным членам товарищества соответственно их доле, – что, разумеется, составляет громадную разницу. Положим, например, крестьянское общество из 30 хозяев покупает землю в мирскую собственность. В следующем же поколении одно семейство мо-

жет разрастись и расплодиться, другое же плохо нарождаться и оставаться в том же числе работников. По праву мирского владения земля будет распределяться по ровной доле между всеми наличными мужскими душами или работниками. Если же земля будет куплена крестьянами в общую собственность, то члены расплодившегося семейства, хотя бы их было 10 душ, имеют право только на одну тридцатую долю владения, т. е. все вместе получают столько же, сколько одна или две души семейства, плохо нарождавшегося. Следовательно, недопущение крестьян покупать землю в мирскую собственность может самым вредным образом отозваться на их быте, уничтожая в корне всякую возможность равенства в поземельном владении. Только благодаря тому, что крестьяне у нас до сих пор руководствовались не писанными для них законами, а своими обычаями, они и сохранили мирское владение землей. Таким образом, наши законы фактически в корне подрывают общинное землевладение, хотя это пока мало отражается на действительной жизни, так как крестьяне действуют не на основании нотариальных актов, а по своим обычаям. Но достаточно какому-нибудь кулаку пойти против общества, и он наделает хлопот и замешательств, способных наводить крестьян на мысли о несправедливости закона, что, казалось бы, совсем нежелательно. Необходимо ввести в законодательство понятие общинного владения в том виде, как оно сложилось у народа. Необходимо не только не препятствовать, а способствовать укреплению, распространению и дальнейшему качественному развитию исконной бытовой формы русской жизни. Не о насильственном поддержании общины государством говорим мы, а только об устранении препятствий, стесняющих ее естественный рост и развитие. Для этого же необходимо, чтобы общественное мнение интеллигенции приняло сторону общины. Много ли найдется у нас людей, которые бы знали факт развития нашего общинного владения по пути к большему воплощению принципов равенства и справедливости? А между тем это факт, вполне установленный исследователями нашей общины. Громаднейшее большинство до сих пор придерживается ложного взгляда, заимствованного у западных ученых, не имевших под руками фактов из русской жизни, что наша община – архаическая форма, кристаллизовавшаяся в нечто неподвижное, не способное к развитию, а, следовательно, долженствующее погибнуть. Это большинство знать не хочет результатов, добытых русскими исследователями, придерживаясь своих заскоружлых мнений и не принимая во внимание, как необходима бдительная осторожность в подобных приговорах, имеющих сильное влияние на ход народной жизни путем давления общественного мнения интеллигенции на законодательство.

Все сказанное нами выше можно резюмировать так: Россия – страна земледельческой промышленности. В этой же промышленности капиталистиче-

ское производство пока совершенно неприложимо, а потому и не существует никакой экономической конкуренции между капитализмом и общиной. Общину подрывает не конкуренция более производительной капиталистической формы продукции, а усилия разных хищников захватить основу этой общины – землю – в свои руки просто для торговли ею, т. е. с целью выжимать с крестьян наибольшую арендную плату. При этом производительность земледелия не повышается, а падает, хотя и незначительно. Происходит же это от обеднения народа, занимающегося сельскохозяйственной промышленностью, а обеднение является результатом тягостных платежей и малоземелья. Государство при этом только теряет, так как и земельная теснота, и львиная доля платежей идут в пользу частных лиц, а не государства. Понижение же земледельческой продукции, происшедшей, как мы уже говорили, от обеднения людей, занимающихся сельскохозяйственной промышленностью, не может не отразиться на государственном бюджете. Пора уже государству отделить свои интересы от интересов частных лиц и руководствоваться в своих действиях исключительно общенародною пользою, так как только эта последняя составляет вместе с тем и пользу государства. Разрушение общины – необходимое условие для введения господства капитализма в России, поэтому государство должно поддержать общину в ее борьбе с кулаками, мироедами и другими подобными же хищниками, подготавливающими почву для капитализма обезземеливанием народа.

«Социологи пришли к тому заключению, – говорит Уоллес, – что пролетариат западноевропейских государств образовался преимущественно вследствие того, что крестьяне и мелкие землевладельцы лишаются земли и что предупредить или по крайней мере замедлить его развитие можно какой-нибудь системой законодательства, которая обеспечила бы владение землею за крестьянами и не допускала бы обезземеливания их. Теперь я могу утвердительно сказать, что ни одно учреждение в мире не достигает так этой цели, как русская общинная система. В настоящую минуту около половины всей пахотной земли империи вследствие общинной системы владения не может быть приобретена крупными землевладельцами или капиталистами и каждый крестьянин, самым фактом своего появления на свет, приобретает совершенно неприкосновенное право на долю в земле. Если бы Россия оставалась чисто земледельческой страной, то сельская община, по всей вероятности, предупредила бы образование пролетариата на будущее время, как предупреждала его целыми веками в прошлом. Периодический раздел общинной земли обеспечил бы за каждым человеком частичку земли, и если бы население стало слишком густо, то бедствие, могущее произойти от слишком мелкого разделения земли, могло бы быть устранено правильным выселением в отдаленные малонаселенные губернии. Но Россия наде-

ется сделаться великой промышленной и торговой страной, и ее городское население быстро увеличивается; следовательно, вопрос осложняется, и надо разобрать влияние нового фактора – капиталистического производства».

Что касается влияния капиталистического производства на общину, то по этому поводу Уоллес говорит следующее: «Хотя можно положительно сказать, что рано или поздно община подвергнется сильным изменениям, но трудно предсказать, какие формы оно окончательно примет. Может быть, все особенности ее исчезнут и от нее останется только местное самоуправление; но, с другой стороны, она, может быть, сама преобразуется в силу новейших требований, не теряя своего настоящего основного характера. Легкость, с какой она до сих пор применялась к обстоятельствам, и высказанная ею сильная живучесть, по-видимому, оправдывают эти ожидания; но высказывать уверенность еще слишком рано. Только время разрешит эту задачу». Разумеется, время тут ни при чем, – все зависит от той или другой внутренней политики России. Нельзя упускать из виду громадную разницу, которая должна проявиться в положении нашего пролетария сравнительно с западноевропейским благодаря общинному владению землею. Если предположить, что наше крестьянство осуществит при помощи правительственного или земского кредита свои исконные стремления владеть таким количеством земли, какое оно может обработать, и будет владеть ею на общинных началах, то положение городского пролетария должно быстро измениться. Достаточное крестьянство поднимет спрос на фабричные произведения, туго поддаваясь вместе с тем прелестям фабричного труда. Так как громадное большинство народонаселения будет иметь возможность удовлетворять своим потребностям, оставаясь независимыми хозяевами, то, понятно, капиталист должен будет ставить своих рабочих в такое положение, которое будет, во всяком случае, лучше, а не хуже крестьянского, ибо только тогда он найдет охотников расстаться с деревенской жизнью. Положение рабочего должно улучшиться не только в материальном, но и в нравственном отношении соотнositельно с улучшением нравственного положения крестьянства. Так, например, улучшение быта крестьянина отразится непременно на количестве рабочих часов уменьшением их, а следовательно, увеличением досуга, который может быть посвящен удовлетворению духовных потребностей. То же самое должно произойти и на фабрике.

Итак, положение пролетария благодаря общинному владению землей, закрепляющему землю за крестьянством, будет определяться материальным и нравственным положением независимого и достаточного крестьянства, чего на западе мы совершенно не видим. Кроме того, мы имеем право надеяться, что благодаря нравственной дисциплине общины, воспитывающей пока будущих фабричных и заводских рабочих, настолько укрепятся в них артельные

чувства, что идея артельного производства может быстро распространиться между ними и общинные принципы завоюют таким образом враждебную им область. Следовательно, рабочий вопрос, грозящий Западной Европе многими бедствиями, может быть разрешен у нас мирно и спокойно. Недаром дальнорядные защитники мирного и спокойного прогресса обратили внимание на русскую общину. Так, например, известный публицист Лавеле говорит:

«Рискуя прослыть реакционером, я не колеблюсь сказать, что некогда существовали двоякого рода учреждения, которые следовало бы сохранить и усовершенствовать: общинная автономия и общинная собственность. Государственные деятели постарались сократить первую, экономисты приложили усилия к исчезновению второй – ошибка огромная, которая помешает повсюду установиться прочным общественным учреждениям, если не будет исправлена». «Если Сербия, едва освобожденная, прекрасно осваивается с порядком почти республиканским и с системой самоуправления, которые с трудом вынесли бы многие западноевропейские государства, то это лишь благодаря навыку, приобретенному сербами среди общин, – усваивать себе качества, необходимые для свободы и самоуправления». Если таково действие на народный характер сербских задруг, то нет сомнения, что русская деревенская община действует в этом отношении еще энергичнее и шире.

Мы считаем вполне справедливыми слова, сказанные много лет назад: «Общинное владение ближе других форм собственности подходит к идеалу поземельной собственности».

До сих пор мы говорили о внутренних условиях русской жизни, дающих право утверждать, что капиталистическое производство не есть необходимая ступень дальнейшего развития нашей экономической жизни. Г-н В. В. в книге своей «Судьбы капитализма в России» указывает, что внешние условия тоже не только не благоприятствуют, но задерживают развитие капитализма у нас. Мы вправе поэтому сказать, что капитализму препятствуют развиваться на русской почве как внутренние, так и внешние условия нашей жизни. Автор только что упомянутого нами исследования указывает, что международные экономические отношения не только не поощряют развития капиталистического производства в России, как думали прежде, а, наоборот, стесняют его. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается в том, что ей приходится расти в то время, когда другие страны достигли уже высокой степени развития. Ей приходится, таким образом, конкурировать с этими давно установившимися в промышленном отношении странами, а соперничество таких противников совершенно заглушает слабые ростки возникающего у нас капитализма.

Развитие капиталистического производства ведет за собою увеличение производительности труда; но это увеличение, вместо того чтобы найти себе

правильный исход в облегчении рабочего, в создании ему досуга для развития и удовлетворения его умственных и нравственных потребностей, целиком тратится на возрастание производства, т. е. на увеличение количества продуктов. При этом совершенно естественно является избыток продуктов для внутреннего употребления и необходимость во внешнем рынке. Параллельно с развитием капиталистического производства на Западе идет и погоня за рынком; вся внешняя политика Англии была ничем иным, как жаждой рынка, а с течением времени на тот же путь международной политики вступают и другие цивилизованные страны. Имея в виду тенденцию капиталистического производства к безмерному возрастанию, г. В. В. утверждает, что чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем. Ей необходимо придется при этом вступить в борьбу за рынки с такими опытными и могучими противниками, как Англия и Америка, имеющими над нею преимущество во всех отношениях.

Но как бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался победителем, во всяком случае, здесь должен быть и побежденный: рынка для всех не достанет, т. е. победа капитала одной страны служит препятствием развитию капиталистического производства в другой. Таким образом, само собой падает предложение о необходимости для каждой страны достигать развития обобщественной формы труда непременно капиталистическим путем. Вновь возникающий капитализм может добиться лишь устранения иностранных товаров с внутреннего рынка и, самое большее, побить внутреннее мелкое производство. Но если только крупное капиталистическое производство охватит все области внутреннего труда, то оно грозит лишить все население самостоятельного хозяйства и вместе с тем будет не в состоянии дать ему взамен работу на фабрике, заставляя его, следовательно, эмигрировать.

Если применить к России, говорит В. В., те заключения, которые выше мы сделали относительно стран, поздно выступивших на сцену истории, то мы должны признать, что границы расширению ее крупного производства даны заранее определенным (внутренним) рынком, вследствие чего свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы; во-вторых, что расширяться наше крупное производство будет не столько в ширину, сколько, так сказать, вглубь, т. е. не столько охватывая все большее число рабочих, сколько увеличивая производительность труда уже занятых (вводя новые машины). Эти два условия, которыми ограничивается поле распространения капитализма в России, совершенно изменяют для нас его историческое значение.

Доводы г. В. В. имеют некоторое значение при обсуждении вопроса о вероятной будущности нашей экономической жизни. К сожалению, наш

автор, увлекшись значением внешних условий, стесняющих капитализм, вполне игнорирует внутренние условия, в действительности имеющие никак не меньше, а скорее больше значения, нежели внешние. Не будь этих внутренних условий, побуждающих нас и дающих нам внутреннюю силу идти самобытным путем экономического развития, то внешние стеснения для капиталистического производства не давали бы права надеяться, что мы пойдем по пути усовершенствования нынешнего мирского владения землею. Доказательства существования внешних неблагоприятных условий для развития капитализма, будучи оторваны от тех указаний, что условия нашей внутренней жизни толкают нас идти своеобразным, а не европейским путем, – могут привести только к заключению, что мы, не имея возможности вступить в капиталистическую форму производства, будем отставать от западных народов в обобществлении труда, а следовательно, и самое стеснение капитализма должно считаться в числе неблагоприятных условий нашей жизни. В самом деле, если русская экономическая жизнь только тем и отличается от западноевропейской, что мы позднее выступили на поприще развития капитализма, а потому, как запоздавшие, терпим стеснения при необходимом переходе в эту форму производства, то это никак не может считаться благоприятным условием русской жизни. Марксист, считая капитализм необходимой ступенью развития экономической жизни всех народов, должен быть опечален подобным явлением, так как это ведет за собою стеснение полного обобществления труда, а следовательно, не приближает, а отдаляет падение капиталистического производства перед той будущей формой труда, которая есть результат саморазвития и саморазложения капитализма. Очевидно, что г. В. В., указывая на внешние, стесняющие капитализм условия и вместе с тем радуясь подобному явлению, должен был бессознательно (говорим «бессознательно» потому, что наш автор игнорирует значение внутренних условий нашей экономической самобытности) признавать особенности нашей экономической жизни, которые дают нам возможность идти самобытным путем, – он опасался только того, что внешние условия окажутся сильнее внутренних и заставят насильно свернуть нас на дорогу капитализма; поэтому-то он и радуется, что исследование экономических явлений нашей жизни доказывает, что развитие капитализма стесняется внешними условиями.

В заключение мы считаем себя вправе сказать, что в настоящее время русский марксизм можно считать «разбитым наголову», поскольку, разумеется, он зависит от недомыслия и незнания, а не от кулацко-сословного эгоизма. Этот последний еще долго будет носиться с теорией Маркса, хотя сам автор ее заявил, что к России его теория общественно-экономических фаз прогресса неприменима.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО С 20 НОЯБРЯ 1857 ПО ИЮНЬ 1859 ГОДА

САМАРИН Юрий Федорович
(1819–1876)

Общинное владение и собственность. А. Н. Бутовского. («Русский вестник». 1858 г. № 13)¹.

Еще об общинном владении 59 страниц! И чего в них нет? Тут и теория собственности, и история ее, сперва какая-то идеальная, потом действительная, в Западной Европе, в Америке и у нас; затем истолкование Высочайших Рескриптов и министерских циркуляров по вопросу о выкупе земли; далее оценка личной собственности и общинного владения с точки зрения политической и хозяйственной, и наконец, практические указания – как поступить при предстоящем наделе крестьян землею... Много, очень много захвачено предметов, а много ли разъяснено, доказано, прибавлено к понятиям, пущенным в оборот прежними статьями, особенно: много ли практически полезного извлечет публика по преодолении этой статьи? Об этом пусть судят читатели. Мы постараемся изложить ее содержание, что вовсе не легко, и предложить от себя некоторые замечания.

Автор начинает с краткой характеристики двух мнений, недавно выразившихся в пользу общинного владения. «Точка отправления одного в прошедшем, другого – в будущем. Первое требует сохранения общинного владения, потому что оно у нас издавна существует, второе – потому что видит в нем зачаток нового, предполагаемого лучшего устройства». Это говорит г. Бутовский на с. 5. Признаемся откровенно, мы никак не понимаем, каким образом *точкою отправления* может быть *будущее*, то есть то, чего еще нет? Другое дело – *цель*.

Далее, кто же отстаивал общинное владение, потому что оно издавна существует? Мало ли что существует издавна; лихоимство, грабеж, беззакон-

¹ Напечатано в 10-й книжке «Сельского благоустройства» за 1858 г.

ния, злоупотребления власти тоже начались не со вчерашнего дня, однако ж никто не берет их под свою защиту. Защищают общинное владение не только потому, что оно давно существует, а потому что существование такого крупного факта, определяющего строй хозяйственной и семейной жизни всего сельского класса, непременно предполагает *согласие* огромной массы народонаселения, и потому еще, что, по крайней мере, в настоящую минуту никто, сколько-нибудь понимающий условия исторического развития народной жизни, не возьмет на себя заменить его каким-либо иным порядком. Правда, что г. Бутовский этого согласия не признает. Он рассуждает таким образом: «В XVII и XVIII столетиях большая часть наших крестьян уже представляются сидящими не на своей земле, утратившими личную свободу и совершенно устраненными от права поземельной собственности. В этом положении зависимости от власти помещиков или казенных управляющих можно ли предполагать, что общинное владение землею было результатом *добровольного и разумного соглашения* крестьян? Не есть ли это просто *первобытная форма, свойственная всякому племени в первой поре его оседлости*, безотчетно переходившая из поколения в поколение, форма, в которой прикрепление застигло наше крестьянство и т. д.» (с. 20).

В другом месте: «Говорят, что крестьяне имеют особенную страсть к общинному владению, что оно лежит в самом духе народа, в складе Русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины, что это особенность, принадлежащая нашему народу, так же неотъемлемо и так же независимо от всяких теорий и распоряжений, как его физиономия и его язык, и т. п. Опять гипотезы (с. 22)... То, что принимают или выдают за любовь к равным участкам и переделам, есть *просто привычка*, не *природный* склад ума, а *искусственной, привитый* к нашему народу вековым господством порядка, который *несвободно им установлен, но который он вытерпел*. Двести пятьдесят лет сряду наши крестьяне сидят общинами на чужих землях; у них *не могло составиться понятия о собственности, ни общинной, ни частной*... (с. 23). Общинное владение землею могло быть *натуральным последствием* неотвердевшей оседлости и т. д.» (с. 19).

Здесь что ни слово, то противоречие как историческим законам вообще, так и фактам, приведенным самим автором.

Во-первых, по его словам, общинное владение есть «*первобытная форма, свойственная всякому племени в первой поре его оседлости*» (с. 20), а на с. 11 мы узнаем, «что *на заре оседлости* появляется *захватный* способ пользования землею»; иными словами, всякий из неограниченного никем пространства пустопорожней земли берет что ему нужно; сельские же общины слагаются позднее. Очевидно, что иначе и быть не могло и что прав г. Бутовский на с. 11 и не прав г. Бутовский на с. 20. Общинное владение, при

котором притязания каждого на землю соглашаются и уравниваются распоряжениями всех, где, следовательно, каждое лицо подчиняется в своем владении некоторому стеснению, предполагает непременно ограниченность предмета владения – в этом случае – земли; иначе не из чего было бы стесняться. Пока в городе изобилие и съестных припасов вдоволь, каждый обыватель приобретает на рынке все, что хочет, в меру средств своих и ест в меру своего голода; но если к городу подойдет неприятель и обложит его, если запасы начнут истощаться, то, по общему распоряжению, их соберут в одно место под строгий надзор и каждому обывателю будет отвешиваться определенная порция. Следовательно, общинное владение не первобытная форма, а последующая.

Во-вторых, долго же Россия прожила в этой ограниченной форме и плохо же подвигался на пути к упрочению оседлости народ, по преимуществу земледельческий! Отчего бы могло произойти такое странное явление, если характер народа в нем не причастен? Ведь и теперь народонаселение России очень скудно в сравнении с ее протяжением. Чем глубже в древность, тем, разумеется, оно было реже; земли, никем не занятой, не захваченной, не усвоенной ни князьями, ни их дружинниками, ни монастырями в XII, XIII, XIV и последующих веках, было вдоволь; правительство никому не мешало селиться и не в состоянии было мешать, ибо власть его действовала в городах и в ближайшей их окружности, не проникая в отдаленные леса и степи. Отчего бы, казалось, при таких благоприятных условиях и в такой длинный промежуток времени не успеть перейти от общинного владения к личной собственности? Если нам ответят, что последняя не могла сложиться, потому что в те времена все вообще права на землю были непрочны, не находили надежного обеспечения, и что потребность взаимной защиты заставляла каждого подчиняться условиям общинного быта – кажется, это мысль г. Бутовского, – то мы спросим, неужели личные и вещественные права были более обеспечены где-нибудь на Рейне или в Вестфалии, где на каждом шагу встречалось неприступное гнездо, из которого ежедневно вылетала на промысл хищная птица под названием барона или графа? Общины оборонительные, политические, для взаимной защиты образовались там очень рано, а общинного владения землею, распределения земли пропорционально средствам и потребностям каждого мы все-таки не видим. Напротив, это – классическая страна полнейшей личной свободы в распоряжении землею. Но у г. Бутовского есть в запасе другое объяснение. «Наши крестьяне сидят на чужих землях, и оттого у них не могло *составиться понятия* о собственности, ни общинной, ни частной... Общинное владение удержано ими *по незнанию другого, лучшего порядка*». Это толкование еще лучше первого. У крестьянина была издревле движимая собственность:

соха, лошадь, дом, им срубленный, а в уме его не могло составиться понятия, что можно бы и пашнею владеть на том же основании, на каком он владеет своею движимостью? Подле него князья и дружинники выделяют себе землю в полную личную собственность, а бедный крестьянин этого всего не видит, не знает, не примечает! Всего, впрочем, удивительнее то, что у этого самого крестьянина «сильно развито чувство самобытности, а с тем вместе любовь к собственности частной, неотъемлемой». Это говорит сам г. Бутовский на с. 22 в подтверждение своих слов, указывает на дома, лавки, земли, купленные крестьянами на имена их господ. «Как согласить эти факты с предполагаемым пристрастием к общинному владению?» – спрашивает г. Бутовский. Спросим и мы, в свою очередь: как согласить эти факты с незнанием, с непониманием того, что есть личная собственность?

В-третьих, общинное владение, слышали мы, «свойственно всякому племени в известном периоде его развития; это *натуральное* следствие неотвердевшей оседлости». Далее мы читаем: «община – это *условная* единица, составленная рукою администрации», общинное владение – «это *искусственная прививка* к нашему народу». Чему же верить? Взавшись за разъяснение вопроса, нельзя оставлять читателя в таком недоумении. Не может же он, добравшись до с. 22, забыть прочитанное им на с. 20.

В-четвертых, если общинное владение свойственно всякому племени в периоде неокрепшей оседлости и если у нас оно удержалось так долго, потому что крестьяне были прикреплены к чужой земле, лишены личной свободы и устранены от права поземельной собственности, то отчего же мы не встречаем общинного владения в Малороссии? Г-н. Бутовский сам на нее указывает (с. 49). Между тем малороссияне и великороссияне одинаково привинчены к чужой земле, в равной степени лишены личной свободы и обложены податью с души. Чем же объяснить эту особенность? «В Малороссии, – говорит г. Бутовский, – со времен ее присоединения к Империи, *не успевшей вполне обрустеть или вновь ославяниться, общинное владение не могло сложиться между поселянами*» (с. 48 и 49). Итак, вот разгадка! Справедливо ли толкование или нет – это другой вопрос; мы вовсе не стоим за него, а только приводим слова автора. Малороссия утратила свой народный характер и оттого не представляет общинного владения. Следовательно, общинное владение есть правление русской или, точнее, великорусской народности, есть черта, этому племени свойственная или сродная. Из чего же трудился автор, доказывая нам, что существующая у нас форма землевладения есть все что угодно – искусственная прививка, натуральное явление, изобретение администрации, следствие незнания другого порядка, – только не проявление народности? Пойдем далее. Германские племена, вероятно, пережили те же периоды начинающейся, укрепляющейся и упроченной

оседлости, через которые и мы прошли или должны пройти. В XVI, XVII и XVIII вв. они испытали, как и мы – хотя под влиянием иных причин, – все бедствия крепостного права; у них, как и у нас, крестьяне были прикреплены к чужой земле, утратили личную свободу и т. д., отчего же там нигде не сложилось общинного владения пахотною землею? Отчего отношение крестьянине к земле, при всей его непрочности и притом во всех его видах: простого пользования, владения срочного и потомственного, наконец, условной собственности – удерживало постоянно характер личного отношения и не перешло в общинное? Была же тому какая-нибудь причина.

Личное право на землю является в Германии господствующим; но под этим общим определением в ней развились самые разнообразные формы владения, давно описанные и исследованные немецкими учеными. Они заметили, между прочим, что при одинаковых внешних условиях в областях, населенных франками, крестьянские земли, переходя по наследству от родителей к детям, дробились до бесконечности (*Parcellen – oder Wandel – Besitz*); тогда как, наоборот, в областях, занятых саксонцами, крестьянский двор с прирезанным к каждому единожды навсегда участком земли составлял неделимую хозяйственную единицу и переходил, по смерти хозяина, к *одному* из его наследников в полном, неизменном составе (*geschlossene Güter, Hof-Besitz*). Это наблюдение привело к следующему простому заключению: *der Hofbesitz ist dem Sächsischen Stamme eigen, wie der Wandel – oder Parcellar – Besitz dem Fränkischen*, то есть: замкнутость дворов так же свойственна, сродна саксонскому племени, как дробление свойственно франкскому; и никого такое заключение не удивило, никому не пришло в голову возразить, что в различии форм владения выразились не племенные особенности, а просто привычки, натуральные последствия неокрепшей оседлости и т. п. Из того, что немецкие правительства в своих законах и распоряжениях *придерживались* существующих форм владения (а это, действительно, так было), никто не вывел заключения, что, следовательно, это формы *созданы* администрациею. Отчего же г. Бутовский, находя у нас, между великороссами, преобладание общинного владения, а между малороссами – личного, вместо того, чтобы придти к подобному же, самому естественному заключению о влиянии народных стихий, подобрал пять или шесть различных толкований, из которых каждое противоречит всем другим и ни одно не выдерживает не только критики, но даже простого сопоставления с прочими!

Разгадка этой странности заключается в понятии автора о народности и об условиях ее проявления. Он прочел в «Русской беседе» и в «Сельском благоустройстве», что общинная форма владения землею сродна русскому народу, близка его сердцу, принадлежит ему независимо от школьных теорий и административных распоряжений как свободное выражение его духа. Про-

тив этого протестует г. Бутовский, послушайте: «Можно ли предполагать, что общинное владение было результатом *добровольного и разумного соглашения* крестьян?.. То, что принимают за любовь, есть просто *прививка*, не *природный склад ума*, а *искусственная прививка*... не по любви, а по незнанию другого, лучшего порядка, общинное владение удержано крестьянами», и т. д.

Итак, дело ясно: народ выражает себя только в том и любит только то, что принято, допущено или создано им по предварительно обдуманному выбору.

Вам понадобился жилет, вы отправляетесь к портному и из двадцати выставленных на показ материй выбрали себе одну, по вашему вкусу. Вот если бы русский народ, или франки, или саксонцы таким же образом выбрали себе форму владения, по образчикам, если б они, по крайней мере, выразили когда-нибудь большинством шаров или хотя бы *par assis et levé*, что та или другая форма им непротивна, тогда почему б не признать в ней выражения сочувствия и воли народной. А без того, как же? Говорят, что дух народный выражается в его языке... да разве народ когда-нибудь заявил *разумное соглашение* употреблять тот или другой язык? Он просто не знает другого языка, кроме своего родного, оттого и говорит на нем. Нет, пусть он прежде выучится трем или четырем языкам и скажет тогда: хочу говорить по-русски; это – дело иное. В биографии великого живописца мы читаем, что он из детства обнаруживал любовь к рисованию, какое-то врожденное природное влечение подмечать и переносить на бумагу внешние образы предметов... да это просто *привычка* чертить карандашом! Еще выдают за выражение народного духа английскую конституцию; да откуда ж она взялась? Трудно сказать, когда она изобретена; она даже вовсе не изобретена, а как-то так сложилась сама собою и выросла, как дерево. Не зная другого порядка управления, англичане, естественно, дали ей укорениться; как же поверить, что они ее *любят* и *дорожат* ею? Другое дело – французы. Те в течение 50 лет перепробовали их с десятков, собирали справки – как водится у других, обдумывали и толковали, как бы сделать получше: с королем или без короля, с двумя камерами или с одною? Тут всякий раз было и добровольное соглашение; тут, действительно, выражалась и любовь народа, и склад его ума.

Не к таким ли заключениям приведет нас применение житейского мерила любви, вкуса и свободы к явлениям народной жизни? Но ведь это прямое извращение истории. До сих пор ученые старались уловить именно те невольные, необдуманные заранее, неподготовленные никем явления, в которых, так сказать, без ведома самого народа, а именно потому безошибочно, высказывался его характер, проговаривался смысл его внутренней жизни¹;

¹ Никто так прекрасно не выразил исторического значения бессознательного, простонародного быта, как Риль в известной книге «*Land und Leute*». Там, между прочим, встречается это *счастливое выражение*: *das gemeine Volk ist ein Bruchstück der Geschichte*, – простой народ – это обломок истории.

они дорожили как нельзя более этими привычками, которыми так пренебрегает г. Бутовский, отрицая в них всякий смысл; но при этом они очень хорошо знали, что сила народного творчества, работая всегда над данным материалом, неминуемо подчиняется разнообразным условиям исторической обстановки и потому выражается иногда наступательно, прямым действием, иногда упорным сопротивлением, а иногда молчаливым согласием. Из этого, конечно, не следует, чтобы всякий народ в каждую минуту своего бытия страстно любил все формы своей частной или общественной жизни. Он выносит много и такого, что ему глубоко противно, выносит с ропотом, и все-таки очень часто не бросается в исход, по-видимому, самый близкий, открытый настежь. Почему же? В этом-то, для посторонних людей непонятном, выжидании или предпочтении худшего лучшему и выражается природный склад его ума, а иногда высокое, не всякому доступное требование его духа. Неужели американец, отправляясь в клуб, на вечер или в собрание, набивает свои карманы револьверами и кинжалами потому, что находит особенное удовольствие представлять собой ходячий арсенал? Конечно, нет! Но возьмите же на себя труд объяснить ему, что, например, в Париже или Вене такого рода предосторожности вовсе не нужны, что там личная безопасность находится под защитой законной полиции, что благодаря отличному порядку на выборах не дерутся, что на каждом шагу можно встретить жандарма, пожалуй, даже назовите его агентом просвещения, – американец вас выслушает, покачает головою и ответит вам: «знаю, знаю, покорно благодарю!». А француз ответил бы, вероятно, иное. Вообще в изучении какой бы то ни было формы народной жизни главная трудность состоит в том, чтобы сквозь волнующуюся поверхность высмотреть и отличить от всех внешних наплывов живую струю, бьющую из-под самого сердца народа. К сожалению, не все об этом заботятся. Мы слишком легко довольствуемся игрою побочных пружин и принимаем наружные, на виду лежащие предлоги за причины, последствия за начала. Петр I ввел подушный сбор и приказал крестьянам вносить его за круговую порукою общества; для крестьян же главное средство добыть копейку – пашня, понятно, что общества взяли землю в свои руки и стали переделывать ее между своими членами. Чего же больше? Дело ясно, как день. Так, но не совсем. Нет сомнения, что между административным учреждением Петра и общинным владением землею существует тесная связь; в этом и на столько г. Чичерин совершенно прав; но здесь рождается другой вопрос. Что навело Петра на мысль ввести круговую поруку и отчего она так легко привилась? Ведь с непривычки это дело не легкое. И мало ли чего еще не узаконивал Петр? Мы знаем коротенький указ, в трех строках, о повсеместном введении наследования по праву первенства, другой – об учреждении в наших городах

амтов и цумтов на манер, кажется, гамбургских. Отчего же ни при Петре, ни при последующих попытках приучить нас к майоратствам они к нам не привились, а цехи наши представляют доселе тощее и дряблое явление, пародию немецких корпораций? Значит, почва народная была подготовлена к одной мере и не вынесла других. В чем же заключалась эта подготовка – вот главный, коренной вопрос! Но исследование его увлекло бы нас слишком далеко, и мы спешим возвратиться к статье г. Бутовского.

Он старался доказать, что нет ничего общего между русским народным характером и общинным владением землею; притом, как мы видели, он взял на себя труд на все свои доказательства выставить прямые опровержения. Итак, эта часть его исследования разрешается нулем. Но это ничего не значит. Как бы ни сложилась сельская община, чему бы она ни была обязана своим происхождением, автор доказывает, что существующий в наших селах способ владения землею во многих местностях глубоко сроднился с обычаями наших крестьян: пока и этого довольно. Каков же этот обычай сам по себе? – спрашивает читатель, и вот здесь-то г. Бутовский произносит над общинным владением смертный приговор: *«оно не может быть согласлено с истинными началами собственности»* (с. 9). Эти слова в самой статье напечатаны курсивом. В другом месте: *«Общинное владение землею в том виде, как оно существует ныне между помещичьими крестьянами, не имеет значения юридического; основания этого владения не написаны в законе, и вся сила его вытекает из обычая, издревле укоренившегося в народе. Но неужели стародавность обычного устройства может быть принята за юридическое начало?»* и т. д. (с. 8 и 21).

Вообще, о *юридических началах* упоминается на каждой странице; видно, что они сильно озабочивают автора; он беспрестанно оглядывается на них, как будто боясь потерять их из виду или погрешить против них. Эта боязнь невольно передается и читателю. Что-нибудь очень страшное должно заключаться в этих началах! А любопытно бы было на них взглянуть, не правда ли? Ну так знайте же, что их-то вы и не увидите, по крайней мере, в статье г. Бутовского. Мы прочли ее три раза, надеясь встретиться где-нибудь лицом к лицу с этими грозными началами; но поиски наши были напрасны. Что понимает под ними автор – это его тайна, которой он нам не открыл. Сознаемся, мы всячески старались подсмотреть ее и были наказаны за наше любопытство. Сначала мы было обратили внимание на следующие слова: *«общинное владение не имеет значения юридического; основы его не написаны в Своде Законов»*. Из этого, по-видимому, можно вывести заключение, что все то имеет юридическое значение, что написано в Своде Законов; тогда, подумали мы, нетрудно пособить общинному владению и прикрыть его юридическим значением от ударов юридических начал; стоило бы только

упомануть о нем в будущем продолжении к IX тому Свода Законов. По ближайшем соображении оказалось и это ненужным; напрасно думает г. Бутовский, что основания общинного владения землею не написаны в Своде; они в нем есть, по крайней мере, предполагаются. Мы уже не говорим о Своде Постановлений для крестьян ведомств государственных имуществ и удельного, где эти основания выражены ясно и во многих статьях, а ограничимся постановлениями о крестьянах помещичьих: есть между ними статья, которою право отчуждать из населенных имений одну землю без крестьян ограничивается обязательным для продавца оставлением по меньшей мере $4\frac{1}{2}$ десятин на душу (ст. 1107, т. IX. Св. Зак., изд. 1857 г.). Эта статья, имеющая целью обеспечить существование всех крестьян, очевидно, предполагает между ними уравнительный надел, пропорциональный рабочим силам и потребностям каждого; иначе если бы вся земля могла перейти в руки одного, двух или трех крестьян изо ста, то ни $4\frac{1}{2}$, ни 10, ни 20 дес. не обеспечили бы существования всех крестьян. Есть и другая статья (1046), постановляющая, что *крестьяне* обязаны работать на своего помещика *три дня* в неделю; следовательно, возлагается на всех одинаковая повинность, а по словам г. Бутовского, уравнение в повинностях предполагает уравнение в наделе землею, а уравнительность надела предполагает единство, общность владения. Статьи, сколько-нибудь похожей на вышеприведенную о трехдневной барщине, вы не найдете ни в австрийских, ни в прусских, ни в саксонских положениях. Там встречаются определения такого рода: с тяглого хозяина – 3 или 4 дня, с полутяглого – $2\frac{1}{2}$ дня, с огородника – 2 дня, с хатника – 1 день и т. д. Итак, юридическая сила не в Своде Законов.

Посмотрим в другом месте. Выставив курсивом как тему своей статьи положение о несовместности общинного владения с истинными началами собственности, автор говорит: «это приводит нас к рассмотрению самих начал собственности», а за этим начинается первая глава. В ней излагается... не знаем, право, как назвать то, что в ней излагается. Это не теория собственности, потому что даже определения ее мы не находим, и не история, потому что рассказывается ход не действительного, не происходившего на самом деле, а какого-то нормального развития собственности; точнее: представляются олицетворения различных видов собственности движимой и недвижимой в формах каких-то отвлеченных народностей. Пробегая эту главу, вероятно, не один читатель испытает то полугрустное, полусладкое чувство, с которым мы неожиданно встречаем давнишнего, несколько поседевшего знакомого, уже много лет не являвшегося в нашем кругу и почти забытого нами. Придут читателю на память и энциклопедисты, и Contrat social, и дикое состояние одинокого, полуживотного человека, и постепенное его усовершенствование под влиянием физических потребностей, и общество,

слагающееся для взаимной защиты; встретится он лицом к лицу с *человеком естественным*¹, потом с человеком *образованным* и, наконец, услышит он него вариацию на торжественную тему – *que le territoire dans toute son etendue est aussi libre que les personnes qui l’habitent*. Все это очень занимательно, но, к сожалению, основано на совершенно ошибочных предположениях. «Понятие о собственности, – говорит г. Бутовский, – вытекает из самой природы человека. Человек скоро изнемог бы в усилиях, беспрестанно повторяющихся, для утоления голода, для прикрытия себя и своих от наготы, для защиты от хищных животных, если бы благодаря разуму, в него вложенному, на первых шагах же не нашел условий собственного поддержания. Он находит их в добыче, в орудиях, в запасах, допускающих отдых, необходимый для обновления и восстановления изнуренных сил. Эти предметы составляют первую собственность человека, и он, естественно, смотрит на них как на неотъемлемую принадлежность его лица; им самим они добыты или подготовлены, и без них он не мог бы существовать. Среди самых диких племен собственность признается и уважается; *твое* и *мое* понятно людям, стоящим на низшей ступени человеческого развития... Это – закон *естественный, предваряющий все формы человеческого общежития*» (с. 9). Во-первых, что за существо этот человек, о котором здесь идет речь? Вероятно, он когда-нибудь был ребенком; в эту пору его жизни он изнемог бы даже без всяких с его стороны усилий, если бы его не кормила молоком своим мать и не прикрывал его своею одеждою отец; следовательно, первое, что усваивает себе человек и что делается его собственностью, есть в отношении к нему *чужое, полученное от других*: он сам это узнает, когда в нем разовьется рассудок, и тогда вместе с понятием о собственности, в неразлучной с ним связи возникает в нем понятие о предустановленном, естественном его *общении* с другими людьми. Закон собственности, по самой его естественности, вовсе не предваряет все формы общежития, как думает автор, а совершенно наоборот, зарождается в общежитии. Если бы взрослые, готовые люди падали с неба, как аэролиты, г. Бутовский был бы совершенно прав, но человек *родится*; самое появление его на Божий свет предполагает предшествовавшее ему существование *четы*; он выходит в жизнь как младший член уже готовой семьи, а семья есть прообраз и зародыш общества. Это первая форма человеческого общежития, основанная на свободном и в то же время нравственно обязательном самопожертвовании, на том самом начале, на котором держатся и все последующие формы. Позднее, когда в человеке разовьется сознание, он приобретает способность отрешаться *мысленно* от кровного родства, от семьи ради племени и восходит до отвлеченного понятия своей личности,

¹ Человек естественный! Для ясности надобно было в самой статье выставить в скобках: *l’homme naturel*. Это чисто французское понятие, непере译имое и не имеющее смысла на другом языке.

своего «я»; но это «я», эта личность, разобщенная с человечеством, и это мое отражение той же личности на материальной природе – *понятия*, добытые путем отвлечения или отрицания действительности, а не живые явления. Автор смешал понятие с фактом и принял одну из самых неудачных теорий, придуманных для логического оправдания собственности, за естественное ее развитие, за ее физиологию.

Понятно, что, приняв за точку отправления ошибочное начало, он с первого же шагу сбился с исторического пути. Все развитие общества и собственности является у него последствием изменения в физических потребностях и в отношениях человека к материальной природе; притом он совершенно упустил из виду, что на это развитие имели везде решительное влияние кровное родство, единство родовых и племенных преданий, наконец, духовная потребность освятить житейские отношения, связав их с религиозными верованиями. Отсюда происхождение разных мифов, указывающих на древность какого-то темного сознания, что организация собственности должна быть подчинена требованиям вечной правды. В подробностях история собственности, начертанная автором, так же произвольна, как и в своем основании. Почему, например, предполагается, что понятия зверолова о собственности не простираются на мир животных, как будто зверолов не может приручить к себе собаки; почему лук, стрелы, сеть, бредень, хижина, произведения свободного человеческого труда представляют низший и теснейший вид собственности сравнительно со стадами, которые плодятся и множатся в глазах кочевого племени или *номадов*¹, как называет их, неизвестно почему, г. Бутовский? Почему из того, что все пространство, занимаемое кочующею ордою, рассматривается как общее достояние, следует, что на этой степени развития никто не имеет повода назвать землю *своею*? Разве пастухи одной орды не встречаются с пастухами другой, не возникают ссоры и драки из-за пастбищ и водопоев, а эти ссоры разве не ведут к потребности размежеваться? А вырытый в степи колодезь, почему не назвать его своим? Наконец, можно ли предполагать, что все племена, где бы они ни жили: в горах Тибета, в степях Аравии, на лесистом Севере, на берегу Каспийского моря, – непременно прошли все изображенные автором периоды развития собственности?..

Дойдя до полной личной поземельной собственности, которую он считает высшею, справедливейшею и самую выгодною формою владения, автор оканчивает первую главу словами: «Наконец прекращаются родовые и сословные исключительные права на землю, и право приобретать поземельную собственность отдается в равной степени всем гражданам без различия. Для государств, где совершилась эта последняя реформа, можно сказать, ликви-

¹ Мы думали, что встретим рядом с ними шассёров, соважей и т. д.

дация прошедшего кончена. Поземельная собственность, сделавшись доступною всякому честному труду, озарилась всею святостью права» (с. 15).

Положим, что все это так; но где же тут юридические начала собственности? Мы видели только одно: сообразно с изменением образа жизни, общественного устройства, с расширением понятий и потребностей изменяются права на землю – и только. Но из того, что Европа и Америка дошли до полной личной собственности, имеем ли мы право вывести, что эта форма есть окончательная, лучшая для всех и повсеместно, что история собственности завершилась, что ликвидация прошедшего окончена, как говорит г. Бутовский? Если б автор определил нам, что есть собственность, чего ожидает и требует от нее человечество, и если бы затем он доказал нам, что эта или другая форма вполне удовлетворяет этому требованию и вмещает в себя все содержание понятия, тогда мы, по крайней мере, поняли бы, что значит *нормальное развитие, юридическое начало, истинное понятие собственности*; но ничего из этого не сделано. Общие места вроде того, что и дикари признают собственность, что закон собственности предшествует всем формам общежития, беглые очерки поземельных отношений в Европе, в Америке, – это все не *начало*, не *определение* и не *понятие*. Напротив, вторая глава скорее приводит нас к отрицанию всякой нормы собственности; если формы землевладения соответствуют различных возрастам в жизни народов, то этим самым устраняется понятие о нормальной форме, ибо не может быть речи о нормальном возрасте. Почему юношество нормальнее отрочества? Итак, и в этой главе хотя обещано было много, а дано мало.

Далее, после краткого изложения истории поземельных прав в России автор пространно изображает все невыгоды и несправедливости общинного владения и выкупа земель в мирскую, а не личную собственность. Кажется, нет такого упрека, которого бы избегла несчастная сельская община. Некоторые из них, совершенно основательные (например, жалоба на неудобство переделов), давно уже были выражены, другие принадлежат г. Бутовскому. Между последними есть очень оригинальные. Например: «Крестьяне любят свою оседлую общину – это несомненно. Им дорог этот родной угол, где они родились, выросли, где жили и умерли их деды и отцы; где они бедовали, может быть, но зато и бывали счастливы по-своему. Но разве это означает, что крестьянин страстно любит переделы, и может ли быть ему приятно, что не только участок или ближнее подсельное поле, им удобренное и взлелеянное, но даже и самый кров, под которым он живет (?), может быть, не останутся, по смерти его, ни его жене, ни его малолетним детям; что после него участь его семьи будет зависеть от барина или от мира? Не есть ли это, напротив, мрачная сторона его быта?» (с. 24 и 25). Присутствие барина вовсе не есть необходимая принадлежность общины; автор знает это очень хоро-

шо. Остается мир. Какой же мир переделая избы и откуда взялось опасение, что по смерти хозяина жена его и дети лишатся родного крова? Из какого иностранного писателя почерпнуто это сведение о России? Наконец, спрашивается: где больше обеспечена участь вдов и малолетних сирот: там ли, где каждый отвечает сам за себя, рассчитывает только на свой труд, или там, где всякий член общины имеет одинаковое со всеми право на землю и, по достижении зрелого возраста, не *покупает*, а *получает* участок? Какого крестьянина имеет в виду автор, богатого или бедного? Предположим, что бедного; богатому везде легче, а бедные бывают и в тех землях, где ликвидация прошедшего окончена. Итак, возьмем бедного крестьянина у нас и бедного крестьянина, хоть, например, во Франции. У того и другого жена и четверо малолетних детей; земли у них только что хватает на пропитание и на уплату податей. Первый, умирая, знает, что дети его, когда придут в возраст, поступят в тягло и что на дом его достанется, может быть, двойной надел земли; а второй имеет в виду, что взрослые дети разделят между собою отцовское наследство, и так как оно едва было достаточно на содержание одной семьи при четырех малолетних, то, конечно, разбитое на части, оно не прокормит и двух семейств; а новых хозяйств образуется четыре. Но, может быть, один из сыновей удержит за собою нераздельный участок и вознаградит своих братьев? Положим, тогда он вступит в управление хозяйством не с оборотным капиталом, а с долгом, равняющимся $\frac{3}{4}$ стоимости всего участка. Во всяком случае будущность семейства незавидна, и мы, право, не знаем, который из двух приведенных для примера крестьян умрет спокойнее. Разве послужит к утешению француза мысль, что «ликвидация прошедшего окончена» и что «поземельная собственность озарилась всею святостью права»».

Г-н Бутовский продолжает: «Многое заставляет полагать, что неверность владения землею часто и более, нежели что-нибудь другое, перевешивает любовь к месту их рождения, которою отличаются наши крестьяне. Кто не замечал между ними, особенно в молодых летах, тайных и явных желаний вырваться хоть на время из этого тесного околотка, перейти в другую сферу, где более простора для их предприимчивости? Они сознают безотчетно, а иногда и с ясным отчетом, что эта земля, которая досталась им только на время и никогда не будет их полною собственностью, не есть верная и надежная сокровищница для плодов их усилий. От этого склонность ходить на заработки, от этого предпочтение труда фабричного или ремесленного, часто далеко увлекающего крестьян от их общины» (с. 15). Любопытство и беспокойство первой молодости, игранье свежей крови, желание в чужой стороне на людей посмотреть и себя показать – это все прямое последствие общинного землевладения. Ну, а в Германии, где его нет, откуда взялся и чем поддерживается повсеместный обычай *der Wanderjahre*, во Франции – *du tour de France*?

Другая обвинительная статья: «Практические невыгоды и неудобства общинного владения растут по мере того, как растет самая населенность... Но эти неудобства, говорят, ныне в селениях наших не оказываются; при малоземелии многие взрослые работники, способные принять землю, *остаются без участия в поземельном наделе и отпускаются на заработки*» (эти строки выписаны из «Сельского благоустройства»). – «Знаем, очень хорошо знаем, что так делается теперь; но будет ли и может ли это так улаживаться впоследствии? В этом весь вопрос... Теперь сельские общины сидят не на своей земле и владеют сообща именем, не принадлежащим ни крестьянам, ни общине. Притом члены этих общин более или менее стеснены в своей личной свободе: крепостные – властью помещика, казенные – мирским и волостным управлением. Когда между ними оказываются затыглые, то им нет повода роптать или сетовать на обдел; земля им не принадлежит; они привязаны к ней *только (?)* чувством любви к родине, о котором говорено выше; но это чувство пересиливается любовью к свободе и личным интересом. *Вот почему затыглые теперь* охотно берут плакатный паспорт и идут на заработки, кто куда знает. Многочисленные артели бурлаков, извозчиков, каменщиков, плотников, огородников, штукатуров и проч. суть по большей части затыглые, а также излишние тягловые общинники, не находящие употребления своему труду на родимых полях» (с. 31). – Русский крестьянин любит землю, на которой он сидит, *только как родину свою!* Следовательно, в отношении *хозяйственном* как доходная статья, как материал, над которым он работает, как его кормилица – она ему *нипочем?* Отнимите у него одно поле, даже другое, он и бровями не поведет? Как это все верно снято с натуры! Мало того, и «чувство любви к родине *пересиливается* любовью к свободе»; итак, если б теперь предоставить крестьянам полную личную свободу и никакого права на землю, они бы остались довольны? Станный человек этот русский крестьянин, и никак его не разгадаешь. Он ропщет и ворчит на мир, если при переделе полей ему достанется полоска, не совсем так обильно удобренная, как та, которая от него отошла, а между тем выходит, что он дорожит землею *только как родиною*; он и не может дорожить ею иначе, ибо в силу *юридических начал* любовь к земле доступна лишь сердцу собственника. Теперь вся земля принадлежит помещикам и казне, и *оттого*, по уверению г. Бутовского, крестьяне охотно отправляются вдаль, на заработки. Что же побуждало в старину, например в XI в., новгородских плотников ходить на работу в Киев? А на это есть свидетельство¹. Вероятно, тогда, как и теперь, ходили они туда артелями с топором за поясом, с ко-

¹ Известно, что когда Ярослав подступил к Киеву с ратью, набранною в новгородской земле, киевляне встретили его с насмешкою: «А и вы плотницы суще, а и поставим вы хоромы рубити». Смотри летопись Нестора.

томкою через плечо, но вряд ли забирали с собою жен и грудных ребят. Их жены и дети оставались на родине, на чьем-нибудь попечении. На чьем же, если не старшего члена семьи или хозяина дома?

Продолжаем выписку: «При владении землею миром на правах собственности не раздельной, а общинной, все затруднения, происходящие из мало-земелия и дробления участков, которые теперь легко и миролюбиво улаживаются, превратились бы в источник споров, жалоб и обоюдных домогательств между общинниками. Каждый из них заплатил свою равную часть выкупа; каждый имеет свою *равную* долю в общей собственности, и каждый естественно будет требовать равного пользования как для себя, так и для своих детей. Наследования нет при таком порядке; но зато все законно народившиеся состоят на равных правах с другими общинниками. При строгом соблюдении общинного начала не может быть речи о затыглых. Всякое подобное распоряжение сопряжено с обделением кого-либо из общинников, и обделенный не может не видеть в том обиды и несправедливости. Напрасно думают, что из любви к общине (?) лишние люди откажутся добровольно от своих долей. Примеры бескорыстия и самопожертвования редки между людьми вообще: на них нельзя рассчитывать, особенно в деле народостроения. Скорее должно предвидеть, что общинники будут горячо стоять за следующий им надел, даже в случаях явной для себя выгоды развязаться со своею общиною, перейти в другое состояние и избрать другой промысл. Страсть заглушает в человеке голос рассудка; а страсть к своему имуществу есть одна из сильнейших и порождает иногда самое необъяснимое упрямство... Общинное владение при возрастании населенности поведет к множеству таких споров и превратится в *гидру* раздора и сутяжничества. Единственным исходом из затруднительного положения, в которое неминуемо должны рано или поздно придти все общины, владеющие землею, представляется окончательный передел между общинниками всей общей земли, за исключением выгонов и угодий, которые могли бы еще остаться в общинном пользовании, и обращение участков в их полную и потомственную собственность. В случае, выше предположенном, передел этот совершается между семьями весьма просто, по соразмерности тягол, входящих в состав каждой из них; большие семьи получают более, малые менее, и этим прекратятся все затруднения и споры; без разрушения самой общины, для внутренней связи которой, кроме административного устройства (?), могут остаться еще мирские нераздельные угодья... Кончатся вечные опасения (?) умножения числа тягол. Уймутся домогательства о наделах и жалобы за обделы (?). Об излишних тягловых и затыглых не будет и помину, *а будут только члены семейства, помогающие своею работою главе его, или, по ограниченности дедовского пепелища, обращающие свои рабочие силы на другие, более прибыльные занятия*» (с. 32 и 33).

Здесь прежде всего мы должны разъяснить одно обстоятельство, о котором автор, как кажется, имеет не совсем точное понятие: должны тем более, что повод к недоразумению подала статья, напечатанная в «Сельском благоустройстве», на которую ссылается г. Бутовский. Дело в том, что такое зятяглый и как относится он к сельскому обществу? Сколько можно заключить из статьи г. Бутовского, он предполагает, что в наших селах земля делится в *натуре* на столько участков, сколько положено тягол, что каждое тягло образует отдельное самостоятельное хозяйство, из чего и выходит, что зятяглый есть работник, выброшенный из общества, лишенный всякого права на землю, всех выгод землевладения и оседлости¹. Если статья, напечатанная в «Сельском благоустройстве» могла подать повод к такому предположению, то мы можем в свое извинение сказать только то, что мы в читателе предполагали наглядное знакомство с порядком вещей, существующим в наших селах. Впрочем, будет нужно, мы готовы дополнить недосказанное в другом месте. Тягло есть единица *отвлеченная*, служащая только для распределения земли и повинностей пропорционально потребностям и рабочим силам; на самом же деле, в натуре, владеют землею и исправляют повинности *не тягла, а дома, или семьи, по числу наложенных на них тягол*. Объясним это примером. – В сельском обществе на 300 душ в 50 домах нарезано 600 дес. Тягол положено 100, оброку ежегодно уплачивается 2000 руб. На тягло приходится 6 десятин, а сходит с тягла оброку 20 руб. В доме под № 7 находится 45-тилетний отец, хозяин дома, при нем четверо сыновей, 25, 24, 23 и 18 лет, не считая малолетних внучат. На этот дом накладывается, положим, 3 тягла, иными словами, отводится 18 дес. земли и возлагается 60 руб. сер. оброка. Эти 18 десятин составляют одно хозяйство; эти 60 руб. – *одну* нераздельную повинность. На кого же именно из пяти рабочих душ, состоящих в доме под № 7, положено тягло и кто остался за тяглом, на чью долю досталась земля, на чью нет? На этот вопрос нельзя дать ответа, потому что на практике он не возникает; крестьяне не поняли бы его; не возникает же он потому, что, как мы сказали, дом, семья составляет одно нераздельное целое, чем бы кто ни занимался, чем бы кто ни кормился. Но на участке в 18 десятин в имении оброчном для пяти работников круглый год не найдется дела. Для обработки земли достаточно двоих. Отец, управляющий хозяйством, остается дома; при нем старший его сын, по смерти отца или по выбытии его из тягла имеющий принять хозяйство в свои руки, и, вероятно, еще один из прочих трех сыновей. Двое из них уйдут на заработки, а жены их и малолетние дети останутся дома, на попечении хозяина; пользуясь их трудом, он будет их кормить и содержать; а ушедшие на сторону к Петрову дню вернуться домой, отдадут хозяину свои заработки. Эта тесная связь

¹ См. с. 34 и 35.

земледелия с промыслами вовсе не предположение, а факт, и можно указать сотни оброчных имений, где земледелие служит только средством дешевого пропитания для целой семьи, тогда как весь оброк или большая часть его зарабатывается в столице, где продовольствие дорого, на пристанях, на коноводных машинах, на фабриках, куда не принимают рабочих с детьми и женами. Итак, затыглый вовсе не значит лишенный права на землю и выгод оседлости; он пользуется ими наравне с другими, но по-своему; нынче он на работе, в артели, а на следующий год, по смерти отца или брата или по разделу семьи на два дома, он снова водворится в селе. Затыглый значит *не принятый в расчет при накладке тягол*, ненужный для местных, земледельческих занятий работников. Теперь рассмотрим: почему бы не удержаться этому порядку вещей и в то время, когда сельское общество, ныне сидящее на помещичьей земле, приобретет ее в собственность? Во-первых, в чем заключается существенная разница между вечным, неотъемлемым пользованием землею и правом собственности на землю. Пользование оплачивается повинностью, оброком или барщиною; с приобретением же права собственности повинность прекращается. Итак, выкуп земли в собственность значит не что иное, как погашение повинности. Общество, взятое нами для примера, уплачивает ежегодно 2000 руб. оброка; если принять эту сумму за 5%, то с него потребуется выкупа 40 тыс. руб. сер. Трудно предположить, чтобы крестьяне, за редкими исключениями, в состоянии были внести одновременно такую сумму. Выкуп у нас, как и в других землях, совершится, вероятно, постепенно уплатою капитала по частям, в сроки, при пособии кредитного учреждения или на основании частного договора между помещиком и крестьянами. В первом случае они примут на себя обязанность в течение более или менее продолжительного срока уплачивать ежегодно кредитному учреждению известный процент на сделанную им ссуду с погашением, а во втором, сверх прежнего оброка, – известную долю рассроченного выкупа. Положим, что крестьянам пришлось бы в течение 3 лет платить по 2400 руб. Спрашивается: почему бы им не раскладывать эту повинность по числу тягол, так же, как они раскладывали до сих пор оброк, то есть, облагая каждый дом платежом, соразмерным с количеством отведенной ему земли? Далее, на чем основано предположение, что, когда выкуп окончится, ссуда будет уплачена и крестьяне будут владеть *своею* землею, непременно возникнут ссоры, споры и вмешается в дело *гибра раздора*? Сила возражения, сколько можно понять, заключается, во-первых, в том, что при общинном владении на праве собственности дроблению участков не будет предела, потому что страсти заглушают рассудок и каждый потребует непременно клочка земли; во-вторых, в том, что при ограниченности земли и неограниченном возрастании народонаселения непременно образуется класс затыглых батраков,

«один из худших видов пролетариата» (?), которые, «хотя ничего в общине иметь не будут» (?), все-таки останутся в зависимости от нее.

Надобно сознаться, что трудно придумать такой порядок вещей, который бы мог удовлетворить всех в то время, когда *страсти заглушают рас-судок*, а еще труднее понять, каким образом единственным исходом из этого положения представляется обращение участков в личную и потомственную собственность крестьян. Разве при разделе наследства каждый из сыновей умершего хозяина не потребует доли участка? Где же тут предел дроблению и на каком основании предполагает автор, что тут-то «уймутся домогательства о наделах и жалобы за обделы» и что те, которые ни за что бы не согласились быть затыглыми (не теряя своего права на землю и выгод оседлости), так легко помирятся с мыслью об «ограниченности дедовского пепелища?» Но об этом еще речь впереди.

Что касается до второго возражения, то вот слова г. Бутовского о батраках: «Тяжко им, правда, будет шататься по белу свету и мыкать горе на чужом хлебе, заплативши или зная, что их отцы заплатили кровными деньгами за то, чтоб иметь свой угол; да делать нечего: они жертвы общинного владения, которое, говорят, необходимо для блага и устойчивости России. А в каком отношении будут эти обделенные дети к своей владеющей матери-общине? Это отношение очень будет походить на то, которое существует между цепью и негром, носящим ее на шее; разница в том только, что общинная цепь подлиннее. Устроители (?) общинного быта хотят непременно, чтобы каждый общинник, даже и затыглый или безземельный, принимал глубокое участие в своей общине. По недостатку интереса поземельного, они создают ему интересы административные (?). Затыглый ничего в общине не имеет; у другого, может быть, нет и родни, где бы голову приклонить, тем не менее, однако, он приписан к общине, платит в ней подушные и земские, отбывает в ней рекрутчину, никуда не может идти и нигде проживать без паспорта или увольнения от мирского начальства; паспорт же этот ему выдается на срок: на три, на шесть месяцев или на год, и для его возобновления он должен быть сам налицо, а если в льготный месяц не явится, то с ним поступают, как с бродягою. Эти паспорта, эти увольнения – великая власть в руках мира или его представителей, старост и бурмистров... Сколько притеснений, сколько помех от нее может претерпеть бедный батрак, к общине приписанный, но живущий заработками то там, то сям! Этому человеку воля нужна, как воздух, а воли-то может лишит его мир или староста, просто отказав ему в паспорте. Предлоги на это всегда есть. Предстоит ли рекрутский набор, батрака задерживают в селе, метя поставить его не в очередь в присутствие; имеются ли в виду спешные работы, его опять задерживают, рассчитывая дешево воспользоваться его

трудом. Если затыглый *беден*, не знает никакого *мастерства* и в своей бродячей жизни по паспорту ничего не успел заработать или не умел *приберечь*, то при таком устройстве он легко может попасть в чистую кабалу к своим владеющим собратам, и тогда его положение хуже крепостного. Он поступает в качестве нахлебника к хозяину, который кормит его в долг и платит за него подати из будущей работы; этим, правда, обеспечивается казна и пропитание батрака, но последний совершенно лишается свободы и становится почти рабом другого крестьянина и т. д.» (с. 35 и 36). Действительно, печальная картина! Но желательно бы было услышать от автора, какими учреждениями он полагал бы обеспечить благоденствие взятого им для примера батрака, не имеющего никакой собственности, ни родни, где бы главу приклонить, бедного, не знающего никакого мастерства и вдобавок не умеющего приберегать свои заработки? Мы знаем, что незавидна участь подобных людей и в тех обществах, которые успели уже окончить ликвидацию прошедшего. Впрочем, это, конечно, не оправдание и не утешение для нас. Притеснения и несправедливости, претерпеваемые частными лицами от обществ, не подлежат сомнению, но от каких обществ? От сельских или городских, или от тех и других? Кому известно, каким порядком производится и чего стоит приписка к мещанским обществам и увольнение от них, раскладка и взимание податей, назначение рекрутов, выборы в должности, сопряженные с денежною ответственностью, в городах, тот, конечно, согласится, что все описанное автором применяется к мещанским обществам, не имеющим мирской земли и не знающим тягловых раскладов, в гораздо большей степени, чем к селам, владеющим землею сообща. Чем же виновата община *хозяйственная*? Почему общинная *форма землевладения* должна отвечать за злоупотребления общины *административной*, истекающие прямо из круговой поруки в платеже податей и в поставке рекрутов? Возражение, очевидно, не идет к делу; но само по себе, как указание на существующее современное зло, оно имеет полную силу. Какое же, думаете вы, автор предлагает средство, чтобы устранить это зло? Он советует уничтожить общину хозяйственную и сохранять общину административную.

Послушайте: «Напрасно полагают, что без общинного владения нельзя сохранить самое устройство наших сельских общин. Между административною единицею, назовите ее как угодно: общиною, волостью, местечком или городом, – и общинным владением землею нет решительно ничего похожего (?). Как сельская, так и городская община образуется из собственников и жителей, имеющих в ней оседлость или промысел. И та, и другая получают значение коллективной личности или нравственного лица; в этом же качестве они владеют выгонами, лесами, пастбищами, общинными зданиями и т. п.; в этом же качестве могут быть подвергнуты собира-

тельной ответственности за исправное внесение податей по окладу, причитающемуся на долю общины, за отправление рекрутской повинности и вообще за выполнение и соблюдение всех государственных и административных постановлений. Подобное этому устройство у нас уже существует в городах, посадах и местечках, где жители не владеют землею сообща; непонятно, почему оно не могло бы быть водворено и в наших селах?» (с. 25–26). Устранить общину хозяйственную и удержать общину административную, или точнее, – общину как учреждение фискальное, это значит иными словами: до сих пор поселяне были связаны в одно целое мирским владением землею; общность первостатейного для земледельческого сословия интереса давала возможность рассматривать каждую деревню как собирательную единицу; распоряжаясь вместе, сообща своею землею, крестьяне могли в совокупности же отвечать перед казною в платеже податей; подчас, конечно, это было им тяжело, но несправедливости тут не было, ибо общество, наделяя каждого своего члена средством к добыванию податей, т. е. землею, вправе было и требовать с него подати; оно отвечало за каждого из своих членов, за то ему предоставлена была возможность наблюдать за их хозяйством и, в случае необходимости, неплательщиков и лентяев сводить с тягла и передавать землю в более надежные руки; теперь это все уничтожится; всех этих прав общество лишится, но все прежние обязанности, истекающие из круговой ответственности, останутся во всей силе. Пусть в основании общественной организации лежит не общественный интерес, а интерес казенный. Не все ли равно? Ведь стоит только приказать. Да! Но что скажут юридические начала, справедливость и т. д.? Как! Общество устранит всякое влияние на домашнее хозяйство своего члена, полного собственника земли, а будет по-прежнему отвечать за его исправность? И автор указывает на мещан, на города и местечки; не достает только указания на еврейские общества. Если бы он имел случай видеть вблизи, как там идут дела, он бы, вероятно, спрятал этот пример подальше. Мертвый формализм общественности и злоупотребления круговой поруки в городах и местечках лучше всего доказывает, чего можно ожидать от обществ, созданных администрацией, а не жизнью.

Мы еще далеко не исчерпали всех доводов, приведенных автором против общинного и в пользу личного владения, но кажется, что выписанные нами места дают уже нам право сказать, что в статье г. Бутовского мы не находим *беспристрастной* оценки того и другого явления. У него совершенно тождественные вопросы, возникающие неминуемо и в среде общинности, и в среде личной собственности (например, как предупредить крайность в дроблении участков, как обеспечить участь рабочих, не находящих себе занятия в селах, в какой мере возможно успешное хозяйство, требующее

семейного согласия, и т. п.), в первом случае разрешаются враждою, ссорю, игрою страстей, заглушающих голос рассудка, гидрою сутяжничества и другими мифологическими пугалами, а во втором – обоюдною уступчивостью, легкими сделками и какою-то трогательною гармониею интересов. Там тема разыгрывается в трагическом тоне, а здесь – в идиллическом. До чего доходит это желание скрыть неудобства, возникающие из личной поземельной собственности, читатель увидит из следующих слов: «Где ничто (то есть никакой закон) не затрудняет движения поземельной собственности, где всякий гражданин волен, по усмотрению, как в отчуждении, так и в приобретении поземельной собственности, там, можно сказать, все в равное степени пользуются землею не только в обширном, но и в тесном значении сего слова (?)... При свободном и естественном течении дел земли распределяются именно так, как того требуют местные условия производства. Сообразно с ними, собственность дробится тут, совокупляется здесь; между крупным и мелким землевладением возникает среднее. Если одни причины действуют сильно в одну сторону, то их влияние *уравновешивается* (?) другими причинами, не менее сильно действующими в обратную сторону. В личном интересе человека кроется мощное побуждение к сосредоточению богатства и поземельной собственности, зато наследственность постоянно дробит на части и землю, и богатства» (с. 41 и 42).

Не правда ли, как это успокоительно? Забыто только одно; положим, побуждения равны и могли бы уравновешиваться; но средства к их удовлетворению требуются неравные. Для округления недвижимой собственности при покупке земли нужно не только сильное желание, но и денежный капитал, который есть не у всех, а для раздела – ничего не нужно, кроме листа бумаги. Это составляет маленькую разницу, и мы сейчас увидим, к чему она приводит.

«Мелкая собственность сильно скрепляет семейные узы в сословии земледельческом; она служит как бы общим узлом, связывающим одинаковыми интересами всех членов семьи, на ней живущих»; – а что говорено было выше о наших крестьянских разделах? – «для тех же из них, которые принуждены покинуть ее для более прибыльного помещения своего труда, она не перестает быть гостеприимным и любезным приютом» (с. 45). Почему же так? Мы еще до сих пор находимся под впечатлением печальной картины затяглого, которого бездушная община вытеснила из среды своей и лишила крова за излишеством рук; да, кстати вспоминаем – факт этот, конечно, известен автору – что во Франции случалось нередко престарелым поселянам, сдавшим свои дворы сыновьям, снискивать себе пропитание подаянием, потому что сыновья отказывались их кормить и выгоняли их из гостеприимных и любезных приютов. Следуя логике автора, мы могли бы из этого вывести, что чувство собственности разрывает семейные связи, ожесточает человека и т. д.

«Невыгоды измельченного владения землею могут, конечно, быть отращены путем ассоциации землевладельцев, – невыгоды и неудобства чересполосности *сами собою* изглаживаются под влиянием обоюдных интересов владельцев». – Конечно, и очень легко! Громадные успехи ассоциации в Западной Европе это доказывают.

От этих блистательных обещаний, к сожалению, ни на чем не основанных, обратимся к фактам, к опыту других земель, опередивших нас на пути экономического развития, например, к Германии. Как было замечено выше, в ней преобладают две формы землевладения между поселянами: замкнутые, неделимые двory и участки, подверженные неограниченному дроблению. При неделимых дворах, по смерти хозяина, весь участок переходит к одному из его наследников, а прочие лишаются всякого права на отцовское недвижимое имущество и получают вознаграждение деньгами. Здесь опять мы встречаем две системы. В некоторых местностях двор с прилегающею к нему землею оценивается гораздо ниже действительной его стоимости, ему делается заведомо фальшивая оценка (*gemassigte Taxe*). Предположим, что он стоит 4000 руб.; его ценят в 2800; если наследников 5 человек, старший или тот, за кем остается участок, скидывает на свою долю из этой суммы $\frac{1}{3}$, 560 руб., и по стольку же выплачивает каждому из 4-х своих братьев; всего 2240 руб. За эту сумму он приобретает участок, стоящий 4000 руб., и все-таки ему тяжело, ибо он начинает хозяйничать без оборотного капитала, который весь уйдет на вознаграждение его обсчитанных братьев. Итак, все недовольны. При этом порядке вещей гидра вражды и сутяжничества заведется непременно, а о гостеприимном приюте лучше и не думать. В других местностях двор оценивается добросовестно, в действительную его стоимость, в 4000 руб. Нареченный наследник по участку, выключив на свою долю 800 руб., обязывается заплатить своим братьям 3200 руб., или $\frac{4}{5}$ стоимости двора. Иными словами, он должен купить его, а так как не у всех бывают сундуки, набитые деньгами, то в большей части случаев он занимает потребную ему сумму и начинает свое хозяйство под бременем тяжелого долга. И вот уже он неполный собственник и вот опять два права на один предмет!

Как думает автор: что легче, иметь дело с миром, с бурмистром, со старостою, которые, может быть, и не прочь бы были разорить иного хозяина, но, разоривши, обязаны все-таки кормить его и содержать, или с посторонним человеком, услужливым заимодавцем, призванным на помощь во имя обоюдности интересов, и который теперь не спускает глаз с земли, выжидая минуты на нее накинуться? Автору, конечно, известно, что рассказывают французские экономисты *sur les souffrances de la petite propriété, rongée par l'usure* (о бедствиях, претерпеваемых мелкою собственностью от лихвенных процентов).

Но, скажут нам, вольно же стеснять законными ограничениями свободное движение собственности; к чему эта замкнутость, неделимость участков, к чему майоратства и фидеи-комиссы? Подавайте примеры из тех земель, где ликвидация прошедшего окончена. К такой земле мы и подходим. Кажется, нигде в Европе крестьянская недвижимая собственность не дошла так рано до полной свободы, как на Рейне. Там нет предела разделам; участки дробятся до бесконечности, и каждый наследник получает в них свою долю, а вот последствия этого порядка вещей, описанные прусским областным советником г. Вильгельми, по поручению правительства изучавшим вопрос на месте, и при этом, заметим, – горячим поборником неограниченно-свободного движения собственности. «Чересполосность и дробность дошли до того, что принятие законодательных мер для округления участков ставится необходимым. Пахотная земля, к деревне прирезанная, делится обыкновенно на несколько частей, по местному удобству (Gewannen); в каждой из них все землевладельцы той деревни имеют по нескольку полосок; у иного принадлежащая ему земля состоит из 80-ти и до 120-ти между собою не связанных кусков: конца дроблению предвидеть нельзя; ибо, в видах соблюдения уравнительности при семейных разделах, принято обычаем делить каждую полосу на столько частей, сколько состоит налицо наследников. Таким образом, количество делянок возрастает до бесконечности; некоторые из них так узки, что можно через них перешагнуть; с иного луга хозяйка убирает все накошенное сено в своем переднике. Кругом можно полагать на каждую делянку $\frac{1}{3}$ моргена, или 187 кв. саж. Само собою разумеется, что редкая из них имеет правильную, для обработки удобную форму; но это еще не все: доступ к этим микроскопическим делянкам становится почти невозможным. Чтобы попасть на свой участок, хозяин должен проехать через десяток чужих; а постоянных дорог к каждому нет возможности провести, иначе половина поля ушла бы на дороги. По той же причине нельзя ясными знаками обозначить пределы владения; сами хозяева беспрестанно в них сбиваются; отсюда бесконечные ссоры, тяжбы, жалобы на поправки и совершенная невозможность правильного хозяйства». Все приведенные нами сведения собраны на местах; это не предположения, выведенные из юридических начал, а факты, извлеченные из статистических данных; к ним даже приложены планы, с натуры снятые. Нельзя им не верить. Как же мог установиться такой безобразный порядок, вредный для всех и в нравственном, и в хозяйственном отношении? Где же эта пресловутая безошибочность личных интересов, предоставленных самим себе? Чего же смотрел закон предустановленного равновесия между стремлениями к округлению и к дроблению земли? Отчего не подоспела на помощь ассоциация, которая будто бы так легко предупреждает крайность

в дроблении? Отчего бы членам одной семьи не вести своего хозяйства вместе, разделив между собою не землю, а занятия? Видно, все это не так легко вводится там, где народ к тому не подготовлен природным складом своего ума и общим настроением своей внутренней жизни. К тому же явление нераздельного, общего хозяйства при равенстве прав всех членов семьи на землю в понятиях г. Бутовского имело бы значение попятного шага и отступления от юридических начал. Право собственности как принадлежность собирательной личности, семьи или дома отделилось бы от права ограниченного пользования как принадлежности каждого лица или члена, и вышло бы опять общинное устройство, только заключенное в тесных пределах *дома* и потому не представляющее тех обеспечений, какие дает община в более широких размерах.

Но обратимся опять к фактам. Исчисленные нами невыгоды дробления земель дали себя почувствовать не только на Рейне, но вообще, хотя в различных степенях, во всей Восточной и Средней Германии и вызвали почти единовременное противодействие со стороны законодательств Прусского, Ганноверского, Гессенского, Нассауского, Веймарского, Гессен-Дармштатского и других. От 1830 до 1853 г. вышло более 7-ми так называемых *Consolidations-Gesetzen*. Прусское правительство приступило к решительному переделу земель с единственною целью уничтожить чересполосность и округлить участки, не воспрещая дробления на будущее время; Нассауское сделало меньше и в то же время больше: оно не уничтожило чересполосности, но, разбив поля на новые делянки известной величины и фигуры, признало их неделимыми, строго воспретив подвергать их дроблению. И все это введено законом после многосложных исследований и долгих совещаний, по разумного выбору, не силою обычая, не по незнанию *другого* порядка вещей, а по долговременном испытании всех выгод и неудобств.

Итак, полная отрешенность личной собственности и неограниченная свобода в распоряжении землею привели к неограниченному дроблению и губительной чересполосности; дробление и чересполосность привели к необходимости положить предел разделам и установить нормальные участки, замкнутые хозяйства или майоратства, фидеи-комиссы; эти учреждения, в свою очередь, ведут, с одной стороны, к нарушению справедливости и равенства между наследниками, к обделам всех в пользу одного, к фальшивым оценкам; с другой – к ограничению права собственности на землю совместными притязаниями на нее кредиторов. Таково было развитие поземельных прав в одной земле, и мы далеки от мысли выдавать его за нормальное; мы, напротив, спорим против предустановленных формул и норм. В других странах развитие может пойти совершенно иным путем; но когда вопрос о поземельной крестьянской собственности почти ежегодно возбуж-

дается в камерах и советах, когда выходят десятками книги и брошюры о выгодах и невыгодах той или другой формы владения, когда внимание многих правительств обращено на опасности со стороны полной свободы в распоряжении землею, угрожающие внутренней прочности и крепости оседлого крестьянства, мы не можем признать ликвидации прошедшего оконченною, ни поверить, чтобы в неограниченной личной собственности заключался предохранительный талисман от всех невыгод, страданий и бедствий, сопряженных с нашим обычным порядком вещей.

К какому же *практическому* заключению приходит г. Бутовский? В начале своей статьи он говорит: «Всякий русский вправе спросить у мыслителей, пишущих или говорящих об этом предмете во всеуслышание, чего же они желают и какая политика, по их мнению, должна быть принята относительно общинного владения?»

Политика г. Бутовского заключается в следующем: хотя общинное владение есть временная форма, противная юридическим началам, но она коренится глубоко в привычках народа и потому «заслуживает некоторого уважения и требует осторожности». «Не должно затрагивать этого обычая какими-либо мерами, прямо против него направленными, но не должно особенно заботиться и о его сохранении, не нужно принимать никаких мер и в эту сторону, а всего более следует избегать всякого распоряжения, которое клонилось бы косвенно или прямо к превращению общинного владения в учреждение обязательное» (с. 8).

Мы выписываем эти строки с особенным удовольствием. Сравните умеренность этих требований с первыми статьями «Экономического указателя», которого мнение в сущности разделяет г. Бутовский, и вы убедитесь, что год полемики прошел не даром. Мы не задумались бы ни минуты согласиться с приведенными словами, если бы нам удалось ясно выразуметь, каким образом предлагаемый автором совет применится в настоящую минуту к составлению положений об улучшении быта крестьян? Будущее от нас закрыто, *довлеет дневи злоба ею*, и мы не вправе посягать на свободу народного развития. Прекрасно! Но ведь никакой гражданский закон не предъявляет притязания на вековечную обязательность. Устарел закон, переросли его потребности народа, закон отменяется, и на место его издается другой; нельзя же, однако, из опасения связать будущность принять за правило не выражать существующего порядка вещей, не говорить о настоящем потому только, что оно может со временем измениться. А что *говорит* закон, то *становится обязательным*, ибо закон не ученое рассуждение и не догадка. Положим даже, что закон мог бы до некоторой степени обойти вопрос о форме землевладения, если бы этот вопрос касался интересов и блага *одной* стороны, но в настоящем случае закон является как посредник между двумя

сторонами, двумя правами, двумя интересами. Дело идет не о наставлении крестьян, как им лучше и выгоднее владеть промеж себя землю, а об определении их отношений к помещикам. Здесь всякое признанное право помещика отзовется обязанностью на стороне крестьян; наоборот, всякое право крестьян падет как обязанность на помещика и всякое изменение в правах повлечет за собою изменение в обязанностях.

Помещик обязан отвести землю в количестве, необходимом на обеспечение пропитания и уплаты податей, – отвести кому? Крестьянам – что значит крестьянин? Значит ли это Сидору, Карпу, Петру, Михайле, *каждому порознь*, как разумеет г. Бутовский, или всем вместе, то есть миру, как понимает, кажется, большинство читателей? Этого нельзя оставить под сомнением, нельзя миновать разрешения вопроса, ибо в первом случае должны установиться *прямые и непосредственные* отношения между помещиком-собственником и *каждым* крестьянином-владельцем; во втором же случае отношения установятся между помещиком и сельским обществом. В первом случае трудно на помещика возложить обязанность отвести землю в *вечное и неотъемлемое* пользование крестьян и на общество круговую поруку за отбывание повинностей, ибо участки выморочные, равно как и отобранные на покрытие недоимок у неисправных хозяев, если не найдется в сельском обществе желающих снять опустелые дворы, должны будут естественным образом возвращаться к помещику и в полное его распоряжение.

Во втором случае, если не частные лица, а *общество* будет держать всю землю и отвечать перед помещиком за исправление повинностей, на ней лежащих, то как же лишить общество права распоряжаться землею и наблюдать за хозяйством крестьян, между которыми она поделена? Мы не спорим, что можно и даже желательно допустить в известных пределах право личного выкупа земли и повинностей; но и здесь участие мира необходимо, ибо со всяким таковым выкупом сопряжено изменение в отношениях целого общества к помещику.

Итак, от принятой формы землевладения будет зависеть обеспечение повинностей и доходов помещичьих, определение понудительных средств, способов взыскания, пределов власти и пр. Нельзя все это обойти молчанием и принять за правило *le laisser faire, le laisser aller*, из одного опасения придать обязательное значение общинному владению. Нет, *политика* г. Бутовского непрактична.

Он признает за порядком вещей, сложившимся естественно, некоторое право на снисхождение, он уважает привычки народа и не одобряет крутых и насильственных улучшений; – это ставит труд его бесконечно выше других произведений, писанных с той же точки зрения, и дает ему полное право на сочувствие всех читателей; указывая на это очень важное его достоинство и

отдавая полную справедливость начитанности автора, мы, однако же, остаемся при убеждении, что возбужденный им вопрос не только не разрешен, но даже не разъяснен и что он вовсе не опроверг противного мнения о нашей сельской общине, о которой он отзывается так свысока.

Статья его напоминает труды покойного Тенгоборского. Это так называемые непреложные и общие законы, взятые из курсов политической экономии, примененные к официальным сведениям о России, – к сожалению, без наглядного знакомства с существующим у нас на деле порядком вещей.

Поземельная собственность и общинное владение. Соч. С. Иванова. («Русский вестник». 1858 г. № 16¹)

В недавно разобранный нами статье г. Бутовского о поземельной собственности над нашей сельскою общиною произнесен был смертный приговор на основании каких-то юридических начал, которых автор нам не открыл. Г-н Иванов приходит к тому же заключению, основываясь *на началах, выработанных политическою экономиею и опытом всех народов*; но он обошелся со своими началами не так осторожно, как г. Бутовский. Правда, он не счел за нужное высказать их определительно, но, по крайней мере, он не таит их про себя, и читатель может угадать, какой школы он придерживается. Притом г. Иванов прямо указывает на мнение, которое он оспаривает, ссылаясь на статьи и называет своих противников по имени. Этим много облегчается обязанность ответчика.

Доводы г. Иванова направлены против двух статей издателя «Сельского благоустройства» и двух статей, мною помещенных в том же журнале. Предоставляя г. Кошелеву отвечать за себя, если он признает в том надобность, я ограничусь объяснениями на возражения, касающиеся сердцевины вопроса и употребленных мною доказательств.

Прежде всего, необходимо восстановить правильное разумение мнения, высказанного в «Сельском благоустройстве», потому что г. Иванов перетолковал его по-своему. На с. 614-й разбираемой статьи мы читаем: «Основанием будущего сельского устройства они (т. е. Кошелев и Самарин) принимают: развитие начала общинного владения землею как особенности русского народа; признание совместных прав как помещиков, так и крестьян на землю; наделение *тех и других* (??) землею (также дарование разных пособий или льгот) не соответственно личным *правам* каждого члена, то есть не соразмерно с употребленным *трудом* (?), с принесенною обществу *пользою* (??) и со следующим затем накоплением *средств* (?), а соответственно потребно-

¹ Напечатано в 12-й книжке «Сельского благоустройства» за 1858 г.

стям *обоих* (???) сословий; обеспечение нужд и дарование всем возможности быть самостоятельными хозяевами, хотя большинство *не имеет* (?) средств к тому. Вообще, стараются об *искусственном устройстве* (?) быта и отношений *обоих* сословий, а не *просто* (?) развития *естественных* (?) отношений и личных прав на основании свободы труда и свободы собственности».

Предположим, что эти строки попались на глаза читателю, которому статьи г. Кошелева и мои вовсе неизвестны. Какое он получит понятие об их содержании?

Во-первых, узнав, что мы стараемся об *искусственном устройстве*, он придет к заключению, что мы предлагаем вести в жизнь новый, чуждый ей порядок вещей, и увидит в нас реформаторов; между тем все наши противники винят нас в том, что мы слишком дорожим существующим обычаем и будто бы обрекаем народное хозяйство на неподвижность.

Во-вторых, из приписанной нам мысли о наделении помещиков и крестьян землею соответственно потребностям *обоих* сословий читатель, к немалому изумлению своему, увидит, что мы признаем за помещиками и за крестьянами одинаковые права на землю; что те и другие в *одинаковой* степени должны подвергнуться какой-то *общей* административной операции передела всех земель и предварительному *упразднению* всякого права личной собственности; что предполагается в каждом имении или в каждой губернии исчислить сколько *нужно* земли для помещиков, сколько для крестьян, и если затем окажется у кого-нибудь лишек против исчисленной потребности, то отобрать его без дальних объяснений. Как же читателю не придти в ужас, узнав, что рядом с ним в скромном уголке русской журналистики гнездятся дикие помыслы, превосходящие своим сумасбродством горячечные сновидения французских коммунистов? Но страх его скоро пройдет и уступит место тому же изумлению, какое испытываем мы теперь, если он вздумает заглянуть своими глазами в «Сельское благоустройство» и удостоверится, что в том журнале не было произнесено ни единого слова о наделении помещиков землею, а развиты были в нескольких статьях начала, лежащие в основании Высочайших Рескриптов о неприкосновенности права собственности помещиков на землю, об упрочении крестьянской оседлости и об отводе крестьянам земли в неотъемлемое пользование на определенных условиях.

Далее, из приписанного нам желания произвести надел землею, не принимая в соображение рабочих сил, а даровать всем без исключения возможность быть самостоятельными хозяевами, хотя большинство не имеет средств к тому, читатель заключит, что мы отрицаем необходимость для успехов земледелия ответственности оборотного капитала с недвижимым фондом, землею. Между тем в моей статье, на которую возражает г. Иванов, сказано,

между прочим, следующее: «Земля не может достаться в руки того, кто в ней не нуждается или неспособен ею воспользоваться, и наоборот: тот, кому она нужна и кто обладает средствами на ее оплодотворение, не может быть вынужден затратить свой капитал на приобретение права на землю или принять на себя тяжелый, часто неоплатный долг».

Наконец, на с. 620 г. Иванов говорит: «Г. Кошелев и г. Самарин *соглашаются*, что ожидание передела приостанавливает вывозку навоза» и ссылается на «Сельское благоустройство» № 1, с. 32. На этой странице напечатано следующее: «Я старался убедиться, не парализирует ли, хотя на время, опасение ожидаемого передела напряжение рабочих сил, не небрежнее ли обрабатывается земля, *не меньше ли вывозится навоза накануне передела полей?* Я расспрашивал об этом крестьян, старых приказчиков, долго наблюдал сам и ничего не узнал, ничего такого не высмотрел, что бы могло служить к подтверждению моего предположения».

Пусть теперь судят читатели, в какой мере ссылки г. Иванова заслуживают доверия. Приписав мне то, чего я никогда не говорил, а в иных случаях противное тому, что я сказал, автор очень естественно винит меня в непоследовательности и заключает, «что такое противоречие может быть объяснено только влиянием духа партии» (с. 625 и 626). Остается мне спросить: чем объяснить в статье г. Иванова такое бесцеремонное искажение мнения, на которое он взялся возражать? Общий тон его статьи, в котором слышна добросовестность, не допускает и мысли о преднамеренности; остается одно объяснение, самое выгодное для автора: он не взял на себя труда прочесть *внимательно* статьи своих противников и поспешил своим возражением, не зная сам, против чего возражает.

Рассмотрим по порядку, в чем состоят эти возражения.

Общинное владение есть *искусственное* устройство, противоположное *естественному* порядку вещей (с. 614 и другие). Какое значение в применении к формам землевладения имеют эти так часто повторяемые слова: *искусственный* и *естественный*? Один порядок вещей (общинное владение) возник из внутренних, исторических потребностей данного общества; когда именно он сложился в той форме, в какой мы видим его пред собою, какие причины наиболее участвовали в его образовании, об этом доселе идет спор – ясное доказательство, что это не *чье-либо изобретение*, даже не *учреждение* (institution), а физиологическое явление или бытовой факт. Кажется, что в том убежден и г. Иванов, судя по следующим его словам: «*Привычка к общинному владению слишком сильна, крестьяне не умеют заменить его чем-нибудь другим, боятся всего нового, не знают, как за него приняться... Наклонность, выгоды большинства и зависть к положению более богатых (?) заставляют противиться уничтожению переделов*»

(с. 622). Другой порядок вещей (личная собственность) возник также закономерно, из внутренних потребностей общества, только не того, о котором мы говорили, а другого; образование его представляет те же признаки исторической необходимости; наконец, этот последний порядок вещей, по мнению противников общинного владения, согласен с началами, которых в настоящее время придерживаются экономисты Западной Европы. Теперь спрашивается: в отношении к первому обществу, которой из двух форм землевладения приличнее название *естественной* – той ли, которая в нем сложилась сама собою, близка и сродна народу, имеет на своей стороне *привычки, склонности и выгоды большинства*, или той, которой народ не знает, боится, не умеет себе представить, хотя она и одобряется последними курсами политической экономии?

Мы говорим нашим противникам: мы готовы изучать с вами исторически развитие той и другой формы, сравнивать их, взвешивать их преимущества и недостатки; но мы не решаемся подвергнуть ломке порядок вещей, сообразный с потребностями и привычками нашего народа единственно потому, что он не подходит под общие начала, в которых вы признаете верх человеческой мудрости.

Наши противники отвечают: что нам до народных привычек и потребностей! Все это изменится и переработается. Одно слово: существующая форма землевладения не выдерживает критики, *наука* рекомендует другой порядок вещей, так есть ли о чем долго думать!

Кто прав и кто ошибается в самом существе вопроса – этого покуда мы не касаемся; но мы спрашиваем: кто старается об искусственном устройстве – мы или наши противники?

Ведь понятие искусственности, особенно в вопросах экономических и административных, понятие относительное. Искусственно то, что не соответствует совокупности существующих потребностей в данной местности и в данную эпоху, чего чуждается народное сознание, что не само собою образуется, а *вводится*, если не насильно, то, по крайней мере, не справляясь с желанием большинства. Противники общинного владения, господа Бутовский, Иванов, Неелов, неизвестно по каким причинам, приняли за правило сопоставлять слова: *личное* и *естественное*, противопоставляя им слова: *общинное* и *искусственное*. На чем это основано, мы решительно не понимаем. Неужели, например, родовой быт, где все человеческие отношения определяются кровною связью, может быть назван по существу своему искусственным в сравнении хоть с дружинным устройством или со всякою другою формою общежития, основанною на добровольном и условном вступлении в союз? Предположим, что какой-нибудь миссионер вздумал бы убеждать первобытное, не затронутое цивилизацией племя разорвать родовой союз и перестро-

ить общество по системе общественного контракта Руссо, – не скажем же мы, что этот миссионер ратует за естественный порядок вещей против порядка искусственного. Между тем нельзя отрицать, что вторая форма общежития дает гораздо более простора личности, чем первая, и если бы язык наш допускал употребление прилагательного *личный* в сравнительной степени, мы имели бы полное основание сказать, что дружинное устройство и все виды ассоциации *личнее* родового союза.

Совершенно произвольное соединения слов *личный* и *естественный* объясняется только одним – предположением того *естественного* состояния *личной изолированности*, в котором находился когда-то первосозданный или, точнее, первовыросший человек – l'état sauvage. Но тут рождается новый вопрос: из какой ветошной лавочки взято на прокат это истасканное тряпье, давным-давно выброшенное из философии, из истории и из науки права? Объяснения на это, разумеется, надобно требовать не у наших экономистов; они ничего не виноваты и не подлежат ответу. Их дело – повторять, что печатается в Париже и Лондоне. Если же мы обратимся к источнику, то есть к иностранной литературе, и приведем себе на память историю политической экономии как науки, то мы легко пойдем, отчего в некоторых ее захолустьях, и именно в ней одной, нашли себе последний приют понятия о человеке и об обществе, некогда господствовавшие во всех областях знания. Политическая экономия как самостоятельная отрасль знания возникла в самую эпоху этого господства, в исходе XVIII в., и потому очень естественно, что она многое заимствовала у философской системы того времени. При этом, будучи сама по себе наукою по преимуществу опытною, подвигаясь путем разложения явлений и обобщения своих наблюдений, она не занялась проверкою общих начал, лежащих в основании всех наук о человеке. Она брала их, так сказать, на прокат, когда было нужно, для пополнения пробелов, для связи, для вступлений и заключений, не придавая им особенной важности. У нее было другое, специальное дело. Вникая глубже и глубже в процесс образования и распределения богатств, она завоевывала целую область, открывала новые, дотоле неведомые законы; но логическая их связь с другими законами человеческого развития оставалась и остается доселе неопределенною; место, занимаемое политической экономией в отношении к другим наукам, не обозначено, самые пределы ее не установились; они то раздвигаются до бесконечности, забирая в свой круг все человеческие потребности и способы их удовлетворения, то стесняются до бессвязного свода статистических выводов. Эта относительная юность политической экономии и эта изолированность ее в области знания объясняет, почему она могла не испытать доселе очистительной реакции против школы энциклопедистов, от которой давно отrekliсь другие науки.

Назвавши общинное владение формой искусственной, противоположно естественному порядку вещей, г. Иванов повторяет положение г. Бутовского: «Общинное владение осталось до сих пор в одной России, но его все-таки нельзя считать исключительною принадлежностью и особенностью русского народа. Оно было всеобщее явление как переход от кочевой жизни к поземельной собственности... Напрасно г. Самарин полагает, что в Западной Европе было только совокупное и нераздельное пользование угодьями, которое во многих местах отчасти сохранилось и донныне: было и личное, чересполосное, как у нас, пользование землею общественного владения, хотя по обычаям народа этот способ владения и мог иметь в нашем отечестве свои особенности» (с. 615).

Точно, мы думаем, что *общинность* во всех ее формах сродна славянскому племени и великорусскому по преимуществу. У других народов как господствующая характерная черта она нам не встречалась; но мы вовсе не утверждаем, чтобы ее нигде не было, и убедительно просим автора указать нам, где, когда и у какого народа существовало общинное владение землею не в смысле нераздельного пользования угодьями. Со своей стороны, мы обратим его внимание на два обстоятельства. Если общинное владение было явлением всеобщим как переход от кочевой жизни к поземельной личной собственности, то как же называть его *искусственным*? Не следует ли из этого, наоборот, что оно возникает по естественной необходимости, в известную пору народной жизни так же, как личная собственность возникает в другую эпоху. Далее, как согласить теорию, по которой общинное владение непременно предшествует личной собственности, с воззрением на происхождение и историю русской сельской общины, которое проводил г. Чичерин на страницах того же «Русского вестника»? В то время, мы слышали, что первоначально в России преобладало личное владение и поселяне жили небольшими деревнями, а потом вошло в обычай общинное владение с многолюдными селениями вследствие наложения тягла на крестьян и введения подушного сбора. Справедлива ли эта мысль или нет – другой вопрос; но во всяком случае или историческое воззрение на русскую общину неверно, или теория, которую проводит «Русский вестник», несостоятельна¹.

В приведенной выше выписке общинное владение связано было мертвым узлом с понятием противоестественности; далее, оно связывается с яв-

¹ Эти строки были написаны до выхода № 17 «Русского вестника». В то время позволительно было искать в этом журнале выражения положительных убеждений. С тех пор дело разъяснилось. Господа Чичерин, Бутовский, Неелов, Иванов сами по себе, а «Русский вестник» сам по себе. Он, как мы теперь узнаем, всегда стоял за сельскую общину, не только в административном, но и в хозяйственном отношении; а что он так долго об этом молчал и, скрепя сердце, проповедовал два года противное, это оттого... Но пусть «Русский вестник» сам объяснит публике эту тайну и удовлетворит сильно возбужденное любопытство своих многочисленных читателей.

лением чересполосности. «Так как земли, – говорит автор, – состояли в общем пользовании всего рода, то вместе с земледелием постепенно развивается общинное и чересполосное владение для уравнивания всех, имеющих право на пользование общою землею» (с. 615). В другом месте: «Если бы не было такого перехода, земля была бы собственностью членов общины, и в этом случае едва ли общая польза может требовать сохранения чересполосности, которая составляет другую необходимую принадлежность общинного владения» (с. 616). Положим, что чересполосность возникает из желания уравнивать наделом всех имеющих право на землю; но разве при разделе личной недвижимой собственности между пятью наследниками каждый не захочет точно так же получить долю в лугах, в выгоне, в прибережье, в огороде, в пахотной земле, сильно удобренной, в залежи и т. д.? Отчего чересполосность развилась до таких губительных крайностей на Рейне, в классической стране личной собственности? В критике на статью г. Бутовского мы ссылались на исследование Вильгельми; теперь да позволено нам будет привести слова Рия, современного писателя, изучившего глубже всех народный быт в Германии: «Я рассказывал моему хозяину на острое Рюгене про неограниченное дробление имений в средней Германии, вследствие чего ежегодно тысячи здоровых, способных к работе людей отправляются нищенствовать на все четыре стороны, тогда как на Рюгене одни калеки и хромые кормятся подаванием. Я объяснял ему, как в той же стороне объем каждого крестьянского участка уменьшался пропорционально увеличению числа этих мелких, в нищенстве свободных землевладельцев. Я привел ему в пример близко мне знакомых шесть деревень в Гогенцоллернском княжестве. Тому назад 70 лет там было 77 тяглых крестьян, занимавших участки в 100 моргенов каждый, тогда как теперь ни один не владеет таким количеством земли. Это объясняется легко, ибо теперь 5000 человек разбирают между собою площадь, которая прежде делилась только на 3000 хозяйств. Тому назад сорок лет в этих 6 деревнях было 360 лошадей и 830 рабочих волов; теперь осталось лошадей 60, волы совсем перевелись, и крестьяне пашут на коровах. В старину в средней Германии бедного крестьянина клеймили обидным прозвищем *коровника* (Kuhbauer), т. е. такого хозяина, который впрягает в плуг дойную корову и доит ее на ходу. Скоро это обидное прозвище делается почетным, потому что кое-где уже попадают до того выродившиеся, исхудавшие хозяйства, что весь урожай на руках переносится в дом, а кто в состоянии запрячь корову, тот теперь стоит на одной ступени с прежними крестьянами, имевшими по две упряжи»¹.

Может быть, все это сделалось без спросу *науки*, но, однако, сделалось *естественно*. К этому пришли личные интересы, самим себе предоставлен-

¹ Land und Leute v. Riehl. Гл. IV.

ные и никем не сдержанные. Вы скажете, что можно не дробить участков ниже известной меры, – можно! Но разве не можно положить предел увеличению числа тягол и установить, сколько кусков будет отводиться в каждом поле, на каждый дом? И где легче ввести какой бы то ни было порядок (разумея под этим предел дробления, неделимость участков, способ наследования и т. п.), обязательный для всех и непременно стеснительный для многих, – там ли, где владеют землею *все* или где *каждый* привык окапываться со своим клочком земли, где все стремления и помыслы начинаются со слов «я» и «мое» и кончаются тем же «я» и «мое»?

Итак, общинное владение само по себе, а чересполосность сама по себе.

«Одни начала, – продолжает г. Иванов, – непременно ведут к одним следствиям; если развитие промышленности и уничтожение крепостной зависимости везде приводили к отмене общинного владения, то *нельзя думать*, чтобы какие-нибудь особенности характера русского народа делали необходимым или возможным сохранение такого порядка вещей, который был везде следствием всеобщей бедности и малого развития промышленности и т. д.» (с. 615). Это сказано так, без всяких доводов; «нельзя думать» – да и только! Почему же, однако, нельзя? Потому что до сих пор этого не было – да разве это причина? Значит, когда от Англии отложилась ее Американская колония, а в Европе господствовала монархическая форма правления, нельзя было думать, что образуются Соединенные Штаты? В средних веках, когда в западном обществе преобладало начало сословного разновластия, когда дворяне во Франции, Англии, Германии гораздо лучше понимали друг друга, чем, например, своих соотечичей-горожан, живших у них под боком, когда, в свою очередь, города составляли федерации, переступавшие границы государств и племен, – нельзя было думать, что племенное начало и государственное возьмет верх и подчинит себе сословное? Что за странная привычка обрезать историю на каждом шагу, заключать развитие будущего в рамки прошедшего и настоящего, объявлять историческую ликвидацию оконченною и ставить для целого народа Геркулесовы столбы на той точке, далее которой мысль наша нейдет!

«Везде, – говорит автор, – земля сделалась собственностью отдельных лиц, для которых собственные выгоды служат побуждением к улучшению своей земли посредством собственного труда или капитала или же посредством передачи ее в пользование кому-нибудь другому с определением самого лучшего для состояния земли способа возделывания ее и с употреблением для того, в условленном размере, капитала от обоих – и от собственника, и от наемщика. При таком устройстве владения выгода землевладельцев совпадает с выгодою всего общества, которое таким образом распределяет на своих членов обязанности и выгоды улучшения и

оплодотворения земли для пользы общей. Община и государство не имеют способности и возможности так выгодно и полезно владеть землею, как это делают собственники, потому что интересы общие менее побуждают к пожертвованиям труда и капитала для оплодотворения земли, нежели личная польза; *при общинном владении личные интересы членов общины большею частью противоположны и интересам всего общества, и между собою, и таким образом у семи нянек дитя без глазу бывает»* (с. 615–616). Из этих слов мы заключаем, что автор одинаково благоволит к обеим формам землевладения, существующим в Западной Европе, то есть к мелкой поземельной собственности и к фермерству, – это замечание нам нужно для переды. Но что значит, что при таком устройстве общество *распределяет* на своих членов обязанности и выгоды для пользы общей? Когда, где, в какой форме общество заявило свою распределительную власть? Мы знаем, что французские социалисты, о которых противники сельских общин говорят теперь так свысока, мечтали об отдаче всех производительных сил в опеку правительств и спорили между собою о формуле *распределения* обязанностей и барышей; но сколько нам известно, все это осталось на бумаге и ни одно общество не приняло на себя этой трудной опеки. Автор, кажется, увлекся желанием отыскать разумную волю и справедливость там, где все предоставлено неограниченному состязанию личных интересов и слепому случаю, а может быть, это просто обмолвка. Но следующее за тем положение, что выгоды землевладельцев будто бы непременно совпадают с выгодами всего общества в той общей форме, в которой выставляет его автор, совершенно ошибочно в самом существе своем, ибо *чистый доход*, которым измеряется выгода, получаемая частными лицами (*revenue net*), и *валовой доход*, от которого зависит общественное благосостояние (*revenue brut*), возрастают и упадают отнюдь неравномерно. Графиня Сюзерландская владеет в Шотландии 400,000 гектарами земли (более 366,166 каз. десят.), на которых водворено было 3,000 семейств и 15,000 душ. Эти семьи держали фермы, кормились произведениями земли и скотоводства, а помещице уплачивали умеренную ренту. Желая возвысить свой доход, помещица применила к своему имению так называемую систему очистки земли от людей (*clearing sistem*); в промежуток времени от 1811 до 1820 г. она согнана всех своих фермеров, снесла все деревни и устроила на месте их 29 громадных дворов для содержания 131,000 тонкорунных овец: все поля запущены были под пастбища, а выгнанные поселяне навсегда покинули свою родину и перебрались в Америку. Вся эта операция была подробно описана исполнителем ее в особой брошюре под заглавием: «Отчет об *улучшении* в имении» и т. д. Выгодность ее для помещицы доказана и подтверждена тем, что многие владельцы последовали ее примеру; но спрашивается: где тут

выгода для всего общества? Увеличилось ли благосостояние Шотландии оттого, что прибыло несколько тысяч фунтов стерлингов в сундуке графини С. и в то же время выбыло из Шотландии 15 тысяч трудолюбивых пахарей? Большинство экономистов принимает, что при сосредоточении значительных владений в немногих руках чистый доход, получаемый от земли, бывает больше, чем при раздроблении земли на мелкие хозяйства, зато в последнем случае масса получаемых произведений или валовой доход гораздо значительнее. На чем же основано безоговорочное положение о всегдашнем и неперменном совпадении личного интереса землевладельцев с интересом общественным?

Именно потому, что вместо совпадения очень часто вырабатывается на практике прямая противоположность и что обыкновенно интерес землевладельцев берет перевес над интересом многочисленнейшего сословия, живущего возделыванием земли, немецкие правительства с такою неусыпною заботливостью оберегали границы крестьянской земли и строгими мерами обеспечивали исключительное право на нее поселян. Тот же порядок вещей введен был шведским правительством в Остзейском крае, и когда Русское правительство, даровав крестьянам личную свободу, упразднило их право на землю, положившись на совпадение личных интересов с интересами общими, последствия, как известно, оказались весьма неблагоприятными для края вообще, а затем, по неизбежному историческому закону, и для самих помещиков.

Еще менее основательно другое предложение автора, будто бы при общинном владении личные интересы членов общины большею частью противоположны и интересам всего общества, и между собою. Во-первых, при общинном владении каждый крестьянин, имея свой частный интерес, как хозяин и распорядитель в отведенном ему куске земли участвует своим же лицом в интересах общих как живой член сельских общин. Когда английский лорд сдает свою землю фермеру, первый может получать огромный доход и богатеть, а второй – не получать от того ровно никакой выгоды и даже беднеть при возвышении ренты, несоответственном с ценностью продуктов; но когда хозяева получают землю от общества, которого сами они члены, обогащение или обеднение этого общества воздействует непосредственно на состояние каждого хозяина. Предположим, например, что общество нашло бы средство завести оброчную статью и доходами от нее уплачивать подушный сбор; вероятно, каждый хозяин поймет же, что его личная польза связана с поддержанием и увеличением этого дохода. Предположим, что в обществе много бедняков и нищих, которых надобно кормить и за которых надобно платить подати: неужели прочие зажиточные хозяева не сообразят, что на них будет лежать добавочная повинность, пока бедняки не поправятся? Общий уровень благосостояния целого сословия или общества не может подниматься на счет

каждого из его членов, тогда как взятый отдельно каждый член общества может обогащаться на счет всех. Теперь возьмем обратный случай: крестьянин дурно вспахал или не в пору засеял свое поле и остался без хлеба; крестьянин пропил свои заработки, и ему нечем жить; у крестьянина украли лошадь. Какая от этого польза обществу? – право, не понимаем.

Г-н Иванов, как кажется, выводит мнимую противоположность интересов общественных с интересами личными из того, что общество отвечает за своих членов и что каждому приятнее жить на чужой счет, чем собственным трудом. Он говорит: «Общинное устройство возможно только при равнодушии общества и крестьян к улучшению земли и последних к улучшению своего состояния, *обеспеченного* (?) ответственностью землевладельца или пособиями и льготами общины и государства и т. д.» (с. 618). Действительно, это могло бы иметь место, во-первых, если б общество, неся ответственность за своих членов, лишено было принудительной над ними власти и права с них взыскивать; во-вторых, если б оно могло и обязано было доставлять каждому такую же долю благосостояния и все те выгоды, какие достигаются напряженным трудом; но ни один из защитников общинного владения никогда и не предполагал, чтобы мир должен был молча и покорно отдавать себя в жертву каждому дармоеду. Что же касается до помощи, пособия и поддержки от общества, то неужели думают, что обеспечение насущного хлеба и уплаты податей покрывает все нужды, удовлетворяет врожденной человеку потребности благосостояния и убивает всякое желание? Насущный хлеб! – это еще немного, да и горек бывает подчас этот хлеб, получаемый от мира. Не говоря о том, что должны выслушивать дармоеды на сходках (а укоризна перед лицом всего мира очень чувствительна для крестьянина), общество может наказать за нерадение, отдать в работу, наконец, в рекруты. И что за странное существо этот русской крестьянин, если он не понимает, что хотя общество и обязано прокормить его и внести за него подати, но тем не менее для него самого гораздо выгоднее собрать побольше хлеба на своей ниве, чтобы выручить кое-что и на продажу, теплее одеться, нарядить жену и т. д. Но г. Иванову мало и того, что интересы каждого противоположны интересам всех: он хочет еще, чтобы личные интересы были между собою противоположны. Как это понимать? Интерес продавца и производителя – сбыть товар как можно дороже; интерес покупателя – купить подешевле: эта противоположность, однако, не убивает торговли. То говорят нам, что противоположность и борьба личных интересов почему-то свойственна общинному землевладению и, следовательно, вредна, то выставляют ее как везде присущее условие всякой человеческой деятельности, а рождающееся из нее соревнование и напряжение усилий – как самый могучий двигатель промышленности!

«У семи нянек дитя без глазу». Как применить эту поговорку к общинному владению? Если б один крестьянин пахал, другой сеял, третий жал, четвертый молотил, она была бы у места, но ведь этого не бывает. Во-первых, мир, общество – не 7 нянек, если уж называть его нянькою; во-вторых, мир не распоряжается рабочими силами. Если же автор хотел сказать, что мир, юридическое лицо, есть постоянный владелец земли, а другое, физическое лицо, отдельный хозяин, пользуется землею и обрабатывает ее, то разве не то же самое в фермерстве? Лорд-вотчинник – вот одно лицо: ему выгодно забрать, если можно, весь урожай в виде ренты; фермер – другое лицо: ему выгодно заплатить за право держать землю как можно дешевле; батрак – третье лицо: его выгода взять высокую задельную плату и употребить на работу поменьше времени и сил, а фермеру, наоборот, хотелось бы платить ему как можно меньше и выжать на своей работе весь мозг из его костей. Вот уж *три няньки* над одним клочком земли, а земледелие в Англии не в упадке... И почему, если уж дело пошло на поговорки, не вспомнить кстати и другие: с миру по нитке – голому рубаха, и тому подобные?

«Община и государство, – говорит г. Иванов, – не имеют способности и возможности так выгодно владеть землею, как это делают собственники, потому что интересы общие менее побуждают к пожертвованиям труда и капитала для оплодотворения земли, нежели личная польза» (с. 616).

Точно, трудно юридической личности, государству или обществу, владеть землею так выгодно, как частные лица, *если под словом «владение» разуметь извлечение продуктов посредством обработки земли*; потому никто и не думал советовать сельским общинам прекратить *сдачу* полей и угодий в частное пользование и от себя, на свой счет и риск, завести общественное хлебопашество. Подобная операция действительно была бы невыгодна – в этом автор бесспорно прав; но причины он не угадал, ибо та, которую он приводит, содержит в себе приговор над всяким совокуплением сил в сфере промышленности вообще. Если правда, что ни государство, ни общество не может приняться с выгодой за земледелие собственно потому, что охота жертвовать трудом и капиталом пропадает от одной мысли, что, кроме самого жертвователя, и другие лица должны получить от того пользу, то ведь это должно относиться не к одному земледелию, а ко всякого рода торговым компаниям, товариществам, обществам акционеров и т. д. Сомневаемся, чтобы г. Иванов согласился с этим неизбежным выводом из его слов.

Предчувствуя некоторые из возражений, нами сделанных, автор говорит: «*Личное пользование* не устраняет неудобств общинного владения, потому что оно не постоянное, а временное: в том и состоит характер общинного землевладения, что полоса земли, не принадлежа никому, переходит от одного члена общины к другому без уплаты за эту землю и за улучшение ее» (с. 616).

Значит, по-видимому, положение фермера, нанимающего на время участок земли, с которого, по истечении контрактного срока, вотчинник может согнать, лишив его всякой оседлости, совершенно сходно с положением нашего крестьянина, пользующегося мирскою землею до передела; на деле же оказывается огромная разница. У нас хозяин владеет не постоянно *тем или другим* клочком земли, но постоянно владеет *землею* по праву, ему прирожденному, как члену общины. Мало того, дети и внуки и все потомство его родятся с тем же правом: следовательно, владение землею *вообще* – факт *постоянный*, непрерывно переходящий из рода в род. Характер или сущность общинного владения состоит именно в том, что всякий, нуждающийся в земле и способный ею пользоваться, получает уравнительный с прочими надел, а что полоса земли переходит от одного к другому – это не сущность, а невыгодная сторона явления, вовсе не исчерпывающая его сущности. Брать только одну эту сторону и выводить из нее определение – значит то же самое, как если б кто-нибудь, желая уяснить характер мелкой поземельной собственности, сказал, что сущность ее состоит в невозможности сосредоточения огромных денежных капиталов на улучшение земли и применение дорогих машин, сберегающих человеческий труд. Справедливо и это, но забыто или упущено из виду, что указанный недостаток искупается приобщением сравнительно большего числа жителей к выгодам недвижимой собственности и сильным напряжением личного труда. Обращаясь таким образом с фактами, можно все, что угодно, представить в самом невыгодном свете.

Далее г. Иванов доказывает, что общинное владение, по непрочности предоставляемых хозяевам прав на землю, не допускает употребления труда и капитала на улучшение почвы. Это замечание по отношению к существующему у нас в настоящую минуту порядку переделов не лишено основания; в чем именно и насколько мы с ним согласны, читатели могут видеть из нашей статьи, помещенной в 1-й книжке «Сельского благоустройства», но г. Иванов придал ему такое широкое и безусловное значение, что нет возможности пропустить его без оговорки. Вообще, почтенный автор разбираемой нами статьи не жалуется оттенков в мысли и выражении. Он мало заботится о соблюдении меры: у него постоянно является или все, или ничего; никуда не годное или безукоризненное. Например: «Никто не станет даром или безусловно употреблять капиталы и труды на улучшение той земли, которая вся или часть которой всегда может перейти во владение другого лица» (с. 616). Да разве теперь наши крестьяне не затрачивают капитала в виде удобрения и не употребляют труда? Конечно, они делают это не даром, во-первых, потому, что *большая часть* капитала и труда вознаграждается хлебом, собираемым тем самым хозяином, который поднимал землю, вывозил и запахивал навоз, сеял, бороновал, полел и т. д.; во-вторых, потому что удобренная

им нива остается навсегда в мирском владении и, следовательно, может достаться его сыну, внуку и правнуку. До сих пор у нас, в сравнении с другими землями, еще очень мало затрачено капиталов на земледелие, но общинное владение нисколько в том не виновато. Не пришло время! Может быть, нигде во всей Европе хлебопашество не производится в таком первобытном виде, как в том крае, из которого я пишу эти строки, а именно в Самарской губернии. Здесь пашут землю на съемных участках *наездом*, не только не употребляя удобрения, даже не строя постоянного и прочного жилья. С осени или весной крестьянин выедет с своим плугом на участок, на неделю или более, поднимет залежь, разбросает по пластам семена, взборонует и потом поедет к себе домой. Когда поспеет хлеб к уборке, он опять со своими домашними или с нанятою артелью прикочует на жнитво и уберет свой хлеб; осенью тут же, в поле, обмолотит и очистит его, зерно увезет домой, а за мякиною и соломою иной, особенно в урожайный год, и не погонится. Этим оканчивается вся операция. Здесь, действительно, вся работа и все расходы ограничиваются тем, что необходимо на снятие одного хлеба; но чем же виновато общинное владение? Это просто первобытное хозяйство, потому что все местные условия первобытны и потому что, как бы вы ни рассчитывали, вы не придумаете более выгодной системы. Затрачивать же капиталы не ради ожидаемых выгод, а ради желания затрачивать и следовать примеру других земель – такого бескорыстного сорения денег и труда действительно не представляет наша община, но едва ли представит и личная собственность; мы даже весьма сомневаемся, чтобы какой-нибудь шотландский или ланкастерский фермер, занесенный в Самарскую губернию, убедившись наглядно в тех выгодах, какие он может получить при варварской системе наших крестьян, захотел вести свое хозяйство таким же порядком, как на своей родине. Мы взяли крайность; но не только в самарских и новороссийских степях, а почти повсеместно в России, по многим и многим причинам, участие в земледелии оборотного капитала и труда, *окупаемого продолжительными выгодами*, очень незначительно. Это происходит от скудости капиталов вообще, от скудости народонаселения, обилия земли, неизбежного по климатическим условиям однообразия посевов и т. д. Оттого потеря исправного хозяина при переделе земель, хотя и несомненная, в сущности не так еще значительна: он может лишиться десятины, на которую вывезено 400 возов навоза, и получить взамен десятину, на которую вывезено их 100 или 200, не более. При этих условиях и передел на ней производится также в первобытной, простейшей форме. Со временем общий характер нашей сельскохозяйственной промышленности неминуемо изменится, и потребуются, положим, двойное количество капитала и труда. «Тогда, – говорит г. Иванов, – общинное владение уже не годится, потому что при нем *никто* не ста-

нет помещать капиталов в земледелие: тогда является стремление к приобретению поземельной собственности или, по крайней мере, к постоянному личному пользованию участками чужой земли, владеемой на определенных условиях и на определенное время» (с. 617).

Никто не станет помещать капиталов в земледелие, то есть ни один хозяин, взятый отдельно, из собственной своей суммы; но почему же не сделать этого всем, мирскому обществу? Случается же и теперь, что целое селение облагает каждого хозяина сбором на общепользней предмет, например, на благоразумное приношение какому-нибудь начальству, на отклонение наезда земской полиции, на постройку церкви, учреждение прихода и т. п. Почему же не предположить, что, когда почувствуется в том необходимость, целое же общество, по складчине, пророев канаву, очистит площадь, годную под распашку, от пней и кустов, устроит дренаж, орошение и т. п.?

Далее, фермер также пользуется землею временно, положим для примера на 12 лет, с 1858 по 1870 г.; удобрение, которое он положит в землю, и посевы кормовых трав, сделанные им в 1858–1866 гг., окупятся ему урожаем и укусами последующих четырех лет; но удобрение и травосеяние должны продолжаться постоянно, без перерывов; поэтому, чтобы не потерпеть впоследствии убытка от ослабления деятельности временного владельца в последнее время арендного срока, вотчинник вменяет ему в обязанность по контракту вывозить навоз и поддерживать травосеяние до самой сдачи участка. При заключении контракта эта обязанность принимается в соображение как одна из тягостей, возлагаемых на съемщика, и делается соразмерная скидка из арендной платы; а иногда вотчинник обязывается вознаграждать съемщика за все произведенные последним и не окупившиеся ему улучшения. Очевидно, что при увеличении народонаселения и при возвышении ценности на землю, ничто не мешает общине сдавать землю хозяевам на таких же условиях. Предположим, что общество владеет несколькими сотнями десятин негодного кустарника или болота; для извлечения из них пользы оно или делает складчину и нанимает юхновцев, а потом раздает землю своим членам, или разбивает всю площадь на участки и предлагает их на съем желающим с обязанностью принять на себя расчистку и распашку, а потом пользоваться ими в течение 10, 12, 15 лет без переделов, пока окупится с избытком первоначальный расход, или вменяет этот труд в обязанность всем хозяевам, разбив площадь на делянки, соразмерные с рабочими силами каждого дома. Что же тут несовместного с общинным владением? Наконец, почему не допустить, что со временем общество будет распределять и пашню по тяглам, но на известных условиях (например: не снимать кряду более двух хлебов, вывозить на $\frac{1}{6}$ всей пахотной земли по 400 или 300 возов удобрения на десятину, ежегодно засеивать клевером

не менее 300 сажень и т. п.) или что при переделе оно присудит исправному хозяину вознаграждение за особенную ценность, которую он придал своему участку? Мы поневоле переходим из настоящего в область предположения (чего мы избегали в первой статье, напечатанной в «С. Б.»), но иначе отвечать нельзя на возражения вроде следующих: община не сможет того-то, не осилит другого, не допустит третьего. Кажется, впрочем, что во всех сделанных нами предположениях нет ничего такого, что бы противоречило существу общинного владения.

Вообще, надобно сознаться, что в известном отношении положение защитников общинного владения крайне невыгодно в сравнении с положением их противников. Последние закидывают нас числами, таблицами, рисуют перед нами очаровательные картины английских искусственных лугов, шотландских нив, французских виноградников; потом они обращаются к нашим безлюдным пустырям, полуразвалившимся избам, сорным полям, едва исцарапанным сохой, и, глядя на публику, говорят: «Господа, где лучше: там или у нас? Судите сами: там личная собственность и фермерство, а здесь общинное владение!». При внимательном изучении вопроса читатель, конечно, сообразит, что сравниваются не результаты двух форм землевладения, не общинное устройство с фермерством, а хозяйство развитое с неразвитым, общество зрелое и перезрелое с обществом, едва вступающим в совершеннолетний возраст, умеренный климат с холодным, густо населенный край с краем, сравнительно безлюдным. Сравнение это так же убедительно, как если бы кто-нибудь, взявши золотушного 15-летнего русского мальчика и дюжего английского матроса 30-ти лет и поставив их на подмостки, вздумал бы доказывать публике превосходство англо-саксонской крови над русской...

«Общинное владение, – говорит г. Иванов, – могло существовать только до тех пор, пока крестьяне владеют чужою землею, к которой поэтому они имеют мало привязанности и которую улучшать они имеют мало побуждений» (с. 618). Все это, кажется, совершенно произвольно. Там, где развито фермерство, хозяева снимают чужую землю, но владеют ею не сообща, а каждый своим участком; следовательно, владение чужою землею вовсе не влечет за собою общинного быта; наоборот, мы никак не видим, почему бы целому обществу нельзя было сидеть на собственной своей земле, оставаясь при мирском владении? Что наши крестьяне имеют *мало привязанности к земле*, это такая новость, которая в настоящую минуту обрадовала бы многих, если бы кто-нибудь мог ей поверить; но, не дай Бог, кому бы то ни было решиться испытать на самом деле, точно ли это так. В доказательство автор в примечании приводит следующий факт: «Г. Кошелев утверждает, что крестьяне совершенно убеждены в принадлежности им земли и приводит по-

говорку их: *земля наша, а мы ваши*. В нашей (?) стороне этих понятий нет, может быть оттого, что весьма много деревень переселены из других мест на пустые земли, принадлежащие помещикам. По крайней мере, нам часто случалось видеть, что из двоих братьев-крестьян один откупится на волю, и выкупившийся при выходе из имения делится с остающимся братом своим при посредстве мира: в расчет дележа поступает скот, хлеб, сено, посуда, одежда и пр., но на строение и на землю выкупившийся не предъявляет требований, говоря, что они *господские*» (с. 618). О какой именно стороне говорит г. Иванов, он не объяснил, хотя и изъявил в той же статье полное согласие на мое предложение о ближайшем определении местности, когда приводятся факты; но не в этом дело. Самый факт понят неверно. Из двух братьев один откупается, иными словами: он выписывается из имения, выходит из общества; земля же отдана во владение обществу, и каждый хозяин пользуется ею как член общества, следовательно, земля никак не может быть предметом дележа между лицом, остающимся на месте, и другим, выходящим из имения в другое сословие. Этот пример годился бы в доказательство существования у нас хозяйственной общины, если бы потребны были на то доказательства, а вовсе не в опровержение совершенно верного замечания г. Кошелева, что крестьяне сознают за собою право на землю; мы не говорим право полное и безусловное, но право, не зависящее от произвола вотчинника. Самое выражение *господский, господские* употребляется крестьянами в различных смыслах; на вопрос: кто вы такие? – они отвечают: «мы *господские*, такого-то барина», а на вопрос: чья это земля? – они отвечают: «наша, крестьянская, спокон века, а вот там, за перелеском, – *господская*», хотя та и другая принадлежат по праву собственности помещику, а если б другой, соседний помещик вздумал оттягивать у него ту или другую землю, то нет сомнения, что те же крестьяне на вопрос следовательно отозвались бы единогласно, что вся земля, и крестьянская, и господская, принадлежит их барину, а не соседу. Впрочем, каковы бы ни были понятия крестьян в той местности, о которой говорит г. Иванов, факт привязанности крестьян к земле и твердой их уверенности, что они имеют на нее природное право пользования, по убеждению огромного большинства помещиков, стоит выше сомнения. Распространяться об этом предмете мы не считаем нужным и обращаемся к следующим заключительным строкам сделанной нами выписки: «Предложите им (крестьянам) землю в собственность, и тогда они сами не захотят общего владения, чересполосности и переделов, а о даровом переходе полосы от одного семейства к другому при изменении количества рабочих сил каждого не может быть и речи. Тотчас им представится мысль об отдельном владении и размежевании; они не захотят платить деньги за то, чего тот, кто заплатит их, всегда может быть

лишен в пользу других членов общины, и т. д.» (с. 618). Г-н Иванов, конечно, понимает, что земля предложена будет крестьянам не даром, а за выкуп; если при этом каждый будет выкупать ее про себя, кто сколько захочет или сможет, то, без всякого сомнения, она не останется в мирском владении – об этом, действительно, не может быть и речи. Но почему же автор не принял в соображение, что ведь и выкупить землю можно и даже гораздо удобнее миром или целою общиною? Земля, состоящая в мирском пользовании, оценена каким бы то ни было способом. На выкуп ее крестьяне могут занять деньги в банке (если существует кредитное учреждение вроде прусских *Rentenbanken*), обязавшись круговою порукою ежегодно вносить определенный процент с погашением; могут также уплачивать выкупной капитал по частям, внося его вместе с оброком за пользование землею также за круговою порукою. В обоих случаях платежи будут раскладываться по тяглам, точь-в-точь как теперь раскладывается оброк, вносимый миром, или, как говорят в некоторых местностях, *из коробки*. Кажется, что этот способ, при котором платежи гораздо надежнее обеспечиваются (ибо случайная неисправность одного или двух домохозяев покрывается мирскою порукою), гораздо удобнее первого. Мало того, трудно даже предположить, чтобы выкуп мог совершиться иначе (говоря о выкупе не одних усадеб, а всей земли, имеющей быть отведенною в пользование крестьян). Разберите дело. Земля, служащая обеспечением продовольствия крестьян и уплаты податей, *принадлежит* на праве собственности *неполной*¹ помещику, который получает с нее определенный доход; *владеет* и *распоряжается* этою землею общество, или мир, и *потому* отвечает помещику за отработку барщины или за взнос оброка; наконец, из рук общества или через его посредство отдельные домохозяева получают эту землю в *пользование*. Выкуп в полную личную собственность Петра, Степана, Василия участков, розданных им для обработки, предполагает упразднение *всех* прав, лежащих на той земле, а именно: вотчинного права собственности, принадлежащего помещику, и права владения, принадлежащего миру.

Это последнее право не иначе может перейти к частным лицам от юридического лица, называемого миром, как посредством выкупа, притом с согласия мира или путем экспроприации. Первого случая, а именно, чтобы целое общество дозволило добровольно одному или нескольким хозяевам вырезать свои участки из общей мирской дачи, почти нельзя и предполагать. Оставалось бы обойтись без согласия мира. Против этой меры, благоприятной для немногих и стеснительной для большинства, можно бы сказать многое; но вместо всяких доводов мы сошлемся на пример Пруссии, кото-

¹ Под неполным правом собственности, по нашим законам, разумеется то, которое ограничено в пользовании, владении и распоряжении. т. X. Св. зак. гражд. 1842. С. 391 и 400.

рая испробовала ее в применении к упразднению сервитутов и совокупного пользования угодьями (Servituten, Gemeinheiten). Ученые агрономы и администраторы с половины XVIII в. не переставали жаловаться на эти остатки средневековой формы; выгоды, ожидаемые от их упразднения, были так очевидны, наука говорила так громко, что правительство решилось, не обращая внимания на предрассудки и закоренелые привычки большинства, принять радикальные меры. В этих видах издано было Положение 7 июня 1821 г., в силу которого (§ 23 и 40) каждый хозяин мог требовать выдела себе в личное и ничем не ограниченное распоряжение приходящейся на его долю части общих угодий и прекращения пастбища на своей земле; за каждую просьбу следовало немедленное исполнение, причем не спрашивали, согласно ли общество, и не разбирали, не произойдет ли вреда для всех от выгод, предоставляемых одному; одним словом – действовали точь-в-точь так, как советуют наши экономисты. От этого неосмотрительного распоряжения возникли разнообразные жалобы, местами расстроилось хозяйство целых общин и упало благосостояние мелких землевладельцев, огородников, хатников¹ и т. п. Объяснить это не трудно. Нельзя было произвести сепарацию одного хозяина, не примежевав его участков, рассеянных в общих полях, к одним местам: иначе при чересполосности он был бы связан общим севооборотом или не имел бы прогонов к своим полосам; потому удовлетворение каждой поданной просьбы требовало передвижения всех меж и границ; при каждой сепарации все участки, начиная с сложных, передвигались то в одну, то в другую сторону. Легко себе представить, каково было выносить подобную операцию по нескольку раз кряду прочим хозяева, которые не желали или не в состоянии были выделиться. Правда, что если разорялись крестьяне, то наука торжествовала; ее требования исполнялись беспрекословно, без оглядки; впрочем, и то продолжалось недолго. Правительство скоро убедилось, что тревожное состояние, возбужденное одною необдуманною мерою, влекло за собою более худые последствия для большинства, чем возникало пользы для частных лиц от ускорения сепараций, и в 1838 г. оно постановило правилом: приступать к выделам, сопряженным с обменами участков, не иначе, как по просьбе, по крайней мере, $\frac{1}{4}$ заинтересованных лиц, и не повторять этой операции до истечения 12 лет без согласия большинства местных обывателей. С тех пор частные выделы отдельных хозяев порознь *совершенно прекратились*². Итак, в этом случае ограничение личного права интересом общественным, подчинение личной свободы общественному

¹ Это доказано административным исследованием о состоянии сельского рабочего сословия, изданным в 1849 г., die ländliche Arbeiterfrage etc. v. Lengerke. Berlin, 1849. На многих страницах этой книги мы читаем: огородники, хатники, бобыли (Käthner, Gärtner, Colonisten) много понесли вреда от упразднения общих выгонов и производства сепараций.

² Смотри: die Zusammenlegung der Grundstücke v. Wilhelmy. Berlin, 1856.

приговору явилось как результат горького опыта и как шаг вперед, следовавший за неудавшимся применением к жизни тех общих положений, которые в учебниках кажутся до такой степени несомненными и ясными. Прибавим к этому, что дело идет о правительстве просвещенном, которого нельзя заподозрить в исключительном пристрастии к старине, ни в предрассудках, ни в недостаточном знакомстве с выводами науки.

Но пора обратиться опять к предмету. Мы сказали, что выкуп пашни и угодий в личную собственность крестьян предполагает упразднение: во-первых, права вотчинной собственности; во-вторых, права владения и распоряжения, принадлежащего миру, – следовательно, по всей справедливости, не может совершиться без вознаграждения мира. Определить вознаграждение за теряемое помещиком право вотчинной собственности очень немудрено, ибо данная для этого представляется сама собою в повинности, составляющей законный доход помещика от крестьянской земли; напротив того, очень трудно переложить на деньги, оценить общественное право владения, определить, что именно потеряет мир, какие возникнут для него стеснения, насколько упадет ценность и уменьшатся удобства земли, остающейся, за выделом отдельных участков, в общественном пользовании. Вообще, выкуп миром в собственность общественную посредством складчины или займа с раскладкою процентов и погашения по тяглам представляет гораздо менее неудобств, чем выкуп личный, и несравненно более обеспечений. В одном из последних номеров «Le Nord» мы прочли проект двух банкиров, предлагающих выпуск процентных билетов под залог облигаций, выданных мирскими обществами, за круговую порукою; но мы очень сомневаемся, чтобы кто-нибудь решился основать подобную операцию на личных обязательствах крестьян. Все это, кажется, так ясно, что невольно возбуждается вопрос: отчего же автор приходит к противоположному заключению? Вот его слова: «Если кто из крестьян решится заплатить за землю свои деньги, то конечно не на том основании, что если один из двоих сыновей его умрет или поступит в рекруты, то половина купленной земли будет у него даром взята и даром отдана соседу его, которого сын женился. Как несправедливо было бы ныне отобрать даром землю у помещиков, заплативших деньги за свои поместья, так при выкупе земли крестьянами было бы несправедливо брать ее у купивших крестьян и передавать другим крестьянам, для обеспечения нужд которых мир сочтет ее необходимою» (с. 618–619).

В последнем сравнении заключается ключ ко всем превратным заключениям автора. Полтораستا помещиков, живущих в одном уезде, и полтораستا крестьян-хозяев, *образующих одну общину*, – это для него одно и то же. Различие в характере сословий, в их домашнем и общественном быту, в их исторической судьбе, во всем складе их жизни – для г. Иванова не су-

ществует. Он знает только потребителей и производителей, капиталистов и работников, продавцов и покупателей. С этой точки зрения, все практические современные вопросы разрешаются очень легко – механическим применением политико-экономических формул, выражающих отношения отвлеченных величин, а не живых существ.

Г-ну Иванову не приходит на мысль ответить себе на сделанное им сравнение, что, действительно, было бы и несправедливо, и нелепо вменять в обязанность помещикам все то, что возлагается на крестьян, давать помещикам те права, какие предоставляются крестьянам, и ожидать от первых всего того, что могут сделать последние, именно потому, что вместе взятые помещики одного уезда или одной губернии хотя и образуют одно сословие и носят один мундир, но не составляют хозяйственной общины, а крестьяне, хотя у них нет ни мундира, ни (доселе) крестьянской грамоты, все-таки всякому непредубежденному глазу представляются как самородные общины, сознающие свое единство и вытекающие отсюда последствия – подчинение каждого хозяина миру и ответственность мира за каждого своего члена. В этой упущенной автором из виду разнице заключается вся сущность дела. Что, если бы мы вздумали сделать вывод такого рода: как несправедливо было бы ныне посылать русскую армию в Индию завоевать ее для англичан, так точно несправедливо было посылать курское ополчение на Малахов курган; ведь автор и всякий пожал бы плечами и подумал бы: охота не видеть, что Курская губерния и Крым одно государство, одна Россия, тогда как Индия для нас чужой край и с англичанами мы не связаны ни государственным, ни народным общением. Позвольте же и нам сказать: охота не видеть, что каждая наша деревня есть хозяйственная община, тогда как наши помещики стоят каждый сам по себе. Но вы отрицаете самородность нашей сельской общины. Недавно г. Чичерин доказывал публике на страницах «Русского вестника», что община как выражение народного духа есть выдумка славянофилов, тогда как в сущности она не более как изобретение казенной администрации вроде приютов или приказов общественного призрения; потом другие сотрудники «Русского вестника» пустили в ход подновленную мысль, что сельская община представляет собою переходный момент от кочевой жизни к прочной оседлости и теперь поддерживается искусственными мерами, так что если отнять от нее руку, то она немедленно распадется на единицы. Правда, теперь «Русский вестник» доказывает совсем противное. *Прогресс* его так быстр, повороты так неожиданны, и после каждого salto-mortale он опять так ловко становится в свою обычную докторальную позитуру, что глаз отказывается уследить за всеми его превращениями. Мы можем сказать нашим противникам только одно: отложите хоть на неделю *Catéchisme Economique* Сея, решитесь выехать за город,

и тогда вы увидите то, в существование чего вы не верите, что вам кажется неестественным, невозможным, – русскую общину. Попробуйте!

Сделанная нами последняя выписка оканчивается следующим изречением: «Вообще, общинное владение будет служить важным препятствием к устройству быта крестьян на новых основаниях» (с. 619).

Что сказать на это? Мы точно слыхали от людей, не сочувствующих этим основаниям, враждебные отзывы о сельской общине; но эти отзывы объяснялись очень просто: «Если бы с каждым крестьянином порознь иметь дело, куда бы еще ни шло! Не заплатить раз, другой, и долой его с земли; ступай на все четыре стороны, а земля моя. Заговорит один – зажать рот не трудно; ну, а как с целым миром иметь дело, так оно выходит потруднее: пожалуй, тут и сам руки обломаешь». Это, по крайней мере, последовательно и ясно; с этой точки зрения для дальнейших полуобнаруженных намерений общинное владение и мирское устройство, без сомнения, является помехою; но ведь автор далек от этого взгляда: как видно по всему, он искренно желает нового порядка вещей. Спрашивается: в чем же заключаются главные трудности его осуществления? Припоминая все нами слышанное и читанное об этом предмете, мы выразили бы сущность встречаемых затруднений в следующих словах: обеспечить доход, получаемый вотчинником из рук крестьян, от земли, отданной им в пользование, *не прибегая к произволу помещичьей власти*; обеспечить благосостояние крестьян и прочную связь земледельческого класса с землею, *не допуская насильственного укрепления, с одной стороны, и не требуя обязательных пособий и льгот – с другой*. Кажется, что против этого не может быть спора; а если так, то не очевидно ли, что доход, поступающий от всех, за круговую порукою, так сказать, застрахованный обществом, гораздо вернее и надежнее дохода, зависящего от доброй воли и состоятельности отдельно взятых лиц; что целому обществу легче удержать в своих руках землю, чем каждому хозяину порознь; наконец, что мирская опека и поддержка от мира будет дешевле, действительнее и разборчивее всякой другой? Где же тут препятствия?

До сих пор мы рассматривали общие соображения автора. Теперь он обращается к разбору моей статьи, помещенной в № 1 «Сельского благоустройства», и начинает с того, что упрекает меня в непоследовательности. Я не скрыл недостатка общинной формы землевладения, заключающегося в том, что при переделе полей некоторая доля результатов личного труда, употребленного крестьянином на улучшение и удобрение его полос, отходит от него без вознаграждения и поступает в пользу другого; как же после такого признания стоять за общину и не отвергнуть ее безусловно? Г-н Иванов ничем иным объяснить себе не может этой, по его мнению, непоследовательности, как приписав ее влиянию духа партии. Точно ли я

впал в противоречие, решат читатели по прочтении всей статьи; я не стану оправдываться, но не могу не обратить внимания на критический прием, выразившийся в этом упреке. Автор рассуждает следующим образом: если в существующем учреждении или обычае обнаружена несправедливая или невыгодная сторона, так о чем же еще толковать? По боку его, и давайте искать порядка совершенного и безукоризненного. Так же или почти так рассуждают и другие противники общинного владения, в последнее время заявившие свое мнение в нашей литературе, и этот прием вполне объясняет, с одной стороны, их неспособность понять историческую и хозяйственную законность нашей общины, с другой – слабое их влияние на общественное мнение сословия, призванного к практическому разрешению вопроса. Здравый смысл, воспитанный жизненным опытом и руководимый верным сознанием возможного и невозможного, глядит недоверчиво на эволюции отвлеченного рассудка, совершаемые в безвоздушном пространстве, и думает про себя: по-видимому, все это так, да только к делу-то никак нейдет. И здравый рассудок в этом случае совершенно прав. По историческим особенностям нашего умственного просвещения мы еще не усвоили себе правильного способа применения выводов испытующей мысли к общественным явлениям с целью вести их к постепенному совершенствованию. Мы смотрим на общественные вопросы, перед нами возникающие и требующие разрешения путем законодательным или административным, как смотрели мы некогда на арифметические задачи, которые писал для нас учитель на аспидной доске: помножить дробь на дробь или разделить целое число на дробь. Верно ли произведение, верно ли частное? Если хоть в какой-нибудь стотысячной доле оказывается неверность, значит – мы ошиблись, не нашли искомого, и вся операция никуда не годится, ибо разрешение задачи может быть только *одно*, безошибочное и безукоризненное. К несчастью, разрешение общественных вопросов несколько труднее. Входящие в них термины так сложны, такую тонкою сетью жил связаны со всеми другими членами живого организма, называемого обществом, что оторвать от него, изолировать одно явление, одну величину и придумывать для нее формулу, не удерживая постоянно в памяти всех бесчисленных отношений выхваченного явления к другим, прямо или посредственно с ним соприкасающимся, – нет возможности. Вот мы придумали, наконец, разрешение, по-видимому, безусловно верное; кажется, ни к чему прицепиться нельзя, а вдруг оказывается, что это разрешение, достигая одной цели, в то же время парализует другую, равно законную потребность, другое, не менее сильное стремление, упущенное нами из виду. После нескольких такого рода опытов создать общественный порядок *естественный* или сообразный с началами чистого разума, найти безукоризненную и безусловно применимую формулу обще-

жития мы наконец придем к убеждению, что в этой области все формулы непременно условны, что их применение ограничено и что естественность заключается здесь не в строгой сообразности явления с началами, под которые мы его подводим, а в свободе и своеобразности его исторического развития. Оно может быть законно, разумно, полезно и выгодно в данной местности, при данных условиях, в совокупности его результатов, и в то же время в нем могут быть, даже непременно есть, недостатки, несообразности, противоречия и вредные стороны. Неужели мы должны непременно закрывать глаза, чтоб их не видеть, или добровольно отречься от выгод только потому, что с ними сопряжены и невыгоды?

Перед нами две формы землевладения, личная и общинная. Которая же из них естественнее, лучше, которую принять и которую отвергнуть? – так ставят вопрос противники хозяйственной общины; но мы не можем допустить его в том виде. Если весь общественный склад представляет собою борьбу взаимно-ограничивающихся единичных стремлений; если преобладающая в обществе сила – чувство самосохранения, забота о себе, то странно бы было навязывать такому обществу вторую форму землевладения и мечтать, подобно западным социалистам, о возможности осуществить общинное начало в области хозяйственных интересов, когда не достает для него *нравственной* основы; но если, наоборот, в данном обществе идея круговой ответственности и обязательного общения развита так сильно, настолько проникла в быт, что потребность поддержать общий уровень благосостояния входит как существенное условие во все личные стремления к благу частному, то неужели мы решимся признать несправедливым и неестественным порядок вещей, наиболее согласный с этим господствующим характером?

Чем глубже мы разрабатываем общественные вопросы, тем дальше мы отходим от надежды разрешить который-либо из них одною, общеприменимою формулою или найти *разгадку*. Еще не так давно английские экономисты доказывали общими соображениями безусловное превосходство сосредоточенной в обширных размерах поземельной собственности, а французы, наоборот, отстаивали безусловно неограниченное дробление и мелкую собственность. Теперь и те и другие успокоились и признают, что обе формы имеют свои выгоды и свои невыгоды¹.

Почему же бы нам не отнестись также свободно и беспристрастно к нашему народному общинному землевладению и не решиться сказать, что хотя оно имеет свои неудобства, но выгоды, от него происходящие, значительно перевешивают их, и потому оно так же законно и естественно у нас, так же оправдывается в России, как сосредоточенная собственность в

¹ Чтоб убедиться в этом, достаточно заглянуть в исследование Волковского, Пасси и Стюарда Милля.

Англии, как мелкая собственность во Франции и Фландрии? Мы сейчас применим это к делу.

Вы приезжаете в деревню в ту самую критическую минуту, когда сходка в сборе и приступает к переделу полей. Перед вами старик, глава богатого дома, лучший хозяин на всем селе; в прошлом году у него умер сын, внук отдан в рекруты; дом из четырехугольных перешел в двугольные, и, следовательно, два участка должны от него отойти. Старик долго спорил и просил, хотя знал наперед, что беды не миновать; теперь он затих и грустным, прощальным взором окидывает в последний раз дорогую ниву – кормилицу, с которою его разлучают. Подойдите к нему в эту минуту и спросите у него, какого он мнения о справедливости и выгоды переделов? Не трудно угадать, что он скажет. «Какая тут справедливость! Десять лет валил и зарывал навоз, пахал, копался в земле, а тут, слышь: будет мол с тебя, дедушка, и трех полосок, не нужно тебе пяти... Да про то я ведаю, нужно ли, нет ли... Вишь, дескать, голыши подоспели, так подавай им. А они что? Небось, много на веку своем потрудились? Еще молоко на губах не обсохло, и т. д.»

Вы слышали отзыв исправного, опытного хозяина. Занесите слова его в свою записную книжку и выписывайте оттуда во все журналы, что славянофилы наклепали на русский народ, что он не терпит переделов, что общинное владение – не народный обычай, а искусственный порядок вещей, только неизвестно когда и кем изобретенный, а теперь поддерживаемый насилием.

Чего же больше? Но предположим, однако, что вы этим не удовольствовались и по роспуске сходки пошли вслед за недовольным хозяином и зашли к нему в дом для продолжения прерванного разговора. Вы спрашиваете у него, хотел ли бы он, чтобы его надел оставался навсегда в его потомственном владении? «Как не хотеть, – отвечает крестьянин, – чего лучше». Но вы не хотите оставить его в недоумении насчет последствий прекращения переделов, и потому вы продолжаете: «Ты получишь свой участок в неотъемлемое, потомственное владение, даже в собственность, но ведь и соседи твои тоже. У тебя теперь в доме 5 душ и два тягла, у соседа 7 душ и три тягла; и тебе и ему вырежется земля по числу душ или тягол. Но если через четыре или пять лет у тебя прибудет, положим, хоть три души, а у соседа выбудет четыре души, ему будет куда как льготно и просторно на семидушевом наделе, а уж тебе, при восьми душах, покажется тесненько на пятидушевом. Внуцатам твоим придется у соседа снимать землю и платить ему оброк или идти к нему в батраки; а уж к миру не обращайся. Да еще вот что может случиться. Все мы во власти Божьей: сгорит у тебя изба и двор, или лошади падут, или другая приключится беда такая, что тебе не справиться, и обедняет твой дом; землю придется продать, коли не всю, так разве одну

усадыбу, и еще самую малость оставишь ты за собою, и будут твои сыновья лет десять кое-как пробиваться. Тем временем подрастут внучата, народ молодой, здоровый, работающий, есть и сила, есть и охота потрудиться; поправился бы дом, кабы землицы прибавить, да та беда, что купить-то ее не на что, да и в найме-то она вздорожала сильно. Что делать! Охотников на нее много, поневоле приходится и внучатам идти в батраки». Едва ли слушающий вас крестьянин даст вам договорить до конца; вероятно, он перебьет вас вопросом: «Да как же так? К чему ж нанимать или покупать? Мир должен наделить. Ведь, чай, будут на селе и такие дома, которым с своею землею не управиться?» – «Нет, друг, уже мира в то время не будет и переделов не будет. Вся земля разобрана навсегда по рукам. Теперь вас на селе 40 хозяев, а в те поры каких-нибудь человек 8 или 10 заберут всю пашню и будут землей торговать, а внучата твои пусть кланяются им и просятся к ним в батраки». Крестьянин призадумается. «Так вот оно что! Значит, год, другой неурожай Господь пошлет, или скотина падет, или дом сгорит, так, може, и навек придется с землей распрощаться, да, может, и внучатам не быть никогда хозяевами?» – «Да, почти что так». – «Нет, уж коли так, пусть лучше я теперь потерплю, что нива моя – эх! Жаль землицы – отошла к соседу, да уж зато детей и внучат мир не бросит. Кто знает! Другой раз, может, и мне придется соседской землей попользоваться, а уж много ли, мало ли, а все землицей во веки веков мир никого не обидит; другому, бедному невоготу и нанять, так и того не обойдут...»

Вот что услышит от крестьянина добросовестный и внимательный допросчик, если только он представит ему со всех сторон картину настоящего и картину будущего. А когда этот крестьянин выучится грамоте, когда раздвинется круг его понятий, наблюдений и сведений, тогда, вероятно, он услышит от него еще следующее дополнение, которое мы теперь выскажем за него от себя. Если не выходить из области настоящего и личных интересов, то, конечно, всякому бросится в глаза несправедливость распоряжения, в силу которого от крестьянина Ивана отходит отлично удобренный участок в пользу крестьянина Петра, который дает в замен свой, едва-едва унавоженный, или вовсе ничего не дает. Но если принять в соображение, что в этом деле замешаны не только интересы личные, но и общественные, не только настоящее поколение, но и прошедшее и будущее, то окажется, что жертвует и терпит Иван не в пользу Петра, а в пользу общества, которого и Петр, и Иван суть члены и которое ценою этой жертвы гарантирует обоим и всему потомству их участие в выгодах землевладения. На поверку выйдет, что мир в этом случае заступает место учреждения взаимного страхования, в котором все члены участвуют как акционеры, и что мнимая, кажущаяся несправедливость подходит под общий разряд обязательных пожертвова-

ний, денежных и личных, которым подчиняются неизбежно все члены любого общества при любой форме общежития.

Незабвенный Фридрих Лист первый указал на ошибки, в которые впадали экономисты единственно оттого, что применяли масштаб справедливости и пользы, употребительный в частном быту, к вопросам общественным, народным и государственным. Если бы ему было дано ознакомиться с современною нашею литературою по вопросу о землевладении, он мог бы прибавить несколько страниц к перечню этих ошибок. К сожалению, по непонятной для нас причине его книга¹ даже за границею далеко еще не произвела в основных началах политической экономии того переворота, которого следовало от нее ожидать, а у нас она, кажется, почти неизвестна.

По мнению г. Иванова, поддержка, которою пользуется каждый от мира, должна обратиться в побряжку лени и беспечности. «Не так ли точно, — говорит он, — общинное владение поддерживает беспечность и покровительствует неисправности, как частое сложение со счетом государственных повинностей, не уплаченных в свое время? Вначале эта мера имеет целью помочь бедным, не имеющим средств к уплате; потом она побуждает неисправным надеяться на прощение недоимок и приучает их к дальнейшей беспечности; наконец, она и заботливым внушает неудовольствие против несправедливости уплаты государственных повинностей ими одними, побуждая их также отсрочивать и откладывать уплату, следуя примеру беспечных и расточительных хозяев. Ясно, что все это приведет к общей неисправности несостоятельности и к затруднительности в сборе податей. Точно так и при общинном владении сначала (?) все исправные хозяева деятельно занимаются своими делами, несмотря на неудобства владения; потом (?) некоторые из них, видя, как самые ленивые и беспечные воспользовались чужим трудом при переделе земли, а рачительные лишились произведений своего труда, теряют энергию и прежнее стремление к деятельности. Если люди, оставившие прежние привычки трудолюбия и заботливости при первом переделе, получают выгодные полосы, то число хороших хозяев должно еще уменьшиться и будет постоянно уменьшаться, пока остаются причины, ведущие к этому уменьшению. Состояние земледелия также будет непременно упадать» и т. д. (с. 622 и 623). Мы не понимаем, что хотел из всего этого вывести автор. Никто, конечно, не сомневается, что всякая помощь, всякая льгота, всякая уступка, *не в пору и не в меру сделанная*, может избаловать. Но следует ли из этого, что общество или государство лучше сделает, если махнет на всех рукою и закроет общественные магазины, приюты, больницы и т. п. заведения? И что за сравнение? Во-первых (вы вынуждены

¹ *Système national d'économie politique*, par Frédéric List, traduit de l'Allemand par Henri Richelet. Paris, 1851.

повторить это в пятый раз), общество, наделяя своих членов землю пропорционально силам и потребностям, вовсе не избавляет их от труда и не кормит их, а дает им только над чем потрудиться, средство добыть себе пропитание; следовательно, это вовсе не то, что даровая раздача милостыни или сложение недоимки. Во-вторых, общество удерживает за собою право надзора за своими членами и в случае нужды *не позволит оставить земли в запустении* (как говорит сам автор на с. 629). Наконец, нельзя вообразить себе правильно организованной сельской общины, которая бы не имела власти достаточной, чтоб управиться с дармоедами и тунеядцами. Далее, как понимать эту картину постепенного истощения земель, рокового обеднения поселян и упадка сельского хозяйства? Что это: факт, плод наблюдений или риторическая фигура, литературное упражнение на тему: изобразить, какие могут произойти дурные последствия от общинного землевладения? Как бы неудовлетворительно ни было у нас крестьянское хозяйство, но едва ли мы имеем основание предполагать, чтоб оно *вообще* было в упадке и особенно от ослабления народного труда. Напротив, мы можем указать целые губернии, где тому назад 30 лет не удабривали земли и где теперь не пропадает ни один пуд навоза; другие, где в недавнее время принялись за разведение корнеплодных растений – картофеля, свекловицы, а кое-где и табаку, при всем том, что как прежде, так и теперь повсеместно господствует общинное землевладение. Если в некоторых местностях и замечен упадок, то прежде, нежели приписывать его общинному владению, не мешало бы разобраться основательно, не произошло ли это от перевода крестьян с оброка на пашню, от увеличения повинностей, от раздробления имений, от случайного упадка или застоя в какой-нибудь промышленности? Наконец, надобно бы взглянуть на однодворцев, владеющих землю на личном праве, и справиться: заметны ли в их хозяйстве те громадные успехи и так ли далеко они ушли от казенных крестьян, как бы должно быть по всем предсказаниям противников общины? Но ничего этого не сделано, а так, пущен в ход ряд голословных предположений. Этого мало для убеждения читателей.

Следует новое, кажется, в первый раз предъявляемое обвинение – медленный ход размежевания в Смоленской губернии. «Из числа владельческих дач, подлежащих размежеванию, – говорит автор на основании статистики Смоленской губернии г. Соловьева, – почти две трети размежеваны, из общих же с государственными крестьянами размежевано менее одной трети, *несмотря* на ближайшее руководство и содействие правительства» (с. 624). На это мы можем заметить, во-первых, что если автор хочет этим фактом доказать, что право полной собственности на землю развивает такие интересы, которые недоступны владельцу или не так сильно его занимают, то против этого не может быть никакого спора. Но к чему это поведет? Рас-

суждая о выгодах и невыгодах общинного и личного начала, можно сравнивать собственность общинную с собственностью личной, владение личное с владением общинным, но сравнивать помещика-собственника не с обществом собственников, а с обществом владельцев – это произвольное представление терминов вопроса. Во-вторых, и этот пример как доказательство недостаточен. Автор говорит, что размежевание шло медленно, *несмотря на ближайшее руководство и содействие правительства*, а мы думаем, что ближе подошли бы к истине, заменив слово *несмотря* словами *по причине*. Кто не знает, что всякое гражданское дело, в которое замешался интерес казны или, говоря языком техническим, всякое дело *интересное*, производится особенным следственным порядком и тянется вдвое долее, чем дело, совершенно однородное между частными лицами? В приведенном примере идет дело о разграничении прав собственности на землю. С одной стороны, являются вотчинники – частные лица, с другой – не община государственных крестьян, а вотчинница-казна в лице ее многочисленных представителей: окружных правлений, стряпчих, палат государственных имуществ и т. д. Помещики действуют от себя и за себя полновластно и безотчетно, а чиновники, защищающие интерес казны, связаны правилами, ответственностью и общим порядком служебной подчиненности. Что ж мудреного, что дело идет медленнее? А все виновата община!

«Вообще, – продолжает г. Иванов, – крестьянская промышленность находится в состоянии дремоты, и если бы вследствие такого состояния крестьяне были готовы отказаться ради сохранения общинного владения от быстрого развития нашей коренной промышленности, требующего возможно большего напряжения рабочих сил и смелой затраты капиталов, то небесполезно было бы дать возможность освобождаться от снотворных оков общины тем из крестьян, которые опередили прочих на пути умственного развития и хозяйственного преуспеяния, предложив им выкуп земли в личную (а не общественную) собственность, которую они тогда сами пожелают отмежевать к одним местам. Тогда общинное владение будет постепенно исчезать само собою и т. д.» (с. 624). Крестьянам должно быть предоставлено неограниченное право приобретать землю и всякую недвижимость в полную собственность, как общественную, так и личную, – об этом нет спора, по крайней мере, для «Сельского благоустройства» это не вопрос, а аксиома. Приобретение чего бы то ни было в собственность предполагает передачу прав на один и тот же предмет от одного или нескольких лиц (продавца или продавцов) другому лицу, физическому или моральному. Следовательно, если крестьянин захочет купить у помещика землю, состоящую в полной собственности и неограниченном распоряжении последнего, то покупка будет зависеть от обоюдного соглашения двух лиц, помещика и крестьянина.

Если же крестьянин захочет приобрести в личную, полную собственность часть земли, отданной в неотъемлемое пользование мирского общества, то на это потребуются, кроме вознаграждения вотчинника за упраздняемую повинность, согласие мирского общества, так как мир имеет на ту землю свое положительное право, которого нарушить нельзя. Следовательно, постепенное исчезновение этим путем общинного владения и переход его в личную собственность может произойти не иначе, как по мирским приговорам, то есть когда это будет не противно общественному интересу. В этом деле нельзя нарушать прав общества и не должно стеснять его свободы.

Следует за этим в статье г. Иванова странное, хотя и не новое обвинение в коммунизме: «Надел на основании потребностей каждого и обеспечение крестьян общинным владением сходны с коммунистическими теориями 1848 г., когда при определении задельной платы предлагалось не брать в расчет силу, способность, старание и искусство каждого работника, а следовательно, и принесенную им пользу обществу, количество и качество произведенных им предметов: но предлагалось назначить всем равную плату, необходимую для обеспечения нужд каждого. Поэтому общинное владение столько же вредно для производительности, как и все коммунистические теории. У нас коммунизм в поземельном владении развился и остался так долго вследствие искусственного прикрепления крестьян к земле, при котором невозможна усиленная деятельность, дающая естественное и самое простое обеспечение трудящимся; следовательно, необходимо искусственное и равномерное обеспечение, не соразмерное с употребленными усилиями, а соответственное естественным потребностям каждого и количеству произведений земли, приносимых ею без содействия капитала. При крепостных отношениях помещик или казна не спрашивают у крестьянина, хочет ли и в состоянии ли он обрабатывать землю и какое количество произведений он в силах произвести и собрать с нее; потому остается назначить всем прикрепленным крестьянам одинаковое количество земли для равномерного удовлетворения потребностей и равные повинности за данную в пользование землю» (с. 625).

Эти строки ясно доказывают, что автор смешал два факта: надел по душам, который есть изобретение администрации и откуда перешел, хотя не везде, в обычай, и надел по тяглам, пропорциональный потребностям и средствам каждого дома, который гораздо древнее первого и не навязан народной жизни, а ею самой создан. Можно смело сказать, что сельское общество, предоставленное самому себе, никогда бы не выдумало такого правила, чтобы на семью, состоявшую во время ревизии из одного взрослого работника, выжившего из лет старика и двух подростков и на семью из трех взрослых работников и одного ребенка отводить одинаковое количество земли и оставлять

этот надел неизменным от ревизии до ревизии. Там, где введен этот порядок, мы неоднократно слышали жалобы крестьян на его неуравнительность и явную несправедливость; мы даже знаем такие казенные селения, в которых по домашнему и безгласному распоряжению мирских обществ душевой надел, введенный по распоряжению начальств, переводится в тягловой, причем земля, доставшаяся в излишестве одному дому, передается другому, терпящему в ней недостаток. Таким образом, обычный порядок является как противодействие искусственному учреждению.

Нападать на коммунизм и подводить своих литературных противников под одну с ним категорию – теперь в моде. Этот прием заимствован у современных французских писателей: может быть, выражение запоздлого негодования на гонимое учение в устах многих имеет значение как акт очистительного покаяния. Далеко ли то время, когда вслед за некоторыми французскими журналистами та сторона нашей литературы, которая поставила себе задачу гоньбу за современностью и поклонение новизне, дивилась заманчивой теории организации труда, повторяла филиппики против среднего сословия (*bourgeoisie*) и занимала публику рассказом о действительных и мнимых бедствиях, истекающих из неограниченной свободы соперничества? Это невинное и бессознательное увлечение имело свое основание в мучительном страхе отстать от прогресса; из того же побуждения истекают нынешние колкости на социализм и коммунизм. Но во всем нужно соблюдать меру. Мы теперь готовы клеймить прозванием гонимых учений всякое свободное совокупление интересов, всякую общность прав на что бы то ни было, всякое обязательное ограничение личной выгоды или личного стремления. Эта крайность, несмотря на то, что она в настоящее время имеет за себя призрак благонамеренного консерватизма, не лишена своего рода опасности. Если для государства страшно и вредно погашение в массах чувства личной за себя ответственности и возбуждение несбыточных ожиданий от правительства, то не должно забывать, что, с другой стороны, ничто не убивает общественного духа и не портит общественной нравственности, как систематическое развитие эгоизма и личного разобщения. Приучите человека ставить *свое я, свою пользу* крайнею целью своей деятельности, смотреть на всякое пожертвование как на преступное посягательство на его личность или собственность, всякое дело оценивать единственно по его влиянию на личное благосостояние того, кто призван одобрить или осудить его, что выйдет из этого? Хотите узнать, прочтите письмо Брайта к английским работникам по поводу их сборов в Америку. Вот его слова: «Вы согласились на войну, ваши товарищи проливали свою кровь, а для работников войны с Россией, Китаем, Персией принесли только налоги, недостаток работы, уменьшение вознаграждения и т. д. Следова-

тельно, внешняя политика Англии никуда не годится». Может быть, это и справедливо, но подобный взгляд на вещи может повести очень далеко¹.

В статье моей, на которую возражает г. Иванов, я коснулся очень слегка выгод общинного владения, указав на три пункта. Г-н Иванов опровергает каждый из них.

1) У меня было сказано, что пропорциональность надела сырым материалом, землю к рабочим силам, нуждам и тягостям удовлетворяет требованиям справедливости и обеспечивает общее благосостояние. Вот что против этого говорит г. Иванов; мы выписываем это место целиком, потому что оно характеризует воззрение автора и поясняет, из каких понятий исходит нерасположение к общинному землевладению. «Пропорциональность надела землю к рабочим силам и нуждам совершенно противна началам политической экономии. В настоящее время земля имеет ценность, следовательно, есть капитал, и каждый должен приобретать ее, не соответственно своим нуждам и числу работников, которых надобно прокормить, а соразмерно *усилиям* каждого в производстве богатства и соразмерно *пользе, принесенной им обществу*. При последнем основании, которое есть самое простое, естественное и справедливое, *общее* благосостояние обеспечено самым лучшим образом, потому что такое начало имеет следствием *общее*, добровольное напряжение рабочих сил, усиленную производительность и довольство. Напротив, даровой (?) надел того, что имеет ценность, вовсе не удовлетворяет требованиям справедливости и общественной пользы. *Для удовлетворения своих потребностей всякий достаточно обеспечен собственным трудом, лишь бы труд был свободен и не подчинен никаким стеснениям*; произведения же труда, накапливаясь, естественным образом со-

¹ В нашей журналистике, как известно, каждое движение западной мысли находит немедленно свое карикатурное отражение. В книге, недавно вышедшей, напечатано было, что назначение человека заключается «в сохранении личной самостоятельности и в подчинении своей личности благу себе подобных, доходящем до полного отвержения самого себя». По поводу этого определения один из наших критиков написал следующие строки: «Не останавливаясь на *взаимном противоречии* этих двух пунктов (т. е. самостоятельности и самоотвержения), до *очевидности ясном и понятном* каждому, мы позволим себе и т. д.». Далее о том же предмете: «Этим совмещением требований несовместимых (то есть самостоятельности и самоотвержения) автор желал помирить старое (?) с новым (?); вышло наоборот: противоречие их выказалось еще резче и решительное и т. д.». Итак, сохранение личной самостоятельности и самоотвержения для блага себе подобных взаимно исключаются: кто жертвует собою, тот теряет свое личное достоинство, ибо, по словам того критика, «сохранение личной самостоятельности – это заключительное слово всей истории, наша кровная мысль и нравственное требование, нам современное, и т. д.». Вот до чего довело слепое поклонение современности, новизне: самопожертвование противоречит заключительному слову всей истории и нашей кровной мысли! Спрашивается: много ли от распространения этих понятий прибудет свежих сил, энергии и нравственного здоровья в нашем обществе? Чего ожидать от поколения, которое всасывает в себя такое учение? Эту проповедь эпикуреизма в России в 1858 г., когда возбужденный вопрос о крестьянстве призывает нас везде к самоотвержению и самопожертвованию, мы нашли в Журнале критики, современной истории и литературы, выходящем под названием «Атеня», № 37, с. 62, 63 и т. д.

ставляют капиталы, на которые можно покупать или нанимать всякую собственность и *всякую* ценность, а следовательно, и землю. *Количество капиталов*, которыми каждый может располагать, *совершенно соответствует количеству принесенной им пользы*. Поэтому покупка или наем есть самый естественный, справедливый и полезный способ приобретения или получения в пользование земли, и никакой другой способ не может быть принят ни в одном достаточно развившемся государстве» (с. 626, 627).

В этих 25 строках столько неожиданного, что глаза теряются и не знаешь, с чего начать. Во-первых, как понимать это смелое положение, что количество капиталов, которыми располагает *всякий*, соразмерно с его трудом и с принесенною им пользою? Это, по крайней мере, ново и в высшей степени утешительно. Ново, потому что доселе, сколько нам известны начала политической экономии, во всех учебниках этой науки различается труд производительный от труда непроизводительного (*le travail productif et le travail improductif*); к последнему причисляются, между прочим, азартные игры, лотереи и биржевые спекуляции на всякого рода фонды. Далее, различается валовой доход, который один служит мерилом возрастания производительности в целом обществе, от чистого дохода, имеющего значение только относительное, для частных лиц. Этих различий автор, как кажется, не признает; по его словам, у кого больше денег, как бы они нажиты ни были, тот больше трудился над чем бы то ни было и больше принес пользы обществу. Утешительно это открытие потому, что, значит, все потрясающие рассказы, которыми наполнена современная литература о рабочих людях, всю жизнь трудящихся в поте лица и едва-едва добывающих себе насущный хлеб без всякой надежды отложить копейку на старость или на черный день, – порождены разгоряченным воображением и желанием раздражить чувствительность читателей, но не содержат в себе нисколько правды. Ничего подобного быть не может, ибо г. Иванову положительно известно, что для удовлетворения своих потребностей всякий достаточно обеспечен своим трудом. Итак, надобно предполагать, во-первых, что всякий наделен достаточным запасом сил и способностей, во-вторых, застрахован от болезней, пожаров, неурожая, падежей и банкротств, наконец, что сумма предлагаемого труда никогда не превышает запроса на труд. Как же не сказать, что все это крайне утешительно? Но это еще не все. Г-н Иванов объявляет нам, что произведения труда, накапливаясь, естественным образом составляют капиталы, разумеется, такие, которые остаются в руках трудящихся; из чего мы должны заключить, что вознаграждение за труд *всегда с избытком* превышает текущие расходы на содержание рабочих, ибо в противном случае не чему бы было накапливаться; все это под одним условием: лишь бы труд был свободен и не подчинен никаким стеснениям. Отчего же, однако, толпы рабочих людей в настоя-

щую минуту покидают Англию, эту классическую страну свободы труда, и устремляются в Америку? Неужели они не подозревают до сих пор тех великих истин, которые раскрывает перед русскою публикою г. Иванов? Или, может быть, это не настоящие работники, а тунеядцы, ожидающие в Америке дарового хлеба? И как же Брайт, которого трудно заподозрить в незнании начал политической экономии, не догадался образумить их и доказать им, «что произведения труда, накопляясь, естественным образом составляют капиталы, на которые можно покупать или нанимать всякую собственность и всякую ценность, а следовательно, и землю». Вместо этого он позволил себе сказать им: «Если вы переселитесь, то найдете страну, в которой поземельная собственность всем доступна, где нет больших землевладельцев, где, как в Шотландии, никто не осмеливается оскорблять Бога и человечество, лишая жителей 50,100 и 200,000 акров земли для того, чтобы несколько человек могли пользоваться удовольствием охоты». Видно, Брайт не знает, что этот, по его мнению, безбожный и бесчеловечный порядок вещей сложился естественно, просто и представляет идеал справедливости и довольства, что было бы только дано каждому *право* приобретать землю, а о *средствах* к тому не стоит и толковать, ибо недвижимая собственность, по внушениям личных интересов, всегда распределяется наивыгоднейшим для общества образом. Мы советовали бы редакции «Русского вестника», если уж она признала нужным поделиться с русскою публикою открытиями г. Иванова, обнародовать их поскорее на английском языке. Там они, без сомнения, произведут переворот в науке и многих успокоят. Наконец, посмотрите, как упрощается самый взгляд на человека и на его отношение к обществу. Беспokoйные люди привыкли восставать против поклонения золотому тельцу и ворчать, когда в их глазах толпа с пренебрежением проходит мимо бескорыстных и несчастных тружеников и валит вслед счастливым временщикам, ставя богатство выше заслуг. Бедные, они не видят, что богатство и принесенная обществу польза, капитал и заслуга одно и то же и что обществу дано самое верное и легкое средство для оценки людей; стоит только переложить ассигнационные или серебряные рубли в заслуги и пользу. Все это так просто, так естественно, что не понимаешь, из чего люди бьются.

Одно обстоятельство остается, однако же, неразрешенным. Почему думает г. Иванов, что надел, пропорциональный средствам и потребностям, есть *даровой* надел? Ведь крестьяне, водворенные на землях помещичьих, за отведенные им поля и угодья исправляют барщину или платят оброк; казенные и удельные также платят оброк. Барщина и оброк – это плата за землю, рента, поступающая в пользу вотчинника за уступаемое им право пользования; вместе с землею раскладывается и рента по тяглам, даровой же надел был бы возможен только в том случае, если бы все крестьяне, пользующиеся зем-

лею (мирское общество) тем или другим способом, но никак ни даром, приобрели на нее право собственности. В таком случае право собственности и право пользования слились бы в одних руках, но мы никак не видим, чем бы тут нарушилась справедливость? «Покупка или наем есть самый естественный, справедливый и полезный способ приобретения или получения в пользование земли», – говорит г. Иванов. Да кто же против этого спорит? Мир нанимает у вотчинника землю, платит за нее ренту работою или деньгами, раскладывает ее на тягловые участки и раздает их вместе с возложенною на них повинностью пропорционально потребностям и силам каждого дома. Со временем тем же порядком совершится и выкуп земли или повинности, иными словами, внесен будет капитал, соответственный ренте. Еще раз, что тут противного справедливости и началам политической экономии?

II) Я писал, что система тяглого надела, не посягая на продукты свободного труда, косвенным образом предупреждает вредные крайности в распределении общественного богатства. На это отвечает г. Иванов: «Если эта система предупреждает крайности в распределении богатства, то ясно, что она посягает на продукты свободного труда. При неравномерности способностей и употребляемых усилий отдельных лиц, а следовательно, и участия каждого члена общества в производстве общественного богатства предупредить крайности в распределении богатства можно только так, чтобы у одних удерживать часть заработанных ими ценностей, другим же давать более, чем они выработали. Ясно, что в основании такого порядка лежит коммунизм, вредный для народного труда» (с. 627).

Если бы по распоряжению мирского общества весь собранный на общественных полях хлеб и все сено, убранный на общественных лугах, делились по числу душ или пропорционально потребностям, то оно действительно посягало бы на продукты свободного труда и лишало бы некоторых хозяев заработанных ими ценностей, а другим давало бы больше, чем они выработали. Но земля не есть продукт труда, а материал, условие труда, средство заработать хлеб. У кого способностей больше, кто употребил больше усилий, тот больше и соберет в *свою* житницу с *своего* поля, следовательно, не лишится продуктов своего труда; но возможность потрудиться на себя и обеспечить свое существование дается всем. В первой моей статье, на которую возражает автор, я не скрыл, что земля, будучи сырым материалом, даром природы, при продолжительной ее обработке возвышается в ценности не только потому, что с умножением народонаселения требование на нее усиливается, а еще и потому, что человеческий труд изменяет ее природные свойства и усиливает ее плодородность. Потому при переделе полей случается, что *некоторая* доля ценности, выработанной трудом одного хозяина, достается другому. Так, но если вообще всякое пожертвование и всякое проявление круговой поруки,

которую связываются между собою члены какого бы то ни было общества, деревни, сословия, государства, есть коммунизм, то мы желали бы знать, каким именем назовет автор, например, подать, собираемую с тех, у кого есть избыток, на устройство больниц и школ, которыми бы могли пользоваться бедные, не платя ничего?

III) Наконец, я сказал, что земля не может достаться в руки того, кто в ней не нуждается или не способен ею пользоваться, и наоборот: тот, кому она нужна и кто обладает средствами на ее оплодотворение, не может быть вынужден затратить свой капитал на приобретение права на землю или принять на себя тяжелый, часто неоплатный долг. Это мнение всего более скандализует почтенного моего возражателя. Вот его слова: «При тягловом наделе земля должна непременно достаться *в равной мере* каждому члену общины; а так как не все имеют *равные средства и желание* воспользоваться землею, то она достается *в одинаковом количестве* и тому, кто желает и имеет средства возделывать ее, и тому, кто имеет склонность к другим занятиям и не имеет никаких средств получать выгоду от земледелия и достаточный доход от полученного участка общинной земли, для обрабатывания которого часто не имеет самонужнейшего капитала. Хотя же тот, кому земля нужна, и не имеет нужды тратить свой капитал на покупку или на наем земли при даровом наделе по тяглам, зато даровую землю он получает под тем условием, что *все* труды его и издержки на ее улучшение будут не его собственностью, а принадлежностью общины; что при уменьшении семейства он может быть лишен половины земли, которою владел, и *ни в каком случае* не может рассчитывать на то, чтобы продукты его трудов и издержек достались потомству его. Следовательно, хотя он и не затрачивает свой капитал на покупку или на наем земли, зато получает в пользование чужой или общественный капитал на самых невыгодных условиях, *все равно* что заем каких-нибудь общинных сумм без процентов, но с условием, что вся прибыль, которую приобретет заемщик от оборотов, должна принадлежать общине. Сверх того, имеющий надобность в земле получает ее от общины под самыми невыгодными условиями для удобств пользования, именно чересполосно, и не ту, которая ему потребна и за которую он готов бы и деньги заплатить общине, а ту, которая ему по жребию достанется. Наконец, есть богатые члены общины, которые имеют средства и желание возделывать и оплодотворить более значительное пространство земли, чем сколько выделяет им община по числу тягол; следовательно, общинное владение полагает ограничение и предел деятельности и оборотам членам общины, уравнивая средства и потребности каждого. Ясно, что такое положение и искусственное устройство дел совершенно противно общественной пользе и препятствует развитию народного богатства» (с. 627–628). Здесь опять, прежде всего,

приходится восстановить точный смысл мнения, изложенного г. Ивановым в превратном виде. Я сказал, что земля переделяется пропорционально потребностям и средствам; следовательно, так как средства и потребности не у всех одинаковы, то и надел бывает различный, не пропорциональный числу душ. Правда ли это или нет, точно ли дом, в котором один взрослый работник и двое подростков, получает, при тягловой системе, меньше земли, чем дом, в котором три работника, – пусть решают читатели; но ведь автор, возражая на первый и второй пункт, допускал же *как факт* пропорциональность надела с потребностями и средствами; зачем же он отрицает его на странице 627-ой и утверждает, что при тягловом наделе земля должна *непрерывно* достаться в равном мере *каждому* члену общины – желающему, нежелающему, нуждающемуся и не нуждающемуся? Далее, автор уверяет, что *все* труды, *все* издержки на улучшение земли будут принадлежностью общины и что *вся* прибыль от капитала, полученного хозяином из рук общины (то есть от земли), должна принадлежать общине. Итак, надобно полагать, что хозяин пашет, боронует, сеет, жнет, молотит, а зерно, мякина и солома достаются миру. Действительно, это было бы довольно оригинально; но где же существует такой порядок вещей? Почему после этого не напечатать, что в Англии *весь* чистый доход, получаемый частными лицами, отбирается у них правительством под предлогом взыскания *income-tax*? Таковы-то те неопровержимые возражения, которыми, по уверению «Русского вестника», будто бы доказана несостоятельность общинного владения.

Но это еще не ответ на сущность возражения: вникнем в него, ибо в нем есть доля правды. Автор смешал два факта: сельскую бытовую общину с податною единицею казенной администрации, передел земли по тяглам с последствиями обязательной ответственности целого общества за все приписанные к нему по ревизии души. Предположим общество в 1000 душ; из них 700 занимаются исключительно земледелием и живут вместе, в одном селе, 150 проживают в городе, занимаясь мелочною торговлею, 100 круглый год работают на какой-нибудь фабрике, 50 занимаются извозом. Спрашивается: почему земледельцы, составляющие, действительно, в натуре одно целое, одну хозяйственную общину, должны отвечать за исправность торговцев, ремесленников, извозчиков и, так сказать, держать их на ниточках, которые все стягиваются в один узел – в селении? Первые, то есть земледельцы, очевидно, не могут иметь за последними действительного надзора, ни обеспечить их промыслы. Почему же последние должны принадлежать к административной единице, совершенно им чуждой, отвечать за пахарей, с которыми они не имеют, по своим занятиям, ничего общего, платить подати с ними вместе и участвовать в содержании сельского, мирского управления, в котором они не нуждаются? Очевидно, только потому, что эти 1000 душ лет 10 тому назад

записаны в одну ревизскую сказку по одному селению, что казенные подати и повинности взыскиваются с души, а не с земли или промыслов, и наконец, что от ревизии до ревизии, какие бы ни происходили перемены в личном составе обществ, подати и повинности взыскиваются за одно неизменное число душ, которое предполагается наличным. Что же остается делать обществу? Отвечая за всех и требуя со всех, оно очень естественно всех же наделяет долей общественного имущества, то есть землю, а члены общества, получая землю, употребляют хоть часть своего времени на земледелие, несмотря на то, что, может быть, некоторые могли бы употребить его с большею пользою. Для них земледелие делается, по выражению Гакстгаузена, железною необходимостью, eine eiserne Nothwendigkeit. Но чем же виновата в этом хозяйственная, бытовая община? Предположите, что подать взыскивается не с души, а с земли, что сельское общество состоит единственно из лиц, владеющих землею и занимающихся сельскими промыслами, что выписка из общества и приписка к нему совершается без вмешательства казенного управления, и тогда, конечно, никогда община не будет иметь повода навязывать землю тем, кто не желает или не в состоянии ею пользоваться. Тут виновата не сельская община, ибо подушная система и положение о ревизии не из обычая перешли в законодательство, а наоборот.

Автор утверждает, «что в казенных имениях принуждение при отводе земли доходит иногда до таких крайностей, что крестьянские семейства отговариваются часто от набавки тягол и соответственного надела земли, даже и при условии неисполнения никаких повинностей за прибавляемую землю». Подобные случаи нам не встречались, и какой расчет может находить общество в раздаче земли без накладки повинностей, мы не понимаем, но, не позволяя себе оспаривать достоверности самого факта, просим заметить, что это доказывает только, что общий надел всего общества несообразен с его потребностями и средствами, а повинности не соответствуют ценности земли. Никакой улики против общинного владения мы в этом не находим, а сожалеем, что автор не объяснил нам, каким образом этот странный факт отречения от дарового надела мирится с общим положением, выставленным на с. 626, а именно: «...что в настоящее время земля имеет ценность, следовательно, есть капитал и т. д.».

Еще труднее понять другой факт, приведенный автором из статистики Смоленской губернии г. Соловьева: «Мы можем указать и казенные деревни, из которых по причине малоземелья выселились многие крестьяне в другие губернии, и после того состояние оставшихся сделалось гораздо хуже прежнего, несмотря на более значительный надел земли, потому что количество удобрения у каждого хозяина не увеличилось, и следовательно, при расширении полос земля стала гораздо хуже удобряться» (с. 629).

Да отчего же не прибавилось количество удобрений? На сколько уменьшилась пашня, на столько увеличились пастбища; покосы, по крайней мере, не уменьшились; а так как скот плодится сам собою, не требуя большого ухода, то всякий дом, имевший прежде двух коров, кажется, легко бы мог держать их три, коль скоро увеличилось количество приходящегося на его долю сена и пространство пастбищ на все селение. Неужели пример, приведенный автором, надобно понимать в том смысле, что 20 хозяев захотели не уменьшать полей, а засеять все то количество десятин, какое они обрабатывали прежде, будучи в числе сорока? В таком случае что же мудреного, что надел пахотною землею, *несоразмерный с их средствами*, не пошел им в прок. Видно, иногда случается с сельскими общинами то же самое, чему мы видели так много примеров в помещичьем хозяйстве имений, несколько раз переходивших из рук в руки в течение короткого срока. Каждый владелец, желая поскорее выручить заплаченный за имение капитал, увеличивал запашку, усиливал посевы, не справляясь с рабочими силами и с количеством удобрения, которыми он располагал; от этого поля естественным образом истощились и 150 десятин стали давать меньше, чем собиралось прежде со 100. Но опять-таки: чем же виновато в этом общинное владение?

Этим исчерпываются возражения, направленные собственно против моей статьи, и следовательно, оканчивается моя обязанность как ответчика; что касается до критических замечаний г. Иванова на статью г. Кошелева, то почти все они уже разобраны г. издателем С. б. и разобраны так, что мне не предстоит никакой надобности подвергать их подробному рассмотрению. Остается только указать читателям на последние строки статьи г. Иванова: «В заключение наших замечаний об общинном владении землею скажем, что многие смешивают его с общинным управлением крестьянских обществ и потому считают его необходимым для гражданского воспитания крестьян по освобождении их от крепостной зависимости. *Но нет сомнения*, что крестьяне могут составлять сельские общества и подчиняться общинному устройству и управлению даже в том случае, когда общинное пользование землею совершенно исчезнет. Не общинное устройство сельских обществ, а общинное владение землею с переделами и чересполосицею останавливает успехи сельского хозяйства» (с. 639–640).

Никто, сколько нам известно, не смешивал общины хозяйственной с общиною административною, точно так, как никто не смешивал народа с государством; но очень многие теперь уже понимают, что крепкая, живая и самородная община предполагает бытовую, хозяйственную основу и что отсутствие ее не восполняется административными удобствами. Так точно может существовать народ, еще не доросший до государственной формы или утративший политическую самобытность, и может, наоборот, суще-

ствовать государство отвлеченное, основанное на взаимном нейтрализовании народных стихий; но такое государство всегда непрочно и ненадежно. Ему угрожает ежечасно разложение, и самое существование его есть торжество эквилибристики.

Что такое общинное управление без общинного экономического быта и чего ожидать от совокупления разрозненных интересов в одну группу, искусственно составленную для удобств администрации, – об этом надобно *теперь* подумать очень и очень серьезно. После будет поздно. Автор слишком легко, как-то мимоходом разрешает в пяти строках вопрос огромной важности, кажется, не подозревая сам его значения. «Нет сомнения», – да и только. А опыт других земель, напротив, убеждает, что очень есть сомнения. Я никогда не забуду слов, слышанных мною от Гакстгаузена во время его пребывания в Москве, и я привожу их тем охотнее, что дело шло не о России, а о Германии: «Schwehr ist es nicht eine historische Gemeinde aufzulösen, oder zu sprengen; ist dies aber einmal gelungen, und sind die Privat-Interessen auseinandergegangen, da soll man erst klug werden, womit man den Gemeinde-Verband ersetzt»¹. В этих словах более чем мнение одного лица или партии, в них выразилась современная забота почти всех немецких правительств. Вот к какому убеждению пришли люди, знакомые с выводами науки не только по книгам, но и в их приложении к жизни и сверх того умудренные долголетним опытом. Мы должны ими воспользоваться и не ограничиваться, как большая часть наших экономистов, механическим подведением явлений своеобразного хозяйственного мира под общие сентенции, вычитанные их учебников. Такая незрелость и недодуманность в приемах едва ли усилят доверие публики к науке.

Пусть теперь судят читатели, в праве ли я остаться при прежнем моем мнении и сказать, что возражения г. Иванова нисколько меня не поколебали? Кажется, я не пропустил ни одного из них. В заключении, повторяю, что я стою за народную форму землевладения потому, что она, во-первых, сложилась сама собою, под влиянием исторических и хозяйственных условий, от которых мы не властны оторваться, хотя бы и считали это полезным; во-вторых, потому что выгоды ее в настоящую минуту значительно перевешивают ее неудобства; в-третьих, потому что она облегчает разрешение многих хозяйственных и административных вопросов, связанных с улучшением быта крестьян; в-четвертых, потому что, при всеобщем у нас недостатке капиталов и необеспеченности нашего земледельческого сословия всех ведомств от губительных и непредвидимых случайностей, *она одна упрочивает связь земледельца с землею – связь, которая при личном владении и личной*

¹ Не мудрено распустить или разорвать историческую общину, но когда это удастся и частные интересы разбредутся врозь, пусть тогда придумают, чем бы заменить упраздненную общинную связь.

ответственности каждого хозяина за себя не устояла бы против двух неурожайных годов или скотских надежей.

Защищая хозяйственную общину у нас в России и в настоящее время, я, однако же, не выдаю ее за форму безукоризненную и общеприменимую. Мне даже не верится, чтобы возможно было изобрести такую формулу. Общинное землевладение имеет свои существенные неудобства, которых я не скрывал. В нем таится внутреннее противоречие, свидетельствующее, что эта форма не может быть вековечною, а должна измениться путем свободного развития. Такие же, может быть, еще большие неудобства и вопиющие противоречия, уже раскрытые критикою, представляет личная, неограниченная собственность, стремящаяся, с одной стороны, к измельчению и саморазложению и тем самым вызывающая, с другой стороны, искусственные меры для сдерживания ее в известных пределах. О внутренних, логических противоречиях в самом существе учения об экономических основаниях личной собственности мы надеемся поговорить в другой раз по поводу статей г. Неелова, напечатанных в «Русском вестнике». Чем разрешится противоречие, лежащее в общинном землевладении, на какие меры наведет со временем потребность устранить его неудобства и какое направление примет развитие народного хозяйства? Эти вопросы мы можем смело предоставить будущему. По крайней мере, я лично сознаю себя неспособным составить программу для целого народа на сто лет вперед. Такой подвиг мне не по силам: чтобы взяться за него, нужен энтузиазм новообращенного поклонника сельской общины, поспевающего заявить свое всегдашнее, хотя и молчаливое к ней сочувствие...

Самара
Октябрь, 1858 г.

ОБЩИНА И АРТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭНГЕЛЬГАРД Александр Николаевич
(1832–1893)

Все дело в *союзе*. Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом нашего хозяйства. Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах, об альгаусских скотах и т. п. просто смешны по своей, так сказать, легкости.

У меня это не какое-нибудь теоретическое соображение. Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, я думал совсем противное), изучив помещичьи и крестьянские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершив это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?

Вот почему в одной из моих статей я говорил про крестьянское хозяйство:

«Хлеба никогда не хватает на прокормление, а чуть неурожайный год, крестьяне уже с декабря начинают покупать хлеб. А между тем дайте в мои руки ту же землю, тот же труд, то же количество скота – и в несколько лет я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлеба не только хватит на прокормление, но еще и продавать будет что. Стоит только для этого уничтожить нивки, разделить землю на десятины и *обрабатывать землю сообща*. Я не только твердо убежден в этом, но знаю, что с этим согласится каждый крестьянин. Зажиточность неразделившихся дворов разве не доказывает этого?»

Описав там же мое хозяйство, я закончил статью следующим образом: «Я достиг в своем хозяйстве, можно сказать, блестящих результатов, но будущее не принадлежит таким хозяйствам, как мое. Будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый сам по себе, *но сообща*». И далее я говорю: «Когда люди, обрабатывающие землю собственным трудом, додумаются, что им выгоднее вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки».

И додумаются.

Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы причиною обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? Вот у мещан, у купцов дележей гораздо меньше – там вся семья работает сообща: один брат дома торгует, другой по уезду ездит, третий в кабаке сидит и все стремятся к одному – сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной, самостоятельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?

Если бы крестьянские семьи, расходясь жить по разным домам или по разным углам дома – бывает иногда, когда не на что выстроить новую избу, что живут и в одной избе в разных углах, – в то же время не разделяли хозяйства и сообща обрабатывали землю, подобно тому как это бывает в купеческих семействах, где иногда, разделившись и живя в разных домах, все-таки ведут торг сообща, то уже одно это имело бы громадное значение. Но я даже не видел таких попыток, и трудно предположить, что люди, озлобленные друг против друга, как это всегда бывает при разделах, могли согласиться на общее дело. Гораздо скорее согласятся на это чужие, даже целая деревня, чем разделившаяся семья.

Мне часто случается сдавать крестьянам покосы из части на том условии, чтобы убирали сообща и затем делили готовое сено. Дело всегда идет отлично. Так, одна соседняя деревня ежегодно косит у меня с половины довольно большой луг, и косит *всей деревней*, потому что после покоса этим лугом и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотели убирать луг враздел, нивками, каждый двор отдельно – так убирают они свои собственные луга и луг соседнего помещика – но я на это не согласился. Теперь, когда привыкли, оно уже так и идет из года в год и сами крестьяне довольны, потому что при покосе сообща весь луг убирается сразу, до Казанской, когда крестьяне еще не приступили к своим покосам, и скорее поспевают для выгона, тогда как при покосе враздел тот, другой могут опоздать покосом, затянуть и неубранная

нивка будет препятствовать выгону скота. На покос деревня выходит вся зараз. Тотчас – это совершается чрезвычайно быстро – делят часть луга на нивки по числу кос, и каждый гонит свою долю и т. д. Весь луг скашивается зараз, хотя и враздел, по нивкам. Я этому не препятствую, потому что это не производит никакой разницы в хозяйственном отношении. Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорят они, в деревне косцы *перинные*, не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо. На уборку сена деревня высылает людей по числу кос, и уже эта работа производится сообща, причем распоряжается один из крестьян, пользующихся доверием деревни. Он смотрит, чтобы все хорошо работали и клали копны равной величины. Затем половина копен перевозится ко мне, а другую половину крестьяне делят между собою по числу кос.

Мне случалось также сдавать покосы из части не целой деревне, а небольшим артелям из четырех – пяти человек. Так как в артель подбираются по взаимному согласию *ровные* между собою косцы, то они уже вовсе не делят покос на нивки, даже для косьбы, но косят сообща все подряд, убирают вместе и делят сено по числу кос.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

ВОРОНЦОВ Василий Павлович
(1847–1918)

Предлагаемый вниманию читателя труд преследует двойную цель: 1) составление возможно полного свода материалов, собранных земской статистикой по вопросу об общинной форме владения землей, и 2) представление предмета в такой форме, при которой книга была бы доступна обыкновенному читателю, интересующемуся вопросом. Две эти задачи не вполне соответствуют одна другой, так как для первой из них желательно совершенно объективное отношение автора к предмету, между тем как вторая требует освещения частных фактов общей идеей, выбора точки зрения, т. е. внесения в исследование субъективного элемента. Признавая невозможным обойтись без этого последнего, мы старались только, чтобы это внесение не отразилось на полноте сводной части работы и чтобы факты, противоречащие нашим обобщениям, заняли свое место наряду с им противоположными. Таким образом, лица с иной точки зрения на предмет найдут для себя в нашем труде фактический материал, над которым и могут оперировать по произволу.

В своей работе мы старались, по возможности, использовать весь материал; сознательно устранялись мы только от сведения данных, относящихся к технике развертки земли в натуре, как не прибавляющих ничего нового к тому, что на этот счет известно в литературе, а между тем способных заметно увеличить размеры труда, и без того разросшегося почти до 40 листов. Если же читатель тем не менее встретится с неполнотой материала по некоторым вопросам, то причину этого он должен искать в источниках, которыми мы пользовались, представляющих различную степень и полноты, и точности данных. Там, где было применено подворное исследование при помощи опытного персонала земского статистического бюро, – сведения естественным образом отличаются большей полнотой и определенностью, сравнительно с местностями, где такого исследования не производилось (например, Казанская губ.) или где перепись возложена

была на мало подготовленных к ней лиц, каковы народные учителя и т. п. (например, Петербургская губ., некоторые уезды Тверской, Рязанской губ.). Впрочем, мы должны оговориться, что, несмотря на все старания использовать в полной мере материал, мы не ручаемся за совершенную полноту нашей сводки и признаем, что в каждом, вероятно, томе источников найдутся факты, не попавшие на страницы нашего труда. В частности, по отношению к Московской губ. прибавим, что мы и не намеревались достигнуть того, чтобы наш труд сделал излишним обращение к классическому исследованию московской общины покойного В.И. Орлова, и что мы брали из этого исследования только главные выводы, а не все положения или факты.

Сборники материалов, с которыми мы имели дело, могут быть разбиты на две категории. В одной из них имеется сводное описание общин уезда (или губернии), в другой такой сводки не сделано и нужные сведения пришлось извлекать из описаний отдельных селений и общин. Имея в виду, что в первой категории сборников общине посвящены известные главы или параграфы, а во второй – описываемые селения сгруппированы по волостям, – мы сочли возможным не испещрять книгу ссылками на страницы источников, предоставляя читателю делать нужные ему справки обращением к соответствующей главе сборников или отыскивать заинтересовавший его факт в описании того селения, к которому он относится и которое названо по имени в тексте. Для облегчения этого труда приводим в конце книги перечень источников с указанием глав или страниц, заключающих материалы по вопросу об общине.

Глава I

Происхождение и первоначальная история коренных переделов земли

В истории общины нужно различать процесс *установления* общинного регулирования землепользования членов союза и процесс *изменения* способов этого регулирования.

Новейшие исследования России обнаружили существование следующих четырех главнейших способов *установления* общинного регулирования землепользования крестьян или – что то же – установления общинных распорядков землевладения.

1) Общины помещичьих крестьян получили право, а в большинстве случаев и возможность, регулирования землевладения своих членов лишь со времени освобождения их из крепостной зависимости на основании Положения 19 февраля 1861 г.

2) Большая часть крестьян южных и восточных степей перешли к регулированному пользованию землей прямо от заимочного, без промежуточного периода установившегося индивидуального владения.

3) На севере России и в некоторых местностях центральной полосы моменту общинного регулирования землевладения предшествовал более или менее продолжительный период индивидуального владения, в течение которого участки пахотной земли находились в полном почти распоряжении лиц и семей, некогда приведших эти участки в культурное состояние или тем или иным путем приобретших их от лиц, во владении которых они находились.

4) В центральной черноземной России значительная, если не большая часть общин государственных крестьян образовалась из поселений, составленных из юридически-подворных владельцев – четвертных крестьян, вольных хлебопашцев и др.

Область, охваченная земско-статистическим исследованием, принадлежит к числу тех, где господствуют общины государственных крестьян происхождения 2 и 4; но в ней же встречаются уголки, занятые общинами, происшедшими по типу 3; таким образом, по этим исследованиям мы имеем возможность познакомиться со всеми главнейшими путями происхождения общинного землевладения в России. Само собой разумеется, что в изложении происхождения общины бывших помещичьих крестьян, кроющегося в Положении 19 февраля, не представляется надобности; зато общины этого разряда крестьян представляют особый интерес для истории *изменения* способов регулирования землепользования, имевших место в последнее тридцатилетие.

1. Обращение заимочного пользования землей в регулируемое путем коренных переделов

Этот путь эволюции общинного пользования землей, как мы это сказали выше, имеет место главным образом в южной степной полосе. Колонизация южных степей земледельческим населением совершалась в течение XVIII и XIX столетий и шла с северо-запада на юго-восток. Колонизация, не говоря о поселениях запорожцев, была частью вольная, поддерживаемая беглыми, впоследствии превратившимися в государственных или помещичьих крестьян; частью правительственная (образование военных поселений для защиты границы, вызов русских крестьян и иностранных колонистов), частью помещичья. Преобладающий этнографический элемент среди колонистов составляли малороссы, за ними шли великороссы, частью белоруссы; кроме того, мы здесь встречаем массу других национальностей: болгар, молдаван, валахов, черногорцев, сербов, поляков, немцев, евреев и др.

Для нашей цели – очерка истории переделов земли – особенную важность имеет колонизация Таврической губернии, так как для нее мы имеем наиболее полные данные по истории общины. Поэтому о колонизации этой области (собственно говоря, трех ее уездов: Мелитопольского, Днепровского и Бердянского) мы скажем несколько подробнее.

Систематическое заселение Таврической губернии русскими могло начаться только во второй половине прошлого века, со времени покорения Крыма, в 1783 г. Раньше этого времени здесь кочевали ногайцы, а русские проникали на время для занятия рыболовством. Заселение области происходило частью самовольно бродягами и крестьянами, частью путем переселения помещиками своих крестьян, частью вызовом правительством (в конце XVIII в.) свободных русских людей и иностранцев, которые осели здесь в начале XIX века; тогда же были поселены в Мелитопольском, частью Бердянском уездах молокане, большая часть которых, однако, в начале 40-х годов была выселена на Кавказ, а на их место вызывались переселенцы из внутренних губерний. Переселенческое движение усилилось с 60-х годов, когда в Мелитопольском, частью Бердянском и Днепровском уездах сразу опустело до 100 сел, занятых ногайцами, и правительство приняло новые меры для заселения края. По его приглашению (частью и без такового) сюда явились крестьяне из внутренних губерний (преимущественно Полтавской, Воронежской, Черниговской, Харьковской, частью из Великоросса), безземельные одноворцы и чиншевики Киевской и Каменец-Подольской губерний, вызванные особым Высочайшим манифестом 1868 г. Эти переселенцы получали от казны денежное и натуральное пособие, льготы по взносу податей, а выходцы из Юго-Западного края и льготы по отбыванию воинской повинности. Еще большие льготы получили выходцы из Бессарабии, отошедшей после Севастопольской кампании к Турции (болгары – навсегда льготу от воинской повинности), и выходцы из-за Дуная – русские, родившиеся в Турции, и разные славянские народности Австрии и Турции.

Заселение края не совершенно закончилось еще и в настоящее время; так, в последнее пятилетие образовались три новых селения в Мелитопольском уезде и одно – в Днепровском.

В конце прошлого века в *Мелитопольском* уезде насчитывалось всего около 17 поселков, расположенных по течению рек Днепра и Конки, богатых лугами и рыболовными местами; в *Днепровском* уезде было около 10 поселений, в Бердянском приблизительно столько же. В начале XIX века появилось довольно большое число новых сел. В 60–70-х годах образовалось около $\frac{1}{4}$ всех сел (32) в *Мелитопольском* уезде, около половины сел (с лишком 40) в *Бердянском* уезде и около 30% сел (около 25, преимущественно

но в Перво-Константиновской, Н. Троицкой и Громовской волостях) в *Днепровском* уезде. В 40-е и образовано небольшое число сел.

В земледельческих занятиях первых колонистов южных степей хлебопашество стояло на втором плане, а на первом – скотоводство. Это было отчасти результатом естественных условий края¹. Местами (например, в Мелитопольском уезде) такой характер земледелия сохранился до половины текущего столетия. Результатом его был полукочевой образ жизни населения с переносными зимовниками, станами, кошами, куренями, хуторами². Хуторами старались селиться как новопришельцы, так и выходцы из старых сел. Последние устраивали хутора для временной цели – выпаса скота на свободной, вдали от села находящейся земле. Это делали преимущественно богатые крестьяне, которые сами жили в слободах, а на дальних участках устраивали хутора, где пребывали по очереди их сыновья, наблюдая за семейными стадами. Хутора покидались, да и то не всеми, лишь на время заказа сенокосов (с Егорья до покоса). Некоторые хозяева заводили на хуторах запашку и постоянное жилище. Запашка эта постепенно расширялась, к прежним хуторьянам присоединялись новые, и хутор рос, превращаясь в деревню и целое село. В первое время своего существования эти села были связаны с метрополией, впоследствии многие из них отделились в самостоятельные общины, нередко после упорной борьбы со слобожанами. Борьба эта начиналась из-за того, что хуторяне, живя вдали от селения, не несли натуральных повинностей и на свободе занимали много земли, стесняя этим хозяйственную деятельность слобожан. Для устранения названных явлений слободы начинают запрещать образование новых хуторов и требовать уничтожения старых. В *Мелитопольском* уезде, например, вмешательство слобожан в жизнь хуторов началось в 40-х и особенно в 50-х гг. В одних случаях слобожане требовали возвращения хуторян в слободы для того, чтобы и они принимали участие в отправлении общественных натуральных повинностей; в других – дело ограничивалось соединением разбитых семей, переселением хуторян в слободы или обратно, – меньшую часть семьи к большей, чтобы они не вели сразу двойного хозяйства, не занимали много земли. Происходившие от того ссоры и дра-

¹ Развитие хлебопашества даже в более позднее время мешали твердость целинной земли, для поднятия которой требовалось 5–6 пар волов. Ввиду этого даже богатые крестьяне пахали немного (местами не больше 10 дес.); бедные же должны были для этого спрягать по 3–6 хозяев, что препятствовало распространению запашек (см. Мелитопольский у.). Колонизаторы степей позднейшего времени о качестве здешней почвы отзывались так: «Сии степи надобно бы оставлять для скотоводства, а не заставлять на них мучиться людей» (см. Александрыйский у., с. 119).

² Последующее о хуторах составлено на основании Сборников по Мелитопольскому, Бердянскому и Днепровскому уездам.

ки заканчивались или победой метрополии, или выделением хутора (часто при помощи начальства) в отдельное общество.

В *Бердянском* уезде некоторые хутора в 30–50-х гг. выхлопотали себе отделение от метрополии. Так, от местечка б. Такмака отделилась большая часть общины Сладко-Балковской вол., от с. Черниговки – 4 общины Черниговской вол., от Орехова – несколько общин Ореховской и Сладко-Балковской вол. и т. д. Распадение Ореховской общины продолжалось и в последнее время. В 1873 г. от Ореховской общины (состоявшей из города и двух хуторов) отделились андреевцы (хуторяне и горожане), а в 1884 г. даниловцы (хуторяне), так что в настоящее время сам Орехов состоит из двух общин. Есть случаи и более позднего распада сложной общины (см. ниже).

Образование хуторов с захватом земли местами продолжается, однако, и в настоящее время, когда везде практикуется регулирование землеустройства путем переделов, но общество ведет с ним борьбу. Так, несколько лет назад три семьи с. Казачьи Лагери *Днепровского* уезда выселились за 3 версты и общество должно было исключить занятую ими под усадьбу землю из угодий, подлежащих периодическим переверсткам: за это распашную землю, приходящуюся на долю выселенцев, община уменьшила на удвоенную величину площади, занятой ими под сад и усадьбу. Та же община, в видах предупреждения распашек отдельными хозяевами общественного выгона, решила облагать их за это особым сбором; но так как от уплаты его они отказались, то в 1884 г. община постановила приговор о сборе в пользу общества хлеба, высеянного ими на занятых самовольно участках.

Но есть случаи новейшего образования хуторов, по-видимому, с согласия общества и даже по его инициативе. Так, с. Покровское (Покровской волости) *Днепровского* уезда получило в 1870 г. дополнительный участок земли за 52 в. от селения. Чтобы облегчить труд его обработки, общество решило устроить там токи, для чего и отведено было 52 дес. земли. Некоторые хозяева наезжали туда на короткое время, помещаясь в нарочно устроенных шалашах и землянках, другие воздвигали более прочные постройки и оставляли там на все лето одного из членов семьи, а затем молодые семьи, отделившись от родителей, селились здесь окончательно, и теперь там образовалось поселение в 18 дворов.

В *Мелитопольском* уезде в 1861 г. из с. Балок переселились на прирезанную землю 80 семей и образовали с. Н. Успеновку. Тимашевское общество по совету начальства выселило в 1869 г. 112 ревизских душ (по их желанию) на дальние участки, что повело к образованию Серых хуторов. В 1881 г. высе-

лено (по инициативе общества) 252 домохозяев села б. Белозерки на дальние участки, и образована таким образом д. Карнеевка.

Во время господства в южных степях запорожцев существовало известное регулирование пользования землей со стороны войска; «холостым казакам-товарищам ежегодно раздавались степи и речки для куреней и зимовников (хуторов), для скотоводства, земледелия, пчеловодства, звериной охоты и рыболовства по жребию, что называлось брать лясы на речки; по окончании жеребьевки наделяли угодьями постоянных поселян и даже гостей» (см. Бахмутский у., с. 20). Таким образом, регулировалось землепользование выходявших из войска холостых товарищей, равно как и женатых крестьян, селившихся под охраной войска, так наз. *подданства запорожского*. Впоследствии, – по мере успокоения края и расширения его колонизации, с устранением зависимости поселенцев от войска Запорожского как результатом относительной безопасности края и разбросанности населения по большой площади, – благодаря изобилию земли, поселенцы, основывающиеся в степях, не находили нужным налагать стеснения на хозяйственную деятельность отдельных членов союза, и в деле регулирования землепользования первую роль начинает играть личный элемент вольной заимки, первого захвата и первого труда.

Первые поселения Таврической губ., говорит г. Харизоменов (см. *Мелитопольский уезд*), образовывались в такое время, когда право владения ничем не регулировалось; само генеральное межевание (в конце XVIII в.), разделив земли уезда на дачи, лишь «определило их положение и размер, но не касалось юридических прав владения и не проводило межи между владельцами», а назначая места под поселения, администрация в старину иногда указывала их так неопределенно, что не получалось точного ограничения владения. «Только со времени специального межевания (в начале XIX в.), когда дачи селений были размежеваны и самые угодья внутри дачи были разделены на душевую землю и излишнюю, причем первая была обложена душевной податью, а вторая – подесятинной, вопрос о праве собственности становится на более прочную почву». Верховным собственником земли становится государство, ее распорядителем – община. «Взвесив все эти условия первоначального заселения, невольно приходишь к заключению, что в конце прошлого и начале текущего столетия земельные права носили не столько юридический, сколько фактический характер». Но и позже «при обилии земли и слабом развитии полевой культуры столкновений между крестьянами не могло быть. Кто был побогаче и находил для себя тесным вести хозяйство на ближайших к селению полях – уходил на дальние мирские поля или на запасные казенные земли (сдававшиеся в аренду по очень дешевым ценам), строил хутор, рыл колодезь, пахал и сеял, где хотел. Когда излишняя земля поступала в душевой надел общества, хуторяне спокойно

продолжали сидеть на ней, если принадлежали тому же обществу, и если к другому, то мир выгонял их или вступал в полюбовную сделку».

В *Хвалынском* уезде, заселение которого началось в конце XVII века, еще в XVIII веке и местами в текущем столетии, – несмотря на то, что земля давалась правительством владельцам на основании документов, несмотря на полюбовное и генеральное межевание, – существовала неопределенность землевладения, чересполосность и неопределенность границ разных владельцев (частных и общих). Благодаря обилию земель, заимочное владение или, как его называют крестьяне, *вольница* применялась в широких размерах не только на землях, принадлежащих тому селению, к которому принадлежали заимщики, но и по отношению к землям чужой общины и даже частных владельцев. Вольница практиковалась как государственными крест. общинниками, так и четвертными, и помещичьими. Старожилы некоторых селений «рисуют перед нами картину заимочного владения усадьбами и пашней, вольных поселений и хуторов, свободного въезда в чужие леса и луга вопреки всяким выписям, грамотам, нарезкам, размежевкам, а затем бесконечные споры и раздоры, когда население возросло, пашней и лугов убавилось, а леса стали исчезать». Неопределенность владения продолжалась и в новейшее время. До 1848 г. земли 22 помещиков Дворянско-Терешанской волости и четвертных владельцев не были размежеваны, а находились в чересполосном владении, и никто из владельцев не знал, сколько у кого земли и где она лежит. При таких условиях и крестьяне, и владельцы – помещики – пахали, где кто хотел, по праву первого захвата. Полюбовное размежевание 1848 г. прекратило этот порядок. «В одной и той же даче лежат земли четвертные, обложенные оброком и освобожденные от него, душевые общественные, и все эти земли смешаны в одну кучу и вместе подвергаются жеребьевкам и переверсткам».

Остатками такого положения служат общие владения некоторыми угодьями целого ряда селений разных волостей, даже разных уездов.

В *Тираспольском* уезде, по преданию, государственные крестьяне первоначально владели землей нераздельно, по группам поселений. Одну группу составляли Дубовская и Лунговская волости, другую – Ташлыцкая, Малаештская 1-я и Плосковская; третью группу «по-видимому, составляли бывшие станицы войска верных казаков, но так как в этой группе раньше, чем в других, началось размежевание, то преданий об этом не сохранилось. Характер такого землепользования определяется словом “займанщина”: кто, где и сколько занял – тем и пользовался. Этим объясняется современная нам неравномерность усадебных и садовых мест. Передача крестьян в ведомство Министерства государственных имуществ внесла некоторый порядок в пользование земель. Дачи были размежеваны между селениями, и “займанщина”

как принцип землепользования потеряла свой *raison d'être*). В пяти старых общинах госуд. кр. *Одесского* уезда в первое время пользование землей было свободно. «Право на владение землей здесь определялось столько же правом первого захвата, сколько и правом первого труда, употребленного на обработку земли. С покинутой землей терялось и владение». Многие селяне высеялись в хутора с целью быть ближе к земле. В большей части общин государственных крестьян *Царицынского* уезда крестьяне пользовались землей путем заимки каждым любого участка.

Таким образом, в известный период истории заселения степной полосы пользование землей не подвергалось никакому регулированию, кроме права заимки. Что же касается объема вытекавшего из заимки права, то в различных местностях он не был одинаков. Так, в *Мелитопольском* уезде в некоторых селах каждый вправе был передать занятый участок сыну, но под условием ежегодного его засева; незабвенную же землю мог занять другой. На практике, однако, богачи пользовались занятым участком не больше 3–6 л., после чего бросали его и стремились на дальние поля, на долину; мягкая же земля, близ селений, требовавшая для подъема не больше 2–3 пар волов, занималась бедняками¹.

С размножением населения право первой заимки, – при котором наибольшие преимущества отказывались на стороне богатых крестьян, а бедные скотом хозяева не успевали запахать сколько-нибудь значительный участок, – привело к серьезным неудобствам и постоянным столкновениям отдельных лиц из-за земли. «Иные захватывали много земли под овцеводство, другие заняли ее вблизи села, вследствие чего третьим доставались дальние земли или ее мало и т. п.» (*Одесский у.*). В селе Николаевке *Бердянского* уезда недостаток в земле стал ощущаться в 50-х гг. текущего столетия. «Случаи споров и драк повторялись все чаще и чаще; хозяева запахивали чужие участки и прибегали к различным ухищрениям, чтобы захватить лишний клочок. Многие, например, обсевали со всех сторон участок земли овсом, а середину оставляли под траву, в то время как другие ощущали недостаток в угодьях».

Такие явления, обнаружившись в самое новейшее время, когда кругом господствует регулирование землепользования путем коренных переделов, разрешались, например в с. Николаевке, общим переделом угодий. В прежнее же время многие общества применяли иные поправки, состоявшие не в

¹ В *Бахмутском* уезде, однако, «первые занятые каждым поселенцем из земли, отведенной под поселение правительством, пахотные участки, находившиеся вблизи поселения, ограничивались межами, считались как бы собственностью и переходили от отцов к детям под названием *батьковщины*. В случае желания сменить или расширить пахотный участок домохозяин мог сделать распашку целины в другом месте». Сенные покосы занимались по возможности ближе к селению и, по словам старожил, были не дальше вынешнего выгона.

упразднении права первого захвата, – что имеет в виду коренной передел, – а в некотором ограничении свободы проявления указанного начала.

Ограничение это, смотря по ценности того или другого вида угодий и отрасли хозяйства, которой занималось население, относилось к пахотным землям, сенокосным или тем и другим вместе. Способы ограничения права заимки заключались либо в назначении срока пользования занятым угодьем, либо в прямом или косвенном ограничении размеров последнего, либо в предоставлении бедным хозяевам известное преимущество по занятию свободных земель.

Так, в *Мелитопольском* уезде, в с. Ново-Николаевке (около 1835 г.), Богдановке и др. установлен был 3-летний срок владения пашней, после чего ее мог занять другой хозяин. В с. Михайловке в 30-х годах хозяева с малым количеством скота имели право выехать в поле раньше других и обойти плугом любой клочок земли, который с этого момента считался неприкосновенным в течение года; это давало бедняку возможность засеять землю постепенно, в течение 2–3 месяцев, без опасения, что в это время вся удобная земля будет распахана богачами. Первый передел произошел здесь в 1850 г., а за несколько лет до него установлен был 3-летний срок пользования пашней. В с. Терпеньи, вновь населенном после изгнания духоборцев (1844 г.), где первый передел совершился в 1858 г., с 1846 г. вся пахотная земля была разбита на круги в 15 десятин и каждый хозяин мог свободно пахать, не выходя из доставшегося ему круга. В некоторых селах *Бердянского* уезда (с. Очереватое, Сладко-Балковской вол., с. Берестовое) опахивание хозяином участка земли укрепляло его за ним на несколько посевов. В некоторых общинах *Царицынского* уезда имело силу правило, по которому после двукратного посева на участке его мог занять всякий член общины. В д. Збурьевке *Днепровского* уезда крестьянин, занявший участок земли, имел право пользоваться им 3 года: два года он производил на нем посев, на третий собирал падалицу.

Что касается пользования сенокосными угодьями, то в селениях *Мелитопольского* уезда, расположенных по берегам рр. Днепра, Конки и Молочной, отличающихся ценными поемными лугами, захват последних регулировался правилом, по которому к покосу все крестьяне приступали одновременно в назначенный для того обществом день. В *Бердянском* уезде, при существовании такого же правила, в некоторых общинах на уборку можно было выходить только с семейными работниками (вероятно, в Ореховской общине), в других – и с наемными годовыми, но не поденными (с. Вербовое М. Токмакской вол.), в большей же части общин, по-видимому, позволялось выходить со всякими рабочими, но число последних должно было соответствовать числу ревизских душ в семье (Работниковская община Сладко-Балковской вол., с. Белецкое той же вол., Н. Павловка Орехов-

ской вол., Н. Григорьевка Петро-Павловской вол.). В степных селениях *Мелитопольского* уезда, где покосов много, и они плохого качества, – каждый мог косить траву, когда и где пожелает.

Указанные способы регулирования землепользования применялись не всеми общинами; но и там, где они были в силе, – с дальнейшим размножением населения их становилось недостаточно. Утеснение в земле и неравномерное ее распределение – как результат большой свободы проявления при указанных способах экономической силы отдельных членов общин – становилось более и более чувствительным и требовало более решительных мер для своего устранения. По мере роста населения, а с ним и земледельческой культуры, первые поселники *Бахмутского* у. должны были понемногу отказываться от своих преимуществ. Ближайшие к усадьбам сенокосы, занятые когда-то ими, поступили под распашку новопоселенцев, а сенокосные угодья отодвигались глубже в степь. Выпаханные земли и брошенные под залежь, – если когда-то и считались состоящими во владении заимщиков и опять распахивались ими после того, как восстановили свою производительность, – теперь должны были отойти к новопоселенцам. Последние претендовали также на ближайшие участки, занятые старожилками. Близость передела чувствовалась больше и больше.

Стремление к переделу поддерживалось не только недостатком земли для самостоятельного хозяйствования у большинства населения, но и другими мотивами, как-то: желанием доставить беднякам возможность получить доход от земли сдачей ее в аренду тем же богатым односельцам (см. *Царицынский* у., села Ивановка, Рубановка *Мелитопольского* у.) и этим предупредить накопление недоимок. Кое-где передел советовался крестьянам начальством, хлопотавшим об уничтожении недоимки, разверстывавшейся по ревизским душам (с. Рубановка).

Как бы то ни было по тем или другим мотивам и побуждениям, а в населении степей с течением времени проявилось недовольство существующими аграрными порядками и стремление к их изменению. «Со стороны обездоленных начиналась агитация против многоземельных и богатых скотом, и агитация, далеко не всегда мирная, а с кулачным, смертельным боем и насильственным разорением хуторских построек. Эта агитация и привела к уравнительному распределению земли по душам» (см. *Мелитопольский* у.).

Нельзя утверждать, чтобы период свободной заимки, «вольницы», «захватищ», «жака» (*Славяносербский* у.) существовал во всех общинах степной полосы. Не говоря о новейших поселениях, образованных в то время, когда вся почти земля имела своего владельца, есть даже старые общины, по-видимому с самого начала разверстывавшие землю по душам. Некоторые (Чернухино, Городище, Ольховатка *Славяносербского* у.) поступали так,

по-видимому, из подражания обычаям местности, откуда явились поселенцы, «учредили новозанятую землю по российскому обряду»; другие (мордовские общины Барановской вол., *Хвалынского у.*) обратились к регулированию землепользования потому, что с самого начала поселения «расчистка дремучих лесов под пашню, стоившая громадных усилий, производилась не отдельными хозяевами, а всем обществом», в силу чего лесные чащобы делились тотчас же на все души. Однако в огромном большинстве общин степной полосы периоду регулирования землепользования путем коренных переделов предшествовал период свободной заимки земли без всякого или с неполным ее ограничением. Этот период в общем был тем короче, чем позже образовались поселения, ибо чем ближе к нашему времени, тем гуще становится население, тем стеснительнее землепользование и тем скорее наступают потребность в общественном его регулировании. В общинах *Таврической губ.*, образовавшихся в последнее тридцатилетие, захватное владение если и существовало, то в большинстве случаев в течение немногих (1–5, иногда 7) лет – обыкновенно, пока не собрались еще все хозяева, на которые отведена земля; но есть несколько и новых общин, где такой период длился 15–20 лет. Еще более длинный период свободной заимки земли существовал у старых общин; для 31 селения Мелитопольского уезда, например, он равняется в среднем 49 годам, для 8 общин Царицынского уезда – 40 годам.

Некоторые из общин *Днепровского у.*, образованные в новейшее время, поделили землю тотчас по ее получении (например, Константиновка Каирской вол., Отрадовка, Александровка, Н. Алексеевка, Дагмаровка Ново-Троицкой вол., Ново-Киевка – Каланчакской, Григорьевка – Перво-Константиновской). Большая же часть некоторое время пользовалась землей на правах захвата. Это следует сказать о всех почти поселениях Перво-Константиновской, Громовской волостей, о четырех селах Ново-Троицкой вол. Почва названных местностей преимущественно песчаная, солонцеватая, малодобная для земледелия. Население многих сел не сразу осело на местах поселения, многие из переселенцев не ужились в новой обстановке, бросали землю и переселялись в другие места. Четыре села Перво-Константиновкой вол., образованные в 1861–1862 гг. выходцами из Бессарабии, в первый раз переделали землю в 1867–1869 гг., с окончанием срока льготы от податей, а одно из них, Второ-Александровка, – в 1880 г. Четыре поселения Ново-Троицкой вол., образованные в 60-х годах, первый передел совершили через 4–7 лет захватного владения, да и тот главной целью имел не урегулирование пользования пахотной землей, а лишь регулирование пользования сенокосами (с. Н. Дмитриевское). Захватное владение в Громовской вол. продолжалось тоже 4–7 лет. Молодые общины *Мелитопольско-*

го у., образовавшись в такое время, когда земля не была в изобилии, обыкновенно не знали захватного владения, или последнее продолжалось у них от 1 до 5 лет. Так, из 12 селений, образованных после 1860 г., захват практиковался тремя, между тем как из 37 селений, основанных раньше этого года, свободная заимка встречается у 31, или 84%; средняя продолжительность захватного владения равняется здесь 45 г. В общинах *Бердянского* уезда, образовавшихся в последнее 30-летие, свободное пользование землей если и существовало, то очень недолго, обыкновенно пока еще не собрались все хозяева, на которых отделена земля, т. е. 2–3 года, после чего регулирование землепользования совершалось с помощью коренных переделов. Но в некоторых из указанных общин захватное пользование продолжалось довольно долго: в с. Прокофьевке Белицкой вол. с конца 50-х до 1866 г., в Н. Васильевке Ново-Дмитриевской вол. с 1860 по 1874 г. В *Царицынском* уезде период свободной заимки продолжался 10–20–50 лет и больше, в немногих общинах 3–5 л., в некоторых его вовсе не было. Для 12 общин, образовавшихся не дальше 60 л. тому назад, средний период захватного пользования равняется 11 годам; для 8 общин, образованных раньше, он равен 40 годам.

Первые коренные переделы земли явились в разное время. В некоторых местностях (например, *Бахмутский* у.) они, по-видимому, существовали уже в прошлом веке; в других (*Хвалынский* у.) введение этого метода регулирования землепользования закончилось в начале XIX столетия; в третьих оно явилось гораздо позднее, причем сообразно времени заселения края переделы раньше начались в северо-западных уездах и позже в юго-восточных. В *Славяносербском* уезде первые переделы, по-видимому, имели место в 10–20-х гг. текущего столетия, в *Царицынском* – в 20-х гг., в *Таврической* губ. – в 20–30-х гг. В эти десятилетия началось регулирование землепользования с помощью коренных переделов, т. е. приступили к такому регулированию лишь некоторые общины уезда; распространение же этого способа регулирования на другие общины растянулось надолго, местами (главным образом в *Таврической* губ.) до 70-х годов (в старых общинах) и 80-х (в новых) текущего столетия¹.

Приводим из Памятной книги Таврической губ. (т. IX Сборника), составленной под редакцией К.А. Вернера, следующую табличку относительно момента введения коренных переделов в 161 общине материковых уездов губернии.

¹ В *Бугульминском* у. в обществе вольных хлебопашцев с. Спасского (60 дворов) первый передел (по наличным душам) произошел лишь в 1881 г. по инициативе пришлого из Николаевского у. механика-самоучки Талызина, которому община обязана и многими другими нововведениями. «До передела всякий пахал – где кто хотел, причем старые земли оставались не паханными, а ежегодно распахивались новые земли».

Число общин, где первый передел произошел:

	в 20-х гг.	в 30-х гг.	в 40-х гг.	в 50-х гг.	в 60-х гг.	в 70-х гг.	в 80-х гг.
В Бердянском у.	2	1	3	25	33	3	–
В Мелитопольском у.	–	2	13	14	20	2	3
В Днепровском у.	–	1	3	5	25	5	1
Итого	2	4	19	44	78	10	4

Не везде регулированию путем коренных переделов подверглась сразу вся земля общины, находящаяся под посевом или сенокосом; в очень многих, если не в большей части случаев первые переделы коснулись лишь ближайших участков, на отдаленных же продолжало господствовать право захвата. Постепенно, однако, площадь, подлежащая переделам, расширялась и наконец (во многих общинах лишь в 50–60-х годах) вся лично эксплуатируемая земля подверглась переделам, хотя захват местами остался до последнего времени, в большинстве случаев, однако, как самовластное действие членов общины, с которым последняя ведет борьбу. Позже всего переделы коснулись усадебных угодий.

В *Мелитопольском* у. в 1870–1880 гг. первый передел имел место у молодых селений, у старых же процесс перехода от захватного владения к переделам завершился в 1868 г. Из 30 старых общин *Бердянского* у., о которых имеются сведения, первые переделы произведены: по душам VIII ревизии в 1834 г. в одной общине (большое с. Берестовое, сравнительно малоземельное), в начале 50-х годов, т. е. по душам IX рев., – в 18, по душам X ревизии – в 9 общинах. Передел не всегда совпадал с годом ревизии, иногда он совершался через один – несколько лет после нее. Всего дольше захватное пользование старых общин пахотной землей продержалось в с. Белицком (617 дв., 8,7 дес. на рев. д.), где первый передел был совершен в 1862 г. В *Днепровском* у. период захватного владения в старых поселениях продолжался долго, в новых же – всего несколько лет, а некоторые из последних развернули землю по душам при самом их образовании. Насколько можно судить по имеющимся данным, первые переделы в уезде имели место в 1837 г. (с. Кардашанка Алешковской вол.), в 1845 г. (с. Збурьевка той же вол., Новая и Старая Маячка); другие начали переделывать землю с X ревизии (Б. Копани, Костогрызово); но есть немало старых общин, где к регулированию землепользования путем переделов приступили лишь в 60–70-х годах. Так, крестьяне с. Капры, образованного в конце прошлого века, долгое время занимались по преимуществу скотоводством и не регулировали пользования землей, что же касается платежей, то немощные и убылые души накидывались на состоятельных крестьян. Со временем стали чувствовать утесне-

ние в земле, особенно когда (около 60-х гг.) появились плужницы, с помощью которых богатые могли запахивать, в ущерб бедным, большие участки земли. Это порождало споры и ссоры, особенно с присоединением в 1862 г. 90 семей из юго-западного края, поселенных по распоряжению правительства. Тогда в 1864 г. произошел первый передел земли по наличным душам. В том же году впервые поделили свои земли еще два старых села той же, Каирской волости – Горностаевка и Любимовка. С. Покровка, образованное в конце XVIII в. и расположенное на песчаной, крайне тощей почве, почему его жители занимаются главным образом рыболовством и добыванием соли, пускает в передел лишь небольшие площади сенокоса и (с 70-х гг.) кусок пахотной земли (по 2,2 дес. на душу), прирезанный к общине в 1870 году. Остальную всякий мог пахать, где хотел, и лишь в 1884 г. общество решилось прекратить такие порядки. В с. Каланчаке, одном из старейших в уезде, захватное пользование продолжалось до 1870 г., причем занятым участком каждый мог владеть 3 года: снять с него озимый хлеб, яровой и падалицу. В сложной общине сел Голая Пристань и Килигейские Хутора, образованной в начале столетия, первый передел произошел даже в 1884 г.

В *Славяносербском* у. обыкновенно первый передел коснулся лишь земли, ближайшей к усадьбе; подчинение переделу отдаленных участков произошло в разное время: в некоторых общинах в 30-х годах (после голодного, 1833 г.), в других – в 40-х гг. и, наконец, в 50–60-х годах. В некоторых общинах захват продолжается по сие время, хотя он и вызывает протесты и штрафы со стороны общества. В с. Варгунке эти захваты распространяются на «бракованную», оставшуюся от раздела землю, и в случае их обнаружения общество берет с виновного 7–10 руб. штрафа с десятины, «а то отдай хлеб обществу». Стремление к регулированию постоянных усадебных угодий обнаружилось лишь в последние 10–15 лет. В с. Калаглии *Одесского* у. первый передел был в 1837 г. В *Саратовском* у. в некоторых деревнях (например, Бабанове Санинской вол.) старики помнят время «захватищ», когда (лет 50 назад) только ближайшая к селу мягкая земля делилась по душам, остальную каждый пахал, где хотел, причем вспаханная десятина продавалась очень дешево, например, за штоф водки. В *Царицынском* у., за исключением немногих общин, где впервые переделы явились довольно поздно (15–25 лет тому назад), переделы начали практиковаться в 20–50-х годах текущего столетия.

Первые переделы обыкновенно совершались по ревизским душам, но дальнейшее их повторение не всегда совпадало с моментом ревизии. В *Днепро-провском* у., в Збурьевской общине 1-й передел пахотной земли совершился в 1845 г., а следующий – в 1861 г.; в ст. Маячке (Маячковской вол.) первый пере-

дел сделан в 1845, второй – в 1863 г. В нескольких общинах первые переделы были совершены по наличным душам. Это следует сказать об Александровке, Алексеевке и Дагмаровке Н. Троицкой вол., Н. Киевке – Каланчакской. Все эти поселения образованы в 60-х годах текущего столетия; первые поселенцы, однодворцы и чиншевики Невской и Каменец-Подольской губерний разделили землю, на которой поселились, по наличным душам; но когда через несколько лет они узнали, что земля (15 дес. на душу для первых трех и 8 дес. для Н. Киевки) им далась на ревизские, а не наличные души, и излишнее ее количество было отрезано, названные поселения в 1872–1873 гг. переделали оставшуюся землю по ревизским душам. С. Второ-Александровка Перво-Константиновской вол., образованное в начале 60-х гг. выходцами из Бессарабии, 1-й передел сделало в 1880 г. по наличным душам, по которым владеет землей и в настоящее время. Древняя сложная община Збурьевской волости, состоящая из сс. Голая Пристань и Килигейские Хутора, первый передел в 1884 г. сделала прямо по наличным душам.

Правильное заселение *Крыма* (уезды Феодосийский, Симферопольский, Ялтинский, Перекопский, Евпаторийский) началось в начале XIX века, и в первую его половину было образовано несколько селений греков, болгар, швейцарцев и т. п., а также русских государственных и помещичьих крестьян. Большая же часть русского населения водворилась здесь в период времени с конца 50-х гг., когда освободилась земля, занятая татарами, эмигрировавшими из Крыма в числе 180 тыс. человек. Кроме русских, в описываемое время в Крыму образовались также поселения эстонцев, чехов, немцев и наконец татар – детей и потомков мелких землевладельцев, ушедших в 60-х гг. в Турцию.

История общинного землевладения христианского и магометанского населения Крыма различна, почему то и другое должно быть рассмотрено отдельно.

Обращаясь, прежде всего, к татарским общинам, нужно сказать, что большая их часть, расположенная в горной части полуострова и отличающаяся вместе с тем древностью своего происхождения (в Сальвинской и Таракташской вол. *Феодосийского* у., Мангушской, Дуванковской, Караалезской *Симферопольского* у. и во всем *Ялтинском* уезде), сохранила порядки, свойственные общинному владению, в большинстве случаев лишь в отношении к выгону, кустарнику, плохому лесу и лишь отчасти к пашне; наиболее же ценные участки – усадебные, садовые, пахотные и частью лесные – уже находятся в частном владении. Большая часть степных общин (встречающихся по преимуществу в *Перекопском* у.), образовалась в недавнее время путем наделения земель потомков татар, выселившихся в 60-х гг. в Турцию.

В большей части степных общин (в числе их есть старые) к пользованию пахотной землей применяется принцип первой заимки, причем в обществах,

практикующих периодическую смену толоки на пашню; продолжительность пользования занятой полосой пашни определяется сроком, принятым для такой смены; в остальных право на пользование занятым участком прекращается вместе с прекращением его обработки. В нескольких общинах право первой заимки уступило место разделу земли по дворам или душам (последнее в трех общинах, из которых две образовались весьма недавно и получили землю на души); этот раздел в с. Барыне начал производиться всего с 1882 г. Некоторые татарские общины возникли из частного владения. Так, 18 человек с. Дуванки *Симферопольского* у. купили в 1809 г. 2868 дес. земли, из которой лучшая часть была распродана по мелочам совладельцам, а остальная (около 2400 дес.) была отдана обществу. Таракташская и Барынская общины *Феодосийского* у. и несколько общин *Ялтинского* у. возникли таким образом. В этих селениях в старину земля составляла общее владение нескольких хозяев, паи которых были точно определены; после покорения Крыма у этих владельцев возникли с помещиками, приобретшими соседние дачи, земельные процессы, которые восходили на рассмотрение особой Комиссии. Последняя в конце прошлого и начале нынешнего века признала спорные земли, принадлежащие татарским обществам. «Довольные тем, что земля отвоевана от сторонних притязаний, прежние владельцы оставили без протеста переход земли из их рук во владение их односельчан».

Христианских общин в Крыму 83; 42 государственных крестьян (в том числе 6 эстонских, 2 греческих, 2 богемских и 1 чешская и немецкая) и 41 бывших помещичьих. Все общины государственных крестьян, за исключением 6 *Симферопольского* у. и 2 *Феодосийского*, возникли в период времени с 1855 по 1865 г. Помещичьи поселения и 8–10 сел государственных крестьян образовались в первой половине текущего столетия. Во всех христианских общинах пользование пашней регулируется путем коренных переделов, причем старые общины первоначально пользовались землей на праве первой заимки и к переделам перешли со времени VIII ревизии и позже; общины практикуют переделы с момента своего образования.

Пользование землей в крепостную эпоху у помещичьих крестьян *Таврической* и *Екатеринославской* губерний в очень многих случаях было свободно, или регулирование его ограничивалось лишь указанием помещиком места, где крестьяне могли запахивать любое количество земли. Это поддерживалось, между прочим, тем обстоятельством, что запашки крепостных крестьян, отдавших половину своего рабочего времени владельцу, были невелики. Первые переделы явились в этих случаях или незадолго до освобождения, или уже через несколько лет после реформы; есть случаи продолжения захватного владения до 1884 г. Сенокосы в некоторых таких общинах и в прежнее время отводились крестьянам по известной норме владельцем.

Во всех общинах помещичьих крестьян *Мелитопольского у.* первый передел пахотной и сенокосной земли имел место через 2–7 лет после освобождения. Среди помещичьих поселений *Днепровского у.* находятся тоже общины, когда-то пользовавшиеся землей на праве захвата. Таково с. Черненьки Каховской вол., образованное в конце XVIII в. и пользовавшееся землей свободно до 1848 г., когда ее стали отводить, причем распашной земли доставалось 3 дес. на рабочую душу; с. Князь-Григорьевка, – где, по прекращении захватного владения, на рабочую душу давалось тоже 3 дес. пашни; в д. Завидовке Кн.-Григ. вол. первый передел (по рев. душам) совершен в 1884 г.

В помещичьих селениях *Бахмутского у.*, благодаря многоземелью, потребность в регулировании землепользования явилась поздно (вероятно, незадолго до эмансипации), хотя и право захвата не могло сохраниться неприкосновенным; в с. Привольном № 2 Рубежанской вол. первый раздел земли по числу скота произведен в 1851 г. В *Славяносербском у.* первые переделы явились после освобождения в большинстве помещичьих общин и незадолго до него – в немногих. Сенокосы издавна распределялись помещиками между крестьянами – в большинстве случаев по количеству волов, иногда – по работникам; изредка и сенокосом крестьяне пользовались неограниченно. В *Царицынском у.* захватный способ пользования землей помещичьими крестьянами был редким явлением; большая их часть получала землю по тяглам, «венцам» (в д. Отраде по ревиз. душам), распределяя по этим единицам участок, отводимый владельцем.

* * *

Вероятно, указанным путем постепенного превращения свободно-заимочного владения в регулируемое образовались общины башкир *Самарской губернии*. Первоначальное население Самарской губ. состояло из башкир. Впоследствии, когда началась колонизация волжских степей другими племенами, населяющими Россию, часть башкирской земли была куплена переселенцами. Несмотря на то, что земля башкир принадлежит им на праве полной собственности, – они владеют ею на общинном начале.

Единичные случаи перехода от свободной земли к коренным переделам встречаются в новейшее время и на центральной полосе России. Так, в некоторых общинах *Трубчевского уезда* захватное пользование землей прекратилось на памяти живущего поколения, а кое-где продолжалось до последнего десятилетия. В помещичьих общинах *Краснослободской вол.* захватное пользование продолжалось до освобождения крестьян от крепостной зависимости, причем в Кокоревке и Тербушках никакого регули-

рования пользования землей отдельных крестьян не существовало: каждый расчищал под пашню или покос такую площадь, какую мог осилить, и пользовался ею без ведома общины. В других общинах встречаем уже наряду со свободным захватом и вмешательство мира; в д. Смелиже и Черни в течение нескольких десятилетий существования крепостного права главная часть покосов (составляющих главное угодье крестьян) делилась по ревизским душам, а вновь расчищенные из-под кустов оставались в течение нескольких лет в пользовании тех, кто их разработал, после чего разверстывались между всеми; в Красной Слободке и Чухраях расчищенные из-под кустов пашни и покос оставались в пользовании разработавшего 10–20 л., после чего разверстывались между всеми хозяевами по числу ревизских душ. В общине госуд. кр. с. Малфы Красносельской вол. первое регулирование землепользования явилось в половине 70-х гг.; до того же времени каждый захватывал столько земли (наделы низменны, покрыты вымочинами и плохим кустарником), сколько в силах был обработать. В с. Лопушь той же волости первый передел по ревизским душам имел место во второй половине 60-х гг.; тем не менее во владельной записи 1868 г. земля этого общества значится состоящей в подворно-наследственном владении. Сборник считает форму владения здесь недостаточно определившейся.

В с. Усть-Славянке (госуд.) *Петербургского у.* первый передел (по личн. душ.) имел место лишь в 1881 г., а в с. Усть-Ижоре (б. Александровской мануфакт.) той же вол. и в 4 обществах госуд. кр. Колтушской вол. *Шлиссельбургского у.* пользование землей до сих пор не подвергается никакому регулированию. Община ямщиков Смоленской слоб. *Петербургского у.* первый передел земли (по рев. д.) совершила в 1881 г.; до того времени участки переходили от отцов к детям не переделываясь.

2. Обращение наследственного пользования общинной землей в регулируемое путем коренных переделов¹

Государственные крестьяне (бывшие монастырские) *Суражского у.* (и вообще северной части Черниговской губернии) в прежнее время владели землей на праве «вольницы», «займанщины». Очень может быть, что сначала это была бродячая займанщина, при которой крестьянин, расчистив участок из-под леса и сняв с него несколько посевов, забрасывает его и занимает новый. Но если «вольница» и прошла эту ступень развития, то в воспоминании населения последняя не оставила по себе следов. Эти же воспоминания,

¹ Данные для этого параграфа заимствованы из «Материалов для оценки земельных угодий Черниговской губ. Суражского уезда».

равно как и данные «Румянцевской описи» (XVIII века), рисуют нам картину оседлой заимки, при которой занятый кем-либо и расчищенный из-под леса с большими усилиями участок земли оставался во владении семьи расчистившего и мог быть ею продан или уступлен всякому, хотя бы и не принадлежащему к составу общества.

«Лесные земли, где производились заимки, представляли собой в прошлом столетии вольное общее, нераздельное владение не только данного села, но и целой волости» в смысле свободной заимки каждым участка на всей этой площади. «Не одни крестьяне, а иногда даже казаки и крестьяне пользовались лесными землями вместе, нераздельно». С течением времени часть, а в некоторых общинах – и вся заимочная земля отдельных лиц превратилась в общую трехпольную пашню с определенными, раз навсегда установленными долями отдельных семей, причем в некоторых поселениях эти доли состоят из тех самых клочков, какие расчищены семьей во время «займанщиков», вследствие чего поля поселений представляют неправильную чересполосность владения; в других – при переходе заимочных земель в общесменный район – была произведена переверстка угодья, приведшая к правильному расположению отдельных участков. Но в том и другом случае величина площади, принадлежащей семье, оставалась вне зависимости от усмотрения мира, и распоряжение участком находилось всецело в руках владельца.

Возникновение переделов земли произошло в различных общинах Суражского у. в разное время. Раньше других (но когда именно – неизвестно) уравнивание земли начало практиковаться в Заборской и Поповогородской волостях (закрывающих половину государственных крестьян Суражского уезда), ранее других вступивших в историческую жизнь; в Верещакской волости (где живет около $\frac{1}{3}$ государственных крестьян уезда) первые переделы явились в начале нынешнего столетия; в остальной части уезда они появились в последнее двадцатипятилетие. История этого последнего момента движения рисуется, по собранным сведениям, в таком виде.

Первый шаг к переходу от личного землевладения к общинному в указанный период сделан был селом Лыщичи Стародубского уезда, находящимся в углу, где соприкасаются границами Суражский, Мглинский, Новозыбковский и Стародубский уезды Черниговской губернии. Благодаря такому положению села Лыщичи передел полей по ревизским душам, сделанный обществом в конце 50-х гг., вскоре после X ревизии, вызвал движение к переделу и в обществах названных уездов. Прежде всего это движение обнаружилось в самой Лыщичской волости, где год за годом все селения переделывали землю по ревизским душам, кроме д. Куровщины, которая совершила передел только в 1882 г. Вскоре после «Лыщичского равнения»,

в конце 50-х же годов передел был совершен в 4 селах Голубовской вол. Суражского у.; в с. Мартиановке этой волости (равно как и в многих поселениях Мглинского у.) передел имел место в половине 70-х годов, в д. Робчике – в начале 80-х гг. Передел полей с. Богородицкого, единственного в Суражском уезде сохраняющего личное землевладение, задерживается чересполосностью его земли с землей посада Ардонь.

Передел земли, судя по рассказам крестьян, подготовлялся в их сознании постепенно. Первые признаки недовольства формой личного землевладения появились после того, как вся свободная земля оказалась занятой, а разрастающиеся семьи не находили возможности, вместе с ростом потребности, расширять эксплуатируемую площадь. Следующим толчком в том же направлении был перевод платежей с земли на ревизские души (?), за которым в некоторых обществах последовало накопление недоимки, которое здесь и было последним толчком, подвинувшим крестьян на равнение.

Общества, приступившие к переделу в начале и середине рассматриваемого периода, производили его по ревизским душам; те же, которые перешли к общинному владению в самое последнее время, равно как и общества, повторившие передел, принимали наличную разверстку земли. Переделывая первый раз свои угодья, общество, по-видимому, не думало о том, что ему придется повторять общие переделы, и поддержание равномерного распределения земли оно постановляло достигать ежегодной «скидкой-накидкой» душ – передачей наделов умерших лиц семьям, где имел место прирост душ. Усиливавшаяся вследствие этого с каждым годом чересполосность участков заставляла мирян задумываться над такими порядками, советоваться между собой об устранении зла, результатом чего явилось решение повторять от времени до времени общие переделы земли.

3. Обращение семейно-наследственного владения землей в общинное¹

Прошлая история четвертного землевладения еще недостаточно исследована. Насколько можно судить по имеющимся историческим данным, четвертные крестьяне в большинстве случаев являются потомками служилых людей, поселенных на окраинах государства с целью защиты границы от набегов неприятелей. Часть этих служилых людей, составлявшая низший разряд, получала за службу землю в общинное владение; другая – дети боярские – получали ее лично, по именным жалованным грамотам: чет-

¹ Материалом для настоящей статьи, кроме земских изданий, служит статья г. К. П-ва «Четвертное владение» («Рус. мысль», 1885 г., № 2 и 3), составленная по данным, собранным земской статистикой в Рязанской губернии.

вертные крестьяне и являются потомками этого высшего разряда служилых людей, получивших землю частью в виде жалованья за службу, частью в награду за особые заслуги на военном поприще. Но весьма вероятно, что часть предков этого разряда крестьян заняла землю самовольно. Сказанное о происхождении четвертного владения подкрепляется преданиями и документами, имеющимися у многих крестьян, из которых видно, что земля, находящаяся в их пользовании, жалована была московскими государями их предкам в личное владение. Принадлежа по своему происхождению к привилегированному сословию, значительная часть служилых людей описываемого разряда, однако, зачислена была переписью 1719 г. в податной класс и понемногу уравнивается в правах со свободными крестьянами. Правительство начинает вмешиваться в землевладение однодворцев (как стали называться впоследствии эти потомки служилых людей) с целью предупреждения их обезземеления и возможной вследствие того неисправности в платеже подушных денег и в содержании ландмилицких полков, образованных в первой четверти XVIII века для охраны окраин государства и содержимых частью на средства однодворцев. Это вмешательство заключалось, с одной стороны, в запрещении однодворцам продавать свои земли, с другой – в наделении безземельных однодворцев участками земли. Полное приравнение однодворцев к крестьянам произошло в 40-х гг. текущего столетия, когда они лишены были права владеть крестьянами и земля их обложена была платежами на общем основании.

Каково бы ни было происхождение и первоначальная история крестьян описываемого разряда, равно как и юридические их права на землю, – известно, что фактически они пользовались пахотными, а в большинстве случаев также сенокосными и лесными угодьями на частном праве в том смысле, что каждый совладелец в общем угодье имел известную долю, определяемую не общим соглашением или мирским приговором, а началами наследования, купли и т. д. Где общество ясно сохранило сознание своего происхождения от одного предка – доля каждого совладельца определяется степенью близости его к последнему. Обыкновенно только пахотная земля разбита в натуре на участки (чересполосные), принадлежащие членам поселения. Сенокос и лес весьма редко разделяются таким образом; в большинстве случаев общая площадь того и другого угодья периодически разверстывается между всеми, как это делается и в настоящей общине. Во многих обществах четвертных крестьян уравнительность в пользовании последними угодьями проведена еще дальше: периодическое распределение их между семьями совершается по числу ревизских душ в каждой семье или поровну на каждый двор. В других же селениях доля каждого члена в общем сенокосе и лесе пропорциональна доле его в пахотном поле.

Мы останавливаемся на земельных порядках четвертных крестьян настолько, насколько это необходимо для понимания последующей исторической формы владения землей. Читатель видит, что форма эта в большинстве случаев носит на себе следы и частного, и общинного владения. Всего более общинное начало проявляется в сельскохозяйственной стороне пользования землей: пахотное поле каждой деревни разбито на три смежные, иногда с подразделением угодья по качеству, отдаленности от усадьбы и т. д., и в каждом из образовавшихся таким образом участков имеются полосы, правда неравномерные по величине, всех совладельцев; сенокос в большинстве обществ ежегодно или через другой промежуток времени переверстывается между всеми; лесом пользуются приблизительно также. С экономической стороны общинное начало проявляется довольно часто лишь в приложении к сенокосным и лесным угодьям (не говоря о выгоне). Что же касается пахотной земли, то здесь господствует, как мы видели, начало наследственного права. Впрочем, встречаются поселения четвертных крестьян, где и часть пахотной земли состоит в общинном владении. Эти общинные участки образовались из земель выморочных, из распаханых выгонов, лугов, лесных вырубков, иногда происхождение их осталось невыясненным. Общинная пашня, – где она не была образована прямым переходом поселения от четвертного владения к душевому, – обыкновенно составляет небольшую часть угодья, принадлежащего данному обществу; большей же его долей последнее владеет на наследственном праве.

В Елецком уезде в 5 общинах душево-четвертных крестьян в общинном владении находится небольшая часть пахотной земли, и произошло это владение в 4 общинах через распашку угодий, по-видимому и раньше находившихся в общинном пользовании крестьян. Так, в селах Афанасьевской волости: Б. Хмелевой 41 десятина душевой (общинной) земли при 321 дес. четвертной (подворно-наследственной) явились, по-видимому, путем распашки общинного леса; в М. Хмелевой 7 дес. душевой земли (при 215 четвертной) заведомо произошли в 60-х гг. этим путем. То же самое следует сказать и о д. Локтеве Каменской вол.: 25–30 лет тому назад крестьяне этой деревни ходатайствовали о прирезке им пахотной земли, в ответ последовало разрешение обратить под пахоть 37, из имевшихся у них 105 дес., общинного леса; эта площадь была разделена на 22 двора поровну. В настоящее время леса осталось только 20 дес., остальной сведен, а земля из-под него распашана; в четвертном владении здесь состоят 259 дес. земли. В д. Короткой Афанасьевской вол. в душевом владении находится 31 дес., в четвертном – 1419 дес.; лет 70 назад деревня сдала 31 дес. выгона в аренду под бахчу одному купцу, а по окончании срока аренды разделила участок

между дворами (поровну), а в 30-х гг. – по ревизским душам. В с. Выгоны Стегаловской вол. находится 207 дес. четвертной земли и 93 дес. общинной неизвестного происхождения. В Шатовой Слободке и д. Прочести Афанасьевской вол. часть общинной земли произошла от распашки леса (в первой – давно, в последней – около 1850 г.); 120 дес. общинной земли д. Новосильской Тербунской вол. принадлежали раньше хозяевам, высланным из деревни: дд. Дерновка и Рябиновка Казацкой вол. и Свишни Стегаловской часть общинной земли получили от казны – первая, по видимому, во время генерального размежевания, 2-я – в 30-х гг. Как видно из трудов Кадастровой Комиссии, сложная община Тербуны и Лобановка имели в 1846 г. 3046 дес. четвертной земли (перешедшей потом в душевую), 78 дес. леса и луга, разделенных поровну по дворам, и 982 дес. пашни, находившейся в душевом владении (не всех хозяев); в сложной общине Бурданове и Березовке той же вол. в 1846 г. $\frac{2}{3}$ земли были в четветном владении, а $\frac{1}{3}$ – в душевом.

В *Миценском* у. три общества четвертных крестьян имеют часть земли в душевом владении: в д. Волубееве 37 дес. душевой земли подарены обществу лет 100 назад одним членом общества, высланным в Тобольскую губ., д. Желябуг и Нижнее Ущерево владеют на общинном начале землей (11,6 дес. первое и 19 дес. второе), полученной от соседних землевладельцев в вознаграждение за худшее качество земли, доставшейся крестьянам при размежевании. В *Белгородском* у., в с. Вислы, душевая земля образовалась из общественного сенокоса, который сначала ежегодно перед уборкой делили по дворам, а впоследствии обратили в пахотную землю и разверстали подушно. В с. Крутой Лог имеется земля четвертная, душевая и дворовая. Душевая земля образовалась в 60-х годах расчисткой земли с дозволения начальства из-под леса, отводившегося крестьянам для пользования строительными материалами. Дворовая земля образовалась из леса, отведенного по владенной записи, рассчитанного по дворам и разделенного таким же образом. 50 хозяев (из 350) из опасения платежей отказались тогда от своей доли, которая и была принята остальными крестьянами, но не поделена между ними, а сохраняется и эксплуатируется для топлива. Старые хозяева этого леса требуют его передела по душам, но остальные не соглашаются. Дворовую землю крестьяне не продают и не закладывают, и все убеждены, что при ревизии она разверстается подушно. Душевая земля в с. Разумном образовалась тем же путем раскопок лесной заросли, что и в предыдущем случае. В *Новооскольском* у. душевая пашня у душево-четвертных обществ (с. Куськино и Васильев Дол Холанской вол., Киселевка Белгородской вол. и др.) произошла путем расчистки под пашню лесной заросли. В *Щигровском* у. происхождение

душево-четвертных владельцев (560 дв. из 19 655 дворов уезда) таково. При размежевании случилось, что за выделением участков владельцам и крестьянам оставалась площадь, обращаемая в казенную собственность. Крестьяне либо заводили о ней тяжбу, либо подавали прошение о передаче им этой земли по причине их малоземелья. Когда ходатайство получало удовлетворение, крестьяне разделяли отошедшую к ним землю по ревизским душам. В *Раненбургском* у. насчитывается до 10 обществ четвертных крестьян, имеющих часть пашни в душевом владении. Произошла эта пашня от распашки угодий, которыми крестьяне владеют на общинном праве (луга, леса, выгоны), в 2 случаях, из выморочных участков – в 4 случаях, покупок обществом земли у переселенцев в 1 случае, уступки многоземельными крестьянами своей земли обществу в 2 случаях – в одном из них все члены общества находятся в близком между собой родстве. В 2 обществах четвертных крестьян *Данковского* у. душевая пашня образовалась путем распашки угодий, находящихся в общинном владении, в 3 обществах – из выморочных участков. В *Лебедянском* у. душевая земля в Пушкарской слободе образовалась из участков выморочных и оставленных переселенцами, поступивших в подушный раздел в 1866 г. В с. Панине происхождение душевой пашни такое же. В с. Волчьем, по словам крестьян, около 40 лет назад во время межевания и оценки земли владельцы наиболее крупных участков признали справедливым предоставить в подушный раздел 1430 дес. своей собственности.

«Добытые местными исследованиями Рязанской губернии данные, – говорит г. К. П-в, – совершенно ясно доказывают, что в прежнее время, еще в начале нынешнего и в конце прошлого века, неуравнительное распределение и наследственное право распространялись на значительно большую часть однодворческих угодий, чем это мы видим теперь у четвертных крестьян; что у последних большая часть общинной, распределяемой уравнительно земли появилась сравнительно недавно, нередко на памяти нынешнего поколения; часто мы можем даже проследить путь, которым она образовалась. Судя по тому, что общинное владение распространено гораздо более на луговые и лесные угодья, чем на пахотные, надо полагать, что прежде всего оно установилось в пользовании лесом и сенокосами. Действительно, в некоторых селениях крестьяне хорошо помнят, что раньше появления общинной пашни луг и лес, как помнят сами крестьяне или передают со слов умерших стариков, с некоторого времени стали распределяться уравнительно, вместо существовавшего прежде распределения этих угодий по четвертям, т. е. пропорционально количеству принадлежащей каждому пахотной наследственно-четвертной земли» («Русск. мыс.»).

Если приведенные выводы одного из исследователей крестьянского хозяйства в Рязанской губ. не случайны, то история четвертного землевладения представляет собой постепенное превращение пользования землей на наследственном праве в форму уравнительно-душевого владения¹. Мы, однако, не имеем материалов для того, чтобы проверить это заключение или проследить процесс постепенного превращения одной формы владения землей в другую. Имеющиеся данные относятся к тому моменту эволюции рассматриваемой формы землевладения, когда наследственное начало устранялось сразу и общество сразу же переходило к душевому владению или всеми угодьями (кроме усадьбы), или, если покосы и леса состояли уже в душевом владении, – только пахотными. Этот процесс резкого перехода от одной формы владения землей к другой и составляет предмет настоящего описания.

Четвертные крестьяне населяют по преимуществу центральную черномоземную полосу России; здесь же главным образом следует искать и перехода четвертного землевладения в общинное. Что же касается восточной окраины, то хотя слабые остатки четвертного владения свидетельствуют о том, что и здесь совершился процесс превращения одной формы владения в другую, но или по давности население утратило о нем всякую память, или исследование не касалось этого вопроса.

Так, четвертная земля встречается в *Тетюшском* уезде в количестве 1138 дес., в *Казанском* – 141 дес., в *Мамадышском* – в 1 обществе, в *Сияжском* – в 4 обществах. В *Ставропольском* у. 10 обществ с населением

¹ Наблюдаются, однако, и случаи превращения земли, бывшей в общинном владении четвертных крестьян, в подворную собственность. Большой частью это происходит таким образом, что общины, не извлекая большой выгоды из небольшого участка такой земли, как бы забывают временно переделывать ее между совладельцами, и она постепенно закрепляется за лицами, в пользовании которых поступила по последнему переделу. Иногда общинная земля зачислялась в подворную собственность при выдаче владенных записей. Встречаются, однако, случаи обращения душевого владения в четвертное прямым приговором общества. В сельце Подхорошем Становлянкой вол. *Елецкого* у. небольшая часть земли была прежде в душевом владении и переделывалась еще в 1834 г. во время VIII ревизии; мало-помалу, однако, она смешалась с четвертной землей. В д. Волчьей Казацкой вол. во время размежевания в 1867 г. малоземельные, опираясь на спутанность и спорность владений, добивались перехода на души, но это не только им не удалось (согласных на передел было 42 двора, не желающих – 37), но и 246 дес., делившиеся прежде между дворами поровну, теперь были распределены пропорционально четвертной земле. В *Белгородском* у. крестьяне с. Бочкового Никольской вол., – обратившего в 40-х гг., при переходе на оброк, часть четвертной земли в душевую и, по причине разнокачественности этой земли, совершавшего частые ее переверстки, что вызвало неудовольствие членов общества, желавших удобрять свои полосы, – в 1874 или 1875 г. поделили душевую землю между домохозяевами пропорционально количеству находившейся в их владении четвертной земли. В *Тимском* уезде Крестищенской вол. в с. Крестищах в 1860 г. было распахано и поделено по ревизским душ. 50 десятин выгона; в д. Раковой по рев. душам делилось 54 дес. переселенческой земли; при выдаче же владенных записей в 1872 г. чиновники закрепили эту землю в обоих селениях за дворами, записав ее вместе с четвертной.

1136 рев. д. владеют землей на четвертном праве; в незапамятные времена часть четвертных земель этого уезда перешла в общинное владение. В *Бугурусланском у.* в XVIII веке было образовано несколько поселений из служилых людей, получивших землю на четвертном праве. «Впоследствии, когда к этим солдатам присоединись крестьяне из внутренних губерний, – четвертная форма владения была заменена общинной, но когда именно, крестьяне не помнят». Четвертное владение и переход его к общине можно наблюдать в *Бугульминском* и *Хвалынском* уездах (см. ниже).

Но в центральной черноземной полосе предмет неисследован во всей полноте, частью по причине той же давности процесса превращения четвертного владения в общинное, о котором мы только что говорили. Так, судя по преданиям, сохранившимся у крестьян *Козловского у.*, следует полагать, что значительная часть государственных крестьян-общинников этого уезда некогда принадлежала к четвертным владельцам, оставившим эту форму пользования землей еще в прошлом веке, при генеральном межевании, частью в 20-х годах текущего столетия. Многие общины государственных крестьян *Тамбовского у.* образовались из четвертного владения лет 30 тому назад, *Липецкого у.* – в 40-х гг. и позже. В *Моршанском у.*, по рассказам стариков, в конце XVIII в. большая часть четвертных владельцев большого с. Ламок перешла к общинному владению и впоследствии расселилась, образовав 3 села; меньшая часть осталась при четвертях, землю получила особо и образовала с. Вторые Левые Ламки, до сих пор владеющие землей на четвертном праве. Два однодворческих общества с. Пригородной слободы и с. Каралей в давнее время подворное землевладение обратили в общинное. Относительно *Курсановского у.* известно, что большая часть домохозяев с. Калугина перешли во время X ревизии от четвертного владения 1787 дес. земли к общинному, меньшая, но состоящая главным образом из многоземельных крестьян оставила свои 1403 дес. в четвертном владении. Четвертное владение сохранилось как в этих, так и в других уездах *Тамбовской губернии*.

Где имеются более полные данные, там представляется возможность сделать заключение, что обращение четвертной земли в общинную совершается в разных местностях далеко неравномерно. Так, следующие уезды с широким развитием четвертного землевладения характеризуются в то же время и его устойчивостью. В *Тимском у.*, где четвертные крестьяне составляют $\frac{3}{4}$ населения, а остальная четверть почти сплошь занята крестьянами бывшими помещичьими, от подворного к общинному владению перешло всего 3 общества: с. Рагозцы, д. Прилепы и Малые Сети; в *Курском у.*, где число обществ, владеющих землей на четвертном праве, достигает 162, к общине перешло всего 3 общества четвертных крестьян; в *Корочанском у.*

крестьян частью или всецело четвертных насчитывается больше 50 обществ, переход от четвертной на души известен для 4 обществ (одно из них состоит из 12 сел); в *Щигровском* у. в четвертном владении состоит земля у 82 обществ, переход же от четвертного владения к душевому известен для 9 общин государственных крестьян; в *Мценском* у. из 72 обществ четвертных крестьян к душевому владению перешла одна д. Нечаевка. В *Новооскольском* у. устойчивость четвертного землевладения, насколько она выражается сравнительным числом обществ, оставшихся при четвертях и перешедших к душевому владению земель, уже несколько менее: на полусотню поселений, оставшихся при четвертном владении, приходится 11, перешедших к общине, и эта цифра составляет третью часть всех обществ государственных крестьян уезда (кроме тех, что перешли в этот разряд от мелкопоместных владельцев), владеющих землей на общинном праве. В следующих уездах процесс превращения четвертного владения в душевое получил уже значительное развитие: в *Хвалынском* у. у татар «в 4 селениях удержалось четвертное владение, в 6 – четвертное владение уживается вместе с душевым, а в 15 селениях все четвертные земли перешли в разряд общественных»; в *Лебедянском* у. из 107 сел государственных крестьян 23 владеют землей на четвертном праве и у 42 наряду с душевым владением встречается и четвертное; для 17 общин точно констатировано происхождение от четвертного владения, крестьяне некоторых других сел дают на этот счет неопределенные указания. В *Елецком* у. около 43% всех обществ четвертных крестьян перешло к душевому владению земель; обществ четвертников там осталось теперь с лишком 60, а перешло на души 47, что составит больше половины обществ государственных крестьян (не считая перешедших от мелкопоместных владельцев) уезда, владеющих землей на душевом начале. В *Белгородском* уезде при четвертном владении землей осталось около 34 обществ, а около 50 перешли на души; они и составили контингент государственных крестьян с общинным землевладением, так как, кроме них, в уезде имеется всего одна община этого разряда крестьян, из бывших монастырских. В *Обоянском* у. при подворном владении осталось весьма незначительное число бывших четвертных крестьян (1707 дворов), а остальное большинство государственных общин владело некогда землей на четвертном праве: так, в 9 волостях (из 11) уезда насчитывается всего 8 общин государственных крестьян, получивших землю от казны на общинном, а не на личном праве (не считая, как и везде, крестьян, перешедших в казну от мелкопоместных владельцев после 1861 г.); остальные общества образовались из четвертного владения.

По отношению к *Рязанской* губернии у нас имеются следующие сведения¹.

¹ См.: Рус. мысль. 1885, № 2 и 3.

В 1849 г. была произведена перепись однодворцев, причем оказалось:

	Число сел	Ревиз. душ.	Дес. зем.
Однодворцев, разделивших всю землю по душам	56	21283	84448
Часть перешла на души, часть осталась на четвертном владении	16	1859	8506
Владеющих всей землей по четвертям	176	11265	64811
Имеющих четвертную и душевую землю	39	10768	41002
Итого	287	46527	223117

Четвертные крестьяне занимают южные уезды губернии, и для 3 из этих уездов имеются сведения, относящиеся к 1882 г. Ими доказывается, что с 1849 г. еще значительная часть четвертных крестьян перешла к общинному владению землей. В итоге, в *Данковском* у. к душевому владению перешло 40% четвертных крестьян, в *Раненбургском* – 62%, а в *Скопинском* – 75%. Крестьяне, перешедшие от четвертей на души, составляют в Скопинском у. 4622 рев. д., или 14% всего населения государственных крестьян, владеющих землей на общинном праве; в Данковском у. 4420 рев. д., или 57%; в Раненбургском у. – 15501 рев. д., или 90% государственных крестьян-общинников.

Что касается времени перехода крестьян от четвертей на души, – некоторые уезды, относительно которых имеются более или менее полные и определенные данные, можно сгруппировать в следующую таблицу.

Число общин, перешедших к общинному владению:

Уезд	XVIII в.				XIX в.				Итого
	10-е гг.	20-е гг.	30-е гг.	40-е гг.	50-е гг.	60-е гг.	Итого		
Елецкий	2	2	3	4	5	15	9	40 об.	
Раненбургский	2	3	1	3	1	4	5	19 об.	
Лебедянский	1	–	–	2	3	3	6	15 об.	
Белгородский	–	–	–	3	3	6		12 об.	
Новооскольский	–	–	–	2	1	7	1	11 об.	
Щигровский	–	–	2	6	–	–	–	8 об.	
Мценский	–	–	–	–	–	–	1	1 об.	
Курский	–	–	–	–	3	–	–	3 об.	
Тимский	–	–	–	–	1	–	2	3 об.	
Итого	5	5	6	20	17	35	24	112 об.	

Кроме того, на этот счет имеются еще следующие отрывочные или недостаточно определенные указания. В *Обоянском* уезде переход крестьян от четвертного владения к душевому произошел главным образом в конце 30-х и начале 40-х гг. текущего столетия: в д. Алисовке – в 1872 г.; в *Корожанском* у. один переход совершился в 1839 г. и 3 – в 40-х гг. В *Спасском* у. 6 ч. домохозяев татарского с. Сургади перешло от четвертей на души в начале 50-х гг.; в Кирсановском – большая часть с. Калугина, при X ревизии; в *Уманском* у. в 1868 г., при выдаче владенной записи, последовало превращение в общинное владение четвертной земли крестьян с. Домшинского (состоящего из 854 дв.), в *Козловском* у. превращение четвертного владения в душевое имело место в конце прошлого века и в 20-х гг. текущего столетия, в *Липецком* – начиная с 40-х гг.; в *Тамбовском* – около 50-х гг. В *Бугульминском* у. села Старый Кувак и Старая Письмянка, образованные еще при Алексее Михайловиче смоленскими шляхтичами, до 1869 г. владели землей на четвертном праве; в этом же году они приняли в состав общества 139 ревизских душ мордвы и русских «вследствие обременительного платежа оброчной подати» и переделали землю по душам, так как «нашли неудобным владеть ею чересполосно». Тридцать обществ татар, образованных из служилых людей, тоже владеют землей на общинном начале. В *Тетюшском* у. переход мурз д. Клянчевой на души совершился в 1882 г.; время перехода на души половины мурз д. Верхнего Балтая не указано. Олнодворцы д. Калиновой, Пущинской вол., *Серпуховского* у., принадлежащие к двум фамилиям (19 дворов), перешли в 1859 г. от подворного владения к общинному.

Насколько можно судить по приведенным неполным данным, в общем, обращение четвертного владения в душевое происходило ранее в восточных местностях России, нежели в центральных. В *Самарской* губернии и некоторых уездах *Тамбовской* оно имело место так давно, что крестьяне успели утратить почти всякое о нем воспоминание; в центральной России оно совершалось на глазах у живущего поколения. Можно назвать два главных момента, оказавших большое влияние на рассматриваемый процесс: это генеральное размежевание конца прошлого века и преобразование государственных крестьян при Киселеве. Насколько указанные обстоятельства были только условиями, ускорившими процесс, или вызвали его к жизни – сказать не беремся. Несомненно одно, что, каково бы ни было первоначальное происхождение идеи перехода одной формы владения в другую, – таковая имела благоприятные условия для своего развития в сознании массы четвертных крестьян, так как, с одной стороны, требования такого перехода со стороны крестьян раздаются еще в половине XVIII века, с другой – пре-

вращение четвертного владения в общинное продолжается долго спустя после Киселева – в 60-х, 70-х, даже 80-х годах, – а *стремление* к общине, еще не осуществившееся в действительности, наблюдается среди четвертных крестьян до настоящих дней.

«Необходимость введения переделов начинают сознавать в начале второй половины XVIII века не только черносошные крестьяне, но и однодворцы, говорит г. Семевский¹, хотя желание это встречает сильный отпор со стороны разбогатевших кулаков, скупивших землю у своих обедневших товарищей». В наказах депутатам для представления в Екатерининскую комиссию однодворцы некоторых местностей выразили желание, чтобы велено было «земли их во всех селениях и погостах разделить по написанному в подушный оклад числу душ, поскольку на каждую душу достаться может по наличности всей однодворческой земли». Одновременно с этим о необходимости введения переделов раздаются голоса и из среды местной администрации. Толчком к фактическому осуществлению указанного стремления было генеральное межевание, при котором однодворческая земля отводилась не каждому владельцу особо, а вместе целому селению; разверстание же отведенной площади между совладельцами предоставлено было самим крестьянам. При этом местами произошло, вероятно, то же самое, что можно было наблюдать при размежевании четвертных земель в новейшее время: малоземельные крестьяне настаивали на разверстании земли по душам, такое требование находило поддержку в спутанности землевладения и затруднительности определить юридическую долю каждого совладельца в общей площади угодья. Где встретилась указанная комбинация обстоятельств, там вопрос разрешался распределением земли по душам. При таких, вероятно, условиях произошло обращение четвертного владения в общинное в конце прошлого века. Но хотя описываемое время представлялось весьма удобным моментом для этого процесса, так как при благоприятном идее уравнивания настроении правительства тогда шло всеобщее размежевание, в массе населения идея перехода от подворного владения к общинному, по-видимому, недостаточно еще созрела, а при относительном многоземелии переход к общине и не мог представляться настолько необходимым, как в настоящее время, вследствие чего обращение четвертного владения в общинное осуществилось сравнительно в небольшом числе поселений. Зато, раз начавшись, процесс продолжал развиваться и после исчезновения указанных благоприятных условий, что доказывается существованием переходов от четвертей на души в 10 и 20-х гг. текущего столетия. Этот, если угодно, второй период процесса, как и первый, должен быть изучаем по архивным документам, и потому естественно, если эконо-

¹ См. его статью в «Рус. старине» 1879 г.

мическое исследование, данными которого пользуемся мы в своем описании, дает на этот счет скудные сведения¹.

Новый толчок процесс обращения четвертного владения в общинное получил в 30-х годах благодаря сочувственному отношению к общине учреждений, находившихся под управлением графа Киселева. Это сочувственное отношение покоилось частью, вероятно, на сознании благодетельности этой формы владения для населения, частью, может быть, истекало из тех выгод, какие ожидались от этого перехода для фиска, ибо «переход на души в то время равносильен был добровольному принятию крестьянами на себя значительных платежей, от которых были свободны четвертные владельцы» (Сб. Курск. губ.).

Насколько правительство активно выразило свое сочувствие общине, – за противоречием данных, заключающихся, главным образом, в воспоминаниях крестьян, – сказать нельзя. Остается привести отзывы на этот счет крестьян, собранные исследованием, оговорившись, однако, что эти отзывы как основанные на воспоминании или даже предании не могут обладать полной достоверностью. Нередко эти воспоминания окрашивались в тот или другой цвет под влиянием фактов, может быть, и не частых, но поразивших воображение. Следуя этим отзывам, нужно было бы признать, что наибольшую энергию в деле обращения подворного владения в четвертное правительственные учреждения проявили в *Обоянском у.* «До 1839–1840 гг. все крестьяне *Обоянского у.* (кроме помещичьих и нескольких сел государственных кр.), живя обществами и связанные круговой порукой, владели

¹ В *Хвалынском у.*, напр., генеральное межевание 1798 г. обмежевало земли четвертных владельцев-татар от других владений по душам о ревизии, в размере 15 дес. на душу, а остальную оставило при селениях же под названием «примерной». Так как размер жалованных крестьянам земель остался при этом неизменным, то татары, не проникая в смысл такого способа размежевания, согласились на него. Казенная палата, однако, и в дальнейшем продолжала следовать тому воззрению, какое выразилось в акте размежевания, т. е. стала распоряжаться «примерными» землями как казенными, отрезая их от многоземельных селений и прирезая малоземельным. Это повело к искам крестьян с казной, иногда оканчивавшимся в пользу первых. В начале XIX в. начала обнаруживаться и между четвертными владельцами борьба за форму владения: часть крестьян стояла за старое владение, другая требовала раздела земли по душам. Борьба эта продолжалась в течение всего столетия, поддерживалась, между прочим, спутанностью и неопределенностью владений отдельных лиц. Противники постоянно обращались в различные правительственных учреждения, которые решали и перерешали дело каждое с особой точки зрения. «Отправная точка зрения у сената, – говорит г. Харизоменов, – и судебно-административных учреждений лежала в началах частного гражданского права; Министерства государственных имуществ и финансов со своими губернскими учреждениями – казенной палатой и палатой госуд. имущ. – выходили из принципов государственного права. Одни опирались на формы и документы и отстаивали интересы частных собственников от притязаний казны и общины; другие, напротив того, стояли за интересы фиска, за интересы общины и давали санкции чисто бытовым формам владения, которые не были основаны на формальных документах, а постепенно вырабатывались жизнью. В конце концов, государственная точка зрения восторжествовала: за редкими исключениями мурзы и султаны обратились в простое крестьянство, а община присвоила большую часть земель четвертных владельцев».

землей подворно, – говорит г. Тимофеев. – В этом же году по всему уезду начинают разъезжать правительственные чиновники в сопровождении волостных голов и предлагают подворным владельцам переделить все их участки на ревизские души. Вследствие большой и неравномерной раздробленности участков, с одной стороны, с другой – в надежде привлечь к разделу участки крупных четвертных владельцев, большинство населения охотно соглашалось на предложение, и в короткое время (в течение 1839–1840 гг.) почти все четвертные земли уезда обратились в общинные. Однако дело не обошлось без упорства со стороны большеземельных, которые частью силой не допускали до передела своих земель, частью подавали в суды жалобы и прошения о возвращении их земель, уже переделенных на души». Сначала в этой борьбе, благодаря действию администрации, перевес получали приверженцы душевого владения; но вскоре «вошло в практику, в случае несогласия меньшинства на замену четвертного владения общинным, принимать во внимание просьбы и признавать право личного владения тех крестьян, которые предъявляли царские жалованные на земли грамоты. Таковой же прерогативой пользовались иногда “писцовые” земли, именно когда таковые были переданы по юридическому акту в третьи руки».

Успех правительственной агитации (по всей вероятности, в приведенных заявлениях немало преувеличенных), имевшей результатом превращение в течение года сотен тысяч десятин земли частного владения в общинное, конечно, может быть объяснен только тем, что само население стремилось к тому же и что предложение правительства совпало с мыслью большинства. Делая свои предложения, правительство не вносило в сознание крестьян новой идеи, а, так сказать, заявляло сторонникам уравнения, что в их борьбе с противниками оно будет на их стороне. Но этих сторонников должно быть значительное большинство – не менее $\frac{2}{3}$ голосов полного сельского схода, и если везде в уездах такое большинство набиралось – значит, население само стремилось к равнению.

Сказанное подтверждается тем обстоятельством, что в других местностях Курской губ., несмотря на такую же пропаганду чиновников, идея равнения далеко не имела того успеха, какой выпал на ее долю в Обоянском у. В *Щигровском* у., например, Министерство государственных имуществ, по словам крестьян, вело усиленную агитацию в пользу перехода от четвертей на души, и, однако, известно всего 9 случаев такого перехода, и при четвертях осталось 82 общества. То же самое нужно сказать и о *Рязанской* губернии. «Данные местных исследований, – говорит г. К. П-в, – не дают никакого основания заключать, что в деле установления у четвертных крестьян общинного землевладения играло особенно существенную, решающую роль влияние сторонних, правительственных элементов» («Р. мысль»).

Приводим имеющиеся сведения об отдельных случаях воздействия власти на процесс. При переходе от четверти на души д. Задонской Булановской вол. *Новооскольского* у. (в конце 50-х гг.) начальство в лице окружного, по словам крестьян, деятельно способствовало этому переходу ввиду того, что душевое владение подчиняло крестьян закону о круговой поручке в платеже податей. О причине перехода на души с. Солонецкой Поляны Богородской вол., имевшего место в 30-х гг., население хорошо не помнит. «Одни говорят, что переход произошел потому, что начальство того хотело и требовало от крестьян; другие, напротив того, утверждают, что старики сделали это добровольно, по взаимному согласию, вследствие того, что в то время замечалось слишком резкое неравенство в распределении земли». В *Белгородском* у. с. Наумовка Толоконской вол. перешло на души после X ревизии, при размежевании, под влиянием, с одной стороны, требования малоземельных, с другой – настояния начальства, руководствовавшегося тем, что при введении общинного владения с общества можно будет по круговой поручке взыскать недоимку, в больших суммах накопившуюся за некоторыми домохозяевами. Крестьяне с. Черная Поляна Старгородской вол. в конце 50-х гг. поделили было землю на души, при поддержке окружного начальства, но когда узнали, что для перехода требуется согласие $\frac{2}{3}$ хозяев, а большинство, желавшее уравнивания, не достигало этой цифры, то вернулись к четвертному владению. Относительно 2 общин *Белгородского* у. и 3 – *Корочанского* в Сборниках сказано, что они образовались из четвертного владения во время или под влиянием преобразования быта государственных крестьян при Киселеве – в одном случае указано определение, что это совершилось при перечислении крестьян в оклад (в 40-х гг.).

Третьим моментом, оказавшим влияние на процесс обращения четвертного владения в душевое, было специальное размежевание последних десятилетий, имевших целью уничтожение чересполосицы разных владений. Значение указанного момента видно, например, из того, что все три общины душевых крестьян *Тимского* у. образовались из четвертного владения при размежевании; в *Белгородском* у. при размежевании перешли от четвертей на души не менее 5 обществ (из 11, о которых есть сведения), в *Раненбургском* – не менее 9 (из 19), в *Елецком* – 13 (из 50). Нередко размежевание совпадало с ревизией, и тогда всеобщее перераспределение земли среди государственных крестьян-общинников, конечно, не оставалось без влияния на уравнивание четвертных земель. При размежевании четвертные земли каждого селения по возможности собирались в один кусок и отмежевывались от соседних владений казны, других крестьянских обществ и помещиков. Раз это было сделано, крестьянам ставилась задача, с какой они уже раз имели дело, – разбить об-

щую площадь четвертной земли между совладельцами так, чтобы каждый из них получил долю, какой пользовался до размежевания. Во многих случаях задача эта была довольно затруднительна, так как постоянное раздробление участков привело к тому, что до размежевания владение каждого нередко состояло из разбросанных там и здесь клочков неточно определенной величины, а местами площадь, принадлежащая каждому члену общества, измерялась не десятинами, а неопределенной мерой – «четверть», или даже выражалось в частях общего владения, в зависимости, между прочим, от степени близости родства владельца с родоначальником общества. Этот способ измерения владений сообщественников иногда приводил к такой запутанности землевладения, что и до размежевания крестьянам трудно было разбираться в своих участках. Так, в татарской деревне *Тетюшского* уезда Степные Енали единственным лицом, знающим и ведающим дела односельцев, является Хасан Ислаков. «Без Хасана беда, – говорят крестьяне, – он кончалъ (умрет) – айда спор, – лучше бы уже под одну шапку». Такой исход спутанности и дробности землевладения, как подведение «под одну шапку», встречается нередко и имеет место как при размежевании, так и вне его.

В *Новооскольском* у., в д. Старой Хмелевой Ольшанской вол., например, это было сделано без размежевания. «К 50-м годам настоящего столетия обнаружилась такая дробность участков (у некоторых хозяев число полос достигало 50 и более), что большинство пришло к убеждению, что лучше всего поровнять землю по ревизским душам». Несколько лет шли споры между меньшинством и большинством, которому передел был невыгоден, пока, наконец, не решили разделиться на два общества – с тем, чтобы одному остаться при четвертях, другому перейти на души. В слободе Слоновой с 9 хуторами ввиду «образовавшейся неравномерности участков, растянутости наделов и той невозможной земельной путаницы, какая возникла вследствие крайней дробности участков, крестьяне пришли к мысли о необходимости поровнять землю по душам, что и было приведено в исполнение во время ревизии 1858 г.». В с. Махонове *Добринской* вол. *Лебедянского* у. общинное владение установилось со времени выдачи владенной записи в силу того, что нельзя было точно определить величину участков отдельных дворов. Татарское с. Сургоди *Спасского* у. (кроме 59 дв. из 286) перешло в начале 50-х гг. на души ввиду крайнего раздробления собственности. В Елецком у. подобная спутанность землевладения была причиной затруднительности распределения земли по старым правам после размежевания с соседними владельцами и привела ко введению душевного владения в с. Тросном и Подолгом *Становлянской* вол., Курдюкове *Казацкой*, с. Жерновном и д. Молодавке *Сергиевской* вол. Так, например, в с. Тросном при размежевании в половине 50-х годов «вспомнить роды (т. е. высчитать долю каждого хозяина по родослов-

ной) было почти невозможно, и произошла вообще страшная путаница в землевладении; малоземельные еще больше раздували ее и добились, наконец, составления приговора об уравнительном разделе земли по числу душ IX ревизии; многоземельные сначала не соглашались, – им хотели даже вырезать дачи в особнях, но потом они уступили».

Такая запутанность и неопределенность землевладения, однако, существовала далеко не во всех обществах, перешедших от четвертей на души; ее нельзя считать единственным и даже главным основанием такого перехода. С другой стороны, при известном психическом настроении массы распределение земли между совладельцами и при запутанности отношения могло бы все-таки разрешиться на принципе старого владения, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться к суду. В крайнем случае, наконец, общество решилось бы на то, чтобы разрубить гордиев узел подушной разверсткой земли, прибегая к этой мере лишь как к способу разверстания, за неимением лучшего, и оставляя юридические основания землевладения нетронутыми, сохраняя наследственное владение землей. Легкое согласие крестьян на применение этого способа разрешения затруднений, конечно, свидетельствовало бы о значительном развитии социальных чувств в населении и отсутствии того индивидуализма, развивающегося на почве частной собственности, который является большим препятствием к мирному разрешению поземельных затруднений. Но если, не ограничиваясь единовременным переделом земли, общество вводило его в обычную практику, это доказывает нечто большее, чем социальную покладистость населения; оно свидетельствует о сочувствии массы к идее, определяющей тот или другой склад социальных отношений.

Только этим сочувствием идее и можно объяснить факт массового обращения подворного владения в общинное, ибо непонятно, почему указанным актом четвертной крестьянин отвечал на всевозможные затруднения своего поземельного быта. Мы видели уже, что он прибегал к подушной разверстке земли для устранения слишком большой дробности и чересполосности участков отдельных лиц, хотя для этого достаточно было простой переверстки; при запутанности землевладения, – хотя и этот недостаток можно устранить, оставаясь на почве личного права. Дальнейшее изложение укажет нам другие обстоятельства, вызвавшие подушную разверстку земли, иногда несмотря на то, что эта последняя по существу вовсе не облегчала затруднения, поведшего к переходу на души. Так, д. Нечаевка *Миценского* у. при размежевании с соседними владельцами в 1862 г. получила на свою долю очень разнородную землю, уравнивать которую по качеству между совладельцами было весьма затруднительно. Хотя эта затруднительность мало изменялась от принятия душевой разверстки, но так как послед-

няя в данном случае почти не изменила бы распределения земли между совладельцами, вытекавшего из четвертного права, то возникшие несогласия были разрешены именно разверсткой земли по ревизским душам.

Конечно, неравномерность распределения четвертной земли между членами общества, в совокупности с малоземельем многих его членов, была самой частой причиной перехода четвертной земли на души и лежит в основе массы случаев, имевших, по-видимому, другое происхождение. Но, вероятно, по причине этой-то общности указанного мотива исследование и не приводило его для многих отдельных случаев, считая его подразумевающимся само собой, благодаря чему большая часть случаев обращения четвертного владения в душевое занесены в наши материалы без всяких пояснительных замечаний. Тем не менее кое-где прямо указывается на неравномерность землевладения как на причину такого перехода. Это относится, например, к дер. Солонецкая Поляна Богородской вол. и с. Сурково Троицкой вол. *Новооскольского* у. Некоторые члены последнего поселения скупили много земли по баснословной цене (например, мерка ржи за десятину). Когда же впоследствии, благодаря сказанному, многие стали испытывать недостаток в земле, мало- и безземельные крестьяне, зная способы приобретения владений своих зажиточных соседей, требовали, чтобы они отдали «землю на мир» для равномерного ее распределения между всеми. Начались ссоры, драки, пока безземельные не подали прошения в Сенат, который и предписал разверстать землю по душам, кроме той, на которую у владельцев найдутся купчие крепости. Передел совершился по душам IX ревизии, а через несколько лет, во время X ревизии, к общине присоединились и те домохозяева, которые остались было на четвертях, но теперь убедились, что жить особняком от общины (их участки отвели в особняках) для них во многих отношениях невыгодно.

«В памяти крестьян *Козловского* уезда, – говорит г. Романов, – сохранилось, что главной причиной совершившейся у них замены четвертного владения общинным было неудобство наследственного порядка землевладения, при котором подворные участки слишком раздробились и становились недостаточными для прокормления некоторых семей», и т. п. Большинство крестьян с. Каликина *Лебедянского* у. сочли за лучшее установить равномерное подушное владение после того, как родовые их участки слишком измельчали. Неравномерность землевладения была причиной перехода к общине однодворцев д. Калинова *Серпуховского* у.

Но если в указанных случаях неравномерность распределения земли между членами общества была причиной изменения четвертного землевладения на душевое, то встречаются и такие, когда равномерность распределения земли облегчала акт перехода. Так, в тех селах *Елецкого* у., где при четвертях

было более или менее равномерное распределение земли (например, с. Тросное Становлянской вол.), переход на души совершился довольно мирно; то же следует сказать и относительно д. Нечаевка *Мценского* у., приводимой выше, где переход на души облегчался тем обстоятельством, что количество земли при этом не изменялось значительно ни у кого, кроме домохозяина, которому приходилось получить 6 дес. вместо 25 истощенной, впрочем, земли; будучи одиноким и слабосильным, этот крестьянин охотно согласился уступить свою землю обществу с тем, чтобы, кроме приходящихся на его долю по подушной разверстке 6 дес., ему было дано «без жеребья» еще по одной самой лучшей десятина в каждом поле.

Неравномерность владения вела к уравниванию земли, конечно, при условии малоземелья многих членов общества. Но вот случаи, где избыток земли было причиной перехода к общине.

В *Новооскольском* у. д. Ближняя Ливень перешла к общине (в 1839 г.) после того, как выиграла процесс с частным владельцем и вернула 500 дес. земли, которой последний когда-то завладел. С. Булановка и д. Заломная Булановской волости перешли на души в конце 50-х годов после размежевания, когда названные общества получили в собственность большие площади земли, от которых отказались их владельцы, живущие в другом месте, не считающие удобным пользоваться этой землей, за которую, однако, нужно уплачивать повинности и накопившиеся недоимки. Четвертники д. Заломной, приняв отказанную в их пользу землю и решив поверстать ее на души, заодно пожелали поделить на души и родовую, тем более что о том же хлопотало и окружное начальство по той причине, что общинное владение подчиняло крестьян закону о круговой поруке в платеже податей. Что касается с. Булановка, то принять 700 дес. освободившейся земли с 1000 руб. недоимки, под условием платить оброчную подать за круговой порукой, им было предложено чиновником, производившим межевание. Булановцы согласились и составили приговор о переделе и родовой, и вновь поступившей земли на души. Д. Цепляевка приняла общинную форму владения землей под влиянием многоземелья и накопления недоимок. В 1828 г. 200 семей этого поселения ушли на новые места, оставив 400 десятин земли, которую никто не покупал. Этой землей стали пользоваться, кто хотел, но платежей за нее не вносили, почему к концу 50-х годов, когда все однодворческие земли вносились в оклад, на обществе оказалась большая недоимка. Понуждаемое к ее уплате местными властями большинство (352 рев. д.) решило поделить всю землю на души, «чтобы было без обиды»; остальные 85 рев. д. не согласились на это и при первом переделе в 1859 г. получили свои участки в отдельном особняке. Стесненные в выпасе скота (община не пускала его на свое поле), 78 душ отщепенцев просили мир принять их в свою среду, бла-

годаря чему в 1866 г. был новый передел на 430 рев. д., а 7 душ остались на своих 183 десятинах. Сюда же должен быть причислен и случай перехода на души четвертных крестьян д. Барановки Каменской вол. *Елецкого* у. Затеев тяжбу из-за 200 дес. земли с крестьянином д. Каменки, барановцы надеялись выиграть процесс и в этих видах согласились, после размежевания в 1862 г., разделить свою собственную землю подушно, ибо при этих условиях «земли хватило бы (по их словам) на всех». Когда же оказалось, что процесса они не выиграли, 6 домохозяев пожелали возвратить свою землю обратно, чего им и удалось добиться.

А priori естественно предположить, что стремление массы четвертных крестьян путем душевого раздела увеличить свои участки покоится на том, что земля при ее обработке приносит чистый доход; однако встречаются случаи, когда уравнение земли вытекало из противоположных условий. В *Белгородском* у. крестьяне с. Журавлевки (248 дворов) Толоконской вол. перешли при размежевании от четвертей на души, главным образом потому что платежи достигали 7 руб. с десятины, а в аренду земля сдавалась за 3 руб. То же обстоятельство обусловило переход в 1858 г. на души крестьян д. Устинки (91 дв.) Никольской вол. и с. Важева Старгородской вол., где о равнении первые заговорили широкодачники.

Если разнообразнейшие внешние обстоятельства приводят крестьян к одному и тому же решению или, иначе сказать, если переход от четвертей на души легко совершается при всевозможных внешних условиях, то основную причину этого перехода нужно искать не в этих последних, а в чувствах и мыслях массы, в слабом развитии чувства личной собственности, в готовности крестьянина, ради общей выгоды, поступиться личным интересом, в предпочтении социальных средств обеспечения своего благосостояния индивидуальным и т. д. Ставя дело в зависимость от внешних условий, мы остановимся в недоумении перед таким, например, фактом, где одна и та же группа крестьян отвечает одинаковым образом на два прямо противоположных влияния. Несколько крестьян четвертного с. Малинки *Раненбургского* у., накопив большую недоимку, отказались от земли в пользу общества, принявшего на себя и их недоимку; получив лишний кусок земли, общество поделило его на души. В то же время произошло размежевание, вследствие которого у крестьян была отрезана значительная часть надела. И на это влияние крестьяне, почти без спора, ответили разверсткой на души уже всей своей земли.

Переходя к психологическим основаниям изучаемого процесса, нельзя не остановиться прежде всего на узко-эгоистических его мотивах. Распределение земли на души выгодно малоземельным членам общества, так как их участки при этом увеличиваются на счет владений широкодачников. Поэтому нет ничего удивительного, если эта часть четвертных крестьян стоит

за переход к общине и многие общества не переходят к душевому владению только потому, что на него не соглашаются многоземельные крестьяне, а без них не хотят уравнивать свои владения и малоземельные. Есть даже случаи возвращения опять к четвертям, вызванного выделением из душевого владения богатых членов общества. Так, с. Раково и Березовка *Обоянского* уезда, перешедшие уже на души, возвратились к четвертному владению после того, как большеземельные крестьяне выхлопотали изъятие своих участков из разверстания. С. Колыбельское и Демкино *Раненбургского* у. два раза переделывали землю по душам – в 1825 и 1860 гг., – и оба раза возвращались к четвертному владению вследствие того, что многоземельные крестьяне отказывались от уравнивания, а без них не было выгоды переходить на души и многих из остальных. Четвертные крестьяне с. Шумаково Никольской волости *Тимского* у. рассказывают, что во время специального межевания был составлен приговор о переделе земли на души, но когда по жалобе широкодачников Казенная Палата приказала вырезать им особняк, приговор общества не был приведен в исполнение.

Но, признавая всю важность стремления малоземельных крестьян расширить свои участки на счет широкодачников как причины перехода четвертей на души, мы не можем этому мотиву приписать в процессе обращения четвертного владения в общинное решающую роль. Для того чтобы переход совершился, за него должно стоять огромное большинство общества; вероятно, чтобы все это большинство выигрывало при этом на величине участка. «Что было бы верно, если бы четвертные владельцы распались на массу крайне малоземельных и небольшое число очень многоземельных крестьян. Но подобные крайности неравномерного распределения земли встречались, вероятно, редко: обыкновенно же наряду с крайними группами стояла группа крестьян среднеземельных, для которых подушное уравнивание земли не приносило ни заметного приращения, ни уменьшения участков. Эта группа своим голосом нередко решала вопрос в пользу уравнивания. Если бы вопрос о переходе от четвертей на души зависел только от указанного грубо-эгоистического мотива – такой переход имел бы место не часто, потому что средняя группа крестьян, достаточно многочисленная, чтобы задержать переход, подала бы голос против порядков, превращающих полное владение ею своими участками в ограниченное. И наоборот, присоединение среднеземельного крестьянина к сторонникам уравнивания заставляет предполагать, что в последнем крестьяне видят нечто более благовидное, чем экспроприацию владения богатых в пользу бедных, что переход к общине значит для них не одно только уравнивание земли в настоящем, в котором данная группа не участвует, что идея общины связывается в их представлении с идеей формы быта, формы отношений, отличной от той, какая свойственна четвертному владению».

Это стремление к иной организации быта, – независимо от выгод, приносимых душевой разверсткой бедным за счет богатых, как мотив, действующий наряду с другими при переходе от четвертей к общине, – существует и в сознании малоземельных, которым такой переход выгоден непосредственно. Сказанное доказывается тем обстоятельством, что в очень многих случаях переводу в общинное владение подвергается не вся земля известного селения: сплошь и рядом многоземельные крестьяне отказываются включить свои участки в общий раздел. Сторонники передела весьма часто прибегают к различным благо- и неблаговидным средствам побуждения широкодачников не отделяться от мира – прибегают, потому что перспектива расширения их участков составляет, как мы сказали, важный мотив, склоняющий крестьян к общине, – и, не успев в этом, иногда откладывают намерение перейти на души; но столь же часто, а может быть и чаще, общество распадается при этом на два: несколько богачей остаются при старых правах, масса мало- и среднеземельных крестьян обращают подворную форму владения в общинную. В таких случаях выгоды, проистекающие от увеличения участка, сводятся к минимуму, в том смысле, что таковое увеличение достается самой малоземельной группе крестьян. Если же на переход согласилось и остальное большинство, то уже не из-за возможности попользоваться при этом чужой собственностью, а из-за иных преимуществ новых порядков, иначе говоря, – из стремления к общине как форме быта.

Став на эту точку зрения, нам сделается понятным и факт согласия на уравнивание их участков. Потеряв на количестве земли, такие крестьяне надеются на выигрыш в настоящем, и может быть еще более в будущем, в других отношениях. А если они не столь дальновидны, чтобы заглядывать в будущее, их смущает опасение, что, отделившись от общества, они утратят и те преимущества общинных порядков, какие еще сохранялись в четвертном владении при многолюдности поселения, но которые исчезнут, когда при четвертях останется несколько человек, земля которых отмежуется от угодий большинства, переходящего на души. Неудобства эти так велики, а выгоды полной собственности так мало привлекательны, что многие широкодачники, не согласившись на переход к общине при первоначальном уравнивании земли, включали в общую разверстку свои угодья после того, как хозяйничали несколько лет особняком от других. Встречаются также случаи, что многоземельные члены общества четвертников, не соглашаясь на включение своих участков в общий раздел, отделялись от большинства, переходившего на души, но не сохраняли подворного владения, а образовывали самостоятельную общину с большим наделом (см. ниж. д. Панарина и Слободка *Елецкого* у.).

Что переход крестьян с четвертей на души в основе имеет стремление подворных владельцев к иной социально-бытовой форме, – независимо от

непосредственных материальных выгод, приносимых им малоземельным крестьянам, – доказывается отношением к мирскому владению тех обществ бывших четвертных крестьян, которые пожиле некоторое время при новых порядках. Правда, нельзя утверждать, что не найдется сел, где есть члены общины, недовольные своим положением и ворчащие на потерю земли. Бывшие широкодачники с. Устинка *Белгородского* у., например, охотно согласившиеся на обращение четвертной земли в общинную в 1858 г., так как считали для себя обременением платить за нее большие повинности, впоследствии, с поднятием ценности земли, «стали раскаиваться в своей уступчивости, а теперешние потомки их не могут говорить равнодушно о своих отцах, которые так “сдурили”, что отдали землю на мир». И в *Рязанской* губ. «попадают старики, не могущие забыть “нанесенной им обиды”, высчитывающие, сколько отошло в мир от их прежних владений, свято хранящие старинные документы, жалованные грамоты и т. п. и иногда даже продолжающие вести тяжбу или, по крайней мере, подавать прошения о возвращении им земли». Но такое отношение к совершившемуся следует признать за исключение, в общем же наблюдается совершенно противоположное.

В *Обоянском* уезде, например, где, как мы видели, переход на души произошел под сильным воздействием власти, почему следовало бы ожидать не совсем благоприятного отношения к нему со стороны обиженных, которых здесь должно было бы быть больше, нежели в местностях, где переход совершался свободно, – при земской переписи «крестьяне повсюду высказывали единодушно симпатии и сочувствие общинному землевладению». В южных уездах *Рязанской* губ., в селах, «где четвертное владение уже вполне заменено общинным, в настоящее время почти все горой стоят за это последнее; иногда крестьяне даже опасаются говорить, что когда-то были четвертными: “пожалуй, опять в четвертных обратят”. Даже потерпевшие при переделе значительный ущерб забыли большей частью свою обиду и наравне с остальными утверждают, что “лучше, чем по душам – не надо: все теперь равны, теперь хоть какой-нибудь хлеб, да все едим, а по-старому многим бы теперь помирать пришлось”» («Русск. мысль») и т. п.

Благоприятное отношение к общине доказали и некоторые из крестьян, не перешедших со всеми односельцами на души, когда, через несколько лет отдельного существования на своих больших участках, они согласились присоединить свои угодья к общему владению.

Итак, переход четвертного землевладения в общинное совершается потому, что последняя форма быта считается массой лучше удовлетворяющей его потребностям в настоящем и будущем. В числе этих потребностей самой настоятельной нужно признать земельную обеспеченность, и потому-то малоземельные члены общества являются наиболее горячими

выразителями общинной тенденции. «Когда неравномерность владения у различных семей становилась резко заметной, – говорит г. К. П-ев, – когда значительной части домохозяев становилось тесно на их наделах, – малоземельные начинали агитацию о переделе всей земли по душам; они составляли многочисленную и очень дружную группу и скоро склоняли на свою сторону преобладающее большинство домохозяев; при этом многие даже из предвидевших уменьшение своего владения вследствие передела, без сопротивления соглашались на него, предвидя от нового порядка пользу в будущем, при увеличении семьи. Стоявшее за передел большинство домохозяев уговаривало, уламывало остальных» («Рус. мысль»). Иногда широкодачникам предлагалась за их согласие на переход известная сумма денег, собранная с остальных крестьян, иногда достающиеся им по переделу участки несколько увеличивались сравнительно с остальными; нередко пускались в ход угрозы совершенно уединить несогласных от остального мира, не пускать их скот на общий выгон и т. п.; случалось, прибегали и к прямому насилию¹. Обращение к различным мерам воздействия общества на несогласных зависело, между прочим, от того, насколько от единодушного согласия зависел переход на души. Если большинство готово было перейти к общинному землевладению и без участия широкодачников – борьба была не так упорна, нежели в противоположном случае. Не добившись общего соглашения, большинство в этом случае или отделялось от меньшинства и переделывало свою долю на души, или обращалось к начальству с жалобой на широкодачников, или постановляло приговор о переделе всей земли, предоставляя считающим себя обиженными восстановить свое право при помощи суда или администрации. «Обращение к суду и начальству было довольно распространенным приемом окончательного разрешения спора в Рязанской губернии, особенно в последние 30–40 лет. Часто результатом обращения было распоряжение начальства о переделе

¹ В *Елецком* у. при переходе с четвертой на души в М. Слепухе (328 дв.) Каменской вол. в 1864 г. 8 многоземельных хозяев (имевших по 13 д.) противились, но, услышав угрозу об отведении им худшей земли, присоединились к большинству. Некоторые многоземельные хозяева с. Слободки Соловьевской вол. согласились на переход к общине (после размежевания 1863 г.) лишь после того, как им уплатили деньгами за отошедшую землю, собирая со всех тех, у кого, по новому разделу, прибавилось земли, и в то же время посулили выделить плохую и неудобную землю в случае несогласия. Двенадцать многоземельных хозяев д. Становой Становлянской вол., имевших почти столько же земли (350 дес.), как и остальное большинство села, постановившее во время IX ревизии приговор о переходе с четвертой на души, протестовали против этого, судились 2 года, не пахали это время земли, но должны были все-таки уступить. В *Белгородском* у. села Севрюково (140 дв.) и Мясоедово (198 дв.) перешли на души после размежевания в 1859 г., причем в первом селе недоволен переходом был лишь один домохозяин, который за это и был миром публично высечен. В с. Мясоедове против передела протестовали две фамилии из 7, но им пригрозили нарезать землю вдали от усадеб и не пропускать туда скота, и они согласились с большинством. В д. Нечаевке *Мценского* у. широкодачник согласился пустить свои 25 дес. земли в передел с условием, чтобы сверх 6 дес., входящихся ему по душевой разверстке, ему дали бы еще по 1 дес. лучшей земли в каждом поле.

всей земли на души; но нередко являлось “и запрещение не только самого передела, но и разговоров о нем, и дело, по крайней мере по внешности, затихало”. Это зависело, между прочим, вероятно, от того, насколько местное учреждение сочувствовало той или другой из спорящих сторон. Может быть, этим объясняется факт, что в Данковском уезде, например, гораздо чаще, нежели в Раненбургском, постановлялись решения, неблагоприятные для сторонников перехода на души» («Рус. мысль»).

* * *

Во многих обществах четвертных крестьян вопрос о переделе земли по душам вызывал только споры и судьбища, но не приводил к положительным результатам. Так, в *Курском* уезде крестьяне д. Кондратьевой Спасской вол. «выезжали уже на поле делить землю по душам, но широкодачники помешали – чуть было смертоубийство не сделали». «Два раза подавали прошение, чтобы дозволили переделить на души, да решения никакого не вышло», говорят крестьяне д. Пыжовой Чаплыгинской вол. В с. Вольном Спасской вол. выехали было в поле приводить в исполнение приговор о равнении, но широкодачник затеял драку, окончившуюся убийством одного крестьянина, и это остановило передел. В *Белгородском* уезде многоземельные крестьяне четвертного с. Соломино Пушкарской вол., вследствие высокого обложения земли, два раза предлагали обществу перейти на души, но оно не согласилось. В д. Авдеевке Подолыманской вол. *Корочанского* у., по причине разногласия из-за перехода на души, сторонники передела подали в 1852 г. просьбу в Сенат, но, не дождавшись ответа, переделали ее; вскоре пришел ответ Сената, запрещающий передел, потому что на него не было общего согласия, и деревня возвратилась к четвертям. В *Данковском* у., в Сторожевой Слободке Богословской вол., споры о переходе на души подымались в 1860 и 1872 гг.; в д. Малинке Кудрявской волости в 1866 г. во время размежевания, а в с. Ягодном во время размежевания 1860 г. вопрос доходил до начальства, разрешившего его в пользу подворников; такое решение суда последовало лет 50 назад и в с. Долгом. В *Раненбургском* у., в с. Юзове Крючковской вол., вопрос о переходе на души подымали лет 50 назад; в с. Грязнове Троицкой вол. в начале 70-х годов во время размежевания перейти на души согласились было все хозяева, кроме 2 (из 49) многоземельных, которые перетянули на свою сторону еще нескольких, дело доходило до драк на полях, пока обе стороны не обратились к суду, решившему вопрос в пользу четвертного владения.

В других случаях переход на души состоялся, но при этом недовольное меньшинство обращалось к суду и восстанавливало свое нарушенное владение. В *Елецком* у., в сложной общине с. Жерновном и др. Сергиевской вол.,

10 многоземельных хозяев протестовали против включения из земли в душевую, совершившегося при переходе с четвертей на души после размежевания 1866 г. «У большинства из этих хозяев не хватило сил довести дело до конца, и они отступились; лишь два Андреевы успели доказать, что их предку, прапорщику Андрееву, было некогда пожаловано 170 дес. земли, и окружной суд в 1868 г. присудил выделить им эти 170 дес. в особый участок». Так как общество затянуло выдел до 1871 г., то ему пришлось уплатить Андреевым за неправильное пользование их землей 2398 руб. «Отсудивши у общества 170 дес., Андреевы стали домогаться, чтобы им была выделена доля (по числу ревизских душ) и из общинной земли», но это дело решилось в 1885 г. не в их пользу. За ведение тяжбы Андреевы отдали адвокату 70 дес. выигранной земли. Переход от четвертного владения к душевому в д. Прочести Афанасьевской волости, имевший место в 1866 г., «совершен при довольно сильной борьбе интересов, так что даже в настоящее время (1886 г.) еще замечается некоторая враждебность между общинниками и четвертными крестьянами». Последние (их 12 рев. душ, общинников 105), не пожелав переходить на души, получили свою четвертную землю в отдельный особняк; но они заявили претензии и на соответствующую долю «дворовой» земли, т. е. той, которая еще с 40-х гг., будучи расчищена из-под леса, была разделена между всеми дворами поровну; суд удовлетворил эту претензию. При разделе земли в этой общине в 1866 г. солдаты, бывшие в то время на службе, как исключенные из оклада не получили земли; лишь недавно один николаевский солдат получил от мира осьминник ($\frac{1}{3}$ дес.) поля для прокормления; между тем как, отправляясь на службу, он оставил четвертную землю, поступившую вместе с остальной в общинное владение. Четвертные крестьяне д. Панарьина Каменской вол. перешли к душевому владению в 20-х годах. Впоследствии крестьяне из рода Дурнева стали хлопотать об отобрании земли, жалованной их предку при царе Михаиле Федоровиче, в свое исключительное владение. Они добились отчуждения от общины 65 дес., которая и значится за ними как «дворянская» (безоброчная) и разделена между ними по ревизским душам; кроме того, они участвуют и во владении общинной землей. В последнем случае мы имеем пример образования 2 общинных владений из одного четвертного села; такой же случай представляет и с. Слободка Соловьевской волости: при переходе на души после размежевания в 1863 г. один из родов селения Селяниновых, имевший землю в двух отдельных особняках, не включил ее в общее владение, а разделил между своими членами по ревизским душам, образовав самостоятельную общину с наделом (4 дес. на рев. душу), превышающим душевой участок другой общины (2,5 дес.). В 1883 г. каждая община переделала свои земли по наличным душам.

В *Раненбургском* у. до 1869 г. с. Истобное, кроме четвертной земли, имело и душевую пашню, образовавшуюся из распашки общественного выгона и залежей. После долгих споров и судебных тяжб общество в 1869 г. переделило на души и землю, бывшую в четвертном владении; но окончательное решение суда в пользу общинников последовало лишь в 1881 г.

В *Корочанском* у. несогласные на переход к общине, имевший место в с. Лесках Шаховской волости в 1844 г., широкодачники подавали прошения в различные правительственные инстанции, и только через 11 лет получен указ Сената о разделении, согласно воле большинства, земли на души.

В тех случаях, когда переход на души совершался не целым обществом, несогласные отделялись и составляли особое общество, обыкновенно владеющее землей на четвертном праве, иногда же, как это мы сейчас видели на примере д. Панарына и Слободки *Елецкого* у., принимавшее тоже начало общинного владения. Чтобы дать понятие о том, какая часть крестьян отказывалась от обращения своих земель в общинное землевладение, приведем несколько случаев этого рода.

В *Елецком* у.¹ из 50 случаев перехода от подворного владения к душевому можно насчитать 15, где часть крестьян, по крайней мере на первое время, не согласилась на такой переход. Из этих случаев в д. Прочести Афанасьевской вол., при обращении четвертного владения в душевое в 1862 г., при четвертях пожелали остаться 12 из 117 ревиз. душ, или 10%; в с. Крутом Казацкой вол. – 6 двор. из 95, или 6%, Рябинке – 4 дв. из 191, или 2%, в д. Колесове Извольской вол. – 20%, д. Новосильской Тербунской вол. – 16%, д. Поддолгой Становлянской вол. – 51 рев. душ из 190, в д. Жерновной Сергиевской вол. из 200 дворов против передела протестовали 10 дворов, но выиграли процесс 2 двора. В *Раненбургском* у. в с. Дубовом несогласных на переход к общине в 1861 г. было 21 двор из 271; в Пригородной слободе (переход в 1859 г.) отделившиеся от душевых составляли в 1881 г. 58 дворов из 541; в с. Старо-Кленском – 70 дв. из 700. В д. Медведевой Слободской вол. *Лебедянского* у. $\frac{3}{5}$ домохозяев перешло на души, а $\frac{2}{5}$ остались при четвертях. В Тимском у. деревня Прилепи и Малые Сети Двоелучанской вол. перешли к общинному владению в 1863 г. после размежевания и подели-

¹ Превращению в душевое владение подверглась в *Елецком* у. коренная четвертная земля данного поселения; но некоторые домохозяева известного села владели еще землей купленной, принесенной лицами, принятыми в зятья и т. п. из других деревень, и обыкновенно расположенный в других дачах. Эта земля в большинстве случаев оставалась за старыми хозяевами; но в общине села Тросного Становлянской волости и д. Роговой Стегаловской вол. в передел пущена и купленная земля. В последней это сделано по предписанию казенной палаты, разъяснившей, что эта земля не подходит под категорию признаваемой личной собственностью однодворцев, в которую включаются лишь земли, приобретенные у посторонних лиц до времени запрещения таких покупок межевой инструкцией.

ли землю поровну по дворам; через год перераспределили ее по ревизским душам: «у кого одна душа во дворе, а у кого десять душ – обидно». Года через 2 широкодачники просят отвести им землю на прежних правах и их дачи были вырезаны обществом в концах клиньев.

Некоторые из крестьян, не соглашавшихся на переход к общинному владению в то время, когда этот вопрос разрешался всем селом, включали свои участки в площадь душевого владения, спустя несколько лет после. В *Елецком* у. 2 двора четвертников с. Телегина Становлянской волости, перешедшего на души во время VII ревизии, остались при старом владении и получили землю особо от села, отдельное владение показалось им, однако, неудобным, и вот при следующей ревизии передали в мирское владение свою землю одни из них, а при IX – и другие. Д. Измалкова Предтеченской вол. перешла к общинному владению в 1848 г., а 5 хозяев, имевших по 50 дес. каждый, присоединились к остальным при IX рев. (1851 г.); в с. Баранове, той же волости, один многоземельный хозяин присоединился к общине через 30 лет, когда его семья сильно размножилась. В д. Новосельцевой Тербунской вол., при переходе на души в начале 60-х гг., 6 хозяев остались при старом владении: 5 из них присоединились к общине при переделе по наличным душам в 1883 г., присоединились потому, что семьи их размножились настолько, что имеют меньше земли, чем получили бы при переделе по наличным душам. Сложная община сел Яковлева и Дубрава той же волости перешла к душевой разверстке земли в 1843 г., кроме 12 многоземельных хозяев, присоединившихся к общине при X ревизии, причем 5 из них получили по 3 дес. лишних против того количества земли, какое им следовало по душевой разверстке: в передел 1883 г. у 4-х из этих хозяев излишек земли пущен в общую разверстку. Земля с. Свишни Стегаловской вол. в 1845 г. обращена в общинное владение, за исключением 350 дес., принадлежавших 15 хозяевам, не согласившимся присоединиться к миру и получившим свою долю в особняке; около X ревизии, при размежевании с соседними владельцами, в передел включена и названная земля; ее владельцы жаловались в суд, но проиграли дело, которое, однако, не закончилось и по настоящее время; в четвертном владении здесь находится еще усадебная земля указанных 15 владельцев.

В *Новооскольском* у., при переходе в 1859 г. д. Цыпляевки Троицкой вол. на души, 85 рев. душ из 437 остались при старом владении и получили землю в особняк. «Такой раскол оказался невыгодным для протестантов, так как, имея незначительный особняк, они были лишены возможности пасти на нем скот, а миряне на свою землю его не пускали». Вследствие этого 78 душ желали присоединиться к общине, что и было сделано путем общего передела в 1866 г. В с. Сурково той же волости несколько дворов, не согласив-

шихся на переход к общинному владению, когда оно устанавливалось здесь во время IX ревизии (начало 50-х гг.), присоединились к нему при X ревизии. В *Лебедянском у.*, в с. Павловском Куйманской вол., владельцы даже участков в 200 дес. после нескольких лет жизни особняком от других соглашались на включение своей земли в общинное владение. В 1872 г. при отмежевании крестьянских земель от чересполосных с ними частновладельческих, 32 четвертных владельца с. Тафина и 43 – д. Крайловки *Лупецкого у.* согласились на присоединение своих участков к общинным угодьям.

Немало можно насчитать обществ, где четвертные крестьяне перешли было на души, но потом опять возвратились к подворному владению. Кроме случаев этого рода, приводимых раньше, можно указать следующие.

В *Курском у.*, в д. Ваниной Старковской волости, по душам владели 4 года, после чего «широкодачники повернули дело назад – обошлось это им больше 2000 руб.». В *Белгородском у.*, в д. Быкове Карповской вол., в 40-х годах два раза переходили на души, но оба раза из-за смут возвращались к четвертям. «Дело доходило, говорят, до кольев и ножей, так что священник выходил в поле в церковном облачении и с крестом в руках». Села Непхаево и Вислы Шопинской вол. в 1839 г. перешли было на души, а через 2 года возвратились к четвертям.

Превращение четвертного владения в общинное в настоящее время, – по причине распродажи четвертной земли, усиления вследствие этого неравномерности землевладения и внедрения в среду крестьян посторонних владельцев, а также благодаря закреплению участков за отдельными лицами владенной записью, – представляется гораздо более затруднительным, что это было ранее, когда, вдобавок ко всему прочему, и самая земля не имела большой цены. Что же касается стремления к такому превращению, то оно существует в значительных размерах.

«Малоземельные кр. Рязанской губ., – говорит г. К. П-в, – как бы не признают четвертного наследственного права за *настоящее* право и надеются, а нередко и твердо уверены, что со временем правительство предпишет переделить четвертную землю по душам» (Р. М.).

«Во всех обществах четвертных крестьян *Курского у.*, – пишет И. А. Вернер, – злобой настоящего дня служит вопрос об уравнительном распределении земли. Все домохозяева разделяются на две партии: одна требует разверстки земли по ревизским или наличным душам, другая – сохранения наследственных прав; на стороне первой – численность, но фактическая сила пока на стороне второй; этой силы денег и подкупа, может быть, хватит еще на некоторое время, но в конце концов несомненно, что сторонники общины добьются своего». В *Новооскольском у.* стремление перейти на души замечено в следующих обществах четвертных крестьян: с. Тростенец

(227 дв.) Холанской вол., с. Ездочном (Чернянской вол.), где из 135 домохозяйств не согласны на переход 10 человек, которых остальные надеются «как ни на есть присогласить»; в с. Зимовном (188 дв.) Троицкой вол., где к переделу стремятся из-за неравенства подворных участков и страшной их чересполосицы; в с. Русской Холани (227 дв.) Ольшанской вол. и с. Холок (228 дв.) Чернянской вол. Крестьяне с. Русская Холань лет 50 назад поделили было свою четвертную землю на души, но из-за путаницы, последовавшей за этим, возвратились к подворному владению; «в настоящее время “идет большая страв” в обществе: малоземельные “бунтуют”, хотят поделить всю землю на души, но против них стоят 70 широкодачников, которым такой передел не выгоден». В *Тимском у.* Никольской вол., в с. Зуевке и д. Меловой «голь, конечно, толкует о переделе, но зажиточные и слышать этого не хотят. Пока уравнивание настолько несбыточно, что противники его не считают нужным приводить разумные доводы. Но убеждение в том, что земля принадлежит всему миру, все-таки сильно, и зажиточные все-таки опасаются, что наступит время, когда землю переделают». В семи обществах четвертных крестьян Купинской вол. *Корочанского у.* «участки сильно измельчали и перепутались; многие перепахали часть чужой земли, что вызвало большие споры о земельных участках. В каждой общине выделяется три партии: одни желают коренного передела по наличным душам, другие спорят о необходимости переверстки земли по владенной записи, чтобы восстановить старые, родовые владения, и усиленно ратуют против всяких переделов и поравнений». Последняя партия самая зажиточная и потому самая сильная. «Широкодачники прямо заявляют, что ни за что не допустят до передела и поравнения земли, что они согласятся на это, разве только если правительство прикажет». В *Белгородском у.*, в с. Бочковом Никольской вол., в 40-х гг. часть четвертной земли была поделена на души, после чего, вследствие разнокачественности, она подвергалась частым переверсткам, что мешало удобрению полей; для устранения этого недостатка в 1875 г. она была разверстана между дворами пропорционально количеству четвертной земли; а в последнее время малоземельные требуют передела ее на души, и число сторонников этого требования все увеличивается. В с. Великом Бессоновской вол. агитация в пользу передела четвертной земли ведется с половины 60-х гг., когда удалось было склонить в пользу передела и нескольких широкодачников. «Глухая, подземная борьба между широкодачниками и малоземельными то утихает на короткое время, то вспыхивает с новым ожесточением при каждом слухе о близком “общем переделе” земли, о переделах в других общинах и т. п. Можно предполагать, что в конце концов дело увенчается переделом земли по душам». В *Елецком у.*, в сельце Подхорошем Становлянской вол., приговоры о переходе на души были по-

становляемы в 1875 и 1885 гг., но, по значительности числа несогласных, приведены в исполнение не были. В большом обществе Предтеченской вол., состоящем из 4 сел, четвертная земля находится в большой чересполосице, что вызывает постоянную путаницу и ссоры из-за земли; малоземельные добиваются передела на души. В *Раненбургском у.* спор о переходе на души отмечен в с. Колыбельском (322 дв.) и Мелихове (69 дв.) Колыбельской вол. и с. Демкине (285 дв.) Путятинской. В *Данковском у.*, в с. Круглом (227 дв.) Острокаменской вол., громадное большинство крестьян требует перехода на души, о чем хотят подавать «прошение». В с. Ярославле (222 дв.) Одо-евской вол. с 60-х гг. идут постоянные волнения из-за перехода на души, противниками его является немногочисленная группа широкодачников; сторонники передела несколько раз посылали ходоков в Питер; последнее прошение об этом подали в 1880 г. В с. Самодуровке (215 дв.) несколько лет как идут большие споры из-за перехода на души, в с. Рановские Верхы (29 дв.) Змиевской вол. наблюдается то же самое.

В *Ставропольском у.* «переход четвертных земель из одних рук в другие путем купли-продажи ведут за собой обезземеление одних родов и концентрацию земли в руках сильных родов. Уже теперь маломощные роды, предвидя неминуемую перспективу своего будущего обезземеления, во всех селениях часто толкуют на сходах о переделе четвертных земель на наличные души. В некоторых обществах, как, например, в с. Никольском, мелкие роды при переверстках земли соединяются в одну общину и уже фактически перешли к общинной форме владения с периодическими переделами земли по ревизским душам. Но всюду сильные, многочетвертные роды противятся подобному течению общественной мысли, хотя сами, вследствие обессиления рабочими силами своих семей, принуждены большую часть своей земли сдавать в аренду мелким, но многосемейным родам».

Подобное настроение можно наблюдать и среди крестьян, не пожелавших перейти вместе с односельцами к общинному владению землей. Так, относительно 59 из 286 дворов татарского с. Сургоди *Спасского у.*, оставшихся при четвертях, когда их односельцы переходили в начале 50-х гг. на души, исследователи говорят, что при новой переписи они, может быть, согласятся и свои участки присоединить к мирским угодьям. Несколько десятков крестьян с. Самовец Харитоновской вол. *Козловского у.* думают слиться с общинниками.

Быть может, уместно сказать здесь несколько слов об общинах государственных крестьян, бывших вольных хлебопашцах.

Вольные хлебопашцы это – крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости обыкновенно за взнос ими известной суммы помещику, на основа-

нии особого указа от 1803 г. По этому указу вольные хлебопашцы получали от владельца землю в подворное наследственное владение, причем и самый раздел земли в натуре должен быть произведен самим помещиком, при заключении условия с освобождаемыми крестьянами. Ввиду затруднительности выполнения этого условия впоследствии указом Сената было постановлено (что, однако, и без того постоянно случалось на практике) предоставить разделение земли на участки самим крестьянам. Этим постановлением открывалась возможность фактического существования общины у вольных хлебопашцев, по закону принадлежащих к подворным владельцам. И, насколько можно судить по имеющимся данным, большая часть бывших вольных хлебопашцев владеет землей на общинном праве. По всей вероятности, эта форма владения утвердилась здесь, так сказать, сама собой: в тех случаях, когда первый раздел земли освободившихся крестьян был произведен по душам, при ревизиях вольные хлебопашцы следовали примеру окружающих государственных крестьян и переделывали свои угодья по новым душам. Но возможны случаи, что первый передел был произведен после того, как общество испытало порядки подворного владения. По крайней мере, такой случай известен для крестьян, освобожденных из крепостной зависимости, приблизительно на тех же условиях, что и вольные хлебопашцы, но вслед за тем приписавшихся в мещане. Так, в д. Лопатине Вороновской вол. *Подольского* у. Московской губ. есть мещанская слобода (15–20 дв.), образовавшаяся из крестьян, отпущенных на волю с землей в 30-х годах текущего столетия. Подворно-наследственное владение землей привело к крайней неравномерности и многополосице землевладения, вызывавших постоянные ссоры и неудовольствия. «Во избежание всего этого лопатинские мещане в 1877 г. переделали землю вновь по тяглам (работникам) и восстановили мирское владение в прежнем виде». Интересный случай естественного образования родовой общины наблюдается в среде татар хут. Иванова (Каратуна) *Тетюшского* у. Предок нынешних владельцев перед смертью разделил купленную им землю между 7 братьями. С тех пор потомки каждого брата переделывают землю по наличным душам. Другой такой случай представляет община государственных крестьян с. Субботова Уручьиной вол. *Трубчевского* у. В конце прошлого века родоначальнику этой общины земля была пожалована за службу; три его сына в 40-х гг. разделили землю между собой поровну; во второй половине 60-х гг. она была разделена между существовавшими тогда 4 дворами по ревизским душам, что было выгодно для 3 хозяев, а четвертый один не мог против них идти. По владенной записи 1868 г. земля этой группы лиц значится находящейся «в наследственно-подворном владении».

Переход от подворного владения к душевому имел место и среди иностранных колонистов, получивших землю в подворное владение; так,

в *Тираспольском* уезде находятся две большие болгарские колонии, Катаржная и Парканы, образованные в начале XIX века, когда они получили по 60 дес. земли на двор. Благодаря наследственному владению землей, быстро стало развиваться обезземеление населения (в Катаржной в 1887 г. насчитывалось больше $\frac{1}{3}$ дворов, не имевших пахотной земли), что заставило колонию Парканы произвести в 1874 г. уравнивание земли по наличным душам мужского пола, каковое было повторено в 1882 г. В колонии Катаржной появилась тоже партия, мечтающая а таком уравнинии, и «можно думать, что и здесь со временем земля будет разделена по наличным душам». Во всех трех болгарских колониях *Одесского* у. молодежь требует передела земли, старики не соглашаются. Стремление к общинному владению обнаруживается и среди подворных владельцев колоний немцев-меннонитов *Бердянского* у. (где их насчитывается около 60). За переход к общине стоят Kleinwirthschaft'ы, получившие по 15 дес. на двор; против общины – Grosswirthschaft'ы, владеющие одним или несколькими полными надельными участками (65 дес.). В южных колониях, где многие из малоземельных колонистов обратились в баптизм и поддерживают оживленные сношения с молоканскими семействами, преобладают приверженцы общины; в северных – ее противники. Несмотря на то, что приверженцы общины представляют угнетенную часть населения меннонитских колоний, они с замечательной энергией и твердостью отстаивают свои стремления, которым, по всей вероятности, не суждено осуществиться, по крайней мере в ближайшем будущем (Памятная книга Таврической губ.). В *Острогжском* у. есть немецкая колония Рибенсдорф, имеющая землю в подворном владении и ради качественного уравнивания подвергающая ее жеребьевкам через неопределенный сроки. «В последний раз при разверстке земли во время выдачи владенной записи, в 1872 г., колонисты хотели было поделить пашню на наличные души, но согласных на передел оказалось менее $\frac{2}{3}$, а не желавшие передела обратились в суд». «Три года, – рассказывают немцы, – куёвдились мы, просто все вверх дном перевернули, но затем вышло нам повеление не делить землю, и тогда колония начала разъезжаться в разные стороны и покупать землю».

В некоторых уездах Поволжья есть общества русских крестьян, получивших от правительства землю, как и иностранные колонии, в семейное наследственно владение. В *Самарском* у. таких обществ 103, образованных в период времени с половины 40-х гг. текущего столетия по конец 60-х гг. «Правительство хотело испытать, как привьется к переселившимся крестьянам подворно-участковая форма владения, и оно тем больше имело шансов рассчитывать на успех этого дела, что в соседстве с ними, почти бок о бок, поселились энергичные, трудолюбивые земледельцы-меннониты, которые, собственно, затем и допущены были к переселению в Самарский край, что-

бы хозяйство их служило образцом для других земледельческих сословий». Переселенцы (русские) получали по 39 дес. на двор.

Земское исследование в 1882 г. показало, что идея семейного владения, какое думало установить правительство, не привилась к крестьянам и терпит удары с двух сторон: с одной стороны, «каждый домохозяин думает, что записанный на его имя во владенную запись участок земли принадлежит исключительно ему одному, вследствие чего он нередко продает его другому лицу, не спрашивая согласия ни братьев, ни дядей, ни сыновей», что, в свою очередь, породило массу жалоб обиженных в окружный суд; с другой стороны, существует стремление обратить подворное владение в общинное. Опрос населения показал, что из 59 деревень подворных владельцев Петропавловской волости 56 заявили, что они «желали бы переделить землю на душевую». Из остальных 41 деревень о таком желании заявлено в 13, причем две деревни прибавили, что на передел по душам они были бы согласны в случае, если бы безземельные получили надел при новой ревизии. Причины, побуждающие крестьян желать разверстания земли по общинному принципу, заключается, по выражению самих крестьян, в том, что «много стало безземельных», «пьяницы и ленивые хозяева много земли продают», «друг у друга полосы запахивают, и на это обществу нельзя жаловаться», «сильные домохозяева отбивают землю у слабых». «В некоторых деревнях крестьяне фактически частью перешли уже к общинным порядкам, разделив землю на загоны, причем каждый домохозяин получает земли в поле в разных местах столько десятин, сколько числится за ним в данный момент. Домохозяева, владеющие большими цельными участками, переходить от участкового землевладения в общинное, конечно, не желают».

В *Саратовском* у. подобных общин русских крестьян, бывших питомцев московского воспитательного дома, получивших (в 30-х гг. текущего столетия) землю по «фамилиям» в подворно-наследственное владение, насчитывается 6 с общим числом 407 дворов. Права этих фамильных владельцев, однако, очень ограничены миром. Общество заботится о том, чтобы земля не перешла в руки чужеобщественников, ради чего оно запретило отчуждение земли на сторону и наследование женщин, которые с выходом замуж за посторонних перевели бы землю в руки чужих, а при замужестве со своими способствовали бы скоплению земли в одних руках, между тем как, оставаясь в обществе, такая земля переходит в разряд выморочной и пока сдается за подати малоземельным, а со временем, когда ее соберется достаточное количество, может быть разверстана «по всем». В 70-х годах в обществе начались споры о равномерной разверстке всей земли. Идея эта поддерживается безземельными и малоземельными крестьянами, а в некоторых обществах за нее стоит большинство крестьян. В последние годы эти

споры заметно затихли. «Не зная, имеют ли право переделывать данную им землю, многие спрашивали у начальства, но волостное правление объяснило, что делить нельзя, пока будет хоть один несогласный». «“Как ни спорь, а видно, согласия не будет, – говорят теперь многие крестьяне, – разве новое положение выйдет: разделить прикажут”»; но некоторые думают, что передел все-таки возможен на основании закона о $\frac{2}{3}$ ».

Таково положение вопроса о переходе от подворного владения к общинному, каким он рисуется на основании данных земско-экономического исследования России.

Глава II

Идея передела в общине в новейшее время

Явления общинной жизни последнего тридцатилетия у государственных и помещичьих крестьян в значительной степени различны, что зависит от несходства как предшествующей истории того и другого разряда крестьян, так и условий пореформенного их существования. Государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли между членами общины, тогда как помещичьи в большинстве случаев вступили в новый период истории без таких традиций, имея позади себя систему наделения земель каждого члена «вотчины» на основании правила, выставленного помещиком. Первые распределяли землю между собой по душам мужского пола, т. е. по потребительной норме, лучше удовлетворяющей требования населения от земли как источника существования; вторые знали тягловую разверстку, т. е. систему распределения земли по производительной норме, обеспечивающей владельцу наибольшее напряжение рабочей силы крестьянина, столь необходимой для обработки его полей. Высшая оценка угодий, отведенных крестьянам, выкупная операция и внесение высокого дополнительного платежа многими общинами создали новую особенность положения помещичьих крестьян сравнительно с государственными, – уже как результат реформы.

Указанные обстоятельства, различные для двух больших групп крестьян, не могли не отразиться на их отношении к форме владения землей. Сущность процесса, совершавшегося до последних лет среди государственных крестьян, состояла, главным образом, в замене принципа государственного регулирования периодического перераспределения земли началом свободной инициативы общины и (что уже заметно гораздо меньше) в переходе от разверстки земли по душам мужского пола к более совершенным системам. Процесс, замечаемый в группе бывших помещичьих крестьян,

гораздо сложнее. Здесь, во-1-х, должно было еще определиться отношение крестьян к общинному и подворному владению, т. е. совершиться выбор той или другой формы владения; во-2-х, шел процесс приспособления единицы разверстки земли к двум взаимно противоположным требованиям: обеспечения пропитания семьи и безнедоимочного поступления платежей, обременяющих надел.

В дореформенную эпоху переделы земли у государственных крестьян происходили в момент ревизии¹. Совершаясь периодически с целью своевременно подметить перемены в мужском населении и увеличить соответствующим образом государственный доход, ревизия указывала общине довольно удобный момент для нового распределения земли, – удобный потому, что те же изменения, за которыми с финансовыми целями следило государство, нарушали и равномерность землепользования членов общины, требовали нового его уравнивания. Совершаясь долгое время одновременно, государственная ревизия и общинный акт передела смешались в представлении народа в одно сложное явление, и крестьяне стали думать, что передел земли вызывается каждый раз решением правительства, что это – такой же акт государственной инициативы, как и ревизия, что определение момента, когда следует приступить к новому уравниванию землепользования, лежит на обязанности государства. Несоответствие, несомненно существовавшее между потребностью в перераспределении общинных угодий и сроками для него, определяемыми моментом ревизии, выкупалось тем обстоятельством, что передел, как санкционированный каждый раз в глазах народа верховной властью или как совершавшийся в определенный момент, проходил спокойно, без споров и замешательств.

Сделав последнее равнение в 1858 г., государственный крестьянин не предполагал, чтобы это был последний случай вмешательства правительства в его обычные общинные отношения. Когда неравномерность распределения земли сделалась чувствительной, он стал ожидать ревизии как призыва к новому переделу, а видя, что ее долго нет, прождав напрасно все сроки ее обычного наступления и слишком страдая от продолжительного отсутствия переделов, он начал задаваться вопросом: действительно ли определение своевременности акта уравнивания землепользования входит только в юрисдикцию государства, не составляет ли оно права самого общества? Хотя этот вопрос разрешен положительно законом, но, за незнанием последнего, крестьянин должен был разрешать его самостоятельно, т. е. в нем совершалось изменение взглядов, выработывалось новое отношение к предмету, новая форма для

¹ Отступления от этого правила наблюдались иногда в местностях, где переделы лишь недавно сменили свободную заимку земли (напр., *Таврическая губ.*); переделы должны были повторяться вне ревизии в случаях, когда производилось межевание и т. п.

важнейшего акта общинной жизни: назначение момента передела из акта государственного, общего для всей страны, превращался в обыкновенный акт общинной самодеятельности, различный для каждой отдельной общины. Это – очень важная перемена, и не удивительно, если для ее выяснения потребовалось 20–30 лет.

Если бы передел земли был желанным явлением для всех членов общины, то обычай производить его по решению мира, вероятно, сравнительно скоро заменил бы старый обычай передела во время ревизии. Но так как, по произведенным вычислениям, обыкновенно остается в выигрыше от передела с небольшим половина домохозяев, то меньшая половина общины, которой передел невыгоден, естественно, будет настаивать на ожидании ревизии, частью искренно веря, что без «царского указа» равенство невозможно, частью употребляя этот аргумент как удобный прием для защиты своекорыстных интересов. Против «самовольной ревизии», как называют передел крестьяне некоторых местностей, пока стоит и часть членов общины, для которых передел выгоден, стоит из опасения «неудовольствий и упреков в отступлении от старого обычая» (*Борисоглебский у.*).

Итак, в пореформенный период общинной жизни среди государственных крестьян (в значительной степени это относится и к помещичьим, где, однако, благодаря представлению о выкупе и предшествующей истории землевладения вопрос сложнее) замечаются две струи, различным образом переплетающиеся между собой; это – возникновение и рост сознания, что право назначения момента передела принадлежит самой общине, и борьба малоземельных и многоземельных крестьян или, вернее, сторонников и противников передела, – «вернее» потому, что передел земли в огромном большинстве случаев невозможен без того, чтобы за него не высказалась и часть многоземельных, т. е. тех, кому передел не представляется выгодным.

Помещичий крестьянин воспитался под другими влияниями, представление о которых можно себе составить по следующему описанию земельных порядков крепостной эпохи в Рязанской губ., заимствованному нами у г. Семенова.

«За основание отвода принималось до 1861 г. во всех без исключения общинах (описываемого района) *тягло*. По мере увеличения числа тягол вновь возникающим тяглам отводились новые тягловые наделы из общего запаса свободных помещичьих земель, если таковой имелся, и в таком случае размножение тягол весьма поощрялось помещиком, который с увеличением числа тягловых наделов увеличивал и свою запашку. Когда же эта система достигала своего предела, т. е. истощались свободные запасы владельческих залежей и пустошей и не представлялось более возможности делать расчист-

ки лесных зарослей, тогда помещик полагал обыкновенно предел умножению подлежащих наделу тягол, что достигалось более поздним образованием тягла, т. е. более поздними браками подростков, ранним снятием тягол со стариков, еще способных к работе, отпуском наиболее зажиточных семей на волю путем выкупа, отправкой некоторых семей на отхожие оброки, дозволением зажиточным крестьянам покупать (на имя помещика) собственные земли, причем тягло с этих семей снималось (т. е. наделная земля отбиралась) и они переводились на оброк, снятием тягла и переводом на оброк крестьян, занимающихся какими-либо прибыльными для них промыслами, продажей избытка крепостных семей *на своз* или выселением их на собственные пустопорожные земли в другие губернии, а в небольших имениях иногда и лишением всех крестьян их наделов и обращением их в батрачество, причем крестьянские запашки присоединялись к господским.

Во многих имениях число тягол считалось даже навсегда укрепленным: например, в Мураевенской вотчине число тягол в течение последнего 10-летия перед освобождением крестьян держалось постоянно на 108, и для этой цели тягла налагались на возникающие вновь брачные пары только тогда, когда смерть тяглового работника или старость его делали одно из 108 тягол вакантным. Только в редких случаях помещик продолжал наделять прибылые тягла из своей собственной запашки до ее истощения, а уменьшение через это состоявшего в его распоряжении крепостного труда вознаграждал денежным оброком, на который помещик переводил наиболее достаточные дворы, оставляя на барщине только то количество тягол, которое соответствовало размерам владельческой запашки. При этом с оброчных дворов и тягол требовалось еще некоторое количество сгонных дней. При такой системе число оброчных тягол постепенно увеличивалось, а барщинских с уменьшением господской запашки постепенно уменьшалось, вплоть до перехода всего имения на оброк.

Впрочем, переход крестьян на оброк с предоставлением в их пользование всей владельческой земли при крепостном праве обуславливался не всегда малоземельем имения, а иногда абсентеизмом помещика и нежеланием его вести свое хозяйство заглазно и притом в незначительном имении.

При описанном *тягловом* способе пользования землею, существовавшем во всех без исключения общинах Мураевенской волости до 19 февраля 1861 г., бывали и *коренные переделы*, с ломкой меж, обуславливающиеся в барщинских имениях почти всегда инициативой помещика и вытекающие из его хозяйственных соображений и потребностей, но вообще довольно редкие.

Вообще говоря, памятными для старожилов причинами переделов при крепостном праве в барщинских имениях были: 1) замена помещиком, по каким бы то ни было соображениям, одних крестьянских наделов другими

(обмен угодий); 2) общее уменьшение тяглого размера крестьянских наделов, производившееся в редких случаях по индивидуальным соображениям вновь вступавшего во владение путем купли или наследства помещика; 3) образование помещиками так называемых выселков или хозяйственных хуторов, всегда сопровождавшееся обменом между господскими землями и крестьянскими; 4) специальное межевание, сопряженное с коренной ломкой как господской, так и крестьянской меж. Во всех этих случаях происходили коренные переделы с ломкой меж по непосредственному распоряжению помещика, который, впрочем, всегда предоставлял разверстку вновь нарезанных или перерезанных мирских земель самой общине.

Были, однако же, случаи в барщинских имениях, в которых переделы происходили *по инициативе общины*. А именно: прибылые тягла получали свои наделы из помещичьих полей с отрезкой на каждое прибылое тягло в каждом после сплошного участка земли, и большей частью хорошей, и притом наименее удаленной от крестьянских усадеб, вследствие чего тягла эти были поставлены в лучшее положение против других тягол, которых участки в каждом поле были разделены на несколько разнокачественных полос, притом же и более отдаленных от усадебной оседлости. После накопления в мирском пользовании некоторого количества новых тягловых участков члены общины, владевшие старыми участками, заявляли свои притязания на неуравнительное положение вновь наделенных тягол и желание передела, на который и получали согласие помещика.

Что же касается до имений оброчных, которых было только два в Муравенской волости, и полуоброчных, т. е. состоящих на смешанной повинности, то в них, при полном отсутствии вмешательства помещика в земельные отношения общины, переделы до 1861 г., при *тягловом* способе наделения земель, происходили по мирским приговорам, и притом вообще довольно часто. Всякий раз, как являлось *новое тягло* без упразднения старого, крестьяне производили коренной передел с ломкой меж, причем удобренные пашни уходили от домохозяев, их удобривших, без всякого вознаграждения»¹.

* * *

Такие же порядки землевладения господствовали среди крепостных крестьян и других местностей России: переделы земли в барщинных имениях зависели от воли помещика, в оброчных – от решения мира. Барщинные имения значительно преобладали (в *Трубчевской у.*, например, оброчные имения составляли 25% всего числа имений, в *Елецком у.* – 10–12% и т. д.), и потому можно сказать, что в крепостную эпоху помещичий крестьянин в большин-

¹ См. матер. для изучения сел. позем. общ. Издание Вол. эк. и геогр. общ. Т. 1, с. 89–92.

стве случаев не знал свободного регулирования землепользования, насколько таковым преследовалась равномерность распределения земли между членами союза, и в новый период своей истории вступил с разверсткой земли по тяглам, т. е. по женатым парам, «венцам», иногда с учетом и полурабочников. В последующем ему предстояло определить свое отношение к форме владения землей, принять ту или другую из них. Ничто не доказывает, чтобы с первых шагов свободной жизни помещичий крестьянин сознательно стремился установить у себя подворное владение. Для этого ему следовало бы распределить землю между семьями, как ему казалось лучше, и закрепить это распределение навеки соответствующим приговором. Но последнее встречалось очень редко, и первые проявления самостоятельного земельного существования помещичьего крестьянина заключались по преимуществу в выборе не формы владения, а единицы для разверстки отведенной обществу земли. Важное влияние на этот выбор оказали два обстоятельства: обычай тягловой разверстки земли, с которым помещичьи крестьяне вступили в новую жизнь, и факт формального отведения надела по числу душ X ревизии. Благодаря первому, крестьяне имели готовую, привычную систему, которую и могли практиковать в первое время свободного состояния; второй как бы указывал единицу разверстки, которую следует принять в случае недовольства тягловой системой.

По своему отношению к той или иной единице разверстки общины различаются, в зависимости от этнографического состава населения, от того или другого соседства (государственных четвертных или душевых крестьян и т. д.), а также смотря по тому, насколько повинности, какие приходилось уплачивать крестьянам, соответствуют доходности полученной земли.

В местностях с малороссийским населением и малочисленной группой государственных душевых крестьян, или где земля окупает платежи (*Херсонская, Курская, южные уезды Рязанской, Тамбовской, Орловской губ. и т. д.*), помещичьи крестьяне, за исключением немногих общин, сохранивших тягловую систему, более или менее скоро после освобождения приняли ревизскую разверстку земли, при которой и оставались в большинстве случаев до последнего времени. В этих местностях вопрос о перемене распределения земли, насколько он подымается, есть вопрос о самом существовании общины, вопрос о том – быть ли коренным переделам как средству уравнивать всех членов общины относительно выгод, связанных с землевладением, т. е. считает ли общество крестьян себя вправе и желает ли оно принять типическую общинную форму землевладения, или же его мировоззрению и интересам больше соответствует подворное владение.

В другой группе уездов, где, благодаря высокой оценке земли, выгоды пользования ею не столь очевидны, почему далеко не всякий крестьянин способен держать надел безнедоимочно, вопрос о наиболее подходящей единице

разверстки оказался значительно сложнее, и общины долго практиковали различные приемы уравнивания, прежде чем изменилось невыгодное соотношение между платежами и доходностью земли. Здесь поэтому общинная самостоятельность получила широкое применение, и лишь в конце рассматриваемого периода исчезли обстоятельства, настоятельно требовавшие развития такой самостоятельности, и община фактически получила свободу выбирать между той или другой формой землевладения.

После освобождения крестьян в массе их проявилось стремление скорее развязаться со всем тем, что напоминает старое время, и между прочим с тягловой системой разверстки земли. Обычай соседей – государственных крестьян – и уставная грамота указывали на ревизскую душу как на единицу, долженствующую заменить тягло, и во многих местностях крестьяне даже считали, что ревизская душа обязательно должна быть положена в основу распределения земли между членами общины. Так как в массе обществ оставление тягловой системы происходило в первой половине 60-х годов, когда еще не успело образоваться большого различия между наличным и ревизским составом семей, то распределение земли по ревизским душам довольно хорошо удовлетворяло требование соответствия величины надела потребности семьи в пропитании; такое соответствие достигалось тем полнее, что распределение земли очень часто совершалось не по всем душам, записанным в ревизии, а с исключением отказавшихся от земли, выбывших, иногда умерших или даже по наличным, число которых, конечно, мало отличалось от ревизских.

Оставление тягловой разверстки имело место в большинстве случаев в 60-х годах, но в некоторых общинах затянулось на 70-е, даже 80-е годы. В одних общинах (даже целых уездах) это совпало с размежеванием крестьянских угодий, в других – с переходом на выкуп (или оброк); во многих общинах оно совершилось тотчас после освобождения; но нередко его нельзя приурочить ни к какому определенному событию¹.

¹ В *Новооскольском* у. оставление тягловой системы разверстки земли совершалось обыкновенно при переходе на выкуп, в большинстве случаев в первую половину 60-х гг.; в *Корочанском* у. – при освобождении или выходе крестьян на выкуп; в *Тимском* у. оно имело место главным образом в 60-х гг., тотчас по освобождении или при переходе на оброк или выкуп, при разверстании угодий; несколько общин оставили тягловую разверстку после обязательного выкупа, в 1883 г.; в *Старооскольском* у. тягловая разверстка некоторыми общинами оставлена в половине 70-х гг., а в одной – в 1883 г., после обязательного выкупа. В *Елецком* у. переход с тягол совершился в 60-х гг.; в 2–3 десятках общин затянулось на 70-е, даже 80-е годы; чаще всего он совпадал с разверстанием крестьянских угодий от помещичьих, гораздо реже с прекращением издельной повинности, переходом на оброк или выкуп; в некоторых общинах его нельзя приурочить к какому-либо определенному событию. В *Миценском* у. общины, оставшиеся на издельной повинности, сохранили тягловую разверстку даже до конца 70-х гг. За исключением немногих общин (напр., Уручинской вол.), тягловая разверстка в *Трубчевском* у. уничтожена в первой половине 60-х гг., после перехода крестьян на выкуп или их размежевания с владельцем. В *Раненбургском*, *Данковском*, *Михайловском*, *Егорьевском* уездах уничтожение тягловой разверстки происходило обыкновенно в 1861 г., реже в 1862 г.; кое-где позже: в одной дер. Знаменской вол. Данковского у. – в 1868 г., в другой – в 1872 г.; в д. Семичастной Ивановской вол. – в 1879 г.

В очень многих уездах найдется по несколько (иногда 1–2 десятка) общин, сохранивших до наших дней крепостную, тягловую разверстку земли. Это или очень мелкие общины, или характеризующиеся малым наделом и большой чересполосностью земли, при которой принятие душевой разверстки слишком раздробило бы поля; или такие, где принятие душевой разверстки почти не изменило бы существующего распределения земли, а между тем требует ломки меж и т. д.

Где земля легко выносила бремя платежей (часть черноземной полосы) или если доходность ее несколько и отставала от платежей, но где общинные распоряжки были почти неизвестны по немногочисленности государственных крестьян-общинников (например, в *Херсонской* губ.), там раз установленное распределение земли сохранилось надолго. Крестьяне прилежно занимались хозяйством, не искали других заработков и потому не бросали земли. Участок умершего члена общины охотно брался его родственниками, немногие отправлявшиеся на сторону легко находили желающего снять их участок в аренду. На общество поступали лишь немногие наделы совершенно выморочные или переселенческие, не пристроенные самими хозяевами, и таковые или сдавались обществом в аренду, с обращением дохода в мирскую кассу, или обращались под выгон, общественную запашку и т. п., или передавались безземельным и малоземельным крестьянам, солдатам и т. п., или обращались на призрение малосильных членов общества; в крайнем же случае, когда общество неохотно брало на себя свободные наделы, оно передавало их безземельным желающим заняться хлебопашеством¹. Таким образом, обществу приходилось очень мало регулировать раз установленное распределение земли, и внутриобщинные отношения по земле складывались независимо от мира, на почве личных столкновений, индивидуальных интересов, частного права. Такое состояние не благоприятствовало развитию общинного духа; общинный инстинкт (насколько таковой существовал у крепостного крестьянина), общинная мысль не имели импульсов к работе; частная инициатива и самостоятельность по отношению к земле получили широкое развитие. Фактически крестьянин-общинник распоряжался землей как своей собственностью: она переходила по наследству, иногда завещалась, даже продавалась, и общество санкционировало подобные сделки или смотрело на них безучастно. В общине развивались отношения, подобные тем, какие обычны для

¹ При высокой оценке земли для выкупа в *Александрийском* и *Тираспольском* уездах общества тяготились наделами выморочными и лиц, отказавшихся от земли, и за немногими исключениями (*Тираспольск. у.*), когда они наваливали такие наделы силой на зажиточных домохозяев, они отдавали их лицам, изъявившим желание пользоваться ими (преимущественно посторонним), после чего общество не вмешивалось в распоряжения земель, и участки отдельных лиц свободно переходили из рук в руки.

крестьян с подворно-наследственным владением, существующих во многих местностях центральной черноземной полосы и не оставшихся без влияния на склад жизни соседних крестьян-общинников, преимущественно бывших помещичьих. Фактически здесь как будто бы нет общины, и в Сборнике по *Одесскому* уезду, например, описанная форма землевладения так-таки и названа подворным владением. «Общину» здесь наблюдатель видит пока только на бумаге, и потому исследователи (например, *Курской* губ.) считают описываемое состояние фактически подворным владением. Но есть случаи, где и юридическое основание «общины» рушится: постановляется приговор о формальном разделении мирской земли на подворные участки и общинное владение превращается в частное¹.

Дальнейшее наблюдение показывает, однако, что определение формы землевладения уставной грамотой было не единственным признаком общины в случаях, о которых мы говорили. Оставались еще внутренние, психические ее основы, долго спавшие, но при известных условиях, наконец, пробудившиеся и вызвавшие работу мысли крестьянина в направлении, более или менее выгодном для общинного принципа. Прежний тихий, спокойный и, по-видимому, естественно и беспрепятственно развивавшийся процесс индивидуализации собственности прерван сознательной борьбой разных направлений. Вдруг оказалось, что, когда сознанию крестьянина представился вопрос о дальнейшем существовании описанных порядков, во многих общинах явились лица, настаивавшие на их прекращении, требовавшие регулирования доселе свободного перехода земель из рук в руки и думающие даже о переделе земли. Число этих лиц постоянно росло, и в настоящее время в одних общинах описанного разряда идет упорная борьба общинников и подворников, в других последних почти вовсе не находится, и вопрос заключается в том – делить ли землю теперь или ждать ревизии. В той же самой *Херсонской* губернии, при начале исследований которой (в 1882 г.) земские статистики видели только подворное владение (при ближайшем знакомстве они хотя и отрешились от такого взгляда, но тем не менее среди помещичьих крестьян все-таки не находили никаких намеков на идею равенства), в последние годы обнаружилось стремление к переделам земли среди бывших помещичьих крестьян (см. *Херсонский* уезд).

Словом, поставленный перед лицом сознания вопрос о форме владения землей начал разрешаться крестьянами совсем не в том направлении, в каком его рисовало наблюдение фактических отношений. Критика существующего не остановилась и перед формальным правом: требование передела раздалось и в тех селах, которые юридически установили у себя подворное владение; а нашлись и такие подворники, которые вовсе отрицали

¹ Смотри об этом главу IV.

свой переход от одной формы владения к другой, несмотря на то, что этот переход санкционирован формальным приговором.

Есть другой ряд местностей или отдельных общин в областях, только что нами рассмотренных, где общинная мысль только что освобожденного крестьянина была вызвана к живой деятельности и поземельные отношения развивались в духе общинности, а не индивидуализма. В таких местностях находилось много селений, где несоответствие платежей с доходностью надела не позволяло крестьянам разрешить вопрос о распределении земли простым принятием готовой системы разверстки (ревизской), надолго избавлявшей их от необходимости допустить вмешательство в поземельные отношения мира с его специальными правами и особыми воззрениями. Здесь нужно было придумать новые системы разверстки и нередко, кроме того, постоянно следить за сохранением установленного равновесия между платежами и состоятельностью каждой семьи и своевременно вносить в него нужные поправки. Для этого здесь были приняты более или менее частые, местами ежегодные, свалки-навалки земли – прием всего или части надела от ослабевших семей и передача его таким, состоятельность которых увеличилась. По степени вмешательства мира в поземельные отношения, рассматриваемые местности (вернее – общины) можно разделить на несколько разрядов.

Почти всюду влияние ревизского начала выразилось тем, что общинная земля стала измеряться ревизскими наделами. Пытаясь распределить землю между семьями по ревизским же душам, община иногда наталкивалась на отказы некоторых хозяев от всей или части следуемой им земли¹. При небольшом числе таких отказов община не изменяла принятой системе, а либо сокращала соответствующим образом число разверсточных единиц, либо передавала свободные наделы другим хозяевам, либо обращала их в мироплатимые. Если же число отказавшихся было велико (что зависело, главным образом, от доходности земли) или и без отказов община видела, что ревизское распределение земли не соответствует обстоятельствам дела, – названных средств оказывалось недостаточно и приходилось допускать более значительные поправки к ревизской разверстке. Община не отказывалась совершенно от этой разверстки, но наряду с элементом ревизской души вводила другой элемент – состоятельность семьи уплачивать подати, ее способность (силу) управиться с землей, которую никто не возьмет в аренду за подати. Таким образом, возникли системы разверстки с большим или меньшим отступлением от ревизской, вплоть до таких, где эта единица совершенно отсутствует, и

¹ В *Елецком* у. главной причиной отказа была тяжесть издельной повинности, так как принятие ревизской разверстки очень часто совершалось до перехода крестьян на оброк, после размежевания крестьянской земли с владельческой. В *Трубчевском* у. причина отказов заключалась в плохой почве надела; в *Раненбургском* у. – в большинстве случаев в малопродуктивности земли, редко – в тяжести издельной повинности и т. д.

земля разверстывается «по силе», по работникам и т. п. Иногда такая система принимается сразу, иногда же община проводит ревизскую разверстку, но впоследствии, встречаясь с постоянными отказами от земли и накоплением недоимки на слабых семьях, она переходит к другой системе или сразу, или постепенно, незаметно, путем из года в год повторяющегося переложения наделов со слабых семей на сильные.

В *Елецком у.*, например, в большей части общин отказы от земли были так незначительны, что мир не нашел нужным изменять ревизскую систему, справившись с ними теми средствами, о которых мы только что говорили. Поэтому разверстка земли «по силе» встречается здесь всего приблизительно в 10% общин помещичьих крестьян. В *Трубчевском уезде*, вследствие плохой почвы, отказов было больше и охотников брать на себя лишние наделы отказавшихся находилось мало, поэтому брошенную на мир землю очень часто приходилось наваливать на состоятельных крестьян силой, и разверстка земли «по силе» встречается уже у 20 общин¹.

«Подушное отведение земли и платежей помещичьим крестьянам *Шацкого у.* внушило им ложное убеждение, что они должны верстаться землей и платежами не иначе, как по ревизским душам», между тем как незначительный и недоброкачественный надел не окупает платежей, и потому разверстка по душам должна была вести к накоплению недоимок и уместнее была прежняя, тягловая. Результатом этих двойных соображений и расчетов явилась следующая система разверстки: земля была разбита по числу ревизских душ; приступая к ее распределению между семьями, мир принимал во внимание общее число работников, и оказалось, что на одного приходится 2 ревизских надела; все те семьи, у которых на одного работника приходилось именно столько ревизских душ, и получили наделы по числу последних, те же семьи, у которых относительно было больше или меньше ревизских душ, получили наделы не по числу последних. Но не все семьи получили в каждой общине одинаковое число наделов и на работника: состоятельные семьи, по своей воле или по настоянию мира, брали на себя лишний надел, бедные освобождались и от того числа наделов, какое им следовало по числу работников.

В *Вяземском у.* после воли к ревизской разверстке земли от тягловой перешло около $\frac{1}{3}$ общин бывших помещичьих крестьян. При этом всякий общинник имел в виду захватить на свою долю по возможности больше земли,

¹ Особенно много случаев разверстки земли «по силе» в Прольсовской вол., где из 29 общин бывших помещичьих крестьян всего в 5 не было случаев отказа от земли. «Так как случаи отказов крестьян от своих наделов относятся преимущественно к 60-м гг. и лишь немногие – к началу 70-х гг., то крестьяне этой волости не помнят, в какой семье сколько чистился ревизских душ, не помнят действительного числа случаев отказа от наделов». Тем не менее при переписи 1886 г. удалось констатировать 248 душевых наделов, перешедших к другим владельцам, отчасти потому, что прежние их владельцы обмерли, и преимущественно потому, что последние бросили их на мир.

не справляясь ни со степенью нужды в ней, ни с возможностью обработать, ни с качеством угодий. Скоро, однако, оказалось, что обработать землю и уплатить за нее подати многим оказывается не под силу, и мало-помалу семьи начинают отказываться от всего или части взятого угодья. Это вынуждало общества практиковать разные средства распоряжения такими наделами: оно запускаяло их под покос, сдавало в аренду за пониженную плату и, наконец, изменяло ревизскую единицу разверстки, или возвращаясь к чистой тягальной, или принимая смешанную, при которой основание передачи земли изменяется чуть не с каждым отдельным случаем, смотря «по человеку», «по нужде», «по согласию». Бросание земли в первое время после воли было настолько общераспространенным явлением, что из 600 с лишком общин уезда найдется едва сотня, сразу установившая твердые поземельные порядки. В остальных неизбежны были свалки-навалки душ, в громадном большинстве общин производившиеся ежегодно.

У помещичьих крестьян *Рязанского у.* при крепостном праве практиковалась тяговая разверстка, причем тягло состояло обыкновенно из мужа и жены, а иногда и из подростка. Помещик накладывал на тягло оброк или барщину, а «наше дело тогда, – говорят крестьяне, – дать тягольщику землицы, – ведь не спуста же ему тянуть тягло». По освобождении крестьян около половины помещичьих общин, расположенных по преимуществу в южной части уезда, где землей дорожат, приняли ревизскую разверстку земли, другая часть – разные формы разверстки по силе. К последней перешли и те общины, которые приняли ревизскую систему, несмотря на малую доходность надела; переход нередко совершался постепенно, путем распределении между семьями наделов, брошенных ослабевшими членами общины¹.

В Кошачковской волости *Казанского у.*, по освобождении от крепостной зависимости, крестьяне распределили было между собой землю по ревизским душам, но по причине несоответствия платежей доходности земли вскоре должны были допустить к душевой разверстке поправки, а некоторая часть общины приблизилась к тяговой системе, давая по две «земельные души» на работника. В *Московской губ.* насчитывается около 800 общин бывших помещичьих крестьян, сначала принявших ревизскую разверстку, а впоследствии принужденных перейти к тяговой.

Мы сейчас видели, что несоответствие платежей с доходностью надела привело не только к устранению ревизской разверстки земли, но и к введению периодически повторяющегося изменения распределения земли между семьями. Это изменение практиковалось не в одних только общинах, приняв-

¹ Крестьяне *Тамбовского у.* первоначально приняли ревизскую разверстку с тем ее дополнением, что слабосильные семьи получали меньше земли, чем следовало по числу ревизских душ; состоятельным же крестьянам, по их собственной воле или против ней, давались наделы, сообразуясь с их рабочим составом.

ших неудобную систему разверстки, где его смысл заключался в постепенном приспособлении последней к общим экономическим условиям места и времени, но совершалось и в многих общинах, разверстывавших землю «по силе», и имело здесь целью восстанавливать равновесие между размерами земельного участка семьи (и, следовательно, платежей, на ней лежащих) и экономической ее состоятельностью, нарушенное изменениями семейного состава и другими обстоятельствами, так или иначе отразившимися на благосостоянии крестьянина. В других случаях необходимость периодического вмешательства мира в поземельные отношения членов общины вызывалась накоплением на общине «пустовых», «мироплатимых» душ – наделов, бросаемых на мир лицами, оставившими родину для того, чтобы поискать счастья на стороне. Таких пустовых душ особенно много в Самарской губернии. В массе общин они составляют сущее бремя для крестьян. «Некоторые общины *Бузулукского* у. ждут как светлого праздника того момента, когда к ним явятся переселенцы и сядут на пустовые души». «В иных общинах *Самарского* у. из-за пустовых душ нередко происходят драки, так как никто не хочет их брать». Эти-то пустовые души очень часто периодически раскладываются миром на всех или только на зажиточных домохозяев.

Таким образом, в группе общин, более или менее изменивших ревизскую разверстку земли, мы имеем такие, где этим надолго и ограничивалась общинная самодеятельность, и дальнейшее развитие поземельных отношений совершалось при слабом вмешательстве мира, выражающемся распоряжением немногими мироплатимыми наделами, разрешением споров между лицами, требующими возврата наделов (ревизских), от которых они когда-то отказались, и теми, кто пользовался этими наделами, отведением земли отставным солдатам старой службы¹ и т. п. Но здесь же есть общины, где мир продолжал регулировать землепользование крестьян и после первоначально-

¹ Во многих общинах государственных и помещичьих крестьян *Елецкого* у., в промежуток между переделами, нужно было давать наделы николаевским солдатам, возвратившимся со службы. В большинстве случаев они нарезывались из клочков, в некоторых общинах солдатам отдавались мироплатимые наделы. Из клочков нарезались, например, наделы в помещичьих общинах Пловской Краснополянской вол. (леса им не дали, так как они не участвовали в его сбережении), Выглядове и Иванове В. Дрезгаловской вол., Архангельской и Трегубовой Соловьевской вол. Нарезка наделов солдатам среди государственных крестьян имела место в общинах: Мягкой (из клочков) и Измайловской (25 солдатам) Предтеченской вол., Рус. Черновки (13 наделов) и Курдюкове (5 наделов) Черновской вол., Хитрове (12 солдатам) Стегаловской вол. В большом с. Казаки (Казацкой вол.) наделы возвращающимся кантонистам нарезал из клочков по очереди каждый из 30 десятков (60 ревиз. душ), на какие при переделе разделилась община; всего таким образом здесь было нарезано с ревизии до коренного передела в 1883 г. 26 наделов. В д. Елизаветовке Красносельской вол., Русской и Малорусской Черновках Черновской вол. солдаты получили выморочные наделы; в д. Самохвалове (той же волости) безземельному николаевскому солдату вырезано $\frac{3}{4}$ десятины бесплатно на 6 лет. В *Трубчевском* у., в Прольсовской вол., возвратившиеся со службы солдаты получили наделы в помещичьих общинах Салтановки (в 1871 г.), Глиной (1886 г.) и т. д. Указанное явление наблюдалось и в других уездах, сверх поименованных.

го распределения наделов, сделанного им после реформы. В этом отношении в истории общины нужно различать два периода.

В первое время свободного состояния, когда замена барщины оброком и выкупными платежами потребовала от крестьянина наличности денежных средств, достать которые было нелегко; когда сокращение помещичьей запашки, как результат реформы, позволяло крестьянину получить в аренду пахотную землю дешевле платежей, какие он нес за надел, – в это время в местностях с не особенно хорошей почвой отведенный крестьянину надел, за который нужно было много платить, был ему в тягость, и он пользовался всяким представившимся случаем, чтобы отказаться от лишнего участка. Сказанное вызвало, как мы говорили, часто практикующуюся свалку-навалку душ, характеризующуюся тем, что свалка земли, т. е. отказ общинника от известной доли своего участка, был добровольным актом, а навалка, т. е. прием лишнего участка, часто был обязателен. С течением времени, по мере того как поднятие цены хлеба увеличило доходность надела, а размежевание населения, возвращение на землю крестьян, ушедших когда-то на сторону, и возобновление владельческой запашки отразились на арендовании чужих угодий трудностью достать требуемое количество земли и повышением арендной за нее платы, когда, наконец, окончательная уплата дополнительного к выкупному платежу понизила сумму повинностей, лежащих на наделе, – в это время отношение крестьян к наделной земле существенно изменяется, отказы от нее постепенно сокращаются, требования растут.

Практиковала ли община свалку-навалку или нет, – в обоих случаях многие из крестьян, отказавшихся от земли при оставлении тягловой разверстки, или, чаще, их дети, с изменением хозяйственных условий, опираясь на понятие ревизской души, «стали искать родовую землю, требовать отцовские наделы». Те хозяева, которые пользовались их участками, отказывались возвратить, ссылаясь на то, что они платили за них в то время, как земля была дешева, а повинности высоки. Но потому ли, что продолжительное пользование уже вознаграждало их за прошлые расходы, и мир считал справедливым наделить землей детей лиц, отказавшихся от нее; по спутанности ли правовых воззрений крестьян и мысли, что по закону требующие права, иногда же благодаря вмешательству волостного суда – в некоторых общинах ревизские наделы были многим возвращены; в других – требование их привело к переделу земли по ревизским душам или по наличным; в третьих – дело пока находится в неопределенном положении и может кончиться либо возвращением некоторых наделов, либо общим равнением земли.

В *Мценском* у. возвращение наделов имело место в нескольких общинах; требование этого возврата в д. Б. Думчиной привело к переделу земли в 1885 г.

по ревиз. д.; в 1886 г. составлен приговор о переделе по наличным душам м. п., начиная от 3-летнего возраста. В *Трубчевском* у. крестьяне, требовавшие возврата отцовских наделов, в некоторых общинах получили удовлетворение. Так, в с. Горице Красносельской волости, благодаря таким возвратам, вместо разверстки земли «по силе» установилась разверстка по ревизским душам; в Пролысовской волости в 7 обществах возвращено назад 62 надела. Но в других общинах возврату земли противятся хозяева, которые завладели ею, или даже весь мир: «много выплачено за нее – обидно отдать свои труды». Это наблюдается, например, в 2 общинах Уруччинской вол. (с. Мякишево и сложная община Уручья и Журавлей) и в 4 общинах Пролысовской вол. (д. Сидоровка, Зелепучево, с. Салтаново, с-цо Алексеевское). В с. Алешинке (б. Страховой) этой волости крестьяне так теперь дорожат землей, что мир отобрал у отдельных крестьян чужие наделы и сдает их в аренду за повинности и 5 руб. «верхов» на каждый надел; здесь же возвращено старым владельцам 30 наделов. Отказы от земли и последующие требования ее возвращения встречались и в государственных селениях Трубчевского у., и некоторые хозяева (в Городце, Барачевке) добились этого возвращения, наделы других (в названных селах, а также в Козловке) находятся еще в чужих руках. В Чертовичах Красносельской вол. при разверстании земли по ревизским душам (в 1858 г.) община не допускала отказов от земли, и те крестьяне, которым тяжело обрабатывать доставшийся им участок, должны были сами передавать лишнюю землю другим; хотя такая передача совершалась на срок, но тем, кто в последние годы пожелали вернуть сданные наделы, приходилось обращаться для этого к общественным приговорам и волостному суду; многие наделы еще не возвращены. Передача земли на мир не допускалась при X ревизии и в с. Бородине Красносельской вол., и участие общины выразилось в том, что она передала эти наделы желающим пользоваться ими до времени, когда подрастут дети отказавшихся: впоследствии все эти наделы и были возвращены по принадлежности. В удельной д. Копылиной Уруччинской вол. в 1881 г. были тоже возвращены наделы лиц, когда-то бросивших землю и ушедших на сторону.

Возвращение наделов прежним хозяевам или их детям в Елецком у. имело место, например, в помещичьих общинах: Роговой В. Дрезгаловской волости (в 1878 г.), Кудеяровой Предтеческой (в 1885 г.), в д. Никольской Афанасьевской вол., Екатериновке и Красной Богато-Платовской вол., Озерках Воронежской вол., Дмитровской Сергиевской вол. (в 1884 г.), Петропавлове Краснополянской вол. (в 1883 г. снят надел с крестьянина и передан сироте, родители которого отказались от земли). В д. Троицкой Казацкой вол. мир не хотел возвращать в 1880 г. надела хозяина, отказавшегося от него в 1864 г., и переданному другому общиннику; но внуки отказавшегося вернули землю при посредстве волостного суда. В д. Самохвалове Краснополянской вол. требование наследника-

ми наделов, от которых отказались их родители, привело к новому переделу земли по ревизским душам с прибавлением 4 новых душ наследников. В других общинах мир отказывает возвратить назад наделы, от которых когда-то крестьяне отказались. Это имеет место, например, в д. Каменке-Чичеринке Ястребинской вол., Белевце Соловьевской вол. (в конце 70-х гг.). В первой из них наделы, от которых когда-то отказались 2 домохозяина, 2 года пустовали и, наконец, были взяты миром на себя; во второй эти наделы разверстаны между всеми. В с. Ястребин Колодезь Ястребинской вол. отказавшиеся от земли требуют или ее возвращения, или передела по наличных душам.

В *Тамбовском у.* есть помещичьи общины, где отказавшиеся от земли требуют ее возвращения, и в одной это повело к восстановлению ревизской разверстки земли.

В *Раненбургском у.* в Ивановской вол., где в 6 общинах с ревизской разверсткой и 2 наличной (по душам 1861 г.) в первые годы воли практиковались отказы от земли и свалка-навалка душ, впоследствии отказавшимися членами потребовано возвращение наделов, что и было ими достигнуто в 5 общинах при помощи волостного суда. Из с. Сергиевского (помещ.) в 1863 г. переселилось 300 ревизских душ, наделы которых общество «определило» наиболее исправным хозяевам; теперь огромное большинство переселенцев вернулось, но общество наделов им не возвращает. В других общинах той же Сергиевско-Шереметьевской вол. совершается нечто подобное же.

В *Славяносербском у.* во многих общинах, в первое время после реформы, практиковалась свалка-навалка душ и передача свободных наделов дворовым и посторонним; с течением же времени, когда земля подорожала или крестьянские платежи стали уплачиваться арендной платой за землю, сданную под разработку каменного угля (преимущественно, кажется, в 80-х гг.), ревизская разверстка в большей части случаев восстановлена; в других (у дарственников после уничтожения подушной подати) идет агитация об ее восстановлении; в третьих же наделы оставлены за посторонними (Петровка); в Сокольниках наделы хотят оставить за посторонними, владеющими землей 15–20 лет и уплатившими дополнительный выкуп; те же посторонние, которые получили землю всего лет 5 назад, были лишены надела.

В *Вяземском у.* требование ревизскими душами наделов, от которых когда-то отказались, основано на соображении, что «земля дана только на ревизские души, а на новые – даже на работников, не попавших в ревизию, земли нет». Некоторые общины ввиду этих требований переходили к потягальной от ревизской разверстки.

Изложенное изменение хозяйственных условий, результатом которого было требование крестьянами наделов, брошенных ими когда-то, отрази-

лось и на свалке-навалке. В общинах, где она практиковалась, она начинает сокращаться в размерах и изменяет свой характер. Отказы от земли становятся все реже и реже, и взамен их являются требования надела со стороны хозяев, семейный или рабочий состав которых увеличился. Таким образом, в противоположность недавнему прошлому, навалка, т. е. прием земли кем-либо из членов общины, получает добровольный характер, а свалка ее, т. е. уменьшение семейного участка, производится обязательно. Прежние частные коренные переделы (так называется еще свалка-навалка душ) имели целью равномерное распределение между всеми тягостей, связанных с владением земель; теперешнее – такое же распределение выгод землевладения. Сообразно изменению характера свалки-навалки, изменяется и ее система. Прежние частные переделы производились главным образом по силе семьи, по работникам, подросткам, т. е. по производительной норме; настоящие, имея целью удовлетворение потребности семьи в пропитании, клонятся к совершению по потребительной норме.

Описываемое превращение произошло в разных общинах в разное время, и есть немало общин (с плохой почвой), где оно до сих пор не закончено и где свалка-навалка сохраняет древний характер. С другой стороны, частные коренные переделы для уравнивания выгод, связанных с землевладением, издавна существуют во многих таких общинах бывших помещичьих (и государственных) крестьян, где надел всегда окупал платежи. Поэтому в настоящее время мы можем встретить общины, где свалка-навалка душ производится более часто и менее часто, по производительной и потребительной норме, и наконец такие, где она прекратилась – потому ли, что сила находится в руках хозяев, владеющих большими участками, что мир считает справедливым оставить за ними на время землю в видах вознаграждения за потери, связанные с пользованием наделом в то время, когда земля наваливалась силой; или, наконец, потому что пришло время удобрения почвы, лучшей ее обработки и т. п., а частные переделы мешают удовлетворению этого хозяйственного требования.

Так как надел помещичьих крестьян *Моршанского* у. не окупал платежей, то принята была разверстка земли (ревизских наделов, полученных общиной) по работникам мужского пола (обыкновенно приходилось 2 ревизских надела на работника), дополняемая другими признаками состоятельности семьи нести большую или меньшую долю платежей (налагаемых здесь, как и везде, на землю), от размера которых зависел и размер наделаемого участка. Строго определенной системы при этом не практиковалось, мир прибегал к соглашениям и понуждениям и таким образом успевал разверстать между всеми землю, которую мало кто брал охотно. В первое

десятилетие после реформы уравнение в землепользовании крестьян Моршанского уезда (а с ним и жеребьевки) в огромном большинстве общин совершалось ежегодно, в очень немногих – через 2–4 года. Впоследствии, когда земля подорожала, дополнительный платеж за нее внесен, предложение в аренду частновладельческих земель сократилось – крестьяне стали дорожить наделами, не отказывались от части земли при уменьшении числа рабочих в семье. Но зато на равнении стали настаивать те семьи, рабочий состав которых увеличился. Старые владельцы требовали сохранения за ними наделов, которые они оплачивали, когда земля того не стоила; большинство поняло, что и частые жеребьевки, естественный результат свалки-навалки душ, вредны. И вот хотя в настоящее время чуть ли не во всех общинах ежегодно бывает «поравнение душ», но, в противоположность прежнему времени, оно касается самого незначительного числа семей, слишком уж нуждающихся в земле или несостоятельных в уплате податей, и не сопровождается жеребьевкой. В первое десятилетие по освобождении крестьяне *Шацкого* уезда довольно строго держались правила разверстывать землю по работникам и ежегодно производили ее перераспределение. Впоследствии же, когда земля вздорожала, росло число домохозяев, противящихся переверстке, богатые и влиятельные добивались оставления за ними прежнего числа наделов, хотя бы рабочий состав их изменялся, и в настоящее время наделы обыкновенно снимаются лишь с обесилевших дворов, и передача их другим уже не сопровождается жеребьевкой.

Крестьяне *Кирсановского* уезда в первое время свободного состояния распределяли землю (считая ее ревизскими наделами) «сообразно рабочим силам семейств, сообразно их состоятельности оплачивать то или другое число душ». «Эта разверстка в большей части общин претерпевала и претерпевает много частных изменений»; с несостоятельных к платежу наделы снимаются и отдаются другим семьям; начинают требовать землю те, у кого подросли мальчишки, ссылаясь на то, что они записаны в ревизии, и сельских сход по возможности старается дать всем удовлетворение. Некоторые общины *Тамбовского* уезда раньше ежегодно практиковали свалку-навалку душ.

В *Раненбургском* уезде (в волостях: Карповской, Ивановской, Гагинской, Троицкой) и *Данковском* (в волостях: Хрущевской, Остро-Каменской, Спешневской, Ивановской, Одоевской, Знаменской) найдется по 15–18 общин, где при ревизской или наличной (по душам 1861 г.) разверстке земли в первые годы после реформы практиковалась свалка-навалка душ: прием наделов от ослабевших хозяев и передача зажиточным, «новым» работникам по их доброй воле или насильно. Изредка (например, в с. Гагине волости того же имени Раненбургского у.) свалка-навалка имела целью удержи-

вать распределение земли между семьями по работникам, которыми было заменено тягло как единица разверстки.

В *Новооскольском* у. в 3–4 общинах помещичьих крестьян Троицкой вол. прежде снимали наделы с недоимщиков и передавали, нередко насильно, зажиточным крестьянам; теперь свалка-навалка сократилась.

Почти все помещичьи общины *Саратовского* уезда тотчас по освобождении от крепостной зависимости приняли ревизскую разверстку земли (взамен тягловой). Но так как в большей части общин надел не окупал платежей, то уже в первое время новых порядков, а особенно по мере того как освобождались наделы, вследствие смерти домохозяина или ухода его на сторону, явился вопрос об обеспечении правильного поступления платежей, о поправках к принятой системе развертки земли. Это и было достигнуто введением свалки-навалки душ по работникам или по материальной силе домохозяев. Свалка-навалка до известной степени сохранилась и после того, как земля стала окупать платежи, или же в последнем случае община уравнивала распределение земли между своими членами при помощи общих, а не частных переделов. Что же касается общин, где надел всегда окупал платежи, в некоторых из них (преимущественно б. государственных) свалка-навалка тоже существовала, но уже не столько для обеспечения правильного поступления платежей, сколько для уравнивания землепользования небольшого числа семей, очень отклонившихся в ту или другую сторону от средней нормы. В *Хвалынском* уезде до 1861 г. помещичьи крестьяне владели землей по тяглам; в некоторых деревнях неженатые парни получали $\frac{1}{2}$ тягла. По своем освобождении крестьяне, увлеченные желанием скорее покончить с прошлым, в большей части селений приняли ревизскую разверстку; в меньшей их части, где земля далеко не окупала платежей, принята разверстка по работникам мужского пола. Так как ревизская разверстка не соответствовала доходности надела во многих общинах, принявших ее в 60-х годах, и привела к накоплению недоимок, то в 70-х годах обнаруживается возвращение к разверстке земли по работникам или сразу, или, что чаще, постепенно и даже незаметно для самого общества, – путем скидки и накидки пустовых душ. Это происходило, например, таким образом, что освободившиеся наделы сначала накидывались на неревизских подростков зажиточных семей, а потом, когда надел стал окупать платежи, к обложению привлечены были все подростки и образовалась так называемая дробная разверстка земли, при которой землю получают как взрослые работники, так и (в меньшем размере) подростки. Вновь возникшие системы разверстки, при которых надел давался члену общины по достижении им известного возраста, требовали частых, даже ежегодных свалок-навалок душ. В 80-х гг. цена земли поднялась настолько, что образовалось значи-

тельное превышение дохода от надела над платежами. Это заставило хозяев держаться за свои участки и противиться их уменьшению, вследствие чего частые переделы становятся реже или вовсе прекращаются.

Во многих общинах помещичьих крестьян *Славяносербского* у. свалка-навалка, практиковавшаяся в первое время после реформы, в конце 70-х (иногда начале) и в 80-х гг. прекратилась, причем в некоторых общинах произошло даже возвращение к ревизской разверстке, первоначально принятой во всех общинах. До 1879 г. свалка-навалка выморочных душ практиковалась и в государственной общине, в Нижнем.

Мы видели, что в *Вяземском* уезде в первое время после реформы, по причине бросания наделов на мир, в большей части помещичьих общин практиковались частые свалки-навалки душ. Вскоре, однако, обстоятельства изменились. «Тогда как первое десятилетие после воли характеризуется почти повсеместным бегством от земли, второе десятилетие сказывается стремлением прямо противоположным. 10–15 лет назад бросание наделов начинает мало-помалу прекращаться, бросившие наделы возвращаются к земле, просят о возврате или прибавке надела. А между тем “хозяйственный” мужик, удержавшийся на позиции во время бегства “маломочных”, “сподобивший землю”, плативший за нее тяжелые платежи первых лет, естественно, не расположен снова “бунтовать” землю переделами, отдавать задаром свои “сподобленные” полосы. Идут споры, разверсточные основания изменяются с целью удержать землю за тем же дворами, к которым она попала в первое десятилетие». Результатом этого движения явилось сокращение частных коренных переделов и, если нужно, достижение перераспределения земли общими переделами и введение разверстки земли по «хозяйственной силе» дворов (взамен разверстки по рабочим), как представляющей большую устойчивость и потому не требующей частого перераспределения наделов.

Мы видим, что в разряде помещичьих крестьян была масса общин (местами разбросанных, местами занимающих целые уезды), где после реформы шла живая общинная жизнь, смысл которой заключался в облегчении населению безнедоимочной уплаты тяжелых повинностей, лежащих на земле; это достигалось частыми свалками-навалками душ. Постепенно, однако, отношение между доходностью надела и платежами изменилось в пользу доходности, и свалки-навалки по производительной норме потеряли смысл. Впрочем, такая перемена не повела к немедленному уничтожению свалок-навалок; частные переделы продолжались, хотя совершаясь реже и постепенно принимая потребительный характер. Этим они несколько удовлетворяли другой потребности, назревавшей в общине, – потребности приведения размеров семейных участков в соответствие с числом едоков;

но для удовлетворения этой цели пригоднее другое средство – общие (а не частные) коренные переделы.

Слабая сторона частых свалок-навалок душ заключается в том, что они ведут к неустойчивости семейного участка: постоянно перенося часть земли от одного хозяина к другому, они развивают сильную и нецелесообразную чересполосицу, которая ведет за собой общую жеребьевку, имеющую целью уничтожение последней. Но при этом мене участками подвергаются уже все члены общины, а являющаяся результатом этого непродолжительность владения одной и той же полосой стесняет хозяина в деле улучшения культуры: введения удобрения, расчистки пашни из-под кустов и т. п.

Если обилие земли до известной степени в тягость крестьянину и на месте нет выгодных неземледельческих промыслов (комбинация, нередкая в районе черноземной полосы), – общине крайне трудно воздержаться от повторных жеребьевок, потому что здесь практикуются частые свалки-навалки душ с целью не допускать, чтобы тяжесть податей задавила маломощного крестьянина и ослабила платежную способность общины. Таким образом, где, благодаря высокому обложению земли, община не может отказаться от системы распределения ее по производительной норме, там естественны частые перемены в этом распределении. Подушная же разверстка земли, имеющая целью обеспечение продовольствия семьи и принимаемая общинами там, где земля дает чистый доход, может сохраняться неизменной очень долго, как потому что крестьянин приобретает средства существования обработкой не только своей, но и наемной земли, и недостаток надела может пополнять арендой или доходом от промысла, так и потому что сжатие и расширение потребления мало отражается на общем ходе хозяйства, – а известно, что крестьянин гораздо больше дорожит интересами производства, чем потребления. Нужно еще помнить, что свалка-навалка по производительной норме явилась по инициативе лиц, надел которых подлежал уменьшению, так что, как скоро эти лица склонятся к удержанию земли за собой, изменяются психологические мотивы, поведшие к частным переделам.

Итак, по агрономическим, экономическим и психологическим мотивам, с устранением несоответствия доходности земли с платежами, на ней лежащими, свалка-навалка душ, если некоторое время и продолжается, – в интересах уже скорее потребительных, нежели платежных, – то вскоре должна прекратиться, и приведение семейных участков в соответствие с нуждами потребления, насколько в общине развивается стремление осуществить это соответствие, должно совершаться путем общих коренных переделов. Такое изменение в соотношении между доходностью надела и платежами произошло в последнее десятилетие; около этого же времени потребность уравнивания возникает в общинах, имеющих хорошую почву и потому практикующих ре-

визскую разверстку земли. Таким образом, мы подошли к вопросу, составляющему злобу дня современной общины, – вопросу о регулировании миром распределения между членами общины земли как средства удовлетворения потребностей населения. В этом отношении помещичьи крестьяне движутся параллельно с государственными. Если последним редко где приходилось вносить поправки в ревизскую систему разверстки земли с целью облегчения податной тяжести для маломощных семей, то потребность приведения размера семейного участка в соответствие с нуждой в пропитании, в общем, у них назрела раньше, чем у бывших помещичьих крестьян.

Масса помещичьих общин, как мы знаем, до последнего десятилетия практиковала свалку-навалку душ, которая под конец имела в виду и интересы потребления, в таких общинах поэтому земля распределена между семьями равномернее, нежели в общинах государственных крестьян, произведших последнее равнение в 1858 г. В тех местностях, где частные переделы отсутствуют, помещичьи крестьяне приняли существующую разверстку земли несколькими годами позже государственных, и хотя это была тоже разверстка по ревизским душам, но, обыкновенно, при этом все-таки исключались некоторые умершие души и др., благодаря чему образование противоречия между числом ревизских душ и потребностью семей в земле произошло у них несколько позже сравнительно с государственными крестьянами. Отсюда следует, что в общем разряд помещичьих крестьян должен отличаться меньшей неравномерностью в распределении земли сравнительно с государственными, отчего и потребность в поправке этого распределения у них должна чувствоваться слабее.

Затем, даже в тех местностях, где земля не была крестьянам в особенную тягость, нынешние владельцы наделов в общинах помещичьих крестьян, платившие за них налоги в то время, когда они были достаточно высоки, или вынесшие дополнительный платеж за землю, тем самым как бы приобрели себе право задержать надел в своих руках дольше, чем это было бы допустимо без названного обстоятельства. Наконец, владельческие крестьяне – еще новички в общинной жизни, и все процессы развития общинной мысли должны у них совершаться медленнее. Следует еще иметь в виду то обстоятельство, что общины помещичьих крестьян меньше по величине и малоземельнее государственных, а, как мы увидим позже, многолюдность и многоземелье общины – условия, благоприятствующие переделу.

По всем изложенным причинам, коренные переделы у помещичьих крестьян, в общем, должны были наступить позже сравнительно с государственными.

Первая мысль о переделе земли по новым душам возникла среди государственных крестьян черноземной полосы в первой половине семидеся-

тых годов, т. е. после того, как со времени X ревизии (1858 г.) прошло около 16 лет, и приближалось время новой переписи, если бы таковая имела в виду. В немногих местностях южных степей эта мысль появилась раньше (уже в конце 60-х гг.) и вскоре получила полное осуществление; что же касается большей части черноземной полосы, то мысль о переделе земли в начале 70-х гг. едва зарождалась и почти не проявлялась фактически. Кое-где в это время одна-две общины в уезде совершают передел, не дожидаясь ревизии: в Казанском у. в 1871 г., Тетюшском в 1872 г., Старооскольском у. в 1873 г., Херсонском у. в 1874 г. и т. д. С начала второй половины 70-х гг. число уездов черноземной полосы, где крестьяне решаются на передел, увеличивается: в 1875 г. начинаются переделы в Моршанском уезде, в 76 г. в Свяжском, в 77 г. в Цивильском, Мамадышском, Михайловском, Темниковском и т. д.

В некоторых местностях это было выражением почти назревшего решения государственных крестьян переделить землю, не дожидаясь ревизии, что доказывается большим числом переделившихся в указанный момент общин и быстрым усилением процесса в последующие годы. Так, в *Моршанском* уезде, где в 1875 г. совершился передел в двух общинах, в 1876–1877 гг. переделались целиком 3 волости государственных крестьян, в 1878 г. – две волости и т. д. В *Михайловском* у. в 1877 г. разверстали землю по новым душам 8 общин, или $\frac{1}{7}$ общин государственных крестьян уезда, в следующем году вдвое более; в оба года совершили передел почти половина общин государственных крестьян. В *Тетюшском* уезде Казанской губ., где единичные случаи переделов прорывались еще в начале 70-х годов, в середине этого десятилетия они были в полном ходу, и в течение 1874–1877 гг. переделалась $\frac{1}{3}$ часть государственных общин уезда.

В приведенных местностях достаточно было, следовательно, нескольких лет для того, чтобы государственные крестьяне убедились в своем праве производить переделы вне ревизии и решительно приступили к самостоятельному осуществлению этого акта общинной жизни. В большинстве же местностей рассматриваемой полосы дело находилось в ином положении. Переделы в начале второй половины 70-х гг. если и встречались в том или другом уезде, то как единичные случаи, и крестьяне лишь поговаривали о необходимости «равнения» земли, со дня на день ждали «царского указа» и т. д. Но приходит новая воинская повинность, и в 1878 г. забирают в солдаты молодежь, родившуюся после X ревизии, не имеющую земли, оставляющую, таким образом, свои семьи без всяких средств существования. Этот факт несения наиболее тяжелой повинности лицами, не пользующимися землей, произвел сильное впечатление на крестьян некоторых местностей (например, *Темниковского*, *Козловского*, *Славяносербского* уезда). «И богатые, и бедные, – говорят кре-

стьяне Козловского уезда – подняли этот вопрос, особенно те, у кого было много подростков». К началу 80-х гг. сознание своего права производить передел вне ревизии получает достаточную ясность; крестьяне узнают, что случаи переделов в том или другом месте прошли безнаказанно, и в конце 70-х гг., а главным образом в 80-х гг., движение к переделам среди государственных крестьян становится явлением общим.

По отношению к коренным переделам государственные крестьяне исследованных уездов могут быть разбиты на несколько групп.

То, что мы говорили на предыдущих страницах, относится к центральной черноземной полосе; в южной же положение вопроса несколько отлично от описанного.

В *Таврической* губернии, заселенной сравнительно недавно, – где переделы земли возникли почти на глазах современников (в большинстве общин в 40–50-х годах) и не всегда совпадали с ревизией, где на глазах у всех совершался в 60-х годах переход некоторых общин от захватного владения к разверстке земли по наличным душам и т. п., – в населении государственных крестьян не мог слишком укорениться ни обычай передела во время ревизии, ни взгляд на ревизскую душу как на единственного полноправного владельца земли. Поэтому кое-где передел на наличные души совершился здесь уже в конце 60-х годов (например, в с. Берестовом *Бердянского у.* в 1866 г.); в 70-х же годах, особенно после выдачи владенных записей¹ (в старых общинах в начале 70-х гг., в новых – в конце), переделы в *Мелитопольском* и *Бердянском* уездах становятся общим явлением, охватившим чуть не все общины названных местностей. В *Днепровском у.*, где весьма много селений, образованных в 60-х гг. текущего столетия по преимуществу выходцами из Малороссии и Юго-Западного края, знавшими на родине только подворную форму владения, где значительный процент населения составляют помещичьи крестьяне и, главное, где регулирование землепользования путем переделов наступило позже (до 60-х гг. коренные переделы практиковались всего 9 из 50 общин государственных крестьян, в остальных общинах землепользование было свободно), почему и потребность в новом перераспределении земли должна была обнаружиться позднее, – движение к переделу по наличным душам запоздало и было значительно слабее: оно дало всего до 30% общин государственных крестьян, отступивших от ревизской разверстки земли; в противоположность предыдущим 2 уездам, большая часть переделов выпадает здесь не на первую, а на вторую половину 70-х годов и на 80-е годы.

¹ Момент выдачи владенных записей совпал с совершением первых переделов (между 1872 и 1876 гг.) в 11 обществах государ. кр. Мясоедовской вол. *Вяземского у.* «Как будто именно получение владенных записей и было вместо ревизии поводом к переделу; по крайней мере, в двух деревнях крестьяне говорили исследователю, что “делиться вышел указ”».

Следующая таблица, заимствованная из Памятной книги Таврической губ., показывает распределение общин государственных крестьян трех материковых уездов губернии по времени перехода (после ревизии) к той или иной разверстке земли.

Переход	Первый переход	Число переходов					Итого
		в 60-х гг.	в 70-74 гг.	в 75-79 гг.	в 80-84 гг.	в 85-86 гг.	
От ревиз. к наличн. разв.	1864 г.	9	86	32	10	—	137
От ревиз. к смешан. разв.	1873 г.	—	2	5	1	—	8
От наличн. к смешан. разв.	1880 г.	—	—	—	15	4	19
От наличн. к ревизск. разв.	1873 г.	—	1	1	20	1	23
От смешан. к ревиз. разв.	1876 г.	—	—	1	—	—	1

Вторую группу уездов составляют большей частью получерноземные или вовсе не черноземные (есть здесь, однако, и черноземные) уезды так называемой центральной черноземной полосы, населенные почти сплошь крестьянами с общинной формой владения и имеющие обыкновенно большой процент государственных крестьян. Здесь первые переделы обыкновенно совершались во второй половине 70-х гг.; к концу этого десятилетия движение значительно усилилось и в первой половине 80-х годов получило очень широкое распространение, а в данную минуту, может быть, даже охватило все или почти все общины (наши сведения относятся к первой половине 80-х гг.).

Уезд	Число общин в уезде	Число общин государственных крестьян, перешедших на новые души в течение года																	
		Неизв.	1871-1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	
Казанский	288	64	1	—	—	—	—	—	1	6	13	11	33	34	} Сведений нет				
Русские	80	18	1	—	—	—	—	—	1	2	2	3	3	7					
Татары	192	43	—	—	—	—	—	—	—	4	11	8	29	27					
Прочие (вотьяки, смешан.)	16	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—					

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Уезд	Число общин в уезде	Число общин государственных крестьян, перешедших на новые души в течение года																		
		Незав.	1871-1873																	
			1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888			
Тетюшский	209	23	1	6	28	20	12	18	19	28	11	8	5	6	5	Сведений нет				
Русские	27	2	-	-	6	2	1	5	1	2	-	-	-	-	-				-	-
Татары	103	5	1	6	12	16	9	9	10	9	8	5	3	3	3				-	-
Чуваши	43	11	-	-	6	-	-	1	4	9	1	2	2	2	2				-	-
Прочие (мордва, смешан.)	33	5	-	-	4	2	2	3	4	8	2	1	-	1	-				-	-
Свияжский	118	29	-	-	-	1	-	2	7	19	15	3	8	5	Сведений нет					
Русские	79	18	-	-	-	1	-	1	6	6	6	1	7	5				-	-	-
Татары	38	11	-	-	-	-	-	1	1	12	9	2	1	-				-	-	-
Чуваши	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-				-	-	-
Цивильский	187	-	-	-	-	-	2	6	27	47	46	25	4	7	2	Сведений нет				
Русские	4	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-				-	-
Татары	9	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	-	1	1	-				-	-
Чуваши	311	-	-	-	-	-	2	2	15	37	24	14	2	5	-				-	-
Прочие (мещер., смеш.)	61	-	-	-	-	-	-	4	12	8	17	11	1	1	2	-	-	-		
Мамадышский	292	5	-	-	-	-	2	3	1	12	9	13	37	24	14	36	69	37		
Русские	53	-	-	-	-	-	2	2	1	8	2	2	6	9	3	5	6	2		
Татары	181	5	-	-	-	-	-	-	-	2	5	11	20	11	8	24	45	29		
Вотяки	21	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	5	-	1	1	9	3		
Прочие (черем., смеш.)	38	-	-	-	-	-	-	1	-	1	2	-	6	4	2	5	7	3		
Лаишевский	124	3	-	-	1	2	4	2	7	10	16	14	12	13	3	6	3	6		
Русские	20	2	-	-	1	2	2	-	-	-	-	-	1	1	-	1	-	1		
Татары крещенные	13	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	5	2	-	-	1	1	-		
Татары некрещенные	70	1	-	-	-	-	1	2	1	10	14	7	8	12	3	2	1	5		
Смешанные	21	-	-	-	-	-	1	-	5	-	1	2	3	-	-	2	1	-		
Михайловский	62	-	-	-	-	-	8	17	9	4	8	2	1	3	10	Свед. нет				
Темниковский	60	-	-	-	-	-	1	17	2	2	2	Сведений нет								
Шацкий	21	-	-	-	-	-	1	-	6	5	Сведений нет									
Моршанский	63	-	-	-	59						Сведений нет									
Спасский	80	-	-	-	-	-	-	75				Сведений нет								

В черноземных уездах той же полосы, равно как и в некоторых уездах южной и восточной степной полосы, движение к уравниванию отстало на несколько лет: первые переделы появились обыкновенно в 1880–1881 г. (иногда в 1879 гг.), а к половине этого десятилетия значительное число общин перешло к разверстке земли по наличным душам, причем некоторые уезды по числу переделившихся общин стали выше многих уездов предшествующей группы. Таков, например, *Бахмутский у.*, где переделы начались, по видимому, с 80-х гг. и в 4–5 лет охватили огромное большинство обществ государственных крестьян уезда.

	В течение	Передел	Общин государственных крестьян
В Козловском у.	1880–81 гг.	34	из 130
В Кирсановском у.	1880–83 гг.	31	59
В Усманском у.	1880–83 гг.	65	127
В Тамбовском у.	1879–84 гг.	57	180
В Липецком у.	1880–83 гг.	12	77
В Лебедянском у.	1880–83 гг.	27	85
В Данковском у.	1879–82 гг.	8	22
В Богодуховском у.	1883–84 гг.	9	–
В Бугульминском у.	1881–85 гг.	57	182
В Бугурусланском у.	1885 г.	81	226
В Николаевском у.	1881–86 гг.	26	129
В Хвалынском у.	1880–85 гг.	21	74
В Тираспольском у.	1880–85 гг.	11	35
В Херсонском у. ¹	1881–86 гг.	15	70
В Воронежском у.	1881–85 гг.	57 ²	99

	Число общ. гос. кр. в уездах	Передел по новым душ. в общ. гос. кр. имел место в							
		1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887
Елецком	94	1	8	7	21	17	10	Сведений нет	
Трубчевском	66	–	5	6	2	2	Сведений нет		
Острогожском	113	–	3	8	11	29	Сведений нет		
Царевококшайском	181	2	1	1	11	4	6	1	5

¹ Первые переделы в Херсонском у. явились в половине 70-х гг., но затем в их развитии наблюдается перерыв до 80-х гг.

² Одна община совершила передел раньше по причине выселения 60 ревизских душ.

Обе последние группы местностей характеризуются обыкновенно (но не всегда) относительным многоземельем населения, большим процентом государственных крестьян и слабым развитием, если не полным отсутствием, подворного крестьянского землевладения. Но в той же полосе есть уезды с очень скученным населением и значительным распространением четвертного землевладения (например, *Курская* губ.) или такие, где разряд государственных крестьян составляет небольшую часть всего населения, а преобладающую долю его составляют помещичьи крестьяне (*Елатомский* уезд). В южной степной полосе есть местности, где группа государственных крестьян теряется среди массы бывших помещичьих крестьян и военных поселенцев, быт которых до реформы регулировался чуждой им властью и состоит к тому же главным образом из бывших помещичьих крестьян или новопоселенцев, составлявшихся из разного безземельного люда (*Одесский, Елизаветградский, Александрийский* уезды). Большинство таких местностей, равно как и некоторые уезды восточной степной полосы, находятся пока в периоде выработки идеи о своевременности коренного передела и праве общины производить его своею властью. В первой половине 80-х годов, когда производилось исследование названных местностей, здесь встречались только единичные случаи переделов; в массе же государственных крестьян совершался подготовительный процесс в виде толков о нем, споров и т. п.¹

В *Елатомском* у., где государственные крестьяне составляют небольшую часть населения, теряющуюся в массе помещичьих, о переделах по наличным душам государственные крестьяне сильно толкуют; зажиточные хозяева в некоторых общинах даже перестали удобрять землю, но к самому переделу в момент исследования еще не приступали, несмотря на то, что во всех других нечерноземных уездах Тамбовской губ. переделы у государственных крестьян были в это время в полном ходу. Такое же влияние общей обстановки заметно и на частях уездов и даже отдельных общинах. Так, в начале 80-х годов в *Козловском* у. совершены переделы у 25% общин государственных крестьян уезда. Все они расположены в северной половине уезда, в волостях, где государственные крестьяне образуют большинство населения; в южной же ее части, где преобладают помещичьи крестьяне, государственные общины (кроме одной волости) заявляют, что до ревизии делиться не станут; в *Моршанском* у. с 1875 по 1882 г. передел по наличным душам совершился во всех общинах государственных крестьян, кроме 4, оторванных от других поселений указанного разряда крестьян и окруженных помещичьими общинами. В *Белгородском* у. толки о переделе начались

¹ Впрочем, в *Одесском* у. 5 старых общин государственных крестьян перераспределили землю в конце 70-х и начале 80-х гг.; 10 новых к переделу не приступали.

во второй половине 70-х и в первой половине 80-х гг. они распространились во всех общинах уезда. В это время здесь, равно как и в некоторых других уездах Курской губ. (*Курском, Корочанском, Путивльском* и др.), были постановлены первые приговоры о переделе земель.

В некоторых уездах существуют еще бывшие военные поселяне и удельные крестьяне. Вопрос о переделах находится у них в таком положении.

В *Елизаветградском* уезде в 6 обществах военных поселян (из 59) переделы были уже несколько раз; в *Александрийском* у. переделы были у 7 общин военных поселян (из 54), в *Херсонском* у. – у 8 (из 24).

Вопрос о переделе среди обществ удельных крестьян находится в таком положении.

В *Казанском* у. из 20 общин удельных крестьян передел совершен у 2; в *Тетюшском* у. из 3 общин уд. кр. 2 совершили передел в 70-х гг.; в *Мамадышском* у. единственная удельная община приняла наличную разверстку в 1884 г.; в *Царевококшайском* у. 3 общины из 23, в *Лаишевском* – 8 из 13 переделали земли по наличным душам; в *Трубчевском* у. из 69 удельных общин перешли на новые души: в 1880 г. 3 общ., в 1881 – 2 об., 1882 – 11 об., 1883 – 4 об., в 1886 – 5 об. В *Петергофском* у. переделы у удельных крестьян появились в конце 60-х гг. и с тех пор продолжают непрерывно. Переделы почти повсеместно практикуются, между прочим, в Ораниенбаумской вол., отличающейся интенсивным хозяйством.

В общинах бывших помещичьих крестьян, которые нередко относятся к переделу так же, как государственные крестьяне последнего из описанных разрядов, идея общего передела появилась позже и развивалась медленнее сравнительно с государственными крестьянами. В местностях, где помещичьи крестьяне составляют большинство или существуют совместно с подворными владельцами (*Херсонская* губ., бол. часть *Курской*), вопрос о переделе в первой половине 80-х гг. или не поднимался вовсе, или вызывал небольшое сочувствие и вообще еще не вышел из области споров и предположений, хотя и здесь встречаются иногда общины, уже совершившие передел. В других местностях, где наряду с владельческими крестьянами существует большой процент государственных душевых с широко развившимся стремлением к переделам (уезды *Тамбовской, Воронежской, Орловской, Рязанской* губ.), помещичьи общины значительно подготовились к этому шагу и в некоторых из них (исследованных позже) обнаружено немалое число общин, перешедших к разверстке земли по новым душам¹. Наконец, есть местности, где движение

¹ Видное исключение из этого правила составляют 3 материковые уезда *Таврической* губ., где государственные крестьяне переделываются весьма охотно, помещичьи же еще не приступали к переделу. Причиной этого является, может быть, существование подворного землевладения у соседей-колонистов.

к коренным переделам среди помещичьих крестьян по своей интенсивности мало уступает движению среди крестьян государственных или даже превосходит их (*Саратовский, Рязанский, Мценский, Славяносербский* уезды и др.). Это – обыкновенно уезды, где помещичьи крестьяне широко практиковали свалку-навалку душ, приобрели таким образом привычку распоряжаться землей по усмотрению мира и легко соглашались на общий передел земли, когда пришло ему время, или даже совершали его раньше появления настоятельной надобности – при тех общих жеребьевках, какие вызывались чересполосицей, как результатом свалки-навалки душ.

Но есть между названными уездами и такие, где частные коренные переделы имели очень небольшое распространение (например, *Мценский*), откуда естественно заключить, что, помимо указанного обстоятельства, есть другие причины, благоприятствующие в некоторых случаях совершению помещичьими крестьянами общих переделов земли. Так, те же условия, которые обыкновенно ведут к часто повторяющейся свалке-навалке душ, т. е. необходимость приведения размера платежей, лежащих на семье, в соответствие с ее хозяйственной силой, могут быть причиной и общих переделов. Затем, обстоятельства, при которых происходило устройство быта освобожденного населения, в известной степени облегчали возможность появления идеи передела по инициативе самой общины. Начать с того, что та власть, которая регулировала распределение между крестьянами земли в крепостную эпоху, была упразднена, и сделалось поэтому необходимым заменить ее какой-либо другой. Эта новая власть, правда, не заставила себя долго ждать и явилась, в глазах крестьянина, в лице правительства, которое, отводя землю освобожденным крестьянам по ревизским душам, этим самым как будто определяла и момент передела, и систему разверстки земли. Но этим вопрос разрешался лишь в случае, если устройство быта крестьян произведено было быстро и если доходность земли позволяла каждому легко выносить бремя лежащих на ней платежей, почему не представлялось надобности изменять ревизскую разверстку земли. Где же устройство быта крестьян затянулось надолго – там обнаружались обстоятельства, ослаблявшие значение отведения крестьянам надела по указанию правительства и по числу ревизских душ. Так, продолжительное пребывание крестьян на издельной повинности иногда задерживало переход от тягольной развертки наделов, приноровленной к этой повинности, к ревизской; переход крестьян, разверставших землю по ревизским душам, с оброка на выкуп, весьма часто связанный с увеличением платежей, легко мог возбудить вопрос о новом переделе земли с целью лучшего обеспечения исправного поступления выкупных и дополнительных платежей; размежевание владельческих и помещичьих земель, ведущее к необходимости новой нарезки наделов в натуре, в свою очередь, способно было вызвать стремле-

ние воспользоваться этим случаем также и для количественного перераспределения земли между членами общины. Наконец, нужно иметь в виду, что сплошь и рядом при первой разверстке наделов многие крестьяне отказывались от земли, почему строгое проведение принципа ревизской души не всегда представлялось возможным. В силу указанных причин в тех случаях, когда почва земли какой-либо местности не отличалась сплошь хорошими естественными качествами, а представляла значительное разнообразие, и если устройство быта освобожденных крестьян затянулось на довольно продолжительное время – разверстка земли по ревизским душам не была произведена даже в соседних общинах одновременно, не получила всеобщего распространения, почему в сознании крестьян не могло образоваться представления о ней ни как об обязательной по существу, ни как о долженствующей осуществляться в известный, указанный правительством момент. Этим открывалась возможность возникновения среди помещичьих крестьян идеи передела по новым душам в такое время, когда государственные крестьяне были далеки от нее, вследствие чего в некоторых местностях общие переделы среди помещичьих крестьян получили более широкое распространение сравнительно с государственными.

Но и там, где государственные крестьяне идут в указанном отношении впереди помещичьих, у последних первые переделы появлялись иногда раньше, и в некоторых случаях нам ясны причины этого предварения. Так, государственные крестьяне *Данковского* у. приступили к переделам в 1879 г., а община собственников с. Нилова Одоевской вол., до 1876 г. практиковавшая свалку-навалку душ по работникам и зажиточным хозяевам, – причем земля частью бралась по охоте, частью наваливалась насильно, – совершила общий передел по наличным душам, в 1876 г. в *Михайловском* у. государственные крестьяне начали делиться с 1877 г., а помещичья община Зачасловка Окуньковской вол. перешла на новые души в 1876 г., при переселении на новые усадьбы. В *Воронежском* у. две общины помещичьих крестьян, – единственные, перешедшие на новые души, – совершили передел в 1878 г., а государственные приступили к нему в 1880 г. В *Елецком* у. государственные крестьяне начали переделываться в 1880 г., а 10 помещичьих общин перешли на новые души в течение 1868–1879 гг.

В большинстве местностей, однако, помещичьи крестьяне начали переделываться позже, да и в только что названных уездах последние скоро перегоняли первых.

* * *

В четырех уездах *Херсонской* губернии, исследованных раньше других, среди помещичьих крестьян не возбуждается вопроса о передаче и в огром-

ной большинству случаев трудно даже сказать, что у них существует община; но в пятом из исследованных уездов, *Херсонском*, уже нашли помещичьи общины, совершившие общий или частный коренной передел. Так, 2 общины каждые 3 года разделяют свой небольшой надел (1,3 дес. на ревизск. д.) на наличные ревизские души: 2 общества дают ревизским душам, «новорожденцам», уменьшенные наделы из земель выморочных (Софиевка из «умерших душ») и снятых с неплательщиков; с. Троицкое разделило в 1886 году землю на наличные души мужского пола, исключив малолеток до 5 л., отчего число наличных душ уравнилось с ревизскими; с. Осокоровцы совершило в 1882 г. передел по наличным душам, а в 1885 г. вследствие протеста 20 сильных домохозяев, поддержанных крестьянским присутствием, возвратилось к ревизской разверстке с передачей выморочных наделов крестьян, причисленных к обществу Казенной Палатой.

В *Тимском у.*, где 71% крестьян принадлежат к разряду четвертных, а остальные – почти все помещичьи, последние при вопросе, не имеют ли намерения перейти на новые души, не всегда сразу понимали, в чем дело, а затем многодушники возражали, что они получили землю по уставной грамоте в собственность и платят за нее выкуп. Споры о переделе замечены в 3 общинах; большинство и не знает о существовании права $\frac{2}{3}$ голосов. Крестьяне с. Афанасьевского Аф.-Пахомской вол. хотели бы перейти с тягол на души, да не знают – имеют ли право; сторонники передела в этом селе указывают на неравномерное качество земли у разных хозяев; передел, вероятно, скоро состоится, и крестьяне уже перестали выкорчевывать пни на полях, опасаясь, что при переделе очищенный участок перейдет в другие руки. В *Белгородском* уезде среди помещичьих крестьян попадаются лишь отдельные лица, ратующие («страстно») за передел; большинство же враждебно ему, выставляя против, что каждый выкупал свой участок. Из поселенного обзора видно, что около дюжины общин подняли вопрос о переделе и в некоторых из них передел близок к осуществлению или даже приведен в исполнение. В *Старооскольском у.* некоторые общины помещичьих крестьян Архангельской вол. поговаривают о переделе. В *Корочанском у.* вопрос о переделе среди помещичьих крестьян только что подымается; усиленные толки о нем наблюдаются в Зимовенской вол., где с 1861 по 1885 г. число разверсточных единиц уменьшилось с 4641 на 4181. В *Щигровском* уезде поднят вопрос о переделе; крестьяне не имеют ясного представления о правах общины и, в частности, о возможности передела при согласии $\frac{2}{3}$ голосов.

В *Суражском у.* помещичьи крестьяне смотрят на выкупаемую землю как на личную собственность. Впрочем, 7–8 общин совершили передел по новым душам.

Из 137 помещичьих общин *Борисоглебского* у. 15 заявляли в 1880 г. о своем желании при ревизии переделить землю; большинство же думает, что, по малоземелью и нежеланию многодушников отказаться от части своего надела, этого нельзя будет сделать; противники передела ссылаются на то, что они выкупали надел. Крестьяне высказывают недоумение, что им делать с безземельными, отправляющимися в солдаты, и выражают надежду, что им будут нарезаны наделы из казенных и иных земель. Земские статистики думают, что все это означает превращение общинной формы землевладения в подворно-наследственную. Отношение крестьян к наделной земле хорошо иллюстрируется, по мнению составителя Сборника, примером деревни Полянской, состоящей из двух маленьких общин, из которых одна, выкупающая землю, пользуется ею по ревизским душам, другая же, состоящая из дворовых, получившая даровой надел, каждые 6 лет переделывает землю по наличным душам, а в промежутке поддерживает равномерное распределение земли свалкой и навалкой душ; такое отношение к земле крестьяне последней общины мотивируют тем, что она получена ими бесплатно. В *Темниковском* у. в 1879–1881 гг. передел по наличным душам состоялся у 7 помещичьих общин; в 2 на передел согласились только с тем, чтобы старые полосы в размерах, определяемых новой разверсткой, остались за прежними домохозяевами, сохранявшими, таким образом, свои удобренные загоны. Во многих общинах идут разговоры о переделе. В с. Куликовке после приговора о переделе в праздник между пьяными противниками бывали драки; в с. Девлятровке недовольные переделом подали жалобу исправнику. В одной из переделившихся общин внесен дополнительный платеж за увеличенное, впрочем, против Положения, количество земли. Среди помещичьих крестьян *Козловского* у., за исключением одной общины временно-обязанных крестьян, в которой передел по наличным душам должен был состояться в 1881 г., пока (в 1881 г.) идут только разговоры о переделе; из отзывов о положении вопроса в 8 общинах видно, что препятствием к переделу является, между прочим, неуверенность крестьян в своем праве производить этот акт и дополнительный платеж за надел, внесенный наличными владельцами земли. В числе общин, где поднят вопрос о переделе, есть одна, приобретающая $\frac{1}{3}$ надела в собственность, уплатив сразу по 75 руб. за десятину. У помещичьих крестьян *Кирсановского* у. одной из причин стремления к коренному переделу на определенный срок служит неустойчивость землепользования, происходящая от свалки-навалки душ. Крестьяне большой общины с. Соколова (соб., 186 дв.), по получении уставной грамоты, распределили землю по работникам, когда земля подорожала, многие стали требовать надела на свои ревизские души, но мир стал распределять землю по едокам, давая 2 надела на 5 едоков и меняя раскладку ежегодно. Для прекращения воз-

никавших отсюда ссор в 1881 г. произведен коренной передел по наличным душам мужского пола сроком на 6 лет. Большинство составилось благодаря наделению отставных николаевских солдат, бывших до того времени безземельными. Всех помещичьих общин, переделавших землю, 8. В 4 волостях помещичьих крестьян *Шацкого* уезда идут разговоры о переделе земли по наличным душам, а в 3 волостях 4 общины (в 1882 г.) совершили уже передел; во всех этих волостях преобладают государственные крестьяне, и у них уже были переделы. В Казачьинской вол. переделались почти все государственные общины и из 2 помещичьих общин одна (480 дв., над. на рев. д. – 2,3 дес., на работника – 3,8 дес.) совершила в 1882 г. передел, другая подготавливается к нему. В Вановской волости единственная помещичья община на дарственном наделе (49 дв.), по примеру государственных крестьян, переделала свои угодья; в Н. Темниковской вол., соседней с предыдущими, но где был передел лишь у одной общины государственных крестьян, из 3 помещ. общин 2 (191 дв., над. 2,3 дес. в одной и 216 дв., над. 2,7 дес. в другой) осуществили передел. Помещичьи крестьяне *Тамбовского* у. сомневаются в своем праве переделывать землю, а про государственных крестьян, совершивших переделы, говорят, что у них другие права. Впрочем, сознание этого права понемногу у них выясняется и вопрос о переделе и у них уже поднят; в одной общине большинство желает передела, но ввиду протеста меньшинства не настаивает на нем; в одной (76 дв.) приговор постановлен, но не приводится в исполнение ввиду жалобы недовольных в крестьянское присутствие.

В *Воронежском* у. редкость переделов у помещичьих крестьян объясняется незнанием ими закона, и они сплошь и рядом заявляют, что если бы был такой закон, то они переделали бы свою угодья. И теперь, однако, в большинстве общин идут оживленные толки о переделе и «время от времени постановляют приговоры, не достигающие цели часто вследствие самых мало-значительных причин». Две общины совершили передел в 1878 г.

Во многих помещичьих общинах *Самарского* уезда в последнее время идут оживленные толки о необходимости передела. В *Бугульминском* у. «начиная с 1881 г. среди крестьян (всех разрядов) идет движение в пользу передела земли на наличные души». В *Бугурусланском* уезде «мысль о необходимости передела охватила в настоящее время (1885 г.) все население». В *Николаевском* у. переделы состоялись у 4 общин помещичьих крестьян.

В *Хвалынском* уезде в мелких общинах (2–3 дв.) помещичьих крестьян вопрос о переделе не возбуждается, в остальных идут о нем толки и споры. Одна община, получившая полный надел без выкупа по духовному завещанию, в последние годы переделала землю по наличным душам.

В *Раненбургском* уезде вопрос о переделе поднят среди помещичьих крестьян в 1879–1880 гг. В момент исследования (1882 г.) в некоторых (пре-

имущественно мелких) общинах многих волостей – иногда и в целых волостях с небольшим числом помещичьих общин (Крючковская, где 2 помещичьи общины, Карновская – 6 помещичьих общин на плохой земле) – он еще не подымался. В других (в том числе и с плохой почвой, например, 6 общин Троицкой вол.) о нем мало толкуют. В большей же части общин идея передела вызывает много частных споров, которые затем переходят на сходы и заканчиваются счетом голосов за и против передела (сказанное было наблюдаемо в 60–70 общинах различных волостей). Около 10 помещичьих общин постановили в 1881–1882 гг. приговоры о переделе. Неуверенность в праве производить по своей воле передел побуждает некоторые общины ждать примера соседей.

В *Данковском* у. (исслед. в 1882 г.) вопрос о переделе поднят в большей части помещичьих общин. Не поднимается он или мало интересует крестьян преимущественно в волостях, отличающихся бедностью населения (и слишком большой мелкостью общин), как Муравненская, Знаменская, плохой почвой, как Острокаменская, мелкостью общин, как Тепловская (где 5 общин имеют меньше 10 дворов каждая, а две накопили большую недоимку, не позволяющую подняться вопросу о переделе). Общины, мало интересующиеся переделом, в Долговской, Кудрявской, Змиевской и Кочуровской волостях принадлежат также главным образом к очень мелким. Впрочем, в Ягодновской вол., не выдающейся ни одним из признаков, нами указанных, вопрос о переделе тоже не поднимался. В остальных общинах вопрос поднят, вызывает более или менее сильные и частые споры и во многих случаях переносится на сходы: десятка $1\frac{1}{2}$ –2 общин уже совершили передел или приступают к нему. В *Михайловском* у. в 1885 г. переделы у помещичьих крестьян были в полном разгаре.

В Сборнике по *Елецкому* у. очень мало указаний на такие общины помещичьих крестьян, где не было бы разговору о переделе, а несколько десятков общин уже совершили его. При этом нужно заметить, что 10 общин переделали землю в период времени с 1868–1879 гг., когда у государственных крестьян не наблюдалось еще ни одного случая переделов. Обстоятельства, при которых совершились эти переделы, таковы. Коренной передел в 1868 г. по наличным душам имел место в д. Ильинке Стегаловской вол. и Изубриевке 2-й Сергиевской. В первой он был вызван выселением значительной части крестьян и вытекшей отсюда необходимостью «пристроить» освобожденную землю; во второй – разверстка в 1868 г. (при выходе на оброк), как и в 1861 г., сделана по работникам, – обстоятельство, доказывающее, что землей крестьяне не особенно дорожат и что разверстанию подлежали не столько производительные силы земли, сколько платежи, на ней лежащие. Сельцо Знаменское Афанасьевской вол. обнаруживало неустойчивость при

выборе системы разверстки на место прежней потягольной: в 1866 г. оно приняло разверстку по живым ревизским душам, в 1873 г. – по наличным, в 1878 г. – по всем ревизским; в с. Богохранимом Предтеченской вол. при переходе с тягол на ревизские души в 1867 г. постановлено через 12 лет переделить землю по наличным душам, и передел 1879 г. был исполнением этого приговора. Д. Николаевка В. Дрезгаловской вол. не только второй передел (1877 г.), но и первый после освобождения (1868 г.) совершила по наличным душам и в 1886 г. собиралась делать новый. В д. Александровке Краснополянской вол. и М. Лысовке Воронежской, переделавших землю в 1879 г. по наличным душам, предшествующий передел (по ревизским д.) имел место в 1862 г., т. е. за 17 лет. Ранние коренные переделы по наличным душам были еще в д. Рябиновой Предтеченской вол. в 1875 г., в д. Дмитриевке В. Дрезгаловской вол. в 1877 г. (через 12 лет после замены тягловой разверстки ревизской). Но если коренные переделы в общинах помещичьих крестьян начались раньше, нежели у государственных, то с 1880 г. помещичьи крестьяне значительно отстали от государственных, и в 1886 г. число переделавшихся общин было у последних и абсолютно (67 против 56), и относительно (72% против 14) больше, нежели у первых.

Во всех общинах государственных крестьян *Елецкого у.*, где были переделы земли после X ревизии, таковые имели место по одному разу; в общинах помещичьих крестьян моменту ревизии (когда государственные крестьяне разверстали землю по наличным того времени душам) соответствует момент прекращения потягольной разверстки наделов, для разных общин различный, а для некоторых не наступивший и по сие время. Переделы, имевшие место после того, в большинстве случаев повторялись тоже лишь по одному разу, но в 3–4 общинах они были два раза: в д. Николаевке В. Дрезгаловской вол. после замены тягловой разверстки наличной в 1868 г. переверстывали по наличным же душам землю в 1877 и 1886 гг.; Рябиновая Предтеченской вол. с тягол на ревизские души перешла в 1864 г., а в 1872 и 1880 гг. совершила переделы по наличным душам; с. Знаменское Афанасьевской вол. в 1866 г. вместо потягольной приняло разверстку по живым ревизским душам, в 1873 г. – по наличным, а в 1878 г. – по всем ревизским; в д. Новопоселенной Ольшановке Богато-Платовской вол. истек назначенный 10-летний срок передела по наличным душам в 1875 г., и крестьяне собираются произвести новый передел; наконец, д. Дмитриевка В. Дрезгаловской вол., разделившая в 1875 г. землю по ревизским душам, перешла в 1867 г. к наличной разверстке сроком на 7 лет, но хотя назначенный промежуток уже истек, передел, по несогласию в обществе, не совершается.

В *Мценском у.* переделы земли (общие в 51 общине, частные в 13) практикуются крестьянами южной, черноземной части уезда. В одной из этих

общин – с. Кузнецовке Чичинавской вол. – первый передел (не считая того, который был после освобождения) имел место в 1874 г., после размежевания крестьянских угодий с владельческими; в с. Спасском той же волости и в 1-м Липовском обществе Михайловской вол. – при выходе на выкуп (в 1884 и 1880 гг.). В с-це Рождественском Михайловской вол. было уже два общих передела: 1-й раз земля была разверстана на 150 наличных душ, 2-й раз 141 ревизский надел был распределен по численности семей. В Богородской вол. общие переделы имели место в следующих случаях. С-цо Павлово делилось 3 раза: 1-й раз через 4 года по получении надела (на 156 рев. д.) и разделило землю на 142 ревизские души, выразившие желание взять надел; 2-й раз через 8 лет после первого на 161 наличную (муж. п.) душу; 3-й раз через 4 г. после второго 156 ревизских наделов распределило между 156 старшими наличными душами; с-цо Домнино 1-й передел совершило на 153 наличные души, при втором было нарезано 136 наделов (по числу ревизских душ), которые были распределены по численности семей. В д. Рагозиной 1-й передел был сделан на 73 живые ревиз. души, 2-й в 1875 г. на 82 наличные души, 3-й – при выходе на выкуп; землю в натуре разрезали на 79 ревизских наделов, которые были распределены между семьями «по рассмотрению кормежов». По едокам земля распределена еще в с. Мишкове с 1883 г. и Н. Оптушке с 1884 г. С-цо Мосолово переделило землю на наличные души в 1880 г., Гостинное делает это каждые 6 лет; 4 общины Богородицкой вол. и 9 Долговской приняли было наличную разверстку, а потом возвратились к ревизской; 2 общ. Долговской вол. от наличной системы перешли к разверстке по живым ревизским душам, давая по 1 наделу и тем семьям, где нет живых ревизских душ. В 12 общинах Долговской вол. и 13 Городищенской земля разделена на все или только старшие наличные души.

В *Саратовском* уезде благодаря тому обстоятельству, что многие общины помещичьих крестьян приняли после освобождения ревизскую разверстку земли, несмотря на несоответствие доходности надела с платежами, на нем лежащими, – развился обычай свалки-навалки душ на сильных домохозяев, который сохранился и в то время, когда земля стала окупать платежи. Созданная этим привычка к перераспределению земли между членами общины облегчила введение общих переделов в новейшее время, и, благодаря последним (общим и частным), равномерное распределение земли среди помещичьих общин встречается чаще, нежели среди государственных (особых сведения о распространении общих коренных переделов в Сборнике не имеется). 228 общин Саратовского у. (из 353 общин всего уезда) с населением в 52 560 ревизск. душ (из 58 430 рев. душ уезда), о которых имеются обстоятельные сведения, по своему отношению к переделу распределяются следующим образом.

	Число всех общин	Число общин, производших передел общий или частный		Собираются делить	Не намереваются
Дарствен.	60	50 общ.	83,3%	2 общ.	8 общ.
Вр.обяз.	15	10 общ.	66,6%	2 общ.	3 общ.
Собствен.	101	77 общ.	72,2%	6 общ.	18 общ.
Быв. пом.	5	2 общ.	40,0%	2 общ.	1 общ.
Государ.	47	22 общ.	46,6%	18 общ.	7 общ.
Итого	228	161 общ.	70,7%	30 общ.	37 общ.

В *Рязанском* у. вопрос об отношении населения к общим переделам исследован для 396 общин (всех общин в уезде 633), заключающих 21 000, или 83% всех домохозяев уезда. В остальных общинах, по их мелкости или другим причинам, отношение крестьян к земле недостаточно рельефно. В 396 общинах общий коренной передел к 1881 г. имел место у 140 общин (1 общ. полн. собств., 17 общ. вр. обязан. крест., 108 – соб. на выкупе, 14 общ. госуд. крестьян); идут о нем споры в 100 общинах; нет разговоров в 156 общинах.

В уездах *Казанской* губ. положение вопроса о переделах среди б. помещичьих крестьян можно видеть из следующей таблицы.

Передел имел место в течение года

	Все число общ.	1872	1876–1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	Неизв.
Свияжский	102	–	–	–	1	–	2	1	3	11	Сведений нет			3	
Тетюшский	56	–	–	–	–	1	–	–	–	2	1	Сведений нет			1
Казанский	111	1	–	–	–	–	1	–	–	2	Сведений нет			2	
Цивильский	21	–	–	–	–	1	–	1	1	–	1	Сведений нет			–
Мамадышский	11	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–
Лаишевский	218	–	2	–	–	1	–	2	–	1	1	1	1	1	–

В *Петергофском* у. помещичьи общины начали переделывать свои угодья с конца 60-х гг., и с тех пор многие общины перешли на новые души.

Приведем здесь, кстати, данные о переделах в *Гдовском* и *Ямбургском* уездах, оговорившись, что данные эти касаются лишь последних переделов у всех разрядов крестьян (помещичьи крестьяне составляют огромное большинство в обоих уездах), а не первых после X ревизии и окончательного устройства быта помещичьих крестьян, о каковых в большинстве случаев шла речь на предыдущих страницах; мы не уверены, чтобы приводимые

сведения охватывали только коренные переделы, т. е. такие, которые имеют целью количественное перераспределение земли между семьями, а не сокращение, например, чересполосицы. Прибавим еще, что приводимые цифры касаются 257 селений из 318 Ямбургского у. и 981 из 1240 общин Гдовского у., причем переделы 1857–63 гг. суть те, которые имели место у всех общин после X ревизии или освобождения крестьян; переделы же, историей которых мы теперь интересуемся, это те, которые были произведены в последующие годы.

Последние переделы имели место:

	1857– 1863	1864– 1868	1869– 1873	1874– 1875	1879	1880	1881	1882	1883	Неизв.
Гдовский у.	494	17	57	60	16	15	24	39	7	–
Ямбургский у.	152	15	27	19	9	1	5	14	Неизв.	19

На предыдущих страницах было объяснено, что история коренного передела после X ревизии заключается в выяснении права общины производить его по собственной инициативе и в образовании достаточно сильной партии для того, чтобы постановить о нем приговор большинством $\frac{2}{3}$ голосов. Внешняя история процесса, на основании имеющегося материала, может быть в общих чертах обрисована следующим образом.

Когда крестьяне начинают заметно чувствовать невыгодные последствия неравномерного распределения земли, у них возникает вопрос о ревизии и более или менее нетерпеливое ее ожидание. На первое время этим дело и ограничивается, и крестьяне не задаются пока вопросом о том, имеют ли они право сами произвести передел. В таком положении стояло, по-видимому, дело во многих уездах Курской губ. в момент исследования последней. В *Курском* у., например (год исследования 1882-й), государственные и помещичьи крестьяне хотя и сознают своевременность новой разверстки земли, но считают себя не вправе производить передел вне ревизии, в чем их поддерживают многодушники и волостное начальство, придающее слову «передел» преступный смысл. Земские статистики рассказывают, что, когда крестьяне одной деревни на свой вопрос о времени ревизии, обращенный к проезжавшему непременно члену, получили ответ, что они имеют право произвести передел, не ожидая ревизии, – они не поверили чиновнику и спорили лишь о том – шутил ли начальник или выведывал их отношение к противозаконному вопросу о переделах на наличные души. Поэтому крестьяне страстно ожидают ревизии. «Ни один сход или собрание хозяев не обходится без подробного обсуждения всех признаков, указывающих на близость или отдаленность ревизии; всякое официальное лицо, явившееся в деревню, обязательно

спрашивается о предложениях правительства относительно ревизии». Государственные крестьяне *Обоянского* у. на вопрос земских статистиков (1882 г.), почему они не переделывают землю, отвечали: «правов не знаем, ждали ревизии, прикажите, ваше благородие, мы сейчас при полном сходе постановим приговор о переделе на новые души».

В таком же положении находится вопрос в начале 80-х годов в некоторых общинах и даже целых уездах государственных крестьян Тамбовской губ. В *Тамбовском* у. «до недавнего времени государственные крестьяне не знали и права своего переделывать мирские угодья на наличные души по своему усмотрению. Они полагали, что право на земельный надел каждое лицо у них может получить только одновременно с занесением его в государственную перепись, что сопровождалось занесением и в подушный оклад». Когда приговоры о переделе земли в нескольких общинах *Козловского* у. были утверждены крестьянским присутствием, крестьяне не верили, чтобы это могло быть сделано местным начальством, и думали, что вопрос доходил до министра¹.

Некоторые помещичьи общины *Рязанского* у. считают, что по причине выкупной операции самый разговор в переделе преступен, – мысль, нередко поддерживаемая волостным начальством.

За этим периодом отсутствия даже мысли о возможности передела без «царского указа» следует момент, когда вопрос о «самовольной ревизии» поднят, но еще не разрешен положительно. Крестьяне находятся на этот счет в сомнении, следят за тем, как прошли переделы в других местностях, обращаются с вопросами к начальству, и если, не вынося существующей неравномерности в распределении земли, решаются на ее уравнивание, то с опаской, иногда с оговоркой, что в случае ревизии они готовы произвести новый передел; иногда считают благоразумным не записывать приговора и даже не говорить о нем посторонним.

В *Борисоглебском* у., например, хотя вопрос о переделе вне ревизии поднят, но в 1880 г., в момент исследования уезда, разрешался отрицательно: «все государственные крестьяне с нетерпением ждут ревизии, чтобы произвести общий передел земли по наличным душам, которые будут запи-

¹ В *Бузульминском* и *Острогожском* уездах некоторые общины ждут «царского указа» о переделах или «новых прав». В *Тамбовском* у. государственные крестьяне лишь недавно, благодаря, между прочим, благополучному исходу переделов в некоторых общинах, убедились в том, что они имеют право производить переделы по собственному усмотрению. Рассматриваемая причина составляет одно из распространенных препятствий к переделам в *Саратовском* и *Хвальском* уездах (у госуд. кр.): в первом некоторые общины государственных и помещичьих крестьян именно до ревизии, которая, по их мнению, скоро должна наступить, и откладывают совершение необходимого передела. Редкость переделов у помещ. кр. *Воронежского* у. объясняется незнанием ими закона, и они сплошь и рядом заявляют, что – будь такой закон – они переделали бы свои угодья. Государственные крестьяне с. Бубново Холанской вол. *Н. Оскольского* уезда заявили, что давно перешли бы на живые души, да все ждали ревизии; в 1888 г. поделили, наконец, лес.

саны в ревизских сказках». Против немедленного передела стоят многодушники, ссылающиеся на обычай делить землю при ревизии; но и «бескорыстные крестьяне боятся до ревизии переделывать землю, предвидя многие неудовольствия и упреки в отступлении от принятого обычая»; крестьяне еще опасаются, что если скоро после передела объявится ревизия, то недовольные последним потребуют нового через начальство. Крестьяне с Афанасьевского Пахомской вол. *Тимского у.* (соб.) хотели бы перейти с тягол на души, да не знают, имеют ли право. Некоторые общины государственных и удельных крестьян *Ставропольского уезда* заявили, что они хотят делиться, да не видят распоряжения о том, боятся попасть в острог, хотят спросить у губернатора. Обратиться за разрешением к начальству думают и некоторые государственные и удельные общины *Самарского у.* Община государственных крестьян *Елецкого у.* Суворовской вол. с. Альшанец 5 лет боялась приступить к переделу: «без приказа (ревизии) боялись», – говорят крестьяне и решились на передел после того, как узнали, что в других селах он прошел беспрепятственно. С. Рус. Казинка Черновской волости не знает – имеет ли право самовольно произвести передел. Дер. Зачатьевка (дарств.) Болховецкой вол. *Белгородского у.* тоже немало время ждала «приказа от начальства», чтобы привести в исполнение свое желание поравнения, и лишь в 1884 г., случайно узнав, что такого приказа не нужно, поспешила постановить приговор о переделе. Государственные крестьяне *Бугульминского уезда* совершили первый передел (в начале 80-х гг.) в силу крайней необходимости, не будучи уверены в своем праве; поэтому некоторые общины не записывали приговора о переделе: «ежели ревизия будет, али што, так мы и назад повернем, как будто ничего у нас не было», в чувашской общине Аделякове крестьяне боялись говорить о совершившемся переделе со статистиками. Некоторые общины переделали землю потому, что прослышали о переделах в Казанской и Симбирской губерниях. Некоторые общины *Казанского у.*, считая, что полной законностью обладают лишь переделы, совершающиеся при ревизии, приступая к переделам, не дожидаясь последней, заносят в приговор постановление, что назначенный ими срок следующего передела в случае ревизии теряет свою силу. Очень многие помещичьи общины *Данковского и Раненбургского уездов* находятся в этом периоде неуверенности в своем праве производить передел: «дело новое в округе, хотя и слыхали о нем», – поэтому считают более благоразумным ждать примера соседей (см. Ивановская, Гагинская, Солнцевская, Петелинская волости Раненбургского уезда).

Мало-помалу, однако, взгляды крестьян выясняются. Благополучный исход попыток передела в соседних волостях или уездах убеждает многих крестьян в том, что в «самовольной ревизии» нет ничего противозаконного.

Это возбуждает агитационную энергию сторонников передела. Вопрос о равнении из сферы частных разговоров чаще и чаще переносится на сходы; там он продолжает обсуждаться, вызывая примерный счет голосов «за» и «против» и наконец попытки формального приговора. Теперь остановка его – уже не за незнанием крестьян своего права производить передел, а за отсутствием надлежащего соглашения между членами общины и т. п.

В местностях, где вопрос о переделе возбужден недавно, в разных общинах можно наблюдать одновременно все фазы, через которые проходит сознание крестьян – от появления первой мысли о переделе до окончательного решения осуществить его на практике.

Так, в *Раненбургском* у. среди государственных крестьян вопрос о переделе поднят в самом конце 70-х годов, а в 1882 г. земские исследователи в Колыбельской волости (также Зенкинской и некоторых других) встретили напряженное желание равнения и нетерпеливое ожидание ревизии; в Тютятинской и Дубовской волостях, где сначала тоже ждали ревизии, теперь уже идут толки о «самовольном» переделе; в большей же части общин государственных (помещичьих) крестьян о переделе идут сильные споры, а в некоторых (в Кривополянской, Ново-Тишенской вол. и др.) вопрос перенесен на сходы, где происходит счет голосов «за» и «против» него; наконец, в немногих общинах постановлен законный приговор о равнении. В *Елецком* у. встречается очень мало таких общин, у которых вопрос о переделе вовсе не поднят (например, с-цо Никольское, соб. Афанасьевской вол., с-цо Знаменское, соб. Черновской вол.), зато в очень многих общинах со старой разверсткой земли толки о переделе уже начались; в других подготовка к этому акту идет в течение нескольких лет: в сложной общине государственных крестьян слободы Аргамачьей и др. Ламской вол. и в помещичьих общинах с. Никольского (дарствен.), Озерок и д. Елизаветовки Краснополянской вол. толкуют о нем два года; сложная община с. Богослов и дер. Ченцов Краснополянской вол. – 3–4 года; д. Жуковка Воронежской вол. еще дальше. Дело не ограничивается частными разговорами, а переносится на сходы, причем делаются пробные или решительные, но незаконные приговоры о переделе. Так, в помещичьих общинах д. Орловки Предтеченской вол., М. Полянке Краснополянской вол. несколько раз собирали сход, но не получалось в пользу передела $\frac{2}{3}$ голосов; в д. М. Выселках о переделе, по словам крестьян, «галдят каждую сходку»; д. Жуковка Воронежской вол. в 1882 г., а с-цо Александровское Суворовской вол. в 1885 г. – постановили даже приговоры о переделе по наличным душам, но таковые оказались незаконными. В сложной общине государственных крестьян Ламской вол., из сл. Аргамачьей и др., в 1885 г. вопрос о переделе был решен путем отдельных приговоров каждого поселения, причем два из них высказались за пе-

ределы, а одно – против; присутствие по крестьянским делам не утвердило, однако, этого приговора и потребовало, чтобы был составлен общий приговор по всем трем селениям. Д. Плоты Стегаловской вол. попробовала в 1885 г. сосчитать голоса в пользу передела, и оказался недостаток в 2 селах из 5, составляющих сложную общину малороссов с. Черновки и др. Черновской вол., дал в пользу передела законное большинство голосов. Наконец, многие десятки общин уезда уже совершили передел по наличным душам.

После сделанного в настоящей главе общего очерка условий и различных течений в общинной жизни в пореформенную эпоху перейдем к детальному изучению процессов, совершающихся в земельном быту крестьян и направляющихся по двум руслам: общинному и антиобщинному. Им посвящены две следующие главы.

Глава III

Борьба за передел и условия, так или иначе влияющие на процесс его приготовления

Мы знаем, что совершению коренного передела предшествует более или менее горячая борьба партий, в течение которой, во-первых, окончательно выясняется для крестьян вопрос о праве их переделывать землю, не дожидаясь ревизии; во-вторых, сторонники передела стараются убедить других в его необходимости, «присогласить», по выражению крестьян *Острогожского у.*, некоторую часть лиц, которым он не выгоден, без чего, как известно, в большинстве общин не может быть составлен законный приговор о переделе, и, наконец, в-третьих, вырабатывается проект передела, т. е. делается выбор единицы разверстки и предусматриваются различные обстоятельства, которые нужно принять во внимание при новом перераспределении земли. Бывает, что и обеспечив требуемое большинство, сторонники передела не настаивают на нем, а продолжают агитацию с целью добиться всеобщего соглашения и предупредить ожидаемые ссоры и неудовольствия. Некоторые крестьяне только и соглашаются на передел при отсутствии большего сопротивления со стороны противников, и есть случаи, когда последнее заставляло общину отменить уже составленный приговор о переделе. Так, в *Борисоглебском у.* против передела вне ревизии стоят «не только лица, заинтересованные сохранением существующих порядков, но и бескорыстные крестьяне, предвидящие многие неудовольствия и упреки в отступлении от принятого обычая». Две общины государственных крестьян Котовской вол. *Старооскольского уезда* думают делить землю, да боятся смуты и несогласий; то же самое наблюдается в одной помещичьей

и нескольких государственных общинах *Тамбовского у.* Община государственных крестьян сл. Холодной Ратьковской вол. *Корочанского у.* думала делить землю по наличным душам, но, приглядевшись на ссоры и драки по соседству, отложила намерение и ограничилась переверсткой в 1884 г. земли по ревизским душам и т. д.

Противниками передела, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироеды, коштаны, так или иначе захватившие в свои руки наделы переселенцев, и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, легко понять, каких сильных противников имеет в них передел¹. Где плоха почва или очень тяжелы платежи, там против передела стоят бедные, малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большей тяжестью, связанной с расширением их участков.

Во многих общинах *Славяносербского у.* ревизская разверстка сохраняется благодаря нежеланию неревизских хозяев брать надел, потому что они могут за более дешевую плату арендовать чужие угодья.

В *Царевококшайском у.* в общинах с лучшей почвой передел задерживается богатыми крестьянами, «коштанами», захватившими много земли; на худых – против него высказываются бедные, коим трудно было бы обработать все количество земли, ожидающее их в случае передела. В *Тамбовском у.* в общинах государственных крестьян передел задерживается, между прочим, господством на некоторых сходах крикунов, голоса которых часто продажны и которые разными способами получают выгоды от накопления на общине мироплатимых душ. В *Хвалынском у.* против передела стоят между прочим богачи, получившие убылые души по наследству или от общины; в Старо-Кулаткинской вол. (татарской) они скопили со времени ревизии в своих руках много полянок, расчищенных из-под леса, которыми пользуются теперь, не платя налогов, и которые должны будут уступить при переделе для разверстки по душам. Крестьяне (государственные) пригорода *Ерыклинска Ставропольского у.* постановили в 1883 г. приговор о

¹ Против последнего в некоторых общинах стоят сектанты, образующие солидарную и потому влиятельную группу. Государственное село Истобное *Старооскольского у.* первый передел по наличным душам совершило после долгих переговоров в 1873 г.; главными протестантами были скопцы (их 18 семей из 455), имеющие малые семьи, но стянувшие в своих руках много наделов: за передел был старшина; второй передел, по прошествии назначенного девятилетнего срока, прошел без споров. В числе членов общества с. Костогрыхова (280 двор.) *Днепровского у.*, принявшего в 1874 г. наличную разверстку земли, находится 16 семей молокан, разбогатевших и сделавшихся ростовщиками, сплоченных, играющих роль мирских воротил и вносящих много неурядиц в общественные дела. Они – главные и притом принципиальные противники наличной разверстки; чтобы их уговорить, общество предлагало дополнить их наделы до прежней величины, бывшей при ревизской раскладке, но те, не хотят получить из милости то, что считают своим по праву, и агитируют в пользу возвращения старой системы разверстки наделов.

переделе земли по наличным душам, а в 1884 г. уничтожили его по настоянию зажиточных крестьян, пользующихся за бесценок наделами маломощных однообщественников, занимающихся нищенством. В с. Крутом (госуд.) *Лупецкого у.* противники передела – многоземельные крестьяне, арендующие большое число наделов своих однообщественников. В *Самарском у.* против передела, между прочим, богачи, захватившие пустовые души. В *Бузулукском у.* зажиточные хозяева самовольно распахивают мирскую землю, захватывают или дешево арендуют пустовые души и не соглашаются передать их неревизским. В Ягодниковской вол. *Данковского у.* зажиточные хозяева тормозят всякий почин в деле передела, поддерживая убеждение, что, вследствие выкупа земли, таковой незаконен. Во многих волостях *Раненбургского у.* (Троицкой, Зенкинской, Дубовской, Крючковской, Кривополянской, Головшинской) переделы среди государственных и помещичьих крестьян задерживаются между прочим арендаторами чужих (главным образом переселенческих) наделов, взявшими их на года или до отчисления переселенцев от общества. Впрочем, временно-обязанные крестьяне с. Воскресенского Кочуровской вол. *Данковского у.* переделили в 1882 г. свою землю, несмотря на то, что срок аренды переселенческих наделов еще не окончен. Во многих общинах государственных крестьян *Тираспольского у.* богатые крестьяне, захватив в свои руки лишнюю землю, удерживают односельцев от передела разными вымышленными слухами. В *Острогожском у.* против передела подавали голос и некоторые из крестьян, наделы которых должны были увеличиться, – подавали потому, что выгодно сняли чужие участки в аренду на срок до нового передела.

Противники передела в общинах государственных крестьян опираются преимущественно на обычай совершения его одновременно с ревизией и на мысль (которая усердно ими проповедуется) о незаконности передела по инициативе мира (см. предыдущую главу)¹.

Противники передела в помещичьих общинах ссылаются: на расходы, какие несли теперешние владельцы земли, в виде издельной повинности, об-

¹ Один из противников передела по наличным душам сл. Гончаровки *Острогожского у.* свои возражения выразил в письменном заявлении на имя старосты следующего содержания. «Так как вы, г. староста, самовольно притесняете и склоняете народ к переделу общественных, состоящих в распоряжении и владении круговой поруки 864 ревизских душ Гончаровского общества, на новые души, то я заявляю вам, что на новые души круговой поруки не установлено и таковые не состоят в казенном окладе душевых податей; земли на таковых нет, а следовательно, как не обществом установлено наше владение и не каким-либо старостой, а правительством, то я от того правительства и буду ждать изменения владений земляными наделами, а владение своевластно нарушить не согласен, о чем и заявляю вам, господин староста, и прошу подписать заявление, что вы таковое слушали». Крестьянин д. Рыбальчина того же уезда заявил, что он был против передела, потому что не было ревизии, «а если бы было распоряжение царское, тогда бы охотно поделились; теперь же боюсь, как бы чего не вышло; и таких, как я, много у нас».

рочных и выкупных платежей¹ за землю, когда она того не стоила; на тягости, вынесенные ревизскими владельцами земли в крепостную эпоху, дающие им (и их вдовам) особые права на надельную землю (*Славяносербский у.*); на то, что будто бы по закону земля выкупается в личную собственность. Частными аргументами против переделов, имеющими силу (и, конечно, временную) для некоторых общин, служат неодинаковая степень разработки и удобренности участков разных семей, дополнительный платеж² или какой-нибудь другой специальный расход, сделанный теперешними владельцами земли. Так, крестьяне помещичьей общины Ушколки *Мелитопольского* уезда уже 4-й год платят на построение храма по 10 руб. с души: «за что я отдам землю, за которую заплатил столько», говорят крестьяне. В с. Архангельском (дарственники) Пушкарской вол. *Белгородского* у. передел задерживается тем, что при выдаче вводного листа крестьяне обязались вывести плетень в 500 саж. и выставить 250 подвод; выполнившие это обязательство считают себя единственными владельцами земли.

«Домохозяин *Мелитопольского* у., – говорит г. Харизоменов, – выплачивавший более 20 лет выкупные платежи, рассчитывает через 25–27 лет совершенно освободить свою землю от этих платежей, и никакие соображения не могут его заставить участок, наполовину выкупленный (стоимость и доходность которого, благодаря быстрому росту цен на землю и хлеб, выросли за 20 лет в 4–5 раз), уступить даром другому. Дополнительный выкупной платеж служит еще большим препятствием для передела: “если бы

¹ Интересно, что ссылка на выкуп как на препятствие переделу встречается не только у помещичьих крестьян собственников, но и у временно обязанных (*Рязанский у.*, Зенкинская вол. *Раненбургского*), а нередко и у государственных крестьян, напр., *Курского*, *Острогожского*, *Липецкого* уездов («чем мы хуже помещичьих», говорят кое-где крестьяне Курского уезда, принимающие оброчную подать за выкупной платеж). Смешение оброчного платежа с выкупным весьма распространено в *Мелитопольском* у., где вместе с тем циркулирует мысль, что через 20 лет после выдачи владенной записи (время переобработки) платежи прекратятся и земля поступит в собственность крестьян, но лишь при условии сохранения ревизской разверстки; при наличной же земля числится в оброчном содержании крестьян, а не состоит у них на выкупе. Это заявлено и в некоторых приговорах о ревизской разверстке. «Многие данные заставляют считать весь этот нелепый слух о выкупе агитационным маневром в пользу ревизской раскладки, которым поборники подворного владения опутывают темных доверчивых людей», – говорит г. Харизоменов.

² Некоторые же общины совершают переделы, несмотря на внесение дополнительного платежа. К таким принадлежит одна из 7 общин *Темниковского* у., переделавших землю по наличным душам; две общины из 7, совершивших передел в *Моршанском* у.; единственная помещичья община *Спаского* у., переделавшая в 1881 г. землю по наличным душам; последняя до совершения передела 3 года вносила дополнительный платеж, рассроченный на 12 лет. Наши материалы, упоминая, что внесение дополнительного платежа служит препятствием к переделу, редко обращают внимание на то, имело ли место такое внесение в случаях состоявшихся переделов. В общине с. Токмакова *Темниковского* у., внесшей дополнительный платеж в размере 26 руб. за надел, установился обычай, чтобы при передаче (по частной сделке, свалки же навалки не было) надела одним хозяином другому последний уплачивал первому 25 руб.

мы платили только в казну, – говорят крестьяне д. Калги, – то еще можно было бы поделить землю на новые души, несущие казенные повинности; а то я за каждую ревизскую душу, может быть и умершую, и такую, что от земли не видно, положил помещику по 30 руб., – как же мне теперь отдать свою землю, ведь я за нее заплатил”. Относительно *Днепровского у.* известно, что д. Рыбачья (73 двор.) Збурьевской вол. и 7 поселений Бехтеревой вол. (5 из них величиной в 13–68 дворов, 2 – до 34 дв.), по причине выкупа, не считают себя вправе переделывать землю. В *Славяносербском у.* в некоторых общинах противники передела выставляют на вид, что было бы справедливо оставить землю в руках тех, которые выносили на себе тяжесть крепостного права. В *Самарском у.* крестьяне не уверены в своем праве производить передел; многонадельные утверждают, что они выкупили землю в вечную собственность и в тех общинах, где бывают переверстки, они, получив 6–10 лет тому назад пустовые души, не хотят теперь расставаться с ними, уверяя, что земля должна переходить по родам навечно». В *Бузулукском у.* зажиточные домохозяева в общинах (госуд. кр.) возражают против передела, что они 25 лет платят за землю и мир не имеет права отнять ее у них без разрешения начальства. В *Богодуховском у.* многодушники возражают против передела, что ревизские хозяева платили за свои участки, и устрашают соперников «ответственностью перед начальством за передел без ревизии, за самовольное учреждение этой ревизии». Выкуп служит большим препятствием для передела в *Суражском у.* В *Елецком у.* противники передела в д. Ольховец Казацкой вол. мешают производству его в настоящее время согласно приговору, постановленному при переделе земли по наличным душам в 1860 г., говоря, что благодаря выкупу земля сделалась как бы четвертной; а противники передела в х. Ивановом Краснополянской вол. утверждают, что земля общины не подлежит переделу, потому что она дарственная. В *Мценском у.* «одним из важнейших препятствий к совершению переделов является полнейшее незнание крестьянами своих прав в этом отношении. Очень часто во время производства местных исследований крестьяне спрашивали – могут ли они делить землю, и, кажется, далеко не всегда убеждались утвердительными ответами. Наиболее распространена уверенность, что переделы можно делать лишь при ревизии, которая поэтому страстно ожидается крестьянами. Реже приходится слышать, что выкупаемую землю вовсе нельзя делить, так как каждый выкупает находящийся в его пользовании надел в полную собственность: “сколько кому барин дал, тот тем и должен владеть”».

В *Курском у.* многодушники сначала основывали защиту status quo на том, что они выкупили землю (государственные крестьяне считают за выкупной платеж и оброчную подать), а теперь – на положении о незакон-

ности передела вне ревизии. В *Тимском у.*, где среди помещичьих крестьян вопрос о переделе только что подымается, выкуп считается препятствием к переделу; в *Белгородском* и *Щигровском* уездах наблюдается то же самое. Крестьяне *Щигровского у.* не имеют ясного представления о своих общинных правах и не знают закона о возможности передела по приговору $\frac{2}{3}$ домохозяев. Противники передела ссылаются на то, что они давно платят повинности за землю. В с. Афанасьевском Аф.-Пахомской вол. *Тимского у.* они ссылаются на то, что когда-то ревизские владельцы отбывали трехдневку. В *Рязанском у.* главным препятствием переделу служит выкуп, и «чем дольше пользуется крестьянин одним и тем же куском земли, тем крепче слагается в нем уверенность, что надел (за который вносит платежи он) выкуплен не общиной, а им». Такое мнение встречается и у временно-обязанных крестьян. Еще более препятствий к переделу там, где внесен дополнительный платеж, и из таких общин ни одна не перешла на новые души (припомним, что Рязанский уезд имеет нечерноземную почву). Нередко крестьяне считают, что и самый разговор о переделе преступен, в чем их иногда поддерживает волостное начальство и другие власти. В *Раненбургском у.* препятствием к переделу служит незнание крестьянами своих прав на землю, за которую внесены выкупные и иногда дополнительные платежи (в Зенкинской вол. с выкупным платежом смешивается и оброк временно-обязанных крестьян). Мысль о незаконности и несправедливости передела земли, выдержавшей дополнительные и выкупные платежи, поддерживается и лицами, желающими передела (см. Карповскую вол.). В *Данковском у.* Ягодновской вол. зажиточные крестьяне, поддерживая мысль о незаконности передела выкупаемой земли, тормозят всякий почин в этом направлении. В *Саратовском у.* немногие общины собственников думают, что земля, выкупаемая каждым с момента освобождения, поступает по закону не в общинную, а в личную собственность; в *Хвалынском у.* главным препятствием к переделу среди помещичьих крестьян служи выкуп, особенно в тех общинах, где в прежнее время земля не окупала платежей. В *Саратовском, Хвалынском* и *Царицынском* уездах одно из распространенных препятствий к переделу – отсутствие у крестьян сознания права производить последний вне ревизии, и некоторые государственные и помещичьи общины (*Саратовского* уезда) именно до ревизии, которая, по их мнению, непременно скоро должна быть, и откладывают необходимый передел. Мысль о незаконности передела вне ревизии служила некоторое время препятствием переделу земли в *Лаишевском* и *Острогожском у.* Впоследствии, с повторением таких переделов, а в *Острогожском у.*, по-видимому, и благодаря циркуляру уездного по крестьянским делам присутствия, рекомендовавшего в 1884 г. удлинить сроки переделов, государственные крестьяне стали действовать решительно; но и

в 1885 г. некоторые общины Острогужского у. (например, Сончино, Кориленково), находя своевременным передел земли, ждали, однако, для этого царского указа, а многие хозяева в общинах, уже совершивших передел, подали голос против него по той причине, что он будто бы незаконен и как бы чего-нибудь за него не было. Не желающие передела употребляют этот аргумент для запугивания соперников, а в помещичьих общинах главным их аргументом служит указание на незаконность вообще передела земли, как выкупаемой будто бы в частную собственность. Такое же мнение о скором окончании выкупа высказывается иногда и в государственных общинах (например, в д. Демченково Лысянской вол.).

В *Елецком* у. в следующих общинах против передела выставляется неодинаковая степень одобрения полей и опасение хорошо удобрявших крестьян лишиться своих участков; помещичьих – Екатериновке, ст. Бровке и М. Выселки Краснополянской вол., Орловке Предтеченской, сложной общине из д. Несетева и Паниковец Воронежской вол. (где д. Несетева является противником передела, между прочим, и потому, что теперь она имеет землю близ усадьбы), сложной общине с. Архангельского и д. Завражной Паленки Соловьевской волости. В *Саратовском* у. «в некоторых общинах противники передела указывают на нежелание отдать свои хорошо распаханые, а иногда (редко) и унавоженные полосы за чужие, плохо пахавшиеся». Начавшееся унавоживание полей служит причиной, задерживающей передел и в некоторых помещичьих общинах *Хвалынского* у. В *Рязанском* у. неодинаковое унавоживание крестьянами своих полос является одним из наиболее распространенных доводов зажиточных противников передела. Помещичьи общины Кошачковской волости *Казанского* у. воздерживаются от передела ради сохранения удобренных загонов и чтобы не уменьшать ширины душевых полос: «иные кричат: делить!.. да нельзя – повози сперва навозу – тогда и поделим», – говорят крестьяне. Тем не менее они добавляют, что если скоро не будет ревизии – «полагают, что придется делить землю по-новому».

Общественное мнение крестьян вполне признает известную долю основательности некоторых из указанных аргументов противников передела. Это относится, например, к расходам, вынесенным настоящими владельцами земли помещичьих общин в первое время новых порядков, и, вероятно, названное обстоятельство играет известную роль в замедлении коренных переделов у помещичьих крестьян сравнительно с государственными. В некоторых общинах или, вернее, в первое время по возникновении вопроса о равнении ссылка его противников на выкупные, дополнительные и другие внесенные платежи имеет такую силу, что и крестьяне, желающие передела, не могут не считать его незаконным и несправедливым (см., например, Карповскую

вол. *Раненбургского* у. и др.). Но с дальнейшим выяснением взглядов населения этому аргументу начинают придавать условное значение, считают за ним лишь временную силу. Так, например, «сельскими сходами *Темниковского* у. признается еще, что нынешнее неуравнительное распределение душевых наделов должно быть пока терпимо ввиду того, что нынешние владельцы наделов вынесли на себе наиболее обременительную часть выкупных платежей. Но пройдет большой срок пользования наделами, и не будет уже основания откладывать передел, потому что долговременное пользование наделами вознаградит каждого за первоначальные высокие платежи».

В значительном числе общин уже наступил тот момент, когда владельцы земли могут считаться достаточно вознагражденными за прежние жертвы, поэтому высказанные притязания противников передела вызывают возражения со стороны его сторонников. Так, в *Рязанском* и *Курском* уездах последние говорят первым, что те с лихвой вернули внесенные ими выкупные платежи, тогда как они, возражатели, гораздо более переплатили, арендуя землю. Крестьяне *Щигровского* у. объясняют, что повинности – это арендная плата за землю, а потому внесение их не может служить препятствием к новому перераспределению земли и т. д.

Что касается аргумента о незаконности передела выкупаемой помещичьими крестьянами земли или передела вне ревизии, то, несмотря на категорическое указание закона, прямо противоположное приведенному утверждению, этот аргумент является одним из важнейших препятствий переделу. Очевидно, что можно было бы предупредить много нежелательных явлений и облегчить процесс эволюции общины в пореформенную эпоху разъяснением крестьянам некоторых статей закона. И действительно, известны случаи, когда вмешательство крестьянского присутствия и других учреждений, только разъяснивших права мира, давало большой толчок переделам. Воронежские статистики, например, приписывают быстрое распространение коренных переделов в *Острогожском* уезде отчасти циркуляру уездного крестьянского присутствия, рекомендовавшему в 1884 г. удлинение сроков переделов. Усиление движения к переделам с выдачей владенных записей в *Мелитопольском* у. объясняется самими крестьянами тем, что мировые посредники, выдававшие записи, на вопрос крестьян, как им владеть землей, отвечали: «хотите – по дворам владейте, хотите – по ревизским душам; хоть по наличным, хоть на баб, хоть на скот делите». Первый передел в *Хвальнском* у. совершился после того, как крестьяне узнали о своих правах от местного предводителя дворянства. Передача в 1883 г. наделов умерших ревизских душ неревизским подросткам в с. Первозвановском (пом.) *Славяносербского* у. совершилась, между прочим, благодаря внушению непрямого члена присутствия по крестьянским делам и т. д.

Однако местные должностные лица, преимущественно сельские, вместо той роли, на какую мы сейчас указали, нередко играют как раз противоположную, затрудняя, а не облегчая работу общиной мысли, что является результатом частью их невежества, частью небеспристрастного отношения к явлениям, совершающимся в общине. Так, волостное начальство и низшие полицейские чины *Щигровского* у. сами уверены в противозаконности передела (и даже переверстки) и проповедают это крестьянам. «Не раз во время опроса крестьян о формах их землевладения, при местном исследовании этого уезда, старшины и урядники тревожно прислушивались, полагая, что опросы эти противозаконны, а при личных объяснениях оказывалось, что их пугает слово “переделы”, и произносят они его всегда таинственно и шепотом». Волостной старшина *Троицкой вол. Рязанского* у. приказывал одному старосте не допускать общество снимать наделы с одних хозяев и передавать другим. Волостное начальство *Сергиевско-Шереметьевской вол.* (пом. кр.) *Раненбургского* у. из-за собственных выгод тормозит переделы. В *Рязанском* у. противниками общинной самодеятельности являются и уездные власти. Так, мировой посредник не только запретил двум общинам *Подвязыевской вол.* переделывать землю, но и отменил их приговор о передаче надела с умерших на народившихся; в д. *Зубенках* мировой посредник объяснял, что земля выкупается каждым в личную собственность. Исправник приказал одной общине вернуть землю малолетнему крестьянину, с которого ее снял мир. Начальство *Борисоглебского* у. (в 70-х годах) было, по-видимому, тоже против переделов; по крайней мере, крестьянское присутствие отменило приговор *Софьевского общества* об отобрании части надела у большеземельного крестьянина. Помещичьи крестьяне с. *Осокоровцы Херсонского* у. постановили в 1882 г. приговор о переделе земли по наличным душам, а в 1885 г. возвратились к ревизской разверстке вследствие протеста 20 сильных хозяев, поддержанного крестьянским присутствием, и т. д.

Приверженцы ревизской разверстки не ограничиваются проповедью незаконности передела, а иногда прибегают и к другим средствам, отличным от простой агитации. Так, крестьяне, подымающие вопрос о переделе на сходе с. *Усть-Ижоры Петербургского* у., нередко сажаются в холодную под предлогом, что они находятся в нетрезвом виде. Пока еще приговор не постановлен или не приведен в исполнение, противники его иногда грозят насилием, даже смертоубийством, как это имело место в государственной общине с. *Крутого Больше-Избердьевской вол. Липецкого* у., где из-за такой угрозы задерживалось исполнение приговора о переделе, постановленного в 1882 году. В 4 общинах государственных крестьян *Бузулукского* у. заявлялось, что «без ревизии начальства при дележе большая драка будет: богатые завладели душами ушедших на новые земли вместе с усадьбами и ни за что

не отдадут их». «У нас только начни когда-нибудь передел – такое побоище будет!» – говорят крестьяне *Курского* уезда.

Чтобы добиться своей цели, приверженцы ревизской разверстки (кроме вымышленных слухов) прибегают иногда к прямым подлогам и обманам. В *Мелитопольском* у., в с. Богдановке и Семеновке, в приговорах о переходе к ревизской разверстке от наличной оказалось много подписей женщин, арендаторов и др., не имеющих права участвовать в решении общественных дел. С. Отрадовка Н. Троицкой вол. *Днепровского* у. перешло в 1880 г. от ревизской к наличной разверстке земли. Через три же года, в то время как наиболее энергичные защитники наличной разверстки были в отлучке, общество постановило приговор о возвращении к старой разверсточной единице. «На сходе волостное и сельское начальство уверяло, что Палата Государственных Имуществ непременно отведет новый участок земли для безземельных, и это не будет сделано, если общество наделит их своей землей. Трудно было не поверить таким уверениям, когда само общество так недавно получило землю, когда кругом отводилась земля, когда на соседнюю казенную землю постоянно приходили ходоки из различных губерний. В настоящее время, когда крестьяне убедились, что их ожидания не сбудутся, опять начинают поговаривать о переделе земли по наличным душам».

Не добившись отсрочки постановления приговора о разверстке земли по новым душам, сторонники старой системы пытаются иногда задержать приведение его в исполнение подкупом, опаиванием и т. п. Государственные крестьяне с. Селезней Лысогорской вол. *Тамбовского* у., постановив в 1881 г. приговор о переделе и приведя его уже в одном поле в исполнение, затем отменили его из-за ссор и драк, возбужденных богачами, опаивавшими бедняков, чтобы те приняли их сторону. Приговор 1883 г. в государственной слободе Подгорной *Острогожского* у. о переделе земли не состоялся, потому что «делильщики», подкупленные богачами, перепутали землю, и ее на многих не хватило и т. д. Иногда недовольные переделом протестуют против него тем, что не берут отведенной им земли или засевают старые полосы. В татарской общине Карашанке *Свияжского* у. часть пашни лежала после передела 2 года непаханой. Противники передела в сложной общине государственных крестьян *Елецкого* у. Ястребинской вол. с. Грунь-Воргольского и д. Кулешовки, чтоб затянуть передел, поспешили засеять свои старые полосы; но общество не стеснилось этим, и до 50 дес. засеянной земли частью были подпаханы, частью совсем отошли от старых хозяев и заменены другой землей; некоторые из новых владельцев возвратили засеянную полосу, получив взамен на 1 год непаханую, другие оставили посев у себя. Часть крестьян Демшинских выселок (госуд., 89 дв.) *Усманского* у., несмотря на приговор о переделе 1881 г., в 1883 г. сеяли на старых полосах.

Сторонники передела, в свою очередь, принимают иногда меры насилия, чтобы добиться составления законного большинства. Так, в *Елецком у.*, в общине государственных крестьян с. Казаки (870 дв.) Казацкой вол., передел земли на наличные души состоялся в 1883 г. «лишь после крайне ожесточенных споров между сторонниками и противниками его; так как достаточного числа голосов за передел не набиралось, то первые, чтобы заставить примкнуть к себе хотя часть несогласных, прибегли даже к угрозам». Один из крестьян *Острогожского у.* на вопрос, почему он подал голос за передел, когда он ему невыгоднее, отвечал: «стал было перечить, да мне дали выволочку».

Другого рода насилие – пассивное сопротивление – употребляется иногда меньшинством, настаивающим на переделе. Так, в *Острогожском у.* передел в сл. Костомаровой (211 дв.) Сагуновской вол. и Дальней Полубянке (142 дв.) волости того же имени (обе – государственных крестьян) был достигнут тем, что безземельные крестьяне отказались отбывать повинности. Отказ от исполнения натуральных повинностей служит орудием борьбы за передел и в с. Желтом *Славяносербского уезда*.

Но, по-видимому, указанные неблагоприятные средства достижения цели употребляются противниками редко; у мира есть другие средства подействовать на несогласных, обе стороны пользуются взаимным убеждением, делают друг другу уступки и таким образом достигают соглашения.

В *Саратовском у.* попадаются общины, где приверженцы передела обещали тем крестьянам, которым передел невыгоден, возратить землю в раз- мере сокращения их участков или задаривали их деньгами, поили вином, делали разные обещания. В д. Кибечь (крещеные татары) *Лаишевского у.* многие крестьяне отдавали хозяевам, для которых передел невыгоден, свои души на 6 лет, лишь бы они подали на сходке голос за передел. В *Курсановском у.*, в с. Подвигаловке Богородицкой вол., большинство постановляет приговоры о передаче наделов многоземельных семей, у которых убыли работники, большесемейным-малоземельным, т. е. производить частные переделы; недовольные такой тактикой подают жалобы в присутствие по крестьянским делам и даже в Сенат. В сложной общине государственных крестьян *Елецкого у.* Ястребинской вол., с. Грунь-Воргольского и д. Кулешовки (255 надельных дворов), чтобы составить законный приговор о переделе (против него подали голос 86 человек), приняты были в счет и безземельные солдаты, достигшие таким образом участия в пользовании мирской землей. Благодаря такому же приему был достигнут в 1881 г. передел земли в одной из помещичьих общин г. Соколова волости того же имени *Курсановского у.*

Нередко для смягчения протеста против передела община постановляет давать землю не всем наличным душам мужского пола, а начиная с извест-

ного возраста. Вследствие этого величина душевого участия возрастает, и те малосемейные, но многоземельные крестьяне, которые были против передела, потому что должны потерять слишком много земли, теперь, когда величина душевого участка несколько возросла, отчего потеря их уменьшается, соглашаются на равнение. Еще чаще составляется приговор, чтобы удобряемые или ближайšie к усадьбе участки полевой земли не подвергались переделу (о чем речь будет ниже), благодаря чему против передела перестают протестовать члены общины, опасющиеся, что их труды по возвышении культуры не будут ими использованы в полной мере.

Противники передела, в свою очередь, делают уступки его сторонникам, имеющие целью отдалить момент всеобщего перераспределения земли: принимают меры к устранению наиболее резких проявлений неравномерности в существующем распределении земли, соглашаются на частные переделы и в крайнем случае уступают надель умерших ревизских душ. Разверстка земли по живым ревизским и неревизским душам обыкновенно и являлась как компромисс между противниками. В *Славяносербском у.*, например, одни общины государственных крестьян (с. Крымское и др.) смягчают агитацию против ревизской разверстки тем, что стали отдавать мироплатимые надель малоземельным многосемейным членам общины вместо того, чтобы, как это было прежде, разверстывать их между ревизскими душами; другие стали снимать надель с недоимщиков и передавать их малоземельным хозяевам – исправным плательщикам. В *Острогожском у.*, в х. Волчьем (госуд. кр.) Евдаковской волости, при последней переверстке малоземельным хозяевам прибавлено по 1–2 души против ревизских, чтобы «не обижались» и не требовали передела.

Благодаря таким уступкам с обеих сторон, а также сознанию необходимости «равнения», переделы в огромном большинстве общин прошли без серьезных столкновений и часто даже без больших ссор.

Так, в *Липецком у.*, за исключением 1–2 общин, переделы у государственных крестьян идут при небольшом противодействии противников или даже с согласия всех членов общины. В *Лебедянском у.* встретились 2 общины (одна из них помещичья), где передел повел к тяжбе с затратами на нее денег. В *Кирсановском у.* переделы совершаются обыкновенно без больших ссор. В *Тамбовском, Спасском, Козловском* уездах – также. В *Спасском у.* некоторые крестьяне подавали жалобы на приговор о переделе, другие, увидев в момент передела, что от них уходит хорошо удобренная полоса взамен плохой и не получив от мира разрешения оставить за собой старые загоны, с досады начинали с кем-либо ссору и драку. В с. Осипове Кордюковской вол. *Кирсановского у.* в драках, завязавшихся из-за передела, принимали участие

и женщины. В *Тамбовском* у. было 2–3 случая крупных ссор или тяжб, из-за которых приговор о переделе не приведен в исполнение: из них в д. Максимовке приговор о переделе 1880 г. отменен крестьянским присутствием по незаконности, а на последующий затем приговор 1882 г. подана жалоба в Сенат; многие от тяжбы обессилели. В *Темниковском* у., в д. Пошатовские выселки, богачи, недовольные приговором о переделе, заплатили адвокату 300 руб. и, пользуясь недохваткой в приговоре 5 голосов отсутствующих членов, добились от уездного по крестьянским делам присутствия отмены приговора, и вопрос перенесен в губернское присутствие. По-видимому, не так мирно шло дело в *Усманском* у.: раздоры из-за передела были здесь почти везде, но обыкновенно кончались ссорами, иногда драками. Во многих общинах противники переделов подавали жалобы и иногда (указано в описании сел два случая) добивались отмены приговора по недостатку законного числа голосов. Подобные тяжбы ведутся здесь при участии сельских или городских «аблакатов», нередко берущих за написание прошений с обеих сторон и нередко поощряющих недовольных к жалобе; в одной волости таким лицом является сельский священник. В общине с. Чернева в 1882 г. было уже приступлено к переделу земли, но, по выражению крестьян, «сделался бунт», и общество решило остаться при старой разверстке. В четырех общинах (76 дв., 27 дв., 153 дв., 490 дв.) ссоры из-за совершавшегося передела и желание их прекращения привели к возвращению ревизской разверстки. Часть хозяев Демшинских выселок (89 дв.), не подчиняясь приговору 1881 г., сеяли в 1883 г. на старых полосах. Среди помещичьих крестьян *Тамбовской* губернии переделов еще мало, поэтому по немногим случаям ссор, занесенных в материалы, нельзя судить о характере процесса.

В *Елецком* у. известны следующие случаи крупных несогласий. Недовольные приговором о переделе земли крестьяне д. Нестерова (собств.) Стегаловской вол. подавали жалобу в уездное по крестьянским делам присутствие, а не получив здесь удовлетворения, – в губернское. В сложной же общине государственных крестьян Тербунской вол., с. Бурдино и Голопузово, недовольные переделом доводили дело до Сената и этим затянули до 1884 г. исполнение приговора, постановленного в 1880 г. Один из недовольных переделом в 1881 г. в государственном селе Власово Афанасьевской вол. пустил красного петуха и был сослан в Сибирь.

По-видимому, не так мирно идет дело в *Курской* губернии, хотя за новостью вопроса о переделе в этой губернии еще трудно сказать что-нибудь положительное. В *Корочанском* у. передел совершен у 7 общин государственных крестьян, в том числе в 6 общинах Ратьковской вол. В 4 из них передел прошел тихо, в х. Донецком «пошумели маленько», а в сл. Плющихе «была большая война»: «как сойдемся толковать о переделе, – говорят крестьяне, –

так и драка». В *Белгородском* у. переделы часто сопровождаются ссорами и драками, но есть случаи и мирного разрешения вопроса, как, например, случай д. Зачатьевки (дарственники, 31 дв.) Болховецкой вол., бедной, в неурожайный год даже побирающейся: крестьяне здесь давно хотели поделить землю по наличным душам, но боялись брать на себя инициативу и ждали «приказа от начальства»; в конце 1884 г. они узнали о своем праве производить передел и немедленно постановили о нем приговор. В 1883 г. приговоры о переделе 2 общин Старгородской вол. были отменены по незаконности (в одной из них, Мясодове, по приезде старшины для проверки приговора на сходе оказались главным образом противники передела), и крестьяне хотят постановить новые. В *Щигровском* у., несмотря на малочисленность переделов у помещичьих крестьян, все-таки встречаются серьезные ссоры. Так, по жалобе недовольных приостановлено приведение в исполнение приговора о переделе по живым душам в двух общих с тягловой разверсткой земли, причем в одной из них (с. Липовены) озими крестьяне посеяли на новых полосах, а снимали их (когда передел не состоялся) по прежним тягловым участкам. Глядя на эти несогласия соседей, некоторые общины (например, в *Корочанском* у.), намеревавшиеся было делить землю, приостановились с этим делом.

Большие несогласия при переделах возбуждаются, по-видимому, в *Мелитопольском* уезде, где есть немало новых общин, образованных выходцами из Малороссии и юго-западного края. Собственно говоря, переделы по наличным душам прошли здесь довольно согласно в 70-х годах, но в 80-х гг. в некоторых общинах возбудилось обратное движение к ревизской разверстке. При этом в некоторых селениях (Матвеевка, Семеновка, Богдановка) противные партии враждовали годами, дело доходило до отчаянных драк, и «некоторые селения в последние 2–3 года решительно завалили уездное присутствие целым ворохом правильных и неправильных приговоров, жалоб и кляуз по вопросу о разделе земли на ревизские души». В некоторых татарских общинах *Казанского* уезда (см. Кошачовская вол.) и в татарской же общине Мальине *Свияжского* уезда вопрос о переделе вызывал даже вооруженные столкновения противников.

Но и по устранении препятствий к переделу, зависящих от партийных несогласий, осуществление равнения иногда задерживается причинами, заключающимися в условиях владения землей, в ложных представлениях крестьян, в отсутствии технической опытности (у помещичьих крестьян) или в недостаточной разработанности всех деталей предстоящего акта. Нередко переделу препятствует недоимка, лежащая на обществе, которую трудно будет покрыть хозяевам, запустившими ее, в случае, если у них уменьшится

надел, но которую не берут на себя и семьи, ожидающие увеличения участков после передела. Это обстоятельство служит препятствием переделу в общинах *Елецкого у.*: собственников д. Афанасьевки, Михайловки, Морской, Архангельской Соловьевской волости; в сложной общине государственных крестьян Русской Черновке (за последние неурожайные годы накопившей 31143 руб. недоимки), Черновской вол. и с. Вязовецкого Богато-Платовской вол. Большая недоимка задерживает передел в двух помещичьих общинах Тепловской вол. *Данковского у.*, в нескольких помещичьих общинах *Раненбургского у.*, в двух общинах государственных крестьян *Хвалынского у.*

Передел по наличным душам иногда задерживается слишком большой чересполосицей крестьянского надела с другими владениями, ибо при увеличении числа душевых наделов (результат наличной разверстки) и стремлении крестьян дать каждому члену общины долю во всех частях общинной земли, различающихся по качеству почвы или расстоянию от усадьбы, чуть ли не каждый особый кусок мирских угодий пришлось бы дробить на слишком мелкие части. Этому обстоятельству, между прочим, обязано своим существованием сохранение тягловой разверстки земли у некоторых общин бывших помещичьих крестьян.

Есть общины, воздерживающиеся от передела в надежде, что безземельные члены их получат надел от государства. Помещичьи крестьяне *Белгородского уезда*, например, думают, что это совершится во время ревизии; в *Борисоглебском уезде* обращается мысль, что земля будет дана безземельным солдатам. При таком предположении было бы неосторожно со стороны общин наделять безземельных путем коренного передела из общинных угодий, и потому некоторые общины воздерживаются от последнего: «без переделу-то начальству видней», – говорят на этот счет крестьяне некоторых помещичьих общин *Рязанского у.* В *Мелитопольском у.* в некоторых общинах крестьяне говорят определенно, что переход на новые души прямо помешает получению земли на безземельных от государства. Д. Кучуковы Челны *Лаишевского у.* долго воздерживалась от самовольного передела ввиду предположения, что прирезка земли последует лишь в случае, если передел будет совершен «казенным порядком».

В других местах (например, *Саратовском, Рязанском уездах*) встречаются общины, опасющиеся, что с увеличением числа разверсточных единиц, как результатом замены ревизской раскладки наделов наличной, возрастут подати, ибо начальство обложит будто бы налогом новые души, подобно тому как облагает их после ревизии и сопровождающего ее передела по наличным душам того момента. Крестьяне с. Даниловки Подвязовской вол. *Рязанского у.* посылали даже в деревню государственных крестьян, сделавшую «свою ревизию», ходоков справляться, не обложили ли ее после этого налогом.

Бывали случаи, что неудача передела зависела от неумения крестьян справиться со всеми обстоятельствами дела. Так, помещичьи крестьяне *Курского у.*, Лебедина хутора (Спасской вол.), в 1874 г. поделили землю на наличные души, но скоро «спутались» и через два года возвратились к ревизской разверстке; в д. Лypiновой поделили было 100 десят. распаханного выгона по наличным душам, но «вышла такая путаница в платежах, что бросили».

Передел иногда задерживается отсутствием соглашения о таких, например, вопросах, какую принять единицу разверстки и вообще, каким образом разрешить все затруднения, вызываемые переделом. Так, в с. Н. Архангельском и Киселевке *Херсонского у.* совершение передела задерживается сознанием, что разверстка по привычным мужским душам несправедлива по отношению к семьям с большим числом душ женского пола, и в этом обществе поднят вопрос о наделении «девок». В Стрелецкой слободе *Мценского у.* приговор о переделе земли постановлен был в 1885 г., но еще через год он не был приведен в исполнение, так как крестьяне не могли согласиться относительно всех его подробностей. Одно из первых сел государственных крестьян *Богодуховского у.*, совершивших передел по наличным душам, приговор о том постановило в 1884 г. Хотя в пользу приговора подано 482 голоса, а против него 14, но (может быть, и потому, что около 70 домохозяев не присутствовали на сходе), «когда было приступлено к переделу, – явился целый ряд жалоб, непременно члена осаждали с прошениями в руках». Результатом этого была приостановка с исполнением этого приговора и составление через год (в 1885 г.) нового, лучше соответствующего выяснившимся интересам сторон¹ и потому принятого единогласно 561 домохозяином.

До сих пор мы имели дело с фактами, рисующими процесс выработки идеи равенства и борьбы между защитниками и противниками передела.

¹ Первый приговор был такого содержания: 1) «наделить состоящих налицо и исключить отсутствующих, проживающих в донских и других местах, не отбывающих в обществе натуральных повинностей», причем усадебные места засчитать за душевой надел; 2) причисленных у обществу, если они живые, наделять только на то число душ, в котором они были причислены; 3) исключенных из ревизской сказки ныне отставных солдат, как причисленных для одного счета, не наделять; 4) на отсутствующих из общества оставить землю по числу ревизских душ в общественном пользовании до их возвращения; увеличить количество топочной земли; избрать уполномоченных по одному от десятка, а всего 24». Во втором приговоре общество отменяет первый, потому что «при постановлении того приговора общество не обсудило предмета о наделе землей незаконнорожденных, не указало порядка производства раздела, не указало – наделить ли приписанных цыган, кого считать отсутствующими». Постановления нового приговора таковы: проверить усадьбы и зачесть в наделы; не наделять: 1) проживающих в донских местах и по разным селениям *Богодуховского у.*, 2) цыган, 3) исключенных из ревизской сказки за поступлением в военную службу, ныне отставных солдат, причисленных к обществу для одного счета; одиноких, отсутствующих на заработках и проживающих при с. Павлове – наделить; причисленных к обществу после X ревизии наделить на то количество душ, с каким они причислены; незаконнорожденных не наделять; старые сады, заведенные на полевых наделах, оставить, к ним и прирезать владельцу надел, а новые пустить в передел; наблюдение поручить волостному старшине; уполномоченным за их труд уплатить по 5 коп. с наделенной души, причем деньги эти собрать в распоряжение старосты и выдавать по частям «смотря по их действиям».

Хотя, таким образом, передел является перед нами результатом новой идеи, результатом известных процессов в сфере сознания, тем не менее здесь, как и в других проявлениях сознательной жизни человека, можно найти ряд внешних, объективных факторов, способствующих или затрудняющих процессы сознательной работы мысли. Укажем некоторые из подобных факторов.

Замечено, что переделы легче совершаются в больших общинах, нежели в маленьких. Это доказывается тем, что переделы в каком-либо уезде в новейшее время начинаются обыкновенно с крупных общин и что в большинстве случаев средняя величина переделившихся общин в уезде превышает такую же непеределившихся. Так, например, из 5 общин государственных крестьян *Борисоглебского у.*, постановивших в 1879–1880 гг. приговоры о переделе земли на наличные души, в то время как остальные общины уезда владеют землей по ревизским душам, – 3 принадлежат к крупным (485–9233 дв.) и две – к средним (220–230 дв.). Первая община помещичьих крестьян *Спасского уезда*, переделившая землю, принадлежит к числу крупных. Из 4 общин государственных крестьян *Белгородского у.*, совершивших передел по наличным душам или постановивших о нем приговор, 3 принадлежали к крупным; из 6 общин государственных крестьян *Старооскольского у.* – 4 крупных и т. д. В *Бугульминском у.* средняя величина общины государственных крестьян равняется 140 дв., средняя же из 57 общин разных разрядов (припомним, что помещичьи общины мельче государственных), совершивших коренной передел, состоит из 275 дворов; средняя величина общины *Бугурусланского у.*, смотря по разряду крестьян, колеблется от 50 до 163 дворов, средняя же община из 93, совершивших коренной передел, состоит из 183 дв.

В Бахмутском у.	Ср. вел. общ. гос. кр. 450 дв.	Ср. вел. отступ. от рев. разв. 471 дв.
В Бахмутском у.	Ср. вел. общ. пом. кр. 47 дв.	Ср. вел. отступ. от рев. разв. 107 дв.
В Острогожском у.	Ср. вел. общ. гос. кр. 190 дв.	Ср. вел. отступ. от рев. разв. 225 дв.
В Тамбовском у.	Число общ. гос. кр., пер. землю, 33%	Население их равно 47% гос. кр. уез.
В Лебедянском у.	Число общ. гос. кр., пер. землю, 30%	Население их равно 50% гос. кр. уез.
В Кирсановском у.	Число общ. гор. кр., пер. землю, 50%	Население их равно 75% гос. кр. уез.
В Козловском у.	Число общ. гор. кр., пер. землю, 25%	Население их равно 50% гос. кр. уез.

и т. д.

В *Саратовском* у. средняя величина 25 общин государственных крестьян, практикующих ревизскую разверстку земли, равняется 235 рев. душ.; средняя величина 22 общин, отступивших от этой разверстки, 802 р. д. В *Царицынском* у. средняя величина 7 общин с ревизской разверсткой 380 рев. д.; средняя величина 22 общин, отступивших от этой системы, 577 р. д.

Для объяснения указанного явления нужно принять во внимание, что хозяйственные неудобства пользования землей, вытекающие из чересполосного владения, при большом поселении чувствительнее, нежели при малом. В крупном поселении и, следовательно, при большой площади, принадлежащей общине земли, скорее встретится разнокачественность угодья и, как ее результат, большая раздробленность душевого надела, потому что община стремится, как известно, уравнивать всех своих членов в пользовании естественными свойствами почвы. В такой общине пахотное поле растягивается на далекие расстояния от села, откуда опять проистекают хозяйственные затруднения при обработке земли и т. д. Если к тому же вследствие продолжительного отсутствия переделов в общине развилась неравномерность землевладения, то члены крупного общества будут сильнее страдать от совокупности перечисленных недостатков и живее стремиться к устранению хотя некоторых из них, например неравномерного распределения земли. Кроме этих хозяйственных условий, предрасполагающих к переделу преимущественно крупные села, последние представляют еще выгодные для появления и распространения идеи передела социально-психологические условия. В крупной общине абсолютное число лиц, страдающих от неравномерного распределения земли, конечно, больше, нежели в мелкой. Поэтому идея равнения имеет больше шансов зародиться, а, зародившись в одной голове, найти энергических пропагандистов и последователей, превратиться в лозунг видной партии, действующей на несогласных не только мерами прямой пропаганды, но и созданием благоприятного для своей идеи общественного мнения.

В мелких поселениях, в противоположность сказанному выше, хозяйственные неудобства совместного владения низведены до минимума, и потому неравномерность распределения земли чувствуется не так сильно. Число лиц, страдающих от такого распределения, очень невелико, отчего даже возникающая идея передела не может импонировать тем, кому она невыгодна. В очень мелких общинах, состоящих, например, из 2–8 дворов, достаточно 1–3 несогласных на передел, чтобы не могло составить законное в его пользу большинство. Оттого-то мы видим, что мелкие общины в отношении к перемене единицы разверстки значительно отстают от крупных, и, может быть, сравнительная мелкость общин помещичьих крестьян является одной из причин более позднего появления среди них стремления к переделу по новым душам.

Нередко, однако, отрицательные условия для появления идеи передела в мелкой общине парализуются тем, что, образуя одно поселение с другими общинами или находясь с ними в близком соприкосновении, она до известной степени живет одной с ними жизнью и воспринимает идею, до которой сама доработалась бы гораздо позже. Этим обстоятельством иногда можно объяснить факт раннего появления переделов в мелких общинах. Так, например, из 8 первых общин помещичьих крестьян *Кирсановского у.*, совершивших передел по наличным душам, 5 принадлежат к числу мелких; но из них 3 входят в состав поселений государственных крестьян, которые тоже переделали свои угодья.

Но если крупность поселения вообще является фактором, благоприятствующим переделу, то слишком большая величина общины влияет прямо противоположно, по крайней мере при условии, что не все население общины занимается земледелием и дорожит землей и что значительная его часть уходит для заработка на сторону. Влияние указанных обстоятельств еще усугубляется в случае, если община состоит из нескольких деревень, значительно удаленных друг от друга и имеющих до известной степени различные интересы. В таких общинах слабый интерес многих членов к земле, раздоры, иногда существующие между отдельными деревнями, и, наконец, затруднительность собрать полный сход и составить законный приговор (большинством $\frac{2}{3}$ голосов) о переделе нередко служат препятствием осуществлению рассматриваемого акта общинной жизни. Это нужно сказать, например, о сложной общине помещичьих крестьян с. Богослова и д. Ченцова Краснополянской вол. *Елецкого у.*, где большеземельные противники передела живут дома, занимаясь лично хозяйством, а малоземельные его сторонники разбрелись для заработка из села. В д. Кунакове (соб.) Змиевской вол. *Данковского у.* и с. Сергиевском Сергиевской вол. *Раненбургского у.* (307 дв., соб.) народ постоянно в разброде, на заработках и о переделе трудно столкнуться. Если при подобных условиях, пользуясь случаем, когда население в сборе, сторонники передела и добьются составления в его пользу законного приговора, то является новое затруднение: в случае протеста недовольных проверка приговора может последовать тогда, когда сторонники его отправились на заработки и не в состоянии подтвердить подлинность своих подписей. По крайней мере, такому обстоятельству приписывают неутверждение в 1881 г. своего приговора о переделе земли крестьяне д. Подвязьи *Рязанского у.*

Трудность составления приговора задерживает передел в государственном с. Кривополяньи *Раненбургского у.*, величиной в 832 дв. В пригородной слободе государственных крестьян *Белгородского у.*, Пушкарской (620 дв.), растянувшейся на 7 верст, часть которой в 250 дв. примыкает к городу и землей почти не занимается, отдавая время городским заработкам, вопрос о пе-

ределе поднят, но последний не может осуществиться на практике; движение к уравниению до некоторой степени реализовалось, однако, в том, что сенокос начали отводить и на новых солдат, а лес, кроме того, на сирот и даже на посторонних лиц, живущих в селе. В сложной общине государственных крестьян Подольшанской вол. *Корочанского* у., состоящей из 12 деревень, передел по наличным душам задерживается именно этой сложностью общины. Отдаленность друг от друга деревень мешает столкнуться о переделе некоторым сложным общинам *Царицынского* уезда. В *Спасском* у. передел по наличным душам совершился у всех общин государственных крестьян, кроме одной сложной из 4 селений, из числа которых две находятся в ссоре из-за церковно-приходских дел. В сложной общине государственных крестьян *Липецкого* уезда, состоящей из 2 больших сел на 12-верстном расстоянии друг от друга, передел по наличным душам не может состояться, потому что одно из них, занимающееся отхожими промыслами, стоит за ревизскую разверстку; этой общине необходимо распасться на две.

Вопрос о влиянии на передел тех или иных свойств надела в случае, когда крестьяне землей дорожат, гораздо сложнее, чем вопрос о влиянии величины общины, хотя такое влияние, несомненно, существует, но оно так противоречиво, что без специального исследования его трудно доказать фактически.

Большая величина надела, по-видимому, благоприятствует равнению, так как при этом условии крестьяне, участки которых подлежат при переделе сокращению, во многих случаях получают все-таки достаточно земли для того, чтобы занять свою рабочую силу, и потому могут неособенно протестовать против передела. При малом наделе отношения прямо противоположны, а слишком незначительный надел возбуждает очень слабый интерес к уравниению даже среди членов общины, наиболее малоземельных. Сказанным объясняется редкость переделов у дарственных крестьян¹, как известно, получивших 1 дес. на ревизскую душу. Согласно тому, что нами сейчас сказано, очень часто первые переделы в какой-либо местности начинаются с общин не только крупных, но и многоземельных. Так, обе общины государственных крестьян *Белгородского* у., с которых начались переделы (1880 г.), имеют надел выше среднего; еще в большей степени относится это к двум общинам, постановившим о переделе приговор, в момент исследования уезда еще не приведенные в исполнение; надел этих общин в 1 $\frac{1}{2}$ раза превышает средний надел государственных крестьян уезда. Следующие же две общины, постановившие незаконные приговоры о равнении, принадлежат к числу крупных, но имеют надел ниже среднего. Из 8 помещичьих общин *Кирсановского* у., пере-

¹ Дарственники Екимецкой вол. *Раненбургского* у., напр., хотели было разделить землю, да раздумали: мал надел, не стоит ломать меж.

деливших землю по новым душам, 7 имеют ревизский надел выше среднего, одна – средний. Среди государственных крестьян переделываются здесь также по преимуществу многоземельные общины. Большая часть общин государственных крестьян *Тамбовского у.*, совершивших коренный передел, принадлежит к числу многоземельных, но и общины с наделами ниже среднего мало от них отстают. Из 57 общин *Бугульминского у.*, перешедших на новые души, 44 имеют надел, превышающий средний надел государственных крестьян уезда; 13 общин имеют надел ниже среднего. Из 55 общин государственных крестьян *Николаевского у.*, перешедших на новые души, 11 имеют надел ниже среднего (средний – 8 дес. для государственных крестьян уезда), остальные 44 – выше среднего, причем 16 общин имеют ревизский надел выше 10 дес. В *Бахмутском у.* из 115 общин бывших помещичьих крестьян, получивших полный надел, от ревизской разверстки отступили 11 общин, или 10%, из 77 общин с неполным наделом – 4, или 5,2%; все 5 общин государственных крестьян уезда, сохранивших ревизскую разверстку земли, принадлежат к малоземельным. В *Острогожском же* уезде общины государственных крестьян, переделавшие землю по новым душам, имеют, в среднем, ту же величину надела, что и общины непереределавшие.

Природные свойства земли не оставались также без влияние на стремление крестьян к переделу в рассматриваемый период истории общины; но это влияние обоюдосторонне и усложняется отношением доходности земли к платежам, на ней лежащим, которое зависит не только о тех или других свойств почвы, но и от высоты обложения. Лучшая, но обремененная платежами земля меньше значит в глазах хлебопашца, нежели земля худшая, но по причине низкого обложения дающая больший чистый доход. Влияние хорошей почвы или высокой доходности земли отражается на общинной жизни прежде всего обострением борьбы за передел, так как старые владельцы наделов упорнее держатся за находящиеся в их руках участки, а малоземельные члены общины энергичнее стремятся расширить площадь, какой они пользовались до сих пор. Чем выше при этих условиях арендная плата внеадельной земли, тем упорнее противники в своих притязаниях и тем болезненнее совершается процесс. Указанное влияние становится еще сильнее в случаях, когда своим плодородием почва в значительной степени обязана труду человека, что имеет место во многих нечерноземных областях; но здесь дело осложняется тем, что старые владельцы земли (по крайней мере, из бывших помещичьих крестьян) вынесли за нее тяжелые платежи и не желают расставаться с участками, которые от них стали требовать вскоре после того, как земля начала приносить чистый доход.

Влияние хорошей почвы надела, о котором мы только что говорили, должно быть особенно заметно в случаях, когда необщинной земли сдается в аренду очень мало, а надел у крестьян невелик, и потому сокращение участка

после передела грозит многим членам общины таким уменьшением дохода от хозяйства, что его уже не хватит на удовлетворение потребностей семьи, а снять землю на стороне оказывается очень затруднительно. При противоположных условиях, когда благодаря хорошим естественным свойствам почвы уменьшение возделываемого участка хотя и сокращает доходы хозяина, но не лишает его возможности получать известный минимум, обеспечивающий первые потребности семьи и позволяющий без больших затруднений привыкнуть к новым условиям и обратить освободившийся труд и средства производства на получение дохода путем арендования земли, – при этих условиях хорошая почва надела должна бы ослаблять сопротивление переделу, по крайней мере, со стороны не особенно эгоистичных членов общины¹.

Таким образом, естественные свойства почвы и величина надела в рассматриваемом отношении являются факторами, частью действующими параллельно и дополняющими друг друга, частью влияющими на процесс противоположно.

Более точный анализ влияния рассматриваемого условия на переделы требует специального исследования предмета, что не составляет задачи настоящего труда. Поэтому мы ограничимся на этот счет приведением из соответствующих Сборников таблиц, рисующих зависимость переделов земли от отношения, существующего между доходностью надела и лежащими на нем платежами.

Из предыдущего мы знаем, что в общинах с высоким обложением земли общие и частные переделы составляют явление обыденное и необходимое в интересах сохранения платежной способности населения. В таких общинах преобладает разверстка земли по производительной норме, и в этом отношении рассматриваемая группа общин резко отличается от другой, где земля окупает платежи и где разверстка ее совершается по потребительной норме. Из сказанного видно, что разверстка земли там и здесь имеет совершенно иное значение, представляя в первом случае распределение между членами общины тяготы, во втором – выгод, связанных с владением землей. По вопросу, рассматриваемому в настоящее время, было бы интересно изучить лишь отношения, существующие во второй группе общин, и рассмотреть, в каком положении вопрос о переделе земли находится в общинах с одинаковой величиной надела, но разной его доходностью или – с одинаковой доходностью десятины, но разной величиной надела. Сведения, которые мы представляем ниже, не дают материала для разрешения этого вопроса, а рисуют сравнительное положение вопроса о переделе (как по производительной, так и по потребительной норме) в группе общин, в которую входят и такие селения, где земля окупает платежи, и такие, где она их не окупает. Прибавим, что группа общин, переделывших землю, составлена из поселений, практикующих не только общие, но и частные переделы.

¹ В Царевкокошайском и Мценском у., напр., переделы имели место в общинах с лучшей почвой.

	Группа I Арендная цена надела равна или выше платежей					Группа II Арендная цена надела несколько ниже платежей; землей дорожат почти все				
	Число общин с 10 и более наличн. домохозяев	Из них				Число общин с 10 и более наличн. домохозяев	Из них			
		Производ. корен. переделы с 1858 г.	Спорящ., выжид. и проч.	Не намерев. переделять	% деливших		Производ. корен. переделы с 1858 г.	Спорящ., выжид. и проч.	Не намерев. переделять	% деливших
Рязанский уезд										
Полн. собствен.	6	1	1	4	16,6	–	–	–	–	–
Б. пом., ныне гос.	4	–	2	2	–	1	–	–	1	–
Бывш. государ.	26	9	16	1	34,6	4	2	1	1	50
Времен. обязан.	28	3	11	14	10,8	16	6	4	6	37,5
Собственники	136	2	55	79	1,5	49	5	8	36	10,2
Итого	200	15	85	100	7,5	70	13	13	44	18,5
Саратовский уезд¹										
Дарственники	19	11	1	7	57,9	12 ²	11	1	–	91,7
Б. пом., ныне гос.	3	1	1	1	33	1	–	1	–	–
Бывш. государ.	46	21	18	7	45,6	–	–	–	–	–
Времен. обязан.	6	1	2	3	16,6	–	–	–	–	–
Собственники	37	20	2	15	54,5	12	10	2	–	83,3
Итого	111	54	24	33	48,6	25	21	4	–	84
Царицынский уезд										
Дарственники	1	–	–	–	–	3	3	–	–	100
Бывш. государ.	9	5	–	–	55,5	10	9	–	–	90
Собственники	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Времен. обязан.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	10	5	–	–	50	13	12	–	–	92,3

¹ По Саратовскому и Царицынскому уездам исключены общины, отношение которых к вопросу о переделе недостаточно выяснено, а также и те, которые заключают в себе менее 15 рев. душ.

² По Саратовскому и Царицынскому уездам к группе II принадлежат общины, в которых землей дорожат большинство домохозяев.

	Группа III Арендная цена надела значительно ниже плате- жей; землей дорожит меньшая часть населения					Группа IV Арендная цена надела значительно ниже плате- жей; землей не дорожат				
	Число общин с 10 и бо- лее наличн. домохозяев	Из них				Число общин с 10 и бо- лее наличн. домохозяев	Из них			
		Производ. корен. переделы с 1858 г.	Спорящ., вы- жид. и проч.	Не намерев. переделять	% деливших		Производ. корен. переделы с 1858 г.	Спорящ., вы- жид. и проч.	Не намерев. переделять	% деливших
Рязанский уезд										
Полн. собствен.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Б. пом., ныне гос.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Бывш. государ.	3	–	–	3	100	–	–	–	–	–
Времен. обязан.	4	–	1	5	80	4	4	–	–	100
Собственники	81	2	11	94	86,1	20	20	–	–	100
Итого	88	2	12	102	86,2	24	24	–	–	100
Саратовский уезд										
Дарственники	29	28	–	1	96	–	–	–	–	–
Б. пом., ныне гос.	1	1	–	–	100	–	–	–	–	–
Бывш. государ.	1	1	–	–	100	–	–	–	–	–
Времен. обязан.	9	9	–	–	100	–	–	–	–	–
Собственники	52	47	2	3	990	–	–	–	–	–
Итого	92	86	2	4	93	–	–	–	–	–
Царицынский уезд										
Дарственники	2	2	–	–	100	–	–	–	–	–
Бывш. государ.	10	8	–	–	80	–	–	–	–	–
Собственники	5	4	–	–	89	–	–	–	–	–
Времен. обязан.	1	1	–	–	100	–	–	–	–	–
Итого	18	15	–	–	83,3	–	–	–	–	–

Новый фактор, не остающийся без влияния на стремление крестьян к переделам и осуществление последних, заключается в быстроте размножения населения и в семейных разделах. Чем быстрее возросло население какой-либо общины со времени последней ревизии, тем больше шансов на неодинаковость

этого возрастания в отдельных семьях и тем вероятнее появление во многих из них заметной неравномерности в отношении между величиной участка, уравненного по душам мужского пола в 1858 г., и числом наличных душ, за которой естественным образом следует и стремление к устранению неравенства.

Эта неравномерность становится еще чувствительнее при раздроблении семейств. Тогда как член большой, но относительно малоземельной семьи, излишний для земледельческих работ в собственном хозяйстве, отправляется на сторону и восполняет недостаток дохода от земли посторонним заработком, тот же крестьянин, отделившись от отца и обратившись в самостоятельного хозяина-одиночку, или остается без земли, или получит небольшой участок из отцовского надела. В последнем случае, если он не желает порвать с собственным земледельческим хозяйством, то должен жить летом дома и испытывать все неудобства малого надела, в то время как по составу своей семьи он мог бы рассчитывать на участок, в $1\frac{1}{2}$ –2 раза больший. Такой крестьянин естественно становится горячим сторонником идеи равнения. Еще в большей степени это относится к отделившемуся без земли.

Облегчая распространение мысли о переделе земли, семейные разделы способствуют и осуществлению последних тем, что дают возможность скорее образоваться большинству $\frac{2}{3}$ голосов, необходимому для законности приговора о равнении. Малоземельная кровная семья, состоящая, например, из двух женатых братьев с несколькими мальчиками, если она составляет одно хозяйство, имеет на сходе один голос, распадаясь же, – получит два. Таким образом, благодаря семейным разделам сторонники равнения усиливаются юридически и передел осуществляется скорее, чем это было бы при старом составе семей.

Если раздробление большой семьи на мелкие в общем благоприятствует переделу, то опасение этого раздробления со стороны старших членов семьи побуждает последних держаться за ревизскую разверстку земли.

«В борьбе за наличную и ревизскую раскладку отражается борьба, идущая внутри села между старым и молодым поколениями, – говорит г. Харизоменов при описании земельных порядков крестьян *Мелитопольского* уезда. – Старики домохозяева видят в ревизской раскладке средство к поддержанию и усилению власти родителей над детьми; наличная раскладка ставит молодежь в зависимое положение от отца. Сын, отделяясь от родителя, хотя бы самовольно, берет надел на свои наличные души с собой, и если бы отец вздумал не давать сыну земли, то мир, по жалобе последнего, вмешивается в спор и всегда становится на сторону сына. Ревизская же раскладка сильно стесняет семейные разделы, так как все дети моложе 26-летнего возраста (для 1884 г.) надела не имеют и, отделяясь от родителей самовольно, не могут требовать от них земли, а мир не имеет ни права, ни основания вмешиваться в споры родителей с детьми по этому поводу. “Когда я буду властен над землей, –

мотивируют домохозяева с. Веселого переход свой к ревизской раскладке от наличной, – то сыновьям волей-неволей придется держаться за меня”. Исследование мотивов подачи голоса всеми членами общины при баллотировке вопроса о переделе за ту или другую разверстку, произведенное в Острогожском и Мценском уездах, показало, что некоторые представители сложных семей стояли на сходе не за ту систему, от которой можно было ожидать увеличения их общего семейного участка, а за ту, которая давала больше прав на землю им, представителям, сравнительно с другими членами семьи и этим заставляла последних держаться общего хозяйства».

Таким образом, вопреки общераспространенному мнению, что опорой мирского землевладения служат по преимуществу старики, примирившиеся с гнетом, каким община будто бы ложится на личность, мы находим серьезные основания для того, чтобы на сохранении общинных распорядков настаивала молодежь, и настаивала притом в интересах не только материального благосостояния, но и нравственной самостоятельности личности.

Обстоятельством, может быть, кое-где задерживающим переход от ревизской раскладки к наличной по душам мужского пола, служит факт убыточности последней для женской половины населения общины. Г-н Харизоменов приводит следующий расчет отношения женского и мужского пола в семьях *Мелитопольского* у. с разным числом душевых наделов при ревизской и наличной разверстке земли.

На 100 мужчин приходится женщин:

	В 27 общ. с налич. раскл. наделов 1880–1884 гг.	Во всех 49 общ. с налич. раскладкой	В 45 общ. с рев. раск.
Группа семей без надела	111	73	86
Группа семей с 1 душ. надел.	158	142	97
Группа семей с 2 душ. надел.	119	123	93
Группа семей с 3 душ. надел.	95	95	95
Группа семей с 4 душ. надел.	85	86	97
Группа семей с 5 и бол. душ. надел.	75	76	92
В средн. для всех групп	97	98	95
Разность max и min	83	69	11
Наибольшее уклонение от средней	+61	+44	–9

Эта таблица показывает, что передел земли по наличным душам мужского пола «бросает в группы однодушников и двудушников все семьи, которые, хотя бы при большом семейном составе, имели несчастье рождать одних девочек. Наоборот, в группы многодушных сплошь и рядом попадают семьи,

хотя и с небольшим числом едоков, но зато сплошь состоящих из мужчин. Чем позднее был передел, тем сильнее должна быть неравномерность в распределении полов по группам. В ревизских общинах, где не было передела 26 лет (ревизские общины можно рассматривать как общины с наличной раскладочной единицей муж. пола передела 1858 г.), эта неравномерность, происходящая от случайных причин, успела уже сгладиться, при частых же переделах она каждый раз подхватывается и подновляется. Теперь нам должно быть ясно, что наличная раскладка, особенно при частых переделах, весьма невыгодна для женщин наиболее бедных групп – однодушников и двудушников. Вот почему женщины агитируют весьма энергично в пользу раскладки земли по душам обоего пола или в пользу старых ревизских душ. В Мелитопольском уезде такая агитация уже началась в Покровке, склонившейся к принципу “объединения” (по едокам), и в Семеновке, где 17 женщин участвовали в составлении незаконного приговора, направленного в пользу ревизской раскладки».

Исходя из того факта, что наличная раскладка равномернее распределяет землю между едоками, тогда как при ревизской разверстке, сравнительно с наличной, по вычислениям для *Днепровского у.* наблюдается несколько более равномерное распределение земли между рабочими, г. Петровский высказывает предположение, что стремление к ревизской разверстке земли обуславливается, между прочим, небольшой доходностью надела, так как при этом условии семье с большим числом малолеток нет расчета стремиться к увеличению участка до размеров, превышающих ее рабочую способность, ибо доход от сдачи излишней земли в аренду вряд ли вознаградит ее за хлопоты по сдаче земли и риск, какому подвергается сдающий ввиду возможности неисправного взноса арендатором платежей, лежащих на земле. Такое предположение г. Петровский думает подтвердить следующей табличкой сравнительной доходности пашни в общинах, принявших ту и другую раскладку:

	Средн. аренд. цена десят.	Средний платеж за десят. в рублях	Разность между ними
В общин. с наличной раскладкой	4,94	1,81	3,13
В общин. с ревизской раскладкой	4,79	1,84	2,95

Подтверждение своей мысли г. Петровский находит и в том факте, что при голосовании вопроса о переходе от наличной разверстки к ревизской в с. Бурчатке *Мелитопольского у.* 38 домохозяев (из 175), высказавшихся за разверстку, при которой они получают меньше земли, принадлежат к числу обремененных малолетками. Прибавим, что это село – одно из самых малоземельных в уезде.

Мы указали несколько факторов, оказывающих влияние на процесс развития идеи передела и осуществления его на практике. Но кроме названных, есть и другие, играющие, по всей вероятности, такую же роль, именно: известная комбинация промыслов с земледелием, степень развития отхожих промыслов, грамотность населения, уровень благосостояния населения и степень его равномерности и т. д. Эти влияния совсем еще, однако, не исследованы, а задачей настоящего труда является, главным образом, не разработка, а сведение того, что уже сделано земско-экономическим исследованием России. Поэтому, ограничиваясь по вопросу о влиянии на коренные переделы различных социально-бытовых факторов сказанным выше, для иллюстрации вышеизложенного прилагаем таблицы¹, могущие до известной степени служить для проверки правильности заключений, высказанных на предыдущих страницах.

	Число общин	Среднее		
		Число дворов в общ.	Надел на ревиз. душу	Число рабоч. муж. пола на семью
Днепровский уезд				
Старые общ. с наличн. разв.	10	587	7,9 дес.	1,50
Старые общ. с ревиз. разв.	10	547	9,8 дес.	1,54
Мелитопольский уезд				
Старые общ. с наличн. разв.	31	665	10,1 дес.	1,48
Старые общ. с рев.-нал. разв.	3	378	10,0 дес.	1,57
Старые общ. с ревиз. разв.	10	217	9,1 дес.	1,70
Новые общ. рус. с нал. разв.	13	223	10,4 дес.	1,50
Новые общ. рус. с ревиз. разв.	5	145	10,8 дес.	1,57
Бердянский уезд				
Старые общ. с наличн. разв.	30	376	9,2 дес.	1,63
Старые общ. с рев.-нал. разв.	10	255	9,2 дес.	1,61
Старые общ. с ревиз. разв.	1	110	6,7 дес.	1,61
Новые общ. с нал. разв.	9	173 ²	10,0 дес.	1,48
Новые общ. с рев.-нал. разв.	15	272	9,7 дес.	1,41
Новые общ., возвратившиеся от наличн. к рев. разв.	6	150	10,7 дес.	1,47
Новые общ., не изменявшие ревизской разверстки	7	65	9,2 дес.	1,23

¹ Таблицы, за исключением относящейся к Хвальнскому уезду, составлены нами.

² В том числе 2 молоканские общины в 14 и 51 двор.

Хвалынский уезд					
	Число общин	Среднее			Прирост населения
		Число двор. В общине	Надел на двор.	Душ обоего пола в семье	
Госуд. с на-личн. разверст.	21	284	15,80	6,17	37,9
Госуд. с ревиз. разверст.	53	219	14,85	6,02	35,0

Приведенная таблица, обнимающая 4 уезда, доказывает, что зависимость передела от величины общины подтверждается почти неуклонно. Отступление, представляемое новыми общинами *Бердянского* уезда, принявшими наличную разверстку, дает нам случай, однако, заметить существование новых факторов, нами непредвиденных. Оказывается, что в числе общин этой группы находится две маленьких (14 и 15 дв.), населенных молоканами. Приняв во внимание, что и остальные 3 общины молокан уезда практикуют наличную разверстку, мы можем допустить с некоторой вероятностью предположение, что на оставление ревизской разверстки и переход к более равномерному распределению земли в этих общинах не остались без влияния религиозно-нравственные воззрения молокан.

Влияние величины надела на принятие той или другой системы разверстки выражено в рассматриваемых уездах мало; влияние величины семьи (иначе говоря – семейных разделов) несколько больше; особенно это заметно в старых общинах *Мелитопольского* у.

Следующая таблица, относящаяся к Казанской губернии, составлена нами с целью убедиться в том, насколько указанные выше факторы проявляются при сравнении между собой целых уездов.

Уезды	Число общин	Ср. вел. села (душ. об. п.)	Надел на нал. д. (в дес.)	Изменение вел. семьи с 1858 г.	% общин передел. по новым д.	Сред. величина общ.	Плотность населения	Чистый сбор ржи в пуд. с 1 дес.
Государств. крест. русские								
Тетюшский	27	1077	4,33	-40%	82%	—	—	—
Свияжский	70	643	4,60	19%	70%	—	—	—
Казанский	80	517	4,88	-9,6%	56%	—	—	—
Цивильский	4	654	2,87	-36%	25%	—	—	—
Царевококшайский	33	160	4,69	-25%	12%	—	—	—

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Уезды	Число общин	Ср. вел. села (душ. об. п.)	Надел на нал. д. (в дес.)	Изменение вел. семьи с 1858 г.	% общин передел. по новым д.	Сред. величина общ.	Плотность населения	Чистый сбор ржи в пуд. с 1 дес.
Государств. крест. татары								
Тетюшский	103	734	2,96	-31%	98%	—	—	—
Свияжский	38	886	2,60	-36%	97%	—	—	—
Казанский	9	1319	2,20	-58%	90%	—	—	—
Цивильский	192	570	3,38	-34%	65%	—	—	—
Царевококшайский	33	778	2,85	-24%	33,3%	—	—	—
Государств. крест. чувашы								
Тетюшский	43	428	4,38	-12%	94%	—	—	—
Цивильский	113	396	3,58	-33%	90%	—	—	—
Бывш. влад. крест.								
Свияжский	102	429	2,7	-1,34%	22%	—	—	—
Цивильский	21	289	1,04	+7,1%	19%	—	—	—
Тетюшский	56	415	1,92	-1%	10%	—	—	—
Казанский	111	292	2,87	-1%	6%	—	—	—
Все разряды крестьян								
Цивильский	208	449	3,4	-33%	82%	686	46,8	30-40
Тетюшский	265	670	3,3	-26,4%	77%	632	48,1	25-40
Свияжский	220	626	3,4	-20,0%	52%	504	39,4	20-45
Казанский	419	490	3,7	-22,4%	44%	478	40,0	25-35
Царевококшайский	209	210	4,1	-20,0%	16%	472	13,9	10-40

Уезды в этой таблице расположены в порядке убывания числа общин, переделавших землю по новым душам, и мы видим, что приблизительно в том же порядке убывает и средняя величина поселения, а в известной мере и степень раздробления семьи со времени ревизии. Последние две графы этой таблички обнаруживают заметное благоприятное влияние на переделы большей густоты населения в уезде и (при той же величине надела) высшей доходности земли. Это значит, что возможность, при том же размере участка, получить от земледелия больший доход возбуждает более энергичное стремление к переделу со стороны малоземельных членов общины или ослабляет

сопротивление ему многоземельной части союза. Вместе с тем наши таблицы никоим образом не доказывают исключительного влияния на передел рассматриваемых факторов и, напротив, заставляют предполагать существование других условий, отражающихся на стремлении крестьян к переделу земли, то усиливая, то ослабляя таковое.

Говоря об условиях, благоприятствующих или задерживающих передел земли по новым душам, мы пропустили положительное влияние примера, относительно чего в наших материалах имеется много данных. Мы считали излишним останавливаться на этом явлении, потому что значение примера и подражания как условий, благоприятствующих происхождению разнообразнейших явлений в индивидуальной и социальной жизни, настолько общеизвестно, что нет надобности в специальных доказательствах их влияния в области общинной жизни.

Мы видели, что различие, обнаруживаемое общинами по отношению к вопросу о переделе, не может быть объяснено всецело различными объективными факторами процесса. Но и без этого замечания понятно, что перераспределение земли между членами общины, будучи актом сознательного решения мира, не может быть выводимо только из влияния на человека внешних условий и рассматриваться как проявление чисто стихийного процесса. Оно в значительной степени определяется идейными и этическими мотивами, подтверждение чему находится в тех фактах, какие собраны при исследовании нескольких уездов относительно состава голосов, подаваемых при баллотировке вопроса о переделе, в связи с материальной заинтересованностью в переделе лиц, высказавшихся «за» и «против» передела.

В Сборнике статистических сведений по *Козловскому* у. г. Романов привел расчеты по двум селам, совершившим передел на наличные души, – Ярославке и Старой Дегтянке, из которых видно, что передел прошел здесь, хотя в первом селе он был невыгоден 45%, а во втором почти половине домохозяев. Так как для составления законного приговора о переделе требуется согласие $\frac{2}{3}$ всех хозяев общины, то вышеизложенный расчет привел г. Романова к заключению, что передел земли в указанных селах не мог бы осуществиться, «если бы все домохозяева в решении мирских дел следовали только соображениям о собственной личной выгоде». Такие же отношения были затем констатированы г. Щербиной для Воронежского и Острогожского уездов, и дано им то же объяснение.

Из 1127 хозяев 7 общин *Воронежского* уезда, переделавших землю по наличным душам, получили после передела увеличенные участки 535 хозяев, уменьшенные – 527, прежней величины 65. Большинство $\frac{2}{3}$ должно иметь 752 голоса, между тем как передел был выгоден всего 535 домохозяевам. Если бы к последним присоединились все те, для кого передел безразличен,

то и тогда не хватало бы 150 голосов для составления законного приговора о переделе, и все эти голоса должны быть поданы за передел теми хозяевами, которые потерпели от него сокращение своих участков. Расчет по 55 селениям *Острогжского у.*, заключающим 9722 двора, обнаруживает то же явление. После передела участки земли увеличивались у 5289 дворов, или 55%, уменьшались у 4007 дворов, или 41,6%, остались без перемены у 326 дворов, или 3,4% всего числа домохозяев.

Анализ голосов, поданных «за» и «против» передела в общинах *Острогжского у.*, проведен дальше. Опрос по 33 селениям показал следующее:

Всех домохозяев, подававших голос, было	6590	100%
Большинство $\frac{2}{3}$ составляют	4394	67%
Высказались за передел	4924	74,7%
Высказались против передела	1666	25,3%

Группа высказавшихся за передел составила из:	
Хозяев, у которых участок должен был увеличиться	3562 хоз.
Хозяев, у которых участок должен был уменьшиться	1134 хоз.
Хозяев, у которых участок должен был остаться без изменения	228 хоз.
Группа высказавшихся против передела составила из:	
Хозяев, у которых участок должен был увеличиться	95 хоз.
Хозяев, у которых участок должен был уменьшиться	1554 хоз.
Хозяев, у которых участок должен был остаться без изменения	17 хоз.

Итак, 95, или 2,6% хозяев, участки которых должны были после передела увеличиться, подали голос, однако, против передела; 1134, или 42,2% крестьян, участки которых подлежали сокращению, высказались за передел, и 228, или 93,1% нейтральных членов общин, подали голоса в пользу передела. Отметим, прежде всего, этот последний факт, т. е. что огромное большинство лиц, участки которых при переделе не подвергались ни уменьшению, ни увеличению, подали свои голоса за передел. Это значит, что или они руководствовались сознанием справедливости нового перераспределения земли, – так как трудно предположить, чтобы все они находились в каких-то особых личных отношениях именно к тем 55% хозяев, участки которых после передела увеличивались, а не к 45%, терявшим от передела, – или передел угодий, несмотря на то, что он ведет к замене участка, на котором крестьянин хозяйничал 20–25 лет, новым, представля-

ет какие-либо преимущества, независимо от того – увеличивается ли при этом участок или нет. В первом случае нельзя не признать участия в изучаемом нами акте общинного быта этических мотивов; во всяком же случае факт присоединения к сторонникам передела лиц, участки которых остаются неизменными, доказывает, что общее настроение крестьянской массы, независимо от непосредственных материальных ее интересов, благоприятно идее передела; что последний, как акт вмешательства мира в индивидуальную деятельность, не только не вызывает протеста, но встречает сочувствие. А если так, то, помимо игры материальных интересов, идея передела поддерживается общественным мнением, и насколько таковое играет роль в житейских делах, имеет лишний шанс за себя.

Ничем иным, как этим влиянием общественного мнения, усиленного и, так сказать, очищенного от грубо-эгоистической окраски присоединением к сторонникам передела беспристрастных членов общины, нельзя объяснить факт подачи голоса за передел большей частью 1134 хозяев, участки которых подлежали после передела сокращению. Действительно, на вопрос, что заставило их высказаться за передел, огромное большинство указанной группы крестьян не могло дать никакого ответа, кроме того, что «хотел», «желал», «от мира не прочь», «як общество, так и мы», «хоть и не согласен был, да за обществом пошел» и т. д. Некоторые же указывали на более высокие мотивы, напр.: «много семей было без земли, а я и одной душой прокормлюсь». Многие говорили, что были вынуждены к соглашению силой, высказались за передел по недоразумению и т. д.

Уже яснее влияние корыстных расчетов при подаче голоса против передела 95 хозяевами, участки которых при переделе увеличивались. Одни из них выгодно сняли «до нового передела» в аренду участки односельцев, другие опасались, что при переделе будут им зачтены большие площади земли, находящиеся у них под усадьбами, третьи желали предотвратить отделение младших членов семьи, так как при переделе по новым душам последние получили бы больше земли и, может быть, пожелали бы образовать самостоятельное хозяйство; четвертые не хотели лишаться облюбованных ими клочков земли. Наконец, некоторые руководствовались соображением, что без «царского указа» делить землю нельзя.

Исследование *Музенского* у. подтвердило факт, замеченный в других местностях, именно, что переход общины от одной разверстки земли к другой почти всегда совершается, хотя число лиц, участки которых подлежат при таком переходе увеличению, не доходит до $\frac{2}{3}$ всего числа домохозяев. Разбивая исследуемые общины на две группы: 1) где при переделе общее число душевых наделов оставалось неизменным и передел имел целью лишь иное перераспределение этих наделов между членами общины, и 2) где при

этом происходила и перемена числа наделов, – и указывая на тот факт, что в первом случае всегда оказывается группа хозяев (получивших то же число наделов, какое они имели при старой раскладке), участки которых остаются при переделе неизменными, г. Черненко высказывает предположение, что присоединение этих хозяев к тем, которым передел выгоден, и дает возможность осуществиться последнему. В другой группе общин нет этой нейтральной кучки, и потому передел может быть совершен лишь под условием подачи за него голоса частью лиц, участки которых подлежат сокращению. Такая «подача», по мнению г. Черненкова, иногда является результатом злоупотребления: так как «писать приговор в волостное правление являются преимущественно (?) сторонники передела, со слов которых и отмечаются несогласные, то естественно, если число последних нередко при этом убывает». Но этим не объясняется факт во всей его полноте, и чтобы несколько выяснить мотивы, побуждавшие хозяев, теряющих от передела, подавать голос за него, орловские статистики произвели подробный опрос хозяев д. Долгой, перешедшей в 1880 г. от наличной разверстки к ревизской.

Д. Долгая, уже совершившая передел по наличным душам, должна была решить вопрос – по каким душам переделить опять землю: наличным или ревизским. При переделе по наличным душам участки увеличились бы у 11 домохозяев, уменьшились бы у 22; при переделе по ревизским – увеличились бы у 19, уменьшились у 14. Последний передел выгоднее большему числу лиц, и он был осуществлен, но распределение голосов за тот и другой передел не всегда совпадало с распределением хозяев по группам, участки которых увеличивались и уменьшались при принятии той или другой разверстки. Рассмотрев причины указанного противоречия между распределением голосов и интересами отдельных хозяев, г. Черненко делает заключение, что «здесь действовал, главным образом, тот же личный интерес, но более сложные условия делали это менее заметным для первого взгляда». Обращаясь же, для проверки этого заключения, к анализу мотивов, побуждивших крестьян действовать, по-видимому, против своих интересов, мы увидим, что из 8 хозяев, поступивших таким образом, 1 действовал по недоразумению, 2 опасались, что передел по другим душам может повести к невыгодному для них отделению от семьи братьев, 1 согласился на передел по ревизским душам, потому что передел по наличным был бы ему еще более невыгоден. Итак, 4 крестьянина подали голос за передел, ведущий к сокращению их участков, руководствуясь чисто эгоистическими мотивами. Иное следует сказать о других 4 голосах: два из них поданы за передел по ревизским душам потому, что такой передел выгоден малоземельным братьям крестьян, подававших голос; приведенный мотив, очевидно, не может считаться эгоистичным. Сказанное еще в большей степени приложимо к

следующему случаю (№ 19), о котором в Сборнике говорится: «на сходе был старик-отец, и хотя для него был выгоднее раздел на наличные души, но он стоял за ревизские, потому что “ревизские души заработали у барина, а не молодые”. В следующем случае, № 6, можно наблюдать влияние общественного мнения: при переделе по наличным душам хозяин № 6 получил бы 4,77 дес. больше, чем имел раньше; передел по ревизским душам увеличил бы его долю на ничтожную величину – 0,41 дес.; при таких условиях названный домохозяин сначала кричал о переделе по наличным душам, но когда увидал, что “не переспоришь”, согласился на раздел по ревизским, ибо и таковой был ему не в убыток».

Итак, анализ случая, приведенного в доказательство мнения, что при голосовании крестьянами вопроса об изменении системы разверстки земли не видно мотивов, отличных от эгоистических (понимаемых, конечно, в узком смысле слова), показывает, что и более чистый интерес (забота о родных и даже чужих больше, чем о себе, уважение общественного мнения) играет при этом голосовании видную роль. Во многих же случаях этому чистому источнику побуждений совершившийся передел обязан даже более, чем грубому материальному интересу. Так, в 8 общинах *Мценского* у. передел по новым душам выгоден был 81 домохозяину, невыгоден 69; целая же половина населения, 158 хозяев, не получала от передела ни увеличения, ни сокращения своих участков. Казалось бы, что при таких условиях передел невозможен, ибо прямой расчет настаивать на его осуществлении наблюдается всего у 26% всех домохозяев; и, однако, он совершился, потому что к 80 его сторонникам присоединилось не менее 130 голосов, для которых передел безразличен или даже может быть убыточен. Здесь мы имеем, следовательно, случаи, где передел вынесен на плечах главным образом лиц, материально вовсе в нем не заинтересованных. А если так, то эти лица действовали ради интереса общественного, этического, во всяком случае, не узко-эгоистического, или нужно признать, что, помимо прямого влияния на распределение земли между членами общины, передел имеет в глазах крестьян еще какие-то важные преимущества, из-за которых масса лиц готовы на ломку меж, утрату участков, бывших в их пользовании десятки лет, и даже на сокращение таковых. Примем мы то или другое объяснение – в обоих случаях мы будем вправе высказать мысль, что анализируемое нами явление в жизни современного крестьянина свидетельствует о благоприятном отношении народной массы к общине как форме социальных отношений.

Рассматриваемый факт подачи за передел голоса крестьянами, которым он невыгоден, заинтересовал и саратовского статистика г. Личкова, который при описании *Саратовского* у. для объяснения его приводит следующие свои наблюдения и соображения.

«Причина такого отношения может, конечно, заключаться в альтруистических мотивах, которыми могли руководствоваться крестьяне. Это предположение невольно напрашивается и прежде других приходит на ум, хотя во время местных исследований нам случалось наткнуться и на другого рода объяснения подобного отношения к переделу. Нам, например, попадались такие факты, что некоторые крестьяне, ожидавшие от передела убавки в земле, соглашались на него под влиянием обещаний некоторых из тех крестьян, которым передел был выгоден. Эти последние, ожидая себе выгоды от передела, обещали первым поделиться землей, вновь приобретенной, по меньшей мере в том количестве, на какое должны были уменьшиться их участки (т. е. участки тех, которые пострадали бы от передела). Случалось видеть, что защитники передела задабривали некоторых противников (конечно, преимущественно тех, которым передел был не особенно убыточен) – деньгами, вином, различными обещаниями и т. п. Факты подобного согласия на передел объяснялись в некоторых случаях и отказом зажиточных хозяев от не важных для них выгод в пользу более нуждающихся. Объяснялись они и недопониманием, неумением сделать точный, правильный расчет. Так, некоторые хозяева, которым по расчету должно было достаться число душ, равное или немного больше прежнего, соглашались на передел в надежде, что у них земли не убавится. На деле же оказывалось, что вследствие уменьшения размера земельных душевых участков небольшая прибавка в числе душ (например, на одну) не вознаграждала уменьшения в количестве земли. Но чтобы не оставаться в сфере гаданий, обратимся к составленному при собирании сведений по общинному бланку с. Озерки, в котором, может быть, найдутся какие-нибудь объяснения данного факта. Но при этом нелишним считаю предупредить, что в нем может не содержаться никаких указаний на стремление тех или других крестьян, в противность собственной личной выгоде, совершить передел только ради восстановления нарушившейся справедливости распределения мирской земли, хотя бы в действительности и существовал факт подобного отношения некоторых к переделу. Дело в том, что соображения альтруистического свойства весьма нелегко поддаются наблюдению».

«Из пообщинного бланка видно, что в Озерках ко времени передела накопилось много душ выморочных и пропавших в безвестной отлучке. Души эти “ходили по миру в аренду”, и многие крестьяне думали, что ожидаемое уменьшение душевого участка от разделения земли при переделе на большее число разверсточных единиц отчасти может быть вознаграждено распределением “по всем” земли этих душ. Как ходившие в аренде, души эти были у общины, так сказать, бельмом на глазу, потому что ими пользовались отдельные хозяева, а для мира вообще они были бесполезны. Мало того, за ними, вследствие неисправности крестьян – их арендаторов, нередко “застаи-

валась недоимка”, чего не могло быть при разверстке их по всему миру: вся земля была бы “при месте”, не было бы никакой путаницы, знали бы, с кого именно, за что и сколько платежей требовать. Все это понуждало к разделу земли “выморочных” и “пропавших” душ по “всем”, кроме как по наличным душам мужского пола мало кто соглашался. Сверх таких душ были еще и другого сорта “шляющие” души, это – души, принадлежавшие раскольникам из числа озерских крестьян и находившиеся за смертью отцов во владении их незаконнорожденных детей. Проживая преимущественно в Саратове и не занимаясь хлебопашеством, незаконнорожденные “кулугуры” эти – как их называют здесь крестьяне – сдавали свои души мирским богатеям. Многие крестьяне рассчитывали, что с отнятием этих душ у незаконнорожденных и с распределением их земли по всем остальным новым размер душевого надела сравнительно не очень заметно уменьшится от деления на большее число разverstочных единиц при переделе. Но дело вышло наоборот: арендаторы этих душ, сильные своим влиянием и богатством, в конце концов, ради собственной выгоды отстаивали “кулугурские” интересы, потому что рассчитывали оставить их землю по-прежнему у себя в аренде: при переделе приняты были во внимание и незаконнорожденные сектанты, новонарезанные души которых по-прежнему остались в аренде у мироедов».

К этим фактам мы можем, со своей стороны, присоединить аналогичные же, указанные на предыдущих страницах, свидетельствующие о том, что обещание со стороны одних членов общины вознаградить так или иначе лиц, подающих голос за передел вопреки собственным интересам, может играть известную роль при составлении требуемого большинства. Но каково бы ни было объяснение интересующего нас явления по отношению к той или другой отдельной общине, приведенные выше расчеты касательно распределения голосов при баллотировке вопроса о переделе, в связи с материальной заинтересованностью в нем лиц, подающих голос, – расчеты, относящиеся ко многим десяткам общин, взятым без всякого выбора, наводят на то же заключение, какое было нами сделано по вопросу об обращении четвертного владения в душевое. Это заключение состоит в том, что перераспределение земли в смысле ее уравнивания как принадлежность типической великорусской общины находит себе место в жизни современного крестьянина не потому, что в данный момент оно доставляет материальные выгоды известному большинству членов общины, которое и осуществляет передел, пренебрегая интересами другой части населения, а потому, что за передел стоит, между прочим, часть крестьян, материально в данный момент в нем почти не заинтересованная и, следовательно, поддерживающая его из альтруизма, из более широких и отдаленных соображений и т. п., словом, по мотивам не узко, а широко эгоистическим, по мотивам социальным. Иначе говоря, население

отдает преимущество общине как социально-бытовой форме, как организации, представляющей не только известные выгоды в настоящем, но и серьезные гарантии за будущее.

В параллель с этим заключением, выведенным из анализа некоторых явлений общинной жизни, интересно сопоставить прямые ответы крестьян на вопрос о преимуществах общинного или подворного владения землей, собранные исследованием для некоторых уездов. При исследовании *Московской* губ. во второй половине 70-х гг. крестьянам задавался между прочим такой вопрос: не стеснительно ли для хозяйства мирское землевладение с его переделами и дроблением полос, и если стеснительно, то не лучше ли поделить общественную землю на подворно-наследственные участки? Задавая этот вопрос, исследователи выставляли на вид все недостатки общинного землевладения и указывали только светлые стороны других форм владения. Результаты опроса сформулированы покойным Орловым в следующих положениях.

Многие крестьяне не могли даже представить, чтобы мирское землевладение возможно было заменить другой формой, и стояли безусловно за общину. Большинство же и общин, и отдельных лиц ясно понимали, в чем дело: «видно было, что вопрос не являлся для них неожиданностью, что они сознательно относятся к общинной форме землевладения и высказывают совершенно определенные на нее воззрения. В тех общинах, где хозяйство всех или большинства дворов находится в исправном состоянии, где всей землей дорожат, – как целый мир (на сходке), так и всякий отдельный хозяин стоят за сохранение мирского землевладения, признавая за ним многие преимущества перед другими формами владения. В общинах же, где земледельческое хозяйство большинства дворов находится в упадке, где общие переделы полей часто повторяются, где значительная часть крестьян добывает средства существования отхожими промыслами, где много пустырей и бесхозяйных крестьян, где притом накопились значительные недоимки, для покрытия которых требуется прибегать к разверстке их по круговой поруке, – в таких общинах наиболее состоятельные крестьяне сочувственно относятся к подворно-наследственному владению, при котором была бы уничтожена круговая порука и устранены переделы полей. Но при этом никто не высказывается за уничтожение чересполосности владения и за округление подворных участков; наоборот, почти все настаивали на том, что разверстание мирской земли на округленные подворные участки было бы крайне невыгодно в хозяйственном отношении и что такое разверстание можно произвести разве насильственно, так как добровольно никто на него не согласится. Что же касается до крестьян бедных, маломощных, то те из них, которые поддерживают свое земледельческое хозяйство, крепко стоят

за сохранение мирского землевладения как за единственное условие своей хозяйственной самостоятельности; те же крестьяне, которые лишились возможности вести земледельческое хозяйство (бесхозные дворы, гулящие люди и т. п.), которые порвали непосредственную связь с землей и добывают средства к существованию исключительно сторонними заработками – все такие крестьяне, как и наиболее состоятельные, желали бы замены мирского землевладения подворно-наследственным, дабы иметь возможность навсегда отказаться от земли и тем освободить себя от связанных с ней платежей. Наконец, есть малочисленный разряд крестьян, по мнению которых мирское землевладение с круговой порукой невыгодно, потому что лишает их возможности скупать землю малосильных дворов и недоимщиков. К этому разряду принадлежат крестьяне-капиталисты, владеющие, помимо мирского надела, землей, купленной в частную собственность на стороне, или же занимающиеся крупной промышленностью и торговлей. Собственный мирской надел для этих крестьян не имеет значения: как средство обеспечения, он слишком ничтожен для них, округлить же его, скупить соседние наделы, расширить размер своего участка на счет соседей невозможно, так как никто не имеет права отчуждать своих наделов». «Итак, воззрения крестьян Московской губернии на мирское землевладение различны, и обусловливаются они главным образом хозяйственным положением общин, к которым принадлежат высказывающиеся крестьяне, а с другой стороны – разницей в имущественном состоянии отдельных дворов».

Крестьяне, стоящие за сохранение общинного владения землей, приводят в пользу его те соображения, что и при обращении его в наследственное владение, при существующем разнообразии почвы, невозможно будет каждому нарезать особый участок, а придется сохранить чересполосность со всеми ее вредными в сельскохозяйственном отношении последствиями; что при полном праве собственности каждого на землю некоторые хозяева внесут такие изменения в севооборот, которые сделают невозможным пастьбу скота на общем пару, другие, не имеющие скота, потребуют плату за пастбище или вовсе запретят гонять скот на свои участки, вследствие чего общая пастьба сделается невозможной и мелкие хозяева будут стеснены до крайности; близкое соседство (в особенности при чересполосном владении) мелких частных собственников будет служить исходным пунктом бесконечных ссор из-за потрав и других нарушений одним хозяином права собственности другого. Удобрение земли, при сохранении того же количества скота, не только не увеличится, но может сократиться сравнительно с настоящим, когда часто надел бедняка передается сильному хозяину, который его обрабатывает. Подворное владение поведет к такому дроблению собственности, что многие хозяева не будут в состоянии хозяйничать и

должны будут продать свои участки, другие сделают то же вследствие временных затруднений, третьи – по неумению справиться с землей, и таким образом последует быстрое обезземеление населения. Общинное владение лучше обеспечивает безнедоимочную уплату податей в случае, если они превышают доходность земли.

Противники общины в свою очередь говорят, что при ней исправный хозяин весьма часто работает на других, неисправных членов общины, лишаясь при переделе хорошо разделанных полос и привлекаясь к оплате земли, с которой не справляется другой; при частном же владении не только это было бы устранено, но кроме того, богатый крестьянин мог бы округлить свой участок насчет соседей (Орлов, гл. IX.).

Такие же отзывы имеются и для некоторых других местностей.

В *Острогожском* у. «крестьяне в большинстве случаев не могут даже представить себе, чтобы общинное землевладение могло быть заменено иной формой владения и пользования». По крайней мере, на вопрос – не желает ли все общество или отдельные лица перейти к подворному владению, крестьяне в большинстве случаев отвечали не только отрицательно, но и с явным недоумением. Менее привязанности к нему замечается у крестьян-собственников, преимущественно мелких общин, состоящих из 2–3 или нескольких дворов.

«Во всех без исключения бывших государственных, горнозаводских и помещичьих селениях Бахмутского у. крестьяне сознательно и категорически заявляли нам о своем нежелании переменять существующую обычную форму землевладения»; в некоторых местностях (например, в Авдотьинской вол.) самая мысль об этом показалась новостью. Более или менее общее стремление к подворному владению существует в с. Александровке (Пиуновой) и Васильевке Звановской вол. и объясняется близостью соляных промыслов; в 11 селениях (всех селений в уезде 278) к этому стремятся зажиточные домохозяева, между прочим опасаясь ответственности за недоимки, накопленные бедняками. Масса средних и бедных хозяев стоят за общину по причине разнообразного качества почвы и неодинакового расстояния полей от усадьбы, а также потому, что бросивший почему-либо хлебопашество, сохраняя в общине право на землю, может, поправившись, возвратить свой участок, при подворном же владении теряет его навсегда.

При опросах жителей *Ростовского* у. об их отношении к общине только 5 селений заявили о своем стремлении к подворному землевладению; остальные или не имеют этого стремления, или заявляют о прямо противоположном. Армяне, например, «уверены, что только при общинном строе они и могут существовать». Более определенная мотивировка отрицательного отношения крестьян к подворному владению заключается в неодинаковом качестве и положении наделов, ведущем к необходимости периодических жеребьевок.

Из записанных попутно около 50 отзывов крестьян *Саратовского у.* о подворном и общинном владении видно, что последнее предпочитается, потому что оно позволяет уравнивать землепользование всех в количественном и качественном отношении, предупреждает разорение семьи от платежей, когда земля не окупает последних, позволяет установить общие выгоны и пользование лесом; в малоземельных общинах крестьяне высказывают, что при их малом и неудобно расположенном наделе подворное владение невозможно.

Из того, что было говорено на предыдущих страницах, читатель может составить себе общее представление о мотивах коренных переделов земли. Здесь мы соберем встречающиеся в наших материалах указания на этот предмет, причем постараемся занести на страницы нашего труда ту мотивировку переделов, какая дается самими крестьянами в приговорах схода о совершении общего коренного передела земли.

Надельная земля имеет для крестьянина двоякое значение: она служит ему источником дохода и вместе с тем мерой взыскиваемых с него податей и других сборов. Первое ее значение для него – положительное, второе – отрицательное, и окончательное отношение крестьянина к наделу в значительной степени определяется равнодействующей того и другого ее влияния на экономическое состояние хозяина. Где земля не окупает лежащих на ней платежей, там хозяйственный мужик готов взять такой ее участок, который не требовал бы непременно расходования всей его трудовой силы, а оставлял время для обработки арендованной на более выгодных условиях земли для сторонних заработков, более доходных, чем земледелие на собственном участке; маломощный же хозяин стремится в этом случае отказаться, по возможности, от всего надела и, следовательно, от всех или большей части платежей. В таких местностях условием, определяющим в данный момент видимые проявления общинной жизни, будет стремление крестьян по возможности отделаться от земли и накопление на общине пустовой, брошенной отдельными хозяевами земли (а с нею и платежей); мотивом к изменению существующего распределения наделов будет стремление облегчить членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномерно распределить недоимки, запущенные неплательщиками, и т. п. В случаях значительного несоответствия дохода от надела с платежами, на нем лежащими, эта цель достигается частными переделами, производимыми довольно часто, даже ежегодно. Община не ожидает здесь накопления пустовой земли, а стремится предупредить его, своевременно облегчая одних членов общины, обременяя других. Этот мотив играл главную роль в тех частных переделах, которые составляли такую выдающуюся черту в жизни помещичьих общин некоторых местностей в

первое время после реформы и о которых шла речь во II главе настоящего труда. В обществах, где доходность надела равняется или даже превосходит платежи, могут встретиться обстоятельства (например, неурожай и т. п.), подрывающие благосостояние массы членов и ведущие к разрыву многих крестьян с землей, вследствие чего на обществе окажется много пустовых душ, за которые нужно уплачивать подати, для чего приходится распределить их так или иначе между наличными домохозяевами. Это обстоятельство бывает нередко причиной совершения передела; указанный мотив играл видную роль при переделах последнего времени, например, в общинах *Самарской губернии, Славяносербском у., части Острогожского, в отдельных общинах Курской, Таврической губ. и т. д.*

Местами накопление пустовой земли поддерживает мысль о переделе не своим отрицательным влиянием на экономическое благосостояние населения, а теми неудобствами, какие проистекают от непристроенности участка: истощение его, чрезмерное раздробление при распределении между всеми, путаница в расчетах и т. п. Это относится к местностям, где земля окупает лежащие на ней платежи. Главнейшей же экономической причиной передела в таких местностях следует признать малоземелье (в отношении пахотного или усадебного угодья) одних членов общины при относительно многоземелье других, а соответствующий ему психический мотив – желание увеличить участок земли как источник дохода. Этот естественный мотив, вызываемый непосредственно неравномерностью распределения земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на безземельных и малоземельных ее членах по исполнению воинской и мирских натуральных повинностей, привлечение к которым делается не на основании размера землевладения, а по величине рабочего состава семьи. В этом смысле – поддержки мотива, вызванного неравномерным распределением земли, – и следует относить к числу причин новейших переделов введение всеобщей воинской повинности, в силу которой с 1878 г. пошли в солдаты лица, родившиеся после ревизии и потому остававшиеся без земли.

Уже гораздо более редкими и, вероятно, второстепенными мотивами переделов в черноземной полосе являются различные сельскохозяйственные соображения, как-то: желание устранить разнокачественность участков различных членов общины там, где не практикуются жеребьевки (например, *Елизаветградский у.*), раздробленность наделов как результат семейных разделов (*Борисоглебский у.*), стремление удержать на известном уровне удобренность или разработку общинной земли¹, сделать более широкими душевые поло-

¹ В четырех общинах Кошачковской вол. *Казанского у.*, занимающихся огородничеством, частые переделы (приусадебной земли) вызываются стремлением поддерживать на известном уровне удобренность земли, для чего необходимо участки бедных членов передавать богатым, и наоборот.

сы (*Бугурусланский у.*) и т. д. В *Московской губ.*, где цель количественного уравнивания членов общины в пользовании надельной землей достигается по преимуществу при помощи часто повторяющихся частных переделов, общие переделы земли имеют главной задачей уменьшение чересполосицы, являющейся результатом свалок-навалок душ. При этом обыкновенно производится и количественное уравнивание землепользования членов союза. Сообразно указанной главной причине общих переделов в *Московской губ.* таковые подлежат рассмотрению в главе о жеребьевках мирской земли.

Изредка мотивом к переделу общинной земли служит желание отстранить от пользования мирской землей лиц посторонних, когда-то принятых на землю (*Днепровский у.*), желание многоземельных хозяев, ослабевших от неурожая, уменьшить свои платежи (*Острогожский у.*), требование начальства наделить землей лиц, вновь причисленных к обществу (*Белгородский у.*), и т. д.

Есть случаи, где в числе мотивов видную роль играют, по-видимому, чисто альтруистические побуждения, например жалость к безземельным, как это имеет место в общине вольных хлебопашцев *Бугульминского уезда*, Умашка-Урсале, вероятно, в Спасской общине вольных хлебопашцев того же уезда и во многих других случаях, когда на передел земли соглашаются общины, владеющие землей на подворно-наследственном праве. В *Чекмаловской общине Бугурусланского у.* передел земли мотивирован тем, что «малоземельные дворы запустили свои загоны, и мир, зная, что им не под силу обработать их, решил переделить землю для того, чтобы дать возможность слабым получить обработанные загоны, а более сильным – залужалые».

В *Александрійском у.* общество военных поселян с. Новогеоргиевского мотивами переделов, совершающихся через 3 года, выставляет в приговорах разнокачественность участков земли отдельных членов союза и желание одних хозяев отказаться от части своего надела, а других – увеличить свои участки. В *Херсонском у.* мотивами переделов в приговорах выставляются неравномерность распределения земли и безземелье крестьян, отбывших воинскую повинность. В некоторых указываются и другие причины, например: «во все общественные отбутки и должности избирают все семейных (говорится в одном приговоре), кто имеет 2–3 сына, считая, что у него есть кому работать, а они имеют только по одному наделу на огромное семейство, одиночки не отбывают никаких отбуток и должностей, а по 2–3 надела имеют земли на свое маленькое хозяйство»; в других приговорах имеются ссылки, между прочим, на исправность во взносе податей и желание исключить из пользования землей отставных нижних чинов, причисленных к обществу. В приговоре с. *Троицкого* говорится: «земля общественная ежегодно делится мелкими частями между нами и оттого проис-

ходит нехорошая обработка и неурожай, а потому приговорили...» и проч. В *Тираспольском* у. мотивом переделов в приговорах обществ государственных крестьян выставляется недостаток земли некоторых семей, зависящий от неравномерного ее распределения. Для примера приводим приговор о переделе земли общества государственных крестьян с. Терновки. «1883 г. 19 июня, мы, нижеподписавшиеся государственные крестьяне с. Терновки, были собраны на сход сельским старостой, который объявил нам усмотренные им со дня поступления его старостой несправедливые действия наших односельцев, что таковые самоуправно много позахватали общественной земли, сверх определенного числа каждому, а также, что многие из них без ведома и согласия общества, а равно и высших властей, много продали общественной земли, состоящей на общественной толоке, равно и в садах, которые числятся на той же толочной земле, по частным сделкам разным лицам, как своим односельцам, равно и иногородним, что все до сих пор делается было противозаконно, и через всех их неправильные действия все мы терпим недостаток в земле; каковая земля, как видно из владенной записи и плана, имеемых при Терновском сельском правлении, состоит невыкупленной и не подлежит собственности крестьян, о чем, по дошедшим сведениям, к г. неперемному члену Тираспольского уездного по крестьянским делам присутствия от 16 марта в предписании своем парканскому волостному правлению изложено, чтобы последнее объявило по всем селениям той волости, что никто не имеет права продавать на вечность государственные земли, не вошедшие в общественность крестьян *по невыкупу таковых*, но простым частным сделкам, а равно и сады, состоящие на государственной земле, указывая притом 484 ст. Сельского Судебника, т. XII, ч. 2. Мы же, находя объяснение старосты справедливым и клонящимся в пользу общества... с общего нашего согласия постановили: испросить разрешение через парканское волостное правление у Тираспольского уездного по крестьянским делам присутствия вызвать в с. Терновку, по распоряжению присутствия, землемера и разделить земли на все наличные мужского пола души к 1 августу сего 1883 г., причем просить г. неперемного члена при разделе земли временно присутствовать и его высокородию; неправильно же проданную землю и сады без ведома общества и разрешения начальства отобрать от купивших, а продавшие обязаны возвратить купившим деньги... и впредь продаж и покупок под описанием ответственность по закону не производить *до введения земли по выкупе в их собственность*».

В *Одесском* уезде общество государственных крестьян с. Яски в 1881 г. составило следующий приговор: «...имели рассуждения, что со времени X переписи в составе ревизских душ последовали значительные перемены и, таким образом, после многих из записанных в ревизию, но убылых с общества

за смертью и по другим причинам родственники и другие лица удерживают в своем пользовании участки земли, тогда как лица, рожденные после ревизии и находящиеся в живых, отбывая все обществу натуральные повинности, а равно и воинскую повинность, правом на надел земли не пользуются, через что является крайне неравномерное пользование общественной землей».

В *Мелитопольском* у. крестьяне таким образом мотивируют переход от ревизской к наличной разверстке: «много молодых людей уходит в солдаты, а наделом не владеют»; «накопилось много убылых душ, за которые некому платить подати»; многосемейные дворы лишены наделов; «работники лишены земли». С. Зеленое, образованное в 1862 г. государственными крестьянами Киевской и Черниговской губ., владевшими на родине подворно, в 1868 г. разделили землю на ревизские души, а в 1878 г. – на наличные; «справедливее, – мотивируют свои действия зеленевцы, – скрозь так стало, а то солдаты служат, а земли не имеют». Приводим из Сборника следующую таблицу распределения переделов земли, имевших место со времени X ревизии, в 61 общине государственных крестьян уезда по их причинам.

Причины переделов

Число общин	61	Выселения	2
Число переделов с 1858 г.	175	Отрезки земли для построения храма	2
Первый передел	33	Неопределенность границ, обмен угодий, спор о границах	9
Переход к другой единице раскладки	59	Кража земли	2
X ревизия	18	Ошибки предыдущих переделов	1
Неуравнительн. раскладки земли вследствие прироста населения	24	Вычет садов из пашни	1
Прирезка земли	2	Специальные качества почвы	3
Приход новопоселенцев	6	Смена толоки на пашню	13

В *Днепровском* у. с. Горностаевка Каирской волости мотивировало передел тем, что много стало идти в солдаты семей неревизионных, безземельных, а в то же время было много семей, владевших умершими душами (сходную мотивировку мы находим и в приговорах некоторых других сел, переходивших к наличной разверстке). В селе Н. Троицком (новое, госуд.), заселенном черниговскими малоземельными государственными крестьянами и расположенном на малопродуктивной почве, жители которого занимались больше скотоводством, нежели хлебопашеством, и многие бросали

землю и уходили на сторону, первый передел по наличным душам в 1878 г. имел целью распределение убылых душ и избавление общества от платежа за них; следующий передел по наличным же душам, в 1884 году, произведен с целью устранения от пользования землей лиц, причисленных к обществу без надела, но захвативших мирские угодья.

В *Бердянском* у. с Орловка (новое, госуд.) Н. Алексеевской волости приговор о переделе земли по живым ревизским душам с прибавкой неревизских мотивирует недостатком земли у неревизских работников, при обременении малоземельных работников натуральными повинностями, распределяемыми по рабочей силе. В приговоре 1878 г. о переделе земли в с. Покровском сказано: «...в нашем обществе много душ уже умерших, на которых наделена земля, и из домохозяев есть такие, которые получают на 7 душ (сам один в хозяйстве) и сами не обрабатывают землю, сдавая ее для пользования в чужие руки без ведома общества».

В *Славяносербском* у. в некоторых помещичьих общинах, где земля не окупает платежей, мотивом к переделу служат накопления на обществе убылых душ с числящейся на них недоимкой и вытекающая отсюда запутанность земельно-податных отношений: при противоположных условиях, а также у государственных крестьян – требование земли неревизскими и соображение, что таковые, не имея земли, отбывают, однако, воинскую повинность.

В *Самарском* у. мотивами переделов выставляется неравномерное распределение земли и накопление пустовых душ. В *Бугульминском* у. в хозяйственной жизни крестьян совершаются в последнее время два противоположных явления: «Одни из безревизских крестьян, долго мыкавшие по свету от безземелья и голодовки, стремятся получить от мира землю на правах полноправных членов общества; другие, наоборот, обессиленные своей маломощностью, обремененные платежами и обескураженные неурожаями, добровольно бросают надельную землю» и ищут лучшего на стороне. «Этими двумя противоположными движениями народной жизни и обуславливаются переделы земли и другие земельно-общинные распоряжки». Передел по наличным душам в Спасской общине вольных хлебопашцев, до того времени владевших землей по праву первой заемки, произошел в 1881 г. по инициативе пришлого из Николаевского уезда механика-самоучки Талызина, оказавшего на крестьян благотворное влияние и в других отношениях, например сельскохозяйственном. В сложной общине вольных хлебопашцев – Ямашки-Урсалы, где раньше практиковались переверстки земли через 7–12 лет, в 1884 г. переделали землю по наличным душам «из жалости к безземельным» и оттого, что у многих «было много душ и мало работников». Полные собственники – татары – совершили передел главным образом «вследствие накопления пустоты» и

несоответствия между наличными работниками и числом ревизских душ. В *Бугурусланском* у. «во всех положительно общинах необходимость коренных переделов обусловливается тремя главными причинами»: безземельем неревизных домохозяев, накоплением пустовых душ и накоплением недоимок. «Стремление крестьян распределить недоимки на новых основаниях между платежными силами всюду служило почти главным регулятором при переделах земли, которое направляло в ту или другую сторону практические мероприятия общин при распределении земли между различными хозяйственными группами». В Чекмаловской общине передел совершался для того, чтобы дать возможность малосильным дворам, запустившим свои полосы, получить новые, обработанные загоны взамен прежних, залужалых; в Емантаевской и Нижне-Курмейской общинах поводом к переделу послужило стремление заменить мелкие полосы более крупными, чтобы можно было пахать их вдоль и поперек, – «не лучше ли будет земля, не выведется ли пырей». В *Бузулукском* у. одна из двух общин государственных крестьян, совершивших передел земли по новым душам (в 1884 г., по работникам), – Покровско-Тананыкская, – мотивировала необходимость передела следующим образом: «за давностью народной ревизии в обществе нашем у крестьян образовалось много выморочных душ, за которые последние, у кого они есть, обременяются платить подушную подать, так как в семействах их наличных работников оказывается мало, а в податном окладе душ много, поэтому все крестьяне желают в обществе своем сделать сами частную народную перепись» и т. д. «Порядок этот должен быть впрямь до ревизии, которая произведется правительством со временем».

В *Хвалынском* у. «мотивы перехода к наличным душам везде одни и те же». Это – неравномерность распределения земли и безземелье неревизских солдат. О них дают понятие приговоры о переделе, приведенные в тексте для примера. «У многих общественников наших, – говорится в приговоре Собакино-Давыдовского общества, – имеются многочисленные семейства, а земельный их надел находится совершенно малый, почему им приходится приобретать землю посредством покупки у многоземельных однообщественников и сторонних лиц за весьма дорогую цену. Кроме того, члены общества, рожденные после X ревизии, поступают в военную службу и по возвращении из оной, не имея собственного надела, приобретают землю тоже за весьма дорогую цену, через что благосостояние у многих не поправляется, а приходит в упадок». Для предупреждения таких явлений общество и решило произвести передел по наличным душам. «У нас в обществе производится раздел земли на 1127 ревизских душ, – сказано в приговоре Селитьбинского общества, – в числе коих находится умерших 377 душ, на которые пользуются землей их дальние родственники; а так как после ре-

визии в обществе прибыло 825 наличных неревизских душ, которые землей нисколько не пользуются, и, кроме того, в обществе находится большая часть многолюдных семейств, а во владении их земли находится только 2 или 3 ревизских души, почему таковые семейства имеют крайний недостаток по малочисленности душ земли. Обсудя это, с общего всех нас непринужденного согласия» постановили и т. д.

В *Воронежском* у. крестьяне указывают на тесную связь вопроса о переделах с продовольственным, и те из них, у которых существует дисгармония между числом наделов и едоков, «ждут-не-дождутся новой коренной разверстки земли». В *Острогожском* у., судя по опросу крестьян, причины коренных переделов в общинах, где земля не окупает платежей, заключаются в желании распределить платежи между семьями пропорционально их состоятельности, и, как видно из приводимых примеров, переделы эти совершались, когда на обществе оставались неразобранные мироплатимые наделы. Где земля окупает платежи, там целью передела было равномерное распределение самой земли; некоторые общины указывали, между прочим, как на причину стремления к переделам, на большие усадьбы некоторых хозяев, на захват ими наделов ушедших из села лиц, на торговлю наделами многоземельных хозяев. В сл. Кривой Поляне о переделе хлопотали многоземельные, потерпевшие большие убытки при неурожае и пожелавшие уменьшить лежащие на них платежи.

Крестьяне *Черниговской* губ. объясняют введение переделов земли тем, что при нерегулированном землепользовании развилась большая неравномерность владений и накопились недоимки, которые взыскивались по круговой поруке (см. Материалы для оценки земель *Суражского* у.).

В *Борисоглебском* у. недостатки продолжительного отсутствия переделов, признаваемые и высказываемые крестьянами, заключаются в следующем: 1) в несоответствии размера надела с численным составом семьи, 2) в чрезмерном раздроблении наделов как результат семейных разделов, 3) в недостатках мирского пользования пустовыми душами: недостаточном уходе за землей лиц, взявших ее в аренду, чрезмерном дроблении их в случае распределения между всеми домохозяевами, путанице в мирском учете пустовых душ, платежей, прибылей и убытков от того или другого способа распоряжения ими. В *Моршанском* уезде мотивами к новым переделам были неравномерность старого распределения земли и признание права на надел за домохозяевами, родившимися после ревизии, сделавшимися работниками и призываемыми на военную службу. В *Козловском* уезде важным моментом, определившим отношение государственных крестьян к переделу (кроме неравномерности в распределении земли), был факт взятия в 1878 г. в солдаты безземельной неревизской молодежи, дети которой остались,

таким образом, без средств к существованию, а сама она понесла на своих плечах наиболее тяжелую повинность. В *Темниковском* у. новой ревизии и передела полей крестьяне начали ждать, когда прошло 15 лет после X ревизии; решающим моментом явился призыв на военную службу молодежи, родившейся после ревизии. В *Шацком* у. крестьяне Высоковской и одной из 2 общин Ванновской волости производили раньше периодические жеребьевки земли, а когда появилось сознание необходимости удобрения, некоторые крестьяне стали настаивать на их отмене; сознав вред жеребьевок, крестьяне естественно обратили внимание на еще большее зло – неуравнительное распределение наделов, и часть крестьян потребовала их перераспределения; вопрос разрешился коренными переделами с отменой жеребьевок. Такова связь между указанными двумя явлениями, наблюдаемая и в других местностях. Общество с. Бибикова (пом.) *Лебедянского* у. произвело в 1876 г. передел земли по наличным душам, после того как из села выселилось много крестьян. В *Белгородском* уезде мотивами состоявшихся или предстоящих переделов выставляются следующие обстоятельства. В 2 общинах государственных душево-четвертных крестьян Никольской вол., с. Черемошном и д. Устинке, передел по наличным душам совершился в начале 70-х годов, когда к этим общинам было причислено десятка по два крестьян, бывших дворовых; с. Черемошное совершило новый передел ввиду предписания (!) Казенной Палаты нарезать землю вновь причисленным хозяевам, а д. Устинка пришла к решению наделить землей прибывших (повидимому, к моменту совершения общего передела) путем такого рассуждения, что «по совести, по-Божьи» без земли им быть нельзя, что без нее они, пожалуй, сядут на шею миру, которому придется платить за них подати, что по бескормице они, пожалуй, начнут когда-нибудь воровать и т. п. Помещичья община с. Черемошного той же вол. совершила в 1884 г. передел по наличным душам ввиду накопления на обществе выморочных «обмерших» душ, земля которых была «ни в тех, ни в сех». Необходимость передела в Казацкой слободе Болховецкой вол. мотивирована в приговоре 1884 г. существованием, с одной стороны, большего числа лиц, отбывающих воинскую и общественные повинности и пользующихся крайне недостаточными участками земли своих умерших родственников или переданными от общества выморочными и переселенческими наделами, с другой – одиночек, которые, будучи не в силах сами обрабатывать скопившиеся у них 3–5 наделов, сдают их в аренду за дорогую плату и в то же время, как одиночки, не несут воинской и общественных повинностей. Помещичья община с. Репного (10 дв.) *Пушкарской* вол. думает переделить землю ввиду неравномерности существующего ее распределения. В *Щигровском* у. передел по наличным душам в помещичьих общинах д. Веретенниной (в 1884 г.) *Штевецкой* вол.

и д. Сергиевки (в 1882 г.) Троицкой вол. объясняется крестьянами накоплением на общине большого количества выморочных или выбывших из общества душ. Сторонники передела указывают, между прочим, на то, что есть уже безнадельные, отбывшие солдатчину. В *Новооскольском у.* до десятка помещичьих общин Баклановской, Чернянской и Слоновой волостей делят землю на наличные ревизские души ввиду того, что многие крестьяне уходят на сторону и бросают землю на мир. В общине государственных крестьян д. Слоновой в последние годы явилось стремление к переделу земли по наличным или по крайней мере живым ревизским душам по причине накопления мироплатимых наделов и того обстоятельства, что при переделе в 1858 г. не уравнивались места для пасек.

В *Вяземском у.* причиной переделов служит, главным образом, желание привести земельные доли членов общин в соответствие с их хозяйственной силой. Переход на выкуп является лишним мотивом к такому уравниванию с целью обеспечения безнедоимочного взноса выкупных платежей.

Что касается переделов земли в *Новоузенском у.*, Сборник останавливается на 4 немецких общинах, где коренной передел был вызван желанием сократить число душевых загонов для более удобной борьбы с появившимся во множестве сусликом, и на 11 общинах, переделавших землю в 1885–1887 гг. с целью введения на место беспорядочной системы хозяйства – трехпольной. В двух общинах бывших государственных крестьян передел вызван был переходом на выкуп.

Глава IV

Индивидуалистические течения в современной общине

Мы знаем, что в последнее тридцатилетие община вступила в новый фазис своего существования. В это время, во-первых, произошло изменение в общей обстановке народной жизни – изменение, необходимо возбуждающее в массе народа стремление к индивидуализму, в отдельных его представителях – противоположные тенденции; во-вторых, изменились экономико-юридические отношения в самой общине: государственная земля, находившаяся в распоряжении общины, превратилась в крестьянскую на правах полной собственности, и мир получил право, игнорируя интересы будущих поколений и руководствуясь изменчивыми настроениями минуты, превращать общинную землю, по идее принадлежащую всем будущим потомкам известной группы крестьян, в частную собственность, подверженную мобилизации, и таким образом лишать собственности и устойчивого хозяйственного и социального положения целые массы будущих членов

нашего отечества; в-третьих, явились миллионы новых свободных граждан, не имевших раньше земельной собственности, которым поэтому предстояло выработать форму владения отведенной им землей и которые не могли остаться без того или другого влияния на крестьян исконных общинников.

Результатом указанных влияний, прежде всего, было появление ряда стихийных явлений в земельных отношениях крестьян, частью благоприятных, а чаще враждебных общинной идее; а затем и чем дальше, тем шире обнаруживается сознательное отношение народа к земельным порядкам, стремление урегулировать то, что в последнее время было предоставлено личному усмотрению, выработать новые правила общинных отношений взамен прежних, поколебленных новыми влияниями истории. Перед крестьянином ставится задача принципиального разрешения вопроса о форме землевладения, вызванная стихийными движениями отрицательного характера; задача изменения некоторых важных общинных распоряжков и расширения сферы юрисдикции общины – там, где общинное настроение народа не было поколеблено новыми условиями существования.

Итак, регрессивные и отрицательные явления в общинной жизни населения развивались в последнее тридцатилетие частью стихийно, фактически, частью сознательно; проявлялись они то в индивидуальных действиях, то в актах мирского распоряжения. Стихийные явления возникли раньше и обнаруживаются по преимуществу в форме действий индивидуумов; сознательные, кроме более позднего появления, характеризуются и видным участием в процессе мира как целого.

Регрессивные явления обладают разной степенью устойчивости и, следовательно, разной силой ударов, наносимых общине. Некоторые из них непоправимы или, по крайней мере, неспособны к обратному метаморфозу в полной мере; развитие других может быть прервано изменением стихийного настроения массы или вмешательством ее сознания. Там, где община законным приговором установила у себя подворное владение, после чего широко развилась распродажа земли, или где некоторая часть членов общины выкупила отведенные им участки в полную их собственность, там, в большинстве случаев, приходится только примириться с фактом и не мечтать о восстановлении прошлого, но где регрессивные явления обнаруживаются в отсутствии вмешательства мира в распоряжение членов общины их наделами или где даже есть законный приговор о разверстке общинной земли на наследственные участки, но постановленный поспешно, под влиянием минутного побуждения (устрашения фактом продажи имущества всех членов общины за недоимки некоторых ее членов, совета влиятельного лица и т. п.), там народное настроение может измениться и поземельные отношения примут противоположное направление.

После этих предварительных замечаний перейдем к описанию явлений, свидетельствующих о существовании в народе противообщинных стремлений и тенденций или имеющих результатом сокращение площади, подвергнутой юрисдикции общины.

Такие явления, как мы говорили, обнаруживаются, прежде всего, в сфере стихийно-индивидуальной: отдельные лица постепенно начинают свободнее и свободнее распоряжаться своими участками, а мир остается к этому безучастен и не препятствует развитию явления. Затем община начинает сознавать значение, какое имеют названные явления для целого союза, и либо сама примыкает к движению, либо пытается стеснить его, регламентировать. После этого процесс принимает сознательный характер, и борьба личного и общинного начал обнаруживает более или менее решительную победу того или другого. Таким образом, явления регрессивного характера мы можем сгруппировать в следующие группы:

- 1) Фактическое развитие личного права и слабое проявление общинного начала.
- 2) Решимость общины не переходить от ревизской к наличной разверстке земли и приговоры о превращении общинного владения в подворное.
- 3) Выкуп отдельными членами общины находящихся в их распоряжении наделов.
- 4) Продажа общиной своей земли.

1) Фактическое развитие личного права и превращение общинного владения в подворное. Фактическое развитие личного права обнаруживается, главный образом, среди бывших помещичьих крестьян некоторых местностей, где землей дорожат и где мало крестьян-общинников государственных, в особенности если еще население принадлежит не к великорусскому племени, или где земледелие не составляет главного источника заработка, а между тем на землю существует большой спрос со стороны промышленных классов. Та или другая комбинация указанных условий встречается, например, в Херсонской, некоторых уездах Курской и Петербургской губ., и здесь описываемый процесс обнаруживается всего заметнее. Причины, почему регрессивные явления наблюдаются, главным образом, среди помещичьих крестьян, заключаются как в прошлой их истории, так и в условиях освобождения от крепостной зависимости. В прошлом крестьяне не имели собственной земли и получали надел обыкновенно по правилу, установленному владельцем. Поэтому по освобождении им предстояло выработать новую форму землевладения взамен упраздненной. Правда, помещичьи крестьяне вступили в распоряжение земель, юридически предусмотренное властью: они получили землю в общинное владение с правом переделывать ее между

членами по любому началу. Но нам известно, что русский крестьянин вообще не знает своих юридических прав и самостоятельно устанавливает отношения, не справляясь с тем, как они предусмотрены законом. Так было дело и в настоящем случае. Первые представления освободившегося крестьянина о его земельных правах складывались под влиянием фактических отношения и тех юридических воздействий, какие бросились ему в глаза с самого начала.

Освободившийся крестьянин получил землю по числу его ревизских душ, уплатил за нее сначала тяжелый оброк, затем дополнительный взнос, стал ежегодно платить *выкуп* и получил официальное наименование *собственника*, т. е. лица, владеющего *собственной* землей, в отличие от государственного крестьянина, сидящего на *казенной*, и помещичьего в крепостную эпоху, пользовавшегося землей *барской*. Так как земля в первое время плохо окупала платежи, а потому (отчасти также благодаря влияниям «свободы») многие крестьяне отказывались от земли и общество ощущало скорее избыток угодий (не как средства только производства, а как источника податной тягости), чем их недостаток, то мир не стеснял своих членов в распоряжении землей, и они свободно передавали ее своим и посторонним. Из этих первоначальных данных у помещичьего крестьянина многих местностей естественно стало складываться эмпирическое, так сказать, воззрение на себя как на личного собственника отведенного ему участка, которого его лишить никто не может. Это – такой же естественный вывод из фактических отношений немыслящего ума, как и заключение в период волостной общины северного крестьянина, считавшего, что расчищенный им из-под леса участок земли составляет его личную собственность, которую он может продать, заложить, завещать своим наследникам. «Я так делаю, и потому это – мое право», – говорят оба наши образца. Право выводится ими из фактических отношений, а не фактические отношения строятся на идее права.

Аналогичные явления могут наблюдаться и среди государственных поселений, образованных в последнее время, если, как это имеет место в южных степях, эти поселения составились из дворовых крестьян, отставных солдат, безземельных юго-западного края и т. н. элементов, всю свою предыдущую жизнь проведших вне влияния общинного начала. Получив наконец землю, они, как и помещичьи крестьяне, еще не определили окончательно своего к ней отношения. Это последнее у них еще вырабатывается, а направление, в каком идет это вырабатывание, зависит, между прочим, от влияния окружающей обстановки. В материковых уездах *Таврической* губернии, населенных искони государственными крестьянами с живыми общинными понятиями, общества новопоселенцев обнаруживают со своей стороны явное стремление к душевому владению. Окруженные же в *Херсонской* губ. такими же новичками в земельно-общинной жизни, как и они сами, эти общества мало чем

отличаются от бывших помещичьих крестьян в отношении фактического развития индивидуалистических течений.

Наблюдая поземельные отношения, которые фактически складываются среди населения Херсонской губернии, составленного главным образом из бывших помещичьих крестьян, военных поселян и государственных крестьян-новопоселенцев, земские статистики нашли в них так мало общинных черт, что в материалах по первому исследованному ими уезду, *Одесскому*, прямо назвали изучаемую форму землевладения подворной, несмотря на то что по закону надел отведен крестьянам в общинное пользование. При описании следующих уездов исследователи выражаются уже осторожнее и называют наблюдаемую форму владения смешанной, колеблющейся между общинной и подворной.

Первым признаком преобладания личного начала является широкое развитие права хозяина распоряжаться своим участком (право дарить, продавать, завещать и т. п.) и отсутствие вмешательства общества с целью изменения величины участков своих членов сообразно их потребности в земле как средстве производства или источнике пропитания. Такие отношения наблюдаются во всех обществах *Одесского* у. (кроме 5 искони государственных), *Елизаветградского* (кроме 6 обществ военных поселян, совершивших коренной передел), *Александрийского* (кроме нескольких государственных крестьян и военных поселян), в помещичьих общинах *Тираспольского* и *Херсонского* (не всех) уездов. Крестьяне здесь покупают наделы, продают, передают по завещанию (в *Херсонском* уезде, впрочем, «в завещании пишется обыкновенно то же, что исполнилось бы и без завещания, согласно установившимся в обществе правовым обычаям наследования»). В случае, если хозяин не оставит сыновей и завещания, как распорядиться его землей, последняя в большинстве общин поступает в распоряжение вдовы или дочери, в руках которых некоторые общины оставляют участки даже при выходе замуж за посторонних лиц – если таковые водворятся в общине, «сядут на надел»; в других общинах при таких условиях участок переходит к родственникам покойного, и лишь в меньшем числе общин он поступает на мир частью или целиком. В общинах, не признающих права женщины на надел (что можно наблюдать, например, в семи обществах помещичьих крестьян *Тираспольского* у.), право мужчин распоряжаться участком остается нерушимым, и если у кого-либо не оказывается наследников мужского пола – он старается перед смертью продать свой участок.

«Духовные завещания и частные сделки на недвижимое имущество в обществах *Александрийского* у., владеющих землей с пережеребьевками и хозяйственными переделами (сюда принадлежит часть военных поселян и помещичьих крестьян), всегда уважаются, и раз они писаны – сохраняют

свою силу. Хотя для продажи надела требуется согласие общества, но это условие всегда имеет меньше значение, чем согласие ближайших родственников, могущих явиться претендентами на надел... Духовное завещание уважается обществом еще сильнее, благодаря, может быть, тем проклятиям, которые обещает завещатель нарушителям его воли. Завещание не нарушается обществом, даже когда воля завещателя идет вразрез с интересами общества. В с. Шамовке крестьянин перед смертью завещал: если его жена выйдет замуж, то надел (3 $\frac{1}{2}$ дес.) продать с публичного торга: $\frac{1}{2}$ вырученных денег отдать жене, а половину на церковь». Общество исполнило волю завещателя. «Все приведенные факты и масса аналогичных с ними, которых мы не приводим, чтобы не обременять книги фактами, сущностью своей и бытовой окраской ясно обнаруживают, что общества, владеющие землей с пережеребьевками и хозяйственными переделами, смотрят на землю не как на мирскую собственность, а как на личную. Форма такого землевладения по существу своему гораздо ближе подходит к подворному владению, чем к общинному».

Другой признак развития подворного владения в *Херсонской* губ. заключается в слабом участии мира в распоряжении общественной землей с целями сельскохозяйственными. В этом отношении нужно указать, прежде всего, на те общины, где участки отдельных лиц остаются неизменными в натуре, не подвергаясь ни жеребьевкам, ни смене толоки на пашню. Сюда относятся почти все помещичьи общины *Одесского* и *Тираспольского* уездов, 415 общин (преимущественно помещичьих крестьян) *Елизаветградского* у., 193 общины (в том числе 178 помещичьих) *Александрийского* у., больше 150 помещичьих и 35 государственных общин *Херсонского* у. В остальных общинах Херсонской губернии бывают жеребьевки, иногда сопровождающиеся сменой токи ради удобрения пахотной земли или только смена толоки на пашню (хозяйственный передел) без жеребьевки, причем каждый хозяин переходит на одни и те же числящиеся за ним участки (*Елизаветградский* у.). Жеребьевки присущи главным образом общинам с растянутым и разнокачественным наделом. Жеребьевки и хозяйственные переделы практикуются (не считая общин, переделавших землю по наличным душам) десятью общинами государственных крестьян и несколькими помещичьими *Одесского* у., 200 обществами *Елизаветградского* у., 234 (8 государственных, 46 военных поселян и 180 помещичьих) *Александрийского* у., 3 помещичьими *Тираспольского* у., 46 обществами помещичьих крестьян, 15 военных поселян и 15 государственных крестьян *Херсонского* у.

Во многих селах отсутствуют какие-либо общинные черты и в отношении к непахотным угодьям. Так, выгон считается, как и полевой надел, собственностью ревизских хозяев, и вновь образующиеся дворы не получа-

ют от общества места под усадьбу во всех помещичьих селениях *Одесского, Александрийского и Тираспольского* (почти во всех) уездов, в громадном большинстве помещичьих и в части государственных обществ *Елизаветградского* у. (группа государственных крестьян состоит здесь из бывших помещичьих, однодворцев, отставных солдат и т. д.), в очень многих обществах *Херсонского* у.

Не довольствуясь указанием перечисленных объективных признаков подворного характера землевладения крестьян Херсонской губ., юридически владеющих наделами на общинном праве, и основываясь уже на своих личных впечатлениях, исследователи этой области произвели дальнейшее расчленение селений на группы, характеризующиеся большим или меньшим проявлением в поземельных отношениях личного начала. Так, из 193 обществ *Александрийского* у. с одинаковой, по-видимому, свободой отдельных членов распоряжаться наделами и отсутствием у всех жеребьевок, авторы выделяют 8 общин государственных крестьян и 41 – помещичьих и зачисляют их в разряд подворных владельцев, «руководствуясь больше фактической стороной дела, чем юридической формальностью – существованием приговора (которого нет) и фиксированными на план участками. В состав этой группы вошли, главным образом, малочисленные общества, в которых число фактических владельцев не превышает десяти и в понятии которых ясно сказывается взгляд на землю как на наследственную собственность, не подлежащую изменению, помимо воли владельца, ни в количественном отношении, ни в положении на территории. У малочисленных обществ существование подворного землевладения вытекает естественно, самой собой, из условий жизни: земли мало, вся она как на ладони, и в большинстве случаев для каждого хозяина представляется возможность отрезать свой участок прямо против хаты, так что и усадьба помещается в том же участке». Что это выделение совершенно произвольное – видно из того, что другая образованная «Материалами» группа в 141 общины имеет характер землевладения «на практике тождественный с подворным» (с которым мы только что имели дело); основанием же для отделения ее от предыдущей группы послужило то, что «общества этой группы довольно значительны по величине и у них не существует никаких приговоров о способе пользования землей» (которые, впрочем, отсутствуют и в группе, причисленной к подворному владению). В *Тираспольском* у. из 130 общин помещичьих крестьян выделено в подворную группу 26 обществ дарственников, где «наделы продаются, как личная собственность, не только однообщественникам и вообще крестьянам, но и лицам других сословий». При начале исследования Херсонской губ., когда статистики не составили еще правильного понятия о характерных чертах крестьянского землевладения, именно при описании

Одесского у., все села уезда, кроме 5 общин государственных крестьян, совершивших передел по наличным душам, причислены были к разряду подворного владения. Несмотря, однако, на широкое развитие личного начала в общества Херсонской губ., формальный переход к подворному владению, как увидим ниже, встречается здесь очень редко.

Процесс фактического разложения общины сделал значительные успехи в *Петербургском* и *Шлиссельбургском* уездах, хотя отсутствие точных и определенных данных не дает нам возможности составить совершенно ясное представление о предмете.

В обоих уездах, особенно Шлиссельбургском, преобладают бывшие помещичьи крестьяне (из 180–190 общин всего 20–30 не принадлежат к разряду бывших помещичьих крестьян), по национальности третья часть населения *Петербургского у.* и около $\frac{1}{2}$ *Шлиссельбургского* принадлежит к финскому племени. Оба эти обстоятельства не могли не оказать отрицательного влияния на развитие общинной идеи. В *Петербургском у.*, кроме того, такую же роль играет близость столицы, благодаря чему население в значительной степени утрачивает земледельческий характер и получает интерес к земле из-за возможности продать ее за дорогую цену под устройство дачи, промышленного заведения и т. п.

Подворное владение пустило крепкие корни, по-видимому, еще в дореформенное время, и новейшая эпоха лишь наследовала порядки, развившиеся раньше. По крайней мере, относительно финских селений *Петербургского у. г.* Абрамов сообщает, что «участки пашни и покосов в огромнейшем большинстве случаев находятся в пользовании тех же семей, которые пользовались ими еще при крепостном праве»; переделы же во время освобождения были лишь в тех селениях, у которых имела место отрезка земли, а после того в 3 селах. Были ли это действительные коренные переделы, ведущие к количественному перераспределению земли между членами общины, или целью их было отведение всем новых участков в прежних относительных размерах – мы не знаем. Прибавим, что сдача участка каждого крестьянина в аренду поставлена в зависимость от согласия общества. В русских общинах бывших помещичьих крестьян семьи владеют неизменными участками не только пашни, но, за немногими исключениями, также покосов и леса. Крестьяне смотрят на землю как на личную собственность, и, по мнению г. Абрамова, окончание выкупной операции для многих помещичьих селений будет, вероятно, прекращением и общинного владения. Относительно же настоящего момента скажем, что не вполне сознательный характер процесса распада общины виден из того, что формальный приговор о переходе к подворному владению составлен только одной общиной помещичьих крестьян, с. Коломаги.

В Шлиссельбургском у. землевладение финнов (бывших крепостных крестьян) в значительной степени приближается к подворному. Финны Калтушской вол., например, тотчас по освобождении разделили полученную землю на подворные участки, причем каждый хозяин получил по участку во всех угодьях. Владельцы участков смотрят на них как на свое наследственное владение, и регистратор, производивший подворную опись этой волости, г. Хайми, прямо назвал финское землевладение участковым. Но здесь есть и общинные черты: мир расстраивает сделку крестьянина по сдаче своего надела в аренду, если арендатор не надежен в уплате податей; продажа надела совершается с согласия и по приговору схода; в случае неплатежа податей мир может отобрать землю и передать ее другому; наконец, встречаются случаи сдачи земли несостоятельными крестьянами на общество. По примеру финнов и 4 русские деревни Колтушской вол. по освобождении от крепостной зависимости разделили все угодья на подворные участки, которыми и владеют без переделов. В других финских волостях на постоянные участки, находящиеся в самостоятельном пользовании семей, в большинстве случаев разделены усадьба и пашня, редко – также и покос, еще реже – и лес. Насколько эти порядки могут быть признаны стойкими, выросшими на почве сознательного предпочтения их порядкам общинного владения, за недостатком данных, мы сказать не можем. Существуют только отрывочные указания на борьбу, поднявшуюся в некоторых обществах из-за формы владения землей. Так, в 10 деревнях Матокской вол. идет борьба за раздел на подворные участки всех угодий. Но что такой раздел не всегда свидетельствует об окончательном разрешении вопроса в пользу подворного владения, видно из того, что он не исключает возможности коренного передела. Так, хотя в 3 деревнях Матокской вол. все угодья разделены на подворные участки, но здесь бывали переделы «с целью уравнения количества владеемой отдельными хозяевами земли с наложенными на них платежами». То же самое наблюдается в д. Старостине Шапкинской вол. С другой стороны, формальных приговоров о переходе к подворному владению у финнов Шлиссельбургского у., по-видимому, не встречается. В финских селениях Шапкинской вол. (где около $\frac{1}{2}$ населения русские) господствуют обычные для общины порядки землепользования.

Более или менее широкое фактическое развитие частного права замечается и во многих уездах Курской губернии. В Тимском у. (здесь 71% четвертных крестьян, остальные почти все помещичьи), например, помещичьи крестьяне, «раз поделивши землю, устанавливают взгляд на полевые наделы как на личную неотъемлемую собственность каждого домохозяина» и при вопросе – не имеют ли намерения перейти на новые души, не всегда

сразу понимали, в чем дело. В помещичьих общинах *Щигровского* у. после смерти домохозяина земля переходит к родственникам, без всякого участия мира; наследниками умершего нередко являются дочери и бездетные жены; во всем уезде широко распространен обычай продавать наделы с правом перехода его к наследникам приобретателя, причем общество смотрит на приобретенные наделы как на неотъемлемую собственность купивших домохозяев. Если принять все это во внимание, говорит г. Вернер, станет очевидным, что в пределах *Щигровского* уезда нет никакого основания делать различие между подворно-участковым и мирским владением землей. Это мнение высказано, несмотря на то что среди крестьян уезда уже обнаружилась упорная борьба за передел. К *Курскому* у. кое-где наделы перешли по духовному завещанию к посторонним: «мир ничего поделать не может», — заявляли крестьяне одной из таких деревень.

В *Тамбовском* у. большая часть помещичьих крестьян думает, что наделы, отведенные им, вечно останутся в руках лиц, пользующихся ими в настоящее время, и в некоторых деревнях *Каменской* и *Кариановской* волостей происходит продажа крестьянами наделов как своим же однообщественникам, так и лицам посторонним. В *Кариановской* волости такая продажа прекратилась, после того как благодаря перемене писаря волостное правление перестало свидетельствовать заключаемые сделки и начало разьяснять сторонам их незаконность.

Фактическое разрушение общины г. Харизоменов видит среди помещичьих крестьян *Мелитопольского* уезда: здесь наблюдается иногда продажа наделов, крестьяне не считают возможным делить землю, за которую они внесли выкуп. «Право, от которого отказывается мир, присваивается постепенно отдельными хозяевами, и мало-помалу в сознании поселян исчезает представление об общинной собственности (с. Бабино). Каждый хозяин считает себя вправе дарить и продавать свои наделы в потомственное владение. Подобный процесс и происходит в 28 общинах бывших крепостных крестьян. В «Памятной книжке Таврической губернии» приводятся случаи продажи членами помещичьих общин друг другу своих наделов в «вечное владение» в 2 обществах *Мелитопольского* у. и 3 *Днепровского* (из них два в 46 и 56 дворов). В с. Павловке последнего уезда составлен приговор общества о дозволении такой передачи «в вечное владение без права отобрания со стороны общества». В других обществах эта передача свидетельствуется в сельских и волостных правлениях, но, с другой стороны, известны и отказы в таком засвидетельствовании (см. Мелитопольский у.), а в некоторых общинах (*Могильное*, *Черненька Днепровского* у.) передача наделов в вечное владение не допускается миром. «Во многих помещичьих общинах *Крыма* (о дарственных нечего и говорить) крестьяне ничего не знают о пра-

ве схода переделывать землю и допускают продажу земли на вечность”. В христианских обществах государственных крестьян “нигде нет попыток к регулированию” усадебной земли, владение каждого двора получило как бы характер исключительности, независимо от воли общины».

По мнению г. Харизоменова, частная земельная собственность в форме общего владения развивается и среди помещичьих крестьян *Хвальинского у.* Признаком этого развития служат зачатки наследственного и завещательного права в применении к наделу, замечаемые в общинах помещичьих крестьян. Именно наделы умерших душ переходят здесь по наследству последовательно к сыну, брату или жене покойного, если та думает заниматься хозяйством. К дальнему родственнику надел переходит лишь в случае, если в этом смысле оставлено завещание; при отсутствии такового надел поступает на общество.

Фактическое разрушение общины нижегородские статистики видят в 9 общинах дарственников *Васильского у.* и в 6 общинах б. владельческих, состоящих на выкупе.

Большая часть фактов, с которыми мы только что имели дело, рисуют успехи личного начала обыкновенно при условии, что процесс совершается, так сказать, стихийно, на почве индивидуальных отношений и перед обществом не ставится серьезно вопроса ни о форме владении землей, ни о переходе от ревизской разверстки к наличной. Общество, конечно, знает эти факты, иногда само дает санкцию распоряжениям отдельных лиц, вытекающим из игнорирования общинного права, тем не менее в той форме, в какой мы его описали, процесс нельзя признать основанным на вполне сознательном отношении мира к предмету, так как при наличности этого сознания развивающиеся порядки были бы оформлены юридически законным приговором о водворении частного владения на место общинного. Пока этого не сделано, на предмет нужно смотреть таким образом, что развитие описываемых явлений совершается благодаря безучастному отношению мира, проистекающему из отсутствия у крестьян ясного представления о смысле совершающихся явлений, особенностях и значении общинного и подворного владения землей. Со временем, однако, наступает момент, когда развивающиеся на почве личного права отношения подвергаются оценке мирского разума с точки зрения соответствия явившихся порядков общему интересу, как он понимается населением, и его настроению. Это наблюдается в тех обществах, где поднят вопрос об изменении существующего распределения земли. В первое время по возбуждении такого вопроса большинство населения относится к переделу, так резко дисгармонирующему с привычным течением жизни, враждебно. Производя исследование в этом момент, мы услышим заявление крестьян,

что они не желают менять существующей разверстки наделов¹, и основываясь на этом, можем усмотреть здесь несомненные признаки разложения общины. Так поступил, например, г. Филимонов, который из заявлений помещичьих крестьян *Суражского* у. о переделе заключил, что помещичьи общины уезда следует считать «переходящими к частному землевладению и что окончание выкупной операции будет началом возникновения подвижной земельной собственности». Так же отнесся к вопросу покойный Орлов, когда, наблюдая в 1879 г. земельные порядки помещичьих крестьян *Борисоглебского* у., он заключил, что «здесь постепенно совершается переход от общинного владения землей к подворному».

Если считать серьезным решением выражаемое крестьянами вскоре после первого появления идеи передела намерение не делить земли, то это, конечно, равносильно уничтожению общины обычного типа. Но в таком случае общество не остановится на осуждении возникшего стремления к переделу, а естественным образом попытается закрепить существующее распределение земли законным приговором о переходе к подворному владению. Пока этого приговора нет, – на отрицательное отношение крестьян к переделу общинных угодий нужно смотреть не иначе как на переходный момент в эволюции общинно-земельной идеи, за которым может последовать не только переход к подворному владению, но и осуществление передела. Иллюстрацией к сказанному может служить тот же *Суражский* у., в котором, по мнению его исследователя, помещичьи общины находятся на пути, ведущем к подворному владению.

«Выкупая свои наделы и расходуя на этот предмет значительную часть своего годового бюджета, крестьянин естественно приходит к мысли, что выкупаемый им надел есть его личная, неотъемлемая собственность, которой он имеет полное право распоряжаться, как ему угодно. Вот почему, лишь только в той или другой общине затрагивается вопрос о коренном переделе, тотчас же выступает целая масса протестующих. “Хиба кто позволит, щоб его наделы перешли кому-нибудь другому: 20 лет каждый из нас выкупал землю, не допивая, не доедая, а тут изволь отдать их другому ни за что, ни про что. Коли уж на то пошло, щоб у мене отнять часть наделов, то пусть тот, кому они достанутся, заплатит мне зараз весь тот выкуп, который я вносил ежегодно в продолжение 20 лет”! Эти слова всегда имеют магическое действие, и вопрос о переделе решается в отрицательном смысле». Вопрос в данном случае усложняется еще тем обстоятельством, что общинные распорядки крестьяне сближают с крепостными порядками, где тоже происходило уравнивание землепользования по распоряжению и в интересах владельца. «Помещик смо-

¹ Такие заявления встречаются в обществах как помещичьих, так и государственных крестьян, напр., Самарской губ., Саратовской, Рязанской и т. д.

трел на нас, – говорят крестьяне, – як извоз на лошадей: который домохозяин более мог тянуть, на того больше и тягла накладывал». Вспоминая прошлое, на вопрос – почему не производить равнение земли, они отвечают: «жить так, как жили при крепостничестве, мы теперь не хотим». Несмотря на все сказанное, в 1882 г., когда производилось исследование Суражского уезда, 8 помещичьих общин уже совершили коренной передел по новым душам.

Указанный на предыдущих страницах процесс приготовления формального разрушения общины на почве фактических отношений составляет один из распространенных путей развития антиобщинной тенденции, наблюдаемый по преимуществу среди крестьян бывших помещичьих. Принимая во внимание, что земельный быт крепостных крестьян определялся разумом его владельца и обществу крестьян предоставлялось только приводить в исполнение постановление или правило, изданное помещиком, а развитие свободных отношений по земле началось только после реформы 19 февраля, – указанный процесс должен быть рассматриваем скорее как *первая, неопределенная* стадия развития земельных отношений освобожденного крестьянина, подлежащая последующей замене уже определенной формой землевладения с большим или меньшим преобладанием общинных или подворных черт, нежели как начало разложения общины, который, повторяем, крепостные крестьяне (по крайней мере барщинные) обыкновенно не знали.

Иное следует сказать о тех явлениях противообщинного характера, которые обнаружили среди членов союза, давно практиковавшего мирские распорядки или, по крайней мере, успевшего ознакомиться с ними на практике и до известной степени оценить их. К числу таких союзов относятся общества бывших государственных крестьян и тех помещичьих, которые проявляли живую общинную жизнь с самого освобождения своего из крепостной зависимости.

Продолжительное отсутствие ревизии и связанного с ней коренного передела земли вызывало иногда и среди государственных крестьян развитие личного начала в землепользовании, напоминающее явления, характерные для вышеописанной неопределенной стадии, в которой находится землевладение бывших помещичьих крестьян. Так, порядки наследования в государственных общинах *Херсонского у.* до введения переделов были те же, что у помещичьих крестьян; у государственных крестьян *Хвалынского у.*, когда надолго прекращались переделы, появлялись точно такие же зачатки наследственного и завещательного права, какие привели г. Харизоменова к заключению о превращении общинного владения помещичьих крестьян в подворное и т. д. Характерной же чертой развития противообщинной тенденции в рассматриваемых союзах нужно считать тот факт, что первые ясные признаки ее появляются в области сознания и только затем следуют

изменения уже в сфере фактических отношений. Сказанное относится, повторяем, и к тем общинам помещичьих крестьян, которые в первое время по освобождении проявляли более или менее живую работу мирской мысли. Этот путь развития противообщинной тенденции мы считаем характерным для государственных крестьян, потому что сознанию их как исконных общинников присуща идея о принадлежности земли миру; естественно поэтому, что развитию антиобщинных отношений в жизни будут предшествовать здесь антиобщинные процессы в мысли, т. е. теоретическая борьба за ту или другую форму землевладения.

Обстоятельства, вызывающие противообщинные стремления среди членов описываемых союзов, заключаются или в сознанных самими крестьянами неудобствах существующих порядков, или во влиянии членов (обыкновенно богатых) общества, познакомившихся с другими формами владения землей и агитирующих в пользу их ввиду личных выгод, ожидаемых ими для себя от уничтожения общины, или в советах извне, даваемых в свою очередь по искреннему убеждению советчиков в преимущества подворного владения, или в надежде на возможность скупки участков подворного владения, чего нельзя сделать при общинном. В обществах помещичьих крестьян к сказанному присоединяется влияние идеи выкупа. Самым частым поводом к возбуждению в обществе индивидуалистических стремлений служат, по-видимому, своекорыстные расчеты отдельных членов союза. Для примера укажем на Криушинское общество Можайского уезда *Московской* губ. Это общество состоит из 5 небольших деревень и принадлежит к разряду вольных хлебопашцев, освобожденных из крепостной зависимости в 1849 г. с обязательством уплатить в опекунский совет 19 820 руб. Выкуп был окончен в 1874 г. взносом 10 000 р., полученных крестьянами за проданный лес, после чего в обществе появилось стремление к разложению сложной общины на простые, что представляется и рациональным ввиду фигуры владения и расположения на нем деревень-собственниц. Стремление к разделу повело к многократным совещаниям, на которых и было достигнуто соглашение о разверстании угодий между деревнями по числу наличных душ в каждой из них. «При этом никому не приходила в голову мысль об изменении формы владения: все полагали, что владение должно оставаться общинным». Не успели, однако, крестьяне покончить все формальности по составлению и утверждению приговора, как одним из членов общины был возбужден вопрос о переходе земли из общинного владения в подворное. «Упомянутый крестьянин был прежде старшиной, произвел значительную растрату общественных сумм и сидел за это в остроге; затем служил в приказчиках у разных купцов. Вообще, это человек коммерческий, не имеющий почти ничего общего с обыкновенными крестьянами-

хлебопашцами». Владея в момент выкупа землей на 12 душ, он возымел намерение закрепить этот размер владения за собой навечно, а для этого нужно, чтобы общинное владение заменилось подворным. Первыми агентами этого подворника было несколько тоже многодушных крестьян. В своих требованиях раздела земли они ссылались, между прочим, и на законные основания, указывали на увольнительный акт, в котором сказано, что после выкупа земля должна быть обращена, по закону о вольных хлебопашцах, в участковое владение. Приверженцы общины отнеслись скептически к этому указанию и в свою очередь ссылались на пример государственных крестьян, которых начальство спрашивало, желают ли они разделиться, и, получив отрицательный ответ, предоставило им владеть землей по старине. Для разъяснения закона о вольных хлебопашцах крестьяне посылали в Москву своего старосту, получившего землю на 6 душ и стоящего за подворное владение. Тот принес им ответ московских юристов, что крестьяне обязаны разделить землю по дворам (Орлов, гл. IX).

По новейшим сведениям Московского земского статистического бюро, Криушинская сложная община распалась, но каждая деревня сохранила общинные порядки землепользования.

Пройдя период более или менее упорной борьбы в области мысли, процесс сознательного разрушения общинного владения выразился фактически составлением приговора о переходе от общинного к подворному владению землей. Но если без приговора нет сознательного разрушения общинного владения, то существование первого не доказывает еще наличности вполне сознательного отношения мира к вопросу. Существование подобного приговора – если даже последний не явился, что так часто бывает, результатом недоразумения – свидетельствует только об отрицательном отношении крестьян к общине в самый момент постановления приговора. Решимость на этот шаг, способный фатально отразиться на судьбе будущих поколений, никоим образом не доказывает, что общество серьезно взвесило слабые и сильные стороны общинного и подворного владения и заранее примирилось со всеми неблагоприятными результатами последнего в одних отношениях из-за выгод, какие оно представляет в других. Очень часто приговор о подворном владении постановляется не ввиду ясно осознанных преимуществ этой формы владения землей или несоответствия общинного владения мирозерцанию и настроению населения, а по недоразумению или под влиянием слепого эгоизма большинства, намеревающегося закрепить этим способом выгодное для него существующее распределение земли и не думающего о том, что через немного лет настроение общества может измениться. Указанный мотив ясно виден в тех случаях, когда приговор о подворном владении постановляется одновременно с переделом земли по новым душам. Факт

совершения передела доказывает, что большинство членов общины желает уравнения землепользования и не находит серьезных сельскохозяйственных и других препятствий, способных перевесить выгоды, проистекающие от такого уравнения. Постановление же одновременно с этим приговора о переходе к подворному владению служит свидетельством, что сегодняшнее большинство желает такого уравнения только для себя и игнорирует интересы большинства завтрашнего и последующих дней. В переходе к подворному владению, совершившемся при указанных условиях, нужно видеть не приговор современного поколения о мирской форме владения землей или хотя только о форме общины с периодическими уравнениями землепользования, а лишь акт неразумного эгоизма, о котором вскоре пожалеют, может быть, те самые лица, которые его совершили.

Иное значение имеют случаи закрепления приговором о подворном владении распределения земли, существующего издавна, если такое закрепление явилось после продолжительного обсуждения вопроса, а не было актом деятельности случайного большинства, составившегося на минуту под влиянием агитации немногих ловких и сильных лиц крестьянского мира, опасения круговой поруки, желания избавиться от жеребьевок и т. п. Такие случаи в чистом виде могли бы указывать на отношение крестьян к великорусскому типу общины и свидетельствовать о том, что по своему настроению население если и не относится отрицательно к общинному владению как форме, ограничивающей полноту права отдельных лиц на их участки, то, по крайней мере, не выносит больше ни периодического перераспределения земли, ни вмешательства мира в сельскохозяйственную деятельность лица. Насколько, однако, известны обстоятельства совершившихся уже переходов к подворному владению, много случаев этого рода явились именно только как результат минутного настроения населения и имели целью устранение таких неудобств общинного землевладения, которые можно парализовать другими, не столь решительными средствами, например, удлинением промежутков между переделами и т. п. Настоящими же случаями разрушения общины нужно считать такие, где, постановляя приговор о переходе к подворному владению, крестьяне имели в виду не простое прекращение переделов и т. п., а перерезку земли в натуре и отведение каждому его участка в одном месте, и если при этом дело не ограничилось приговором, а было закончено и в действительности. Насколько, однако, известно, такие случаи, – которые именно и имелись в виду законодателем при издании статьи Положения о крестьянах, позволяющей обществу приговором $\frac{2}{3}$ голосов переход к подворному владению, – составляют редкое исключение.

Итак, случаи перехода крестьян к подворному владению, выразившиеся постановлением приговора о прекращении переделов и т. п., сами по

себе не могут служить ни показателем отношения населения к общинной форме владения землей, ни мерилom действительного разрушения рассматриваемой формы землевладения. Следует еще заметить, что весьма многие случаи такого перехода объясняются чистым недоразумением: постановляя приговор о введении подворного владения, крестьяне желают этим способом избавиться только, например, от круговой поруки и не думают, что вместе с тем должно прекратиться вмешательство мира в поземельные отношения членов общества.

После всего сказанного мы не будем удивляться, если встретим общины, где приговор о прекращении переделов несколько не влияет на агитационную деятельность сторонников последних, где общество, невзирая на существование приговора, продолжает распоряжаться наделами отдельных лиц по-старому; где большинство крестьян начинает выражать сожаление об отвергнутой когда-то форме владения; где, наконец, большая часть или даже все члены союза отрицают самый факт постановления приговора о переходе к подворному владению и исследователям, несмотря на все их старания, не удастся разъяснить, каким образом формально законный приговор о разрушении общины попал на страницы книги постановлений и приговоров.

После сделанных разъяснений обратимся к фактам перехода крестьян от общинного землевладения к подворному и, прежде всего, укажем случаи, где замечено стремление к такому переходу или постановлен о нем словесный или письменный приговор.

В *Херсонском* уезде в книгу постановления занесены три приговора о переходе к подворному владению: два в 1871 г. (при выдаче владенных записей), один – в 1886 г. (с. Царево-Дар). В одном из сел, постановивших такой приговор, последний не был приведен в исполнение; в другом – после того был уже совершен коренной передел земли по наличным душам. В *Александрийском* у. приговор о переходе к подворному владению постановлен в 1871 г. Павлышеским обществом военных поселян; в *Елизаветградском* у. – одной общиной военных поселян и 15 – помещичьих, причем земля была разделена по ревизским душам; в *Днепровском* у. – помещичьей общиной с. Михайловки Красной вол. В *Мелитопольском* у. толки о подворном владении идут в общинах государственных крестьян Нижних Серогоз, Рубановки, Геническа и Юзкой и в болгарской общине с. Терновки¹. Чешская колония Чехоград этого уезда, образованная в 1869 г., причем она получила земли на 222 рев. души, разделила в 1874 г. землю по ревизским душам на вечное владение. С. Ново-

¹ Противниками общины в с. Терновке являются 44 хозяина (из 75), купившие землю на стороне и переселившиеся туда, а свои наделы (в количестве 1152 дес.) сдавшие в аренду на 12 лет за сумму 30 000 руб. и обязательство уплачивать подати; они желали бы продать свою землю, а этому мешает общинное право.

Николаевка *Днепровского у.*, образованное в 1861 г. русскими выходцами из Бессарабии, к которым было присоединено несколько семей сербов и греков, получило землю по числу ревизских душ и решило владеть ею на наследственном праве. В *Ставропольском у.* составлен приговор о разделе земли по ревизским душам навечно в общине Высокий Килка (в 1884 г.), в *Бузулукском у.* – в 2 маленьких помещичьих обществах, вполне выкупивших наделы без правительственной помощи и по дешевой цене, переход совершен в 1869–70 гг.: тотчас после выкупа сделана разверстка земли по работникам и хозяевам, дано право отчуждать свой участок с согласия, однако, общины; еще в 2 общинах желают такого раздела. В *Ростовском у.* стремление к подворному владению существует в 2 обществах помещичьих крестьян и 3 – государственных Кагальницкой волости; в последних о переходе к подворному владению постоянно рассуждают на сходках, но не приходят ни к какому результату. Небольшая деревня Дмитриада, получив в 1866 г. дарственный надел, разделила его подворно, и с тех пор 17 дворов (из 42) продали свои полевые участки по 110–120 руб. за десятину бывшему своему помещику для расплаты за долги по вексям (указанному помещику и другим лицам), сделанные для рыболовного промысла, приносившего несколько лет убытки; проданная земля отрезана на границе с имением помещика. В *Бахмутском у.* более или менее общее стремление к подворному владению существует в селах Александровке (Туновке) и Васильевке Здановской вол. и объясняется близостью соляных промыслов; в 11 селениях (всех селений 278) за подворное владение стоят зажиточные хозяева. В *Славяносербском у.* община крестьян бывших Константинова, в д. Пришибе постановила в 1863 г. приговор об обращении земли в подворное владение.

В *Старооскольском у.* в 2 государственных общинах Котовской вол., где поднят вопрос о переделе земли по наличным душам, находятся сторонники и у подворного раздела; в *Щигровском у.* две помещичьи общины перешли к подворному владению (одна – в 1869 г.). В *Рязанском у.* переход к подворному владению имел место в общине госуд. крестьян и 15 – помещичьих: в 1 общ. в 1866 г., в 1 – в 1870 г., в 1 – в 1872 г., в 2 – при выходе на выкуп, в 4 – недавно. В 5 из этих общин составлен письменный приговор о переходе к подворному владению, в 11 – словесный. В *Мценском у.* приговоры о переходе к подворному владению постановлены 43 общинами (1 – в 1868 г., 1 – в 1882 г., 15 – по совету мирового посредника, следовательно, не позже начала 70-х гг.). В *Трубчевском у.* приговоры о подворном владении (не приведенные в исполнение) постановлены общинами государственных крестьян Ореховича и Кожановской Красносельской волости и помещичьими: Богослово Пролысовской вол., Кокоревка и Требушка Краснослободской вол. В *Суражском у.* несколько помещичьих общин постановили

приговоры о переходе к подворному владению. В *Морианском* у. такой приговор постановлен в начале 70-х годов всеми четырьмя общинами государственных крестьян Перкинской волости; в *Шацком* у. – одной общиной помещичьих крестьян.

	Общин	Хозяйств		Наделов		Десятин	% общин	% хозяев	% наделов	% десятин земли
Быв. гос. кр.	14	865, имеющих		2271, или		12829	11,6	18,0	17,6	21,2
Быв. помещ.	26	903, имеющих		2324, или		9816	4,0	6,7	6,8	6,3
Быв. удельн.	1	17, имеющих		42, или		177	1,1	1,1	1,0	0,1
Всего	41	1785, имеющих		4637, или		22 822	4,7	9,0	9,1	9,3

В *Новоторжском* у. к подворному владению (пахотной землей), как это видно из прилагаемой таблицы, перешла 41 община.

В *Московской* губ. приговоры о прекращении переделов постановлены 2 общинами государственных крестьян *Коломенского* у.: Белые Колодези (в 1865 г., при получении владенной записи) и д. Протопоповой (в 1863 г.); 3-мя общинами бывших помещичьих крестьян *Коломенского* у., одной – *Богородского* у. и двумя – *Бронницкого* у. Село же Богородское Ростокинской вол. *Московского* у., выкупив в 1873 г. окончательно весь свой надел, разделило на подворные участки усадебную землю, после чего началась быстрая распродажа последней. То же самое нужно сказать и о 5 слободах московских ямщиков (см. ниже). Из 138 поселений полных собственников подворное владение землей, по-видимому, утвердилось у 10 деревень вольных хлебопашцев и 2, вышедших на волю в момент общего освобождения крепостных крестьян (Орлов, гл. IX).

В *Макарьевском* у. 4 общины государственных крестьян, 7 – б. владельческих, состоящих на выкупе, и одна – вольных хлебопашцев заявили, что переделывать землю не будут. В *Васильском* у. 3 общины дарственников заявили, что считают землю частной собственностью отдельных хозяев. В *Егорьевском* у. указаны 13 общин госуд. крестьян Нечаевской вол. и 42 – помещичьих Бережковской, Середняковской, Старо-Васильевской, Старовской, Лугаринской, Починковской и Дубровской волостей, последний передел (вернее, переверстки – так как только в двух общинах разверстка земли по работникам, в остальных – по ревизским душам) постановивших (7–8 письменно, остальное словесно) произвести «навечно». В 8 общинах государственных крестьян это было сделано при последней ревизии, в 3 об-

щинах помещичьих крестьян – при выходе на волю, в 1861 г. в 5 общинах помещичьих крестьян – при выходе на выкуп.

По десятилетиям приговоры постановлены:

В 50-х гг.	8	общинами государственных крестьян
В 60-х гг.	8	общинами помещичьих крестьян
В 70-х гг.	3	общинами государ. и 16 общ. помещ. крестьян
В 80-х гг.	2	общинами государ. и 18 общ. помещ. крестьян

В *Касимовском* у. приговоры о переделе земли «навечно» постановлены пятью общинами помещичьих крестьян Калиниковской, Погостинской, Подгородной и Тумской волостей. В одной из этих общин практиковалась разверстка земли по ревизским душам, в 4 – по тяглам. Все приговоры постановлены в 80-х гг.; один из них назван в Сборнике формальным.

В *Петербургском* у. в 6 деревнях земля отведена в подворное владение еще уставной грамотой. В более позднее время к подворному владению перешли крестьяне д. Коломяги (пом.) Стародеревенской вол. и 4 деревень Московской волости: Тентелева, Емельяновки, Волинкина и Вологодской слободы. Три из названных общин принадлежат к разряду государственных крестьян, выкупивших землю по специальному закону от 16 янв. 1862 г. Тентелева разделила один из своих участков в 1861 г. (?), другой – в 1881 г.; приговор о переходе к подворному владению д. Емельяновой состоялся в 1882 г.; д. Волинкина (выкуп земли закончился в 1871 г.) в 1879 г. постановила приговор (большинством 11 членов против 8) об отводе добавочных усадебных участков из общинной земли с очевидной целью образования таких участков, которые можно было бы отчуждать посторонним лицам; остальная земля (кроме 8 дес. неудобной) обращена в подворное владение в 1881 г., причем для закрепления земли за отдельными хозяевами общество фиктивно продавало ему его долю с заключением купчей крепости; ямщики Вологодской слободы в течение нескольких лет после выдачи владенной записи (1870 г.) продали значительную часть земли, а в 1875 г. постановили приговор (большинством 23 голосов против 13) о разделе остальной земли навечно поровну на наличную душу, что и привели в исполнение в 1880 г.; в общинном пользовании осталось 24 дес. выгону и часть усадебной земли, сдаваемой в аренду. С. Коломяга разделило землю на подворные участки тотчас после окончательного выкупа земли в 1879 г.

В *Петергофском* у. переход к подворному владению в форме приговора о прекращении переделов земли имел место в 13 селениях (из них 11 – в 2 волостях с помещичьим населением, 1 селение государств. крестьян); в 2 селах переход имел место в 1866 г., в 2 сел. – в 1869 г., в 3 с. – в 1870 г.,

в 2 с. – в 1878 г., в 1 с. – в 1881 г. (последнем, о котором есть сведения); о времени перехода к подворному владению трех селений сведений не имеется. В 4 из указанных сел подворное владение введено одновременно с переделом земли по работникам или экономической силе двора. В *Ямбургском* у. два помещичьих селения после продолжительной борьбы за и против передела постановили в 1882 г. никогда не переделаться, а владеть каждому доставшимся участком потомственно и вечно, без права, однако, отчуждать его на сторону. В *Гдовском* у. 3 селения заявляли о своем желании перейти к подворному владению. В *Шлиссельбургском* у. крестьяне удельного села Захарья разделили в 1882 г. покосы в «вечное владение».

Обратимся теперь к указанию причин или мотивов перехода крестьян от общинного владения к подворному и остановимся, прежде всего, на выкупе крестьянами своих угодий, который, собственно говоря, составляет не причину, а скорее условие, благоприятствующее развитию изучаемого явления.

Выкуп крестьянами своих угодий оказывает влияние на отношение крестьян к общине двояким путем: своей идеей и материальным, так сказать, содержанием, т. е. теми финансовыми результатами, какими отражается выкуп на крестьянах. Русский крестьянин не привык к тому, чтобы угодье, составляющее общинное владение, приобреталось за деньги и тем более чтобы общинная земля продавалась-покупалась, не теряя своего мирского характера. Ему затем не было разъяснено, что это за выкупная операция, которой подверглась сначала земля бывших помещичьих крестьян, а затем и государственных. Слыша, что совершается «выкуп» (легко смешиваемый крестьянином с «покупкой»), обращавший простого «крестьянина» в «собственника»; зная, что обыкновенно покупка чего бы то ни было производится на средства отдельных индивидуумов и имеет результатом приобретение предмета в индивидуальную собственность; не имея понятия о том, что выкуп помещичьей и государственной земли, в сущности, есть выкуп повинностей, и подобно тому как последние лежали на обществе, так и выкуп является актом общественным, на первых порах крестьянин естественно составляет о выкупной операции такое представление, что путем ее каждый член общества приобретает в вечное владение то, чем он раньше пользовался от передела до передела, т. е. что и мир лишается права изменять доли членов общества. Это представление поддерживается затем эгоистическими стремлениями многодушников и служит главным аргументом против передела в то время, когда идея последнего уже появилась в обществе. Но такое настроение крестьян укрепляется и другим влиянием выкупа. Переход государственных крестьян с оброка на выкуп сопровождается возвышением платежей; по отношению к помещичьим крестьянам при этом переходе

нередко имела место уплата дополнительного платежа. Где же это отсутствовало, там и один выкупной платеж не соответствовал доходности надела, там земля была обременена этими платежами, многие крестьяне бросали наделы, а те члены общины, которые остались при земле, вынесли на своих плечах всю тяжесть непосильного податного бремени, и, когда ценность угодий, наконец, возвысилась, – они естественным образом возымели желание задержать в своих руках землю на возможно продолжительное время, а идея принадлежности земли тому, кто вносил выкупные платежи, как раз отвечала такому стремлению. Нужно было время для того, чтобы все эти новые данные были переработаны мыслью крестьянина и он составил о предмете правильное понятие; а до тех пор идея принадлежности земли тому, кто вносил за нее выкупные платежи, поддерживаемая указанными обстоятельствами, дала результаты между прочим в форме приговоров о прекращении переделов¹. (Гораздо чаще, однако, приходится слышать от крестьян простое заявление о том, что переделывать земли они не будут.) Такие приговоры, как результат выкупа, известны почти только для обществ б. помещичьих крестьян, но не для удельных, хотя последние тоже состоят на выкупе. Это обстоятельство заставляет предполагать, что отрицательное влияние выкупа на общинную форму владения землей проявляется достаточно сильно в тех случаях, когда крестьяне не сроднились с этой формой землевладения, а находятся еще в периоде выработки поземельных отношений. Если так, то вернее будет считать выкуп условием, не разрушающим общину, а препятствующим ее развитию среди группы населения, которая еще только вырабатывает форму владения землей. Обратимся теперь к самым причинам или мотивам перехода крестьян к подворному владению.

Очень частой причиной стремления крестьян к разделу земли навечно служит боязнь круговой поруки. Один случай продажи имущества состоятельных крестьян за недоимки однообщественников вызвал несколько неудачных попыток заменить общинное владение подворным в Михайловской вол. *Мценского* у. По-видимому, та же причина (вместе с советом мирового посредника, позднее члена крестьянского присутствия) вызвала образование подворного владения в Троицкой вол. этого уезда (где к нему перешло

¹ В 5 общинах *Егорьевского* у. постановление о разделе земли навечно сделано при выходе крестьян на выкуп (в половине и в конце 60-х гг.). В 5 общинах *Рязанского* у. главной причиной перехода к подворному владению (имевшего место по словесному приговору) г. Григорьев считает выкуп. Крестьяне д. Ново-Васильева «незадолго до выкупа произвели общий передел по наличным душам; через 5 лет после выкупа они заявили, что и не подумают уступить кому-либо хоть клочок так дорого достаемой им земли». В первые годы после воли крестьяне д. Селезневой тяготились землей и практиковали свалку-навалку душ, незадолго до выхода на выкуп землей стали дорожить и «многосемейным, по их просьбе, мир прирезывал землю, увеличивая общее число надельных единиц; около половины 70-х годов, при выходе на выкуп, было постановлено: земли никому не прибавлять и общего числа единиц разверстки не увеличивать».

15 общин из 35) и в 2 общинах *Рязанского у.*, в одной из которых (Семкино) несколько раз производилась опись имущества за недоимки. Опасение круговой поруки вызвало установление в 1869 г. подворного владения в помещичьей общине с. Кистенева *Шацкого у.* После выхода на выкуп крестьян с. Богослова *Трубчевского у.* наделная земля была разверстана по ревизским душам, результатом чего был отказ многих хозяев от земли и неисправный взнос податей; опасаясь круговой поруки, общество постановило в 1869 г. приговор о разделе земли на подворные наследственные участки, каковой, однако, приведен в исполнение не был, а вместо того 38 наделов, от которых отказались владельцы, были переданы более сильным домохозяевам. Зажиточные домохозяева 11 обществ *Бахмутского у.*, высказавшиеся за подворное владение, мотивируют свое желание, между прочим, опасением ответственности за недоимки, накопленные бедняками. Эта причина указана в приговоре о переходе к подворному владению Павлышского общества военных поселян *Александрийского у.*; получив в 1871 г. владенную землю, общество предположило, что перешло на выкуп, и поспешило закрепить участки за каждым владельцем. В приговоре сказано, что переход совершается, «дабы не допустить недоимки по взносу податей и круговой ответственности всего общества (за) неисправных плательщиков»; при этом земля была разверстана «по числу имеющихся каждым средств обрабатывать и уплачивать своевременно за надел определенную сумму» с тем, чтобы по окончании выкупа (?) земли надел «поступил каждому на его распоряжение как собственностью». В этом обществе жеребьевки продолжаются, как и прежде. Опасение круговой поруки было причиной перехода от общинного владения к участковому в *Петергофском у.*

Другой распространенной причиной перехода крестьян от общинного владения к подворному служат сельскохозяйственные мотивы, желание освободиться от такого вмешательства мира в распоряжение участками отдельных лиц, при котором хозяин не имеет возможности в полной мере использовать сделанные им улучшения. Такими актами общинного характера являются, между прочим, частые жеребьевки и переделы полей, при которых происходит всеобщая мена участками, отчего хозяева, хорошо удобряющие свои загоны, теряют сравнительно с остальными. Община, однако, выработала ряд мер, устраняющих указанные вредные явления, заключающихся или в отмене жеребьевок, или в удлинении промежутков между ними, или в изъятии от жеребьевок (и переделов) удобряемой части надела. Казалось бы, поэтому что указанные вредные распорядки общинного владения должны бы устраняться мерами общинного же характера, и так оно действительно происходит в огромном большинстве общин, заботящихся о преуспевании сельского хозяйства. В некоторых случаях, однако, указанные явления воз-

буждают вопрос об уничтожении общины, и весьма вероятно, что в большей части таких случаев приговор о переходе к подворному владению явился результатом непонимания не только большинством общества, но иногда и инициаторами дела всего юридического значения такого приговора, как это видно из примера четырех обществ государственных крестьян Перкинской волости *Моршанского у.*, постановивших в 1872 г. приговор о разделе большей части пахотных полей на подворные участки. Указанный случай представляет интерес и в том отношении, что им хорошо рисуется влияние, какое может оказать на темную массу населения сильный человек, и последствия этого влияния в случаях, когда он сумеет поставить дело на законную, как известно, мало знакомую крестьянам почву.

«Пахотные угодья обществ Перкинской вол. принадлежат к худшим в уезде, они большей частью песчаные и иловатые. Земледелие здесь может быть поставлено удовлетворительно только при тщательном удобрении полей. Но это в прежнее время сознавали весьма немногие, большинство крестьян волости совсем не удобряло полей, получая же плохие урожаи хлебов, давно обратились к промыслам». Одним из наиболее доходных для населения промыслов был извоз; с проведением железных дорог он совершенно упал, что очень сильно отразилось на благосостоянии крестьян. «В это время должно было выступить на первый план в хозяйстве крестьян земледелие, на которое они не обращали прежде должного внимания. Состоятельные и более дальновидные люди стали понимать, что хлебопашество выгодно, но и эти лица не находили расчета надлежащим образом удобрять поля, так как у общества Перкинской волости утвердился обычай переделывать пока не более, как через 2–3 года. В это время введены в действие новые правила о поземельном устройстве государственных крестьян, которыми узаконялось, что каждое общество с согласия $\frac{2}{3}$ своих членов может разделить принадлежащую ему землю на подворные участки. Обществам Перкинской волости предъявлены и выданы владенные записи в 1868–1869 гг. Старшиной волости был тогда и перед тем служил долгое время крестьянин Я. Е. Иванов, человек дельный, наживший себе значительное состояние лесной промышленностью, лицо энергичное и пользовавшееся в своей волости большим влиянием. Этот старшина и возымел мысль разом и навсегда прекратить вредный обычай часто переделывать поля, для чего он избрал радикальную меру, именно, перемену во всех обществах волости общинного владения пахотными угодьями на подворно-наследственную». Насколько можно судить по объяснениям сына Иванова (уже умершего), нынешнего старшины Перкинской волости, нет основания подозревать, «чтобы действиями умершего старшины руководили какие-нибудь корыстные расчеты, вроде, например, возможности округлить свой участок скуп-

кой наделов у обедневших крестьян. По-видимому, старшина радел только о пользе крестьян своей волости, но понимал эту пользу как человек, обладающий материальными средствами гораздо выше средних в крестьянском быту. Он увлекался только одной стороной подворного владения, именно отсутствием переделов земли, не взвешивал неудобства этого землевладения при дробности и чересполосности подворных участков и не предвидел возможности обезземеления многих крестьян. Он предполагал только одно благоприятное последствие настойчиво проведенной им меры, именно: что всякий крестьянин старательно возьмется за удобрение и всяческое улучшение своего участка, когда получит его в постоянное владение. Умерший старшина, по-видимому, предполагал, что и по установлении подворного владения у крестьян сохраняется почти все общинные порядки, никто продавать своих участков не будет, скупать участки богатые у бедных тоже не будут и даже, что общества, по мере необходимости, будут выделять новые участки вновь возникающим дворам из небольшого запаса земли, оставленного в общинном владении».

Как бы то ни было, а в 1870–1872 гг. крестьянами были составлены приговоры о разделе на подворные участки большей части пахотной земли. Но уже при первых шагах нового владения планы Иванова оказались в значительной степени урезанными. «Раздел полей на подворные участки произведен совершенно тем порядком, каким делаются мирские переделы земли, и каждому домохозяину отмеривались загоны по числу душ мужского пола, какое было у него в 1872 г. Старшина старался избежать дробления подворных участков в одном поле на несколько загонов, но он очень мало достиг этого, потому что крестьяне отнюдь не соглашались получить участок в одном месте при различном качестве почвы полей и при различных других условиях пользования землей. В Перкинском обществе, членом которого был сам умерший старшина, он добился только того, что одно среднее поле крестьяне согласились разделить цельными подворными участками»; в других же обществах результатом его усилий было лишь сокращение числа законов, но не уничтожение чересполосицы. В настоящее же время (1881) идея подворного владения потеряла среди местного населения почти весь кредит.

«Личными расспросами у крестьян Перкинской волости, – пишет г. Романов, – мы вполне убедились, что они слишком далеки от самого понимания будто бы установленной у них формы подворного землевладения. Без преувеличения можем сказать, что, несмотря на подробные расспросы крестьян о порядках землевладения, мы могли бы уехать из Перкинской волости, не узнавши, что там земля поделена на подворные участки. Но этого не случилось благодаря присутствию при расспросах старшины. Масса крестьян отнюдь не хочет признать, что у них установлено личное землевладение и

что переделы земли уже невозможны. Большинство крестьян всех обществ волости очень желает произвести общий передел земельный угодий на наличные души. Волостной старшина, конечно, не допускает такого передела, указывая, что земля разделена на наследственные участки. А крестьяне упрекают за это старшину, думают, что он напрасно стесняет их, и уверяют при этом, что они никогда не давали согласия поделить землю “навечно”; что они вовсе не хотели и не хотят иметь у себя таких порядков, какие существуют у их соседей – четвертных крестьян. В обществе села Атманов Угол очень недолго существовала и та разверстка земли, какая сделана была, при участии старшины, при введении подворного владения»; через 4 года крестьяне этого общества разбили землю на более мелкие участки и не раз производили ее жеребьевку. «В других обществах действительно переделы полей с 1872 г. остановлены и поля удобряются старательнее прежнего. Но крестьяне и не отрицают, что в 1872 г. они отменили у себя частые жеребьевки полей; они не хотят только признавать, что их земля поделена на постоянные подворные участки, и теперь находят своевременным совершить опять передел по наличным душам. Крестьяне находят невыгодным, неудобным и то недостаточно дробное деление полей, какое у них сделано в 1872 г. Это – взгляды малосостоятельных крестьян и бедных, которые составляют большинство».

«Как видно из всего вышеупомянутого, – заканчивает г. Романов свое описание этого подворного владения без подворников, – подворное землевладение крестьян Перкинской вол. далеко нельзя признать фактом, и даже сомнительно, чтобы такая форма владения когда-либо здесь утвердилась».

Это сомнение должно быть распространено и на общества других уездов, перешедшие к подворному владению по тем же сельскохозяйственным мотивам. К числу таковых следует отнести четыре общины *Рязанского у.*, сначала практиковавшие частые переделы полей, а затем, дабы лучше использовать удобрение, постановившие (словесно) приговоры о прекращении переделов. Г. Григорьев не сомневается, что приговоры будут нарушены и заботы общества об удобрении полей выразятся удлинением промежутков между переделами. Потеря некоторыми крестьянами навозников при переходе с тяглов на души в половине 60-х гг. вызвала в 1868 г. приговор о прекращении переделов в одной общине *Мценского у.*; немногие сторонники подворного раздела в 2 общинах государственных крестьян Котовской вол. *Старооскольского у.* мотивируют свое желание тем, что тогда можно будет удобрять землю. Сюда, может быть, относится и мотив стремления к подворному владению в с. Юзкуях *Мелитопольского у.* – возможность нарезать его в одном углу; в с. Серогозах говорят, что при подворном владении каждый будет лучше пахать свой участок. Желанием сохранить за каждым сделанные им улучшения объясняется переход к подворному владению чешской колонии Чехоград этого уезда.

Часто встречающимся мотивом, руководившим крестьянами при оставлении общинного владения, является желание продать свою землю. Обычно такие случаи встречаются в бойких подгородных местностях, где существует большой спрос на землю, и преимущественно усадебную, со стороны промышленного населения города, отчего цены такой земли сильно растут, что и соблазняет многих крестьян к продаже участков, а для свободы такой продажи необходимо исключение земли из общинного владения. Но стремление к переходу к подворному владению ради возможности продажи своих наделов с тем, чтобы на вырученные деньги купить землю, где последняя дешева, встречается и в районах чисто земледельческих. Этот мотив, например, лежит в основе стремления, охватившего в последние годы многие общины *Мелитопольского* уезда, к переходу от наличной к ревизской разверстке земли. Указанный переход в глазах многих крестьян связывается с идеей владения, подобного тому, какое они видят у окрестных немцев-колонистов и которое дает последним возможность продажей своих участков выручить деньги для покупки гораздо больших площадей. «Насколько сильно влияет на воззрения крестьян возможность приобрести “вечную” землю, можно судить уже по тому, что во всех селениях Веселовской волости стремление к ревизской раскладке появилось одновременно (1882 г.) в тот момент, когда прошел слух о продаже 22 000 десят. земли кн. Оболенских мелкими участками и в рассрочку при помощи крестьянского банка».

Гораздо чаще, однако, стремление к подворному разделу и последующая распродажа земли по очень высокой цене встречается, как мы сказали, в бойких подгородных местностях. Этот мотив играл, вероятно, главную роль при разделе земли пятью общинами *Петербургского* у., сообразно чему значительная часть отошедшей в подворное владение земли уже распродана. Сюда же относятся случаи раздела земли государственными крестьянами Троицкой слободы *Рязанского* уезда. Земля этой слободы примыкает к вокзалу Московско-Рязанской жел. дор. (в г. Рязани), где цены земли достигают 600–800 руб. за десятину. Многие купцы имели желание приобрести здесь участки, для чего они подали мысль о разделе земли навечно влиятельному крестьянину – старосте, десять лет ходившему в этой должности: «может быть, и благодарность ему поднесли», – говорят на этот счет крестьяне. Благодаря его агитации, в 1872 г. был совершен передел земли по наличным душам (выгодный для старосты) с тем, чтобы после него земля оставалась в потомственном владении каждой семьи. Некоторые из новых подворников уже успели распродать свои участки, «и на них красуются кирпичные заводы, трактиры, кабаки».

В отношении условий и влияния раздела земли на подворные участки, вызванного рассматриваемым мотивом, интересный пример представляют случаи перехода к подворному владению некоторых общин *Московского* у.

«Сельцо Богородское лежит на р. Яузе, между Сокольничьей рощей и казенным сосновым лесом, называемым Лосиный остров. Такое положение сделало его любимым местом дачников и вызвало устройство близ него фабрик. Выгоды, получаемые богородскими крестьянами от того и другого, громадны». Кроме сдачи земли под дачи, крестьяне получали оброчных общественных статей 2100 руб. в год – сумма, превышающая почти в 2 раза все платежи, лежащие на обществе. По прошествии срочных 9 лет после освобождения, крестьяне продали 4 дес. общественной земли за 10 000 руб., и полученную сумму обратили на уплату выкупной ссуды, обратившись, таким образом, сразу в полных собственников своего надела. Продав затем еще $4\frac{1}{2}$ дес. за 14 000 руб. и разделив полученную сумму между собой (38 дворов) по душам (87 рев. душ), крестьяне произвели в 1873 г. окончательный раздел усадебной земли, после чего началась быстрая ее распродажа. В 1876 г., когда производилось исследование уезда, из 41 дес. усадебной земли оказалось проданной за сумму 50 000 руб. 16 десят. Из 38 домохозяев общества 4 успели продать всю свою усадебную землю, а 26 – часть ее. По расчету самих крестьян каждый из них получил при этом до 1500 руб. денег. Но это не только не обогатило крестьян, но привело их к разорению. «Четвертая часть крестьян не имеет лошадей, коров покупает в долг только на лето, за неимением средств прокормить скотину в течение зимы; хлебопашеством не занимаются, “прирабатывают летом” кое-где на дачах, а зимой на фабриках. Другая четверть крестьян, скупившая землю односельцев, богатеет, построив и сдав много дач, и превращается в капиталистов. Остальная половина крестьян остается в том же положении, что и до продажи земли. На какие же потребности истрачены деньги, полученные за проданную землю? “Жен нарядили, да в кабак переносили, а некоторые задумали было фабрики строить, да и разорились,” – объясняют дело сами крестьяне. И действительно, пьянство среди богородских крестьян развито в колоссальных размерах, а школы до сего времени нет, и крестьяне не желают заводить ее». Пример Богородского произвел на окружающих крестьян такое впечатление, что соседнее общество, Алексеевское, тоже выкупившее надел, единогласно постановило приговор: «не изменять вовеки общинного владения и не отчуждать, ни при каких обстоятельствах, общинных земель».

Другой пример подобного же влияния раздела общинных земель на благосостояние населения представляют 5 слобод московских ямщиков. До преобразования крестьян этого разряда в собственников, в 1866 г. им принадлежало на общинном праве 2000 дес. земли в Москве и под Москвой и столько же в Московском уезде. Сдавая эти земли в аренду, ямщики добывали этим путем, за покрытием всех государственных и общественных платежей, до 300 руб. в год на душу – сумма, позволявшая каждому из них весь-

ма исправно заниматься домовым извозным промыслом. В 1866 г. ямщицкие земли, находящиеся в Москве, признаны были за усадебные и, следовательно, подлежащие, по желанию большинства, разделу в подворное владение. Последнее не заставило себя долго ждать, а через 10 лет после него $\frac{9}{10}$ разделенной земли перешло уже в чужие руки, и хотя это дало каждому продавцу до 5000 руб. денег, но благосостояние населения упало. Из 50 дворов Тверской слободы, например, 10, прежде зажиточных, теперь совсем разорились, продали дома, лошадей и живут в работниках, кухарках и т. д.; 3 двора разбогатели, остальные 37 живут хотя еще и зажиточно, но хуже прежнего. Общее число лошадей, принадлежащих тверским ямщикам, уменьшилось наполовину. То же самое наблюдается и в других слободах. «Ямщики, сохранившие хоть часть земли в Москве, желают во что бы ни стало поддержать общинное владение землями, находящимися в уезде; убедившись на опыте в опасности раздела земель на подворные участки, они видят в общинной земле залог обеспечения потомства и гарантию исправного выполнения повинностей. Что же касается до разорившихся ямщиков, то они, напротив того, требуют раздела и оставшихся земель с тем, чтобы иметь возможность продать их»; и теперь, когда этот раздел не состоялся, они все-таки продают свои дома, пользуясь для этого долговыми документами, при посредстве которых они передают свое право на владение общественной землей лицам, купившим у них землю (Сб. ст. св. по Моск. губ., т. I, с. 25–30).

О некоторых остальных причинах рассматриваемого явления можно получить понятие из нижеприводимых примеров.

Община с. Высокого Колка (удельное, мордва) *Ставропольского* у. составила в 1884 г. приговор о разделе земли по ревизским душам навечно. Главным мотивом было разложение волостным правлением сложной по Высочайшему манифесту недоимки на души, вследствие чего платежи богатых крестьян были уменьшены, а для взыскания с бедных несложной части недоимки продавали их скот; бедняки объясняли это влиянием круговой поруки, связанной с общинным землевладением; затем, бедные недовольны, что мирская земля, вместо того чтобы идти в их руки, «продается миром», пропивается и т. д.; разделенная же на участки, «как у немцев», она у каждого будет при деле; тогда и выручка за сдачу крестьянами, не имеющими скота, своей земли под пастьбу другим, пойдет в руки их, неимущих; теперь же беднякам мало пользы от того, что мир сдает пар под выпас. Приговор постановлен 76 надельными домохозяевами из 174, к ним присоединились и 35 отсутствовавших.

В 2 общинах *Бузулукского* у. крестьяне желают разделить землю на участки с целью устранения богатых крестьян от дарового пользования пастбищем. Помещичье с. Михайловка Красной вол. *Днепровского* у. постановило в 1884 г. приговор о подворном владении с целью получения из

крестьянского банка большей ссуды (при общинном владении выдается 125 руб. на ревиз. душу, при подворном – 500 руб. на двор). В небольшой общине Бородинских выселок (6 дворов) *Мценского у.*, где всеми крестьянами по приговору общества производилась продажа земли в неодинаковом, однако, размере, те два крестьянина, которые лучше других сохранили свои участки, взяли с остальных четырех обязательство «не требовать себе проданного количества земли при переделе» и даже настояли на составлении (в 1885 г.) приговора о разделе земли на подворные участки. Приговор еще не представлен на утверждение начальства.

Сходный с этим мотив наблюдается, вероятно, в случае перехода к подворному владению с. Царево-Дара *Херсонского у.*, составившего об этом переделе приговор в 1886 г. До этого приговора в обществе поднят был вопрос о переделе земли на наличные души, причем имелось в виду пустить в передел и 1,266 дес., находившихся в подворном владении 21 хозяина (сверх душевых наделов), получивших эту землю по дополнительной владенной записи. Указанные 21 домохозяин нашли поддержку в лице отставных солдат и не допустили передела. Вероятно, и приговор о подворном владении составлен по настоянию этих богатых крестьян. Приговор этот, по словам материалов, «не был приведен в исполнение», т. е., вероятно, раздел земли в натуре не состоялся.

Приговору о переходе к подворному владению в двух общинах *Ямбургского у.* предшествовала также горячая борьба партии, требовавшей уравнивания земли, с партией, настаивавшей на сохранении ревизской разверстки, последняя партия одержала верх и поспешила закрепить свои права на землю приговором о переходе к подворному владению.

Из того, что было нами говорено относительно мотивов приговоров о прекращении переделов или переходе к подворному владению, видно, что в очень многих случаях, делая такой шаг, крестьяне не думали заменять одну форму владения другой, а намеревались только избавиться от некоторых неудобств, которые они связывали с фактом переделов, или же постановили приговор по простому недоразумению. Оттого-то нередки случаи, что приговор не приводится в исполнение, даже забывается; или такие, где продолжают практиковаться частные переделы, за которыми весьма вероятно последуют и общие. Там же, где приговор постановлен настолько сознательно (хотя, может быть, и легкомысленно), что крестьяне отличают новую форму владения от старой, нередко возбуждается вопрос о возвращении к прежним порядкам, или таковое уже возымело место.

Интересный случай этого рода представляет огромное село (2600 рев. д.) военных поселян *Херсонского у.*, Новый Буг. В прежнее время военные поселяне находились под таким же приблизительно режимом, как и помещичьи. Поэтому и после реформы им, как и последним, предстояло, так сказать, вы-

работать форму земельных отношений. С. Новый Буг шло при этом по пути подворного владения и в 1871 г., при получении владенной записи, составило приговор о разделении своих 25 000 дес. земли на подворные участки, так «чтобы каждый домохозяин по числу душ, имеемых быть наделенными землей, получил таковую при месте или надвое, смотря по желанию». Порядки, закрепленные приговором, заключающиеся в отсутствии вмешательства общества в поземельные отношения, вследствие чего земля умершего крестьянина переходила по наследству и к дочери, и к вдове, – эти порядки просуществовали беспрепятственно до 1883 г., когда в обществе начались разговоры о необходимости нового уравнивания земли. Сначала общество стало хлопотать о наделении неревизских душ казенно-оброчными статьями, но, получив отказ, произвело в 1886 г. передел своей земли по наличным душам.

В *Рязанском* у. с. Семкино, постановив в 1872 г. приговор о переходе к подворному владению из опасения ответственности по круговой поруке, с самого года перехода продолжает практиковать свалку-навалку душ (ибо платежи слишком тяжелы для малорабочих семей), за которой последовали и переделы. Свалка-навалка по той же причине продолжается после раздела и в 2 других общинах того же уезда – Горячкино и Долгинино-Черкасово; последняя намеревается для устранения чересполосицы произвести общий передел. Многие крестьяне Троицкой слободы, того же уезда, перешедшие к подворному владению в 1872 г., через 10 лет уже допытывались – нельзя ли восстановить старый порядок для устранения возникшего несоответствия между величиной семейных участков земли и личного их состава. Д. Бежитвина совершила передел навечно, по совету какого-то адвоката, в 1866 г., когда крестьяне своей землей не дорожили, а арендовали исполу всю землю соседнего владельца. Теперь, когда имение перешло к другому лицу, которое прекратило сдачу его в аренду, многие сожалеют о разделе и думают обжаловать приговор.

В 7 общинах Московской губ., постановивших приговоры о прекращении переделов (2 государственных и 5 помещичьих), свалка-навалка душ продолжается по-прежнему, причем крестьяне с. Белые Колодези (государственные) через 10 лет после приговора заявляли, что передела им не избежать, так как «души перемешиваются и земля перепутывается», а акатьевские (бывшие помещичьи) крестьяне говорят, что условие о прекращении переделов они «сделали только так – чтобы плохие дворы не потребовали частых переделов полей, а лет через десять необходимо будет переделить их». В некоторых подворных селах *Петергофского* у. сохранилась передача наделов при посредстве общины от одних хозяев к другим; так, в Гуаницах (49 дворов) на обществе оказалось уже 9 душевых наделов, сданных ему обычным общинным порядком лицами, которые не в силах держать землю, и переданных миром за повинности другим общественникам.

С. Ново-Николаевка *Днепровского у.*, образованное в 1861 г. русскими выходцами из Бессарабии, получившее землю по числу ревизских душ и обратившее ее в подворное владение, в настоящее время, ввиду скоплений земли в немногих руках, «решительно склоняется к общинной форме владения». Община крестьян бывших Константинова в д. Пришибе *Славяносербского у.* в 1863 г. постановила: «...отменив переделы и переверстку мирской земли, разбить ее навсегда на подворные участки и раздать их домохозяевам в постоянное пользование». Приговор этот, записанный в соответствующую книгу, не только не приведен в исполнение, но и позабыт крестьянами; хотя нужно сказать, что земля здесь остается распределенной по ревизским душам. В помещичьих деревнях Кокоревке и Требушки *Красносельской волости Трубчевского у.* в 1873 г. были составлены приговоры о разделе земли на подворно-наследственные участки. Приговоры не только не приведены в исполнение, но крестьяне совершенно забыли о них и не сумели объяснить ни причин их составления, ни того, почему они не были приведены в исполнение. По владенной записи 1868 г., земли государственных деревень того же уезда *Красносельской вол.* Ореховачи и Кохановка значатся находящимися в подворном владении. По расспросам оказалось, что приговор (утвержденный присутствием по крестьянским делам) о разделе земли на подворно-наследственных участки составлен обеими деревнями лишь в 1871 г., но самый раздел в натуре произведен не был.

Ввиду таких фактов естественно возникает вопрос – верно ли мы понимаем смысл приговоров, на основании которых выделяем общества из душевного владения в подворное, и соответствуют ли сами приговоры (писанные) смыслу постановления общества? Можно ли, например, придавать какое-либо значение в смысле суждения о разрушении общины приговорам о прекращении переделов или о переделе «навечно», «на вечность», нередко постановляемым общинами преимущественно бывших помещичьих крестьян? В частности, можно ли на основании подобных приговоров 40 с лишком общин *Егорьевского уезда* (к тому же сделанных большей частью на словах) заключить, что в этом уезде образовались 40 новых обществ с подворным владением земель? Постановляя эти приговоры, имели ли крестьяне намерение перейти к новым земельным отношениям, понимают ли они под выражением «навечно», «навсегда», «вечное и постоянное пользование» и т. п. то, что мы приписываем этим словам, или что-либо иное? Ответ на этот вопрос мы находим в работе г. Харламова, посвященной общине *Вяземского уезда*.

Приговоры о переделах земли, постановленные в *Вяземском уезде* в 70-х и особенно в 80-х годах, сопровождались весьма часто оговорками: «на вечность» и даже еще более решительными, например, «как земля в сем году поделена, так и должна быть на вечные времена, и передела как между нами, так и потомством нашим быть не должно, и приговор этот должен соблю-

даться навсегда свято». «При чтении этого приговора, – говорит автор, – является вопрос: что это такое – переход к подворно-наследственному владению? Такое недоразумение разрешено исследователями на месте. Оказалось, что здесь дело идет только об уничтожении частичных подвижек полос, об укреплении за каждым полосы до нового передела или “на вечность”, т. е. на более или менее продолжительный срок».

Дело в том, что в Вяземском уезде практиковался частый перенос участков земли от одних, слабеющих хозяев, другим, сильным, что сопровождалось, во избежание усиления чересполосицы, жеребьевкой, сначала частной, а потом общей, при которой все хозяева лишались своих участков и получали новые, по жребью. Так как земля уезда требует удобрения, то хорошему хозяину невыгодна та неустойчивость владения, какая является результатом часто повторяющихся жеребьевок, и вот в последнее десятилетие крестьяне начинают принимать меры против указанного явления, заключающиеся между прочим или в установлении определенных, длинных сроков для переделов, или в постановлении, что жеребьевка не должна производиться часто, выражаемом применением к постановлению о производстве передела термина «навечно» и т. п. «В момент передела деревне кажется, что она уже так уравнительно распределила свои наделы, и все взяли так соразмерно своим силам, что в приговоре можно сказать “на вечность” и таким образом дать полный простор и полную обеспеченность хозяйственным заботам об улучшении почвы». «Подобное выражение, разумеется, не отличается особой определенностью, и обыкновенно проходит 12–18 лет, требуется почему-нибудь новый передел, он и производится, несмотря на всякие постановления приговоров предыдущих лет. Тем не менее выражение “на вечность”, встречаемое во многих приговорах о переделах и условиях, заключаемых при передаче надела хозяином другому, при навалке на двор надела, брошенного кем-либо, своим частым повторением уже указывает на то, что мужик совершенно удовлетворяется подобной оговоркой». Правильность приведенного толкования смысла слова «на вечность» подтверждается некоторыми приговорами «навечно» и т. п., в которых после постановления о переделе земли «на вечность», говорится, например, следующее:

«Кто из нас умрет или *будет скидка и накидка полос*, то домохозяин (принимающий землю) должен принять из той полосы, от которой отнимается, – но чтобы поля нам никогда не делить, и межей не драть, и чтобы полосы наши были вековечны». Здесь ясно выражено желание, чтобы полоса, которую каждый обрабатывает, не была взята у него из-за того, что часть надела какого-либо хозяина перейдет к другому. Следующий приговор поясняет вопрос еще более. «Как кто владеет пахотной землей по делу (переделу) 1874 года, тот должен так владеть и на будущие времена, и все желали, чтобы передела никакого не было,

т. е. всякий, кто удобряет ниву, тот должен ею пользоваться и его наследники. Если кто вздумает оставить землю, то должен оставить в своей ниве».

Итак, случаи приговоров раздела земли «навечно» и т. п. не свидетельствуют о том, что таковые имеют целью закрепление навсегда существующего количественного распределения земли между семьями; весьма часто они означают только намерение крестьян уничтожить жеребьевки, целью которых является изменение не экономических отношений в общине, а хозяйственных¹. Вероятно, что и многие из 40 общин, переделавших землю «навечно», в *Егорьевском* уезде преследуют ту же цель, которую ясно выразила д. Запутная Спиро-Васильевской вол., при переделе (вероятно, жеребьевке) постановившая решение не *переделывать земли без крайней необходимости*.

Другой источник приговоров о переделе «навечно» заключается в намерении закрепить навсегда существующее количественное распределение земли между семьями. Таков смысл, например, некоторых приговоров, постановляемых многими общинами государственных крестьян *Мелитопольского* у., о переходе от разверстки земли по наличным душам к разверстке по ревизским. По всей вероятности, указанную цель преследуют и многие помещичьи общины, например *Егорьевского* у., постановившие разверстать землю «навечно». Для надлежащей оценки этого стремления нужно помнить, что помещичьи крестьяне только что еще вырабатывают форму владения землей, так как при крепостном праве их поземельные отношения регулировались чужой волей. Это вырабатывание идет при большой путанице понятий, обязанной своим происхождением, между прочим, выкупу земли. Настоящее отношение к общине этой группы крестьян еще не определилось, и самое вырабатывание этого отношения идет не путем систематического мышления, а практически, под влиянием возникающих потребностей. Общество в течение многих лет приходит к убеждению в ненормальности существующего распределения земли и решается на новую разверстку. Но при этом оно не думает, что в ближайшем будущем придется повторить передел, и только возвращение тех же условий и последующее повторение переделов укрепляет в сознании крестьянина идею равенства, выясняет в его мирозерцании общинную форму владения землей. Пока идет этот процесс – в обществе отсутствуют какие-либо определенные формальные рамки, которыми нормировались бы поземельные отношения и которыми сдерживались бы крайние выражения индивидуализма и эгоизма. В силу сказанного отдельные члены общества могут создавать всевозможные планы, диктуемые их эгоизмом, и принимать разные зависящие от них меры для возможного их осуществления. В числе

¹ Вероятно, такой же смысл имеет раздел в 1882 г. «навечно» 2 полей и желание сделать то же с третьим, «чтобы было возможно каждому больше земли навозить» в д. Петровском (собственники) Казинской вол. *Елецкого* у., где 2 клена подвергались жеребьевке ежегодно, а 1 – через 3 года.

этих планов может быть закрепление за собой участков, которые они получили по последнему переделу, и так как на формальную сторону приговора масса крестьян не обращает никакого внимания, ограничивая свои заботы достижением результатов в действительности, а не на бумаге, то сторонники закрепления земли навечно имеют полную возможность дать писаному приговору такую форму, какая кажется им лучше отвечающей их требованиям.

Указанное нами безразличное отношение массы крестьян к тому, в каких выражениях записан приговор, и поголовная безграмотность населения некоторых местностей, служащая причиной того, что крестьяне, если бы и хотели, не могут проконтролировать верность записи, сделанной сельским писарем, приводят к тому, что иногда приговор общины, занесенный в книгу постановлений, имеет весьма слабое подобие с действительным постановлением мира, представляя гораздо больше «разгул писарской фантазии», нежели воспроизведение того, что имело место в действительности. Мы имели случай упоминать о том, что в Трубчевском у. были найдены приговоры о разрушении общинного владения, о происхождении которых миряне не могли дать никаких разъяснений. В Вяземском уезде мы имеем случай наблюдать подобный приговор почти в самый момент его возникновения, и это дает возможность объяснить происхождение подобных же, неизвестно откуда взявшихся приговоров в других местностях.

Произведя подворную опись этого уезда, земские статистики встретили в д. Парфеново Спас-Неразлучинской волости приговор такого содержания. «Мы рассуждали о разделе земли; так как она по настоящее время состояла в общинном пользовании, а ежегодный передел нив значительный доставляет ущерб многим из нас, то мы имеем желание разверстать таковую на подворные участки в постоянное пользование каждого из нас. А потому постановили на основании 54 ст. 2 п. *Общ. Пол.* общинное пользование заменить участковым». В других трех деревнях той же волости оказались совершенно такие же приговоры. Так как эти приговоры постановлены в тот самый год, когда производилось исследование уезда, то статистикам нетрудно было путем расспросов крестьян восстановить подлинный смысл приговоров, и оказалось, что последние имели задачей не больше, как уничтожение подвижек, сохранение за каждым удобряемых им полос. Что же касается «литературных упражнений писаря», – в этих деревнях оказывается или полное неведение, или заявление, что «он незнамо, что напутал, – только мир перемутил».

Ввиду фактов, подобных вышеприведенным, некоторые исследователи не придавали вовсе значения приговорам такого сомнительного свойства и соответствующие общества не считали перешедшими к подворному владению, почему и не находили нужным указывать их в своих трудах. Так отнесся к вопросу г. Харизоменов при описании Мелитопольского уезда, г. Хар-

ламов при описании *Вяземского* у. Оправданием такого отношения, кроме всего прочего, служит и незаконность приговоров, подобных тем, какие мы видели выше. По ст. 163 полож. о выкупе «по согласию $\frac{2}{3}$ голосов на сходе, общество может разделить приобретенную землю на подворные участки; но если выкупная ссуда не уплачена, то приговор о разделе должен быть засвидетельствован мировым посредником, который копию с приговора представляет в губернское присутствие для сведения и для утверждения сделанного обществом распределения выкупных платежей между домохозяевами». По ст. 57 общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, подобные приговоры должны записываться в особую книгу. Имея в виду, что значительная часть приговоров о превращении общинного владения в подворное не занесена на бумагу, а из остальных, вероятно, большая часть не была представлена на утверждение присутствия по крестьянским делам (как это известно, например, относительно случаев *Ямбургского* у.), – мы можем смело считать эти приговоры незаконными и переход к подворному владению юридически несостоявшимся.

Познакомившись ближе с отдельными фактами постановления приговоров о переходах от общинного владения к подворному, занесенными на страницы трудов земских статистиков и с мотивами таких приговоров, мы убедились в том, что, во-первых, эти приговоры в большинстве случаев постановляются поспешно, без серьезной оценки существующей формы землевладения и того положения, какое ожидает крестьян в случае, если бы приговор приведен был в исполнение, почему на эти приговоры нельзя смотреть, как на акты обдуманного предпочтения населением одной формы владения другой; во-вторых, что они часто постановляются для устранения таких недостатков общинного владения, против которых имеются средства общинного же характера; в-третьих, что многие из случаев, считаемых выражающими решение общества прекратить переделы и т. п., на самом деле не имеют этого значения, а попали в это число или благодаря разгулу фантазии писаря, составлявшего письменный приговор, или непониманию культурным человеком терминологии народа; в-четвертых, что в большинстве случаев эти приговоры лишены юридической силы.

Приняв все это во внимание, мы должны будем сказать, что случаи действительного одновременно и формального, и фактического обращения общинного владения в подворное наблюдаются, по крайней мере в черноземной полосе, весьма редко. Это значит, что ясно формулированное в сознании недовольство общиной целого мира, т. е. группы лиц, состоящей не из однородных элементов, а охватывающей личности в том их разнообразии – экономическом, умственном и нравственном, – в каком они комбинируются в жизни, мы можем встретить лишь при исключительных обстоятельствах. Поэтому процесс разрушения авторитета общинного землевладения, на-

сколько таковой совершается в массе, находится пока на ступени бессознательного развития и достигает ясно осознанного отрицательного отношения к этому институту разве только в отдельных личностях, по своим экономическим интересам значительно отклонившихся от массы, и выражается тогда стремлением выделиться из общины путем взноса, например, полного выкупа за находящиеся в их распоряжении наделы. Мы не хотим этим сказать, что община черноземной полосы застрахована навеки от всяких потерь или что в данный момент она везде обнаруживает только признаки крепости. Напротив, мы сами утверждаем, что среди значительной части помещичьих крестьян вопрос о будущем общины находится под сомнением и что фактически здесь развиваются черты, свойственные подворному владению. Но мы в то же время признаем, что пока вопрос о форме владения не поставлен перед сознанием мира, до тех пор нельзя ничего сказать о том, приведет ли указанное развитие черт частного права к водворению подворного владения или будет сменено противоположным течением. Когда же вопрос будет сознательно разрешен миром не в пользу общины, это выразится прежде всего составлением приговоров о переходе к подворному владению, каковые (серьезные, конечно) в настоящее время встречаются весьма редко.

Верность этого заключения подтверждается и данными, относящимися к разделу общинной земли на подворные участки в натуре. Оказывается, что расположение угодий при переходе от общинного к подворному владению, судя по имеющимся данным, ничем почти не отличается от того, какое наблюдается при общинном владении. Так, небольшая д. Дмитриада *Ростовского* у. дала каждому хозяину его долю в общем поле, общем выгоне и общей усадьбе. Троицкая слобода *Рязанского* у. сохранила прежнюю чересполосицу. Уничтожение переделов в *Мценском* у. не ведет к изменению внешних порядков общинного владения, сохраняются даже жеребьевки; сенокос или делится ежегодно, или убирается сообща, иногда разбивается на постоянные участки; лес – в общественном или подворном владении; выгон сохраняется общий. 16 общин *Елизаветградского* у. при переходе к подворному владению «точно определили участки каждого в поле и даже при помощи землемера обозначили на плане место каждого душевого участка, будь он в одном отрубе или чересполосице». В с. Павлыши *Александрийского* у. жеребьевки продолжают-ся. В *Петербургском* у. чересполосность участков сохранена и в обществах подворников; число полос у отдельных хозяев достигает иногда 10 и более. В *Петергофском* у. в селениях, перешедших к подворному владению, «разверстка земельных угодий между домохозяевами была произведена совершенно так же, как совершались и переделы общинной земли, рассчитанные на временное уравнение домохозяев», т. е. «домохозяин получал множество клочков пахотных и сенокосных угодий во всех местах дачи селения». В некоторых

селах и огородная земля была нарезана в нескольких (например, 4) местах даже в тех случаях (например, д. Бобынская), где по расположению угодья его легко было бы разбить на отдельные участки для каждого двора.

2) Выкуп общинной земли отдельными крестьянами. Изучение случаев обращения общинного владения землей в подворное привело нас к заключению, что сознательно-отрицательное отношение к мирской форме владения землей со стороны целого общества крестьян встречается очень редко и что развитие антиобщинного течения, насколько таковое приняло сознательный характер, нужно искать по преимуществу в действиях отдельных лиц. К числу таких проявлений сознательного стремления крестьян вырваться из уз коллективного владения нужно отнести выкуп отдельными лицами своих наделов.

Как известно, в обществах государственных крестьян эти выкупы поставлены в зависимость от согласия общества; в помещичьих же каждый крестьянин имеет право внести в казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, после чего «общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту, по усмотрению самого общества, а впредь до выдела крестьянин продолжает пользоваться приобретенной им частью земли в составе мирского надела, без вноса выкупных платежей» (с. 165 Полож. о выкупе)¹.

Посмотрим, к каким результатам привела эта статья закона, по каким мотивам происходили выкупы земли и каковы вероятные последствия приращения этой статьи для общинной формы владения землей.

Познакомимся, прежде всего, с развитием выкупа отдельными лицами наделов в изучаемом районе, для чего сгруппируем имеющиеся на этот счет в наших материалах данные в следующую таблицу.

¹ Вот другие статьи закона, относящиеся к данному вопросу. «В случае представления крестьянином-собственником, желающим выделиться на основании сей (165) ст., квитанции о взносе им в казначейство причитающейся на его участок выкупной ссуды, следует прежде всего требовать удостоверения от подлежащего сельского общества в том, что внесенная крестьянином в казначейство сумма действительно соответствует количеству выкупного платежа, лежащего на том крестьянине по разверстке, сделанной согласно ст. 118 самим обществом... В случае уклонения сельского общества от представления удостоверения, таковое требуется от местного волостного правления» (прим. 1 к ст. 165 Пол. о вык.). «Приговор общества о снятии земли с домохозяина, составленный после вноса последним в казну денег для выкупа участка, подлежит отмене как несогласный со 165 ст. Пол. о вык. и примеч. к ней, по которым каждый домохозяин имеет право выкупать свою землю в том количестве, в каком она находилась в его пользовании по последней общественной разверстке до уплаты причитающей за эту землю выкупной суммы» (У. П. С. по ч. д. 1888 г., № 3349). «Выдел соответственного участка к одному месту должен быть произведен не позже, как при первом, следующем за выкупом переделе земель, если ранее того выдел участка без общего передела оказывался невозможным» (У. П. С. по ч. д. 1885 г., № 5527). «При общинном владении землей отдельные домохозяева из бывших государственных крестьян не вправе требовать от общества выдела им участка в подворное владение (и могут выкупить землю в личную собственность посредством вноса в казну денег лишь по предварительному выделу им, по желанию общества, участка в личное подворное владение)» (Ук. Пр. С. по ч. д., 1883 г., № 4202).

Уезд	Разряд крест.	Число семей, выкупив. наделы / Число выкуп. наделов в											Ср. число выкупл. над. на 1 дв.	Выкупл. десят.	Число общ., где были выкупы
		1860-х гг.	1870 - 1 гг.	1872 - 3 гг.	1874 - 5 гг.	1876 - 7 гг.	1878 - 9 гг.	1880 - 1 гг.	1882 - 3 гг.	1884 - 5 гг.	1886 гг.	Итого			
Бахмутский	Пом.	14/35	3/5	4/6	4/6	4/6	7/24	19/62	13/35,5	8/18,5	4/10	Свед. нет	25/52	94	8
	Пом.	-	-	5/20,5	5/16	5/16	7/24	19/62	13/35,5	8/18,5	4/10	Свед. нет	74/222 ¹	-	51
Гжатский	Пом.	2/6	4/16	22/48	14/40	9/36	42/111,5	109/315	109/315	22/56,5	Id.	224/629	-	132	
	Пом.	21/109	7/20,5	11/43	11/44	11/24	9/21	24/77	19/51,5	81/368,5	19/55,5	213/724	-	-	
Трубчевский	Гос.	-	-	-	2/2	-	-	-	-	-	-	2/2	-	-	1 ²
	Удел.	-	-	-	-	1/2	-	-	2/8	-	-	3/10	-	-	2 ³
Трубчевский	Пом.	1/8	2/8	5/24	1/2	-	1/3	-	-	-	-	11/46	-	-	7 ⁴
	Пом.	-	-	-	-	-	-	-	8/25	2/4	-	10/29	-	-	5 ⁵
Елецкий	Пом.	3/9	1/4	18/39	6/16	18/49	10/18	45/78	32/36	Свед. нет	Свед. нет	123/249	598 ⁶	25	
	Пом.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	54/133	486	-	
Петергофский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	174/498	-	-	
Сычевский	Пом.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Уезд	Разряд крест.	Число семей, выкупив. наделы / Число выкуп. наделов в										Ср. число выкупл. над. на 1 дв.	Выкупл. десят.	Число общ., где были выкупы	
		1860-х гг.	1870 —1 гг.	1872 —3 гг.	1874 —5 гг.	1876 —7 гг.	1878 —9 гг.	1880 —1 гг.	1882 —3 гг.	1884 —5 гг.	1886 гг.				Итого
Свияжский	Пом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60 над. и еще 15 хоз.	—	4
Ржевский	Пом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34/ 82	2,4	24
Новоторжский	Гос.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10/ 21	2,1	—
Новоторжский	Удел.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	93/ 206	2,2	—
Новоторжский	Пом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	340/ 875	2,6	—
К 1888 году															

¹ Здесь показаны и те наделы, время выкупа которых неизвестно.

² Д. Кожановичи Красносельской вол.

³ С. Дядькович Усохой вол., д. Тарасовка Краснослободской вол.

⁴ Сс. Пролысово, Богослово, Алешкино, Святое, д. Сытенко Пролысовской вол., Кокоревка и Тербушка Краснослободской.

⁵ Д. Семеновская Краснополянской вол., Кудярово Предтеченской вол., Филинки, Егорьевское, Покровское Ястрембинской вол.

⁶ Сюда вошли и выкупы 95 хозяев по с. 3 и 8, т.е. до перехода на выкуп всей общины; кроме того, 69 хоз. выкупили 130 усадебных участков, в том числе 31 хоз. 60 наделов по с.3 и 8.

⁷ По данным Госуд. Банка, во всей Московской губ. в 1882 г. по ст. 165 выкуплено 2976 наделов, или 7800 дес.

⁸ По данным Госуд. Банка, в 1882 г. во всей Казанской губ. по 165 ст. было выкуплено в 4 уездах 395 наделов, в том числе 279 в Свияжском у.

⁹ Из них 4 села в Ширданской вол.

¹⁰ В Херсонском у. выкуплено, считая общество Ней-Данциг, погасившее в 1865 г. все выкупные платежи (9 р. 66 к. за десят.), 5870 дес.; для 12 общ. известно количество выкупленных наделов (100), для 5 — число выкупивших семей (27); общ. Ней-Данциг там и здесь не считалось. По данным Госуд. Банка, в 1882 г. по 165 ст. было выкуплено по всей губернии 19 наделов (в Херсонском у.).

Цифры этой таблицы показывают, что выкуп земли отдельно от общества происходит пока в ничтожных размерах и что в нечерноземных местностях он совершается быстрее, нежели в черноземных. Это странное на первый взгляд обстоятельство – странное, потому что земля как источник заработка крестьянина должна бы, кажется, привлекать к себе большее внимание земледельца именно в плодородной черноземной полосе, где она составляет чуть ли не единственное поле для приложения сил человека, нежели в нечерноземной, – приводит нас к рассмотрению вопроса о том, какими мотивами руководствуются крестьяне при выкупе находящихся в их пользовании участков и насколько в числе этих мотивов фигурируют различные сельскохозяйственные цели. Это – главнейший вопрос, на какой следует искать ответ в наших материалах, потому что только местные исследования могут выяснить эту сторону вопроса о значении ст. 165 Положения о выкупе. Что же касается степени развития выкупа по этой статье, – в нашей литературе есть данные более полные сравнительно с земскими, так как они обнимают всю Россию, хотя, правда, только по 1881 г.¹

В вопросе о мотивах выкупа крестьянами наделов естественно прежде всего остановиться на том, насколько этот выкуп вытекает из стремления лучшего обеспечения возможности работать на земле. Стремление к такому обеспечению может при помощи выкупа получить удовлетворение двояким путем: или этот выкуп дает крестьянину возможность обезопасить себя от сокращения участка при переделе и свободно хозяйничать на земле, изъятой из регламентации мира; или же продажей выкупленного надела в чужие руки крестьянин приобретает средства для устройства земледельческого хозяйства в другом месте, где земля дешева, и потому представляется возможность на сумму, вырученную от продажи небольшого надела, купить участок земли, достаточный для занятий всей рабочей силы крестьянина.

Обращаясь к нашим материалам с целью выяснения поставленных вопросов, мы встретимся прежде всего с затруднением, проистекающим от неопределенности данных. Дело в том, что большая часть «Сборников» не дает полных сведений о настоящем положении хозяев, выкупивших наделы, а указывает только случаи необычного, так сказать, распоряжения землей; с другой стороны, они не могут дать сведений о судьбе переселенцев, почему в тех случаях, когда выкуп земли сделан был с целью продажи ее или переселения, – мы не имеем возможности узнать, насколько цель выкупа была достигнута и выкупающие прочно сели на земле или вырученная продажей сумма была истрачена по пути и в неудачных поисках за зем-

¹ «Свод данных Государст. Банка о поступлении особых взносов выкупных платежей от бывших помещ. крестьян по 1882 г.». Разработку этих данных читатель может найти в статье г. Ходского в «Рус. мысли» за 1885 г.

лей. Нужно иметь еще в виду то обстоятельство, что в значительном числе случаев переселенцы выкупают свои надельные поместья поневоле: для получения от общества увольнительного свидетельства, которое нередко выдается только под условием взноса всей или части выкупной ссуды; такое требование особенно часто предъявляется со стороны общества к лицам, желающим перечислиться в другое сословие, в местностях нечерноземных, где надел не вполне окупает лежащие на нем платежи.

Из 401 выкупленного надела в Ставропольском уезде 140, или 37%, приобретены не ради сельскохозяйственных целей, так как 105 из них проданы другим лицам, 20 выкуплены были на чужие средства с целью устройства на них кабаков, а 14 сданы в долгосрочную аренду. Из сведений, имеющих о лицах, продавших выкупленные наделы, видно, что такие продажи были сделаны не ради приобретения средств для устройства земледельческого хозяйства на стороне, а, напротив, потому что продавцы ликвидировали свое земледельческое хозяйство и обращались в горожан или чужих батраков. Один из таких продавцов, например, живет в Питере поденщиной, другой ушел на заработки в Астрахань, третий ушел жить в Самару; «одни приписались в мещане, другие живут в батраках». При такой судьбе обезземелившихся, когда они и по занятиям своим прямо стали в ряды пролетариев, неудивительно, если «в некоторых селениях выкупавшие свои и чужие наделы называли себя “землевладельцами”, а тех, у кого они выкупили, – “нищим сословием”». Что касается остальных 260 наделов, они были выкуплены с целью закрепить землю за собой, и нужно полагать, что собственники ведут на них самостоятельное хозяйство.

В *Бахмутском* у. выкуп наделов еще менее преследовал сельскохозяйственные цели. Это видно из того, что лишь 4 семьи, имеющие 7 наделов (19 дес.), пользуются землей сами, остальные собственники находятся в постоянной отлучке, а наделы свои передали на это время за подати либо обществу (3 хозяина 6 наделов в количестве 8 дес.), либо односельцам (14 хозяев 33 надела в количестве 51 дес.), 3 крестьянина продали свои три надела (12 дес.)¹. Желание отчислиться от общества и переселиться было причиной выкупа наделов 17 хозяевами из 43, выкупавших наделы крестьян *Бузулукского* у. Судя по тому, что 9 из них оставили землю в распоряжении общества, а сами приписались в мещане, а про остальных не сказано, чтобы они продали свои наделы, – следует полагать, что выкуп совершен был этими лицами в большинстве случаев лишь для того, чтобы получить возможность отчислиться от общества. Сказанное в полной мере приложимо

¹ Из числа проданных наделов один, оставшийся после «убыльной» души, выкуплен с согласия общества проживающим в селе мещанином.

к 24 наделам, выкупленным крестьянами с. Рыкова *Бугульминского у.* (во всем уезде выкуплено 39 наделов); этот выкуп в Сборнике прямо мотивирован тем, «чтобы было легче выписаться в мещане». То же самое относится и к *Острогожскому у.*: из 250 выкупленных наделов около 100 выкуплены с тем, чтобы иметь право переселиться, так как иначе общество не давало увольнительных приговоров (еще больше было случаев взноса переселенцами половины выкупной суммы¹). Около 65 из этих наделов проданы, из них 53 надела х. Николаевки проданы одному лицу, воспользовавшемуся тем случаем, что у владельцев этих наделов не было средств для выкупа, каковой был им необходим, ради выселения; 17 наделов переселенцы оставили в пользу общества. Остальная земля, по-видимому, выкуплена лицами, продолжающими вести на ней хозяйство. В *Бугурусланском у.* 7 хозяев (из 37 выкупивших свои участки) или сдали выкупленную землю на мир, или продали однообщественникам, а сами ушли в Оренбургскую губ. на арендованные участки. Крестьянин д. Егорьевской Ястребинской вол. *Елецкого у.* выкупил свои 3 надела и перечислился в купцы.

В *Вяземском у.* выкуп $\frac{1}{2}$ –1 надела нередко производится с тем, чтобы получить увольнение от общества (в одном случае надел выкуплен лицом, желающим поступить в монастырь). Сказанное относится и к 4 дворам *Юхновского у.*, отдавшим выкупленную землю обществу.

Во всех почти перечисленных случаях выкуп наделов переселенцами сделан был, главным образом, с целью получения от общества увольнительного свидетельства, без которого нельзя прочно устроиться на стороне. В следующем случае такой выкуп сделан уже прямо ради получения средств для переселения. Это относится к помещичьей слободе Ржевке Змимовенской вол. *Корочанского у.*, где 49 крестьян, собравшихся на переселение, продали 327 дес. (по 150 руб. десятина) местному землевладельцу Ребиндеру, который и взнес за нее выкуп.

О многих других случаях выкупа в местностях черноземной полосы нам известно, что они были следствием желания крестьян укрепить за собой то количество земли, какое находится в их распоряжении, и обезопасить себя таким образом от возможности сокращения своих участков в будущем, из чего, может быть, следует заключить, что в большинстве случаев выкупленная земля, вероятно, продолжает оставаться под сельскохозяйственной эксплуатацией их владельцев. Этот мотив ясно виден в случаях выкупа, со-

¹ «Когда земля приобретена от помещика целым сельским обществом, то отдельным его членам дозволяется увольнение из оною, по уплате половины капитального долга, причитающегося по выкупной казенной ссуде на участок, состоящий в пользовании увольняемого, буде общество примет на себя ручательство за остальную половину долга. В таком случае... полевой надел и усадебная земля увольняемого крестьянина поступает в распоряжение общества» (ст. 173 Пол. о вык.).

вершающихся в то время, как подымается вопрос о переделе земли. Так, крестьянин д. Филинки Ястребинской вол. Елецкого у. взнес в 1881 г. выкуп за свои 5 наделов по случаю толков о снятии с хозяев умерших ревизских душ. Во многих общинах при возникновении разговоров о переделе многоземельные хозяева грозят обществу выкупом своих участков¹.

В *Самарском у.* главным мотивом к выкупу служит желание состоятельных крестьян закрепить за собой землю.

В *Саратовском у.* из 60 выкупленных наделов 30 приходится на д. Ново-Алексеевку, причем 20 наделов были выкуплены в год исследования, после того как крестьяне узнали от неперемного члена о возможности, путем выкупа, превратить землю в исключительную собственность выкупающего. Надел здесь года два, как стал окупать платежи.

То же в сущности стремление к сохранению за собой земли служит, вероятно, мотивом выкупа наделов в тех случаях, где этот выкуп мотивирован желанием крестьян избавиться от уплаты процентов по выкупленной ссуде. Такая причина указана для случаев выкупа в 1883 г. двумя крестьянами удельного села Дядьковичей *Трубчевского у.* 8 наделов; она фигурирует как один из важных мотивов выкупа в *Славяносербском у.* Сходный мотив нужно признать в том стремлении к выкупу своих наделов, какое обнаружилось среди государственных крестьян *Херсонского у.* ввиду приближения момента переобработки находящейся в их пользовании земли, причем ожидалось повышение платежей. Желание укрепить землю за собой служит мотивом выкупа наделов и в нечерноземной полосе. Так, в *Вяземском у.* большинство домохозяев, выкупивших 2–3 надела, принадлежит к настоящим земледельцам, пожелавшим путем выкупа освободиться от круговой поруки и обезопасить себя от возможного сокращения участка в будущем. Нередко такие хозяева пользуются и мирской землей на общем основании. Крупные участки хотя выкупаются большей частью лицами, не занимающимися земледелием, но нередко целью этого выкупа служит желание сберечь скопленные деньги и иметь средства к существованию в случае неудачи в торговле – промысле, которым занимаются выкупающие. С этой целью крестьянин с. Гремячи, занимавшийся торговлей в г. Вязьме, выкупил 5 наделов, крестьянин с. Демидова – 9 наделов. В *Юхновском у.* из 265 дворов, владеющих выкупленной землей, 215 ведут на ней хозяйство,

¹ В *Трубчевском у.*, в Стрелецкой волости ввиду ожидавшегося (в 1882 г.) передела хотели выкупить свои наделы в удельных селах Переднем Городце 2 хозяина, имевшие 10 наделов, и в Среднем Городце – 4 хозяина, имевшие 9 наделов. В *Раненбургском у.* при возникновении вопроса о переделе земли по наличным душам зажиточные крестьяне выражали желание выкупить свои участки в следующих общинах бывших помещичьих крестьян: Ильинских Выселках Сергеевско-Шереметьевской вол., д. Яхонтовой Ново-Тишевской вол., в 2 деревнях Салтыковской вол.

около 50 дворов или продали свою землю (30 дворов), или отдали родственникам (9 дворов 24 надела), или передали обществу (4 лица – 10 наделов, в том числе некоторые хозяева часть земли дали на мир, часть – родственникам), или сдают землю в аренду (13 дворов 25 наделов).

В Гжатском у.	184 дв., или	82% владеющ.	86% выкуп. земли, ведут хозяйство
В Гжатском у.	40 дв., или	18% владеющ.	14% выкуп. земли, сдают землю
В Сычевском у.	151 дв., или	86% владеющ.	90% выкуп. земли, ведут хозяйство
В Сычевском у.	23 дв., или	14% владеющ.	10% выкуп. земли, сдают землю

Многие зажиточные крестьяне не довольствуются выкупом своих участков, а пытаются приобрести и наделы разорившихся домохозяев или склоняют их самих к выкупу и затем скупают их наделы. Так, в *Богодуховском* у. выкуп наделов в помещичьих общинах (имевший место главным образом в с. Пархомовке, Каплуновке и Большой Писаревке) в значительной степени происходит по причине желания влиятельных крестьян приобрести землю бедняков, проживающих на стороне. Таковые нередко выписывались на родину только для того, чтобы совершить продажу, после чего они возвращались «в далекие места». При этом волостное начальство употребляло различные незаконные средства воспособления богачам для достижения их целей, например, выдавало удостоверение лицу, пользующемуся одним наделом, в том, что оно имеет их два-три, и т. п. По-видимому, в настоящее время это прекращено благодаря какой-то «счастливой случайности».

Такая скупка наделов в видных размерах происходит и в других местностях, причем скупщики округляют этим путем свои участки иногда до нескольких сот десятин.

Один крестьянин д. Нового Мелекса *Ставропольского* у. купил 5 наделов (31 дес.) у своего односельца; крестьянин с. Санчелеева приобрел 12 наделов 6 хозяев; крестьянин с. Суходола выкупил 3 своих надела и 7 чужих, всего 37 дес.; крестьянин с. Васильевки выкупил 65 дес., принадлежащих 13 хозяевам, пожелавшим выписаться в мещане; крестьянин Анисимов удельного с. Хрящевки выкупил своей (4 надела) и чужой (6 над.) земли 75 дес., Чаплыгин – 246 дес. (33 надела). Крестьянин д. Старой Малыкси выкупил 4 своих надела и 10 чужих в 3 деревнях и владеет таким образом 137 дес. земли. В д. Новой Бесовке приобретателем 2 наделов явился ставропольский мещанин. Такие приобретения нередко, конечно, делаются за бесценок. Один крестьянин д. Старой Малыкси, кроме выкупной суммы, внесенной им за надел своего соседа, дал ему еще «награды» хлеба на 50 руб., избу в 35 руб. и хлев в 10 руб. Крестьянин д. Нижнего Якушина продал

выкупленные им $7\frac{1}{2}$ дес. за 140 руб.; 27 других домохозяев продали свои 200 дес. «до окончания срока выкупа» (?) соседям из податей, взяв при этом 15–20 руб. на надел верхов. 13 домохозяев д. Васильевки, желая выписаться в мещане, предложили своему однообщественнику внести за находящиеся в их пользовании 65 дес. выкупную сумму в количестве 702 руб., т. е. десяти-на земли обошлась ему в 12 руб. Весьма редко встречаются случаи, подобные продаже крестьянином д. Чувашского Мелекса своего участка крестьянину с. Лебяжья за 550 руб. В *Бугульминском* у. один крестьянин выкупил 5 своих наделов и 4 чужих. В *Миценском* у. крестьянин с. Михайловского выкупил 5 своих наделов и купил 4 надела переселенцев; в д. Карандаковой одно лицо выкупило 5 своих наделов и 3 арендованных, «по-видимому, с согласия владельцев этих наделов».

Кроме описанной скупки выкупленных наделов крестьянами земледельцами, немало встречается случаев продажи выкупленной земли лицам торгового класса для устройства кабаков, торговых или промышленных заведений. В *Самарском* у., например, 20 наделов выкуплены в конце 60-х и начале 70-х гг. при помощи самарских купцов-кабатчиков, рассчитывавших устроить на этой земле кабаки. Последние были устроены в 9 селениях, но после того как существование кабаков в селах поставлено было в зависимость от разрешения обществ, они были закрыты всюду, кроме с. Мордовских Липяг, где владелец кабака «откупил кругом все земли и воды». С той же целью устройства кабаков были выкуплены из средства посторонних лиц 20 наделов в *Ставропольском* у. Один домохозяин *Бузулукского* у. выкупил надел при помощи бузулукского купца, от имени которого он и торгует в селении красным товаром. Четыре надела (из 39) в *Бугульминском* у. выкуплены пермским мещанином, нуждающимся в земле для производства торговли. С целью открытия кабака производится иногда выкуп земли в *Славяносербском* у. Некоторые крестьяне *Московской* губ. выкупили землю с целью продажи ее под постройку фабрик. Желание продать наделную землю под промышленные заведения или дачи при тех высоких ценах, какие свойственны подстоличным местностям, являлось важным мотивом для выкупа наделов в *Петербургском* у., причем и самый выкуп производился иногда на средства покупателя. Сообразно сказанному, распродажа наделной земли приняла здесь очень широкие размеры, именно 350–400 продали 475 дес. земли.

В с. Кривом Роге *Херсонского* у. 26 наделов (207 дес.) было выкуплено в 1886 г. после того, как Общество для разработки руд стало покупать крестьянские участки. Известен один случай в уезде продажи выкупленного

надела еврею. Выкуп наделов с целью перепродажи их кабатчику или другому лицу для прочного обоснования их в деревне наблюдается нередко в *Вяземском* у. Так, крестьянин с. Городищ, выкупивший 6 наделов, 4 из них продал посторонним лицам; волостной старшина из с. Городищ из 8 выкупленных наделов два продал местному кабатчику, в с. Жукове 2 надела выкуплены для кабатчика, в д. Хмелите – для мещанина и т. д. В *Гжатском* у. известно 6 случаев продажи наделов (24), из них 8 наделов проданы двум сычевским мещанам. В *Юхновском* у. около 30 дворов продали выкупленные наделы преимущественно лицам, не принадлежащим к составу общества: крестьянам-чужеобщественникам или купцам. 16 из этих дворов (выкупивших 23 надела) не занимались хозяйством, и их сделки по отчуждению носили тот характер, что «земля продавалась не после выкупа, а продажа предшествовала выкупу, совершенному уже на счет покупателя». С перенесением уездной земской управы в с. Знаменку пришлый торговый класс начал скупать у крестьян усадебную оседлость, за что торговцы выкупали продавцам их полевые наделы. В *Свияжском* у. 23,4 дес. выкупленной государственными крестьянами земли продано в частные руки.

Весьма важным мотивом к выкупу наделов служит опасение ответственности по круговой поруке за недоимки однообщественников. Этот мотив присоединяется к другим в случаях, о которых мы уже говорили, иногда же является, по-видимому, единственной причиной выкупа. Очень часто опасение круговой поруки заставляет выкупать наделы лиц, живущих постоянно в городе на хороших заработках (например, по торговле), но не желающих, однако, перечисляться в мещане или купцы. Нередко такие крестьяне-купцы отдают выкупленную землю обществу или родственникам. В одной Запорожской вол. *Богородского* у. обществам было подарено земли на 94 души. Сюда же, вероятно, относится и случай передачи братьям 9 наделов, выкупленных крестьянином д. Абакумовки *Вяземского* у., занимающимся в Москве подрядами, а также случай выкупа и передачи родственникам 24 наделов 9 крестьянами *Юхновского* у., живущими на стороне.

* * *

Опасение круговой поруки приведено В.С. Пругавиным как главная причина выкупа в *Славяносербском* у. Значение круговой поруки можно видеть из истории выкупа крестьянами своих наделов в с. Макаров-Яр (помещ., 315 дв.). По причине неудобного расположения земли и недоразумений, происходивших здесь между помещиком и крестьянами, которые не желали брать отведенную им землю (растянувшуюся на 13¹/₂ верст), на

обществе к 1868 г. накопилось 8000 руб. недоимки, для взыскания которой была совершена продажа имущества, как недоимщиков, так и исправных хозяев. Последним мировой посредник указал на ст. 165 Положения о выкупе как на средство избавиться от круговой поруки, и с тех пор (с 1873 г.) в обществе развилось такое стремление к выкупу, что некоторые хозяева продавали даже одежду, чтобы получить средства внести выкуп хотя бы за часть надела. Всего выкуплено здесь 76 домохозяевами 112 наделов. Сравнение количества скота у 87 хозяев с. Макарова Яра и д. Новободежаровки, выкупивших свои наделы, с количеством скота у собственников уезда вообще показывает, что первые значительно богаче вторых.

Наши материалы не заключают в себе подробно разработанных данных о величине досрочно выкупаемых участков; что же касается среднего числа выкупленных на двор наделов в уездах, сведения о которых приведены на предыдущих страницах, то оно колеблется от 1 до 5,5. Знакомство с мотивами выкупа позволяет нам объяснить причины такого большого колебания. Эти мотивы можно разделить на две главные группы: одну, где выкуп производится не из-за земли самой себе, а ради посторонних целей (отчисление от общества, избавление от круговой поруки), и другую, где выкупающий имеет в виду укрепление за собой участка, которым он пользуется по разверстке. В первом случае нет определенной связи между величиной участка и стремлением к выкупу; желание отчислиться от общества может иметь и малоземельный, и многоземельный крестьянин. Во втором же случае такая связь существует: стремление к укреплению за собой участка земли естественным образом скорее является у крестьянина, владеющего большим участком, нежели малым. Поэтому насколько причиной выкупа служит этот мотив, настолько выкупаемые участки, в общем, должны бы быть больше среднего для данной общины. Отрывочные данные, попадающиеся там и сям в наших материалах, показывают, что некоторые семьи выкупили по 10–11 наделов в то время, как среднее число наделов в общине на 1 двор обыкновенно не превышает $2\frac{1}{2}$. Такое большое отклонение величины выкупленного участка от среднего в большинстве случаев могло произойти по двум причинам: во-1-х, потому что в первое время по освобождении крестьян многие общины не дорожили землей и позволяли отдельным членам скоплять в своих руках большое число наделов; во-2-х, потому что выражение указа Прав. Сената о праве б. помещичьего крестьянина выкупить без согласия общества участок, поступивший в его пользование «по последней общественной разверстке», может быть толкуемо таким образом, что хозяин имеет право досрочно выкупить все количество наделов, полученных им от общества, – будут ли

то наделы, данные ему по числу душ до нового общего передела и за которые он все время вносил выкупные платежи, или те, которые даны ему на время (при свалке-навалке) и которые через год, два, может быть, были бы с него сняты и переданы другому хозяину. Наконец, встречаются, как мы видели, случаи выкупа крестьянами не только своих, но и чужих наделов по соглашению с хозяевами последних.

Уезды	Число хозяев, выкупивших по										
	$\frac{1}{2}$ -1 над.	$1\frac{1}{2}$ -2 над.	3 над.	4 над.	5 над.	6 над.	7 над.	8 над.	9 над.	10 над.	Итого
Бахмутский	12	6	3	1	3	3	—	—	—	—	25
Трубчевский	4	2	2 ¹	—	2	2	1	1	—	—	16
Вяземский	6	31	21	7		5		2	1	1	74

В *Сычевском* у. в среднем на 1 двор, выкупивший свой участок, приходится 2,9 душевого надела, на 1 выкупивший двор, ведущий хозяйство, — 3 надела, на двор, сдающий землю, — 2 надела; средний же двор в уезде имеет 2,5 надела; по волостям среднее число наделов, выкупленных одни двором, колеблется между 1 и 4. В *Гжатском* у., в среднем, на 1 двор, выкупивший свой участок, приходится 2,8 душевого надела; по волостям эта средняя величина колеблется от 1,7 до 3,9 надела; средний двор помещичьих крестьян уезда владеет 2,4 душевого надела. В *Юхновском* у. средний дворовый участок досрочно выкупаемой земли равняется 3,4 душевого надела, средний участок двора в уезде — 2,5 надела. Известны три случая выкупа хозяевами по 6 наделов, 3 случая по 7, 4 случая по 8, 3 случая по 9, 1 случай — 10-ти и 1 случай — 11 наделов. «В записях исследования то и дело встречаются отметки такого рода: выкупил столько-то душ “своих” и одну и более “мирских”. Своими обозначаются ревизские, а мирскими — наделы, данные обществом еще до выкупа лишь во временное пользование двора». Здесь же встречаются и случаи выкупа чужих наделов, по соглашению с их владельцами: в д. Карловке Логин Ермолаев выкупил 4 свои надела и 2 чужих, в д. Спорной Карп Чернов, кроме своих наделов, выкупил и 4 чужих, уплатив за них их владельцам 75 руб.; наделы уступлены ему якобы за бедностью, старостью и бездетностью продавцов².

¹ $2\frac{1}{2}$ -3 $\frac{1}{2}$ надела.

² В *Юхновском* у. 16 дворов выкупили 121 надел, в среднем по 7,5 надела; в 1886 г. их потомки составляли 49 дворов, и средний семейный участок уменьшился втрое и сделался равным среднему участку уезда — 2,5 надела.

В *Трубчевском у.*, в д. Тербушке (гос.) Краснослободской вол., где «за землей никто не гонится», при выкупе в 1872 г. два крестьянина внесли выкупную сумму не только за свои наделы (4 и 5), но и за мироплатимые наделы (1 и 2), предоставленные им от общества.

Хотя по закону крестьяне, выкупившие свои наделы, приобретают на них права полной собственности, но фактически их подчиненное отношение к общине далеко не прекращается. Так, свобода сельскохозяйственного распоряжения участком в большинстве случаев стеснена тем, что выкупленная земля остается в чересполосице с общественными угодьями, несмотря на то, что по закону владелец ее имеет право требовать отвода своего участка к одному месту. Редкость таких отводов зависит частью от сознания неудобства заводить особое хозяйство на небольшом клочке земли (в *Гжатском у.*, например, выделяются преимущественно семьи, не ведущие хозяйства; по-видимому, то же самое относится к *Московской губ.*), частью от того, что общества нередко ставят всевозможные препятствия выделу выкупленных наделов из состава мирской земли: они предлагают для этого худшие или наиболее отдаленные участки, грозят не пускать скота на свои угодья, требуют полного выселения хозяев на выделенную землю. Немногие из крестьян соглашались на подобные условия, большинство же оставляют свои участки в прежнем, чересполосном владении с мирскими угодьями или добиваются отвода удобного участка путем передачи обществу части выкупленной земли.

В *Херсонском у.* большая часть выкупленной земли осталась в чересполосном владении. Отведена к одному месту, не считая 1266 дес. в Царево-Даре (см. ниже), 207 дес. в Кривом Роге (26 наделов) и 41 десят. в других 4 деревнях. В *Бахмутском у.* отведено к одному месту 5 наделов, составляющих $9\frac{1}{3}$ дес. В *Славяносербском у.* особо выделен один надел в д. Новоселовке и все 444 дес. 74 хозяев с. Макарова Яра, выкупивших наделы (всех хозяев здесь 315). В последнем собственники хлопотали 5 лет, согласились уплатить выкуп за 13 мироплатимых душ (из 70, лежащих на общине, земля здесь не окупает платежей), пока добились от общества приговора, по которому в 1884 г. все 444 дес. были отмежеваны от общественной земли. При этом отводе общество выразило намерение оставить выкупленные мироплатимые души за собой. В других селах общество тоже противится выделу; в местечке Иваново оно разрешило выделиться одному крестьянину, но тот не воспользовался разрешением, после того как общество объявило, что не станет пускать его скот на общественную толоку. В *Саратовском у.* выкупленные участки остаются в чересполосном владении: «...неудобно

сделать 3 поля из малого участка, – говорят крестьяне, – да и где общество отведет его! И скот пасти негде будет». В *Самарском* уезде более или менее состоятельные хозяева требуют выдела выкупленных ими участков, но мир редко на это соглашается, тем более что требующие желают иметь землю получше и поближе к усадьбе. Выделено 20 наделов на разных условиях: в с. Борме 4 надела выделены за 10 верст от села, и они сдаются владельцами в аренду; в с. Рус. Селитьбе выдел надела произведен, но не дано луков; в с. Сырейке крестьянину, отдавшему обществу один из выкупленных наделов, участок выделен близ села, другому – за 5 верст; в с. Александровке общество согласилось на выдел земли своему сочлену за 5 верст от села, с тем чтобы он «убирался со всем своим домом» на выделенную землю; тот не согласился на это условие и оставил землю в чересполосном владении. В *Бугульминском* у. общество отвело своему сочлену, требовавшему выдела 2 выкупленных наделов, в 1 версте от селения участок без воды и с галькой. В *Бузулукском* у. 2 двора пожелали 6 выкупленных ими наделов выделить в особое место в надежде, что «при новой ревизии наделы эти припишутся за ними навечно». В *Бугурусланском* у. выдел выкупленных наделов был произведен для 6 хозяев. В *Острогужском* у. большая часть выкупленных наделов остается в чересполосном владении; особо отведены 3 души в сл. Капитоновке, принадлежавшие лицу, отдавшему 1 душу обществу, и 5 душ в д. Кувшине. В *Моршанском* у. 16 выкупленных наделов в 2 общинах отведены к одному месту, а 27 в 3 обществах находятся в чересполосице с мирской землей. В *Мценском* у. при 67 выкупленных наделах выдел в особый участок имел место в одном случае. В *Трубчевском* у. (напомним, что почва здесь очень плоха) выкупленные наделы обыкновенно отводятся к одному месту; из 58 выкупленных наделов такое отведение сделано для 42; десять наделов в с. Дядьковиче и д. Тарасовке находятся в чересполосице с общественной землей; о 6 наделах с. Проласова сведений не имеется. В *Елецком* у. выкупленные наделы остаются в чересполосном владении, исключая 3 надела д. Егорьевской Ястребинской вол. (выкупленных крестьянином, перечислившимся в купцы), отведенных к одному месту. Крестьянин д. Филинки, выкупивший 5 наделов, тоже хотел было получить особняк, но отказался от своего намерения после того, как общество предложило ему плохой участок. В д. Покровской само общество предложило владельцам выкупленных наделов получить особняк каменистой земли, но те отказались. В *Вяземском* у. выкупленные старшиной Мясоедовской волости 3 надела выделены в 3 участка, по участку в каждом поле. «Чаще выкупившим надел отдаются головные полосы в каждом кону, чтобы не трогать их при переделах. В большинстве же случаев нет и этого. Владелец выкупленных наделов пользуется тем же, чем и до выкупа... Мир заявля-

ет притязание даже пускать выкупленные полосы в передел и подвижки». В *Гжатском* у. к одному месту выделена земля (94,5 дес., или 15,1% всех выкупленных наделов) у 35 хозяев из 224, выкупивших свои участки, т. е. у 15,6%; выделяются преимущественно лица, не ведущие хозяйства: из 40 дворов этой группы выделилось 14, или 35%; из 184 дв., ведущих хозяйство, выделили выкупленную землю в особняки 21, или 11%. В *Юхновском* у. вся выкупленная земля находится в чересполосице с общественной. В *Васильском* у., по сведениям, относящимся к 84% выкупленным наделам (из 116) б. помещичьих крестьян и 22 – удельных, 58% отграничены к одному месту, и 48 остались в чересполосном владении. В *Свияжском* у. выкупленная бывшими помещичьими крестьянами земля частью остается в чересполосном владении, частью выделена к одному месту. В *Московской* губ. в 6 уездах, о которых в 1879 г. собраны сведения, из 244 дворов, выкупивших свои наделы, 218 дв., или 89%, продолжают владеть землей чересполосно, подчиняясь всем мирским порядкам; у 7 дв. (3%) усадебная и пахотная земля выделена к одному месту, остальными угодьями они пользуются по обыкновенному мирскому способу; у 19 дворов, или 8%, все угодья выделены и обмежеваны. Некоторые, даже богатые крестьяне сами не пожелали выделять своей земли из общего владения, опасаясь столкновений с обществом из-за пастьбы скота, желая иметь право жить в деревне и т. п. Из выделившихся дворов только 7, имеющих по 13–50 дес. земли, ведут на выделенных участках хозяйство. В *Петергофском* у. из 50 хозяев, выкупивших участки, выдел к одному месту сделан для 10 хозяев, выкупивших $27\frac{1}{2}$ наделов в количестве 105 десятин.

Оставление выкупленной отдельными членами крестьянских обществ земли в составе мирского надела ведет за собой не только ограничение свободы сельскохозяйственного распоряжения угодьями, обычные для всякого чересполосного владения, но иногда и подчинение некоторым порядкам чисто общинного характера. В наших материалах имеются указания (не знаем, насколько они полны) на то, что выкупленные наделы идут в общую жеребьевку с невыкупленными, имеющую целью качественное уравнивание земли. Это следует сказать о 277 наделах (из 317) *Самарского* у., не выделенные из состава мирской земли; о выкупленных наделах во многих общинах *Вяземского* у., в *Гжатском* у. «выкупленные наделы наравне со всей общественной землей подлежат передвижкам при общих переделах, и только в двух случаях находится указание, что при общих переделах выкупленные полосы остаются неподвижны».

Многие общества стремятся еще больше подчинить хозяев, выкупивших наделы, мирским порядкам. В *Саратовском* у. община, в случае

надобности, наваливает на них души, как и на настоящих членов мира. В *Острогжском* у. общество сл. Шапошниковой по приговору 1882 г. «положило наваливать мироплатимые души на подростков, не исключая и хозяев, выкупивших свою землю; но часть последних отказалась принять эти души, а два хозяина подчинились приговору общества».

Некоторые общества совершенно игнорируют факт выкупа и пытаются пускать выкупленные наделы в общий передел. Так, в *Херсонском* у. в с. Царево-Даре (госуд.) находится 21 семья, имеющая сверх 43 душевых наделов еще по 60 дес. (1266 дес.) подворно-участкового владения из бывшей казенно-оброчной статьи, выданной им по особой дополнительной владенной записи. Из них 10 внесли полный выкуп в 1879 г., 5 – в 1886 г., 6 еще не выкупили земли. «Общество Царево-Дара, желая лишить их этих подворно-участковых земель, предлагало устроить коренной передел; но эти подворные собственники нашли себе поддержку в лице отставных нижних чинов, которые также восстали против передела, и он не состоялся» (по-видимому, тогда-то и был постановлен обществом не приведенный в исполнение приговор о разделении земли на подворно-наследственные участки). В *Бахмутском* у. выкупленные двумя хозяевами наделы были ими проданы евреям (в одном из этих случаев самый выкуп был сделан на средства еврея); спустя некоторое время общества отобрали у покупателей землю в одном случае (только пахотную), потому что еврей отказался платить подушную подать за мироплатимую душу. В *Елецком* у., в с. Семеновском (пом.) Краснополянской вол., один крестьянин внес в 1882 г. выкупную сумму за 3 надела, но не получил еще документа; между тем общество отобрало у него два надела и передало малоземельным крестьянам.

Из данных, приведенных на предыдущих страницах, читатель может усмотреть, что одним из главных мотивов досрочного выкупа крестьянами отдельно от общества отведенных в их пользование наделов является желание получить увольнительное от общества свидетельство, какое выдается миром только под условием взноса выкупной ссуды. Отсюда видно, что общества в этих случаях не только не дорожат землей настолько, чтобы радоваться всякому сокращению числа претендентов на мирской надел, но и тяготятся участками, т. е. лишними платежами, имеющими поступить на мир в случае выселения некоторых членов союза, и требуют, чтобы переселенцы уносили с собой из общества и свои наделы. Это доказывает, что ценность земли еще не так велика, чтобы владение ею представляло очевидную финансовую выгоду, и это обстоятельство служит объяснением незначительного развития досрочного выкупа земли отдельными членами обществ. В самом деле, по данным Государственного Банка, число выкупленных наделов в 38 губерниях России составляло в 1882 г. 0,91% всего

числа душевых наделов, находящихся в распоряжении бывших помещичьих крестьян. Там же мы находим и данные, до известной степени объясняющие этот факт; именно мы узнаем, что средняя ценность десятины земли по оценке частных банков (38 руб.) всего на 8 руб. превышает выкупной долг, лежащий на десятине крестьянской земли (30 руб.).

Итак, малоценность земли или, что то же, высота ее обложения служит одной из главных причин слабого развития досрочного выкупа бывшими помещичьими крестьянами наделов. Но указанное явление имеет и другие причины, может быть, еще более важные, в числе которых следует упомянуть незнание крестьянами своего права выкупать наделы отдельно от общества и неимение у них требующихся для этого денежных средств. Влиянию этих условий, между прочим, следует, вероятно, приписать тот факт, что наибольшее развитие досрочного выкупа мирской земли наблюдается не в плодородных местностях, характеризующихся более дорогой землей, а в промышленных (Ярославской, Владимирской, Московской, Тверской, Костромской и т. д.), где вместе с малоценностью земли мы встречаем и большую развитость населения, большие успехи денежного хозяйства и распространение неземледельческих заработков – условия, благоприятствующие приобретению крестьянами познаний своих юридических прав на землю и появлению в их руках денежных средств для взноса в казначейство выкупной ссуды¹.

Указанные препятствия широкому развитию выкупа мирской земли отдельными крестьянами с течением времени будут ослабляться: продажная стоимость земли возрастает очень быстро, а лежащий на крестьянском наделе долг по выкупной ссуде, подлежащий погашению при досрочном выкупе, по мере приближения к установленному для выкупа сорокадевятилетнему сроку уменьшается; знакомство с юридическими правами, в том числе и с правом приобретения в полную собственность участка, предоставленного миром во временное пользование, распространяется среди населения. Быть может, и благосостояние крестьян возрастает и, следовательно, ослабляется препятствие к выкупу, заключающееся в недостатке денежных средств. По указанным причинам следует ожидать, что количество досрочно выкупаемой земли будет с каждым годом увеличиваться, подтверждение чему мы находим в ходе выкупа наделов по ст. 165 в предшествующее время. Так, по данным Государственного Банка, поступление особых взносов по годам изменялось следующим образом: в 60-х гг. поступило 231 тыс. руб., в 1870–1871 гг. – 298 тыс. руб., в 1872–1873 гг. – 705 тыс. руб., в 1874–1875 гг. –

¹ В Юхновском у. в Бутуринской вол. из 30 случаев выкупа наделов в 24 земля выкуплена подрядчиками и десятниками при земляных работах; из 26 хозяев, выкупивших наделы в Подсосновской вол., 13 принадлежат к разряду подрядчиков и десятников.

575 тыс. руб., в 1876–1877 гг. – 816 тыс. руб., в 1878–1879 гг. – 1,234 тыс. руб., в 1880–1881 гг. – 1,293 тыс. руб. Возрастание особых взносов, вероятно, будет продолжаться и в последующие годы, так как соблазн приобрести за ничто право полной собственности на землю с течением времени получает большую и большую силу.

В самом деле, мы знаем, что для выкупа земля помещичьих крестьян оценена в 20–40 руб. десятина; в настоящее время долг, лежащий на этой земле, местами погашен на третью часть, так что для обращения надела в полную собственность нужно внести единовременно 15–25 руб. за десятину, т. е. сумму, часто едва достигающую годовой арендной платы, по которой пахотная земля снимается под посев крестьянами центральной черноземной полосы. С каждым годом долг погашается еще более, сумма, подлежащая единовременному взносу для досрочного выкупа земли, уменьшается до 20–10 руб. за десятину и т. д.; рыночная же стоимость земли возрастает. Мы видели, что уже теперь в Курской губернии крестьяне, выкупившие наделы взносом в казначейство 30 руб. за десятину, тотчас же продавали их по 150 руб., т. е. за сумму, в 5 раз большую. В ближайшем будущем продажная цена надела в черноземной полосе превысит лежащий на нем выкупной долг в 10–15 раз и более. Как скоро все это делается ясным населению, редкий крестьянин не употребит всех зависящих от него средств для того, чтобы достать деньги для приобретения в личную собственность части мирской земли. Многоземельное меньшинство, конечно, первое постарается путем досрочных взносов выкупной суммы это временное многоземелье обратить в постоянное. Каждый, получивший при новом переделе больше земли, чем имел ее раньше, будет иметь полное основание постараться внести в казначейство 15–25 руб. за десятину земли, стоящей в 5–10 раз больше, и таким образом закрепить полученный при разверстке участок за собой навечно. При каждом новом переделе поэтому крупные участки земли будут обращаться в личную собственность; средний же душевой надел общинной земли станет сокращаться, вследствие чего разросшиеся семьи потеряют надежду путем нового передела сколько-нибудь заметным образом увеличить свои участки. Самый передел вместо акта, уравнивающего землепользование членов союза, превратится в средство экспроприации общинной земли; на нем будут настаивать зажиточные малоземельные, но многосемейные крестьяне с целью получения в свое распоряжение большего числа наделов, с тем, чтобы внести остаток лежащего на этих наделах выкупного долга и обратить в свою собственность землю, более чем наполовину выкупленную другими. Влиятельные члены общины будут достигать той же цели и помимо общего передела земли: они сумеют получить во временное пользование наделы, по разным при-

чинам переходящие в распоряжение мира в промежутках между общими переделами, и, получив их, выкупят в свою собственность, ибо, по закону, крестьянин имеет право досрочно погасить выкупной долг, лежащий не на той только земле, за которую он вносил выкупные платежи с самого момента перехода общества на выкуп, но на всей, поступившей в его распоряжение по мирскому приговору, хотя бы до последнего передела у него не было вовсе земли и до момента досрочного выкупа выкупные платежи за землю вносились не им, а другими членами общины.

Таким образом, ст. 165 Положения о выкупе дает возможность одному богатому крестьянину обратить в свою исключительную собственность землю, наполовину или две трети выкупленную другими – бедняками, не имевшими средств для уплаты всего выкупного долга, или простаками, не понимавшими, что они могут произвести такую уплату и укрепить землю за собой. В то время как богатые крестьяне единовременным взносом 15–20 рублей обратят общинную землю в свою личную собственность, бедняк, получивший небольшой участок мирской земли, будет тратить те же 15–20 руб. *ежегодно*, нанимая десятину частновладельческой земли под посев. Если все это делается достаточно ясным населению, крестьянам не останется ничего больше, как приговорами о разделе общинной земли на подворные участки закрепить существующее распределение между семьями наделов и предупредить переход общинной земли от бедных членов общества в полную собственность зажиточных, или изменить общинные распорядки таким образом, чтобы сделать досрочный выкуп наделов отдельно от общества невыгодным¹.

Пока общество додумается до последнего средства, право, даваемое отдельным членам общины ст. 165, поведет не только к экспроприации мирской земли зажиточными крестьянами или, что то же, к экспроприации земли бедняков богачами, но и к развитию задолженности крестьянского землевладения, к распространению этой язвы современного экономического строя, – истощающей производительные силы крупных и мелких личных собственников Европы, – на земли, до сих пор почти изъятые от ее разрушающего

¹ Распределение земли между членами общины зависит, как известно, от усмотрения мира, который может пустить в уравнительную разверстку на весь отведенный ему надел. Мироплатимые души, напр., нередко сдаются общиной в аренду; случается, что в аренду или под общественную запашку пускается часть земли, вовсе исключаемая из разверстки. Есть общины, где исключение из разверстки части земли происходит при каждом переделе, где самая система распределения земли построена на таком исключении. В *Бахмутском у.*, напр., некоторые общины дают по разверстке каждой семье число ревизских наделов, равное числу ее живых ревизских душ; остальная же земля сдается обществом членам общины (иногда и посторонним) на арендном начале, хотя бы только за одни подати. Эта часть земли как доставшаяся семье по арендному договору не может, конечно, подлежать выкупу по ст 165; и если кто-либо пожелает все-таки превратиться в собственника, тот должен будет ограничиться выкупом небольшого участка и потеряет право на дальнейшее расширение надела.

влияния. Мы видели, что и в настоящее время, когда выкуп по ст. 165 имеет ничтожные размеры, некоторые крестьяне продают даже одежду (см. *Славяносербский у.*), лишь бы приобрести средства для погашения выкупного долга. Если же применение означенной статьи получит всеобщее распространение, то же стремление достать деньги для выкупа поведет к залогоу выкупаемой земли, продаже ее и вместо укрепления участка за семьей применение ст. 165 будет иметь следствием обезземеление населения.

Разрушительное влияние ст. 165 может вполне обнаружиться в течение одного-полутора десятилетий; необходимы поэтому быстрые меры предупреждения опасности, и нам кажется, что отмена названной статьи была бы явлением не только желательным с точки зрения сохранения общиной формы владения землей, но и вместе с тем не противоречащим основной мысли законодателя, включившего в Положение о выкупе ст. 165. Такое включение было сделано в то время, когда рыночная ценность земли далеко не достигала оценки ее для выкупа, а внесение выкупных платежей представлялось значительной тягостью; это включение предполагает затем, что погашением выкупной ссуды крестьянин приобретет право собственности на землю, которую выкупал он один, и что названный акт будет иметь благоприятные результаты как по отношению к сельскому хозяйству вообще, так и к благосостоянию выкупающего в частности. Теперь же, когда продажная цена земли в несколько раз превысила оценку крестьянского надела для выкупа; когда уплата выкупных платежей по крайней мере в большей части черноземной полосы является не тягостью, а привилегией, ибо арендная плата за землю в несколько раз превышает годовой выкупной платеж; когда право досрочного погашения выкупной ссуды позволяет ловким крестьянам обратить в свою собственность землю, наполовину выкупленную другими; когда это делается обыкновенно не ради сельскохозяйственных целей, а для того, чтобы выкупленную землю продать в третьи руки, вследствие чего ст. 165 является фактором, облегчающим процесс обезземеления населения, — коль скоро все это выяснено, — нам кажется, не существует препятствий к полному устранению этой злополучной статьи, тем более уместному, что законодатель не считает ее безусловно благодетельной, так как ограничил ее влиянием бывшими помещичьими крестьянами¹, не распространив на государственных.

¹ Значение, подобное тому, какое имеет ст. 165 для крестьян, состоящих на выкупе, ст. 36 Общ. Пол. о кр., вышедших из крепост. завис., имеет по отношению к крестьянам, окончательно выкупившим землю. Статья эта гласит: «...каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или нежелательным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимного соглашения или по оценке».

Вредное влияние выкупа отдельными крестьянами мирской земли начинает сознаваться многими общинами, которые и стараются принимать меры, стесняющие этот выкуп. Так, в *Бахмутском у.*, где выкупа по 165 ст. не наблюдалось с 1875 г., «по-видимому, стремление отдельных семей выделиться из общины с самого начала не нашло себе достаточного сочувствия в большинстве членов общества, а затем уже давно встречает постоянное и безусловное противодействие». В общинах государственных крестьян, где выкуп надела отдельным крестьянином поставлен в зависимость от согласия общества, это противодействие может выразиться прямым недопущением выкупа, что и наблюдается, например, в *Херсонском у.*: в с. Ново-Архангельском 5 хозяев выкупили наделы, но другим общество не позволяет; в с. Ново-Дмитриевке 50 хозяев хотели выкупить свои наделы (по-видимому, в ожидании переобработки), но общество ввиду предстоявшего в 1885 г. передела не допустило до этого. Помещичьи крестьяне не имеют в своих руках такого решительного средства и должны прибегать к различным полумерам, которые не всегда, может быть, имеют законное основание. Так, общество может достигнуть того, чтобы крестьянин, желающий погасить выкупной долг, ограничился только своим, так сказать, коренным наделом и не выкупал участки, попавшие в его руки более или менее случайно. В *Моршанском у.* в первое время после освобождения, когда крестьяне землей тяготились, зажиточные члены общины имели возможность выкупать не только наделы, отведенные им по принятой единице разверстки, но и чужие, предоставленные им в пользование, и таким именно образом один крестьянин с. Студенец-Соломенки внес в 1869 г. выкуп за 8 наделов, которые и были ему отведены особо (по словам крестьян, он мог бы тогда «нахватать» и 15 наделов). В настоящее время общество относится к предмету иначе. Так, 4 домохозяина с. Сосновки, внесшие выкуп за свои наделы, хотели сделать то же с находившимися в их пользовании участками переселенцев, но общество не допустило до этого. В *Саратовском у.* в с. Н. Алексеевке Сухо-Корболакской вол., где выкуплено 30 наделов (из них 20 в течение одного последнего года), общество обратило внимание на это явление и постановило, чтобы часть земли, находящаяся в распоряжении членов общины, не подвергалась выкупу, а оставалась для подрастающего поколения. В *Вяземском у.* общество часто ставит выкупу разные препятствия, так что желающие выкупить свои наделы прибегают иногда к водке, подлогам и обманам. По объяснению юрневского старшины, крестьян, желающих выкупить землю, нашлось бы немало, «да разный “непутящий” народ мешает; позволение выкупить наделы дают, но в особые участки выделять выкупленные наделы не желают или наделают такими участками, хуже которых нет в наделе. Это и удерживает от выкупа “порядочных мужиков”». Такое же явление сделано и в Успенской волости.

3) Продажа земли целым обществом составляет пока такое редкое явление, что, не останавливаясь на нем, мы ограничимся приведением немногих имеющихся в наших материалах относительно этого предмета фактов.

В *Бахмутском* у. известны два случая продажи общиной своей земли. Хутор Веселый, состоящий из 4 хозяев, получивших при освобождении неудобный для хлебопашества надел, продал в 1883 г. всю свою землю с постройками крестьянину с. Ново-Экономического. Д. Екатериновка, состоящая из 9 семей, продала в 1875 г. 64 дес. своей земли (оставив себе только 4 дес. усадебной земли) заводу Юза, подошедшему своими постройками вплоть к крестьянским усадьбам. Продажа состоялась потому, что Юз предложил за землю сравнительно высокую цену – 90 руб. за десятину (высокую, если не предполагать в проданной земле залежей минеральных богатств, встречающихся повсюду в окрестности) и что на крестьян существовало давление извне. В *Славяносербском* у. наблюдаются 3 случая продажи обществом своей земли. Д. Александровка (пом.) продала в 1878–1879 гг. 10 дес. ($\frac{1}{6}$ часть наделной земли), содержащих каменный уголь, генералу Золотареву, за что последний обязался внести выкуп за крестьян и, кроме того, уплачивать обществу в течение 12 лет по 1000 руб. ежегодно. Сделка заключена таким образом, что Золотарев принят в состав общества, получил в собственность $\frac{1}{6}$ часть общественной земли, платит за нее повинности и участвует во всех приговорах общества. Общество с. Суходол № 2 (пом., 110 рев. д.) из 440 дес. надела продало в 1873 г. около 400 дес., потому что не могло справиться с недоимкой, накопившейся после неурожая 1868 и 1869 гг. Крестьяне этого села вышли на волю разоренными, получили надел, окруженный помещичьей землей. Теперь общество с. Суходол вместе с другой деревней собираются купить при помощи крестьянского банка и проданную землю, и экономическую. Крестьяне с. Павловки (пом., рев. д. 135) в 1877 г. продали 450 дес. своей земли (оставив себе около 100 дес.) компании из горного инженера Подымовского, инженера П.С. Янчевского и харьковского купца Ушинского. Продажа состоялась благодаря ошибке, сделанной крестьянами при заключении в 1873 г. контракта на сдачу общественной земли в аренду на 24 г. Подымовскому и К^о. В этом контракте взнос арендной платы назначен во время добычи и продажи угля. Заарендовав землю, компания не приступала даже к розыску угля и на основании арендного договора ничего не платила крестьянам. Рассчитывая обратить арендную плату на покрытие казенных платежей и не получая ожидаемой суммы, общество в течение 3 лет накопило 2000 руб. недоимки, для пополнения каковой было приступлено к продаже крестьянского имущества. «В этот трудный

момент Подымовский и К^о обратились к крестьянам с предложением продать им надельную землю. Раньше этого Подымовский уже склонял на свою сторону влиятельных крестьян. Началось пьянство на счет покупателей: мужикам, говорят, ставили 5 ведер водки, бабам – 10 ведер; пьянство продолжалось 2 года», наконец, общество решило продать $\frac{3}{4}$ своей земли с условием, чтобы покупатели внесли выкупную ссуду и за остающуюся четверть. «На последнем сходе по этому делу бедные стояли за продажу из желания, чтобы богачи не пользовались их землей. Богатые противники сделки, опасаясь продажи своего скота за недоимку, недолго сопротивлялись. В настоящее время крестьяне глубоко раскаиваются в своем поступке и высказывают живейшее желание купить обратно свою бывшую землю». Одно общество *Елизаветградского* у. продало выморочные наделы богатым односельцам, а деньги положили на церковь.

В *Ставропольском* у. в некоторых торговых селах общество продает места под усадьбы сторонним лицам; в с. Хрящевке, например, отведено в центре села 7 усадебных мест для продажи купцам. В начале 70-х годов ставропольский купец начал склонять крестьян с Нижнего Санчелеева к продаже ему части общинной земли. «Долго он склонял крестьян к продаже земли, угощал их водкой, пряниками, кренделями. Бывало, навесят на шею вязку кренделей, да и ходят по селу пьяные с гармоникой», – рассказывали крестьяне. Наконец, в 1874 г. на сходе, состоявшем из 340 хозяев (из 504 полноправных), составлен приговор о продаже купцу 654 дес. за 5700 руб. Купец пользовался землей 8 лет, но затем крестьяне, узнав, что продажа совершена незаконно, подали жалобу в окружной суд, который в 1882 г. приговорил возвратить землю обществу. Купец затеял с обществом процесс. В *Бугурусланском* у. общество Кимель-Черкасской слободы продало стороннему лицу 6 х 30 саж. под усадьбу за 3000 руб. В *Бугульминском* у. общество д. Масягутова (татарское) для уплаты денег адвокату по иску с казной об исключении их земли из разряда государственной продали 600 дес. земли своему однообщественнику по 13 руб. за десятину. В *Николаевском* у. для обеспечения себя продовольственными средствами некоторые общины не ограничиваются сдачей земли в аренду, а отводят участки для продажи. Так, в с. Екатериновке (б. пом.) Березоволукской вол. в 1882 г. миром отведено в 2 местах по $1\frac{1}{2}$ х 80 саж. на каждую из 222 ревизских душ с правом покупать эти душевые доли навечно, по цене от 5 до 8 руб. за долю. «Некоторые домохозяева вкладывали деньги на 2–4 доли». Купленную землю можно эксплуатировать только под сады и огороды. Село Дураковка (б. госуд.) той же волости отвело для продажи желающим под сады 280 саж. на каждую из 126 душ. «Все это сделали для того, чтобы на вырученные деньги вывести бедняков из нужды».

В *Воронежском* у. продажа общиной земли встречается в пригородных слободах; именно: в с. Ямском было продано в 1874 г. по приговору общества воронежской мещанке 3 дес. усадебной земли за 600 руб., а в 1883 г. – 102 $\frac{1}{4}$ кв. саж. за 271 руб.; в с. Чижевке были в 1882 г. 4 случая продажи усадебных мест сторонним лицам по приговору общества, в 1883 г. – три случая.

В *Петербургском* у. продажа обществами земли имела место в 21 обществе, продано ее 770 дес. по ценам от 33 до 2327 руб. за десятину. Исключая общества подворных владельцев, будем иметь 14 общин, продавших около 380 дес. земли, которая была куплена главным образом для устройства дач и промышленных заведений. Кроме того, около 400 дес. продано отдельными лицами. Во времени эти продажи распределяются следующим образом: в 1862–1863 гг. продано 106 дес., в 1864–1867 гг. – 126 дес., 1868–1871 гг. – 300 дес., 1872–1875 гг. – 210 дес., 1876–1879 гг. – 341 дес., в 1880–1883 гг. – 165 дес¹.

После отпечатания настоящей главы вышло в свет несколько новых томов земско-статистических исследований, и мы считаем полезным представить здесь данные о разрушении общины по Калязинскому уезду Тверской губернии и Лужскому – Петербургской как отличающиеся от данных по другим уездам тех же губерний большей новизной и точностью регистрации.

В некоторых общинах *Калязинского* уезда развиваются явления, заставившие г. Блеклова высказать заключение, что Калязинская община переживает весьма критический момент, имеющий существенное значение для ее крепости. «Эти явления заключаются в стремлении крестьян, – главным образом, в интересах сохранения за хозяином сделанных им улучшений земли – не только отдалять момент передела, но, по возможности, и вообще отменить последний; при этом некоторые общины сохраняют частные переделы, не сопровождая их, однако, общей жеребьевкой полей, другие постановляют приговор о производстве общего передела лишь “в крайнем случае”». Указано 35 общин (из 658, о которых имеются точные данные), 24 бывших государственных (из 235) и 11 бывших помещичьих (из 380), не переделывших землю ни во время последней ревизии, ни после освобождения от крепостной зависимости и не совершавших также частных переделов. В некоторых общинах переделы были так давно, что крестьяне и не помнят о них (д. Брыкино государ., д. Игнальцево), в других, при отсутствии общих переделов, практикуются частные. Все такие общины, говорит г. Блеклов,

¹ Бородинские выселки *Мценского* у., состоящие из 6 хозяев, продали около половины своей земли. Продажа эта не была ни чисто общинная, ни частная. Продажи совершались неоднократно и каждый раз по общественному приговору, которым указывались доли, отчуждаемые каждым домохозяином. Одни продали до $\frac{1}{2}$ своего участка, другие – двадцатую его часть. Кроме того, продажа земель встречается в пригородных селениях, не занимающихся земледелием.

«мы не можем все-таки отнести к числу селений с подворным владением, ибо в них до сих пор долговременное владение участком является только как факт, но не как право; эти селения удерживаются от переделов, но сознание возможности их остается весьма ясным». Деревень же с настоящим подворным владением в уезде насчитывается 3, заключающих в совокупности 47 дворов: две из них выкупились на волю с землей задолго до 1861 г., одна – тоже бывшая помещичья. Развитие выкупа наделов отдельными хозяевами видно из следующей таблички:

	Семей, выкупив- ших надел	Число вы- купленных наделов	% наделн. семей, вы- куп. участ.	% выкуплен- ных наделов
Бывш. государствен.	8	19 ¹ / ₂	0,1	0,1
Бывш. помещичьих	233	546 ¹ / ₂	2,9	2,6
Полные собственники	93	181	10,6	9,5
Удельных	5	12	4,0	3,7
Итого	339	759	2,0	1,7

Мотивами выкупа являются: желание отчислиться от общества (15–20 лет назад, когда землей не дорожили и общество давало увольнительный приговор лишь под условием выкупа надела), в каком-то случае участок в большинстве случаев поступал в распоряжение мира); обладание свободным капиталом (указан 1 случай), боязнь лишиться земли при новом переделе (указано 3 случая), желание «чужого» крестьянина основать в данном селении (указан 1 случай), желание избежать сельской службы по выбору (указано 4 случая).

Способы пользования 499¹/₂ наделами, выкупленными 222 хозяевами, видны из следующей таблички:

Сами пользуются	176 хоз.	79,3%	Число вык. над. 416	83,2%
Уступили миру навсегда или «до спросу»	15 хоз.	6,9%	Число вык. над. 20 ¹ / ₂	4,2%
Сдают в аренду	20 хоз.	8,9%	Число вык. над. 44	8,8%
Запускают	1 хоз.	0,4%	Число вык. над. 2	0,4%
Продали	10 хоз.	4,5%	Число вык. над. 17	3,4%
Итого	222 хоз.	100%	Число вык. над. 499 ¹ / ₂	100%

Процент сдающих и запускающих хозяев (9,3) втрое больше, нежели % тех же групп хозяев для целого уезда (3,1).

Из хозяев, выкупивших свои наделы:

Остались членами прежн. общ.	193	86,9%	Выкуп. 441 над.	89,1%
Переселил. в другую общину	6	2,7	Выкуп. 9 над.	1,8%
Переписал. в купцы или мещане	19	8,6%	Выкуп. 41 ¹ / ₂ над.	8,3%
Поступили в наемщики	4	1,8%	Выкуп. 4 над.	0,8%
Итого	222	100%	Выкуп. 499 ¹ / ₂ над.	100%

Обыкновенно общества относятся враждебно к требованиям хозяев выделить выкупленные ими наделы к одному месту, тем более что требующие желают получить при этом лучшую землю. Вполне выделенные участки известны для 7 хозяев (18 наделов) 7 деревень, в 3 деревнях отдельно выделены усадьбы и пашни. Во всех почти остальных общинах выкупленные наделы остаются в прежней чересполосице, причем в некоторых общинах (указано 4) при жеребьевках выкупленные участки идут в раздел наравне с прочими, в других в этих случаях хозяева, выкупившие участки, получают полосы с краю, причем иногда полосы выкупивших отделяются от остальных межами; во многих общинах выкупленные участки при переделах не трогаются. Чаще всего встречаются случаи, когда хозяева получают при жеребьевках выкупленные участки с краю или когда последние не подвергаются жеребьевке. Указана одна община, где выкуп наделов на 5 душ, который нужно было отделить межей, повел к решению не делить землю раньше 15 лет (прежде делили ежегодно), и другая, где после выкупа 8 хозяевами (из 26) 20 наделов (из 60) крестьяне считают весьма затруднительным «поравнять землю».

В Лужском уезде (с громадным преобладанием крестьян бывших помещичьих над другими их разрядами) после воли земля была разверстана по ревизским душам и затем в льноводческих волостях, где ценность земли стояла довольно высоко, каждый крестьянин держался за свой надел, распорядился им по усмотрению, причем общество оставалось в стороне. В остальной же, большей части уезда, где земля не окупала платежи, в первое время общество постоянно вмешивалось в поземельные отношения своих членов, снимало участки с одних, ослабевших семей и передавало сильным домохозяевам, с конца же семидесятых годов в течение восьмидесятых, с повышением ценности земли и понижением платежей, на ней лежащих, и здесь крестьяне стали дорожить участками, не отказывались от земли, а напротив того, многие, когда-то отказавшиеся, предъявили требование о возврате их ревизских наделов, и некоторые из этих требований, между прочим, благодаря поддержке крестьянских учреждений, получи-

ли удовлетворения. «Таким образом, под влиянием вышеприведенных обстоятельств довольно быстро установился на всем пространстве *Лужского* уезда взгляд на надельную землю как на неотъемлемую собственность тех семей, за которыми она числилась и которые считали себя в полном праве распоряжаться ею по произволу: пользоваться лично, передавать родственникам при жизни или по завещанию или уступать ее посторонним за “отступное”, т. е. продавать». Указано до десятка общин, где за передачу наделов (с усадьбой) берется от 65 до 150 руб. за надел (5¹/₂ дес.). Что касается формальных приговоров о прекращении общинного владения – о таковых в Сборнике не упоминается, за исключением с. Сковороды, где в 1880 г. крестьяне порешили сохранить произведенное в этом году распределение земли «навечно». Итак, «господствующая теперь в *Лужском* уезде (последние, дополнительные исследования произведены в течение 1885–1887 гг.) форма владения землей весьма далека от общинной, – говорит г. Дроздов, – она гораздо ближе подходит к форме чересполосного владения частных владельцев, которые находят более для себя выгодным пользоваться землей сообща, чем разделить ее на подворные участки». Тем не менее безземельные и малонадельные члены общины «недовольны установившимися распоряжениями и с нетерпением ждут ревизии, за которой, по их убеждению, должны непременно последовать общие переделы земли сообразно числу ревизских душ по новой ревизии».

Глава V

Системы разверстки общинной земли

Земское экономическое исследование России растянулось на целое десятилетие. Оно началось в такое время, когда в огромном большинстве черномоземных местностей России господствовала ревизская разверстка земли и стремление к переделам по наличным душам только что обнаружилось. А в конце этого исследования переделы сделались обычнейшим явлением. Благодаря сказанному результаты исследования систем разверстки общинной земли представляют для разных местностей России данные несравнимые, и мы лишены возможности нарисовать картину современного распределения различных систем разверстки по исследованной площади нашего отечества. Некоторые, самые общие указания этого рода сделаны нами в главе II; здесь же мы попытаемся только характеризовать существующие системы разверстки и указать некоторые условия, вызвавшие ту или другую из них. Прежде, однако, чем перейти к этой характеристике, скажем, что заимочное владение общинной землей прекратилось почти везде, кроме татарских

общин Крыма. Правда, если захватным владением считать всякое нерегулируемое пользование общинной землей, то такое следует признать значительно распространенным, ибо, не говоря о выгоне, находящемся в таком пользовании в большинстве исследованных местностей, во многих общинах, имеющих скудный лес, вырубка его ничем не ограничена. Но если мы обратимся к угодьям, поступающим в распоряжение отдельных лиц на более или менее продолжительное время, то свободная заимка земель не совсем редко встречается разве только по отношению к усадебной земле и иногда сенокосным угодьям, требующим расчистки; расширение же таким способом участков пахотной земли отдельных лиц встречается как исключение, и в этом случае оно наблюдается обыкновенно в местностях с малопродуктивной болотистой или лесистой почвой. С такими явлениями мы встречаемся, например, в западной части *Хвалынского у.*, в с. Спасской Рамени *Темниковского у.*, в Краснослободской вол. *Трубчевского у.*; в Усть-Ижорской вол. *Петербургского у.* и Калтушской *Шлиссельбургского* можно встретить общины, вовсе не произведшие переделов земли.

Пользование пахотной землей (как и другими угодьями) на праве свободной заимки как общее правило наблюдалось, как мы сказали, в татарских общинах Крыма – многоземельных и малоземельных. Каждый член общества, а местами и посторонние лица, живущие в селении, имеют право занять любое количество земли для запашки. «Обыкновенно в общинах, практикующих периодическую смену толоки на пашню, продолжительность владения домохозяином захваченной им полосой определяется сроками, принятыми для этой смены, а так как в большей части таких общин принято распахать участок подряд не более 3–4 лет, то и продолжительность пользования хозяином полосой определяется в 3–4 года. В общинах же, не практикующих смену толоки на пашню, продолжительность владения зависит исключительно от силы и расторопности хозяина: раз полоса почему-либо своевременно им не распахана, всякий другой односельчанин вправе запахать ее, и первый не смеет протестовать». Господство в пользовании землей принципа захвата ведет к тому, что «удобнейшие участки всегда находятся во владении богачей и о какой-либо правильной системе хозяйства не может быть и речи. Полосы разбросаны во всевозможных направлениях, пропадает масса земли между неправильно расположенными полосками и т. д. Неудивительно, что русские и немцы не могут говорить без презрительной усмешки о порядках татарской общины».

В западной части *Хвалынского у.* сохранился обычай расчистки леса для распашки. В Печуарской вол. каждый домохозяин имеет право делать такие чищобы в лесах и зарослях, примыкающих к концам его полевых загонов, и пользоваться расчищенным местом до нового передела, и во всяком случае

не менее 2 лет. Дер. Илюшкино и Калмантаи Шалкинской вол. распахали до 300 дес. земли из-под леса, находящегося в общем владении целой волости: «земля эта, по установлению всей волости, может находиться во владении чищобников 12 лет, после чего должна разверстаться между тремя общинами волости по душам. Для многих участков срок этот истек, а чищобы все-таки в передел не идут вследствие споров из-за общего леса между Шалкинской общиной с дер. Илюшкино и Калмантаем». В Старо-Кулаткинской вол. расчищенные со времени X ревизии «полянки» скопились в руках богачей, которые, желая задержать их в своих руках (не платя за них податей), противятся производству общего коренного передела земли.

* * *

У государственных крестьян с. Спасской Рамени *Темниковского у.*, расположенного среди больших горнозаводских лесов с тощей почвой на границе Нижегородской губернии, кроме переделываемых угодий есть еще запольная земля, состоящая из пахотных, сенокосных и лесных участков. «Эти разного рода угодья не составляют больших цельных площадей: пашни здесь состоят из многих отдельных расчисток в лесу (“сечи”), сенокосы – тоже отдельные расчистки (“пожни”) на низменных местах близ реки, все остальное пространство покрыто еще лесом или кустарником. Пахотные и сенокосные расчистки сделаны в разное время отдельными хозяевами и находятся в пользовании этих хозяев или их наследников». Определенного срока пользования расчищенными угодьями не установлено, а таковые частью пускались в разверстку при общем переделе. Последний передел имел место в 1857–1858 гг., и тогда крестьяне увеличили пахотную площадь, поступающую в раздел, присоединением к ней ближайших запольных расчисток, сделанных отдельными хозяевами. Сенокосные расчистки в передел до сих пор не поступали. В Краснослободской волости *Трубчевского у.*, характеризующейся песчаной и болотистой почвой и зависящим оттого слабым развитием хлебопашества, встречаются общины, где практикуется расчистка отдельными хозяевами общественных болотистых мест и кустарников под покос; в д. Смелиже (б. помещ.) такие расчищенные «урочища» оставляются в личном пользовании в течение 2–3 лет, а в с. Негине (госуд. кр.) – до нового передела. В некоторых общинах *Макарьевского у.* практикуется расчистка отдельными домохозяевами леса под пашню, причем «расчищенные места остаются в пользовании расчистивших их домохозяев, а если подвергаются переделам, то только – когда окупятся вполне труды расчищавших хозяев». В д. Черноярье, например, для пользования такими расчистками установлен 10-летний срок.

Обращаясь к рассмотрению систем распределения общинной земли при регулируемом пользовании ею, мы, прежде всего, остановимся на той системе разверстки, которая была господствующей в крепостную эпоху и которая в некоторых общинах сохранилась до момента исследования, – на тягальной в старом смысле слова.

Помещичьи крестьяне, получив землю после своего освобождения от крепостной зависимости, обыкновенно распределяли ее между членами общины не по тому началу, по какому они владели ею при помещике, – смысл которого заключался в обеспечении владельцу достаточной силы для обработки его полей, – а на основании различных соображений нового, так сказать, происхождения. Правда, отказавшись от тягальной системы в пользу ревизской, значительная часть помещичьих крестьян, по причине обременения земли платежами, должны были возвратиться к тому же самому началу производительной способности семьи, которое лежало в основе крепостного тягла; но этот возврат не был полной реставрацией прежнего распределения земли: община не обращалась опять к «венцу» как единице меры землепользования каждого домохозяина, а брала за такую единицу мужчину – работника, экономическую состоятельность семьи и т. п. Нашлись, однако, общины, которые и не пытались изменить старой единицы разверстки и донесли ее нетронутой до самого последнего времени. Такие общины обыкновенно характеризуются небольшими размерами; несколько дворов, иногда несколько десятков дворов – вот тип тягловой общины. В такой небольшой общине скорее может сохраниться равномерность в распределении земли, отсутствовать протест против старой разверстки из-за нравственных, например, мотивов, и потому в них более возможно сохранение старого обычая, который рушится при других условиях. Во многих общинах тягловая разверстка сохранилась благодаря очень малому наделу или его разбросанности в нескольких кусках. В том и другом случае распределение земли по душам, а не дворам, – при отличающем нашего крестьянина стремлении достигнуть возможного уравнивания в пользовании всеми особенностями почвы, – привело бы к слишком большой дробности отдельных участков земли, способной очень затруднить ее обработку. Во избежание таких результатов некоторые общины решаются сохранить старую систему, хотя с ней и связаны неприятные воспоминания крепостной эпохи. Кое-где тягловая система осталась и после того, как община решила на уравнивание землепользования: сделав расчет для распределения земли по наличным душам, она нашла, что новое распределение мало отличается от существующего и, – чтобы не ломать меж, – решает остаться на старом положении. Старая тягловая разверстка, однако, хорошо сохранилась в *Вяземском у.*, где она практикуется почти у 40% общин бывших помещичьих крестьян.

В *Елецком у.* тягольная разверстка земли сохранилась в 1 общине Предтеченской вол., 1 – Становлянской, 2 – Сергиевской, в 2 – Козацкой, в 9 об. – Воронежской вол. В с. Крутом и сложной общине сс. Долгого, Волчьей и Троицкой Козацкой вол. она сохранилась по причине крайней чересполосицы надельной земли (в последней надел состоит из 200 клочков). В д. Васильевке Воронежской вол. «при отбывании барщины малосильные семьи предлагали перейти на души, но большинство отказалось ввиду того, что тогда им пришлось бы отдавать владельцу большое число дней; с переходом в 70-х годах на выкуп опять сделано предложение разделить землю по душам, но теперь несогласными оказались уже те, которым пришлось много поработать при отбывании издельной повинности». В д. Нетесовой, той же волости, тягловая разверстка сохраняется потому, что многие крестьяне боятся потерять близко расположенные и хорошо удобренные полосы. В маленькой общине с. Жернового Сергиевской вол. разверстка земли по ревизским душам мало бы изменила существующее распределение земли. Общины (21) *Тимского у.*, сохранившие тягловую разверстку, принадлежат к числу мелких: одна из них (х. Семеновский) думала было перейти на души, но когда по расчету оказалось, что это мало бы отразилось на размере отдельных владений, она не пожелала напрасно ломать меж. В *Трубчевском у.* тягловая разверстка сохранилась всего у одной общины, Огородней, Семячковской вол., величиной в 6 дворов. Семь общин с тягловой разверсткой Долговской, Ивановской, Одоевской, Тепловской и Знаменской волостей *Данковского у.* заключают в себе: 2 двора, 3 дв., 6 дв., 6 дв., 12 дв., 24 дв., 31 и 59 дв. Д. Верховые Ивицы (дарствен.) *Корочанского у.*, сохранившая тягловую разверстку, имеет 8 дв., 19 общин *Щигровского у.*, сохранивших тягловую разверстку, имеют 8–29 дв., две – 31–44 дв. В *Белгородском у.* тягловая разверстка сохранилась в Ячневе-Колодезе (129 дв.) Шопинской вол., получившей в 1866 г. по духовному завещанию по 1,8 дес. на двор; повинности здесь раскладываются по ревизским душам и т. д.

Ревизская разверстка земли отживает свой век. С каждым годом число живых представителей этой системы уменьшается, и недалек уже тот момент, когда все ревизские души вымрут, и земля окажется в руках неревизских представителей ревизских владельцев. Если какая-нибудь община доживет до этого момента, то для нее исчезнут все мотивы, удерживавшие ее при старой системе, и она или перейдет к другим единицам распределения земли, или перестанет существовать как община, превратится в подворное владение. В силу сказанного эта система разверстки земли имеет для нас мало интереса, и так как, – по устарелости по отношению к данному вопросу большей части наших данных, собранных в первой половине 80-х годов,

когда стремление к переделу по новым душам среди помещичьих крестьян только что начиналось, – мы не можем нарисовать более или менее верную картину географического распространения этой разверстки в настоящий момент, то, ограничиваясь на это счет общим обзором, сделанным в главе II, мы займемся изучением изменений в этой системе разверстки, выражающих существование процесса эволюции общинной мысли; но прежде всего скажем несколько слов о том, что скрывается под понятием ревизской разверстки.

После освобождения от крепостной зависимости общества помещичьих крестьян получили землю по числу душ мужского пола, занесенных в списки X ревизии. Так как это наделение происходило вскоре после переписи и наличный состав каждой семьи более или менее точно соответствовал ревизскому, то естественно, если распределение земли между семьями по ревизским душам было ничем иным, как наличной ее разверсткой. Но и там, где земля распределялась по ревизским душам, обыкновенно встречались некоторые отступления от этой единицы. Некоторые семьи сами отказывались от части надела, другие в момент наделения отсутствовали, и освобождавшиеся таким образом участки передавались миром другим членам общества, а где землей не очень дорожили – то и посторонним или приписавшимся к обществу после нарезки земли и не получившим ее на свою долю от казны или помещика. Местами и впоследствии происходил уход некоторых крестьян на продолжительное время или совершенное их отчисление от общества и причисление к нему новых лиц, и во многих случаях, особенно где землей хотя и дорожили, но не очень за ней гнались, причисленные члены получали свободные наделы. Местами община сама вызывала охотников принять свободные участки, и, наконец, изменение в распределении земли постепенно происходило частным образом: вымиранием целой семьи и переходом их участков родственникам, сдачей наделов в аренду до нового передела и т. п. В силу указанных причин в настоящее время, вероятно, нельзя встретить ни одной общины, где бы при сохранении начала ревизской души распределение земли между семьями точно соответствовало их ревизскому составу.

Из числа общин с ревизской разверсткой земли нужно особо упомянуть о тех, которые возвратились к этой системе после нескольких лет практикования других разверсток. Мы не будем говорить при этом о тех общинах, где другая, неревизская разверстка не была принята как цельная система, а образовалась постепенно, путем отдачи наделов, от которых отказывались ревизские души (в общинах помещичьих крестьян), хозяевам сильным; с течением времени, когда земля подорожала, отказавшиеся стали требовать землю обратно, и где их было много, там возвращение наделов было про-

изведено путем общего коренного передела. Эти случаи не представляют большого интереса, так как здесь нет борьбы двух начал. Наделы одних оказались в руках других только потому, что первые сами отказались от земли; неудивительно, если община возвращает их, когда старые владельцы заявят на них претензию. Эти случаи доказывают только, что над общиной еще властвует авторитет ревизской души, что она еще не додумалась до более справедливых систем распределения наделов. Подобные факты наблюдаются в общинах, где во время отвода наделов крестьяне не особенно дорожили землей. Благодаря отказам многих из них от части или всей, следуемой им по числу ревизских душ земли и передаче освобождающихся таким образом наделов сильным семьям, образовались системы разверстки скорее по производительной, нежели по потребительной норме, и когда затем земля поднялась в цене, то прежде, чем возникла мысль о перераспределении ее по потребностям семей, явились ревизские владельцы наделов и заявили претензию на свою долю. Обаяние принципа ревизской души, а частью, вероятно, и признание справедливости требований были причиной того, что последние нередко получали удовлетворение. Требование ревизскими душами возврата участков, от которых они когда-то отказались, могло признаваться обществом справедливым, потому что требование это происходило от малоземельных крестьян, и его осуществление вносило некоторую поправку в отживающую систему разверстки земли по производительной норме – поправку в смысле удовлетворения началу потребности семьи в земле как средстве пропитания, началу хотя еще открыто и не высказанному, но уже чувствуемому. А местами такие требования ревизскими душами своих наделов были прямой причиной постановки вопроса об общем перераспределении земли по потребительной норме и привели к переделу по наличным душам.

Таким образом, случаи возврата к ревизской разверстке, о которых мы только что говорили, не представляются достаточно ясными по общему своему смыслу, не имеют вполне определенного характера, чего уже нельзя сказать о большей части других, к которым мы и переходим.

Это – случаи, где община приняла наличную разверстку земли, а потом через несколько лет возвратилась к ревизской. Они встречаются, например, в *Новооскольском* у. (одна община), *Елецком* уезде (одна община), *Миценском* (15 общин помещичьих крестьян в 2 волостях), *Раненбургском* (одна община), *Васильском* (одна община дарствеников), *Усманском* (3 общины государственных крестьян), *Днепровском* (6 общин гос. кр.), *Бердянском* (7 общин гос. кр.), *Мелитопольском* (11 общин гос. кр.), *Новоузенском* (8 общин) и т. д. Общий смысл этих случаев тот, что они служат выражением борьбы старого и нового начал в распределении наделов между членами

общины. В *Усманском* уезде, например, ревизская разверстка была принята после годичного существования наличной ради прекращения раздоров, вызванных этой последней. В *Ставропольском* у. пригород Ерыклинск разделил в 1883 г. землю по наличным душам для того, «чтобы никто не был лишен возможности расширять и улучшать свое хозяйство и платить аккуратно подати и отбывать повинности». Так как богатой части крестьян передел этот невыгоден, ибо при старых порядках они имеют возможность снимать за бесценок участки маломощных хозяев, занимающихся обыкновенно нищенством, то они добились того, что в 1884 г. приговор о переделе был уничтожен.

Общество с. Россоши (собствен., 26 дв.) Ивановской вол. *Раненбургского* у. в 1861 г. перешло от тягальной к разверстке земли по ревизским душам, в 1871 г. оно приняло наличную раскладку, за которую стояла только половина домохозяев, а когда истек назначенный 10-летний срок, община переделала землю по ревизским душам. Община д. Аристова (б. помещ.) *Лаишевского* у. разверстала в 1882 г. землю по наличным душам, а в 1888 г., при переходе на выкуп, возвратилась к ревизской раскладке. Хутор Новоселовка (дарственники) Баклановской волости *Новообскольского* у. в 1862 г. сменил тягловую разверстку на ревизскую, в 1872 г. разделил землю по дворам, в 1878 г. – опять по ревизским душам. В с-це Знаменке Афанасьевской вол. *Елецкого* у. в 1861 г. с прекращением издельной повинности совершен переход от тягальной разверстки к раскладке по живым ревизским душам, в 1873 г. земля была переделена по наличным душам мужского пола, а в 1878 г. по ревизским – живым и мертвым. «Особенных причин этот последний передел, по-видимому, не имел никаких; крестьяне объясняют его единственно тем, что набралась законная половина голосов, т. е. что он был выгоден для $\frac{2}{3}$ хозяев». Д. Александровка Чернухинской вол. *Макарьевского* у. перешла к наличной разверстке земли, а затем вследствие выкупа возвратилась к ревизской. В 8 общинах *Новоузенского* у. возврат к ревизской разверстке вызван накоплением недоимок на хозяев, не имеющих земледельческого инвентаря, но получивших по предыдущему переделу (конца 70-х – начала 80-х гг.) землю; некоторые из таковых сдали кроме того полученные наделы в долгосрочную аренду.

Всего более таких случаев, однако, и лучше известна их история в *Таврической* губернии. В тот момент, когда производилось исследование этой области, в *Днепровском* уезде оказалось 6 общин, перешедших от наличной к ревизской разверстке земли, в *Бердянском* у. 7 общин и в *Мелитопольском* 11 (10 русских и одна польская) Некоторые из этих переходов были

результатом недоразумения, сопровождавшего принятие наличной разверстки. Так, 4 общины *Днепровского* у. (Александровка, Алексеевка и Дагмаровка Н. Троицкой вол., Н. Киевка Каланчакской вол.), образованные в начале 60-х гг. однодворцами и чиншевиками Подольской и Киевской губерний, разделили землю прямо по наличным душам вскоре после своего образования; но когда через несколько лет оказалось, что они должны получить землю по ревизским душам и излишнее ее количество было отрезано, названные поселения разверстали оставшуюся землю по ревизским душам. В остальных общинах указанные переходы были уже результатом борьбы мнений, борьбы разных начал; они свидетельствуют о наличности в сознании крестьян живых процессов, касающихся важнейших сторон их быта, и мы имеем некоторые указания на характер этих процессов.

Прежде всего, следует заметить, что в числе общин, отступивших от наличной разверстки в пользу ревизской (и налично-ревизской), преобладают новые, образованные в 60–70х гг. текущего столетия. В *Бердянском* у. из 7 общин, возвратившихся к ревизской разверстке, 6 принадлежали к новым, в *Днепровском* – обе новые (а также и 4, о которых была речь выше), в *Мелитопольском* у., правда, большая половина таких общин образована давно (зато и всех старых общин здесь втрое больше, нежели новых), но, беря итог по всем трем уездам, окажется, что первое место по числу перешедших от наличной разверстки к ревизской принадлежит все-таки новым селам, несмотря на то, что их с лишком вдвое меньше, чем старых. Чтобы понять смысл такого распределения случаев перехода от наличной к ревизской разверстке между старыми и молодыми селами, нужно помнить, что последние образованы главным образом выходцами из малороссийских губерний и юго-западного края, знавшими на родине лишь подворное владение землей. Получив на новом месте землю по числу ревизских или актовых (наличных, переселившихся) душ, они разверстали ее по этому началу между семьями, вероятно, не имея и мысли о том, чтобы с течением времени повторить раздел с целью более равномерного распределения земли. В 70-х годах, когда в округе среди старых сел обнаружилось сильное движение к переделу земли по новым душам, этой идеей увлеклись и новые села, а через несколько лет, когда увлечение прошло, привычное понятие стало заявлять о себе, возникла борьба приверженцев старых и новых порядков, и местами первые добились частной или полной отмены недавно состоявшихся приговоров в форме принятия смешанной или возвращения чистой ревизской разверстки земли. Таким образом, возвращение ревизской разверстки в новых селах свидетельствует о том, что среди населения, привыкшего к подворному владению землей, идея равенства не получила окончательного авторитета, что она еще борется за существование с идеей частного права на землю, и

это покажется нам совершенно естественным – раз мы вспомним, что идея равнения впервые возникла здесь каких-нибудь 15 лет назад.

Несколько иное значение имеет стремление к ревизской разверстке среди старых сел *Мелитопольского* у. Эти села уже выдержали борьбу за общинное владение, идея равнения вышла из этой борьбы победителем, и общества за время своего существования успели совершить один или несколько переделов земли. Принятие наличной разверстки в 70-х гг. было у них поэтому естественным проявлением общинной жизни, совершенно подобным тем, какие были у них при X ревизии и раньше, и возвращение от этой системы назад может свидетельствовать о появлении антиобщинного течения. Так именно и толкует рассматриваемое явление таврический земский статистик г. Харизоменов.

Поводов для возникновения этого течения могло быть несколько, и главнейшие из них, кажется, два: это – сокращение душевого участка при наличной разверстке земли и мысль о возможности приобретения путем покупки земли на стороне.

Дело в том, что при прежних переделах земли в Таврической губернии душевой участок не уменьшался очень сильно, потому что, благодаря обилию земли, рабочее поле можно было увеличить на счет того угодья, которое не подвергалось обработке, а было назначено для пастьбы скота¹. Вследствие этого при первых переделах по наличным душам в сознании крестьян и не возникала с полной ясностью мысль о неизбежности, при наделении

¹ Душевая доля пахотной земли, отводимая общиной в пользование своим членам, не остается неизменной даже в тех случаях, когда единица разверстки постоянна (ревизская душа): во многих общинах от времени до времени к распахиваемому участку прирезывается часть толоки и таким образом расширяется засеваемая площадь. Прием этот практикуется в общинах с ревизской и наличной разверсткой, причем в последнем случае прирезка совершается при новом переделе или при переходе от ревизской разверстки к наличной; обращение толоки в пашню бывало иногда и при первом переделе по ревизским душам. Расширение пашни на счет толоки в *Днепровском* у. в общинах с ревизской разверсткой известно для с. Раденского Б. Копаньской вол. (в 1876 г. прирезано по $\frac{1}{2}$ дес. на душу), Ст. Маячка (в 1869 и 1873 гг. прирезано по $\frac{1}{2}$ дес. на душу, в 1879 г. – 1 дес.) и Белоцерковки (в 1882 г. – 1 дес. на душу) Маячковской волости, Каланчака (в 1881 г. – по 1 дес.), Любимовки (при первом переделе по рев. д. в 1864 г.). Это – старые села. В новых замечается то же явление: прирезка толоки для увеличения распашной земли имела место в 3 поселениях Перво-Константиновской волости и 2 Громовской. Из помещичьих общин такая прирезка наблюдается в Н. Репьевке, Завадовке, Н. Скадовке и Рыбальча. В общинах, владеющих землей по наличным душам, известно 6 случ. прирезки толоки (в с. Костогрызове такая прирезка была сделана при переходе от ревизской разверстки к наличной), что, однако, не помешало сокращению душевой доли пашни: для Кирова с 5 дес. до $4\frac{1}{2}$, Любимовки – с 6 дес. до 4 $\frac{1}{2}$; в Константиновке же она увеличилась на 1 дес. В с. Горностаевке и Ново-Троицком прирезка толоки имела место не только при переходе от ревизской разверстки к наличной, но и при последующих переделах, благодаря чему, несмотря на два передела по наличным душам (в 1878 и 1884 гг.), Ново-Троицкая община (образованная в начале 60-х гг.) сохранила ту же 12-десятичную душевую долю распашной земли, какую она нарезала своим членам при первом переделе по ревизским душам в 1867 г.; Горностаевка же, распахав при двух переделах по наличным душам (в 1874 и 1881 гг.) всю толоку, не могла, однако, удержать величину ревизского надела (7 дес.), и последний уменьшился до 6 дес. и затем до $5\frac{1}{2}$.

землей всех нарождающихся, сильного сокращения душевого участка. Но когда за первым таким переделом последовал второй, а может быть, и третий, и сокращение выгона положило предел расширению пахотного поля, – малоземелье всех, как результат поддержания равномерного распределения не изменяющегося общинного участка между все большим и большим числом душ, сделалось очевидным, и это обстоятельство могло возбудить идею, неблагоприятную равнению, а последняя – повести к возвращению ревизской разверстки, с которой у крестьян могло соединяться представление о прекращении на будущее время переделов. Такое представление, по словам г. Харизоменова, и существует в общинах *Мелитопольского у.*, возвращающихся к ревизской разверстке, хотя, продолжает тот же автор, это нисколько не мешает, тотчас по постановлении приговора, возникновению агитации в пользу наличной разверстки земли. Но здесь же есть и другие причины для появления той же противообщинной тенденции.

Немцы и другие подворные владельцы, которых так много в Таврической губернии, сплошь и рядом продают свои участки за дорогую цену и покупают в слабо населенных местностях дешевую землю. Такой оборот соблазняет русских общинников к переходу к подворному владению, и возвращение ревизской разверстки в представлении крестьян связано с таким переходом. И действительно, в Веселовской волости (закрывающей половину всего числа общин Мелитопольского уезда, возвратившихся к ревизской раскладке) стремление к ревизской разверстке возникло во всех селениях одновременно, в 1882 г., когда прошел слух о продаже 22 000 дес. земли кн. Оболенских мелкими участками в рассрочку, при помощи крестьянского банка.

Не отвергая мотива, указанного г. Харизоменовым, скажем со своей стороны, что причиной перехода к ревизской разверстке может быть и простой расчет большинства, не думающего о разрушении общины, для которого этот переход представляет прямые выгоды, – причина, указываемая г. Черненковым для подобных переходов в *Мценском у.*

Первый случай возврата ревизской разверстки в *Мелитопольском у.* сделан с Ново-Николаевкой Терпеньевской вол., населенным малороссами, «сохранившими почти в первобытной чистоте малороссийский тип», что здесь, сказать кстати, большая редкость. Село образовано в 1818 г., первый передел был, кажется, при X ревизии (судя по тому, что за 10 лет до нее регулирование пользования землей достигалось установлением 3-летнего срока владения захваченным участком, а после нее о таком способе регулирования не упоминается); в 1873 г., увлеченная общим движением, община перешла к наличной разверстке, а в 1878 г. возвратилась к ревизской;

в 1880 г. то же сделало с. Ново-Ивановка Веселовской волости, в 1881 г. – с. Орлянск Балковской вол., в 1882 г. – две общины Ефремовской вол. и 3 – Веселовской (в том числе 2, образованные в 1862 г. выходцами из Черниговской и Полтавской губ.), в 1883 г. – две общины. Еще около десятка общин составили не утвержденные крестьянским присутствием по недостатку голосов приговоры о таком переходе. В некоторых селениях партии наличной и ревизской разверстки враждовали годами. Что касается мотивов перехода к ревизской разверстке, как они высказаны самими крестьянами, то в некоторых общинах, недавно образованных поселенцами из Малороссии, это, по-видимому, привычка к подворному владению, судя по тому, что на возражение неревизных, что они служат в солдатах, а земли не имеют, противники отвечают, что так дело идет и в Черниговской губ. Они же указывают, как на причину возвращения к ревизской разверстке, на то, что «кругом мужики стали покупать вечную землю»¹. В *Бердянском у.* возврат к ревизской системе имел место в 1883–1885 гг. в одной старой общине (Куркулак б. Токмакской вол., 110 дв., 6,7 дес. земли на ревизскую душу) и 6, образованных в 60-х гг. Из них Н. Полтавка и Семеновка Черниговской вол. и Н. Александровка – Н. Васильевской населены полтавскими крестьянами, Н. Зеленое Петропавловской вол. – киевскими, Н. Николаевка Н. Васильевской вол. – харьковскими и ст. Константиновка Вознесенской вол. – местными, полтавскими и харьковскими, крестьянами. Ревизская разверстка, заменившая наличную, вызвала протест меньшинства в с. Н. Николаевке Н. Васильевской вол.: меньшинство подало жалобу на приговор по начальству; одни захватили землю на ревизские души, другие – на наличные и сделали на ней посе́вы. В *Днепровском у.*, кроме тех случаев новых поселений, где наличная разверстка земли была принята по недоразумению и заменена ревизской после отрезки от общины излишней земли, переход от наличной к ревизской разверстке имел место еще в 2 общинах, образованных в 60-х гг. текущего столетия. С. Преображенское Чаплынской вол., населенное выходцами из юго-западного края, в 1869 г. разверстало землю на 630 наличных душ, а в 1873 г., вследствие ссор, переделило ее на 312 ревизских. С. Отрадовка Н. Троицкой вол., населенное в 1866 г. полтавскими и таврическими крестьянами, в 1867 г. переделило землю по ревизским д., в 1880 г. – по наличным, а через 3 года, воспользовавшись отсутствием наиболее энергичных приверженцев наличной разверстки, противники ее обманом убедили сход постановить приговор о переходе к ревизской разверстке земли.

¹ Польская колония Волковка с 1869 до 1880 г. составляла одну общину с Балками и вместе с ней, хотя и против воли, перешла в 1873 г. к наличной разверстке, но, отделившись в 1860 г. от с. Балок, волковцы восстановили ревизскую разверстку. В 1883 г. они постановили приговор об исключении из разверстки 21 умершей ревизской души в пользу живых ревизских, но приговор не был утвержден крестьянским присутствием.

Разверстка земли по живым или по наличным ревизским душам встречается единичными случаями в *Херсонском, Днепровском, Бердянском, Ростовском, Славяносербском, Саратовском, Царицынском, Трубчевском, Н.-Оскольском* уездах и некоторых других. Принятие общиной разверстки земли по живым ревизским душам указывает на то, что принцип неизменности ревизского начала в распределении земли рушится, но что авторитет его не настолько еще подорван, чтобы община перешла к системам наличной разверстки. Этот, в логическом отношении переходный, характер разверстки земли по живым ревизским душам ясно виден в тех случаях, где и фактически наблюдается переход от одной системы к другой, а затем к третьей; особенно, если этот переход совершился быстро, если на разверстке земли по живым ревизским душам, как это и естественно для переходного момента, община задерживается не надолго, что мы наблюдаем, например, в *Херсонском* уезде. Отступления от чисто ревизской разверстки проявились здесь главным образом в последнее десятилетие, и хотя все общины, совершившие переделы, начали с разверстки по живым ревизским душам, тем не менее в 1887 г. последняя разверстка была найдена лишь в 6 общинах, а наличная – в 26. Это доказывает, что разверстка земли по живым ревизским душам была действительно переходной ступенью к наличной разверстке и переходной в силу логического процесса, ибо трудно предположить, чтобы реальные условия, заставившие будто бы предпочесть разверстку земли по живым *ревизским* душам разверстке по *всем* живым, исчезли в течение 3–4 лет и тем освободили поле для принятия этой последней разверстки.

Разверстку земли по живым ревизским душам следует отличать от раскладки по наличным ревизским или, вернее, по ревизским душам в семьях, состоящим в момент передела налицо. Первая принимается по внутренним мотивам, о которых мы только что говорили; вторая является результатом внешних условий. Первая доказывает начало ослабления авторитета ревизской души, вторая – его крепость. Разверстка по живым ревизским душам наблюдается в обществах, где землей дорожат и от нее не отказываются; разверстка по наличным ревизским душам начинает входить в практику в общинах, где бывают большие выселения или частые отлучки многих крестьян на продолжительное время на заработки, с оставлением земли на обществе.

В *Днепровском* уезде, по причине, между прочим, малопродуктивности земли, многие жители образованных в 60-х гг. выходцами из Бессарабии селений Перво-Константиновской вол. скоро бросили землю и переселились в новые места. Это обстоятельство делало затруднительным раздел всей земли по ревизским душам, общины охотно принимали посторонних и стали практиковать систему разверстки по наличным ревизским душам.

Алексеевка приняла эту систему в 1878 г. (1-й передел по ревизским душам в 1868 г.) и совершила с тех пор один передел; Строгановка (передел по рев. д. в 1869 г.) – в 1876 г. и второй передел (на то же число, 367, наличных ревизских душ, что и в 1876 г.) сделала в 1884 г.; с. Ивановка с первого же передела в 1869 г. приняла рассматриваемую разверстку и с тех пор 3 раза переделывала землю: в 1869 г. – 317 душ, в 1873 г. – на 312 и в 1884 г. – на 310 душ. В *Новооскольском* уезде до десятка помещичьих общин Баклановской, Чернянской и Слоновой волостей делят землю на наличные ревизские души (в х. Александровском и Васильевском Баклановской вол. исключают при этом и умершие души) ввиду того, что многие крестьяне уходят на сторону, бросая землю на мир. В х. Александровском Баклановской вол., х. Большой Чернянской по этой причине было уже несколько переделов; в сл. Масловой, х. Масловском и х. Большом Чернянской вол. переделы по наличным ревизским душам совершаются ежегодно, в первых двух на все меньшее число душ, потому что ежегодно несколько семей уходят надолго на сторону; в последнем ежегодно одни хозяева отказываются от земли, другие, раньше отказывавшиеся, требуют ее. В *Трубчевском* у., в помещичьей общине д. Павловки Уруччинской вол., с 1861 г. земля ежегодно переделывается по числу ревизских душ в наличных семьях, т. е. исключая семьи, уходящие на сторону, и включая возвращающиеся; число разверсточных единиц колеблется при этом по годам от 75 до 85 и т. д.

Гораздо чаще, чем разверстка земли по живым ревизским душам, переходной ступенью к наличной служит смешанная система, построенная на обоих началах: ревизском и наличном. Землю при ней получают или все наличные души, – но те из них, которые записаны в ревизии, – больший участок (обыкновенно сохраняют свою ревизскую долю), а родившиеся после нее – меньше, или только живые ревизские и старшие неревизские – в одинаковом размере. За исключением *Княгининского* уезда, где эта система (если только она развилась из ревизской) преобладает над другими, обыкновенно она практикуется немногими общинами уезда (в *Васильевском* у. она, впрочем, пользуется довольно широким распространением).

Преобладание этой переходной системы над той, которую мы только что рассматривали, объясняется тем, что авторитет ревизского начала в его чистом виде подрывается обыкновенно благодаря требованиям земли со стороны подрастающего поколения; в силу этого первое общественное выражение ослабления авторитета ревизского начала сопровождается признанием правомерности его антагониста; отсюда – формы разверстки, имеющие вид компромисса между обоими принципами. Иногда это будет компромисс между справедливыми требованиями безземельных и эгоистическими

стремлениями большеземельных членов общин, пользующихся отсутствием ревизии для того, чтобы отдалить коренной передел по наличным душам: они соглашались уступить наделы умерших ревизских душ и этим на время сохраняют свои, хотя и сокращенные, но все-таки превышавшие долю наличной души участки. В других случаях – и это относится ко многим общинам бывших помещичьих крестьян – неодинаковое наделение земель ревизских и неревизских душ имеет этическое оправдание в той тягости повинностей, какую вынесли ревизские хозяева в первые годы после реформы (а также во времена крепостного права) и каких не знали члены общин, родившиеся и выросшие при новых порядках. Благодаря, между прочим, указанному обстоятельству, переделы земли у помещичьих крестьян, как мы видели, наступили позже, нежели у государственных; другим видом вознаграждения ревизских хозяев будет оказание им преимущества перед неревизскими при общем коренном переделе (ревизско-наличная разверстка) или ограничение перераспределения земли снятием с них наделов умерших душ, что равносильно предыдущему. Это условие большей легкости теперешних платежей сравнительно с прежними или, вернее, большей ценности земли в настоящее время играет некоторую роль и в мотивах принятия рассматриваемой разверстки государственными крестьянами. По крайней мере, в приговоре общины с. Орловка Н.-Алексеевской волости *Бердянского* уезда, на протяжении 9 лет перешедшей от ревизской разверстки земли к наличной, затем вновь к ревизской и, наконец, к смешанной ревизско-наличной, – принятие этой последней системы мотивируется в приговоре таким образом: «Способ пользования землей, как на ревизские, так и наличные души, как мы убедились на опыте, для всего общества крайне обиден, несправедлив и разорителен. Раздел земли на наличные души неудобен потому, что для живых ревизских душ крайне обидно то обстоятельство, что, пользуясь в течение 20 лет всей землей, обрабатывая ее, неся за нее все платежи и повинности, получают земли столько же, сколько и молодое поколение, между тем как и доходность земли теперь выше, и повинности (например, воинская) легче. Раздел земли на ревизские души еще несправедливее в том отношении, что бессемейные, не отбывая натуральных повинностей, как одиночки, и пользуясь при этом нередко наделами своих умерших родственников, владеют слишком большим сравнительно количеством земли, между тем как многие, имея взрослых сыновей, несут на себе всю тяжесть натуральных повинностей, пользуясь только одним душевым наделом. А потому находим самым удобным поделить нашу землю на живые ревизионные и новорожденные души, так чтобы каждый новорожденный пользовался землей в половинном размере против бывшего в ревизии, неся в том же размере и все денежные повинности, и установить такой порядок на 3 года в виде опыта».

Обращаясь к фактической последовательности смешанной разверстки земли в ряду с ревизской и наличной, мы увидим, что в большинстве случаев она не только в логическом смысле, но и хронологически является переходной ступенью от первой ко второй. Это происходит таким образом, что при большой настоятельности в требовании земли со стороны неревизского населения община постановляет приговор об остановлении ревизским хозяевам участков живых ревизских душ и о разверстке наделов умерших членов семей между неревизскими душами. Но есть местности, где эта система образовалась из наличной и является поэтому не переходной к ней ступенью, а наоборот, как бы отступлением от нее в направлении к ревизской разверстке. Это – *Мелитопольский* и *Бердянский* уезды Таврической губернии.

Мы знаем, что в этой области переделы по наличным душам совершились довольно дружно около половины 70-х годов, а в 80-х проявилось обратное течение, выразившееся частью возвращением к ревизской разверстке наделов и, еще больше, принятием ревизско-наличной системы. В этих случаях, когда в момент перехода к рассматриваемой системе разверстки в пользовании ревизских (как и неревизских) душ находилась доля земли, рассчитанная не на ревизскую, а на наличную душу, новая разверстка не всегда производилась таким образом, чтобы ревизским душам отводились участки, равные бывшему ревизскому наделу, а между неревизскими разверстывалась бы площадь, равная сумме долей умерших ревизских душ. Такое распределение имело место в 3 общинах (старых) *Мелитопольского* уезда, перешедших от наличной к смешанной разверстке; что же касается *Бердянского* уезда, то, по имеющимся данным, число общин, старающихся сохранить ревизским душам их старый надел, приблизительно равняется числу общин, принимающих иное начало распределения и определяющих при переделе, в каком отношении должны стоять друг к другу доли ревизской и неревизской души¹.

Смешанная разверстка земли в *Мелитопольском* у. впервые появилась в 70-х гг.: в период общего увлечения переделами по наличным душам не остались в стороне 2 болгарские и 2 польские колонии, – и это увлечение выразилось у них появлением рассматриваемой разверстки как компромисса между ревизским и наличным началами и как знак уступки, сделанной первым второму. В русских общинах эта система имеет значение уступки наличного начала ревизскому, и к ней перешли 3 общины в

¹ Пять общин (Копанская, Н. Михайловская, Скелеватовская, Юрьевка, Марьяновка) старались сохранить за ревизской душой ее старый надел: Марьяновка (Н. Алексеевской вол.) в 1869 г. прямо передала наделы умерших ревизских душ неревизским. В 7 общинах (Черниговской 2-й, Стульневе, Бегам-Чекране – все 3 Черниговской вол., с. Александрове, Орловке, Лозановке, Богородицком) неревизская душа получила вдвое меньший участок сравнительно с ревизской.

1884 г. Болгары д. Терновки по приходе получили 3121 дес. земли (по 12 дес. на рев. душу), которую и распределили соответствующим образом. В 1877 г. они получили добавочный участок в 2512 дес. и распределили его на наличные души мужского пола с той поправкой, что семьи с небольшим числом лиц мужского пола, не обремененные едоками, получали надел на женщин и девушек; тогда же постановлен был приговор о переделе через 10 лет всей земли на наличные души. Покровка, населенная русскими выходцами – болгарами из Турции и Бессарабии, знавшими на родине подворное владение, получила по поселении землю на души (по 9 дес.) и разделила ее соответствующим образом в 1864 г. В 1874 г. земля умерших и убылых ревизских душ передана родившимся после ревизии душам мужского пола. После того земля умирающих ревизских душ стала сдаваться на время до нового передела в аренду. Подати раскладываются подесятинно. «Наделение новорожденных было в глаза крестьян актом снисхождения, а не права. Треть домохозяев желает перехода к ревизским, две трети – к наличным душам». В польской колонии Верхних Торчаях, где земля была поделена на актовые (записанные как пожелавшие переселиться из Западного края) души, в 1876 и 1883 гг. земля умерших актовых душ передана вновь народившимся. То же предполагается сделать и при обновлении толоки, в 1888 г. (первое обновление сделано в 1883 г.). Польская община с. Николаевки в 1870 г. разделила землю на актовые души (по 8 дес.); в 1877 г. 507 живым ревизским и актовым душам дано по 7 дес., а 146 вновь народившимся – по 4¹/₂ дес.; в 1882 г., при обложении земли (50 коп. с дес.) для уплаты продовольственного долга, во избежание накопления недоимки землю умерших актовых душ опять разложили на родившихся (осталось по 3¹/₂ дес.) «В спорах о единице обложения каждый преследует своекорыстные интересы и отстаивает ревизскую или наличную разверстку, смотря по тому, что ему выгоднее». В *Бердянском* у. 3 общины перешли к смешанной разверстке земли от ревизской, это – Работниковская община (старая) Сладко-Балковской вол. в 1873 г., Лозановка (новая, образованная выходцами из Бессарабии) Н. Дмитриевской вол. в 1875 г.; девять же старых общин и 13 новых перешли к этой разверстке от наличной. Первый случай такого отступления встретился в 1880 г. в с. Богородицком Алексеевской вол., образованном в 60-х гг. четвертными крестьянами Курской губернии: приняв, по примеру прочих сел, в 1876 г. наличную разверстку земли, крестьяне через 4 года сменили ее на смешанную, давая живым ревизским душам вдвое больший участок, чем неревизским. Все последующие отступления в пользу смешанной разверстки имели место в течение 1883–1885 гг. В с. Михайловке Петропавловской вол. смешанная разверстка земли сменила наличную после того, как вернувшиеся николаевские солдаты потребовали

свои ревизские наделы, а за ними сочли себя вправе сделать то же самое и александровские солдаты¹. К числу общин со смешанной разверсткой земли причислено нами с. Сергиевка (новое) Громовской вол. *Днепровского у.*, где, при переделе земли по ревизским душам в 1882 г., земля убылых душ была распределена между неревизионными семьями.

Исключая Бердянский и Мелитопольский уезды, мы можем, кажется, принять, что разверстка земли, построенная на обоих началах – ревизском и наличном, – обыкновенно является на смену чисто ревизской, что при ней живая ревизская душа получает ревизский надел, а неревизская – такой же или сколько придется по разверстке участков, принадлежавших умершим ревизским членам общины. К сказанному остается прибавить, что в большинстве случаев эта система устанавливается путем не общего, а частного передела: по приговору схода, с ревизских хозяев – периодически или нет – снимают наделы умерших душ и передают неревизским членам общины. Так как число народившихся душ превышает число умерших и распределение снимаемых наделов между всеми неревизскими грозит большим измельчением участков, то в большинстве общин снятые наделы распределяются не между всеми «новорожденными», а только между работниками или также и подростками². И чаще всего они не разбиваются на части, а передаются целиком старшим по возрасту или наиболее нуждающимся в земле. Преимущество этого вида разверстки над распределением наделов умерших ревизских душ между всеми «новорожденными» заключается в том, что в последнем случае душевая доля слишком измельчается и развивается большая чересполосица, которая весьма легко могла бы потребовать

¹ В издании Воронцова-Вельяминова «Сборник законоположений о крестьянах» – приведены два указа Прав. Сен., относящиеся к поземельным правам отставных солдат. «Нижние чины, поступившие на службу до X ревизии, не имеют права требовать обязательного наделения их землей, хотя бы они были приписаны к прежним обществам», если эта приписка не последовала по приговору общества с обязательством дать надел (Ук. Пр. С. по частн. делу 1885 г., № 1725). Нижние чины, поступившие на службу после X ревизии, «возвращаясь в общество, вступают в пользование всеми правами, принадлежащими им в сельском обществе, в том числе и правом к участию в пользовании мирской земле; но при этом от усмотрения общества зависит дать лицу, возвратившемуся из военной службы, вместо бывшего в пользовании его до поступления в военную службу надела, другой надел». (Ук. Прав. Сен. по ч. д. № 2784).

² Наделение земель всех новорожденных встречается в общинах *Мелитопольского, Бердянского, Херсонского, Елецкого* (1 община), *Трубчевского* (2 общины) уездов; в *Царицынском* и *Саратовском* у. наделаются мужчины начиная с 16–18 л.; в *Мценском* – старшие мальчики, *Кирсановском* – подрастающие работки, *Тамбовском, Славяносербском* – работники, в 2 общинах *Трубчевского у.* – нуждающиеся, многосемейные; в помещичьих общинах *Данковского у.* Гаях-Лошаковской вол. и Татищева-Ивановской – наделы умерших передаются старшим неревизским, в с. Дристка Лошаковской вол. и Крюковке Ивановской – семьям, наиболее нуждающимся в земле. В большей части общин, не разверстывающих освободившиеся наделы между всеми «новорожденными», принимается, кажется, отдача ревизских наделов целиком старшим неревизским или семьям наиболее нуждающимся.

общей переверстки или передела, имеющего целью сведение разбросанных полос по возможности к одному месту. Распределение наделов между всеми неревизскими душами в общинах *Таврической* губ., принявших смешанную разверстку, тем, может быть, и объясняется, что такое распределение производилось путем общих переделов, а не свалок-навалок, которые здесь вовсе неизвестны. В некоторых общинах смешанная разверстка земли имеет некоторые особенности. Так, в д. Тихоновке (новое) Вознесенской вол. *Бердянского* у. наделению известным участком земли подлежат не только наличные души, но также и умершие ревизские, при условии, что в семье есть наследник. Судя по числам ревизских и наличных душ, получивших землю при переделе 1885 г. в д. Лозановке (новое) Н. Дмитриевской вол., можно предположить, что и здесь наделению подлежали и умершие ревизские души. Может быть, это явление повторялось и в некоторых других общинах *Бердянского* уезда. В *Бахмутском* у. встречаются еще более сложные отношения (см. дальше).

Что касается величины надела неревизской души сравнительно с ревизской, то в каждой общине это зависит от отношения числа умерших ревизских душ к числу неревизских, подлежащих наделению. Так как обыкновенно число народившихся значительно превышает число умерших, то там, где наделению участками умерших ревизских душ подлежат все «новорожденные», разница между наделами ревизских и неревизских душ довольно велика. С ограничением числа наделаемых известным возрастом растет величина достающегося им участка, который, наконец, сохраняется неизменным в тех случаях (по-видимому, самых частых), когда наделы умерших ревизских душ передаются целиком в ту или другую семью. Таким образом, величина участка неревизской души при рассматриваемой системе разверстки находится в обратном отношении к числу наделаемых; общине приходится выбирать между наделением всех малыми участками и некоторых, но большими. В *Таврической* и *Херсонской* губерниях предпочитают первый исход, в остальных местностях – в большинстве случаев второй¹.

За исключением *Мелитопольского* и *Бердянского* уездов, где переделы вообще и в частности – по ревизско-наличным душам имели место в последнее 25-летие только среди государственных крестьян и где смешанная разверстка земли являлась всего чаще, как отступление от наличной, – во всех почти остальных местностях ревизско-наличная система встречается, главным образом, у помещичьих крестьян. Это следует сказать о всех 16 общи-

¹ В абсолютных числах доля ревизской души в общинах, принявших смешанную разверстку, *Бердянского* у. колеблется обыкновенно между 6 и 8 дес., редко опускается ниже; доля неревизской души – между 2–3 дес., в 7 общинах подымается до 3,25–4 дес. В д. Софиевке *Херсонского* у. обе доли почти равны, в Шостаковке в передел 1883 г. ревизские души получали по 5 дес., неревизские – по 3½ дес.

нах с названной системой разверстки *Мценского у.*, 5 – *Данковского*, общинах *Кирсановского*, *Тамбовского у.*; в *Славяносербском у.* смешанная разверстка практикуется 2 общинами государственных крестьян и 24 – помещичьих. Для объяснения указанного явления можно привести два соображения.

Государственные крестьяне издавна привыкли к периодическому уравниванию землепользования по душам мужского пола, и для изменения у них распределения земли между семьями, установленного последней ревизией, нет надобности в переходном (в логическом отношении) моменте, каковым служит ревизско-наличная разверстка, а достаточно убеждения общины в ее праве произвести равнение земли вне ревизии. Поэтому и ревизско-наличная разверстка, где она принята старыми общинами государственных крестьян, обыкновенно является выражением не известного момента в логическом развитии мысли крестьянина, а равнодействующей эгоистических стремлений отдельных лиц (в *Мелитопольском* и *Бердянском* уездах, в общинах, где она сменила наличную разверстку). Помещичьи крестьяне не знали свободных общинных переделов и, получив по освобождении землю по ревизским душам, сочли ее собственностью этих последних. Для того чтобы переделы сделались возможны – это понятие должно измениться: ревизские семьи должны убедиться, что участки, находящиеся в их распоряжении, не составляют их собственности, и естественно, если на такое убеждение они склонятся прежде всего по отношению к наделам умерших членов семьи. А раз это случится – некоторые общины не станут ждать момента, когда сделается возможен общий коренной передел, а постараются извлечь пользу из того положения, какого в своем логическом развитии уже достигла идея равнения: они подвергнут перераспределению участки умерших ревизских душ.

Указанный путь проходят и новые общества государственных крестьян, образованные бывшими подворными владельцами, каких много в *Таврической губернии*. И если мы встречаем здесь так часто случаи перехода от наличной разверстки к ревизско-наличной, то – зная, какой успех имела здесь в 70-х гг. идея передела по наличным душам, приняв во внимание, что молодые общества могли заразиться этой идеей от старых, т. е. принять ее без достаточного обсуждения, – отступление от наличной разверстки к смешанной в 80-х гг. мы можем частью приписать возвращению к логическому моменту в развитии общинной мысли, который не был пройден, а так сказать, обойден при общем увлечении идеей передела по наличным душам и естественность которого дала о себе знать после того, как это увлечение миновало.

Другой причиной преимущественного распределения рассматриваемой системы среди помещичьих крестьян, а не государственных, служит тяжесть повинностей, вынесенных ревизскими семьями в прежнее время, и

вытекающее отсюда сознание справедливости оказания им некоторых льгот, выражающееся в данном случае предоставлением оставшимся в живых представителям ревизского начала полного надела, приходящегося на их долю по прежней разверстке, и отобранием от них для уравнивания неравномерности распределения земли лишь наделов, которые когда-то были отведены на умерших членов их семей.

Системы разверстки земли, с которыми мы имели дело до сих пор, могли быть группируемы с точки зрения последовательности в логическом развитии идеи равенства с формальной стороны. Системы, к которым мы переходим, имеют уже другой интерес. Они основаны на *признании* принципа равенства, и их разнообразие, с одной стороны, вытекает из разнообразия внешних условий, определяющих тот или иной характер передела земли, с другой – является результатом более или менее широкого понимания крестьянами идеи равенства или более или менее целесообразного ее применения.

Со времени известного исследования покойного Орлова о московской общине в литературе установилось мнение, что та или иная система разверстки земли тесно связана с отношением, существующим между производительностью земли и платежами, лежащими на общине. Так как большая часть этих платежей юридически лежит на земле, так как и личное обложение крестьяне обыкновенно переводят на землю же, то оказывается, что вместе с наделом, получаемым членом общины по разверстке, на него переходит и соответствующая доля податей, а самый акт передела земли является вместе с тем и моментом распределения между членами общины податного бремени. Смотри по тому, насколько крестьяне дорожат землей и считают платежи легкими или тяжелыми, иначе говоря – насколько доход от земли больше или меньше связанных с ее пользованием повинностей, – в акте передела на первый план выдвигается та или другая из характерных для него сторон: он рассматривается крестьянами по преимуществу или как момент уравнивания выгод пользования землей, или как метод равномерного распределения податной тягости. Сообразно указанному различию цели передела – средства ее достижения не могут быть одинаковыми. Равномерное распределение земли как источника дохода, назначенного для удовлетворения потребностей семей, т. е. для покрытия ее расходов, не может быть достигнуто теми же средствами, что и распределение податей, покрываемых доходами. В первом случае передел имеет в виду возвысить доход семьи, дать ей средства удовлетворить потребности, во втором – он увеличивает ее расходы, облагает каждое хозяйство налогом. В первом случае поэтому мерой участия каждого члена общины (семьи) в пользовании ее имуществом должны служить потребности, во втором – платежная сила или основа ее – производительная способность. Иначе говоря, принцип уравнивания в первом

случае требует распределения земли между семьями по потребительной норме, во втором – по производительной.

Так пытаются объяснить факт распада существующих систем разверстки земли на две большие группы (разделяющиеся в свою очередь на более мелкие) с переходными ступенями между ними.

Более подробное развитие только что изложенной идеи, которое в то же время будет и описанием систем разверстки, существующих в общинах Московской губернии, читатель увидит в следующем извлечении из труда Орлова: «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии».

* * *

«За основание при переделах всяких угодий в Московской губ. везде принимается душа: каждый дом владеет наделом непременно на известное число душ и с этого числа душ платит подати. Но понятие о душе в этом случае является искусственным, и под душой разумеется не действительный живой человек, а ревизская или окладная единица, числящаяся в уставной грамоте или владенной записи». . . Душа в этом смысле является единицей меры земли, подлежащей разверстке между членами общины, и после разверстки каждая семья окажется обладательницей участка той или другой величины, обладательницей того или другого числа душ. Что же касается основания или единицы меры, определяющей величину участка или числа земельных душ, получаемых каждой семьей, таковою служит уже живой человек или его хозяйственное положение. «За такую единицу в одних общинах принимаются при переделах все наличные души м. п., в других – только мужчины, достигшие известного возраста; в некоторых же вместе с наличными душами принимаются в расчет и известные имущественные свойства отдельных хозяев». «То или другое основание разверстки является результатом хозяйственных условий, среди которых находится поземельная община. Наибольшим распространением в губернии пользуется второй вид разверстки, так наз. тягольная. Наиболее общий тип этой разверстки представляет собой раздел земли по работникам или, как выражаются крестьяне, “побратно”. При этой разверстке принимается в расчет число рабочих рук семьи. . . Обыкновенно работником считается лицо в возрасте от 18 до 60 лет; только в общинах, где существует слишком несоразмерное отношение числа окладных душ к числу наличных работников, за последних принимаются и лица, едва достигшие 16–17 лет». «Такое основание разверстки является единственно возможным и справедливым в большинстве общин Московской губ. Земля, при своем естественном малопродуктивности и при отсутствии у крестьян надлежащего удобрения, не только не дает средств для

уплаты лежащих на ней податей и повинностей, но даже не в состоянии доставить необходимые продукты для удовлетворения первых потребностей населения; в земледельческом хозяйстве крестьян почти всюду в губернии наблюдается дефицит, который обыкновенно покрывается промыслами. Понятно, что чем больше в семье работников, тем легче добыть на стороне средств для покрытия этого дефицита, а следовательно, тем справедливее навалить на такую семью соответственно большее количество мирских тягостей, хотя бы число членов этой семьи было относительно невелико». «Есть еще очень важное в хозяйственном отношении обстоятельство, заставляющее крестьян предпочитать тягольную разверстку подушной. Само собой очевидно, что, при несоответствии платежей с доходностью земли, всякий домохозяин будет стремиться к тому, чтобы свалить с себя надельную землю и тем избавиться от связанных с нею несоразмерных платежей. С изменением поэтому податного состава семьи обыкновенно требуется соответственное изменение и в распределении общинной земли. Отсюда ясно, что при большей устойчивости семейного состава двора требования нового распределения должны быть реже; при меньшей устойчивости, так сказать, при большей изменчивости состава семьи, передел должен быть чаще. Понятно, что наличная душа, при громадной смертности детей, представляет собой элемент менее постоянный, чем взрослый работник, а потому при подушной разверстке пришлось бы часто переделывать землю, так как требовалась бы постоянная свалка душевых наделов с одних семей и навалка на другие. Установить продолжительные сроки для переделов земли при подушной разверстке можно только там, где земля окупает платежи. Разверстка же тягольная, имея в своем основании более постоянный элемент – работника, даже при свалке и навалке тягол не вызывает собой необходимости столь частых переделов общинной земли, невыгодность которых для правильного хозяйства хорошо сознается самими крестьянами».

Самый распространенный тип тягольной разверстки – это раздел по работникам. «Все лица, не достигшие рабочего возраста или вышедшие из него, освобождаются от надела, а вместе с тем и от всех платежей, лежащих на обществе. В некоторых обществах существуют отклонения от этого общего типа тягольной разверстки. Отклонения эти заключаются в том, что к участию во владении землей, вместе с тем и к мирским платежам, привлекаются лица, не достигшие рабочего возраста и переступившие его. Однако везде участие это неодинаково с взрослыми рабочими»: такие полурабочие получают меньший надел, нежели полные рабочие. Эта так называемая дробная разверстка встречается в обществах, где платежи слишком обременительны. «Если бы в таких обществах земля была разделена по работникам, то каждому пришлось бы платить так много, что некоторые

из них, не имеющие помощи от подростков, были бы поставлены в полную невозможность выполнить свои податные обязательства. Дробная разверстка крайне невыгодна для хозяйства: постоянная складка и накладка душ, как результат приведения землевладения членов общества в соответствие с ежегодной изменяющимся семейным их составом, заставляет часто повторять общие переделы земли, а это в свою очередь влечет за собой общее хозяйственное расстройство и полный упадок хлебопашества. Впрочем, к дробной разверстке крестьяне в большинстве случаев прибегают уже тогда, когда их сельское хозяйство доведено до безнадежного состояния, когда средства для существования и уплаты податей приобретаются почти исключительно на стороне. В таком положении находится крестьянское хозяйство преимущественно фабричных районов, где главным образом и встречается дробная разверстка земли». Здесь идут на фабрику не только полнорабочие, но и дети, и старики, и это обстоятельство служит основанием для их привлечения к несению общественной тягости. Всего чаще дробная разверстка наблюдается в самом фабричном уезде – Богородском, затем в Бронницком и Можайском, отличающихся полным упадком хозяйства, и она совсем не встречается в наиболее земледельческих уездах – Клинском и Волоколамском. В остальных уездах дробная разверстка встречается очень редко и лишь в обществах с полным упадком хозяйства, где поэтому многие крестьяне, неся платежи за землю, вовсе не пользуются угодьем.

Подушная разверстка земли в чистом виде наблюдается в Московской губернии не часто и лишь в тех обществах, где доходность земли не ниже лежащих на ней платежей. Сюда относится большая часть (58) общин, окончательно выкупивших наделы (в том числе и сложная община Островская Подольского уезда, состоящая из 14 селений, Хатунская Серпуховского уезда – из 38 селений), около 100 общин бывших государственных и удельных крестьян. Гораздо более распространена система разверстки, представляющая смешанные черты тяговой и подушной. При этой разверстке каждая семья имеет право на получение земли по числу значащихся у нее в момент передела душ мужского пола; «но если какому-либо хозяину не под силу уплачивать подати за все числящиеся в его семье души, то он просит мир освободить его от одной или нескольких из них; если эту просьбу мир находит основательной – он удовлетворяет ее, а оставшиеся таким образом свободные наделы наваливает на более сильных хозяев, например, таких, у кого много скота, или благоприятное отношение рабочих членов к нерабочим, или существует выгодный местный промысел и т. п.». Смешанная разверстка земли практикуется почти половиной общин бывших государственных и удельных крестьян, именно теми из них, где доходность надела более или менее приближается, но не достигает размера платежей.

Обращаясь к местностям России, подвергшимся земско-статистическому исследованию, мы увидим, что это построение Орлова в общем находит себе подтверждение; так, связь систем разверстки земли с ее доходностью доказывается тем, что разверстка земли по производительной норме распространена по преимуществу среди помещичьих крестьян, надел которых больше обременен платежами, нежели надел государственных или удельных крестьян, у которых поэтому рассматриваемая система разверстки встречается лишь в общинах с особенно плохой почвой; что и среди помещичьих крестьян она пользуется широким распространением в местностях с неособенно хорошей почвой; в чисто же черноземных районах (южные уезды Тамбовской, Рязанской губерний, в Курской губ. и т. д.) господствует подушная разверстка, и лишь немногие общины практикую потягольную; наконец, что с течением времени и с изменением отношения платежей к доходности земли в пользу последней системы разверстки земли по производительной норме, принятые после освобождения помещичьими крестьянами, постепенно превращаются в системы разверстки по норме потребительной¹.

Но если в общем новейшие исследования подтвердили правильность построения Орлова относительно связи систем разверстки земли с ее доходностью, то они же доказали и существование других факторов, влияющих на принятие той или другой системы разверстки и изменяющих вышеуказанное отношение между характером системы разверстки и доходностью земли. Существование таких факторов признается и Орловым для Московской губернии, но как причин случайных. Так, например, в Алешинской и Усмерской волостях *Бронницкого* у. при очень плохой почве земля разверстана между членами общины не по работникам, как бы это следовало по теории, а по ревизским душам. Причины указанного несоответствия системы разверстки хозяйственным условиям местности заключается в том, что ревизская разверстка выгодна здесь для кучки состоятельных крестьян-мастерков, на которых в качестве ткачей работает остальное население; выгодна же она им тем, что дает возможность снимать в аренду за бесценок наделы бесхозяйных крестьян, между тем как при переделе земли по работникам им бы пришлось взять на себя землю за казенные, несоразмерные платежи.

В других исследованных местностях факторами, нарушающими правильность построения Орлова, являются уже не такие случайные причины, и результатом совокупности обстоятельств, оказывающих влияние на при-

¹ До известной степени в стороне от указанной связи стоит система разверстки земли по дворам, практикуемая в татарских общинах *Крыма*, армянских – *Ростовского* у., иногда в русских, напр., в *Свияжском, Егорьевском, Калязинском* у.

нятие той или другой системы, является факт, что эти системы не только оказываются нередко не соответствующими построению Орлова, но и характеризуются гораздо большим разнообразием и подвижностью, чем какие наблюдаются в Московской губернии. Причины указанного различия общины Московской губернии от других местностей центральной России приблизительно заключаются в следующем.

1) Задачей общины в Московской губернии является равномерное распределение между всеми не столько преимуществ, сколько тягот, связанных с пользованием землей; а эта задача требует большой точности уравнения, так как значительная неравномерность легко ведет к подрыву состоятельности плательщика и через то к ослаблению платежной способности общины. За осуществлением же этой точности наблюдают наиболее заинтересованные в вопросе члены общества, требующие снятия с них известного числа душ, как только изменение семейного состава переведет их из одного ряда в другой – ступенью ниже. В местностях же, где земля окупает платежи, неточность в правильности ее распределения не имеет такого рокового характера для отдельных лиц и всей общины, почему разверстка может и не отличаться особой определенностью системы или строгостью в применении принципа, положенного в ее основание. С другой стороны, и настоящие владельцы земли стремятся здесь не отказаться от нее, как в первом случае, а удержать надел за собой, и ради этого они сопротивляются требованиям передела со стороны малоземельных членов общины и в то же время готовы идти на различные компромиссы, более или менее примиряющие интересы сторон, вследствие чего решительному перераспределению земли между членами общины, в целях возможно полного осуществления известного начала, нередко предшествуют нерешительные шаги в указанном направлении, заключающиеся, например, в передаче всех или части наделов умерших душ подросткам, работникам, а от этого возникают смешанные системы разверстки, по внешности хотя и похожие на смешанные системы Московской губернии, но отличающиеся от них как по принципу, так и тем, что в Московской общине семья, получившая надел по числу душ, произвольно отказывается от части его, которая тогда наваливается силой на состоятельного крестьянина; во-первых же, один хозяин вынужден уступить часть своего участка в пользу другого.

2) Население Московской губ. имеет на месте выгодные неземледельческие промыслы, благодаря чему крестьянин не так гонится за землей в то время, как ее доходность возросла, и до поры до времени не настаивает на изменении потягольной системы разверстки, хотя бы она и переставала соответствовать условиям земледельческого хозяйства; между тем как в других, даже нечерноземных местностях увеличение доходности земле-

дельческого хозяйства тянет к земле тех членов общины, которые когда-то бросили этот промысел, ибо ни на месте, ни в отходе большинство этих лиц не пристроились прочно к какому-либо занятию, способному конкурировать с выгодами земледелия, поставленного сколько-нибудь удовлетворительно. В силу сказанного здесь легко возникает стремление к изменению тягловых систем разверстки земли, как только хозяйственные условия делают это возможным.

3) В Московской губернии, благодаря плохой ее почве и маловыгодности земледелия, отношение между доходностью земли и платежами, на ней лежащими, существенно не изменялось во времени, почему не было надобности и в изменении системы разверстки (по крайней мере, во второй половине 70-х гг., когда Орловым производилось исследование губернии), раз приспособленной к обстоятельствам. В полужерноземной же России в первое время после реформы 19 февраля масса помещичьих крестьян тяготилась землей, многие от нее отказывались, что вызвало преобладание систем разверстки по производительной норме. В конце же переживаемого периода произошло обратное явление, имевшее результатом появление неустойчивых и неправильных систем разверстки, ибо, прежде чем произошло решительное изменение начала, лежащего в основе распределения земли, общины пытались удовлетворить одновременно старым и новым требованиям, благодаря чему образовалось много смешанных, переходных систем от потяговой разверстки к подушной.

К этим объективным влияниям присоединяются субъективные факторы, отражавшиеся на общине центральной России в смысле ослабления определенности и устойчивости систем ее разверстки, увеличения их разнообразия и нарушения той зависимости этих систем от хозяйственных условий, какая выразилась в построении Орлова.

Прежде всего, нужно сказать, что помещичье население черноземной России только теперь вырабатывает свои общинные распорядки, и прежде чем оно остановится на определенной системе их и приведет ее в соответствие с условиями места и времени, мы будем наблюдать колебания в ту и другую сторону. Сказанное приложимо и к значительной части государственных крестьян названной полосы, которые лишь недавно превратились из подворных владельцев в общинников. Что же касается остальной массы крестьян – вряд ли правильно будет утверждать, что формальная устойчивость систем разверстки должна быть для них явлением характерным и, так сказать, нормальным. Прошлая жизнь дала крестьянину-общиннику систему разверстки земли по потребительной норме, именно, по душам мужского пола, записанным в ревизию. Никто не скажет, чтобы эта система была совершенным выражением идеи, лежащей в основе распреде-

ления земли по нуждам семей, и, наоборот, есть основания предполагать, что она явилась или, по крайней мере, сохранилась до новейшего времени в известной мере искусственно. Очень возможно, что, не будь в прошлом вмешательства государства в поземельные отношения, – община представилась бы нам иной, чем мы ее видим в настоящее время. Но раз это вмешательство возымело место – возможно, что процесс эволюции идеи уравнивания прерван был посредине и станет продолжаться после того, как будут устранены задерживавшие обстоятельства. Считая землю ничьей, Божьей, государевой, зная, что ее размерами определяется благосостояние семьи, крестьянин естественно приходил к мысли о распределении этого Божьего дара между всеми, пропорционально потребностям каждого. Прежде чем путем внутриобщинных отношений успела выработаться целесообразная система этого распределения, явилась ревизия с высоким обложением податями мужской половины населения, с прирезкой земли одним только мужским же душам и со всей силой авторитета государства остановила процесс приспособления землепользования к потребностям членов общины, заставив крестьян довольствоваться той его полуравномерностью, какая дается распределением угодий по лицам одного только пола. Мы не говорим, что начало мужской души внесено в общинную жизнь государством; весьма вероятно, что последнее исходило в своих мероприятиях из того, что уже существовало в действительности; но своим авторитетом оно закрепило существующее, придало ему ту устойчивость, какой при свободном развитии общины оно, может быть, и не имело бы. С устранением же указанного влияния со стороны естественно, если прерванный процесс развития общинной идеи возобновится и рядом с душой мужского пола – единственной мерой потребности семьи в земле в дореформенной общине и современной московской – выдвинутся другие единицы, лучше соответствующие идеальным началам человеческой природы и социальному смыслу рассматриваемой формы землепользования. Вот что говорят, например, исследователи Херсонской губ. о современных явлениях в общинной жизни *Херсонского уезда*.

«В силу сложившихся в большинстве населения и издавна существовавших взглядов на равноправность по землевладению мужчины и женщины, появляющиеся в последнее время (особенно с начала 80-х годов) случаи коренных переделов вносят довольно большие столкновения взглядов и интересов. В этом отношении любопытно впечатление, произведенное переделом 1886 г. в Новом Буге. В этом небольшом местечке бывших южных вольных поселян, имеющем около 25 тысяч десятин земли, существовало до последнего времени подворная система с наследованием как сыновей, так и вдов, и дочерей умершему главе семейства. Что подворно-наследственная

система владения здесь прочно сложилась как правовой обычай, видно из того, что еще в 1871 г. на том же сходе, на котором мировой посредник вручил обществу владенную запись, состоялся приговор о разделении податной земли “на одинаковые постоянные подворные участки” – так, “чтобы каждый домохозяин по числу душ, имеемых быть наделенными землею, получил таковую при месте или на двое, смотря по желанию”. Но с 1883 г. начались разговоры в обществе о необходимости передела на живые души. Хотели сначала для “новорожденников”, т. е. новых, неревизских душ, выхлопотать у Правительства две казенно-оброчные статьи. Министерство государственных имуществ отказало в этой просьбе, и общество пришло к заключению о необходимости коренного передела мирской платной земли. После передела по душам мужского пола возник женский вопрос. Все вдовы и их наследницы, платившие подати исправно, но не получившие даже и по 2 десятины, что досталось неплательщикам, конечно, возроптали. Женщины стали усиленно добиваться своих прав на отнятые у них земли, и уже во время описания уезда, в 1887 г., в обществе существовало сильно поддерживаемое мнение, что следует дать хоть некоторым семьям с женскими наделами из толоки небольшие участки на прокормление. Этот взгляд на право женщины на наследство, может быть коренящийся в древних обычаях южной Руси, где владели родами больше, чем общинами, и переданный потомству через посредство порядков казачьего землевладения Полтавской и Черниговской губерний, служит в некоторых случаях препятствием к разделу общей земли на наличные души, ибо в нем не видят равенства хозяйств. Так, например, в Ново-Архангельском – когда почти во всех соседних поселениях совершился передел, – на сходе некоторые хозяева стали предлагать сделать то же, что у соседей, но встретили возражение такого рода: “У меня одна душа мужская наличная, а 5 девочек; чем же я их буду кормить, когда поступлюсь своей землей на общество?” Здесь даже предлагали переделить землю не по половому составу семейств, а по возрастному – так, чтобы наделная земля шла лицам обоего пола от известного возраста; но старая традиция о ревизской, следовательно только мужской, душе пересилила эти взгляды меньшинства, и последнее удовлетворилось лишь тем, что в обществе не состоялось соглашение относительно передела, и к нему не приступили. То же случилось и в Киселевке, где еще в 1884 г. предложено было на сходе произвести передел на наличные мужские души, но полного большинства не могло составить. Борьба за “девок” в этом обществе идет и до сих пор. Приведенные факты показывают, что в будущем развитие обычно правового вопроса о переделах в Херсонском уезде может разрешиться и в пользу наделения землею женщин наравне с мужчинами».

Херсонские статистики в этом возбуждении женского вопроса видят результат сравнительно равноправного положения женщины среди малорусского населения. Но кто следил за литературой общины последнего десятилетия, тот знает, что подобные же явления обнаружались в это время и в Великой России. На них поэтому нельзя смотреть, как на отражение традиционных взглядов, и естественнее предположить, что они служат признаком свежей струи в общинной жизни вообще, что ими открывается новый период в развитии общинной идеи, которое было прервано образованием крепостного дореформенного государства и возобновилось после того, как внешнее давление на общину ослабело.

В наших материалах имеются следующие данные о системах разверстки земли, основанных на признании общинной в большей или меньшей степени равноправности обоих полов в отношении пользования землей.

Каменец-Потоцкое общество бывших военных поселян *Александрийского* у. в последнем приговоре о переделе земли постановляло произвести этот раздел таким образом, «дабы земельные наделы были наделены во всей точности и правильности и чтобы наделов не превышало более, как по числу 971 ревизской души». На самом же деле земля распределялась между семьями по числу душ обоого пола: хозяйство, состоящее из 2 душ, получило 5 десят., состоящее из 4–5 душ – 10 дес., из 7–8 душ – 15 дес. В *Суражском* у., в д. Яловке (гос.), при последнем переделе земля нарезывалась на души обоого пола, с поправкой, однако, на состоятельность семьи. В с. Глинке (гос.) введена та же единица разверстки, но при этом принималось в соображение, что «в такой-то семье скоро парень женится и, следовательно, здесь прибудет едок, а потом пойдут пискуны», а также, что «в такую-то семью в нынешний год солдат из службы вернется», а «в такой-то семье парня беспрременно забреют» и т. д¹. В остальных обществах семья получает лишний сверх следуемого ей по числу душ мужского пола надел лишь в случае, если она состоит преимущественно из лиц женского пола. «Факты надела женщин землей встречаются в последнее время все чаще и чаще». Д. Рагозина (соб.) Богородицкой волости *Миценского* уезда первоначально разделила землю на все 73 живые ревизские души, затем, около 1877 г., на 82 наличные м. п., при выходе на выкуп земля

¹ Подобную предусмотрительность при распределении земли обнаруживают и общины Спас-Твердилицкой вол. *Смоленского* у., первые переделы после ревизии, в 1871–1872 гг., совершившие по душам муж. п., а в 1880 г. принявшие разверстку земли по душам обоого пола; в некоторых поселениях при этом обращалось внимание на возможные в ближайшем будущем изменения в составе семьи, способные отразиться на ее потребности в земле. Так, девушка в возрасте 15–17 лет, по физическим своим качествам имеющая основание рассчитывать на замужество и потому должствующая в скором времени уйти в чужую семью, не получала надела, тогда как парню в 18 лет его нарезали вдвойне: для него самого и его будущей жены и т. п.

была разбита на 79 ревизских наделов, которые были распределены между семьями, «соображаясь с числом едоков, т. е. принимая в соображение и лиц женского пола». Общество с-ца Мишкова (соб.) Долговской вол. начало с того, что каждые 3 года наделы умерших лиц передавало старшим неревизским душам: с 1876 г. не делили землю 7 лет, так как не могли согласиться относительно системы разверстки; наконец, в 1883 г. решили, оставив прежнее число наделов, раздавать их по семьям, сообразуясь с числом едоков, хотя и не определяя строго отношения между числом наделов и величиной семьи. В д. Н. Оптушке (соб.) до 1872 г. сохранялась тягловая разверстка; в 1872 г. земля была разделена на наличные души м. п. и постановлен приговор о производстве следующего передела через 6 лет; по несогласию, однако, старая разверстка земли сохранялась неизменной в течение 12 лет, а в 1844 г. общество решило разделить землю строго по числу едоков, полагая 2 надела (старых) на 5 лиц обоего пола; для достижения большей уравнительности наделы разбивались на четверти, даже восьмые доли. В *Елецком* уезде передел земли «по кормежам» имел место в следующих общинах. Д. Плоты (соб., 55 дв., надел 3 дес. на рев. д., 3,2 дес. на наличную м. п.) Ястребинской вол. в 1869 г. переделала земли по наличным душам м. п., а в 1879 г. – по душам обоего пола; д. Паниковец (соб., 15 дв., земли 2,5 дес. на рев. д., 1,7 дес. на наличную м. п.) Воронецкой вол. в 1883 г. разверстала землю по душам обоего пола, обращая внимание и на возраст едоков; д. Подмонастырская (госуд., 42 дв., земли 3,7 дес. на ревизскую д., 2,3 дес. на наличную м. п.) Ламской вол. приняла разверстку по кормежам в передел 1884 г. (раньше она практиковала ревизскую разверстку). Община Изубриевка 1-я Сергиевской вол. при переделе по наличным душам мужского пола в 1883 г. некоторым семьям недодала земли по этому расчету по той причине, что, распределяя наделы, она соображалась и с кормежом. В некоторых общинах приближение к распределению земли по едокам до известной степени достигается свалкой и навалкой душ. Так, д. Новоселка Ястребинской вол., составлявшая до 1869 г. одну общину с д. Плоты, а после разделения, совпавшего с переходом от издельной повинности на оброк, принявшая, как и последняя, наличную разверстку земли, сделала тогда же постановление: через каждые 3 года, оставляя то же число наделов, распределять землю по кормежам, по усмотрению общества. В одной из помещичьих общин с. Егорьевского (28 дв.) и Блинцовке (17 дв.) Ястребинской вол. практикуется свалка-навалка душ с обращением внимания на «кормежи»; в д. Пальни (соб., той же волости) при свалке-навалке принимается во внимание весь состав семьи, хотя преимущество отдается мужскому полу. Распределение снимаемых наделов по «кормежу» производится в с-це Анненском (соб., 16 дв.) Сергиевской

вол. и может быть в некоторых других общинах *Елецкого у.*, сведения о которых не отличаются достаточной определенностью. В *Рязанском у.* в некоторых обществах, где землей дорожат, при переделах принимают во внимание всех едоков; в наиболее установившемся виде это наблюдается в общинах государственных крестьян Рыковой слободы (284 дв.) и Коростове (204 дв.) Солодчинской вол. В некоторых других общинах думают перейти к такой же разверстке. С. Новоселка (госуд., 600 дв.) решило в 1881 г. переделить землю «по живым душам, давая землю и на девок». В некоторых обществах та же цель достигается при помощи частных переделов; так, в государственных общинах Астроминской волости – Глебове (122 дв.), Юрасове (106 дв.), Путкове (82 дв.) и Рубцеве (61 дв.) – ежегодно наделы умерших душ (последний общий передел здесь был при X ревизии) «стараятся передавать семьям с наибольшим числом малолеток, отдавая предпочтение мальчикам перед девочками».

В *Моршанском у.* в помещичьей общине Малая Морша ежегодно производится уравнивание душевых наделов, главным образом, по числу едоков и частью по числу работников. В *Шацком у.* в помещичьих общинах при разверстке земли иногда принимается в расчет все число едоков. В общине временно-обязанных крестьян с. Арги каждые 10 лет производится уравнивание земли по числу едоков¹. В Кошаковской вол. *Казанского у.* при последних переделах земли по наличным душам (у государ. и удел. кр.) землю получали иногда и семьи, состоящие только из лиц женского пола, при условии, чтобы женщина могла справиться с землей и податями. Наделение женских семей наблюдается также в *Тетюшском* и *Лаишевском у.* В 38 помещ. общинах *Васильского у.* «распределение наделов производится по усмотрению общества, в зависимости от числа едоков, их возраста и общей исправности домохозяйств. В *Калязинском у.* 2 общ. гос. кр. разверстывают землю по едокам»².

¹ В *Кирсановском у.* помещичьи крестьяне с. Соколова (183 дв.), прежде чем переделали землю по наличным душам м. п., испытали несколько разверсток, в том числе и разверстку по душам обоого пола. При получении надела они распределили землю по работникам, с возвышением ценности земли многие хозяева стали требовать себе земли по числу значащихся у них ревизских душ; «община стала распределять наделы пропорционально числу едоков в каждой семье; выходило приблизительно по 2 надела на 5 едоков. Ежегодно приходилось менять раскладку, и это не обходилось без ссор». Чтобы прекратить их и отменить ежегодную переделку наделов, общество решило произвести коренной передел по наличным душам м. п.

² В местностях, к которым относятся случаи переделов по душам обоого пола, приведенные на предыдущих страницах, эти случаи представляются все-таки исключениями из общего правила, заключающегося в том, что единицей при распределении земли принимается наличная душа мужского пола. Исследование семи волостей *Тульского у.* в начале 80-х гг., когда оставление ревизской разверстки (государственными крестьянами) только что начиналось, – показало, что все 7 обществ Анишинской и Денисовской волостей (первые в районе 7 исследованных волостей, совершившие передел в 1880–1881 гг.) разверстали землю по душам обоого пола.

Признание права на надел за женской половиной населения представляет одну сторону прогрессивного течения в современной общине, проявляющуюся в случаях, когда земля с избытком окупает лежащие на ней платежи, и потому увеличение участка является безусловно желательным для каждого члена общины. При противоположном условии, – когда надельная земля, за которую приходится платить выше ее стоимости, для большинства домохозяев является тягостью, от которой они рады отказаться, почему община вынуждена практиковать системы принудительной разверстки земли, или принимая определенное, точно измеримое, основание для наделения землей (например, рабочую силу), или распределяя ее по оценке экономической состоятельности членов общины – но в обоих случаях, повторяем, принудительно, – прогрессивное течение выразилось в том, что элемент принудительности иногда низведен до *minimum'a*, а главную роль при распределении земли стало играть личное решение каждого члена о том, какое количество общинной земли он считает возможным взять на свою, так сказать, ответственность без опасения расшатать хозяйство.

Так, в некоторых деревнях так наз. Мещерского края *Рязанского у.*, где земля не окупает лежащих на ней платежей (в особенности в Ушмарской вол., крестьяне-собственники), в последнее время «от практиковавшейся там потягольной разверстки (по имущественной состоятельности) стали переходить к разверстке “по согласию” или “по милу”. Каждый домохозяин заявляет на сходе, сколько “душ” (вернее – долей) мирской земли он хочет взять. Заявления эти разбираются миром»: кто берет на себя земли не по совести – меньше, чем может осилить, – мир еще накидывает ее ему. После этого «земля разбивается по числу получивших таким образом “душ”, которые ничуть не похожи на участки земли, приходящиеся на надельные души, и выражаются обыкновенно в виде дробей с большими и несократимыми числителями и знаменателями». В д. Фролове, например, надельных (ревизских) душ 71, а раскладочных долей 69,5; «т. е. каждая вновь полученная доля земли, выраженная по отношению к надельным участкам, равна 69,5:71». «Очевидно, что при таком полюбовном переделе мирской земли достигается наибольшее соответствие между силой домохозяйства и накладываемой на них тяготой: сам домохозяин, при добросовестном отношении к делу, вернее определит свою хозяйственную мощь». Подобный же способ распределения земли практиковался при недавних переделах и некоторыми общинами *Острогожского у.*, где вследствие непрерывных неурожаев в общинах с малоплодородной почвой за последние

3 года особенно усилилось несоответствие между высотой обложения и доходностью земли. Здесь новая система разверстки, по-видимому, заменяет ревизскую. В списке, составленном, например, для передела 1885 г. в сл. Дерезоватой (госуд.) Новокалитвянской вол., «против каждого хозяина стоит пять граф, из которых в первой значится, сколько за хозяином числилось ревизских душ, во второй – сколько у него всех наличных душ мужского пола, в третьей – на сколько душ он выразил желание взять земли, в четвертой – сколько душ прибавило ему общество и, наконец, в пятой – итог числа душ, следуемых и назначенных хозяину при переделе. Как видно из проставленных по этим графам цифр, 102 хозяина взяли земли на столько душ, сколько следовало им по количеству наличного мужского населения, именно 257; 67 хозяев взяли земли на 177 душ вместо следовавших им по количеству населения 268 душ, т. е. на 91 душу меньше; 18 хозяев назначили себе 37 душ, а общество прибавило им еще 21 душу; 3 хозяина взяли 12 душ или 3 больше, нежели числилось у них мужского населения; наконец, 46 хозяевам как лицам отсутствующим и бесхозяйственным земли совсем не дано». Одиннадцать обществ государственных крестьян *Вяземского у.*, раньше практиковавших ревизскую разверстку земли, в передел 1872–1876 гг. приняли также систему, которую мы теперь рассматриваем. «Указанным общинам предстояло при переделе разверстать значительное количество земли, брошенной лицами, ушедшими на более выгодные заработки и промыслы, и которой никто не дорожил; это и определило характер разверсточного основания. “Земля вольная”, бери сколько хочешь и можешь обработать. Поэтому на сходе каждый свободно заявлял, на сколько душ надо ему земли, и получал заявленное количество. Земля делилась на произвольное число разверсточных единиц (душ), сумма которых равнялась сумме требований. Сход не справлялся, по-видимому, мог ли желающий обработать столько земли, сколько просил, или он мог бы обработать больше того, что брал. На это случай только в приговоре о переделе замечено, что у неисправных плательщиков надел будет или совсем отобран, или уменьшен». В этом случае элемент принуждения, по-видимому, совершенно отсутствовал и каждый хозяин получил столько земли, сколько сам пожелал взять. Если описание сделано полно, то нужно думать, что землей здесь стали дорожить настолько, что она была разобрана вся по доброй воли, и на миру не осталось наделов, которые бы ему предстояло пристроить принудительно.

Бахмутский у. представляет новый случай стремления крестьян сочетать интересы общества с интересами отдельных его членов при возможно меньшем насилии первого над вторым. Земля здесь окупает платежи, но, по-видимому, не представляет такого интереса, чтобы каждый

член общества стремился получить ее при переделе в возможно большом количестве; причиной этого, кроме свойств почвы, служат, может быть, и развитие здесь в последние годы каменноугольной, соляной и др. промышленности, открывшей населению возможность получить выгодные заработки вне земледелия. По той или другой причине, но когда, с начала 80-х гг., в обществах Бахмутского у. появилось стремление изменить существовавшее до тех пор распределение земли по ревизским душам, очень многие из них – сохраняя ли *de jure* ревизское начало, или принимая за единицу разверстки наличную душу работника – разверстывали надельную землю только между семьями, заявившими желание пользоваться ею на общем основании, но в разверстку пускалась при этом не вся общинная земля, а лишь часть ее, соответствующая числу надельных единиц в семьях, заявивших желание участвовать в разверстке; оставшая же площадь отдавалась желающим пользоваться ею за подати (иногда в аренду, по вольной цене), в большинстве случаев без различия своих от посторонних, живущих в селе, но при условии надежности в уплате податей¹. Двенадцать же обществ государственных крестьян разверстывают между семьями, пожелавшими пользоваться наделом, всю площадь общинной земли, но распределяют ее не по какой-либо однообразной норме, а по тому самому «милу», с которым мы только что познакомились в других местностях.

«Сперва здесь, как и везде в уезде, делили землю по ревизским душам, а с начала 80-х гг. перешли к настоящей разверстке. Перед разделом земли составляется на сходе “список” хозяев, как надельных, так и приписанных к обществам без земли, а в некоторых селениях даже посторонних лиц, живущих в селении, выразивших желание пользоваться общинной землей. Каждый из таких хозяев заявляет, сколько паев (величиной равняющихся приблизительно площади ревизского душевого надела) желает он взять, а общество соображает – по силам ли ему обработка и оплата повинностей за требуемый им участок – и в случае надобности изменяет его. «Имеющие сравнительно много скота, но желающие взять немного земли, обязываются (во всех, кроме одной общины) брать больше, дабы скот их не пасся на неоплаченной земле. По составлении разверсточного списка, приступают к разделу земли в натуре, по числу оказавшихся по подсчету паев. Так как число это при всяком переделе изменяется (переделы в Бахмутском у. бывают года через 3), то соответственно этому изменяется и самый размер пая или надела». Настоящий порядок разверстки является наисовершеннейшим в уезде, продолжает г. Кузнецов. «При нем землей не воспользуется только дурной хозяин, самый неисправный и ненадежный плательщик

¹ Переделы здесь совершаются часто.

налогов, разорившийся по разным несчастным случайностям или от нерадения или, наконец, занимающийся чем-нибудь, помимо земледелия».

Итак, разверстка земли «по милу», «по согласию», при которой устраняются все формальные основания распределения земли между семьями и на первый план выступает собственное, более или менее свободное решение самих наделяемых, практикуется в общинах, где земля – по ее малопродуктивности сравнительно с платежами или по социальным причинам – не представляется настолько привлекательной, чтобы огромное большинство членов общины стремилось заполучить возможно большую площадь общинного угодья. При таких условиях разверстка земли по какому-либо формальному началу дала бы в руки многих хозяев землю, с которой они не знали бы, что делать; принятие же разверстки «по милу» (а также и других, распространяющихся в последнее время в Бахмутском у., при которых от воли хозяина зависит, брать или не брать надел) в значительной степени смягчает, хотя и не устраняет вполне, такое положение¹.

Если рассмотренные влияния имеют следствием только увеличение разнообразия систем разверстки, не нарушая, а развивая дальше начало, усмотренное Орловым за пестрой картиной конкретных фактов, то есть другие, прямо противоречащие теории, построенной названным исследователем. По мысли Орлова, трудовое начало принимается общиной за главное тогда, когда речь идет о распределении между всеми тягостей, связанных с владением землей. Где же земля дает чистый доход, там мерой надления каждого служит не его производительная способность, а потребности семьи. В общем, это верно и для остальной России, но высказанное правило имеет и исключения, и притом не случайные, какие указаны самим Орловым для Московской губернии и какие найдутся в других местностях², а, так сказать, принципиальные. Есть немало общин, принявших в принципе потребность в прокормлении за правомерное начало при распределении земли, но отводящих ее не всем лицам мужского пола, а начиная с известного возраста или наделяя разные возрасты неодинаковым участком земли (*Васильский, Макарьевский* уезды). Иногда это есть компромисс, путем которого склоняются к переделу семьи, имевшие много ревизских душ и мало наличных, которые к тому же вышли из детского возраста. Иногда же это бывает результатом того соображения, что новорожденный мальчик имеет много шансов не выжить дольше первого-второго года и от-

¹ В некоторых общинах *Острогжского* у., не отличающихся хорошей почвой, малосильные хозяева могут сдать часть своего надела на общество и в то же время снять в аренду общинную землю за цену, не достигающую высоты платежей (см. гл. VII).

² В волостях *Жуковской, Морозовской и Городищенской Вяземского* у., с наилучшей в уезде почвой, до последнего времени господствовала потягольная разверстка земли, что самими крестьянами объясняется привычкой к этой системе, унаследованной от крепостного времени.

ведение ему надела на 8–10 лет нецелесообразно; что ребенок потребляет меньше взрослого, и потому его не следует ставить на одну доску с последним и т. д. Это отсекание младших возрастов простирается иногда до того (см. *Саратовский, Царицынский* и др. уезды), что наделению землей надлежит только взрослые мужчины, и здесь мы не можем не видеть предпочтения, отдаваемого миром трудовому началу над простым потребительным, предпочтения, понятного там, где население живет земледелием, а между тем земли мало и рабочая сила хозяина является главнейшим, если не единственным источником извлечения дохода из земли.

В других общинах (см., например, *Суражский, Александрийский* у., а также те, где помещичьи крестьяне применяют неопределенные, смешанные разверстки) разверстка земли основывается сразу на двух началах: потребности семьи в продовольствии и ее способности обработать землю и не запускать подати. Впрочем, таких общин, которые, имея хорошую землю, распределяли бы ее по производительной, а не потребительной норме, сравнительно немного. В огромном же большинстве случаев, где при сказанных условиях имеет место передел, он совершается по всем душам мужского пола, с исключением иногда малолетних.

В pendant к вышеприведенным случаям пренебрежения общиной потребительного начала и выдвигания на первый план труда как правомерного принципа при решении вопроса о распределении между семьями преимуществ, связанных с владением землей, можно привести другой ряд случаев, где община недостаточно внимательна к слабосильным семьям, недостаточно строго держится начала привлечения к тягостям землепользования лишь трудоспособной части своих членов и распределяет по наличным душам землю, не окупающую платежи. Мы видели пример этого в Алешинской и Усмерской волостях *Бронницкого* у.; подобные же случаи наблюдаются и в других местностях: так, в некоторых, преимущественно татарских, общинах *Бугульминского* уезда «мир, будучи не в силах справиться с платежами, насильно наваливает надель на все наличное население, вследствие чего маломощные члены общины должны сдать свои надель тотчас за их получением более сильным домохозяевам из-за одних платежей». Здесь община, собственно говоря, не наваливает на малосильного члена бремени, так как полученный надел последний, как мы видим, может передать другому со всеми платежами. Она только возлагает на него обязанность позаботиться о том, чтобы надел был передан в руки, способные оплатить подати, и ответственность за недоимку.

Ограничимся этим общим очерком существующих систем разверстки мирской земли, а для подробного ознакомления с ними отсылаем читателя к нижеследующему своду материала по этому вопросу.

Общества *Херсонской* губ. по принятым у них единицам разверстки распадаются следующим образом¹:

Система разверстки	Б. помещ. кр.					Б. государ					Б. воен. пос.			Колонисты-болгары Тирасп. у.	Всего	
	Одесский	Елизаветградский	Александрийский	Тираспольский	Херсонский	Одесский	Елизаветградский	Александрийский	Тираспольский	Херсонский	Елизаветградский	Александрийский	Херсонский			посады Херсонск. у.
Ревизская	109	515	357	158	204	10	31	23	28	51	52	46	16	2	–	1602
Наличная	–	–	–	–	1	5	–	–	11	15	–	–	5	4	1	42
Смешанная	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	–	3	–	–	7
«По состоянию»	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	–	–	6
«По совести»	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	–	6
По едокам	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1

В числе общин с ревизской разверсткой в *Херсонском* у. находятся 2 помещичьих, 2 государственных и 1 общество военных поселян, где земля разверстывается на живые ревизские души. Все общества государственных крестьян, переделавшие земли по наличным душам, – старые, искони государственные. Старых сел б. государственных крестьян насчитывается в *Одесском* у. 5, *Елизаветградском* 1, *Александрийском* 2, *Тираспольском* 31, *Херсонском* 30. Остальные общества б. государственных крестьян составлены из б. помещичьих, которые перешли в казну от мелкопоместных владельцев или образованы в промежутки времени с конца 50-х гг. по 70-е гг. текущего столетия дворовыми, отставными солдатами, однодворцами юго-западного края, выходцами из Бессарабии и т. п. Этим последним новым обществам насчитывается в *Одесском* у. 7, *Александрийском* 6, *Тираспольском* 5, *Херсонском* 35 (*Елизаветградском* неизв.). К смешанной разверстке отнесены нами, между прочим, случаи переделов в 3 обществах военных поселян на наличные ревизские души с выдачей неревизским хозяевам уменьшенного надела. Относительно 4 обществ государственных крестьян, включенных в эту группу, мы не можем, наверное, утверждать, что надел здесь получили только живые ревизские души, а неревизские не были наделены только убылой землей. Разверстка земли

¹ Наша группировка отличается от группировки «Материалов» (см. гл. IV).

«по состоянию» (как выражаются сами крестьяне) принята военными поселянами *Елизаветградского у.*, по словам «материалов», с одной стороны, «благодаря сравнительно лучшему обеспечению землей (на наличное хозяйство приходится по 12,4 дес.), а с другой, потому что всеми общественными делами заправляют здесь богачи («дукари»), которым выгоден подобный дележ земли, а не дележ по наличным душам, при котором им бы досталось меньше земли, а недостающую по размерам их хозяйства площадь они должны были бы снимать у односельцев за более высокую плату. Коренные переделы в 6 обществах бывших военных поселян *Александровского у.* совершаются не по какой-нибудь определенной норме, а, выражаясь словами крестьян, «по совести», принимая во внимание и нужду в земле, и производительную способность хозяина, и его платежные средства. В Цыбулевском обществе по приговору ревизские хозяйства сохраняют старые наделы (5 дес.), а «новоженцы» – меньше (3,5 дес.) из выморочной земли; на практике же здесь применяется та же совесть, что и в других обществах. Производство передела по совести в Новогеоргиевском общ. поручено было 12 выборным.

При наличной разверстке в общинах *Тираспольского у.* «единицей для наделения принята душа мужского пола от одного года или родившаяся ко дню, означенному в приговоре». В *Херсонском у.* при наличной разверстке земля дается всем лицам м. п., иногда с исключением малолеток; в с. Троицком (пом.) при переделе 1886 г. выключены мальчики до 5 л., отчего живых наличных душ получилось столько же (541), сколько было ревизских. В некоторых обществах количество земли, полученное хозяевами при переделе по наличным душам, несколько отстает от числа последних. Так, в селе Шолоховом

имевшие 1 наличн. д.	получили 4 дес.	
имевшие 2 наличн. д.	получили 8 дес.	
имевшие 3 наличн. д.	получили 11 дес.,	а не 12
имевшие 4 наличн. д.	получили 14 дес.,	а не 16
имевшие 5 наличн. д.	получили 17 дес.,	а не 20
имевшие 6 наличн. д.	получили 20 дес.,	а не 24
имевшие 7 наличн. д.	получили 23 дес.,	а не 28
имевшие 8 наличн. д.	получили 26 дес.,	а не 32
имевшие 9 наличн. д.	получили 29 дес.,	а не 36

Общества материковых уездов *Таврической губ.* по единицам разверстки распределяются следующим образом:

Система разверстки	Б. помещ.			Б. государ.						Всего
	Мелито- польский	Днепровский	Бердянский	Мелито- польский		Днепровский		Бердянский		
				старые	новые	старые	новые	старые	новые	
	Число общин									
Ревизская	28	35	4	10	8	10	22	1	13	131
Наличная				31	13	10	5	31	9	99
Смешанная				3	4		1	10	15	33

Из числа общин государственных крестьян с ревизской разверсткой земли 3 общины (новые) *Днепровского у.* переделают землю по ревизским душам, находящимся налицо, а с. Второ-Константиновка (новое, населенное выходцами из Бессарабии) с 1876 г. владеет землей по живым ревизским душам. Из 18 общин государственных крестьян с ревизской разверсткой земли в *Мелитопольском у.* 2 польские и 5 русских (2 старые и 3 новые) всегда пользовались землей по ревизским душам: из них 4 русские общины принадлежат Акимовской волости, пограничной с немецкими колониями, и населены больше, чем наполовину великороссами, одна (с. Н. Богдановка) образована в недавнее время черниговскими крестьянами: 10 русских общин государственных крестьян и одна – польская перешли к ревизской разверстке земли от наличной в период времени с 1878 по 1883 г. В *Бердянском у.* 7 общин (новых) всегда держались ревизской разверстки земли, остальные перешли к ней от наличной или смешанной системы в период времени с 1883 по 1885 г. В *Днепровском у.* такой переход наблюдается в 6 общинах (новых). Все 5 молоканских общин *Бердянского у.* (3 старые и 2 новые в 14 и 51 двор) практикуют наличную разверстку наделов. С. Матвеевка (старое) Михайловской вол. *Мелитопольского уезда* в 1872 и 1878 гг. переделило землю по наличным душам, а в 1884 г. возвратилось к разверстке земли по душам 1872 г. под предлогом неправильного будто бы передела в 1878 г. Смешанная разверстка земли в *Мелитопольском у.* применяется 3 русскими, 2 польскими и 2 болгарскими колониями. Из 5 польских колоний, образованных в 60–70-х гг. текущего столетия однодворцами и чиншевицами юго-западного края, три совершили уже по 2–3 передела; в с. Константиновке, практикующей ревизскую разверстку земли, набралось уже больше половины хозяев, желающих передела земли по наличным душам. С. Косаговка (образована в 1883 г.), получившее по 6,5 дес. на душу, хотя и разделило их на души, но на сходе было заявлено, что «каждый останется на том же наделе, какой получил; пусть наши безземельные дети промышляют себе землю, как и мы

промышленяли». Помещичья община с Михайловки Красной вол. постановила в 1884 г. приговор о переходе к подворному владению земель. При наличной разверстке землю получают в *Днепровском* и *Мелитопольском* уездах все души мужского пола (в последнем – родившиеся до Семенова дня – 1 сентября – того года, когда совершается передел), исключая с. Костогрызово *Днепровского* у., где земля дается взрослым и мальчикам начиная с двухлетнего возраста.

Общин христиан в *Крыму* 83, в том числе 71 русских, 6 эстонских, 2 греческих, 2 богемских, одна чешская и одна немецкая. По разрядам крестьян они распределяются следующим образом:

	Симферополь- ский у.	Феодосий- ский у.	Евпаторий- ский у.	Перекоп- ский у.	Всего
Общин государ- ственных крестьян	11	9	10	12	42
Общин помещ. на полном наделе	5	13	1	1	20
Общин помещ. на дарствен. наделе	13	4	4	–	21

Помещичьи общины и 8 государственных образованы в первую полови-
ну XIX века; остальные – между 1855 и 1866 гг.

Общество собственников с. Джепарь Шейк-Монахской вол. Феодосий-
ского у. по причине неотмежеванности надельной земли от соседних владений
пользуются землей на правах захвата, «невыносимого для хозяйственно слабых
членов общества». Остальные общины владеют землей по ревизским душам;
последний передел в старых общинах был после X ревизии, в молодых – при
возникновении селения. Исключения представляют чешская община Алек-
сандровка Перекопского у., после переселения части крестьян разверставшая
в 1869 г. землю по ревизским душам; с. Зуя Симферопольского у., переделив-
шее в 1883 г. по ревизским душам урочище Погорелов, состоявшее в подвор-
ном пользовании, имевшем в прежнее время основание в подворном отбывании
крестьянами многих натуральных повинностей; д. Барабановка, разверставшая
недавно подворно 182 дес. земли, купленной на деньги от продажи на сруб ча-
сти леса, издавна состоящего в подворном пользовании членов общины. В двух
общинах государственных крестьян Феодосийского у., Изюмовке и Емельянов-
ке, в последние годы началась агитация в пользу наличной разверстки земли.

В большей части татарских общин *Крыма* пользование пахотной землей,
как и другими угодьями, основывается на праве первой заимки. При этом во
многих общинах это пользование, кроме того, и бесплатное, в других же заняв-
шие землю вносят в кассу общества определенный сбор хлебом, который про-

дается стариками с торгов или по частному соглашению кому-либо из однообщественников, и вырученная сумма обращается на покрытие податей и разных общественных расходов. Так, в селах Бокал и Канджалей Биок-Асской волости Евпаторийского у. за пользование землей платят обществу $\frac{1}{10}$ урожая зерна и, кроме того, в с. Бокал $\frac{1}{5}$ урожая сена, а в с. Канджалей – с крупной скотины по 50 коп., с овцы 10 коп. Собранная сумма идет на общественные расходы, причем недостающая сумма в с. Бокал раскладывается на скот. В двух селениях Ишуньской вол. Перекопского у. землю могут занимать и посторонние бесплатно, а платежи раскладываются по скоту; в одной общине посторонние платят по 5 руб. со двора. В Феодосийском у. в 12 селениях Таракташской вол., где большая часть пахотной земли перешла в частную собственность отдельных семей, за пользование общественной землей даже посторонними не взыскивается никакой платы. Здесь даже хозяева, имеющие собственные полоски, если почему-либо в данном году их не запахивают – предоставляют засеять их другим бесплатно. «На вопрос – почему не берут скопщины, такие собственники всегда отвечали, что нет такого обычая, что все равно земля будет лежать даром, отчего же не дать воспользоваться ею члену своего общества». В с. Селине Шейх-Монахской вол. за пользование общественной землей взыскивается $\frac{1}{5}$ часть сбора, в д. Биэли Салынской вол. – $\frac{1}{10}$ часть. В Катырша-Сарае и Бахчи-Эли Салынской вол. площадь, вспаханная всеми хозяевами (членами общины и посторонними), подвергается измерению, и сумма распаханых десятин делится на число дворов, имеющих право на землю. «Частное, полученное при таком делении, принимается за норму бесплатной подворной запашки, а потому хозяин, вспахавший больше этой нормы, должен с излишка дать скопщину, которая разделяется между теми дворами, которые почему-либо не сеяли на общественной земле». В Симферопольском у. в с. Дуванном землю могут занимать бесплатно члены общества и посторонние; в с. Сюйрутам, имеющем очень немного и притом плохой пахотной земли, последняя находится в пользовании бедных дворов (богатые имеют собственную землю), уплачивающих за нее обществу десятину.

Несколько общин уже регулируют землепользование путем разверстки пахотной земли по числу дворов или душ. Большая часть таких селений находится в Мангушской вол. Симферопольского у. Разверстка по дворам принята 7–8 общинами Симферопольского у. и д. Барык Феодосийского у.; разверстка по душам принята двумя новыми и получившими землю по числу душ общинами Перекопского у. и с. Мангуш Симферопольского у. – смешанным, из русского (162 дв.) и татарского (30 дв.) населения. До X ревизии земля этого общества была разбита на 3 части: одна находилась в пользовании татар и разверстывалась поровну между дворами, другая делалась по ревизским душам в среде русских, третья (прежде служившая выгоном) разверстывалась между теми и другими по ревизским душам. В 60-х гг. после выселения

66 душ татар в Турцию был произведен передел всей земли по ревизским душам, а в настоящее время поднят вопрос о переходе к наличной разверстке. Небольшая деревня Шамек (12 дв.) Курман-Аджинской вол. Евпаторийского у. разверстывает землю по рабочей силе, а платежи раскладывает на скот. В с. Калымата Дуванной вол. Симферопольского у. 30 дес., находящихся под пашней, разверстывается между безземельными своими и посторонними, уплачивающими за нее обществу $\frac{1}{10}$ часть урожая. Посторонние лица допускаются к пользованию общественной пашней в этом уезде по разверстке в с. Тиберти, Карасусской вол., с. Азек (за плату 2 руб. с двора), с. Малые Кабази (где они платят 2 руб. за $\frac{1}{2}$ дес.) и др. Мангушской вол. В с. Тиберти землю имеет право получать лишь общинник, имеющий возможность вспахать землю единолично или при помощи супруги. Вследствие большой пестроты почвы здесь определяют плату за нее следующим образом: нарезав пашню на число полос, равное числу хозяев, назначают арендную плату за каждую, соответственно свойствам почвы, после чего распределяют полосы по жребию¹.

В Ростовском у. (год исследования 1883-й) 12 обществ бывших помещичьих крестьян получили одни усадьбы, 1 (теперь мещане) четвертной надел. Во всех 72 общинах бывших помещичьих (не считая 12, получивших одни усадьбы) и в 21 б. государственных сохраняется старая, ревизская разверстка; в общине мещан (Ейское Управление) земля разверстывается по живым ревизским душам, в 5 армянских общинах земля делится поровну на все домохозяйства, но большинство дворов получают прибавку, благодаря чему здесь встречаются семьи, имеющие до 3 ярем (так называется дворовый надел, но этим же термином обозначается и мера земли, равная $\frac{2}{3}$ казенной десятины).

С 1883 года, когда по решению окружного суда армянская дача уезда была размежевана между пятью сельскими и Нахичеванским городским армянским обществом по душам V ревизии, в некоторых армянских обществах стало заметно стремление к замене подворного надела наделом на ревизскую душу и «есть основание полагать, что с производством новой ревизии переделы будут производиться по числу ревизских душ, хотя значение ярма как семейного надела не может совершенно утратиться, а будет только согласовано или соразмерено с ними. Об этом можно судить по примеру с. Крым, где были уже опыты такого согласования, причем на одну ревизскую душу отводилось обязательно $\frac{1}{2}$ ярма, принимаемого в вышеуказанном смысле».

¹ «Татарской общине чуждо понятие схода как собрания представителей всех самостоятельных дворов... Органом самоуправления служит здесь собрание "стариков", на котором самым влиятельным членом является местный представитель духовенства, затем хаджи (лица, побывавшие в Мекке и Медине), почтенные старики и люди, сильные умом или капиталом. При решении вопросов счета голосов не бывает, нет определенных норм и относительно числа лиц, долженствующих участвовать в собрании для действительности его решений. Раз известное решение постановлено при участии в собрании уважаемых лиц – остальные члены общества подчиняются ему».

Для Бахмутского уезда (исслед. в 1884 г.) Сборник дает следующую, несколько нами измененную таблицу распределения общин по способу пользования пахотной землей и по системам разверстки:

	Бывшие помещ. крестьяне			Бывшие госуdarств. крестьяне					
	Надел								
	Меньше 4 дес.	4 десятины	Всех	Меньше 4 дес.	4 десятины	8 десятин	Больше 8 дес.	Всех	Итого
А. Запустили землю под толоку	20	7	27	—	—	—	—	—	27
Б. Имеют только усадьбу	2	—	2	—	—	—	—	—	2
В. Разверстывают землю:	—	—	—	—	—	—	—	—	—
I. По ревизским душам	73	103	176	2	3 ¹	4 ²	—	9	185
II. По ревиз. д. в семьях, желающих польз. землей, остальная земля сдается желающ. переходная разверстка	—	1	1	—	—	5	3	8	9
III. Смешанная ревизск.-неревизк.:	3	6	9	—	—	—	—	—	9
1) по живым ревиз. душам, остальная земля — желающ., а в одной общ. «наваливается» на сильных хозяев	—	4	4	—	—	—	—	—	4
2) по ревиз. душам в сочетании с работниками	—	—	—	—	—	—	—	—	—
IV. По работникам м. п. в семьях, желающ. пользоваться землей, остальная земля желающим	1	1	—	—	—	3	2	5	6
V. По наличн. душ. м. п. в семьях, желающ. польз. землей	—	—	—	—	—	—	2	2	2
VI. По числу паев, опред. заявлениями желающих пользоваться землей	—	1	1	—	—	3	9	12	13
	99	122	221	2	3	15	16	36	257

¹ Перечисленные из разряда крестьян бывших помещичьих.

² В том числе 2 общины поселян горного ведомства, всего 3–4 года как получивших надел, только что приступающих к занятию земледелием и потому не чувствующих нужды в изменении единицы разверстки. Община с. Калиновского Троицкой вол. разверстывает землю по числу окладных ревизских душ, т. е. наделяет ею всех крестьян, приписанных к обществу и платящих подушную подать, независимо от того, отведен на них надел во владенной записи или нет.

I. Из числа общин, запустивших землю под толоку, 11 сделали это по малоземелью, 16 – по причине истощения почвы. Из этих последних две общины пятую часть земли, бывшей под пахотой, разверстывают между без- и малоскотными хозяевами для уравнивания их с остальными членами общины, по обилию скота извлекающими из пользования выгоном большую пользу.

II. К переходной системе разверстки отнесены нами разверстки, принятые одной общиной б. помещичьих крестьян (200 дворов) и 8 государственных (в сумму 3580 дв.), где в разверстку между семьями, заявившими желание пользоваться землей, пускается площадь, соответствующая числу ревизских душ в этих семьях (некоторые хозяева берут и меньше земли); остальная пашня сдается желающим, хотя бы и не имеющим права на надел, даже посторонним, за денежные повинности, а изредка и в незначительном количестве в аренду, по вольной цене. Общество старается сдать землю надежным плательщикам, почему она не попадает в руки бедняков¹.

III. К смешанной системе отнесены общины, где ревизская душа (или семья) не является единственным правомерным основанием для разверстки земли, а наряду с ревизским выдвигаются другие начала. В 9 помещичьих общинах, отнесенных в эту группу, живая ревизская душа сохраняет прежнюю величину надела, часть же земли, соответствующая выбывшим и умершим душам (в с. Новоселках уменьшенная на 25%), под названием «мироплатимой», «убылой» передается изъявившим желание пользоваться ею за уплату обыкновенных земельных сборов, а в с. Клиновом Камышевахской вол. наваливается на состоятельных крестьян, с которых взывается и недоимка, лежащая на этой земле². В 4 помещичьих общинах (483 дв., беззем. 39, или 8,1%), принявших разверстку по ревизским душам в сочетании с работниками, с. Николаевка Николаевской вол. производит это так, что дает $\frac{1}{2}$ надела каждому работнику (начиная с 18 лет) в семьях, состоятельных в отношении взноса платежей, а остальную землю разверстывает по ревизским душам; в д. Васильевке Николаевской вол. семьи, имеющие ревизские души и работника, получают по 2 дес. 1620 саж.

¹ Этим обстоятельством г. Кузнецов объясняет высокий процент безземельных в рассматриваемых общинах (13,5% против среднего для помещичьих общин уезда 7,3 и 14,2 против среднего 12,1 государственных крестьян). Принимая, однако, во внимание, что земля разверстывается здесь между семьями, заявившими о своем желании пользоваться ею, почему малосостоятельные дворы, имеющие право на надел, могли бы получить его по разверстке, следует допустить, что высокий % безземельных явился именно как результат добровольного отказа крестьян от земли. Нужно полагать, что земля здесь не особенно ценится, если к пользованию ею допускаются и посторонние; тем вероятнее наше объяснение высокого % безземельных.

² В названных 9 общинах (864 семьи) безземельных 66, или 7,6%, – на 0,3% выше среднего по уезду процента безземельных в группе помещичьих общин, пользующихся пахотной землей по разделу. Сборник объясняет это тем, что малосостоятельная семья не всегда воспользуется возможностью снять мироплатимую землю, которая естественно попадает, скорее всего, в руки зажиточных крестьян как наиболее исправных плательщиков.

на ревизскую душу, а имеющие ревизские души без работника – по 1 дес. 60 кв. саж. на ревизскую душу; в с. Камышевахе и д. Викторовке пашня разверстывается по числу работников в надельных, т. е. имеющих ревизские души, семьях, с тем ограничением, «чтобы это число не превышало числа надельных ревизских душ».

IV. В помещичьем с. Ворове (125 дв.) Воровской вол., принявшем дарственный надел, во всех 3 общинах государственных крестьян Зайцевской вол. (1551 дв.) и обеих общинах государственных крестьян Луганской волости (1690 дв.) «всякий домохозяин, заявивший желание пользоваться землей, получает столько наделов или паев, сколько в его семье состоит работников начиная с 18 лет»; неисправный плательщик при следующем переделе получает меньше земли. Оставшаяся земля раздается желающим взять ее исправным хозяевам, не исключая и посторонних. В случае смерти хозяина и невозможности для его семьи обрабатывать надел, последний передается обществом до следующего передела исправному хозяину. С. Ворово приняло эту систему разверстки земли в 1884 г. по примеру государственных крестьян¹.

V. В государственном с. Селидовке (644 дв.) и Гришине (693 дв.) земля дается всем желающим пользоваться ею – как надельным, так и приписным. «На каждую наличную душу м. п. в семье полагается надел. Земля дается соответственно имущественной состоятельности семьи и ее рабочим силам». В Селидовке по числу наделов раскладывается и подушная подать².

VI. Одна помещичья община (Калинова, 129 сем., беззем. 3,1%) и 12 государственных (4463 дв.) Гришинской, Андреевской и Скотоватской вол. с начала 80-х гг. приняли разверстку земли соразмерно требованию каждого хозяина, даже приписного безнадельного, а в некоторых общинах и припленных, живущих в селении. При этом, однако, обращается внимание на состоятельность хозяина, и доля некоторых из них уменьшается против требуемой до величины, какую они в состоянии обработать и оплатить сборами; а на имеющих много скота, если они требуют мало земли, наваливается больше, дабы их скот не пасся на неоплаченном угодье. Земля считается паями неточно определенной величины, приближающейся к той, какая соответствовала ревизской душе при прежних разверстках. Отказ от надела в промежутках между переделами запрещается³.

¹ Высокий % безземельных в этих общинах (17,6% – у помещичьих крестьян, 20% у государственных), несмотря на довольно совершенную систему разверстки, г. Кузнецов объясняет близостью горно-промышленного района, отвлекающего население от земледелия.

² Число безземельных в Селидовке 2,25%, а в Гришине, обедневшем вследствие неурожая, 11,5%.

³ Безземельных при этой системе в помещичьих общинах 3,1%, в государственных 10,9% (против среднего у гос. кр. 12,1%); эта цифра была бы еще меньше, если бы не разорение крестьян неурожаями и не отвлечение многих семей Скотоватской вол. от земли промыслами и работой на каменноугольных шахтах.

Общины *Славяносербского* у. (исследованного в 1885–1886 гг.) по системе разверстки земли сгруппированы г. Пругавиным следующим образом:

Разверстка:	Помещ. кр.	Государств.	Итого
I. По ревизским душам	56 общин	10 общин	66 общин
II. Переходная по ревиз. и неревиз. душ.:			
а) жив. ревиз. д. с присоединением неревиз. работников	24 общины	2 общины	26 общин
б) ревиз. д. с передачей земли некот. умерш. д. от малосильных хозяев состоятельным, изъявивш. на то соглас.	25 общин	–	25 общин
в) то же с насильственной передачей	3 общины	–	3 общины
III. По работникам	16 общин	–	16 общин
IV. По числу желающих пользоваться землей	4 общины	6 общин	10 общин
V. Смешанная разверстка	6 общин	–	6 общин

В группу ревизской разверстки вошло 10 общин помещичьих крестьян, распределяющих землю по живым ревиз. душам. Ревизская система среди помещичьих крестьян сохраняется частью по причине отказа неревизских хозяев взять на себя наделы умерших ревизских душ, ибо они имеют возможность дешевле арендовать землю на стороне; частью по несогласию ревизских хозяев расстаться с умершими душами (где землей дорожат, главным образом в каменноугольном районе). В некоторых общинах ревизская разверстка восстановилась в последнее время, после того как – с возвышением ценности земли или уменьшением выкупных платежей путем взноса в казну денег, полученных сдачей общественной земли в аренду под разработку каменного угля, – доходность земли стала превышать сумму податей. При системе II а) наделы умерших ревизских душ передаются неревизским работникам, причем в немногих помещичьих общинах парни 18–19 лет получают $\frac{1}{2}$ участка, а с 20 лет – целый. Системы II б) и в) служат переходными ступенями к разверстке земли по живым ревизским душам с присоединением неревизских работников¹, которая в свою очередь вместе с IV и V составляет переходную форму к разверстке по работниками или наличным душам. Система IV есть иногда разверстка по работникам с уклонениями в пользу малолеток.

¹ Система II б) скорее должна быть признана ревизской разверсткой.

В Саратовском у. (исследов. в 1883 г.) насчитывается 343 общины с населением ок. 5812 тыс. ревизских душ, но сведения о разверстке земли приведены для 228 общин или 52600 р. д. Устранены от рассмотрения: 48 мелких общин (до 15 рев. д.), где отношение крестьян к форме землевладения недостаточно рельефно, 21 община (см. ниже), не имеющие пахотной земли или не пользующиеся ею, и, наконец, те общины, сведения о которых недостаточно точны. Все они в совокупности обнимают не больше $\frac{1}{10}$ части населения уезда.

Число общин, сохранивших ревизскую разверстку неизменной, равняется 29,3%, остальные 70,7% практикуют (путем общих или частных коренных переделов) разверстку земли по живым ревизским душам с присоединением неревизских, начиная с 16–18-летнего возраста, по наличным душам, по живым ревизским, по работникам, по работникам вместе с подростками, по достатку семьи. Разверстка земли по ревизским душам, по наличным и по живым ревизским с присоединением неревизских существует в общинах, где надел окупает платежи, на нем лежащие. При противоположных условиях распространены системы разверстки земли по работникам (редко), по работникам вместе с подростками, по силе хозяйств, а также по ревизским душам с накладкой наделов умерших семей на живые ревизские или на незаписанных в ревизскую сказку. 21 община (13 дарственных, 6 собствен. и 2 гос. бывш. помещ.) с 2213 рев. душами представляют некоторые особенности в пользовании землей. Две из них сдают пашню в аренду, ибо сами не занимаются хлебопашеством, третья – для того, чтобы добыть деньги на уплату недоимки по арендованной ею земли, запущенной в неурожайные года. Две из этих общин расчисляют землю и платежи примерно по ревизским душам, в одной – по работникам. В 14 общинах нет пашни, и 10 из них регулируют пользование выгоном, назначая количество скота от ревизской души, могущее пастись бесплатно, с тем, чтобы за излишнее количество взыскивать плату, идущую хозяевам, имеющим скота менее положенной нормы. В некоторых из этих общин (это относится и к другим, где выгон занимает значительную часть надела) идут споры о распашке части выгона, дабы бескотные хозяева имели пахотную землю. В 2 общинах, где земля находится главным образом тоже под выгоном, семьи, имеющие скота меньше положенной нормы, получают пашню в одной – по десятине-тридцатке пашни отведено лишь бескотным хозяевам.

В Хвалынском уезде (год исследования 1885) по единице разверстки земли общины распределяются следующим образом:

По ревиз. душ.	дарств. 30 об.	собствен. 32	госуд. 53	полн. соб. 2	Итого 177 общ.
По работник.	дарств. 7 об.	собствен. 45	–	–	Итого 52 общ.
По налич. душ.	–	–	госуд. 21	полн. соб. 1	Итого 22 общ.

61,3% всех общин уезда держится ревизской разверстки, причем в некоторых общинах практикуется свалка-навалка выморочных и убыльных душ. Особенно это следует сказать о татарских селениях, где, несмотря на хорошую почву, каждый хозяин старается отказаться от земли, которая тогда наваливается на состоятельных, и потому разверстка земли имеет здесь скорее смешанный, нежели ревизский характер. Разверстка земли по работникам мужского пола (в 20 общинах и на подростков) или существует со времени прекращения крепостной тягловой системы, или образовалась впоследствии из ревизской (27 общин). В 18 общинах, практикующих эту систему, подростки 13–16 лет получают в разных общинах от $\frac{1}{4}$ до 1 души, с 18 до 22 лет – полное тягло $1\frac{1}{2}$ или 2 души, с 60–70-летних стариков складывается часть или все тягло. В Веневитинской общине с. Павловки (ревиз. разв.) с 1882 г. стали практиковать свалку-навалку душ, давая 18-летнему парню 1 душу, когда женится – $1\frac{1}{2}$, а если живет вблизи базара и пользуется преимуществами такого соседства, то две души. Хрущевская община с. Павловки путем свалки-навалки перешла к следующей разверстке земли: на парня с 17 лет накладывают $\frac{1}{2}$ души, с 18 лет – 1 душу, с 20 лет – $1\frac{1}{2}$ души; с 60-летнего снимается $\frac{1}{2}$ души, а когда перестанет исправно платить подати, то и остальную душу. Наличная разверстка из общин б. помещичьих крестьян практикуется одной, получившей надел (полный) без выкупа, по духовному завещанию. Из 24 селений, входящих в состав 22 общин, с разверсткой земли по наличным душам 10 населены русскими, 13 мордвой или чувашами и 1 мордвой и чувашами.

Следующая таблица обнаруживает существование известной связи той или иной системы разверстки земли с различными бытовыми условиями.

Выводы г. Харизоменова из данных этой таблицы заключаются в следующем. В общинах с тягловой разверсткой прирост населения со времени X ревизии (13,4%) в 2–3 раза меньше, нежели в остальном населении, почему тягловая разверстка здесь, вероятно, кажется такой же удовлетворительной, как и 28 лет назад. Податное обложение десятины земли этих общин выше, нежели обложение остальных общин тех же юридических разрядов крестьян; сдаточная цена надельной земли ниже, т. е. самая земля хуже; естественно, если экономическое положение членов этих общин, выражающееся числом рабочего скота на одну семью и процентом безлошадных, хуже среднего, и общинам угрожало накопление недоимок, если бы мир не предупредил этого переходом к раскладке земли по работникам. В общинах с наличной разверсткой замечается другая комбинация хозяйственных условий: 1) прирост населения выше среднего по уезду, вследствие чего является более настоятельная потребность в изменении ревизской разверстки; 2) надел, по величине лишь несколько превышающий средний надел крестьян того же разряда,

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Развер. земли по:	Разряд крестьян	Число общин	Ср. число налгч. двор. в общине	Двор об. п. на 1 налгч. двор	На 100 мужчин приход. женщин	Прпрост душ м. п. за 28 л. в %	Десятин удобной земли		Платежей на 1 дес. удобной земли	Из 100 хоз. аренд. пашню	Аренд. цена дес. владельч. пашни	Сдаточная цена дес. наделной пашни	В сред. на 1 хоз.		Из 100 хоз. не имеют посева
							На 1 хозяйств.	На 1 душу об. п.					Лошадей рабочих	Десятин посева	
Работникам М. п.	Дарственники	7	108	4,9	107	12,6	2,26	0,46	2,28	58,2	8,65	4,37	1,34	4,2	27
	Собственники (б. п.)	45	77	5,36	106,2	13,6	8,9	1,66	2,14	47	7,72	6,38	1,44	4,9	25
	Итого	52	81	5,28	106,4	13,4	7,7	1,46	2,15	49	8	6,28	1,40	4,8	25,3
Ревизск. душ. М. п.	Дарственники (б. п.)	30	78	5,6	103	27,4	2,35	0,42	1,77	79	8,21	5,94	1,73	5,3	16,5
	Собственники (б. п.)	32	53	5,63	105	30,1	8,3	1,52	2,03	54	7,83	7,02	1,56	4,75	16,1
	Полные собственники	2	65	5,67	104	42,6	13	2,3	0,79	61	7,52	4,7	1,95	7,7	10,8
Ревизск. душ. М. п.	Государственные	53	219	6,03	99	35	14,85	2,46	1,55	22,5	7	3,15	1,59	5,41	13,5
	Итого	117	135	5,92	102	34	12,3	2,07	1,58	34	7,83	3,25	1,61	5,35	14
Налгчн. д. М. п.	Полные собственники	1	35	5,63	91	129	14,6	2,59	0,89	14	6,51	7,19	2,1	4	11,4
	Государственные	21	284	6,12	103	37,9	15,8	2,59	1,60	32	7,25	5,91	1,8	6,3	13
	Итого	22	272	6,12	103	38	15,8	2,59	1,60	32	7,24	5,92	1,84	6,3	13

но по доходности стоящий значительно выше (судя по сдаточным ценам), с одной стороны, сдерживал своекорыстные расчеты тех, которые небольшую величину надела выставляют как довод против передела, с другой – возбуждал в безземельных особенное стремление получить землю и предупреждал появление опасения за накопление недоимок. Община с ревизской раскладкой занимает среднее положение между общинами, практикующими тягловую и наличную разверстки.

В *Царицынском у.* (исслед. в 1883 г.) насчитывается 74 общины, в том числе государственные 31, дарственный 25, собств. 13, государственных из помещичьих 3, удельных 2. Преобладающее место занимает здесь разверстка земли по ревизским душам и по живым ревизским в соединении с неревизскими начиная с 16 или 18 лет, затем разверстка по наличным работникам; разверстка по живым ревизским душам или по достатку встречается редко; о переделе по всем наличным душам нет еще и разговору. Разверстка по работникам встречается, главным образом, там, где земля не окупает платежей, но иногда и при противоположных условиях; разверстка по живым ревизским вместе с неревизскими подростками и работниками практикуется преимущественно общинами, где доходность надела соответствует платежам. В огромном большинстве общин, даже государственных крестьян, арендная плата за надел не превышает платежей, хотя платежи здесь ниже, нежели в Саратовском уезде.

В *Самарском у.* (год исследования 1882–1883) все общины бывших государственных крестьян (35), часть удельных и помещичьих владеют землей по ревизским душам; большая же часть бывших помещичьих крестьян и часть удельных (всех помещичьих общин в уезде 94, удельных 101) разверстывают землю потягольно, по работникам, по работникам и подросткам, по имущественной состоятельности семей. «Степень распространения того или иного способа разверстки земли находится в полнейшем соответствии доходности земельных наделов с ценностью лежащих на ней платежей». Главная причина отступления от душевой разверстки земли – необходимость так или иначе распорядиться пустовыми душами, доходность которых не окупает лежащих на них платежей. При слишком большом несоответствии в этом отношении общины практикуют дробную разверстку земли: при ней 12-летние дети получают $\frac{1}{4}$ души, 15-летние – $\frac{1}{2}$ души, 17-летние – 1 д., 18-летние – $1\frac{1}{2}$ души, с 70-летних стариков надел снимается. По наличным душам владеет землей лишь одна община бывших помещичьих крестьян Б. Потуловки Владимирской вол.; передел здесь вызван тем, что много семей вымерло и некому стало платить подати. В *Ставропольском у.* (год исследования 1883–1884) общин бывших государственных крестьян 226, башкир-вотчинников 11, башкир-

припущенников 3, бывших удельных 19, бывших помещичьих 117, помещичьих полных собственников 14; 4 общества, живущих на крепостной земле, владеют ею подворно. Крестьяне владеют землей по ревизским или окладным душам¹, но так как на обществах лежит много пустовых душ, то «если доходность надела не окупает лежащих на нем платежей – в общине происходят частые переверстки земли, свалка и навалка пустовых душ даже и на малолеток». Кирилловская община переделила в 1883 г. землю по наличным душам. В *Бузулукском* у. (год исследования 1883–1884) в большей части общин земля разверстывается по ревизским или окладным душам (последних, по причине выселения крестьян, на 2,861 меньше, нежели первых); в 2 общинах бывших государственных крестьян и 14 помещичьих совершен коренной передел по работникам. Помещичьи общины, переделавшие землю, принадлежат к числу общин, вполне выкупивших наделы по дешевой цене и без правительственной помощи; две из них тотчас после выкупа (1869–1870 гг.) разделили землю подворно с правом домохозяина отчуждать надел с согласия, однако, общины. В *Бузурусланском* у. (год исследования 1885–1886) общин бывших государственных крестьян 225, бывших удельных 15, башкир-вотчинников 6, башкир-припущенников 3, бывших помещичьих 131, на крепостной земле 14. Большая часть общин пользуется землей по ревизским душам, а 93 переделали ее по новым душам: на все души мужского пола переделали 29 общин, на души мужского пола начиная с 5 лет – 2 общины, с 8 лет – 2 общины, с 10 лет – 2 общины, с 11 лет – 2 общины, с 12 лет – 9 общин, с 15 лет – 15 общин, по работникам – 7 общин. 65 переделавшихся общин населены русскими, 19 – мордвой, 8 – чувашами, 1 – башкиркам; по разрядам крестьян 81 община принадлежала к бывшим государственным, 2 – бывшие удельные, 3 – бывшие помещичьи, 7 – владеющих крепостной землей. «В 64 обществах согласия на передел земли по всем наличным душам не последовало в силу того соображения, что принятие наделов на все души повело бы за собой отягощение платежами однолошадных и однорабочих семей; поэтому в большинстве этих последних общин только многорабочие и два и более лошадные хозяева получили сумму наделов, соответствующую их рабочей силе».

В *Бузульминском* у. (год исследования 1885–1886) насчитывается 284 общины, в том числе: бывших государственных – 182, бывших удельных – 8, башкир и татар-припущенников – 30, бывших помещичьих – 61 (в том числе 54 на выкупе, 6 – на дарственной $\frac{1}{4}$ надела и 1 на усадьбах), полных собственников (бывших вольных хлебопашцев) 3. Большая часть общин владеет землей по ревизским душам; но из них около 47 общин бывших

¹ Окладных душ на 260 больше, чем ревизских; разница произошла от неравномерности отчисления и причисления душ.

помещичьих крестьян, состоящих на выкупе, у которых земля с трудом окупает платежи, через 1–2 года пустовые души наваливают насильно на работников или на «неревизных»; 57 общин перешли на новые души: 2 бывших помещичьих, состоящих на выкупе, 44 – бывших государственных, 8 общин татар-собственников и 3 – бывших вольных хлебопашцев. По национальностям переделившие общины принадлежали: 19 к татарским, 10 – русским, 7 – мордовским, 8 – чувашским, 13 – к смешанным. Разверсточная единица принята: работник – в 4 общинах, окладная душа в семьях, желающих получить землю («желающим на окладную душу»), – в 1 общине, наличная душа мужского пола – в 50 общинах, душа мужского пола окрещенная – в 1 общине, душа мужского пола с 5 лет – в 1 общине, с 10 лет – в 1 общине. Из переделившихся татарских общин 8 принадлежали к полным собственникам, земля которых пожалована им или куплена у башкир; таких общин татар полных собственников в уезде 30; они многоземельны, но состояние их хозяйства незавидно. Передел полные соб. татары совершили главным образом вследствие накопления «пустоты» и несоответствия между наличными работниками и числом ревизских душ, и так как землю распределили на все наличное население, невзирая на состоятельность и хозяйственную силу семьи, то явилось много хозяев, не способных справиться с землей и передавших ее другим, отчего в татарских (и чувашских) общинах тотчас после передела образовалось большое число бесхозяйных (16%) при ничтожном % безземельных (1,7%). Остановимся несколько подробнее на общинах бывших вольных хлебопашцев. Крестьяне с. Спасского (60 дворов) были крепостными известного академика Петра Ив. Рычкова, от которого перешли к его внуку. Этот последний в 1816 г. составил акт, по которому крестьяне с. Спасского обращались после его смерти в вольных хлебопашцев, получая в дар землю по 30 дес. на ревизскую душу. Рычков умер в 1818 г., но его наследники воспротивились исполнению воли завещателя, и крестьяне получили освобождение лишь в 1823 г. благодаря вмешательству Императора Александра I, высказавшего, что «несоблюдение формы не должно мешать улучшению участи крестьян и воля завещателя должна быть исполнена свято». Имея много земли (2774 дес.), община приняла в свою среду в 1835 и 1870 гг. несколько семей, взяв с них за это по 360 руб. деньгами и магарыч. В настоящее время общество имеет земли 28,6 дес. на ревизскую душу. «Все изменения в системе и технике полеводства – введение трехполья вместо переложного хозяйства, двойка земли, унавоживание и др. – совпадают с приходом из Николаевского у. механика-самоучки Талызина; по его же инициативе произошел в 1881 г. в общине коренной передел земли по наличным душам мужского пола сроком на 12 лет. До передела всякий пахал, где хотел, причем старые земли оставались непах-

ными, а ежегодно распахивались новые залежи». При переделе земли была разделена по качеству на «каменистую, хорошую и кустарник». Последний дозволено расчищать каждому под условием вырывания корней из-под вырубленного кустарника; при неисполнении лес отнимается у вырубившего и продается миром. С. Ново-Спасское (21 дв., земли 488 дес.) принадлежало тому же Ал. Ив. Рычкову; передел по наличным душам совершен в 1883 г., когда было произведено и первое уравнивание усадеб; лес берегут; живут хорошо; безземельный – 1 старик, бесхозных ни одного. Сложная община из деревень Ямашки и Урсалы (206 хоз., 5¹/₂ тыс. дес. земли), крестьяне выпущены на волю в 1831 году с 12 000 дес. земли, из которой 6700 дес. было в 1865 г. отрезано за долги бывшего их владельца Соловова, несмотря на то, что, по завещанию, долги должны были быть уплачены из других источников. До 1884 г. община производила переверстки через 7–12 лет, а в 1884 году переделала землю по наличным душам. Благосостояние поколеблено отрезкой земли; безземельных 18 дворов, бесхозных 6,2%.

В Николаевском у. (исследован в 1887–1888 гг.) всех общин 298: б. государственных крестьян 129, башкир-вотчинников 18, удельных 24, помещичьих 98 (в том числе на дарственном наделе 40), б. пом. вполне выкупивших надел 5, немецких колонистов 24. Общины владеют землей по ревизским душам, но пустовая земля разверстывается в большинстве случаев по состоятельности хозяев. Переделы по новым душам имели место в 26 общинах б. государственных крестьян, 1 б. удельной, 4 б. помещичьих и 21 немецких колонистов; 29 переделавшихся общин русских (в том числе 14 раскольничьих), одна мордовская и одна татарская. Что касается единиц разверстки, то в Сборнике оказываются противоречивые данные. Из таблицы (с. 28–29) видно, что на все наличные души переделали землю 14 общин, на души начиная с 3 лет переделались 2 общины, с 5 лет – 1 община, с 10 лет – 5 общин, с 12 лет – 1 община, с 14 лет – 1 община, с 15 лет – 2 общины, с 17 лет – 2 общины, с 18 лет – 1 община, по силе глядя 1 община, по 3 души на работника 1 община. Из 26 немецких колоний 21 перешла от ревизской разверстки к разверстке по наличным душам или по рабочей силе семей (см. с. 217). В восьми немецких колониях система переделов на наличные души стала практиковаться лишь с 1874–1880 гг., т. е. с момента обнаружения сельскохозяйственного кризиса от неурожая хлеба и переселения некоторых колонистов во внеевропейские страны. В Новоузенском у. (исслед. в 1888–1889 гг.) переделы были в 132 общинах из 226, в том числе в 64 немецких общинах (из 92), 4 б. помещичьих крестьян (из 29) и в 64 б. государственных (из 100). Единицей распределения, за исключением некоторых немецких общин, принята живая душа муж. пола; для 7 немецких общин, оставивших наличную разверстку земли вследствие неисправности

в платежах слабосильных хозяев, указана разверстка по производительной норме в форме разверстки по рабочим мужского пола начиная с 16 лет (1 община) или по рабочему скоту, причем в одной колонии, Гнаденфмор, большая половина хозяев добровольно отказались от земли, «разбрелись в разные стороны», а их наделы переданы желающим. Распределение земли в этой общине таково.

Без рабочего скота	13 хоз.	У них земли 11 дес. на двор
С 1 шт. скота	16 хоз.	У них земли 14 дес. на двор
С 2–3 шт. скота	17 хоз.	У них земли 22,5 дес. на двор
С 4 шт. скота	10 хоз.	У них земли 28,8 дес. на двор
С 5–10 шт. скота	24 хоз.	У них земли 32,3 дес. на двор
С 10–20 шт. скота	5 хоз.	У них земли 64,0 дес. на двор
Более 20 шт. скота	1 хоз.	У них земли 64,0 дес. на двор

В *Богодуховском* у. (исследов. в 1885 г.) большая часть крестьян владеет землей по ревизским душам¹. Среди государственных крестьян обнаружилось стремление к переделам по наличным душам: в 1884–1885 гг. этот переход совершился в 2 обществах и составлен о нем приговор в 7 общинах. При этом обыкновенно постановляется давать землю душам мужского пола, родившимся по день составления приговора, а с Мурафа наделяло землей начиная с 10-летнего возраста. Ивановское общество постановило не давать семье больше 6 наделов, а участки ненаделенных душ передавать однодушникам, имеющим большие семьи.

В *Суражском* у. во всех обществах государственных крестьян, кроме одного, – общинное землевладение, причем некоторые общества владеют землей по ревизским душам, другие перешли в последнее время к наличной разверстке, принимая, однако, при этом во внимание (в видах предупреждения накопления недоимок) и имущественную состоятельность семьи, т. е. количество рабочих рук, лошадей, сельскохозяйственный инвентарь и т. п. В двух обществах разверстка земли при недавнем переделе сделана по душам обою пола (см. выше с. 295). Общества помещичьих крестьян владеют землей по

¹ Крестьяне помещичьей общины с. Рандава «по уставной грамоте получили по 2 $\frac{1}{4}$ дес. на ревизскую душу. С годами явилось много убылых душ, земля которых перешла в общее пользование; к этим душам прибавили и те умершие ревизские души, которые состоят разбросанными по дворам. Таким образом, образовалось 2 рода наделов: один надел мертвой ревизской души, на который исчисляется пахоты 2 $\frac{1}{4}$ дес., как и следовало по уставной грамоте, а другой надел живой ревизской земли, из которого отчисляется под усадьбы, выгоны, и величина пахоты, приходящаяся на это живой надел, равна всего 1 $\frac{1}{4}$ дес.; нет двора, который бы, имея одну живую душу, не имел вместе с тем 1–2 мертвых души, т. е. иными словами, каждый двор получает на столько ревизских душ, сколько их и было на этом дворе по ревизии, но величина этих наделов различная; несколько же убылых наделов отдаются в аренду».

«шнуру» (старому тяглу) или по ревизским душам; в 7–8 общинах в последнее время был произведен коренной передел по новым душам.

В *Воронежском у.* (исследов. в 1884 г.) 42 общины государственных крестьян и 167 помещичьих пользуются землей по ревизским душам, 57 общин государственных крестьян и 2 помещичьих – по наличным душам м. п. В *Острогожском у.* 57 общин государственных крестьян и 125 б. помещичьих (в том числе все 25 – дарственников) владеют землей по ревизским душам, 57 общин государственных крестьян и 8 помещичьих – по новым душам. Именно по всем наличным душам мужского пола разверстали землю 51 община, на души с 6-летнего возраста – 1 община, с 7 лет – 1 общ., с 8 лет – 1 общ., с 16 лет – 2 общ., с 18 лет – 2 общ., с 22 лет – 1 общ., по работникам – 2 общ., по состоянию и рабочим силам 3 общины. «Переделы земли в общинах с малопродуктивной землей производятся всюду при такой комбинации хозяев, при которой часть этих последних, как наиболее обеспеченных материально и рабочими силами, берет на себя душевые наделы, принадлежащие хозяевам маломощным». «Всюду в таких общинах переделы были произведены в видах снятия части платежей с хозяйств бедных или маломощных, что замечается одинаково как у государственных, так и у помещичьих крестьян. В некоторых общинах переделы этого рода приняли крайне оригинальную форму: сначала обыкновенно сами хозяева по собственным соображениям и совести определяют, сколько они могут взять из того числа душ, какое пришлось бы на них при переделе земли на наличные мужские души, и затем уже общество на сходе просматривает список хозяев и прибавляет или убавляет души». Интересам уравнивания землепользования служит также способ пользования в некоторых общинах так наз. «особняками», о чем см. главу VII.

В момент исследования *Курской губ.* (1882–1885 гг.) в ней преобладала разверстка земли по ревизским душам, отступления от которой замечались в следующих случаях. Тягловая разверстка сохранилась в нескольких общинах временно-обязанных крестьян *Курского у.*, в 20 общинах б. помещичьих крестьян *Щигровского у.*, в хуторе Ячнев Колодезь (129 дв.) *Шопинской вол.* *Белгородского у.*, одной общине *Новооскольского у.*, в 21 общине *Тимского у.*; д. Верховые Ивицы *Корочанского у.* Наличная раскладка земли принята общинами государственных крестьян: 4 *Белгородского у.*, 3 *Новооскольского*, 15 (из 50) *Корочанского у.*, 6 *Старооскольского у.*¹. Среди б. помещичьих крестьян наличная разверстка земли принята: 9 общинами *Щигровского у.*²

¹ Переделы по наличным душам среди государственных крестьян *Курского у.* начались в 1884 г., через 2 года после окончания исследования этого уезда.

² На с. LIX Сборника, в противоположность с. LVIII, говорится, что при последних переделах в этих общинах за единицу разверстки принималась большей частью ревизская душа и смысл переделов заключался в разверстке прибылых душ.

(8 из них в момент выхода на выкуп), 2-м Белгородского у. и одной Тимского у. (д. Богдановка, перешедшая на наличные души от тягловой разверстки в 1870 г.)¹. Около десятка общин б. помещичьих крестьян Новооскольского у. (в том числе 4 Баклановской вол.) разверстывают землю между наличными ревизскими душами: д. Заломная (гос.). Булановской вол., перешедшая с четвертей на души во второй половине 50-х годов, в половине 70-х гг. переделала землю между живыми ревизскими душами. Община дарственников (27 дв.) с. Ново-Безгинка, имеющая 8 дес. пашни, обрабатывает последнюю миром (с каждых 2 ревизских душ выставляются соха, борона и 1 мера зерна на посев); сбор иногда делится копнами на ревизские души, а чаще зерном засыпается в общественный магазин.

В *Елецком* у. (исследов. в 1886 г.) 517 обществ, имеющих пахотную землю (в уезде есть еще 6 обществ б. помещичьих крестьян, не имеющих пахотной земли), следующим образом группируются по принятым единицам разверстки.

	Пом.	Перешедш. в каз.	Госуд.	Своб. хлеб.	Всего
Ревиз. д.	288 общ.	24 общ.	26 общ.	1 общ.	339 общ.
Ж. рев.-нереv.	—	—	1 общ.	—	1 общ.
По силе	37 общ.	—	—	—	37 общ.
Тягловая	12 общ.	3 общ.	—	—	15 общ.
Налич. м. п.	53 общ.	2 общ.	66 общ.	—	121 общ.
По едокам	3 общ.	—	1 общ.	—	4 общ.
	393 общ.	29 общ.	94 общ.	1 общ.	571 общ.

Оставляя тягловую разверстку, помещичьи общины, если не верстали земли «по силе», переходили обыкновенно к ревизской раскладке, иногда только по живым ревизским душам в момент передела. Но около 25 общин перешли сразу к разверстке по наличным душам: 7 общин сделали это в период времени до 1866 г., 10 – в течение 1867–1870 гг., 1 община в 1871 г. и 6 – в восьмидесятых годах. Переход от тягловой разверстки прямо к наличной (помимо ревизской) в последних 6 общинах (Ольмовка Казацкой вол., Маслово Соловьевской вол., Паниковец и 3 небольших общины с-ца Молодец – одна из них состоит из переданных в казну крестьян мелкопоместных владельцев – Воронежской вол.) объясняется, вероятно, тем, что, коль скоро

¹ До 20 общин четвертных крестьян Тимского у., имеющих небольшую часть пашни в общинном владении, распоряжаются ею следующим образом: одна община отвела землю под общественную запашку, одна разделила ее по ревиз. душ., остальные сдают ее в аренду и деньги обращают на мирские нужды, большую частью на церковь.

община признала в новейшее время устарелость тягла как единицы разверстки и решила нарушить привычное распределение наделов – она не могла положить в основание новой разверстки ревизскую душу, которая через 20–25 лет после ревизии, конечно, только случайно может служить более или менее точным выражением потребности семьи в земле. Из остальных общин, перешедших от тягольной разверстки к наличной (Плоской, М. Выселках и Броднах Краснополянской вол., Николаевке В. Дрезгаловской вол., Царевке и Изубриевке 1-й Сергиевской вол., Жуковке Воронежской вол., Выселках из Баранова Афанасьевской вол., Никольском Предтеченской и Новоселках Ястребинской вол.), число наличных душ в момент передела равнялось числу ревизских или отличалось от него на единицу, вследствие чего обе разверстки земли, вероятно, мало чем различались по своим результатам, в 5 общинах (3 из вышеуказанных, в Троицкой Казацкой вол., Свизеровке Воронежской вол.) крестьяне в момент изменения единицы разверстки состояли на издельной повинности, которую они считали тяжелее денежной, а в д. Бродки Краснополянской вол. предпочтение наличной разверстки ревизской прямо мотивировано нежеланием многих хозяев отбывать издельную повинность за все причитающееся на них число ревизских душ, среди которых были умершие. Опасение высоких платежей (уже денежных) при малом количестве земли и отказ многих хозяев от наделов на умершие ревизские души был причиной предпочтения в 1866 г. наличной разверстки земли в с. Ольховец Казацкой вол. «При этом переделе решено было впоследствии периодически переверстывать землю по живым душам, однако до сего времени (1886 г.) никаких переделов не бывало – никак согласиться не могли». Несогласные на передел говорят, между прочим, что теперь землю делить нельзя, так как она, благодаря выкупу, «стала как бы вроде четвертной». Прибавим для ясности, что в с. Ольховец 29 дворов и что ни одна из 13 общин собственников Казацкой вол. не совершила коренного передела. Что касается коренных переделов последнего времени или вообще вторичных за последнее 25-летие, они почти везде совершались по наличным душам мужского пола (в одной из помещичьих общин с. Паниковец Воронежской вол. – с 15-летнего возраста). Исключение составляет Изубриевка 2-я Сергиевской вол., где оба передела после выхода на волю, в 1861 и 1868 гг. (при переходе из издельной повинности на оброк) совершены по работникам. Две помещичьи общины и одна государственная совершили передел земли «по кормежам», т. е. по душам обоого пола. Разверстка по кормежам распространена в Елецком у., вероятно, больше, чем это следует из приведенных данных: к ней приблизились некоторые общины путем частных переделов (см. главу VII). В некоторых общинах, постановивших произвести передел по наличным душам мужского пола, на самом деле принима-

лась во внимание вся величина семьи, вследствие чего в деревне Изубриевка 1-й (соб., 19 дв.) Сергиевской вол. на 4 мальчика не дано надела, а в с. Н. Суханине (гос., 17 дв.) Краснополянской вол. двум многоземельным хозяевам дали земли больше, чем им следовало по душам мужского пола. В с. Казаки (гос., 836 дв.) 40 дес. заливного луга ежегодно распределяется между семьями, поставившими в том году рекрут. Путем свалки-навалки душ кое-где, вероятно, происходит приближение к ревизско-наличной разверстке, компромиссу, имеющему целью примирять интересы ревизских и неревизских душ, но более или менее строго эта система выдержана, по видимому, только в общине государственных крестьян М. Баевки (72 дв., 167 рев. д., 234 нал.) Каменской вол.: в 1886 г. здесь снято с ревизских хозяев 75 наделов умерших душ для распределения между 138 душами, рожденными после ревизии; таким образом, ревизские души владеют большим наделом, неревизские – меньшим. В помещицкой общине Колодезках Извольской волости часть земли, первоначально поступавшая в надел и разверстанная вскоре после освобождения, когда многие крестьяне тяготились землей, распределена «по силе» – другая же, подаренная крестьянам в 1879 г., когда отношение к земле изменилось, разверстана по ревизским душам. Сложная община государственных крестьян сл. Пушкарской и др., состоящая из 11 сел Воронежской волости (920 наличных наделных дворов), разверстывает землю между отдельными селами в особняки по числу ревизских душ; одна из деревень, составляющих общину, – Чебасовка (37 дв.) – постановила в 1885 г. приговор о разделе своего особняка на наличные души сроком на 10 лет, если раньше окончания этого срока не последует передел в целой общине. Разверстка «по силе» в нескольких общинах (Н. Ломовая, Александровка, Успенское, Петропавловское Краснополянской вол., Изубриевка 2-я Сергиевской вол.) приняла форму разверстки по работникам. Благодаря тому обстоятельству, что обращению из подворного владения в душевое (см. главу I) подверглась не вся земля общества, в некоторых обществах, наряду с душевой землей, есть и состоящая в подворном владении некоторых семей-общинников. Сюда принадлежит та земля лиц, перешедших к общинному владению, которая не принадлежала к коренной четвертной, а которой они пользовались на правах купли или же которая была принесена лицами, принятыми в зятья из других деревень, и т. д. В этот отдел вошла и земля тех владельцев, которые не присоединились к общине, но путем браков и купли-продажи их земля перешла во владение лиц, участвующих и в пользовании общественной землей; наконец, здесь же числится большая часть земли тех поселений, которые превратили в общинное владение лишь небольшую долю угодий (распаханную из-под леса и т. п.) или получили землю в душевое

владение от казны. Тем или другим путем в Елецком у. образовалась 21 община государственных душево-четвертных крестьян, и некоторые из этих общин отличаются довольно смешанным и запутанным землевладением. Так, например, 408 дес. д. Непарьиной Каменской вол. разделены между всеми 180 ревизскими душами, 65 дес. – по ревизским душам только одного рода и 23 дес. находятся в четвертном владении нескольких хозяев, участвующих и в общинном владении. В с. Новосильском Тербунской волости, где хозяева, не согласившиеся на переход к душевому владению в 50-х годах, оставили, однако, свою землю чересполосно с общинной и путем браков или продаж смешались с душевыми владельцами, 75 хозяев владеют в настоящее время и душевой, и четвертной землей, 125 – только душевой, 39 – лишь четвертной. Интересный случай смешения различных форм землевладения и различных единиц разверстки для разных участков общинной земли, смешения, выросшего на почве постепенного превращения подворного владения в душевое, представляет д. Дерновка с выселками Казацкой волости. Названные поселения имеют в общем владении 407 дес. земли, пожалованной предками теперешних крестьян на поместном праве, и около 740 дес., нарезанных от казны в конце прошлого века и переделывавшихся по душам при каждой ревизии. Около 40 лет тому назад в общинное владение была обращена 81 дес. (лес) четвертной земли, которая, однако, последний раз подвергалась переделу при IX ревизии (1851 г.). В 1871 г. крестьяне путем обмена получили в свое владение 33 десятины частновладельческой земли, лежавшей чересполосно с их владениями в четвертной даче, и разделили их по душам X ревизии. В 1881 г. составлен приговор о разделе всей земли (как общинной, так и четвертной) по наличным душам с условием выделить четвертным владельцам, не согласным перейти на души, значащуюся за ними по владенной записи землю в особые участки. «Когда, однако, в 83 г. дошло дело до самого раздела, более половины хозяев воспротивились включению в него четвертной земли, и она вся осталась за прежними владельцами». 33 десятины, указанные выше, переверстаные по наличным душам, через год, по требованию тех же хозяев, возвращены прежним владельцам, и в настоящее время положение землевладения здесь таково: 293 дес. находится в четвертном владении, 855 – в общинном, будучи разделены: 81 дес. по душам IX ревизии, 33 дес. – по душам X ревизии и 741 – по наличным душам 1881 г. Участниками в душевом и четвертном владении являются все домохозяева за некоторыми исключениями, образовавшимися уже в новейшее время.

В 21 общине душево-четвертных крестьян из 2 500 хозяев, владеющих надельной землей, около 800 участвуют и в четвертном владении, в размере около 4 300 дес. на 15½ тыс. дес. душевой земли. Исключая 43 селения,

обратившие в душевое владение небольшую часть своих угодий (Короткая, Б. Хмелевая, М. Хмелевая Афанасьевской вол. и Локтевая Каменской вол.), в остальных 17 общинах душево-четвертных крестьян из 2 100 участников в общинном владении 15 300 десятинами земли, около 400 дв. имеют еще четвертную землю в размере около 2 050 дес.

В *Трубчевском* у. (исслед. в 1886 г.) по единицам разверстки общины разделяются следующим образом:

	Собствен- ники	Удельные	Государ- ственные	Перед. в казну	Всего
Ревизская душа	93 общ.	44 общ.	44 общ.	7 общ.	188 общ.
Ж. рев.-нереv.	2 общ.	1 общ.	1 общ.	–	4 общ.
Нал. д. мужск. пола	2 общ.	24 общ.	16 общ.	–	42 общ.
По силе	24 общ.	–	5 общ.	–	29 общ.
Тягловая	1 общ.	–	–	–	1 общ.
	122 общ.	69 общ.	66 общ.	7 общ.	264 общ.

Тягловая разверстка сохранилась в д. Огородной (6 дворов) Семячковской волости. Ревизская разверстка не всегда делается по всем душам X ревизии: в некоторых общинах, где раскладка совершалась через несколько лет после ревизии, из нее исключались умершие или отказывающиеся от земли, а иногда включались солдаты (удельные – д. Козляково и с. Селец Семячковской вол.). В других общинах с течением времени эта разверстка потерпела существенные изменения. Так, в помещичьей общине Мирковы-Уты Уручьиной вол. земля сначала была разделена по ревизским душам, а с 1870 г. с выходом на дар она ежегодно переделывается по живым ревизским душам; в помещичьей общине д. Павловки той же волости земля разверстана по числу ревизских душ в наличных семьях. В государственной общине д. Бородина Красносельской вол. во время X ревизии сделано следующее отступление от ревизской разверстки, приближающее ее несколько к той, которая называется «по согласию». Земля была разбита на число наделов, равное ревизскому населению (265) + 23 надела, которые пожелали взять некоторых хозяева сверх числящихся на них ревизских душ. Отказов от земли при этом не допускалось (общество передало надель отказавшихся до возмужания их детей другим крестьянам), и потому большая часть крестьян получила землю по числу их ревизских душ, а некоторые к тому же и известный излишек. Из числа общин, принявших разверстку земли «по силе» хозяев, следует отметить сложную общину помещичьих крестьян Уручьиной волости, с. Уручьи и д. Журовка, где эта система, принятая в 60-х гг., существует в виде разверстки по работникам, причем на каждого

работника пришлось по $1\frac{1}{2}$ ревизских надела. Переделы земли по наличным душам имели место в 5 волостях и преимущественно в 2 южных – Семячковской и Стрелецкой, – где переделилось 70–87% общин удельных крестьян и 80% – государственных (Семячковской волости). В д. Груздево (уд.) Семячковской вол., при переделе 1884 г. по наличным душам, семьям, имеющим много душ мужского пола, надел давался не на все число душ, причем это было мотивировано тем, что такой семье не осилить полного числа наделов. Сказанное, может быть, следует отнести и к д. Порович (уд.) той же волости, где, по словам недовольных переделом 1882 г., «староста всем распорядился, иному дал много земли и иному совсем ничего».

В *Мценском* у. (исследов. в 1886 г.) из 54 общин государственных крестьян (16 – искони, 4 – б. владельческих, перешедших в казну до 1861 г., 32 – перешедших в разряд государственных после 1861 г. и 2 – вольных хлебопашцев) 53 владеют по ревизским душам, 1 – с 1881 г. по наличным начиная с 18 лет; передел здесь состоял на 10 лет с тем, чтобы в промежуток наделы умерших душ передавались старшим подросткам. Несколько пригородных слобод не занимаются хлебопашеством, сдают землю в аренду и по ревизским душам разделяют арендную плату. Помещичьи общины (339), оставляя тягольную, крепостную разверстку, заменяли ее разверсткой по ревизским или наличным душам того времени, когда происходил этот переход, «по надобности» каждой семьи, по рабочей силе и экономической мощи двора. Одна община сохранила крепостную разверстку ввиду того, что еще не размежевалась с владельцем. С тех пор около 50 обществ путем общих или частных переделов, имевших место в разное время, перешли к новым системам разверстки¹. Большая часть общин разделили землю на наличные души мужского пола, причем чаще всего земля давалась лишь мальчикам, достигшим известного возраста. Часть общин достигали этого путем частных переделов, передавая наделы умерших лиц старшим мальчикам (в с. Красногорье снятые наделы распределяются между всеми вновь родившимися): в одной общине через 3 года, в 3 (с 1874 г.) через 6 лет, в 10 – по мере образования неравенства. Системы разверстки земли для 4 обществ определены в Сборнике не совсем ясно выражениями «по величине и надобности семей», «по численности семей». В 3 обществах в последние годы стали распределять землю «по кормежам», т. е. сообразуясь с числом лиц обоего пола в семье, причем лишь в одной общине, Н. Оптушке, установлено строгое соответствие между величиной семьи и получаемого ею участка; именно на каждые 5 душ обоего пола здесь отводят два надела (прежних, соответствовавших наличным душам мужского пола). При частных переделах земли количество наделов остается то же,

¹ Кроме того, 15 общин, принявшие было наличную разверстку, возвратились к ревизской.

какое было и раньше, т. е. обыкновенно ревизское. Но и относительно большей половины общин, разверставших землю путем общих переделов, известно, что число наделов в натуре они оставляли нетронутым. Это можно сказать о всех (4) общинах, разделивших землю по численности семьи, о всех (3), принявших разверстку «по кормежам», о 9 общинах, наделявших только лиц мужского пола, достигших известного возраста. Совпадение факта неизменности числа наделов с разверсткой земли между старшими наличными душами наводит на мысль, что причиной рассматриваемого явления служит, может быть, тот же мотив, который заставил оставить при переделе прежнее число наделов общество д. Б. Думчино Воинской вол. Чтобы «не иметь противниками передела тех, у кого число наделов при его осуществлении останется неизменным, но величина их уменьшилась бы вследствие раздела земли» на число душ, превышающее ревизское, д. Б. Думчино решила исключать из передела малолеток до такого возраста, чтобы число новых надельных душ совпадало с прежним. Оставление прежнего числа наделов имеет еще известные сельскохозяйственные преимущества и облегчает технику передела – обстоятельства, не оставшиеся без влияния на вышеприведенное решение д. Б. Думчино: этим приемом избегается чрезмерное раздробление наделов и предупреждается ломка при переделах меж. Передел земли сосредоточен в 3 южных волостях, отличающихся хорошей почвой и где удобрение практикуется лишь относительно небольших площадей (5 x 80 кв. с.) ближайшей пашни, которая к тому же при переделе оставалась за старыми хозяевами.

В *Рязанском* у. (исследован. в 1881 г.) всех общин 633, в том числе бывших государственных 40, бывших помещичьих, ныне государственных, 50, собственников 420, временно-обязанных 116, полных собственников 7. Около 90% общин государственных крестьян и около $\frac{2}{3}$ помещичьих населяют южную часть уезда, где арендная цена надела равняется платежам, на нем лежащим, или превышает их. Подушная разверстка практикуется всеми общинами полных собственников, государственных крестьян (кроме немногих общин, расположенных в северной, неплодородной части уезда) и половиной помещичьих – всего почти $\frac{3}{5}$ всех общин уезда; $\frac{2}{5}$ общин (в северной части уезда, где надел не окупает платежей) практикуют тягольную и переходные к ней системы. Подушная разверстка существует в тех общинах, где арендная плата за надел выше или немного ниже податей, ибо при таких условиях крестьяне дорожат землей и стараются взять ее побольше. В тех общинах, где земля очень плоха, находятся крестьяне, охотно берущие землю; но есть несколько десятков общин (до 40), где на всех крестьян земля наваливается силой. При подушной разверстке земля разделяется на ревизские души или наличные, причем иногда принимается

в расчет и женская половина населения, и семьи с большим числом женщин получают больше земли, чем следует по расчету на мужские души. В немногих общинах земля распределяется по работникам; обыкновенно же при тягольной разверстке обращается внимание на хозяйственную силу семьи, ее способность «оправдать подати», «осилить соху», причем на зажиточного хозяина наваливают землю (а следовательно, и подати) только когда больше некому ее передать, «а то, – говорят крестьяне, – ведь и самого богатея задавишь»; иногда наваливают на подростков. Где землей дорожат, там при тягольной разверстке принимается в расчет «наличный состав семьи во всей ее совокупности». В некоторых деревнях Мещерского края, где земля не окупает платежей и где лишний надел готовы взять лишь немногие хозяева, главным образом, в Ушмарской вол., в последнее время стали переходить от потягольной системы к разверстке земли «по согласию», «по милу» (см. выше с. 404)¹.

В Данковском у. (исслед. в 1882 г.) из 18 общин государственных крестьян 9 перешли к разверстке земли по наличным душам, а 9 сохраняют ревизскую систему². Две общины крестьян, переданных в казну от мелкопоместных владельцев, владеют землей по тяглам и 11 – по ревизским душам, 3 общины полных собственников (2–3 двора) владеют землей по ревизским душам; д. Спешнево (31 дв.) Ивановской вол., получившая землю бесплатно, лишь с условием выдавать владелице пожизненно небольшое пособие, пользуется землей по старым тяглам. Из 250 с лишком общин бывших помещичьих крестьян около полудюжины сохраняют тягловую разверстку земли, 4–5 общин после воли разверстали землю по работникам; около дюжины общин хотя разделили ее по ревизским душам, но при последующих отказах со стороны многих хозяев от части надела (умерших душ и т. п.) освободившуюся таким образом землю передавали новым работникам или зажиточным хозяевам, большей частью насильно. Больше 200 (в том числе немало общин, состоящих из нескольких дворов) практикуют раскладку по ревизским душам; около 20 общин в последние годы переделали землю по наличным душам или постановили (в 1882 г.) о том приговор, половина их – собственники, другая в момент передела

¹ Община полных собственников, совершившая передел, д. Глядково (25 дворов) Затишьевской вол., отпущена на волю в 1847 г. с обязательством внести незначительную сумму на богоугодные заведения. Уплата окончена в половине 70-х гг.; крестьяне считают свою землю полударственной. Передел (по каким душам?) был в начале 70-х гг., а через 5 лет поднялся опять вопрос о нем, и хотя за ревизскую разверстку стояло большинство, но последнее сделало своим противникам ту уступку, что при большом числе наличных душ и малом ревизских – домохозяин получал от $\frac{1}{2}$ до 2 лишних наделов. Через 7 лет предположен новый коренной передел, и никто не сомневается, что он произойдет, хотя, говорят крестьяне, «спор при этом будет большой».

² Д. Малинка, владеющая большей частью земли (1326 дес.) по четвертям, 576 дес. душевой земли разверстывает поровну между лошадными дворами, безлошадным же дает $\frac{1}{2}$ пая в лесу и лугу.

находилась еще во временно-обязанных отношениях к бывшим своим владельцам (всех общин временно-обязанных крестьян в уезде насчитывалось около 85). Пять общин перешли в последнее время к смешанной разверстке земли: в Лошаковской вол. д. Елизаветинка (соб.), при выходе на выкуп в 1877 г., разделила землю между взрослыми мужчинами, причем семьям с большим числом ребят и женщин прибавлялось 1–2 души; с тех пор наделы умерших передаются старшим мальчикам; с 1880 г. наделы умерших ревизских душ передаются в с. Гаях (соб.) старшим неревизским мужчинам, д. Дристка (соб.) – наиболее нуждающимся семьям; д. Татищева (соб.) Ивановской вол. с 1880 г. наделы умерших ревизских душ передает старшим мальчикам, а д. Крюковка – неревизским, отдавая преимущество семьям, более нуждающимся в земле.

В *Раненбургском* у. (исследов. в 1882 г.) у государственных крестьян к наличной разверстке перешли две общины, остальные (25–30), равно как и 11 общин, переданных в казну от мелкопоместных владельцев, и две общины крестьян, живущих на собственной земле, сохраняют ревизскую разверстку наделов. Из 230 общин бывших помещичьих крестьян у 3–5 общин наделы разверстаны по работникам, около 10 перешли в последнее время к наличной разверстке, в остальных существует ревизская раскладка, с некоторым отступлением от нее в 15–20 общинах в пользу начала экономической мощи, явившимся вследствие того, что в первые годы после освобождения крестьян многие семьи отказывались от части полученных ими по числу ревизских душ наделов, и община передавала их сильным домохозяевам.

В *Михайловском* у. (исслед. ок. 1885 г.) по единице разверстки земли общины группируются следующим образом¹:

	Государ- ственных	Помещичьих	Перешед. в казну	Полных собствен.	Всего
Ревизская разверстка	4 общ.	197 общ.	20 общ.	3 общ.	224 общ.
Наличная	52 общ.	101 общ.	4 общ.	1 общ.	158 общ.
Жив. рев.-нерев.	–	1 общ.	–	–	1 общ.
По рабочей силе	–	1 общ.	–	–	1 общ.

Сведения о *Егорьевском* у. не отличаются особой точностью и определенностью. В Сборнике приведена следующая таблица распределения общин по системам разверстки.

¹ В общине с. Зайчино Горностаевской вол. «земля поделена по числу ревизских душ в 1881 г. на 10 лет; при этом душевые наделы передавали безземельным смотря по числу едоков в семье».

	По ревиз. душам с пере- делом	без пере- дела	По на- личны. душам	По работ- никам	По числу дворов	Всего
Государ. кр.	72	25	11	—	—	108
Госуд. быв. помещ. кр.	5	13	—	3	2	23
Быв. помещ. (соб.)	150	94	22	182	3	450
Госуд. быв. ком. сооруж. Москов. Хра- ма Христа Спасителя	2	8	—	—	—	10
Полные собствен.	8	7	—	—	—	15

При этом относительно общин, владеющих землей по ревизским душам с переделами, говорится, что производимые ими от времени до времени переделы совершаются «без изменения общего числа раскладочных единиц, по тем же ревизским душам, хотя в большинстве случаев при этом принимается во внимание рабочая сила семей, имущественное их положение и некоторые другие обстоятельства. Этот способ передела в сущности составляет переход к разверстке земли по тяглам или работникам».

В Тамбовской губернии в общинах государственных крестьян земля распределена частью по ревизским, частью по наличным душам. О количестве общин этого разряда (не считая переданных в казну от мелкопоместных владельцев), практикующих наличную разверстку земли, можно судить по таблицам, помещенным на с. 242 и по данным на с. 243. В Борисоглебском уезде, исследование которого производилось в тот момент (1880 г.), когда крестьяне только что приступали к коренным переделам земли, найдено 5 общин, постановивших приговоры о переходе от ревизской раскладки к наличной. Бывшие помещичьи крестьяне черноземных уездов губернии — *Борисоглебского, Усманского, Липецкого, Лебедянского и Козловского* — за немногими исключениями, пользуются землей по ревизским душам; наличная разверстка принята одной общиной Усманского, Лебедянского и Козловского уездов. В остальных уездах Тамбовской губернии среди помещичьих крестьян преобладает смешанная разверстка земли (описание см. на с. 225–226, 232–234), при которой потребительное начало землевладения (ревизская душа) фигурирует наряду с производительным. В некоторых уездах (*Тамбовском, Спасском, Темниковском*) преобладание при этом получает начало потребления (ревизской души), в других (*Моршанском, Шацком*) — принцип рабочей силы. Помещичьи крестьяне *Елатомского* уезда держатся разверстки земли по работникам (на последнего во многих местностях уезда раньше приходилось 2 ревизских надела) с поправками

на состоятельность, так что исправно платящая семья сохраняет надел и при уменьшении рабочего состава. Поэтому на каждый свободный надел является несколько претендентов, и общего правила, регулирующего распределение наделов в промежутки между переделами, для целого уезда не существует. Из приводимых в Сборнике примеров видно, что наибольшим распространением пользуется правило, что уменьшение числа работников в семье ведет к потере лишь при ее несостоятельности, подобно тому как и для получения земли на прибывших работников требуется исправность в платеже податей; в некоторых общинах при этом состоятельный домохозяин может получать надел и на 16-летнего подростка, а несостоятельный не получит его и на женатого мужчину. В одной общине, где землей дорожат мало, ею наделяют подростков и дают на 12-летнего $\frac{1}{2}$ души, на 15-летн. – 1 душу, на 18-летн. – 2 души; в другой общине на 15-летн. – $\frac{1}{2}$ души, 18-летн. – 1 душу, 20-летн. – $1\frac{1}{2}$ души, – все при условии состоятельности семьи. Рабочий возраст одни общины считают с 18 до 60 лет, другие – с 17 лет. Из поволостных обзоров в Сборнике по *Кирсановскому* уезду можно заключить, что приблизительно в 10 волостях ($\frac{1}{3}$ частей всех волостей уезда) помещичьи крестьяне практикуют настоящую ревизскую разверстку; в 6 волостях ревизская раскладка дополняется почти ежегодной передачей наделов умерших или стариков подрастающим работникам; в Красивской и Оржевской волостях строже придерживаются разверстки земли по работникам, почему здесь существует ежегодная передача наделов от одной семьи другой. Лишь очень немногие общины определенно назначили, какой возраст имеет право на то или другое число (1–2) наделов. Так, в с. Воронцовке молодые работники 18–22 лет и старики от 60 лет получают по одному наделу, полные работники по два; в д. Ильинке 2 надела получают работники в возрасте 20–50 лет; более старые получают один надел. Отступление от указанных систем разверстки у помещичьих крестьян черноземных и нечерноземных уездов наблюдается в следующих случаях (см. также с. 248–250). Несколько общин Тамбовского уезда, путем передачи наделов умерших лиц подрастающим работникам, перешли к системе раскладки земли по живым ревизским душам и неревизским работникам. Разверстка по наличным душам мужского пола практикуется 7 общинами Темниковского уезда, 7 Моршанского, 4 Шацкого уезда (из них 2 общины давали надел лицам, имеющим не менее 5 лет от роду), 8 общинами Кирсановского уезда. Одна община Моршанского уезда и одна Шацкого практикуют разверстку земли по едокам (см. с. 403).

Вся крестьянская земля в исследованных уездах *Казанской* губернии, в том числе принадлежащая бывшим однодворцам, вольным хлебопашцам, отставным солдатам, поселенным на особых участках и т. п., находится в об-

щинном владении. В частной собственности крестьян состоит 407 дес. (четвертной и мурзинской земли) в Свияжском уезде, 1 125 дес. (четвертной) в Тетюшском уезде, 361 дес. (четвертной) в Лаишевском уезде; кроме того, на частном праве владеют всей своей землей общества вольных хлебопашцев Старого Девятого Лаишевского уезда и деревни Малой Тюлязи (7 дв. мурз) Мамадышевского уезда. Число общин, принявших ту или иную единицу разверстки, можно видеть из следующей таблицы.

	Свияжский уезд					Тетюшский уезд				
	Число общ. в уезде	Основ. разв. не известно	Земля делится по			Число общ. в уезде	Основ. разв. не известно	Земля делится по		
			ревизск. душам	наличн. душам	работн. и тягл.			ревизск. душам	наличн. душам	работн. и тягл.
Б. госдарственные:										
русские	79	1	22	51	—	27	4	4	19	—
татары	38	—	1	37	—	103	1	3	99	—
чуваши	1	—	—	1	—	43	—	3	40	—
мордва	—	—	—	—	—	5	—	1	4	—
смешанные	—	—	—	—	—	28	—	—	28	—
Итого	118	1	23	89	—	206	5	11	190	—
Б. влад. русские	102	2	76	21	1	56	3	47	5	1
Б. уделн. русские	—	—	—	—	—	3	—	1	2	—
Всего	220 ¹	3	99	110	1	265	8	59	197	1
Б. госдарственные:										
			Казанский уезд			Царевококшайский уезд				
русские	80	7	32	41	—	33	—	29	4	—
татары	192	6	64	122	—	33	—	22	11	—
черемисы	6	—	3	3	—	70	—	59	11	—
вотяки	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
смешанные	8	—	7	1	—	45	—	40	5	—
Итого	288	13	108	167	—	181	—	150	31	—
Б. влад. русские	111	5	96	6	4	5	—	5	—	—
Б. уделн. русские	20	2	16	2	—	23	—	20	3	—
Всего	419	20	220	175	4	209	—	175	34	—

¹ Одна община государственных крестьян, русских, Кураловские однодворцы, 3 двора, разверстывает землю поровну по дворам.

	Свияжский уезд					Тетюшский уезд				
	Число общ. в уезде	Основ. разв. не известно	Земля делится по			Число общ. в уезде	Основ. разв. не известно	Земля делится по		
			ревиск. душам	наличн. душам	работн. и тягл.			ревиск. душам	наличн. душам	работн. и тягл.
Б. госдарст-венные:	Мамадышский уезд					Лаишевский уезд				
русские	53	—	8	45	—	20	2	6	11	1
татары крещ.	18	—	1	17	—	13	1	—	11	1
татары не-крещенные	163	6	22	135	—	70	1	2	67	—
вотяки	21	—	2	19	—	—	—	—	—	—
черемисы	4	—	1	3	—	—	—	—	—	—
смешанные	34	—	4	30	—	21	—	8	13	—
Итого	293	6	38	249	—	124	4	16	102	2
Б. влад. русские	10	—	9	1	—	218	2	182	10	24
Б. удельн. татар.	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Итого	11	—	10	1	—	218	2	182	10	24
Б. удельн. русские	1	—	—	1	—	13	—	8	4	1
Всего	305	6	48	251	—	355	6	206	116	27
Б. госдарст-венные:	Цивильский уезд									
русские	4	—	3	1	—					
татары	9	—	1	8	—					
чувашаи	113	—	12	101	—					
мещеряки	3	—	—	3	—					
смешанные	58	—	5	53	—					
Итого	187	—	21	166	—					
Б. влад. русские	21	—	17	4	—					
Всего	208	—	38	170	—					

Из 220 общин *Казанского у.*, помещенных в графу с ревизской разверсткой земли, у 119 земля разверстана по душам X ревизии, т. е. по надельным ревизским душам, у 94 общин — по ревизским окладным душам, у 4 (1 татарск., 3 б. владельческих) — по ревизским наличным, т. е. с исключением умерших и отсутствующих душ, и в 3 (1 государственная, 1 удельная) — по

ревизским душам, занимающимся земледелием. В общинах *Тетюшского у.*, сохранивших тягловую разверстку, женатый работник получает полный надел, холостой – половину. «При распределении земли по работникам в *Лаишевском у.* почти всегда принимается во внимание состоятельность домохозяина и его исправность в уплате податей».

Приведенная в таблице группировка общин Казанской губ. по единицам разверстки, судя по некоторым замечаниям материалов, которыми мы пользуемся, не совершенно соответствует действительности. Так, о 38 общинах (преимущественно б. помещичьих) *Тетюшского у.*, отнесенных к группе с ревизской разверсткой земли, известно, что они практикуют переверстки, при которых «основанием для изменения числа душ во дворе служит изменение рабочего состава семьи, причем иногда принимается во внимание не только мужская, но и женская сила». Судя по немногим, находящимся в тексте материалов по *Лаишевскому у.* примерам, можно заключить, что в группу общин с ревизской разверсткой земли вошли такие, где наряду с ревизской душой признается право на землю и за неревизскими членами общин. Так, о с. Люткине (б. владельческом) говорится, что при «уравнивании землю делили на 400 душ, которые распределялись между всеми членами общества по согласию мира. Свалка-навалка душ бывает ежегодно, причем мир руководствуется изменениями в рабочих силах семей» и освобождающиеся наделы дает подрастающим парням, а иногда и семьям с большим числом девок; то же самое следует сказать о с. Нижней Казыли 2-е общество (б. владельческие). В удельном с. Шумково в 1883 г. был передел на наличные ревизские души, причем земля давалась и большим семьям, не имеющим мужчин. К такому же заключению приводит нас сравнение данных таблиц со сведениями, почерпнутыми из других источников. Приведенные данные заимствованы из «Материалов для оценки земельных угодий в уездах Казанской губ.», которые собирались не путем подворного исследования. Кроме того, мы имеем описание Конаковской вол. Казанского у., основанное на подворной переписи, произведенной в 1883 г., и данные этого источника позволяют уяснить некоторые стороны предмета, на которые не могло быть обращено достаточного внимания во время исследования, имевшего целью оценку земли, а не полное изучение крестьянского хозяйства. Ниже приводимые дополнения и поправки относятся всего только к одной волости одного уезда, но, конечно, аналогичные исправления при наличности материала могли бы быть сделаны для всех уездов Казанской губернии.

Хотя по своем освобождении помещичьи крестьяне заменили крепостную тягловую систему разверсткой земли по ревизским душам, но впоследствии большая часть общин Кошачковской вол. принуждена была в той или другой мере допустить при разверстке земли, кроме потребительного, уча-

стие и производительного начала, «и в настоящее время почти ни в одной общине не сохранился в чистом виде душевой порядок»; но под тяглом теперь разумеются две «земельных души», а не работник с работницей, как было при крепостном праве, или брачная пара – «венец», «гнездо», по выражению крестьян. Вполне определенные указания на потяговое распределение земли имеется для 8 общин (из 25). Но и в данном случае принимаются в расчет не одни только наличные работники, из которых каждый должен бы пользоваться целым тяглом, а и относительная состоятельность семей, их много- или малодушность, что также является коррективом и при душевой разверстке. Так что у б. помещичьих крестьян нет в чистом виде ни подушной, ни потяговой системы, к той и другой допускаются поправки вследствие самых разнообразных соображений, из которых наиболее видное место следует отвести тому, что несоответствие доходности надела, редко превышающей 3–6 руб., с лежащими на нем платежами заставляет сузить систему подушной разверстки до соответствия с производительной силой (безразлично, мужской или женской) отдельных семей. Общины государственных крестьян (5) и удельных (1) крестьян Кошачковской вол. разделили землю по наличным душам. «Давали всем, – говорят крестьяне, – 70-летним старикам и маленьким, зыбошным; и таких наделяли, у кого не выходило работника, а была сила; коли много работниц – и тем набавляли». Землю получали и семьи, состоящие только из лиц женского пола, при условии, чтобы женщина «смогла землей управлять и с царскими и мирскими повинностями справиться». В с. Самосырове, например, одна такая семья получила две души: одну на хозяйку, как на полную работницу, другую на двух дочерей, из которых одна уже «невестится».

Общины *Макарьевского у.* (исследов. в 1888 г.) сгруппированы по практикуемым ими системам разверстки земли в следующей таблице.

В *Макарьевском у.* обнаруживается зависимость системы разверстки земли, с одной стороны, от доходности надела, с другой – от способа, коим достигается изменение в распределении земли между членами общины. Там, где это изменение совершается с помощью общего коренного передела, первым актом которого является отображение наделов у всех членов союза, а следующим – наделение их земель, – это последнее, как акт совершенно самостоятельный, может быть сделано по такой системе, какая признается общиной всего более соответствующей как экономическим, так и этическим условиям передела, и новое распределение земли может радикально отличаться от того, на смену которого оно явилось. Где же уравнивание землепользования достигается практикой частных переделов – там общий характер системы разверстки определен заранее условиями, может быть уже несуществующими, и пока путем частных переделов прежняя система разверстки земли

	Тягольная				Наличная по душам мужск. пола				ВСЕГО		
	Дробная	С передачей освобождающ. участка старшему безнадельн. м. п.			?	ИТОГО				Переделывать землю не намерены	
		Прием наделов обязательен	Снятие и прием надела добровольно	Снятие надела обязательно по смерти члена семьи		С опр. возраста	Разная доля в зависимости от возраста	В равной доли			
											С передачей освобождающ. участка старшему безнадельн. м. п.
Разряд крестьян и район	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Б. государствен.	1	37	5	11	3	-	-	-	8	4	69
2. Б. удельные	-	5	-	1	1	-	-	-	-	-	9
3. Б. влад. на выкупе	57	91	32	35	10	-	-	-	-	7	246
4. Дарствен.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
5. Полные собствен.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	2
6. Перед. в казну от мелкопомест. владельц.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
1. Ветлужский район	56	96	-	-	9	-	-	-	-	6	169
2. Прочие части уезда	2	38	37	48	5	-	-	-	-	6	159
	58	134	37	48	14	16	2	7	25	12	328

постепенно не видоизменяется в новую, она может оказаться не соответствующей новым экономическим условиям землевладения. Общий коренной передел имел место в 25 общинах (см. графы 6–9 таблицы), и сообразно тому обстоятельству, что почти все эти общины расположены в местности с наивысшей доходностью земли, распределение наделов при этом было сделано по потребительной норме: в 18 общинах земля была дана в равное доле, в 16 – всем лицам мужского пола, в одной – начиная с 2-летнего, в одной – с 8-летнего возраста; в 7 общинах величина надела поставлена была в зависимость от возраста наделяемого, причем в 2 общинах с Чернухи наделению подлежали все души мужского пола, получая в возрасте до 10 лет $\frac{1}{4}$ души, а с 10 лет – полный надел; в остальных к наделению землей привлекались лица по достижении известного возраста; в с. Плотинском полный надел получали лица, начиная с 4-летнего возраста, 3-летние получали $\frac{3}{4}$ души, 2-летние – $\frac{1}{2}$ души и однолетние – $\frac{1}{4}$ души; в Трофимове полный надел давался начиная с 6 л., а мальчики в возрасте 3–6 лет наделялись $\frac{1}{2}$ души; в Коноплянках полный надел получали достигшие 10-летнего возраста, возраст 5–10 лет давал право на $\frac{1}{2}$ души, а 2–5 лет – на $\frac{1}{4}$ души; в Кременках женатый работник принимался в $1\frac{1}{2}$ души, а подросток с 5-летнего возраста – в $\frac{1}{4}$ души; «жалееочи» прибавляли по 14 д. на 3 девочек при одном мужчине; в д. Верхний Красный яр полная душа считалась с 17-летнего возраста, подростки с 10 до 17 лет наделялись $\frac{1}{2}$ души, а мальчики с 4 до 10 лет – $\frac{1}{4}$ души. В 293 общинах уравнение землепользования достигается путем частных переделов земли, и хотя, по отношению к доходности надела, эти общины представляют большое разнообразие (половина этих общин расположена в Ветлужском крае, где надел не окупает или едва окупает платежи, другая – в местностях с довольно высокой доходностью земли), но практикуемые ими системы разверстки земли в формальном отношении очень между собой сходны, отражая условия своего первоначального происхождения. Все эти общины имеют то общее, что в прежнее время земля в них была распределена между членами союза по рабочей силе, почему они сохраняют в настоящее время в большей или меньшей степени характер тягловой разверстки наделов. Поддержание известной равномерности в распределении земли достигается здесь, как мы сказали, при помощи частных переделов, именно, путем передачи освобождающихся участков безнадельным по их старшинству. Различие в доходности надела отразилось на этой системе двояким образом: от нее зависит, во-1-х, будет ли частный передел обязателен или нет, и в первом случае ею определяется обязательность того или другого из двух актов, составляющих в совокупности частный передел (снятие и прием надела); во-2-х, от нее зависит относительная величина участка, получаемого при переделе взрослыми и подростками. В 58 общинах уезда (гр. 1 таблицы), почти целиком расположенных в Ветлужском крае и

принадлежащих к разряду бывших помещичьих крестьян, т. е. в общинах с наименьшей доходностью земли, свалка земли является актом добровольным в том смысле, что желающий может удержать за собой надел на неопределенное время, но не имеет права отказаться от него раньше достижения известного возраста; прием же земли по достижении известного возраста становится обязательным. Обыкновенно рабочий по достижении 50–55 лет «сваливает» с себя часть тягла, а около 60 лет – все тягло; освободившийся же участок «наваливается» на младших членов общины начиная с 10–12-летнего возраста, причем вместе с возрастом увеличиваются и обязательно принимаемые доли земли, так что по достижении полного рабочего возраста (в некоторых общинах – как и во времена крепостного права – только при женитьбе) мужчина получает полное тягло. В 134 общинах (в том числе 92 бывших помещичьих и 96, расположенных в Ветлужском крае), где доходность земли (между прочим, благодаря понижению выкупных платежей) приближается или превышает лежащие на ней платежи (гр. 2), тяговая разверстка земли получила ту особенность, что старики стали пользоваться своим правом сохранения надела за собой даже по выходе из рабочего возраста, а безнадельные охотно принимали освобождающиеся участки, благодаря чему, во-1-х, само собой прекратилась обязательность приема надела и частный передел сделался актом вполне добровольным с обеих сторон; во-2-х, повысился возраст лиц, получающих освобождающиеся участки, до того, что иногда земли недостает даже на женатых работников; в-3-х, постепенно уничтожается дробная накладка тягол и освобождающиеся наделы целиком переходят к старшим по возрасту. В 99 общинах (гр. 3–5), где доходность земли значительно превышает платежи, отчего стремление как сохранить надел за собой, так и получить его достигает значительной интенсивности, – община в интересах безземельных вводит начало обязательности снятия тягла, причем в 14 общинах по достижении 60-летнего возраста старик сохраняет право удержать до смерти только одну ревизскую душу, которой, по мнению крестьян, его будто бы лишить нельзя, а в 85 семья лишается надела лишь по смерти кого-либо из своих членов, и в этом случае освободившийся участок передается старшему подростку – в 37 общинах (гр. 3) безусловно, а в 48 (гр. 4) лишь при условии, если в семье умершего не осталось безнадельного мальчика.

Данные для *Васильского* у. не отличаются большой определенностью. В этом уезде доходность земли выше, нежели в Макарьевском и сообразно этому преобладает система разверстки по потребительной норме. 24 общины государственных крестьян разделили землю по наличным душам¹, а 3 со-

¹ 16 переделов имели место в течение 1870–1875 гг., в следующие 3 года было по 2 передела, в 1882 г. один, а затем переделы совершались лишь в тех общинах, которые уже отступили от ревизской разверстки.

храняют ревизскую разверстку и, вероятно, при ней и останутся. 5 общин бывших удельных крестьян практикуют тягольную разверстку (по рабочим силам), в 2 общинах переделов не производится. В 9 общинах бывших владельческих крестьян, получивших дарственный надел, сохраняется старая разверстка земли, одна применяет тягольную (по рабочим силам), одна ревизскую. Из помещичьих крестьян, состоящих на выкупе, относительно 26 общин система разверстки неизвестна, в 6 – со времени выхода на волю не было ни переделов, ни переверсток, в 7 – земля при помощи общих переделов раскладывается по ревизск. душам (?), в 23 – земля распределена по работникам, а освобождающиеся со смертью работника наделы (в некоторых общинах полтягла снимается по достижении 60-летнего возраста) передаются старшим подросткам. В остальных общинах бывших помещичьих крестьян, состоящих на выкупе, системы разверстки земли построены в большей или меньшей степени на потребительном начале: в 8 общинах принята разверстка по наличным душам, в 3 – неревизские души получают при переделе $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ надела; в 90 общинах (49 принимают за разверсточную единицу ревизскую душу, 23 – наличную, 17 – смешанную, при которой число разверсточных единиц превышает число ревизских душ, но не достигает наличного) характер землевладения определяется тем, что надел умершего передается кому-либо другому: в 42 общинах старшему подростку, в 9 – то же, но часть надела или даже весь остается, по усмотрению общества, в семье умершего; в 38 общинах «распределение наделов производится по усмотрению общества, в зависимости от числа едоков и общей исправности хозяйства. При исчислении едоков принимается во внимание их возраст».

В *Княгининском у.* (исслед. в 1887 г.) общин бывших государственных крестьян 35, удельных 18, переданных в казну от мелкопоместных общин по смерти лица, за которым числится земельный надел, последний передается старшему безземельному подростку. «При этом в некоторых общинах не дается никакого преимущества для той семьи, за которой числилась земля прежде, в других – надел передается в чужие руки лишь в том случае, если в семье, где освободилась душа, нет безнадельного подростка мужского пола». В некоторых общинах передача освободившихся наделов производится с некоторыми отступлениями от описанного правила или вовсе без определенной системы, по усмотрению мира. В немногих общинах передача вовсе отсутствует. В 27 общинах были общие переделы по наличным душам; в 17, где тоже наблюдается общий передел, к прежнему числу душ, на какое была разделена земля, прибавлено несколько подростков.

В *Московской губ.* (исследов. в конце 70-х гг.) по системе разверстки общины распределяются следующим образом. Тягольная разверстка практикуется приблизительно в 75% общин губернии (всех разрядов), из них

$\frac{3}{4}$ делят землю по работникам («побратно»), а $\frac{1}{4}$ практикует дробную разверстку. Подушная разверстка практикуется в 4% общин – полных собственников, бывших государственных и удельных. Смешанная разверстка наблюдается у 21% общин, состоящих почти исключительно из бывших государственных и удельных крестьян.

Основания разверстки земли известны для 460 общин из всего числа 620 общин *Вяземского у.*, в числе которых бывших государственных крестьян 17 общин. Шесть из этих последних и 140 общин крестьян бывших помещичьих разверстывают землю по ревизским душам; около 200 общин бывших помещичьих крестьян практикуют разверстку тягольную, в форме разверстки по работникам, причем не больше 10 деревень наваливают $\frac{1}{2}$ надела не только на полносильных, женатых работников, но и на парней 18–20 лет до женитьбы и «призыва». Около 65 общин бывших помещичьих крестьян, принявших сначала ревизскую раскладку, перешли потом к смешанной путем распределения между членами общины брошенных некоторыми из них наделов. Основание этого распределения отличается неопределенностью: в одних случаях принимается во внимание потребность крестьянина в земле, в других – его хозяйственная сила и т. п.; многие двory остаются при отведенном им первоначально ревизском числе наделов; известную роль при этом играет «согласие». Начало «согласия» довольно последовательно проведено в 11 общинах бывших государственных крестьян, где каждый общинник получает столько земли, сколько он выразил желание взять ее. «Общины, принявшие после ревизской разверстки смешанную, как только настает неотложная нужда в переделе, обыкновенно переходят к разверстке по хозяйственной силе; к ней же переходят и общины, практиковавшие раньше разверстку потягольную, а теперь, ввиду усилившихся требований на землю, желающие сохранить наделы, доставшиеся хозяйственным дворам». «В определение хозяйственной силы двора входит и учет его рабочих рук, и учет основного и оборотного капитала, прилагаемого к земледелию: количество и качество скота, качество хозяйственных орудий, количество средств, затрачиваемых на аренду вне наделной земли, и пр.». Разверстка по хозяйственной силе имеет то преимущество, что она довольно устойчива, так как хозяйственная сила двора изменяется не быстро. К этой разверстке пришли 40–50 общин, а некоторые другие находятся на пути к ней.

В *Ямбургском уезде* (исследов. в 1882 г.) государственных крестьян 20 селений, бывших помещичьих 281, переданных в казну от владельцев мелкопоместных 3, водворенных на собственных землях 14 селений. Этот последний разряд состоит из крестьян, выкупившихся на волю в 40-х годах с принятием на себя долговых обязательств, по которым они и в настоящее время уплачивают еще проценты на погашение. Каковы единицы

разверстки в обществах Ямбургского уезда – неизвестно, а из данных по 257 селениям видно, что 106 совершили передел (по каким единицам и действительно ли передел, а не жеребьевка – в материалах не говорится) после того передела, который был во время X ревизии или при освобождении. По разрядам крестьян селения распределяются на совершившие и не совершившие передел следующим образом:

	Не делились	Делились в	
		1864–1873 гг.	1874–1882 гг.
Собственники	109	35	38
Временно-обязанные	19	4	7
Бывш. мелкопоместн. владельц.	2		
Водворенные на соб. земл.	12		1
Бывш. государственные	10		3
	152	39	49

Процент переделавшихся в группе помещичьих крестьян достигает 40, государственных – 30. Наибольшее число переделов было в 1872 и 1882 гг. Переделы распространены по преимуществу в местностях с плохой почвой. В *Гдовском* у. (исслед. в 1882 г.) общин бывших государственных крестьян 298, государственных бывших помещичьих 28, бывших удельных 83, бывших помещичьих 815, водворенных на собственной земле 15, всего 1239. Земля распределена сообразно рабочей силе – во многих общинах при помощи частных коренных переделов. В *Петергофском* уезде преобладают помещичьи общины (206), за ними следуют удельные (162), государственные (7) и колонистские (6). Население русское и финское. О системах распределения земли в общинах, не производивших переделов, ничего не сказано; в тех же, где переделы имели место, земля развешивалась по работникам или экономической силе двора. Переделы имели место в помещичьих и удельных общинах. Первые переделы совершились в 1868–1869 гг. в 5 общинах помещичьих и удельных крестьян, в 1870 г. переделали свои поля 5 общин, после того переделы продолжались ежегодно; особенно много было их в низовых волостях (отличающихся неблагоприятными естественными условиями для земледелия, особенно интенсивного) в половине 70-х гг., в нагорных – в конце их (исследование уезда производилось в 1881 г.). Широкое распространение переделы земли получили, между прочим, в Ораниенбаумской вол., отличающейся интенсивным хозяйством, где введены многопольные севообороты и травосеяние. В *Шлиссельбургском* уезде (исслед. в 1882 г.) из 184 общин 8 бывших

удельных, 6 государственных, 13 бывших ведомства коменданта Петропавловской крепости, 156 бывших помещичьих. В 3 общинах удельных крестьян, не занимающихся хлебопашеством, земля разделена по работникам с ежегодными исправлениями, в одной земля разделена по работникам в 1865 г., 4 с. государственных крестьян Колтушевской волости, благодаря обилию земли и неразвитию земледелия, пользуются землей на правах захвата. В деревне Липки Ивановской волости, не занимающейся земледелием, ближайшая к деревне земля разделена по приговорам сельского схода 1880 г. на 9 разрядов по качеству, и из каждого из них всякий хозяин получил участок, несколько менее десятины. У помещичьих крестьян известны случаи переделов: у русских: в с. Анненском Ивановской волости в 1878 г. земля разделена по работникам, в Чертове (Ивановской волости) в 1878 г. – между «плательщиками»; в д. Березовке Поречской вол. в 1876 г. совершили передел для отвода земли вновь прибывшему односельчанину-солдату; у финнов в 4 селах были переделы, при которых производилось «уравнение количеств владеемой отдельными дворами земли с наложенными на них платежами». В материалах упоминается еще о переделах в нескольких селах, но что это были за переделы – преследовалось ли ими количественное или только качественное уравнение землепользования – неизвестно. Каким образом распределена земля в остальных общинах – в наших материалах не сказано: вероятно, по ревизским душам. Что касается крестьян Токсовской волости, бывших коменданта Петропавловской крепости, до сих пор остающихся во временно-обязанном положении, то отдельные дворы владеют теми участками, какие они получили от вотчинного управления в прежнее время и наделение которыми частью было совершенно независимо от крестьян. Большая часть покосов подвергается здесь, однако, переделам.

В *Петербургском* уезде (исследов. в 1882–1885 гг.) помещичьих крестьян считается 10 672 души м. п., государственных 770, ведомства Охтенских пороховых заводов 440 дв., ведомства Сестрорецкого оружейного завода 1714 д., ведомства Александровской мануфактуры 2074 д., ведомства Александровского механического завода 393 д., ямщиков 638, немцев-колонистов 1215 душ. В финских селениях (бывшие помещичьи крестьяне) «участки пашни и покосов в огромнейшем большинстве случаев находятся в пользовании тех же семей, которые пользовались ими еще при крепостном праве». Переделы (чаще покосов) при освобождении имели место лишь в тех селениях, где были произведены отрезки земли, а после того в 3 селениях. Из приведенных случаев, однако, нельзя заключить, были ли это действительные переделы, с изменением количественного отношения между участками разных семей, или, что вероятнее, жеребьевки. В 4 селениях ежегодно производится передел (какой?) покосов. Сдача отдельными хозяе-

вами своих участков в аренду может быть сделана лишь с согласия общества. Насильственное накладывание душ встречается как исключение. В русских обществах бывших помещичьих крестьян в общем пользовании в большинстве случаев остались только выгоны, в 3–4 обществах, кроме того, часть покоса и лес; в остальных деревнях и эти угодья разделены между дворами, как и пахотная земля, по ревизским душам и не подвергаются переделу, и крестьяне смотрят на землю как на личную собственность тех, кто ею пользуется в настоящее время. Среди остальных разрядов крестьян, не перешедших к подворному владению, община довольно крепка. За нижеуказанными исключениями, эти общества пользуются землей по ревизским душам, причем общество ямщиков Московской слободы (усадебных которых находятся в черте г. Петербурга) в раздел между ревизскими душами пускают плату, получаемую за сдаваемые в аренду выгон и покос (пахотной земли общество не имеет), а в Смоленской общине ямщиков, выкупившей землю в полную собственность на основании закона 16 января 1862 г. (т. е. по крепостному акту с палатой государственных имуществ), первый передел (по ревизским душам) сделан был в 1881 г. с уговором повторять передел каждые 10 лет; раньше этого участки земли переходили преемственно от деда к отцам и детям, времени передела не помнят даже старики. В с. Рыбацком (крестьяне бывшие Александровской мануфактуры, находившейся в ведении Опекунского совета воспитательного дома, и получившие надел на основании положения о помещичьих крестьянах), получившем на 1093 души 1538 дес., в 1878 г. произведено было наделение землей неревизских душ, не трогая наделов живых ревизских душ: 228 неревизских душ получили усадьбы в наделы от умерших родственников ревизских; остальным 339 душам были переданы наделы остальных 208 умерших ревизских душ и еще не разделенная общинная земля, что составит приблизительно такой же душевой надел, какой имеют и ревизские души; таким образом, фактически здесь совершался передел по наличным душам. В Усть-Ижорской волости оба селения – Усть-Ижора (кр. бывшие Александровской мануфактуры) и Усть-Славянка (бывшие государственные, выкупившие землю на основании закона 16 января 1862 г.) – до последнего времени пользовались землей на правах вольной заимки, обращая кустарные заросли в культурную площадь и распоряжаясь ею произвольно. Развившаяся вследствие этого неравномерность землевладения заставила бедняков добиваться передела, который и был произведен в Усть-Славянке в 1881 г. по наличным душам м. п. В Усть-Ижоре идет жестокая борьба за передел, причем богачи употребляют всевозможные средства (вроде ареста лица, поднимающего вопрос на сходе, как пьяного), чтобы не допустить до формальной постановки вопроса о переделе на сходе. В общем можно ска-

зять, что среди помещичьих крестьян утрачивается сознание принадлежности земли обществу, среди остальных крестьян оно довольно живо.

(О системах разверстки в *Лужском* у. см. гл. IV).

В *Калязинском* у. 674 общины (88% всего числа общин), о которых имеются определенные сведения и которые состоят более чем из 5 дворов, – по системам разверстки земли группируются следующим образом:

	Б. госуд.		Б. помещ.		Б. удельн.		Полн. соб.		Всего	
По ревиз. д.	113 общ.	39,5%	72 общ.	20,3%	4 общ.	100%	1 общ.	3,3%	190 общ.	28%
Переходная	68 общ.	23,8%	63 общ.	17,8%	–	–	3 общ.	10%	134 общ.	19,9%
По работн.	45 общ.	15,7%	178 общ.	50,3%	–	–	22 общ.	73,4%	245 общ.	36,3%
По силе	48 общ.	16,8%	36 общ.	10,2%	–	–	3 общ.	10,0%	87 общ.	13,1%
По налич. д. м. п.	11 общ.	3,9%	1 общ.	0,3%	–	–	–	–	12 общ.	1,8%
По едокам	1 общ.	0,3%	–	–	–	–	1 общ.	3,3%	2 общ.	0,3%
Поровну на дв.	–	–	4 общ.	1,1%	–	–	–	–	4 общ.	0,6%
	286 общ.	100%	354 общ.	100%	4 общ.	100%	30 общ.	100%	674 общ.	100%

Группа переходной системы разверстки обнимает случаи, где или при первоначальном распределении земли по ревизским душам допускались некоторые отклонения от ревизского начала (например, давалась земля николаевским солдатам, наделялись сравнительно большим или меньшим участком семьи, где произошло со времени ревизии изменение численного их состава) или, что чаще, это отклонение явилось впоследствии как результат передачи упалых душ исправным хозяевам (по их желанию или насильно) и случающегося иногда выдела кому-либо из хозяев земли на подростка, работника путем отрезки от полос остальных хозяев. Разверстка по работникам обнимает и случаи дробной разверстки, имеющей особое распространение в Белгородской и Талдомской волостях с развитым сапожным и башмачным промыслом, в котором участвуют и подростки, причем в некоторых общинах этих волостей часть полного надела накладывают не на всех мальчиков, достигших 13–15 лет, а только на состоящих башмачниками на жалованье. Рабочий возраст обыкновенно считается с 18 до 60 лет, в некоторых общинах 18-летние получают половину надела, другая дается им, когда выяснится вопрос об отбывании ими воинской повинности; в некоторых общинах полное тягло накладывается после женитьбы, в некоторых общинах тягловой возраст ограничивается 55 годами. Иногда принимаются в расчет платежная способность и количественный состав семьи. Часть общин, практикующих разверстку по работникам, имеет зем-

лю, не окупающую платежей, вследствие чего держание надела является здесь обязанностью; в другой (постепенно растущей на счет первой) земель дорожат и достижение рабочего возраста дает члену общества право на получение надела; во многих из этих общин достижение преклонного возраста ведет к обязательной утрате надела. В таких общинах тягольная разверстка утвердилась в то время, когда земля не окупала платежей. При разверстке земли по силе, кроме рабочего состава семьи, принимается в расчет ее зажиточность, богатство скотом и т. п. «Оценка хозяйственной силы отдельных дворов иногда осложняется личным их участием в ней и согласием на принятие известного числа душ; выходит в этом случае разверстка по силе и любовному согласию». Разверстка по едокам принята д. Зверевой Плещеевской вол. и Нурома Талдомской вол. (обе госуд., 10 и 56 дв.). Разверстка по дворам встречается в мелких общинах и зависит обыкновенно от более или менее одинаковой хозяйственной силы всех дворов. В д. Зыковской Плещеевской вол. при переделке по наличным душам в 1877 г. решили давать землю с 6-летнего возраста ввиду того соображения, что очень маленькие дети потребляют слишком мало для того, чтобы их уравнивать в правах на землю с взрослыми¹.

Глава VI

Состав лиц, участвующих по разверстке в пользовании мирской землей. Степень равномерности распределения земли при ревизской и наличной разверстке

При общих переделах земли, имевших место в прежние времена, надел отводился всякому лицу мужского пола, записанному при данном обществе в очередную ревизию. С тех пор состав владельцев значительно изменился частью по причине выселения некоторых членов общины и выморочности многих участков, частью вследствие допущения обществом в свою среду посторонних лиц, а также под действием обычаев, ограничивающих пользование землей женщин и регулирующих пользование наделами сирот-мальчиков, частью по причине лишения наделов недоимщиков и т. д. Общины, держащиеся ревизской разверстки земли, или перейдут понемногу к другим системам, или превратятся в подворные владения. Поэтому особый интерес для нас имеют правила, обуславливающие распределение земли между членами не этих общин, а тех, которые совершили коренной передел; к ним-то мы прежде всего и обратимся.

¹ В Елабужском у. Вятской губ. при переделах, начавшихся и получивших широкое распространение в 80-х гг., принималась система разверстки по наличным душам или «по заможности» хозяев.

В противоположность прежней общине, знавшей только разверстку по ревизским, т. е. мужского пола душам, или по тяглам, новая в этом отношении представляет большое разнообразие. Мы можем наблюдать в ней разверстку по душам мужского пола с того или другого возраста, по едокам, по потребностям семьи, по ее силе, по согласию и т. д. Разница между старой и новой общиной заключается еще в том, что, тогда как первая распределяла землю, обыкновенно строго придерживаясь принятой системы, вторая допускает при этом многие отступления. Поэтому состав владельцев в новой общине зависит не только от принятой единицы разверстки; при одной и той же системе он изменяется в зависимости от второстепенных положений, какими руководствуется община при переделе. В силу этого последнего обстоятельства состав владельцев частью расширяется, частью сокращается сравнительно с тем, каким он должен быть при последовательном проведении какого-либо одного основного начала.

Такое различие новой общины и старой зависит, прежде всего, от того, что в последней передел был (по сознанию массы, а частью и правительства, которое старалось не допускать переделов вне ревизии) актом государственной власти, которая определяла и время его (ревизия), и систему разверстки земли (душа мужского пола, зарегистрированная переписью), в первой же передел совершается по свободной инициативе мира, по его собственному разуму, и потому распределение земли между членами общины способно отражать все влияния, действующие на крестьян как членов общинного союза. Затем, в прежние времена, в силу постоянства характера социально-экономической жизни страны, изменения в занятиях населения совершались медленно, переселения регулировались властью и своевременно сопровождалась перечислением выселенцев из одного общества в другое; по этим причинам состав каждой общины был довольно постоянен, и юридический ее состав обыкновенно соответствовал действительному. Иначе говоря, ревизия давала юридическую санкцию наличному составу общества и переделу оставалось только распределить землю между лицами, живущими на местах, а если и находящимися в отлучке, то сохраняющими живые связи с общиной и остающимися ее несомненными членами. В пореформенное время обстоятельства радикально изменились. Натуральное хозяйство стало обращаться в денежное, патриархальное – в коммерческое со всей неустойчивостью, свойственной работе на неопределенные рынки, в числе которых фигурируют и иностранные. Положение, занятое правительством по отношению к экономической обстановке народного производства, привело к возможности потери устойчивого состояния земледельца, даже если бы общая атмосфера экономической деятельности страны сохранилась прежняя. Благодаря указанным обстоятельствам нарушение прежней

однородности состава деревни пошло быстрыми шагами, за ним следовало изменение личного ее состава – уход одних крестьян, прибытие других. Эти изменения уже никем не регулировались и не регистрировались и не имели прочности изменений прежнего времени. Один крестьянин ушел, по видимому, навсегда, но он продолжает числиться на общине, а смотришь – через 10–20 лет вернулся и потребовал надел; другой отправился только на заработок, сдав полосу на год в аренду, но проходит год, другой, третий, а его нет, и его истощенный участок остался на руках мира, которому решительно неизвестно, где его владелец и вернется ли когда-нибудь обратно; третьи хотя остаются на месте, но превратились в безнадежных недоимщиков, бросивших хозяйство и перебивающихся сторонними заработками. Действующие земледельцы переобременены как быстро возрастающими налогами, так и обязательством уплачивать подати за землю, оставленную «шалтаями», «гуляками».

Итак, известность или непостоянство действительного состава общины и противоречие между последним и юридическим ее составом, между числящимися в общине членами и фактически принадлежащими к ней – является первой и главной причиной тех ограничительных мер, какие принимает община при переделе, как дополнение к системе разверстки, выработанной для нового равнения. Приступая к распределению земли по этой системе и встречаясь с фактом отсутствия массы членов общины, мир должен принять какие-либо меры употребления отводимых им наделов или исключить из передела тех из них, судьба которых ему неизвестна. Но вместе с отходом на сторону многих членов мирского союза наблюдается и явление, прямо противоположное.

В современной деревне рядом с коренным населением есть немало лиц, явившихся со стороны, юридические права которых на землю сомнительны; это – приписанные к обществу для счета, принятые в зятья, усыновленные, приводные, незаконнорожденные дети и, наконец, просто посторонние лица, давно живущие в общине. По отношению к этим лицам общины поступают различно: одни из них дают им землю, другие – нет. Наконец, есть общины, обращающие при разверстке земли внимание на то, исправны ли их члены в платежах, занимаются ли хлебопашеством и даже – каково их поведение.

Всего более распространено исключение из числа лиц, получающих землю, отсутствующих членов общества. Главными мотивами сказанного служат известность личного состава, а иногда и самого существования названных членов, недоимки, лежащие на них, и, наконец (гораздо реже), желание, чтобы мирская земля равномерно распределялась между фактическими членами общины, а не скоплялась в руках немногих, тем или иным

способом успевающих завладеть наделами отсутствующих лиц. В очень многих, если не большинстве, случаях распоряжение землей, если бы таковая и была отведена отсутствующим, все равно лежало бы на обществе, так как «шалтай» обыкновенно давно живут на стороне и прекратили с родной деревней деловые связи. Для них поэтому безразлично, отведена на их долю земля или нет, и таковая понадобилась им лишь в случае, если бы они возвратились назад. Ввиду подобных соображений община обыкновенно исключает из передела не всех отсутствующих, а лишь тех, относительно которых имеются некоторые основания предполагать, что они не вернуться: отсутствующих дольше известного срока (например, 15–20 лет), не обновляющих паспортов, живущих на стороне всей семьей и т. п. В других обществах надел отводится всем отсутствующим, но по числу не наличных, а значащихся за ними ревизских душ (может быть, по причине неизвестности наличного их состава) или в уменьшенном размере. Весьма часто отводимая на их долю земля отличается худшим качеством и нарезается особо – в одном сплошном участке – для удобства сдачи ее в аренду. Некоторые из общин, не отводивших при переделе шалтаям земли, делали постановление, что, по возвращении их в село, им будет выделен соответствующий участок; иногда, впрочем, крестьянину, возвратившемуся в промежуток между двумя переделами, для получения земли приходилось обращаться к начальству¹. В известной связи с вопросом о наделении земель шалтаев стоит вопрос о наделении недоимщиков и неисправных плательщиков податей.

Если при переделах общество не отводит земли шалтаям, то это главным образом по причине того, что они не только не пользуются лично землей, но и не платят податей. Другая часть недоимщиков, не занимаясь самостоятельно хозяйством, пробивается в родном селе поденными работами, службой в батраках и т. п.; наконец, известная часть неисправных плательщиков готова бы заниматься хозяйством, да не имеет силы сделаться настоящими земледельцами. Так как с пользованием землей связаны известные платежи, которые, в случае неисправности отдельных лиц, ложатся на весь мир, то обществу предстоит отнестись к неплательщикам или как несамостоятельным членам, требующим мир призрения, и в таком случае отводить им наделы бесплатно, как они отводятся иногда вдовам, престарелым, сиротам и т. п., или считать их за самостоятельных членов союза и отбирать у них землю, за которую они не вносят платежей. Обык-

¹ Юридическое право общества лишать земли отсутствующих членов общества подтверждено Ук. Прав. Син. по частн. делу 1887 г., № 2171, по которому «Общество в силу 6 п. 51 ст. Общ. Полож. имеет право отобрать весь земельный надел отсутствующих своих членов и передать во временное распоряжение другим лицам, но обязано возвратить наделы прежним владельцам в случае возвращения их в общество».

новенно общества становятся на вторую точку зрения, а нередко и сами маломочные крестьяне, опасаясь запущения недоимок и не особенно дорожа надельной землей, отказываются от всего или части участка, приходящегося им по общественной разверстке.

Ограничение права на надел недоимщиков и слабосильных членов общины наблюдается в общинах как с наличной, так и с ревизской разверсткой земли; кое-где это достигается при помощи правильно повторяющейся свалки-навалки душ (см. гл. VII). В особенности распространено явление лишения земли недоимщиков в *Самарской* губ., где благодаря неурожаем образовалось много разорившихся хозяев, забросивших землю, платежи за которую должны вносить остальные члены общества. «Обыкновенно масса недоимщиков (*Бугурусланский* у.) давно забросили свои хозяйства и шляют неизвестно где, оставив на шее своих однообщественников всю тяжесть уплаты недоимок». «Ряд неурожайных последних лет, высокие арендные цены на землю, недостаточность наделов у бывших помещичьих крестьян или наделы, не окупающие связанных с ними платежей, повлекли за собой накопление недоимки»; слабосильные хозяева с каждым годом «отбивались от земли, сделались нерадивыми к ней; они стали за бесценок сдавать наделы шабрам из податей на год, а сами уходили на сторону, где они живут поденщиной; а между тем, мир отвечает за них в платеже податей» (*Ставропольский* у.). Такой «пустовой» земли, которой не пользуются их владельцы, насчитывается в *Самарском* у. 6778 душ, или 9,5% всего числа душевых (ревизских) наделов, в *Ставропольском* у. – 13 880 душ, или 19%, в *Бузулукском* – 14 700, или 11%. «В случае дурнокачества надельной земли и несоответствия доходности ее с размером платежей, пустовые души служат сущим бременем для общества, обязанного вносить за нее все платежи. Прежде водкой поили тех хозяев, которые соглашались брать пустовую душу», – говорят крестьяне *Самарского* у. «Пустовые души в *Бузулукском* у. составляют сущее бремя для тех общин, в которых они не оправдывают платежей; таких числится в уезде 35 – преимущественно крестьяне б. помещичьих; большая часть этих пустовых душ наваливается на сильных домохозяев. Некоторые общины ждут, как светлого праздника, того момента, когда к ним явятся переселенцы и сядут на пустовые души. В общей сложности только в 6 общинах б. государственных крестьян пустовые души не составляют бременя для общества и остаются в пользовании наследников». Вместе с накоплением пустовых душ на обществе накапливается и недоимка, в первой половине 80-х гг. доходившая в *Ставропольском* у. в среднем до 13½ руб. на работника, в *Бугурусланском* – по 17 руб. Это переобременение обществ платежами побуждает крестьян принимать меры предупреждения дальнейшего накопления недоимки, в числе которых на первом плане стоит

отобрание земли у недоимщиков (весьма часто с собственного их желания) и отведение уменьшенных наделов слабосильным хозяевам – неисправным плательщикам податей¹.

Некоторые общины лишают земли крестьян, хотя бы живущих на месте, но не занимающихся хлебопашеством. Так, в *Херсонском у.* общество с. Залесья (госуд.) при переделе по наличным душам 1880 г. не дало земли сиротам, не занимающимся хозяйством, а живущим в услужении. В *Елецком уезде*, в с. Покровском (соб.) Дрезгаловской вол. при переделе 1885 г. на 123 живые ревизские души и 8 неревизских не получили земли, кроме 9 семей отсутствующих, и 2 семьи, живущие в селе, занимающиеся промыслом и потому землей не особенно интересующиеся; в сл. Подмонастырной (гос., 42 дв.) Ламской волости при переделе 1884 г. по душам обоего пола «те наделы, которые достались семьям, не ведущим хозяйство, решено оставить на обществе и употреблять на общественную запашку или отдавать наиболее нуждающимся; хозяевам же этих наделов выдавать ежегодно по 6 руб. на душу» (из приговора). В с. Агайманы (старое) *Мелитопольского у.* при переделе 1873 г. давали землю всем наличным душам, а в 1882 г. не дали бездомовым и бесхозяйным. Община татар полных собственников с. Теберти *Симферопольского у.* ежегодно разверстывает землю между жителями села (хотя бы и не имеющими права на землю), желающими ее распахать; «хозяин, не могущий вспахать или вообще разрыхлить землю хоть лопатой, не может получить даже незначительной полоски». В 3 общинах *Казанского уезда* (1 б. гос., 1 б. удел. кр.) землю получают лишь те ревизские души, которые занимаются хлебопашеством. Две мордовские общины *Хвалынского уезда* отнесли к категории безнадельных – престарелых и калек, которые не в силах держать и обрабатывать землю.

В *Мелитопольском у.* при переделах по наличным душам не получают земли лица, существование которых за продолжительной отлучкой нельзя констатировать, а в некоторых общинах и давно отсутствующие, хотя бы существование их и было известно обществу. Собственно говоря, не много найдется таких общин, которые бы не проводили никакого различия между

¹ По ст. 188 Общ. Полож. о крестьянах, общество имеет право отобрать у недоимщика весь надел лишь после того, как применение других мер (обращение на возмещение недоимки дохода с недвижимого имущества недоимщика, отдача последнего в посторонние заработки, определение к нему опекуна) окажется недостаточным для пополнения недоимки. Частью же надела общество может распорядиться при скидке и накидке тягол по своему усмотрению и во всякое время в силу 6 и. 51 ст. Общ. Полож. и 160 ст. пол. о выкупе (Ук. Пр. Сен. по ч. д. 2 окт., 1887 г.). По ст. 189, «если бы недоимка, лежащая на крестьянине, не была пополнена к 1 октября, то она раскладывается сельским сходом на прочих крестьян того же общества и должна была очищена непременно до 15 января следующего года, т. е. к концу льготного срока, предоставленного плательщикам для взноса денег за вторую половину года».

«шалтаями» и оседлыми своими членами и нарезали тем и другим наделы чересполосно. Во многих общинах, где шалтаям отводится земля, она все-таки отрезывается особо и обыкновенно худшего качества, между прочим, потому что, за отсутствием из селения, они не несут натуральных повинностей. В других общинах шалтаи, не явившиеся к переделу или не пришедшие доверенности и заявления о числе душ в их семьях, получают землю не при переделах, а по мере их возвращения, и тогда участки нарезаются им из толоки; однако в Нижних Серогозах шалтаи, явившиеся в село после передела, получили землю лишь после жалобы в присутствии по крестьянским делам. В с. Агайманах в передел 1882 г. по наличным душам лишены земли недоимщики, бесхозяйственные и бездомовые; несколько недоимщиков не получили земли и при переделах 1883 г. в с. Н. Троицком (новое). В *Бердянском у.* ограничение права на получение наделной земли замечено в 15 селах (7 старых и 8 новых), составляющих 19 общин: 14 с наличной разверсткой земли, 4 – со смешанной и 1 с ревизской; 15 общин с наличной или налично-ревизской разверсткой не давали наделов лицам, живущим на стороне (в общине № 11 с. Поповки – отсутствующим больше 3 лет); при этом относительно 5 сел известно, что по возвращении отсутствующих им отводили наделы: в с. Андреевке Андреевской вол. (нал. разв.), Николаевке (2 общины с наличной разверсткой) Николаевской вол., в Н. Михайловке (смешанная рев.-нал. разверстка сроком на 10 лет) – в конце клиньев; в с. Дмитриевке Покровской вол. – отрезкой по 1 десятине от участков 6- и 7-душников. Сложная община из с. Салтычихи и х. Обиточного (наличная разверстка) Поповской вол. лицам, живущим в Крыму или на Дону (где они занимаются хлебопашеством на арендованных землях), или вовсе не дает земли, или отводит $\frac{1}{2}$ надела на душу. С. Копани Сладко-Балковской вол., принявшее налично-ревизскую разверстку земли, лицам, не живущим в селе и не имеющим там дома, дает землю только на ревизские (живые) души, а не наличные; с. Владимировка (133 дв., Покровской вол.), образованное в 60-х гг. выходцами из Бессарабии и разверставшее землю по ревизским душам, не дает земли проживающим на стороне даже по их возвращении в село. В с. Воскресенском Н. Васильевской вол. (новая община, 182 дв., надел 8,9 дес.) в передел по наличным душам 1883 г. сход (состоявший главным образом из стариков) давал меньше, чем следовало, земли беднякам – неаккуратным плательщикам, благодаря чему число разверсточных единиц осталось почти то же, что и в передел 1878 г.; по этой причине передел 1883 г. имеет много противников. Для *Днепровского у.* известны следующие ограничения прав на получение наделов. В с. Каирах Каирской вол. при переделе по наличным душам 1884 г. лица, отсутствующие больше 20 лет, не получили вовсе земли, а участки 208 душ, не живу-

щих в селениях меньше 20 лет, отведены особо и сдаются в аренду в пользу мирской кассы. В с. Малые Копани (Челбасской вол.) в передел 1883 г. лишены земли лица, проживающие на стороне и причисленные к обществу с земельным наделом. В с. Маячка (ревиз. разверстка) 34 недоимщика лишены в 1883 г. земли на период времени до жеребьевки 1887 г., с условием, что если в течение 2 недель они покроют недоимку, то получают наделы обратно. В *Херсонском у.* в общине государственных крестьян с. Заселья в передел 1880 г. не получили земли лица, живущие на стороне. В уезде встречаются случаи снятия наделов с неплательщиков; особенно часто повторялись они прежде, когда земля не окупала лежащих на ней платежей. «В обществах, где более сильно уважение к праву частного владения, громада предоставляет самому неплательщику войти с кем-либо в соглашение» по сдаче части или всего своего участка. При переделе 1886 г. в с. Новой Буге (государствен. крест.) неплательщики получили по 2 дес. на душу вместо $4\frac{1}{2}$, причем постановлено, что по уплате недоимки они получат и остальную землю. Недоимщики иногда лишаются земли в общинах *Ростовского* и *Бахмутского* уездов; в последнем при сдаче общественной земли в аренду соблюдается правило, чтобы арендаторы принадлежали к числу зажиточных хозяев как исправных плательщиков податей. В *Славяносербском у.* в общинах с ревизской разверсткой земли в последнее время встречаются случаи отнятия наделов у недоимщиков и передачи их зажиточным хозяевам. С. Крымское пыталось сделать это в 1882 г., но соответствующий приговор, по жалобе обиженного, был отменен крестьянским присутствием¹. В *Ставропольском у.* Кирилловская община, совершившая в 1883 г. передел по наличным душам, не отвела земли крестьянам, находившимся в постоянной отлучке и запустившим недоимки, оговорив, однако, эту меру постановлением, что кто из них уплатит последние, тот получит надел. Из 11 обществ, имеющих намерение переделить землю, 4 заявили, что недоимщикам и неисправным плательщикам не дадут надела. В Морковской общине (госуд.) *Бузулукского у.* «шляющиеся на стороне в передел 1883 г. не получили земли; в 6 общинах б. государственных крестьян и 2 б. помещичьих наделы

¹ В 1884 г. общество постановило по тому же предмету приговор следующего содержания. «Сельский староста заявил нам о том, что он уже неоднократно заявлял обществу о принятии каких-либо более строгих и решительных мер во взыскании с неплательщиков податей, на коих накопилось недоимок 2182 руб., а на некоторых хозяевах, у которых, кроме избы, не имеется недвижимого имущества, числится в недоимке от 20 до 70 руб., и ко взысканию таковой недоимки со многих нет надежды, так как у многих неплательщиков хозяйство ухудшается по той причине, что свой надел они продают другим, даже посторонним за бесценок и полученные деньги не вносят на уплату податей, а обращают на домашние надобности, другие пропивают. Дабы не допустить до того, чтобы еще более накоплялось недоимок, староста предлагает отобрать у неплательщиков наделы хотя на время, но отдать их плательщикам нашего же села, нуждающимся в оных, или во время передела таковые души не наделять землей, а пустить в общий раздел; недоимку же разложить на плательщиков». Общество опять постановило отобрать землю у неплательщиков.

недоимщиков переданы исправным хозяевам, а недоимка разложена по всем членам общины. В *Бугульминском* у. при последних переделах по наличным душам недоимщики не получили земли. В *Бугурусланском* у. в среднем недоимка равняется 17 руб. на работника, подымаясь в 11 волостях до 24 руб. и в 3 до 35 руб. Столь высокая недоимка побуждала крестьян принимать при переделах земли такие основания ее разверстки, при которых уплата недоимки обеспечивалась бы всего лучше. Что касается отношения к недоимщикам, большая часть которых забросила хозяйство и «шляется» на стороне, то одни общины вовсе не отводили им земли, другие давали им надел на одну душу, третьи взяли уплату недоимки на себя. Многие домохозяева сами отказались от надела. Из числа 93 общин, переделавших землю по новым душам, в 14 «шляющимся» на стороне недоимщикам совсем не нарезали земли (хотя в 2 из них – *Кормежке* и *Сербове* – надел отведен сторонним лицам, проживающим в селении); в 2 общинах нарезали с тем, чтобы отобрать назад, если в течение года недоимка не будет покрыта; в 4 общинах недоимка разложена на всех членов общины; в одной уплата ее рассрочена миром на 5 лет. В *Николаевском* у., где для обработки крепкой земли требуется 5–6 лошадей, маломощные хозяева или обрабатывают землю, складываясь между собой, или отказываются от земли, или лишаются ее миром, как ненадежные плательщики. Отобрание наделов у малосильных встречается в 15 общинах с ревизской разверсткой земли и 5 с наличной; в 11 из них в 1886 г. было отобрано 682 надела. «В *Кормежской* общине мир не отобрал земли у малосостоятельных только благодаря противодействию сельского писаря, который, сам будучи крестьянином, общинником, убедил мир оставить землю у слабосильных и предоставить им самим сдавать ее в аренду, благо земля с излишком окупает платежи; по крайней мере, они не разорятся и будут сыты». В *Дмитриевской* общине 70 наделов были розданы сильным хозяевам (в том числе вдовам), от 40 наделов отказались «слабосильные». «Чтобы не обременять своих членов платежами, некоторые общины отводят пустовую землю посторонним... Единственно, что может допустить мир по отношению к малосильным дворам, это – давать им мягкие земли вместо крепких». В *Карловской* общине малосильным ежегодно нарезывались мягкие земли; в 1885 г. земля была переверстана подряд и малосильные должны были отказаться от земли. То же самое наблюдается в *Славянской* общине. В *Щигре* и *Журавлихе* давали пустовые души только сильным хозяевам. «В *Селезнихе* земля дается только исправным хозяевам, причем каждая из 6 сотен, на которые разделена община, отвечает за исправность в платежах своих членов». В *Новоузенском* у. в русских общинах, переделавших землю по наличным душам, недоимка, накопленная слабосильными членами, раскладывается на общество и уплачива-

ется сдачей мирской земли в аренду; а в с. Узморове у недоимщиков отнято 250 наделов (600 дес.) и сдано в аренду; в общине Шумейка-Шалово многие домохозяева при переделе не взяли земли и ушли неизвестно куда. В 10 немецких общинах и 1 татарской в последние 5 лет отнято у 1079 недоимщиков 6284 дес., которые или переданы исправным плательщикам, или сданы с торгов для уплаты частных долгов и недоимки. В с. Чистый Плес при переделе в 1879 г. бедняки получили землю (на 100 ревизских душ) отдельно от богачей (50 душ); в 1883 г. на сходе решено для покрытия недоимки, накопленной бедняками, сдать в аренду их землю в размере 25 х 100 кв. саж. с души по цене 2 руб. дес. в год. В *Бугульминском* у. община д. Яковлевой (помещ.), обремененная недоимками, отобрала в 1885 г. землю у 9 недоимщиков и передала состоятельным хозяевам, пожелавшим пользоваться ею. В *Хвалынском* у. во всех обществах, поделивших землю, исключены из пользования ею лица (шалтай), юридически принадлежащие к обществу, но не имеющие здесь постоянной оседлости, живущие и добывающие средства существования на стороне; крестьяне говорят, что такие лица «не связаны с обществом никакими интересами и даже не нуждаются в земле». За недоимки лишены земли 60 хозяев. В *Богодуховском* у. Богодуховское общество государственных крестьян (единственное, о котором есть сведения) приговором о переделе по наличным душам 1885 г. постановило не давать земли лицам, проживающим «в донских местах» и в разных селениях Богодуховского у.; «одинок же, отсутствующих от семейства на заработках и проживающих при с. Павловке, наделить» (из приговора). За неплатеж податей общество (это сказано мимоходом относительно помещичьих крестьян) лишает земли. В *Суражском* у. в общинах б. помещичьих крестьян часть надела недоимщика передается исправному хозяину. «Коли не можешь выкупать весь надел, – говорит захудалому хозяину община, – так передай часть своих наделов тому, кто исправнее тебя платит выкуп, а общество взносить за тебя недоимку не намерено». В *Борисоглебском* у. вследствие того, что земля легко выносит обложение, отобрание надела за неплатеж податей встречается весьма редко. В помещичьей общине с. Троекурова *Лебедянского* у. мир стал отбирать у недоимщиков часть наделов и передавать другим с 1875 г., когда за многими крестьянами, разорившимися от взысканий по невыполнению издельной повинности и от бывших потом пожаров, образовались недоимки. Среди б. помещичьих крестьян *Моршанского* у., где в первое время после реформы практиковались частые свалки-навалки душ (см. главу II), теперь с вздорожанием земли каждый хозяин стремится сохранить за собой весь доставшийся ему участок, и мир большей частью удовлетворяет этому стремлению, и для наделения подросших работников употребляют наделы, снятые с неплательщиков. То же самое нужно сказать

и о других уездах Тамбовской губ., где по причине обременения земли платежами помещичьи крестьяне долгое время практиковали частые свалки-навалки душ с целью приведения участков семей в соответствие с их рабочим составом. В помещичьей общине д. Комаровки *Тамбовского у.* с несостоятельных семей иногда снимается надел; общество д. Боголюбовки, уплатив по круговой поруке недоимку в 540 руб., отобрало у недоимщиков 43 надела и разделило между теми, которые вносят платежи исправно. В *Трубчевском* уезде при последних переделах по наличным душам ограничение коснулось, главным образом, лиц, живущих давно на стороне. Такие не получили земли в удельных общинах Молчанова (отсутствующие без паспортов), Мосточная (отсутствующие хотя бы по паспортам, «когда придут – нарежем») Семячковской вол., Негино (живущие долго на стороне) Краснослободской вол.; в общине государственных крестьян Белилове Усохской вол.; помещичьей общине Коружа (живущ. на стороне больше 15 лет получают надел по возвращении) Семячковской вол. В удельной общине Филипповичи Стрелецкой вол. живущим на стороне более 10 лет и семейный состав которых неизвестен земля нарезана по 1 душе на семью. В других общинах, где отсутствующим из села нарезали при переделе их долю, последняя до их возвращения отдавалась семьям «бессыновникам» или с большим числом лиц женского пола. Указано около десятка общин б. удельных и помещичьих крестьян, отбирающих наделы у недоимщиков и ослабевших хозяев. В *Елецком у.* отсутствующие хозяева (живущие на стороне) не получили земли в 2 общинах с. Покровского (соб.) В. Дрезгаловской вол. (в одной из них эти хозяева давно сдали свою землю обществу) и в государственных обществах Тербунах Тербуновской вол. (живущие на стороне с семьями) и Трегубове Соловьевской вол. В последнем при переделе 1885 г. 14 душам, постоянно живущим в городе, выделили было в особняк самую плохую землю, но через год ввиду постоянной недоимки на этих семьях разверстали ее между наличными хозяевами. В следующих 2 общинах государственных крестьян Казинской вол. (до 1860 г. составлявших одну общину) при переделе по наличным душам в 1884 г. переселенцам нарезали землю по числу значащихся за ними ревизских душ, при этом община с. Казинки постановила, что в случае возвращения отсутствующие получают землю на свои наличные души, а с. Березовка – что если через 5 лет переселенцы не вернуться, то лишаются (?) вовсе права на общественную землю, «отрешаются от общества». Так как наделы (88) выселившихся семей первой общины сданы были их хозяевами в аренду, срок которой ко времени передела еще не истек, и так как эти семьи по новому переделу получили уменьшенные участки, то мир постановил вознаградить арендаторов соответствующим продлением срока аренды. В *Новооскольском у.* в

3–4 общинах помещичьих крестьян в первые годы после реформы, когда платежи были высоки, снимали надел с недоимщиков и передавали зажиточным; в с. Демьяновом Троицкой вол. в начале 70-х гг. 14 наделов недоимщиков «силой определили» (вместе с недоимкой) к зажиточным хозяевам, которые заплатили за них и недоимку и теперь, когда земля подорожала, не желают возвращать землю прежним владельцам. В Зимовенской вол. *Корочанского* у. ежегодно при свалке-навалке земля недоимщиков передается исправным плательщикам (см. гл. VII). В *Раненбургском* у. в с. Бразовке (помещ., рев. разв.) Нарышкинской вол. ежегодно наделы недоимщиков отводятся к одному месту для сдачи в аренду купцам. В *Данковском* у. в с. Полунине (соб.) Кудрявской вол. в передел 1881 г. не дали земли семьям, живущим в полном составе на стороне. В *Царевококшайском* у. при неисправности в платеже податей надел отбирается и передается другому хозяину или распределяется между всеми. В Кошаковской вол. *Казанского* у. тоже встречаются случаи отобрания земли за недоимки; при переделах выселившиеся семьи исключались, но право на получение земли по возвращении за такими признается; «своими» здесь считаются даже такие, которые бросили землю 40 лет назад. В *Лаишевском* у. при переделах обыкновенно получают надел несостоятельные члены общества и отсутствующие, но встречаются случаи и лишения земли некоторых членов общества. Так, при переделе в 1884 г. по наличным душам земли общества б. владельческих крестьян с. Богородский Урай 1-е общество (Бетьковской вол.), – из которого в течение 1871–1877 гг. перешли в мещане 111 из 193 ревизских душ, наделы которых по распоряжению правительства переданы оставшимся 82 душам, к которым приписали несколько крестьян из других селений, земля давалась всем желающим и исправным плательщикам податей. При переделе 1877 г. в помещичьей общине с. Державина 4 семьи, живущие в селе, и 9 отсутствующих не получили надела как неаккуратные плательщики. По той же причине отсутствующие не получили земли при переделе в татарском селе Казаклож, а 10 душ неисправных плательщиков, живущих в селении, – при переделе 1882 г. в с. Карабалка. В передел 1882 г. в татарском селе Трюк-Тямти несостоятельные семьи получили землю не на все души мужского пола, вследствие чего 20 душ остались без земли. Встречается также снятие наделов с несостоятельных и недоимщиков при ревизской разверстке земли – например, в удельном с. Мысах, помещичьем с. Алексеевке. В с. Коскове *Макарьевского* у. при переделе по наличным душам не было дано земли на подростков крестьян, проживающих в чужом уезде и сдающих наделы за подати. В *Гдовском* у. община отбирает у неисправного плательщика надел и «наваливает» его на сильного домохозяина или распределяет между всеми. В *Петербургском* у. в финских селениях

«общество почти никогда не отбирает надела в случае неплатежа податей», а предоставляет хозяина самому сдать свой участок в аренду.

Кроме коренных членов общины – кровных и законных потомков наделных крестьян – в современной деревне находится много лиц пришлых, но связанных с местностью более или менее крепкими узами, и общине предстоит определить права этих лиц на мирские угодья.

В первое время после реформы многие общины, – особенно помещичьих крестьян, земля которых оценена была для выкупа слишком высоко, – тяготились всем отведенным им наделом, охотно принимали в свою среду безземельных, дворовых, приписанных к обществу для счета, и просто посторонних, не стесняя пользования общинной землей членов других обществ, вошедших в зятья, усыновленных и т. п. В других общинах, дороживших землей, постепенно образовался все-таки контингент лиц, чужих по происхождению, но приписанных обществу для счета или связанных с местными жителями узами брачного родства, усыновления; явились солдаты старой службы, и, при сохранении ревизской разверстки, многие из них пользовались общинной землей путем частных сделок, другим считало нужным отвести надел обществу. Так или иначе, а в деревне, кроме коренного населения, оказалось пришлое, но укоренившееся на месте, нуждающееся в земле, и общине предстояло определить его права на участие в пользовании мирской землей. Главным мотивом, определяющим то или иное отношение общины к этому населению, служит, кажется, размер и ценность надела. Где землей мало дорожат, там ее охотно отводят (при ревизской или наличной разверстке) и лицам, не имеющим права на надел. Но то же самое наблюдается и в очень многих общинах, дорожащих землей, и к ним вполне применимо заключение г. Харизоменова, что они игнорируют юридическую, формальную сторону дела, «вносят в понятие “души” (имеющий право на надел) элемент бытовой, экономический, обращают внимание не столько на происхождение крестьянина, сколько на фактическую, бытовую связь его с тем или другим обществом» (см. *Хвалынский уезд*). Такие общины при последних переделах давали землю не коренным только членам общины, но и приписанным для счета, лицам, принятым в зятья, приводным и незаконнорожденным детям, солдатам и т. п. Другие, напротив того, из жажды к земле игнорируют бытовые отношения, основываются на формальном праве, а подчас стремятся исключить из пользования землей даже лиц, принятых с правом на надел, неисконных, некоренных членов общины. К сожалению, за неполнотой имеющегося материала, мы лишены возможности точно обрисовать обнаруживающиеся в общине течения и их относительное распространение, и нам остается только привести относящиеся сюда данные, встречающиеся на страницах

Сборников. Укажем здесь также и другие исключения из пользования мирской землей, зарегистрированные в наших материалах¹.

В *Александрийском* у. земля распределена не точно по ревизским душам; так, в Иванковецком обществе военных поселян в пользовании землей до 1884 г. участвовало 17 приписных душ; в 1884 г. они лишены миром земли до представления ими приемных приговоров, доказывающих, что они приняты в общество с наделами, а не для одного счета. Наибольшие отклонения распределения земли между семьями от распределения между ними ревизских душ общества наблюдаются у бывших помещичьих крестьян. Около 2000 ревизских душ отказались от земли при введении уставных грамот или вскоре после введения, и в настоящее время за обществами считается 25 706 ревизских наделов. Отказы происходили от того, что земля была оценена для выкупа очень высоко, и крестьяне надеялись, что, отказавшись от земли теперь, они впоследствии получат ее бесплатно. По причине высоких платежей (в несколько раз превышавших арендную цену земли) общества помещичьих крестьян, получившие землю, тяготились наделами умерших сирот и стариков, неспособных к труду, и охотно отдавали их посторонним и даже сами приглашали их на «помощь». Передача эта совершалась по-домашнему, без формального принятия в члены общины. Затем посторонние получали мирскую землю путем браков или по родству с общинниками (по наследству), а также по завещанию от старика, которого они обязывались за это содержать до его смерти. В настоящее время крестьяне стремятся отнять наделы, полученные посторонними от общества. В каждой почти из 7 общин военных поселян, совершивших коренной передел (в большинстве случаев «по совести» – по потребности и платежной способности), получили землю и несколько человек посторонних, пользовавшихся общественной

¹ Разъяснения Правительствующего Сената по вопросу о правах лиц, указанных в тексте, на земельный надел заключаются в следующем: «По вопросу об обязанности сельских обществ наделять землей лиц, приписанных к обществам по приемным договорам, Прав. Сенат разъяснил, что если приемный приговор составлен без всякой оговорки о праве на участие в наделе лиц, или наоборот, о непредоставлении такого права, то это глухое выражение в приговоре следует толковать в смысле равноправности принимаемого со всеми членами общества в пользовании надельной землей» (Ук. П. С. по ч. д. 1887 г., № 186). «Крестьянин хотя и принятый первоначально без надела, но получивший впоследствии усадебный и полевой надел, коим и пользуется около 20 лет, что доказывает согласие общества на отвод ему надела, хотя уже и после приема, не может быть затем обществом вовсе обезземеливаем» (Ук. Пр. С. по ч. д. 1888 г., № 31). «Приемышу, приписанному к семейству, что и заменяет собой для крестьян усыновление, если эта приписка последовала без согласия общества, последнее не обязано выдавать особого участка земли, но таковой приемыш имеет безусловные права на участок, принадлежащий принявшему его семейству, как член этого семейства» (Ук. Пр. С. по частн. д. 1885 г., № 2999). «Незаконнорожденные крестьянского сословия считаются в семействе матери и, следовательно, как члены того общества, к которому принадлежала мать во время их рождения, имеют право на участие в пользовании мирской землей на общих для членов общества основаниях» (Ук. Пр. С. по ч. д. 1885 г., № 2908) (из Сборника Воронцова-Вельяминова).

землей и раньше на праве зятей и приймаков к вдовам. Впрочем, Новогорьевское общество в 1882 г. постановило «переселенцам, перешедшим из разных мест и причисленным к обществу, дать на семейство (все потомство, происшедшее от принятого лица) по 5 дес., на который надел они приняты». В *Тираспольском у.* в обществах государственных крестьян есть много лиц, получивших в собственность с согласия общества и по частным сделкам довольно много общественной земли, преимущественно садов, виноградников и усадеб. При коренных переделах лица, продавшие таким образом землю, получали соответственно уменьшенный надел. Из помещичьих крестьян при введении уставных грамот отказались от земли 653 души, отдано земли на 8 208 душ. По причине высокой оценки земли отказы от нее продолжались и впоследствии, и все свободные наделы общество передавало или безземельным приписным и неприписным (между прочим, получили землю несколько десятков лиц, вернувшихся из бегов и не записанных в ревизии), или надельным. Посторонние пользовались общественной землей также при посредстве покупки ее у отдельных лиц или путем браков с местными женщинами. Обратного требования обществами наделов, отданных посторонним пока предъявляемо не было. В 9 из 11 обществ государственных крестьян, совершивших передел по душам мужского пола, получили землю наравне с коренными членами также приймаки (в семьи) и принятые в общество мещане и бывшие помещичьи крестьяне. В селе же Токмадзее «один, принятый в общество с наделом, при переделе получил на 2 души, а солдатскому сыну и 11 ревизским душам вольных матросов, имеющих право на надел по владенной записи, общество земли не дало. В с. Терновке одному приймаку-мещанину не дали надела, потому что он не внес недоимки, накопившейся на тесте; если же он ее пополнит, то ему землю отрежут». В *Херсонском у.* общество с. Снегирева (гос.) в передел 1884 г. по наличным душам исключило из пользования землей 9 душ (с шестью «их приростками»), причисленных в разное время казенной палатой без приемных приговоров от общества, и «новорожденных из семейств, не признающих таинств св. церкви, называющихся штундами и не состоящих записанными по метрическим книгам, которых находится в обществе 20 душ» (село большое). Наделение землей лиц, не участвующих в общем владении, а лишь живущих в одном селе с членами общины, составляет весьма распространенное и даже преобладающее явление среди татар – полных собственников *Крыма*, как известно, не отличающегося хорошей почвой. Так, участие посторонних лиц в пользовании землей на равных правах с владельцами наблюдается в 2 селениях Ишуньской вол. *Перекопского у.*, в большей части селений татар-собственников *Феодосийского*, во многих общинах *Симферопольского у.* и т. д. (см. с. 412–414). В *Мелитопольском у.* при последних

переделах не получили земли зятя-приймы, не принадлежащие к составу общества и незаконнорожденные (с. Каменка, однако, нарезало землю 8 незаконнорожденным). В с. Голая Пристань *Днепровского* у. в передел 1883 г. не получили земли кантонисты, причисленные к обществу до выдачи владенной записи. В *Ростовском* у. (ревизская разверстка земли) приписанные к обществу крестьяне иногда получают от него усадьбную землю бесплатно или за деньги. В двух обществах (из них 1 – государственная) несколько посторонних общине лиц, женившихся на местных вдовах, пользуются наделами их покойных мужей. Приписанные к обществу отставные и бессрочно отпускные солдаты, не имеющие права на надел, не получают его, за исключением следующих 5 общин государственных крестьян и одной помещицкой: в д. Новозолотой (помещ.) надел дается всем солдатам, в с. Александровке – давно здесь живущим; в д. Екатериновке – некоторым, по усмотрению общества; в с. Саморке солдаты получили 23 выморочных надела; в с. Кулишовке отставные солдаты, не имеющие права на надел, получают бесплатно усадьбу; то же общество недавно лишило земли 36 семей, приписанных до составления владенной записи, мотивируя это лишение тем, что они – некоренные жители села; в Новобатайском обществе отставные солдаты наделяются из остатков от передела земли между членами общества. В помещицкой общине Милость-Куракино солдаты, имеющие право на землю, получают только усадьбу. В *Бахмутском* у. в некоторых селах встречаются пришлые, живущие здесь в течение многих поколений; они считаются «за своих» и пользуются усадьбой, выгоном и пашней наравне с местными жителями. В некоторых общинах есть случаи наделения и недавно пришлых крестьян пахотью; это – когда местные крестьяне в свою очередь пользуются наделами этих пришлых в селениях последних. Во многих общинах посторонние наряду с местными крестьянами пользуются за денежные повинности землей, оставшейся после раздела угодий между членами общины по принятому основанию, в других – участвуют в пользовании мирскими угодьями наравне с членами общины (см. гл. V, п. I–VI). Приписное к общине население участвует в пользовании мирской землей наравне с членами общины в селах, принявших разверстку земли по наличным душам или по согласию. В тех общинах, где в разверстку поступает не вся общинная земля, приписные крестьяне участвуют в пользовании неразверстанной пашней за денежные повинности (см. гл. V). Солдаты, приписанные к обществам, но не имеющие права на надел, в государственных селениях, благодаря принятым ими основаниям разверстки и относительно многоземелью, имеют почти беспрепятственный доступ к земле наравне с надельными хозяевами; в помещицких (как малоземельных) общинах они в большинстве случаев не пользуются землей; тем не менее почти в каждой

волости найдется несколько общин, наделяющих солдат наряду со всеми членами общин или дающих им выморочные и сиротские наделы. В *Славяносербском* у., где в некоторых помещичьих общинах наделы лиц, от которых отказывались владельцы, передавались дворовым и посторонним (которые иногда, например в с. Сокольники, даже платили дополнительный платеж), ныне, при возникновении со стороны отказавшихся требования возврата их участков, одни общины (например, Петровка) отказывают в удовлетворении таких требований, другие (например, Сокольники) намереваются отобрать наделы у посторонних общине лиц, получивших их недавно, кто же владеет землей 15–20 лет, тем будут сохранены их участки.

В *Хвалынском* у. понятие души при новых переделах отличается от того, какое свойственно прежнему времени, когда «обращали внимание на юридическую, формальную сторону дела, приурочивая душу к тому обществу, к которому она принадлежит по происхождению и числился в сказках предыдущей ревизии»; «теперешний раздел земли вносит в понятие души элемент бытовой, экономический. Он обращает внимание не столько на происхождение крестьянина, сколько на фактическую, бытовую связь его с тем или другим обществом». Так, из 10 общин Барановской вол. (9 населенных мордвой, а 1 – русскими и мордвой), переделивших землю поновому, 7 дают землю и лицам, причисленным к обществу лишь для счета, 9 – приемышам и приводным детям от второго замужества женщины, т. е. принадлежащим другому обществу. В *Бугурусланском* у. при переделе в 31 общине земля была нарезана сиротам, бездетным, вдовам, приемным детям, даже незаконнорожденным, «если мать своя», и, наконец, сторонним проживающим людям (в 7 общинах), вошедшим в дом в зятья, хотя бы и не приписанным; но не дали лицам порочного поведения, пьяницам, ворам, конокрадам, «распутным». В *Николаевском* у. в 3 общинах с наличной разверсткой земли пустовые души для облегчения общины отдаются за подати посторонним. В *Богодуховском* у., где переделы только что начались, по данному вопросу имеются сведения лишь для Богодуховского общества государственных крестьян, которые в передел 1885 г. решили дать надел причисленным к обществу после X ревизии на то количество душ, с каким они причислены, отставным солдатам же и цыганам, причисленным для счета, и незаконнорожденным земли не давали. Некоторые общины помещичьих крестьян (ревизская разверстка) наделяют дворовых и николаевских солдат свободными наделами. В *Воронежском* у. Коломенское общество при переделе приемышей наделяло наравне со всеми.

В *Елецком* у. в общине государственных крестьян д. Дерновки Казацкой вол. в передел 1881 г. и б. Слепухи Каменской вол. в передел 1883 г. принятые в зятья из чужих деревень (в первой и их дети) не получили земли. В неко-

торых же других отводили надел и на лиц, не имеющих права на землю. Так, в Голикове (гос.) Суворовской вол. при переделе 1882 г. наделяли безземельных, в Н. Суханине (госуд.) Краснополянской вол. в передел 1886 г. отвели землю детям николаевского солдата, поступившего на службу до X ревизии и отказавшегося от земли; в с. Грунь-Варгопольском (госуд.) Ястребинской вол. в передел 1881 г. получили землю николаевские солдаты и кантонисты, до передела земли не имевшие; в Харламовке (соб.) Богато-Платовской вол. в передел 1885 г. дали надел солдатским детям. Некоторые общины *Трубчевского* уезда в течение последнего тридцатилетия принимали в участники пользования землей лиц, не имевших надела. Так, помещичьи общины Пролысовской вол. д. Глинной (разверстка «по силе») в 1886 г., Салтановки («по силе») в 1871 г. нарезали наделы возвратившимся со службы солдатам. Д. Исаевка (гос.) Селецкой вол. в 1882 г. нарезала 4 надела семейству бывшего лесного стражника, принятому в общество с 30 дес. покоса, данному этому семейству в надел. В *Тамбовском* у. община д. Романовки (соб.) Покровско-Марфинской вол., получив надел, приняла в состав общества несколько семей дворовых; теперь она желала бы отобрать у них землю назад, говоря, что давала им ее на время, но те, ссылаясь на приговор, не возвращают. Случаи наделения мироплатимыми душами солдат встречаются в *Козловском*, *Тамбовском* (также и детей солдат) и др. уездах Тамбовской губ. В *Белгородском* у. по приговору о переделе земли по наличным душам в Казацкой слободе (гос., 392 дв.) Болховецкой вол. 1884 г. решено дать землю николаевским солдатам и незаконнорожденным. Крестьяне д. Журавлевки (гос. рев.) не думают давать земли солдатским детям, говоря, что они чужие и родились не здесь. В д. Устинке (гос.) выморочные наделы отданы николаевским и александровским солдатам. В *Корочанском* у. в 5 общинах государственных крестьян Ратьковской вол. при последних переделах по наличным душам дали землю незаконнорожденным, в шестой общине – х. Плющихе – не дали; приемышам из других обществ земли не давали; зятям из других обществ тоже не дали, исключая двух зятей в х. Сетнове, давно здесь живущих и считающихся равноправными членами общины, и зятей в х. Плющихе в тех случаях, когда в общинах, откуда они вышли, пользуются землей зятя и приемыши, взятые из Плющихи. В *Тимском* у. (рев. разв.) крестьянин чужого общества становится полноправным членом общины, куда он перешел в мужа к девушке, унаследовавшей надел своего отца. В *Н. Оскольском* у. в д. Изъедоновке (пом.) Слоновой вол. около $1/2$ 70-х гг. наделили землей солдат (о наделении солдат см. еще гл. II).

Есть еще разряд лиц, отношение которых к земле регулируется в общине особыми обычаями.

Мы знаем, что в огромном большинстве общин надел по разверстке получают только лица мужского пола; женщина же не признается за полноправного члена союза и достигает участия в общинной собственности чрез посредство мужских членов семьи. Как же община поступает в случаях, когда семья теряет всех мужчин и остается при одном женском элементе? Рассуждая а priori, община в этих случаях может поступать двояко: если она признает какие-нибудь права женщин на мирскую землю, то она должна дать хотя бы неполный надел всем семьям, состоящим только из лиц женского пола; если же она считает за женщиной только право на призрение, в таком случае женские семьи, не могущие обеспечить свое существование личным трудом, должны бы получать от общества пособие в форме земельного участка, денежной или натуральной выдачи и т. п. Материалы, которыми мы пользуемся, заключают очень мало данных для разъяснения этого вопроса. Пытаясь привести в большинстве случаев отрывочные на этот счет указания к какому-либо единству, мы можем только поставить вопрос, но не разрешить его.

Женский вопрос в общине не стоит сам по себе, а усложняется влияниями общего характера. Мы знаем, что среди бывших помещичьих крестьян форма землевладения не отличается устойчивостью и определенностью. Здесь идет еще процесс создания порядков землевладения, еще только вырабатываются взгляды крестьян на земельную собственность. В некоторых местностях (например, в *Херсонской* губ.) мы застаем общину в тот момент ее эволюции, когда крестьяне смотрят на землю скорее как на личную собственность, чем на мирскую, и этот взгляд отражается на отношении женщин к земле. В таких местностях права женщин на надел довольно широки, так что вдова и дочь нередко сохраняют за собой участок умершего владельца земли, даже если они выходят замуж за лиц, посторонних обществу. Это широкое право является здесь, следовательно, продуктом идеи личного, а не общинного начала землевладения. Затем, там, где сохраняется ревизская разверстка земли, большим распространением пользуется правило, что вдова или мать (иногда и дочь) умершего оставляют за собой надел покойного на общем основании до нового передела земли или до выхода в замужество за иносельца, а местами и за однообщественника. Так как переделы по новым душам получили распространение недавно, то еще не представляется возможности определенно высказаться о том, сохранится ли приведенное правило в обществах, отступивших от ревизской разверстки, т. е. есть ли это правило естественный продукт общинной идеи или является плодом некоторой индивидуализации воззрений, развивающейся вследствие продолжительного отсутствия переделов. Судя по примеру некоторых местностей (см. *Мелитопольский* уезд), можно полагать, что такое же правило будет

иметь применение и в общинах с наличной разверсткой земли. Рассматривая его поэтому как порядок общинных отношений, мы можем видеть в нем только средство простого призрения или же считать результатом признания со стороны общины за женщиной права на землю как таковую – права, получающего осуществление чрез посредство мужской части семьи, а за отсутствием таковой – лично. Вопрос мало уясняется случаем, где женщина получает только часть надела умершего мужчины или вовсе его лишается, так как это явление может быть результатом недостатка земли вообще или делом случайной несправедливости. Ввиду широкой распространенности правила, по которому вдова покойного оставляет за собой землю до нового передела, и натянутости предположения, что во всех подобных случаях это делается в целях призрения, – следует, кажется, признать, по крайней мере, что идея общинного владения даже при господстве систем разверстки земли по душам мужского пола не служит препятствием к появлению, хотя бы спорадически, идеи о праве женщин пользоваться мирской землей¹. Более ясным представился бы вопрос в том случае, если бы мы знали, какое положение занимает по отношению к женским семьям общество при общем переделе земли. В общем, нам известно, что передел совершается по душам мужского пола, но в то же время мы знаем, что некоторые, по крайней мере, общины (данные на этот счет весьма неполны) дают часть надела или пособие и женским семьям. В некоторых случаях известно, что выдача пособия обусловлена неспособностью работать и носит ясный характер призрения. О большей же части случаев этого сказать нельзя положительно, почему мы и лишены возможности судить о том, насколько отведение женщинам земли или иного пособия служит только средством призрения неимущей и нетрудоспособной личности или является также результатом признания за женщиной права на участие в выгодах, связанных с пользованием мирской землей. Но если этот вопрос не разрешен по отношению к исторической общине, находящейся на известной стадии развития, то принципиально право женщин на надел вполне примиримо с *идеями* общинного землевладения, и последнее, по-видимому, находится на пути признания этого права фактически; по крайней мере, в новейшее время нередко встречаются общины, совершившие коренной передел по всем наличным душам – как мужского, так и женского пола (см. гл V). Отказываясь поэтому от разрешения вопроса об отношении современной общины к женщине, мы можем только сказать, что фактически женские семьи, образовавшиеся в промежуток между двумя переделами, обыкновенно обеспечиваются участком покойного; что же

¹ По толкованию Прав. Сената, «общество не может обезземеливать крестьянок, пользовавшихся земельным наделом по смерти мужа на правах домохозяйки и отбывавших повинности» (Ук. Пр. Сен. по ч. д. 1885 г., № 2694), «пока они не выйдут замуж в другое общество» (Ук. Пр. Сен. 1884 г., № 2839).

касается общин, переделавших землю по новым душам, то в некоторых, по крайней мере, местностях (и притом тех, о которых имеются более полные сведения) женские семьи получают в том или ином виде средства существования от общества. В *Мелитопольском* уезде, например, в каждом обществе, совершившем коренной передел земли, есть несколько человек, получающих пособие в виде участка земли или хлебной выдачи. Для *Елецкого* уезда отмечены 6–7 общин, выдающих женским семьям денежное или хлебное пособие, и 28 – давших им при переделе землю на общем основании или на льготных условиях. Для этого уезда известна цифра женских семей, не получивших земли при новейших переделах; это – 34 вдовы и 2 семьи девушек-сирот. Принимая во внимание, что передел имел место больше, чем в 120 общинах, нужно согласиться с тем, что по крайней мере в Елецком уезде (где землей дорожат) женщина-одиночка не оставляется обществом на жертву всех случайностей, связанных с необеспеченностью существования путем одной только отдачи в наем рабочей силы¹.

* * *

В *Елизаветградском* у. в общинах военных поселян, практикующих коренные переделы, вдова, если может вести хозяйство, наследует до нового передела участок мужа. В общинах с ревизской разверсткой вдовы наследуют участки мужа обыкновенно пожизненно, изредка же с правом распоряжения наделом по своему усмотрению; иногда вдова пользуется наделом только до нового замужества; в большинстве случаев она теряет надел, если выйдет в чужое село, и земля поступает к родственникам ее первого мужа или, – даже при существовании прямых наследников, – считается выморочной и остается в распоряжении общества. Дочь покойного в общинах с коренными переделами (которые в 5 обществах совершаются через 3–5 лет) почти никогда не оставляет за собой его надела, во многих деревнях с ревизской разверсткой получает его, если выйдет замуж за односельца. «Почти всегда отец имеет право передать надел дочери и ее мужу, принятому им к себе на хозяйство (*приймаку*); но иногда, если приймак из чужой деревни, общество по смерти отца отнимает от дочери половину или весь надел». В *Тираспольском* у. у помещичьих крестьян по завещанию дочь может владеть наделом, даже если выйдет замуж за постороннего. При отсутствии завещания в большинстве общин вдова и дочь наследуют отцу, если в силах нести повинности и если у умершего нет сыновей. Сплошь и рядом за ними остав-

¹ В Коцаковской вол. *Казанского* уезда наблюдается, по-видимому, иное: в 6 обществах, перешедших на новые души, оказалось 38 семей вдов и старых девиц, не получивших земли; средства к существованию они добывают поденной работой, продажей молока и собиранием милостыни.

ляются наделы и в случае, если дочь выйдет замуж при жизни отца или в случае замужества вдовы при условии, чтобы муж «сел на надел», поселится в обществе. В 7 обществах не признается право женщин на надел, почему хозяева, не имеющие сыновей, перед смертью продают землю. В некоторых общинах вопрос о наследовании женщин (которые в прежнее время, при трудности оплачивать надел, сами отказывались от земли) еще не решен. И вообще, указанные обычаи еще окончательно не установились. Для *Херсонского* у. имеются следующие указания о пользовании землей женщин. В 7 обществах матери-вдовы владеют землей при сыновьях; в 40 обществах дочери и вдовы получили надел или в вечное владение, или до выхода замуж за иносельца; в 12 они удерживают надел даже при выходе замуж за иносельца; в 21 при выходе замуж вдовы и дочери лишаются земли; в 4 обществах вдовы получили надел на время, пока будут уплачивать подати; в 4 обществах дочери и зятя получили надел за отсутствием других родственников; в 6 обществах при дележе с братьями дочери получают равную часть, в 1 общине – усадьбу; в 18 обществах дочери не наследуют земли; последнее наблюдается преимущественно в больших обществах военных поселян и мелких обществах б. помещичьих крестьян. При последних переделах по наличным душам в посаде Копанях вдовы получили по $\frac{1}{2}$ надела; в пос. Воскресенском 79 вдов и девиц получили по 2 дес. на семью (душевой надел здесь 2 дес.). «Во всех общинах *Славяносербского* уезда вдовам (до их вторичного замужества), сиротам и бездетным, беспомощным старикам выдаются безвозвратные ссуды и пособия из общественных магазинов. Часто также выдают такого рода ссуды солдатам, мужья которых находятся на службе, и т. п. Различные калеки и убогие также принимаются крестьянами на содержание общества»¹. В *Ростовском* у. в 3 общинах помещичьих крестьян надел умершего домохозяина предлагается оставить за собой его вдове, за ее отказом – родственникам покойного и за отказом этих последних

¹ В дер. Македоновке калекам дают от общества пособие по 2 меры в месяц, а если семьи большие, то и прибавляют; кто поздоровее, тот ходит побираться; в с-це Шелковом-Протоке мир дает детям-сиротам двух семей, оставшимся на руках родственников, ежегодно по $\frac{1}{2}$ м. на душу, всего 6 м. на 4 души; в с. Адрианополе один слепой, получающий пособие от казны, живет сегодня у одного, завтра у другого крестьянина; в д. Селезневке № 2 в 1878 г. было роздано в безвозвратное пособие 37 четв. хлеба; в д. Богородицкой 4 слепых получают из общественного магазина по 2 меры ячменя и 1 м. ржи; в д. Церковной женщина-старуха, сын которой ушел уже давно в солдаты, уже лет 5 как получает от общества 14 мер хлеба в год; в м. Веселогорске на попечении общества находится один калека, в дер. Раевке один слепой и один безрукий, в д. Веселенькой – старуха, в с. Успенском № 1 – слепой старик, в с. Успенском № 3 – глухонемая девочка, в с. Еленовке № 1 – слепой мальчик; в с. Хорошем призываются обществом 2 калеки и 2 немых, в с. Красном-Куте – беспалая женщина 90 лет, в д. Михайловке – кривая женщина и ее слепая дочь. В с. Сокольниках, помимо сирот, на которые идет ежегодно 10–12 четв. хлеба, общество «годует» женщину, живущую при внуке, обремененном многолюдной семьей и потому освобожденном обществом от содержания свой балки; в с. Крымском пользуются от общества пособием 10 душ (2 слепых, 2 умалишенных, 6 калек), имеющих бедных родственников.

он поступает на общество. В *Хвалынском* у. на 28 тыс. наличных хозяйств насчитывается 500 безземельных семей, состоящих из вдов или девиц; число их особенно значительно в старообрядческих селениях. В *Мелитопольском* у. женщина пользуется наделом умершего мужа (или одинокого сына), если не выйдет замуж за постороннего для общины лица (а в Большой и Малой Лепетихе и в этом последнем случае, здесь наличная разверстка земли), при наличной разверстке – до нового передела, при ревизской – до своей смерти. В Акимовке (рев. разв.), если вдова выходит замуж за постороннего, то надел отбирается даже в том случае, если вдова имеет детей от первого мужа. При ревизской разверстке не только вдова, но иногда и девушка (Шульговка), если уплачивает подати, до своей смерти владеет наделом умершего члена семьи; поэтому здесь нет надобности в мерах для призрения вдов (только в Ефремовке при переходе от наличной раскладки к ревизской оказались 5 безземельных вдов, которым дано по $\frac{1}{2}$ надела бесплатно). При наличной разверстке женщины при переделе лишаются надела, и потому в каждом селении на призрении общества находится несколько человек. Таковые получают или землю (1–4 дес. бесплатно, весь надел за полный или $\frac{1}{2}$ платежа), или хлеб (1 мерка ржи на душу ежемесячно, 3 четверти ржи в год, 3 мерки ржи и 3 ячменя в год и т. п.). В сборнике указано 11 общин, где вдовам дается земля, и 5 – хлеб. В *Бердянском* у. сведения о наделении землей вдов имеются для 6 сел (2 старых и 4 новых), заключающих 8 общин (4 с наличной разв., 4 со смешанной). В с. Могилевке Черниговской вол., образованном давно могилевскими крестьянами (136 дв., над. 10,2 дес. на рев. д., средний в уезде 9 дес.), в последний передел в 1883 г. по наличным душам вдовы были лишены земли; в с. Борисовке (надел 9,3 дес.) Алексеевской вол. они получили по 1 дес.; в 3 общинах с. Черниговки (надел 8,7 дес.) – $\frac{1}{2}$ надела; в Елисеевке Андреевской вол. (надел 8,9 дес.) и Васильевском Н. Дмитриевской (надел 9,4 дес.) – по неревизионному наделу. В с. Степановке Покровской вол. овдовевшая владеет наделом до очередного передела или выхода в замужество. В *Бузулукском* у. в 5 общинах вдовы и сироты получили бесплатно по $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ дес. в поле из обрезков земли, оставшихся при переделе. В *Бугульминском* у., в Спасской общине вольных хлебопашцев, при первом переделе по наличным душам, имевшем место в 1881 г., вдовы, если желали, могли получить по $\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли в каждом поле и на 1 душу лугов (около 75 пудов сена); наличная душа мужского пола получила здесь 19 дес. В *Бугурусланском* у. при последних переделах в 31 общине землю дали сиротам и вдовам. В *Николаевском* у. вдова, если в силах справиться с землей, оставляет надел мужа за собой. В *Воронежском* у., за немногими исключениями, вдовы и сироты пользуются безвозмездно цельными душевыми наделами или частями; в Коломенской об-

щине при переделе две вдовы считались за одну душу, 3 вдовы и две девушки («чернички») – за две души; в Бирюченском поселке одинокие женщины были наделены полудушными пайками, а вдовы с дочерьми – полными душевыми наделами. В Тарасовском обществе вдова с 4 девочками получила надел на 1 душу. В *Богодуховском* у. вдова, могущая справиться с землей, по-видимому, имеет право оставить надел мужа за собой. В *Мценском* уезде, в с. Долгом, с вдовы, не имеющей детей мужского пола, снят надел, вместо которого она получает пособие в размере $1\frac{1}{2}$ пуда хлеба в месяц. В тех общинах *Елецкого* уезда, где сохраняется старая разверстка земли, вдовы, вероятно, пользуются наделами своих мужей и потому не нуждаются в особых мерах призрения; впрочем, в некоторых из этих общин, как, например, помещичьей общине Знаменской В. Дрезгаловской вол., Тепленкой и Анненской Сергиевской вол., в 1873, 1878 и ок. 1880 г. участки вдов подвергались сокращению в пользу некоторых многосемейных хозяев. Что же касается общин, недавно совершивших передел земли по душам мужского пола, – относительно многих из них известны меры, принятые для обеспечения семей, состоящих только из лиц женского пола. В 24 общинах государственных крестьян и в 5 помещичьих эти меры состоят в наделении таких семей большим или меньшим участком земли, в 3 помещичьих и 3 государственных – им дают содержание деньгами или натурой, а в государственной общине Хмеленец Ламской вол. в передел 1885 г. вдовам предоставлялось получить или по наделу (запасному), или по 3 руб. в год содержания. Относительно некоторых общин, как-то: государственных крестьян с. Ламского Ламской вол. и д. Новосельской Тербунской вол., – известно, что они отводили вдовам по одному наделу за подати, а д. Харламовка (соб.) Б.-Платовской вол., при переделе 1885 г. по наличным душам мужского пола, давала землю и вдовам, по-видимому, на общем основании, т. е. за повинности. Относительно 2 помещичьих общин (Хрущево и с-цо Колодезь) Соловьевской вол. и 11 государственных – Краснополянской (1 община), В. Дрезгаловской (3 общ.), Соловьевской (1 общ.), Казацкой (3 общ.), Стегаловской (1 общ.), Тербунской (1 общ.) и Сергиевской (1 общ.) вол. – известно, что вдовы, а в некоторых из них и сироты-девочки или взрослые девицы, получили землю (часть душевого надела, а в селе Тельце В. Дрезгаловской вол. и Котовке Стегаловской – целый) бесплатно. В сложной общине государственных крестьян д. Кошкиной и пр. Предтеченской вол. срок пользования 2 девочек-сирот отведенной им землей (по 3 дес. на каждую) назначен до их замужества; 9 бездетных вдов получили здесь по 1 дес. пожизненно. Величина участка земли, отводимой вдовам, сиротам-девочкам или взрослым девицам, обыкновенно равняется $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{2}$ душевого надела, иногда $\frac{1}{4}$ надела или целому; относительно некоторых общин известно, что величина

участка колеблется в зависимости от величины наделяемой семьи. Во всех общинах, совершивших в последнее время коренной передел на наличные души, оказалось 34 семьи вдов и 2 семьи сирот-девушек, не получивших земли (Сборник, табл. с. 289). Такие безземельные в 6–7 общинах получают денежное или натуральное содержание в следующих размерах: помещицья община Михайловская Предтеченской вол. выдает вдовам по 3 четв. ржи в год, Верховье (той же вол.) – 12 мер ржи, а Сергиевка Краснополянской вол. при переделе 1885 г. по наличным душам постановила ежегодно выдавать вдове, когда она потеряет способность работать, по 3 четв. ржи и 12 руб. на квартиру; общины государственных крестьян дают денежное содержание: Александровка Ламской вол. – по 5–7 руб., всего 70 руб. в год (вдовам), Ямская той же волости – по 12 руб. на едока (4 вдовам и 2 девкам); Корытная В. Дрезгаловской вол. – по 10 руб. (вдовам)¹. Для *Новооскольского у.* имеется сведение о правах вдов на землю лишь для с. Холань (собств.), где они, если могут оплачивать подати, сохраняют надел за собой². В *Тимском у.* вдова в большинстве случаев сохраняет надел мужа до выхода в новое замужество, иногда лишь в случае, если имеет малолетних детей. Дочь единственная наследника сохраняет надел до своей смерти, даже если выйдет замуж в другое село; если же примет мужа в дом, последний становится равноправным членом общества. В *Корочанском у.*, в Зимовенской вол. (2 общины государственных крестьян и 20 – бывших помещицых), вдова, даже бездетная, сохраняет надел³. В *Щигровском у.* наследниками умерших нередко являются

¹ В некоторых общинах есть еще призываемые, кроме указанных выше. Так, в д. Самохваловке (соб.) Краснополянской вол. безземельный николаевский солдат получил $\frac{3}{4}$ дес. земли бесплатно на 6 лет; Успенское Краснополянской волости на содержание убогого безродного из дворовых расходует 40–50 р. в год; в с-це Озерках (соб.) Ястребинской вол. безродный старик из дворовых кормится у всех членов общины поочередно столько дней у каждого, сколько у того душевых наделов; в д. Блинцовке той же волости безродная старуха из дворовых отдана на содержание одному крестьянину, за что он получает от общества один мироплатимый надел.

² В с. Ольшанке (соб.) имеется богадельня, в которой в момент исследования помещалось безродных стариков 6 женщин и 1 мужчина; призываемые пользуются бесплатной квартирой и освещением, а пропитание добывают нищенством; расход общества на богадельню составляет 20 руб. В с. Чернянке (соб.) богадельня устроена в доме, пожертвованном частным лицом; на обществе лежит ремонт и отопление богадельни, в которой в момент исследования находилось 10 женщин, содержимых «тихой» милостыней и добровольным пожертвованием. В с. Богородске есть богадельня, построенная кн. Голицыной и содержащая на доход с участка земли, пожертвованного ею же. Богадельня, содержащая частью обществом, частью местным землевладельцем, имеется в с. Топаровке (соб.) *Белгородского у.* Общество московских ямщиков *Петербургского у.*, имеющего усадебную землю в черте столицы, при уступке земель купеческому обществу Петербурга под Николаевский дом призрения в начале 30-х гг. выговорило право на вечное занятие 10 кроватей членами московской слободы, помещаемыми в доме призрения по приговору сельского схода.

³ Община душево-четвертных крестьян д. Плоты Подольшанской вол. одному из 3 своих членов-сирот, не способных к труду, выдает на содержание 40 руб. в год; другого – подростка – определила кормить миром, как кормят пастуха, т. е. чтобы каждые две ревизские души кормили его по одному дню; третьему мир позволил собирать милостыню один день в неделю в своей деревне, но не в чужих.

их дочери и бездетные вдовы. В *Курском* у. бездетная вдова получает надел мужа. В *Моршанском* у. и *Шацком* в обществах государственных крестьян вдова с малолетними, если она исправно отбывает повинности, может оставить надел мужа за собой. В *Тамбовском* у. при тех же условиях за вдовой нередко оставляется надел и в том случае, если у нее нет детей мужского пола; в поволостных описаниях оставление наделов за вдовами и сиротами женского пола указывается для одной волости. В *Борисоглебском* у. вдова с девочками получает от общества, до выхода в замужество, одну, редко две души; в обществах государственных крестьян, сравнительно многоземельных, вдовы освобождаются от всех платежей за эту землю; где же надел невелик, там вдова или освобождается только от части повинностей, или обязывается нести все платежи, связанные с пользованием землей; в наиболее бедных и нуждающихся в земле обществах вдова лишается земли. Бездетным вдовам обыкновенно не оставляется надел, и лишь немногие общины б. государственных крестьян дают такой вдове, если она уроженка того же села, половину или целую душу. В с. Чигарах вдовы и сироты получают бесплатно пустую землю; в с. Архангельском сиротам и немощным дается бесплатно по $\frac{1}{2}$ души; в с. Адриановке две безродные старухи получают от общества по 3 мерки ржи в год и по одной мироплатимой душе; в с. Козловке и Елани хлебное продовольствие выдается двум безродным девушкам и двум калекам. В *Елатомском* у. в обществах помещичьих крестьян вдова с детьми-мальчиками, если состоятельна в уплате податей, сохраняет надел мужа (в некоторых волостях) за собой. В Кошаковской вол. *Казанского* у. при последних переделах по наличным душам были случаи наделения земель на общем основании женских семей, при условии, чтобы они могли справиться с землей и лежащими на ней податями. В общинах помещичьих крестьян с ревизской разверсткой вдова с мальчиками сохраняет надел, без них или с девочками – сохраняет, если справляется с податями; жены лиц, ушедших в солдаты, оставляют наделы за собой. В *Московской* губ. вдова имеет право удержать надел мужа до общего передела земли.

Вопрос о порядке распоряжения участком умершего крестьянина, оставившего малолетних сирот, имеющих право на надел, впредь до их совершеннолетия, естественным образом возникает в местностях, где надел окупает лежащие на нем платежи, почему обработка его дает чистый доход. В противном случае надел, как известно, поступает на общество, на обязанность которого поступает и забота о содержании сирот. Хотя поэтому данные по вопросу о сиротских наделах естественно могут быть собраны лишь для некоторых местностей России, но наши материалы далеко не удовлетворяют и этому условию, и их данные о распоряжении общества наделами

малолетних сирот мужского пола отличаются большой неполнотой; некоторые сборники совершенно забывают об этих наделах, в других соответствующие сведения попадают очевидно случайно при описании сел. Но и таковые сведения не всегда отличаются достаточной обстоятельностью, и многие из них не содержат указаний на то, каким образом содержатся сироты в тех случаях, когда их земля находится на обществе или сдается в аренду. Обращаясь к этим сведениям по существу, мы находим, что обыкновенный способ распоряжения сиротскими наделами это – поручение их до совершеннолетия малолетних избранному обществом опекуну; за ним следует отдача имущества родственникам сирот или другим благонадежным лицам с обязательством содержать сирот. Нередко сиротские наделы обращаются в мироплатимые и назначаются для того или другого употребления на общем основании (см. гл. VII).

В *Елизаветградском* у. земля мальчика-сироты до его совершеннолетия или женитьбы находится в распоряжении опекуна, а иногда обращается под общественную запашку. «Девочки-сироты иногда совсем не наследуют надела». В *Александрийском* у., насколько можно судить по отрывочным данным сборника, у военных поселян сиротские наделы иногда отдаются в пользование безземельным или многосемейным членам общества; у многих общин помещичьих крестьян они поступают под общественную запашку. Для *Тираспольского* у. имеются беглые указания, из которых видно, что в 2 общинах помещичьих крестьян сиротские наделы до возмужалости сирот находятся на обществе, в некоторых других они вверяются опекунам. В *Херсонском* у. в 50 обществах для эксплуатации сиротских наделов избираются опекуны: в 28 обществах – ближайшие родственники (мать, брат, дядька, дед и т. д.), в 22 – не родственники; в 12 обществах сиротские наделы отдаются за подати лицам, берущим воспитывать сирот «до зросту», причем иногда выросшим сиротам приходится возвращать свои наделы при помощи суда; в 10 обществах сиротские наделы обращаются под общественную толоку, и если при этом получается доход (с выпашного скота и т. п.), его отдают на проценты «до зросту» сирот; некоторые общества сдают сиротскую землю в аренду и вырученные деньги отдают на проценты. В *Мелитопольском* у., как общее правило, сиротские наделы поступают в распоряжении опекунов, которые сдают их в аренду целиком или подесятинно и верхи кладут до совершеннолетия сирот в сберегательную волостную кассу из 4% в год; но в некоторых общинах с ревизской разверсткой они находятся в пользовании общества; так, в помещичьей общине Янчекраке 300 дес. сиротской и выморочной земли 2 года были под общественной запашкой с обращением дохода на построение храма, а те-

перь сдаются в аренду для той же цели. В *Ростовском* у. сиротские наделы в русских общинах б. ч. отдаются до совершеннолетия наследников в распоряжение опекунов из числа ближайших родственников и старших в роде; исключение представляют некоторые помещичьи общины: в одной надел остается за сиротами, но обрабатывать его помогают родственники, в одной он берется на общество, в одной передается отдельным домохозяевам. В армянских общинах (5) сиротская земля остается у наследников, если они в таком возрасте, что могут сами обрабатывать землю и имеют необходимый для того скот; в противном случае половина надела переходит на общество, другая оставляется сиротам на прокормление. В *Бахмутском* у. сиротские наделы чаще всего отдаются в пользование ближайших родственников и попечителей сирот до совершеннолетия последних; попечители сдают иногда эту землю в аренду. В дер. Перещепной, № 1 и 2, сиротские наделы отдаются желающим оплачивать их, оказывать сиротам помощь; в с. Петровском Петровской № 1 волости они наваливаются на зажиточных членов общины. «В общий передел такие наделы поступают, главным образом, в селениях бывших государственных крестьян». Местами сиротская земля вместе с другой мироплатимой сдается обществом в аренду. В Сборнике по *Ставропольскому* у. о сиротских наделах упомянуто между прочим; известно, что они образуют составную часть пустовых душ (см. гл. VII). В с. Верхнем Сенчилееве 29 сиротских душ сдано на 14 лет односельцу за 1400 руб. и деньги обращены на устройство школы. В *Бугульминском* у., в д. Екатериновке (б. пом., с плохой землей и подорванным благосостоянием), «умрет домохозяин, останутся малолетки, души отбирают и наваливают на сильных и на работников; если последние не принимают землю, то землю и скотину на общество, а сам иди куда хочешь»¹.

В *Суражском* у. наделы сирот до их совершеннолетия передаются кому-либо из членов общества. Для *Новооскольского* у. о распоряжении сиротскими наделами имеются сведения для двух общин Богородской вол.: в д. Подвиской (87 дв., собств.) «у сирот, оставшихся без старших членов семьи, наделов не отымают, а, напротив, при первом же переделе нарезают их долю в самом лучшем месте и сдают с публичных торгов купцам или односельцам, а вырученные деньги отдаются опекунам сирот на со-

¹ В общинах немецких колонистов *Николаевского* у. организована целая система покровительства малолетних сирот: «в *Екатеринштате* сироты обоего пола поставлены под покровительство особого попечительного совета, который старается сделать их полезными членами общества. В книгах "сделок и договоров" записана масса случаев отдачи советом детей на выучку частным лицам тому или другому ремеслу. Обыкновенно с 8- и до 16-летнего возраста сирота помещается в устроенный в *Екатеринштате* детский приют, основанный в 1871 г. по мысли колониста Ив. Хр. Липерта, который пожертвовал на устройство приюта 3000 руб., а бр. Зейферт и др. – 2000 руб. Дети обучаются в приюте письму, закону Божию, арифметике, начаткам географии и истории; в 1866 г. в приюте находилось 10 мальчиков».

держание последних»; души сирот в с. Киселевке (душ. четвертн.) сдаются в аренду, а вырученное, за покрытием повинностей, поступает к опекунам на содержание малолетних. В д. Укалово Воскресенской вол. и Подгорной Марьинской вол. *Макарьевского* у. известная часть земельного надела отводится сиротам «для Бога» и «освобождается от всех или части платежей, пока сироты не достигнут рабочего возраста». Среди государственных крестьян *Шацкого* у. свободные наделы охотно разбираются родственниками умерших, «причем как бы семья умершего (лишившаяся работника) причисляется к этой родственной семье по ведению полевого хозяйства, хотя бы и при раздельном домашнем хозяйстве». В *Моршанском* у. наделы осиротевших семейств, если вдова не в состоянии справиться с землей, поступают в распоряжение родственников, обязанных за это содержать осиротевшую семью; при отсутствии родственников наделы несостоятельных сиротских семей поступают на мир, который сдает их в аренду. В *Козловском* у. надел сирот отдают их родственникам, на которых возлагается и обязанность содержать сирот.

Из сделанного на предыдущих страницах очерка, имеющего целью выяснить состав лиц, пользующихся общественной землей по разверстке, видно, что при общинном владении землей не все семьи получают надел, а те, которые участвуют в пользовании мирской землей, получают надел не по числу всех своих членов. В силу сказанного, распределение земли между членами общины даже в самый момент передела не представляется вполне равномерным; неравномерность этого распределения выражается, во-1-х, существованием известного числа безземельных семей, во-2-х, неполным соответствием в остальных семьях числа наделов числу едоков. В какой степени существует эта неравномерность в различных местностях и при различных системах разверстки, — за неимением достаточного материала и времени, — мы исследовать не будем, а ограничимся приведением некоторых данных, встречающихся в немногих сборниках, обративших на этот предмет внимание. Земские экономические исследования, данными которых пользуемся мы в своем описании, производились в большинстве случаев путем подворного опроса каждого крестьянского хозяйства. Благодаря этому, собранные материалы заключают довольно точные сведения о количестве безземельных в каждой общине и в целом исследованном уезде. Но лишь в немногих сборниках встречаются сведенные данные о происхождении этих безземельных членов обществ, по которым мы можем судить и о роли общины в процессе обезземеления населения.

Так, для 6 уездов Орловской губернии безземельные подразделены на следующие четыре разряда: 1) б. дворовые, не получившие надела при осво-

бождении и потому не участвующие в пользовании мирской землей; 2) николаевские солдаты и их дети, т. е. семьи лиц, ушедших в военную службу до X ревизии, не подлежащих подушному окладу и наделению землей и потому, как и первые, не имеющие доли в общинном владении; 3) члены общины, лишившиеся земли, и 4) разные (приписанные к обществу без права на землю и т. п.). Сведения об этих группах даются одной цифрой для целого уезда, без отделения общинного владения от подворного, и это обстоятельство до известной степени мешает составлению точного понятия об интересующем нас вопросе.

Уезды	Число семей в селениях с		Число беззем. семей в селениях с		Разряды безземельн. семей ¹			
	общ. вл.	подв. вл.	общ. вл.	подв. вл.	Б. дворовые	Солдаты и кантонисты	Лишивш. земли члены общины	Разные
Болховский	15970	1334	981	102	293	448	210	42
Мценский	13000		972		643	225	45	59
Трубчевский	16700		868		113	197	456 ²	102
Елецкий	33213	4125	1238	208	713	293	212	109
Кромский	15796	2000	671		128	225	99	34
Карачевский	16900	1000	1004	48	241	388	161	39

Из приведенных данных читатель может убедиться, что большая часть безземельных дворов принадлежит к разряду семей, не имеющих права на участие в пользовании мирской землей. Исключая поэтому б. дворовых и солдат, принимая, что семьи, попавшие в группу «разные», суть полноправные члены общества (хотя здесь есть приписанные без права на надел), считая, что все безземельные, вошедшие в рубрики «разные» и «лишившиеся земли», принадлежат к селениям с общинным владением (хотя здесь есть и

¹ В рубрики разрядов безземельных семей не вошли 84 семьи четвертных крестьян в Болховском у. и 115 в Елецком; таким образом, эти рубрики для названных уездов обнимают, кроме безземельных в селениях с общинным владением, еще 18 безземельных дворов в обществах с подворным владением в Болховском у. и 93 – в Елецком у. Для Кромского у. показано только распределение по разрядам 486 наличных безземельных семей (в том числе безземельных в обществах с подворным владением 23 семьи); для Карачевского у. 829 наличных безземельных (в том числе 13 безземельных в обществах четвертных крестьян); для отсутствующих безземельных соответствующих сведений не указано.

² В том числе 348 отсутствующих.

члены подворных обществ), мы будем иметь следующие цифры как высшие пределы обезземеления, допускаемого порядками землепользования в общине, где совершение коренных переделов в большинстве случаев задержано причинами, о которых шла речь в гл. II и III. Этот высший предел обезземеления будет в Мценском и Елецком у. – около 1% семей, имеющих право на участие в общинной земле, в Болховском у. 1,7%, в Кромском и Карачевском меньше 2%, в Трубчевском (отличающемся плохой почвой) ок. 3,5%, а исключения 348 семей отсутствующих, 1,5%.

Данные для Елецкого и Мценского уездов дают возможность узнать, каково происхождение безземельных членов общины, имеющих право на землю. Именно семьи, лишившиеся земли, распадаются в этих уездах на следующие группы:

1) Отошедшие без земли при семейных разделах в Елецком¹ у. 83 дв., Мценском² 27 дв.

2) Отказавшиеся от земли в Елецком у. 28 дв. (в пользу общества), в Мценском у. 14 (в пользу общества и родственников).

3) Чернички, живущие отдельными хозяйствами в Елецк. у., 28 дв.

4) Не получившие земли при последних переделах в Елецком у.:

а) вдовы без детей муж. п. – 34 дв.

б) девушки – 2 дв.

в) отсутствующие – 9 дв.

5) Остальных в Елецком у. – 28 дв.

В этом распределении участвуют только семьи, показанные в предыдущей таблице в рубриках, лишившихся земли, и читатель видит, до какой ничтожной цифры нисходит число лиц, не имеющих земли, благодаря принятым порядкам землепользования. В переходе от ревизской разверстки к наличной известная часть и этих лиц получит надел, а без земли останутся главным образом женские семьи, из которых значительная часть станет получать от общества денежное или натуральное пособие.

Для *Хвалынского* у. имеется следующая таблица происхождения безземельных хозяйств.

Число наличных хозяйств	26956
Число хозяйств безнадельных	2017
Число случаев, где причина безземелия не выяснена	648
Число случаев, где причина безземелия известна	1459

¹ Данные для Елецкого у. относятся к безземельным обществам с душевым и подворным владением землей.

² Не имеющие земли, потому что родились после X ревизии.

Причины обезземеливания	Юридические	{	Дворовые и приписанные для счета	71
			Солдатские дети и кантонисты	9
			Солдаты до X ревизии	253
	Бытовые	{	Рожденные после X ревизии	103
			Солдаты на службе и бывшие на очереди	74
			Вдовы и девицы	498
			Сироты и малолетние	48
			Калеки и больные	43
			Старики	164
			Общество не дает по разным причинам	17
			Общество сняло за недоимки	60
			Шалтаи	6
	Семейные и личные	{	Сам отказался	24
			Продал надел	4
			Передал родным	6
Отец не дает			11	

«Все 16 причин безземелья могут быть разбиты на 3 категории. К первой категории принадлежат б. дворовые, приписанные к обществу для счета, солдаты, не попавшие в ревизию¹, кантонисты и солдатские дети – словом, все те лица, которые на основании закона правом на надел не пользуются; число таких хозяев 333 (29,7%). Ко второй категории относятся те хозяйства, которые не получили надела вследствие обычаев, установившихся в обществе, благодаря той или иной форме землевладения. Число таких хозяйств – 1013 (62,3%). Сюда принадлежат хозяева, рожденные после ревизии (в общинах, сохраняющих ревизскую разверстку земли), вдовы и девицы², старики, малолетние, калеки, больные, недоимщики, ушедшие на сторону, словом, те лица, которые не в силах обрабатывать землю. Всем таким лицам мир не дает земли или потому, что они не подходят под условия, которым должна удовлетворять раскладочная единица – душа, или потому, что лица эти в хозяйственном отношении оказываются бессильными. К третьей категории относятся 113 хозяйств (8%), для которых причину безземелья нужно искать не в законе и обычаях общины, а в личной воле хозяина и его семейных отношениях. Здесь обращают на себя внимание 11 хозяйств, которые не получили земли потому, что “отец не дал земли”. Такие случаи встречаются лишь в Средне-Терешанской волости, при подворно-наследственном четвертном владении у татар».

¹ При последних переделах по наличным душам общество отводило им надел.

² Число их особенно велико в старообрядческих селениях.

«Определяя число безземельных среди оседлого населения Хвалынского у., мы игнорировали лиц, ушедших из села и живущих на стороне, между которыми процент безземельных весьма велик (34,4%, приблизительно 607 дворов). Если включить эти семьи в расчет, то получится около 2714 безнадельных на 28 723 всех хозяйств, т. е. 9,45%. При этом и причины безземелья получают несколько иную численную обрисовку».

	% безнадельных среди наличного населения	% безнад. среди ушедшего насел.	Средний процент для тех и других
Юридические причины безнадельности	29,7%	9%	20,4%
Бытовые, общественные	62,3%	87,7%	72,6%
Личные и семейные	8%	3,3%	7%
Итого	100%	100%	100%

В 93 общинах *Бугурусланского у.*, совершивших в последние годы передел по наличным душам, оказалось 1010 безземельных, или 5,8% всего числа домохозяев, тогда как во всем уезде безземельные составляют 7,1%. По разрядам 1010 безземельных состоят из 308 (30,4%) семей неплательщиков, давно живущих на стороне, 111 (11%) хозяев, по маломощности отказавшихся от земли, и 592 (58,6%) «безлошадных недоимщиков, частью лишенных земли по мирскому приговору, частью не получивших ее как сироты, бездетные вдовы и старики».

Мы знаем, что переделы земли в общем имеют в виду удовлетворение одной из двух целей: они приводят земельные участки в соответствие или с экономической мощью семьи, или с ее потребностью в пропитании. В первом случае это достигается более или менее прямым путем распределения земли по рабочей силе (главный фактор экономической силы рабочего населения) или имущественной состоятельности членов общины. Такой прямой путь во втором случае наблюдается очень редко: это имеет место в тех общинах, которые распределяют землю по душам обоого пола. Большинство же общин, принявших систему распределения земли по потребительной норме, ограничивается тем, что размер надела приводит в соответствие с величиной мужской части семьи, т. е. распределяет землю по душам мужского пола. При этом является вопрос – действительно ли переделы такого рода исправляют неравномерность распределения земли, образовавшуюся вследствие продолжительного отсутствия равнения, т. е. уравнение землевладения по душам мужского пола является ли уравнением и по душам обоого пола, или, иначе, – отношение между величиной участка и числом едоков для различных дворов

общины представляет ли при наличной разверстке более близкие друг к другу цифры, нежели при ревизской?

Ответ на этот вопрос может быть получен двояким путем: сравнением равномерности в распределении земли в общинах, совершивших передел по наличным душам и сохранивших ревизскую разверстку земли, и сравнением равномерности распределения земли в определенных общинах до и после передела. В наших материалах для некоторых уездов имеются те или другие сравнения, которые мы здесь и приводим. Общий результат этих сравнений, поддерживаемый частью и априористическими соображениями, заключается в следующем.

Переделы земли по наличным душам часто увеличивают расстояние между мало- и многоземельными членами общины. Происходит это потому, что при переделе по числу наличных душ те семьи, которые имеют много мальчиков, получают большее число наделов; по прошествии же известного времени, когда дети подрастут и отделятся от родителей, крупные участки распадаются на мелкие, и образование новых больших участков, насколько таковое имеет место, происходит уже не путем общинной разверстки земли (где последней дорожат), а частной съемкой наделов, хотя бы то были и мироплатимые. Таким образом, хотя продолжительное отсутствие передела и способствует появлению (указанным путем) крупных участков земли, но в местностях, где землей дорожат, таковые образуются не путем общинного акта разверстки наделов, а частным договором, съемкой одними крестьянами участков, принадлежащих другим (что не принимается во внимание при нашем сравнении). Крупные же участки, явившиеся при переделе, распадаются, и хотя такому же распадению подвергаются и мелкие участки, но, по причине неудобства владения слишком малыми клочками, раздробление последних не идет далеко, вследствие чего расстояние между крупными и мелкими участками, полученными по разверстке, очень часто уменьшается сравнительно с тем, какое наблюдается тотчас после общего передела земли.

Так как при исследовании вопроса о равномерности в распределении земли при наличной и ревизской ее разверстках наши материалы не указывают всех земельных групп общин до и после передела, а соединяют семьи, имеющие 5 и более наделов, в одну группу, то мы не имеем возможности узнать, как часто и насколько именно передел земли по наличным душам приводит к увеличению расстояния между крайними земельными группами крестьян. Мы можем привести на этот счет данные только для отдельных общин. В с. Ярославке *Козловского у.*, например, до передела земли по наличным душам самый крупный семейный участок состоял из 7 наделов, после передела – из 15, в с. Озерках *Саратовского у.* – из 8 и 14, в с. Костин-Отделец *Борисоглебского у.* – из 8 и 12, в слободе Сарбьяй *Бугу-*

русланского у. – из 7 и 10; в Воронежском у. в с. Орлово – из 10 и 14, с. Маркове – 12 и 11, с. Никонове – 6 и 9, с. Углянце – 8 и 14, с. Морозовке – 7 и 14, с. Архангельском – 4 и 7, с. Нижней Котуховке – 6 и 12 наделов. Для Суражского у. приводятся надельные группы 1882 года для 4 сел, совершивших последние переделы в 1858, 1872, 1877 и 1879 гг., причем оказывается, что в первой самый крупный участок равняется 4 наделам, во 2-й и 3-й – 6, в четвертой – 8 наделам. Если предположить, что при старой разверстке существовали семьи, владевшие полудушевым наделом, а при новой такие мелкие участки были упразднены, так что отношение между крайними земельными группами после передела могло остаться таким же, каким оно было до него, то приведенные примеры свидетельствуют, по крайней мере, о том, что общие переделы по наличным душам могут повести к образованию таких крупных семейных участков (измеряемых числом душевых наделов), каких не наблюдалось в момент передела в общине при старой разверстке земли. Значение той или иной системы разверстки земли с точки зрения интересов потребления определяется, однако, отношением не участков разных семей между собой, а величины участка семьи к ее потребностям, измеряемым числом душ обоого пола. Разверстка земли по наличным душам мужского пола, – хотя бы она вела к образованию крупных участков, – может лучше удовлетворять высказанному требованию, если крупные участки даются при ней соответственно крупным же семьям. Обращаясь к расчетам, выясняющим эту сторону дела, мы убедимся, что наличная разверстка двояким влиянием ведет к уменьшению неравномерности распределения земли: она сокращает расстояние между мало- и многоземельными группами семей и увеличивает количество семей, относительно лучше обеспеченных в продовольствии. Первое явление наличной разверстки земли ясно видно на данных, относящихся к Днепровскому и Мелитопольскому уездам Таврической губернии. Для первого из них в IX томе Сборника приведена таблица на с. 487.

«Из приведенных данных видно, что количество пахотной земли, приходящееся в среднем на одну душу обоого пола в общинах, имеющих наличных раскладку, колеблется в пределах между 0,7 дес. и 4,4 дес.», т. е. абсолютная разность равна 3,7 дес., а относительно, один участок в 6 раз превышает другой, «тогда как среди общин с ревизской раскладкой это колебание значительно усиливается: от 0,6 дес. до 5,9 дес., т. е. достигает 5,3 дес.», причем крупный участок почти в 10 раз превышает мелкий. Кроме того, «в общинах, практикующих наличную раскладку, только 44 двора, или 0,8%, с 170 едоками, составляющими 0,5%, лишены надельной земли, тогда как в общинах с ревизской раскладкой 214 дворов, или 3,4%, с 115 едоками, составляющими 2,8%, не имеют земли».

Размер семейных участков	В общинах с ревизской раскладкой		В общинах с наличной раскладкой	
	Число дворов	Сколько дес. приходится в сред. на 1 душу об.пола	Число дворов	Сколько дес. приходится в сред. на 1 душу об.пола
Дворы, не имеющие надела земли	214	–	44	–
Дворы, имеющие не более 5 дес. пахотной земли	772	0,6	1428	0,7
Дворы, имеющие от 5 до 10 дес. пахотной земли	2346	1,3	1842	1,3
Дворы, имеющие от 10 до 15 дес. пахотной земли	1307	1,9	1016	1,7
Дворы, имеющие от 15 до 30 дес. пахотной земли	1344	2,9	1085	2,5
Дворы, имеющие более 30 дес. пахотной земли	206	5,9	251	4,4

В Сборнике по *Мелитопольскому* у. имеется табличка (см. табл. на с. 488 – *Прим. ред.*), в которой процентное отношение десятин надельной пашни в группах семей с различным числом наделов ко всей площади пахотной земли сопоставляется с процентным отношением ко всему населению душ обоего пола в тех же группах семей в общинах с ревизской и наличной разверсткой земли. Идеальным распределением земли, с точки зрения потребления, будет то, при котором процент душ обоего пола в каждой группе семей (получивших один надел, два надела и т. д.) будет равняться проценту находящейся в ее распоряжении пахотной площади, ибо в этом случае на каждого едока во всех группах семей приходилось бы одно и то же количество земли. Расхождение процентов населения и земли служит признаком неравномерности распределения последней, а указание в таблице числа семей в разных группах дает возможность судить о том, какое количество дворов испытывает при сравниваемых системах разверстки неудобства неравномерного распределения земли.

При ревизской разверстке расстояние между крайними группами семей в ряду, выражающем степень обеспеченности их наделом (графа 7), измеряется отношением между 0,70 и 1,93 дес., т. е. одна группа семей является почти втрое обеспеченнее другой; при наличной разверстке (гр. 8) разница между ними измеряется отношением 0,58 к 1,20, т. е. одна группа только вдвое обеспеченнее другой. При ревизской раскладке почти 42% (41,85, гр. 2) всего населения об. пола владеют только 29,3% надельной площади (гр. 3), причем на 1% населения приходится менее 0,70% земли. Наличная развер-

стка обижают (в смысле понижения отношения между процентами населения дворов и их участка сравнительно со средней величиной – единицей) не 42, а только 34,1% населения, причем дает на 1% населения 0,76% земли, т. е. более, чем ревизская раскладка. Двудушники, при наличной раскладке на 21,65% населения, получают 19% земли, почти 0,9% на 1% населения – обида слишком ничтожная. Серьезную обиду терпят только 12,35% населения безнадельных и однодушников, которые получают 0,58% земли на 1% населения. При ревизской раскладке категории четырехдушников и пятидушников получают почти 1½ и 2% земли на 1% населения, а наличная раскладка самой счастливой группе 5-душников дает лишь 1,2% земли на 1% населения. Ревизская раскладка обижают 50% (49,4) всех дворов, давая им менее 30% надела (по 0,59% земли на 1% дворов) и уделяя остальным 50% дворам более 70% земли. Наличная раскладка обижают 47,5% домохозяев, давая им 26,2% земли (по 0,55% земли на 1% дворов)¹.

Семьи	45 общин с рев. раскладкой			49 общин с налич. раскладкой			45 общин с рев. раскладкой	49 общин с налич. раскладкой
	Дворов	Душ обоого пола	Десятин на-дельн. пашни	Дворов	Душ обоого пола	Десятин на-дельн. пашни	На 1% населения сколь-ко % пашни	На 1% населения сколь-ко % пашни
	1	2	3	4	5	6	7	8
Безнадельные	1,4%	0,85%	0%	0,5%	0,3%	0%	0%	0%
Однодушники	48%	41%	29,3%	20%	12,25%	7,2%	0,70%	0,58%
Двудушники	34%	35,7%	39,3%	27%	21,65%	19%	1,10%	0,87%
Трехдушники	12%	15,65%	20,7%	23,5%	23,85%	24,5%	1,32%	1,02%
Четырехдушники	3,6%	5,3%	7,8%	15%	18,46%	20,9%	1,47%	1,13%
Пятидушники	1%	1,5%	2,9%	14%	23,5%	28,4%	1,93%	1,20%
Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%	1%	1%

К подобному же заключению приводят таблицы, в которых семьи в общинах с наличной и ревизской разверсткой распределены на группы по числу едоков, приходящихся на 1 надел.

¹ Сравнение 4 общин Суражского у., произведших передел в различное время, показывает, что разница между крайними группами после передела почти не изменилась, но увеличилось число средненадельных в ущерб мало- и многоземельным; в деревне же Яловке, где был передел по душам обоого пола, разница между крайними группами меньше.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

	% семей, имеющих на один надел едоков					
	до 1	от 1–2	от 2–3	от 3–4	от 4–5	от 5
<i>Воронежский у.</i>						
В 263 общинах, не деливших землю	5,9	23,5	28,5	20,6	10,3	11,2
В 61 общине, переделавших землю по душам м. п.	4,1	56,1	28,6	7,0	2,6	1,6
	-1,8	+32,6	+0,1	-19,9	-7,7	-9,6
В 7 общинах до передела по наличн. д.	5,6	21,4	27,3	22,2	11,0	12,5
В 7 общинах после передела по наличн. д.	2,5	57,6	28,5	6,5	2,8	2,1
	-3,1	+36,2	+ 1,2	-15,7	-8,2	-10,4
<i>Рязанский у.</i>						
В 2 общинах не деливших	0	28,2	39,7	20,7	6,8	4,6
В 4 общинах переделавших	0	+26,4	-7,3	-10,9	-4,6	-3,6
	0	+26,4	-7,3	-10,9	-4,6	-3,6
<i>Мценский у.</i>						
В 2 общинах до передела по едокам	0	20,9	42,5	27,5	6,2	3,8
В 2 общинах после передела по едокам	0	8,7	72,5	16,3	2,5	0,0
	0	-12,2	+30,0	-11,2	-3,7	-3,8
В 2 общинах при ревиз. разв. ¹	0,6	14,7	37,2	18,6	16,7	12,2
В 2 общинах при наличн. разв.	0	14,1	46,8	18,6	12,2	8,3
	-0,6	-0,6	+9,6	0	-4,5	-3,9

Мы видим, что повсюду наличная разверстка земли ведет к сильному сокращению числа семей, плохо обеспеченных землей, т. е. имеющих 5, 4, даже 3 души обоюго пола на 1 надел; что при ней уменьшается и число семей, обеспеченных очень хорошо (имеющих меньше одного надела на душевой надел), и на их счет возрастает число семей, в которых на 1 надел приходится 1–2 потребителей.

Данные, с которыми мы имели дело до сих пор, рисуют влияние передела земли на общину, рассматриваемую как одно целое. Мы убедились, что это влияние благотворно в том смысле, что передел равномернее распределяет землю между всеми членами общины и тем самым облегчает борьбу за существование значительного числа членов общины, всего более страдав-

¹ Эти общины перешли от наличной разверстки земли к ревизской.

ших от неуравнительной разверстки земли. Но это облегчение положения одних совершается за счет ухудшения положения других членов общины, участки которых подлежат при переделе сокращению. Является поэтому вопрос: как отражается достижение групп крестьян, выигрывающих и теряющих на величине участка, и каков общий итог этого влияния. Это последний вопрос мог бы на основании земско-экономических исследований получить некоторое разъяснение, так как имеющиеся в них итоги подворных переписей отдельных общин позволяют сравнить хозяйственное положение общин, совершивших и не совершивших передел мирской земли. Что же касается вопроса, каким образом передел земли отражается на благосостоянии крестьян, теряющих и выигрывающих на величине участка, – для разрешения его в наших материалах не имеется никаких данных. Оставаясь в сфере общинно-поземельных отношений, этот вопрос сводится к следующему: в каких пределах колеблется изменение участков отдельных лиц, вызываемое коренным переделом, и представляются ли эти колебания одинаковыми при всех системах разверстки, или одни из них не так потрясают землевладение отдельных членов, как другие. К сожалению, исследователи не обращали до сих пор на этот вопрос почти никакого внимания и наши материалы заключают соответствующие данные лишь для какого-нибудь десятка общин государственных крестьян, совершивших передел земли по наличным душам. Для этих общин сборники показывают для каждого хозяина прежнее и новое число наделов, что дает возможность точно вычислить размер, в каком изменился участок земли каждого члена общины.

Окончательный результат произведенного нами вычисления, обнимающего 2195 дворов 9 общин, может быть представлен в следующем виде.

Увеличение или уменьшение участка (в десятинах) после передела имело место:

	увели- чение	% всего числа семей	умень- шение	% всех семей
не более как на 5 дес.	у 669 дв.	30,43	у 670 дв.	30,52
выше 5 и до 10 дес.	у 295 дв.	13,44	у 227 дв.	10,35
выше 10 и до 15 дес.	у 103 дв.	4,70	у 116 дв.	5,28
выше 15 и до 20 дес.	у 40 дв.	1,83	у 27 дв.	1,23
выше 20 и до 25 дес.	у 18 дв.	0,82	у 19 дв.	0,87
выше 25 и до 30 дес.	у 3 дв.	0,14	у 3 дв.	0,14
выше 30 и до 35 дес.	у 1 дв.	0,05	у 2 дв.	0,09
выше 35 и до 40 дес.	у 1 дв.	0,05	у 1 дв.	0,05
Итого	у 1130 дв.	51,47	у 1065 дв.	48,53

Увеличение или уменьшение участка после передела в процентном отношении к прежней его величине имело место:

увеличение		% всех семей общины		уменьшение		% всех семей	
не более как на 5%	96 дв.	4,37	не более как на 5%	59 дв.	2,67		
выше 5 и до 10%	87 дв.	3,96	выше 5 и до 10%	31 дв.	1,40		
выше 10 и до 15%	52 дв.	2,37	выше 10 и до 15%	20 дв.	0,90		
выше 15 и до 20%	33 дв.	1,50	выше 15 и до 20%	40 дв.	1,87		
выше 20 и до 30%	54 дв.	2,54	выше 20 и до 25%	159 дв.	7,24		
выше 30 и до 40%	187 дв.	8,51	выше 25 и до 30%	335 дв.	15,26		
выше 40 и до 50%	95 дв.	4,32	выше 30 и до 35%	67 дв.	3,05		
выше 50 и до 60%	130 дв.	5,91	выше 35 и до 40%	9 дв.	0,40		
выше 60 и до 70%	9 дв.	0,40	выше 40 и до 45%	53 дв.	2,41		
выше 70 и до 100%	77 дв.	3,50	выше 45 и до 50%	32 дв.	1,46		
выше 100 и до 125%	129 дв.	5,87	выше 50 и до 55%	60 дв.	2,73		
выше 125 и до 150%	61 дв.	2,77	выше 55 и до 60%	19 дв.	0,86		
выше 150 и до 175%	27 дв.	1,23	выше 60 и до 65%	73 дв.	3,37		
выше 175 и до 200%	31 дв.	1,41	выше 65 и до 70%	49 дв.	2,23		
выше 200 и до 250%	24 дв.	1,09	выше 70 и до 75%	25 дв.	1,13		
выше 250 и до 300%	17 дв.	0,78	выше 75 и до 80%	23 дв.	1,05		
выше 300%	7 дв.	0,31	выше 80 и до 85%	6 дв.	2,27		
			выше 85 и до 90%	5 дв.	0,22		
Итого	1116	50,84	Итого	1065	48,52		
	дв.			дв.			

14 семей, или 0,64% всех семей, до передела не имели земли. За недостаточностью данных мы не решаемся на основании этих цифр делать какие-либо обобщения. Скажем только, что сокращение после передела семейного участка более, чем на 5 десятин, наблюдается у 18% всех дворов общины, а более, чем на 10 дес., – у 8½%. Отдельные хозяева потеряли 20–40 дес., иные получили всего 1/7–1/10 часть прежнего надела. Значительное изменение величины участков некоторых хозяев имело место потому, что в приведенных для примера общинах, как и в большей части других, – по причинам, указанным в первых главах настоящего труда, – передел земли был задержан на целые 25 л., т. е. слишком вдвое против того срока, который обыкновенно назначается общинами для следующего равнения. В такой длинный промежуток времени происходят столь большие изменения

в семейном составе отдельных хозяев, какие немислимы при более частых переделах, и потому при обычном течении дел изменения в величине семейных участков будут, конечно, значительно меньше тех, какие рисуются приведенными цифрами.

Не останавливаясь дальше на этом вопросе, мы только предупреждаем читателя, чтобы он не ставил изменение благосостояния членов общины в пропорциональное отношение с изменениями размеров их земельных участков. Для правильной оценки взаимной зависимости этих двух явления нужно помнить, что крестьянин хозяйничает не на своей только надельной земле, но и на арендованной у казны, частных владельцев и общинников; что степень нужды в этой аренде зависит от размеров собственного участка и недостаток последнего он может восполнять арендой. Наконец, чем менее крестьяне занимаются земледелием, тем больше у них остается времени для подсобных заработков, к которым прибегает большая половина населения даже черноземной полосы. По этим причинам благосостояние населения вообще и тем более благосостояние отдельных хозяев не находится в исключительной зависимости от величины участка земли, полученного по мирской разверстке.

Изменение величины участка каждого члена общины после передела во всех селениях, для которых можно было сделать требуемые вычисления, видно из следующей таблицы, в которой цифры, показывающие это изменение, расположены в порядке абсолютного и относительного их возрастания.

Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
Село Озерки Саратовского уезда							
40 дес.	0,6 дес.	4	0,7	32 дес.	14,4 дес.	3	0,5
16 дес.	1,4 дес.	50	8,6	8 дес.	15,2 дес.	12	2,0
32 дес.	2,8 дес.	11	1,9	24 дес.	16,6 дес.	1	0,2
8 дес.	3,8 дес.	55	9,5	16 дес.	18,8 дес.	4	0,7
24 дес.	5,0 дес.	8	1,4	8 дес.	21,0 дес.	5	0,8
0 дес.	5,8 дес.	15	2,6	24 дес.	22,4 дес.	3	0,5
40 дес.	6,4 дес.	1	0,2	0 дес.	23,2 дес.	1	0,2
16 дес.	7,2 дес.	27	4,7	40 дес.	23,8 дес.	1	0,2
32 дес.	8,6 дес.	6	1,0	16 дес.	24,6 дес.	2	0,3

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
8 дес.	9,4 дес.	44	7,8	56 дес.	25,2 дес.	1	0,2
24 дес.	10,8 дес.	4	0,7	0 дес.	29,0 дес.	1	0,2
0 дес.	11,6 дес.	4	0,7	24 дес.	34,0 дес.	1	0,2
16 дес.	13,0 дес.	9	1,5	16 дес.	42,0 дес.	1	0,2
Село Ярославка Козловского уезда							
8 дес.	0,4 дес.	31	6,2	12 дес.	7,6 дес.	4	0,8
16 дес.	0,8 дес.	13	2,6	8 дес.	8,8 дес.	7	1,4
4 дес.	1,6 дес.	54	10,8	16 дес.	9,2 дес.	6	1,2
12 дес.	2,0 дес.	14	2,8	24 дес.	9,6 дес.	2	0,4
20 дес.	2,4 дес.	1	0,2	4 дес.	10,0 дес.	3	0,6
8 дес.	3,2 дес.	37	7,4	12 дес.	10,4 дес.	1	0,2
16 дес.	3,6 дес.	6	1,2	8 дес.	11,6 дес.	2	0,4
4 дес.	4,4 дес.	38	7,6	4 дес.	12,8 дес.	3	0,6
12 дес.	4,8 дес.	10	2,0	12 дес.	13,2 дес.	2	0,4
20 дес.	5,2 дес.	1	0,2	28 дес.	14,0 дес.	2	0,4
8 дес.	6,0 дес.	14	2,8	8 дес.	14,4 дес.	1	0,2
16 дес.	6,4 дес.	2	0,4	4 дес.	15,6 дес.	1	0,2
4 дес.	7,2 дес.	18	3,6				
Село Орлово Воронежского уезда							
8,9 дес.	0,1 дес.	9	1,73	22,2 дес.	9,3 дес.	1	0,19
7,9 дес.	1,1 дес.	1	0,19	7,4 дес.	10,6 дес.	1	0,19
17,7 дес.	1,3 дес.	15	2,87	11,8 дес.	10,7 дес.	20	3,83
7,4 дес.	1,6 дес.	3	0,58	29,5 дес.	11 дес.	1	0,19
11,8 дес.	1,7 дес.	33	6,32	5,9 дес.	12,1 дес.	13	2,49
20,7 дес.	1,8 дес.	3	0,58	14,8 дес.	12,2 дес.	2	0,39
29,5 дес.	2,0 дес.	1	0,19	23,6 дес.	12,4 дес.	3	0,96
5,9 дес.	3,1 дес.	32	6,32	0 дес.	13,5 дес.	2	0,39
14,8 дес.	3,2 дес.	2	0,39	8,9 дес.	13,6 дес.	1	0,19
23,6 дес.	3,4 дес.	6	1,13	17,7 дес.	13,8 дес.	4	0,77
59 дес.	4 дес.	1	0,19	26,6 дес.	13,9 дес.	1	0,19
13,8 дес.	4,2 дес.	1	0,19	7,4 дес.	15,1 дес.	1	0,19

Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
0 дес.	4,5 дес.	1	0,19	11,8 дес.	15,2 дес.	5	0,96
8,9 дес.	4,6 дес.	6	1,15	29,5 дес.	15,5 дес.	1	0,19
17,7 дес.	4,8 дес.	18	3,45	5,9 дес.	16,6 дес.	8	1,53
11,8 дес.	6,2 дес.	24	4,6	8,9 дес.	18,1 дес.	1	0,19
20,7 дес.	6,3 дес.	2	0,39	17,7 дес.	18,3 дес.	5	0,96
5,9 дес.	7,6 дес.	22	4,22	11,8 дес.	19,7 дес.	1	0,19
14,8 дес.	7,7 дес.	3	0,58	5,9 дес.	21,1 дес.	1	0,19
23,6 дес.	7,9 дес.	2	0,39	23,6 дес.	21,4 дес.	3	0,58
0 дес.	9 дес.	2	0,39	17,7 дес.	22,8 дес.	1	0,19
8,9 дес.	9,1 дес.	3	0,58	17,7 дес.	27,3 дес.	1	0,19
17,7 дес.	9,3 дес.	6	1,13				
Село Нижняя Котуховка Воронежского уезда							
9,6 дес.	0,3 дес.	11	7,19	19,2 дес.	7,2 дес.	2	1,31
19,2 дес.	0,6 дес.	4	2,61	4,8 дес.	8,4 дес.	10	6,54
28,8 дес.	0,9 дес.	1	0,65	14,4 дес.	8,7 дес.	1	0,65
4,8 дес.	1,8 дес.	16	10,46	7,2 дес.	9,3 дес.	1	0,65
14,4 дес.	2,1 дес.	8	5,23	9,6 дес.	10,2 дес.	3	1,96
7,2 дес.	2,7 дес.	3	1,96	28,8 дес.	10,8 дес.	1	0,65
9,6 дес.	3,6 дес.	7	4,58	4,8 дес.	11,7 дес.	2	1,31
19,2 дес.	3,9 дес.	1	0,65	14,4 дес.	12 дес.	1	0,65
4,8 дес.	5,1 дес.	10	6,54	9,6 дес.	13,5 дес.	1	0,65
14,4 дес.	5,4 дес.	1	0,65	19,2 дес.	13,8 дес.	1	0,65
7,2 дес.	6 дес.	1	0,65	9,6 дес.	16,8 дес.	1	1,65
9,6 дес.	6,9 дес.	6	3,92				
Село Макарье Воронежского уезда							
5,5 дес.	0,1 дес.	3	1,86	4,1 дес.	4,3 дес.	11	6,83
8,2 дес.	0,2 дес.	12	7,47	9,2 дес.	4,4 дес.	1	0,62
16,4 дес.	0,4 дес.	1	0,62	12,3 дес.	4,5 дес.	2	1,24
10,25 дес.	0,95 дес.	2	1,24	5,5 дес.	5,7 дес.	2	1,24
18,45 дес.	1,15 дес.	1	0,62	8,2 дес.	5,8 дес.	4	2,48

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
7,2 дес.	1,2 дес.	1	0,62	24,6 дес.	6,2 дес.	1	0,62
4,1 дес.	1,5 дес.	15	9,32	10,3 дес.	6,6 дес.	2	1,24
12,3 дес.	1,7 дес.	1	0,62	4,1 дес.	7,1 дес.	1	0,62
9,2 дес.	2 дес.	1	0,62	12,3 дес.	7,3 дес.	5	3,1
6,6 дес.	2,3 дес.	5	3,1	5,5 дес.	8,5 дес.	1	0,62
5,5 дес.	2,9 дес.	1	0,62	10,3 дес.	10,2 дес.	1	0,62
8,2 дес.	3 дес.	5	3,1	14,4 дес.	10,9 дес.	1	0,62
16,4 дес.	3,2 дес.	2	1,24	8,2 дес.	11,4 дес.	1	0,62
7,2 дес.	4,1 дес.	1	0,62				
Село Углынец I Воронежского уезда							
6 дес.	0,4 дес.	1	1,01	8 дес.	4,8 дес.	5	5,05
8 дес.	1,6 дес.	5	5,05	4 дес.	5,6 дес.	11	11,11
4 дес.	2,4 дес.	8	8,08	4 дес.	8,8 дес.	2	2,02
10 дес.	2,8 дес.	1	1,01	12 дес.	10,4 дес.	2	2,02
16 дес.	3,2 дес.	2	2,02	32 дес.	10,8 дес.	1	1,01
6 дес.	3,6 дес.	2	2,02	8 дес.	11,2 дес.	3	3,03
12 дес.	4 дес.	1	1,01	16 дес.	12,8 дес.	1	1,01
18 дес.	4,4 дес.	1	1,01				
Село Морозовка Воронежского уезда							
12,3 дес.	1,2 дес.	2	3,77	8,2 дес.	5,3 дес.	1	1,89
4,1 дес.	1,3 дес.	3	5,66	12,3 дес.	6,6 дес.	1	1,89
8,2 дес.	2,6 дес.	2	3,77	4,1 дес.	6,7 дес.	4	7,55
4,1 дес.	4 дес.	3	5,66	28,7 дес.	9,1 дес.	1	1,89
16,4 дес.	5,2 дес.	1	1,89	4,1 дес.	20,2 дес.	1	1,89
Село Никоново Воронежского уезда							
4,2 дес.	0,2 дес.	1	1,25	11,2 дес.	4,2 дес.	1	1,25
8,4 дес.	0,4 дес.	4	5	14 дес.	5,8 дес.	1	1,25
5,6 дес.	1 дес.	7	8,75	2,8 дес.	6 дес.	1	1,25
2,8 дес.	1,6 дес.	6	7,5	5,6 дес.	7,6 дес.	1	1,25
11,2 дес.	2 дес.	1	1,25	2,8 дес.	8,2 дес.	1	1,25

Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в абсолют. цифре	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
8,4 дес.	2,6 дес.	2	2,5	5,6 дес.	9,8 дес.	1	1,25
5,6 дес.	3,2 дес.	6	7,5	5,6 дес.	12 дес.	1	1,25
2,8 дес.	3,8 дес.	11	13,75	5,6 дес.	14,2 дес.	1	1,25
Село Архангельское Воронежского уезда							
24,8 дес.	0,4 дес.	2	3,39	4,2 дес.	6,4 дес.	4	6,78
4,2 дес.	2,2 дес.	10	16,95	18,6 дес.	6,6 дес.	1	1,69
18,6 дес.	2,4 дес.	2	3,39	4,2 дес.	10,6 дес.	1	1,69
12,4 дес.	3,2 дес.	5	8,47	18,6 дес.	10,8 дес.	2	3,39
12,4 дес.	4,4 дес.	6	10,17	4,2 дес.	14,8 дес.	1	1,69

Увеличение участков в процентном отношении наблюдается в следующих размерах.

Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
Село Озерки Саратовского уезда							
40 дес.	1,5%	4	0,7	40 дес.	60%	1	0,2
16 дес.	9%	50	8,5	24 дес.	70%	1	0,2
32 дес.	9%	11	2,0	16 дес.	80%	9	1,5
40 дес.	16%	1	0,2	24 дес.	93%	3	0,5
24 дес.	21%	8	1,4	8 дес.	117%	44	7,6
32 дес.	27%	6	1,0	16 дес.	117%	4	0,7
16 дес.	45%	27	4,6	24 дес.	142%	1	0,2
24 дес.	45%	4	0,7	16 дес.	154%	2	0,3
32 дес.	45%	3	0,6	8 дес.	190%	12	2,0
56 дес.	45%	1	0,2	8 дес.	260%	5	6,8
8 дес.	47%	55	9,5	16 дес.	262%	1	0,2
Село Ярославка Козловского уезда							
8 дес.	5%	31	6,2	12 дес.	64%	4	0,8
16 дес.	12%	1	0,2	8 дес.	75%	14	2,8
12 дес.	17%	14	2,8	12 дес.	87%	1	0,2

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
16 дес.	22%	6	1,2	4 дес.	110%	38	7,6
20 дес.	26%	1	0,2	8 дес.	110%	7	1,4
4 дес.	40%	54	10,8	12 дес.	110%	2	0,4
8 дес.	40%	37	7,4	2 дес.	145%	2	0,4
12 дес.	40%	10	2,0	4 дес.	180%	18	3,6
16 дес.	40%	2	0,4	8 дес.	180%	1	0,2
24 дес.	40%	2	0,4	4 дес.	250%	3	0,6
28 дес.	50%	2	0,2	4 дес.	320%	3	0,6
16 дес.	57%	6	1,2	4 дес.	390%	1	0,2
Село Орлово Воронежского уезда							
8,9 дес.	1,1%	9	1,73	17,7 дес.	52,5%	6	1,13
29,5 дес.	6,8%	1	0,19	23,6 дес.	52,5%	3	0,58
59 дес.	6,8%	1	0,19	29,5 дес.	52,5%	1	0,19
17,7 дес.	7,4%	15	2,87	17,7 дес.	7,8%	4	0,77
20,7 дес.	8,7%	3	0,58	14,8 дес.	82,4%	2	0,39
7,9 дес.	13,9%	1	0,19	11,8 дес.	90,7%	20	3,83
11,8 дес.	14,4%	33	6,32	23,6 дес.	90,7%	3	0,58
23,6 дес.	14,4%	6	1,13	8,9 дес.	102,2%	3	0,58
7,4 дес.	21,6%	3	0,58	17,7 дес.	103,4%	5	0,96
14,8 дес.	21,6%	2	0,39	5,9 дес.	128,8%	22	4,22
17,7 дес.	27,1%	18	3,45	11,8 дес.	128,8%	5	0,96
13,8 дес.	30,4%	1	0,19	17,7 дес.	128,8%	1	0,19
20,7 дес.	30,4%	2	0,39	8,9 дес.	152,8%	1	0,19
23,6 дес.	33,5%	2	0,39	8,9 дес.	152,8%	1	0,19
29,5 дес.	37,3%	1	0,19	20,7 дес.	154,2%	1	0,19
22,2 дес.	41,9%	1	0,19	11,8 дес.	166,9%	1	0,19
8,9 дес.	51,7%	6	1,15	8,9 дес.	203,4%	1	0,19
14,8 дес.	52%	3	0,58	7,4 дес.	204,1%	1	0,19
26,6 дес.	52,2%	1	0,19	5,9 дес.	205,1%	13	2,49
5,9 дес.	52,5%	32	6,32	5,9 дес.	281,4%	8	1,53
11,8 дес.	52,5%	24	4,6	5,9 дес.	357,7%	1	0,19

Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
Село Нижняя Котуховка Воронежского уезда							
9,6 дес.	3,1%	11	7,19	9,6 дес.	71,9%	6	3,92
19,2 дес.	3,1%	4	2,61	19,2 дес.	71,9%	1	0,65
28,8 дес.	3,1%	1	0,65	7,2 дес.	83,3%	1	0,65
14,4 дес.	14,6%	8	5,23	14,4 дес.	83,3%	1	0,65
19,2 дес.	20,3%	1	0,65	9,6 дес.	106,2%	3	1,96
4,8 дес.	37,5%	16	10,46	4,8 дес.	106,3%	10	6,54
7,2 дес.	37,5%	3	1,96	7,2 дес.	129,2%	1	0,65
9,6 дес.	37,5%	7	4,58	9,6 дес.	140,6%	1	0,65
14,4 дес.	37,5%	1	0,65	4,8 дес.	175%	10	6,54
19,2 дес.	37,5%	2	1,31	9,6 дес.	175%	1	0,65
28,8 дес.	37,5%	1	0,65	4,8 дес.	243,8%	2	1,31
14,4 дес.	60,4%	1	0,65				
Село Макарье Воронежского уезда							
5,5 дес.	1,8%	3	1,86	9,6 дес.	45,8%	1	0,62
8,2 дес.	2,4%	12	7,47	5,5 дес.	52,7%	1	0,62
16,4 дес.	2,4%	1	0,62	7,2 дес.	56,7%	1	0,62
18,5 дес.	6,2%	1	0,62	12,3 дес.	59,4%	5	3,1
10,3 дес.	9,3%	2	1,24	10,3 дес.	63,9%	2	1,24
12,3 дес.	13,8%	1	0,62	8,2 дес.	70,7%	4	2,48
7,2 дес.	15,7%	1	0,62	14,4 дес.	75,6%	1	0,62
16,4 дес.	19,5%	2	1,24	10,3 дес.	99%	1	0,62
24,6 дес.	21,1%	1	0,62	5,5 дес.	103,7%	2	1,24
9,2 дес.	21,4%	1	0,62	4,1 дес.	104,8%	11	6,83
4,1 дес.	36,6%	15	9,32	8,2 дес.	139%	1	0,62
6,2 дес.	36,6%	5	3,1	5,5 дес.	154,6%	1	0,62
8,2 дес.	36,6%	5	3,1	4,1 дес.	173,2%	1	0,62
12,3 дес.	36,6%	2	1,24				
Село Углянец I Воронежского уезда							
6 дес.	6,7%	1	1,01	6 дес.	60%	2	2,02
8 дес.	20%	5	5,05	8 дес.	60%	5	5,05

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.	Величина прежнего участка	Увелич. участка в % отнош.	Число семей с увелич. участ.	% семей с увелич. участ.
16 дес.	20%	2	2,02	16 дес.	80%	1	1,01
18 дес.	24,4%	1	1,01	12 дес.	86,7%	2	2,02
10 дес.	28%	1	1,01	4 дес.	140%	11	11,11
12 дес.	33,3%	1	1,01	8 дес.	140%	3	3,03
32 дес.	33,8%	1	1,01	4 дес.	220%	2	2,02
4 дес.	60%	8	8,08				
Село Морозовка Воронежского уезда							
12,3 дес.	9,8%	2	3,77	12,3 дес.	53,7%	1	1,89
4,1 дес.	31,7%	3	5,66	8,2 дес.	64,6%	1	1,89
8,2 дес.	31,7%	2	3,77	4,1 дес.	97,6%	3	5,66
16,4 дес.	31,7%	1	1,89	4,1 дес.	163,4%	4	7,55
28,7 дес.	37,7%	1	1,89	4,1 дес.	492,7%	1	1,89
Село Никоново Воронежского уезда							
4,2 дес.	4,8%	1	1,25	5,6 дес.	57,1%	6	7,5
8,4 дес.	4,8%	4	5	2,8 дес.	135,7%	11	13,75
5,6 дес.	17,9%	7	8,75	5,6 дес.	135,8%	1	1,25
11,2 дес.	17,9%	1	1,25	5,6 дес.	175%	1	1,25
8,4 дес.	31%	2	2,5	2,8 дес.	214,3%	1	1,25
11,2 дес.	37,5%	1	1,25	5,6 дес.	214,3%	1	1,25
14 дес.	41,4%	1	1,25	5,6 дес.	253,6%	1	1,25
2,8 дес.	57,1%	6	7,5	2,8 дес.	292,9%	1	1,25
Село Архангельское Воронежского уезда							
24,8 дес.	2,1%	2	3,39	4,2 дес.	52,4%	10	16,95
18,6 дес.	12,9%	2	3,39	18,6 дес.	58,1%	2	3,39
12,4 дес.	25,8%	5	8,47	4,2 дес.	152,4%	4	6,78
18,6 дес.	35,4%	1	1,69	4,2 дес.	252,4%	1	1,69
12,4 дес.	35,5%	6	10,17	4,2 дес.	382,4%	1	1,69

Сокращение участков у различных надельных групп в абсолютных цифрах видно из следующей таблицы.

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в аб- солют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в абсолют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с со- кращ. участ.
Село Озерки Саратовского уезда							
64 дес.	0,2 дес.	1	0,2	48 дес.	13,6 дес.	2	0,3
24 дес.	0,8 дес.	14	2,4	32 дес.	14,6 дес.	8	1,4
48 дес.	1,6 дес.	1	0,2	40 дес.	16,8 дес.	7	1,3
8 дес.	2,2 дес.	103	17,9	24 дес.	18,2 дес.	8	1,4
32 дес.	3,0 дес.	10	1,7	48 дес.	19,0 дес.	1	0,2
16 дес.	4,4 дес.	44	7,8	32 дес.	20,4 дес.	10	1,7
24 дес.	6,6 дес.	28	4,8	40 дес.	22,6 дес.	3	0,5
40 дес.	6,8 дес.	1	0,2	48 дес.	25,0 дес.	1	0,2
48 дес.	7,4 дес.	1	0,2	32 дес.	26,2 дес.	1	0,2
32 дес.	8,8 дес.	12	2,0	40 дес.	28,4 дес.	1	0,2
16 дес.	10,2 дес.	27	4,7	56 дес.	33,2 дес.	1	0,2
24 дес.	12,4 дес.	21	3,6				
Село Ярославка Козловского уезда							
20 дес.	0,4 дес.	2	0,4	24 дес.	7,2 дес.	1	0,2
12 дес.	0,8 дес.	18	3,6	16 дес.	7,6 дес.	6	1,2
4 дес.	1,2 дес.	43	8,6	24 дес.	8,0 дес.	1	0,2
16 дес.	2,0 дес.	10	2,0	20 дес.	8,8 дес.	1	0,2
8 дес.	2,4 дес.	36	7,2	12 дес.	9,2 дес.	7	1,3
20 дес.	3,2 дес.	5	1,0	16 дес.	10,4 дес.	5	1,0
12 дес.	3,6 дес.	27	5,4	28 дес.	11,2 дес.	1	0,2
16 дес.	4,8 дес.	10	2,0	20 дес.	11,6 дес.	1	0,2
8 дес.	5,7 дес.	30	6,0	20 дес.	14,4 дес.	2	0,4
20 дес.	6,0 дес.	1	0,2	20 дес.	17,2 дес.	1	0,2
12 дес.	6,4 дес.	19	3,8				
Село Орлово Воронежского уезда							
32,5 дес.	1 дес.	1	0,19	20,7 дес.	7,2 дес.	1	0,19

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в аб- солют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в абсолют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с со- кращ. участ.
23,6 дес.	1,1 дес.	8	1,53	11,8 дес.	7,3 дес.	17	3,27
14,8 дес.	1,3 дес.	5	0,96	35,4 дес.	8,4 дес.	1	0,19
5,9 дес.	1,4 дес.	47	9	17,7 дес.	8,7 дес.	20	3,83
29,5 дес.	2,5 дес.	3	0,58	23,6 дес.	10,1 дес.	6	1,03
20,7 дес.	2,7 дес.	2	0,39	14,8 дес.	10,3 дес.	2	0,39
11,8 дес.	2,8 дес.	49	9,39	29,5 дес.	11,5 дес.	1	0,19
16,3 дес.	2,8 дес.	1	0,19	20,7 дес.	11,7 дес.	1	0,19
7,4 дес.	2,9 дес.	1	0,19	17,7 дес.	13,2 дес.	13	2,49
17,7 дес.	4,2 дес.	26	5	23,6 дес.	14,6 дес.	7	1,23
35,4 дес.	4,2 дес.	1	0,19	29,5 дес.	16 дес.	2	0,39
13,3 дес.	4,3 дес.	1	0,19	35,4 дес.	17,4 дес.	1	0,39
8,9 дес.	4,4 дес.	5	0,96	23,6 дес.	19,1 дес.	1	0,19
23,6 дес.	5,6 дес.	12	2,3	29,5 дес.	20,5 дес.	2	0,39
28,1 дес.	5,6 дес.	1	0,19	35,4 дес.	21,9 дес.	1	0,19
14,8 дес.	5,8 дес.	4	0,77	29,5 дес.	25 дес.	1	0,19
47,2 дес.	6,7 дес.	1	0,19	35,4 дес.	30,9 дес.	1	0,19
29,5 дес.	7 дес.	3	0,58				
Село Нижняя Котуховка Воронежского уезда							
7,2 дес.	0,6 дес.	1	0,65	19,2 дес.	6 дес.	2	1,31
24 дес.	0,9 дес.	1	0,65	9,6 дес.	6,3 дес.	3	1,96
14,4 дес.	1,2 дес.	5	3,27	24 дес.	7,5 дес.	1	0,65
4,8 дес.	1,5 дес.	12	7,84	12 дес.	8,7 дес.	2	1,31
28,8 дес.	2,4 дес.	2	1,31	19,2 дес.	9,3 дес.	2	1,31
19,2 дес.	2,7 дес.	1	0,65	24 дес.	10,8 дес.	2	1,31
9,6 дес.	3 дес.	8	5,23	24 дес.	14,1 дес.	1	0,65
7,2 дес.	3,9 дес.	4	2,61	28,8 дес.	15,6 дес.	2	1,31
24 дес.	4,2 дес.	1	0,65	19,2 дес.	15,9 дес.	1	0,65
14,4 дес.	4,5 дес.	5	3,27	24 дес.	20,7 дес.	1	0,65
21,6 дес.	5,1 дес.	1	0,65	28,8 дес.	25,3 дес.	1	0,65
12 дес.	5,6 дес.	1	0,65				

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в аб- солют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в абсолют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с со- кращ. участ.
Село Макарье Воронежского уезда							
20,5 дес.	0,1 дес.	1	0,62	20,5 дес.	6,5 дес.	2	1,24
20,5 дес.	0,9 дес.	1	0,62	17,8 дес.	6,6 дес.	1	0,62
6,15 дес.	1,1 дес.	4	2,48	12,3 дес.	6,7 дес.	4	2,48
12,3 дес.	1,1 дес.	4	2,48	10,25 дес.	7,45 дес.	1	0,62
4,1 дес.	1,3 дес.	11	6,83	20,5 дес.	9,3 дес.	2	1,24
10,25 дес.	1,8 дес.	2	1,24	12,3 дес.	9,5 дес.	4	2,48
16,4 дес.	2,4 дес.	3	1,86	16,4 дес.	10,8 дес.	2	1,24
8,2 дес.	2,6 дес.	13	8,07	22,5 дес.	11,3 дес.	1	0,62
5,5 дес.	2,7 дес.	1	0,62	20,5 дес.	12,1 дес.	2	1,24
5,1 дес.	3,3 дес.	2	1,24	24,6 дес.	13,4 дес.	1	0,62
12,3 дес.	3,9 дес.	6	3,73	20,5 дес.	14,9 дес.	1	0,62
6,9 дес.	4,1 дес.	1	0,62	24,6 дес.	16,2 дес.	1	0,62
16,4 дес.	5,2 дес.	3	1,86	20,5 дес.	17,7 дес.	1	0,62
8,2 дес.	5,4 дес.	1	0,62	49,2 дес.	38 дес.	1	0,62
Село Углянец I Воронежского уезда							
16 дес.	0 дес.	2	2,02	12 дес.	5,6 дес.	4	4,04
4 дес.	0,8 дес.	15	15,15	10 дес.	6,8 дес.	1	1,01
8 дес.	1,6 дес.	8	8,08	12 дес.	8,8 дес.	3	3,03
12 дес.	2,6 дес.	5	5,05	16 дес.	9,6 дес.	3	3,03
6 дес.	2,8 дес.	2	2,02	16 дес.	12,8 дес.	1	1,01
20 дес.	4 дес.	1	1,01	20 дес.	13,6 дес.	1	1,01
8 дес.	4,8 дес.	4	4,04	18 дес.	14,8 дес.	1	1,01
Село Морозовка Воронежского уезда							
8,2 дес.	0,1 дес.	6	11,32	10,3 дес.	4,7 дес.	1	1,89
4,1 дес.	1,4 дес.	9	16,98	8,2 дес.	5,5 дес.	2	3,77
12,3 дес.	1,5 дес.	1	1,89	16,4 дес.	5,6 дес.	3	5,66

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в аб- солют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в абсолют. цифре	Число семей с сокращ. участ.	% семей с со- кращ. участ.
8,2 дес.	2,8 дес.	2	3,77	12,3 дес.	6,9 дес.	2	3,77
16,4 дес.	2,9 дес.	1	1,89	16,4 дес.	8,3 дес.	1	1,89
6,2 дес.	3,5 дес.	1	1,89	16,4 дес.	11 дес.	1	1,89
12,3 дес.	4,2 дес.	3	5,66	16,4 дес.	13,7 дес.	1	1,89
Село Никоново Воронежского уезда							
11,2 дес.	0,2 дес.	2	2,5	8,4 дес.	4 дес.	6	7,5
2,8 дес.	0,6 дес.	6	7,5	11,2 дес.	4,6 дес.	1	1,25
14 дес.	0,8 дес.	1	1,25	16,8 дес.	5,8 дес.	1	1,25
5,6 дес.	1,2 дес.	5	6,25	8,4 дес.	6,2 дес.	2	2,5
11,2 дес.	2,4 дес.	3	3,75	14 дес.	7,4 дес.	1	1,25
14 дес.	3 дес.	1	1,25	16,8 дес.	8 дес.	1	1,25
5,6 дес.	3,4 дес.	3	3,75	14 дес.	9,6 дес.	1	1,25
Село Архангельское Воронежского уезда							
4,2 дес.	2 дес.	7	11,86	12,4 дес.	8,2 дес.	1	1,69
24,8 дес.	3,8 дес.	1	1,69	18,6 дес.	10,2 дес.	3	5,08
12,4 дес.	4 дес.	9	15,25	18,6 дес.	14,4 дес.	1	1,69
18,6 дес.	6 дес.	2	3,39	24,8 дес.	16,4 дес.	1	1,69

Сокращение участков земли после передела в процентном отношении имело место в размерах, указываемых следующими цифрами.

Величина прежнего участка	Сокращ. участ- ка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.
Село Озерки Саратовского уезда							
64 дес.	0,3%	1	0,2	40 дес.	42%	7	1,2
24 дес.	3%	14	2,4	32 дес.	45%	8	1,4
48 дес.	3%	1	0,2	24 дес.	51%	21	3,6

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величина на пре- жнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.
32 дес.	9%	10	1,7	48 дес.	52%	1	0,2
48 дес.	15%	1	0,2	40 дес.	56%	3	0,5
40 дес.	17%	1	0,2	16 дес.	64%	27	4,6
32 дес.	26%	12	2,1	32 дес.	64%	10	1,7
8 дес.	27%	103	17,8	56 дес.	69%	1	0,2
16 дес.	27%	44	7,6	40 дес.	71%	1	0,2
24 дес.	27%	28	4,8	24 дес.	76%	8	1,4
48 дес.	28%	2	0,3	32 дес.	82%	1	0,2
48 дес.	40%	1	0,2				
Село Ярославка Козловского уезда							
20 дес.	2%	2	0,4	28 дес.	40%	1	0,2
12 дес.	4%	18	3,6	20 дес.	44%	1	0,2
16 дес.	13%	10	2,0	16 дес.	47%	6	1,2
20 дес.	16%	5	1,0	12 дес.	53%	19	3,8
4 дес.	30%	43	8,6	20 дес.	58%	1	0,2
8 дес.	30%	36	7,2	16 дес.	65%	5	1,0
12 дес.	30%	27	5,4	8 дес.	70%	30	6,0
16 дес.	30%	10	2,0	20 дес.	72%	2	0,4
20 дес.	30%	1	0,2	12 дес.	77%	7	1,4
24 дес.	30%	1	0,2	20 дес.	86%	1	0,2
24 дес.	33%	1	0,2				
Село Орлово Воронежского уезда							
32,5 дес.	0,3%	1	0,19	7,4 дес.	39,2%	1	0,19
23,6 дес.	4,7%	8	1,53	14,8 дес.	39,2%	4	0,77
29,5 дес.	8,5%	3	0,58	23,6 дес.	42,8%	6	1,03
14,8 дес.	8,8%	5	0,96	17,7 дес.	43,4%	20	3,83
35,4 дес.	11,9%	1	0,19	35,4 дес.	49,2%	1	0,19
20,7 дес.	13%	2	0,39	8,9 дес.	49,4%	5	0,96
47,2 дес.	14,2%	1	0,19	29,5 дес.	54,2%	2	0,39
16,3 дес.	17,2%	1	0,19	20,7 дес.	56,5%	1	0,19
28,1 дес.	20%	1	0,19	11,8 дес.	61,9%	17	3,26

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величина на пре- жнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.
23,6 дес.	23,5%	12	2,3	23,6 дес.	61,9%	7	1,23
5,9 дес.	23,7%	47	9	35,4 дес.	61,9%	1	0,19
11,8 дес.	23,7%	49	9,39	29,5 дес.	69,5%	2	0,39
17,7 дес.	23,7%	26	5	14,8 дес.	70%	2	0,39
29,5 дес.	23,7%	3	0,58	17,7 дес.	74,6%	13	2,49
35,4 дес.	23,7%	1	0,19	23,6 дес.	80,9%	1	0,19
13,3 дес.	32,3%	1	0,19	29,5 дес.	84,6%	1	0,19
20,7 дес.	34,8%	1	0,19	35,4 дес.	87,3%	1	0,19
29,5 дес.	38,9%	1	0,19				
Село Нижняя Котуховка Воронежского уезда							
24 дес.	3,8%	1	0,65	24 дес.	45%	2	1,31
7,2 дес.	8,3%	1	0,65	12 дес.	46,7%	1	0,65
14,4 дес.	8,3%	5	3,27	19,2 дес.	48,4%	2	1,31
28,8 дес.	8,3%	2	1,31	7,2 дес.	54,2%	4	2,61
19,2 дес.	14,1%	1	0,65	28,8 дес.	54,2%	2	1,31
24 дес.	17,5%	1	0,65	24 дес.	58,8%	1	0,65
21,6 дес.	23,6%	1	0,65	9,6 дес.	65,7%	3	1,96
4,8 дес.	31,3%	12	7,84	12 дес.	72,5%	2	1,31
9,6 дес.	31,3%	8	5,23	19,2 дес.	82,8%	1	0,65
14,4 дес.	31,3%	5	3,27	24 дес.	86,3%	1	0,65
19,2 дес.	31,3%	2	1,31	28,8 дес.	87,8%	1	0,65
Село Макарье Воронежского уезда							
20,5 дес.	0,5%	1	0,62	22,5 дес.	50,2%	1	0,62
20,5 дес.	4,4%	1	0,62	12,3 дес.	54,5%	4	2,48
12,3 дес.	8,9%	4	2,48	24,6 дес.	54,5%	1	0,62
16,4 дес.	14%	3	1,86	20,5 дес.	59,2%	2	1,24
6,15 дес.	17,7%	4	2,48	6,9 дес.	59,4%	1	0,62
10,25 дес.	18%	2	1,24	5,1 дес.	64%	2	1,24
20,5 дес.	31,7%	2	1,24	24,6 дес.	65,9%	1	0,62
16,4 дес.	31,7%	3	1,86	8,2 дес.	65,9%	1	0,62

Величина прежнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величина на пре- жнего участка	Сокращ. участка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.
12,3 дес.	31,7%	6	3,73	16,4 дес.	65,9%	2	1,24
4,1 дес.	31,7%	11	6,83	20,5 дес.	72,6%	1	0,62
8,2 дес.	31,7%	13	8,07	10,25 дес.	72,7%	1	0,62
17,8 дес.	40,2%	1	0,62	49,2 дес.	77,2%	1	0,62
20,5 дес.	45,4%	2	1,24	12,3 дес.	77,2%	4	2,48
5,5 дес.	49,1%	1	0,62	20,5 дес.	86,3%	1	0,62
Село Углянец I Воронежского уезда							
16 дес.	0%	2	2,02	6 дес.	50%	2	2,02
20 дес.	4%	1	1,01	8 дес.	60%	4	4,04
4 дес.	20%	15	15,15	16 дес.	60%	3	3,03
8 дес.	20%	8	8,08	10 дес.	68%	1	1,01
20 дес.	20%	1	1,01	12 дес.	73,3%	3	3,03
12 дес.	21,7%	5	5,05	20 дес.	78%	1	1,01
20 дес.	36%	1	1,01	16 дес.	80%	1	1,01
12 дес.	46,7%	4	4,04	18 дес.	82,3%	1	1,01
Село Морозовка Воронежского уезда							
8,2 дес.	1,2%	6	11,32	10,3 дес.	47,6%	1	1,89
12,3 дес.	12,2%	1	1,89	16,4 дес.	50,6%	1	1,89
16,4 дес.	17,7%	1	1,69	12,3 дес.	56,1%	2	3,77
4,1 дес.	34,1%	9	16,98	6,2 дес.	56,5%	1	1,89
8,2 дес.	34,1%	2	3,77	16,4 дес.	67,1%	1	1,89
12,3 дес.	34,1%	3	5,66	8,2 дес.	68,3%	2	3,77
16,4 дес.	34,1%	3	5,66	16,4 дес.	83,5%	1	1,69
Село Никоново Воронежского уезда							
11,2 дес.	1,8%	2	2,5	11,2 дес.	41,1%	1	1,25
14 дес.	5,7%	1	1,25	16,8 дес.	47,6%	1	1,25
2,8 дес.	21,4%	6	7,5	8,4 дес.	47,6%	6	7,5
5,6 дес.	21,4%	5	6,25	14 дес.	52,9%	1	1,25

Величина прежнего участка	Сокращ. участ- ка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.	Величи- на пре- жнего участка	Сокращ. участ- ка в % отнош.	Число семей с сокращ. участ.	% семей с сокращ. участ.
11,2 дес.	21,4%	3	3,75	5,6 дес.	60,7%	3	3,75
14 дес.	21,4%	1	1,25	14 дес.	68,7%	1	1,25
16,8 дес.	34,5%	1	1,25	8,4 дес.	73,8%	2	2,5
Село Архангельское Воронежского уезда							
24,8 дес.	15,3%	1	1,69	18,6 дес.	54,8%	3	5,08
12,4 дес.	332,3%	9	15,25	12,4 дес.	66,1%	1	1,69
18,6 дес.	32,3%	2	3,39	24,8 дес.	66,1%	1	1,69
4,2 дес.	47,6%	7	11,86	18,6 дес.	77,4%	1	1,69

Глава VII

Распоряжение мирской землей в промежутки между общинами ее переделами

Распределение земли между семьями, установленное общим переделом, не остается нетронутым до следующего равнения, а подвергается различным изменениям частью путем чисто личных соглашений членов общины друг с другом и с посторонними, частью при большем или меньшем вмешательстве мира.

Объем прав членов общины на участки, доставшиеся им при переделе, не представляется одинаковым для всех местностей России или для одной и той же общины в разные моменты ее существования. Главной причиной указанного различия служит то обстоятельство, что община не является перед нами повсюду в законченном виде, а представляет ряд ступеней развития. В одних местностях мы находим совершенно переходный характер землевладения, его колебание между общинной и подворной формами; в других – имеем общину, организованную очень недавно, вследствие чего мирское регулирование землепользования не выработалось в полную систему участия мира в распоряжении общинной землей; в третьих – мы видим старые или хотя бы и новые общины, но находящиеся в таких условиях, что для них становится необходимым непрерывное вмешательство мира в землепользование отдельных членов. Второстепенной причиной наблюдаемого различия служит более или менее ясно выраженное стремление

мира последовательнее проводить общинное начало – стремление, обнаружившееся в новейшее время, отчасти, вероятно, под влиянием малоземелья, и выражающееся в принятии мер, имеющих целью, по возможности, всю землю оставить в пользовании членов общины (а не посторонних лиц), не допускать слишком большого накопления наделов путем частных сделок в одних руках и обратить землю не только в источник равномерного распределения дохода, но и в средство для равномерного приложения труда членов общины или, вернее, – в источник равномерного распределения дохода путем собственного хозяйства, а не извлечения из земли ренты.

Переходный характер землевладения наблюдается в тех общинах бывших помещичьих крестьян (или военных поселян), где по миновании несвободного состояния не представлялось настоятельной необходимости во вмешательстве мира в поземельные отношения внутри общества и последние развивались на почве частных интересов, результатом чего явилась значительная свобода отдельных лиц в распоряжении доставшимися им участками. Меньшие, но все-таки слишком широкие права стали приобретать члены некоторых общин государственных крестьян в местностях, где регулирование землепользования путем вмешательства мира практикуется недавно и община не успела выработать всех приемов этого регулирования, довольствуясь пока практикой общих переделов. Так как промежутки между этими последними (совершавшимися, как известно, в момент ревизии) равнялись обыкновенно 10–15 годам, то в течение их редко могли развиться обычаи, естественные при слишком продолжительном владении одним лицом землей, обычаи, приближающиеся к порядкам частного права; не могли обнаружиться и невыгодные для всех последствия слишком широкого права отдельных лиц распоряжаться своими наделами. В силу сказанного община часто вступала в новейший период своего существования, не выработав подробных правил распоряжения ее членов доставшимися им участками – правил, не особенно и нужных в прежнее время, так как самые случаи злоупотребления свободой распоряжения не могли быть частыми. В новейшее время обстоятельства значительно изменились. Прошло не только 15, но и 20–25 лет, а ревизии все нет, нет и общих переделов. В это время успело образоваться такое несоответствие между личным составом семей и величиной их земельных участков, что сдача наделов одним лицом другому становилась совершенно необходимой. Пошатнувшееся хозяйственное положение массы крестьян и открытие новых источников заработка вне собственного хозяйства – известные результаты пореформенного направления экономической жизни страны – усилило разрыв крестьян с наделами, вследствие чего открывалось широкое поле для частных сделок по передаче участков. Отсутствие всяких на этот счет правил в общине при-

вело к накоплению в руках богачей даже деревень, где практикуются общие переделы, массы наделов, иногда снятых на долгие сроки. Продолжительное отсутствие переделов имело следствием образование хозяйств, где вымерли все члены, кроме стариков, которые перед смертью передавали свои участки кому-либо из родственников или завещали такую передачу после своей смерти. По той же причине образовалось много выморочных наделов, за отсутствием правил распоряжения ими и систематического вмешательства мира, захватывавшихся ближними и дальними родственниками, а то и просто влиятельными в обществе людьми и даже посторонними. Нередко это совершалось при участии сельских властей, которые вмешивались в дело в качестве представителей общества и направляли его в ту или другую сторону, руководясь иногда при этом своим личным интересом. При описываемых условиях развивались двоякого рода явления: во-1-х, беспорядок в пользовании свободными наделями, во-2-х, сравнительно большая свобода распоряжения землей отдельных лиц, которые завещали свои участки, переносили их в руки посторонних общине лиц (например, при выходе женщины, единственной наследницы покойного надельного хозяина, замуж за постороннего) и даже продавали.

В общинах, существующих давно и где успели выработаться определенные правила как распоряжения наделом при жизни хозяина, так и его наследования по смерти, права отдельных лиц на землю ясны и узки. Еще в большей степени сказанное относится к случаям, где по тяжести платежей община должна вмешиваться в землепользование своих членов в промежуток между общими переделами; здесь юрисдикция общины вытекает из того, что отдельные ее члены не претендуют на особенные права на землю и добровольно передают миру ненужный им надел. Наконец, есть разряд общин, где мир не довольствуется вмешательством в землепользование в момент общего передела, где в видах равномерного распределения земли он систематически практикует частные переделы, или, не совершая таковых правильно периодически, он налагает стеснение на право распоряжения отдельных лиц своими участками, имея целью предупреждение скопления земли в одних руках и удержание ее за теми крестьянами, которые извлекают из нее доход собственным хозяйством, а не сдачей в аренду.

Широкое развитие права распоряжения доставшимися каждому по переделу участками наблюдается в общинах *Херсонской* губ., огромное большинство которых образовано, как мы знаем, бывшими помещичьими крестьянами и военными поселянами, быт которых в дореформенную эпоху регулировался внешней властью и которые поэтому вступали в новейший период истории с весьма слабыми общинными традициями. По причине же полного отсутствия в большей части уездов губернии искони государствен-

ных крестьян, общинная форма владения не могла сделаться известной населению и путем наблюдения. В силу сказанного в здешней общине в настоящее время встречается личных черт, может быть, больше, нежели общинных, и это прежде всего выражается в распоряжении отдельных лиц участками, полученными ими при отводе надела, которые они дарят, завещают, продают и т. п. (подробности см. в главе IV). В последнее время, однако, крестьяне начинают сознавать недостатки описанного положения дел и стремятся подчинить процесс обращения земли регулированию мира. Так, в большой слободе Елисаветградке (военное поселение) *Александрійского* уезда общество хочет отобрать выморочные наделы и участки умерших братьев и отцов у наследников и раздать безземельным; частью оно уже это и сделало. Помещичьи общины *Тираспольского* уезда обратили внимание на выморочные наделы лишь в последнее время; так, в местечке Понятовке после того, как 2–3 хозяина скупили в 80-х годах много наделов (31 случай покупки), общество в 1885 г. решило привести в известность состояние своего землевладения и отобрать наделы лиц умерших или оставивших село, захваченные по наследству, по договору и другими способами, по выражению крестьян, – «без никаких прав». Община государственного с. Кучиеры пытается привести в известность все выморочные наделы и т. д.

Несколько сходные с описанными порядки развиваются в местностях, подобных *Курской* губернии, где очень много бывших помещичьих крестьян, а государственные душевые произошли, главным образом, из четвертных, и притом недавно, где, наконец, большой процент составляют подворные (четвертные) владельцы. Здесь, повторяем, – при отсутствии со времени X ревизии и освобождения крестьян общих, а обыкновенно и частных коренных переделов, – права (фактические) членов общества на надел очень широки, хотя такое расширение происходило не без неудовольствия мира. Обыкновенно при этом расширяется право наследования (редко – завещания), иногда право распоряжения наделом при жизни хозяина, доходящее до того, что тот продает в другие руки находящийся в его пользовании участок¹.

В *Курском* у., например, «участки приняли тот же характер родовой собственности, как и у соседей четвертных крестьян; переход их по наследству

¹ Ст. 35 Общ. Полож. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, гласит: «...право на участие в общем владении собственностью, приобретенной обществом, каждый крестьянин отдельно может уступить постороннему лицу не иначе, как с согласия мира». По ст. 109 Великорос. полож., «каждый крестьянин, с согласия общества, может уступить свой надел другому крестьянину, принадлежащему к одному с ним сельскому обществу или постороннему лицу, принятому в общество на основании ст. 142 Общ. Полож. о кр.». По указу Прав. Сената 1880 г., № 3345, «сделки между крестьянами об уступке земельных наделов без согласия общества не должны быть принимаемы к засвидетельствованию волостными правлениями». По указу Пр. Сен. 1880 г., № 1035, «уступка крестьянином своего надела другому лицу без согласия на то общества не может стеснить общество в скидке означенного надела и передаче оного другому односельцу» (Сб. Вельяминова).

практикуется даже в более широких размерах, чем у четвертников: бездетная вдова получает весь надел мужа и “оправдывает” подати, между тем как у четвертых владельцев вдова ничего не получает. Надел поступает на мир лишь при отсутствии у покойника и близких, и дальних родственников. В других местностях такие широкие права (наследования, продажи) при отсутствии переделов развиваются в виде исключения, в единичных общинах».

Кроме фактов, изложенных в главе IV, для характеристики развития права отдельных лиц распоряжаться доставшимися им участками могут служить нижеследующие данные. В *Тимском у.*, где 71% крестьян принадлежит к подворникам-четвертникам, а общинники – почти все бывшие помещичьи крестьяне, наделы умерших лиц в большинстве случаев наследуются по степени родства и поступают на мир лишь в случае полной их выморочности; «в этом отношении общинное владение фактически очень мало отличается от четверного»; девица, единственная наследница, сохраняет надел отца даже в случае замужества с посторонним; переселенцы свободно сдают свои наделы в аренду на долгие сроки. В *Щигровском у.* на общество поступили лишь участки лиц, ушедших на сторону еще в такое время, когда не было расчета продавать землю в частные руки. В х. Грязном (собств.) Пушкарской вол. *Белгородского уезда* практикуется продажа наделов в «вечное пользование» по 40–50 руб. за душевой участок. В одной общине дарственников (12 дв.) Подольшанской вол. *Корочанского у.* девица, единственная дочь, наследовала отцовский надел и, выйдя замуж за государственного крестьянина, передала ему и участок, и мир против этого не протестовал. Подобные же отношения развиваются и в помещичьих общинах *Таврической губ.*, как известно, не практикующих ни общин, ни частных переделов земли; права завещать землю по собственному усмотрению, по видимому, здесь не существует, но продажа надела «навечно» наблюдается как с согласия общества и при засвидетельствовании условий в волостных и сельских правлениях, так и без таковых; так, в книгу сделок и договоров от 1885 г. занесено условие уступки одним хозяином другому надела в вечное владение в с. Н. Александровке Каланчакской вол. *Днепровского у.*; от 1881 г. – такое же условие, заключенное между двумя крестьянами с. Калги *Мелитопольского у.* и засвидетельствованное в сельском управлении старостой с приложением печати. В с. Памятном *Днепровского у.* каждый имеет право продать надел односельцу без разрешения общества. Но есть случаи запрещения со стороны общества подобных продаж. Это имеет место по отношению к с. Могильному *Днепровского у.*, а в с. Черненьке два богатых крестьянина скупили было много наделов, но общество вернуло их при помощи суда; ивановское волостное правление отказалось засвидетельствовать акт

продажи надела одним крестьянином с. Калги другому¹. Случаи перехода земли вымерших семей, помимо общины, по наследству к родственникам покойного наблюдаются иногда и в обществах государственных крестьян *Мелитопольского у.* Что касается права завещания, то хотя таковое обыкновенно крестьянами не признается, но Ефремовское общество в своем приговоре 1882 г. о переходе от наличной разверстки к ревизской постановило, что надел, завещанный при жизни крестьянином, не имеющим наследников мужского пола, родному зятю, приписанному к обществу, вступает в распоряжение последнего. В христианских общинах *Крыма*, где переделов земли не было в старых общинах со времени ревизии, а в новых – со времени их образования, продажа наделов навечно наблюдается во многих общинах бывших помещичьих крестьян. В *Хвалынском у.* продолжительное отсутствие переделов в общинах государственных крестьян приводит к зачаткам наследственного права: наделы умерших душ начинают переходить, помимо общества, к нисходящим родственникам и даже в боковые линии; так, например, в д. Старой Яблонке до передела 1883 г. умершие души переходили к ближним кровным родственникам, а по желанию покойного – к двоюродным братьям и дядьям; на общество поступали лишь совершенно выморочные наделы. Судя по приговору Селитьбинского общества о разверстании земель по наличным душам, 377 умерших душ этого общества находились, между прочим, в пользовании дальних родственников умерших; при общих переделах все такие наделы были пущены в общую разверстку. Подобные же порядки тем более развиваются в тех общинах помещичьих крестьян, которые не знают свалки-навалки душ; в д. Мерове, например, наделы умерших переходят по наследству последовательно к родному сыну, родному брату или жене покойного; по завещанию они могут достаться дальнему родственнику; в Алексеевке существуют такие же обычаи, но с тем отличием, что вдова покойного получает его надел лишь в случае, если имеет законнорожденных детей. В русских, чувашских и мордовских общинах государственных крестьян *Ставропольского у.* пустовыми душами «пользуются законные наследники: сыновья, жены, братья, дяди, племянники и пр.». В Пролысовской волости *Трубчевского у.* переписью констатирована продажа крестьянами (бывшими помещичьими) навсегда 64 душевых наделов; продажа эта состоит в том, что крестьянин передает свое право на известное количество земли своему же однообщественнику, причем такая передача обыкновенно свидетельствуется миром или волостным правлением; существование таких сделок объясняется отчасти тем, что в этой во-

¹ В IX томе Сборника приводится приговор общества, которым разрешается передача надела одним крестьянином другому (односельцу) «в вечное владение без права отобрания со стороны общества»; случай этот отнесен к обществу крестьян-собственников с. Павловки Перво-Константиновской вол. Днепровского у., а между тем названная волость населена государственными крестьянами.

лости не было еще коренных переделов земли и самые понятия крестьян о «праве отдельных лиц распоряжаться находящейся в их пользовании землей очень спутаны». В *Липецком* у. наделы умерших и выселившихся лиц в общинах госуд. кр. поступают до нового передела в пользование их родственников. В *Козловском* у. душевые наделы совсем вымерших дворов или тех, где остались сироты хотя бы женского пола, обыкновенно предоставляются родственникам умерших, которые в последнем случае дают сиротам содержание. В *Темниковском* у. у государственных крестьян убылые души отдаются или родственникам вымерших и переселившихся семей, или прибылым дворам. В *Елатомском* у. у государственных крестьян выморочные и переселенческие наделы передаются ближайшим родственникам умерших и переселившихся семей, а при их несостоятельности в платеже податей поступают в распоряжение мира. В *Данковском* у., в общине дарственников с. Мураевни, были случаи продажи наделов друг другу. В *Кошачковской* вол. *Казанского* у. освободившиеся наделы редко переходят к родственникам, обыкновенно же поступают на мир. Продажа душевых наделов навечно наблюдается в 4 общинах б. помещичьих крестьян: в 3 из них продали свои наделы по одному хозяину, в одном – 6 хозяев; в первых 3 покупателями были крестьяне соседних селений, в последнем – один посторонний и 7 однообщественников (в том числе 1 безнадельный). В *Шлиссельбургском* у. в большинстве финских селений права крестьян на землю очень широки. Всего шире они в Колтушской вол., где «каждый домохозяин смотрит на принадлежащие ему участки как на свое наследственное владение» и может даже продать их с согласия, однако, общества. В нескольких общинах *Петергофского* у. (Халуза, Сергиевская Слободка, Знаменское, Мартышкино) наблюдается скупка одними лицами наделов других.

В большинстве местностей России члены общины не имеют права завещать свои наделы, а наследование их совершается только в пределах хозяйства. Вместе с этим сужением личного права мужчины ограничивается и право женщины на надел, который если и поступает (при отсутствии наследника мужского пола) в ее распоряжение, то лишь на время до выхода замуж (если раньше не последует общего передела). Крестьянин имеет только право сдать свой надел в аренду, но и здесь в последнее время община стремится внести известные ограничения, частью с целью получения ренты в свою пользу, главным же образом (ввиду недостаточного количества угодья для наделения всех сообразно их потребностям) для предупреждения скопления наделов в одних руках и изъятия земли из пользования членов общины, для обращения по возможности всей земли под эксплуатацию путем собственного хозяйствования крестьянина.

К этого рода ограничениям нужно отнести, правда только отчасти, лишение при общих переделах земли крестьян, давно отсутствующих; главной причиной, впрочем, этого лишения является безызвестность их существования и неплатеж ими податей. Затем, сюда же относятся факты отобрания у крестьян наделов давно отсутствующих членов, которыми они пользовались на арендном праве; запрещение сдавать землю в аренду посторонним или даже членам общины, причем если это запрещение касается переселенцев, то община вознаграждает последних деньгами; редкие случаи отобрания наделов у лиц, не занимающихся хлебопашеством или имеющих много купчей земли и т. д.¹. Стремление мира ввести эти ограничения нередко вызывает протест со стороны лиц, интересы которых оно затрагивает.

В *Днепровском* у. в с. Костогрызове (наличн. разв.) общество берет в свое распоряжение не только наделы умерших и давно отсутствующих, но и участки лиц, оставивших селение год назад и живущих в услужении; здесь же мир отобрал надел у одного богача ввиду того, что он владеет 175 десятинами купчей земли. По словам Сборника, это служит свидетельством в пользу того, «что у общества выработался своеобразный взгляд, что крестьянин, сам лично не эксплуатирующий своей земли, не нуждается в ней». В с. Б. Копани общество не признало законной сдачу одним крестьянином в аренду своей земли на том основании, что земля эта принадлежит не ему, а обществу. В *Мелитопольском* у. общества относятся недоброжелательно к случаям скопления в промежутках между переделами в одних руках (родственников или арендаторов) наделов шалтаев и пытаются противодействовать этому; но нередко их стремления разбиваются о закон, так как лица, у которых они отбирают надел, подают жалобу и восстанавливают свое юридическое право. Общество с. Кизиар (государствен., наличн. разв. земли) в 1881 г. постановило отобрать надел (на 11 душ) от богатого крестьянина Жадана (живущего на стороне и передавшего землю своему зятю дворянину) впредь до его возвращения в село, сдать этот надел в аренду и деньги обратить на содержание

¹ По ук. Пр. Сен. 1887 г., № 3690, «на основании 109 ст. мест. пол. 35 ст. Общ. Пол. и 164 ст. пол. вык. отдельный член общества не может передавать свой надельный участок общественной земли в аренду без согласия общества». По ук. Пр. Сен. от 1886 г., № 1371, и 1884 г., № 651, «общество может распоряжаться мирской землей и распределять ее между крестьянами независимо от заключаемых между ними сделок по отдаче земли в аренду», но если такая сдача произошла по приговору схода, то арендатор может обращаться к суду с иском о потерях вследствие прекращения аренды раньше срока. По указу Правител. Сената 1887 г., № 1049, «общество не может лишить отдельного своего члена всего, состоящего в пользовании его, полевого надела иначе, как за недоимку, но часть такового надела общество вправе отобрать от отдельного члена по своему усмотрению, как при общем, так и при частном переделе». По ук. Пр. Сен. 1887 г., № 2171, общество (б. помещ. кр.) имеет право отобрать надел «отсутствующих своих членов» – «от крестьянина, проживающего с семейством вне селения и не пользующегося лично земельным наделом», – до его возвращения (Сб. Вельяминова).

школы; приговор мотивирован, между прочим, тем, что Жадан не несет натуральных повинностей; дело доходило до Сената, который решил вопрос в пользу Жадана, так как по закону надел подлежит отобранию или за недоимки, или при общем или частном переделе для передачи другому лицу. После этого приговора родственники всех шалтаев предъявили к обществу требования о нарезке земли на души шалтаев. В Покровском приходе с. Б. Белозерки (наличная разв.) земля шалтаев отведена к одному месту и сдавалась «стоящим» домохозяевам; в 1883 г. общество решило поравнять землю между всеми по 5 саж. на душу; хотя в пользу этого решения и не составилось $\frac{2}{3}$ голосов, тем не менее выборные поравняли землю; «стоящие люди» подали жалобу на уполномоченного общества и представили много записок, по которым «шалтай» передавали им право пользования своими наделами; «мировой судья оштрафовал уполномоченного, общество приняло штраф на себя и разложило его по 4 руб. на десятину земли шалтаев. Наделами последних (“захожих людей”) владеют те же «стоящие» люди, которые имеют записки от шалтаев. Отыскалось много таких шалтаев, которых давно считали умершими». В с. Покровке *Бердянского у.*, как это видно из приговора о переделе земли 1878 г., «высказывается неодобрение крестьянам, необрабатывающим свою землю и сдающим ее без ведома сельского начальства посторонним». В *Александрийском у.* Новогеоргиевское общество военных поселян (наличная разверстка с 1880 г.) в 1882 г. запретило своим членам отдавать землю в аренду посторонним лицам, односельцам же разрешило не иначе («договоры на куплю-продажу»), как с ведома сельского правления. В большом обществе военных поселян, Елизаветградке, где господствует большая спутанность земельных отношений, ведущая к распадению общины на двое, у одних хозяев, не обрабатывающих землю за свой счет, надел отымается, у других – нет. С. Полтавка (916 дв. военных поселян) *Херсонского у.* сделало в 1886 г. следующее постановление: «многие крестьяне нашего селения отдают в наем землю на 1–2 года, через что не поступают на уплату все повинности, как казенные, так и земские и общественные; постановили: без разрешения старосты, а также без совершения на то сделок воспретить нанимать и покупать надельную землю как своим крестьянам, так и посторонним лицам, а также не отдавать и за скопщину» (Прилож., с. 289). В *Трубчевском у.* община Алешина Пролысовской вол. в последние годы отобрала у своих членов наделы хозяев, когда-то отказавшихся от земли, и сдает их от себя в аренду за подати плюс 5 руб. верхов. Удельная община Котляково Семичковской вол. не позволяет лицам, живущим на стороне, сдавать свои наделы в аренду, а делает это сама; посеvy таких лиц поступают тоже в пользу общества на случай, если бы кто из них заболел на стороне и пришлось платить за него «больничные». В *Елецком у.*, в сел. Подмонастырной

(гос., 42 дв.) Ламской вол. при переделе 1884 г. по душам обоего пола «те наделы, которые достались семьям, не ведущим хозяйства, решено оставить на обществе и употреблять на общественную запашку или отдавать наиболее нуждающимся; хозяевам же этих наделов выдавать ежегодно по 6 руб. на душу». В с. Покровском (соб.) В. Дрезгаловской вол. при переделе 1885 г. не дали землю 2 семьям, занимающимся промыслами и потому за землей не гнавшимся. Община х. Малый Евдаков (гос.) *Острогужского у.*, где недавний передел совершен был по тому поводу, что большеземельные хозяева «торговали» наделами, постановила приговор, что кто будет сдавать землю в аренду, у того отберется надел. В *Раненбургском у.* в общинах помещичьих крестьян переселенцы последнего времени (из Салтыковской, Головщинской, Зенкинской, Никольской волостей) обыкновенно сами сдают свои наделы в аренду на сроки (в Головщинской вол. на 12 лет) или до отчисления от общества (Зенкинская вол.); в общине же М. Петелине Крючковской вол. переселенцы сдали свою землю в аренду всего на 3 года, после чего она поступит в распоряжение общества, которое за это время взяло на себя уплату повинностей, лежащих на переселенцах, и за это время, когда их земля будет находиться в аренде; в сельце Петелине той же волости наделы переселенцев поступили прямо на общество, а переселенцы получили от него по 22 руб. за надел «награды». В общинах государственных крестьян наделы переселенцев обыкновенно сдаются с согласия общества в аренду на 2–3 года, причем подати за них общество берет на себя (см. с. Кривополянье волости того же имени, с. Топки Гагинской вол.); с. Новополянье Кривополянской вол. позволило переселенцам пашню сдать в аренду на 2 года, а усадьбу – на 12 лет, а с. Пупки Колыбельской вол. – лишь усадьбу на 3 года (пашню же переделило по оставшимся рев. д.), но дало переселенцам (в 1881 г.) денежное пособие в размере 5 руб. на рев. д. и 3 руб. на едока. Сложная община Климова и д. Жабина Крючковской вол., кроме права двухлетней аренды, дает переселенцам в «награду» в 25 руб. за душевой надел. В *Петербургском у.* в финских селениях и в русской Смоленской слободе (выкупившей казенную землю на основании закона 16 янв. 1862 г.), совершившей первый на памяти стариков передел по ревизским д. в 1881 г., сдача земли в аренду отдельными домохозяевами поставлена в зависимость от согласия общества, причем в Смоленской слободе сдача ее посторонним запрещена совершенно¹.

В зависимости от того, как широки права членов общины распоряжения своими участками в промежутки между переделами, равно как и от

¹ В Московской губ. наблюдаются случаи ограничения права распоряжения членов общества их наделами с сельскохозяйственными целями: запрещение посева выше известного количества льна, обязательство распахивать землю и не обращать ее в пустыри, унаваживать надел и т. п.

величины этих промежутков, находится и накопление на общине так наз. мироплатимых, убылых, пустовых и т. п. душ, т. е. наделов, не пристроенных в частные руки и находящихся вместе с повинностями, на них лежащими, в распоряжении и на ответственности общества. Всего меньше таких душ в местностях, где право лица распоряжаться участком широко, где члены общества могут даже продавать надел (*Херсонская губерния*) или где широко наследственное право (*Курская губ.*), – при условии, что земля окупает платежи, и потому всегда находятся охотники принять ее в свои руки. Мало мироплатимых наделов, а в большинстве случаев и вовсе их нет, и в общинах с короткими промежутками между переделами или совершивших передел недавно. Больше их там, где сохраняется ревизская разверстка, где переход земли в другое хозяйство по смерти крестьянина не допускается, особенно если при этом по качеству земли или высоте обложения она не имеет в глазах крестьян большой ценности и если общая обстановка хозяйства заставляет значительное число членов союза бросать дом и идти на сторону для заработка или переселения. Особенно много мироплатимых душ накапливается, по-видимому, в общинах Самарской губернии и сходных с ней по хозяйственным условиям. Неурожаи последних лет и другие условия, неблагоприятные для крестьянского хозяйства, привели к разорению многих крестьян, и они, сдав наделы в аренду соседям или же просто бросив их, уходят на неопределенное время на сторону, оставляя платежи на ответственности обществ. Такие наделы вместе с сиротскими и другими выморочными называются здесь пустовыми. Что касается распределения мироплатимых наделов между общинами государственных и помещичьих крестьян, это зависит, как видно из предыдущего, от взаимно противоположных влияний: сохранение старой разверстки земли, обыкновенное у помещичьих общин, способствует накоплению мироплатимых душ; расширение наследственного права, встречающееся по преимуществу у них же, действует на него задерживающим образом.

Цифровые сведения о количестве мироплатимых наделов имеются для немногих местностей. В *Ставропольском* уезде их насчитывается 13 882 (в том числе 5920 безродных или сиротских), в *Самарском у.* в 1883 г. – 6778 (по сведениям губернского статистического комитета от 1880 г. – 11997, но комитет включил в число пустовых душ и умершие ревизские в селах с подворно-наследственным владением, равно как и выбывшие из общества), в *Бузулукском у.* в 1884 г. их было 14 700 – на 5170 меньше сравнительно с официальной их цифрой от 1880 г.; разница произошла частью от принятия в общество новых членов с передачей им пустовых наделов, частью от надления ими безземельных членов общины. В 17 обществах государственных

крестьян *Бахмутского* у. сдается в аренду больше 11^{1/2} тыс. мироплатимой земли. В *Херсонском* у. насчитано 120 обществ, имеющих в своем распоряжении мироплатимые наделы. В *Мелитопольском* уезде в 15 селениях с ревизской разверсткой земли (из них 7 помещ.) на обществе лежит 9,5% всех наделов; в 11 селах, перешедших на новые души, – 2,1%. В *Мценском* у. мироплатимых наделов насчитано около 800; в *Воронежском* у. в 263 общинах со старой разверсткой земли их насчитывается 1360, или 4,5% всего числа ревизских наделов. В слободе В. Михайловке (гос., 1830 дв., ревиз. разв.) *Новооскольского* у. на обществе находится 835 мироплатимых наделов.

Состав мироплатимых наделов по их происхождению тем разнообразнее, чем меньше прав в деле распоряжения участками имеет личность и больше развита юрисдикция общины. Там, где по смерти крестьянина его участок переходит к близким или дальним родственникам, а переселенец легко находит охотника взять его надел в аренду за деньги, – на общество поступают лишь участки совершенно безродных хозяев, семей, выселившихся еще тогда, когда земля не имела ценности, или которым, по причине числящейся за ними недоимки, не дозволено сдать надел в частные руки, иногда участок лица, отказывающегося от надела, или сироты до его совершеннолетия. При обыкновенных же условиях мироплатимые души состоят из выморочных наделов, т. е. участков умерших лиц, хотя бы имевших близких родственников, но не составлявших с ними одного хозяйства, из наделов переселенцев, лиц, безвестно пропавших или давно отсутствующих, сосланных в Сибирь; от наделов сирот, взятых в заведение мира до совершеннолетия последних; наделов, отобранных у неправых недоимщиков; из участков, оставшихся свободными после передела, оказавшихся лишними или оставленных на всякий случай, и т. п. В одной и той же общине обыкновенно находятся мироплатимые наделы разного происхождения.

В *Херсонской* губернии главная часть небольшого числа мироплатимых наделов, имеющихся далеко не у всех общин, состоит из совершенно выморочных участков, иногда и из наделов таких лиц, после которых остались наследники женского пола (см. *Елизаветградский, Тираспольский* уезды), из сиротских и пустующих, принадлежащих, например, лицам, ушедшим в солдаты, старикам, немощным, бежавшим, находящимся в безвестной отлучке. В *Мелитопольском* у. «убыльные» души состоят из наделов выморочных лиц, сосланных в Сибирь или находящихся в долговременной отлучке, иногда из наделов сиротских, недоимщиков и умерших ревизских душ. То же, вероятно, относится к *Бердянскому* и *Днепровскому* уездам, Тав-

рической губернии. В христианских общинах *Крыма* на общество поступают наделы, кинутые отсутствующими на произвол судьбы. В *Ростовском у.* (старая разверстка земли) мироплатимая земля составляется из выморочных наделов (несмотря на ревизскую разверстку земли, образующихся крайне редко), иногда из сиротских. В *Бахмутском у.* большая часть «убыльных» душ составила из наделов лиц, по разорению или другим причинам бросивших землю и выселившихся на сторону; затем из выморочных участков, сиротских, отбираемых от неисправных в платежах хозяев, иногда и из наделов умерших ревизских душ; в некоторых общинах государственных и помещичьих крестьян мироплатимая земля образуется при каждом переделе как результат принятой системы разверстки, при которой распределению между членами общины подлежит не вся мирская земля. В *Воронежском у.* в общинах с ревизской разверсткой мироплатимые души состоят главным образом из участков выморочных или принадлежащих лицам, порвавшим связи с общиной; в *Острогожском у.* (в общинах с ревизской разверсткой земли и где последняя не окупает лежащих на ней платежей) они образуются из выморочных, из наделов лиц, забросивших хозяйство и ушедших на Дон, Кубань и т. п., снятых с маломощных хозяев или безнадежных плательщиков. В *Богодуховском у.* мироплатимые наделы состоят из выморочных, переселенческих, отнятых у недоимщиков, из участков, от которых отказались ослабевшие хозяева («немогущие» души). В *Раненбургском у.* мироплатимые наделы встерчаются почти исключительно у обществ, сохраняющих ревизскую разверстку земли. В *Михайловском у.* мироплатимые наделы в нескольких общинах собственников с ревизской разверсткой Митякинской, Маковской, Горностаевской, Остроуховской, Феняевской волостей состоят из наделов выморочных, сиротских (Орешково Остроуховской вол.) и принадлежащих лицам, сосланным в Сибирь, а также отказавшимся от земли. В двух общинах государственных крестьян Плахинской и Новополянской волостей остались полосы, не разверстанные при последнем переделе по наличным душам. В некоторых уездах *Курской губ.*, характеризующихся малой распространенностью или отсутствием переделов земли, полной свободой членов общины при сдаче наделов в аренду и широким развитием наследственного права, мироплатимые наделы имеются далеко не во всех общинах, даже только в немногих (*Тимский у.*) и притом в небольшом числе. В *Курском, Тимском, Щигровском* уездах на общество поступают наделы умерших лиц, не имеющих совсем родственников, или участки, находившиеся в пользовании женщин, в тех немногих случаях, когда они перестают удовлетворять условиям, на которых у них был оставлен надел; наконец, наделы переселенцев, не сдавших землю в аренду или не продавших ее (в *Щигровском у.*), потому что переселились они в такое

время, когда еще не было расчета кому-либо покупать землю. В *Новооскольском* у. главная масса мироплатимых наделов (кое-где называющихся «сиротскими», см. слоб. Покрово-Михайловская) принадлежит лицам, ушедшим на продолжительное время из села или вовсе выселившимся, местами из солдатских (в сл. В. Михайловке 800 мироплатимых душ принадлежали переселенцам, а 35 – солдатским). В *Белгородском* у. наделы, где они есть, состоят главным образом из выморочных, изредка из переселенческих, из участков лиц, отказавшихся от земли при выходе на выкуп, клочков, оставшихся после передела земли. Относительно *Старооскольского* у. известно, что наделы переселенцев в помещичьих общинах Казачьинской и Орликовской волостей и в общине государственных крестьян Нижней Равеньки Котловской вол. поступают на мир. В *Корочанском* у. мироплатимые наделы образуются между прочим из выморочных и переселенческих, поступающих на общество у государственных крестьян (см. Пригородную, Нечаевскую и Яблоновскую волости); у помещичьих же крестьян Пригородной, Зимовенской, Нечаевской вол. переселенцы сдают свои наделы сами (в Зимовенской вол. «до ревизии») родственникам или соседям на известных условиях; там, в Зимовенской вол., они иногда получают 20–40 руб. за надел; а переселенцы из с. Ржевки Зимовенской вол. продали в 1881 г. свою землю (119 наделов) местному землевладельцу (по 150 руб. дес.), который внес за нее выкупную ссуду; на миру в Зимовенской вол. находятся лишь наделы переселенцев-недоимщиков, в Яблоновской – надел единственного переселенца. В *Мценском* у. мироплатимые наделы образовались из участков, от которых в прежние времена отказывались ослабевшие хозяева (например, после смерти работника), из наделов, снимавшихся миром с неправых плательщиков, из лишних наделов и т. д. В *Трубчевском* у. в общинах со старой разверстой земли, по причине плохого качества почвы и зависящих от того частых от нее отказов, на общине лежит много мироплатимых наделов. Нижеприводимые случаи относятся почти исключительно к общинам с ревизской разверсткой земли. Наделы завожгих или живущих на стороне лиц находятся в распоряжении общества в следующих деревнях: удельных – Котляково, Щетинино Семячковской волости, Комягино Усохской вол., Яновской Уручьиной вол., Черни, Горожанка, Денисово Краснослободской вол., помещичьих общинах – Черни и Чухрая, Красной Слободке Краснослободской вол., Плосково (разв. «по силе») Юровской вол. Наделы недоимщиков и других ослабевших хозяев берутся на мир в общинах: удельных – Котовке (ослабевших хозяев) Семячковской вол., сложной общине с. Яшное и ст. Погощ (недоимщиков), Горожанке, Нов. Погощ (недоимщиков и других ослабевших), Герасимово (ослабевших), Денисово (ослабевших) Краснослободской вол.; помещичьей общине Чухраи (недоимщи-

ков) Краснослободск. вол. Наделы отказавшихся находятся в распоряжении мира в помещичьих общинах с. Богослова, х. Андреевского Алешани Промысловской вол. и др. В нескольких общинах на миру находятся наделы умерших душ (помещ. общ. Теребушки Краснослободской вол., Ревно Промысловской вол., Мякшеево Усохской вол. и т. д.). В *Елецком* у. мироплатимые наделы образуются из участков выморочных, снятых с семей, где есть умершие члены, наделов переселенцев, лиц, сосланных в Сибирь, перешедших в другие сословия, отказавшихся от земли, из неразделенных площадей общинной земли (например, оставленных для прибылых душ). Мироплатимые наделы встречаются за немногими исключениями в общинах, где давно не было переделов земли; в тех случаях, где их находят в селах, недавно перешедших на новые души, это – или запасные наделы, или освободившиеся по такому, например, случайному поводу, как ссылка кого-либо из членов общины в Сибирь. Из разряда государственных крестьян мироплатимые наделы встречаются в 14 общинах, в том числе в 4, где недавно был коренной передел и где на миру находятся запасные наделы (в с. Хмелинец Соловьевской вол., б. Слепухи Каменской), или участки лиц, сосланных после передела в Сибирь (Власово Афанасьевской вол.), или оставленные по ошибке (Слободка). У помещичьих крестьян мироплатимые наделы встречаются приблизительно у 40–50 общин, почти все практикующих разверстку по старым душам. В *Борисоглебском* у. наделы снимаются с отдельного домохозяина и поступают на усмотрение мира в следующих случаях: 1) при вымирании двора; 2) при его переселении, если надел переселенца не удерживается им за собой (тогда он его сдает в аренду); 3) при накоплении недоимки, уплата которой падает на мир (бывает редко, потому что надел с избытком окупает платежи); 4) по смерти домохозяина и неимении у его вдовы детей вообще или только мужского пола. В *Лебедянском* у. и *Тамбовском* у. в общинах государственных крестьян с ревизской разверсткой мироплатимые наделы составляются из небольшого числа участков вымерших семей и переселенцев. В *Моршанском* у. у государственных крестьян в распоряжении мира поступают наделы выморочные, переселенческих дворов и несостоятельных сиротских семей. В *Шацком* у. у государственных крестьян находятся выморочные наделы и сданные переселенцами на мир.

Переходя к описанию способов распоряжения обществ мироплатимыми наделами, напомним, что настоятельная потребность вмешательства мира в распоряжение свободными участками общинной земли явилась в новейшее время благодаря продолжительному отсутствию общих переделов. В силу сказанного в массе общин не успели еще выработаться определенные способы употребления свободных наделов, отчего в местностях, где землей

дорожат, можно встретить на этот счет всевозможные случаи распоряжения ими, иногда имеющие в основе злоупотребление со стороны должностных лиц общества или целого мира¹.

Способы распоряжения обществ мироплатимыми наделами весьма разнообразны, причем встречаются общины, одной части мироплатимых душ дающие одно назначение, другой – иное или один год распоряжающиеся ими так, другой – иначе (см., например, *Бахмутский у.*). Общины обращают мироплатимые наделы под толоку, общественную запашку, в пестрополье, в пустыри; отдают в аренду за подати или по вольной цене, иногда с торгов или по жребью, причем дело иногда не обходится без злоупотреблений со стороны должностных лиц, заведующих сдачей, благодаря чему земля попадает в руки богачей и мироедов; отдают за подати нуждающимся в земле или наваливают на зажиточных домохозяев; разверстывают между всеми членами общины и т. д. Наибольшим распространением пользуются, по видимому, случаи сдачи мироплатимой земли в аренду за подати или по вольной цене, разверстка ее по всем домохозяевам и отдача, обыкновенно за подати же, в пользование без- и малоземельных членов общества.

По тому значению, какое способы пользования мироплатимыми душами имеют для целей общинного союза и для отдельных его членов, их можно соединить в две главные группы. 1) Община игнорирует интересы отдельных членов целого союза; в таком случае она обращает землю под толоку, общественную запашку, сдает ее в аренду за плату, превышающую повинности с обращением дохода на общественные нужды, отдает вместо жалованья должностным лицам, разверстывает между всеми домохозяевами или вводит пользование ею поочередно. 2) Но община может заботиться прежде всего о своих без- и малоземельных членах, о стариках и т. п., и тогда она обращает мироплатимые наделы в их пользование, если земля хороша, или наваливает на сильных домохозяев, если надел не оправдывает платежей. Наконец, она может относиться к тому и другому безразлично, и тогда мироплатимые души в большинстве случаев будут сдаваемы в аренду (если земля хороша) за одни подати или разверстываться между всеми домохозяевами (если доходность земли ниже платежей). Тот или другой способ употребления общиной мироплатимых наделов зависит главным образом от 3 обстоятельств: отношения между доходностью наделов и платежами, на них лежащими, от величины промежутков между общими коренными переделами земли и от живости общинных инстинктов в населении. Где земля плоха, там охотников на мироплатимые души находят-

¹ В *Мелитопольском у.*, например, на этот счет есть 2–3 общепринятых обычая, но многие другие пока только складываются, почему здесь не редкость произвол, подкупы, спаивание и насильственный захват наделов даже отдаленными родственниками в ущерб более близким.

ся мало и общине остается или наваливать их на домохозяев, способных вынести новое бремя платежей, или разверстывать между всеми, невзирая на чрезмерное обременение платежами бедных членов общины, или даже забросить землю, а раскладывать между членами одни платежи, на ней лежащие. Где давно не было общего передела земли, – а тем более при сохранении ревизской ее разверстки, – там образовалось большое несоответствие между личным составом семей и величиной их участков, и при известной живости общинного чувства естественно воспользоваться мироплатимыми наделами для возможного сглаживания этого несоответствия. При коротких промежутках между переделами и у общин, недавно произведших равнение, земля распределена между семьями довольно равномерно, особенной надобности обращать мироплатимые наделы на поправки в этом распределении не ощущается, и очень естественно распорядиться ими в интересах союза как целого, т. е. обратить их под общественную запашку или выгон, сдать в аренду в пользу мирской кассы и т. п.

Факты действительно до известной степени подтверждают эти априорные заключения: при наличной разверстке земли (если при этом частные переделы не введены в систему) мироплатимые наделы в громадном большинстве случаев употребляются именно последними из указанных способов; при ревизской разверстке обращение их в пользу без- и малоземельных членов общины наблюдается очень часто. Но не менее часто здесь встречаются и некоторые другие способы распоряжения мироплатимой землей, уже не имеющие в виду удовлетворение интересов малоземельных крестьян, как, например, сдача в аренду или разверстка между всеми членами общины. Правда, сдача в аренду иногда служит в пользу бедных членов общины, так как при плохой почве позволяет им пользоваться общинной землей за цену, не достигающую уровня платежей, обременяющих надел; это имеет место в случае, если такие крестьяне сдали надел на мир с тем, чтобы снять ту же землю в аренду по вольной и потому невысокой цене, как это наблюдается, например, в *Острогожском* уезде. Нечто подобное имеет место в тех общинах *Бахмутского* уезда, где при переделах по числу ревизских душ допускаются отказы от земли, причем освобожденные таким образом участки могут быть взяты за подати как посторонними общине лицами, так и ее членами, отказавшимися от надела при разверстке, потому что они не считали выгодным брать на себя участок, соответствующий количеству числящихся за ними ревизских душ, но готовы взять общественную землю в меньшем размере. Но за выделением всех подобных случаев все-таки останется очень много общин с ревизской разверсткой земли, где отсутствие обычая пользоваться мироплатимыми душами для сглаживания неравенства в распределении земли, как результа-

та продолжительного отсутствия общего равнения, нельзя приписать ничему иному, как слабости общинного чувства и непривычке относиться к мирской земле как имеющей единственным назначением доставлять благо всем. Это нужно сказать, например, о сдаче мироплатимых душ в аренду помещичьими крестьянами *Херсонской* и *Курской* губерний; о распределении их между всеми в *Курской* губернии, *Ростовском* уезде; о разверстке мироплатимых душ или одних платежей, на них лежащих, между всеми домохозяевами без внимания к их зажиточности и, следовательно, степени трудности выносить новое бремя, что встречается в *Самарской* губ. и т. д. Впрочем, это касается, по крайней мере, государственных крестьян – причина сказанного лежит также в инерции, присущей вообще массам: прежде при кратких промежутках между общими переделами освобождалось так мало наделов, что община не обращала на них внимания как на средство исправления неравенства и не выработала приемов пользования ими, имеющих в виду указанную цель; она привыкла достигать уравниения землеводства лишь при помощи общих переделов земли.

Следя за распространением различных способов пользования мироплатимой землей по географическим районам России, мы увидим, что в южной степной полосе значительно преобладают способы пользования ею в интересах всего союза: отведение под толоку или общественную запашку, разверстка между всеми домохозяевами, сдача в аренду (в *Херсонском* у., однако, около 40% общин, имеющих выморочные наделы, пользуются ими в интересах малоземельных членов общин). В *Екатеринославской* губернии (*Ростовский, Бахмутский* уезды) и особенно в *Херсонской* это должно быть приписано, вероятно, слабости общинного инстинкта, в *Таврической* (*Мелитопольском, Бердянском* уездах) главным образом – коренным переделам по наличным душам, сильно распространившимся в последнее десятилетие и значительно ослабившим неравномерность в распределении земли между членами общины и, следовательно, потребность исправления этого распределения. В восточных степях (главным образом в *Самарской* губ.), – где благосостояние населения и его хозяйственная состоятельность подорваны неурожаем до того, что многие крестьяне перестали дорожить землей и главная масса мироплатимых душ образовалась путем добровольного отказа от земли лиц, порывающих с хозяйством, – на первый план выступает разверстка мироплатимых наделов между зажиточными домохозяевами, которым легче справиться с податями, принявшая местами (*Саратовская* губ.) правильный характер частных переделов, поведших к изменению ревизской разверстки земли в другие системы. В центральной России мы встречаем преобладание того или другого способа разверстки в зависимости от качества почвы и живости общинного инстинкта. В *Курской* губернии, напри-

мер, где землей дорожат и где сильно преобладают общины помещичьих крестьян или государственных недавнего происхождения (из подворников-четвертников), несмотря на отсутствие коренных переделов и большое неравенство в распределении земли, свободные наделы обращаются, главным образом, на сдачу в аренду или поступают в разверстку между всеми домохозяйствами. В *Елецком у.* рядом с распространением общих переделов, свидетельствующих о победе общинного начала над индивидуалистическим, заметно выступает и стремление распорядиться мироплатимой землей в интересах малоземельных членов в общинах, удержавших ревизскую разверстку земли. В других же местностях при тех же условиях, т. е. хорошей почве надела и распространенности переделов, отдача свободных наделов малоземельным встречается крайне редко (например, *Михайловский у.*), что служит доказательством, по-видимому, влияния, какое имеют на распоряжение мироплатимой землей в настоящем приемы, выработанные в прежнее время. Гораздо большим распространением в рассматриваемой полосе пользуется насильственная передача свободных наделов исправным домохозяйствам в местностях, где земля не окупает лежащих на ней платежей, хотя в таких случаях встречается иногда и разверстка их между всеми членами общины. Необходимость при наваливании свободных участков в таких местностях принимать в расчет силы и средства отдельных домохозяйств вытекает из того, что наваливание их на слабых привело бы к еще большему их ослаблению и, пожалуй, к полной несостоятельности.

Из всех способов распоряжения общины мироплатимыми наделами особого внимания заслуживает обращение их в пользование безземельных и малоземельных членов союза. В одних случаях это обращение совершается на начале призрения неимущих, когда земля отдается вдове, сироте, больному, старику – бесплатно или кому-либо из общественников с условием содержания помянутых лиц (кроме фактов, изложенных ниже, см. гл. VI). В других общинах свободные наделы назначаются для бессрочно отпусковых или отставных солдат старой службы (см., между прочим, гл. II). В третьих назначением их является смягчение недостатков несовершенной системы разверстки земли (отдача «бессыновникам» или семьям с большим числом членов женского пола в случаях, когда общиной принята система разверстки по душам мужского пола) или неравномерного ее распределения, происшедшего вследствие продолжительного отсутствия переделов, причем бываюот случаи, что последний способ употребления свободных наделов (отдача их за подати без- и малоземельным членам общины) практикуется с целью ослабить недовольство бедных существующей (обыкновенно ревизской) разверсткой земли и отсрочить таким образом общий ее передел как невыгодный для многих или нежелательный по другим причинам (лом-

ка меж и т. п.). Пользование мироплатимой землей рассматриваемого рода хотя встречается во многих уездах, но обыкновенно практикуется лишь единицами, много десятками общин.

Указанные случаи отдачи земли без- и малоземельным членам общины за одни платежи, с целью хотя несколько смягчить неравномерность ее распределения, имеет такой смысл в общинах, где земля окупает лежащие на ней платежи, и поэтому получение лишнего надела составляет предмет желанья всех домохозяев. При обратных условиях та же идея уравнивания членов общины в пользовании землей требует противоположного способа распределения мироплатимых наделов; в этих случаях преследуется, прежде всего, равномерность распределения тяготы, связанной с землевладением, и потому разверстка земли должна быть сделана не по потребности крестьян в земле как средстве прокормления, а по их состоятельности, измеряемой или числом рабочих членов, или количеством скота, или совокупностью многих признаков, которыми характеризуется «сила», хозяйственная мощь семьи. Степень точности подобной расценки состоятельности членов общины и, так сказать, степень систематичности при распределении пустовой земли между ними для различных общин различна, в зависимости, между прочим, от числа подлежащих распределению наделов, отношения между доходом от земли и платежами, на ней лежащими, и от новости дела. В некоторых общинах наряду с элементом «силы» или даже впереди его ставятся такие, например, условия, как факт избежания семьей военной службы, ведущей к накидке пустовой души, или отдачи члена семьи в солдаты, за что она освобождается от лишнего участка. Во многих общинах главнейшим основанием при распределении мироплатимой земли служит богатство семьи рабочими силами, и где существует большое несоответствие между доходностью земли и лежащими на ней платежами, там практикуется дробная разверстка земли, т. е. распределение ее не только по взрослым рабочим, но и на подростков (мужского пола). В общинах, где отказы от земли составляют постоянное и широко распространенное явление (в особенности, кажется, там, где отказы наблюдаются не со стороны лиц, уходящих на заработки, а со стороны настоящих хозяев – земледельцев, не могущих справиться с количеством наделов, отведенных им по числу ревизских душ), перераспределение земли между членами общины совершается настолько правильно, что потеряло характер распоряжения «убылыми, пустовыми» душами, т. е. землей, брошенной на общество, не справляясь с его согласием. Здесь уменьшение участка какого-либо хозяина совершается под контролем мира, путем оценки всякого изменения состоятельности семьи, производимой через определенные промежутки времени или на основании установленного раз навсегда правила, определяющего,

какие изменения в рабочем составе семьи дают ей право отказаться от надела и какие ведут за собой обязательство принять лишний участок. Здесь общество лишь регулирует переход земли от одной семьи к другой в интересах сохранения хозяйственной силы всех своих членов и безнедоимочного поступления податей, но не распоряжается «пустовыми», «мироплатимыми» наделами, находящимися специально на плечах мира; напротив, таких наделов здесь очень мало, так как постоянные систематические переносы земли от одних семей к другим не допускают накопления на обществе убылых душ. Мы имеем здесь перед собой свалку-навалку душ или частный коренной передел в узком смысле слова. Мы знаем, сколь широкое распространение имел этот прием регулирования землепользования в помещичьих общинах, где надел не окупал лежащих на ней платежей; он привел в целых уездах к изменению ревизской разверстки земли на тягловую, «по силе» и т. п. В новейшее время с повышением ценности земли частные переделы указанного характера значительно сократились, но и теперь они встречаются по всему пространству России, местами лишь единичными случаями на уезд, местами же, где земля все еще дешева, в довольно широких размерах. В некоторых местностях, при указанных условиях, частные коренные переделы практикуются не одними помещичьими, но также государственными и удельными крестьянами. К числу таких местностей принадлежит *Московская губ.*, для которой мы и приводим следующую характеристику практикующихся в ней частных переделов земли.

«В большинстве селений *Московской губ.* доходность крестьянских наделов ниже ценности лежащих на ней платежей, а потому большая или меньшая часть последних ложится на заработки, получаемые от промыслов. Этим обстоятельством обуславливается необходимость постоянной соразмерности наделов и платежей с рабочими силами и средствами дворов, в предупреждение ослабления последних под бременем непосильных платежей. Поэтому мир признает за каждым хозяином право отказаться от части надела и платежа, пропорциональной уменьшению рабочей силы». Хозяин может сохранять до общего передела свой участок неизменным, и общество не потребует приведения его в соответствие с изменившимся рабочим составом семьи, если последняя «оправдывает» платежи. «Но этим правом пользуются преимущественно только в тех общинах, где доходность земли не ниже лежащих на ей платежей». В большинстве же общин (ок. 75%) земля не окупает платежей, вследствие чего отдельные дворы отказываются от излишней земли, каковая поступает в распоряжение общества. Это распоряжение обыкновенно заключается в передаче ее новым работникам, которые таким образом «поступают в тягло». Тягловое совершеннолетие в большинстве общин считается с 18 лет, в других – с

20 лет, а в некоторых, обремененных непосильными платежами, «вследствие недостаточного количества тягловых работников последними признаются и юноши, едва достигшие 16–17 лет». За отсутствием взрослых работников, многие общины, преимущественно практикующие дробную разверстку земли, но иногда и придерживающиеся тягловой, «наваливают» освободившиеся наделы в количестве $\frac{1}{4} - \frac{1}{2}$ души на подростков 10–11 лет. В некоторых общинах при распределении земли принимаются в расчет не только подростки, но и общая имущественная состоятельность двора. «Но это встречается сравнительно редко и почти всегда только в том случае, когда “земля кстати, в пользу”, иначе хозяин не примет надела и будет жаловаться “на отягощение от мира” волостному суду. Если нет таких дворов, к которым можно было бы приурочить “упалую землю” (“обмершие души”, “души подлетков”, т. е. стариков, вышедших из тяглогового возраста, “гуляцкие души”), то она “идет на мир”, который или переделывает ее между всеми хозяевами на обыкновенных основаниях разверстки, или сдает в аренду желающим за определенную цену». Вообще, распределение земли при частных переделах отличается большим разнообразием даже в одной и той же общине в зависимости от различных обстоятельств, при которых оно происходит. Если в общине появился работник в то время, когда вся земля «разобрана по рукам» и общество не желает произвести новый общий передел, то обыкновенно оно входит с ним в сделку, обязывая его платить «спуста» часть податей. При отсутствии согласия на такую сделку общество или освобождает работника от платежей до общего передела, или отрезывает ему участок вдоль межи от участков всех членов общины; некоторые общества оставляют для подобных случаев записные наделы, которые «ходят в миру», т. е. распределяются между всеми, а с появлением нового плательщика наваливаются на него (Орлов, гл. III).

Случаи частных переделов, о которых мы только что говорили, характеризуются тем, что снятие земли с членов общины, свалка ее, совершается по доброй воле, а навалка, принятие земли обязательна и что регулирование землевладения совершается здесь обыкновенно по производительной норме. В другом ряду общин, где земля дает чистый доход и где община нашла нужным прибегнуть к частному уравниванию землепользования своих членов, принятие свободных наделов составляет произвольный акт, уступка же их некоторыми членами обязательна, и распределение их преследует главным образом цели потребительные. Происхождение частных переделов этого типа двояко. В одних общинах они служат для исправления слишком большой неравномерности в распределении земли как результата необыкновенно продолжительного отсутствия общих переделов; они имеют здесь целью хотя несколько заменить запоздавший передел или отсрочить его, и

в этом последнем случае они являются, так сказать, уступкой со стороны многоземельных хозяев, компромиссом между членами, требующими передела, и теми, которые стоят за сохранение существующей разверстки. Сообразно такому их назначению, частные переделы рассматриваемого порядка стали практиковаться обыкновенно после того, как со времени последнего уравнивания (имевшего место в конце 50-х и начале 60-х гг.) прошло много лет и успело образоваться большое несоответствие между числом наделов и семейным составом различных хозяйств, именно – во второй половине 70-х и в 80-х гг. В других общинах частные переделы входят в общую систему регулирования землепользования членов общины и правила, к ним относящиеся, устанавливаются при общем коренном переделе, которым уже достигнуто равномерное распределение земли. Здесь их назначением является смягчение неравенства, образующегося в промежутки между общими переделами, для которых назначены более или менее длинные сроки. Встречаются общины, где частные переделы описываемого типа явились прямым продолжением свалки-навалки, преследующей цель равномерного распределения тяготы, связанной с землевладением: пока земля была в тягость – в основе частного передела лежало начало зажиточности; с изменением условий хозяйства в противоположные одновременно с сокращением практики частных переделов наблюдается и изменение их основания – они начинают производиться по потребительной норме.

Рассматривая общины, практикующие частные переделы, в их совокупности, можно заметить известную постепенность в развитии этого метода регулирования землепользования. В одних общинах уравнивание производится при помощи участков, образовавшихся более или менее случайно, т. е. снимаемых с вдов, сирот, недоимщиков, и поэтому это уравнивание касается весьма незначительного числа семей из всего контингента нуждающихся в земле. В других обществах уравнивание захватывает многоземельных крестьян, участки которых сокращаются в пользу малоземельных, но такой обмен совершается лишь между немногими семьями – теми, которые очень отклонились в ту или другую сторону от среднего уровня. В третьих общинах объем поправок расширяется и они получают большую определенность как в отношении снятия наделов, так и их передачи, пока наконец не встретятся общества с выработанными в деталях системами поправок в распределение земли в промежутках между общими коренными переделами. По этим системам снятию подлежат обыкновенно участки умерших надельных душ; что же касается распределения этих участков между живыми, то – за исключением несчастных случаев разверстки по душам обоюбого пола, нередко с известными преимуществами в пользу мужского, – обыкновенно при ревизской разверстке снятые надельные участки передаются безземельным мужского пола (т. е. не записанным в ревизию) по

их старшинству: или только рабочим, или также и старшим мальчикам, смотря по числу свободных душевых наделов, которые в этих случаях обыкновенно не разбиваются на части, а переходят целиком от одной семьи к другой. В некоторых общинах, однако, снятые наделы распределяются между всеми ревизскими мужчинами, и в этом случае, конечно, ревизский душевой надел дробится на части. Местами указанное уравнение производилось при помощи общего передела (или, вернее, сопровождалось общей жеребьевкой), т. е. нарезки участков всем членам общины в новом месте.

Частные переделы земли, имеющие целью уравнения членов общины в пользовании выгодами, в большинстве случаев, по-видимому, явились (или образовались из свалок-навалок, преследующих цель уравнения тяготы землевладения) в последнее время и в очень многих общинах или свершались один только раз, или повторялись через неопределенные промежутки времени, по мере образования неравенства; во многих других они практикуются правильно периодически, обыкновенно через краткие сроки в 1–6, редко 10 лет. Правильная периодичность замечается в большинстве случаев в общинах, приступавших к частным переделам не по крайней необходимости смягчения неравенства в распределении земли, происшедшего от продолжительного отсутствия переделов, а, так сказать, добровольно – в общинах, где они введены как постоянная составная часть принятой системы разверстки, в большинстве случаев при последних переделах по наличным душам: не считая целесообразным оставлять раз сделанное распределение земли неизменным в течение 10–15 лет, потому что за это время успеет образоваться значительная его неравномерность, и находя вредным частые смены участками, присущие общим переделам, община устанавливает для общих переделов длинные сроки, но вместе с тем вводит и частные уравнения через краткие промежутки времени.

Хотя в наших материалах и нет полных сведений о распространении частных переделов земли, тем не менее имеющихся данных достаточно, чтобы составить в общем правильное понятие об их значении в общинной экономике и индивидуальном хозяйстве.

В этом отношении нужно различать общины, где землей дорожат, от таких, где ею тяготеются. Частные переделы всего больше распространены в общинах последнего типа, и здесь они не могут быть устранены до тех пор, пока ценность земли не возвысится настолько, чтобы земля окупала связанные с ней платежи. Свалка-навалка имеет здесь целью именно равномерное распределение этих платежей и касается не тех участков, которыми хозяева дорожат, а лишь тех, от которых отказались сами владельцы; при возвышении же ценности земли практика частных переделов, как мы видели, сокращается до полного их прекращения. В общинах другого типа частный передел пресле-

дует иные цели, и здесь некоторые члены обязательно уступают часть своей земли. Здесь поэтому выступает вредная сторона переделов – непрочность владения землей, способная помешать тщательному за ней уходу. Всматриваясь, однако, в вопрос ближе, мы убедимся, что указанное вредное влияние частных переделов очень ограничено. Прежде всего, нужно сказать, что наиболее часто встречаются в селениях, где давно не было общих переделов. В этих случаях они появились благодаря своекорыстию богатых членов союза, не желающих допустить общего равнения земли, несмотря на то что потребность в нем достаточно назрела. Они поэтому сами предпочитают неудобства непрочного владения разовому значительному сокращению своих участков и, испытывая от первого значительные хозяйственные неудобства, могут устранить их, согласившись на общий передел земли.

Но мало того, что частные переделы, составляя нерешительный шаг от одной группы систем разверстки к другой, будут исчезать по мере того, как ревизская разверстка станет заменяться наличной, причем, благодаря все более распространяющемуся обычаю назначения срока для следующего передела, ослабеют условия, вызывающие частные поправки в распределение земли, – они притом же встречаются нечасто, несмотря на то что со времени последнего общего передела прошло 25–30 лет. В самом деле, судя по имеющимся цифровым данным, в большинстве черноземных уездов, т. е. именно там, где главным образом и может наблюдаться насильственное снятие земли, частные переделы практикуются какими-нибудь двумя-тремя, много десятью общинами в каждом, в нескольких уездах они распространяются на 2–3 десятка их, еще реже – на большее число общин. Что же касается свалок-навалок, устанавливаемых при последних общих переделах как дополнение к ним, они встречаются тоже очень редко. Во многих уездах с большим числом переделавшихся общин их, кажется, вовсе нет, в других – на многие десятки сел, принявших наличную разверстку, встретится каких-нибудь 3–4 приговора, устанавливающие вместе с тем и периодически повторяющиеся частные переделы.

Таким образом, и в общинах со старыми разверстками земли, и в тех, что приняли новые, – частные коренные переделы (где землей дорожат) как регулятор распределения земли играют очень ограниченную роль; приняв же во внимание, что во многих случаях этих переделов хозяин, участок которого подлежит сокращению, имеет право отдать неудобренную полосу, мы убедимся, что они не могут оказывать сколько-нибудь заметного вреда и в агрокультурном отношении.

Ограничиваясь этим общим очерком по предмету распоряжения мирской землей в промежутки между общими ее переделами, приводим имеющиеся на этот счет данные в систематически сведенном виде.

1. Раздел мироплатимой земли между всеми членами общества.

В *Елизаветградском у.* (ревиз. разверстка) убылые души очень редко разверстываются между всеми домохозяевами; в *Тираспольском у.* такая разверстка (между живыми ревизскими душами) имела место в 80-х гг. в 3 общинах государственных крестьян (2 старых 1 новая); в помещичьей д. Кулакове (рев. разв.) выморочным наделом пользуются по очереди все домохозяева, получая каждый по $\frac{1}{2}$ дес. на 1 год. В *Херсонском у.* разверстка выморочных душ между всеми встречается в 12 обществах из 120, способы распоряжения которых выморочными наделами известны, а в 13 они отдаются за подати кому-либо из общества, по жребию или по очереди. В *Мелитопольском у.* 3 общины государственных крестьян, перешедшие от наличной разверстки к ревизской, разверстали землю убылых душ между наличными домохозяевами. Помещичья община Бабино (рев. разв.) прежде, при низкой арендной плате на землю, наваливала выморочных наделы (10) на богатых хозяев, а в 1878 г. с повышением ценности земли эти наделы стали раздаваться по очереди на один год 40 домохозяевам (по 1 дес.) за повинности. В *Бердянском у.*, в с. Дмитриевском Ново-Алексеевской вол. (гос. новое, наличн. разв.), наделы отсутствующих хозяев разверстываются между остальными; в случае же возвращения хозяев разверстанных участков общество присуждает им известное число наделов, которые составляют отрезкой по 1 дес. от участков 6–7 душников. В *Днепровском у.* в 2 общинах государственных крестьян с ревизской разверсткой (Чалобурда Б. Капанской вол. и Н. Маячка) и в одной с наличной (Костогрызово Чалбасовской вол.) убылые души разверстываются между всеми домохозяевами; в Костогрызове это делается не только с наделами умерших и давно отсутствующих, но и с участками лиц, оставивших селение всего год назад и живущих где-либо в услужении. В *Феодосийском у.* в обществе государственных крестьян с. Изюмовки (русские) Салынской вол. 14 убылых наделов (из 25) разверстаны между всеми хозяевами. Разверстка наделов семей, выбывших из общества и забросивших землю, между оставшимися домохозяевами наблюдается и в 6 русских общинах государственных крестьян Курман-Анджинской волости *Евпаторийского у.* В *Ростовском у.* (в русских общинах ревизская разв., в армянских подворная) выморочные наделы обыкновенно поступают «в общий передел между всеми членами общества». В *Бахмутском у.* мироплатимая земля в большинстве случаев пускается в общий раздел при очередной переверстке (которые повторяются через 1–5 лет), а до того передается на том или другом основании отдельным лицам. В *Самарском у.* в большей части общин, если нет желающих взять пустовые души в аренду, их наваливают на сильных домохозяев, а при слишком большой обременительности платежей разверстывают между налич-

ными семьями поровну или по дробной разверстке. В *Бузулукском у.*, где пустовые души – бремя для общества (преимущественно у помещичьих крестьян), они или наваливаются на сильных хозяев, или бросаются в пустыри, а платежи раскладываются между всеми наличными домохозяевами поровну. Вероятно, разверстка между всеми домохозяевами была произведена в тех 8 общинах государственных крестьян *Бугульминского у.*, о которых в Сборнике сказано, что там были в последнее время переверстки, вызванные уходом на новые земли нескольких хозяев, «отчего образовались пустовые души, подлежащие разделу». Вероятно, раздел между всеми членами общества имел место и в тех 52 общинах *Бугурусланского у.*, относительно которых в Сборнике сказано, что в них переверстки были в 5-летие однажды «от пустоты». В *Богодуховском у.* некоторые общества б. помещичьих и государственных крестьян с ревизской разверсткой земли распределяют мироплатимые души между всеми домохозяевами. То же самое наблюдается и в некоторых общинах с ревизской разверсткой земли *Воронежского у.* В сл. Екатериновке *Острогожского у.* 115 дес. мироплатимой земли каждые три года раскладываются между хозяевами, могущими нести за нее платежи, но $\frac{1}{2} - 2\frac{1}{2}$ дес. на двор. В *Миценском у.* в меньшинстве случаев мироплатимая земля раскладывается на всех пропорционально земельной доле каждого; в 2 общинах раскладка имеет некоторые особенности: в д. Новоселках Чахинской вол. общество распределило 6 выморочных наделов поровну между 15 хозяевами (из 17) деревни, принимавшими денежное участие в судебном процессе против своего односельца, женившегося на девушке, единственном потомке вымершей семьи, оставившей помянутые 6 наделов, и завладевшего последними; тяжба стоила обществу 100 руб., собранных поровну с каждого двора; 2 хозяина (из 15) потребовали участия в пользовании выморочными наделами после того, когда выигран был процесс (недавно); остальные должны были удовлетворить их требование, но потребовали уплаты $\frac{1}{15}$ доли издержек. В д. Акатовой Городищенской вол. 3 надела крестьянина, сосланного в Сибирь, по приговору общества в 1883 г. распределены между семьями, участвовавшими в денежных расходах (90 руб.) по хлопотам о ссылке, пропорционально числу владеемых ими наделов, в каковой пропорции распределялись и расходы; один хозяин не участвовал в расходах и не пользуется указанной землей. В *Трубчевском у.* мироплатимые наделы (в общинах с ревизской разверсткой) по причине плохого качества земли в большинстве случаев или разверстываются между всеми домохозяевами (удельные общины Чернь, Горожанка, помещичьи Тербушанка, Чернь, Чухраи Краснослободской вол.), или наваливаются на состоятельных хозяев, не смотря на их несогласие. В *Елецком у.* самым частым способом распоряжения убыльной землей (при ревизской разверстке) служит сдача ее в аренду,

за ней следует распределение мироплатимых наделов между всеми домохозяевами пропорционально их земельным долям (мы не говорим здесь о том распределении наделов, от которых отказались некоторые хозяева, каковое было сделано при переходе от тягальной разверстки к ревизской). Это встречается в общинах государственных крестьян: М. Слепухе Каменской вол. и Молодовке Сергиевской, в помещичьих: М. Полянке и Дуброве Краснополянской вол., Каменке и Чичериной Ястребинской вол., Марьине и Маховецкой Каменской в., Надеждине и Плотах Стегаловской в., Богатых Плотах волости того же имени, ст. Ивановской и Н. Ивановской Требунской в.; в с. Веселом Багато-Платовской вол. один мироплатимый надел достается 17 ревизским душам, которые сдают его с торгов в аренду кому-либо одному из однообщественников. В *Белгородском у.* в помещичьих общинах (рев. разв.) д. Шагоровки Пушкарской вол., 2 общинах с. Бессонова, Араповке и д. Лопань Бессоновской вол., слободе Шопак и Терновки Болховецкой вол. мироплатимые наделы разверстываются между всеми домохозяевами. В *Тимском у.* (рев. разв.) мироплатимые наделы (встречаемые редко) или сдаются в аренду, или переделаются между семьями по ревизским душам или поровну (с. Разбираевское Рагозецкой вол.). В *Корочанском у.* при накоплении большого числа мироплатимых душ в Пригородной вол. (госуд.), Зимовенской (собственники), в 2-х общинах Нечаевской вол. (Соколово – гос., Стрелица – соб.) они разверстываются между наличными хозяевами по ревизским душам, пока же их немного, им дают (в двух первых волостях) другое назначение. В *Новооскольском у.* (рев. разв.) убылые души во многих общинах разверстываются между оставшимися домохозяевами, и их накопление привело до десятка общин бывших помещичьих крестьян к общим переделам по наличным ревизским душам. Кроме указанных случаев, еще несколько бывших помещичьих общин прибегают к разверстке мироплатимых наделов между всеми: так поступают с. Петровской, х. Александровский и х. Бутковский Баклановской вол., сл. Артельная и х. Костенков (переданный в казну) Улановской, сл. Раевка Черненской вол., х. Шамроев (20 наделов 7 семей, выселившихся в 1871 г.) Троицкой вол.; сюда же, вероятно, относится и х. Гороженный (собств.) Булановской вол., обративший пустовые души в разнополье. В начале 80-х гг. одно из 3 обществ, на какие распадается Велико-Михайловская община (гос., рев. разв.), распределила свою долю убылой земли (которая прежде сдавалась вкуче с долей остальных 2 частей общины в аренду, в пользу волостной кассы) между всеми домохозяевами; их примеру хотели последовать остальные два общества, но, ввиду несправного взноса за нее податей первым обществом, волостное начальство воспретило такой раздел. В *Раненбургском у.* раздел переселенческой земли по ревиз. душам имел место в госуд. с. Путках Колыбельской вол. и в

помещичьих: Кузовлеве (вр. об.) Зенкинской вол. и 2 об. Никольской вол. В *Михайловском* у. накопление убылых душ (в помещ. общ. с ревиз. разв.) иногда вызывает общий передел по ревизским душам (уменьшенным на число освободившихся наделов), как это было в 2 общинах д. Дугиной Митякинской вол., д. Маковские выселки и Дубровке Маковской вол. В 5 помещичьих общинах с ревизской разверсткой (две Остроумовской вол. и три Феняевской) убылые души разверстываются между всеми. В д. Митякино Горностаевской вол. двумя выморочными наделами пользуются погодно 2 домохозяина по очереди. В *Борисоглебском* у. раздел «упалых» наделов между всеми хозяевами (по ревизским душам) встречается в небольших общинах. Общество с. Казачьей слободы (госуд.) *Усманского* у. наделы лиц, совсем оставляющих общину, разверстывает между оставшимися хозяевами. В *Липецком* у. в с. Бутырках в 1879 г. наделы отчисленных от общества семей, а в с. Тафине наделы сосланных в Сибирь конокрадов разверстаны между всеми домохозяевами. В с. Богородицком *Лебедянского* у. по ревизским душам разверстывались наделы выморочные и переселенческие. В *Тамбовском* у. некоторые общины государственных крестьян разверстывают между наличными домохозяевами свободные наделы в тех случаях, когда их набирается много (в поволостных обзорах случаи этого рода встречаются в 2 волостях). Раздел между всеми выморочных надделов встречается и в некоторых помещичьих общинах (см., например, Бондарскую вол.). В д. Комаревке освобождающиеся наделы прежде отдавались тем семьям, у которых подрастали работники, а теперь разверстываются между всеми домохозяевами. В *Спасском* у. община государственных крестьян с. Вадовского 2 раза разверстывала наделы переселенцев между всеми по числу оставшихся ревизских душ. В Коцаковской вол. *Казанского* у. передел «пустовых душ» между всеми надельными хозяевами («по лаптям») встречается как исключение. В *Калязинском* у. в обществах с низкой доходностью земли на упалые души весьма часто охотников не находится и в таком случае они разделяются между всеми, «пускаются вразнобой». В *Петербургском* у. в финских селениях выморочные наделы всего чаще поступают в раздел между всеми; в русских – этот способ распоряжении наделами также встречается в некоторых общинах (например, Полюстровской вол.).

2. Обращение мироплатимой земли в общинные угодья, под общественную запашку, на уплату жалованья должностным лицам и т. п. В *Елизаветградском* у. выморочные наделы (в общинах с ревизской разверсткой) иногда назначаются под общественную запашку или толоку. В *Александрийском* у. (рев. разв.) мироплатимые наделы в большинстве случаев отводятся под толоку или общественную запашку; последняя существует у

5 общин военных поселян, 4 – государственных крестьян, 107 – помещичьих, причем $\frac{4}{5}$ этих обществ под запашку отводят выморочные, сиротские и пустующие наделы, принадлежащие, например, лицам, ушедшим в солдаты. В *Тираспольском* у. во многих помещичьих общинах (рев. разв.) они отводятся под выгон или толоку. В *Херсонском* у. 28 общин отводят выморочные земли под толоку, оплачиваемую сбором с хозяев за выпас скота; в с. Мурахове 6 наделов отданы в церковную ругу. В *Мелитопольском* у. в помещичьей общине Карай Дубинах (рев. разв.) 9 убылых душ (42 дес.) находятся под общественной запашкой, доходы с которой идут на построение храма; в обществе государственного с. Манчекуры (рев.-нал. разверстка) небольшая часть мироплатимой земли (9 дес.) обращена под общественную запашку для мирских расходов; в государственной общине Серых Хуторах (нал. разв.) 22 дес., оставшиеся при последнем переделе по наличным душам, обращены под общественную запашку для той же цели. В *Днепровском* у. в государственном с. Н. Владимировке (рев. разв.) 2 из 9 выморочных наделов, а в государственной д. Любимовке (наличная разв.) все убылые души находятся под общественной запашкой; в д. Браиловке (гос., рев. разв.) они обращены под толоку. В *Бахмутском* у. мироплатимые души в некоторых общинах обращаются под толоку или общественную запашку. В 2 обществах *Николаевского* у. 28 дес. мироплатимой земли находятся под общественной запашкой, в общинах Александровке и Екатериновке «несостоятельные души (21 хозяйственная в 3200 кв. саж. десятин) находятся под общественной запашкой». В *Ставропольском* у., в с. Теплом Стане и Сабаевке Высоко-Колокольской вол., одна пустовая душа отдается за службу сельскому писарю, в д. Чувашской Мелексе Мулловской вол. – сельскому старосте. Обращение мироплатимых душ на жалованье служащим встречается иногда в *Воронежском* у., а также в *Елецком* у., например, в помещичьих общинах: Филипки Ястребинской вол. и Братовщине Богато-Платовской; в с. Покровском (соб.) Дрезгаловской волости $1\frac{1}{2}$ над. отдаются за пользование быком-производителем. В *Острогожском* у. в сл. Екатериновке 40 дес. из мироплатимой земли обращены под сенокос.

3. Сдача мироплатимой земли в аренду за платежи или по вольной цене. В *Тираспольском* у. в некоторых помещичьих общинах (рев. разв.) выморочные наделы сдаются в аренду с обращением доходов в мирской капитал; в общинах государственных крестьян обыкновенно они тоже сдаются в аренду за повинности или дороже, и в первом случае они нередко попадают в руки богачей и влиятельных лиц, ибо распоряжение наделами лежит, по видимому, на сельском начальстве (в с. Погребах – на старосте с 4 уполномоченными, которые распоряжаются ими бесконтрольно); в с. Кучиерах общество не может даже привести в известность все выморочные наделы, что оно

желает сделать ввиду того, что в этом селе (а также в Дорацком) такие наделы постоянно находятся в руках богатых и влиятельных домохозяев. В *Херсонском у.* в 6 обществах выморочные наделы сдаются с торгов всем желающим, в 10 обществах – богатым и многолюдным семьям. В *Мелитопольском у.* если шалтаи не распорядились сами своей землей, то это делает общество или староста, сдавая ее в аренду целыми душевыми наделами за подати или подесятинно, по вольной цене, причем верхи сверх платежей поступают в мирской капитал, а шалтаи освобождаются от всех налогов (в одном случае платят подушную). В 4 помещичьих общинах (рев. разв.) убылые души сдаются в аренду: в 3-х – в пользу общества (в одной из них 300 дес. выморочной и сиротской земли были под общественной запашкой, доходы с которой обращались на построение храма), в одной доход с 9 выморочных наделов идет в пользу общины, а с 35 – в пользу ближайших родственников умерших хозяев наделов. В государственном селе Песчаном (наличная разв.) выморочные наделы сдаются ежегодно с публичного торга, в болгарской колонии Покровке (ревизск.-наличн. разв.) земля умерших ревизских душ до передела сдается в аренду. В *Бердянском у.*, в с. Берестовом (гос., нал. разв.) 1043 душевых надела 379 отсутствующих (выселившихся) хозяев сдаются за подати безнедоимочным членам общины, в 3 общинах с. Черниговки (государств., в 2-х из них наличная разв. земли, в одной – смешанная, промежуток между последними переделами 10–12 лет) наделы лиц, уходящих надолго (выселяющихся) в промежуток между переделами, сдаются обществом в аренду, а при очередном переделе разверстываются между всеми. В *Дмитровском у.* убылые души сдаются за подати желающим в 3-х новых общинах государственных крестьян с ревизской разверсткой земли: Рождественском, Н. Дмитровке и Отрадовке Н. Троицкой вол.; в Ново-Владимировке (новое, госуд., рев. разв.) таким образом сдаются 7 выморочных наделов, а 2 находятся под общественной запашкой. В *Симферопольском у.* сдача выморочных наделов в аренду за платежи наблюдается в общинах государственных крестьян (русс., ревиз. разв. земли) Зуйской вол. Тот же порядок пользования мироплатимыми наделами наблюдается и в других общинах христиан Крыма. В *Ростовском у.* в 2 помещичьих общинах (рев. разв.) выморочная земля отдается кому-либо за повинности, в 2 помещичьих общинах (рев. разв.), если не найдется охотников взять ее на себя, – отдается в аренду. В *Бахмутском у.* выморочные души иногда сдаются в аренду за повинности или по вольной цене; в некоторых общинах уезда при переделе в разверстку пускается часть земли (в 8 помещичьих общинах соответствующая живым ревизским душам всех семей, в 2 помещичьих и 13 государственных – ревизским душам или работникам в семьях, выразивших желание получить надел по разверстке); остальная часть сдается членам общины (в некоторых селах и посторонним) за повинности, частью в аренду по воль-

ной цене. В 17 общинах государственных крестьян (в числе которых есть и некоторые из тех, о которых мы только что говорили) и 2–3 бывших помещичьих мироплатимая земля, состоящая главным образом почти из всех наделов выселенцев (часть этой земли в некоторых общинах прирезывается к ней, которая поступает в общую разверстку), частью из выморочных, сиротских и отбираемых у неисправных плательщиков, – в количестве 11 482 дес. (общинам б. помещичьих крестьян принадлежит из этой цифры несколько десятков десятин) сдается обществами в аренду для покрытия недоимок, обыкновенно обременяющих те общины, в распоряжении которых находится много убылой земли. Этот способ покрытия недоимки принимается миром под влиянием богатых крестьян, опасующихся ответственности за нее по круговой поручке и имеющих решающее влияние на сходах. Когда заходит речь о покрытии недоимки, «прежде всего, указывается на убыльную землю, которую общество, т. е. находящиеся на сходе более досужные зажиточные крестьяне и решают отдать в аренду»; тут же устанавливаются арендные цены на землю (торги почти нигде не производятся), обыкновенно в 2–3 раза ниже цены вольной аренды. «В иных случаях, чтобы вернее и сразу получить арендную плату, земля отдается в одни руки или как можно в меньшее число рук, все равно – своим ли крестьянам или посторонним лицам; в других случаях ее раздают по мелочи или подесятинно и крупными кусками. Сроки арендные при сдаче в одни руки и крупными частями бывают от 1 до 3 лет. Под влиянием богатых домохозяев в убыльное поле отрезывается из надельной доли кусок самой лучшей по качеству земли и под предлогом исправного поступления аренды раздается сельским начальством тем же богачам и зажиточным крупными частями, иногда в несколько десятков десятин, а бедным крестьянам из нее или ничего не достается, или достается немногим по 1–3 десятины. Такой именно “порядок” установился с течением времени в селах Троицком, Скотоватом, Ясеноватом и Зайцеве, в которых убыльной земли ежегодно отдается в аренду 8221 дес. При всем этом много земли разбирается теми же богатыми крестьянами даром, без уплаты аренды, чего они достигают путем утайки от общества (как в с. Троицком) или, вернее, от бедных крестьян целых клеток в 25 десятин; способствуют им в этом деле “мерщики”, которых мир наряжает, по просьбе самих же богатых крестьян, для проверки земли в натуре и которых богатые арендаторы обязательно угощают за показание впоследствии за ними, арендаторами, меньшего количества земли, чем есть в действительности. Указанная ничтожная арендная плата поступает «с исправных плательщиков» далеко не аккуратно. На протесты бедных крестьян против этого, как они говорят, “воровства”, – против хищения общественного достояния и эксплуатации слабого сильным, – сельские сходы не обращают внимания или оставляют без последствий. С другой стороны, энергических

настойчивых протестов со стороны бедняков и ожидать нельзя ввиду той или другой, большей или меньшей зависимости их от богатых крестьян». Из 11 482 дес. земли, отдаваемой обществами в аренду, 3356 дес. в 6 селах достались посторонним лицам. В *Самарском* уезде во второй половине 70-х гг. на пустовые души, нередко выпаханые, находилось мало и охотников, так как выгоднее было арендовать внеадельную землю: «прежде поили водкой тех хозяев, которые соглашались взять “пустовую душу”», – говорят крестьяне. В настоящее время обстоятельства изменились, но далеко не везде: лишь в 56 общинах, где земельные наделы с избытком окупают платежи, пустовые души большей частью сдаются миром в аренду с торгов и «верхи» идут на общественные нужды или уплату податей. В *Ставропольском* у., в татарских общинах государственных крестьян (надел окупает платежи), пустовые души обыкновенно сдаются в аренду своим или чужим зажиточным крестьянам, в некоторых удельных общинах разверстываются жеребьями и, если конкурентов много, цены на них устанавливаются торгами; в с. Верхнем Сенчилееве 29 сиротских душ сданы на 14 лет односельцу за 1400 руб., которые затрачены на устройство школы. В *Николаевском* у. в 16 общинах «пустоту сдают в аренду с торгов и деньги пускают в уплату недоимки за маломощных»; где отдают землю за подати, то лишь надежным хозяевам, исправным плательщикам; так, в с. Дмитриевском 70 наделов было роздано только сильным домохозяевам; то же имело место и в общинах Журавлихе и Щиграх; общины Славянская, Михайловская и Богдановская, «чтобы не обременять своих членов платежами, прибегают к раздаче пустовой земли на равных правах с однообщественниками сторонним лицам, долгое время проживающим в общине и могущим представить какие-либо гарантии в исправном отбывании платежей». В *Саратовском* у. выморочные и переселенческие наделы в общинах, где земля окупает платежи и где не практикуется частных переделов, в большинстве случаев сдаются в аренду членам общины. В *Воронежском* у. в некоторых общинах (рев. разв.) мироплатимые души сдаются в аренду (иногда по жребью). В *Острогожском* у. в общинах с ревизской разверсткой и где земля не окупает лежащих на ней платежей мироплатимая земля, по видимому, в большинстве случаев отрезается в «особняки» и отдается в аренду обыкновенно членам общины и нередко тем из них, души которых, как маломощных, находятся в этом самом особняке; разница между арендной (рыночной) ценой и платежами, лежащими на сдаваемой земле, разверстывается между наличными домохозяевами. В х. Подгорном Россошанской вол. на этих условиях сдаются выморочные наделы, что же касается наделов лиц, передавших часть своих участков на общество, то разницу между доходом общества за эту землю и лежащими на ней платежами пополняют хозяева, сдавшие землю на общество. В 1886 г. особняковой землей пользовалось

947 домохозяев уезда, снявших 3251 дес. за сумму 8547 руб. Особняки распространены во многих общинах и преимущественно ниже руб. Черной Калитвы, где крестьянские земли, благодаря последним неурожаям и скотским падежам, перестали окупать лежащие на них платежи. В сл. Екатериновке Лазиновской вол. 60 дес. мироплатимой земли сдаются в аренду. В *Богодуховском* у. в некоторых помещичьих и государственных общинах с ревизской разверсткой мироплатимые наделы сдаются в аренду, причем они часто попадают в руки влиятельных лиц. В *Борисоглебском* у. отдача снятых наделов в аренду с обращением дохода на общественные нужды встречается в общинах государственных крестьян и в большей части помещичьих. Сдача в аренду наблюдается также во многих общинах государственных крестьян *Лебедянского* у., в некоторых (госуд. кр.) – Тамбовского (в поволостных обзорах это встречается в 2 волостях), Козловского у., Моршанского (госуд. кр.). В *Трубчевском* у. по причине плохого качества почвы найдется очень мало общин, где бы мироплатимая земля охотно бралась не только за цену, превышающую платежи, но и за суммы последних (помещичья община Мякишево Уруччинской вол.). В *Миценском* у., напротив того, мироплатимая земля всего чаще эксплуатируется именно сдачей в аренду. В *Елецком* у. сдача в аренду также преобладает над другими формами пользования мироплатимой землей; она встречается преимущественно в общинах с ревизской разверсткой земли и имеет место в государственных общинах с. Красова Ястребинской вол., Власове (наличн. разв.) и Б. Хмелевке Афанасьевской вол., Слободке (нал. разв.) Соловьевской в., Аргамачье и Хмеленец (нал. р.) Ламской вол., Русской Казинке и Курдюкове Черновской вол., В. Слепухе (нал. р.) Кменской вол.; в помещичьих общинах с ревизск. разверсткой: Озерки, Бровки, Елизаветовка Краснополянской вол., Филипки Ястребинской вол., Васильевской – Становлянкой вол., Архангельской, Никольской, Знаменке, Барановке Афанасьевской вол., Михайловской – Ламской вол., Крутом – Казацкой вол.; в с. Липовке, Варваровке Васильевской, Камбаровке, Аленском Извольской вол., Красной Богато-Платовской вол., Озерках Воронежской и Сергиевских выселках Сергиевской вол. За немногими исключениями, когда арендная плата распределяется между всеми, она идет на удовлетворение общественных потребностей, причем в с. Знаменском арендной платой служит урожай зерна с надела, поступающий в общественный магазин, арендатор же довольствуется соломой; семена на посев получает от мира. В *Михайловском* у. убылые души сдаются в аренду за подати в 2 общинах крестьян-собственников с ревизской разверсткой земли: с. Остроухова Остроуховской вол. и д. Павловки (поделили между желавшими взять их) Лухановской волости за подати; а в д. Шепелевке (соб., рев. разв.) Горностаевской вол., по жребью, за подати плюс 2¹/₂ руб. верхов. В одной общине государственных крестьян Новопанской вол.

в аренду сдаются лишние наделы, оставшиеся после передела. В *Курском у.* (рев. разв.) выморочные наделы сдаются в аренду на покрытие общественных расходов. В *Старооскольском у.* наделы переселенцев Орликовской вол. (пом., рев. разв.) сдаются за повинности. В *Белгородском у.* (рев. разв.) мироплатимые души и другая общественная земля сдается в аренду в общинах государственных крестьян: сл. Важевой (25 пустовых душ по 10–15 руб. за десятину и 32 дес. пашни, недавно распаханной миром), с. Разумного (10 мироплатимых душ за 40–50 руб. и 245 дес. распаханной земли – с обращением дохода на постройку церкви) Старогородской вол., в с. Ровенек Никольской вол. (наконечники, оставшиеся от передела, сдаются по 3 руб. дес.); в помещичьей общине д. Тавровой Пушкарской вол. выморочные наделы ежегодно сдаются отдельным хозяевам. В *Тимском у.* (рев. разв.) мироплатимые наделы, находящиеся в немногих общинах, или переделываются между всеми, или сдаются в аренду на покрытие мирских расходов. В *Новооскольском у.* (рев. разв.) общины помещичьих крестьян: Ольшанской вол. с. Ольшанка, сл. Воскресенская и х. Алеевка – первые две, занимающиеся главным образом кустарными промыслами, д. Морквина Чернянской вол., с. Троицкое Троицкой вол. и государственных: Макешинка, Боровково Слоновой вол., сл. Велико-Михайловская и Покрово-Михайловская – обе с развитыми кустарными промыслами. В *В. Михайловской вол.* сдают мироплатимые души в аренду (обыкновенно местным крестьянам), сл. Ольшанка, Морквина, Боровково, Макешинка и Троицкое – за подати, остальные (а также сл. Слоновая – запольную землю и х. Гринево – углы) – по вольной цене, при этом в х. Алеевка они сдаются в аренду с торгов и, кроме того, общество ежегодно требует с хозяев наделов (поселившихся в Кубанской обл.) по 2–5 руб. с души, мотивируя требование тем, что они не отбывают натуральных повинностей, и грозя в случае невыполнения требования не прислать паспорта; излишки выручки, за уплатой податей, поступают здесь (как и в сл. Воскресенской) в сельскую кассу. 170 «сиротских душ» (так называются здесь наделы выбывших: вымерших или переселившихся дворов) сл. Покрово-Михайловской нарезаны в участке, находящемся за 60 верст от села, в Воронежской губернии, и сдаются тамошним крестьянам. Сл. В. Михайловка свои 835 мироплатимых душ нарезала в заполье и сдает в аренду по мелочам или в одни руки местным крестьянам с правом производить на земле посевы ежегодно, деньги поступают в волостную кассу. Одно из 3 обществ, на какие распадается В. Михайловская община, в начале 80-х годов разделило свою долю убылых душ между всеми домохозяевами; в случае возвращения переселенцев назад их сажают до переверстки на заполье или дают надел неисправного плательщика, а последнего переводят на заполье. В *Калязинском у.* в местностях, где землей дорожат, упалые души разделяются между лицами, заявившими желание пользоваться ими. В *Петербург-*

ском у. сдача выморочных наделов в аренду в строгом смысле слова встречается редко (например, в Московской волости); чаще всего в русских селениях они передаются желающим пользоваться ими за подати (см. Муринская вол., Полюстровская, Московская); это наблюдается и в финских общинах, причем за неимением желающих взять надел из среды общинников он предлагается лицам, приписанным к волости и даже посторонним. В *Петергофском* у., если убылые души не наваливаются на кого-либо насильно, они сдаются желающим за повинности, иногда с исключением подушного оклада. В *Гдовском* у. мироплатимые наделы иногда сдаются желающим за подати; в *Узьминской* вол. 19 наделов сданы таким образом даже посторонним («лифляндцам»).

4. Отдача мироплатимых наделов безземельным и малоземельным членам общества. В *Елизаветградском* у. (рев. разв.) мироплатимые наделы всего чаще или сдаются малоземельным – большесемейным членам общины (если делами заправляет партия бедняков), или (если общество «недружное») захватываются «дукарями» (богачами). В *Александрийском* у. в некоторых общинах с ревизской развер., преимущественно у военных поселян, выморочные или сиротские наделы отдаются мало- и безземельным крестьянам, даже чужим, на время или навсегда; при этом распределение земли между нуждающимися делается не по раз установленной схеме, «а как бы случайно, хотя при раздаче земли общество обращает внимание не только на степень нужды хозяина, а и на его качества: честность, полезность для общества»; нередки случаи захвата выморочных и сиротских наделов «богатырями» и общественными заправилами; в большом с. Елизаветградке (2322 надела) общество желает отобрать выморочные наделы и участки умерших братьев и отцов у наследников и раздать безземельным; частью оно это и сделало; ссоры из-за урегулирования земельных отношений приводят к распадению этой общины на две. В *Тираспольском* у., в государственном с. Ново-Александровском (новое, ревиз. разв.) выморочные наделы сданы лицам, принятым в общество; в государственном с. Суклея (новое, рев.) в 1874 г. они разверстаны между «новорожденными». В помещичьих общинах выморочные наделы сначала, когда землей не дорожили, общество давало посторонним, которые владеют ими и по сие время; теперь если и сдают посторонним и своим безземельным, то лишь во временное пользование. В *Херсонском* у. 22 общества отдают выморочные наделы новым членам, причисленным Казенной Палатой и принятым в общество, 14 обществ отдают их своим дворовым, актовым и перечислившимся в мещане, 6 общин – неревизским новорожденным¹, 2 общества – нуж-

¹ 4 общества б. помещичьих крестьян, с. Ново-Петровка б. государственных (где 293 новорожденные малолетки получили убылые наделы в 1886 г.) и посад Покровские Копани (произведено наделение «новорожденников» в 1885 г.).

дающимся в земле, 2 общества – благонадежным членам союза. В *Мелитопольском* у. в гос. с. Владимировке (рев. разв.) убылые надельные участки сдают в аренду многосемейным (за сумму, превышающую платежи); помещичья община Нижний Рогачик (рев. разв.) в 1880 г. признала свое право распоряжаться убылыми (выморочными) наделами, отняла их (22) у богачей, завладевших ими всеми правдами и неправдами, и отдала на 5 лет 44 многосемейным хозяевам (по $\frac{1}{2}$ надела на семью) за подати с тем, чтобы через 5 лет сделать новое их перераспределение. В *Феодосийском* у. в государственной общине Изюмовке (русс., ревиз. разв.) Салынской вол. 11 убылых душ (из 25) отданы семьям с большим числом наличных душ и малым – ревизских; отдача мироплатимых душ нуждающимся в земле за подати наблюдается и в других христианских общинах Крыма. В *Ростовском* у. (рев. разв.) 3 общины помещичьих крестьян отдают выморочные наделы безземельным; в гос. с. Сакмарк 23 выморочных надела отданы отпусчным и бессрочно-отпусчным солдатам. В *Бахмутском* у. известны следующие случаи сдачи выморочных душ без- или малоземельным крестьянам: в д. Марьино Петровской № 2 волости и в некоторых общинах Петровской № 1 волости выморочные души сдаются подросткам, не вошедшим в ревизию; в некоторых селениях Авдотьинской вол. – безземельным; в некоторых деревнях – солдатам, приписанным к обществу без права на надел; кое-где безземельным солдатам отдаются и сиротские наделы. В *Ставропольском* у. в некоторых удельных общинах мироплатимые души отдаются бесплатно или за деньги прибывшим из военной службы. В 16 общинах (рев. разв.) *Николаевского* у. пустовую землю не дают неревизным из опасения, что они не сладят с платежами, но сдают ее в аренду, а деньги обращают на уплату недоимки за маломощных. В *Бузулукском* у. в 5 общинах обрезки поля, оставшиеся при переделе, предоставляются по $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{4}$ дес. в поле в бесплатное пользование вдов и сирот. Община Ново-Спасская Николаевского у. постановила было в 1884 г. дать 18-летним неревизским ребятам 30 пустовых душ, да через год опять их отобрала: «жалко стало сильным». В *Воронежском* у. некоторые общины (рев. разв.) отдают мироплатимые души безземельным, образовавшимся вследствие семейных разделов; другие распределяют («кому десятину, кому $\frac{1}{2}$ дес.») между семьями, имеющими много едоков; третьи отдают бесплатно беднякам, старикам и т. д. В *Богодуховском* у. в помещичьих общинах (рев. разв.) мироплатимые наделы дают иногда дворовым и николаевским солдатам за подати. В *Трубчевском* у. в некоторых общинах мироплатимые наделы служат для изменения неравномерности землепользования, свойственной ревизской разверстке; в удельной общине Котовке Семячковской вол., в общинах собственников с. Ревно, х. Андреевского Пролысовской вол. мироплатимые наделы «препоручаются» малоземельным и многосемейным, даже безземельным (с. Ревно) хозяевам; в некоторых общинах при ко-

ренных переделах по душам мужского пола последнего времени земли, предназначенные для отсутствующих членов, отдавались до их возвращения семьям-«бессыновникам» или имеющим много лиц женского пола; это имело место в удельных общинах с. Селец Селецкой волости, Чуркине и Молчанове – Семячковской вол.; в последний раз «за эти надельные взимается на общественные расходы по 1 руб. в год»; в Поровичах (той же волости) такие надельные сдаются по усмотрению общины кому-либо из общественников. В *Елецком у.* немалым распространением пользуется отдача мироплатимых надельных кому-либо из общественников, нуждающихся в земле. Иногда это делается в целях призрения, как, например, в помещичьей общине Филипки Ястребинской вол. мироплатимый надел отдан местному крестьянину с обязательством содержать безродную старуху из дворовых; в общине дарственников, Н. Никольском, выморочный надел передан бесплатно одному из поселенцев на 5 лет; сюда же, вероятно, относится и случай передачи мироплатимого надела безземельной вдовы в помещичьей общине Семеновской Краснополянской вол. В некоторых общинах мироплатимые надельные служили для наделения безземельных солдат, отсутствовавших при первоначальной разверстки земли, как это имело место, например, в помещичьей общине Елизаветовке Краснополянской волости, и государственных: русской Черновке, малорусской Черновке Черновской вол.; чаще же они употребляются для исправления тех недостатков в распределении земли между семьями, какие произошли по причине продолжительного отсутствия переделов, т. е. передаются за подати многоземельным и малоземельным крестьянам; это имеет место, например, в помещичьих общинах: Бровках и б. Выселках – Краснополянской вол., Выглядовке и Дмитриевке – Ястребинской вол., Алексеевке – Соловьевской вол., Сергиевских выселках, Орловке и Анненском – Сергиевской вол. В последних 2 общинах мироплатимые надельные были розданы несколько лет назад семьям, глядя «по кормежу», т. е. по числу членов семьи обоюбого пола; в Дмитриевке передачей 8 выморочных наделов на 1–2 года то тому, то другому из нуждающихся хозяев предупреждается настойчивое требование коренного передела со стороны малоземельных. В *Белгородском у.* (рев. разв.) в одной помещичьей общине Бессоновской вол. мироплатимые надельные отдаются работникам, родившимся после ревизии; в Казацкой слободе (гос.) Болховецкой вол. выморочные и переселенческие надельные назначаются для без- и малоземельных, в д. Устинки (гос.) Никольской волости выморочные надельные – николаевским и александровским солдатам. В *Корочанском у.*, в Пригородной вол. (госуд., рев. разв.) мироплатимые надельные отдаются членам общины по усмотрению мира, главным образом «сиротам» на прокормление, а при накоплении большего их количества разверстываются между наличными хозяевами по ревизским душам. В *Новооскольском у.* в нескольких общинах помещичьих кре-

стьян (рев. разв.) мироплатимые наделы сдаются по усмотрению общества малоземельным однообщественникам за подати; таковы с. Холонь (429 убылых душ распределяются между нуждающимися крестьянами), д. Юрьевка (42 надела – нуждающимися и в то же время исправными плательщиками) Холуйской волости, сл. Николаевка Слоновской вол. В *Раненбургском у.*, в с. Гагарине (вр. об., рев. разв.) наделы переселенцев отданы многорабочим – малоземельным членам общины. В *Михайловском у.*, в одной общине государственных крестьян Плахинской вол., 5 наделов, оказавшихся лишними при переделе по наличным душам, отданы некоторым крестьянам и вдовам. Сюда же, вероятно, относятся и те общины помещичьих крестьян *Борисоглебского у.*, кои снятые наделы или их части передают отдельным хозяевам на срок или бессрочно; иногда, особенно в общинах государ. крестьян, упалые наделы отдаются сиротам, бобылкам и употребляются на другие благотворительные цели, преимущественно общественного призрения. Во многих общинах государственных крестьян *Лебедянского у.* мироплатимые души отдаются нуждающимся в земле, в *Козловском у.* иногда – вновь принимаемым в общину членам или солдатам. В *Тамбовском у.* небольшое число мироплатимых наделов в общинах государственных крестьян иногда передается малоземельным, чаще всего солдатам старой службы или их детям (из поволостных описаний видно, что случаи этого рода встречались в 4 волостях). В *Темниковском у.* у государственных крестьян свободные наделы иногда отдаются прибылым дворам. В *Шацком у.* у государственных крестьян свободные наделы отдаются малоземельным дворам, исправным в отбывании повинностей. В *Елатомском у.* у государственных крестьян свободные наделы (их очень мало) отдаются малоземельным крестьянам. В *Лаишевском у.*, судя по приводимым случаям, в некоторых общинах с ревизской разверсткой земли наделы, снятые с несостоятельных хозяев и освободившиеся иным способом, передаются подрастающим парням или большим семьям.

5. Навалка земли на сильных хозяев и частные ее переделы (свалка-навалка)¹. В *Херсонском у.* общество иногда насильно накладывает наделы слабосильных и неплательщиков на исправных хозяев; чаще это практиковалось в прежнее время. В *Бердянском у.* с. Дмитриевское (гос.) Покровской вол., образованное в 60-х гг. русскими выходцами из Турции, произвело в 1871 г. передел земли по наличным душам и с тех пор каждые 5 лет наделы умерших и отсутствующих членов разверстывает между всеми домохозяевами. В *Днепропетровском у.* с. Константиновке (гос., старожилы) Каирской вол., совершившем в 1873 г. общий передел земли по наличным душам, в 1884 г. наделы умерших и не живущих в селении переданы семьям, у которых с 1873 г. прибавилось

¹ См. также гл. II.

душ. В *Мелитопольском* у. в с. Владимировке (гос., новое, рев. разв.) умершие души обыкновенно отдаются многосемейным. В Сборнике по *Славяносербскому* у. о распоряжении общества свободными наделами вообще, в том числе и о частных коренных переделах, специально не говорится; но кое-что об этом можно извлечь из разных мест описания: редко по помощи частных переделов; указано по 3–4 общины помещичьих и государственных крестьян, через 1–2 года совершающих уравнивание землепользования по работникам или по живым ревизским душам с присоединением неревизских работников; некоторые общины с ревизской разверсткой земли в последнее время отбирают наделы у недоимщиков и передают нуждающимся в земле аккуратным плательщикам. Для *Бахмутского* у. имеются следующие указания на частный передел: «Помимо коренных переделов как общих правил, обеспечивающих всем членам общины возможно равномерное пользование землей, – во многих общинах (почти исключительно с чисто ревизской разверсткой наделов) существуют правила или постановления частные, направленные к той же цели. Мы говорим о так называемой “свалке” и “навалке” наделов». Многие общины, по своему почину или по просьбе малосильных и разорившихся семей, снимают с отдельных хозяев наделы целиком или частью и передают их в обязательное пользование до следующего передела или разверстки другим семьям, нуждающимся в земле и более исправным, а чаще отдают желающим взять их за уплату повинностей или за вольную арендную цену или, наконец, пускают в раздел между всеми домохозяевами; в помещичьем с. Клиновом Камышевахской вол. земля, остающаяся при переделе по живым ревизским душам (которым дается только их ревизская доля) вместе с лежащими на ней недоимками наваливается на состоятельных домохозяев; сиротские наделы в с. Петровском наваливаются на зажиточных крестьян. В *Саратовском* у. свалка-навалка душ практиковалась в широких размерах в общинах помещичьих крестьян, перешедших после освобождения к ревизской разверстке земли при условии, что земля не окупала платежей; свалка-навалка земли на работников или материально сильных домохозяев имела здесь целью уравнивание тягости, лежащей на земле, и обеспечение правильного поступления податей; впрочем, она продолжалась здесь и в то время, когда земля стала уже окупать платежи. Из общин, где земля всегда окупала платежи, некоторые (главным образом бывших государственных крестьян) тоже практиковали свалку-навалку душ, но уже с целью уравнивания выгод, связанных с использованием земель, и притом уравнивания приблизительного, касающегося лишь тех домохозяев, которые слишком отклонились в ту или другую сторону от средней нормы; ввиду небольшого числа освобождающихся или снимаемых наделов община не могла удовлетворить все требования на землю и приняла систему наделения свободными наделами неревизских работников и подростков, но

не малолеток. В *Хвалынском* у. целый ряд крепостных общин, принявших после освобождения ревизскую разверстку земли в то время, как последняя не окупала лежащих на ней платежей, в 70-х гг. стали практиковать свалку-навалку душ и таким образом постепенно перешли к разверстке по работникам. В последнее время, с вздорожанием земли и введением ее удобрения, частные переделы прекращаются и остаются главным образом в татарских общинах, которые отличаются низким состоянием своего хозяйства. Здесь, несмотря на хорошую почву надела, каждый старается уменьшить свой участок, общество снимает наделы с обессилевших семей или тех, которые поставили рекрутов, и наваливает их на богатых и не отправлявших воинской повинности; поэтому раскладка земли носит здесь скорее смешанный, нежели ревизский характер, и ни одна община не переделила землю по наличным душам. В *Самарском* у. в большей части общин земля не окупает платежей, и если нет желающих взять пустовые души добровольно, их наваливают на сильных хозяев, а при слишком большой обременительности платежей, когда все отказываются от пустовых душ, – они разверстываются между наличными семьями поровну или по дробной разверстке: 12-летние получают $\frac{1}{4}$ души, 15-летние – $\frac{1}{2}$ д., 17-лет. – 1 д., 18-лет. – $1\frac{1}{2}$ д., 70-летние освобождаются от участия в разверстке. Иногда пустовые души наваливают на хозяев, дети которых не служат в солдатах. В *Бузульминском* у. в 47 из 54 общин помещичьих крестьян (ревиз. раз.), состоящих на выкупе, земля с трудом окупает платежи и пустовые души каждые 1–2 года распределяются насильно между работниками или лицами, не записанными в ревизию. В *Бузулукском* у. только в 6 общинах государственных крестьян пустовые души не составляют бремени для крестьян и остаются в пользовании наследников; в 35 общинах, преимущественно помещичьих крестьян, они – сущее бремя, так как земля не окупает платежей; большая их часть наваливается на домохозяев сильных, т. е. обладающих большим числом рабочих или большим количеством скота; в некоторых общинах платежи за пустовые души раскладываются между всеми наличными домохозяевами поровну, причем земля иногда лежит в пустырях. В *Ставропольском* у. во многих помещичьих общинах, где надел не окупает платежей, пустовые души наваливаются на работников, подростков, даже малолеток (у дарственников ежегодно практикуется свалка-навалка душ, сопровождаемая переверсткой земли) или несутся общиной на себе. В некоторых помещичьих общинах снимается с семьи душа в случае, если кто-либо из ее членов отбывает воинскую повинность; наваливается на нее, если она имеет членов, избежавших военной службы. В *Суражском* у. среди государственных крестьян ежегодная свалка-навалка душ с целью поддержания равномерного распределения земли и освобождения малоземельных членов общины от непосильного податного бремени составляет очень распространенное явление.

ние; среди помещичьих крестьян она встречается редко и исключительно с целью устранения или предупреждения накопления недоимки; надел здесь снимается или с недоимщиков, или с семей, поставивших кого-либо из своих рабочих членов в солдаты. В *Острогожском* у. в некоторых общинах с ревизской разверсткой мироплатимые наделы путем «свалки» и «навалки» постоянно перемещаются по разным хозяйствам; в некоторых они даются мало- или безземельным семьям, солдатам; так, в х. Гирлы (собств.) Шапошниковской вол. все достигшие 18 лет обязательно получают их; в х. Крутец (гос.) Евдаковской вол. при переверстке в 1884 г. хозяева, имевшие большие семьи при малом числе ревизских душ, получали по 3–4 лишних надела. В *Трубчевском* у. в одних общинах частные переделы производятся с целью пристроить освободившиеся участки, и в этих случаях их передача другим, сильным хозяевам нередко совершается против желания последних; это имеет место в общинах с ревизской разверсткой: Яковской (удельная, 7 мироплатимых наделов от лиц, ушедших на сторону) Уручьиной вол.; удельных деревень: Герасимово (наделы «ослабевших»), Денисово (ослабевших и живущих на стороне), Новая Погощь (недоимщиков и ослабевших), помещичьей общине с. Чухраи (наделы недоимщиков) Краснослободской вол. В сложной общине удельных крестьян с. Ямное и ст. Погощь (наделы недоимщиков) Пролысовской вол., в помещичьих общинах той же волости – Мостка и Пролысово – сильным хозяевам переданы наделы лиц, от которых отказались их хозяева. Кроме этих случаев частных переделов, более или менее случайных, встречаются общины, где свалка-навалка имеет целью уравнивание членов общины в пользовании выгодами землевладения, причем она совершается или спорадически, или правильно – систематически и иногда мало чем отличается от общего коренного передела. Так, община удельных крестьян д. Щетинина Семячковской вол. в 1882 г. обмершие наделы и участки лиц, живущих на стороне, передала лицам мужского пола, родившимся после ревизии; община государственных крестьян д. Исаевки Селицкой волости в 1884 г. постановила приговор: «Находящуюся во владенной записи землю разделить на 12 лет на состоящих в ревизии крестьян мужского пола, а домохозяевам, стесненным в прокормлении семейств, добавить по одному наделу, а умерших из счета исключить»; при исполнении приговора допущены были некоторые отступления: наделы отбирались только у «неимущих», на том основании, что их земля требует большого количества удобрения, что они не в силах этого выполнить и потому земля их должна будет «запустовать». В помещичьей общине д. Смелиж Краснослободской вол. свалка-навалка душ происходит ежегодно: первоначально она состояла в снятии наделов с хозяев, уходивших на сторону или не бывших в состоянии безнедоимочно нести лежащие на них платежи, причем снятые наделы «наваливались» на более сильных хозяев,

обыкновенно – против их желания; последние 2 года общество стало снимать надельные вообще со всех тех семей, в которых «обмерла» часть ревизских душ, хотя бы эти семьи были и хорошими плательщиками, и передавать снятые надельные многосемейным хозяевам; при этом считается нормой, чтобы на каждого ревизского работника оставалось не менее 2 надельных, на ревизских же приходится неравно, глядя по усмотрению мира и количеству свободных надельных; установленным теперь порядком многие недовольны, говоря, что, «когда выкуп тяжел был – землю насильно давали, а теперь отнимают». В помещичьей общине Красной Слободке (дарственники) Краснослободской вол. свалка-навалка (снятие душ с «обмерших» и передача «нарожденным») происходит ежегодно с 1869 г., когда совершился передел земли по ревизским душам (до того времени участки, расчищенные отдельными хозяевами из-под кустов, были в их исключительном пользовании); в 1883 г. общество сняло души с многих семей, находящихся в продолжительной отлучке, и передало их другим; кроме того, 137 (из 430) душ переселенцев, исключенных из общества в разное время, разложены между оставшимися домохозяевами пропорционально числу имевшихся у каждого душевых надельных. В *Елецком у.* свалка-навалка душ практикуется 2–3 общинами государственных крестьян и около 25 бывш. помещичьих. За одним-двумя исключениями, все эти общины сохраняют старую разверстку земли; лишь в д. Плоты (соб., 55 дв.) Ястребинской вол. свалка-навалка надельных каждые 2–3 года практикуется со времени передела земли в 1872 г. по числу кормежных душ обоего пола, но сообразуясь с возрастом, и в д. Новоселки (соб., 94 дв.) той же волости в 1869 г. принята наличная разверстка земли (вместо бывшей до того тягловой) с тем, чтобы каждые 3 года производилась передача надельных от одних семей другим «по кормежу», по усмотрению общества. В этих общинах и еще в 4 помещичьих той же волости свалка-навалка душ производится правильно, более или менее периодически: именно в Огневе (42 дв.) с 1876 г. и Егорьевском (28 дв.) с 1872 г. ежегодно (в последнем принимая во внимание «кормежки»), в Пальне (46 дв.) – через 3 года, в Блинцовке (17 дв.) – постоянно (причем обращается внимание на «кормежки»); периодическая свалка-навалка, по-видимому, вводится в с. Покровском (соб., 78 дв.), где в 1884 г. с 15 хозяев снято 22 надельных и разложено на 32 домохозяина сроком на 6 лет. В остальных общинах свалка-навалка или производится неправильно (в д. Паниковец Воронежской вол., Семеновском и Александровке Краснополянской вол. она была по нескольку раз), или производилась всего по одному разу. В очень многих случаях, по-видимому, надельные снимаются и даются сообразуясь с потребностью семьи в пропитании, т. е. с кормежами, хотя и с преимуществом в пользу мужского пола. Кроме 4 вышеупомянутых общин, это известно для следующих помещичьих общин. В Ястребинской волости: в д. Выглядовке (20 дв.) в 85 г. сняты с

4 домохозяев $3\frac{1}{2}$ надела и переданы 7 домохозяевам, сообразуясь с кормежом; в другой общине – с. Егорьевского (33 дв.) еще в 1873 г. были попытки составить приговор о свалке-навалке «по несообразности кормежных душ с владеющими наделами», но в пользу его не набралось $\frac{2}{3}$ голосов; в 1884 г. такой приговор прошел большинством 22 голосов против 5; в д. Пальня при свалке-навалке обращается внимание на женский пол, хотя преимущество отдается мужскому; при существовании нескольких равноправных кандидатов на надел и необходимости сделать между ними выбор кидают жребий; отдающий часть надела может оставить за собой навозник, отдавая в других загонах вдвое больше; благодаря периодически повторяющейся свалке-навалке душ, община Пальни может не производить коренного передела земли, от которого она воздерживается, чтобы не ломать меж и не лишать навозников прежних владельцев. Опасение лишить старых владельцев навозников (хотя при свалке-навалке навозники здесь заменяются равным количеством другой земли), а также то обстоятельство, что некоторые семьи состоят из одних женщин, удерживает от передела и вышеупомянутую д. Блинцовку, практикующую зато свалку-навалку душ. Прямое указание на распределения снятых наделов по кормежу имеются и для с-ца Анненского (соб., 16 дв.) Сергиевской волости. В других случаях говорится просто о величине семьи как факторе, влияющем на свалку-навалку, – под каковым выражением можно понимать и одни души мужского пола. Во многих из этих случаев свалка-навалка носит, по-видимому, случайный характер, не преследует строго уравнения распределения земли, а делает в нем случайные и несущественные поправки. Это очевидно, например, в таких случаях, как помещичьи общины: Знаменская В. Дрезгаловской вол., Теплецкая и Анненская – Сергиевской вол., где распределению (по одному разу) подверглись наделы, снятые со вдов в 73, 78 и 80-х гг., или д. Озерки Краснополянской вол., где мир отобрал надел у сирот и до их совершеннолетия сдал многосемейному хозяину; в помещичьих общинах Тепленькой в 85 г., Елизаветовке в 80 г. – обе Сергиевской вол., Уваровке, Плоском и М. Полянке (переданная в казну) были случаи свалки-навалки одного или нескольких, немногих наделов. В с. Ново-Троицком Богато-Платовской вол. свалка-навалка произведена в 1872 г., по-видимому, довольно последовательно: при небольшой величине общины (в 85 г. было всего 57 дв.) с 13 малых семей было снято $14\frac{1}{2}$ наделов, которые и были переданы 14 многосемейным хозяевам. В 2 общинах государственных крестьян Каменской вол. свалка-навалка произведена в 1886 г.: в М. Слепухе с некоторых хозяев сняты умершие души (9) и переданы многосемейным по усмотрению общества, а в М. Баевке с ревизских хозяев снято 75 умерших душ, которые распределены между 138 душами, рожденными после ревизии. В *Миценском* у. свалка-навалка душ практикуется в 13 общинах быв. помещичьих крестьян, сохраняющих старую разверстку

земли, и во многих общинах (в том числе в одной общине государственных крестьян сл. Воротницкой Стрелецкой вол., в 1881 г. переделавшей землю по наличным душам сроком на 10 лет), совершивших коренной передел. Обычно наделы умерших душ передаются при этом старшим мальчикам. Из упомянутых 13 общин б. помещичьих крестьян это делается в 9 общинах по мере образования мироплатимых душ, в 4 общинах – через определенный промежуток времени: в одной общине – через 3 года, в 3 (с 1874 г.) – через 6 лет. Такая передача наделов умерших душ старшим мальчикам практикуется в промежутках между общими переделами также в нескольких общинах (преимущественно Долговской вол.), недавно перешедших на новые души. Д. Богдановка Никольской вол. *Тимского у.*, перейдя в 1870 г. от тягловой разверстки земли к наличной, постановила каждые 3 года производить уравнивание землевладения по наличным душам, однако первое время это уравнивание почему-то не производилось, а впоследствии, когда зашла о нем речь, – многодушники воспротивились, и крестьяне сожалеют, что своевременно не составили по этому предмету формального письменного приговора. В *Корочанском у.*, в Зимовенской вол. (соб., рев. разв.) пустовые души наваливаются на зажиточных домохозяев вместе с недоимкой, лежащей на переселенческих наделах, если же этих душ накопится много – разверстываются между наличными хозяйствами по ревизским душам. Кроме этих навалок в общинах той же волости (2 общины государств. крестьян, 16 – собствен. и 4 госуд., бывших помещ.) ежегодно в январе, феврале месяцах по получении окладных листов отбираются наделы у лиц, накопивших за истекший год недоимки, и передаются исправным плательщикам, сообразуясь с общим числом членов в семье и особенно – с числом работников. В *Новооскольском у.* свалка-навалка указана для 2 общин бывших помещ. кр. Троицкой вол. с ревиз. разверсткой земли: сложной из с. Троицкого и д. Михайловки и х. Шамраева (дарственных); в первой из них общество снимает наделы с недоимщиков и передает исправным домохозяевам еще со времени освобождения крестьян. В *Раненбургском у.* свалка-навалка с бедных и ослабевших членов общины на зажиточных практиковалась в первое время пореформенного состояния в 16 общинах помещичьих крестьян с ревизской (или наличной 1861 г.) и в одной общине с разверсткой земли по работникам (см. Карповскую, Ивановскую, Гагинскую, Троицкую, Никольскую вол.), в последнее же время она бывала иногда в с. Гагарином (вр. об., рев. разв.) Гагинской вол., где наделы умерших работников и ослабевших семей передавались, как и переселенческие, мало-земельным – многорабочим членам общины. В *Михайловском у.* правильная свалка-навалка практикуется 3 общинами собственников: Спасские выселки Горностаевской вол. (рев. разв.) постановили в 1865 г. на 6 лет приговор о передаче наделов умерших ревизских душ неревизским, сообразуясь с их воз-

растом и семейным составом; Рябцево и М. Дрогинка Малинковской вол. при переделе 1881 г. по наличным душам (на 9 и 15 лет) постановили ежегодно надёлы умерших передавать новорожденным. В *Данковском у.*, в 15 помещичьих общинах Хрущевской, Острокаменской, Спешневской, Ивановской, Одоевской и Знаменской волостей в первое время после освобождения крестьян существовала свалка земли с ослабевших хозяев (по их просьбе) и разверстка ее между всеми или передача зажиточным хозяевам – «новым» работникам, по их доброй воле или насильно. До настоящего времени свалка-навалка сохранилась у 4 из указанных общин (Ивановской и Знаменской вол.), причем две общины с. Татищева, сначала практиковавшие свалку-навалку с обессилевших на зажиточных, постановили в 1880 г. ежегодно в продолжение 10 лет передавать надёлы умерших старшим из неревизских мальчиков. Вновь появилась свалка-навалка у 5 помещичьих общин: в 3 общинах с ревизской разверсткой, одной с наличной и в одной – с разверсткой по работникам; в 2 общинах она стала практиковаться со времени передела земли, когда поставлен был приговор о передаче участков умерших душ: в с. Елизаветине (соб.) Лошаковской волости (принявшей в 1877 г. разверстку земли по работникам) – старшим из безземельных мальчиков, в с. Семичастном (вр. об.) Ивановской вол. (совершившем передел в 1879 г. по наличным) – ежегодно родившимся мальчикам; в остальных 3 общинах частные переделы появились в 1880 г. и в одной из них – Гаи Лошаковской вол. – надёлы умерших ревизских душ передаются старшим неревизским мальчикам, а в 2 общинах (Дристка Лошаковской вол., Крюкове Ивановской вол.) – неревизским, наиболее нуждающимся в земле (в Крюкове это производится ежегодно). В *Рязанском у.* обязательные для отдельных хозяев изменения в распределении земли в промежутках между переделами при подушной разверстке, когда землей, следовательно, дорожат все, не имеют широкого распространения и встречаются преимущественно в общинах государственных крестьян: это «передача участков умерших душ в одних семьях вновь народившимся в других» в 4 дер. (гос.) Астроминской вол., например, где земля распределена по рев. д., ежегодно бывают частные коренные переделы, состоящие в том, что надёлы умерших передаются «семьям с наибольшим числом малолеток, отдавая предпочтение мальчикам перед девочками». Некоторые общины, установив продолжительный срок для общего коренного передела, назначают и сроки частных (например, через 3 года); если в назначенный промежуток времени в семье, где есть умерший, народится новый член, земля остается за ней. В общинах с тягловой разверсткой земли свалка-навалка душ практикуется в широких размерах и имеет целью передачу земли от одной семьи другой сообразно их изменившемуся рабочему составу и экономической мощи; она производится обыкновенно каждый год.

В *Тамбовской* губ. у государственных крестьян частные коренные переделы встречаются очень редко; они наблюдаются, например, в 1–2 общинах *Курсановского* у. в форме снятия ревизских наделов с ослабевших семей и передачи их тем, у которых подросли работники; с. Подвигаловка стало снимать наделы умерших работников и передавать их малоземельным семьям в последнее время, когда предложение общего передела по наличным душам не получило поддержки законного большинства. В с. Болотове *Черепянской* вол. *Лебедянского* у. практикуется передача наделов от одних семей другим. Среди помещичьих крестьян черноземных уездов частные переделы встречаются также редко; что же касается получерноземных или нечерноземных уездов, то в зависимости от ценности наделов здесь наблюдаются большие или меньшие отступления от ревизской разверстки земли, параллельно которым развиваются и частные коренные переделы, как преследующие цель приведения размеров владения землей каждой семьи в соответствие с ее платежной силой; первое время по освобождении такие переделы были очень распространены, в настоящее время они постепенно сокращаются (см. главу II). В *Борисоглебском* у. небольшая община бывших дворовых д. Поянской *Сукманской* вол., получившая землю от своего владельца в дар и разверстывающая ее через 6 лет по ревизским душам, в промежутках между переделами «равняет» домохозяев, сваливая землю с убылых душ и наваливая на прибылые. В *Лебедянском* у., в общине с. Троекурова, с 1875 г., когда за многими крестьянами, разорившимися от взыскания по невыполнению издельной повинности и от пожаров, образовались недоимки, сельский сход во избежание дальнейшего их накопления стал ежегодно отбирать у недоимщиков часть наделов и передавать их другим. В *Тамбовском* у. в первое время по освобождении крестьян свалка-навалка практиковалась немногими общинами, а теперь она сохранилась всего в 3–4 общинах (в д. Горках наделы умирающих передаются подрастающим работникам, в М. Талинке перекладка наделов производится сообразно изменениям рабочих сил семей). В *Курсановском* у. частные переделы в прежнее время были общераспространенным явлением среди помещичьих крестьян и в настоящее время они встречаются довольно часто; из поволостных обзоров видно, что в 6 волостях ревизская раскладка земли дополняется ежегодной передачей наделов умерших лиц или стариков подрастающим работникам; в *Оржевской* волости такой передачей, по-видимому, поддерживается разверстка земли по работникам. В *Моршанском* у. свалка-навалка сохранилась еще больше; она бывает ежегодно чуть не во всех общинах, но касается самого незначительного числа семей – очень уж нуждающихся в земле или несостоятельных в уплате податей – и не сопровождается жеребьевками; при этом приходится прибегать к различным средствам соглашения мало- и многоземельных; кое-где последние отдают надел

за какое-нибудь вознаграждение; обыкновенно же, где крестьяне дорожат землей, новые работники или вернувшиеся со службы солдаты получают наделы неплательщиков. В с. Малая Морша ежегодно практикуется уравнивание наделов, главным образом, по едокам, частью по работникам. В *Темниковском* у. в немногих общинах помещичьих кр., принявших разверстку земли по работникам, ежегодно при раскладке податей лишние наделы снимаются с одних хозяев и передаются другим. В *Шацком* у. наделы теперь снимаются лишь с обессилевших семей; из поволостных обзоров видно, что частая, иногда ежегодная скидка-накидка наделов практикуется у какого-нибудь полутора десятка общин, сопровождаясь в некоторых из них жеребьевкой. Община временно-обязанных кр. Арги (66 дворов) Н. Березовской вол. каждые 10 лет уравнивает наделы (на ревиз. д. 2,4 дес., на работника 3,8 дес.) по едокам. В *Спасском* у. бывают только частные изменения разверстки земли, заключающиеся в передаче части наделов несостоятельных семей хозяевам, у которых подросли работники. В *Елатомском* у. свалка-навалка душ у помещичьих кр. «повсеместно более или менее часта, но касается небольшого числа хозяев»; основанием для отобрания надела служит факт убыли у семьи работника, но если состоятельность ее от этого не уменьшается, то обыкновенно она сохраняет весь свой надел; для получения лишнего надела требуется также состоятельность в уплате податей. В *Тетюшском* у. из 47 общин помещичьих крестьян, практикующих ревизскую разверстку, в 38 констатировано существование переверсток, при которых «основанием для изменения числа душ во дворе служит изменение в рабочем составе двора, причем принимается во внимание иногда не только мужская, но и женская сила»; в одной общине переверсток нет, про остальные 8 неизвестно. В *Казанском* у. частные переделы «для некоторого уравнивания между отдельными дворами» практикуются во многих общинах с ревизской разверсткой земли. В *Кошцаковской* вол. переверстки (частные переделы) у помещичьих, государственных и удельных крестьян практикуются почти ежегодно, но лишь относительно небольшого числа хозяев и в случаях образования «пустых» душ вследствие старости, смерти хозяина или его ухода в солдаты, на заработки, если при этом хозяйка не в силах управлять землей; принудительное же снятие с надела производится только за неисправное отбывание повинностей; изменение в распределении земли иногда ограничивается тем, что 2 хозяина, у которых изменилось число душ, просто меняются участками, что делается всегда с ведома и согласия мира. В *Лаишевском* у. частные коренные переделы встречаются при системах разверстки земли по работникам и по ревизским душам. Из 22 общин, принявших раскладку по работникам, о которых на этот счет имеются данные, частные переделы практикуются 7 помещичьими общинами: 5 периодически, 2 в случае большого накопления «пустующих»

душ. Относительно 206 общин с ревизской разверсткой земли известно, что 100 из них не производят «равнения» пашни ни в качественном, ни в количественном отношении, 32 (30 б. помещичьих, одна удельная и одна государственная) практикуют частные коренные переделы. 30 ограничиваются жеребьевками, относительно 44 сведений не имеется. Из приведенных в материалах 6 примеров видно, что снимаемые (большой частью, по-видимому, с несостоятельных дворов) или другим способом освободившиеся наделы отдаются состоятельным дворам, подросткам, семьям с большим числом душ обоего или женского пола; в двух из указанных общин перекладка наделов бывает ежегодно, причем в одной из них «мир руководствуется изменениями в рабочих силах семей: если подрастает парень, то стоит на очереди и ему дается первый освободившийся надел; иногда миром отдают землю и таким домохозяевам, у которых нет парней, но много девок и вообще семья велика».

В *Макарьевском у.*, за исключением 35–40 общин, уравнивание членов общины в землепользовании достигается при помощи частных переделов, производящихся в неопределенные сроки, по мере освобождения наделов (см. с. 340–342). В *Васильском у.* частный передел в виде передачи участков умерших душ безземельным членам практикуется 110–120 общинами б. владельческих крестьян (см. с. 342–343) и 15 общинами государственных крестьян, совершившими общий коренной передел по наличным душам; в 3 из этих последних общин «мертвая» душа передается кому-либо по усмотрению общества, в 11 – старшему безземельному подростку, причем в 4 общинах если в семье умерших имеются безземельные члены, то часть освободившегося надела или он весь, по усмотрению общества, передается этим последним, хотя бы по возрасту они и не состояли на очереди. В *Княгининском у.*, где общий передел земли со времени X ревизии имел место в 40–50 общинах из 336, уравнивание членов общины в пользовании землей в остальных общинах (за исключением немногих, не производящих этого уравнивания) достигается при помощи частных переделов (...). В *Вяземском у.* в первое время после реформы, когда от земли бежали, свалка-навалка была общераспространенным явлением и в громадном большинстве деревень практиковалась ежегодно; там, где брошенную землю не на кого было наваливать, – она разверстывалась между всеми. С течением времени, с возвращением в населении интереса к земле, частные переделы становятся реже. В настоящее время найдется всего около 20 деревень, где подрастающие работники непременно получают землю – если нет упалых наделов, то из-под деревни; в остальных они ждут свободных участков. Обязательное сваливание надела по выходе из рабочего возраста встречается чаще: именно в меньшей половине общин, практикующих тягольную разверстку, «сплошь и рядом старик удерживает за собой надел до смерти, даже если плохо начинает осиливать обработку его и отбы-

вание платежей». В *Калязинском у.*, благодаря принятым там системам разверстки (см. с. 451), частные переделы составляют весьма распространенное явление: из 668 общин, о которых имеются сведения, в 234 большая или меньшая равномерность в распределении земли поддерживается исключительно частными переделами, и в них не было общих переделов даже при X ревизии или освобождении крестьян от крепостной зависимости. В *Петербургском у.* в финских селениях насильственное наваливание выморочных душ встречается в виде исключения; в *Петергофском у.* этот способ распоряжения упальными наделами очень распространен. В *Шлиссельбургском у.* среди помещичьих крестьян Путиловской вол. (русские) со старой разверсткой земли, во всех деревнях бывает «снос» душ со дворов, бессильных в деле уплаты податей, и «нанос» их на состоятельных; в 3 удельных общинах той же вол. бывает ежегодное равнение земли по работникам (16–60 лет) путем передачи освободившихся душ новым работникам. Если освободившейся земли на всех работников не хватает, то «староста без всяких приговоров отводит новым работникам во всех угодьях небольшие клочки, бывшие в общем пользовании крестьян». Названные села занимаются плитным промыслом, а свои наделы сдают в аренду, и «большинство домохозяев даже не знает, где нарезана отведенная им земля». В *Гдовском у.*, где земля распределена между семьями по рабочей силе, наделы неплательщиков община «наваливает» на сильных домохозяев или разделяет между всеми пропорционально их рабочей силе. О частных переделах в *Лужском у.* см. гл. IV.

Глава VIII

Порядки качественного уравнения землепользования и удовлетворение сельскохозяйственных требований.

Влияние порядков общинного владения на удобрение полей

До сих пор мы имели дело с такими проявлениями общинных порядков, которые имели целью количественное управление членом союза в пользовании преимуществами или тяготами, связанными с владением землей. Эта цель достигается, как мы знаем, при помощи общих или частных коренных переделов угодья. Сказанным, однако, не исчерпывается вмешательство общины в землепользование ее членом. Во-первых, мирская земля является в глазах общества не с одним только признаком протяжения, вызывающим разверстку площади надела между членами союза по тому или другому началу, обеспечивающему правильную пропорциональность между силами или потребностями семьи и величиной достаемого ей участка; она есть в то же время площадь в большинстве случаев разнокачественная,

почему для правильного ее распределения между всеми недостаточно принимать во внимание одно лишь ее протяжение, а необходимо озаботиться, чтобы участки отдельных лиц представлялись по возможности равноценными. Во-вторых, общинный союз, помимо специально экономических, преследует сельскохозяйственные и другие цели, каковая задача требует, в свою очередь, соответствующих мероприятий. Таким образом, изучение порядков общинного владения землей не может остановиться на выяснении идеи коренных ее переделов, и настоящая глава посвящена некоторым другим, еще не рассмотренным сторонам жизни общины.

Из того, что мы сейчас говорили, видно, что задача общины в отношении распределения между ее членами земли может быть сформулирована таким образом: наделение всех членов общины равноценными участками с возможным удовлетворением при этом сельскохозяйственных целей. Требования сельскохозяйственные и специально экономические частью соответствуют, частью противоречат друг другу, и в последнем случае общине приходится выбирать между теми и другими или прибегать к компромиссу. Ради удовлетворения сельскохозяйственных целей община разбивает пахотную землю на 2–3–4, а в последние годы, с введением травосеяния, на 6 полей соответственно двух-, трех-, четырех- и шестипольному севообороту, практикуемому на своих полях крестьянами. В видах возможного уравнивания членов общины в пользовании всеми особенными свойствами земли, пахотный участок разбивается на части, различающийся по своим особенностям, и в каждом из этих участков получают свою долю все совладельцы. Вследствие этого та чересполосица владений, которая является результатом разделения мирской земли на несколько полей в целях сельскохозяйственных, значительно усиливается благодаря еще большему раздроблению каждого поля уже в интересах строгого уравнивания. Невозможность достигнуть этого уравнивания путем простого разбития каждого поля на части по числу участвующих во владении лиц и необходимость прибегать для этого к более сложным приемам обуславливается тем, что – при растянутости наделов как результате частью большой величины поселения, частью расположения его на одном конце надела, – в одной (центральной черноземной и степной) полосе России и при разнокачественности почвы и неправильности ее рельефа в другой части, – наделение каждого члена общины сплошным участком, по площади равным участку другого, поставило бы лиц, получивших отдаленные от усадьбы или плохие по качеству участки, в невыгодное положение сравнительно с их односельцами, почему в этом случае представляется необходимым принятие мер, имеющих целью устранение неравенства, проистекающего из указанных топографических и почвенных условий. Здесь возможно применение двух способов уравнивания: во-первых, его можно достигнуть, сохраняя

начало распределения земли по возможности сплошными участками, – путем такой правильной и точной расценки каждого клочка угодья, чтобы возможно было восполнить качественные недостатки известных участков соответствующим увеличением их площади; во-вторых, та же цель будет достигнута разделением угодья по качеству и расстоянию от усадьбы на крупные части, в каждой из которых должны получить свои доли все совладельцы. Первый способ значительно труднее второго, почему последний находит себе применение при размежевании даже частного владения, например, в Германии. Тем естественнее ожидать его применение на общинных землях в России, где распределение земли между совладельцами обыкновенно производится средствами самих крестьян, без помощи развитого искусства, применяемого к размежеванию земли в Западной Европе.

К указанному способу расчленения угодья крестьяне нередко прибегают и в тех случаях, когда качество почвы допускало бы разверстку земли сплошными участками, например, в южных степях, причем таким расчленением они надеются равномернее распределить между всеми атмосферические влияния. В *Мелитопольском* у., например, «дождь обыкновенно идет полосами; нередко поэтому одна половина мирских полей страдает от полной засухи, а другая вымокает от частых дождей. Поэтому даже при одинаковом качестве почвы оказывается необходимым разбивать пашню на большое число столбов». Введение чересполосицы в *Елизаветградском* у. частью объясняется также надеждой крестьян, что «если не то, так другое место зацепит дождик, и ровнее будет урожай». В *Ставропольском* у. «если бы загон был в одном месте, говорят крестьяне, то дождик, пожалуй, его не помочит, а если в разных, то, глядишь, 2–3 загончика и покропит». Другой способ уравнивания земельных участков членов общины – восполнение качественных недостатков увеличением площади – тоже находит себе применение в общине, но уже в качестве второстепенной меры. В *Московской* губернии, например, указанное средство повсеместно применяется по отношению: а) к полосам, лежащим вдоль дороги и подверженным поэтому заминкам от разъездов и объездов при встрече подвод, а также от поворотов; б) к полосам, прилегающим к лугу и поэтому подверженным потравам; в) к головным полосам, т. е. крайним полосам яруса, в которые упираются концы полос другого яруса: при обработке этих последних головные полосы будут затаптываться, так как на них производится поворот лошадей. Все перечисленные полосы делаются шире, к ним прирезывается от одного до четырех аршин лишней земли, как говорят: «барыш на утолоку», «на прибой», «на заминку», «на убыток». В некоторых общинах хозяин, получивший на свою долю захужалую или истощенную полосу, вознаграждается денежной приплатой от мира (Орлов, гл. II). Подобные же средства уравнивания практикуются и в других местностях.

Итак, равномерное распределение пахотной земли между членами общины обыкновенно достигается путем дробления ее на большее или меньшее число «столбов», «ярусов» и т. п., в каждом из которых получают свою долю все совладельцы. Число этих частей зависит, как мы это сейчас видели, от многих причин: принятого севооборота, величины поселения и размера надела, степени разнокачественности почвы, правильности топографического очертания надела и его рельефа и т. д. В местностях, где господствует переложная или неопределенная система хозяйства, где, следовательно, еще не введена правильная смена полей и при этом отсутствует регулирование сельскохозяйственной деятельности отдельных лиц со стороны мира, там при небольшой величине поселения или при малом и притом однокачественном наделе представляется возможным отвести каждому хозяину весь его пахотный участок в одном месте. Такие случаи встречаются довольно часто в южной степной полосе (см. *Херсонский, Бахмутский* уезды и др.). Где сельскохозяйственные цели уже составляют предмет общественной заботы, а остальные условия землевладения (небольшая величина поселения, однокачественность почвы надела и т. п.) не требуют дробления земли, там пахотная площадь может быть разделена лишь на то число частей, какое соответствует принятому севообороту, вследствие чего число участков, достающихся каждому члену общины, достигает минимального предела, допускаемого данными сельскохозяйственными условиями. К числу таких случаев нужно, вероятно, отнести общины, получающие пахотную землю в южной степной полосе в 2 местах (голока и рабочее поле), в царстве трехполья – в 3. В большей части общин, однако, кроме дробления надела с сельскохозяйственными целями, он разбивается на части и в интересах уравнивания, причем уравниванию в различных местностях и общинах подлежат различные свойства надела, от чего зависит и степень развития чересполосицы. Раздробление земли с целью уравнивания выгод или удобств, связанных с той или другой степенью отдаленности поля от усадьбы, обыкновенно не достигает тех размеров, какие наблюдаются в случаях уравнивания членов общины в отношении качества почвы надела, так как в качественном отношении земля нередко представляет на небольшом пространстве большое разнообразие. Оттого-то в южной черноземной полосе, где по причине более или менее однокачественной почвы и рельефа надела и по преобладанию крупных поселений главным моментом, вызывающим дробление пахотного угодья, является растянутость надела, число полос, получаемых отдельными хозяевами, значительно менее, нежели в местностях, переходных от чернозема к нечернозему, или в некоторых нечерноземных уездах с плохой, болотистой почвой.

Цифровые данные по этому предмету сгруппированы в следующей таблице.

Число участков, на какие разбивается пахотная земля

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11-12	13-20	21-30	31-40	41-50	51-60	61-70	71-80	81-90	91-100	Бол. 100	Все-го	
	Херсонский у.											Число общин											
Южн. посе- ляне с надел. 8-11 дес.	-	-	3	2	10	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	19
Южн. посе- ляне с надел. 5-8 дес.	-	-	-	1	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
Быв. гос. кр. с надел. 11-20 дес.	-	-	4	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
Быв. гос. кр. с надел. 8-11 дес.	2	1	3	2	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12
Быв. гос. кр. с надел. 5-8 дес.	9	6	14	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	35
Быв. пом. кр. с надел. более 5 дес.	22	15	41	32	17	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	132
Быв. пом. кр. с надел. 3-5 дес.	-	-	6	1	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11
Быв. пом. кр. с надел. 1-3 дес.	40	13	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	56

В зависимости от степени развития чересполосицы находится и размер отдельных пайков земли, достающихся членам общины при переделе. Тогда как в степной полосе эти пайки достигают десятины и больше, имея 5–10–20 и более сажень ширины и лишь в редких случаях образуя полосу шириной меньше 1 саж., в нечерноземных уездах ширина душевых полос нередко измеряется аршинами, лаптями, ступнями, вследствие чего лица, получающие одну полосу, весьма часто не имели бы возможности обрабатывать свой надел, если бы при этом не практиковались особые меры для исправления указанного недостатка. Меры эти иногда общинного характера¹, в большинстве же случаев – частного: хозяева, получившие узкие полосы, обменом между собой увеличивают ширину своих участков. В *Московской губернии* этот прием пользуется таким широким распространением, что, несмотря на то что число однодушников колеблется около 10%, в губернии почти не встречается хозяев, имеющих в ярусе менее двух полос, и действительная ширина полосы опускается ниже сажени лишь в подмосковных селах, занимающихся огородничеством. К обмену полос прибегают здесь не одни однодушники, вследствие чего встречаются общины с одинаковой шириной полос у всех хозяев, несмотря на то что они владеют наделами на разное число душ. Существование описанного способа увеличения ширины полос известно, кроме того, для *Бугульминского, Острогожского, Мценского, Елецкого, Калязинского, Усманского, Липецкого, Моршанского, Рязанского, Егорьевского и Вяземского* уездов. Таким образом, отдельные члены общины прибегают к процессу, противоположному тому, какой совершался целым союзом: последний при переделах стремится к возможному раздроблению площади надела, первые соединяют дробные участки воедино. Г-н Романов, таким образом, примиряет это видимое пользование мирской пашней, отводя ее каждому хозяину в одном месте, сельские сходы совершенно разумно дают всем по полосе в разных по достоинству почвы и удобству возделывания частях полей, предоставляя отдельным домохозяевам размениваться полосами, чтобы составить из них более или менее крупные участки. Как бы ни было справедливо, по мнению большинства схода, наделение каждого хозяина тем или другим участком пашни, всегда останутся недовольные, которые и будут считать себя обиженными; при добровольном же обмене участками каждый сам оценивает выгоды и невыгоды пользования той или другой полосой, и на состоявшийся, полюбивший обмен, хотя бы и не совсем выгодный для одной стороны, не может вызвать жалоб. Обменивающиеся полосами в поле соседи легко приходят к соглаше-

¹ В Кошачковской вол. *Казанского* у. при последних переделах общества госуд. кр. избегали наделения однодушевым наделом; в *Острогожском* у. одна община старается отводить однодушникам землю в сплошном участке; в Попадьянской вол. *Михайловского* у. однодушники получают землю в 2–3 местах вместо, напр., 13 и т. д.

нию, вознаграждая себя при какой-нибудь очевидной невыгоде обмена выпивкой на счет того, кому достается лучший участок» (см. *Усманский у.*).

<...>

До сих пор мы успели ознакомиться с некоторыми проявлениями общинной жизни, смысл которых заключается в возможном уравнивании, в количественном и качественном отношениях, всех членов союза в пользовании принадлежащей им земли и удовлетворении известным сельскохозяйственным требованиям. Таковы общие и частные коренные переделы в совокупности с только что описанными порядками распределения земли между членами общины в натуре. Те же самые цели общинного союза служат причиной, что проявления мирской жизни не ограничиваются вышеупомянутыми актами. Достигнутое, при посредстве общего коренного передела, уравнивание членов общины в пользовании мирской землей с течением времени нарушается, что побуждает некоторые общины в промежутки между двумя общими переделами при помощи так называемой свалки-навалки душ вносить некоторые поправки в нарушенное соотношение между составом семьи и величиной находящегося в ее пользовании участка. Подобное же вмешательство мира в поземельные отношения в промежутки между общими коренными переделами наблюдается иногда и в целях качественного уравнивания членов общины в пользовании землей, а также в целях сельскохозяйственных. Это вмешательство иногда вызывается, как и частный коренной передел, происшедшим уже нарушением порядков, осуществленных при общем коренном переделе земли; иногда же оно составляет постоянную принадлежность общинной жизни, один из нормальных ее распорядков; наконец, оно бывает результатом необходимости удовлетворения новым требованиям, нередко имеющим совершенно случайный характер.

Общий коренной передел имеет целью двоякого рода уравнивание членов общины в пользовании мирской землей: количественное и качественное. Уравнивание количественное может быть достигнуто в полной мере, т. е. вполне соответственно началу, принятому общиной за его основание; что же касается качественного уравнивания, то наивозможное его осуществление путем единичного акта – при значительном разнообразии почв, большой растянутости и неправильной фигуре надела – может иметь следствием такое раздробление пахотного поля, которое ведет к значительным сельскохозяйственным неудобствам. Поставленная, таким образом, между двумя противоположными требованиями община иногда не доводит раздробление поля до той степени, какая необходима в интересах уравнивания, мирится с тем, что одни члены получают участки с преобладанием лучших почв сравнительно с другими, но вместе с тем постановляет, чтобы через известные промежутки времени происходила перемена участков членов союза: или пересадка последних с одних на другие, или новое перераспределение земли по жребию.

Затруднение в деле распределения земли на равноценные участки и вытекающая отсюда необходимость жеребьевок или переверсток в некоторых случаях бывает результатом недостаточно обстоятельного знания крестьянами свойств почвы своего надела. Это следует сказать, например, о помещичьих общинах *Тамбовского у.*, получивших при освобождении не ту землю, какой они пользовались при крепостном праве, а другую, которую они плохо знали. Правильная расценка почвы иногда становится невозможной вследствие того, что, по местным условиям, свойства почвы постоянно изменяются, как это наблюдается, например, в с. Раденском и Костогрызове *Днепровского у.* благодаря песчаным заносам, для устранения которых общество с. Костогрызова составило в 1885 г. приговор о насаждении мест, подвергающихся заносам, на общественный счет шелугой. В некоторых общинах *Саратовского у.* и др. почва местами смывается водой, затопляется при весенних разливах и т. д. Наконец, некоторые части надела по своему положению (например, у дороги) неизбежно подвергаются заминкам, нападению сусликов и т. п., и община путем жеребьевок сажает на такие участки то одних, то других хозяев.

К жеребьевкам указанного характера примыкают другие, целью которых служит уравнивание членов общины в пользовании теми свойствами пашни, какие она приобрела благодаря такой или иной индивидуальной деятельности хозяев, жеребьевки, имеющие целью передачу хорошо разделанных или удобренных участков зажиточных хозяев бедным и маломощным. Этот вид жеребьевки по социальному его смыслу имеет назначением не уравнивание членов союза, а облегчение слабых ее членов на счет сильных. В некоторых случаях к такому облегчению одних на счет других стремится только одна сторона, и жеребьевка, если она возымеет место, происходит, по-видимому, без общего одобрения; в других – за жеребьевку, имеющую в виду, главным образом, интересы слабой части общества, стоит общественное мнение, хотя бы некоторые, зажиточные члены общества и оставались недовольны ею. Нужно, однако, сказать, что жеребьевки, преследующие указанную цель, встречаются очень редко и в большинстве же случаев в последние годы в общине заметно стремление обеспечить отдельным хозяевам возможность полного использования сделанных ими улучшений в своем хозяйстве, для чего удобренные загоны изъемяются из жеребьевок или же последние совершенно прекращаются (см. ниже...).

Во многих местностях *Вяземского у.* бедняки требуют передела, желая получить удобренные полосы богатых односельцев. В некоторых общинах помещичьих крестьян *Тамбовского у.* хозяева, плохо обрабатывающие землю, требуют жеребьевки с целью обменять свои запущенные полосы на лучшие. Жеребьевка в д. Красновской *Козловского у.* в 1871 г. была сделана потому, что «невозможные люди взбунтовали из-за навозной земли». В общине

собственников д. Соловьевки (29 двор.) *Белгородского у.* жеребьевка повторяется по требованию бедных хозяев каждые 5–6 лет и имеет целью передачу несостоятельным крестьянам удобренных полос зажиточных хозяев; по-видимому, на это никто не претендует. В южной степной полосе (частью и в восточной), где для обработки твердой земли требуется несколько пар волов, многим бедным хозяевам вовсе, может быть, не пришлось бы хозяйствовать, если бы не периодические жеребьевки, при которых они получают разработанную богачами мягкую землю, на которой могут произвести посев наволоком, при помощи одной только лошади или пары волов¹. «Если пережеребьевкой эта цель достигается не вполне, то (в *Александрийском у.*) происходит частный обмен, так как бедному желательно получить мягкую землю, а богатый льстит себя надеждой, что поднятая плугом земля даст лучший урожай». В *Славяносербском у.* состоятельные хозяева остаются недовольными такой жеребьевкой и высказываются против нее.

Новой причиной жеребьевок являются сельскохозяйственные требования.

Мы знаем, что в южной степной полосе до недавнего времени господствовало переложное хозяйство, т. е. такое, при котором восстановление производительных сил истощенной посевами почвы совершается оставлением вспаханного участка в залежь. При этой системе площадь отдыхающая превышает площадь засеваемую, почему она может практиковаться лишь при редком населении края; со сгущением же последнего и вследствие происходящей оттого необходимости расширения посевной площади залежь сначала сокращается в размере, затем вовсе исчезает и образуется порядок, наблюдаемый, например, в *Таврической губернии* в настоящее время, – порядок, при котором площадь крестьянского надела (кроме усадебной земли) разбивается на посевную площадь (царину) и толоку (выгон для скота); толока обыкновенно занимает значительно меньшую площадь, нежели царина, а в некоторых общинах она уничтожена и вся земля обращена под распашку.

Так как заселение *Таврической губ.* совершалось в недавнее время, то и процесс расширения царины на счет толоки во многих общинах составляет предмет самой новейшей истории. Это расширение было общественным, а не личным актом, и при нем происходил новый раздел земли в натуре, без изменения относительных долей членов союза, т. е. совершалась жеребьевка. Площадь, отведенная под распашку, от непрерывных посевов начинает истощаться и давать постепенно понижающиеся урожаи, что ведет к возникновению вопроса о восстановлении ее плодородия путем обращения под выпас скота взамен толочной площади, поступающей на ее место

¹ Есть случаи отказа от земли малосильных хозяев после того, как им была дана твердая, а не мягкая (см. с. 459–460).

в распашку. Таким образом начинает практиковаться спорадически или периодически повторяющийся обмен толоки на пашню¹. Хотя этот обмен, при

¹ Смена толоки на пашню практикуется далеко не всеми обществами южной степной полосы, и там, где этой смены нет, пахотная земля засеивается непрерывно. Так, в *Одесском* у. обновление пашни наблюдается всего в нескольких обществах; в 4 старых общинах государственных крестьян в момент общих переделов земли, в 3 других обществах госуд. кр. (в восточной части уезда) каждые 4 года и в немногих обществах б. помещичьих крестьян; большая же часть последних засеивает землю, не давая ей отдыха. В *Елизаветградском* у. около половины поселений (всех поселений 530) имеют переменную толоку (Мат., т. II, с. 239); другая половина, образующая 415 обществ (в том числе 15, постановивших приговор о переходе к подворному владению), обыкновенно с малым наделом и неудобной межевой его фигурой не производят ни жеребьевок, ни хозяйственных переделов: «всякий знает свой надел и хозяйничает, как хочет; у таких обществ обыкновенно нет общей толоки, а если она имеется, то или совершенно не сменяется, или переменяется на небольшой клочок пахотного поля». Следующая табличка показывает, какое количество обществ *Александрийского* у. имеет и какую именно толоку (Мат., т. III, с. 201).

	Всех	Число общин		
		Имеющих толоку меняющуюся	постоянную	% общин с толокой
Бывшие военные поселяне	54	50	3	98%
Бывшие госуд. крестьяне	23	2	10	52,1%
Бывшие помещич. крестьяне	357	70	100	47,8%

19 обществ военных поселян (в северной части уезда) меняют толоку на пашню ежегодно, остальные – через 3–5 лет. В обществах б. помещичьих крестьян ежегодная смена толоки на пашню практикуется 11 общинами (в северной части уезда), у остальных она меняется обыкновенно не периодически и обходит не все поле. В значительном числе помещичьих обществ в северной части уезда толока отводится только желающими хозяевами и в желанном каждым количестве, и здесь «начинает усваиваться взгляд, что удобренное толокой место принадлежит хозяину, удобрившему его; так, напр., в Чутовке хозяин, пустивший поле под толоку, имеет право пользоваться толочным местом, по смене толоки, 2 года, и только после этого времени, когда хозяин возьмет с поля данную ему толокой силу, при пережеребьевке эта земля “идет вразброд”, делится между всеми хозяевами». В *Херсонском* у. смена толоки на пашню периодически (через 3–4 года) производится 8 обществами военных поселян, 5 – б. государственных и 9 – б. помещичьих; около 23 обществ такую смену производили спорадически при различных случаях, 28 обществ помещичьих крестьян (в том числе 14 дарственников) не имеют совсем толоки. В *Тираспольском* у. переменная толока встречается у 14 обществ б. государственных крестьян, в том числе у 5 вновь наделенных (не практикующих жеребьевок) – периодически, через 3–5 лет; и у других начинает устанавливаться в этом деле периодичность, так, в 2 из них две последние перемены производились через 3 года; из помещичьих крестьян переменная толока имеется у 4 обществ. Распространению смены толоки на пашню мешает в обществах государственных крестьян растянутость наделов, в обществах помещичьих крестьян – малоземелье. В *Ростовском* у. вся пахотная земля образует одно поле и пашется непрерывно в 25 обществах: в 1 обществе мещан и 14 б. помещичьих крестьян, получивших неполный надел, и 10 б. помещ. кр. с полным наделом. В *Бахмутском* у. непрерывный посев наблюдается у 40 обществ б. помещ. кр., характеризующихся мелкостью, малоземельем и бедностью; они же не практикуют и жеребьевок. В *Славяносербском* у. посевы без отдыха земли встречаются у 55 обществ (из 175) б. помещ. кр., получивших малые или неудобно расположенные наделы (Сб., в. III, с. 174).

существовании толоки общественной, т. е. заведенной по мирскому распоряжению, при участии в ней всех членов союза, совершается всеми одновременно, но вмешательство общества могло бы ограничиться назначением сроков для такого обмена; самый же обмен мог бы состоять в том, что каждый член общества переходил бы на те участки толоки, которые были под его посевом раньше, и мы бы имели процесс, подобный наблюдаемому при смене полей в трехпольном севообороте, когда каждому известны его полосы во всех полях и каждый на эти полосы и садится. Во многих общинах это именно и наблюдается. Так, в 120 обществах *Елизаветградского у.* при периодической смене толоки на пашню каждый хозяин переходит на одни и те же числящиеся за ним участки; то же самое наблюдается и в 21 обществе б. помещичьих крестьян *Александрийского у.*, в *Тираспольском у.* В большей же части случаев, однако, обмен толоки на пашню или, так названный херсонскими статистиками, хозяйственный передел осуществляется при помощи жеребьевки, т. е. путем нового перераспределения между хозяевами земли. При этом мы не всегда можем сказать – имеется ли здесь только совпадение сроков для хозяйственного передела со сроками для жеребьевки, преследующей самостоятельную цель – уравнивание членов союза в пользовании качественными особенностями почвы, – или же к жеребьевке общество прибегает исключительно ради производства обмена толоки на пашню. Нам известно только, что случаи последнего рода существуют (см. материковые уезды *Таврической губ.*) и характерным в этом отношении представляется случай д. Елисеевки Андреевской вол. *Бердянского у.*, где смена толоки на пашню с 1875 г. производилась 8 раз, и, за исключением одного года, когда каждый помнил свое место, смена сопровождалась общей жеребьевкой, т. е. пересадкой всех хозяев на новые полосы. Принятие такого способа обмена толоки на пашню вместо простого перехода хозяев на одни и те же числящиеся за ними участки, доказывает, что южный крестьянин еще очень мало стремится к тому, чтобы по возможности дольше задержать в своих руках один и тот же разрабатываемый им участок.

Сельскохозяйственные требования лежат в основе и тех жеребьевок, которые производятся с целью сокращения числа полос. Что же касается происхождения чрезмерной чересполосицы, вызывающей жеребьевки, главной причиной таковой нужно считать частные коренные переделы, так как при них хозяин, участок которого подлежит увеличению, получает дополнительную часть земли в полосках, отрезанных от надела другого лица, расположенного на известном расстоянии от участка первого. Другими причинами чересполосицы являются частные сделки крестьян по передаче наделов друг другу, разверстка мироплатимых душ полосками между всеми домохозяевами, и в тех случаях, когда разверстке между всеми подлежит

большое число пустовых душ, общество нередко избегает чересполосицы тем, что самую разверстку производит при помощи общего передела в натуре, т. е. прибегает к жеребьевке.

Наконец, жеребьевки производятся иногда по различным, более или менее случайным, причинам: при увеличении или сокращении мирского надела, при выделке участка новому члену общины, для выдела к одному месту участков, которые сдаются в аренду одному лицу, и т. д. Чаще всего жеребьевки практикуются, по-видимому, для сравнения членов общества в пользовании всеми особенностями надела: почвенными, топографическими и т. д., причем в одних местностях к жеребьевкам ведет главным образом разнокачественность почвы надела, в других – его растянутость, разбросанность в нескольких кусках, неудобная межевая фигура и т. п. Так как тот или другой недостаток сопутствует крестьянскому землевладению повсеместно, то и указанную причину жеребьевок можно встретить во всех полосах России. Другие постоянные причины жеребьевок уже не пользуются столь широким распространением: смена толоки на пашню, естественно, встречается почти только в степях (главным образом южных); разверстка убылых душ фигурирует на первом плане в *Самарской* губ., где по причине постигавших ее неурожаев масса крестьян бросали наделы на общества и отправлялись на сторону на заработки (см. главу VI). Развитие многополосицы можно наблюдать и там, где практикуются в широких размерах частные коренные переделы, т. е., во-1-х, в местностях, где земля не окупает платежей, вследствие чего господствуют системы разверстки по производительной норме, требующие частых поправок в распределении земли (в *Московской* губ., среди помещичьих крестьян некоторых уездов *Тамбовской*, *Саратовской* губ. и т. д.); во-2-х, где частные переделы введены как средство исправления неравномерности в распределении земли как источника дохода. Наконец, жеребьевки по случайным поводам могут встретиться повсюду.

Обращаясь к самой статистике жеребьевок, следует сказать, что последние распространены по площади России весьма неравномерно, как это легко было предвидеть по тому, что нам известно относительно их происхождения. В местностях с ровной поверхностью, однообразной почвой и небольшой растянутостью надела, где к тому же землей крестьяне дорожат, почему частные ее переделы не пользовались большим распространением, а также в местностях хотя бы и с разнообразной и плохой почвой, но где установился обычай частых общих переделов земли, жеребьевки происходят редко, и мы встречаем немало уездов, где жеребьевки или совсем не наблюдаются или происходили за последнее тридцатилетие в нескольких общинах; таковы уезды: *Одесский*, *Тираспольский*, *Богодуховский*,

Воронежский, Курский, Щигровский, Тимский, Спасский, Лебедянский, Липецкий, Усманский, Елецкий, Данковский, Раненбургский, Егорьевский, Вяземский, а также, вероятно, большая часть уездов *Петербургской* губ.; в другом ряде уездов жеребьевки встречаются у нескольких десятков (в 10–20%) общин, таковы, например, уезды: *Елизаветградский, Корочанский, Козловский, Борисоглебский, Михайловский, Лаишевский*; в уездах *Херсонском, Ставропольском, Белгородском, Новооскольском, Шацком, Елатомском, Трубчевском, Макарьевском*, а также, может быть, в некоторых уездах *Казанской, Таврической* губ. и др. жеребьевки наблюдаются у четверти–половины общин; в уездах *Александрийском, Острогояжском, Саратовском, Княгининском*, в христианских общинах *Крыма*, в *Самарской* губернии, *Екатеринославской* число общин, практикующих жеребьевки, превышает 50% и достигает местами 80–90%. (Свод материала по вопросу о причинах жеребьевок и их статистику см. с. 596 и далее.)

Что касается промежутков между жеребьевками¹ – следует сказать, что в черноземной полосе преобладают короткие промежутки (до 6 лет), в нечерноземной – длинные (10–20 лет). Наибольшее преобладание кратких промежутков наблюдается в южной степной полосе, где главной причиной жеребьевок является необходимость обмена толоки на пашню с целью восстановления производительной силы почвы. Здесь поэтому частые жеребьевки находят свое оправдание в сельскохозяйственных условиях, почему они могли бы без вреда продолжаться вплоть до изменения системы хозяйства. С другой стороны, в местностях нечерноземных, где удобрение составляет необходимую принадлежность хозяйства и существует с давних пор (*Московская* губ., уезды *Нижегородской, Смоленской* губ.), жеребьевки производятся через длинные промежутки времени в 10–15 лет и более. Если в обоих указанных случаях жеребьевки, введенные для удовлетворения известных требований общинного начала, не препятствует улучшению сельского хозяйства, то этого нельзя сказать о многих местностях восточных степей и центральной черноземной полосы, где частая повторяемость жеребьевок, вызываемая разнокачественностью почвы, многополосицей, развивающейся вследствие свалок-навалок, и накоплением пустовых душ, может иметь неблагоприятные сельскохозяйственные последствия. Весьма важно поэтому по возможности разъяснить, насколько жеребьевки, а также коренные переделы земли служат действительным препятствием повышению сельскохозяйственной культуры. Из вышеизложенного видно,

¹ За разнообразием в наших материалах группировок общин по промежуткам между жеребьевками и за неопределенностью некоторых данных (так, в число общин, совершающих жеребьевки ежегодно, в некоторых уездах, вероятно, попали общины, жеребьющие только паровое поле и т. д.), мы не решаемся составить по данному вопросу итоговую поуездную таблицу, а ограничимся сводом относящегося сюда материала, находящимся на с. 604–610.

что поставленный вопрос имеет наибольшую важность по отношению к черноземной полосе, так как здесь, с одной стороны, жеребьевки повторяются чаще, с другой – восстановление производительных сил земли путем обработки пара или отведения поля под толоку становится недостаточным и является необходимостью в систематическом применении удобрения. В каком же положении находится здесь вопрос об удобрении полей и какое положение заняла по отношению к этому вопросу община с ее переделами, переверстками и т. д.?

Что касается степной полосы, то потребность в удобрении полей обнаружилась здесь недавно и в разных ее пунктах не с одинаковой настоятельностью. В местностях, недавно колонизованных или отличающихся особенным плодородием почвы, истощение полей, разумеется, не представляется таким угрожающим, как в остальных областях района. В *Самарской* губернии, например, где еще недавно господствовало залежное хозяйство и не повсюду завершился переход к трехполью, необходимость удобрения полей плохо сознается даже крупными землевладельцами. Правда, истощение почвы чувствуется здесь всеми, необходимость отказаться от культуры более дорогих, но зато и требовательных, красных хлебов и понижение урожая пришедших им на смену серых – явление общее для всей губернии; но ясное представление о причинах этого понижения распространено далеко не повсеместно и не редкость встретить здесь мнение, что удобрение лишь повредит, а не поправит дело. Первая мысль о необходимости унавоживания пронеслась по краю после неурожая 1873 г., следующий толчок развитию удобрения дан неурожаем 1880 г. В настоящее время дело находится здесь в таком положении: в многоземельных уездах, *Новоузенском*, *Николаевском*, удобрение к полям вовсе не применяется, в *Бугурусланском* – в немногих обществах северной половины уезда (с худшей почвой) удобрение вывозится и на поля, в *Самарском* уезде удобрение встречается у 15% всех общин, в *Ставропольском* и *Бугульминском* у. – 33%¹. То же самое приходится отметить и относительно Саратовской губернии: удобрение стало здесь практиковаться в течение последних 10–15 лет, но пока еще распространено очень мало (и не всегда приводит к благодетельным результатам); в *Хвалынском* уезде, например, из 20 волостей его можно наблюдать всего 5, причем лишь в одной оно пользуется всеобщим распространением. В южных степях применение удобрения еще менее заметно, даже сравнительно с восточными. Дальше к северо-западу России удобрение практикуется чаще, хотя и здесь есть много уделов, где оно только что начинается, каковы, например, *Острогожский* уезд, *Тамбовский*, *Борисоглебский*, *Липецкий* и т. д. В остальной великороссийской черноземной России степень его применения далеко не

¹ Немцы-менониты *Самарского* у. приступили к удобрению своих полей в начале 70-х гг.

одинакова, в зависимости как от качества почвы, так и от других условий, о которых речь будет ниже. Вообще редко можно встретить здесь местность, где бы удобрение применялось так систематически, как это наблюдается в нечерноземной полосе: обыкновенно унавоживается не все паровое поле, а лишь ближайшие его участки; местами удобрение практикуется лишь отдельными общинами или зажиточными крестьянами.

Обращаясь к причинам, задерживающим всеобщее применение удобрения крестьянских полей, нужно сказать, что одной из важнейших является отсутствие твердого убеждения в необходимости такого шага, ясно проявляющееся в тех случаях, когда удобрение мало практикуется государственными крестьянами, более свободными в распоряжении своим временем и удобрительными средствами (имея лес, могут не топить навозом, и т. п.), чем помещичья. На вопрос – почему поля не удобряются – земские статистики черноземной полосы нередко получали ответ: так не заведено, не привыкли, земля и без навоза родит или не выносит его и т. п. Но та же мысль скрывается и за многими другими оправданиями крестьян небрежного отношения к своим полям: ссылаясь на недостаток скота, частые переверстки, отдаленность полей от усадьбы и т. д., крестьяне очень часто, если не в большинстве случаев, на самом деле не навозят просто потому, что недостаточно убеждены в необходимости удобрения, ибо если указанные причины и действительны для известных общин или групп населения данной области, то здесь же встречаются и такие, где они не имеют места, и, однако, удобрение все-таки не практикуется.

Указанная, так сказать, нравственная причина слабого распространения удобрения на крестьянских полях делается совершенно понятной, если вспомнить, что заметное истощение почвы проявилось на черноземе лишь в последние 15–20 лет, местами и того позже; что в некоторых местностях польза удобрения отрицается даже многими крупными землевладельцами (*Бугурусланский, Острогожский* у. и т. д.); что распространение новых идей в массе, особенно когда она не образована, идет вообще медленно и, наконец, что это распространение в нашем случае должно совершаться в присутствии крайне неблагоприятных, уже не фиктивных, а действительных обстоятельств. Целая масса вредных условий будто нарочно скомбинировалась, чтобы мешать укреплению в крестьянстве мысли о пользе удобрения и задержать первые попытки в этом направлении. Наличие облегчающих моментов составляет такое важное условие для прогресса народного производства, что повсюду общества и правительства принимают специальные меры поощрения и облегчения преобразования, которые считаются ими необходимыми: устраивают опытные фермы и другими способами пропагандируют необходимость известных улучшений, образуют посред-

ничество для приобретения лучших семян, орудий производства, открывают общий или специальный кредит, дают премии и т. п. В нашем случае не только почти не существует ничего подобного, не только отсутствует более или менее широкое сознательное влияние на невежественную массу просвещенной интеллигенции, но и естественные условия земледелия сложились таким образом, чтобы по возможности затруднить, а не облегчить для хозяина неизбежное преобразование.

Начать с того, что расположение наделов крестьян в очень многих случаях крайне затрудняет применение правильных сельскохозяйственных приемов. Поля крестьян или очень растянуты, или неровны, бугристы, или разбросаны несколькими особняками, чересполосно с участками других владельцев¹. Чересполосица крестьянских земель с владельческими, а также длинноземелие, при котором отдаленнейшие участки поля отходят от усадьбы на 10–15 верст, являются результатом частью крупности селений, частью – неправильно размежевания угодий при отведении крестьянских наделов. Такие случаи, когда поле тянется в одну сторону холстом в 200–100 и меньше сажен ширины (в *Курской* губ. есть наделы и в 20 арш. ширины) и 4–6 верст длины и каких немало можно найти, например, в *Курской* и *Рязанской* губерниях, никоим образом нельзя отнести на счет крупности поселения и легко могли бы быть исправлены межеванием. Неудобное расположение надела, затрудняющее вывоз удобрения даже на ближайšie участки полей, составляет не только не исключительное, но даже очень обыкновенное явление в центральной черноземной полосе. Такое расположение угодий создает прежде всего физические затруднения удобрения, а затем, вместе с другими обстоятельствами, выдвигает новый ряд препятствий тому же. Врезавшееся в крестьянский надел чужое владение ведет к необходимости снять его в аренду хотя бы для того, чтобы обеспечить свободный доступ к пахотной земле. А аренда при таких обстоятельствах совершается обыкновенно на невыгодных условиях и притом с уплатой по

¹ Так, в *Белгородском* у., из числа уездов Курской губернии отличающемся выгодным для крестьян расположением их угодий, в 52 из 220 общин поля отличаются недостатками, сильно затрудняющими вывозку навоза: они неровны, бугристы, с глубокими оврагами, расположены на горе, тогда как усадьбы под горой, отрезаны от усадьбы покосом, рекой и т. д.; в половине волостей *Тимского* у. «крестьянские наделы большей частью гористы со множеством оврагов, логов и водомоин»; кроме того, в 42 общинах из 287 крестьяне получили надел в 2–7 местах и их поля не примыкают к усадьбам, в 10 в таком положении находится часть полей; в том и другом случае крестьяне не могут совершенно свободно распоряжаться пашней, гонять на нее скот и т. д.; в *Путивльском* у. пахотную землю в нескольких местах получили уже 105 общин (из 458), у некоторых из них пашня состоит из 100 кусков и больше; в *Цивильском* у. в одном участке получен надел менее чем одной третью общин, у остальных он находится в двух-трех местах и больше; в *Миценском* у. у большинства общин, особенно собственников, «наделы распадаются на несколько особняков, разделенных оврагами, водомоинами или расположенных чересполосно, часто с 2–3 владельцами» и т. д.

преимуществу трудом, а не деньгами. На тех же условиях отработки бывшие помещичьи крестьяне обыкновенно снимают и отсутствующие в их наделе пастбища, а частью и пахотную землю крупных владельцев; занимают у них зимой деньги, покупают хлеб, солому и т. д. Все это делается по крайней настоятельной потребности и, следовательно, на невыгодных условиях (припомним, например, что, подражаясь на работу зимой с условием получения вперед денег, крестьянин сознательно отказывается чуть ли не от половины рыночной стоимости своего труда) и совершается повсеместно в огромных размерах (именно этим способом зимнего найма и отдачи своих угодий под отработку владельцы центральной черноземной России и обеспечивают главную массу нужных им рабочих рук). Не наняв пастбища, крестьянину нечем кормить скотину; не сняв прогона, ему не добраться до своего поля; не заняв зимой денег – придется лишиться лошади для уплаты по обязательству и т. д. Ввиду столь настоятельных требований что же удивительного, если незажиточный крестьянин снимает, арендует, занимает везде, где только возможно; если он обещает свой труд и тому, и другому, и третьему; если лучшее время всех земледельческих периодов он дает кредиторам, а для себя пользуется урывками между требованиями того и другого из них. Вот почему земские статистические сборники утверждают, что, где удобрение полей не получило всеобщего распространения – оно применяется обыкновенно лишь более зажиточными домохозяевами.

Кроме затруднений для введения удобрения крестьянских полей, вытекающих из недостатка времени, существует другой ряд их, основанный на необходимости материальных пожертвований со стороны хозяина.

С уничтожением лесов, – которых в центральной черноземной полосе осталось очень немного, а в наделе помещичьих крестьян почти вовсе нет, – удовлетворить потребности отопления, употребляя для этого дрова, становится труднее и труднее. Приходится прибегать к соломе и навозу, а с распашкой и того небольшого количества лугов, какое было в наделе помещичьих крестьян, яровая солома пошла на содержание скота и главным топливом, не требующим затраты на него денег, явился навоз и озимая солома. Из сделанных на этот счет точных записей, относящихся к *Тетюшскому* у., где леса сохранились сравнительно лучше, видно, что навоз (вместе с соломой или дровами) употребляется на отопление в половине с лишним общин; в *Елецком* у. и того чаще. Отопление соломой распространено значительно больше, благодаря этому крестьянский скот держится без подстилки, отчего количество производимого навоза сильно уменьшается. Навоз употребляется для топлива не только крестьянами, но и остальными жителями района и даже городами. Поэтому крестьянину, у которого есть лишний навоз сверх того, что он затратил на отопление

своего жилья, при нужде разного рода является соблазн продать его, а где крупные землевладельцы удобряют свои поля – променять им на хлеб, соломку и т. п. Такое обращение с удобрением особенно распространяется после неурожайных годов, которые в последнее время являются чаще и чаще. Но и помимо неурожая, торговля навозом с течением времени развивается благодаря общей необеспеченности материального положения крестьянина, которая местами растет, а не уменьшается. Немаловажным источником непроизводительной затраты крестьянином его удобрения является требование на него со стороны частных владельцев не только в форме покупки на деньги или в обмен на предметы потребления, но и в виде обязательства крестьян унавозить арендуемые ими пашни (в *Рязанской* губернии встречаются случаи аренды крестьянами пашни под условием вывозить на нее 4–6 т. пуд. навоза на десятину), отдавать удобрение за пользование прогоном, пастбищем и т. п.

Итак, чтобы поднять производительность своего поля, крестьянину мало затратить труд на вывоз готового удобрения; нередко ему предстоит еще лишиться топлива и некоторого денежного или материального дохода, сделать известные затраты, для чего нужно иметь другие источники для покрытия образующегося таким образом дефицита. Но так как потребность в удобрении возникла в то время, когда увеличение платежей, стеснение запасок, наконец, неурожай сократили, а не увеличили доходы земледельца, то и нет ничего удивительного, если бедная часть крестьян вовсе не может ответить на предъявляемые запросы со стороны хозяйства, другая удобряет или нет смотря по урожаю и зависящему от того материальному изобилию или недостатку; если драгоценное удобрение крестьяне продают, меняют, отдают другим и если даже очень обыкновенным явлением служит прекращение земледельцем начавшегося было удобрения и обращение навоза на отопление или на приобретение предметов потребления, которые невозможно достать никаким иным способом (смотри известия об этом в сборниках по *Раненбургскому, Данковскому, Лебедянскому, Тетюшскому* у. и т. д.).

Итак, неудобства в расположении надела, отсутствие сколько-нибудь организованного кредита и проистекающая отсюда необходимость продавать труд в самое горячее для земледельца время; условия найма угодий, без которых крестьянину обойтись невозможно; отсутствие древесного топлива, слабое развитие подсобных промыслов, на которые бы падала часть расходов по содержанию семьи, – вот целый ряд обстоятельств, препятствующих более или менее широкому применению крестьянами удобрения своих полей. Посмотрим, какую роль в этом деле играет община.

При опросе крестьян об условиях, препятствующих удобрению, нередко получается ответ, что одним из таковых являются переделы и переверстки земли, связанные с общинным землевладением. И действительно, там, где часто повторяется обмен участков и удобрение практикуется не всеми, – хозяин, навозящий свою ниву, рискует лишь частью пожать плоды своих трудов, а при переделе взамен своей полосы получить неудобренную и, может быть, плохо обработанную полосу беззаботного или неимущего соседа. Оттого-то в последние годы, когда стремление к переделу так охватило государственных крестьян, во многих уездах черноземной полосы можно встретить общины зажиточные, члены которых, в ожидании ревизии, перестали унавоживать свои участки, и другие, где крестьяне, сознавая пользу удобрения, заявляли, что ожидают только близкого передела, чтобы начать унавоживать свои поля. Обыкновенно, это – единичные случаи; но где неопределенное и напряженное состояние ожидания ревизии длилось годами – там оно заметно отразилось на удобрении полей. С другой стороны, момент передела в некоторых общинах послужил началом удобрения, и необходимость последнего иногда даже ускоряла совершение передела, чтобы этим развязать всем руки для необходимого преобразования. Для правильной оценки значения в этом деле общины следует, однако, иметь в виду, что передел оказывает действительное задерживающее влияние далеко не в тех размерах, в каких на него ссылаются крестьяне. «Указание крестьян на эту причину отсутствия удобрения следует принимать с большой осторожностью, – говорят самарские земские статистики, – потому что и в массе тех селений *Самарского* уезда, где переверстка не практикуется, земля все-таки не удобряется». В *Богодуховском* у. «редкий хозяин на ближайшую ниву свезет несколько возов навоза, и мы думаем, – говорит г. Бориневич, – что переделы, на которые указывают как на причину неудобрения, тут ни при чем... Если бы они действительно мешали лучшей культуре, то мы бы встречали удобрение среди обществ, вовсе не переделывающих землю или имевших не более одного передела со времени ревизии... Наконец, целый ряд мелких частных владельцев из крестьян, которые уже никоим образом не могут жаловаться на возможность отнятия у них земли, ввели бы на своих участках удобрение; однако мы этого не встречаем, а потому с уверенностью можем сказать, что жалоба на переделы напрасна».

Крестьяне *Самарской* губ. в числе причин слабого развития удобрения полей называют непривычку к нему, отдаленность полей от усадьбы, недостаток скота, а иногда частые жеребьевки и переделы. Последняя причина была указываема в *Самарском*, *Ставропольском*, *Бугульминском*, *Бугурусланском* (10 общинами) уездах. В последнем уезде некоторыми общинами

было заявлено, что начавшееся было удобрение полей прекратилось вследствие частых их переделов; другими – что с удобрением приостановились в ожидании передела или ревизии; в третьих – что начали удобрять землю после того, как разделили ее на долгий срок. Во многих уездах *Тамбовской* губ. удобрение только что начинается; крестьяне далеко не повсеместно убеждены в его пользе, кое-где даже валят навоз в овраги, тем не менее при объяснении с ними по этому поводу ссылаются на различные причины, мешающие будто бы удобрению, в том числе на переделы жеребьевки. «Наибольшая часть полей *Усманского* у. никогда не удобрялась и не удобряется»; только очень зажиточные крестьяне вывозят избытки навоза на ближайшие участки. «Из всех отзывов крестьян трудно вывести какое-нибудь положительное заключение относительно того, приходят ли крестьяне к сознанию необходимости давать полям удобрение. В тех общинах, где предвидится скоро передел полей, никто на свои полосы удобрения не возит. Где довольно часто производится обмен полосами в полях по новой жеребьевке, там тоже никто не удобряет и ближайшую пашню». Следует, однако, прибавить, что частые жеребьевки практикуются лишь в очень небольшом числе общин, и потому указанное препятствие к удобрению практически ничтожно. Столь же мало распространено удобрение и в *Курсановском* у. и так же трудно по отзывам крестьян судить об истинных причинах этого явления: «одни крестьяне указывают на неудобства проезда к полям вследствие оврагов, хотя это обстоятельство не мешает обработке полей и вывозке с них урожая»; «бывшие государственные крестьяне говорят, что не приступают к удобрению полей ввиду предстоящего коренного передела; однако многие общины не начали возить навоз и после того, как передел у них состоялся»; «бывшие помещичьи крестьяне говорят о частых дележках полей, хотя от них же зависит и отменить эти дележки». В *Козловском* у., где удобрение практикуется в меньшем числе общин, некоторые общины государственных крестьян в числе препятствий к введению его называют ожидание переделов, а помещичьи – частые жеребьевки. Ожидание передела указано в числе причин, задерживающих введение удобрения в некоторых общинах государственных крестьян (*Куйманской*, *Каликинской*, *Добринской*, *Борисовской* вол.) *Лебедянского* у., в *Ищенской* вол. даже прекратилось начавшееся было удобрение ближайших загонов; прекращение удобрения после введения ежегодных жеребьевок наблюдается и в с. *Троекурове* (помещичьем); в некоторых общинах *Куйманской* вол. удобрение стали практиковать после совершения передела. Ожидание передела было причиной прекращения удобрения в некоторых общинах государственных крестьян *Липецкого* у. В *Черняковской* вол. *Тамбовского* у. после передела большая часть хозяев стала вывозить навоз на бли-

жайшие поля; в Митропольской же вол. – только одна община; крестьяне Горелковской вол. заявляли, что намерены начать удобрение полей, когда переделают землю по наличным душам; в северо-восточных волостях уезда крестьяне иногда указывали на жеребьевки как на препятствие удобрению. В *Шацком* у., где удобрение полей началось недавно, но распространилось быстро, о переделах или жеребьевках как препятствии унавоживанию заявили 6–10 общин. В *Спасском*, *Темниковском* и *Елатомском* уездах удобрение полей практикуется издавна. В первом из них передел совершился дружно и не отразился на удобрении; лишь в немногих общинах, где разговоры о нем начались еще в начале 70-х годов, крестьяне в ожидании передела перестали навозить пашню. Такое же явление наблюдается в *Широмосовской* (Мордовской) волости *Темниковского* у., причем состоятельные хозяева копили навоз, чтобы удобрить после передела плохие полосы, какие могут им достаться; явившееся вследствие этого понижение урожаев было здесь причиной дружного согласия на передел как богатых, так и бедных членов общины. В двух общинах этого уезда богатые крестьяне согласились на передел на условии, чтобы им были оставлены их хорошо унавоженные полосы. В *Елатомском* уезде, где в 1882 г. к коренным переделам полей еще не приступали, зажиточные домохозяева некоторых общин, ожидая ревизии, перестали унавоживать свои полосы. В *Курской* губ. известны следующие случаи неблагоприятного влияния жеребьевок и переделов на сельское хозяйство. В одной общине Зимовенской волости *Корочанского* у. заявлено, что частью жеребьевки препятствуют удобрению полей; в общине душево-четвертных крестьян *Подольшанской* вол. Подольки не приступают к удобрению в ожидании передела земли, а в *Борове* перестали удобрять, когда начались толки о переходе на новые души. В *Новооскольском* у. ссылка на частые жеребьевки как на одну из причин, задерживающих применение удобрения полей, сделана 16 общинами, а именно: 3 общинами *В. Михайловской* вол., одной общиной *Н. Безгинской* вол., 2 *Халанской* вол., одной – *Пригородной* вол., 3 *Чернявской*, 2 *Троицкой* вол., 3 *Ольшанской* вол. и одной общиной *Богородской* вол. Некоторые из них указали и на другие причины, препятствующие удобрению, как-то: недостаток скота, отдаленность поля, гористость надела и т. п. В д. *Афанасьевской* (соб.) *Тимского* у. в ожидании передела крестьяне не выкорчевывают пней на полях. В *Белгородском* у. в обществах помещичьих крестьян с. *Толоконского* волости того же имени, д. *Топлянина*, *Никольской* и *Вергелевки* *Муромской* вол. и государственной общине с. *Избицкого* *Муромской* вол. частые жеребьевки мешают удобрению полей, а в государственном с. *Шишине* *Старогородской* вол., где ежегодной жеребьевке подвергается озимое и яровое поле, – также вспашке ярового поля под зябь. В с. *Шляхо-*

ве (гос.) Мелиховской вол. многие перестали удобрять землю ввиду поднявшейся агитации в пользу передела земли. Во многих общинах, однако, удобрение применяется, несмотря на жеребьевки и даже появляется там, где его раньше не было: в сл. Ушаковой (гос.) Мелиховской вол. часть крестьян начала навозить землю, несмотря на жеребьевки; другая воздерживается от применения удобрения. Для *Тетюшского* у. имеется ссылка на несколько селений, заявивших, что частые переделы препятствуют удобрению полей. Продолжительное ожидание передела останавливало удобрение в некоторых общинах *Рязанского* у.

Из приведенных фактов можно вывести следующее заключение. Там, где потребность в удобрении не сделалась настоящей и крестьяне еще не убедились в пользе этой хозяйственной операции, – они приводят разнообразные, более или менее основательные причины как задерживающие этот шаг в развитии земледельческой культуры, и если здесь возбудился вопрос о переделе полей или практикуются часто повторяющиеся жеребьевки, там в числе причин иногда фигурируют и последние. В местностях, где удобрение распространено больше, жалобы на передел встречаются реже, а в таких областях, как, например, *Шацкий* уезд, не отличающийся плодородной почвой, – раз появившись, удобрение полей быстро распространяется по всему уезду, несмотря на переделы и жеребьевки. В местностях с давно практикующимся удобрением полей приближение передела заставляет некоторые общины или нескольких хозяев прекратить унавоживание; причем в случае неизвестности момента передела и при продолжительном его ожидании такой образ действия в течение нескольких лет приводит к заметному понижению урожаев. Отсюда видно, что не столько самый передел, сколько неопределенность положения как результат неизвестности точного момента его наступления, служит иногда препятствием применению удобрения. Интересно поэтому проследить, какую чуткость к требованиям хозяйства обнаруживает община, принимает ли она меры к устранению указанной неопределенности. Посмотрим, прежде всего, какие сроки устанавливали общины при последних переделах и какими они при этом руководствовались мотивами.

Переделы земли по душам мужского пола в прежнее время совершались (у государственных крестьян) в момент ревизии¹, вследствие чего не представлялось надобности в назначении срока для следующего передела. Так как ревизии производились не через строго определенные, хотя все-

¹ В памяти стариков *Ставропольского* у., напр., сохранились переделы в 1834–1835 гг. при VIII ревизии, в 1851–1852 гг. при IX рев. и в 1857–1858 гг. при X ревизии. Промежутки между названными ревизиями 17 и 6 лет.

таки продолжительные промежутки времени и две последние ревизии, по причине изменений в возрастном и половом составе населения после крымской войны, разделялись промежутком всего только в 6 лет, то крестьяне не могли составить себе совершенно определенного представления о нормальных, так сказать, сроках для переделов земли, не привыкли и к тому, чтобы время совершения следующего передела было точно известно заранее. Предыдущая практика давала им только одно, это – представление о том, что количественное перераспределение земли между семьями совершается каждый раз на довольно продолжительное время, в течение которого семейный состав домохозяев, а вместе с ним и равномерность в распределении земли терпят значительное изменение; что же касается небольших, постепенно из года в год усиливающихся отклонений землевладения от равномерности, установленной переделом, община, по-видимому, привыкла оставлять их без исправления.

Новые переделы земли имели ту особенность, сравнительно с предыдущими, что они совершались вне ревизии, осуществлялись часто после упорной борьбы внутри общины, причем крестьяне не всегда были уверены, что производимый ими по крайней надобности передел имеет законное основание. Указанные условия производства передела должны были возбудить в населении два взаимно противоположные стремления. Смута, предшествовавшая переделу, обязанным своим происхождением тому обстоятельству, что передел осуществлялся в непривычный для населения момент, не в срок, имевшийся в виду при предыдущем равнении, а по «самовольному» решению мира, побуждал общество при осуществляемом переделе назначить определенное время для производства следующего и притом – время достаточно продолжительное, как потому что к таковому создалась уже привычка, что затруднения, связанные с нарезкой всем членам общины новых участков, делают желательным возможно более редкое совершение этой нарезки, так и по причине вредного влияния, оказываемого частыми переделами на применение удобрений полей. Неуверенность в своем праве производить передел вне ревизии и ожидание, что таковая непременно последует в недалеком будущем, побуждала общества, напротив того, воздержаться от назначения времени следующего передела или принимать для него возможно краткие сроки.

Под влиянием указанных двух мотивов назначались обществами сроки для следующего за совершенным передела земли, и неудивительно, если различные общины отнеслись неодинаково к предмету, вследствие чего назначенные ими сроки переделов отличаются значительным разнообразием. Сроки эти для некоторых уездов, относительно которых имеются определенные данные, сгруппированы в следующей таблице.

Число общин, назначивших следующий общий передел через:

Уезды	1 год	2 года	3 года	4 года	5 л.	6 л.	7 л.	8 л.	9 л.	10 л.	11 л.	12 л.	13 л.	14 л.	15 л.	18 л.	20 л.	Без срока	Итого
Бугульминский	-	-	2	-	4	8	1	2	9	12	-	8	-	-	-	-	-	6	52
Бугурусланский	-	-	4	-	19	-	1	-	-	11	-	4	-	-	-	-	-	54	93
Новоузенский:																			
русск. общ.	-	-	-	-	4	14	2	3	1	24	-	5	-	-	3	-	2	7	65
немец. общ.	-	1	1	2	9	30	1	6	-	8	-	1	-	-	-	-	-	3	62
Николаевский	-	2	3	-	2	15	-	-	-	1	-	1	-	-	1	-	-	4	29
Ник. у немц.	-	-	-	1	-	-	12		-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	21
Хвалынский	1	-	3	-	1	7	-	-	2	5	-	-	-	-	-	-	-	-	19
Воронежский ¹	-	-	2	-	1	42	-	-	-	10	-	1	-	-	-	-	-	-	56
Острогожский	-	-	-	-	-	3	1	2	-	12	-	19	-	-	3	-	-	11	51
Тамбовский	-	-	-	-	-	24	-	-	8	19	-	1	-	-	-	-	-	-	52
Лебедянский	-	-	-	-	-	-	-	-	2	24	-	1	-	-	-	-	-	-	27
Спасский	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17	-	57	-	-	10	-	-	-	84
Шацкий (гос.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	12
Кирсановский ²	-	-	-	-	2	6	-	-	-	14	-	4	-	-	-	-	-	-	26
Трубчевский	-	-	-	-	-	-	-	-	1	44	-	7	-	-	7	-	-	-	19
Елецкий ³	-	-	-	-	-	3	-	-	32	14	-	18	-	-	1	-	-	-	68

Как видит читатель, больше половины обществ, относительно которых имеются определенные сведения, приняли для следующего передела срок достаточно продолжительный, т. е. от 10 до 20 лет, около 8–9% назначили средние сроки, в 7–9 лет, около 13% приняли слишком короткие сроки в 1–5 лет, а 6% обществ не назначили для следующего передела никакого срока. Принимая во внимание и те уезды, данные о которых, за недостаточной их полнотой, не могли быть введены в таблицу (см. с. 604–619), мы увидим, что сделанное обобщение подлежит исправлению в том смысле, что количество общин, принявших длинные промежутки между переделами, должно быть сильнее увеличено, нежели количество общин, назначивших краткие сроки. Так, общества большей части уездов *Тамбовской* губернии, не попавших в таблицу, назначили время для следующего передела обыкновенно через 10–12 лет; то же самое относится к *Мамадышскому* уезду; в *Бахмутском* же уезде, напротив того, господствуют краткие сроки; в *Суражском* – отсутствие назначения таковых, в *Егорьевском* у., отличающемся плохой почвой и промышленным характером населения и где господствует разверстка земли по производительной норме, более половины общин производят переделы через неопределенные, но обыкновенно краткие промежутки времени. Впрочем, по неопределенности имеющихся данных, нельзя поручиться, что приведенные для этого уезда сведения относятся к общим коренным переделам, а не жеребьевкам. Краткие сроки для переделов земли особенно часты в обществах восточных и частью южных степей (как известно, почти не удобряющих землю) и в некоторых уездах *Казанской* губернии. Общины центральной полосы назначают обыкновенно длинные сроки для переделов. Не пытаясь дать полное объяснение указанному явлению, мы обратим лишь внимание читателя на некоторые обстоятельства, способные несколько осветить предмет. Так, *Самарская* губерния, отличающаяся краткостью принятых общинами сроков для переделов земли или отсутствием таковых, принадлежит к числу тех, которые сильно пострадали от неурожаев 70–80-х гг. и где на обществах накопилось много брошенных разорившимися хозяевами наделов, весьма часто являющихся тягостью для общества. При обусловленной указанными обстоятельствами подорванности хозяйственной силы многих, если не большинства, членов общины, общество не может ручаться, что достигнутое им при последнем переделе уравнение земли не будет в близком будущем нарушено новым бедствием, вследствие чего потребуются производство нового перераспределения земли; ввиду этого обстоятельства назначение длинных сроков для следующего передела было бы непредусмотрительно. В *Бахмутском* и *Славяносербском* у. количественное перераспределение земли совпадает, по-видимому, с ее жеребьевка-

ми в целях качественного уравнивания наделов и обмена толоки на пашню, производимыми через промежутки в 1–3 года, во многих общинах *Таврической губ.* – с часто повторяющимся обменом толоки на пашню, имеющим целью восстановление производительных сил почвы. Принятие таких кратких сроков для коренных переделов земли в этих местностях частью объясняется тем, что один из мотивов назначения длинных промежутков между переделами, вытекающий из технических неудобств, связанных с частым перераспределением земли в натуре, в данном случае отсутствует, потому что такое перераспределение все равно производится в видах качественного уравнивания наделов; с другой стороны, самые системы разверстки общинной земли, принятые в Бахмутском уезде, такого рода, что ими ослабляются хозяйственные невыгоды частых переделов, заключающиеся в сильном сокращении участков некоторых лиц, и, напротив того, такие частые перераспределения наделов являются даже естественным явлением. Характерной чертой разверсток земли в общинах рассматриваемого уезда нужно считать то, что они дают возможность членам общины получить такой величины участок, какой им в данный момент желателен. Во многих обществах это элемент соглашения, взаимных уступок и обязательств, выражается непосредственно и окрашивает соответствующим образом самую систему разверстки; в других – возможность приведения участка каждого члена общины в соответствие с его желанием достигается тем, что в разверстку между хозяевами пускается не вся мирская земля, а лишь часть ее, соответствующая числу ревизских душ в семьях, заявивших желание получить землю; остальная сдается членам же общины, а также посторонним лицам за подати; разверстка земли по ревизским душам обеспечивает всем желающим сохранение при переделе их участков в определенном размере; возможность же получить в пользование общинную землю путем аренды позволяет хозяевам привести величину своего участка в соответствие с рабочими силами или потребностями семьи. При таких условиях частота переделов, насколько последние нарушают хозяйственное положение членов общины, не имеет вредного влияния, и потому исчезает и другое препятствие к частому их совершению.

Большая часть обществ *Бугурусланского у.* приняли краткие сроки для переделов земли или совсем их не назначали; это сделано в предположении наступления в недалеком будущем новой ревизии. Короткие сроки в некоторых обществах явились, вероятно, вследствие той же причины, какую г. Щербина приводит для объяснения коротких сроков, принятых в большинстве обществ *Воронежского у.*: «Двадцать с лишком лет отсутствия переделов настолько отлучили крестьян от периодических дележей, что последние оказываются своего рода новинкой для позднейших крестьян-

ских поколений и поэтому в большинстве случаев совершены как бы в виде опыта, имеющего измениться и принять вполне законченные формы только с течением времени; таким, по крайней мере, характером отличаются самые сроки дележей. Равным образом и в *Моршанском* у. (где крестьяне, как и в Воронежском у., мало удобряют свои поля) краткие сроки назначены, главным образом, по непривычке производить переделы вне ревизии: многие не соглашались на передел вообще и в частности на продолжительный срок пользования землей по этому новому, необычному разделу, крестьяне ждут указа о новой переписи. В *Цивильском*, *Тетюшском* и *Лаишевском* уездах, где находится много общин, назначивших для следующего передела краткий срок, преобладающий контингент населения составляют иногородцы – татары или чувашки».

<...>

Итак, что касается общих коренных переделов земли – их вредное влияние на удобрение полей ограничивалось тем промежутком времени (в исключительных случаях растягивавшимся надолго), какой проходил между зарождением мысли о переделе и ее осуществлением. Для будущего в огромном большинстве случаев это вредное влияние предупреждается назначением таких длинных сроков следующего передела, которые вполне достаточны для того, чтобы удобрение полей сделалось обычным приемом массы членов общины, как скоро они считают его полезным. Раз это будет достигнуто – приближение момента передела заставит, может быть, совершать его менее тщательно некоторых зажиточных и притом жадных крестьян¹, так что года за два до его наступления небольшая часть лучше удобренных крестьянских полей приблизится к среднему уровню. Но и при этом поля окажутся не в потере, ибо тот навоз, который два года будет собираться в конюшне, после нового передела вывезется на ниву же и послужит удобрению другой полосы, может быть, той, которая прежде была у бедного хозяина и теперь очень кстати попала к зажиточному.

Впрочем, наибольшим препятствием сельскохозяйственным улучшениям служат не переделы, совершающиеся лишь через длинные промежутки времени, а часто повторяющиеся среди б. помещичьих крестьян жеребьевки или переверстки земли. Дело в том, что в первые годы по освобождении от крепостной зависимости, – по причине недостаточно точной расценки крестьянами полученного ими надела, а также потому, что поме-

¹ «Летом 1857 г., – пишет один из наблюдателей деревенской жизни, – крестьяне знали, что назначена ревизия и, следовательно, передел земли начнется с будущего года; но во всех виденных мной селениях никто не пожалел вывезти весь свой навоз на землю. Мало того, подгородные крестьяне возили и возят из города покупной навоз в том же самом количестве, в каком возили и в прежнее время, вероятно, потому, что рассчитывают за свое удобрение получить удобрение других». (Отч. зап. 1858, № 1. Ст. Соловьева «О поземельной собственности»).

щичьи крестьяне многих местностей приняли систему разверстки земли по работникам, – явилась необходимость в более или менее частом производстве жеребьевок пахотной земли. С течением же времени обстоятельства изменились: земля дорожала с каждым годом, ценность ее скоро догнала, а затем и перешагнула за выкупной платеж; члены общины перестали отказываться от частей надела, необходимость сваливать и наваливать души являлась редко; во многих местностях принята разверстка по ревизским или наличным душам. Потребность в переверстках земли значительно уменьшилась, главным ее мотивом сделалась уже необходимость качественного уравнивания участков членов общины, – необходимость, крайне настоятельная там, где надел очень неровен или разбросан многими кусками. Но здесь явились усложняющие обстоятельства: на сцену выступила новая потребность хозяйства – необходимость удобрения полей, тщательной их обработки; заявлялись требования удлинить промежутки между переверстками, уничтожить их вовсе или, по крайней мере, изъять из-под их влияния удобряемые части наделов. Общине предстояла трудная задача примирять разнообразные требования, создать формы компромисса, обеспечивающие как равенство в пользовании членами общины естественными свойствами земли, что представляет особенную важность для бедных членов общества, не имеющих возможности удобрять свои полосы, так и возможность улучшать землю, накапливать в ней запас производительных сил. И нельзя сказать, чтобы эта вторая задача была принесена в жертву первой. В большом числе общин, практиковавших часто повторявшиеся жеребьевки, таковые в последнее время стали производиться реже или вообще отменяются на всем поле или на удобряемой его части¹; иногда участки, отведенные для удобрения, подвергаются жеребьевкам через большие промежутки времени, нежели неудобряемые участки, или верстаются только между хозяевами, удобряющими землю. То же самое следует сказать о частных и общих переделах земли. Нужно иметь еще в виду, что жеребьевки и переделы земли производятся иногда при помощи так назыв. подвижки, при которой члены общества не получают совершенно новых участков по жребью, а лишь подвигаются насколько нужно в ту или другую сторону, вследствие чего большая часть хозяев сохраняют за собой большую или меньшую часть своих прежних участков (*Московская губ.: Калязинский, Макарьевский, Суражский, Вяземский уезды и др.*).

¹ Встречаются, однако, и случаи учащения жеребьевок или появления таковых в общинах, где они раньше не практиковались. Такие общины, насколько можно судить по имеющимся данным, в большинстве случаев отличаются, по-видимому, крайне разнообразным составом почвы надела и большими неудобствами его расположения, служащими препятствием равномерному распределению земли между членами общины, наряду с малой величиной надела, затрудняющей отвод полосы каждому домохозяину во всех участках, на какие можно бы разбить землю по качеству и положению.

<...>

Число и ширина полос. «Так как специальных сенокосов, кроме плавневых, у сельских общин *Херсонского* у. нет, то вся надельная земля, за вычетом усадеб, разделяется на 2 половины: толоку, где пасется скот, и царину, где хозяева и сеют, и выделяют отдельные участки перелога под сенокосение. Толока представляет один участок земли, который может сменяться на рабочее поле и оставаться бессменно под выпасом скота; царина же или рабочее поле разбивается на несколько столбов, клеток или участков, и каждый хозяин имеет по части своей надельной земли в каждом из таких столбов. Есть и такие общества, которые имеют всю пахотную землю “при месте”, т. е. в одном участке». «Размер надела оказывает свое влияние на число участков, на которое делится царина: деление ее более чем на 5 кусков встречается лишь у обществ, имеющих более 5 десятин; общество же с наделами не более 3 десятин на душу не идут далее дробления царины на 4 участка». Обыкновенно участки или нивки имеют в длину 160 сажен (редко 120 или 200), ширина же крестьянских полос бывает $7\frac{1}{2}$, 15 и т. д. до 30 сажен и более, так что получаются площади в $1\frac{1}{2}$ десятины, 1 дес. и т. д. Всего чаще встречаются участки в 1 десятину, особенно у б. помещичьих крестьян, получивших полный надел; у обществ б. государственных крестьян и б. южных поселян с большими размерами надела часто можно встретить участки в 2–3 дес.; у б. помещичьих крестьян, получивших неполный надел, участки по большей части гораздо меньше десятины; мелкие участки попадаются, однако, и в многоземельных общинах; так, в большом обществе южных поселян Шестерне, где надел равняется 9,2 дес. на душу, в пахотном поле встречаем участки от 2 дес. до 100 кв. саж., 40 и 30 кв. саж.; у южных поселян с. Ново-Курского участки пахотной земли колеблются от 228 кв. саж. до $1\frac{1}{2}$ дес.; наименьшие участки назначены под конопляники, баштаны, картофельное поле, большие – под хлеба. В *Тираспольском* у. во всех обществах, кроме дарственников, надел пахотной земли состоит из нескольких участков, расположенных чересполосно. Количество полей в обществах государственных крестьян колеблется между 2 и 12, в большинстве общин – между 5 и 8; в обществах помещичьих крестьян их не больше 8, обыкновенно же 4–5 (наибольшая чересполосица наблюдается у немцев – подворных владельцев). В *Одесском* у. лишь в немногих обществах (указано 3) пахотная земля каждого хозяина находится в одном месте; обыкновенно каждый член общества получает пахотную землю в нескольких (3–4) участках, причем ширина каждого участка колеблется от 8 до 45 саж. (что при длине участков в 160 саж. соответствует площади в $\frac{1}{2}$ – 3 дес.). В *Александрийском* у. отведение каждому члену общества надела в одном отрубе встречается в очень немногих, мелких об-

щинах б. помещичьих крестьян; «в обществах б. военных поселян, где есть хутора и левады отдельных крестьян, очень часто общество дозволяет прирезать весь надел (5–10 дес.) к хутору или леваде; в тех же случаях, когда общество такой прирезки не допускает, владельцы хуторов обмениваются своими участками с теми, которые получили пай поблизости». За указанными исключениями, каждый хозяин получает землю в нескольких участках (паях), причем в немногих обществах каждый душевой надел имеет пай в особом месте. Количество паев (пахотной и сенокосной земли вместе) доходит в некоторых обществах до 18; общее их число в уезде ок. 400 тыс., что дает среднюю величину пая (одинаковую для всех разрядов крестьян) в 0,93 дес. В *Елизаветградском у.* в немногих общинах пахотная земля каждого хозяина расположена в одном отрубе; обыкновенно же она состоит из нескольких участков (в помещичьих и государственных 2–5, военных поселян – больше), расположенных чересполосно. В некоторых обществах, преимущественно б. военных поселян, богатые крестьяне стремятся получить свой участок в одном отрубе. В *Мелитопольском у.* среднее число загонов при ревизской разверстке равняется 7, величиной 0,94 дес. каждый, при наличной – 6, размером 0,85 дес. Длина загона почти всегда 120 или 160 сажень, ширина от 9 четвертей до 27 саж. (наибольшая чересполосица наблюдается при подворном владении у болгар и немцев). В *Днепро-ском у.*, судя по примеру 8 общин, распашная земля нарезывается каждому в 3–6 местах, а в ст. Маячке в 14, в среднем по $\frac{1}{2}$ дес. на душу в каждом. В *Бердянском у.* длина полосы в имеющихся примерах 120 саж., наименьшая ширина душевой полосы (обыкновенно встречающаяся в меньшем числе участков, на какие разбиты угодья общины) $1-\frac{1}{2}$ саж. в одних общинах, 3–5 в других, 7–8 в третьих; наибольшая 20–30 саж. и выше. В христианских общинах Крыма наибольшее число полос в пахотном поле в 9 обществах государственных крестьян, о которых имеются точные сведения, достигает 19, число полос в 5 помещичьих общинах колеблется между 3 и 6; крестьяне, получившие дарственную землю, имеют пахотное поле в одной, реже в двух полосах. В *Бахмутском у.* большинство помещичьих общин, получивших неполный надел (всех таких общин ок. 100) и пользующихся пахотной землей по разделу (каковых насчитывается ок. 80), отводят своим членам пахотный надел в одном месте, ибо и земля здесь более или менее однокачественна, и разбитие ее на части дало бы слишком узкие полоски; около $\frac{1}{3}$ названных общин нарезают пахотную землю в 2–3 местах; немногие дробят надел еще больше. Помещичьи общины с полным наделом (всех их 122) отводят надел в 3–6 местах; редкие дробят землю больше и меньше этого. В *Ростовском у.* пахотное поле обыкновенно разбивается на 3–5 полос; в некоторых, преимущественно многоземельных,

обществах – на 7 полос. В *Славяносербском* у. при переделах пахотная земля разбивается на пайки длиной чаще всего в 120–160 сажень, шириной на душевой надел 11–15 сажень и больше. Есть деревни, где количество пайков достигает 15, обыкновенно же меньше, как это видно из следующих данных, относящихся к 99 общинам.

Разряды крестьян	Число общин	Число пайков пахотной земли	Число кв. сажень на паек
Собственники	70	291	1065
Дарственники	15	27	812
Б. государственные	14	128	822

Несмотря на большой надел государственных крестьян, величина пайков у них меньше, нежели у помещичьих. В.С. Пругавин объясняет это тем, что по причине молодости общины у б. помещичьих крестьян (коренные переделы стали практиковаться здесь в 60-х гг.) последние еще не выработали в себе такого стремления к уравниванию, какое развилось у б. государственных крестьян, практикующих коренные переделы больше 50 лет. В *Бугульминском* у. «вредное действие раздробленности до некоторой степени ослабляется обменом между общественниками душевых участков, неудобных для обработки». В *Бузулукском* у. ширина душевого загона не превышает

$\frac{1}{2}$ – 1 сажени	в 7 общинах	5,7%
2 сажени	в 14 общинах	11,3%
5 саженьей	в 43 общинах	34,7%
10 саженьей	в 27 общинах	21,7%
15 саженьей	в 14 общинах	11,3%
20 саженьей	в 5 общинах	4,0%
1 десятина	в 14 общинах	11,3%
Итого	в 124 общинах	100%

В *Ставропольском* у. ширина душевых полос колеблется от 1 саж. до десятины (при длине в 60, 80 и 100 сажень). Из приводимых примеров видно, что число загонов бывает 10–20¹. В южной части *Самарского* уезда, имеющей более ровную поверхность, количество душевых загонов равняется 1–4 в поле; по направлению к северу число их растет и в самых северных, возвышенных, изрытых оврагами волостях достигает 7–12. В *Николаевском* у.

¹ В некоторых районах межники в видах экономизирования земли усаживаются подсолнечником.

пахотная земля достается каждому в нескольких местах, число которых находится в зависимости от растянутости надела. Так:

в 15 общинах	пашня тянется на 3 версты	и число душевых полос 2
в 9 общинах	пашня тянется на 4–5 верст	и число душевых полос 4
в 22 общинах	пашня тянется на 6–7 верст	и число душевых полос 5
в 22 общинах	пашня тянется на 8–9 верст	и число душевых полос 5
в 18 общинах	пашня тянется на 10 верст	и число душевых полос 6–7
в 25 общинах	пашня тянется на 12–15 верст	и число душевых полос 6
в 9 общинах	пашня тянется на 20–30 верст	и число душевых полос 7–8

В немецких колониях дальние поля отстоят от селения на 12–50 в. и пахотная земля достается каждому в 4–6 местах в 6 общинах, в 7–10 местах в 7 общинах, в 11–13 – в 7 общинах, в 14–16 местах в 3 общинах. В *Новоузском* у. в русских общинах обыкновенно земля делится по расстоянию от усадьбы на ближние и дальние загоны, а по качеству на 2 разряда: солончаковую и суглинисто-черноземную; только в 5–6 общинах, по причине разнокачественности почвы, земля делится на большее число участков, вследствие чего на душу приходится 7–9 загонов; узких полос почти нет. В немецких общинах вследствие чересполосности земли разных колоний дробление надела развито больше, и во многих общинах число душевых полос достигает 10–17 в поле, а ширина их уменьшается до 1–2 саж.; в 4 колониях в интересах более успешной борьбы с сусликами число загонов уменьшено в последнее время с 8–10 до 2–3. В *Богодуховском* у. б. помещичьи крестьяне, получившие однокачественный и небольшого размера надел, при его распределении между членами общины мало обращали внимания на качество земли; указано одно селение (Кручик), наблюдающее за тем¹, чтобы каждый получил участок лучшей и худшей земли. Общины государственных крестьян, владеющие большими площадями, при переделах стремятся достигнуть уравнительной разверстки земли по качеству и расстоянию от усадьбы; происходящее от того дробление полей особенно развито на севере, где встречаются общины, отводящие своим членам пахотный участок в 20 кусках. Но и в этой разрядке крестьян встречаются общины, пренебрегающие этой стороной дела; в этих общинах «то весь надел пахоти дается в одном месте каждому двору, то под толочное поле отводится только по $\frac{1}{2}$ дес., то некоторые получают при усадьбе полный надел, а другие в

¹ В большинстве помещичьих общин уезда «толочную землю ежегодно делят или, по крайней мере, проверяют и то дают в одном месте всю причитающуюся часть, если земля однокачественна, то "душа" получает в 3 и 4 местах, иногда очень мелкими кусками». В немногих общинах, имеющих удобную фигуру надела, каждый двор получил всю землю одной полосой против усадьбы и распорядается ею, как знает: общей толоки нет.

нескольких кусках; словом, никакой заботы ни об общей толоке, ни об одинаковых условиях». В *Воронежском* у. во многих общинах хозяин получает в каждом поле по одной полосе, в других – от 2 до 7, редко до 10 и более полос (в многоземельных селениях). Основываясь на числе ярусов каждого поля, Сборник составил следующую таблицу идеального раздробления и, следовательно, чересполосности крестьянской земли *Острогожского* у.

Группы общин	Число общ.	Число душ. над.	Пахотная земля	Полос по числу душев. надел.	Средн. величина полосы
I с 1 полем	25	2504	2421 дес.	7307	0,33 дес.
II с 2 полями	23	3778	7770 дес.	22510	0,34 дес.
III с 3 полями	123	41467	137289 дес.	430779	0,32 дес.
IV с 4 полями	67	43617	193670 дес.	626859	0,31 дес.
Итого	238	91421	341150 дес.	1087475	0,32 дес.

Итак, душевая полоса колеблется около $\frac{1}{3}$ десятины, а так как большая часть хозяев получает по несколько наделов (в среднем, по указанным группам на каждого хозяина приходится 2,4–2,8 надела), то общее число полос в 2,8 раза меньше указанного, и в среднем на каждого из 33 000 хозяев уезда приходится не 33 полосы, как говорит приведенная таблица, а около 12. Это количество еще уменьшается обменом участками, совершаемым очень многими хозяевами с целью сведения полос. Число полос по отдельным общинам колеблется в I группе от 1 до 8, во II – от 1 до 14, в III – от 1 до 12, в IV – от 1 до 16 в поле. Ширина душевой полосы равняется 1–10 саж.

В *Белгородском* у. пахотная земля разбивается при переделах на части («шары», «волоки»), в которых отводится полоса каждому хозяину. В 8 общинах б. государственных и 9 общинах б. помещичьих крестьян этих частей не более 10, в 3 общинах государственных и 3 помещичьих – 11–13, в 3 общинах государственных крестьян – 20. Кроме того, остаются небольшие площади (наконечники), которые или разверстываются между всеми (в общине помещичьих крестьян с. Наумовки Толоконской вол. – ступнями), или сдаются в аренду. В *Новооскольском* у. ширина душевой полосы по данным, относящимся к 4–5 общинам, колеблется от $\frac{1}{2}$ до 35 сажень при длине полосы в 60–80 сажень. В *Тимском* у. по сведениям, относящимся к 4 обществам б. помещичьих крестьян, число полос пахотной земли, отводимых каждому члену общины в 3 полях, равняется 6, 9, 11 и 12. В *Шумакове* Никольской вол. одни домохозяева получают надел только в ближайших участках поля, другие – только в дальних. В *Мценском* у., по причине

разнообразия почвы, неровности рельефа земли и неудобства расположения надела, лишь в виде исключения встречаются общества (названо 6), где каждый хозяин получает по одной полосе в поле; обыкновенно же их гораздо больше: в преобладающем числе общин количество полос меньше 10 в каждом поле, но в некоторых достигает 77–79 в 3 полях. «Малодушники, получающие слишком узкие полосы, стараются увеличить их путем мены загонами между собой». В *Елецком* у. указано число полос для 34 общин помещичьих крестьян и 10 государственных; так как число полос во всех трех полях неодинаково, то различной оказывается и ширина душевой полосы во всех полях той же общины. Самая узкая полоса равнялась $\frac{1}{2}$ аршина в одной общине (многие путем обмена увеличили ширину своего участка), $\frac{1}{2}$ сажени в 1 общине, $1\text{--}1\frac{1}{2}$ саж. в 8 общ., 2–3 саж. в 7 общ., 4–5 саж. в 6 общ., 7–8 саж. в 2 общ. Самые широкие душевые полосы в тех же общинах равняются 3–4 саж. в 3 общинах, $5\text{--}7\frac{1}{2}$ саж. в 8 общинах, 10–15 саж. в 11 общ., 20–35 саж. в 2 общинах. Отрезки, где таковые оставались, разбивались между хозяевами еще более узкими полосками. В 4 общинах указывается на обмен загонами для увеличения их ширины. Длина полосы колеблется от 40 до 80 саж. В *Трубчевском* у. по причинам, зависящим от состава и рельефа почвы, растянутости и чересполосности наделов некоторых общин, землю приходится разбивать на очень большое число участков. По имеющимся данным наименьшая ширина полосы равняется: $3\frac{1}{2}$ лаптям в 1 общине, 1 аршину в 2 общ., $\frac{1}{2}$ сажени в 2 общ., 1 саж. в 2 общинах; наибольшая ширина в тех общинах равняется 1 сажени в 2 общинах, $1\frac{1}{2}$ саж. в 1 общ., 2 саж. в 1 общ., несколько саж. в 1 общине. Каким образом однодушники обрабатывают столь узкие участки и принимают ли какие-либо меры для обращения их в более широкие, в Сборнике не говорится, за исключением указания на государственную общину д. Белоголовичи Усохской вол., где боронят сразу два загона (самый узкий из них равняется 1 арш.) и потом проводят между. С. Комягино (удельное) Усохской вол. после неудачной попытки произвести в 1886 г. передел земли по наличным душам сделало жеребьевку с целью уменьшения числа полос с 16 до 12 в пол. Некоторые общины (например, Уруччинской вол.) не преследуют цели полного уравнивания всех хозяев, не производят строгого разделения надела на «сорта», не кидают жеребья, а разделяются на «глазомер», «по согласию», отчего количество полос у них не превосходит 3–5 в каждом поле, а некоторые хозяева пожелали взять свою долю в каждом поле в одном месте. В *Усманском* у. поля разбиты на столбы, имеющие обыкновенно 80 саж. ширины, иногда 60, редко 100 и 120 саж. Столбы разбиваются на десятины, большей частью тридцатки (казенные, 2400 саж., 120 x 80 саж.). «Группируясь при переделах полей на жеребьевые группы

(от 4 до 10 душ), крестьяне дают на каждый жребий по тридцатке или кругу». При разделе полей крестьяне дробят последние на несколько частей, вследствие чего душевая полоса имеет 3–10 саж. ширины; широкое применение обмена полос (причем обменивающимся ради сведения их к одному месту приходится жертвовать качеством или близостью участка) устраняет слишком узкие загоны. Так, при переделе в с. Студенце однодушники получили по 7 полос в каждом поле в 3 саж. шириной; обменом же полос крестьяне свели участки к 1–3 местам. При очевидной невыгоде обмена для одной стороны противная угощает ее водкой. В *Шацком* у. в некоторых общинах поле, разбитое по качеству и расстоянию от усадьбы, делится между всеми; в других – на жребий полагается определенное количество земли (1–2 дес. и т. д.), и лишь десятины сортируются по качеству. Судя по приведенным примерам, душевая полоса равняется обыкновенно 2–4 саж., иногда шире или уже (до $\frac{1}{2}$ саж.). В *Козловском* у. благодаря однокачественности почвы и растянутости наделов пахотные поля при переделе сортируются не столько по качеству, сколько по расстоянию от усадьбы. В *Борисоглебском* у. благодаря однокачественности чернозема пахотное поле разбивается на небольшое число «дележей», от 3 до 6. Сообразно этому и душевые полосы не узки: в большинстве случаев они равняются 5 саж. при длине в 40–80, а иногда 100 саж. В *Липецком* у. нарезаются узкие полосы (судя по приводимым примерам не уже 1 саж.), но затем отдельные хозяева путем обмена, по соглашению, соединяют их в возможно меньшее число полос. В *Моршанском* у., по причине разнокачественности и неровности почвы, при переделах земля сильно раздроблена, и так как крестьяне стараются разверстать между всеми даже отдельные небольшие участки, выдающиеся по плохому своему качеству, то местами встречаются душевые полосы в $\frac{1}{2}$ – 1 аршин ширины. Однодушники путем обмена стараются довести свои загоны до такой ширины, которая допускала бы обработку поля. В *Спасском* у. ширина душевых загонов – от $\frac{1}{2}$ до 3 саж.; разница зависит не от размера надела, а от большей или меньшей качественной однородности почвы; хозяевам, получающим землю в особенно плохих местах, даются более широкие полосы («наметка»). В Кошаковской вол. *Казанского* у. число полос, достающихся семье, колеблется от 3 до 35 в поле; в 4 общинах оно меньше 10, в 12 общинах от 10 до 20, в 5 общинах от 20 до 35; наибольшее число полос в 3 полях – 90. В *Рязанском* у. «техника доведена до изумительного совершенства» в смысле уравнивания всех членов общины в пользовании всеми удобными и неудобными свойствами мирской земли. «Чтобы добиться строгого уравнивания земли по качеству, приходится разбивать поле на много клочков, отчего полосы домохозяина иногда становятся весьма узки; с целью избавиться от этого неудобства

практикуется обмен полос, разверстка полос двум домохозяевам не вдоль, а поперек и пр.; но все же при малом наделе полосы однодушников бывают “не шире бороны”». В *Михайловском* у. наименьшая ширина душевой полосы равняется:

до 1 саж.	в 83 общинах помещичьих крестьян,	7 общинах государственных
до 2 саж.	в 47 общинах помещичьих крестьян,	6 общинах государственных
до 3 саж.	в 29 общинах помещичьих крестьян,	2 общинах государственных
до 4 саж.	в 15 общинах помещичьих крестьян,	1 общине государственных
до 5 саж.	в 1 общине помещичьих крестьян	—
до 6–8 саж.	в 3 общинах помещичьих крестьян	2 общинах государственных

Наибольшая ширина полосы в тех же общинах равняется:

от 1 до 2 саж.	в 25 общинах помещичьих крестьян	—
от 2 до 3 саж.	в 37 общинах помещичьих крестьян,	6 общ. государств. кр.
от 3 до 4 саж.	в 26 общинах помещичьих крестьян,	1 общ. государств. кр.
от 4 до 5 саж.	в 60 общинах помещичьих крестьян,	5 общ. государств. кр.
от 5 до 6 саж.	в 6 общинах помещичьих крестьян	—
до 7 до 9 саж.	в 12 общинах помещичьих крестьян,	1 общ. государств. кр.
от 10 до 15 саж.	в 15 общинах помещичьих крестьян,	5 общ. государств. кр.
от 16 до 20 саж.	в 2 общинах помещичьих крестьян	—

В некоторых общинах ширина полос во всех полях приблизительно одинакова и равняется:

до 1 саж.	в 1 общине помещичьих крестьян	—
до 2 саж.	в 6 общинах помещичьих крестьян,	1 государств. крестьян
до 3 саж.	в 14 общинах помещичьих крестьян,	1 государств. крестьян
до 4 саж.	в 8 общинах помещичьих крестьян	—
до 5 саж.	в 7 общинах помещичьих крестьян,	1 государств. крестьян
до 6–8 саж.	в 1 общине помещичьих крестьян,	1 государств. крестьян
до 9–12 саж.	в 2 общинах помещичьих крестьян,	1 государств. крестьян

В *Егорьевском* у., отличающемся плохой и разнокачественной почвой, дробление земли при переделах идет гораздо дальше, нежели в предыдущем уезде, отчего и душевые полосы уже.

Наименьшая ширина душевой полосы равняется:

У помещичьих крестьян		У государственных крестьян	У государ., водворенных на собственных землях
до 1 аршина	у 141 общины	у 70 общин	у 3 общин
выше 1 и до 2 аршин	у 140 общин	у 22 общин	у 8 общин
выше 2 и до 3 аршин	у 50 общин	у 7 общин	у 3 общин
выше 3 и до 4 аршин	у 2 общин	—	—
выше 4 и до 5 аршин	—	—	у 1 общины
выше 5 и до 6 аршин	у 7 общин	у 2 общин	у 1 общины
до 12 аршин	у 3 общин	—	—
до 15 аршин	—	у 1 общины	—

Наибольшая ширина душевой полосы равняется:

У помещичьих крестьян		У государственных крестьян	У государ., водворенных на собственных земл.
до 1 аршина	у 11 общин	у 1 общины	—
выше 1 и до 2 аршин	у 151 общины	у 72 общин	у 3 общин
выше 2 и до 3 аршин	у 89 общин	у 14 общин	у 4 общин
выше 3 и до 4 аршин	у 19 общин	у 2 общин	у 2 общин
выше 4 и до 5 аршин	у 22 общин	—	у 2 общин
выше 5 и до 6 аршин	у 11 общин	—	у 1 общины
выше 8 и до 9 аршин	у 13 общин	у 4 общин	у 2 общин
в 12 аршин	у 11 общин	у 2 общин	у 1 общин
в 15 аршин	у 5 общин	у 2 общин	—
в 18 аршин	у 6 общин	у 4 общин	—
в 24 аршин	у 2 общин	—	у 1 общины
в 30 аршин	—	у 1 общины	—
в 60 аршин	у 1 общины	у 1 общины	—

Для некоторых общин указана только одна цифра для ширины душевой полосы, а именно:

до 2 аршин	у 25 общ. б. помещ. кр.,	у 5 общ. государств. кр.
выше 2 и до 3 аршин	у 18 общ. б. помещ. кр.,	у 1 общ. государств. кр.
выше 3 и до 4 аршин	у 2 общ. б. помещ. кр.	—
выше 5 и до 6 аршин	у 4 общ. б. помещ. кр.	—
выше 8 и до 9 аршин	у 8 общ. б. помещ. кр.	—

В *Вяземском* у. число полос, судя по имеющимся данным, колеблется в различных общинах от 11 до 60 в 3 полях, в среднем – от 45 до 50. Ширина душевой полосы колеблется от 5 до 8 аршин, но такие узкие полосы в действительности встречаются редко, во-1-х, потому что семей, владеющих одним наделом, немного (8,4%); во-2-х, потому что при общих и частных переделах однодушники – соседи по полосам – довольно часто обмениваются полосами, одинаковыми по качеству, и образуют для себя меньшее число, но более широких полос; для удобства такого обмена однодушники при переделах стараются войти в одну группу, дабы получить полосы по соседству. К обмену полос прибегают и многодушники в окраинных участках поля, отличающихся плохой почвой и большой дробностью полос. В *Петербургском* у., судя по приводимым примерам, число полос, получаемых каждым в пахотном поле, невелико; так, в с. Мурина члены общества получили все угодья в 7 местах, в Н. Деревне в 8–12 местах, в д. Новой и Сергиевской – в 15. Что касается собственно пахотной земли, в Парголово-ской вол. она отводится 6 полосами, в с. Леснозаводском в 1869 г. число полос было уменьшено с 9 на 6. В *Московской* губ. в немногих общинах число ярусов равняется 3–4 в поле, в среднем для 800 общин в 3 полях насчитывается 33 яруса. Из 70 общин *Подольского* у., о которых имеются сведения, в 68 существующие ярусы заведены истари, и число их при новых переделах не изменялось; в 2 общинах число ярусов подверглось сокращению. Наименьшая ширина однодушевой полосы равняется $1\frac{1}{2}$ аршинам (Орлов, гл. 2). В некоторых общинах *Калезинского* у. во избежание очень узких полос домохозяева-соседи обмениваются своими загонами. «Первые полосы, чаще других подвергающиеся потравам, иногда делят между всеми или условливаются обрабатывать всем вместе в одно время». Некоторые общины (названо 3) уравнивают подлежащее разделу пространство, вспахивая запущенные полосы и заравнивая межи.

Причины и статистика жеребьевок. В *Елизаветградском* у. в видах уравнения членов общества в пользовании качественными особенностями надела 82 общества б. военных поселян и помещичьих крестьян (в северной части

уезда) через промежутки в 1–3 года производят жеребьевку, при которой отдельные хозяйства получают новые участки по жребию; там, где существует обмен толоки на пашню, он совершается в момент жеребьевки. Общины *Александрийского* у. сгруппированы в материалах в следующую табличку:

Общества	Б. военные поселяне	Б. госуд. крестьяне	Б. помещ. крестьяне	Всех
1) с коренными переделами	7	—	—	7
2) с жеребьевкой				
а) без обмена толоки на пашню	3	6	131	140
б) с обменом толоки на пашню	43	2	49	94
3) без жеребьевки	1	15	177	193
Итого	54	23	357	434

В той или другой форме жеребьевки наблюдаются преимущественно в обществах военных поселян, которые имеют большие дачи и потому разнообразную по качеству почву. В географическом отношении они распространены главным образом в северной и северо-западной частях уезда, отличающихся разнокачественной почвой. У 10 обществ полевая земля поступает в жеребьевку не одновременно со специальными угодьями, а у 9 обществ бывают жеребьевки не всех угодий. В *Тираспольском* у. пережеребьевка производится периодически у 3 обществ б. помещичьих крестьян и, кроме того, наблюдалась по различным экстраординарным случаям (разверстка между всеми выморочных наделов, увеличение надела и т. п.) у 8 помещичьих обществ. В *Херсонском* у. у 18 обществ б. помещичьих крестьян, 6 обществ б. государственных крестьян и 5 – военных поселян бывают жеребьевки всей земли, а в 15 общинах б. помещичьих крестьян и 4 – военных поселян – только рабочего поля (царины), а не толоки. Кроме того, в 9 обществах б. помещичьих крестьян, 6 б. государственных и 4 военных поселян был произведен «хозяйственный передел, т. е. переверстка на то же количество ревизских душ, что было и вначале, без изменения размера наделов, но только с ломкой существовавших прежде меж участков» всей земли, а в 4 обществах б. помещичьих крестьян, 2 б. государственных и 1 – военных поселян – только царины. В 32 обществах были коренные переделы, но и они во многих обществах касались только царины, толока же оставалась бессменной. Ни в одном из новопоселенных сел государственных крестьян не было ни переделов, ни жеребьевок. В *Мелитопольском* у. жеребьевки при наличной раскладке предупреждаются коренными переделами и потому встречаются в виде исключения; при ревиз-

ской разверстке они бывают часто, главным образом, для устранения чересполосицы, развивающейся благодаря переходу земли из рук в руки, затем, при расширении пашни насчет толоки, при обмене толоки на пашню, в случае необходимости отвести особый участок под какую-либо специальную культуру (например, под картофель), при разверстании между всеми убылых душ и т. п. Указано около 10 общин, производивших жеребьевки. В *Днепровском у.* жеребьевки для разверстания убылых душ, для обращения толоки в пашню и т. д. бывают в очень многих общинах; периодически (через 2–10 лет) для качественного уравнивания земли они производятся в 5–6 общинах (государственных и помещичьих крестьян). В *Бердянском у.* жеребьевка для качественного уравнивания земли если встречается, то, по-видимому, очень редко. В Сборнике указывается до дюжины общин, где повторялись несколько раз переделы по старым ревизским душам, и до 40 общин, где периодически – редко ежегодно, обыкновенно через 2–3 года, иногда через 4 (что зависит, между прочим, от степени засорения поля травами) или через 5 лет, даже реже – происходит смена толоки на пашню. Где указан момент первой смены, он обыкновенно совпадал с первым или одним из следующих переделов по новым душам, а во многих общинах эта смена совершается при каждом переделе, который для этого повторяется через краткие сроки; это, например, имеет место в старых общинах: Очереватой Сладко-Балковской вол., с. Белицком, с. Поповке (2 общины); в новых: Юрьевке и Камышеватке Н. Алексеевской вол. В большей же части общин смена толоки на пашню повторяется чаще, нежели переделы; но лишь в немногих случаях упомянуто, что при этом происходит жеребьевка земли (например, общество Солтычи Поповской вол., Н. Алексеевка). В христианских общинах Крыма (исключая 21 общину дарственников и те помещичьи, которые владеют небольшими размерами пашни), по причине господствующего здесь переложного хозяйства, через 4–5 лет бывает смена толоки на пашню, при которой хозяева получают полосы по жребью, т. е. производится вместе с тем жеребьевка. В *Ростовском у.* жеребьевки производятся для качественного уравнивания участков разных хозяев и для обмена толоки на пашню, составляющей необходимость ввиду господства переложного хозяйства. Так как качественное разнообразие почвы вероятнее при многоземелии, то из многоземельных общин лишь в Кагальницкой (где 56% семей не занимаются земледелием, а отдают все силы рыболовству) не существует периодических жеребьевок. В армянских обществах в обмен на толоку ежегодно поступает часть засеваемой земли. В *Бахмутском у.* 30 общин не производят посева на своей земле; из остальных 227 жеребьевки наблюдается у 188. Жеребьевки, кроме цели уравнивания землепользования членов общины в качественном отношении, имеют в виду также обмен толоки на пашню в видах восстановления производительных сил почвы. О важности этого требования

можно судить по тому, что 16 общин б. помещичьих крестьян вынуждены были в начале 80-х годов пустить в толоку всю свою землю, а для посевов ограничиваться арендованным угодьем. В *Славяносербском* у. жеребьевки наблюдаются у 120 общин; целью их является, с одной стороны, уравнение всех членов общины в пользовании естественными качественными особенностями почвы, с другой – передача разработанной богачами мягкой земли бедным членам общины. По-видимому, жеребьевки в этом уезде находятся в известной связи с явлением обмена толоки на пашню: по крайней мере, можно сказать, что общины, не обновляющие пахотное поле, в большинстве случаев не производят и жеребьевок и что обмен толоки на пашню в остальных общинах обыкновенно совершается в те же сроки, что и жеребьевки.

В *Хвалынском* у., вследствие крайнего разнообразия почвы, жеребьевки пользуются большим распространением и производятся через краткие промежутки времени (например, ежегодно). В *Саратовском* и *Царицынском* уездах главными причинами жеребьевок являются разнокачественность земли и свалка-навалка душ (главным образом в общинах, где надел не окупает платежа), порождающая чересполосицу; на втором плане стоят неудобства положения части надела (ведущие к смыванию почвы водой или ее затоплению при весеннем разливе, заминке полос, расположенных около дороги, и т. п.), необходимость ежегодного отвода к «одному углу» наделов, сдаваемых в аренду, или прирезки арендуемого надела к полосе арендатора, без чего их не берут в аренду. В *Бузулукском* у. 16 общин б. государственных крестьян не производят жеребьевок, а из 270 общин, для которых отмечены более или менее частые жеребьевки земли, причинами таковых являются: в 113 общинах распределение между домохозяевами пустовых душ, в 58 общинах переселение крестьян в прием на их место новых членов, в 43 – отрезка мирской земли (пахотной или выгона) для сдачи в аренду своим или чужим зажиточным домохозяевам с целью покрытия экстренных мирских расходов; в 36 – разнокачественность и растянутость надела; в 12 – нарезка наделов возвратившимся со службы солдатам и в 8 общинах распределение наделов, отнимаемых у недоимщиков, между исправными домохозяевами (в 6 общ. госуд. крестьян и 2 – помещ.). По неполным сведениям, в 25 общинах государственных крестьян *Бугульминского* у. от времени до времени практикуются переверстки по различным причинам; в 47 общинах помещичьих крестьян на выкупе, где земля с трудом окупает платежи, переверстки бывают через 1–2 года для распределения пустовых душ (на работников или на неревизных); в 5 общинах помещичьих крестьян на выкуп (где земля окупает платежи и унавоживается) и в 95 общинах государственных крестьян переверсток в последнее 25-летие не было. В *Ставропольском* у. постоянные и главные причины жеребьевок суть: накопление пустовых душ, которые нужно распределить между

членами общины, разнокачественность почвы и неудобное положение надела (особенно у крестьян бывших удельных и помещичьих); это неудобное положение особенно заметно в 68 общинах (26% всех общин уезда), где чужие угодья врезаются в крестьянские наделы клином или даже расположены внутри крестьянской земли, что ведет к постоянным потравам крестьянским скотом чужих угодий. Случайные причины жеребьевок суть: отрезка излишней земли, отчисление и причисление душ, выделение земли, выкупленной отдельными лицами, к одному месту и др. В *Бугурусланском* у. в 93 общинах был коренной передел, из остальных в 49 не было в последние 25 лет жеребьевок: в 6 (б. помещичьих) – потому что крестьяне смотрят на выкупаемую землю как на личную собственность, в 36 – за однокачественностью почвы и ожиданием ревизии; в 52 общинах жеребьевки были однажды в 5 лет «от пустоты»; в 47 общинах – 2 раза в 10 лет от выселения и принятия новых членов; в 26 общинах (б. помещичьих крестьян) жеребьевки, имеющие целью качественное уравнение членов общества в пользовании мирской землей, совершаются ежегодно. В *Самарском* у. причинами жеребьевок являются: 1) неправильное очертание полос и разнокачественность земли, 2) неудобство положения загонов (различная степень отдаленности от усадьбы, положение вдоль проезжей дороги, отчего они подвергаются заминкам, несмотря на то, что крестьяне иногда отделяют их от дороги глубокими ямами, рытыми миром), 3) накопление пустовых душ. Жеребьевки со времени ревизии встречались у 215 обществ и отсутствовали у 15 обществ б. государственных и удельных крестьян. По сведениям, относящимся к 170 общинам (из 298) *Николаевского* у., за последние 30 лет не было жеребьевок у 28 общин; в остальных причинами жеребьевок является, между прочим, необходимость обмена пашни на толоку. В общинах помещичьих крестьян *Суражского* у. жеребьевки практикуются в широких размерах; в *Богодуховском* же у. жеребьевки, по-видимому, если и встречаются, то в виде исключения. В *Острогожском* у. главная причина жеребьевок – разнокачественность почвы; гораздо менее распространенная – накопление мироплатимых душ, которые каждый хозяин, получивший их, желает иметь смежно со своим наделом. По разрядам крестьян жеребьевки распределяются следующим образом:

	Государ.		Собствен.		Дарствен.		Всего	
Коренные переделы	56 общ.,	49,6%	8 общ.,	7,6%	—	—	64 общ.,	26,2%
Жеребьевки	47 общ.,	41,6%	77 общ.,	72,6%	17 общ.,	68%	141 общ.,	57,8%
Отсут. перед. и жереб.	10 общ.,	8,8%	21 общ.,	19,8%	8 общ.,	32%	39 общ.,	16,0%
Итого	113 общ.,	100%	106 общ.,	100%	25 общ.,	100%	244 общ.,	100%

В *Тимском* у. жеребьевки наблюдаются в 2 общинах б. помещичьих крестьян – Мантурове и Надежовке; в *Курском* у. в 2 обществах, из них в одном – для качественного уравнивания; в *Щигровском* у., с более разнокачественной почвой, жеребьевки встречаются чаще. В следующих уездах Курской губ. они пользуются значительным распространением. В *Белгородском* у. жеребьевки встречаются у 66 из 187 общин с мирским владением земель (в том числе у 18–20 общин государственных крестьян из 65 общин этого разряда); в некоторых общинах они являются результатом частных переделов, как, например, наделения земель николаевских солдат, или разверстания выморочных наделов и совершаются в неопределенные сроки, причем в некоторых общинах они были всего 1–2 раза; в других – жеребьевки служат для качественного уравнивания земли, и здесь они обыкновенно повторяются периодически. В *Корочанском* у. жеребьевки в целях уравнивания в пользовании всех членов общества всеми особенностями надела или для разверстания убылых душ и т. п. отмечены приблизительно в 30 общинах (из 130). В *Новооскольском* у. из всего количества около 160 общин жеребьевки наблюдаются непериодически в 8–10 общинах, периодически приблизительно в 40 общинах б. помещичьих крестьян и 13–15 государственных; причиной большей части непериодически повторяющихся жеребьевок и немногих периодически повторяющихся служит необходимость разверстания наделов, оставляемых на общество крестьянами, выселяющимися или отправляющимися на заработки; наиболее же распространенной причиной жеребьевок является разнокачественность надела и его разбросанность в нескольких кусках. В *Старооскольском* у. жеребьевки (главным образом для качественного уравнивания) периодически наблюдаются в 2 общинах б. государственных крестьян (из 27) и в 31 б. помещичьих (из 120). В *Темниковском* у. жеребьевки в последнее десятилетие наблюдались в немногих общинах б. помещичьих крестьян. В *Курсановском* у. насчитывается до десятка общин государственных крестьян, производивших после X ревизии жеребьевки для обмена загонами; среди помещичьих крестьян, по причине, между прочим, свалки-навалки душ, жеребьевки встречаются у большей части общин. В *Липецком* у. жеребьевки по случайным причинам (размежевание, разверстка наделов выселившихся хозяев и т. п.) встречались у 6–7 общин б. государственных крестьян; в *Усмановском* у. частью вследствие разнокачественности почвы, частью по случайным причинам жеребьевки со времени отведения наделов наблюдались у 20 общин, преимущественно б. помещичьих крестьян. В *Лебедянском* у. жеребьевка встречается редко: до 10–12 государственных и помещичьих общин производили их по какому-нибудь особому случаю, около полудюжины совершают их периодически: 2–3 общины вследствие свалки-навалки душ (общество с. Троекурова с 1875 г. ежегодно перекладывает наделы недоимщиков), 3–4 – для обмена загонами. В *Шац-*

ком у. среди помещичьих крестьян жеребьевки наблюдаются у 30% общин (около 100, в том числе 15–20 мелких общин 3 поселений); в *Спасском* у. жеребьевки у государственных крестьян бывают в исключительных случаях, у помещичьих частые жеребьевки (с целью сведения полос и качественного уравнивания) встречаются в небольшом числе обществ. В *Козловском* уезде, где свалка-навалка душ не практикуется и земля довольно ровна в почвенном отношении и по рельефу своей поверхности, периодическая жеребьевка (через 1–10 лет) наблюдается меньше, нежели в 10 общинах; около 30 общин совершали жеребьевку по особым случаям: наделение земель отставных солдат, отрезка полевой земли под усадьбы или выдел ее причту, перестройка села после пожара по новому плану, при получении общиной нового участка земли, для отграничения наделов крестьян, ведущих хозяйство, от тех, которые сдают их в аренду (встречается в немногих общинах, преимущественно подгородных) или даже продают (отправляясь сами на новые места), при перераспределении накопившихся за обществом наделов. В *Елатомском* у. у государственных крестьян жеребьевок земли не бывает; у помещичьих, судя по примерам, в большинстве общин их или не бывает, или они совершаются по особым случаям. В *Борисоглебском* у., где свалок-навалок не практикуется, причинами жеребьевок служат: 1) разнокачественность почвы и неудобное положение загонов (имеющее следствием потравы и заминки краевых полос), которое нельзя вполне уравнивать прибавками к участкам излишка земли (этой причиной объясняется частота жеребьевок в общинах, расположенных по левому берегу р. Вороны); 2) отдаленность полей от усадьбы в тех случаях, когда в этом отношении нельзя уравнивать всех хозяев; 3) выдел участка мирской земли для той или другой цели (сдачи в аренду для покрытия какого-либо расхода: уплаты недоимки, постройки и украшения храма, постройки хлебного магазина, общественной аренды земли и т. д.). Жеребьевки встречаются в 75 общинах из 245, или в 30,6%, из них 16 – общины государственных крестьян (всех общин госуд. кр. 105). В *Тамбовском* у. у государственных крестьян периодические жеребьевки с целью качественного уравнивания земли наблюдаются у 4–5 общин, случайные же были по одному, редко 2–3 раза у 15–20 общин: в 6 общинах после отрезки земли под железную дорогу и размежевания с соседними владельцами, в 7 общ. по случаю выселения нескольких семей и разверстания их наделов между остающимися, что удобнее сделать, переверстав заново землю; в нескольких общинах для проверки правильности существующего распределения земли по ревизским душам. Жеребьевки у помещичьих крестьян гораздо распространеннее; это потому что при разверстании с владельцами они получили новую, неизвестную им землю и что в первое время по освобождении они часто практиковали свалку-навалку душ. Теперь, когда названные причины жеребьевок исчезли, послед-

ние периодически повторяются сравнительно в немногих общинах, короткие промежутки между жеребьевками заменяются длинными и т. д. Случайные причины жеребьевок: разверстка наделов переселенцев, отведение наделов новым членам общества, проверка правильности распределения земли. В д. Сатиной (бесхозных 48%), где много хозяев (28%) не имеют никакого скота, владеющие таковым отделяют часть своей пашни под выгон, и так как это совершается ежегодно, то ежегодно же здесь прибегают и к жеребьевке. По случайным поводам жеребьевка была у 25 общин б. помещичьих крестьян; периодически повторяется она у 55–60 общин. В *Рязанском у.*, в северной его части, где практикуется тяговая система разверстки, жеребьевка довольно часто производится с целью устранения чересполосицы, развивающейся вследствие часто повторяющейся свалки-навалки душ. Другие причины жеребьевок: недостаточное уравнивание по качеству участков при последнем переделе, выселение части хозяев на полевою землю после пожара (чтобы построиться согласно утвержденному плану), отрезка спорной земли и т. д. В южной части уезда (где расположено около 390 общин из 633) переверстки бывают в исключительных случаях. Для *Михайловского у.* указано около 30 общин б. помещичьих крестьян и 6 б. государственных, практикующих жеребьевки¹. В *Раненбургском у.* жеребьевки отмечены в двух общинах помещичьих крестьян: в д. Братове Нарышкинской вол. жеребьевка производится ежегодно по причине ежегодно же совершающегося отвода наделов недоимщиков к одному месту для сдачи их в аренду купцам; в с. Гагине она происходила со времени освобождения 2 раза и имела целью уничтожение чересполосицы, происшедшей вследствие свалки-навалки душ. В *Данковском у.* жеребьевка отмечена в 7–8 общинах: в 3 общинах помещичьих крестьян и 1 государственных (3 из них образуют одно поселение) Еропкинской вол. жеребьевка дальнего запольного участка для качественного его уравнивания производится в одной общине ежегодно, в 3-х – через 2–3 года; в д. Племянникове (помещ.) Знаменской вол. жеребьевка является следствием частных переделов; частые жеребьевки наблюдаются в д. Нилве (помещ.) Одоевской вол. В северной части *Мценского у.* с суглинистой и супесчаной почвой, требующей сильного удобрения, которое поэтому распространяется по возможности на весь надел, не было коренных переделов земли, не практикуются и жеребьевки, исключая заливных земель и участков, по положению недоступных унавоживанию (последние не везде подвергаются жеребьевке). В южной половине уезда с преобладанием черноземной почвы и где удобряются лишь ближайшие части поля (в размере около 5 x 80 кв. саж.), переделы не касались навозников, и жеребьевки (тоже за исключением навозников) применяются почти всюду и чаще

¹ Малинковской вол. (8 общин), Маковской (3 общ.), Шахинской (6 общ.), Печерниковской (5 общ.), Горностаевской (3 общ.), Лужковской (9 общ.), Митяковской (1 общ.), Токаревской (1 общ.) волости.

всего производится ежегодно в паровом клину, в очень немногих общинах – в паровом и яровом. В *Елецком* у. жеребьевка по случайным поводам была в одной общине Казинской вол., 2 общинах Становлянской вол. и 3 Предтеченской; правильно периодически (в одной общине для разверстки между всеми хозяевами убылых наделов, в остальных – для качественного уравнивания) они повторяются в 8 общинах б. помещичьих крестьян и в общине госуд. кр. д. Орановки Стегановской вол. (ревизская разв.), где ежегодно переделяется между хозяевами дальний участок поля. В *Трубчевском* у. почва отличается разнокачественностью, болотистостью, неровным рельефом; крестьянский надел нередко растянут и разбросан в нескольких участках; так как главный доход крестьяне получают от посева конопли, то на конопляники они употребляют и весь навоз, вследствие чего полевая земля, несмотря на ее плохое качество, удобряется только в немногих обществах. Таким образом, свойства надела не допускают уравнительного по качеству распределения земли между членами общины, а отсутствие удобрения не препятствует тому, чтобы это уравнивание достигалось с помощью более или менее часто повторяющихся жеребьевок; этим объясняется широкое распространение жеребьевок в уезде. Периодические жеребьевки наблюдаются у 12–15 общин (из 69) б. удельных крестьян, 2–3 общин б. государственных (из 70) и у 40–45 б. помещичьих (из 122). В *Казанском* у. жеребьевки наблюдаются во многих общинах с ревизской разверсткой земли; в *Лаишевском* у. – в 15 общинах, разверстывающих землю по работникам; из 206 общин, разверстывающих землю по ревизским душам, о 44 сведений не имеется, 129 не практикуют жеребьевок, прибегают к ним 33 общины: 2 б. государственных крестьян, 2 б. удельных и 29 б. владельческих. В *Тетюшском* у. не собиралось систематических сведений о жеребьевках, но сравнение имеющихся данных с данными сельскохозяйственного писания селений в 1873 г. показывает, что жеребьевки исчезают, а взамен их производятся переделы с более длинными промежутками между ними. Что касается собранных сведений о жеребьевках, в «материалах» имеются следующие на этот счет данные. Названы 8 общин и прибавлено «многие другие» из тех, которые производили «ежегодные переделы по числу ревизских душ» в 1873 г., «практикующие теперь или практиковавшие до последнего времени жеребьевку парового поля». В *Макарьевском* у. способы производства частных переделов известны для 291 (из 348) общины уезда. В 3 общинах (1%) для этого прибегают к общей жеребьевке, в 191 (66%) хозяева, наделы которых подлежат изменению, обмениваются целыми полосами, каковой обмен, при отсутствии соглашения, иногда производится по жребью (в некоторых случаях при вмешательстве мира); иногда же в этом случае частный передел производится при помощи разрезывания полос; в 97 общинах частный передел производится при помощи подвига, при котором хозяева не сходят совершенно со

своих участков, а лишь подвигаются в ту или другую сторону, т. е. сохраняют часть старых полос и получают часть новых¹. Распределение общин, практикующих тот или иной способ частного передела или прибегающих к жеребьевке для устранения чересполосицы, развивающейся вследствие частных переделов, видно из следующей таблички.

Частные переделы производятся:

	подви- гом	жеребьев- кой	обменом полос	всего	Жеребьевки в след. черес- полосицы
Ветлужский район	94	1	47	142	5
Остальной	3	2	144	149	69
Всего	97	3	191	291	74

В *Княгининском* у. жеребьевки являются следствием частных переделов, составляющих господствующий метод количественного уравнивания членов общины в пользовании мирской землей. Сведения о жеребьевках имеются для 303 общин (из 336 общин уезда): в 74 общинах (24%) они отсутствуют, в 229 (76%) производятся. В *Васильском* у. появление чересполосицы как результата частных переделов чаще всего предупреждается полюбовным обменом полос между домохозяевами, участвующими в переделе. Жеребьевка как для устранения чересполосицы, так и для качественного уравнивания землевладения членов общества встречается в значительной части общин; подвиг известен для одной общины. В *Калязинском* у. главной причиной жеребьевок служит чересполосица, являющаяся результатом частных переделов и разверстки упалых душ между всеми; они встречаются во многих общинах и весьма часто производятся путем подвижки, т. е. с сохранением за каждым хозяином по возможности прежнего его участка. В *Московской* губ. главнейшей причиной жеребьевок (при которых обыкновенно производится и количественное уравнивание землевладения) является чересполосица, развивающаяся от свалки-навалки душ; жеребьевки после ревизии по 1878 г. имели место у 2590 общин из 4440, о которых имеются сведения (Орлов, гл. II). В *Лужском* у. жеребьевки совершаются, главн. образом, ради устранения чересполосицы, развивающейся от свалки-навалки душ.

Сроки жеребьевки. Жеребьевки производятся в *Елизаветградском* у. через 1–3 года, в *Херсонском*, по-видимому, через 3–4 г. (см. с. 195 «Материалов»), в *Александрийском* у. ежегодно 11 обществами, через 2–4 г. – 70, через 6 и более

¹ В этих общинах поля исстари разделены на однородные участки, причем исстари же определен и порядок, в котором хозяева получают полосы в каждом из них. Благодаря сказанному лишь немногим хозяевам при переделе или жеребьевке приходится оставлять совершенно свои полосы.

лет – 6 обществами; за последнее 25-летие 1–2 раза были у 34 обществ. Хозяйственные переделы совершаются всего чаще через 3 года; «у тех обществ, где толока не обходит всего поля, период жеребьевки бывает смешанный, причем запольные участки находятся в одних и тех же руках дольше, чем участки, чередующиеся толокой». Некоторые общества отменили жеребьевки, потому что «пока земля была не так перепажана, то была лучшая и худшая, а теперь везде одинаково перепажана и нечего суетиться». В *Тираспольском* у. в обществах *Анатольевском* и *Демидовском* жеребьевка прежде делалась через 3–5 лет, теперь ежегодно: «чем “сутужнее” стало на землю, тем чаще начали делить»; *Жуково* производит жеребьевку через 2–4 года. Сроки жеребьевок для уездов *Екатеринославской* губ. сгруппированы в следующей табличке:

	Жеребьевки производятся через											После 1861 г. были 1–3 р.	Всего
	Ежегод.	1–2 г.	2 г.	2–3 г.	2–4 г.	3 г.	3–4 г.	3–5 л.	4 г.	4–5 л.	Неопр.		
<i>Ростовский у.</i>	Число общин												
Б. помещ. крестьяне	23	4	23	3	-	4	2	-	-	-	3	-	62
Б. государ.	5	-	10	-	-	-	-	-	-	-	6	-	21
Армяне	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Мещане	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего	34	4	33	3	-	4	2	-	-	-	9	-	89
<i>Бахмутский у.</i>													
Помещ. с надел. меньше 4 дес. на душу	5	-	8	4	-	16	2	-	2	6	9	-	52
Помещ. с надел. 4 дес. на душу	10	-	15	15	-	34	4	-	4	1	21	-	102
Госуд. с над. менее 4 дес.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	2
Госуд. с над. 4–8 дес.	2	-	9	-	-	3	-	-	-	-	1	-	15
Госуд. с над. более 8 дес.	7	-	4	1	-	3	1	-	-	-	-	-	16
Всего	24	-	36	20	-	56	7	-	6	7	32	-	188

	Жеребьевки производятся через											После 1861 г. были 1–3 р.	Всего
	Ежегод.	1–2 г.	2 г.	2–3 г.	2–4 г.	3 г.	3–4 г.	3–5 л.	4 г.	4–5 л.	Неопр.		
<i>Славяносербский у.</i>	Число общин												
Б. помещ. собствен.	9	1	45	5	2	14	1	1	-	-	5	7	90
Б. помещ. дарствен.	1	-	4	4	-	2	1	1	-	-	1	2	16
Б. государствен.	5	-	6	2	-	-	-	1	-	-	-	-	14
Всего	15	1	55	11	2	16	2	3	-	-	6	9	120

Промежутки между жеребьевками крестьяне *Бахмутского у.* (по-видимому, также *Ростовского* и *Славяносербского*) ставят в зависимость от степени выпашанности земли. Из числа общин *Ростовского у.* с неопределенными сроками для жеребьевок 3–4 производили их через длинные промежутки времени; в одной общине к жеребьевке (для смены толоки на пашню) прибегают после того, как пашня непрерывными посевами доводится до такого состояния, что перестает давать сбор. В некоторых общинах *Славяносербского у.* различные части пашни подвергаются жеребьевкам через различные сроки; так, большая часть пахотной земли общества крестьян *Славяносербска* переделяется через 2 года, а меньшая, отдаленная (и пахущаяся без отдыха), – через 4 г.; в д. *Македоновке* одно поле делится через 3 г., другое (запахиваемое непрерывно) с 1862 г. не подвергалось жеребьевке. Государственные крестьяне приняли более короткие сроки, нежели помещичьи; В.С. Пругавин приписывает это большей живости общинного начала у этого разряда крестьян. Равным образом и замеченное в уезде стремление к учащению жеребьевок тот же автор считает результатом прогрессивной эволюции общинной идеи, так как это стремление имеет целью достижение возможно более полного уравнивания членов общины в пользовании качественными особенностями почвы. В *Саратовском у.* в некоторых общинах для жеребьевок не установлено никаких сроков; в большинстве же назначены сроки и притом обыкновенно более или менее короткие, что находится в зависимости от частоты частных переделов и свойства почвы. Из 203 общин, о которых имеются точные сведения, жеребьевки совершаются:

ежегодно	в 113 общинах	через 6 л.	в 11 общинах
через 2 г.	в 16 общинах	через 7 л.	в 12 общинах
через 3 г.	в 11 общинах	через 8 л.	в 1 общине
через 4 г.	в 6 общинах	через 10 л.	в 15 общинах
через 5 л.	в 8 общинах	через 20 л.	в 10 общинах

В *Хвалынском* у. жеребьевки производятся через короткие промежутки времени (например, один год). В уездах *Самарской* губ. жеребьевки производятся через следующие сроки:

	1 г.	2 г.	3 г.	4 г.	5 л.	6 л.	8 л.	10 л.	12 л.	15 л.	Неопределен.
	Число общин										
Николаевский у.	45	13	16	9	2	27	—	12	14	—	4
Самарский у.	50	21		—	64		—	96		—	—
Бузулукский у.	48	53			84			51		142	—
Бугурусланский у.	26	—	—	—	99		—	—	—	—	—
Ставропольский у.	29	26		35			33		—	—	—

Ежегодные жеребьевки в *Бузулукском* у. практикуются б. помещичьими крестьянами, в *Николаевском* и *Ставропольском* у. — большей частью обществами дарственников, по недостаточности надела весьма чувствительными ко всякой неравномерности в распределении земли. Краткие промежутки в *Самарском* у. наблюдаются у общин, коих надел не достигает 5 дес. на душу. В *Николаевском* у. сроки жеребьевок в русских общинах находятся в зависимости от системы хозяйства (переложная), так как вместе с ними производится обмен пахотного поля на толоку; в немецких колониях уезда сроки переделов колеблются между 4 и 12 годами; частые переделы вызываются разнокачественностью почвы и растянутостью надела. В большей части общин *Острогожского* у., с жеребьевками, таковые производятся ежегодно (парового поля); некоторые прибегают к жеребьевкам редко и через неопределенные сроки¹.

В *Белгородском* у. по одному разу после ревизии и отведения надела помещичьим крестьянам жеребьевки были у 12 обществ (б. ч. по случаю нарезки земли николаевским солдатам), по 2 раза у 7, по 3—4 раза у 5 обществ. Правильно периодически жеребьевки повторяются: ежегодно толоки в 6 общинах

¹ В сл. Клименковой Всесвятской вол., где земля переверстывалась со времени ревизии 2 раза, при последней жеребьевке, по настоянию начальства, указан срок следующей переверстки через 6 лет. По такому же настоянию в сл. Ржевки той же вол., никогда не переверстывавшей свои угодья, составлен был приговор о переверстке сроком на 6 лет, но не приведен в исполнение.

(в одной из них с 1881 г.), ежегодно толоки и старого ржанища в 6 общ., ежегодно лишь плохих бугроватых участков в 1 общине; через 3 года в 25 общ., через 5 лет в 4 общ., через 6 лет в одной общине; в одной общине раз в 10 лет жеребьются ближайшие полосы, в одной – один клин подвергается жеребьевке через 10 лет, другой через 7, третий через 3 года¹. В *Корочанском* у. за последние 20–25 лет жеребьевки производились: в одной общине 4 раза, в 3 – 2 раза, в 10 по одному разу; в 7 общинах жеребьевка парового поля повторяется ежегодно, в 3 жеребьевки производятся через 2–3 г., в одной – чрез 6 лет, в одной через 10 лет. В *Старооскольском* у. в 2 общинах государственных крестьян жеребьевки повторяются ежегодно; в помещичьих общинах ежегодные жеребьевки наблюдаются в 4 общинах, с промежутком в 2 г. в 2 общ., через 9 лет в 4 общ., в неопределенные сроки в 6 общинах; в 14 общинах сроки для жеребевок колеблются от 1 до 9 лет. В некоторых общинах жеребьевкам подвергается только одно или 2 поля. В *Новооскольском* у. за последние 20–25 лет жеребьевка повторялась 2 раза в 5 общинах. 3 раза – в 2 общинах, 4 раза – в 1 общине. Ежегодно жеребьевка производится в 5 общинах б. помещ. кр., через 3 года (или каждый севооборот, или ежегодно паровое поле) в 8 общинах государственных крестьян и 30 б. помещичьих, через 4–5 лет – 3 общинах государственных крестьян и 1 б. помещичьей, через 5–6 лет в 2 общинах государственных крестьян, через 10 лет в двух общинах б. помещичьих крестьян. Одна община Баклановской вол. подвергает жеребьевке (ежегодной) 3 худших яруса из 9, на какие разбита полевая земля, другая – только плохую землю. Одна община государственных крестьян Пригородной вол. часть поля подвергает жеребьевке ежегодно, другую через 4 г., третью же, на которой разводится картофель и конопля, не трогает. В уездах *Тамбовской* губ. жеребьевки производятся через следующие промежутки времени:

	Ежегод.	Через:									Были:			
		2 г.	3 г.	4 г.	5 л.	6 л.	7 л.	9 л.	10 л.	15 л.	1 раз	2 р.	3 р.	4–5 р.
Шацкий у.	70	–	15	–	3			–	10		12		–	–
Усманский у.	–	2	3 ²	2	2	–	–	–	–	–	14		–	–
Борисоглебский у.	27	–	–	–	–	–	–	–	–	–	21	7	7	13
Тамбовский у.	16	16		11			–	13		–	25	2	2	–

¹ В одной общине начали было переверстывать землю для качественного уравнивания, но при первой же переверстке провозились все лето над одним клином и «плюнули».

² Ежегодно паровое поле.

В *Елатомском* у. частые жеребьевки (через 1–3 г.), по-видимому, наблюдаются в небольшом числе общин. В *Козловском* у. сроки для жеребьевок, где таковые повторяются периодически, колеблются от 1 до 10 лет. В *Кирсановском* у. у 6 общин госуд. кр. производили жеребьевки 3 раза, 3 – несколько раз, 1 ежегодно; в общинах б. помещ. кр. жеребьевки всего чаще повторяются ежегодно, затем через 3–5 лет, изредка через 6 лет. В *Моршанском* у. ежегодные жеребьевки сохранились приблизительно у 20 общин; в остальных указанный срок если и применяется, то к дальней, неудобряемой пашне; остальная жеребьется через 5–20 лет. В *Лунецком* у. община б. помещ. кр. с. М. Семеновки произвела в 1881 г. жеребьевку для обмена загонами сроком на 12 лет. В *Усманском* у. 14 общин делали жеребьевку 1–2 раза, 2 общины повторяют ее через 6 лет, 2 – через 4–5 лет, 2 – через 2 г. и 2 – паровое поле ежегодно. В *Трубчевском* у. ежегодные жеребьевки практикуются одной общиной удельных крестьян, 1 общиной государственных и 17–20 общинами б. помещичьих крестьян; через 2–3 г. жеребьевка повторяется у 15 общин помещичьих и у 1–2 общин удельных крестьян, через 3–5 лет – у 3–4 общин удельных крестьян и 5–7 б. помещичьих, через 6 лет у одной общины государственных крестьян, через 8–10 жеребьевка производится 5–6 общинами удельных крестьян Краснослободской вол.; 3–4 общины удельных крестьян через сроки 5–20 лет подвергают жеребьевке конопляники; несколько общин повторяют жеребьевки через неопределенные промежутки времени, в одной общине удельных крестьян Краснослободской вол. эти сроки колеблются от 2 до 10 лет. В *Елецком* у., в Дрезгаловской вол. ежегодная жеребьевка ярового и парового поля наблюдается в 4 общинах¹, из которых одна разверстывает землю по ревизским душам, одна – «по силе», а две в 1885 г. произвели передел по наличным душам². В д. Ясенки (ревиз. разв.) Черновской вол. ежегодной жеребьевке вследствие разнокачественности почвы подвергается все пахотное поле (кроме навозников). В с-це Петровске (ревиз. разв.) 2 клина жеребьются ежегодно, а третий – через 3 года, при этом исключаются навозники (в 2 полях). В д. Панарьине Каменской вол. ежегодной разверстке по ревизским душам подвергается 10 дес. заливной пашни, в д. Ивановке (ревиз. разв.) Сергиевской вол. каждые 3 года переверстывается один клин в 10 дес. В *Миценском* у. жеребьевки чаще всего производятся ежегодно в яровом, реже в паровом и яровом клину. В *Михайловском* у. жеребьевки в 28 общинах, где они касаются запольных участков, повторяются: в 21 общине ежегодно, в 3 через 2 г., в 4 через 10–15 лет; в 7 общинах, где жеребьется вся земля: в 1 общине через 5 лет, в 3 через 3 г., в 2 через неопределенные сроки. В *Лаишевском* у. жеребьевки в обществах, раз-

¹ В 2 общинах с. Покровского, д. Засосинской и сложной общине из д. Роговой и Лесковский выселок.

² Исследование уезда производилось в начале 1886 г., и потому приведенные данные не дают права утверждать, что жеребьевки будут повторяться и при наличной разверстке.

верстывающих землю по работникам, повторялись: в 7 общинах б. владельческих крестьян ежегодно, в 5 через 3–4 года; в одной общине б. государственных русских и одной татарской жеребьевки были по одному разу. Из 29 общин б. владельческих крестьян с ревизской разверсткой земли жеребьевки производятся в 3 общинах ежегодно, в одной через 3 года, в 2 через 1–4 г., в одной через 9 лет, одной – через 10 лет, в 3 через 12 лет, в 10 жеребьевки были по одному разу, для 8 общин сроки неизвестны. В *Княгининском* у. до 51% общин производят жеребьевки через промежутки в 9–18 лет и лишь 5 общин приняли для них сроки не больше 3–6 лет. В *Макарьевском* у., по сведениям, относящимся к 43 общинам, жеребьевки производятся: в 2 общинах ежегодно, в 1 общине через 7–10 лет, в 1 через 8–9 лет, в 3 через 10 лет, в 1 через 10–15 лет, в 18 через 12 лет, в 1 через 12–15 лет, в 10 через 15 лет, в 1 через 15–20 лет, в 2 через 17 лет, в 1 через 20–25 лет, в 2 через 25 лет. В *Лужском* у. по сведениям относительно 995 общин (из 1099) последний передел (б. ч. жеребьевка) имел место: в 1858–1863 гг. в 718 общинах, в 1864–1868 гг. – 19 общ., 1869–1873 гг. – 80 общ., 1874–1878 гг. – 71 общ., 1879–1882 гг. – 81 общ., 1883–1886 гг. 25 общ.

Сроки общих коренных переделов земли¹. В *Елизаветградском* уезде в 6 обществах военных поселян переделы «по состоянию» совершаются, по-видимому, через не точно определенные, но краткие сроки, судя по следующему выражению наших материалов: «коренные переделы производятся 2–3 раза в десятилетие в 5 обществах и 1–2 раза в одном». В *Александрийском* у. в обществе б. военных поселян Новогеоргиевском передел в 1880 г. произведен через 3 г. после предыдущего и сроком на три же года. Для *Мелитопольского* у. в Сборнике сделан расчет по 53 общинам государственных крестьян, переходивших к наличной или смешанной разверстке земли. Из общего числа 142 переделов в 15-летие с 1858 до 1872 г. (момент выдачи владенных записей) эти общины совершили 53 коренных передела со средним промежутком между ними в 10 лет; в следующее 12-летие (1872–1884 гг.) число переделов возросло до 89, средний промежуток между ними сократился до 6 лет. Причина учащения переделов заключается в том, что в этот именно период времени общества государственных крестьян *Таврической* губ. объята были стремлением к уравниванию землевладения, причем некоторые общества принимали то одну, то другую систему разверстки или, уравнивая поля, приступали к уравниванию усадебных угодий и потому произвели несколько переделов. Коль скоро стремление к уравниванию землепользования получит удовлетворение, переделы земли, по мнению г. Харизоменова, станут производиться реже, что доказывается примерами общин, назначавших при совершении передела срок следующего: одна из них приняла 6 лет, одна 7 лет, две 8 лет, многие 10 лет.

¹ О сроках частных переделов см. главу VII.

В *Днепровском* у. из 15 общин, принявших наличную разверстку земли, в 5 произведено уже 2 передела с промежутками между ними; в с. Н. Троицком – 6 лет, Н. Михайловке и Горностаевке – 7 лет, Курдашинке – 8 лет и Каирах – 11 лет; в остальных общинах со времени первого передела по наличным душам до 1885 г. (момент исследования) протекло: в 2 общинах 1–2 г., в 2 – 5 лет, в 3 – 9 лет, в 3 – 12 лет. В д. Константиновке между переделом земли по наличным душам (в 1873 г.) и передачей наделов умерших и отсутствующих малоземельным членам общества (1884 г.) прошло – 11 лет; в Строгановке между 2 переделами по наличным ревизским душам (1874 и 1884 г.) прошло 10 лет, в Ивановке (1873 и 1884 г.) 11 лет; в с. Отрадовке между переделом по наличным душам (в 1880 г.) и по ревизским (в 1883 г.) прошло 3 г.; в Алексеевке последний передел по наличным ревизским душам имел место в 1878 г. В *Бердянском* у. из 59 сел, составляющих 66 общин, когда-либо отступавших от ревизской разверстки, 3 общины молокан Н. Васильевской волости совершили всего по 1 переделу, 33 общины сделали по 2 передела с промежутком между ними: 3 года 4 общины, 4 г. – 4 общ., 5 лет – 1 общ., 6, 7, 8 лет – по 2 общ., 9 лет – 1 общ., 10–13 лет – 17 общ., по три передела совершили 19 общин, из них в 10 общинах промежутки между двумя последними переделами (1–6 лет) короче промежутка между первым и вторым (4–7 лет), в 7 общинах промежутки одинаковы (4–8 лет), и в 2 второй промежуток (6–7 лет) длиннее первого (4–5 лет); укорочение промежутков между переделами в 6 общинах из 10, где оно имело место, совпадает с переменной единицы разверстки. В 8 общинах совершилось по 4 передела, причем в 5 из них, где промежутки между переделами большей частью 3 года, при переделах совершается смена толоки на пашню; в 2 общинах третий промежуток, после которого произошло изменение единицы разверстки, короче второй, в одной – каждый последующий длиннее предыдущего (4, 6, 7 лет). В с. Камышевatom Н. Алексеевской волости было 5 переделов по наличным душам, сопровождавшихся сменой толоки на пашню, для чего промежутки между переделами приняты в 3 года. Указаны 6 общин, назначивших сроки следующих переделов: Орловка Н. Алексеевской вол. приняла в 1883 г. смешанную разверстку земли в виде опыта на 3 года; Н. Дмитриевка Алексеевской вол. каждые 5 лет наделы умерших разверстывает между всеми хозяевами; Н. Михайловка Петро-Павловской вол. и Н. Троицкое Н. Дмитровской назначили срок следующего передела через 10 лет, а две молоканских общины Н. Васильевской вол. – через 20 лет. Сюда же, вероятно, следует отнести и многие из общин, о которых известно, что они переделывают землю через равные промежутки времени, причем производят и обмен толоки на пашню.

В томе IX Сборника по *Таврической* губ. указывается, что средний промежуток между переделами, имевшими место после 1858 г., для всех трех материковых уездов равняется 8 годам, отдельно – для *Бердянского*

и *Мелитопольского* у. 7¹/₂ лет, для *Днепровского* – 12 лет. Там же указывается на зависимость частоты переделов от времени образования поселения, величины его и размера надела общины. Именно, 174 общины могут быть в этом отношении распределены следующим образом:

	На 100 общин сколько приходится таких, в которых средний промежуток между переделами	
	не более 8 лет	более 8 лет
1) Общины, образовавшиеся до 1860 г.	59	41
Общины, образовавшиеся после 1860 г.	63	37
2) Общины, имеющие не более 300 дв.	62	38
Общины, имеющие более 300 дв.	59	41
3) Общины со средн. надел. на двор не более 13 дес. пашни	53	47
Общ. со ср. надел. на двор более 13 дес. пашни	70	30

На основании приведенных данных г. Петровский заключает, что крупные общины, техника переделов у которых представляет больше затруднений сравнительно с мелкими, реже производят переделы. В *Бахмутском* у. переделы совершаются, по-видимому, одновременно с жеребьевками, практикуемыми с целью качественного уравнивания наделов различных хозяев, как это видно из следующего выражения Сборника: «при переверстках общества или оставляют старую единицу разверстки, или принимают новую взамен действующей» (Сб., с. 111). Переверстки же здесь совершаются в большинстве случаев через краткие сроки 1–3 года. Сказанное может быть приложено, по-видимому, и к *Славяносербскому* уезду. Русские общины *Новоузенского* у., переделившие землю в 80-х годах, назначали для следующего передела более короткие сроки, нежели общины, перешедшие на новые души в течение 70-х годов. В *Богодуховском* у. сроки для следующих переделов назначены: в нескольких общинах 3-летний, обыкновенно 6 или 9 лет. В *Суражском* у. для передела земли обыкновенно не назначается определенного срока, своевременность его решается «самодумом». В *Липецком* у. следующий передел назначен в одной общине через 1 год, в нескольких – через 9 лет; в большей же части общин – через 10–12 лет; в *Усманском* у. – в 1 общине через 3 г., в меньшей части остальных – через 5–6 лет, в большей части – через 10 лет. В *Моршанском* у. 1 община делит землю ежегодно; большая часть общин постановили произвести следующий передел через 5–7 лет, меньшая часть – через 10–12 лет. В *Шацком* у. одна помещичья община назначила время следующего передела по наличным душам через 15 лет и две решили производить его ежегодно. В *Темниковском* у. некото-

рые общины назначили время следующего передела через 9–11 лет, в большинстве же случаев через 12 лет. «Если же последует государственная перепись населения, то все общества произведут переделы полей, полагая, что ревизия, как и прежде, определит в каждом обществе новое число платежных душ, а по установившемуся у крестьян порядку всякая податная душа или душа окладная непременно должна получить земельный надел». В *Козловском у.* большая часть общин постановила произвести следующий передел через 10 лет после нынешнего; но при этом обыкновенно оговаривалось, что если до истечения назначенного срока последует ревизия, то передел будет произведен, не обращая внимания на срок; одна община назначила следующий передел через 6 лет, но постановила уваженные полосы оставлять за старыми хозяевами. В *Елецком у.* сведения о сроках, назначенных переделившимися общинами для следующего уравнивания, имеются в таблице (Сб., с. 846–847), здесь же укажем на промежутки между переделами, уже имевшими место. В тех общинах, где со времени оставления тяглового разверстки совершено 2 коренных передела, промежутки между ними равняется: в Знаменском Афанасьевской вол. 5 лет, Рябиновке Предтеченской вол. 8 лет и Никитовке В. Дрезгаловской вол. 9 лет; в 47 общинах помещичьих крестьян, совершивших один передел по наличным душам, прошло лет со времени предшествующего передела, а где его не было, – со времени освобождения крестьян: в 6 общинах – от 1 до 5 лет, в 11 – от 6 до 10 лет, в 5 – от 12 до 14 лет, в 9 – от 16 до 20, в 16 – от 21 до 24 лет. Относительно промежутков между переделами крестьян-собственников *Мценского у.* известно следующее: многие общины совершили уже несколько переделов по наличным душам, некоторые производили такой передел через 3–6 лет, другие те же сроки передают участки умерших старшим мальчикам, около полудюжины делают это через неопределенные промежутки времени¹. В *Рязанском у.* частота общин коренных переделов зависит от принятой системы разверстки и, следовательно, от отношения между доходностью надела и платежами, на нем лежащими. В общинах с тяглового разверсткой земли, где часто производится свалка-навалка душ, развивающаяся от того чересполосица приводит к необходимости общей жеребьевки, которая сопровождается и количественным поравнением земли. В таких общинах передел после ревизии совершался несколько раз, а где доходность надела очень низка – общие переделы через 1–3 года. Но в последнее время, в видах полного использования удобрения, стали устанавливать продолжительные сроки для переделов – не менее 10 лет, хотя вполне выдержать их удастся далеко не всем. Такие длинные сроки наблюдаются особенно в волостях Ушмерской, Клипиковской и Ермовской. В *Егорьевском у.* производят переделы через 3 года – 26 общ., 6 лет – 21 общ., 9 лет – 29 общ.,

¹ См. также с. 251–252. С-цо Лыково при получении надела разверстало землю по числу ревизских душ, через 7 лет после того – на наличные, а спустя 6 лет – опять по ревизским.

10 лет – 28 общ., 12 лет – 27 общ., 15 и более лет – 68 общ., через неопределенные сроки – 261 общ. Преобладание неопределенного срока объясняется в Сборнике тем, что «имущественное положение семей и их рабочий состав, составляющие главное основание разверстки земли между домохозяевами, подвержены в значительной степени влиянию случайности и потому не могут быть предусмотрены заранее». Весьма, однако, вероятно, что вышеприведенные сроки касаются не только коренных переделов, но и жеребьевок. Общины государственных крестьян Шебекинской вол. *Белгородского* у., переделав в 1882 г. землю по наличным душам, постановили следующее уравнение сделать через 9 лет. Село Истобное *Старооскольского* у. первый передел по наличным душам совершило в 1873 году, причем назначило время для следующего через 9 лет. Такой же срок приняло и с. Волотово с хуторами Ново-Безгинской вол. *Новооскольского* у. при переделе 1883 г. Пять общин гос. кр. Ратьковской вол. *Корочанского* у., переделавших землю по наличным душам в 80-х гг., назначили время следующего передела через 6 лет и одна – через 3 года. В *Мамадышском* у. наиболее распространенным сроком переделов является 12-летний; гораздо реже назначаются сроки в 3, 6, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18 и 19 лет. Для *Тетюшского* и *Цивильского* уездов нам известны сроки переделов, назначенные обществами, производившими таковые в разное время, и имеем поэтому некоторый материал для суждения о том – стремится ли община (инородцев, составляющих преобладающий элемент населения в этих уездах) к удлинению промежутков между переделами или к их сокращению.

Для *Цивильского* у. мы имеем следующую табличку:

Год передела	Распределение переделов по числу лет, на которые они произведены										До ревиз.	Всего передел.	Средн. срок одного передела
	3 г.	5 л.	6 л.	7 л.	8 л.	9 л.	10 л.	11 л.	12 л.	20 л.			
1877	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–	2	8
1878	–	–	–	–	–	–	3	–	3	–	–	6	11
1879	–	–	6	–	–	1	2	–	16	–	2	27	10,2
1880	–	–	11	–	–	–	16	–	19	–	2	48	9,9
1881	–	–	10	–	1	1	9	1	22	2	–	46	10,5
1882	1	1	10	1	–	–	2	–	11	–	–	27	8,7
1883	–	–	2	–	–	–	–	–	3	–	1	6	8,0
1884	–	–	3	–	–	–	–	–	5	–	–	8	9,7
1885	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	6,0

Последняя графа таблицы свидетельствует как будто бы о том, что с течением времени общины стремятся к сокращению промежутков между переделами. Это заключение, однако, будет преждевременно, так как, за исключением 79–82 гг., эти средние выведены из чересчур небольшого числа случаев. Но такое же заключение для *Тетюшского* у. является более обоснованным, как это можно усмотреть из следующей таблицы:

Годы	Распределение переделов по числу лет, на которые они произведены										Средн. срок одного передела	
	2 г.	3 г.	4 г.	5 л.	6 л.	7 л.	8 л.	9 л.	10 л.	12 л.		Всего перед.
1872	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	6
1874	—	—	—	1	3	1	—	—	—	1	6	7
1875	—	1	—	3	11	3	3	1	—	—	22	6,3
1876	—	3	1	3	5	4	1	1	—	—	18	5,7
1877	—	1	3	1	4	2	—	—	—	—	11	5,3
1878	—	5	2	—	7	1	—	—	—	—	15	4,8
1879	—	6	1	2	9	2	—	—	—	—	20	5,0
1880	—	5	1	6	19	—	—	—	—	—	31	5,3
1881	—	10	5	3	15	—	1	—	—	—	34	5,1
1882	—	12	1	—	8	—	—	—	1	—	22	4,5
1883	1	8	—	—	6	—	—	—	—	—	15	4,1
1884	—	15	1	1	11	1	—	—	—	—	29	4,5
1885	—	14	2	3	2	—	—	—	—	—	21	3,8

Эта таблица обнаруживает ясное сокращение промежутков между переделами. Исследователи стараются примирить это явление с обнаруженным в уезде фактом возвышения сельскохозяйственной культуры (применением удобрения) предположением, что вместе с развитием коренных переделов уничтожаются жеребьевки, которые, как известно, производятся чаще переделов, поэтому хотя промежутки между коренными переделами и сокращаются, но обмен полос между хозяевами совершается все-таки реже. Подтверждением сказанному служит факт, что в сельскохозяйственных описаниях селений, произведенных волостными правлениями в 1873 г., встречается немало указаний на ежегодный обмен полос между хозяевами; земские же исследователи, хотя и не отмечали жеребьевок систематически, тем не менее считают себя вправе заключить, что в настоящее время они производятся реже сравнительно с прежним. Для *Макарьевского* у. имеются сведения о числе переделов

для 22 из 25 общин, совершивших после X ревизии общий коренной передел земли; в 11 из этих общин произошло с тех пор по 1 переделу, в 4 по 2, в 5 по 3 и в 2 по 4, из числа общин б. помещичьих крестьян *Васильского* у., практикующих общие переделы, в 7 общинах было по одному переделу, в 10 по 2, в 3 по 3; периодически переделы совершаются через 5 и 9–12 лет у 4 общин, в 2 почти ежегодно, при каждом изменении численности населения. Из 24 общин б. государственных крестьян, разверстывающих землю по наличным душам, 14 произвели уже по 2 передела, а 10 – по одному. Срок следующего передела, превышающий 12 лет, назначен был в 70-х гг. в 7 случаях из 17, в 1880-х гг. в 2 случаях из 12. В *Московской* губернии уравнивание землевладения членов общины совершается главным образом посредством частных переделов; общее же перераспределение земли в натуре вызывается по преимуществу чересполосицей и другими сельскохозяйственными неудобствами часто повторяющейся свалки-навалки душ. Так как при этом перераспределении производится и количественное уравнивание землевладения, то мы скажем здесь о них несколько слов. В большинстве случаев эти переделы производятся не на срок и повторяются редко: так, с 1858–1878 гг. переделывали поля 1 раз 1655 общин, 2 раза – 1879 общ., 3 раза – 395 общ., 4 раза – 110 общ., 5 раз – 72 общ., 6 раз (ежегодно пар) – 338 общин. Промежуток между двумя последними переделами простирается до: 3 лет в 456 общ., 3–6 лет в 197 общ., 6–9 лет в 559 общ., 9–12 лет в 526 общ., 12–15 лет в 515 общ., 15–20 лет в 2188 общ.; 532 общины переделывают поля только во время ревизии. В последнее время 483 общины, совершая передел, назначили время производства следующего через промежутки от 3 до 49 лет (обе цифры встречаются крайне редко); среднее из всех назначенных промежутков между переделами равняется 13,2 года (Орлов, гл. IV). В *Вяземском* у. с воли (1862–1863 гг.) по 1884 г. переделы были: 1 раз – в 230 общ., 2 раза – в 144 общ., 3 раза – в 29 общ., 4 раза – в 8 общ., 5 раз – в 3 общ., 6 раз – в 6 общ. Из 190 общин, переделывавших поля 2 и более раз, промежутки между переделами равнялись: 3 годам в 11 общинах, 6 г. в 18 общ., 9 г. в 39 общ., 12 г. в 39 общ., 15 г. в 33 общ., 21 г. в 50 общ.¹ Частые переделы распространены в Юреневской, Лужковской и Хмелитской волостях, где по освобождении крестьян были частые отказы от земли, которую нельзя было оставлять в пустырях, так как она скоро порастала кустарником, который затем переходил и на соседние обрабатываемые полосы; для разверстки этой земли между всеми хозяевами и приходилось прибегать к общим переделам. Назначение срока следующего передела наблюдается всего в 15 общинах. Для *Новоторжского* у. сведения о переделах, преследующих сельскохозяйственные цели, не отделены от сведений, касающихся коренных

¹ В 210 селениях со времени воли не было ни одного передела, а в 25 таковые не производились и при освобождении крестьян.

переделов земли, имеющих в виду изменение количественного распределения земли между домохозяевами. Сделав это замечание, приведем таблицу переделов земли (преимущественно, кажется, коренных), имевших место со времени последней ревизии по 1884 г.

	Число общ., где были перед.	%	Число общин, переделавших поля:										Бол. 10 р.
			1 р.	2 р.	3 р.	4 р.	5 р.	6 р.	7 р.	8 р.	9 р.	10 р.	
Б. помещ.	361	57,3	136	84	42	12	9	7	2	3	1	12	53
Б. государств.	38	27,0	27	5	1	—	—	—	—	—	—	—	5
Б. удельных	27	24,0	24	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Итого	426	50	187	90	43	12	9	7	2	3	1	12	60

Кроме того, 6 общин вольных хлебопашцев переделали землю по одному разу в промежуток времени 1872–1879 гг. Значительная часть общин б. помещичьих крестьян, переделавших землю один раз, совершили этот акт тотчас по освобождении от крепостной зависимости. В *Калязинском* у. из 658 общин (85,7% всего числа общин), о которых имеются сведения, общие коренные переделы со времени X ревизии или освобождения крестьян были у 388 общин, или 60%¹; остальные общины или ограничивались частными переделами, или (35 общин) вовсе не изменяли принятого распределения земли со времени IX ревизии и раньше. Общие переделы повторялись:

	1 раз	2 р.	3 р.	4 р.	5 р.	6 р.	7 р.	8 р.	10 р.	Всего общин
у б. госуд. кр.	122	17	4	3	1	—	—	—	5	152
у б. помещ. кр.	168	33	19	5	2	3	1	3	1	235
у б. полн. соб.	1	—	—	—	—	—	2	—	1	4
Итого	291	50	23	8	3	3	3	3	7	391

Многие общины, совершавшие коренной передел, или не назначали срока для следующего передела, или уговаривались относительно послед-

¹ По времени производства общие переделы (число 586) группируются следующим образом:

	В 1858–63 гг.	В 1863–68 гг.	В 1868–73 гг.	В 1873–78 гг.	В 1878–83 гг.	В 1883–88 гг.	Всего
у б. госуд. кр.	121	17	25	25	22	19	229
у б. помещ. кр.	171	27	34	37	33	30	332
у б. полн. соб.	7	6	6	3	2	1	25
Итого	299	50	65	65	57	5	586

него «на словах»; 34 общины постановили формальный приговор о времени следующего передела; средний из всех назначенных сроков 9,6 лет, крайние сроки: 3 и 30 лет. К назначению сроков прибегают по преимуществу общины, часто переделавшие землю, с целью удлинить промежутки между переделами. Назначение более или менее длинных сроков коснулось и тех переделов, целью которых является не общее перераспределение земли, а выдел участка подростшему работнику и т. п. В *Гдовском* у. для 729 общин имеются сведения о времени совершения последнего передела, а для других 252 известны сроки переделов; те и другие сведения сгруппированы в следующей таблице:

Последние переделы произведены в течение года:									Переделы производятся через число лет:					
1857–63	1864–68	1869–73	1874–78	1879	1880	1881	1882	1883	40	20–25	10–18	2–6	Ежегод.	Неопред.
494	17	57	60	16	15	24	39	7	1	12	43	56	76	64

На основании этой таблички г. Дроздов составил другую, процентную, из которой следует, что 52% общин уезда не переделались в течение 20 и более лет, т. е. со времени X ревизии или освобождения крестьян, 12% общин совершают переделы через 10–19 лет, 22% – через 2–9 лет, 8% ежегодно и 6% в неопределенные сроки, по мере надобности. В *Шлиссельбургском* у. переделы за последние 25 лет имели место в следующих общинах: в деревнях Катумского общества Колтушской вол. (финны) переделы были в 1870 и 1880 гг.; в Шапкинской вол. (фин.) в д. Старостине в 1882 г. был первый передел после освобождения; в д. Ничеперт со времени освобождения было 2 передела, последний из них в 1881 г.; в д. Мга земля ежегодно разверстывается между домохозяевами по числу значащихся за ними душ (жеребьевки?). В русских общинах б. помещичьих крестьян переделы имели место в д. Березовке Пореченской вол. с целью отведения участка земли солдату; в Лезьинской вол. в д. Лезьи в 1881 г. (первый после освобождения) на неопределенное время, д. Турышкине – в 1877 г. без назначения срока, в д. Пухолове переделы бывают часто, в д. Погорелушки сначала практиковались ежегодно, а в 1875 г. назначен для передела 10-летний срок; в д. Нурме Шапкинской вол. передел по работникам был произведен в 1871 г. на 30 лет; в Ивановской вол.: в Анненском в 1878 г. по работникам, в Гертове в 1878 г. на неопределенное время, в Мусталове передел повторяется через 3 года. В *Петергофском* у. часть общин, переделавших свои поля по новым душам,

не указывали сроки для следующего передела, другие назначали их между 10 и 15 годами, а д. Мартышкино назначила 25 лет.

Жеребьевки, переделы и удобрение полей. В *Хвалынском у.*, где удобрение начало применяться с 70-х годов и встречается пока в 5 волостях, некоторые общины б. помещичьих крестьян (указано 8) прекратили свалку-навалку душ после того, как начали удобрять землю. В *Саратовском у.* частые жеребьевки мешают хорошей обработке надела, а местами и применению унавоживания. Сами крестьяне понимают вредное влияние частых жеребьевок, но думают, что без них было бы еще хуже. Это сознание выражается назначением некоторыми обществами для жеребьевок сроков, где таковых раньше не было, и удлинением коротких сроков, равно как и промежутков между частными коренными переделами, удлинением сроков для жеребьевки ближайших, унавоживаемых участков, раздроблением худших участков надела на возможно большее число разнокачественных частей для лучшего их уравнивания и т. п.; 4–5 общин, однако, сократили сроки переверсток ввиду того, что с измельчением душевых участков (где были переделы по наличным душам), понижением урожайности надела крестьяне чувствительнее относятся ко всякому недостатку своего участка и сильнее настаивают на качественном уравнивании наделов; в то же время такое уравнивание очень мелких долей затруднительнее, чем крупных, что опять является причиной более частого производства жеребьевок. В *Царицынском у.* заметно стремление к сокращению промежутков между жеребьевками ввиду лучшего уравнивания земли по качеству, но такому сокращению нередко препятствует и даже вызывает на противоположное действие нападение на поля суслика, от которого крестьяне избавляются окапыванием своих участков канавой, а затрата труда на это приспособление заставляет воздерживаться от жеребьевок. Иногда, впрочем, суслик является причиной производства жеребьевки, заставляя хозяев, получивших участок с краю (на непаханой земле суслик, главным образом, и появляется), требовать обмена. Для удобства охраны от суслика некоторые общины воздерживаются от большего дробления земли при жеребьевке. В *Воронежском у.* жеребьевки, где они производятся ежегодно, по-видимому, не касаются удобряемых полос. При коренном переделе в с. Пчельники унавоженные полосы верстались только между хозяевами, удобряющими землю, а в с. Хавенке каждый десяток брал по 5 унавоженных десятин по выбору и по 5 дес. неунавоженной земли по жребью. В большинстве общин *Острогожского у.* переверстки совершаются ежегодно (парового клина); но немало и таких общин, что ввиду удобрения полей (которое в уезде только еще начинается) устанавливают для жеребьевок длинные сроки; в некоторых общинах длинные сроки существуют издавна. Общество сл. Алек-

сандровки Марковской вол., назначив в 1884 г. 6-летний срок для переверстки, постановило, чтобы хозяева возили навоз на свои полосы. Общество с. Самойленкова Гончаровской вол. пыталось было ради удобрения поля не переверстывать землю в течение 5 лет, «но не выдержали», ибо бедным хозяевам, которым досталось очень плохая земля и они не имеют средств удобрять ее, обидно долго оставаться в таком положении. Указано 2 общины, сократившие сроки жеребьевок. В 2 общинах, не переверстывающих землю, против жеребьевок выставляется тот аргумент, что некоторые хозяева запустили землю. В *Суражском* у. во многих общинах государственных крестьян уравнение удобряемых участков («погнои») производится при переделе «путем отодвигания и придвигания отрезных погнойных кусков»; если же такие подвергаются переделу, то земли, никогда не унавоживаемые, остаются за прежними владельцами. В *Курсановском* у., «где крестьяне дорожат продолжительным владением пашней для лучшей ее обработки и удобрения, там ежегодные жеребьевки ни под каким видом не допускаются». В последние годы 10–12 общин удлиннили промежуток между переделами до 10 лет и одна – до 12 лет. В *Шацком* у. около полудюжины общин б. государственных крестьян, не удобрявших земли и производивших ради качественного уравнения часто повторявшиеся жеребьевки своих полей, – ввиду признанной необходимости удобрения, – при недавнем коренном переделе земли отменили жеребьевки. Некоторые общины б. помещичьих крестьян в первое время по освобождении переверстывали землю часто, потом, когда приступили к удобрению, стали производить жеребьевку реже, но община с. Каверино Агитшевской вол. начала производить их чаще, а в д. Альда уговорились было прекратить ежегодные жеребьевки, но через 3 года неудобряющие свои полосы настояли на возвращении к старым порядкам. Большая часть общин, практикующих частые жеребьевки пашни, ближайšie, назначенные для удобрения полосы изъемяют из жеребьевки вовсе (около 45 общин) или подвергают их ей через 10–15 лет (около 12 общин). С течением времени у некоторых общин эта удобряемая часть приговором мира расширяется. Некоторые общины государственных крестьян, раньше практиковавшие частые жеребьевки, в конце 70-х и начале 80-х гг. в интересах удобрения отменили их. В *Усманском* у. одна община, совершающая ежегодно жеребьевку парового поля, ближайшую, унавоживаемую часть последнего не подвергает обмену. В *Тамбовском* у. в с. Ново-Покровском предполагавшаяся жеребьевка (совершающаяся здесь изредка) не состоялась из-за того, что полосы многих бедняков не порчены плохой обработкой и посевом без пара; община д. Козелец отменила жеребьевки, когда началось удобрение полей. В *Темниковском* у. в первое время по освобождении общины помещичьих крестьян с тягловой разверсткой ежегодно производили свалку-навалку душ, что вело к необхо-

димости частых жеребьевок с целью сведения разбросанных полос к одному месту; впоследствии отношение к земле изменилось, свалка-навалка душ стала производиться реже, к жеребьевкам в интересах удобрения население относится неодобрительно, и в последнее десятилетие они бывали в редкой общине. В селах Вичнидееве и Княжеве при переделе по наличным душам каждый хозяин получал, по возможности, те же загоны, которыми владел раньше. В *Моршанском у.* немногие общины государственных крестьян, имевшие очень неровные по качеству поля, производили жеребьевки через 2, 3 или 4 года; при последних переделах на наличные души с установлением сроков следующего передела (в 5–12 лет) и ввиду необходимости удобрять поля жеребьевки отменены всюду, за исключением 3 общин, где широко распространена сдача наделов одной частью домохозяев другой; с целью сведения взятых в аренду полос к одному месту – здесь и производится ежегодная жеребьевка земли. Помещичьи общины крестьян, вследствие относительной малоценности земли принявшие разверстку ее по работникам, ежегодно изменяемую, в первое время по освобождении производили частные переделы, а с ними и жеребьевку земли б. ч. ежегодно, иногда через 2–4 г. С 70-х гг. с возвышением ценности угодья и ростом сознания пользы удобрения свалка-навалка душ сокращается, и теперь хотя «поравнение душ» производится ежегодно, но оно касается самого незначительного числа хозяев, почему во многих общинах для жеребьевки всей земли установлены длинные сроки от 5 до 20 лет; в других 7, 10, 15-летний срок принят для удобряемой пашни, а дальняя, неудобряемая жеребьется ежегодно; ежегодные жеребьевки всей земли сохранились у 20 общин. В *Спасском у.* жеребьевки касаются лишь дальней, неудобряемой пашни, что все-таки задерживает удобрение, которое могло бы практиковаться здесь зажиточными крестьянами; в некоторых других общинах жеребьевки были, но прекратились. Из числа общин *Елецкого у.*, совершивших в последнее время передел по новым душам, о 6 общинах б. помещичьих крестьян¹ и 13² государственных известно, что они пустили в разверстку всю землю, не исключая навозников. 16 общин б. государственных крестьян и 10 помещичьих принимают те или другие меры обеспечения хозяевам, хорошо обрабатывающим землю, пользование их унавоженными участками. Так, три небольшие общины б. государствен. крестьян д. Н. Суханина Краснополянской вол., б. помещичьих М. Лосевки и Паниковец Воронежской вол. при переделе меж не ломали, а (во избежание ссор, как мотивируют это крестьяне М. Лосевки, чтобы «не проводить время»), по словам крестьян д. Паниковец) отрезали от каждой полосы излишек (в д. Паниковец по указа-

¹ Краснополянской, Ястребинской, В. Дрезгаловской, Соловьевской и Стегаловской вол.

² В. Дрезгаловской, Афанасьевской, Соловьевской, Ламской, Казацкой, Суворовской, Стегаловской и Сергиевской вол.

нию самого хозяина) и передавали по назначению (в двух последних общинах земля ровная). В 9 общинах государственных крестьян¹ и 6 общинах помещичьих крестьян² навозники при переделах оставались за прежними хозяевами: в д. Суслове (гос.) Соловьевской вол. в размере 5 x 80 кв. саж., в сложной общине из д. Кошкина и др. (госуд.) Предтеченской вол. 10 x 80 кв. саж. в поле, причем кому не хватило навозника по этой норме, тот получил добавку из лучшей полевой земли; в д. Петровские Плоты (соб.) Стегаловской вол. в размере $\frac{1}{3}$ дес. в поле; в д. Маслове (гос.) Соловьевской вол. 3 x 80 кв. саж. только в одном поле, в с. Трегубове (гос.) Соловьевской вол. по $\frac{1}{3}$ дес. в 2 полях; относительно сл. Подмонастырской Ламской вол. и Н. Дрезгалова В. Дрезгаловской вол. сказано, что отрезке подвергался излишек навозника против нового числа душ, и этот излишек (в Н. Дрезгалове) передавался тем, у кого оказывался недостаток навозника. Опасение лишения хозяев удобренной ими земли заставляет воздерживаться от общего передела и довольствоваться частными помещичьи общины д. Пальни и Блинцовки Ястребинской вол.; при этом в д. Пальне хозяин, отдающий другому участок, может оставить за собой навозник, отдав в других загонах вдвое больше, а в д. Блинцовке столько же. В 4 обществах практикуемые ими периодически повторяющиеся жеребьевки не касаются удобренных полос; в одном из этих обществ, в с-це Петровском, под удобрение отведено в 2 полях по $\frac{1}{4}$ дес. и в одном – $\frac{1}{8}$ дес.; чтобы иметь возможность удобрять большую площадь, общество в 1885 г. разделило 2 клина «навечно» и думает то же самое сделать с третьим. В *Мценском* у. жеребьевки не касаются навозников. На юге уезда, где значительны посевы гречи, «сортуют» (т. е. подвергают жеребьевке) не паровое, как обыкновенно, а яровое поле (перед вспашкой) с целью дать хозяевам, сеющим гречу (в яровом поле), возможность воспользоваться лучшим урожаем ржи, какой бывает на земле, на которой была посеяна греча. В *Трубчевском* у. весьма редко встретится община, где бы жеребьевке подвергались унавоживаемые части поля (не говорим о конопляниках); обыкновенно же они практикуются общинами, не удобряющими землю, или не касаются навозников, и наоборот, отсутствие жеребьевок весьма часто объясняется крестьянами тем, что некоторая часть хозяев удобряет землю. Некоторые общины прекратили жеребьевки с целью дать возможность желающим удобрять свои загоны (см. две общины Уручьиной вол., одну Пролысовской)³. В *Старооскольском* у.

¹ Ламской, Казацкой, Воронежской и преимущественно Соловьевской и Предтеченской волостей.

² Воронежской, Стегаловской и Предтеченской вол.

³ Деревня Кокоревка Краснослободской вол. до 1884 г. производила ежегодно жеребьевку парового поля, а в 1884 г. постановила не трогать существующего распределения земли 15 лет, дабы хозяева лучше расчищали свои участки из-под кустов, которыми надельная пашня благодаря окружающим лесам быстро зарастает. То же самое и с теми же целями хотели установить у себя крестьяне той же волости, д. Требушки, да «не сладились».

жеребьевки служат иногда препятствием удобрению полей. В одной общине Зимовенской вол. *Корочанского* у. жеребьевки были отменены после того, как начало вводиться удобрение полей. В *Новооскольском* у. д. Ларисовка Баклановской вол. в 1880 г. прекратила жеребьевки, дабы облегчить применение удобрения; д. Петровская сделала то же самое в 1876 г. Х. Нужный Холанской вол. выделил для удобрения 5 дес., которые постановил подвергать жеребьевке через 9 лет (остальная земля жеребьется ежегодно). В сл. Сидоровке (гос.) Булановской вол. ближайшие участки, удобряемые и лучше обрабатываемые, вовсе не подвергаются жеребьевке. В д. Афанасьевской *Тимского* у. крестьяне в ожидании передела не выкорчевывают пней на полях. В *Белгородском* у. в некоторых общинах принимаются меры для парализования вредного влияния жеребьевок. Так, с. Бессоново (собств.) волости того же имени, прежде переверстывавшее землю ежегодно, в последнее время переверстало ближайшие участки сроком на 10 лет; д. Нелидова (соб.) Толоконской вол. ближайшую, унавоживаемую землю не пускает в жеребьевку, а общество д. Головина той же волости ввело обязательное удобрение полей с тем, что не удобряющий своего участка получает при жеребьевке свою старую полосу. В *Михайловском* у. в 6 общинах б. государственных крестьян и 22 б. помещичьих жеребьевки касаются только запольных участков, в 7 общинах б. помещ. кр. – всей земли. В *Рязанском* у. в последнее время в видах более полного использования удобрения общины стали заменять короткие промежутки между переделами длинными (не менее 10 лет). В *Данковском* у. община государственных крестьян д. Березовки Еропкинской вол. при переделе 1880 г. ближайшие, унавоженные участки земли по возможности оставляла за прежними хозяевами; в одной общине государственных крестьян и 3 б. помещичьих Баловневской вол. для применения удобрения отведены ближайшие к усадьбе участки («лобковые» – по местной терминологии), которые при переверстках и переделах оставляются за старыми хозяевами целиком или частью, в зависимости от того, подлежит ли его участок сокращению или нет. В *Цивильском* у. исследованием отмечено несколько случаев, где, при переделе пашни, земли навозные и чищобные оставлялись на известный срок за прежними хозяевами. В *Лаишевском* у. в некоторых общинах навозники из жеребьевок исключаются; из 116 общин, переделавших землю по наличным душам, в 95 пущена была в разверстку вся пахотная земля, в 6 (5 татарских и 1 русских удельных) часть навозников осталась за старыми владельцами, в 15 (10 татарских, 3 – смешанных народностей, 1 – русских б. государственных и 1 – русских б. владельческих) навозники вовсе не подвергались переделу. В *Тетюшском* у., по-видимому, жеребьевки уничтожаются (см. с. 523–524). В материалах по этому уезду указаны 5 селений и прибавлено: «и некоторые дру-

гие», где было заявлено о том, что частые переделы мешают применению удобрения. Некоторые общины принимают меры к тому, чтобы частые переделы не мешали удобрению полей; так, указано 10 селений и прибавлено: «и некоторые другие», где навозники составляют особый жребий, благодаря чему невозможен обмен удобряемой полосы на неудобряемую. «В большинстве таких общин установлены и более продолжительные сроки (б. ч. 10–12 лет) для переделов навозников. Из того же стремления обеспечить за каждым домохозяином возможность использовать самому результаты его трудов вытекает установление во многих общинах особых продолжительных сроков для переделов участков, предназначенных для расчистки из-под леса» (указано 5 селений и прибавлено: «и в других»). В *Макарьевском у.* последнее время, в видах предоставления каждому хозяину возможности полнее использовать результаты тщательного удобрения и обработки земли, сокращается применение подвига¹, для которого устанавливаются более или менее длинные сроки и вместо которого при частных переделах прибегают к обмену полос. Из 25 общин Ветлужского района, постановивших приговор о сокращении применения подвига, 2 не назначили срока для его производства, 9 постановили не прибегать к нему в течение 9 лет, 2 общины назначили 10 лет, 5 общин – 12 лет, 6 общин – 15 лет, 1 община – 21 г. Некоторые общины, однако, высказывают сомнение и том, что они «удержатся в приговоре». Для ослабления вредного влияния подвига принимаются в другие меры; в деревне Евдокимове, например, хозяин, которому при подвиге пришлось бы совсем сдвинуться со своей полосы, оставляется на старом месте. Для 31 общины известно, что они разделяются на части (трети, алтыны, семьи, руки) и передвиг производится в каждой из них независимо от других; части же верстаются между собой через более или менее продолжительные сроки целыми душами. Хотя благодаря такому разделению подвиг совершается и не реже, чем прежде, но захватывает каждый раз только часть хозяев общины. Образование «третей» наблюдается и в новейшее время. Трети в некоторых случаях живут самостоятельной жизнью; так, одна из двух «третей», на какие разбито с-цо Шадрино, для увеличения ширины полос разбилось на две части, и каждая из них получила по одному концу полос, вследствие чего полосы сделались короче и соответственно шире. В *Княгининском у.* для жеребьевки удобряемой пашни иногда назначаются продолжительные сроки; в некоторых общинах вся пахотная земля или только удобряемая ее часть разделяется на несколько участков, подвергающихся жеребьевке («переметке») по очереди, и удобрение вывозится на

¹ На удлинение сроков подвига в некоторых общинах имело влияние ознакомление крестьян со статьями закона, которыми переделы поставлены в зависимость от согласия большинства домохозяев общества; в прежнее время подвиг производится, когда о том заявит желание несколько человек.

тот участок, который в данном году переметан. В *Васильском у.* относительно 6 общин известно, что ежегодной жеребьевке подвергается запольная или «холостая» пашня. В *Калязинском у.* в последнее время, с возвышением интереса к земле, явилось стремление к назначению сроков жеребьевок и удлинению промежутков между ними. В некоторых общинах запущенные полосы остаются за старыми хозяевами. Некоторые общины *Новоторжского у.*, делившие землю часто, в последнее время приняли более продолжительные сроки для переделов. Так, д. Заход Поведской вол. переделила в 1873 г. свои поля на 25 лет, д. Мошино Пречистокаменской вол. удлинила срок передела с 3 лет до 10 лет; 16 деревень Поведской вол., переделывших землю через 2–5 лет, в 1883 г. перешли к 5–10-летним срокам. В *Вяземском у.*, где в первое время по освобождении крестьян широким распространением пользовалась свалка-навалка душ, причем для подведения наваливаемого участка под одну межу с собственной полосой хозяина прибегали к часто повторяющимся подвижкам, в последние 10–15 лет крестьяне сознали вредное влияние подвижек на улучшение хозяйства и громадное количество общин постановило без особых приговоров не делать подвижек. Некоторые общины *Московской губ.*, для охранения интересов исправных хозяев, во второй половине 70-х гг. при переделах нераспаханные полосы оставляли за прежними хозяевами. Некоторые общины обязывали всех хозяев пахать свои участки и наблюдали, чтобы члены общества, имеющие купленную землю, не удобряли ее в ущерб мирской (Орлов, гл. II). Передел пашни в б. Петрушкине *Шлиссельбургского у.*, предполагавшийся к производству в 1882 г., не состоялся ввиду того, что у многих крестьян земля до крайности запущена.

Глава IX

Порядки пользования сенокосами, выгонами, усадебными и лесными угодьями

До сих пор мы имели дело главнейшим образом с пахотной землей общины; теперь перейдем к другим родам общинных угодий, занявшись прежде всего теми из них, которые в организации хозяйства составляют как бы одно целое с пашней, т. е. сенокосами и выгонами.

Сенокосные угодья имеются далеко не у всех обществ. Помещичьи крестьяне, особенно черноземной полосы, получили, как известно, мало покосов, но и значительная часть полученных с течением времени была ими обращена в пашню частью для расширения недостаточного пахотного участка, частью для сдачи в аренду после какого-нибудь разорительного события в

жизни общины. По высказанным основаниям, большая часть общин черноземной полосы вовсе не имеет лугов, каковой недостаток в степной полосе парализуется тем, что при переложном хозяйстве крестьяне могут снимать сено с участков, находящихся в залежи¹.

Сенокосная земля, играя определенную роль в землевладельческом производстве, в хозяйственном отношении составляет одно целое с пахотной землей, и потому естественно, если права на нее отдельных членов общин будут определяться теми же условиями, от которых зависят и права их на участки в пахотном угодье. Поэтому почти всюду разверстка в том или другом виде сенокосов между членами общин совершается по тем же единицам, по каким разверстывается и пашня (ревизская, наличная душа, работник, тягло и т. д.). Что же касается порядков реализации права членов общины на тот или иной размер сенокосного угодья, таковые несколько отличаются от порядков, практикуемых при уравнивании пахотной земли. Различие это обуславливается несходством способов эксплуатации пахотных и сенокосных угодий. Тогда как эксплуатация пахотной земли производится путем приложения большого количества труда человека, затрачиваемого для подготовки земли к посеву, на самый посев растения, иногда на уход за ним в период роста, на уборку хлеба и его молотьбу, – пользование сенокосным угодьем обыкновенно требует применения труда только во время его уборки. Так как поэтому урожай травы не зависит от ухода за лугом, то и не представляется надобности распределять этот вид угодья между членами общины на более или менее продолжительное время; правда, такое распределение имеет преимущество в экономии времени, затрачиваемого на процесс разверстки земли в натуре, почему, казалось бы, крестьянам и по отношению к сенокосному угодью следовало бы придерживаться длинных сроков передела, но здесь выступает на сцену то обстоятельство, что

¹ В *Славяносербском* у. особые сенокосы имеются в немногих селениях, в *Ростовском* у. 14 селений из 112, в *Бахмутском* у. 38 общин из 257 (главным образом у госуд. кр.), в *Ставропольском* у. 113 общин, или 43%; в *Самарском* у. 162, или 70%; из 242 общин (кроме немцев и башкир) *Николаевского* у. около 90 не получили в надел покосов, около 30 – распахали их; в *Бузулуцком* у. 84 общины (из них 73 б. помещ. кр.) не имеют покосов, 221 общ. накашивают на своих полосах меньше 40 пуд. на рев. д., 45 общ. – 40–60 пуд., 24 общ. – 60–90 пуд., 9 общин – около 100 пуд., 10 общ. – 150–200 пуд. и одна община – более 200 пуд. (Сб., т. IV, с. 37); в *Бузулуцком* у. не имеют сенокосов 115 общ. (в том числе 66 б. помещ.) из 394, распахали их 10 общ.; 29 общин накашивают на своих покосах 2–9 пуд. сена на рев. д., 66 общ. – 15 пуд., 85 общ. 30–50 пуд., 32 общ. 75 п., 14 общ. 100–400 п., 38 общ. сдают часть покоса в аренду (Сб., т. III, с. 76–77); в *Бузульминском* у. – 60 общин (35 б. пом.) не имеют покосов, из 247 имеющих их 35 накашивают меньше 10 п. на душу, 68 общ. – 11–20 п., 69 общ. – 21–40 п., 42 общ. – 41–60 п., 12 общ. – 61–80 п., 8 общ. – 81–100 п., 10 общ. – 101–120 п., 3 общ. – 200–300 п. (Сб., т. V, с. 58); в *Саратовском* у. сенокосы имеются у 33% общин, в *Царицынском* у. – 41 общины из 75 (Сб., т. II, с. 66), в *Воронежском* у. – 144 из 225, *Острогожском* у. – 86, или 35%, в *Тимском* у. – 30–35 общин из 180, *Корочанском* – приблизительно у половины общин, *Новооскольском* у. – $\frac{1}{4}$, *Елецком* – больше $\frac{1}{4}$, *Трубчевском* у. – 75%, *Егорьевском* у. – почти у всех общин и т. д.

разверстка луга на года с трудом может быть произведена уравнительно, так как урожаи травы на различных его участках в различные годы весьма неодинаковы в зависимости как от качества почвы, так и от атмосферических влияний, а наделить каждого общественника участками и хорошими, и дурными, – как это делается при разверстке пахотной земли, – в большинстве случаев представляется невозможным, так как по незначительности размеров сенокосного угодья отдельные участки оказались бы в этом случае ничтожными клочками, не допускающими уборки. С другой стороны, при ежегодной разверстке сенокоса и притом перед самой его уборкой техника уравниения весьма упрощается тем обстоятельством, что представляется возможным приблизительно оценить урожай травы на различных частях луга.

Таким образом, в противоположность тому, что наблюдается в отношении пользования мирской пахотной землей, которая перераспределяется между членами в натуре сравнительно редко, сенокосное угодье подлежит разверстке обыкновенно ежегодно, причем это угодье не разбивается на большое число качественно различных участков, как это делается с пашней, подлежащей распределению между всеми членами общества; деление и притом на небольшое число частей применяется здесь лишь при слишком большой разнице в качестве покосов (заливные и незаливные, полевые, болотистые, лесные и т. п.); главнейший же прием уравниения заключается в том, что, судя по урожаю в данном году травы, площадь луга разбивается на определенное число частей, неравных по величине, не обещающих дать одинаковое количество сена, а эти части распределяются по жребью между таким же числом групп (жеребьевых) хозяев, содержащих каждая определенное и одинаковое количество разверсточных единиц (наличных душ, работников и т. п.); группы эти обыкновенно те же самые, на какие разбивается община для облегчения процесса разверстки и пахотной земли в натуре; но в некоторых общинах для разверстки сенокоса образуются особые группы.

Но если обыкновенно труд по эксплуатации сенокоса заключается только в уборке травы, выросшей без всякого вмешательства человека, почему представляется возможным практиковать ежегодно разверстку между общественниками сенокоса, так сказать, в траве, то есть случаи, когда сенокос требует более или менее тщательного ухода, очистки его от зарослей и т. п., и здесь является желательным предоставить участок в пользование хозяина на несколько лет и тем побудить его к уходу за землей. То же средство естественно применяется и в случаях, когда общество намеревается увеличить площадь сенокосного угодья путем расчистки лесных зарослей, которые для этого распределяются между всеми на более или менее

продолжительное время. С другой стороны, общество может обладать лугом, представляющим однокачественную площадь, дающую во всех своих частях равный урожай, допускающую поэтому уравнительную разверстку в земле, и в этих случаях, во избежание ежегодной траты времени на разверстку, община может разделить сенокос на продолжительное время.

Таким образом, наряду с наиболее распространенным способом ежегодной разверстки покоса между членами общины, наблюдаются общины и целые местности, совершающие такую разверстку реже, переделывающие луг, например, одновременно с пашней. Немалое число общин придерживается для различных участков покоса разных приемов: одну часть луга – ближайшую, неоднородную и т. д. они верстают ежегодно, другую – отдаленную от усадьбы, требующую ухода и т. п. – переделывают через несколько лет: одновременно с пашней, чаще или реже разверстки последней.

Некоторые общины вместо равномерной разверстки сенокосов между членами общества по основанию, принятому для разверстки пашни, разделяют его на пайки, оцениваемые в известную сумму денег, которые и распределяются лишь между хозяевами, вносящими назначенную сумму в общественную кассу (см. *Корочанский, Белгородский* уезды).

Как известно, пахотная земля при общинном, как и при подворном владении эксплуатируется каждой семьей независимо от других, по типу индивидуального производства. Лишь некоторые общины отводят небольшие площади под общественные запашки, в каковом случае и доход назначается на общественные нужды. В пользовании сенокосом преобладают также индивидуальные принципы: после того как общество распределит площадь покоса между жеребьевыми группами, последние обыкновенно разбивают свои поля между хозяевами, которые и убирают доставшиеся им участки. Во многих общинах, однако, процесс разверстки травой останавливается на первой ступени, а жеребьевые группы убирают свои участки сообща и делятся по душам сеном. Есть и такие общины, которые не проделывают и первого шага разверстки, а убирают покос миром с тем, чтобы разделить потом сеном. В некоторых из тех общин, которые разверстывают покос в траве между хозяевами, последние соединяются уже сами в небольшие группы соседей и убирают свои доли сообща (см. *Бугульминский* у.). Уборка сенокоса обществом или артелью обыкновенно наблюдается в случаях, где, по незначительности покоса, разнокачественности и неудобному положению, представляется затруднительным разделить его между хозяевами. Поэтому случается наблюдать, что одна часть покоса убирается коллективным трудом, а другая – единоличным или один год, при неурожае травы, общество убирает луг миром, другой – разбивает его в траве между хозяевами. Но есть общины, где общественная уборка применяется к большим

площадям покоса и при всяком его урожае, равным образом как и далеко не все общины с небольшими сенокосами прибегают к коллективному труду. Поэтому наряду с внешними условиями, способствующими или затрудняющими применение к пользованию лугом начало коллективизма, есть еще какие-то, приводящие к тому, что одни общины прибегают к общественной уборке покоса в таких случаях, когда другие разверстывают его между общественниками травой. Особенно легко применяется коллективный труд к уборке покосов в *Мценском, Елецком, Тетюшском* уездах.

Общество Ревовки *Александрийского* у. по причине незначительной величины луга начало убирать его миром, каковой прием оно затем приложило и к арендуемому покосу. Общество с. Троянки тоже попыталось было убирать арендуемый покос сообща, но дело окончилось ссорой. В татарских общинах с. Барына и Туклука *Феодосийского* у. заливной луг распределяется ежегодно между группами хозяев, которые скашивают свои доли сообща и делятся сеном. В *Славяносербском* у. сенокосы обыкновенно делятся между хозяевами травой, но если имеют неудобное расположение, то скашиваются миром; в с. Луганском таким образом убирается лесной покос площадью больше 450 дес., причем на уборку от каждой души (наличной ревизской) выходит по работнику. Сенокосы в *Бугульминском* у. обыкновенно разбросаны, вследствие чего душевые полосы выходят очень мелкими (до $\frac{1}{2}$ саж.); в таких случаях уборка сена производится сообща 2–5 хозяевами, причем в одной общине в артель подбираются работники одинаковой силы. В 9 общинах *Бузулукского* у., величиной не больше 500 ревизских душ, сенокос убирается общим трудом десяточных групп и разделу между участвующими копнами или «пластами» подвергается сено. В *Ставропольском* у. крупные полосы обыкновенно косятся каждым хозяином отдельно, узкие же, небольшие, – обыкновенно всей жеребьевой группой. Около 6 общин весь сенокос убирают сообща разверсточной группой или даже целой общиной. В д. Чашине (17 дв.) траву убирают миром, наряжая с 2 рев. душ одну косу и одну женщину, а для перевозки сена в деревню с 2 душ одна лошадь; на душу достается $\frac{1}{2}$ воза сена. В некоторых немецких колониях *Николаевского* у. сенокосы убираются миром. В 7 общинах *Самарского* у. и 3 *Хвалынского* сенокос убирается всей жеребьевой группой. В 5 волостях *Воронежского* у. встречаются общины (в Орловской их особенно много), прилагающие к уборке сенокосов коллективный труд членов десятка, между которыми разбито угодье. В 3 небольших общинах, обладающих к тому же незначительными сенокосами, последние убираются всем миром. Для *Острогожского* у. указаны две общины, убирающие сенокос «десятками», и одна (Б. Хвощеватка), снимающая траву миром.

В *Богодуховском* у. уборка миром применяется некоторыми из тех общин, которые имеют неправильно расположенные и разнокачественные покосы. В *Корочанском* у. 3 общины Зимовенской вол., Белая (соб., 341 дв., 40 дес. покоса), Русская (соб., 30 дв., 5 дес.) и Нижняя Березовка (госуд., 94 дв., 5 дес.) убирают свои сенокосы миром, выставляя на работу по одному человеку, в 2 общинах – с одной души, в одной – с 3 душ; в этой последней общине однодушники посылают от 3 дворов одного работника, уплачивая ему 5–7 коп. в день от двора. В 4 общинах государственных и 3 б. помещичьих крестьян Нечаевской и Яблоновской вол. сенокосы убираются десятками (10 душ), между которыми разбивается покос, при ежегодной его разверстке; эти общины: Афанасово (гос., 121 дв., 30 дес. покоса), Полянки (гос., 51 дв., 21 дес.), Платовец (гос., 271 дв., 15 дес.), х. Короткий (гос., 161 дв., 108 дес.), Оглоблина (соб., 47 дв., 16½ дес. и соб., 12 дв., 5 дес.), Павловка (соб., 9 дв.). В *Белгородском* у. в 5 общинах (4 госуд. и 1 помещ.) покос убирается «десятками» (подбирающимися по взаимному согласию) или жеребьевыми группами, на которые разбивается община при разверстке покоса; в 12 общинах (1 госуд. и 11 помещичьих, в том числе 7 общин Толоконской волости) покос убирается миром, причем обыкновенно высылается работник от 1–2 рев. душ; покосы, убираемые коллективным трудом, обыкновенно невелики, но в д. Тавровой на душу достается сена 2–2½ воза. В *Новооскольском* у. 3 общины убирают луг миром, причем сл. Раевка (соб., 100 дв., 14 дес. луга) и Морквина (соб., 38 дв., 16 дес. луга) Чернянской вол. делят сено по душам, а д. Яблоневая (гос., 20 дв., 13 дес. луга) Ольшанской вол. поровну по дворам; д. Макешина (гос.) Слоновской вол. 23 дес. лугового покоса разверстывает ежегодно в натуре, а кустарниковый косит сообща; одна община той же волости или сдает покос в аренду, или убирает сообща. В *Старооскольском* у. около 10 общин (в том числе 9 кр. собственников) убирают покос миром. Уборка сенокоса коллективным трудом наблюдается в *Тамбовской* губ. редко. Она встречается в немногих общинах *Моршанского* у. (уборка «десятками»), *Шацкого* (всеми или некоторыми жеребьевыми группами), в 5 селах *Усманского* у. (жеребьевыми группами), в некоторых общинах с небольшими покосами *Лебедянского* у., в нескольких общинах *Темниковского* у. (жеребьевыми группами, а в одной, в 32 дв., миром). В *Кирсановском* у. уборка сена жеребьевой группой наблюдается при небольших покосах; в *Козловском* у. такая уборка наблюдается у десятка общин (б. госуд. кр., величиной от 100 до 700 дв.); некоторые из них имеют небольшие покосы, в других на душу накашивается 1½–2 воза. В *Тютюшском* у. уборка лугов в большинстве общин производится жеребьевыми группами; указаны 2 общины Н. Шимкусовой вол., где луг убирается миром, причем в одном случае всеми наличными работниками. «Отметки

о косьбе лугов каждым домохозяином отдельно встречаются лишь в очень немногих случаях». В *Казанском* у. луга делятся ежегодно или прямо на души, или на жеребья (в 10–50 д., редко больше), убирающие сено сообща. Есть общины, убирающие луг (находящийся на большом расстоянии от села) миром. В *Кошачковской* вол. в большей части общин покос убирается каждым хозяином отдельно: «вместе косить нечего», – говорят крестьяне; в 5 общинах помещ. кр. луг разделяется на «складные артели», убирающие его сообща: с 1–3 душ выходит коса, а у кого не хватает работников – нанимают или «платят товарищу». В *Царевококшайском* у., по причине разбросанности сенокосов клочками, затрудняющей подушный их раздел, в некоторых общинах делятся сеном. В *Московской* губ. покосы обыкновенно убираются каждым хозяином отдельно, в некоторых общинах, где осьмачные (жеребьевые) доли слишком малы, они скашиваются сообща; но в нескольких селениях (указано ок. 25) такой способ уборки применяется ко всему покосу, а в д. Н. Рождествино *Бронницкого* у. снимают траву миром (Орлов, с. 73, 253). В 3 общинах *Вяземского* у. покосы по зарослям, неудобные для дележа, убираются миром. Мирская уборка покоса известна для 4 селений *Гдовского* у. В с. Рыбацком *Петербургского* у. в передел 1878 г. низменные места по реке были разделены на осьмаки, выкашиваемые сообща хозяевами (числом 6–8), которым они достались; кто не может косить сам, должен или нанять косца, или заплатить деньгами другим участникам. Указание на совместную уборку сенокоса в *Трубчевском* у. имеется для 2–3 общин *Стрелецкой* вол. В *Мценском* у. большая часть общин убирают покосы миром или группами домохозяев; уборка каждым хозяином своей доли отдельно от других наблюдается, главным образом, в обществах, богатых покосами. Преимущества общественной уборки состоят в том, что при ней легко равномерно распределить между всеми пользование угодьем в тех случаях, когда покос очень разнокачествен. Поэтому иногда общая уборка практикуется только при неурожае или на неудобной площади луга. В большой слободе *Стрелецкой* сенокос ежегодно разверстывается между десятками, эти же последние если состоят из хозяев-малодушников, то убирают свои части сообща, если же из хозяев многосемейных, то разбивают общую долю между семьями, убирающими свои доли отдельно; при общественной уборке с известного числа душ выходит определенное число работников. В *Елецком* у. около $\frac{3}{5}$ всего числа общин, имеющих покосы, убирают их коллективным трудом: 7 общин б. помещ. кр. и 12 государственных – жеребьевыми группами, 61 община б. помещ. и 5 госуд. – миром. В следующей таблице приведены общины, убирающие покосы коллективным и индивидуальным трудом, с указанием их величины, размеров покоса и способа уборки.

Мирская уборка покоса практикуется следующими общинами:

Краснополянская вол.

Н. Лимовая пом.	33 дв.	17 дес.	с 2 над. по косе, на душу до $\frac{1}{2}$ воза
Ст. Лимовая пом.	38 дв.	? дес.	с 2 над. по косе, на душу $\frac{1}{2}$ —1 воз.
Лысовка пом.	8 дв.	0,5 дес.	с 3 над. по косе, на душу 3 пуда
Лысовка пом.	10 дв.	1,3 дес.	с 2 над. по косе
Лысовка пом.	3 дв.	0,5 дес.	
Александрово пом.	35 дв.	2 дес.	на душу 3 пуда
Никольское пом.	10 дв.	2 дес.	
Семеновское пом.	21 дв.	9 дес.	с 4 над. по косе, на душу 3 пуда
Семеновское пом.	36 дв.	7 дес.	с 2 д. по косцу и бабе
Жемайловка пом.	19 дв.	7 дес.	на душу по возу
Уваровка пом.	42 дв.	6 дес.	работы на 2 часа
Озерки пом.	15 дв.	4 дес.	
М. Боровка пом.	19 дв.	$9\frac{1}{2}$ дес.	

Ястребинская вол.

Ястребин Колодезь пом.	32 дв.	5 дес.	
Дмитриевка-Парахи-на пом.	29 дв.	3 дес.	с 4 душ по косе, на душу 2 пуда
Егорьевское пом.	33 дв.	8 дес.	с 4 душ по косе, на душу 1 пуд
Бутырки пом.	5 дв.	1 дес.	на душу 5—6 пуд.
Покровское пом.	78 дв.	$5\frac{1}{2}$ дес.	
Новоселки пом.	57 дв.	36 дес.	
Огневка пом.	42 дв.	5 дес.	с 3 душ по косе
Дмитриевка пом.	54 дв.	34 дес.	
Черемошна-Лаухана гос.	14 дв.	$7\frac{1}{2}$ дес.	с 2 душ по косе, на душу 10 пуд.

В. Дрезгаловская вол.

Казачья пом.	13 дв.	$1\frac{1}{2}$ дес.	
Лысовка пом.	36 дв.	16 дес.	с 4 душ по косе, на душу 2—3 пуд.

Николаевка пом.	32 дв.	6 дес.	с 8 душ по косе, на душу 3—5 пуд.
Александровка пом.	81 дв.	47 дес.	с 3 душ по косе, на душу $\frac{1}{2}$ коп.
Алексеевка пом.	65 дв..	10 дес.	с 3 душ по косе, на душу $\frac{1}{4}$ коп.
Н. Дрезгалово гос.	186 дв.	57 дес.	с 10 д. косец и баба
Черновка гос.	17 дв.	1 дес.	с 3 д. по человеку

Предтеченская вол.

Предтечево пом.	17 дв.	6 дес.	с 3 над. по косцу, на душу 6 пуд.
Предтечево гос.	7 дв.	$1\frac{1}{2}$ дес.	
Орловка пом.	69 дв.	19 дес.	с 2 над. по косцу, на душу 3 пуда
Субботина пом.	37 дв.	$8\frac{1}{2}$ дес.	с 2 над. по косцу, на душу 3 пуда
Никольское пом.	36 дв.	20 дес.	с 4 над. по косцу

Афанасьевская вол.

Архангельское пом.	53 дв.	25 дес.	с 3 над. по косцу, на душу 4—10 пуд.
Бараново пом.	9 дв.	4 дес.	с 2 над. по косцу, на душу 10 пуд.
Шатова-Слободка (д.-четв.)	136 дв.	5 дес.	

Соловьевская вол.

Маслово гос.	57 дв.	7 дес.	от 5 д. косар., на 1 д. приходится 10 п. сен.
Трегубово пом.	71 дв.	12 дес.	
Бельцово пом.	46 дв.	7 дес.	от 2 д. косар., на 1 д. приходится 2 п. сен.
Хрущевск. выс. пом.	27 дв.	3 дес.	
Гудаловка пом.	58 дв.	20 дес.	

Ламская вол.

Михайловское пом.	25 дв.	$1\frac{1}{2}$ дес.	через 2 года, на 1 д. приходится $1\frac{1}{2}$ п.
-------------------	--------	---------------------	---

Черновская вол.

Ясинок пом.	26 дв.	6 дес.	от 3 д. работн., на 1 д. приходит- ся 4—8 п.
-------------	--------	--------	---

Извольская вол.

Колодезная пом.	41 дв.	5 дес.	от 2 д. работн.
Николаевка пом.	33 дв.	4 дес.	
Сухая Каменка пом.	5 дв.	4 дес.	
Ястребовка пом.	10 дв.	4 ¹ / ₂ дес.	
Владимировка пом.	69 дв.	10 дес.	от 2 д. работн., на 1 д. приходится 6 п.

Каменская вол.

Ильинка пом.	60 дв.	4 дес.	
--------------	--------	--------	--

Казинская вол.

Петровская пом.	32 дв.	9 ¹ / ₂ дес.	
-----------------	--------	------------------------------------	--

Стегаловская вол.

Анютина пом.	16 дв.	1 дес.	
Плоты пом.	88 дв.	20 дес.	на 1 д. приходится 5 п.
Касаткина пом.	11 дв.	1 ¹ / ₂ дес.	от 3 д. работн.
Петров Плот пом.	43 дв.	5 дес.	

Богато-Платовская вол.

Екатериновка пом.	69 дв.	4 дес.	часть миром, часть сдают за 10 р.
-------------------	--------	--------	-----------------------------------

Тербунская вол.

Ст. Ивановка пом.	36 дв.	37 дес.	частью миром, частью «десятками»
Н. Ивановка пом.	34 дв.	40 дес.	от 4 душ по косцу

Воронецкая вол.

Макаровка пом.	27 дв.	17 дес.	
Александровка пом.	13 дв.	2 дес.	
Нетесова пом.	15 дв.	4 дес.	
Паниковец пом.	15 дв.	3 дес.	
Паниковец пом.	19 дв.	4 дес.	

Сергиевская вол.

Изубриевка пом.	119 дв.	15 дес.	
Вороново пом.	37 дв.	9 дес.	на 1 д. приходится 10 п.
Елизаветовка пом.	16 дв.	9 дес.	если не травится скотом, то убирается миром

Уборка жеребьевыми группами в следующих общинах:

Краснополянская вол.

Писаревка пом.	50 дв.	12 ¹ / ₂ дес.	разделяется на 5 част. (по рев. д.), выходят с души по 1 работн., сена достается на душу 3 п.
Успенская пом.	46 дв.	24 дес.	разделяется на 6 част. (22 зем. д.), с 2 д. по мужчине и женщине, сена достается на душу 6 п.

Ястребинская вол.

Грунь-Варгольск. пом.	38 дв.	10 дес.	} на десятки, сена достается на кот. или делят д. 4—6 п. на д. или косят сена достается на сообща д. до 5 п. сена достается на д. до 1 п.
Красновка гос.	49 дв.	13 ¹ / ₂ дес.	
Гр. Варг. и Кулеш. гос.	239 дв.	31 дес.	

Становлянская вол.

Злобин Варгол д.- четв. и Овсяный Брод д.- четв.	325 дв.	10 дес.	делят на жребии (по 20 д.) (и кустарн.)
---	---------	---------	--

Афанасьевская вол.

Знаменка пом.	81 дв.	18 дес.	на жребии (10—20 д.)
---------------	--------	---------	----------------------

Ламская вол.

Рогатое д.-четв.	198 дв.	100 дес.	на 29 паев (до 20 д.), сена на душу 8 п.
------------------	---------	----------	---

Казацкая вол.

Ольховец гос.	91 дв.	33 дес.	16 д. в аренд., 17 (плох.) на 3 десятка (по 80 д.)
Казаки ¹ гос.	836 дв.	279 дес.	делят на 12 «земель» (6 д.), которые или убираются сообща, или разверстываются между хозяевами

Каменская вол.

Б. Слепуха с выселками гос.	328 дв.	30 дес.	делят по сотням, кот. убирают сообща
--------------------------------	---------	---------	---

Богато-Платовская вол.

Красное пом.	31 дв.	21 дес.	на 8 жеребьев (по 10 д.), с 2 д. по косу
Богатые Плоты пом.	40 дв.	8 ¹ / ₂ дес.	на 9 ¹ / ₂ паев (по 10 д.)

¹ 12 «земель» дается церковному причту; 40 дес. заливного луга отдавалось семьям, поставившим в данном году рекрута, а в 1885 г. сданы в аренду, а семьям, поставившим рекрута (в 1885 г. их было 12), выдается по 25 руб.

Тербунская вол.			
Новосильское д.-четв.	394 дв.	35 дес.	на 4 части
Бордино и Березовка душ.	417 дв.	82 $\frac{1}{2}$ дес.	на сотни (125–150 д.) с 4 д. косец.
Озерки душ.	604 дв.	262 дес.	40 десятков, с 3 д. косец., достается на душу $\frac{1}{2}$ копны
Сергиевская вол.			
Дмитриевское пом.	33 дв.	4 $\frac{1}{2}$ дес.	на 7 жеребьев (по 11 д.)
Сергиевское гос.	168 дв.	31 $\frac{1}{2}$ дес.	27 $\frac{1}{2}$ жеребьев (пл 20 д.)
Предтеченская вол.			
Измалково гос.	218 дв.	53 дес.	на 25 десятков (по 20 д.)

Уборка покоса отдельными хозяевами применяется в следующих общинах:

Краснополянская вол.			Ламская вол.		
М. Поляна пом.	45 дв.	13 дес.	Ламская (сложная) гос.	518 дв.	11 дес. ¹
Успенское пом.	49 дв.	15 $\frac{1}{2}$ дес.	Аргамачья (сложная) гос.	467 дв.	60 дес. ²
Успенское пом.	38 дв.	7 дес.	Александровка гос.	238 дв.	23 дес. ³
Федоровка пом.	20 дв.	2 дес.	Хмелинец д.-четв.	124 дв.	6 дес.
Дуброчево пом.	10 дв.	4 дес.	Казинская вол.		
Ястребинская вол.			Солдатская гос.	391 дв.	17 дес. ⁴
Пальня пом.	46 дв.	10 дес.	Казинка гос.	299 дв.	20 дес.
Святогорское пом.	44 дв.	2 дес.	Березовка гос.	191 дв.	100 дес.
Выглядовка пом.	20 дв.	14 $\frac{1}{2}$ дес.	Алексеевка пом.	64 дв.	25 дес.
Лакейская пом.	36 дв.	3 дес.	Стегаловская вол.		
Предтеченская вол.			Орановка пом.	23 дв.	5 дес.
Барановка д.-четв.	48 дв.	3 дес.	Богато-Платовская вол.		
Тербунская вол.			Харламовка пом.	45 дв.	26 дес.
Тербуны с высел. гос.	437 дв.	150 дес.	Новотроицкая пом.	57 дв.	12 дес.

¹ Половина населения живет в городе, земледелием занимаются мало.

² Луг заливной.

³ Накашивают до 15 пуд. на душу.

⁴ Кроме того, косится по лесу.

Яковлево и Дуброво гос.	291 дв.	30 дес.	Веселое пом.	133 дв.	30 дес.
Новосильская гос.	110 дв.	80 дес.	Николаевка пом.	59 дв.	8 ¹ / ₂ дес.
Соловьевская вол.			Суворовская вол.		
Масловка пом.	16 дв.	8 дес.	Ериловка пом.	192 дв.	40 дес.

(См.: гл. IX. Порядки пользования покосами).

Как известно, крестьянский скот не пользуется стойловым содержанием в течение круглого года: летом он кормится путем выпаса на пару, покосах, на стерне и на выгоне, причем скот каждого хозяина не пасется исключительно на участке, отведенном в пользование последнего, а бродит по названным уголкам в общем крестьянском стаде. Если бы отношение между количеством скота у разных членов общины совпадало с отношением между величинами участков мирской земли, полученной ими по разверстке, в таком случае пользование всех хозяев мирской землей путем выпаса на ней скота оказалось бы уравнивающим фактом равномерного распределения между ними пахотного и сенокосного угодий. Но так как количество скота у отдельных хозяев не находится в точном и определенном соотношении с их надельными участками, то при беспрепятственном допущении всего их скота к выпасу на мирской земле хозяева относительно многоскотные извлекают из общественной земли больше пользы, нежели малоскотные; иначе говоря, выгоды владения землей окажутся неравномерно распределенными между участниками в этом владении. Такое неравномерное распределение и наблюдается на большей площади России с общинным владением землей; уравнение же пользования пастбищами встречается почти только в южной и восточной окраине страны.

Причины индифферентного отношения общины центральной России к вопросу об уравнении ее членов в пользовании мирской землей как пастбищем заключаются, вероятно, в том, что одно из угодий, служащих пастбищем, пахотное, уже использовано членами, в распоряжении которых оно поступило по разверстке, и употребление его на выпас чужого скота не считается крестьянами актом, ведущим к каким-нибудь неудобствам для владельца угодья. Что касается угодья, имеющего специальным назначением служить для пастбы и потому изъемлемого из эксплуатации каким-либо иным способом, — выгона, то таковой обыкновенно имеет небольшую площадь, часто образуется из пространств неудобных или даже невозможных для эксплуатации обращением под хлеб, вследствие чего крестьяне и не считают нужным принимать какие-либо меры для того, чтобы в пользова-

нии этим угодем один член общества не имел преимуществ перед другим. Наконец, в рассматриваемой местности скотоводство с промышленными целями у крестьян почти не существует, скот держится в размерах, нужных для обработки и удобрения поля и для семейных надобностей, и малоскотному хозяину не бьет в глаза доход, получаемый его богатым односельцем от продажи продуктов скотоводства, и он не задумывается над тем, что последний извлекает из мирской земли выгоды, непропорциональные платежам, взятым им на себя вместе с пахотной землей, и что было бы справедливо обложить его новым сбором.

Иначе сложились отношения в степной полосе. Во-первых, площадь, эксплуатируемая в данный сезон только в виде пастбища, здесь значительно обширнее, нежели в царстве трехполя, так как, кроме выгона, под пастбище (толоку) отводится часть пахотной земли, которая таким образом изымается из эксплуатации отдельных членов путем обращения ее под посев или сенокос. Во-вторых, по причине тяжелой почвы, для обработки которой требуется запряжка в несколько лошадей, и развития скотоводства как особого источника денежного дохода члены общины в отношении богатства скотом больше различаются между собой, нежели крестьяне других местностей, и выгоды, извлекаемые богатыми крестьянами от своего скотоводства, представляются для бедняков вполне очевидными. Таким образом, малоскотные хозяева видят, что их полевые участки сокращаются для того, чтобы образовать пастбище, достаточное для прокормления скота богачей, и в их уме естественно возникает мысль об уместности требования за это со стороны многоскотных хозяев какого-либо вознаграждения. После всего сказанного естественно ожидать, что в рассматриваемой полосе пользование пастбищем подвергнется урегулированию подобно пользованию пахотной и сенокосной землей, каковое регулирование, однако, по причине относительной малоценности пастбищного угодя наступит позже.

И действительно, по имеющимся сведениям, борьба за урегулированное пользование пастбищем в большинстве случаев представляет явление последних 10–15 лет, и самое регулирование в различных уездах получило неодинаковую степень осуществления. В *Елизаветградском* и *Херсонском* уездах, например, урегулирование выпаса скота сделалось общераспространенным явлением; в *Таврической* губ. оно получило значительное, хотя и не всеобщее распространение; в *Славяносербском*, *Николаевском* и *Новоузенском* уездах вопрос поднят в самое последнее время, но получил положительное разрешение лишь в немногих общинах.

Что касается способов нормирования пользования пастбищем – в большинстве случаев оно заключается или в назначении числа голов скота, какое имеет право пустить бесплатно на выпас каждый хозяин (б. ч. сообразно

количеству числящихся за ним душ), или в обложении каждой головы скота, выпускаемой на общественные угодья, особым сбором¹, или в отрезке под толоку от каждого хозяина участка, пропорционально не величине его надела, а количеству имеющегося у него скота, или, наконец, в отведении выгона бедным хозяевам отдельно от богатых. При первом способе нормирования хозяева, имеющие скот сверх нормы, в одних местностях входят в соглашение с малоскотными крестьянами о допущении за известное вознаграждение скота первых на выпас в счет доли последних; в других – уплачивают в пользу общества или малоскотных хозяев за каждую излишнюю голову особый сбор; в некоторых местностях выпуск на общественное пастбище скота сверх нормы вовсе не допускается. Бедные хозяева, поучившие выгон отдельно от богатых, сдают его в аренду, между прочим, многоскотным однообщественникам.

Что касается местностей с трехпольным севооборотом – регулирование пользования пастбищем встречается только при исключительных обстоятельствах; так, община крестьян-дарственников с. Поселка *Хвалынского* у. имеет наделной земли 157 дес., а купленной 488 д., причем крестьянский скот пасется безразлично на той и другой. Так как купленная земля к тому же приобретена не всеми хозяевами общества, то последнее, предоставив право бесплатного выпуска на пастбище в размере 2 черед (голов крупного скота) всем своим членам, излишнее количество обложило неодинаковым для всех хозяев сбором; именно хозяева, имеющие и наделную, и купленную землю, платят при этом 50 коп. с лишней головы крупного скота, хозяева, владеющие только наделной землей, – 1 руб., а безземельные – 2 руб. Община дарственников с. Горюш Горюшинской вол. ограничила количество скота, выпускаемого бесплатно на наделную и арендную землю, одним чередом на душу; излишний скот оплачивается сбором в 1 руб. с череда, поступающим в пользу хозяев бес- и малоскотных. Подобное же ограничение введено и в д. Елховке Елшанской вол., причем взимаемые за излишний скот деньги идут в уплату арендной платы за выпас² (Сб., т. V, с. 176).

Равным образом, в *Саратовском* у. вопрос о нормировании пользования выгоном возникает лишь в общинах, где, по недостаточной величине или по дурнокачественности почвы надела, вся земля общества или значи-

¹ В некоторых местностях (напр., в *Херсонском*, *Славяносербском* у., в д. Яблонки Селитбинской вол. *Хвалынского* у.) стремление к уравнению пользования пастбищем сталкивается и переплетается со стремлением переложить платежи с земли на скот как лучший показатель зажиточности крестьянина; разверстка платежей на скот, по словам г. Пругавина, получила широкое распространение в *Мариупольском* у.

² Кроме того, попытка регулировать пользование выгоном встретила в этом уезде в общине госуд. кр. Дубовый Гай, где одно время были введены ограничения в пользовании выгоном с взиманием за лишнюю пасущуюся скотину 40–60 коп. штрафа; но они потом были отменены: крестьяне, по их собственным словам, «стали миролюбивее».

тельнейшая ее часть обращена в выгон. Из 14 общин, не имеющих пашни, в 10 хозяин, выпускающий на общественную землю больше скота, чем это следует по числу значащихся за ним ревизских душ, платит за каждый лишний черед 1 руб. 50 коп., каковая сумма распределяется между хозяевами, у которых пасется скот «против душ меньше». В этих общинах практикуется свалка-навалка душ, в некоторых из них поднят вопрос об отведении части выгона под распашку для бесскотных хозяев, что уже практикуется в 3 общинах: каждый хозяин имеет здесь право пастись на общественном выгоне определенное количество скота (по числу ревизских душ), у кого же скота меньше нормы, тот имеет право пользоваться остальной землей для посева хлеба; уравнивание землепользования производится при помощи ежегодно повторяющейся перевалки душ пашенных и выгонных, причем общий размер выгона остается неизменным¹.

В *Бахмутском* у. выгоны «повсюду состоят в нераздельном общем пользовании всех членов общин»; в 2 общинах, запустивших всю наделенную землю под толоку и сенокос, выделено 122 дес. (из 614, бывших прежде под пахотью) под посевы хозяев, не имеющих вовсе или имеющих мало скота. В д. Новозолотой *Ростовского* у. бесскотные хозяева получают плату, взимаемую с хозяев, богатых скотом (Сб., т. I, с. 120). В *Славяносербском* у. в последние годы идет упорная борьба хозяев, бедных скотом, с хозяевами, богатыми им, из-за нормирования пользования толокой, и в нескольких общинах она уже окончилась введением этого нормирования: в с. Ольховатке (госуд.) в 1884 г. весь скот, выпасываемый на общественной толоке, обложен платежом, причем за скот посторонних лиц взимается больше, нежели с членов общины (Сборник, с. 108); в 4 селениях площадь, отрезываемая у каждого хозяина под толоку, пропорциональна не его наделенному участку, а количеству имеющегося у него скота (Сборник, с. 181). К обложению скота в уезде стремятся не только в видах нормирования пользования выгоном, но также и с целью, путем переложения части платежей на скот, привлечь к большему участию в податной тягости зажиточных членов общины. Регулирование пользования членов общины выгоном и другими пастбищными ресурсами начинается и в *Острогжском* у. В 4 общинах пока только поговаривают о налоге на домохозяев, имеющих много скота, и делаются попытки обложения отдельных лиц, причем в 2 общинах нескольким богачам приходится отделяться от обложения водкой. В 3 общ. помещ. и 2 госуд. кр. назначено определенное количество скота, могущее пастись бесплатно на толоке или стерне каждым хозяином или наделенной душой, а из-

¹ В д. Сатиной (пом.) Периксинско-Гавриловской вол. *Тамбовского* у. с 28% бесскотных дворов хозяева, имеющие много скота, отделяют часть своей пахотной земли под выгон.

лишний скот подлежит обложению (от 50 коп. до 1¹/₂ руб. с головы крупного скота). В *Бугурусланском* у. общество с. Тимашева дозволяет пасти бесплатно на выгоне каждому хозяину 2 череды скота, за каждый же лишней черед взимается 1 руб. 50 коп. на уплату податей «за пустоту» (Сб., т. IV, с. 37). В *Николаевском* у., где для обработки земли требуется запряжка в 3–6 лошадей, зажиточные хозяева стремятся отвести под кормовую площадь возможно большую часть мирской земли, а бедные ратуют или за сокращение выгона, или за обложение многолошадных хозяев особым сбором в пользу лиц, имеющих мало скота; богатые пересиливают. Такое обложение практикуется в некоторых немецких общинах (указано 3). В *Новоузенском* у., с системами полеводства переходными от залежной к паровой и с резким различием хозяев по их зажиточности, введение регулирования пользования выгоном сделало некоторые успехи. В 14 общинах скот (или весь, или превышающий определенную норму), выгоняемый на общественный выгон, облагается сбором, поступающим на уплату повинностей (в д. Липовке плата за мелкий скот выдается хозяевам мало- или бесскотным). В Новотроицкой общине (удельн., 565 надельных хозяев) в 1888 г. по настоянию бедняков выгон был выделен им (на 329 рев. д. из 1000) особо и сдан ими в аренду; так же и в Алексашкине (гос., 325 надельных дворов) Козловской вол., 835 душ (из 916) бедняков получили выгон особо с правом сдачи в аренду на 4 года в размере не более 30 саж. на душу; в Борисоглеbove (гос., 232 над. дв.) той же волости в 1888 г. по настоянию бедняков (40 дв.) выгон был разделен по 1¹/₃ дес. на душу, после чего бедные сдали свою часть богатым однообщественникам по цене около 7 руб. за десятину. В *Одесском* у. в 5 старых общинах госуд. кр. недавно, после продолжительной борьбы, сделаны постановления, ограничивавшие количество овец, выгоняемых каждым двором на толоку, числом 10 ввиду того, что овцы портят толоку и что богатые крестьяне стадами своих овец уничтожают растительность общественного угодья. В *Елизаветградском* у. «на каждый надел – при общинном ли пользовании земель, или подворно-наследственном – полагается известное количество толоки, а на каждую единицу толочной земли полагается выпустить известное количество крупного и мелкого скота; всякий, имеющий больше скота, чем ему полагается, должен или нанять толоку у хозяина, не имеющего скота, или принять лишней скот с толоки». Исключение составляют несколько обществ, где подобные же правила пользования толокой не вводятся по причине беспорядков, царствующих в общественном управлении (Материалы, т. II, с. 354). Назначение нормы скота, могущего быть выпущенным на толоку каждым хозяином, наблюдается в *Херсонском* у. (за исключением богатых обществ б. военных поселян), причем в обществах, где общественная толока увеличивается причислением к ней мироплати-

мых наделов, на пастьбу допускается и излишний против нормы скот за известную плату, которая в некоторых обществах идет в пользу хозяев, имеющих толоку и мало скота; где же такого расширения толоки не бывает, там хозяева отдают излишний скот пастись на сторону (Материалы, т. VI, с. 217). В *Александрийском у.* в большинстве случаев община, заводящая у себя толоку, бесскотным хозяевам или нарезает участки в стороне, или уплачивает за занятую под толоку землю (4 руб. 50 коп. – 6 руб. за десят.). В некоторых обществах бесскотным хозяевам предоставляется самим ведаться с теми общественниками, которые имеют больше скота, чем положено выпускать на толоку, вследствие чего между теми и другими бывают недоразумения (Мат., т. III, с. 205). Из 135 общин государственных крестьян материковых уездов Таврической губ., о которых имеются точные сведения, регулирование пользования выгоном наблюдается в 31% общин *Бердянско-го у.*, 63% *Днепровского у.* и 71% *Мелитопольского у.* Регулирование практикуется по преимуществу в мелких и широкоземельных общинах; так, среди общин, имеющих больше 600 дворов, к регулированию прибегает 27%, из общин от 300 до 500 двор. – 52%, от 300 до 100 дв. – 55%, не более 100 дв. – 60%; из общин со средним наделом более 20 дес. на двор к регулированию выгона обращаются 75%, при наделе 10–20 дес. – 38%, при наделе не более 10 дес. – 33%. При ревизской разверстке земли 61% общин регулируют пользование выгоном; в обществах с наличной разверсткой – 51%, со смешанной – 29%. Совпадение нерегулированного пользования выгоном с малоземельем г. Петровский объясняет тем, что в малоземельных обществах большая часть выгона распахана и регулирование пользования оставшимся угодьем не представляет для общества большого интереса. В *Мелитопольском у.* из 58 общин, о которых имеются сведения, 18 не вводят никакого регулирования в пользование выгоном отдельными домохозяевами в большинстве случаев, потому что толока или ничтожна по размерам, или бесплодна; впрочем, в некоторых из них крестьяне не позволяют выпускать на толоку количество скота, явно несоразмерное с числом раскладочных душ семьи, а в 4 крупных слободах за пользование выгоном община взимает со своих членов плату: от 40 коп. до 1 руб. 25 коп. за голову крупного скота и 10–25 коп. – мелкого. Регулирование пользования выгоном началось в 60-х гг., но большинство общин обратилось к нему в конце 70-х и в 80-х гг.; достигается оно путем назначения числа голов крупного (б. ч. 5) и мелкого скота (б. ч. 5–10), какое может выпускать на толоку каждый хозяин, причем в большей части селений допускается замена крупного скота мелким, и наоборот; 4 селения не позволяют заменять крупный скот мелким, ибо последний портит толоку. Большинство общин допускает пасти лишний скот, но за плату $1\frac{1}{2}$ –4 руб. за голову крупного скота и 1 руб. – мелкого; эта плата

в некоторых обществах идет в пользу лиц, имеющих скота меньше положенной нормы. В некоторых общинах крестьяне, имеющие мало скота, сдают свои толочные души в аренду. В 2 польских общинах с налично-ревизской разверсткой земли право регулируемого пользования выгоном имеют только живые актовые и ревизские, но не наличные души, несмотря на то что и они получили пахотную землю. В нескольких общинах толока разверстана по ревиз. душам с правом каждого распоряжаться ею по своему усмотрению. В *Днепровском* у. регулирование пользования выгоном в поселенных описаниях указано для 20 общин госуд. кр. и 9 помещичьих. Оно заключается в назначении числа голов крупного и мелкого скота (в 4–5 общинах овцы при этом исключаются), какое можно выгонять бесплатно с одного надела (в 2 общинах госуд. кр. со двора, в одной – с рабочего), за излишнее же количество назначается плата (обыкновенно 1 руб. с головы крупного скота и 50 коп. с мелкого), идущая в госуд. общ. Чаплынке и Григорьевке в уплату повинностей за лиц, у которых мало скота; в помещичьей общине Черноморские колодцы (Бехтеровской вол.) – в пользу членов общины, не имеющих своего скота. Регулирование пользования выгоном практикуется безразлично как старыми, так и молодыми общинами. В поселенных описаниях по *Бердянскому* у. указано 6 старых общин и 11 новых, практикующих уравнение хозяев в пользовании толокой (о 18 старых и 9 новых сказано, что пользование толокой не ограничено). Это уравнение достигается назначением определенного количества скота, какое может быть выгоняемо на толоку каждым (в 5 общинах расчет скота делается по надельным душам, в д. Лозановке при смешанной разверстке пахотной земли – по ревизским д.); в с. Белицком на толоку допускается только рабочий скот; в с. Петро-Павловке не допускается мелкий. В 6 общинах за излишний скот взимается плата в пользу малоскотных хозяев или общины. В д. Марьяновке Ново-Алексеевской вол. (новая) богатые крестьяне отказались вносить плату, предназначавшуюся в пользу малоскотных, после чего последние стали принимать на свою долю толоки чужой скот. Такой же прием на выпас скота, даже принадлежащего посторонним, практикуется в молканской д. Анастасовке (новой) Н. Алексеевской вол., а во Второ-Константиновке (новое) и Мироновке (новое) Покровской вол. малоскотные члены общины принимают на свой пай скот домохозяев общины, имеющих излишний скот. Постановления, ограничивающие пользование выгоном, не всегда строго соблюдаются; так, волостной суд местечка Б. Токмака приговорил старосту к 80-рублевому штрафу за дозволение пасти на общественном выгоне излишний скот. В Сладко-Балковском обществе, где пользование толокой не ограничено, бедняки после неурожая 1885 г. начали брать на прокормление хлеб из общественного магазина по мерке в месяц на душу;

когда же и зажиточные крестьяне забрали и продали свою долю хлеба, после чего неимущим пришлось для прокормления своих семей отчуждать скот, они, сговорившись, распахали свою долю толоки, к ним присоединились недовольные последним переделом, а затем распахали толоку и богачи; «осенью 1886 г. предполагается новый передел, который бы прекратил эти беспорядки». В Крыму, в 2 татарских общинах Шейк-Монахской вол. Феодосийского у., назначается количество скота, какое хозяин может пасти бесплатно на общественном выгоне; за излишнее же количество взимается плата, поступающая в с. Барыне на покрытие общественных расходов, а в с. Семеке – частью на покрытие расходов, частью на вознаграждение дворов, не имеющих скота. В остальных обществах количество скота, выпускаемого на выгон как общественниками, так и посторонними, проживающими в селении, не ограничено (скотоводство здесь незначительно), но пасущийся скот обложен особым сбором – в большинстве случаев одинаковым для своих и посторонних, – обращаемым на покрытие поземельных и других платежей. Из христианских общин Крыма, имеющих выгон (не имеют выгона 32 общины б. помещ. кр.), 11 назначают, какое количество скота может быть выпасаемо бесплатно (3–6 штук крупного скота), а за излишнее количество в некоторых общинах взимается плата, поступающая в общественную кассу; в других общинах хозяева, богатые скотом, входят в соглашение с крестьянами, имеющими его меньше положенной нормы, о передаче им за определенную плату права пасти вместо них свой скот. Большая часть общин, не регулирующих пользование выгоном, имеет или большие, или неудобные для хлебопашества наделы.

Усадебная земля имеет большую ценность, нежели другие угодья. Это потому, что она находится в поселении, служит для возведения жилых и хозяйственных строений и что культуры, которыми она занимается, требуют сравнительно большей затраты труда человека. Естественно поэтому ожидать, что права членов общины на это угодье будут шире, нежели их права на полевые участки. Это сравнительное расширение их прав может заключаться в том, что 1) усадьбы будут считаться состоящими в частном владении, свободно переходить из рук в руки и т. п.; 2) регулирование владения усадебной землей наступит позже регулирования пользования другими угодьями; 3) войдя в практику общинных распоряжений, регулирование пользования усадебными угодьями будет совершаться с большим вниманием к интересам старых владельцев усадеб, нежели это наблюдается по отношению к пашне. Действительность подтверждает эти априорные заключения.

История усадебного угодья начинается, как и пахотного, свободным занятием каждым крестьянином нужного ему пространства, на котором он и

воздвигал строения, разводил сад, огород и т. д. Так как указанное употребление земли требует больших затрат труда и денежных средств, то между усадебными угодьями и их владельцами образовывалась крепкая связь, выражавшаяся непрерывностью владения хозяином занятым участком и свободой распоряжения им, доходившей до права продажи земли не только однообщественнику, но и постороннему.

Свобода владения и распоряжения существует, как мы видели, и по отношению к пахотной земле в первое время образования поселения в редконаселенной местности. Но здесь эта свобода скоро исчезает, тогда как по отношению к усадебной земле она продолжает существовать долгое время после того, как пользование пахотью подчиняется регулированию мира. Отличие усадебных угодий от остальных, отражающееся указанным способом на отношении общины к тем и другим, заключается в том, что количество удобной усадебной земли сравнительно невелико, что этот род угодий впитывает в себя гораздо больше труда и средств крестьянина, нежели пашня и сенокос, и что поэтому, а также благодаря обращению под постройки оно даже в период свободного владения пашней остается в пользовании одного лица несравненно дольше, нежели пахотная земля. В силу сказанного хозяин связан с известным усадебным участком, как никогда не может быть связан с участком полевым; в его сознании выясняется понятие, что ценность рассматриваемого угодья в большей мере, чем остальных, зависит от его индивидуальной деятельности, почему по отношению к этому угодью он считает естественным такое расширение личного права, какое не допустил бы по отношению к пашне. А так как расширение усадебного пространства отдельных лиц или занятие земли под усадьбу для новых семей благодаря тому, что для этого требуется небольшая площадь, остается долгое время вполне возможным, хотя бы наиболее удобная для этого земля и была уже вся занята, то естественно, если вмешательство мира в пользование его членов этим видом угодий наступает позднее регулирования владения полевой землей и если оно получает при этом особый характер.

Вмешательство общины в пользование усадебным угодьем обнаружилось тем ближе к нашему времени, чем позже заселилась местность, и так как колонизация южных степей началась всего позже и продолжалась до самого последнего времени, то и дело регулирования пользования усадебной землей во многих уездах этой области находится еще в моменте зарождения. Общая причина, вызывающая вмешательство общества в дело распоряжения отдельных его членов усадебной землей, та же, которая привела к регулированию пользования пахотной землей, – неравномерность распределения угодья между семьями как естественный результат свободы занятия новой

земли и распоряжения имеющимся участком. Эта свобода, по легко понятным причинам, сохранилась, главным образом, в обществах государственных, а не помещичьих крестьян южной степной полосы; здесь же поэтому наблюдается и большая неравномерность усадебных участков отдельных членов одной и той же общины. Неравномерность участков развивается и в местностях, где пользование усадебной землей регулируется миром, но где давно не было коренных переделов земли и семейные участки подверглись значительному изменению под влиянием семейных разделов, купли-продажи и т. п. Вместе с развитием неравномерности усадебных участков членов общества во многих селах появились владельцы крестьянской усадебной земли из лиц посторонних: купцов, мещан, евреев и т. п. Права всех таких владельцев на приобретенную ими землю частью признаны законом (Высочайшим повелением, последовавшим по журналу Главного Комитета об устройении сельского сословия от 14 июля 1871 г.), по которому «все усадебные участки, занятые до 24 ноября 1866 г. лицами различных сословий (на землях государственных крестьян) без заключения с крестьянскими обществами письменных срочных договоров, должны быть оставлены в пользовании сих лиц на прежних основаниях впредь до издания правил о правах и обязанностях сих людей по владению означенными участками, и потому местные крестьянские общества не вправе: ни отбирать сих участков от частных лиц, ни требовать уплаты оброка за участки, владеемые ими бесплатно, ни даже возвышать вносимых ими в пользу общества платежей за указанные участки» (из владенной земли, см. Тираспольский у., Мелитопольский). Продажа усадебных угодий продолжалась, однако, и после издания приведенного закона, и теперь, повторяем, во многих местностях или общинах наблюдается большая неравномерность усадебных участков и присутствие немало числа посторонних владельцев¹.

¹ В *Тираспольском* у. в с. Терновке (гос.), занимающемся садоводством, есть дворы, владеющие 15 десятинами усадебной земли; в с. Перерыте есть владельцы евреи и мещане (по 17 семей), в Буторах – 30 семей посторонних. В *Херсонском* у. в с. Кривом Роге величина усадьбы колеблется от 11 до $\frac{1}{4}$ дес. и меньше; в 3 селах, где усадьбы были обмерены при последних переделах, размеры их колеблются от 4–6 тыс. кв. саж. до 250 и ниже. В *Мелитопольском* у. в Геническом 7 дворов мещан, купцов и дворян «оттягали судом на основании давностного и бесспорного владения до 6 дес. усадебной мирской земли, и 47 посторонних лиц владеют бесспорно 10 лет 40 дес. мирской усадебной земли, хотя еще и не введены во владение. В Н. Григорьевке (основан. в 60-х гг.) до 20 усадеб захвачено и куплено посторонними; в Б. Лепетихе – 72 усадьбы. «Еще больше усадебных мест захвачено и куплено посторонними лицами в Знаменке, Каменке, Михайловке, Рубановке и других торговых слободах». В *Бердянском* у. высший размер семейного усадебного участка достигает 4–6 дес. (напр., д. Андреевка) и выше. В с. Б. Токмаке, при нормальной величине усадьбы в $\frac{1}{2}$ дес., один крестьянин владеет усадьбой в размере 12 дес. В *Славяносербском* у. величина семейного усадебного участка в некоторых общинах госуд. крест. колеблется от 0,1 до 4 дес. Со времени освобождения по 1885 г. было 203 случая продажи усадебной земли в количестве 20,86 дес. Исключив 57 случаев продажи 12 дес., относительно которых неизвестны годы продажи, остальные по времени сделки можно сгруппировать в следующую табличку:

При такой неравномерности усадебных участков вместе со все возрастающей трудностью расширения усадеб на счет других годных для этого угодий (главным образом выгона), которых становится меньше и меньше, в последнее время обнаружилось стремление регулировать пользование усадебной землей и в тех местностях, где до сих пор оно было свободно. Это движение обнаружилось во многих местностях одновременно или после перехода крестьян от ревизской к другим системам разверстки полевой земли и служит, таким образом, одним из признаков стремления к уравниванию землепользования, охватившего крестьян в последние 10–15 лет. Местами указанное движение завершилось победой общинного начала, местами же пока идет борьба за уравнивание, исход которой затягивается частью сопротивлением широкоусадебников, частью отсутствием соглашения среди сторонников уравнивания относительно способов достижения последнего.

«У бывших государственных крестьян в *Славяносербском у.*, благодаря их большим наделам и сравнительному многоземелью, захватный способ в отношении усадебных земель до самого последнего времени господствовал без всякого ограничения. Многие из домохозяев, помимо усадебной земли, находящейся непосредственно при дворе, самовластно захватывали

	С 1861–1875 гг.			С 1876–1885 гг.				
	Число продаж	Из них обществами	Проданная площадь, дес.	В том числе обществами, дес.	Число продаж	Из них обществами	Проданная площадь, дес.	В том числе обществами, дес.
Кому продано					Собственники			
Односельцам	2	—	1,2	—	12	2	2,04	0,14
Посторонним	22	4	1,98	0,49	36	10	4,26	1,40
Всего	24	4	3,10	0,49	48	12	6,30	1,54
					Дарственники			
Односельцам	—	—	—	—	3	—	0,26	—
Посторонним	5	1	0,39	0,5	8	—	0,65	—
Всего	5	1	0,39	0,5	11	—	0,91	—
					Б. государственные			
Односельцам	1	—	1,02	—	—	—	—	—
Посторонним	34	2	4,44	0,11	23	1	2,70	0,4
Всего	35	2	5,46	0,11	23	1	2,70	0,4

В *Ростовском у.* в разных селах максимальные усадебные участки превышают минимальные от 3 до 16 раз. В *Хвалынском у.* в Старой Лебежайке размер усадебного участка колеблется от 72 до 1200 кв. саж. на двор.

кочки земли (левады) в отдельных местах. У некоторых число таких левад простирается до 10–12 кутков, а размер усадьбы равняется 3 дес. и более». К занятой земле применяются права частной собственности. Впрочем, попытки уравнивания крестьян в пользовании усадебными угодьями предпринимались некоторыми селами несколько десятилетий тому назад. Так, в с. Крымском еще в 1849 г. усадебная земля была измерена с целью обложения; в с. Городищах в 1865 г. установлена с усадебной земли плата («самая малая часть – $\frac{1}{10}$ – $\frac{1}{20}$ коп. с кв. саж.», говорят крестьяне). Это были, однако, редкие случаи, не имевшие к тому же практических результатов. «Только в последние 10–15 лет мы замечаем здесь широкое, местами сильно обострившееся, местами уже давшее практические результаты движение в пользу ограничения права владения этими угодьями. Во всех селениях бывших государственных крестьян происходят горячие споры, всюду крестьяне жалуются на неравномерность в распределении усадебной земли и громко высказываются за изменение таких порядков».

В материковых уездах *Таврической* губ. в старых селениях размер усадеб членов общины почти всегда определялся захватом, в новых же (возникших после 1860 г.) очень часто усадьбы нарезывались землемером при образовании поселения или в равном размере на все дворы, или, что реже, по душам. В частности, в *Мелитопольском* у. «общим правилом, которое практиковалось до самого последнего времени, был захват свободных мирских земель под усадьбы и сады в подворно-наследственную собственность отдельных домохозяев с правом продажи захваченных земель не только односельцам, но и лицам посторонним». Регулирование пользования усадебными угодьями в прежнее время встречалось как исключение. Старожилы Шульговки и Тимашевки, например, помнят, что в старину при слитии хутора с селениями общество нарезало каждому план; в д. Федоровке, назначенной служить примером для других селений, планы и садовые плантации, равные для всех, нарезались администрацией. «Только в последнее десятилетие, почувствовав все невыгоды присутствия в обществе чуждых элементов, крестьяне взялись за ум и на основании 170 ст. устава о благоустройстве в казенных селениях позволяют передачу усадебной оседлости не иначе, как по мирскому приговору. В то же время вновь возникающие поселения стали нарезать по мирскому согласию всем домохозяевам равные платы, и во всех решительно общинах выдел “планов” для отделившихся семей стал производиться миром, а захват отошел в область предания. Вместе с тем, ввиду умаления земли и широкого развития садоводства и огородничества на захваченных и крайне неравных усадьбах, в 70-х годах в большинстве общин обнаруживается стремление уравнивать усадьбы путем периодических

переделов»¹. По сведениям, относящимся к 116 общинам (из 162), регулирование пользования усадебной землей в материковых уездах Таврической г. наблюдается в *Днепровском* у. у 67% всего числа общин, *Мелитопольском* – у 73% и *Бердянском* 81%. В степных татарских общинах *Крыма* (находящихся главным образом в *Перекопском* у.) по отношению к усадебному угодью продолжает господствовать право первой заимки и нет ни одной общины, где бы пользование усадебной землей подвергалось регулированию общества. Это объясняется, вероятно, тем, что за малочисленностью в этих общинах постороннего населения и за невозможностью, по безводности, широкого развития садов и огородов в населении отсутствует стремление к занятию под усадьбы больших пространств. В *Тираспольском* у. до последнего времени в общинах коренных государственных крестьян новые усадьбы занимались на выгоне захватом, без разрешения общества; в д. Перерытой для этого нужно было только угостить сельских должностных лиц. Теперь самовольный захват запрещается и при переделах усадебная земля идет в один счет с остальной. Исключения составляют сс. Ташлык, Гояны, Погреба, где захват еще продолжается, но «уже и тут начинается протест против такого беспорядка, и захват усадьбы не обходится без драки. В Погребах общество почувствовало, что скоро настанет конец самовольному захвату, а потому отцы позанимали усадьбы для своих 5–8-летних сыновей; сеют огородину». Общество начинает вмешиваться и в права распоряжения усадебной землей, в противоречие с выработавшимся было взглядом на усадьбу как на неотъемлемую собственность владельца. Так, государственное с. Терновка (выделяющееся по количеству усадебной земли, проданной в посторонние руки) в приговоре о переделе земли по наличным душам 1883 г. признало продажу усадебной земли отдельными крестьянами незаконной и постановило отобрать проданную землю у купивших и обязать продавцов возратить полученные за нее деньги; но это постановление не было приведено в исполнение.

Обращаясь к современному состоянию вопроса о порядках, господствующих в обществе, относительно пользования усадебной землей, мы должны рассмотреть их со стороны: 1) удовлетворения потребности в расширении усадебной площади отдельных лиц или в приобретении усадебного угодья членами общины, не имеющими такового; 2) широты прав отдельных лиц распоряжаться состоящим в их пользовании угодьем; 3) мер, практикуемых общиной для уравнивания ее членов в пользовании усадебной землей.

¹ Многие лица (вдовы, держащие землю до передела, зятья, принятые со стороны), ожидая, что при очередном переделе они будут лишены земли, стараются променять пахотную землю на усадебную, которая не подлежит переделу. Общества борются и против этого, и случается сплошь и рядом, что они «вычитают из душевого надела у променщика-крестьянина и план, который он отдал, и землю, что взял за него».

Усадебная земля составляет наиболее необходимую часть крестьянского владения, потому что она служит для возведения жилых построек, нужных каждому человеку. В силу сказанного, всякая вновь образующаяся семья должна, прежде всего, озаботиться приобретением места под постройку жилья, вследствие чего представляется необходимость в существовании возможности расширения общественной усадебной площади на счет других угодий. За исключением немногих общин, прекративших отвод земли под усадьбы по причине своего малоземелья, это расширение обыкновенно совершается на счет выгона, и где свободная заимка земля отжила свой век, там оно происходит под контролем мира. Есть, однако, местности, где, вследствие комбинации малоземелья со слабостью в сознании населения общинных стремлений, земля считается собственностью ее настоящих владельцев и где расширение усадеб на счет общественной земли допускается только для некоторых лиц или на известных условиях. Сюда нужно причислить, например, общества б. помещичьих крестьян *Херсонской губ.*, где выгон, как и полевая земля, признается собственностью ревизских душ. В большинстве случаев, однако, община допускает расширение усадебных участков на счет мирской земли, и это расширение совершается или свободно, или под контролем мира.

Мы знаем, что свободная заимка каждым крестьянином земли под усадебные постройки и культуры как общее правило всего дольше сохранялась в южной степной полосе и что в новейшее время общества принимают меры к уничтожению этого обычая. Но последний вывелся не сразу, а потому в настоящее время встречается немало местностей или отдельных общин, где захват продолжается, хотя обыкновенно имеет уже характер самовольного, а не правомерного акта. Этот захват естественным образом наблюдается всего чаще в обществах государственных, а не помещичьих крестьян, так как первые и многоземельнее, и привыкли издавна пользоваться землей на правах свободных владельцев.

В большинстве случаев расширение усадебной оседлости крестьянина на счет общинной земли совершается под контролем мира, определяющего размеры участка, могущего быть занятого семьей или платежной душой. В некоторых (новых) селах и первоначальное занятие усадеб всеми членами сделано было не свободно, а по нарезке от мира; в других – такая равномерная нарезка имела место после пожара. Обыкновенно вопрос о расширении усадебной земли возникает при образовании новой семьи (путем раздела и т. п.), иногда же мир увеличивает усадебную площадь всех членов общины с целью расширения усадебных культур (садоводства, виноградарства и т. п.).

В *Херсонской губ.* обычай свободной заимки земли под усадьбы сохранился, по-видимому, в 3 обществах б. государственных крестьян *Тирасполь-*

ского у. и в некоторых селах б. государственных крестьян и военных поселян *Херсонского у.* (даже совершивших в последнее время передел по наличным душам). Отведение общественной земли под усадьбу для новых семей бесплатно по приговору общества наблюдается и в старых общинах государственных крестьян *Одесского у.*, в обществе военных поселян *Александрийского* и *Елизаветградского* уездов, в некоторых обществах государственных крестьян *Елизаветградского*, *Тираспольского* (старых), в 37 общинах *Херсонского*, в весьма немногих помещичьих обществах *Елизаветградского у.* Где выгона много, там земля под усадьбу отводится даже безземельным лицам, как, например, в с. Миловатом *Тираспольского у.* и в 5 обществах б. помещичьих крестьян того же уезда (раньше, когда земля была не столь дорога, указанный обычай пользовался в этом уезде большим распространением). В обществах б. помещичьих крестьян *Александрийского* и (кроме 5) *Тираспольского уу.* место под усадьбу для одного сына имеет право бесплатно получить из выгона лишь хозяин, владеющий двумя наделами; тот же хозяин для другого сына или однонадельный крестьянин может достать место под новую усадьбу лишь под условием уменьшения на соответствующую величину своего полевого участка. На этом последнем условии совершается отвод земли под новые усадьбы в большей части общин б. государственных крестьян (как известно, происшедших из б. помещичьих, а также из отставных солдат, однодворцев и т. п.) и б. помещичьих (где таковые практикуют отведение усадебной земли) *Елизаветградского у.*, в 4 вновь наделенных в одном старом (с. Шибка со скудным выгоном) обществах *Тираспольского у.* и 15 обществах *Херсонского у.* Некоторые общества последнего уезда взывают за вновь отводимую усадьбу от 10 до 30 руб. деньгами; в посадах плата за усадьбу (колеблющаяся между 10 и 50 руб.) устанавливается торгами¹. Общества государственных крестьян *Тираспольского у.* Славяносербское (новое) и Магалы (старое, скудный выгон) вовсе не отводят земли под новые усадьбы. То же самое следует сказать и относительно громадного большинства обществ б. помещичьих крестьян *Одесского у.*, вследствие чего старшие сыновья крестьян по вступлении в брак принуждены отправляться на сторону, каковое явление служит причиной возникновения здесь обычая минората.

В горных татарских общинах *Крыма* занятие земли под усадьбу совершается членом общества вполне свободно. В материковых уездах *Таврической губ.*, в селениях, возникших после 1860 г., усадьбы очень часто нарезывались членам общества при его образовании или по душам, или поровну на двор. В *Мелитопольском у.* выдел «планов» для отделившихся хозяев совершается миром во всех общинах. В с. Федоровке Терпеньевской вол. новая усадьба

¹ Если крестьянин *Херсонского у.* выделил своему сыну усадьбу из полевого надела, общество вычитает соответствующее количество из полевой земли «новорожденца».

(1 дес.) вычитается из пахотной земли и отводится на условия застройки ее в течение года, под угрозой в противном случае взимания в пользу общества ежегодного платежа в 25 руб. Это делается потому, что многие отделившиеся семьи и вернувшиеся со службы солдаты требуют у общества планы не для построек, а чтобы иметь более плодородную и выгоднее расположенную землю под пашню, которую чаще всего и сдают в аренду. В Матвеевке в 1878–1884 гг. усадьба нарезывалась молодым хозяевам из толоки в обмен на распашную землю; теперь же, как и до 1878 г., усадьба дается за единовременный взнос обществу в размере 6 руб. 25 коп. В *Бердянском у.* в 3 новых общинах государственных кр. усадьбы определенной величины были нарезаны при поселении: в Лозановке Н. Дмитриевской волости по $\frac{1}{2}$ дес., Н. Троицкой той же вол. по $\frac{2}{3}$ дес. (а в настоящее время молодым хозяевам отводят по $\frac{1}{2}$ дес.), Н. Полтавке Черниговской вол. по 1 дес. Помещичья община Петро-Павловской вол., Ольгополь, считает за своими членами тоже по 1 дес. усадебного угодья. В с. Лозановке в передел 1885 г. (по ревизско-наличным душам), не коснувшийся усадебной земли, была отведена огородная земля по 120 кв. саж. на ревиз. д. С. Н. Владимировка (новое) Алексеевской вол. наделяет своих членов баштанами в размерах $\frac{1}{2}$ дес. на каждую следующую за первой ревизскую душу. Дмитриевка (нов.) Алексеевской вол., по примеру соседей-болгар, отрезала в 1880 г. по $\frac{1}{2}$ дес. на двор под виноградники. В *Ростовском у.*, благодаря свободе занятия места под усадьбы в прошлом и даже настоящем и семейным разделам, усадебные участки очень неравномерны и не подлежат уравниванию. В последнее время, однако, в некоторых общинах крестьяне стали отводить новые усадьбы одного размера. В *Бахмутском у.* захват «левад» богачами как остаток старины наблюдается в некоторых общинах б. государственных крестьян, но общества ведут с ним борьбу. Повсюду домохозяева, не имеющие при дворе огородов, получают для них землю в поле или на подметах (низких местах), по речкам или балкам. В *Славяносербском у.* среди государственных кр., где свободный заем земли под усадьбу составлял в прежнее время общераспространенное явление, а регулирование пользования усадебной землей только еще начинается, найдется несколько общин, контролирующих заимку новых пространств; в большинстве помещичьих общин после освобождения крестьяне получали землю под усадьбу от мира, что, однако, не застраховывало от того, чтобы сильные и богатые крестьяне выговаривали себе непропорционально большие участки. В *Самарском у.* новопоселенцы нарезывают усадебную и приусадебную землю одинаковыми участками для всех семей. В *Ставропольском у.* после пожаров крестьяне стараются селиться по плану и нарезывают всем, по возможности, равные усадьбы. В *Хвальнском у.* захват и по сие время совершается богачами путем из года в год повторяющегося прибавления примыкающего к их коноплянику или саду аршина, саже-

ни мирского выгона, луга или неудобного угодья (болота, кручи, лощины и т. п.); при этом крестьянин иногда ведет упорную борьбу с соседним болотом или речкой: проводит каналы, делает искусственную насыпь, выравнивает поверхность угодья и т. п. Общество до поры терпит такие захваты, а когда растущая таким образом неравномерность владения достигает высокой степени – оно или производит передел угодья, или облагает его особым налогом. Некоторые общины продолжают отводить своим членам землю под сады. В *Воронежском* у., где усадебные участки отдельных лиц образовались путем свободной заимки общинной земли, захват таковой наблюдается иногда и в настоящее время, хотя некоторые общества и стараются не допускать этого явления; обычным же способом занятия места под усадьбу как в этом, так и в *Острогожском* у. является приговор общества. Впрочем, в последнем уезде во многих, преимущественно помещичьих, селениях по причине мало-земелья общество запрещает занимать под усадьбы свободную землю. В общине же с. Семейки (б. пом.) допущена сводная заимка земли в известных местах под капустники. В *Курском* у. вновь образующиеся дворы получают место под усадьбу на выгоне или полевой земле. То же самое наблюдается в 12 селениях Подольшанской вол. *Корожанского* у., составляющих одну общину с подворным (четвертным) владением усадебными и общинным – остальными угодьями. В Кошаковской вол. *Казанского* у. оставляется в запас земля под усадьбы для вновь образующихся семей. В Семячковской вол. *Трубчевского* у. (крестьяне всех разрядов) захват полевой земли под конопляники наблюдается почти во всех общинах. В *Ржевском* и *Новоторжском* у. для новых хозяев отводится усадьба или из запасных участков, или в пролетах между дворами. В *Калязинском* у. новый двор получает землю под усадьбу от общества, которое иногда оставляет для этого запасный участок. В *Гдовском* у., в Гдовской вол. отделившаяся семья получает от общества место под усадьбу с соответствующим уменьшением полевого надела. В некоторых других волостях усадебные земли прямо покупаются за деньги (у общины?). В *Петербургском* у., в д. Клочки Полюстровской вол., где усадебная земля никогда не переделывалась, «под новые дворы отводится земля из незанятых участков». В с. Рыбацком, при наделении в 1878 г. землей неревизских душ, им была отведена и усадьба (660 кв. саж. на душу) из выморочных усадебных участков или из свободной земли.

* * *

Переходя к вопросу о широте прав отдельных лиц распоряжения их усадебными участками, остановимся, прежде всего, на юридическом определении этих прав.

По положению 19 февраля, в понятие усадебной оседлости входит земля, находящаяся «под крестьянскими жилыми, хозяйственными, промышленными, общественными и всякими другими строениями с принадлежащими к ним в черте селения или поселка крестьянскими огородами, садами, конопляниками, гумнами, хмельниками, пчельниками, левадами, займищами и другими угодьями, а также водопоем, выпуском для скота и промежутками между крестьянскими строениями, кроме проулков, нужных для проезда» (Местн. великор. полож., ст. 37). Черта же селения «определяется издавна существующими рвом, канавой, изгородью, околицей и вообще очертанием места населения в натуре» (ст. 38). Эта земля разделяется на мирскую, состоящую в общинном пользовании, и частную, состоящую в подворно-наследственном. Последняя «переходит к наследникам согласно существующему в каждой местности обычному порядку наследования» (ст. 110). Ее хозяин, не спрашивая разрешения общества, может «устраивать и поддерживать на ней всякие жилые, хозяйственные, торговые и промышленные строения с соблюдением установленных для того правил» (ст. 106, п. 2), «содержать постоянные двory, фабричные, промышленные и торговые заведения на общем с прочими сельскими свободными обывателями основании» (ст. 107). Уступить усадебную землю другому крестьянин может, как и весь надел, лишь с согласия общества и только обществу (ст. 109). По выходе семейства из общества или по смерти всех его членов и неимении наследников и т. д. его усадебный участок переходит в распоряжение общества, «которое может оставить его в общественном пользовании всех крестьян или предоставить в потомственное пользование новому хозяину» (ст. 111). К мирской усадебной земле, состоящей в черте селения, причисляются пространства, не принадлежащие к наследственным усадебным участкам, «например, выпуски, никем не занятые пустыри, а также подлежащие по местному обычаю переделам конопляники и проч.» (ст. 112). Государственные крестьяне подчиняются тем же правилам (Полож. о госуд. кр., ст. 16).

Приведенные статьи закона являются далеко не главными условиями, определяющими отношения, складывающиеся в общинной жизни по данному вопросу. Здесь, как и в других случаях, крестьяне мало обращают внимания на юридические нормы, и этим объясняются, с одной стороны, такие факты, как распространение многими общинами переделов и на усадебные угодья, несмотря на то что таковые по закону считаются состоящими в подворно-наследственном владении¹, с другой стороны, — что несмотря на запрещение

¹ Подольская земская управа *Московской* губ. задалась целью произвести разверстание приусадебной земли, согласно ст. 110 местного полож. о кр., на подворные участки, и во второй половине 70-х гг предлагала крестьянам постановлять соответствующие приговоры, разъясняя обязательность таковых. В момент издания труда Орлова такое разверстание произведено в 30 общинах; многие общины отказались от разверстания, в том числе все селения Островской вол., имеющие на приусадебной земле прекрасные сады и вполне выкупившие землю.

законом отчуждения усадебной земли в руки посторонних и на дозволение продажи ее односельцам не иначе, как с согласия общества, – в степной полосе до последнего времени наблюдалась почти полная свобода распоряжения хозяина своим участком, да и в настоящее время эта свобода в большей или меньшей степени сохранилась в некоторых местностях даже центра России, главным образом потому что при переходе от четвертного владения к душевому пахотными и сенокосными угодьями крестьяне оставляли на старых правах пользование усадебной землей. В большей же части России, однако, свобода отдельных лиц распоряжаться находящимися в их пользовании усадебными участками в большей или меньшей степени ограничена, хотя, по отрывочности имеющихся на этот счет данных, представляется затруднительным дать полную характеристику положения дела в различных областях России.

Мы знаем уже, что уравнивание пользования усадебной землей введено в общинную практику далеко не везде; что же касается общин, где такое уравнивание имело место, во многих случаях оно совершалось неправильно: есть немалое число общин, где распределение между их членами усадебного угодья, сделанное еще до X ревизии, остается неизменным до настоящего времени; гораздо больше, однако, таких случаев, где последнее уравнивание рассматриваемого угодья было произведено при общем коренном переделе земли: у государственных крестьян во время X ревизии, у помещичьих – при переходе с тягол на души; последующие за сим переделы пахотной земли у крестьян того и другого разряда далеко не всегда сопровождались уравниванием пользования и усадебным угодьем, и наоборот, есть случаи, где одно- или многократные переделы земли после X ревизии из всех общинных угодий касались одной только усадебной земли.

Во всех случаях уравнивания пользования усадебными угодьями такое достигается одним из 4 способов: 1) прямым перераспределением земли между членами общины сообразно известному началу, 2) расширением участков малоусадебников путем обращения под усадебные культуры пахотной земли, 3) уравниванием излишнего и недостаточного усадебного участка отрезкой и прирезкой пахотного поля, 4) обложением всей или излишней доли усадьбы особым сбором.

Отличие способов уравнивания пользования усадебной земли от пахотной заключается, как мы видим, в том, что в последнем случае при каждом переделе обыкновенно происходит новое распределение участков между совладельцами, так что все члены общины могут не получить тех полос, какими они пользовались до передела, и лишь в некоторых общинах унавоживаемые участки остаются за старыми хозяевами. При уравнивании пользования усадьбами пересадки хозяев с места на место бывают только в исключительных случаях; обыкновенно же крестьянин оставляет за собой ту землю, какой

пользовался раньше и плодородие которой возвысил удобрением и тщательной разделкой. Местами пользуется широким распространением способ уравнивания, заключающийся в отрезке лишь излишка усадебной земли, но в большинстве местностей не бывает и этого или подвергаются сокращению только участки хозяев, владеющих особенно обширными усадьбами. Чтобы не делать отрезок, некоторые общины увеличивают общую площадь усадебной земли, прибавляя недостающую часть малоусадебникам из выгона или ближайшего пахотного поля. Названный способ уравнивания встречается нечасто; гораздо более распространен способ обложения усадебной земли денежным сбором или (что встречается еще чаще) – зачет излишка или недостатка усадебного участка, находящегося в распоряжении хозяина, в его долю пахотной (или сенокосной) земли. При этом последнем способе крестьянин с большой усадьбой получает меньше пахотного угодья, и наоборот. Обычно усадебная земля приравнивается при этом по достоинству лучшей или ближайшей пашне, насчет которой и производится уравнивание; в некоторых общинах излишнее или недостающее количество усадьбы уравнивается двойной пахотной площадью, или разные части усадебной земли уравниваются на счет различных по качеству частей поля.

Наибольшим распространением пользуется способ уравнивания использованием усадебными участками соответствующим сокращением или расширением пахотного поля; за ним следует, по-видимому, способ прямых отрезок-прирезок угодья, в некоторых местностях допускаемые лишь при смешанном положении уравниваемых участков; за этим – обложение усадьбы денежным платежом, и, наконец, – расширение усадебного угодья малоземельных членов общины на счет общественного выгона или пашни. В южной и центральной черноземной полосе России сильно преобладает способ зачета усадебной земли в общую долю, получаемую хозяином; в восточных степях и центральной нечерноземной полосе (*Московская губ., Калязинский, Вяземский у.*) господствует настоящий передел усадебных угодий (главным образом путем подвижек); некоторые общины во всей районах прибегают к обложению усадеб.

По своему назначению усадебная земля резко делится на две части: на усадебную в тесном смысле слова, или дворовую, и приусадебную. Первая занята медленно изнашивающимися постройками и служит главным образом для жилья человека; вторая подчиняется культуре, имеет хозяйственное значение. Сообразно указанному различию в назначении различных частей усадебной земли, естественно встретить здесь и различие порядков владения ими и ожидать, что приусадебные земли ближе в этом отношении сойдутся с полевыми, а дворовые – некультивируемые, но служащие для жилья, подчинятся особым правилам.

И действительно, в большинстве случаев дворовое место считается наследственной собственностью хозяина, и весьма редко встречаются общины, где бы при переделе усадебной земли от хозяина отходила площадь, занятая постройками. Лишь после пожара происходит новая нарезка усадеб и уже по определенной норме – по числу платежных душ или, чаще, поровну на все семьи: все хозяева общины получают дворовые места заново и обыкновенно по жребию. Единицей разверстки дворового места, когда оно считается отдельно, обыкновенно служит двор, для приусадебной земли – та же единица, которая лежит в основании распределений пахотной земли. Многие общины, однако, и приусадебную землю считают поровну на каждую семью.

<...>

Потребность в *отоплении жилища* представляется столь же важной для поддержания правильной деятельности человеческого организма, как потребность питания последнего, и до новейшего времени в крестьянском быту первая удовлетворялась в большинстве случаев при помощи тех же экономических средств, что и последняя, т. е. хозяйственная деятельность крестьянина давала ему не только хлеб для пропитания семьи, но и материал для ее согревания. В зависимости от естественных условий хозяйства, в разных полосах России для топлива служили не одни и те же материалы: в центральной черноземной полосе обыкновенно для этого употреблялся продукт полеводства – солома, в степной полосе – отброс скотоводческого хозяйства, навоз (в Самарской губ., по причине истощения лесов, дровяное отопление в настоящее время все больше и больше заменяется кизяковым и соломистым), в нечерноземной – продукт специальной хозяйственной отрасли, лес. В дореформенное время крестьянское хозяйство было организовано с тем расчетом, чтобы наряду с хлебом оно давало семье и возможность отопить свои жилища, для чего, где господствовало дровяное отопление, крестьяне получали в свое распоряжение не только пахотную, но и лесную площадь или, не получая последнего уголья в постоянное пользование, они наделялись материалом (на корню) от казны или помещика по принадлежности, по мере надобности (ежегодно и т. п.). Реформа крестьянского быта для двух главных разрядов крестьян пошла в этом отношении в двояком направлении: за государственными крестьянами было сохранено право получения в надел вместе с другими угольями и леса; помещичьи же крестьяне в большинстве случаев лишены были лесов. Оттого-то в настоящее время в небогатых лесом местностях последний встречается в сколько-нибудь значительных количествах только в наделе б. государственных крестьян; но и здесь его получили далеко не все общества.

Наделение лесом б. государственных крестьян было произведено главным образом в виде отрезки им дополнительных продовольственных лесных

участков, долженствующих заменить тот отвод леса для вырубки, какой в прежнее время производился ежегодно казной в целях доставления крестьянам топлива; эти участки были обложены особым, лесным налогом. Кроме продовольственных лесов, некоторые общества получили в пополнение недостаточной пахотной земли лесную площадь для производства на ней расчисток, причем лес, растущий на этой площади, крестьяне могли выкупить по низкой оценке. Получив в свое распоряжение угодье, которого раньше у них не было, крестьяне стали очень быстро сводить леса. Причины такого их отношения к лесу фактически недостаточно выяснены; можно, однако, указать на некоторые обстоятельства, проливающие свет на вопрос. Прежде всего, нужно сказать, что крестьянские общества не считали свое владение продовольственными лесами достаточно прочным, а, – основываясь на случаях, когда эти участки до окончательного их отграничения часто менялись в размере по усмотрению начальства, – думали, что и впредь возможны отрезки или уравниение леса между разными обществами; в силу сказанного, крестьяне не только не имели побудительных причин к бережному обращению с ним, но, напротив, склонны были спешить с его вырубкой. Затем, неверность дохода от земледелия, неурожаи, частые пожары и т. п. служили для крестьян побудительной причиной рубить в больших количествах леса для построек или для продажи с целью приобретения денег на прокормление, на уплату податей и т. п. Иными словами, лес, полученный крестьянами как источник материала для отопления, служил для них некоторого рода запасным фондом, к которому они обращались в затруднительных случаях своего существования. Результатом совокупности указанных обстоятельств (а также, может быть, и других, как, например, отведения казной леса в общее владение нескольким селениям, нарезка его в слишком далеком расстоянии от села, недостатка у крестьян пахотной земли, побуждающего их к обращению под пашню лесной площади, недостатка пастбищ и т. п.) было то, что крестьяне обыкновенно рубили свои леса и нерасчетливо, и не соблюдая при этом каких-нибудь правил, хотя несколько гарантирующих старый лес и молодняк от беспощадного истребления людьми и пасущимся скотом, и в настоящее время большая часть отведенных крестьянам лесов сведена.

В последнее время, однако, отношение крестьян к лесу изменилось. Отчасти, вероятно, успокоившись относительно прочности владения, убедившись, что данное угодье является такой же мирской собственностью, как и прочая земля, почему надлежит пользоваться им с расчетом на будущее, частью под влиянием факта истребления своего леса и вздорожания покупных дров, – сельские общества начинают принимать меры к тому, чтобы ограничить вырубку и вырастить на месте сведенного новый лес. Для этого они вводят правильную вырубку леса, отводя ежегодно или через более продолжительные

промежутки времени определенное количество леса для разверстки между общественниками, делают постановления о прекращении вырубki леса на известное время (иногда подтверждая эти постановления обрядом «заказа», совершаемого духовенством) или до какого-либо важного несчастного случая (например, пожар), нанимают для сохранения леса от вырубok особых сторожей и т. п. В особенности, кажется, такие меры в ходу среди б. помещичьих крестьян, не получивших леса в сколько-нибудь значительном количестве и всегда несших в том или другом виде большой расход на отопление своих жилищ. Нередки случаи, что общество крестьян названного разряда, тщательно оберегая полученный в составе надела участки в несколько десятин с пнями от вырубленного леса или мелкого кустарника, выращивало у себя порядочный лесок, от которого в настоящее время пользуется материалом весьма осторожно (для общественной надобности и т. п.).

Обращаясь к порядкам общинного пользования крестьянами лесом, скажем, прежде всего, что в основе таковых лежат те же начала, какими мир руководствуется при распределении пахотной земли, т. е., за исключением нескольких общин, принявших за единицу разверстки леса двор, хозяйство¹ (что было бы и рационально, если бы лес употреблялся только для отопления, так как потребность крестьянина в отоплении измеряется количеством топok, а не размером семьи, и первая величина в крестьянском быту, как известно, почти не зависит от второй), лес распределяется между семьями по тем же единицам, по каким распределялась пашня, и при этом распределении принимаются меры к тому, чтобы по возможности уравнивать всех членов общины в отношении качества получаемого ими угодья. Эти последние меры, как они описываются в исследовании Орлова о *Московской* общине, практикуются, главным образом, при разверстке леса корнями, применяемой к крупному лесу. Они заключаются в том, что все деревья, подлежащие разделу, сосчитываются и делятся, сообразно их качеству, на несколько разрядов; затем определяется, сколько корней каждого разряда приходится на душу или десяточную группу («осьмам», «выть» и т. д.), после чего «все пространство переделяемого леса разделяется на доли по осьмакам так, чтобы все доли по числу корней всех разрядов были равны, и, наконец, бросают жребий, решающий, кому какую долю получать... Домохозяева, входящие в состав осьмака, разделяют потом между собой доставшиеся на их долю корни самым точным образом: тут принимается в расчет не только обхват ствола и порода дерева, но также и длина ствола, его правильность, количество сучьев и т. п.». Мелкий лес и кустарник разверстывается делянками или полосами, причем в случае, если качество леса на всем пространстве разде-

¹ См. уезды: Александрийский, Симферопольский, Новоузенский, Богодуховский, Белгородский, Новооскольский, Елецкий, Раненбургский, Данковский, Васильский, Петербургский и др.

ляемой площади не одинаково, – уравнение душевых участков достигается их увеличением или уменьшением сообразно качеству поросли.

В некоторых общинах практикуются приемы уравнения, подобные, напр., тем, какие употребляются в Стюхинской общине (чуваши, полные собственники) *Бугурусланского у.*: «...уговорившись предварительно о сумме корней, следуемых к вырубке на душу, идут с каждого двора по человеку в лес и там делают топором на деревьях затесы, щепки берут в село, считают на сходе, после чего в лес идут уже толковые старики для сортировки корней», причем числом зарубок на дереве обозначается, сколько таковых должно войти в душевую долю.

В некоторых общинах разверстка леса не доводится до конца, а каждая жеребьевая группа рубит свою долю сообща, всеми членами, подвергая разделу деревья и хворост. Есть общины, вырубавшие назначенную площадь миром и делящиеся готовым материалом (иногда пилеными дровами). Общины, применяющие коллективный труд, встречаются в уездах: *Александрийском, Воронежском, Бахмутском, Бузулукском, Новоузенском, Воронежском, Острогожском, Белгородском, Новооскольском, Тимском, Корочанском, Шацком, Темниковском, Кирсановском, Казанском, Коломенском, Верейском, Бронницком, Лужском* и особенно в *Елецком, Мценском, Егорьевском, Козловском*.

Немного найдется таких общин, где бы по разделу доставалось достаточно леса, и нередки случаи, что на душу приходится одно бревно или даже часть его. Некоторые общины, кроме периодически повторяющейся разверстки леса, позволяют пользоваться им не в очередь погорельцам.

Кроме разверстки леса между общественниками в натуре, существуют и другие способы регулирования долей отдельных крестьян. Так, некоторые общества назначают определенное время для рубки леса всеми одновременно, но каждый за свой счет; другие определяют количество дров, какое может быть нарублено каждым хозяином в течение известного периода; третьи ограничивают пользование лесом лишь запрещением продавать его на сторону, и, наконец, встречаются общины (обыкновенно с ничтожным количеством леса), где пользование им совершенно свободно. В большей части уездов найдется по нескольку общин, переделывающих леса между хозяевами на постоянные участки одновременно с пашней или разбивающие их между членами общества навечно. Нельзя сказать, чтобы такой прием способствовал сохранению леса, и многие хозяева не только свели доставшиеся им участки, но и площадь под ними обратили в пахоть.

<...>

Порядки пользования покосами. В *Мелитопольском у.* 21 селение гоним. кр. владеют 24 тыс. дес. сенокоса, распределяемыми между хозяевами

по тем же единицам, по каким распределена пахотная земля. В *Днепровском* у. крестьяне почти не имеют специальных покосов или последние очень незначительны, поэтому и известия о пользовании ими имеются для немногих общин государ. кр. В с. Покровки сенокос верстался ежегодно, а в 1884 г. разделен на 3 года, «технические приемы жеребьевки самые первобытные, никаких измерений не производится, а делится на глаз»; в с. Каирах плавни разделены по наличным душам в 1873 г. (достались 800 кв. саж. на душу), передел же 1884 г. их не коснулся; с. Казачьи Лагери, по незначительности своих плавней, сдает их в аренду отдельным хозяевам; община Збурьевская делит свои плавни лишь при неурожае сена в степях. В татарских общинах *Крыма* горного района луговые участки состоят обыкновенно в частной собственности, большая же часть степных общин не имеет сколько-нибудь сносных сенокосов. В наших материалах указаны следующие типические случаи пользования общественными сенокосными угодьями. В с. Казинта-те *Феодосийского* у. каждый косит сено, где хочет; в с. Сарае ежегодно часть толоки отводится под сенокос и разделяется поровну между дворами; в с. Тиберти *Симферопольского* у. участок толоки, на котором вырастет хорошая трава, сдается с торгов, а деньги идут на покрытие общественных расходов; в двух селениях сенокос поделен в старину на подворные участки и с тех пор не переделялся. Из христианских общин особые сенокосы имеются лишь в 3 русских селениях, и разверстываются они ежегодно между хозяевами. Многоземельные общества в дождливые годы часть толоки отводят под сенокос и разверстывают его по ревизским душам. Сенокосы в *Ростовском* у. переделяются по тем же основаниям и в те же сроки, что и пахотная земля. В *Бахмутском* у. сенокос переделяется ежегодно на тех же основаниях, что и пахотная земля, причем он разбивается на части по качеству травы. В с. Зайцевом раздел совершается без точного измерения, на глаз. В с. Андреевке и Алексеевке сенокос сдается в аренду; в одной общине он разделен на постоянные участки и каждый домохозяин имеет право распахать свою долю. В *Бугульминском* у. сенокосы разверстываются перед сенокосением на основаниях, принятых для разверстки пашни. В татарской д. Менлибееве сенокос разделен в 1885 г. вместе с пахотной землей на срок до нового передела пашни; в вотяцкой д. Урус-Тамаке (сенокос дает 340 пуд. сена на душу) такой раздел совершен еще при ревизии и некоторые дворы успели уже распахать свои доли. В *Бузулукском* у. с 6-го, а в иных общинах с 1 мая сенокос заказывается (в одной общине, ввиду предупреждения скоса травы до назначенного времени, держится караульщик, с платой 20 руб. за 2 мес.) а в конце июня переверстывается на тех же основаниях, что и полевые угодья, и в малых общинах сейчас же после жеребьевки начинается сенокосение всеми одновременно, хотя каждым только для себя. В *Ставропольском* у.

сенокосы переделаются ежегодно на тех же основаниях и теми же приемами, что и полевые угодья, за исключением случаев, где сенокосы требуют расчистки и потому разверстываются на более или менее продолжительный срок. Некоторые общины далеко расположенные сенокосы сдают в аренду обществам, близ которых находится угодье. В *Бугурусланском* у. «при ежегодной разверстке сенокосных угодий общины делятся на такие же жеребьевые группы, какие установились при последней жеребьевке полевых угодий». В *Самарском* у. сенокос переделается ежегодно перед снятием травы по тем же единицам, что и пахотная земля. «В с. Царевщине перед переверсткой сенокоса каждый хозяин обязан на сходе дать обстоятельные сведения о том, сколько травы снял он со своего пая в предыдущий год», и по этим данным составляется понятие о количестве и качестве травы того или другого пая. Во всех татарских общинах сенокос делится на тулаи (в 2–5 дес.), которые и распределяются между хозяевами в размере одной 10-саженной веревки на душу. В *Саратовском* у. сенокос обыкновенно переделается по тем же основаниям, что и пашня, и в большей части общин ежегодно перед уборкой. В *Царицынском* у. сенокос делится по тем же разверсточным единицам, что и пашня. В *Хвалынском* у. сенокосы переверстываются ежегодно по тем же душам, по каким владеют и пахотной землей. В *Воронежском* у. разверстка сенокоса по душам совершается ежегодно и, ввиду незначительности и потому ценности угодья, при помощи самых скрупулезных приемов уравнивания, с употреблением четвертей аршина и вершков. Большинство общин делит сенокосы теми же приемами, что и пахотное поле; некоторые применяют к ним особые порядки, обуславливаемые характером сенокосных угодий. Так, в 3 селениях, основанных давно казаками (такие же обычаи под названием «годовок» распространены на севере России, где прежде были казаки же), сенокос, разбросанный в разных местах или делящийся на несколько частей по достоинству, не разверстывается в каждой доле между всеми домохозяевами, а распределяется отдельными долями между сотнями, которые ежегодно чередуются в пользовании ими, так что в несколько лет каждая обойдет всю площадь сенокоса. В 2 слободах Чижевской вол. сохранилось деление сенокосов на службы в 2, 3, 4 души. В *Острогжском* у. сенокосы разверстываются ежегодно. Уравнивание их совершается на основании самых строгих и точных приемов, б. ч. тех же, какие выработаны при дележе пашни; но в некоторых общинах встречаются отступления от названных порядков: в сл. Криничной община разбивается на 3 сотни, каждый год переходящие с одной на другую из 3 частей, на какие по качеству разбиты луга; сл. Трехстенка делит сенокос «на любки»: разбивает его на 36 «клеток», на которые производится торг, и клетка остается за теми домохозяевами, которые возьмут ее на наибольшее число душ. В селениях Старокалит-

вянской волости, славящейся поемными лугами, разверстка сенокосов совершается особенно оригинально. В сл. Ст. Калитве, например, луг издавна разбит на 15 «сотен» (участков), «сотенные» ежегодно осматривают участки и, смотря по урожаю, назначают на каждый определенное число душ (35–280); участки распределяют по жребию между «сотнями» (118 душ) хозяев; излишек или недостаток доли одной группы разлагается по другим; распределение площади между членами группы производится самими группами, по жребию же. В сл. Терновке (той же вол.) луг разделяется между 3 сотнями (в 173 души каждая), которые разбивают свою долю на неодинаковые по размеру полоски, назначают на каждую число душ и распределяют между группами, на какие разбиваются в порядке дворов члены селения. В сл. Корабут луг разбивается на 24 неровные доли с неодинаковым числом душ на каждую, домохозяева же распределяются по полосам жребием. В 3 общинах сенокос поделен между дворами на постоянные участки: в 2 общинах это – небольшие площади, примыкающие в одной общине к усадьбам и обращаемые под них. В *Богородуховском* у. сенокосы распределяются по тем же разверсточным основаниям, что и пахотная земля. Очень часто сенокосы расположены неправильными и разнокачественными кусками и распределяются недостаточно равномерно, тем не менее лучшие части дают меньшими долями, худшие – большими или сенокос убирается сообща. В некоторых северных селах с неправильными фигурами сенокосов в раздел между всеми идет вырезываемый на площади сенокоса правильный квадрат, отрезки же сдаются в аренду, и деньги обществом пропиваются. В *Суражском* у. сенокосы переделываются одновременно с пашней (у б. гос. кр.). В *Корочанском* у. несколько общин сдают свои покосы в аренду, немногие стравливают скотом. В 10 общинах государственных крестьян Пригородной вол. покосы оцениваются в известную сумму (80–100 руб.) и всякий, вносящий в общественную кассу от 1 до 3 руб., получает известную часть покоса. Тот же способ разверстки применяется в 2 обществах Ратьковской вол. Одна община Яблоновской вол. разделила покос между своими членами раз навсегда. В д. Н. Слободе (гос., 433 дв.) 30 дес. покоса (из 70) находятся в руках нескольких хозяев, внесших за него деньги во время специального размежевания; теперь идет речь о разверстании этого участка между всеми. В большинстве же общин уезда покос разверстывается ежегодно между хозяевами по тем же единицам, что и пашни, исключая немногие общины (душ. четв.), разверстывающие его поровну по дворам. В *Курском* и *Новооскольском* уездах сенокосы обыкновенно разверстываются по тем же единицам, что и пахотная земля; немногие общины сдают покосы в аренду. В *Белгородском* у. сенокосами пользуются по душевой разверстке, за исключением общины Томаровских хуторов (соб.), поделившей его по дворам,

4 общин (2 пом. и 2 гос.), сдающих в аренду (1 общ. гос. кр. 170 руб., полученных от сдачи луга артели односельцев, отдала на церковь), и одной общины государств. крестьян, распределяющей покос следующим образом: выборные добросовестные оценивают урожай травы в данном году в известную сумму (100–200 руб.), а потом разбивают луг на участки стоимостью в 1 руб.; кто желает воспользоваться известной площадью покоса, тот вносит в мирскую кассу соответствующую сумму денег; эта операция выгодна для финансов общины, но не для беднейших ее членов. В Пушкарской слободе (гос. кр.) в пользовании покосом участвуют и солдаты, не имеющие доли в пахотной земле; в сл. Казацкой (государ.) две выти покоса стоимостью в 40 руб. отдаются на общественные нужды. Разверстка покоса производится обыкновенно ежегодно перед уборкой, с разделением его на ярусы по качеству травы. Две же общины помещичьих и одна государственная (все очень крупные) разверстали его одновременно с пашней и на тот же срок, и многие хозяева распахали свои доли. В д. Сабынинской (дарст.) сенокос верстался ежегодно, но около 1880 г. он был разделен так удачно, что о новом его переделе никто и не помышляет. В *Елецком* у. сенокосы имеются более чем у сотни общин б. помещичьих крестьян и у 35–40 б. государственных. Около десятка общин стравливают сенокос скотом, – некоторые общины лишь в тот год, когда он прилегает к паровому полю; 3–4 общины разделили покос между хозяевами с правом распоряжаться им по усмотрению; 8–10 общин сдают свои небольшие покосы в аренду; д. Ямская (гос., 17 дв.) Ламской вол. убирает свои 8 дес. покоса наймом. Остальные общины разделяют покос, травой или сеном, между хозяевами по единицам, принятым для раздела пахотной земли. В *Трубчевском* у. сенокос в большинстве общин ежегодно разверстывается между хозяевами по тем же единицам, что и пахотная земля. Это относится и к сенокосу, находящемуся в общем владении 11 селений госуд. кр. Красносельской вол. В некоторых общинах сенокос разверстан на продолжительные сроки между жеребьевыми группами, которые разделяют его между отдельными хозяевами ежегодно или реже, по соглашению; такая разверстка приблизительно 15 общинами сделана при недавних переделах по наличным душам, в с. Бородине Красносельской вол. при X ревиз., в Селиже Семячковской вол. в начале 60-х гг.; Кветунь Стрелецкой вол. делает это через 8–12 лет, Чухраи Краснослободской вол. через 4 г.; около 20–25 разверстывают покос между отдельными хозяевами через 2, 3, 5, 10 лет и еще реже; около 20 разверстали его (главным образом при новейших переделах) на те же длинные сроки (10–15 лет), что и пашню. Принятие более или менее длинных сроков для разверстки лугов общинах в 15 сделано для того, чтобы побудить хозяев очищать свои покосы от кустов. Некоторые общины в этих видах устанавливают длинные сроки лишь для разверстки су-

хих сенокосов, заливные же распределяют ежегодно (Негино Краснослободской вол.); другие же заливные покосы переделяли вместе с пашней, а остальные ежегодно (Сосновое Болото Уручьиной вол.). Две-три общины сдают свои луга в аренду, одна – по причине отдаленности его от усадьбы. В *Миценском* у. сенокосы, если они убираются каждым хозяином отдельно, развостываются между членами общины ежегодно.

В *Усманском* у. сенокосы переделяются тем же порядком и на то же число душ, что и пашня, но лишь ежегодно, при наступлении времени косыбы, в деревне же Медовке через 5 лет, а крестьяне Клушинской пятины при переделе в 1881 г. поля по наличным душам на 10 лет разверстали на тот же срок и сенокос. В *Шацком* у. все общины делят покос ежегодно, предварительно расценив всей общиной или выборными все сенокосные участки и затем распределив их между семьями теми же способами, как практикуются при разверстке пашни. В *Тамбовском* у. сенокос делится ежегодно и ради качественного уравнивания иногда на большое число душевых полос (10–20): «три дня делим, а два – косим», – говорят про такие случаи крестьяне. Государствен. община Кривополянье сдает мирской покос в аренду по цене 20 коп. за душевой пай и деньги назначает на церковь; кто хочет сам косить свою долю – уплачивает названную сумму. В *Моршанском* у. передел покоса совершается ежегодно, за исключением одной общины, где он развостывается одновременно с пахотной землей и где каждый заботится об улучшении своего участка. В *Елатомском* у. немалое число общин верстаются сенокосами через 2–5 лет, некоторые – лишь при общих переделах. Крестьяне предпочитают редкие переделы покосов там, где они клочковаты и зарастают кустарником, ибо при этом хозяева имеют побуждение очищать свои участки. В *Кирсановском* у. разверстка покоса вместе с пахотной землей наблюдается в с. Корай Пущине. В *Спасском* у. разверстка покоса в б. ч. общин ежегодная с соблюдением обычных приемов уравнивания. Некоторые общины (указано больше 10 общин государственных кр.) наделяют их через длинные сроки, обыкновенно – те же, какие приняты для передела поля; в 2 общ. госуд. кр. ближние покосы переделяются ежегодно, дальние – через 12–15 лет. В *Борисоглебском*, *Липецком*, *Лебедянском* и *Козловском* уездах покосы делятся ежегодно по тем же единицам, что и пашня. В *Темниковском* у. найдется десятка $1\frac{1}{2}$ общин, разверстывающих покосы не ежегодно, а на продолжительный срок, обыкновенно на тот же, что и пахотное поле; это делают преимущественно общины, покосы которых мелкими участками разбросаны чересполосно с чужими владениями, почему требуют охраны и улучшения (?). В одной общине покос разделен на неизменные участки по числу жеребьевых групп, и каждый из таких участков по очереди обходит все группы. В *Казанском*, *Свияжском*, *Цивильском*, *Царевококшайском* и

Тетюшском уездах луга обыкновенно разверстываются ежегодно на души или на жеребьевые группы. Семь татарских общин Мамсинской вол. *Казанского* у. не делили луга со времени X ревизии. В *Рязанском* и *Михайловском* уездах ежегодная разверстка луга практикуется почти всеми общинами (для *Михайловского* у. указано 3–4 общины, переделывающие покос реже). В *Егорьевском* у. наблюдается разверстка:

Ежегодная	318 общ. б. п. кр.	60 общ. г.	11 об. гос. б. пом.	Всего у 389 общ.
Одновремен. с пашней ¹	72 общ. б. п. кр.	33 общ. г.	4 об. гос. б. пом.	Всего у 109 общ.
Часть пок. ежег., часть пашней ²	23 общ. б. п. кр.	19 общ. г.	2 об. гос. б. пом.	Всего у 44 общ.
Часть пок. ежег., часть на прод. срок	17 общ. б. п. кр.	3 общ. г.	—	Всего у 20 общ.
Весь на продолжит. срок	6 общ. б. п. кр.	1 общ. г.	1 об. гос. б. пом.	Всего у 8 общ.
				Всего у 570 общ.

Из общин, разверставших весь сенокос или его часть на продолжительные сроки, около 15 общин приняли за такой срок 2–6 лет, около 6 общин – от 6 до 10 лет, остальные приняли более длинные сроки или (2) не назначили таковых. Из числа общин, часть покоса разверстывающих ежегодно, а часть через более или менее продолжительные сроки, около 20 в ежегодную разверстку пускают ближние покосы, 3–4 общины – чистые, а лесные или болотистые переделывают реже, одна же община, напротив того, лесные покосы верстает ежегодно, а полевые одновременно с пашней; 4 общины пускают в ежегодную разверстку покосы, расположенные по речке, а одна таковые переделывает вместе с пашней. В *Московской* губ. обыкновенно сенокос разделяется ежегодно между хозяевами по тем же основаниям и теми приемами для качественного уравнивания, какие приняты при разверстке пахотной земли; до 500 общин переделывают весь покос или часть его через более или менее продолжительные сроки; такому разделу обыкновенно подвергаются покосы лесные или болотистые, требующие ухода. «Уголки», «замерки», остающиеся при переделе покосов, отдаются за деньги кому-либо из общественников, и вырученная сумма иногда разделяется между всеми, обыкновенно же тут же пропивается; при этом водка всего чаще выпивается всеми хозяевами в равном количестве, иногда же разверстывается по числу душ (Орлов, гл. II и VI).

¹ В 2 общинах навечно.

² В 4 общ. навечно.

В *Вяземском* у. покосы «в заполосках» (против полос пашни) переделываются вместе с пахотной землей; «холстовые» (гладкие, без зарослей) – ежегодно, покосы по зарослям переделываются вместе с пахотной землей, и каждому предоставляется или оставить участок под лесом, или расчистить его под покос. «Даже после того, как покос весь расчищен, большие участки его переделываются вместе с полевой землей одни или два раза, и уже после того как община признает, что все достаточно вознаграждены за труд расчистки продолжительным пользованием одними и теми же полосами, – расчищенный луг поступает в ежегодный передел». Из 226 общин, о которых имеются сведения, 156 переделывают покос ежегодно (т. е. имеют только холстовые покосы, не считая покосов в заполосках, имеющих во всех обществах), 24 – вместе с полевой землей (кустарные) и 47 – частью ежегодно, частью вместе с пашней (имеют покосы обоего рода). В некоторых общинах холстовые покосы (главным образом заливные) делятся по качеству на коны. Указана община, где хозяину, получающему участок вдоль дороги или болота, дается излишек, и другая, в которой «с того, кто косит от травы», берут четверть водки в том предположении, что «пошире будет забирать косой от наделенного участка (здесь ежедневно разверстывается лишь та часть покоса, какая будет в этот день убрана) и воспользуется лишним против других клочком травы». В *Новоторжском*, *Ржевском* уездах сенокос в большинстве случаев переделывается ежегодно. В большей части селений *Петергофского* у. покосы ежегодно переделываются по тем же разверсточным единицам, что и пашня; несколько общин переделывают луга через сроки в 2–5 лет; такие сроки в некоторых из них приняты лишь для лесных покосов; в 3 поселениях Медушской вол. покосы делятся одновременно с пашней. В *Гдовском* и *Лужском* у. заливные покосы обыкновенно переделываются (по тем же разверсточным единицам, что и пашня) ежегодно, незаливные (в *Лужском* у., в большинстве случаев, составляющие продолжение полос пашни) – вместе с пашней. В *Шлиссельбургском* у.¹ в финских селениях Матокской и Рябовской вол. пашня разделена на подворные участки, а сенокосы остались в общинном владении; в Шапкинской вол. покосы ежегодно переделываются по тем же единицам разверстки, что и пашня, за исключением 17 дес. в двух деревнях, разверстанных в 1876 г. на 25 лет; в Токсовской вол. часть покосов находится в наследственном пользовании отдельных дворов или группе дворов, а большая часть подвергается переделам. В русских общинах б. помещичьих крестьян Поречской вол. покосы частью переделываются ежегодно, чаще же остаются в тех руках, кому достались после освобождения; в Лезьинской вол. в одной общине луг делится ежегодно, в другой без срока, в третьей через 10 лет, в четвертой первый раз после освобождения делили в 1882 г.; в Шапкинской вол. в 1871 г. переделали пашню

¹ См. также с. 314–315.

и луг на 30 лет; в Ивановской вол. в большей части деревень участки покоса (и пашня) остаются за теми хозяевами, кому они достались по разделу после освобождения; в 2 деревнях покосы были переделены вместе с пахотной землей в 1878 г., причем в одной постановлено обязательство расчищать покосы; в одной покосы были переделены в 1882 г., в 4 деревнях покосы делятся ежегодно. Четыре удельных селения Путиловской вол., почти не занимающиеся земледелием, сдают покосы, находящиеся в составе купленной ими сообща земли, в аренду с торгов своим же крестьянам, с обращением денег в общественный капитал; в с. Никольском часть покосов делится ежегодно, другая («десятные») – через 10 лет, в Захожье покосы разделены в 1882 г. в вечное владение. В *Петербургском у.*¹ в финских селениях ежегодный передел покосов наблюдается в 4 селениях: в Термоле Кюляятской вол. покос косился сообща, а в 1884 г. разделен на ревизские души; в 4 дер. передел покосов (вместе с пашней) имел место по одному разу, в 1868–1879 гг. В русских общинах б. помещичьих кр. Новоселках и Парголове Парголовокой вол. часть покоса переделывается ежегодно, другая часть, равно как и покос остальных деревень, не делилась со времени освобождения. В обществе московских ямщиков покосы сдаются в аренду; в Смоленской слободе 1-й передел пахотной и покосной земли состоялся в 1881 г.; в 3 селениях госуд. кр. Московской вол. покосы ежегодно делятся по ревизским душам.

Порядки пользования усадебными угодьями. В 5 старых общинах госуд. кр. *Одесского у.*, совершивших передел по наличным душам, усадьба считается в подворном владении, внеусадебные сады и огороды хотя и не подвергались уравниванию, но вычитались из пахотного участка. В остальных 10 общинах госуд. кр. (образованных в течение времени с конца 50-х по начало 70-х гг. из дворовых, нижних чинов, переселенцев из части Бессарабии, отошедшей к Турции) и помещичьих исследователи считают форму землевладения подворной, основываясь на том, что участки отдельных хозяев, нарезанные по числу душ, остаются неизменными. В *Елизаветградском у.* места под усадьбами, огородами, садами и левадами считаются в личной и неприкосновенной собственности, не подвергаются ни переделам, ни жеребьевкам и могут свободно продаваться и переходить по наследству; но в большинстве общин военных поселян и помещичьих крестьян при жеребьевках излишек усадебной земли против известной, утвержденной обществом нормы вычитается из полевого надела домохозяина, а д. Требиновская, дабы не обращать выгона под усадьбы новых хозяев, совершила передел усадебной земли между всеми (по дворам), что повело к перестройке селения по новому плану. В *Александрийском у.* в тех общинах всех разрядов, у

¹ См. также с. 314 и 534 и далее.

которых бывают пережеребьевки, усадебная и приусадебная земля считается в личном владении, и хотя жеребьевкам не подвергается, но обмеривается и засчитывается в полевой надел; в 2 общинах великороссов – Клинцах и Калиновке – не обмеривается и не засчитывается. В *Тираспольском у.* в общинах государственных крестьян, переделивших землю по наличным душам, излишняя сверх отделенной нормы площадь усадебной земли высчитывалась из полевого надела; в с. Терновке, где садовые участки (виноградники) занимают до 15 дес., некоторые хозяева не получили вследствие этого вовсе полевой земли и все-таки имеют излишек усадебной, который облагается особым налогом. Хозяева этого села, продавшие усадебную землю посторонним (такие продаж здесь особенно много), при переделе получили участки земли, уменьшенные на соответствующую долю. В обществах государственных крестьян с ревизской разверсткой из полевой земли высчитываются пространства, занятые под сады и огороды, но не постройки. В Гоянах, Кайкове и Дайбанах не делается и этого, но в Кайкове, где почти все сады сосредоточились в руках 30 хозяев, намереваются произвести вычет, а в Дайбанах, где сады разведены на неудобных местах, на них в неурожайные годы разверстывается 60–80 руб. из общественных платежей. Среди помещичьих крестьян в 20 обществах лишнее против нормы пространство усадьбы хозяина высчитывается из полевой земли, в 2 обществах излишек облагается платежом в размере $\frac{1}{4}$ коп. с кв. саж., в 2 – излишек отрезывается; в 3 обществах, где огороды отделены от усадьбы, они были обмерены и высчитаны из полевой земли. Для *Херсонского у.* указаны 3 общества, где при недавних переделах излишек усадебного угодья хозяина сверх 800 кв. саж. высчитан из полевой земли; о 3 обществах сказано, что переделы не касались усадебного угодья. В материковых уездах *Таврической губ.* под усадьбами находится 61330 дес. земли, состоящей в наследственном пользовании отдельных хозяев. Отчуждение усадебных участков в руки однообщественников и посторонних встречается в обществах всех разрядов довольно часто, причем сделка заносится в книгу сделок и договоров. Несмотря на это, большинство общин утверждает, что усадебная земля принадлежит обществу и отчуждение ее неправомерно, а многие общины запрещают продажи или безусловно, или только посторонним (в помещ. общ. *Карга Днепровского у.* дозволяется продажа усадебной земли лишь ревизским однообщественникам). В большом торговом местечке *Бердянско-го у.* Б. Токмак много усадебных мест перешло в руки посторонних: «...продажа их имеет значение уступки наследственного пользования, а потому в актах укрепления, совершаемых в волостном правлении, всегда указывается, что продается только постройка, а земля под ней называется общественной». Волостной суд с. Б. Копаней (госуд.) *Днепровского у.* принуждает воз-

вращать купленную усадьбу, если наследники продавца предъявят к покупателю претензии. Иногда усадьба продается под видом продажи строений на снос. По сведениям, относящимся к 116 общинам из 262, уравнивание усадебных участков наблюдается в 67% всех общин *Днепровского у.*, 73% *Мелитопольского у.* и 81% *Бердянского у.* Так как в старых общинах материковых уездов усадебные участки отдельных хозяев почти всегда образовывались путем свободной заимки, а в новых они очень часто нарезались в определенном размере, то естественно, если потребность в уравнивании этого рода угодья больше чувствуется старыми селами, чем новыми, почему первые дают 84% общин, уравнивающих усадьбу, вторые – 50%. Кроме того, мелкие общины дают несколько больше % уравнивающих, нежели крупные; величина же надела отражается на рассматриваемом явлении больше, нежели величина общины; так, общины, имеющие земли на двор в среднем от 16 дес., дают 67–76% хозяев, уравнивающих усадьбы; общины же, имеющие до 10 дес. на двор, почти все практикуют уравнивание. Уравнивание совершается путем «выворачивания» из других угодий, чаще всего из пашни. В одних общинах выворачиванию подлежит вся площадь усадьбы хозяина, в других – излишек сверх определенной нормы, назначенной или на душу, или на двор; хозяева же, имеющие усадьбу, не достигающую нормы, получают излишек в пахотном угодье. Из поволостных обзоров видно, что большая часть общин *Мелитопольского у.* (о которых есть точные сведения), уравнивающих пользование усадебным угодьем, держится при этом таких же систем разверстки, какие приняты ими при распределении пахотной земли; немногие же назначают для всех хозяев одинаковую нормальную площадь усадебного участка в размере от $\frac{1}{4}$ до 1 дес. В *Бердянском у.* в старом большом селе Берестовом усадьбы захватывались большие и продавались как своим, так и посторонним. «До последнего года посторонние уклонялись от платежа мирских сборов и только 16 апреля 1886 г. заключили особый “акт соглашения”, по которому они обязались платить в общество ежегодно по 24 руб. за каждую десятину, а общество со своей стороны обязалось не возвышать более этого сбора». Волостной сход с. Берестового, утверждая только что указанный «акт соглашения», постановил, чтобы на будущее время посторонние не имели права приобретать усадебную оседлость, а члены общины продавать без согласия схода посторонним постройки и совершать где бы то ни было запродажные документы и записи под угрозой штрафа в 200 руб. в мирской капитал. Из поселенных описаний *Бердянского у.* видно, что в одной общине (Астраханке Н. Васильевской вол., образованной в 20-х гг. молоканами) уравнивание пользования усадебным угодьем достигается взиманием сбора, равного 5 коп. на кв. саж. с площади, превышающей 0,25 дес. на наличную душу; в остальных – уравнивание уса-

дебной земли совершается изменением пахотного участка. При этом в 24 общинах (17 старых и 7 новых) вся усадебная площадь семьи вычитается из ее пахотной доли; в 9 (5 старых и 4 новых) определяется нормальная величина семейного усадебного участка (в 2 общ. $\frac{1}{2}$ дес., в 6 – 1 дес. на дв., в 1 общ. $\frac{1}{4}$ дес. на душу), каким можно пользоваться беспрепятственно, и излишнее ее количество вычитается из пашни. В Елисеевке Н. Дмитриевской вол. (новой) вычитание не касается вдов, получивших надел на 1 душу; в Черниговке, где путем купли-продажи лучшие усадьбы скопились в руках богачей, за хорошую усадьбу вычитают из пашни 5 дес. и более; в Андреевке (старое) некоторые хозяева имеют такие большие усадьбы (4–6 дес.), что пахотной земли не получили вовсе, а в общине № 2 с. Поповки и этим путем не достигли уравнивания и один хозяин не только не получил пахотной земли, но и его скот решено не пускать на толоку. В Н. Полтавке Черниговской вол. (новая), где большим распространением пользуется переход усадеб из рук в руки путем купли-продажи, при уравнивании пользования проданная усадьба с постройками вычитается из пахотной доли покупателя, без них – из доли продавца. В с. Ново-Николаевке пахотные участки лиц, продавших усадьбы посторонним, не подвергались уменьшению. За исключением немногих случаев, регулирование пользования рассматриваемым видом угодий в *Бердянском* у. начало практиковаться после того, как была составлена ревизская разверстка земли; из 29 общин, для которых известно время начала регулирования (не только о 3 новых поселениях, нарезывавших определенное пространство под усадьбу при своем образовании), 19 приступили к нему в 70-х годах и 10 – в первую половину 80-х гг. В 13 общинах уравнивание усадеб происходит при каждом переделе, это – старые общины: Сладко-Балковская, Поповка, Андреевка, Черниговка (3 общины), Петро-Павловка (2 общ.), волостей того же имени Н. Павловка Ореховской вол. и новые общины: Н. Яковлевка Белицкой вол., Елисеевка Н. Дмитриевской, Н. Полтавка Черниговской и Борисовка Алексеевской вол. В 2 старых молочанских общинах Н. Васильевской вол. и новой – Покровке, где было всего по одному переделу по наличным душам, таковой сопровождался уравниванием пользования усадебными угодьями. 10 общин производили это уравнивание в последний из бывших у них переделов, это 9 старых общин – Остриковская, Очереватая и Работниковская Сладко-Балковской вол., М. Токмак такой же вол., Салтычинская Поповской вол., Щербаки Ореховской, Н. Николаевка той же вол., 2 общ. Н. Григорьевки Петро-Павловской вол., – и новое поселение Н. Прокофьевка М. Токмакской вол. В общине № 1 с. Поповки (старая) уравнивание пользования усадебными угодьями было сделано лишь в первый передел по наличным душам (1877 г.); в с. Белицком (старое) еще при ревизской разверстке (1871 г.), в Копанской общине (старая) Сладко-Балковской вол. в первый

(1874 г.) и последний (1885 г.) переделы, когда имело место изменение системы разверстки (с ревизской на наличную и этой последней на смешанную). В татарских горных общинах *Крыма* усадебные участки состоят в потомственном пользовании (но не частной собственности) двора, почему здесь не встречается перехода усадеб из одних рук в другие по купле-продаже. В общинах (*Ялтинского у.*) Таркташской и Салынской вол. *Феодосийского*, Мангушской, Дуванкойской, Каралуской вол. (*Симферопольского у.*), расположенных или по долинам рек, или по нижнему склону гор и занимающихся поэтому садоводством, табаководством и другими ценными культурами, усадебные участки представляют большую ценность, состоят в индивидуальной собственности хозяина и подвергаются свободному переходу из рук в руки (односельцев и посторонних) по завещанию, договору, купле-продаже¹ и т. д. По недостаточно полным сведениям относительно общин христиан *Крыма*, видно, что общины дарственников не имеют усадебной земли, «в старых общинах государ. кр., расположенных по балкам и долинам горного района, лучшие усадебные и приусадебные участки (годные для разведения садов и огородов) издавна захвачены отдельными хозяевами и никогда не подвергались переделу; молодые общины госуд. кр. при образовании поселения разверстали усадьбу между хозяевами поровну, и с тех пор переделов ее не производилось. Усадебная земля находится в потомственном пользовании двора и переходит по домашним запродажным актам из рук в руки среди однообщественников; о продажах ее посторонним лицам сведений не имеется. В *Ростовском у.* в некоторых общинах пользование усадьбами уравнивается отрезкой из полевого надела; это делается, между прочим, в 4 пом. общ. и 1 гос., а в госуд. с. Кагальник постановление общества о вычете усадебной земли из надела не приводится в исполнение. В 2 госуд. общ. Николаевской волости усадьбы с целью уравнивания обложены сбором в 90 коп. и 1 руб. с десятины. Огородов при дворах не имеет 61 селение (43 помещ. и 18 гос.); большая часть таковых разводят огородные овощи в поле, по берегам речек и низким местам, на своей или арендованной земле. В *Бахмутском у.* «каждый хозяин имеет право вместе с постройками продать всю усадьбу или часть ее, кому пожелает», хотя бы то было пришлое лицо; но община стремится регулировать пользование угодьем. В некоторых общинах усадебные места принимаются в расчет при отведении полевого надела или практикуются другие меры уравнивания пользования этим угодьем. Так, указаны 8 общин помещ. и 2 госуд., где усадебные места уравнированы по числу душ, причем в некоторых случаях для этого

¹ Договор купли-продажи облекается в письменную форму так наз. сенета, в коем на арабском языке указывается положение и границы продаваемого участка, его цена и обязательство продавца за себя и своих наследников не заявлять притязаний на проданное имущество; сенет подписывается сторонами свидетелями, имамом или катийбом, иногда скрепляется печатью сельского старосты.

обращались к пахотной земле; в 3 госуд. общинах усадьбы зачисляются в полевой надел; в 10 общ. помещ. и 1 госуд. хозяева, имеющие небольшие усадьбы, получают большую или меньшую площадь под огороды в поле; в некоторых общинах такое уравнивание совершается ежегодно; в 3 общ. госуд. кр. неравномерность владения усадьбами умеряется налогом на большие усадебные места (1–5 руб. с десятины). Во всем уезде насчитывается всего несколько семей без огородов, не считая немногих случаев, где по тем или другим причинам огородов нет ни у кого. В *Славяносербском* у. «и по сие время к усадебной земле применяются права частной собственности. Книги сделок и договоров волостных правлений наполнены данными о продаже крестьянами друг другу усадебной земли». Из статистических данных видно, что 70% проданной земли находится в руках посторонних общине лиц; но в одной из сделок между однообщественниками сказано, что покупатель должен владеть приобретенной землей «вечно на тех правах, как и все крестьяне общества пользуются и владеют, отчуждать в посторонние руки без ведома и дозволения на то общества не имеет права». Вопрос о регулировании пользования усадебной землей в большинстве общин находится еще в периоде приготовления. Большая часть крестьян стоит здесь, по-видимому, за денежное обложение всей или излишней усадебной земли, меньшинство – за вычет излишка усадебной земли из пахотной; но местами подымается вопрос о настоящем переделе усадебных угодий. Отсутствие соглашения и полной выясненности вопроса служит причиной того, что и приговоры общества иногда остаются невыполненными. Так, в с. Городищах (гос.) в течение 1882–1885 гг. было составлено три приговора о запрещении занимать самовольно землю под усадьбу и обложении излишнего сверх определенной нормы количества усадебной земли налогом, но ни один из них не приведен в исполнение. Немногие общины, однако, пришли к положительному разрешению вопроса; в государственных селах: Крымском с 1879 г. уничтожен свободный захват земли и усадьба обложена налогом в 3 руб. с десятины, в с. Варгунке она тоже обложена налогом, в с. Желтом обложена (в 1885 г.) только земля, занятая самовольно после ревизии, в нескольких помещичьих общинах уравнивание пользования усадебной землей (по числу душ) произведено в пахотной; в других намереваются сделать то же или обложить усадебную землю налогом. В *Саратовском* у. места под дворами в большей части общин никогда не переделывались, «остались, как захвачены»; в некоторых общинах их перераспределение (обыкновенно поровну на двор) было сделано при отводе надела или после него (главным образом после пожара); в других – уже несколько лет продолжают споры об их уравнивании. При усадебная земля в некоторых общинах никогда не переделывалась, в других – переделывалась (по ревиз. душ. или по дворам) при отведении надела (во мно-

гих помещ. общ.) или при последних переделах пахотной земли по наличным душам. Во многих общинах распределение приусадебной земли очень неравномерно, но некоторые общины тем не менее не думают исправлять эту неравномерность по незначительности самого угодья. Основания распределения приусадебной земли (нередко отличающиеся от принятого для уравнения пашни): двор, ревизская душа, наличная, работник. Переделы ее совершаются одно- или одновременно с переделом пашни. Некоторые виды угодья переделываются по одному основанию, другие – по иному, третьи остаются непеределенными. В некоторых общинах уравнение достигается на счет полевой земли, в других – при посредстве платежа со стороны большеусадебников в пользу малоусадебников или мира. Сады так или иначе (платежом, полевой землей, изредка прямыми отрезками-прирезками) уравнены в б. ч. общин, занимающихся садоводством. В *Царицынском у.* усадебные и приусадебные земли в большинстве общин не переделывались: владеют «как исстари захвачены». В *Хвалынском у.* усадьбы очень неравномерны; хотя они подвергаются уравнению, но редко и неохотно, во-1-х, по причине их незначительности, во-2-х, потому что они унавоживались, и против передела стояли богачи, продолжавшие захватом расширять угодье; общество до поры до времени терпит такие захваты, а когда возникающая оттого неравномерность достигает высокой степени – оно или производит передел угодья, или облагает его налогом. Данные о распоряжении усадебной землей имеются по 162 общинам из 191. Из них 69 общин не делали в последние 25–30 лет ни переделов, ни переверсток названного угодья, 16 облагают его платежом, 5 – выравниваю усадьбы полевой землей, 72 производят общие или частные коренные переделы всех или некоторых усадебных угодий.

1) «В большинстве общин, допускающих неуравнительное пользование усадебными угодьями, последние не играют в хозяйстве сколько-нибудь серьезной роли». 2) 16 селений, облагающие усадебные угодья платежом, характеризуются развитием садоводства или огородничества. Платеж колеблется между $4\frac{1}{2}$ и 75 коп. с 80 кв. саж. (что будет 1 руб. 35 коп. – 24 руб. 50 коп. с десятины). В д. Ершовке основанием для обложения усадеб (10 коп. с 80 кв. саж.) послужило то обстоятельство, что оброчная подать с десятины усадебной земли определена в 3 руб. 49 коп.; эта сумма и была разверстана на садовую землю. Д. Зимницы (татары), населенная душево-четвертными крестьянами, по ошибке разложила 143 руб. 60 коп., взыскиваемых по окладному листу с усадебных угодий четвертных крестьян, на усадьбы четвертных и душевых владельцев и получилось $4\frac{1}{2}$ коп. с 80 кв. саж.; община хочет или уравнивать усадьбы, или повысить обложение. Одна община облагает лишь площадь, превышающую установленную ею норму усадебного участка, и 3 общины установленную ими норму усадебных угодий (на двор или

душу) облагают меньшим платежом, а излишнюю сверх нормы – высшим; остальные облагают всю землю одинаково. В некоторых общинах обложение принято потому, что не удалось достигнуть уравнивания усадеб, в других – потому что при выравнивании усадебной земли пахотной, некоторые дворы вовсе не получили бы последней и должны были бы довольствоваться усадебной землей, между тем как доход с нее (садов) не надежен. В д. Алексеевке 13 хозяев, выкупивших свои 22 надела, потерпели сокращение пахотного участка на всю величину усадебного, так что домохозяева, имеющие большие сады, совсем не получили пашню. 3) В 5 селениях (4 дарственников и 1 помещ. собств., из них 3 одной волости) устанавливается определенная норма усадьбы на душу и избыточное ее количество вычитается из пахотной земли в пользу хозяев, имеющих небольшую усадьбу. В д. Ивановке Алексеевской вол. этот прием практикуется по отношению к двору, гумну и саду, огороды же и конопляники для качественного уравнивания ежегодно делятся по душам. 4) 10 общин Печаурской и Барановской вол. перedelили усадебные угодья по наличным душам, 62 общины – по ревизским душам или по работникам. В этих общинах отношение к различным частям усадебных угодий неодинаково. Двор служит для построек, нарезывается по хозяйствам, а не подушно, в огромном количестве случаев в размере 10 x 10 кв. саж., 10 x 20 кв. саж., 7 x 20 кв. саж., и, за исключением 2–3 случаев, не подлежит переделу. Гумно, помещающееся на задворках и служащее складочным местом для хлеба и сена, в большинстве селений нарезывается подворно и переделам не подвергается, исключая нескольких селений, где оно захватывает большую площадь и где на нем разводится картофель или конопля. Конопляники подвергаются во всех 72 общинах переделам, равно как и капустники, расположенные вдали от усадеб, по течению рек или ключей, по озерам и влажным лощинам, как приносящие значительный доход. Что же касается огородов, примыкающих к надворным строениям, имеющих большей частью незначительные размеры и расположенных часто на неудобных местах, то во многих общинах они не подлежат уравниванию, в некоторых других делятся подворно. Капустники, конопляники и картофельники переделаются по тем же раскладочным единицам, что и пашня, в большинстве случаев на тот же и срок, но в некоторых общинах на значительно более продолжительный (до 30 лет). Весьма значительное число общин делит конопляники ежегодно, другие допускают лишь скидку-накидку душ у отдельных хозяев. При переделе усадебных угодий редко допускается ломка и перенесение межевых границ; в большинстве случаев излишек угодья отрезывается и передается кому следует; развивающаяся от того чересполосица значительно сокращается добровольным обменом загонов. Сады (занимающие во всем уезде до 1500 дес.) находятся в частной собственности

сти, переходят по наследству и даже продаются своим и посторонним, что, однако, в последнее время запрещено крестьянским присутствием. Общества стремятся уравнивать пользование садами путем обложения площади, превышающей определенную норму (на двор), особым налогом.

В *Бугульминском* у. усадебные угодья, как и в других уездах Самарской губ., изредка переделываются только в некоторых общинах. Указывается д. Нагорная (помещ., на выкупе), переделавшая в 1879 г. усадебные места по 5 x 60 саж. на ревизскую д., «причем много было снесено риг и отрезано у многих места, так как некоторые домохозяева после положения захватили себе слишком большие усадебные места». В 4 общинах, переделавших землю по наличным душам, произведено и поравнение усадеб или конопляников (по душам м. п.); во многих других из переделавшихся заходила речь о том же, но большедворовые сильно тому воспротивились, и вопрос отложен до более благоприятного времени. В *Бузулукском* у. на дворовые места смотрят как на частную собственность и продают их односельцам и посторонним; в пользовании же приусадебными угодьями крестьяне «разверстываются по душам». В последнее 10-летие 33 общины переделали это угодье¹: одни – огороды, другие – конопляники, капустники, гуменники. «В большинстве других общин давно уже идет речь о более равномерном распределении усадьбами, противодействуют этому, тем более что они нередко скупают усадебные места переселенцев и тем навсегда закрепляют их за собой». В *Ставропольском* у. крестьяне смотрят на усадебные участки как на собственность хозяев. В центральных пунктах, торговых и многолюдных селах продажа усадебных мест односельцам и посторонним составляет довольно распространенное явление. Благодаря указанному обстоятельству в таких селах в центре села обыкновенно живут зажиточные крестьяне, по окраинам – бедняки. Мотивом к покупке служат не только коммерческие расчеты, но и тщеславие: «Ведь и в Москве, чай, аристократия тоже селится к центру», – отвечал ягодинский старшина на вопросы о причине указанного явления. Многие общества в пользовании усадебными угодьями рассчитываются подушно; в 5 общинах наблюдается настоящий передел конопляников или огородов, в одной общине – каждые 7–8 лет. В *Бузурусланском* у. «в некоторых многолюдных и торгово-промышленных общинах у крестьян сложился взгляд на усадебные угодья как на личную собственность каждого домохозяина, с правом отчуждения другому лицу навечно; в других же это право ограничивается определенным сроком, назначаемым по усмотрению самих общин». Передел приусадебных угодий (в одной общине и дворового

¹ В д. Антоновке (уд.) при этом постановлено: «Если огород с ветлами перейдет по жребию от одного хозяина к другому, то ветлу срубить или вырвать с корнем и дерево отдать старому хозяину; если же от пенька пойдет новая ветла, то она будет принадлежать новому владельцу».

места) имел место (преимущественно в 80-х гг.) в 9 общинах: в 7 по душам, в 2 по дворам; в Сорбайской общине при последнем переделе по наличным душам тоже думали поравнять огороды, но не сделали это по несогласию хозяев, имеющих большие огороды. Во всех общинах, не производивших уравнивания угодья, каждый хозяин владеет тем участком, какой он захватил при поселении. (В Сборнике не говорится, подвергается ли уравниванию пользование усадебной землей каким-нибудь другим способом, кроме прямого передела.) В Самарском у. усадебная и приусадебная земля «по-видимому, находится в подворно-наследственном владении: по крайней мере почти нигде она не переделывалась». Усадебные участки очень неравномерны по величине, так как в прежнее время обыкновенно занимались свободно. Препятствием к уравниванию приусадебной земли служит между прочим ее связь с дворами, к которым она примыкает. Крестьяне с Чубовки, например, хотели было переделить в 1882 г. огороды, но остановились из-за невозможности «вычислить, как следует, куда перенести избы». Из 7 общин, думающих переделить землю по наличным душам, 2 полагают уравнивать и усадьбы. В д. Старом Саловке огороды и гумна у всех хозяев одинаковы, но размеры дворов нарезаны пропорционально числу душевых наделов. Для Николаевского у. указаны 37 общин, где распределена по душам площадь под бахчи или сады, огороды, капустники, картофельники, гумна. «Душевые доли под специальные культуры в большинстве общин переверстываются одновременно с переверстками пахотных угодий, в других – ежегодно». «В Новоузенском у., как и в прочих, единовременно с переделами пашни переделываются мелкими долями и другие земли: под гуменники, огороды и разные специальные культуры – капустники, картофельники, бахчи, сады и табак (последнее у немцев). Переделы этого рода угодий практикуются в 53 общинах, из которых собственно переделы огородов указаны только в 17 общинах. Усадьбами в большинстве общин пользуются крестьяне произвольно, по захватному способу; в некоторых общинах стали приступать к переделу и усадебных мест. Усадебные места обыкновенно не продаются, но лишь сдаются сторонним лицам на 12 лет за сумму 50–300 руб. за все время пользования (Покровская слобода)». Община Ново-Федоровка Еремеевка при переделе 1888 г. отвела усадебной земли по $\frac{1}{2}$ дес. на двор и, кроме того, отрезала многодушникам 133 дес. для распределения между ними по наличным душам. В двух немецких общинах усадьбы переделываются по другим разверсточным единицам, нежели пашня.

В Воронежском у. усадебные места образовались свободным занятием общинной земли; общество местами контролирует как продажу усадебных мест, так и сдачу их в аренду. В некоторых общинах, отличающихся неравномерностью усадебных мест, при переделе уравнивались и эти по-

следние отрезкой и прирезкой излишнего или недостающего количества из пахотной земли. Общ. с. В. Котуховки в 1883 г. постановило за излишнюю сверх установленной нормы усадьбу взыскивать в пользу общества 75 коп. с 80 кв. саж. или вычитать двойное количество пахотной земли. Приусадебные угодья везде делятся на души по тем же основаниям и теми приемами (если нарезаются из пашни или сенокоса), что и пахотная земля; если угодье примыкает к усадьбам, то оно распределяется прямо по домохозяйствам, в особенности если было удобрено прежними хозяевами. В *Острогжском* у. отчуждение усадеб подчинено регламентации общины. В сл. Щучьей общество разрешило продажу усадеб только однообщественникам, а в сл. Лизиновке взяло в общественное пользование усадебную землю, проданную купцу без согласия общества. Лишь в небольшом числе общин уезда пользование усадьбами совершенно свободно и только идут пока разговоры об их уравниении; в остальных оно подвергается регулированию, причем наиболее распространены случаи, где община определяет известную норму усадьбы (судя по приводимым примерам, независимую от числа душ в семье) и недостаток или излишек сверх этого количества прирезывается или отрезывается от полевой земли (в х. Цапковом Новокалитвянской вол. отрезка может быть заменена арендной платой в размере 12 руб. в год). В х. Гирлы излишек усадьбы делится на 3 части и каждая часть вычитается из каждого клина. В некоторых общинах за 1 саж. усадебной земли отрезывается или прирезывается 2 саж. пашни. В некоторых общинах за усадьбы взимается определенная плата, причем усадебная земля в качественном отношении разбивается на сорта; это наблюдается преимущественно в общинах помещичьих крестьян, которые направляют такие платежи в выкупной взнос; в х. Висицком (58 дв.) усадебные платежи равняются 260 руб. в год при общей сумме платежей 1867 руб.; в х. Подгорном (205 дв.) в выкупной платеж вносится ежегодно 688 руб. усадебного налога (вся сумма платежей общины 3818 руб.), составляющего 6% с расценочной суммы, установленной еще в 1873 г. В некоторых общинах такие платежи были уничтожены (в одной – по проискам старшины, имевшего большую усадьбу) и заменены уравниением усадеб отрезками и прирезками полевой земли. В некоторых общинах есть приусадебная земля, отводимая (в госуд. и пом. общ.) подушно (иногда уравниваемая полевой землей) и иногда переверстываемая ежегодно; жители гос. с. Тхоревки разделили на души сады. В *Богодуховском* у. «у госуд. кр. к владенной записи прилагается список владельцев с определенным размером усадебных мест, и эти земли не находятся в уравнительном владении». У б. владельческ. кр., если они оставались на местах прежней оседлости, усадьбы неравны, если переводились на новое место, то каждому двору отводилась одинаковая площадь; усадьбы

равнению не подлежат, и приобретатель построек, хотя бы и не общественник, признается фактически приобретателем усадебного места. В *Суражском* у. у государ. кр. подгородная и огородная земля уравнивалась при коренных переделах путем отрезок и прирезок этого угодья.

Для *Белгородского* у. отмечены следующие факты, относящиеся к пользованию усадьбами. Крестьяне с. Гостищево, перейдя в 1839 г. от четвертного владения к душевому, усадьбу оставили на прежнем положении; в 1877–1878 гг. здесь поднят был вопрос о разверстании по ревизским душам и усадебной земли, но широкодачники (на усадебной земле которых иногда разведен и лес) не только воспротивились этому, но и провели на сходе приговор о закреплении усадеб навечно за настоящими их владельцами. Подворно-наследственное владение усадьбами сохранилось и у крестьян д. Крюково, перешедшей с четвертей на души в 1846 г. Крестьяне-дарственники с. Разумного при выходе на волю разделили усадьбу не подушно, как остальную землю, а подворно. Усадьба Казачкой слободы уравнивалась не во время коренного передела, при ревизии, а в 1876 г., причем за излишнюю ее сажень отрезывали 2 саж. пахотной земли; уравнивание пахотью производилось при переделе по наличным душам в гос. с. Логовом в 1882 г., при переходе д. Зачатьевки на дар в 1874 г., в слободе Шопиной (соб.) в 1861 г., здесь же при переверстке в 1874 г. уравнивание усадеб достигалось отрезкой и прирезкой усадебных угодий; уравнивание усадеб при переверстках было произведено в с. Рождественском (соб.) в 84 г. и в др. В сл. Новотроицкой (гос., 404 дв.) размером конопляников (по качеству почвы не требующих удобрений) смягчают неравенство в распределении усадебной земли и не дают их тем новым семьям, которым отводится земля под усадьбу. В этих видах практикуется ежегодная переверстка конопляников. При переделе земли в 1884 г. у гос. кр. Каменовской и Долговской вол. *Курского* у. и Поныровской и Смородиновской *Фатежского* у. конопляники оставались неприкосновенными, а их уравнивание совершалось в пахотной земле (Сб., в. X, с. 18). Для *Корочанского* у. имеются сведения о 10 общинах Нечаевской вол. и 11 Яблоновской (в обоих в 11 общ. б. пом. кр., 10 б. госуд.), которые при переделах (в государ. с. Белый Колодезь Яблоновской вол. по наличным душам в 1885 г.) и переверстках уравнивают не только пахотную, но и усадебную землю; уравнивание достигается отрезкой или прирезкой пахотной земли. Об остальных (9) общинах Яблоновской вол. сказано, что они усадебных мест не равняли. В *Тимском* у. коренные переделы усадеб бывают в таких исключительных случаях, как переселение на новое место и т. п.; но в 3 помещичьих общинах Крестищенской вол. они были при переходе с тягол на души. В большинстве же случаев усадьбы уравнивались двойным количеством пахотной земли (иногда выгоном); рассчитываются они на души. В поволостных описаниях такое уравни-

ние при переходе с тягол на души указано для 20 общин Крестищенской вол., с-ца Никольского Успенской вол. (вновь образовавшимся хозяйствам усадьба отводится здесь из выгона) и д. Масловки (в 1883 г., после выхода на выкуп) Михельпольской вол. Для *Новооскольского* у. имеются следующие данные. 5 общин б. помещичьих крестьян Н. Безгинской вол., 15 – Баклановской и 17 – Чернянской уравнивали усадьбу только при первых переделах после освобождения, путем отрезок-прирезок пахотной земли, кроме с. Чернянки (соб.), где практикуется обложение излишнего количества усадебной земли ежегодным сбором в размере 10 коп. с кв. саж., и х. Александра (соб.) Чернянской вол., где отрезке и прирезке подвергалась сама усадебная земля. В 35 общинах единицей разверстки служила ревизская душа, в Александровском (дарст.) Баклановской вол. (ревиз. разверстка пашни) и Ново-Безгинке (дарств.) (пашня обрабатывается всем обществом) Безгинской вол. – двор. В х. Большой (соб.) Чернянской вол. уравнивание усадебной земли производится ежегодно вместе с уравнием (в паровом клину) полевой земли (см. гл. V), а в общине дарственников того же села уравнивание усадебной, как и пахотной земли производилось 3 раза. О 3 общинах сказано, что усадьбы у них при переходе с четвертей на души не равнялись; в д. Ближняя Ливенка (гос.) Чернянской вол. передел в 1883 г. (по наличным душам) не коснулся усадеб. Об *Елецком* у. известно, что при последних переделах по наличным душам усадебная площадь уравнивалась путем отрезок-прирезок пашни (в одной общине – двойным ее количеством) в 6 общинах госуд. кр. (Н. Суханы Краснополянской вол., сложной из 2 сел Ястребинской вол., Черкасы с выселками, Ериловка с выселками и Новопоселенный Альшанец Черновской вол., Челбасовка Воронежской вол.) и 3 общинах собственников (с-цо Александровка Краснополянской вол., Каменка Ястребинской вол., Петровские плоты Стегаловской вол.). О 3–4 общинах – например, Выглядовка (соб., рев. разв.) Предтеченской вол., Шитова Слободка Афанасьевской вол. (госуд., налич. разв.) – сказано, что приусадебная земля разверстана подушно. В сложной общине собственников Краснополянской вол. при переходе с тягол на ревизские души равнялись и усадьбы; в с-це Крутом (соб.) Ястребинской волости при переделе по наличным душам в 1882 г. усадьбы и огороды не подвергались разделу. О *Трубчевском* у. известно, что при последних переделах по наличным душам подвергались разделу и усадьбы в следующих общинах: удельных крестьян д. Парович, Мосточная, Черная, Семячково (конопляники и «селитьба») Семячковской вол., Темная, Потановка, Аладьино, Ожигово, Передний Городец Стрелецкой вол.; государственных крестьян: Средний Городец, Макарна, Лучка Стрелецкой вол., Хатянова, Алешкина Селицкой вол.; бывших помещичьих: Каружа Семячковской вол., Н. Вилки – Стрелецкой. Конопляники при переделах делились в Краснослободской вол. в общинах удельных кр.

Суземка, Негино и государственной Негино. В *Мценском* у. места под дворами обыкновенно одинаковы по величине у всех домохозяев. Приусадебная земля чаще всего разверстана по числу душ, редко – поровну на двор; переделам, за немногими исключениями, не подвергается, а уравнивается на счет пахотной земли. В *Рязанском* у. приусадебная земля поступает в раздел в немногих общинах, в большинстве же их излишек или недостаток усадебных угодий сравнительно с числом надельных душ ведет к отрезке или прирезке земли в полевом клину. В некоторых общинах, где нет никакого соответствия между размерами приусадебной земли и остальным угодьями, первая облагается в пользу общины известным платежом (в д. Наумовском, собствен., например, 1 коп. с кв. саж.). О *Михайловском* и *Егорьевском* уездах сказано, что усадебная земля не подвергается переделам. В *Моршанском* у. места под строениями обыкновенно не уравниваются, но после пожара, когда происходит новая распланировка всего или части селения, все семьи получают одинаковые участки, независимо от того, каковы были их владения раньше. Приусадебные угодья (в среднем $\frac{1}{10}$ дес. на душу) равнялись у всех во время X ревизии и при получении надела или выходе на выкуп (помещ. кр.). Но и после того почти все общины госуд. кр., переделавшие землю по новым душам, и помещичьих – при часто повторяющихся свалках-навалках душ, передавали от одних хозяев другим не только пашню, но и приусадебные угодья. Некоторые же общины этого не делали, и многие производят уравнивание не путем отрезок-прирезок приусадебного угодья, а наделением семей с малыми участками добавочной полосой в поле, иногда – расширением угодья за счет поля, огорода или конопляника. Иногда уравнивание пашней или деньгами производится по взаимному соглашению между двумя хозяевами, из которых один имеет излишек, а другой – недостаток приусадебной земли. При разноразличности земли под усадебными культурами, за исключением одного случая, не принимают никаких мер для возмещения происходящего от того неравенства в пользовании и разверстывают ее как равноценную. В *Спаском* у. при новых переделах большинство общин уравнило подушно пользование приусадебными угодьями, а желая по возможности сохранить за старыми хозяевами прежние участки, большая часть общин несколько увеличила при этом общую площадь угодья и добавляла новым душам недостающую землю из пашни или выгона; у владеющих слишком большими площадями происходила, однако, отрезка. Некоторые общины, совершившие передел пашни, не пришли еще к соглашению, каким образом уравнивать пользование приусадебной землей. В *Темниковском* у. при коренных переделах подушное уравнивание пользования усадебной (в том числе и состоящей под дворами) землей достигается путем отрезок-прирезок лучшей и ближайшей полевой земли; непосредственные отрезки-прирезки усадеб совершаются

между соседними хозяевами. В *Елатомском* у. при общих и частных (у помещ. кр.) переделах происходит уравнивание приусадебной земли путем отрезок-прирезок самого угодья, причем нередко крестьянин взамен усадебного участка соглашается взять у другого полосу пашни в поле. В *Усманском* у. приусадебными угодьями кр. владеют по уравнильной душевой разверстке, сделанной во время X ревизии или (у помещ. кр.) при получении надела. Но у некоторых селений, владеющих огородами во всю ширину двора, поэтому самому приусадебная земля исстари распределена неравномерно. При новейших переделах по наличным душам было уравнено пользование усадебными угодьями отрезкой или прирезкой излишнего или недостающего количества из полевой земли. В некоторых общинах (указаны 2 случая) за лишнюю сажень огорода взыскивается в пользу миру 50–60 коп. В *Шацком* у. при переверстках (свалка-навалка) или переделах уравниваются приусадебные угодья, причем, ввиду неудобства владеть этими угодьями при чужом дворе, хозяева, участки которых подлежат увеличению, соглашаются вместо них довольствоваться полевой землей или каким-либо вознаграждением. «Неудобная ломка старинных подворных участков земли б. ч. устраняется (при коренных переделах) прирезками и отрезками только у смежных одволиц и нарезкой остальным хозяевам по возможности ближайшего участка из полевой земли». В *Тамбовском* у. общее уравнивание усадебной земли было сделано у госуд. кр. при X ревизии, у помещичьих – при получении надела. Неравномерность современных усадеб произошла от того, что под вновь образованные (на выгонах) усадьбы захватывалось место не по размерам душевых паев хозяев, что оставшиеся, за разделом семьи и выселением ее члена на новую усадьбу на выгоны, на старом месте владели, таким образом, относительно большими усадьбами и т. д. При последних переделах у государственных кр. уравнивание усадеб произведено в 20 общинах (из 57), в остальных дело стоит за отсутствием соглашения о том, каким образом достигнуть этого уравнивания, и лишь немногие общины относятся к вопросу равнодушно. В 2 общин госуд. кр. и у нескольких помещичьих произведено уравнивание усадеб без передела пашни, по ревизским душам. Изменение размера усадеб в некоторых общинах производится лишь когда уравнивание делается между двумя соседними хозяевами; обыкновенно же избыток и недостаток усадебной земли уравнивается пахотной. В 3 помещичьих общинах уравнивание пользования усадебной землей достигается взысканием за каждую излишнюю саж. (по ширине) 30–40 коп.; в одной общине такой же суммой оплачивается недостаток усадебной земли у какого-либо двора. В *Лебедянском* у. при коренных переделах земли (у госуд. кр. во время ревизии в 80-х гг., у помещичьих – при отводе нынешних наделов) уравнивается и пользование усадебными угодьями (путем прирезок-отрезок полевого надела). В проме-

жутках между переделами крестьяне тоже «по возможности держались равенства в пользовании усадьбами; соседи уравниваются между собой и имеющие излишки уступают тем, которые имеют мало в огородах и гуменниках, часть своего полевого надела в ближайшей его части». В *Борисоглебском* у. место из-под строения передается миром другому домохозяину или причисляется к приусадебным угодьям в случаях, когда оно остается незастроенным после перенесения строения на другое место. Приусадебные земли в одних общинах нарезаны подворно исстари, в других подвергаются равнению при общих коренных переделах. В *Липецком* у. уравнивание усадебных угодий (по числу душ) было сделано при X ревизии или раньше. Погорельцам отводятся усадьбы одного определенного размера, отличного от того, какой имеют старые двory. В общинах, совершивших передел по наличным душам, или уже сделано уравнивание в пользовании приусадебными угодьями, или идут о нем переговоры. Уравнивание достигалось на счет полевой земли. Община с. Бутырки установила в 1879 г. налог на усадебную и приусадебную землю в размере 20 коп. с 1 саж. по ширине. В *Курсановском* у. приусадебными угодьями крестьяне пользуются большей частью по уравнивательной подушной раскладке. Госуд. кр. производили уравнивание после X ревизии, а некоторые из общин, совершивших передел по наличным душам, – и во время этого последнего. Большая часть помещичьих общин, практикующих жеребьевки, производит при этом проверку приусадебных угодий, «причем происходят отрезки от этих участков в пользу соседних домохозяев или прирезки от прилегающей пашни». Община с. Кабакова в половине 70-х гг. обложила лишнюю против нормы усадебную землю платежом в размере 40 коп. за сажень (по ширине, что равняется приблизительно 100 кв. саж.). В *Козловском* у. помещичьи кр. уравнивали пользование усадебными угодьями при получении надела; государственные же ими еще не считались, и лишь в последнее время между ними повсеместно поднят вопрос об уравнивании пользования приусадебной землей по числу платежных душ, которое уже и произведено или предполагено произвести почти во всех общинах, совершивших коренной передел по наличным душам. Самый частый способ уравнивания это – отрезка и прирезка полевой земли в равной доле или полоторной, за ним следует отрезка-прирезка самого усадебного угодья и, наконец, обложение излишнего количества платой в мирской доход в размере 50 коп.–1 руб. за сажень (по ширине, при длине 60–100 саж.). Нередко мир только обязывает хозяина, имеющего избыток усадьбы, вознаградить другого, у которого он недостает, а условия вознаграждения устанавливаются по их соглашению. После пожаров, когда селение выстраивается по новому плану, под усадьбу отводят 12 саж. ширины на двор. Сведения о нормах пользования усадебной землей в уездах Казанской губ. не отличаются пол-

нотой. В *Свияжском* у. усадебные земли находятся в «наследственном пользовании». В *Тетюшском*, *Цивильском* и *Царевококшайском* уездах, как общее правило, усадьбы не переделаются. В *Казанском* у. усадебные места, а в большей части общины и приусадебные, находятся в подворно-наследственном владении; но где приусадебные угодья (огороды, сады) имеют большое значение, там они подвергаются переделу наравне с пашней и лугом. В с. Киндери и ст. Тура в 1884 г. хотели поделить землю по новым душам, но дело не сладилось и успели поделить только огороды как наиболее доходную статью. Усадебное место в Кошачковской вол. находится в подворно-наследственном владении и обыкновенно одинаковой величины у всех хозяев общины. Для вновь образующихся семей оставляются про запас места. Приусадебные места, где они есть, переделываются. В 4 селах гос. кр. на приусадебной земле разводится капуста и огурцы, сбываемые в Казань, что служит большим подспорьем населению. Ввиду этого община следит, чтобы земля не истощалась, обязывая каждого удобрять ее не менее, как 10–20 возами на душу. Но так как некоторые хозяева не в состоянии сделать этого, то община чуть не ежегодно производит жеребьевки огородов; последние вызываются еще неровностью поверхности земли, вследствие которой иным достаются холмики, другим низина, заволакиваемая весной песком. Но эти жеребьевки – частные, между некоторыми хозяевами и совершаются путем отрезки и прирезки земли, а не вольной меной участков. При этом, чтобы не обижать хозяев, ухаживающих за землей и для большего уравнивания земли в качественном отношении, под огороды распахали особняк, в котором производится надбавка к доле хозяев, получивших при усадьбе худшую землю или лишившихся хорошо возделанного участка. Чересплосицы не бывает. Безлошадным и маломощным мир бесплатно дает лошадь или обрабатывает огород помочью. В *Макарьевском* у. места под постройками находятся в подворно-наследственном владении; иногда они перемериваются, и излишек или недостаток угодья сравнительно с площадью, следуемой хозяину по числу его разверсточных единиц, вычитается или добавляется из пахотной земли; иногда уравнивание достигается деньгами. Приусадебная земля подвергается во многих общинах переделам вместе с пашней. В *Московской* губ. «дворовые места» находятся в подворном владении и в большинстве случаев имеют одинаковые размеры для всех семей. Безземельные хозяева (сохраняющие усадьбу), как известно, не участвующие в платежах, в некоторых общинах взносят в мирскую кассу за дворовое место обыкновенно не больше 1 руб., а где усадьба находится в особенно выгодных условиях (дачи, рыночные места и т. п.) – до 3 руб. Приусадебная земля в огромном большинстве общин уравнивается по числу окладных душ, числящихся за семьей; в 25 селениях она находится фактически в подворном владении, но общества

признают свое право переделить ее, если окажется нужным; кроме того, в момент исследования губернии 30 селений *Подольского у.*, согласно предложению местной земской управы, сделали постановление о разверстании усадебной земли, согласно ст. 110 местн. положен. о кр., на подворные участки. Наиболее распространенный способ уравнивания приусадебных участков (совершаемого одновременно с уравниванием использования другими угодьями), практикуемый преимущественно там, где приусадебная земля находится под ценными культурами, это – отрезка участка от хозяина, где уменьшилось число душ, и передача излишка другому, участок которого подлежит увеличению. При этом новый хозяин отрезка в некоторых общинах или вознаграждает старого за отошедшие от него садовые кусты и деревья деньгами, или предоставляет ему в течение известного числа лет пользоваться плодами с этих насаждений. В некоторых общинах вместо отрезки-прирезки ценного угодья уравнивание производится двойным количеством лучшей ближайшей пашни или сенокоса. В общинах, где приусадебная земля обращена под сенокос, или в том случае, когда для увеличения размера приусадебной земли отводится на все общество участок полевого угодья, – хотя бы на нем возделывались сады и огороды, – передел совершается обычным способом распределения участков между семьями по жребью, причем применяются те меры вознаграждения отдельных хозяев за отошедшие от них лучшие участки, о которых только что было упомянуто. Этот способ уравнивания иногда применяется и к коренным усадьбам, обращенным под сад и огороды. При уравнивании пользования приусадебными угодьями отдельные хозяева прибегают в широких размерах к добровольным соглашениям. Передел усадебных угодий обыкновенно происходит одновременно с пашней, но около 50 общин совершают его чаще: большая часть таковых обратили усадебную землю в покос (главным образом в *Белгородском у.*), но некоторые возделывают также огороды; причина частых переделов здесь – быстрое развитие чересполосицы, а в одной (д. Овечкина Кленовской вол. *Подольского у.*) – опасение, чтобы хозяева не перестали удобрять пашню, обратив весь навоз на приусадебную землю. Около 100 общин переделывают усадебную землю реже пахотной (Орлов, гл. II и VI). О порядках пользования приусадебной землей в общинах *Вяземского у.* дает понятие следующая табличка:

Число общин, о которых есть сведения	Усадьбы не переделались с воли в общинах	Усадьбы после воли переделались		
		Переделаются и теперь	Перестали переделаться	
			Обложены платежом	Не обложены
258	109	69	69	11

Передел приусадебной земли совершается одновременно с переделом пахотной и по тем же разверсточным единицам. Прекращение переделов имело место в последнее время в тех общинах, где крестьяне, пользуясь ст. 110 местн. полож., отказываясь от полевой земли, требуют удержания за собой или возвращения отданного раньше участка приусадебного угодья. В большинстве таких общин усадьбы обложены платежом от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп., а иногда до 4 руб. и 4 руб. 30 коп. Высокому обложению подвергаются хозяева, отказавшиеся от полевой земли, или владельцы ценных конопляников. В некоторых общинах хозяева, принимающие пахотную землю, от которой отказались крестьяне, удержавшие усадебную, вознаграждаются за недополучение усадьбы двойной площадью лучшей полевой земли. В 10 деревнях Жилинской вол. с плохой пахотной землей не позволяется отказываться от одного пахотного угодья; то же наблюдается и в некоторых общинах других волостей. В *Ржевском у.* переделы усадебной земли наблюдаются в исключительных случаях – после пожара, истребившего большую часть села, когда приходится планироваться по строительному уставу. В этих случаях хозяева лучших участков выговаривают себе с новых владельцев известное вознаграждение. В *Новоторжском у.* переделы усадеб наблюдаются при тех же условиях, что в Ржевском. В *Калязинском у.* в одних общинах приусадебная земля переделывается (посредством подвижек) одновременно с пахотной; иногда, при появлении нового двора или упалой души, передел усадебной земли совершается и без передела пашни; в других обществах по возможности воздерживаются от передела приусадебной земли, приступая к таковому лишь при развитии большой путаницы от принятых упалых душ, и уравнивают усадебные угодья при помощи других; третьи (указано 45), во избежание чересполосицы, установили в течение последних 30 лет подворное владение усадьбами, предварительно уравнив их (по-видимому, по семьям); в очень многих из этих последних общин усадебная земля облагается платежом от 3 до 6 руб. В *Петербургском у.* известны следующие случаи пользования усадебной землей в русских селениях. В Пероголовской вол. последнее уравнивание пользования усадебной землей (по $\frac{1}{4}$ дес. на душу) произведено было после освобождения, путем отрезок или прирезок пахотного угодья; в Новой и Старой Деревне уравнивание тогда же производилось путем прирезок-отрезок самой усадебной земли, причем если в не подлежащей отрезке части находились строения, они не сносились, а их собственники должны были выплачивать новым владельцам по 15 коп. за кв. саж. – в одном участке Н. Деревни в течение 12 лет, в другом – в течение всего времени, пока существуют строения. В д. Новокрестовой той же волости в 1883 г. состоялся приговор о признании за каждый хозяином права собственности на всю его усадеб-

ную землю, которая была разверстана после освобождения по ревизским душам; в д. Ключки Полюстровской в. усадьба никогда не переделывалась; в Смоленской Слободе в передел (первый) 1881 г. усадьба не трогалась, так как считается в подворном владении; в с. Рыбацком при наделении землей неревизских в 1878 г. таковые получали и усадебную землю (660 кв. саж. на душу) или из выморочных участков, или из свободной общинной земли. В *Лужском у.* усадебная земля находится в подворно-наследственном владении. В *Гдовском у.* в Гдовской вол. места под постройками переходят из рода в род и даже погоревшие обыкновенно строятся на старых планах.

Порядки пользования лесными угодьями. В *Одесском у.* лес в размере 103 дес. имеется у 4 приднепровских обществ искони государственных крестьян: Яски, Беляевка, Троицкое и Граденцы. Регулирование пользования им наблюдается в Троицком, где каждые 4–5 лет назначается день, когда всякий общественник может рубить лес, сколько бы ни захотел. В Беляевке лес вырублен, и на его месте отдельными крестьянами садится верба и осокорь, которыми хозяева пользуются как частной собственностью. Четыре названные общества владеют плавнями (низменные места, поросшие камышом, осокой, рогозом и другими болотистыми растениями, а иногда и деревьями) в Днепровской долине в количестве 3560 дес. Пользование ими (скос камыша) свободно: кто где сколько успеет накосить камыша зимой – то и его (Материалы, т. I, с. 228 и 229). В *Елизаветградском у.* лес имеется у 13 обществ б. воен. поселян в размере 456 дес., у 4 общ. б. помещичьих кр. 34 дес., у 1 общ. государ. кр. 0,1 дес. Крупные деревья обыкновенно вырублены, и лесная площадь занята кустарником и мелкой древесной зарослью¹. Лучше сохранился лес там, где общество постановило пользоваться из него только хворостом (например, Коробчино, 73 дес. леса) или где он разделен подворно (например, в Надлаке 80 дес. по ревиз. душам) и каждый, по словам крестьян, «хоть рубит свою долю, да не все вырубает». В большинстве же случаев летом пользуются свободно, в Б. Выське только сильные хозяева (Мат., т. II, с. 377). Лозняк в д. Анновке, разделившей землю на подворные участки, находится в общественном владении, рубка его производится всеми общественниками одновременно, и каждый нарубает в свою пользу, сколько успеет. В *Александрийском у.* лес имеется у 24 обществ б. воен. поселян – 1082 дес., у 16 общ. помещичьих кр. 234 дес., у одного общ. государствен. кр. 18 дес. Дровяного леса сохранилось мало, обыкновенно же крестьянский лес представляет собой поросль. Лучше всего лес сохранился в тех обществах военных поселян,

¹ Равным образом уничтожены и тутовые плантации в обществах б. военных поселян, о которых крестьяне говорят, что «каждое дерево полито их кровью».

где он считается нераздельной общественной собственностью и рубится только для общественных нужд (починки церквей, гатей, общественных зданий) и в целях чищобы на Троицу (в Знаменке под наблюдением старосты и в определенном количестве на каждый двор). Где лес разделен между хозяевами, там на нем пасется скот. Лес почти всегда представляет собой кустарник, и как только деревья начнут подниматься, лес рубится; «при общинном владении такая рубка производится сплошь лет через 5, а при подворном по усмотрению каждого хозяина»; в последнем случае хозяин, боясь порубок, обыкновенно сам вырубает лес. Лоза на берегу Днепра (в сс. Табурище, Новогеоргиевск) через 3 года вырубается миром, и раздел производится пучками (Мат., т. III, I, с. 345). В *Тираспольском* у. 9 обществ б. государственных крестьян имеют 2085 дес. леса, б. помещичьи 127 дес. Плавни, имеющиеся в наделе государственных крестьян, одним из обществ сдаются в аренду; что касается остальных, то в разных обществах приняты разные способы пользования, а в некоторых обществах определенных правил нет и дело не обходится без драки (например, в Погребах при пользовании лозой). В Гоянах камыш (20 дес.) в определенный день делится на 5 участков: 2 для однонадельных, остальные для 2, 3, 4-надельных семей, — и эти участки вырубаются всеми хозяевами одновременно; раздел имеет целью дать возможность многоземельным хозяевам набить больше камыша. В Дойбанах камыш тоже рубится всеми одновременно в назначенный для этого день, причем хозяин может поставить не больше одного рабочего на надел (Мат., т. IV, с. 244, 248). В *Херсонском* у. 7 сельским обществам принадлежит 1515 дес. плавней и леса; крестьяне пользуются угодьем бесплатно (Мат., т. V, с. 350, 354).

В *Мелитопольском* у. общественный лес в количестве 2820 дес. (в Пам. книге Таврич. губ. показано 2059 дес.) имеется у 6 общин б. госуд. крест. (в том числе 321 дес. в с. Терпеньи принадлежит к искусственным насаждениям), в *Днепровском* — в количестве 3507 дес. у 8 общин госуд. кр., в *Бердянском* общественных лесов не имеется. «Лес переделяется перед каждой периодически назначающейся обществом рубкой (через 3–10 лет) на те же раскладочные единицы, какие приняты при разделе пахотной и сенокосной земли». Н. Маячка *Днепровского* у. разбила свой большой шелюг на 3 части, сдаваемые по очереди в аренду с торгов общественникам (в последний раз общество получило за угодье 42 руб.). Общество с. Костогрызова того же уезда, в предупреждение заноса пахотной земли песком, постановило в 1885 г. приговор о засаждении всех мест, которым угрожает песок, шелюгою; в 1886 г. ту же меру осуществило с. Кардашанка, а за ним и многие другие общества *Днепровского* у.¹ Общество Б. Знаменки *Мелитопольского* у.

¹ Северн. вестн. 1888 г., № 1, провинциальная печать.

за самовольную порубку леса облагает штрафом в 8 руб.¹. В *Крыму* леса имеются у большинства татарских общин, расположенных по северному склону крымских гор и по южному и юго-восточному берегу полуострова. Леса эти, благодаря нерегулированной рубке их в прежнее время не только членами общины, но и посторонними, сильно измельчали и в большинстве случаев состоят из мелкого дровяного леса и кустарника (в Богатырской вол. *Ялтинского у.* есть и строевой лес). В последнее время некоторые общины вводят известные ограничения права пользования угодьем; так, Таракташская община *Феодосийского у.* в 1881 г. на время вовсе запретила рубку общественного леса; в 3 общинах запрещена рубка для продажи; в некоторых общинах Богатырской вол. *Ялтинского у.* рубка леса для домашних нужд производится бесплатно, угольщики же и дровосеки обложены особым сбором. Пользование орешником в с. Айлякма *Феодосийского у.* заключается в сборе орехов домохозяевами (посылающими от двора не более 2 человек) в назначенный для этого день; в с. Берагане *Симферопольского у.* сбор орехов производится наймом на общественный счет, собранное разделяется поровну между дворами; орешник в Богатырской вол. *Ялтинского у.* разбросан по всему лесу, и вследствие происходящей от того затруднительности сбора им пользуются только бедные хозяева бесконтрольно. Из христианских общин дровяной лес имеется только в с. Салах *Феодосийского у.* и Барабановке *Симферопольского*. В последней ежегодно под рубку отводится 2 дес., распределяемые между дворами поровну. В *Ростовском у.* под общественным лесом состоит около 180 дес., в *Бахмутском у.* – 4563 дес. В последнем уезде получили лес 28 общ. государ. и 13 помещичьих (б. ч. клочки кустарника). Большая часть государственных общин со времени выдачи владенных записей (1870 г.) вырубил почти весь лес и некоторой земле из-под него дали иное назначение. В некоторых общинах вырубка производилась между прочим для продажи, с целью приобретения денег на уплату податей и другие нужды. Горные поселяне Лисичанской вол. рубят только хворост и сухостойные деревья. 40 дес. леса, принадлежащего помещичьей деревне Васильевке, были вырублены их бывшим владельцем, которому крестьяне отдали его на первые 3 года после введения уставной грамоты, для

¹ В 3–4 общинах Днепроовского у. можно встретить шелюг в частной собственности некоторых хозяев; в Н. Маячке он уже высох и тем не менее 248 дес. из-под него земли состоит в подворном владении небольшого числа хозяев. В Мелитопольском у. в личной собственности отдельных хозяев 5 селений находится 761 дес. искусственных шелюжных плантаций. О их происхождении можно судить по примеру с. Тамбовки: первый самый маленький шелюг посажен здесь в 1851 г. 9 домохозяевами; около 1866 г. общество разделило участок неудобной земли на ревизские души, предоставив каждому засаживать его лесом; владенная запись признала оба насаждения (40,9 дес.) личной собственностью; в 1876 г. общество опять разделило 20 дес. неудобной земли на наличные д. м. п. передела 1873 г. с целью засаждения, и этот новый лес находится также в подворно-наследственном владении.

охраны и пользования взамен равной площади пашни под посев. Большая часть общин, вырубивших лес, пустили сведенное пространство опять под лес, охраняемый от порубок и уничтожения скотом 2–4 выборными лицами, надзирающими за лесом «за отбуток», т. е. за освобождение от мирских натуральных повинностей. Вырубка леса в общинах государ. кр. производится по общественному приговору, которым указывается и размер площади, подлежащей вырубке, разверстываемой затем по надельным душам; в помещичьих общинах (кроме 2) вырубка совершается без всякой системы, по мере надобности, причем вырубленное пространство иногда запускается под выпас скота; в общине Васильевской молодая заросль вырубается при каждом переделе (через 3 г.) миром, в Николаевке весь лесок вырубается через 6–7 лет. В *Славяносербском* у. лес делится по земельным душам перед вырубкой; в с. Крымском, например, через 2–3 г. отводится для вырубки 6–7 дес., распределяемых четырьмя выборными крестьянами («более верными и справедливыми») в присутствии всего общества между хозяевами; на душу приходится от $\frac{1}{7}$ до 2 дерев; дележ длится 3–4 дня.

В *Саратовском* и *Царицынском* уездах большинство общин, владеющих лесами, сильно их рубили и лишь в последнее время стали принимать меры к сохранению угодья. Лес делится по надельным душам ежегодно, или через определенные сроки (2–5 и более лет), или по усмотрению мира, а где он ничтожен, пользование им (кустарником) вовсе не регулируется. «При дележе его, для лучшего уравнивания по семьям, в некоторых общинах лес разделяется по качеству, сообразно которому и делился с помощью бросания жеребьев, чтобы никому не было обидно». Для охраны леса, где он того стоит, обыкновенно нанимается сторож. В немногих общинах существует заповедь леса нередко лишь на известный срок, пока он подрастет (Сб., т. II, с. 67). В *Царицынском* у. лес делится по тем же разверсточным единицам, что и пашня. В *Хвалынском* у. под лесом и его зарослью числится 45 000 дес., или 14,2% всего надела. До 1874 г. казенным крестьянам ежегодно отводилась площадь, которую они разверстывали по душам, а после этого года они получили лесной надел в 1 дес. на душу, которым они при изобилии лесов в уезде не дорожили, да и, не имея лесов прежде, не успели выработать самостоятельной системы лесного хозяйства. К тому же сбережение полученного леса представлялось весьма затруднительным: соседние общины въезжали в чужой лес и рубили его как свой, а некоторые к тому же получили надел вдали от селения. Все это привело к тому, что, за немногими исключениями, полученные леса были вырублены в течение 5–10 лет. Шесть волостей получили лес в общее владение по волостным и размежевались (не все) только в 80-х гг. Пока лес был в общем владении – в пользовании им господствовал беспорядок, ссоры и соревнование селений в

истреблении леса из опасения, чтобы одни совладельцы не воспользовались угодьем в ущерб другим; кроме того, отдельные хозяева делали в лесах чищобы, пользовались ими по обычаю 2–12 лет и более, после чего расчищенная площадь разверстывалась по душам. Истребление леса иногда вызывалось общественными бедствиями: пожаром, голодом и т. п. Вырубка леса производилась в этих случаях для получения материала для стройки и для доставления голодающим дохода путем продажи бревен, теса, угля, смолы, лыка и проч. За исключением 2–3 общин, лес и заросль, по недостатку выгонов, служат для пастьбы скота, несмотря на то что вредное влияние пастьбы на лесоразведение сознается крестьянами. Из 95 общин, о которых имеются сведения, в 30 пользование лесом не регулируется: всякий рубит его (это обыкновенно кустарник), сколько и когда хочет; 15 общин «придерживаются заранее установленного оборота рубки с более или менее строго определенным делением леса на участки (5 общ.) или отводы (10 общ.)»; почти все эти общины держат лесную стражу. 50 общин не имеют установленного оборота рубки, а производят таковую по мирскому приговору ежегодно или через несколько лет; некоторые из этих общин держат лесных сторожей. Многие общины, прежде не регулировавшие пользование лесом, в последнее время перешли к такому регулированию или даже заказали лес. 23 общины рубят лес ежегодно, 6 общ. – через 2–3 г., 5 общ. – через 5 лет, 3 общ. – через 7–8 лет, 3 общ. – через 10–12 лет, 3 общ. через 15 лет, 4 общ. – только тогда, когда нужно заплести огороды, иные – в голодные годы, некоторые берегут для пожара. Лес делится на души: крупный – штуками, мелкий – площадями или, если рубится сообща, возами. В Старо-Лебежайской вол. до раздела общего леса между деревнями, имевшего место в 1881 г., особый волостной сход распределил между деревнями (своей волости и 3 других волостей) площадь для вырубки. Домохозяева деревень соединялись в десятки, получали участки на группу по жребию и делили их по душам. В голодные годы рубили, кто где хотел: «сироты рубили, а богатые возили», – говорят крестьяне. «Со времени размежевания порубки прекратили». В общем владении Средне-Терешанской вол. находится 9974 дес. леса, не размежеванного и не подлежащего рубке, так как из-за него уже 30 лет идет спор с казной. Для охраны леса держится 12 лесников (по 2 от селения) с жалованьем 10 руб. в год и объездчик от казны. Самовольные порубки и расчистки вырубленных пространств ближайшими селеньями продолжаются: за 25 лет лес сократился на 250 дес. Кроме того, в 40-х годах татары, стакнувшись с лесниками, вырубили весь крупный лес; 40 000 руб. штрафа за порубку были сложены по манифесту. Чищобы для распашки продолжают в западной части уезда и в настоящее время. В Печуарской вол. крестьянину дозволяется делать чищобы в лесу, примыкающему к его полосе; при

новом переделе и во всяком случае не раньше 2 лет расчищенная площадь разверстывается по душам. Чищобы, сделанные в общем лесу Шалкинской вол., оставленные у расчистивших по приговору всей волости на 12 лет, не разверстываются по душам, несмотря на истекший срок, из-за спора между деревнями об общем лесу. Существование чищоб в Старо-Кулаткинской волости служит препятствием переделу земли по наличным душам.

В *Бузульминском* у. помещичьи крестьяне имеют 126 дес. леса, удельные – 135 дес., государственные – 25 559 дес., полные собственники – 12 283 дес. Строевой лес встречается у 22 селений, дровяной – у 29, кустарник – у 169, не имеют леса 96 селений. Крестьянские леса наполовину вырублены и частью расчищены под пашню; вырубка производилась, между прочим, для стройки после частых пожаров. Особенно быстро уничтожают леса татары: государственные кр. уже вырубил лесные наделы, полученные в 1867–1868 гг.; собственники так же поступают с лесами, выхлопотанными по суду с казной; в несколько лет они сводят сотни и тысячи десятин, продавая лес за бесценок соседним крестьянам. Оставшиеся от вырубки кустарники или отдельные клочки дровяного леса у русских крестьян и мордвы в большинстве случаев заповедуются на 6–15 лет для несчастного случая, причем за нарушение заповеди в некоторых общинах назначаются розги и штрафы. Вотяки Урус-Тамака больше 1000 дес. строевого древесного леса заповедали в 1875 г. на 10 лет. Порубки в уезде совершаются через 1–3 года по общественному приговору, коим определяется количество корней или десятин, подлежащих вырубке. В с. Артюшкине (госуд.) раздел леса происходил при коренном переделе в 1883 г., причем на каждую душу назначено $8\frac{1}{2} \times 100$ саж. с тем, чтобы к следующему переделу (через 6 лет) каждый расчистил свою долю под пашню. Чуваша 2 селений ежегодно вырубает для плетения лаптей по 25–30 молодых липовых деревьев; излишне вырубленное количество, если это будет открыто караульщиком (получающим 30 руб. в год), поступает в его пользу. Сорминские татары распределяют для вырубки лес следующим образом: ежегодно осенью назначается на вырубку определенный период времени, обыкновенно 15–30 дней, в течение которого каждый имеет право рубить, где попало, по возу в день на душу, не возмещая пропущенные дни другими; безлошадные иногда продают свое право по 2 руб. за душу. В *Бузулукском* у. лесные наделы существуют у 263 общин из 394, но у 13 общин они совершенно вырублены; другие общины сначала тоже подвергали леса беспощадному истреблению, но впоследствии, ощущая недостаток леса для топлива и поделок, они стали заботиться о сохранении леса и даже его насаждений. В 31 общине госуд. кр. леса заповеданы на 8–15-летний срок. Заповедание совершается обходом леса священником с иконами и хоругвями и служением молебна; заповеданный

лес считается неприкосновенным (табу) и потому не охраняется. В 19 общинах леса охраняются или особыми караульщиками, получающими от 4 до 30 руб. в год, или же самими домохозяевами по очереди. В 7 общинах крестьяне сажают ветлы около огородов «на мокрых местах», в с. Михайловке из таких насаждений (сделанных 20 лет назад) образовался целый лес, который и рубится понемногу для домашних надобностей. Вырубка наделного леса производится в большинстве случаев или ежегодно, если леса достаточно, или через 3–5 лет. Предварительно миром устанавливается число крупных и мелких корней, подлежащих вырубке на каждый десяточный жребий, после чего представители десяточных групп приступают к вырубке, а затем к дележу леса между дворами. В д. Дракиной срубленный (через 5 лет) каждым домохозяином лес складывается в одном месте, из сельской часовни выносятся икона, и всякий ее целует в знак того, что нарубил леса, сколько было назначено на душу миром. В *Ставропольском у.* получили лес 85 обществ б. гос. кр., а в 181 общество не получили этого угодья; 28 обществ вырубил свой лес и землю под ним частью распахали, у 8 обществ сохранился дровяной лес, у остальных – кустарник, на который, по недостатку выгонов, крестьяне выпускают скот и который обыкновенно рубят на плетни, веники, метлы и т. п. Крупный лес делят через более или менее продолжительный период времени. Некоторые общины берегут лес для несчастного случая вроде пожара; в д. Судбищах его караулят все по очереди, причем караульщик освобождается от подводной повинности. 2 года назад здесь сгорело 60 дворов и мир выдал погорельцам по 25 «колышков на огороды». В с. Ягодном кустарник хотя и караулят, но «потихоньку воруют»; за воз украденного мир взыскивает с вора 1 руб. караульщику и 1 руб. себе на водку. В *Бугурусланском у.* селений, получивших лесной надел, числится 177, или 47%; из 22 селений совершенно вырубил лес и платят лесной налог за пустыри, в 31 селении остался только мелкий кустарник и жердняк, с которого крестьяне время от времени сдирают лыко для лаптей, в 29 селениях встречается более или менее крупный лес. 36 селений, вырубив более или менее крупный лес, кустарник заповедали с молебном на 6–20 лет. Изредка наблюдаются случаи, что по какой-нибудь надобности заповедь на время снимается: в д. Зернаевке она была снята, когда понадобились дрова для отопления дома священника. В Стюхинской общине с воров взимается штраф в размере 25 коп. с вершка дерева. В большей части селений, где сохранился какой-нибудь лес, он делится ежегодно по ревизским душам: крупный – подервно, мелкий – повозно или посаженно (площадью). Крестьяне д. Сухари-Матак при разделе леса в 1885 г. некоторые деревья для раздела разрубали на части. В *Самарском у.* из 17 108 дес. крестьянского леса половина вырублена и в 36 деревнях остался такой кустарник, о котором не сто-

ит и говорить. В последнее время оставшиеся леса стали охранять. Общество д. Титовки постановило, что если вор несет на себе наворованный лес, его не преследовать, а если повезет на лошади – штрафовать 5 руб. с воза; в с. Тростянке пойманного вора бранили на сходе, плевали ему в глаза, выпили с него водки и отпустили. В с. Елховке за самовольную порубку берут со своих 5 руб. штрафа, с чужих, кроме того, $\frac{1}{2}$ ведра водки. Некоторые общины имеют лесных сторожей: с. Елховка 2, которым платится 150 руб. Лес вырубается исключительно на плетни, обручи, оглобли по мере надобности, «как вздумают старики», в некоторых общинах через определенные сроки. Делится обыкновенно колышками, слежниками, корешками, палками. В *Николаевском у.* 73 общества владеют лесами площадью в 10 600 дес. В 30 общинах площадь леса равняется 100–300 дес., в 24 общ. – 20–50 дес., в 10 общ. – 5–20 дес., в 4 общ. – по несколько сажен. «В последнее время, ввиду быстрого исчезновения остатков леса, крестьяне начали дорожить даже лесными порослями: везде лес заповедают и приставляют к нему караульщиков». Некоторые немецкие колонии применяют в вырубке леса коллективный труд. В *Новоузенском у.* по владенным записям числится у крестьян 8340 дес. леса, а налицо имеется 5014; почти половина леса принадлежит 4 приволжским селениям. Лесная площадь у русских, малороссов и татар сократилась на 250 дес., или на 10%, у немцев на 2070 дес., или на 50%. «Если прежде лесная поросль уничтожалась зря, то в последнее время повсюду устроены правильные лесосеки: мелкого леса ежегодно вырубается $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{10}$ часть», крупный рубится по частям через 5–10 лет; в с. Генеральском (621 дес.) ежегодно вырубается миром $\frac{1}{12}$ часть леса, кроме калинника и тёрна, сбор с которых ягод производится с 15 августа. В некоторых колониях ежегодно рубится лес наряжаемыми работниками (2 работника в одной общине с 10 душ, в другой со двора) и вырубленный хворост делится кучами по жребью между семьями поровну. Почти всюду в уезде лес охраняется караульщиками, оплачиваемыми или штрафом с порубщиков, или определенным жалованьем (25–200 руб. в год). Штраф назначается от 20 коп. до 1 руб. с вершка; в Кустариве-Краснореновке порубщик, пойманный в лесу с пилой, штрафует 3 руб., с топором – 1 руб., с ножом и вязкой – 25 коп.

В *Воронежском у.* крестьяне по нужде, а то и по своекорыстному расчету отдельных лиц легко истребляют лес. «При хорошем урожае леса под вырубку отводится меньше, при худом – больше, потому что больше требуется соломы, больше вследствие этого топки, больше нужно денег на хлеб и т. п. Лес состоит в этом отношении своего рода запасным капиталом, который, к сожалению, с каждым годом уменьшается больше и больше». Из 95 общин, имеющих лесные угодья, 32 держат сторожей; где нет таковых, за лесом наблюдает вся община. Порубки крайне редки и наказываются преимуще-

ственно выпивкой мира на счет виновника. Вырубка общинного леса производится более или менее часто, в зависимости от рода угодья и разных других условий: чаще всего рубится кустарник, затем колья или слег и всего реже дровяной лес. Одни общины производят вырубку в неопределенные сроки: «по мере надобности», «когда придется», когда поросль подымется настолько, что становится годной на колья; другие, наиболее обеспеченные лесом, – ежегодно, хотя и без правильного чередования вырубаемых участков; третьи – через 3–6 лет, до некоторой степени в зависимости от рода растения, поспевающего к вырубке через тот или другой срок (очень часто поросль вырубается вся сразу); община, имеющая лес разных пород или возрастов, устанавливает для них различные сроки вырубки. При дележе угодья применяются те же приемы, какими производится раздел пашни или сенокоса, т. е. распределение на сотни, десятки и, наконец, душевые полосы; последние в некоторых общинах заменяются определенным количеством деревьев, назначаемых для отдельных хозяев десятком, получившим свою долю по площадному измерению. В 2 общинах вырубка леса производится целым селом, причем домохозяева, не участвовавшие в работе, вносят своей сотне известную плату; в одной общине рубка своей доли сообща производится половинами десятков. В с. Малая Приваловка исстари лес разбит на души (по 8 саж.) и каждый хозяин пользуется им по усмотрению. В некоторых общинах отводятся определенные участки леса для погорельцев, в других эта потребность удовлетворяется по мере надобности без назначения заранее определенных для того участков. В *Острогужском* у. ценные леса большей частью сведены и часть земли из-под него нередко обращена в пашню. Где леса не вымежеваны, их охрана лежит на лесном ведомстве, причем и община выставляет объездчиков. В других случаях некоторые общины держат караульных (указано 2 общины). Сл. Сагуны, имея ценный лес, держит объездчиков; кроме того, еженедельно лес осматривается старостой с 3–20 понятыми; порубщики здесь отдаются суду, а зажиточных вместо того колотят. В с. Тростянке после каждой вырубки духovenство заклиняет лес, а перед вырубкой разрешает от заклинания. Самовольные порубки общественного леса редки, и взыскания за них ничтожны. В некоторых общинах, по причине низкой ценности леса, пользование им не регулируется или он эксплуатируется как пастбище. В громадном же большинстве общин пользование лесом регулируется, и где позволяют размеры угодья – лес рубится ежегодно, в других общинах – через 3–8 лет, в некоторых без определенных сроков, когда подрастут; указано 2 общины, где размер вырубаемого пространства определяется лесным ведомством. В 5 общинах им вовсе не пользуются по отдаленности и малоценности угодья; сл. Шапошникова сдает часть леса двум однообщественникам за 20 и

5 руб. В 5 общинах лес поделен между домохозяевами и каждый смотрит за своей делянкой. В некоторых общинах лес состоит в подворном пользовании (займища), из них в Гончаровке количество земли, состоящей под делянками, вычитается из пашни. В с. Веретье Тростянской вол. кустарник (до 1000 дес.) до 1882 г. переделывали ежегодно, а остальной лес (фруктовый и другой) находится в подворном пользовании. В Тростянском обществе, кроме леса, поступающего в общий передел, и подворных делянок, есть еще делянки яблонь и груш, разделяемые между всеми по душам. Способы распределения леса между членами общины большей частью те же, какие практикуются при разделе пашни и покоса. Села, имеющие общий лес, собирают для этого особый сход из представителей всех общин (такие случаи наблюдаются в 9 волостях). В с. Россоши лес рубится сообща каждой из 22¹/₂ сотен, на какие разбивается для передела община, а в 3 – всей общиной и делится кучами или возами. В *Богодуховском* у., где не весь лес вырублен и обращен в пастбище, там ежегодно приговором определяется величина площади, подлежащей вырубке, основание для разверстки угодья (душа, двор) и способы раздела (корнями, возами, кучами); встречаются общины, раз навсегда разделившие лес на дворы. В общинах государственных крестьян *Суражского* у., практикующих общие коренные переделы, «лесные земли большей частью уравниваются, но в некоторых, например Неглюбке, ими “владеют по старине”, т. е. на правах личного землевладения».

В *Старооскольском* у. подаренные владельцем несколько лет назад д. Хворостинке 37 дес. кустарника крестьяне разделили по дворам поровну навсегда. В одной общине (соб.) надельный лес разделен «на вечные» участки по рев. душам. Община госуд. кр. Ямской слободы при переделе по наличным душам в 1883 г. разделила свой лес на тот же срок, что и пахотную землю. Часть леса д. Завалишиной (госуд.) находится в общественном пользовании, другая – в подворно-участковом. В *Белгородском* у. лес имеется у 75 (из 180) общин уезда, в том числе у 15–20 общин помещ. кр. В большинстве общин он вырубается по усмотрению мира, когда вздумается; около 20–25 общин рубят его правильно, через 1–5 лет, разделив на лесосеки («померки»). Разверстка леса производится по душам, кроме 2 общин, где он распределяется по дворам поровну, здесь он дается и сиротам, а в слободе Пушкинской, где он делится подушно, – даже посторонним, живущим в общине; в одной общине лес делится пропорционально платежам, в одной он находится в подворно-наследственном владении (пахотная земля здесь обращена в мирскую в 1846 г.); в 7 (преимущественно помещичьих) он разделен на подворные участки, находящиеся в полном распоряжении своих владельцев. В с. Тамаровке (соб. 1478 дв.) лес (общий с хуторами) рубится только на общественные надобности или помощь погорельцам; в с. Гостищево (госуд.) по

мере нарастания лес рубится в раздел или отдается погорельцам; в госуд. общ. Кобелевка лес рубится в неурожайные годы; в Ямской слободе при разделе леса (его дают и на безнадельных) одна выть (стоящая 60 руб.) идет священнику, другая – на общественные нужды; госуд. общ. с. Старица остаток леса в 5 дес. отдала на ремонт церкви. Община Сабынино (дарств.) часть своего леса заказала для несчастного случая; сл. Стрелецкое (гос.) тоже заповедало его на 6 лет. Крестьяне помещичьей общины д. Новой (66 дв.) рубят лес миром и делят (по ревизским душам) материал Община душ. четвертных кр. с. Разумного, ежегодно рубя общинный лес, делит его между дворами пропорционально платежам каждого. «Двор» здесь выражает долю леса, падающую на 13 руб. платежей; в 1884 г. таких «дворов» образовано 200, между тем как действительных, наделных считалось 258. Хозяин, платящий меньше 13 руб., получает долю «двора», другой, вносящий больше 13 руб., получает лес на $1\frac{1}{4}$ – $1\frac{1}{2}$ двора и т. д. Две общины государ. крестьян вырубали лес сразу из опасения, чтобы его не отобрали в казну. В Новооскольском у. лесные угодья в наделе имеют около 10 общин б. помещичьих крестьян и 15 государственных. Свободное пользование лесом встречается, кажется, только в одной общине душево-четвертных крестьян с. Куськина (312 дв., 414 дес. леса, почти все кустарник) Холанской вол.; вырубка леса без определенной системы или по мере нарастания наблюдается в 2 общинах госуд. кр. Булановской вол. и 2 б. помещ. Пригородной вол. – все с скудными лесами. В остальных общинах пользование лесом более или менее правильно. Община дарственников д. Маслова (229 дв.) Чернянской вол. пользуется своим маленьким ($5\frac{1}{2}$ дес.) леском только для общественной надобности (починка мостов, дорог и т. п.); 4 общины б. госуд. кр. (имеющие сравнительно большие площади леса) рубят лес ежегодно, разделяя его на лесосеки, причем в д. Киселевке Богородской вол. в 3 года вырубают весь кустарник (кроме плодовых деревьев), а 4-й год не рубят; 2 общины рубят лес через 2–3 г., д. Н. Безгинка (соб.) – через 5–6, отводя на душу $\frac{1}{2}$ –1 кв. саж.; д. Таволжанка (соб.) 21 дес. строевого леса рубит через 21 г., а $5\frac{1}{2}$ дес. кустарника – через 4–5 лет; 5–6 общин разбили леса на постоянные подворные участки; в с. Васильев Дол (д. четв., 205 дв., 30 дес. строевого леса, 75 – кустарника) лес разделен по ревизским душам, причем 30 дес. отведено николаевским солдатам; в с. Бубнове (душевые, 204 дв., 580 дес.) в 1883 г. лес (но не другие угодья) поделены на наличные души «с соблюдением возможной точности качественного уравнения», причем обращалось особенное внимание на количество в участке грушевых деревьев, так как сбор груш составляет здесь особый промысел; в с. Ближние Ливны (госуд., 47 дв., 35,4 дес. леса) в передел земли 1883 г. по наличным душам половина леса была разверстана поровну по дворам, другая – по наличным душам; Солонецкая Поляна (душ., 289 дв., 300 дес.)

разделила лес при ревизии на души; большая часть его уже распахана, другая превращена в кустарник, и лишь 10 хозяев берегут лес, рубят его через 10 лет и реже; две общины часть леса разделили по дворам; х. Покровский (соб., 17 дв.) сделал это в 1869 г. с 10 дес. леса, а 14 дес. рубится миром через 3–5 лет небольшими участками; д. Прилепы (д. четв., 171 дв.) 236 дес. разделила при ревизии «навечно», а 207 дес. рубится по приговору мира лесосеками через 5–6 лет. За исключением с. Ближние Ливны и Бубново, разверстка леса производится на те же души, что и пахотная земля. Мирская вырубка леса встречается в 4 общинах: с. Яблоновом (госуд., 20 дв., 11¹/₂ дес.) Ольшанской вол., Бакланове (соб., 104 дв., 4¹/₂ дес.) и вышеназванных селах – Киселевке и Покровском. В Киселевке и Солонецкой Поляне на порубку простых деревьев смотрят снисходительно (в первом налагают штраф водкой), за порубку же плодовых деревьев взыскивают штраф до 10 руб. В *Тимском у.*, где в общинном владении состоят почти только земли бывших помещичьих крестьян, лес, обыкновенно в ничтожных размерах, встречается у 20–25 общин (из 180); обыкновенно он рубится неправильно, в некоторых же общинах – только на общественные нужды, а с. Троицкое Рагозецкой в. свои 12 дес. леса не трогало со времени освобождения. В 3–4 общинах снимают лес миром. В *Корочанском у.* лесные участки имеются у 17–20 общин госуд. кр. и 6–8 б. помещичьих. Бесконтрольная рубка (для домашних надобностей) допускается в д. Полянке (гос., 57 дв., 41 дес.), рубка без всякой системы производится 2 общинами б. помещичьих крестьян и 2 госуд.; ежегодная рубка лесосеками (полный оборот рубки 6–7 лет) наблюдается в 9 общинах государственных крестьян; 2 общины б. помещичьих крестьян и одна государственная вырубают весь лес сразу, через 3–5 лет; в 3 общинах государственных крестьян Нечаевской вол. лес издавна разделен на ревизские души и многие хозяева свели свои участки и обратили в пашню; д. Мальцева (соб., 12 дв., 6 дес.) Яблоновской волости разделила лес на души «на вечные времена»; д. Павловка (соб., 17 дв.) той же волости разделила навечно 3 дес., а 8¹/₂, где также и косится сено, делится ежегодно. 17 селений госуд. кр. Н. Слободской вол. имеют в общем владении 2033 дес. кустарника (служащего пастбищем) и получили в аренду от казны на 49 лет 720 дес. крупного леса, для охраны которого нанимают 3 сторожей с жалованьем по 8 руб. в месяц каждому. Каждые 3 года 42 дес. этого леса разделяются между 7 обществами, которые разбивают свои доли на «сотни», вырубаящие лес коллективным трудом. В следующих 4 общинах государственных крестьян Яблоновской вол. лес тоже рубится сообща десяточными группами (в 40–50 ревизских душ): Плотавец 271 дв., 60 дес. леса, Поповка 253 дв., 60 дес., Белый Колодезь 106 дв., 30 дес., х. Короткий 161 дв., 140 дес.; в двух общинах собственников той же волости (д. Мальцева 12 дв., 27 дес. и Павловка 2 дв.,

2 дес.) лес через 2–5 лет рубится миром. В *Курском* у. лес делится, как и пашня, по ревизским душам. В *Елецком* у. лес (обыкновенно кустарник) имеется приблизительно у 90–100 общин б. помещ. крестьян (из 393) и 70 госуд. (из 124), причем несколько общин сами вырастили лес, остальные получили его в составе надельной земли; некоторые общины уже свели леса. Охрана леса наемным персоналом встречается приблизительно в 8 общинах, траты на это записаны 7 руб., 15 руб., 23 руб., 40 руб., 90 руб. и сенокос, дающий сена на 150 руб. Крестьяне пользуются своими лесами обыкновенно для домашних надобностей; но некоторые общины обращались к ним как к экстраординарному источнику для покрытия каких-либо нужд. Так, с-цо Спасское (пом.) Тербунской вол. после пожара 1883 г. вырубил по 40 наиболее крупных деревьев на душу; с-цо Знаменское (пом.) Афанасьевской в. продало в 1882 г. свой лес (16 дес.) на сруб за 800 руб. и деньги обратило на церковь; Каменка (пом.) той же волости в том же году продало на сруб 4 дес. леса за 500 руб., обратив деньги на уплату податей, а оставшиеся 6 дес. заказало; в с. Галинове (гос.) Суворовской вол. в разное время сведено 70 дес. леса, между прочим для постройки колокольни, 150 дес. заказано на случаи нужды; в с. Ястребин Колодезь (пом.) в 1876 г. продано леса на 760 руб. и деньги обращены в подати; продажа леса на сруб с разделом денег по душам имела место в с. Трегубове (пом.) Соловьевской вол. в 1882 г. на сумму 1100 руб., в д. Елизаветовке (пом.) Краснополянской вол. в 1877 г. на сумму 2300 руб. Некоторые как из вышеуказанных общин, так и из остальных, всего около 15 б. помещичьих и столько же государственных, в последнее время заказали («обошли иконами» и т. п.) весь или часть остатков своего леса или кустарника на определенное время (4–20 лет), или до надобности, или на время, необходимое для того, чтобы лес подрос: большое село Казаки (гос.) заказало 180 дес. на 10 лет, 120 дес. на 15 лет, а из оставшихся 460 дес. ежегодно вырубает по 30–40 дес.; Рус. Черновка 150 дес. кустарника заказала, а 300 дес. рубит по надобности и т. п. Общины, заказавшие крупный лес, по временам его подчищают, употребляя собранный материал для отопления. Рубка происходит или ежегодно (в немногих общинах), или через несколько лет – по истечении назначенного для этого срока или когда вырубленный кустарник вновь подрастет, или по случившейся надобности; некоторые общины за последние 25 лет рубили свои кустарники 2–3 раза. Несколько общин (около 6 бывших помещичьих и 8 государственных) разделили лес между семьями на постоянные участки, после чего в некоторых случаях он был изведен и самая земля из-под него распахана. Две общины Краснополянской волости (пом.), сделав такой раздел леса, постановили, однако, чтобы земля из-под леса, если таковой будет вырублен, не распахивалась. Изведен лес, разделенный по дворам, в с. Озерках (гос.) и Новосильской (кроме 10 хозяев из 100) Тербунской вол.,

в сл. Стрелецкой (гос.) Стегаловской вол. 130 дес. из 156 разверстанных в 1885 г. тотчас же были распаханы; в других общинах часть хозяев вырубili свои участки, другие сохраняют. В с. Ольховец (гос.) Казацкой вол. лес, разбитый на семейные участки еще при IX ревизии, после того не подвергался уравниению, и именно потому что одни хозяева сохранили свои участки, другие вырубili. В Ямской и Хмелинце (обе госуд.) Ламской вол. лес, поделенный на семейные участки, уравнивался при последующем переделе путем отрезки лишней площади, причем в последней общине хозяин, сохранивший крупный лес, получал право его вырубить, если он находится в участке, отходящем к другому. В некоторых общинах на кустарнике пасется скот. Рубка леса обыкновенно производится миром или (редко) жеребьевыми группами; указание на раздел леса между отдельными хозяевами на корню встречается редко; некоторые общины крупные деревья делят на корню, а мелкие рубят миром. Для вырубki выходят обыкновенно с 1–2 душ по работнику. Разверстка леса обыкновенно совершается по тем же единицам, что и остальной земли, за исключением 3–4 общин, делящих его поровну на дворы. Две общины государ. кр. Ястребинской вол. имеют общий лес. В *Трубчевском* у. лес имеется у 90 общин б. помещ. кр. (из 122), у всех почти общин б. государ. и 50 удельных (из 70). Большею частью это – кустарник, растущий по болоту. Более или менее ценный лес имеется у 10–15 общин б. помещ. кр., 15–20 государственных и 8–10 удельных. Более или менее ценные леса у крестьян тщательно охраняются, и рубка их производится правильно и осторожно: если некоторыми хозяевами, то с разрешения мира, если всеми членами общины, то определенными участками; есть общины, ни разу не рубившие своего леса в течение 20 лет; в большинстве случаев кустарник так малоценен, что общество, если не обращает его в пастбище, – предоставляет рубить его бесконтрольно, иногда ставя лишь условием, чтобы вырубленный лес не обращался на продажу. В с. Порович (уд.) Семячковской вол. вместо раздела леса для вырубki все хозяева (по рабочему со двора) выходят на работу одновременно, и кто сколько вырубит в течение назначенного времени, то и составит его долю. В нескольких общинах крупный лес разделен на постоянные участки с правом распоряжения ими по произволу (см. 3 общины Семячковской вол., одна община Стрелецкой вол.). В Стрелецкой вол. есть леса, принадлежащие нескольким общинам; один из них, отведенный в 1874 г. на 8 деревень, уже сведен, из другого (84 дес.), полученного в 1885 г., 6 дес. вырублено; третий лес принадлежит также 3 деревням. Несколько общин (6–8) платят за присмотр за лесами обыкновенно натурой – 5–6 четвертей ржи, по гарнцу с ревизской души, – но встречается и денежная плата (25 руб. в год). В *Мценском* у. настоящий лес встречается редко, обыкновенно община имеет кустарник. Когда он слишком ничтожен, пользование им

не регулируется и он предназначен для пастьбы скота. Если же он имеет значение, то пользование им принимает правильные формы: в большинстве случаев ежегодно отводятся участки для вырубки, реже – лесок и кустарник через более или менее продолжительные сроки сводится целиком; во многих общинах лес ни разу не рубился со времени отвода надела и сохраняется для большой нужды. Вырубка производится обыкновенно сообща; если же – нет, то кустарник делится между хозяевами делянками, а крупный лес – деревьями на постоянные участки, с предоставлением хозяевам права распоряжаться своими долями по усмотрению; в этих случаях многие хозяева свели и даже распахали свои участки. В *Рязанском у.* «лес делится отводами, иногда ежегодными, иногда по мере надобности или по мере его роста». В *Мухайловском у.* «лес, где он есть, делится отводом по душам, по мере надобности в нем». В описаниях сел указано до 40 общин б. помещ. кр. и 20 госуд., имеющих лес, обыкновенно кустарник; относительно же способов пользования им имеются отрывочные указания, из коих видно, что некоторые общины свели лес, другие пускают на кустарник скот, третьи отводят кустарниковую площадь под усадьбы, делят на души через известное время, а одна продала на сруб за 300 руб. Крестьяне *Егорьевского у.*, по-видимому, гораздо богаче лесом, нежели крестьяне уездов, уже рассмотренных. Благодаря болотистой почве, благоприятствующей появлению лесной поросли, общества, даже не имеющие специального угодья, все-таки не лишены леса, так как лесная поросль легко появляется на выгоне и покосе. Оттого-то здесь немало общин употребляют свои леса как пастбища, а также во многих из них разверстка леса не отделяется от разверстки покосов: каждый хозяин рубит тот кустарник, который находится в участке доставшегося ему сенокоса. Но помимо мелколесья многие общества уезда имеют дровяной лес, а некоторые и строевой, и в общем немного найдется общин, не имеющих вовсе леса. Пользование этим угодьем в некоторых общинах свободно в том смысле, что каждый может рубить сколько хочет мелкого леса в большинстве случаев на отводимых обществом для этого участках. Обыкновенно, однако, лес подлешит разверстке для топлива большей частью ежегодно, реже через 2–3 г., иногда, при бедности лесом, еще реже, а для стройки – по надобности. Несколько общин разверстывают лес вместе с пашней. Некоторые общины, ввиду недостатка этого угодья, рубят лес только для изгородей. Способ рубки указан в Сборнике для немногих общин. Рубка миром и дележ мелколесья кучами указан для 2–3 общин Двоенской вол., Колычевской, Лекинской и для многих общин Коробовской вол.; в 3–4 общинах Василевской вол. разверстка леса производится пилеными дровами. В описании сел *Раненбургского у.* указано около 15 общин государственных крестьян, имеющих в наделе лес; из них с. Старо-Кленское разверстывает его поровну по дворам,

между тем как пашню по душам. Некоторые общины рубят лес ежегодно, некоторые – через 2–3 г. В описаниях сел *Данковского* у. указано 16–18 общин б. госуд. крестьян, 11–13 помещичьих, имеющих в наделе лес; из них две б. государственных общины Бигильдинской вол. разверстывают ее поровну по дворам, а остальную землю по душам. Рубят лес или ежегодно (в 2 общинах при этом на душу получается $\frac{1}{2}$ – 1 дерево), или реже; Хрущево бережет свои 15 дес. леса на случай пожара; Давлетьево заповедало свои 22 дес. ольхи; 2 общины Кудрявской вол. ежегодно и через 2–3 г. рубят только хворост и сучья. В некоторых общинах по лесу пасется скот.

В *Усманском* у. лесом наделено 9 сел государственных крестьян, получивших 318 дес. угодья; но у них он весь или частью вырублен, причем крестьяне с. Куликова, у которых при выдаче владенных записей отрезали часть леса, опасаясь в будущем того же, в 3 года вырубил 116 дес. и место расчистили под пашню. В 3–4 общинах вырубка леса (собственного кустарника) производится через 1–3 г.; в одной – кустарник заповедан в половине 70-х гг. В одной общине лес охраняется 2 караульными. Из помещ. кр. лесом (молодым) владеет только село Ново-Черкутино; община разделила его полосками по душам, и некоторые уже извели свои доли. В *Шацком* у. дополнительные лесные наделы, общей площадью в 2184 дес., получили 12 общин госудр. кр., заключающих 7800 рев. душ, но ни одно из этих обществ не обеспечено топливом. Лес вырубается или ежегодно, или через несколько лет, по мере нарастания кустарника; д. Чернеева бережет лес на случай пожара. Крестьяне Ямской слободы при неурожае продают дрова для уплаты податей. У помещ. крестьян в 6 общинах кустарник рубят через 2–4 г., в 4 общинах сохраняют на случай пожара, в 2 разделили подушно в 70–74 гг.; в одной из последних общин вырублен весь лес, в другой – часть его. В одной общине рубят лес сообща. В *Тамбовском* у. продовольственный лес общей площадью в 19 092 дес. получили 58, или $\frac{1}{3}$ часть общин госудр. кр., обнимающая $\frac{2}{3}$ населения этого разряда. Леса эти большей частью вырублены, и крестьяне имеют в них лишь кустарник для отопления или жерди на изгороди; в одной общине часть лесной площади обращена под усадьбы, в 4–5 на нем пасется скотина. Строевой лес остался приблизительно у десятка общин. В немногих общинах рубка не регулируется, в остальных она совершается по приговору мира через один или несколько лет (смотря по величине площади) или когда найдут нужным. Для рубки назначается определенная площадь или число деревьев на душу. Где есть строевой лес, там некоторые хозяева продают достающиеся им 2–5 деревьев на душу. В 3 общинах остатки старого леса или подрастающий новый бережется для особой надобности (на случай пожара, неимения денег на подати), в одной заповедан на 10 лет. В 4 общинах лес поделен на подворные участки и многие

крестьяне уже вырубали свои доли. В одной из последних общин, с. Троицкой Вихляйке, получившей большой лесной надел, «чтобы предупредить покражи леса одними домохозяевами у других, общественным приговором установлено, чтобы каждый выезжал за лесным материалом не более раза в неделю, и все в один день, пятницу. Кроме того, для наблюдения за рубкой наняты двое сторожей за 95 руб.». Караульщик с жалованьем 75 руб. имеется еще в одной общине. В с. Пахотный Угол, имеющем тоже строевой лес, ежегодная рубка, по приговору общества, в количестве 4–5 деревьев на душу производится каждым по выбору, в любом месте дачи, но всеми одновременно, в назначенный срок (около Рождества) «и вывезенные ко дворам деревья прежде употребления их в дело или продажи свидетельствуются, пересчитываются и клеймятся уполномоченными общества. Если при этом окажется, что кто-нибудь нарубил больше, чем имел права, то каждое лишнее бревно с двумя другими продаются в пользу общества». Ежегодно же это общество назначает 1–2 дня (в Петров пост) для рубки молодого липняка на лыки, не определяя количества; не все пользуются этим правом. Есть несколько общин, в наделе которых случайно оказался кустарник, и такой берегут: одна рубит через 4 г. на плетни, другая еще ни разу не рубила, 3-я разделила кустики дубняка, растущего в полях, между домохозяевами. По документам, в пользовании государств. крестьян *Темниковского у.* значится 13 тыс. дес. леса, но в действительности он почти весь вырублен (д. Сучкино принялась за усиленную рубку после того, как у нее была отрезана часть леса в казну, в Коляеве вырубали после пожара), и у крестьян остался молодняк и кустарник, крупный же лес немного сохранился в 8–19 общинах; 4 из них ежегодно рубят лес отводами (достается на душу 5–6 деревьев); в нескольких общинах (указано 5) лес или кустарник заповедан; с. Теньгушево, имеющее 1000 дес., тем не менее дрова и строевой материал покупает. В д. Сучкино рубка леса производится сообща жеребьевыми группами в 10 душ. Некоторые общества б. помещичьих крестьян незначительную часть надела получили малоценным лесом; таковой расчищен под пашню или, будучи распложен на неудобных для хлебопашества местах, сохраняется; в нем, между прочим, скрывается скот от солнца или в дурную погоду. По владенным записям госуд. крестьянам *Моршанского у.* отведено около 10 тыс. дес. леса, б. ч. сильно истощенного, молодого; но он уже вырублен, и теперь лишь немногие общины, кроме кустарника, имеют и дровяной лес; из них 5 общин рубят его ежегодно отводами, а 3 – реже; в двух из них, кроме того, допускается иногда порубить погорельцам. Два общества имеют караульщикова леса, которым платят 37–50 руб. в год. В с. Б. Липовки самовольная порубка не допускается, «разве кто вязочек срубит, на обручик»; в с. Темешеве пойманного порубщика общество «обмывает», т. е. пьет с него

вино. У б. помещичьих крестьян лес имеется в виде исключения. Так, в надел с. Богдавленскому поступило около 200 дес. пней, с. Салтыковке 6 дес.; теперь здесь молодой лесок, который первое общество «заповедало» (молебен служило, икону обносило) и потому не считает нужным держать для него караульщика; второе тоже не рубит, равно как и д. Табаковка, заповедавшая свои 5 дес. мелкого леса для «внуков». С.-Рыбное 60 дес. кустарника сберегает на случай пожара, хотя более крупный лес и вырубается через 3–5 лет. Крестьяне одного из обществ с. Салтыковки года через два вырубают свой небольшой кустарник на плетни. С.-Рыбное держит караульщика для леса и поля, платя ему 55 руб. Государств. кр. *Спасского* у. получили по 25 тыс. дес. продовольственного дополнительного леса, который в настоящее время почти весь вырублен (частью еще до приписки его по владенным записям к наделу кр.), за исключением Зарубкинской вол., где многие селения богаты лесом. Крестьяне с. Агадова много вырубил, между прочим, для постройки церкви; некоторые обратили под выгон или пашню. Вырубка леса и кустарника производится отводами или ежегодно (главным образом в Зарубкинской вол.) или реже, по мере надобности. Крестьяне ст. Потьмы разделили свой лес на постоянные участки (пришлось $\frac{1}{2}$ дес. на душу), и каждый бережет свою долю. Несколько общин не рубит лес (одно сберегает «на несчастный случай»). У обществ б. помещичьих кр. леса нет, если не считать за таковой растущий в некоторых обществах на неудобной земле кустарник. По таблицам в *Елатомском* у. лес имеется у 11 обществ б. госуд. кр. и 8 б. помещичьих; 3 общества госуд. кр. рубят лес ежегодно отводами, делясь подушно полученным материалом. Помещичьи общины вырубают свои маленькие по площади и мелкие леса обыкновенно, когда они подрастут, после чего «заповедают» (т. е. постановляют приговор о невырубке) на несколько лет. В д. Лукино лес сберегается на случай пожаров и только подчищается. Некоторые общины разделили лес между хозяевами на постоянные участки. В *Борисоглебском* у. лес (18 тыс. дес.) имеется почти только у б. госуд. кр. и по его скудости идет только на плетни для сеней, дворов и сараев; рубится отводами, когда подрастет настолько, что становится годным для указанной цели. В последнее время, с вздорожанием лесов, крестьяне относятся к своим лесам бережливее, правильнее рубят, заказывают на долгие сроки и т. п. В Терновской вол. через 3 г. после того, как лес был заповедан на 5 лет, некоторые погоревшие крестьяне просили у общества позволения нарубить хвороста для плетней; так как священник не согласился «расповедать» лес, то просьба погорельцев не была удовлетворена. В *Кирсановском* у. дополнительные лесные наделы в количестве 13 тыс. дес. (за уплату особого налога) получили 33 (из 59) общины б. госуд. кр., обнимающие 79% населения этого разряда крестьян в уезде; в сред-

нем величина лесного надела – $\frac{1}{2}$ дес. на ревиз. д., платеж за него – ок. 30 000 руб. в год. В первое время по получении лесного надела крестьяне, между прочим, по причине частых пожаров быстро вырубали леса, а с половины 70-х годов перешли к правильной рубке ежегодными отводами известной площади, о чем постановляются приговоры, поступающие на утверждение крестьянского присутствия; впрочем, иногда вырубается больше, чем постановлено в приговоре. Из 6 общин, где леса сохранились лучше других, рубка леса производится ежегодно, в одной – через 2–3 г. Три общины держат лесных сторожей, уплачивая им от 60 до 80 руб. в год. Несколько помещичьих общин получило в надел по несколько десятин кустарника, по положению и качеству почвы обыкновенно непригодного к обращению под пашню или сенокос, и некоторые вырастили из него лес, годный для ремонта строений, и обращаются с ним очень осторожно; другие вырубают кустарник и вновь выращивают. Артельная рубка наблюдается в с. Терновом (гос.) «десятками» в 30 душ и с. Карауле (собств.) «сотнями» в 90 ревиз. душ. В *Лебедянском* у. дополнительные лесные наделы получили 28 обществ б. госуд. кр., обнимающих 55% крестьян этого разряда. Общая площадь леса 7851 дес., средний душевой надел – 0,41 дес., налог за него – 20 304 руб. Большая часть леса вырублена в 4–5 деревнях после пожара, и теперь остатки рубятся ежегодными делянками, причем на душу достается $1\frac{1}{2}$ –3 дерев. Государственные крестьяне *Козловского* у. получили 18 135 дес. леса, значительная часть которого вырублена, а оставшийся рубится ежегодно или через несколько лет делянками, отводимыми по приговору мира, утверждаемому крестьянским присутствием. Раздел делянки совершается, как и пашни, сначала на «сотни», потом на «десятки», которые обыкновенно рубят свою часть сообща и делятся материалом. У некоторых общин лес заповедан, в немногих он разбит на постоянные участки между «десятками» или отдельными хозяевами. Многие общины держат караульных. «Некоторые общины б. помещичьих кр. тщательно берегут у себя какой-нибудь ничтожный лесной участок». Госуд. кр. *Липецкого* у. получили 12 140 дес. леса на 32320 рев. д., налог платят за него 24 550 руб. Лес этот в значительной степени вырублен, так как к нему прибегали между прочим в неурожайные годы для покрытия расходов по взносу податей, покупке хлеба, соломы и т. п. В настоящее время вырубка производится делянками по приговорам, утверждаемым крестьянским присутствием; большей частью лес рубится ежегодно, в некоторых общинах через несколько лет. В некоторых общинах (указано 3) крестьяне продают доставшиеся им по разделу пай: в одной общине по 25 коп., в другой – от 50 коп. до 1 руб., в третьей – 3–5 руб. за душевой пай, который рубится покупателем; при этом дело не обходится без спаивания продавцов. Указана одна община, держащая кара-

ульного. Общества некоторых волостей приступили к разведению лесов на вырубленных участках, что производится по равномерной разверстке труда под наблюдением старост; научились этому в казенных лесничествах.

В *Свияжском у.* в пользовании крестьян находится 3054 дес. леса и 11 514 дес. кустарника. Вырубается лес каждую осень или реже, причем он делится по тем же душам, что и пахотная земля; к рубке все общество приступает сразу, предварительно определив, сколько следует вырубить на душу возов, штук лык, кольев и т. д. или квадратных сажен. Лес редко идет в продажу. Из 21 000 дес. продовольственного леса, отведенного госуд. крестьянам *Казанского у.*, около 10 тыс. вырублено и значительная часть земли расчищена под пашню. Из 41 общины, о которых есть сведения, в 19 вырубка производится ежегодно, причем душевые доли определяются числом деревьев, возов или площадью; в 5 общинах весь лес разделен по душам (в 2 общинах в 1872 г., в одной в 1883 г.); в 3 общинах «рубят, кто хочет и сколько хочет», в 3 – хотят весь лес вырубить и землю расчистить; 5 общин рубят лес через несколько лет; 6 общин сохраняют лес для особой надобности. В Кошаковской вол. в госуд. общ. Пермьяках крестьяне не имеют права продавать лес на сторону, и потому кто не успеет вырубить и вывести лес со своей делянки, доставшейся ему по разверстке, тот обязан уступить его однообщественнику. В селах государственных крестьян этой волости погорельцам предоставляется вырубить несколько лишних деревьев. В помещичьих общинах Кошаковской вол. лес берегут, и только крайняя нужда заставляет приступать к вырубке: в Кошакове стали рубить с 1880 г., когда, благодаря неурожаем, не стало ни соломы для топки, ни денег для покупки дров. В 2 помещичьих общинах рубят сообща и делятся возами или кучами. В помещичьей общине д. Шигалево 6-я лес, выращенный из кустарника по сенокосу, в 1872 г. разделен на общем основании на 5 «гривок» по 15 душ, а «души рубят по согласию». В *Цивильском у.* из неполных данных о пользовании лесом крестьянами видно, что в Чуратчинской вол. почти все общины дали зарок не рубить известную часть молодой поросли; в Архангельско-Антиковской вол. большая часть общин отрачивают лес, и если рубят молодняк, то на самые необходимые домашние потребности; в трех волостях можно насчитать 20–25 селений, выращивающих лес, вырубленный в течение 1873–1879 гг. Известны 3 общины, держащие для охраны леса сторожей (Материалы, с. 103–104). В *Царевококшайском у.* крестьянским обществам (почти все б. гос.) принадлежит 41 625 дес. леса, из которого 15 586 дес. уже совершенно вырублены, а из сохранившегося – около 12 тыс. дес. кустарника и 13 тыс. дес. дровяного леса. «Крестьяне смотрят на лесные пространства как на будущую пашню и потому усердно вырубают их и землю расчищают под пашню». Продовольственные леса

в этом, как и других уездах *Казанской* губ., нередко отводились в общее владение нескольких деревень, и за отдаленностью от усадьбы многие села ими не пользуются (Материалы, с. 75). Общее владение служит причиной беспорядков в пользовании лесами, о чем см. главу X. В *Макарьевском* у. крестьянам принадлежит 20 600 дес. леса и 5600 дес. кустарника. В прежнее время крестьяне рубили свои леса «зря» – где и сколько кому вздумается; «в последнее время стало сильно проявляться стремление положить конец этому хищническому пользованию лесом»: в очень многих общинах часть лесной поросли заказана, а из незаказанной ежегодно отводятся «для протопления» небольшие участки, за пределами которых рубка воспрещается. Продажа леса констатирована в двух общинах: в одной лес продан для уплаты крупной недоимки, в другой, благодаря большому лесному наделу, крестьяне постоянно продают дрова. Громадному большинству общин ($\frac{3}{4}$ – $\frac{4}{5}$) своего леса не хватает для отопления (Материалы, с. 221–224). В *Васильском* у. крестьянам принадлежит 8587 дес. леса. По причине опустошительной рубки, пастьбы скота по молодняку, расчистки удобных пространств под пашню или сенокоса, крестьянские леса утратили характер леса, превратились в кустарники; лучше сохранились леса у государственных крестьян 6 волостей. В 10 общинах рубка не регулируется, в остальных – лес разверстывается подушно, кроме 3 татарских общин, где его делят «на дым», т. е. подворно. В 8 общинах весь лес вырубается сразу, в 3 – по частям через 3–5 лет; для остальных – рубка ежегодная, большей частью без правильного оборота, а для 25 общин можно выяснить приблизительный оборот рубки, колеблющийся между 5 и 30 годами. 18 общин эксплуатируют леса только для гатей и плетней, в 5 общинах выбирается материал на холостые постройки, в остальных – для отопления и что надо для продажи (Материалы, с. 132–136, 149).

Государственные крестьяне *Московской* губ. получили в надел продовольственный лес и участки для пользования недостатка полевой земли, с предоставлением выкупить растущий на них лес по низкой оценке. Пользуются этими лесами крестьяне нерасчетливо. Что касается участков для расчистки под пашню, то они скоро были выкуплены крестьянами продажей части леса, растущего на них, на свод лесопромышленникам; оставшийся же на них лес в большинстве случаев тоже был продан, а полученные деньги обращены на уплату податей или разделены между хозяевами по числу душ. Некоторые общества вместо этого разделили между домохозяевами оставшуюся площадь леса, но и в этом случае, как и в первом, лес был вырублен, но земля из-под него ни в том, ни в другом случае не была (в конце 70-х гг.) расчищена под пашню, а служила для выпаса скота. Немногие общества пользуются лесом на этих участках так же, как поль-

зуются они продовольственными лесами, т. е. сводя их постепенно, путем периодических отводов под вырубку большей или меньшей площади. Эта рубка тех и других лесов делается не для того только, чтобы иметь топливо; в обществах, где леса достаточно, крестьяне смотрят на него как на средство удовлетворения нужды в деньгах и потому отводят для рубки такое пространство, чтобы, за удовлетворением собственной потребности в отоплении (для чего служат сучки, вершина, хворост), у них остался лес для продажи, и чем больше общество испытывает нужду в деньгах, чем труднее добывает иными путями средства для уплаты податей (неурожай, упадок кустарного промысла и т. п.), тем большие площади отводятся для рубки (а иногда и для продажи на свод для уплаты недоимки), вследствие чего и молодой лес вырубается, не достигнув полной зрелости. Зажиточные крестьяне, не нуждающиеся в деньгах, стоят за эти порядки как из опасения ответственности по круговой поручке за недоимки, накопленные бедняками, так и потому, что они имеют при этом свою выгоду, скупая за бесценок доли бедных крестьян, — не могущих ждать с деньгами или не имеющих лошади, чтобы отвезти лес для продажи в город, — и перепродавая их в удобное время. Рациональное пользование лесом встречается в тех немногих селениях, где хозяйство большей части крестьян находится в исправности и где нет большой разницы в состоятельности отдельных дворов. Государственные крестьяне обыкновенно делают ежегодные отводы леса для рубки; что же касается б. помещичьих и удельных крестьян, в наделе которых встречается почти только кустарник, обыкновенно служащий пастбищем для скота, то при достаточном количестве кустарника и они практикуют ежегодные его «отводы на отопление»; при незначительности же кустов таковые сводятся сразу через промежутки времени в 4–10 и не больше 15 лет, между прочим потому, что с приближением общего передела земли на рубку леса будут настаивать хозяева с уменьшившимися семьями, доля которых в общем угодье после передела сократится сравнительно с настоящей. Около 17 селений б. помещичьих крестьян переделывают лесную площадь между хозяевами на более или менее продолжительное время, причем в одной из них многие крестьяне из нужды в деньгах продают право пользования доставшимся им участком односельцам за сумму 15–25 руб. В некоторых селениях имеющиеся в наделе кусты служат только для удовлетворения нужды крестьян в материале для оглобель, изгородей и т. п.; топливо же покупается на стороне. Встречаются общества с такими ничтожными или плохо растущими кустарниками, что не считают нужным регулировать пользование ими. В Протопоповской вол. *Коломенского у.* (с. Протопопова, д. Михеева и д. Захаркова) и Симбуховской *Верейского у.* (деревни Женаткина и Клинь) крестьяне (госуд.) делят между дворами пиленные дрова, причем в

с. Протопопове пилака леса производится наемными рабочими, а в остальных – самими общественниками. В дер. Коробовой и Сабюкчиной Салтыковской вол. *Бронницкого* у. (собств.) кустарник вырубается миром и делится «кострами». Дворам, пострадавшим от неурожая, общества обыкновенно выдают «на поправку» лесной материал или деревьями (предоставляя срубать определенное их число в любом месте), или отводом лесного участка, который и разделяется погорельцами между собой (Орлов, гл. II и VI).

В наделе крестьян *Ржевского* у. имеется леса строевого 300 дес., дровяного 3130 дес., лесной заросли до 500 дес., кустов и лесных вырубок 24 035 дес., всего 27 965 дес. Правильное лесное хозяйство с 30–40-летним оборотом рубки ведется только казенными крестьянами с. Оковец и 9 деревень Ромовского общества, Оковецкой вол.; остальные крестьяне совсем рубают свои леса (как надельные, так и купленные); многие деревни, однако, начали заботиться о выращивании леса, для чего они его заказывают (Сб., т. I, с. 100–101). Раздел леса между хозяевами в *Ржевском* и *Новоторжском* у. производится перед рубкой. До 50–60 деревень *Калязинского* у. берегут имеющиеся у них леса и топливо покупают (см. описание сел). В *Гдовском* у. в 10 деревнях лесистой местности каждый член общества может рубить лес, сколько ему нужно для собственной надобности (но не на продажу); в остальных лес разверстывается по душам, причем «или весь лес разбивается между хозяевами на участки и каждый хозяин, как знает, уже и распоряжается своей долей; или так делают только с частью леса, смотря по надобности». В с. Карине Старопольской вол. каждый член общества получает осенью такой участок леса, чтобы дров хватило на топку печей и на сушку хлеба. В *Лужском* у. свободная рубка леса сохранилась в 70 деревнях лесистых районов, при этом обыкновенно запрещается только продажа леса на сторону. В остальных деревнях лес, составляющий продолжение полос пашни, нарезается одновременно и нераздельно с последней, образующий же отдельные участки разверстывается так же, как и в *Гдовском* у. В двух селах Кологородской вол. лес делится после вырубki бревнами и дровами. Большая часть селений *Шлиссельбургского* у. имеют в наделе лес, но по причине его истребления население крайне мало обеспечено топливом. Забота о сохранении леса наблюдается в нескольких общинах (Материалы, в. II, с. 134). Финские села Колтушской вол. разделили все угодья на подворные участки, 3 деревни других волостей – между хозяевами по числу душ; в остальных финских деревнях лес находится в общинном пользовании; в Шапкинской «лес, где он есть, берегут, но при нужде рубят по несколько бревен на душу – все вместе». В русских общинах б. помещичьих крестьян Колтушской вол. все угодья разделены на подворные участки; раздел леса на постоянные участки по числу душ наблюдается также в д. Подоле Путиловской вол., 4 деревнях

Поречской вол., 2 дер. Лезьинской. В остальных деревнях Путиловской вол., в 3 дер. Ивановской вол. пользование лесом свободно, в 5 дер. Поречской вол. лесом «пользуются все хозяева сообща, рубят по мере надобности»; в 3 дер. Лезьинской вол. ежегодно для вырубki отводится участок; в Гертове Ивановской вол. отвод участка леса для раздела между плательщиками производится по мере надобности; в д. Марьинке (той же волости) рубка строевого леса с разрешения общества и под наблюдением старосты допускается для необходимой стройки. В с. Никольском б. удельн. «лес в общем пользовании – кому сколько нужно». (Четыре удельных селения Путиловской вол. купили сообща 4277 дес. земли, из коей покосы сдаются с торгов с обращением денег на составление общественного капитала, а из леса каждая семья может вынести дров 3 саж. на работника.) Четыре селения госуд. кр. Колтушской вол., где еще продолжается пользование землей по праву захвата, тот же порядок применяется и к лесу, причем только запрещено рубить его на продажу; в д. Лешки Ивановской вол. рубка дровяного леса свободна, а из строевого ежегодно отводится участок для раздела между хозяевами; в д. Московской Дубровке (той же вол.) «лесом пользуются сообща». В *Петербуржском* у. большинство финских селений получили в надел лес, который был сведен в первые же годы после воли; в настоящее время он имеется в меньшей части селений, да и то в столь ограниченном количестве, что общества не находят нужным регулировать пользование им, исключая с. Осельков Вартемякской вол., где ежегодно отводится на душу для отопления 1 саж. 12-четвертных дров, причем кому этого не хватит – делается прибавка. Из русских селений в Сестрорецкой вол. (заводские кр.) на каждого хозяина отпускается ежегодно 2 куб. саж. В Н. Деревне (помещ.) кустарник разделен одновременно со всей землей (в 1862–1863 гг.) по ревизским душам; в Купчине (гос.) лес поделен на души. Общество с. Усть-Ижора (Александровской мануфактуры) допустило пользование лесом лишь с 1885 г.: каждый хозяин с разрешения волостного правления может брать из леса нужный в его хозяйстве материал.

Глава X

Сложные общины. Порядки пользования несельскохозяйственными угодьями. Общественные запашки и другие общинные предприятия. Системы разверстки платежей

Сложные общины. До сих пор мы рассматривали общину вне ее отношения к границам поселения. Теперь остановится на фактах, рисующих именно это отношение.

Крестьянская община может обнимать целое поселение, часть его и несколько селений и их частей. В первом случае община носит в литературе название простой, во втором – раздельной или дробной, в третьем – сложной или составной (волостной). В количественном отношении преобладают простые общины, за ними, а в некоторых уездах и впереди их, стоят раздельные и всего реже встречаются общины составные.

Раздельные общины наблюдаются по преимуществу среди б. помещичьих крестьян; произошло это потому, что каждая группа крестьян какого-либо селения, принадлежавшая при крепостном праве одному владельцу, получала при освобождении надел на несколько особых условиях, по отдельной уставной грамоте и составляла самостоятельную общину, а так как благодаря постоянному раздроблению имущества помещиков путем перехода по наследству и путем продажи многие поселения, принадлежавшие когда-то одному владельцу, раздробились между несколькими, то в новейшее время в таких селениях оказалось по 2–5–10 и более общин. Раздельные общины среди государственных крестьян (их особенно много в *Бердянском у.*) образовались путем распада крупного поселения, составлявшего одну общину, на 2 или на 3. Наконец, есть случаи соединения в одном селении крестьян различных разрядов; все они получали надел на различных условиях, по отдельным документам и составили отдельные общины¹.

¹ Распределение общин крестьян различных разрядов в материковых уездах *Таврической* губ. по степени сложности можно видеть в следующей табличке:

	Число общин						Число дробных общин, входивших по 2 в селение, 16, по 3 в селение – 3 (в <i>Бердянском у.</i>)
	б. госуд. кр.			б. помещ. кр.			
	Прост.	Сложн.	Дробн.	Прост.	Сложн.	Дробн.	
Бердянский у.	57	6	17	4	—	—	
Мелитопольский у.	68	1	—	28	—	—	
Днепроvский у.	37	10	2	30	2	—	
Всего	162	17	19	62	2	—	

В *Ставропольском у.* 22 селения заключают в себе 119 общин, от 2 до 20 в одном селении. В *Воронежском у.* раздельных общин 102, или 31,4%; в *Острогожском у.* – 38 (12 сел.), или 15,6%, б. ч. помещ. кр. В *Данковском* и *Раненбургском* уездах большая часть общин принадлежит к раздельным (в том числе по несколько общин госуд. кр.). В *Моршанском у.* 22 селения состоят из нескольких (2–8) общин; в *Лаишевском у.* раздельных общин 108 (в 43 сел.), или 42%, кроме 3 – все б. владельческие; в *Московской* губ. 4% раздельных общин; в *Шлиссельбургском у.* их 11, в *Новооскольском у.* – 70.

Распределение составных общин по уездам и разрядам крестьян и степень их сложности представлены в следующей таблице:

Уезд	Число селений, входящих в состав сложной общины																Итого
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	16	18	20	21	46	
	Число сложных общин																
Днепровский гос.	8	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Бердянский гос.	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Мелитопольский гос.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Бахмутский гос.	4	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Бахмутский пом.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Саратовский гос.	5	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Царицынский гос.	3	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Хвальнский гос.	10	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Ставропольский уд.	8	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10 ¹
Бузулукский гос.	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Бугульминский гос.	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Николаевский гос.	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Новоузенский гос.	11	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12 ²
Воронежский гос.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Острогожский гос.	9	5	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	19
Острогожский пом.	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Трубчевский пом.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Трубчевский УД-	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Елецкий гос.	18	5	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	25
Елецкий пом.	15	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Белгородский гос.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Белгородский пом.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Новооскольский гос.	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2
Новооскольский пом.	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Корочанский гос.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	4
Тимский гос.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Тимский пом.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Раненбургский гос.	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Раненбургский пом.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Михайловский гос.	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Михайловский пом.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

¹ Одна б. помещичьих кр.

² Одна община кр.-дарственников и одна, состоящая из удельн. и госуд. кр.

Уезд	Число селений, входящих в состав сложной общины																Итого
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	16	18	20	21	46	
	Число сложных общин																
Егорьевский гос.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Свияжский гос.	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Тетюшский гос.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Тетюшский пом.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Казанский гос.	20	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Казанский пом.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Цивильский гос.	20	16	2	7	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	48
Царевококшайский гос.	38	23	12	6	8	2	2	1	—	2	1	—	—	1	—	—	96
Лаишевский гос.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Лаишевский пом.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Лаишевский УД.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Мамадышский гос.	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Московск. губ. пом.	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Калязинский пом.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Шлиссельбургский пом.	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5

Как видно из таблицы, составных общин обыкновенно насчитывается 4–6–10 в уезде, но в некоторых уездах их значительно больше; особенно это относится к *Цивильскому* и *Царевококшайскому* уездам, что объясняется обычаям преобладающего их населения – чуваш и черемисов селиться маленькими поселками вместо того, чтобы соединяться в крупные села¹. Огромное

¹ В *Хвалынском* у. шесть сложных общин состоят из смешанного в этнографическом отношении населения, 3 мордовские и 3 татарские (см. поселенные таблицы); в *Цивильском* у. 32 сложные общины составлены из чувашских деревень и 16 – из смешанного населения (чуваш и русские); в *Царевококшайском* у. черемисских сложных общин 40, русских 12, татарских 8 и смешанного населения 36; в *Казанском* у. 17 сложных общин (из 2 сел. каждая) образована татарами, 4 (из 2–7 сел.) – черемисами, 1 – смешанным населением, русскими и вотяками, 1 – русскими и черемисами. В *Лаишевском* у. 1 сложная община образована русскими, 1 татарами, 2 – смешанным населением: русскими и татарами; община удельных крестьян состоит из раздельной общины д. Серебрячичи Черновской вол. и удельных крестьян г. Лапишева. В общине, составленной из деревень Старый Арыш и Новый Починок, часть земли находится в исключительном владении 114 ревизских душ д. Н. Починок, а другая, большая часть – в общем владении русских и татар обеих деревень (422 рев. д.). Одна составная община (татарская) образована 2 выселками из с. Верхний Кобям. В *Бузульминском* у. общее владение всеми угодьями наблюдается среди припущенников (тептери и башкиры) деревень Абсалимова и Дымтамак Александровской вол. и б. государств. кр. 3 деревень: Тахтарова хутора (рус.), Н. Урметьева (мордва) и с. Урметьева (мордва и чуваш). (Деревни вольных хлебопашцев (русские) Ямашка и Урсалы на с. 191 рассматриваются как составляющие одну общину, а на с. 320 считаются разделившимися на две). В *Новоузенском* у. д. Н. Александровка, принадлежащая к разряду удельных кр., составляет одну общину с государственными кр. сл. Александровский Гай (надел у обоих поселений одинакового размера). В состав сложной общины госуд. кр. Чербосовской вол. одно селение входит целиком, другое – одной частью (другая часть состоит из удельных кр.).

большинство сложных общих принадлежит к разряду б. государственных крестьян, за ними следуют б. помещичьи и, наконец, б. удельные.

Сложные общины б. помещичьих крестьян обыкновенно составляли при крепостном праве владение одного помещика и получили надел по одному плану. Изредка встречаются сложные общины б. помещичьих крестьян, образовавшиеся в новейшее время путем выселения части жителей коренного села на отдаленные участки надела. Сложные общины б. государственных крестьян иногда образовывались путем появления на известной территории нескольких сел новопоселенцев, но чаще были результатом расселения хозяев из одного села, причем такое расселение иногда происходило еще в то время, когда крестьяне владели землей на четвертном праве, и впоследствии переход на души сделан был одновременно всей группой поселений, происшедших от одного корня, как связанных между собой чересполосностью владений и существованием общих угодий (лес, покос).

* * *

В *Бахмутском* у. сложные общины б. госуд. кр. образовались путем выселения части жителей коренного села на отдаленные участки в видах большого удобства в пользовании угодьями и т. п. Д. Рубежная (соб.) получила надел в 2 местах, вследствие чего часть ее жителей выселилась и образовала х. Рязанцев, каковым способом образовалась сложная община. В *Царицынском* у. сложные общины являются результатом захватного владения, господствовавшего при начале заселения уезда, благодаря которому владения членов разных поселений оказались чересполосными; некоторые общины поселились при самом начале 2 поселками на противоположных концах надела. Община, состоящая из 6 (маленьких) поселений (имеющих в совокупности 60 дв.), образована недавно отставными нижними чинами. В *Ставропольском* у. сложные общины произошли путем поселения на землях какого-либо села пришлых крестьян с разрешения коренного населения или по распоряжению правительства. В *Николаевском* у. переселенцам отводилась земля в пределах 2–3 волостей, вследствие чего образовавшиеся села составляли сложные общины. Сложные общины *Воронежского* у. состоят из коренных сел и выселков из них. В *Трубчевском* и *Елецком* уездах сложные общины б. помещ. кр. образуются поселениями, принадлежащими при крепостном праве одному владельцу, кроме двух небольших общин Краснополянской вол. второго уезда, состоящих каждая из части с-ца Озерки и выселка из них, образовавшихся в новейшее время: в одном случае по требованию владельцев 60-х гг., в другом – в 1872 г. после пожара. Относительно десятка $1\frac{1}{2}$ сложных общин государственных крестьян В. Дрезгаловской, Казацкой, Извальской, Суворовской, Каменской, Стегалов-

ской, Черновской и Тербунской волостей *Елецкого* у. известно, что они состоят также из метрополии и выселков из нее. Сложная община из 5 поселений государ. кр. Черновской вол. состоит из Черкасско-Войсковой слободы с. Чернова, образовавшейся около 150 лет тому назад поселением рядом с великороссами (жившими здесь еще в первой половине XVII века) казаков-малороссов из *Харьковской* губернии, и 4 выселков из этой слободы, образовавшихся после 1812 г.: это «единственные малороссы в Елецком уезде, единственные, по крайней мере, сохранившие хотя некоторые следы своего прошлого происхождения». Слобода Беломестная и с. Альшанец Ламской вол. «в старину составляли, по словам крестьян, два совершенно отдельных земельных общества; но лет 100 назад так называемые старики согласились по каким-то соображениям “сообщить” землю обоим селениям, и это общее владение сохранилось до настоящего времени». Многие сложные общины государств. кр. составляли одно земельное общество еще будучи четвертными крестьянами. Таковы, например, Дерновка с выселками и Рябиновка с выселками Казацкой вол., с. Тербуны и Лобаново, Бурдино и Березовка, Яковлево и Дуброва Тербунск. вол., Б. Слепуха с выселками Каменской вол. Одна из сложных общин удельных кр. Краснослободской вол. *Трубчевского* у. состоит из метрополии и выселка, образовавшегося ок. половины 50-х гг. Сложные общины госуд. кр. *Раненбургского* у. состоят из кр. б. четвертных. Сложные общины *Моршанского* у. образовались путем расселения. В *Корочанском* у. сложная община из 46 селений Пригородной и Ратьковской вол. образовалась выселками крестьян из 6 крупных слобод, а община Подольшанской вол. (12 поселений) – выселением из одного села еще когда крестьяне были четвертными. С. Нижеголье и д. Щигровка, составляющая сложную общину Пушкинской вол., некогда тоже были четвертными. Сложная община Н. Слободской вол. состоит из 4 коренных сел б. монастырских крестьян, получивших, по генеральному межеванию, надел в одной даче, чересполосно, и 14 хуторов, образовавшихся выселением из названных сел, из них 5 хуторов – в 60-х гг. текущего столетия. В *Тимском* у. 2 сложные общины б. помещ. кр. Крестищенской вол. образованы деревнями, принадлежавшими одному владельцу; община госуд. кр. Двоелучанской и Рагозецкой вол. состоит из кр. б. четвертных. В *Белгородском* у. крестьяне с. Наумовки Толоконской вол. после перехода с четвертой на души, имевшего место после X ревизии, соединились с х. Красным (образованным в 1855 г.), с которым владели землей чересполосно, в одну общину. Крестьяне сл. Тамаровки (1480 дв.) и 16 хуторов (214 дв.), принадлежавшие кн. Салтыкову-Головкину, получили надел по одной уставной грамоте; в 1873 г. сл. Тамаровка отделилась, а 16 Тамаровских хуторов составляют сложную общину. О некоторых сложных общинах *Тетюшского* у. известно, что они образовались выселением из одного села. Таково же происхождение большей части сложных общин *Казан-*

ского у.; но в некоторых случаях при самом поселении крестьяне, основываясь 2 деревнями, образовали одну общину. Три сложные общины *Московской губ.* (в Ильинской вол. *Дмитровского у.*, Михалевской и Усерской *Бронницкого*) и 5 *Шлиссельбургского у.* составлены из селений, принадлежавших одному владельцу и получивших надел по одной уставной грамоте.

Особый интерес имеет для нас происхождение сложных общин на землях, состоявших искони в общинном владении или, по крайней мере, не бывших в юридически оформленном частном владении. В первой главе настоящей работы мы видели¹, что процесс колонизации степей происходил, между прочим, путем выселения части членов из крупных поселений в хутора, которые увеличивались также приходом новых колонистов и со временем превращались в крупные деревни и села. Эти хутора и деревни составляли как бы продолжение коренных поселений, будучи связаны с ними как чересполостностью занятых теми и другими угодий, так и общей организацией по отношению к отбыванию податей и повинностей, и когда период вольной заимки земли отжил свой век и явилась необходимость в регулировании пользования землей отдельных хозяев, такая группа поселений действовала как одно целое, как одна община. Таким образом, образование сложных общин было естественным моментом в эволюции общинной жизни населения, колонизирующего обширные пространства незанятой земли.

С дальнейшим развитием общины столь же естественно наступает момент распада сложной ее форм на простые.

Дело в том, что слишком большая крупность общины, и тем более ее составной характер, находятся в несоответствии с теми функциями, какие выполняются общиной в удовлетворении ее текущих нужд. При распределении, например, земли между хозяевами обычным общинным порядком, по жребию, жители одного селения сложной общины могут получить участки близ усадеб другого, на расстоянии 10–20 верст от своего места жительства; собрание общего схода, как известно, ведающего все хозяйственные дела союза, представляется в случае крупной или сложной общины затруднительным (в некоторых общинах, например, *Острогжского у.* на это идет 3 недели времени) и сопряженным с большой тратой времени для членов общины, живущих далеко от места сбора; достижение соглашения по различным вопросам на большом сходе, нередко составленном из разнородных элементов, очень часто невозможно²; приведение в исполнение постановлений схода по различным делам затрудняется, учет, например, обязательств, лежащих на каждом члене союза по исполнению натуральных казенных или мирских по-

¹ См. с. 165 и след.

² См. с. 275–277.

винностей, делается очень сложной операцией; становится невозможным для общины хорошо знать хозяйственное положение каждого своего члена, что представляется имеющим важное значение при запуске кем-либо недоминки, а иногда и при распределении общинной земли, и т. п. Словом, в настоящий момент ее существования община не задается такими широкими задачами, для выполнения которых требовалось бы возможное расширение союза; что же касается ее мелких повседневных нужд, для этого вполне достаточно средней величины общины, крупность же ее и сложный характер скорее затрудняют, нежели облегчают правильный ход ее дел.

Указанные неудобства крупных и сложных общин крестьяне стараются парализовать тем, что при общих переделах земли община распадается на несколько частей, живущих до следующего передела более или менее самостоятельной жизнью. Для этого каждой части нарезывается особый участок земли (чаще всего только пахотной), по возможности ближе к усадьбам, и в ее ведение передаются заботы по всем или некоторым мирским делам, касающимся ее членов. Такие общины-части нередко имеют свои особые сходы, иногда распределяют свои участки земли по угольям различно (отводят, например, неодинаковую площадь под толоку), совершают жеребьевки не в одинаковые сроки, в зависимости от особенностей почвы и других условий; различно распоряжаются мироплатимой землей, а в последнее время, – когда с такой силой обнаружилось стремление к переделу земли по наличным душам, – встречаются даже случаи постановления отдельными селами сложной общины приговоров о совершении коренного передела земли в то время, когда большая часть общины остается при старой разверстке¹. Так как со времени последнего общего коренного передела земли в некоторых из таких общин прошло 25–30 лет, в течение коих отдельные поселения совершенно свыклись с самостоятельным существованием, не чувствуют его неудобства, а иногда почти забыли, что составляют часть целого, то в настоящее время о некоторых из сложных общин трудно сказать, не распались ли они фактически на свои составные части и не будет ли это распадение оформлено при ближайшем общем коренном переделе.

Итак, многие составные общины, сохраняя юридический характер таковых, фактически разделились на менее сложные, состоящие из меньшего числа селений, иногда только из одного. Этим были устранены недостатки, свойственные сложной общине как таковой, но вместе с тем члены ее убедились, что сложная форма общины не дает им особых средств, облегчающих борьбу за существование, почему в них не образуется побуждений удерживать эту форму общины во что бы то ни стало.

Есть другой ряд сложных общин, где по разнокачественности почвы, расположению селений и т. п. раздел земли между селами сплошными участ-

¹ См. гл. X. Порядок пользования землей в сложных и крупных общинах.

ками представляется затруднительным и где поэтому необходимо возникает более или менее сильная чересполосица. Здесь в большей или меньшей степени чувствуются недостатки рассматриваемой формы общины, вытекающие из отдаленности некоторых полевых участков от усадьбы и взаимной зависимости членов большего, иногда разношерстного общества в их сельскохозяйственной деятельности. Здесь поэтому легко возникает мысль о рациональности разделения сложной общины, но это распадение затрудняется неимением в руках крестьян средств произвести размежевание земли таким образом, чтобы вместе с уничтожением чересполосицы и длинноземелья отдельные села получили участки по возможности равноценные. Иногда дело при этом ограничивается распадением сложной общины на 2–3, но все-таки сложные, или отделением одного села, почему-либо особенно страдавшего от неудобств совместного владения землей.

К указанным на предыдущих страницах объективным условиям, создающим то или иное настроение членов сложной общины, присоединяются влияния, в большей или меньшей степени зависящие от психики, усиливающие или ослабляющие стремление к разделу. Если, например, распределение земли между селами делается с должным вниманием к интересам всех поселений, как бы мелки они ни были; если все деревни одинаково усердно занимаются хозяйством, одинаково заинтересованы в наилучшем ходе последнего и готовы принимать меры к упорядочению поземельных отношений в случаях чересполосного владения, вследствие чего наиболее хозяйственные крестьяне не испытывают неудобств от небрежного отношения большинства к важным интересам специально-сельскохозяйственным; если при этом не возникает пререканий при пользовании неразмежеванными угодьями (лес, покосы), – в таком случае сложная община имеет много шансов на благополучное существование. Если же, напротив того, крупные села, имея больше голосов на сходе, обижают мелкие; если отдельные деревни неохотно идут на компромиссы; если они резко различаются в хозяйственном отношении, а тем более по занятиям, отчего меры, выгодные в хозяйственном отношении, на которых настаивают более исправные села, из-за сопротивления других не принимаются к исполнению; если одна деревня постоянно копит недоимки, а другие отличаются исправностью в платежах, почему подвергаются риску отвечать своим имуществом по круговой поруке за соседей – при таких и подобных им обстоятельствах в общине будет назревать недовольство существующим, стремление к разделению, которое рано или поздно и осуществится¹.

Распадаясь на части, сложная община может разверстать между совладельцами все угодья или же оставить те из них, которые переделаются между отдельными хозяевами ежегодно в общем пользовании деревень. Таково, вероятно, про-

¹ См. гл. X. Распадение сложных и крупных общин.

исхождение большинства случаев общего владения несколькими поселениями сенокосными угодьями. Что же касается общего владения лесами, в большинстве случаев оно произошло вследствие отведения дополнительных лесных участков одной площадью целым группам деревень государственных крестьян¹.

Отношение крестьян к отдельным, состоящим в общем владении угодьям резко отличается от того их отношения к земле, какое наблюдается в сложных общинах, рассмотренных раньше. В этих поселениях совладельцами считаются отдельные хозяева, между которыми земля разделяется равномерно; в случаях же, рассматриваемых в данную минуту, совладельцами считаются целые общины (или деревни), участвующие в совместном владении, и принадлежащее им угодье обыкновенно разверстывается между деревнями, независимо от их реальной в них потребности, измеряемой числом потребителей и т. п., а пропорционально числу значащихся за каждой деревней ревизских душ (по каковому числу отводилась земля и в общее владение). Иначе говоря, описываемое владение должно быть считаемо общинным в границах каждого поселения и общим по отношению ко всем деревням-совладельцам.

Общее владение отдельными видами угодий ведет к еще большим ссорам совладельцев, нежели те, какие наблюдаются в сложных общинах. Объясняется это тем, что большая часть случаев общего владения произошла искусственно, путем отведения лесных наделов целым группам поселений. Так как полученная площадь находилась не на одинаковом расстоянии от всех совладельцев, почему и пользование ею не для всех было равно удобно, вследствие чего некоторые общины до поры до времени не реализовали своего права на надел, то во многих случаях не были применены строгие правила равномерного пользования угодьем и его охраны, что вело к изведению лесов одними деревнями в ущерб интересам других. Если же пользование лесом и было урегулировано, то затруднения возникали после того, как лес оказывался сведенным. В этих случаях обыкновенно крестьяне очень часто расчищают оголенную площадь под пашню, и ближайшие деревни нередко первые начинали делать расчистки, причем они занимали землю, не соображаясь с тем, что со временем она понадобится для других деревень. Рано или поздно это вело к столкновениям между деревнями, оканчивавшимся иногда полюбовным размежеванием, после которого ссора не всегда утихала, а разгоралась больше прежнего под влиянием адвокатов, предлагавших крестьянам одной деревни свои услуги для возбуждения иска против другой. Поднятое судебное дело вело к расходам, нередко отзывавшимся очень тяжело на крестьянах, а легкая возможность возбуждения иска создавала в крестьянах сутяжническое настроение. В видах прекращения подобных беспорядков общего владения, тяжело отзывающихся на населении, Казанское губернское

¹ См. предыдущую главу.

и Цивильское уездные земские собрания постановили ходатайствовать перед правительством о скорейшем размежевании между селениями однопланных дач (см. далее «Общее владение нескольких общин участком земли»).

Рядом с явлением распада сложны́х и крупны́х общин на более мелкие, наблюдается и противоположное указанному явлению соединения очень мелких общин, преимущественно раздельных, в более крупные союзы.

Община в несколько (иногда десятков) дворов, имеющая в ближайшем соседстве другую такую же общину, вместо того чтобы вести свое земледельческое хозяйство совершенно от нее независимо, считает более удобным пастить свой скот вместе с соседями. Для этого названные общины пригоняют свои поля таким образом, чтобы озимые, яровые и паровые клины всех общин были смежны друг с другом, вследствие чего представляется возможность пастить скот всех общин одновременно на одних и тех же угодьях и завести общее стадо. Такой союз 2 или нескольких раздельных общин встречается довольно часто. Так, общие пастбища и общее стадо наблюдаются более чем у $\frac{2}{3}$ раздельных общин *Московской* губ., в 3 общинах с. Чипчига и 5 общинах с. Барский Каратай *Свияжского* у., в нескольких селениях (состоящих из раздельных общин) *Казанского* у., в *Лаишевском*, *Данковском*, *Михайловском*, *Егорьевском*, *Калязинском* уездах и т. д¹. Следующая ступень на пути единения общин заключается в том, что последние не только пригоняют однородные клинья пахотной земли друг к другу, но и уничтожают границу между землей тех и других, образуют из двух площадей надела одну, которую распределяют между деревнями по обычным общинным приемам, но с тем отличием сравнительно с распределением общинной земли, что каждая отдельная община получает тот именно размер участка, какой она сложила в общее владение. Мы имеем здесь дело, следовательно, не с общинным, а с общим владением, введенным с целями хозяйственными; такие случаи встречаются, например, в *Казанском* у., где две общины кр. б. владельческих с. Тогашево-Девлизера составили приговор о соединении своих полей на 20 лет ввиду того, что им удобнее иметь поля «под одну шапку». Две общины д. Осинки *Сергиевской* вол. *Клинского* у., одна в 3 двора и 7 рев. д., другая в 4 двора и 11 душ, ввиду неудобства иметь 6 полей и стеснительности в отношении пастьбы скота, согласились в 1877 г. «смешать всю землю как пахотную, так луговую и лесную» с тем, чтобы земля постоянно делалась между ними в отношении 7:11.

В *Елецком* у. 3 общины крестьян с-ца Святогорки-Кабачек Ястребинской волости, некогда принадлежавшие одному помещику, затем разделенные между

¹ Общий выгон встречается, между прочим, в общинах *Петербургского* у., напр., Старожилка, Заманиловка и Кабаловка *Пергаловской* вол. имеют общий выгон; Старая и Новая деревня *Старо-деревенской* вол. – также; все 4 общества Н. Деревни имеют выгон, которым пользуются вместе с частными владельцами.

тремя и состоящие в настоящее время из разного числа дворов (1 дв., 2 дв., 5 дв.) и ревизских душ (6 р. д., 7 р. д., 9 р. д.) и имеющие различной величины ревизский надел (2,1 дес., 2,6 дес., 1,7 дес.), всегда пользовались землей, не размежевывая ее между собой на отдельные особняки ввиду того, что надел их тянется полосой в 75 саж. ширины на $2\frac{1}{2}$ версты, и если его разделить на 3 особняка, то нельзя будет пасти скот. Каждое поле разбито на десятины, расположенные столбом в один ряд, которые и распределяются по жребию между общинами (каждая имеет право на 15 дес., внесенных в общее владение), затем между членами каждой из них. Три общины крестьян с-ца Яковлева Тербунской вол., принадлежавшие 3 сестрам, а в настоящее время состоящие из 3 наделных дворов каждая и имеющие различной величины душевой надел (от 1,5 дес. до 3,0 дес.), получили землю в общем участке, в котором загоны всех крестьян расположены чересполосно. Чересполосное владение землей несколькими общинами наблюдается также в с-це Яковлевском (из 2 общин: 12 и 15 дв.) Казацкой вол., с-це Исаевке 43 дв. (1 община собств., 5 общин крестьян, перешедших в казну), д. Суре (община собственников в 17 дв. и крестьян, перешедших в казну, 5 дв.), с-це Тепленьком 1-м (2 общ. собств. 18 и 27 дв.) и 2-м (2 общ. соб. по 8 дв.) Сергиевской вол. В *Трубчевском* у. две общины государственных крестьян Семячковской волости, Молчановка (19 дв.) и Козловка (7 дв.), владеющие землей чересполосно с удельными крестьянами тех же поселений, не размежевываются ввиду удобства пользования пастбищем. Относительно 7 маленьких (2–8 дв.) общин государственных крестьян Юровской волости, описываемых каждая отдельно, а также о с. Радутино (госуд., 16 дв.) Усохской в. в Сборнике сказано, что их земля находится в общем пользовании с удельными крестьянами тех же поселений, причем для д. Байково прибавлено «пополосно». Несколько небольших общин государственных крестьян Юровской, Семячковской и Стрелецкой волостей владеют всей землей, или только усадебной, или даже конопляниками чересполосно с удельными крестьянами тех же поселений.

Если в предыдущих случаях единение общин, вызванное сельскохозяйственными мотивами, было осуществлено лишь настолько, насколько это нужно для удовлетворения сельскохозяйственных целей и не касалось специально-экономической основы общинных распоряжений, то в случаях, к которым мы переходим, единение, первоначально вызванное, может быть, тоже хозяйственными неудобствами раздельного пользования землей, пошло дальше и закончилось полным или почти полным слитием нескольких общин в одну общину же – форму, при которой общая площадь земли разверстывается равномерно между всеми домохозяевами независимо от того, какой надел имела до соединения та или другая община. Такое соединение, иногда совершаемое на определенный срок, всего легче устраивается в случаях равного у

всех общин надела, ибо при таких условиях ни одна община не несет потери от равномерности распределения общей площади между всеми хозяевами, или потеря эта (зависящая от неодинаково быстрого размножения населения обеих общин) невелика. Другое условие, могущее препятствовать соединению, это – резкое различие в имущественной состоятельности разных общин. Эти условия и указаны как препятствующие соединению отдельных общин, например, в *Московской губ. (оба), Ставропольском у. (неравенство наделов)*. Нередки, однако, случаи, когда слияние 2 или большего числа отдельных общин в одну имело место, несмотря на различие в величине надела, причем мелкие различия иногда уравниваются денежными приплатами. В *Самарском у.* «там, где селение по независимым от крестьян обстоятельствам разлито на несколько общин, крестьяне всегда стремятся слить эти общины в одну, ради удобства пользования угодьями, и пустить всю землю в уравнительную разверстку». Это слияние в последнее время произошло в пригороде Алексеевке, состоявшем из общины удельных крестьян с наделом 7,5 дес. на рев. д. и общины госуд. с 10 дес. надела. Слились вместе и две общины д. Русских Липят Воскресенской вол.: удельная с 5 дес. надела и госуд. (13 дв.) с 10 дес.; первая имеет сенокосы, которых нет у второй. Если также же стремление в других общинах не осуществляется, то «единственно вследствие чересполосности наделных земель с частновладельческими». Соединение в простые общины имело место в большинстве отдельных общин *Шлиссельбургского у.* Две общины д. Акуловой Горбовской вол. *Рузского у.*, в 40 и 24 души, заключили в 1876 г. условие о соединении «своих земель и пользовании ими, как одними, так и другими, равно, как бы в одном обществе», сроком на 12 лет с тем, чтобы в случае желания своевременно возобновить союз.

Крестьяне д. Щитовой Вороновской вол. *Подольского у.*, состоящей из 15 дв. госуд. и 15 дв. помещ., с давних времен владевшие землей нераздельно, в 1871 г. вследствие отрезки от вторых 30 дес. разделились по инициативе госуд. кр. на две общины, а через год опять соединились. В *Лаишевском у.* слияние отдельных общин в простые наблюдается в следующих селениях б. владельческих крестьян: в д. М. Основке Бетьковской вол. слились 2 общины, в с. Саньках Алексеевской вол. 2 общины, в с. Алексеевском – 2 общины (с наделом 212 дес. и $3\frac{1}{2}$ дес.), в с. Гремячке Урахчинской вол., где теперь 2 отдельных общины, прежде было 3; в с. Урахче Урахчинской вол. в настоящее время 9 общин, прежде было 12; сокращение произошло благодаря тому, что 5 общин соединились в 2; в одной случае соединение произошло между 4 ревизскими душами, принятыми в казну от мелкопоместных владельцев, имеющими по 3 дес. на душу, и 29 рев. д. дарственников; в другом случае соединились в одну общину 3 общины с наделом в 4 дес.: 37 рев. д. б. государ-

ственных крестьян. Наконец, одна крестьянская семья, откупившая усадьбу без пашни, присоединилась к другой общине той же д. Русского Ошняка Анатыйшской вол., после того как 19 ревизских душ, составлявшие вместе с этой семьей одну общину, вернули надел помещику и отправились в переселение.

В *Елецком* у. наблюдаются следующие случаи соединения двух или более общин в одну. Крестьяне с-ца Урывок Афанасьевской вол. (принадлежавшие двум владельцам) в количестве 17 двор. (38 рев. д.) получили одинаковый надел по 2 уставным грамотам, но в одном особняке, и составили одну общину. Крестьяне д. Алексеевки Казинской вол. некогда принадлежали одному владельцу, затем были разделены между двумя наследниками, из которых один продал свою часть в третьи руки, причем, по неудобству раздела земли, проданные и непроданные дворы остались по-прежнему смешанными «через двор»; на волю выходили от разных владельцев, по разным документам, надел получили одинаковый и ныне составляют 2 административных общества, но одну земельную общину. Крестьяне д. Федоровки (44 дв.) Воронежской вол. принадлежали двум разным владельцам, образуют 2 административных общества, при освобождении получили не совершенно одинаковые наделы (2,1 и 2,3 дес. на рев. д.), но соединились в одну общину, потому что это давало возможность образовать свободный прогон для скота и делало крестьян одного владельца (получивших больший надел) по праву участниками в пользовании водопоем – прудом, находящимся на земле крестьян другого владельца. Крестьяне с-ца Медвежий Верх (10 дв.) Предтеченской вол., из которых 25 рев. д., принадлежавших одной сестре, сделались собственниками, получив по 2,8 дес., а 3 ревиз. души другой сестры перешли в казну с наделом 2,1 дес. на рев. д., в 1868 г. (при переходе на оброк первых и в казну вторых) соединились в одну общину; в 1883 г. первые перешли на выкуп. С. Борки (45 дв.) Каменском вол. при крепостном праве состояло из 2 барщин, получивших при размежевании в 1867 г. один особняк и соединившихся в одну общину. Д. Жемайловка (60 дв.) Краснополянской вол., населенная крестьянами 3 разных владельцев, образовала одну общину; ее земля, 110 дес., тянется холстом и разрезана оврагом, препятствующим сообщению между частями поля. Сюда же, вероятно, нужно отнести и следующие два случая: д. Новопоселенная Ольшанка (70 дв.) Богато-Платовской вол., принадлежавшая при крепостном праве двум владельцам и состоящая из 2 слобод, составляет одну общину. С-цо Каменка (11 дв., 34 рев. д.) Ястребинской вол. принадлежала Бунину, который незадолго до 1861 г. продал 6 д. г. Лагофет в д. Одоньевку. При составлении уставной грамоты надел бунинским крестьянам (2,9 дес. на рев. д.) и лагофетовским (2,3 дес. на рев. д.) отведен при д. Каменке, куда в 1864 г. и переселились 6 рев. д. из Одоньевки. В 1866 г., при переходе на оброк и размежевании с владельцем, крестьяне перешли от тягальной разверстки к душевой, разделив

землю на все 34 рев. д. поровну. В 1884 г., «вспомнив, что у 6 душ бывших Лагофет земли должно быть меньше, – отобрали у них 2 дес. (которые и сдали в аренду за 15 руб. в год) и еще считают за ними $\frac{1}{2}$ дес., которую также думают отобрать». В *Трубчевском* у. земля государственных крестьян (3 дв.) д. Дядькович Усохской вол. и удельных, получивших наделы независимо друг от друга, «находится в общем нераздельном пользовании, так что они составляют как бы одно земельное общество; принадлежащие государственным крестьянам 7 десятин леса находятся в их исключительном пользовании». «Удельные и государственные крестьяне с. Телец (110 дв.) Стрелецкой волости, несмотря на то что первые получили надел 3,7 дес. на душу, вторые 3,9 дес. и что платежи у них различные, слились в одну общину, поделив землю и платежи уравнительно по душам; только отведенный в 1885 г. государственным крестьянам лес в количестве 19 десятин и купленные удельными крестьянами у удела 26 дес. находятся в особом пользовании каждого разряда крестьян». В *Раненбургском* у. две общины с. Озерки (31 дв.) Зиморовской вол., принадлежавшие разным владельцам, в 1861 г. соединились в одну общину (между величиной надела разница небольшая) для устранения неудобств выпаса скота на мелких участках, ссор из-за потрав и т. п. То же самое имело место и в д. Бахметьево (114 дв.). В *Егорьевском* у. соединение 2 отдельных общин в одну имело место в д. Самойлихе Средниковской вол. и д. Леке Ликинской вол. В *Михайловском* у. д. Натальевка и Леденевка (50 хозяев) Маковской вол. в 1881 г. соединили свои поля и перedelили их по ревизским душам. Д. Крестово (8 дв.) Горностаевской вол., образуя ныне одну общину, прежде состояла из двух. В д. Митякине 1 двор присоединился к общине, состоящей из 23 дворов; в д. Теплом 3 общины (составляющие вместе 9 дв.) в 1870 г. соединились в одну и разделили землю по ревизским душам. В *Елатомском* у. две общины собственников с-ца Выползова Полтево-Поньковской вол., 8 и 18 дв., для устранения чересполосицы своих земель соединились в одну.

В *Бахмутском* у. 5 общин д. Григорьевки (74 семьи собств.) соединились после 1861 г. в одну. В *Калязинском* у. известны 6 случаев соединения общин; две общины д. Сорокиной (57 надельн. дворов) Нагорной вол., принадлежавшим разным владельцам, после 1861 г. несколько раз соединяли и разъединяли свои земли, а в 1878 г. соединились окончательно; три общины д. Сендюхово (33 над. двора) Рославской вол. (2 б. пом., 1 б. госуд.) соединили свои угодья и разверстали их по ревизским душам; в Сущевской вол. в начале 70-х гг. произошло соединение 2 общин б. помещ. кр. в одну в д. Сущеве и Шереметьеве (12 над. дв.), а в 80-х гг. в д. Кача (12 дв.). Два хозяина, составлявшие д. Рычкову Семендяевской вол., имеющие надел на 12 дес., оказались не в силах вести хозяйство отдельно и присоединились к д. Боршовке. В *Ржевском* у. соединение нескольких отдельных общин в одну имеет место

в случае, если надел общин приблизительно одинаков по размеру и качеству, причем многие различия уравниваются разными уступками или денежными приплатами. Указаны следующие случаи соединения: 2 общин д. Медведева (18 наделных дворов) Толстиковской вол. (соединились в 1877 г.), 2 общин д. Опукины (9 владельцев) Харинской вол., 3 общин д. Корстелево (29 владельцев) той же волости (кроме усадебной земли), 2 общин д. Телячьей (7 владельцев) Гриминской вол., 2 общин д. Калинцова, неравномерно наделенной землей, в 1877 г. Один двор д. Кучиной Бурцевской вол., владеющий землей вдали от селения, вошел в соглашение с одной общиной этой деревни, по которому получил от нее пахотную землю с тем, чтобы арендная плата за его участок делилась между всеми пропорционально числу наделов. Для *Лужского* у. указаны 3 случая соединения нескольких отдельных общин в одну в видах возможности нарезки более широких полос и сокращению доходов по устройству изгородей: в 1872 г. соединились 3 общины д. Новоселья Городецкой вол. и 4 общины д. Подлесья, в 1881 г. – 3 общины д. Немолвы.

Несельскохозяйственные угодья. Кроме сельскохозяйственных угодий, крестьяне имеют иногда в своем наделе угодья, способные служить для эксплуатации несельскохозяйственной: каменоломни, залежи глины, торфа, рыбные ловли и т. п. Отличие залежей различных материалов в экономическом отношении от сельскохозяйственных угодий заключается в том, что, не доставляя продукта, необходимого для удовлетворения первых потребностей человека, они долгое время могут оставаться без эксплуатации, и даже больше того: для более или менее широкой их эксплуатации необходимо такое соединение различных внешних условий, какое встречается далеко не везде. Оттого-то имеющиеся во многих обществах залежи различных материалов в большинстве случаев не играют заметной роли в общинной экономии, почему общества и не применяют тех строгих правил регулирования пользования угодьем, какие выработаны для пользования пашней, сенокосам и др. Обыкновенно в тех случаях, когда члены общества пользуются имеющимися в наделе камнем, глиной и т. п. для собственных надобностей, общество не налагает на них никаких стеснений, представляя каждому извлекать из недр земли такое количество данного материала, какое необходимо для удовлетворения его потребности. Такая же свобода пользования продолжается и в том случае, когда некоторые общественники употребляют предмет добычи для изделий на продажу, если последняя не имеет широких размеров; там же, где сбыт на сторону изделий доставляет производителям порядочный доход или грозит истощением нужного самим крестьянам материала, общество нередко вносит ограничения в праве пользования угодьем, запрещая продажу продукта на сторону, облагая добычу его известным сбором, разверстывая

угодье между членами по принятому для разверстки земли основанию и т. д. В тех случаях, когда это возможно, общество извлекает из принадлежащего ему угодья доход путем сдачи его в аренду под разработку.

Постановлением общества с. Основы *Одесского у.* запрещено продавать на сторону камень, добываемый из общественной каменоломни; в 1882 г. много пошло его на школу (Матер., т. I, с. 258). «Мергелевые каменоломни, находящиеся на земле общества б. военных поселян с. Калиновки *Александрийского у.*, разрабатываются самими крестьянами», артелями в 4 человека; заработок каждого артельщика (от продажи камня) – 30–50 руб. в зиму (Мат., т. III, с. 366). Для разработки одной крестьянской каменоломни *Тираспольского у.* соединяются 2–3 человека (Матер., т. IV, с. 249). Общества *Херсонского у.* обыкновенно позволяют своим членам добывать камень бесплатно как для собственного потребления, так и на продажу; а общество д. Пришиб в 1883 г. постановило при продаже камня¹ из общественной каменоломни взыскивать с хозяина штраф в 5 руб. (Матер., т. VI, с. 563). В *Бахмутском у.* «где есть камень, годный для дворовых построек, им пользуются так же, как и глиной для обмазки хат и сараев, все члены общины беспрепятственно и бесконтрольно». Где же жители из общественного камня выделывают на продажу изделия, там при значительном производстве кустари вносят в мирскую кассу известную плату. Так, в с. Лутанском «по давнему обычаю, пользование каменоломнями – захватное: кому вздумается – захватывают себе участки для ломки и выделки камня на расстоянии 3 саж. один от другого»; продавать же изделия крестьяне могут не иначе, как оплатив их пошлиной в пользу общества, за исключением катков и раз в год вывозимых на своих подводах брусков. С посторонних взимается более высокая пошлина. Хотя по правилам взимание пошлины лежит на старосте, но, по соглашению последнего со старшиной, выборными и богатыми крестьянами, право сбора пошлины отдается одному лицу за плату в пользу общества в размере 800 руб. в год. В с. Сергеевке «общественные каменоломни разделяются на общие, доступные на равном праве для всех крестьян и состоящие по давнему захвату в пользовании отдельных хозяев, числом 199». Захватное пользование каменоломнями существует еще в с. Новобахмутовке Скотоватовской вол.; в остальных же обществах оно свободно. Некоторые общества отдают право добычи имеющихся в их наделах глины, каменного угля, соли, медных руд и т. п. в аренду частным лицам; частью каменный уголь добывается самими крестьянами, б. ч. артелями, причем в с. Железном каждый участник артели обязан отдавать 1 четверть угля в год на отопление общественных зданий; в обществе хутора Нелеповского Зайцевской вол. право устройства шахты предоставляет-

¹ В гг. Херсоне и Николаеве за продаваемый камень, добытый на городских каменоломнях, взыскивается в пользу города 1 руб. с куб. саж.

ся артели в составе не менее 10 человек, причем участие одного в нескольких артелях воспрещается, но богатые крестьяне обходят это постановление (Сб., т. II, с. 307, 362–371). В *Славяносербском* у. некоторые общества отдают свою землю под разработку каменного угля капиталиста, а у 19 селений разработка угля производится артелями однообщественников, причем в 2 обществах госуд. кр. с работающих берется на отопление общественных зданий известное количество угля, а в с. Городище – с артели 200 руб., из коих 100 руб. идет на общественные потребности и 100 руб. уряднику. Общество б. помещ. кр. обыкновенно допускает бесплатную разработку угля всякому однообщественнику; открывший залежь угля получает право первоначальной его разработки, обыкновенно на время, пока не найдется предприниматель, выразивший желание взять землю под разработку; в д. Ореховке, где уголь открыт в 1886 г., крестьяне постановили приговор о дозволении всякому, вновь открывающему уголь, пользоваться продуктом с одной десятины, пока не выработает ее (Сб., вып. III, с. 408–409). В *Днепровском* у. в общине с. Князь-Григорьевка пользование камнем свободно; в с. Апостоловке *Бердянского* у. камень разверстан по душам и окрестные жители нанимают его для ломки пол цене 3 руб. за саж. С. Елисеевка Андреевской вол. имеет кирпичный завод, устроенный в половине 70-х гг. и расширенный в конце их. Работа идет с 1 мая до 1 ноября; общество нанимает подрядчика с платой 5 руб. от выжигаемой тысячи кирпича, подрядчик же имеет рабочих от себя; обыкновенно желающий приобрести кирпич отправляется на завод со своей соломой, и ему поступает $\frac{1}{3}$ часть обожженного его соломой кирпича, а остальной идет в пользу общества. Продажа кирпича доставляет обществу доход в 2000 руб. в год. В *Елецком* у. существование строевого камня в наделе крестьян указано в 40–50 общинах. Камень этот в большинстве общин вырабатывается как для домашних надобностей общественников, так и на продажу, что служит в некоторых случаях немаловажной поддержкой благосостояния семьи, а в сл. Беломестной (госуд.) Ламской вол. каменоломня частью эксплуатируется общественниками, частью сдается в аренду, доставляя обществу до 1000 руб. в год. Пользование камнем для домашних нужд и для продажи свободно, за исключением д. М. Слепухи Каменской вол., запрещающей добычу камня для продажи, потому что «камень не делен, сильные семьи повыкопают и продадут на сторону, а свои останутся без камня», и сложной общины из с. Рябинки и Рябинских выселян Казацкой вол., где запрещена продажа камня чужеобщественникам с целью сохранения строевого материала для нужд общества. В 4 общинах залежи камня поделены по тем же душам, что и остальная земля: в с. Чернолески (соб.) Краснополянской вол., с. Власове (гос.) Афанасьевской вол., сл. Подмонастырской (гос.) Ламской вол. и д. Набережной (соб.) Стегаловской вол. Залежи камня в этих общинах занимают небольшую площадь: 2, 7, 2 и 3 дес. В с. Успенском Краснополянской вол. выделка кирпича,

преимущественно для собственных надобностей, производится на артельные счета наемными рабочими. Залежи торфа открыты в нескольких обществах, но почти не разрабатываются. В *Белгородском* у. сл. Пушкарская (гос.) отдает свои каменоломни под выработку камня за сумму 50 руб. в год; с. Старица (гос.) Муромской вол. отдает известковую гору в аренду за 70 руб. в год.

В Кошачковской вол. *Казанского* у. каменная гора, находящаяся в наделе крестьян д. Белянкиной, вследствие малоземелья занимающихся больше добычей камня, чем хлебопашеством, «разделена на 58 душевых участков, по 3 саж. ширины на душу; участки безлошадных, не имеющих работников (и вдов), или тех семей, работники которых живут на стороне, находятся в пользовании остальных односельцев, у которых по найму “ломают ямки” безлошадники, получая по 3–5 руб. в месяц» (Кошак. вол., с. 67). В *Михайловском* у. во многих общинах встречаются залежи глины, которые или остаются без употребления, или эксплуатируются либо для домашних надобностей (на постройку собственного жилища), либо с промышленной целью. В последнем случае кирпичный или гончарный завод очень часто облагается обществами известным сбором. Камень встречается в меньшем числе общин и в большинстве случаев употребляется тоже лишь для собственных нужд общественников, в каковых случаях пользование им, по-видимому, свободно. В д. Березовой (гос.) Фетяевской вол., где добыча камня производится в больших размерах, он делится на души, а в д. Серебряно (гос.) Маковской вол. камень продается на сторону и деньги (1000–3000 руб.) делятся по дворам. В очень многих общинах встречаются залежи торфа, который в некоторых общинах остается без употребления, в большинстве же случаев разрабатывается для отопления собственных жилищ. Обыкновенно эта разработка, по-видимому, ничем не регулируется, иногда назначается лишь для выработки торфа определенное место, а около 12–15 общин Малинковской, Феняевской, Лужковской и особенно Плахинской и Прудской вол. отводят (о многих сказано, что ежегодно) по определенному участку на надельную душу. 3–4 общины запрещают разработку торфа (одна – чтобы не портить луг). В *Егорьевском* у. до 6 общин Нечаевской и Коробовской вол. получают с кирпичных заводов от 24 до 350 руб. в год.

В *Шлиссельбургском* у. с. Никольское Ивановской вол. предоставляет право добывать глину на его надельной земле всем желающим за плату в 1 руб. сер. с кв. саж. поверхности. В Путиловской вол. из плитных ломов на землях удельных кр. с. Путилова, деревень Валовщины и Петровщины ежегодно отводятся участки для сдачи под разработку с торгов своим же общественникам; цены устанавливаются от 50 коп. до 3½ руб. за кв. сажень; торгуются немногие, да и те служат подставными лицами капиталистов, на счет которых и производится разработка плиты. Для этого нанимаются крестьяне 4 деревень (так заведено еще со времени принадлежности селения удельному

ведомству), занимающиеся почти исключительно ломкой плиты; для вывозки плиты в канал для отправки в Петербург нанимаются крестьяне других соседних деревень (Матер., в. II, с. 193–198). Крестьяне д. Бугры сами добывают камень, находящийся на надельной земле, а в некоторых других деревнях добыча его производится пришлым населением, на каких условиях – неизвестно. Четыре деревни уезда имеют песчаные копи, сдаваемые в аренду частным лицам (id., с. 203, 202). Крестьяне Парголовской вол. *Петербургского у.* возят песок, глину и железную руду с собственного надела в Петербург для продажи (Мат., в. V, с. 295). В *Ямбургском у.* в 4 селениях Стремленской вол. имеющаяся в наделе глина употребляется местными гончарами для выделки горшков, а одно из них, Мышкино, кроме того, предоставляет право пользования своей глиной гончарам с Семейского за плату в 3 руб. в зиму с завода (горшечной печи) (Матер., в. III, с. 226). «Во владении некоторых крестьянских общин *Московской губ.*, особенно ближайших к Москве уездов, имеются различные оброчные статьи, как-то: каменоломни (в *Подольском* и *Бронницком* уездах), месторождения глины, идущей на выделку кирпича (преимущественно в *Московском у.*), торфяные болота (в *Московском*, *Бронницком* и *Богородском* уездах), мельницы и плотины, берега сплавных рек, предназначаемые для лесных складов, отдельные пустоши, участки земли под выстройку дач, а также торговых и промышленных заведений и т. п. Все оброчные статьи обыкновенно сдаются миром в аренду на больший или меньший срок, причем арендаторами являются иногда свои же более зажиточные крестьяне, большей же частью посторонние лица. Общим правилом является то, что деньги, получаемые с арендатора, идут прежде всего на уплату податей и повинностей, а затем на разные мирские (сельские) расходы». Но «часть арендной суммы, получаемой с мирских оброчных статей, всегда и везде идет на мирское угощение, на так назыв. “спрыски”, состоящие обыкновенно в выпивке».

Вода играет в жизни человека большую роль в качестве одного из важнейших питательных веществ и множеством услуг, доставляемых ею в домашнем хозяйстве и в производстве. Несмотря, однако, на такое важное значение, пользование водой, по причине всеобщего ее распространения и легкости приобретения, очень часто не подчиняется порядкам хозяйственной экономии, и, вероятно, только в меньшинстве случаев вода служит таким же предметом заботы или хозяйственного оборота, как различные предметы и средства производства. Обращаясь к этим последним случаям, следует сказать, что вода может служить объектом особых мероприятий:

- 1) как предмет потребления в крестьянском быту и хозяйстве;
- 2) как источник другого предмета потребления – рыбы;
- 3) как источник двигательной силы.

Запасы воды в природе встречаются почти всюду, где поселяется человек, и обыкновенно в количестве, достаточном для удовлетворения обычных его хозяйственных потребностей, почему не представляется надобности в издании правил, регулирующих пользование ею со стороны отдельных членов общества. Но вода не всегда удободоступна и является необходимостью в затрате труда для соединения подземных источников с поверхностью земли, для удержания в определенном месте воды, выпадающей из атмосферы, и т. п. Такая затрата в виде рытья колодцев, устройства запруд, плотни и поддержания всех этих сооружений в исправном состоянии очень часто совершается обществом, причем оно применяет обычные средства для равномерного распределения между всеми затрат труда и денежных средств, требуемых предприятием: разверстывает эти затраты между общественниками по душам, по дворам и т. п. Раз это будет достигнуто и запасы воды в природе сделаются доступными человеку – пользование ею для хозяйственных нужд не подвергается какому-либо регулированию, за исключением разве ограничений, проистекающих от назначения известного источника воды для потребления самого человека, а не его скота.

Но есть случаи, когда пользование водой для хозяйственных нужд подчиняется такой же строгой регламентации, как и пользование пашней, покосом и т. п., и один из таких случаев мы имеем в порядках пользования водой рек в некоторых общинах Крыма.

В силу того обстоятельства, что в долинах *Крыма* получили большое распространение культуры, требующие для поливки много воды (табак, виноград и т. п.), а горные речки небогаты водой и легко мельчают, – население выработало систему правил, регулирующих пользование отдельными хозяевами речной водой, в смысле уравнительного распределения между всеми имеющегося запаса воды. В сборнике приводятся порядки пользования, практикующиеся в Таракташской вол. Общее правило состоит в том, что первыми поливаются виноградники, лежащие всего ниже (ближе к устью), за ними поливаются по очереди вышележащие, такой порядок поливки установлен ввиду того, что при спаде воды недостаток ее всего раньше почувствуется нижележащими местами как дальше отстоящими от источника рек (верховья). При недостатке воды регулируется и продолжительность поливки садов отдельных хозяев, которая определяется стариками, в зависимости от количества воды в речке и поливаемой площади. Постановления стариков не всегда исполняются лишь в селениях, где поливка производится водой горных потоков, быстро наполняющихся во время таяния снегов и сильных дождей и столь же быстро высыхающих, почему хозяева, которым предстоит воспользоваться водой последними, рискуют оставить свои сады без поливки. Пользование рекой Суунь-Су, протекающей по Таракташской и Судакской долинам, распределено между обеи-

ми таким образом, что сел. Таракташ пользуется водой с 1 марта по 1 ноября, а судакские садоводы – в остальное время года. <...>

Рыбные ловли, имеющиеся в наделе крестьян, общества или предназначают для эксплуатации своих членов, или обращают в доходные мирские статьи и сдают их в аренду, выговаривая при этом иногда для своих членов право ловли рыбы небольшими снарядами. В первом случае пользование угодьем обыкновенно вполне свободно, иногда оно допускается под условием взноса в общественную кассу известного платежа (см. *Одесский у.*), производства лова рыбы всеми одновременно, в особо назначенные для того дни; встречаются общины, разверстывающие между своими членами состоящие в их владении рыболовные угодья подушно (например, озера, см. *Бузулукский у.*).

Интересный пример пользования рыбными ловлями представляют случаи совместного владения угодьем несколькими деревнями. Такие случаи встречаются в *Ямбургском у.* Так, в Наровской вол. берег Наровского залива делится на 12–15 участков, – соответственно числу бережных деревень, имеющих право рыбной ловли и величине населения каждой из них, – которые распределяются между деревнями по жребию. Ширина участка несколько превышает ширину невода, т. е. равняется около 200 саж. Лов совершается на том же месте целую зиму; для ловли крестьяне группируются в артели из 10 человек обоего пола каждая. В рыболовном промысле Лужской губы участвуют 39 селений Лужицкой и Стремленской волостей. Берега Финского залива делятся на 74 участка (в 76 саж. шириной) по 37 для каждой из волостей. Участки распределяются ежегодно жребием между партиями в 10 чел. составляющими рыболовную артель (Матер., вып. III, с. 207–210).

В с. Рыбацком *Петербургского у.* общественники имеют право ловить бесплатно рыбу на водах, прилегающих к наделной земле; кроме того, общество отдает крупным промышленникам в аренду право устройства топей. В Стародеревенской, Полюстровской и Московской вол., по-видимому, пользование рыбными ловлями свободно (Матер., в. V, с 298–300). В *Воронежском у.* пользование рыболовными угодьями для удовлетворения домашней потребности членов общества свободно; где же рыболовство обращается в особый промысел, там общество сдает рыбные ловли в аренду (указано 10 общин), иногда вместе с прилегающими пастбищами или сенокосными угодьями. В *Острогожском у.* указаны 4 общины, сдающие в аренду рыболовные угодья. В *Елецком у.* существование рыболовных угодий показано для 13–15 общин Ламской, Казацкой, Черновской, Суворовской и Воронежской вол. За исключением 3–4 общин, где крестьяне ловят рыбу сами (б. ч. артелями), рыбные ловли сдаются в аренду за плату от 210 до 270 руб. в год. В *Белгородском у.* рыбные ловли с. Толоконного (1 общ.) сдаются в аренду за 50 руб.

в год. В *Одесском* у. своими рыбными ловлями в Приднестровье крестьяне¹ большей частью пользуются сами, иногда захватно, а иногда с небольшой платой в общественную кассу (Матер., т. I, с. 230). В *Александрийском* у. указаны 5 общин б. военных поселян, сдающих свои рыбные ловли в аренду, причем три из них выговорили для своих членов право ловить рыбу волочками, не длиннее 3–5 саж. Часть рыболовных угодий в размере 14,2 дес. Новогеоргиевское общество б. военных поселая приобрело в 1871 г. от казны за 380 руб. (Матер., т. III, с. 369–370). В *Тираспольском* у. «в Днестре, принадлежащем госуд. кр., лов рыбы свободен: ловит кто и чем хочет; для приобретения более ценных снарядов (невод, ория, волок) образуются артели, члены которых в то же время и рыбаки». Для невода составляется артель человек из 10, которые ловят им сообща (Мат., т. IV, с. 250). В *Ростовском* у. доходы обществ от рыбных ловель достигают 760 руб. в год (Сб., т. I, с. 237). В *Бахмутском* у. пользование рыбными ловлями свободно. В *Новоузенском* у. доходы обществ от рыбных ловель достигают 8900 руб. В *Бузулукском* у. 3 общины владеют рыболовными озерами. Две из них верстают озера между членами: Макашовская община (572 р. д.) подвергает их ежегодной жеребьевке, назначая каждое из 5 больших озер одному домохозяину из части улова; в Камвино-Сорминской общине, имеющей 6 озер, крестьяне сами ловят рыбу, каждый в озере своего десятка; в Мухановской общине до момента замерзания озера никто из крестьян не имеет права ни ловить рыбу, ни даже ездить по озеру, иначе как на охоту (условие, формально выраженное бывшей владелицей кр. своим детям, а от них перешедшее к крестьянам); лов же производится в течение 1–2 назначенных дней всеми одновременно, вершами и ватерями; рыба вылавливается вся, но весной опять нагоняется в озеро из р. Кинеля. В *Днепровском* у. указаны 5 общин, получающих с рыбных ловель доход от 30 до 1000 руб. в год; в Алешковской общине ставки нанимаются у общества и членами последнего; может быть, то же самое приложимо и к остальным случаям.

Эксплуатация воды в качестве *двигателя* требует таких затрат на приспособления, что уже по этому одному она может быть доступна лишь немногим членам общества; с другой стороны, эта эксплуатация доставляет порядочный доход, почему представляется естественным, чтобы часть такового поступила в пользу общества. Ввиду сказанного, вода как двигатель составляет обыкновенно мирскую оброчную статью, и, вероятно, этим обстоятельством объясняется скудость данных в наших материалах по вопросу о порядках регулирования пользования водой как двигателем членов самого общества. Такие порядки известны, например, для сл. Новой Калитвы *Острогожско-*

¹ Вероятно, 4 общества искони государственных крестьян: Яски, Беляевка, Троицкое и Граденцы, владеющие землей при устье р. Днестра.

го у.: места на р. Дону под мельницы были заняты здесь каждым свободно, впоследствии же для устранения возникших недоразумений «хозяева мельниц установили очередное пользование местами, на которых устанавливаются мельничные байдаки, чередуясь погодно при пользовании худшими и лучшими пристанями». Обыкновенно же, повторяем, вода – двигатель – составляет мирскую доходную статью: общество сдает берега реки в аренду под постройку мельницы и т. п. или имеет собственные мельницы, отдаваемые в аренду же. В исключительных случаях, однако, из общественной мельницы извлекается доход иначе; так, мельница, принадлежащая обществу крестьян сл. Неклюдова (соб.) Неклюдовской вол. *Корочанского* у., эксплуатируется обществом за свой счет: нанимается мельник, а доход с мельницы (натурой), за вычетом жалованья мельнику, идет на пополнение общественного магазина¹.

Мельницы, имеющиеся в собственности общества, в большинстве случаев перешли к ним от арендаторов в счет арендной платы за нанимаемое угодье; в некоторых случаях мельница строилась самим обществом или куплена им за деньги. Так как сплошь и рядом противоположные берега реки (а иногда и один и тот же) принадлежат разным владельцам, то нередко случаи принадлежности мельницы нескольким обществам, а иногда в числе совладельцев фигурируют и отдельные лица, не входящие в состав общества. Встречаются случаи принадлежности мельницы не всей (сложной) общине, а одному или нескольким поселениям, входящим в состав таковой.

В *Елецком* у. 23 общины² (в том числе 11 сложных) б. государственных крестьян имеют в общественной собственности до 30 мельниц. Из 12 находятся в единственном владении 11 общин, остальные – в общем владении нескольких контрагентов: 3 мельницы состоят каждая в общем владении 2 общин, 4 мельницы в общем владении с Казаков Казацкой вол. и сл. Александровки Ламской вол. (последней принадлежит право на $\frac{1}{4}$ часть дохода), одна мельница состоит в совместном владении общины д. Русской Казинки и 3-х деревень, составляющих часть сложной общины Черновской вол., одна мельница принадлежит с. Черновке, входящему двумя своими половинами в состав 2 различных сложных общин; сложная община из 11 сел Воронежской вол. имеет в своем единственном владении 3 мельницы и в общей собственности с землевладельцем одну; сложная община Ламской вол. имеет 2 мельницы в своем единственном владении и одну – в совместном с г. Ельцом; одна мельница Казацкой вол. в $\frac{1}{8}$ доле принадлежит местной помещице, в $\frac{1}{4}$ доли – д. Чернышевке и в $\frac{5}{8}$ долях – с. Н. Ворголу; совместное владение образовалось вследствие того, что

¹ Половина деревни Гнездилова (душ.-четв.) Подольшанской вол. того же уезда имеет в общей собственности мельницу (родовую), которой все совладельцы пользуются по очереди, посуточно.

² Ламской, Казацкой, Черновской, Суворовской, Каменской, Стегаловской, Требунской и Воронежской волостей.

берега реки, к которым примыкает плотина, принадлежат разным владельцам. Около 12 мельниц построены очень давно (около 100 лет тому назад, «дедами» и т. д.), 6–8 в недавнее время лицами, арендовавшими у крестьян берега реки с целью постройки мельниц, которые по окончании срока аренды поступали в собственность общества. Все мельницы сдаются в аренду, обыкновенно на 12 лет, за плату от 20 до 1500 руб. в год, причем некоторые общества выговаривают право на бесплатный или льготный помол хлеба членов общества; некоторые мельницы сданы в аренду бесплатно, но при обязательстве арендатора перестроить их или за право помола хлеба за пониженную плату. Сумма, полученная за сдачу в аренду мельниц, обыкновенно зачисляется в уплату податей или на другие общественные нужды; в некоторых общинах она разверстывается между семьями по числу душ. В *Трубчевском* у. общественных мельниц насчитывается до 12–15, принадлежащих (кроме одной) общинам б. государственных или удельных крестьян Красносельской, Уруччинской, Юровской, Усохской и Селицкой вол. Две мельницы находятся каждая в совместном владении 2 общин; доход с них делится между совладельцами в одном случае пополам, в другом – по числу душ в обеих общинах. Одна мельница перешла в общественное владение от арендатора в виде платы за пользование берегами реки, одна куплена в 1881 г. у Удельного ведомства. Мельницы обыкновенно сдаются в аренду, в большинстве случаев, кажется, на 9 лет; арендная плата колеблется от 30 до 200 руб. в год. Общество д. Слободки Усохской вол. эксплуатирует мельницу за свой счет, мельники очередные из своей деревни; дохода имеет 500 рублей в год, частью идущие на мирские расходы, частью разделяемые по душам. В *Новооскольском* у. общественные мельницы имеются у 3 поселений, сдаются в аренду: в сл. В. Михайловской (гос.) за 270 руб. в год, д. Ларионовке (соб.) за 15 руб., сл. Слоновой (гос.) за обязательство арендатора перестроить ее. В *Корочанском* у. насчитывается 4 общественные мельницы, из которых одна находится в совместном владении 2 селений, другая – 3 селений, входящих в состав сложной общины госуд. кр. Н. Слободской вол., образованной из 18 селений. В 3 случаях мельницы сдаются в аренду за сумму 60–100 руб. В *Белгородском* у. общество с. Петропавловки (гос.) Сабынинской вол. сдает две свои водяные мельницы с 12 дес. земли при них в аренду за 500 руб. в год. Доход с водяных мельниц в *Новоузенском* у. достигает 3136 руб. сер. В *Калязинском* у. отмечены 5 водяных общественных мельниц (Белгородской, Плещеевской, Рославской вол.); одна отдается в аренду за 300 руб. в год, другая приносит дохода 30 коп. на душу, третья – 36 коп., 4-я – 50 коп. Две мельницы теперь не действуют, из них одна, принадлежащая 6 деревням Сушевской волости, прежде приносила годового дохода 6¹/₂ т. руб., а теперь поломалась и не поправляется, потому что нет охотников арендовать ее (см. примеч. к табл.). В *Новоторжском* у. отмечено ок. 10 мельниц, принадлежащих 8 деревням, б. ч.

помещ. кр. Мошковой, Пречисто-Каменной и Сукромлинской вол.; 5 сдаются в аренду за сумму от 20 до 50 руб. в год, одна – за 500 руб. и бесплатный помол зерна общественников и 3 мельницы, принадлежащие д. Дурулино, за 700 руб. (см. примеч. к табл. 3). Эксплуатация воды как двигателя в *Воронежском* у. совершается путем аренды, т. е. дозволением на тех или других условиях построить на реке мельницу. Указаны 6 общин, имеющих одну или несколько общественных мельниц и сдающих их в аренду обыкновенно на 12 лет, причем с. Смердячая Девица получает за свою мельницу арендной платы 1100 руб. в год. В *Острогожском* у. насчитывается несколько общин, сдающих реки под мельницы. В *Михайловском* уезде отмечены 3 общественные мельницы: две в Токаревской вол., сдаваемые за годовую плату в 9 руб. (при даровом помоле хлеба членов общины) и 200 руб., и одна в Плахинской вол., выстроенная арендатором за право пользования рекой в течение 6 лет. В *Егорьевском* у. отмечено до 10 общественных мельниц (одна принадлежит 3 деревням Раменской вол.), сдаваемых в аренду за плату от 20 до 350 руб. в год. Три деревни удельных крестьян Юровской вол. *Трубчевского* у. сдают копани для мочки конопли в аренду за 10–60 руб. в год, а д. Плосково (соб.) поделила их по числу душ, и в настоящее время они сохранились только у исправных хозяев.

Общественные запашки и другие общинные предприятия. Общественные запашки¹, устраиваемые в некоторых селениях, назначаются или для заполнения хлебных магазинов (в *Острогожском* у. солома идет на другие общественные нужды: уплату податей, отопление общественных зданий, прокормление общественного быка и т. п.), или для удовлетворения каких-нибудь других временных или постоянных общественных нужд. Число общин, учреждающих запашки для целей второго рода, гораздо меньше числа их, прибегающих к запашкам для пополнения хлебного магазина. Большая их часть устраивается ради церковных нужд: построения или поправления здания церкви или колокольни; запашки с указанным назначением встречаются почти во всех уездах, где зарегистрировано существование общественных запашек не с одной только целью заполнения хлебного магазина; за ними следуют запашки для получения средств на мирские расходы: жалованье священникам, низшим должностным лицам, для содержания общественного быка и т. п.; иногда – для уплаты за арендованную землю, для поддержания училища, содержания сирот и дряхлых. Указано 7 обществ, прибегающих к запашкам для уплаты общественного долга. 5 из этих случаев относятся к не-

¹ См. между прочим «Матер. для оценки земель Херсонской губ.», т. I, с. 132–3, т. II, с. 238, т. VI, с. 228; «Общ. зап. в Царицынск., Саратовск. и Петровск. уу.», составлено стат. отд. Саратов. земства вследствие предложения Мин. внутр. д.: материалом служили сведения, относящиеся к 362 преимущественно крупным общинам, при расспросах давшим более или менее определенный отзыв об общественных запашках; Тр. В. Э. Об. 1888 г., № 6, ст. В.С. Пругавина «Общественные запашки в Мариупольском у.».

мецким колониям *Новоузенского* (2) и *Николаевского* (3) уездов. В последнем общественные запашки существуют для уплаты долга екатериненштадтской волостной кассе (с наличным капиталом в 170 т. руб.), сделанного для продовольствия и обсеменения полей. Хотя такие заимствования обыкновенно делаются не всеми хозяевами общины, тем не менее запашка, устраиваемая на то число лет, на какое сделана ссуда, обрабатывается всеми членами. Так, в колонии Филиппсфельд общественные запашки введены на 2 года для уплаты долга в 6000 руб., сделанного 94 хозяевами из 155, в Эрненстинендорфе – для уплаты долга в 3000 руб., числящихся за 95 хозяевами из 139. В колонии Обермунжу под общественную запашку для уплаты 30 000 руб. долга отведено 450 дес. В колонии Привольной *Новоузенского* у. запашкой погашается общественный долг в 40 000 руб. сер.¹

Из сказанного на предыдущих страницах следует, что общественные запашки по целям, ими преследуемым, не представляются повсюду учреждением, долженствующим существовать непрерывно, а в некоторых общинах они прямо открываются для какой-нибудь преходящей потребности, в других, где они назначены для наполнения хлебного магазина, преследуемая ими цель может быть при благоприятных обстоятельствах достигнута в течение нескольких лет, после чего они на некоторое время становятся излишними. Естественно поэтому ожидать, что наблюдение обнаружит одновременно существование случаев прекращения запашек в одних общинах и их учреждения в других или покажет, что в одной и той же общине запашка то прекращается, то возобновляется. Так, из 159 общин *Острогожского* у., прибегающие к общественным запашкам для пополнения хлебного магазина, в 24 таковые существуют не постоянно, а учреждают по мере надобности. То же самое отмечено и для некоторых общин *Николаевского* у. В материалах по *Александр*

¹ В *Александрийском* уезде для составления капитала на постройку церкви учреждена запашка обществами военных поселян: Федварь и Сентово (150 дес.); в *Херсонском* у. 8 обществ имеют общественные запашки для сбора денег в пользу церкви или для покрытия мирских расходов: содержание сельского управления, общественных бугаев и т. п.; Любаватьевское общ. (соб.) *Тираспольского* у. урожай с общественной запашки предназначается почти исключительно на помощь сиротам и дряхлым. Доходы с запашек в *Мелитопольском* у. идут в 2 общ. на построение храма, в мирские расходы, в одном, кроме того, и на пополнение магазина; в *Бердянском* у. в с. Поповке – в пользу церкви, в Берестовом – в пользу церковно-приходского попечительства, ведающего постройку церквей и училищ; в Щербаках – на засыпку хлебного магазина и на жалованье служащим при сельском управлении; в Н. Николаевке – для составления мирского капитала и на уплату за арендованную землю. В *Славяносербском* у. 2 общины назначают доходы с запашки на церковь, 1 – для содержания сторожей при общественных зданиях, 1 – для уплаты волостных и сельских расходов. В 3 уездах Саратовской г. в 9 обществах доходы запашек обращаются на постройку и исправление церквей, в 2 – для уплаты общественного долга, в 1 – на мирские расходы. С. Воздвиженка (дарств.) *Самарского* у. 250 руб. ежегодного дохода с 10 дес. запашки ассигнует на постройку церкви. В *Новоузенском* у. 2 русских общины учредили запашку для церковных нужд; в *Николаевском* у. доход с запашки назначается в 3 обществах на церковь, в 1 – на церковь и для засыпки хлебного магазина, в 1 – для магазина и на жалованье священнику. В *Елецком* у. д. Ериловка с выселками (гос., 192 дв.) учредили на 12 дес. распаханного луга общественную запашку в пользу церкви.

дрийскому у. сказано, что общественная запашка бывает у несколько большего числа обществ, чем то, какое приводится в этом источнике, но не ежегодно, а по временам. В селах Пескошном, Гавриловке и Демьяновке *Мелитопольского* у. общественные запашки учреждались на несколько лет с целью собрать сумму для построения храма; в первом из названных сел в 1883 г. было засеяно 40 дес., доход с которых назначался на устройство школы. В с. Отрадовке Н. Троицкой вол. *Днепровского* у. общественная запашка с целью составления капитала на построение храма существовала в 1879 и 1880 гг.

Главная масса общественных запашек устраивается, как мы знаем, для пополнения хлебных магазинов, которые, по закону, должны заключать хлеба по расчету $1\frac{1}{2}$ четверти на душу. Этот способ образования запасов взамен взноса в магазин своей доли каждым хозяином практиковался в широких размерах в дореформенное время, по преимуществу в обществах государственных крестьян и военных поселян, где общественная запашка, судя по показаниям государственных крестьян *Острогожского* у., со времени голодного 1833 г. вводились по распоряжению соответствующего начальства. Такое происхождение общественных запашек и поддержание их насильственными средствами имело результатом появление в населении нерасположения или к этой форме труда вообще, или только к применению ее для цели образования хлебных запасов, вследствие чего с введением нового положения о крестьянах в 60-х гг. общественные запашки быстро начинают уничтожаться. В данном случае имеется повторение того же проявления ненависти населения к старым порядкам, какое замечалось и по отношению к другим остаткам старины; «...бывшие военные поселяне, – говорится в сборнике материалов по *Александрийскому* у., – заводящие сами у себя сады и древесные насаждения, не могли видеть тех рощ и питомников, которые были насажены ими во время военных поселений из-под палки, и как только эти насаждения достались им в надел, они были беспощадно вырублены и выкорчеваны». По отношению к общественным запашкам эта ненависть к старым порядкам выразилась уничтожением первых как средства для пополнения продовольственных магазинов. Некоторые общества готовы прибегнуть к этому способу добывания средств, но только не для хлебных запасов. Общество военных поселян Сентово *Александрийского* у. три года обрабатывает сообща 150 дес. земли для образования капитала на построение храма: работа «идет гладко и превосходно, и однако общественной запашки для ссыпки хлеба, как это практиковалось во время военных поселений, Сентовское общество не делает, да едва ли и согласится на это в ближайшем будущем». Из 20 общин *Саратовской* губ., учредивших общественные запашки по собственной инициативе, всего 8 назначают урожай на заполнение запасного магазина. Указанный факт уничтожения запашек, заведенных при старых порядках, является очень

распространенным. В обществах государственных крестьян *Тираспольского* и *Херсонского* уу. почти все запашки были уничтожены в 60-х годах: в обществах бывших помещичьих крестьян первого уезда – частью сейчас после реформы, частью в новейшее время. Из 54 обществ бывших военных поселян *Елизаветградского* у., имевших общественные запашки, таковые сохранились до наших дней у 3 обществ; среди бывших помещичьих крестьян от крепостных времен запашка сохранилась у 2 обществ. По данным, относящимся к 3 уездам *Саратовской* губ., в 1858–1865 гг. было уничтожено 45 общественных запашек, в 1865–1875 гг. 10, в 1875–1880 гг. 10, в 1880–1884 гг. 29 – преимущественно тех, которые были учреждены по инициативе земства и, просуществовав 1–3 года, закрылись (некоторые из учрежденных таким образом, вероятно, тоже закроются); кроме того, вскоре после воли были уничтожены 15 запашек, заведенных потом снова. В с. Проходном (д. четв.) Пригородной вол. *Корочанского* у. половина душевой пашни (200 дес.) состояла прежде под общественной запашкой, уничтоженной в начале 60-х гг.

Нужно, однако, заметить, что уничтожение общественных запашек при новых условиях быта крестьян не было явлением, повторявшимся везде, где только они были заведены в дореформенное время. Так, в *Славносербском* у., где общественные запашки существуют у 150 обществ и отсутствуют в 37, главным образом мелких общинах, у государственных крестьян и в 20 общинах бывших помещичьих запашки заведены исстари. Широкое распространение общественных запашек среди государственных крестьян *Острогожского* у. (их имеют 82% общин крестьян этого разряда) г. Щербина объясняет именно привычкой их к ведению этого дела, приобретенной в дореформенное время.

Таким образом, с наступлением новых порядков история общественных запашек не заканчивается, но обстановка, в которой предстояло им развиваться, сильно изменилась. Изменение это заключается, во-1-х, в исчезновении посторонней власти, настаивавшей на учреждении запашек, во-2-х, в развитии крестьянского малоземелья, в-3-х, в резком расчленении членов общины на богатых и бедных.

Исчезновение посторонней власти выразилось, как мы знаем, уничтожением запашек, заведенных при прежних порядках. Вскоре, однако, взамен исчезнувшей появилась новая власть или, по крайней мере, влияние со стороны, до известной степени заменявшее прежнюю власть.

При опросе крестьян о происхождении ныне существующих или недавно уничтоженных запашек получались ответы, что большая часть запашек, устроенных после реформы, явилась не по свободной инициативе общества, а под влиянием со стороны, по совету помещика или мирового посредника, по предложению земства, «по предписанию волости» и т. п. Во многих случаях эти предложения крестьяне принимали как обязательные предписания;

в особенности это, вероятно, нужно сказать о случаях, когда предложения земства об учреждении общественной запашки, иногда сопровождаемые указанием и размеров последней, были делаемы одновременно или после выдачи продовольственной ссуды с целью погашения этим способом долга крестьян в продовольственный капитал. Так, большая часть запашек, явившихся в последнее время в *Саратовской* губ., учреждены потому, что крестьяне считали обязательным исполнить распоряжение земства; большая часть существующих среди бывших помещичьих крестьян *Александрийского* у. запашек заведены вскоре после освобождения «по распоряжению волости»; распоряжение земства и других начальствующих учреждений указывается как причина учреждения запашек некоторыми обществами *Славяносербского* у. В других случаях, однако, влияние со стороны хотя и существует, но в виде совета, принятие которого к исполнению не считается населением для себя безусловно обязательным. Это следует сказать о тех запашках *Славяносербского* у., которые заведены «по совету помещика», «по предложению мирового посредника» и т. п., или о многих обществах *Острогужского* у., учредивших запашки хотя и по желанию крестьян, но после того как «приходила бумага из волости», «от присутствия», «от начальства»¹. С другой стороны, обязательность исполнения предписания новейших властей, вероятно, считается крестьянами не столь строгой, как это было в прежнее время, когда начальство неуклонно следило за тем, чтобы крестьяне устраивали и поддерживали запашки. Это видно из того, что такие «предписания» исполнялись далеко не всеми обществами известного района и что запашки, учрежденные по настоянию со стороны, нередко скоро после этого закрывались. Так, в трех уездах *Саратовской* губ. в 1880–1884 гг. было уничтожено 29 запашек, большая часть которых учреждена незадолго перед тем по «распоряжению» земства; общественная запашка в Александровке *Тираспольского* у., учрежденная в конце 70-х гг. по настоянию земства, вскоре также была уничтожена.

Малоземелье крестьян, неизбежно развивающееся по мере размножения населения, может влиять задерживающим образом на учреждение общественных запашек, так как при недостаточном собственном наделе и затруднительности арендования земли для удовлетворения личных потребностей крестьян в последних естественно вызывается нежелание лишаться части земли ради общего интереса, и наоборот, богатство землей устраняет одно из препятствий к заведению общественных запашек. И действительно, малоземелье как причина прекращения существовавших запашек или препятствие к их учреждению указывается в материалах по *Саратовской* губ., *Тираспольскому*, *Елизаветградскому*, *Острогужскому*, *Славяносербскому* уездам. Сюда,

¹ Считаем нужным заметить, что оценка подобных заявлений крестьян в наших материалах в значительной степени, вероятно, зависит от субъективного настроения исследователей.

вероятно, нужно причислить и часто встречающиеся случаи прекращения запашек по причине неурожая. С другой стороны, более или менее широкое распространение запашек из исследованных местностей наблюдается только в сравнительно многоземельной южной и восточной степной полосе. Впрочем, следует заметить, что крайнее малоземелье крестьян может облегчить введение общественной запашки. Если пахотная площадь общества так невелика, что ее не стоит разбивать между хозяевами, почему возникает вопрос об обращении ее в сенокос, выгон и т. п. уголья, не имеющие в глазах крестьян такой ценности, как пашня, то общество может решиться завести на ней общественную запашку. Такой случай представляет, например, община дарственников с. Безгинки (27 дв.) *Новооскольского* у., обрабатывающая свои 8 дес. пашни миром¹. Равным образом, из 20 общественных запашек *Бахмутского* у., о которых имеются кое-какие сведения, 4 заведены обществами дарственников, пустивших всю свою пахотную землю (в общей сложности 30 дес.) под общественную запашку, а 16 устроены деревнями, выпавшими свою землю до того, что в начале 80-х гг. они нашли нужным обратить всю ее под толоку, причем незначительную часть отделили для общественной запашки (Сб., т. II, с. 91, 114).

Новым важным влиянием, отражающимся на отношении населения к общественным запашкам, является расчленение общины на группы зажиточных и бедняков (которые при этом нередко бросают деревню для заработка на стороне) вместе с усилившейся вообще напряженностью борьбы за существование, что делает крестьян несговорчивыми в случаях, где требуется соглашение членов больших групп. «Оскудение в экономическом положении», говорится при описании *Александрійского* у., заставляет каждого считать всякую мелочь, обостряет взаимные отношения членов общества и вызывает между ними враждебность, вследствие которой богатые хозяева не могут согласиться с бесскотными относительно безобидного для обеих сторон распределения между ними работ по общественной запашке, что и служит главной причиной сокращения последних в этом уезде. В *Одесском* у. общественные запашки сокращаются по «трудности учета и равномерного распределения рабочих сил», необходимых для их обработки; общества, не имеющие запашек, в *Острогожском* у. объясняют отсутствие таковых недостатком земли и неурядицами при работах на запашках. Та же неурядица, трудность равномерно распределить работу между скотными и бесскотными хозяевами, уход многих на сторону, взятое на себя многими крестьянами обязательство выполнения работы на полях землевладельцев выставляются как важные аргументы про-

¹ С 2 ревизских душ выставляется соха, борона и дается на посев $1/2$ меры ржи. Сбор иногда копнами делится на ревизские души, а чаще идет в общественный магазин. На своей земле сеют только рожь, другие 2 клина арендуют.

тив запашек крестьянами *Саратовской* губ. Прекращение запашки в одном обществе *Славяносербского* у. произошло потому, что ссуду хлеба из магазина получили безволовые хозяева, не участвовавшие в обработке земли.

То, что мы говорили до сих пор, рисует отношение населения к общественным запашкам со стороны отрицательной. Прямой опрос крестьян, производившийся в некоторых уездах, дополняет это отрицательное отношение новыми чертами.

Из 169 опрошенных обществ 3 уездов *Саратовской* губ. (сюда не вошли 94 общества, уничтожившие бывшие у них запашки) 146 высказывались против нее и 23 – за нее; недовольные запашкой указывают на трудность заставить всех работать, в особенности там, где многие лица уходят на заработки на сторону, почему одним хозяевам приходится трудиться за других; на то, что для отведения под запашку части надела пришлось бы произвести нежелательную для общества переверстку земли, а устроить ее на арендованной земле затруднительно и т. д. Зажиточные хозяева *Славяносербского* у. высказываются против запашки, потому что им приходится нести на себе всю тяжесть работы по запашке и в то же время не иметь своей доли в продукте, который распределяется только между нуждающимися.

В пользу общественных запашек как средства образования хлебных запасов крестьяне *Саратовской* губ., *Славяносербского* и *Острогожского* уездов приводят то соображение, что трудом легче сделать взнос в магазин, нежели зерном, почему при существовании общественных запашек каждый хозяин может участвовать в пополнении им магазина, между тем как внести свою долю зерном для бедных и малоземельных крестьян не всегда бывает возможно. Это соображение имеет немаловажное значение при том отношении к ссудам из хлебных магазинов, какое замечается среди крестьян: так как ссуда эта выдается под круговую поруку всего общества, а возвращение ее бедными хозяевами крайне сомнительно, почему зажиточные члены общества имеют полное основание ожидать, что уплата займа будет сделана ими, то они не допускают выдачи хлеба из магазина только лицам, в нем нуждающимся, а стремятся разделить его между всеми, пропорционально сделанному каждым взносу. При заполнении хлебного магазина зерном с общественной запашки, при каковом способе в заполнении его участвуют все хозяева, вышеуказанный мотив к подушному распределению запасного зерна значительно ослабляется, почему запасный магазин в действительной жизни ближе может подойти к представлению, связанному с его идеей. Сказанное подтверждается наблюдениями исследователей народного быта. Хотя существование общественной запашки не исключает стремления крестьян к подушному распределению запасного хлеба, каковое, может быть, даже встречается в большинстве обществ, тем не менее в общем некоторыми

исследователями замечено, что крестьяне, имеющие запашки, легче усваивают верный взгляд на запасные магазины, нежели общества, образующие запасы личным взносом зерна. В *Александрийском у.*, например, 298 хлебных магазинов в громадном большинстве случаев пусты, а наполненные ссыпкой от каждого хозяина не достигают цели пособия нуждающимся, так как каждый смотрит на вложенное им зерно как на свою собственность и требует, чтобы оно пошло не нуждающемуся, а ему, всыпавшему. «Общественная благотворительность из магазина, засыпанного хлебом, бывает, но она делается как-то туго; сход дает на это согласие, но нужно об этом говорить долго. Более равномерно распределяется хлеб по степени нужды, и не с такой жадностью держатся за него общества, у которых ссыпан хлеб из общественной запашки. Работа для крестьянина всегда не так ценна, как продукт ее, уже выраженный в конкретной форме». В *Острогжском у.* в некоторых общинах хлеб из общественного магазина, засыпанного с запашки, выдается беднякам безвозвратно; но и там, где безвозвратных ссуд в принципе не допускается, на практике возвращение их «не подчиняется тем правилам, какие практикуются при заимствованиях хлеба из магазинов, пополняемых подворной запашкой хлеба»; «в громадном большинстве случаев ссуды возвращаются только отдельными хозяевами, остальная же масса задолжавших, в особенности бедняки, или состоят в неоплатном долгу, или же освобождаются от засыпки в магазин взятого хлеба».

Некоторые исследователи, не ограничиваясь группировкой собранного ими по вопросу о крепости в населении идеи общественных запашек материала, высказывают и свои заключения, образовавшиеся под впечатлением виденного и слышанного, причем заключения эти отличаются большим разнообразием, зависящим частью, вероятно, от субъективного отношения авторов к вопросу, частью же от разнообразия в положении вопроса в той или другой местности. Так, если авторы описания *Херсонской губернии* о *Тираспольском у.* говорят, что общественные запашки падают, то это будет простым констатированием того факта, что бывшие в дореформенное время запашки в обществах государственных крестьян и военных поселян уничтожены совершенно и сохранились всего в 8 обществах крестьян, б. помещичьих и взамен их не открывается новых. Но если, – несмотря на существование общественных запашек у 107, или 30% обществ б. помещичьих крестьян *Александрийского у.*, причем большая их часть существует с первых годов после воли, а меньшая учреждена недавно, – исследователи говорят, что «в общем по уезду можно утверждать тот факт, что общественная запашка не развивается, а падает», то на основании такого заключения никоим образом нельзя утверждать, что идея общественной запашки не проявляет в данной местности никакой жизненности, хотя мысль автора, вероятно, именно та-

кова. Те же исследователи относительно *Елизаветградского* уезда, где существование общественных запасок констатировано в 93 б. ч. мелких селениях (из 523), преимущественно б. помещичьих крестьян, выражаются осторожнее: «Вообще нужно сказать, что запашки здесь скорее падают, чем развиваются» (Матер., т. II, с. 238).

Другие авторы дают более благоприятный отзыв, имеющий себе оправдание в действительном положении дела в исследованных ими местностях. В.С. Пругавин о *Славяносербском* у. говорит, что, хотя сравнительно немногие запашки заведены по свободной инициативе обществ, тем не менее за исключением 7 обществ, высказавшихся против общественных запасок, все крестьяне безусловно и категорически стоят за последние, что представляется довольно вероятным ввиду факта существования общественных запасок у 80% общин уезда¹. По словам г. Щербины, «все крестьяне *Острогожского* у., как имеющие запашки (62% общин), так и большинство не имеющих их, видят в общественных запашках один из лучших способов разрешения продовольственного вопроса», и некоторые общества устроили запашки по собственной инициативе. В общем замечено, что между богачами и кулаками встречается больше противников, чем сторонников общественных запасок, а между бедняками – наоборот. Н.М. Красноперов, заявивший, что по причине трудности правильной организации обработки общественных запасок население *Новоузенского* у. относится к ним несочувственно, о *Николаевском* у. выражается, что «благодаря обилию надельной земли у б. государственных крестьян, идея общественных запасок с каждым годом все более входит в сознание крестьян».

Л.С. Личков, исследовавший общественные запашки в *Саратовской* губ., высказывает заключение, что сосуществование таких явлений, как «уничтожение запасок во многих общинах одновременно с устройством их в некоторых селениях, отрицательное отношение к запашкам со стороны большей части общин при сочувственном отношении меньшинства (хотя и незначительного), благоприятное запашкам отношение отдельных домохозяев известных общин при одновременном существовании отрицательного к ним отношения со стороны остального населения этих общин», свидетельствует о том, что устройство общественных запасок, выгодное и удобное при одних условиях, может быть совершенно неудобно и невыгодно при других, почему при решении вопроса об устройстве запасок необходимо в каждой случае сообразоваться с местными условиями.

Из вышесказанного видно, что общественные запашки в различных местностях получили неодинаковую степень распространения, как это можно усмотреть и из нижеследующей таблички.

¹ Хотя большая часть запасок уезда заведена по совету или «предписанию».

	Запашки			Запашки	
	Число	Площадь в дес.		Число	Площадь в дес.
Александровский у. в. п.	5	112,5 у 4 общ.	Николаевский у. б. п.	2	28
Александровский у. б. г.	4	24,5	Николаевский у. башкир.	1	5
Александровский у. б. п.	107	863,5	Николаевский у. б. гос.	30	982,5
Тираспольский у. б. п.	8	—	Николаевский у. немец.	3	450 у 1 общ.
Херсонский у.	7	109	Новоузенский у. рус.	12	652
Елизаветградский у.	93 ¹	618	Новоузенский у. немец.	2	—
Мелитопольский у. б. п.	2	108	Острогожский у. б. г.	98	1340
Мелитопольский у. б. г.	3		Острогожский у. собств.	57	538
Днепропровский у. гос.	5	150 у 4 общ.	Острогожский у. дарств.	4	38
Бердянский у. гос.	7	440	Тимский у. госуд.	1 ³	—
Бахмутский у. помещ.	20	—	Новооскольский у. пом.	2	11
Славяносербский у.	150 ²	1849	Корочанский у. пом.	1	60
Саратовский у. Царицынский у. Петровский у.	123	—	Елецкий у. госуд.	1	12

Данные этой таблицы подтверждают вышеуказанное наблюдение о зависимости распространения общественных запашек от аграрных условий. Хотя нельзя поручиться за то, что исследование зарегистрировало все случаи общественных запашек, почему отсутствие в материалах указания на их существование в каком-либо уезде не служит доказательством полного их там отсутствия, тем не менее можно, кажется, утверждать, что где общественные запашки имеют более или менее значительное распространение, там они не ускользнули от внимания исследователей и записки о них занесены на страницы наших материалов. Поэтому мы вправе, следуя данным таблички, утверждать, что общественные запашки, по крайней мере имеющие целью

¹ Преимущественно б. помещ. кр. и притом в мелких общинах.

² По-видимому, у 12 общ. б. гос. кр. (из 16) и 138 б. помещ.

³ Душевая земля в обществе четвертных крестьян.

образование хлебных запасов, распространены почти исключительно в сравнительно редко населенной, степной полосе.

Довольно значительная часть этих запасек сохранилась от дореформенных времен, но большая их часть учреждена после реформы, главным образом в 60-х гг.; немалое их число получило существование в 80-х гг. текущего столетия.

В *Александрийском* у. от прежних времен сохранились общественные запашки у 3 общ. б. военных поселян и 2 б. помещ. кр.; из остальных 105 запашек у крестьян последнего разряда большая часть учреждена вскоре после воли, меньшая – в недавнее время; с. Сентово завело запашку в 80-х гг. В *Тираспольском* у. общественная запашка сохранилась от прежних времен у 8 общ. б. пом. кр. В *Бердянском* у. в с. Поповке общественная запашка учреждена в 1882 г., в с. Берестовом – в 1883 г., в с. Н.-Николаевке – с 1875 г., еще в то время, когда все село составляло одну общину (в 81 г. оно разбилось на 2), в 85 г. одна община села уничтожила запашку. В с. Н.-Конотопке *Мелитопольского* у. общественная запашка в размере 10 дес., существовавшая при ревизской разверстке земли, в 1872 г. с переходом к наличной разверстке уничтожена и возобновлена на 20 дес. выморочной земли в 1882 г., с возвращением общества к ревизской раскладке. В *Славносербском* у. у 12 обществ б. госуд. кр. и ок. 25 б. помещ. запашка существует с дореформенных времен, у 7 общин она заведена в 70-х гг., в большей части общин – вскоре после реформы¹. Из 123 запашек, существующих в 3 уездах *Саратовской* губ., время учреждения 25 осталось неизвестным, 32 сохранились от дореформенных времен, 51 заведены в последние годы (из них 7 существуют не менее 7–10 лет), 15 были уничтожены вскоре после воли, а потом возобновлены. В *Николаевском* у. в 2 русских общинах запашка сохранилась от прежних времен, в 1 учреждена вскоре после воли, в 2 – в 70-х гг., в 7 – в 80-х гг.; в немецких колониях этого и *Новоузенского* у. они, по-видимому, новейшего происхождения. В *Острогожском* у. общественная запашка б. госуд. кр. в большинстве общин сохранилась от дореформенных времен; в 6 была уничтожена, а в 80-х гг. вновь учреждена; что касается б. помещичьих крестьян, то в большинстве случаев запашки заведены вскоре после освобождения; указано 3 общины, устроившие ее в 70-х гг. и 5 (в том числе 3 – дарственников) – в 80-х гг.

¹ В *Мариупольском* у. почти у всех обществ б. гос. кр. общественные запашки заведены в дореформенное время, по инициативе начальствующих лиц; в обществах б. помещичьих крестьян после освобождения по инициативе земства; в 2 общ. б. госуд. кр. и одном б. казаков азовского войска – в 70-х гг., в 2 общ. б. казаков – в 80-х гг. – все по инициативе земства. 2 общины греков устроч. или запашки в 70-х гг., 11 – в 80-х гг., частью по собственному почину, частью по инициативе земства. В 5 еврейских колониях обществ. запашки по предложению земства и попечительства учреждены в 70-х гг. В немецких колониях обществ. запашек нет.

Рассуждая а priori, площадь земли, отводимой под общественную запашку, должна зависеть от цели, для которой последняя устраивается, и так как размер запасных хлебных магазинов зависит от количества населения, то естественно было бы ожидать встретить более или менее правильное соотношение между площадью запашки и числом дворов или душ в обществе. За неимением подробных на этот счет сведений нельзя убедиться, насколько такая правильность осуществляется в действительности; отдельные же сведения на этот счет недостаточны для разъяснения вопроса. Саратовское земство предлагало обществам устраивать запашки в размере 1 дес. на 20 ревизских душ, каковое предложение, вероятно, нередко и осуществлялось в действительности. В *Одесском* у. под общественную запашку отводится, смотря по величине селения, от 3 до 56 дес., в среднем приходится 1 дес. на 7 дворов; в *Елизаветградском* – 1 дес. на 8; но по отдельным обществам последнего уезда это отношение крайне колеблется в зависимости между прочим от большей или меньшей возможности достать нужное количество земли. Общественная запашка устраивается на надельной или арендованной земле и в первом случае на мироплатимой или нарочно отрезанной с соответствующим уменьшением наделов всех хозяев. Чаще всего под нее отводится надельная земля и притом нарочно отрезанная; к арендованию земли прибегают почти исключительно б. помещичьи крестьяне, главным образом, дарственники, т. е. общества, получившие наименьший надел. Весьма часто, если не в большинстве случаев, под общественные запашки отводится лучшая и, по возможности, ближняя земля (*Славяносербский* у., *Саратовская* губ.); но там, где население запашкам не сочувствует, под них иногда отделяются худшие или дальние участки.

В *Херсонском* у. в Понятовке под общественной запашкой находится 1 надел ушедшего члена общества, Роксандровке – 4 дес., Павловке – 2 дес., Н.-Григорьевке – 3 дес. ржи и 2 дес. ячменя, Ивановке – 10 дес., Николаевке – 8 дес., Староселье – 80 дес. (Матер., т. VI, с. 228). В *Елизаветградском* у. под запашку отводятся или сиротские и выморочные наделы, или идет земля от каждого хозяина, или (реже) снятая у владельцев, за деньги или скопщину. Запашки в 1 дес. находятся у 4 общ., в 2 дес. у 11, в 3 дес. у 26, в 4 дес. у 3, в 5 дес. у 9, 6 дес. у 7, 7 дес. у 2, 8 дес. у 4, 9 дес. у 1, 10 дес. у 14, 15 – у 5, до 20 дес. у 4, выше 20 дес. (до 27) у 3 обществ. В *Тираспольском* у. в 2 общ. запашка ведется на снятой за скопщину земле, в 6 – на надельной, причем в одном под запашку отводится выморочная земля и в одном – оставшийся неподеленным клин в 1 дес. (Матер., т. IV, с. 148–149). В *Александрийском* у. у $\frac{1}{5}$ общества общественная запашка устраивается на арендованной (б. ч. за скопщину) земле, у $\frac{4}{5}$ – на надельной, причем иногда для этого служит мироплатимая земля (между прочим сиротская), большей же частью нарочно отрезанная от пло-

щади надельной с уменьшением долей всех хозяев; общество Омельник купило для запашки 12 дес. у лиц, ушедших «на Кубань». В *Мелитопольском* у. под общественную запашку в обществах с ревизской разверсткой обыкновенно отводятся выморочные и сиротские наделы, в Серых Хуторах под нее обращены 22 дес. клочков, оставшихся после передела на наличные души. В *Днепровском* у. в с. Любимовке (наличн. разв.) запашка устроена на 60 дес. убылых душ, в Н.-Владимировке (36 дв., образовано в 1856 г. николаевскими солдатами) – на 2 выморочных наделах; в с. Павловке (новое) запашка (для магазина) заведена на 20 дес. В с. Н.-Николаевке *Бердянского* у. под запашку отведено 80 дес. надельной земли и 40 дес. арендованной. На надельной земле учреждается запашка в *Николаевском* у. и *Острогожском* у. (за исключением, кажется, одной общины). Из 123 обществ. запашек *Саратовской* губ. на арендованной земле устроено 15 запашек (из них 10 у дарственников); плата за арендованную землю или разверстывается по тем единицам, по каким разверстана надельная земля, или уплачивается из дохода по оброчным статьям, из сельского общественного сбора; во многих общинах под запашку отводят участки, оставшиеся неразверстанными при коренном переделе; в *Царицынском* у. часто отводится земля, распаханная из-под выгона. В *Славяносербском* у. 116 обществ (в том числе все – госуд. кр.) отводят под обществ. запашку надельную землю, 22 (главн. обр. дарственники) арендованную, 9 общ. – ту и другую¹. В х. Куфлиеве (соб.) Холанской вол. *Новооскольского* у. (составляющем часть сложной общины) под запашку распахано 3 дес. выгона.

Обработка земли, находящейся под общественной запашкой, производится или наймом, или собственным трудом членов общины. Первый вид встречается сравнительно редко и применяется или ко всем операциям, или только к некоторым. Все работы на запашке производятся наймом в с. Покровском (военные поселяне) *Александрийского* у., в 5 обществах *Николаевского* у., в нескольких общинах 3 уездов *Саратовской* губ. В 25 общинах *Николаевского* у. часть работ (обыкновенно пашня) производится наймом, часть – трудом общественников, причем в большинстве случаев жатва производится коллективным трудом женщин. В некоторых общинах *Саратовской* губ. наймом вспахивается запашка или убирается с нее хлеб; нередко возка хлеба и его молотьба сдается за солому. В большинстве общин *Новоузенского* у. пашня и молотьба производятся наемным трудом, а жатва – коллективным трудом общественников. В *Острогожском* у. пашня или молотьба также иногда производится наймом. В с. Любимовке *Днепровского* у. обработка земли совершается обществом, а уборка хлеба сдается неимущим из $\frac{1}{3}$.

¹ В *Мариупольском* у., за исключением 2 еврейск. колоний и 1 русской, устраивавших запашку на арендованной земле, под нее отводится надельная, б. ч. из-под толоки или мироплатимые души.

В большинстве общин, однако, обработка общественной запашки производится личным трудом членов общины, причем или существует правильная разверстка работы между отдельными хозяевами, или таковая совершается каждым по мере сил. Последнее наблюдается по преимуществу в мелких общинах или при небольшой запашке. Так, в некоторых общинах (б. ч. мелких) *Острогжского у.* на работу идут все одновременно, каждый делает, что может, и дело исполняется обыкновенно в один день. Подобным же способом обрабатывают запашку ок. 60% обществ (б. ч. мелких) *Славяносербского у.*, и так как большая часть работ выпадает при этом на долю зажиточных, имеющих скот хозяев, то бесскотные исполняют за это различные работы «по миршине» – чинят общественные магазины, дороги, мосты и т. п. В некоторых общинах *Александрійского у.* «каждому предоставляется работать, кто как может, и тяглые не “нарекают” на бедных, руководствуясь тем соображением, что все мы под Богом: “сегодня у меня есть волы, а завтра не будет”. Такими же соображениями руководствуются эти общества и при раздаче хлеба из магазинов: тяглые хозяева никогда не берут оттуда хлеба и не в претензии на бедных, что они разбирают хлеб по мере нужды. К сожалению, таких дружных общин с любовными отношениями друг к другу очень немного»¹.

В большинстве случаев, однако, применяется более или менее систематическое распределение работ на запашке между членами общества: или равномерно между всеми по одной и той же норме, или сообразуясь с хозяйственным положением членов общества. Первое встречается реже последнего. Оно наблюдается в некоторых общинах *Саратовской губ.*, в нескольких обществах *Александрійского уезда*, где каждый хозяин должен обработать известную площадь лично или наймом, *Елизаветградского* (каждый хозяин должен вспахать определенное число сажень, скосить известное число «ручек» и т. д.), *Острогжского*, где каждый член общества исполняет все работы в размере, одинаковом для всех хозяев или соответствующем числу значащихся за ним надельных душ; в 10% общин с запашками *Славяносербского у.*, где работы распределяются по ревизским душам, по количеству надельной земли или «по венцам», с назначением денежного штрафа за уклонение от работы (иногда, впрочем, за бесскотных хозяев работы, требующие участия скота, производятся остальными)².

Таким образом, наиболее распространенным способом обработки запашки нужно считать исполнение каждым хозяином тех работ, какие возможны

¹ Работа без наряда, «гуртом» производится в 8 русских обществах *Мариупольского у.*

² В Н. Николаевской общине *Бердянського у.* все работы по запашке распределяются пропорционально имеющемуся у хозяев количеству скота; в селе Щербаках работа распределяется по числу значащихся за каждый хозяином надельных душ; то же самое было при существовании запашки в с. Янчекране (помещ.) *Мелитопольского у.*

по его хозяйственной состоятельности, т. е. поручение работ, требующих участия скота, лишь хозяевам, владеющим таковым, и привлечение бесскотных хозяев лишь к пешим работам.

По-видимому, чаще всего встречается порядок, при котором на хозяевах, имеющих скот, лежат только работы, требующие участия последнего, а на бесскотных – исполнение остальных работ. Вероятно, сказанное приложимо к обществам *Елизаветградского, Одесского, Александрийского* уездов. В последнем хозяева, имеющие полный плуг, пашут, имеющие меньше скота – боронят и возят, бесскотные убирают и молотят, причем в пределах каждой из указанных групп крестьян работы распределяются поровну между хозяевами, или иногда «экономическое положение хозяина берется при этом в связи с его наделенностью». В 30% общин *Славяносербского* у. воловые хозяева пашут землю и возят хлеб, лошадным иногда поручается только бороньба, бесскотные косят и убирают хлеб; иногда, впрочем, в последних работах участвуют и хозяева, владеющие скотом. Начало распределения работы сообразно состоятельности членов общества применяются в *Острогжском* у. в различных видоизменениях. Так, в одних общинах тяглые хозяева исполняют только работы, требующие участия скота (при этом в некоторых общинах воловые пашут, а лошадные боронят и сеют), а пешие – все остальные, в других – на исключительной обязанности бесскотных хозяев лежит только сев и молотьба, уборка же производится всеми хозяевами; в третьих – все хозяева участвуют и в уборке, и в молотьбе; в четвертых – сев возлагается на хозяев, имеющих скот. В с. Н. Конотопке *Мелитопольского* у. 20 дес. общественной запашки вспахиваются всеми хозяевами, имеющими рабочий скот или плуг, выезжающими на работу в один и тот же день; уборка хлеба распределяется между всеми надельными душами поровну; возка хлеба и молотьба лежат на обязанности хозяев, имеющих лошадей. В с. Берестовом *Бердянского* у. обработка запашки производится всеми домохозяевами, выезжающими на работу со всем имеющимся у них скотом; бесскотные засевают поле.

Вообще, нужно сказать, что принятое распределение работ не всегда строго соблюдается, причем наичаще, по-видимому, встречаются случаи, когда зажиточные хозяева берут на себя больше работы; в некоторых случаях это делается потому, что они имеют особые выгоды от пользования общественной толокой. По этой причине все работы на запашке распределены лишь между скотными хозяевами в размере $\frac{3}{20}$ дес. на пару волов в Н. Николаевском обществе *Бердянского* у. (зажиточные хозяева пользуются здесь как надельной, так и арендованной толокой). В некоторых же обществах *Славяносербского* у. богатые хозяева взяли на себя все работы на запашке

ввиду поднявшейся со стороны бедных хозяев агитации в пользу переложения повинностей с земли на скот¹.

Работы по общественной запашке распределяются или прямо между хозяевами, или между частями общества, на которые возлагается обязательство обработать известную площадь запашки. Встречаются также случаи распределения между частями общества не площади запашки, а различных работ, т. е. поручение одной части производства вспашки, другой – уборки и т. д.

Распоряжение работой лежит или на сходе, или на особо избранных для этого лицах. За неисполнение назначенной для них работы крестьяне в некоторых общинах штрафуются водкой или деньгами. В некоторых общинах денежным сбором облагаются и хозяева, отсутствующие и потому в работе не участвующие.

Работы производятся или всеми одновременно, или каждым независимо от других.

В *Одесском* у. работы на общественной запашке производятся поочередно группами (например, в 10 человек). В *Острогожском* у. в некоторых общинах все работы или только некоторые производятся по очереди отдельными группами хозяев, на какие разбивается община, причем те группы, которые не работали в текущем году, начинают работу первыми в следующем. Распоряжается работой общинный сход, но в некоторых общинах выборные лица (староста, сотский, магазинный «вахтер») наблюдают за исполнительностью отдельных членов, за очередями и т. п. По-видимому, работы исполняются всеми одновременно. Не участвующие в работах (например, отсутствующие) в некоторых общинах облагаются сбором в размере $1\frac{1}{2}$ –3 руб. от семьи. За неисполнение работ общество иногда штрафует водкой, заставляет исполнить лишнюю работу по какой-либо натуральной повинности и т. п., но бывает, что неисполнительность в этом деле заставляет общество уничтожить запашку на время или навсегда. В 3 уездах *Саратовской* губ. в большинстве случаев работа распределяется между хозяевами по обычной разверсточной единице (в Алексеевке *Саратовск.* у. работа распределяется между крестьянами, воспользовавшимися продовольственной ссудой, в Александровке – по едокам с 2-летнего возрас-

¹ В *Мариупольском* у. из 52 рус. общин, о которых имеются сведения, 28 распределяют пашню по плугам, уборку – по венцам; 11 – все работы по ревизск. душ.; 5 общ. – пашню по плугам, уборку – по ревизск. душ.; в 8 общинах работы производятся без наряда, «гуртом». У греков преобладает распределение, при котором богатые пашут, бедные – убирают; в 2 общинах пашня раскладывается по плугам, уборка – по венцам; в 4 обществен. запашка сдается в скопщину отдельным хозяевам; 3 еврейские колонии распределяют работу по надельным хозяевам, одна обрабатывает запашку наймом, одна отдает ее в скопщину. Нужно, однако, прибавить, что распределение работ на общественной запашке не представляется совершенно определенным и прочно установленным: зажиточные хозяева часто делают уступки неимущим, которые за это исполняют какие-нибудь работы по натуральной повинности и т. п.

та), а различные операции – сообразно хозяйственному положению. Где община делится на сотни и десятки, там работа распределяется между названными группами, причем или разные группы исполняют разные работы, или каждая – все операции; за неявившегося исполняют работу сопайщики. Группа может нанять за себя кого-либо, что нередко и делают безлошадные, бесхозяйные, уходящие на заработки на сторону, которые в некоторых общинах намеренно складываются в особые пай. В некоторых общинах с лиц, проживающих на стороне, взыскиваются деньги по стоимости приходящихся на их долю работ. Работы в некоторых общинах обязательно производятся всеми одновременно, но так как многие оказываются неаккуратными, то тратится напрасно время на ожидание запоздавших и т. п. Где каждый производит работу отдельно от других, там не все исполняют свои обязательства. В некоторых общинах все работы производятся в праздники помочью. В с. Хитрово (пом.) *Мелитопольского* у. каждая десятина общественной запашки (всего 15 дес.) обрабатывается десятком. В ст. Маячке (458 дв.) обработка земли под запашку производится одним из 3 кварталов села, уборка и возка – другим, молотьба и доставка зерна в общественный магазин – третьим. В Н. Николаевке *Бердянского* у. работы на 3 участках запашки (40 дес. в каждом) распределены между 3 кварталами общества; в Поповке каждый десяток должен обработать 1 дес. 960 кв. саж.¹. Примером мирской обработки, практикуемой в 3 обществах *Николаевского* у., может служить Ивановская община, имеющая 60 дес. запашки. Община разделяется на 12 сотен, избирающих для наблюдения за работами каждая особаго попечителя. При очередной переверстке земли последний отмеривает для своей сотни под запашку определенное количество ($1\frac{1}{2}$ х 80 саж. на душу), а при наступлении момента работ ведет свою сотню на поле, наблюдает за тщательностью работ и при чьей-либо неисправности может произвести работу за счет виновного; молотьба производится всеми сотнями одновременно под руководством попечителей, «которые также определяют, сколько требуется вывести на ток рабочего скота и людей», молотят целой сотнею «в одну настилку». В обществе с. Белой (соб., 341 дв.) Зимовенской вол. *Корочанского* у., для засыпки своего вечно пустующего магазина учредившем общественную запашку в 60 дес. (20 дес. в клину), работы распределяются между 3 «паями» (в 311 рев. д. каждый): 1-й пай пашет, 2-й засекает, 3-й убирает хлеб и возит на гумно; молотят сообща, солома идет молотильщикам.

Общественные предприятия, неизбежно связанные с практикуемыми хозяйственными распорядками (например, устройство изгородей вокруг по-

¹ На общественной запашке с. Поповки в 50 дес. установлен правильный четырехпольный севооборот: 1-й год земля сдается односельцам под баштан с обязательством вспахать землю плугом, положить не менее 5 борон и в течение лета перепахать баштан до 3 раз; во 2-й год земля засекается пшеницей под буккер, в 3-й год ею же после перепашки плугом, на 4-й ячменем под буккер, на 5-й год опять под баштан и т. д. Вследствие такой обработки урожайность этого поля выше остальных.

лей) или имеющие целью выполнение обязательной повинности (например, починка дорог и мостов), составляют общераспространенное в крестьянском быту явление, о котором у нас речи не будет. Но кроме этих предприятий, есть другие, выполнение коих зависит от доброй воли крестьян и до известной степени зарегистрированные исследованием. К их числу относятся осушение болот, устройство прудов и лиманов для орошения полей, расчистка леса под пашню, укрепление летучих песков и т. п. Такие работы производятся или личным трудом всего общества, или наймом, причем расходы того и другого рода распределяются в большинстве случаев по надельным душам, но иногда на другом основании. Так, в *Московской* губ. господствует разверстка пропорционально числу значащихся за хозяином надельных душ, в *Новоузенском* же уезде иногда сообразно количеству крупного скота; лица, не имеющие возможности явиться на работу лично, обязаны поставить вместо себя работника.

Чаще всего встречаются общественные предприятия по осушке болотистых пространств для обращения их в покосы и другие удобные угодья. Случаи этого рода, естественно, чаще всего наблюдаются в нечерноземной полосе России. Так, в *Подольском, Клинском и Дмитровском* уездах *Московской* губ. число деревень, производивших осушку земли в течение почти только одного десятилетия, простирается до 180–200, что составит 14–16% всех деревень этих местностей. Именно, 14 селений *Островской* вол. *Подольского* у. составили в 1873 г. приговор об осушении своих москворецких лугов, что стоило им 700 руб., которые были разложены на 2216 душ. «Если бы луга находились в частном владении дворов, говорят сами крестьяне, то ничего подобного не было бы сделано: один бы захотел осушить свою часть, а другому это не требуется». Во всех селениях (государственные крестьяне) *Завидовской и Трехденевской* вол. *Клинского* у., где только в этом есть надобность, прорыты каналы, иногда длиной в 3–4 версты, рытые большей частью миром. Во всех селениях *Круговской* вол. того же уезда, большая часть которых принадлежала князю *Меньшикову*, производятся общественно-мирские работы для улучшения надельной земли: везде, где нужно, прорыты каналы, которые ежегодно исправляются; мирские луга чистятся миром и т. д. Несмотря на крайнее неплодородие почвы, земледельческое хозяйство здесь может быть названо вполне исправным». Сравнительно в хорошем положении, несмотря на тяжелую и болотистую почву, находится земледелие и в *Короваевской* волости *Дмитровского* у., зато «почти во всех сорока пяти селениях государственных крестьян этой волости прорыты и поддерживаются миром каналы для осушения пахотной и сенокосной земли». Длина некоторых каналов простирается до 2–3 верст. Кроме указанных фактов, относящихся к целым волостям, в труде *Орлова* приводятся подобные же примеры по отдельным деревням, преимущественно тех же уездов. Что же касается остальных уездов губерний, – сведения о них крайне неполны.

Так, в *Подольском* у. 2 деревни крестьян-собственников Вороновской вол., 3 деревни (удельн.) Сухановской вол., д. Сергеева (гос.) Молодинской вол., 2 дер. (удельн. и госуд.) Добрятинской вол. рыли каналы длиной от 50 до 500 саж.; в 2 случаях работа производилась наймом, в остальных – трудом общественников. В *Дмитровском* у. осушение болот производилось в нескольких деревнях каждой из волостей: Подчерновской (крестьяне всех разрядов), Синьковской (госуд.), Горской (помещ.) и в с. Васильевском (гос.) Озерецкой вол. Крестьяне д. Алексеевской Буньковской вол. *Богородского* у. в 1874 г. прорыли 2000 саж., затратив на это 600 руб.; крестьяне д. Мордвиновой Борисовской вол. *Можайского* у. осушили 12 дес. миром; общество д. Загорнова *Бронницкого* у. в этом же году затратило на осушку болота 500 руб.; крестьяне д. Хлебникова *Московского* у. – тоже 500 руб. Для *Вяземского* у. указаны в 12 волостях 25 деревень (в действительности эти предприятия имеют более широкое распространение), производивших (б. ч. в последнее время) осушение имеющихся в их наделе болотистых пространств. В 4 деревнях осушенные пространства колеблются от 5 до 30 дес.; для 3 указана длина вырытых каналов (500–1700 саж.). Некоторые деревни производили работы неоднократно, методически осушая болота своего надела. О 13 деревнях сказано, что они производили работу наймом, 4 – миром. Плата за работу колебалась, в зависимости от степени сырости места, от 5 до 23 коп. с саж. (при готовом, по-видимому, содержании рабочих), действительный расход в 5 общинах указан в размере от 16 до 120 руб. независимо от содержания работающих (указано для 2 общин). В 2–3 случаях предприятие¹ не дало ожидаемых результатов (Сб., т. I, вып. 2, с. 64–66).

В *Белгородском* у. крестьяне с. Недоступного (соб., 47 дв.) Никольской вол. в начале 80-х гг. пробовали осушить угодья, лежащие на мочегине, целое лето работали над проведением канавы, но цели не достигли, так как оказалось, что усадьбы стоят на одном уровне с рекой и воде поэтому некуда стекать. В *Новооскольском* у. крестьяне д. Глазуновки (гос., 48 дв.) Булановской вол. в конце 70-х гг. провели миром канаву вдоль топи и превратили ее в сенокос; канава по временам расчищается и исправляется миром. Общество крестьян сложной общины сл. Голубиной и Щербакова (соб., 291 дв.) Пригородной вол. в 1884 г. предприняли осушение наемный трудом болота в 188 дес.; работа должна была окончиться в 1887 г. В *Корочанском* у. общество сл. Пенцова (соб., 156 дв.) Неклюдовской вол. в начале 80-х гг. осушило луг наемным трудом, стоило 50 руб. Общество д. Терновки (д. четв., 130 дв.) *Зимовенской* вол. недавно предпринимало работу по осушению луга, нахо-

¹ В *Сычевском* у. той же Смоленской губ. «очень немного найдется таких общин, которые бы не предпринимали не так давно и в самые последние годы работы по осушению; пример одной общины возбуждает другую» (Рус. вед. 1885, 195). В *Жатском* у. указывают 18 деревень, производивших осушительные работы (Нов. время, 1887 г., 21 марта).

дящегося в душевом владении, провело миром канаву в 500 саж. длины, но цель достигнута не была по причине неудачного выбора направления канавы. В *Тимском* у. с. Бунино (четв., 16 дв.) Аф.-Пахомской вол. осушило в 1876 г. общинное болото и сравняло на нем кочки. Работа производилась группами в 10 дворов, между которыми был распределен луг как для осушки, так и для последующего пользования в течение 9 лет. Группы косят сено сообща и делят его по дворам поровну. В *Калязинском* у. известны 2 случая предприятий по осушке болот: д. Овсянникова Флеровской вол. затратила на это 11 руб., а д. Кодаково – 47 руб., но бесплодно. Деревня Новая Хотча Озерской вол. окружила поле канавами для стока воды. В *Трубчевском* у. крестьяне д. Именки (пом.) Красносельской вол. вскоре после освобождения провели для осушки болота канаву длиной 1200 саж.; работу вели частью сами, частью наймом. Крестьяне с. Усошек (гос.) Уручьиной вол. пробовали осушивать (наймом) часть многочисленных болот, находившихся в наделе, но не достигли цели, так как вырытые канавы быстро уничтожаются.

Рядом со случаями осушительных предприятий следует упомянуть об обществах, предпринимающих работы для *орошения* лугов, садов и т. п. или для *образования водохранилищ*, имеющих другое назначение (например, водопой для скота). В *Хвалынском* у., например, «сады разводятся преимущественно на южных и юго-восточных склонах волжских гор, не только дающих больше света и тепла растениям, но и облегчающих поливку их водой горных ручьев. Искусственные канавы проводят воду через все сады и деревья». При поливке (раз в лето) садовладельцы устанавливают очередь: очередной хозяин открывает на сутки, а остальные закрывают свои канавы (Сб., т. V, с. 196). В *Новоузенском* у. коллективным трудом членов общины устроено до 1000 запруд и несколько сот колодцев, некоторых в 10–20 саж. глубины. Ввиду требования для таких работ большой массы труда многие общины начали прибегать к исполнению работ наймом. Запруды, лиманы и плотины устраиваются для образования водопоя для скота или для орошения лугов. Некоторые общества получают средства для оросительных работ в ссуду, при посредстве земства, от правительства. Так, в 1887 г. ссуда в 47 руб. выдана 10 обществам немцев-колонистов и 8,3 т. руб. – 4 крестьянским обществам¹. Слабая сторона предприятия по орошению полей состоит в том, что работы совершаются без руководства специалистов и нередко оканчиваются неудачно. С. Борисоглебовка в течение 1883–1885 гг. издержала 5000 руб. на устройство запруд, при помощи которых можно оросить 1000 дес. земли. Идея предприятия внушена крестьянам местным священником. В ст. Полтавке, состоящей из великороссов, малороссов и латышей, всего 267 дв., по

¹ Самарск. газ., 1887 г., № 124.

инициативе местного крестьянина устроен водопуск на Гнилом ерике, благодаря чему община имеет хороший сенокос. С той же целью орошения многие общины устраивают плотины и лиманы; некоторых имеют по несколько плотин (указано 9, имеющих от 4 до 12, и прибавлено и т. д.).

Колония Альтер-Веймар строила 3-верстную плотину 5 недель при участии всех работников и работниц, всего 181 чел.; она же устроила в последнее время два вала длиной всего 5 вер. Славинская община устроила плотину в 4 вер. длины; каждый хозяин должен был доставить 5 кв. саж. срезанного плугом дерна и 5–10 возов земли. Малоузенская община устроила для плотины канаву в 3 арш. глубины и вал в 2 арш. вышины и $\frac{3}{4}$ вер. длины. В *Елецком* у. с целью получения воды для домашних нужд крестьяне роют сообща (целой деревней или группами домохозяев) колодцы, а для образования водопоя, где нет естественного, скупают пруды или прудят речки¹. Устройство водохранилищ последнего рода на деревню недостаточно, там иногда таковые устраиваются частями деревни, группами соседей хозяев. Большая часть прудов вырыта давно, но некоторые устроены в течение двух последних десятилетий. Из 15–20 известных случаев устройства новых прудов в $\frac{1}{3}$ предприятие было выполнено коллективным трудом крестьян, с распределением работы по душам или по дворам, и в $\frac{2}{3}$ – наймом, за сумму от 120 до 700 руб., каковой расход покрывался или доходом с оброчных статей (редко), или сбором с общественников в большинстве случаев пропорционально количеству надельных душ. Собственными силами устраивают пруды преимущественно общества б. помещичьих крестьян, наймом – государственные крестьяне, что, может быть, находится в зависимости от величины поселений того и другого разряда крестьян, обуславливающей большую или меньшую крупность предприятия и доступность его для выполнения рабочими-неспециалистами. Раз вырытый пруд или сделанная запруда требует более или менее частых поправок (плотины) и периодически повторяющейся очистки (пруда). То и другое в большинстве случаев производится личным трудом общественников, но нередко случаи производства работы (и притом очистки прудов чаще, нежели починки плотины) наймом. Из 18–20 известных случаев починки плотины в 13–15 (б. ч. помещ. кр.) починка была произведена личным трудом владельцев; из 16–18 случаев чистки в 10–12 (2–3 б. помещ., 8–10 б. гос.) прилагался личный труд, в остальных (почти все крестьяне б. государственные) – наемный. Денежный расход на наемный труд при починке плотины колеблется от 10 до 150 руб., при очистке пруда – от 95 до 500 руб. Денежный расход,

¹ Данные для этого описания см. в обзоре волостей Краснополькой, В. Дрезгаловской, Ястребинской, Предтеченской, Афанасьевской, Соловьевской, Казацкой, Каменской, Стегаловской, Становлянской, Богато-Платовской, Требунской, Воронежской.

несущийся или всей деревней, или частью ее, пользующейся прудом (в случае, когда в деревне их несколько), обыкновенно распределяется между домохозяевами по надельным душам, а в д. Дуброво (гос.) Требунской вол., кроме того, еще по количеству имеющихся в семье коров, лошадей и овец. При производстве очистки прудов личным трудом (всей деревни или части ее, пользующейся прудом, если таковых несколько) работа обыкновенно разделяется между хозяевами по душам (указано 5–6 случаев), иногда по работникам (указано 2–3 случая). При починке в устройстве плотин, напротив того, преобладает распределение работы и требующегося материала по дворам (указано 7–8 случаев), а не по душам (указано 3–4 случая); изредка попадает указание на то, что работа распределяется по хозяйствам, а навоз требуется по числу душ. Само производство работы при очистке пруда и при поправке плотин неодинаково. В первом случае, где работы больше, обыкновенно осушенное дно распределяется между хозяевами, которые и производят все работы – каждый на доставшемся ему участке (указано 5 деревень); с. Ольховец (гос.) Казацкой вол. распределяет работу между десятками (в 70 д.), которые исполняют ее сообща, а в д. Касаткино (пом.) Стегаловской вол. для очистки пруда требуется выставить от двора по работнику. Починка плотин всего чаще производится, по-видимому, без предварительного распределения работы между участниками, а общим трудом вышедших на работу лиц.

Изредка встречаются общества, прибегающие к *лесонасаждению*. В главе IX мы видели, что общества некоторых волостей *Липецкого у.* занялись лесонасаждением с целью обеспечения себя топливом, причем «посадка молодых саженцев выполняется как мирское дело по равномерной разверстке труда и под наблюдением старост», и что многие общества *Днепровского у.* поставили в последние годы приговоры о засаждении всех мест, которым угрожают песчаные заносы, шелугой. Такие же предприятия с целью укрепления «летучих песков» известны и для некоторых обществ *Новоузенского у.* Так, с. Красный Яр (состоящее наполовину из раскольников разных сект), заметив, что растущий на «вертячих песках» ее надела камыш глубоко сидит в земле, в течение 5 лет засевали их камышовыми семенами, скашивая часть молодого камыша на корм скоту. Теперь на песчаном грунте образовался слой перегноя, и общество засеивает это пространство рожью (по 2 x 80 саж. на душу), выдавая хозяевам, не имеющим своих семян, таковые из общественного магазина.

Некоторые общины предпринимают общественные работы, имеющие в виду удовлетворение каких-либо иных целей. Так, для ограждения полей от нашествия суслика общества *Новоузенского у.*¹ коллективным трудом всех наличных работников роют вокруг полей канавы шириной и глубиной в 1–1½ арш.

¹ В *Новоузенском у.* те или другие из общественных работ практикуются во всех общинах.

Общество с. Хрящевки *Ставропольского* у., для предупреждения размыва Волгой берегов, ведущего к заносу лугов песком и т. п., вбило в 1883 г. вдоль реки больше 1000 свай, заплатив мастеру, руководившему работами, 340 руб.

В *Самарском* у., как это видно из случайных указаний, в с. Петрополовенском (помещ.), для предупреждения потравы полей скотом, вокруг села вырыта миром канава в 3 версты длины, 5 арш. ширины и 2 арш. глубины. В некоторых других общинах с целью предупреждения полей от заминок миром роятся вдоль дорог глубокие ямы. В *Белгородском* у. миром раскопали для пашни землю из-под леса следующие общины: 1) б. государственных крестьян: сл. Пушкарной (620 дв., раскопали 24 дес.) и сл. Новотроицкой (404 дв., 56 дес.) Пушкарной вол., сл. Важева (158 дв., 32 дес.) Старогородской вол.; 2) б. помещичьих крестьян х. Грязного (56 дв.). В *Тимском* у. кр. с. Мелового (соб., 37 д.) Никольской вол. миром вырубили и расчистили лес. В *Корочанском* у. общество сл. Пенцовой (соб., 156 дв.) наемным трудом расчистили 37 дес. болота от кустарниковой заросли, стоило 100 руб. В *Славяносербском* у. указано около 10 деревень, берущихся исполнить обществом работу в экономиях (обыкновенно уборку хлеба или травы) с обращением заработанных денег на различные общественные нужды. В числе их 3 деревни со времени освобождения соединяются для таких работ вместе; 7 деревень, составляющие один приход, берут работу в пользу церкви. С. Варгунка с 1865–1872 гг. окопала канавой, длиной ок. 20 вер., казенно-крестьянский лес, стоимость работы оценивается ок. 5 т. руб. До 30 деревень *Трубчевского* у. (Красносельской, Уручьиной, Юровской, Семячковской и Пролысовской вол.) нанимают обществом кузнецов для различных поправок, встречающихся в хозяйстве крестьян, и дляковки лошадей, за что платят им известным количеством от каждой души¹ или с сохи², иногда платеж производится деньгами³. В 2 обществах кузнец обязан исполнить работу, какая встретится в хозяйстве, кромековки лошадей, за которую он рассчитывается по определенной таксе с крестьянами, пользующимися его услугами. В с. Удельные Уты Уручьиной вол., где находятся 3 кузнеца, каждый хозяин платит тому кузнецу, с которым имеет постоянное дело.

В *Тираспольском* у. в прежнее время во всех обществах государственных крестьян, во многих обществах б. помещичьих и десятичников существовали ассоциации для доения овец и приготовления брынзы; в настоящее время, вследствие сокращения овцеводства, ассоциации сохранились в немногих обществах и охватывают не все число хозяев, имеющих овец. Ассоциация

¹ Напр., $\frac{1}{2}$ – 1 меры ржи и 1 гарнец конопли в год.

² Напр., 2 меры ржи и $\frac{1}{4}$ гарнца конопли, 1 м. ржи и 1 м. гречи в год.

³ 5 обществ Пролысовской вол. уплачивают кузнецам в сумме больше 600 руб. в год.

составляется из 10–12 хозяев, соединяющих своих овец в общее стадо. Каждый член артели доит в назначенную для него очередь всех овец ассоциации по расчету, сколько ему приходится получить за сезон молока со своих овец, и из полученного молока prepares брынзу. За очередью и количеством собранной брынзы следит чабан. Десятинщики с. Бугая, составляя общество из 25 хозяев, имеют, кроме того, общую кошару. В некоторых обществах б. госуд. кр. (указано 4), имеющих, благодаря растянутости надела, летние хутора для выпаса скота, порядки, подобные описанным, практикуются по отношению к удою коров: все члены товарищества по очереди отправляются на известное число дней в хутор, доят всех коров и тут же приготавливают масло и творог. «В с. Кошнице отдаленный участок неудобной земли захватили 10 хозяев-богачей, построили хутор, и хозяйки ходят туда по очереди на неделю; другие члены общества к пользованию этим участком не допускаются» (Матер., т. IV, с. 220–221).

Системы раскладки платежей. На предыдущих страницах неоднократно было указываемо на зависимость систем разверстки в различных местностях общинной земли от соотношения между доходностью надела и лежащими на обществе платежами. Эта зависимость обуславливается тем, что платежи община раскладывает на землю. Если бы мы пожелали, однако, подробнее исследовать вопрос, то не нашли бы в наших материалах достаточных для этого данных, так как в большинстве случаев вопрос здесь трактуется мимоходом и не вполне определенно¹. Лишь немногие сборники посвящают предмету несколько страниц, что дает возможность составить о нем совершенно определенное понятие. Из таковых укажем на Сборник по *Острогожскому у.*, «по которому платежи в уезде раскладываются сходами по тем же самым единицам, по каким разверстывается между отдельными хозяевами общинная земля – по душевым наделам» (Сб., с. 356). Целая глава посвящена вопросу и в Сборнике по *Славяносербскому у.*, причем следует заметить, что самые системы разверстки не отличаются здесь таким образом, как в предыдущем уезде. Именно, в общинах государственных крестьян все платежи, кроме подушной подати, разложены на землю, а подушная взимается с ревизских окладных душ. У крестьян-собственников в большинстве случаев волостные сборы (иногда и подушная подать, а также сельский сбор) раскладываются на наличных работников, все остальные – на землю, за исключением немногих общин, где подушная подать взимается с ревизских душ; некоторые же общины раскладывают все сборы на землю. Общины дарственников, имеющие ничтожный надел, нередко все платежи

¹ О *Саратовском у.*, напр., сказано, что на землю раскладываются все казенные, земские и волостные платежи, а о сельских не упомянуто.

раскладывают по работникам земельным и безземельным (по-видимому, в случае, если таковые пользуются от общества усадьбой).

В с. Андрианополе выкупные платежи разложены на 197 наличных ревизских душ, а остальные – на 239 работников. В с. Павловке сельский сбор раскладывается по работникам, остальные платежи – по ревизским душам; платежи за выморочные наделы разложены на живые ревизские души. В с. Македоновке, где платежи раскладываются на ревизские души, с 1884 г. волостной сбор распределен между неревизскими с 18 лет. В д. Петро-Марьевке волостной сбор переложено с ревизских душ на работников в 1886 г.; в с. Сокольниках (волостной и сельский) – с 1882 г. В *Днепровском у.* господствует взимание платежа с земли; но некоторые общины часть таковых раскладывают по иным основаниям. Так, в с. Черненьки (дарств., рев. разв. земли) Британской вол. волостные и мирские сборы взимают с наличных д. м. п. Некоторые общины с ревизской раскладкой земли волостные и земские сборы раскладывают на большее число душ, чем разверстка на земли. Следующие села практикуют специальную раскладку сбора на содержание духовенства. С. Бехтеры (помещ.) Бехтеревой вол. оплачивает это содержание натурой; всей общиной обрабатывают и убирают 36 дес. хлеба; с. Рыбальча (помещ.) Збурьевской вол. и Григорьевка (гос.) Перво-Константиновской вол. содержание духовенства разлагают на исповедальные души (обою пола, начиная с 7 лет); сс. Александровка, Н.-Алексеевка и Дагмаровка Н.-Троицкой вол. на содержание православного духовенства идут из мирского сбора. Последние 4 селения образованы в 60-х гг. текущего столетия выходцами из Киевской и Каменец-Подольской губерний.

В общине крестьян д. Харламбиево Дубровской вол. *Егорьевского у.* «прежде душевые наделы вымерших домохозяев поступали беспрепятственно в пользование молодых», но в 1885 г. при разверстке по работникам молодым хозяевам отводили землю лишь при условии, если они соглашались вносить выкупные платежи на 4 руб. больше старых хозяев, уже значительно окупивших надел прежними взносами.

В некоторых местностях степной полосы, где крестьяне имеют возможность арендовать много земли и держать много скота, возникло стремление к привлечению к участию в податном бремени скот как лучший показатель зажиточности крестьянина. «В с. Макаровом Яру *Славяносербского у.*, например, крестьяне заявляли: не найдем способов распределить удобнее платежи, хотели по количеству скота, да тогда много скота пропадет, а так трудно его держать». В с. Черкасском хотели распределить платежи по скоту, но потом оставили эту мысль: «у одного нынче много скота, а на другой год будет

меньше, в результате все на одно сойдет». В некоторых случаях указанное стремление уже получило удовлетворение. Так, «во многих общинах *Херсонского* у. сбор со скота составляет главную основу финансовой стороны жизни обществ; раскладка всех податей и платежей ведется не на десятины земли, а на скот» (Матер., т. VI, с. 218). В *Днепровском* у. в с. Покровке (государ.), где главная часть земли обращена в толоку, все подати берутся со скота в размере 25 коп. со штуки. В с. Раденском (государ.) Б. Копанской волости на скот разлагаются только мирские сборы, а в Рыбальче (помещ.) Збурьевской волости – сбор на содержание обывательской станции. В *Евпаторийском* уезде в татарской общине Шалек (12 дв.) платежи раскладываются на скот (посев на двор 7 дес.). В 2 татарских общинах Биюк-Асской волости, Бокал (гос., 38 дв.) и Кинджалей (собств., 28 дв.), где землей пользуются захватом, уплата повинностей и других расходов совершается сбором $\frac{1}{10}$ части урожая хлеба (в Бокале и $\frac{1}{5}$ урожая сена), продаваемым поверенными общин; недостающая сумма раскладывается на скот (в Кинджалее с головы крупного скота взимается 50 коп., с овцы 10 коп.). Раскладка платежей на скот имеет места в татарских деревнях Имуньской волости *Перекопского* у., Байкозак, Дылар-Наймак, владеющих землей на общинном праве со времен ханского владычества и пользующихся ею по праву захвата (земли избыток).

Порядки пользования землей в сложных и крупных общинах. Некоторые крупные общины *Таврической* губ. устраняют неудобства пользования землей, вытекающие из величины поселения и растянутости надела, тем, что при переделах разным частям селения отводят сплошные участки земли, которые ими разверстываются между семьями самостоятельно. Так поступила в *Бердянском* у. одна из трех общин, на какие распалось с. Черниговка (пашня разбита на две части для двух половин общины, толока же помещена между обеими); в с. Андреевка (1340 дв.) Андреевской вол. земля разбита на 4 участка и каждая часть селения имеет свою толоку; община Берестовая, состоящая из села и 4 групп хуторов, разбила землю на несколько участков, толоку же сохранила общую. В двух сложных общинах *Бахмутского* у. (из 2 поселений каждая) земля разделена на две части, которыми поселения пользуются самостоятельно. Некоторые крупные села *Новоузенского* у. разбиваются на части; так, в Покровской слободе общие сходы бывают 1–2 раза в год, большая же часть вопросов разрешается на сотенных сходах. У каждой из 5 сотен свои пастухи, десятские, сотские, своя ямщина, пожарный обоз и т. д. При переделе земли 5 старост и 5 сотен решают жребием, какой сотне какой достанется участок. В *Бугульминском* у. д. Дымтамак (175 дв.) вследствие вражды с д. Абсалимовой (124 дв.), с которой она составляет одну общину, не получает пахотной земли, а только луга. В *Бузулукском* у. одна из сложных общин, со-

стоящая из 3 поселений, представляет довольно сложные поземельные отношения: выгон у каждого селения особый, лес у двух селений в общем пользовании, у третьего (Неприк) особый; два пахотных поля в совместном пользовании всех деревень, третье у Неприка свое, у Б. и М. Алдаркино – общее. Расположение надела мешает разверстаться с удовлетворением интересов всех поселений (Сб., т. III, с. 54). В *Воронежском* у. селения, составляющие одну сложную общину, обыкновенно находятся на далеком расстоянии друг от друга, иногда разделены чужими владениями или лежат в разных волостях, даже в разных уездах. С. Горки и Горенские выселки, находясь на 25-верстном расстоянии друг от друга, испытывают, благодаря отсутствию передела, то неудобство, что некоторые жители одного поселения имеют наделы, примыкающие к другому. В *Острогожском* у. крупные села в административном отношении делятся на части, собирающие частные сходы и ведающие некоторые хозяйственные и административные дела. Так, сл. Н. Калитва (665 дв.) делится на 9 сотен, имеющих частные сходы по вопросам о найме десятников и полевых сторожей, о раскладке мироплатимых душ, о дележе травы и т. п. Сл. Ст. Калитва делится на 15 сотен (118 душ в каждой). В сл. Белогорье (1023 наличных хозяев) по одним делам бывают общие сходы, по другим – сходы по двум приходам, по третьим – сходы собираются по десяткам. В *Белгородском* у. в сложной общине Тамаровских хуторов (16 поселений, дворов 214) пахоть разделена на 3 поля, которые были поделены на 16 частей – по части для каждого хутора, соответствующей по размерам числу ревизских душ; старались нарезать землю каждому хутору ближе к его усадьбам. В *Новооскольском* у. 6 селений (слобода и ее хутора) Велико-Михайловской вол., переданные в 1854 г. в казну кн. Голицыным, считаются за одну общину, хотя при последнем переделе в 1858 г. каждое селение получило особый участок по числу ревизских душ; из них сл. В. Михайловка, состоящая из 1830 дв., частью в видах хозяйственных, частью административных делится на 3 общества с особыми для каждого должностными лицами; каждое из ее полей тоже разделено на 3 части, подвергаемые через 3 года жеребьевке между 3 обществами. В Н. Безгинской вол. сложная община с. Болотова с 3 хуторами при переделе 1883 г. не отводила каждому селению особого участка. Хозяйства Нужный и Куфлиев (соб.) Халанской вол. принадлежали одному владельцу, имеют пахотную землю при усадьбах, в отдельных участках; покосы тоже разделены между хуторами и переделяются в каждом из них отдельно. Нуженовцы недавно выделили в своем участке 5 дес. для удобрения и решили не подвергать их жеребьевке в течение 9 лет; куфлиевцы распахали 3 дес. выгона под общественную запашку. Сл. Слоновая образует одну общину с 9 хуторами; в 1858 г. крестьяне перешли от четвертей на души; при переделе каждому селению часть земли (насколько было можно)

нарезана при усадьбах, и эта часть была обращена в трехполье; остальная земля, в стороне от поселения, была разбита между селами с таким расчетом, чтобы расстояние от всех селений до их участков по возможности было одинаково; эта часть обращена в заполье. Каждое селение в границах отведенного ему участка самостоятельно. Сл. Слоновая имеет общественную мельницу. С. Богородское и х. Новоселовка (соб.) Богородской вол., составляющие сложную общину, принадлежали одному владельцу; общественные доходы и расходы в каждом селе особые. В *Корочанском* у. находятся 4 сложные общины б. государ. кр. В одной из них, состоящей из 46 селений Пригородной и Ратьковской вол., числится $15\frac{1}{2}$ тыс. наличных душ и $18\frac{1}{2}$ тыс. дес. земли. В административном отношении она разделяются на 5 обществ, а при последнем переделе (в конце 50-х гг.) площадь надела была разбита впредь до нового перемера и уравнивания на 10 частей, поступавших каждая в пользование известной группы селений, образовавших как бы особую общину. «Система разверстки земли, способ и количество переверсток в каждой общине неодинаковы, обуславливаясь расположением надела, качеством почвы и др. случайными, индивидуальными особенностями каждой общины»; в 2 общинах (10 селений) в 1885 г. постановлены приговоры о переделе земли по наличным душам. Все 18 селений общины Н.-Слободской вол. получили землю по одному плану и владенной записи; при специальном размежевании в 60-х гг. площадь надела (23 600 дес. удобной) была разбита между селениями в особняки, кроме леса (2026 дес.) и части пахотных и сенокосных угодий (1088 дес.), за невозможностью раздела оставшихся в общем владении, исключая сл. Алексеевку, получившую лесной участок (231 дес.) в свое единственное владение. В 1871 г. крестьяне выхлопотали от казны за оброчную плату 720 дес. крупного леса сроком на 49 лет. Через 3–4 г. из них вырубается по 42–56 дес., которые предварительно разделяются между 7 обществами. В *Елецком* у. расстояние между селами, входящими в состав сложной общины, колеблется от небольшой доли версты до 25 вер. Так, государственные с. Озерки и Одонья, составляющие сложную общину Предтеченской вол., разделены друг от друга 4 верстами, Черкассы и выселки Суворовской вол., Яковлевка и Дубровка Тербунской разделены расстоянием в 6 вер.; сл. Ламская Ламской вол. отстоит от 2 других селений, с которыми составляет одну общину, на 7 вер.; Тербуны Тербунской вол. – от своих выселок на 7 вер.; расстояние между сл. Аргамачьей Ламской вол. и 2 другими поселениями той же общины равняется 7–9 вер., между с. Бурдино и Березовкой – 10 вер., между 5 селами сложн. общины с. Чернова Черновской волости колеблется от $\frac{1}{2}$ до 10 вер.; между 11 поселениями сложной общины Воронежской вол. от 1 до 18 вер., а расстояние с. Дерновки и их выселок или с. Рядинок и их выселок Казацкой вол. достигает даже 25 верст. Такая отда-

ленность селений, входящих в состав одной общины, при общераспространенной системе разверстки земли между домохозяевами, при которой все они получают участки в близких и в самых отдаленных частях поля, ведет к важным неудобствам в хозяйственном отношении: приходится или тратить много времени на переезды, или, как это делает большинство хозяев в с. Рябинок и их выселках Казацкой вол., прибегать к обмену загонами или сдаче самых отдаленных из них. Положение с. Дерновки той же волости с их выселками, разделенных расстоянием в 25 в., ухудшается еще оттого, что в половодье, при разливе р. Сосны, между обоими поселениями вовсе не бывает прямой дороги и обмен загонами одного селения, расположенными без другого, или сдача их в аренду является здесь почти необходимостью. В сложной общине с. Воронец и 10 других Воронежской волости, состоящей из 920 дворов и имеющей 11 700 дес. земли, каждое поселение на части земли близ усадеб ведет трехпольное хозяйство, на другой же – на расстоянии 6–18 верст – практикуется пестрополье; последняя обыкновенно сдается в аренду тем селениям, к усадьбам которых они прилегает. В других случаях неудобства, проистекающие от соединения нескольких селений в одну общину, испытываются не всеми членами последней. Так, в сложной общине государственных кр. с. Альшанец и слободы Беломестной Ламской волости, когда ближний к последней клин бывает занят хлебом, крестьяне этой слободы не имеют прогона на дальние клины. Некоторые общины избегают затруднений, связанных с принадлежностью нескольких сел к одной земельной единице, тем, что не допускают чересполосицы загонов крестьян всех поселений, а отводят при переделе каждому селу особняк, прилежавший к усадьбам, и этим в хозяйственном отношении превращают сложную общину в простую. Это наблюдается в сложной общине помещичьих крестьян Краснополянской вол., состоящей из с-ца Озерки с выселками, и в некоторых общинах государственных. Так, в сложной общине из Русской Черновки (892 дв.) Чернявской вол. и с. Вязовицкого (153 дв.) Б. Платовской вол., в административном отношении распадающейся на 4 общества, при коренных переделах разбивается земля на 3 особняка: 1) для с. Вязовицкого (1 адм. общество), 2) для слобод Пятницкой и Покровской с. Чернавы (целое административное общество) и 3) для других слобод того же села. В одной общине Тербунской вол. особняк при переделе получает лишь одно поселение, расположенное дальне, с. Красная Поляна, два же другие – с. Озерки и Перекоповое – пользуются землей чересполосно. Деревня Чибисовка и Лукошкино сложной общины с. Воронца и 10 других Воронежской вол., расположенные в значительном отдалении от остальных поселений общины, при последнем переделе в 1885 г. получили (в д. Чибисовке «по просьбе стариков») всю свою долю в особняках, близ усадеб; об остальных поселениях см.

выше. Сложная община государственных крестьян с. Стегалова с выселками Стегаловской вол. в передел 1883 г. по наличным душам отвела каждому из поселений по особняку. Разделение мирской земли на особняки для различных частей общины встречается и в простых общинах; так, д. Новопоселенная Ольшанка (70 дв.) Богато-Платовской вол., принадлежавшая при крепостном праве двум владельцам, для каждой из двух своих слобод имеет по особняку земли. В *Трубчевском* у. расстояния между селами, составляющими одну общину, таковы: между с. Уручем и д. Журавкой Уручьиной вол. $1\frac{1}{2}$ вер., между д. Лбы и Савросовкой той же волости – 2 вер., между Пральной и Мирковы Уты той же волости – 5 вер. Деревни удельных кр., составляющие одну общину, находятся между собой на расстоянии: Котовка и Стар. Красн. Слобода Семячковской вол. – 2 вер., с. Ямки и д. ст. Погощь Краснослободской вол. – 6 вер. Сложная община собственников д. Лбы и Саврасовка имеет в общинном владении покосы и лесные заросли, что же до пахотной земли, то два поля таковой селения имеют отдельно друг от друга, третье же, по его разнокачественности, находится в общем пользовании. Раздел земли по ревизским душам между обоими селениями сделан в 1863 г., и каждое из них разверстывает свою долю между односельцами по несколько различным основаниям. В *Михайловском* у. крестьяне-собственники с. Суренкова и с. Помозова Малиновской вол. (всего 47 дв.) составляют одну общину; пахотная земля, находящаяся между поселками, делится на 2 части, прилегающие каждая к своему поселку; имеющимся в наделе небольшим леском пользуется только с. Суренково. В *Свияжском* у. различие порядков землевладения в сложной и простой общине заключается в том, что «убылые души», оставшиеся за смертью или выбытием из общины ее членов, впредь до общего передела распределяются между однопоселенцами. В *Тетюшском* у. в одной общине, где составные ее части расположены далеко друг от друга, земли, ближайšie к тому или другому поселению, отводятся в его пользование, а промежуточные распределяются чересполосно между крестьянами обоих селений. В *Мамадышском* у. земля распределяется между хозяевами чересполосно, как и в простых общинах; поселки лежат вблизи друг от друга. В *Цивильском* у. стараются каждому селению нарезать землю близ усадеб. В сложной общине помещичьих кр. Рославской вол. *Калязинского* у. выделены поля для каждой деревни.

Распадение сложных и крупных общин. В материковых уездах *Таврической* губ. сложные общины состоят из селения и группы хуторов, постепенно отделяющихся от метрополии. Процесс отделения начался в начале столетия и не закончился еще в настоящее время. Разделение на части встречается и в простых общинах, если таковые составляются очень большими селами¹.

¹ См. об этом также с. 168–169.

Число распадений крупных или сложных общин на более мелкие по времени их осуществления можно видеть из следующей таблички:

В 30-х гг. и ранее	в Бердянском у. 1	Мелитоп. 1	Днепров. 1	Всего 3
В 40-х гг. и ранее	в Бердянском у. 7	Мелитоп. 3		Всего 10
В 50-х гг. и ранее	в Бердянском у. 10	Мелитоп. 1		Всего 11
В 60-х гг. и ранее	в Бердянском у. 2	Мелитоп. 1	Днепров. 1	Всего 4
В 70-х гг. и ранее	в Бердянском у. 1	Мелитоп. 2	Днепров. 1	Всего 4
В 80-х гг. и ранее (до 1886 г.)	в Бердянском у. 3	Мелитоп. 2		Всего 5

Мотивами к распадению сложных общин на простые служили, главным образом, споры из-за земли. Распадение крупных поселений на 2–3 общины вызывается по преимуществу неудобствами крупного владения, заключающимися в отдаленности поля и толоки от усадьбы (есть села, растянутые на 13 вер.), в затруднительности для части села вследствие рек и оврагов попасть на известные участки земли и т. п. Иногда мотивом к распадению служит опасение ответственности по круговой поруке, как это было в с. Н. Николаевке *Бердянского у.*, распадение каковой на 2 общины состоялось по хлопотам богатых хозяев, селившихся по балкам и образовавших однородную по зажиточности часть села. Сложная община из с. Салтычихи и х. Обиточного Поповской вол. разбились в 1855 г. на две; одна из них после этого обвинила другую в захвате лишней земли; через 3 года они соединились, но несогласие продолжается и крестьяне думают о новом разделении; землю нарезавают каждому поселению отдельно, так как то и другое отводят под толоку неодинаковую площадь. В *Александрійском у.* «в последнее время из крупных обществ б. военных поселян совершенно отделилось 4 общества, которым метрополии выделили только по 5 дес. на ревизскую душу» (Мат., т. III, с. 135). Думает разделиться на 2 общины и общество военных поселян с. Елизаветградки (2322 надельных души) из-за спутанности поземельных отношений. В *Саратовском у.* в 50-х гг. сложная община Сеньинской вол. из 4 поселков распалась на 2, причем сенокос, расположенный на одном из волжских островов, остался в общем владении. В *Царицынском у.* некоторые сложные общины ведут споры о размежевании поселков на отдельные общины. Община д. Каравайки с 4 хуторами (404 дв.) до 1877 г. делила землю между всеми хозяевами сроком на 6 лет, причем наделы разных деревень лежали чересполосно, но отдельные члены нередко обменивались участками с целью приблизить свою долю к месту жительства или свести в одну площадь; выгон давался каждому селению отдельно. В 1877 г. по причине раздоров постановлено разверстать пахотную землю и выгон между селениями, что было сделано на глаз. Через года 2 хутора заявили неудовольствие на то, что им будто бы дана худшая земля и в мень-

шем количестве. Часть поселений готова размежеваться, другая желает лишь под условием получения при этом лучшей земли. Д. Кленовка прежде пользовалась землей вместе с д. Николаевской *Камышинского* у.; в начале 70-х гг. селения сами собой «развелись наделами», но николаевцы, получив худшую землю, через 10 лет возбудили вопрос о соединении; кленовцы соглашались под условием запахать целину, находящуюся под выгоном д. Николаевской, те отказались; решение вопроса было отложено на 7 лет, а потом еще на 4 г. Кленовцы имеют намерение отмежеваться навсегда. В *Ставропольском* у. крупные поселения по числу своих голосов имеют при решении разных дел преимущества над меньшими, почему последние выражают желание разделиться. Одно из 4 селений сложной общины б. удельных кр. (татары) Старо-Беловской вол., имеющее 515 рев. д., сдает землю под гурты (что не одобряется остальными селениями) и испрашивает согласия у остальных (700 рев. д.), когда дело уже кончено. После реформы две сложные общины уже размежевались (Сб., т. II, с. 81–83). В *Новоузенском* у. сложная община Малоузенской вол. из 2 поселений прежде состояла из 3. В *Николаевском* у. «первоначально при заселении края все почти общины были сложносоставные в силу того обстоятельства, что крестьянам-переселенцам казной отводилась в пользование земля, заключающаяся в пределах 2–3 волостей или целого речного бассейна. Первые поселенцы селились группами около речки и основывали селение; спустя несколько времени к ним приходила другая группа семей, за ней третья и т. д., которые селились или вместе с первыми поселенцами в одном селении, или поблизости от него, в 5–10 верстах, и основывали новое самостоятельное селение, причем связь между этими общинами оставалась только территориальная, а не хозяйственно-экономическая, так как при довольно значительном количестве земли крестьяне могли и не сохранять правильного обязательного севооборота: всякий мог пахать землю и косить траву где и как ему вздумается. С увеличением населения и по мере усиления распашки залежных земель сами общины, в видах устройства мирного обоюдного общежития, должны были установить известный севооборот, обязательный для всех общин. Пример такой составной общины мы видим в Угловке и Григорьевке (Григорьевской вол.), в которой пользование пашней совершенно отдельное для каждой общины, а пользование сенокосом и пастбищем общее, причем и все мирские повинности – запруды, плотины, колодцы в полях, наемка пастухов – тоже общие. В некоторых общинах полюбовное размежевание земельных угодий между общинами произошло еще задолго до выдачи владенных документов, в других – только в последнее время, причем всюду причиной такого размежевания служило неудобство заведения правильной системы хозяйства при длинноземелье». В *Моршанском* у. сложные общины понемногу распадаются на простые; для *Усманского* у. указаны два случая распада. В *Воронеж-*

ском у. многие из сел, составляющих теперь простые общины, некогда образовывали сложную. Иногда после их разделения между селениями возникала борьба за землю (указаны 3 случая из современной жизни); с. Шукавка, например, для процесса с шукавскими выселками (*Бобровского у.*) наняло адвоката, посулило ему в случае благоприятного окончания дела 3000 руб. Село это недовольно тем, что выселки оказались в лучших земельных условиях, чем оно само. В *Острогожском у.* большие селения – общины делятся на части, которые имеют частные сходки, ведающие некоторые хозяйственные и административные дела. Иногда это ведет к распадению одной общины на несколько; так, с. Ольховатка (1500 дв.) распалась на 3 общины, сл. Белогорье (1023 наличных хозяев) в 1885 г. постановила приговор о разделении на 2 общины. Сл. Подгорная с хуторами (883 наличн. хоз.) тоже думает разделиться, но затрудняется равномерно и справедливо распределить разные угодья между деревнями (Сб., с. 352–354). В *Михайловском у.* в Прудской вол. 3 селения госуд. кр. составляют одну общину; до 1878 г. сложная община состояла из 5 сел, но в названном году 2 из них получили особняк, а остальные 3, по неудобству расположения надела, остались неразмежеванными. Дер. Чисома и Ефремовская (б. гр. Орловой) Архангельской вол. *Егорьевского у.* все угодья, кроме усадеб, имели в одном месте, а в настоящее время поля, по соглашению, разделили. В *Трубчевском у.* до 1870 г. существовала сложная община помещичьих крестьян, распадение которой на простые произошло оттого, что одна община перешла на дарственный надел, а другая сохранила полный. В *Елецком у.* количество сложных общин с течением времени уменьшается путем их распада на простые. Так, помещичьи общины с. Арсеньево и Выселки (Становлянской вол.), находящиеся на расстоянии 7 верст, составляя прежде одну общину, разделились на две при переходе на выкуп; то же самое можно сказать о д. Екатериновке и Красове Краснополянской вол., размежевавшихся на 2 общины при выходе на выкуп в 1869 г. Рядом с этим среди помещичьих крестьян совершалось распадение и простых общин в тех случаях, когда, при размежевании их с владельцем, часть крестьян известного селения переселялась на другое место и там образовывала новую деревню. Таким образом, из одной следалось две общины: Петропавловское и Елизаветовка Краснополянской вол., д. Озерки и х. Жарков или Новоселки и Плоты Ястребинской вол., д. Знаменская и Пестовка Каменской вол. В разряде государственных крестьян распадение сложных общин имело место в следующих случаях. После X ревизии д. Лаухина Ястребинской вол. отмежевалась от 3 других сел, с которыми составляла одну общину; в 1867 г. то же сделала д. Красовка – обе из-за неудобств получать землю вдалеке от селения; с-цо Власово Афанасьевской вол. и Набережная – Стегаловской, купленные казной у Ермолова, распались в 1865 г. на 2 общины; с-цо Александровское Ламской вол. отделилось

в 1864 г. от с. Казаков Казацкой вол. – сохраняя участие в доходах от его оброчных статей; с. Нижний Варгол Казацкой вол. отделилось в 1883 г. от д. Чернышевки Воронцовской вол.; Русская Казинка Черновской вол., когда та составляла одну общину со своей метрополией, с. Чернавой; с. Козинка Козинской вол. до 60-х составляло одну общину со своими выселками, с. Березовой. С. Жерновное и д. Молодовка Сергиевской вол., составлявшие одно земельное общество четвертных крестьян, при размежевании с соседними владельцами в 1866 г. перешли на души и распались на две общины. Желание размежеваться в некоторых сложных общинах замечается и в настоящее время. Так, с. Вязовецкое хлопочет об отделении от с. Чернавы по причине постоянной путаницы между ними при уплате податей. Сл. Беломестная Ламской вол. очень желала бы отделиться от с. Альшанец по причине неудобства при совместном владении расположения клинов, а главным образом потому, что ее население со времени X ревизии возросло вдвое меньше, нежели население с. Альшанец, и при переделе по наличным душам 1885 г. (состоявшемся лишь благодаря значительному численному перевесу населения последнего) она поэтому получила гораздо меньше земли, чем имела. Это обстоятельство заставляет ее добиваться разделения с с. Альшанец и непременно по душам X ревизии, после чего она не прочь и от разверстания земли между своими членами по наличным душам. Исследование *Тетюшского* у. не обнаружило споров и неурядиц из-за стремления сложной общины распасться на простые. В прошлом такие распадения известны. В *Казанском* у. между участниками в общем владении идут ссоры. В татарских селениях, например Мамсе и Шинер-Кинер, земля поделена к очевидной невыгоде первой, но вторая не соглашается на новый передел. В общине Старых и Новых Парат, состоящей из 7 поселений (рус. и черемис.), часть земли находится в единственном владении отдельных поселков, другая – в чересполосном владении всех; земли очень перепутаны, и некоторые околотки захватили больше земли, чем другие. Одна община *Калязинского* у. хлопочет о размежевании. В *Шлиссельбургском* у. при освобождении селения, принадлежавшие одному владельцу, получали землю вместе, но затем многие из таких сложных общин распались на простые. В *Петербургском* у. б. помещич. кр. Парголовской и Муринской волостей получили надел на всю волость, но тотчас разверстали его между деревнями по ревизским душам. Для *Лужского* у. указан один случай разложения составной общины на простые: две общины с. Заплюсья Запольской вол., наделы которых различались по качеству и расположению, пока земля была в тягость, владели ею сообща; когда же земля стала окупать платежи – община с лучшими угодьями потребовала раздела, который и был осуществлен в 1878 г. Две общины г. Гверездни Бутковской вол., из которых у одной земля лучше, а у другой был лес, вскоре после воли решили владеть землей сообща; когда же

лес был вырублен, община с лучшим наделом в 1886 г. отделилась. В *Московской* губ. со времени освобождения крестьян 15 общин распались на простые или составные с меньшим числом совладельцев. Так, в 1866 г. распалась на простые сложная община государств. кр. Изосименской вол. *Клинского* у., состоявшая из 8 деревень, разверстывавших землю между деревнями при каждой ревизии; в 1863 г. распалась община из 3 деревень Ягунинской вол. Звенигородского у. Хатунская вол. (полные собственники б. гр. Орлова-Чесменского) составляла сложную общину по отношению ко всей земле площадью в 31 т. дес.; в 1869 г. произведено разверстание по деревням всех угодий, кроме 270 дес. заливных лугов и 15 т. дес. леса. В 1871 г. 14 сел Островской вол. *Подольского* у., владевших сообща москворецкими лугами, распались на две общины: в 6 и 8 деревень. Причины распада составных общин: 1) выдача в 1866 г. владенных записей, где точно обозначен размер земли, поступившей в надел каждому селению (за исключением некоторых лесных и покосных участков); 2) разница в платежной способности отдельных деревень, побуждающая исправную деревню, во избежание ответственности по круговой поруке, настаивать на отделении от неисправных; примером сказанного может служить дер. Вырубкова и Жабкина Сухановской вол. *Подольского* у., имеющая в общем владении пустоши, луговые и лесные угодья; д. Вырубкова запустила недоимку, уплачивать которую приходилось и Жабкину, что заставило последнюю деревню хлопотать о разверстании; пока же шло это дело, крестьяне д. Вырубкова поправились, уплатили недоимку, и разговоры о разверстании прекратились; 3) хозяйственные неудобства, связанные с общим владением, заключающиеся в отдаленности угодий от усадьбы, неравномерности пользования угодьем отдельных деревень и отсутствии заботы о сохранении и улучшении угодья. Так, ближайшие к лесу деревни нередко пользуются им незаконно в ущерб всем; покосы, требующие расчистки, остаются нерасчищенными из опасения, что при очередной разверстке расчищенная одной деревней часть достанется по жребию другой и т. д.

Общее владение нескольких общин участком земли. Три татарские общины Дуванкойской вол. *Симферопольского* у. имеют общин выгон в размере 919 дес.; в *Ялтинском* у. татары 12 дер. Байдарской вол. имеют в общем владении 13 000 дес. леса, 14 дер. Богатырской вол. – 18 000 дес. леса и пастбищ, 5 селений той же волости – 4844 дес. леса и 3 селения – 2096 дес. земли. Совладельцы могут пользоваться лесом для собственной надобности. В *Хвалынском* у. 6 волостей госуд. кр. при отводе лесных наделов в 1874 г. получили таковые в общее владение всех обществ данной волости. В 80-х гг. общины некоторых волостей разверстались угодьем, другие пользуются им пока нераздельно... Татары Кулаткинской вол., состоящие частью из четвертных, частью из душевых владельцев, имеют общие покосы как след единства проис-

хождения всех селений от нескольких семей, получивших землю на поместном праве (Сб., т. V, с. 20). В *Саратовском* у. две сложные общины Сеньинской вол. (из 2 селений каждая) имеют общий сенокос, расположенный на одном из волжских островов; до 50-х гг. эти две общины составляли одну. В *Царицынском* у. есть несколько поселений, имеющих общие сенокосы – может быть, тоже остаток прежних сложных общин. Некоторые деревни *Бугульминского* у., кроме земли, принадлежащей им на общинном праве, имеют участки в общем владении с другими поселениями. Так, д. Абдурахманова (соб., татары) Альметьевской вол. и Тайсуганова (гос., татары) Микулинской вол. имеют в общем владении 225 дес.; д. Кичучатова (госуд., татары) Варваринской вол. имеет участок в общем владении с д. Чупаевой (татары, гос.) и Менликбаевой (татары, соб.) Мордовско-Ивановской вол.; последние две деревни имеют, кроме того, общий участок. В *Острогожском* у. есть случаи общего пользования нескольких селений некоторыми угодьями, преимущественно лесом, общее владение которыми наблюдается в 9 волостях: в 9 селениях Ново-Калитвянской вол., 20 селениях Белогорской, из которых некоторые суть сложные общины в отношении пользования пахотной землей и т. д.; недавно был случай владения 12 из 32 деревнями разных волостей. Порядки пользования угодьем определяются на сходе, составленном из представителей всех общин, причем подлежащая в данном году вырубке площадь разделяется сначала между деревнями. Указаны два случая общего владения нескольких селений сенокосными угодьями. Общее владение дополнительными лесными участками наблюдается в *Липецком* у. в 5 случаях (в каждом совладельцами являются 2 поселения), *Кирсановском* – в 1 случае, *Тамбовском* – в 2 случаях (в том числе в общей даче получили лесной надел все 6 обществ Митропольской вол.), в *Шацком* – в 1 случае (4 поселения). В *Трубчевском* у. общины государственных крестьян Краснополянской волости, когда-то составлявшие одну общину, владеют теперь сообща покосом, который и разверстывают между собой по ревизским душам. Восемь общин государственных крестьян Стрелецкой вол. получили в начале 70-х гг. 215 дес. леса (по 1 дес. на душу) в общем участке; госуд. кр. той же волости Верхий, Средний и Передний Городец имеют общий лес, д. Телец и Темная – также. В *Елецком* у. с. Суворово Суворовской волости, кроме 1430 дес. единственного владения, имеет 304 дес. (соответственно числу его ревизских душ) из общего владения с с. Талец В. Дрезгаловской вол. и 36 дес. из общего владения с д. Поповкой В. Дрезгаловской вол. и общинами Боровкой и Ериловкой Суворовской вол. Две общины (гос.) Ястребинской вол. имеют общий лес. В *Данковском* у. 3 общины д. Савиной (принадлежавшие двум разным владельцам) Мураевнинской вол. имеют общий сенокос и выпас скота по всем угодьям. Три общины (из 8) с. Б. Кочуры, принадлежавшие 3 владельцем и надел коих взаимно чересполосен, имеют

общий сенокос и выпас. Крестьяне с. Бигильдино (д.-четвертн.) лесом, лугом и пастбищем пользуются на одинаковых правах с четвертными крестьянами своего села. В *Михайловском* у. три общины д. Кузнецовки (129 дв.) Токаревской вол. (разные владельцы), получив наделы одинакового размера и расположенные рядом, отмежевали свои поля так, что каждое из 3 полей пришлось рядом, в одной меже; луг и усадебная земля в общем владении. Три деревни (и общины) Токаревской вол., принадлежавшие одному владельцу, имеют общий луг. Три общины д. Зениной Новопанской вол., принадлежавшие разным владельцам, имеют общий выгон, покосы и болотистые кусты, причем одна община получает $\frac{1}{2}$ продукта с названных угодий, остальные – по $\frac{1}{4}$ части. В *Егорьевском* у. случаев общего владения лесом насчитывается около 6, в одной из них совладельцами являются 9 деревень кр. б. графини Орловой (Архангельской вол.), в одном – 3 дер., в остальных – по 2. Общий луг имеют 5 дер. Лелечской вол., а 2 – Коробовской. В 4–5 случаях несколько деревень (3–5) имеют в общем владении другие угодья (в 3 случаях купленная земля, в 1 – подаренная). 169 общин *Мамадышского* у. получили 12 710 дес. продовольственного лесного надела в общее пользование 14 групп общин: 6 из них состоят из 2–3 общин, 2 – из 5–8, 2 – из 12–16, 2 – из 22–24, 1 – из 29, 1 – из 39 общин; между совладельцами идут большие раздоры. В *Тетюшском* у. в общем владении нескольких общин б. госуд. кр. находится, главным образом, продовольственный лес, но иногда и сенокосы. Совладельцами бывают иногда более десятка общин. Общий сенокос распределяется между общинами по ревизским душам, а долю каждой общины – между ее членами по принятому здесь основанию. Лишь в случае общего владения лугами деревень Челны и Бебеево общий луг распределяется между ними по наличным душам, которые приняты за основание разверстки земли и внутри каждой общины. «Сотенные луга», принадлежащие 13 общинам и расположенные на территории *Спасского* у., разделяются на 5 частей («шапок»), находящихся каждая по 2 года подряд в пользовании каждой из 5 приблизительно равных групп, на какие разбиты все деревни, так что в течение 10 лет все участки перебывают у всех деревень. Такой порядок принят по причине разбросанности островов и чтобы не производить ежегодной разверстки лугов. Состоящие в общем владении продовольственные леса находятся в близком расстоянии от одних поселений, участвующих в общем владении, и на далеком – от других. Пока лес не был вырублен – такое расположение угодья вело лишь к неудобствам пользования им для некоторых деревень; но после сведения лесов началась расчистка земли под пашню и таковая естественно была начата раньше близко расположенными деревнями, которые нередко захватывали земли больше, чем имели права, почему другим деревням приходилось лишь платить за землю, которой они не пользовались. Это вызывало пререкания между владельцами – деревнями,

которые иногда прекращались после полюбовного размежевания; иногда же последнее не примиряло враждующих сторон, и деревни, считавшие себя обиженными, возбуждали судебные иски. В *Казанском* у. насчитывается 31 дача, состоящая в общем владении нескольких (всего 71) общин. Из них 16 дач – продовольственные леса госуд. кр., 12 состояли прежде б. с. из леса, данного под расчистку, и теперь превращены в другие угодья, 3 дачи (1400 дес.) составляют лес, луг и кустарник; 14 деревень участвуют в общем владении двумя дачами и одна – тремя. Если между совладельцами нет пререканий, то площадь общего владения делится между ними по рев. душам, хотя бы сами они перешли на «новые» души. Так идет дело, пока лес не вырублен; но когда земля из-под леса расчищается под пашню или покос, то сильная община или ближе лежащая к угодью очень часто захватывает себе большую долю, чем ей следует по числу ревиз. душ. В Кукморской вол. участком д. Утянгуш завладели другие общины-совладельцы; в Арской вол., после раздела общего владения еще в 40-х гг., одна деревня силой завладела и распахала луга другой. В *Свияжском* у. насчитывается 16 дач общего владения государ. кр., из них 7 – лесные наделы, дополнительные, «предназначавшиеся ранее для продовольствия лесным материалом за попенные деньги, а потом переданные крестьянам по владенным записям, с некоторыми ограничениями в праве пользования и распоряжения». В 6 случаях в общем владении участвуют по 2 общ., в 6 случаях – по 3, в 1 сл. (лесной надел) 4 общ., в 1 сл. (лесн. надел) 6 общ., в 1 сл. (лесн. надел) 10 общ., в 1 сл. (328 дес. «макарьевских лугов») 7 общин. Доля каждой общины в общей даче определяется числом ее ревизских душ. Макарьевские луга поделены в 1883 г. между общинами по числу ревизских душ на 10 лет. В *Цивильском* у. встречается 27 случаев общего владения нескольких общин или всеми угодьями (3 случая, обнимающие 21 общину), или только продовольственным лесом, образовавшиеся или, по крайней мере, закрепленные искусственно выдачей общих владенных актов на все угодья (в 1867 г.) или только на продовольственный лес (в 1874 г.). В таких актах говорилось, что земля должна находиться «в общем уравнительном, по числу ревизских душ пользовании» всех общин. В общем владении участвует 129, или 70% всего числа общин госуд. кр. уезда; площадь общего владения около 27 тыс. дес. Число общин, участвующих в общем владении, колеблется между 2 и 16, причем нередко община состоит из нескольких поселений. Так, в случае совместного владения (всеми угодьями) Кадышевской дачей участвовали 16 общин, состоящих из 25 поселков. Эти последние общины долго терпели от чересполосицы и вызываемых ею споров, пока, наконец, решили полюбовно размежеваться (в 70-х гг.). Но половина общин и после размежевания видела недочет в своих землях, а часто приглашаемые межевщики открывали излишки земли то у одной, то у другой общины. Кадышевцы израсходовали

на тяжбу и размежевание до 40 000 руб. и все-таки не устроили своих земельных отношений. Такие же ссоры господствуют и в остальных случаях общего владения; кроме того, результатом отсутствия прочности владения является сильное потребление леса. Масса адвокатов возбуждает крестьян начинать иски против совладельцев о неправильном будто бы владении, и если при этом истцы и выигрывают процесс, то, благодаря его дороговизне, вряд ли имеют от этого значительную выгоду. Так, общины Сурминская и Атыковская выиграли процесс с д. Чуриной, завладевшей всем продовольственным лесом, отведенным в общее их владение; но 3-тысячного штрафа, полученного ими, еле хватило на вознаграждение за «душевую подать», собираемую на расходы по тяжбе. Эти расходы в некоторых случаях простираются до 10 000 руб. с каждой стороны. Бывают случаи, что после затраты 2–3 тыс. руб. тяжба оканчивается мировой сделкой, но в одном из таких случаев (спор д. Андияровой и Буяновой) при проведении сделки в исполнение произошло побоище, кончившееся убийством одного из участников и возбуждением новой тяжбы, ведущей к новым расходам сверх 3000 руб., уже понесенных сторонами. Поверенных, заключивших мировую сделку, как плутов, Андияровское общество решило сослать в Сибирь. О податливости крестьян на возбуждение тяжб можно судить по следующему случаю: общество д. Байдушевой подало мировому судье иск о восстановлении нарушенного владения обществом кр. д. Семеновой; прослышав об этом, последнее общество подало такой же иск относительно д. Байдушевой. Суд в 2 инстанции отказал в иске обеим деревням и пришел к заключению, что дело возбуждено адвокатами исключительно в своих личных интересах. В *Царевококшайском у.* есть случаи совместного владения нескольких общин продовольственным лесом: так, например, все 11 общин (или 22 поселения) Кокловской вол. получили общий дополнительный надел. Здесь постоянные тяжбы по случаю захвата земли теми общинами, кому это сподручнее. Все 35 общин Патриковской вол. (или 61 поселение) тоже получили общий лес в одном месте, отчего дальние деревни не могут пользоваться им, да и не знают своих участков, так как они не размежеваны, а налог за него платят. Эта неопределенность границ участков разных общин и ведет к столкновениям и тяжбам. В последнее время некоторые сложные общины распадаются на простые. В *Лаишевском у.* общее владение нескольких сел наблюдается чаще всего по отношению к лесу, который отводился неразмежеванным нескольким соседним селениям госуд. кр. с тем, чтобы каждое из них участвовало в общем владении долей, соответствующей числу его ревизских душ. Такие «продовольственные» леса имеются: в Бетьковской вол. в общем владении 5 общин 903 дес., в Сараловской вол. – 4 общин 808 дес., в Астраханской вол. во владении 2 сел 310 дес., в Карабанской вол. во владении 2 сел; лесная дача, отданная в общее владение с. Б. Кибяк-Кози и М. Кибяк-

Кози, уже вся распахана, а другая (ок. 800 дес.) – размежевана между обоими селениями: Атабай и Епанчик. В общем владении нескольких общин встречаются и другие виды угодий. В Каробаянской вол. б. государственные и удельные крестьяне с. Б. Меретяк имеют в общем владении 18 дес.; в Чирповской вол. община б. государственных крестьян татарского Янтыка владеет сообща с удельными крестьянами с. русского Янтыка 1917 дес.; в Черемынской вол. владельческие крестьяне 1-го и 2-го обществ с. М. Елань получили от помещика в общее владение 20 дес. В общем владении 7 селений *Чистопольского* у. и д. Тавелиходящего Селенугской вол. *Лаишевского* у. состоит 14 000 дес. покосов, о которых идут нескончаемые споры между совладельцами, мешающие правильной их эксплуатации. В *Калязинском* у. общее владение лесом наблюдается и в 10 случаях в Белгородской, Поречской, Рославской, Степановской, Сушевской и Талдомской вол., причем число участвующих в одном и том же владении деревень колеблется между 2 и 27. Немногие деревни имеют в общем владении покос. Шесть деревень Поречской вол. имеют в общем владении покос и лес; ежегодного раздела покосов в этой общине не бывает, а каждый хозяин заметил свою часть, полученную при ревизии, но дело не обходится без споров. На покосе все селения пасут скот весной и с 1 августа; при этом страдают одиночки, не успевающие вовремя скосить свою часть. Большинство селений желают разделиться <...>. Указано еще 5 случаев общего владения 2 деревень покосом, причем последний или переделяется между хозяевами по жребью, или деревни чередуются в пользовании частями, или каждая деревня издавна пользуется одним и тем же участком. По неудобству владения Капшинское общ. отдает 36 дес. общей земли в пользу церкви и 14 деревень Степановской вол. сдают 24 дес. в аренду. Около 70 сложных общин *Московской* губ. имеют в общем владении леса, около 50 – покосы, около 10 – пастбища. В этом числе находятся и общины, имеющие в общем владении несколько угодий (кроме пашни). В общем владении лесом участвует разное число поселения: от 2 до 42 (Калеевская вол. *Клинского* у.); в общем владении покосом – до 38 селений (Хатунская вол. *Серпуховского* у.). Порядки пользования угодьем те же, что и в простых общинах: лес разбивается для вырубki на доли сообразно группам хозяев, на какие разделяется община, после чего каждая группа разверстывает свою долю между сочленами. Те же приемы применяются и к пользованию покосом, причем осмячные доли в некоторых общинах скашиваются сообща. В некоторых общинах раздел покосов между деревнями производится через 5–10 лет или только при ревизии. В *Шлиссельбургском* у. д. Лава Путиловской вол. и д. Лаврова *Новоладожского* у. (принадлежавшие одному владельцу), имея пахотные земли каждая в своем уезде, покосы производят в обоих уездах.

ОБЩИННОЕ ВЛАДЕНИЕ В РОССИИ

КАРЕЛИН Аполлон Андреевич
(1863—1926)

«Было бы достойно сожаления уничтожить вековое учреждение, глубоко и коренным образом связанное со всей жизнью и историей русской нации».

Эмиль де Лавелэ (1).

На общинных началах¹ владеют разнообразными источниками сырых материалов, так, например, пахотными, сенокосными, усадебными, приусадебными, выгонными и лесными землями, рыболовными угодьями, соляными варницами, охотничьими участками, брусяными горами, каменоломнями и т. п.

Главные отделы этой работы следующие: 1) великорусский тип общины и его разновидности, 2) община первого захвата, 3) община-артель, 4) города общины, 5) четвертное землевладение, 6) лично-общинная система, 7) общее владение, 8) охотничьи общины, 9) соляные общины, 10) рыболовные общины, 11) общины инородцев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Разновидности великорусской общины

В общинах великорусского типа размеры надела, даваемого отдельному лицу или домохозяйству, прямо пропорциональны сумме взимаемых по-

¹ Пр. Пахман определяет общинное владение следующим образом: «Общинное владение есть та форма имущественных прав, в силу которой право владения и пользования данным пространством принадлежит самой общине как собственнику или владельцу земли, причем каждому члену ее как домохозяйину предоставляется в ней или право пользования, соединенного с владением, или же одно право пользования» (2).

дате́й. В разных общинах право на надел имеют разные лица; в некоторых случаях (когда, например, податная тяжесть выше дохода от земли) крестьяне или домохозяйства обязаны брать землю с лежащими на ней податями. Во многих общинах право на надел имеют только лица, по происхождению принадлежащие к данному обществу; но иногда (Барановская волость Хвалынского уезда Саратовской губернии) (3) на надел имеют право приводные дети второго брака (принадлежащие совсем к другому обществу), приемыши и лица, причисленные к обществу только для счета, без юридического права на землю. В некоторых общинах имеют право на надел незаконнорожденные, в других – нет. С другой стороны, бывает и так, что лица, хотя бы и принадлежащие по происхождению к обществу, но живущие на стороне и не занимающиеся земледелием, лишаются права на надел. Общество не дает иногда земли пьяницам, ворам, конокрадам, распутным (4).

Общины великорусского типа могут быть разделены на несколько видов, иногда, впрочем, совершенно перепутывающихся между собою. Характерными видами можно назвать следующие: 1) общины ревизских душ; в этих общинах только крестьяне, переписанные ревизией, имеют право на надел; 2) общины, где право на надел имеют крестьяне, вступившие в рабочий возраст; эти общины близко соприкасаются с общинными, где земля дается (в меньших долях) и малолетним, но несколько трудоспособным крестьянам (например, 14-летним); близка к этому виду и «тягловая» (редко встречающаяся после реформы) община; 3) общины наличных душ, где земля дается всем лицам мужского пола; эти общины распадаются на два подвида: земля дается всем без исключения лицам мужского пола или же только тем, которые достигли определенного, но нетрудоспособного – например, пятилетнего – возраста; 4) общины, где земля дается по числу едоков, и, наконец, 5) общины, где земля дается в таком размере, в каком ее желает взять данное домохозяйство. Необходимо заметить, что все эти виды и подвиды зачастую перепутываются между собой в крайне разнообразных, прихотливых формах.

В общинах великорусского типа разверстка земли и податей производится между крестьянами следующим образом. Наше крестьянство выплачивает пять видов податей, а именно: государственные, земские-губернские, земские-уездные, волостные и мирские. Общинники складывают все эти сборы в одну общую сумму, которую и распределяют между собою. Вся сумма податей, приходящаяся на данное общество, делится на число так называемых окладных душ. Окладные души исчисляются разнообразно: в общинах ревизских душ их число соответствует числу записанных ревизией крестьян; в общинах, где земля дается по вступлении в рабочий возраст, они высчитываются таким, например, образом: 17-летний общинник считается в $\frac{1}{2}$ души, 18-летний – в одной душе, с 20 лет и до 60 общинник имеет $1\frac{1}{2}$ души и, нако-

нец, с 60 лет опять $\frac{1}{2}$. Складывая полученные тем или другим способом единицы, общинники делят на них причитающуюся на данное общество сумму податей. Частным от дележа общей суммы податей на число окладных душ является определенная сумма денег, называемая «податной душой». Имеющаяся у общины земля (за исключением выгонной, усадебной, а иногда леса и приусадебной) делится, в свою очередь, на число душ и делится так, чтобы в каждом соответствующем податной душе наделе были доли всех имеющих у данного общества угодий. Каждый такой надел называется земельной душой. Все земельные души определенной общины равны между собой и тождественны по качеству. Каждое домохозяйство, имеющее, например, три окладных души, получает в надел три земельных души и обязано платить три же податные души. Натуральные повинности отбываются общинниками тоже по числу окладных душ. Дворы, не имеющие окладных душ, не платят податей и не получают земли, являясь таким образом стоящими вне мира бобылями; тем не менее в большинстве случаев они сохраняют за собой право на усадьбную оседлость. В редких случаях и бобыли несут податную тяготу, хотя меньшую, чем общинники; надо, впрочем, думать, что, помимо усадебной земли, они имеют тогда огороды, а иногда пользуются и лесом (например, в Заозерской общине Новгородской губернии) (5).

Дав общую характеристику разверстки земли и податей, перейдем теперь к более подробному описанию различных видов общины великорусского типа. Во многих общинах земля и подати разверстываются по ревизским душам. Не лишен интереса тот факт, что некоторые из этих общин (бывших помещичьих крестьян) приняли указанную раскладку спустя несколько лет после ревизии. Общины ревизских душ распадаются на несколько подвидов. В одних земля роздана домохозяйствам по числу ревизских душ, причем не обращается внимание, умер кто-либо из записанных ревизией или нет. Окончательно выморочные или брошенные наделы передаются обществом зажиточным крестьянам; бедные, хотя и сильные работниками дворы рискуют остаться здесь безземельными, так как мир при передаче выморочных наделов руководствуется одной платежной силой домохозяйств. В других случаях оставшаяся душа передается домохозяйству не иначе, как с согласия последнего; в том же случае, если ее никто не хочет взять, все межи между наделами уничтожаются и земля вновь переделывается на оставшееся число ревизских душ. Встречаются и такие общины, где брошенная и выморочная земля обязательно передается сильному в хозяйственном и платежном отношении двору. Неравенство наделов в этих общинах бывает очень значительно: 5–6 мужчин владеют иногда одним наделом, а один – пятью (6). В этих общинах, несмотря на то что земля делится строго по ревизским душам, надел недоимщика нередко отбирается и передается домохозяйству, способному выплачивать подати.

Общины второго подвида отличаются от только что описанных тем, что надел умершего и записанного в ревизию крестьянина обязательно отбирается у того домохозяйства, которое им владеет, и отдается в аренду или же переделяется между живыми ревизскими душами (например, Ейское укрепление Ростовского на Дону уезда Екатеринославской губернии) (7). В третьем подвиде оставшаяся земля раздается желающим за подати, а иногда, правда редко, и по вольной цене; эту землю берут не только домохозяйства без ревизских душ, но иногда даже посторонние. Четвертый подвид явился результатом недовольства той системой раскладки, которая существует в общинах ревизских душ. Как государственные, так и многие бывшие помещичьи крестьяне, освобождаясь от крепостной зависимости, поделили землю по числу ревизских душ. Одиннадцатой ревизии, при которой намеревались разверстать землю по новым душам, все еще не предвиделось, и в деревнях появилось, с одной стороны, молодое поколение, не имеющее земли, а с другой – домохозяйства, платящие после смерти нескольких ревизских душ непосильные подати и владеющие наделами, которых они не в состоянии обработать. Когда земля дорога и общинникам выгодно иметь ее, возделывая наемным трудом или сдавая в аренду, тогда домохозяйства, потеряв записанные при ревизии души, стараются тем не менее удержать за собой надел, употребляя всевозможные средства, чтобы не отдать его не записанной ревизией молодежи. Наоборот, там, где доход с земли не окупает платежей, находящиеся в том же положении домохозяйства стараются развязаться с землей, передают надел в мир, которые и должен платить за него повинности. Мир старается передать надел молодым работникам, а последние, особенно если они могут выгодно арендовать землю, упорно отказываются от земли – бремени. Результатом этой борьбы является четвертый подвид общины ревизских душ, распадающийся, в свою очередь, на несколько подвидов: 1) общины, где земля снимается с умерших ревизских душ и передается домохозяйствам, имеющим безнадельных лиц мужского пола, не записанных ревизией; земля переходит в этом случае к самому старшему в общине мужику или подростку (из безнадельных) (например, в Княгининском, Васильском уездах Нижегородской (8), в Царицынском Саратовской (9) губернии); в некоторых общинах надел отнимается от домохозяйства только в том случае, если в нем нет безнадельного подростка; наконец, есть и такие общины, где выморочный надел ревизской души разверстывается на наличные души мужского пола (например, в Мелитопольском уезде Таврической губернии) (10); 2) общины, где взятая от домохозяйств с убылыми душами земля передается не записанным в ревизию, но достигшим трудоспособного возраста крестьянам (например, 18-летним на хуторе Гирлы Острогожского уезда Воронежской губернии) (11). Наконец, пятый вид общины ревизских душ принял такой способ передачи брошенных

и выморочных наделов, в котором нет возможности усмотреть правильной системы: «одному мир дает землю потому, что семья велика, едоков много», другому – потому, что двор хозяйственный «землю сподобит, не вымоет», да и подати сполна оплатит, а претендент на надел с большим числом едоков не получает ничего на этот раз потому, что «взять с него нечего»; третьему надел дается потому, что новый работник вырос в семье; наконец, четвертому – потому, что сам «попросил на поправку», пообещавшись исправно платить подати да поставивши малую толику водки. И тут же рядом остаются владельцы такого количества наделов, которое равняется числу ревизских душ в их семьях (12). Таким образом, в некоторых видах общин ревизских душ широко применяется свалка наделов с одних домохозяйств и навалка их на другие. Практикуются также общие пережеребьевки, т. е. передел земли по старой раскладочной единице. Причины этих пережеребьевок будут потом указаны. Что касается до коренных переделов, т. е. дележа земли по новой раскладочной единице (например, по наличным душам мужского пола), то они производятся только тогда, когда крестьяне переходят от общины ревизских душ к другому виду пользования землей.

В строго ревизских общинах – общинный элемент настолько сглаживается, тип владения настолько приближается к подворно-участковому, что не будь фактов, ясно доказывающих, как крестьяне тяготеют этой формой владения, можно бы было признать последнюю за необщинную. Попадают, например, уезды, где практикуется торговля наделами без согласия на то общества. Но, с другой стороны, в рядах тех же крестьян мы встречаем нетерпеливое ожидание ревизии, к которой общинники приурочивают право производить переделы, встречаемся с энергичными требованиями немедленного передела и т. п. фактами. Нельзя, впрочем, не заметить, что число ревизских общин с каждым годом уменьшается; в Самарском, например, уезде только одна община произвела до 1883 года коренной передел, но в 1884 году собирались делиться 7 общин; крестьяне этого уезда боятся, что начальство не позволит делить землю (13). «Всего лишь шесть лет тому назад, – пишут исследователи Мамадышского уезда Казанской губернии, – громадное большинство общин крестьян Мамадышского уезда распределяли землю между своими членами по ревизским душам; переход к новой единице распределения земли был совершен с замечательной быстротой, почти во всем уезде всего лишь в шестилетний промежуток времени» (14). Ревизии текущего столетия следовали одна за другою не позже, как через 16 лет. Крестьяне настолько привыкли приурочивать к ним время передела, что до сих пор во многих местах не уверены в своем праве делить землю до ревизии, но эта неуверенность исчезает, и крестьяне все чаще и чаще переделывают землю по другим раскладочным единицам, тем более что,

помимо несоответствия надела с рабочей силой домохозяев, передел признается необходимым и потому, что молодежь шла в военную службу, а ее семейства оставались безземельными. Впрочем, передел с ревизских душ на наличные не всегда бывает необходимым; кое-где в маленьких общинах не произошло еще резкого различия между числом ревизских и наличных душ, так что в переделе не встречается надобности.

Перейдем теперь к общинам, где земля распределяется по работникам: в большинстве случаев это общины, где лежащие на земле платежи или равны доходу от нее, или даже превышают его. Окладные души исчисляются в таких общинах разнообразными способами. Так, например, принимается вышеуказанный счет или какой-нибудь другой – все зависит от того, какой возраст считается крестьянами трудоспособным: встречаются общины, где юноша от 16–18 лет несет на себе $1\frac{1}{2}$ окладных души, мужчина от 18–55 лет – 2 души и старик от 55–60 лет – одну душу. Податные и земельные души распределяются между общинниками обычным способом. Домохозяйство, имеющее двух работников в возрасте от 18–55 лет, получит 4 надела и будет выплачивать 4 податные души. Домохозяйство, имеющее одного работника в возрасте от 16–18 лет, а другого в возрасте от 18 до 55, получит $3\frac{1}{2}$ надела и обязуется выплачивать $3\frac{1}{2}$ податных души. В некоторых из этих общин принимается во внимание и количество скота, определяющее трудоспособность крестьянина. По основному правилу все общинники вполне трудоспособного возраста имеют право на одинаковый надел и обязаны выплачивать равные доли податей. Но работник, не имеющий, например, лошади, получает не полный надел, который трудно обработать наймом, а часть его, например, $1\frac{1}{2}$ или одну душу. Точно так же общинники, имеющие какие-либо физические недостатки, мешающие им обрабатывать целый надел (например, хромоту, слабые глаза и т. п.), получают меньшие против нормальных доли. При такой разверстке душ с 55-летнего старика снимается, по его желанию, половина надела (одна земельная, а, следовательно, и одна податная душа), а 60-летний имеет право отказаться от платежа какой бы то ни было доли повинностей, а, следовательно, и от пользования общинной землей (в разных общинах за предел трудоспособности принимается разный возраст). Свободная земля поступает в этом случае старшему из безнадельных крестьян¹. <...>

По словам крестьян, распределяется «не земля, а тягота», в силу чего малолетние и не получают земли. Как исключение, впрочем, логическое, а, следовательно, и не очень редкое, встречаются общины, где земля дается каждому малолетнему, способному платить хоть часть податей. Такая раскладка (дробная) встречается в общинах, где гнет податей слишком силен, а близость торговых или промышленных центров дает возможность зарабатывать день-

¹ В издании, которым мы располагаем пропущена одна страница (Прим. ред.).

ги и ребятам. При дробной разверстке (иногда так верстается только часть земли) окладные души исчисляются таким, например, образом: 10-летний мальчик несет на себе $\frac{1}{4}$ окладной души, 12-летний – $\frac{1}{2}$, 14-летний – $\frac{3}{4}$, 16-летний – $1\frac{1}{2}$, общинник от 20 до 55 лет берет на себя 2 души; с 55-летнего возраста сваливается половина, а с 60-летнего – весь надел, который так же, как и души умерших общинников, передается подросткам. Раз в потягольной общине, в силу ли уменьшения податей или от других причин, доходность земли повысилась, начинаются изменения в раскладке. Старики не отказываются от земли, подростки не получают наделов, их перехватывают более взрослые парни, и в конце концов устраивается община наличных душ.

Общины наличных душ распадаются на два подвида: в одном из них даются равные наделы всякому лицу мужского пола, какого бы оно возраста ни было; если, например, родится мальчик за день до передела, то земля нарезается и ему. В другом подвиде земля дается малолетним по достижении ими определенного, но необязательно трудоспособного, например, 5-летнего возраста. Такая разверстка производится в тех случаях, когда население растет быстро, а земли у общины мало; для того чтобы не дробить ее на чересчур мелкие полоски, и устанавливается 5-, 8- и даже 10-летний возраст, дающий право на надел. При установлении такой разверстки играет, разумеется, роль и сильная смертность детей до 5-летнего возраста. Общины наличных душ встречаются в тех случаях, когда доходность надела выше лежащих на нем платежей. В редких случаях встречаются исключения из этого правила: несмотря на благоприятное отношение податей к доходу в малоземельных общинах, дележ по наличным душам повлек бы за собой раздробление земли на мелкие, мало пригодные для обработки полосы; в таких случаях сохраняется иногда ревизская или потягольная разверстка. Общины наличных душ второго подвида только по внешней форме сходны с общинами дробной раскладки; в первом случае земля делится по потребностям, во втором – по рабочей силе. В некоторых общинах наличных душ не получают надела лица, постоянно живущие на дальних заработках (в Рязанской губернии (15), в Царевококшайском уезде) (16). Эти общины близко походят к общинам по едокам: в среднем наличной душе мужского пола соответствует и женская душа, так как оба пола распределены по семьям довольно равномерно, но ввиду того, что здесь не признается за женщинами принципиального права на надел, то семья с большим числом женщин бедствует иногда на небольшом участке. Впрочем, и в этих общинах, но не по праву, а «желаючи», дают небольшие доли земли и лицам женского пола (например, в одной из деревень Макарьевского уезда Нижегородской губернии и т. д.) (17).

Общины по едокам покамест довольно редки: в сельце Н. Опушке Мценского уезда Орловской губернии решили в 1884 году «разделить землю

строго по числу едоков, полагая 2 надела на 5 едоков, т. е. лиц обоего пола, какого бы возраста они ни были; для достижения возможно точного соответствия числа наделов с числом едоков наделы разбивались на четвертые и даже восьмые доли» (18). В деревне Климят Поречского уезда Смоленской губернии крестьяне постановили 4-го июня 1884 года приговор о переделе земли по едокам, полагая один надел на три едока (19). В слободе Подмонастырской Елецкого уезда Орловской губернии земля была разделена в 1884 году на всех едоков – 132 мужского пола и 131 женского пола; такая же община находится в Воронецкой волости того же уезда (20). Громадное большинство крестьян с. Буруни Путивльского уезда Курской губернии добивается передела земли по едокам (с наличных душ мужского пола) (21). В четырех селениях Переяславского уезда Владимирской губернии при выдаче владенной записи «бабы подняли бунт и потребовали себе земли»; крестьяне передают, что происходила страшная смута в обществе, но, в конце концов, «бабы одолели». В 1870 году крестьяне определили производить переделы через десять лет, а души раскладывать «по объединению», «невзирая на пол». Мальчики получают, впрочем, землю со дня рождения, а девочки – с трех лет. Доля мальчика, девочки, старика и старухи равняется $\frac{1}{2}$ души (22). В некоторых случаях крестьяне не сумели справиться с этим видом разверстки и перешли к общинам наличных душ (например, одна из общин Кирсановского уезда Тамбовской губернии) (23). В Новоселках Рязанского уезда решили переделить землю по живым душам, давая землю и на «девок», но неизвестно, приведено ли это решение в исполнение (24). Автор статьи «Сохранится ли общинное владение» (25) полагает, что надел землей по едокам противоречит принципу общинной справедливости. Но, взяв общины, находящиеся в наиболее нормальных условиях, мы увидим, что их принцип может формулироваться фразой: «Каждый потребитель имеет право на землю», – и под словом «каждый» начинают подразумеваться и лица женского пола.

Мы уже говорили, что в общинах наличных душ дается иногда земля и женщинам; приведем, ввиду важности вопроса, еще несколько фактов. В Рязанском уезде изредка принимаются во внимание и женщины: «и девка жрать хочет», «девка не баран – не зарежешь», – говорят крестьяне; «В этих случаях прибавляют земли на семьи с большим числом девок, принимают во внимание всех едоков семьи; в наиболее установленном виде это встречается у государственных крестьян Рыковой слободы и Коростова»; «в некоторых других общинах, – пишет исследователь Рязанского уезда, – тоже подумывают перейти к такой системе, но вообще... таких общин немного» (26). В Славяносербском уезде Екатеринославской губернии «на баб давать земли не думают, “заводу нет”, но признают, что это справедливо» (27). В немногих общинах получают надел девушки; в немногих случаях условием наделения

землей является требование девушки в связи с заявлением, что она не пойдет замуж; она становится таким образом самостоятельным домохозяином и получает надел. Чаще девушка получает надел, не теряя права выйти замуж; в Малмышском уезде Вятской губернии «девка» наделяется землей в том случае, если в домохозяйстве вымерли все мужчины. Такая «девка с душой» может выйти замуж за парня своей же деревни, и тогда надел идет за приданое; выходя же замуж на сторону, она лишается надела (28). У казаков степной Сибири девушка-сирота наделяется землей, причем ее возраст не принимается во внимание (29); у донских казаков девушки получают полпая (30). Что касается до вдов, то они получают надел или в том только случае, если у них есть дети – мальчики, или дети хотя бы и девочки, или, наконец, они получают землю потому, что и им есть надо (31). В первом случае общине важно поддержать зажиточность будущего работника, во втором – главную роль играет принцип справедливости, так, например, в Беломестно-Двойневской волости Тамбовского уезда наделы умерших остаются за вдовами и малолетними, хотя бы в числе последних и не было мальчиков (32). В Воронежском уезде, за немногими исключениями, вдовы и сироты обыкновенно пользуются совершенно безвозмездно целыми душевыми наделами или частями их (33). У донских и степных казаков вдова получает полпая. В некоторых местностях (Моршанский уезд Тамбовской губернии, Мезенский – Архангельской, Никольский – Вологодской, Бузулукский – Самарской и пр.) право на надел обуславливается обязанностью со стороны вдовы правильно уплачивать подати, а иногда и не запускать еще пашни (34). Подобное условие порождает в некоторых случаях ряд злоупотреблений; так, например, в Умщельской общине Мезенского уезда вставшие во главе семейства вдовы и сироты умерших домохозяев подвергаются со стороны мироедов вымогательству и угрозам отобрания земли во избежание запущения у них пашни и неплатежа податей; в другой общине того же уезда к вымогательству присоединяются и поборы вином (35). Платящая подати вдова является иногда «равноправным членом общины во всех мирских сходах, имеющих чисто хозяйственный интерес (36)». В тех местностях, где земля с выгодой может обрабатываться наемным трудом или сдаваться в аренду, вдовы не освобождаются обыкновенно от податей. Но мы знаем уже, что в Воронежском уезде, а также и в других местах (с. Рябушка Саратовского уезда (37) и т. д.) вдовы и сироты получают так называемые мироплатимые, т. е. освобожденные обществом от податей наделы. В этих последних случаях наделение землей женщин рассматривается как акт благотворительности, а не как обязанность со стороны общества. Тем не менее кое-где крестьяне начинают сознавать, что и женщины имеют право на землю; такое сознание вызывается, с одной стороны, стремлением разделять землю по потребностям, а с другой – и тем,

что многие крестьянки принуждены арендовать землю, главным образом, под лен; эти аренды и послужили во Владимирской губернии, например, основанием для требований женщинами надела.

В ряде общин встречается и смешанный тип разверстки. Так, например, существует раскладка по домашней силе хозяйства, близкая, с одной стороны, к потягольной, а с другой – как бы признающая за женщинами право на надел. На величину надела влияет в этом случае количество работников и работниц, количество скота, качество сельскохозяйственных орудий, вненадельная аренда, близость усадьбы к базару в больших селах и пр., и пр. Каждое семейство получает обыкновенно то количество земли, какое приходится по числу имеющихся в нем душ, но тут же уменьшают наделы слабых дворов и увеличивают наделы сильных. Женщины-работницы тоже принимаются во внимание, так, например, в Кошаковской волости Казанского уезда «и таких наделяли, у кого не выходило работников, а была сила; коли много работниц, и тем набавляли» (38). По «заможности» же хозяйств в некоторых случаях делится земля и в Уржумском уезде Вятской губернии (39), иногда в Саратовском уезде (40).

Последним видом общин являются те из них, в которых земля делится «по согласию», «по-милу». Каждый общинник, соображаясь со своими хозяйственными силами и нуждами, заявляет на сходе, сколько земли ему надобно, и получает указанное количество. В некоторых случаях сход контролирует добросовестность заявлений, а в других не обращает, по-видимому, внимания на соответствие силы с требованиями. Впрочем, и в последнем случае неисправный плательщик знает, что его надел будет уменьшен или отобран (41). Ясно, что крестьяне, заявляя свои требования, принимают во внимание не только число женщин-работниц, но и едоков.

Мы указали уже способ раскладки повинностей, присущий общинам великорусского типа: в большинстве общин все подати разверстываются пропорционально наделам по числу окладных душ; встречаются, однако, отклонения от общего типа, так, например, подушная подать взималась в общине по числу ревизских душ, волостные, а иногда и сельские сборы разверстываются по числу наличных работников, остальная же часть податей по окладным душам. Во многих общинах отцы рекрут сохраняют наделы сыновей, не платя за них податей. О том, что вдовы не платят иногда податей, мы уже говорили. В очень немногих общинах облагается податью каждая штука скота, а общая сумма податей, за вычетом собранных таким образом денег, распределяется обычным порядком по душам. Основания такой раскладки заключаются в том, что богатые скотом хозяева пользуются выгоном и пастбищами в большем размере, чем рядовые общинники. Иногда часть скота – 2–5 штук – все не облагается (42). Иногда (едва ли, впрочем, в общинах великорусского

типа) все подати переваливаются на скот (например, в Барнаульской волости Бийского округа) (43). Разверстка податей по скоту встречает иной раз значительные препятствия, так, например, крестьяне продают мало-мальски лишний скот, количество скота, принадлежащее отдельным хозяевам, быстро меняется и т. д. В общинах греческих поселян Екатеринославской губернии встречается обложение скота прогрессивным налогом. «Есть местности (Бессарабская губерния), где разверстка повинностей, за исключением тех, которые требуются в определенной сумме с каждой семьи по числу ревизских душ, производится соразмерно зажиточности хозяев, распределяемых на несколько разрядов; хотя при этом принимается во внимание размер земельного владения, но главной нормой признается количество рабочего скота. Эта же норма применяется в некоторых местностях (Екатеринославской губернии) и при распределении сбора на содержание почтовых обывательских станций; есть, наконец, местности, хотя и единичные, где нет никакой связи между разверстками земли и повинностей, а именно в Тираспольском уезде и в некоторых волостях Ананьевского уезда Херсонской губернии. Здесь поля разверстываются по числу ревизских душ, а повинности – по числу вновь образующихся тягол» (44). В некоторых сибирских общинах на все состояние более богатых крестьян налагается особый налог от 1 рубля до 10 рублей (45). Встречаются и совсем случайные налоги; в селе Галбурда Днепровского уезда Таврической губернии, например, женившийся на девушке из названной деревни платит в мирскую кассу $3\frac{1}{2}$ рубля, если он числится в том же приходе, и 5 рублей – если в другом (46).

II

Распределение земли. — Функции общины

Познакомимся теперь с самой техникой разверстания земли в общинах великорусского типа.

Усадебная земля, т. е. двор со всеми строениями, находится в наследственном владении домохозяства. Усадьба переходит по наследству тому из сыновей, который более всех работал на семейство; таким образом, младшие сыновья, живущие обыкновенно с отцом, часто наследуют ее (47). Вновь появившимся вследствие раздела семейств хозяевам мир нарезает новые участки на краю селения. Тем не менее платеж податей не предполагает усадебный надел необходимым. В деревнях встречаются не имеющие усадеб работники, наделенные как податными, так и соответствующими им земельными душами. Как кажется, такие работники получают все-таки рано или поздно усадебную оседлость. Хотя усадебная земля и переходит по наследству, тем не менее она не может считаться частной собственностью домохо-

зяина, так, например, ее нельзя в большинстве случаев продать или передать по завещанию лицу, не состоящему членом данной общины. «Отчуждение усадьбы в Полужской общине Архангельской губернии, например, не только посторонним лицам, но даже членам самой общины не допускается без согласия на то мира» (48). Если все члены какого-либо хозяйства перемрут или выйдут из общины, усадебная земля поступает миру, который и распоряжается ею сообразно существующим обычаям. Даже вся усадебная земля может быть равномерно распределена между членами общины в том случае, если возведенные на ней постройки сгорели во время пожара. Таким образом, усадебная земля считается общинной, но труд, потраченный на постройки, не допускает периодических переделов. Мы встречаемся здесь с отрицанием того правила, по которому построенные на чужой земле строения принадлежат собственнику земли: уходящий из общины крестьянин имеет право увезти с собой все возведенные на земле постройки. Ряд данных подтверждает существование общинной собственности на усадебные земли: в Юхновском уезде Смоленской губернии эта земля не разверстана (49). Государственные крестьяне Одесского уезда считают усадебную землю общей собственностью всего общества и потому из нее беспрепятственно и даром отводят молодым хозяевам участки под двор (50). Контроль мира над усадебными землями – общее явление (см. например, о Воронежском уезде и о друг. местностях) (51). Во многих местностях допускается продажа этой земли однообщественникам, но из этого правила встречаются характерные исключения, подтверждающие наше положение, так, например, в Забайкалье, в Бичурском селении Верхнеудинского округа, были выделены в 1882 году усадьбы тем общинникам, которые не имели их, а также и малолетним для того, чтобы родные последних постепенно выстроили им дома. «Как только усадьбы были выделены, некоторые начали их продавать, а кулаки-мироеды – усиленно добиваться покупки. Мир восстал на это и принес жалобу полиции и губернатору, прося воспретить крестьянам продавать усадьбы, и настоял на исполнении своего ходатайства (52)». В Забайкалье переделов усадебной земли не существует, но власть мира над нею очень велика, так, например, мир берет часть усадебной земли у бездетного крестьянина и передает ее многодетному для того, чтобы последний мог вовремя помочь молодой семье, «чтобы она начала жить на глазах» (53). Иногда усадебная земля (незастроенная) делится (например, в 1883 г. в с. Ямники Урсалов Бугульминского уезда Самарской губ.) (54); в 1879 г. в д. Нагорной крестьяне переделали усадебные места, причем много было снесено риг, у многих было отрезано много мест, так как некоторые домохозяева уже после Положения «самовольно захватили себе слишком большие усадебные места». Во многих других общинах, совершивших коренной передел пахотных угодий по количеству душ, заходила речь о переделе и

усадеб, но «большедворовые» домохозяева сильно воспротивились, и потому решение этого вопроса было отложено до более благоприятного времени (55). В очень многих местностях не получившие усадебной земли общинники или получившие ее меньше других получают излишек полевой земли. В очень многих общинах излишек усадебной земли облагается посаженным налогом, и тем уравнивается неравномерное пользование общинными угодьями. Тем не менее способ раскладки податей остается тот же, что и раньше: полученная с усадебного сбора сумма вычитается из всех податей, а остаток распределяется обычным порядком по душам. Важен еще тот факт, что усадебная земля обыкновенно является нераздельной собственностью домохозяйства, так что выделяющиеся из последнего члены не имеют на нее или на часть последней права собственности.

Приусадебной землей¹ называются огороды, конопляники, капустники, огуречники, сады, гуменные и банные земли, расположенные обыкновенно рядом с деревней. В некоторых сравнительно редких случаях они являются наследственной собственностью домохозяйства. Но и вне этого условия они часто не поступают в передел, что зависит от двух причин. Земли под гумнами и банями не переделываются на том же основании, что и усадебные; впрочем, если гуменные земли захватывают больше места, чем нужно для хранения хлеба и сена и если на них разводится, например, конопля или картофель, то они подвергаются иногда переделам. Засеваемые земли не делятся потому, что различные доли труда и капитала, потраченные на их обработку, настолько изменили первоначальные свойства почвы, что деление земли по качеству повлекло бы раздробление ее на чересчур мелкие, негодные для культуры полосы. Наделение же нового общинника участком определенного размера, невзирая на качество почвы, достигается прирезкой свободной, лежащей рядом с деревней земли, обыкновенной прирезкой части выгона или телятника. В том случае, если ближайшая к деревне земля занята и общество не желает произвести передел приусадебных угодий, мир дает новому члену общины сверхнадельный участок лучшей пахотной земли; этот участок равняется обыкновенно двойному приусадебному наделу. В некоторых общинах этот участок берется у имеющего излишек приусадебной земли. В других случаях излишек приусадебной земли над нормальным облагается пропорциональным (посаженым) налогом в пользу тех лиц, которые не имеют таких участков. Реже этот налог идет в пользу мира. В тех местностях, где допускаются переделы приусадебных земель (где, например, затрачиваются почти одинаковые доли труда и капитала, где приусадебные земли необходимы общинникам и вместе с тем нет свободных земель, а также и

¹ Иногда под термином усадебной земли понимается как усадьба в тесном смысле слова, так и приусадебная земля.

в тех случаях, когда приусадебные наделы чересчур уже не соответствуют рабочим силам домохозяйств), в этих местностях переделы имеют своеобразный характер, устраняющий дробление земли по качеству, так, например, полосы нового общинника прирезаются с краю, передвигая таким образом границы других владельцев. Иногда надел прирезывается поперечно, чем избегается переход владельцев на другую землю, и чересполосица, которая встречается в тех случаях, когда новому общиннику даются отрезанные от разных домохозяев полосы. Когда при передвижке границ (первый случай передела) общинник получает при жеребьевке худшую землю, чем он имел раньше, ему платит вознаграждение тот двор, который получил лучший участок. Так, например, при дележе садов общинник имеет право пользоваться в течение определенного периода времени плодами с тех садовых деревьев и кустов, которые отошли по новому переделу к другому двору; прежний хозяин не обязан в этом случае ходить за садом (56). Очень часто общинник выменивает отошедший от него при переделе надел за двойное количество ближайшей к деревне пахотной земли. Вообще же говоря, здесь встречается масса добровольных соглашений между отдельными домохозяевами. Если приусадебная земля обращена, как иногда случается, под сенокос, то она и переделяется как сенокосные пожни, о которых будет сказано ниже. Нельзя не упомянуть, что на практике встречаются и другие виды переделов, заботящиеся об оставлении домохозяев на прежних участках и об уменьшении чересполосицы, но они имеют обыкновенно местное значение, и мы не будем говорить о них. В том случае, когда община допускает переделы, промежутки между последними равняются 15 и более годам, в течение которых легко окупаются затраты общинников; исключения из этого правила очень редки. Если общинник перестает нести окладные души, приусадебная земля отбирается от него наравне с другими угодьями. Наследственная собственность на приусадебные земли встречается очень редко и, почти никогда не являясь свободной, подчинена со стороны мира еще большей регламентации, чем собственность на усадебные земли, так, например, зачастую мир запрещает продажу таких участков не только посторонним, но даже односельчанам.

Помимо усадебной и приусадебной земли, общины владеют четырьмя угодьями: пашней, сенокосом, лесом и выгоном; два последние угодья встречаются, впрочем, далеко не во всех общинах; надо также заметить, что встречаются общины без пахотной земли или без сенокосов. Укажем сначала, как пользуются общинники выгоном. Выгоном называется иногда всякое место, где пасется скот, например, пар, жнива, но мы будем называть этим термином определенную площадь земли, специально предназначенную для пастьбы скота. Эта площадь никогда не делится на участки, и ею пользуются сообща: выбранный и нанятый миром пастух выгоняет на нее скот всех

членов общины. В некоторых случаях выгон отводится не сплошной полосой, а, например, в двух местах; тогда мир разделяет стадо и посылает его на пастьбу под присмотром двух пастухов. Мы встречаемся очень часто с коллективным, но неравномерным пользованием выгоном; один общинник имеет больше, другой меньше скота. Но во многих общинах каждая голова скота, который является, по мнению мира, излишним, т. е. не нужным для обработки данного надела, облагается особым налогом. Иногда крестьянин имеет право выпускать на выгон столько скота, сколько на нем лежит душ, за лишние же череды он платит тому, у кого есть череды свободные, например, в ст. Каменской Войска Донского имеющий свыше 5-ти штук скота на толоке приплачивает имеющим менее скота, и если таковых нет, то обществу, которое из этих сумм платит пастухам (57). В Саратовском уезде мир ежегодно определяет, какое количество скота может пасти общинник (ревизская душа) на выгоне. Имеющие лишний скот пасут его на стороне, а имеющие меньшее против указанного число скота имеют право на пользование остальной землей под посев хлеба (58). В Мелитопольском уезде Таврической губернии в 40 общинах указывается, сколько голов скота можно пасти на окладную душу (59). Что касается до платы пастуху, то она вносится с каждой штуки скота, так что богатые платят больше, чем бедные. Кроме главного выгона, в некоторых общинах имеются еще расположенные около деревни телятники, на которых пасется мелкий скот. Мы знаем уже, что скот пасется иногда на «толоке», «паре», «жнивие» и проч. Об этих видах пастьбы скота придется сказать несколько слов, теперь же заметим, что под толоку выделяется иногда от каждого надела количество земли, прямо пропорциональное количеству имеющегося у хозяина скота.

Познакомимся теперь с технической стороной дележа пахотной земли. Мы знаем уже, что земельные наделы равны по качеству; на этом основании мир придерживается при отводе земли трех правил: наделы общинников (земельные души) должны быть равными по величине, равноплодородными и расстояния участков от усадьбы одинаковыми. Равноплодородие и равенство участков само собой необходимы, если желается сохранение равномерного пользования землей, что касается до одинакового у всех расстояния пахотных участков от усадеб, то это правило вызывается, во-первых, тем, что ближние полосы легче удобрять, а во-вторых, легче сохранять от потрав и, наконец, в-третьих, потому, что ближние участки сберегают время на проезды. Благодаря последним причинам даже равноплодородные поля разбиваются, как мы увидим ниже, на несколько «конов»¹. Вся пахотная земля разбивается в великорусских общинах, сообразно с ее плодородием, на участки неправиль-

¹ В утопическом государстве Платона гражданин получает один участок вблизи города, а другой на окраине государства.

ной (в большинстве случаев) формы. Плодородие почвы узнается по тому, является ли она черноземом, черноземом с суглинком, песком, глиною и пр., и пр. Каждый из таких участков носит название кона (грива, холм, череда, ярус и т. п.) (иногда крестьяне не дают таким участкам родового названия) и состоит из приблизительно однокачественной земли; иногда земля одного и того же качества помещается в двух различных, далеких один от другого конах; встречаются, разумеется, случаи, когда земли одного качества лежат сплошными участками. В большинстве случаев общинники прямо делят землю на коны, сравнительно редко земля разбивается сначала на более крупные единицы правильной формы, вне отношения этих участков к плодородию почвы. Рядом с одной из длинных сторон кона проводятся дорожки для свободного проезда к нему. Если земля кона все-таки неравномерно плодородна, то он делится на меньшие, одинаковые по плодородию площади, носящие название жеребьев (мест, чисел и пр.). В этом случае черноземная земля, например, может быть разбита на 2–3 и даже более участков, причем общинники руководствуются в оценке ее плодородия урожаями прошлых лет. Общинники разбиваются на несколько мелких групп, называемых «осьмаками» («четвертины», «шестины», «пятины» в разных обществах). Осьмак состоит из неопределенного числа душ, начиная от 6 и кончая 34. Иногда в больших общинах эти осьмаки имеют предшествующую, разбивающуюся потом на осьмаки группу – «выть», состоящую не менее, как из 60 душ. Каждый жребий, а также равноплодородный кон делится на такое число равных участков, сколько считается в общине осьмаков (иногда вытей). Каждый осьмак делит доставшийся ему по жребию участок на столько полос, сколько в нем считается душ. На полосы каждого осьмака бросается жребий, и всякий общинник получает столько полос, сколько приходится на его долю окладных душ. Если на нем числятся 2 окладные души, то он получает в одном из осьмаков каждого кона по две полосы, которые нарезаются в этом случае рядом; если на каком-нибудь домохозяйстве лежит $4\frac{1}{2}$ души, то оно получает $4\frac{1}{2}$ рядом лежащие полосы в осьмаке каждого кона. Мы говорили уже, что при делении земли по осьмакам бросается жребий; если, например, каждый кон совершенно равноплодороден, то осьмак, получивший первый по очереди участок в одном из конов, получает тем самым первые по очереди осьмачные участки всех других конов; получивший по жребию второй участок получает тем самым вторые по очереди участки других конов и т. д. Если же, например, осьмачные участки других конов идут, постепенно ухудшаясь, то получившие самый лучший участок в первом коне тем самым получают самый худший участок второго, и наоборот. То же бывает и по отношению к расстоянию участков от усадьбы: получившие самый близкий участок в первом коне получают самый дальний во втором. Если два кона имеют форму клинов, то каждый осьмак

получает по первому участку в первом коне и по последнему во втором, так как путем последовательного сочетания более длинных и более коротких полос достигается полное равенство наделов. Эти же приемы жеребьевки употребляются и в среде каждого осьмака. Нет надобности говорить, насколько упрощает раздел земли осьмачная система; ограничимся только указаниями, что при такой технике дележа община в 100 человек совершает передел в один день; для общины же в 800 человек требуется не более трех дней. В мелких общинах не встречается, разумеется, нужды в осьмаках, так как дележ земли не является там сложным. В очень редких, исключительных случаях устраивается аукцион на полосы, и данную полосу получает тот, который признает ее за лучшую по сорту (60). Общинники, получившие полосы, меняются иногда ими; такие мены вызываются иногда нежеланием тратить время на переезды с полосы на полосу; так, например, когда 2 кона расположены параллельно своими длинными сторонами, крестьянин, получивший одну полосу на правой стороне первого, а другую на левой второго, меняется с общинником, получившим одну полосу на левой стороне первого, а другую на правой стороне второго кона. Первый отдает лежащую на правой стороне полосу взамен полосы, лежащей на левой стороне, и тогда каждый из 2-х общинников будет иметь по 2 рядом лежащие полосы. Такие мены бывают, впрочем, только в тех очень редких случаях, когда коны очень длинны. Бывают мены и другого рода, так, например, один общинник обменивает свою полосу в черноземном коне на полосу другого общинника, лежащую рядом с его полосой в глинистом коне. Он берет обыкновенную денежную прибавку, и каждый из общинников имеет две рядом лежащие полосы, чем гарантируется поперечное пахание. В Воронежском, например, уезде и во многих других местах встречается мена полос (61). Иногда члены осьмака сбивают свои полосы в общее поле и вновь делят на фигуры, более близкие к квадратам; ввиду этого и осьмак составляет из такого числа душ, которое допускает подобную разверстку.

Между двумя параллельными конами проводится обыкновенно дорожка (головник) для того, чтобы не затаптывались при поворотах земледельческих орудий чужие полосы; полосы отделяются одна от другой глубокими бороздами (реже межниками). В некоторых (очень немногих) общинах надел дается не по жребью. К каждому лучшему участку присоединяется несколько худших. Затем на землю открывается аукцион, и кто из домохозяев берет надел за большее число душ, тому он и поступает (62). По истечении известного, иногда установленного миром срока все пахотные земли, без различия полос, становятся общинною собственностью, которую мир и распределяет описанным выше способом между новым числом общинников. Этот – называемый коренным – передел вызывается увеличением числа работников или едоков, изменением рабочей силы домохозяйств, вообще говоря, переменой в

числе окладных душ. В тех случаях, когда мир не наметил заранее срок передела, последний организуется в силу требований отдельных общинников. Мы встречаемся в нашей общинной жизни с двумя явлениями: общиннику выгодно иметь приходящийся на его долю надел или невыгодно благодаря тому, что последний обложен непосильными платежами. В первом случае добиваются передела общинной земли те домохозяйства, в которых увеличилось число наличных душ или работников; во втором – те, на которые надел благодаря уменьшившемуся числу работников лег непосильным бременем. В обоих случаях результатом иной раз целого ряда споров и переговоров является на сцену передел. Очень часто передел составляется и в том случае, если в нем заинтересовано только меньшинство домохозяйств; здесь играет роль чувство, если так можно выразиться, общинной справедливости, создание выгодного для всех прецедента. В Воронежском уезде, например, как нормальное явление наблюдали тот факт, что при переделе «часть из большинства домохозяев сознательно поступалась своими интересами в пользу меньшинства» (63). В Острогожском у. Воронежской губ. «ни в одной общине не оказалось такого соотношения между хозяевами, при котором могло бы составиться $\frac{2}{3}$ хозяев, могших рассчитывать на увеличение у них земли вследствие передела» (64). Встречаются, бесспорно, и протесты против передела, иногда даже в очень энергичной форме, но в массе населения сильны еще демократические принципы общинного владения, довольно стойко сопротивляющиеся хищным инстинктам мироедства. «Нельзя объяснить переделы, – пишет г. Соколовский, – какими-либо личными расчетами большинства домохозяев, так как они повсюду оказываются невыгодными для этого большинства». «Причина передела заключается, – продолжает автор, – в воззрении крестьян на землю как общую собственность мира, а цель – в восстановлении нарушающегося вследствие прироста населения и перемен в составе семейств равенства». Эти слова, основанные на многочисленных примерах, верны по отношению ко многим местностям, так, например, крайне резкое подтверждение данных положений мы находим в Козловском уезде Тамбовской губ., где переделы были прямо невыгодны половине домохозяйств. Интересны и отношения пострадавшего меньшинства: после передела оно легко мирится с ним и не считает себя обиженным; в других же случаях с самого начала оно легко подчиняется требованию большинства, так, например, в Спасском у. Тамбовской губернии многим домохозяевам во всех обществах такой передел был невыгоден, потому что подворный земельный участок от нового передела у них уменьшился; кроме того, очень нередко доставались полосы в полях неудобренных вместо прежних удобренных. Однако большинство домохозяев везде присоединялось к решению «делиться», и переделы земли везде состоялись. Никаких крестьянских тяжб

из-за передела земли в Спасском уезде не последовало (67). Тем не менее мы считаем необходимым сделать значительную оговорку, по крайней мере для таких местностей, где, как, например, в Мценском у. Орловской губернии, общины под влиянием целого ряда причин встали в исключительно ненормальное положение; иногда переделы производятся здесь с наличных на ревизские души; результатом этих переделов получается меньшее, чем прежде, соответствие наделов с числом едоков. Таким образом, исследователь Мценского у. г. Черенков имел право сказать, что «переделы мирской земли не всегда служат цели более равномерного и справедливого распределения ее между членами общества» (68). Справедливость требует подчеркнуть то обстоятельство, что такие местности, как Мценский у. Орловской губ., являются исключением. Мы можем еще указать на такие случаи в Мелитопольском у. Таврической губ.; не говоря покамест о крайней трудности такого передела, укажем на его мотивы для данной местности; они сводятся к следующему: стоят за такие переделы родители, чтобы иметь власть над детьми, женщины-вдовы, у которых при общине ревизских душ не отбирается во время передела земли, дворы, где много женщин, где после такого передела будет больше соответствия с числом наличных едоков, чем без него; но эти же дворы еще с большей охотой агитируют за передел по едокам обоюго пола (69). В том случае, если какой-нибудь общинник повысил качество своего участка (глубоким вспахиванием, удобрением, полотьем сорных трав), а другие наделы остались без соответствующего улучшения, мир решает, окупил ли его трудовые затраты. Если нет, то улучшенный участок остается вне передела, или же мир заставляет тех общинников, которые получили части такого надела, заплатить прежнему владельцу соответственное сделанным улучшениям вознаграждение. Это вознаграждение дается, впрочем, и в том случае, когда улучшенный участок окупил трудовые затраты прежнего владельца и служит таким образом стимулом к прилежанию. Если такие улучшения, не окупившие еще трудовых затрат, произведены значительной группой общинников, передел отсрочивается. Нам придется еще говорить о только что указанных и им подобных явлениях в том месте статьи, где рассматривается влияние передела на сельскохозяйственную культуру¹. В промежутке между двумя переделами мир производит для поддержания равновесия между рабочей силой домохозяйств и наделом так называемые частные

¹ Здесь же приведем не лишние интереса факты из жизни фламандских фермеров, расходующих на удобрение массу денег. Как известно, переход земли от одного арендатора к другому имеет такое же влияние на сельскохозяйственную культуру, как и переделы. Здесь тоже существует вознаграждение за удобрение, колеблющееся от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ценности удобрения, с которого снята была одна жатва, или равняющееся определенной сумме, напр., 5 р. 67 к. в стране Вэс. «Благодаря этой системе, — говорит Лавелэ, — старый выходящий фермер не обращается небрежно с землей даже в последний год своего пользования, и входящий арендатор находит ее в совершенном порядке, а не истощенной, заросшей плевелами».

переверстки. Так, например, в одних домохозяйствах может уменьшиться число едоков или трудоспособных работников, а в других увеличиться; в таком случае мир снимает с первых домохозяйств излишние податные и земельные души и передает их вторым. Такие переверстки производятся каждый раз, как того потребуют заинтересованные стороны. В общинах, где земля окупает повинности, частные переверстки бывают сравнительно редко, так как в этом случае домохозяйство неохотно отказывается от лишней земли, а часто и необязано до передела отказаться от нее, раз только исправно уплачивает подати. Разумеется, полное отсутствие рабочей силы (даже вдов с детьми, могущих сдать надел в аренду) или полная неспособность продолжать хозяйство вызывает частную переверстку. Впрочем, во всяком случае, при первом же коренном переделе излишек надела снимается с потерявших свои души домохозяйств; этим можно объяснить то обстоятельство, что коренные переделы чаще в общинах указанного вида, чем в общинах, где земля не окупает платежей. В сравнительно редких случаях встречаются и такие общины (например Княгинин. у. Нижегородской губ.), где землю равняют не переделами, а именно частными переверстками, так, например, «в Княгининском у. по обычаю, установившемуся в большинстве общин, в случае смерти лица, за которым числится земельный надел, надел этот передается старшему подростку, не имеющему земли» (70). В первых общинах надел передается или новорожденным, или лицам, достигшим определенного (например 5-летнего) возраста. В общинах, где земля является бременем, домохозяйства широко пользуются правом отказываться, в случае убыли душ, от надела, что в связи с общими переверстками (о них ниже) и дало повод думать, что такие общины наиболее часто производят переделы. На домохозяйствах, в которых увеличилось число рабочих или платежных сил, лежит прямая обязанность принимать брошенный или переданный в мир надел. Таким образом, свободный надел наваливается или на работника с 18-летнего возраста, или на подростка, или же, наконец, на более состоятельное домохозяйство, смотря по принятой системе раскладки. В том случае, когда не имеется лиц, могущих принимать надел, последний распределяется между всеми домохозяйствами или сдается в аренду. Бывает и наоборот: является новый работник, а души все разобраны. В общинах, не обремененных податями, он ждет «упалого» надела или же коренного передела; в общинах же непосильных платежей такой работник идет на сделку с миром, не берет земли и платит «спуста» часть податей; он может, разумеется, потребовать землю, но это невыгодно, и в большинстве случаев он предпочитает платить «спуста», чем вызвать передел, на который в таком случае охотно согласятся. Можно, впрочем, нарезать землю новому члену и не прибегая к новому переделу; нам известно, что полосы каждого кона идут па-

раллельно рядом одна с другой; перпендикулярно с этими параллельными полосами по длинному краю кона нарезывается надел общинника, отнимающий у каждой полосы небольшую часть ее. Таким образом, новый общинник получает надел вне ломки меж и передвижки участков. Впрочем, такой способ надела не всегда удобен; иногда необходимо сохранить свободный проезд к полосам, полоса не может быть слишком узка, кон должен иметь вид четырехугольника и т. д. Бывают, разумеется, и другие способы надела; так, например, в Архангельской губернии нуждающиеся в земле наделяются иногда отрезками, т. е. кусками, отрезанными от полей каждого наделенного крестьянина (71). При частных переверстках домохозяство отдает обыкновенно самую плохую часть надела; но мир, если новому члену достается чересчур уже истощенная земля, дает ему из своих сумм 4–6 рублей на «навоз». При переходе части надела от одного домохозяства к другому применяются разнообразные способы. Крестьяне стараются избежать дробления полос, почему при отобрании надела они редко разбивают каждую полосу на части. Если новый двор должен получить половину надела, состоящего из 10 полос, то он получает не 10 половинок последних, а 5 целых полос в такой комбинации, чтобы качество их почвы и отдаленность от участка приблизительно равнялись качеству и отдаленности остающихся. Вообще говоря, приемы, практикуемые с целью избежать чересполосицы, крайне разнообразны, но, несмотря на всю свою оригинальность, не могут быть перечислены в нашем сравнительно с объемом темы кратком очерке.

Иногда стремление к уравнительному пользованию землей принимает крайне последовательный характер, так, например, в селе Костогрызове Днепровского уезда Таврической губернии «у общества выработался своеобразный взгляд, что крестьянин, сам лично непосредственно не эксплуатирующий своей земли, не нуждается в ней, поэтому земля не только умерших и лиц, находящихся в продолжительной отлучке, отбирается на общество и распределяется по частям между собственниками, но это применяется и по отношению к тем, которые оставили селение недавно (один год) и живут в услужении. Мало этого, есть случаи, что надел отняли у одного богатого крестьянина единственно потому, что он имеет 175 дес. собственной купчей земли» (72). Выморочные или свободные участки тоже передаются безземельным крестьянам, иногда по преимуществу отставным солдатам (73). Мы говорили уже, что члены одного и того же домохозяства получают при коренном переделе рядом лежащие полосы, а полосы, доставшиеся при частных переверстках, лежат иногда совсем в других местах. Для устранения такой чересполосицы устраиваются общие переверстки; они возникают также в случае неравномерного распределения земли по качеству. Не считая эти переверстки типичной чертой общинного владения, мы поговорим о них в своем месте.

Сенокосные угодья делятся так же, как и пашни, сначала на коны, по качеству травы, коны на жеребья, жеребья обычным порядком на души (при дележе сенокосов не приходится, разумеется, проводить головники между конами и борозды между полосами). При дележе лугов тоже встречаются осьмаки, «жеребьевые группы», «десятки», хотя бывает и так, что осьмак сенокосный заключает в себе другое число душ, чем осьмак пахотный. Встречаются также и «сотни», «выти», иногда для одних только покосов, например, в селе Красном Костромского уезда. Мы встречаемся здесь с выборным главой выти, «вытчиком». В настоящее время вытчик не играет никакой роли, но его идеальное значение определяется следующим образом: «он должен заботиться о целостности травы в очередной своей пожне до покосов, т. е. очистить пожню, если нужно, от сорных наносов (пожни в Красном поемные от разлива Волги), обнести изгородью, созвать выть для обсуждения касающихся ее дел, главным образом, наблюдать за правильностью раздела пожни на косяки между участниками-хозяевами; если общий сход вытей (двух – владеющих пожней) решит продать участок пожни, трудно делимый между всеми, вытчики должны вести с покупщиком переговоры, получить деньги и хранить у себя» (74). В большинстве случаев сенокосные луга не требуют никаких затрат, растущая же на них трава бывает разного качества: одно и то же место дает один год хорошую, а на другой куда не годную траву. В силу этого такие луга переделываются ежегодно, чем достигается полная равномерность, безусловно не вредящая, несмотря на частые переделы, хозяйственным интересам. Встречается и другой способ пользования сенокосными угодьями: так, например, они делятся на участки, заключающие в себе каждый надел 10-ти общинников; участок делится на десять равных частей, которые распределяются по жребию между его владельцами. На другой год владельцы участков меняются ими; если таких участков 10, то в течение 10 лет каждый общинник имел долю в каждом участке. Иногда срок равняется только 5 годам. Такой способ пользоваться сенокосами называется на севере «годоваться». В Шенкурском уезде Архангельской губернии такой очередной дележ происходит между группами в 100, 50 человек (75). В трех общинах Воронеж. у., в одной – Острогжского у. Воронежской губ. тоже встречается такой способ пользования сенокосами (76). Сенокосные угодья, требующие предварительных затрат, переделываются через более или менее продолжительные промежутки времени (например, через 8–10 лет). Так переделываются: во-1-х) лесные покосы, требующие корчевания пней, вырубки кустарника; во-2-х) болотные покосы, нуждающиеся в срезании кочек, уничтожении кустов, прорытии канав для осушки и в-3-х) мелкие сенокосные участки, расположенные чресполосно с чужими владениями; их надо охранять, наблюдать за ними и т. д. При

длинных сроках передела лугов последние подвергаются наравне с пахотными угодьями частным переверсткам. К оригинальным видам пользования сенокосными угодьями надо отнести практикуемые в Забайкалье и Архангельской губернии способы. В Забайкалье сенокос делится на большие участки «паи», затем объявляется, что «отдается такой-то пай»; желающий, подобрав товарищей, заявляет, что «он садится на этот пай с таким-то числом душ», «и та группа, которая пожелает взять участок на большее число душ, принимает его»; затем участок делится по душам жребием или полюбовно (77). В Селецкой общине Холмогорского у. Архангельской губ. тоже спрашивается, кто и за какое число «куч» берет на себя данную пожню; кто назначил большее число куч, тому она и достанется. Общее число куч, составленное из всех высших оценок пожен, делится на число душ; если на душу приходится по 23 кучи, то собственник трех, например, душ получает пожни, заключающие в себе 69 куч, причем в состав этих пожен обязательно входят те, которые оценены им выше, чем другими (78). Аналогичный же способ деления сенокосов в с. Трехстенки Острогожского у. Воронежской губ. (79), а также и в Иркутском округе и (80) вообще в Сибири (81). Иногда на покосные участки назначается такой аукционный торг: в 2-х общинах Белгородского у. Курской губ. покос разбивается на равные участки ценой в рубль каждый; «каждый домохозяин, желающий пользоваться покосом, должен внести в мирскую кассу столько рублей, сколько таких участков он желает получить на свой пай». Эта комбинация оказывается весьма выгодной для мирской общинной кассы, но весьма невыгодно отзывается на беднейшей части населения, так как положительно лишает ее возможности иметь покос, которым пользуются одни только зажиточные дворы (82). Такое злоупотребление общинным правом встречается очень редко. Встречаются самые разнообразные способы пользования сенокосными угодьями, но все они не отличаются резко один от другого (см., например, сл. Старая Колитва Острогожского у. Воронежской губ.) (83). Можно подчеркнуть, впрочем, то обстоятельство, что сенокосы зачастую делятся по количеству травы, не обращая детального внимания на занятое ею пространство; такой способ дележа практикуется во многих местах. Останавливаться на детальных сторонах техники луговых переделов не считаем интересным.

Пользование общинным лесом организовано, в сущности, на том же основании, что и пользование пахотью и сенокосом. В большинстве случаев мир ежегодно отводит (по особому приговору) часть мелколесья, которая и делится на участки. Каждая группа общинников (осьмаков) получает по жребию один из этих равнокачественных участков и пользуется им, распределив его между членами своей группы или рубя артелью. Лес делится не по пространству занятой им земли (за исключением редких случаев однокаче-

ственной поросли), а по качеству и количеству поросли, так что редкий лес отводится большей площадью, чем крупный. Что касается до строевого леса, то каждый общинник (иногда сначала осьмак) получает определенное (по числу лежащих на нем душ) количество деревьев, которые он и рубит для своей надобности или на продажу. В этом случае принимается во внимание «не только обхват ствола и порода дерева, но также длина ствола, его правильность, количество сучьев и т. п.» (84). Разверстка леса по окладным душам неудобна для крестьян, так как каждое домохозяйство нуждается почти в одинаковом количестве топлива. Если не обращать внимания на соответствие податей с окладными душами, то нельзя не признать, что дележ леса по потребностям домохозяйств был бы много разумнее. Ввиду этого во многих все-таки общинах надел леса производится поровну на всякий двор (например, в Чернетчине Сумского у. Харьковской губ.) (85); в этом случае и лесной налог делится по дворам. Величина лесного надела зависит как от количества имеющегося у общины леса, так и от нужды в нем. Рубить другой лес, кроме указанного миром, строго воспрещается, и виновные подвергаются разнообразным, смотря по степени нанесенного общине убытка, штрафам и наказаниям. В тех редких общинах, где лес делится на сравнительно долгие сроки, происходят частные переверстки и лесных наделов. Встречаются такие общины (как кажется, редко), где установлено подворное пользование пайками леса (например, несколько общин в Острогжском у. Воронежской губ.) (86).

Мы указали в общих чертах способы разверстания угодий в общинах великорусского типа; многие важные, хотя и детальные вопросы, связанные с разверстанием, будут указаны в дальнейшем изложении; точно так же придется говорить о разверстании угодий в общинах смешанного с великорусским типа. Теперь укажем только на общины, где «на траву мечется жребий не по душам и тяглам, но по числу скота в каждом дворе» (87). Эти общины не подходят ни под одну из выше перечисленных рубрик, но так как о них имеется очень мало указаний в литературе, то мы и ограничимся только что сказанным. Мы говорим уже о мироплатимых, упалых душах, т. е. о брошенных почему-либо наделах. В некоторых случаях (в общинах высоко обложенных земель) к ним прилагается особый способ пользования. В Острогжском у. Воронежской губ., например, эти наделы отводятся в один общий участок-особняк; «общества сдают особняки обыкновенно своим односельцам (и нередко тем из них, с которых сняты души в особняк) по рыночным ценам в аренду, а разницу между арендной платой и платежами покрывают с помощью разверстки недостающей суммы между всеми наличными хозяевами» (88). Такое пользование особняками является переходом к переделу.

Иногда общины владеют какой-либо общей собственностью, например, каменоломнями, пристанями, мельницами, амбарами и т. п.; в этих

случаях, во избежание всяких недоразумений, такие места и здания почти всегда сдаются в аренду, а полученные деньги вычитаются из общей суммы лежащих на общине податей. Если каменоломни и т. п. не имеют большой ценности, пользование ими является вольным, обыкновенно на началах «захвата». Некоторые общины покупают на общий счет мирского быка, который впоследствии продается. Нельзя здесь кстати не упомянуть об остатках прежде существовавших «общих столов» и «общих обедов», которые реорганизовались на чисто общинных, а, следовательно, и крайне странных началах, так как в одной из общин Саратовской губернии купленный на общий счет бык жарится, и его мясо распределяется между общинниками по числу окладных душ. В Московской губернии во время сенокоса крестьяне пьют водку, купленную на деньги, вырученные от «продажи» оставшихся от передела отрезков земли. Водка делится в этом случае по числу душ или тягол (89). Говоря об отобщинных формах, нам придется еще сказать несколько слов про «общие обеды».

Помимо общинных функций по вопросам земледельческим и податным, мы должны указать еще на два разряда общинной деятельности. Первый из них г. Трирогов называет «административную часть общины». «Проявление этого рода деятельности, – говорит он, – выражается: а) в разделении мирского скота на отдельные стада; б) на найме пастухов; в) в отводе выпусков; г) в мерах обеспечения продовольствия (общественная запашка); д) в устройстве загородей» (90). Первые два вида этой деятельности понятны сами собою; что касается третьего, то речь идет о том, что мирской сход имеет право решить вопрос, пасти ли скот на паре, отаве, стерне, пускать ли его в лес или завести отдельный выгон. Перейдем теперь к двум последним видам административной деятельности. Сельские продовольственные магазины наполняются по решению мира или сбором зерна с хозяев, или сбором денег, на которые покупается это зерно, или, наконец, урожаем с общественных запашек. В последнем случае общество отводит определенный участок земли, который обрабатывается соединенным трудом и капиталом общинников. Собраным с такого участка зерном и наполняются магазины. О том, как относятся общинники под влиянием разных экономических условий к общественным запашкам, как прививаются и организуются последние, мы скажем ниже. Общие изгороди устраиваются для того, чтобы скот не потоптал посевов. Работа производится обыкновенно в одно время, причем каждое домохозяйство принуждено сработать определенное по числу лежащих на нем окладных душ количество сажень изгороди. Назначение дается сначала осьмаку (где имеется это деление), а затем уже члены последнего делят работу между собою. Работа производится в большинстве случаев вполне исправно: в Архангельской, например, губернии мир, поделив всю изгородь посаженно на участки, раз-

дает их своим членам; «...спросите мужика, – пишет г. Сергеев, – часто ли бывают случаи неисправной работы; ответ будет один: нет, этого, слава Богу, у нас не бывало; в редкость это у нас» (91).

Второй разряд общинных функций относится, так сказать, к филантропической области. Нельзя не заметить, однако, что общинники бывают иногда непосредственно заинтересованы в поддержании падающего хозяйства, в воспитании сирот-мальчиков, которые помогут им впоследствии нести податное бремя. На первое место мы должны поставить призрение вдов, сирот, безродных подкидышей, стариков, глухонемых, безнадежно больных – все эти люди содержатся иногда на общественный счет. Приведем несколько примеров. Содержание, например, стариков идет «по наряду» от соседа к соседу, причем каждый прокармливает призреваемого в течение суток; помещение для него в одних случаях нанимается, в других он просто переходит из угла в угол. Вдовам, например, выделяется пай из продукта с каждого двора, отводится хворост и возится по наряду и пр. Существует также так называемая тихая милостыня – преимущественно вдовья помощь; автор «Деревенских буден» рассказывает об одном случае следующее: «Обыкновенно, неизвестно как, каждое утро приносят кто хлеба, кто квасу, молока, яиц и проч.» (92). Калекам мир просто дает пособие по несколько мер хлеба в месяц, слепые тоже получают хлеб, а иногда и квартиру; общество постановляет иногда приговор о доставлении такому-то на общественный счет одежды. Приведем еще один характерный факт из общинного быта. «При повальных болезнях, постигающих иногда население наших деревень, – пишет Орлов о Московской губернии, – мир обыкновенно “наряжает” здоровых людей топить печи, готовить кушанье и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи больны» (93). Затем идет поддержка пострадавших от несчастья (например, пожар, падеж скота и т. п.), поддержка, выражающаяся разнообразными способами, зачастую в отмене всех или части податей при сохранении надела или же в виде помочей, о которых нам придется еще говорить. Как ни странно, но и эта сторона общинной деятельности подверглась нападкам со стороны антиобщинников; эти нападки могут быть выражены такой фразой, что расчет на помощь братьев подавляет охоту к труду и занятию.

Не говоря уже о том, что община строга к ленивому, что она помогает только действительной, нелицемерной нужде, нельзя не заметить, что такое указание осуждает и филантропическую деятельность государства, городов и пр., что не выдерживает, разумеется, и слабой критики.

Помимо этих функций, мир, связанный в одно целое системой землевладения, является иногда солидарной силой и в деле отстаивания своих членов от бесчестных поступков однообщинников (например, конокрадов, реже кулаков) и посторонних. Мир играет главную роль в общинной жизни, хотя

и подпадает иногда под кулацкое влияние; распределение земли, податей, некоторых работ зависит всецело от него; он же налагает на провинившихся крестьян штрафы и организует, где надо, помощь. Правда, сельское начальство приобретает известную власть при взыскании податей, но является с атрибутами власти не как уполномоченный мира, а как исполнитель приказаний стоящего над деревней начальства. На обязанности мира лежит также назначение разного рода репрессалий по отношению к недоимщикам, но эта обязанность не является логическим следствием власти мира, а поручена ему извне.

Что касается до пользования арендованной общинниками земель, то общинный принцип всегда проявляется в обязательной разверстке последней по качеству. Снимаемая земля делится на доли по числу внесенных каждым денег, но эти доли не находятся на раз навсегда определенных местах, а передвигаются сообразно с обнаружившимися неизвестными раньше (до урожая) свойствами почвы. Ясно, что для достижения полной уравнительности в величине долей и полной ответственности с количеством внесенных каждым денег общинники делят землю на коны и получают чресполосно лежащие участки. Таким образом, на арендованной земле практикуется нечто вроде четвертного владения, с сущностью которого придется еще познакомиться. Однако на арендованной земле устраивается иной раз и чистая община, причем земля и арендная плата распределяются по окладным душам. В 11 общинах Трубчевского у. Орловской губернии встречается общественная аренда: «...арендуемая земля между крестьянами распределяется в большинстве случаев по числу надельных и только в двух общинах пропорционально сумме вносимых денег» (94). Арендуемые выгоны сплошь и рядом находятся в общинном владении.

III

Сельскохозяйственная культура и общинное владение

Прежде чем указать на неблагоприятные и даже прямо враждебные существованию общины условия, остановимся на тех нападках, которым подвергается она как известный тип землевладения. Принципиальный протест против общины основывается на том положении, что данный тип землевладения задерживает рост национального богатства (дохода). Противники общинного землевладения подчеркивают это обстоятельство, смело игнорируя те выгоды, которые получают нацией от сравнительно (с подворным) целесообразного распределения земли. Беспристрастный анализ должен, разумеется, коснуться того и другого вопроса.

Все указания на то, что общинное землевладение задерживает рост национального богатства, могут быть подведены под две главные рубрики:

во-1-х) община играет эту роль как одна из разновидностей мелкого землевладения; во-2-х) она играет эту роль в силу ей одной присущих, отличающих ее от подворного землевладения признаков. Разбор первых положений не относится к избранной нами теме; нам придется только мимоходом коснуться вопроса о крупных хозяйствах, почему мы и отсылаем желающих познакомиться с защитой мелкого землевладения к популярному у нас сочинению Милля «Основания политической экономии» (том I, книга 2, глава 6)¹. Вторая группа положений, на разборе которых мы и остановимся, может быть разбита на три главные рубрики: указание на вред от способа делить землю, на вред периодических переделов и обязательного севооборота.

Принятый общинами способ делить землю порождает чресполосицу: пахотные, так же как и сенокосные, участки, принадлежащие одному работнику или домохозяйству, находятся в разных местах. (В одном поле общинник получает иногда 30 полос.) Такая чресполосица невыгодно отзывается, по разбираемому нами мнению, на земледельческом производстве; одной из таких невыгод считается трата времени при переездах с одной полосы на другую. Нет сомнения, что на переезды тратится время, но не надо забывать, что они требуют в большинстве случаев несколько минут, которые посвящались бы иначе необходимому отдыху. Вот, например, не лишенная интереса иллюстрация к нашим словам. Исследователи Вяземского уезда Смоленской губернии взяли для примера типичную волость из 14 деревень; они брали самое длинное поле и пришли к тому выводу, что при такой незначительной длине полей переезд с полосы на полосу не представляет ни значительных неудобств, ни потери времени такой, о которой стоило бы распространяться. На переезд по полю даже в две квадратных версты потребуется меньше времени, чем сколько необходимо для передышки пахаря и лошади (95). В крупных хозяйствах батраческого труда чресполосица действительно невыгодна: управляющему трудно смотреть за батраками, работающими в разных частях поля; опасаясь небрежной работы, он должен затрачивать массу времени, кидаясь с одного конца поля на другой. Землепашцу же общиннику нет никакой надобности постоянно ездить с одной полосы на другую: есть чресполосица или ее нет, он работает одинаково усердно или лениво. Как кажется, этот упрек сделан общинному владению по недоразумению: позабыли о разнице между управляющим и землепашцем-работником. Вторая невыгодная сторона чресполосицы – это узкость пахотных полос, не допускающая благоприятно влияющего на производительность почвы поперечного пахания. Такое явление действительно наблюдается, но его значение ослабляется 2-мя обстоятельствами: во-1-х) поперечное пахание далеко не так необходимо при мелком хозяйстве, как при крупном: землепашец-собственник может

¹ Мы не считаем, впрочем, аргументацию Д.С. Милля полной.

достигнуть желаемого совершенства более тщательным продольным (а, пожалуй, и в косвенном направлении) паханием; во-2-х) и сами общинники без посторонних указаний догадываются устранять такое неудобство, раз только последнее действительно тяготит их: «В некоторых местностях, – говорит К.Д. Кавелин (далеко не друг общины), – уже возникает мысль о крайнем (?) неудобстве разделения пашни на мелкие полосы и о необходимости разбить ее на более крупные загоны» (96). Узкость полос считается также невыгодной оттого, что зерно попадает во время сева на чужие полосы, точно так же их трудно бороновать. Но полосы в 11 аршин считаются вполне удобными для хозяйства, а следовательно, полосы общинников далеко не так узки, как это говорят. В. Орлов указывает, что в 124 деревнях Московской губернии ширина полос, колеблясь от 3 до 45 аршин, равняется в среднем 11 аршинам (97); про Бузулукский у. Самарской губернии нельзя сказать, чтобы загоны были слишком узки для того, чтобы их узкость лишала земледельца возможности пахать их вдоль и поперек. Из 117 общин, в которых собраны сведения о ширине душевых загонов в пахотных угодьях, только в 7 общинах ширина их не превышает $1-1\frac{1}{2}$ сажени.

В 14 общинах не превышает	2 сажени
» 43 »	» 5 »
» 27 »	» 10 »
» 14 »	» 15 »
» 5 »	» 20 »
» 14 »	» 1 десятины (98).

Но и помимо таких прямых указаний на достаточную ширину полос, крайне комично ратовать против общины, ссылаясь на узкие полосы. Комично, во-первых, потому, что техника дележа земли иногда влечет за собой сильное дробление пашни, иногда нет, и, во всяком случае, может изменяться сообразно с предъявляемыми требованиями, а во-вторых, и потому, что широкие полосы прямо считаются в некоторых случаях невыгодными для сельскохозяйственных целей. Так, например, хлеба, растущие на глинистой почве, подвергаются вымочкам; для того чтобы избежать последних, полоса пашется бугорком; середина ее остается возвышенной и понижается к краям; эта-то выпуклость и не дает воде застаиваться. На полосах же шириною в 15–20 аршин такая пахота становится невозможною. Из прений в Стат. отд. Моск. юр. общ. выяснилось, что общины, точнее, встречающиеся после передела земли узкие полосы не препятствуют, как утверждали, применению плугов. А.А. Головачев указал, «что плугами можно пахать на узеньких полосках; правда, последние не допускают, конечно, поперечной пашни, но она

у нас и непригодна, так как ведет лишь к образованию вымочек на отдельных квадратах, в которых задерживается вода. Между тем одна продольная пашня вполне удовлетворяет целям пахания. К этому Н.В. Всеволожский (земледелец Мещовского уезда Калужской губернии) добавил, что в настоящее время совсем перестали пахать кругом, так как такое пахание дает много огрехов и что плуги вполне применимы и при узких полосах» (99). К этому добавим еще, что примеры распространения плугов в других уездах, где ими приходится пахать на узких полосах, прямо свидетельствуют, что последние «не составляют препятствия для применения плугов и их распространения» (100). Говоря вообще, равнокачественность надела так важна для крестьян, что они охотно мирятся (в тех случаях, когда надо мириться) с узкими полосами, тем более что поменяться землей для получения более широких полос очень легко; бывают, например, случаи, что один пашет полосы двух домохозяйств в одном коне, другой в другом. Указание на третью невыгодную сторону чресполосицы опять-таки основывается на недоразумении и незнании условий общинного быта: говорят о затаптывании соседних полос при повороте земледельческих орудий и о засорении полос растущими по межникам сорными травами. Мы уже знаем, что между конами проводятся дорожки, устраняющие первое неудобство; правда, что общинники по взаимному согласию могут запахать эту дорожку, но мир заставляет возобновить ее по первому требованию одного из заинтересованных. Таким образом, вопрос о названном неудобстве разрешается самими общинниками. Нельзя не заметить, что мир очень щепетилен в этих вопросах; так, например, тем общинникам, которые получили надел около проезжей дороги, мир нарезает несколько лишней земли как вознаграждение за порчу растущих при дороге хлебов. Если подобная чресполосица и встречается иногда, то, во-первых, это крайне редкое, а во-вторых, устранимое явление. До какой степени редка подобная чресполосица, видно из следующего факта. Из 2,748 деревень Ярославской губернии только в 216 (т. е. 7,8%) надо проехать на свою полосу через полосу соседа. Указание на засорение полос сорными травами имеет мало значения: межники встречаются у общинников далеко не всегда и более половины общин отделяют полосы глубоко пропаханными бороздами; межники же сохраняются крестьянами потому, что вред от них вовсе не так уже страшен: многие крестьяне просто отрицают, что межники даже «при значительной ширине вытягивают из краев полос удобрение и способствуют засорению полей» (101). А уже общинникам более, чем подворным владельцам, надо ратовать против межников, так как последние благодаря несовершенству орудий с трудом распахиваются крестьянами при переделах. Мало всего этого: чресполосица имеет и свою выгодную сторону для землепашца: град, дождь полосой, вымочки и пр. заставляют крестьянина пахать в разных ме-

стах из справедливого опасения, что сплошной загон легче подвергнет хозяина убыткам, чем разбросанные в разных местах клочки пашни. Г. Трирогов писал о Саратовской губернии следующее: «Разбросанность мелких клочков земли (загонов) нередко в десяти различных местах обширного поля ставится обыкновенно в упрек общинному владению, а сами общинники, как обнаруживается исследованием, в этом видят спасение, крепко придерживаясь теории вероятностей в отношении климатическом. Даже частный ежегодный съемщик земли избегает представляющейся ему возможности снять в одном месте, в одном участке 70 десятин и, придерживаясь той же теории вероятностей, снимает в одном и том же поле несколько участков» (102). Ввиду сравнительной оригинальности этого замечания мы приведем данные еще о двух местностях России, причем в первом случае будем говорить о болгарах. Дело идет о Феодосийском у. Таврической губернии: «Как известно, в Крыму урожай хлебов, в особенности яровых, почти исключительно зависит от своевременных весенних дождей, между тем последние очень часто спадают полосами, отчего нередко в одном и том же поле, в одном углу получается хороший урожай, а в соседнем участке далеко неудовлетворительный». Поэтому если бы болгары отводили каждому хозяину пашню к одному месту, то отдельный хозяин был бы менее застрахован от неурожая, чем теперь, когда его посевы разбросаны полосами по всему пахотному полю. Подобные соображения исследователям приходилось слышать не только от болгар, но и от русских и немцев (103). С такой же мотивировкой мы встречаемся у общинников Мелитопольского у. Таврической губернии (104). Введение чресполосицы в Елисаветградском у. Херсонской губернии объясняется, между прочим, «и стремлением крестьян иметь посевы в разных местах в той надежде, что если не то, так другое место зацепит дождик и все же ровнее урожай будет» (105). Крестьянину гораздо выгоднее получить три средних урожая, чем два хороших и один полный неурожай, могущий в конец разорить его; вот поэтому он и не хочет иметь землю в одном отрубе (106). Встречаются и исключительные указания на выгоду чресполосицы; так, например, в Федоровке Мелитопольского у. Таврической губ. крестьяне находят, что малые полосы хозяева с большей тщательностью обрабатывают, чем большие (107). Протестуя против преувеличенных нападок на чресполосицу общинного землевладения, мы вовсе не желаем отрицать, что ее отсутствие при известных условиях было бы желательно. Напротив того, третий тип общинного землевладения (артель), до которого может эволюционно развиваться великорусская община, считается нами желательным между прочим и потому, что при нем нет этих мелких неудобств (например, встречающаяся нередко затруднительность поперечного пахания, необходимость оставлять землю под головниками; при общине-артели теряет также значение и только что указанное преимущество

чресполосицы). Посмотрим теперь, имеет ли мелкое подворное владение какое-либо преимущество перед общинным в этом частном случае. Все перечисленные неудобства могут явиться только результатом крайней – дошедшей до пределов возможного – чресполосицы; последняя же как результат наследования купли, продажи, дарения, аренды выражается при подворном землевладении еще в более резкой форме, чем при общинном. Да это и естественно: общинники путем переделов могут уменьшить ставшую тормозом культуре чресполосицу, подворникам же в подавляющем большинстве случаев чужда даже мысль о таком переделе. Самый факт равномерного наследования предполагает тот же способ дележа земли, что и общинный. Не употребляя ссылок на западные страны для того, чтобы указать существование крайней чресполосицы в подворных хозяйствах (хотя эти ссылки не раз доказывали верность только что высказанного положения), укажем на чресполосицу некоторых местностей подворной России. «Как в сельскохозяйственной, так и в общей нашей литературе, – говорит С.Я. Капустин, – содержится много указаний на некоторые злобы дня во всей западной части России. В числе их главным образом фигурируют указания на чресполосицы и ссоры землевладельцев (108). В северо-западном крае крестьянский надел каждого населения, не связанный общинным началом, представляет поражающую чресполосность, которая со временем должна достигнуть таких размеров, что всякое улучшение в сельском хозяйстве станет невозможным» (109). В Полтавском, например, уезде, где господствует «почти исключительно» подворно-наследственная форма владения землей, дробление усадебных участков дошло до пределов возможного; возникли крайняя чресполосица и многополосица (110). В Миргородском уезде, где только одна деревня общинников, встречаются те же следствия подворного владения (111). Близкое по своей сущности к подворному четвертное владение породило в Тамбовском уезде Курской губернии страшную чресполосицу: «чресполосица самая мелкая представляет вообще самую характерную особенность четвертного землевладения, что и вполне понятно, так как у четвертников без очень важного повода переделов не бывает и разделы полос производятся с каждым разделом семьи; еще пока три брата живут вместе, загон в 2 сажени ширины пахать можно, а как поделились, каждому достанется такая узкая лента, что и борону протащить нельзя; на вопрос: “Как широки у вас загоны?” – крестьяне весьма часто отвечали так: “Да вот как борону тащить, а соседний загон скородишь!” (112). О четвертном владении в Предтеческой вол. Елецкого у. Орловской губ. мы читаем: “Расположение угодий является резко различным для общинных и четвертных земель: последние везде – кроме дер. Курасовки, где почти вся земля в одном участке, – находятся в страшной чресполосице; напротив, первые преимущественно в одном, редко в двух особняках для

каждого общества. Особенно резко это различие проявляется в тех обществах, где часть земли находится в общинном, а часть в четвертном владении” (113). Приведем кстати один исторический факт: известно, что в России в дворянских имуществях, закрепленных за помещичьими родами в XVIII столетии, уже в первой четверти XIX-го завелась такая чресполосность, что правительство вынуждено было приступить повсеместно к так называемому специальному размежеванию, сначала добровольному, впоследствии понудительному; операция эта продолжалась более 30 лет и оказалась такой сложной, что никогда не могла быть приведена к окончанию» (114). Нельзя не заметить, что переход от общинного владения к подворному породил бы еще более широкую, чем теперь, аренду участков малосемейных крестьян много-семейными, а это естественно вызовет ужасающую чресполосность, с примером которой приходилось встречаться.

К.Д. Кавелин, выдающийся юрист, но не сильный экономист-политик, предложил заменить общинное владение неприкосновенной и неотчуждаемой собственностью сельских обществ: члены таких обществ должны иметь «лишь право наследственного владения и пользования этой землей без права ее закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности» (115)¹. Нет сомнения, что и этот способ владения землей не уничтожит чресполосицы. Кавелин говорит, что «сохранится весьма драгоценное право общества по взаимному соглашению домохозяев уничтожит чресполосицу»... (117); но, во-1-х, она непременно явится как прямой и неизбежный результат наследования, а во-2-х, и в настоящее время общинники употребляют для ее устранения «общие» переверстки, а подворники хотя и применяют их изредка, но тем не менее нельзя постоянно рассчитывать на взаимное их соглашение; есть немало указаний, что его нельзя добиться никакими путями. Оставляя неприкосновенной одну из главных причин явления, нечего и думать о его устранении. Таким образом, мы не можем считать чресполосицу характерной чертой общинного владения: она встречается как при подворном, так и при наследственно не отчуждаемом (хотя бы чиншевом) способе владения землей.

Наиболее сильные протесты обрушиваются, впрочем, на переделы. Даже в настоящее время, несмотря на всесторонний анализ этого вопроса профессором Посниковым, многие указывают на них как на сильный тормоз для производительности сельского хозяйства. Общинник, тщательно вспахавший и унавозивший свои пашни, может получить при переделе неунавоженные и даже запущенные земли. В силу этого, продолжают противники общинного владения, крестьянин за несколько лет до передела забрасывает надел, исто-

¹ Еще в 59 году Кавелин писал: «От переделов мирской земли рано или поздно придется отказаться совсем, это беспорно» (116).

щает его и таким образом не рискует потерпеть убытка; такое отношение к земле влечет за собой истощение почвы и невозможность для общинника перейти к высшей системе хозяйства. Но если общиннику и нет расчета производить за последнее время перед переделом долго окупающиеся затраты, то такие затраты и вообще-то редко делаются в России, да и делать-то их можно в первые годы владения землей, а затем поддерживать нужное *status quo* своей почвы. Мир не позволит своему члену обращаться с землей так, как обращается с нею кулак-арендатор; ему не позволят выжать из земли последние соки посевом льна, табаку, свеклы и т. п. растений, «так, например, во многих общинах Ошейкинской, Кульпинской и Яропольской волостей Волоколамского уезда Московской губернии, где крестьяне в довольно широких размерах занимаются льноводством, мир запрещает сеять на своем душевном наделе более одного четверика льна, так как лен сильно истощает землю» (118); сея же хлебные растения и кормовые травы, общинник не истощит свой надел. В общине Старухинской Чернского уезда Тульской губернии «каждый хозяин обязан унавоживать свою полосу и продажа навоза на сторону не дозволяется» (119). Здесь мы опять встречаемся со смешением условий частно-арендного и общинного хозяйства. Общинники принимают, вообще говоря, целый ряд мер для того, чтобы устранить вышеуказанное неудобство; так, например, в некоторых общинах мир дает денежную приплату тому лицу, которое получит при переделе «пустырь», т. е. совершенно заброшенную землю. Этот один из способов устранения темных сторон передела подвергся критике еще в пятидесятых годах. «Приплату могут давать только богатые крестьяне, – писал С.С. Иванов, – да и величина ее должна постоянно возвышаться с улучшением земледелия», так что можно опасаться, что эта приплата приблизится к продажной цене земли (120). Последнее опасение, разумеется, лишено всякого основания, так как здесь уплачивается стоимость удобрения и труда, потраченного на него, что в большинстве случаев составляет ничтожнейшую часть цены земли. Что касается до того, что приплату может давать только богатый крестьянин, то это мнение крайне неосновательно. Во-первых, эти приплаты не очень велики; во-вторых, что самое главное, они могут быть рассрочены и большая часть их может выдаваться после урожая с унавоженной земли. Получивший плохую истощенную полосу получит и больше земли. Мало того, пустыри остаются иногда вне передела у тех домохозяйств, которые их забросили, так что земли домохозяйств, забросивших хлебопашество, выделяются в особый ко... <...>¹ В Тетюшском уезде Казанской губернии, например, образуются для унавоженных полос особые жеребья, так что «при переделах совершенно невозможен для какого бы то ни было домохозяина обмен навозника на ненавозную по-

¹ Пропуск текста в источнике (*Прим. ред.*).

лосу или обратно (124). В некоторых случаях передела, после того как границы полос уничтожены, последние проводятся перпендикулярно прежде бывшим полосам, так что все участки уравниваются по качеству. Разумеется, эти меры практикуются не во всех общинах (да и не все они перечислены), но мы привели их для того, чтобы показать, как избегают и могут избежать общинники только что указанного неудобства. В Княгининском уезде, несмотря на жеребьевки, удобрение крестьянских полей применяется довольно успешно, а в некоторых общинах «может быть названо даже весьма интенсивным». «Вообще, – пишут исследователи, – так или иначе неудобства, возникающие для унавожения полей вследствие их переделов, в большинстве общин Княгининского уезда обходятся крестьянами, и общинные порядки сами по себе не представляют еще какого-либо неодолимого к тому препятствия» (125). Приведем кстати несколько выдержек из книги Панаева. «Дело в том, что передел делается всегда в паровом поле до удобрения, т. е. наблюдается такой порядок, что никому не приходится снимать хлеб к чужому позему». «Вы убедитесь, что каждый крестьянин и спит и видит, как бы завести лишнюю коровку, чтобы увеличить количество позема». «Какая тебе охота стараться обрабатывать свой участок получше, когда он может попасть чрез несколько лет другому?» «Как можно не стараться – ведь от земли кормимся» (126).

Враждебно относящиеся к периодическим переделам (по крайней мере, наиболее беспристрастные из них) соглашаются, что с общинным землевладением уживаются высшие виды сельскохозяйственной культуры; не согласиться с этим нет возможности, так как крестьяне некоторых местностей исстари возделывают на общинном наделе овощи, другие растения и даже плодовые деревья. Подобные факты заставляют смягчить безусловно осуждение переделов, и противники общины соглашаются, что переделы не имеют вредного влияния в том случае, когда крестьяне приняли одинаковую степень культуры (будь то хозяйство очень высокой или очень низкой культуры). Но если в общине является лицо, желающее улучшить свое хозяйство при косности остальной массы, то передел является сильным тормозом этому намерению. Все положения опять-таки вертятся на единовременных значительных затратах. Общинники легко избегают этого затруднения, оставляя вне передела те наделы, которые не окупил еще труды своих временных собственников.

Для устранения невыгодных сторон передела князь А. Васильчиков предлагал установить правило, по которому «домохозяева, не удобрившие своих полос в течение последних трех лет перед переделом, могут быть изъяты из новой разверстки» (127). Общинники придерживаются кое-где этого правила. Все значительные единовременные затраты могут легко окупиться, если только общиннику известен срок передела, производимого через достаточ-

но продолжительные промежутки времени, если будет устранена неопределенность владения. По вычислению агрономов, промежутков в 12 лет вполне достаточен для введения невозможных, почти невиданных еще в России улучшений, а наши общинники практикуют и устанавливают в большинстве случаев десятилетние и более длинные сроки. Ввиду важности указанного вопроса приведем несколько цифровых данных. Считая за переделы и общие переверстки (вовсе не типичную черту общины), мы получим за период с 1858–78 годов следующие данные по Московской губернии: более одной трети общин (37,2%) переделали землю тотчас после 58 года, и с тех пор передела не было, почти половина общин (42,3%) переделывали землю два раза, в остальной $\frac{1}{5}$ (20%) всех общин земля делилась чаще (128). Сведения о Тамбовской губернии представляются в следующем виде: в большинстве общин Темниковского уезда постановлено произвести передел через 12 лет, у некоторых передел назначен через 9–11 лет (129); в Спасском уезде наибольшая часть общин назначила передел через 12 лет, 17 общин – через 10 лет (130), в Козловском уезде предположен 10-летний период между переделами (131), в Липецком уезде большинство общин решило делиться через 10 и 12 лет, некоторые общины делятся через 9, и только Сокольская волость через 6 лет (132); в Лебединском уезде срок между переделами равен 10 годам (133), в Шацком – тоже (134), в Кирсановском уезде равен 10–12 годам, в других случаях – 6, так как более продолжительные сроки считаются неудобными ввиду вздорожания земли и раздела семейств (135); в Моршанском уезде Тамбовской губернии более половины сельских общин поделили землю на 5–7 лет, меньшая половина – на 10–12 лет; причина краткосрочности между переделами лежит, во-1-х, в том, что земли этого уезда почти не удобряются по многим побочным сущности общинного владения причинам, а во-2-х, в том, что крестьяне боятся назначать для передела длинный срок, так как ожидают ревизии (136). Перейдем теперь к другим местностям: в Царевококшайском уезде Казанской губернии имеются следующие сведения: 2 общины установили срок в 20 лет, 6 – в 15, 8 – в 12 (137). В Цивильском уезде той же губернии переделали землю 170 общин из 208: на срок 3-х лет – один передел; на срок 5 лет – тоже один; на срок 6 лет – 44 передела, на срок от 7 до 9 лет – 4 передела, на срок 10 лет – 33; на срок 11 лет – один, на срок 12 лет – 79, 20 лет – 2 и до ревизии – 5. Средний срок для передела равняется 9,9 года (138). В Казанском уезде ежегодно делят землю 2 общины, 4 общины дают надел на 6 лет, 5 – на 9, 4 – на 10, 21 – на 12, 15 – на 15 и 2 – на 20 лет (139). В Воронежском уезде в одном селении срок передела равен 12 годам, в 10-ти – 10 годам, в одном – 5 и только в двух – трем (140). В Острогжском уезде той же губернии 3 общины поделились на 6 лет, одна – на 7, две – на 8, 12 – на десять, 19 – на двенадцать лет, три – на 15 (141). В Мамадышском уезде Казанской губернии наиболее распространен-

ный между переделами срок равен 12 годам (142). В Мелитопольском уезде Таврической губернии срок между переделами равняется 8–10 годам (143).

В Петергофском уезде С.-Петербургской губернии указанные сроки переделов равняются 10–15 годам; в одном же случае достигает 25 лет (144); средний промежуток времени между двумя переделами в Вяземском уезде Смоленской губернии равняется 13 годам при колебании от 10 до 16 лет (145). Нам придется еще указывать на сроки между переделами в других губерниях, теперь же ограничимся приведением двух обобщающих положений, так, г. Соколовский на основании имевшихся у него статистических сборников указывает, что «сроки для будущих коренных переделов назначены в большей части общин в 10 и более лет» (146). «Во всяком случае, – читаем мы в «Материалах для изучения современного положения землевладения», – общие переделы не составляют ныне частого и крупного по последствиям явления и, по большей части, бывают через 8, 12, 15 и даже 20 лет, и то только в случае крайней необходимости, т. е. при распределении опустелых наделов или при значительном уменьшении в нескольких семействах числа работников» (147). Нападки на небольшие промежутки между переделами лишены теперь всякого основания, так как у общинников замечается тенденция удлинять сроки между переделами. Скажем более, практика крестьянской жизни указала даже на невыгодность длинных сроков между переделами, так как получающаяся при этом условии чересполосица заставляет наиболее исправных хозяев требовать дележа земли. Вот что пишет г. Григорьев о Рязанском уезде: «В последние годы, ввиду более полного использования навоза самим навозившим домохозяином, стали в заокской стороне уезда делать приговоры о переделах не ранее, как через 10 лет; эти приговоры особенно часты в Утмарской, Клениковской и Ершовской волостях; там даже иногда с исключительной целью дать возможность домохозяину использовать свой навоз и производятся переделы навечно; впрочем, они часто нарушаются, так как даже сами навозившие домохозяева, потеряв часть своей рабочей силы, просят мир о свалке с них некоторой доли земли; а ряд таких свалок вызывает передел. Но все же многие общины выдерживают если не десяти-, то шестилетние сроки общих переделов своих земель» (148). Правда, встречается иногда кажущееся стремление сокращать сроки переделов, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь произошло изменение в форме переделов (понимая под этим термином жеребьевки), а не в их частности. Переделы заменяют собой часто встречавшиеся общие переверстки, как, например, в Тетюшском уезде Казанской губернии (149). Громадное число накопленных фактов заставляет признать переделы крайне целесообразным актом в деле поднятия народного благосостояния; не говоря уже о том, что после передела большинство семейств становится в более выгодные условия по отношению

к надельной земле, мы укажем, например, на уменьшение после передела числа безлошадных домохозяйств (Саратовский уезд) (150), на уменьшение эмиграции (Ямбургский уезд С.-Петербургской губернии) (151), на такие поводы к переделу, как стремление к замене мелких полос более крупными» (Бугурусланский уезд Самарской губернии, 152).

«Надобно читать, – пишет г. Капустин, – всю сложную, продолжающуюся много лет историю забот, хлопот, споров, соглашений, которые предшествуют в деревне решению о переделе, чтобы убедиться, что передел не может быть делом легкомыслия, результатом какого-нибудь горлопанства или водки» (153). «Ни в одном из Сборников, – пишет г. Соколовский, – мы не нашли сведений о противодействии переделам в силу хозяйственных интересов, ни в одном из них не приводится фактов, которые бы доказывали, что противники переделов настаивали на их прекращении в видах уничтожения обязательного севооборота или предупреждения расстройств хозяйства от сокращения размеров надела. Очевидно, что крестьяне не считают переделы обстоятельством, нарушающим ход хозяйства» (154).

Нельзя, впрочем, не заметить, что в некоторых, сравнительно редких случаях протестуют против передела удобряющие земли (например, Орловская губерния) (155).

До какой степени безвреден сам по себе передел, можно видеть по сообщенным профессором Посниковым сведениям. Он блестяще доказал, что арендная система Англии, влекущая за собой тот же переход земли в другие руки, что и передел, не помешала фермерам довести хозяйство до высшей степени культуры и предпринимать грандиозные работы для улучшения почвы. А между тем фермеры поставлены в менее выгодные условия, чем общинники: работы по постройке зданий, проведения дорог, иногда и расходы на покупку некоторых орудий труда делаются для фермера бесполезными по окончании срока аренды, а общинник пользуется ими всегда. Единственные улучшения, которые делает последний, – это удобрение, полотье и тщательное пахание, т. е. те затраты, которые сравнительно быстро окупаются. Таким образом, передел сам по себе отнюдь не является тормозом для земледельческой культуры, как не является им и система долгосрочных аренд запада. Злоупотребления могут быть всюду: топором, например, можно убить человека, но было бы странно требовать на том основании изъятия топоров из обращения. Если мы сравним русское подворное и общинное владение, то увидим, что аренда и перепродажа земли при первом влечет за собой как раз те невыгодные явления, в которых упрекают переделы, и эти-то явления более резки в первом из двух сравниваемых типов землевладения. Мы не станем подчеркивать выгодные стороны передела, не станем говорить о хищнической аренде кулаков, ограничимся только данными о мобилизации

земельной собственности. Размеры работы не позволяют нам приводить много примеров по этому, в сущности, побочному теме вопросу, поэтому ограничимся нижеследующими данными; мы брали 12-летний срок между переделами, считая его вполне безвредным; в сущности, даже шестилетний срок аренды при самом интенсивном хозяйстве, где арендатор кладет в землю сотни рублей, считается выгодным и удобным (156); разумеется, шестилетний срок пользования может считаться удобным и для общинников, а мы видели, что почти все общины устанавливают более длинные сроки пользования. Посмотрим теперь срок аренды в России, возьмем для примера сроки аренд Мглинского уезда Черниговской губернии; мы имеем 9 аренд на один год, 19 аренд на три года, 4 аренды на 4 года, 2 аренды на 5 лет, 31 аренду на 6 лет и только 15 аренд на сроки от 7 до 10 лет (157). Таким образом, большая половина аренд не превышает 6-летнего срока. Вот другой пример, указывающий на быстроту перепродаж: мобилизация частной поземельной собственности совершается в Екатеринославском уезде, начиная с 1881 года, в таких необычайно широких размерах, с такой головокружительною быстротою, какой не было примера в прошлом не одного только этого уезда. «Глядя со стороны на это бешеное обращение земли на рынке, невольно начинаешь сомневаться в устойчивости и жизненности у нас частной собственности». «Средняя продолжительность владения в уезде немногим превышает 11 лет. Если принять во внимание, что в Московской губернии, выдающейся по движению земельной собственности, средний период владения не опускается ниже 17 лет, что в Пруссии он равен 15 годам, в Австрии – 16, во Франции – этой классической стране мобилизации и дробления земельной собственности – он колеблется между 12 и 15 годами, то мы должны будем признать, что Екатеринославский уезд в рассматриваемом отношении действительно представляет собой нечто выдающееся (158). За один 1885 год в Екатеринославском уезде перешло из рук в руки 14% частно-владельческой площади (159). Мы привели эти цифры для того, чтобы показать, как близки сроки переделов к срокам владения на началах личной собственности. Необходимо помнить, что в последнем случае приведены средние числа, так что отклонения книзу и кверху могут быть очень значительны. В.В. в своей статье об общинном владении указывает на быструю мобилизацию земельных участков, не дающую времени для производства «радикальных преобразований в этой отрасли промышленности» (160).

Обязательный севооборот, сковывающий личную инициативу земледельцев, – это третий конек противников общинного землевладения. Как известно, принудительную обработку земли порождают две причины: во-1-х) чрепосолица, заставляющая земледельца проезжать на свою полосу через поля соседей; во-2-х) выгон скота на паровое поле и жниву. Говоря о

чресполосице, мы указали уже на неверность первого положения: общинники организуют обыкновенно свободный проезд на каждую полосу, и лица, указывающие с чужих слов на такое пагубное влияние чресполосицы, не потрудились сообразить, что у общинников нет таких стеснительных постановлений, как бывшие сервитуты Запада, что они могут, по желанию, уничтожить такую чресполосицу. Остановимся теперь на втором положении. С первого взгляда поражает странностью положение, по которому общинники обязаны почему-то выпускать скот на пар и жниву; невольно сомневаешься, что такой способ выпаса составляет отличительную черту именно общинного типа пользования. Знакомство с фактами общинной и подворной жизни резко опровергает такое мнение. Мы встречаемся с общинами, имеющими отдельный выгон и не высылающими скота на пар и жниву. Встречаются такие общины, одна часть которых ведет хозяйство по трехпольной, а другая – по многопольной системе, что прямо указывает на отсутствие принудительного севооборота. Аргументации тех лиц, которые видят в общине препятствие к развитию многопольного хозяйства, можно противопоставить аргументацию одной крестьянки: «Будь я мужик, – говорила она, – я там бы (на наделе) посеяла (клевер), огородила бы да и посеяла. Да мое-то дело бабье. Мужик вот пойдет на сход, того попоит, того ласковым словом уймет, а то, если захочет, прямо прогонит крестьянский скот, а то и пастух уважит, сбережет поле». Ей представлялся вполне возможным посев на душевых наделах (161). «Если при общинном землевладении, – говорит профессор Понников, – встречаются виды таких паств, которые ведут к принудительной обработке, то та же форма владения может совершенно свободно обойтись и без них, представляя образцы крестьянских хозяйств с такой организацией выгона, за которой не следует никакой принудительной обработки; и, наконец, эта форма владения сама по себе вовсе не препятствует ни единому из членов общины отказаться от пастьбы скота с целью содержания его на дворе, т. е. сама по себе эта форма вовсе не мешает уничтожить выгон совсем» (162). Ничто не мешает крестьянину огородить свой участок, что и практикуется, например, в Архангельской губернии (163). В Полужской, например, общине «всякий хозяин во владении отведенным ему участком пользуется полным правом: а) огораживать свою полосу, б) отступать от принятой в общине системы хозяйства, в) начинать все работы по своему усмотрению» (164). «В Симбирской губернии, – писал г. Красовский, – не раз мне приходилось видеть крестьянские поля, где работа начиналась не одновременно», там не встречается обязательный севооборот, заставляющий одновременно начинать и кончать работы (165). Что касается до выгона скота на скошенные луга, то указаний на неудобства одновременного кошения травы не встречается; наоборот, крестьяне, дорожа хорошей погодой, от-

нюдь не выражают желания запаздывать косьбой. Нельзя не заметить, что пастьба на пару нередко является выгодной в сельскохозяйственном отношении, так как скот удобряет землю и уничтожает сорные травы. Помимо всего сказанного, обязательный севооборот существует и в подворных крестьянских хозяйствах, и если бы общинники перешли к подворному владению, то все-таки не избавились бы от некоторых видов обязательного севооборота. В Полтавском уезде существовал до X ревизии «обязательный трехпольный севооборот с паровым клином, служащим для выпаса скота»; вследствие его уничтожения почва стала истощаться от ежегодных посевов; невозможность пасти скот каждому отдельно на своей земле стала очевидной; ввиду этого подворные крестьяне постановили возобновить трехпольный севооборот, принуждая силой не соглашавшихся с этим постановлением (166). В Миргородском уезде той же губернии «господство подворного владения отнюдь не исключает возможности общего полевого хозяйства, каковое и существует в огромном большинстве селений Миргородского уезда в виде обязательных трехпольных толочных смен» (167). О Мглинском уезде Черниговской губернии исследователи пишут следующее: «Специальное межевание вместе с массой других неблагоприятных последствий нанесло им еще один тяжелый удар: оно навсегда (?) уничтожило общинную пашу и вследствие этого сократило общее количество пастбищных угодий среди податного населения не менее, как наполовину». О Черниговской губернии сообщали следующее: «В южных уездах прекращение общинной пашы всюду вытесняет вола, а вместе с ним и плуг; в северных уездах оно ведет к значительному сокращению скотоводства» (168). Из этих фактов ясно видно, что и подворное владение не гарантирует население от обязательного севооборота, который при известных условиях (малоземелье, отсутствии травосеяния и пр.), является иногда лучшим из двух зол. Тип землевладения, проектированный К.Д. Кавелиным, опять-таки не гарантирует население от обязательного севооборота. Не будучи отличительной чертой общинного или какого-нибудь другого типа землевладения, принудительная обработка является прямым следствием малоземелья, отсутствия выгонов, следствием недостатка удобрения, следствием отрицания вреда от такой обработки при известном состоянии культуры и т. п. Непонятно, почему некоторые авторы считают только общинное владение за тесно связанное с обязательным севооборотом и рассуждают на этом основании и о его невыгодности; профессор Гаттенбергер писал, например, в 1878 году, что «община заключает в себе два явления: принудительную систему хозяйства и союз людей; первое из них мешает культуре, второе помогает ей» (169). Верна здесь только вторая часть положения, так как нельзя не заметить, что отсутствие хозяйственного союза у частных собственников делает их безусловно неспособными к таким общим

работам, как осушка полей, болот и пр. Принудительная обработка, беспорочно, встречается у общинников, но дело в том, что она не является характерной чертой общины. Общинное владение легко обходится и без обязательного севооборота. «Нужно заметить, – пишут земские статистики Одесского уезда Херсонской губернии, – что вообще здесь, при существовании общинного землевладения с периодическими коренными переделами, царствует полная свобода в хозяйствовании: никакой принудительной обработки нет и отдельный хозяин может хозяйствовать, как пожелает. Это отсутствие принудительной обработки объясняется, во-первых, тем, что общественный скот пасется на особо отведенном выгоне, а во-вторых, тем, что, как мы объяснили, всякий хозяин имеет свободный проезд из своей десятины и при обработке ее он не затаптывает соседней земли». Общество запрещает только разводить сады на пахотных землях, ибо последние отходят тогда в частное владение, и определило число овец, выгоняемых каждым двором (170). Но возвращаясь к прежнему положению о том, что и принудительная обработка может быть лучшим из двух зол, приведем слова такого авторитета, как г. Энгельгардт, который видит в ней то преимущество, что крестьяне волей-неволей подражают при ней самым опытным и дельным домохозяевам. Это еще не доказательство повсеместной безвредности обязательного севооборота, но надо остерегаться осуждать явления хозяйственной жизни, не изучив окружающих их условий и не выяснив вопроса о том, как изменятся они при изменении одного из наличных условий. Во всяком же случае, надо рассматривать вред или пользу обязательного севооборота вне всякой связи с вопросом об общинном владении. Можно привести много данных, доказывающих полную совместимость многополья и высокой культуры с общинным типом землевладения, но так как этот вопрос является в предлагаемой работе второстепенным, то мы и ограничимся немногими данными. Указания на травосеяние встречаются очень часто и для разных местностей; очень часто мы встречаемся с прямыми указаниями на совместимость общины с многопольем (171): в деревне Конищево Ярославской губернии общинники давно завели многополье; в деревнях Алферове, Лукьянове отдельные общинники сеют клевер на наделной земле и пастухи берегут клеверные поля (172). П.А. Соколовский, приведя примеры садоводства на переделаемых землях, продолжает следующим образом: «Мы могли бы указать еще на некоторые местности Петербургской губернии, Курской и других, но полагаем, и приведенных фактов достаточно для подтверждения нашего основного положения, что при существовании благоприятных условий, каковы: удобства сбыта, возможность добывать хорошие присадки и т. п. – общинное землевладение не препятствует развитию садоводческой культуры» (173). Г-н Красноперов привел ряд доказательств, что общинное владение (Перм-

ской губернии) не препятствует видоизменениям, развитию и улучшению сельского хозяйства. «Позволяем себе думать, – говорит он, – что эту сторону дела мы уяснили достаточно полно, что фактов приведено много, и все они говорят сами за себя, доказывают, что если сельское хозяйство и не везде идет удовлетворительно, то не потому, что здесь существует общинное владение, а, как выразился один составитель сведений, “по совокупности разных несчастий”». Нам кажется, с другой стороны, факты доказывают наоборот, что общинное землевладение служит гарантией и залогом несомненного самобытного прогресса крестьянской земледельческой культуры, что устойчивость этой культуры среди «разных несчастий» если и была чему в особенности обязана, то именно общинному землевладению (174). В Новгородской, например, губернии травосеянию препятствует малоземелье (175). Во многих местах переход к многополью пока еще невыгоден. Не лишен значения тот факт, что частновладельческое хозяйство малороссиян стоит в культурном отношении не выше общинного хозяйства. Хозяйство крестьян, перешедших от общинного владения к подворному, ведется не лучше, чем при старых порядках, а зачастую много хуже. Профессор Исаев широко обобщает защиту культуроспособности общинного владения: «Тщательные местные исследования поземельной общины, – говорит он, – подкрепленные теоретическими заключениями, показали, что в существе общинного строя нет таких особенностей, которые не могли бы примириться с успехами сельского хозяйства. В одних местностях России мы видим общины, затрачивающие значительные капиталы для осушения болот и расширения площади сенокосов; в другом месте трехпольное хозяйство заменяется четырехпольным, на общинной земле вводится травосеяние; здесь проводятся длинные каналы для орошения, там исправность хозяйства крестьян-общинников возбуждает справедливую зависть личных землевладельцев. Наконец, в окрестностях наших столиц часть общинных земель служит для возделывания исключительно ягод, нежных плодов и имеет все признаки, отличающие высоко интенсивную культуру местностей вблизи больших городов Западной Европы» (176). Сравнительная исправность уплаты податей указывает до некоторой степени на более крепкое хозяйство общинников; из Острова Псковской губернии писали, например, в 1887 году следующее: «Нужно заметить, что крестьяне-общинники нашего уезда, несмотря на всю безотрадность своего положения, платят лежащие на них повинности более исправно, чем собственники» (177).

Нет надобности подробно останавливаться на странном упреке по адресу общинного владения, упреке, заключающемся в том, что этот тип порождает громадные по величине селения. Как размеры, так и растянутость последних, не имея никакой связи с общинным владением, зачастую зависят от

очень важных и разумных причин, так, например, село Килечейские хутора (Днепровского уезда Таврической губернии) растянулась на 12 верст в одну улицу и таким расположением защищает до некоторой степени свои поля от заноса их песком (178). Большие размеры поселков на востоке и юге являются следствием редкости воды, в силу чего крестьяне и селятся большими поселениями. Борьба с снегами, половодьями, в свою очередь, вызывает большие поселения, не говоря уже об экономической выгоде последних, например, о возможности иметь одно пастбище, одного пастуха, защищать поля от чужих потрав и т. п. (179). Сосредоточение крестьянских дворов в одном месте или разбросанность их группами по 10–20 дворов – обе формы поселения совместимы как с подворным, так и с общинным владением. Община, по мнению некоторых авторов, стесняет свободу передвижения, но это прямо неверно. Фискальные и полицейские требования, не имеющие ничего общего с принципами общинного владения, могут, разумеется, прикреплять крестьян к земле, но община сама по себе не препятствует ни отходу, ни переселению. Указывается на то, что выходящий из общины крестьянин должен даром отдать свой участок, хотя бы и участвовал в его выкупе. Но земля выкупается в общинное, а не частное владение, и выкуп столь же мало должен делать общинника собственником участка, как мало делает собственником арендатора вносимая им плата. Да и выкуп, строго говоря, вовсе не есть выкуп земли в личное владение, а выкуп лежащих на ней повинностей. Голословные нападки на общину со стороны писателей 50–60-х годов едва ли заслуживают разбора; достаточно указать на некоторые из них. Большинство авторов повторяют раз высказанные положения, изредка прибавляя к ним что-либо новое. «Пропорциональность надела к рабочим силам и нуждам, – писал г. Иванов, – совершенно противна началам политической экономии» (180). «Главная причина неудобства общинного владения землей и, по нашему мнению, его неживучести, при возрастающем населении, заключается, – по мнению г. Бутовского, – в необходимости постоянного дробления участков» (181). Г-н Неелов полагал, что община мешает прогрессу сельского хозяйства и отнимает у крестьян охоту улучшать землю (182). Ф.Г. Тернер указал от себя на то, что община не достигает цели, так как при приросте населения является необходимость выселения; в другой работе тот же автор указывает почему-то на то, что общинное владение несовместимо с введением поземельного налога в России и препятствует правильному развитию ипотечного кредита (183–4). Г-н Маслов полагал, что община порождает недостаток энергии, развития и других нравственных качеств в народе (185). Господа Герье и Чичерин выставили, в свою очередь, один заслуживающий упоминания довод; заслуживает он внимания потому, что часто эксплуатируется в настоящее время мироедами. По мнению названных авторов, землю

можно переделывать до тех пор только, пока она была не крестьянская, а казенная или помещичья. Но раз земля стала крестьянской собственностью, то ее нельзя брать без соответствующего вознаграждения. «Если крестьяне и после выкупа продолжают переделывать свои земли, то это происходит единственно оттого, что они совершенно не понимают своих прав» (186). «Общинное владение радикально противоречит всем законам политической экономии», – заявляет, по-видимому, редакционная статья «Русского вестника» за 1858 год (187). Но и новейшие авторы (господа Герье и Чичерин относятся к их числу) недалеко ушли от старых в своих нападках на общину. Г-н Головин в своей обширной книге «Сельская община в литературе и действительности», являясь противником общины, считает ненужной насильственную ломку последней. Оригинального в его нападках на общину мы не нашли. Г-н Соловьев в своей статье «Россия и Европа» сделал удивительное открытие, что «общинное землевладение само по себе, как показывает статистика, совсем не благоприятствует успехам сельского хозяйства», что народ стремится отделаться от общины, да государство поддерживает ее законом (188). Очень жаль, разумеется, что именно г. Соловьев говорит об общине, не изучив этот тип землевладения.

Приняв за неоспоримое положение тот факт, что равномерное распределение земли желательнее неравномерного, мы легко убедимся в преимуществе общинного владения перед подворным. Оставив в стороне постоянную перепродажу частных земель и вытекающее отсюда обезземеление одних и обогащение землей других, укажем только, к чему ведет институт наследования. Н.Г. Чернышевский взял из четвертой части «Российской родословной книги» десять первых попавшихся фамилий (в разных по порядку поколениях) и вычислил, как распределится земля между правнуками, если прадеды получили равный надел. Число прадедов в этих фамилиях равнялось 251, число правнуков – 388. «При прадедах в селе было общинное владение и на каждую душу мужского пола приходилось 12 десятин. Если общинное владение сохранилось при правнуках, каждая мужская душа имеет $7\frac{3}{4}$ десятин». При подворном же владении, проследив по родословной книге, как распределится в этом случае земля, автор получил следующий результат. Из 388 правнуков 29 будут иметь от 24 до 138 десятин на душу, 44 человека – от 12 до 21 десятины; 68 – от 5,4 до 10,8; 54 – от 3,15 до 5; 38 – от 2,66 до 3-х; 98 – от 1,2 до 2,4 и, наконец, 54 правнука будут иметь от 0,375 до 1,08 десятины на душу. Таким образом, только 141 человек будут иметь более, чем по 5 десятин на душу, и 247 человек будут иметь меньший пятидесятинного надел; самый богатый имеет, наконец, в 368 раз больше земли, чем самый бедный правнук. Эти выводы не являются случайными, что видно и из другого примера, где взято для исследования 31 семейство (189).

Только что приведенные гипотетические выводы легко проверить взятыми из жизни примерами. «Дочь Сусанина, вдова Антонина Сабинина, с двумя сыновьями своими, Данилою и Константином, получили в неотъемлемое и вечное владение пустошь Коробово в Костромской губернии с освобождением от всех податей и повинностей». Никаких денежных сборов на потомках Сусанина, известных под именем белопащцев, никогда не лежало: они не исправляли ни натуральных, ни земских, ни рекрутских повинностей. В 1834 году число белопащцев равнялось 105 душам мужского пола, земли у них было 118 десятин, из них 98 были пожалованными и 20 купленными, но земля эта распределена самым неравномерным и несправедливым образом. У трех домов – старосты и его братьев, в которых всего только 7 душ мужского пола, – земли в полях и сенокосах четвертая доля всего пожалованного количества. Полосы их хороши и образуют большие участки, а рядом лежат полосы бедняков, которым на 6 домов приходится в 5 и 6 раз менее, нежели на один дом старосты или его братьев. Есть дома, которых сенокосные участки меряются вершками; их нельзя косить, ибо каждый размах косы захватил бы чужие травы, и потому дома эти чередуются в кошении... через два года в третий они скашивают вязанку пуда в два» (190). Вот еще не менее характерный пример, указанный князем Васильчиковым: «Всего более заслуживает внимания в истории немецких колоний, – писал он, – то обстоятельство, что в тех из них, в коих был принят с самого начала душевой надел или русская мирская организация с переделами, все колонисты по прошествии целого столетия остались при земле; а, напротив, в тех, где введено было подворное владение и единонаследие, в настоящее время уже половина колонистов остается без земли, хотя первоначальный надел и был у всех равный и несмотря на то, что большее число этих переселенцев было уже переселено вторично на новые наделы – добавочные» (191). Перейдем к новому времени. «Во всех селениях, отступивших от мирской разверстки земли, – пишет В. Орлов о Московской губернии, – исподволь развивается значительная неравномерность в размерах поземельного владения отдельных дворов: у одних дворов, при малом составе семьи, земельные доли становятся настолько велики, что семьи не в состоянии бывают обработать всю землю и часть ее сдают в аренду; другие дворы, наоборот, владеют столь ничтожными долями, что вести на них правильное земледельческое хозяйство бывает невозможно, и потому такие доли или продаются, или сдаются в аренду, а владельцы их отдаются исключительно сторонним промыслам; наконец, некоторые дворы, в силу тех или иных обстоятельств, совсем лишаются земли и становятся таким образом навсегда крестьянами безземельными» (192). В 35 подворных (точнее, четвертных) обществах Темниковского уезда Тамбовской губернии земля раздробилась на крайне

мелкие участки, чего не встречается у рядом живущих общинников (193). У четвертных крестьян Шацкого уезда наделы очень неравномерны: в селении Ишеева Гора, например, minimum владения равен $1\frac{1}{2}$ десятинам, а maximum – 132 (194). Минорат (Хотинский у.) оказывает еще более пагубное влияние на развитие пролетариата. Крестьяне хорошо понимают, к каким результатам ведет подворное владение; приведем слова одного крестьянина с. Грузина Новгородской губернии: «Если у меня будут четыре сына, а у тебя один, так теперь (при общинном владении) все получают поровну, а будь-ка земля в разделе, выделись-ка мы, так твой сын получил бы столько, сколько мои все, а за что?» (195). Нет сомнения, что прямым следствием подворного владения является сосредоточение земли в немногих руках на счет обезземеления большинства. Что касается до проектированного К.Д. Кавелиным типа землевладения, то его результатом будет то же явление: в ревизских общинах Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, например, обнаружены исследователями как крайняя неравномерность владения, так и чрезмерное дробление наделов. В этом и заключается самое слабое место проекта Кавелина, давшего, впрочем, только общий очерк его; было бы желательно, чтобы лица, принявшие проект К.Д. Кавелина, не довольствуясь повторением общих мест своего учителя, указали, как можно избежать при нем названных неудобств, лишаящих данный тип землевладения всех достоинств и, по нашему мнению, неудобств неустранимых.

Очень часто в доказательство того, что община должна погибнуть, ссылаются на пример Запада. Может быть, она и погибнет, – мы этого не знаем, но что она может уцелеть, реорганизуясь впоследствии в высшую ассоционную форму владения и хозяйства, – это тоже вероятно. Общину разрушали и могут разрушать факторы, уничтожение которых вполне мыслимо. Приведем кстати слова профессора Карева: «Мы твердо убеждены, – пишет он, – что не экономическая необходимость и не непреложный закон человеческой природы разрушили общину на Западе, но что, наоборот, разрушение общины произвело вредные экономические последствия, что оно неизбежно вело к любви к частной собственности, той форме, которая при своем крайнем развитии сосредоточивает землю в немногих руках, как в Англии, или дробить ее на мелкие частицы (parcelles), как во Франции» (196). Особенно странно считать частную собственность на землю за институт наиболее желательный. Даже такие лица, как берлинский профессор Вагнер, признавая, что право собственности на землю способствовало хозяйственным успехам на более ранних ступенях общежития, полагает, что нельзя доказать преимущество такого права пред иными формами землевладения ни с точки зрения распределения, ни с точки зрения производства. Переход же земли в собственность государства, городских и сельских общин, по его мнению,

поведет к распределению ренты, поступающей ныне небольшому меньшинству, между всеми членами общегития (197). Бесспорно, возможно разрушение общины, но такого разрушения можно бы было избежать при известных условиях. Частная же собственность на землю отнюдь не является логически неизбежной ступенью в реорганизации современного экономического строя в какие-либо высшие формы народного хозяйства.

IV

Разрушающие общину факторы

Перейдем теперь к перечислению тех условий, под влиянием которых видоизменяются и даже разрушаются общины великорусского типа. Одно из первых мест в ряду этих условий занимают высокие лежащие на общинниках подати, малоземелье и враждебное принципам общинного владения законодательство. Совокупность этих трех факторов в связи с вне-общинной, складывающейся по капиталистическому образцу экономической жизнью и порождает деморализующую власть мироедов¹. Пользуясь падением крестьянского хозяйства (падением, зависящим от малоземелья и высокого обложения земли), мироеды *de facto* и *de jure* разрушают общину, созидая на ее развалинах свое благосостояние и богатство. Прямым следствием падения хозяйства является у нас сдача крестьянами в аренду наделов, которые и поступают в пользование богатых лиц на крайне тягостных для сдатчиков и очень выгодных для съемщиков условиях. Интересен и тот факт, что высокие, превышающие доходность надела платежи дают материал для аргументации анти-общинников. Уменьшение числа работников в каком-либо семействе ведет в этом случае к отобранию у последнего части надела и к передаче ее более трудоспособному домохозяйству; вне такой передачи на плечи мира упала бы тяжесть недоимок, накапливаемых ослабевшим домохозяйством. Смерть крестьянина, уход в солдаты, достижение нетрудоспособного возраста ведет за собой частную переверстку. Когда три-четыре домохозяйства получают новые надель, лежащие в большинстве случаев далеко от их участков, на сходе поднимается вопрос о необходимости общей переверстки. Общая переверстка (общая пережеребьевка) состоит в том, что получившим новую землю домохозяевам полосы нарезаются рядом, а надель остальных общинников передвигаются только на новые места, оставаясь тех же размеров, что и прежде. Чресполосица, при условии высоких податей, так невыгодна, что богатые крестьяне соглашаются брать землю

¹ По понятиям крестьян, мироед – это член общины, разрушающий последнюю. Мироедство не является результатом самостоятельного разрушения общины; наоборот, явившись результатом побочных причин, результатом стоящей вне ее экономической жизни, оно разрушает общину как враждебная крестьянскому миру сила.

не иначе, как при условии сплошной нарезки полос; общую переверстку вызывает и такой, например, случай: одному домохозяйству достается по частной переверстке хорошо удобренная «пустовая душа», а другому – запущенная. В общинах же, земля которых обложена нормальными платежами, наделы «убылых» душ остаются до передела во владении тех домохозяйств, у которых они были и раньше, или же многолюдные домохозяйства берут их вне всяких условий. Таким образом, можно утверждать, что с устранением непосильных платежей исчезнут и общие переверстки указанного типа. Невозможность же определить срок для производства таких переверсток не позволяет общинникам делать значительные затраты, не позволяет даже изменить систему севооборота. «Хозяин, который завел бы, например, пятипольное хозяйство в то время, как другие ведут трехпольное, при переделе, наступившем в середине его севооборота, лишится, вследствие всеобщей мены участков, своего приспособленного к пятипольному...» <...>¹

Общие переверстки производятся через продолжительные сроки, заменяя, в связи с частными, коренной передел; так, например, через 9–18 лет производят общие переверстки 51% общин Княгининского уезда Нижегородской губернии. Такие переверстки опять-таки не являются вредными; «вообще, – пишут исследователи Княгининского уезда, – так или иначе неудобства, возникающие для унавожения полей вследствие их переделов (т. е. жеребьевок) в большинстве общин Княгининского уезда обходятся крестьянами, а общинные порядки сами по себе не представляют еще какого-либо неодолимого к тому препятствия» (199). В очень редких случаях домохозяйства, имеющие мало скота, добиваются пережеребьевок для того, чтобы получить удобренную землю; понятно, что такие требования, особенно в последнее время, все реже и реже имеют успех; крестьяне некоторых мест допускают пережеребьевку только тех полей, которые не удобряются. В некоторых случаях крестьяне, сознавая невыгодность быстро следующих одна за другой переверсток, не решаются отказаться от них, полагая, что при наличных условиях это было бы еще невыгоднее. Заметим, наконец, что общие пережеребьевки встречаются и у подворных владельцев для устранения чреполосицы, явившейся результатом продаж и наследования.

Малоземелье и высокие подати, породив бедность общинников, дали возможность упрекнуть последних в хищнической эксплуатации леса. Нет сомнения, что бедность, в связи с мероприятиями по сбору податей, заставляет иногда вырубать леса, но не надо забывать, что и подворные крестьяне поступают в этом случае так же, как общинники. Подворным крестьянам не удастся сохранить лес даже в том случае, когда они поделили его с целью сохранения. В некоторых обществах Мценского уезда Орловской губернии,

¹ Пропуск текста в источнике (*Прим. ред.*).

где, говоря вообще, община не отличается устойчивостью, лес разделен на подворные участки. «Целью установления такого порядка со стороны мира было лучшее сохранение леса: “свое каждый лучше бережет”, – говорят крестьяне. «И несомненно, это соображение совершенно верное, – прибавляет исследователь, – но лишь относительно тех хозяев, которые могут беречь свой лес, т. е. наиболее состоятельных; маломощные же хозяева скоро совершенно уничтожают свои доли, чего они не могли бы сделать при мирском владении» (200). Надо еще заметить, что и на зажиточных хозяев пагубно влияет возможность достать относительно порядочную сумму денег продажей леса; нерасчетливая спекуляция вовсе не редкость в рядах крестьян, а община ставит ей неодолимые препятствия. Вне крайней бедности общинники умеют пользоваться и дорожить своим лесом, а если и истребляют его, то под влиянием чисто случайных причин, ничего не имеющих общего с сущностью общинного пользования. Так, например, неправильно истолкованная крестьянами 15-я статья «правил о лесах, отведенных в надел бывшим государственным крестьянам», породила в некоторых местах лихорадочное истребление леса. Крестьяне Харьковской губернии были уверены, что с 1886 года леса будут отобраны от сельских обществ и вновь переданы в ведение казны. И вот началось невозможное, непроизводительное, частью самовольное, частью по приговорам общества истребление леса (201). Нерасчетливое пользование лесом зависело в Московской губернии от того, что крестьяне – преимущественно государственные – думают, «что владение лесами, поступившими им в надел, не прочно, не надежно» (202). Ясно, что в этих случаях лес рубится вне какого бы то ни было отношения к общинному владению. Общинники нередко берегут свой лес, причем одним из более распространенных приемов охраны служит «заповедывание» леса, в заповеданных лесах не бывает даже воровства (203–204); иногда заповеданный лес могут рубить только дети или внуки (205). Бережливое пользование лесом – отнюдь не редкое явление, и до какой степени бывает серьезна мирская охрана леса, видно из следующей, например, фразы г. Трирогова: «Ни казна, ни частный владелец, – говорит он, – не ограждены государственными учреждениями и законами, как огражден “лоховский” мирской лес законоположением сельского схода от истребления» (206). В последнее время особенно часто встречается или прекращение рубки леса (207–208), или правильное хозяйство. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии исследователи нередко встречали «установление сроков, до истечения которых лес не должен вырубаться, постановления об очередной вырубке определенными участками» и т. п. (209); в одном из селений Бугульминского уезда тщательным обереганием и правильною рубкою крестьяне вырастили лес до 4–5 вершков в диаметре (210). В Козловском уезде Тамбовской губернии не-

которые общины бывших помещичьих крестьян тщательно берегут у себя каждый, хотя бы и ничтожный клочок леса (211). Крестьяне скептически относятся к таким выражениям, как, например, мценское: «свое каждый лучше бережет»; вот, например, аргументация крестьян с. Пустынь Рязанской губернии: «Если бы разделить лес на семейные участки, то его в 3–4 года не стало бы, так как всякий распорядился бы им как своей собственностью: где вырубил бы, где продал бы, где запахал бы. Да и воровства, и кляуз было бы больше. Напротив, когда лес находится в общем пользовании, то каждый отдельно распорядиться и пользоваться им зря не может, а только сообща, по мирскому приговору. В общем же лесе и воровства быть не может» (212). В некоторых местностях крестьяне-общинники даже разводят лес, так, например, некоторые общины Кирсановского уезда Тамбовской губернии вырастили из кустарника довольно ценный лес (213); крестьяне-общинники Бузулукского уезда Самарской губернии (214), Липецкого Тамбовской (215) занялись даже лесонасаждением; в последнем уезде насадка молодых саженцев производится миром по равномерной разверстке труда. Сход Чистопереволочной волости Оханского уезда Пермской губернии постановил завести во всех обществах означенной волости обязательные посев и посадку леса. Для этой цели крестьяне отвели все неудобные места на своих полях (216). В 1887 году в Острожской волости того же уезда приговором была запрещена вырубка леса и решено устроить лесной питомник (217). Все приведенные факты ясно доказывают, что общинное владение не мешает организации правильного лесного хозяйства.

Нам остается еще указать на то влияние, которое оказывает на передел крайнее малоземелье. Под опасением дробления земли на чересчур мелкие, негодные для культуры полоски, крестьяне боятся делить землю на новое большее число окладных душ (например, Мамадышский уезд). Бедность крестьян создает власть мироедов, которые отсрочивают или не допускают частных переверсток и переделов, раз последние им не выгодны. Оба эти явления наблюдаются в тех случаях, когда мироеды благодаря переменам в составе домохозяйств наделены лишним количеством доходной земли или когда они имеют меньше обремененной податями земли. Пользуясь экономической зависимостью крестьян, мироеды захватывают при переделах лучшие и большие участки, а мир производит нормальный передел только между рядовыми общинниками. Иногда, по настоянию богачей, не даются наделы тем лицам, которые имеют право на них, например, в Иркутской губернии мироеды захватили массу земли, а беднякам приходится довольствоваться 2–3 десятинами на душу. У одних наделяются землей едва родившиеся дети, у других не хотят записывать и 15-летних мальчиков (218) <...>¹

¹ Пропуск текста в источнике (*Прим. ред.*).

Малоземелье, высокие подати, рост торгового предпринимательского и ссудного капитала не замедлили создать в рядах общинного крестьянства крупную мирюдов, т. е. лиц, *de facto* и *de jure* стремящихся разрушить общину, препятствующую им наживаться на счет рядового крестьянства.

Мы рассмотрим здесь 149–150 ст., 36, первые три параграфа 54, шестой параграфа 188 статьи «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», 161, 162, 163 и 165 статьи «Положения о выкупе», а также и соответствующие перечисленным статьи других положений о крестьянах.

149–150 статьи дают общиннику право выкупить свою усадебную оседлость в личную собственность без согласия на то общества. Тем не менее «положение» не давало домохозяйствам права отчуждать усадебную землю без согласия общества, но Сенат, «руководствуясь 91 статьей Общего положения, которой он дал распространительное толкование, признал, что крестьянин, числящийся владельцем усадебного участка по уставной грамоте, может уступить право на него другому лицу по условию, записанному согласно 91 статье в книгу волостного правления» (222). Такое толкование Сената (юридически, впрочем, неправильное) создает, разумеется, «небывалый простор как для мобилизации усадеб, так и для всевозможных злоупотреблений кулаков и писарей» (223). 110 статья «Местного положения великороссийского», установившая владение на приусадебные и усадебные места, довольно часто игнорируется крестьянами. Подольская, например, управа Московской губернии старалась, на основании 110 статьи, ввести подворное владение на приусадебные земли, но потерпела полное фиаско (224). Тем не менее указанные статьи оказали уже кое-где свое пагубное действие. В Гдовском, например, уезде Петербургской губернии даже после пожара всякий двор занимает, без какого бы то ни было уравнивания, как раз то место, которым владел раньше; выдавая, например, новому двору усадебный надел, мир отбирает у него соответственный участок полевой земли; в некоторых волостях эти земли прямо покупаются на деньги. Одним словом, общинное владение усадебными местами совершенно исчезло в данной местности (225). В Бугурусланском уезде Самарской губернии в некоторых торгово-промышленных обществах усадебные земли отчуждаются навечно (226). В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии крестьяне продают кому хотят или всю усадьбу, или часть ее; приобретают у них усадьбы даже пришлые люди (227). В Мураевской волости Рязанской губернии такие продажи происходят только между однообщественниками (228). В Тверской губернии созданное 110 статьей ненормальное положение вызвало протест тверского губернского земского собрания; оно постановило ходатайствовать «о разъяснении 110 статьи в том смысле, что каждому крестьянскому семейству предоставляется не право собственности или владения на тот участок усадебной земли, которым это

семейство фактически пользуется, а лишь общее право пользования усадебной землей в селении, где оно проживает, с тем, что право это, а не известный, определенный участок земли, переходит к наследникам его согласно существующему обычному порядку наследования» (229).

Содержание первых трех параграфов 54 статьи заключается в следующем: «Для решения нижеследующих дел требуется согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих голос на сходе: 1) о замене общинного пользования землей участковым или подворным (наследственным); 2) о разделении мирских земель на постоянные наследственные участки; 3) о переделах мирской земли».

Переход от общинного владения к подворному встречается, вообще говоря, очень редко. Так, по опубликованным в 1880 году сведениям, в Тверской губернии перешли к подворному владению 49 обществ (0,8% общинного населения) (230). Встречались такие переходы в Казанской, Ярославской, Минской, Могилевской и других губерниях. Заметим в самом начале, что % селений, могущих легко перейти к подворному владению и тем не менее сохраняющих общину, очень высок. Так, например, из 130 общин Московской губернии, выкупивших свои наделы и могущих беспрепятственно перейти к подворному владению, перешло к нему только 8; из числа же последних 5–6 были населены вольными хлебопашцами, по закону владеющими землей на подворных началах. Из имеющихся данных нельзя заключить, что крестьяне тяготеют к подворному владению. Необходимые для разрушения общины $\frac{2}{3}$ голосов собираются в большинстве случаев с большим трудом; мироеды спаивают «гуляк», лиц, запустивших хозяйство, соблазняют их возможностью получить продажей земли деньги, дают беднякам почувствовать всю силу экономической власти, подкупают волостное и сельское начальство, устраивают ряд предлогов и пр., и пр. Не общинники, а сильное подкупом, кабалой и невежеством деревенской массы мироедство добывается подворного дележа земли, влекущего за собой обезземеление большинства, нищету и, как следствие ее, деморализацию наиболее разоренной части населения. Постараемся теперь выяснить, чем является в большинстве случаев переход от общинного владения к подворному и какие следствия влечет он за собою. В Мценском уезде Орловской губернии 10,31% всех общин перешло к так называемому подворному владению; главной причиной перехода было малоземелье, заставляющее дорожить каждым клочком земли, и внешние влияния. Нередко советы мирового посредника и непременно члена уездного по крестьянским делам присутствия, в связи с желанием избавиться от круговой поруки, повлияли на уничтожение общины. Тем не менее «вообще крестьянское подворное владение землей отстоит очень далеко от владения ею на праве полной личной собственности; оно составляет промежуточную

форму между последним и общинным владением, соединяющую в себе черты того и другого, необходимо заметить, далеко не выгодным образом: не имея главных достоинств этих форм, оно обладает почти всеми их недостатками (231)». Тип такого землевладения близко подходит к четвертному; крестьяне владеют землей (как и перешедшие к подворному владению в других местах) не в отрубных участках, а чресполосно; они устраивают общие переверстки, уравнивающие землю по качеству или устраняющие чресполосность. Очень интересное указание на те мотивы, которые побуждают крестьян переходить к подворному владению, мы встречаем у петербургских статистиков. «Живя в общине, воспитываясь в понятиях, выработанных общинной жизнью, крестьянин, можно думать, видит в подворной форме землевладения ничто иное, как дальнейший шаг в развитии общины. Он наивно воображает, что ему по-прежнему можно будет пользоваться всеми благами общинной жизни, но что только не будет тех лентяев и пустодомов, за которых, по круговой поруке, он должен платить подати, не будет тех “баламутов” и “смутьянов”, которые готовы каждый день переделаться, сегодня в угоду одному, завтра другому. Вводя участковые порядки, он искренно видит в них лишь устранение некоторых неудобств общины. Крестьянину, исконному общиннику, не придет и на мысль считать венцом участкового владения ферму или полумызок, где он, независимый владелец, имеющий все угоды под рукой, получит полное право отгородить себя от всех прежних его односельцев-сообщинников, воспретить проезд и проход каждому по своей земле и что он волен пользоваться своей землей с такой полнотой прав, какая немислима в общине. Этот идеал участкового владения... нашему крестьянину решительно неизвестен» (232). Ни мотивы перехода к подворному владению, ни форма землевладения, которую принимают разрушавшие общину крестьяне, не имеют ничего общего с доводами в пользу частной собственности на землю и с формой подворного владения, на которой стоят антиобщинники в литературе. Крестьянское подворное владение зачастую бывает фиктивным, нередко считают подворниками тех крестьян, которые и не думали отказываться от общины. Так, например, в приговорах сходов встречается выражение: «переделили землю на вечность» – выражение, которое толкуется как означающее переход к подворному владению; в действительности же оно значит только то, что до нового передела не будет происходить частных переверсток, «свалки и навалки душ», или же то, что новый передел предвидится только в далеком будущем. Многие приговоры о переходе к подворному владению доказывают только полное непонимание последнего термина. <...>¹

В деревнях Новородской губернии (Вяземского уезда) были постановлены такие же приговоры; «во всех этих деревнях, как и в Парфеновой, речь у

¹ Пропуск текста в источнике (*Прим. ред.*)

крестьян шла (как оказалось из расспросов) только об уничтожении подвоек, в том, чтобы не сходить с удобряемых каждым нив. Относительно литературных упражнений писаря в этих деревнях оказывается или полное неведение, или заявление, что он “незнамо, что напутал, и только мир перемутил” (233)». В Славяносербском уезде Екатеринославской губернии крестьяне одной деревни постановили, «отменив переделы и переверстку мирской земли, разбить ее навсегда на подворные участки и раздать их домохозяевам в постоянное пользование», да и забыли через два года об этом приговоре (234). На весь уезд только и существует один этот приговор о переходе к подворному владению. В деревне Кокоревке Трубчевского уезда Орловской губернии «был постановлен приговор о разделе земли на подворные наследственные участки, но в исполнение приговор этот приведен не был. В настоящее время крестьяне совершенно забыли об этом приговоре и не могли объяснить ни причин его составления, ни того, почему он не был исполнен» (235). В обоих случаях мы имеем, вероятно, дело с неумелым изложением на бумаге крестьянских постановлений. Те крестьяне Петергофского уезда Петербургской губернии, которые установили подворное владение землей, руководствовались только желанием избавиться от круговой поруки; никаких других, особенно же хозяйственных, соображений у них не было. И эти-то подворники преспокойно упражняются в свалке и навалке наделов. «Таким образом, участковая форма владения здесь столь мало отличается от общинной, что за раздельным актом остается значение не более как передела общинных земель и что земельная община в сознании крестьян нимало не утратила своих прав распоряжения землей своих членов» (236). Поделив в конце 1872 года подворно землю, крестьяне четырех общин Моршанского уезда Тамбовской губернии не хотят даже признавать, что у них было введено подворное владение, и большинство их желает передела, упрекая стоящего на законной почве старшину; указывая на своих соседей-подворников (четвертных), говорят, что не хотели и не хотят таких порядков, как у последних (237). В Рязанском уезде из 633 общин 16 решили перейти к подворному владению; пять из них составили письменные приговоры, а одиннадцать сделали лишь словесные постановления; первое из пяти указанных обществ лежало около города, и цены на землю дошли до 600–800 рублей за десятину. Соблазненные такой выгодой, крестьяне перешли к подворному владению; на проданных землях появились заводы, кабаки, трактиры. «Многие из крестьян допытывались, – говорит исследователь, – нельзя ли снова восстановить старый порядок владения, так как во многих семьях явилось сильное несоответствие между наделом и их наличным составом». Во второй общине многие почувствовали ошибочность старого решения, многие сетуют на «старичков», что те «неладно удумали», сделав

невозможным поравнение земли; третья община постановила не переделывать землю в полной уверенности, что каждый будет выкупать надел в свою личную (а не общественную) собственность. В четвертой хотели избавиться от круговой поруки, пятая преследовала ту же цель и разрушила общину только фиктивно (238). Крестьяне нескольких селений в Ярославской губернии перешли к подворному владению тоже фиктивно, под давлением той же круговой поруки; «круговая порука была у них уничтожена, но земля не разделена на участки до настоящего времени, и общинное владение осталось у них по-прежнему» (239). Подобное же явление было замечено в Симбирской губернии, в Путивльском, Грайворонском уездах Курской губернии и в других местах (240). Любопытные данные приводит г. Красноперов о Пермской губернии; говоря о перешедших к подворному владению крестьянах, он пишет следующее: «Эти quasi подворники изъявляют готовность на участковую форму владения не иначе, как предварительно поравнявши участки. Это требование уравнивания – ясный признак того, что в сознании населения живо право общинного землевладения, это требование несовместимо с началом подворного владения». «Средство, которым поддерживается это недоразумение, – продолжает автор, – весьма тонкое и коварное: привлечь сочувствие большинства в пользу подворной формы владения таким актом, который составляет неотъемлемую исключительную особенность общинного землевладения» (241). Не говоря уже о том, что крестьяне, перешедшие к подворному владению, очень далеки от последнего, заметим, что большинство приговоров о переходе к подворному владению вызваны вовсе не сознанием выгоды этой формы, а случайными причинами или же являются плодом недоразумения и обмана. Среди случайных причин выдающуюся роль играют или крайне высокая цена на землю (в пригородных местностях, в Петербургском уезде, где подворные участки ускользают из рук крестьян) (242), или же внешнее давление – оно выражается иногда в «советах» начальства или в поступках людей, власть имеющих; «во многих местах Пермского уезда, например, помещики подарили крестьянам землю с условием владеть ею подворно»; понятно, что здесь сравнительно высок процент подворников у бывших владельческих крестьян (8,3% селений) (243). В среде же крестьян агитаторами за подворное владение являются или лица, желающие скупить землю бедняков, или же отбившиеся от сельского хозяйства крестьяне, мечтающие положить в карман продажей земли несколько десятков рублей. Для того чтобы выяснить основную причину, не позволяющую общинникам принять подворный тип владения, остановимся на обычно-правовых воззрениях крестьянства. Крестьяне-общинники не признают частной собственности на землю за нормальный, удобный и соответствующий их нравственному воззрению институт. Такое непризнание вытекает из принципов

трудового начала, по которому собственность может явиться только результатом трудовых усилий. Никем не произведенная земля является поэтому «Божьей», «ничьей»; находящаяся в России – «государственной», «государевой» (главным образом, у бывших государственных крестьян). Принадлежащая общине земля называется «мирской». Мирская, государева земля противопоставляется крестьянами частновладельческой. Они не хотели даже верить, что последняя составляет навеки нерушимую собственность владельцев. Государство, отбиравшее и дававшее земли, сохраняет, по их мнению, верховное право над всей землей так же, как мир сохраняет его над общинным наделом. Отсюда надежды на «черный передел», «дел», «слушной час», дополнительный надел, с которыми, вопреки мнению очень многих, у большинства крестьянства вовсе не связывалась мысль о своевольном захвате земли; со всеми этими моментами крестьянин связывал такое представление, что государство сочтет когда-либо нужным произвести поравнение земли, как находит это нужным сделать, иногда после долгих и томительных ожиданий малоземельных, община. В последнее время крестьяне, разочаровавшись в немедленном исполнении своих надежд, ожидают в некоторых местах подготовительного шага к ним – признания всей земли казенной. Государство могло не пользоваться некоторое время своим правом, но мир, близко наблюдая быт землепашцев, никогда не выпускал из рук власти. Заботясь о том, чтобы не подрывалось благосостояние кого-либо из общинников, мир зорко следит за величиной наделов и производит равнение каждый раз, когда находит это возможным. Власть ссудного, торгового и промышленного капитала не замедлила создать в рядах крестьянства группу мироедов. Но поддерживаемое современными условиями жизни мироедство столкнулось с сильными традициями мира, а в настоящее время и с сознательной защитой общины рядовым крестьянством. Несмотря на непрерывность ударов, наносимых общинному владению, несмотря на то, что антиобщинные тенденции находят опору в писаном праве и его толкованиях, было бы ни на чем не основанною смелостью сказать, что община расшатана мироедством. Понятно, она может погибнуть под внешними ударами и, раз последние не будут устранены, погибнет, но до этого еще далеко; торжество индивидуального владения отсрочивается и пробуждающимся в рядах общинников сознательным отношением к выгодам исконной формы землевладения. К сознательной защите общины крестьянами мы и перейдем теперь. О крестьянах Бурмакинской волости Ярославского уезда г. Исаев писал следующее: «Крестьянин знает о существовании частного землевладения: в его соседстве многие владеют землей на праве частной собственности, но он считает непригодной для себя эту форму. Внимание крестьянина особенно останавливают на себе две невыгодные стороны частного землевладения:

1) в замене этую формою общинного быта он видит первый шаг на пути к обезземелению большинства и сосредоточения земли в руках немногих сильных и предприимчивых личностей; 2) он живо представляет себе все невыгоды чресполосицы, сопряженной с переходом от мирского владения к участковому. Первая невыгода чувствуется всего полнее и сознается всего глубже неимущими, малосильными членами мира. Над второй же задумываются и достаточные крестьяне» (244). Очень характерно рассуждение харьковских крестьян (Купянского уезда). «Как возьмем владенную запись, – говорят они, – так сейчас сможем продавать часть земли, когда будет на то согласие двух третей общества, а у нас всегда наберется голи и лентяев и того более. Вот паны да купцы водкой да деньгами подобьют нас продать им часть земли, да еще лучшей. Деньги за землю поступят в казну, нам полегчает на несколько копеек, а мы ту же проданную землю будем покупать по 3 да по 5 рублей в год... Пока земля казенная, с голоду я не умру, и, что бы со мной не было, земля останется при мне, а как мы выкупим, то она достанется богатым. Я умру, и земля пойдет на общество, а вырастут дети и получают землю, а как выкупим да поделим, то, пока вырастут дети, опекуны и волость проживут землю, как бывает с избами и другим имуществом, а детям нашим придется таскаться нищими». «Только дай нам право, – продолжает крестьянин, – так добрую волю нашу в кабаках легко будет достать. Такой-то (имя и отчество) сейчас споит нас, подкупит волостное и сельское начальство да и купит у нас лучшую землю, и мы останемся при одних усадьбах и неудобной земле» (245). Опрос общинников Московской губернии ясно доказал сознательную привязанность крестьян к общине. Приведем для примера один из типичных крестьянских отзывов; в деревне Логиновой Можайского уезда записаны следующие слова: «При подворном владении скот нельзя будет гонять; загородки делать надо и каждому своего пастуха нанимать, да и землю не уравниешь. Другой ослабнет, куда ему девать землю? И будет платить спуста, а детям оставит камень, а не землю» (246). В общем крестьяне считают подворное владение положительно непрочным; они уверены, что прямым его следствием будет обезземеление многих. «За это нас дети проклянут», «это не по-русски», – говорят о подворном владении крестьяне Воронежского уезда (247). «Подворное владение, – говорили крестьяне Самарского уезда, – выгодно только у тех, у кого земли много и кто живет не в обществе» (248). Крестьяне Саратовского уезда рассуждали следующим образом: «Разделить землю по дворам навечно, так можно совсем пропасть; у кого работников мало или кто в семье заболел, недоимку и запустят, и от этого может быть разорение. При общественном же владении мир может взять землю с упалого крестьянина и передать другому за подати» (249). Из многих мест сообщались сведения, что крестьяне враждебно относятся к

подворному владению; попытки заменить общину «вызывают ропот, даже сопротивление» (250); так, например, в общинах государственных крестьян Харьковской губернии (Науголевской, Покровской) за несколько лет до 1880 года были беспорядки, «вызвавшие вмешательство военной власти вследствие недоразумений, возникших от нежелания крестьян переходить к подворному владению» (251).

Несмотря на тяготение крестьянства к общине, наше законодательство не санкционировало переходы от подворного владения к общинному. Положение 19 февраля, составленное лицами, убежденными, что община не имеет будущности, не включает в себе статьи, легализующей такие переходы, которые тем не менее существуют. Не говоря уже о переходах к великорусским общинам от захватного и четвертного землевладения, остановимся на подворниках, перешедших к общине; перешли к общинному владению Калиновские однодворцы Серпуховского уезда Московской губернии; мещане села Лопатина Подольского уезда восстановили, ввиду неравномерного распределения земли, общину (252); крестьяне двух селений Бугульминского уезда Самарской губернии перешли в 1869 году к общинному владению (253). Горнозаводские крестьяне Уржумского уезда Вятской губернии, владевшие ранее подворно, при окончательном устройстве своего быта избрали общинное владение, хотя при этом многим пришлось отказаться от своих насиженных мест (254). Крестьяне с. Ижевского Спасского уезда Рязанской губернии выпросили себе право перейти к подворному владению (255). В Тамбовской губернии в 1861 году многие крестьяне перешли к общине (256). Правительство пыталось образовать из великорусского населения подворников. С целью узнать, как привьется эта форма владения, 103 общества Самарской губернии получили землю на подворном праве. В настоящее время большинство этих селений заявили исследователям, что они желали бы переделить землю по душам, а в некоторых деревнях крестьяне фактически перешли к общинному владению (257). В Саратовской губернии были водворены на подворных началах питомцы воспитательного дома. Лесом, выгоном и арендованною землей они владеют в настоящее время на общинных началах, мир отбирает надель у недоимщиков, наследует выморочные надель, которые намерен переделывать. Наконец, они давно уже намереваются произвести коренной передел: «Ведь есть же, – говорят они, – закон, что коли $\frac{2}{3}$ согласны, так и делить землю можно; почему же нам нельзя» (258). Крестьяне села Ново-Николаевки Днепровского уезда Таврической губернии на собственном опыте и примере соседей убедились в неудобствах подворного владения и стали решительно склоняться к разверстке по ревизским душам (259). Крестьяне Самарской губернии устраивали в некоторых случаях общинное владение на купчих землях; переходов же к подворному владению в губернии

не было (260). Г-н Ремезов указал ряд случаев, как крестьяне, купив землю «на паях», переходили к общинному владению. Да и вообще говоря, крестьяне, купившие землю товариществом, почти без исключения владеют землей на четвертном или на общинно-четвертном праве (261). Два товарищества Княгининского уезда Нижегородской губернии владеют купленной землей на общинных началах (262). Укажем, в какое невозможное положение ставит крестьян и начальство, отсутствие легализации переходов к общинному владению. Крестьяне постановили приговор о переходе к подворному владению. Когда дело дошло до дележа, они никакими силами не могли добиться требуемой всеми безобидности. Ничего не добившись, они опять-таки решили перейти к общинному владению, но несколько человек не пожелали этого, и крестьяне остались в невозможном положении.

Говоря о переходах к подворному владению, мы указали на круговую поруку как на разрушающий общину фактор. Круговая порука с давних пор связывается с рабочими группами крестьян, будь то артели или общины. Тем не менее она не может считаться институтом, неизбежно связанным с общинным владением. Указом 17 ноября 1869 года «все селения, имеющие отдельное владение землей и в которых числится менее 40 душ, избавлены от круговой поруки по платежу податей, но тем не менее сохранили общинное землевладение (263)». С другой стороны, подушная подать взыскивалась при подворном владении по круговой поруке. Нельзя, однако, отрицать, что круговая порука тесно слилась с общиной и при нормальных условиях податного обложения составляет светлую сторону последнего. Понятно, что высокие подати, разоряя большинство общинников и создавая массу недоимщиков, заставляют сваливать, при помощи круговой поруки, недоимки на более состоятельных крестьян; понятно, что при таких условиях последние тяготятся круговой порукой. Но раз будет устранено ненормальное высокое обложение земли, круговая порука, не мешая отдельным лицам, сильно помогает общине как целому. Только при высоких платежах зажиточные крестьяне тяготятся связанной с общиной круговой порукой и, стараясь избавиться от последней, подают голоса за подворное (зачастую фиктивное) владение. Те же лица, которые считают возможным разрушить общину для уничтожения круговой поруки, убивают ради потрохов несущую золотые яйца курицу и часто горько ошибаются в расчете. Очень часто крестьяне преувеличивают свои силы, надеясь устроиться вне общины. Увеличение семейства, болезни, неурожай и т. п. заставляют их продать землю и войти в ряды пролетариата, куда они толкали своих бедных односельчан.

Польза от круговой поруки вполне очевидна. При ее существовании обществу «крайне невыгоден упадок хозяйства отдельных его членов, так как они вследствие расстройств хозяйства могут сделаться неплательщиками.

Ввиду этого обществом принимается целый ряд мер, из которых некоторые составляют одну из лучших сторон общинной жизни» (264). «В случае смерти единственного работника в семье, – продолжает г. Якушкин, – когда после него остаются малолетние дети, иногда весь мир, чтобы не нарушать хозяйства, обрабатывает сиротскую землю. Но это бывает редко; гораздо чаще общество оставляет весь надел или часть его в пользовании вдовы и сирот, принимая на себя все платежи. При временном упадке хозяйства от разных несчастных случаев (пожара, падежа скота, болезни работника и т. п.) долго хозяину оказывается всевозможная помощь: общество или складывает с него платежи, или рассрочивает их, иногда помогает ему из мирского капитала, иногда помогает ему работой» (265). Мало этого, общество, желая поддержать неисправные хозяйства, сдает иногда в аренду часть земли, мельницу, берет деньги из общественных сумм, делает заем и уплачивает за них подати. Круговая порука играет здесь немалую роль, так как вдова с сыновьями, например, пользуется более серьезной и постоянной помощью, чем вдова с дочерьми. Круговая порука играет важную роль и при разверстке повинностей. Богачам невыгодно облагать бедные и слабосильные дворы непосильной долей податей, так как недоимки пришлось бы уплачивать им же самим. Может, понятно, случиться, что мироедам будет выгоднее отдать недоимщика в кабалу, раскупить его имущество, отобрать надел, т. е. произвести ряд мероприятий, разрешенных законом по отношению к недоимщику, но тем не менее круговая порука устраняет поводы «к явно несправедливому отягощению малосостоятельных хозяев непосильными для них платежами» (266). За круговую поруку раздались в последнее время сильные голоса: «Круговая порука, – писал Н. Шелгунов, – есть народная страховая система распределения платежей, одна из натуральных форм подоходного обложения и осуществление идеи податной справедливости, как ее понял и осуществил народ» (267). Нападки на круговую поруку не имеют за собой серьезного основания; то, например, положение, что она покровительствует лентяям, вовсе не подтверждается наблюдениями; разложив между собой недоимку, общинники при первой возможности взыскивают ее и, зорко следя за малейшей поправкой недоимщика, не позволяют ему тратить деньги на маловажные нужды до тех пор, пока не покроется недоимка. Общинники, заинтересованные в благосостоянии и платежной силе хозяйств, стараются, по возможности, не допускать применения тех фискальных мероприятий, которые на основании 188 статьи «Общего Положения» могут легко разорить крестьянина. Не будь круговой поруки, эти мероприятия, большая гуманность которых или прямое уничтожение очень желательны, действовали бы с более разрушительной силой, чем теперь. Крестьяне нередко понимают выгоды круговой поруки: в некоторых

общинах Славяносербского уезда Екатеринославской губернии «крестьяне, по словам г. Пругавина, категорически высказываются за круговую поруку. В сельце Мало-Николаевке они делают указание на то, что благодаря круговой поруке многие из жителей за прежние годы из бедных сделались средними хозяевами, завели скот. Круговая порука практикуется не только в больших общинах, которые обязаны по закону применять ее, она существует и в тех селениях, в которых имеется менее 40 ревизских душ и которые по закону избавлены от нее» (268). Сама по себе круговая порука не побуждает крестьян переходить к подворному владению; этот ложный шаг заставляют их делать приплетенные к круговой поруке высокие платежи, уменьшение которых очень важно для устойчивости общины.

Во всяком случае, какие бы мотивы не вызвали переход крестьян к подворному владению, этот переход очень нежелателен. На Западе пришли уже к тому убеждению, что остатки тамошних общин не могут быть уничтожены без согласия правительства. Не мешало бы и русским принять это положение, явившееся результатом внушительного исторического урока. Большинство, собранное всеми неправдами или даже правдами, большинство экономически зависимое и потому преследующее не столько свои личные выгоды, сколько выгоды своих патронов, не должно по произволу распоряжаться судьбой общины. Допустив такое распоряжение, законодательство отдает судьбу и благосостояние крестьянской России в руки жадного, дикого и невежественного мироедства, лишенного и тех симпатичных черт, которые наблюдаются в простом народе, и бессильного заимствовать светлые стороны общечеловеческой культуры. Община, свободная в своем развитии от непродуманных законов, не стесняемая малоземельем и высокими податями, сильно сдерживает развитие пролетариата; таким образом, ее сохранение является национальной задачей и никакое местное большинство не имеет права уничтожить ее. Двум первым параграфам 54 статьи «Общего Положения» соответствуют 163 статья «Положения о выкупе», 115 статья «Местного положения великороссийского», первый параграф 15-й и первый параграф 30-й статьи «Положения о бывших государственных крестьянах», третий и четвертый параграфы 33-й статьи «Положения о башкирах» с тем, впрочем, ограничением, что по первому примечанию 31 статьи постановление схода представляется здесь на разрешение начальства.

Перейдем теперь к третьему параграфу 54 статьи, играющему не менее печальную роль в деле разрушения общины и порождения смуты среди крестьянства. Великорусский тип общины утрачивает без переделов свою сущность и превращается в чресполосно наследственное владение без права продажи отдельными лицами. Крестьяне зло острят над общинами такого типа: «Надо бы солдатам землю дать, – говорят они, – а то скоро мертвых

будем выкапывать да в солдаты отдавать: у них земля есть» (269). Подобная форма землевладения, при которой землевладельцами являются, по мнению крестьян, мертвецы, положительно не имеет никаких достоинств. Мироеды, опираясь на третий параграф 54-й статьи, не допускают невыгодных им переделов, обнаруживая таким образом свою симпатию к положениям, пропагандируемым некоторыми членами интеллигентного общества. Для того чтобы разрушить общину, надо собрать $\frac{2}{3}$ голосов, а чтобы не допустить передела, нужна только одна треть с одним еще голосом. Мироеды и пользуются этим для фактического уничтожения общины, для удержания за собой земли, на которую не имеют права. Однако уничтожение переделов является далеко не легким делом. В слободе Костомаровой Острогожского уезда Воронежской губернии, например, безземельные крестьяне отказались отбывать всякие повинности, чем и заставили общество переделить землю на новые души (270). В Симбирской губернии «противниками передела с целью привлечь более домохозяев на свою сторону и составить больше $\frac{1}{3}$ голосов пускаются в ход подкупы, подпаивание, выписываются нотариальные доверенности от лиц, живущих на стороне, причем расстоянием не стесняются; такие доверенности присылают из Тобольска и Благовещенска Амурской области и из других не менее отдаленных мест (271). В деревне Юрьевке Саратовского уезда противники передела заставляют бедных держать их сторону силой своего влияния и состоятельности, наконец, пускают в ход и водку» (272). Нет сомнения, что мироедам приходится тратить много усилий каждый раз, когда они отсрочивают передел; по всей России идет борьба между общинниками и мироедами, борьба, достигшая в некоторых местностях крайнего напряжения. Был случай, когда общинники просили отделить их в особое от мироедов общество. В целом ряде губерний идут ожесточенные споры (273). «Стоило только в иных общинах, – пишет г. Григорьев, – завести разговор об этом назревшем вопросе (о переделе), как из вялого, не вполне доверчивого схода он превращался в шумное, энергичное деревенское вече: тут слышались брань, угрозы и отборные выражения» (274). Зажиточные крестьяне положительно терроризировали в некоторых случаях бедняков. Крестьяне Бузулукского уезда Самарской губернии так говорят об этом: «Без ревизии и начальства при дележке большая драка будет. Богатые дворы завладели душами ушедших на новые земли хозяев вместе с усадьбами и ни за что не отдадут их» (275). О Липецком уезде Тамбовской губернии сообщали, «что споры меньшинства хозяев с большинством бывают ожесточенные, причем для застраживания большинства пускаются в ход всякие непозволительные угрозы». Так, например, крестьяне с. Крутого рассказывают, что у них противники передела земли «грозят смертоубийством» (276). Драки между крестьянами – обычное явление в с. Ярославке Козловского уезда

той же губернии. «Ссоры и драки из-за передела земли сопровождались довольно серьезными последствиями и привели к уголовному следствию» (277). В с. Семянной Тамбовского уезда передел расстроился из-за того, что богатые его противники «стали подпавать бедных вином, чтобы они приняли их сторону. Вследствие этого из-за начатого передела земли начались судбища, драки, и все дело расстроилось» (278). «В д. Елховозерной Симбирского уезда во время споров о земельном переделе был заколочен до смерти сельский староста. В с. Крестникове того же уезда крестьяне много раз дрались из-за передела»; в с. Мещеряках противники передела чуть не побили исправника Буинского уезда (279). В Мелитопольском уезде Таврической губернии «дело доходит до отчаянных драк, до ножей, до кровопролитных схваток с кольями в руках» (280). В с. Осиповка Кирсановского уезда Тамбовской губернии из-за передела дрались мужчины и женщины, «пускались в ход вилы и топоры, противники рубили друг у друга сохи, хомуты, оглобли; убийств, по счастью, не случилось, но много избитых» (281). В Свияжском уезде Казанской губернии во многих случаях переделу предшествовала долгая и упорная борьба между сторонниками старых и новых душ, доходившая иногда до кровавых схваток (282). В деревне Молвиной того же уезда передел был приостановлен вследствие жалобы губернатору на якобы неправильное его составление. Тем не менее крестьяне приступили к переделу, богачи воспротивились, и «это столкновение крестьян между собой кончилось, буквально, сражением, где легли убитыми трое из меньшинства и ранеными четырнадцать человек» (283). В сентябре 1887 года приверженцы старой разверстки убили в с. Маток Буинского уезда Симбирской губернии сторонника передела – старосту (284). Летом 1888 года убит в Казанской губернии крестьянин во время спора о переделе (285). В Усть-Ижоре Петербургского уезда дело обходится мирнее: богачи не позволяют поставить вопрос о переделе; «обыкновенно смельчака, поднимающего вопрос о переделе, без всякой церемонии арестуют и сажают в холодную под тем предлогом, что он пьян» (286). Сторонники передела сравнительно редко начинают драки, но все-таки начинают: в Абакумовской волости Тамбовского уезда, например, крестьяне поделили землю и часть ее засеяли, но приговор не был утвержден, и стародушники явились переделывать землю по-старому; общинники напали на них и шестерых поранили до крови. Летают по деревням из-за передела и красный петух (287). Не легко также произвести передел с наличных на ревизские души, и тут не обходится дело без подлогов; так, например, в одном из селений Мелитопольского уезда Таврической губернии приговор о переходе на ревизские души был составлен при следующих условиях: «На сходе было 17 женщин вместо отсутствующих мужчин, под двумя номерами в приговоре никто не записан, а в счет приняты два лица, под одним номером

записано только имя “Иван”, три лица записаны 2 раза, а четыре лица не имели права голоса на сходе» (288). Требование собрать $\frac{2}{3}$ голосов для передела положительно деморализует население: спаивание, подкупы, подлоги, убийства – все это не может проходить бесследно и не отзываться на крестьянах. Сутяжничество кулаков доводит иногда мир до озлобления, до полного непонимания, где начинаются и где кончаются его права. Энергия мироедов прямо изумительна: они посылают иногда ходоков в Петербург, добиваясь всевозможными способами отмены постановленного приговора о переделе. На сходе трудно собрать всех домохозяев, особенно в тех местностях, где сильно развиты отхожие промыслы, и постановленный бесспорным большинством приговор о переделе отменяется только потому, что два, три давшие на него согласие домохозяева были в отлучке. «В некоторых общинах Белгородского уезда Курской губернии вопрос о переделе, несмотря на общее согласие всех домохозяев, не решается до сих пор благодаря только тому, что общины слишком велики, собрать полный сход для написания приговора, необходимого в этом случае, было бы слишком трудно» (289). В очень маленьких общинах дела обстоят очень оригинально; так, например, в с. Усов-Колодезь Мценского уезда «пять хозяев из восьми желали бы передела снова на наличные души, но для этого, как они говорят, не хватает $\frac{1}{3}$ голоса» (290). Борьба из-за переделов поддерживается иногда совсем сторонними лицами: из слов крестьян Усманского уезда Тамбовской губернии можно заключить, что многих жалоб на приговоры сельских сходов не было бы, если бы противники передела не поощрялись к жалобам разными посторонними лицами (так называемые «аблакаты», даже один священник), бравшими «деньги и разные приношения с обеих сторон и писавшими обоим всевозможные кляузы, то есть сторонникам и противникам мирского передела земли» (291). Сильно радуется мир, когда победит мироедов, он прямо празднует победу: «...сегодня у нас большой праздник, – говорит крестьянин села Ташлы Симбирского уезда. – С самого освобождения земля у нас была спервоначалу роздана по душам, так с тех пор за этими душами только и оставалась, а тем временем народу народилось. Долго держался у нас этот порядок, да вот вчера, благослови Боже, правда осилила. На миру решили всю землю поделить по живым душам, а сегодня это и произвели в дело. Вот мы и празднуем» (292). Замена требуемого законом большинства – двух третей простым большинством была бы полезна не только в экономическом, но в нравственном отношении. «Продолжительное отсутствие переделов, – пишут о Саратовском уезде, – порождает не только экономическую, но и нравственную рознь в крестьянской среде» (293). Существует много сведений о том, что мироеды до того спутали понятия крестьян, что последние ждут распоряжения о переделе (ревизии), не зная о своем праве делить

землю. Волостные правления, земства и другие учреждения должны ознакомить крестьян с этим правом. Насколько важно подобное уведомление, можно судить по следующему факту: со времени последней ревизии коренных переделов как в Вятском уезде, так и во всей северной полосе Вятской губернии, нигде не производилось. «Только в последние годы, когда в соседнем Орловском уезде местному населению было разъяснено со стороны уездного земства о возможности и законности подобных переделов, крестьяне и Вятского уезда начали серьезно подумывать о разверстке по новым душам, причем в некоторых волостях, как, например, в Куменской, коренные переделы произведены по всем селениям» (294). Несмотря на упорную борьбу перед переделом, большинство его противников легко примиряется с совершившимся фактом; исключением являются всегда малочисленные мироеды. Вот что писал об этом г. Пругавин: «До совершения передела противники последнего резко и категорически высказываются против него, признавая такой передел незаконным и несправедливым. После же передела громадное большинство противников его совершенно примиряются со своим положением, находя, что лучшего выхода из образовавшейся в общине земельной путаницы не могло и быть и что общество (в данном случае) вправе было распределять землю по своему усмотрению» (295).

Бывшие помещичьи крестьяне платят, как известно, выкупные платежи. Рассмотрим теперь поднятый нашей литературой вопрос о влиянии такого выкупа на переделы. Нем сомнения, что до последнего времени коренные переделы у бывших помещичьих крестьян встречались много реже, чем у бывших государственных. Так, например, в Воронежском уезде в течение 20 лет, считая с X ревизии, общины не переделывали землю, но с 81–82 года произвели переделы 57% общин бывших государственных крестьян и только 1% бывших помещичьих; помещичьи крестьяне не знали о законе, позволяющем делить землю (296). В Кирсановском уезде Тамбовской губернии переделали землю 50% общин бывших государственных крестьян и только 8% общин бывших помещичьих (297), в Спасском уезде переделала землю только одна община бывших помещичьих, а у государственных поделили все, кроме четырех общин, где не было передела в силу чисто случайных причин (298); в Темниковском уезде переделали землю только 7 общин бывших помещичьих крестьян (299). В Тетюшском уезде Казанской губернии государственные крестьяне переделывались чаще бывших помещичьих (300); в Цивильском из общин бывших государственных крестьян переделилось 88%, а из бывших помещичьих – менее 19% (301); в Свяжском процент переделившихся общин у бывших государственных равен 72,5, а у бывших помещичьих 22,4; в Мамадышском % первых равен 86,2, вторых – 10 (302). О Духовщинском уезде Смоленской губернии мы читаем: «В то время как

у крестьян государственных встречается, хотя не как общее правило, разверстка земли по наличным мужским душам, причем иногда принимается в расчет даже и женское население, у бывших помещичьих крестьян господствующим основанием разверстки является владение по ревизским душам» (303). В Рязанском уезде, в Вяземском Смоленской губернии, в Острогском Воронежской, в Белгородском Курской, в Борисоглебском Тамбовской и в других местах встречается такое убеждение, что выкупаемую землю нельзя делить по душам; такой взгляд поддерживается иногда и начальством. В некоторых местностях (например, в Тамбовском уезде (304), в Малмышском Вятской (305) и пр.) крестьяне начинают смотреть на выкупаемую землю как на личную собственность и даже продают ее. Не удивительно, что многие пришли к тому убеждению, что общинное владение разрушается самим фактом выкупа: «По нашему мнению, – писал г. Ермолинский, – общинное владение несовместимо с принципом купли (а что же такое выкуп земли?), и раз он закрался в общину – она должна погибнуть» (306). Не сомневаясь, однако, в том, что выкуп расшатывает общину, мы убеждены, что такое его действие легко устранимо и что это расшатывание – простой результат обычных недоразумений и непонимания своих прав со стороны крестьянской массы. Убедись они завтра, что закон позволяет делить выкупаемую землю, что выкупаются, строго говоря, повинности, а не земля, что и после выкупа земля может остаться в общинном владении – и послезавтра общины бывших помещичьих крестьян переделают свои земли. Мешает, разумеется, и требование $\frac{2}{3}$ согласных на передел домохозяев; вне последнего обстоятельства передел у бывших помещичьих крестьян Кирсановского, например, уезда не составлял бы исключения (307). В Ржевском уезде Тверской губернии, например, переделы были почти исключительно у бывших помещичьих крестьян (308), в Царицынском уезде Саратовской губернии вовсе не встречается ссылок на выкуп как на институт, задерживающий передел (309). Мы знаем, наконец, что во многих общинах бывших помещичьих крестьян значительные группы последних энергично требуют передела. Уже одно то, что у бывших помещичьих крестьян была тягловая община, объясняет отчасти редкость непривычной для бывших помещичьих крестьян душевой разверстки. Припомнив, как трудно собрать нужные для передела голоса, зная, что ссылка на ожидаемую ревизию отсрочивает переделы и у бывших государственных крестьян, мы можем допустить, что выкуп является для мироедов и для зависимых от них лиц благовидным предложением при отказе подать голос за передел, при протесте против него и при попытках перетянуть на свою сторону нейтральных членов общины. Выступать против общины нахрапом, не выставив благовидного предложения, мироеды редко решаются, опасаясь остаться без нужной поддержки; так, например,

в общинах бывших государственных крестьян они выставляют на вид трудовое начало, жалуются, что у них отнимают политую потом землю, на что зачастую получают резкий ответ, перечисляющий тех кабальных батраков и членов вынужденных помочей, потом которых действительно вспоена захваченная ими земля. Они указывают в тех же общинах, что нельзя делиться до ревизии, что во время последней безземельные получают новый надел от правительства. Без всякого сомнения, крестьяне многих мест чуть не с тоской ждали и ждут ревизии, но нет сомнения, что многие же крестьяне перестали мечтать о новом наделе в связи с ревизией, а ждут только одновременного с ревизией закона о переделах, который сломит сопротивление мироедов и их своры. Надежда на надел при ревизии является зачастую мироедской выдумкой, имеющей целью переманить на неправую сторону тех лиц, для которых передел безразличен, но которые не разучились стыдиться продаваемого мира; более слабохарактерные из них, не желая наживать врагов среди мироедов, а следовательно и среди волостного и сельского начальства, легко поддаются на эту приманку, убедительно оправдываясь перед собой и другими. Противники переделов распускают еще менее вероятные слухи, так, например, в с. Усть-Курдюм Саратовского уезда крестьяне не делят землю потому, что поверили нелепым рассказам о том, что после разверстки по наличным душам каждая из последних будет нести те же платежи, что и прежняя ревизская (310).

Отсутствие переделов для некоторых местностей и групп крестьян стало в настоящее время болезненным, тяжело отражающимся на народном благосостоянии явлением; причины этого явления очень разнообразны, но большинство из них сводится к простому непониманию крестьянами своих прав. Нельзя, впрочем, не заметить, что ложные представления о ревизии, о выкупе и т. п. далеко не повсеместны: во Владимирской губернии, например, крестьяне полагают, что по окончании выкупа земля должна поступить в передел, т. е. у них сложилось представление как раз обратное вышеуказанному. Нет сомнения, что выкуп, понятый как купля земли, как бы санкционирует наследственное владение землей, но обычное право не поддается писаному закону без страшной борьбы, не поддается особенно в тех случаях, когда последний противоречит веками выработанным устоям крестьянской жизни. Один из таких устоев – это признание земли мирской коллективной собственностью, в силу чего мы и встречаем в подавляющем большинстве бывших помещичьих крестьян упорную вражду к подворному владению. Во многих местах крестьяне поняли уже, что выкуп не мешает переделам. «Да разве я отдам кому землю, которую 10–15 лет выкупал? – говорят крестьяне Рязанского уезда. – Да я косою прогоню всякого, кто выйдет на мою землю». «Конечно, так говорят те, – пишет иссле-

дователь, – кому выгодно удержать старое распределение земли, кто при новом переделе получит меньше прежнего. Совсем другие резоны выставляет противная сторона: “Если ты подати платил, так земли у тебя целая прорва. Она тебе подати-то все с лихвой вернула. Я той порой больше тебя за аренду отдал, а земля-то разве моя стала?”» (311). В Курском уезде противники передела долгое время эксплуатировали один и тот же аргумент: «мы выплачивали выкупной платеж (или оброчную подать¹), поэтому и не отдадим свою землю ради нового передела». Но аргумент этот потерял всякий кредит: «...мы за это время в пять раз больше переплатили за аренду земель», – отвечают обыкновенно сторонники передела, и все как бы признают большую доказательную силу за последним доводом (312). Действительно, в тех местностях, где выплачиваемая крестьянами сумма податей и выкупа превышает нормальную арендную плату за землю, там переделы часты и уравнивают податное бремя (встречаются, разумеется, и исключения); в тех же местностях, где выплачиваемая подать и выкуп меньше арендной платы, где платящее выкуп домохозяйство не настаивает, как в первом случае, на переделе, там многоземельное, хотя и платящее выкуп домохозяйство находится в привилегированном положении сравнительно с теми, которые имеют мало земли. Странно указывать в этом случае на выкуп как на жертву, за которую нужна награда. Несомненно, что мир имеет нравственное право лишить домохозяйство привилегии платить за большее количество земли. Бывает, впрочем, более сложное положение дел, а именно пользование землей в первое время по освобождении не было так выгодно, как теперь. Сельскими сходами Темниковского уезда Тамбовской губернии «признается уже, что нынешнее неуравнительное распределение душевых наделов пока должно быть терпимо ввиду того, что нынешние владельцы наделов вынесли на себе наиболее обременительную часть выкупных платежей. Пройдет большой срок пользования наделами по первоначальной их разверстке, и не будет уже основания откладывать передел земли, потому что долговременное пользование наделами вознаградит каждого за первоначальные, сравнительно высокие платежи за нее» (313). Сравнительная редкость переделов у бывших помещичьих крестьян объясняется их прошлым, 165 статьей «Положения о выкупе» (о которой будет еще речь), большей бедностью, а следовательно, и большей зависимостью крестьянства от мироедов и, наконец, еще большей спутанностью (чем у бывших государственных крестьян) юридических понятий. Помимо всего сказанного, бывшим крепостным негде было научиться энергии и последовательности в деле отстаивания своих интересов; а эта энергия необходима при борьбе за

¹ Государственные крестьяне этой местности убеждены, что, выплачивая оброчную подать, они выкупают свои наделы – «чем мы хуже помещичьих», – говорят они.

переделы. Третьему параграфу 54 статьи соответствуют: 114 ст. «Местного положения великороссийского», 160 ст. «Положения о выкупе» и шестой параграф 33-й статьи «Положения о башкирах».

Второй и шестой параграфы 188 статьи опять-таки оказывают вредное влияние на устойчивость общины. Второй параграф разрешает отдавать неисправного плательщика на сторону в заработки, чем, разумеется, и пользуются мироеды для захвата земли. В силу шестого параграфа той же статьи сельское общество может «отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел». К этой мере взыскания податей общество может прибегнуть только в том случае, когда другие, назначенные законом меры окажутся недостаточными для взыскания недоимки. К сожалению, мироеды сумели свести кое-где это ограничение на нет. Так, например, крестьяне Старо-Бурецкой волости Малмышского уезда Вятской губернии говорят следующее: «В нашем обществе нельзя податей не платить; как только бедняк не уплатит, то все напустятся на него, как коршуны на мертвого, и по перышку растеребят – кто $\frac{1}{2}$, кто $\frac{1}{4}$ купит, кто $\frac{1}{8}$, и останется бедняк совсем бобылем» (314). В Днепровском уезде Таврической губернии крестьяне села Британь отобрали у своих недоимщиков 250 десятин и, нуждаясь в наличных деньгах, отдали их в аренду (315). Названный параграф противоречит основным требованиям экономической политики: отобрать у крестьянина недоимщика надел – это значит совершенно разорять его, обрекать на нищенство целое семейство. Во многих местностях обычное право не допускает применения этой части 188 статьи (так, например, в Шацком уезде Тамбовской губернии (316), в Яренском Вологодской и т. д.) (317).

Перейдем теперь к 165 ст. «Положения о выкупе». Содержание ее следующее: «До уплаты выкупной ссуды выдел участков отдельным домохозяевам из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе, как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в местное казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выдать крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок по возможности к одному месту, по усмотрению самого общества, а впредь до выдела крестьянин продолжает пользоваться приобретенной им частью земли в составе мирского надела, без взноса выкупных платежей». 23 марта 1882 года к этой статье было сделано следующее добавление: «В случае выкупа отдельным домохозяином своего участка по 165 ст. Положения о выкупе требуется от него только та часть капитального долга, которая окажется на нем по исключении всей суммы долга, причитающейся на выкупленный участок по разверстке обществом денег, поступивших на погашение капитального долга в числе внесенных крестьянином-домохозяином платежей». Посмотрим теперь, как влияет эта статья

на распадение общины. До 1888 года внесено по 165 статье 13.381,000 рублей, причем с каждым пятилетием выкуп усиливается:

с 64 по 69 год	6%
» 70 » 75 »	13%
» 76 » 81 »	30%
» 82 » 87 »	48% (318)

Так как желающему выделиться надо вносить уменьшающуюся с каждым годом сумму денег, то несильное покамест стремление к выкупу может возрасти до нежелательных размеров, приняв форму выкупа земли на занятые деньги для расплаты ими с займодавцами-кулаками. Крестьянство оказывает в настоящее время возможное сопротивление выкупу. Крестьянин выкупил, например, в Самарском уезде четыре надела и требовал выделить их в особое место; мир согласился, но с тем, чтобы он исключился из общества и «убирался со всем своим домом на выделенную землю за 5 верст от села»; благодаря такому постановлению крестьянин не захотел выделять надел (319). Другому такому же отщепенцу в Бугульминском уезде крестьяне отвели в версте от селения безводный с галькой участок (320). Можно бы было привести много примеров, доказывающих попытки крестьян сопротивляться выкупу. Посмотрим теперь, в чем сводятся мотивы выкупа: одни домохозяйства избегают благодаря ему нарезки нового, обложенного непосильными платежами надела; другие – выкупают большее количество земли, чем то, которое принадлежит им по праву, опасаясь, что во время передела у них отберется лишняя земля, они и спешат выкупом. В Воронежском уезде крестьяне села Михайловки постановили в марте 1886 года приговор о переделе; за последний было 20 домохозяев, а так как всех правоспособных членов общины было 29, то приговор, несомненно, вошел бы в законную силу. Но через три, четыре дня подана была жалоба одиннадцати несогласных на передел домохозяев. Присутствие по крестьянским делам командировало одного из своих членов для проверки приговора на месте. Оказалось, что двое новых протестантов не имеют право на подачу голоса и что «все несогласные на передел частью владеют очень большим количеством вымерших душ, частью снимают эти души на долгий срок. Во время проверки правильности протеста противники передела заявили желание выкупить землю, о чем и подали формальное заявление, надеясь добиться своей цели до вступления приговора в законную силу. Нашелся и человек, ссужающий деньги для выкупа. Выкупной ссуды крестьянам остается уплатить не более, как по 35 рублей за десятину, а за землю их всякий дает по 100–120 рублей. Общее количество выкупаемой земли составляет по расчету около 100 десятин – почти половину всей

общинной земли». «Случай этот не единственный. Во многих местностях также слышатся толки о выкупе, в особенности там, где общество начинает делать предположение о коренном переделе» (321). Возьмем теперь домохозяйство, состоявшее из двух душ, но увеличившееся ко времени нового передела до четырех и получившее при нем соответствующий новому числу душ надел. Внесшее выкуп за все четыре души домохозяйство получает в пользование и те два надела, за которые платили в течение 31 года выкуп совсем другие общинники, и таким образом делается собственником на большую половину выкупленной общиной земли. Возьмем третий пример: мироед взял в аренду два надела ушедших в отход крестьян или лишнюю землю малодушного домохозяйства. Получив от волостного начальства удостоверение, что он владеет тремя наделами, мироед выкупает в свою собственность и чужие наделы; волостное начальство может иногда и не знать, что два надела взяты в аренду; в писаных приговорах мира такие известные всем общинникам детали легко пропускаются, да и подкуп волостного начальства не редкое явление. Неудивительно поэтому, такие, например, сведения: некоторые хозяйства Юхновского уезда Смоленской губернии выкупали заодно и не принадлежащие им земли, а чужие, временно данные¹ (322). Некоторые общины не допускают, впрочем, таких произвольных толкований; так, например, в с. Сосновке Моршанского уезда Тамбовской губернии «четыре домохозяина внесли полный выкуп за свои наделы. У этих домохозяев находились в пользовании наделы крестьян своего общества, выселившихся в Томскую губернию; они намеревались приобрести в собственность все эти наделы. Общество не допустило этого сделать» (323). Иногда кулаки просто хотят избавиться путем выкупа от круговой поруки, так, например, в волостях Запонорской, Ильинской и Дорховской Богородского уезда Московской губернии в тех обществах, на которых накопились крупные недоимки, обнаружилось в 1887 году «лихорадочное стремление деревенских кулаков и вообще зажиточных мужиков к выкупу своих наделов». Старательными проводниками в жизнь 165 статьи и ее истолкователями являются волостные писаря: «они берут на себя ходатайства по выкупу наделов кулаками, и потом, когда последуют надлежащие запросы казенной палаты, уездного присутствия, писаря являются по деревням якобы по поручению начальства «дознать», «опросить общество» и действуют в этих случаях именем власти в интересах деревенских кулаков, подсовывая крестьянам к подписи наперед заготовленные приговоры в желаемом смысле» (324). В промысловых местностях наделы довольно часто выкупаются с целью избавиться от выборной сельской службы; в Шуйском уезде Владимирской губернии 50% из числа выкупленных наделов выкуплены именно с этой целью: выборная служба, «отрывая

¹ Такие покупки юридически неправильны, но, своевременно не обжалованные, остаются в силе.

крестьян от фабричных заработков, является своего рода пугалом, особенно благодаря тому бесправно перед администрацией, в которое поставлено сельское начальство» (325). Изредка встречаются такие мотивы выкупа, как желание дать землю старику, надел у которого был бы отобран; по смерти последнего надел опять поступает в общинное владение; выкупают надел для обеспечения женщин; довольно часто, наконец, выкупают наделы, чтобы сразу избавиться от выкупных платежей. Земля выкупается в большинстве случаев для собственного пользования, реже для перепродажи. Встречались и такие случаи, что земля выкупалась на взятые в ссуду деньги и тотчас же передавалась кредитору. Вот, например, что писал г. Пругавин о Симбирской губернии: «В селе Крустовникове, как и вообще во всех селениях, в которых некоторые домохозяева приобрели в собственность не только свои земельные участки, но еще сосредоточили в своих руках более или менее значительное число наделов от чужих дворов путем взноса за них выкупной ссуды, – борьба мира с отдельными домохозяевами-антиобщинниками достигает своего апогея. Питается здесь вражда к кулакам, дышит ненавистью и озлоблением, напоминая о столь же враждебных отношениях между евреями и русским крестьянством Южной России» (326). «Местные исследования, – пишут статистики Петербургского уезда, – констатировали тот факт, что крестьяне прибегают к выкупу с целью иметь возможность отчуждения всей выкупаемой земли или же чаще части ее. Бывали даже случаи, когда выкуп производится на средства лица, желающего приобрести крестьянскую землю, причем сумма, внесенная в погашение выкупного долга, засчитывалась затем в продажную цену отчуждаемой земли» (327). В Юхновском уезде Смоленской губернии 4,7% выкупленных наделов проданы так, что «земля продавалась не после выкупа ее, а напротив, продажа предшествовала выкупу, совершенно уже на счет покупателя» (328). В с. Знаменском того же уезда торговцы покупали у крестьян усадебные земли, выкупая им за это полевые наделы (329). В Самарском уезде были случаи выкупа наделов на средства кулаков, которые и построили на них кабаки (330). В промысловых уездах ссуды даются для того, чтоб на выкупленных наделах построить промышленные заведения; понятно, что здесь выкуп не грозит принять форму массовой распродажи земли, хотя выкуп на занятые деньги, выкуп для перепродажи и здесь не редкость; в Шуйском уезде Владимирской губернии, например, на деньги кулаков выкуплено 20% из общего числа отнятых у общин наделов; последние были с лесом и изредка с выгодными покосами (331). На выкупленных участках работают иногда их бывшие владельцы, а иногда и нет. В Гжатском уезде Смоленской губернии, например, 82% дворов, выкупивших свои наделы, ведут самостоятельное хозяйство (332). В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии выкупленной землей пользуются следующим образом: утилизируют

ются сами 16%, продали 12%, сдают в аренду 4%, передали, уйдя на сторону, своим односельцам за уплату податей 56%, передали при таких же условиях обществу 12%. Эти отлучки являются постоянными (333). Иногда выкупленные участки остаются во владении общин, а выкупившие переходят в городские сословия, но это явление очень редко. Довольно часто выкупается не участок, а право на определенную долю достающейся при переделе земли; в общинах появляются, так сказать, четвертные владельцы. 89% выкупивших свои наделы крестьян Московской губернии подчиняются добровольно всем принятым порядкам мирского землевладения» (334). В Гжатском уезде Смоленской губернии 84,9% выкупленных наделов находятся в чрепослосном владении и подлежат передвижкам (335). Из 1395 наделов, выкупленных в Шуйском уезде, только 18 выделены из общинного пользования. Интересен тот факт, что досрочный выкуп сильнее всего применялся в 9-ти промышленных губерниях, дающих заработок на фабриках (336); концентрирующая сила «капитала» сказалась и здесь.

Несмотря на то, что наделы выкупаются иногда и с другими целями, кроме вредно-эгоистических, мы должны с величайшей осторожностью относиться к словам тех личностей, которые указывают на выкуп как на логическую реализацию желания освободиться от так называемых «темных сторон» общинного владения. 7 декабря 1885 года в заседании III отделения Императорского Вольного Экономического общества г. Богушевич указал приблизительно следующее: «В Нижегородской губернии был случай, что из 540 членов общины 400 выкупили наделы и переписались в мещане, продолжая оставаться на своей земле и заниматься хлебопашеством. Очевидно, переход совершился не для продажи земли, а для того, чтобы избавиться от безобразного состояния крестьянского самоуправления, сельского суда и расправы, круговой поруки и т. д., чтобы гарантировать себя от “навалки земли” или домашнего передела, при котором у крестьянина могут отнять его землю и дать клочок ничего не стоящего надела. Сельские сходы составляют кагал пьяных крикунов, за которыми стоят кулаки и мироеды; порядочные же зажиточные члены общины всегда могут сделаться и делаются жертвами пьяной толпы». На подобное рассуждение г. председатель заметил, что из его сенатской практики видно, что картина, нарисованная г. Богушевичем, слишком мрачна и случаи, о которых он говорит, редки (337). Крайне сожалеея о том, что не названо имя нижегородского селения, о котором шла речь, заметим только, что все рассуждение г. Богушевича со слов «чтобы гарантировать» может служить по отношению к приведенному им примеру образцом тех рассуждений, которым, несмотря на всю почтенность авторов, положительно нельзя верить. Как известно, $\frac{2}{3}$ голов решают вопрос о переделе и являются решительным большинством при

решении всех дел сельского схода. С какой же радости 400 человек, т. е. более $\frac{2}{3}$ домохозяев, боялись передела и постановлений сельского схода, тогда как то и другое всецело зависело от них. Ввиду только что сказанного, нельзя и выяснить себе причины такого массового выкупа.

Во всяком случае, выкуп общинной земли является серьезным злом, которое погубило общинное владение и других местностей, например, Пенджаба (338). Нет сомнения, что запрещение досрочного выкупа будет благотворительным актом, с которым необходимо поспешить ввиду того, что оброчные государственные крестьяне тоже начали вносить выкупные платежи. Сибирское губернское земство высказалось за изменение 165 статьи. Исходя из того положения, что 165 статья породила спекуляции крестьянскими наделами со стороны кулаков, которые вносят выкуп за обедневшего крестьянина, а безземельный бедняк крестьянин тяжелым бременем ложится на общество, собрание постановило ходатайствовать об изменении статьи в смысле стеснения права отчуждать полевой и усадебный надел и «о распространении права сельских обществ на выкуп отчуждаемых отдельными домохозяевами (наделов) по цене, внесенной им в казначейство при выкупе участков» (339). Статье 165 соответствует 86 статья общего положения.

Статья 161 «Положения о выкупе» говорит об отчуждении крестьянских земель под железные и почтовые дороги. Было бы желательно, чтобы община получала в этом случае равный отчужденному участок земли и пособие для переселения на него желающих односельчан.

Статья 162 того же Положения разрешает крестьянскому обществу продавать принадлежащие ему земли. Такие продажи встречаются, хотя они и очень нежелательны. Укажем на две такие продажи в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии: в первом случае крестьяне опять хотят купить проданную землю, во втором – покупатели два года спаивали мужиков (340).

Даже крестьянский поземельный банк «почему-то благоволил больше подворному владению, чем общинному. При подворном владении он дает ссуду до 500 руб. на двор, а при общинном – по 125 руб. на мужскую душу» (341). Чтобы получить 500 руб. на двор, нужно иметь в семье четыре души мужского пола, а таких семейств почти нет. «Бывали примеры, что крестьяне-общинники, чтобы получить из банка большую ссуду, составляли приговоры о замене общинного подворным владением», так, например, «крестьяне села Михайловки Днепровского уезда Таврической губернии составили приговор о замене общинного владения подворным. Цель приговора крестьяне объясняют желанием получить большую ссуду из крестьянского банка, по 500 руб. на двор» (342).

Мы говорили уже, что крестьянство зачастую не знает тех законов, которые регулируют общинное владение. Просветителями являются в этом

случае мироеды, наглядно знакомящие крестьян как раз с теми статьями закона, применение которых наименее желательно. Даже волостное начальство не знает иногда, в чем состоят права мира на землю, так, например, в одной из волостей Трубчевского уезда Орловской губернии крестьяне навсегда передают, продают свои наделы, а волостное правление спокойно свидетельствует такие сделки (343).

Нами указаны главные статьи закона, оказывающие вредное влияние на общинный тип землевладения. Сторонники общинного владения настаивают на необходимости отмены указанной части законодательства. В основу нового закона должны быть поставлены следующие положения: 1) обязательность передела через определенные, установленные законом сроки; 2) легализация перехода от подворного к общинному владению; 3) неотчуждаемость общинной земли. Нельзя не заметить, что крестьяне продают иногда не общинную землю, а вложенный в нее труд; такие случаи наблюдались иногда на новых землях (например, в Сибири, по данным г. Марусина) (344). Такие явления надо, впрочем, считать исключительными, так как почти всегда продажа земли основывается не на трудовом, а на рентном начале. Несколько земств ходатайствовали о неотчуждаемости крестьянских земель, например, Курское, Ярославское, Новгородское, Симбирское, Самарское, Олонецкое и др. (345). Надо надеяться, что легализация принципа неотчуждаемости не заставит себя долго ждать¹. Новгородское земское собрание решительно признало, что общинная «форма землевладения, в силу своего исторического прошлого, ввиду значения ее служит обеспечением большинства населения от пролетариата, несомненно, заслуживает не только признания со стороны положительного закона, но и принятия со стороны законодательной власти особых мер, могущих послужить укреплению экономического положения общины. При этом некоторыми гласными было высказано, что заключение комиссии, рекомендующей признать за отдельными общинами право соединяться и организовать общинные уездные союзы по вопросам, касающимся исключительно общин, каковы: покупка земель общинами, переделы между общинами, переселения и т. п. – следовало бы принять» (346).

VI

Недружелюбное отношение к общине

Наряду со всеми невзгодами обрушилась на общину и еще одна, а именно недружелюбное или даже прямо враждебное отношение к ней ад-

¹ «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: – вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Левит. XXV, 10, 23).

министрации. Даже в последнее время терпимое отношение к общине не является общим правилом. Начнем с того, что бывшие министры государственных имуществ покровительствовали разрушению общины. «Муравьев, будучи министром государственных имуществ, очень покровительствовал 165 статье Положения о выкупе и оказывал даже денежное пособие тем крестьянам, которые желали выделиться из общины. Министерство гр. Валуева тоже покровительствовало личному началу» (347). Бывший генерал-губернатор Западной Сибири Госфорд добился того, что Министерство государственных имуществ попыталось искусственно создать в Сибири класс личных землевладельцев ввиду того, что «общинное крестьянское землевладение в Сибири не оказало услуг промышленности, а что таковые услуги должны оказаться только при частном владении» (348). Разумеется, попытка министерства потерпела полное фиаско. В 1886 г. уездный начальник Атбасорского у. Акмолинской области начал убеждать крестьян возвратить отобранные по приговору лишние земли тем крестьянам, которые ими владели до приговора. Убеждения не подействовали, и начальник в самое горячее рабочее время арестовал на трое суток старосту и на сутки двух крестьян. С другой стороны, крестьяне, у которых мир отобрал землю, начали дело в гражданском суде и, разумеется, проиграли его, что и осветило надлежащим образом действия уездного начальника (349). Даже присутствия по крестьянским делам боролись против общины, так, например, тамбовское, «признавая существование общинного владения продуктом неразвитости и невежества крестьян», пропагандировало в их среде выгоды подворного владения; крестьяне не очень-то слушали новаторов, в свою очередь перечисляя невыгоды подворного владения. Правда, в некоторых уездах этой губернии «были случаи, что общества поделили земли на подворные участки, но, убедившись на деле во многих неудобствах, возвратились к общинному землевладению» (350). Ардатовское присутствие Симбирской губернии, не потрудившись прочитать закон, считало общинников не имеющими права переделывать землю до ревизии (351). Даже в 1889 году Фатежское присутствие Курской губернии решило вымежевать невыкупленные и, несмотря на то, проданные одной помещице наделы переселенцев. Два раза приводило оно в исполнение свое незаконное предписание, и дело кончилось судом над сопротивлявшимися властям крестьянами (352). Некоторые из мировых посредников, исправников и даже урядников запрещали производить переделы. Волостное, сельское начальство, сплошь и рядом креатуры мироедов, упорно распространяют слухи о противозаконности переделов; эти слухи иной раз бескорыстно поддерживаются мелкой администрацией, отождествляющей, по своей малограмотности, передел по 54 ст. с «черным переделом» в том значении последнего слова, которое

придала ему «ходившая» в 70-х годах «в народ» молодежь. Необходимо, впрочем, заметить, что в некоторых местностях, например, в Ржевском уезде Тверской губернии (353), в Великолуцком – Псковской (354), коренной передел, легализированный 54 ст., называется «черным делом». Приведем несколько случаев из практики волостного и сельского начальства: в Уржумском уезде Вятской губернии волостные правления отказывались свидетельствовать приговоры о переделах; крестьяне на вопросы о переделах почти всегда отвечали: «думали было переделить землю, да волостные начальники запретили» (355); в одном из сел Саратовского уезда староста отказался утвердить печатью приговор о переделе, так как такой приговор сам по себе, по его словам, «незаконен» (356). В Оршанском уезде Могилевской губернии деревенское начальство прямо объявляет передел незаконным, а когда крестьяне ссылаются на пример Смоленской губернии, то объявляет, что для здешних мест изданы другие законы (357). Захватывает, например, мироед излишнюю общинную землю; урядник становится на его сторону, и, к удивлению всего общества, дело выигрывается неправой стороной. «Как же это так, – говорят они, – уряднику верят, а все общество против одного человека ничего сделать не может» (358). Прямые запрещения сельских властей производить переверстки и переделы и т. п. мероприятия высшего начальства породили в Рязанском уезде какое-то боязливое отношение крестьян к разговору о переделах мирской земли (359). В Курском уезде администрация сумела упразднить законодательство об общинном владении; крестьяне не верят, например, не переменному члену уездного присутствия, когда он говорит, что землю можно поделить по наличным душам. «Никто не поверил сказанному не переменным членом, а решается только вопрос о том, шутил ли он или старался выведать отношение крестьян к противозаконному распределению земли по наличным душам» (360). В Щигровском, Бугульминском, Ставропольском уездах крестьяне опять-таки запуганы. Сельское начальство не только отвергает иной раз существующее законодательство, но не стесняется делать к нему и прибавления. В селе Отрадовке Днепровского уезда Таврической губернии, например, на сходе «волостное и сельское начальство уверяло крестьян, что Палата государственных имуществ непременно отведет новый участок земли для безземельных и что это не будет сделано, если общество наделит их своей землей» (361). Со своеобразными общинами севера (захватными, волостными) церемонились еще меньше. Так, например, расчищенные крестьянами пашни включены были крестьянами Архангельской губернии по истечении 40-летнего срока пользования в общий надел. По распоряжению же начальства, наивно смешавшего захватное право с подворным, эти участки были возвращены прежним домохозяевам (362). В Олонецкой губернии дела о включении «за-

польных» земель в общий надел решаются миром, а если переходят на рассмотрение присутствия по крестьянским делам, то только запутываются в нем, «так как чиновники до сих пор еще не переварили местных обычаев и решают подобные дела крайне безалаберно» (363). Отряд чинов по составлению и выдаче владенных записей государственным крестьянам Вятской губернии натворил много бед, могущих быть объясненными только грубейшим невежеством его членов. Община-волость была разрушена, причем даже оброчные статьи (мельницы, рыбные ловли) были приписываемы отдельным деревням, «несмотря на то, что принадлежали группам общин. Отряд размежевал находящиеся в пользовании отдельных семейств участки в подворное владение; благодаря этому в области исконного господства общины широко распространился подворный тип землевладения, так, в Вятском уезде в общинном владении очутилось только 12,018 дес. сенокосов, а в подворное перешло 24,500 дес.; затем в подворную собственность занесено также 1,039 дес. пахотной земли и даже 75 дес. пастбища. В Орловском уезде той же губернии в подворную собственность отходит 36,211 дес. Таким образом, одним дворам досталось по 15 десятин покоса, другим – по $\frac{1}{2}$ десятины. Крестьяне хотели было поделиться перед выдачей владенных записей, на что по закону имеют право, но присутствие по крестьянским делам препятствует производству переделов, являясь защитником интересов подворного владения» (364). Чиновники никак не могли понять, что захваченные угодья – та же общинная земля, поступающая при недостатке разверстанных угодий в общий передел (в том же Орловском уезде, например). Г-н Чудновский в немногих словах объясняет сущность «заимочного» («захватного», «запольного») владения: «Иной со стороны может подумать, что богатый крестьянин, захватив иногда верстах в 15–20 от селения более или менее значительную площадь земли, на которую и переселяется со всем своим семейством, есть частный собственник этой “заимки”, но это неверно: все подобные заимки у общества на счету, они считаются общественной собственностью, собственностью всего мира, которой всякий общественник может пользоваться до поры до времени, пока мир не почувствует необходимости в силу разрастания населения раздвинуть дальше свои угодья» (365). Заканчивая отдел об отношении к общине начальства, заметим, что литература не замедлит, вероятно, выяснить отношение к этому институту со стороны земских начальников. Личные наблюдения по этому вопросу мы не будем здесь приводить, заметив только, что в нашей литературе встретился один случай, когда даже мировой судья и съезд (Уржумский) посягнули на права общины (366). Безусловно необходимо внушить мелкой администрации необходимость стоять на законной почве, если только такое внушение может иметь желательный результат.

VII

Малорусские, белорусские и другие общины

Общинное владение встречается не у одних великороссов. В Малороссии нередки общины: в Полтавской, например, губернии числится 512 общин и 3441 громада, в Черниговской – 2606 общин и 1536 громад, в Киевской – 298 общин и 1793 громады, в Волынской – 614 общин и 2376 громад и, наконец, в Подольской – 80 общин и 1873 громады (367). «Не вводя даже в исчисление, – говорит г. Южаков, – значительное малорусское население Ставропольской губернии и областей Терской, Семиреченской и Забайкальской, живущее, однако, в общинном быту, мы получим следующие итоги общинного и подворного владения среди малороссов:

Общинное землевладение	18.592,271	десят.
Подворное »	10.264,981	»

С. . 28.857,252 » (368)

Приведем несколько данных об общинном владении у малороссов. В некоторых селениях Кобелянского уезда «пахотная земля, – пишет профессор Лучицкий, – еще и теперь находится в общем владении и переделяется между общественниками»; «во многих мне лично известных казачьих селах Золотоношского и отчасти Переяславского уездов, – продолжает автор, – и до настоящего времени уцелели леса и луга, не говоря уже о выгонах, составляющие предмет общего владения и пользования» (369). Крестьяне Подольской и Волынской губерний «вследствие перемен в составе семейств не пользуются тем наделом, который им отведен по люстрации, меняют с общего согласия и переделяют по дворам ежегодно, смотря по рабочим силам каждой семьи» (370). Нельзя не заметить, что в самой Малороссии сохранились остатки общинного владения. В Полтавской губернии «наряду с господствующей подворно-наследственной формой землевладения, сохранилось в идее и отчасти в жизни сельского населения другое начало, по которому земля считается принадлежностью общества и обществу принадлежит право установить основание для распределения земли между своими членами». В хозяйственном общественном пользовании находятся выгоны, водопои, участки пахотной земли, сенокосов и лесов, часто рек и озер (371). В Гадячском уезде пользование общественными пахотными землями происходит так, что или пахотная земля разделяется поровну на всех хозяев общества, или ведется на ней общественная запашка с равномерным участием всех хозяев в работах. При пользовании сенокосными угодьями наблюда-

лись случаи: а) раздела самого сенокоса по хозяевам, б) гуртового покоса и дележа копнами, в) захватного покоса». Пользование общественным лесом организовано так, что лес или рубится в назначенный срок сообща и делится по домохозяевам, или же употребляется на ремонт мостков, зданий и т. п. Некоторые общественные угодья сдаются в аренду (372). В Золотоношском уезде 11,5% находится в общественном владении под выгонами; встречаются иногда запасные участки для отвода всем нуждающимся домохозяевам; в двух селениях запрещают отчуждать на сторону усадебную землю, отбирают ее при переходе в другое селение; встречается общинное владение частью пашни (8 селений Мойсенской волости); встречаются общины ревизских душ. Несмотря на сильные споры между богатыми и бедными, земля не разделена на подворные участки, «так как преобладает то мнение, что в случае раздела в личную собственность многие по нужде продадут свои участки богатырям своим и из чужих селений и земля скоро сосредоточится в немногих местах, а теперь хоть понемногу, а у всякого есть» (373). В некоторых местах Малороссии сохранились останки общин старых типов – волостной (лес, принадлежащий трем волостям вместе), артельной (артельная косьба и рубка леса) (374). В среде малороссов существует, судя по некоторым данным, тяготение к общинному владению. «В некоторых местах Малороссии, – писал г. Щербина, – как было заявлено в газетах, сельские общества сами совершенно самостоятельно и добровольно стремятся к тому, чтобы заменить участковое подворное землевладение общинным. Это уже весьма характерный для нашего времени факт. У южнорусских сектантов подобные факты носят более яркие оттенки» (375). Г-н Южаков указывал, что «в Полтавской, Черниговской, Волинской, Бессарабской губерниях сразу сказывается стремление общин к переходу от подворного владения к общинному». Малороссы, переселившиеся со своей родины, часто усваивают общинное, а иногда долевое землевладение, так, например, по свидетельству г. Южакова же, «малороссияне Новороссии, Кубанской области, губерний Воронежской и Курской, Семиречья, например, очень быстро усвоили общинное владение, введенное у них законодательством, и в настоящее время практикуют его с таким же успехом, как и великороссияне, никогда его не терявшие» (376). Г-н Картавцев указывал на переход малороссиян к четвертному, судя по описанию, типу землевладения (377). Подворники Гадячского уезда, переселившись в Мариупольский уезд Екатеринославской губернии, перешли к общинному владению, увидав в нем лучшую форму землепользования (378). Белорусы далеко не чужды общинного владения. Автор статьи «Крестьяне в Северо-западном крае» говорит следующее: «Если бы комиссия (для исследования положения сельского хозяйства) обратилась с вопросом о формах землевладения не к землевладельцам и богатым крестьянам, а к батракам,

путникам, огородникам, младшим братьям дворохозяев, то она убедилась бы, что “душевой надел”, как здесь называют общинное землевладение, составляет заветную мечту громадного большинства населения» (379). Г-н Дембовецкий указывает на полную беспочвенность введения в Могилевской губернии общинного владения (380), но и в этой местности сильны споры между крестьянами, что прямо доказывает, что общинное владение желательно здесь известным группам населения; что же касается до Оршанского уезда, то обездоленное землей крестьянство стоит, по нашим наблюдениям, за общину. По словам г. Южакова, белорусы Могилевской и части Витебской губерний приняли общину без малейших затруднений и быстро усвоили ее практику (381). Даже иностранцы, переселившись в Россию, принимают общинное землевладение, так, например, молдаване Херсонской губернии, поляки Мелитопольского уезда Таврической губернии (382), у которых земля поделена по живым ревизским душам, а оставшиеся за смертью наделы переделываются по наличным, болгары той же губернии, эсты Ставропольской (383), греки Екатеринославской губернии, финны некоторых местностей Шлиссельбургского уезда, например Шапкинской волости (384). У армян Ростовского на Дону уезда и мысли нет о переходе к подворному владению, но община у них, быть может, и самостоятельное явление (385). Некоторые из немцев-колонистов Поволжья усвоили «общинные русские распорядки во всей их полноте, довели свое хозяйство до замечательной степени совершенства и достигли высокого благосостояния... Хозяйственные постройки весьма прочны, поместительны и, очевидно, рассчитаны, несмотря на переделы, на равномерный доход в течение долгого времени. Машины распространены повсеместно» (386). Даже немцы Самарской губернии, почти все относящиеся враждебно к общине, завели в нескольких колониях общинные сенокосы и выгоны, очевидно под влиянием нашей общины (387). Даже евреи не чужды этого движения: из Елизаветграда Херсонской губернии пишут, что «еврейское духовно-библейское братство ходатайствует у министра внутренних дел о дозволении приобрести землю». «Не прося никаких льгот, евреи заявили, что землю хотят приобрести на правах общинных, дозволенных исконными законами Российской Империи» (388).

VIII

Проектируемый тип общинного владения

Ни распространенность общинного владения, ни привязанность к нему, как бы ни была она крепка, ни пригодность его – сами по себе не могут помешать насильственному разрушению общины. Она может погибнуть и у нас, несмотря на то что легко помешать этому национальному бедствию.

В настоящее время нет основания утверждать, что община распадется под влиянием неустрашимых законодательной деятельностью причин. Даже при наличии последних нельзя указать даже приблизительно время ее исчезновения. Ввиду этого задача современной экономической политики должна быть сведена к реорганизации общины в высшую форму землевладения и землепользования – т. е. в форму общинно-артельную. Все другие формы имеют более темных сторон, чем современное общинное землевладение, и к числу этих форм, бесспорно, относится и проектированный г. Кейслером тип землевладения. К разбору последнего мы и перейдем теперь. Будущий и желательный общинный строй рисует г. Кейслер (389) в следующем виде. Переделы уничтожатся; каждый будет владельцем определенной доли земли; все остальные права общины останутся без изменения, так что новый способ землевладения во всех главных чертах (не говоря об историческом происхождении) будет сходен с четвертным. Но наряду с этим молодое поколение, теряющее от прекращения переделов, будет получать вознаграждение от тех домохозяйств, за которыми упрочена земля. Организуются колонизационные кассы, постоянными доходами которых и будут правильные взносы домохозяев, взносы пропорциональные величине наделов. Эти кассы будут выдавать молодежи деньги на переселения и на другие нужды. Вообще же, «образующаяся на крестьянской земле свободная земельная рента должна доставаться не отдельным хозяевам, но идти в пользу всех членов общины и их потомков и притом не только до тех пор, пока они остаются верными земле, но и когда они обращаются к другим отраслям промышленности, чтобы дать им возможность добыть пропитание и социально-экономическую самостоятельность». Возьмем теперь 1-ю книгу «Русского вестника» за 1858 год, откроем ее на статье «Русская сельская община», и мы увидим, что проект, аналогичный с проектом г. Кейслера, предлагался много лет тому назад. Общинное владение, по проекту «Русского вестника», уничтожается, каждый получает свой участок, за который платит в общую кассу поземельную ренту, оброк, равный для всех членов. Вместо общинного владения вводится общинная собственность, практическое применение которой выражается в том, что каждый член общины, имеет он участок или нет, обрабатывает землю или живет на стороне, – получает часть этого оброка. Проект г. Кейслера не тождественен, разумеется, с только что указанным, но порождает не менее недоумений. Колонизационная касса выдает деньги и переселенцам; переселение, которому оказывается поддержка, разумеется, полезное событие, но оно возможно и в настоящее время. Автор возражает против переселений из современной общины, так как они будут принудительными. А разве при новом типе землевладения безземельная молодежь не будет принуждена переселяться? В настоящее время, раз

передел невыгоден богатым домохозяйствам, последние (предполагая, что переселения организованны) могут переселяться с гораздо большей выгодой для нации, чем бедные дети многодушных семейств новой общины. При правильном, удаляющем избыток населения переселении исчезнут и переделы, т. е. наша община будет похожа на общину г. Кейслера, но это сходство будет только внешним. Возьмем общины, в которых средний душевой надел соответствует рабочей силе крестьянина. В таких общинах (если не было давно передела) встретятся семейства трех видов: 1) семейства, владеющие большим числом наделов, чем то число душ мужского пола, которое в них находится, например, семья из двух душ, превратившаяся в однодушную; 2) разросшиеся семейства, владеющие меньшим, чем надо, числом наделов, например, семья в три души с одним наделом, и 3) семейства, в которых число душ соответствует числу наделов. В общине типа г. Кейслера переселение удалит лишних крестьян из семейства 2-го типа. Первые семейства останутся на большом наделе, а семейства третьего – на нормальном. Таким образом, в общине будет неравенство наделов, и нет ни малейшего основания думать, что с течением времени оно сгладится. И, несмотря на многоземелье, община все-таки будет гнать молодежь за тысячи верст. Многие из крестьян предпочтут переселению аренду земли у первых семейств, батрачество, так что арендный и батрацкий труд будут нормальными явлениями во всех общинах России. Если же переселения будут происходить из современной общины, то аренда и батрачество не будут господствующими явлениями, так как наделы будут соответствовать рабочим силам семейств. Г-н Кейслер стоит за этот проект потому, что община его типа, сохраняя все мнимые невыгоды общинного владения, избавится от существенного, по мнению г. Кейслера, зла – от переделов. Автор не повторяет, впрочем, избитых ссылок на несовместимость переделов с сельскохозяйственной культурой. Передел вреден только потому, что уменьшает наделы домохозяйств, заставляет продавать часть инвентаря, заставляет часть крестьян искать других промыслов. Эти потери не вполне покрываются выгодой, которую получают другие двory вследствие увеличения наделов, так как у этих дворов нет инвентаря, и часть вновь наделенных земель крестьян отвыкла от земледелия. Но, допустив правильно организованные переселения (г. Кейслер считает это, очевидно, возможным), мы придем к тому заключению, что наделы всегда будут соответствовать рабочей силе дворов, и в этом случае не имеет места указанная г. Кейслером темная сторона переделов; передел будет ничем иным, как отобранием земли у дворов, не имеющих силы ее обрабатывать, и передачей такого надела работникам. Г-н Кейслер полагает, что у общинников растет неохота к коренным переделам, но собранные до сих пор материалы не дают основания сделать такое заключение. Неверно

также, что сторонники переделов не поняли «внутренней причины их отсутствия» (там, где последнее замечено). Г-н Кейслер указывает, что оппозиция против переделов есть оппозиция против уменьшения наделов. Но ведь и сторонники переделов знают, что последние не выгодны стародушникам, и если не все говорят об этом, то только потому, что такое положение само собой подразумевается. Г-н Кейслер думает, что наши писатели считают отсутствие ревизии и выкуп причинами, благодаря которым не делится земля. Это опять неточно; многие исследователи общины знают, что разговоры об отсутствии ревизии и о выкупе являются простой ссылкой стародушников, при помощи которой они отстаивают старую разверстку земли. Г-н Кейслер не соглашается приписать сопротивление переделам влиянию кулаков, мироедов и низкому эгоизму. Не всякий кулак – мироед, хотя редкий кулак не мироед, мироедом же называется член общины, так или иначе разрушающей ее; несомненно, противники передела – мироеды. Мироеды противятся переделу во имя своей выгоды – значит это эгоизм; если же эпитет «низкий» и прибавлялся кем-либо к слову эгоизм, то, вероятно, в тех случаях, когда мироеды забывали в своих действиях различие между уголовщиной и законными поступками. Во всяком случае, нет оснований поддерживать проект г. Кейслера; если уже мечтать о реорганизации общины, то во всяком случае об эволюционном развитии ее в общину-артель.

IX

Отобщинные формы

Укажем теперь на тесно связанные с общиной переживания родовой артели, выразившиеся в целом ряде организаций для коллективного труда. Нет сомнения, что некоторые из этих организаций под влиянием новых экономических условий вновь начинают крепнуть и развиваться, но их «происхождение кроется в глубокой древности». Такими организациями являются помочь (толока), аренды артелей, сообща обрабатывающих землю, общественные запашки и разнообразные проявления обычая «складываться» («супряги»). Эти организации отнюдь не осуждены на постепенное уничтожение; пока будет цела община, будут существовать и они. Современный экономический строй, требуя соединения работников в большие группы, побуждает общинников принимать новые и поддерживать старые формы коллективного труда. Помочь – это великорусское, а толока – малорусское и белорусское название одного и того же учреждения, на главных чертах которого мы и остановимся. В какой-либо праздник, а нередко и в будни жители данной деревни или только часть их собираются вместе для выполнения какой-либо коллективной работы в пользу одного лица или семейства. Эти работы бывают крайне

разнообразны: все сельскохозяйственные постройки, кладка печей, рытье колодцев, рубка дров и пр. и пр. Характер помочей носят и очередные работы при каком-либо ремесле – очередное гнутье полозьев у кустарей-колесников, очередная пряжа и пр. и пр. Вознаграждение за такой труд не берется, но лицо, в пользу которого трудятся, устраивает работающим даровое угощение, так, например, полдник, или обед, или ужин, приправленные зачастую водкой. Впрочем, нередко помочи и без угощения; нельзя не заметить, что в некоторых случаях угощения являются переживание старых общинных обедов, а не простой платой за труд. При таком объяснении становится понятным, почему в Орловском, например, уезде Вятской губернии даровые помочи распространены в пригородных селениях, а помочи – с угощением на окраинах уезда. Заметим, кстати, что общие пиршества сохранились еще и теперь у чуваш Самарской (390) и Казанской губерний (391). Как в Орловском уезде Вятской губернии, так и в Самарской в общинных пиршествах участвуют иногда по несколько деревень вместе (392). Каждый общинник может пригласить к себе помочь, причем подразумевается, что он готов явиться на помочь к каждому из бывших на его работе крестьян. Иногда на помочь являются только родственники, что указывает на ее родовое происхождение. Иногда помочь собирается по приговору мира или по приглашению какого-либо заинтересованного лица для работы за больного, вдову, сирот; в этих случаях угощение бывает очень бедным, иногда его вовсе не бывает, или оно отсрочивается до лучшего времени. В Вятском уезде Вятской губернии, например, «для бедных – вдов и убогих – помочь (напротив) обходится всегда очень дешево, так как косцы не требуют от них большого угощения, а работают “для ради Христа” (393). Нельзя не заметить, что под ударами кулацкого режима такие помочи выводятся из употребления; впрочем, этого нельзя сказать о сектантах. Приведем несколько примеров, указывающих на виды помочи: в Оршанском уезде Могилевской губернии все домохозяева возят навоз сначала на поля одного общинника, потом другого, третьего, пока не обойдут всей деревни. В Осташковском уезде Тверской губернии такие помочи особенно интересны благодаря указанию на разделение труда в помогающей артели. Здесь мы встречаем общину-артель, организовавшуюся для определенной работы (394). Укажем далее на помочь по наряду, которая широко практиковалась в одном из сел Владимирской губернии: она применялась в чрезвычайных случаях, каковыми были холерные годы. На все полосы больных крестьян мир высылал по наряду баб для уборки хлеба. По наряду же убирается хлеб всяким больным, что является необходимым и ввиду пастьбы скота на жниве. Иногда на помочь идут несколько деревень, например, при наводнениях, пожарах и тому подобных бедствиях; так, например, принимают к себе погорельцев, возят лес, помогают строиться (395).

Иногда в помочи принимает участие целая волость (Московская губерния). В Дубровицкой волости Московской губернии помочь распределена между 6 деревнями, причем на каждый погоревший двор назначается 10 подвод для возки леса (396). Иногда помочь собирается из одних только девушек и женщин (для женских же работ); приглашенных не только угощают, но и катают иной раз на лошадях. В некоторых случаях, при жниве например, окончившая раньше всех работу женщина переходит на полосу соседки, они вдвоем дожинают хлеб, идут на третью полосу и так до тех пор, пока на полосе самой слабой из жниц собирается целая помочь, быстро сжинающая хлеб (Медвежий Угол Владимирской губернии, 397). Иногда помочи играют очень важную роль в крестьянском хозяйстве, так, например, у саянов Курской губернии «большая часть сельских земельных работ производится помочами» (398). Надо заметить еще, что термин «помочь» часто применяется к одной из кабальных форм труда; об этой помочи говорить здесь не приходится. Малорусская толока ничем не отличается от великорусской помочи, и г. Щербина следующим образом устанавливает связь толки с родовой общиной. «Есть основание предполагать, – говорит он, – что толока составляет только жалкий осколок более широкой и совершенной формы общинного труда, существовавшей между малорусским населением в былые времена. Еще и теперь в некоторых местах Малороссии и Юго-Западного края, например, в Ольгопольском уезде Каменец-Подольской губернии между местным населением довольно свежи воспоминания о тех временах, когда земля обрабатывалась всеми наличными силами села или деревни “вместе”, сообща, “гуртом”». «Если подобный способ общинной обработки земли был в прежние времена, до крепостного права, в Южной России более или менее распространенным, в чем вряд ли можно сомневаться, тогда связь толоки с этой общей ассоционной формой труда, по крайней мере, в некоторых местах Южной России не подлежит ни малейшему сомнению, и толока, следовательно, представляет собой атрофирующуюся форму общинного труда» (399). Новые исследования (проф. Лучицкого) о сябринном землевладении в Малороссии подтверждают слова г. Щербины (400).

Общинники, арендуя землю, обрабатывают ее в некоторых случаях сообща и делятся продуктами. Так, например, крестьяне Усть-Важской общины Мезенского уезда Архангельской губернии арендуют часть церковной земли; «при этом каждый хозяин выставляет одного работника как для косьбы, так и для уборки сена. На участке собирается до 200 промежков сена, которое делится поровну между участниками» (401). Сенокосные артели на арендованной земле встречаются в Рязанской губернии (Черниговская община, село Пустынь, 402), в Орловской губернии (Болховский уезд, 403), Тульской (маленькие артели из 2-х хозяев, 404), в Екатеринос-

лавской губернии (Ростовский на Дону уезд, 405). Крестьяне Черниговской губернии «понимают значение артели, они имеют установившиеся формы артельной аренды; иногда нанимают и обрабатывают землю сообща и барыши делят по числу работников» (406). Интересна также малороссийская «гуртова». Гуртова организуется обыкновенно на несколько лет; арендная плата «распределяется между всеми наличными силами гуртовы». В состав последней входят 6–8 домохозяев, выставляющих равные рабочие силы, поровну же выставляются орудия труда и рабочий скот. Все полевые работы исполняются артелью при строгом разделении труда. Продукт делится поровну между всеми участниками гуртовы (407).

«Складываться», устроить «супругу» – это значит соединить принадлежащий разным хозяевам рабочий скот или орудия труда или то и другое вместе для производства совместной работы. Недостаток скота, орудий труда, выгода совместного труда – главные причины появления супряг. Супряга, бесспорно, отартельная форма, и не видеть между нею и артельным началом ничего общего (как не видят некоторые писатели) невозможно. О распространенности супряг можно судить по следующим данным. В Козелецком уезде Черниговской губернии 34% всех хозяев обрабатывают землю супрягой (408), в Борзенском около 90% хозяев запахивают свои и снятые земли супрягой (409), в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии – 47,6% (410), в Гадячском у. Полтавской губернии – 5,8% (411), в Золотоношском – 57,9% (412), в Полтавском – 59,4% (413), в Миргородском – 62,1%, в Лубенском – 65,4% (414). Остановившись на разнообразных формах супряги мы не будем, ограничась немногими данными о Полтавской губернии: «Супряжники пользуются сборным плугом по дням, пропорционально количеству скота у каждого; за плугом ходит и корм скоту во время работы поставляет тот, кому в данный день производится запашка, а погонич или у каждого свой, или наоборот: “Я орю с твоим погоничем, а ты с моим”; по возвращении с поля разбирают скот по домам. Владение самим плугом не увеличивает доли пользования сборным скотом, а только хозяин, владеющий плугом, не тратится на подновление железных частей, каковые затраты принимают на себя другие супряжники. В некоторых более редких случаях супряжники не считаются и скотом, а пашут «любомирно, сколько кому нужно». «К сожалению, некоторые данные, а отчасти и отзывы самих крестьян свидетельствуют, что применение благодетельного обычая супряги местами начинает сокращаться под влиянием возникающих иногда при супряге несогласий, доходящих порой даже до суда» (415). Помимо чисто хозяйственных целей, супряга, как и помощь, преследует, как кажется, и филантропические цели (416). Ввиду того, что в великорусских губерниях пашут не плугом, «складки» встречаются в них реже, хотя несомненно

существуют; мы встречаемся здесь с другими формами, так, например, лошадный хозяин запахивает землю безлошадному, а последний является с косой на сенокос к первому или дает телегу для возки снопов и т. д.

Перейдем теперь к общественным запашкам. Нередко крестьяне относятся к последним недружелюбно, но это недоброжелательство лежит вне вражды к коллективному виду труда. Оно легко объясняется малоземельем, делающим стеснительным отвод земли под запашки, бедностью крестьян, не позволяющей арендовать земли, отходом, неимением у некоторых крестьян рабочего скота, удобрения и т. п. Бедные хозяйства служат серьезным препятствием при устройстве запашек: в Александрийском уезде Херсонской губернии, например, богатые крестьяне никак не могли помириться с не имеющими рабочего скота (417). Но крестьяне умеют иногда выходить из этого затруднения: они организуют запашку на началах разделения труда, так, например, в некоторых общинах имеющие волов – пахут, имеющие лошадей – боронят, не имеющие скота – косят и убирают хлеб; устраиваются, разумеется, и иначе (Острогожский уезд Воронежской губернии, например) (418). Иногда земства помогают крестьянам; малоземелье мешало завести запашки в Бобровском уезде Воронежской губернии; управа попросила землевладельцев придти на помощь, и некоторые из них отвели по сто, по двести десятин во временное пользование крестьян, а госпожа Коллюбакина подарила под общественную запашку 90 десятин (419). Мешает устройству общественных запашек и задолженность крестьян: в Самарской губернии, например, причиной незначительности запашек служит, главным образом, усиливающееся с каждым годом закабаление крестьянского труда, в силу чего в страдную пору крестьяне, «наскоро убрав свои поля, спешат на уборку полей тех, которые еще зимой закупили за бесценку их труд» (420).

Раз отсутствуют неблагоприятные условия, крестьяне охотно устраивают общественные запашки, так, например, в 25 селениях Борисоглебского уезда Тамбовской губернии крестьяне, учреждая запашки, «сознавали полезность их без всякого постороннего влияния» (421). Бывает и так, что крестьяне одной и той же губернии, но разных уездов различно относятся к запашкам, например, в Симбирской губернии (422). Неохотно мирятся крестьяне и с тем, что собранный с запашек хлеб не делится по работникам, участвовавшим в запашке.

Общественные запашки, бесспорно, выгодное учреждение. Собранный с запашек хлеб не подвергается колебаниям рыночной цены. Мало этого, по словам г. Трирогова, «по расчету среднего урожая по запашке получится несравненно более хлеба, чем от однообразного сбора зерном» (423). Сбор хлеба с общественных запашек бывает обильнее сбора с надельных земель. Вообще при запашках легче, чем при сборах, собирать запасы в обществен-

ные магазины. В литературе слышался иногда протест против принудительной работы на этих запашках, но этот протест несерьезен; «день, два принудительной работы, – говорит г. Щербина, – для крестьянина выгоднее, чем принудительная засыпка зерна, когда его нет и когда приходится входить в долги или расстраивать хозяйство» (424). Кое-где общественные запашки быстро развиваются, так, в Пензенской губернии в 1881 году под запашками (974) было 9,407 десятин, а весной 1886 – 13,667 десятин (крестьяне этой губернии относились к запашкам с предубеждением, но потом практика заставила их переменить свои взгляды) (425). Бесспорные земско-статистические данные указывают на распространение запашек и в других местах: в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии «факт повсеместного распространения запашек и живучесть их указывают уже сами по себе на сочувственное отношение к ним массы населения» (426). В Богучарском уезде Воронежской губернии под запашками находится 16,000 десятин земли (427), в Острогжском уезде той же губернии общественные запашки организованы в 63,6% всех общин (428); иногда они возникали по инициативе самих крестьян. До какой степени бывают полезны общественные запашки, можно судить по сведениям, сообщенным на Елецком земском собрании о Знаменском обществе. Запашки организовались здесь еще в 1861 году по почину самих крестьян: «...хлебом, собираемым с общественной запашки, покрываются земельные подати и все земские и мирские сборы. Несмотря на общее громадное накопление недоимок всех наименований и видов, за этим единственным в уезде Знаменским обществом (где только и есть запашки) нет ни государственных, ни земских, ни продовольственных недоимок. Но самое характерное – это то, что Знаменское общество еще ни разу не обращалось к помощи земских или продовольственных капиталов» (429). В Симбирской губернии благодаря запашкам продовольственные долги постепенно уменьшались. Общественные запашки организуются и для других целей, кроме пополнения запасных магазинов, например, для уплаты выкупных платежей (с. Никольское Стерлитамакского уезда) (430), для погашения недоимки (дер. Бугро Ключей Инсарского уезда Пермской губернии, накопившая 14 тысяч рублей недоимки) (431), для уплаты долга в имперский продовольственный капитал (Новомосковский уезд Екатеринославской губернии) (432), на случай падежа и других бедствий (Колокольская волость Аткарского уезда Саратовской губернии) (433). В Оханском уезде Пермской губернии на запашках разводятся улучшенные зерновые и технические растения; урожай за вычетом стоимости семян и их запаса для будущего урожая делится по наличным душам общества. Нередко запашки устраиваются для того, чтоб вырученные деньги употребить на устройство или украшение храмов (434). Солома и полова с запашек иногда продают-

ся, а деньги идут на покрытие недоимок, иногда соломой топят общественные здания – сборню и училище или отдают на прокорм общественным быкам. Некоторые земства (Екатеринославское (435), Мокшанское (437), Чистопольское, Симбирское и др.) подняли вопрос об обязательном введении общественных запасок. Закон об обязательном введении последних в настоящее время был бы очень нежелателен. Там, где нет неблагоприятных для их развития условий, они устроятся по простому совету; где же условия неблагоприятны, обязательное введение запасок повлечет за собой ряд неудовольствий, ссор и неудач, а главное, научит крестьян недоверчиво смотреть на совместный труд. Неудачи с запасками вовсе не редкость, и крестьяне отказывались даже от тех, которые уже заведены. Раз запаски вводятся обязательно, даже маловажные неудобства становятся в глазах крестьян неустранимыми просто потому, что сама запаска считается пустым делом. Совсем другое дело, когда крестьяне сознают ее пользу.

Многие земства отнеслись к запаскам очень сочувственно, например, Тамбовское (438), Бирское (439), Миусское (440), Новоузенское (441), Одесское, Александрийское (442), Дмитриевское (443), Аткарское (444) и др. В некоторых случаях относится к ним сочувственно и высшая администрация.

Мы указали только на более выдающиеся организации коллективного труда. Их так много, что трудно перечислить, не пропустив некоторые из них: артельные постройки изгородей, общих гумен, овинов, мельниц, поварней, сушилок, бань, охотничьих и рыбацких изб, общих дворов, риг, загонов для большого скота, устройство мостов, гатей, дорог, прудов, канав, артельная покупка лошадей, машин и т. д. В Обонежье, например, есть мельницы, принадлежащие 50–70 крестьянам, артельные риги принадлежат в Заонежье 8–10 домам вместе (445). Общинно-артельные работы производятся иногда и по найму, причем деньги идут на разные общественные потребности: на покрытие недоимок, уплату податей, украшение храмов, для уплаты за арендованную землю и т. д. (446).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Община первого захвата и община-артель

Одним из наиболее древних типов землевладения считается община первого захвата. Ее основной принцип – это право общинника на захват какого угодно количества земли в свое пользование. Мы имеем перед собой два вида этой общинной формы землевладения. Наиболее старый, при котором

власть мира над землей является скорее теоретической и проявляется в сравнительно редких случаях, и более новый, при котором мир постоянно напоминает общиннику о своем существовании. Первый вид сохранился в Сибири, и мы познакомимся с ним со слов Щапова. «На Лене (по рекам: Куде, Лене, Манзурке и Анге) как в русско-крестьянских, так и оседло-иностранческих селениях сохраняется принцип общинного землевладения... И ленские крестьянские общества хотя не сознают, не понимают вполне отчетливо начала общинного землевладения, но все-таки, однако ж, инстинктивно берегут его как священное начало, чувствуют всю его существенную многозначительность в своих общинно-юридических правах на землю: “Земля, – говорят Ленские крестьяне, – ничья, а Божья, государственная, общественная, мирская”. Но как земли в Ленском крае, говорят, необъятное множество, то крестьяне в каждой общине обыкновенно захватывают и распахивают пашни столько, сколько хотят или могут. Этой распаханной землей они владеют пожизненно, передают ее своим детям, могут даже продавать или отдавать в короткое на разные сроки, но, впрочем, самое большое только лет на 40¹. Умирает какой-нибудь общинный землевладелец, оставляет в пустошах примерно десятин 30–40 и более распаханной им земли; если наследники его, дети, не живут в общине, где жил их отец, не пахнут отцовских пустошей, то их может беспрепятственно пахать и засеивать всякий другой общинник, кто только захочет и сколько захочет и сможет, лишь бы он принадлежал к той же общине, к которой принадлежит и земля». Точно так же, если общинник умрет, не оставив после себя принадлежащих к общине “наследников своего дома и принадлежащей к нему усадьбы, утуга, огорода, гуменного или заградного банного места”, то сосед мог захватить выморочную собственность, не спрашивая ни у кого позволения» (1). Встречается этот тип землевладения, по данным г. Личкова, в Иркутской и Енисейской губ. (2). Небольшие заметки Гагемейстера дают некоторое основание предполагать, что в Томской губернии встречается этот же вид общины первого захвата (3). Встречаются такие захватные общины, где на правах захвата пользуются и покосами и лесами. Пользование землей близко подходит в этом случае к пользованию на правах личной собственности. Такое полное право землепользования основывается на трудовом начале, на тех затратах, которые пришлось произвести, расчистив новые земли. Но захватная община в значительной степени мешает земле переходить к чужим лицам, чем и доказывается, между прочим, что этот способ землевладения общинный. В более новых общинах первого захвата все рельефнее и рельефнее проявляется власть мира над землей. Новая община первого захвата встречается в своем чистом виде очень редко, тем не менее мы считаем необходимым указать ее типичные черты. В общи-

¹ В некоторых общинах нет и этого ограничени (*Прим. автора*).

нах Олонецкой губернии «мир значит для крестьянина – все». «Крестьяне мне говорили, – пишет г. А. Л-ощ, – что если бы “общество”, “обчество”, захотело отобрать у крестьянина участок, то могло бы это сделать свободно и что никто не стал бы противоречить этому» (4). Название рассматриваемого типа общины определяет и способ пользования землей, но мы остановимся несколько подробнее на технике пользования различными угодьями и на ее следствиях. Усадебные и приусадебные земли захватываются всяким желающим где ему угодно и в каком количестве угодно; в силу этого одно и то же общество, мир состоит иногда из целого ряда маленьких селений, разбросанных на пространстве нескольких десятков верст; таких поселков, населенных выходцами из главной деревни, насчитывается 20–30 и даже более. Пользование выгоном, безусловно, свободно, да и самого выгона как отведенной земли зачастую не бывает; всякий пасет скот, где ему покажется удобным, за исключением, разумеется, тех мест, которые заняты пашней, сенокосом и пр. В других случаях всем миром устраиваются огороженные места для пастбы скота. Пахотные земли возделываются каждым где ему угодно и в каком количестве угодно; мир запрещает только занимать земли, отмеченные для пахоты другими общинниками; участок, не возделываемый в течение определенного времени (года, двух, пяти, иногда даже десяти лет), может быть захвачен любым членом общины. Если на расчистку такого участка требовалась известная доля труда и общинник перестал его обрабатывать по болезни или какой-нибудь другой независимой от него причине, мир запрещает в течение более или менее продолжительного срока (не обращая внимания на окончание обычного срока) доступ посторонним на этот участок. Пользование сенокосами организовано тем же способом, впрочем, срок, в течение которого участок может оставаться неутилизированным, не превышает одного года. В некоторых общинах назначается определенный промежуток времени, в течение которого крестьянин должен обкосить какой-нибудь район луга, который и скашивается им впоследствии. Что касается до лесов, то мы встречаемся здесь с двумя видами пользования. В обоих случаях каждый общинник может рубить столько леса, сколько ему угодно и для собственной надобности, и для продажи, но в одном из них запрещается доступ в лес посторонним, в другом разрешается. Помимо Олонецкой губернии, подобные общины встречаются, например, в южных округах Тобольской губернии, где всякий пашет сколько может и где вздумается. «В Алтайском округе, на Алтае, в настоящее время, – пишет г. Чудновский, – налицо имеется одна лишь форма землевладения – общинная; в данный момент форма эта принадлежит здесь к типу “первого завладения” пахотной землей» (5); такие же общины встречаются в Восточной Сибири – в Иркутской и Енисейской губерниях (6). Встречаются они не на одних только окраи-

нах России, так, например, в Шлиссельбургском уезде С.-Петербургской губернии у крестьян четырех селений «благодаря обилию земли и слабому развитию земледельческого промысла установился захватный способ пользования землей: каждый домохозяин имеет право распахать землю, где ему угодно и в таком количестве, в каком может осилить. Лесом тоже каждый домохозяин пользуется в том размере, какой определяется его потребностями; но продавать на сторону лес общинники не имеют права» (7). Мы встречаемся в последнем примере с небольшим ограничением захватного права, и, действительно, в настоящее время община первого захвата в своем чистом виде встречается почти только в Сибири (Восточной). Едва ли не самым первым ограничением захватного права является требование от общинника заявить обществу о желании запахать землю, причем общество не может отказать в этом захвате (8); но зато во многих местностях существует еще смешанный тип общины. Часть угодий утилизируется в них, как в общинах великорусского типа, а другая – на захватном праве. Что касается до разверстки податей в общинах первого захвата, то господствующим, как кажется, типом является разверстка по работникам, причем все они платят поровну, а лица, не достигшие определенного возраста (15–20 лет), или пожилые (55–60) облагаются половинной или меньшей долей платежа. На Алтае встречается еще вызывающая протесты богачей разверстка по скоту, разверстка по скоту и пашне и, наконец, разверстка по экономической состоятельности; к последнему типу раскладки стремятся алтайские крестьяне, не подпавшие под власть кулаков (9). В смешанных общинах, где земля, например, утилизируется на захватном праве, а луга – по типу великорусской общины, подати раскладываются только по луговому наделу (10). Очень интересно проследить, как совершается переход от общины первого захвата к смешанному, а затем и великорусскому типу пользования землей. Приведем как типичный пример реорганизацию Ульбинской общины Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. Обилие земли, прекрасная черноземная почва долгое время позволяли казакам придерживаться по отношению к земле захватного права. С течением времени, когда богатые скотом и рабочей силой семейства захватили близлежащие пашни, а молодым казакам, имеющим обыкновенно по 2, по 3 лошади, пришлось поднимать далеко лежащую новь, раздались требования передела, который и был произведен в 1881 году. Были поделены только близлежащие земли. Передела в великорусском смысле этого слова, впрочем, не было; каждый остался на своей земле, но излишек ее над установленным количеством – пятью десятинами на казака – был отобран. На дальние земли сохранилось право первого захвата, так что каждый общинник может там распахать столько десятин земли, сколько захочет. Определенного срока для пользования захваченною этим способом землей

не полагается, но общество может отобрать ее (для сдачи в аренду, например), когда пожелает, и казаки, относящиеся к решению схода с большим уважением, «отступаются» в таком случае от распаханых земель. Таким образом, раз поднятая земля принадлежит до особого мирского приговора тому, кто ее распахал, и никто другой не имеет права занять ее даже в том случае, когда она лежит невозделываемой. Отобрание захваченной земли является в этом случае прямым следствием фикса, так как земля отбирается для сдачи в аренду посторонним и получаемая за это плата идет на покрытие повинностей. Приусадебные земли утилизируются на правах захвата, переделов на эти земли не бывает, но мир сохраняет над ними верховную власть, так, например, в 1886 году у одного казака отобрали под поселок часть огорода. Часть общинного леса является заповедной, что было вызвано недостатком строевого леса. Остальным лесом пользуются на правах захвата, всякий рубит для личных надобностей или для продажи, сколько хочет, причем общинники не обращают внимания, кем и сколько вырублено деревьев. Несмотря на такое отношение к лесу, доступ в него посторонним строго воспрещен. Сенокосные угодья переделываются общинниками ежегодно, но сравнительно недавно господствовавший захватный способ не допустил еще выработать ту поражающую точностью технику передела, которая наблюдается в великорусских общинах. Не производя никаких предварительных измерений, все пайщики идут лугом и, указывая на глазомер известное пространство, решают вопрос, довольно ли будет надела на душу; когда все согласятся на величину пая, то на последний мечется жребий. Таким образом, полной уравнительности по размерам участков и качеству травы не существует, но пока общинники легко мирятся с этим: «жребий-батюшка, что делать?» – говорят они. Передел пахотной земли, о котором мы говорили, опять-таки производится по глазомеру; богачи просто уступали лишние полосы, причем не обошлось, разумеется, и без злоупотреблений; а именно, имевшие влияние на общество казаки удержали, несмотря на признанное в принципе равенство наделов, много лишних земель. Помимо этого, остались без переделов участки тех лиц, которые не окупили еще затраченного на обработку почвы труда. Поделив таким образом земли, общество не постановило приговора о возобновлении передела через определенных срок. Пользуясь этим, малоземельные казаки настойчиво требуют нового передела, новой урезки. Безземельных казаков в поселке не имеется, но благодаря удержанию богачами сверх надельной земли и оставления вне урезки не окупивших труда участков, надел распределен крайне неравномерно. Правда, каждый казак может распахать, сколько хочет, новой земли, но поднимать ее при малом числе лошадей невозможно, так как на плуг идет здесь 6–7 лошадей. Эти-то обстоятельства и порождают требования нового передела (11). Аналогичные же данные име-

ются и из других местностей Сибири, так, например, захват земли богачами и породил требования передела в Ачинском округе. Тот же результат имели захваты и притеснения богачей кое-где на Алтае (12). В Сибири встречаются приговоры, ограничивающие право захвата известным числом десятин, разрешающие малоземельному крестьянину разыскать излишне захваченную землю и потребовать ее себе; мир делается полным хозяином выморочных земель, не позволяя иной раз захватывать их; мир начинает делать отводы земли, пользование которой не требовало прежде санкции общества, устанавливает срок, в течение которого захваченная земля может лежать без обработки, уничтожает захват отдельных угодий или ограничивает его (покос, лес); захват покосов ранее всего заменяется душевым владением, что г. Личков объясняет большой ограниченностью удобной для покосов земли и тем, что скотоводство предшествовало земледелию (13). В Европейской России мы встречаемся с теми же мотивами перехода к великорусскому типу общинного владения. Например, в Одесском уезде Херсонской губернии в селе Дески (14); в Царицынском уезде Саратовской губернии (15). Так, например, в Екатеринославской губернии главными причинами перехода к великорусскому общинному владению были «неравномерность в распределении земли и сознание несправедливости такой неравномерности» (16). Здесь, как и в Сибири, дальние земли не делились, а поступали в передел только с течением времени. Против захвата излишней земли боролись и другими средствами; иногда требовали от крестьян, чтобы они заявляли миру о желании захватить земли (17); в селе Сартанах Славяносербского уезда введен был до первого передела «целый ряд ограничений по отношению к эксплуатации земли. Эти ограничения выразились в том, что богачам в первую неделю косовицы запрещали нанимать более двух рабочих на домохозяина с целью дать возможность бедняку захватить побольше и получше земли, в другую же неделю он мог уже нанимать рабочих, сколько ему было угодно. Что касается пахотных угодий, то и наиболее удобные из них были даже поделены поворно, по 1–2 десятины на двор, остальной же землей пользовались без ограничения. При уборке хлеба не имели права возить своих снопов до тех пор, пока бедняки не убрали своего хлеба. Это ограничение продержалось до самого последнего времени и уничтожено только в последний период в 1882 году» (18). В Мисковской общине Костромского уезда (Костромской губернии) захватный способ уничтожили в силу того, что «богатые и влиятельные люди постарались забрать разными не совсем справедливыми способами в свои руки лучшие пожни и в большем количестве». В селе Никольском в конце 50-х годов «было введено такое ограничение: имеющий одну пару волов мог нанимать во время сенокоса только одного рабочего, имеющий пять пар волов – пять рабочих и т. д.» (19). В Острогожском уезде Воронеж-

ской губернии вычитается за захваченные под сады и леса земли соответствующее количество земли из пахотных полей или платятся за них деньги (20). В Сибири на душу отводится определенное количество старой земли; распахивают, сколько мир прикажет, причем излишек может быть взят любым общинником; или, наконец, земля идет через 20–30 лет в общую дележку (21). Богатые казаки захватили массу земли по Дону и всеми силами мешают беднякам добиться раздела; они стараются составить вокруг себя единомыслящую с ними партию из бедняков, употребляя для этой цели всевозможные средства запугивания. Распространяют, например, слухи, что после раздела будет стеснена свобода перехода на жительство из хуторов в станицу, и наоборот, или что нельзя будет безнаказанно (не платя штрафа) выпускать лошадей и прочий скот со двора в поле, или же что вспаханные до дележа нивы могут оказаться за межей и пашнями воспользуются другие, или что при разделе земли землемеры делают разные злоупотребления и т. д. Если общинники добиваются передела, то и здесь казаки делятся иногда на глазомер и здесь много несправедливостей (22). Сами казаки не научились, говоря вообще, делить как следует землю, и если богачи не сумеют затормозить передел, то общество приглашает землемеров, но и землемеры иногда мошенничают. В Мелитопольском уезде Таврической губернии или прямо переходили после ряда споров к переделам, или незадолго до переделов практиковались приемы, стесняющие захваты богачей (23). Агитация за переделы далеко не носила мирного характера: «велась она с кулачным и смертельным боем, с насильственным разорением хуторских построек» (24). Вышеуказанные ограничения захвата, наряду с обложением платежами излишней усадебной и приусадебной земли, являются одними из характерных черт при переходе к общинам великорусского типа. Эволюционно развиваясь, община первого захвата очень часто встречается наряду с великорусской общиной; на захватном праве утилизируются в большинстве случаев только некоторые уголья. На севере России этот тип землевладения встречается в Олонецкой, Пермской, Вологодской, Архангельской и Вятской губерниях. В Городищенской волости Вологодской губернии «часть земли, именно леса, луга, выгоны, клочки обработанной земли за полями, вообще вдали от деревни, принадлежит всей волости. Волостной землей пользуются по праву первого захвата» (25). В этой же местности мы встречаемся с очень распространенным ограничением захватного права: «...по мере увеличения населения деревни присоединяют к своим общинным полям близлежащие дерюги, расчищенные отдельными домохозяевами, наблюдая, однако ж, при этом, чтоб со времени захвата дерюги прошел настолько значительный срок, в продолжение которого захвативший мог бы вознаградить себя за труд расчистки и унавоживания» (26). В Пилемской общине Мезенского уезда Архангельской

губернии существует «захватный способ пользования общественной землей посредством расчисток местностей, поросших мелким лесом и кустарником, где бы они ни находились, за исключением выгонных мест. Такими захваченными и расчищенными участками обыкновенно владеют до нового передела» (27). В Большенисорской общине того же уезда не вошедшие в надел сенокосные земли утилизируются на захватном праве (28). В Слободском у. Вятской губернии «захватный способ встречается только в лесах, отведенных под расчистки, или в поселянских лесах, отмежеванных в общее владение нескольких селений. В таких лесах каждый домохозяин расчищает там, где найдет удобным, под лесные покосы и пашню (сначала сеет лен, а затем хлеб). Такими расчистками пользуются те, кто их расчистил до общего передела всех земель» (29). У донских, уральских и черноморских казаков опять-таки встречаются общины смешанного типа. По словам г. Харузина, в земле Войска Донского «до сих пор во множестве станиц употребителен старинный и первобытный способ вольного пользования землей» (30). В таких юртах «каждый хутор имеет подручную толоку, ограниченную какими-нибудь жилыми урочищами или пашнями. Для посева льна, проса и для бакчей в таких общинах также иногда определяются известные полосы в степи, которые и разделяются на мелкие паи; переделываются (ежегодно) также луга. Остальную же степь волен каждый казак распахать, где угодно и сколько угодно». В этих общинах всякий желающий может захватить загон, не подвергавшийся в течение одного года обработке (иногда больше, тахитим 5 лет). Если же в некоторых станицах загон обрабатывался три года подряд, то каждый казак имеет право запахать его весной. В земле Уральского войска «часть земли выделена в пользование станиц, а остальной землей казаки пользуются по праву первого захвата» (31). Войсковым обывателям предоставляется производить распашку земель под хлеб, овощи, овес и пр., в том числе десятин, какое каждый из них по состоянию своему распахать может; нельзя распахать выгон, места, отведенные под лес, луга, запрещается также обработка войсковой земли в товариществе с лицами невойскового сословия (32). До 70-х годов пользование сенокосами было организовано здесь таким образом, что каждый казак имел право выкосить такой участок, какой он сможет самолично обкосить от восхода до заката солнца, но с этого времени администрация настояла на том, что казаки могут нанимать рабочих, по определенному числу на каждый чин, так, например, простой казак – одного рабочего, урядник – двух и т. д. Но и теперь казаки каждого форпоста (по крайней мере, в той местности, которая граничит с Бузулукским уездом Самарской губернии) «косят свою степь одновременно все вместе, причем каждый пользуется тем, сколько успеет накосить» (33). У черноморских казаков первый захват имеет еще большее значение: «Способ пользования в Ку-

банской и Терской областях, – пишет Чаславский, – при обилии земель вольный или захватный: каждый казак имеет право пахать и косить на землях своей станицы, где и сколько хочет. Только ближайšie к станицам земли выделяются обыкновенно в общее пользование для выгона скота. Но в некоторых станицах часть земель, особенно более свежих, разделяются между всеми казаками; остальными затем землями может пользоваться каждый» (34). По новым данным, собранным г. Щербиной в его книге «Земельная община кубанских казаков», оказывается, что право первого захвата все более и более вытесняется новыми формами землевладениями. Мир устанавливает различные ограничения захватного права, а в некоторых случаях вводит в общину русского типа. К последнему типу, судя по ходу дел в казацких общинах, придет все землевладение. У кубанских казаков, «пока требовались личная инициатива и предприимчивость, пока интересы отдельных общинников не шли в разрез с интересами всей общины, вольное пользование общественными угодьями всюду практиковалось беспрепятственно. Но лишь только индивидуальные хозяйственные интересы входили из тех границ, за которыми нарушались права и выгоды отдельных общинников, лишь только вольное пользование обращалось в захват сильных на счет слабых членов общины, – ограничение само собой явилось как естественное, логическое последствие экономических осложнений; станичное общество как коллективный хозяин вырабатывало известные правила и постановления, и в конце концов общественный интерес в том или другом виде становился общим регулирующим началом в деле развития общинных земельных порядков. С введением общинных переделов благосостояние казачества сильно повысилось, хотя и исчезли отдельные богатства хуторян» (35). В Средней России так же, как на восточной и северо-западной окраинах, община великорусского типа допускает еще захватный способ пользования землей. В мордовских общинах Саратовской губернии захватный способ подчинен уже строгой регламентации; там прямо назначается пространство земли, которое может расчистить и запахать желающий (36). В Астраханской и Ставропольской губерниях сохранился еще «вольный или захватный способ пользования пахотными землями и сенокосами в степях» (37). В Ершовской волости Рязанского уезда мы встречаемся с захватным правом целых общин. Там «еще до сих пор есть громадные неразмежеванные пространства леса и лесных покосов (Стружанский и Волостной бор). Ближайšie общины издавна пользовались этими, неизвестно кому принадлежавшими угодьями на захватном праве. Чтобы воспользоваться покосами, необходимо было произвести расчистку большей или меньшей луговинки (“кружка”, или “остожья” по-местному): вырубить кусты, срезать кочки и пр.; «вступаться в кружок, кем-либо расчищенный, никто сторонний уже не имел права. В настоящее время каждая община-участница

во владении Стружанским бором имеет право на количество покоса, расчищенного ее членами; внутри же ее право расчистки теперь не соблюдается: “остожья” наравне с остальной землей разверстываются подушно или, вернее, “потягольно” (38). У крестьян Спасской Рамени Темниковского уезда Тамбовской губернии при господстве общины великорусского типа «сохранился еще первобытный, так называемый захватный способ пользования общими угодьями» (39). В селе Мискове Костр. у. (Костром. губ.) существует захватный способ на месте под хмельники (40). В Гдовском уезде С.-Петербургской губернии лес не подчинен контролю: «кто сколько вырубит, и ладно», – но сбывать его на сторону права не дается (41). В Мглинском уезде Черниговской губернии на праве захвата или «в вольнице» находится лес, так, например, у казаков Нов. и Стар. Чешуек, «все пространство этого общего, вольного, нераздельного леса доходит до 100 дес., и здесь каждый волен рубить дрова, сколько угодно для своей потребности, но при этом рубка на продажу запрещена. В таком же вольном, нераздельном владении находится кустарник, лежащий в Осколковской даче. Все пространства этой вольницы доходит до 200 десятин. Замечательно при этом то обстоятельство, что местные жители позволяют рубить эту вольницу даже посторонним людям, кто только ни пожелает». Прежде таких вольниц было очень много в уезде, но с уменьшением леса вольницы были поделены по дворам; в настоящее же время и последние из них уничтожаются так называемым специальным межеванием (42). В Воронежском у. Воронеж. губ. сохранились слабые остатки вольного землепользования, так, сохранилось кое-где такое пользование водами, выгонами и лесами, тоже для пастбищ (43). В Азиатской России общины смешанного типа попадаются довольно часто. В Курганском, Ишимском и Тюкалинском округах Тобольской губернии встречается, по словам г. Петропавловского, следующий тип землевладения. Ближайшие пахотные земли находятся *de facto* в подворном владении, хотя «верховное право на них принадлежит общине, которая считает их мирской собственностью; неравномерность участков пахотной земли “сильно беспокоит крестьян, но они ждут ревизии”; другая часть пахотных земель утилизируется на правах захвата, мир этими землями распоряжается уже фактически; не стесняя в захвате их на известное число лет, он при случае отбирает их». Ближние и ценные сенокосы переделываются обычным порядком, дальние утилизируются на праве захвата; при пользовании последними практикуется обыкновенно следующий способ: «Общим голосом деревни назначается день захвата этих вольных сенокосов, и рано утром в назначенный день все наличные работники собираются в условном месте за деревней. Когда все уже в сборе, подается сигнал и вся масса косцов, сломя голову, скачет к местам сенокоса, где каждый и косит, сколько успеет и сможет, для чего каждый предварительно закашивает

косой такой круг, какой успеет. И вот этот-то круг считается уже его собственностью». Выгоны общинные. Огороды около деревень находятся в личном владении, усадьбы тоже. Постройки на дальних полях, раз они брошены, захватываются желающими; если они сгорели и не восстановлены, то земля опять-таки захватывается. Ближайшие леса обыкновенно поделены подворно, хотя крестьяне «ждут только ревизии, чтобы уравнять лесные дачи пропорционально количеству душ». Остальная часть леса – для мелких порубок вольная, для крупных назначается обыкновенно время и место (44). В Томской губернии «почти каждый крестьянин или занимающийся хозяйством ссыльный пашет, где ему вздумается, не стесняясь отдаленностью пахотного участка, отстоящего иногда от селения на 30 и более верст» (45). Сенокосы же в этой губернии переделаются (46). В Семипалатинской области казачьи поселки, расположенные между Усть-Калиногорском и Алтайской станицей, сплошь и рядом утилизируют сенокосы на захватном праве (47). На Дону в определенный день открывается вольное пользование лесными плодами и камышом (48). В Забайкальской области пахотные земли распределяются по ревизским душам, но мир «предоставил право своим сельчанам расчищать землю из-под лесов и кустарников; иногда этими землями пользуются наследственно, но в большинстве случаев земля дается на 40 лет, на 10 лет, а есть селения, где срок не определяется, но община требует, чтобы распаханная земля не лежала втуне более трех лет» (49). Лесом пользуются в Забайкалье, кто хочет, но есть и такие места, где практикуется запрещение доступа посторонним (50). В Минусинском округе Енисейской губернии пашни эксплуатируются на правах захвата, а сенокосы делятся (51). Заметим, что общинные поскотины этой губернии огораживаются общинниками так, что работа распределяется или по количеству скота, или по количеству пашни (так как ограда оберегает ее от потравы), или по числу могущих душ (такая душа пользуется покосом, нужным для скота, 52). На Алтае работа по огораживанию поскотин тоже распределяется по числу голов скота (53).

Как редкое исключение встречаются деревни, население которых составило собой одну большую земледельческую артель. Крестьяне одной из деревень Полтавской губернии организовали земледельческую артель как на своей, так и на арендованной ими земле; наделы были соединены в общий участок и обрабатывались артелью; полученный продукт делился по числу работников (54)¹. Такая же артель была организована в 60-х годах в Сорокском уезде Бессарабской губернии. «Все работы были исполнены артелью превосходно и притом вдвое скорее обыкновенных единичных работ». Продукты делились по числу работников. Дела шли настолько хорошо, что артель устроила общественную лавочку, мельницу, общий двор

¹ За достоверность этого сведения поручиться трудно.

для скота, общий кабак, открыла училище и организовала ссудную кассу. Кроме того, она уплатили за некоторых из своих членов недоимки (55). Крестьяне села Залесского Вятской губернии все вместе пашут, обсевают землю, жнут, косят (56). В некоторых деревнях Макарьевского уезда Нижегородской губернии земля не переделывалась крестьянами. Все одновременно являлись на работы, пахали, сеяли и собирали урожай; весь продукт делился по работникам: хлеб – зерном, сено – копнами, солома – саженьями (57). С.А. Приклонский, говоря о земледельческих артелях Олонецкой губернии («себрах»), указывает на их воспитательное значение. «Наглядно показывая преимущество коллективного труда перед единичным, себра подготавливает переход к рабочей общине, который в некоторых местах уже успел совершиться, так что и теперь есть деревни, составляющие каждая особую себру» (58). Новых сведений о существовании этих общин-артелей не встречается; можно думать, что все они, кроме указанных г. Приклонским, перестали быть артелями. Но г. Пономарев указывает и на новое явление: новоселы, приезжая на новые, трудно поднимаемые земли «заходят тотчас же совместную обработку пашни» (59). К новому времени относятся сведения об артелях у сектантов. У шалопутов сообща ведутся или только предварительные работы – пахота и бороньба, или все вплоть до молотьбы. В первом случае между участниками делится приготовленная к посеву земля, во втором – зерно. Основанием для раздела служат нужды и потребности участников (60). Шалопуты некоторых местностей северного Кавказа и Воронежской губернии ведут свои полевые работы таким образом, что сперва, например, пашут полосу одного члена общины, потом другого и т. д., причем не принимаются во внимание ни число скота, ни число работников (61). О дурмановцах Оренбургской губернии г. Пономарев пишет следующее: у них «общая земля, общий труд, общий хлеб и общая кормежка, устанавливаемая при посредстве широко развитой взаимопомощи, которая почти исключает уже индивидуальную собственность и выдвигает собственность братскую, артельную» (62).

Укажем теперь на исчезнувшие слободы «общих» в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. Все дома строились у «общих» не иначе, как миром. Движимые и недвижимые имущества и доходы с них принадлежали братскому общему союзу; личной же собственности никто не имел. Дома, скот, земледельческие орудия, телеги, все домашнее хозяйство, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни – одним словом, все сельское хозяйство, вся промышленность находились в распоряжении партий, на которые разделялся союз общих, принадлежали целой слободе, в которой партии находились, и доходы со всего этого имущества составляли общую сумму слободы. У общин в каждой слободе была одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно

общее хлебопашество и полеводство. Как общее имущество, так и средства кассы разделялись по партиям по числу душ. Все работы выполнялись общим трудом (63). Одна из таких же общин была основана в 60-х годах в Тамбовской губернии (64). Все эти артели распались после ссылки их основателей.

Перейдем теперь к описанию одной уцелевшей родовой общины. В Ельнинском уезде Смоленской губернии 40 человек составляют артель-общину. Они живут в девяти избах, но владеют нераздельной собственностью. Земля, скот, хозяйственные постройки, съедобные продукты, материалы для выделки одежды, мед, воск, деньги – все общее. Все обедают и ужинают за одним общим столом; все работают, причем разделение труда доведено здесь до мельчайших подробностей. Даже деньги, заработанные промыслом, отдаются в общую кассу. Эта община-артель является союзом единокровных родственников; в число ее членов не принимаются даже зятья. Управляет артелью старший брат с согласия других братьев (65). Понятно, что эта община, крайне похожая на сербскую задругу (66), является институтом, пережившим свое время.

Старые родовые общины не так давно еще были и у черемисов Казанской губернии. Черемисы живут маленькими деревнями в 10–20 и до 30 дворов, редко более. Несколько таких деревень составляют общину с одной общей дачей. Сельские работы производились сообща целой деревней. Жатва делилась поровну между семействами. Весь сбор, за исключением необходимого для домашних расходов, сносился к голове, которые и продавал его. Из вырученной суммы пятая часть шла на казенные повинности и за труды голове, а остальное выдавалось по принадлежности каждому члену общества (67). Несравненно устойчивее и многочисленнее артели, состоящие из нескольких крестьянских семейств. Эти артели называются иногда договорными семьями. После семейного раздела крестьяне, хозяйственная сила которых ослаблена таким разделом, сговариваются друг с другом и организуют общее хозяйство. Такие сложные хозяйства вместе работают и промышляют, вместе и харчатся. Такие артели очень распространены, по словам г. Пономарева, и встречаются в разных местностях России (68): Лебедянский, Оренбургский, Бугурусланский, Никольский и другие уезды. Нередко крестьянские семейства работают артелью, хотя и живут в разных избах. В некоторых местностях артели устраиваются между соседями: они разгораживают смежные дворы и живут общим хозяйством (69). В некоторых станицах Тверской области старообрядцы организуют артели из нескольких домохозяйств; такие артели не только пахут сообща землю, но часто сеют, убирают и обмолачивают сообща хлеб; из полученного зерна выделяются затем посевные семена; остаток же делится или поровну, или по рабочим силам (70)¹. В Воробь-

¹ Особенно часты артели из нескольких домохозяйств (не русских) в Бакинской губернии (71).

инской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии крестьяне сообща расчищают лядины. «Каждый домохозяин выставляет обыкновенно с этой целью определенное число работников – столько, сколько и всякий другой, и если при этом у него не хватает в семье рабочих рук, то в таком случае он нанимает недостающих работников на стороне. Каждый участник в общих харчуется на свой счет; на свой счет участники содержат также и необходимые орудия труда. Сообща участники рубят лес и “катят” новину, сообща сеют, внося каждый приходящуюся на него долю семян, сообща жнут и возят хлеб, сообща затем молотят и окончательно обмолачивают зерно. В конце концов, они делят на равные доли как само зерно, так и солову и другие получающиеся при молотье побочные продукты и каждый получает свою, совершенно равную с другими часть. Этим и оканчиваются взаимные обязательства членов общих» (72). Во многих общинах крестьяне косят траву артелью, состоящей из жителей целой деревни, и делят между собой сено. Такие артели встречаются в Орловской губернии, в уездах: Орловском (несколько селений Баклановской волости), Елецком (большинство селений Ястребинской волости), Трубческом (22 селения), Мценском (многие общества); в Тамбовской губернии, в уездах: Лебедянском, Темниковском (с. Княжево); в Орловском и Уржумском уездах Вятской губернии; в Гдовском уезде Петербургской губернии; в Никольском, Тотемском и Устюжском уездах Вологодской губернии; в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии; в Вяземском уезде Смоленской губернии; в Мезенском уезде Архангельской губернии; в Псковском уезде; в Воронежском уезде Воронежской губернии; в Золотоношском уезде Полтавской губернии; в Московской губернии; в Белгородском уезде Курской губернии; в Костромском уезде; в Тетюшском и Казанском уездах Казанской губернии; в Оренбургской губернии; в Рязанской губернии; в Тульской губернии и в других местностях (73). Очень часто встречается артельное сенокосение несколькими соединившимися крестьянами. Такие артели встречаются в Тамбовской губернии в Козловском уезде, Темниковском, Усманском, Шацком, Кирсановском, Моршанском (в последнем редко), в Феодосийском уезде Таврической губернии, в Московской губернии, в Хвалынском уезде Саратовской, в Самарском, Бузулукском и Бугульминском уездах Самарской губернии, в Тимском и Белгородском – Курской, в Воронежском и Острогожском Воронежской, в Казанском и Тетюшском Казанской, в Архангельской, Оренбургской, Вятской, Тульской, Рязанской, Симбирской (один случай), у бурят Куданского ведомства в Забайкалье, в Семипалатинской области, в Золотоношском уезде Полтавской губернии, в области Войска Донского и в других местностях (74). Такие артели в некоторых уездах встречаются очень редко, в других, наоборот, косьба артелями является преобладающим типом эксплуатации.

Число членов в артелях бывает крайне различным, то падая до 2–3 человек, то поднимаясь до 70, до 130 душ. В некоторых селениях артельное сенокосение встречается в тех случаях, когда сенокосы расположены неудобно, или тогда, когда их трудно равномерно разделить, или, наконец, не стоит делить, так как сенокос слишком мал по сравнению с числом душ в общине. Тем не менее артельное сенокосение встречается и в таких деревнях, сенокосные угодья которых нельзя назвать незначительными. Сено делится копнами или рядами, когда оно лежит скошенное, стогами, кучами, возами, пудами. В Вятской губернии встречаются сенокосные артели из нескольких деревень. Иногда встречаются такие артели на арендованных покосах. Сено делится или по числу надельных душ в семействах, или по числу работников. В одной местности Владимирской губернии (Красный Куст) артели от 4 до 12 человек составляются жителями четырех деревень, которые поочередно приходят косить друг у друга сено (75).

Артельная рубка леса всеми крестьянами деревни встречается в Шлисельбургском уезде Петербургской губернии (9 случаев), в Московской губернии (4 случая), в Тимском уезде Курской губернии, в Бахмутском Екатеринославской (одна деревня), в Елецком уезде Орловской, в Рязанской губернии (одна община), в Воронежском (две), в Острогожском уезде Воронежской губернии (в последнем в нескольких общинах) и в других местностях (76).

Артели, состоящие из нескольких домохозяев, встречаются в Тамбовской, Нижегородской и других губерниях. В селе Карауле Кирсановского уезда Тамбовской губернии три группы домохозяев, по 90 ревизских душ каждая, рубят кустарник сообща и делятся топливом (77). Перечисляя местности, где встречаются сенокосные и лесные артели, считаем нужным оговориться, что мы назвали, быть может, очень небольшое число уездов, где встречаются такие артели.

Нередко организуются артели из жителей целой деревни для осушения болот или земли. Так например, более 800 крестьян Туксинской дачи Олонечского уезда, работая четыре года, осушили болота, получили роскошный сенокос, которым пользуются на артельных же началах. Даже заболевший получает равный с другими пай из массы укоса¹. Целый ряд общин Московской губернии (более 100) производили артелями осушку болотистых мест. Такие же работы нередко производились и в Ярославской губернии, иногда артелями, состоящими из нескольких деревень. Некоторые из этих работ потребовали громадных затрат: в с. Якимовском, например, крестьяне должны были прорыть канаву в 5 верст длины. Часты такие осушки в Смоленской губернии. Встречались такие работы и в других губерниях, на-

¹ См. также об очистке и орошении всем миром участка земли под покос у бурят с. Шемановского Братско-Острогожской волости.

пример, в Архангельской, Тверской, Оренбургской. В Оренбургском крае крестьяне осушали, например, болота в 35–40 верст (78). Встречаются такие артели и из нескольких домохозяев.

Встречаются состоящие из целых деревень артели, организованные для расчистки новых земель; таковы, например, артели в Киренском округе Иркутской губернии, в Сольвычегодском уезде Вологодской губ. Иногда такие артели составляются жителями нескольких деревень. В других случаях такие артели составляются из нескольких домохозяев, например, в Обонежье (79). Составляются также артели для орошения пахотных земель и сенокосов, например, в Забайкалье, где проводятся для этой цели водопроводные каналы; прорыты были артелью арыки для поливки огородов в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области (80). Затем встречаются артели из жителей целой деревни при многих работах, так, например, артелями косится камыш в Днепровском уезде Таврической губернии, в Миргородском уезде Полтавской губернии (81). В Горбатовском уезде около тысячи крестьян (из 15 деревень) окопали канавой общественный лес (82). В Орловском уезде Вятской губернии артелями нанимаются пастбища (83), артелями сеется репа, чтобы удобно было охранять ее от воров (84). В Самарской губернии крестьяне вырывают глубокие ямы с целью предохранить хлеб от заминания проезжими людьми (85). Артелью из 5 деревень крестьяне вырывают ядовитые травы в Воскресенской волости Архангельской губернии (86). На Дону артелями косят сено для станичных жеребцов, артелью жнут хлеб и т. д. (87). То положение, что община-артель является более целесообразной формой землепользования, чем община великорусского типа, не подлежит сомнению. Полосы отдельных лиц в великорусской общине могут подвергнуться неурожаю, и потратившие одинаковые доли труда и капитала общинники получают разный доход. В общине-артели это явление невозможно. Всевозможные частные бедствия вроде падежа скота, хромоты лошади, ломки земледельческих орудий не будут разорять при ней общинников, как разоряют при господствующем типе общины. При самой разнокачественной почве артель не допускает чрепослосицы и делает возможным поперечное пахание. Вся сложная техника передела великорусских общин с встречающимися при ней ссорами не имеет места в артели. Нельзя не упомянуть о выгодах широкого распределения труда, которое возможно и необходимо при артельной обработке земли. Нет никакого сомнения, что общенациональная выгода требует признания артели-общины за крайне желательную форму труда; необходимо, следовательно, поддерживать существующие и организовать новые артели. Можно было бы уменьшить подати с тех общин, которые утилизируют на артельных началах сенокосы, и еще больше уменьшить их для реорганизовавшихся в полную общину-артель. Через некоторое время подати опять

могут быть увеличены (раз это необходимо), так как крестьяне, убедившись на практике в преимуществах артельного труда, не захотят воротиться к старой системе работ. Интересно, что сербское правительство поддерживало свои артели-задруги, уменьшая для них подати. Из этого, впрочем, вовсе не следует, что у нас желательна организация задруг. Общие дома, общий стол, общая одежда – все это совершенно лишние придатки артели. Но во всяком случае желательна организация земледельческих артелей, т. е. общей коллективной поземельной собственности, коллективного труда и дележа продуктов сообразно труду работающих (или поровну, или по потребностям, как пожелают артельщики). Сербская задруга, как и наши большие семьи, очень эксплуатирует женщин и по одному этому носит в себе зачатки распада или реорганизации.

В обществе не раз высказывалось мнение, что наше крестьянство, в силу господствующего в его понятиях трудового начала, неспособно к артельной обработке земли: «Народ не может допустить, чтобы один сработал больше, а другой меньше и поделили поровну» (88). На самом же деле подобная фраза вовсе не предполагает невозможной артельную обработку земли; продукт может делиться сообразно с количеством работы, а в случае равносильных членов общины и поровну. Нет сомнения, что между прочими факторами и трудовое начало влечет за собой распадение больших семейств, но это распадение не является протестом против общего земледельческого труда. Лежащие вне сферы последнего промыслы порождают крайнее неравенство заработков и как следствие этого – падение общей кассы и семейной артели. Но наряду с этим мы зачастую видим, что распавшаяся семья пашет и исполняет все земледельческие работы артелью; совершенно отдельные семейства, не связанные даже дальним родством, прилагают ко всем или только некоторым угодым коллективный труд. Выгоды коллективного труда, сопровождаемого разделом продуктов сообразно труду каждого или даже поровну, настолько значительны, что общинники считают возможным устраивать коллективные работы даже в тех местностях, где не сохранилось заметных переживаний родовой общины. Неудивительно, после всего сказанного, следующие слова профессора Исаева: «Вековая связь между членами по земле, привычка подчинять многие стороны хозяйственной деятельности миру, совместное исполнение разных работ, среди них и артельных запашек – все это подает надежду, что общинное землевладение может из нынешнего его типа – обособления хозяев при пользовании земель – перейти в форму более совершенную – общего владения, связанного с общим земледельческим трудом. Могут возразить на это, что теперь эгоистические побуждения стремятся разложить общину, что нужны слишком высокие нравственные качества для перехода к артельной форме производ-

ства. К этой форме общину приведет, скажем мы, не платоническая любовь к артели, не погоня за идеалами, а сознание, что нет иного способа увеличить успешность труда и возвысить благосостояние (89)». Аналогичные взгляды высказывались и ранее (например, Сернец, 90), указывалось и на то, что земледельческие машины, требующие разделения труда, а также и большой площади для работ, могут содействовать переходу общин к артели (91). «Нет страны в Европе, – писал Крен, организатор земледельческой кооперации, – более, чем Россия подготовленной к кооперативному земледелию. Русские должны этим воспользоваться» (92).

II

Община-волость

Общины перечисленных типов слагаются иногда несколько иным образом. Так, великорусская община и община первого захвата принимают иногда форму общины-волости или составной общины. Союз целого ряда селений (деревень, станиц и пр.), владеющих одной землей, называется общиной-волостью. Община-волость встречается в Вятской, Вологодской, Пермской, Олонецкой, Костромской, Ярославской, Казанской, Курской и других губерниях, в областях Уральского и Донского войска, наконец, в Западной и Восточной Сибири. Функции общины-волости ясно определяются словами г. Пейкера – бывшего мирового посредника Верхотурского округа Пермской губернии: «Крестьяне-однообщественники, – пишет он, – делят и переделывают между собой все поземельные угодья и наделы, смотря по прибыли или убыли душ в каждом селении, что совершается на сходах стариками по общему соглашению и решению так, что всякая деревня одного сельского общества при убыли душ теряет право пользования в пользу того селения, где по какому-либо случаю представляется необходимость дать уравнительный надел прибылому» (93). Переделы земли достигаются путем переселения крестьян из малоземельной в многоземельную деревню, или простой нарезкой первой новых угодий, или же допущением жителей первой деревни к обработке наделов второй, или, наконец, переводом податей (94) (так, например, иногда несколько деревень принимают на себя платеж за одну душу). Получившие надел на чужих полях и тратящие время на длинные переезды вознаграждаются обыкновенно миром. Для производства переделов выбираются сходом общины-волости особые лица, принимающие присягу. В одних случаях роль выборных ограничивается землемерной частью, в других они являются и оценщиками качества почвы, ее местоположения и т. п. Во всех случаях верховным контролером и руководителем является мир. Община-волость эксплуатирует иногда свои угодья на разных началах. Так,

например, часто встречаются волостные общины с такими видами пользования: «1) Земли пустопорожные, незанятые, находящиеся в нераздельном владении всей общины. 2) Участки земли, захваченные и расчищенные отдельными хозяевами на правах единоличного наследственного владения, бессрочного или срочного. 3) Участки, переделываемые в известные сроки между всеми членами общины, так называемые полевые, присельные и надельные земли (95). «К первому разряду земель относятся выгоны, пустоши, заросли, леса и т. п.; пользование ими не связано с уплатой податей. Расчищенная земля остается в течение долгого времени (лет 40) в наследственном владении домохозяйства и только в немногих общинах остается вне всякого передела. В тех местах, где не существует права захвата на лес, последний делится по деревням, сотням, десяткам и, наконец, по душам. Иногда в общине-волости всецело господствует первый захват. Те общины-волости, где все угодья находятся в общем волостном пользовании, называются “цельными”, таких общин в Московской губернии, например, три» (96). В Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии попадаются общины, состоящие каждая из двух селений (97); такие же общины встречаются в Днепровском уезде Таврической губернии (98). В Казанском уезде таких общин насчитывается 25, состоящих из 59 отдельных селений (99). В Архангельской губернии встречаются такие же общины (100). У донских казаков «землей станица с принадлежащими к ней хуторами владеют сообща» (101). Общины-волости, владеющие сообща несколькими угодьями, можно назвать «нецельными» или «совместными». На севере России, в силу местных условий (например, подсечного хозяйства), постоянно выделялись из главной деревни небольшие починки. Такая же колонизация шла и в Казанской губернии (102). Эти мелкие селения, носящие название «вытей», не порывают связи со своей метрополией, а имеют с ней одну землю и один мир. В некоторых случаях остается общей только часть угодий, что имеет серьезное основание; так, например, в Никольском уезде Вологодской губернии колонист сохраняет право на покосы; но метрополия – деревня («старина») «отказывает ему в своей земле». «Отказ в земле старина оправдывает тем, что починцы, с переводом своего скота на починок, прекращают “называть свою полосу по старине”» (103). В Острогском уезде Воронежской губернии при совместном владении лесами на сход, устанавливающий порядок пользования ими, съезжаются представители разных волостей. (Земельные общины разделены здесь административно) (104). В Елецком уезде Орловской губернии опять-таки встречается такая община (105). В Вятской губернии в общинном пользовании нескольких деревень зачастую встречаются пастбища, леса и рыбные ловли. Особенно же хорошо сохранилась община-волость в покосах. В большинстве случаев поемные луга составляют общее достояние трех, четырех и

даже шести деревень и находятся в чресполосном владении между крестьянами разных селений. Время от времени крестьяне «верстаются покосами», равняют долевые участки каждого домохозяина, причем передел совершается не одним селением, а 5–7 деревнями – целым «сельским обществом, совпадающим с прежнею общиной-волостью» (106). Часты составные общины по покосам в Восточной Сибири: они делят последние или так, что покос распределяется на все число душ в деревнях, причем каждая деревня делит доставшиеся ей участки по тем же единицам, или по душам делится покос только между селениями, а в своем участке каждое селение делится по-своему, и в свои сроки, и по своим единицам. Часто при таких общинах наряду с душевым сенокосом имеется и захватный (107). В Московской губернии очень много «нецельных» общин-волостей, и некоторые из них достигают громадных размеров; так, например, «двадцать четыре селения государственных крестьян Буйгородской и Аннинской волостей Волоколамского уезда имеют в общем владении как леса, так луга и выгоны» (108). В Хвалынском уезде Саратовской губернии встречаются общины, где лес находится в общем владении нескольких деревень (109). Эта форма общины-волости считается многими неудобной, так как замечено, что при ней крестьяне плохо берегут лес; напомним, однако, что лесоистребление не имеет коренной связи с общинным владением. Пять деревень Саратовского уезда имеют общий лес (110). В Свияжском уезде Казанской губернии имеется 16 дач общего владения (111). В Тетюшском уезде той же губернии встречается общее владение лугами со стороны 13 деревень (112). Способ пользования – одна из разновидностей «годоваться». В этом же уезде составные общины чаще всего совместно владеют лесом. Одним из способов возникновения этих общин была колонизация. Часты такие общины в Восточной Сибири (113). В Царевококшайском уезде Казанской губернии нередко встречаются общины, состоящие из 2–7 селений; иногда 3–11 общин владеют сообща лесом (114). В Цивильском уезде всех земельных общин 208, а отдельных селений 317 (115). В том же уезде совместное владение землей встречается почти в 70% всех бывших государственных общин уезда (именно в 129). В совместном владении находится 18,6% наделной земли этих 129 общин (116). В Казанском уезде насчитывается 31 дача общего владения (117). В Острогском уезде Воронежской губернии 85 селений составляют 26 общин (10,6% всего числа общин) (118). В Мамадышском уезде Казанской губернии находится 12 составных общин (119). Шесть селений Переяславского уезда Владимирской губернии составляют общину-волость на сенокосные угодья (120). Местность Красный Куст Владимирской губернии тоже находится в волостном владении 4 общин. В Ершовской волости Рязанского уезда мы опять-таки встречались с захватным пользованием сенокосом со стороны нескольких деревень. В Вос-

точной Сибири у лесных крестьян покосные луга становятся по уборке сена «общими пастбищами для скота всех соседних прилежащих деревень», так, например, 6–10 (121). В Тобольской губернии «выгоны, расположенные вокруг селений, состоят в совокупном владении обществ» (122). В Вятском уезде целый ряд селений имеет иногда общий выгон (123). 11 селений Трубчевского уезда Орловской губернии сообща владеют покосами (124). Нельзя не заметить, что иногда крестьянам не по плечу сложное верстание в таких общинах – и на сцену является масса тяжб. (Например, Тетюшский уезд Казанской губернии, 125). Одни общины-волости, как нам известно, переделывают свои земли, другие же, не переделывая их, придерживаются захватного способа пользования землей, так например, в Енисейской губернии земли просто не делились между селениями. До каких размеров достигает община-волость, можно судить из следующих примеров: в Олонецкой губернии встречаются общины, состоящие «из 20, 30 и даже 50 селений; в Олонецком уезде, например, насчитывается до 600 селений, но сельских обществ – поземельных единиц, общин не наберется и 30» (126). В Копринской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии «земля находится во владении 51 селения (3,000 душ)» (127). «Большемургинская община-волость Кадниковского уезда Вологодской губернии состоит из 30 деревень. В Левашовской волости Костромской губернии 32 деревни сообща, всей волостью, владеют теперь лесом, выгоном и тремя заливными волжскими лугами» (128). В общине уральских казаков «до сих пор вся земля в 800 квадр. верст и все воды состоят в нераздельном пользовании 113,000 человек. Вся земля здесь принадлежит всему войску, а отдельные станицы не имеют ни своих отдельных пашен, ни лугов» (129). «В пяти южных уездах Курской губернии г. Добротворский насчитал до 20 общин-волостей, из которых каждая заключает от 3 до 46 отдельных селений». Мы встречаемся здесь с одной из громаднейших общин-волостей. «В самом деле, что может быть характернее существования общины, состоящей из 46 селений и более 15 тысяч человек, – и где же, не в какой-нибудь глуши северных лесов и тундр, а, так сказать, в самом сердце России, в районе всевозможных внешних разрушительных воздействий» (130). Оригинальный тип представляет собой дер. Холянина Одоевского уезда Тульской губернии. В ней находится три крестьянские общества, различные по разрядам и принадлежащие трем различным волостям, но все они владеют землей сообща, причем переделывают каждый год один только луг (131). Обратим внимание на то явление, что крестьяне некоторых местностей искусственно организуют общины-волости для более уравнительного пользования угодьями. Так, например, в Городищенской волости Устюжского уезда Вологодской губернии нередки случаи, что «два-три селения соединяют вместе свои пашни, пуская их потом в общий передел» (132). В Шенкурском уезде Архангельской

губернии мы встречаемся с грандиозной попыткой создать общину-волость: крестьяне надеялись, что «получат в надел не только все земли и леса, которыми владели, но еще более того, и что платежи их уменьшатся». Они приготовились устроить свое хозяйство на широкую ногу. «Так, например, в огромной Великониколаевской волости более ста деревень согласились иметь общую землю. В одних частях этой волости преобладали луга, в других леса, и они решили между собой, что луговые селения допустят лесные к своим лугам, а лесные, взамен того, допустят луговые к своим лесам и, таким образом, каждый крестьянин будет иметь в своем распоряжении в достаточном количестве все уголья, которые ему нужны». Надежды крестьян, к сожалению, не оправдались, и все осталось по-старому (133). Общины-волости не стесняются иногда административным делением на уезды. Так, например, деревня Лава лежит в Шлиссельбургском уезде (Петербургской губернии), деревня же Лавровая лежит в Ново-Ладожском уезде. «Пахотные поля каждая деревня имеет в своем уезде. А покосы производят безразлично в обоих уездах: лавские ездят косить и в Ново-Ладожский уезд, а лавровские – в Шлиссельбургский» (134).

Община-волость разрушается как под влиянием обычных антиобщинных факторов, так и под влиянием законодательства. Необходимо, чтобы законодательство дозволило подобные организации и санкционировало существующие. Отношение же чиновничества к общине-волости представляет собой одну из самых скорбных картин русской экономической жизни и бросает далеко не лестную тень на умение поддерживать полезные экономические организации. <...>¹

По сведениям 1887 года, купцы первой гильдии получают по 8 копен, 2-й гильдии – по 4, а все остальные домовладельцы – по 2 (151). По тем же сведениям, горожане пользуются лесом на общинных же началах: «Для вырубki ежегодно отводится определенный участок. Городская управа заготавливает хозяйственным способом дрова в количестве 2,000–2,500 сажен ежегодно. В последние годы (1886 и по смете 1887) из этой массы 1,863 сажен предназначалось для граждан, причем каждый домовладелец имеет право на получение 4 сажен, а каждый, не владеющий домом, но платящий что-нибудь в городскую казну, 2 сажени». Каждая сажень обходится таким образом жителю Мологи в 77 коп., тогда как сажень стоит 2–3 руб. В последнее время хотят ввести общинный порядок и в пользовании огородной землей (152). «Такой способ пользования землей, – пишет г. Якушкин, – тем более имеет значение, что здесь не может быть и помину о круговой поруке, так как купцы не участвуют в платежах мещанского общества и не отвечают друг за друга» (153). Г-н Рева описал общину города Мезени как тип других городов

¹ Пропуск текста в источнике (*Прим. ред.*).

общин севера. Город Мезен владеет усадебной, пахотной и сенокосной землей. Усадебная земля является частною, безусловно неограниченной собственностью, пахотная же – общинной; на надел имеет право всякая ревизская душа, хотя бы и однолетняя; переделы совершаются во время ревизий. Наделы выбывших из общества членов могут быть заняты всяким желающим, раз только он внесет лежащие на них подати и огородит участок. «Огораживаются поля всем обществом и по возможности одновременно, всякий против своей полосы и с боку, смотря по количеству владеемой пашни, от 3–4 сажень ограды на душу (154). «Оставлять пахотную землю в наследство можно, но, во-первых, лишь своему сообщиннику, и, во-вторых, только до передела». Выгон общий. Живущие в городе, даже не состоя членами городского общества, имеют право пасти на нем скот. Сенокосы не разверстываются по душам. Богачи не допустили здесь общинных порядков, и неимущие добились только запрещения брать домохозяйству более одного участка сенокосов, поделенных по числу дворов. Так как участки сенокосов не равны ни качественно, ни количественно, то богачи все-таки имеют значительный перевес, захватывая лучшие и большие участки. Беднякам не хватает сена, что, в свою очередь, породило спекуляции на эти участки – перепродажу их по частям (155). В Ставрополе Кавказском и теперь еще сохранилось пользование общинным выгоном. До 1878 года город, владея на общинных началах пахотью (делившейся во время ревизии), огородами (тоже переделывшимися), сенокосами, которые разверстывались ежегодно, камышами, которые сжинались в назначенный день на правах захвата, и, наконец, дальними участками, сдававшимися под выпас скота (156). В городе Серпухове Московской губернии луговые земли, принадлежащие мещанскому и купеческому обществам, утилизируются на общинных началах. Раздел лугов производится ежегодно и притом сеном, а не травой. Из всего количества снятого сена мещанское получает половину, которую оно делит на 2600 долей или мещанских душ, а другая половина поступает купеческому обществу и делится на 260 частей, или «купеческих душ». Кошение производится по найму подрядчиками, и все издержки по стороже, кошению, сушке покрываются мещанскими и купеческими обществами в равных долях (ежегодно около 3,000 руб.). После покоса луга запускаются под выгон, которым члены мещанского и купеческого общества пользуются даром, все же остальные жители платят с каждой головы скота. За пользование долей мещанское общество взимает со своих членов по 60 коп., купеческое – по 10 руб. Эти сборы идут на расходы по караулу, очистке и уборке лугов. Слободы города: Волоколамская, Солдатская и Троицкая – имеют усадьбы в городской черте, а земли в волости. Землевладение здесь «строго общинное. Пахотные земли переделываются по ревизиям, покосы делятся ежегодно». Вообще же в распо-

рядках городского землевладения Московской губернии и в настоящее время можно подметить много черт чисто общинного характера (157). В Воскресенском посаде Московской губернии пахоть делится от ревизии до ревизии, леса каждую осень, сенокос ежегодно. Земля делится по душам. Для сенокосов составляются сначала десятки. Городская община состоит из членов мещанского и крестьянского обществ. Лица, продолжающие заниматься землей, стоят за общинный тип землевладения, ссылаясь на обеднение перешедшего к подворному владению Звенигорода. Землепашцы Звенигорода горько сетуют на разрушение общины. В Бронницах земли, как состоящие во владении купеческого и мещанского обществ, так и арендуемые ими у частных лиц, делятся по числу ревизских душ. Пахоть делится от ревизии до ревизии, сенокосы ежегодно, причем мещане и купцы делятся на 6 вытей, в свою очередь подразделяющихся на десятки. Вновь приписные души, раз приобретут оседлость, получают надел из убылых душ (158). Бывшие государственные крестьяне, живущие в городе Саратове в разных местах последнего, составляют официально числящуюся, но не существующую зафорштатскую слободу и владеют землей на общинном праве (159). До какой степени живучи общинные порядки, видно из следующих фактов: мещане-земледельцы города Никольска Вологодской губернии «сохранили общинное пользование землей, хотя она признана городской и продается с торгов в аренду. Этого достигают они таким образом: перед торгами Мелентьевский конец избирает из своей среды мещанина и дает ему полномочие торговать землей; этот уполномоченный является на торги и арендует на себя все участки, которые входят в состав бывшей Мелентьевской общины. Сумму, которую он внес за аренду, Мелентьевский конец платит потом складчиной, которую разверстывает на семьи по числу душ. То же самое делают и Борисовский, и Вахрамеевский концы» (160). Мещане города Кадникова той же губернии, арендуя у города землю, прилагают к ней общинные порядки пользования. Мало этого, с падением общинного владения на собственной земле, уменьшилось у города и число запашек. Даже старые чищения превратились в пустыри, так как арендная система не гарантирует затрат в такой степени, в какой гарантировала их община (161). Мы видим в некоторых городах-общинах распадение членов общины на неравноправные сословия; подобное распадение служит зловещим признаком падения общины, и поддержание ее очень желательно. Нет, разумеется, интереса перечислять те города, где было, хотя бы и в недавнем прошлом, общинное землевладение. Укажем только, что память об общине не утеряна еще горожанами. Уничтожение ее, повлекшее за собой обезземеление мещан, породило бедность и естественное стремление к прошлому. «Так, в Кадникове все более и более растет стремление к возврату прежних общинных порядков пользования го-

родской землей. То же самое заметно в Ставрополе Кавказском» (162). В 1887 году в Царевококшайске Казанской губернии дума дала землю мещанскому обществу. Часть луга осталась в хозяйственном распоряжении управы, которая будет распределять часть сена с них по заготовительной цене с надбавкой от 10 до 20%. Передача пахотной земли из одних рук в другие воспрещена, и земля дается всем желающим мещанам. Желающих оказалось около 40 человек, и земля была разделена на 40 паев по 6 дес. в каждом. Иметь луга захотели многие, и, вероятно, все обыватели пустятся в косьбу. Интересно, что бывшие до 1887 года арендаторы-кулаки получили с луговых земель от 200 до 300% чистой прибыли (163). Мы не имеем возможности остановиться в этой работе на тех дополнениях к городскому положению и изменениях его, которые были бы желательны. Заметим только, что передача земли в общинное пользование мещан и других горожан, заинтересованных в ее непосредственной эксплуатации, не может представить серьезных затруднений. Обширность городских владений и большая численность городского населения не могут считаться препятствиями к организации общинного владения, так как мы имеем примеры «раздельных» общин. Мы не станем говорить об экономических выгодах наделения землей миллионного мещанского сословия. Остановится в двух словах на юридической стороне вопроса; у мещан, прежних собственников земли *de facto* и *de jure*, отобрали ее, не дав им за это никакого вознаграждения. Если рассуждать по справедливости, то отобранная земля может быть возвращена мещанам, тем более что нынешние фактические распорядители городской землей вовсе не заинтересованы в непосредственной ее эксплуатации.

IV

Четвертное землевладение, лично-общинная система, *condominium*, резеши

Четвертное или доленое владение землей является смешанной формой общинного и подворного пользования; оно имеет некоторые черты как того, так и другого, но, помимо этого, заключает в себе кое-что своеобразное. Общество четвертных крестьян владеет определенным участком земли, распределенной между домохозяевами крайне неравномерно: один, например, владеет $\frac{1}{4}$, другой $\frac{1}{5}$, третий $\frac{1}{8}$ всей земли и т. д. Эти доли передаются по наследству, дробятся, продаются и покупаются; но при всем этом земля принадлежит определенному роду (общество состоит из одного или нескольких родов), почему ее нельзя завещать постороннему, нельзя также продать последнему часть участка. Порядок наследования устанавливается по обычному праву следующий: «После смерти домохозяина наследует преимуще-

ственно мужское нисходящее поколение – сыновья, внуки, правнуки, за отсутствием их наследует дочь или внучка; после бездетного домохозяина наследуют его братья или родные племянники, за отсутствием их – дяди и другие родственники. Ближайший родственник получает все наследство; несколько родственников, состоящих в одной степени родства, наследуют поровну. «Сестра при живых братьях после отца не наследница» – это общий привычный порядок... после матери дочь наследует наравне с братьями, точно так же имуществу матери наследуют незаконнорожденные дети наравне с законными» (164). Завещаний, вообще говоря, не полагается, да они и не исполняются, раз противоречат обычному праву: «Мало ли что со зла написать можно! Надо по-божески делать, это и ему будет приятно на том свете», – аргументируют крестьяне (165). Если получившая землю женщина выйдет замуж, то муж не может продать эту землю, не может заложить ее и пр. Выморочная земля поступает на мир, который и распоряжается ею по своему усмотрению (166). Власть мира над землей простирается еще далее: он может отобрать ее у нерадивых владельцев и передать наследникам. В том случае, когда часть земли сдается в аренду или отходит почему-либо от общества, например под железную дорогу, по суду и т. п., производится передел, имеющий целью не уравнивание участков, а надел каждого той долей земли, какую он имел и раньше; так, например, имевший $\frac{1}{5}$ всей земли до передела получить одну же пятую и после него, хотя его надел и уменьшится. Если селение состоит из нескольких родов, то каждому роду дается количество земли, пропорциональное прежнему владению; «при этом производится самое точное количественно-качественное управление». Таким образом, род играет здесь ту же роль, что выть или осьмак в общинах. Распределение же земли «в переделе каждого рода происходит соответственно наследственным долям». Порядок назначения надела определяется жребием. Точно такой же передел, увеличивающий доли крестьян, происходит при дележе, например, выморочных участков. Усадебные земли находятся в подворном владении, но вновь образующимся дворам мир дает под постройку землю из выгона. «Как же ему не дать усадьбы, – чай, тоже человек теплый, уголь ему нужен; чем же он виноват, что мы всю угожую землю захватили». Укажем теперь, что надо понимать под «долей» земли. При чистом четвертном землевладении в эту долю входят пахотная, луговая земля, лес, а иногда и кустарники. Сенокосы и лес подвергаются в большинстве случаев ежегодному переделу, но передел этот имеет целью не уравнивание участков, а уравнивание по качеству; так, например, имеющий $\frac{1}{5}$ долю получает не $\frac{1}{5}$ долю всей сенокосной земли, а $\frac{1}{5}$ долю всей выросшей травы, без отношения к величине занятой ею площади. Доля луговой или лесной земли пропорциональна количеству пахотной, хотя лес делится иногда по стволам, по деревьям. Причина ежегодных переделов

сенокосов ясна: «Хлеб, – говорят крестьяне, – одно дело; хлеб сеешь – надейся на Бога, а сам не плошай, потому потрудишься вокруг него, понавозишь, он и взойдет получше, а к траве рук не приложишь – родит, как Бог поможет, где получше, а где и совсем ничего нет» (167). Выдел леса и лугов в постоянное пользование встречается в Курской губернии только как исключение, явившееся следствием давления богачей; в Мценском же уезде Орловской губернии это общее правило (168). Выгон и другие пастбища (жнива, стирна) находятся при этом типе землевладения в общинном пользовании; исключений из этого правила, как кажется, не существует. В общинном же владении находятся и отрезки, получаемые при дележе пахотной земли; они идут под выпас скота, покос, а чаще сдаются в аренду. Четвертное землевладение распадается на несколько групп и часто удаляется от описанного типа, все более и более приближаясь к общинному. Так, например, на четвертном праве владеют только одной землей и сенокосом, а леса находятся в общинном владении; в некоторых случаях на общинном праве владеют только одним из этих угодий, тогда как другим пользуются по четвертному праву. В Курском и Тимском уездах Курской губернии покосы и лес переделываются также по дворам. причем каждый двор рода получает равную с другими долю; здесь встречаются даже артели членов рода, или десятков (дворов), или всего общества с равным потом дележом сена по «косам», а леса – на «топоры». В Белгородском уезде Курской губернии лес и покосы находятся «чаще всего» в общинном уравнительном пользовании (169). В Мценском уезде Орловской губернии и сенокосная артель является единичным исключением. Кустарник рубится здесь сообща в 5-ти деревнях и делится пропорционально количеству земли (170). Иногда покос и лес делятся по ревизским душам; бывает и так, что одно угодье делится по душам, другое – по дворам или по четвертному праву. К третьему виду четвертного владения относятся те общества, где в общинном владении, кроме выгона, луга и леса, находится также и часть пашни. Эта часть пашни переделяется обыкновенно по ревизским душам; в редких случаях пашня делится по дворам, и тогда благодаря семейным разделам ежегодно. Крестьяне, владеющие землей на таком начале, называются душевно-четвертными. В Рязанской губернии в общинном владении этих крестьян находится 40% всей земли. Благодаря тому, что пахотные четвертные земли переделяются очень редко, – в некоторых обществах утратилось представление о четвертном праве и крестьяне считают себя собственниками определенных полос. Во многих местах наследство, продажа и проч. породили чресполосицу, крайне мелкие и крайне крупные участки и целый ряд других неудобств. Неравномерность наделов достигла большой величины; так, в Козловской уезде Тамбовской губернии «иногда одинокая женщина имеет 13 десятин, а семьи по 8–9 человек имеют только

по 2 десятины» (171). В силу этих условий, а также недоимок и запутанности землевладения во многих обществах замечается стремление реорганизоваться на общинных началах. Несмотря на то, что министерский циркуляр 1839 года прямо разрешает четвертным крестьянам переходить к общинному типу землевладения, – это стремление редко имеет успех. Здесь, как и везде, силен протест богачей-«широкодачников», не отступающих при защите старой формы владения перед страшными, кончающимися иногда убийством, драками. Переход же к общинному владению тем более желателен, что четвертные крестьяне находят «эту форму более выгодной не только для сельскохозяйственной деятельности, но и для поддержания нравственности населения» (172). Стремление четвертных крестьян к общинному владению очень сильно в некоторых местностях, например в Курском уезде, в некоторых местах от четверного землевладения осталось только воспоминание. Крестьяне Воронежского уезда пользуются четвертными землями на общинном праве (173). Часть четвертников Елецкого уезда Орловской губернии перешла к общинному владению (174). Четвертные крестьяне покупают иногда землю для утилизации ее на общинных началах, выморочные, а в Курском, например, уезде и полученные в последнее время земли обязательно делятся по ревизским душам. Прямой, совершенный законодательным путем передел четвертных земель по едокам с обязательством делить землю через определенные сроки был бы серьезной реформой в деле поднятия крестьянского благосостояния. Нельзя, впрочем, не заметить, что в Мценском уезде Орловской губернии четвертное владение является устойчивее общинного (175); это объясняется, впрочем, исключительно ненормальным положением мценской общины. Скажем еще несколько слов о распределении податей между членами этих обществ. Приусадебные земли не облагаются податями. Та часть податей, которая падает на общинные земли, разверстывается обычным, известным уже нам способом. Пропорционально количеству четвертных земель разверстываются государственный поземельный налог, оброчная подать, земское обложение, лесной налог (176). Волостные сборы распределяются обыкновенно по ревизским душам, сельские – разнообразно (по дворам, пропорционально «долям»). В тех случаях, где аренда земли покрывает недоимки, крестьяне и не имеют дела с круговой порукой. «У нас круговой поруки нет, – настойчиво утверждают они, – у нас ежели недоимки за кем – земля его отвечает, а не мир» (177). Таким образом, участок недоимщика, будь он крестьянин или нет, сдается миром в аренду. Четвертное землевладение разных видов встречается в Рязанской, Курской, Орловской, Тамбовской, Казанской, Самарской и Воронежской губерниях. Этот тип землевладения не гарантируется от разрушения нашим законодательством, которое не знает обычного права четвертников. В силу этого четвертные земли скупаются

при помощи разных ухищрений посторонними лицами, которые вместе с покупкой принимают на себя обязанность выплачивать и подати. «Широкодачники», «земляки», «мироеды», «глотки» – представители подонков полукультурных слоев – влезли в четвертные общины, внося в тысячу раз больше вреда, чем пользы. Эти господа сами чувствуют непрочность своего положения и опасаются, что правительство признает недействительными все продажи четвертных земель. Ввиду этого при помощи разных хитрых средств они устраивают публичные торги на земли, причем их покупки утверждаются судом, добиваются путем заклада, написанного за фиктивно возвышенную сумму, фактического владения землей и практикуют все это в широких размерах. Вообще говоря, теперь настоятельно чувствуется необходимость объявить четвертные земли неотчуждаемыми. «Четвертные крестьянские земли, – говорит исследователь Козловского уезда Тамбовской губернии г. Романов, – как всякая мелкая земельная собственность, всегда могли легко переходить и ныне переходят к совершенно посторонним четвертному владению лицам крестьянского и некрестьянского сословия» (178). Запрещение продажи четвертных земель является чисто временным паллиативом, так как явившееся в силу наследства дробление земли заставит или отдавать мелкие участки, или бросать их без обработки. Только общинное землевладение может спасти четвертных крестьян от безземелья. Тем не менее вопрос о неотчуждаемости четвертных земель необходимо решить немедленно в утвердительном смысле, так как купля-продажа идет чересчур уже быстро. «Движение четвертных земель, – пишет г. Кисляков о Тимском уезде Курской губернии, – и процесс обезземеления четвертных крестьян идут рука об руку и растут весьма быстро, обещая при естественном ходе дела создать из нашего “обеспеченного землей” мужика широкий класс пролетариата, ибо при наличных условиях рано или поздно четвертные земли будут монополизированы незначительных числом четвертников» (179). Говоря о четвертной форме землепользования, нельзя не заметить, что у нас существует мнение, по которому в России вовсе нет подворного владения, а есть только четвертное. Не беремся судить, насколько верно это заключение для всех местностей, но в отдельных случаях подворное владение отличается от четвертного не формой, а только происхождением (например, в Предтечевской вол. Елецкого уезда Орловской губернии)» (180).

К числу оригинальных общинных типов относится так называемая лично-общинная система, господствующая в Рибенсдорфской, Беловежской и других немецких колониях. Сущность этой системы заключается в следующем: «Из общего надела, во-первых, выделялась сплошная усадьба для целого населения, из которой каждая семья получала себе место для дома, огорода, сада и пр. Потом отмежевывался общий выгон с присоединением

сюда всех неудобных земель. Лес отводился тоже в общее пользование, а затем все остальные угодья разбивались на несколько полей, и в каждом из них всякий отдельный двор получил свой пай по уравнительному переделу, сообразуясь с качеством почвы, отдаленностью от усадьбы и пр. (181). Надел производится в потомственное пользование не отдельным лицам, а целому двору-хозяйству, независимо от числящихся в нем душ, так что количественный и качественный итог этих паев всегда один и тот же, а если и встречаются изменения в размере каждого отдельного пая, то исключительно только вследствие замены прежней системы хозяйствования новой, улучшенной, требующей нового распределения полей (182). За нехозяевами сохраняется право «на усадебную оседлость, на долю участия в общинном выгоне и других мирских статьях общего пользования» (183) (например, участие в лесе). При данной системе пользования сход имеет право произвести передел не иначе, как в случае перехода к высшей культуре; такой передел, не принимающий во внимание числа душ, вернее назвать простой переверсткой. Аналогический же способ пользования землей мы встречаем и в закавказских немецких колониях. В этих колониях «земля распределена между отдельными домохозяевами неравномерно, и притом каждый дом пользуется неизменно определенным, раз установленным количеством земли»; «угодья каждого домохозяина не имеют известных, раз назначенных границ, и земли перемериваются или переделываются обществом или в определенные сроки, или по мере надобности». «Колония Анненфельд переделывает земли ежегодно и обыкновенно в октябре; Эленсдорф тоже в конце сентября; в Александерсдорфе и Александерсгольфе пашни переделываются через 8–10 лет, а покосы – каждый год перед сенокосением; в остальных колониях переделы земли совершаются в неопределенные сроки. Последний передел в Александерсдорфе был вызван проложением Закавказской железной дороги, которая нарушила равенство в размерах каждого отдельного участка хозяйства». Усадебные и садовые земли находятся в подворном владении, а выгоны – в общинном. В общинном же пользовании состоят оросительные сооружения, причем водой пользуются или по дням, или по размерам площади поливной земли (184). В Петербургском уезде в Ново-Саратовской колонии участки переходят по наследству, но домохозяин не может отчудить участок, не может даже сдать его в аренду без согласия общества; последнее может временно отнять землю за неплатеж податей, может устранить его от земли, если колонист плохо ведет себя, нанося ущерб хозяйству; земля передается здесь старшему сыну, выгон и лес находятся в общем пользовании (185).

Общее владение землей (*condominium*) опять-таки очень близко к четвертному. «Каждому отдельному домохозяину принадлежит на праве собственности известная (неравная) идеальная доля общего земельного участка,

числящегося за данным населением. Доля эта не может быть ни уменьшена, ни увеличена по воле большинства домохозяев. Каждый совладелец волен ее продать, подарить, завещать, разделить между своими детьми». Всякое хозяйственное распоряжение общей землей (например, распределение земли по угодьям, увеличение пашни, обращение земли в толоку и пр., и пр.) происходит по воле большинства, а не по единогласному решению, как того требует закон. При дележе земли ее разбивают по качеству, а распределяют пропорционально долям. Пользование выгоном нормировано очень удачно. Прежде сего сговариваются, какое количество скота можно допустить на выгон. «Затем это число делится на число десятин всей земли. От умножения полученного частного на число десятин, принадлежащих каждому совладельцу», узнается, сколько голов скота может последний бесплатно пасти на общем выгоне. За каждую же лишнюю голову он платит в пользу тех, у кого не хватает допредельной нормы (185). Такой способ владения встречается в Феодосийском уезде Таврической губернии.

Скажем несколько слов о землевладении резешей, мало чем отличающемся от подворного. Определенная группа лиц, живущих в каком-нибудь селении, имеет один документ на владение своей землей, которая принадлежала некогда одному лицу. Купля-продажа и наследование (поровну между сыновьями и дочерями) сильно дробят землю. Земли резешей зачастую скупаются и оттягиваются от неимеющих отдельных документов владельцев. Понятно, что и здесь закон должен придти на помощь обезземеливаемому населению, объявив резешские земли неотчуждаемыми.

V

Охотничьи общины, соляные, рыболовные и другие общины

В высшей степени характерен тот факт, что крестьяне-охотники Архангельской губернии распространяют иногда свои общинные порядки на леса, служащие местом охоты. Охотники имеют свои места для охоты, тянущиеся на десятки верст. Эти места, добытые захватным правом, переходят из рода в род без права завладения ими посторонними лицами. Там же, где вследствие увеличившегося населения лучшие и ближайшие леса уже заняты, а новым членам общины приходится в этом отношении терпеть значительные неудобства, мир после долгих колебаний – он в этих делах очень консервативен – решается приступать к равнению угодий, т. е. «к переделу лесных участков, находящихся в пользовании общественников» (186). Из Мезенского уезда Архангельской губернии писали следующее: «Крестьяне-птицеловы делят лес между собой, как и все другие угодья; каждый имеет свой лесной участок, переходящий от отца к сыну; мир может переделывать участки» (187).

В посаде Неноксе Архангельской губернии находится колодезь с семью варницами соли; крестьяне, называемые коренщиками, владеют в этих варницах участками на правах личной собственности, но наряду с ними имеются «душевики», посадские, пользующиеся участками варниц по наделу, т. е. по разделу этих частей между всеми душами общества, не имеющими наследственных прав на участие в соляных промыслах. Доли коренщиков очень различны, так как величина их зависит от случайностей наследования. Доли душевиков одинаковы и соразмеряются с количеством душ семьи «душевика». Количество вываренной за день соли называется «варей», «участком», по которому приписывается в каждой варнице от 4 до 11 душ. У кого одна душа в семье, тот пользуется $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{11}$ частью «вари» (участка), смотря по числу приписанных к варнице душ, у кого две души, тот – двумя такими долями и т. д. Способ пользования варницами следующий: несколько варь сварят коренщики, затем тоже несколько варь душевики, затем опять коренщики, за ними душевики и т. д., пока всем, и коренщикам, и душевикам, доведется получить причитающуюся им долю в выварке. В Унском и Лудском посадах нет коренщиков, и там «организация соляного промысла чисто общественная. В Уне один общий колодезь и одна общественная варница. Солеварение производится жеребьями, а в жребий складывается по 5 ревизских душ. Всех жеребьев 42. Каждый жеребий по очереди вываривает чрен до 100 пудов соли, следовательно, в один обвод на душу приходится 20 пудов соли» (188). В этих общинах так же, как и в помещельных, многие отдают свои пайи состоятельным лицам.

В общинном владении находятся и другие источники сырых материалов. Так, например, в Печорском крае Устьсысольского уезда жители четырех волостей, население которых разбросано на пространстве 400 верст, владеют сообща двумя брусняточильными горами Щугорской волости (189). В Пермском крае в общинном владении находятся каменоломни и известковые горы (190). В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии общинники пользуются на правах захвата глиной и годными для дворовых построек камнями (191). В Усковых Орловского уезда Вятской губернии при добывании извести из надельной земли «организация труда общинная, так как все необходимые по выработке камня работы производятся сообща» (192). В Камычлевской станице Войска Донского камнем пользуются вольно, и общество допускает к работе даже посторонних (193). Сплошь и рядом община сдает такие уголья в аренду и вырученные деньги употребляет на уплату податей. Общинное владение водой часто выражается сдачей вод в аренду. Но опять-таки далеко нередко встречается иная организация пользования. Так, в слободе Новой Каменке Острогожского уезда Воронежской губернии при пользовании водой как рабочей силой для мельниц установ-

лен обычай «годоваться» (194). Каменоломни деревни Талыкова Елецкого уезда и деревни Дерновки находятся в общем пользовании, и каждый копает, где хочет. «В Добринской и Тележинской волостях Лебединского уезда Тамбовской губернии каменоломни распределены подушно по семьям, наравне с прочими угодьями» (195).

В Архангельской губернии мы встречаемся с целым рядом рыболовных общин. Организация общинного владения рыболовными угодьями то приближается к организации поземельных общин, то уклоняется от последней под влиянием различных условий. Мы принуждены указать только некоторые из существующих общинных видов, так как многие из них только упоминаются, но не описываются исследователями. Это-то и затрудняет деление их на подгруппы. «Реки Кулой и Сояна разделены для рыбных промыслов, т. е. главным образом для ловли семги, на участки по ревизским душам, как и земля. Когда к общине причисляется новый член, он вместе с участком пахотной, сенокосной и усадебной земли получает и рыболовный участок на реке, принадлежащей общине». В Пустозерской волости Архангельской губернии на пространстве 120 верст разбросаны 17 деревень, составляющих одну рыболовную общину. Все жители данных деревень делятся на «сотни»; если в какой-нибудь деревне не наберется ста человек, то это число дополняется жителями другой деревни. Места на реке неодинаково доходны, почему каждая сотня получает «части и в верховьях, и в низовьях рыболовных дач». Сотня делит свои части между входящими в ее состав деревнями, причем на каждую деревню приходится по нескольку «поплавней» – участков, разбросанных в разных местах. В каждой деревне происходит дележ сначала лучших поплавней, а потом остальных. Получившие поплавни первого вида ежегодно чередуются в пользовании ими. Каждая группа, получившая во владение участок, делит его по душам следующим образом: «Сначала высчитывается, сколько нужно работников, чтобы вести лов на поплавне, и по числу работников поплавень делится на пай, и все души, приписанные к поплавню, делятся на столько частей, сколько в поплавне паев. Положим, что на пай придется 5 душ. Тот, кто имеет в семье 5 душ, выставляет от себя работника, доставляет нужное количество веревок и сетей и затем пользуется полным паем; у кого нет пяти душ, тот соединяется с кем-нибудь другим». Добыча делится по паям; если владельцы пая состоят в разных семействах, то она распределяется далее по душам. Четыре деревни: Умба, Куза, Оленица и Сальница – имеют общие рыболовные угодья на море. Жители этих деревень собираются раз в году и делятся на три части; между последними же делится море. Каждая группа разбивается, в свою очередь, на дружины по 9 и 10 человек каждая; по числу этих дружин делится каждый из трех участков моря. На реке Поной встречается похожая на сенокосную община

первого захвата». «24 августа все ставят свои лодку у берега, потом молятся и разом бросаются к лодкам. Каждый спешит к избранному им на реке месту и забивает на нем 2–3 кола, означая тем, что берет его в свое пользование» (на осень). Все приведенные примеры общинного владения знакомы уже нам по описанию земледельческих общин. В других местах встречаются рыболовные общины-артели, с каковыми мы встречались и при обработке земельных угодий. В некоторых случаях рыболовные угодья сдаются общиной в аренду. Укажем кстати на значительные коллективные работы общинников по устройству так называемых заборов (для ловли рыбы): на реке Сользе забор устраивается целым обществом; все члены общества, человек 100, заготавливают по сажени лозняка каждый, весной все выходят на работу и в три дня устраивают забор, починка которого опять-таки производится всем обществом. Вырученные от продажи улова деньги «делят по ревизским душам: у кого сколько душ, тот столько получает и паев, так как и заготовка материала, и участие в промысловом труде устраивается по душам» (196). В деревне Коржевке (Максимовка) Бузулукского уезда Самарской губернии существует община молокан в 234 двора. К числу ее угодий принадлежат 5 озер, «наполненных всевозможной рыбой». Пользование озерами практикуется по ревизским душам, которые разбиваются на группы «приблизительно от 20 до 50 душ в каждой, так что каждое озеро путем жеребьевки достается большей или меньшей группе, смотря по величине и удобству расположения озера». Здесь право рыбной ловли сдается однообщественникам в аренду из части улова (197). В том же уезде Камвно-Сарминская община делит 6 озер по десяткам, причем каждый десяток занимается рыболовством только в своем озере. В общине Мухановской того же уезда озеро эксплуатируется на организованном захватном праве (198). В Вятской губернии встречаются в общинном пользовании рыбные ловли (199); в Слободском уезде Вятской губернии в реках, протекающих через крестьянские земли, всякий ловит, где хочет, не только в своей волости, но и в соседних (200). В Пермской губернии рыбные ловли тоже находятся в общем владении (201); общинные рыболовные угодья встречаются также и в Воронежском уезде; здесь разрешается вольный лов рыбы в тех местах, где она ловится для собственных нужд общинников; места же, где рыба ловится на продажу, должны платить аренду (202). Во владении села Поречье-Рыбного Ростовского уезда Ярославской губернии находятся рыболовные река и озеро; когда река покроется льдом, все население выходит на нее и делит по жребию на участки; что касается до озера, то здесь мы встречаем жребий, определяющий, как кажется, очередь для общинника захватывать отдаленные рыболовные участки. Когда озеро покроется льдом, бросается жребий: кто получит первый жребий, старается занять более отдаленное место, другие обгоняют его;

положивший на определенное место клюку с меткой хозяина считается занявшим этот участок (203).

В общинах донских казаков при зимнем лове рыбы происходит обычный передел рек по паям; на озеро назначают, сообразуясь с разными условиями, определенное число десятков казаков (204). У черноморских казаков при речном рыболовстве практикуется вольное пользование рыбой до тех пор, пока рыболовство не приобретает промыслового характера; тогда ставится ряд ограничений, имеющих целью противодействовать истреблению рыбы; в других случаях вода сдается в аренду; наконец, что нам всего интереснее, есть станицы, где пользование рыбными ловлями производится на началах дележа. Так, все бриньковские жители ежегодно разбивают на участки, «на ставки», устье реки Бейсуга для ловли рыбы, идущей метать икру в эту реку из моря через Бейсужский лиман, и распределяют самые ставки между желающими ловить рыбу по жребию. В войсковых водах участки тоже раздаются по жребию, но на практике в этих водах пустило корень не общинное, а хищническое предпринимательское хозяйство (205). На Урале встречается община первого захвата, аналогичная с той, которая существует на реке Поной Архангельской губернии. В Восточной Сибири существуют рыболовные общины на верхней Ангаре, Селенге и озере Байкале. Пай дается в них всем едокам общества, так, например, не только женщинам, но даже годовалым ребятам. Общинники соединяют для рыбной ловли свои пай, причем каждая семья вносит такой труд, какой может; например, мать, имеющая ребенка, работает одна, а получает два пая добычи. Не мешает заметить, что кулаки разрушают такие общины, скупая пай бедняков (206). На Ангаре встречается община-волость: рыболовные места принадлежат жителям нескольких деревень Каранчанской волости, которые и производят ловлю отдельными артелями, распределив полюбовно места лова (207). На Нижней Колыме мы опять встречаемся с общиной. Посредине устроенного забора вставляется на 24 часа корзина каждого члена общества; «но в течение этого времени корзина подвергается многократному осмотру, и найденный при каждом осмотре лов разделяется на столько частей, сколько есть владельцев корзин в обществе»... (208).

Укажем теперь на общины по воде, которая орошает пашни. В селениях Таракташской волости Феодосийского уезда Таврической губернии существуют известные приемы при регулировании пользования речной водой для орошения садов. «Приемы эти основанием имеют признание реки общественным достоянием, а целью – уравнительность». «Нормы водяного права, выработанные практикой, в общем, повсюду одинаковы. Приведем несколько примеров: в Таракташе виноградники поливаются водой из реки Кира-бербунар, на последней недавно устроено 5 плотин. В годы обилия воды, когда

нет препятствий к очередному пользованию ею, пропуском воды через эти плотины распоряжаются сами соседи-садовладельцы; каждый поливает свой сад до насыщения; напротив, в годы недостатка воды, когда поливка одного сада может оставить без воды другие виноградники, регулирование пользования водой, установление очереди поливки и определение самой продолжительности последней – дело стариков. Тогда все садовладельцы разбиваются на 5 групп (по числу плотин) и старики определяют в днях сроки, в которые должна пользоваться водой каждая группа. Величина сроков находится в зависимости от трех обстоятельств: 1) количества воды в реке, 2) площади виноградников и 3) величины общего срока поливки всех таракташских садов» (209). Считаю нелишним дословно привести одну корреспонденцию об инородцах Ферганской области Средней Азии. Своей лаконичностью она не дает возможности определить, действительно ли существуют общины в данной местности или же только обязательный севооборот. «При ценном, искусственном, арычном орошении полей, – говорит автор, – условия общинной жизни проявляются так, как бы существовали общины на воде. Явления эти в Наманганском уезде Ферганской области следующие. В Куме-Курганской волости существуют общины, решением которых вводится тот или другой севооборот. В Кепинской волости то же явление, в зависимости от которого находится устройство плотин, регулирующих количество воды. В Хапашавской волости то же явление». . . В Баглисской волости встречаются общины не по роду, а по воде (210). У киргиз Оренбургской губернии для прорытия канав (арыков) соединяются хлебопашцы нескольких отделений родов и выбирают начальника, под надзором которого происходит работа. Затем выборное лицо делит воду между участниками (211). У бурят проводятся для орошения утугов канавы, которые потом и чистятся таким образом, что каждая душа должна работать определенное время; ввиду этих работ по орошению, которые производятся уравнительно по душам, и производятся, надо думать, переделы орошаемых утугов (212).

VI

Общины инородцев

Перейдем теперь от этих общин к инородческим общинам Европейской и Азиатской России¹. Калмыки Астраханской губернии владеют своими землями «на правах общинного пользования, без права отчуждения и отдачи в наем» (213). У тухмян Ставропольской губернии мы встречаем уже разложение общинного владения; так, там «даже и части рода большие и самые мень-

¹ В план работы не входили исследования общин аборигенов Кавказа, не входило и исследование типов землевладения в местностях на западной границе.

шие имеют определенные участки для своих кочевков»; кажется, что и здесь еще нет чистой индивидуальной собственности (214). Башкиры-вотчинники Бузулукского уезда Самарской губернии «пользуются землей на общинных началах с периодическими переделами и переверстками» (215). У башкир и тептерей Пермской губернии совсем не встречается подворного владения; землей владеют на общинных началах (216). Татары, мордва, чувашаи (217) утилизируют землю на общинных началах великорусского типа. В одной же из татарских общин Феодосийского уезда Таврической губернии встречается крайне оригинальный тип землевладения. В этом селе, называемом Катырма-Сарае, «пахотное поле не подвергается никаким переделам. Понятие о ревизской или наличной душе общинникам незнакомо. Пользование пашней регулируется следующим образом. Каждый хозяин пашет сколько хочет и может. Затем измеряется площадь, вспаханная всеми хозяевами (как членами общины, так и посторонними, проживающими в этом селении). Сумма распаханых десятин делится на число дворов, имеющих право на землю. Частное, полученное при таком делении, принимается за норму бесплатной подворной запашки, а потому хозяин, вспахавший более этой нормы, должен с излишка дать скопщину; собранная таким образом скопщина затем делится между теми дворами, которые почему-либо не имели посева на общественной земле» (218). Перейдем теперь к северным инородцам: канинские самодеды владеют тундрой сообща, и «всякий промышляет, где хочет» (219). Земля лопарей находится в родовой наследственной собственности (220); семужьи тони составляют общинную собственность нескольких погостов (221). У пермяков Орловского уезда Вятской губернии господствует община-волость с уравниванием земельных участков; переделов здесь не бывает, но у многоземельных отрезается часть земли и передается малоземельным. В 1879 году межевание уничтожило общину-волость на пахотную землю, но леса и луга эксплуатируются на прежних началах, причем последние эксплуатируются и на артельном начале. У пермяков, как и русских этой местности, существуют общие столы во время празднеств, а также (у первых) и в связи с жертвоприношениями (222). У зырян Удорского края лес является общим достоянием, но тем не менее каждый охотник имеет свой «путик», передающийся из рода в род и неприкосновенный для других. Общинность владения проявляется здесь в том, что «иногда по смерти владельца или по переселении его в другие местности путики переходят в общественное пользование, причем они отдаются в аренду одному из членов общества или приносятся в дар церкви» (223). У карелов господствует смешанный с великорусским или чисто захватный способ землевладения.

Инородцы Азиатской России сохранили в большинстве случаев общинную собственность на источники сырых материалов. У бурят, например,

встречаются земледельческие, звероловные и пастушечьи общины. Земледельческие общины бывают захватного типа и переходного к великорусскому (224). «Между разными бурятскими родами» существует «общинность пастбищного землевладения». «Вся так называемая Братская степь, тянущаяся от реки Куды до вершины реки Анги, считается бурятами общинным достоянием их племенной общины» (225). «Леса, пустопорожные земли, угодья находятся в нераздельном пользовании обществ, но какие-нибудь особенные личные труды, приложенные к земле, вознаграждаются особыми же правами пользования» (226). Из Идинского ведомства сообщили в 1886 году о свободных пахотных землях, находившихся (до земельной неурядицы этого года) в общем владении трех Готольских родов (227). У братских (бурят) Верхоленского ведомства (округа) пахотные и сенокосные земли делятся при ревизии по числу душ мужского пола; во многих местах сенокосы огораживаются от потрав скотом городьбой, устраиваемой по числу душ или скота хозяев (228). Ясак, подати и повинности налагаются на ревизские души, а общественные – внутренние располагают на одни так называемые поборные души, т. е. живые и могущие оплачивать побор (229). Доходы с общественных земель принадлежат «роду родовичей», коему принадлежит земля (230). У братских Хоринского ведомства покосы делятся по числу имеющегося скота (231). У бурят Селенгинского ведомства захвативший брошенное место с разрушенной городьбой должен в случае протеста хозяина дать последнему трехлетний срок, «и если за сим его сил не достанет, донеся о сем родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться бесполезной, тому, кто имеет нужду в сенокосении, позволяется огородить и оным местом пользоваться, но за очищение камня и прочего прежнего владельца чем-либо наградить» (232). У единокровного же улуса бурят «пашни, покосы, утуги, скот – все общее» (233), так же, как и общая работа. Работы бурят по поливке сенокосов носят, судя по технике работы, общинный, артельный характер: они устраивают в реке плотину и образуют пруд, из которого выводят сначала большие, а потом маленькие каналы (234). Что касается до якутов, то «во владении каждого наслега¹ все якуты, составляющие оный, пользуются рыбными и звериными промыслами невозбранно, не рассчитывая того, что таковые угодья состоят в участке одного или нескольких человек из родников» (235); тем не менее якуты сторонних наслегов не имеют права промышлять в чужих владениях. «Покосы делятся на участки между родниками» (236), в одних случаях по числу ясаков, в других – по числу поборов. Переделов в точном смысле слова здесь не бывает; покосы переходят от отца к сыну, но уменьшаются для на-

¹ Наслег заключает в себе от 100 до 1,000 лиц мужского пола, не считая женщин. Это население разбросано на большом пространстве. Некоторые семейства живут за 500 верст от центра наслега.

деления других лиц или в том случае, «когда владелец обеднеет и делается не в состоянии по количеству покосов отправлять» общественные повинности (237). Имеющие детей женщины получают, по смерти мужей, покосы под условием платежа ясаков, податей и повинностей; бездетные или только не могущие платить не получают покосов. Отдача сенокосного участка в аренду допускается не более, как на четыре года и не иначе, как с ведома и дозволения родовых начальников. Что касается до пастбищ, то смежные наследи не препятствуют скоту одного наследи переходить на землю другого; тем не менее члены чужого наследи не могут селиться на пастбище без ведома местных жителей (238). Наиболее новые сведения о якутской родовой общине можно изложить в нескольких словах: «Якутская община делит своих членов по количеству скота, ими владеемого, на три класса» (239). Первый класс составляет обыкновенно около $\frac{1}{4}$ всего населения, второй меньше $\frac{1}{2}$, иногда $\frac{1}{4}$, и, наконец, третий составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всего населения общины. Якуты первого класса имеют, по обычаю, двойной надел против якутов второго класса; якуты третьего класса имеют вдвое меньше земли, чем якуты второго класса, или вовсе не имеют ее. Под влиянием экономического гнета этот обычный строй сильно изменяется: якуты первого класса владеют четверо и даже в десять раз большим наделом, чем якуты второго. Переделов под давлением родоначальников не бывает. По этой же причине оставляются без внимания требования надела со стороны якутов, обзаведшихся скотом. Подати распределяются таким образом, что якуты первого класса платят вдвое или почти втрое более якутов второго класса; натуральные же повинности исключительно падают на третий класс и на безземельный пролетариат, которые не платит уже денежного сбора (240). Якуты расчищают лес и поднимают новь артелями. «Расчищенное место составляет общую собственность трудившихся и переходит по наследству ко всем потомкам тех лиц, которые его расчищали» (241). Тундра кочующих коряков считается их общинной собственностью (242). В приамурском крае «места соболиного промысла распределены инородцами между собой по родам и неприкосновенность чужого участка соблюдается свято; виновные в нарушении этого обычая теряют всю свою добычу» (243). У киргизов степной Сибири летние пастбища являются общей собственностью всего племени; каждый из киргизов «волен пасти свой скот, где ему угодно» (244). Киргизы укочевывают целыми старшинствами из пределов своей волости в чужие, очень часто в чужой уезд или чужую область, а из некоторых волостей Зайсанского приставства даже в пределы Китая. Наравне с летними пастбищами считаются общей собственностью дороги, леса, пресные и соленые озера, речки, рыбные и звериные промыслы (245). Что касается до пашен, то «владение пашнями у киргизов носит характер общинный. Обработка земли и посев производятся вместе кирги-

зами нескольких кибиток, связанных родством. Окончив посев, киргизы удаляются на кочевки, а на пашнях для охраны и полива остаются бедняки, не имеющие скота. Ко времени жатвы киргизы возвращаются на пашни и после молотбы делят зерно, которое прячут на зимовках в амбары и ямы. Избыток, который, впрочем, бывает редко, продается тут же на пашне» (246). Киргизы-землевладельцы Сыр-Дарьинской области владеют землей на общинных же началах. «Частные права отдельных семейств киргизских землевладельцев, ограниченные обычаями передела полей и обязательным участием в общественных работах по устройству и сохранению оросительной сети, состоят под покровительством обществ и не подлежат отчуждению» (247). У вогулов Западной Сибири «леса находятся несомненно в общем нераздельном пользовании» (248). Рыболовные места инородцев, живущих по берегам Оби, «всегда находятся в общем владении нескольких семейств» (249). Гагемейстер, говоря об инородцах Сибири (часть тунгусов, остяков и самоедов), занимающихся рыболовством во время лета и охотой осенью и зимой, указывает, что все охотничьи переходы «совершаются каждым семейством в известных, ему назначенных пределах и в случае увеличения числа семейств общество приступает к новому разделу между своими членами» (250). У бродячих тунгусов, исключительно звероловов, охотничьи урочища разделены с давних пор на отдельные дачи; но случается, что несколько семейств вместе имеют одну общую дачу как неприкосновенную собственность (251). У тунгусов же – рыболовов-звероловов – «каждое семейство имеет определенный район, в пределах которого ему только и предоставлено право бродить и охотиться за зверем; при увеличении же числа семейств районы эти подвергаются переделу» (252). У гольдов, наконец, лес является общинной собственностью (253).

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

КАРЬШЕВ Николай Александрович
(1855–1905)

Основное отличие общинного земледелия от частного или подворного заключается в следующем. Земля не составляет собственности одного лица – в общине она принадлежит всем членам в совокупности. Вся община в полном составе распределяет ее между отдельными домохозяевами для использования в течение определенного срока, по истечении которого община снова и снова периодически повторяет такое распределение, называемое «переделом» земли, при этом каждый домохозяин получает новые участки в иных местах и почти всегда иных размеров.

Некоторые угодья не подлежат переделу, чаще всего это бывают усадьбы и выгоны; другие могут подвергаться ему лишь иногда (огороды, леса, сенокосы); существенной, однако, чертой господствующих у нас общинных отношений служит передел пахотной земли. Как весьма редкая разновидность общинных распорядков встречается артельная общая обработка всех угодий (кроме усадеб) с разделом продуктов между членами.

Вся совокупность общинников имеет право полного распоряжения всем общинным имуществом; каждый из них, как один из членов корпорации, может подавать голос за отчуждение этого имущества, но не может по желанию отчудить своего участка, который он получает лишь для пользования с определенными целями. Из сказанного вытекают два важных последствия: 1) общинник не может лишиться своей доли земельного надела и 2) каждый общинник имеет право на получение своей доли из общинной земли. В самом деле, при общинном землевладении каждый домохозяин может, конечно, сдать в аренду свой участок по своей задолженности, бесхозяйности, безлошадности и т. п. причинам, никакого отношения к общинным распорядкам не имеющим; его земельный пай может быть сдан в аренду самой общиной для уплаты его недоимок, но такое отчуждение всегда есть результат силы каких-нибудь внешних факторов; юридически оно представляется времен-

ным, форсированным, исключительным: по истечении срока отчуждения или при обзаведении рабочим скотом, вообще при улучшении своего хозяйственного положения общинник никогда не теряет права получить свой участок обратно в собственное пользование. Так, например, две крупные финансовые меры первой половины 80-х годов – уничтожение подушной подати и уменьшение выкупных платежей, сократившие крестьянские платежи в иных местах весьма значительно, как увидим ниже, – имели следствием возврат на родину, требование вновь своих общинных паев и возобновление хозяйства немалого числа таких крестьян, которые ранее бросали свои наделы и уходили на заработки. Во-вторых, всякий полноправный член общины имеет в составе общинной земли свою долю, сколько бы таких членов ни было. Поэтому каждый общинник – землевладелец, все его дети, сколько бы их у него ни было, также в свое время получают в пользование причитающиеся им участки земли. Раздел общинных полей между всеми общинниками гарантирует им принадлежность этого важнейшего орудия их труда. В данном случае безразлично, велики или малы участки, приходящиеся на долю каждого отдельного члена общины. Общинный принцип заключается в уравнительном распределении наличного земельного фонда общины. Если он чрезмерно мал и участки общинников представляют ничтожные делянки, то это может быть следствием лишь других причин, обуславливающих малоземелие той или иной части населения, но не следствием общинных распоряжений. Нам придется сейчас увидеть, что размеры крестьянского землевладения играют видную роль в системах разверсток земли: чем больше надельный фонд относительно числа общинников, тем и последовательнее проводится общиной уравнительность при переделах.

При господстве денежного хозяйства в жизни каждого собственника, и в особенности мелкого, нередки случаи нужды в деньгах. Заем их или залог земли в частных руках или продажа земли могут нередко служить единственными выходами из затруднения. Но сношения с деревенским ростовщиком также ведут весьма часто к потере земли, а такая потеря есть признак разорения. Причины такого явления могут быть весьма разнообразны: одни коренятся просто в индивидуальных свойствах лица, другие – во временном случайном расстройстве его хозяйства, наконец, третьи – в общем угнетенном состоянии хозяйства страны или какой-нибудь ее части. Подобные бедствия, по мнению сторонников общины, и предупреждаются этой формой отношений в значительной мере. Невозможно думать вместе с писателями 50-х годов, что община предотвращает возможность появления в стране земледельческого пролетариата, так как возрастающее малоземелье может иметь результатом увеличение числа бесхозяйных или чрезмерное парцеллирование полос, перестающее удовлетворять продовольственным нуждам семьи земледель-

ца. И против последнего, как сказано, община бессильна, так как причины этого явления лежат вне ее. Но процесс обращения населения в пролетариат бесспорно значительно затрудняется при наличности общинных отношений потому, что невозможность юридически отчуждать участок, с одной стороны, сокращает кредитоспособность общинника, а с другой – допускает лишь фактическое отчуждение земли, владение которой может быть восстановлено с улучшением хозяйственного положения должника.

Второй весьма важной стороной в этом деле служит то обстоятельство, что при переделах община наблюдает между своими членами возможное равенство не только в их количестве и в величине земельных паев, но и в их *качестве*. Каждый общинник получает не один цельный участок, но несколько, иногда много полос разного плодородия и разной отдаленности. Если бы доля его находилась в одном отрубе, невозможно было бы уравнивать плодородие и отдаленность участков между всеми общинниками. Как это делается, постараемся сейчас выяснить.

Выше <...> были указаны причины, по которым мелкая частная земельная собственность ограничена в своем развитии известными пределами и теряет мало-помалу свою выгодность. Можно думать, что община обладает гораздо большей приспособляемостью к изменяющимся хозяйственным условиям и имеет более данных к развитию и переходу к высшим формам земельных отношений. Наличие переделов при росте населения и неизменяемых размерах земельного фонда общинников конечно способствует размельчанию участков отдельных лиц и может привести в результате к господству того же «карликового» хозяйства, которое служит столь пагубным отрицательным идеалом, и мелкой собственности. При тех же условиях наступает в общине и уменьшение средств большинства общинников, и недоступность для отдельных членов общины дорогостоящих улучшений, и истощение почвы, и отсутствие кормовых угодий. В конце концов разделение общинного населения на обособленные группы, различающиеся между собой по степени хозяйственного обеспечения, хотя и затрудняемое общинными порядками, все же может делать значительные поступательные шаги. Но тесная имущественная связь, создающаяся между общинниками общностью их земельного надела, обуславливает наличие некоторых условий, способствующих дальнейшей эволюции этой формы земельных отношений. Переделы стремятся уравнивать между членами общины главнейшее орудие земледельческого труда. Насущные хозяйственные нужды отдельных общинников указывают им на выгодность разных проявлений сотрудничества и на необходимость выработки разных форм общественного труда. «Помочь», «супруга», совместное пользование сенокосами, отдельные случаи совместной артельной обработки пахотной земли общими орудиями и т. п. служат внешними выразите-

лями такой тенденции, имеющей целью парализовать вред обособленности отдельного производителя. По мере размельчения хозяйства общинников и усиления недостаточности их обеспечения такая тенденция развивается с течением времени более и более. Нельзя видеть простой случайности в том, что идея «земледельческих артелей», находившая лишь отдельные, разбросанные случаи для своего выражения в 70-х и 80-х годах, начинает осуществляться в виде систематических опытов в последние годы. Наблюдения окружающей жизни в переживаемый исторический момент наводят на мысль, что дальнейшее развитие указанной тенденции – тенденции к выработке форм труда, носящих более общественный характер, – имеет будущность. Если же это так, если обособленность производителя в общине осуждена на постепенное сокращение, то можно думать, что эта форма земельных отношений эволюционирует к такой, при которой возможна крупная культура, т. е. которой чуждо размельчание участков, доступны дорогостоящие улучшения, при которой можно избежать истощения почвы, можно практиковать в больших размерах сотрудничество, можно применять «средства и знания». Несколько ниже мы увидим, что даже на современной ступени своего развития община вовсе не ставит неодолимых преград таким улучшениям земледельческой культуры, когда на то имеются достаточные данные в виде средств и знаний. Уменьшение обособленности производителя под влиянием настоятельных потребностей и наличных условий ведения хозяйства может только увеличить количественно, распространить территориально и разнообразить приводимые ниже факты поступательного культурного движения общины.

Переходим к внутренним распорядкам общинного землепользования. Они представляют в разных областях нашей страны весьма большое разнообразие, о котором могут дать понятие указанные выше исследования. Здесь мы можем привести лишь наиболее типичные формы этих отношений в самых общих чертах.

Прежде всего отметим, что слово «община» неизвестно крестьянству. В Великороссии его заменяет слово «мир», а в Малороссии – «громада», «обчество».

Эта форма землевладения поэтому и называется также «мирским» в противоположность «подворному».

Община не всегда совпадает с понятием деревни, села. Часто такое совпадение действительно имеет место. Это – случай наиболее распространенный. Иной раз община бывает больше или меньше села. Общину называют простой, если она совпадает с деревней или селом. В Московской губернии простые общины составляют 94 процента всего их числа. Общину называют составной, если она больше деревни или села, т. е. если в состав ее входит несколько деревень, пользующихся одной и той же земельной

территорией. Такие общины распространены особенно на севере, где редкое население разбросано небольшими поселками среди лесов, где удобные для земледелия пространства встречаются лишь небольшими участками между землями неудобными, болотами и лесами. В Олонецкой губ., например, «селением» называется нередко два двора или просто хижина в лесу. Всякий такой незначительный поселок имеет всегда свое особое название. В состав одной общины входит, конечно, много таких поселков (поговорка: «в деревне мира не наберешь»). Она состоит иногда из 20, 30, даже 50 таких «селений». В том же Олонецком уезде насчитывали до 600 таких «селений» в то время, когда общин там было не более 30. Наконец, общину называют раздельной, если она менее села. Это явление тоже довольно редкое и встречается только в селах, составленных из двух или нескольких крестьянских групп. Или деревня населена, например, и государственными, и удельными, и бывшими помещичьими крестьянами; или в бывшей владельческой деревне крестьяне принадлежали нескольким разделившимся наследникам и т. д. В этих и подобных случаях каждая группа имеет свой особый надел и образует самостоятельную общину. В Московской губ. таких раздельных общин числится всего около 4 процента. По способу владения землей и вообще в отношении всех своих распоряжений общины составные и раздельные весьма сильно приближаются к общинам простым и отличаются от них лишь в подробностях, на которых мы останавливаться не будем и перейдем прямо к внутреннему устройству общин простых.

Основную черту нашей общины, как сказано, представляют переделы одних угодий и общее пользование других. Общины без переделов с артельной обработкой всех угодий составляют исключения. Обыкновенно же выгоны и пастбища находятся в совокупном пользовании всей общины. Переделам подвергаются пашни, сенокосы и иногда лесные угодья. Усадьбы же составляют предмет частного пользования общинников.

Далее, для ясного понимания приемов переделов земли между общинниками прежде всего следует ознакомиться с той единицей, которая служит этой цели. Единица эта несколько своеобразна, и ее следует себе уяснить, прежде чем начать знакомство с техникой переделов.

Такой единицей служит «душа». Но эта душа не наличная, а условная, фиктивная, податная. После каждой ревизии во всякой общине числится то количество душ, которое застала ревизия. Но в период между ревизиями, очевидно, количество это значительно видоизменяется. Население или возрастает, или сокращается. Следовательно, общая сумма душ в общине постоянно колеблется. То же следует сказать и о каждом отдельном семействе. Иные семьи совершенно уничтожаются, другие разделяются на несколько частей, третьи увеличиваются, не разделяясь, и т. п. Считаться со всеми этими

изменениями при взимании налогов фискальному ведомству представляется, конечно, невозможным. Оно производит свои расчеты на основании данных последней ревизии и требует от общины то количество платежей, которое причитается с нее именно на основании этих данных. Когда в общину поступает такое требование, то задачей ее делается – распределить возможно равномернее требуемую сумму между наличным числом своих членов. Для этого она накладывает на наличные души известное число (целое или дробное) душ податных. Эти-то податные души (количество которых определено для каждой общины ревизией) и пишутся в каждом окладном листе и служат поэтому единицей раскладки между наличными душами податей и повинностей, лежащих на всей общине. Если, например, в деревне по ревизии 1858 г. числится 500 человек, то «душой» (в техническом податном смысле) в ней и до настоящей минуты считается $\frac{1}{500}$ всех податей и повинностей. Если теперь в деревне имеется 1000 наличных душ, то в среднем на каждую падает $\frac{1}{2}$ «души», если 250, то 2 «души» и т. д.

Количество этих душ служит основанием для раскладки податей и для переделов земли. Каждый общинник получает на свою долю, конечно, равное количество того и другого (т. е., например, пяти душам податным соответствуют непременно пять же душ и земельных). Но определение суммы таковых, падающих на долю того или другого общинника в частности, обуславливается весьма многими соображениями. Разделить число душ податных на число жителей мужского пола было бы в этом случае, конечно, проще всего, но далеко не всегда справедливо. Община не допускает такого грубого, противохозяйственного приема раздела. Разница между общинниками в возрасте, в разных личных индивидуальных особенностях, обладании средствами обработки земли (скотом, орудиями и проч.) оказывает немалое влияние на трудовую способность человека, и ее нельзя не принимать в расчет. «Наблюдения показывают нам, – говорит весьма почтенный исследователь Григоров, – что общество ежегодно обсуждает самым внимательным образом раскладку общей суммы по дворам, причем принимает во внимание не голый двор, не одно только число работников по возрасту, но оно входит возможно подробно в условия семейного положения, принимает при этом в соображение умственные и физические способности лиц, его составляющих, отправлении каких-либо общественных должностей и т. п.»

Главнейший пункт, около которого концентрируются в этом вопросе рассуждения общины, представляет состав семьи. Большая семья с достаточным количеством взрослых мужских работников в хозяйственном отношении гораздо сильнее семьи небольшой или состоящей только из женщин и детей. Понятно, что в данном случае на практике встречается много комбинаций, варьирующих до бесконечности трудовую способность семьи. Во-

обще же намечается два типа домохозяев – одиночки и *семьяные*. Одиночкой считается единственный взрослый работник в семье. Если это человек здоровый, молодой, обладающий некоторым достатком, то он может представлять собой силу, способную «поднять» две и более «души». В противном случае он считается маломощным. Сообразно способности своей к труду, старости, болезненности и проч., сообразно имеющимся у него средствам обработки земли (орудиям, скоту и пр.), такой общинник может быть иногда вовсе освобожден от всяких повинностей или получить какую-нибудь дробь «души» ($1/2$ например). Семьяными домохозяевами называются те, которые имеют двух и более взрослых работников, достаток которых выше, трудовая способность которых сильнее. Они представляют главную массу, среди которой разделяется остальное количество «душ».

Для распределения «душ» между общинниками сообразно всем этим особенностям отдельных семейств существуют, как сказано, переделы земель. Переделы бывают общие и частные. При общем – переделывается вся общинная земля, при частном – только часть ее. Последний наступает тогда, когда бывает возможно удовлетворить требование новых или прежних общинников о выделе или прирезке им земли при помощи отобрания части земель от других вследствие обеднения, смерти, болезни, ухода и проч. последних. В этом случае мир «сваливает» часть «душ» с этих и «наваливает» их на тех. Кроме того «свалка» и «навалка» «душ» может иметь место просто с целями более справедливого распределения земли по причине каких-либо перемен в уровне благосостояния прежних общинников.

Далее, вообще могут быть три системы разверстки земли между членами общины. При первой принимаются во внимание только мужчины рабочего возраста, по второй – все наличные мужчины, по третьей, кроме числа мужчин, еще и иные признаки состава и благосостояния семьи. Первая система называется *тягольной* разверсткой, вторая – *подушной*, третья – *смешанной*.

Тягольная разверстка совсем не принимает в расчет количество неполных работников в семье. Она считается только с количеством взрослых мужчин, полных работников. Очевидно, эта система принимает во внимание только часть тех условий, которые указаны выше, и потому не может, по видимому, достигать того равенства общинников, из-за которого и совершаются самые переделы. Такое суждение было бы, однако, ошибочным. Выдающийся знаток русской общины – покойный В. И. Орлов – указывает на то, что разверстка эта встречается в тех случаях, когда она является именно наиболее справедливой. Это бывает там, где надельная земля едва ли может оплатить лежащие на ней подати и повинности да к тому же еще и прокормить общинников без помощи отхожих промыслов или других посторонних заработков. При этих условиях земля не представляет для семьи источника благосостоя-

ния, нередко она является даже бременем. Часть работников должна искать посторонних заработков на стороне. Если бы община при этом «навалила» большое количество земельных «душ» на человека, семья которого многочисленна, но бедна полными работниками, то поставила бы его этим в безвыходное положение. Чтобы не бросать земли и в то же время иметь возможность выдержать ее, необходимо сообразовать величину долей общинников с количеством только одних взрослых работников мужчин. Это подсказывает опыт, и так поступает община, взвешивая интересы своих сочленов.

Основанием подушной разверстки служит все число наличных душ мужского пола в семье. Там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностями земли, последняя, очевидно, представляет не бремя, а некоторое благо, к которому стремятся общинники. Каждый домохозяин желает получить ее побольше, чтобы тем полнее удовлетворить потребность своей семьи. «Если бы с течением времени, – говорит В. И. Орлов, – и произошло в ней уменьшение рабочих сил или иные какие-либо семейные несчастья, то это не вызвало бы за собой необходимости отказа от излишней земли, так как ее можно на время сдать в аренду соседу за такую цену, которая покрывает платежи; а если бы кто и пожелал “свалить” себя надел, то всегда найдутся охотники взять ее со всеми лежащими на ней платежами».

Смешанные разверстки практикуются там, где платежи находятся в еще большем соответствии с доходностью земли. По большей части она встречается у крестьян бывших государственных и бывших удельных, имеющих большие наделы и платящих меньше, чем бывшие владельческие. Здесь обладание землей представляет предмет еще больших исканий со стороны общинников, чем в предшествующем случае. И в этом случае община должна принимать в расчет все положительные и отрицательные признаки крестьянской состоятельности и потребности семьи в предметах первой необходимости, и количество взрослых работников, и общее количество всех членов семьи обоого пола, и имущественное положение хозяйства.

Переходим, наконец, к технике переделов и начнем с переделов пахотной земли.

Выше было сказано, что община стремится уравнивать между своими членами участки земли не только количественно, но и качественно. Это бывает всегда необходимо, ибо полосы, хотя бы и равной величины, обыкновенно разнятся одна от другой. Причин тому на практике представляется немало. Во-первых, в данном случае играет роль качество почвы. На общинной земле может встречаться глина, песок, камень, чернозем и проч. Во-вторых, расстояние участка от усадеб. Обстоятельство это бывает настолько важным, что даже там, где нет почвенных различий, поля все-таки делятся по признаку их удаления от села. Некоторые части общинной земли расположены бы-

вают за 10, 15, 18 верст от двора. Нетрудно понять, какую огромную затрату времени и труда должен нести домохозяин, работающий в таком отдалении. Наконец, в-третьих, сюда относятся всевозможные особенности той или другой части общинной земли (болото, низкое или высокое положение места, сырость, защита лесом, покатость места на юг или на север, какая-нибудь неправильная форма участка и пр. и пр.). Согласно общинному распорядку каждый ее член должен пользоваться частью выгод и разделять наравне с прочими часть невыгод, проистекающих от всех указанных причин. Для этого община прежде всего разделяет по всем этим признакам свою землю на соответственное количество крупных участков, из которых каждый обладает каким-либо специфическим достоинством или недостатком (например, участки глинистый, каменистый и черноземный, участки ближний и дальний, участки на пригорке, на низу, под защитой леса и проч.). Они носят весьма различные названия в разных местностях России: кон, ярус, столбняк и проч. Число их иногда не превышает 3–4, а иногда возрастает до 20 в каждом поле, т. е. всего в трех полях до 60. Это деление на коны имеет целью доставить каждому общиннику возможность получить свою долю земли совершенно такого же качества, какого получает и другой. Всякий из них получает свою часть в каждом кону. Поэтому очерченным приемом устраняются все споры по поводу неравенства естественного плодородия участков. Эта черта переделов существенно отличает общинное землевладение от частного. В то время как мелкий частный собственник не может изменить почвенных и других названных условий, присущих полосе земли, случайно ставшей его собственностью, общинник пользуется всем разнообразием их, имеющихся в сравнительно большой площади земли, которая отмежевана всей общине. Равенство в этом отношении нескольких соседских мелких частных собственников может иметь место опять-таки только случайно; равенство общинников в данном случае гарантируется тем принципом, который коренится в основании всей системы.

Далее, коны не делятся непосредственно на полосы по числу домохозяев. Имеется еще промежуточное подразделение, называемое в разных местах вытью, осмаком и проч. Этим именем обозначается та доля кона, которая достается в пользование целой группы хозяев. Наконец, выти разделяются уже по числу членов группы на полосы. Такой двухступенный раздел вызывается требованиями простого удобства переделов и является особенно необходимым в больших общинах. Само назначение вытей и полос производится с помощью жеребьевки в присутствии всех членов общины.

Что касается до переделов сенокосов, то приемы их весьма мало отличаются от приемов переделов пахотной земли. Сенокосы также разбиваются на коны по количеству травы и иным признакам (коны носят в этом

случае иные весьма разнообразные названия). Эти – делятся на выти, а выти – на полосы. Нередко, однако, сенокосы не подвергаются переделам и трава скашивается или сообща всей общиной, или группой домохозяев, входящих в состав одной и той же выти. Последний случай наблюден был, между прочим, в Московской губ., причем между домохозяевами делится не земля, а продукт (трава). И это не составляет особенности названной губернии. Исследования общины в различнейших уголках России доставляют немало подобных фактов. Так, в некоторых селах Вологодской губ. сено скашивается общим трудом всего мира и складывается в копны. Затем его делят на два сорта и дают поровну каждого сорта каждой половине населения села. Затем каждая половина снова делится на две части и т. д., причем каждая группа общинников продолжает получать по равной части сена каждого сорта. Наконец, когда путем такого последовательного деления дело доходит до дележа сена между членами общины попарно, то жребий решает, кому должен достаться верх и кому низ копны. Такие и подобные способы пользования сенокосами встречаются вообще нередко.

Нельзя при этом обойти молчанием весьма интересного способа общинного сенокосения на Урале у яицких казаков (сведения относятся к 60-м годам). Войсковое управление назначает для начала сенокосов особый день. Кто вздумал бы косить раньше этого дня, тот лишается права косить сено на один год. В указанный день, начиная с утренней зари, каждый домохозяин начинает обкашивать кругом то место, внутри которого он затем может скосить всю траву в свою пользу. При этом он обязан до вечерней зари того же дня заключить свой круг, т. е. возвратиться к точке своего отправления. В противном случае он не может воспрепятствовать соседу вкоститься своим кругом в его круг.

Наконец, и переделы лесных угодий совершаются по приемам, аналогичным приемам переделов пахоты и сенокосов. Если переделу подлежит лес крупный, то еще на корню он разделяется на известные группы по качеству деревьев. Группы эти, аналогичные конам, разделяются на осмаки, а последние делятся между отдельными домохозяевами. Если же переделу подлежит лес мелкий, то весь он принимается за один кон и разделяется на осмаки и полосы. Если при этом возникает сомнение в равенстве передела вследствие различия в качестве осмаков, то оно устраняется простым увеличением их величины в одном месте и уменьшением в другом. Наконец, если подлежащий переделу лес представляет смесь крупного с мелким, то применяются оба названных способа передела одновременно.

Таковы общинные распоряжки. Чтобы изучить те изменения, которым они подвергаются во времени, необходимо было бы произвести несколько подворных исчерпывающих массовых исследований, разделенных между

собой некоторыми промежутками времени. Таких исследований, однако, мы не имеем. Поэтому приходится в этом вопросе довольствоваться теми сведениями, которые имеются.

В литературе достаточно прочно установлены причины, вызывающие коренные переделы общинных земель. Главнейшим определяющим моментом в данном случае служит отношение, существующее между доходностью наделов и размерами лежащих на них платежей. Земско-статистические исследования показывают, что «надельная» земля имеет для крестьянина двоякое значение: она служит ему источником дохода и вместе с тем мерой взыскиваемых с него податей и других сборов. Первое ее значение для него положительное, второе – отрицательное, и окончательное отношение крестьянина к наделу в значительной степени определяется равнодействующей того и другого ее влияния на экономическое состояние хозяина. Где земля не окупает платежей, там хозяйственному крестьянину выгодно получить лишь такой участок, который не отнимал бы всех его трудовых сил и оставлял ему возможность арендовать землю или зарабатывать на стороне, а крестьянину маломощному – отказаться от надельной земли совсем; другими словами – обе категории в этом случае стремятся отделаться от земли, следовательно, «мотивом к изменению существующего распределения наделов здесь служит стремление облегчить членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномерно распределить недоимки, запущенные неплательщиками». С другой стороны, в обществах, где доходность надела равняется или даже превосходит платежи, главнейшей причиной передела служит «малоземелье одних членов общины при относительном многоземелье других, а соответствующий психический мотив – желание увеличить участок как источник дохода. Этот естественный мотив, вызываемый непосредственно неравномерностью распределения земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на малоземельных и безземельных ее членах по исполнению воинских и мирских натуральных повинностей, привлечение к которым делается не на основании размера землевладения, а по величине рабочего состава семьи». К этим двум основным мотивам переделов присоединяются еще другие, имеющие меньшее распространение, на которых останавливаться не будем.

В исследовании В. П. Воронцова подробно разработан исторический очерк развития идеи передела после крестьянской реформы. К нему мы и отсылаем желающих изучить фактические изменения в этой области и препятствия, испытанные тенденцией общинников к переделам в течение последних десятилетий. В прежнее время государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли между членами общины вслед за ревизией. Когда неравномерность земельного обеспечения общинников начала выясняться после последней ревизии 1858 г., возник

прежде всего вопрос о праве общины производить переделы без ревизии. Пока этот вопрос не был решен в утвердительном смысле, до тех пор он служил первым крупным препятствием к устранению возникшего земельного неравенства. Сказанному помогали нередко и представители ближайшего «начальства» над крестьянами, сознательно или бессознательно затемнявшие для общинников истинный смысл закона в этом вопросе. Однако когда население поняло, что перераспределение земли входит в число его прав, препятствия к переделам этим еще далеко не были устранены. Внутри самих общин возгорелась упорная борьба тех, кому выгодно было прежнее распределение участков, с теми, кому выгодно было его изменение. В местностях, где платежи превышают доходность земель, оппозицию переделам должны были оказывать домохозяева, которым переверстка участков грозила увеличением их землевладения; в местностях, где платежи находились в большом соответствии с доходностью земель, оппозицию оказывали те, которым переверстка обещала уменьшение землевладения. В первом случае «против передела стоят бедные, малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков», во втором случае «противники переделов, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироеды, каштаны, так или иначе захватившие в свои руки наделы переселенцев и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, каким пользуются эти обыкновенно богатые и ловкие лица, легко понять, каких сильных противников имеет в них передел». Борьба бывает упорная, страсти разыгрываются, и сторонами пускаются в ход все средства (прибегают и к подлогам, и к обманам, к подкупам, спаиваниям, насилиям и т. д.). Очевидно, при таких условиях перевес должен остаться на стороне, оказавшейся более сильной фактически. Если настойчивость и установленное законом большинство окажутся в лагере требующих переверстки земли «по новым душам» – передел состоится, в обратном случае хлопоты меньшинства останутся без результата. Нетрудно понять, что во всех тех случаях, когда платежи не превосходят доходности земель, борьба за передел есть борьба менее состоятельных членов общины против более состоятельных, борьба обделенных земель против тех, в руках которых концентрировались земельные участки. В этой борьбе замешаны крупнейшие интересы тех и других, и потому ее исход может служить весьма важным показателем степени действительного влияния на общинные отношения той или другой из борющихся сторон. Если дифференциация общинного крестьянства дошла уже до той степени, когда все эти «кулаки, мироеды, каштаны», и как они все называются, концентрировавшие в своих руках значительную долю наделов, когда весь этот люд фак-

тически распоряжается судьбами общинных отношений, передел, очевидно, состояться не может или может быть произведен лишь по прежней системе разверстки земли, выгодной для этого «командующего» слоя деревни.

Если же переделы совершаются и если системы их эволюционируют в сторону удовлетворения интересов менее состоятельных общинников, то необходимо предположить, что первая группа домохозяев не обладает еще тем безусловным господством над второй. В первом случае община близка к разложению. Общинные порядки если при этом и сохраняются, то лишь по форме, а не по внутреннему своему содержанию, ибо не удовлетворяют более первому принципиальному требованию: они перестают служить всем участникам, а служат лишь состоятельному меньшинству их. Во втором случае эти распоряжки удовлетворяют именно потребности большинства, менее состоятельной массы домохозяев, в ущерб интересам более обеспеченного меньшинства, подчас – небольшой кучки, даже единиц, т. е. уравнивают, нивелируют интересы общинников. При таких условиях, очевидно, принцип этот обнаруживает дееспособность.

Было упомянуто, что государственные крестьяне выработали обычай переделов после ревизий. То есть каждый новый передел совершался по новому наличному числу душ мужского пола. Понятия «ревизской» и «наличной» души при этих условиях совпадали. Переделы, совершенные вслед за X ревизией, носили тот же характер – все наличные общинники попадали в ревизию и получали на свою долю участки земли. Понятно, чем далее шло время, тем значительнее становилась разница между числом «ревизских» и «наличных» душ в каждой общине от движения населения – естественного (рождаемости и смертности) и искусственного (переселений и вселений). Обнаруживалось несоответствие между единицей разверстки (ревизская душа) и потребностями массы общинников. Семьи, в которых имелось сравнительно много мужчин в момент X ревизии, владели большим количеством наделов, хотя бы численный состав их изменился весьма значительно в смысле уменьшения числа мужчин. С другой стороны, семьи с малым числом ревизских душ владели, очевидно, несправедливо малыми участками в случае разрастания. Ждали XI ревизии для переустройства этих отношений на прежних основаниях, но проходили десятилетия, а ревизии не было. Свалка и навалка душ служили лишь паллиативом.

Крестьяне бывшие помещичьи, в силу меньших размеров и удобств своего землевладения и высоких размеров лежащих на земле платежей, обратились прежде всего к разверсткам по рабочей силе. «Нашлись такие общины, – говорит В. П. Воронцов, – которые донесли эту систему нетронутой до самого последнего времени. Такие общины обыкновенно характеризуются небольшими размерами: несколько дворов, иногда несколько

десятков дворов – вот тип тягловой общины». Но и среди этого разряда крестьян начала практиковаться ревизская же система разверстки, подобно государственному, что и понятно, – в начале шестидесятых годов ревизская разверстка почти совпадала с наличной. Но, очевидно, с течением времени и в этом случае в тех общинах, где доходность наделов превышала платежи, должно было обнаружиться стремление к более равномерному распределению наличного земельного фонда.

В результате у тех и других началась та борьба за передел, о которой сказано выше. Нетрудно понять, что является лозунгом при такой борьбе для обделенных. Это прежде всего – разверстка земли по наличным душам мужского пола, т. е. восстановление того принципа переделов, который действовал ранее вплоть до X ревизии и времени, непосредственно за ней следовавшего включительно. Та часть общинников, которой передел обещает сокращение размеров их участков, понятно, заинтересована в сохранении прежней ревизской разверстки. Нередко прежде окончательной победы первой группы над второй наступает промежуточный период разных разверсток, составляющий переживание прежней системы и переход к новой. Сюда относятся переделы по живым или наличным ревизским душам, или разновидность последних – смешанные по ревизским и наличным душам, или, наконец, переделы по наличным душам мужского пола, но не всех возрастов (например, с 5, с 10 и т. д. лет), вследствие чего дробление участков увеличивается сравнительно несколько слабее и т. п.

Наконец, когда необходимость коренного изменения принципа переделов входит в сознание необходимого большинства общинников, настает момент установления той системы разверстки, которая является наиболее удобной при наличных условиях. Прежде всего там, где доходность земли не покрывает лежащих на ней платежей, наиболее целесообразной, как уже упомянуто, является разверстка тягольная, по взрослым мужчинам, чаще всего – только рабочего возраста.

В этом случае часть работников каждой семьи вынуждена обращаться к сторонним заработкам. Двор, обладающий большим количеством мальчиков и стариков при малом числе рабочих мужчин, очевидно, не смог бы справиться с большим количеством земли¹. Далее, там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностью земли, указанное препятствие к разверстке земли по всем наличным душам мужского пола устраняется, и

¹ Такая принудительная разверстка земли, представляющей собой для земледельца лишь тяготу (вследствие весьма высоких платежей, или плохого ее качества, или ряда крупных неурожаев и т. д.), часто заменяется затем полюбовной «по милу», «по согласию», причем главную роль играет личное решение каждого члена о том, какое количество общинной земли он считает возможным взять на себя, причем мир «накидывает» ему земли больше заявленного лишь в том случае, если он берет на себя («не по совести») меньше, чем он может осилить (В. В. 236).

такая система вступает в действие, знаменуя собой победу интересов массы над стремлением меньшинства сохранить прежнюю неравномерность распределения земли.

Но сказанное дело не кончается. Если общинные традиции не пришли в забвение, если внутренний смысл общинных отношений не отступил на задний план, оставив лишь внешнюю их оболочку (а без всего этого трудно себе представить возможность успешного окончания начатой большинством борьбы и введения разверстки по наличным душам мужского пола), то на такой системе община не может помириться надолго при наличных благоприятствующих условиях. Условия эти заключаются в еще лучшем соотношении между доходностью земель и платежами, а дальнейшая тенденция переделов – в устранении тех неудобств, которые сопряжены с разверсткой по одним мужским душам и безотносительно разных хозяйственных признаков двора. При наличном подушном переделе семья, состоящая из малого числа мужчин и большого числа женщин, может удовлетворять своим потребительным требованиям в гораздо более слабой степени, чем другая, с иным соотношением числа лиц разных полов между собой. Отсюда – стремление внести поправку в принятую систему разверстки в смысле включения в число участников в дележе земли и женщин, и рядом с этим начинают иногда приниматься в расчет и некоторые хозяйственные особенности двора. Являются разновидности так называемой смешанной разверстки, из которых более других начинает пользоваться распространением разверстка на всех «едоков».

Таков общий процесс выработки системы разверстки общинной земли. Все сказанное до сих пор представляет результат фактического обследования общины земской статистикой.

Еще в 70-х годах начала назреть потребность в коренных переделах, но в огромном большинстве случаев те препятствия, о которых говорено выше, удерживали общины от равнения земельных участков между своими членами. По-видимому, тогда больше всего действовала в этом направлении неясность сознания общинниками своих прав распоряжения их земельным фондом. Мало-помалу сознание это, однако, распространялось в массе, а рядом с этим обострялась и необходимость перераспределения участков. На первый план выдвигалась борьба разных имущественных слоев внутри общины. Обе стороны начинали уже понимать, что передел юридически возможен. Оставалось тем, кому он выгоден, преодолеть тех, кто от него потерпит. В таком положении застала вопрос о переделах большая часть земско-статистических исследований. Первые подворные описи встречали еще очень мало коренных переверсток земли; год от году число таковых увеличивалось. Восемидесятые и девяностые годы представляют собой, по-видимому, тот период, когда число переделов росло постоянно и повсеместно, когда, следовательно, очень

большая часть надельной земли подвергалась переверстке. При этом должны были обнаружиться те течения, которые характеризуют современную общину и выражаются в установлении тех или других систем переделов.

Большой интерес имеют собранные податными инспекторами данные, касающиеся господствующих систем разверсток. Постараемся прежде всего сравнить их с теми аналогичными данными земской статистики, которые приведены у г. В. П. Воронцова. Последние относятся по большей части к концу 70-х и первой половине 80-х годов; первые – к периоду 1887–1893 годов. Следовательно, эти рисуют продолжение и развитие тех процессов в вопросе о переделах, которые установлены теми.

В Херсонской губ. при земско-статистическом обследовании обнаружено было почти исключительное применение ревизской разверстки: в 96,3 процента общин (1602 из 1664). Только 3,7 процента их практиковали другие системы (исключительную подушную – 42, а по едокам – всего 1). В последнее время эта губерния представляет собой поле приложения весьма разнообразных систем, от первобытных до наиболее совершенных. Ревизская продолжает преобладать только у бывших помещичьих крестьян, но и у них вымороченные наделы предоставляются сходами в пользование, или безземельных – преимущественно многосемейных (Херсонский уезд), или же распределяются между всеми членами общества (Александрийский). Далее имеется целый ряд промежуточных систем, составляющих переход к наличной подушной. Так, местами земля поделена по наличным ревизским душам с такими изменениями: или вымороченные участки распределяются между всеми родившимися после ревизии мужчинами (поровну или смотря по возрасту их: Тираспольский, Херсонский, Елизаветградский), или – также между бессыновными вдовами (Тираспольский), или – при ревизском счете принимается во внимание и семейный состав двора: крупным семьям прибавляют землю на мужчин побольше, на женщин поменьше (Елизаветградский). Компромиссы при разверстках выражаются там еще и тем, что подушная система применяется местами к мужчинам не всех возрастов, а лишь с 5 лет или с 1 года. В Тираспольском уезде есть селения, где при этой системе разверстки земли делают различия в размере отвода между взрослыми мужчинами (с 20 лет) и не достигшими этого возраста: последним дают меньше земли. Наконец, в уездах Тираспольском, Ананьевском и Александрийском имеется налицо уже немало разверсток на всех членов семьи без различия возраста и пола («по едокам»). Как ни разнообразны эти системы, но при сравнении их с приведенными более ранними сведениями по тому же предмету они совершенно ясно указывают на то, что новейшие переделы имеют более уравнивательные тенденции и переходят там постепенно к более высшим с этой точки зрения формам.

Переходим к Таврической губ. Здесь в четырех материковых уездах при подворной земско-статистической описи найдена была ревизская разверстка в 50 процентах общин, наличная – в 30 процентах и смешанная – в 12 процентах. Очевидно, первая преобладала. Что же касается до Крымских уездов, то там она господствовала почти исключительно в тех местах, где не практиковалась заимочная, захватная форма. В последние годы и в этой губернии системы разверсток изменились в том же направлении, как и в Херсонской. Наибольшим распространением все еще пользуется ревизская разверстка, но устои ее, по-видимому, расшатаны очень сильно. Влияние ее сказывается чаще всего лишь в том, что «живые ревизские души» получают большие участки, чем неревизские (Днепровский, Бердянский, Мелитопольский). В Бердянском уезде она сохранилась в тех – преимущественно мелких – общинах, где во всех семьях население возросло почти равномерно. Там же в виде исключения сохранилась разверстка по работникам (с 18 лет). Рядом же с этим наличная разверстка имеется в Днепровском, Бердянском и Евпаторийском уездах. В Бердянском – в селениях, где земли мало, наделяются мальчики от 3-х, 4-х лет; вообще же эта система распространяется все более и более (без различия между всеми ревизскими душами). Изредка появляется уже и разверстка по едокам (Евпаторийский). Вместе с тем характерно постановление некоторых общин Бердянского уезда – не давать одной семье больших душевых наделов, очевидно для избежания концентрации в немногих руках больших количеств наделной земли. Вдовы и сироты женского пола иногда получают там клинья и вообще небольшие участки, оставшиеся от передела.

Насколько можно судить о системах разверстки в Екатеринославской губернии по обследованию земской статистикой общины в двух уездах – Бахмутском и Славяносербском, то переделы по наличным душам и «по едокам» там еще почти совсем не были известны в половине 80-х годов. Последняя система не встречалась ни в одном из этих уездов, а первая – всего в двух общинах уезда Бахмутского. Ревизская разверстка практиковалась в Бахмутском в 70 процентах исследованных общин, а в Славяносербском – в 43 процентах; в обоих в немалом числе встречались разверстки по работникам и «по согласию»; наконец, переходные формы встречались в первом – лишь в незначительном количестве общин, а во втором – в несколько большем.

К сожалению, наш материал, относящийся к последнему времени, ничего не говорит о переделах в Бахмутском уезде и весьма мало о Славяносербском, где теперь существуют параллельно ревизская и подушная (от 17 лет) разверстки. Но сведения несколько полнее о других уездах той же губернии. В Екатеринославском, Новомосковском и Павлоградском при ревизской разверстке остались лишь бывшие помещицы крестьяне, а бывшие государственные

уже перешли к наличной подушной – без различия возраста в последних двух уездах (в одной только волости – с 5 лет) и с 1, 5, 7, 10, 17 и 21-летнего возраста – в первом¹. В Павлоградском уезде, кроме того, встречаются уже случаи, когда при разверстке принимается во внимание и весь состав семьи, а в Новомосковском не допускается отвод одной семье больше 4 наделов, как то уже встретили мы в Бердянском уезде.

Таким образом, данные по этим трем новороссийским губерниям дают основание заключить, что развитие систем переверсток земли в смысле большей уравнительности представляет там характерный факт последних лет.

О Саратовской губернии находим в «Итогах» следующие данные земской статистики. В Саратовском уезде сохранили в то время ревизскую разверстку 29,3 процента всего числа общин, а 70,7 процента делили землю по живым ревизским душам с присоединением неревизских, с 16–18-летнего возраста, просто по живым ревизским, по работникам, по работникам с подростками, по достатку семьи и, наконец, по наличным душам. Словом, имелась целая лестница систем, служащих переходом от ревизской к наличной разверстке. Рабочая сила, как единица переверстки, выдвигалась в общинах, в которых надел не окупал платежей, на нем лежавших. В Хвалынском уезде более 60 процентов общин (61,3 процента) придерживались еще ревизской системы, 27,2 процента – по работникам и только 11,5 процента – подушной наличной. В Царицынском уезде о переделе по наличным душам тогда не было «еще и разговору». Преобладала разверстка ревизская, по живым ревизским с неревизскими от 16–18 лет и по работникам. Таковы сведения подворных переписей. В последние годы общая картина переделов сильно изменилась и там в том же направлении, как и в Новороссии. Ревизская разверстка сохранилась преимущественно только в малоземельных общинах (чаще всего у бывших помещичьих крестьян) – в уездах Вольском, Сердобском, Балашевском и Хвалынском. В Саратовском и Вольском встречается несколько переходных систем (свалкой «пустовых» и умерших ревизских душ и навалкой на наличных). Практикуется иногда и разверстка по работникам там, где платежи высоки, хозяйство в упадке (как в татарских селениях) и где поэтому главный источник доходов составляют заработки (Хвалынский). Но «преобладающий» способ разверстки в губернии – по наличному мужскому населению. В Кузнецком и Петровском уездах в счет душ входят и вдовы-хозяйки. Чем меньше надел, тем старше возраст, дающий право на получение земельного пая (иногда с 5 лет, иногда старше, иногда даже с 18 лет). Даже в тех уездах, где, как указано, ревизская система сохранилась еще более, чем в других (Балашевский, Вольский, Хвалынский), замечается «усиливающаяся склон-

¹ При этом делается оговорка, что устранение младших возрастов от участия в разверстке обусловливается недостатком земли.

ность в последнее время» к подушной разверстке. В одном Хвалынском уезде к ней перешли с 1887 по 1892 г. от ревизской системы 19 общин.

В Самарской губернии более ранние земско-статистические исследования (1882–1884) уездов Самарского, Ставропольского и Бузулукского показали там совершенное отсутствие других систем разверстки, кроме ревизской и тягольной; исследования 1885–1888 гг. дали в результате уже некоторое количество наличных разверсток: в 10,4 процентах общин Николаевского уезда, в 20,1 процентах Бугульминского и 23,5 процентах Бугурусланского; наконец, последняя по времени опись Новоузенского уезда (1888–1889) зарегистрировала уже 58,4 процентов общин с ревизской разверсткой. В последние годы «в Самарском и Ставропольском уездах преобладает ревизская разверстка земли» (стало быть, наличная уже есть, но не преобладает); в остальных уездах подушная разверстка развита не менее ревизской (по количеству мужчин всякого возраста или начиная с 10, 12, 15 лет и т. д.), а всего более распространена в Новоузенском (сведения по этой губернии хотя и весьма кратки, но довольно ясно характеризуют интересующее нас явление).

В Казанской губернии разверстка по ревизским душам в последние годы преобладала только в северных нечерноземных уездах. В уездах черноземных (Ядринском, Цивильском и Свияжском) землю теперь делят только по наличному населению. В остальных уездах обе системы практикуются рядом: в Казанском и Тетюшском ревизская у бывших помещичьих, а подушная наличная – у бывших государственных и бывших удельных; в Лаишевском: при земско-статистическом исследовании в начале 90-х годов

Ревизская: 206 общ. 193 общ.

Подушная: 116 общ. 156 общ.

По работникам: 27 общ. 1 вол.

То есть наличная подушная разверстка распространилась за счет двух других. Следовательно, и в этой губернии ревизская система отстает перед наличной. Больше того, там уже имеются симптомы перехода к переделам «по едокам», состоящие и в привлечении женского пола к пользованию общинной землей. В Козьмодемьянском уезде при подушной разверстке не исключают и вдов; в Лаишевском – в некоторых селениях дают землю и на девочек (до $\frac{1}{2}$ надела); в Ядринском – если в исправном хозяйстве за смертью мужчин остались одни женщины, то на каждую дается или целый душевой надел, или $\frac{1}{2}$, или $\frac{1}{3}$ надела.

Из уездов Нижегородской губернии в «Итогах» находим данные о трех. В Макарьевском наличная разверстка обнаружена была всего в 7,6 процентах общин (преобладала тягольная), в Княгининском – в 8,0 процентах; столь же мало, по-видимому, была распространена эта система и в Васильевском. В последнее время преобладающая разверстка в губернии – по наличным

душам м. п.; минимальный возраст наделяемых при этом увеличивается с уменьшением размеров надела. «Менее распространены разверстки по ревизским душам, по живым ревизским, по имущественной состоятельности семей». В вышеупомянутом Макарьевском уезде чистая ревизская разверстка уже совсем «не допускается»: встречается лишь по живым ревизским душам (что обыкновенно соединяется с привлечением к земле и неревизских). В Васильевском уезде ревизская разверстка теперь практикуется только в 20 общинах, тягольная (по работникам и полуроботникам (12–18 лет и больше 60 лет) с меньшим наделением землей) – только в 30, а наличная – в 140 (с 2–12 лет; подростку $\frac{1}{2}$ надела). Наконец, там практикуются уже и переделы по едокам. В Васильевском уезде эта система принята в 35 общинах; в Лукояновском – каждая брачная пара получает один надел, из остальных членов семьи – каждый мужчина (без различия возраста) получает целый надел, а женщина – $\frac{1}{4}$ надела (во избежание дробления полос дается только $\frac{1}{2}$ двум-трем женщинам, целый надел – четырем-пяти и т. д.).

Таким образом, и в среднем Поволжье, подобно Новороссии, системы разверсток претерпевают в последние годы резкие изменения в сторону более уравнительного распределения общинных земель.

Далее, в двух уездах Воронежской губ., по данным земской статистики, в середине 80-х годов системы разверстки распределялись следующим образом:

Ревизская:

Воронежский у **б. помещ.** 167 общ., у **б. госуд.** 42 общ.

Наличная:

у **б. помещ.** 2 общ., у **б. госуд.** 57 общ.

Ревизская:

Острогожский у **б. помещ.** 105 общ., у **б. госуд.** 57 общ.

Наличная:

у **б. помещ.** 8 общ., у **б. госуд.** 57 общ.

Всего: **ревизская:** 371 общ.=75%

наличная: 124 общ.=25%

То есть ревизская разверстка распространена была в $\frac{3}{4}$ случаев, причем ее придерживались не только почти все б. помещичьи крестьяне, но и больше половины общин б. государственных. В сущности, распространение подушной наличной разверстки было тогда еще меньше показанного, так как в приведенные цифры включены и те общины с малоодоходными наделами, которые возвышали минимальный возраст наделяемых землей до рабочего возраста и тем обращали наличную разверстку в тягловую, принимавшую

иногда форму разверстки «по согласию». В последние годы дело улучшения систем переделов подвинулось и здесь наподобие предшествующих губерний. У б. помещичьих сохранилась ревизская разверстка «преимущественно», а не почти исключительно, как это мы видели выше; «во многих общинах» того же разряда крестьян в уездах Бирюченском, Павловском и Воронежском «замечается стремление перейти к разверстке по наличному мужскому составу дворов», хотя оно и встречает противодействие со стороны малосемейных, но многодушных (по числу ревизских душ) домохозяев. «Иногда препятствием является малоземелье», боязнь чрезмерного дробления полос (Павловский). Следует добавить, что при ревизской разверстке чистая ее форма (по всем ревизским душам) (некоторые общины Бирюченского уезда) дает место переходной форме (по живым ревизским душам) (Бирюченский, Воронежский). Но в селениях б. государственных крестьян вполне господствует наличная подушная разверстка (Воронежский, Павловский, Бирюченский, Бобровский), причем минимальный возраст колеблется так же, как и указано выше. Наконец, проявляются уже и разверстки «по едокам» (Бирюченский, Павловский).

Во всей Курской губ. при земско-статистическом обследовании найдено было всего 40 общин, практиковавших наличную разверстку. Ревизская господствовала во всех уездах почти исключительно, заменяясь в иных случаях лишь тягловою. В новейшее время эта система удержалась только среди бывших помещичьих крестьян Льговского, Грайворонского, Дмитриевского и Тимского уездов, уступив место наличной. Даже и в этих уездах относительно названного разряда крестьян замечается, что они «стали переходить к разверстке земли по числу мужчин во дворе».

В Орловской губ. по аналогичным данным земской статистики разверстка «по едокам» почти не практиковалась, а наличная составляла менее 45 случаев. В последние годы в этой губернии в противность всему тому, что нам известно до сих пор, это положение изменилось, по-видимому, весьма мало, даже почти совсем не изменилось. Наличная разверстка господствует лишь в Севском уезде и среди бывших государственных крестьян Карачаевского. На всем остальном пространстве губернии продолжает господствовать ревизская система. В Малоархангельском уезде отмечено возникшее в последние годы стремление к переделам по наличным душам, встречающее усиленное сопротивление тех домохозяев, кому выгодна существующая ревизская разверстка.

В Рязанской губ. при подворной переписи ревизская разверстка решительно преобладала, допуская наличную лишь в виде исключения. В Данковском уезде последней придерживались лишь около 30 общин из почти 300, в Ранненбургском – около 12 из почти 275, в Егорьевском – 33 из 606;

она была несколько более распространена лишь в Михайловском уезде – 158 из 384 (41 процент). В настоящее время хотя ревизская система еще и преобладает, но «много разверсток имеется и по наличным душам мужского пола: к этому порядку обыкновенно переходят особенно при переделах последних лет». В уезде Рязанском, отчасти Егорьевском и Касимовском, встречается тягольная разверстка (где население живет сторонними заработками более, чем земледелием и где платежи превышают доходность наделов), переходящая (в северной части Рязанского уезда) в разверстку «по согласию», «по милу». В Касимовском уезде при этих системах не отказывают в наделе и крестьянам свыше 60 лет, если у них нет родственников, которые обеспечивали бы их пропитание. Наконец, где платежи невысоки, при наличной разверстке прибавляют земли на женщин или просто переходят к переделам «по едокам» (Рязанский).

В Тамбовской губернии в годы земско-статистических исследований наличная разверстка у бывших помещичьих крестьян (за исключением единичных случаев) совсем не практиковалась; эта система была более известна бывшим государственным, у которых в 6 уездах¹ в период с 1880 до 1884 г. по этой системе были переделены земли в 225 общинах из 548 (41 процент). В последние годы наличная разверстка, по-видимому, приобрела там господство. Ни о какой другой системе не упоминается для уездов Кирсановского, Моршанского, Темниковского и Спасского; в Тамбовском, Козловском, Лебедянском, Елатомском и Борисоглебском рядом с ревизской приобрела большое развитие и наличная.

В Московской губ. в конце 70-х годов тягольная разверстка охватывала почти 75 процентов общин, $\frac{3}{4}$ их по работникам, «побратно», а $\frac{1}{4}$ по дробной системе – с полурабочими, смешанная – 21 процент общин (бывшие государственные и бывшие удельные) и только около 4 процентов общин полных собственников, бывших государственных и удельных, практиковали подушную разверстку. Подобно Орловской губ., здесь мало изменилось это распределение систем. Тягольная разверстка продолжает господствовать. В общинах, где земля «оправдывает платежи», наделы остаются в пользовании и стариков старше 60–65 лет, и семейств, в которых число работников уменьшилось; там же, где она их «не оправдывает», каждое изменение числа лиц рабочего возраста вызывает свалку и навалку душ, причем принудительным образом наделяются в большей мере более состоятельные двory (Звенигородский, Бронницкий, Дмитровский, отчасти Рузский: в захудалых деревнях). В более земледельческих уездах встречаются иные системы: в Подольском, Серпуховском и Рузском – ревизская разверстка и только в одном Волоколамском господствует наличная (с 5-летнего возраста).

¹ Козловский, Кирсановский, Усманский, Тамбовский, Липецкий, Лебедянский.

Во всех приведенных губерниях Новороссии, Приволжья, средней черноземной полосы и московской промышленной замечается в последние годы одна общая тенденция: системы переделов, по-видимому, изменяются по направлению от ревизской к более уравнивательным – наличной и «по едокам». Весьма прочно, по-видимому, держится тяговая разверстка, зависящая от плохого соотношения между доходностью наделов и платежами, но и она теперь уже, по-видимому, нередко нарушает свой принудительный принцип и переходит в разверстку «по милу», «по согласию». Сказанная тенденция проявляется, как кажется, сравнительно слабо в малоземельном центре и гораздо сильнее – на юге и востоке.

Для остальных губерний мы не можем, по свойству материала, сделать тех сравнений, которые произведены выше. Но мы знаем, что история переделов после крестьянской реформы везде начинается с ревизской и тяговой систем. Поэтому, изучая распространенность улучшенных разверсток в настоящее время, мы и без таких сопоставлений легко можем понять, насколько уравнивательность переделов сделала успехи в разных местностях Европейской России.

Начиная опять с юга, и в частности с малороссийских губерний, встречаем и там знакомую уже нам тенденцию.

В Черниговской губ. общинное землевладение имеется у бывших государственных крестьян и у большей части бывших помещичьих. Переделов у них «до последних годов вовсе не было, когда среди бывших государственных возникло стремление к новой разверстке земли». Сравнительно мало таких случаев было в Козелецком и в Черниговском уездах, а особенно много – в Остерском, Суражском, Новгородсеверском и Стародубском. Общепринятой системой при этом является разверстка по наличным душам мужского пола (редко – по рабочему составу и по зажиточности). Иногда при этом уменьшаются размеры участков малолетних. У бывших владельческих крестьян переделы реже и системы их носят еще переходный характер (по живым ревизским душам). Наконец, в уездах Новгородсеверском, Суражском и Стародубском встречается уже разверстка «по едокам» – по всему населению, и не только среди бывших государственных, но и среди бывших помещичьих (у этих лица женского пола получают иногда добавочные участки из запасных наделов).

В Полтавской губ. в тех общинах бывших государственных крестьян, в которых уже произведены были переделы, «чаще всего наблюдается переход от ревизской системы к разверстке по числу всех наличных мужчин (Кобелякский, Прилукский, Кременчугский)». Ревизская удержалась только в мелких и малоземельных общинах Кобелякского уезда; в Лубенском встречается переходная форма – по живым ревизским душам. Ко всему

этому должны быть отмечены два очень характерных факта. Первый заключается в том, что в некоторых селениях Кобелякского уезда при переделах не давали на одно домохозяйство более 4 наделов во избежание концентрации наделов, а второй – в том, что в Прилуцком уезде в 1886 г. был случай перехода от подворного владения к общинному: крестьяне одной деревни поделили свою частную (подворную) полевую и лесную землю по наличным душам мужского пола.

В Харьковской губ. ревизская разверстка систематически вытесняется наличной. По наличному мужскому населению не делят земли только в Купянском уезде (ревизская) и в Изюмском (по рабочим). В Харьковском, Волчанском и Сумском эта система уже начала заменять собой ревизскую; в Ахтырском и Валковском она практикуется у бывших государственных крестьян, а ревизская – у бывших помещичьих¹, которые, однако, в первом из этих уездов стали переходить в последние годы также к наличной разверстке. Наконец, этот порядок практикуется исключительно в Старобельском уезде. Как в этих, так и в названных выше уездах при такой системе землей наделяются мужчины или всех возрастов, или с 5, 10, даже иногда 15 лет.

В Бессарабской губ. общинное землевладение существует только в двух уездах – Аккерманском и Хотинском. В первом ревизская разверстка удержалась лишь в немногих местах; в большинстве селений землю делят или по работникам, или по наличному мужскому населению. Во втором еще в первой половине 70-х годов произведены были переделы на все население (без различия пола и возраста), причем «давним» владельцам и имеющим больше скота увеличивали участки по сравнению с остальными.

В Донской области преобладающая система разверстки – ревизская; рядом практикуется – по работникам (Ростовский, Усть-Медведицкий, иногда Таганрогский). В последнем из этих округов от домохозяев неисправных или старше рабочего возраста отбирается часть надела и передается неупомянутым в уставной грамоте. Иногда вдовы получают половинные наделы (Донецкий). Нетрудно заметить, что Донская область принадлежит к числу наиболее отсталых губерний в разверстке общинных земель.

Переходя далее на восток, в Астраханской губ. находим полное господство наличной системы. Ревизская сохранилась только в одной волости Черногоярского уезда, в одной – Енотаевского и в 10 общинах Царевского. В Астраханском уезде принята разверстка по рабочим, встречающаяся местами в Енотаевском и Черногоярском. Везде в остальных общинах практикуется только наличная – по мужчинам всех возрастов или с 5, 10, 13 лет.

¹ В Валковском земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в 4 раза меньше площади владения 31 селения с разверсткой наличной. Из тех 90 общин в 47 земля распределяется по живым ревизским душам.

Из уездов Оренбургской губ. в Верхнеуральском и Троицком земля, поделенная весьма давно по имущественной состоятельности (по скоту), лишь в редких местах подвергалась последующим переверсткам. «Происходящая отсюда неравномерность участков не вызывает жалоб благодаря невысокой арендной плате – от 20 коп. до 2 руб. за десятину – у соседних казаков и башкир». Переделов там не бывает, очевидно, потому, что земельный простор обуславливает пока отсутствие в них надобности. Но и здесь иногда составляется приговор об отдаче более бедному домохозяину части пашни более богатого, а иногда производят передел (ревизская система уступила место рабочей, в одном случае – по скоту). В остальных уездах переверстки повторяются более или менее периодически. В Орском у башкир преобладающей системой является ревизская (с добровольной или принудительной свалкой и навалкой душ), а у бывших государственных крестьян и иногда башкир – по рабочим (18–55 лет). Гораздо больше, чем в этом уезде, уравнительности в остальных двух; в Оренбургском господствует та же разверстка по рабочим, но с той крупной особенностью, что наделами там пользуются женщины, если пожелают; а в Челябинском делят землю по наличному составу мужчин без различия возраста.

В Уфимской губ. ревизская разверстка сохранилась, по-видимому, только у татар и башкир; русское же население практикует наличную подушную.

В уездах Симбирском, Сызранском и Буинском¹ Симбирской губ. еще преобладает ревизская разверстка, хотя в селениях с сравнительно меньшими наделами Сызранского уезда земля по большей части переделяется по наличным душам. В других местностях (по трем уездам сведений нет) подушная система практикуется рядом с ревизской (Ардатовский) или господствует (Курмышский). По-видимому, там еще весьма сильна оппозиция наличной разверстке со стороны малосемейных домохозяев, пользующихся большими наделами (Курмышский, вероятно, Сызранский). В некоторых частях Курмышского уезда, однако, уже встречается разверстка «по едокам».

В Пензенской губ. ревизская разверстка сохранилась только в Городищенском и Пензенском уездах, но и там она уже испытывает натиск наличной. Разверстка по рабочим (с 16–18 лет) встречается в Чембарском, Нижнеомовском, Саранском и Мокшанском, а наличная – в Нижнеомовском, Чембарском и Наровчатском (в $\frac{3}{4}$ сельских общин).

Вятская губ. практикует целую лестницу систем переделов. Южная часть губернии сохранила ревизскую разверстку, причем, однако, в расчет иногда включаются и женщины, стоящие во главе хозяйств (Нолинский,

¹ В Буинском уезде ревизская разверстка удерживается, между прочим, «вследствие разноплеменности населения – частью татарского, частью чувашского: татары размножаются быстрее чуваш и для последних передел земли по наличному составу невыгоден».

Яренский, Уржумский, Сарапульский, часть Малмыжского и северный уезд Орловский). Встречаются также и переходные формы – по наличным ревизским душам (Орловский, исчезают в Котельническом). Значительно распространена, далее, в малоземельных селениях рабочая система (Вятский, Сарапульский, Елабужский, Уржумский, отчасти Орловский). Изредка в бедных селениях последних двух из названных уездов наваливают на более состоятельного домохозяина (имеющего больше скота и построек) больше земли, от которой освобождают менее состоятельного. Наличная разверстка «часто встречается» в уездах Малмыжском (во всех 877 селениях, где были пределы), Елабужском, Котельническом и Орловском. Наконец, «за последнее время замечается движение в пользу разверстки земли «по едокам» (без различия пола и возраста)». К этому порядку перешли в Сарапульском уезде с разверстки «по работникам», в Яранском к переделам «по парням» (?) или «по едокам» начали переходить только с 1887 г.: раньше не производили «в ожидании ревизии и новых нарезок земли». Таким переделам сопротивляются крестьяне, имеющие много ревизских душ в семье и состоятельные. В Вятском уезде при разверстке по рабочим «нередко допускаются отступления в пользу начала распределения “по едокам”: малорабочему, но многосемейному двору прибавляется против нормы $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ надела и более». Очевидно, эта губерния представляет на сравнительно небольшом пространстве все главнейшие движения, которыми характеризуется наша земельная община в настоящее время, и потому заслуживала бы с этой точки зрения тщательного изучения.

В Вологодской губернии разверстки по ревизским душам, по наличным ревизским, по работникам и даже по наличным душам мужского пола встречаются весьма редко – в единичных волостях и селениях разных уездов. Преобладающей же системой является «по едокам», без различия пола и возраста, иногда с 5 или с 2 лет. В Яренском и Усть-Сысольском уездах она существует издавна, в остальных (кроме Вольского и Тотемского) она «устанавливалась постепенно, заменяя собой прежний ревизский счет», там, где крестьяне «дорожат наделами», где под руками малооброчной (казенной и удельной) земли и малоземельные «начали одолевать на сходах». Характерно, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском вдовам дают только $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пая и сокращают надел неисправных дворов, в которых большинство едоков – мужчины. Наконец, распространен и при ревизской разверстке обычай отбирать у малосемейного часть пая ($\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{4}$) и передавать многосемейному.

В Архангельской губ. ревизская разверстка встречается кое-где лишь в Печорском и Шенкурском уездах; господствующей же системой «почти везде» служит наличная без различия возраста. В Архангельском уезде при этом иногда принимают во внимание имущественную состоятельность, но не за-

нимающимся земледелием земли не дают¹. В Шенкурском уезде при новейших переделах появилась и разверстка «по едокам».

В Олонецкой губернии ревизская разверстка удержалась значительно больше, чем в предшествующих. Но и там она уступает место более уравнительным системам. От ревизского счета к наличному переходят в уездах Вытегорском и Пудожском и уже перешли в Петрозаводском и Каргопольском. В Петрозаводском участие отдельных селений в пользовании землями общего надела определяется также числом мужского населения «с равнением потребностей селений» (лесом же пользуются только по потребности). В том же уезде, в Повенецком и в виде исключения – в других имеется разверстка по количеству высеваемого хлеба и убираемого сена (в основание разверстки принимается пространство, засеваемое 1 четвериком ржи = воз сена в 20 пудов). Наконец, в Каргопольском уезде встречаются и переделы «по едокам» («причем принимаются во внимание и силы двора»).

В Костромской губ. о ревизской разверстке не упоминается уже совсем. Она, по-видимому, уже исчезла и заменена почти везде рабочей или наличной, а в некоторых местах – разверсткой «по едокам». Первая преобладает в восточных уездах – Кологривском, Ветлужском, Варнавинском, Макарьевском, а также в Юрьевецком и Кинешмском²; вторая – в Галичском и Чухломском; обе вместе – в Нерехтском, Костромском и Буйском. Характерно размещаются эти системы в последнем уезде: рабочая встречается в тех волостях, где земледелие не может служить единственным источником дохода крестьян и где распространены некоторые промыслы (шапочный, плотничный и проч.), а наличная (или всех возрастов, или с 3 лет) – в исключительно земледельческих. Наконец, в том же Буйском, Варнавинском и Ветлужском землю делят и по всему составу двора и вдовам наравне с домохозяевами мужчинами, если они того пожелают³.

В Ярославской губ. ревизский счет сохранился местами только в Ярославском, Угличском, Ростовском и Даниловском уездах, но и здесь – «путем скидок-накидок душевых наделов (или частей их – $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ души) землевладение приспособляется к наличному мужскому составу семей». В Пошехонском, Мышкинском, Любимском, Мологском, Рыбинском и Ростовском (от 16–18 лет до дряхлости) («где мало земли для быстро увеличивающегося населения») имеется разверстка по рабочим (вдовы-домохозяйки приравниваются

¹ У поморов Кемского уезда, не занимающихся хлебопашеством, сенокосами наделяются мужчины с 10–18 лет.

² В этом уезде – с 18 лет полтягла, а целое – лишь с 21–22 (после явки к отбыванию воинской повинности).

³ Вдовам обыкновенно или сохраняют надел мужей, но новых не дают (Галичский), или дают землю в том размере, который она в силах обработать (Костромской), или – преимущественно тем, у которых есть дети (Костромской, Юрьевецкий).

к мужчинам, если нет в семье рабочих мужчин). В Романово-Борисоглебском землю делят исключительно по наличным душам мужского пола (малолетним меньше, подросткам больше, взрослым еще больше), а в Ярославском и Даниловском встречается разверстка «по едокам». Иногда принимают в соображение имущественную состоятельность двора (Пошехонский), выражающуюся в числе скота (Мологский) или доходности кустарных и отхожих промыслов (Ярославский, Угличский).

Ревизская разверстка во Владимирской губ. встречается уже весьма редко (в Александровском, Покровском, Ковровском, Владимирском, Меленковском). В зависимости от хозяйственного значения наделов и в связи с развитием у населения посторонних заработков практикуется то рабочая, то наличная система. Чем хуже почва и чем больше перемещается центр тяжести хозяйства на заработки, тем более распространена первая и тем более расширяется понятие о рабочем возрасте (от 15–18 лет до 55–60) (Судогодский, Гороховецкий, Вязниковский, Покровский, Ковровский); в уездах с лучшей почвой преобладает вторая (Юрьевский, Суздальский, Муромский, Александровский). Среди всех уездов первой группы встречается также нередко и наделение землей всех, «охотно дают ее вдовам и старикам, лишь бы разобрали всю» (что весьма напоминает разверстку «по милу», «по согласию», в которую часто переходит рабочая): в Ковровском «даже наваливают на сильные дворы» (вероятно, принудительно). Во второй группе рабочая разверстка иногда встречается в селениях с хорошими посторонними заработками (Муромский), или у бывших помещичьих крестьян, или в селениях с землей похуже (Александровский, при этом, однако, здесь принимаются во внимание, с одной стороны, женская рабочая сила, количество скота и вообще состоятельность, а с другой – число едоков). Наконец, в уездах Юрьевском, Суздальском («лучших по почве») и Меленковском практикуется уже и разверстка по всему наличному населению без различия возраста и пола (по едокам).

В Тульской губернии ревизская разверстка удержалась лишь «местами», где не было переделов с начала 60-х годов. Повсеместно по всей губернии распространена наличная разверстка по мужским душам всех возрастов (чаще) или с 1–5 лет (реже). В Тульском уезде установилась разверстка «по едокам» (в 12 волостях из 17), встречающаяся также в уездах Богородицком и Крапивинском.

В Калужской губ. встречается разверстка ревизская (особенно в Мещовском и Перемышльском), по работникам 18–60 лет (Боровский, Жиздринский, отчасти Калужский, Тарусский), особенно развита система – по наличным душам, преимущественное распространение имеет разверстка «по едокам» (Малоярославский, Козельский, Лихвинский). Здесь вообще

замечается усиленное тяготение крестьян к земле, о чем несколько подробнее сказано будет ниже.

В восточной и южной частях Смоленской губернии сохранились еще «прежние порядки разверстки»; ревизская (Рославльский, Ельнинский) и рабочая (Гжатский) или рядом обе (Юхновский, Вяземский). В остальных семи уездах (о Дорогобужском сведений нет) эти системы встречаются лишь в виде исключения. В Смоленском уезде рядом с рабочей практикуется и наличная разверстка, даже иногда с наделением землей вдов и малолеток; в Краснинском уже перешли к наличной с нарезкой земли на женщин, если их много во дворе; наконец, в Вольском, Поречском, Духовщинском и Сычевском («крестьяне стали дорожить больше наделами») практикуется, по-видимому, исключительно разверстка «по едокам» (без различия пола и возраста или с 3–5 лет).

В Тверской губернии в местностях, где переделы еще встречают сильное сопротивление со стороны более состоятельных крестьян, продолжает еще держаться ревизская разверстка, хотя свалки и навалки душ и здесь стремятся привести землепользование в большее соответствие с наличным и рабочим составом семейств и отчасти – с их имущественной состоятельностью (Тверской, Новоторжский, Ржевский, Весьегонский, Старицкий, Зубцовский и отчасти Кашинский). Эта система уступает место другим везде, где переделы уже состоялись. Рабочая (от 18–21 года до 60 лет) имеется в Старицком, Зубцовском, Тверском (в селениях с плохим наделом), Вышневолоцком («вследствие малопродуктивности почвы»), Осташковском, Корчевском, Калязинском и отчасти в Кашинском. При этом в местностях с особенно плохой почвой принимается во внимание «сила» отдельного двора. Далее, наличная разверстка встречается уже во всех уездах, причем наделы малолетков и подростков бывают иногда меньше наделов взрослых. Наконец, в Тверском уезде в селениях с наделами «высокого качества» и в 70 общинах Кашинского уезда появилась уже разверстка «по едокам», а в Бежецком «она стала теперь обычною».

В восточных уездах Новгородской губ., где полевое хозяйство развито слабо, господствует или ревизский счет (Белозерский, Тихвинский у бывших помещичьих), или по рабочим (Устюжнский, Тихвинский у бывших государственных); при этом иногда соображаются с «моготой» дворов; в Новгородском и Боровичском распространяется уже переходная форма – по живым ревизским душам. Там, где земледелие играет большую роль, улучшенные формы разверстки уже утвердились: наличная – в Старорусском, Крестецком и Череповецком (без различия возраста или с 5–10 лет) или «по едокам» – в Боровичском, Новгородском, Старорусском, Череповецком, Демянском. При той и другой системе принимается иногда во внимание имущественная состоятельность двора (Старорусский, Череповецкий).

В С.-Петербургской губернии ревизская разверстка сохранилась только в Петергофском уезде и в некоторых селениях Царскосельского и Гдовского. Наибольшим же распространением, по-видимому, пользуется система по работникам (Ямбургский, Шлиссельбургский, частью Гдовский и Царскосельский). Но в последнее время в Гдовском же уезде стала распространяться система наличная и (реже) «по едокам».

В Псковской губернии ревизский счет еще преобладает. Но более уравнивательные системы получили и там в последние годы заметное распространение: не только наличная (Новоржевский, Псковский, Опочецкий, Великолукский), но даже и «по едокам» всех возвратов, или с 3–10 лет, или с нарезкой половинного надела до 12–15 лет (Псковский, Опочецкий, Великолукский).

В Витебской губернии общинное землевладение преобладает среди бывших помещичьих крестьян в ее северо-восточной части – в уездах, смежных с Псковской и Смоленской губерниями (Себежском, Невельском, Городокском и Велижском), но встречаются и в других местах. В Себежском уезде практикуются системы разверстки: и ревизская, и по живым ревизским душам, и по рабочим, и по имущественной состоятельности («зажиточные получают меньше земли»). В остальных, по-видимому, безусловно господствует или наличная разверстка земли (Невельский, Городокский, 2 волости Двинского), или «по едокам» (Велижский).

Наконец, в Могилевской губернии общинная земля, отведенная бывшим помещичьим по ревизскому счету, а бывшим государственным по наличному (мужчин м. п.) 1873 года (люстрационными комиссиями), не переделялась в большей части губернии. Но в Могилевском, Быховском и Чаусском уездах перешли к разверстке по работникам.

Приведенный материал, очевидно, весьма несовершенен. Это не результат научного массового изучения вопроса. Но его однородность позволяет думать, что в Европейской России, по-видимому, везде наблюдается в данном случае одно и то же движение, укладываемое в очень небольшую формулу.

В начале 60-х годов крестьяне разных разрядов были наделены землей по числу душ мужского пола, зарегистрированных в X ревизию. Число это еще весьма близко совпадало в то время с числом наличных душ того же пола, и потому крупных неудобств от такого деления вначале не возникло. По мере того как личный состав каждой общины изменялся в силу рождаемости, смертности, вселении и выселении, неравномерность землепользования отдельных домохозяев выступала все более и более рельефно. Если бы к тому времени успело бы уже заглухнуть в массе сознание тех хозяйственных выгод, которые соединяются с общинным землевладением для огромного большинства домохозяев, новых переделов не возникало бы.

Но произошло иное. Когда указанная неравномерность землепользования стала сказываться острее, масса домохозяев не пожелала примириться с этим явлением. Возник вопрос о переделе, а вместе с тем возникли и те препятствия к осуществлению желания массы, о которых говорено выше. Началась упорная борьба за переделы между общинниками, в которой обе стороны боролись за те свои личные выгоды. Это явление, конечно, не могло окончиться быстро. И упорство обеих сторон, затронутых в своих насущнейших интересах, и различия хозяйственные, племенные и иные, разделяющие русское крестьянство, и громадность территории, на которой эта борьба происходит, – все это обусловило продолжительность переходного периода. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что для всей общинной России он длится уже 20 лет и еще далеко не завершен, как показывают приведенные данные. Еще в каждой губернии имеется немало общин с первобытной ревизской разверсткой. Наиболее отсталыми в этом случае местностями, как мы могли заметить, являются, по-видимому, губернии Орловская, Московская, Приозерская область, Донская область. Но опять-таки, едва ли мы ошибемся, если скажем, что большинство местностей общинной Европейской России теперь уже значительно меньше знакомо с такой системой, чем прежде. Общий характер картины уже, кажется, изменился, другие системы разверстки занимают место, оттеснив ревизскую. Другие, но не новые. В прежнее время крепостные переделывали отводимую им землю по рабочей силе (по «тяглам»), а более обеспеченные землей государственные крестьяне – от ревизии до ревизии, т. е. по новым наличным душам. Эти же системы и сменили собой теперь ревизскую. Там, где земли мало, или она плоха, или доходность ее не «оправдывает» лежащих на ней платежей – она переделывается по рабочей силе семейств (тягловая рабочая или дробная разверстки), но где больше, где она лучше и где она с избытком покрывает платежи – она переделывается по наличным душам мужского пола (потребительный признак ставится на место производительного). В новейшее время, по-видимому, получили распространение еще другие, родственные последним системы переделов, представляющие собой дальнейшее развитие того же принципа. Рабочая разверстка во многих местах заменяется разверсткой «по милу», «по согласию», а наличная – разверсткой «по едокам». Общины, несущие за пользование землей больше повинностей, чем получают от него выгоды, могут облегчить своих членов только одним путем: обратив принудительную разверстку своих тягостей в добровольную – это и есть система «по милу», больше ничего община сделать не в силах. Общины, получающие реальные выгоды со своих земель, могут уравнивать их между своими членами лучше (чем при наличной разверстке), только приняв во внимание потребительные потребности не одного пола,

а обоих, – это и есть система «по едокам». Опуская разные промежуточные переходные формы разверсток и разные варианты приведенных основных типов их – сказанным исчерпывается схема той эволюции, которая, насколько можно судить на основании приведенного материала, совершалась в недавние годы в нашей земельной общине.

Чтобы отчетливо выяснить себе научным путем все причинности, закономерности в области общинной жизни, такого симптоматического изучения вопроса, конечно, мало. Необходимо для этого произвести строго статистическое обследование переделов за определенный период во всей общинной России или в значительной ее части и сопоставить полученный результат с колебаниями тех факторов, которые оказывают на общину то или другое влияние. <...> Мы довольно хорошо знаем, что происходит в общине, но весьма мало знаем, почему это происходит.

Приведенные сведения лишены цифрового характера и потому теперь для такой обработки не годятся. Но на основании их можно попытаться сделать два указания на причины, которыми обуславливаются те или другие колебания системы переделов.

Первое из них заключается в том, что размеры землевладения крестьян играют выдающуюся роль в вопросе об изменении систем разверсток. Чем меньше надельная площадь селения, тем дольше задерживается в нем деление земли по ревизским душам. Малоземелье не служит, конечно, единственным фактором этого явления, но едва ли можно сомневаться в том, что оно представляет собой одну из сильных причин его, влияющих в сказанном смысле. В доказательство этого положения мы не будем делать подробные поуездные сопоставления между размерами наделов и системами разверсток. По свойству материала они являются и невозможными. Но приведенный материал и без того дает достаточно указаний в этом направлении.

Прежде всего, можно заметить, что бывшие помещичьи крестьяне чаще остаются еще до сих пор при ревизской разверстке, чем больше наделенные землей бывшие государственные.

Рядом с этим мы имеем отдельные указания на то, что именно малоземельные общины не изменяют прежней системы переделов. Это упомянуто, например, о Кобелякском уезде Полтавской губ. Для Валковского уезда Харьковской губернии было уже выше отмечено, что там «земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в четыре раза меньше площади владений 31 селения с разверсткой наличной». Аналогичную роль играет пригодность надельной земли для хлебопашества. Уменьшение значительных размеров ее удобной производительной площади имеет, по-видимому, тот же результат, как и сокращение площади наделов вообще, т. е. задерживает переход к более уравнительным системам переделов.

Так, в Таганрогском и 2-м Донском округах Донской области, одной из наиболее отсталых в этом отношении местностей России, встречается много весьма плохих наделных земель, солонцеватых, глинистых, неудобных к обработке, на которых лишь в виде исключения попадает тонкий слой чернозема.

В Казанской губернии уезды с ревизской разверсткой – Козьмодемьянский, Царевококшайский и Чебоксарский – характеризуются относительно меньшим количеством пахоты на крестьянских наделах (58,6 процента, 62,6 процента и 70,1 процента удобной пахотной земли; в остальных уездах от 70,6 до 83,0 процента) и большим – лесной площади (15,9 процента, 20,1 и 13,9 процента; в остальных – от 5,0 до 12,9 процента).

Второе указание, которое можно почерпнуть из нашего материала, состоит в том, что уменьшение размеров платежей, лежащих на крестьянской земле, способствует скорейшему переходу общин к более уравнивающим системам переделов. В том крупном и повсеместном процессе ломки ревизской разверстки и замены ее разверстками по наличным душам и «по едокам», который мы проследили по всей Европейской России, сыграли существенную роль две финансовые меры первой половины 80-х годов: уничтожение подушной подати и уменьшение выкупных платежей. Прямых указаний на этот счет имеется много¹.

Можно думать, что если о названном факторе не упомянуто по остальным губерниям, то из этого еще не следует, что там он не играл той же роли. Особенно характерен следующий отзыв из Калужской губ. Выше уже было упомянуто, что тяготение крестьян к земле там в последние годы возрастало. Так, «в Мещовском и Перемышльском уездах, где ранее крестьяне бросали наделы и уходили на сторону, преобладала разверстка земли по рабочей силе; в настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуют ее себе». В иных случаях это влечет за собой даже возврат к ревизской разверстке². «Как ранее допускались отступления в разверстке земли – накладывали на более состоятельных домохозяев и давали льготу многосемейному, но захудалому двору, – так и теперь, при равных правах на землю, отдается предпочтение беднейшему, лишь бы платил повинности без недоимок». В Жиздринском уезде прежде делили землю по ревизскому счету, «но так как на душевой надел причиталось тогда 12–15 руб. и более налогов, – что при слабой производительности почвы в уезде и необходимости сильного ее удобрения было непосильно для домохозяйства с большим

¹ Из губерний: Петербургской, Новгородской, Вятской, Астраханской, Таврической, Бессарабской, Черниговской, Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской, Смоленской.

² Кроме упомянутых двух уездов Калужской губернии, такие случаи встретились теперь только в уездах Масальском той же губернии, в Днепровском Таврической и в Волховском Орловской.

числом ревизских душ, то крестьяне снимали землю с маломощных дворов и накидывали ее с причитающимися сборами на домохозяйства более сильные. Со времени понижения выкупных платежей и с отменой подушной подати среди сельских обществ началось движение в пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворов. Такой способ разверстки в настоящее время и преобладает. Движение это продолжается до сих пор и вызвало во многих сельских обществах коренные переделы» и т. д. Такой отзыв является типичным и повторяется с большими или меньшими вариантами из многих мест.

Если оба эти наблюдения справедливы, то получается такое положение. Общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем больше размеры крестьянских земель. Когда делить нечего или почти нечего, интерес общинников к переделу, понятно, сводится к нулю. Такое же положение получается и в том случае, когда площадь наделов хотя относительно и не мала, но неудобна для обработки. Внимание населения при таких условиях направляется главным образом на развитие местных или отхожих заработков, на арендувание внеадельных земель, но не на формы своего собственного землепользования. Наоборот, чем шире размеры наделов, тем больше податные обязательства общинников, с одной стороны, и тем больший валовой доход их хозяйствования на собственной земле – с другой. И в том случае, когда сказанные обязательства превышают эту доходность, и в том, когда соотношение этих факторов имеет обратный характер, – общинники являются заинтересованными в возможно равном их распределении. Строгое применение такого равенства важно для существеннейших их материальных интересов как в том случае, когда уравниваются их хозяйственные минусы, так и в том, когда уравниваются плюсы. Это во-первых. Во-вторых, общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем ниже лежащие на общинной земле платежи. Если доходность хозяйства на общинных наделах относительно и не мала, но если вся она или почти вся поглощается повинностями, землевладение приобретает характер обязанности и теряет положительное значение в глазах общинника. Интерес последнего к земле возрастает в прямом отношении к увеличению той части дохода его хозяйства, которая остается в его распоряжении по погашении обязательных платежей, а при этом растет, понятно, и стремление сохранить в возможной неприкосновенности те формы разверстки, которые гарантируют более равномерное распределение ожидаемых от хозяйства выгод. Следовательно, в смысле улучшения систем переделов важное значение должно оказывать сокращение всякого рода лежащих на земле повинностей, так как оно может создавать эти выгоды там, где их до тех пор не было (где платежи превышали до тех пор доходность), и увеличивает их там, где платежи были ниже доходности хозяйства.

В этом именно направлении и слагалось влияние отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. Нетрудно догадаться, что всякое увеличение податной тяготы, падающей всегда на землю, равно и развитие малоземелья должны действовать в обратном смысле.

Все сказанное убеждает в том, что в общинном землепользовании играют весьма важную роль платежи и разные повинности, лежащие на сельском населении. Поэтому знакомство с той обстановкой, среди которой прилагается труд общинников, было бы неполно, если бы мы не сделали попытки ознакомиться с приемами общинных раскладок. Воспользуемся при этом тем же материалом, собранным податными инспекторами, которым мы пользовались выше.

Напомним, что материал относится ко всей общинной Европейской России, кроме Кавказа. Нижеследующие данные имеют тот особый интерес, что приемы общинных раскладок во всех деталях известны у нас вообще мало – гораздо меньше, чем приемы переделов общинных земель. Книжка покойного Трирогова «Община и подать» касается больше других этого вопроса, но в ней речь идет, во-первых, о половине 70-х годов, а во-вторых, – только об одной части Поволжья. Поэтому всероссийская анкета об общинных раскладках последних годов приобретает большое значение, поскольку можно положиться на точность добытых ею сведений.

Закон предоставил волостным, и в особенности сельским, сходам обширные права в этой области. Статья 51 п. 11 «Общ. Полож.» уполномочивает сельский сход производить «раскладки всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей», а ст. 78 п. 5 возложила на волостной сход «назначение и раскладку мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости». Права эти представляются очень обширными. Объектом обложения казенными и земскими сборами для казны и земства является вся земельная территория, числящаяся за целой общиной, а не участок отдельного домохозяина. В общину поступают окладные листы, в которых обозначаются лишь общие суммы причитающихся с нее платежей, а не те отдельные части их, падающие на долю каждого общинника, из которых эти суммы слагаются в действительности. При подворном владении важнейшие по своим размерам сборы – выкупные платежи – почти никогда не разверстываются сходом, так как суммы их указаны на каждого домохозяина в отдельности в особых именных списках подворных владельцев селения, приложенных к актам наделения их землей. При общинном же владении все сборы, падающие на землю целой общины, разверстываются исключительно по желанию схода по той системе, которая принята самой общиной. Что же касается до мирских сборов (волостных и сельских), то не только раскладка их, но и воз-

никновение, и назначение, и размер всецело зависят от усмотрения соответственных сходов по принадлежности. Так как общая сумма крестьянских платежей всегда составляет весьма крупную часть доходности крестьянской земли, а в иных случаях даже превосходит последнюю, то нетрудно видеть, насколько существенны те интересы отдельных домохозяев, распоряжение которыми вверено сходам, и в особенности – сельскому.

Но прежде чем ознакомиться с практикой, которая в этом случае установилась в общинной жизни, мы должны вспомнить общие критерии, являющиеся обязательными при суждении о степени уравнительности, целесообразности, продуманности принятых систем.

Финансовая теория знает три способа обложения: налог равный, пропорциональный и прогрессивный.

Финансовая практика всех цивилизованных стран еще далека от того, чтобы прогрессивное обложение было положено в основу финансовой системы. Представлять такое требование к нашей общине, следовательно, значило бы искать в ней того, что представляется еще пока научным идеалом. Господствующим на Западе принципом обложения является пропорциональность с теми или другими смягчениями его в сторону прогрессивности, вроде установления известного минимума, не подвергающегося обложению и т. п. Ближайшее фактическое исследование общинных раскладок прежде всего и должно выяснить, придерживается ли мир неуравнительного, несправедливого, отвергнутого теорией «равного» налога или более уравнительного, более справедливого пропорционального и практикуются ли при этом какие-либо поправки к этой системе в указанном направлении.

Размер казенных и земских сборов не зависит от общины. Мир получает готовые окладные листы, определяющие денежные суммы, которые должны быть так или иначе распределены между плательщиками и взысканы с них. Размер мирских сборов также является более или менее обязательным для общин. Согласно последнему обследованию этого предмета центральным статистическим комитетом, расходы более или менее устойчивого типа, более постоянные (по управлению, выполнению повинностей и на другие общественные нужды) составляют почти 10,2 процента всех мирских сборов, а расходы сельскохозяйственные всего – 12,8 процента, причем и среди последних имеются такие, которые также носят более или менее постоянный характер (например, плата пастухам, расходы на борьбу с вредными насекомыми и животными).

Следовательно, мир не может иметь сколько-нибудь заметного влияния на величину общей суммы подлежащих раскладке платежей и, следовательно, на отношение последних к доходности хозяйства плательщиков. Какова бы ни была эта сумма, каково бы ни было это отношение, сход дол-

жен произвести раскладку причитающихся сборов во что бы то ни стало. Поскольку удается ему при таких условиях удовлетворить указанным выше требованиям уравнительности раскладок, принимая во внимание высокие размеры обложения у нас крестьянских земель, – этот вопрос и устанавливает ту точку зрения, с которой представляется весьма интересным упомянутый выше фактический материал.

Обратимся прежде всего к раскладке казенных и земских сборов. Всеобщее правило, наблюдаемое в этом случае при общинных раскладках решительно везде в России, состоит в том, что платежи эти разверстываются пропорционально размерам земельных участков, находящихся в пользовании отдельных домохозяев. Эта система господствует без исключения во всех 40 губерниях, в которых имеется общинное землевладение.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что аналогичный порядок разверстки в виде переживания сохранился в губернии Подольской, где общинного землевладения теперь не встречается. «Хотя землевладение в этой губернии исключительно подворное и выкупные платежи исчислялись при отводе надела не только в одной общей сумме с селения за всю мирскую землю, но и по каждому подворному участку в составе селения, тем не менее эти платежи разверстываются в Каменецком и Гайсинском уездах ежегодно вместе с остальными окладными сборами». Таким образом, во всех тех случаях, когда окладные сборы не покрываются общинными оброчными статьями¹, когда, следовательно, неизбежно производить их раскладку, система последней находится в зависимости от принятой системы разверстки земли².

В тех селениях (главным образом – Крайнего Севера), которые имеют общие земельные владения, в иных местах еще сохранилась в виде переживания первоначальная ревизская раскладка платежей между отдельными селениями, но и там внутри селений между отдельными домохозяевами сборы разверстываются по действительным размерам землепользования каждого. Такова, например, принятая система в Олонецкой губ., где большая часть сельских обществ состоит из многих селений, включенных в одну общую

¹ Такие факты изредка встречаются, например, в одной волости Печорского уезда Архангельской губ. (тони), в нескольких волостях Красноярского уезда Астраханской губ. (сдача внаем киргизам разных угодий, рыбные ловли) и в некоторых других местах.

² Из двух только мест имеются сведения о каких-то нарушениях этой общей системы, смысл которых, однако, не представляется ясным: 1) «только по Сызранскому уезду есть указание (не вполне определенное), что в селениях с дарственным наделом (по одной десятине на рев. душу), находящихся в восточной части уезда (Самарская Лука), окладные сборы разверстываются между ревизскими душами без соображения с существующим распределением между ними общинной земли» и 2) в Пермской губ. «в некоторых обществах» разверстывается по земле лишь процентов 60–70 всякого рода сборов, «остальное же раскладывается по ревизским душам». Так как для этой губернии материал страдает большой неопределенностью и неполнотой по вопросу о разверстке земель, то не представляется возможным отчетливо понять тех отступлений от общего правила, которые в данном случае наблюдаются.

владенную запись или выкупную сделку (на 4067 селений 1892 г. составлено 1069 окладных листов); число селений в сельском обществе доходит до 28 в Олонецком уезде и до 63 – в Повенецком. Аналогичные условия находим в Кольском уезде Архангельской губ. и в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ. (где в разных селениях, входящих в состав одного и того же сельского общества, приняты разные системы разверстки земли). Тот же прием разверстки встречается и в Павловском уезде Воронежской губ. для селений с общим владением.

Таким образом, по общему правилу, кто пользуется большим количеством земли, тот и платит больше, и наоборот. В данном случае представляется безразличным, какое отношение существует между платежами и доходностью наделов. Если первые больше второй, то община, распределяя землю по рабочей силе своих членов, пользуется тем же критерием для выполнения лежащих на ней повинностей и стремится уравнивать таким путем тот минус, который образуется в этом случае в каждом отдельном хозяйстве. Если доходность наделов выше платежей, если в силу этого при разверстке земли принимаются во внимание потребительные требования общинников, система раскладки также соответствует распределению земельных участков, доходом которых платежи покрываются. Мир уравнивает в этом случае те полосы, которые остаются в хозяйстве каждого члена от соотношения названных факторов. Право пользования землей и обязанность выплачивать сборы следуют друг за другом в строгой зависимости между собой.

Таково общее положение, но в отдельных местностях размеры доходов домохозяев зависят в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов (скотоводство, огородничество и др.). Там приведенная система разверстки платежей, очевидно, не находилась бы в соответствии со средствами к их уплате. Поэтому в таких случаях к ней делаются те или другие поправки, имеющие целью восстановить это соответствие. Поправки эти вводятся довольно разнообразными приемами; для таких более сложных раскладок избираются довольно несхожие между собой единицы в зависимости от местных условий.

Такой единицей служит иногда скот, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть – по скоту. Этот случай распространен в Астраханской губернии (встречается во всех уездах, кроме Красноярского). В Царевском уезде такая разверстка практикуется потому, что «некоторые крестьяне держат много скота и выпасывают его на общественных выгонах с промышленной целью». В некоторых селениях Черноярского уезда выкупные платежи раскладываются частью по земле, частью по числу рогатого скота, принадлежащего домохозяиству (по $25\frac{1}{2}$ коп. со штуки). В некоторых обществах Царицынского уезда Саратовской губернии существует «особый сбор со

скота, целиком поступающий в уплату окладных сборов до общей разверстки их по надельным душам; этот порядок обложения объясняется тем, что здесь часть наделов состоит под пастбищем и владельцы значительного количества скота при разверстке исключительно по землевладению пользовались бы большими преимуществами перед остальными домохозяевами». В Черниговской губернии (в одной волости и в нескольких обществах – немецких – Борзенского уезда) часть сборов, причитающаяся с выгонных земель, которые находятся в общем пользовании всех жителей селения, разверстывается между отдельными домохозяевами по числу голов выпасываемого скота. В Хотинском уезде Бессарабской губ. казенные и земские платежи раскладываются также и по скоту, и по земле. Там устанавливают сначала «размер сбора со скота – например, по 1 руб. со штуки крупного и по 10 коп. с овцы (козы и свиньи обыкновенно не облагаются); затем оставшая сумма распределяется по наделам».

Далее, к обложению привлекаются иногда усадьбы, если владение ими представляет особые выгоды или если размеры их не соответствуют более новому распределению полевой земли. Так, в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии часть выкупных платежей «разверстана по величине усадебного места каждого двора, причем в некоторых селениях установлены разные разряды усадебной земли по качеству ее и другим основаниям (этого усадебного сбора причитается около 1 коп. с кв. саж., т. е. от 7 руб. до 10 руб. за усадьбу)».

В некоторых местностях Тверского уезда, «где количество усадебной земли, принадлежащей отдельным дворам, перестало соответствовать количеству предоставленной им теперь полевой земли, часть выкупных платежей взимается отдельно с усадебной земли, например, по 1 руб. 50 коп. с души усадебной земли». В большинстве волостей Нерехтского уезда Костромской губ. при раскладке выкупных платежей принимается в расчет размер усадьбы домохозяина («усада»), так как вследствие изменений семейного состава дворов размер усадебных участков, оставшийся без изменения, нередко не соответствует существующему распределению полевых угодий.

Раскладка выкупных платежей происходит при этом таким образом, что сперва определяется усадебный сбор по расценке, а оставшая сумма разверстывается по полевой земле. При раскладке прочих сборов усадьба там или вовсе не принимается в расчет, или душевой надел «усада» признается равноценным полевому наделу и вся сумма платежей делится на двойное число земельных единиц или душ, затем размер обложения каждого домохозяина определяется помножением полученного частного на сумму душевых долей его в поле и в усадьбе. В некоторых селах Макарьевского уезда Нижегородской губ., где усадьбы имеют особую ценность, на них

падает часть выкупного платежа; это касается и тех крестьян, которые не пользуются полевой землей. В 3 волостях Алексинского уезда Тульской губернии при раскладке окладных сборов также принимают во внимание, кроме полевой земли, и размер принадлежащей домохозяину усадьбы (мотивы не выяснены). В Богодуховском, Харьковском и Валкском уездах Харьковской губ. в общинах с наличной разверсткой, где усадебная земля не уравнивается, часть выкупного платежа разверстывается особо, по размеру каждой усадьбы; к этому платежу привлекаются и не принадлежащие к обществу лица, владеющие усадебной землей.

В местностях, где в силу особых условий значение полевого хозяйства уступает у крестьян первое место заработкам разного рода, раскладочной единицей нередко служит рабочая сила двора, независимо от принятой системы разверстки земли. В таких районах переделы земель составляют обыкновенно более редкое явление и производятся по большей части по ревизским душам или по работникам же. Так, в тех селах Лудейнопольского уезда Олонецкой губернии, где доходы получаются преимущественно от лоцманства по р. Свири, сборы разверстываются по рабочему населению (с 18 лет), а в одном селении того же уезда – по доходам каждого двора, так как крестьяне вовсе не занимаются земледелием, а живут торговлей и трактирным промыслом (также по р. Свири) и отчасти лесным промыслом. В Меленковском уезде Владимирской губернии у бывших горнозаводских мастеровых привлекаются к платежам все взрослые работники (18–55 лет) и в половинном размере полуработники (15–18 и 55–60 лет), «без соображения с размером участия их в пользовании общественной землей». Вероятно, тем же мотивом руководствуются и в одной волости Рузского уезда Московской губернии, где раскладке подвергаются и крестьяне, не ведущие полевого хозяйства (т. е. занимающиеся исключительно местными или отхожими промыслами?), хотя и в половинном размере (в соответствии с доходностью этих заработков?). В уездах Верхнеуральском и Троицком Оренбургской губернии платежи разверстываются по рабочему составу дворов, между тем как земля поделена по ревизским душам (рабочий возраст принимается от 17–18 до 50 лет, а у тептерей – даже от 13–15 лет). В Троицком уезде привлекаются к платежу оклада также и подростки 14–17 лет, и старики 50–60 лет в половинной доле («половинные души»). В башкирских волостях Верхнеуральского уезда рабочее население облагается не поровну, а по степени зажиточности домохозяев, признаками которой служат скот, постройки, количество засеваемой земли. Общей причиной такой системы в названных уездах служит то обстоятельство, что «земледелие здесь имеет мало значения». Население пяти русских волостей здесь «почти в полном своем составе занимается работой на горных заводах, владея только уса-

дебной землей, а у башкир главное занятие – скотоводство, затем – лесной промысел и заработки на горных заводах»¹.

Здесь же следует отметить особенность раскладки окладных сборов в уездах Лебединском, Кирсановском, Козловском и Моршанском Тамбовской губ., где при этом принимается во внимание только пахотная земля (быть может, остальные угодья представлены слишком слабо в составе крестьянского надела?).

Наконец, остается указать, что лесные сборы раскладываются миром исключительно между теми домохозяевами, которые пользуются лесом и лесными материалами. Так, в Мезенском и Пинежском уездах Архангельской губернии «лесной налог распределяется по потребностям каждой семьи в лесном материале». В Богодуховском и Харьковском уездах причитающаяся за лесные угодья часть окладных сборов разверстывается между наследственными пользователями этими угодьями. В Валковском Харьковской же губернии (вероятно, в силу того, что все члены общины пользуются лесными угодьями) названный платеж раскладывается поровну на дворы. В Данковском уезде Рязанской губ. «лесной налог взимается не на общем основании, а только с дворов, пользующихся лесом».

Таковы данные о разверстке казенных и земских сборов. Переходим к раскладке мирских, которая представит теперь уже весьма много знакомых черт.

Общее правило, применяемое во всех губерниях, в которых встречается общинное землевладение, в этом случае, как и в предшествующем, состоит в том, что мирские сборы (сельские и волостные) разверстываются пропорционально земельному пользованию каждого отдельного домохозяина. Такой порядок является всеобщим для всех полос России и практикуется при всех системах разверстки земли. Все видоизменения этого приема раскладки, о которых мы будем говорить сейчас, имеют значение лишь поправок и дополнений к нему в интересах возможно большей уравнительности распределения сборов между плательщиками, когда это требуется по местным условиям.

Крупным отличием раскладки мирских сборов от раскладки казенных и земских служит лишь то обстоятельство, что к первой часто привлекаются также жители деревни, которые не имеют общинной земли. Это отличие является совершенно понятным ввиду того, что все казенные и земские сборы приурочены в настоящее время исключительно к земле (после уничтожения подушной подати), мирские же сборы взимаются нередко на удовлетворение таких потребностей сельского и волостного общества, которые касаются одинаково как надельных, так и безнадельных жителей села (например, на караул, на пожарный обоз, на медицинскую часть, церковные расходы и т. д.).

¹ Число таких случаев в разных местностях России, вероятно, значительно больше, чем приведено в материале.

Чаще всего в таких случаях эта категория деревенского населения облагается поровну, по дворам. Встречаются и варианты этого способа обложения. Так, в Царскосельском уезде с безнадельных крестьян мирской сбор взимается поровну с усадеб, а в Гдовском и Ямбургском той же Петербургской губ. волостной сбор – по числу наличных душ безземельных. Безземельные же привлекаются к обложению мирскими сборами в Олонецкой губ., в Нижнеломовском и Саранском уездах Пензенской губ. В Саратовской губ. тоже практикуется или по всем статьям мирских сборов, или только по некоторым (уезды Царицынский, Балашевский). В Борисоглебском уезде Тамбовской губ. все мирские сборы распределяются между всеми крестьянами, принадлежащими к обществу, хотя бы они и не пользовались землей. При разверстке части сельского и мирского сбора безземельные и отсутствующие принимаются в счет и в Павловском уезде Воронежской губ., безземельные – во 2-м Донском округе Донской области, в Днепровском и Евпаторийском уезде Таврической губ. В Херсонском, Елисаветградском и Ананьевском Херсонской губ., в Карачевском уезде Орловской губ., в Харьковской губ., в Полтавской губ., в Орловском уезде, в Васильевском и Нижегородском уездах Нижегородской губ. (мещане), в Жгатовском, Юхновском, Вяземском и Сычевском уездах Смоленской губ. В Жиздринском и Медынском уездах Калужской губ. «безземельные крестьяне уплачивают волостные и сельские мирские сборы по душам; при этом их ревизская душа приравнивается к однодушевому наделу и облагается одинаковым с ним сбором». Сюда же должно отнести и особый сбор с усадебной и огородной земли, взимаемый только с тех дворов, которые не ведут полевого хозяйства в Новоторжском уезде Тверской губ. В Сарапульском уезде Вятской губ. к платежу привлекаются отставные солдаты и лица, прослужившие более 20 лет на Боткинском заводе и освобожденные от платежа казенных сборов. В Дмитриевском уезде Московской губернии сельские сходы взимают с крестьян, бросивших землю, «отвыкших от земли» и промышленяющих на стороне, так называемый «гудяцкий оброк» в размере от трех рублей до двадцати пяти рублей с работника, смотря по нужде общества в земле. Сбор этот практикуется в селениях с сильно развитыми фабричными отхожими заработками или с малоодоходными наделами.

Возвращаясь к надельному населению, замечаем в виде общего правила разверстку платежей по размерам землевладения каждого домохозяина. Как указано выше, система эта является всеобщей, конечно, за исключением тех случаев, когда сборы покрываются общинными, оброчными статьями (Печерский, Красноярский, Павловский, Воронежский, Острогжский, Ялтинский, некоторые селения Херсонской губ. и др.). Даже в тех случаях, когда волостные сборы разверстываются по ревизским душам между селениями, эти же сборы внутри селений между отдельными домохозяевами расклады-

ваются по земле. Такой порядок практикуется в некоторых уездах Псковской губ. (Порховской, Опочецкий, Псковский), в Валдайском уезде Новгородской губ., иногда в Олонецкой губ., в Устюжском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ., в Уржумском, Елабужском и Малмыжском Вятской губ., в некоторых обществах Пермской губ. (30–40 процентов платежей, остальное – по земле), в Наровчатском уезде Пензенской губ., в большинстве уездов Воронежской губ., в Тираспольском уезде Херсонской губ., иногда в Павлоградском и Новомосковском уездах Екатеринославской губ., в Черниговской губ., в Касимовском и Раненбургском уездах Рязанской губ., в Горбатовском, Нижегородском и иногда в Васильском уездах Нижегородской губ., в Мологском, Угличском и Пошехонском уездах Ярославской губ. и в сложных общинах Звенигородского уезда Московской губ. Как показывает этот перечень уездов, такая система практикуется чаще всего на севере и северо-востоке России с господствующим типом сложных (составных) общин, т. е. таких, которые составляются из большого количества мелких поселений, разбросанных на больших пространствах, где, следовательно, волости обнимают обширную территорию. Очевидно, там представляются специальные, технические трудности производить волостную раскладку непосредственно по размерам землевладения каждого отдельного домохозяина. Там ревизская разверстка волостных сборов и должна была сохраниться в виде переживания, дольше, чем в других местах. По всей вероятности этим же особенностям следует приписать и сохранение раскладки платежей по ревизским душам даже внутри отдельных селений, встречающейся в немногих местах (например, в некоторых общинах Олонецкой губ.)¹.

Далее, общая система обложения мирскими сборами по размерам землевладения каждого двора терпит довольно разнообразные ограничения с целью уравнительности раскладки. Как было уже упомянуто выше по поводу разверстки казенных и земских платежей, в отдельных местностях количество доходов плательщиков зависит в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов. Поэтому к упомянутой господствующей системе разверстки там и здесь вводятся такие или иные поправки, обуславливаемые весьма различными местными особенностями.

Так, нередко в этом случае вводится в расчет, как и там, количество скота, принадлежащего двору, причем часть сборов разверстывается по земле,

¹ В одной волости Гадячского уезда и в трех волостях Прилукского уезда Полтавской губ. мирские сборы разверстываются в виде величайшего исключения по дворам поровну. То же встречается и в некоторых волостях Борзенского, Нежинского и Козелецкого уездов Черниговской губ. В двух обществах последнего уезда и двух Борзенского мирские сборы раскладываются по тяглам (брачным парам – овдовевшие и неженатые пользуются половинным окладом). Причины переживания этих дореформенных систем раскладок не выяснены, как и то, относятся ли они к общинам или подворным обществам. Аналогичные сведения имеем по Тимскому уезду Курской губ. и по некоторым общинам Харьковской губ.

а часть по скоту. Понятно, такая единица разверстки может применяться лишь в тех степных губерниях, в которых скотоводство играет сравнительно крупную хозяйственную роль. Это мы видим в некоторых общинах Белевского уезда Уфимской губ., почти во всей Астраханской губ. (в некоторых селениях Черноярского уезда мирские сборы взимаются только с рогатого скота по 19 $\frac{1}{2}$ коп. и с овец – по 15 коп.), в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической губ., в некоторых обществах Павлоградского, Новомосковского, Екатеринославского, Славяносербского, Верхнеднепровского и Мариупольского уездов Екатеринославской губ., в Херсонском, Тираспольском и Ананьевском уездах Херсонской губ. и в Аккерманском и Хотинском уездах Бессарабской губ. Отметим весьма важную особенность такой раскладки в Ананьевском уезде, где совсем не облагаются мирским сбором дворы, имеющие менее трех голов скота.

Другой единицей обложения (кроме скота), наряду с землей, нередко принимается усадьба, необходимость чего логически вытекает из принятых систем общинной разверстки общинной земли. Известно, что переделам не подвергаются усадебные угодья, поэтому периодические равнения землевладения отдельных домохозяев не касаются усадеб, в силу чего концентрация этих угодий может представлять собой при наличии переделов явление более частное, чем концентрация других угодий.

Отсюда становится понятным стремление общины в этих случаях подвергать усадьбы, разросшиеся шире нормального размера, и большему обложению. В нашем материале не встречается указаний на то, чтобы такое усиленное обложение вытекало из факта большей доходности (от огородничества, например) упомянутых больших усадеб. Легко может быть, что такое соотношение между доходностью усадеб и платежами за них в иных случаях и имеет место. Чаше, однако, этой зависимости, по-видимому, не наблюдается; усадьба облагается сильнее просто потому, что ею пользуется большее количество людей, принадлежащих к более состоятельной семье. Так, в Аткарском уезде Саратовской губ. мирскими сборами облагаются иногда усадьбы, превышающие средний нормальный размер, установленный обществом. В некоторых обществах Бирюченского и Бобровского уездов Воронежской губ., где количество полевой земли ничтожно или где велика разница в количестве и качестве усадебной земли домохозяев, взимается в уплату повинности особый сбор с усадеб. Аналогичная разверстка встречается в Одесском, Ананьевском и Елисаветградском уездах Херсонской губ. и в некоторых общинах Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.

Дальнейшим признаком, который принимается во внимание при раскладках наряду с землей, служат иногда и разного рода заработки крестьян, если роль их почему-нибудь особенно выдвигается по местным условиям

в бюджете общинников. Так, в Городищенском уезде Пензенской губ. при разверстке мирских сборов принимается во внимание не только наличный состав каждого двора, но и неземледельческие его заработки. Выше было уже указано, что в Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губ. и Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. казенные и земские сборы разверстываются по рабочему составу дворов; так же раскладываются там и мирские сборы, по тем же причинам, которые указаны были выше. Аналогичные сведения имеем и из Екатеринбургского, Камышловского уездов Пермской губ., Звенигородского уезда Московской губ., из Гадячского, Кобелякского и Лубенского уездов Полтавской губ. и из некоторых местностей Черниговской губ. В иных селах Перекопского уезда Таврической губ., Тираспольского и Елисаветградского уездов Херсонской губ., по-видимому, этот способ раскладки исчезает по мере перехода общин от ревизской к высшим системам разверстки земли.

В некоторых общинах Пермской и Тамбовской губ. при раскладке мирских сборов принимается во внимание пользование только одними пахотными землями. Причины такой особенности не выяснены. Надо думать, что все остальные угодья среди наделов этих селений имеют чересчур слабое распространение.

Далее, стремление возможно лучше уравнивать мирские платежи между домохозяевами побуждает общину производить между ними раскладку по наличным душам иногда даже в тех случаях, когда эта система еще не утвердилась в раскладке земли. Мы не имеем определенных указаний на причины возникновения этого интересного факта. Нельзя, однако, не заметить, что он может возникнуть только в том случае, когда неудовлетворительность ревизской системы переделов уже достаточно проникла в сознание общинников, когда борьба за наличную разверстку уже началась, когда, быть может, распределение земельных участков между домохозяевами фактически уже к ней значительно приблизилось путем ежегодной свалки и навалки душ. Принимая во внимание общую тенденцию мирских раскладок – находиться в соответствии с землепользованием плательщиков, – трудно себе представить возможность появления наличной раскладки, когда земля еще поделена по ревизским душам, при иных условиях. Если это так, то на упомянутый факт надо смотреть как на один из ясных признаков перехода общины к более уравнивательным системам разверстки земли. Такие сведения мы имеем о некоторых селениях Холмского уезда Псковской губ., Стерлитамакского уезда Уфимской губ., Нижнеломовского и Саранского уездов Пензенской губ., о немецких колониях Бердянского уезда и о некоторых русских селениях Днепровского уезда Таврической губ., Херсонской губ., Павлоградского и Новомосковского уездов Екатеринославской губ., некото-

рых уездов Полтавской губ., Васильского и Нижегородского уездов Нижегородской губ., Дмитриевского уезда Московской губернии (в общинах, где велико число крестьян, живущих на стороне).

Наконец, с теми же целями большей уравнительности раскладки в иных местах община находит возможным привлечь к обложению мирским сбором так называемую купчую землю отдельных домохозяев, т. е. приобретенную ими в частную, личную собственность. Такое сообщение имеем из Казанского и Ядринского уездов Казанской губ. и из двух волостей Сычевского уезда Смоленской губ.; здесь при этом освобождаются от таких сборов безземельные.

Как нам лично известно, аналогичные случаи встречаются в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Переходим к разверсткам разного рода сельских сборов, взимаемых с специальными целями: сборы эти бывают крайне разнообразны. Сведения, которые мы имеем по этому вопросу, конечно, не исчерпывают всего разнообразия приемов раскладки, которые встречаются в этом случае в разных местностях России. Но даже и те данные, которые мы имеем, отчетливо рисуют всю ту заботливость, которую обнаруживает мир в изыскании такой единицы раскладки, которая удовлетворила бы, по возможности, интересы всех его членов. Чем ниже благосостояние населения, чем слабее его платежные средства и чем выше необходимые платежи, тем важнее такая заботливость и тем искуснее вырабатываются более удовлетворительные приемы раскладки.

Наиболее распространенным из таких сборов является на жалованье пастуху, в найме которого заинтересованы, конечно, не все общинники, а лишь те из них, которые имеют скот. Этот расход повсеместно разверстывается не по земле, не по наличному, или рабочему, или ревизскому составу двора, а исключительно по числу голов скота, принадлежащего тому или другому хозяину. Об этом приеме раскладки сообщается решительно из всех тех местностей, в которых упоминается об этом общественном расходе. Такая практика установилась в Гдовском уезде Петербургской губ., в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губ., в Чистопольском уезде Казанской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., в Пензенском уезде, во всей Саратовской губ. («с череда»), в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Корочанском, Обоянском, Новооскольском и Суджанском уездах Курской губ., в некоторых селениях Малоархангельского уезда Орловской губ., в шести уездах Тульской губ. (на пастухов и на конюхов), в Рязанском, Касимовском и Егорьевском уездах Рязанской губ. (так же и на конюхов), в пяти уездах Владимирской губ., во всей Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в Костромском уезде, в семи уездах Тверской губ., в Звенигородском, Дмитриевском и Рузском уез-

дах Московской губ., в Масальском, Калужском и Тарусском уездах Калужской губ. и во всей Смоленской губ.

Та же система раскладки (по числу голов скота) принимается по тем же причинам и на покрытие расходов на общественного быка в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Звенигородском, Рузском и Дмитриевском уездах Московской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Покровском уезде Владимирской губ. Наконец, так же распределяется между домохозяевами и плата за аренду общинами лугов и пастбищ в Старорусском уезде Новгородской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Судогодском уезде Владимирской губ., в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ.

Другая единица разверстки принята для покрытия расходов на караул и пожарный обоз. В этом случае чаще всего встречается равное обложение всех дворов селения, покоящееся на предположении одинаковой заинтересованности всех домохозяев, проживающих в селении, в охране от огня. Такую систему встречаем в Петергофском уезде, Бугурусланском уезде Самарской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., во всей Саратовской губ., в Бирюченском уезде Воронежской губ., в Харьковской губ., в Новооскольском, Корочанском, Обоянском и Суджанском уездах Курской губ., в Малоархангельском уезде Орловской губ., в Ефремовском уезде Тульской губ., в Рязанском уезде, в четырех уездах Владимирской губ., в Сергачевском уезде Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в семи уездах Тверской губ., в Калужском, Масальском и Тарусском уездах Калужской губ., в Вяземском и Юхневском уездах Смоленской губ.

Но такое равное обложение, в котором отсутствует принцип пропорциональности, начинает, по-видимому, сменяться другим, более уравнительным, для которого намечаются несколько приемов. Этого рода расходы начинают разверстывать или по строениям (Воронежский и Острогожский уезды Воронежской губ.), или по наличным душам (Рославльский уезд Смоленской губ.), или по сумме страховых платежей, платимых каждым домохозяином (Судогодский уезд Владимирской губ., Чистопольский уезд Казанской губ., Павловский уезд Воронежской губ., Белгородский уезд Курской губ. и Валковский уезд Харьковской губ.).

Далее, плата лесным сторожам, как и следует ожидать, разверстывается только между теми домохозяевами, которые пользуются общественным лесом (Валковский уезд Харьковской губ., Данковский уезд Рязанской губ., Рузский уезд Московской губ.; в последнем иногда поровну с дворов или печей, вероятно, где лесом пользуются все общинники).

Церковные расходы (жалованье причту, на общественные молебны и проч.) покрываются обыкновенно обложением наличного населения обоих

полов (Судогодский уезд Владимирской губ., Бежецкий, Новоторжский, Старицкий уезды Тверской губ., Бугурусланский уезд Самарской губ., Валковский уезд Харьковской губ., Днепровский уезд Таврической губ.). По той же системе разверстываются расходы на медицинскую часть в Мелитопольском уезде Таврической губ. (в некоторых немецких колониях, где такой расход существует). В Ливенском уезде Орловской губ. деньги, уплаченные из мирских сумм на лечение беднейших членов общества в больнице, однако, не взыскиваются с двора, к которому принадлежит лечившийся.

О способах раскладки других специальных сборов имеется весьма мало сведений. О приемах разверстки их можно судить до некоторой степени лишь по отдельным единичным показаниям. Так, расходы на хлебозапасные магазины раскладываются, по-видимому, по той же системе, которая принята общиной для разверстки земли: в Малоархангельском уезде Орловской губ. при господстве ревизской разверстки земли расходы на содержание хлебных магазинов распределяются по ревизским душам, а в Рuzском уезде, где, как и во всей Московской губ., преобладает рабочая разверстка земли, чаще других встречается раскладка на жалованье смотрителю магазина по рабочим (иногда поровну по дворам). О расходах на содержание школ имеем лишь одно сообщение, что они раскладываются в силу каких-то местных соображений: в том же Малоархангельском уезде Орловской губ. – по количеству паев, принадлежащих каждому домохозяину в общественном сенокосе. О раскладке между общинниками расходов на почтовую часть мы ничего не знаем, кроме одного сообщения из Сумского уезда Харьковской губ. (одна волость), где содержание почтовых лошадей разверстывается по дворам, причем, однако, не указано, в каких отношениях производится эта разверстка.

Таковы существенные черты раскладки мирских сборов в общинах, поскольку они выясняются из нашего материала. Как уже упомянуто, сведения эти не добыты путем подворной переписи, и потому весьма легко может быть, что не все разновидности существующих видов раскладки разного рода платежей зарегистрированы в вышеизложенном. Можно с уверенностью далее сказать, что каждая из приведенных систем раскладок имеет гораздо большее территориальное распространение, чем указано на предшествующих страницах. Но несомненно одно, что все эти приемы, свидетельствующие наглядно о стремлении сходов к возможному уравниванию податной тяготы между своими членами, бесспорно, существуют в современной русской общине и пользуются большим или меньшим распространением.

Каковы изменения этих приемов во времени, какова эволюция, которая совершается в этой части общинных отношений, – для суждения об этом вопросе прямыми данными мы не обладаем. Однако следует думать, что системы разверстки платежей прогрессируют в общине одновременно с

улучшением систем переделов земли. В самом деле, какой можно себе представить раскладку платежей в общине в период, следовавший немедленно за наделением крестьян землей по ревизским душам, т. е. еще в то время, когда число наличных душ в общине весьма мало отличалось от числа ревизских? Можно с уверенностью сказать, что и тогда платежи, вероятно, разверстывались, как и теперь, по земле, но тогда эта раскладка «по земле» была синонимом раскладки по ревизским душам. С течением времени, как мы уже знаем, ревизская разверстка земли все более утрачивала свое уравнительное значение и уступала место иным системам. Согласно основному принципу, которого держится в этом случае община, одновременно с перераспределением доходов от общинной земли должно было происходить и соответственное перераспределение между домохозяевами платежей, лежащих на общине.

Нетрудно поэтому убедиться в том, что приемы раскладок всякого рода сборов должны были соответственно изменяться. Ревизская раскладка должна была мало-помалу уступать место другим, более уравнительным ее формам. Должны были появиться разверстки платежей по рабочему составу семьи, по наличным душам, по едокам и т. д., судя по тому, какие изменения претерпевало распределение земельных участков между общинниками под влиянием местных условий. Даже в нашем материале мы имеем некоторые намеки на то, что такая эволюция в действительности происходила и происходит.

Так, указывается, например, на то обстоятельство, что в Сосницком и Новгородсеверском уездах Черниговской губ. в настоящее время происходит переход к раскладке платежей по размерам землепользования.

В Новоторжском уезде Тверской губ. «волостной сбор разверстывался до 1892 г. по числу ревизских душ, теперь же в нескольких волостях стали распределять волостной сбор между селениями по числу десятин принадлежащей им земли, как надельной, так и купленной». Здесь уместно отметить переживания общинных порядков в некоторых таких местностях юго-западных губерний, в которых подворная форма владения землей является теперь исключительной. Так, «в каждом сельском обществе Каневского уезда Киевской губ. (все подворные) после введения уставных грамот было два-три передела земли, вызывавшиеся обментами участков, разбросанностью и измельчанием полос вследствие наследственных наделов и т. п.» (при этом изменялось только расположение подворных участков, а не их размер). В этом уезде выкупные платежи, несмотря на то, что сумма их распределена в выкупных актах по домохозяйствам, все же ежегодно разверстываются по дворам. Совершенно такое же распределение выкупных платежей ежегодно совершается и у подворных владельцев Каменецкого и Гайсинского уездов Подольской губ.

Нам остается отметить последнюю характерную черту раскладок платежей в общинах. При крайней ограниченности размеров крестьянского землевладения и при сравнительно высоком обременении крестьянской земли платежами трудно было бы ожидать, чтобы община давала крупные льготы при раскладах беднейшим из своих членов. Можно думать, что такие льготы были бы и многочисленнее, и распространеннее, и существеннее по своим размерам, если бы сборы, лежащие на общине, находились в лучшем соотношении с чистым доходом крестьянского хозяйства. Но так как такого соотношения не существует и самый этот чистый доход является крайне проблематичным в массе местностей, то невозможно ожидать особенно широкого распространения и льгот при раскладке. Характерно, однако, то, что они существуют, и даже не особенно редко. В огромном большинстве губерний, как показывает наш материал, такие льготы практикуются в весьма разнообразных формах, а это указывает на то обстоятельство, что общине далеко не чужда мысль об установлении такого минимума доходов, который избавляется частью или совсем от обложения. В Гдовском уезде Петербургской губ. бывают случаи, что бобылям, старухам и т. п. отводят бесплатно кусок земли для избы и огорода. Льготы по обложению (не объяснено какие) «ввиду имущественного положения домохозяев» допускаются иногда в Петрозаводском, Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губ. В Кемском уезде Архангельской губ. льготные обложения дворов захудалых или временно нуждающихся бывают обыкновенно в случаях долговременного отсутствия хозяина, его смерти или смерти единственного работника в семье. В Кадниковском уезде Вологодской губ. бывают случаи снятия оклада с захудалых домохозяев и разверстки его поровну между остальными односельчанами. Сравнительно много случаев льгот по обложению встречается в Сольвычегодском и Устюжском уездах той же губернии; здесь льготы предоставляются не только отдельным домохозяевам, но и целым селениям по случаю временных бедствий (например, пожар, наводнение и т. д.) или по состоянию бедности (хроническая захудалость, занесение песком части надела и т. д.). Снимают также оклад иногда с малолетних сирот, со слабых здоровьем нижних чинов; также в случае поступления члена домохозяйства в военную службу уменьшают оклад на целую душу. Весьма важно отметить, что в двух последних уездах снятая часть платежа разверстывается не между всеми остальными домохозяевами, а только между некоторыми более состоятельными. В Вятской губернии (Вятский, Нолинский, Слободской, Орловский) часть платежей иногда снимается с захудалых хозяев, а разверстывается между остальными членами общества; в Яранском уезде той же губернии «общество иногда предоставляет некоторые льготы домохозяину старательному, но обремененному большим семейством: освобождает его от

выбора на общественные должности, от караула, от поставки подвод или отводит ему полосу получше. В том же уезде по особым мирским приговорам производятся иногда сборы в пользу погорельцев, причем часть этих сборов иногда обращается на уплату податей. Льготы по обложению слабосильных домохозяев (не объяснено какие) встречаются и в Пермской губ. В башкирских волостях Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. льготы по обложению захудалых определяются самой системой раскладки повинностей – «по достатку каждого плательщика»; в том же уезде и в Троицком неспособные к работе и калеки обыкновенно не подлежат обложению. Платежи уменьшаются для захудалых и в Златоустовском и Бирском уездах Уфимской губернии. Эта категория домохозяев, равно и те, кого постигло временное бедствие, получают по крайней мере отсрочку платежей в Алатырском уезде Симбирской губернии. В Пензенском уезде с таких домохозяев снимают иногда часть сборов, которые разверстываются между остальными членами общества. В Балашовском уезде Саратовской губ. допускается иногда уменьшение оклада, а в Царицынском – уплата его из арендных общественных статей для захудалых домохозяев. В Воронежской губ. «мир иногда платит подати за стариков, за захудалых или пострадавших от временных бедствий», за «бабьи семьи», не отнимая у них надела; такие «мироплатимые души» исключаются из счета и раскладка производится на остальных. В Бирючинском уезде мир принял на себя за время с 1889 до 1891 года уплату податей за 43 надела, в Острогжском уезде по отношению к захудалым домохозяевам «допускается отсрочка платежей на год или два, после чего в случае неуплаты надел отбирается». В Астраханской губ. льготное обложение нуждающихся дворов практикуется в уездах Астраханском, Енотаевском и Царевском. Сложенные этим путем платежи покрываются обыкновенно из мирских сумм или разверстываются между остальными домохозяевами; такие же льготы предоставляются и в Донской области в случаях временных бедствий (пожар, градобитие, крупная потрава); сложенная часть оклада или разверстывается между остальными домохозяевами, или покрывается из мирских сумм¹. Совершенно аналогичные сведения имеем и из Херсонской губ., где, однако, такие факты встречаются, по видимому, гораздо реже. В Аккерманском уезде Бессарабской губ. из мирских сумм покрывались недоимки по мирскому сбору с заменой этого платежа натуральной повинностью: этапной, подводной и дорожной. Случай «освобождения беднейших хозяев от части причитающегося с них оклада сборов» известен по Валковскому и Сумскому уездам Харьковской губернии; в некоторых обществах Валковского уезда постановлено остатки 6 рас-

¹ В Ростовском уезде выдается из мирских средств безвозвратное пособие погорельцам, вдобавок страховой премии, по 50–100 руб. на домохозяина.

кладок (колеблющиеся от 2 до 75 руб.), образующиеся при округлении долей, употреблять на уплату податей за беднейших домохозяев. В двух волостях Сумского уезда общества берут на себя половину платежей, лежащих на вдовах, имеющих малолетних детей. В Тимском уезде Курской губ. сельские общества иногда освобождают от платежа податей крестьян, которых постигло случайное бедствие, и возлагают на них обязанность содержать подводу для сельских должностных лиц, держать въезжую избу и т. п. В Черном и Новосильском уездах Тульской губ. уменьшают платежи тех, кого постигло временное бедствие (пожар, падеж и проч.), а в Алексинском иногда освобождают от оклада нуждающихся вдов. В Касимовском уезде Рязанской губ. льготы при раскладках практикуются в двух селениях. Сложение платежей с захудалых домохозяев составляет постоянное явление в уездах Вязниковском, Суздальском и Александровском Владимирской губ., платежи эти разверстываются между остальными домохозяевами. В последнем уезде есть селения, где родители новобранцев пользуются их наделами в течение года бесплатно; подати платит за надел общество. В одной волости Судогодского уезда на каждый погорелый двор делается по волости сбор по 10 руб. В Ковровском уезде бывают уплаты из мирских сумм (преимущественно из арендных сумм за питейные заведения) всего или части оклада за отдельных домохозяев или даже за целое общество. В Угличском уезде Ярославской губ. платежи иногда снимаются с захудалого домохозяина и раскладываются на всех остальных. Аналогичные льготы встречаются в Галичском и Буйском уездах Костромской губ.; в двух волостях Кинешемского уезда той же губернии, населенных раскольниками, «установился обычай вносить обществом годовой оклад податей за домохозяев, потерпевших от пожара; в том же уезде выделяется одна волость – Георгиевская, – где случаи взноса податей за обедневших часты». В Новоторжском уезде Тверской губ. старики и бобылки иногда освобождаются от усадебного сбора на мирские расходы. В Подольском уезде Московской губ. общество освобождает иногда от уплаты сборов вдов с малолетними детьми и раскладывает этот платеж на остальных домохозяев. В Медынском уезде Калужской губернии известны случаи освобождения вдов от уплаты повинностей за находившиеся в их пользовании двухдушевые наделы, пока дети не подросли, затем общество вводило эти домохозяйства в денежную раскладку в половинном размере, а по достижении детьми семнадцатилетнего возраста оклады дворов были определены уже в полном размере. В Лихвинском уезде той же губернии снятая с захудалых домохозяев часть оклада разверстывается между всеми остальными на общем основании.

Приведенные факты не имеют всеобщего распространения. В одних губерниях они встречаются чаще, в других – реже, в иных – даже в еди-

ничных только случаях. Но они рассеяны по всей России и драгоценны в том отношении, что свидетельствуют о возможности для общины облегчать тем или другим способом податное бремя беднейших своих членов. Кто взялся бы утверждать, что это явление не сделалось бы всеобщим, не вылилось бы в более определенные формы, не вошло в раскладку ее органической частью, если бы наша податная система подверглась изменениям и если бы крестьянские платежи могли бы более соответствовать доходности хозяйства общинников? Ведь произвела же весьма большая часть русских общин переделы по улучшенным системам, как только размеры казенных сборов были лишь несколько сокращены вследствие отмены подушной подати и уменьшения выкупных платежей. <...>

Суммируя все, что сказано было об общинных раскладках, прежде всего отчетливо выступает на первый план стремление схода достигнуть возможной пропорциональности платежей доходности хозяйства плательщиков. Важнейшим источником дохода крестьянина была и есть земля в тех местностях, где она «оправдывает» платежи. Где она их не «оправдывает», там она служит все-таки главнейшим фактором для их покрытия. Поэтому при разверстке подавляющей части крестьянских повинностей размер земельных участков остальных домохозяев и служит универсальной раскладочной единицей. Но мы уже знаем, что в распределении самых участков между общинниками нет того случайного, произвольного момента, который имеется налицо в распределении участков подворных. Эти составляются путем первоначальной отмежевки и целого ряда гражданских актов, ничего общего с «равнением» не имеющих (купля – продажа, дарение, завещание и проч.). Те же образуются путем общего и частного перераспределения их между пользователями на основании какой-либо принятой системы. А известно, что при переделах происходит «равнение» общинной земли не только количественное, но и качественное. При этой разверстке общиной уже соображены все те особенности личного и хозяйственного состава двора, которые оказывают влияние на колебание размера землепользования. Следовательно, при раскладке платежей общиной «по земле», во-первых, уже тем самым принимаются во внимание все эти особенности, а во-вторых, – устанавливается соответствие между обложением и теми средствами производства, заключающимися в земле, которые могут быть предоставлены общиной в распоряжение ее членов. Не ее вина, если при этом получается иногда только распределение минусов. Размер платежей, как было упомянуто, от схода почти не зависит. Мир делает, что может, и разверстывает ту податную тяготу, что установлена не им. Но получают ли только минусы, или имеются в наличности и плюсы (в смысле соотношения доходности общинной земли с лежащими на ней платежами), – все

равно община уравнивает те и другие между своими членами пропорционально тем признакам, которые характеризуют при местных условиях хозяйственную силу двора.

Но не везде полевая земля может служить достаточным мерилom платежеспособности двора. Проводя принцип пропорциональности обложения, община во многих местностях не может ограничиться при раскладке одним этим критерием. При разнообразных условиях хозяйства в разных уездах вводятся и другие признаки, помогающие практиковать последовательнее упомянутый основной принцип, которым руководится община. Такими признаками служит то скот, где скотоводство играет сравнительно большую роль в хозяйстве, то размер усадеб, где они особенно доходны (огородничество) или распределяются неравномерно между общинниками, то заработки, поскольку община может уследить за их доходностью, то число наличных душ, где борьба против ревизской, неравномерной разверстки земли еще не закончилась, то частное землевладение отдельных домохозяев, где община оказывается в силах подчинить себе в этом отношении деревенских «богатеев», «богатырей», разного рода земельных промышленников и т. п., то, наконец, несколько разных признаков одновременно, судя по назначению, для которого устанавливается тот или иной сбор.

Но есть и в общинной раскладке платежей одна область, в которой имеются налицо признаки архаического «равного» налога. Это – обложение безземельных, того населения деревни, которое не имеет права пользования общинной землей. Едва ли, однако, община может в данном случае применить какую-либо иную систему. Никакой промысловый налог и никакой налог на потребление установлен сходом быть не может. Для этого у него нет ни достаточных прав, ни подходящих средств.

Однако обложение этих лиц мирскими сборами является и нужным для плательщиков-общинников, и согласным с требованиями справедливости. «Равный» налог, при всем своем несовершенстве, является в таком случае единственно возможным. И подворные губернии не выработали в этом направлении, как уже упомянуто, ничего иного. И там нигде не встречается другой системы обложения, кроме поголовного.

В общинной раскладке разного рода сборов есть зато и другая сторона, принципиальное значение которой представляется весьма важным. При всех неблагоприятных условиях, которые окружают ее жизнь и развитие: при крестьянском малоземелье, при несоответствии доходов с общинной земли с платежами, при наличности того факта, что во многих местах надел «не оправдывает» лежащих на нем налогов, – при всем этом община все-таки умудряется вводить некоторый проблеск прогрессивности обложения, заключающийся главным образом в установлении чего-то похожего на

Existenziminimum, выставляемый финансовой теорией в качестве крупного постулата.

Конечно, это явление, о котором я говорю, не есть «Existenziminimum» в точном смысле. Если бы община применяла соответственное понятие во всем его объеме – в значении того минимума, не подлежащего обложению, который безусловно необходим для удовлетворения первых насущных потребностей плательщика, ей пришлось бы в очень многих местах, пожалуй, освободить $\frac{9}{10}$ своих членов от уплаты каких бы то ни было сборов. Этого она, очевидно, достигнуть не может по внешним причинам. Но она делает, что может. Упомянутый минимум нередко, несмотря ни на что, все же ею устанавливается, но лишь в относительном смысле. От обложения освобождаются не все те, которые отнимают от себя для уплаты различного рода повинностей часть средств, необходимых для удовлетворения своих первых потребностей, а лишь беднейшие из них. На первом плане стоят, конечно, при этом те, рабочие силы которых минимальны – сироты, калеки, неспособные к труду, вдовы, «бабы семьи», далее следует разряд домохозяев, потерпевших от временных, острых несчастий (наводнение, пожар, падеж и проч.), наконец, все захудалые двory, т. е. те, сравнительная бедность которых приняла хронический характер по каким бы то ни было причинам. Относительно всех трех категорий применяется правило: ожидать поправки их имущественного положения и пока освобождать их от всего или части оклада. Если помощь первым двум категориям домохозяев напоминает простую благотворительность, «общественное призрение», то льготы последней категории, бесспорно, выходят за пределы последнего и носят вполне «общественно-хозяйственный» характер. Если такое явление не часто практикуется, то следует помнить, во-первых, что количественного учета таких факторов, научно-статистического массового исследования их еще не произведено, а во-вторых, что при упомянутых фискальных условиях, в которых находится современная община, следует удивляться не тому, что такие льготы распространены менее, чем то было бы желательно, а что они вообще существуют, хотя бы и в малой части общин.

Припомним, что в подворных губерниях от обложения не освобождается нигде никто, кроме пострадавших от временных, острых бедствий, и то лишь в редких, исключительных случаях.

Сложенные таким образом платежи разверстываются между всеми остальными домохозяевами. Общинники в этом случае платят за них собственные деньги. Мало того, община иногда обнаруживает в таких случаях явную тенденцию к прогрессивности обложения. Выше мы цитировали сообщение из Вологодской губернии о том, что такая разверстка сборов, снятых с беднейших, там производится иногда не между всеми, а между

«некоторыми более состоятельными» хозяевами, а в Сычевском уезде Смоленской губернии, как указано, при обложении мирскими сборами «купчей» земли более состоятельных крестьян безземельные совсем освобождаются от таких платежей.

Наконец, нельзя не видеть проявления той же тенденции и в обложении усадеб. Было уже сказано, что привлечение этого угодья к платежам в сравнительно больших размерах не всегда вытекает из большей его доходности, а часто – просто из факта концентрации усадебных мест в руках более состоятельных домохозяев. В этом случае объект обложения имеет значение лишь симптома, показателя большей платежеспособности, а не играет роли источника дохода. Едва ли может подлежать спору, что большее обложение дворовых мест при таких условиях может состояться лишь при условии понимания сходом больших выгод от прогрессивности раскладок.

Таким образом, пропорциональность разверстки платежей с некоторыми поправками этой системы в смысле прогрессивности – таковы характерные черты тех приемов, которыми сходы выполняют свои фискальные функции.

Картина обложения в подворных губерниях, очевидно, составляет полную противоположность очерченной. Отсутствие разверсток выкупных платежей, раскладка остальных по голому признаку размеров землевладения без соотношения с другими особенностями личного и имущественного состава двора, распространенность «равного» обложения, появление даже поголовной подати с лиц, владеющих землей, наконец, полное отсутствие льгот для беднейшей части населения – все это весьма далеко от тех принципов, которые составляют основу общинного обложения. И если бы в силу особых причин податная тягота западных губерний не была значительно слабее такой же тяготы общинной России, весьма возможно, что установившаяся там система раскладки отразилась бы немалыми потрясениями для местного хозяйства.

ОБЩИННОЕ НАЧАЛО В ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

*ЩЕРБАТОВ Александр Григорьевич
(1850–1915)*

В деле землеустройства первенствующее значение имеет вопрос о земледельческом крестьянстве. Известный итальянский государственный деятель, граф Кавур, случайно встретился с одним русским, тоже известным общественным деятелем. В разговоре с ним он его удивил знакомством с русским общественным строем. В заключение граф Кавур сказал: «Европе страшна Россия не своей армией, а главной своей силой – землевладельческим крестьянством».

Главная особенность русской государственности – это землевладельческое крестьянство, которое она сумела сохранить в то время, как всюду за границей крестьянство как сельскохозяйственное сословие уничтожено более сильными частями населения. Россия может гордиться своим крестьянством, которое является той гранитной скалой, на которой создано могущество Русского государства. Россия крепка и могуча преданностью русского крестьянства Вере Православной и Самодержавному Царю. В настоящее время под предлогом землеустройства на началах личного землевладения чуждое русской народности правительство старается уничтожить крестьянское общинное землевладение и превратить крестьянское сословие в бессословное мелкое землевладение.

Поход на общину – это не только поход против известного порядка землевладения, это разрушение сословного начала в крестьянстве.

Обеспечение в пользовании землей и увеличение производительности земли в крестьянском землевладении может быть вполне достигнуто без уничтожения общинного начала в землевладении более разумными и более современными мерами. Улучшение сельского хозяйства должно быть решено не кулаком, а головой.

Значение начала общинного землевладения в крестьянстве – родовое. Благодаря тому что общественная земля находится неизменно во владении

одних и тех же семейств, устанавливаются определенные соседские, бытовые отношения, которыми упрощаются отношения имущественные. В тот день, когда крестьянская земельная собственность будет отдана в полное распоряжение каждого семейства и освобождена от подчиненности сельскому обществу, произойдет вторжение новых и чуждых деревне и данному обществу новых владельцев, которое потребует решения всех возникающих недоразумений на основании положительного законодательства, посредством многочисленных судей и представителей полиции. Возникает тот правовой порядок, основанный на преобладании имущественном, которого добиваются наши передовики и который, в сущности, так неудовлетворителен в Западной Европе.

Общинное землевладение есть начало необходимой в мелком землевладении общности действий и общего участия в земле. При мелком совместном землевладении общий водопой, общий выпас, а иногда и общее лесное насаждение представляют большие выгоды – выгоды, основанные на том начале общности пользования, которое теперь, при посредстве государственной власти, вводится в Германии. Зачем разрушать существующее, чтобы начинать сознать его вновь?

Наконец, общинный строй землевладения был тем началом общественности и самоуправления, благодаря которому крестьянство пережило все невзгоды и все тяготы, сохранив свою самобытность как основу русской народности.

Современное направление в правительстве – уничтожить общинное землевладение и перейти к подворному – есть плод неясного представления о значении начала собственности и владения, о быте русского крестьянства и вообще о внутреннем историческом строе России.

Личная предприимчивость и возможность улучшения своего земельного участка будут вполне осуществлены, если, сохраняя общинное землевладение, земля общинная будет разделена подворно в потомственное пользование отдельной семьи, с уравнием качества участков денежным расчетом каждого двора с обществом. Сельское общество останется юридическим собственником всей земли, права которого могут быть осуществлены в случае выморочности участка или в случае желания владельца участка его продать. В последнем случае общество будет иметь преимущественное право его выкупить, или же оно должно быть продано члену общества, или если постороннему, то по приемному приговору общества. Таким образом будет сохранено общинное начало при личном пользовании землей.

Относительно возможности сельскохозяйственных улучшений главным препятствием тому является не общинное начало, а условия землепользования ввиду отдаленности полей от селений вследствие земельного неустрой-

ства – чреполосности и больших размеров общин. Широкое государственное содействие необходимо к расселению крупных сельских обществ, причем желательно установление предельных размеров общин не свыше сорока дворов. Государственное землеустройство должно осуществляться: 1) общим размежеванием всех владений по всей России в видах уничтожения чреполосности и установления определенных границ владений; 2) оценкой всех земель ввиду правильного обложения их, как государственного, так и местного, и 3) учреждением общегосударственного земельного банка, который бы заменил собой дворянский, крестьянский и все частные земельные банки, в видах правильно действующего земельного кредита в целях не спекуляции, а улучшения землепользования и правильного распределения поступающих в продажу земель согласно государственной пользе, а не выгодам отдельных лиц или отдельных частей населения.

Ближайшие задачи государственного землеустройства: укрепление за крестьянскими обществами принадлежащей им земли, увеличение крестьянского общинного земледелия в соответствии с действительной в том нуждой и пользой государственной, сохранение и необходимое увеличение землевладения помещного служилого дворянства, обеспечение усадебной оседлостью мещан и фабрично-заводских рабочих.

РУССКАЯ ОБЩИНА

ВОЗМОЖНО ЛИ, ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИ ЕЕ СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

КАЧОРОВСКИЙ Карл Август Романович
(1870 – после 1937)

- 1. Общее введение.**
- 2. Описательный очерк общинных форм**

Посвящается памяти Н. Г. Чернышевского

Предисловие к предисловию

Личные обстоятельства автора не позволили ему закончить предположенное дополнение ко второму изданию I тома «Русской общины» к ранее намеченному сроку. Между тем набор и печатание переиздаваемой части уже были закончены и ожидать окончания дополнения оказалось слишком неудобным. Поэтому пришлось-таки выделить дополнение (кстати, сильно разросшееся против первоначального предположения) в особый выпуск, который выйдет через несколько месяцев. Подписавшиеся на второе издание получат, конечно, бесплатно этот выпуск.

К. Качоровский

Предисловие ко второму изданию

Прошло шесть лет со времени напечатания I тома «Русской общины». Много воды утекло за это время... и немало также крови... и недаром.

Тогда, шесть лет назад, я пытался как бы силой протолкнуть на первый план в литературе вопрос о крестьянстве, об общине – вопрос, уже тогда назревший в глубинах народной жизни, – но, конечно, эта попытка прошла поч-

ти незамеченной: все, начиная от паразитов бюрократии, выставивших себя «консерваторами», и кончая доктринерами марксистской догмы, воображавшими себя революционерами, – все отвернулись от мужика, от деревни.

Но вот лопнуло терпение «все выносящего» крестьянства, и оно само взялось за разрешение «крестьянского вопроса», решавшегося до сих пор кем угодно и как угодно, но только не крестьянами и не в интересах крестьян. И теперь уже нечего приглашать «чистую публику» дать крестьянину пройти на политическую авансцену, нечего звать и тащить его туда, он сам поднимается, идет и, кажется, не задумается опрокинуть всех и все, что станет ему на пути.

И вот в такое время выпускаю я второе издание своей книги. Уже и в самом начале своей работы я взялся за нее именно потому, что кроме теоретического научного интереса видел в ней огромное практическое значение, надеялся бороться ею против разобщения идеалистической интеллигенции от крестьянства, то есть основной массы рабочего народа, надеялся осветить этой работой сложнейшие вопросы о будущем деревни к тому моменту, когда (по слову Лаврова) «разрушится политическое препятствие» и сама жизнь начнет решать эти огромные вопросы. Но тогда этот момент казался более отдаленным, все исследование само собой складывалось в грудку основательных томов законченной, стройной статистической индукции... Теперь же, когда Россия, попав на наклонную плоскость революции, стала скользить по ней все быстрее и быстрее, когда вопрос о земле и крестьянстве уже неразрывно связался со всем переворотом, когда стало всем уже почти ясно, что этот переворот в России или будет сделан крестьянством, или его не будет вовсе; когда нужен неотложно сейчас же материал и основы уже прямо для выработки законодательной земельной реформы, – теперь точное и всестороннее индуктивное статистическое исследование общины приобретает огромное непосредственно-политическое значение; теперь требования научной симметрии приходится отбросить, приходится спешить выделить и дать немедленно хоть только самое главное, самое бесспорное.

Пусть верит читатель, что я глубоко сознаю эту удвоенную, удесятеренную ответственность, возлагаемую на меня как исследователя крестьянства и общины наступившим политическим моментом. Я особенно остро сознаю эту ответственность еще и по личным обстоятельствам. С одной стороны я был так счастлив, что успел за 12 лет работы собрать огромный и высокоценный, ни у кого более в данный момент не имеющийся статистический материал, успел его разработать и получить целый ряд крупнейших выводов, уже с несомненностью, мне кажется, решающих основные вопросы. С другой стороны, к несчастью, по чисто личным обстоятельствам я опасуюсь, что не смогу довести работу до конца.

Таким образом, экстраординарные условия, и общественные, и чисто личные, вынуждают меня отказаться от первоначального плана четырех или даже пяти томов, симметрично освещающих все стороны вопроса об общине и в главном, и в подробностях. Я принужден поспешить бросить возможно более яркий свет только на несколько основных решающих пунктов вопроса о том, каково состояние общины в данный момент и каково ее влияние и значение.

Для освещения же подробностей могу только дать особо обширный табличный статистический материал. Я понимаю хорошо, что для широкой публики он недоступен, но я надеюсь, что признание огромной важности индуктивно-статистического исследования действительности теперь уже не останется только на словах, но будет оправдано и на деле. Я надеюсь, что целый ряд исследователей, и заявивших уже себя статистическими работами, и особенно молодых, свежих сил, горячо примутся за анализ этой массы цифр, таящих в себе максимально – в данный момент – точные ответы на вопрос, единогласно признаваемый первостепенным и притом неотложным.

Вся надежда на эти молодые силы. Вся надежда на то, что, достигши таких головокружительных вершин в активности политической борьбы, первое поколение двадцатого века достигнет тоже раньше не достигавшейся глубины и в критицизме и творчестве, в обновлении научной теории, освещающей пути этой борьбе...

Итак, вместо завершения многоэтажного здания из 4–5 томов в европейско-научном стиле я принужден поступить более по-русски, ограничиться тем, чтобы оконченный уже 6 лет тому назад первый этаж наскоро, так сказать, покрыт крышей: дополнить его *кратким конспектом основных выводов* того статистического материала, из которого должны были построиться следующие этажи, а затем пристроить рядом из сырого необделанного табличного материала особую пристройку.

При этом самый первый этаж – «общее введение» и 1-ую описательно-классификационную часть исследования – я оставляю почти без переделки. Только во введении я выбросил все, что имело чисто временное значение, а именно главным образом исключил подробно-полемическое обозрение марксистской литературы 90-х годов: из тех марксистских авторов, с которыми я имел дело тогда, «одних уж нет, а те далече», на место же их появились такие далеко затмевающие их вершины марксистского вероучения, как Ильин, Маслов и некоторые другие. Таким образом, для соблюдения перспективы надо было либо выбросить вовсе указанные места, либо еще вдвое-втрое растянуть этот обзор, собственно не имеющий прямого отношения к теме книги

и не столь настоятельно нужный в настоящее время, как нужен был тогда, когда среди переставшей течь, загнившей, как болото, общественной жизни даже и марксистское течение казалось критическим и прогрессивным и увлекало молодежь... Я предпочел, понятно, первое, так как в данный момент у меня уже совсем нет времени для этой второстепенной задачи. К тому же, если между делом мне и удастся в ближайшем будущем продолжить и закончить этот очерк русского марксизма с точки зрения статистической индукции на главном его «камне преткновения», на аграрном вопросе, – то это я смогу сделать в отдельном очерке, что будет даже и удобнее.

Многие же анахронизмы я намеренно оставил нетронутыми. Таков, например, обзор литературы и материалов, а особенно целый ряд характеристик, предположений, выводов преимущественно скептического или даже отрицательного для общины характера, от которого дальнейшие 6 лет исследования заставили меня отказаться. Я оставил их нетронутыми, помимо трудности переделки, часто равносильной писанию заново, еще и потому, что мне показалось интересным и даже полезным для читателя сохранить в неприкосновенности для наглядного сравнения эти два фазиса моего исследования, представляющиеся как бы двумя исследованиями двух авторов: первый давал итог 6 лет работы над материалом печатным (не непосредственно по материалам, собранным земско-статистическими бюро) ограниченного сравнительно размера и относящимся преимущественно к 80-м годам; второй же срезюмировал основные выводы из данных, точно и подробно разработанных непосредственно из записей на местах статистиков и дополненных специально собранным из других источников материалом, – данных, гораздо притом более обширных и рисующих общину уже в самое последнее время (с середины 90-х гг. и до 1902 г.)... Пусть читатель сам судит, что основательнее: скептицизм ли и осторожность первого автора или решительные выводы второго.

Пока же мне остается только дать здесь общую картину смены воззрений моих на общину по мере того, как я сходил с вершин априорной дедукции и затем все далее углублялся в статистическую индукцию. Я очертил уже отчасти эту смену по 1900 год во «введении» («Русская община», т. I, с. 42, 43 и 44)...

В первом своем очерке об общине (написанном еще в 1890 г., но оказавшемся слишком юношеским и не удостоившемся напечатания) я хотя и не был отнюдь «народником», но стоял на «народовольческой» точке зрения, а именно... я позволял себе с известной твердостью полагать, что есть некоторые серьезные шансы для общин просуществовать некоторое время и, быть может, дожить до таких социально-культурных условий, при которых она получит более твердое и широкое основание и даже затем развитие. Затем, быть может, под впечатлением крайней медленности и даже понятного

движения тех изменений в социальной среде, которые одни могли бы, по моему мнению, спасти общину, а быть может, именно поддаваясь моральной реакции (аналогичной той, которая породила марксизм 90-х гг.)... но только через несколько лет я смотрел уже на судьбу общины пессимистичнее: ее разложение стало казаться мне только вопросом времени, и я должен был насильно убеждать себя, что я не имею права на такое отрицательное решение, ибо пока я не узнал в пользу этого решения ни одного нового факта или аргумента. Но, конечно, такие «доводы рассудка» парализовались тем, что надеждой «сердце питаться устало»... И в сущности я пришел почти к тому же отношению к вопросу, которое характеризует, например, двух наших известных ученых гг. М. Ковалевского и П. Милюкова: хотя а priori и теоретически возможность сохранения общины вполне допускается, но практически многие соображения, – об аналогии, например, ее с другими разложившимися общинными формами, о слабости исторических ее корней, о противоречивости и неустойчивости внутренних ее оснований, о крайней неблагоприятности для нее наступившего индивидуалистического промышленного фазиса и т. д., – склоняют уже к убеждению, что такой благоприятный исход был бы возможен лишь при каких-либо особенных, сравнительно мало вероятных условиях.

При таком субъективно-практически-отрицательном, объективно-теоретически-безразличном отношении к вопросу я и приступил к исследованию общины, начало коего предлагаю теперь читателям. Я предпринял его, таким образом, исключительно лишь исходя из теоретической его необходимости, лишь полагая, что невозможно успокоиться на решении такого огромного вопроса, пока он не исследован всеми возможными способами, при помощи всех имеющихся материалов, но при этом я думал, что делаю эту работу лишь, так сказать, «для очистки совести», что в действительности очень скоро увижу воочию процессы разложения в дряхлом организме этого «живого мертвеца» и утвержу таким образом свое отрицание на твердом фактическом основании.

Уже несколько лет я работаю над материалом земской статистики и другими и должен теперь доложить читателям, что дело оказалось далеко не так просто. Часто я действительно находил разложение в полном ходу, но часто я встречал у «живого мертвеца» такую сильную организацию и такие энергичные функции, каким могли бы позавидовать весьма многие социальные институты у нас в России. При том и то, и другое обусловливается, по видимому, известными, весьма определенными причинами, которые часто могут быть и не быть, а часто очень сильно варьировать свое действие.

К каким результатам должен был я прийти при таких первых попытках исследования?

Я пришел к таким выводам: «1) я решил, что знаю только одно, – что я об общине ничего не знаю; 2) что, во всяком случае, состояние общины сейчас таково, что глазомерно, на основании единичных, а не массовых исследований, решить ее судьбу и определять ее значение совершенно невозможно, и 3) я решил произвести такое точное, то есть по возможности статистическое, ее исследование».

Таким образом, первые шесть лет исследования (с 1894 года по 1900 г.) дали в результате 1-ую описательно-классификационную часть работы, которую я закончил следующим выводом: «... я не жду и не желаю от лежащей перед читателем книжки никакого иного результата, как только того, чтобы он, закрывая ее, с полным убеждением сказал: да, действительно, мы не имеем права считать эти вопросы (о том, возможно ли, желательно ли сохранение общины в России?) решенными ни в положительную, ни в отрицательную сторону, мы знаем только одно: что пока не знаем их решения; что оно возможно лишь при более глубоком их исследовании; что для такого исследования должны работать все, кто понимает огромную их важность для России».

Затем уже через полтора года, когда мне удалось произвести статистическую разработку на месте первоклассного материала, собранного саратовскими статистиками, я закончил краткий очерк основных выводов этого исследования так: «Понятно, что на все эти вопросы о возможности и желательности сохранения и развития общины и о вытекающем отсюда нашем к ней отношении я позволю себе дать решительный и подробный ответ только по окончании всего моего статистического исследования этих вопросов. Пока же саратовские материалы позволяют и обязывают меня сделать только условный и общий вывод, что община во всяком случае ближе к жизни, чем к смерти. И если еще полтора года тому назад я отвечал на вопрос: сохранится ли община? – решительным “не знаю”, так как был почти посередине между “да” и “нет”, то теперь я уже гораздо ближе к “да”, чем к “нет”»...

Что, наконец, я должен сказать теперь, по прошествии еще 3¹/₂ лет, когда мною исследована *статистически, непосредственно*, по материалам земской статистики и другим, *половина общинной территории и общинного населения Европейской России во всех областях?* Теперь я настолько отдалился от «нет» и приблизился к «да», что только *теоретически* меня отделяет от последнего еще некоторое расстояние, но оно так мало, что *практически* его можно считать равным нулю... Надеюсь, однако, что читатель не поверит мне на слово (не для таких читателей я работал), а сам внимательно и критически вдумается в факты и цифры дополнительного «*краткого конспекта основных выводов*»...

Общее введение

О задаче, методе, материалах истории исследования русской общины

Введение

ГЛАВА I

Должен ли я (как это вообще принято) призывать особое внимание читателей к вопросам, озаглавливающим мою работу? Думаю, что эти вопросы сами достаточно зовут к себе. Ограничусь поэтому лишь самыми краткими общими о них замечаниями в связи с более отчетливой и подробной их формулировкой.

Сотни ученых работали и работают над изучением тех элементарных общинных форм, из которых развилась наша цивилизация или которые ныне наблюдаются у многих диких племен. Эти формы, рядом с формами и трансформацией семьи, занимают центральное место в эмпирической (или этнографической) социологии. Несомненно, что в этом проявляется не только чисто исторический самодовлеющий интерес выслеживания пути, давно пройденного человечеством, но также и особое внимание к принципиальному содержанию этого социального института, представляющего единственную крупную по распространению антитезу чисто индивидуалистической структуры современной нашей цивилизации.

Но если так понятен и законен интерес к этим простейшим и примитивным столь далеким от нас, по времени или по культурному, так сказать, расстоянию общинным формам, о большинстве которых притом имеются лишь самые общие, бледные и часто даже очень мало достоверные фактические данные, – то насколько же более в обоих смыслах, – и научно-историческом, и социально-политическом, – заслуживает исследования та высоко своеобразная и глубоко осложнившаяся, как политическим, так и многими экономическими и культурными элементами, разновидность общины, которая охватывает большую часть земледельческой территории России и минимум половину 130 миллионов ее населения, – которая к нам так близка, составляет нашу социальную среду и поддается непосредственному, насколько угодно, подробному наблюдению и исследованию?

Но не в этом еще центр интереса и важности вопросов нашей работы: он в том, что они ставят проблему отыскания будущего. Читатель знает, сколько внимания и энергии было уделено исследователями вопросам: откуда пошла русская община? Во сколько же раз важнее решить: куда она идет и

что несет с собой русскому крестьянству и всей России? Очевидно, что поскольку Россия – страна по преимуществу земледельческая и крестьянская (а крестьяне в огромно большинстве – общинники), постольку в вопросе: быть или не быть общине? – сформулирован самый главный и самый трудный пункт всей будущей ее социально-экономической трансформации.

И с этой стороны вопрос о русской общине приобретает значение для всего цивилизованного человечества. Читатель знает, что повсюду вопрос о современном положении земледельческого производства и о будущей его трансформации представляет особую трудность и особый интерес. В остальных областях производства будущая эволюция настолько определилась или, по крайней мере, предопределена, что само направление ее – в сторону обобществления – уже вне спора едва ли не для большинства образованных людей; только одни ставят точку ближе, другие дальше. В земледелии же совсем не замечается тех быстрых и резких процессов капитализации и пролетаризации, зависящих от экономического «естественного отбора», которые влекут обрабатывающую промышленность к полному обобществлению через капиталистическую фазу производства; понижение хлебных цен, «аграрный кризис» последнего времени скорее нивелировали, чем капитализировали землевладение; крестьяне, ведущие относительно в большей степени натуральное хозяйство, выстаивают часто крепче, чем крупные землевладельцы, так что является даже возможность того, что самопроизвольный экономический процесс обобществления отстанет от культурного развития крестьянства и что, таким образом, скорее через «крепкий череп крестьянина» пройдут в земледельческом производстве новые назревающие социально-экономические формы, чем через капитализацию земли и пролетаризацию крестьянства. Понятно, в какой огромной степени обостряется интерес и сложность этого положения при общинной форме русского крестьянского землевладения: при ее функционировании, то есть при периодических переделах, уравнивающих количество земли у каждой семьи пропорционально ее рабочим силам или потребностям, процессы, с одной стороны, раздробления земельных участков «в пыль» и с другой – концентрации их в крупные с наемным трудом владения представляются принципиально невозможными и, таким образом, закрывается путь обобществления земледелия через капиталистическую его фазу, а поэтому само собой встает прямо противоположное допущение непосредственного обобществления общинного землевладения в таковое же производство (то есть постепенная замена уравнительного распределения общинной земли между отдельными дворами совместной ее обработкой с дележом продукта, чему примеры иногда по отношению, главным образом, к лесу и сенокосу и наблюдаются в действительности). Надо отметить, что такой переход представляется принципиально мыслимым, потому что у нас общая социальная

атмосфера и была, и становится все более благоприятной для развития разных форм артельных и общинных организаций земледелия; с другой же стороны, государство до сих пор является полным юридическим собственником огромных земельных территорий и фактическим распорядителем крестьянских общинных земель, то есть может без всякой болезненной ломки сделать общинное землевладение государственным¹.

Спрашивается, таким образом: функционирует ли сказанным образом община в действительности? Тормозит ли, значит, она разложение крестьянства на батраков и земледельцев, или, напротив, этот процесс разлагает ее самое? Не уживается ли, наконец, община с этим процессом, и если да, то в какой именно комбинации и какие отсюда открываются перспективы для будущего? Какое значение имеет община для неизбежного процесса интенсификации земледелия и как влияет на нее этот процесс? Наконец, что особенно важно, какими именно причинами обуславливается тот или иной результат и насколько, значит, вероятен в будущем тот или другой исход? И для какой именно части общин (ибо ведь допустимы разные исходы для общин в разных условиях)?

Для более конкретного и точного понимания этих вопросов можно формулировать следующие типы трансформации русской общины в ближайшем будущем, образцы коих намечаются при разных условиях в действительности: 1) полный и формальный переход ее в подворное владение: а) с расслоением затем крестьянства на пролетариев и земледельцев и в) с установлением на неопределенно долгое время прочного стационарного мелко-крестьянского землевладения; 2) формальное существование общинного владения, но без уравнительной его функции и: а) с процессом расслоения и с малыми шансами на такое или иное возрождение общины и в) со стационарным состоянием мелко-крестьянского хозяйства и, значит, с известной возможностью восстановления общинно-уравнительной функции в будущем; а, может быть, впоследствии и дальнейшего обобществления и 3) энергичное функционирование общины, сдерживающее процесс расслоения: а) не переходящее все-таки на следующую ступень обобществления, вследствие ли условий производства или неспособности к тому самого населения и в) приводящее к постепенному обобществлению из владения также и производства.

Если читатель вдумается в эту задачу определения, по которому именно из намеченных путей имеет наибольшее вероятие направиться община, то он признает, что трудно, если не невозможно, найти не только во всем огромном и слож-

¹ Читатель знает, что за 6 лет, прошедших после намечения мной этой возможности, мы подошли теперь к ней вплотную и она стала уже не отвлеченной возможностью, а практической вероятностью, почти неизбежностью: мы стоим перед той или иной формой государственного обобществления земли. И поскольку мы можем надеяться, что оно произойдет в форме децентрализованной национализации, постольку ясно, что именно общинное земельное право даст основной строительный материал для этого грандиозного нового социального здания.

ном процессе пореформенного перерождения России, но и во всех современных мировых экономических трансформациях проблему, настолько совмещающую в себе важность и трудность, настолько завлекающую исследователя и остротой политического значения, и глубиной научно-социологического интереса...

Но мне могут, пожалуй, заметить: законно ли ставить в общественной науке такие вопросы о будущем, когда она далеко еще не установила прошлой эволюции социальных форм?

Я не буду разбирать, в какой степени вообще уже теперь социальная наука может познавать будущее: достаточно указать, что она во всяком случае не может не пытаться достигнуть этого. Каждый индивидуум является фактором социального будущего (если он примкнет к инертной массе, то лишь увеличит на свой вес ее инерцию, а не избежит участия в историческом процессе), и каждый обязан стараться быть как можно более сознательным фактором. Значит, мы более чем имеем право пытаться протянуть путеводную нить социальной эволюции из прошлого в будущее, – мы обязаны работать над этим. И с точки зрения самой «чистой» науки всякий, кто возводит познание законов исторического процесса в ранг науки, тем самым берет обязательство довести достоверность социального познания до такой степени, чтобы предвидеть будущее, ибо ведь одно лишь предсказание есть не только цель науки (что еще, положим, не имеет места в некоторых случаях), но также высший и единственно безошибочный критерий ее точности, так что в обоих этих смыслах, подражая известному выражению, почти можно сказать, что познание без предсказания мертво есть...

Но необходимо заметить, что исследование наших вопросов не только, таким образом, принципиально законно и обязательно: оно кроме того и фактически возможно едва ли даже не в гораздо большей степени, чем установление прошлого общины.

Во-первых, как ясно уже из вышесказанного, я полагаю возможным и нужным наметить трансформацию общины лишь в самом близком будущем. Такая постановка вопроса необходимо постулируется самим существом его. Уже из сделанной выше его формулировки читатель должен был заключить, что мы далеки от воззрения на общину как на высшую, окончательную, так сказать, форму, а допускаем ее в лучшем случае только как «наименьшее зло», то есть как ближайшую ступень к полным формам обобществления.

Такой взгляд вытекает не только из общего убеждения в неизбежности полного обобществления всех экономических форм, а значит, в том числе и русской крестьянской общины, но и из самого существа ее, из тех необходимо присущих ей внутренних противоречий, той хронической борьбы начала общинного во владении и личного в производстве, которые не могут представить длительного устойчивого равновесия, так что при первом измене-

нии поддерживающих их условий какое-нибудь из них должно вытеснить, уничтожить другое и община должна трансформироваться в ту или другую сторону, – либо разложиться в подворное владение, либо доразвиться до обобществления производства. А эти условия, сталкивающие общину с распутья, на котором она стоит сейчас, уже действуют и несомненно должны еще гораздо интенсивнее действовать в самом ближайшем будущем; главное из этих условий – развитие культуры крестьянина и земли.

Несомненно, что в силу общих уже испытанных и очевидных законов эволюции человечества русский крестьянин развивается и будет развиваться, не может не развиваться как человек, гражданин, работник, что с той же неизбежностью развивается и будет развиваться и культура земли, – интенсификация земледелия. Совершенно очевидно, что если община не приспособится, не вместит в себя это развитие субъекта и объекта владения, то она сама этим развитием будет разложена. Не менее почти очевидно, что если она вместит этот прогресс земледельца, то или это совершится легче всего именно в форме постепенного обобществления земледелия, или, по крайней мере, этим вполне подготовится переход к последнему. Таким образом, наш вопрос о будущем общины формулируется, собственно, таким образом: *сохранится ли она до тех пор, когда сможет начать развиваться?* Значит, мы можем быть уверены, что судьба общины решится или, по крайней мере, предрешится в самом близком будущем. Стало быть, трудность предсказания будущего в нашем случае немногим лишь превысит трудность исследования настоящего.

Во-вторых, для этого установления современных условий и следствий общинного землевладения накопился уже теперь, как будет подробно указано ниже, огромный материал (доставленный земской статистикой). Так что уже теперь как бы собраны, обработаны и частью уже даже сложены отдельные камни, отдельные части для построения общей статистической схемы законов общины. Нужно ли пояснять, как завлекательна встающая теперь перед нами грандиозная задача самого построения этой схемы из этого материала и на этом фундаменте и увенчания ее приблизительными формулами ближайшего будущего?..

Необходимо еще ко всему сказанному прибавить, что именно теперь вопрос о крестьянстве и общине или подобных ей групповых обобществлениях выдвинулся на первый план не только в России, но и во всем цивилизованном человечестве.

Частью вследствие упомянутого уже всемирного аграрного кризиса, частью благодаря общему развитию культуры крестьянских масс на Западе, там в последнее время все ярче и шире обозначается в крестьянстве стремление обобщить свои силы в борьбе с неблагоприятными условиями, – удержаться при земле, от которой его отрывают аграрные кризисы, ухватившись, так сказать, друг за друга: всевозможные союзы, кассы, синдикаты, имею-

щие целью дешевый кредит, выгодный сбыт и покупку орудий и продуктов, распространение знаний и усовершенствование производства, – распространяются и растут с невиданной быстротой и представляют любопытнейшую разновидность именно группового, общинного обобществления крестьянства, хотя пока распространившегося только преимущественно в области обмена, но в отдельных случаях доходящего уже до проектов формального общинного землевладения. Рядом с этим крестьянским движением и отчасти в связи с ним возникло аналогичное новое течение и в политических рабочих организациях Германии, Франции, Бельгии и частью других стран: эти партии, строго державшиеся ранее марксовской схемы обобществления всего производства, а в том числе и земледелия, через капиталистическую фазу и признававшие своей целью лишь государственное обобществление средств производства, в последнее время внесли в свои программы защиту интересов крестьянства как трудового класса и особенно прямо и энергично высказались в пользу сохранения и развития всюду, где это только возможно, остатков общинного землевладения.

Если, таким образом, даже в Западной Европе, сохранившей лишь ничтожные остатки земельной общины, разные формы группового, общинного обобществления крестьянского землевладения начинают зарождаться и прямо постулироваться в партийных программах крупных политических организаций, так что даже в отдельных случаях взоры ученых и политических деятелей направляются уже прямо на русскую общину, то не лежит ли на нас обязанность теперь более, чем когда-нибудь, сделать все, что возможно, для выяснения того, насколько эта форма быта и хозяйственной деятельности большинства русского народа живуча и жизнеспособна, представляет ли она в социальном и хозяйственном отношениях плюс или минус и, значит, быть ей или не быть?..

ГЛАВА II

Всякое явление может быть исследуемо или само по себе, или во взаимодействии с другими явлениями; первое – описание, определение, классификация изучаемого явления – составляет необходимую подготовительную ступень всякого научного исследования; второе – установление причинозависимостей, законов – есть цель и центр того, что мы называем «научным» познанием.

Так и в нашем исследовании общинного землевладения в России первой предварительной задачей представляется описание, определение, классификация существующих у нас общинных форм, то есть ответ на вопрос: «что такое община» вообще и какие существуют ее разновидности? Вторая и основная задача состоит в определении, во-первых, тех причин, следствием которых являются разные общинные формы и разные их функции, и, во-вторых, тех

следствий, причиной коих являются эти формы; выведя равнодействующую из этих взаимодействий, мы и получим ответ на наши вопросы о наиболее вероятном и наиболее желательном направлении будущей трансформации общины.

Спрашивается: каким способом мы должны решать эти задачи, чтобы решить их с наибольшей точностью и достоверностью?

Я полагаю, что если только вообще эти вопросы могут быть решены, то единственно лишь путем массового статистического исследования, так как оно представляет единственный способ научно-точного познания в области социальных явлений¹.

¹ Для читателей, менее знакомых с предметом, привожу несколько замечаний из речи проф. А.И. Чупрова, произнесенной в общем собрании IX съезда врачей и естествоиспытателей (в Москве 11 января 1894 г.). Здесь очень сжато и наглядно показано общее значение статистического метода в социальной науке (цит. по «Рус. вед.» 1894 г.). «Все отрасли точного знания, как те, которые относятся к внешней природе, так и те, которые изучают человека, в окончательном результате основываются на наблюдении и опыте. Но в приложении того и другого между отдельными науками существует крупное различие. Когда физик точно установил, что одна капля ртути замерзает при известной температуре, то он питает твердую веру в применимость его наблюдения ко всем решительно каплям ртути в мире...

...Напротив, попробуйте изучать отношение мужских и женских рождений в одной семье, смертность по различным возрастам в одной деревне, состав преступников по полу в одном суде, и вы не вправе будете сделать решительно никаких заключений не только о семьях или деревнях, разделенных большим пространством и временем, но даже о соседних. Но стоит расширить область наблюдений, стоит вместо одной деревни взять тысячи деревень и городов, вместо отдельной семьи десятки и сотни тысяч семей – и вы увидите, что в рождаемости и смертности, в так называемом естественном движении населения господствует почти такая же правильность, как и в движении небесных тел. Столь коренная разница в условиях наблюдения объясняется самим свойством явлений: одни явления, находясь под влиянием причин постоянных, тождественны, однородны, в другие же явления вмешательство причин изменчивых и случайных вносит характер разнообразия и индивидуальности.

Когда от внешней природы и отдельного человека мы обратимся к изучению общества, то увидим, что здесь способы исследования, практикуемые в статистике, являются единственным способом к приобретению сколько-нибудь точных знаний. Общественное целое состоит из отдельных индивидуумов, которых внутренние, моральные и умственные способности обнаруживают столь же бесконечное разнообразие, как и их внешние физические отличия, и потому в этой области единичное наблюдение не может брать ничего.

Если спросим мы себя, что именно выигрывает обществознание от применения массовых наблюдений, то на первом месте должны поставить точное описание явлений, наблюдаемых в обществе. Но что еще важнее, взаимно сопоставляя по известным правилам числа, доставленные массовым наблюдением, мы получаем возможность выяснить взаимную зависимость и даже измерять относительное значение действующих на них причин. Точное описание общественных явлений на обширных пространствах или за длинные ряды лет, в особенности соединенное с изучением их причинных связей, дает право пойти еще дальше: оно открывает возможность расширять выводы за пределы уже произведенных наблюдений, например, по опыту прошедшего заключать о будущем. Как скоро явления наблюдаются в большой массе случаев, то по закону больших чисел изменяющиеся причины, которые сообщают случаю индивидуальную окраску, взаимно нейтрализуются, и перед нами выступает действие одних постоянных причин. Этим именно влиянием постоянных причин объясняется, что явления общественной жизни, наблюдаемые в большом числе случаев, отличаются замечательной правильностью повторения. Так, например, каждый год в известной стране или в известном классе населения совершается примерно одно и то же количество браков, рождений, смертей, самоубийств и преступлений и т. д. Отсюда, если взято количество случаев, достаточное для того, чтобы закон больших чисел проявил свое действие, мы можем при соблюдении известных предосторожностей распространять выводы из этой группы случаев на другие однородные, но не известные нам группы».

Как вообще, так и в применении к нашим вопросам это выясняется весьма простыми соображениями.

Очевидно, прежде всего, что мы можем дать вполне точный ответ на вопрос: что такое русская крестьянская земельная община? – лишь, во-первых, точно изучив и описав все разновидности общины в России, все фазисы ее сложения, функционирования и разложения, и, во-вторых, подсчитать количество случаев каждого рода, определив, насколько, относительно, распространены эти фазисы и разновидности. Уже для ответа на первый вопрос очевидна необходимость наблюдения и описания общины во множестве случаев; совершенно очевидно, что мы уже а priori должны ожидать различных общинных форм при разных естественных, экономических, юридических, культурных условиях, столь многообразных в России; очевидно, что община не может быть одинаковой в Смоленской и Иркутской, в Таврической и Архангельской губерниях, в промышленной и земледельческой полосе, у крестьян бывших государственных и у помещичьих, у казаков и у колонистов, у великороссов, малороссов и сибиряков, у немцев, татар, вотяков, бурят и т. д. Таким образом, чтобы не пропустить ни одного оттенка в типах общины и периодах ее трансформации, – необходимо по самой подробной программе изучить, по крайней мере, по несколько десятков общин для каждой губернии, то есть, наверное, несколько сотен общин для всей России. Но это еще будет не статистическим, а монографическим исследованием. Совершенно, однако, очевидно, что без статистического исследования нельзя уже обойтись при количественном определении распространения разных общинных форм во времени и в пространстве. Если мы желаем иметь ответ на самый первый вопрос, представляющийся при исследовании шансов общины выжить или разложиться, а именно: в каком количестве случаев она до сих пор функционировала, а в каком разлагалась? – то очевидно, на основании отдельных случаев в отдельных местностях и при известных только условиях мы не можем позволить себе никакого ответа на этот огромного интереса вопрос; строго говоря, вполне точный ответ на него мы можем дать, лишь изучив все случаи общинного владения в России, а для хотя бы минимально достоверного и точного ответа необходимо наблюдать во всяком случае значительный процент общин во всех местностях, при всевозможных условиях и в разные периоды, – наблюдать притом так, чтобы иметь полную гарантию типичности избранных для изучения случаев.

Также, очевидно, только статистика может разрешить вопросы о земельной мобилизации в России вообще и при общинном землевладении в особенности, – о том, образовались ли уже в крестьянстве экономически различные или даже антагонистичные слои, каковы размеры этого расслоения, находится ли оно в стационарном состоянии или представляет развивающийся процесс

и, в последнем случае, по какому именно типу и каким темпом он развивался и развивается? Всякому очевидно, что для решения этих огромной важности вопросов не имеют ни малейшего значения отдельные факты, что мало-мальски точный ответ на них могут дать только цифры, – и притом крупные цифры, касающиеся всевозможных районов, периодов и условий наблюдаемого явления.

Настолько же, если не в большей еще степени, необходимо статистическое исследование и для установления причинозависимостей общинного землевладения. Если мы на основании глазомерного наблюдения или априорных рассуждений гипотезируем, что такие-то условия приводят к таким-то видоизменениям общины или что такая-то форма общины имеет такие-то следствия для крестьянского хозяйства, то как мы можем доказать, что эта причинная связь действительно существует, то есть что явление, предположенное следствием, действительно всегда (если только не мешают другие условия) следует за явлением, принимаемым за причину, и что тут действительно связь не только *post hoc*, но и *propter hoc*?

Совершенно очевидно, что отдельные случаи совпадений предполагаемых причин и следствий сами по себе не могут считаться мало-мальски достоверными показателями, что причинная зависимость может быть обнаружена и доказана лишь путем, так сказать, перекрестного допроса больших цифр, путем сопоставления предполагаемых причин и следствий на возможно большем количестве случаев явления и притом в различных комбинациях с другими условиями, с другими причинозависимостями, могущими видоизменять действие изучаемой причинозависимости.

Понятно, что а priori невозможно определить, какой именно процент случаев изучаемого явления должен войти в такие сопоставления, ибо для разных явлений он может быть весьма различен: он будет тем больше, чем сложнее и многообразнее исследуемое явление, чем гадательнее или запутаннее отыскиваемая причинозависимость, в более же элементарных вопросах, часто уже после сопоставлений незначительного процента случаев явления, последующие сопоставления начинают давать совпадения, тождественные или аналогичные с первыми, чем и показывается их правильность и ненужность дальнейших. Таким образом, в наших вопросах только опыт может определить объем необходимых для точных ответов статистических работ. Однако мы во всяком случае должны ожидать, что если уже описательно-классификационное изучение общины должно опираться минимум на многие сотни ее случаев, то для исследования причинозависимостей необходимо уже не сотни и даже не тысячи, а десятки тысяч общин...

Очевидно, что все сказанное применимо и к необходимо связанному с нашей проблемой исследованию условий и следствий земельной мобилизации при общинном и подворном владении, то есть, с одной стороны, значе-

ния разных типов и стадий передвижения земли среди разных крестьянских групп для функционирования общинного механизма и, наоборот, влияния, оказываемого общинной функцией на направление и темп этого процесса. Ясно, что этот вопрос, в котором сложнейшим образом переплелись причины со следствиями и с явлениями индифферентными, сопутствующими, трудно даже отчетливо поставить, а не то что исследовать без помощи сложных комбинированных статистических сопоставлений.

Как выше было сказано, уже теперь представлен земской статистикой богатейший по количеству и весьма высокий по качеству материал, открывающий возможность такого статистического исследования причинозависимостей общинного землевладения. Я полагаю, что этот материал уже сейчас позволяет произвести более или менее объективное и реальное изучение наших вопросов, что, во всяком случае, решать эти столь важные и сложные вопросы до и без его разработки совершенно невозможно. Я лично кладу его в основание своего исследования.

ГЛАВА III

Трудно, если не невозможно, указать другой вопрос, на котором в такой степени и с такой необходимостью могла и должна была проявиться самостоятельная работа русской социологическо-политической мысли, как вопрос: быть или не быть общине в России? С одной стороны, огромная важность этого вопроса не позволяла никому обойти его: всевозможные философские, научные, политические воззрения и умонастроения, всевозможные групповые, сословные, классовые страсти и интересы должны были так или иначе сформулироваться по отношению к нему, то есть или прямо решить, или косвенно предрешить его. С другой стороны, вследствие крайней сложности этого вопроса и отсутствия готового шаблона для его решения (для тех, конечно, кто не принимал без дальних рассуждений тождественность русской общины и ее современных условий с разложившейся общиной Западной Европы), разные теоретические схемы и партийные программы преломлялись по отношению к нему в высшей степени разнообразно и своеобразно. Достаточно, например, указать, что начатая Н.Г. Чернышевским 40 лет тому назад горячая защита возможности и желательности сохранения общины в России продолжалась потом в числе многих других К.П. Победоносцевым; или что, наоборот, в самое последнее время на необходимости уничтожения общины настаивают, с одной стороны, новомарксисты, отрицающие ее как оплот «мещанства», «мелко-буржуазного строя» и т. п.; а с другой – некоторые представители бюрократических сфер, уже десять лет тому назад опасавшиеся, что «социалистические инстинкты нашли себе почву в общине», что если

«России суждено когда-нибудь пережить потрясения, вызванные стихийными движениями народных масс, то почин в этом деле, вопреки примерам Западной Европы, будет принадлежать массе аграрной», а в последнее время в лице кабинета гр. Витте стремящиеся подавить эти возникшие уже «стихийные движения» именно уничтожением общины.

Такое же, как и в точках зрения, различие проявляется у разных авторов и в самых способах решения вопросов об общине, и в размерах познаний по этим вопросам.

Здесь особенно резко выделяются две крайности: с одной стороны, накапливается огромный фактический и статистический материал, по большей части разрабатываемый слабо и лишь эмпирически, с другой же – множество авторов решали и решают судьбу общины по своим собственным априорным соображениям, не только не пользуясь этим материалом, но даже часто как бы забывая или прямо не зная о его существовании.

Было бы одинаково неуместно говорить в этом кратком вступлении к моей работе как о первой, так и о второй категории литературы по общине. Произведения второго рода, заменяющие объективный метод и материалы исследования построением готовых решений из своих субъективных умонастроений, представляют, несомненно, живейший интерес именно потому, что община является таким критическим, если можно так выразиться, пунктом, на котором с исключительной яркостью и живостью освещаются особенности русской научной и политической мысли, который составил бы едва не наиболее любопытную главу в истории русской литературы и интеллигенции; но не в этом ведь теперь наша задача, – не в изучении генезиса и значения воззрений на вопрос: быть или не быть общине? – а в прямом научно-статистическом исследовании самого этого вопроса, – поэтому вся эта, так сказать, субъективно-априорная «словесность» должна уступить первое место и очередь фактам и цифрам. Что же касается серьезных фактических объективных работ по общине, то посвящать им особое введение опять-таки неудобно, потому что по их поводу пришлось бы, бесполезно забегая вперед и нарушая план изложения, разбирать все основные элементы нашей задачи по существу; гораздо рациональнее поэтому упоминать об этих работах, где нужно, в тексте самого исследования и затем уже, если понадобится, свести эти замечания в особый резюмирующий очерк, а пока ограничиться лишь самой сжатой схемой общего движения литературы по общине.

Вот уже почти сорок лет, как вопрос: быть или не быть общине? – необходимо вставший при раскрепощении крестьян, висит над Россией. И сорок лет тому назад он с чрезвычайной ясностью и яркостью и во всю свою огромную величину был поставлен Н.Г. Чернышевским. Стоя теперь сно-

ва перед этим вопросом и оглядываясь на эти сорок лет, представляющие огромный, по пережитой Россией политической, экономической и культурной трансформации, период, мы как в многосложной и любопытной истории самой общины за это время, так и в развитии ее изучения, успешного накопить огромную литературу, можем отметить сначала период относительной неподвижности – с 61 г. до конца 70-х годов, – а затем – начиная с 1876–1879 годов – период движения, развития, усложнения. Очертим вкратце основные течения в этой литературе.

Начнем с направления, исходившего от Чернышевского.

Уже заранее необходимо ожидать, что априорно положительное отношение к общине, даже в самой безусловной своей форме, логически более должно располагать к ближайшему объективно-фактическому ее изучению, чем безусловное априорное ее отрицание.

Но точка зрения Чернышевского и его последователей была очень далека от такой безусловности: а ргіогі и принципиально сохранение общины считалось желательным, лишь поскольку она представляет социальный плюс как возможная первая ступень обобществления земледельческого производства, как форма теоретически совместимая с прогрессом земледелия и т. д.; а ргіогі и принципиально сохранение общины считалось возможным (как возможно и ее разложение) в зависимости от тех реальных условий, которые на нее будут действовать. Понятно, что эта точка зрения совершенно исключала всякие философские и нефилософские «предрассудки», всякие априорные формулы, она всецело переносила решение вопроса в непосредственное исследование самой общины, ее условий и следствий. Она не замедлила привести к такому исследованию и в действительности.

Уже в шестидесятых годах начинают появляться в журналах и газетах отдельные очерки общинных порядков, общинного быта непосредственных наблюдателей крестьянской жизни. В семидесятых годах такие очерки все быстрей и быстрей учащаются, расширяются, углубляются, систематизируются, становятся все сознательнее и критичнее, появляются уже и монографии по отдельным основным вопросам общинной организации и функций, – как, например, книги гг. Посникова, Трирогова и др. Так что к концу 70-х годов непосредственное изучение крестьянской общины на месте и во всех ее деталях настолько экстенсивируется, настолько захватывает русскую интеллигенцию, что в 2–3 года, с 1875 по 1878 годы, появляется не менее 5–6 подробных программ исследования общины (А. Посникова, Е. Якушкина, Трирогова, П. Ефименко, Географического общества и Вольно-экономического общества), из коих, например, одно первое издание программы Вольно-экономического общества разошлось все за четыре летних месяца 1878 года в количестве 1200 экземпляров.

1879 год представляет поворотный пункт в исследовании русской общины: в этом году появляется знаменитая книга В.И. Орлова об общинах в Московской губернии, основанная на массовых, то есть охватывающих огромное большинство общин Московской губернии, данных, собранных при специальном статистическом исследовании этой губернии, организованном губернским земством. С этого времени в 80-х годах целый ряд губернских земств (и несколько уездных) организует статистическое исследование крестьянского хозяйства и землевладения, и почти всегда это исследование захватывает и общинную форму землевладения. Таким образом, с конца 70-х и начала 80-х годов исследование общины переходит от отдельных интересующихся этим вопросом добровольцев и ученых обществ в руки земства; благодаря этому оно делается, во-первых, массовым, статистическим, а во-вторых, более глубоким и систематическим.

Со стороны количественной эти земско-статистические исследования общины приблизительно определяются следующими цифрами: из 197 уездов, земско-статистические издания по которым мне точно были известны, к 1900 году:

по 100 у.,	исслед. с	1876 г.	по 1885 г.	включ.,	опис. 28775	зем. общин
75	– ” –	1886	1890	– ” –	– ” – 28775	– ” –
25	– ” –	1891	1900	– ” –	– ” – 3015	– ” –
Итого 197 у.,	– ” –	1876	по 1900 г.	– ” –	– ” – 58465	зем. общин

Если же мы присоединим уезды, о которых мне прямо неизвестно, была ли в них исследована община, но в некоторых из коих она несомненно была исследована, – а таких особенно много за 90-е годы, да еще прибавим исследование общины в 4-х сибирских губерниях (тоже происходившее в конце 80-х и начале 90-х годов), то придется повысить число исследованных к 1900 году общин далеко за 60 и, может быть, до 70 тысяч общин.

Со стороны качественной эти исследования достаточно обрисовываются их программами, заключающими часто наряду с главнейшими внешними данными об организации и функциях общины еще такие, например, вопросы, как об отношении к общине разных слоев самих крестьян, о мотивах голосования их за или против общинно-уравнительных переделов земли, о числе хозяев, выигрывавших и проигрывавших от таких переделов, и т. д., и т. д. Целый ряд выдающихся исследователей обработали эти цифровые данные по многим отдельным уездам и иногда губерниям, часто ее образцовой отчетливостью, деятельностью, меткостью: после знаменитой и действительно во всех отношениях образцовой работы В.И. Орлова последова-

ли замечательные исследования гг. Григорьева, Щербины, Харизоменова, Черненкова, Южакова, Ермолинского, Личкова, Филимонова, Харламова, В. Пругавина и многих других (ниже во введении к I тому я привожу имена многих десятков этих исследователей).

В конце 80-х годов и Министерство государственных имуществ организовало в 4-х сибирских губерниях сплошное статистическое по земскому типу исследование, и тут своеобразные разновидности сибирской общины были особенно внимательно и глубоко исследованы и описаны в прекрасных работах гг. Кауфмана (особенно замечательных по исчерпывающей полноте и образцовой отчетливости), Личкова, Филимонова, Дубенского, Осипова и др.

Таким образом, за последние 20 лет это детальное статистическое исследование, охватившее минимум 60 тысяч крестьянских общин во всех без исключения районах России, несомненно, принесло материал, достаточный для того точного описания и классификации общинных форм и хотя отчасти для такого научно-статистического исследования причинозависимостей общинного землевладения, которые, как я выше старался показать, представляют единственный способ научного решения вопросов о возможности и желательности сохранения общины в России. – Естественно, встает вопрос: не произведено ли уже такое исследование? Увы, оно только кое-где начато.

Сами земские статистики, заваленные многосторонней обязательной работой, не могли далеко уходить вглубь вопросов и принуждены были затрагивать только некоторые более значительные или более заметные причинозависимости, ограничиваясь преимущественно описательно-классификационной стороной исследования; притом они и не могли брать наших вопросов об общине в целом, так как всегда имели право говорить об одном лишь исследуемом уезде (или губернии). В общей же литературе как-то почти не обращали внимания на эту огромную работу эмпирического изучения общины земской статистикой, на эти добытые ею груды сырого фактического и цифрового материала... Я могу указать лишь на три заслуживающих упоминания книги, имевших целью объединение этих материалов и частью прямо, частью косвенно пытавшихся с их помощью ответить на вопрос: быть или не быть общине? Во-первых, – это книга г. В. В. «Община» (том I «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики»), изданная в 1892 году; затем работа Ап. Карелина «Общинное владение в России» 1893 года и, наконец, исследование А.А. Кауфмана «Крестьянская община в Сибири» 1897 года.

Я отнюдь не желаю умалять крупного значения огромного и замечательного во многих отношениях труда г. В. В. Его книга – это своего рода энциклопедия современной крестьянской общины в земских губерниях (г. В. В. пользовался в этом труде только земско-статистическими

изданиями): трудно, пожалуй, найти явления или вопросы, которые хотя бы отчасти не были тут обрисованы в фактах и пояснениях к ним автора и земских исследователей; с высокой аккуратностью и добросовестностью приведены все факты, – как подтверждающие положительные воззрения автора на общину, так и более или менее противоречащие им; все изложение, несмотря на огромную подробность, очень систематично и отчетливо; таким образом, эта работа представляет в высшей степени ценное пособие для специалиста и незаменимый источник для средней публики, желающей точно и подробно ознакомиться с общиной. Но книга г. В. В. именно только знакомит с общиной, только затрагивает на отдельных фактах вопросы о ее условиях и следствиях, но не исследует их прямо и статистически. Говоря, например, о фактах, влияющих на передел, то есть об основных причинозависимостях общины, г. В. В. только указывает на возможность существования таких-то и таких-то факторов и иллюстрирует их несколькими готовыми цифрами, устранившись от их исследования прямым заявлением, что он поставил себе целью «не разработку, а сведение того, что уже сделано земско-статистическим исследованием в России». Понятно, что таким образом г. В. В. только суммировал работы земских статистиков, а не приумножил их, не произвел той новой разработки статистического материала, перед которой они остановились. Но, повторяю еще раз, заслуга г. В. В. все-таки очень велика; никто в России не сделал столько, как он, для исследования общины, и его убежденный, неумолкающий голос: «а все-таки она выживет!» – энергично зовет к точному научному ее исследованию. – И я лично, например, с благодарностью должен упомянуть, что именно по прочтении книги г. В. В. (хотя и отнюдь не согласившись с оптимистическими выводами автора) я окончательно решил приняться за ту самостоятельную разработку сырых материалов земской статистики, которая предлагается теперь читателям.

Работа г. А.А. Кауфмана является как бы естественным дополнением к труду г. В. В.: настолько же подробно и образцово-отчетливо знакомит она с разновидностями сибирской общины, которую миновал г. В. В. (отчасти вероятно потому, что в то время еще не появились все материалы сибирского исследования). Хотя она также не имеет статистического характера, но, в отличие от работы г. В. В., достаточно ясно исследует причинозависимости: это потому, что последние здесь сравнительно весьма элементарны и вполне поддаются глазомерному определению и доказательству. Однако интерес их несколько ниже, потому что тут наблюдается первоначальный момент складывания общинного землевладения из форм индивидуалистического типа, а не те последующие непосредственно подразумеваемые в вопросе: быть или не быть общине? – периоды ее действия и разложения, с которыми имеет дело г. В. В. В общем, повторяю, книга г. Кауфмана настолько же

в своей области ценна и для специалистов, и для большой публики, как и работа г. В. В.; в ней очень много строгой критической вдумчивости и подкупающей любви к ее огромного интереса теме.

Небольшая книжка Ап. Карелина представляет известную ценность тем, что в ней в сравнительно очень сжатом очерке довольно отчетливо обрисовываются всевозможные общинные (и полуобщинные) формы на всем пространстве России и дается некоторая общая характеристика их; автор весьма свободно распоряжается материалом, пожалуй, даже не менее обильным и более разнообразным (кроме изданий земской статистики, эксплуатируются многие весьма интересные книги и статьи, газетные корреспонденции и т. п., производятся и собственные наблюдения автора), чем у г. В. В. Но изложение так странно сжато и отрывочно, что остается непонятна даже цель автора при написании его книги, и, кроме как для первоначального кратко-популярного ознакомления с общинными формами большой публики, да для некоторых библиографических справок специалистам, — эта книжка ни для чего не может служить. Статистического исследования причинозависимостей, как и вообще каких бы то ни было цифровых определений, в ней нет уже и следа...

Итак, подводя итоги всему сделанному направлением, исходившим от Чернышевского, для исследования общины, ее значения и ее будущего, мы должны занести ему в актив огромный труд местного эмпирического изучения общинных форм, произведенный земскими статистиками (надо заметить, что огромное их большинство не только теоретически должно быть признано последователями точки зрения Чернышевского, но несомненно и прямо признали бы свою солидарность с общими принципами, им впервые в этой области провозглашенными). Они собрали фактически и цифровой материал, быть может достаточный для научно-статистического исследования вопросов: желательно ли, возможно ли сохранение общины в России? Заслуга эта очень велика, как вообще велика научная и политическая заслуга земских статистиков, выполнивших научный труд, равного которому по объему и, главное, по достоинствам не было и нет нигде в мире, и проявивших в этой работе глубокую и активную любовь к рабочему крестьянскому народу.

В пассиве нужно отметить прежде всего именно то, что лишь в отдельных случаях и только некоторые (правда — важные) вопросы законов общинного землевладения были исследованы статистически. В общем же эта работа еще не вышла из эмпирического описательно-классификационного изучения (с глазмерным лишь намечением причинозависимостей). Затем, исследователи Чернышевского, совершенно свободные от сословных и классовых интересов и симпатий, иногда могли поддаваться идейным предрасположениям, некоторой идеализации, например, крестьянства и общины... Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что этот упрек приложим лишь к тому

выросшему, по-видимому, из славянофильства правому крылу разбираемого направления, – к народникам типа гг. Одарченко, Юзова и др., – которые почти не принимали участия в этом фактическом изучении общины; в среде же участников последнего если и были отдельные случаи идеализации, то, во-первых, – только, так сказать, на практике, в истолковании отдельных наблюдаемых явлений, принципиально же даже такие горячие сторонники общины, как гг. Златовратский и В. В., вполне признавали возможность ее разложения и сами же первые обрисовывали отрицательные ее проявления¹; во-вторых же, эти розовые и радужные краски тут же стирались стоящими рядом прозаическими серыми цифрами, а затем чем глубже шло изучение, тем в общем строже и беспристрастнее велась работа, тем более априорно-субъективные точки зрения закрывались объективными цифровыми таблицами (это не значит, впрочем, как, может быть, подумал читатель, чтобы выводы исследователей земской статистики о настоящем и будущем общины делались более пессимистичными).

Отдельно от обрисованного направления, которое можно назвать прогрессивным, так как оно отправлялось в своем активном изучении общины от взгляда на нее как на возможный эмбрион высшей социальной формы, нужно поставить направление, так сказать, консервативное, которое более или менее категорически или условно высказывалось именно за современную форму общины как за наиболее устойчивый тип крестьянского землевладения, наилучше обеспечивающий благосостояние основной массы населения, охраняющий консервативный слой крестьянства, предупреждающий развитие пролетариата и тяжелых социальных потрясений. Разные из этих оснований имеют разное значение для многочисленных писателей этой категории, держащихся чаще всего так называемых «либеральных» воззрений в общих социально-политических вопросах. Например, гг. Иванюков, Сазонов и т. п. могут быть еще до известной степени признаны последователями точки зрения Чернышевского, так как допускают возмож-

¹ Приведу для иллюстрации этого, а также чтобы показать, как ясно ставил г. В. В. задачу исследования причинозависимостей общины еще в начале 80-х годов, следующий отрывок из одной его тогдашней статьи: «Можем ли мы подметить одно определенное направление общинной жизни, сказать, например, что она развивается или разлагается, не выясняя пока причин того или другого? Вопрос этот странно и задавать после того, как все согласны, что изучение русской общины только начинается, что в этом направлении сделан пока лишь первый шаг, по которому никак нельзя судить о последующих. Потому мы оставим его нерешенным» («Отечественные записки» 82 года). Еще яснее ставилась задача г. В.И. Орловым, с которого нужно начинать научно-статистическое исследование русской общины; еще в 1879 году он писал: «Вопрос о причинах переделов, равно как вопрос о частности их, заслуживает наибольшего внимания при изучении мирского землевладения. Только изучивши причины известного общественного явления, можно составить себе правильное понятие о нем. Только обнаружив несомненную причинную связь данного явления со всей совокупностью условий, так или иначе на него действующих, можно рассуждать о возможности или невозможности устранения этого явления тем или иным путем». См. его книгу «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. IV, вып. I, с. 166 и т. д.

ность дальнейшего обобществления общинного владения и только скорее с чисто аргументационной стороны могут быть отнесены к консервативной фракции. Наиболее же типичными представителями этой точки зрения нужно признать таких ученых, как, например, гг. К.П. Победоносцев, Ф. Тернер и др., типичная черта которых – крайне осторожное, бережливое отношение к общинному владению, которое хотя и кажется некоторым из них обреченным в будущем на разложение по неприспособленности его к прогрессу сельского хозяйства и вообще современному социально-экономическому строю, но которое нет оснований разрушать искусственно, а, напротив, нужно добросовестно сохранить и даже пока частично доразвить и улучшить. На этой же точке зрения стояли и К.Д. Кавелин и г. Ив. Кейсслер¹ и некоторые другие писатели, также высоко ценившие общину и горячо предостерегавшие от ее ломки², но предлагавшие уже в то же время такие в ней реформы, которые фактически должны были бы свести ее собственно к простому общему владению³. Таким образом, эта последняя фракция стоит уже на границе между положительным и отрицательным отношением к общине.

Все поименованные представители консервативных сторонников общины, а также и некоторые другие, обладают серьезной эрудицией по сказанным вопросам: например, имя Кавелина достаточно говорить само за себя, гг. Тернер и Иванюков представили также очень вдумчивый, серьезный и меткий анализ вопросов; работа же г. Кейсслера заслуживает особого внимания, как в значительной мере построенная на данных земской статистики, и в этом отношении может быть поставлена до известной степени рядом с трудами гг. В. В. и Кауфмана. Однако никто из этих авторов, а в том числе и г. Кейсслер (не имевший все-таки, кстати сказать, достаточного материала для тех решительных выводов, которые он часто себе позволяет), не только не произвели того научно-статистического исследования условий и следствия общинного землевладения, без которого, очевидно, немислимо даже с приблизительной точностью и всесторонностью решать вопрос о желательности и возможности сохранения общины в России, но даже и

¹ Т. J. Keussler, бывший профессор Дерптского университета, написал обширную работу на немецком языке: «Für Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindbesitzes in Russland», 76–87 гл., ему же принадлежат и несколько статей на русском языке (в «Вести Евр.»).

² Вот что писал, например, уже в 80-е годы К.Д. Кавелин г. Иванюкову: «Ваши мысли о значении... общинного землевладения... в настоящем и о вероятном развитии в будущем вполне совпадают с моими давнишними задушевными убеждениями... я твердо, непоколебимо уверен в том, что этот обломок старины, обветшавший в своих формах, может, если за него умело взяться, сослужить великую службу и стать могучим, благодатным, ничем не заменимым средством для правильного устройства и обеспечения быта сельского населения...»

³ А именно: они предлагают сократить или уничтожить периодические уравнильные переделы земли, которые составляют как раз центральную функцию общего владения, представляющего по принципу своему уже разновидность индивидуальной собственности.

не задавались такими попытками (чаще всего, впрочем, просто потому, что писали до накопления этого материала или говорили об общине лишь мимоходом), хотя часто и указывали сами на необходимость подобного исследования. В непосредственном же местном земско-статистическом изучении общины представители этого направления почти не принимали участия и не выставили тут сколько-нибудь видных имен. Таким образом, необходимо констатировать, что консервативные сторонники общины сделали для объективного научно-статистического исследования гораздо меньше, нежели прогрессивное направление.

Понятно, что еще менее склонные были к объективно-фактическому исследованию общины те авторы, которые уже на основании одних априорных соображений пришли в противность осторожным и условным выводам ее сторонников, к прямому и категорическому отрицанию общины.

Можно различить три основных взгляда, приводящих к такой априорной отрицательной точке зрения на возможность и желательность сохранения общины.

Первый – это воззрение на искусственность происхождения общины. По мнению некоторых ученых историков, во главе которых надо поставить Б.Н. Чичерина, община не представляет самостоятельно выросшей социально-экономической организации, а всецело создана государственной фискальной системой (круговой порукой) и крепостным правом. Отсюда заключают о неспособности ее к самостоятельному существованию и требуют снятия с народа этой давящей его бюрократической скрепы. Почти очевидно, как незаконно заменять таким косвенным априорным рассуждением прямое точное исследование вопросов. Во-первых, сказанная историческая гипотеза не может же претендовать на непогрешимость и совершенно игнорировать аргументацию, выдвинутую многочисленными ее противниками¹; во-вторых, вообще непонятно, почему эта гипотеза игнорирует сорокалетний пореформенный период жизни общины, наверно стоящий, по пройденному историческому пути, ста-полтора лет дореформенного времени и представляющий возможность наблюдать на окраинах России в действительности заключительные моменты того самого развития общины, разбираемая схема которого покоится на одних архивных документах; наконец, даже приняв всецело эту гипотезу внешнего происхождения общины, мы этим нисколько не можем предрешить степени ее жизнеспособности в настоящий момент: во-первых, и насажденная извне, она сразу же могла пустить собственные корни и быть охотно принятой большинством населения, а затем,

¹ «Наши историки права покинули мало-помалу теорию г. Чичерина, которая в настоящее время имеет приверженцев только за границей, особенно во Франции» (*Ковалевский М.*, «Развитие нар. хоз. в Зап. Евр.», стр. 191).

если бы даже было доказано, что этого не было (чего никто не доказал), то это опять-таки еще вовсе не значит, что она не могла пустить самостоятельных экономических корней, срастись с интересами и привычками большинства крестьянства постепенно впоследствии, – особенно при радикально изменившихся условиях пореформенного периода. Ясно, что более чем странно заключать по одному прошлому общины о ее настоящем, и тем более о будущем, минуя настоящее, – ясно и то, мы должны прямо исследовать законы действия и изменения современной общины и уже отсюда вывести равнодействующую для будущего.

К очерченному воззрению отчасти примыкает второе априорное предубеждение против общины, считающее общинный союз путами и тормозом как для развития личности в крестьянине вообще, так и для проявления индивидуальной инициативы и общего прогресса в земледелии в особенности. Этот взгляд на сельскохозяйственную, так сказать, реакционность общины ведет начало еще от либеральных оппонентов Чернышевского (а впервые, кажется, проявился еще в послании Екатерины II к Вольно-экономическому обществу)¹ и хотя не выставил крупных имен в науке и литературе, но имеет очень много сторонников в публицистике и особенно во «влиятельных сферах» общества, – среди, например, землевладельцев как либерального, так, особенно, консервативного образа мыслей. Против этого взгляда, основанного исключительно на «простом здравом смысле» и «личном опыте» его авторов, стоит, начиная с Чернышевского, продолжая Посниковым и др. и кончая целым рядом работ земских и сибирских исследователей, – целая литература, категорически его отвергающая и противопоставляющая «здравому смыслу» прямое исследование действительности и «личному опыту» массы объективно собранных фактов и цифр. При таких условиях я могу не утруждать читателя подробным разбором этой точки зрения: читатель, конечно, и без меня понимает, что весь этот огромный важности и сложности вопрос о социально-культурной и сельскохозяйственной оценке общины далеко не может считаться достаточно расследованным и должен быть для окончательного решения перенесен из области априорных рассуждений и случайных наблюдений в высшую инстанцию объективного научно-статистического исследования.

Наконец, рядом с этими воззрениями, представители коих обыкновенно отрицают общину в пользу современной же индивидуалистической социально-экономической организации и в этом смысле могут быть названы консервативными противниками общины (в параллель консервативной фракции ее сторонников), нужно отметить еще прогрессивную группу

¹ «Наши историки права покинули мало-помалу теорию г. Чичерина, которая в настоящее время имеет приверженцев только за границей, особенно во Франции» (М. Ковалевский, «Развитие нар. хоз. в Зап. Евр.», с. 191).

(также анаболирующую с прогрессивными – защитниками общины), которая отрицает возможность и желательность сохранения общины именно потому, что не только не допускает ее как возможную ступень к высшим формам социально-экономического обобществления, но прямо считает ее тормозом на пути к этим формам. Этот взгляд покоится частью на аналогии, частью на других априорных соображениях. Так как всюду в цивилизованных странах община разлагалась в известный период их экономической эволюции, – а именно при наступлении капиталистического фазиса в промышленном производстве, – то такое же разложение общины считается неизбежным и для России и многие авторы почти принимают прямо за очевидное, что капитализация неземледельческого производства России уже неизбежно подразумевает разложение крестьянской земельной общины. Как известно, конечно, читателю, это воззрение усвоено русскими марксистами.

Вряд ли нужен чей-либо авторитет для защиты преимуществ прямого исследования вопросов перед решением их по аналогии. При сложности социальных явлений и условий и вообще аналогический метод должен обыкновенно, в основе своей, заключать *nonsens*: ведь чтобы, например, заключать по прошлой эволюции общины в Западной Европе о будущей эволюции в России, нужно доказать тождество как самой этой формы там и тут, так и ее условий тогда и теперь, а очевидно, что для прочного установления такого тождества все равно необходимо то самое прямое объективно-фактическое исследование причинозависимостей современной русской общины, которого именно, применяя аналогию, и хотят избежать. Но, конечно, при наличии этого последнего исследования, дополнительное освещение его схемами других аналогичных процессов в прошлом было бы крайне важно, раз эти схемы были бы уже твердо установлены. Однако в нашем случае именно не только последнего нет, но, как раз наоборот, в то время, как для изучения законов современной русской общины и ее эволюции имеется огромный статистический материал, трансформация и разложение общины в Западной Европе, за отдаленностью времени и за отсутствием своевременного подробного и точного их изучения, не были и не могут быть исследованы даже с ничтожной долей той точности и всесторонности, которые возможны при прямом исследовании русской общины.

Таким образом, в данном случае прием аналогии состоит в сведении явления, более изученного и легче изучимого, к гораздо менее изученному и труднее изучимому.

Понятно, что, предревшив вопросы аналогией, русские марксисты и дальше не могут выйти из области чисто априорных рассуждений, принимают за доказанное как раз то, что именно требуется доказать и не в состоянии дойти даже до постановки вопросов во всей их полноте и сложности.

В России натуральное хозяйство переходит в денежное, развивается промышленный капитализм, крестьянство беднеет и разоряется; в нем наблюдаются уже теперь различные, даже антагонистичные слои – вот явления, для констатирования которых в общем виде не требуется много труда. Присоединив к ним заимствованные у г. Ник-она выводы о неизбежности и дальнейшего продолжения процесса обеднения крестьянства, обусловленного прежде всего малоземелием, а затем капитализацией кустарных и частью ремесленных промыслов и денатурализацией, так сказать, крестьянского хозяйства, то есть заменой домашних промыслов покупкой соответственных продуктов, наши марксисты уже перестают сомневаться в неизбежности «дифференциации» крестьянства и разложения общины. Не очевидно ли, что такое «решение» останавливается на самом пороге реального критического исследования и затем делает огромный скачок через самые важные и самые трудные вопросы нашей проблемы?

Не ясно ли до очевидности, что в этом отрицании общины русскими марксистами нет серьезных логических корней в виде новых фактов, идей, аргументов, что оно могло, значит, вырасти только из новых впечатлений, чувств, настроений? Не очевидно ли, что если оно не представляет высшей ступени объективного исследования, то оно сводится к тому же субъективизму отрицания, как раньше несомненно был субъективизм идеализации¹, если в нем нет ни одного признака серьезной логической эволюции?

Это течение явилось, так сказать, моральным антитезисом для народнического тезиса 70-х годов. Огромное расстояние от слова «мужик» в устах не только Н.Н. Златоврацкого, но и Гл. Ив. Успенского до этого же слова в устах Ант. Чехова, от слова «народ», как называли крестьян в 70-е годы, до слова

¹ Слово «субъективизм» я в данном случае, как это очевидно, употребляю в вульгарном смысле, то есть понимаю под ним приемы мышления, основанные на непрокритикованных предположениях и настроениях, противоположные объективным, то есть реально-критическим методам познания. Но само собой разумеется, что это не означает отрицания «субъективной точки зрения» в социальной науке, состоящей в оценке социальных явлений. Мы можем, мы обязаны, мы не можем не оценивать социальных форм, ибо эта оценка представляет такое же исследование причинности и должна и может быть видна точно таким же объективным (например, статистическим) методом, как и изучение причинозависимостей самых социальных форм: только в последнем случае мы рассматриваем их как следствия различных условий, а в первом – как причины блага или зла для человечества (например, исследуя средний уровень благосостояния, заработную плату, питание, процент смертей, браков, преступлений и пр. среди рабочего класса, мы, очевидно, производим исследование с субъективной точки зрения, то есть оцениваем современный социальный строй, исходя из интересов трудящегося большинства населения, и т. п.). Несомненно, что именно указанную «субъективную точку зрения» подразумевал Н.К. Михайловский в своих работах «О прогрессе», хотя и употребляет неудачный термин «субъективный метод» (что своевременно и было ему указано гг. Миртовым, Южаковым и Лесевичем). Только некоторые новомарксистские авторы не поняли или сделали вид, что не понимают этого, приняли термин г. Михайловского в вульгарном смысле и обрушили на этот выдуманный ими самими «субъективизм» всю тяжесть своей иронии...

«мелкобуржуазная масса» и т. п., как называют их марксисты. В 70-е годы по отношению к крестьянству вообще и общине в частности царили у нас вера, надежда и любовь. В долгие, очень долгие исторически последние 15–20 лет эта вера и надежда, не подновляемая никакими новыми яркими стимулами, стали бледнеть и стираться, и любовью тоже, как и «злостью», «сердце питаться устало...» И на смену им наступили, наконец, скептицизм, отрицание, почти озлобление. От крестьянства слишком много ждали, но пока ничего не дождалось, и вот его начали презрительно трактовать как реакционную массу, и переносят надежды с «устоев» и «мира» на пролетаризацию крестьян и «капиталистическую выучку»...

Однако на воспитанном реакцией 90-х годов марксизме не закончилось развитие русской общественно-научной и политической мысли. Слепое и свирепое подавление всех проявлений общественной жизни только замедлило и загнало внутрь глубокое социальное брожение, с одной стороны разлагавшее бюрократическое государство, а с другой – складывавшее элементы нового народного правосознания и новых общественных форм. С началом двадцатого века это брожение стало бурным, проявилось наружу, и мы видим, что оно уже наполовину подняло и разметало давившие его могильные камни деспотизма... И вот с новым политическим настроением является и новое идейное умонастроение.

Первое поколение двадцатого века начинает новое «народническое» движение, и в нем трудовое, а не капиталистическое обобществление землевладения и земледелия становится центральным практическим лозунгом. Понятно, что для этого направления и в такой момент начала великой перестройки вопрос об общине как об основной донине существовавшей ячейке коллективного начала является также центральным вопросом.

Этого мало: не только «молодое народничество», но и все направления, все партии, – кто тоже с надеждой, кто с сомнением и недоумением, а кто с ожесточенной ненавистью, – но все одинаково устремили напряженный взгляд на общину: что скажет она, на какую чашу весов ляжет своей многомиллионной массой в переживаемый Россией критический момент? Однако этого пассивного устремления внимания мало: необходимо – и на этот раз уже безотложно необходимо! – активное ее изучение для всех, кто не хочет брести в темноте и ощупью. Особенно же обязательно и безотлагательно такое изучение для «молодого народничества»: как приведет оно народ к самосознанию, не зная его? Чему его научить, не изучивши его? Как поведет его за собой, не подойдя к нему, не войдя в него?

Такая необходимость изучения – индуктивного статистического изучения – крестьянства и общины на словах признавалась уже давно. Но пора, наконец, от слов перейти к делу...

Описательный очерк общинных форм

ВСТУПЛЕНИЕ

Прежде чем исследовать причинозависимости общинного землевладения, необходимо, очевидно, точно ознакомиться с ним самим. В России сотни тысяч земельных общин; из них десятки тысяч охвачены земско-статистическими и министерскими (по земскому типу) исследованиями Сибири, дававшими, с одной стороны, чисто эмпирическое и внешнее их описание, а с другой – намечавшими среди них основные роды, виды, разновидности, анализировавшими их внутреннее значение. Необходимо разобраться в этой массе сырого, полусырого и обработанного материала: собрать все, какие только попадались и могли попасться исследователям оттенки общинных форм, определить их, так сказать, взаимоположение, произвести общий юридический и экономический их анализ, наметить их связь с естественными и социальными условиями, поскольку она может быть словлена глазомерно, – и затем, примерив к этим отдельным формам все возможные критерии для классификации, выбрать такой классификационный принцип, который был бы сразу и наиболее практичен, и наиболее рационален, то есть охватывал бы все возможные разновидности общины и объединял бы их в такой перспективе, в которой уже сами собой вставали бы и получали предварительное глазомерное освещение также и вопросы о причинах и следствиях общинных форм, чтобы, таким образом, уже это описательно-классификационное исследование послужило как бы рекогносцировкой для последующего основного и специального исследования причинозависимостей.

Как уже было сказано, я нахожусь, приступая к этой задаче, в довольно выгодном положении: в трудах гг. В. В. и А.А. Кауфмана это описательно-классификационное исследование произведено для разных общинных форм по двум половинам России с такой полнотой и отчетливостью, что моя задача – окончательного объединения всех общинных форм в одну общую классификационную схему – значительно облегчается; всякое свое определение и объяснение я мог проверить на систематизированных уже материалах и очень часто опереть его на такой же или близкий к нему вывод этих столь компетентных авторов.

Должен, впрочем, оговориться, что вся моя описательно-классификационная работа произведена заново по первоисточникам, и в частности книга г. Кауфмана, собственно, не имела для меня значения, так как весь предлагаемый теперь 1-й том моей работы был окончен весной 1896 года, то есть до издания книги г. Кауфмана, и хотя теперь я переработал его совершенно

заново, но, собственно, прочтение этой книги не внесло и не могло внести никаких существенных изменений в мою работу уже по той одной причине, что в этой работе нет новых выводов по сравнению с прежними работами того же автора, например, – книгой по Ишимской общине (1889 год), статьей о формах землевладения в Томском и Мариинском округах Томской губернии и сводной работой об общине в Западной Сибири; нечего и говорить, что эти последние образцово-отчетливые работы с самого начала имели для меня самое существенное значение...

Работа же г. В. В., хотя и прочтенная мною до первоисточников земской статистики, тоже не дала мне никакой особой нити, так как она главным образом лишь повторяла и компилировала схемы, данные самими исследователями земской статистики (В.И. Орловым и др.). Таким образом, работа г. В. В. имела для меня преимущественно, так сказать, отрицательное значение: она наглядно показала мне, что именно еще остается сделать, чего недостает в сделанных до сих пор попытках схематизации общинных форм. И здесь мне всего удобнее формулировать свою задачу именно как такое развитие и дополнение к работе г. В. В.

Первый дефект работы г. В. В., как уже сказано, заключается в том, что она дает понятие не о русской крестьянской общине вообще, а лишь об общине Европейской России земских губерний (и то не всех и не всяких), так что, например, у г. В. В. даже нет никаких общих цифр об общинной территории и населении. Поэтому передо мной прежде всего сама собой встает задача – классифицировать в общую схему действительно все разновидности русской общины как в европейской, так и в азиатской России и сделать количественные определения как общих размеров общинного владения и числа общинных владельцев, так и относительного распространения отдельных разновидностей общины.

Во-вторых, кроме дополнения описания общинных форм необходимо заново их схематизировать, необходимо новое истолкование, новое наименование, новое расположение форм, уже описанных и анализированных г. В. В. Иногда нельзя согласиться с его оценкой социально-культурного значения известных форм; затем, в частности, анализ правовых корней общины у г. В. В. недостаточен; наконец, у него почти нет терминологии, равно как в сущности нет и построенной на одном принципе схемы; необходимы более отчетливый анализ и более рельефные термины, исходящие из одного принципа и объединяющие в единую схему.

Третий основной недостаток исследования г. В. В. – это преобладание в нем статической точки зрения над динамической. Это проявилось не только, как уже было указано, в том, что г. В. В. не занялся специально статистическим исследованием законов общинного землевладения, но и в том, что он

описывает и определяет его разновидности больше как типы, чем как фазисы. Между тем редко можно найти социальную форму, более, так сказать, текучую, хронически колеблющуюся и переходящую из одного состояния неустойчивого равновесия в другое, от одной комбинации личного и общинного начала к другому, чем русская земельная община; а раз это так, то всякая систематизация этих форм должна не только приводить их в фактическое или логическое лишь соседство, а охватывать их в процессуальной последовательности и связи.

Имея же, таким образом, дело уже сразу не только с формами, но и с трансформацией общины, мы, конечно, не можем игнорировать и причин этой трансформации. Поэтому задачей нашей должно быть построение классификации разновидностей общины на таком принципе, который охватывал бы и их самих, и их трансформацию в связи с причинами этой трансформации. Только такая классификация, повторяю еще раз, подготовит нас к прямому статистическому исследованию причинозависимостей общинного землевладения.

Указанные проблемы работы г. В. В. обуславливались теми материалами, которыми он располагал, и тем способом, каким он ими пользовался: задачей его было свести только данные земской статистики и только те из них, которые были уже обработаны или полуобработаны. Поэтому, чтобы заполнить пробелы работы г. В. В., нужно расширить разработку материалов, охватив по возможности все, что напечатано по общине до настоящего времени.

А именно, таким образом, необходимо объединить: во-первых, все существенные цифровые материалы земской статистики, напечатанные до и после работы г. В. В., что составит задачу второго и третьего тома моей работы; во-вторых, те обработанные, то есть текстовые материалы земской статистики, которые были пропущены г. В. В., хотя и вышли до издания его книги¹; в-третьих, все материалы земской статистики, а также сибирских исследований, вышедшие в печать позже книги г. В. В.; в-четвертых, все вообще другие материалы, кроме земской статистики, то есть как некоторые правительственные издания, сообщающие массовые данные об общинном землевладении, так и книги и статьи частных лиц, имеющие монографический характер, из каковых изданий многие весьма важны и даже необходимы для отчетливого ответа на вопрос: что такое община?

В нижеследующей таблице я даю отчет о земско-статистических материалах, имеющихся (насколько мне известно) вообще, имевшихся у г. В. В. и, наконец, о тех, которыми я до сих пор воспользовался для своего исследования.

¹ Г-н В. В. не разъясняет, почему именно он не воспользовался этими материалами.

№№ п/п	Название губерний	Число уездов, о которых мне известно, что в них было экспедиционное подворное земско-статистическое исследование		Число уездов, по которым описаны формы крестьянского землевладения в особых статьях			Число статей по этим уездам				Число уездов, по которым имеются сырые побищные материалы о форме землевладения в виде: 1) текстовых «описаний волостей и селений» и 2) заметок и цифр в цифровых таблицах		
		Из общего числа уездов	Из этих уездов сколько-ни использовался г. В. В.	Всего мне известно (в скобках уезды, о которых предпологаю, что должны быть)	Из них эксплуатировано г. В. В.	То же мною	ВСЕГО (в скобках число статей, о которых я лишь предполагаю, но мне наверно не известно)	Из них эксплуатировано г. В. В. (в скобках число опущенных им)	То же мною (в скобках число статей, которые мною не эксплуатированы)	Всего мне известно	Эксплуатировано г. В. В. (в скобках число уездов, пропущенных им)	То же мною (в скобках число уездов, которыми я не мог воспользоваться)	
1.	Бессарабская	1 (0)	0	1	0	1	0	1 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
2.	Владимирская	1 (0)	0	1	0	1	0	1 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
3.	Воронежская ¹⁾	12 (0)	2	2	2	2 (0)	2 (0)	2 (0)	0 9	0 (0) 0 (3)	0 (0) 9 (0)		
4.	Вятская	10 (0)	0	1	0	1 (0)	0 (0)	1 (0)	2 0	0 (1) 0 (0)	2 (0) 0 (0)		
5.	Екатеринославская	4 (0)	3	3	3	3 (0)	3 (0)	3 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
6.	Казанская	12 (12)	7	12	7	12 (0)	7 (2)	12 (0)	0 8	0 (0) 0 (5)	0 (0) 8 (0)		
7.	Калужская	1 (0)	0	1	0	1 (0)	0 (0)	1 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
8.	Курская	15 (0)	7	6	5	6 (0)	5 (1)	6 (0)	4 0	4 (0) 0 (0)	4 (0) 0 (0)		
9.	Московская	13 (11)	13	13	13	2 (0)	1 (1)	2 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
10.	Нижегородская	7	3	5 (2)	3	5 (2)	3 (0)	5 (2?)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		
11.	Новгородская	9	0	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)		

12.	Орловская	9	6	9	5 (2)	1	5	5 (2)	1 (0)	5 (2?)	2 1	2 (0) 0 (0)	2 (0) 1 (0)
13.	Пермская	6 (3)	0	2	1 (?)	0	1	2 (?)	0 (0)	2 (4?)	2 0	0 (0) 0 (0)	2 (?) 0 (?)
14.	Полтавская	15	0	13	15	0	13	15	0 (9)	13 (2)	12 0	0 (6) 0 (0)	12 (0) 0 (0)
15.	Рязанская	12	5	9	11	1	11	2	1 (0)	2 (0)	10 0	4 (6) 0 (0)	7 (3) 0 (0)
16.	Самарская	7	7	5	7	7	5	7	7 (0)	5 (2)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
17.	Саратовская	19	3	10	9	3	9	9	3 (0)	9 (0)	5 0	0 (0) 0 (0)	5 (0) 2 (0) ²⁾
18.	Смоленская	7 (1)	4	7	6	4	6	6	4 (2)	6 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
19.	С.-Петербургская	8	6	8	8	6	8	8	6 (0)	8 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
20.	Таврическая	8	8	8	8	8	8	2	2 (0)	2 (0)	7 0	7 (0) 0 (0)	7 (0) 0 (0)
21.	Тамбовская	12	12	12	12	12	12	12	12 (0)	12 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
22.	Тверская	12	3	11	10 (2)	3	10	11 (2)	3 (2)	11 (2?)	8 0	2 (0) 0 (0)	8 (0) 0 (0)
23.	Тульская	1 (1)	0	0	1	0	0	1	0 (1)	0 (1)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
24.	Харьковская	1	1	1	1	1	1	1	1 (0)	1 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
25.	Херсонская	6 (3)	5	6	5	5	5	6	5 (0)	6 (0)	0 0	0 (3) 0 (0)	3 (0) 0 (0)
26.	Черниговская	6 (1)	1	5	2	1	2	2	1 (1)	2 (0)	0 0	0 (0) 0 (0)	0 (0) 0 (0)
	Итого по 26 губерниям:	205 (32) ³⁾	96	182	146 (6)	85	141	123 ⁴⁾ (6)	67 (20)	118 (15?)	55 18	19 (16) 0 (8)	52 (3) 20 (0)

1) Подчеркнуты курсивом губернии, где все уезды исследованы. Знак вопроса в скобках означает сомнение в данной цифре.

2) По двум уездам Саратовской губернии я, благодаря редкой любезности г. заведующего бюро Н.Н. Черненкова, мог воспользоваться ненапечатанными общинными данными.

3) Кроме того, по 6 уездам Уфимской губ. (из коих по двум сборники изданы в 1898 году, а по остальным еще не напечатаны) произведено хотя не подворное, но несколько приближающееся к нему экспедиционное исследование с опросом от 20 до 50% хозяйств.

4) Привожу алфавитный список авторов статей об общинном владении в земско-статистических изданиях: Я. Абрамов, А.Г. Алякрипский, Н.М. Аносов, Г.И. Баскин, Н.А. Благотворецкий, С. Блеклов, И.Н. Боголепов, А.С. Бориневич, О.А. Бунин, А.С. Выховский, Г.Н. Бычков, И.П. Белоконосский, В.И. Василенко, И.А. Вернер, И.А. Владимирский, К.Я. Воробьев, Ф.Х. Грауздин, В.Н. Григорьев, В.А. Гурвич, Н.А. Добротворский, Н.Н. Дроздов, А.А. Дудкин, К. Ермолинский, В.Ф. Залесский, Я.К. Имшенецкий, Н.М. Катаев, Н.М. Кисляков, П.Я. Кошин, П.М. Красноперов, Е. Красноперов, В.К. Кузнецов, Ф.И. Лазаревский, Л.С. Личков, С.А. Михайловский, М.К. Мураев, Б. Недзакровский, В.И. Орлов, И. Осадчий, К.М. Папкеев, В.И. Петровский, И. Петрункевич, П.А. Плодовский, М.П. Плотников, В. Покровский, Викт. Пругавин, П.Е. Пудовиков, А. Пешехонов, И. Рихтер, Н.Н. Романов, С.Ф. Руднев, А.А. Русов, А. Селиванов, Н.И. Семанов, А.С. Семановский, В.И. Серебряков, Е.А. Смирнов, Н. Терешкевич, Тимофеев, Е.С. Филимонов, С.А. Харизоменов, И.Н. Харламов, Н.И. Чарушинков, Н.Н. Черненков, К.И. Шидловский, О.Э. Шмидт, О.А. Щербина, В.И. Яковенко, С.П. Южаков. Возможно, что кого-либо из авторов я пропустил в этом списке (хотя думаю, что это могло случиться только для тех сборников, которыми не мог пользоваться, или для статей, автор которых не был назван); таких прошу извинить мне этот невольный пропуск.

Из этой таблицы читатель ясно видит, насколько в настоящий момент полнее может быть выполнено описательно-классификационное исследование, чем это было сделано г. В. В.: не только у него было опущено 20 поездных статей из 87 изданных тогда сборников (особенно чувствительный пробел представляет пропуск г. В. В. всех уездов Полтавской губернии, заключающих весьма любопытные данные, и глубоко интересной статьи К. Ермолинского по своеобразной общинной форме у крестьян Хотинского уезда Бессарабской губернии), но, кроме того, после напечатания книги г. В. В. литература очень разрослась, напечатано еще минимум 35–40 статей, из коих многие дорисовывают чрезвычайно существенные черты некоторых особенно любопытных типов и фазисов общины; в общем, таким образом, у г. В. В. было только 56,8% тех статей, которыми воспользовался я для предлагаемого исследования.

Но нужно присоединить еще сибирские сплошные экспедиционные исследования Министерства государственных имуществ и некоторые работы частных лиц в Сибири и неземской части Европейской России.

В Сибири министерские исследования общинного землевладения (рядом с другими факторами) охватили 13 округов, или уездов (3 округа Тобольской губернии, 2 округа Томской, 4 Енисейской и 4 Иркутской) в 9 статьях; 3 округа Томской губернии, так называемый Алтайский Горный округ, находящийся в ведении Уделов, были исследованы г. Чудковским экспедиционным способом (хотя и не сплошным). В самое последнее время напечатано исследование г. Кроля по Забайкальской области, основанное также на сплошном экспедиционном исследовании. Наконец, с большой полнотой было исследовано общинное владение у донских, кубанских и уральских казаков (а также частью и терских) – господами Харузиновым, Щербиной и Бородиным¹.

Если мы суммируем все эти работы, то получим материал, который и по числу названий, и по объему работ, и по обилию и интересу сгруппированных в них фактических данных, по крайней мере, вдвое превосходит тот, который разработал г. В. В.

Таким образом, уже одно это накопление нового материала делает необходимой новую работу, которая развила бы и дополнила работу г. В. В.

Нечего почти прибавлять, что лично я для настоящей своей работы предполагал достаточной долей этого материала: из 205 исследованных земской статистикой уездов я воспользовался 182, то есть почти 90%, причем мне известны главным образом только те сборники, по которым не было напечатано данных по общине, или те, которые недавно лишь вышли из печати и

¹ Привожу приблизительно в хронологическом порядке список авторов наиболее интересных статей о сибирской общине: С. Капустин, Н. Петропавловский, С. Чудновский, П. Швецов, К.П. Михайлов, А.А. Кауфман, Л.С. Личков, Е. Филимонов, М. Дубенский, Н. Осипов, М. Кроль и некоторые другие.

о которых я не знаю, есть ли в них статьи по общине; из числа же земско-статистических сборников, наверно, заключающих в себе такие статьи, я воспользовался 118-ю из 123, то есть 96%. Что же касается сырого материала в описании волостей и селений и в цифровых таблицах, то я располагаю им почти всем, и здесь для моего исследования открывается почти нетронутое поле. По сибирской и казачьей общине я тоже воспользовался всеми указанными материалами, за исключением одной статьи Филимонова (по Томской губернии) и работы г. Харузина о донских казаках (я знаком с ней лишь по выдержкам в других работах).

Я счел необходимым так настойчиво указать читателям на обилие материалов земского и сибирского министерского статистических исследований, чтобы оправдать себя в том, что я сравнительно гораздо меньше пользовался правительственными данными и исследованиями частных лиц.

Из правительственных изданий, впрочем, я воспользовался обеими наиболее и, пожалуй, единственно существенными: во-первых, крайне интересной книгой «Материалы для пересмотра узаконений для взимания окладных сборов. Существующий порядок etc... по сведениям податных инспекторов за 87–93 гг.» (изд. 1894 и 1895 годов) и, во-вторых, чрезвычайно ценным изданием Канцелярии Комитета министров: «Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России» (С.-Петербург, 1894 год); насколько мне известно, кроме этих двух книг ни в каких других правительственных изданиях нет общих массовых данных об общинном землевладении в России в настоящий момент (во-втором, собственно, перепечатаны прежние данные за 1877 и 1878 годы в связи со многими другими цифрами).

Можно еще раз упомянуть об отзывах крестьянских присутствий в Комиссию по пересмотру законоположений о крестьянах, но, по-видимому, эти материалы слишком сжаты и не имеют значения по крайней мере для первой части нашей задачи детального фактического и статистического исследования общины.

Из книг же и журнальных статей отдельных исследователей я ограничился лишь немногими наиболее существенными и преимущественно касающимися тех районов, которые остались вне массового исследования земской и сибирской статистики (существеннейшие работы я частью уже указал, частью же указываю ниже, когда пользуюсь ими).

Пересмотр остального материала отнял бы слишком много времени, так как этот материал огромен, между тем результат не соответствовал бы тут затрате времени и сил, так как очевидно, что эти старые монографические исследования не могут дать ничего существенно, неожиданно но-

вого после новейших массовых исследований, на которых основывается моя работа. Так что я счел дозволительным пока не зарываться дальше в этот сырой материал, полагая, что перегрузить работу балластом так же вредно, как и недогрузить...

Нелишне в заключение заметить, что это же я имел в виду и определяя масштаб изложения: я старался как можно менее загромождать эту первую часть работы фактами и деталями и допускал их лишь настолько, насколько это казалось мне строго необходимым для иллюстрации основных моих положений. В этом отношении я тоже стремился избежать дефекта работы г. В. В.: так как он не произвел статистического исследования причинозависимостей общинного землевладения, то за отсутствием массовых цифр отдельные факты служили в его изложении не только для иллюстрации, но и для аргументации, а потому ему и пришлось загромождать изложение сырым фактическим материалом, совершенно не интересным для большой публики и весьма мало ценным для специалиста.

Для меня же эти нагромождения однородных фактов не нужны: для иллюстрации изложения достаточно нескольких примеров, а для аргументации послужат цифры специального исследования законов общины, которому будут посвящены 2-й или 3-й тома предлагаемой работы.

Таким образом, мне кажется, что принятый мною статистический метод исследования не только является единственным точным методом для решения озаглавливающих эту книгу вопросов, но и кроме того наиболее допускает ясность и живость изложения, доступность его не тесным лишь кружкам специально интересующихся вопросом, но и самым широким кругам публики. Другой, конечно, вопрос, насколько удачно само выполнение мною этой задачи, но об этом уже судить не мне, а читателю.

Со своей стороны замечу, что уже теперь я вижу многие недостатки в моей работе – недостатки, обусловленные хотя бы уже тем, что в данный момент для меня далеко не все вопросы окончательно решены во всех деталях и не весь материал использован. Я знаю, что в ней есть много пробелов, допускаю, что достаточно встретится и неясностей, боюсь, что найдутся и ошибки. Может быть, через два-три года я опять заново переработаю ее, как переработал теперь написанное два года тому назад. Но такая переработка хронически неизбежна, и из-за нее, конечно, невозможно откладывать печатание книги. Необходимо только, чтобы в общей схеме, в главных пунктах всегда оставалось несколько твердых неподвижных точек; такие точки в моей работе есть, и они по мере развития ее не только не колеблются, но все более укрепляются.

Прибавлю еще, что всякого рода замечания, возражения, вопросы со стороны читателей, как по существу предмета, так и относительно внешней

стороны изложения, были бы чрезвычайно интересны и полезны для меня, и я был бы за них глубоко благодарен.

ГЛАВА I

§ 1

Во всех европейских странах, кроме России, почти вся земельная территория находится во владении индивидуальном (у физических или юридических лиц – это безразлично), и лишь сравнительно ничтожные клочки земли остались во владении коллективном – у государства, городов, деревень. В России же, наоборот, коллективная земельная собственность составляет общее правило, а личная – исключение.

Это хорошо рисуется следующими цифрами.

В 49 губерниях Европейской России (то есть всей Европейской России за исключением Финляндии, 9 губерний польских, области войска Донского и Кавказа) насчитывается приблизительно удобной земли: в личном владении 115,6 миллиона десятин (из коих 22,2 миллиона десятин наделной крестьянской земли, 91,6 миллиона десятин у физических лиц и 1,8 миллиона десятин у обществ и компаний), а в коллективном владении 108 миллионов десятин (из коих 4 миллиона десятин у казны, 7,4 миллиона десятин в ведомстве уделов, 94,6 миллиона десятин у крестьянских общин и 2 миллиона десятин у городов); 6,5 миллиона десятин принадлежат главным образом церквям и монастырям и в незначительной части некоторым другим учреждениям, – я не причисляю их ни к одному из этих основных видов собственности¹.

Надо, однако, иметь в виду, что этот расчет есть самый минимальный для коллективного землевладения Европейской России и в сущности не может быть назван правильным. Дело в том, что во владении казны, кроме сочитанных 4 миллионов десятин собственно удобной земли, имеется еще 104 миллиона десятин леса, преимущественно в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской, а всего казенной земли в Европейской России – удобной, лесной и малоудобной – считается 150,4 миллиона десятин; несомненно, что из этого количества значительная часть, наверно не менее нескольких десятков миллионов десятин, – тоже годится под земледелие; введи их в подсчет, мы найдем, что уже даже в Европейской России, взятой вместе с нерусской ее частью (с губерниями прибалтийскими и северо- и юго-западными), все-таки коллективное владение охватывает бо́льшую половину

¹ Все эти, равно как и все последующие цифры в этом параграфе, взяты мною в готовом виде или вычислены по цифрам, приведенным: 1) в книге г. А. Фортунатова «Сельскохозяйственная статистика Европейской России» 93 г.; 2) в статье Н. Карышева «Землевладение» в энциклопедическом словаре Брокгауз и Еффрон и 3) в статье г. Южакова «Статист. закон землевлад. в России» // «Сев. в.». 86 г. 3 книга).

удобной в данный момент для земледелия земли и почти две трети всей земли (то есть удобной вместе с лесами). Если же мы перейдем в Азиатскую Россию и на Кавказ с Донской областью, – перейдем в эти пространства, еще точно не измеренные, но во всяком случае измеряемые уже не миллионами десятин, а миллионами квадратных верст, – то здесь в общей их сумме найдем не менее 90% разных видов коллективной собственности (главным образом государственных земель, частью же казачьих и инородческих). Конечно, неизвестно еще, какая именно доля этой колоссальной территории представляется удобной для земледелия, но что эта доля, хотя относительно вероятно и небольшая, представит абсолютно огромную величину, наверно превосходящую в несколько раз всю площадь коллективного землевладения в Европейской России, – это и а priori очевидно, и ясно указывается некоторыми отдельными такого, например, рода цифрами: во владении одних только казачьих войск (казачьи земли в выше приведенные цифры крестьянских земель вошли только в ничтожном сравнительно количестве по губерниям Оренбургской и Астраханской) минимально приблизительно считается в Европейской (на Кавказе) и Азиатской России 54,3 миллиона десятин (из коих удобной 39 миллионов десятин, лесной 3,5 миллиона десятин и среднеудобной и малоудобной 11,5 миллиона десятин)¹; или, например, в одной Тобольской губернии одна только отмежеванная уже в пользование крестьян земля составляет 10,5 миллиона десятин², в Алтайском Горном округе, составляющем наиболее плодородную и населенную половину Томской губернии, считается всей территории до 50 миллионов десятин, причем процент удобной земли здесь уже несомненно высок (здесь до последнего времени успешно селилось значительное большинство переселенцев) и т. д., и т. д.³

Приведенные цифры о Европейской России относятся к 77–78 годам. Необходимо еще поэтому пояснить, что территория коллективного владения отнюдь с годами не уменьшается, а остается приблизительно без изменений. Так, хотя «в 1858 г. площадь земель, считавшихся собственностью казны, была в 1^{1/2} раза больше, чем теперь, но значительная часть этой площади фактически находилась в пользовании государственных крестьян, и если сравнить теперешнее государственное землевладение с площадью, находившейся тогда в непосредственном распоряжении казны, то окажется, что казенное землевладение возросло на 48%. Впрочем, главной причиной этого возрастания служит отрезка земель в пользу казны в малонаселенных северных губерниях, и если исключить эти губернии, для остальных 42 губерний по-

¹ См. статью о «казаках» в энциклопедическом словаре Ефрона и Брокгауза.

² См. «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях». 1893. Изд. Мин. гос. им.

³ См. статью об Алтае в энциклопедическом словаре Брокгауза.

лучается убыль государственного землевладения на 5,3%. Главная причина убыли – отвод земель безземельным поселенцам и отставным солдатам, затем Высочайшие пожалования (преимущественно до 65 г.) и льготная распродажа земель польских и башкирских»¹. Таким образом, и эта ничтожная убыль в 5% только частью представляет потерю для коллективного владения, так как наделение безземельных происходило на общинном начале, и только пожалования и льготные распродажи перевели некоторое, совсем уже сравнительно незначительное количество земли из коллективного в личное владение. В общинном же крестьянском владении произошло уже приращение, а не убыль: хотя некоторое количество общинной земли (несколько сот тысяч десятин) было выкуплено отдельными крестьянами в личную собственность (теперь этот выкуп почти прекратился после закона 93 года, ограничившего его согласием общины), но зато в несколько раз большее количество земли было куплено крестьянскими общинами у частных владельцев (к 92 году только с помощью крестьянского банка, главным образом крестьянскими обществами и товариществами, и реже отдельными крестьянами было куплено у частных владельцев более 2¹/₂ миллиона десятин).

Итак, коллективные формы землевладения охватывают в России территорию, несомненно в несколько раз большую, чем площадь индивидуального владения, и при этом за пореформенную эпоху формы эти держались (по крайней мере формально) очень крепко, отнюдь не уступая или почти не уступая места личной собственности. Уже эти два обстоятельства даже с самой эмпирической точки зрения заставляют при исследовании современного положения земледельческого производства в России и вероятного развития его в будущем остановить первое и главное внимание на изучении этих коллективных форм землевладения. Интерес этих форм, помимо этого крупного значения их в жизни, усиленно привлекается также чрезвычайной их сложностью и своеобразностью, резко отличающей их от почти механически простого института индивидуальной собственности. К краткому анализу основных их элементов мы и перейдем теперь.

§ 2

Коллективная форма владения представляет много разновидностей, которые можно расположить в целый ряд переходных ступеней от чисто личного владения к чисто коллективному.

Под чисто личным владением я подразумеваю такое, в котором вес комплекса прав владения, распоряжения и пользования принадлежит без всяких ограничений (кроме, конечно, ограничений, неизбежно вытекаю-

¹ *Фортунатов А.* Сельскохозяйственная статистика. С. 71–72.

щих из современной социальной организации или имеющих целью именно наиболее полного осуществления самого этого личного права) отдельному индивидууму; а под чисто коллективным – такое, при котором все эти права в такой же мере принадлежат той или иной группе индивидуумов (или непосредственно им самим, или через посредство представляющих их лиц и учреждений) как целому.

Самым чистым видом коллективного владения представляется у нас государственное землевладение: государство (олицетворяемое самодержавной властью) ничем не ограничено в своем владении территорией, объявленной его собственностью. Оно может само непосредственно каким угодно образом пользоваться этой землей, может всячески распоряжаться ею – отчуждать ее, временно и навсегда, даром и за вознаграждение, всем ли членам государства, или сословиям, группам лиц, отдельным лицам.

И целью этого пользования и распоряжения принципиально (фактически возможны, конечно, отклонения) является благо всего государства как целого. Эту высшую форму коллективного владения, мне кажется, всего точнее было бы назвать общественным типом владения.

С противоположной стороны, на границе с чистым индивидуальным владением мы находим своеобразную форму, которую обыкновенно принято называть и я называю общим владением, – форму, а не коллективное владение, но имеющую также некоторые черты, несомненно отличающие ее от первого и представляющие переходные ступени к последнему.

Это владение – коллективное во внешнем смысле слова, то есть совместное владение нескольких лиц одним нераздельным объектом; вся общность владения тут только и заключается в этой нераздельности его объекта, а не субъекта; совладельцы не представляют никакого обладающего особыми правами целого, и целью владения является осуществление суммы прав отдельных совладельцев, а не прав и интересов этого целого.

Понятно огромное значение этого различия: раз целью владения являются интересы и благо группы индивидуумов как целого, то, во-первых, за каждым членом этой группы а priori предполагается равное право на объект владения и, во-вторых, так как благо целого практически обыкновенно отождествляется с благом большинства, то осуществление этого права каждого может колебаться и в известных случаях осуществляться у большинства полнее в ущерб правам меньшинства. При общем же владении это невозможно: права отдельных его совладельцев могут быть и почти всегда бывают неравными (равенство их обуславливается лишь случайным совпадением) и всегда остаются неизменными, так как никакое нарушение одних в пользу других невозможно и всякое распоряжение всем объектом владения сразу не может быть решено большинством, а может быть постановлено лишь единоглас-

но. – Спрашивается: в чем же тут можно найти (как я выше сказал) черты, переходные к коллективному типу владения?

Именно тем, что эта форма общего владения резко нецелесообразна и так жмет совладельцев своими противоречиями, – она и принуждает их в конце концов или разойтись со своими противоречивыми и непримиримыми желаниями и интересами, поделив между собой свой, общий объект владения, или, наоборот, слиться в одно целое, пожертвовав отдельными интересами общему, образовав единый субъект владения.

В России имеются две довольно распространенные, любопытные и типические формы общего владения: так называемое четвертное владение великорусских губерний и южное немецко-колониистское. Суть и того, и другого заключается в том, что каждая семья владеет не определенным отмежеванным в одно место участком, а известной долей все общей земли (размер которой определяется общим количеством потомков родоначальника и степенью родства данной семьи); эта доля отведена в нескольких местах каждого угодья (различных по качеству, расстоянию от усадеб и т. п.) и периодически между совладельцами может происходить пересадка, обмен участками (чтобы каждый попеременно владел то худшим, то лучшим участком).

Совершенно очевидно, в какой запутанности, к каким неудобствам ведет эта бесконечная чересполосица и мелкополосица, как она соединяет в себе все неудобства и личного, и общинного владения без их достоинств, как вынуждает она или к окончательному размежеванию в подворно-участковое владение, или к слитию в общинное владение. Подворный раздел, однако, слишком труден и неудобен (при нем невозможна уравнительность), – из-за чего ведь он и сразу не состоялся; переход же к общинному часто облегчается особыми условиями: тем, что выгон всегда уже у всех в общенераздельном пользовании, что у четвертных крестьян часто лес и луга в общинно-уравнительном владении и т. д. И вот, действительно, весьма значительная доля четвертных крестьян и немцев-колониистов перешла к общинному владению; переход этот впрочем, раньше (для четвертных особенно) вызывался влиянием правительственных мер, но есть случаи и самостоятельных переходов, и еще, например, в настоящее время у немцев Херсонской губернии идет такая агитация в пользу общины...

Этих беглых замечаний нам пока достаточно, чтобы указать на характер общего владения и на то, в какой степени и в каком смысле его можно поставить переходной ступенью от личного к коллективному владению. После этих замечаний и после того, что сказано об общественном владении, нам остается уже немного добавить для уяснения понятия общинного владения.

Как по своему законодательному определению, так и в своей обычно-правовой формулировке общинное владение занимает середину между

общественным, то есть чисто коллективным, и общим владением: оно представляет соединение элементов и коллективного, и индивидуального права. Как по закону, так и по обычному праву при общинном землевладении рядом с полным правом общины как целого (то есть всех ее членов или, точнее, практически того или иного большинства их) владеть, распоряжаться и пользоваться всей ее землей. Приобретать новые земли и вообще имущество и т. д. известные права владения предоставлены и каждому ее члену в отдельности.

Законом были установлены два таких существеннейших личных права распоряжения: во-первых, усадебная земля находится в наследственном владении отдельных хозяев, а, во-вторых, каждый отдельный хозяин может всегда выкупить в свою личную собственность тот участок, которым он в данный момент пользуется. Впрочем, в 1893 году последнее право ограничено согласием общины в лице $\frac{2}{3}$ ее членов; такое же верховное право общины, выражающееся не в праве непосредственного распоряжения, а в контроле и ограничении прав распоряжения отдельных членов, сложилось обыкновенно у самих общин и для личного права на усадебные земли. Однако все-таки и по обычаю право распоряжения в той или иной мере предоставлено отдельным членам общины; вряд ли найдется во всей России хоть одна община, где последние были бы вовсе и безусловно лишены этого права; оно только, самое большее, поставлено под строгий контроль общины.

Но мало того, что община как целое уделяет часть своего права распоряжения отдельным своим членам: она ограничена в этом праве и сверху законодательно-административными нормами.

Государственная власть осуществляет всевозможные меры по отношению к общинному владению – меры, проявляющие в отдельных случаях почти полное отрицание права самих общин. Так, например, земским начальникам по закону 1893 года о переделах общинных земель предоставлено отменять не только формально-незаконные приговоры о переделе, но также и те, которые они сочтут нерациональными (самый критерий для такой оценки переделов предоставлен всецело усмотрению отдельных земских начальников); таким путем верховное право распоряжения (ибо недопущение передела есть такое же распоряжение, как и приказание произвести его, и настолько же задевает интересы общины) как бы передоверено государством местной администрации. Уже из этого яркого факта, да и из множества других, совершенно очевидно, что государственная власть, несомненно, продолжает считать себя верховным распорядителем крестьянских земель, хотя и обратила их на выкуп в собственность общин. Это чрезвычайно важный факт, заставляющий считать возможным возвращение от об-

щинного владения к общественно-государственному; недавняя пересрочка выкупных платежей могла бы представить переходный шаг к обращению их в «оброчную подать» (чего проекты уже и появились в печати), а общинной «собственности» (все равно фиктивной) – в «бессрочное пользование». Если же такого шага не будет сделано и тем самым община будет признана окончательно собственником, то юридически необходимой представляется отмена всех прежних и новейших законоположений, так или иначе ограничивающих общину в том праве собственности, которое после раскрепощения крестьян должно бы быть у них, очевидно, также неприкосновенно, как и у других сословий...

Итак, сопоставляя общинное владение с общественным, мы находим его отличие от последнего в неполноте и неустойчивости общинного права распоряжения, вытекающих, с одной стороны (то есть в ограничении этого права отдельных членов общины), из самого существа современной формы или, лучше сказать, фазы общинного владения, с другой же – зависящих вероятно от непризнания за крестьянами некоторых гражданских прав вообще и права собственности в частности.

Затем, самими размерами общественно-государственного и общинно-крестьянского владения обуславливается еще та разница между ними, что первое проявляется исключительно в распоряжении, второе же часто выражается и в пользовании землей (всегда по отношению к выгону и иногда по отношению к другим земельным угодьям или другим предприятиям).

Однако если мы теперь отграничим общинное землевладение с другой стороны – от общего владения, то нам очевидно станет, что элемент коллективный далеко перевешивает в нем личный.

Как уже было упомянуто, при общинном владении мы имеем дело не с суммой личных прав, как при общем владении, а с одним общим правом – правом всех членов общины на землю. При общем владении право каждого совладельца точно определено наследственно его положением в роде: эта его доля не равна долям других и неизменна во времени. При общинном же владении ничье право в отдельности ничем не определено, поэтому оно может быть только равным правом всех семей совладельцев на землю в каждый данный момент, то есть, значит, доля каждого должна изменяться по мере изменения размеров отдельных семей и отношения между количеством земли и ее владельцев (обусловленного или механическим и физическим движением населения, или увеличением либо уменьшением площади владения).

Короче говоря, общее владение остается неизменно долевым-неравномерным, а общинное является (по принципу своему) подвижным и пропорционально-уравнительным; при общем владении коллективного пра-

ва распоряжения, перераспределения земли между членами-совладельцами нет, а в общинном оно составляет основную функцию.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, мы можем сказать, что русская крестьянская земельная община представляет институт, в котором в результате взаимодействия законодательства и обычая права владения разделились: община как целое (то есть фактически большинство ее членов) осуществляет право распоряжения (право пользования также всегда ей принадлежит, но сравнительно редко осуществляется); а каждому члену ее в отдельности принадлежит лишь право пользования (право распоряжения принадлежит ему лишь в отдельных случаях и лишь условно с санкции общины). Все разновидности общины подходят в общем под это определение, и их можно отличать одну от другой именно по степени согласованности с этим определением.

Сообразно с вышесказанным, мы можем практически разбить территорию коллективного владения на следующий ряд его разновидностей, различающихся как по историческому происхождению, так и по современным юридическим основаниям.

1. Земли казны и уделов (общегосударственные и специально принадлежащие царствующему дому) представляют высший и чистый вид общественного владения; крестьяне, поселенные на этих землях, не считаются их собственниками, а лишь бессрочно ими пользуются.

2. Земли казачьи и инородческих ведомств (киргизские, башкирские, бурятские и т. п.) также можно причислить к типу общественного владения, хотя в них есть уже черты общинного владения. А именно: казачьи войска и туземные народцы не обладают уже полным правом владения этими землями; верховное право собственности на них, очевидно, принадлежит государству и что верно не только для большинства казачьих территорий, отведенных казакам государством, но и для территорий донских и уральских казаков и инородцев, первоначально занятых ими самими, ибо оно не только санкционирует распоряжение этими землями местных казачьих и инородческих управлений и т. д., но и прямо распоряжается этими землями, предписывая, например, отвести из казачьих земель определенные пространства под запасные земли в наделе казачьим офицерам или даже вырезая из инородческих земель отдельные дачи для поселения русских крестьян-переселенцев и т.п. Но все-таки владение инородцев и казаков скорее общественное, чем общинное, во-первых, по размерам своим: под общественным владением нужно понимать, как общее правило, целые территории (или остатки их), а под общинным – отдельные земельные дачи; во-вторых же, оно общественное и по характеру осуществления владения: в понятии общинного владения необходимо подразумеваются участниками лица, как общее правило, сами

непосредственно утилизирующие объекты владения, а в такую общественную группу, как казачье войско или, например, киргизский народ, входят разные классы, в том числе и класс, не прилегающий к земле своего собственного труда, а располагающий уже для ее эксплуатации капиталом и чужой рабочей силой и представляющий фермент индивидуального владения. Наконец, такая группа, как казачье войско, представляет инстанцию, высшую над фактическими земельными общинами, в которые сложилось рабочее население.

Таким образом, в казачьем и инородческом землевладении получается целых три инстанции владельцев: 1) государство, 2) управление данного народа или войска и 3) сельская община (да еще иногда выселившиеся из нее и подчиненные ей хутора составляют четвертую инстанцию).

Понятно, таким образом, почему и в какой смысле я хотя еще отношу этот вид владения к типу общественного владения, но считаю его уже переходным к общинному.

3. Земли отдельных общин, как бывших помещичьих, так и бывших государственных и удельных крестьян, состоящих на выкупе, представляют основное ядро общинного землевладения. Как упомянуто, это владение еще имеет элементы общественного, – оно сильно сдавлено извне, но во всяком случае может в значительной степени функционировать внутри и в основных чертах несомненно способно к самоопределению и действительно самоопределяется.

4. Земли общин, уже окончивших выкуп или не знавших его, как, например, немецкие и другие колонисты, бывшие помещичьи крестьяне, освобожденные с дарственным наделом и т. п., – юридически должны бы представляться полноправно-общинными; в действительности они подчинены тому же законодательно-распорядительному воздействию, как и все вообще без исключения общины, каково бы ни было их историческое происхождение и современное юридическое положение. Однако полная собственность открывает большой простор личному началу и а priori именно в этих общинах нужно ожидать и искать борьбы личного права с общинным.

5. Земли, купленные самими крестьянскими общинами, подвержены все тому же регламенту. Выделяю их в особую группу потому, что на них все-таки всего ярче должна бы проявиться свободная инициатива обычного крестьянского права, свободного тут от всякой традиции и инерции (что еще есть в предыдущем случае).

Земли общего владения, не представляющие, впрочем, большой величины (их наберется у четвертных крестьян, немцев-колонистов, крестьянских товариществ, купивших землю с помощью крестьянского банка и т. п., – всего несколько миллионов десятин), я не отношу уже к категории

коллективного владения, как нельзя их, впрочем, отнести и к личному владению. Общее владение стоит как бы на распутье между общинным и личным владением. Если раньше это владение у четвертных крестьян и особенно у колонистов переходило в общинное, то возможно это и в будущем: форма может вызвать и соответствующее содержание (ибо, собственно, общее владение есть по форме тоже общинное, только без его содержания, без пропорционально-уравнительных переделов земли). Но надо заметить и то, что общинное владение в очень многих случаях лишилось этого своего содержания (переделов) и, значит, фактически пребывает уже общим, а не общинным владением. Куда идет процесс трансформации этих видов владения – к обобществлению или к индивидуализации, – к этому вопросу мы обратимся в своем месте.

Пока же перейдем к количественному определению общинного землевладения.

§ 3

Выше мы приблизительно определили размеры общинной территории, теперь мы подсчитываем вкратце количество общинного населения.

По приблизительным сведениям, основанным на данных, сообщаемых во всеподданнейших отчетах губернаторов (составленных на основании полицейских сведений), в 50 губерниях Европейской России (с Донской областью, без 9 польских губерний и Кавказа) считалось к 1 января 1892 года всего крестьянского населения 67,6 миллиона. Из этого числа около 50 миллионов, то есть 74 процента, владели (по сведениям, собранным в 1877–1878 годах) своей землей на общинном праве. По переписи 1897 года в этих 50 губерниях оказалось сельского населения (всяких сословий, а не одного крестьянского) 82,3 миллиона; если вспомнить, что в городах живет временно очень много крестьян, и принять, что в деревне живет лиц некрестьянского сословия во всяком случае меньше, чем в городах, то можно, в соответствии с прежними приблизительными цифрами 1892 года и с обычным у нас приростом сельского населения, определить крестьянское население 50 губерний в настоящий момент не менее 75 и до 80 миллионов душ обоего пола; если $\frac{3}{4}$ из первой цифры счесть общинными владельцами, то последних получится в настоящий момент 56,25 миллиона. На Кавказе, в Средней Азии и в Сибири по последней переписи сосчитано 20,2 миллиона душ обоего пола сельского населения; если принять, что лишь меньшая половина этой цифры придется на русское крестьянское и казачье и на оседло-земледельческое инородческое население, владеющее землей общинно (к 1893 году только в Тобольской и Томской губерниях было более

2 миллионов одного русского крестьянского населения); одно же казачье (кроме крестьянского) население всех казачьих войск (кроме Донского и Оренбургского, сосчитанных выше) составляло к 1892–1894 годам тоже до 1,7 миллиона душ обоего пола, то мы должны будем определить все земледельческое население России, владеющее землей на общинном праве, не менее чем в 65 миллионов душ обоего пола. Но необходимо прибавить, что и инородческое население Кавказа, Средней Азии и Сибири, как оседлое, так и кочевое, и полукочевое (и быстро переходящее к оседлости) тоже в большинстве держится не личной собственности, а различных видов общего или общинного владения. Таким образом, необходимо считать минимум 70 миллионов душ, а быть может и до 75 или даже более миллионов душ населения, над которыми непосредственно висит вопрос: быть или не быть общине? Не только общинная (и вообще коллективного владения) территория в значительной степени господствует в России, но и общинными владельцами здесь является большая половина, – вероятно, не менее $\frac{3}{5}$ ее населения (если опять не считать Финляндии и 9 польских привислинских губерний)...

Как распределено общинное землевладение в разных полосах Европейской России? Г-ном Южаковым составлена интересная таблица, дающая ответ на вопрос о сравнительном проценте территории общинного землевладения по отношению ко всему крестьянскому. Процент этот таков:

1) Восточная степь	98,4	8) Слободская Украина	80,4
2) Крайний Север	98,0	9) Бессарабия	77,0
3) Великор. Зап. (густо нас.)	97,1	10) Белоруссия	39,0
4) –”– (мало нас.)	96,5	11) Левобережная Украина	33,0
5) Великороссия	95,8	12) Правобережная –”–	13,9
6) Пермский край	93,0	13) Литва	0,0
7) Новороссия	88,9	14) Балтийский край	0,0

Как видим, здесь обнаруживается большая правильность в распространении общинного владения: оно растет с запада на восток. В первых 6 группах, представляющих восточную и северную окраину и центр России, оно составляет минимум 93% крестьянского землевладения и до 98,4%; в Южной России (следующие 3 группы) этот процент уже понижается и колеблется от 77 до 88,9%; дальше на запад (группы 10, 11, 12) он уже представляет мало заметную величину, от 13,9% до 39,0%, и, наконец, в Литве и Прибалтийских губерниях совершенно исчезает.

Ту же правильность мы отметим, если проследим не процент общинной территории, а процент общинного населения. Тут получатся следующие цифры. К 1892 году считалось:

Название групп	Крестьянско-го населения вообще, в тысячах	Из него владеющих землей на общинном праве	% последних к первому числу
1. Юго-восточн. степь 5 губ.	7,161,3	6,932,2	96,8%
Северо-восточных 5 губ.	9,816,5	9,438,4	96,2%
Северных 3 губ.	1,759,1	1,669,2	94,4%
Северо-западных 3 губ.	2,499,1	2,429,2	97,3%
Промышл. районов 6 губ.	6,856,8	6,630,5	96,6%
2. Великороссия чернозем. 8 губ.	14,034,4	12,595,6	89,6%
Южная степь 4 губ.	5,156,2	4,471,5	86,7%
3. Юго-западные все малор. 7 губ.	12,582,3	4,529,9	36,0%
Западн. (нерусск.) 6 губ.	5,961,3	1,384,8	23,2%
4. Прибалтийские 3 губ.	1,755,2	—	0%
И Т О Г О :			
1. 22 восточных и северных губерн. с промышлен. полосой	28,092,8	27,099,5	96,5%
2. Великорусск. и Южная степь 12 губерн.	19,190,6	17,067,1	89,0%
3. Западные и юго-западн. 13 губерн.	18,543,6	5,914,7	31,9%
4. Прибалтийск. 3 губерн.	1,755,2	0	0%

Как видим, в восточной и северной полосе России общинное землевладение господствует почти без исключений (личных владельцев здесь всего 3,3%), в Великороссии и на Юге личное владение встречается уже заметнее; в юго-западных и западных губерниях общинное пользование в среднем составляет уже всего $\frac{1}{3}$ и постепенно сходит на нет.

Само собой разумеется, что такое распространение общины обуславливается историей этих областей России: община не сложилась или разложилась в бывших польских и прибалтийских областях. Эти исторические условия отразились не только на форме, но и на размерах крестьянского землевладе-

ния, а также на характере личного землевладения. Это прекрасно видно из следующей таблицы г. Южакова:

Название районов	% личного владения	Средняя величина имения	% крупн. землевладения	% народного владения	% общинного владения	Размер средних наделов
I. Восточная полоса 37 губ.	41,3	171	68,1	58,7	92,5	5,4
а) типическая 27 губ.	36,4	168	70,1	63,6	95,6	5,5
б) переходная 10 губ.	55,6	176	66,2	44,4	79,5	4,9
II. Западная 12 губ.	60,1	308	75,8	39,9	16,9	4,0
Средняя:	45,0	193	70,6	55,0	81,7	5,1

Как видим, в России с запада на восток уменьшается: процент личного владения, средняя величина личных имений и процент в нем крупного землевладения, и увеличивается: процент народного (то есть, лучше сказать, трудового, рабочего) владения, процент в нем общинного и размер наделов. Если бы продолжить сравнение еще дальше на восток в Сибирь, то правильность эта еще раз подтвердилась бы и еще ярче выразилась бы в Сибири: процент личного владения представляет почти незаметную величину (не более нескольких процентов), народное землевладение охватывает почти всю территорию, затем, оно тут почти все без исключения – общинное, и размер надела раза в 2–3 и более превосходит максимальный надел Европейской России.

Такая правильность в пространственном распределении крестьянского общинного землевладения заставляет искать тут не только объяснения прошлой истории общинной формы, но и условий современной ее трансформации и, во всяком случае, уже а priori иметь эти совпадения в виду при построении классификации разновидностей общины. К последней задаче и перейдем теперь.

§ 4

Первый принцип классификации, какой всегда применим и должен быть прежде всего применен в какой угодно категории явлений (особенно когда нашей целью является исследование законов причинности), это – распределение их по степени проявления основного их признака. Таким образом, в нашем исследовании мы должны классифицировать все случаи

общинного владения по степени, так сказать, их общинности, то есть по относительному значению в них общинного начала.

Применяя этот критерий ко всевозможным случаям общинного владения, мы различим множество разновидностей общины от самых, так сказать, чистых, типичных, то есть таких, в которых общинное начало всецело господствует, а личное почти отсутствует, к которым можно применить сделанное выше определение без всяких оговорок, то есть где община всецело распоряжается и пользуется, а отдельные члены только пользуются, и до таких, где, напротив, в индивидуальное право входят не только пользование, но и все функции распоряжения отдельными участками общинной территории, а община нисколько не пользуется и не распоряжается, так что и самое ее право владения, быть может, остается лишь в официальных документах, но совершенно или почти отсутствует в сознании самих членов общины.

Таким образом, при первом приложении нашего мерил общинности мы различаем два основных класса общин: 1) такие, где общинное начало резко перевешивает личное, то есть которые вполне оправдывают свое название и 2) где личное начало борется с общинным и в большей или меньшей степени подавляет его. Конечно, целый ряд переходных разновидностей лежит между этими крайними точками.

Однако при дальнейшем, более конкретном и тщательном изучении форм второго класса и особенно форм, промежуточных между этими двумя классами, эта первоначальная элементарная классификация оказывается недостаточной. Во множестве случаев невозможно бывает найти место той или иной переходной форме: простым ведь арифметическим суммированием прав общинных и индивидуальных и выведением баланса между ними невозможно определить относительное их значение и найти господствующий в данной форме мотив, невозможно, как по неизмеримости и несоизмеримости этих величин, так еще и потому, что и личные, и общинные права не остаются в неподвижном состоянии, а изменяются в ту или другую сторону – или растут, или сокращаются, или принимают новую форму и т. д. Понятно, что с одним статическим принципом классификации при таких условиях нельзя уловить значения формы, потому что это значение определяется не только данной сложившейся в ней комбинацией личного и общинного элемента, но также и тем направлением, в каком эта комбинация изменяется, самой, так сказать, тенденцией формы. Очевидно, что определить, в какую сторону, к какой форме ближе, куда, так сказать, тянет данное противоречиво-неопределенное соотношение правовых элементов, можно только, установив, куда оно на самом деле тянет, то есть какой из этих элементов уступает и какой побеждает; иначе говоря, уже самая эмпирическая классификация, чтобы быть точной, обязательно требует приложения динамического критерия рядом со статическим.

Приложив же его, мы сразу находим, что второй класс общин, где общинное начало в той или иной мере подавлено личным, состоит из случаев двоякого рода, имеющих как раз противоположное значение: в одной категории личное право не только в данный момент побеждает общинное, но, кроме того, это есть результат постепенного развития его за счет общинного, и имеются признаки, что дальше (при неизменности вызвавших его условий) оно еще более подавит общинное начало; в других случаях, наоборот, констатируется как убывание личного права и развитие общинного в прошлом, так и тенденция к тому же в настоящем и будущем. Короче говоря, случаи слабого проявления общинного права иногда означают, что община уже разлагается, иногда же – что она еще не сложилась. Таким образом, у нас сама собой получается чисто динамическая классификация общинных форм; мы находим три основных формы, точнее фазы, общины: 1) община слагающаяся, 2) действующая, 3) разлагающаяся.

Этим принципом классификации определяется, конечно, всецело все последующее изложение – и форма, и содержание описания общины: описание это не представит только перечисления разных форм общины, а главным образом даст изображение ее трансформации. Дело очевидное, что это возможно будет сделать, лишь сразу же связывая эти процессы видоизменения общинных форм с условиями, их вызывающими (хотя, как уже было упомянуто, эта обрисовка причинных зависимостей вообще отлагается до второго тома и здесь будет допущена лишь в форме краткой и априорно-глазомерной). Это необходимо как для уяснения смысла и значения самых этих форм и этой трансформации, так и для последующего исследования ее законов. И это тем более удобно, что наиболее основное и постоянное условие открывается само собой, обнаруживается в некоторых случаях глазомерно и, что всего важнее, неотделимо соединено с объектом нашего анализа: я говорю о зависимости исследуемой нами формы землевладения от самых размеров этого землевладения.

Выше было уже подчеркнуто характерное распространение общинной формы с запада на восток. Такое же совпадение существует и для намеченных выше фазисов общины: если провести линию от Восточной Сибири до западных губерний Европейской России, то она в общем последовательно пройдет от общины слагающейся к общине сложившейся и затем разлагающейся, то есть как бы получается такая картина, что на западе России община уже в прошлом, в центре – в настоящем и на востоке – в будущем. Географическое расположение общинных форм совпадает с историческим.

Спрашивается: каким же именно из условий этих районов определяется эта разница? Историческо-политические условия приблизительно одинаковы в разных районах, и очень часто при одинаковости этих условий наблюдаются совершенно противоположные общинные формы; такие различия, как

национальные и т. п., также не совпадают с разными общинными формами: у разных национальностей сплошь и рядом встречаются буквально одинаковые формы, и наоборот, и т. д. Всего постоянно сосуществуют разные общинные формы с разными размерами крестьянского землевладения. Разные величины землевладения географически распределены с востока на запад с той же правильностью, как формы и общины. Выше мы уже видели это совпадение их с процентом общинного землевладения; теперь прибавлю еще несколько цифр, рисующих это правильное возрастание размеров крестьянского землевладения с запада на восток.

Если разделить 50 губерний (с Донской областью) Европейской России на 4 части при помощи параллели и меридиана Москвы, то в юго-западной четверти будет приходится по 7,9 десятины всей (с неудобной) наделной земли на 1 крестьянский двор (причем в губерниях Черниговской, Киевской, Полтавской и Подольской даже менее 6 десятин), в северо-западной – 14,2 десятины, в северо-восточной – 13,6 десятины и в юго-восточной – 18,1 десятины на двор; затем, в 6 юго-западных округах Тобольской губернии приходилось, круглым счетом, от 28 до 35 десятин удобной земли на 1 двор, в 2 округах Томской губернии, одном Тобольской и двух – Иркутской – от 65 до 77 десятин. Наконец, в Каинском округе Томской губернии – около 115 десятин и в Нижнеудинском округе до 150 десятин на 1 двор¹.

Таким образом, черта, идущая из Восточной Сибири к западным губерниям Европейской России, проходящая от зарождающихся общинных форм через зрелые формы к упадающим, отметит в то же время убывание размеров крестьянского землевладения, то есть получатся правильные смены трех периодов крестьянского землевладения: многоземельного-общинного, среднеземельного-общинного и малоземельного-послеобщинного. Совпадения эти повторяются не только в грубом и общем виде на больших районах, они отмечаются в пределах губерний и уездов, так что можно даже, как общее правило, сказать, что выше таких-то размеров землевладения не наблюдается разложения общины, а ниже таких-то не наблюдается зарождения общины. Наконец, априорно-логический анализ и глазомерное наблюдение одинаково заставляют принять, что в этих совпадениях проявляется причинная связь, что именно обилие земли первоначально обуславливается преобладанием личного земельного права и затем сокращение размеров землевладения вызывает развитие общинного права; правда, последующее затем допущение, что известная степень малоземелья, наоборот, начинает разрушать общинное начало, далеко не так понятно и общепризнано и для многих будет звучать парадоксом, однако и оно подтверждается как многими априорными соображениями, так и отзывами некоторых

¹ См. цитир. кн. А. Ф. Фортунатова и «Материалы» исследования Западной и Восточной Сибири.

выдающихся местных исследователей и самих крестьян и даже, наконец, некоторыми статистическими данными, о которых ниже.

Таким образом, окончательно определяется план нашего описательно-классификационного очерка общины: мы проследим в нем трансформацию крестьянского общинного землевладения по мере сокращения его размеров.

Такая постановка вопроса имеет особенное значение, потому что указанное сокращение размеров крестьянского землевладения не есть явление случайное или колеблющееся, оно неизбежно будет развиваться и в ближайшем по крайней мере будущем, так как обусловливается физическим возрастанием населения, которое, очевидно, в ближайшем будущем не может ни само остановиться, ни быть остановлено преднамеренно самим населением. Таким образом, это возрастание населения, сокращающее размеры его землевладения, как вообще является наиболее постоянной последней причиной множества социальных явлений и изменений, так в частности и в нашем случае представляет нить, за которую постоянно нужно держаться, пробираясь в лабиринте сложных и противоречивых влияний, определяющих настоящее и преопределяющих будущее общины...

ГЛАВА II

§ 1

Начнем наш очерк общинных форм с периода наименьшей населенности, то есть наибольшего земельного простора.

С самого начала Руси как культурно-политического целого и по настоящее время она, сначала с севера, востока и юга, а теперь преимущественно только с севера и востока и лишь отчасти с юга, окружена, употребляя старинное выражение, «диким полем» – пространством, свободным от всякой культуры, или вовсе не заселенным, или заселенным лишь крайне слабо и притом исключительно дикими кочевыми инородческими племенами. Как уже было упомянуто, все это «дикое поле» считается собственностью государства, но фактически не находится в его распоряжении (оно или вовсе не измерено, или измерено лишь приблизительно, а частью хотя и точно отмежевано, но фактически продолжает быть открытым для свободного захвата всяким желающим); для крестьян эти пространства являются землей «царской», «Божьей», «ничьей», причем эти три понятия представляются им почти синонимами¹.

Естественно, что в этом крайнем земельном приволье население в значительной мере является охотничьим и скотоводческим и лишь мало-помалу,

¹ Что именно таков взгляд крестьян, этого не нужно подтверждать особыми ссылками на те или другие наблюдения или исследования: все без исключения (известные мне) наблюдатели и исследователи согласны в том, что именно этот взгляд твердо укоренился у всех крестьян этих местностей.

сгущаясь, переносил центр тяжести своего произвольного труда в земледелие. В этот период, благодаря сказанным условиям, происходит усиленное механическое движение населения. Значительная его часть, более охотничья и скотоводческая, хронически уходит из мест, где население сгущается и разбредается в поисках за необходимым для его промыслов привольем. Значительный процент семей, занимающихся как главным промыслом земледелием, тоже следует за ними: это семьи, сильно-рабочие и богатые, имеющие силу разыскивать и разрабатывать свежие земли; есть даже (в Сибири, например) особый тип «бродячих», «кочевых», так сказать, земледельцев, периодически переселяющихся, взяв первые урожаи, с новых опять на новые земли и продельвающих это по 2–3 раза в свой век.

Этот период, период в буквальном и переносном смысле «брожения» населения перед тем, как оно окончательно осядет на землю, очень важен. В нем предопределяется тип земледелия и землевладения. Во-первых, уже в этот период определяется, будет ли землевладение общинным: если бы заселение шло постоянно хуторами, а деревни образовывались бы лишь как исключение, то этим уже почти предопределено было бы в будущем подворное, а не общинное владение; но и затем, при расселении деревнями, открывающем возможность общинного владения, важен тип и размер этих поселений, так как он в будущем может иметь решающее значение для дальнейших изменений в системе земледелия и формах землевладения.

Различные природные условия предопределяли в России и различные типы этого размножения-деления деревень. Сплошные леса, малоплодородная и разнокачественная почва, обилие воды допускают и требуют деления на самые мелкие деревни-починки и даже расселения отдельными семьями – хуторами: семья должна выбрать более удобный для земледелия и с хорошим лугом для скота участок, употребить на сруб леса, корчевание его, распашку и т. д. огромное количество труда, должна потом удобрять его – очевидно, что она должна быть как можно ближе к участку, что всегда и допускается обилием леса (как материала для избы и потом топки) и воды, и раз заняв его, уже не склонна его бросать. В безводной же и безлесной степи с хорошей ровной почвой нет причин лепиться к участку, во-первых, за ненужностью сначала удобрения, во-вторых, потому что участок скоро бросается под залежь, а все гонятся за целиной, не требующей тут особого труда для распашки; таким образом, тут все, стараясь быть ближе к воде, постепенно группируются вдоль рек и прудов крупными селами (впрочем, здесь, в южной и восточной степи, раньше была еще и политическая причина скупиваться большими селами: боязнь кочевых народов, часто делавших набеги). Так именно и определилось расселение в этих различных районах, так оно идет и сейчас: на севере в лесах преобладают

мелкие деревеньки, например в Орловском уезде Вятской губернии приходится в среднем 12 дворов на деревню, в Оханском уезде Пермской губернии приходится 14 дворов на деревню и всех деревень считается 3,617, из коих в 2,292 деревни живет от 1–10, а в среднем 5 дворов и т. д.; в центральной России селения имеют различные, а в общем средние размеры; в губерниях же восточных и южных – Воронежской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Таврической (а также в Донской и Кубанской областях) и т. д. – во многих уездах средний размер селения равен 200–250 дворам и почти никогда не ниже 100–150 дворов¹.

Необходимо, однако, заметить, что, благодаря ли условиям историческим и бытовым, например, опасности от диких инородцев или «лихих» людей (как, например, теперь от ссыльных в Сибири) и т. п., или естественным (трудности, например, устроить дороги, долгому бездорожью осенью и весной и т. д.), но только в России совершенно почти нигде в мало-мальски заметных размерах не установилось окончательной формой расселение семейно-хуторское. В России хутора, или по-сибирски «заимки», почти никогда не остаются хуторами или «заимками»: они, как общее правило, приобретают значение «починков», то есть представляют начало, зародыш хотя бы и небольшой, но деревни. При этом и размер самых деревень в общем сравнительно велик даже и во многих лесистых местностях: вся почти сибирская «тайга», например, отнюдь не представляет царства мелких починков, напротив, они, как общее правило, постепенно разрастаются в деревни среднего или очень часто даже крупного размера.

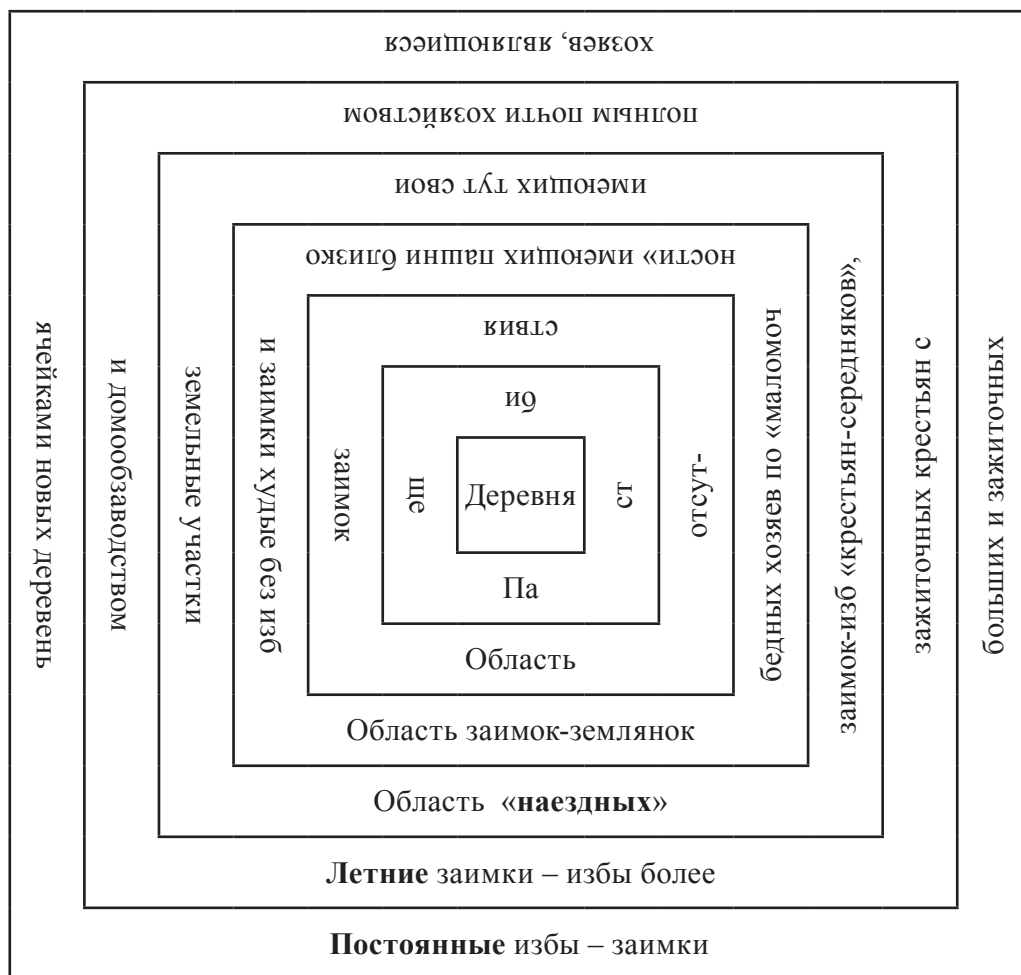
Не надо думать, что такое преобладание крупных деревень даже в лесистых местностях представляет явление случайное или непрочное по той причине, что противоречит экономическим условиям, то есть слишком отдаляет земледельца от пашни: противоречия этого тут нет или оно сводится к минимуму благодаря тому, что рядом с жилыми «заимками» образуется всегда целая система хозяйственных заимок отдельных семей на далеких от деревни полях, где сосредоточиваются земледельческие работы, причем эти «заимки» часто кочуют с одного места на другое по мере того, как хозяин захватывает новые участки пашни. Эта особенно типичная для Сибири заимочная система хорошо выражена в следующей схеме, начерченной г. Е. Филимоновым (известным земским статистиком и участником сибирско-статистического исследования).

Поясню этот чертеж: «наездные» заимки – это такие, где нет полного хозяйственного обзаводства (хлебов для скота и т. п.), куда выезжают на не-

¹ См. «Материалы по оценке земель Пермской губернии», т. I. Оханский уезд, Пермь, 98 г. 386 с. отдельн. таблиц и «Сводный статистический сборник по земским подворным переписям»; т. I, Москва, 1893 года, Н.А. Благовещенского.

делю или на две для необходимых на заимочной пашне работ; на «летней» заимке уже есть почти все обзаводство, только она иногда холодна для зимы, да и нечего делать на ней зимой; а на постоянную заимку уже выезжают жить совсем, все хозяйство на нее переносится. Возле такой постоянной заимки появляется другая, когда семья на ней размножится и разделится или когда новая к ней приселится, и таким-то путем возникает из заимки поселок, а из поселка – деревня, которая снова распускает из себя заимки, из которых иные опять могут разрастись в деревни, и так далее.

Таким образом, эта деревенско-заимочная система расселения обязательно возникает из данных естественных условий и не противоречит экономическим условиям, представляя едва ли не наиболее целесообразную форму при данных системах (обыкновенно экстенсивных) земледелия.

Естественно поэтому, что совершенно та же картина «заимочного» землевладения и земледелия представляется и представлялась и во всех окраинных местностях Европейской России в тот период многоземелья, который теперь переживает Сибирь.

Так, например, в Суражском уезде Черниговской губернии, по описанию того же г. Филимонова, еще в начале нынешнего века всякий крестьянин имел два участка земли – один близ поселения, другой в лесах... «Отправляясь для разработки последних, хозяин с работниками забирал с собой весь скот, который имел там обильную паству; многие имели вторые свои гумна, скотские сараи и пасеки, а по лесу рассеянные бортовые деревья». Таким образом, «заимки» производились обыкновенно концентрически: сначала расчищалась ближайшая к населению местность, потом более отдаленная и т. д. В этих «вытеребах», «займищах», «распрятах», «чищах», «разработках», «разробах», «лядцах», «шматках» и т. д. хозяйство велось совершенно самостоятельно каждым по любой произвольной системе, каждое (?) отделялось изгородью»¹.

Таким образом, тому же г. Филимонову пришлось обрисовать современную заимочную систему в Томской губернии совершенно почти теми же чертами, как и в Черниговской губернии 80–90 лет назад.

С теми или иными незначительными вариациями эта схема верна и для огромного большинства всех вообще случаев расселения, какие только мы наблюдаем в настоящее время или о которых сохранились написания или воспоминания, – одинаково как в Сибири, так и на северных, восточных, южных окраинах Европейской России. Так что, собственно говоря, мы находим заимочную форму расселения (и пользования землей) всюду, где сохранился до сих пор соответствующий ей земельный простор или где только дошли до нас какие-либо сведения о периоде такого простора. Поэтому мы должны принять, что за исключением тех случаев, когда земля отводилась кому-либо особо государством, или когда захватывалась лицами, располагавшими чужой рабочей силой (помещиками), или, наконец, занималась крупными общинными союзами (как, например, казаками – запорожскими, донскими, уральскими), за исключением этих случаев регулируемого расселения, – все, так сказать, самовольно-народное расселение всегда и всюду происходит и происходило в России по вышеобрисованному типу: «заимка – починок – деревня – заимка» и т. д.

§ 2

а) В очерченном процессе расселения должны, очевидно, устанавливать-ся между этими деревнями, починками и заимками такие или иные земель-

¹ См. «Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделением при Губернской земской управе», т. IX, Суражский уезд. «Подворная опись», статья Е.С. Филимонова «Формы землевладения в Суражском уезде», с. 13 и 14.

ные границы. Совершенно очевидно, что этот процесс развития границ или представляет фактическое, эмпирическое, так сказать, выражение сложения и эволюции самых форм землевладения, или, по крайней мере, является непосредственным условием этой эволюции (иногда же, если угодно, может быть рассматриваем, наоборот, как следствие ее). Таким образом, определив схему этого развития границ, мы этим самым частью наметим и процесс образования форм землевладения в период наименьшей населенности.

Между заимками, наиболее отдаленными от селений и совершенно отделенными друг от друга значительным расстоянием, границы настолько же не нужны, – да и невозможны, – как между, например, островами на море. И их нет.

Если происходит в этот период формальное, юридическое, правительственное межевание, как это случалось в Сибири, например, – то оно почти не влияет на фактическое развитие границ¹; это развитие вообще только в последнее время испытывает сильное влияние правительственного размежевания, раньше же последнее шло обыкновенно позади фактического и в общем лишь подтверждало его. Таким образом, в этот период наименьшей населенности в местностях, граничащих с «диким полем», землевладение носит «не столько юридический, сколько фактический характер» (так характеризует его г. Харизоменов для Новороссии за несколько десятилетий тому назад); в этот период «крестьяне не столько владели землями на определенных площадях и в определенных границах», сколько просто «работали промежду себя» (выражение г. Плотникова)².

Поэтому этот период крестьянского землевладения на наинизшей ступени населенности всего точнее будет назвать периодом отсутствия границ.

При отсутствии границ какая форма землевладения может установиться: личная (семейная) или общинная?

Очевидно, только такая, какая установилась форма земледельческого производства: где каждая семья обрабатывает землю отдельно для себя одной, там, значит, при отсутствии всяких границ, и только, где ее обрабатывают группами семей, общинами, там и владение ею – общинное. В громадном большинстве случаев встречается, конечно, первое и только как редкое исключение – второе³.

¹ Надо, впрочем, заметить, что в последнее время с усилением переселенческого движения в Сибирь очень ускорилось и правительственное межевание, так что теперь уже это межевание играет гораздо большую роль, чем раньше, и самостоятельное развитие границ среди крестьянских общин стало или становится теперь скорее исключением, а не правилом. О прошлой истории государственного межевания в Сибири см. А.А. Кауфмана «Крест. землепол. и хозяйство в Тобольской и Томской губ.», с. 11–30 и «Община в Сибири», с. 1–12 и частью 12–44.

² См. «Сборн. статист. свед. по Семеновскому у. Нижегород. губ.», статья об общине.

³ Так, например, мордовские общины Барановской волости Хвалынского уезда обратились к регулированию землепользования (переделу), потому что с самого начала поселения расчистка дре-

Все эти «заимки», все эти семьи, рассыпавшиеся по «дикому полю», забравшиеся в глушь «тайги», являются своего рода Робинзонами на необитаемых клочках земли. Как они должны относиться к возделываемым ими землям и вообще к окружающим их полям и лесам? При полном отсутствии людей вокруг них каждая такая семья считает эти земли своими; каждый заимщик скажет, указав широким и неопределенным жестом на окрестности его заимки: «это моя земля». И он прав: земля была ничьей, следовательно, ее может захватывать всякий, но когда ее кто-нибудь захватил, то у захватившего ее никто не может взять, ибо никто не может доказать, что он имел на ничью землю права большие, чем тот, кто ее первый захватил. Короче, никто не может оспаривать право на землю первого ее захватившего. На этом праве первого захвата (которое я ниже анализирую подробнее) и основано личное семейное землевладение в период наименьшей населенности, в период отсутствия границ.

в) Но по мере того как население увеличивается, заимки расстаются, рассыпаются и местами сгущаются, превращаясь в новые селения, отдельные семьи начинают встречаться в своих захватах новых земельных участков, начинают, значит, возникать споры из-за земли, и, следовательно, является необходимость в таких или иных границах в общеусловном, приблизительно-фактическом или даже точном юридическом разграничении. Этот-то момент появления первых границ и был особенно важен в истории крестьянского землевладения окраинных местностей: в этот момент до известной степени предрешались будущие его (землевладения) формы.

Суть вопроса была тут в том, свершится ли первое размежевание между отдельными семьями, фактически уже владевшими землей лично, или между такими или иными группами их: в первом случае сразу установилось бы семейное владение, во втором открылась бы возможность и даже сделан был бы первый шаг к образованию землевладения общинного.

Почти всюду, как в северной, восточной и южной окраинах Европейской России, так и во всей Сибири, эти границы сложились первоначально не между семьями, а между группами семей. Главнейшими, если не единственными причинами этого были два настолько же важных, насколько простых обстоятельства: во-первых, выше схематизированное размещение населения главным образом в деревнях и, во-вторых, характер земледельческого хозяйства, всюду крайне экстенсивного при этой степени населенности.

Первым было обусловлено то, что весьма часто споры и столкновения при захватах новых участков между семьями разных селений сводились и

мучих лесов под пашню, стоившая громадных усилий, производилась не отдельными хозяевами, а всем обществом, в силу чего лесные чащобы делились тотчас же на все души. Такие же случаи артельно-общинной расчистки земли разных угодий сообщаются для Вятской губернии (Орловского уезда) г. Добротворским (см. его статью «Поземельная община Орловского уезда Вятской губернии» // «Русская мысль» 1884 г. 9 кн.) и некоторыми другими.

превращались в споры между этими селениями: когда такие столкновения случались уже несколько раз, причем из каждого селения несколько семей сталкивались с несколькими же семьями другого селения, то, конечно, группа семей каждого селения поддерживалась своими родственниками и вообще некоторыми или всеми однодеревенцами и таким образом, мало-помалу, частное размежевание между одной или несколькими семьями разных селений превращалось в общее размежевание (принципиальное лишь и условное или подробно-фактическое) между этими селениями (с тяготеющими к каждому группами заимок).

Но этого перехода семейного размежевания в деревенское могло бы и не быть, если бы не самый характер пользования землей, обусловливавший необходимость размежевания не отдельных захваченных и возделанных уже участков земли, а целых районов захвата; для полускотоподов, для полубродячих земледельцев важно закрепить за собой не тот возделанный участок, который уже отчасти выпахан и скоро, может быть, будет брошен, а целый район, простор для выбора новых, свежих угодьев. Очевидно, насколько мудрено было бы размежевать ничью, не занятую землю на районы захвата отдельных семей: проводить столько границ и на таких громадных пространствах было бы прямо немыслимо, да и немыслимо было бы нарезать постоянные участки какой-либо семье, тогда как семьи эти беспрерывно то убывают, то прибывают, одни быстро растут, вырастают в целые деревни, другие бесследно рассеиваются. Ясно, что при таких условиях размежевание районов захвата не могло произойти между отдельными семьями, а необходимо должно было совершиться между теми или иными группами семей.

Необходимо еще к сказанному прибавить, что часто могла иметь место и третья причина: воздействие со стороны государства, которому во всех отношениях выгоднее было отмежевать надел селениям и даже группам селений (где они были мелки), а не отдельным семьям (хотя были случаи, когда, наоборот, общинная, по сознанию крестьян, земля отмежевывалась администрацией отдельным крестьянам); но, как уже упомянуто, такое воздействие государственного межевания обыкновенно могло иметь лишь второстепенное значение, так как по большей части оно лишь подтверждало уже фактически наметившееся, под влиянием вышеуказанных факторов, разграничение между селениями.

с) Спрашивается теперь: между какими же именно группами семей впервые возникают и развиваются земельные границы?

В появлении и развитии границ можно различать два основных типа: границы появляются или вокруг известных групп людей, или вокруг известных участков земли.

В первом случае заимке, селению, просто группе селений или группе селений, составляющей сельское общество или волость, отходит вся лежащая окрест данной поселенной единицы земля со всеми к ней относящимися угодьями. Во втором же случае не все угодья группируются вокруг данных селений, а, напротив, селения группируются вокруг данных отдельных угодий; данный, например, участок сенокоса спланирует в общем им пользование селения а, b и с, а два, скажем, участка пахотных земель группируют вокруг себя: один – селения а, с, k и f, а другой – селения b, d, h, x и z; выгонами же пользуются а-с-z, b-с-x, k-с-e, f-с-d-g-h и т. д. Таким образом, в первом случае мы имеем владения заимочные, то есть семейные, общины-селения, общины из групп селений, сельско-общественные (то есть совпадающие с административной единицей, селом-обществом), волостные и, наконец, «юридические», то есть выходящие в одну земельную дачу по официальному межеванию. Во втором случае из селений, заимок и групп их образуются общины – пахотные, сенокосные, выгонные, лесные, причем не только одно и то же селение может входить в пахотную общину с одними селениями, в сенокосную – с другими и в выгонную с третьими, но даже две части данного селения могут составлять отдельные общины¹. Очевидно, что при первой форме владение и его границы сравнительно ясны и просты. Во втором же случае чересполосность, спутанность границ и независимость их от границ государственного межевания достигают крайней степени; например, в Иркутской губернии в одном случае 25 селений трех волостей составляют 5 официальных или «юридических» общин, а по отношению к владению пашнями они составляют 6 общин (в новой комбинации), по отношению к покосам – 17 общин, и, наконец, по отношению к выгонам – 8 общин и т. д.

Не существует данных о том, какое размежевание в Сибири более распространено – по населенным единицам или по угодьям. Есть местности, где преобладает первое: например, целых восемь южных волостей Туринского округа (Тобольской губернии) составляют каждая волостную земельную общину, то есть все селения каждой волости владеют совместно всей ее территорией. Но местности с таким точным размежеванием по волостям, несомненно, составляют незначительное меньшинство, вообще же, так как в Сибири очень много неудобных земель, а удобные, как пахотные, так и сенокосные, разбросаны островами, то общины тут очень часто должны группироваться вокруг отдельных угодий и по отношению к каждому роду

¹ Интересно отметить, что кроме этих общин по отношению к сельскохозяйственным угодьям есть особые сочетания групп семей и деревень в пользовании участками лесов и водных пространств, первыми как охотничьими, вторыми как рыболовными угодьями и как механическим двигателем и запасом для орошения, то есть особые охотничьи, рыболовные, мельничьи, поливные общины и т. д. О них будет сказано подробнее в IV главе.

угодий отдельно. В трех, например, исследованных округах Иркутской губернии преобладает размежевание по угодьям (по пахотным, сенокосным и т. д. общинам); в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах – 24 волости (о коих в данном отношении можно было из имеющихся материалов извлечь сведения), заключающих 94 юридических общины (то есть эти волости официально размежеваны на 94 земельные дачи), 137 сельских общин и 319 селений (не считая «заимок») разбиваются в разных комбинациях на 166 пахотных общин и 216 сенокосных общин (распределение по выгонам известно лишь по 270 селениям 85 юридических общин, составляющих 118 сельских обществ, а именно они группируются в 210 выгонных общин). По-видимому, этот же тип развития границ между общинами по угодьям преобладает и в Енисейской губернии. Такой же порядок найден г. Кауфманом и в некоторых волостях Туринского округа Тобольской губернии и в исследованных им волостях Томского и Мариинского округов Томской губернии.

Описанная форма группового размежевания, которую по внешнему ее виду можно бы назвать путаницей границ, а по цели и значению – производственным или экономическим разграничением, в противоположение административному (то есть волостной общине) и «юридическому» (дачам государственного межевания), эта форма, столь распространенная и едва ли не преобладающая в Сибири, до сих пор известна сравнительно гораздо меньше волостной общины, а между тем в некоторых отношениях представляет гораздо больший интерес¹.

Прежде всего при ней совершенно исключается обычное у идеализировавших общину авторов и повторяемое за ними некоторыми новейшими противниками общины воззрение на волостную общину как на первую и высшую ступень общинной организации, разложение которой на общины-селения представляется как бы первым актом разложения общинной формы вообще. Мы видели уже, что первая стадия вовсе не волостная община, а отсутствие границ; теперь же мы видим, что и на второй ступени очень часто,

¹ Насколько мне известно, первый вполне отчетливый очерк развития границ в Сибири сделал покойный Н.Е. Петропавловский (как беллетрист известный под именем Каронина) в статье «Схема истории сибирской общины» в «СПб. сборнике, приложении к “Восточному обозрению”», II кн. за 1886 год). Первый период Петропавловский так и характеризует: «тогда не было никаких границ»; вторым периодом он считает волостную общину; хаотическая форма путаницы границ слабо им отмечена кратким лишь упоминанием о том, что часто общее владение нескольких селений прекращается по отношению к одним угодьям и остается по отношению к другим; третьим периодом он ставит размежевание между отдельными селениями и к этому же времени относит параллельное размежевание между семьями, то есть начало передела лежащих близ деревни земель. Статья Петропавловского кратка и малофактична (да и не могла быть иной при отсутствии тогда каких бы то ни было статистических данных о Сибири), но, несмотря на это, очень отчетливо обрисовывает главные моменты рассматриваемого процесса. Небезынтересные очерки волостной и вообще сложных общин даны г. В. В. («Община», с. 535–551) и г. Карелиным («Общ. влад.», с. 219–229).

если не в большинстве случаев, волостная община не имеет места, так что она вовсе не является какой-то первой и необходимой ступенью общины.

Мало этого, не только по распространенности, но и по принципиальному значению мы вряд ли можем считать волостную общину наиболее типичной формой первого после отсутствия границ крестьянского размежевания: ведь в ней и самые границы, и форма даны извне административным делением населения и государственным межеванием земли (не всегда, но по большей части), так что самоопределение крестьянских общин тут сравнительно меньше могло проявляться. Производственный же или экономический тип размежевания всецело вытек из инициативы самих крестьян, и потому в нем наиболее чисто и ясно проявилось приспособление развития границ к условиям расселения (заимками – починками – селами) и земледельческого производства (крайне экстенсивного при неравномерности и разнокачественности различных угодий). Так что в тех случаях, когда государственное межевание уже провело несколько крупных межевых штрихов, дальнейшее фактическое развитие детальных границ у крестьян внутри этих схематических государственных границ обыкновенно принимает вид той же путаницы границ, группирования их вокруг угодий сообразно с производственными целями и потребностями...

Мы должны затем подчеркнуть полную неосновательность замечаемой у иных авторов идеализации фазиса «составных» (то есть состоящих из нескольких селений) общин.

Что касается волостной общины, то уже один тот факт, что возникает она извне, ставит под подозрение силу и целесообразность общинного в ней принципа. Нельзя, впрочем, конечно, отрицать, что очень часто волостные границы удачно сплачивают в одну общину заключающиеся в них селения и вырабатывают замечательно правильно и точно функционирующий уравнительно-распределительный механизм¹, но в очень многих случаях волостная община представляет лишь механическое объединение, порождает массу споров между входящими в ее состав селениями, стремящимися обособиться в отдельные общины, а затем и вообще на известной ступени сгущения населения она почти всегда (особенно в Сибири) становится крайне нецелесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватывает пространства в десятки верст совершенно разнокачественных угодий,

¹ См., например, в «Мат. по Зап. Сиб.», выпуск XIII, на странице 1–25 описание г. Кауфмана волостной общины в Туринском округе Тобольской губернии... Необходимо представить себе, какую сложную задачу представляет передел земель между отдельными селениями и семьями в волости, растягивавшейся иногда на 50–70 верст, как трудно достигнуть уравнительности на такой большой площади и при разнокачественности угодий, как строго выработаны все подробности переделов с выбором уполномоченных и так далее, чтобы понять, как высоко развит бывает иногда в волостной общине общинный элемент.

требующих огромного количества труда для периодического равномерно распределения, и поэтому разложение ее на общины-селения представляет шаг к развитию, а не к упадку общинной организации, так как в этом случае общинная форма, переставшая соответствовать уравнительному распределению, заменяется формой, более к тому приспособленной¹. Особенно во многих местностях Европейской России сохранившиеся остатки волостной общины представляют уже чисто и резко отрицательное явление; например, в Казанской губернии, где о ней особенно много писалось в земской статистике, во многих случаях крестьянские деревни ссорятся, дерутся, без конца судятся друг с другом из-за земель общего владения и тратят многие тысячи рублей на судбище и на размежевание, так что тут даже в земстве возбуждался вопрос о прекращении такого разорительного для крестьян порядка...²

Когда же мы на место этого, хотя и с таким трудом действующего или даже совсем останавливающегося, но все-таки уравнительного механизма волостной общины поставим ту беспорядочно вспыхивающую и затихающую земельную войну, которая определяет взаимные земельные отношения селений при вышеописанной путанице границ и в которой исход определяется вовсе не каким-нибудь постоянно действующим правом или вообще правилом, так как в этой междоусобной борьбе отдельных селений и заимок слишком часто побеждают сила и случай, то переход от такого хаотического состояния к владению отдельных селений уже во всяком случае нужно считать шагом к развитию общинного принципа, к обобществлению землевладения, а не наоборот...

Зависимость обрисованного процесса развития границ от сгущения населения и сокращения размеров землевладения вряд ли нуждается в подробном доказательстве, так как она с очевидностью постулируется самыми простыми априорными соображениями: всякая граница, очевидно, или имеет причиной спор, или целью предупреждение спора и, значит, границы развиваются именно вследствие возникновения споров и борьбы за землю, очевидно обусловливаемых развитием земельной тесноты.

§ 3

а) Пора теперь перейти от изучения процесса развития границ к рассмотрению эволюции форм землевладения, являющихся параллельными или производными этого процесса. В этой главе мы остановимся пока на

¹ Именно такой взгляд высказан еще Н.Е. Петропавловским, и приблизительно такого же мнения держатся и г. Кауфман и другие компетентные исследователи.

² См. Земско-статистические сборники Казанской губернии.

самом первом фазисе этой эволюции – на уже слегка очерченном выше «захватном» владении.

Как уже тоже было замечено, эта форма устанавливается в период «отсутствия границ». Однако она может уживаться и со всеми последующими фазисами развития границ. Это ясно из самого существа ее: захватное владение может, очевидно, быть там, где не все еще земли захвачены, разобраны и держатся отдельными хозяевами, а есть еще, кроме того, свободный район для захвата. Значит, захватное владение возможно, вообще говоря, при размерах землевладения, заметно превышающих рабочую норму (то есть площадь, которая может быть обработана всеми рабочими силами данной общины). Но развитие границ происходит при размерах землевладения, часто даже после окончательного размежевания между селениями превышающих рабочую норму. При таких условиях ничто не мешает захватному владению оставаться и в этом заключительном фазисе размежевания.

Поэтому захватное владение не только типично для всей Восточной и большей части Западной Сибири (и Средней Азии), но встречается до сих пор в заметных размерах и на северной, восточной и южной окраинах Европейской России. А именно оно характерно для всего здешнего казачьего землевладения (казачьих войск Донского, Кубанского, Терского, Уральско-го, Оренбургского)¹. Местами весьма еще заметно распространено и иногда даже преобладает «заимочное» владение в северных губерниях: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской (отдельные его случаи нередки даже в губерниях: Костромской, Казанской и Нижегородской², а также и в некоторых южных и восточных, как, например, в Астраханской, Ставропольской, Оренбургской)³. Еще очень недавно – 20, 30, 50 лет тому назад – оно было частным и даже обыкновенным явлением также в губерниях: Самарской, Саратовской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской⁴. Наконец, отдельные случаи заимочного владения (в более уже бледной, впрочем, его форме) встречаются изредка даже в населенных центральных губерниях, например, земско-статистическое исследование констатировало их в Шлиссельбургском уезде (Петербургской губернии),

¹ См. *Щербина Ф.А.* «Земельная община кубанских казаков». 1889 г. *Бородин Н.* «Очерк общинного хозяйства уральских казаков» // «Северный вестник», 1890 г. – 2, 3, 4, 5 книг. *Карелин А.* «Общинное владение в России», с. 200. *Якушкин Е.* «Обычное право», выпуск II 1896 года и др.

² См., напр., земско-статистические сборники по Оханскому и Красноуфимскому уездам Пермской губернии и таблицы о подворных землях по многим уездам Вятской губернии; *Карелин А.* «Общинное владение», с. 193–199. Земско-статистические сборники по Казанской и Нижегородской губерниям и т. д.

³ *Карелин А.*, с. 202; изд. Мин. Финансов: «Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян», с. 50, 51 и др.

⁴ См. «Земско-статистические сборники» этих губерний.

Темниковском уезде (Тамбовской губернии), Рязанском уезде, Трубчевском уезде (Орловской губернии), Мглинском уезде (Черниговской губернии) и т. д.¹ (в некоторых из последних случаев, впрочем, захват сохранился не благодаря большому количеству земли вообще или отдельных угодий в частности, а вследствие ее низкого качества, так что при больших затратах труда и капитала, при унаваживании например, получался слабый доход; понятно, что при таких условиях только отдельные семьи брались за разработку этих малоценных земельных участков).

Из этого приблизительного очерка распространения захватного владения читатель уже с полной очевидностью видит, как глубока в этом случае причинная связь формы землевладения с его размерами. Но не только с количественной стороны захват встречается все реже с востока на запад по мере убывания размеров крестьянского землевладения; кроме того, и с качественной стороны самые формы его становятся все менее чистыми. Ведь очевидно, во-первых, что вполне чистая форма захвата, ничем не ограниченного, возможна только в период отсутствия границ: только тогда захват ограничен лишь захватом же и ничем более. А по мере развития границ ему становится предел извне общиной, то есть, значит, рядом с ним является начало, стоящее выше его. Таким образом, линией развития междуобщинных границ, также идущей с востока на запад обозначается и развитие первого ограничения захвата. Во-вторых, почти никогда собственно захват не практикуется по отношению ко всем без исключения угодьям, ибо почти всегда одних бывает больше, чем других, и «утеснение» в них наступает не одновременно: и тут опять-таки черта с востока на запад обозначит убывание процента угодий, состоящих в захватном владении, и прибывание процента угодий, состоящих в захватном владении, и прибывание процента угодий, вышедших из свободного захвата; так что, начав с полного почти господства на всей территории, под конец он оттесняется на отдельные небольшие клочки одного какого-нибудь угодья, случайно оставшегося у той или другой общины в большом количестве.

С полной очевидностью рисуется, таким образом, место и значение захватного владения: всюду оно является на первой ступени расселения, всюду его приносят первые редкие волны колонизационного потока и затем его вытесняет последующее сгущение населения.

в) Перейдем к ближайшему определению захватного владения, как оно сложилось в обычном крестьянском праве.

Само название и первоначальная общая характеристика этой формы не представляют затруднений: они сравнительно очень просты и даны почти в готовом виде самими крестьянами. При этом на всем пространстве от Амура до Черниговской губернии, где имеются хотя следы захватного

¹ См. «Земско-статистические сборники» этих уездов и *Карелин А.* «Общинное владение», с. 202–253.

владения, – в действительности, в воспоминании старожилов или в предании, – оно называется одними и теми же почти словами и характеризуется одинаковыми определениями.

Вот для примера несколько таких крестьянских названий захватного владения: «вольница» (Хвалынский уезд Саратовской губернии), «захват» (Иркутская губерния), «займанщина» (Тираспольский уезд Херсонской губернии), «батьковщина» (Бахмутский уезд), «отеческие земли» (Западная Сибирь), «родовое владение» (Иркутская губерния), «захватища» (Саратовский и Славяносербский уезды), «Жак» (Славяносербский уезд) и т. д. Сущность же этого «вольного», «захватного» и «родового» (то есть семейно-наследственного) владения особенно хорошо выражена в следующем, например, объяснении крестьян Суражского уезда Черниговской губернии: «В старые годы у нас была “вольница” или “займанщина”: тогда каждый волен был занимать земли столько, сколько ему было нужно...» «Расчисти и твое...» «Кто бере, тот и оре»¹.

Приведенное определение исследуемой формы землевладения совершенно ясно выражает ее сущность: при ней отдельные семьи свободно захватывают землю и наследственно владеют ею. Я буду поэтому называть эту форму семейно-захватным владением.

Обрисую и анализирую вкратце основные черты этой своеобразной формы.

Площадь, на которой господствует семейно-захватное владение, представляет такую картину: некоторые участки заняты отдельными семьями прочно и надолго, так что передаются по наследству, другие захватываются временно и часто то одними, то другими семьями; остальная же часть территории свободна от всякой эксплуатации. Эти различия зависят от различий в угодьях. Первый вид долгого и наследственного захвата практикуется по отношению к усадьбам, обыкновенно по отношению к пашне и по большей части по отношению к сенокосам: он обуславливается большей субъективной ценностью этих угодий, то есть или тем, что их сравнительно мало и их спешат прочно захватить, чтобы не захватил другой, или сравнительно значительной затратой на них труда захватчика. Кратковременный захват практикуется по отношению частью к лесу (то есть к пользованию деревьями, а не расчистками под пашню и не лесистыми участками, охраняемыми и возвращаемыми отдельными хозяевами), пастбищам и иногда сенокосам, а также к рыбным ловлям, каменоломням и т. п., то есть по отношению к тем угодьям до тех пор, где и пока производственный момент совпадает, так сказать, с эксплуатационным, где производимые природой полезности просто собира-

¹ «Материалы для оценки земельных угодий», т. IX, Суражский уезд, с. 13. Или, напр., в Енисейской губ. в глухих местностях крестьяне говорили исследователю о пользовании сенокосами: «Делить их нам незачем: каждый хозяин может косить столько сена, сколько душе его угодно, – была бы сила». «Мат. Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 214.

ются без всяких предварительных затрат на то труда; так что когда, например, вследствие сокращения хороших сенокосов и пастбищ (при увеличении населения), начинают очищать сенокосы из-под кустарника, устраивать искусственную их поливку и т. д. или начинают огораживать лучшие пастбищные места, то этим самым и захватное владение ими всегда упрочивается и удлиняется на пропорционально долгий срок.

Таким образом, обе эти разновидности захвата, временно-периодического и долгосрочно-наследственного, различаются в этот период наибольшего земельного простора более внешне, чем по существу, то есть по размерам прав «заимщика». Заимщик тут мог бы захватить и сенокос, и пастбище также надолго и передавать их наследственно, никто не воспрепятствовал бы ему для того их и загородить; и если он не делает этого, то только потому, что это ему не нужно: незачем затрачивать труд на городьбу, на заблаговременный захват, когда итак всегда всего ему хватит. Таким образом, самый объем захватного права также неограничен и бессрочен при кратковременном захвате, как и при долговременном; и тут, и там всякий волен захватывать всякие незахваченные участки на какой угодно срок и для какой угодно цели, и только именно этой целью определяется, приобретает ли захват вид постоянного владения или спорадического пользования. Поэтому я нахожу излишним выделение этих двух случаев захвата в две особые формы, как то делается гг. Филимоновым, Дубенским и отчасти г. Кауфманом и г. Кролем (впрочем, г. Кауфман представляет эти формы лишь, так сказать, как разновидности одного вида), принимающих только долгосрочный захват за собственно-захватное или «заимочное» владение, а краткосрочный его вид выделяющих в особую форму «вольного» или «свободного» пользования. При наибольшем земельном просторе и к тому, и к другому случаю захвата одинаково приложим термин семейно-захватного владения, так как при них совершенно тождественны и объем, и, как ниже увидим, основания этого семейно-захватного права¹.

¹ Наиболее отчетливое описание и определение «вольного» и «захватно-родового» владения сделано, кажется, г. Дубенским (см. его статью в «Материалах» по Енисейской губ., т. IV, вып. 3, с. 141–144). Г. Кауфман в своих первых исследованиях западно-сибирской общины («Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях, с. 31–43 и статья в «Алтайском сборнике») упустил форму «вольного» владения, неудачно назвав этим термином форму, являющуюся, наоборот, фактически первым ограничением захвата. Затем в своей книге (1897 г.) г. Кауфман, присоединяясь в общем к действительно наиболее удачным терминам г. Дубенского, вносит еще существенное разъяснение, подчеркивая одновременность «вольного» и собственно захватного владения, между тем как г. Филимонов и, по-видимому, отчасти и г. Дубенский (впрочем, может быть это только неудачное выражение) считают «вольное» владение формой как бы первичной, предшествующей «заимочному». Мне остается только указать, что г. Кроль показал, что «вольное» владение действительно иногда предшествует «захватному» (см. его кн. «Мат. Забайкал. обл.», в. 10, с. 10–20). Но я считаю обе эти формы логически и юридически тождественными с тем только оттенком, что, как ниже будет показано, в «вольном» владении обыкновенно еще очень слаб собственно правовой элемент, что оно представляет более факт, чем право.

Уже из этого краткого очерка внешней формы захватного владения вырисовывается также своеобразный субъект его.

Заимщик, поселившийся вдали от селения и представляющий нечто вроде Робинзона на необитаемом островке уютного местоположения и удобных уголков среди тайги или степи, без сомнения, называет всю окрест лежащую землю: моя земля, моя заимка. Затем, когда семья этого первого заимщика разрастется или когда к ней приселятся другие семьи, когда так или иначе из первой заимки разрастается починок, тогда на вопрос чужого человека: чья это земля? – каждый из хозяев ответит: наша. А на дальнейшие расспросы разъяснить: это вот мой участок, моя заимка, это его, это того и т. д.¹. Таким образом, здесь в одном определении сливаются два взаимно друг друга исключаящие термина: моя и наша (земля), уживаются вместе два диаметрально противоположных начала – личное и общинное. Как уже показано, это возможно потому, что земли больше, чем сколько ее заимщики могут держать в захватном владении: моей землей каждый называет те участки, которые уже формально им захвачены под разработку и еще окончательно из-под нее не брошены, а нашей землей называется вся остальная территория, служащая запасным фондом, районом захвата для всех заимщиков, которые все имеют на захват равное право и все потому, и только потому, говорят о ней наша земля.

Итак, что касается субъекта захватного владения, то им мы должны признать сложные агрегат личного и общинного элементов. Анализируем сначала первое, потом второе начала в их проявлениях, объеме, основаниях и во взаимном их соотношении.

§ 4

Уже из выше сделанного очерка неограниченного семейно-захватного владения легко усмотреть, что оно представляет самое чистое проявление индивидуального права, то есть, собственно говоря, ничем на первый взгляд не отличается от обыкновенной личной собственности. Это указывается едва ли не единогласно всеми наблюдателями и исследователями. Приведу в пример несколько таких определений: «Подворно-наследственное владение, – говорит г. Дубенский, – по содержанию своему вполне аналогично захватно-родовому»². Г-н Личков: «Количественно захват обыкновенно не-

¹ «Первый поселщик не может не смотреть на данную местность как на результат своих поисков, как на собственное открытие, на свой уголок никем не занятого края. А все, кто к нему приселится в первое время, тоже будут считать эту местность своим уголком. Они будут называть окрестности “нашими землями” и в случае оскудения их удобными участками будут ревниво относиться к каждому новому пришельцу, желающему захватить часть остальных свободных удобных мест...» (см. цитированную выше ст. Личкова, с. 123).

² См. «Материалы Енисейской губернии», т. IV, выпуск 3-й, с. 142.

ограничен, владение захватно-родовой землей – бессрочно, право продажи, сдачи в залог, в аренду – неограниченно и ведение какой угодно культуры бесконтрольно»¹. Г. Кауфман: «Сходное с правом собственности по своим основаниям, заимочное право сходно с ним и по своим проявлениям – по объему тех полномочий, которые оно дает заимщику. Заимщик фактически полновластный хозяин земли: он не допускает никого пахать или косить входящую в состав его заимки землю, хотя бы сам в данное время ее и не эксплуатировал; для защиты своего права исключительного владения землей он не останавливается перед насилием, но вместе с тем может опираться и на авторитет волостного суда; неограниченное право пользования землей ясно само собой: заимщик может любую часть своей земли засеять хлебом, обратить под покос или выгон, загородить, застроить, зарастить, никто решительно не стесняет в этом отношении его неограниченной свободы. Наконец, в смысле распоряжения заимщик может свободно продавать свою землю и сдавать ее в аренду (хотя ввиду изобилия свободных земель эти права очень редко осуществляются), может дарить ее и передавать по завещанию; при отсутствии последнего заимка переходит к наследникам согласно правилам местного обычного права»².

В подтверждение и для иллюстрации этих определений можно привести целый ряд как нельзя более ярких примеров. Ограничусь одним, особенно характерным, касающимся, кстати, не подробно теперь исследованной Сибири, а мало сравнительно известной Вятской губернии. Здесь, в Орловском уезде, еще не очень давно... «право первого захвата было так широко, что никто из посторонних не осмеливался поселиться возле починка первого поселенца без его дозволения. Например, крестьянин Шадрой, имея мало семейных рабочих сил, принял к себе на починок еще две семьи из соседней деревни. Но вот разнесся слух, что вышел будто бы царский указ, чтобы отвести надел крестьянам на том месте, где они живут в данный момент. Тогда Шадрой, не желая, чтобы его трудовая земля (он сам землю расчистил, высушил болота для покоса и т. п.) досталась чужим, прогнал припущенников и остался на починке один со своей семьей...»³.

Как видим, по объему личное право семейно-захватного владения вряд ли в чем-либо уступает обыкновенной личной собственности.

Обратимся теперь к анализу его оснований. Здесь мы сразу найдем уже некоторые своеобразные черты, достаточно резко отличающие его от чисто личной собственности.

¹ См. цитиров. статью г. Личкова, с. 135.

² См. «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях» ст. г. Кауфмана.

³ См. «Поземельная община в Орловском уезде Вятской губернии», Н.А. Добротворского, «Русская мысль» 1884 г., 9 кн., 30 с.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что как вообще при наименьшей населенности землевладение, по прекрасному (уже цитированному выше) выражению г. Харизоменова, «имеет не столько юридический, сколько фактический характер», – так в особенности само обладание отдельных семей захваченными ими участками при полном земельном просторе, при отсутствии, например, границ или в самых первых фазах их развития есть в большей степени факт, чем право.

Это будет нам ясно, если мы задумаемся в основания обычного права. Все его проявления (как, впрочем, и права вообще) могут быть подведены под две формулы: 1) так есть – значит, так должно быть (то есть я владею – значит, имею право владеть) и 2) так должно быть, поэтому так есть (то есть я владею, потому что имею право владеть).

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько и в каком смысле первая формула может быть, строго говоря, названа правовой, заметим, что правообразования по обоим этим типам одинаково не успевают сложиться в первом, самом чистом фазисе неограниченного захвата. Поскольку в этот период земледелец остается еще полубродячим или, по крайней мере, держится крайне экстенсивных систем агрикультуры, то есть не держит долго в обработке одних и тех же участков, постольку его владение не успевает достаточно утвердиться на факте и привычке или, как говорят, на давности, чтобы отсюда вырасти в право. С другой стороны, полный земельный простор, исключаяющий возникновение споров из-за земли, не дает ярко проявиться и точно формулироваться и чисто правовым основаниям, скрытым в этом владении. Таким образом, тут нет ни правовой идеализации факта владения, ни реализации правовых его оснований; в этот период семьи владеют не столько на определенных основаниях за это владение, сколько вследствие отсутствия оснований против него, так что хотя владение протекает беспрепятственно, но именно только протекает, а не кристаллизуется в твердые правовые нормы¹.

Приведу хоть один пример, чтобы читатель мог конкретнее представить себе мою мысль. В Забайкальской области у той части инородцев, которая пользуется полным земельным простором, крайне интересны порядки владения загороженными сенокосами². Прежде всего здесь не успели еще даже твердо образоваться сами сенокосные общины: хотя обыкновенно у разных групп семей (и у отдельных семей) имеются особые постоянно ими эксплуатируемые районы, но часто, например, при

¹ Нечто подобное по аналогичному же поводу говорит г. М. Ковалевский: «Кратковременная апроприация земельных продуктов далеко не является синонимом собственности: фактическое пользование не есть право...» (М. Ковалевский. «Развитие народн. хозяйства в Западной Европе», с. 188).

² См. прекрасный очерк г. Кроля в «Материалах комиссии ст.-секр. Куломзина», вып. 10, с. 10–15.

неурожае травы в данном районе одни группы безвозбранно косят траву в районах других групп, так что мы имеем тут дело с самым первым моментом размежевания или, пожалуй, с заключительным моментом фазиса отсутствия границ. Этой расплывчатости межобщинных разграничений соответствует такая же, так сказать, аморфность и внутренних отношений. С одной стороны, для захвата сенокосов нет никаких ограничений: каждая семья в отдельности или в артели с другими может как ежегодно косить в любом месте и в любое время, так и захватывать отдельные сенокосные участки на неопределенно долгое время путем огораживания их так называемыми здесь «поскотинами»¹. С другой же стороны, даже и это огораживание, имеющее здесь целью (при полном обилии сенокосов) не упрочение завладения ими, а просто защиту от потрав скотом, не дает исключительного права захватчикам: при совместном огораживании сенокосов группой семей, во-первых, постоянно остается совершенно свободным как удаление из сопользования любого члена, так и вход в него новых, во-вторых, хотя обыкновенно каждый косит свой определенный участок, но при неравномерном урожае травы в загороженном сенокосе те, у кого был неурожай, косят на участках других семей. Смутность и противоречивость такого порядка увеличиваются еще тем, что рядом с обрисованной неограниченностью личного захвата в «поскотинно-сенокосных» общинах вырисовываются яркие черты как бы общинного права; по словам г. Кроля, «по мнению настоящих кочевников, не тронутых еще земледельческой культурой, каждый имеет право косить травы столько, сколько ему нужно... но городить каждый должен по своему состоянию»; поэтому хотя, как общее правило, эти «поскотинно»-сенокосные общины образовались совершенно естественно (единственно для сокращения в несколько раз труда) и в них не было первоначально «ни единой капли принудительного элемента», так что каждый пользуется приблизительно такой долей сенокоса, какую долю он сделал городьбы, но обыкновенно сильные семьи по обычаю пользуются меньшим участком сенокоса, чем им следовало бы по размерам их городьбы, слабые же семьи – наоборот, а полные бедняки и вдовы получают сенокосные участки в «поскотине», даже совсем не участвуя в ее устройстве, то есть, иначе говоря, в это пользование вносится явственный общинно-уравнилельный принцип. Интересно, что затем, при первых признаках «утеснения» в сенокосах, этот аморфный в правовом отношении порядок кристаллизуется в твердое личное захватно-наследственное владение загороженными сенокосами и лишь впоследствии, при дальнейшем их сокращении, он, подобно всем другим таким формам, постепенно и уже с трудом и борьбой должен будет подчиниться общинному началу...

¹ Вообще в Сибири «поскотинной» называется не сама городьба сенокосов, а огороженное пастбище.

Итак, на этом примере читатель ясно видит, как при полном просторе и потому отсутствии споров совершенно остается еще скрытым внутреннее противоречие захватного права, состоящего, с одной стороны, в общем праве на захват, а с другой – в личном праве на захваченное. Только первые споры и борьба за землю вполне вскрывают эти два антагонистичные элемента, и только тогда начинается формирование отношений, вполне заслуживающих названия права, начинается та борьба между этими элементами, которая составляет содержание всей правовой эволюции крестьянского землевладения от семейно-захватных к общинно-уравнительным формам. Однако в самом начале этой борьбы, очевидно, тоже еще не может быть правовой организации в полном смысле этого слова, так как самой глубокой и типичной чертой первоначального захвата является господство «права сильного», почти буквально – «кулачное право», олицетворяющееся в богатеях- заимочниках, сильных своей или наемной рабочей силой, не позволяющих и за версту «подступаться» к своим «занятиям» и часто безвозбранно «залезающих» во владения слабых хозяев... Так как при крайнем обилии земли существуют скорее лишь отношения отдельных семей к этой земле, а не отношения их между собой по поводу этой земли, то в этот период, по прекрасному выражению г. Плотникова, «крестьяне не столько владели землей, сколько просто работали промежду себя» (курсив мой); и поскольку, затем, при первых спорах за землю побеждала сила, а не правовые мотивы, постольку крестьяне еще не имели землевладения в полном смысле, а просто, как очень метко сами они распределили в одной деревне в Забайкальской области, – «имели между собой самовольство в хлебопахотных и луговых местах...»¹. С сожалением должен отметить, что этот полуюридический, если можно так выразиться, характер первоначальных захватных форм, являющихся более экономическим фактом, чем юридическими нормами, остался пока почти невыясненным, почти как бы незамеченным для сибирских исследователей общины².

¹ См. «Материалы комиссии для исслед. землев. и землеп. в Забайк. обл.», в. 10, с. 182.

² Г. Дубенский, например, отличает семейно-захватное (или по его терминологии «захватно-родовое») владение от личной собственности по основанию владения: «В первом случае им является захват, а во втором – наследование; конечно, захват далеко не дает владению такой прочной санкции, как наследование... Наконец, подворно-наследственная форма представляется формой законченной... между тем как форма захватно-родовая является лишь переходной, причем переход от нее к любому виду владения может совершиться очень быстро и очень легко» (см. «Материалы Енисейской губернии», т. IV, вып. 3, с. 141–144).

Спрашивается: почему же наследование «конечно» сильнее захвата и почему личная собственность – форма законченная, а захват – переходная и даже легко и быстро переходная? Да именно только потому, что исключительно при многократных наследованиях и, прибавим, многих еще других проявлениях личной собственности рельеф права, с одной стороны, обостряется многочисленными спорами, а с другой – углубляется привычкой, – что основания личной собственности стали бесспорными после спора, победивши в нем; в первичных же случаях семейно-захватного владения об-

Спешу, однако, еще раз напомнить, что этот полуюридический или преимущественно экономический фазис семейно-захватного владения охватывает лишь меньшинство случаев этого владения (хотя и наиболее типичные случаи), а в большинстве случаев семейно-захватное владение уже в общих чертах формулируется в право, то есть не только определяет свой объем и формы, но и опирается на известные основания. Главным из этих оснований представляется мне труд, но, несомненно, имеют заметное значение также захват и давность¹.

Первоначально, когда земли полное обилие и поэтому возникающие из-за нее споры крайне редки и не упорны, мотивировка права первого захвата носит, в соответствии с вышеуказанным, совершенно эмпирический и преимущественно лишь отрицательный, так сказать, характер; первому захватившему достаточно указать на то, что он захватил ничью землю, этим его право на нее уже устанавливается, ибо никто позже пришедший

ладание бесспорно потому, что еще не подвергалось спору. Именно поэтому в то время, как личный собственник обязательно считает свое право окончательным, то есть, собственно говоря, вечным, у «заимщика» нет и не может быть этого сознания, и хотя термин владения «навечно» им употребляется, но, несомненно, как установлено анализом многих таких конкретных случаев, он значит тут не вечность, а лишь бессрочность. Так что собственность окончательно и формально признается, а захват лишь фактически на неопределенное время соседями и общиной допускается.

Совершенно подобно г. Дубненскому и г. Кауфман еще ближе подходит к констатированию первоначальной, так сказать, слабой юридичности семейного захвата, столь просто объясняющей своеобразные особенности и противоречия этой формы, но все-таки не формулирует ее. Спрашивая себя, нужно ли признать семейно-захватное (по его терминологии «захватное в комбинации с вольным») владение общинным или подворным, так как в нем есть признаки и того, и другого, — Кауфман говорит, что «ответ очень прост: оно есть зародыш... как в зародыше, в захватной форме есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владению, — как из зародыша, из него с течением времени может развиться и чисто подворное, и чисто общинное владение» (см. «Крестьянская община в Сибири», с. 59–60).

Что, собственно, значит здесь слово зародыш? Как и всякая биологическая аналогия в социальном исследовании, оно, конечно, не объясняет исследуемого явления, а лишь поясняет мысль автора. В этом смысле ничего нельзя против него возразить: именно, как в зародыше, в первичной чистой форме семейного захвата совместились противоположные признаки — но совместились, конечно (и именно это не досказано г. Кауфманом), в неразвитом виде. И в этой их неразвитости все объяснение их совмещения, иначе, понятно, совершенно невысказанного: с одной стороны (как увидим ниже), формы и проявления общинного права наметились пока минимально слабо, с другой же — в личном владении еще не успел отвердеть скелет самого права... Приведу еще один пример такого захватного порядка, удачно названного г. Кролем «зачаточным» из его же исследования по Забайк. обл. Здесь в некоторых инородческих «булуках» отдельные хозяева владеют одними и теми же сенокосными участками, даже неогороженными, бессрочно-наследственно, но по первому требованию они уступают часть своих покосов и чужим семьям (даже из другого булука); при этой форме, которая, по словам г. Кроля, «содержит в себе элементы и уравнительной, и захватной формы, но которая все-таки не может быть названа ни той, ни другой...», хозяева не меняют участков, так как в этом не представляется никакой надобности, и покосы естественно переходят от отца к сыну, хотя стоит явиться новому члену, чтобы и для него нашлось место...» (см. «Матер. по Забайк. обл.», в. 10, с. 16–19).

¹ По г. Личкову основания захватного права «состоят для отдельных хозяев в праве находки и захвата, труда, давности владения и наследства и для мира — в праве распорядителя земель общины» (с. 135, цит. ст.).

не может указать никаких оснований, почему бы он имел на обладание захваченным участком право большее, чем тот, кто его первый захватил (это право г. Личков называется правом находки). Но по мере сокращения земельного простора и учащения и ожесточения споров заимщиков, претендующих на один и тот же участок, такое обоснование, в сущности сводящееся к формуле «я имею право владеть, потому что я владею», уже становится недостаточным, и для полновесности права первого захвата начинает требоваться другой элемент. На нижеследующем примере мы конкретнее увидим это. Один крестьянин нашел камень для мельничного жернова и сделал на нем отметку; другой тоже набрел на этот камень и, несмотря на сделанный на нем знак, привез его к себе и обделал; первый, отметивший камень, пожаловался в волостной суд. Суд присудил камень второму, ибо «иначе так каждый без всякого труда может наметить себе все годные камни...». Мотивировка не очень ясная по форме, но вполне понятная по существу: простой захват (или находка по г. Личкову), объявляющий о себе лишь условным знаком, признается уже не дающим права владения, это право признается лишь за тем, кто фактически завладел данным средством производства, то есть, конкретнее говоря, начал посредством него самый процесс производства, вложил уже в него свой труд. Таким образом, сам по себе захват при возникновении споров, по-видимому, перестает быть основанием права: он получает такое значение, лишь когда соединяется с некоторым минимумом труда.

Этого мало: строго говоря, вряд ли можно вообще наблюдать такие случаи, чтобы захват сам по себе служил основанием права, ибо трудно себе представить захват совсем без труда. Даже захват, так сказать, символический, при котором захватываемая пашня не запахивается вся, а только опахивается вокруг, расчищаемый из-под леса участок не вырубается, а лишь деревья на нем «зачерчиваются» и т. д., даже этот захват все-таки не представляем без известного минимума труда; не надо забывать, что помимо нескольких, быть может, часов работы топором, косой или сохой, всегда уйдет некоторый минимум дней на поиски подходящего для захвата участка. А затем, если этот труд и ничтожно мал, то это ведь не имеет никакого значения: как бы ни был он мал, он все-таки представляет известную положительную величину и также необходимо перевешивать право всякого, позже пришедшего и ни капли труда не затратившего, как чашка весов с одним миллиграммом перевешивает пустую чашку.

А что в этом случае имеет правовой вес не самый факт захвата, а именно необходимо соединенная с ним затрата труда, это выясняется многими фактами и соображениями.

Прежде всего, мы непременно должны это предположить, уже судя по той доминирующей роли, которую трудовой элемент несомненно и по обще-

му признанию наблюдателей играет в формах ограниченного захвата, возникающих из неограниченного: трудно было бы допустить, чтобы труд стал в этих формах сразу таким исключительным, безраздельным основанием права, не будучи вовсе или лишь слабо признаваемым раньше, совершенно непонятна была бы такая быстрая и не вызываемая никакими условиями пертурбация во взглядах крестьян. Необходимо поэтому, наоборот, принять, что уже с того самого момента, как владение из факта начало превращения в право, сразу же труд сделался главным основанием и мерилom этого права, и если это сначала не проявлялось с полной очевидностью, то именно только вследствие первоначальной слабости, невыработанности, неясности этого зарождающегося права. К тому же заключению мы придем, если подумаем о глубине и силе этого завладения трудом, при котором в объект его как бы вносится частица самого трудящегося (об этом еще будет сказано подробнее ниже), если вспомним как всеобще и бесспорно вообще у крестьян признание трудового права во всех их имущественных, а не в одних только земельных отношениях¹.

Наконец, на доминирующую роль трудового права в самых первичных и чистых случаях неограниченного захватного владения уже прямо указывает то очень важное обстоятельство, что именно на нем основаны непосредственно все те обширные права распоряжения «заимщиков» их участками – их продажа, дарение, завещание, сдача в аренду, – которые так характерны для него и так сближают его с личной собственностью.

А именно, например, наиболее активная форма распоряжения – продажа – никогда тут не имеет места относительно неразработанной земли: ведь неразработанную землю всякий может при семейно-захватном владении сам занять, так как при нем всегда подразумевается достаточная для того степень земельного простора, а продается всегда лишь разработанный участок, – лесные «чищобы», вспаханное поле, взрощенный лес, расчищенный от кустов покос, а чаще всего поле с целой усадьбой и строениями, городьбой и т. д. Очень часто притом продажей называют аренду настолько долгосрочную, что она дает купившему весь или часть результата труда, затраченного на

¹ Нечего и говорить, что в Сибири это лично-семейное трудовое право вполне господствует среди крестьян, так что решения, напр., волостного суда всегда строго с ним сообразованы. Исследователи, особенно г. Дубенский по Енис. губ., приводят много любопытных тому образчиков. Из них укажу, напр., на тот факт, что в целом ряде решений по спорам о наследовании между вдовой и братьями ее покойного мужа волостной суд старается тщательно разобраться, в какой именно мере в спорное имущество (дом, гумно, зем. участок и т. п.) затрачен был труд мужа наследницы, а в какой – его братьев, и сообразно с этим и присуждает каждому весь объект спора или ту или иную его долю; интересны также случаи решений волостного суда, отправлявшихся не от затраченного уже в предмет спора труда, а от того, сколько каждый из спорящих может на него употребить труда в будущем, причем, напр., суд находит, что «спорная местность принадлежит по праву наследства более брату Митрофану, чем брату Евграфу, так как последний желает воспользоваться этой местностью только для того, чтобы ее перепродать...» и т. д. (см. «Мат. Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 157–158).

«проданный на года» участок¹. Итак, раз никогда не продается земля без вложенного в нее труда, то ясно, во-первых, что эта самая продажа земли представляет, собственно говоря, продажу вложенного в нее труда и что, во-вторых, только труд служит основанием активного права распоряжения семейно-захватными участками...

Всем сказанным я отнюдь не хочу утверждать, что захват сам по себе нисколько не является основанием семейно-захватного права. Я нахожу необходимым установить только, что, во-первых, элемент труда не выделим из захвата, так как каждый захват представляет затрату труда, и что, во-вторых, труд уже в самых первых проявлениях семейно-захватного права представляет основание более веское, чем захват².

¹ Этот вопрос особенно отчетливо разработан в статье г. Марусина: «Купля-продажа крестьянских земель в Тобольской губернии» (см. «Сибирский сборник», приложение к «Восточному обозрению» за 1887 г.

² На этом вопросе мне приходится не совсем согласиться с г. Кауфманом, который, наоборот, в своей книге полагает, что при захватном владении «начала трудовое и захватное представляются более или менее равнозначными; и если момент приложения труда всего eo ipso сопровождается захватом, то этот последний момент, при рассматриваемой форме, и сам по себе создает уже прочные отношения к захваченной земле» (стр. 55–56).

Чрезвычайно с первого взгляда веский, но, пожалуй, единственный серьезный аргумент в пользу этого мнения г. Кауфман находит в тех фактах, когда при крайнем земельном просторе «заимщику» принадлежат не только все уже однажды культивированные или символически захваченные участки всякого рода угодий, но даже и все ближайшее пространство вокруг его заимки, в которое уже непосредственно не вложено ни капли его труда. Г. Кауфман приводит следующий пример такого рода: волостной суд по спору об обоюдных захватах земли захватчиков А. и Ш., «имея в виду, что А. в 50 сажнях от “поскотины” (загородки для скота) и в одной версте от заимки Ш. распахал и посеял хлеб, а Ш. никаких стеснений А. не сделал, а распахивал землю вблизи своей заимки...», постановил: «Распаханную землю Ш. оставить во владение его, Ш., а А. сделать внушение, чтобы он не распахивал нигде вблизи заимки Ш. (курсив г. Кауфмана), так как А. имеет около своей заимки много пустопорожней земли» (мой курсив).

Мне кажется, что именно на этом, действительно наиболее ярком образчике силы захватного права с наименьшей же очевидностью проявляется и трудовая его подкладка: если равные виды производственного труда дают каждый право на соответственное угодье, начатое разработкой, – «зачерчивание» – на лес, «закос» – на луг и опашивание – на пашню, – то как можно не замечать, что такой сравнительно огромный труд, как постройка «заимки» – целой хозяйственной, а может быть, и жилой усадьбы, – должен дать право уже на весь тот окрест лежащий район всяких свежих угодьев, близость к которому и удобство эксплуатации которого и были именно целью этого труда; что если другие заимщики позавхватывают этот район и тем сделают эту «заимку» бесполезной, то они самым прямым и чувствительным образом лишат заимщика результатов его труда, резко нарушат его несомненное трудовое право. Даже при самом скрупулезном вычислении сравнительной затраты труда в этих случаях, мы должны признать, что если бы первый заимщик опашал одной круговой бороздой пространство в версту или больше радиусом, в каком случае уже нельзя было бы отрицать непосредственную затрату труда, то эта затрата была бы во много раз меньше, чем сооружение в центре этого пространства усадьбы; но нет надобности вычислять относительные количества захватного труда: как бы малы они ни были, они, очевидно, всегда достаточны, пока у оспаривающего это трудовое право нет большего трудового же или какого-либо иного права, а именно так и обстоит дело в нашем случае: трудового права у второго захватчика нет вовсе, не признан за ним судом и другой правовой мотив – недостаток земель в собственном его районе захвата («он имеет около своей заимки много пустопорожней земли»). Не ясно ли, что в разбираемом решении волостного суда всецело восторжествовало именно *трудовое* право?

Посмотрим теперь, насколько веско право давности. Г-н Кауфман указывает, что в глазах крестьян давность владения показывает согласие общины на это владение и бесспорность владения, тоже доказывающую его справедливость. Тем не менее г. Кауфман не считает право давности особенно веским. И это совершенно справедливо. Укажу, прежде всего, что давность владения не доказывает еще бесспорности его (спору могли быть, но лишь по случайным причинам не иметь результата), а бесспорность владения вовсе не синоним его справедливости в глазах крестьян. Г-н Личков (в цитированной выше статье) приводит так называемые отводные приговоры (о них ниже), в которых земля отбирается обществом у владеющих ею хотя бы давно и бесспорно, но «не по праву», то есть у тех, которые не приобрели ее (сами или их предки) трудом. Этим же примером подрывается и то предположение, что давность доказывает согласие общества; давность владения может доказывать лишь временное и условное согласие общества, часто лишь его, так сказать, поущение: земли всем довольно, и только потому общество временно допускает владение данным участком, хотя, может быть, вовсе и не согласно с правильностью этого владения. Ясно, что при таких условиях владение, хотя бы и очень давнее, есть, как я выше старался показать, скорее просто факт, чем право, основным признаком какового – способностью устоять в споре – давность, очевидно, сама по себе не обладает. Но особенно ярким показанием слабого значения давности как основания в глазах крестьян права владения служит тот факт, что давность в решениях волостных судов служит аргументом то в пользу права владения, то против этого права! Я встретил, например, у г. Личкова два решения волостного суда, которыми земельные участки оставлены за ответчиками на том основании, что они известный срок ими владели (5 лет и 29 лет) и, значит, вложили в них известное количество труда; и встретил также два решения, коими участки (залежные) присуждены от старого нового захватчику именно по тому же основанию давности: старые владельцы долгое время владели ими, не обрабатывая их, то есть не влагая в них труда.

Совершенно очевидно, что в этих случаях давность владения сама по себе не служит основанием права, она является просто мерой другого трудового основания права владения: чем дольше влагался труд, тем больше право, чем дольше он не влагался, тем меньше право. Если бы давность имела самостоятельное значение как основание права, то во втором случае она должна бы до известной степени заменить, нейтрализовать отсутствие трудо-

Если, таким образом, трудовой элемент невыделим и необходим даже в случаях, служащих, повторяю, действительно наиболее удачным возражением против доминирующей его роли, то вряд ли можно отрицать последнюю. Должен заметить, что и сам г. Кауфман иногда как бы вполне признает это. Напр., говоря в ст. об общине в Мариинском и Томском округах Томской губернии о причинах существования «вольного», а не «заимочного» владения лугами, он видит эти причины «в отсутствии в этом случае важного элемента, на котором только и может установиться заимочное право – элемента трудового» (мой курсив) (см. «Мат. Зап. Сиб.», в. XVIII, с. 235).

вого права, она же только, наоборот, еще подчеркивает это отсутствие права, играет, так сказать, роль нуля при единице, каковой единицей, несомненно, тут является право труда...

Итак, как видим, уже на той ступени сгущения населения и сокращения размеров землевладения, когда вследствие учащения споров вырабатываются отношения, вполне заслуживающие названия права, давность и захват почти не имеют самостоятельного значения; они сохраняют значение преимущественно лишь поскольку в них заключается или подразумевается элемент труда. Давность как основание права владения обозначает в большинстве случаев долгую затрату труда, и первый захват обозначает, собственно, первую затрату труда. Этот трудовой корень русско-крестьянского семейно-захватного владения является таким глубоким основанием, что почти можно сказать, что тут не столько человек захватывает землю, сколько орудия его труда. Это, собственно, и выражено в старинной исконной захватной формуле, по коей заимщик овладевает всей той землей, «куда его топор, коса и соха ходила...»

§ 5

Проследим теперь элементы общинного права в семейно-захватном владении.

Не знаю, можно ли представить себе такую его форму, в которой это право вовсе не существовало бы¹.

Если мы вообразим себе одни заимки отдельных семей, разбросанные среди необитаемой местности, то тут в их владении не проявляется действительно никакого не только общинного, но и вообще какого бы то ни было коллективного начала. Государственное право на занятую ими землю может ни в чем не проявляться², и термин «моя земля» может безраздельно господствовать среди «вольной», «ничьей», «Божьей», «царской» земли³ (так

¹ В последней книге г. Кауфмана встречается такая фраза: при захватном владении в «первоначальном, в чистом виде... права общины как целого на землю решительно ни в чем не проявляются, остаются, так сказать, в скрытом состоянии» (страница 55; курсив г. Кауфмана). Из предыдущих фраз можно, однако, заключить, что уважаемый автор подразумевает это непоявление только по отношению к внутренним порядкам захвата, ибо в другом месте (в своей статье в «Алтайском сборнике») он сам указывает на одно проявление общины «при захвате в чистом виде», о чем ниже.

² Раньше в Сибири бывали даже такие случаи (иногда встречающиеся и до сих пор), что иные заимки были даже не известны администрации и, значит, не имели к остальному миру никаких отношений, кроме экономических и культурных.

³ В Енисейской губернии «население считает государственные пустопорожные земли, никем не занятые», – «Божьими» или «ничьими»; те из них, которыми оно завладело, – своими собственными, и только те земли, которые вымежеваны в казенно-оброчные статьи, – «казенными» («Материалы по Енисейской губернии», т. IV, в. 3, с. 140). В других местах «ничьи» земли также называются и «царскими», таким образом, крестьяне различают общий государственный фонд земель – «царских» от находящихся в непосредственном распоряжении государства – «казенных».

называют крестьяне «дикое поле», формально считающееся государственной собственностью).

Однако другую сторону этого чистого, неограниченного личного владения захваченной землей представляет ведь право захватывать землю, и это право уже несомненно основано на коллективном начале, на равном праве всякого крестьянина, то есть всех крестьян, на «ничью» или «царскую», то есть, точнее, государственную землю. Таким образом, мы с очевидностью видим, что самое неограниченное проявление личного семейно-захватного владения основывается уже как на необходимо подразумеваемой посылке, на понятии общего, то есть (по нашему предыдущему определению) коллективно-общественного земельного фонда, открытого для владения и пользования всего крестьянства как целого.

Таким образом, в самом захвате уже таится корень коллективного владения¹.

Может показаться, однако, что это корень, обреченный не на развитие, а на постепенное уничтожение: ведь захваченные участки поступают в личное владение, так что общий земельный фонд все исчерпывается и с захватом последнего свободного участка прекращает свое существование. Но так могло бы быть (и вероятнее всего, что и было бы) только в случае расселения заимками, хуторами; в действительности же такое расселение представляется редким и скоро преходящим моментом, как общее же правило, заимки развиваются в починки и деревни, вследствие чего рядом с коллективным общественным началом в самом вольно-крестьянском захвате является еще вышеуказанное коллективно-общинное право на данный совместный для отдельных групп семей район захвата.

Значит, имеется три рода земли: ничья, наша и моя. И вот из этого понятия о нашей земле вырастает община.

Это понятие об общинном праве на землю совершенно ясно и твердо даже в наиболее малонаселенных и многоземельных местностях. «Если вы спросите забайкальского крестьянина, чья у них земля, то вам сейчас будет дан ответ: “знамо, мирская, общественная”». «Земля, – говорят ленские крестьяне, – ничья, а Божья, государственная, общественная мирская»². В Иркутской губернии, по словам Личкова, сознание того, что земля – мирская

¹ Мне весьма приятно указать, что г. Кауфман и некоторые другие исследователи также полагают, что зародыш общинного права лежит в понятии крестьян о «ничьей», «Божьей» земле. Г. Кауфман, например, основной, первой причиной того, что из семейно-захватного владения развивалось и развивается общинное, а не личное владение, считает «присущее крестьянину-пахарю... воззрение на землю как на «ничью», «Божью», «государеву», как на фонд, из которого каждый имеет равное с другими право черпать себе средства существования» («Крестьянская община в Сибири», с. 61).

² Из статьи А. Шапова, цитирую по Ан. Карелину «Общинное владение в России», с. 189, см. тут же и следующие страницы о том же сознании в Олонецкой губернии и др. местах.

собственность, совершенно повсеместно и твердо установилось¹. В Енисейской губернии «во всех случаях право общества регулировать поземельные отношения принадлежащих к его составу лиц никогда никем не оспаривается; если же возникают нередко протесты по поводу отдельных соответственных распоряжений общества, то протесты эти никогда не касаются самой сущности права, а направляются только против различных действительных или предполагаемых злоупотреблений им»².

Такое полное и всеобщее сознание и признание общинного права объясняется именно тем, что лично захваченные участки представляют только островки среди общинного района захвата, право (общее, равное для всех общинников) на который для всех безусловно ясно и твердо. Мало этого, нужно вспомнить, что ведь не все участки и уголья захватываются в бессрочное личное владение – некоторые, как выше указано, захватываются только на короткий срок, так что ими владельцы могут меняться очень часто, хоть ежегодно, и в этом случае общность этих участков, принадлежность их всем и каждому и никому в отдельности как нельзя более ярко выясняется.

Спрашивается теперь: может ли такое ясное сознание общинности района захвата и особенно участков краткосрочного захвата остаться без реального выражения, без проявления в той или иной функции общинного владения и распоряжения?

Уже а priori это было бы совершенно невероятно, и, действительно, при самых первичных, чистых формах семейного захвата в период отсутствия границ, то есть, значит, отсутствия точно-конкретной общинной территории, это общинное право уже может проявляться и проявляется, хотя и совсем еще не стесняет индивидуального захвата, а, напротив, утверждает его. Прежде всего это право проявляется именно в дозволении или недозволении захвата земли в районе, тяготеющем к данному селению, лицам посторонним, не принадлежащим к коренному крестьянскому населению деревни или сельского общества. Совершенно ясно, что раз эти лица не могут захватывать землю прямо без дозволения данной группы семей (селения или сельского общества), то этим выясняется право владения этой группы как общинного целого, и когда эта община позволяет захват посторонним, то очевидно, что она распоряжается тем районом захвата, который считает «нашей», «мирской», «общественной землей»³.

¹ «Материалы по Иркутской и Енисейской губ.». Т. II, вып. 3-й.

² «Материалы Енисейской губ.», т. IV, вып. 3-й, с. 137.

³ «Пока заимочное владение существует в чистом его виде, – говорит Кауфман, – верховное право общины на землю осуществляется – и то, впрочем, не всегда – только по отношению к не принадлежащим к составу общины лицам, которых община не допускает (г. Кауфману следовало бы прибавить: и допускает) до пользования землей. По отношению к членам общины права последней находятся в скрытом состоянии и, так сказать, выжидают появления таких условий, которые способствовали бы их проявлению». («Алтайский сборник», выпуск 1-й, с. 109.)

По утверждению г. Кауфмана, в этом только отношении к посторонним и заключаются проявления общинного права при чистом захвате, по отношению же к внутреннему, так сказать, захвату они «решительно ни в чем не проявляются». Полагаю, что г. Кауфман тут имел в виду именно только те случаи чистого семейно-захватного владения, когда еще нет столкновений заимщиков, то есть когда владение еще более экономическое, чем юридическое, – тогда, конечно, и общинное право также всецело находится в скрытом состоянии. Но раз есть столкновения из-за лучших участков, возможные, собственно говоря, почти всегда, так как почти всегда есть какие-либо различия в угодьях, – если не в качестве их, то в расположении, в близости к воде или жилью и т. п., – то уже могут обнаружиться и внутренние, так сказать, права общины.

Правда, что, благодаря игнорированию законом обычно сложившихся судебных функций деревни-общины и перенесению обычно-правового суда в искусственно созданный волостной суд, в очень многих спорах заимщики прямо обращаются в последний, совершенно игнорируя общинную деревню, но, во-первых, по замечанию исследователей, волостной суд теперь в Сибири довольно удовлетворительно осуществляет обычно-крестьянское земельное право, в общем точно следуя за его быстрой эволюцией; а, во-вторых, во многих случаях споры заимщиков разрешаются и общиной. И вот уже в решениях этих споров, особенно из-за того подступания к «заимке» захватчика, характерный случай которого мы анализировали в предыдущем параграфе (в примечании) и в котором проявляется такое огромное лично-захватное право, явственно проступает общинный принцип: споры эти решаются и самое право на «неподступание» устанавливается не на основании только формального принципа неприкосновенности захваченного, но также на основании общих интересов заимщиков, а именно захват тут регулируется для того и так, чтобы захватчики не мешали сельскохозяйственной деятельности друг друга (в выше разобранном примере г. Кауфмана запрет «подступаться» основывается на том, что у подступившего довольно земли вблизи его собственной заимки, так что к стеснению другого нет мотивов). Г-н Дубенский прекрасно выясняет этот же принцип для Енисейской губернии. Тут тоже в редких случаях полного земельного простора «каждый член общества, осуществляя свое право захватывать пустующие земли и пользоваться ими, может “подступаться” к пашням соседа лишь до тех пор, пока это не стесняет пользования последнего и, таким образом, между пашнями двух соседей остается более или менее значительное пространство, которое уже никто не имеет права обращать в свое непосредственное пользование. На этом пространстве соседи во время земледельческих работ держат свой скот, разбивают «станы», оборачи-

вают, наконец, свои землевладельческие орудия. Ясно, что такие ограничения в праве завладения пустопорожними землями главнейшей своей целью имеют предупредить по возможности возникновение на пахотных полосах сервитута прохода и проезда, а особенно такого тяжелого сервитута, как право оборота орудий; вместе с тем, ввиду отсутствия в изучаемом крае принудительной обработки полей, этими ограничениями стараются по возможности уменьшить постоянные споры о погромах соседних полей во время земледельческих работ»¹.

Нужно отметить еще, что при самом чистом захвате, даже при невозможности споров при самых захватах, всегда могут возникать споры семейно-наследственные и т. п. В таких случаях «мир» выступает формально только как бы судьей, однако если взглянуть в категоричность и безоттеночность его решений, то придется признать, что, по крайней мере отчасти, он фигурирует тут уже и хозяином земли². По крайней мере волостной суд в Енисейской, Иркутской и других губерниях, рассматривая тяжбы, в которых один хозяин основывается на решении общины, а другой такого основания не имеет, иногда даже не входит в разбор дела по существу, указывая на права общины, и обыкновенно признает правым первого, то есть принципиально подтверждает распорядительство общины.

Могут, наконец, иногда встречаться отдельные случаи непосредственно-го распоряжения общины тем или иным участком земли по особым причинам и с особыми целями: могут иногда отбираться участки за недоимки, община может распоряжаться выморочными землями (при чистом захвате, впрочем, случаи первого и второго рода могут быть лишь очень редко); могут отводиться и регулироваться усадебные места, иные участки могут обращаться под те или иные постройки и учреждения – мельницы, школы и т. п.

Весьма важно, затем, для полной оценки значения общинного начала в самый первый фазис семейно-захватного владения принять во внимание всякие другие проявления этого начала, кроме моментов владения и распоряжения землей. Не надо забывать, во-первых, что общие действия тех или иных обязательно складываются и практикуются в функциях самоуправления и административно-податных. Во-вторых же, и по отношению к земле начало коллективное проявляется помимо распоряжения еще в пользовании:

¹ «Материалы Енисейской губернии», т. IV, вып. 3, с. 176–177.

² Приведу интересный пример такого рода решений из «Материалов по Енисейской губернии». «Приговор Никольского сельского схода (Рыбинской волости из книги за 1890 год) по поводу жалобы крестьянина Я. на то, что отец желает лишить его «надела», выгоняя из дому: «Зная хорошо, – говорится в постановлении по этому поводу – что Я. в чрезмерном употреблении вина и других предосудительных поступков замечен не был, ведет жизнь трезвую и отец его выгоняет напрасно, мы приговорили: обязать крестьянина Я. (отца) все имущество (движимое и недвижимое) отдать сыну с тем, чтобы он: 1) все хранил в целости до раздела с младшим братом и 2) обязан был отца своего прокармливать и ни в чем не стеснять» («Материалы Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 176).

именно в период наименьшей населенности и семейного захвата эти формы бывают довольно часты в виде ли больших семей (встречающихся и до сих пор, а раньше весьма частых), или артелей отдельных заимщиков для отдельных работ в форме «помочей» и т. п. (расчистки леса, уборки хлеба и т. д.), или иногда даже целых общинных организаций для тех или иных целей¹.

Во всех этих разнообразных общественных соединениях, несомненно, вырабатываются воззрения, склонности, привычки, заставляющие каждого отдельного крестьянина постоянно помнить, что он – часть того или иного общественного целого, в них постепенно накапливается некоторая, так сказать, общинная потенция.

¹ Весьма интересные случаи больших семей существуют и теперь в Сибири; в Забайкалье, например, их описывает г. Михайлов (см. «Русскую мысль» 1885 года, 12 кн.); Румянцевская опись малороссийских полков, произведенная в 1763 г., дает нам очень много примеров таких семей – часто в 15–20 человек и очень часто в 10 человек. Эти большие семьи, или маленькие общины, состояли не из одних родных членов семьи, – в них участвовали и посторонние, так называемые «дольщики».

Относительно артелей-помочей из нескольких семей встречаются тоже интересные данные. Приведу для примера описание этих форм из статьи «Очерк форм пользования землей у крестьян Тюкалинского округа» («Восточное обозрение» 1887 года № 15, 18, 20): «Если 50–30 лет назад нельзя подметить в пользовании пахотными землями общинного начала у тюкалинских крестьян, зато в уборке хлебов мы наблюдаем проявление общинно-мирского духа в самых широких размерах. Во многих деревнях Кабырданской волости, наиболее хлебородной и богатой части округа, в особенности в те времена, хлеб убирался с полей не иначе, как сообща, помочами; вся деревня участвовала в помочи и переходила от одного крестьянина к другому, пока не убирался весь хлеб деревни». И теперь помочи распространены, но имеют иной характер: бывают в исключительных случаях, если хозяин не может найти рабочих, и, кроме того, собираются на помочь только некоторые, жадные до угощения, тогда как прежде сходилась вся деревня и угощения вовсе не было. Помочи в прежнее время вызывались слишком большими посевами, коротким периодом уборки, неравномерным у разных хозяев на разных участках поспеванием хлебов, вследствие каких причин одному хозяину трудно, а иногда и невозможно справиться самому отдельно; и угощений не было, ибо каждый получал одинаковую выгоду, обменивался равными услугами. Меньшие запашки и наплыв дешевых наемных рабочих в лице уголовно-ссылных были причиной сокращения и перемены прежнего характера помочей. Не знаю, впрочем, составляли ли помочи описанного рода общее явление, хотя бы в одной лишь Сибири. Но несомненно, что как эти, так и другие формы артельного труда широко были и иногда остались распространены в фазисе неограниченного семейно-захватного владения. К частным и иногда довольно обширным применениям кооперации приносила не только борьба с природой (вырубка леса, осушение болот, орошение и т. п.), но и с соседними инородцами. Так, напр., в Кубанской области в станицах, пограничных с кавказскими горцами, еще в 1841 г. находим следующие военно-артельные порядки: «Ежедневно пред началом покоса, – говорится в одном из приказов командира Лабинского линейного полка, – общество должно «выслать конную команду для осмотра местности; команда, заняв высоты, извещает станичного начальника об этом; станичный начальник высылает косцов, поручая их офицерам... строжайше им приказав в случае тревоги спешить немедленно на указанные сборные места для отражения хищников...» Сено в таких случаях обыкновенно косилось сообща на всех жителей станицы и затем делилось между ними также по распоряжению полкового командира...» (Ф. А. Щербина. «Земел. община кубанск. казаков», с. 143).

Приводя здесь эти несколько фактов только с целью дать читателю понятие о том, как разнообразны и даже курьезны бывают применения кооперации в окраинном «диком поле», при первой его колонизации, я отлагаю подробное и систематичное их описание до 4-го тома своей работы. Пока могу указать читателю, что у г. Карелина («Общ. влад.», с. 206–219) собрано несколько любопытных примеров разных артельных организаций.

Таким образом, суммируя все эти, хотя бы и редкие, мелкие, косвенные или даже сомнительные проявления общинного начала в первичный период неограниченного захвата, мы получаем все-таки впечатление, что и в этот период это общинное право, в общем скрытое, иногда, однако, уже там и сям более или менее явственно выступает или по крайней мере просвечивает сквозь оболочку лично-захватного владения.

Но до сих пор мы говорили исключительно о самом первом фазисе – о фазисе отсутствия границ. Понятно, однако, какое крупное проявление общинного начала заключается в самом факте развития межобщинных границ.

Уже при разграничении волостей, тем более при отграничении отдельных угодий группам селений, а особенно при отмежевании отдельных селений (когда, впрочем, семейно-захватное владение уже обыкновенно перестает существовать в чистом виде), нашей землей начинает обозначаться уже не как раньше неопределенное какое-то, куда хватит глаз, пространство, а вполне определенная площадь, конкретные и известными (более или менее точными) знаками отграниченные участки – таким образом конкретизируется общинная территория.

Но при этом размежевании слагается и функционирует и сама община: в этом случае не отдельные семьи захватывают и друг с другом сталкиваются, а целые группы семей с обеих сторон (одного или нескольких селений – это пока все равно), так что при этом каждый хозяин хотя лично отстаивает и охраняет свой собственный уже захваченный остаток, но, кроме того, сообща с другими хозяевами отстаивает и охраняет от других групп общий район захвата; договариваясь о разграничении этих районов, каждая группа, очевидно, уже распоряжается землей как общинное целое; таким образом, при этом размежевании конкретизируется и сама община, и ее функции¹.

В этом процессе и вообще в этот период общинное право выступает уже так ясно и сильно, что начинает задевать личное право захвата, и потому, параллельно с процессом развития границ и по мере его, чистая неограниченная форма семейно-захватного владения уже начинает исчезать и сменяться различными разновидностями ограниченного захвата.

¹ Это проявляется с особенной яркостью в случаях выселения части хозяев. Даже при самом чистом неограниченном семейно-захватном владении такие выселения часто приводят к общему уравнительному переделу всей земли ушедших между всеми оставшимися (такие случаи обстоятельно описаны, напр., г. Кролем для Забайкальской области, см. «Материалы» по этой области, в. 10, с. 164–165, 189 и др.). Ясно, что при этом с полной очевидностью вскрывается общее равное право всех хозяев на землю, то есть именно общинное право. Но затем после таких переделов, вынужденных и преждевременных, снова устанавливается наследственно-захватное владение, общинное право временно снова уходит вглубь, в потенцию...

§ 6

Сказанного достаточно, чтобы формулировать основные черты семейно-захватного владения (неограниченного).

Это владение господствовало и господствует при полном земельном просторе в период первоначального расселения заимками (починками – деревнями), в период первого развития границ между ними.

Оно представляет весьма сложную и своеобразную комбинацию личного и коллективного начала. При нем, как, впрочем, и при многих других формах и фазисах общинного владения, имеются три субъекта владения, располагающиеся в три суживающиеся ступени: вся земля принадлежит государству; отдельные отграниченные районы ее вокруг крестьянских деревень – этим общинам и захваченные под обработку участки в этих районах – отдельным семьям.

Такое существование трех в принципе взаимно исключаящих друг друга субъектов владения (резко отличающее семейно-захватное владение от чисто личной собственности) возможно отчасти благодаря известному распределению между ними отдельных функций владения, распоряжения и пользования, отчасти же благодаря невыработанности, неразвитости самих этих прав. Право общественное, государственное существует (или, вернее, существовало до сих пор) более формально, лишь сравнительно редко проявляясь в самом общем размежевании, только подтверждающем фактическое размежевание самих общин; право общинное только принципиально сознается и признается и хотя постепенно уже проходит некоторый путь реализации и конкретизации, но еще (как общее правило) проявляется только в этом межобщинном разграничении, а не задевает еще личного права; личное же владение при семейном захвате, сначала представляющее лишь ничем не ограниченный факт, а затем постепенно свободно, так сказать, юрифицирующееся на основе труда (чем опять явно отличается от личной собственности), соединяет в себе все функции владения. Таким образом, семейно-захватное владение не есть период неподвижного существования общинного и личного права (неподвижно пока только государственное право), а тот период параллельного развития этих прав, пока они еще не развились настолько, чтобы встретиться и вступить в борьбу, пока знаки и межи заимщиков еще неприкосновенны, границы же между общинами их не исключают, а включают в себя, пока, одним словом, общинное право стоит не против личного, а над ним, пока оно, так сказать, «царствует, но не управляет...»

Но неизбежен, конечно, момент, когда вследствие сгущения населения и культивирования страны все эти три начала должны выступить резче и

столкнуться. Возможны, очевидно, два результата этого столкновения: победа либо личного, либо общинного начала. Исход тут определяется, по видимому, всецело или главным образом поведением государства.

Там, где оно отказывается от своего права собственности в пользу личного начала, наделяя отдельных лиц участками в полную собственность или объявляя такой собственностью их семейно-захватные участки, общинное владение тем самым уничтожается или оттесняется и устанавливается в больших или меньших размерах обыкновенная личная собственность. Происходит это не только потому, что государство прямо объявляет часть своей территории личной собственностью, но еще потому, что этим самым оно вызывает и у других владельцев процесс самопроизвольного перерождения семейно-захватного владения в личную собственность; установленные выше примеры последней являются ферментом, переводящим семейно-захватное владение в личное, заимочники заражаются понятиями собственников (вряд ли нужно доказывать, как силен момент «подражания» в эволюции права вообще и первичных малосознательных фазисов его в особенности), заражаются неизбежно, так как их право представляет почти ту же личную собственность, только, так сказать, текучую, не успевшую кристаллизироваться. Вероятно, именно такова была история землевладения в Малороссии, история так называемого четвертного землевладения и т. п.

Когда же государство не отказывается от своего права в пользу личной собственности, а или передает его в той или иной степени общинам, или даже только сохраняет пассивное положение, тогда, напротив, постепенно общинное начало усиливается, реализуется и в большей или меньшей степени вытесняет личное. Последнее обыкновенно и имело место во всем крестьянско-колониационном процессе в России и наблюдается еще в местностях, где этот долгий процесс еще продолжается и завершается.

В следующих двух главах мы и проследим эту глубоко интересную для основного вопроса о будущем общины и наблюдающуюся в настоящее время у нескольких миллионов крестьян борьбу общинного начала с личным, в результате коей складывается общинная форма землевладения.

ГЛАВА III

Общинное начало может проявляться по отношению к индивидуальному семейно-захватному праву в двух формах: во-первых, в установлении известных общих норм, видоизменяющих и ограничивающих семейно-захватное право, и, во-вторых, в непосредственном выступлении общины в качестве распорядителя теми или иными земельными участками. Первую

форму проще всего называть ограниченным семейно-захватным¹ владением, вторую же я буду называть общинно-отводным владением. Понятно, что общинное ограничение захвата и общинный отвод могут встречаться и очень часто встречаются одновременно, применяясь к разным угодым или к разным моментам владения ими, но их следует отделять ввиду существенного принципиального в них различия. Обрисуем сначала эволюцию общинного ограничения захвата, а затем – общинных «отводов».

§ 1

Выше мы рассматривали период обилия земли вообще и всякого рода угодий в частности, когда право каждого захватывать землю ничем не стеснено, так как земли больше, чем можно захватить, потому и право владеть захваченными участками также ничем не ограничено. Но когда все лучшие участки того или иного угодя уже захвачены, и для захвата остались только заметно худшие, или даже совсем почти никакие не остались – тогда право на захват вступает в конфликт с правом владеть захваченным: между двумя хозяевами, желающими захватить один участок, или между захватившим и ищущим захватить возникают споры. Само собой разумеется, что споры эти иногда могут окончиться полюбовным соглашением между спорящими, могут, наоборот, привести к насилию, к решению спора физической силой, но ясно, что очень часто, наверно в значительном большинстве случаев, они, в конце концов, не могут не привести к публичному, общественному спору между захватчиками, причем на сторону каждого становятся его родственники, соседи и т. п., чем постепенно вводится в спор и весь «мир» как судья в споре. С учащением споров учащаются и случаи мирского, общинного их разбирательства и решения, и, в конце концов, сами спорящие часто сразу же обращаются к «схожанам» (мирскому сходу в полном или частном составе).

В большинстве этих решений и соглашений дело решается в пользу права на захват и против права на захваченное. Происходит это именно потому, что главное основание захвата, выступающее в спорах заимочников, заключается в труде: захват или давность представились бы недоступными

¹ Мне весьма приятно указать, что на этом термине я буквально сошелся с г. Кролем, весьма интересную работу которого о формах землевладения в Забайкальской области (в «Материалах» комиссии ст. с. Куломзина, вып. 10) я, к сожалению, прочел лишь после того, как вся эта книга была уже написана, что не позволило мне воспользоваться фактами и выводами этой работы с такой полнотой, как она этого заслуживала бы. В частности, терминологические замечания г. Кроля (см. ст. 1–6 его книги) очень метки и отчетливы и, пожалуй, лучше всех предыдущих характеризуют многочисленные классификационно-терминологические схемы сибирской формы землевладения. Приходится только поставить г-ну Кролю в упрек то искусственное отличие особого «вольного» владения от семейно-захватного, которое он повторяет за предшествовавшими ему авторами...

для оспаривания и ограничения, как основания формальные и не поддающиеся или мало поддающиеся измерению и соизмерению, затрата же труда, представляющая явление реальное и измеримое и могущее варьироваться от самой крупной до ничтожно малой величины, является по существу основанием упругим, способным к сжиманию, сокращению перед другим принципом. И вот весь процесс ограничения права на захваченные участки в пользу права захватывать именно, как общее правило, и состоит в постепенном оспаривании только таких захватных владений, которые недостаточно основывались на затрате труда, т. е., таким образом, в этом процессе не только не оспаривается право затраченного труда, но, напротив, весь процесс именно и состоит во все более точном сведении захватного владения к трудовому основанию. Мы с полной конкретностью увидим это, обрисовав сам ход развития этих ограничений захвата.

Выше я указал на то, что уже при чистом семейно-захватном владении в одном случае совершенно отчетливо проявляется право общины нормировать захват: это именно – в самом дозволении захвата в общинном районе лицам посторонним. С них же легче всего может начаться и установление постоянных норм для захвата. И действительно, уже очень рано начинают отмечать различные ограничения захватного владения посторонних. В Иркутской, например, губернии посторонних начинают облагать сборами за пользование землей¹. В иных селениях уже состоялись решительные приговоры об этом, в других крестьяне только собираются приступить к этому: «...пустили их («разночинцев»), когда свободно было, а теперь и надо бы ограничить, – либо землю отнять, либо обложить, да не знаем как...». Таким образом, в этих случаях самый принцип ограничения захватного владения посторонних уже вполне признан и неосуществлен только по незнанию формальных к тому способов. В Енисейской губернии также лицам посторонним при начале «утеснения в земле» начинают отво-

¹ Привожу типичный пример такого рода особенно решительного мирского ограничения посторонних. Приговор: «1885 г., 27 февраля. Ввиду того, что до сих пор не исполнен еще приговор крестьян Александровского общества Усть-Балейской волости от 1 апреля минувшего года и платеже оброка в пользу их со стороны лиц пришлого некрестьянского населения за пользование последними усадьбами и пахотными землями, лесом, покосами, выгоном и пр.; что сами лица некрестьянского сословия отказались от участия в мирских платежах, и что между тем на крестьян, собственно, приходится по $\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли и 3 десятины покосов, а платят казенных, волостных, мирских сборов и несут натуральных повинностей всего на 3855 руб. или по 20 руб. на душу, и что, кроме того, для общества необходимо училище, содержание которого обойдется до 600 руб., – ввиду всего этого общество постановило просить правительство (правительством в Сибири называют местную администрацию): 1) об обложении оброком лиц некрестьянского сословия, 2) понудить всех лиц, не желающих платить оброк, снести свои постройки с общественной земли, 3) отобрать у этих лиц земли и покосы в пользу общества, 4) обязать всех разночинцев участвовать в отбывании квартирной и пожарной повинностей, ночных караулов, и акты на усадьбные земли свидетельствовать только в сельском управлении». Подобные же постановления начинают делать и многие другие общины в Иркутской губернии. См. «Мат. по Иркутской губ.», т. II, в. 3, с. 175–182.

дить для захвата районы похуже и т. п. Таким образом, на этом захватном владении чужих общин людей легче всего проявляется верховное общинное право владения землей.

Вслед или рядом с этим ограничением захватного владения «чужих», начинают постепенно претерпевать некоторые стеснения и свои деревенские заимочки. Этот огромной важности момент наступает незаметно и естественно: ограничения захвата начинаются в пунктах, во-первых, наибольшего напряжения права на захват, то есть с тех угодий и участков, которых раньше начинает не доставать для захвата, и, во-вторых, наименьшего сопротивления со стороны права труда, то есть где затрата труда минимальна, почти равна нулю. Оба эти условия соединяются и соединялись обыкновенно в сенокосах. В большей части Сибири, в северных европейских губерниях, в землях казачьих войск Донского, Уральского, Кубанского и т. д. сенокосов, особенно благодаря крупным обыкновенно размерам скотоводства при земельном просторе, начинает не хватать раньше, чем мест под пашню¹; впрочем, в некоторых местах их больше, чем пашни, так тут зато и захват сенокосов ограничивается позже, чем захват пашни.

Затрата же труда на сенокосные угодья обыкновенно равна нулю, так как тут весь труд состоит в уборке продукта без предварительной обработки, поэтому-то уже при неограниченном семейно-захватном владении редко встречается долгое наследственное владение сенокосами, и только при полном их изобилии они входят в личные «занятия» заимщиков, а обыкновенно захватываются ежегодно и могут часто менять своих владельцев; если же и тут затрачен труд в виде расчистки из-под кустарника, орошения, загородки и т. п., то к таким сенокосам ограничения захватного владения применяются всегда позже, чем к обыкновенным.

Таким образом, на процессе ограничения захватного владения сенокосами с полной отчетливостью проявляется основной закон этого процесса: вообще, не только как общее правило, он тут начинается с пунктов сразу и наибольшей силы права на захват, права на труд, и наименьшей силы права на захваченное, права труда, но и самими исключениями из этого правила оно особенно ярко подтверждается. Очертим вкратце сам процесс ограничений захвата сенокосов.

Первые такие ограничения, при самом еще малозаметном сокращении сенокосных угодий, представляют, собственно, еще не формальные ограничения захватного права, а скорее, так сказать, постановку заимщиков в правильный строй. Прежде всего устанавливается (там, где покосы не состав-

¹ Необходимо, впрочем, заметить, что во многих местностях, преимущественно у инородцев, скотоводство еще недавно находилось, а часто и до сих пор находится в таком фазисе, что сена вовсе не косят, а скот питается сам, добывая себе корм из-под снега; такие случаи указаны, напр., для Забайкальской области (см. «Материалы Комиссии статс.-секр. Куломзина», выпуск 10, с. 8).

ляют отдельных участков, неотъемлемых от заимки) запрещение косить до назначенного всем миром срока. Это и понятно: хозяин, начавший косить на неделю раньше других, очевидно накосит больше других, а, главное, перепортит не подросшую еще траву, да и вообще при такой свободной конкуренции хозяев они всегда будут начинать косьбу до полного созревания травы, – значит, все тут потеряют. В иных общинах только день и устанавливается; в других – начало покоса сопровождается целым ритуалом: еще до восхода солнца все хозяева собираются около околицы на телегах и верхом на лучших лошадях, по данному сигналу все бросаются вскачь к сенокосу, стараясь друг друга обогнать и попасть на лучшее покосное место¹.

При таком точном определении момента начала косьбы, которая в этом случае и является захватом, появляется уже обыкновенно и другой прием: каждый хозяин не принимается прямо за косьбу, а предварительно закашивает возможно больший круг, и этот круг уже и считается его участком, в коем никто другой косить не смеет. Вместе с этим точным определением момента и с обычаем предварительного закоса появляется и еще ограничение, пожалуй, в известных случаях гораздо более существенное: определяется, какое число наемных рабочих имеет право брать на косьбу каждая семья (столько, например, сколько в семье ревизских душ и т. п.), или дозволяется брать с собой только годовых рабочих или вообще срочных, но не поденных и т. п., а при известной ограниченности покосов и вовсе запрещается брать на покос наемных рабочих. Такие порядки систематизированного ограниченного захвата существовали еще недавно (лет 30 тому назад) в Новороссии (в Бердянском и Мелитопольском уездах)². На Дону еще в 70-х годах «каждый казак имел право выкосить такой участок, какой он сможет самолично обкосить с восхода до заката» (войсковая же администрация установила право нанимать рабочих пропорционально чину: простой казак – одного рабочего, урядник – двух и т. д.)³. Подобный же порядок предварительного «закоса» с ограничением числа наемных рабочих и т. д. существует и в общинах уральских и др.⁴.

Потом во многих общинах уничтожается обычай закоса. При нем захват бывает крайне неравномерен и притом пропорционален часто не количеству труда, а просто удаче, быстроте захвата, а то и физической силе захватчиков, поэтому его заменяет порядок, при коем просто все косят сво-

¹ Такой обычай описывает, например, Петропавловский (Каронин) в Тобольской губернии в статье «По Ишиму и Тоболу», в «Записках Западн. Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. общ.», кн. VIII, вып. 1.

² См. сборники земской статистики по этим уездам, а также ст. о формах землевладения в «Памятной книжке Тавр. губ.» 1889 г.

³ См. «Общинное владение» А. Карелина.

⁴ «Очерк общинного хозяйства уральских казаков» Н. Бородина // «Северн. вест.» 1890 г., IV кн., с. 40–45.

бодно, каждый где хочет, хотя бы и рядом с другим. Но и тут есть крупные неудобства (о них ниже), и потому следующая ступень систематизации, а вместе и регламентация захвата возникает незаметно само собой: «...для того чтобы слишком многим не встретиться на одном сенокосном участке и не терять времени на излишние переезды с места на место, начинают перед выездом на покос условливаться, кому куда ехать: “ты здесь коси, а я туда пойду”»; при таком уговоре, конечно, каждый действует с таким расчетом, чтобы не попасть в урочище, куда набралось много желающих, и таким образом достигается уже некоторая уравнительность. На дальнейшей ступени все общинники в определенный день выезжают на осмотр покосов, причем каждый намечает себе место для сенокосения и сообщает об этом остальным; если затем кому-либо при такой разбивке досталось слишком мало, то общество делает ему прирезку от соседей. Очевидно, что переход от такого порядка, которого еще нельзя назвать переделом, к настоящему переделу представляется уже совершенно незаметным. Переход от каждой из намеченных ступеней к последующей также совершается немедленно и незаметно, так что сами крестьяне затруднились бы, если бы им пришлось указать год, с которого они стали переделывать сенокосы. Любопытны, наконец, случаи, когда пользование сенокосами облекается в двоякую форму: сенокосы переделываются только при дурных урожаях травы, при хороших же продолжает практиковаться вольный захват»¹.

Таким образом, ограничения захватного владения покосами, раз зародившиеся в формах почти незаметных, развиваются с такой же незаметностью и постепенностью. Право на захват, на труд по мере развития «утеснения» все возрастает, праву же труда некогда и не за что ухватиться и проявиться. Поэтому трансформация неограниченного захвата покосов в ограниченный (и затем замена его периодическими переделами) происходит сравнительно легко и быстро. Настолько же быстро и отчетливо формулируется при этом сознание общинного права на ограничение захвата, а это и служит сейчас же толчком и прецедентом для такого ограничения захватного владения пашней.

Едва ли не первые проявления ограничения захвата пашни заключаются в требовании, что самый захват был действительно и вполне трудовым, то есть он начинает считаться действительным лишь с того момента, когда начата действительная обработка захватываемого участка, а прежние условные символы захвата, разные зарубки, опахивания и т. п., требующие очень мало-

¹ См. А. Кауфмана «Крест. землев. и хозяйство в Тобольск. и Томск. губ.», с. 42. Такие же факты указываются г. Кролем и для инородцев Забайкальской обл.: «Степные покосы обыкновенно косятся в Урищевском булуке вольно, но если на лугах трава родится плохо, начинают косить и степные покосы по разделу...» (см. «Материалы комиссии для исслед. землевл. и землепольз. в Забайк. обл.», вып. 10, с. 17).

го сравнительно труда, признаются, как основания владения, ничтожными. Выше я уже приводил пример недействительности захвата камня простой меткой на нем; там же ясно высказан и мотив этого: «так каждый мог бы наметить себе все годные камни»; то же и с пашней: и тут всякий мог бы понметить себе все лучшие участки. Понятно, что так как с самого же начала в захвате уважается только труд, то при сокращении пашенного простора захват без немедленной же затраты серьезного труда для обработки постепенно сам собой сводится к абсурду и к нему перестают относиться серьезно. Прекрасные иллюстрации к сказанному представлены г. Дубенским для Енисейской губернии в виде решений волостного суда. Характерен, например, такой случай: «Крестьянин Венчаков с целью завладеть свободным участком пашни наделал, как говорит запись, “захватных складов”, то есть провел несколько борозд, служащих по обычному праву знаком завладения; однако участка он не распахал ни в первый год, ни в следующий. Тогда крестьянин Еськин, не смотря на то, что знал о проведенных Венчаковым складах, землю вспахал; Венчаков же, считая по праву первой оккупации землю своей, засеял ее; на это Еськин подал жалобу в суд, указывая, что право на землю принадлежит ему, Еськину, как лицу, которое ее впервые вспахало; Венчаков же, хотя и провел захватные склады, землей в течение двух лет не пользовался. Суд согласился с мнением истца, и спорный участок был оставлен за ним с тем, однако, условием, чтобы Венчаков воспользовался половиною урожая в возмещение затраченных им на посев семян»¹. В приведенном случае символ захвата, «склады», еще признается, но с условием уже не слишком опаздывать с действительной разработкой участка, иначе его может захватывать всякий. Ясно, что отсюда уже один шаг до полного игнорирования этих предварительных символов захвата, до требования для действительности захвата действительного же начала производства.

В общем, однако, этот путь проходит медленно и постепенно. В нем можно отличить три фазиса: 1) прежде всего начинает отрицаться захват чисто символический – в степи постановка знака, в лесу зарубки на нескольких деревьях и затем занятие угодий, просто только близких к заимке²; 2) потом устанавливается захват началом обработки: опаживание вокруг степного участка и «зачерчиванием» (снятием коры для засыхания деревьев)

¹ «Мат. Енис. губ.», т. IV, вып. 3, с. 146. Крайне интересно отметить, что такое присуждение возмещения за затраченный труд, даже когда затратившему отказано в праве владения, представляет, по словам исследователя, общее правило, которого всегда строго держится волостной суд; мало этого, признавая, что «никто не должен обогащаться на чужой счет», волостной суд не отказывает в вознаграждении труда даже почти заведомо недобросовестным захватчикам... (там же, с. 148).

² В Забайкальской обл. у инородцев иногда сенокосный участок считается уже захваченным, если на нем только поставлен столб для коновязи; также захватываются и усадебные места (см. «Матер. Забайк. обл.», в. 10, с. 19 и 63).

в лесных местностях¹ и 3) наконец, это считается недостаточным, и захватное право устанавливается только полной первой разработкой – вспашкой в степи и вырубкой деревьев в лесу².

Кроме сведения начала захватного владения к моменту начала на нем процесса производства устанавливается предел этому владению и по окончании на нем этого прогресса. Выражается это прежде всего в установлении сроков, на которые участок может быть брошен заимочником в залежь и после которых он опять поступает под вольный захват. При этом опять наблюдается обыкновенно строгая постепенность. Например, в Иркутской и Енисейской губерниях сначала сроки эти долгие и не точно определенные, например «лет 15–20» и т. п., а потом после споров из-за этой неопределенности и стеснений, из-за этой долговременности ожидания, когда опять вздумается хозяину возвратиться к залежному участку, – срок быстро сокращается и устанавливается точное правило, что если заимочник, например, 3 года не трогал залежь, то она свободна для захвата³.

Наконец, и этот краткий срок залежности начинает нарушаться и исчезать и каждый участок становится свободным для захвата с того самого момента, когда он фактически перестает обрабатываться заимочником.

Обрисованная форма назначения и затем сокращения и уничтожения сроков залежности, параллельно с указанным перед тем развитием требования для захвата действительного начала обработки, представляет наибо-

¹ Напр., в Курганском окр. Тобольской губ. в захватный период «верили складам» (нескольким отвороченным сохой пластам земли) и «верили тяпками» (тяпка – место, выкашиваемое в один взмах косой).

² Например, в Кулачинской волости Тюкалинского округа (Тобольской губернии) постановка одного знака в поле уже не устанавливает права владения. Под распахку для завладения может заменить и проведение вокруг участка только одной борозды «Затем уже и круговая распахка признается недостаточной и требуется полная вспашка участка» («Литературный сборник» издан. «Восточного обозрения». «Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии» г. Капустина). Эволюция завладения зачеркиванием особенно хорошо выяснена г. Личковым для Иркутской губернии; таковы же порядки и в Енисейской губернии; здесь сначала зачерченный лес может стоять сколько угодно неприкосновенным в ожидании разработки; затем назначаются сроки, сначала неопределенные и долгие, а затем все более краткие, после которых если зачертивший не начал разработку, то «чертеж» могут захватывать другие; наконец, сроки эти сокращаются до нуля, то есть, иначе говоря, зачерчивание само по себе перестает означать захват (см. «Материалы по Иркутской губернии», том II, вып. 3, с. 158 и «Материалы по Енисейской губ.», том IV, вып. 3, с. 187).

³ В этом преобладании в Иркутской и Енисейской губерниях именно 3-летнего, а не иного какого срока залежности опять-таки проявляется естественность, неизбежность и целесообразность даже самых мелких деталей в этих ограничениях захвата: 3-летний срок установился не только потому, что в течение его уже с несомненностью успевает выясниться нежелание хозяина продолжать немедленно обработку, но часто еще потому, что после того эта обработка уже неудобна; залежь за это время успевает «задуреть» (зарастает сорной травой), так что становится негодной ни заимочнику, ни другим, и продолжение владения его заимочником представляло бы буквально картину «собаки, которая сама не ест и другим не дает...».

С той же правильностью развивается ограничение захвата и в других деталях назначения сроков залежности – явлении, вообще особенно отчетливо разработанном г. Личковым и Дубенским для Иркутской и Енисейской губерний (см. «Матер. Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 182–184).

лее распространенную форму захвата. А именно таким способом развивалось и развивается ограничение захватного владения в Иркутской, Енисейской, Томской и частью Тобольской губерниях; этот же способ применялся и иногда до сих пор встречается не только в северных губерниях Европейской России (например, в Олонецкой губернии и других), но даже в отдельных случаях, например, в Нижегородской губернии; он же отмечен в прошлом, а иногда и в настоящем и во всей южной степи – в Херсонской и Таврической губерниях (не только в русских селах материковых уездов, но и в общинах тата) и у донских казаков и т. д.¹

В этом ограничении сроков нерабочего, так сказать, владения захваченными участками право труда проявляется с чрезвычайной яркостью. Длинные сроки для залежи назначаются исключительно в лесистых местностях, где первоначальная разработка стоила большого труда и не могла вознаградиться в один, так сказать, прием пользования, почему и позволяют хозяину выпахать участок, дать ему отдохнуть, снова выпахать и т. д. При этом это право первого и самого тяжелого труда так скрупулезно признается, что, например, отмечены такие случаи, когда данный участок, запущенный первым заимочником в залежь, вышедший потом снова из культурного состояния и заново разработанный другим хозяином, затем, после некоторого пользования этого последнего (в возмещение его затраты труда), возвращается опять первому.

В степных же местностях, где первая затрата труда (поднятие целины) немногим больше обыкновенной вспашки, и сроки залежности устанавливаются самые краткие или обыкновенно даже вовсе не устанавливаются, то есть как только первый заимочник перестанет сеять, так участок может быть захвачен другим. И здесь опять такая же скрупулезность: очень часто (в Иркутской, например, губернии и в Забайкалье) в одной и той же деревне залежь участка из-под леса (на который затрачено много труда) может лежать бессрочно неприкосновенной, а залежь из-под луга или, как говорят крестьяне, «светлые» места свободно захватываются, если оставляются без разработки в течение 3-х лет, и т. п.

Таким образом, когда захватное владение и начинается с момента начала на нем процесса производства, и оканчивается с момента прекращения этого процесса, тогда в этой наиболее развитой и типичной форме ограниченного семейно-захватного владения это владение, очевидно, сводится, собственно говоря, к чисто трудовой норме: каждый заимочник владеет

¹ Например, в Олонецкой губернии «участок, не возделываемый в течение определенного времени – года, двух, пяти и иногда даже десяти лет, – может быть захвачен любым членом общины; при этом если общинник перестал его обрабатывать по болезни или по другой, не зависящей от него причине, то мир увеличивает сверх обычного срок, в течение коего участок нельзя захватывать» (см. «Общин. влад.» Ап. Карелина, с. 200 и 190).

приблизительно такой площадью, которую он при данных своих семейных и наемных рабочих силах может держать, так сказать, в рабочем, эксплуатационном состоянии. По удачному выражению г. Филимонова, в этот период «тот не владелец, кто не пахарь», или иначе, по замечательной крестьянской поговорке в Вятской губернии, «чья рожь – того и земля...».

Поэтому это чисто трудовое владение может, очевидно, быть бессрочно-наследственным: в том именно случае, если устанавливается интенсивная система земледелия с сильным, например, удобрением, при которой земля не выходит из эксплуатации и, значит, никаким другим хозяином более не может быть захвачена. Таким образом, описанный вид ограничения захватного владения почитает право труда принципиально неприкосновенным и, собственно говоря, открывает ему возможность так глубоко укорениться, чтобы потом переродиться в чистую личную собственность, и последнее не случается только, главным образом, благодаря экстенсивным системам земледелия, при которых заимочники сами бросают свои участки под захват другим.

Но, помимо этого нормирования захвата назначением срока залежности, вообще ограничением права оставлять без эксплуатации захваченный участок, захватное владение часто ограничивается и прямо назначением максимального определенного срока эксплуатации. Это ограничение по принципу своему гораздо резче обрезает личное право захвата в пользу общинного: оно прямо уже устанавливает срочность захватного владения, то есть, собственно говоря, превращает уже его из владения в пользование. Ясно, что в этих случаях трудовое право не имеет такого безусловного и самодовлеющего значения, не является каким-то неприкосновенным «табу», а, напротив, само подвергается анализу и критике и взвешивается на одних весах с общим правом на захват, на труд. При этом анализе, однако, само это право труда опять-таки не только не отрицается, но, наоборот, именно берется как исходная аксиома, и весь анализ состоит именно в выводе формулы самого строгого и чистого права труда.

Дело ведь в том, что хотя труд, вложенный в землю, и не выделим из нее, но, во-первых, он является причиной не всей ценности этой земли (она всегда имеется и до затраты труда) и, во-вторых, он погашается своими полезными результатами, так что каждый вложивший в землю труд имеет в силу того право в сущности не на саму эту землю, а только на те изменения в ней, которые явились результатом соединения и взаимодействия труда и земли. Значит, всякая затрата труда, как бы ни была она долга и велика, приобретает эту землю не навсегда или пока продолжается, а лишь до тех пор, пока не извлечет из этой земли в виде полезных продуктов всего своего результата; чем больше или чем дольше – и, прибавим еще, чем более высокого качества труд влагал заимочник, – тем на большее количество продуктов или тем на боль-

шее пользование землей имеет он право. Весь этот принцип вознаграждения затраченного труда результатом его целиком и проявляется всегда в ограничениях захватного владения максимальным сроком.

Количество труда, необходимого для приготовления поля под посев, варьируется в очень широких пределах в зависимости от естественных условий. И вот насколько больше этот труд, настолько выше оцениваются общиной права заимочника на разработанный им участок. В лесистых местностях Сибири и на севере Европейской России особенно часто устанавливается 40-летний срок владения захваченными участками¹. Очень часто, впрочем, встречается и меньший срок пользования расчистками из-под леса: такое сокращение происходит, во-первых, там, где земли мало и где, значит, она значительно выпажана и где потому свежая расчищенная пашня дает особенно большие выгоды сравнительно с остальной землей, притом в таких же местностях часто уже и лес представляет не дремучую тайну, а малорослую заросль, требующую меньше труда для расчистки; в нескольких общинах, например, Семеновского уезда Нижегородской губернии, где сохранились еще небольшие лесные участки, разрабатываемые по праву захвата, мир оставляет захваченные участки в пользовании расчистивших всего лишь 6–9–12 лет, на 4 хлеба и т. п.². В степных же местностях сроки пользования захваченными пашенными участками устанавливаются общиной самые минимальные: так, в Мелитопольском уезде раньше «в деревне Ново-Николаевке, Богдановке и других установлен был 3-летний срок владения пашней, после чего ее мог занять другой хозяин». «В некоторых общинах Царицынского уезда после двукратного посева на участке его мог занять всякий член общины...». И т. д.

Кроме этих, соответственно продолжительности затраты труда ограничиваются еще иногда и сами формы и размеры этой затраты труда: определяется число и характер орудий, которыми единственно дозволяется обработка, и устанавливаются сроки ее начала, а иногда и окончания. Так, например, в Уральской казачьей общине установлено запрещение косить сено сенокосилками (нужно, впрочем, отметить, что это регрессивное по принципу правило вызвано скорее не развитием общинного принципа, а, напротив, недостаточным развитием его: в той же Уральской области в трех отдельных общинах, перешедших уже к высшей общинной форме – переделам покосов, – такого запрещения совершенно нет, так как тут, при уничтожении самого захвата, оно теряет всякий смысл. Интересно также установленное в

¹ Так, например, «в Забайкальской области участок, расчищенный из-под леса, в который, очевидно, затрачивается очень много труда, остается у вложившего в него этот труд долгое время: лет 40 и более» (*Михайлов К.П.* «Общинный быт у крестьян Забайкальской области» // «Рус. м.». 85, 12).

² См. «Материалы для оценки земельных угодий Нижегородской губ., Экономическая часть» Семенов. уезд, с. 132.

Уральской же казачьей общине правило, по которому каждый казак имеет право распахать землю с 1 июня по 1 июля одним только плугом, причем возникал также вопрос, за сколько плугов считать двух- и трехкорпусные плуги, проводящие одновременно по 2 и 3 борозды, и решили пока считать их за один плуг¹. Еще более разработано это правило в общинах кубанских казаков, где часто тоже запрещено пахать более, чем одним плугом, а иногда запрещены и многолемешные плуги; другие же общины устанавливают тут срок начала и максимальное число дней для распашки целинных и других земель... И т. д.².

Совершенно очевидно, что в этих ограничениях захвата во времени и по способу община отводит захватное право в довольно узкие рамки, превращая его из бессрочно-наследственного во временное (приблизительно от 40 до 3 лет – пропорционально труду, затраченному заимочником в захваченный участок) и что этим ограничением совершается и ограничение его размера. Но многие общины той же цели достигали непосредственно, то есть прямо устанавливая размер захвата и не допуская захвата участков выше этой нормы. К такому способу общины прибегают нечасто, но он все-таки встречается в самых различных местностях.

В Кубанской области ограничение захвата, кажется, почти всегда шло именно этим путем. А именно: здесь прежде всего казачьи общины разбивали всю свою территорию на несколько частей, одну отводя под пашню, другую – под покос, а остальную оставляя целиной и налагая под страхом штрафа запрещение на захват здесь участков под пашню; затем, кроме этого общего ограничения района захвата, выступает и более тесное: начинают назначаться максимальные размеры захватного посева, в каком случае мы имеем уже дело с зачаточной формой уравнильно-передельного владения³, которое вскоре затем и наступает в виде «отводов» земли от одних хозяев другим. Подобный же приблизительно порядок максимальной нормы захвата введен по инициативе казачьей администрации и в Уральской казачьей общине. Те же его разновидности представляются, по-видимому, в казачьем

¹ Бородин Н. «Очерк Общ. хоз. уральских казаков» // «Сев. вест.» 90 г., 4 и 5 книги.

² См. Щербина Ф. «Зем. общ. куб. каз.», с. 93, 110 и др. До какой высокой формы общинной уравнительности может непосредственно доразвиться это ограничение захвата сроком и орудиями обработки, показывает следующий хотя бы пример. В станице Сужской общество, «решив производить распашку и сенокосение с заранее назначенных дней, постановило, чтобы каждый общинник, "выехавши в поле, останавливался у первого незанятого места, намечал со стороны другого заимщика границу своей заимки", чтобы вслед за ним так же поступали следующие, распахивая, таким образом, всплошную назначенный для этой цели клин земли. Подобным образом решено было занимать и сенокосные места. Но при этом беднякам и вдовам общество постановило "отдавать землю по их выбору" и притом так, чтобы они заняли свои места и начали на них работы за три дня до назначенного для остальных жителей времени заимок. С этой целью общество определило сделать для всех бедняков и вдов особый список» (там же, с. 124).

³ См. Щербина Ф.А. «Земельная община кубанских казаков» 90 г., с. 90, 92.

землевладении Терской области. Здесь, например в станице Эссентукской, владение покосами очень своеобразно: оно двоякое – под вольный захват (только с назначением срока начала косьбы) оставлены только дальние и худшие участки, а ближние и лучшие ежегодно делятся уравнительно между хозяевами, причем, однако, каждый должен начинать покос своего участка в определенный день, должен косить только своими силами без наемных рабочих, и кто не успеет в первый же день обкосить свой участок вокруг, тот теряет на него право, и его опять может захватывать всякий другой хозяин (так что слабо-рабочие хозяева часто захватывают только часть своего участка)¹. Г-н Карелин² указывает, что в Сибири встречаются приговоры, ограничивающие право захвата известным числом десятин, разрешающие малоземельному крестьянину разыскать излишне захваченную землю и потребовать ее себе. Не знаю, о какой местности говорит здесь г. Карелин, но в 3-х округах Иркутской губернии г. Личков действительно отмечает несколько селений, ограничивающих сам размер захвата³. То же встречается и в Саратовской губернии: здесь в мордовских общинах «захватный способ подчинен строгой регламентации: прямо назначается пространство земли, которое может расчистить и запахать желающий»⁴. «В селе Терпени Мелитопольского уезда Таврической губернии, вновь населенном после изгнания духоборов в 44 году и где первый передел совершился в 58 году, с 46 года вся пахотная земля была разбита на круги в 15 десятин и каждый хозяин мог свободно пахать, не выходя из доставшегося ему круга». И т. д.⁵.

Ясно, что во всех таких случаях территориального ограничения захвата имеется в виду и достигается та же цель, что и в ограничении захвата сроком: с более или менее грубым приближением устанавливается соответствие захватного владения с рабочей силой и влагаемым трудом; захват мощных семей, часто захватывающим гораздо более, чем могут обработать, уменьшается в пользу маломощных семей, часто уже не успевающих находить участки для приложения всей своей рабочей силы.

Это ограничение крупного захвата в пользу мелкого мир иногда устанавливает и прямо назначением для захвата очереди, в какой даются преимущества малоземельным или с малым числом скота и вообще маломощным перед многоземельными и мощными хозяевами. Например, в селении Михайловке в 30-х годах хозяева с малым количеством скота имели право

¹ Последние два примера цитирую по статье *Н. Бородина* «Очерк общинного хозяйства уральских казаков» // «Северн. вест.» 90 г., 4 и 5 кн.

² «Общинное владение», с. 195.

³ «Материалы по Иркутской губернии», т. II, в. 3, с. 165.

⁴ Факт приводится Триоговым. Цитирую по «Общинному владению», с. 202.

⁵ См. зем. стат. сб. по этому уезду.

выехать в поле раньше других и обойти кругом любой клочок земли, который с этого момента считался неприкосновенным в течение года; это давало бедняку возможность засеять землю постепенно, в течение 2–3 месяцев, без опасения, что в это время вся удобная земля будет распахана богачами. Первый передел произошел здесь в 1850 году, а за несколько лет до него установлен был 3-летний срок пользования пашней¹.

Я остановился несколько подробнее на последних случаях ограничения захвата размером и очередью, потому что они сравнительно менее известны, а между тем на них мы можем особенно явственно разглядеть не одно уже только это начало ограничения личного захвата, но и прямое проявление общинного права непосредственного распоряжения землей. Когда община изымает из захвата одни участки и отводит для него другие, позволяет всем хозяевам захватывать не более известной нормы и одним предпочтительно перед другими, то, очевидно, этим самым община ограничивает захват не посредством общих только правил и норм для него, но уже и конкретным распределением – отводом для него известных участков, только пока еще в грубо приблизительном виде. Этими случаями и заканчиваются, таким образом, проявления ограниченного семейного захвата, и от них уже легко перейти к изучению другой промежуточной между семейно-захватным и чистым общинно-уравнительным владением формы, которую и называю – общинно-отводным владением.

§ 2

В развитии общинных отводов наблюдается такая же строгая постепенность и закономерность, как и в эволюции ограничений личного захвата.

Подобно тому как ограничениям захвата легче всего начаться с чужих владельцев и их владений, так конкретное распоряжение общины отдельными участками должно, очевидно, легче осуществляться по отношению к участкам ничьим, то есть выморочным или по-крестьянски «безродным», вообще по тем или иным причинам, вышедшим из захватно-наследственного, родового владения. При чистом семейно-захватном владении случаи такого рода редки, ибо заимщик без наследников обыкновенно еще при жизни своей продает или завещает кому-нибудь свой участок, с появлением же ограничений этих прав завещания и продажи, одновременных и параллельных с ограничениями захвата (о них будет сказано ниже), неизбежно учащаются случаи выморочности, и на них развивается функция общины. Понятно, почему так: кому, как не общине или вообще группе посторонних незаинтересованных семей взять на себя опеку «безродного» участка со сложным в

¹ Там же.

него трудом прежнего владельца? Только такая группа семей может изыскать какой-нибудь принцип для решения спора об этом участке нескольких претендентов, установить за кем-либо из них какое-нибудь право на этот участок-капитал, только община может быть хранительницей «ничьей» земли и вложенного в нее «ничьего» труда¹.

Эти безродные участки, таким образом, становятся, так сказать, зародышами чисто общинной территории; на этих кусочках общинники сживаются с реальным представлением об общине как землевладельце; потом, когда такое понятие уже прочно укоренится и различные обстоятельства толкнут его к дальнейшему развитию, то именно на этих безродных участках и начнет впервые действовать общинно-передельный механизм; и значительно позже, когда механизм этот станет замирать и останавливаться, именно на этих безродных ничьих землях с ничьим в них трудом будет последнее его прибежище...

Довольно сходное значение имеют случаи, одновременные и параллельные с распоряжением безродными участками, отобрания захватных участков, частью или даже (очень редко) полностью, у недоимщиков². В этих случаях, хотя участки не чужие и не ничьи, но их владельцы сами резко подорвали свое лично-захватное право, не осуществив невыделимо связанной с ним обязанности, и тем прямо вынуждают мир так или иначе вмешаться для сведения права к его основанию.

Затем, когда в результате ряда прецедентов таких спорадических отводов (в связи с другими ограничениями захвата), общинно-отводное право достаточно выяснится и утвердится, то этот общинный отвод начинает применяться по просьбе самих же захватчиков и ко всем свободно захватывае-

¹ С особенной ясностью обрисовано это развитие общинного распорядительства безродными землями г. Личковым для Иркутской губ. «Здесь, – пишет г. Личков, – по замечанию крестьян и инородцев многих деревень и улусов естественно зарождалось с утеснением в земле это вмешательство мира: на один и тот же выморочный участок являлось сразу несколько претендентов, и в разрешении возникавших вопросов неизбежно принимали участие родственники, соседи, то есть в обсуждение спора вводились миряне в большем или меньшем количестве, а затем спорящие стали обращаться и к целому миру». Г-н Личков поименовывает 25 селений, характеризуя отношение в них общин к безродным участкам. В 10 из этих селений община не вступает в распоряжение ими, по-видимому, по слабости сознания своих прав: участки бездетными или завещаются, или еще при жизни передаются кому-либо с условием содержать за то владельца до его смерти; участки выселившихся, ушедших и находящихся в безвестной отлучке захватываются арендаторами этих участков (снявшими их от ушедших) или просто богачами и т. д.; в 5-ти других селениях община не интересуется выморочными землями за обилием земли; наконец, в 10 из 25 селений общины «вступаются» за свои права на безродные земли. «В громадном большинстве остальных селений, где только есть или были выморочные земли, они считаются собственностью общества, которое не позволяет их захватывать, а само отводит общинникам или посторонним или сдает в аренду» – обыкновенно сдает в аренду, то есть, значит, оставляет в своем непосредственном владении и распоряжении, и гораздо реже отводит в родовое владение своим членам. Подобная же картина рисуется и г. Дубенским для Енисейской губернии (см. «Матер. Енис. г.», т. IV, в. 3, с. 190–192).

² Об этом см., например, «Матер. Енисейской губ.», т. IV, вып. 3, с. 172–173.

мым или участкам из общего района захвата, во избежание споров, для укрепления их владения. Такие отводы становятся все чаще, все обычнее и, наконец, сделавшись общим правилом, начинают иметь уже, так сказать, обратное действие: так как для каждого лично-захватного владения требуется санкция общинного отвода, то захватные владения, возникшие без такого отвода, когда он еще не был обычным, начинают считаться общиной принципиально неправильными, не имеющими полной силы и потому в отдельных случаях особенной сомнительности прав захватчиков или нужды в земле других семей, такие участки община начинает частью отбирать и отводить другим.

Таким образом, в этом распространении общинного отвода обнаруживается самая строгая постепенность и логичность. Настолько же постепенно и логично совершается и развитие, и усиление самих его проявлений.

При своем начале отвод имеет вид скорее отречения общины от ее земельных прав, чем признания и проявления их: отводные приговоры мира или даже только части мира, небольшой группы хозяев, гласят очень часто так: «отведено в пользование его и его потомства», «которым местом он и его наследники имеют право владеть как своей собственностью»... «в потомственное владение отныне и навсегда»... Иногда лишь встречаются оговорки: «а в случае смерти без наследников земли должна отойти в общество». Ясно, что община тут только, так сказать, свидетельствует личный захват.

Но достаточно вдуматься в сами эти выражения, чтобы понять неизбежность развития из этих отводов-отречений отводов-переделов. Ведь раз община отводит, то этим самым она вполне проявляет свое право владения и распоряжения, значит, в результате ряда отводов «навсегда» вырабатывается сознание, что она может и не отводит, и может отвести не навсегда, а лишь временно. С развитием земельной тесноты отвод постепенно и приобретает такой характер, и массой этих последних прецедентов временного отвода совершенно покрываются предыдущие окончательные отводы – настолько, что само слово «отвод» начинает обозначать только временный отвод или надел, которым община «жалует» хозяина впредь до «могущего последовать передела» или вообще до нового общинного распоряжения¹.

С особенной ясностью этот процесс развития общинного элемента в отводе можно проследить на отводах каждого рода угодий в отдельности.

Начнем с усадебных мест.

¹ «В этом случае для получающего отводный участок срок пользования определяется или известным периодом лет, или наступлением какого-либо условленного момента, или, наконец, хотя о сроке прямо не говорится, но из смысла отводного акта ясно следует, что пользование может быть прекращено в любой момент по желанию общества-владельца» (см. «Матер. Енисейской губернии», т. IV, в. 3).

По отношению к ним эволюция отводов так отчетливо обрисована г. Дубенским для Енисейской губернии, что я приведу это его описание в выдержке для характеристики этого процесса вообще.

В Енисейской губернии отводы усадебных мест «сначала имеют целью придать существующему владению более прочную санкцию, а затем, распространяясь на места, никем еще не занятые, они ставят на первый план интересы усадебно-строительного порядка. Но очень скоро они начинают связывать с этими интересами цель, вполне от последних не зависимую, именно: количественную равномерность вновь возникающих усадеб; иначе говоря, мир, взяв в свои руки распоряжение землями в интересах административно-полицейских, начинает параллельно этому распоряжаться землями в интересах хозяйственно-экономических, в результате чего устанавливается известная норма отвода на один двор. Раз идея об одинаковой для всех хозяев норме получает право гражданства по отношению ко вновь возникающим владениям, то она затем естественно начинает распространяться и на владения, уже существующие, и, таким образом, начинают входить в практику отводы от одних хозяев, у кого излишек против нормы, к другим – у кого недостаток. Естественно далее, что подобным отводам-отрезкам прежде всего начинают подвергаться усадебные земли, во-первых, такие, которые ранее всяких других подвергаются простым отводам, а, во-вторых, такие, которые дают наиболее поводов к спорам и столкновениям и недостаток в которых обнаруживается обыкновенно довольно скоро и ощутительно. Но так как усадебные места требуют для своей эксплуатации значительных затрат труда, то они не могут подвергаться всеобщим поравнениям без существенного нарушения интересов их владельцев; поэтому идея поравнения хотя и возникает очень часто на почве урегулирования усадебно-поземельных отношений, но ни значительной распространенности, ни вместе с тем серьезной будущности она на этой почве нигде в изучаемом крае не приобретает и переносится уже на другие уголья»¹.

Едва ли не точно такова же эволюция отводов усадебных мест и в других местностях.

Отводы сенокосов развиваются параллельно с отводами усадеб. Выше, обрисовывая эволюцию ограничений захватного сенокосения, я уже указал на фазу, представляющую уже, собственно, прямой отвод: когда хозяева, выезжая сразу на покос, взаимно условливаются, где кому косить, то при недостатке кому-нибудь места в этом распределении общество тому отводит добавочный участок. Часто же и вообще семейно-захватное владение покосами переходит в общинно-передельное через ступень общинного отвода.

¹ «Мат. Енис. г.», т. IV, в. 3, с. 168–170.

Например, «в одной из пригородных волостей Томского округа... Первым еще робким шагом к душевому (передельному) пользованию явился отвод прибылым душам, властью общины, покосов из пустолежащих или выморочных местностей с полным признанием в то же время общей неприкосновенности права на уже занятые покосы. Затем, когда в умах общинников в результате ряда таких отводов укоренилось сознание прав общины как верховного распорядителя земли, общины для наделения прибылых душ начинают отбирать часть захваченных покосов у тех из общинников, “занятия” (захватные владения) которых особенно обширны; отрезки делаются не на основании каких-либо обмеров, а на глаз, на основании точного знакомства общины с размером фактического землепользования каждого из ее членов»¹. А дальше уже следуют формы, которые, по-видимому, последовательнее будет отнести к первым элементарным разновидностям общинно-передельного, чем к последним наивысшим ступеням общинно-отводного владения.

После всего сказанного мы можем окончательно формулировать основные моменты развития общинно-отводного владения вообще, каковая формула будет в то же время точно характеризовать и развитие отводов пашен. Я различаю именно четыре главных ступени в развитии отводов.

Ступень 1-ая. Отвод обыкновенно совершается по просьбе хозяина, захватившего свободный, никем не занятый и не оспариваемый участок, но желающего заранее обеспечить свое владение от каких бы то ни было споров и неприятностей в будущем, для какой цели, несмотря на полную беспорочность и вескость своего права первого захвата, он считает излишним припечатать еще это свое право форменной бумагой, «отводным актом», гарантирующим ему владение «отныне и навсегда». В таких случаях община, с известной даже торжественностью отводящая ему участок, является просто лишь штемпелюющим, так сказать, захват автоматом.

Ступень 2-ая. Когда община имеет дело с просьбой заимщика об отводе данного участка ввиду заявленного на него спора другими заимщиками или когда оба спорящих одновременно просят об отводе данного участка, – в таких случаях мир уже отправляет не формальную, нотариальную, так сказать, функцию, а существенную, судебскую: он отвергает или устанавливает право того или другого сообразно с принимаемым им самим принципом².

¹ См. «Крест. землепользование и хозяйство в Тоб. и Томск. г.», статья А. А. Кауфмана, с. 42–43.

² Значения сказанного несколько не уменьшают те случаи, когда мир решает не сообразно с принципом, а в зависимости от влиятельности спорящих, количества выставленного ими угощения, родственных чувств и т. п. непринципиального характера мотивов если в суде происходят злоупотребления, это не значит, что суд не имеет власти, если функция верховного распоряжения общинной землей иногда осуществляется миром нецелесообразно или несправедливо, то это делает саму эту функцию менее реальной; впрочем, по общему свидетельству компетентных наблюдателей, злоупотребления эти лишь исключения, а не общее правило.

Ступень 3-я. Отвод из «безродных» участков или из отдельных угодий общего района захвата. В этом случае община в полном смысле и прямо распоряжается известными земельными участками, но функция эта имеет тут, так сказать, половинное значение, так как община только дает, наделяет этими участками, но не отбирает их. А это, конечно, весьма существенное обстоятельство.

Ступень 4-я. Отвод земли от одних хозяев другим представляет уже известное перераспределение земли, то есть, несомненно, является грубой зачаточной формой общинно-передельного владения. Как ни существенно отличается этот момент от предыдущих тем, что при нем община прямо отбирает часть участка (почти никогда – целый) заимщика и тем и формально, и по существу уничтожает семейно-захватное владение в его принципе и проявлении, однако он, благодаря особым условиям, первоначально наступает по внешности тоже легко и мягко.

Как уже указано, особенно легким и незаметным шагом является тут отобрание части наделов у недоимщиков: это как бы не зависит собственно от общины, а, с одной стороны, вынуждается законом и мерами администрации, и с другой – вызывается самим заимщиком-неплательщиком. Представляются и другие такие же вынуждающие на отвод внешние обстоятельства, например, отрезка земли у данной общины (при государственном межевании вообще и особенно при нарезке наделов переселенцами в последнее время при отмежевании земли железной дороге и т. п.): ясно, что тут нельзя не отвести земель тем, чьи участки отрезаны и которые остались совсем или почти без земли, а раз свободной земли совсем нет (или есть только плохая, непахотная), то приходится поотрезать у тех, у которых ее особенно много. Отсюда уже недалек переход к отрезке участков от одних хозяев другим для введения, например, на них более интенсивной культуры; крайне интересны такого рода случаи в Енисейской губернии: здесь, например, общество отводит от крестьянина Х. крестьянину З. участок в 6 десятин под пасеку «ввиду того, что пасека, по нашему разумению, есть более полезное предприятие, чем сенокосение, о котором (пчеловодстве) заботится и правительство»; также отводится обыкновенно сенокос под посев льна или под устройство орошаемого покоса и т. п.¹

Во всех этих случаях фигурируют два мотива: с одной стороны, особенно острая нужда в данном участке, за невозможностью найти подходящий свободный участок, для того, кому отводят, и с другой – сравнительная ненужность этого участка фактическому его владельцу². Когда эти

¹ «Мат. Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 172–174.

² Напр., в Енисейск. губ. покосы для скотоводов-инородцев крайне важны и потому, несмотря на работы по расчистке и орошению, производятся отводы сенокосов мало их имеющим от тех, «у кого их стало заведомо много, так что отрезок для них необиден» («Мат. Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 216).

принципы нужды, потребности в земле, лежащие в глубине самого права на захват, повторением крепко укореняются и ясно сформулируются, тогда станут возможными отдельные случаи прямого и чистого отображения небольшого участка у «старозаимочника» только потому, что у него земли «итак достаточно», и отведения ее «малолету» (молодому хозяину), который крайне в земле нуждается, а несет уже подати и т. д. Понятно, что такие отводы сначала очень редки и незначительны, а затем рядом прецедентов все увеличиваются и учащаются¹.

Итак, как видим, развитие общинного права в отводах, начинаясь с чисто формального и по существу самоотрицающегося проявления, целым рядом оттенков, длинной правильной гаммой тонов и полутонов повышается до максимального по принципу проявления общинного права, уже, собственно, совершенно исключаящего семейно-захватное право. Не надо, однако, думать, чтобы этот путь был пройден через подавление права труда: наоборот, и тут, как и всегда, развитие общины шло по направлению наименьшего сопротивления со стороны права труда. Укажу на некоторые из множества фактов и соображений, делающих это очевидным.

Выше мы уже видели, как отводы становились и отступили перед самым сильным проявлением права труда – перед личным правом на усадебные участки: здесь отводы делались навсегда и, значит, так и сохранили значение отречения общины от своего права владения. Наоборот, по отношению к сенокосам, где право труда равно нулю, отводы развивались легко, быстро и неуклонно, через несколько уже видоизменений, доходя до форм общинно-передельных. Ту же правильность в чрезвычайно характерном и тонком проявлении мы отметили и для пашни, здесь право труда нарушается в пользу более интенсивной затраты труда же: косарь уступает не косарю, а пахарю или пасечнику, или косарю, который предварительно затратил много труда на улучшение покоса. Укажем теперь, кстати, интересный факт, который еще не был отмечен выше: при общеправовых ограничениях захвата также всегда побеждает тот, кто захватывает более интенсивным трудом, а именно, например, при развитии земельного утеснения каждый может запахивать покос другого заимщика (даже и тогда, если этот покос – из-под пашни заимщика, только в последнем случае первый заимщик имеет иногда некоторый срок беспрепятственного пользования травой), и крестьяне в этом случае так прямо и

¹ Особенно яркие такого рода примеры я нашел для Кубанской обл. Здесь, по словам г. Щербины, «иногда, как в станицах малорусских, общинники со свойственной малороссам прямою заставляли богачей отдавать излишки пахотных полей нуждавшимся в них беднякам. Так, общество ст. Варениковской в одно время избрало “комитет”, который должен был указывать свободные места для распашек и отбирать излишки у тех, кто имел много пахотной земли для передачи нуждающимся...» И т. д., и т. д. (см. «Зем. общ. куб. каз.», с. 124).

говорят, что «сохе препятствовать нельзя», так что тут буквально коса владеет лишь до тех пор, пока не придет соха. Наконец, в случаях отрезков участков у «старозаимщиков», они (отрезки) часто прямо мотивируются не только тем, что старозаимочнику участок «не нужен», но и тем, что тот владел им «не по праву», то есть он приобретен не трудом владельца или его предков, а другим способом¹. Конечно, нельзя думать, чтобы на самом деле это право труда никогда не нарушалось при общинных отводах, как оно может нарушаться и в других случаях (в личных столкновениях между заимщиками и в решениях волостного суда и т. д.), но очевидно, что при столь многообразном, тонком и тщательном соблюдении этого права во множестве случаев эти отдельные факты его нарушения могут быть именно только злоупотреблениями, и таковыми признаются они прямо и самими крестьянами, так что поэтому они представляются исключениями, только еще более подтверждающими правило.

§ 3

Я потому так подробно анализирую и так настойчиво прошу читателя обратить самое пристальное внимание на закономерность в развитии ограниченно-захватного и общинно-отводного владения и ненарушимое господство в этом процессе права труда, что в этих двух явлениях особенно ясно проявляется обстоятельство чрезвычайной важности: полная или почти полная независимость этого процесса эволюции семейно-захватной формы в общинную от условий политических – от законодательных норм и административных воздействий. Достаточно с полной конкретностью представить себе безукоризненную постепенность, строгую логичность и выдержанность всей этой трансформации, чтобы убедиться в ее самопроизвольности, в ее зависимости от одних лишь изменяющихся естественно-экономических условий (возрастания населения и сокращения размеров землевладения); достаточно взглянуть в это неуклонное движение ее по колее права труда, ни в каком кодексе прямо не предусмотренного и никакой администрацией не внушаемого, чтобы отбросить всякие сомнения в том, что мы имеем тут дело с вырастающим обычным правом, а не с законодательно-административной постройкой. Вся роль политических условий тут или чисто отрицательная, или только посредствующая: общинная форма раньше в потенции предопределена, ибо она предусматривается и допускается правительством: межевание, сокращающее земельный простор, действует посредством этого на складывание общинного механизма; взимание податей с круговой порукой иногда дает этому процессу отдельные

¹ «Мат. Иркутск. губ.», ст. Личкова.

ускоряющие толчки, отнюдь, однако, не необходимые, ибо он очень часто идет совершенно без них, – вот и вся роль внешнеполитических влияний. Но каждый мельчайший момент этого процесса наступает только потому, что он признается необходимым и справедливым самими крестьянами. На тех последних штрихах, которыми нам осталось еще дорисовать процесс развития общинного и сокращения личного права, мы еще раз с полной яркостью увидим это.

Суммируем прежде всего те ограничения в правах личного владения, распоряжения и пользования, которые устанавливаются выше очерченным развитием ограничений захвата и общинных отводов.

Во всех случаях, когда владение захваченным участком ограничено установленным общиной сроком, очевидно, у заимщика нет уже права владения (ибо срочное владение, обставленное притом разными условиями, уже не есть владение, а есть лишь пользование). В тех же случаях, когда захватное владение ограничено не сроком, а другими (вышеочерченными) условиями, устанавливающими, все вместе или порознь, постоянную возможность лишения заимщика его участка не в силу незаконности владения или вообще даже не по каким-либо от него, заимщика, зависящим обстоятельствам, а по совершенно посторонним, вне его лежащим причинам (например, вследствие нужды в земле другого хозяина и т. п.) – лишения, притом без вознаграждения, – в таких случаях, очевидно, тоже нельзя столь условное и непрочное личное право захватчика назвать владением; его скорее нужно признать лишь пользованием. Итак, мне кажется, что при ограниченно-захватном и общинно-отводном владении у отдельных хозяев уже положительно нет права владения, а остается лишь право пользования; хотя это право у них тут, конечно, еще несравненно шире, чем при общинно-передельном владении.

Остается ли за отдельными хозяевами при ограниченно-захватном и общинно-отводном владении право распоряжения их участками? В известной мере остается, но значительно ограничивается.

Где захватное владение ограничено сроком, там, очевидно, уже не может быть продажи заимщиком его участка: он может лишь сдавать его в аренду на срок не больше того, который остается ему самому пользоваться участком; также завещать или подарить он может лишь во временное и условное пользование, а не во владение. Где же захватное владение не ограничено сроком, там право пользования сужено постольку, поскольку за отдельным хозяином нет уже права владения, а есть лишь право пользования: он не может уже продать, завещать, подарить в общепринятом смысле передачи вместе прав и владения, и пользования, а, очевидно, может распорядиться лишь правом пользования.

Но помимо этих ограничений, вытекающих из самого превращения бессрочно-наследственного семейно-захватного владения во временно-трудовое, развиваются одновременно с последними и прямые ограничения личного семейно-захватного права распоряжения. Право заимщиков завещать, дарить, продавать, сдавать в аренду захватные их участки начинает постепенно обставляться разными условиями и ограничениями, попадает под усиленный контроль общины и теряет самостоятельное значение.

Прекрасно обрисован этот процесс гг. Личковым и Дубенским для Иркутской и Енисейской губерний. Крайне интересны, например, та трудность и постепенность, с которыми волостные суды Енисейской губернии, правильно отражая эволюцию народного права, переходят в своих решениях от личного к общинному началу. Сначала они формально признают неограниченное личное право при покупках-продажах захваченных участков, вовсе не входя в анализ оснований права владения заимщиков, а отправляясь от формальных документов – разных расписок, называемых крестьянами и волостным судом «купчими крепостями». Затем наступает период колебания, причем в иных случаях волостной суд настолько не в состоянии дать себе отчет в основаниях права, что отказывает тяжущимся в решении дела, «не считая себя вправе решать такие вопросы», или даже дает делу, так сказать, задний ход: например, при споре о том, продана ли заимщиком земля навсегда или лишь на срок его военной службы, волостной суд, не разобравшись во взаимных правах продавца и покупателя, приговаривает купившему возвратить продавцу землю, а продавцу – возвратить покупателю полученные от него за нее 5 руб. ...В конце же концов, волостные суды постепенно решительно становятся на сторону общинного права, объявляя недостаточными всякие иные основания владения, кроме общинного отвода или вообще признания спорного владения общиной, то есть, собственно говоря, отказываясь от разбора личных земельных тяжб и направляя их в общину¹.

В 3 округах Иркутской губернии, описанных г. Личковым, мир тоже последовательно и постепенно ограничивает разными условиями сначала право завещания, потом продажи и, наконец, аренды: завещать, например, мир позволяет лишь в пользу своих членов, а в пользу лиц посторонних или вовсе запрещает, или позволяет лишь при отсутствии наследников, или, наконец, только при условии своевременного на то согласия мира; для продажи тоже требуется согласие общества или вообще мир запрещает продажу лицам посторонним (не членам общины); устанавливается еще такое оригинальное последствие продажи: продавший участок тем самым лишается права на захват другого участка, то есть, значит, вообще лишается земельного права; срок аренды ограничивается в такой мере, что прежде эта «продажа на годы»

¹ См. об этом «Материалы Енисейской губ.», т. IV, в. 3, с. 160–163.

совершалась часто на 40, иногда даже на 80 лет, а теперь, при общинно-отводном владении, устанавливается максимальный срок в 3–10 лет и т. д. (все это относится и к усадебной земле, и к пашне)¹. Такие же ограничения отмечаются не только в Сибири, но и в других местностях. Например, в Соликамском уезде Пермской губернии «право продажи не только окончательно и “на годы”, то есть, собственно, аренды, ограничено согласием мира: без такого согласия можно отдавать землю лишь в самую краткосрочную аренду – на год, на два (прежде отдельные хозяева продавали свои участки без спроса мира, но после нескольких случаев отобрание миром проданных участков у покупателей больше без согласия мира продаж не бывает)»² и т. д.

Итак, параллельно с превращением семейно-захватного владения из бессрочного владения во временное пользование и с вытекающим отсюда ограничением присущего ему раньше права распоряжения, это последнее право и прямо ограничивается и урезывается во всех его проявлениях, и мало-помалу окончательно растаивает в общинном праве владения и распоряжения...

Сказанного, полагаю, достаточно для отчетливого резюмирования процесса развития общинного права из семейно-захватного.

Эволюция эта идет двумя параллельными течениями.

С одной стороны, личное семейно-захватное право постепенно ограничивается и сокращается. Право владения захваченными участками постепенно отступает перед правом на захват, вводится в этой борьбе во все более тесные границы трудовой нормы, так что вместо прежнего бессрочно-наследственного владения всей той землей, куда однажды «топор, коса и соха ходили», остается временное обладание тем, куда и до сих пор «топор, коса и соха ходят». Этим, а равно и прямыми ограничениями всех прав распоряжения (продажи, аренды, завещания, дарения) семейно-захватное владение уже превращается в пользование, так как элементы владения и распоряжения мало-помалу стираются под давлением общинного права.

С другой стороны, одновременно прямо развивается общинное право распоряжения. Сначала оно является и признается, по-видимому, только формально и даже как бы имеет характер самоотречения и самоотрицания (пока состоит в нотариально-судейском утверждении лично-захватных прав), но потом оно начинает проявляться и по существу в непосредственном распоряжении отдельными участками – сначала «ничьими», а затем и состоящими в захватном владении (которые отбираются сначала лишь в особых исключительных случаях или у владельцев не по праву и т. п., а потом

¹ См. «Материалы Иркутской губ.», т. II, в. 3, с. 157.

² См. «Екат. неделя» 89 г., № 20–23.

уже и просто потому, что данные участки не так нужны их владельцам, как другим хозяевам).

Таким образом, фазис ограниченно-захватного и общинно-отводного владения представляет процесс постепенного растворения личного права в общинном: личное право перестает распоряжаться, управлять, а общинное уже не только «царствует», но начинает и «управлять»...

Мы очертили этот процесс пока преимущественно в его юридическом проявлении.

Теперь необходимо точнее и подробнее выяснить его с экономической стороны – проследить ту развивающуюся, вследствие сокращения земельного простора, при возрастании населения, борьбу за землю, ходом и исходом которой обуславливается эта юридическая трансформация.

§ 4

Нам нужно здесь, во-первых, доказать, что именно вследствие сокращения земельного простора развивается эта борьба за землю, приводящая к замене неограниченного семейно-захватного владения ограниченным и общинно-отводным, и, во-вторых, показать, как именно эта борьба приводит к этому результату.

Первое положение, собственно говоря, граничит с очевидностью. Во-первых, уже а priori понятно, что эта борьба за землю не нужна и потому невозможна при полном земельном просторе и, значит, если появляется, то именно вследствие его сокращения (все равно, последует ли оно от возрастания населения, естественного или благодаря переселению, или от отрезки земли при межевании и т. п.).

Во-вторых, это а priori необходимое совпадение и наблюдается в действительности едва ли не во всех известных случаях: оно указывается самими крестьянами¹, оно едва ли не единогласно глазомерно констатируется наблюдателями, оно, наконец, устанавливается статистическими сопоставлениями. Ограничения захвата и общинные отводы постоянно как вообще появляются и появлялись прежде всего именно в более малоземельных местностях Сибири и Европейской России, так и в каждом округе (уезде) начинаются прежде всего в менее многоземельных общинах, и, наконец, в каждой общине они начинаются именно с тех угодий, в которых больше, чем в других, чувствуется

¹ Приведу несколько таких отзывов, записанных в Иркутской губернии: деревня Залари: «народу умножилось – от того теснота, споры»; деревня Кутулик: «теснота вследствие увеличения населения»; деревня Евсеево: «отвод ныне все чаще и чаще; дают отвод, если двое стали расчищать одно место, чтоб поширить. Надо их брать на расчистки и крестьянам, и поселянам на случай спора». И т. д. (см. «Матер. Ирк. г.», т. II, в. 3).

недостаток (исключения тут, как уже показано и еще будет показано, всегда объясняются действием права затраченного труда)¹.

Приведу несколько цифр, ярко поясняющих сказанное.

По трем округам Иркутской губернии г. Личковым составлены следующие таблицы, сопоставляющие размеры землевладения с распространенностью общинных отводов.

	Группы общин	Число наличных хозяев	% отводной пашни	Всей пашни десятин		% хозяев, имеющих всю или часть земли, отводную: к общему числу хозяев, имеющих пашни
				на 1 двор	на 1 душу	
I.	Без отводов или с отводами, занимающими менее 2% всей земли	11717	0,1	12,5	4,5	2
II.	С отводами до 7,6% всей земли	4238	5,7	10,6	4,2	22
III.	С отводами более 7,6%	1316	9,1	10,4	4,1	30
IV.	Район общинно-передельный	4124	передел вместо отвода	10,1	3,7	—

Как видим, тут полное соответствие: отводов почти нет там, где земли 12,5 десятины, они появляются в заметных размерах на той ступени земельной тесноты, которая отмечена 10,6 десятины на двор, и затем отводы быстро растут и сейчас же заменяются более совершенным регулированием переделами. Также и процент хозяев, имеющих вполне или частью отводную пашню, правильно повышается с понижением размера землевладения.

Совершим теперь группировку с другого конца: сгруппируем селения не по количеству отводов (чтобы посмотреть, сколько у них земли), а, наоборот, распределим их по количеству земли и посмотрим, насколько разнице в количестве земли соответствует разнице в распространенности отводов:

¹ Особенно интересно отметить, что фактор количества угодий оказывается сильнее, чем даже фактор затраты труда, когда они сталкиваются: так, например, хотя обыкновенно ограничения захвата и общинные отводы начинаются с покосов, как не требующих затраты труда, но это объясняется также и тем, что покосов относительно меньше, чем пашен, в случаях же, когда покосов больше, чем пашен, передел начинается с пашен (см. об этом у г. Кауфмана «Крестьянская община в Сибири», с. 71–72).

	В группе волостей, имеющих в среднем на 1 муж. д. пашни	% отводной пашни к общему количеству пашни
Русские крестьяне	до 2 дес. включительно	6,6
	от 2–4 десятин	0,9
	от 4–6 десятин	0,9
	свыше 6 десятин	0,0
Иногородцы	до 4 дес. включительно	2,6
	свыше 4 десятин	0,1

В этой табличке пояснять нечего: обратная пропорциональность между количеством земли (пашни) и распространенностью отводного владения выражена в ней с полной отчетливостью...

Рассмотрим теперь, каким же именно образом уменьшение размеров землевладения приводит к смене семейно-захватного владения общинно-отводным.

При семейно-захватном владении хозяйственному развитию отдельных семей не положено никаких пределов; весьма понятно поэтому, что при большом различии семей по рабочей их силе и по размерам накопленного уже капитала (в виде построек, скота, инвентаря, а очень часто и денежного капитала) образуется громадная разница и в размерах землевладения отдельных семей. В той вышеприведенной группе общин, где отводов не бывает вовсе или они не превышают 2% всей пашни, из числа наличных хозяйств, имеющих пашню:

1,3%	имеют	менее	1			десят.
5,8%	"-	от	1	до	3	"-
7,3%	"-	"-	3	"-	5	"-
25,0%	"-	"-	5	"-	15	"-
21,2%	"-	"-	10	"-	15	"-
12,7%	"-	"-	15	"-	15	"-
9,3%	"-	"-	20	"-	25	"-
17,4%	"-	"-	25	"-	и	более

Выходит, значит, что средних по размерам землевладения хозяев, то есть имеющих от 5–15 десятин, всего 46,2%, а остальные 53,8% представляют уже крайности в ту или другую сторону: 14,4% (имеющих менее 5-ти, 3-х и даже 1-й десятины) бедняков, 22% (от 15 до 25 десятин) – зажиточных

и целых – 17,4% – богатых, из коих некоторые являются равными мелким и даже средним помещикам Европейской России, ибо у некоторых размеры захватно-родовой пашни доходят в среднем до 135 десятин (у земледельческих инородцев Иркутского округа), до 206 десятин (у русских крестьян Нижнеудинского округа) и даже до 289 десятин (у русских крестьян Балаганского округа). В многоземельных же районах Томского и Мариинского округов г. Кауфман отмечает случаи, когда у некоторых богачей под пашню, покос и выгон занято по 500 десятин и более.

При полном обилии земли никакой хозяин не может ничего иметь против такой неравномерности, ибо она обуславливается исключительно размерами рабочей силы и капитала и никому пока не мешает. Но с возрастанием населения и уменьшением земельного простора для нарождающихся молодых семей район захвата все суживается и, наконец, они перестают находить себе сколько-нибудь удобные уголья, и в этот период захват богачей небезразличен для таких малоземельных, но часто мощных по рабочей силе семей. Для таких семей в этот момент единственное средство добиться увеличения своего землевладения состоит в том, чтобы настаивать на праве мира ограничивать захват отдельных лиц. Крестьяне же богачи, округлившие себе заимки-поместья во многие десятки десятин, конечно, наоборот, стоят за святость и неприкосновенность личного права владения, распоряжения и пользования захватно-родовыми участками. Таким образом, по мере уменьшения размеров землевладения начинается борьба за землю между многоземельными и малоземельными хозяевами; с прибавлением каждого нового члена в общине и с обуславливаемым этим уменьшением района захвата эта борьба должна все обостряться и развиваться. На известном фазисе ее развития та устойчивая комбинация прав общинного и личного, которая существует в семейно-захватном владении, уже не может сохраняться: кто-нибудь да победит, наконец, в этой борьбе.

Каждая группа имеет за собой известную силу. Как можно видеть из вышеприведенных цифр, численно должна быть сильнее группа малоземельных (в этой группе, если отправляться от вышеприведенных цифр, нужно считать всех бедняков, имеющих до 5 десятин, и среди них хозяев с землевладением от 5–15 десятин, а таких более 60%, то есть $\frac{3}{5}$ всех хозяев). Но численный перевес еще не означает перевеса в физической силе: богачи часто нанимают столько рабочих, что могут иногда успешно сопротивляться большинству прямо силой, что изредка и случается. Численный перевес малоземельных тем менее может дать им экономическое преобладание: весьма многие из малоземельного большинства спутаны экономической зависимостью от богачеев, вследствие чего и голосуют часто на сходе за них. Численный перевес, правда, может брать в конце концов «большинство голосов», в котором

как бы выражается общественное мнение, но зато голоса многоземельных «старозаимщиков», состоящих в родстве, свойстве и дружбе с торговцами, кулаками, волостным начальством и т. д., «весьят» больше, чем голоса бедноты, «малолетов» (то есть молодых малоземельных хозяев).

И та, и другая сторона выдвигают в свою защиту каждая весьма веское право: многоземельные указывают на исконную бесспорность личного права первого захвата, освященного трудом, вложенным заимщиком в участок: «Наши участки, – говорят они, – деды и прадеды чистили: разве мы виноваты, что их (оспаривающих это право) отцы с ленью обнявшись жили?»¹. Малоземельные опираются на то исконное и «общее крестьянское воззрение», что, во-первых, вообще земля – «Божья», «ничья», «мирская» и, значит, каждый на нее имеет право и что, во-вторых, исполнение обязанностей перед государством (главным образом податей и солдатской службы) уже, во всяком случае, дает каждому крестьянину то неотъемлемое право на землю, которое в данном случае нельзя иначе осуществить, как ограничением захвата.

Понятно, что при таких обстоятельствах борьба между этими группами бывает крайне упорна и иногда долго не имеет решительного исхода. «Вытеснение заимочной формы пользования вольной (или, по моей терминологии, ограниченно-захватного и отводного), – говорит г. Кауфман, – происходит не сразу; оно является результатом упорной борьбы, которую защитникам форм вольного (ограниченно-захватного) пользования приходится выдерживать против богачей-заимщиков; в борьбе этой заимщики действуют самыми разнообразными способами: таким осторожным, как опаживание и окашивание смельчаков, решающихся вторгаться в пределы их заимок², и более решительным до прямого насилия включительно; они обращаются к защите волостного суда, который, пока заимочное владение не окончательно утратит под собой почву, очень часто ограждает права

¹ «Поземельная община в Орловском у. Вятск. губ» Н. Добротворского // «Рус. м.» 84 г., 9 кн., с. 36.

² «Орудие для такого сопротивления заимщики находят в самом принципе вольного пользования; обыкновенный прием их в борьбе за исключительное обладание заимками заключается в затруднении для лица, вторгающегося в пределы их заимки, возможности распахивать себе пашню: «подъезжай к нему (богачу) на одной сохе, – говорят бедняки, – а он на четырех, а то и на шести выедет да кругом тебя опашет и заборонит, – так ты на одном лехе и останешься; хоть бы они-то к нам не лезли, а нам, бедноте, где уж у них пашню отбивать»... Таким образом, заимщик как будто бы не отрицает за другими общинниками права пахать в пределах его заимки; но стоит кому-либо попытаться осуществить это право, он также осуществляет свое право «пахать где угодно», опаживать со всех сторон распаханный пришельцем загон и таким образом фактически «выживает» его из пределов своей заимки. Этот прием борьбы оказался настолько действительным, что бедняки, пашущие «в одну соху», и не осмеливаются приближаться к заимкам...» (см. «Алтайский сборник», ст. А. Кауфмана, с. 114). То же самое отмечено в захватном владении покосами у уральских казаков: «Казаку-одиночке при покосе дохнуть, что называется, не дадут, не посмотрят, что у него место занято станом или что он обкосил себе круг; все выдерут кругом, загоняя его самого в телегу, только убирай ноги» (Бородин Н. «Очерк общинного хозяйства уральских казаков» // «Север. вест.» 1890 г., 4 кн., с. 45).

заимщиков на захваченные ими земли¹; не останавливаются они иногда и перед ложными доносами по злобе» и т. п.².

Однако с увеличением населения и с уменьшением земельного простора шансы в этой борьбе между старозаимочниками-«широкодачниками» и малоземельными «малолетами» передвигаются постепенно, но неуклонно, на сторону последних. И сила, и право их увеличиваются.

Как я уже упомянул, каждый новый член общины увеличивает, как общее правило, число сторонников ограничения захвата³. Не только их боль-

¹ «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях», с. 39.

² «Первые шаги общины на этом пути очень нелегки. Владельцы покосов, старожилы, нередко отказываются отдавать свою «отцовщину», свои чищобы, ссылаясь то на право давности, то на право затраченного на расчистку покоса труда; они галдят на сходе и нередко, благодаря своей зажиточности и связанному с нею влиянию, успевают воспрепятствовать постановлению сходом неудобного для них решения; если же такое решение состоялось, они пытаются отстоять свои привязания путем жалоб начальству, волостному суду и т. п., наконец, нередко не останавливаются и перед насильственными мерами, чтобы не допустить лица, получившего от общины отвод, до осуществления его права. Приведем здесь характерный отрывок из заявления, имеющегося в деле Семилужного волостного суда за 1886 год: «...крестьянами деревни Аркашевой был дан мне покос, которым раньше пользовался крестьянин В.И. Сафронов; на этот покос, на пользование им мне дана общественная бумага; и когда я пришел косить его, то Сафронов не допустил меня до этого, угрожая жесть его, и бросился первоначально на косившего вместе со мной крестьянина И. Сиротина с литовкой (косой), а потом бросился с нею на меня и ударил в грудь; хотя таковой (покос) и был мною скошен по приказанию сельского старосты, но тем не менее В. Сафронов, вопреки приказанию старосты, сгреб его и сметал и теперь взял это сено в свое пользование и мне не отдает!..» Случаи, подобные описанному, повторяем, вначале бывают нередки...» (Кауфман А. «Алтайский сборн.», вып. 1, с. 126).

³ Насколько выгоден для большинства хозяев переход от семейно-захватного к общинно-отводному владению, это косвенно показывает следующая таблица:

	Группы общин	Из числа наличных хозяйств, имеющих пашню, сколько процентов имеют ее в количестве:							
		менее 1 дес.	от 1 до 3	от 3 до 5	от 5 до 10	от 10 до 15	от 15 до 20	от 20 до 25	от 25 и более
I.	Без отводов или с отводами, занимающими до 2% всей земли	1,3	5,8	7,3	25,0	21,2	12,7	9,3	17,4
II.	С отводами до 7,6%	2,4	8,3	9,3	26,2	22,5	10,7	8,5	12,1
III.	- " - более 7,6%	0,8	7,0	9,7	28,4	23,4	12,1	7,7	10,9
IV.	Район, производивший «поравнения»	0,3	2,3	5,5	38,6	32,1	12,3	5,8	3,1

Как видим, процент хозяев со средним размером пашни, каковыми, очевидно, вырисовываются имеющие от 5 до 15 десятин, правильно повышается по мере развития отводов с 46,2% (при отсутствии почти отводов) до 48,7% (при отводах, обнимающих до 7,6% пашни), затем до 51,8% (при отводах в количестве более 7,6% пашни) и затем сразу доходит до 70,7% при установлении уже общинно-передельного владения. Процент богатеев также правильно сокращается с 26,7% до 20,6% и затем до 18,6%, а при переделах даже 8,9%. Процент хозяев малоземельных не уменьшается, а увеличивается, очевидно, потому, что параллельно с увеличением отводов и еще до них сильно сокращается, как мы видели, общий размер землевладения.

шинство на сходе возрастает, но и известная группа средних незаинтересованных и нейтральных хозяев становится мало-помалу на их сторону, ибо с очевидностью видит, что «малолетам» все труднее и труднее становится вести хозяйство и отправлять повинности, а всему ведь обществу невыгодно допускать появление недоимщиков; да и по справедливости эта нейтральная группа не может не сочувствовать малоземельным: слишком уже вопиющ становится контраст между поместьями лучших угодьев в сотню десятин у «старозаимщиков» и клочками старой брошенной выпаханной земли, единственно остающейся для захвата «малолетам»; а ведь земля общая...

Таким образом, партия за ограничение захвата вырастает количественно и выигрывает качественно, представляя общее мнение не только маломощных, но и некоторых крестьян «с весом». С этого времени если не происходит еще формального постановления о той или другой форме ограничения захвата, то отдельные маломощные хозяева начинают нарушать захватные владения старозаимщиков на свой страх и риск, прямо «залезая» в те участки, которых в данный момент последние не обрабатывают, но считают своими. Как упомянуто выше, старозаимочники сопротивляются всеми средствами, но, во-первых, иной раз вторжение проходит безнаказанно, когда участок и самому старозаимочнику не очень нужен и он как-нибудь помирится с «залезшим» в его владения малолетом, во-вторых, часто борьба оканчивается уже победой нарушителя старозахватного владения: иной раз малоземельная, но сильная рабочими силами семья не побоится и не уступит «широкодачнику» с его рабочими, иной раз и сам последний не решится гнать залезших к нему силой, а суд, к которому он обратится, уже станет на сторону обездоленных малолетов и откажет в иске старозаимочнику¹. После нескольких таких отдельных побед малолетов над старозаимочниками, служащих прецедентами для дальнейших вторжений, и устанавливается мало-помалу, как обычай или как формальное постановление, одна из вышеприведенных форм ограничения захватного владения.

Но не только сила, а в особенности право всецело на стороне партии противников захвата. За ними не только общее право всякого крестьянина на землю как на общее достояние, как на собственность всего мира, за ними, кроме того, и то самое право труда, на которое единственно могли бы опереться и действительно стараются опереться старозаимочники. Я доста-

¹ Для Кубанской области я встретил интересные случаи, когда сами общины «опахивали» сопротивляющихся общинным ограничениям захвата хуторян-заимщиков; так, напр., станица Петровская формально постановила «оборотать хутора Черные Лозы и засеять хлебом», пока они не переселятся, как это было предписано общиной, на другое место, приказав при этом и хуторянам, живущим на Ростовских хуторах, притеснять чернолозцев, чтобы «не позволять пяти хуторам делать вред всей станице» (см. «Зем. общ. куб. каз.», с 74).

точно подробно показал уже выше, что все виды ограничения захвата не только не противоречат трудовому началу, но именно на нем и построены. Как заключительное резюме этого правила, приведу еще только один особенно яркий пример. В селе Мало-Разводинском Смоленской волости Иркутской губернии прежде всего весь трудовой захват изымается от всякого ограничения, но именно чисто трудовой, – участки, возделанные не предками когда-то и много раз уже окупившиеся, а именно самими теми, кто владеет; кто сколько обработал, тот ровно столько и имеет право владеть. Земля же сверх этой, непосредственно трудом захваченной, уже часто подвергается форменному переделу; только она разделяется не вполне уравнительно, а лишь по минимальной норме: никто не должен иметь меньше 4-х десятин на душу (у кого не хватает, тому прирезают); а у некоторых остается по-прежнему больше¹. Как видим, дальше уже идти некуда в этой точности и сознательности ограничения именно только нетрудового захвата и полной неприкосновенности трудового...

На чем же, спрашивается, остается старозаимочникам основывать свое право, если главное его основание, затрата труда, не только не оспаривается противниками, но с полной правильностью обращается против самого захвата? Остаются права первого захвата и давности – основания, как уже было показано, малозначащие, по сравнению с трудовым правом второстепенные и небесспорные уже при семейно-захватном владении и вызывающие лишь насмешки в разгар борьбы за ограничения захвата: «ты и твои деды владели землей столько лет, – так сколько же раз вы вернули затраченный в нее труд?» – вот смысл ответов на этот последний аргумент старозаимочников, ответов, всецело построенных на принципе трудового начала и против которых поэтому нечего возразить старозаимочникам².

Есть, наконец, на стороне партии ограничения захватного владения еще одно обстоятельство, на которое хотя и мимоходом, но весьма отчет-

¹ См. «Материалы Иркут. г.», т. II, в. 3.

² Должен оговориться, что если мне не удалось здесь с достаточной ясностью и конкретностью нарисовать саму борьбу партий при первых переделах во всех ее своеобразных и глубоко интересных деталях, то это объясняется прежде всего полным почти отсутствием данных для того в материалах. Последние почти все без исключения крайне сухи: скупо цитируются даже решения волостных судов, буквальные же записи слов самих крестьян так редки, что, строго говоря, я цитировал чуть ли не все мало-мальски интересные. Нельзя не пожалеть об этом обычае исследователей давать читателю лишь сухие контуры своих выводов и анализа да балласт подтверждающих их фактов и совсем почти не заботиться о непосредственном отражении явлений в мысли и слове самого крестьянства, обыкновенно столь сильных и метких и во всяком случае необходимых для придания красок и колорита, «духа жива» этим сухим схемам. И нужно пожелать, чтобы поскорее наблюдатели и исследователи начали освещать изучаемый народный обычай народным мнением, чтобы тут каждая статистическая таблица была иллюстрирована полубеллетристическим изображением изучаемых явлений. Для этого вовсе не нужен талант Златовратского (он все равно не снял с него в некоторых случаях розовых очков), достаточно одной внимательной, как можно более подробной, стенографически точной записи речи крестьян...

ливо указывает г. Щербина¹. «В этом обстоятельстве, – говорит он, – собственно, и заключается та черта, которою отличаются позднейшие земельные порядки от более ранних, примитивных. Пока известное угодье не дает ренты, до тех пор к нему общинники обыкновенно прилагают вольное пользование; но раз общественные условия создали ренту, с ней бывают соединены те или другие ограничения и правила общинного пользования». Мы видели, что это в общем верно. Пока удобных угодий для всех довольно, до тех пор близко к нулю число случаев продаж и аренд, и они означают лишь продажу труда, заключенного в продаваемый участок, почему нисколько не стесняются миром. Но впоследствии, при сокращении земельного простора и оскудении района захвата удобными угодьями, в этих продажах и арендах уже заключается несомненная рента. Это рентное, так сказать, пенкоснимание старозаимочников наиболее резко задевает как интересы большинства общинников (ибо потом труднее будет ограничить владение купившего землю, чем первоначального старозаимочника), так и принцип верховного права мира на землю: подразумевается, что право это не проявляется лишь потому и постольку, поскольку владения заимочников основаны на труде, – этим только трудом, кристаллизовавшимся в их участках, и могут они пользоваться и даже распоряжаться; когда же продается уже не труд, заключенный в участке, а самые природные или иные свойства участка, тогда продается сама земля, принадлежащая всей общине. И община обыкновенно не допускает такого чувствительного нарушения ее права; мы видели, что по мере развития захвата ограничиваются и сокращаются продажи отдельных участков – община прекращает рентное пенкоснимание старозаимочников...

Итак, в борьбе против ограничения захвата старозаимочниками ничего иного не остается, как укрыться за оградой чистого трудового права и вместе с этим, значит, лишиться значительной территории, лежащей вне этой ограды, – подчиниться тем ограничениям захватного владения, которые все более и более приближают его к рабочей норме землевладения. Этим завоеванием и довольствуется на время малоземельная партия общины.

Из сделанного очерка, полагаю, в общем ясен процесс воздействия развивающейся земельной тесноты на переход семейно-захватного владения в общинно-отводное. С этим земельным утеснением растет число тех, кому оно невыгодно. На стороне малоземельных противников захвата и общеидеальное крестьянское земельное право, и государственно-податное, равно как они не отрицают и трудового. У старозаимочников же одна ограда: право труда; но право это не безусловное, оно доступно сокращению, оно сжимается в пунктах наименьшего своего напряжения, уступая натиску права на

¹ См. «Зем. статист. сб. по Воронежск. у.», с. 60.

труд; и эти пункты наименьшего сопротивления права труда представляют ступени, по которым поднимается общинное право.

Эта борьба тянется десятки, иногда многие десятки лет; в течение ее успевают смениться одно, два, три поколения, она сливается, таким образом, с процессом общей культурной эволюции, являющейся результатом сгущения населения и общей политико-культурной трансформации России. И именно в этой ее медленности, трудности и постепенности лежат признаки ее прочности, самопроизвольности и ее закономерности, то есть неизбежности при сгущении населения и при условии невмешательства или благоприятного вмешательства государства.

И действительно, во всех местностях, о которых только имеются какие-либо сведения, действовал этот закон. Такие местности, как Воронежская, Саратовская, Самарская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Нижегородская, Казанская, Вятская, Пермская, и др. губернии – все, по мере сгущения населения, прошли через эту первую общинную ступень ограниченно-захватного или общинно-отводного владения несколько (обыкновенно уже много) десятков лет тому назад, сохранив его следы в живых еще остатках этих форм или в памяти стариков. Такие местности, как Архангельская, Уфимская губернии, Донская, Кубанская, Терская области, еще проходят последние этапы этого фазиса. Большая же часть Сибири, начиная еще с области Уральского казачьего войска, проходит именно теперь через разные моменты этого фазиса: на востоке она еще только в него вступает, а на западе уже большей частью из него вышла; и чем сильнее течет сюда переселенческий поток, тем быстрее и интенсивней наступает фазис растворения семейного захвата в разных формах общинного земельного права... Более точное количественное определение территории и населения района, где господствует теперь этот фазис, я оставляю до второго тома, так как этот вопрос имеет уже прямое отношение к вопросу о шансах общины выжить или разложиться.

ГЛАВА IV

После того как различными ограничениями личного захватного права оно сведено в тесные границы временного пользования, а общинное право распоряжения бесспорно признано и конкретизировалось в длинном ряде проявлений, остается уже сравнительно небольшое расстояние до высшей формы проявления этого общинного распорядительства – до периодических уравнивательных переделов всей или части общинной земли. Однако в наступлении этого основного, центрального момента в развитии общины наблюдается та же строгая постепенность и закономерность, какую

мы видели и во всех предыдущих его стадиях. Постараемся как можно глубже вскрыть эту закономерность, а для того тщательно проследим развитие общинно-уравнительного права отдельно для каждого из его объектов.

§ 1

Первые переделы земли, и особенно пашни, не составляют резкого скачка и небывалого нововведения прежде всего потому, что им обыкновенно предшествуют переделы податей.

Как раньше во всей России, так и до последнего времени в Сибири крестьяне были обложены подушной податью, которую должны были платить все мужские души, записанные при «ревизии». Пока ревизии повторялись периодически через 15–20 лет (и чаще), до тех пор ими же самими постоянно производилось и перераспределение подати; но с 1858 года ревизии прекратились и подушная подать, наложенная на все мужские души, записанные в ревизию 1858 года, с вымиранием этих душ теряла всякий смысл, сделалась очевидно вследствие неодинакового изменения численности и рабочего состава крестьянских семей, крайне неуравнительной и требовала от инициативы самих крестьян такой или иной формы.

Таким образом, сыздавна, еще в период чистого семейно-захватного владения, все крестьяне уже привыкли к переделу податей, правда, при ревизиях еще чисто автоматическому; в пореформенный же период повсюду в Сибири началась уже мало-помалу самопроизвольно в самих общинах борьба за новую более уравнительную и выгодную для большинства разверстку как подушной, так и других податей. К началу 80-х годов эта борьба развилась уже очень сильно, но редко приводила к податным переделам, так как большинство крестьян не знало, что имеет по закону право на такой передел. После того же как это им было, по указу Сената в 1884 году, разъяснено губернской администрацией, которая при этом даже сама часто довольно энергично склоняла крестьян к более уравнительной перекладке податей, эта перекладка сразу приняла широкие размеры, и министерское исследование Сибири в конце 1880 годов застало уже ревизскую разверстку податей сохранившейся только кое-где. Господствующей же формой явилась раскладка податей по рабочим силам, при которой все подати разлагались на «могучие» души, или «дельные», или «бойцов», то есть работоспособных мужчин с 16–18 до 50–60 лет, «полубойцов» – в возрасте 14–18 и 50–65 лет (иногда и на подростков и на «годных», то есть недряхлых и некалечных стариков до самой их смерти, иногда же с освобождением от податей «негодниц», «негодных душ» и т. д.); или смешанная ревизско-рабочая, при которой часть податей оставалась на ревизских душах, а

только часть тем или иным способом перекладывалась на рабочих; рядом с рабочей кое-где заметно развилась поимущественная разверстка податей (почти всегда, впрочем, только по отношению к части налогов), чаще всего в виде налога на скот, реже – на землю вообще и на посев в особенности, а иногда в виде глазомерных «накладок» на отдельных более богатых заимочников вообще по их состоянию»¹.

Достаточно хотя немного взвесить и анализировать значение этого податного поравнения, чтобы понять, насколько им облегчается и даже прямо стимулируется и земельное «поравнение».

В самом деле, наиболее распространенная раскладка по рабочим силам служит как бы налогом на труд – всякий вообще труд, независимо от того, имеются ли у его обладателя средства для его приложения, то есть земля. Ясно, что такая новая обязанность, возложенная на труд, дает ему и новое право на землю. Если раньше малоземельный «малолет» мог добиваться себе отвода земли лишь на основании общего права всех общинников в землю, лишь на том основании, что «земля – мирская, и кормится всем надо» и т. п., то теперь, как плательщик «царских податей», он имеет гораздо более конкретное основание для такого права.

Таким образом, именно разложение податей на труд и выдвигает особенно сильно то право на труд, на землю для обработки, которое есть

¹ Поимущественная раскладка податей, вводившаяся в Сибири сначала самими крестьянами, а иногда в последнее время рекомендуемая им и администрацией, представляет крайне интересный образец применяемого крестьянскими общинами подоходного обложения. В ней можно различить три основных разновидности. Раскладка не по определенному какому-либо признаку, а вообще «по состоянию», «по жизни», «по всему завороту» – сравнительно редка и применяется преимущественно к «разночинцам» (торговцам и т. п.), не участвующим в круговой поручке, а между тем пользующимся усадьбами, выгонами, а то и пашней и т. п.; она накладывается обыкновенно глазомерно и доходит примерно от 2–3 до 25–50 руб. на семью. Затем раскладка по пашне, по посевам, «по занятию» представляет своего рода поземельный налог; при переделах земли все подати сами собой ложатся на землю, так как распределяются по тем или иным «душам» вместе с землей, пока же «душевые поравнения» земли еще не начались и семейно-захватные участки неравномерны, приходится подати прямо перелгать на них. Но всего распространеннее третий вид подоходного обложения – по скоту; часто оно состоит в обложении поголовном всего скота, часто же определяется максимальное количество скота, равное для каждого хозяина, и облагается лишь скот «залишний» сверх этой нормы, – тут уже видим зачаток принципа прогрессивности обложения; наконец, очень распространен кое-где в Сибири особый вид обложения – так называемая располужка скотского выпуска, при коей все число голов скота в общине делится на число платежных в ней душ, в частном получается число голов скота, выражающее идеальную долю каждой платежной души в праве на пользование пастбищем, и те, кто имеет скота больше этой нормы, платят за излишний скот тем, у кого скота меньше нормы. Эти суммы и идут на подати (особенно хорошо описана эта раскладка г. Кауфманом для Ишимского округа Тобольской губ. См. «Мат. Зап. Сиб.», в. V, ч. II, с. 24–97). Подобные же формы встречаются и в Европейской России, – например, в уездах Херсонском, Днепровском, Евпаторийском, Перекопском, Хотинском, в Полтавской и Рязанской губ. При этом надо особенно подчеркнуть, что в Сибири все эти виды поимущественной раскладки податей распространяются с чрезвычайной быстротой, в несколько лет охватывают целые волости и таким образом во многих местах обещают в ближайшем же будущем вытеснить другие менее уравнивательные формы...

уже, собственно, и в захватном праве и которое, как общинное начало, выступает против личного права затраченного труда.

Раскладки по скоту, по запашке и «по состоянию» на первый взгляд могли бы, пожалуй, показаться скорее усиливающими захватные права, чем очищающими дорогу общинному земельному поравнению: перелгая подати на факторы производства или его результаты, эти системы увеличивают этой обязанностью право на владение ими фактических владельцев – «старозаимочников». Но в действительности и тут дело выходит наоборот. Для многих старозаимочников становится трудно выносить эту подать (если, например, они «нахватали» издавна много земли, но в данный момент ослабели рабочей силой и т. п.), и они часто сами охотнее уступают некоторую часть ее «малолетам», так что и тут распределение земли начинает складываться в большем соответствии с рабочими силами семей.

А затем, и это, пожалуй, главное, для развития общинного земельного права имеет громадное значение это самое складывание и функционирование общинно-передельного механизма на переделе податей, ибо этим приобретается принципиальное общинное, так сказать, правосознание – сознание верховных прав мира, – и складываются практические навыки к добросовестному и умелому ведению мирских дел, к мирскому распоряжению вообще. А когда общинно-передельный механизм сложится на переделе податей, он переходит и к переделам земли¹.

Все сказанное отнюдь не представляет только моих априорных соображений: часто сами крестьяне сознательно смотрят на передел платежей как на предварительную, паллиативную и временную диверсию в борьбе за передел земли. Примеры этого встречаются во всех местностях. Встречаются, например, упоминания об этом в сообщениях об Ачинском и Минусинском округах Енисейской губернии; в Алтайском горном округе (Бийском, Барнаульском, Кузнецком и части Томского окр. Томской губернии), по словам г. Чудновского, «масса населения далеко не удовлетворяется существующими системами разверстки платежей и повинностей, и не удовлетворяется она ими именно потому, что по убеждению народа системы эти недостаточно гармонизируют с

¹ Вообще при податных разверстках у мира вырабатываются приемы самой строгой уравнительности. Вот что говорит, например, г. Кауфман об Ишимском округе Тобольской губ. «При раскладке самых мелких натуральных повинностей, имеющих чисто местный характер, замечается стремление к раскладке их по таким объектам, которыми до известной степени определяется размер пользования, являющимися результатом отбытия повинности удобствами; так, участки гатей на пашенных дорогах иногда раскладываются по числу рабочих лошадей; сборы на содержание в трактовых селениях сторожей у поскотинных ворот по числу скота, пользующегося поскотинной, и т. д.». «Несомненно, избрание во все должности (по крайней мере первых двух степеней, за исключением волостных старшин и, конечно, церковных старост) производится в принципе пропорционально числу тех единиц, по которым производится вообще раскладка натуральных повинностей; при этом, однако, в прохождении разных выборных должностей соблюдается некоторая градация» («Мат. Зап. Сиб.», в. V. Статья А. Кауфмана, с. 96).

требованиями справедливости. По мнению тех, с кем мне приходилось беседовать, такая гармония осуществима лишь при переделе земли по душам»¹. В Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии обыкновенно, перенося раскладку податей с ревизских душ на наличные, постановляют привлечь к платежам малолетков «и за то посадить их на землю» (то есть нарезать на каждого хотя бы по минимальному участку из выморочных, «безродных» земель); этот же процесс часто начинается и с другого конца: сначала платежи разверстывают соответственно захваченной пашне, а потом начинают понемногу и пашню уравнивать, так что, как видим, и поимущественная разверстка податей также служит удобной и естественной ступенькой к постепенному земельному поравнению...².

Итак, в победоносной для общины борьбе за «податное поравнение», во-первых, либо углубляются основания общинно-передельного права на труд, на землю, либо сокращается сопротивление земельному поравнению со стороны старозаимочников, а во-вторых, складывается и начинает правильно функционировать сам общинно-передельный механизм. Таким образом, податные переделы не только довершают развитие условий, необходимых для переделов земли, но и дают им уже готовую внешнюю форму. Вполне естественно поэтому, что параллельно и одновременно с податными поравнениями мы наблюдаем уже и первые переделы земли в тех отдельных случаях и по отношению к тому виду угодий, где они легче всего могли осуществиться: наблюдаем прежде всего и главным образом переделы покосов.

§ 2

Читатель помнит, что сенокосы (неискусственные) представляют по сравнению с пашнями пункт меньшей силы права труда и большей силы права на труд. Именно поэтому, как с них начались ограничения захвата и общинные отводы, так на них же зарождаются и первые земельные переделы.

В большей части того огромного района, где господствует еще семейно-захватное (неограниченное или ограниченное) владение пашней и который мы поэтому и вообще относили именно к этому типу владения, сенокосы уже переделываются. В юго-восточной окраине Тобольской губ. (не говоря об остальной ее части, где господствуют уже переделы и пашни) захватное пользование покосами сохранилось только кое-где и, по словам г. Кауфмана, «доживает тут последние дни». В северной более многоземельной части Томской губ. переделы покосов распространены пока мало и очень неравномерно, но в трех южных ее округах (в так называемом Алтайском горном округе)

¹ Чудновский. «Алт. позем. община» // «Сев. в.» 88 г., 11 кн. обл. отд.

² «Материалы по Иркутской губ.», т. II, вып. 3, Л.С. Личков, с. 206.

они уже преобладают; в Енисейской губ. исследованием насчитано 21,1% общин с выработанными видами переделов, 39,2% – с «общими поравнениями» (грубыми, приблизительными видами передела), 22,7% – с «частными поравнениями» (охватывающими не всех, а лишь часть хозяев) и в захватном владении покосы оставались еще лишь в 17% общин; в 3-х округах Иркутской губ. захватное владение покосами встречается только в 4-х волостях и иномродческом «ведомстве», а во всех остальных покосы сплошь переделываются¹ и т. д. Наконец, в окраинных местностях Европейской России, проходящих еще через захватный фазис владения, в общем тоже обыкновенно переделы сенокосов шли впереди переделов пашни². Повсюду это обрисованное развитие переделов сенокосов не только шло одновременно и параллельно с развитием переделов податей, но и совершенно сливалось с ним, совершаясь применительно к одной и той же единице: сенокосы уравниательно распределялись между семьями именно по числу в них душ, обложенных податями, так что, собственно говоря, тут уже подати перекладывались на сенокосы.

Из этого краткого очерка мы видим, как значительно распространены переделы покосов и какую, значит, заметную роль могут они играть для выработки общинного правосознания. Рассмотрим теперь вкратце сами способы их, весьма характерные для начала переделного порядка.

Степень, на которой, как можно приблизительно наметить, кончается отвод и начинается передел сенокосов, представляет порядок, при котором общинники предварительно уговариваются: «ты там коси, я здесь буду», или когда община начинает нарезать покосы не только из «безродных» земель, но также и отрезает глазомерно у слишком много захвативших. Следующая ступень состоит в таком постепенном развитии этих глазомерных отводов, при котором крайние неравномерности уже исчезают и доли покосных владений каждой семьи уже довольно близки к средней норме. Эта же ступень в другом ответвлении нормировки захвата – в общем уговоре относительно захвата, – представляет такие, например, формы: все хозяева выезжают на середину покоса и разъезжаются добровольно, куда кто желает: часть направо, часть налево; потом каждая группа опять добровольно разделяется на две части, эти части опять разъезжаются направо и налево и т. д.; таким образом, когда

¹ См. *Кауфман А.* «Общ. в Сиб.», с. 88–89. «Матер. Зап. Сиб.», вып. XVIII, с. 230–248 и др.; *Л. Чудновский.* «Алтайская поземельная община» // «Сев. вест.», 88, 11; «Матер. Ирк. и Енис. гг.», т. II, в. 3, ст. *Личкова* и т. IV, в. 3, ст. *Дубенского* и др.

² Это было не совсем так только у казаков (донских, кубанских, терских, уральских, а также и сибирских, как, например, семипалатинских и т. п. (см. *Карелина* «Общ. вл.», с. 205–206), наделенных большими пространствами степной земли, представляющей в большей своей части сенокос; тут поэтому регулирование пользования этими сенокосами не было более настоятельным, чем регулирование пашневладения, и шло почти одновременно с последним; впрочем, и тут у уральских, например, казаков, владеющих, в общем, захватно, недавно начались первые переделы именно с сенокосов (см. *Бородина* «Очерк обществ. хоз. ур. каз.» // «Сев. в.» 90 г., 4 кн.).

все разъедутся, у каждого будет участок, приблизительно средний к норме (ибо заранее больше хозяев едут туда, где трава лучше, и наоборот). При другой разновидности этого порядка покос уже предварительно осматривается и разделяется на участки и всем хозяевам предоставляется «записываться» у старосты на какой угодно участок и дозволяется переходить из одного в другой, пока не запишется последний хозяин; затем каждый участок делится между участниками уже равномерно.

Следующая наиболее выработанная и повсеместно наиболее распространенная форма передела покосов заключается в сдаче их со своего рода аукционного торга; реже встречается распределение по общему полюбовному соглашению без торга и распределение по жребию. Этот аукционный способ передела в соединении или рядом с жеребьевкой и полюбовным разделом широко распространен и местами даже господствует в Сибири и в казачьем землевладении Европейской России¹. В общей схеме все эти «торги», «ряды», аукцион», «переторжка», «накладка душ», «набивка душ», «набой душ», «в надорожку», «на сбавку» и т. д. сводятся к следующему. Сенокос разделяется на разнокачественные участки (или по расположению, или по качеству травы), и на каждый участок вызываются добровольно желающие сесть на него (начинают передел с лучшего и кончают худшими участками), которые и торгуются: каждый хозяин или группа хозяев (если участок велик) набавляет число душ, на которое согласны они принять участок (очевидно, что чем на большее число «душ» придется участок, тем меньше придется на душу); это будет аукцион «в надорожку», а возможен аукцион и на «сбавку», сущность которого та же, но только при нем не набавляют число душ на данный участок, а сбавляют размер участка, который соглашаются взять на данное число душ... При этом аукционном способе передела, построенном на чисто конкуренционном начале, возможно и даже часто необходимо все-таки применение и полюбовного начала: когда подбирается группа на участок, то в ней уже полюбовное соглашение относительно того, на сколько душ соглашаться брать участок, а затем и вообще наблюдателями отмечено, что в случаях, когда отдельные хозяева в погоне за хорошим участком зарываются и назначают за него слишком уж много душ, то община или товарищи их останавливают и стараются привести к какому-нибудь компромиссу «по согласию»².

¹ См. Кауфман А. «Крестьянское землевладение и хозяйство в Тобольской и Томской губ.», с. 64 и 66; Чудновский. «Алтайская поземельная община» // «Сев. вестн.» 88 г., 11 кн.; Личков Л. С. «Материалы по Иркутской губ.», т. II, вып. 3; Дубенский М. «Матер. Вост. Сиб.», т. IV, в. 3; Бородин Н. «Общ. хоз. ур. каз.» «Сев. вест.» 90 г., 4, 5 и др.

² У г. Личкова приведено несколько случаев, когда недоимщикам покосов не достается: на их покосные души торгуются, за купленные души тут же «на покосном сходе» вносятся деньги, поступающие в уплату недоимки, и потом покос делится на покосные купленные души. Встречаются и злоупотребления: «мир» за вино отводит участок покоса получше или, напр., нарочно затягивают передел на 5–6 дней, что неудобно для малорабочих (с одним, напр., работником) семей, и те ухо-

Обрисованный (нарочно с некоторой подробностью) процесс развития первых сенокосных переделов чрезвычайно любопытен. Мы могли видеть, что в основании всего этого развития остается конкуренционный, так сказать, принцип, что за каждым хозяином всегда еще оставляется известная доля свободы выбора, свободной борьбы, свободного соглашения с другими общинниками, что, таким образом, не только эти переделы вырастают рядом незаметных тонких переходов из неограниченного захвата, но, строго говоря, по самому принципу своему остаются еще тоже захватом, только с максимально уравненными шансами захватчиков и примиренными и соглашенными формами их соперничества. Нечего и говорить, что эти формы сенокосных переделов всецело обусловлены сравнительным еще многоземельем окраинных местностей и что затем, по мере сокращения покосных угодий, они сменяются все более строгой и точной общинной регламентацией. Чтобы потом в следующих главах не возвращаться снова к эволюции владения сенокосами, я изложу вкратце здесь же эти последующие и заключительные ее фазисы.

Как владение сенокосами первым вступает на путь развития общинно-передельного начала, так затем оно заходит дальше других на этом пути. Объясняется это, как уже указано, прежде всего отсутствием в них предварительной затраты труда, благодаря чему индивидуальному праву на них не на чем обосноваться и общинное право не встречает серьезного противодействия. А этот фактор усиливается и осложняется еще другой особенностью: крайней разнокачественностью сенокосных угодий, резко обостряющей несправедливость индивидуального владения ими и необходимо требующей постоянного общинного количественно-качественного их «поравнения».

Благодаря этому сенокосы только в тех случаях переделяются теми же способами, в те же сроки и т. д., как пашни, когда в них тоже затрачен труд отдельных общинников (например, расчистка из-под леса, камней, орошение, осушение, загородка и т. п.). Но так как в большинстве случаев этого нет, то общинно-передельный порядок осуществляется на них почти всегда гораздо полнее, чем на пашнях¹. Хотя они распределяются между хозяевами по тем же «душам», то есть в той же пропорции, как и пашня, но делятся гораздо чаще, очень часто ежегодно, и более уравнительными способами, – с самой тонкой разбивкой, например, лугов на сорта, с применением ежегод-

дят со схода, заранее согласившись на худший участок, – лишь бы отпустили... «Но злоупотребления эти составляют действительно редкое исключение, встречаются единицами: обыкновенно, даже можно сказать всегда, переделы покосов производятся строго уравнительно» (см. «Матер. по Иркутск. губ.», т. II, вып. 3, с. 234–236).

¹ Исключения редки и, кажется, объясняются, главным образом, крайней мелкостью и разбросанностью покосных участков, по самой топографии своей не дающихся, так сказать, общине. Такие случаи, напр., отмечены для Вельегонского уезда («Св. сб. по Тв. губ.», т. XIII, в. I, с. 48) и нек. др.

ной жеребьевки (вместо оставления из года в год хозяевами одних и тех же участков) и т. д. Замечательно, что в очень многих случаях общего долевого владения, как, например, так называемого четвертного и некоторых других, при котором наследственные доли пашни, конечно, никогда не переделываются (могут быть лишь обмены участками для уравнивания в их качестве), сенокосы (а также леса) находятся часто в самом типичном и чистом общинно-передельном владении; то же замечается и в некоторых случаях общинного владения, фактически уже превращающегося или превратившегося в беспредельное наследственно-долевое. Таким образом, владение сенокосами, несомненно, представляет самую активную и самую, так сказать, живучую функцию общинно-передельной организации.

Особенно ярко и глубоко это проявляется еще и в том, что именно на сенокосном угодье мы можем наблюдать в более или менее серьезных размерах тот переход от общинного владения и распоряжения к общинному же пользованию, априорно предположенная возможность которого именно и заставляет нас с таким глубоким интересом заниматься судьбой общины. Оставляя подробный очерк общинно-артельных форм пользования покосами до 4-го тома, посвященного всецело этому огромной сложности и огромной важности вопросу, мы сейчас заметим только, что не найдется, пожалуй, в России уезда, где бы не встретилось хотя нескольких случаев артельной уборки сенокосов, причем они часты, например, даже в таких местностях, как Полтавская губ. и т. п. Есть же уезды, где даже в большинстве общин луга или вовсе не переделываются, а косятся сообща всем «миром» (и делится уже сено), или разделяются лишь между группами хозяев («сотнями», «десятками» и т. п.), которые убирают их затем артелями. Например, такой порядок «преобладает» в Тетюшском уезде Казанской губ.; в Елецком у. Орловской губ. он практикуется почти в $\frac{3}{5}$ всего числа общин, имеющих покосы, и т. д.¹ Нечего и говорить, что это возникновение артельного пользования покосами всецело обуславливается специфическими особенностями этого угодья; при отсутствии затраты индивидуального труда это прямо по-

¹ См. статью по общине и описания волостей и селений в земско-статист. сб. по этим уездам. И вот какая, напр., картина рисуется г. Плотниковым для некоторых районов Семеновского у. Нижегородской губ. Здесь часто покосами владеет совместно множество селений (иногда до 45). И вот «ежегодно в пору сенокоса съезжаются "в луга" на Волгу сотни деревень; и тысячи косцов, разбиваясь по обширным группам однообщественников, размещаются в черте своего надела. С точностью и однообразием раз навсегда установленной машины совершается сложная организационная работа "развода лугов". Параллельно тому как луга делятся на все меньшие и меньшие однокачественные доли, тысячи косцов делятся на все меньшие и меньшие группы и подгруппы – "сотни", "десятки", "пятеры", "четверики". По указанию жребия, расходятся эти группы по своим местам, выпавшим "на счастье". Звенит артельная коса, и на месте широко раскинувшейся ярко-зеленой поймы к осени вытягиваются бесконечные ряды стогов. Глубокой осенью, почти зимой, снова в лугах оживление: стога "разваливают" в копны и вновь обычный жребий распределяет продукт общего труда по душам, по тяглам, по работникам...» («Мат. к оц. зем. Нижегород. губ.», часть экон., в. XI, с. 170).

стулируется прежде всего крайней разнокачественностью и изменчивостью урожаев сенокосов, делающими невозможным вполне уравнильное их распределение, и крайнего неудобства и самого передела, сопровождающегося вытаптыванием травы, нерациональной потерей времени, так как иной маленький покос можно сообща всем миром выкосить за то время, какое потребуется для передела, и т. д. и т. д.

Итак, в развитии владения сенокосами мы проследили эволюцию самого первого ростка общинного владения¹. Мы видели, что этот росток опережает все другие и дорастает до наибольшей мыслимой высоты общинной формы; нам очевидно, что это обуславливается тем, что именно этот росток всего сильнее питается общинным правом и наименее заглушается побегам индивидуального права. Если мы хоть немного вдумаемся в эти очевидные до бесспорности положения, то почти настолько же бесспорным представится нам и то, что в этом случае общинная организация складывается и складывалась (по крайней мере, в последние десятилетия) не извне, не механически, а изнутри, органически: приспособлением интересов и прав общинников к изменяющимся внешним условиям, внутриобщинной борьбой за землю при возрастании населения и сокращения землевладения.

Если такое заключение правильно, то оно в равной же степени должно оправдаться и по отношению ко всем другим угодым. Жертвуя внешней последовательностью изложения внутренней связности и цельности анализа, я позволю себе в этой же главе проследить также всю эволюцию и остальных второстепенных угодий. Такое изучение лучше всего подготовит нас к пониманию основного момента в эволюции общины – первых переделов пашни.

§ 3

Пастбищами (или выгонами) крестьянам служат либо отдельные и постоянные собственно для того отведенные пространства, либо временно для того употребляемые участки сенокосов и пашни, когда они под залежью или под паром. Во всех этих случаях трансформация владения пастбищами расчленяется на два момента: 1) пастбище становится из индивидуального общинным и 2) пользование им уравнивается.

Первоначально при неограниченном земельном просторе пастбища находятся в таком семейно-захватном владении, как и все остальные угоды: каждый хозяин пасет свой скот всюду, где хочет, за исключением лишь тех мест, которые уже заняты для какой-либо цели другим заимщиком, – пасет

¹ См. в дополнение к этому по необходимости крайне беглому очерку свод данных о владении сенокосами у г. В. В. «Община», с. 459–469 и 495–501 и у А. Карелина «Общ. вл.», с. 43–47 и некоторые другие.

или свободно повсюду в окрестностях своей «заимки», как это бывает обыкновенно в степных местностях, или в особых огороженных участках, называемых в Сибири «поскотинами». Но по мере того как вследствие сгущения «заимок» начинает ощущаться некоторый недостаток в удобных пашнях и покосах, такой порядок начинает нарушаться: не может один заимщик пользоваться неограниченным привольем для скота в то время, как у другого не хватает пашни или покоса, – как косарь уступает пахарю, так пастух уступает и пахарю, и косарю. Сначала община требует у заимщиков очистить от скота особенно обширные «поскотины»; если они не уступают, то часто сама силой разгораживает их¹, в конце же концов решительно запрещает отдельные семейно-захватные «поскотины» обыкновенно (кроме маленьких оград для мелкого скота, так называемых «телятников») и обязывает весь крупный скот пасти в общем стаде в местах, определенных для того общиной. Этот процесс, так сказать, обобществления пастбища связан, таким образом, с одной стороны, с общей борьбой деревни с ее выселками, хуторами, заимками богатых «старозаимочников», имеющими обыкновенно более скотоводческий характер (эта борьба особенно интенсивна и характерна в казачьем землевладении, например, у кубанских казаков)², а с другой – упорядочением общинной территории, то есть с правильным разделением ее на постоянные отдельные угодья. Мало-помалу выгон отводится общиной во все более точные границы (где нет «поскотин», там он сначала неопределенно обозначается живыми урочищами, а затем отграничивается плуговой бороздой и т. п.), за нарушение коих запахиванием или пастьбой скота в неуказанном месте устанавливаются более или менее строгие штрафы и взыскания (у казаков, например, арест по приговору схода и т. п.). Интересно при этом отметить, что и тут проявляется право труда: в Кубанской, например, области особенно ревниво охраняются общиной горных и скалистых ее местностей пастбища, искусственно устроенные общиной, то есть очищенные от мелкого кустарника³.

Наконец, при последующем сокращении земельного пространства, когда вся общинная территория захвачена и пашня еще дальше стремится расшириться за счет пастбища, является вместо переложной системы та или иная правильная смена полей, а вместе с этим пашенные поля обращаются периодически

¹ См. А. Кауфман. «Община в Сибири», с. 206.

² См. Щербина Ф. «Земел. община куб. каз.», с. 69–87 и 154–161. Еще в 58 г. казачий генерал И. Попко писал: «Чтоб остановить и сократить земельные захваты хуторов, курени (села-станции) выдвигают против них свои плуги, подходят под них траншеями, ископанными ралом, а хутора в виде усиленных вылазок напускают на куренные пашни свои стада и табуны. Борьба, как видите, земледельческого быта с пастушеским. Неурядицам, жалобам и искам, самым нелепым, нет числа...» (с. 40).

³ Там же.

под пастбище; тут уже, понятно, общинная регламентация как пастбищной территории, так и самого процесса пастбы скота, ее срока, например, и т. п. достигают высшей степени и формы.

С самого момента обобществления пастбища возникает в общинах борьба за равномерное им пользование. Общинники, вполне освоившись с представлением о пастбище как общинном владении и, значит, о равном праве на пользование им каждого хозяина, пропорционально ли его рабочим силам (числу рабочих), потребностям (числу душ) или обязанностям (числу податных душ), начинают бороться против неравномерности в этом пользовании, которая в полускотоводческий семейно-захватный период бывает огромна. В это время многие зажиточные крестьяне помимо огромного количества хозяйственного скота очень часто еще нагуливают целые стада овец и рогатого скота для продажи, и на них не может не «обижаться» бедная часть хозяев, имеющая по какой-нибудь паре лошадей и коров и по десятку овец (двухлошадные хозяева, считающиеся средними или даже выше средних в центральной России, в Сибири и у казаков являются бедняками). И вот повсюду, как общее правило, община устанавливает для устранения этой неравномерности денежное обложение скота¹. Редко облагается гуртом и одинаково весь скот каждого хозяина, а обыкновенно известное минимальное, нормальное для среднего или бедного хозяина число штук каждого скота не облагается или облагается в уменьшенном размере и только с каждой штуки, «залишней» против этой нормы, взимается ежегодная плата (обыкновенно от 10–15 коп. до 50 коп. – 1 руб.²).

Наиболее же высокую по уравнительности и разработанности форму представляет описанная выше в примечании о поимущественной раскладке податей – «расположка скотского выпуска». Этим сложным способом производится, по справедливому замечанию г. Осипова, такое уравнение пользования пастбищем, какое могло бы быть достигнуто прямым его подушным переделом между хозяевами. Интересно, что буквально эта же форма встречается не только в Сибири, но и, например, в Феодосийском уезде Таврической губ. и др.³.

¹ Иногда рядом с этим встречаются и формальные запрещения известным хозяевам – заведомым скотопромышленникам – пасти их промысловый скот на общинном пастбище.

² Особенно разработана эта система в Уральской казачьей общине, владеющей огромными и ценными пастбищами; тут скотоводство так велико, что нормой определено для семьи рядового казачества 50 голов крупного скота (рогатого и верблюдов), 50 лошадей и 300 штук овец и коз (а для офицеров и генералов от 100 до 200 лошадей, столько же крупного и от 800 до 1600 штук овец); излишний против этой нормы скот обложен: 60 коп. крупный и по 20 коп. мелкий; с посторонних же (не казаков) берут ежегодно по 80 коп. и по 30 коп.; и с этого обложения скота, называемого почему-то тут «акцизом», собираются в пользу войска крупные суммы (см. *Н. Бородин*. «Очерк общ. хоз. ур. каз. войска» // «Сев. вест.» 90 г., с. 51). В кубанских казачьих общинах эта норма определяется в 10–12 голов крупного и 100–200 мелкого скота, причем в иных станицах хозяева с 2 лошадьми совсем не облагаются и т. п. (*Ф. Щербина*. «Поз. общ. куб. каз.», с. 160–161).

³ См. земско-статистич. сб. по этому уезду и др.

Следует затем упомянуть еще об одном сравнительно мелком, но характерном для выработки общинной организации и принципов общинного права вопросе: об уравнительности в загораживании общинных «поскотин». В большинстве случаев в Сибири эта городьба раскладывается на хозяев пропорционально числу у них скота, но в отдельных местностях и с течением времени все шире распространяется теперь раскладка городьбы по количеству пахотной земли (в Иркутской губ. также по «могущим» душам, на которые переделены покосы). В этом на первый взгляд странном основании проявляется, однако, с полной логичностью один из двух основных принципов всякого общинного распределения – принцип потребности. «Кабы не пашня да покос – и городить не надо бы», – говорят крестьяне¹ и все чаще и чаще начинают раскладывать труд городьбы пропорционально заинтересованности, нужде в ней отдельных общинников².

В самом наблюдении общины за исправностью городьбы и охраной пашен и сенокосов от потрав скота проявляется та же своеобразная логичность: обыкновенно за эти потравы отвечает не владелец лошади, а тот хозяин, через чей участок в городьбе пробрался скот и поскотины; но и тут все-таки степень вины этого хозяина строго взвешивается; так, например, если потрава произведена сильным и бойким жеребцом, называемым в Сибири за способность преодолевать всякие изгороди «ломуном» или «скакалем», то это не вменяется в вину хозяину, работавшему проломанную им изгородь... И т. д.³

Необходимо, наконец, заключить этот краткий очерк развития общинного владения пастбищами указанием на очень важный факт, который с первого взгляда мог бы показаться нарушающим только что обрисованную правильность возрастания в нем общинного начала и равномерности пользования: все эти точные и сложные нормирования пользования пастбищами практикуются исключительно в многоземельных окраинных общинах, переживающих период, так сказать, допередельный, при господстве же, как в центральной России, высшего по общинности порядка уравнительных переделов, вся эта уравнительная система наблюдается лишь очень редко⁴. Тут, однако, нет никакого противоречия: дело объясняется просто тем, что в густозаселенных малоземельных общинах центральной России неравномерность в пользовании

¹ Кауфман А. «Община в Сибири», с. 210–211.

² При этом сама работа распределяется со строгой уравнительностью, так что, например, места изгороди, граничащие с пашней и которые потому должны быть прочнее, распределяются особо в остальных так, чтобы каждый хозяин участвовал в обоих видах городьбы. Кауфман А. Там же.

³ «Мат. Зап. Сиб.», в. XVIII, статья А. Кауфмана, с. 270.

⁴ Отсылаю вообще читателя, интересующегося деталями этого вопроса, к 469–477 стран. книги г. В. В. «Община», где объединены довольно подробные данные о владении выгонами в общинах земской России.

пастбищем исчезает сама собой, так как здесь уже совершенно невыносимы не только специальное содержание богатыми хозяевами промысловых стад, но и всякая вообще резкая неравномерность в скотоводстве, по необходимости всегда приблизительно пропорциональном размерам семьи, ее рабочих сил и размерам надела, так что специальное обложение скота явилось бы тут неизбежно почти буквальным повторением обложения или «земельных», или «рабочих» и т. п. душ.

Таким образом, именно это отсутствие уравнивания пользования выгоном при наивысших общинных формах и обнаруживает с особенной яркостью строгую приспособленность этого владения пастбищами к основному его внешнему условию – размерам землевладения.

§ 4

Об эволюции владения лесами имеется в местных исследованиях несколько особенно отчетливых очерков, а именно: по Кубанской области г. Щербины, по Ишимскому (Тобольской губ.) и Томскому с Мариинским округам (Томской губ.) г. Кауфмана, по Курганскому округу (Тобольской губ.) г. Осипова, по Уральскому казачьему войску г. Бородина и некоторых других; в совокупности эти работы дают яркую и характерную картину обобществления лесовладения по мере сокращения его размеров¹. Во всех этих разнообразных местностях пользование лесом совершается в форме эксплуатации не только самых деревьев как топлива и материала для построек и разных поделок, но также и разнообразных плодов их. В казачьих областях Европейской России нужно сюда же отнести и пользование камышом, играющим в беслесных степях роль леса и как топливо, и как строительный материал.

Что касается собственно лесовладения, то есть пользования самими деревьями, то тут можно различить три главных фазиса.

Фазис первый – такой избыток леса, при котором его не только во много раз больше, чем крестьянам нужно для себя и даже чем они могут продать на сторону (при редкости городов, огромности расстояний и неудовлетворительности дорог в Сибири лесопромышленность может тут развиваться только в отдельных районах), но когда он по отношению к землевладению представляет даже не плюс, а минус. «Не рубить лесу, так изба зарастет», – говорят в сибирских таежных местностях крестьяне, и, действительно, он тут и понижает урожаи, и вредит скотоводству тучами водящегося в нем «гноуса» (комаров и мошек). В таких местностях крестьяне и поступают с лесом, как с врагом: для одного бревна срубляют огромное дерево или даже несколько,

¹ Весь нижеследующий очерк эволюции лесовладения основан почти всецело на указанных статьях, и потому я не буду больше каждый раз ссылаться на них.

чтоб потом выбрать лучшее; лес тут завален валежником, сучьями, целыми стволами и как бы приспособлен для пожаров... Такую же роль играет и камыш в приречных, например, местностях Кубанской области: тут он портит пашню и покосы, и казаки не только усиленно пользуются им для крыш на постройку «кошар» (сараяв для овец), для топлива и в неурожайные на траву годы как кормом для скота, но и прямо ведут с ним борьбу, вытаптывая его скотом и выжигая огнем. Совершенно понятно, что при таких условиях, когда возможно большее пользование продуктом со стороны каждого общинника не только не лишает этого продукта остальных, а, напротив, всем приносит пользу, не может быть и нет никаких общинных ограничений в этом пользовании. Оно тут безусловно «вольное», то есть неограниченно-захватное до такой степени, что вырубка леса допускается каждому не только во всем свободном районе захвата, но даже в черте заимок или «занятий» других семей, вообще в этот период совершенно неприкосновенных; и относительно леса даже не устанавливается тех разграничений между селениями, которые в этот период уже иногда появляются для сенокосов.

Второй период лесовладения нужно начинать с того момента, как с лесом перестают вести борьбу и начинают его ценить все выше и выше, но в то же время еще и нет резкого в нем недостатка, и потому частью сохраняется совсем беспечное к нему отношение, выражающееся формулой: «на наш век хватит», – формулой весьма вообще характерной для хищнически-экстенсивного крестьянского хозяйства многоземельных окраин¹, частью же постепенно проявляются некоторые слабые меры к его охранению или уравнительному распределению. Эти меры так или иначе ограничивают захватное пользование лесом, уменьшают его размеры: устанавливается, например, запрещение вывозить деревья для продажи больше, чем может хозяин увезти на собственных лошадях (с требованием очищать от сучьев вырубку на сенокосных местах); затем, вообще в известных лесных участках запрещают вырубку для продажи или вырубку молодых деревьев и т. п. У казаков кубанских, уральских устанавливаются также точные сроки рубки леса и таловых зарослей (от восхода до заката солнца) с запрещением при этом ссор и драк (за каковые в одной станице положено штрафовать «в 2 руб. за ссору и с 3 руб. за драку») или даже вводятся особые билеты на такую рубку или ограничение ее известным максимумом и с запрещением рубки на продажу; относительно камыша здесь устанавливаются те же ограничения вольного захвата, как и при сенокосах: назначается срок начала его косьбы и запрещается нанимать для того работников (или устанавливается предельная норма для такого най-

¹ Такое отношение замечается в Сибири отнюдь не у одних крестьян. В «Мат. по Иркутск. губ.» (т. II, в. 3, с. 248) отмечен, напр., характерный случай неисполнения общинного приговора об охране леса вследствие противодействия тому исправника, который приказал не запрещать рубку леса, а поощрять ее «для развития пароходства...» И т. д.

ма) и т. д. В этот же период уже совершается образование «лесных» общин и устанавливается запрещение рубить лес крестьянам чужих общин.

В третий период, когда быстро убывающий лес уже начинает высоко цениться крестьянами, общины начинают усиленно нормировать пользование им, в чем выказывают обыкновенно очень много энергии и инициативы. Последняя замечательно проявляется в поразительном разнообразии самих форм этой нормировки всюду, где ей не препятствуют законодательно-административные воздействия; это разнообразие доходит местами, и как раз в районах наиболее быстрой убыли леса и наибольшей ценности его, до того, что, например, в одной волости возле Томска отмечено больше систем лесопользования, чем самих общин (ибо некоторые общины практикуют разные системы по отношению к разным сортам леса). Этот порядок, при котором не только – «что деревня, то обычай», но даже больше обычаев, чем деревень, – крайне любопытен не только как удивительно яркий образчик инициативы и самопроизвольности в развитии общинного права, но и как показатель строжайшей закономерности его. Дело в том, что это огромное разнообразие в способах обобществления и уравнивания лесовладения, в котором общины как бы бросаются во всевозможные стороны, силясь уловить наилучший для него принцип, логически неизбежно и всецело обуславливается специфическими свойствами самого лесного угодья. С одной стороны, общинное равное для всех общинников право на пользование лесом, в форме ли захватной или передельной, особенно сильно, так как, во-первых, лес представляет наиболее ценное угодье и, во-вторых, в него не затрачено ничьего труда, с другой же стороны, самый процесс пользования лесом прекращает его существование как такового на долгое время или даже навсегда, и, значит, полное осуществление этого права пользования могло бы быть равносильным лишению леса не только будущих поколений за счет нынешнего, но и в данный момент – хозяина, более бережливого за счет жадного. Таким образом, по отношению к лесу общины силятся каждая по-своему изыскать такую систему его обобществления и распределения, которая соединяла бы наибольшую уравнивательность последнего с наилучшей охраной леса от истребления.

В настоящем томе моей работы я вообще не имею целью оценивать общинные формы со стороны их справедливости и целесообразности, потому и сейчас не буду разбирать, насколько вообще удачно сибирская община разрешила эту чрезвычайно сложную проблему, вполне разрешимую, по моему мнению, лишь при общинной эксплуатации леса, но должен констатировать, что по мере развития недостатка в лесу неуклонно вырабатывались порядки, все более и более приспособленные к обрисованным целям и условиям лесовладения.

Обыкновенно прежде всего община налагает временные запрещения на захватные вырубki тех или других участков¹ или даже всего леса. Затем вводится принцип передела, то есть уравнительного распределения леса между отдельными семьями, еще, однако, по большей части глазомерного и представляющего ту же картину взаимного уговора и соглашения захватчиков, какую мы видели в развитии первых переделов сенокоса, причем часто наделение «прибылых» (нарождающихся) душ не предусмотрено. Наконец, появляются уже случаи точного передела с измерением и отрезками от одних в пользу других, то есть с наделением «малолетков». Чем дальше на запад от вышеупомянутого Томского округа, тем более выработанные встречаются формы лесных переделов. Во-первых, где здесь практикуется порядок периодических запрещений леса по частям, то он гораздо более систематизирован и обыкновенно соединяется с глазомерным переделом пускаемых в рубку частей леса, причем и на этих отведенных отдельным семьям участках все-таки запрещается рубить молодые деревья («в оглоблю» и т. п.)²; затем в большинстве общин уже установились точные и систематические переделы леса. В развитии их, опять-таки с востока на запад, можно различить два типа. Сначала обыкновенно переделы производятся по тому же принципу «набоя» душ, «торгов» на известные участки леса, достаемые тем, кто согласится взять их на наибольшее число душ (или на данное число душ взять наименьший участок), как и сенокосы, при каковом порядке, очевидно, выигрывают небережливые и наиболее нуждающиеся в лесе хозяева (обыкновенно более бедная часть общинников) и теряют воздерживающиеся от вырубki хозяева, так как участки их идут в передел и частью от них отходят тем, у кого леса убавилось, то есть кто его не сберег. Затем устанавливается порядок передела «по старшинству», «по вотчине», «по старозаимочности», при котором каждому хозяину при переделе оставляется весь (если число наделяемых общинной душ не увеличилось) или часть (если увеличилась) его прежнего участка, его «отцовщины»; этот порядок в своем чистом виде построен на принципе «любой» половины, то есть хозяину, у которого отрезается излишек лесного надела, представляется выбирать себе лучшую «любую» часть из своего надела и уступить худшую, и поэтому он, наоборот, чрезмерно невыгоден

¹ Иногда такие участки обращаются в постоянные общинные рощи, охраняемые и устраиваемые возле деревень для прохлады скоту, защиты от бури и т. п. В Иркутской губернии в бурятских улусах встречаются иногда небольшие священные шаманские рощи, а в одном по настоянию «тайши» запретили лес на горах как сохраняющий влагу и пастбище от выгорания и «ради красоты»; в с. Горячинском Забайкальской обл. запрещен общественный лес вокруг сернистого горячего ключа (целебного) для предохранения его от высыхания... И т. д.

² Так же систематичны и строги запрещения леса у кубанских и частью уральских казаков; за самовольные порубки назначаются и взимаются штрафы, иногда с офицера больше, чем с рядового казака (в одной станице штраф установлен от 1 до 3 руб., «смотря по качеству ума и состояния виновного»); назначаются и арест, и экзекуция пастуха за пропуск скота в лес и т. п.

для вновь наделяемых «малолетов» (получающих обыкновенно совсем плохой лес или даже одни пеньки); притом им недостаточно стимулируется сбережение леса: скорей, наоборот, каждый хозяин в ожидании отрезки спешит вырубить отходящий от него участок.

Но интереснее всего компромиссная система, так сказать, пропорциональных отрезков, установившаяся в Курганском округе Тобольской губ., где вообще общинные переделы выработались раньше, чем в других местностях (давно уже переделывается и пашня): у хозяев, лесные наделы которых при переделе подлежат сокращению, отрезается и худший, и лучший лес либо в общей установленной общиной для всех пропорции, либо в той именно пропорции, в какой его застал у него передел (если, положим, у хозяина было 6 дес. леса, из коих $4\frac{1}{2}$ дес., то есть 75% хорошего и $1\frac{1}{2}$, то есть 25%, худого, а должно остаться после передела только 4 дес., то ему и оставляют в числе этих 4 дес. 3 дес. (75%) хорошего и 1 дес. (25%) худшего и т. п.). Вообще эти две основных разновидности лесных переделов имеют массу вариаций, и обыкновенно каждая из них, установившись первоначально в чистой форме, потом постепенно ограничивается и корректируется противоположной¹. И очевидно, что сейчас описанная система компромисса этих двух принципов в общинах местности, являющейся и географически, и исторически передовой в развитии общинных переделов, представляет наиболее точную равнодействующую трех целей: во-первых, интересов старых владельцев, во-вторых, новонаделяемых молодых и бедных семей и, наконец, сбережение леса.

Если мы перейдем от этих все-таки еще лесистых местностей к тем южным степным или центральным общинам Европейской России, где остались лишь ничтожные клочки леса, то тут найдем еще гораздо более высокую заботливость о нем и уравнительность в его пользовании. За недостатком места укажу только в пример на те случаи в степной безлесной части Кубанской области, где иные казачьи станицы с величайшей тщательностью возвращают лес из случайных мелких порослей, которые они, по характерному их выражению, «закохивают». Например, станица Петровская в 72 г. приговорила:

¹ Особенно, напр., интересные и особенно разнообразные в разных общинах решения представляет вопрос о судьбе так называемых рощ или садочков, то есть участков леса, долгое время выращивавшихся и оберегавшихся отдельными хозяевами. Отнять их у последних для других без всякого вознаграждения – крайне несправедливо, оставить просто прежним хозяевам – часто тоже нельзя и несправедливо, дозволить им их вырубить – несправедливо по отношению к новому владельцу, получающему участок, который через десятки лет лишь будет лесом, а для обращения под пашню требует тяжелой работы очистки от пней. Поэтому хотя встречаются и такие крайние решения, но при недостатке в лесу обыкновенно дело решается компромиссом: или участки леса идут старому хозяину в счет его пашенного надела, или ему позволяют вырубить только крупный лес, оставив мелкий новому и т. п. Об этом см. статью г. Кауфмана по Ишимскому округу // «Мат. Зап. Сиб.», в. V, с. 2 и 283.

так как в таких-то местах «начинает расти лоза», то постановляем «заборонить ее, то есть не дозволить никому рубить и тем дать возможность усовершенствоваться». Таким способом некоторые степные станицы, действительно, успели уже «усовершенствоваться», а иногда даже и прямо насадить недурные рощи¹. Тут же, а также в центральной России отмечены случаи и прямо насаждения крестьянскими общинами лесных рощ². Способы же передела в малоземельных общинах, успевших спохватиться и сохранить от вырубки небольшие клочки леса (едва ли не в большинстве общин лес успели дочиستا истребить)³, уже обыкновенно скрупулезны и точны порой почти до курьеза: во многих и самых различных местностях, например в Московской, Самарской, Полтавской губерниях и др., часты или даже обыкновенны случаи сосчитывания всех деревьев в участке, пущенном в вырубку, причем каждое дерево относится в известный сорт (и не только по толщине его ствола, но и по количеству сучьев и т. д.), иногда даже деревья нумеруются и потом каждый хозяин получает по известному количеству деревьев каждого сорта; при этом очень часто, кое-где даже в большинстве случаев, вырубка производится коллективным трудом всей общины или отдельных ее артелей и делится уже срубленные деревья⁴.

Итак, эволюция лесовладения проходит особенно длинный и интересный путь: начинается оно формами чисто индивидуальными, семейным захватом, безусловно неограниченным, и через ряд постепенных переходных ступеней развития общинного права и убывания личного доходит во многих случаях до высшего предела общинности – до общинного не только вла-

¹ Необходимо отметить, что в 65 г. наказной атаман Кубанского казачьего войска предписал каждой станице завести «лесные плантации»; но, как и всегда в подобных случаях, из этого почти ни в одной станице ничего не вышло, сбережены же и выращены были рощи только в некоторых станицах, которые сами до этого дошли, иногда даже до циркуляра.

² См., напр., земско-статист. сборники по уездам Липецкому Тамбовской губ., Днепровскому Таврической губ. и некот. др.

³ Напр., в Хвалынском у. Саратовской губ., по словам г. Харизоменова, крестьяне сначала «обращались к лесным наделам как дети, не думая о будущем. Кроме того, охрана лесов была затруднительна при обычном воззрении крестьян, что «лес – Божий», что «его никто не растил». Сплошь и рядом соседние общины въезжали в чужие леса как в свои и рубили их, несмотря на стражу... Общинно-волостное владение крайне способствовало беспорядку лесного хозяйства: оно вызывало бесконечные столкновения между совладельцами-селениями, заставляло их конкурировать в истреблении общего леса из опасения, что одни совладельцы воспользуются лесом в ущерб другим. Наконец, общине нелегко было бороться и с отдельными хозяевами, которые делали чишобы в лесах и распахивали их. Все эти причины заставляли крестьянские общества торопиться разделить лес по душам и вырубить его, чтобы трудно устранимое истребление леса сделать по крайней мере уравнительным. Так, Мордовский Шемалак и Каменный Ключ 10 лет тому назад вырубили красный строевой лес ввиду того, что его много воровали печачуркие крестьяне...» (Сборн. статист. св. по Хвалынск. уезду, с. 50 и 51). И т. д.

⁴ См. книгу Орлова по Московской губ.; довольно много интересных случаев приведено также у г. В. В., с. 491–495 и особенно 516–534.

дения и распоряжения, но также и пользования. Это объясняется и этого а priori нужно было ожидать потому, что по отношению к лесу, с одной стороны, наименее могло пустить корней личное право, так как в нем отсутствует главное основание последнего – право затраченного труда, и с другой – наиболее глубоко должно было укорениться общинное право, во-первых, вследствие максимальной ценности этого угодья, а во-вторых, необходимость его охраны от истребления.

§ 5

Рассмотрим теперь в самых общих чертах владение остальными видами второстепенных угодий. Почти все они, подобно лесу, сенокосу и выгону, имеют обыкновенно, так сказать, экстенсивный характер, то есть на них не требуется предварительных процессов для производства продуктов, а последние лишь собираются тем или иным способом в более или менее готовом для потребления виде.

А. Покончим прежде всего со второй стороной лесовладения – с пользованием лесными плодами.

Наиболее крупные и интересные их случаи представляет пользование «кедровниками» в Сибири, особенно в Томском окр., и дикими грушами, яблоками, орехами, «торном» (или терном) и т. д. в Кубанской, а также и в Уральской области. Тут мы находим те же основные типы и стадии, как и во всех других случаях.

Первоначально, когда плодов этих полное изобилие, и в собирании их, как и по отношению к другим угодьям, господствует неограниченное семейно-захватное право. Характерно, что такое же полное отсутствие общинной регламентации наблюдается и в тех случаях, когда этих плодов или вообще мало, или в данный год они так слабо уродились, что сбор их не представляет мало-мальски серьезного дохода, а служит больше детским занятием. Когда же ценность лесных плодов не понижается ни избытком, ни чрезмерным недостатком, то по отношению к ним вырабатываются типичные формы ограниченного захвата. В Уральской обл. для сбора «торна» (дикая вишня, ежевика, хмель, калина и пр. собираются вольно) объявляется обыкновенно на второй Спас (6 августа) «обволька», то есть освобождение от запрещения, наложенного на его сбор до этого времени, и в это более свободное от работ время наезжает с низовьев на верховья Урала собирать торн множество народа. Тот же порядок встречается и у донских казаков, а также как в бедной лесными плодами степной части Кубанской области, так особенно в гористом и лесистом Закубанье, где не только дико растут целые леса груш (мало уступающих садовым), яблонь («кислицы»), кизила, ореха,

терна, но от бежавших горцев остались целые одичавшие плодовые сады, так что закубанские станицы вывозят массы сырых и сушеных фруктов и получают от того значительный доход; тут за преждевременный сбор этих плодов уже очень строго штрафуют¹. В Томском окр. кедровников также не бывает чрезмерно много, и ими очень дорожат как высокодоходной статьей (кедровые орешки щелкает буквально вся Сибирь от мала до велика, и в иных богатых кедровниками общинах выручают по 50–70, даже по 100–150 и до 200 руб. в год на работника). Поэтому во всем этом районе по отношению к отмежеванным общинам кедровникам только в одной общине сбор кедровых шишек регламентируется одним лишь назначением для начала его и запрещением нанимать для него рабочих, во всех же остальных регламентация гораздо точнее, а именно: кроме назначения дня, в большинстве случаев право каждой семьи на сбор определяется количеством лежащих на ней «податных душ»: обыкновенно каждая «податная душа» имеет право выставить по одному собственному или наемному рабочему-«казаку» («колотильщику» и т. п., сбивающему шишки с деревьев, для чего требуется ловкость и искусство, так что известных «лазаков» нанимают по 5 руб. в день) и по 2, 3 и более (смотря по урожаю «шишки») подбирающих и увозящих орехи. Аналогичный порядок наблюдается в Туринском окр. Тобольской губ., где даже одним кедровником владеет целая волость. Что же касается сбора ягод в Сибири, то малину в притомских волостях, несмотря на доходность этого промысла, собирают совершенно вольно, но сбор брусники на севере Тобольского окр., составляющий здесь один из главных доходов для крестьян, уже урегулирован назначением дня начала его, а часто также и числом сборщиков на каждую душу².

Вторая функция общины состоит в охране плодовых лесов от порчи. Порубки кедровников, где они вошли в черту общинного владения (часто кедровники расположены на казенных землях, и тогда пользование ими беспорядочно и ухода нет), воспрещены безусловно (дозволяется только срубить дерево на «домовище», то есть гроб)³; община следит, чтобы сбор ореха производился осторожно, очищает (артелью или наймом) кедровники от мелкой посторонней поросли, валежника и т. д., а в нескольких случаях общины даже сами создавали кедровники из нескольких редких кедровых

¹ Мотивируется это, между прочим, тем, что от срывания незрелых плодов «бывают даже сильные болезни», а жители «остаются на зиму без фруктов».

² См. *Кауфман А.* «Кр. общ. в Сиб.», с. 224, а также «Мат. Зап. Сиб.», вып. XVIII, с. 15–34 и вып. XIII, с. 124, 19, 21 и след.

³ Постановление Спасского волост. суда: «...за самовольную вырубку в поскотине (обыкновенно кедровники лежат в общинной поскотине) двух кедров, принадлежащих крестьянам села и д. Протопоповой, отставного жандарма Пл. Ром. Филиппова арестовать при волостн. правлении на 7 суток» («Мат. Зап. Сиб.», в. XVIII, с. 16).

деревьев, вырубая другие деревья, после чего появлялась молодая кедровая поросль и выростали густые кедровые рощи. Так же точно и кубанские казачьи станицы крайне энергично охраняют плодовые леса, назначая за их порчу поистине свирепые штрафы и наказания, например, за одно срубленное фруктовое дерево по 10–25 руб. или даже по 25 руб. штрафа с тех, кто стал бы обивать груши палкой или, чтобы достать их, рубить ветви (за подобные проступки община наказывает виновных и общественными работами примерно от 6 до 15 дней). Затем, высшую сравнительно форму пользования представляет также продажа сбора лесных плодов общиной отдельным лицам, причем вырученные деньги обращаются на нужды общества; указаны такие случаи и для кедровников в Сибири, и для плодовых лесов в Кубанской области.

Наконец, в отдельных случаях наибольшей ценности лесных плодов общинное регулирование пользования ими возвышается до формальных и точных уравнивательных их переделов. Так, в трех общинах Томского округа перед каждый сбором кедровники «глазомерно» распределяются между семьями по числу платежных душ, причем иногда делятся на участки по сортам (лучшему, среднему и худшему), и в каждом переделывают особо, а такие при отводе участков принимают во внимание условия, облегчающие или затрудняющие сбор «шишки»... То же начинает практиковаться в Закубанье: например, в станице Неберджаевской после нескольких попыток ограничения захвата и охраны плодовых деревьев общество постановило «разделить на пай все плодородные (то есть плодовые) деревья, оставшиеся в азиатских (казаки зовут «азиатами» черкесов) садах, на каждое семейство по числу душ мужского пола» и при этом обязать всех ухаживать за своими паями и обрабатывать их, а в противном случае отбирать «в пользу общества или в надел новорожденным...»¹.

Таким образом, развитие общинного вмешательства в пользование лесными плодами идет параллельно с сокращением их и развитием этого пользования и, начавшись с ничем не ограниченного «вольного» сбора их отдельными семьями в глухих лесах, доходит до превращения последних в общинно-переделные сады.

В. Если мы измерим береговую линию океана, морей, озер и больших и средних рек в России, то получим, наверное, не менее сотни тысяч верст, представляющих, так сказать, полосу рыболовного промысла. Отсюда нам понятно огромное значение для населения пользование рыбными угодьями и высокий интерес развившихся в нем общинных и артельных форм.

¹ Необходимо заметить, что в этом случае в конце концов получится, вероятно, индивидуализация этих садов, так как чем больше будет затрата личных трудов владельцев в их участки, тем труднее их будет потом пустить в передел; и можно, кажется, предсказать, что к этим садам применится порядок, общий для усадебных и приусадебных угодий, о котором см. ниже.

Немудрено, что именно тут мы наблюдаем наибольшее количество наиболее крупных и наиболее выработанных и интересных общинных норм и артельных организаций, вроде, например, знаменитой уральской казачьей рыболовной общины в 80 с лишком тысяч душ и некоторых других. Но я подробно займусь этими замечательными формами в четвертом томе, пока же должен ограничиться только самыми краткими и общими о них замечаниями.

В пользовании водой как рыбным угодьем применяются оба основных типа общинной регламентации: и нормировка индивидуального захвата, и прямое уравнительное распределение угодья между общинниками.

Первый, значительно более частый, по-видимому, способ применяется при ловле на воде (на море, озере или большой реке) вдали от берега, так как это водное пространство с заключающейся в нем рыбой, очевидно, слишком трудно подвергнуть прямому уравнительному переделу. Самая ловля тут ведется или отдельными хозяевами, или свободно подобранными артелями их (соединение в артели по крайней мере из двух человек обязательно требуется в значительном большинстве случаев самыми способами промысла) вольно-захватно по всей реке или морю (причем обыкновенно каждая артель имеет свое излюбленное постоянное место); общиной же регламентируется только время, способы, рабочие силы и орудия промысла. Как упомянуто, особенно выработан этот регламент, выработан искони, постепенно и самостоятельно казаками (а не администрацией) в огромной уральской казачьей общине. Прежде всего здесь безусловно запрещено нанимать для лова в реке Урале в рабочие кого бы то ни было кроме казаков же (для морской ловли такого запрета пока нет, но идет агитация за его установление); затем все ловцы должны иметь одинаковые орудия; сама ловля (весенняя) начинается не только в назначенный день, но и ее начало и конец в данный день возвещаются выстрелом сигнальной пушки (отчего казаки это массовое по сигналу рыболовство называют «ударным» или «по удару»), причем артелям низовым, откуда идет главная масса рыбы, дозволяется ловить только через день и то лишь по 1 часу пополудни, чтобы уравнивать их шансы с рыбачащими наверху, и т. д.¹

При ловле же в небольших речках и озерах или по берегам больших рек, озер и морей (Черного, Каспийского, Ледовитого океана и т. д.) общинная нормировка принимает вид прямого уравнительного передела между общинниками реки и ее берега в натуре, так что получаются такие же «водные души» (именно так и называемые самими крестьянами), как бывают души «земельные» (покосные, лесные и т. п.) и «податные». Еще более высокий тип во владении рыбными угодьями представляет довольно часто встречающееся-

¹ Все приведенные данные взяты из прекрасного очерка *Н. Бородина* «Оч. общ. хоз. урал. каз.» // «Сев. вест.» 90 г., 3 кн.

ся общинное ими пользование, то есть ловля рыбы всей общиной общими орудиями с уравнительным распределением между семьями как участия в ловле рабочей силой, так и доли в продукте. Хотя переделы «водных душ» и общинно-артельное пользование применяются, по-видимому, лишь в меньшинстве случаев, но они все-таки довольно часты, и многочисленные примеры их наблюдаются во всевозможных местностях, начиная с Сибири и Архангельской губ. и кончая Уралом, Кубанью, Доном и т. п.¹.

Однако если мы посмотрим на чередование указанных форм во времени, то получим картину, на первый взгляд резко противоречащую той схеме, которая у нас до сих пор оправдывалась на эволюции владения всеми остальными угодьями: владение рыбными угодьями не только не начинается с резко индивидуалистического порядка неограниченного захвата с переходом затем к общинным его ограничениям и далее к общинно-передельным или даже общинно-артельным формам, но, наоборот, мы обыкновенно наблюдаем переход от последних к первым формам. Объясняется это как главной и наиболее общей причиной, во-первых, просто тем, что уже нигде почти, за исключением разве пустынь северной Сибири, не сохранилось в настоящее время такого изобилия рыбы, которое делало бы излишней и, значит, невозможной общинную регламентацию ее ловли; таким образом, всюду уже миновал период неограниченного захвата и наступили те или иные фазисы общинной нормировки. С другой стороны, эта убыль рыбы дошла уже во многих случаях до такой степени, что рыбная ловля потеряла характер массового промысла, а превратилась в спорадическое занятие отдельных семей часто больше для собственного потребления, чем для продажи, – понятно, что община считает нестоящим заниматься регулированием такого совершенно малозначащего промысла, подобно тому как она не мешает никому «забавляться шишкой» в плохих кедровниках², тем более что крестьяне обыкновенно смотрят на рыболовные угодья как на «Божью пазуху» (Сибирь) и считают грехом запрещать ловлю рыбы «на свою потребу»...

Что это именно так, можно видеть, например, на Кубанской области, где рыболовство всегда строго регламентировано общинами там, где много рек, много рыбы, и оно ведется в серьезных размерах (тут запрещена ловля посторонним, определены способы ловли, запрещены хищнические ее

¹ Несколько примеров об окраинах России см. у А. Карелина. «Общин. влад.», с. 250–255 и о центральных губерниях у г. В. В. «Община», с. 557–559.

² Встречаются, конечно, и другие причины. Так, например, в Тверской губ. и особенно в Осташковском уезде еще до сих пор кое-где сохранились не только рыболовные артели из целой общины, но даже артели из нескольких общин, совместно владеющим озером, ведущих весь промысел сообща, с засеванием даже, например, всей общиной конопля для сетей и т. д.; раньше же такие общины-артели были общим правилом. Но они раздробились благодаря переходу озер из собственности общин к монастырям и частным лицам. См. «Свод сб. стат. св. по Тв. губ.», т. XIII, с. 47, статья И. Красноперова (и его же ст. в «Русск. бог.» 94 г., 6 кг.).

формы, установлен максимум рыболовной снасти на каждого хозяина, иногда же, наконец, вся ловля сдается общиной в аренду), а в остальных случаях оно совершенно свободно для всех¹. Это же проявляется в том факте, что наивысшая по строгости, выработанности, рациональности и уравнительности регламентация рыбного промысла наблюдается как раз в самой огромной рыболовной общине – уральской, ежегодный доход которой от рыбного промысла исчисляется несколькими миллионами рублей². Наконец, для сибирских рыболовных общин г. Кауфман прямо указывает именно на очерченную последовательность и зависимость. А именно здесь, в наиболее богатых рыбой водах, пользование ими – общинно-артельное, то есть рыба ловится всей общиной, причем каждая семья участвует в ловле и получает рыбу в такой доле, сколько за ней «водных душ», совпадающих с податными и земельными (сенокосными и др.) душами; где же рыбы мало или в тех же общинах по мере ее убывания, устанавливается семейно-артельная ловля, в которой отдельные семьи соединяются свободно на свой страх и риск, а многие семьи совсем отстают от промысла и ничего не получают; такое превращение происходит, по словам г. Кауфмана, именно по мере и вследствие убывания ценности этого промысла, то есть, точнее, его рентной доходности. Первоначально отдельные семьи могли часто не пользоваться своими «водными душами», а уступать за плату другим или нанимать вместо личного участия в ловле работников; но затем, по мере убыли рыбы, желающих покупать «водные души» являлось все меньше, прибыль их сверх уплаты рабочим все сокращалась и, наконец, эта рента «водных душ» сошла приблизительно и в среднем к нулю: тогда-то и установился сам собой порядок семейных артелей, частью выручающих доход, не превышающий заработную плату, частью же в зависимости от своих индивидуальных качеств – знаний, опыта, ловкости, лучших снастей и проч., очень много значащих для удачи рыбной ловли, успевающих промыслить своим квалифицированным трудом и более крупный доход³.

Таким образом, рыбный промысел индивидуализируется самой убылью рыбы и обусловленной тем индивидуализацией способов ее ловли: огромные общинные неводы, рассчитанные на сотни пудов рыбы, теряют применение и заменяются сначала мелко-артельными сетями, а затем «мелкой снастью» и удочками отдельных рыбаков⁴.

¹ См. *Щербина Ф.* «Поз. общ. куб. каз.», с. 183–190.

² Если не ошибаюсь, в 97 г. было выловлено рыбы более, чем на 6 млн. руб. (по газетному известию).

³ См. *А. Кауфман.* «Община в Сиб.», с. 218–223; «*Мат. Зап. Сиб.*», в. XVIII, с. 1–10 и 274; особенно же ярко формулировано указанное явление в его статье о Туринском округе Тобольской губ.: «*Мат. Зап. Сиб.*», в. XIII, с. 125–128.

⁴ Эта ловля почти повсюду и всегда свободна от общинных ограничений.

С. В пользовании охотничьими угодьями проходит, по-видимому, то же правило индивидуализации их по мере исчезновения, вследствие убывали птицы и зверя, рентной их доходности. В Туринском и Тобольском округах у инородческих общин, имеющих настолько богатые дичью леса, что за право охоты в них члены других, русских общин, охотно платят этим общинам особую плату, то есть где, значит, леса как охотничьи угодья дают рентный доход, они всюду подвергнуты с этой стороны общинной регламентации. Во-первых, повсюду они строго разграничены между селениями, то есть образовались, так сказать, «охотничьи общины», и, во-вторых, в каждой такой общине или установлено типичное ограниченно-захватное право охоты, при котором, например, каждый хозяин имеет право промышлять не более, чем одним «ружьем» с каждой разверсточной души (редко двумя), и уже сами охотники размежевываются, уговариваются, где кому охотиться, или даже производится формальный раздел леса на отдельные для каждой семьи охотничьи участки (отграниченные живыми урочищами); при этом раньше эти участки были в потомственном наследственном пользовании, но в последнее время стали подвергаться поравнениям в пользу молодых семей, которым общины отрезывают охотничьи леса от семей с чрезмерно большими участками; почти буквально тот же порядок и та же эволюция наблюдается и в Архангельской губернии, и у бурят в Забайкальской области...¹ В отдаленных же лесах Иркутской губ. ловля зверей разными снарядами производится на неограниченном наследственно-захватном праве: тут, очевидно, рента еще невозможна вследствие крайнего охотничьего приволья; наоборот, в местностях Тобольской и Томской губерний, где охота сократилась настолько, что только кое-где и лишь для частей семей сохранила серьезное значение, уже не наблюдается в настоящее время и никакой общинной ее регламентации, очевидно ставшей невозможной там, где, например, охотники не желают охотиться даром, предпочитая уходить в дальние леса, чтобы там охотиться за плату (как в русских общинах Туринского округа Тобольской губ.), то есть где, значит, охотничьи угодья потеряли всякую рентную ценность...² При обилии дичи применяются и артельные формы охоты; курьезную форму ее описывает г. Добротворский для Орловского у. Вятской губ.: здесь «по первозимью» иногда ежедневно всей деревней ходят «зайца гонять» (загоняют облавой зайцев в тенета), причем добыча делится поровну...³

¹ См. А. Карелин. «Общ. влад.», с. 248. Напр., в Забайкалье «у инородцев Чикойско-Харанутского рода все горные хребты "по ключикам и речкам" были в 1858 г. (то есть при ревизии) распределены по душам по 2–3, 10–30 душ на отдельный участок, смотря по его размерам. Эти души составляют артели; каждая из артелей имеет на своем участке общее зимовье, юрты и балаганы, в которых живут зверовщики в период охоты...» (см. «Матер. Забайкальской обл.», в. 10, с. 72).

² См. А. Кауфман. «Общ. в Сиб.», с. 223–224 и «Мат. Зап. Сиб.», в. XIII, с. 128–129.

³ См. «Позем. общ. Орловского у. Вятской губ.» // «Русск. м.» 84 г., 9 кн., 50 с.

Д. Эксплуатация минерального содержимого земли, как, например, делание из нее сырого или обожженного кирпича (и других поделок из глины), ломка камня (на постройки и на известь), мыла, брусяноточильных скал, гипса (в Уральской обл.), добыча соли в соляных озерах (там же и на Кубани), нефти на Кубани и т. п., в значительном большинстве случаев совершается на неограниченно-захватном праве. Однако тут в случаях особой ценности этих угодий, или истощения их, или неудобств и убытков для общины от их эксплуатации устанавливается обыкновенно известная плата в пользу общины за право пользования ими, и даже в большинстве случаев пользование этими угодьями либо воспрещено лицам посторонним, либо они обложены за то платой. Затем в Кубанской обл., где нефть собирается казаками с поверхности воды из небольших устраиваемых для того ям и колодцев, устанавливается, например, обычай брать нефть из общественного колодца каждому хозяину сразу не больше одной «мазницы», в других же общинах пользование нефтью отдается общиной в свою пользу в аренду; то же наблюдается тут иногда и по отношению к каменоломням. В Уральской казачьей общине для добычи мелового камня, гипса и проч. требуется разрешение, и размер ее для каждого данного лица определяется казачьей администрацией¹. Приблизительно тот же порядок наблюдается по отношению к рассматриваемым угодьям и в общинах центральной России².

Пользование речными водами для поливки, само собой разумеется, также начинает требовать общинной регламентации при ограниченности этих вод; наиболее, кажется, интересные порядки такого уравнительного распределения между общинниками и общинами поливочной воды наблюдаются в татарских общинах долин Крыма³. Наконец, что касается пользования речными водами как двигателем для устройства, главным образом, мельниц, то сравнительно редко постройка и пользование ими совершенно свободны для отдельных семей. Гораздо чаще для устройства их требуется разрешение общины, которая, давая таковое и иногда даже помогая при устройстве мельницы разными работами, соблюдает в то же время свои интересы (а иногда и интересы других мельников), либо обязывая мельников молоть членам общины по пониженной таксе, либо облагая их арендной платой, либо, наконец, условливаясь, что через известный срок (12–20 лет и т. п.) мельница безвозмездно поступает в собственность общества. Общин-

¹ См. *Кауфман А.* «Общ. в Сиб.», с. 226; «*Мат. Зап. Сиб.*», в. V, с. 294; *Ф. Щербина.* «*Позем. общ. куб. хоз.*», с. 180–182 и *Н. Бородин.* «*Очерк общ. хоз. ур. каз.*» // «*Сев. вест.*» 90 г., 5 кн., с. 66.

² См. у г. *В. В.*, с. 551–555.

³ См. «*Пам. книжка Таврич. губ.*», ст. г. *Мурзаева*, с. 87, 88; см. также несколько случаев в Ферганской обл., в Оренбургской губ. и у бурят в кн. г. *Карелина*, с. 256, 257.

ные мельницы, получившие начало, по-видимому, чаще всего именно этим путем, а иногда купленные или построенные самими общинами, встречаются уже иногда в Западной Сибири, а в центральной России они встречаются уже по 2–5–12–20 и более на уезд, так что, по-видимому, и здесь мы имеем дело с постепенным процессом обобществления¹.

§ 6

В прослеженной сейчас эволюции владения экстенсивными угодьями мы могли с особенной ясностью проследить развитие общинного права на труд, так как оно здесь разрасталось более или менее свободно, почти или вовсе не встречая противодействия со стороны индивидуального права труда (затраченного).

В дополнение к этому очерку мы теперь вкратце рассмотрим прямо противоположные случаи эволюции владения наиболее интенсивными угодьями: так называемыми усадебными и приусадебными землями. Если верно наше положение о том, что каждая отдельная деталь общинной организации и каждый момент ее трансформации представляют равнодействующую двух начал обычного крестьянского права – права на труд и права труда, то во владении этими угодьями, по отношению к которым наиболее сильно личное право труда, мы должны а priori ожидать наименьшего развития общинных норм и вообще максимума личного и минимума общинного права. Посмотрим, так ли это в действительности.

Нужно прежде всего отметить, что и по отношению к усадебным угодьям мы, несомненно, наблюдаем ту же самопроизвольную внутриобщинную эволюцию обычного права как по отношению ко всем другим угодьям, несмотря на то что усадебные земли законом поставлены в особое положение. А именно земля «под крестьянскими жилыми, хозяйственными, промышленными, общественными и всякими другими строениями с принадлежащими к ним в черте селения или поселка крестьянскими огородами, садами, конопляниками, гумнами, хмельниками, пчельниками, левадами, займищами и другими угодьями, а также водопоем, выпуском для скота и промежутками между крестьянскими строениями, кроме проулков, нужных для проезда» («Местн. Велик. Пол.», ст. 37), – вся эта земля, кроме той ее части, которая состоит в общественном пользовании, должна быть в

¹ См. упомянутые в предыдущих примечаниях статьи и книги у г. В. В., с. 559–562, а также интересно описание душевого пользования мельницами (по очереди по суткам) в Туринск. окр. Тобольск. губ.; см. «Мат. Зап. Сиб.», в. XIII, с. 129–130. Весьма также любопытны факты и выводы о формах владения мельницами в статье г. Щербины по Воронежскому у. (см. сб. по этому у. с. 60); между прочим, г. Щербина выводит и для пользования водою и как механическим двигателем то же общее правило, что общинные его ограничения начинаются с момента, когда оно начинает приносить ренту...

подворно-наследственным владении, причем она «переходит к наследникам согласно существующему в каждой местности обычному порядку наследования» (ст. 110), но уступить эту землю другому крестьянин может, как и весь надел, лишь с согласия общества и только однообщественнику (ст. 109); и только в случае выморочности усадебные участки поступают в полное распоряжение общины (111). Этот установленный сверху законом порядок в действительности наблюдается, по-видимому, лишь в том меньшинстве общин, где он соответствует реальным условиям владения, в большинстве же обычное право в данный момент уклоняется от него либо в сторону еще большего перевеса личного права, либо, напротив, в направлении общинной нормировки, и притом, в общем, проходит по мере сокращения размеров землевладения через многочисленные видоизменения как первой, так и второй системы.

Само собой разумеется, что при полном земельном просторе владение усадебными и приусадебными землями – такое же неограниченное семейно-захватное, как и всеми другими угодьями. В этот период личные права по отношению к усадьбам обыкновенно еще гораздо шире, чем они определены законом: каждый, например, может отчуждать усадьбы не только однообщественникам, но и посторонним и притом без всякого спроса о том «мира». Такая же полная семейно-наследственная собственность остается во многих общинах и в период общинно-передельного владения, но уже именно по отношению лишь к самой усадьбе, то есть только постройкам и двору, а не к приусадебным землям. Но, обыкновенно, по мере сгущения населения и вздорожания прилегающей к селению земли происходит тот процесс ограничения, который мы уже частью проследили в предыдущей главе: для занятия новых усадеб требуется мирской «отводный приговор» и т. п.; для усадеб вырабатывается максимальная и минимальная норма и т. д.; обыкновенно при этом начинает практиковаться и предусмотренный в законе контроль общины над переуступкой усадеб особенно лицам посторонним. Наконец, при значительной земельной тесноте развиваются часто даже некоторые как бы суррогаты усадебных переделов: обыкновенно усадьбы перемериваются, назначается норма, и те хозяева, у кого окажется больше нормы, лишаются за это соответственной части причитающейся им пахотной земли (иные общины за десятину усадебной земли вычитают десятину же, но самой лучшей пашни, другие $1\frac{1}{2}$ десятины, 2 десятины и т. д.) или облагаются денежным сбором (более или менее значительным и идущим либо в уплату части податей, либо на мирские надобности, а иногда даже на водку). Формальные переделы усадеб в натуре со сносом построек, конечно, почти никогда не происходят (хотя несколько случаев такого фанатического применения общинно-передельного начала я все-таки встретил по Самар-

ской и Тверской губ.¹), но они, едва ли не как общее правило, совершаются в тех достаточно частых случаях, когда эти постройки уничтожаются пожарами: обыкновенно выгоревшая (вся или частью) деревня выстраивается по новому плану со строго уравненными усадебными местами.

Таким образом, в эволюции владения собственно усадьбами мы находим именно то, что должны были ожидать а priori: общинное право на труд проходит тут наименьший путь и не успевает доразвиться до настоящего передельного порядка; а что это не вызывается законом, а обусловливается именно сравнительно огромным в данном случае личным правом затраченного труда, это с очевидностью доказывается и косвенной системой компенсации усадебной неуравнительности отрезкой земли или денежной приплатой, и сейчас указанными случаями моментального выступления на сцену общинного уравнивания, как только эти затраченные труды уничтожены стихийной силой, да и многими другими соображениями...

Те же принципы оправдываются и относительно наиболее интенсивных из приусадебных угодий, из коих главные – сады и пчельники².

Пчеловодство, несомненно, представляет один из интенсивнейших промыслов, так как требует значительной затраты труда и притом в результатах своих много зависит от внимания, знаний, ловкости и др. индивидуальных свойств. Поэтому и владение небольшими участками, занятыми пасаками, бывает всегда таким же подворно-наследственным, как и владение усадьбой, и возможны лишь внешние и сравнительно незначительные его ограничения. Так, например, в Сибири обычай требует, чтобы всякая новая пасека основывалась не слишком близко от уже существующей (так как более сильная пчела может истреблять слабую), да иногда, как мы уже видели в Енисейской губ., община отводит пасечникам места под пасеку, в иных случаях отрезая их у других заимщиков; такие же отводы констатированы и в Уральской казачьей общине...³

Значительно больший интерес представляют способы владения садами (фруктовыми, ягодными, виноградными), которые местами у крестьян значительно распространены и составляют у многих из них весьма серьезную доходную статью. Например, в Хвалынском у. Саратовской губ. насчитано у крестьян до 1500 дес. под садами (и иные получают от одной вишни 100–200 руб. в год), а в Мелитопольском у. Таврической губ. даже до 16,000 дес., так что, например, в одном только большом (более 15 тыс.

¹ См., например, «Св. сб. по Тверск. губ.», т. XII, в. I, с. 47–48 и «Свод. сб. по Самар. губ.», с. 31; в Самарской губ. при этих переделах усадеб постройки (риги, амбары и т. п.) переносятся на другое место за счет общества.

² И те, и другие, впрочем, часто в Сибири, а иногда и в Европейской России устраиваются отдельно от усадеб, но это не изменяет характера владения ими.

³ См. «Мат. Енис. губ.», т. IV, в. 3 и «Оч. общ. хоз. ур. каз.» // «Сев. вестн.» 1890 г., 5 кн., с. 60.

душ) селении оказалось под виноградниками и садами 1,149 дес., причем у иных хозяев оказывалось по несколько десятин и даже до 15 дес. сада¹. И чем более развито садоводство, тем более, по-видимому, строго применяется к нему личное право владения. Повсюду сад составляет как бы личную собственность хозяина, разведшего его, и обыкновенно наследуется, продается и пр. без всякого контроля со стороны общины. Переделов садов почти не отмечено; при этом относительно нескольких случаев таких отрезков части садов от одного хозяина другому, указанных в Московской губ.², интересно заметить, что тут часто потерявший часть сада хозяин получает за то денежное вознаграждение или даже имеет право в течение нескольких лет пользоваться урожаем, причем уход за садом лежит уже не на нем, а на новом владельце, так что последний приобретает сад тоже с предварительной затратой некупающегося немедленно труда, а первый хотя частью получает возмещение своей первой затраты труда. Обыкновенно же поравнение садов достигается косвенным путем: либо они облагаются денежным сбором, либо сады «выворачиваются» (выверстываются, вычитаются) из пашни и т. п., а в некоторых случаях при очень больших садах практикуется одновременно и то, и другое. Необходимо при этом заметить, что очень часто эта компенсация устраивается по предложению общины частным соглашением между соседями... Совершенно тот же порядок, что и по отношению к садам, наблюдается и в случаях насаждения отдельными хозяевами леса; например, в Мелитопольском у. несколько общин отвели участки неудобной земли под засадку шелюгом, и при этом хотя засадка производилась сначала по числу ревизских, а потом наличных душ, то есть уравнительно, но потом поступала в полную собственность произведших ее хозяев³.

Что касается, наконец, владения участками под другими и интенсивными культурами, обыкновенно примыкающими к усадьбам, но часто и отдельными от нее – табачными плантациями, огородами, баштанами, конопляниками и т. п., то это владение представляет уже формы, переходные и аналогичные с владением пашней. Во-первых, они уже почти никогда не остаются, как это довольно часто бывает с усадьбами, навсегда захватно-неравномерными, а подвергаются таким же уравнительным переделам, как и пашня. Затем, для них уже почти всегда действует принцип душевого, а не дворового поравнения, то есть в то время, когда самые места под строения, двор и т. п. отводятся каждой семье одинаковые, участки под интенсив-

¹ См. прекрасные статьи с. Харизоменова в зем. стат. сб. по Хвалынскому (с. 48) и Мелитопольскому у. (с. 77–78).

² См. «Сб. ст. св. по Моск. губ.», т. IV, в. I, ст. В.И. Орлова, с. 81 и др.

³ См. «Сб. ст. св. по Таврич. губ.», т. I, в. II, с. 78–82.

ные культуры уже нарезаются пропорционально размерам семьи, то есть по числу в ней душ или количеству рабочих сил. Наконец, они уже переделываются обыкновенно в натуре так же, как и другие уголья, и лишь по отношению к наиболее интенсивным из них еще применяется часто система полного оставления участков за хозяевами с отрезкой или прирезкой за то пашни (или сенокоса и т. п.); при этом, однако, очень часто переделы этих угодий совершаются значительно реже и при них стараются обыкновенно оставлять каждого хозяина на прежнем участке, лишь отрезая или прирезая излишнее или недостающее; также реже бывают и чисто качественные поравнения – так называемые переверстки, жеребьевки¹. Впрочем, в некоторых случаях, когда, например, данная интенсивная культура обуславливается лишь особенностями расположения, почвы, поливки и т. п., а не затратой удобрения и исключительно тщательного возделывания, то есть когда, значит, преобладает право на труд благодаря рентной ценности этих угодий, чем право затраченного труда, – тогда общинно-уравнительные их переделы развиваются иной раз даже скорее и интенсивнее, чем переделы пашни². Так, например, огороды в Сибири повсюду обыкновенно в захватном владении, но в волостях, пригородных к Томску, где они очень велики и доходны, общины не позволяют захватывать под огород больше известной нормы, а в одной общине близ Красноярска, снабжающей город овощами, постепенными отрезками установлена даже полная равномерность огородов, затем, в той части Ишимского округа, где коноплеводство представляет один из главных источников благосостояния и удобными для унавоживания под конопляники участками очень дорожат, эти участки были переделены на души еще когда всеми остальными угольями владели захватно, и т. д.³ Иногда же, наконец, когда на приусадебных землях не возникает никакой интенсивной культуры, а на них (особенно на огуменниках) образуются, например, небольшие сенокосы и т. п., тогда тут развиваются самые обыкновенные передельные формы...

В этом беглом очерке я мог наметить только самые общие и типичные черты в формах и фазисах владения усадебными и приусадебными землями. Но их, полагаю, вполне достаточно для установления основных интересующих нас положений. Мы ясно видим, что в общем, как и нужно было ожидать, эти уголья остаются как бы островками индивидуализма среди общего разлива общинного права, что именно тут в своем доме, дворе и на приле-

¹ См., напр., «Сб. ст. св. по Кузнецк. у.», ст. *Н. Черненкова*, с. 147–150.

² По этому интересному вопросу сгруппировано довольно много данных у г. *В. В. «Община»*, с. 477–491 и 501–516 и несколько интересных фактов у г. *Карелина «Общ. влад.»*, с. 26–29.

³ См. *Кауфман А. «Общ. в Сиб.»*, с. 218. Такой же порядок отмечен для капустников, картофельников, конопляников в Хвалынском у., расположенных тут обыкновенно отдельно от усадеб по течению рек, ключей и по влажным ложбинам. См. «Сб. ст. св.» по этому у., статья *С. Харизоменова*, с. 46.

гающем к ним участке (а часто также на особых участках в других местах) каждый хозяин остается действительно вполне или почти вполне хозяином, и тут наиболее или даже единственно может обнаруживаться, по выражению В.И. Орлова, «личная инициатива, своеобразная предприимчивость отдельных домохозяев»¹, могущих в зависимости от сельскохозяйственных условий завести пасеку, сад – фруктовый, виноградный или ягодный, устроить огород для самых высоких культур, как клубника и т. п., и кончая свеклой, капустой и картофелем, могущих культивировать коноплю, табак, подсолнечник, кукурузу, арбузы и дыни, медовые и лекарственные растения, делать опыты травосеяния и др. культур и т. д. Не менее очевидно, что именно в этой индивидуальной инициативе и индивидуальном труде, заключающихся в усадебных угодьях, а не постановлениях закона, лежит основание этого столь полного личного на них права: лучше всего это доказывается исключениями из этого правила – теми случаями, когда рядом с полной собственностью на строения, с почти настолько же неприкосновенным личным правом на многолетние культуры на приусадебных участках устанавливаются самые решительные общинно-передельные нормы по отношению к однолетним и менее интенсивным культурам на этих же участках...

Таким образом, и на этом полюсе господства личного права на интенсивных угодьях мы также получаем равнодействующую права труда и права на труд, как и на противоположном полюсе, – в ультраобщинных формах владения экстенсивными угодьями. Пора теперь проследить это правило и в главном центральном пункте, где ни личное, ни общинное право не побеждают и не исчезают окончательно, – во владении пахотными угодьями. Но предварительно резюмируем несколько отчетливее сами эти личное право труда и общинное право на труд в их происхождении и основаниях.

§ 7

Как было уже сказано, право каждого члена общины на труд и орудия труда – в данном случае землю, – является тем зерном, из которого вырастет община, и оно обязательно заключается уже в семейно-захватном праве, представляющем только, с одной стороны, право на захваченную землю, поскольку в нее вложен труд, а с другой – также право каждого на захват, на труд на ничьей земле. Каковы основания этого права на труд? Общее его основание – это право всех людей на существование, то есть на удовлетворение всех потребностей. Это последнее право в общем смысле признается, собственно говоря, всеми цивилизованными людьми: всякий возмущается смертью бедняков, умерших от голода, истощения или холода и т. п., и в

¹ «Сб. ст. св. Моск. г.», т. IV, в. I, с. 78.

этом возмущении обязательно подразумевается признание права за всяким человеком на существование. Но такого рода «право» имеет, во-первых, скорее моральный, а не политико-юридический характер и поэтому, во-вторых, из него выводится не право на производительный труд, обеспечивающий существование, но лишь право на известный минимум продуктов потребления, минимально удовлетворяющих потребности и предохраняющих на время от смертных случаев (такое имеет значение, например, помощь пищей и одеждой голодающим и т. п.). Только это морально-благотворительное понимание права на существование и господствует теперь в обществе; политическое же его толкование, выводящее из права каждого человека на существование право каждого на труд и, значит, в той или иной форме на пользование орудиями труда, лишь косвенно начинает признаваться государством и господствующими слоями населения и лишь частично иногда осуществляется в виде, например, мер против безработицы, страхования работающих, или хотя бы, например, общественных работ в известных случаях, или организуемого государством и земством снабжения лошадьми обессилевших крестьянских хозяйств и т. п.

И вот именно последнего рода конкретное представление о праве на труд, вытекающем из права на существование, широко сыздавна развилось и до сих пор, несомненно, существует среди русских крестьян. Оно развилось на самой глубокой и реальной почве. «История России – история колонизации». И в течение всей этой долгой колонизационной истории России значительные массы крестьян, расселявшихся по окраинам, воспитывались в привычке «права на труд»: они видели вокруг себя «вольную», «ничью», «Божью», «царскую» землю, свободную от личного права затраченного труда, открытую для «вольного захвата» каждому, и бессознательно из поколения в поколение усваивали взгляд, что поскольку каждый крестьянин имеет право существовать, постольку он имеет право добывать себе все необходимое обработкой этой «ничьей» земли; право жить слилось с правом обрабатывать землю, «кормиться от земли». Этот взгляд и эта привычка вряд ли могли бы и сами по себе сразу уступить место праву труда после занятия всей земли под обработку, но в действительности они обыкновенно и совсем не уступали, так как всегда, кроме этого сравнительно, быть может, смутного и отвлеченного мотива, искони существовал еще и другой крайне конкретный и глубокий корень права на труд: это те наложенные на крестьянство обязанности, податные и личные, которые безусловно были бы невыполнимы без пользования известным количеством земли. Так что, даже допустив, что крестьянин не сознает своего права жить от земли, мы никак уже не можем отрицать у него сознания своего права платить с земли... Полагаю, что в этом изображении «права

на труд» никто не найдет «подкрашивания мужицких идеалов», так как такого сорта «правосознание» предположимо не только «на границе чело- века», но, пожалуй, и у служащих человеку животных¹.

Итак, не предрешая, в какой именно степени право каждого крестьяни- на вообще и каждого плательщика в особенности кормиться собственным трудом от земли основано в сознании крестьян на праве на существование, а в какой – на обязанности нести государственные повинности, мы должны только констатировать несомненную силу, глубину и реальность этого права, составляющего основное зерно общинного владения².

¹ Необходимо притом подчеркнуть, что это общее право *крестьян как сословия* на землю отнюдь не есть какая-нибудь чисто крестьянская фантазия или фикция, только временно пощажённая дей- ствительностью, это право, очевидно, всегда признавалось или, по меньшей мере, не отрицалось в России не только государством, с XVIII столетия постоянно, периодически при ревизиях наделяв- шим государственных крестьян для отбывания повинностей по известной норме земель, но также и помещиками, отводившими землю всем крестьянским семьям по мере их вступления в крепостное рабочее «тягло», что, собственно, и выражено в известной формуле крепостных крестьян: «мы ваши, а земля – наша». В настоящее же время общее право крестьян на землю не менее ярко при- знано в законе о переселениях на «вольные» земли восточной окраины, дозволенных *всем кре- стьянам вообще, поскольку они в них нуждаются и могут их осуществить*, причем на практике и по последнему дополнению к указанному закону землю получали и должны впредь получать и те крестьяне, которые переселились «самовольно» (без установленного по закону предварительного административного разрешения), только во вторую очередь и без некоторых льгот, предоставлен- ных переселяющимся формального разрешения.

Что вообще обрисовываемое мною здесь право на труд не представляет мало обоснованного отвлеченного обобщения, а сознается хотя отчасти и в обществе, этому можно бы привести много характерных примеров; ограничусь в качестве такого образчика только следующим особенно лю- бопытным рассуждением г. Гр. Шрейдера («С.-Петерб. вед.», март 1899 г.). Разбирая дворянские проекты переселения дворян в Сибирь и наделения их там землей, он говорит, что «можно было бы только порадоваться тому, если бы в самом деле среди безземельного дворянства явилось стремление сесть на землю и заняться производительным трудом. И была бы нелепой и напрасной попытка доказать, что безземельный дворянин не имеет такого же *права на труд* (курсив автора), следовательно, и на землю, какое признается за крестьянином. А в таком случае, наделая землей крестьян-переселенцев, нет никаких оснований отказывать в одинаковом, на тождественных нача- лах построенном наделении землей и переселенцев дворян, ибо равные права должны получить и равное удовлетворение». Как видим, г. Шнейдер не только совершенно отчетливо выясняет наш принцип, но даже употребляет и подчеркивает именно наш термин...

² Прошу извинения за крайнюю беглость этого очерка вопроса, заслуживавшего бы самого тща- тельного исследования, – это обусловливается отчасти ограниченными размерами моей работы, отчасти же самим свойством вопроса, требующего чисто исторической разработки, не составляю- щей сейчас моей задачи. Что касается, впрочем, имеющих уже в литературе попыток анали- за этого правового принципа, называемого мною «правом на труд», то таковых я встретил лишь очень мало, да и те разбирают вопрос лишь в самой общей и по большей части весьма смутной форме. Приведу поэтому для примера лишь два такого рода определения, сравнительно более отчетливых и принадлежащих выдающимся исследователям. А именно, например, г. Ф. Щербина противопоставляет личному трудовому началу (наилучше анализированному г-жей Ефименко) на- чало «общественной солидарности», по-видимому, равнозначное в общем тому, что я понимаю под правом на труд. «Трудовое начало оказывается фактором, регулирующим по преимуществу успех и направление личного дела общинника. Принцип *общественного блага* служит высшей нормой, определяющей конечный результат частного предприятия в общинной жизни и при помо- щи общинно-земельной собственности. Признавая в самом деле регулирующую роль в обычном

Но чрезвычайно сильно и личное право труда. Мне кажется, что основание права на землю у обработавшего ее, собственно говоря, совершенно аналогично праву родителей на их ребенка. Как ребенок есть органическая и функциональная частица организма отца и матери, есть материальная частица их, так и земля в обработанном виде относится к земледельцу, как следствие к причине, есть материальная частица его, ибо она заключает в себе в превращенной форме часть энергии его организма¹.

Понятно, что более глубокого и твердого основания для права владения не может быть и это основание, действительно, столь же глубоко сознается самим земледельцем и даже почти буквально формулируется им, когда он отстаивает свои права на землю, «орошенную его потом» или, по замечательному выражению Корана, «оживленную» им... На этом-то более или менее ясном сознании, что обработанная земля неотъемлемо принадлежит обработавшему ее, так как в нее заключена частица его самого, и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всех народов в известный, по крайней мере, период их истории; это право, собственно, вполне теоретически всеми признаваемое и в настоящее время, с особенной ясно-

праве за одним только трудовым началом, совсем нельзя было бы объяснить таких фактов, как переход заимок, возникших при помощи частного предпринимательского труда, от заимочника к лицам, до того положительно не пошевелившим палец о палец на приведение заимки в надлежащий вид...» «В свое время до появления общинных переделов действительно трудовое начало оказывалось в этом отношении могучим и единственным в своем роде фактором. Но когда изменились внешние условия, благоприятствующие такому порядку дел, в обычно-правовые отношения в затронутой нами области был внесен и другой элемент общественной солидарности, подчинивший личные интересы предпринимателя интересам общины» (см. ст. г. Ф. Щербины в «Рус. м.» за 80 г. «Северорусская свободная заимка земель», с. 105–107). Этот же элемент «общественной солидарности» рассматривает г. Щербина под названием «круговой поруки» (в самом широком смысле в статье «Прародительница общинно-земельных порядков» // «Сев. в.» 86 г., II кн.). *Последнее понятие, пожалуй, еще ближе к нашему «праву на труд»...*

Еще более приближаются к последнему и рассуждения г. Капустина в его статье «Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губ.» (см. «Литерат. Сборник», прилож. к «Вост. обозр.» за 85 г.). «В сибирской общине, – говорит он, – точно так же, как и в российской, главное начало, зиждущее общину, лежит не в земле, а в труде; земли может и не быть, а существование общинного строя жизни все-таки будет продолжаться... И затем: «Обедневшие хозяева, исходя из присущего общинному складу жизни *начала равенства* или, говоря иначе, *обеспечения каждому возможности трудиться*, потребуют осуществления для себя этого начала... Законность требования бедных понимается всеми членами общины – и богатыми, и среднезажиточными, которые в душе исповедуют указанный принцип и на деле постоянно проявляют его... (мой курсив).

¹ Если только нужно доказывать, что в этой аналогии нет никакого преувеличения, то это едва ли не ярче всего проявляется в возможности обратной аналогии, то есть объяснения отношения матери к ребенку, как отношения собственника к вещи; такую аналогию я встретил, например, у Бена. «*В любви матери к ребенку встречается усиливающее обстоятельство, возникающее из первоначального отношения к ней самой и особенного употребления ее энергии, направленной на содержание жизни ребенка. Такое сочетание собственных интересов и ассоциаций серьезной заботливости могло бы при известных обстоятельствах запечатлеть известный предмет в уме: дом или сад, занимающие такое положение, возрастают в чувствах владельца*... (Бен А. «Психология», рус. пер., с. 262–263; курсив мой).

стью выступает именно в захватный период, когда земельные права только зарождаются и складываются...¹

Из сказанного читатель достаточно ясно видит, как упорна и ожесточенна должна быть борьба между этими непримиримо антагонистичными и принципиально одинаково неоспоримыми правами. Но они бывают то сильнее, то слабее: право на труд усиливается по мере сокращения размеров землевладения и, значит, обострения потребности в земле, а право труда – по мере интенсификации земледелия, то есть увеличения затраты в нее труда. Сообразно с комбинациями этих двух условий и определяются типы и фазы владения различными угодьями. Таким образом, общинная организация представляет нам как бы соединение нескольких отдельных ростков, из которых каждый развивается и разветвляется в том особом направлении и до того известного именно предела, которые обуславливаются относительной силой в них права на труд и права труда. Выше всех вырастает обобществление наиболее экстенсивного угодья – пастбища; от него несколько отстают владение сенокосами и лесами, в отдельных случаях, впрочем, поднимающееся до того же уровня; ростки общинного права в пользовании плодами и животным населением лесов, степей и вод часто или даже обыкновенно достигают значительной высоты, но затем чаще всего отмирают вследствие крайнего истощения этих угодий; наконец, во владении усадебными и приусадебными землями семена общинного начала часто совсем остаются без развития и только в некоторых случаях сравнительной слабости личного права дают жизнеспособные, но все-таки не очень высокие ростки.

В общем, в этом развитии общинной организации на экстенсивных угодьях, обыкновенно представляющем как бы первые ее побеги (а также частью и в первой нормировке усадебных земель и в связанных со всем этим процессом переделах), развивается и копится сильный запас общинной, так сказать, энергии – сознания общинного права на все угодья и привычки распорядительства ими, который затем питает и ускоряет развитие и основного ствола общины – общинно-передельного владения пашней. К рассмотрению этого последнего центрального в эволюции общины момента мы и перейдем теперь.

§ 8

Если я вынужден был остановиться хотя на основных деталях эволюции владения угодьями, считающимися обыкновенно второстепенными, частью по-

¹ Вот как, напр., формулировали на вопрос исследователей современные потомки запорожских казаков тогдашнее заимочное право: «Полковник мог занять такое пространство, какое с одного места окинет оком, сотник – сколько в день объедет верхом, а казак – сколько в день опашет сохой» (см. «Сб. ст. св.» по Суран. у. Черниг. г., с. 7). Как видим, трудно было бы яснее и нагляднее формулировать два основных источника завладения: силу и труд, войну и производство, оружие и орудие...

тому, что они или все-таки необходимы, или в отдельных случаях выступают даже в своем хозяйственном значении на первый план, частью же для уяснения эволюции пашневладения, то понятно, что теперь приходится с еще большей подробностью очертить этот поворотный момент первых переделов пашни, приходится как можно пристальнее взглядеться и разобраться в том, почему и как именно совершается эта самая важная в развитии общины победа общинного права на труд над личным правом труда.

А. Прежде всего мы можем заметить, что есть случаи, в которых личного права затраченного труда вовсе не существует также ни в пашне, ни в других интенсивных угодьях: это когда самая первоначальная их разработка совершается общиной. Понятно, что тут право труда переходит к общине и тем самым сливается с правом на труд. Случаи такой общинно-артельной разработки, вообще говоря, редки, но все-таки они встречаются повсюду и в самых разнообразных проявлениях. Я уже упоминал выше об общинной разработке пастбищ в Кубанской обл., об устройстве кедровых рощ в Томском окр. и т. п. Но часто также самая первоначальная расчистка леса под пашню производится общиной-артелью; такие случаи отмечены не только в Сибири, но и в самых различных местностях Европейской России, как, например, в Хвалынском у. Саратовской губ., в Орловском у. Вятской губ. и т. д.¹. Особенно же часты случаи общинной разработки сенокосов; например, в Иркутской и Енисейской губ. отмечено заметное число случаев общинного устройства орошаемых покосов (так называемых «богулов» или «мочагов») путем вырытия всем обществом оросительных каналов; все такие покосы разделяются уравнительно на души или сразу между всеми общинниками, или сначала временно только между частью общинников, работавших каналы, чтобы вознаградить их труд, а потом уже – между всеми. В Енисейской же губ. и в Забайкальской области в последние десятилетия было уже несколько крайне интересных случаев устройства орошаемой пашни². Подобные же случаи общинного орошения, а также и осушения лугов и пахотных полей встречаются и в Европейской России, хотя и имеют слабое практическое значение (впрочем, кое-где иные работы, особенно по осушению, встречаются

¹ См. Зем. ст. сб. по Хвалынск. у. и ст. *Н.А. Добротворского* в «Рус. мысли» 84 г., 9 кн., с. 37.

² См. «Мат. по Ирк. и Енис. гг.», т. II, в. 3, с. 231 и т. IV, в. 3, с. 223–225 и особенно 195–197 и «Материалы по Забайк. обл.», в. 10, с. 189–190; в одном случае тут, напр., часть хозяев двух соседних общин «произвели неудобную местность... в удобную землю посредством прокопа для поливки каналы около 8 верст...» (93 с.). Особенно интересны ольхонские буряты (в Верхоленском окр. Иркут. г.), которые в количестве 1,172 хозяйства орошают 1,064 десят. «утугов», составляющих 65% всего количества утугов у них; по их словам, они унаследовали оросительные сооружения от монголов (ушедших отсюда при приходе русских), и в свою очередь у них их перенимают соседние бурятские и русские общины; все работы производятся по наряду общины артелью; вообще артельные работы всякого рода, помочи и т. д. сильно тут распространены. См. книжку *Н.Е. Кулакова* «Ольхон и т. д.», в «Зап. геогр. общ.», т. VIII, в. 11).

ся часто), но, несомненно, очень важны теоретически, так как по принципу своему представляют максимальную степень и высшую форму развития общинного начала¹.

Но помимо этих редких случаев полного отсутствия личного права труда в известных интенсивных угодьях, встречаются, едва ли не как общее правило, в известный период ограниченно-захватного и общинно-отводного владения такие условия, которые делают даже при полной реальности этого права пользование им неудобным для самих его обладателей и заставляют их хотя отчасти поступаться им.

Прежде всего надо указать на крайнюю запутанность, спорность и не-верность владения при ограниченном захвате и общинных отводах. Уже при первоначальном захвате участков под пашню каждый хозяин старается иметь их несколько в разных местах в силу природных сельскохозяйственных условий (пригодности разных почв для разных хлебов, возможности уберечь на многих клочках хоть часть хлеба от града, засухи, изморози и т. п.); затем же, вследствие наследований, дроблений, оспариваний, новых захватов, продаж, общинных отрезков и т. д., эти чересполосица и мелкополосица достигают чем дальше, тем больших размеров и, наконец, часто запутывают лично-захватные участки в такой узел, который становится почти невозможным распутать при этой же форме владения и который можно только разрубить уравнительными переделами. Именно такой глубоко любопытный исход отмечен исследователями даже в некоторых случаях переходов от четвертного владения, представляющего типичный семейный захват, уже кристаллизовавшийся в наследственную собственность, к общинно-передельному: крестьяне иногда тут так запутывались в наследственных долях отдельных семей, в хронических из поколения в поколение спорах о них, что не находили иного выхода, как в уравнительном переделе земли по душам². Понятно, что такой исход после долгого вполне упрочившегося за много поколений семейно-наследственного владения может быть только сравнительно редким и обуславливается в еще большей степени и другими причинами (главным образом, стремлением малоземельных полу-

¹ См. о таких случаях, а также о всяких других общинно-оросительных работах у г. В. В., с. 580–586 и у А. Карелина, с. 206–218.

² Напр., у четвертных владельцев татарской деревни Степные Енали Тетюшского у. (Казанской губ.) «единственным лицом, знающим и ведающим дела односельцев, является Хасан Ислаков. «Без Хасана беда, – говорят крестьяне, – он кончал (умрет) айда спор, лучше бы уж под одну шапку». В с. Тресном при размежевании в середине 50-х годов «вспомнить роды (то есть высчитать долю каждого хозяина по родословной) было почти невозможно, и произошла вообще страшная путаница в землевладении; малоземельные еще больше раздували ее и добились, наконец, составления приговора об уравнительном разделе земли по числу душ IX ревизии; многоземельные сначала посоглашались, – им хотели даже вырезать дачи в особняк, но потом они уступили» (см. зем.-стат. сборн. по этим уездам). И т. д.

чить прирезку земли при переделе); ясно также, что в нашем случае – в допредельной стадии владения – мелкополосица и чересполосица тоже могут быть устранены просто новым распределением, концентрацией участков с сохранением прежней доли каждого, а не с уравниванием этих долей по душам в каждом семействе. Однако такой исход, во-первых, все равно так или иначе нарушил бы право затраченного труда, а во-вторых, он уже часто и не приходит в голову общинникам в тот момент, когда уравнительный передел пашни подсказывается всей совокупностью условий и отчасти уже обязательно постулируется массой прецедентов общинного распорядительства: ограничений захвата пашни, отводов ее, переделов податей и других угодий и т. д. Таким образом, первых переделов ждут многие и из тех хозяев, которые, вероятно, даже несколько потеряют при них количественно, но зато надеются выиграть в удобствах расположения участков, в определенности и спокойствии владения¹.

Второе неудобство ограниченно-захватного владения (едва ли не еще более значительное) представляет связанная с ним непрочность владения, невозможность оставить участок пашни в залежь, чего, однако, обыкновенно требует почва Сибири, из боязни, чтобы каждый другой хозяин не запахал ее себе, постоянное ожидание отрезки части пашни общиной для отвода малолетним и т. п. Немудрено, что при этих условиях у крестьян зревает крайнее недовольство таким порядком, затрудняющим уже прямо рациональную при данных условиях систему хозяйства, вносящим в общее землепользование крайнюю беспорядочность, чрезмерно истощающим общинную землю и в то же время оставляющим каждому хозяину меньше свободы в хозяйствовании на своем участке, чем он имел бы при уравнительных переделах на известный срок. Немудрено, что большинство начинает выражать желание «поделить землю по душам, ибо, имея душевую землю, хозяин мог бы дать ей отдохнуть не так, как теперь»...². И т. д.

В это же время идут и еще два других процесса, также резко антагонизирующих с этой путаницей заимочного владения: во-первых, обыкновенно совершается точное разграничение между общинами (государственным межеванием или между самими крестьянами), и, значит, некоторые заимочники каждой общины теряют свои участки, отошедшие к другой общине; ясно, что в этих случаях наделение последних отрезками от других, у которых «итак земли довольно», прямо вынуждается при недостаточности свободного

¹ Очень часто сами крестьяне указывают, что перешли к переделам из-за произвола, борьбы и вражды, неизбежных при захватном владении. Напр., в Забайкальск. обл. крестьяне с. Кударинского с видимым чувством удовлетворения сообщили о бывшем у них переделе, ибо раньше «имели между собою самовольство в хлебопахатных и луговых местах», в с. Тутуншаевском переделили «вследствие общественной вражды» («Мат. по Забайк. обл.», в. 10, с. 92 и 96) и т. д.

² «Мат. по Ирк. и Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 190.

района захвата. Во-вторых, на место множества семейно-заимочных выгонов, покосов и пашен обособляется один общий для всех общинников выгон, один покос (или несколько, но точно отграниченных), одна пашня, и при этом тоже всегда отдельные участки заимочников отходят от них (покос может пойти под пашню, пашня под покос или выгон и т. д.)¹, и уж их община не может не наделять новыми участками.

Наконец, очень часто ко времени первых переделов пашни наступает уже пора интенсификации земледелия (так как это именно – период рабочей нормы землевладения), установления общего правильного севооборота с пастьбой скота на полях и т. д.; ясно, что этот крайне важный шаг в общинной систематизации земледелия должен дать сильный и часто решающий толчок к высшей форме общинной систематизации землевладения в форме периодических уравнительных переделов. Так именно и происходит дело в действительности. В значительном числе случаев моменты первого передела и перехода к трехполью бывают очень близки: часто пашня, ближайшая к селению, представляет передельное трехполье, а более отдаленные участки остаются захватно-отводной залежью. Так, например, в с. Быстрый Исток (на Алтае) передел был именно вызван желанием «ввести больше равномерности в повинностях и стремлением заменить залежную систему хозяйства трехпольной с удобрением полей»². И т. д.

Итак, к тому времени, как развитие общинного права доходит до требования общего уравнительного распределения не только экстенсивных, но и интенсивных угодий, назревают также заключительные задачи разграничения, фиксации, упорядочения, упрочения владений отдельных семей и общего упорядочения и интенсификации земледелия – задачи, тесно сливающиеся с наиболее просто и радикально решающими их уравнительными переделами и в то же время неизбежно требующие известных уступок от права труда. Понятно, что это право, которое ожесточенно боролось бы с уравнительными переделами *pures et simples*, уступает им гораздо легче, когда они несут с собой беспспорный и необходимый прогресс и в землевладении, и в земледелии³.

¹ С особенной энергией происходит при этом разрушение заимочно-хуторских владений в степных казачьих общинах (напр., у кубанских казаков см. у Щербины с. 87–129), где нет, как в Сибири, природных естественных угодий, где степь всюду годна и под покос, и под пашню, и под выгон, потому особенно важно распределение общиной всей ее территории на постоянные и точно ограниченные угодья. Также, напр., и у бурят Забайкальской области часто один и тот же участок может быть попеременно то покосом, то пастбищем, то усадьбой, то пашней (см., напр., «Материалы по Забайк. обл.», в. 10, с. 61, 62, 68, 69 и др.) и т. д.

² См. Чудновский. «Алтайская поземельная община» – «Сев. вестн.», кн. 10.

³ В Енисейской, например, губ., говорит г. Дубенский, «замена залежно-паровой системы полеводства более совершенной и удовлетворяющей изменившимся хозяйственно-экономическим условиям, ограничение хищнической эксплуатации земель, повышение интенсивности обработки, введе-

В. Но как ни подготовлена почва, как ни благоприятен, таким образом, момент для общинно-передельного права на труд, все-таки оно всегда старается обойти стороной право труда и лишь очень медленно и постепенно, лишь в крайних случаях прямо переходит по отношению к нему в наступление.

В этом смысле крайне характерны прежде всего случаи, когда первый передел охватывает не захваченные уже под пашню участки, а уравнительно делится лишь часть выгона (реже леса и сенокоса), обращаемая тем самым общиной под пашню: здесь передел как бы забегаает вперед лично-захватного права труда; предвидя, что скоро данные участки могут быть захвачены отдельными хозяевами, община заранее спешит уравнительно разделить их на всех хозяев¹. Интересен также аналогичный порядок, отмеченный в Туринском окр. Тобольской губ.: здесь часть пашен (ближние) уже давно переделывается, но вдали от селений сохранился свободный район захвата, который община хотя не пускает сразу в передел, но сдает годные под пашню участки леса в расчистку (а иногда и небольшие болота для осушки) отдельным хозяевам за небольшую плату в аренду (обыкновенно на 10–12–15 и до 20 лет), после чего они уже идут в передел...²

Затем, и переходя на земли, уже разработанные, первые переделы соблюдают все-таки строгую постепенность, неуклонно двигаясь по линии наименьшего сопротивления со стороны права труда, то есть сначала охватывают те виды пашни, где право труда слабее, то есть где или меньше его было затрачено, или он больше вознаградился. Так, например, в Иркутской губ. и Забайкальской обл. отмечено при переделах разное отношение к разным участкам пашни: те, которые расчищены заимочниками давно (положим, 20 и более лет тому назад) и, значит, уже вознаградили первую затрату труда, пущены в передел, а расчищенные позже оставлены на известный срок их владельцам; при этом в отдельных случаях сроки установлены для разных участков разные: для участков «тяжелой чистки» сроки беспеределного периода дольше, а для «легкой чистки» меньше³. Приблизительно тот же смысл имеют постановления некоторых общин Туринского окр. Тобольской губ.

ние одновременности и порядка в сельскохозяйственных работах, устранение неравномерности и спорности владения, устранение таких фактов, когда за обработку приходится приниматься тайком и украдкой, чтобы кто-нибудь не помешал и не отнял, – все это такие вопросы, серьезность которых уяснилась в сознании местного населения уже достаточно определенно, но разрешить которые не под силу отдельному лицу. Поэтому взоры огромного большинства членов сельского общества обращаются к «миру», и от него ожидается существенная в этом направлении помощь». «Мат. Ирк. и Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 198.

¹ Целый ряд таких случаев весьма интересно описаны в Енисейской губ. «Мат. по Ирк. и Енис. губ.», т. IV, в. 3, с. 194–196.

² См. «Мат. Зап. Сиб.», в. XIII, с. 89, 90, 91.

³ См. «Мат. Ирк. и Енис. губ.», т. II, в. 3, с. 286 и *К. Михайлов*. «Общ. быт у крестьян Забайк. обл.» // «Р. м.» 85 г., 12 кн.

(и некоторых других) о переделе участков, расчищенных «отцами» теперешних их хозяев, а «кто сам добывал», у того участков пока не отбирали¹.

Тот же принцип выражается и в том характерном для огромного большинства общин, переживающих период первых переделов, правил, что прежде всего переделываются ближайшие, опоясывающие селение пашни: всегда это и есть земли, наиболее давно расчищенные и наилучше успевшие вознаградить труд первой разработки.

Очень важно заметить, что в этом последнем случае дело отнюдь не в одной только правовой тонкости, но тут действует и прямой материальный интерес: хозяева, лишаящиеся пашни своей разработки, не только чувствуют в этом случае на нее меньшее право, но они обыкновенно меньше и дорожат ими, так как при обычных в допередельный период многоземельных экстенсивных системах земледелия эти старые участки наиболее выпажаны и дают наихудшие урожаи. Это, однако, не значит, что вследствие этого настолько же теряют «маломочные» «малолеты», получающие по переделу эти участки: для последних, как бедных лошадьми, очень важна близость расстояния пашни от селения, они обыкновенно прямо не в силах были бы справиться с отдаленными участками и часто добровольно предпочитают худшие, выпажанные, но ближние поля лучшим, свежим, но дальним². Таким образом, ближние пашни представляют как бы поле компромисса: в них лежит и наиболее справедливое решение юридической коллизии, и наиболее обоюдно выгодная с экономической стороны комбинация. Немудрено, что почти всегда именно с них и начинаются первые формальные и массовые переделы пашни.

Несмотря, однако, на такую малозаметность и почти безобидность для права труда этих первых его нарушений или скорее именно благодаря ей, значение этих нарушений чрезвычайно велико. Ведь, как-никак, а тут уже право на труд, несомненно, подчинило себе право пашни, тут уже «чужие труды», по энергичному крестьянскому выражению, прямо экспроприруются общиной в пользу потребностей отдельных ее членов; рядом с трудовым основанием владения и выше его становится начало потребительное. Снеся легко первые мягкие толчки этого начала, допустив их

¹ «Мат. Зап. Сиб.», в. XII, с. 98. См. также с. 99–100.

² «Вопросам о переделе нет места до тех пор, пока все ближайшие к селению земли не окажутся в руках людей состоятельных. Тогда для незажиточных крестьян настанет пора бросать работу на себя, потому что хозяйство на дальних полях несподручно для бедного малосемейного, владеющего всего одною или хоть парой лошадей. Оставшись без возможности пахать на себя, малохозяиные предъявят, конечно, запрос на отвод подходящих наделов. Следует в этом будущем иметь в виду, что ближайшие к селению земли по отсутствию здесь унавоживания будут более или менее истощены; вследствие этого зажиточные дворы не подорожат ими: для них дальняя непахотная новь представит более интереса...» («Лит. сборн.», изд. ред. «Вост. обозрения»). «Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губ.» Капустина).

умножаться, повторяться, стать бесспорными и обычными и, стало быть, прецедентами для будущего, право труда хотя мало теряет в данный момент фактически, но совершенно подкапывается в принципиальных своих основаниях на будущее время.

Но право на труд нападает также и с другой стороны: оно пробивает первые бреши не только в тех пунктах, где, как мы сейчас обрисовали, право затраченного труда слабо абсолютно, но также и в тех, где оно слабо относительно, то есть сравнительно с повышенной энергией права на труд. Это бывает в тех случаях, когда данное интенсивное угодье особенно, исключительно необходимо или ценно, то есть когда потребность в нем особенно напряженна; это же имеет место тогда, когда в нем резко ощущается недостаток вообще, или оно быстро истощается и, наконец, когда оно имеет рентную доходность, зависящую от особых либо природных, либо специальных условий.

Легко представить, как действует острый недостаток только в одном каком-либо необходимом угодье; агитация за его передел чуть ли не так же сильна, как если бы дело шло об общем переделе, сопротивление же ему не может быть так сильно, во-первых, потому, что вопрос поставлен все-таки только об одном угодье, а, во-вторых, и самим «старозаимочникам» крайняя нужда в этом угодье для «малолетов», очевидно, что оно не вопрос роскоши, а вопрос «быть или не быть» для их хозяйства... Так именно и рисуется дело местным исследованием. Например, у бурят Иркутской губ. переделы пахотных земель еще только кое-где начинают появляться, а между тем уже довольно широко распространились переделы «утугов» – особого вида сенокосных лужков, искусственно очищаемых и унавоживаемых, требующих, таким образом, затраты труда, часто не меньшей, нежели пашня. Сами буряты так объясняют это нарушение трудового права. При обилии новых земель «старательный человек всегда может расчистить пашню, зачем же делить чужие труды? Другое дело утуги: тех – немного, под них хоть бы и хотел расчистить, да места нет подходящего, потому их можно делить между собою»¹. Такая же правильность проявляется и вообще в отношении к этим угодьям у разных групп населения в Иркутской губ.: «...кочевым, скотоводческим бурятам усадебные “утуги” всего важнее, они всего сильнее чувствуют утеснение в покосах, поэтому и передел “утугов” у них скорее и больше распространился, а именно из них до 80% переделили или постоянно делят “утуги”. У оседлых инородцев “утуги” играют менее

¹ «Мат. Ирк. и Енис. губ.», т. II, в. 3, с. 200. Крайне любопытно, что у забайкальских бурят, наоборот, утуги обыкновенно еще не идут в передел, и это еще раз подтверждает указанную правильность: как видно из подробного описания их устройства и эксплуатации (см. «Материалы Забайкальской обл.», в. 10, с. 61–62), для них не выбирают здесь каких-либо исключительно удобных мест, они устраиваются на всяких вообще покосах, а потому пока не наступает в них и утеснения.

важную роль и переделов их почти не встречается, а у русских, которым не нужно так широко раскидываться на своих усадьбах и нет потому в них такого утеснения, вовсе нет и усадебных переделов. И обратно, переделы и отводы больше у русских, чем у оседлых инородцев, а у этих больше, чем у кочевых. Так что выходит, что чем дороже данное угодье, то есть чем оно важнее в хозяйстве, тем скорее других, менее важных, оно поступает из захвата в распоряжение «мира»¹.

Уже в приведенных примерах мы в усиленной ценности данного угодья рядом с влиянием относительной его недостаточности легко можем различить и влияние его рентной ценности: например, подходящие для «утугов» места, несомненно, имеют рентную ценность и представляют доходность, являющуюся не результатом «чужих трудов», а «Божьим даром», по самой природе своей «ничьим» и потому подлежащим особенно уравнительному распределению. На других примерах еще ярче можно увидеть это. Например, по словам г. Кауфмана, «значительные успехи поравнения по отношению к сенокосным угодьям являются в Томском районе понятным следствием ограниченности их количества и особенно высоких, обуславливаемых городским спросом цен на сено, дающих сенокосным угодьям (главным образом, поемным лугам, а другим видам покосов – только в ближайших окрестностях города) довольно высокую рентную доходность»². Еще более характерный пример такого же явления я нашел в казачьем землевладении Уральской обл.: здесь при полном отсутствии переделов каких бы то ни было угодий (в общем здесь установились разные формы ограниченно-захватного владения) переделываются в некоторых станицах участки «бахчевой» (засеваемой баштанами) земли «по суходолам и берегам ильменей», орошаемых разливом реки и особенно удобных для бахчей и огородов. Интересно отметить, что и тут очень ярко проявляется влияние сокращения данного угодья: в годы разливов иногда вольно захватывают эти места, ибо их много, а при средних и слабых разливах уже делят между всеми желающими и с тем большей уравнительностью и точностью, чем меньше бывает удобных мест³... Очень часты, затем, случаи, что и переделы пашни с полной правильностью начинаются именно с лучших пахотных участков и лишь постепенно распространяются на худшие участки; для Забайкальской обл. это является общим правилом, равно как и в других: например, в одной общине в Томской губ. пашенные земли трех лучших сортов «поделены лет 60 тому назад и больше, а земли четвертого и пятого сорта (читатель замечает всю точность и тонкость этого различения сортов пашни) пошли в первый раз в передел только в 85 г. В Кубанской об-

¹ «Мат. Ирк. и Енис. губ.», т. II, в. 3, с. 242.

² «Алтайский сбор.», «Общин. порядки», с. 117.

³ Н. Бородин. «Оч. общ. хоз. ур. каз.» // «Сев. в.» 90, 5, с. 48–50.

ласти чрезвычайно ярко и постоянно выраженным правилом является такой порядок, что прежде всех других подвергаются общинным ограничениям и идут в передел целинные (не паханные), то есть наиболее урожайные земли. В Ишимском округе в той части общин, где не весь лес сразу был переделен, в передел шли сначала участки лучшего леса, иногда они переделывались даже раньше пашен, очевидно, именно ввиду их высокой рентной ценности, а потом уже переделывались и худшие клочки, мелкие заросли и т. д.¹. На этом правиле мы уж как нельзя более ярко видим, как точно различают крестьяне в ценности данного угодья ту долю ее, которая является результатом затраченного труда, от доли, представляющейся «Божьим даром», как строго пропорционально развитие общинного права на труд относительной слабости доли затраты труда и вескости доли «Божьего дара»...

Итак, мы видим, что и в развитии первых переделов пашни едва ли не с большей еще очевидностью, чем на других угодьях, проявляется самая строгая закономерность в борьбе общинного права на труд с личным правом труда. Первое, зародившись, развившись, укоренившись первоначально на почве, совершенно или почти свободной от второго, мало-помалу, по мере развития земельного «утеснения», пускает затем ростки и там, где последнее сравнительно слабо; укоренившись тут, оно прорастает постепенно все дальше и дальше и, наконец, повсюду сплетается с ним и постепенно перерастает его. Но никогда не заглушает его окончательно. Вся дальнейшая эволюция общины представляет все ту же непрерывную борьбу этих начал, принимающую разные формы и приходящую к разным исходам в строгой зависимости от размеров и качества различных общинных угодий и разных других условий.

С. Пора теперь обратить внимание читателя на другую сторону закономерности в развитии первых переделов: они не только, как мы сейчас видели, идут строго и неуклонно по линии наименьшего сопротивления, но, кроме того, идут по ней очень медленно и постепенно.

Выше мы уже ясно видели, что почти никогда вся пашня (или другое интенсивное угодье) не идет сразу в передел, а всегда поравнения охватывают участок за участком строго постепенно годами и десятилетиями. Таким образом, в огромном большинстве случаев типичной картиной переделов представляется селение, окруженное только поясом переделенной пашни с полосами за ним пашни ограниченно-захватного (а иногда даже неограниченно-захватного) владения.

Какая небольшая доля пашни пускается первоначально в передел, это показывают следующие, например, цифры: «В Верхоленском окр. общин с

¹ См. статью г. Чудновского об Алтае («Сев. вест.» 88 г., 10 кн.), «Матер. по Забайк. обл.», в. 10, с. 78–103. «Зем. общ. куб. каз.», с. 112, 93, 94 и 95 и статью г. Кауфмана по Ишим. окр. («Мат. Зап. Сиб.», в. V, с. 147) и др.

переделами пашни уже 40,6% всего их числа, площадь же переделываемой пашни составляет лишь 5,4% всей распаханной в округе земли.

Такая же постепенность, как в расширении площади первых переделов, наблюдается и в усовершенствовании самых способов их, в точности и детальности осуществляемого ими «поравнения». С этой стороны г. Кауфман прекрасно сравнил этот процесс развития точных переделов из грубой формы отводов «с работой струга, который сначала срезывает только наиболее значительные неровности, а затем начинает захватывать и наиболее мелкие»¹.

Как уже было указано, возникающие рядом с ограничениями семейного захвата общинные отводы в своих последних формах принципиально тождественны с переделами; но они именно захватывают только отдельные слишком уже выдающиеся неровности, делают отрезки, притом незначительные, у тех, чрезмерность чьего владения для всех очевидна, и наделяют очень слабо лишь крайне нуждающихся. Но после таких первых случаев, которые, пожалуй, даже точнее было бы сравнить с грубым первоначальным обтесыванием топором, – работа «поравнительного» струга все утончается: отрезки делаются все чаще и у большего числа богатых «старозаимочников»; устанавливается обычай наделять такими отрезками всех «малолетов», не находящих себе свободных для захвата участков; затем появляется известная максимальная или минимальная (или и та, и другая) норма для надела на одну душу и совершаются уже групповые «поравнения» для сведения владения всех хозяев к этой норме; например, в Иркутской губ. предоставляется каждому хозяину отыскивать у других участки, захваченные сверх нормы, и такие участки отводятся «миром» просящему и имеющему земли меньше нормы².

Однако все такие «поравнения» представляют еще скорее неопределенное перераспределительное, так сказать, брожение, чем правильно функционирующий переделный механизм. Во-первых, уравнительность преследуется пока лишь грубо приблизительная (часто «малолет» не настаивает именно на определенном количестве земли, а доволен какой ни на есть прирезкой), перемерки полей обыкновенно не происходит, а все перераспределение совершается глазомерно («на махе», «на глаз»), наконец, об уравнении качественном участков разных хозяев не возникает обыкновенно и речи. Во-вторых, совершенно не выработан сам процесс передела: часто отводы-отрезки совершаются даже не целым «миром», а

¹ См. «Общ. в Сиб.», с. 85.

² Именно эта же постепенность не только теперь наблюдается, но констатирована и для первых переделов 50–70 лет тому назад; см. напр., крайне характерный очерк их в Курганском округе Тобольской губ. «Мат. Зап. Сиб.», в. XXI, с. 30–35.

лишь десятком-другим хозяев, – понятно, что тут сравнительно часты злоупотребления, подкупы, подпаивания и т. д. Наконец, не выяснено даже и будущее переделов, ибо обыкновенно не назначается срока для следующих переделов и совершаются они как бы случайно – по мере образования настойчиво требующей их группы хозяев (или отдельных хозяев) и часто сопровождаются каждый раз ожесточенной борьбой. Но именно в этом хаотическом процессе и подготавливаются прецеденты, постепенно вырабатываются принципы, нормы, частные правила переделов, частью взятые из переделов сенокосов и других угодий, частью видоизмененные, – и именно на этом процессе и проявляется с особенной яркостью то, что переделы пашни медленно и самопроизвольно вырастают из внутриобщинной борьбы за землю, а отнюдь не привносятся сверху (как то иные думают) законодательно-административными влияниями...

Мало-помалу именно сама эта бессистемность первых переделов-отводов становится аргументом для их дальнейшего развития – для их упорядочения и систематизации, и постепенно они действительно вырабатываются и систематизируются. Появляются сроки переделов, точное обмеривание, разделение на сорта (лучшие – «материк», «доброта» и худшие – «подморина», «неудобие», «подметошная», «подлая» и т. п.); в них участвует весь сход; сам ритуал их вырабатывается, выбираются иногда для них особые уполномоченные, в каковые выбирают лиц гораздо более уважаемых и заслуженных, нежели, например, в сельские старосты. Сами системы этих первых уже вполне оправдывающих свое название переделов очень напоминают описанные уже порядки сенокосных и частью лесных переделов, но по большей части отличаются от них различными деталями, вытекающими из необходимости обеспечить каждому вознаграждение затраченного в его участке труда.

При переделах пашни в Сибири (как, впрочем, и повсюду) «способы раздачи полос, – говорит г. Кауфман, – слагаются из борьбы интересов двух частей общины: зажиточных – “добрых пахарей” и бедных – “худых пахарей”. Каждая сторона имеет свою правду и свою неправду; если “добрый пахарь” на сходе будет заявлять, что он свою полосу “угоил” и потому не хочет переходить на другую, быть может, дурно обработанную полосу, то “беднота” с полным правом возразит ему: “ты итак уже шестьдесят лет первую землю пашешь и дальше нас не пускаешь”; если же “беднота” распространяется на тему: “вот мы хозяева” и потому никаких при отводе участков преимуществ ни для кого не должно быть, – зажиточные совершенно справедливо возражают: “Вы свои пашни застрамили, а теперь нас с полос сживаете; вы нашими трудами хлеб есть будете, а мы вам опять к будущему делу (переделу) пашню готовы”» ...

В самых первых грубых переделах – «поравнениях» – мы имеем для Сибири две формы, представляющие обе эти антагонизирующие «правды». Когда «малолеты» наделяются лишь отрезками от наделов, имеющих больше нормы, и при этом последним предоставляется выбирать себе лучшие земли (или, например, на 10–15 «старых» земельных душ «приписывается» по одной «малолетской душе», которая и получает от тех по обоюдному соглашению отрезки, худшие уже хотя бы благодаря своей разбросанности), то тут всецело торжествуют «добрые пахари». Иногда же к пашне применяется сенокосный принцип «развода по урочищам», при котором все общинники добровольно разбиваются на группы в каждое урочище, которое потом каждая группа внутри себя делит уравнительно, уже не стараясь и не имея возможности стараться о том, чтоб каждому доставались его прежние участки, – тут, очевидно, права затраченного труда совершенно игнорируются.

Но очень характерно, что эти две крайние формы распределения «по старшинству», «по отчеству» и по аукционному принципу встречаются в чистом виде лишь очень редко и преимущественно именно в местах, где переделы только еще вырастают из отводов; в громадном же большинстве случаев каждая из них корректируется другой и они взаимно сближаются. Так, при переделах «по старшинству» происходит уже полный передел и все наделы сдвигаются таким образом, что «малолеты» получают обыкновенно не множество мелких отрезков, а столько же целых участков, как и «старые души», причем, однако, стараются «старые души» «не шевелить» и даже новым давать участки их родственникам – «отцовщину», а при отрезках участков от «старых душ» позволяют последним отдавать под отрезок худшие участки, так что тут «малолеты без отчества» (молодые хозяева без наследственных участков) всегда еще все-таки сильно бывают обижены. И вот вводится постепенно в эту систему коррективы, названные г. Осиповым (исследовавшим эту форму в Курганском округе) системой «уравновешения сортов»¹: в разных комбинациях предоставляется каждому хозяину оставить себе при переделе известного размера «любую» часть своего старого надела, но зато следуемая ему остальная часть отводится уже общиной и с таким расчетом, чтоб она по качеству уравновесила выбранную хозяином, то есть тем хуже, чем лучше последняя. В аукционную же систему, в чистом виде мало чем отличающуюся от «развода по урочищам», жертвующую интересами «добрых пахарей» и притом всегда несколько затемненную элементом игры, азарта, почти всегда вводятся разные ограничения в пользу первых: например, дозволяется им брать свои участки за назначенную на торгах оценку преимущественно перед прочи-

¹ См. «Мат. Зап. Сиб.», в. XXI, с. 62–63 и др.

ми¹, или община оставляет за собой право вмешиваться в аукцион, чтоб сдержать хозяев, слишком увлекающихся или просто недобросовестно «роющих в земле» (с целью лишь заставить ее хозяина взять ее по дорогой оценке); или, наконец, например, первый сорт пашни вовсе исключается из «надорожки», а известный его участок предоставляется каждому хозяину взять из его прежнего надела на выбор и т. д.²; всеми этими способами, по словам г. Осипова, в аукционной системе переделов азарт совершенно умеряется и интересы «добрых пахарей» достаточно ограждаются...

В высшей степени характерно территориальное распределение обриванных типов передела. Г-ном Кауфманом прекрасно выяснено, что система наделения «по старшинству» (особенно «уравновешением сортов»), основанная на объективном принципе, на сравнительно более точном распределении пашни на сорта, должна, рассуждая а priori, встретиться нам в общинах с более однокачественной почвой, ибо при разнокачественности пришлось бы делить на слишком много сортов и получилась бы крайняя мелкополосица; к тому же именно при однокачественности почвы яснее проявляется влияние лучшей обработки и, значит, больше имеет шансов на признание права труда «добрых пахарей». Аукционного же порядка мы должны ожидать при разнокачественных землях, во-первых, потому, что при невозможности разбивки их на много сортов и невозможности, значит, объективного их уравнивания приходится ввести субъективный принцип свободно-конкурентной оценки их каждым хозяином по своему вкусу, и, во-вторых, еще потому, что затраченный на обработку труд на разнокачественных землях менее ярко обнаруживается своими результатами, почему и должен возобладать принцип права на труд «малолетов». И вот именно такое распространение системы по старшинству на однокачественных и аукционных систем на разнокачественных землях и наблюдается, по описанию того же г. Кауфмана, с величайшей точностью в Ишимском округе Тобольской губ. Еще более, пожалуй, характерно то, что резкие крайние разновидности обеих этих систем встречаются именно в этих двух различных по-

¹ «Аукцион», «торг», «перебой» и т. п. пашни происходит так же, как и сенокосов: торгуются либо в «надорожку», то есть повышая оценку пашни, соглашаясь взять участок, оцененный, положим, в 1 дес. 1-го сорта, 1 дес. – 2-го и 1 дес. – 3-го сорта, примерно за $1\frac{1}{2}$ дес. первого, 1 дес. второго и $\frac{1}{2}$ дес. 3-го сорта и т. п., либо «на сбавок», когда получает участок тот, кто предложит принять за полную его десятину наименьшую дробь десятины.

² Привожу еще способы таких же корректив, интересные по их выработанности и сложности: «где допускается «надороживание» участков первого сорта путем прибавления к ним полос низшего сорта, принимаемых «надороживающим» за высший, там иногда прямо постановляется, что нельзя переводить в высший сорт менее половины десятины или целой десятины, иногда же минимальная величина устанавливается в размере $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ «надороживаемого» участка высшего сорта; некоторые общины, наконец, допускают «надорожку» только в известной части высших сортов, а на другой части вовсе не допускают ее» (А. Кауфман. «Общ. в Сиб.», с. 146).

ловицах Ишимского окр., где переделы начались сравнительно недавно (а кое-где еще даже не развились), в соседнем же Курганском округе, прошедшем период первых переделов заметно раньше, установились уже повсюду именно средние, компромиссные системы, при которых и право труда, и право на труд уживаются, взаимно приспособившись.

Таким образом, нам еще раз ясно вырисовывается та черта с востока на запад, о которой мы говорили в начале: из царства семейного захвата через его ограничения и общинные отводы мы доходим до переделов, сначала грубых и резко колеблющихся в своих правовых основаниях, а затем все более точных, все более юридически, так сказать, уравнишенных...

§ 9

Кто внимательно прочел сделанный сейчас очерк зарождения и развития общинно-уравнивательных переделов в современных многоземельных окраинных общинах, тот, конечно, не потребует от меня теперь специального указания и доказательства причин этого процесса. Они очевидны и бесспорны уже из сказанного. Мы видели, что каждая мельчайшая деталь в развитии общинно-передельного и сокращения лично-захватного права всегда со строгой логичностью сводится к борьбе и взаимодействию двух оснований – права на труд и права труда; иначе говоря, вся эта трансформация представляет чистую или почти чистую внутриобщинную эволюцию обычного крестьянского права. С такой же бесспорностью обнаруживаются экономические и естественные причины этой эволюции: мы видели, что в каждом без исключения пункте своем она движется внутриобщинной борьбой за землю (или иные угодья), вызываемой сокращением ее размеров, – либо относительно вследствие возрастания населения, либо абсолютным благодаря убыли или истощению тех или иных угодий.

Строго говоря, это должно бы быть нам ясно уже даже а priori: ясно, что в заключительном моменте эволюции общинного начала должны действовать те же подробные указанные в конце предыдущей главы причины, которые действовали и в первые фазисы этой эволюции. Остается указать, что очерченный механизм этой эволюции признается единогласно всеми известными мне исследователями и так глазомерно очевиден, что, например, Гр. Елисеев (покойный редактор «Отеч. запис.») еще в 58 г. предсказал совершающийся теперь процесс развития общинно-передельного владения в Сибири¹. Сами крестьяне также почти всегда прямо или косвенно указывают «на утеснение в земле» как на причину первых переделов. Интересен случай, когда они почти приветствуют это «утеснение» из-за приносимого

¹ См. «Современник» за 1858 г., т. 72, с. 160.

им земельного уравнивания; в одной деревне г. Кауфман записал следующий отзыв крестьян по поводу отрезки у них части земли: «богатым, тем обидно, а нам, ровненьким (среднесостоятельным), – так лучше стало: прежде богатые сидели по заимкам, а нам некуда и податься было, а как отобрали землю под российских, так мы на заимки глядеть не стали»¹. Наконец, и статистические сопоставления размеров землевладения общин, начинающих впервые переделы и держащихся семейно-захватного и общинно-отводного владения, отчетливо указывают на ту же зависимость (в конце предыдущей главы уже приведена подобная таблица, нескольких же других подобных цифр не привожу за недостатком места). Но, не имея права сомневаться в том, что именно известная степень сокращения размеров землевладения представляет бесспорную причину первых переделов, мы еще не решаем вопроса: является ли эта причина единственной, то есть необходимой и достаточной, не действует ли она в комбинации с каким-либо другим одинаково или даже еще более важным фактором?

На такой вопрос в особенности наталкивают встречающиеся иногда заявления самих крестьян, что они начинают переделы, «так как земли служат обеспечением государственных податей»... или даже иной раз прямо ссылаются на административные циркуляры, которые принимают за приказ производить переделы и заявляют, что делят именно на основании этого приказа. Не должны ли мы ввиду таких фактов допустить, что, быть может, уже одна действующая ныне податная система в связи с прямым воздействием администрации представляет достаточное, а быть может, и необходимое условие возникновения переделов?

Что касается собственно фискальной системы вообще и круговой поруки в частности, то выше я уже формулировал свой взгляд на важную их роль как наиболее конкретного мотива в общинно-передельном праве на труд. Из того видно, что в этом смысле и в этой степени я вполне признаю фискально-политическую систему одним из условий развития переделов. Но к более точному выяснению этого вопроса, как и вообще вопроса о том, какую роль играл политический и какую экономический фактор в происхождении общинной формы землевладения в России, я обращусь в следующих отделах моей работы, так как эта задача уже выходит из пределов настоящей части моего исследования, посвященной преимущественно лишь эмпирическому изучению современных общинных форм. Поэтому пока мы рассмотрим с некоторой подробностью только более частный и конкретный вопрос о влиянии собственно административного воздействия в последние десятилетия на возникновение и развитие переделов в окраинных местностях.

¹ «Общ. в Сиб.», с. 67.

В последнее время в Сибири это воздействие администрации имело интересный характер. Здесь у крестьян, как уже было указано, прежде всего шла ожесточенная борьба за уравнительный передел податей, а не земли. Долгое время, однако, борьба эта была безуспешна, так как большинство крестьян было уверено, что они вовсе не имеют права «самовольно» изменять установленную при последней ревизии разверстку податей по крайней мере до новой «ревизии». Потребовался по этому предмету специальный указ Сената (от 5 октября 1884 года), согласно которому в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях последовали циркулярные распоряжения губернаторов, разъяснявшие крестьянам их право самостоятельно разверстывать подати на каких угодно основаниях, частью же пояснявшие (для Иркутской, например, губернии) и право при этом переделывать землю соответственно податям.

Во множестве общин циркуляры, объявленные крестьянам через низшую администрацию, были часто не только крестьянами, но иногда и самими чиновниками поняты как «приглашение», «предложение», «предписание», «приказ» переделит подати или землю. После всех этих «разъяснений», «предписаний» и «предложений» по всем упомянутым четырем губерниям прошла сильная волна переделов: именно с 84, 85 и в следующие годы были переверстаны в большинстве сибирских общин платежи с ревизских душ на другие единицы, тогда же совершилось и большинство всех отмеченных исследованием конца 80-х годов переделов земли, не только первых, но и повторных (там, где они уже начались значительно раньше и где теперь перешли от распределения земли и податей по ревизским душам к разверстке на живые, наличные). Спрашивается: не были ли эти переделы прямо и всецело результатом циркуляров? На такое предположение наводят не только отзывы самих крестьян, часто, как сказано, прямо заявлявших в приговорах о переделе, что делят «по предписанию» чиновников по крестьянским делам (в Иркутской губ. и в Ишимском округе Тобольской губ.), но и распределение переделов во времени: например, в 3-х округах Иркутской губ. из 20 бывших здесь «поравнений» только 5 произошли до циркуляров, а 15 – после и т. д.

Уже самые элементарные, однако, априорные соображения устраняют такое предположение. Если первые, самые трудные шаги общины в ее борьбе с лично-захватным владением – разные фазисы ограничения захвата и общинных отводов – были ею пройдены совершенно самопроизвольно, без всяких решительно толчков извне, то почему бы последние могли стать необходимыми в заключительном, гораздо более легком, только, так сказать, резюмирующем и систематизирующем предыдущую эволюцию моменте первых переделов пашни, возникающих притом из предыдущих форм целым рядом таких тонких переходов, что часто их совершенно нельзя отли-

чить от последних¹; если, например, даже поравнения усадеб, то есть гораздо более интенсивного, чем пашня, угодья, возникали часто, если не обыкновенно, не только без всяких циркуляров, но даже до известной степени вопреки законодательной норме (часто, впрочем, бывали и административные поощрения к тому)², то почему бы это было невозможно для пашни? Если затем вся эта чрезвычайно долгая, сложная и трудная эволюция совершенно ни в одном звене своем не представима вне этой внутриобщинной экономии

¹ Для того чтобы вполне ясно и конкретно представить ход этого процесса, требовалось бы привести просто подробную историю землевладения нескольких общин за несколько десятков лет. К сожалению, ни одним исследователем не были представлены такие данные; только г. Щербина привел по Кубанской области такую протоколно-подробную схему для развития владения сенокосами. Помещаю ее здесь, так как и этот отрывок дает довольно яркую картину... «В станице Новодеревянской 20 мая 1878 г. общество постановило “обозначить бороздой” сенокосные места, а самое сенокосение начать с 1 июня; за потрапу сенокосов при этом положено штрафовать по 25 коп. со штуки рогатого скота, по 3 руб. с сотни овец, с иногородних лиц брать по 3 руб. с лошади и по 1 руб. с воза нашенного сена. 28 мая общество установило, чтобы каждый двор помимо своих рабочих рук нанимал не более двух косарей под угрозою штрафа в 10 руб. за каждого лишнего косаря. Того же числа было определено в особом приговоре оштрафовать одного домохозяина, позволившего себе косить два дня, по 5 руб. с мажары сена. 20 мая 77 г. общество, разрешив свободно косить траву в царинах, общий покос назначило с 3 июня, причем до 29 июня положено было нанимать только по два косаря на двор, не считая своих рабочих рук и одного годового или срокового работника, и за нарушение этого определило штраф в 5 руб. за косаря в день. 11 мая 75 г. общество опять назначило срок и постановило штрафовать по 3 руб. в день с лишнего косаря и т. д. «Дабы уравнивать каждого в сенокосении, – говорится в приговоре за 76 г., – начать покос с 7 июня в первые две недели по 2 косаря на двор; кто начнет косить раньше, у того забирается сено в станичное правление для обывательских троек и, кроме того, штрафовать по 5 руб. за каждого косаря в день, а за каждого косаря сверх нормы – 3 руб. штрафа в день. В 77 г. был повторен прошлогодний приговор с буквальной точностью, причем лишь штраф для первого случая понижен до 3-х руб. То же самое было в 78 и 79 гг. В 80 г. первые две недели с назначенного для начала покоса срока полагалось иметь по 2 наемных косаря на двор. В 81 г. постановили то же, что и в 80 г. Наконец, в 82 г. юрт был разделен на паи, то есть переделен уравнительно, и каждый хозяин мог уже косить сено на своем паяе, когда ему вздумалось бы» («Зем. общ. куб. каз.», с. 131, 132). На этом эпизоде из истории одной общины, постепенно в десятилетний период перешедшей от захвата, ограниченного местом, временем и количеством рабочей силы, к переделу, мы как нельзя более осязательно видим, как год за годом все сильнее и гуще всходят и развиваются ростки общинного права, видим несомненное внутреннее самопроизвольное развитие.

Эта же постепенность и правильность накопления мелочей общинной регламентации и сложения их затем в сложную и прочную организацию особенно ярко проявляется в развитии способов качественного уравнивания полос при переделах. «В этой таксации, – говорит г. Осипов в своей работе по Кург. окр. («Мат. Зап. Сиб.», вып. XXI, с. 18), – кристаллизовался опыт и наблюдения над землей всех прошедших поколений, постоянно пополняющийся новыми данными... Постепенно, по мере ознакомления крестьян со своими землями и по мере изменения условий, в которых они находились, расценка этих земель делалась все более и более точной, все более и более исправляла прежние ошибки. Ничто не создает более прочной уверенности в высоком достоинстве крестьянской таксации земель, как изучение этого процесса смены одних способов передела другими; вы ясно видите, почти осязаете народную мысль, работавшую в тишине полей над изобретением лучших форм раздела земель в интересах справедливости, удобства и хозяйственности»...

² Необходимо заметить, что в Сибири и по отношению к усадьбам было косвенное явление администрации в виде требования построения селений по планам, но это слишком уже косвенное влияние, и оно имело результаты опять-таки только там, где и без него тот же результат вынуждался развитием земельной тесноты.

ческой и правовой борьбы за землю под влиянием ее убывания, то можно ли допустить, что для последнего ее фазиса было достаточно одного внезапного внешнего воздействия, как бы игнорирующего и минующего весь этот процесс внутреннего постепенного перерождения?¹ Не ясно ли уже из этих соображений, что административное воздействие могло играть при развитии первых переделов лишь роль повода, но не могло быть само по себе необходимой и достаточной причиной этого явления?

Детальное рассмотрение самого хода процесса уже с полной очевидностью покажет нам это.

Были ли циркуляры достаточной причиной переделов?

Начнем с переделов податей. В большинстве местностей они были переверстаны после разъяснений администрации, но в некоторых общинах оста-

¹ Всего ярче рисуется эта сила и самопроизвольность развития общинно-передельного порядка именно резкостью, ожесточенностью борьбы за первые переделы. Весьма сожалею, что по недостаточности данных (как упомянуто, исследователи до сих пор слишком редко пытались представить подлинную детально-протокольную картину внутриобщинной жизни и борьбы) должен ограничиться в этом случае лишь двумя-тремя штрихами...

В общинах, где идет борьба за первый передел, общий припев малоземельных: «Бедные и богатые одинаково платят, а богатые между тем забирают земли получше»... В д. Песчаной бедные хозяева с запальчивостью кричали: «Нам житья не будет, пока не переделают землю. Богатые захватили все земли. Они говорят нам: «Пашите, где хотите – у нас вольно. А явишься ты – везде-то окажется его земля, его пашня. Они захватили лучшие пашни, огородили их; лучшие покосы – все ихнее»... В д. Новотыришкинском не только маломощные и средние хозяева, но богатые даже выразили сильное желание, чтобы земля поскорее переделена была по душам: богачи полагают, что тогда «меньше греха» было бы... Но «греха» выходит обыкновенно очень много и при совершении самых первых переделов: сравнительно редко совершаются они миролюбиво, а чаще всего сопровождаются ссорами, драками и жалобами по начальству, к каковым (жалобам) особенно склонны, по словам г. Кауфмана, сибирские крестьяне и каковые предусматривают иногда уже в самих приговорах о переделе: «Земляной раздел мы учинили дружелюбно, чтобы нам друг на друга не приходиться» («приходиться» – то есть с жалобами к начальству), «землю разделить между собою по совести, не доводя до сведения начальства»... («Материалы по Тобольской и Томской губ.», статья, в. V, Ишимский округ – Кауфман, с. 197, 198). До каких средств борьбы против передела доходят иногда старозаимочники, показывает такой пример: в селе Усть-Ижоре Петербургского уезда, где до сего еще времени сохранился захват (вследствие дурной почвы), богачи, сопротивлявшиеся переделу, не останавливались даже перед арестом на сходе крестьян, поднимавших вопрос о переделе, как будто бы пьяных...

Наконец, особенно ярко видели мы силу и натиска, и сопротивления в тех довольно частых случаях, когда уже решенный передел, но долго не осуществленный или даже уже осуществленный, снова отменяется. «Раздел по душам даже и после решения общины часто осуществлялся не сразу», – говорит г. Кауфман об Ишимском округе; так, на глазах г. Кауфмана 7 общин, начав раздел, не довели его до конца – две общины заподозрили доверенных передельщиков в злоупотреблениях и стали переделывать сызнова, в третьей помешало сопротивление богатеев, а в четырех не сумели переделить разбросанные беспорядочно угодья. Г. Чудновский также упоминает о случаях отмены уже состоявшихся переделов и о задержке состоявшихся решений вследствие скрытого или явного сопротивления богатеев...

Читатель должен согласиться, что эти неудачные первые переделы (в конце концов все-таки, конечно, совершающиеся), обнаруживающие столь сильное «трение» при первых движениях слагающегося общинно-передельного механизма, с особенной яркостью проявляют нам тем самым силу двигающего им рычага, с особенной очевидностью демонстрируют самопроизвольность, закономерность, неизбежность развития общинно-передельного владения на известной ступени земельной тесноты...

лась по-прежнему ревизская их разверстка. Особенно энергично пропагандировала в 87–88 гг. администрация Енисейской губ. (через полицию и волостных старшин) поимущественную раскладку податей (см. о ней выше). Однако она здесь, по-видимому, не имела большого успеха. Вот что писал корреспондент «Восточного обозрения» в 89 г. (№ 12, «Письмо из Минусинского округа»): «Реформа эта, несмотря на ее обязательность для всех обществ (как видим, корреспондент тоже не знает, что администрация вовсе не имела права к чему бы то ни было обязывать крестьян в этом вопросе) пришлось нашим кулакам не по вкусу. Сходы, обсуждавшие это мероприятие, были очень бурны. Бедняки поняли, что новая система распределения податей облегчит их существование и решили сбросить с себя часть налогов. Но кулаки, благодаря крючкотворному приему, подсказанному им сельскими писарями, поворотили дело так, что те же бедняки опять наложили на себя петлю, постановив приговор об оставлении всей раскладки по-старому. Именно: циркуляр губернско-го совета истолкован так, что миру предоставлено право согласиться или нет на “предложение” совета. В иных деревнях прямо говорилось, что это новый налог на землю и скот. Бедняки поэтому не осмелились противиться таким резонным толкованиям циркуляра, и кулаки опять взяли верх». Итак, мы видим, что если циркуляр приходит в общины, где вся сила во внутриобщинной борьбе еще на стороне противников передела – «старозаимочников», то даже и такая сильная форма административного давления оказывается недостаточной, чтобы вызвать переделы – не земли даже, а лишь податей, несмотря на то что таковой передел и легче совершается, чем передел земли, и ставится крестьянами в большую зависимость от воли начальства.

И действительно, местное исследование, происходившее в Енисейской губ., нашло тут всего 22,9% плательщиков, разложенными поимущественно, так что целых $\frac{3}{4}$ плательщиков были по-прежнему разложены на те или иные категории «душ»; и при этом исследователь нашел, что с течением времени дальше поимущественная раскладка почти не распространяется. Итак, одних настоящих администрации оказалось недостаточно для введения новой системы раскладки, хотя бы она казалась чрезвычайно рациональной, справедливой и выгодной для большинства «ровненьких» и бедных хозяев. Интересно тут отметить, что процент этой раскладки колебался по разным округам от 8,8% до 30,0%; еще замечательнее, что в соседних с Енисейской губ. округах Томской губ. аналогичная пропаганда администрации имела, по наблюдениям г. Кауфмана, гораздо больший успех, а в Иркутской губ. не имела, наоборот, совершенно никакого результата¹. Эти обстоятельства как нельзя осязательнее указывают на то, что семена административной пропаганды укоренились и принесли плод только там, где попали на подготовленную уже почву

¹ «Крест. община в Сибири», с. 110, 111.

(особенно характерно в этом смысле то, что иногда крестьяне, боясь слушаться административных увещаний, вводили поимущественное обложение только для вида, облагая, например, по 1 коп. десятину и т. п.)...

Еще лучше обнаруживается недостаточность административного воздействия самого по себе на переделах земли. В Иркутской губ. на приглашение делить землю отозвалось каких-нибудь 15 общин, притом исключительно Иркутского округа и самых малоземельных. При этом и у этих переделавших общин служебная роль циркуляра ясна не только из априорного предположения, что в них передел вынуждался малоземельем (см. конец предыдущей главы), но и прямо указывается самими крестьянами: здесь шла борьба за передел уже до циркуляра, и передел не совершался только потому, что крестьяне думали, что не имеют на то права. Точно так же в Туринском окр. Тобольской губ. в шести северо-западных волостях после циркуляров чиновников переделали (уже повторно, а не в первый раз) почти все общины, а в трех юго-восточных не переделала ни одна, и это объясняется большей теснотой и ценностью земли, во-первых, и многоземельем и приблизительным равенством арендных цен с платежами, во-вторых. Наконец, в Ишимском окр., где чиновники по крестьянским делам, местами по недоразумению, прямо приказывали переделывать землю (хотя и не имели на то законного права), в большинстве общин сравнительно малоземельных переделы (тоже уже не первые, а повторные) прошли сейчас же после циркуляров быстро и легко; в других же с большим трудом и только через несколько лет после повторных предписаний чиновника, да и то часто тут приговоры остались только на бумаге, а передела никакого не было, а были и такие случаи, что попробовали делить, но сейчас возвратились к старому порядку (захватному); наконец, в многоземельной Сладковской волости (где сохранилось захватное владение) передел и вовсе не осуществился, так как «все настояния чиновника разбились об упорное сопротивление богатой части населения»...¹ И т. д.

Полагаю, из сказанного с бесспорностью явствует, что раз влияние администрации, применяясь даже в самой сильной степени, часто либо не вызывало переделов вовсе, либо достигало лишь формальной имитации их, то оно не было достаточной причиной переделов в Сибири. И так как этот отрицатель-

¹ «Мат. Зап. Сиб.», в. XIII, с. 29 и в. V, с. 940–142 и «Крестьянская община в Сиб.», с. 68–69. Точно так же для Забайкальской области г. Кроль как нельзя более осязательно доказывает, что «... там, где потребности в уравнительном пользовании еще нет, циркуляры очень редко приводят к действительным поравнениям. Чаще всего "во исполнение предписания начальства" производится какое-нибудь фиктивное поравнение в виде отрезки в пользу особенно беспокойных от имеющих чересчур большие участки. Само собой разумеется, что такие поравнения очень мало меняют положение безземельных. Настоящие же переделы или поравнения наступают лишь тогда, когда в поравнении земельных угодий заинтересовано значительное большинство членов общины, которые при разделах земли ревниво следят, чтобы все малоземельные были удовлетворены "по справедливости"»... «Материалы комиссии для исслед. землевл. в Забайк. обл.», в. 10, с. 178.

ный результат получался именно тогда, когда переделы прямо не вызывались развитием земельной тесноты, то, значит, этот последний фактор являлся именно условием *sine qua non*, являлся необходимой причиной переделов.

Представляло ли административное влияние необходимую причину переделов, то есть действительно ли, раз не было его, то не могло быть и переделов?

Выше мы уже могли, на примере хотя бы Иркутской губ., заметить, что это не так: здесь всюду началась борьба за переделы до циркуляров, и в 5 общинах уже самые переделы состоялись без всяких циркуляров исключительно по причине земельного «утеснения». То же отмечено и повсюду. Например, поимущественная раскладка, столь горячо пропагандированная в Енисейской губ., не есть изобретение администрации: она совершенно самопроизвольно еще до циркуляров появилась отдельными случаями в губерниях Томской и Иркутской, а в Тобольской так даже широко уже распространилась. Вспомним затем, что выше речь шла о развитии переделов пашни, переделы же покосов развились в Сибири уже давным-давно, постепенно и совершенно без всякого воздействия администрации, под одним лишь влиянием утеснения в покосах. Вспомним, наконец, что все это воздействие администрации было, собственно, отраженным результатом внутриобщинной правовой и экономической борьбы: ведь именно из-за нее и вызванных ею споров и недоразумений и последовал вышеупомянутый указ Сената губернаторам...

Итак, с не меньшей, чем раньше, очевидностью мы видим, что административные влияния не представляются также и необходимой причиной переделов, что переделы могут быть и без них, раз есть основной их фактор – развитие земельной тесноты. Выходит, значит, что этот фактор есть не только необходимая, но и сама по себе достаточная причина переделов¹.

¹ Необходимо заметить, что такой вывод получается отнюдь не для одной только Сибири, но и для всех вообще местностей, переживающих ныне или недавно переживавших фазис первых переделов, и где тоже были административные поощрения к ним (если только, конечно, о последних имеются по этому вопросу мало-мальски обстоятельные сведения). Так, напр., относительно первых переделов в Кубанской обл. г. Щербина утверждает, что «сложившиеся в черноморских общинах земельные порядки составляют продукт преимущественно народной мысли» и «мнение о том, будто бы дележи были результатом циркулярных распоряжений бывшего начальника области П.Н. Кармалина, не выдерживает ни малейшей критики»... «Правда, как голос начальника области, он по одному уже этому должен был предпочитаться всем другим голосам, но общества вольны были принять рекомендуемые способы дележей, вольны и не принять, тем более что в циркулярах не были и тени намека на какие-либо понуждения. Так, совершенно свободно общества и отнеслись к этим циркулярам. Как мы видели выше, общество, напр., стан. Брюховецкой не послушалось циркуляра начальника области в 79 г. и послушалось автора газетной статьи в 81 г. Там, где не назрели еще потребности в дележе земли, как это было в стан. Переяславской, Тимошевской и др., общества в своих приговорах отвечали отрицательно на циркуляры начальника области. В то же время они присматривались к практике других станиц, *посылали даже с этой целью выборных лиц* (мой курсив), вырабатывали свои собственные порядки, как в ст. Дядьковской, Камышевской и др., короче, творили земельные порядки таким образом, как подсказывали им это их общественный разум, понимание окружающей среды и господствующие потребности» («Земск. Общество кубанск. каз.», с. 107–108).

Таким образом, приходится, значит, признать за административным влиянием лишь ту роль, которая выражается в понятии «повода». Под поводом нужно понимать в историческом процессе такие явления, которые лишь вызывают в действие накопившуюся уже совершенно независимо от них энергию, бывшую до того в потенциальном состоянии, из коего она могла бы быть, однако, выведена и другими условиями и даже после известной степени накопления могла бы перейти в действие и сама, без всякого внешнего воздействия. Именно таким поводом и нужно признать административные циркуляры, приглашавшие крестьян к переделам: они лишь усилили энергию хозяев, и без того добившихся передела, и умерили сопротивление переделу со стороны тех, кому он невыгоден. Но то же положение, такое же усиление партии за передел и ослабление партии против него могло бы явиться и действительно является в результате и других каких-нибудь обстоятельств, в результате, например, приема в общество переселенцев (что и наблюдается очень часто), могло бы получиться и получается и просто на известной ступени развития земельной тесноты, вследствие одного лишь естественного прироста населения¹.

Итак, сгущение населения необходимо и оно уже достаточно, чтобы крестьянское землевладение из неограниченного семейно-захватного

¹ Должен еще указать, что все компетентнейшие сибирские исследователи, как г. Кауфман, Личков и др., держатся в общем приблизительно такого же воззрения; его же держатся даже и сами крестьяне... Привожу для образца особенно меткие замечания г. Осипова о ходе переделов в исследованном им Курганском округе Тобол. губ. (где, впрочем, повторяю, переделы были уже раньше при ревизиях и вопрос шел лишь о «самовольном», как выражались крестьяне, их возобновлении)... «Самые первые и самые главные причины переделов, – говорит г. Осипов, – почти во всех обществах Курганск. окр. формулировались фразами: “некому стало служить; сделалось так, что все на службе (у некоторых семей) – пахать земли некому; у малолетов свои малолеты пошли – питаться стало нечем”... Но прежде, чем отлилась в сознании крестьян эта краткая и ясная формула, прошло много времени, и во многих случаях нужны были или внешние толчки, или безусловная невыносимость положения для обеих сторон, чтобы решено было приступить к земельным переделам. С течением времени потребность в перемене положения сделалась столь настойчивой, что состояние всего крестьянского населения можно уподобить известному физическому явлению: *в спокойном состоянии жидкость может дойти до 20°R и все-таки не замерзнуть*, но достаточно малейшего толчка, чтобы *вода мгновенно превратилась в лед* (курсив мой). Причина, которая удерживала крестьян от передела на наличные души, заключалась в ожидании государств. переписи и в мнении, что без нее они не имеют права делить. И когда эта причина была устранена (с введением чиновников по крест. делам, которые разъярили крестьянам их права), все население мгновенно заволновалось и очень быстро перешло к такому порядку, который был диаметрально противоположен: нужда, назревшая в течение 30 лет, была разрешена всего в 1–3 года»... (см. «Мат. Зап. Сиб.», в. XXI, с. 93–94). Буквально так же формулирует значение для переделов административного воздействия и г. Кроль относительно Забайкальской обл., одинаково как для крестьян, так и для инородцев. Частью они остались безрезультатными, там же, где после них были переделы, они только «являются последним толчком к осуществлению давно назревшей потребности в поравнении, и тогда, сыграв скромную роль этого толчка, начальственное предписание перестает иметь какое бы то ни было значение: жизнь общины продолжает идти своим путем, поравнения или переделы повторяются по мере надобности, регулируемые согласно выработанным общиной на этот счет обычно-правовым воззрениям» («Матер. комиссии для иссл. землев. и землеп. в Заб. обл.», в. 10, с. 178).

трансформировалось, через ограниченно-захватное и общинно-отводное, в общинно-передельное. Но один естественный прирост населения ведет к этому результату медленно, в течение многих и многих десятилетий. Огромное ускорение вносит в этот процесс переселенческий поток, частью сгущающий население в самих сибирских общинах (когда «новоселы» приписываются в «старожильские» селения), частью все теснее суживающий их территорию межеванием, отрезывающим надель «российским». И вот уже сами крестьяне на всем пространстве Сибири все яснее и яснее начинают сознавать неизбежность перехода к общинно-передельному владению в более или менее близком будущем. Это замечалось даже в Иркутской губ., когда туда еще не докатилась переселенческая волна и ничто не угрожало особенно быстрым сокращением земельного простора. На Алтае же, куда в 80-х годах вливался основной поток переселенческого движения и где во многих местностях уже теперь стало «тесно», а также в Минусинском, например, округе, вселение в которых развивается все быстрее и быстрее, и даже в остальных многоземельных округах Томской губ., где у старожилов тоже уже отрезывают для переселенцев все новые и новые участки (особенно по линии Сибирской железной дороги), – всюду в этих все быстрее и быстрее наполняемых толпами «российцев» местностях все наблюдатели отмечают совершенно отчетливое сознание самими крестьянами неизбежности переделов в ближайшем же будущем. Г-н Чудновский объехал на Алтае, например, до ста селений, исследуя формы землевладения, и лишь в двух селениях встретил решительное нерасположение к переделу, да и то эти селения принадлежат к самым многоземельным (и притом населены беспоповцами, быт которых – патриархальный, между которыми особенно развито единение и взаимопомощь, отчасти сглаживающие и предупреждающие имущественную неравномерность и антагонизм общинных партий)...

Таким образом, перед нами вырисовывается огромная картина заключительного акта колонизационной истории России и параллельного процесса складывания общинно-передельной формы землевладения. Перед нами во всей Сибири – в Приамурье, Забайкалье, в губерниях Иркутской, Енисейской, Томской и частью Тобольской, в среднеазиатских областях – Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, в пограничных с ними Тургайской обл., губерниях Оренбургской и Уфимской, на землях казачьих войск Уральского, Кубанского, Донского (в последней только, впрочем, отчасти), частью в губерниях северных и северо-восточных, а в отдельных случаях и в некоторых других – во всем этом огромном районе лежит, так сказать, община будущего и, несомненно, самого ближайшего притом будущего.

Таким образом, для всего этого района и всего его населения мы должны видоизменить наш вопрос: сохранится ли община? – в вопрос: разовьют-

ся ли община? – и должны ответить на него утвердительно: должны сказать, что пока тут будут действовать те условия, которые действовали до сих пор, до тех пор и община будет здесь развиваться¹.

¹ Хотя этот вывод граничит с очевидностью, однако на всякий случай считаю нелишним сделать еще несколько пояснительных замечаний. Я боюсь, именно, что при современном ультраскептическом отношении к общине эта грандиозная картина «общины будущего» на всей огромной земледельческой территории «страны будущего» поразит иных читателей своей неожиданностью, и они спросят меня: да неужели действительно повсюду тут община только складывается? Неужели нет таких случаев, чтобы она разлагалась, не успевши сложиться? и нет ли вероятия, что такие случаи будут учащаться и станут общим правилом? На такие возможные сомнения считаю обязанностью отметить, что во всех окраинных местностях существует, насколько знаю, лишь один район, где сразу непосредственно (без предварительного семейно-захватного фазиса) возникает индивидуальное землевладение: это Уссурийский край, где правительство отводило земли переселенцам (преимущественно более зажиточным семьям из малороссийских губерний) именно в личное, а не общинное владение. Помимо же этих случаев извне, законодательно установленной личной собственности, я встретил только два-три факта самопроизвольного отклонения обычного общинного права после семейно-захватного фазиса к индивидуалистическому порядку, да и эти факты при ближайшем рассмотрении говорят скорее в пользу нашего вывода. А именно, в Алтайском горном округе д. Черга (цитирую по статье г. Чудновского «Алт. зем. общ.» // «Сев. в.» 88 г., 10 кн.) произвела первый передел пашни «навечно» и тем как бы отказалась на будущее время от общинно-передельного владения; однако, с одной стороны, мы не видим здесь еще несомненного разложения общины, ибо передел «навечно», как будет доказано в последней главе, еще далеко не означает не только действительного перехода к подворному владению, но даже и прекращения переделов, что в данном случае и подтверждается оставлением общиной особого запасного участка для подрастающих членов; с другой же стороны, этот передел «навечно» произведен, по словам крестьян, вследствие малоземелья: значит и этот исключительный случай как бы регрессивного движения общины как раз произошел при отсутствии основного условия окраинных местностей – многоземелья и, значит, является именно исключением, подтверждающим правило. Совершенно такой же характер имеет и второй факт этого рода: одна бурятская община Забайк. обл. постановила при переделе «порядок этот оставить навсегда» и, однако, при этом предусмотрела в будущем переход захватных расчисток в распоряжение общества (см. «Матер. Забайк. обл.», в. 10, с. 199) и т. д.

Если мы от материалов местных исследований обратимся к мнениям и выводам самих исследователей, то и тут я тоже нашел лишь одно исключение и притом тоже только подтверждающее общее правило: всем без исключения выше цитированным (и многим другим, не цитированным) высоко компетентным исследователям даже и в голову не приходило предположение о возможности для окраинной многоземельной общины, так сказать, отцвести, не успевши расцвести, и нашелся только один автор, высказавший такую гипотезу, но обосновал он ее до того слабо, что я не считаю даже возможным тратить место на детальное ее опровержение. Ограничусь несколькими самыми общими замечаниями (умолчать совсем не решаюсь из страха перед теми же ультраскептическими читателями).

Упомянутый автор, г. Граудин, в статье о формах крестьянского землевладения в Оханском у. Пермск. губ. (см. «Мат. по оц. зем. Пермск. г.», т. I, изд. 98 г.) строит всю свою схему последних исключительно на личном праве затраченного труда, совершенно игнорируя само существование того обычного общинного права, которое я обрисовал под именем права на труд; таким образом, он видит в трансформации крестьянского землевладения только усиление прав труда по мере интенсификации земледелия и как бы совершенно не замечает идущего всегда рядом усиления общинного права на труд по мере сокращения размеров землевладения. Отсюда уже понятно, до каких несообразностей может довести такая «точка зрения». И действительно, по мнению г. Граудина, «вся сложная цепь эволюционной дифференциации общины принимает вид следующей схемы: община – волость, община – общество (сельское из нескольких деревень), община – деревня, община – семья» (см. «Мат.», с. 93, курсив мой). Читатель, надеюсь, после всего вышесказанного сразу замечает, что эта щегольски симметричная схема изображает процесс буквально наыворот:

В частности, переселенческий поток, развившийся за последние 20 лет с 15 до 150 и затем до 250–300 тысяч душ в год, несомненно, еще некоторое время будет развиваться все шире, оседать все гуще; и благодаря ему

мы уже знаем, что при процессе развития границ, изображенном в этой схеме (не имеющей, кстати сказать, и интереса новизны, т. к. она почти буквально повторяет вышеприведенную схему покойного Петропавловского), происходит параллельно развитие общинного и сокращение личного права, и дело не личной собственностью, как это, очевидно, хочет выразить г. Грауздин своей «общинной-семьей», а, наоборот, максимумом общинного права, уравнильно-передельным владением...

Само собой разумеется, что г. Грауздин просто выдумал свою схему, а *rigori* вывел ее из права труда, поэтому фактическое положение дела и в Оханск. у. как раз обратное, что обнаруживается даже из тенденциозного изложения самого г. Грауздина (впрочем, к счастью, по части Оханск. у. издано раньше еще другое исследование г. Е.И. Красноперова, в котором поволостные описания общинных порядков достаточно ясно восстанавливают истинную картину форм и трансформации Оханской общины). Г. Грауздин силится, в соответствии со своей схемой, изобразить дело так, будто сначала тут происходили общие переделы по целым сельским обществам, потом они сменились частными переделами, отдельными для каждой из составляющих общество деревни, обособившейся в отдельную земельную общину; затем эти частные «поравнения», охватывающие все-таки всех или значительную часть хозяев деревни, сменяются «перекладками душ», касающимися только отдельных семей; и, наконец, эти перекладки из акта общинного и принудительного превращаются в различные сделки «по согласию» отдельных хозяев. Приходится констатировать, что ни одно звено этой цепи не существует в действительности. Во-первых, отправная точка процесса – не общие переделы, а *захватный* порядок, часто еще сохранившийся в Оханск. у., а по сравнению с ним всякие переделы представляют огромный процесс общинного права. Во-вторых, замена крупных сельскообщественных переделов частными деревенскими представляет не регресс, а процесс общинного права, потому что первые были вызваны извне государственное межселевание и представляют, собственно, не общинный передел, а именно межобщинное разграничение; это и проявляется в том, что деревенские поравнения уравнильнее и разработаннее сельскообщественных переделов: первые производились часто по ревизским душам, а вторые «всегда производятся по наличным душам»; затем сам г. Грауздин указывает, что «при уравниении *величина* надела более тонко приспособливается к семейному составу домохозяйства, чем это возможно при переделе», а затем «при уравниении возможна более тонкая оценка – с *качественной* стороны отводимого на долю каждого домохозяйина надела» (с. 107) и т. д. В-третьих, никакой замены деревенских «поравнений» «перекладкой душ» в действительности вовсе нет; тут г. Грауздин просто очень курьезно играет словами, говоря, что в мелких общинах уже наблюдается вместо уравнений перекладки и, по-видимому, не замечая, что тут и всегда могли быть только перекладки или, если угодно, только поравнения, т. к. в общине из 5–10 дворов перекладка и будет именно поравнением. В-четвертых, смена перекладок, принудительно производимых общиной, перекладками «по согласию» не представляет вовсе упадка общинного права, а объясняется обстоятельностью внешним и временным: равновесием между доходностью надела и лежащими на нем платежами, при котором одни хозяева (слабые) добровольно отказываются от наделов, а другие (сильные) добровольно их берут (это, конечно, указывается и самим г. Грауздиным); об этом любопытном моменте и освещении его г. Грауздиным я скажу еще подробнее в 6-й главе, пока же поясню, что он бывает и может быть (как это ясно из самого существа его) только преходящим и притом обыкновенно скоропреходящим (не знаю, известно ли это г. Грауздину): как раньше, при превышении доходности надела платежами, общины принудительно «*наваливали*» наделы, так затем, когда доходность возрастет и платежи понизятся настолько, что первая значительно превысит вторые (а это – процесс всеобщий в России в последние десятилетия), то сейчас же опять может начаться и в массе местностей действительно уже началась принудительно-общинная уже «*свалка*» наделов... Таким образом, от всей сложной цепи «эволюционной дифференциации общины» г. Грауздина не остается решительно ни одного звена – вся она при первом же прикосновении к фактам разлетается бесследно «яко дым»... Приходится с грустью отметить, что раньше такого сорта работ, кажется, не встречалось в земской статистике.

все быстрее будут в Сибири стираться изолированные и беспорядочно разбросанные островки семейных заимок, и мало-помалу вся ее огромная земледельческая территория разобьется на правильные общинные поля, затянется сплошной сетью общинно-уровнительных душ.

ГЛАВА V

В предыдущих главах мы проследили на многоземельных окраинах, преимущественно на Азиатской России, все основные фазы развития общины и обрисовали уже высший момент в этом развитии: сложение общинно-передельной формы. Теперь мы перейдем в Европейскую Россию, где находится огромное большинство общинного населения (хотя и меньшая доля общинной территории). Здесь, при сравнительном малоземельи (в очень различных, впрочем, его степенях), мы найдем преимущественно последующие фазы трансформации общины: во-первых, момент ее апогея, во-вторых, формы, представляющие особое уклонение от общинно-передельного типа, и, в-третьих, период ее упадка и разложения. Процессы и причинности этого передельного и послепередельного периода общины гораздо многочисленнее, разнообразнее и сложнее (а также и материалов о них гораздо больше), чем в прослеженной выше допередельной ее эволюции, и обязательно требуют поэтому точного статистического исследования; этому исследованию и будут всецело посвящены II и III части моей работы. Здесь же я буду касаться динамической стороны, то есть трансформации общины лишь постольку, поскольку, во-первых, таковая с бесспорностью может быть установлена глазомерно и, поскольку это, во-вторых, обязательно для понимания самой статики, самых форм и типов общины. Кроме того, я буду говорить преимущественно или даже исключительно о владении пашней, так как эволюция владения другими угодьями уже освещена выше настолько, что легко представится читателю сама собой из каждого типа и фазиса пашневладения. Все это позволит мне повести последующее изложение несколько более беглым темпом, чем предыдущее.

§ 1

В предшествующих главах намечены уже все основные признаки общинно-передельного владения, так что мы можем теперь сделать полное и точное его определение. При нем в каждый данный момент каждый член общины (то есть каждая ведущая отдельное хозяйство семья) имеет равное право на общинную землю, и в результате основанной на этом праве борьбы за землю она постоянно равномерно между ними перерас-

пределяется. Если читатель сопоставит с этой формулой сделанное нами в I главе определение общинного землевладения вообще, то он заметит, что первая представляет только более конкретное выражение второго. И действительно, строго говоря, только в общинно-передельном владении есть все признаки общинного владения, так что когда мы говорим о «русской общине», то, собственно, всегда подразумеваем уравнительно-передельное владение. Ибо если бы постоянно возникающая неравномерность в участках отдельных семей (вызываемая всегда движением населения и изменением величины семей при неизменности общинной территории, а иногда и изменением размеров последней) не уничтожалась периодическими уравнительными перераспределениями, то не осуществлялось бы равное право каждой семьи в каждый данный момент, а наследственно переходило бы раз навсегда установившееся право лишь некоторых данных семей – родоначальников; это же было бы уже общим (долевым) и необщинным владением. А если бы, с другой стороны, это развитие неравномерности было в корне сделано невозможным заменой дележа земли общей обработкой общинных угодий и дележом продуктов (такие формы пока фактически очень редко наблюдаются), то это уже было бы не общинным владением, а общинным производством. Таким образом, в этой главе, посвященной общинно-передельному владению, мы познакомимся с основным ядром русской крестьянской общины, с центральным и, так сказать, апогейным ее моментом, когда она уже вполне сложилась и еще не разлагается и не переходит в высшую форму обобществления.

Но необходимо еще раз подчеркнуть, что такой характер имеют далеко не все непременно общины с уравнительными переделами, а лишь те из них, где последние являются результатом внутриобщинной борьбы за землю. Ибо имеется значительное число общин, где благодаря низкой доходности земли (часто в соединении с трудностью ее обработки) и относительно высоким платежам крестьяне своей надельной землей не дорожат (или не дорожили), а предпочитают ей аренду или промыслы и где поэтому каждый хозяин (или большинство их) борется против наделения землей. В таких случаях общинно-передельная функция является чисто механической, извне вынужденной, и понятно, что такой тип общины мы не имеем права относить к апогейному общинному моменту, а должны выделить его как совершенно особую категорию, как своеобразное отклонение от чистой и действительной общинно-передельной формы. Этой особой категорией, называемой мною общинно-выкупным владением, будет посвящена вся шестая глава.

Итак, обращаясь теперь к чистому общинно-передельному владению, мы должны прежде всего определить с полной точностью само понятие «пере-

дела» как основной функции общины. Первое и самое важное тут замечание – это о двойственном характере, который может иметь уравнительный передел: он может иметь целью, во-первых, количественное и, во-вторых, качественное уравнение участков отдельных семей. Во всем последующем изложении я буду исключительно говорить о количественных переделах, то есть о таких, где хотя почти всегда в большей или меньшей мере участки уравниваются и по качеству, но основной целью и непременным условием является изменение размера долей в общинной земле всех или части хозяев. О чисто же качественных переделах, при которых доля каждого остается неизменной, а только все или часть хозяев меняются (по назначению или по жребию) участками с целью уравновесить их по ценности (по качествам почвы, расположению, расстоянию от усадьбы и т. д., и т. д.), я буду подробно говорить во II томе (поскольку в этих разнообразных и сложных распорядках проявляется сила или слабость общинного принципа) и в III томе (со стороны преимущественно их сельскохозяйственного значения). Я настойчиво указываю читателю на это различие, во-первых, потому, что оно имеет огромную важность, ибо, очевидно, только количественные переделы составляют основную и необходимую функцию общины, качественные же могут быть, и обыкновенно и бывают, и при общем владении; во-вторых же, потому что удивительным образом это различие далеко не вполне вошло в терминологию, употреблявшуюся до сих пор, как всеми вообще исследователями общины, так в частности и земскими статистиками. Понятно, как затрудняется исследование таким положением; я, например, по личному опыту знаю, что по многим уездам для целых основных групп (преимущественно для общин бывших помещичьих крестьян) невозможны никакие мало-мальски точные статистические сопоставления исключительно благодаря невозможности понять, означают ли употребленные составителями термины – качественные или количественные переделы¹...

¹ «В Программе для собирания сведений о сельской поземельной общине», выработанной Вольно-Экономическим обществом и принятой Географическим (я говорю о втором исправленном и дополненном издании ее 79 г.), сводившей во всем основном предыдущие программы и, по-видимому, давшей терминологию большинству земско-статистических исследований, виды переделов классифицированы поразительно поверхностно и неясно.

«Следует резко отличать три главных вида переделов:

1) Коренной передел, при котором крестьяне изменяют число всех полос, на которые делится общинная земля, а, следовательно, и ширину всех полос...

2) В другом случае не изменяется общее число полос, а дело ограничивается лишь тем, что крестьяне обмениваются полосами между собой, “кому возле кого становиться”. Так как это происходит большей частью посредством жребия, то подобный передел обыкновенно называют жеребьевкой...

3) Наконец, бывает еще третий случай, когда общее число полос не изменяется, как и во втором случае, но когда не происходит простой жеребьевки, а совершается новая переверстка числа полос между некоторыми хозяевами, т. е. одним дворам прибавляется число полос, у других же дворов число полос убавляется.

Вслед за этим основным различием переделов по их цели необходима классификация по их кругу, объему (как указано в примечании, общепринятая терминология и в этом отношении крайне неудовлетворительна). Ясно, что могут встречаться и действительно встречаются два основных вида переделов: общие, то есть охватывающие всех хозяев и всю площадь данного угодья, и частные, касающиеся лишь части хозяев и земельных угодий. Установить границу между общими и частными переделами труднее, чем между количественными и качественными переделами. Трудно, например, сказать, куда последовательнее отнести такие переделы, когда из нескольких отдельных полей данного угодья – положим, пашни, – в каждом из которых хозяин имеет свою долю, переделываются только одно поле или несколько, а не все (я лично отношу такие случаи все-таки к общим переделам, так как считаю более логичным принимать основным признаком последних – участие в них всех хозяев, а не всей земли). Затем, частные переделы представляют целую длинную гамму разновидностей от таких, в которых участвуют почти все хозяева и которые практически равносильны общим переделам, – таковы,

Для избежания путаницы желательно было бы, чтобы при упоминании указанных трех случаев употреблялись выражения: коренной передел – для первого случая, жеребьевка – для второго и переверстка – для третьего случая».

Как видим, относительно «коренного передела» и «жеребьевки» абсолютно невозможно понять, означают ли они качественный или количественный передел; даже и о «переверстке» этого нельзя понять, так как убавка и прибавка «числа полос» еще вовсе не означают уменьшения или увеличения общих размеров надела.

И вот эти-то удивительно смутные понятия и положительно само по себе ничего не выражающие крестьянские термины и усвоены в нашей литературе до такой степени прочно, что в ней можно встретить упоминания о «коренных переделах» не только в России, но даже, напр., у Лангобардов VIII века и т. п. Понятно, какая отсюда пошла смутность и путаница.

Хотя конкретные работы по общине в разных местностях и внесли мало-помалу некоторый смысл и определенность в эти бессмысленные или многосмысленные термины, «коренной передел» стал означать количественный передел; жеребьевка – качественный и переверстка – частный количественный передел, но отступления и перетолкования основного употребления этих слов так многочисленны, что я даже не могу поручиться за то, что указанное сейчас употребление – действительно наиболее частое. Так, напр., хотя значительное большинство исследователей употребляют слово «коренной» в смысле количественный передел, но некоторые соединяют с этим непременно и понятие об общем переделе, другие же различают «общие» и «частные» «коренные переделы»; с другой стороны, г. Коршунов, напр., в статье об общине Казанской губ. говорит, что «ввидом коренного передела является так называемая жеребьевка» («Свод. сб. по Каз. губ.», с. 352); затем, под «переверстками» многие (в том числе и г. В. В., см., напр., с. 404 его книги) понимают чисто качественные переделы, к чему и вынуждает заведомо для самих авторов термина неправильное называние жеребьевкой каждого качественного передела. (Читатель видел, что они сами указывают, что жребий бросается при «обмене полос» только большей частью, а не всегда.) Если же держаться строго этой терминологии Вольно-Экономического общества, то пришлось бы качественные переделы без жеребьевки называть в отличие от таковых же с жеребьевкой «жеребьевками без жеребьевок»... Такие результаты получаются благодаря тому, что три крестьянских слова, имеющих каждое или неопределенный смысл, или даже несколько смыслов, употребляются вместо четырех элементарно ясных понятий: количественный и качественный, общий и частный – понятий, вполне определяющих со стороны объема и цели все существующие и все мыслимые виды переделов...

кажется, в большинстве случаев переделы, называемые крестьянами «уравнения», «поравнения» (Сибирь, Пермск. губ. и т. д.), «поровенок» (Тобольская губ.), «поровенка» (Петербургская губ.) и т. д., вообще от корня «рав», – и кончая касающимися лишь единичных хозяев – так называемые у крестьян «перекладка душ», «переводка душ», «свалка-навалка душ» и т. п.

Третий важный вопрос общинно-передельной функции касается времени переделов: они могут происходить случайно без всякой правильности, или неопределенно приурочиваться к каким-либо периодически изменяющимся условиям, или, наконец, происходить в точно определенные и заранее назначенные сроки; в последнем случае сроки эти варьируются в очень широких пределах – от 1 года до 20–30 лет и даже «навечно».

Наконец, самой сутью, самой, так сказать, душой собственно количественных переделов является принцип их, то есть тот критерий, по которому производится уравнительное распределение земли между отдельными хозяевами. Ясно, что эти принципы и критерии могут быть весьма разнообразны и что именно ими, в связи, конечно, с двумя другими только что указанными условиями, определяется степень и характер того земельного уравнения, которое служит целью количественных переделов. Поэтому на этих системах разверстки общинной земли я и строю все нижеследующее описание и классификацию общинно-передельных форм. К ним после этих кратких общих замечаний мы и перейдем теперь.

§ 2

Едва ли я ошибусь, если скажу, что в современной русской общине мы можем найти все основные виды и более того – все главнейшие разновидности всевозможных систем уравнения земли, какие только вообще логически представимы. Постараюсь показать это на фактах и сообразно с этим начну с форм, логически наиболее элементарных: мы увидим, что именно эти формы и наблюдаются очень часто именно в первый, тоже, так сказать, элементарный период общинно-передельного владения.

Если мы возьмем за единственную основную посылку для уравнительного распределения земли равное право на землю каждого хозяина, то должны будем вывести из этого, что каждый хозяин должен быть наделен равным количеством земли (одинакового, конечно, притом качества). Таковую разверстку поровну на двор мы и находим в отдельных случаях во всевозможных местностях России и в приложении ко всякого рода угодьям. При уравнивании усадеб, где только оно практикуется, наделение поровну на двор является даже общим правилом. Лес также довольно часто наделяется поровну на каждого хозяина. По отношению к сенокосам и пашне эта развер-

стка встречается только отдельными, сравнительно очень редкими случаями, но все-таки во многих и самых различных местностях; так, я нашел ее (в настоящем или в недалеком прошлом) в Сибири, в Кубанской обл., в Уфимской губ., в Семеновском у. Нижегородской губ., в Камышинском у. Саратовской губ., в Бахмутском и Ростовском-на-Дону уу. Екатеринославской губ., Золотоношском, Прилукском, Переяславском и Кобелякском уу. Полтавской губ., в Карачевском у. Орловской губ., Симферопольском и Феодосийском уу. Таврической губ. и некоторых других.

Но возникает, конечно, вопрос: действительно ли из равного права на землю вытекает наделение равным количеством земли? Ведь равное право на землю, поскольку оно основано на крестьянско-обычном праве на труд, несомненно, означает не объективное, а субъективное равенство, то есть не равное для каждого количество земли, а равную степень удовлетворения нужд или соответствия рабочим силам каждой семьи, означает, коротко говоря, не равное, а равномерное наделение семей. Поэтому при всегдашней и повсюдной неодинаковости потребительного и рабочего состава семей наделение поровну на двор является неравномерным, и для равномерного наделения требуется разверстка именно не поровну на двор, а в разных пропорциях на разные дворы. Чем же, спрашивается, объясняется и оправдывается появление разверстки поровну на двор?

Прежде всего, в ряде отдельных случаев она является простой случайностью: в иных очень маленьких общинах (из 2, 4–7 и т. п. дворов) иногда случается, что семьи почти одинаковы, и вот они, вместо того чтобы скрупулезно разбивать землю на полосы, мельчить их, возиться и т. д., разбивают землю сразу по дворам (так, например, чаще всего объясняется разверстка по дворам в Тверской губ., где, впрочем, иногда она не поддается этому объяснению; такие же случаи встречаются, по-видимому, и в Подольском у. Московской губ. и некоторых других). Затем уравнение усадеб поровну на двор объясняется именно тем, что к этому угодию все наше рассуждение неприложимо: как бы ни были велики различия в размерах и рабочей силе отдельных семей, потребность их в усадебном месте почти или совершенно одинакова, поэтому в этом случае наделение поровну на двор является именно наиболее равномерным. То же самое нужно сказать и о переделах леса: тут крестьяне часто рассуждают так, что потребность в топке у всех почти одинакова, поэтому и делят деревья и дрова «по печам», то есть «по хатам»¹.

Наконец, иногда распределение поровну на двор отдельных участков пашни мотивируется отбыванием натуральных повинностей именно поров-

¹ См., напр., Сб. стат. св. по Семеновскому уезду, с. 126, по Переяславскому, с. 42–43, Кобелякскому у. – 37 с. и т. д. Тот же порядок в Валковском и Богодуховском уу. Харьковской губ. (о них см. «Матер. по взим. оклад. сборов по данным податн. инсп.», в. II, с. 2) и т. д.

ну каждым двором; это равное выполнение части податных обязанностей и компенсируется равным же распределением также части пахотной земли¹.

Но разверстка поровну на двор пашни и покосов обыкновенно имеет место вовсе не потому, что совпадает с наиболее равномерным при данных случайных или постоянных условиях распределением, а, наоборот, именно представляет самую первую, грубую и несовершенную форму этого уравнивания, представляет первый шаг общины в переходе от неравномерно-захватного к уравнительно-передельному порядку. Выше я уже приводил примеры нарезок из отдельных более ценных участков пашни поровну на двор у кубанских казаков. Подобные этому случаи я встретил и в Уфимском уезде: в районе, где еще господствует захватное владение, в Савинском починке «в 94 году лес разделен по 1 десят. на двор для расчистки»...² В Уфимском уезде отмечены переделы поровну на двор еще в 6 общинах и в Белебеевском уезде в двух общинах³.

Это же наделение поровну на двор представляло первые шаги передельного порядка и почти во всех других вышеуказанных его случаях. Так, например, в одной слободе Драгунской волости Карачевского уезда Орловской губ. до сих пор сохранились, как счетная единица, 64 пая, на которые «еще исстари была разделена земля по числу первых заимщиков – 64 казаков»⁴. По Бахмутскому уезду исследователь также указывает, что «на смену захватно-подворного владения явилось общинное с уравнительными переделами пахотной земли сперва по числу домохозяев»...⁵ Интересно, что в крымской татарской общине эти попытки подворных уравнительных переделов, по-видимому, существовали искони и продолжают и поныне; так, г. Лашков в своем «Историческом очерке крымско-татарского землевладения» указывает, что своеобразное деление земли «на паи» констатировано тут русским межеванием начала этого века, и известны случаи его даже, например, в 1679 г., а затем г. Лашков, равно как и земско-статистическое исследование Таврической губ., констатируют, что

¹ Такой порядок установился, напр., в д. Бельках Золотоношского у. (см. сб. по этому у., с. 17), в двух общинах Симферопольского у. (см. памятн. книжку Таврич. губ., с. 91) и т. д. Интересные случаи уравнивания сенокосов поровну на двор я встретил по Льговскому и Дмитровскому уу. Курской губ. Здесь это, может быть, объясняется приблизительно одинаковой потребностью разных дворов в сене для скота или желанием при незначительных размерах сенокосов обеспечить каждому хозяину известный минимум сена, достаточный хоть для одно – на это указывает то, что тут только в некоторых общинах все дворы получают луга поровну, а в других – только те дворы, которые имеют рабочий скот, и в последнем случае часто распределяют сенокос уже не поровну на двор, а пропорционально количеству скота в каждой семье (см. «Материалы под. инсп.», в. II, с. 26).

² См. сб. ст. св. по Уфим. губ., т. I, изд. 98 г. «Описания волостей и селений», с. 736, 685, 719, 734.

³ См. сб. ст. св. по Уфим. губ., т. IV, 98 г. «Описания волостей и селений», с. 945–947.

⁴ См. сбор. стат. св. по Карачевскому у., т. V, вып. II, изд. 92 г., с. 22.

⁵ См. сб. ст. св. по Бахмутскому у., с. 98.

именно теперь некоторые татарские общины переходят от неопределенно-захватного владения пашней к уравнительным переделам «по паям» или «по ярмам» поровну на двор (причем часто опять-таки сначала идет в передел только часть пашни)¹. То же самое еще ярче обрисовывается по Золотоношскому у.: здесь, в с. Самовище Мойсенской вол., «дележ на хаты» в противоположность дележу на ревизские души считается «старым заветом», откуда можно заключить, что обычай дележа на хаты существовал еще до установления счета «ревизских душ», а в д. Кропивной, наоборот, именно в настоящее время «в виде опыта разделили все угодья на 1 год поровну на каждый двор»². Таким образом, и искони, и в настоящее время разверстка поровну на двор часто служила первым пробным шагом к уравнительным переделам... Нужно ли пояснить, что этот факт частого начала переделов не с извне предустановленной счетной и податной единицы – ревизской души, а с того именно принципа, с которого их всего логичнее начать³, еще раз и особенно ярко говорит нам о той самопроизвольности и закономерности в складывании общинно-передельного владения, на которой мы так настаивали выше. Эти же черты еще яснее проявляются и на тех формах не равного, а равномерного уравнивания по дворам, которые иногда возникали и возникают или сами по себе, или часто именно из разверстки поровну на двор.

Любопытнейшие примеры такого рода представляют 6 армянских общин Ростовского-на-Дону уезда и 51 немецкая община Камышинского уезда Саратовской губ.

Армяне вселились из Крыма и получили в 1779 г. по Высочайшей грамоте вместе со всякими льготами и некоторым внутренним самоуправлением огромную неопределенно обозначенную территорию, в которой потом, по отмежеванию в 1781 г., оказалось 87 тысяч десятин, так что еще в настоящее время у них приходится на 1 нал. работника 25,7 десятин (то есть чисто сибирская норма). При пожаловании форма владения, по-видимому, вовсе не была точно определена, а лишь предопределена ее общинность самой общностью пожалования земли всем армянам вообще (вроде того, как жаловались в то же время территория казакам). И вот, у армян мало-помалу выработалась в высшей степени своеобразная система уравнительных переделов «по ярмам». С одной стороны, «ярмо есть единица надеда, а с другой – известная определенная мера ($\frac{2}{3}$ дес. казенной или $\frac{1}{2}$ дес.

¹ См. упомянутую работу Ф. Ф. Лашкова, с. 98, 99 и др. и «Памятную кн. Таврич. губ.», стр. 77–84.

² См. ст. сб. по Золотоношск. у., с. 15–17.

³ Интересен случай, когда именно устранение этой извне установленной податной единицы дало повод к переделу поровну на двор: в с. Лучках Кобелякского у. Полтавской губ. «104 дес. общинной пашни... были разделены в 86 г. по отмене подушной подати на 160 дворов поровну» (Сб. ст. св. по Кобелякск. у., с. 38).

экономической 3200 кв. с.)¹. Размер ярма как единицы надела определяется общим количеством земли, предназначенным к обработке и под сенокос, разделенным на число домохозяев в общине». Затем, «на каждую семью определяется, как нормальный надел, одно ярмо (так что безземельных уже быть не может), причем всякий домохозяин, имеющий много работников и вообще большую семью, может просить общество прибавить ему пол-ярма или целое ярмо (не как меру, а как единицу надела), и общество обыкновенно исполняет просьбу, почему в армянских селах есть немало семей, которые имеют от 1 до 3 ярем, но не более»².

Еще интереснее владение «по фамилиям», существовавшее в конце прошлого и начале нынешнего века у немцев-колонистов Камышинского у., получивших по указам от 1763 и 1764 годов наделы по 30 дес. на двор, с тем чтобы каждая семья получила наделы особо, «чтоб наследовали меньшие сыновья» (минорат) и чтобы семьи не имели права продавать и вообще отчуждать свои наделы, а последние остались бы «нераздельно во владении жителей той деревни»... Трудно разобрать, предполагалось ли тут учредить своеобразную форму общего миноратного владения, или даже чисто подворную миноратную собственность, но фактически ничего подобного не вышло, а все или почти все немецкие колонии Камышинского у. прошли обычный путь эволюции русской общины: сначала они владели отведенной им землей захватно, затем стали ее уравнивать по дворам или «по фамилиям» и уже лишь в начале XIX века, а иногда и в 30-х и 40-х годах эта разверстка сменилась обще-крестьянской разверсткой по ревизским душам, вызванной уже извне наложением на колонистов подушной подати и новыми прирезками им земли именно по числу ревизских душ. По воспоминаниям стариков земско-статистическому исследованию удалось достаточно отчетливо восстановить общую картину этой разверстки «по фамилиям». По-видимому, очень часто она вводилась лишь постепенно, так что сначала делились по фамилиям только ближние участки (преимущественно сенокоса и пашни), а дальние оставались в захватном владении и лишь потом уже, при дальнейшем развитии «утеснения», поступали в передел. Притом в некоторых селениях «все фамилии или семьи получали одинаковые участки», причем те, для кого они были велики, пахали лишь часть их, а для кого они

¹ Читатель замечает, что армяне выселились из Крыма, то есть, точнее, из Бахчисарая, что именно в татарских общинах Крыма, – напр., в Колымтае, находящемся в 15 верстах от Бахчисарая, – и в настоящее время наблюдается та же разверстка «по ярмам». Такое совпадение не может быть случайным: или аналогичные условия вызвали аналогичную разверстку, или армяне прямо заимствовали разверстку «по ярмам» у татар, среди которых раньше жили; в последнем случае устраняется всякое сомнение в существовании этой и вообще общинно-паевой разверстки у крымских татар уже очень давно – не менее, чем 200 лет тому назад.

² См. «Сб. ст. св.» по Ростов.-на-Дону у., с. 56–58, 80 и 101–105.

были малы, те распахивали землю в дальних местах, предназначенных для «вольного пользования». В других колониях было иначе. Например, в колонии Таловке «за единицу была принята средней величины семья, на которую давался целый пай (eine ganze Familie); на меньшую семью давалось $\frac{1}{2}$ пая (eine halbe Familie) и на большую – $1\frac{1}{2}$ пая (ein und halb Familie); при этом земля была разверстана уравнильно по качеству почвы и расстоянию от усадьбы». В колонии Карамышевке с самого поселения в ближнем участке все угодья поделили сначала поровну на все семьи, а затем за «фамилию стали принимать лишь “брачную пару”, и каждая семья получала землю по числу в ней брачных пар» (полная аналогия с «тягловой» разверсткой у русских крестьян, о которой ниже). Тот же порядок был еще в двух колониях, где при этом взрослые, но неженатые мужчины принимались за $\frac{1}{2}$ фамилии. В колонии В.-Кулагинке «различалось 2 рода хозяйств: Gros und Klein Wirthschaft, причем первое было вдвое больше второго»¹. И т. д.

Не замечательно ли, что не только буквально эту же систему, но даже эти же самые термины мы находим в настоящее время у казаков Кубанской области. Так, здесь в станице Суворовской в 1876 г. было подушное поравнение целинных земель, но в 1877 г. «общество постановило отводить целину по 15 саж. в ширину загона на каждое “большое” семейство и по 10 саж. на семейство “малое”, которое определялось в 9 душ»; а в станице Константиновской сначала в 1874 г. установили норму для распашки земель под бахчи поровну на двор, а в 1876 г. перешли к следующей ступени уравнильной по дворам разверстки, а именно: были установлены две нормы для распашки целины – одна в 10 саж. ширины и 160 саж. длины для малолюдных семейств и другая в 15 саж. ширины при той же длине для семейств многолюдных»². ... И т. д.

Итак, как видит читатель, мы находим уравнильную по дворам разверстку во всевозможных местностях и у всевозможных групп населения – у крестьян, казаков, колонистов, военных поселян, у великороссов, сибиряков, малороссов, татар, армян и немцев – и при всевозможных внешних юридических условиях, но только при одном лишь общем условии: при начале складывания общинно-пердельного владения (и обыкновенно при многозе-

¹ См. сб. св. св. по Камышинск. у., с. 44–50 и 142–145, а также в «Описании вол. и сел.».

² См. *Щербина Ф.* «Зем. Община кубан. каз.», с. 111 и 117. Интересно, что аналогичный же порядок, как оказывается, был в прежнее время принят и администрацией знаменитых военных поселений на юге России: тут различались хозяева трех разрядов: «богатые (1-го разряда), средние (2-го разряда) и бедные, пользовавшиеся далеко не одинаковым количеством земли». Именно этот порядок приняли и в пореформенный период некоторые общества бывших военных поселян; так, напр., в Каменно-Потоцком обществе хозяйство, состоящее из 2 душ обоого пола, получает 5 дес., состоящее из 4-5 душ обоого пола – 10 дес., имеющее же 7–8 душ обоого пола пользуется 15 дес.» (см. *Осадчий Т.* «Крестьянское над. землевладение в Херсонск. г.», с. 173 и «Мат. для оц. зем. Херсонск. г.», т. III, ст. 168–169).

мелью). Очевидно, что тут и лежит их причина. Из корня «рав» сначала вырастает «поровну», а потом уже «уравнительно»; сначала более грубые, случайные, общие формы уравнительности приблизительно по дворам, и только затем уже более точные формы подушного уравнения.

Но прежде, чем мы перейдем к этим последним, я должен упомянуть еще об одном случае применения принципа дворового поравнения. Мы разбирали случаи, когда последнее возникает, потому что еще не нашли более точных способов и они еще не настоятельно нужны, но случается, что оно является тогда, когда последние уже невозможны. Это мы иногда находим при переделах в крайне малоземельных общинах. Если при многоземельи неполное соответствие между потребительным и рабочим составом семьи и размером надела никого особенно не затрудняет, когда, например, даже у многосемейных земли приблизительно столько, сколько только они могут обработать, то при таком малоземельи, когда данный надел уже не может прокормить все население общины, наоборот, полная уравнительность наделения была бы особенно тяжела и иногда губельна для тех малосемейных хозяев, которые не могут уделить часть рабочего времени и рук на внеадельный заработок, а между тем получили бы надел, далеко не удовлетворяющий их потребностям; ясно, что всего справедливее и целесообразнее для общины как целого недонаделить наиболее многосемейных и многорабочих, которым несравненно легче восполнить надельный дефицит сторонним заработком. Именно по таким соображениям при последних переделах, особенно часто на юге России, например в Таврической, Екатеринославской, Полтавской губерниях, некоторые общины устанавливали чаще всего максимум или иногда минимум наделения каждой семьи и тем приближали принятую ими за основание подушную разверстку к подворной.

Так, например, в некоторых общинах Бердянского у., наделая всех хозяев по числу у них мужских душ, в то же время постановили не давать никому больше 4-х душевых наделов (хотя бы в семье мужских душ и было больше). Такая же максимальная норма в 4 надела на семью установилась и в Новомосковском у. Екатеринославской губ.¹ В селениях Андрушах и Иванькове Переяславского у. (Полтавской губ.) тот же 4-х душевой максимум; в д. Процевке, «вычисливши среднее число ревизских душ на двор (оказалось $1\frac{1}{2}$ души), одним хозяевам, смотря по общему рабочему составу, накидывалось несколько большее количество земли сверх того, которое соответствовало среднему числу ревизских душ (maximum $\frac{1}{2}$ души)»², – в каковом случае, очевидно, «душа» осталась лишь счетной земельной единицей, а действительная разверстка уже производилась поровну и уравнительно по дворам. Приведу,

¹ См. «Мат. по взим. окл. сб.» по данным под. инспект., с. 113 и 128.

² См. «Сб. ст. св.», по Переяславск. у., с. 49.

наконец, приговор о подобном же переделе в местечке Орлике Кобелякского у., где сами крестьяне прямо излагают выше указанный мотив этого отступления от более точной душевой к менее точной уравнильно-подворной разверстке: установив (подобно и другому селу Солошину того же уезда) максимальную норму на 1 хозяина в 3 душевых надела, сход мотивирует это тем, что «по малоземелью нашего общества, малосемейные домохозяева за выделом многосемейным земли на все имеющиеся у них души мужского пола легко могут подорвать свое благосостояние»¹...

Я позволил себе с некоторой подробностью обрисовать разверстку поровну и уравнильно по дворам, потому что, насколько знаю, до сих пор ни один исследователь не выделял ее для мало-мальски пристального и обстоятельного анализа, а между тем она, мне кажется, представляет как самый живой общий социально-психологический, так и крупный специально исторический интерес. Вопрос: с какого принципа начинались у русских крестьян общинно-уравнильные переделы земли? – составляет существеннейший элемент общего вопроса: откуда пошла русская община?

Если бы было доказано, что крестьяне всегда начинали уравнильные переделы сразу, именно по установленной государством единице ревизской души, логически слишком высокой, слишком детальной и точной для первых попыток поравнения, что у крестьян не было и нет никаких более грубых, элементарных, более соответствующих данной цели и данным условиям разверсток, то этим мы почти начисто отрезали бы всякие экономические и обычно-правовые корни у русской общины, признали бы ее скорее всего, так сказать, «пристройкой» к «политической надстройке». Но вот мы находим у крестьян именно самостоятельные зачаточные ростки – те общие, элементарные, приблизительные, округленные разверстки поровну и уравнильно по дворам, которые ожидаем найти, считая их логически неизбежной первой формулой поравнения, находим притом как бы для полного обнаружения строжайшей зависимости их от целей и условий внутриобщинной экономической и правовой эволюции, не только в первых переделах, при многоземельи, когда более точные системы еще не нужны, но и в последних переделах, когда, вследствие малоземелья, эти системы невозможны...

¹ См. «Сб. ст. св.» по Кобелякск. у., с. 40. Аналогичный же случай уравнильных по дворам переделов представляют несколько общин Хотинского у. Бессарабской г. (см. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 93 и др.). Здесь эти переделы только что в 70-е годы впервые начались, но уже при таком малоземельи, что будут, вероятно, и последними (это указывается и исследователем, и частью крестьянами). При них устанавливаются примерно три нормы наделения – для крупных, средних и мелких семейств, но при этом зажиточных и давно владеющих участками наделяют относительно больше, чем бедных «новоженов», только что выделившихся на отдельное хозяйство. Таким образом, мы видим такое интересное совпадение, что в этом случае, когда уравнильно-передельное владение, так сказать, «отцветает, не успевши расцвести», – оно останавливается и распадается именно на этой как бы зачаточной почке уравнильной по дворам разверстки...

Читатель понимает, что этими общими замечаниями я не думаю исчерпать вопрос о происхождении русской общины. Строго держась в этом томе в пределах эмпирического исследования современных общинных форм и не выступая из материалов современных местных исследований общины, я оставляю до следующих отделов более обстоятельное изучение этого крайне сложного и трудного вопроса и пока же лишь попутно намечаю отдельные его элементы.

§ 3

Перейдем теперь от этих редких пережитков зачаточных общинно-уравнительных форм к разновидностям, более сложным и приспособленным к среде, доселе живым, жизнеспособным, развивающимся и размножающимся. Начнем при этом опять-таки с относительно более редких, смутных, логически и исторически недоразвитых форм и закончим наиболее распространенными, типичными и законченными системами.

Выше читатель мог уже заметить, что все зачаточные подворные уравнения либо растворялись впоследствии в ревизской разверстке, то есть разверстке по всем мужским душам, записанным при ревизии, либо появлялись, так сказать, на фоне этой же разверстки (оставляя часто, например, счетной земельной единицей «ревизскую душу» и т. д.). Эта-то ревизская разверстка была также и в пореформенный период отправным пунктом уравнительной эволюции всех или почти всех общин России. Для значительного большинства общин государственных крестьян, а именно для всех общин с установившимися еще в дореформенный период переделами, она представляла реальное традиционное распределение земли: именно при ревизиях, периодически сосчитавших число всех мужских душ, облагавших общины соответственно этому числу подушной податью и часто (при малоземельи) наделявших их в той же пропорции землей, эти общины и перераспределяли все платежи и всю свою землю, понятно, именно по этим самым мужским ревизским душам. Но, как мы уже видели, даже и для государственных (и казачьих) общин с семейно-захватным владением и без переделов пашни «ревизская душа» в пореформенный период имела огромное значение как податная единица и вследствие того обыкновенно первоначальная же единица для уравнения сенокосов и т. п. Наконец, и все бывшие помещичьи крестьяне (а также и удельные и некоторые другие сравнительно малочисленные категории общинного земледельческого населения) получили при освобождении надел по числу ревизских душ в каждой общине и в значительном большинстве случаев, по крайней мере первоначально, приняли это наделение за постоянную обязательную

для них систему разверстки (чего, конечно, по закону вовсе не было), почему при получении надела и распределили его почти все по ревизским мужским душам. Таким образом, вся крестьянская общинная Россия представляла в конце 50-х и начале 60-х годов механически правильную и однообразную картину: вся она была извне выравнена, обрезана, подстрижена, подобно садовым аллеям, под одну форму – под ревизскую душу. Задачей всего последующего нашего (в этом томе) изложения и является изучение тех разнообразных форм, которые получились из этого однообразия в зависимости от различных условий в пореформенную эпоху, когда периодическое подстригание извне прекратилось, когда общины получили возможность расти, развиваться, разветвляться в значительной мере самопроизвольно.

Само собой разумеется, что в первое время общины не могли вырасти из приданной им извне формы уравнительной разверстки. Во-первых, сначала она на некоторое время достаточно уравнила землепользование семей. А во-вторых, когда уравнительность, вследствие неравномерного разрастания разных семей, нарушилась и образовались в общинах группы хозяев, обделенных данным распределением и желавших нового «поравнения», то крестьянам именно настолько труднее было приступить к нему, насколько раньше это поравнение вызывалось внешней силой. Крестьяне государственные привыкли к тому, что к переделам периодически, как раз приблизительно по мере обострения надобности в них, например, через 12–18 лет, давался толчок ревизиям, и ждали новой ревизии, не умели себе представить, что ее больше не будет (да и прекращение ревизий еще до половины 80-х годов действительно не было решено), и в огромном большинстве случаев даже не зная своих «правов» делить и без ревизии; «ревизская душа», как формально и свыше получившая право на надел и отбывающая государственную повинность, почиталась единственным обладателем общинно-передельного права на труд, приобретала в этом смысле часто какой-то прямо фетишистский характер. Бывшие же помещичьи крестьяне раньше даже вовсе не знали, строго говоря, никаких мало-мальски самостоятельных общих уравнительных переделов; мало того, отвод наделов на ревизские души с выкупом они в массе случаев приняли за «покупку» их именно этими душами в подворную собственность; так что, как увидим ниже, у них очень часто, быть может даже в большинстве случаев, стоял и стоит вопрос даже над самой возможностью в будущем каких бы то ни было уравнительных переделов, а не то что над выработкой для них самостоятельного наилучшего принципа и формы. Немудрено, что при таких условиях очень часто первые побег вольного пореформенного общинного поравнения лишь слабо и робко, лишь мало-помалу отклонялись от традиционного «ранжира» ревизской души.

Наиболее запечатлена чисто фетишистским отношением к ревизской душе удивительная и на первый взгляд кажущаяся совершенно непонятной и нелепой разверстка по живым ревизским душам или, как я ее называю, ревизско-передельная разверстка. При ней, по мере вымирания мужских ревизских душ, их наделы (а также все вообще выморочные наделы) не остаются наследственно в их семьях (что представляло бы чистую ревизскую или ревизско-беспередельную разверстку), а перераспределяются между остальными остающимися в живых ревизскими мужскими душами¹. Таким образом, это распределение в принципе, собственно, вовсе не имеет характера уравнивания, являющегося целью и сущностью общинно-передельного владения, а представляет чисто автоматическое неосмысленное перекладывание земли на однажды извне данную, слепо принятую и нелогично примененную единицу. Однако при ближайшем рассмотрении дело принимает совсем другой вид.

Прежде всего нельзя не заметить того, что в течение целых, по крайней мере 10, 15–20 лет после ревизии эта разверстка представляет не что иное, как просто наделение всего взрослого мужского населения, то есть разверстку по рабочим силам (и, значит, до известной степени и по потребностям); таким образом, это кажущееся нам абсурдным понимание права ревизской души не как наследственного права семей с данными ревизскими душами, а как пожизненного права именно самих ревизских душ оказывается на практике в известный период в отношении уравнительности во всяком случае более целесообразным, чем чистое ревизско-наследственное владение, при котором возникающая неравномерность наделения ничем не нарушается. Но затем, через 25, 30–35 и т. д. лет после ревизии эта разверстка уже все более теряет характер рабочей разверстки и превращается в наделение стариков, с полным лишением земли нарождающихся и выделяющихся в новые хозяйства – «новорожденцев» и «новоженов», то есть, иначе говоря (по

¹ Кроме этой типичной формы есть еще другая, похожая по виду, но, как ясно указал еще г. В. В., совершенно отличная по значению разверстка по наличным ревизским душам – в противность ревизским душам. В противность разверстке по живым ревизским душам эта разверстка возникает не из борьбы хозяев за землю, а, наоборот, вследствие слабого интереса их к ней, главным образом, из-за тяжести связанных с ней платежей, когда значительная часть хозяев разбредается на сторону, бросая свои наделы. Эти-то наделы с лежащими на них платежами и приходится остающимся, то есть «наличным», волей-неволей разверстывать между собой. Таким образом, в то время как при разверстке по оставшимся в живых ревизским душам происходит несомненное и преднамеренное перераспределение земли, уменьшение надела одних и увеличение надела других семей, при разверстке по оставшимся в наличности ревизским принцип распределения в сущности не изменяется, а только каждая семья получает прирезку пропорционально тому же числу в ней ревизских душ, которому пропорционален и весь ее прежний надел. Но понятно, что эта разверстка, при некотором вздорожании земли и при введении снятия наделов хотя с некоторых умирающих ревизских душ в пользу остальных, очень легко и незаметно превращается в разверстку по живым ревизским, так что на практике многие случаи трудно бывает с уверенностью отнести к той или другой из них...

выражению г. Плотникова), «долговременное ее существование повело бы к нарушению связи между землей и населением». Таким образом, эти постоянные переделы по живым ревизским душам через 35–40 лет после ревизии неизбежно приводят сами себя к абсурду, к сосредоточению земли в руках меньшинства хозяев, к обделению большинства и, значит, к неизбежному для последнего новому переделу – уже волей-неволей по какому-либо живому уравнительному, а не мертвому механическому принципу. Итак, очевидно, что мы должны признать ревизско-передельную разверстку формой или безусловно общинно-передельной, или, по крайней мере, переходной к ней в том смысле, что она, во-первых, делает невозможным установление с самого начала пореформенного периода беспредельной ревизско-наследственной формы владения (переходной к подворному владению), во-вторых, в течение известного времени приблизительно уравнительно распределяет землю и, в-третьих, вскоре же затем неизбежно приходит к самоуничтожению, к новой непременно более уравнительной разверстке.

Именно так дело происходит и в действительности. Я встретил всего каких-нибудь два-три отдельных случая, когда эта разверстка заменяла собой более уравнительные и сознательные системы (что, вероятно, объясняется или такими случайными совпадениями в распределении ревизских душ и наделов по отдельным семьям, при которых эта разверстка была в интересах большинства хозяев, или просто несознательностью действия общины, или подчинением ее нескольким влиятельным богачам и т. п.). Обыкновенно же отмечается именно переход от ревизско-передельной к разверстке по всем наличным мужским душам и т. п. уже чисто уравнительными системам. Так, например, помимо десятка уездов, где были констатированы случаи ревизско-передельной разверстки г. В. В., я нашел ее во вполне типичных формах, описанных земско-статистическим исследованием, всего лишь в двух уездах (в Аткарском и Балашовском уу. Саратовской губ.), и в обоих уже даже в 80-е годы, то есть через 20, 25, 30 лет после ревизии, от нее начинают переходить к уравнительно-наличной разверстке, причем в одном случае (по Балашовскому у.) прямо указано, что именно это «сокращение числа наделов», связанное с вымиранием ревизских душ, в связи с тяжестью лежащих на них платежей и привело к переделу на наличные души¹. Наконец, и вообще, как и нужно было ожидать для формы, представляющей как бы случайный, уродливый побег поре-

¹ См. «Сб. ст. св. по Саратовской г.», т. VI, в. 2, с. 176–177 и вып. 2-й по Балашовск. у., с. 121. Также и в Херсонск. у., как указал еще г. В. В., хотя все общины начали переделы с ревизско-передельной разверстки, но в момент земской переписи она была констатирована всего в 6 общинах, а в 26 уже заменилась налично-мужской (В. В. «Община», с. 234). Также и «Мат. под. инсп.», отмечая ее, напр., по Котельническому у. Вятской губ., указывают, что она «заметно выходит из обычая» («Мат. под. инсп.», в. I, с. 30). И т. д.

форменной общины, мы встречаем ее лишь очень редко: я мог бы, вероятно, к десятку уездов, поименованных у г. В. В., прибавить еще тоже не более 20–25 уездов (в «Мат. под. инсп.» я насчитал всего 16 уездов, где она встречается), и главное – ни в одном почти уезде она не констатирована в мало-мальски заметных размерах (только по одному Валковскому у. Харьковской губ. по «Мат. под. инсп.» в целых 47 селениях, составляющих 3 волости, наделы «убылых душ распределяются между живыми ревизскими душами», обыкновенно же редко-редко где наберется по 5, самое большее по 10 держащихся ее общин, а обыкновенно и того меньше). Так что я обрисовал ее здесь только для полноты и ввиду ее своеобразного социально-психологического интереса.

Несравненно распространеннее и типичнее для пореформенного общинно-передельного владения другая форма с особенно почтительным отношением к ревизской душе: так называемая ревизско-наличная разверстка. При ней также ревизские души неприкосновенно владеют своими наделами до смерти и только после смерти они отбираются, но распределяют заем уже не между ревизскими, а именно только между молодыми неревизскими душами. При этом, так как обыкновенно последних рождается больше, чем умирает первых, то разверстка эта принимает два основных типа: или периодически скапливающимися ревизскими наделами наделяются молодые души в уменьшенной по сравнению с ревизским наделом пропорции, либо они получают по полному ревизскому наделу, но тогда уже не все, а лишь часть их, обыкновенно по очереди, то есть старшие по возрасту.

Особенно распространена, по-видимому, последняя разновидность. Она встречается в заметном числе случаев в нечерноземном промышленном районе, как, например, в губерниях Ярославской, Тверской и т. п.¹, в особенности же она типична для Нижегородской губ., и «Материалы» по пяти ее уездам дают очень ясное понятие о всевозможных ее типах и градациях. Самое первое и слабое ее проявление представляет, например, такой порядок, при котором собственно ревизские наделы еще не отбираются из семей с умершими ревизскими душами, а «заревизные» «новорожденцы» наделяются одними выморочными наделами, то есть наделами выселившихся, без вести пропавших, удаленных по суду или сосланных самими крестьянскими обществами, умерших совершенно без наследников, почему-либо случайно отказавшихся от надела (что, конечно, бывает очень редко при наделе, окупающем платежи), наконец, наделами недоимщиков (эти часто составляют

¹ Попадает, впрочем, она иногда в довольно заметных размерах и в других местностях. Напр., «Мат. под инсп.» констатируют ее в четырех уездах Вологодской губ., в Саратовской губ., в Харьковской губ. и в области Войска Донского (см. эти «Материалы», в. I, с. 25, 83, ч. 108 и в. II, с. 2).

более заметный земельный фонд)¹. Таким образом, на этой ступени «заревизным» достается лишь та незначительная часть общинной земли, которая накапливается от отсояющихся из общины семей, так что этот порядок нельзя еще назвать вполне общинно-передельным владением, а нужно видеть в нем лишь близкую, переходную к нему ступень. Последнее же начинается, собственно, с тех форм, когда наделы умирающих ревизских душ отбираются у их наследников в пользу «заревизных» в других семьях; но правила этого отбирания тоже весьма различны в разных общинах и представляют длинный ряд тонких переходов от полной почти наследственно-беспередельной ревизской разверстки к самому типичному уравнильно-передельному порядку.

Первые разновидности мы имеем в тех случаях, когда надел умершей ревизской души отбирается у ее семьи, только если в ней нет наследников; при этом в определении круга этих последних опять-таки наблюдается множество градаций: иногда ревизский надел наследуется дядьями умершей ревизской души, братьями ее; затем за этими родственниками уже не признается права наследования, и если кроме них нет других наследников, то надел отбирается, но при этом право наследования еще признается за вдовой и всеми детьми обоего пола умершей ревизской души; наконец, в других случаях и от этих последних надел отбирается, а оставляется исключительно лишь сыновьям. Ясно, что чем более сужается такое преимущественное право наследования родных умирающих ревизских душ, тем больше наделов поступает в общинно-передельный механизм. Во многих же, наконец, общинах это право наследования и вовсе или почти уничтожается. Например, в Княгининском у. Нижегородской губ. «по обычаю, установившемуся в большинстве общин в случае смерти лица, за которым числится земельный надел, надел этот передается старшему подростку, не имеющему земли. При этом в некоторых общинах не делается преимущества для той семьи, за которой числилась земля прежде, а в других надел передается в чужие руки только в том случае, если в семье, где освободилась душа, нет безнадельного подростка мужского пола»². Затем, в Васильском у. (Нижегородской же губ.) «во многих общинах “мертвая”, “палая” душа “выносятся” из семьи умершего даже и в том случае, если в ней есть свои подростки, на

¹ Высшую, но более редкую форму этой же системы представляет порядок, при котором хотя «на всех крестьян, родившихся до X ревизии, считается по полному душевому наделу, который переходит после их смерти к их наследникам, но крестьянам, не получившим «ревизских» душ по наследству, дается $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ надела, для чего к числу ревизских душ прибавляется еще несколько добавочных душ, так что разверстка земли производится на число несколько свыше числа ревизских душ». (См. «Мат. для оц. земли Ниж. г.». Васильевский у., с. 57). Такие же случаи я встретил в Балашов. у. Саратов. г. («Сб. ст. по этому у., в. II, с. 119–120»). И т. д.

² «Мат. для оц. зем. Ниж. г. «Княгининск. у., с. 49.

которых еще не давалось надела, если только они не самые старшие из всех безземельных подростков данной общины. Для сверстников в общинах этой группы или мечут жребий, или же выясняют старшинство самым точным образом – по дню рождения, о чем получают сведения от священников»¹. Читатель ясно видит, что в последних случаях мы имеем уже чистую уравнительную общинно-передельную разверстку, только устанавливающуюся не сразу, а по мере вымирания ревизских душ: само движение населения медленно, плавно и неуклонно двигает тут общинно-передельный механизм, который непрерывно восстанавливает непрерывно образующуюся неравномерность наделения.

При обрисованном типе ревизско-наличной разверстки, который можно назвать частно-передельным, обыкновенно наделяется землей не все «заревизское» молодое поколение, а лишь старшие его возрасты (только на них хватает освобождающихся ревизских душ), поэтому фактически эта разверстка принимает обыкновенно характер распределения по рабочим силам. Но и при ней встречается наделение всех «заревизных» той дробью ревизского надела, которая получается от деления числа умерших ревизских на число народившихся «заревизных» душ. Этот же способ почти всегда практикуется в тех случаях ревизско-наличной разверстки, когда она устанавливается путем общих переделов. Такой способ лишь изредка встречается на севере и вообще в Великороссии², но очень распространен в нескольких южных, особенно же в материковых уездах Таврической и кое-где в Херсонской и Екатеринославской губерниях.

При нем борьба за уравнение земли идет в общине обыкновенно в более бурных формах. Долгое время заревизные не получают вовсе наделов; количество таких обделенных семей все растет, и, наконец, они побеждают на сходах и устанавливают либо чистую разверстку по всем наличным душам (обыкновенно лишь мужским), либо промежуточную и смягчающую переход к ней ревизско-наличную. Часто случалось при этом даже и так, что из чистой ревизской устанавливалась сначала чисто наличная, а потом общины возвращались отчасти назад, к компромиссу ревизско-наличной разверстки: «Способ пользования землей как на ревизские, так и на наличные души, как мы убедились на опыте, для всего общества крайне обиден, несправедлив и разорителен. Раздел земли на наличные души неудобен, потому что для живых ревизских душ крайне обидно то обстоятельство, что, пользуясь в течение 20 лет всей землей, обрабатывая ее, неся за нее все платежи и повинности, получают земли столько же, сколько и молодое

¹ «Мат. Ниж. г.», Васильский у., с. 54.

² Несколько таких случаев наделения «заревизных» половиной ревизского надела отмечены, напр., по 2 уездам Казанской губ. и т. п.

поколение, между тем как и доходность земли теперь выше, и повинности (например, воинская) легче. Раздел же земли на ревизские души еще несправедливее в том отношении, что бессемейные, не отбывая натуральных повинностей как одиночки и пользуясь при этом нередко наделами своих умерших родственников, владеют слишком большим сравнительно количеством земли; между тем как многие, имея взрослых сыновей, несут на себе всю тяжесть натуральных повинностей, пользуясь только одним душевым наделом... А потому находим самым удобным поделить нашу землю на живые ревизионные и новорожденные души так, чтобы каждый новорожденный пользовался землей в половинном размере против бывшего в ревизии, неся в том же размере и все денежные повинности»¹.

При таких переделах в материковых уездах Таврической губ. обыкновенно «за каждой живой ревизской душой оставляется количество пахотной земли, находившееся в ее распоряжении при наделении крестьян землей, а между остальными (наличными душами) распределяется вся пашня, числившаяся за умершими уже ревизскими душами. В других случаях общество, не принимая в расчет количества пашни, приходившегося прежде на ревизскую душу, назначает на долю каждой оставшейся в живых количество большее, чем остальным наличным душам; при определении этих количеств не последнюю роль играет желание упростить производство самого передела определением каждой живой ревизской душе, например, вдвое большего количества пашни, чем остальным наличным»². Прибавим еще, что при

¹ См. «Памятную книжку Таврич. губ.», с. 44.

Такого же приблизительно рода мотивы указаны, напр., и в Полтавской губ. Так, здесь в Константиноградском у. 3 общества с ревизско-наличной разверсткой «имели в виду, что так как в течение очень долгого времени земля была распределена на ревизские души, то перераспределение ее на наличные души может резко изменить положение многих хозяев, превратив их из многоземельных в малоземельных, и наоборот; при этом малоземельные, не имеющие ни соответствующего инвентаря, ни достаточно скота, в первое время не могли бы извлечь всей пользы из увеличения своих наделов, между тем как многоземельные могли бы понести значительные убытки не только вследствие уменьшения количества земли, но и вследствие последовавшего за этим нарушения всего строя их хозяйств. Поэтому, чтобы переход от пользования землей по ревизским душам к пользованию по наличным сделать менее резким... в первый коренной передел... выделяли на наличные ревизские души большие участки, а на «новые» неревизские меньшие.. (см. «Сб. ст. св. Полтавск. г.», т. XIV, с. 31–32).

² См. «Памятную книжку Таврич. г.», с. 38. Аналогичный, но несколько уже более уравнительный порядок находим в нескольких общинах Константиногр. у.; здесь, напр., в хуторе Бурты «на ревизскую наличную душу дали по $3\frac{1}{2}$ десят., на одну наличную неревизскую душу в тех хозяйствах, в которых совсем нет ревизских наличных душ, – по 3 дес., а на остальные наличные души (то есть в семьях с живыми ревизскими душами) – по $1\frac{1}{4}$ дес. (см. «Сб. ст. св.» по этому уезду, с. 32).

Надо еще затем отметить, что в отдельных случаях слабой прибыли населения (или даже отсутствия ее) освобождающиеся от ревизских наделы составляют фонд совершенно или почти достаточный для полного наделения заревизных; напр., в д. Софиевке Херсонского у. 133 ревизские души имеют $131\frac{1}{2}$ надел, а 41 неревизская – 40 наделов, оставшихся от умерших душ или снятых с неплательщиков; следовательно, здесь размер надела ревизских и неревизских душ одинаков (см. «Сб. по Херсонск. у.», с. 195).

таком наделении обыкновенно разверстка принимает потребительный характер, так как наделяются все, а не старшие лишь по возрасту мужские души, но иногда встречается и последняя комбинация...

Сказанного, полагаю, достаточно для обрисования первых побегов уравнительного распределения земли, выступающих в пореформенной общине из традиционной рамки ревизионной разверстки. Мы видели, что эти ростки обычного права еще слабы, робки; в передельно-ревизской разверстке, отрицающей умершие ревизские души в пользу живых ревизских же, они представляются логически уродливыми, в ревизско-наличной, наделяющей уже неревизские души, но ждущей для того смерти ревизских, нерешительными и непоследовательными. Но фактически эти системы уравнивания с течением времени, с вымиранием ревизских душ и рождением неревизских, неизбежно все более и более отрешаются от фетишизма ревизской души и вследствие самого физического движения населения вырастают, выпрямляются и перерождаются в разверстки, всецело основанные на том или ином живом уравнительном принципе. Выше я указывал уже это для ревизско-передельной разверстки. То же самое нужно сказать и о ревизско-наличной: повсюду отмечается переход ее в чистую наличную; так, например, в вышеупомянутом Константиноградском у. одна община в 83 г. переделала неравномерно на ревизские и неревизские мирские души (первым – по $3\frac{1}{2}$ дес., а вторым – всего 0,8 дес.), но в 89 г. уже предполагала переделить поровну на все мужские души; также в Бердянском у. земско-статистическое исследование констатировало в середине 80-х годов преобладание неравномерной ревизско-наличной разверстки, а «Материалы податн. инспекторов» в 87–93 гг. констатируют уже, что «в последнее время с уменьшением числа живых ревизских душ все больше и больше распространяется разверстка по наличному мужскому населению без различия между ревизскими душами и неревизскими»¹, и т. д. Нужно, таким образом, считать, что через 40–50 и более лет после ревизии с вымиранием дореформенного поколения вымрут и эти пережиточные промежуточные формы и в ближайшие же годы, примерно в первое десятилетие XX столетия, заменятся живыми уравнительными системами.

Перейдем теперь к наиболее многочисленной категории общин, где последние уже теперь развились и дальше развиваются.

§ 4

Совершенно очевидно, что для равномерного распределения земли между всеми хозяевами общины необходимо анализировать само это по-

¹ См. «Сб. ст. св. по Константиноградск. у.», с. 32 и «Матер. под. инсп.», в. I, с. 114.

нятие двора, хозяйства, необходимо расчленить его на составные элементы, то есть на разного пола и возраста души, в нем заключающиеся. Очевидно, что на каждую из этих душ приходится известная доля того равного права на землю, которое принадлежит каждому хозяину. Но доли эти могут быть различны и опираться на различные основания. Под общинным правом на труд мы подразумеваем право на обработку земли для жизни. Значит, каждая семья имеет право на землю постольку, поскольку ей необходимы средства к жизни и поскольку она может ее обрабатывать. Так что во внутриобщинной борьбе за землю на нее имеют право, так сказать, рты, требующие пропитания, и руки, требующие приложения. Значит, и земля может распределяться по двум основаниям: по «нужде» в ней семей или по «мощи» их (крестьянские слова), по потребительному или по рабочему их составу. Оба эти основания всегда частью сливаются, частью антагонизируют и в своем морально-политическом корне трудно соизмеримы и едва ли не равносильны: трудно сказать, какой принцип выше – каждому по его потребностям или каждому по его труду; и если первый выше, то зато второй ближе, осуществимее...

В действительности в русской крестьянской общине обыкновенно применялся тот из этих принципов и именно та форма и степень его, какие соответствовали и соответствуют реальным условиям, весьма различным для разных периодов истории общины и для разных местностей в данный период. В дореформенный период эти принципы разверстки были всецело предустановлены для крестьянской общины извне.

Бывшие государственные крестьяне не могли, как выше уже обрисовано, принять иного распределения, как потребительно-податную разверстку по всем наличным ревизским мужским душам. У крепостных же крестьян, впряженных в ярмо обязательной работы для помещика, естественно установилось распределение этой работы по рабочим силам семей, соответственно чему, конечно, по рабочим же силам распределялась и земля (об этом я еще скажу подробнее ниже). Но с уничтожением крепостного труда и с прекращением ревизий (а затем и отменой подушной подати для Европейской России с 83–86 гг., а для Сибири с 99 г.) та или иная из указанных систем разверстки стала устанавливаться у крестьянских общин уже в зависимости от естественных, экономических и юридических условий, различных для разных общин.

Общее правило для этой зависимости таково, что производительные разверстки устанавливаются при многоземельи, например при рабочей форме надела или при таких его свойствах (трудности обработки и неплодородии) и такой комбинации их с размером лежащих на нем податей, когда выгоды его эксплуатации обуславливаются размерами рабочих сил семьи и

прямо пропорциональны им. Случаи, когда доходность надела даже заметно ниже платежей по сравнению с арендой внеадельных земель, я, как уже указано, отношу к особому типу общинно-выкупного владения; потребительные же разверстки наблюдаются при потребительной норме надела и при чисто потребительном значении его, то есть когда он представляет известный плюс для всех семей, независимо от их рабочих сил.

Держась по-прежнему исторического порядка изложения – от многоземельных к малоземельным общинным формам – рисуем сначала производительные разверстки.

При таких размерах надела, когда он не только дает средства для жизни всему населению общины (потребительная норма), но и занимает почти или вполне все ее рабочие силы (рабочая норма), или даже их не хватает для полной его обработки, – при таком многоземельи начинающиеся переделы очень часто, если не обыкновенно, должны совершаться по рабочим силам хозяев. Ибо если они произойдут по потребительному составу семей, то вследствие несоответствия его с рабочим составом всегда получатся, с одной стороны, такие семьи, у которых часть рабочих сил останется без приложения, а с другой – такие, которые не смогут обработать часть своей земли. Правда, последние могут сдавать первым этот излишек в аренду, но такая сдача уже представит уклонение от общинного права на землю, представляющего право на обработку земли, а не на ренту от нее. Однако трудно поручиться, что действительно в большинстве случаев переделы начинаются с рабочих разверсток; очень часто, возможно даже, что чаще, они начинаются прямо с потребительного распределения. Это происходит, во-первых, потому, что очень часто до рабочей нормы и при ней практикуются выше описанные формы ограничения захвата и отводов, сводящиеся фактически к наделению разных семей по рабочим силам, а переделы начинаются уже позже, при размерах надела уже ниже рабочей нормы; иногда же общины сознательно уклоняются от чистого права на труд, прямо заранее имея в виду сдачу многосемейными, но малорабочими семьями их наделов «для поправки» в аренду многорабочим¹.

Но, очевидно, что такие случаи начала переделов с потребительной разверстки могут быть лишь при такой степени населенности, при такой доходности надела и таких размерах его обложения, когда его арендная цена значительно превышает лежащие на нем платежи. Когда же первая почти или даже вполне равна последним, то, очевидно, многосемейным-малорабочим семьям нет никакой выгоды брать надел сверх своей рабочей силы, так как его не удастся сдать в аренду и придется только платить за него подати, не получая от него дохода. Поэтому в случаях низких аренд-

¹ См., напр., такие случаи для Оренбургской губ. в «Мат. податн. инсп.», в. I, с. 51, некот. др.

ных цен (главным образом вследствие обилия земли) так или иначе должно установиться распределение надела по рабочим силам семей. Так оно и происходит в действительности.

Этот порядок наблюдается прежде всего в тех случаях, когда земледелие еще вполне не развилось и представляет только подсобное занятие при скотоводстве, рыболовстве, охоте и т. п. промыслах. В таких случаях подати, во избежание недоимки, нельзя раскладывать прямо только на землю, независимо от ее распределения между хозяевами, а приходится их накладывать на промыслы, на рабочую силу и вместе с тем на землю, откуда сама собой и получается рабочая разверстка земли. Так, например, одинаково у Ледовитого океана и у Каспийского моря (в Кемском у. Архангельской губ. и в Астраханском у.) мы находим в общинах, не занимающихся земледелием (по условиям климата и почвы), а эксплуатирующих лишь сенокосы, — разверстку их по одним мужским душам рабочего возраста, то есть начиная минимум с 19, а чаще с 18 лет (в Кемском у.) и с 16–18 до 60 лет (в Астраханском у.)¹. Также в одном районе Туринского округа (Тобольской губ.), где население больше занимается кедровым и охотничьим промыслом и потому арендные цены земли, требующей притом большой обработки, очень низки, при переделах фактически принудительно наделялись землей с лежащими на ней платежами все мужские души старше 10 лет, а до 10 лет предоставлялось брать землю только «желающим», «с воли», чем пользовались лишь зажиточные, ибо у слаборбочих семей, по их заявлению, на детей моложе 10 лет «сила не берет платить»².

Равным образом в приозерном районе Курганского округа (Тобольской губ.), сравнительно с остальным многоземельным, но менее плодородным, с обширными притом пастбищами и доходными рыбными ловлями, где много хозяев предпочтительно перед земледелием «бьются около рыбешки, да скотинешки», установилась разверстка «на желающих», при которой каждому хозяину предоставлялось самому брать, сколько он хочет, наделов, только обыкновенно не меньше числа годных к общественной службе рабочих в семье и не больше числа в ней ревизских или наличных мужских душ. Подобных же случаев можно бы привести еще много как относительно Сибири, так и для таких местностей, как губернии Архангельская, Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская, область Войска Донского и т. п.

Но и когда ценность земледельческих угодий не понижается другими, так сказать, доземледельческими и промыслами, она может быть низка сама по себе, с одной стороны, вследствие малой населенности и, значит, малого

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 22 и 104.

² См. там же, с. 51.

спроса на землю, а с другой – малого плодородия ее, вследствие чего она имеет гораздо большую цену для сильнорабочих хозяев, могущих хорошо ее обработать, удобрить и пр., чем для малорабочих, не имеющих средств для этого. Такое происхождение имеет множество производительных систем разверстки, очень распространенных в вышеуказанных окраинных местностях.

Среди них наиболее типичны такие, так сказать, ультрапроизводительные разверстки, при которых земля распределяется даже не по населению, не по рабочему составу дворов, а по самим средствам производства. Такие системы мы находим, например, в Верхнеуральском у. Оренбургской губ., где в прежнее время основанием для разверстки служила имущественная состоятельность отдельных хозяев, выражающаяся в количестве скота¹. Упоминания об этой же разверстке встречаются в прошлом и на совсем другом конце России: например, в с. Привольном Бахмутского у. (Екатеринославской губ.) бывшие помещичьи крестьяне переделили в первый раз землю тоже по числу скота². В одной из упомянутых выше немецких колоний Камышинского у. непосредственно после захвата установилось владение «по плугам»: «у кого было скота на один плуг, тот и получал 1 пай, а у кого было скота на два плуга – получал вдвое больше; платежи также взимались по 3 руб. с плуга»³. В Орловском и Уржумском уу. Вятской губ. земля в более многоземельных селениях часто разверстывается «по имущественной состоятельности отдельных дворов, по их платежной способности, причем последняя определяется преимущественно по количеству скота и построек (это же основание встречается иногда как дополнительное и в Малмыжском, и в Елабужском уу.)»⁴. Вообще, однако, такое более или менее прямое и чистое распределение земли потому или иному объективному мерилу капиталистической силы хозяйств встречается сравнительно редко. Но в виде общего критерия и как дополнение к основному принципу живой рабочей силы (мужской, главным образом), в виде общего глазомерно устанавливаемого крестьянами признака – «состоятельности», «хозяйственности», «заможности» – это производительно-капиталистическое основание разверстки весьма заметно распространено; оно обычно не только при платежах, превышающих доходность, но встречается и при наделе, окупающем платежи, но требующем крайне интенсивной обработки, удобрения и проч. В этих последних случаях мы даже изредка опять, как и при крайнем многоземельи, встречаем случаи

¹ См. «Мат. податн. инсп.», в. I, с. 51.

² См. «Сб. ст. св.», по этому уезду.

³ См. там же, с. 145. Читатель, быть может, заметил, как невольно напрашивается аналогия этой разверстки «по плугам» у немцев с выше обрисованной разверсткой «по ярмам» у татар и армян: быть может, не только общий смысл их одинаков, но даже возможно, что ярмо именно и обозначает плуг – не как меру земельную, а как основание рабочего права на землю.

⁴ См. «Мат. под. инсп.», с. 31.

разверстки преимущественно по скоту; я встретил упоминания о ней, например, по Александровскому у. Владимирской губ. (где, кстати сказать, рядом с мужской силой, общими признаками «состоятельности» и количеством скота принимается при наделении во внимание женская рабочая сила), в Звенигородском у. Московской и некот. др. губ.¹.

Что касается рабочих разверсток, либо чистых (чаще), либо с коррективом «по хозяйственности» (тоже довольно часто), то они уже широко, иногда сплошными районами, распространены в вышеуказанных окраинных северных, северо-восточных и восточных губерниях, а также в некоторых уездах Тверской, Новгородской, даже Московской, Ярославской и т. п. губерний. Они обуславливаются здесь только отчасти значительными размерами надела, здесь по большей части уже стоящего ниже рабочей нормы (а иногда даже около потребительной и ниже ее), а в значительной степени вызываются тяжестью обработки, унавоживанием и сравнительно низкой урожайностью земель этого района. При таких условиях и при податях, хотя и ниже аренды цен, но все-таки высоких и часто только немного от них отстающих, естественно этот надел хотя и представляет в среднем известный плюс, но именно в среднем, то есть при известном минимуме обработки, рабочих сил, оборотного запасного капитала в семье. Так что если он всех привлекает, то для многих представляет в то же время и опасность, если многие «мощные» хозяева требуют себе лишнего надела, то одновременно иные «маломочные» готовы от него отказаться из боязни его «не осилить». Все сказанные условия соединяются также в обширном и особенно характерном для данной разверстки районе – Самарской и Саратовской губерниях – с тем только отличием, что здесь вместо неплодородия почвы мы находим крайнюю неустойчивость урожаем (или, лучше сказать, вошедшие в систему периодические неурожаи), требующую особенной устойчивости хозяйства и заставляющую общину все время усиленно бороться против накопления недоимок на «маломочных» семьях. В результате этих условий и получается два основных и наиболее распространенных общинно-передельных типа производительной разверстки.

Там, где трудно «осилить» главным образом землю, а не платежи, вырабатываются неопределенные системы разверстки, главным образом по «мощи» (по «моготе», по «изможению»), но отчасти и «по нужде» семей; основной чертой их является компромисс и взаимное «согласие» отдельных семей (маломочные, например, часто сдают надел в аренду сильным) и сравнительно слабое вмешательство мира, который лишь в отдельных случаях путем частных переделов насильно «наваливает» на «заможную» семью надел, непосильный для слабой, или, наоборот, насильно отбирает

¹ См. там же, в. II, с. 48 и 96.

его у малосильной или слишком многоземельной семьи в пользу более сильной или малоземельной. Выше я привел уже образчики этой разверстки для двух округов Тобольской губ. Она значительно распространена и в северных губерниях Европейской России. Например, в Пермской губ., по показаниям податных инспекторов, при частных передачах земли между семьями, «вследствие изменения в семейном составе дворов (смерть взрослых членов, подрастание малолетних и т. д.)... сходы поступают в каждом отдельном случае без твердых руководящих начал»¹, неопределенность эта иногда доходит до того, что, например, в Оханском у. (Пермской же губ.) крестьяне на вопрос о системе разверстки отвечают в одной и той же общине приблизительно следующим образом: «по справности», «по достатку», «по семейству глядя», «по согласию», «по совести», «примерно по душам» и т. д.² Иногда эта же разверстка встречается и совсем в других местностях: именно этот характер носит, например, разверстка «по дворам», «по совести» в Александрийском у. Херсонской губ. и до известной степени разверстка «по состоятельности» в Елизаветградском у. той же губ. и т. д.³

Таким образом, мы замечаем, что эта разновидность произвольной разверстки скорее, пожалуй, ближе к обрисованному выше подворному, чем к подушному типу «равнения». Иначе, впрочем, и быть не может, так как она не принимает вполне ни подушно-рабочего, ни подушно-потребительного принципа и применяет совершенно различные их комбинации не только к каждой отдельной семье в данный момент, но и ко всем семьям в разные моменты. А именно: по мере сокращения размеров и повышения (вследствие интенсификации) доходности надела и параллельного, абсолютного или относительного (по сравнению с вненадельной, например, арендой и т. п.) понижения платежей, короче говоря, вследствие приближения надела к потребительной норме и приобретения им чистого, так сказать, потребительного значения потребительный принцип начинает все более перевешивать или вовсе вытесняя производительный принцип, или допуская его лишь как корректив. Именно такое преобразование и происходит, как общее правило, во всех вышеуказанных северных и восточных окраинах. Например, в Вятской губ. после отмены подушной подати замечается движение в пользу разверстки земли «по едокам», то есть наличному населению обоюбого пола без различия возраста. Такой переход совершается, например, в Сарапульском у. от господствовавшего прежде порядка распределения по рабочему составу семей. Также в Яранском у.⁴ и т. д.

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 45.

² См. «Мат. к оцен. зем. Пермск. губ.», в. I, Оханск. у., с. 117.

³ См. «Мат. для оцен. земли Херсонск. губ.», т. II, с. 212–213.

⁴ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 31.

Второй тип производительного распределения, обыкновенно вызываемый более трудностью «осилить» платежи, чем саму землю, и при котором поэтому община в силу внешних требований круговой поруки должна применять более чистые рабочие разверстки, наблюдается, как сказано, преимущественно в Самарской и Саратовской губ. Самая строгая его форма – это точная разверстка земли по работникам, то есть наделение землей только мужчин в возрасте обыкновенно от 16–18 и до 55–60 лет. Но вариации этих наделяемых возрастов бесконечно разнообразны в разных общинах в зависимости от того, насколько потребительное значение имеет надел или, наоборот, насколько велика опасность недоимочности. Например, по одному Бугурусланскому у. Самарской губ. при общих переделах начала 80-х годов наблюдается целых 8 вариаций в разных общинах: 1) наделение «на всех» (мужские души), 2) с 5 лет, 3) с 8, 4) 10, 5) 11, 6) 12, 7) 15, 8) «по работникам»; в Николаевском у. той же губ. – комбинаций: «на всех» (мужские души), с 3, 5, 10, 12, 14, 15, 17 и 18 лет¹. Аналогичная, но еще более детально разработанная и приспособленная к производительному принципу разверстка достигается часто путем частных переделов – постоянных так называемых свалок-навалок, наделов с одних хозяев на других: такой характер часто имеет выше обрисованная ревизско-наличная разверстка. Например, в с. Песчанке Сердобского у. (Саратовской губ.) «раньше, по выходе на волю, землю распределяли по ревизским душам, но потом многие начали просить земли на подростков», «так как платежи дешевле стали» и мало-помалу из ревизской формы образовалась разверстка по работникам. Настоящий работник считается здесь 21-го года и получает $1\frac{3}{4}$ души, но накладка начинается с 15 лет; сначала дается $\frac{1}{4}$ души, в 17 лет – еще $\frac{1}{2}$ души и с 20 лет – еще 1 душа, причем, однако, принимается во внимание зажиточность семьи. С 60 лет снимают $\frac{3}{4}$ души, а 1 душу оставляют до смерти, после которой отбирали от семьи $\frac{1}{2}$ души в первый год и $\frac{1}{2}$ во второй, теперь же стали сразу отбирать весь надел². И т. д., и т. д.

Затем вместо этого ограничения возрастами в этих же двух губерниях развилась система наделения хотя и всех мужских душ всех возрастов, но с исключением из наделения или с неполным наделением недоимщиков, заведомо «маломочных», «упалых» хозяев. Так, например, в с. Большом Мелике Балашовского у. «неплательщикам не давали на 1–3 души, смотря по степени их состоятельности. “Шалтаям” (отсутствующим) и безнадежным неплательщикам вовсе не давали земли. Иные и сами отказывались»³. Затем,

¹ См. «Сб. стат. св. по Бугуруслан. и Николаев. уу.».

² См. «Сб. ст. св. по Сердоб. у.», с. 131.

³ См. «Сб. св. по Балашевск. у.» «Опис. вол. и сел.», с. 347. «Что не все брали себе на все наличные души землю, это объясняется тем, что бедняки не в силах обработать земли, которая раздроблена на 4–5 загонов, по которым невыгодно шататься с плугом, при сдаче же на такую землю цена дешевая» (там же, с. 347).

в наиболее типичном в данном отношении Николаевском у., где «во многих общинах, благодаря сравнительной крепости наделной земли, на обработку ее плугом требуется рабочая сила 5–6 лошадей и где подати сравнительно высоки, отобрание миром наделов маломочных и добровольные отдачи их так часты, что в результате этого «вольного и невольного лишения земли малосильных членов общины» в 50 общинах даже уменьшилось число разверсточных единиц («окладных» и «ревизских» душ) на 2,496 душ. Так что фактически в Николаевском у. даже в общинах с формальной потребительной разверсткой по всем наличным мужским душам «переделы почти всюду практикуются по имущественной силе дворов» и даже «фактически тот домохозяин владеет большим количеством наделов, кто имеет больше рабочего скота»¹. Подобные же разверсточные разновидности наблюдаются в отдельных случаях и в других местностях – иногда, например, в Казанской губ., где в Казанском у. в нескольких общинах с разверсткой по наличным ревизским земля отнимается также у всех «не пахарей», то есть не занимающихся земледелием, и распределена только между «пахарями»².

Сделанными пояснениями и фактическими примерами, мне кажется, достаточно обрисовываются все основные, заметно распространенные разновидности производительной разверстки при общинно-передельном владении (остальные ее разновидности, типичные уже для общинно-выкупного владения или вытекающие из него, я обрисую в следующей главе)³. Как нужно было ожидать а priori, мы нашли, что разверстка эта, или прямо возникая из семейно-захватного и общинно-отводного владения, или заменяя собой дореформенную ревизскую разверстку, устанавливается в пореформенной общине именно там, где крестьянам трудно было «осилить»

¹ «Сб. ст. св. по Николаевскому у.», с. 31, 32 и 33.

² См. «Сб. ст. св. по Казанск. у.», с. 38, а также по Чебоксарск. у., с. 39 и др.

³ Само собой разумеется, что все только что сказанное верно лишь как общее правило, что иногда встречаются особые случаи, не подходящие под вышеустановленные типы и правильности. Так, например, несомненно, что иной раз производительная разверстка может устанавливаться и вне вышеобрисованных условий, оставаясь, напр., по инерции после исчезновения вызвавших ее условий (напр., в Васильевском у. Нижегородской губ. отмечено несколько общин бывших помещичьих крестьян, продолжавших и по освобождении и без превышения при этом доходности надела платежами ту самую «тягловую разверстку», которая существовала у них при крепостном праве) (см. «Мат.» по этому уезду, с. 55), или просто устанавливаясь в силу случайной выгоды ее большинству членов общины; так, напр., в с. Камышловке Кузнецкого у. Саратовской губ. «состоялся приговор о переделе на наличные души мужского пола не моложе 13 лет (случай переходной от потребительной к рабочей разверстке, но скорее уже относящийся к последней) сроком на 6 лет; ограничение в возрасте сделано было для избежания значительного увеличения разверсточных единиц и связанного с ним увеличения наделов, которое увеличило бы число несогласных на передел» (см. «Сб. ст. св. по Кузнецкому у. Саратовской губ.», с. 115). И т. п. Но все такие, так сказать, индивидуальные случаи сравнительно очень редки, да и не представляют принципиального интереса именно в силу невозможности или бесполезности выяснения их частных и случайных причин. Поэтому, сберегая место, я и не останавливаюсь на них.

надел вследствие либо его крупных размеров, либо трудности обработки, либо отягощения его податями.

Из сказанного легко было также заметить, что как в случаях более или менее свободных от общинно-принудительного вмешательства разверсток «по согласию», так и при самых строгих формах точной общинной регламентации разверстки эти имеют по самому существу своему черты, сближающие их с допередельными видами общинного владения. Очевидно, что они только продолжают в более точной форме то самое распределение земли пропорционально рабочим силам семей, которое, как мы видели, вырабатывается уже при ограниченно-захватных и общинно-отводных формах. Они в значительной мере сохраняют еще поэтому и тот индивидуалистически-капиталистический отпечаток, который характерен для последних: хотя неравенство в земле и капитале при них, благодаря невозможности мало-мальски серьезного приложения наемного труда, уже очень заметно уменьшается, но и неравенство, вытекающее из одной разницы в рабочих силах разных семей, находящих себе полное приложение, еще достаточно велико и делает эту разверстку по рабочим силам все еще в некоторой степени разверсткой по капиталам, допускает еще рядом с отдельными крупными многоземельными и зажиточными дворами целый многочисленный слой безземельных и «бесхозяйных» семей. Высшая же степень земельной и хозяйственной уравнительности, насколько последняя вообще возможна при общинном владении, достигается только при потребительных системах разверстки. К ним мы и перейдем теперь.

§ 5

Выше мы рассматривали пока лишь более слабые и, так сказать, боковые ответвления уравнительно-передельного владения: либо совершенно зачаточные его ростки (подворное уравнение), либо очень медленно и в неопределенном направлении отклоняющиеся от традиционной формы побеги (полуревизские разверстки), либо, наконец, хотя и крупное, прямо в условиях пореформенной эпохи коренящееся, но все-таки сравнительно не вполне развившееся и менее характерное ответвление (производительные разверстки). Теперь же, приступая к распределениям по потребительному принципу, мы будем иметь дело с основным стволом общинно-передельного владения, выросшим притом прямо и непосредственно из дореформенной уравнительной системы и охватывающим значительное большинство случаев общинно-передельного владения. Так что поскольку одно лишь последнее совмещает в себе все основные черты того, что мы понимаем под общиной, постольку же именно в потребительных разверстках совмещаются в наиболее чистом виде

все признаки общинно-передельного владения. Понятно, что они представляют поэтому для нас центральный интерес.

Обширное распространение потребительных систем поравнения объясняется тем, что они возникают при потребительной норме и чисто потребительном значении надела, а эти условия имеют место в значительном большинстве общин бывших государственных крестьян Европейской России. Даже на многоземельных окраинах весьма часто эти крестьяне, еще только начиная переделы, уже имеют надел заметно ниже рабочей нормы, и поэтому, как уже сказано, разные формы ограниченного захвата и отводов, фактически сводящие распределение к рабочим силам семей, прямо сменяются потребительной разверсткой; в центральных же губерниях повсюду надел государственных крестьян уже колеблется около потребительной нормы или даже несколько ниже ее, а поэтому внутриобщинная борьба за землю, обостренная еще притом сравнительно невысокими платежами, приводит почти всегда к потребительному поравнению. У бывших же помещичьих крестьян надел уже повсюду ниже потребительной нормы и притом очень часто был или и до сих пор отягощен превосходящими его доходность платежами, соответственно чему у них только в слабом меньшинстве случаев наблюдаются потребительные формы общинно-передельного владения, а господствует либо передельно-податное, то есть общинно-выкупное, либо беспередельное семейно-выкупное владение.

В значительном большинстве государственных общин характер их пореформенного развития предопределился дореформенной их историей: привычка к общим переделам только при ревизиях и по ревизским мужским душам определила и темп, и форму самих переделов, и единицу производимого ими поравнения.

Как я уже сказал, привыкши делить только при ревизиях, государственные крестьяне в пореформенный период сначала совершенно не знали о своем праве делить «самовольно» и прямо боялись приступить к этому. Такое незнание «правов» и боязнь «самовольства» отмечены земско-статистическим исследованием по огромному большинству охваченных им уездов. Не только теряющие от передела семьи сопротивлялись переделу, но и выигрывающие от него, обделенные данным распределением, не решались на нем настаивать, все ожидая «ревизии», не смея ничего предпринять «без приказа начальства». . . Только постепенно, одна за другой, общины узнавали свои права и приступали к переделам, так что лишь в очень немногих уездах переделы начались и распространились на значительное количество общин уже в 70-х годах, основная же волна переделов, захватившая большинство государственных общин, поднялась лишь с начала 80-х (чаще всего именно с 81-го года), в конце 80-х и в начале 90-х годов; до настоящего момента

переделы продолжали распространяться, и теперь уже остались лишь кое-где островки непеределивших государственных общин. Таким образом, эта дореформенная инерция, это ожидание для переделов внешнего толчка, с одной стороны, сначала задержало переделы в среднем лет, вероятно, на 10, с другой же, зато придало им затем стремительный и массовый характер: назревшее, но задержанное, словно плотиной, уравнильно-передельное движение затем хлынуло и разлилось сплошными широкими потоками, и в какие-нибудь 10–15–20 лет община государственных крестьян Европейской России совершенно обновилась: из неподвижной и на вид омертвевшей превратилась в живой и интенсивно функционирующий организм. Такой же радикальный характер имели переделы и по самому существу своему: в огромном большинстве случаев государственные крестьяне, раз решившись на передел, уже не удовлетворялись частными поправками (выше уже обрисованными), а решительно и всецело отринули принцип ревизской души и произвели общие переделы уравнительно по всем живым душам той или иной категории. В этом опять проявилась дореформенная привычка к общим непременно переделам при ревизиях, так что крестьяне даже обыкновенно и называли эти пореформенные, по собственной их инициативе и в результате самопроизвольной внутриобщинной борьбы произведенные переделы «самовольными», «самовластными», «домашними», «не казенными, а натуральными», «самонатурными» ревизиями¹.

Ревизии же оставили пореформенной государственной общине и готовую единицу уравнительного распределения земли: живую наличную мужскую душу. Именно эти записывавшиеся при ревизиях души облагались подушной податью, они же отбывали воинскую и другие повинности, значит, именно только эти мужские души имели право на труд, на землю, поскольку оно вытекает из исполнения государственных обязанностей, то есть из самого конкретного его основания. Это же положение осталось и в пореформенный период: подушная подать существовала до 86 г.; воинская повинность и многие другие отбываемые только одними мужчинами общественные повинности остаются и до сих пор, и сами крестьяне как нельзя более отчетливо именно на них строят право на надел одних лишь мужских душ преимущественно перед женскими (которые тоже должны бы приниматься в расчет при потребительной разверстке, если исходить из одного лишь лежащего в праве на труд общего права на существование): «баба ни податей не платит, ни в солдатах не служит», а поэтому «бабьего стога не должно быть в поле» – говорили, например, исследователям крестьяне Суражского у.² и

¹ Приведенные чрезвычайно живые и характерные выражения я беру у г. Осипова из «Мат. Зап. Сиб.», в. XXI, по Курган. окр. Тобольск. губ., с. 123.

² См. «Мат. для оц. зем. Черниг. губ.», т. IX, Суражский у., с. 30.

т. д. И именно благодаря этим особливим правам мужских душ во множестве уездов переделы начались как раз с того момента, как на службу пошли «заревизные» парни, и крестьяне повсюду сами именно на это указывали как на причину, заставившую их, наконец, решиться на «самовольную ревизию»¹; у немцев же Камышинского у. первая сильная волна переделов поднялась уже даже при самом введении всеобщей воинской повинности в начале 70-х годов (то есть когда «заревизным» было всего от 12 до 17 лет) именно в предвидении того, что парни пойдут на службу и, значит, имеют право на землю.

Сама форма разверстки по всем мужским наличным душам, охватывающая основную массу разверсток потребительного типа, насколько радикальна, настолько же и проста почти до механичности и не требует детальных пояснений. При ней, как общее правило, все разного качества пахотные и другие участки разбиваются на столько частей, называемых «паями», «душами», «наделами» и т. п., сколько оказывается в общине в момент передела душ мужского пола, и затем каждая семья получает столько таких «земляных душ», сколько в ней имеется этих живых мужских душ; при этом, конечно, всегда возможны частные исключения, как, например, лишение части (очень редко всего) надела недоимщиков и т. п. лиц, распределение между отдельными семьями наделов выморочных и т. п. Только сравнительно редко такое распределение, установившись однажды, поддерживается затем непрерывно путем постоянных частных «свалок» наделов с умерших и «навалок» на народившиеся мужские души, обыкновенно же эта разверстка соединена исключительно с одними общими периодическими переделами, то есть уравнивающими совершенно заново и в новом размере (уменьшающемся по мере увеличения населения) всех хозяев. Сроки таких переделов иногда совсем не определяются или определяются неточно (например, «до надобности», «до новой ревизии», «бессрочно», что следует отличать от «навечно», о каковых переделах я уже буду говорить в главе о семейно-выкупном владении), в значительном же большинстве случаев назначаются заранее; они колеблются в пределах от 1 года до 25 и 30 лет, причем эти крайние сроки очень сравнительно редки, а преобладают сроки в 6, 9, 10, 12 и 15 лет. Что касается конкретных примеров этой разверстки, то я затрудняюсь их приводить именно ввиду полной одинаковости и элементарности их; укажу лишь два-три более ярких ее случая. Например, «в с. Бутр (Карачевского у. Орловской губ.) после ревизии разделили на 761 душу, куда вошли и солдаты, не попавшие в ревизию; затем в 74 г. дележ произошёл на 960, а в 87 г. – на 1046 наличных душ сроком на 10 лет»².

¹ Где же переделов еще не было, то сторонники их – семьи с ненаделенными «заревизными» душами – именно на этом аргументе основывали свое требование передела; в Славяносерб., напр., у. Екатериносл. губ. они говорили: «В солдаты пошел, а земли нема!» «Сынов берут, а мы без земли!» «Царя ли мы служители?» и т. д., и т. д. (см. «Сб. ст. св.» по этому у., в. III, с. 72).

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., т. V, в. II, с. 23.

В 63 селениях Токсовской волости Шлиссельбургского у. крестьян бывших ведомства коменданта Петропавловской крепости (с населением в 4 тысячи душ обоего пола), составляющих одну земельную общину (до 27 тысяч десятин земли), «в 95 г., после отчуждения части волостной земли под Охтенское опытное поле, через посредство землемера было произведено измерение всей волостной земли и разверстка ее между деревнями и отдельными домохозяевами, и хотя до этого момента земля состояла в наследственном пользовании, теперь она была распределена по всей волости в равной доле по числу наличных душ мужского пола, а семьи, состоявшие из одних душ женского пола, получали по одному душевому наделу»¹ и т. д. Интересно, что в иных случаях особенно интенсивно работает уравнительный механизм у бывших помещичьих крестьян: они применяют или ежегодные общие, или не только общие, но и постоянные частные переделы; так, например, в с. В. Дубенском Кузнецкого у. «ежегодные переделы по числу всех наличных душ мужского пола существовали с самого получения надела, и только в 1886 г. они отменены на 10 лет (ради удобрения земли), в течение которых, однако, предполагается ежегодная передача наделов умерших вновь родившимся². Или, например, в общине бывших «свободных хлебопашцев» (освобождены при крепостном праве) Лапуховке (Елецкого у. Орловской губ.) «с выхода на волю разверстывают землю по наличным душам ежегодно, каждому родившемуся мальчику тотчас же дают надел, но переделывают всю землю через 3 или 4 года, а в этот промежуток раньше наделяли из запасной нераспаханной земли; ее уже теперь, впрочем, нет; солдатам дают землю, вдовам без детей мужского пола – нет»³ и т. д. ... Итак, на этих примерах мы ясно видим, что мужская

¹ См. «Сб. ст. св.» по Петербург. губ. 97 г., в. IV, с. 134. Приведу еще любопытный пример уравнительного передела городской земли. В заштатном городе Сухиничах (Козельского у. Калужской губ.), имеющем много земли и преобладающее земледельческое мещанское население, «вся общественная земля раздается в платное срочное пользование гражданам этого города. До 1886 года разверсточной единицей для раздачи служила ревизская душа мужского пола. В заседании 16 мая 1885 г. дума, имея в виду, что на 1887 г. посев ржи будет происходить по новой раздаче, поручила управе составить перепись наличных душ мужского пола. По данным переписи оказалось в городе купцов, мещан и приписанных не менее 3,000 душ», в том числе много не имеющих оседлости. Дума постановила: «всех приписанных и тех, которые не имеют в городе оседлости, исключить из раздачи» и избрала 5 лиц для учета, «по сколько придется на каждый участок душ». Кроме того, те же лица должны были совершить переоценку прежних участков, так как цена некоторых неравномерна. Срок раздачи 12-летний. Число нарезанных в каждом поле участков определилось в 196, а группа лиц, получающих участок, в 15 душ мужского пола, каковые и разделяют полученный участок между собой на загоны. Получившие имеют право передавать свои части любому из граждан города и загоны членам своей группы. Сдача земли сторонним лицам воспрещается: «чтобы всей землей владели граждане своего города». На городском выгоне каждый домохозяин имеет право пасти не более 2-х коров. Остальные угодья, напр. сенокос, сдаются в аренду с торгов, кому придется (Стат. опис. Калужск. г., т. I, в. II, с. 54–55).

² См. «Сб. ст. св.» по Кузнецкому у., с. 117.

³ См. «Сб. ст. св.» по Елецкому у. «Описание вол. и сел».

наличная разверстка, решительно и окончательно разорвав дореформенную оболочку ревизской души, сама принципиально только буквально повторяет, воспроизводит эту форму, а не развивается во что-либо новое, высшее. Однако во многих случаях из этого ствола ревизского поравнения вырастают не совсем оригинальные системы: таковы разверстки, представляющие дальнейшее развитие того самого потребительного принципа, который лежит в основе наличной мужской разверстки, но далеко не совершенно осуществляется ею. Легко в самом деле заметить, что при наделении семей по числу мужских в них душ потребительный принцип резко нарушается сразу в двух направлениях. Во-первых, одинаково наделяются дети, даже грудные, и взрослые, в то время как потребительные нужды последних в несколько раз больше. Во-вторых же, совершенно игнорируются женские души, и поэтому семьи с относительно малым числом мужских и большим – женских душ являются резко обделенными, а часто женские семьи даже и вовсе безземельными. Правда, что неуравнительность эта, вследствие некоторых частных условий, в действительности не так велика, как может показаться с первого взгляда: так, например, при переделах через долгие сроки наделение детей неизбежно, ибо лучше их временно, так сказать, переделить, чем совсем не наделить, и вскоре по мере их вырастания эта неравномерность исчезает; ненаделение женских душ помимо вышеуказанного неучастия их в общественных обязанностях объясняется еще между прочим тем, что все девушки, выходя замуж, уходят из семьи, так что этим в конце концов исправляется неравномерность, и т. п. Но ясно, что всем этим основные недостатки налично-мужской системы могут лишь смягчаться, но не устраняться и что для полной уравнительности по потребительному принципу необходимо, во-первых, не равное, а пропорциональное наделение разных возрастов и, во-вторых, наделение в той или иной степени не только мужских, но и женских душ. Оба эти логически-априорно выведенные нами коррективы, совершенно неизвестные дореформенной общине, применяются уже в пореформенный период во множестве общин всевозможных местностей.

Что касается пропорционального наделения мужских душ разных возрастов, то его мы уже, собственно, видели при рассмотрении производительных разверсток: ясно, что исключение из наделения мальчиков до 1, 3, 5–7 и даже 10 лет вытекает не только из принципа распределения по рабочим силам, но есть в то же время и потребительная уравнительная по возрастам разверстка, так что во множестве случаев разграничение той и другой можно провести только искусственно. Например, в малоземельных местностях, где ограничение наделения известным возрастом иногда прямо мотивируется недостатком в земле, то есть, значит, имеет уже чисто потребительный мотив, назначаются те же возрасты, как и в выше рассмотренных более многозе-

мельных местностях с производительным типом разверстки: такой случай мы имеем, например, по Екатеринославскому у., где общины (вследствие недостатка земли) дают надел мальчикам лишь 1, 5, 7, 10, 17 и даже 23 лет, или в Воронежской губ., где в некоторых общинах наделяют с 3, 5, 7, 8, 15, 16, 18 лет, в Тульской губ. – с ограничением от 1, 3, 5 лет и т. д.¹ Надо заметить, что и сами крестьяне совершенно ясно формулируют мотивы и смысл такого ограничения по возрастам; например, в дер. Зыковской (Калязинского у. Тверской губ.) «в 87 г. решили было переделить землю по наличным душам мужского пола, но перед самым переделом многие высказали неудовольствие по поводу сделанной разверстки: что месячный мальчик, что мужик получают все поровну, а первые хлеба не едят, и большому нужно больше, чем малому». Поэтому решили давать землю только на лиц мужского пола от 6 лет...²

Но само собой разумеется, что вполне рациональной повозрастной разверсткой было бы не полное лишение надела младших возрастов, а наделение их в уменьшенной по сравнению со взрослыми пропорции. Именно такая разверстка и появилась уже во многих общинах. Например, в слободе Бабинке Аткарского у. (Саратовской губ.) «на подростков с 14 до 15 лет общество накладывает $\frac{1}{4}$ души, с 15 до 17 л. – $\frac{1}{2}$ души, с 17 до 18 лет – 1 душу и с 18 до 60 лет – 2 души; старики 60 лет могут складывать с себя души»³. В Муромском у. Владимирской губ. в с. Климове при переделе, вообще говоря, на все наличные мужские души на мальчиков до 10 лет давали только полдуши, а всем остальным – по полной душе»; в селениях Окуловке и Туртапке «пятнадцатилетним давали $\frac{1}{2}$ души, 18-летним душу, а работникам старше 18 лет – $\frac{1}{2}$ души; старикам 1 душа оставлялась до смерти»⁴. Особенно распространен и крайне детально, во множестве вариаций разработан этот принцип дробной пропорциональной мужской разверстки в Нижегородской губ. (для примера привожу еще в примечании образцы разверстки по Макарьевскому у. Нижегородской губ. и по Кубанской обл.)⁵ и т. д., и т. д. Наберется,

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 127; в. I, с. 97; в. II, с. 36 и др.

² См. «Сб. ст. св.» по Тверск. г., т. V, с. 76.

³ См. «Сб. ст. св.» по Аткарскому у., в. 2, с. 180.

⁴ См. «Мат. для оц. зем. Влад. губ.», т. I, в. I, с. 37.

⁵ Так, здесь в деревне Верхний Красный Яр, где полная душа считалась только с 17-летнего возраста, то есть почти с рабочего возраста, полурабочие подростки от 10 до 17 лет принимались в $\frac{1}{2}$ души, а мальчики начиная с 4-х лет – в $\frac{1}{4}$ души. Принимались во внимание (а именно: клалось по $\frac{1}{6}$ души) и мальчики младше 4-летнего возраста, если при них было много девочек. Поэтому в с. Кременках женатый работник принимался в 1 $\frac{1}{2}$ души, а подросток, начиная с 5 лет, только в $\frac{1}{6}$ души. «Жалеючи» прибавляли здесь по $\frac{1}{4}$ души на 3-х девочек при одном мужчине («Мат. для оц. зем. Нижегород. г., в. XII, с. 85). В стан. Марьянской Кубанской обл. «при переделе 1882 г.: 1) для 1095 лиц мужского пола, начиная с 19 лет, был определен пай в 9 десятин; 2) для 138 малолетков 16, 17, 18 лет – по 6 дес.; 3) для 974 «недорослей» (с рождения до 16 лет) – по 2 дес.; 4) для 117 вдов по 3 дес.; 5) для 1168 душ женского пола, исключая замужних женщин, по 1 дес. Родившихся затем после 13 окт. 1881 г. общество решило вовсе не наделять землей до нового передела в течение 10 лет» («Зем. общ. куб. каз.», с. 100).

повторяю, много десятков уездов, где эта мужская дробная повозрастная разверстка выработалась в крупном количестве общин, в самых разнообразных и притом тонких ее грациях и модуляциях (подчеркну теперь кстати, что вышеописанное наделение «заревизских» уменьшенными наделами умирающих ревизских душ также практически представляет грубую форму этой дробной повозрастной разверстки). Главное же это то, что устанавливается она в своем чистом потребительном значении именно только при переделах последнего времени и чем дальше, тем все чаще и чаще...

Еще быстрее нарождается и развивается наделение женских душ рядом с мужскими. Уже во множестве случаев собственно налично-мужской разверстки очень часто наделяются в виде исключения и некоторые женские души, а именно в семьях, где их особенно много или даже вовсе нет мужчин. Такой случай мы уже видели, например, в вышеприведенном образце передела 95 г. в Шлиссельбургском у., затем те самые общины Суражского у., которые, как мы видели, считают, что, как общее правило, «бабьяго стога не должно быть в поле», все-таки в виде исключения дают тем отцам, которые «народят все дивчат», «душевину-другу» (то есть один-два душевых надела), потому что «дивка все-таки не кукла – пить-есть хочет»¹. Буквально то же рассуждение и те же постепенные поправки мужской разверстки наделением некоторых семей исключительно женскими душами появляется и повсюду. Например, в Рязанском у. крестьяне также говорят, что «и девка жрать хочет», «девка не баран, не зарежешь», и иногда «прибавляют землицы» на семьи с большим числом девок². В Славяносербском у. Екатеринославской губ. при начинавшемся в момент земско-статистического исследования в 85 г. переделе «на баб давать земли не думали, ибо такого “заводу нет”»³, но признавали, что это справедливо», в Павлоградском у. той же губ., по сведениям податных инспекторов за 87–93 гг., уже в некоторых волостях при переделах отводится земля и женщинам, если в семье есть мужчина, способный обрабатывать надел⁴. В Богодуховском у. Харьковской губ. при переделах на мужские личные души иногда назначают возраст, ниже которого не дают земли, а в то же время в селе Ивановском постановили не давать одной семье больше 6 наделов, хотя бы в ней мужских душ и было больше, а эти остаточные наделы отвести наиболее многодушным, то есть с преобладающими женскими душами семьям⁵, и т. д., и т. д. Вряд ли, словом, найдется хоть один уезд,

¹ См. «Мат. для оц. зем.» Черниг. губ., т. IX, с. 30.

² См. «Сб. ст. св.» по Рязанскому у., с. 7, статьи об общине.

³ См. «Сб. ст. св.» по Славяносербскому у., в. III, с. 74.

⁴ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 128.

⁵ См. «Сб. ст. св.» по Богодухов. у., с. 66. Приведу еще несколько характерных случаев. В Сердобском у. (Саратовской губ.), например, бездетная вдова не получает надела, если же у нее есть дети, хотя бы женского пола, мир дает ей целый или часть душевого надела на прокормление (Сборн.

где бы при значительном распространении общинно-передельной формы в виде разверстки по наличным мужским душам не встретились отдельные, а иногда и многочисленные случаи коррективы ее дополнительным наделением по уменьшенной норме и некоторых наиболее обделенных женских душ. Между прочим, во многих уездах самых разнообразных местностей – от Новороссии до Сибири – встречаются так называемые «пропитанные наделы», то есть наделы, освобождаемые общиной от податного оклада (обыкновенно вполне, а иногда лишь частью) и отводимые ею «для пропитания» разным слабым безработчим семьям – вот эти-то «пропитанные наделы» очень часто получают наряду со стариками, калеками, сиротами и т. п. и вдовы, девицы и другие «женские души»¹.

Но все эти редкие и частичные поправки представляют только самое первое и слабое проявление пореформенного усовершенствования потребительного поравнения. Рядом с ними уже во множестве случаев и во всевозможных местностях России общины выработали и установили несколько разновидностей полных потребительных разверсток по душам обоего пола. Среди них можно различить два основных вида, соответствующих целям и условиям земельного поравнения в разных местностях. Первый вид возник именно из или вместо только что рассмотренной разверстки по мужским душам. Уже при самом начале борьбы за переделы в начале 80-х годов многие семьи сразу требовали не традиционной разверстки по одним мужским душам, а по всем без исключения – и мужским, и женским; особенно это наблюдалось на юге России: «все мы одинаково хрещени – и сыны, и дочки, и вдовы, – то треба и усиим поровну земли даваты» – записан, например, отзыв в Херсонском у., «все одинаково и им исты треба» – говорили другие крестьяне в той же губернии. Это потребительное право женщин, этот своего рода деревенский «женский вопрос» сразу так резко встал на юге, не знавшем долгой традиции переделов по мужским душам, что во многих местах даже мешал уравнительным переделам: за передел по душам обоего пола еще не собиралось большинства, передела же по одним мужским душам не допускали семьи, стоявшие за первый принцип и которым все-таки выгоднее было сохранение ревизской разверстки, чем передел по мужским душам. Так что, например, земско-статистическое исследование Херсонской

стат. свед. по Саратов. губ., т. IX, Сердоб. у., с. 142). В Воронежском у., за немногими исключениями, вдовы и сироты обыкновенно пользуются совершенно безвозмездно целыми душевыми наделами или частями их (Сб. ст. св. по Воронеж. у., с. 83). В Херсонском у. также женщинам при переделах иногда дается надел в меньшем размере, чем мужчинам... (см. «Сб. ст. св.» по Херсонск. у., с. 197). В общинах Орловского у. при переделах на наличные мужские (в 40 из 56 госуд. общин) давали по 1 наделу на семью без лиц мужского пола. И т. д., и т. д.

¹ Ряд примеров наделения женщин и «пропитанных наделов» сгруппирован у г. В. В. в его «Общине», с. 317–326.

губ. констатировало в первой половине 80-х гг. только сильную борьбу за переделы и только первые слабые попытки разверстки на женские души, причем, однако, автор статьи по Херсонскому у. уже получил такое впечатление, что «вопрос может разрешиться в пользу наделения землей женщин наравне с мужчинами»¹. Так оно действительно и вышло: по данным податных инспекторов за 87–93 гг. и г. Осадчего за этот же период, в 3-х уездах Херсонской губ. переделы по душам обоого пола в это время уже произошли в нескольких общинах (преимущественно бывших военных поселян)²... В немногих случаях общинного владения в Полтавской губ. мы также встречаем несколько интересных образчиков первых переделов в пореформенный период, сразу принявших за основание души обоого пола. Так, например, крестьяне с. Светличного (Лохвицкого у.) в 87 г. приговорили: «Так как ревизия уже более 30 лет не было и т. к. душевая подать уничтожена, а платежи наложены на землю», то переделить всю землю «на подворные участки по числу наличных душ обоого пола» сроком на 6 лет «или до распоряжения правительства» (при этом за наделением всех душ обоого пола по 1 дес. остаточный небольшой участок в 28 дес. был распределен между несколькими хозяевами с большим числом взрослых рабочих)³. Или в хуторе Снежкове (Роменского у.) «для уравнивания и поддержания благосостояния»... вся пахотная земля, разделенная издавна на ревизские души, распределяется теперь по числу едоков таким образом, что на каждые 5 едоков (то есть душ обоого пола) в семье дается 1 ревизский надел, «и каждый год, смотря по прибыли или убыли душ в хозяйствах, каждому из них земля прибавляется или убавляется»⁴. Совершенно такой же способ разверстания ревизских земельных наделов по живым наличным душам обоого пола указан, например, и в Козельском у. Калужской губ.⁵ и в других.

Во многих же случаях общины не сразу переходили от установившейся при последней ревизии (у государственных) или при освобождении (у помещичьих) ревизской мужской разверстки к наличной по душам обоого пола, а сначала сменяли первую на налично-мужскую и затем уже переходили к последней. Так, например, бывшие помещичьи крестьяне сельца Лунева Бол-

¹ См. «Мат. по оц. зем. Херсонской губ. Херсонского у.», с. 203.

² См. книгу Осадчего «Крестьянское надельное землевладение в Херсонской губернии», с. 176, и «Мат. под. инсп.», в. I, с. 117 и 118. Подобные же случаи отсутствия переделов по душам обоого пола при первом земско-статистическом исследовании в первой половине 80-х гг. и констатирования их во вторую половину 80-х и в начале 90-х гг. (либо повторным земско-статистическим исследованием, либо материалами податных инспекторов) я встретил еще по Евпаторийскому у. Таврической губ., Гдовскому – Петербургской, по нескольким уу. Казанской и Саратовской губ.; о них я скажу еще подробнее в последней главе.

³ См. «Сб. ст. св.» по Лохвицкому у., с. 40.

⁴ См. «Сб. ст. св.» по Роменскому у., с. 30.

⁵ См. «Ст. опис. Калуж. г.», т. I, Козельский у., в. 2, с. 30.

ховского у. (Орловской губ.) в 67 г. разделили землю на 51 ревизскую душу. Через 8 лет после этого был коренной передел: разверстали угодья на 62 наличные (мужские) души сроком на 9 лет. После же этого дележ был по едокам, считая 7–8 едоков на $\frac{1}{26}$ часть полевой земли¹. Или в бывшей государственной деревне Скоросове (Весьегонского у. Тверской губ.) «при ревизии земля была разделена на сто пятьдесят две души. Для уравнивания земли по изменившемуся семейному составу 1874 г. был произведен коренной передел земли по наличным душам мужского пола всего на сто сорок одну душу. В 1889 г. произвели опять третий передел по едокам уже на сто пятьдесят две души, причем всякое лицо, независимо от пола, от новорожденных и до дряхлых стариков, получило на $\frac{1}{2}$ души или 1,5 дес. земли. Землю получили и бобыли, и бывшие безземельные, долгое время настрадавшиеся без земли. При этом некоторые домохозяева с купчей землей отказались от своих паев в пользу многосемейных и бобылей»². . . И т. д.

Однако в общем эта более чистая и арифметически-правильная (то есть именно наделение поровну всех душ обоего пола) разверстка по едокам, выросшая из такой же на арифметическом принципе построенной разверстки по мужским (ревизским или наличным) душам, встречается сравнительно редко; кроме отдельных случаев ее в упомянутых уже губерниях я встретил ее еще лишь в Ярославской, Симбирской и особенно в Тульской губ., где она распространена в Тульском у. (в 12 волостях из 17) и встречается также в уу. Богородицком и Крапивенском³. В гораздо же большем числе губерний и в значительно большем количестве случаев развилась другая разновидность высшей потребительной передельной формы: разверстка не строго поровну на каждого едока, а пропорционально и приблизительно, в зависимости частью также от возрастов наделяемых, частью от общих нужд и особенностей семьи, особенно от ее рабочих сил, доходов и т. д., разверстка, называемая крестьянами «по кормежу», «по семейству глядя», «по нужде», «по действительной надобности», «по числу имеемой надобности в семействе», «по семейственности» и т. п. Эта разверстка, строго говоря, принципиально должна быть поставлена выше всех других, так как она, во-первых, за основание принимает наивысший принцип вызываемого данными условиями потребительного распределения, а, во-вторых, корректирует его, исходя из других критериев, никогда не могущих терять вполне своего правового экономического значения. Обыкновенно эта разверстка «по семейственности» развивается в вышеобрисованных и других местностях с наделом или большим, или тяжелым по обработке или по податному обложению в тот момент,

¹ См. «Сб. ст. св.» по Орловск. губ., т. VI, в. II, с. 57.

² См. «Сб. ст. св.» по Тверск. губ., т. XIII, в. I, с. 46.

³ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 70 и в. II, с. 36 и 64.

когда первое и третье условия исчезают, таким образом, она чаще всего сменяет рабочую разверстку и сравнительно реже фигурирует при первых переделах и в замену ревизской мужской разверстки.

Первой стадией потребительной разверстки «по семейственности», строго говоря, необходимо считать вышеобрисованную разверстку «по согласию», представляющую, собственно, целый ряд тонких, незаметных переходов от рабочего к потребительному принципу, начиная со случаев, когда первый доминирует и лишь корректируется вторым, и кончая обратными комбинациями. Поясню это несколькими примерами. «В Вятском у., где земля вообще разверстывается по рабочему составу дворов, нередко допускаются отступления в пользу начала распределения по едокам: малорабочему, но многосемейному двору (с большим числом едоков) прибавляется против нормы $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ надела и более». «В селениях с землей похуже Александровского у. (Владимирской губ.) при разверстке по работникам принимается нередко в соображение, с одной стороны, женская рабочая сила двора (здесь мы видим еще не указанное нами основание в пользу наделения женских душ: девка или баба не только «жрать хочет», но и представляет рабочую силу), количество скота, вообще его состоятельность, а с другой – число едоков в семье»¹. В этих случаях несомненно преобладает еще производительный принцип над потребительным, но вот в Вяземском у. Смоленской губ. уже невозможно определить, какой из них сильнее: «основание передачи наделов (от одного другому хозяину) изменяется чуть не с каждым отдельным ее случаем, смотря “по нужде”, “по согласию”. Одному мир дает землю потому, что “семья велика, едоков много”, другому потому, что двор хозяйственный, “землю сподобит, не вымоет да и подати сполна оплатит”», и т. д., и т. д.². Совершенно подобные же случаи, о которых сами авторы статей в земско-статистических сборниках не знают, отнести ли их к производительному или потребительному типу разверстки, очень часты в таких местностях, как Нижегородская, Тверская и т. п. губернии (см. еще несколько таких примеров в примечании)³.

Точно так же с одинаковым основанием можно отнести и к производительному, и к потребительному типу весьма замечательную по уравнительности дробную, так сказать, разверстку наделов в зависимости и от пола,

¹ См. там же, в. I, с. 31 и в. II, с. 48.

² См. «Сб. ст. св.» по Смоленск. губ., Вяз. у., статья Харламова, с. 42.

³ В Васильевском у. Нижегородской губ. имеется значительная группа общин, а именно 38, где распределение наделов производится по усмотрению общества в зависимости от числа едоков и общей исправности домохозяйства. При исчислении едоков принимается во внимание их возраст, и души передаются целиком или частями в зависимости от особенностей каждого частного случая (см. «Матер. для оценки земель Нижегород. губ. Васил. у.», с. 157). Эта же разверстка особенно распространена и в Кашинском, Осташковском уу. Тверской губ. (см. «Сборники» по этим уу. и «Мат. подат. инсп.», в. II, с. 84) и в других...

и от возраста членов каждой семьи, разверстку тоже довольно частую и в местностях, где все без исключения хозяева дорожат наделом. Например, в знакомом уже нам Суражском у., где при земско-статистическом исследовании в 81 г. только в двух селениях наделяли всех женщин, для конца 80-х и начала 90-х гг. (особенно 92–93 гг.) «Материалы под. инсп.» отмечают уже заметное распространение именно этой дробной разверстки: например, «в Батуровке муж с женой получили 1 надел, сын старше 17 лет (то есть жених уже) тоже 1 надел, малолеток мужского пола – $\frac{1}{2}$ надела, девочка – $\frac{1}{4}$ надела; в с. Сборье муж и жена получили 1 над., сын старше 18 лет – 1 над., бездетные вдовы и мальчики – по $\frac{1}{2}$ надела, остальные лица женского пола – по $\frac{1}{4}$ над., причем для немногих хозяев сделаны отступления ввиду их имущественного положения и рабочего состава; в д. Хорминке на 2 мужчин или на 6 женщин – по одному наделу; в с. Летяхове на 2 мужчин и на 3 женщин, без различия возраста, – по наделу, при этом домохозяева, ненадежные в отношении платежа или у которых предвиделась скорая убыль душ, получили меньше земли, чем следовало по общему расчету»¹. Эта же разверстка встречается и в совершенно других местностях, например, в Нижегородской губ.² и т. п.

Наконец, в целом ряде обширных районов, где надел с самого начала пореформенной эпохи высоко ценился крестьянами или, чаще всего, где он приобрел высокую цену (вследствие ряда причин, о которых скажу в следующей главе) с конца 70-х и в 80 гг., начинают устанавливаться все в бóльшем и бóльшем количестве случаев уже чистые или почти чистые разновидности разверстки «по нужде», «по семейственности». Эти разверстки, например, и в только что поименованных губерниях с производительно-потребительными типами распределения встречаются уже гораздо чаще последних и с течением времени берут все больший перевес. Например, в Сарапульском у. Вятской губ. рядом с рабочей разверсткой уже в 52 общинах при переделах «принимаются во внимание женские души того или другого возраста, причем на первый план ставили потребительные нужды семьи и уже на второй план – ее рабочие силы и состоятельность»³; то же отмечено и для Яранского у. и других той же губ.⁴. Этот же переход к типично-потребительным разверсткам «по семейственности» отмечают «Мат. под. инсп.» по Мелетковскому, Юрьевскому, Суздальскому уу.

¹ «Мат. под. инсп.», в. II, с. 18.

² Здесь, например, в Лукояновском у. в некоторых общинах мужу и жене отводят 1 надел, на каждое лицо мужск. п. сверх брачной пары отводится также полевой надел (без различия возраста), а женщинам по $\frac{1}{4}$ над.; но чтобы избежать дробления полос, менее 1 надела не отводят, то есть одной женщины (сверх брачной пары) в расчет не принимают и отводят двум и трем женщинам $\frac{1}{2}$ надела, четверем и пяти – полный надел и т. д.». См. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 58.

³ «Мат. по стат. Вятск. г.», т. VII, ч. I, с. 19.

⁴ «Мат. под. инсп.», в. I, с. 48.

Владимирской губ., по Васильскому и другим уездам Нижегородской, по Кашинскому, Бежецкому, Осташковскому, Весьегонскому, Тверскому уу. Тверской губ., наконец, по Бельскому, Поречскому, Духовщинскому (и, по-видимому, Сычевскому и частью Смоленскому уу.) Смоленской губ., где «почти все селения... стали более дорожить наделами со времени понижения выкупных платежей и отмены подушной подати и делят землю по наличному составу дворов, без различия пола и возраста или принимая за едоков детей только с 3 или 5 лет». Те же чисто потребительного типа переделы «по семейственности» или даже строго «по едокам» преобладают в Стародубском у. Черниговской губ. и изредка встречаются в Новгородсверском у. той же губ. и в Велижском у. Витебской губ. Затем этой же разверстки преимущественно держаться в Малоярославском и Лихвинском уу. Калужской губ.; она заметно распространена в Псковском, Опочецком, Великолужском уу. Псковской губ. и в Гдовском у. – Петербургской губ., в Боровичском у. – Новгородской, и отмечено ее появление в последнее время (в конце 80-х и начале 90-х гг.) в Новгородском, Старорусском, Череповецком и Демянском уу. Новгородской губ., в Каргопольском у. Олонецкой губ., в Шенкурском у. Архангельской губ.; наконец, во всей Вологодской губ. «преобладающий порядок разверстки земли – по едокам, без различия пола и возраста», причем в уу. Яренском и Устьсысольском он «существует издавна», в остальных же уездах, за исключением Вельского и Тотемского (где преобладают ревизская и налично-мужская разверстка), «он устанавливается постепенно»: к нему «переходят те селения, где крестьяне дорожат наделами...»¹.

По-видимому, в этих столь различных местностях эта разверстка характеризуется теми основными признаками, что, во-первых, при ней переделы обыкновенно бывают частыми, но частными и что, во-вторых, потребительная нужда каждой семьи определяется не одним каким-либо критерием, а известной совокупностью, известной комбинацией их и в большей или меньшей степени корректируется производительным принципом. Наилучший пример ее дает нам следующий крестьянский приговор одной общины Туринского округа Тобольской губ. (в этом округе ее уже приняли более 60 общин из нескольких сот общин округа): «Многие из общественников... имеют в своем пользовании по едокам в семействах своих пахотной и сенокосной земли неуравнительно: есть такие [дворы], которые состоят из 5-ти и до 13-ти едоков и землей пользуются одним и до четырех душевых наделов, которым пропитывать свои семейства трудно, именно – такие-то... а есть такие, у которых находится в пользовании земли достаточное количество, а едоков мало, именно – такие-то... всем этим поименованным против вышепрописанных существовать очень выгодно; и чтобы не довести первых до нищеты и рас-

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 48, 57, 82, 108, 15, 113, 102 и в. I, с. 6, 2, 9, 17, 22, 25.

стройства семьи... присогласовали произвести переверстку земли по едокам, для чего от многодушевых крестьян отобрать землю и отобранной удовлетворить первых по числу душ-едоков: отделить от таких-то столько-то таким-то...» Таким образом, «самое отобрание и передача душ производились общинами не на основании каких-либо точных и определенных признаков, а на основании точного и близкого их знакомства с состоянием хозяйства каждого общинника и, в частности, со степенью избытка или недостатка земли в сравнении с его потребностями¹. Какие именно соображения принимались тут во внимание общинами – это показывают нам, например, объяснения крестьян, записанные по Черниговской губ.: здесь при определении семье количества наделов принимается в соображение и то, что «в такой-то семье скоро парень женится и, значит, прибудет в ней едок, а потом пойдут пискуны», и то, что «в такую-то семью в нынешний год солдат со службы вернется», а в такой-то «парня беспременно забреют»², и т. д. Или в д. Семеновщине Осташковского у. Тверской губ. «на работника домохозяина, но бездетного, давали 1½ души, на работника с мальчиком и девочкой – 2½, на работника с несколькими девочками – 2 души; а четыре работника в семействе из 15 душ получили 6 душ» (то есть сравнительно меньше). Объясняют все это крестьяне так: «В большом семействе все идет споре, работник и на сторону может отлучиться; на мальчика дают больше, чем на девочек, потому что он в солдаты пойдет, куда ему придется высылать в год рублей 20; или он на земле останется, а девушка замуж пойдет» и т. д.³ Такая же предусмотрительность отмечена по Демянскому у. Новгородской губ. и по Гдовскому Петербургской⁴, и т. д.

Уже этого беглого очерка, полагаю, достаточно, чтобы читатель убедился, до какой максимальной уравнительности доработался уже во многих случаях общинно-передельный механизм; мы видели, что перераспределение земли при разверстке «по едокам», «по семейственности» максимально уравнительно не только по объективному, основному своему принципу, но и в субъективном, так сказать, приспособлении его и к конкретным обстоятельствам... Должен сознаться, что я боялся верить этой развертывавшейся передо мной по мере пересмотра материалов эффектной картине уравнительно-передельных успехов, самостоятельно достигнутых значительной частью

¹ См. «Мат. Зап. Сиб.», в. III, с. 31, 32.

² См. «Мат по оц. зем. Черниг. губ.», в. IX, с. 30.

³ См. «Сб. ст. св.» по Тверской губ., т. XII, в. I, с. 59–60. Крайне любопытное в этом же роде меньшее наделение сравнительно сильно-рабочих дворов я встретил как единичный факт по Себежскому у. Витебской губ.: здесь в одной волости указана поимущественная, но только, так сказать, навыворот, разверстка, то есть наиболее зажиточные получают меньше земли («Мат. под. инсп.», в. II, с. 113). У меня нет, к сожалению, данных для анализа этого оригинального случая, прямо, так сказать, антипроизводительной разверстки...

⁴ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 9 и «Стат. сб. по С.-Петербур.» за 97 г., в. IV, с. 72 и 82.

общин в пореформенный период: невольно вставало сомнение, действительно ли эти разверстки так высоки, как их описывают, не скрываются ли, например, под этими поправками основного принципа произвол и злоупотребления мира в пользу богатых или выставивших водки, давших взятку хозяев и т. п., а главное, действительно ли сами крестьяне вполне своим умом нашли и применили эти несомненно наивысшие по приспособленности к цели и условиям системы, не внесены ли они извне, свыше, администрацией например?.. Все материалы, которыми я располагаю, обязывают меня дать решительно отрицательный ответ на оба эти вопроса.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы эти материалы вовсе не указывали на отдельные и иногда довольно многочисленные случаи злоупотреблений, подкупов, пристрастия «мира» или его уполномоченных при переделах. Но, во-первых, ни по одному уезду я не встретил указания, чтобы такое господство силы и случая было общим правилом при какой бы то ни было системе разверстки, а всегда оно представляет исключение из правила, то есть рядом со строго вытекающим из данного принципа разверстки наделением большинства хозяев только некоторые наделяются несогласно с ним и терпят обиду. Во-вторых же, и эти случаи отмечены почти исключительно при тех лишь формах, которые я уже и без того отношу к категории особого уклонения и разложения общины (см. следующие главы); в описанных же в этой главе типичных общинно-передельных формах даже и отдельные случаи злоупотребления крайне редки и притом встречаются почти исключительно лишь при первых переходных формах общинно-передельных разверсток, то есть при первых переделах, или при переходе к ним от общинно-выкупного владения и т. п. Такие, например, случаи отмечены по Оханскому у. Пермской губ., где в иных волостях еще много участков осталось в захватном владении и из-за них идут сильные раздоры¹; затем, например, по Вяземскому у. Смоленской губ. отмечено, что иному хозяину отводят надел только потому, что «сам попросил на поправку», пообещавшись исправно платить подати да поставивши «малую толику» водки², и т. д. Как видит читатель, такие отдельные и слабые тени на разверстке «по семейственности», вообще столь редкие и притом появляющиеся лишь в период складывания, брожения этой формы, могут скорее лишь оттенить, а не затемнить ее: как вообще в развитии и действии обычного права немислима полная правильность и единообразие и даже, наоборот, последняя указывает на механичность, мертвенность данной формы, так в настоящем случае эти редкие и вполне объяснимые уклонения только оживляют и оттеняют яркую картину пореформенного прогресса в системах общинного «поравнения»...

¹ См., напр., Никольскую волость в «Подворном исследовании 90–91 гг.», в. I, с. 131.

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 11.

Настолько же решительны показания материалов и по вопросу о степени инициативности и самостоятельности этого прогресса. В «Материалах податных инспекторов», указывающих разверстку «по едокам» и «по семейственности» в большем или меньшем распространении по 57 уездам в 20-ти губерниях, лишь по двум уездам отмечено, в одном (Демьянском у. Новгородской губ.) – что она распространяется «под влиянием земских начальников», и в другом (в Краснинском у. Смоленской губ.) – что она развилась со времени (? автор не поясняет, совпадение ли тут во времени или причинная зависимость) «учреждения должности земских начальников». Но при ближайшем рассмотрении и эти два случая теряют всякое значение. Во-первых, им можно противопоставить тоже как раз именно два противоположных случая: в Туринском округе Тобольской губ. разверстка по едокам установилась (в 60 общинах) вопреки «начальству», которое в лице местного чиновника по крестьянским делам рекомендовало крестьянам традиционную налично-мужскую разверстку¹; также во всей Тверской губ. губернское по крестьянским делам присутствие рекомендовало крестьянам в особых разосланных по волостям «примерных правилах» переделывать по работникам мужского пола, а некоторые волостные правления, принимая эти «правила» за обязательные, прямо заставляли общины принимать при переделах именно этот принцип, но несмотря на это, как уже было указано, разверстка по едокам распространилась уже после этого циркуляра в нескольких уездах во многих десятках общин по каждому, причем по Осташковскому у. указаны такого рода, например, случаи, что крестьяне, боясь поступить против «правил», принимаемых ими за нечто вроде закона, официально для виду постановили переделить по работникам, а на самом деле переделали по едокам...² Значит, если мы по отношению к этой разверстке находим по меньшей мере такое же, если не еще большее противодействие свыше, как и содействие, то уже во всяком случае не имеем права приписывать последнему мало-мальски заметного положительного влияния и с полной очевидностью видим, что эта разверстка

¹ Что «способ этот явился самостоятельным созданием местного общинного духа», это г. Кауфман доказывает ссылкой на то, что, устанавливая раскладку «по едокам», крестьяне, очевидно, боялись даже, что раскладка эта как несогласная с советом «мирового» встретит со стороны последнего протест; такой смысл имеет, например, очевидно, оговорка, сделанная в конце приговора Лебедевского сельского схода: «хотя настоящее наше распоряжение неуравнительно (очевидно, с точки зрения принципа разверстки по душам муж. пола), то это потому, что вышеозначенное уравнение произведено с согласия всех»... («Мат. Зап. Сиб.», в. XIII, с. 33).

² См. «Сб. ст. св.» по Тверской губ., т. XIII, в. I, с. 45. Должен оговориться, что кроме «Мат. под. инсп.» я встретил еще один факт вмешательства администрации в пользу наделения женщин по Кубанской обл., где это наделение рекомендовалось казакам, как и вообще уравнительные переделы, особым циркуляром начальника области. Однако г. Щербина также приводит ряд фактов, доказывающих, что казаки вовсе не считали себя обязанными следовать этому указанию и устанавливали данный порядок только в отдельных случаях, когда сами приходили к сознанию его рациональности (см. «Зем. общ. куб. каз.», с. 99–108).

может развиваться и развивается без него и даже вопреки ему. В-третьих, в самих этих двух случаях прямо указана, кроме влияния земских начальников, и другая причина разверстки «по едокам»: отмена подушной подати и понижение выкупных платежей, как раз происшедших незадолго (за 3–5 лет) до введения земских начальников. Совершенно, значит, ясно, что и в этих случаях крестьяне и сами склонялись к разверстке «по едокам» и ввели бы ее, вероятно, и самостоятельно, только может быть немного позже; по крайней мере в 4-х соседних с Демьянским у. Новгородской же губ. такие переделы произошли без всякого, по-видимому, содействия свыше, равным образом и в 3-х уездах Смоленской губ. (рядом с Краснинским) тоже не упоминается ни о каком таком вмешательстве, а только указывается все та же основная причина: «Крестьяне стали дорожить наделами со времени понижения выкупных платежей и отмены подушной подати и делят землю по наличному составу дворов...»¹ Наконец, необходимо особенно подчеркнуть, что и во многих других губерниях, а именно по 8 губерниям из 20-ти, где отмечена разверстка «по едокам», «Материалы податных инспекторов» прямо указывают как на всегда основную и часто единственную причину появления той разверстки: именно на понижение выкупных платежей и отмену подушной подати. Смысл этой причинной связи, конечно, совершенно ясен: во-первых, приобретение наделом чистого потребительного значения постулирует вообще ту или иную систему потребительной разверстки, а, во-вторых, уничтожение подушной подати, лишаящее мужские души преимущественного права на землю, позволяет крестьянам выбрать как наивысшую из таких систем уже не традиционную налично-мужскую, а именно разверстку по «едокам», «по семейственности»... Таким образом, мы должны констатировать, что все наблюдаемое в пореформенной крестьянской общине совершенствование потребительных систем разверстки² отнюдь не является результатом какой-то свободной и несколько в данном случае неожиданной игры административных сил, а представляет следствие самопроизвольного приспособления самих общин к целям и условиям уравнительно-передельного владения.

§ 6

Мы обозрели все основные разновидности общинно-передельного владения. Схематизируем теперь наши основные выводы, чтобы отчетливее представить общую картину этой центральной общинной формы.

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 10 и в. II, с. 108.

² Считаю нужным оговориться, что эволюция производительных систем разверстки в пореформенной общине также ни в малейшей мере не является результатом внешнего административного воздействия.

Мы должны констатировать прежде всего, что уравнильно-передельная организация и функция приняла в современной русской общине множество самых разнообразных форм, так что смело можно сказать, что невозможно придумать такого принципа периодического уравнильного перераспределения земли между членами общины, который бы не был ею уже в целом ряде видоизменений применен. Мы находим прежде всего (в настоящем или в близком прошлом) несколько градаций первичных самых грубых, элементарных форм поравнения, начиная с не развязывающего, а, так сказать, разрубающего запутанный узел прав и интересов разных семей передела поровну на двор и кончая разными общими и приблизительными наделениями семей уравнильно по дворам. Затем, мы встречаем всевозможные виды и разновидности более тонкого душевого поравнения (то есть наделения не дворов, а душ). В некоторых случаях оно имеет как бы слепой, инстинктивный характер: перераспределение происходит не по какому-либо твердо установленному принципу, а только более или менее механически переносит землю с умирающих наделенных при ревизии душ на живых, или тоже ревизских же, или именно неревизских; мы констатировали, впрочем, что эти смутные и часто логически курьезные системы практически до известной степени целесообразны либо с точки зрения производительного принципа распределения, либо потребительного. Затем мы рассмотрели целесообразные, так сказать, системы уравнения, которые представляют результат прямо вытекающего из цели (максимально уравнильного распределения земли между населением) и вполне приспособленного к условиям (количеству и качеству этой земли и ее значению для населения) разложения понятия двора на более мелкие единицы, рабочие или потребительные души. Первые, производительные разверстки, представляют, в соответствии с вызвавшими их условиями, несколько вариаций, начиная с не только производительных, на даже почти капиталистических принципов (разверстка «по постройкам», «по скоту», «по состоятельности» и т. п.), продолжая разными критериями живой человеческой рабочей силы и кончая комбинациями этих производительных принципов с податными и потребительными. Потребительные разверстки являют, кажется, наибольшее разнообразие форм: множеством тонких градаций они сливаются с производительными разверстками (при переделах «по согласию»), затем в налично-мужской разверстке они отправляются лишь отчасти от потребительного, отчасти же от податного принципа, далее во множестве видоизменений, уклонений, поправок (в повозрастных разверстках, наделении некоторых женских душ и т. д.) они все ближе подходят к чисто потребительному поравнению и, наконец, наиболее точно и тонко осуществляют последнее в разверстках по всем душам обоого пола с различными поправками для частных случаев (распределение «по едокам», «по нужде», «по семейственности»).

Затем мы видим, что принятая нами логическая последовательность этих форм оказывается во многих случаях и последовательностью исторической, то есть, иначе говоря, формы, менее уравнивательные, заменяются более уравнительными, уравнительно-передельный механизм совершенствуется. Подворное поравнение встречается лишь как пережиток либо, наоборот, как форма, так сказать, вырождения (вследствие малоземелья). Неопределенные беспринципные налично-ревизские разверстки, по существу своему, не могут не перейти и, действительно, переходят в приспособленные к условиям либо производительные, либо потребительные распределения. Все производительные разверстки либо являются первыми переделами (прогрессивность коих по сравнению с захватными формами в смысле возрастания уравнительности – очевидна), либо представляют самопроизвольное приспособление общин к внешним условиям (большому или «тяжелому» наделу или высоким платежам) в замену прежней извне механически установленной податной ревизской разверстки. Все отступления от традиционной дореформенной налично-мужской разверстки в пользу пропорционального наделения разных возрастов и большего или меньшего наделения женских душ, а тем более все системы наделения «по едокам», «по нужде» превращают мертвую фискальную единицу распределения в живую потребительную «душу», представляют в праве на труд, на землю общекрестьянское и общечеловеческое основание права на жизнь вместо частного политического основания, отбывания государственных повинностей. Помимо этих общих прогрессивных, в смысле развития уравнительности, как по степени ее, так и по ее прочности и сознательности, трансформаций, замечается еще сравнительно безразличная в этом смысле трансформация производительных разверсток в потребительные, обусловливаемые сокращением надела от рабочей до потребительной нормы и ниже (вследствие возрастания населения) и приобретением им чисто потребительного значения (благодаря интенсификации земледелия и понижению налогов)...

Таким образом, как видит читатель, в этой характеристике передельного фазиса общины мы должны были прийти к тем же общим выводам, какие получились и при изучении допередельной ее эволюции. Закончив теперь обрисовку этих моментов, пройдя по всей, так сказать, восходящей линии общины и обращаясь в следующих главах к нисходящей, наметим еще раз вкратце основные пункты всего пройденного пути.

Во II, III, и IV главах дана была история борьбы индивидуального и общинного права в многоземельных окраинах; мы проследили первоначальный период полного господства индивидуального права, затем – фазис постепенного ограничения его общинным правом и, наконец, выработку последнего в уравнительно-передельную форму. В настоящей главе мы анализировали

внутренний характер этой уравнильно-передельной функции в пореформенную эпоху. И в обоих моментах, как в процессе сложения общинно-передельной формы, так, затем, ее функционирования, с несомненностью вырисовались следующие основные выводы.

1. Мы вовсе или почти не встретили неподвижных форм, а все время имели дело с изменяющимися формами, с трансформацией. На окраинах, при многоземельи, по мере его сокращения, беспрерывно всходят и развиваются ростки общинного права, постепенно заглушающие личное право. В издавна организованной и функционирующей общине государственных крестьян Европейской России трансформация заключалась в развитии уравнительности: передельная функция все более приближается к этой цели, приспособляясь вместе с тем к окружающим условиям.

2. Все эти трансформации хотя имеют в общем и среднем одно направление – к наибольшей общинности и уравнительности, но приближаются к этой цели множеством самых разнообразных и вполне самостоятельных путей и тропинок. Это замечательное обилие форм, эти десятки способов ограничения общиной семейного захвата, десятки способов для достижения качественной (см. IV главу) и количественной (см. настоящую главу) уравнительности при переделах, это множество решений одной и той же задачи объясняется, как мы видели, во-первых, разнообразием естественных и социальных условий, определяющих эти решения, а во-вторых, известной логической инициативой, дающей несколько различных решений даже для одних и тех же условий.

3. Как из этой подвижности форм и многообразия их, так и из множества прямых фактов и соображений мы должны были заключить о полной или почти полной самопроизвольности всей этой трансформации. В этом смысле, то есть по относительной роли государственного и обычного права, зарождение и возрастание побегов общинного начала в многоземельных окраинах очень напоминает мне тот вышеописанный процесс, когда крестьяне вокруг нескольких отдельных кедров вырубают всю другую поросль и вскоре вся площадь превращается в кедровую рощу. Государство сделало тут для общины то же, что крестьяне для кедров: установлением государственной собственности на все земли и началом межволостного межжения оно как бы не дало расти побегам личной земельной собственности и тем облегчило и ускорило разрастание общинного права. Но и только. Что было бы, если бы крестьяне не расчистили поросли? – Мы не знаем. В зависимости от естественных условий, может быть, поросль заглушила бы и погубила кедры, может быть, наоборот, кедры и сами переросли бы и вытеснили своих соседей, может быть, и те, и другие остались бы на долгое время существовать рядом. Что было бы, если бы теперь не было на окраи-

нах никаких государственных земельных норм? Может быть, община сама развилась бы, может быть – нет, вряд ли кто может это решить. Но факт тот, что при однажды сложившихся благоприятных государственных нормах она, как кедровая роща, разрастается и развивается уже сама, своими внутренними соками, внутренней борьбой прав и интересов, не требуя никакого дальнейшего ухода, так что, например, административные циркуляры о переделах играют роль, разве как бы искусственной что ли подрезки, иногда, быть может, ускоряющей рост, но отнюдь не необходимой и часто даже совершенно излишней для него... Не берусь, конечно, утверждать, что именно такова же была относительная роль государственного и обычного права и вообще при первоначальном развитии общинно-передельного владения у государственных крестьян¹. Возможно, что здесь роль государства была ниже и глубже, что, продолжая нашу весьма точно поясняющую вопрос метафору, государство первоначально даже прямо искусственно насадило общину и сначала применяло к ней как бы тепличное выращивание, возбуждая в ней ее функции искусственно ревизиями, и искусственно же придавая ей форму ревизской разверстки. Возможно, что так было раньше, но мы видели, что во всяком случае теперь это не так, теперь община государственных крестьян выросла и укоренилась уже настолько, что живет, функционирует и развивается (в смысле усовершенствования уравнительности) всецело одной внутриобщинной борьбой за землю, то есть своими собственными экономическими корнями, своими внутренними обычно-правовыми соками²...

Вряд ли нужно пояснять важность изложенных выводов. Во втором томе, всецело посвященном фактическому и статистическому исследованию влияния разных условий на организацию и функции общины, мы еще не раз вернемся к этим выводам. Пока же мы должны только констатировать, что эмпирическое изучение более многоземельной государственной (а также инородческой, казачьей и т. п.) общины рисует ее, как общее правило, живой, жизнедеятельной, жизнеспособной...

¹ Хотя не могу не заметить, что современная трансформация окраинного крестьянского землевладения дает едва ли не больше и более надежных указаний по этому вопросу, чем скудные и смутные архивно-исторические данные...

² Констатируя этот факт, я усиленно прошу читателей брать эти мои слова в их точном смысле и не приписывать мне того, чего я не говорю, особенно не приписывать мне стремления так или иначе идеализировать этот факт. Я ведь пока ни слова не говорю здесь о самом значении его, о том, например, настолько ли прочны эти формы и таковы ли обуславливающие их причины, чтобы они могли просуществовать еще более или менее долго. Все подобные вопросы будут разобраны статистически во II и III томах. Пока же, повторяю, я лишь эмпирически констатирую одни только твердо и с несомненностью на десятках, сотнях и тысячах случаев и наблюдений установленные факты, неизвестные и неожиданные лишь для мало знакомых с предметом или для доктринерски закрывающих на них глаза.

ГЛАВА VI

Переходя с настоящей главы, так сказать, от положительной к оборотной стороне медали, начну для пояснения этого контраста с напоминания об относительности, условности и внутренней противоречивости изучаемых нами общинных форм. Было бы грубейшей ошибкой думать, например, что в высших уравнилельно-передельных формах личное право всецело искоренено общинным. Оно только заглушено, а не искоренено, но вечно живет в нем и вечно обновляется. Каждый количественно-качественный передел вырывает с корнем личное право труда, а затем это право труда с каждой вспашкой, посевом, с каждой телегой навоза и т. д. снова пускает корни. Все «держатели» наделов, которым выгодно данное распределение земли, снова прирастают к своим наделам, и новый передел лишь с усилием, с болью и борьбой отрывает опять эти корни личного права труда с тем, чтобы сейчас опять началось новое их прорастание...

Таким образом, и общинно-передельное владение отнюдь не представляет полного и мирного господства общинного права, напротив, оно представляет именно процесс непрерывной борьбы его с личным правом труда, в которой оно только постоянно побеждает последнее благодаря благоприятным для того условиям – главным образом, размерам надела, не ниже (и не выше) известной нормы. Такие именно условия и господствуют у рассмотренных выше общинных групп: у крестьян государственных и частью удельных, у инородцев, казаков и т. п. и у немногих из крестьян, бывших помещичьих. Но как только мы переходим к основной массе крестьян, бывших помещичьих, поставленных в условия, прямо противоположные, тотчас перед нами открывается совершенно другая картина – картина либо упадочных, либо в лучшем случае искусственных общинных форм. Это и можно было предсказать уже а priori не только ввиду их малоземелья (о влиянии этого фактора скажу ниже), но и исходя из дореформенных фискально-политических условий.

§ 1

История крепостной крестьянской общины еще не написана, и для нее имеются пока только разрозненные и далеко не достаточные материалы, но уже теперь во всяком случае бесспорно, что эта своеобразная социальная форма не была землевладением в настоящем смысле этого слова. Даже при оброчном порядке, к которому до известной степени еще применима крестьянская формула: «Мы – ваши, а земля наша», – все-таки эта принадлежность субъекта владения другому лицу всецело предопределяла все рас-

поряжение этого субъекта объектом владения: ясно, что земля должна была распределяться непременно на каждую семью и не иначе, как именно пропорционально оброку, на нее наложенному. При преобладавшей же барщинной системе уже не оставалось у крестьян и ни малейшей даже фикции владения: они не только не могли не перераспределять по раз заведенному порядку непрерывно землю по рабочим «тяглам», отбывающим работу на помещика, но часто не могли сами и распределять, так как даже это распределение производилось самим помещиком, управляющим, бурмистром. Таким образом, лишь в тех немногих случаях и в тот недолгий период, когда размеры помещичьего землевладения сильно превышали рабочую норму, то есть рабочую силу его крепостных, помещику не требовалось заботиться о наилучшем ее приложении и обеспечении земель, и потому он допускал вольное захватное владение (такое описано в земско-статистических материалах) у помещичьих крестьян в начале этого века, например, по Саратовской, Екатеринославской, Тверской губерниям¹, тогда только у крепостных крестьян было нечто похожее на землевладение.

Обыкновенно же отношение их могло быть лишь чисто пассивным и автоматическим. Читатель легко усмотрит это, например, из следующих подряд мною выписанных примеров, приведенных по Балашовскому у.: «С. Турки. До воли были на барщине... пахотную землю не делили – помещик не разрешал». «С. Григорьевка. До воли – на барщине. Помещик часто менял крестьянские пашни, почему часто и переделывали их (через 2–3 года)». «Д. Кафтыревка. До воли – на оброке: землю делили почти ежегодно, по мере того как прибавлялись или убавлялись тягла». «Д. Дубасов-Корай. До воли – на барщине. Землю делили лет через 10; чаще делить управляющие не позволяли, чтобы каждый лучше обрабатывал свой участок». «С. Репревка. До воли – на барщине. Пашню делили через 1 год, потому что управляющий постоянно менял крестьянские пашни...»² По воспоминаниям быв. пом. крестьян Рязан. у.,

¹ Напр., в Осташковском у. в некоторых деревнях, по воспоминаниям крестьян, при крепостном праве «всякий брал земли столько, сколько мог осилить. Земли было всякому довольно, лядины в пустошах каждый выжигал, где хотел» (д. Телякова, см. «Сб. ст. св. по Тв. г.», т. XII, в. I, с. 57). В Балашовском у. в начале этого века (по «Хозяйств. описанию Бал. у.» г. Никольского, изд. 1885 г.), когда мало было хороших помещичьих запасок и крестьяне большей частью состояли на оброке, по изобилию земель их почти не делили. Каждый занимал пространство, на обработку которого у него хватало сил и скота («Сб. ст. св. по Балаш. у.», с. 107). Но затем помещики перевели крестьян на барщину, отвели им определенные участки и заставили переделывать их; напр., «в дер. Ходковке до 1836 г. были на оброке и пахали, сколько хотели, а затем переведены на барщину и стали получать определенное количество пашни «на тягло» (там же, с. 108). Также в Славяно-сербском у. первые переделы явились только после освобождения в большинстве помещичьих общин и незадолго до него в немногих. Но сенокосы и тут издавна распределялись помещиками между крестьянами в большинстве случаев по количеству волов, иногда по работникам (цитирую по В. В. «Община», с. 17) и т. д.

² См. «Сб. ст. св. по Балашов. у.», т. II, с. 115.

«...тогда была воля барская. На кого захочет, на того и наложит побольше оброка или побольше работы, а наше дело тогда – дать тягольщику землицы, – ведь не спуста же ему тянуть тягло»¹. В Калязинском у., по словам крестьян, «разверсткой заведовал помещик или лично, или при посредстве старост и бурмистров. Землю наваливали при малейшей возможности со стороны крестьянина тянуть тягло: прежде, бывало, приведут в контору, разложат и выстегают, а потом и скажут: вот тебе душа – работай... Скажешь: не в силе! – опять разложат, а душу все-таки возьми!..»² и т. д.

Из сказанного читатель ясно видит, что это принудительное землепользование крепостных крестьян, только совершенно насилуя слово, можно называть общинным землевладением, хотя бы и в зачаточной его форме.

При нем единственной ясной, несомненной и основной связью, соединявшей данную группу крестьянских семей, была принадлежность их одному помещику, а не владение ими одним участком земли; последнее лишь обязательно вытекало из первой. Понятно, что такое принудительное общинное землепользование не только не могло приучить крестьян к общинному землевладению, но, наоборот, скорее должно было возбудить отвращение к нему именно постольку, поскольку неразрывно ассоциировалось в их представлении с рабским состоянием. Поэтому мы можем представить себе общину выросшей самопроизвольно (то есть как обычно-правовой институт), можем полагать, что ее вырастило государство, но невозможно допустить, чтобы ее выращивала крепостная розга. Допустить, что крестьянин привыкнет и привяжется к основной составной части крепостного механизма и, освобожденный, сознательно восстановит и разовьет общину, известную ему только как орудие крепостного «тягла», – значит или забывать о том, что он хотя был рабом, но оставался человеком, тяготился своим рабством, или, наоборот, предполагать, что, освободившись, он сразу чуть не на целое столетие поднялся над историей и средой...

Таким образом, крепостная община могла только отучить крестьян от активного и сознательного отношения к форме землевладения и скорее всего должна была заложить в них прямую антипатию к общинной форме. И действительно: по целому ряду, например, уездов земско-статистические данные констатировали такой характернейший в этом смысле факт, что бывшие помещичьи общины сейчас же по освобождении, не имея еще возможности и решительности перейти к подворному владению, часто бросали хоть преж-

¹ См. «Сб. ст. св. по Рязанскому у.», статья г. Григорьева, с. 8.

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 33. Также и по Осташковскому у. Тверской губ., крестьяне говорили, что по помещикам обыкновенно «земля распределялась, по мере того как убывали и прибывали «тяглецы» (семьи, обложенные помещиком работой или оброком). В некоторых деревнях даже крестьяне показали, что земля распределялась самими владельцами: «кому хотел, тому столько и давал» (см. указанный сб., с. 57).

нюю тягловую разверстку земли (заменяя ее сначала какой попало, без сознательного выбора) – именно, как сами они прямо поясняли, из желания немедленно избавиться от всяких следов крепостного права, от всяких остатков «господского заведения»...¹

Условия, в которые попали бывшие помещичьи крестьяне тотчас по освобождении, были еще более, так сказать, антиобщинными. Помимо специального законодательства об общине, более предусматривавшего и облегчавшего ее разложение, чем хотя бы сохранение, не говоря уже о развитии (об этом законодательстве скажу подробнее ниже), – самые основные условия выкупа крестьянами земли у помещиков оказались такими, что должны были отбить у крестьян последнюю охоту к общинному владению, если бы она еще и была у них. При каких, в самом деле, условиях выкуп мог бы вполне и окончательно утвердить у крестьян общинное владение? – Очевидно, только в том случае, если бы государство не взыскивало с крестьян самой выкупной суммы, а постоянно брало бы с них одни проценты на нее в виде вечного оброка с условием вечного же пользования этой землей, право владения на которую осталось бы, таким образом, за государством. Затем крестьяне получили бы возможность сами свободно выбрать между общиной и подворным владением, если бы им земля была предоставлена в полную собственность, и с полным правом оставить ее в общинном или перейти к подворному владению на том же условии уплаты процентов с выкупной суммы в виде вечного оброка. На самом же деле имели место совсем другие условия: крестьяне должны были всю выкупную сумму уплатить в течение 49 лет, то есть, значит, уплачивая каждый год проценты на нее и вместе с тем погашая ее. Таким образом, тяжесть выкупа не разложилась на все настоящие и будущие поколения крестьян равномерно, а всецело легла на одни первые поколения пореформенного периода, которые должны были буквально купить землю, чтобы затем потомки их пользовались ею уже без всяких жертв. Ясно, что этим давался крестьянам сильнейший индивидуалистический стимул: здесь каждый хозяин, выкупая данное число надделов, не обеспечивает в этой именно пропорции землей свое потомство, а последнее получит, в конце концов, после выкупа только ту долю, которая будет зависеть от общего числа душ в общине в этот момент, то есть от совершенно постороннего фактора – степени быстроты размножения разных семей общины; так что при этом порядке потомки семей,

¹ Так, напр., в Вольском у. Саратовской губ. «из 94 общин, по которым у нас имеются данные, 74 общины стали разверстывать по ревизским душам и только в 20 уцелела старая разверсточная единица. В это же время и удельные крестьяне д. Багая перешли к ревизской душе. Причину такого перехода было отчасти желание поскорее отделаться от крепостных порядков, а также и то, что помещичьи крестьяне наделялись землей не по тяглам, а по ревизским душам» (см. «Сб. ст. св.» по Вол. у., с. 102).

внесших совершенно одинаковую долю выкупа в выкупной период, будут получать затем не такую же долю, а совсем другую – тем большую, чем быстрее они будут разрастаться и тем меньшую, чем медленнее будет их размножение¹. Какому же общиннику охота выкупать землю не наверно для себя и своего потомства, а может быть, для потомства чужих семей? Как могут совместить они такое очевидное несоответствие теперешних обязательств с будущими правами? Понятно, что каждая семья при таких условиях должна скорее стремиться выкупить весь однажды отведенный ей надел в свою полную собственность. И действительно, во множестве общин бывших помещичьих крестьян сразу же по освобождении и получении наделов и установилось такое выкупание наделов в подворную собственность, каковые случаи официально еще пока остающегося общинного, но фактически уже устанавливающегося подворного владения я называю семейно-выкупным владением.

Но в другой половине бывших помещичьих общин, – как раз в той именно части их, где указанные условия действовали всего сильнее, где выкуп был наиболее велик и тяжел и именно благодаря этому, – такое подворное выкупание оказалось невозможным: так было в общинах, где эти платежи вместе с другими превышали арендную стоимость надела. Какое положение должно было установиться при этом условии? Раз взяв в расчет на доход после окончания выкупа этот надел, в данный момент являющийся, по крестьянскому выражению, не «кормителем», а «разорителем», и обязавшись платить за него выкуп, крестьяне тем самым прикрепляли себя к нему и не могли уже его бросить, так сказать, «разбрестись розно» (такие случаи, впрочем, хоть и очень редко, но бывали: например, в Московской губернии бесследно разбрелись кое-где целые деревни), а должны были так или иначе выдержать выкупной период, «вытянуть» до конца это новое податное «тягло», в которое они попали сейчас по освобождении от крепостного «тягла». Но понятно, что каждый хозяин должен в таких общинах стремиться в данный момент возможно меньше участвовать в несении этого тягла, возможно меньше получить этих наделов-«тягол», наделов-«разорителей», перенося свой труд на более дешевую вненадельную аренду и другие земледельческие заработки. Таким образом, в этих общинах установилось вместо борьбы за возможно большее наделение землей борьба против этого наделения. Эта-то борьба вызвала повсюду в этих общинах интенсивное переделное

¹ Читателю может показаться, что это положение неизбежно вообще при общинном землевладении, но это совсем не так: если мы предполагаем не общинное выкупание земли, а полное уже владение ею или, что принципиально в данном случае равносильно, – вечное оброчное ею пользование (при владении государственным), то тут возможен тот или иной вечный налог на землю, то есть, значит, всегда и в каждый данный момент каждая семья несет обязательства, совершенно пропорциональные осуществляемому ею праву, и ни одна ничего не жертвует другим.

движение, имевшее целью уравнивание не права владения, а обязанности выкупа, и привела их к тем своеобразным формам временного и всецело вынужденного условиями выкупа общинного владения, которые я называю общинно-выкупным владением.

Если чистые общинно-передельные формы совершенно не связаны принципиально с установленной для общин круговой порукой для уплаты податей и не только могут существовать и без нее, но во множестве уездов и губерний и действительно существуют (так как в них круговая порука существует лишь фиктивно, никогда или почти никогда не осуществляясь на практике), – то в общинно-выкупном владении эта круговая порука является первым и основным двигателем. Ибо без нее указанная внутриобщинная борьба против надела могла иметь и чисто индивидуалистический исход. Часть более слабых хозяев побросала бы свои наделы, не будучи в силах их оплачивать, а основная масса сравнительно сильных семей удержала бы свои наделы за собой, и отсюда могло бы постепенно установиться такое же семейно-выкупное владение, как и в помещичьих общинах с доходностью выше платежей. Но круговая порука, устанавливающая оплату всей общиной всей принадлежащей ей земли и требующая, в случае недоимки на наделах отдельных общинников, уплаты ее остальными членами общины, очевидно, делает такое положение невозможным: община в лице большинства хозяев не может допускать недоимки и недоимщиков, так как все равно должна будет платить за них, хотя бы и вовсе не пользовавшись их наделом. Поэтому именно круговая порука заставляет общины с платежами выше их арендной цены распределить землю так, чтобы ни на одном хозяине не образовывалось недоимки, чтобы каждый мог, по выражению крестьян Рязанского у., и «соху осилить», и «оправдать подати», то есть распределять ее, иначе говоря, по рабочей и хозяйственной силе семей, вообще по тому или иному производительному принципу. Только таким путем вместе с наделами, распределяемыми по сильно-рабочим семьям, и платежи как бы перелаживаются на рабочие силы семей, то есть на вненадельные заработки их, всегда пропорциональные этим силам, только этим часть слабых хозяйств спасается от полного упадка (неизбежно при наделении их по числу ртов в семье и т. п.) и, значит, увеличивается число исправных плательщиков, число «вытягивающих» фискально-выкупную обязанность «тягольников», чем «тяга» каждого пропорционально уменьшается...¹

¹ Еще в 79 г. г. В.И. Орлов в своей знаменитой работе по Московской губернии чрезвычайно ясно и корректно разъяснил это. «Представим себе, – говорит он, – две семьи, состав которых отличается друг от друга только тем, что в одной из них два работника, а в другой один. Допустим, что для годового продовольствия как той, так и другой семьи требуется продуктов на 150 руб. Предположим теперь, что обе эти семьи получили надел одинаковый, например на три души, и что каждый надел дает продуктов на 40 руб. И та, и другая семья получает, таким образом, от своего

Благодаря этому, мы совершенно не находим при общинно-выкупном владении того обширного разнообразия и оригинальности систем разверстки, которое так характерно для свободной самоопределяющейся общинно-передельной формы. Повсюду, почти без исключения, мы смело можем без риска ошибиться предсказать, что при превышении надельных арендных цен платежами непременно найдем ту или иную форму производительной разверстки и обыкновенно именно тем более крайнюю и типичную ее форму, чем сильнее это превышение. Вопрос о влиянии размеров обложения на общинно-передельную функцию будет еще детально мною разработан во II томе, пока же приведу несколько таких сделанных уже в земской статистике сопоставлений (ограничусь, при этом, ввиду их однообразия, лишь несколькими более точными и новейшими данными). Например, по 3 уездам Саратовской губ.:

Приходится руб. и коп. платежей на 1 дес. надела:

		В общинах с разверсткой «наличной», то есть общинно-передельной потребительного типа	С разверсткой ревизской (то есть беспредельной)	С разверсткой «тягловой», то есть именно производительной
	Камышинский уезд	1,26	1,49	1,98
	Кузнецкий уезд	1,79	1,99	2,32
	Балашовский уезд	1,58	2,01	2,88 ¹

Как видим, повсюду производительная разверстка с полнейшей правильностью устанавливается именно при наивысших платежах (что тут доходность часто не окупается платежами, то есть что, значит, разверстка эта имеет именно общинно-выкупной характер, это положительно выясняется в трехдушного надела продуктов на 120 руб. Следовательно, для прокормления каждой семьи следует добыть на стороне по 30 руб., да, кроме того, необходимо добыть всю сумму податей, лежащих на земле. Так как с души в среднем выводе сходит в Московской губ. около 12 руб., то с трех душ должно выплатить податей 36 руб., а всего каждая семья должна приобрести сторонними заработками 66 руб. в год. Такую сумму для первой семьи, при двух работниках, заработать вдвое легче, чем для второй семьи при одном работнике; мало того, один работник, занимаясь хлебопашеством, не имеет возможности выработать в свободное от полевых занятий время этой суммы и потому по необходимости накопить недоимки, для погашения которых принужден будет продать часть своего имущества; эта продажа повлечет за собой сокращение оборотных средств в хозяйстве, за которым, очевидно, последует меньшая доходность его и затем постепенно полная невозможность самостоятельного хозяйства, обращение надела в пустырь, продажа последнего имущества и окончательный переход в разряд наемных рабочих с неоплатыми недоимками. Так действительно и бывает в тех (очень редких) обществах, которые сохраняют подушную производительную разверстку в собственном смысле при отсутствии для ее существования благоприятных условий» (см. «Сб. ст. св. по Московской губ.», т. IV, в. I, с. 10).

¹ См. «Сб. ст. св. по Саратовской губ.», т. XI, с. 161; Кузнецкий у. с. 123 и Балашовский у., в. II, с. 130.

статьях об общине по этим уездам). Можем привести и более прямо выражающее эту же зависимость обратное сопоставление:

Процент общин с разверткой по производительному принципу

			В районе с высшим по доходно- сти наделом	В районе с низшим по доходно- сти наделом
Калязин- ский у.	Тверской губ.	Среди государствен. крестьян	22,0	76,4
		Среди помещичьих крестьян	27,6	76,5
Зубцов- ский у.	Тверской губ.	Среди государствен. крестьян	18,6	64,3
		Среди помещичьих крестьян	20,4	81,2 ¹

Тут мы уже прямо видим, что именно низшая доходность надела (по сравнению с платежами) обязательно вынуждает производительную систему развертки. При этом мы видим, что результат этот одинаково получается для обоих основных разрядов крестьян, – бывших государственных и помещичьих (выше для Саратовской губ. они взяты были оба вместе), так что влияние прошлой традиции и современных условий, весьма различных у этих групп, не может затемнять влияния этого основного фактора – отношения между платежами и доходностью. Такой же результат дает подобное же сопоставление по Семеновскому у. Нижегородской губ.: здесь в южной лучшей половине уезда, где надел скорее «кормитель», чем «разоритель», развертки по рабочей силе придерживаются всего 5,9% общин, а в северной половине, где платежи чаще всего выше доходности, 66,8% общин распределяют землю по производительному принципу². И т. д., и т. д.

Настолько же, как и принцип развертки, предопределяется при платежах, превышающих доходность, и сама форма общинно-передельной функции: объемов и сроки переделов. При свободных общинно-передельных формах (то есть при наделе, окупающем платежи) они опять-таки могут быть весьма разнообразны, так как они приспособляются к разным условиям, например, при унавоживании и вообще интенсивных системах бывают реже, при более экстенсивных чаще, в крупных (по числу семей) общинах они обыкновенно бывают редкими, но зато общими, в мелких же чаще всего частными, но зато частыми; могут они, наконец, более или менее долгое время и вовсе не быть, в зависимости от темпа развития неравномерности в

¹ См. «Сб. ст. св. по Калязинскому у.», с. 77 и по Зубцовскому у., с. 107.

² Вообще в этой статье г. Плотникова по Семеновскому у. Нижегородской губ. дан особенно интересный анализ влияния платежей, почвы, промыслов и других факторов на системы развертки (см. с. 157–165 и таблица после 176 с.).

распределении земли (обусловливаемого общими размерами естественного прироста населения и т. д.), от преобладания в общине той или другой партии общинников, от степени сознательности их, знания ими своих прав и т. д. и т. д. Но при общинно-выкупном владении все эти условия отступают на второй план, и общины не могут сообразоваться с ними, так как они заслоняются первой и постоянной задачей: не допускать развития недоимки. «Маломочный» не может ждать более или менее долго, пока в общине образуется большинство за общий передел, как мог бы ждать при наделе-«кормителе», когда при недостаточном наделе он только терпит недостаток, то есть имеет лишь слишком малый плюс от надела: теперь он, принужденный работать на наделе вместо более выгодного вненадельного заработка, имеет прямо минус от чрезмерного надела-«разорителя», могущего его буквально (по крестьянскому выражению Рязанской, Саратовской и других губерний) «задавить» накапливающейся на нем недоимкой. И община не может не видеть этой опасности, не может не следить постоянно и неукоснительно, чтобы надел-«разоритель» все время был строго по силам каждой семье, а то ведь, говорят крестьяне (по Рязанскому уезду), «и самого богатея задавишь»...

Таким образом, при наделе, не окупающем платежей, во-первых, переделов не может не быть и, во-вторых, они обыкновенно должны быть частными и частыми. Для доказательства второго правила у меня сейчас нет под руками готовых данных, но его смело можно констатировать глазомерно: по целому ряду уездов наиболее типичных для общинно-выкупного владения губерний (как, например, Московская, Тверская и т. п.) почти сплошное общее правило представляют так называемые «свалки-навалки» наделов, то есть «свалки» их со слабых и принудительные «навалки» на сильных, являющиеся как бы непрерывными частными перепряжками в выкупном тягле на место ослабевших и падающих более сильных «тяглецов»¹... Неизбежность же переделов вообще при платежах выше доходности ярко рисуется следующими, например, цифрами. В.Н. Григорьев разбил все общины Рязанского уезда на четыре группы сообразно с разными комбинациями платежей и доходности наделов: к первой и второй группам отнесены общины, в которых почти все домохозяева добиваются получить возможно больше надельной земли; но в первой группе арендная цена надела равна или выше лежащих на нем платежей, во второй надел сдается за несколько низшую цену. В 3-й и 4-й группах арендная цена надела значительно ниже всех податей и повинностей, с ним связанных, но в 3-й группе еще некоторые более достаточные домохозяева берут землю без принуждения, в 4-й же – происходит сплошная навалка земли силой, здесь каждый старается отбиться от земли, чрезмерно обремененной платежами. И вот с удивительной правильностью мы находим, что в 1-й

¹ См., напр., об этом главу о частных переделах (с. 108–133) в упомянутой уже работе г. В.И. Орлова, вообще давшей больше всего именно для характеристики общинно-выкупного владения.

группе совершили переделы к 81 г. (время исследования) всего 7,5% общин, во второй – 18,5%, в третьей уже, как и следовало ожидать, 86,2% и, наконец, в четвертой группе – 100%. Сопоставления, сделанные затем по этому же образцу г. Личковым по Саратовскому и Царицынскому уу. Саратовской губ., дали почти такую же правильность; здесь процент деливших общин:

В группе общин с арендной ценой надела, равной или выше платежей:		С арендной ценой ниже платежей	
		где наделом еще дорожит большинство:	где наделом большинство не дорожит:
Царицынский у.	50,0	92,3	83,3 ¹
Саратовский у.	48,6	84,0	93,0 ² и т. д.

Итак, из сказанного вытекает достаточно точное определение того, что я понимаю под общинно-выкупным владением. К нему я отношу все те случаи, когда платежи превышают доходность, когда в общинах поэтому идет борьба против земли и они вынуждены насильно наделять своих членов землей, причем не могут перераспределять ее иначе, как только по производительному принципу и путем частых частных (и общих) переделов. Этот элемент внешней вынужденности мы можем проследить и при рассмотрении отдельных разновидностей этих общинно-выкупных производительных разверсток, к которым теперь и обратимся.

§ 2

Как уже упомянуто, огромное большинство помещичьих крестьян оставили при освобождении и получении надела практиковавшуюся при крепостном праве «тягловую» разверстку и распределили надел именно так, как его получили, – по всем ревизским душам, то есть вся земля разбивалась на такое число участков, сколько в общине было ревизских мужских душ, и каждая семья получала столько таких участков, сколько в ней было этих душ (поступили так крестьяне, как указано, частью потому, что спешили сбросить с себя саму эту форму «тягла», главным же образом потому, что приняли ревизское наделение за обязательное для себя). Но сейчас же в значительной части помещичьих общин едва ли не в большей или меньшей степени не «окушает платежей», что он в данный момент не «кормитель», а «разоритель»

¹ Это уклонение можно объяснить указываемым г-ном Личковым недостаточным абсолютным числом общин, вошедши в сопоставления по Царицынскому у.

² См. «Сб. ст. св.» по Саратовскому у., с. 46, 47 и по Царицынскому у., с. 24, 25.

и что поэтому ревизская разверстка, бывшая тогда потребительной разверсткой по всем мужским душам, за исключением лишь самых младших возрастов (ревизия была в 58 г., а получение надела в 61 г., 62, 63 и т. п. гг.), представляет опасность как для слаборабочих – многосемейных хозяев, так и в их лице как недоимщиков для всей общины. Поэтому повсюду в таких общинах вскоре же началось возвращение к разным видам производительных разверсток, приспособленных к несению этого нового выкупного тягла. Среди них можно различить два основных типа: 1) формальные и арифметически правильные распределения по тем или иным категориям рабочих душ и 2) общие и смешанные, комбинирующие разные кроме того признаки, не только объективные, но и субъективные (в виде, например, «желания», «согласия» самих хозяев и т. п.). Рассмотрим сначала первые, а потом вторые формы.

А. Наиболее крайней и резкой общинно-выкупной формой является возобновленная крепостная разверстка «по тяглам». У помещичьих крестьян при крепостном праве каждый мужчина со вступления в брак и, так сказать, до выхода в брак за старостью, то есть, собственно, каждая полнорбочая пара, называвшаяся «венцом», «гнездом» и т. п., – составляла «тягло»: обязывалась определенным количеством работы на помещика (или оброком) и за то наделялась известным количеством земли. В чистом виде такая разверстка сохранилась с самого крепостного права лишь в ничтожном числе общин и благодаря случайным обстоятельствам: мелкости общины, допускающей уравнильное распределение путем частных компромиссов между отдельными хозяевами без изменения основания разверстки, или крайней незначительности надела, при котором наделы слишком размельчались бы, если бы их нарезать на все мужские души, и т. п.

Но затем, после неудачной пробы ревизской разверстки, уже довольно многие общины увидели себя вынужденными возвратиться к тягловой разверстке как самой точной и уже испытанной рабочей запряжке. И вот снова стали «наваливать» наделы – тягла «по господскому заведению» примерно так: на рабочие пары (на парней с 18–20 лет, когда они женятся) – полное тягло, которое они тянут до 55–60 лет, потом лет 5–10 тянут полтягла, потом совсем освобождаются от надела-«разорителя»; на мальчиков тоже налагают с 12 примерно лет $\frac{1}{4}$ тягла, с 15 – полтягла и т. п.¹ В иных местностях эта разверстка проводится строго², наваливают на холостых 1 тягло, а на жена-

¹ Такой порядок описан, напр., для некоторых волостей Семеновского у. Нижегородской губ., см. «Мат. по оценке зем. Нижегород. губ.», т. XI, экон. ч., с. 151.

² В Калязинском, напр., у. Тверской губ. при крепостном праве полным тяглом считался достигший рабочего возраста и женившийся; таково понятие полного тягла и в настоящее время: подросток холостой, вдовый и вышедший из рабочего возраста, но не потерявший платежной способности, считается $\frac{1}{2}$ тягла. Но иногда полное тягло несет и холостой, отбывший воинскую повинность; так принято в д. Великий Двор, а в д. Ноговицыне и женившийся, но не отбывший воинской повинности, считается за $\frac{1}{2}$ тягла (см. «Сб. ст. свед.» по Каляз. у., с. 74).

тых, положим, $1\frac{1}{2}$ тягла, в иных уже нет тяговой разверстки в собственном смысле и единицами разверстки являются все сколько-нибудь работоспособные мужские души с 10–12, 15, 18 и до 55–60 лет. Такая система, обыкновенно называемая в земско-статистической литературе «дробной разверсткой тягол», еще в 80-е годы встречалась довольно часто¹.

По-видимому, эта система устанавливалась там и тогда, где и когда тягло было особенно тяжело, где платежи особенно значительно превышали арендную стоимость надела. «Чем производительность земли ниже, – говорит г. Недзьялковский в сборнике по Кашинскому у. Тверской губ., – тем понятие работника (он «дробную разверстку тягол» называет раскладкой по работникам) шире»². Не только в тех общинах в данный момент разверстка тягол дробнее, где надел более является «разорителем», но и в одной и той же общине в изменениях во времени можно проследить то же соответствие. Например, крестьяне деревни Галаховой Зубцов. уезда при выходе на волю поспешили разверстать землю по ревизским душам, но через 3 года принуждены были переделиться по тяглам: на холостого давали 1 душу, на женатого $1\frac{1}{2}$ души; однако тягло оказалось таким тяжелым, что через три года потребовалась новая, если можно так выразиться, перепряжка рабочих сил общины: переделали так, чтобы приходилось по $\frac{1}{2}$ тягла на подростка и 1 тягло на взрослого³.

До какой точности доходит эта равномерность при впрягании рабочей силы в тягло, это, например, показывают такого рода случаи, когда в местности с распространенными домашними промыслами (в Калязинском уезде Тверской губ.), которыми занимаются мальчики-подростки, налагают именно ввиду этого дробни тягла на этих подростков; иногда налагают именно на одних лишь добывающих что-нибудь от этого промысла, а остальных освобождают. Интересно также, насколько точно взвешивается рабочая сила: например, крестьянин Михаил Федоров с. Ивановского просил мир снять с него одну из 4-х наложенных на него душ, так как она наложена на его сына, признанного врачом к труду неспособным; сход

¹ Так, напр., «в селе Симоновке (Аткарского у.) землю начинают накладывать с 11 лет, причем на подростков 11–12 лет дают $\frac{1}{4}$ души, 13–14 лет $\frac{1}{2}$ души, 15–16 лет $\frac{3}{4}$ души, 17 лет $1\frac{1}{4}$ души, с 18 до 56 лет $1\frac{1}{2}$ души, с 57 до 58 лет $1\frac{1}{4}$ души, с 59–60 лет 1 душу, с 60–64 лет $\frac{3}{4}$ души, с 65–69 лет $\frac{1}{2}$ души, с 70–75 лет $\frac{1}{4}$ души» (см. «Сб. ст. св. по Саратов. г.», т. VI, в. 2, с. 181). Или, напр., в Моск. губ. в конце 70-х гг. в 250 общинах наблюдалась такого рода разверстка, как, напр., в с. Кабановском (Богород. у.) с 10 лет $\frac{1}{2}$ души, с 14 – душа, с 19 – $1\frac{1}{2}$ (полный надел), с 55 лет «складывается» $\frac{1}{2}$ души, с 60 лет – 1 душа, а с 70 лет – «с тягла долой» (см. «Сб. ст. св. по Моск. губ.», т. IV, в. I, с. 16). И т. д., и т. д.

² «Сбор. ст. свед.» по Тверской губ., т. X, Кашинский у., ст. 38.

³ «Сб. ст. св.» по Тверской губ., Зубцов. у., с. 104. Также, напр., во Владимирской губ. «чем меньше крестьяне дорожат земле – и чем более у них промыслового заработка, тем продолжительней считается рабочий возраст: он начинается не с 18, а с 15 и кончается 60 годами, а не 55» (см. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 49). И т. д.

«находя сына его Петра способным к труду, хоть он имеет на ноге боль, которая ему работать не препятствует, постановил: наложенной душою владеть (какой насмешкой звучит здесь слово «владеть!») просителю...»¹. Такова непреклонность, систематичность и уравнительность в запряжке в тягло рабочих сил общины при наиболее типичных формах общинно-выкупного владения...

Выше в обрисованных формах тягловой разверстки мы уже видели примеры простой разверстки «по рабочим или по работникам», «по братьям» (в Московской губ.) исключительно мужского пола (что, впрочем, фактически обыкновенно совпадает с потягольной, так как с рабочего 18–20-летнего возраста у крестьян мужчина всегда почти женат), которая отличается от дробной разверстки «тягол» менее точным учетом рабочих сил семьи и, значит, менее строгим соответствием их наделения. Это распределение по «работникам» вообще весьма распространено, – при общинно-выкупном владении заметно распространение, чем чистая крепостного типа тягловая разверстка. Особых пояснений и примеров для этой разновидности уже теперь не требуется, так как мы достаточно привели их при объяснении производительных разверсток общинно-передельного владения: ясно, что по внешней форме рабочая разверстка и при общинно-выкупном владении совершенно одинакова. Что же касается ее значения и применения, то нужно указать, что в соответствии с указанным менее точным рабочим ее характером она устанавливается, по видимому, преимущественно в тех случаях, когда платежи хотя и превышают доходность, но не так уже сильно, и поэтому нет надобности в строжайшем привлечении в «тягло» всех не только рабочих, но и полурабочих сил общины. Таким образом, если тягловая разверстка возникала чаще всего уже через год, два, три и притом сразу в самой строгой форме после первоначально принятой при получении надела ревизской разверстки, то распределение по работникам устанавливалось медленнее и постепеннее. Так, например, в с. Георгиевском Славяносерб. у. «крестьяне после воли лет одиннадцать владели землей “по ревизским душам”»; потом стали накапливаться недоимки на маломощных семьях, ввиду чего и поделили землю, по работникам, чтобы аккуратнее плата шла»² и т. д. Необходимо, наконец, указать, что опять-таки в соответствии со сказанным разверстка по мужским работникам не только весьма часта у помещичьих крестьян, но и представляет наиболее обычную общинно-выкупную форму у государственных: у последних, хотя тоже в довольно заметном меньшинстве случаев, был период превышения платежами доходности, но это превышение не было таким острым, как у помещичьих; к тому же государственным всего прямее и логичнее было принять рабоче-

¹ «Сб. ст. св. по Тверской губ.», т. VII, Зубцов. у., ст. 101.

² См. «Сб. ст. св.» по Славян. у., с. 71.

мужскую разверстку как непосредственно вытекающую из их традиционно-потребительно-мужского распределения...¹

Благодаря этой постепенности, очень часто встречается при общинно-выкупном владении полуревизская, полурабочая разверстка, аналогизирующая с ревизско-наличной разверсткой общинно-передельного владения. Как последняя только постепенно, непрерывным рядом частных переделов, приближает ревизскую разверстку к потребительной, так первая тоже лишь мало-помалу, по мере того как вынуждает к тому необходимость, путем «свалок-навалок» переводит «наделы-тягла» с малосильных ревизских душ на ревизские или неревизские безразлично, но непременно полные рабочие души. Так, например, в Вольском у. (Саратовской губернии) к 1885 году общин, разверстывающих по работникам, было 48. Кроме этих 48 общин, принявших за разверсточную единицу работника, есть еще 23 общины, в которых единицей остается и теперь ревизская душа, хотя фактически путем свалки душ со стариков, солдат, вдов и т. д. и навалки их на подростков они уже вполне перешли к разверстке по «работникам»². То же и в Кузнецком уезде (Саратовской губернии) и во мн. др. К тому же типу относится и вообще очерченная уже разверстка по наличным ревизским душам: при ней часть слабых семей разбрелись и либо сама бросила наделы, либо за недоимочность пришлось их снять с них, – понятно, что эти брошенные и «повисшие на миру» наделы пришлось разверстать между остальными более сильно-рабочими семьями именно по числу работников в них...³ Таким образом, раз надел был «разорителем», то хотя бы общины сами сначала и разверстали его по потребительной ревизской разверстке и не произвели затем формального

¹ Иногда, впрочем, у государственных крестьян бывали даже еще в дореформенный период общинно-выкупные формы производительной разверстки. Так, напр., по Осташковскому у. Тверской губ. крестьяне нескольких общин рассказали, что хотя «при ревизиях землю обыкновенно разверстывали по ревизским душам, но по причине несоответствия ревизского надела с рабочей и платежной силой семьи происходили свалки и навалки принудительного характера по рабочей и платежной силе» (см. «Сб. ст. св.» по Тверской губ., т. XII, в. I, с. 56–57).

² См. «Сб. ст. св.» по Вольскому у., с. 100.

³ Так, напр., в Шумошской волости Рязанского у. «земля была после воли разделена по ревизским душам; во многих общинах при малой доходности своей земля эта легла слишком большой тяжестью на малосильные семьи с большим числом ревизских душ, и они вовсе обеднели, не в силах стали не только оплатить, но и обрабатывать своего надела, бросали его «на мир», обществу приходилось разравнивать эту «повисшую на миру» землю между оставшимися домохозяевами; произошло несколько переделов на все уменьшающееся число душ, распределенных между семьями сообразно их имущественной силе. Теперь некоторые из этих общин практикуют уже правильную свалку и навалку, перешли к потягольной системе разверстки» (см. «Сб. ст. св.» по Рязанской губ., т. I, статья об общине, с. 10). Или, напр., в д. Яблонька-Шома Зубцовского у. Тверской губ. к 84 г. «осталось за стеной» (то есть не распределенными на наличных хозяев) 16 упалых душ: большая часть этой земли была «вымотана льном (отсутствующие сдавали ее в аренду под лен): «Он в Москве живет, оброку не присылает, землю мотает, а ты за него отдавайся, да обществом плати!» Благодаря этому, вместе с другими причинами, и решили поделить землю» (см. «Сб. ст. св.» во Тв. г., т. VIII, с. 110).

и общего передела по рабочим душам, – все равно эта разверстка получалась само собой, так как слаборабочие семьи самовольно вырывались из надела-тягла и волей-неволей «мир» должен был мало-помалу вводить уравнительно рабочую перепряжку между «выстоявшими тяглецами».

В. Уже в обрисованных разновидностях разверстки по рабочей силе семей читатель мог заметить изредка и другие критерии, как, например, особые доходы семьи от промыслов и т. п. В весьма значительном количестве случаев эти коррективы играют и более видную роль и стоят рядом с подушно-рабочим критерием и часто даже и заслоняют последний. Все эти коррективы стремятся прямее и детальнее уловить ту же самую экономическую силу семьи, которую стремится выразить, только слишком формально и грубо, и разверстка по числу рабочих в семье. Мы уже видели пример, что община не довольствуется одним голым исчислением числа рабочих разного возраста, а входит в рассмотрение того, действительно ли они работоспособны и в какой именно степени, и очевидно, как важны последние вопросы: рабочий может быть сильным или слабосильным, здоровым или больным, работающим или лентяем, трезвым или пьяницей, умелым и интеллигентным или тупым и инертным; важно и то, насколько вся семья дружно живет и работает и т. д., и т. д.; затем хозяйственная сила семьи определяется не только человеческой ее рабочей силой, но и ее капиталом: прежде всего количеством рабочего (а иногда и другого, например, молочного) скота, исправностью мертвого инвентаря, иногда существованием собственной купленной или арендованной внеадельной земли, запасом денег или хлеба и т. д.; наконец, так как общинно-выкупное владение господствует почти исключительно в местностях промышленных, то крайне важным критерием для определения хозяйственной силы семьи являются внеземледельческие заработки – кустарные промыслы и всевозможные виды наемного труда от фабрично-заводского до чернорабочего, найма в прислугу и т. д. Ясно, что уровень хозяйственной силы каждой семьи в каждый данный момент представляет разноразнодействующую всех этих условий, а не производную одного только первого условия (размера рабочих сил), с которым она совпадает только в большинстве случаев, но не всегда. Поэтому и возникают во множестве случаев общинно-выкупные владения разверстки, стремящиеся точно индивидуализировать эту хозяйственную силу дворов, – разверстки, так и называемые крестьянами, и исследователями: по «экономической», «хозяйственной», «имущественной», «платежной» силе или просто «по силе», «по общей силе» семей, по их «заможности», «состоятельности» «хозяйственности» и т. д.

Привожу несколько примеров для более конкретного обрисования этой едва ли не наиболее типичной разновидности общинно-выкупного владения. В Новолодожском у. Петербургской губернии при «свалках-навалках» по ра-

бочим «пределы рабочего возраста сплошь и рядом нарушаются в силу соображений платежного характера: наваливают на 15-летних и даже на “малых” в тех семьях, где, как выражались крестьяне, оказывается “неурожай на мужиков”, принимая во внимание зажиточность семьи. Таким образом, наряду с годами не менее, по-видимому, важную роль играет и “стоимость человека” (как выражались крестьяне в д. Пучнине), его платежная способность». Тут же, в Глажевской волости, «пользуются землей, кто сколько может “утянуть”, у кого больше скота, тот и земли больше держит, кто больше может оплатить земли, на того больше наваливают, а у кого нет скота, кто не в состоянии платить повинности, у того отбирают землю (земля тут скорее в тягость, так как нередко сдающему свой надел приходится платить «подтяжку», то есть доплату, равняющуюся половине платежей с души)». В с. Чернецком (того же уезда) крестьяне говорили, что «зжиточным дают наделы на малолетних, а бедным не дают и на взрослых, якобы потому, что они не в силах оплатить и обработать землю; тут же замечали, что кто пограмотнее, тот и больше земли себе от общества берет»¹. В Кашинском уезде Тверской губернии «сообразуются не только с рабочей силой семьи, но и с ее состоятельностью до “приноса со стороны” (с отхожих заработков) включительно»². «В некоторых общинах Угличского, Мологского, Ярославского и Пошехонского уу. (Ярославской губернии) при разверстке земли принимается в соображение имущественная состоятельность двора, выражающаяся в числе рогатого скота или в доходности местных кустарных и отхожих промыслов»...³ И т. д.

Эта разверстка по хозяйственной силе практикуется как в тех общинах, где подати значительно превышают доходность, где крестьянин платит их «с пуста» и добывает на них вне надела, часто уходя на сторону и оставляя землю на руки женщинам (все же не даром сидит, все же есть у чего со скуки повозиться), – так и в общинах, где разница эта не так велика или даже где она почти исчезает. Сообразно с этим, если в первых случаях все «отпикивают» от себя землю, то во вторых она уже тяжела больше лишь для слабых, а не для сильных дворов; таким образом, в первых случаях наваливают землю резко принудительно – «силком», «с усилием», – в последних она распределяется почти сама собой, почти добровольно. От первого ко второму положению ведет и в пространстве, и во времени длинный ряд тонких переходов. Беру, например, три подряд приведенные примеры этой разверстки по Зубцовскому уезду (Тверской губернии): «в деревне Лукьянове разверстка по хозяйственной силе ведется с самой ревизии; крестьяне прежде землей

¹ «Мат. по стат. хозяйства Петерб. губ.», в. VIII, ч. II, с. 72, 70 и 75.

² См. «Сб. ст. св.» по Тверской губ., т. X, с. 38.

³ См. «Мат. под. инст.», в. II, с. 65.

не дорожили, и тяготившиеся ею ее бросали; мир снимал со слабосильных и наваливал на более сильные хозяйства. На несогласие мир не обращал внимания и принуждал держать землю всех тех, кто был в состоянии ее обрабатывать и платить подати». «В деревне Кучине при разверстке по силе упалые и выморочные души давались желающим, кто бы они ни были, хозяйственные крестьяне или нет; если же не оказывалось желающих, то мир наваливал насильно на тех, кто “посильнее” (больше работников и скота) или позажиточнее, в последнем случае хотя бы был одиночка (то есть с 1 работником)». Наконец, в тех случаях, когда землей не особенно дорожили, но она не была и бременем, – «земля не завидна, а кормиться можно, о харчах не думаешь» (деревня Зубарево), – участие мира выражалось в весьма мягких формах: так, «в деревне Чуркунове многосильных просили взять более земли»¹. Таким образом, если в первом из этих трех примеров, где всецело царствует «усилье», мы имеем типичную общинно-выкупную форму, то во втором, когда это «усилье» применяется лишь в крайнем случае, и особенно в третьем, где оно заменяется «просьбой», – мы имеем уже формы, переходные от общинно-выкупной борьбы против земли к чистой общинно-передельной борьбе за землю, – имеем тот именно промежуточный момент, когда арендная плата и платежи равны или почти равны, то есть, точнее, когда часть хозяев, сильные, желают земли (но не очень настойчиво), а другая часть, слабые, не желают ее (но не слишком уже ее и боятся), – когда, таким образом, разверстка «по силе» устанавливается к обоюдному «согласию» или, как говорят крестьяне, «по любовному соглашению», «миролюбно», «из чести», «из воли», «добровольно», «без упорства», «любя», «без усилия», «по просьбе», «по совести», «по милу» и т. д.

Эта разверстка «по согласию», устанавливающая при наделе для сильных хоть и плохом, но «кормителе», а для слабых – почти уже не «разорителе», как и нужно было ожидать, не существует долго в одних и тех же местностях, но встречается повсюду в районе общинно-выкупного владения как быстро проходящий момент в том общем для всей России процессе вздорожания крестьянской земли и понижения платежей, в результате которого прежний надел-«разоритель» становится «кормителем» и общинно-выкупная борьба против земли сменяется борьбой за землю (приводящей либо к чистому общинно-передельному, либо, наоборот, к антиобщинному семейно-выкупному владению, о чем ниже).

Мы встречаем описание этого фазиса для множества местностей – например, для губерний: Тобольской, Пермской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Петербургской, Тверской, Екатеринославской, Рязанской, Калужской, Орловской, Смоленской и др. И в отдельных случаях чрезвы-

¹ См. «Сб. ст. св.» по Тверской губ., т. VIII, с. 105–106.

чайно трудно бывает решить, следует ли отнести такие формы к общинно-передельному или к общинно-выкупному владению, тем более что и самая сущность, самый принцип этой разверстки часто почти неуловим, так как она то более соответствует производительному, то более потребительному принципу, то сразу им обоим. Выше я уже приводил пример этой неясности по Оханскому уезду Пермской губернии; также, например, и в Семеновском уезде Нижегородской губернии в этих случаях, «когда вы спрашиваете об основаниях разверстки, вам отвечают разное: “по возможности”, “по мощи”, “справности”, “примерно по работникам”, “по подросткам”, “не по ревизским и не по работникам, а так, сколько кому нужно”, “по достатку”, “по семейству глядя”; а главное – постоянно добавляют одно, что наделяют по согласию, “по чести”, “по совести”, “добровольно”, “по просьбе”, “без упорства”. И действительно, средние условия доходности и платежей, устраняющих, с одной стороны, излишнюю алчность по отношению к земле, с другой – старание во что бы то ни стало сбросить ее с себя, – эти условия благоприятствуют утверждению земельной разверстки, тесно применяющейся к силе и потребностям каждого двора»¹. При такой неопределенности я считаю применимым только один общий критерий: к общинно-выкупному типу отношу все те случаи разверстки «по согласию», когда она несомненно представляет заключительный момент общинно-выкупного владения, то есть когда до нее было несомненное и заметное превышение доходности платежами и притом именно вследствие абсолютной высоты последних. В этом случае она может затем при дальнейшем вздорожании надела перейти и в общинно-передельное, и в семейно-выкупное владение; такой характер и имеет она во всем центральном промышленном районе. Когда же разверстка «по согласию» устанавливается не вследствие высоких платежей, а вследствие низких арендных цен земли, благодаря ее обилию, и затем, по мере ее сокращения и вздорожания, переходит в чистые общинно-передельные формы, – в таких случаях, довольно частных на северной и восточной окраине (не только в Европейской, но частью и в Азиатской России), – приходится ее уже отнести (как я это и сделал в предыдущей главе) к общинно-передельному типу владения².

¹ См. «Мат. по оц. зем. Нижегородской губ.», Семен. у., часть экон., с. 147.

² Быть может, именно благодаря этой неопределенности своей, разверстка «по согласию» сделалась предметом весьма характерного «разногласия»: с одной стороны, г. В. В. считает эту разверстку пореформенным усовершенствованием общины, относит ее к «прогрессивной эволюции в сфере систем разверстки земли», а г. Грауздин находит, что она представляет несомненный симптом разложения общины, так как при ней «коллективистический элемент общинного владения все больше и больше отходит на задний план, уступая свое место началу индивидуалистическому» (см. выше уже разобранный статью его в «Мат. к оц. зем. Пермск. г.». I, Оханский у., с. 113)...

Трудно, кажется, нарочно придумать лучшее доказательство невинности разверстки «по согласию» ни в прогрессивности, ни в регрессивности, чем эти одновременные истолкования ее и в том, и в другом направлении, трудно вообще указать более яркий пример «субъективной» подстановки ожидаемого или желательного вместо действительного...

Иллюстрируем сказанное несколькими характерными образцами разверстки «по согласию». В Рязанском уезде при разверстке «по милу» «собирается общинный сход; каждый домохозяин заявляет, сколько “душ”

В чем, в самом деле, видит г. В. В. «прогрессивность» разверстки «по согласию?» «... Прогрессивное течение, – говорит он, – выразилось в том, что элемент принудительности иногда низведен до *minimum*’а, а главную роль при распределении земли стало играть личное решение каждого члена», – то есть, иначе говоря, г. В. В. видит «прогрессивность» именно в том, в чем г. Грауздин видит регрессивность. И трудно решить, кто из них более неправ. Ясно, с одной стороны, что всякое сокращение «принудительного вмешательства» общины в принципе есть регресс ее в смысле сокращения общинного права (оно не было бы, конечно, регрессом, если бы принуждение стало ненужным вследствие самоотверженного отказа меньшинства от своих интересов в пользу большинства, но этого, конечно, здесь и следа нет). Однако практически в данном случае это вовсе не регресс, ибо вмешательство общины тут исчезает не потому, чтобы личное право возобладаало над общинным, а, наоборот, именно потому, что при данной комбинации доходности надела и платежей интересы всех хозяев обеспечиваются сами собой, без всяких жертв со стороны меньшинства, как это бывает обыкновенно и благодаря чему только и требуется, как общее правило, общинное принуждение. Ясно, что говорить о замене «коллективистического» принципа «индивидуалистическим» по поводу такого именно идиллического момента отсутствия борьбы, всеобщего «согласия», благодаря полному само собой получившемуся удовлетворению интересов всех хозяев, – также неосновательно, как и видеть в этом случайном ослаблении общинной функции «прогресс» ее.

Из сказанного читатель, вероятно, уже ясно видит, что как хвала, так и хула общины за разверстку «по согласию» одинаково неудачны именно потому, что сама община, как обычно – правовой институт, в данном случае совершенно не при чем. Каким, в самом деле, образом отсутствие принуждения можно вменить в заслугу общине, когда все интересы обеспечились само собой, без принуждения? Не в том ли ее заслуга, что не наваливала наделы насильно на отказывающихся от них и не отбирала у просящих? Находить такие заслуги значило бы быть слишком уже низкого мнения об общине, и не это, конечно, имел в виду г. В. В. – но как бы, с другой стороны, должна поступить община в период равновесия доходности надела с платежами, чтобы избежать упрека г. Грауздина в бездеятельности? Никакой уравнивающей деятельности она проявить не может, ибо уравнивательность, всех удовлетворяющая, уже установилась сама собой, остается разве именно нарушить ее – навалить наделы на отказывающихся и снять с желающих?.. Как видим, метод г. Грауздина элементарно прост. Приезжает он, положим, в деревню: «Бывали у вас раньше переделы?» – спрашивает он крестьян: «Бывали и очень часто и с принуждением». – «Теперь переделываете?» – «Нет, теперь перестали, теперь устраиваемся “по согласию”». Вывод г. Грауздина готов: коллективистический элемент заменяется индивидуалистическим. Между тем община ведь тут совсем не при чем: раньше часто переделывали исключительно потому, что не могли не переделывать благодаря превышению доходности платежами и ответственности за последние круговой порукой, – переделывала, собственно, не община, а круговая порука; теперь перестали переделывать, потому что стало не нужно, то есть нельзя переделывать, так как наимыгоднейшее для общины распределение надела полуразорителя-полукормителя, получается без передела, то есть, иначе говоря, та же круговая порука и прекратила переделы. Спрашивается: что будет, когда минует быстропроходящий период равновесия доходности с платежами, когда первая заметно превысит последние и община впервые получит их, впервые проявит себя как обычно – правовой институт? Трудно поверить, но это факт, что об этом вопросе г. Грауздин при всех своих гаданиях о будущем общины в Оханском у. прямо не говорит буквально ни одного слова, так что я даже не понимаю, знает ли он, что момент равновесия – не вечный, а очень краткий момент (длящийся 5–10–15, редко более, лет), что для многих местностей он уже и миновал и что в последних случаях мы можем прямо посмотреть, что получается из общины, когда она окончательно выходит из принудительного землевладения в свободное землевладение, – прекращаются ли тогда переделы окончательно, или, может быть, начинаются с новой силой и новым значением? Об этом г. Грауздин совершенно молчит, хоть и ссылается на «громадный фактический материал», накопленный по такого рода вопросам земской статистикой... Ниже мы, конечно, подробно рассмотрим этот основной вопрос, пользуясь этим действительно весьма любопытным материалом земской статистики...

(долей) мирской земли он хочет взять; заявления эти разбираются миром; иному и набавят еще, если он не по совести назначил себе число долей, если он может “осилить” больше земли»¹. В Вяземском уезде (Смоленской губернии) «11-ти общинам предстояло при переделе разверстать значительное количество брошенной земли, которой никто особенно не дорожил; это и определило характер разверсточного основания, “земля вольная” – бери, сколько хочешь и можешь обработать. Поэтому на сходе каждый свободно заявлял, на сколько душ надо ему земли, и получал заявленное количество. Земля делилась на произвольное число разверсточных единиц (душ), сумма которых равнялась сумме требований, заявленных на сходе. Сход не справлялся, по-видимому, мог ли желающий обработать больше того, что брал. На этот случай только в приговоре о переделе замечено, что у неисправных плательщиков надел будет или совсем отобран, или уменьшен»². В Острогожском уезде (Воронежской губернии) в некоторых общинах с доходностью ниже обложения «переделы приняли крайне оригинальную форму: сначала обыкновенно сами хозяева по собственным соображениям и совести определяют, сколько они могут взять из того числа душ, какое пришлось бы на них при переделе земли на наличные мужские души, и затем уже общество на сходе просматривает список хозяев и прибавляет или убавляет души»³.

Приведенных примеров, полагаю, достаточно, чтобы читатель конкретно представил себе этот любопытный идиллический момент, так сказать, перемирия, наступающий после ожесточенной борьбы против надела «разорителя» и перед такой же борьбой за него, начинающейся тотчас же, как он станет вполне и для всех «кормителем». Это – момент именно как бы замедления, отдыха общинной функции, как бы распутья, от которого затем можно пойти и к чистым общинным и к самым крайним индивидуалистическим формам землевладения... Теперь мы и постараемся, насколько позволят

¹ См. «Сб. ст. св.» по Рязанск. у., с. 11.

² См. «Сб. ст. св.» по Вяземскому у., в. I, с. 11.

³ В таком «списке», напр., дер. Дерезоватой «против каждого хозяина – пять граф, из которых в первой значится, сколько за хозяином числилось ревизских душ, во второй – сколько у него всех наличных душ мужского пола, в третьей – на сколько душ взял он земли (по собственной охоте), в четвертой – сколько душ прибавило ему сверх того общество, и в пятой – итог числа душ, следуемых и назначенных». Оказывается из этого списка, что лишь 102 хозяина взяли земли ровно на столько же душ, сколько у них было мужских душ, 67 хоз. взяли земли всего на 177 душ вместо следуемых им по их наличному составу 268 д. (то есть на 91 д. меньше), 18 хоз. назначили себе 37 душ, а общество еще прибавило им 21 душу, 3 хоз. взяли себе 12 д., то есть на 3 д. больше, чем приходилось на их мужские души, и, наконец, «46 хозяевам как лицам, отсутствующим и бесхозяйным, земли совсем не было дано». См. «Сб. ст. св.» по Острог. у., в. II, с. 9. Так же по Орловск. у. Орловск. губ. маломочные семьи хотя и сами могли отдавать свои души другим более сильным, но делали это «при посредстве общества» и затем, оправившись, брали их обратно (платежи тут лишь немного превышали доходность)... См. «Сб. ст. св.» по Орловск. губ., т. VIII, с. 33.

материалы, заглянуть вперед с этого распутья, проследить, куда имеет больше шансов пойти общинно-выкупное владение – к общинно-передельному или к семейно-выкупному владению?

§ 3

А. Чтоб яснее понять временный, экстраординарный, так сказать, характер всего вообще общинно-выкупного владения и чтобы наметить основную тенденцию дальнейшей его трансформации, необходимо с некоторой подробностью обрисовать слегка лишь намеченные выше специфические его условия и смену их во времени.

Как указано, едва ли не большинство помещичьих крестьян испытали при освобождении и получении надела тяжелое разочарование: надел оказался, на первое по крайней мере время, не «кормителем», а «разорителем». Это обуславливалось, с одной стороны, уменьшением количества земли по сравнению с площадью землепользования при крепостном праве, низким качеством полученной крестьянами земли (в связи с неудобным ее расположением и т. п.), низкой ее культурой и низкими ценами на ее продукты (в связи с редким населением и неразвитостью путей сообщения), а с другой – крайне высокими денежными платежами и повинностями. Например, в Вяземском уезде Смоленской губ. перед волей рожь стоила 3 руб., овес – 1 руб. 50 коп., ячмень – 2 руб., пшеница – 4 руб. 50 коп. за четверть, а сено стоило тогда 3 коп. пуд (в первое время после воли цены были разве немного выше показанных). Понятно, как тяжел был 9-рублевый оброк в Вяземском уезде при таких ценах¹. При таких условиях перед крестьянами встала задача неизбежной интенсификации земледелия, но, понятно, сразу эта задача не могла быть выполнена. Так, например, крестьяне Осташковского уезда (Тверской губ.) призывали при крепостном праве к лядинному хозяйству, дававшему прекрасные урожаи (например, ржи и пшеницы – сам-10, гороха – сам-15–13 и т. д.), на своем же крайне сократившемся наделе они должны были при указанных тяжелых платежных и пр. условиях сразу перейти на трехполье, – понятно, что хозяйство их в первые годы воли сплошь и быстро упало и появилась масса «упалых» хозяев, бросавших свои наделы и еще более отягощавших этими «упалыми» душами остальных «тяглецов»².

¹ См. «Сб. ст. св.» по Вяземск. у., с. 20. В Московской губ. отношение между арендной ценой надела и платежами еще к концу 70-х гг. было таково: «в Подольском у. средняя арендная цена 1 дес. крестьянского надела – 1 р. 29 к.; а сумма всех платежей на ней – 3 р. 30 к. В Серпуховск. у. арендная цена – 98 к., сумма платежей – 3 р. 50 к., в Верейском у. арендная цена – 73 к., сумма платежей – 3 р., в Рузском у. арендная цена – 73 к., сумма платежей – 3 р. 30 к., в Звенигородском у. арендная цена – 1 р. 6 к., сумма платежей – 3 р. 50 к.» (см. «Сб. ст. св. по Московской губ.», т. IV, в. I, с. 14).

² См. «Сб. ст. св. по Тверской г.», т. XII, в. I, с. 57.

В результате таких условий в десятках уездов целые массы крестьян совершенно «растерялись» со своим наделом, «плакали над землей», «бежали от земли». Так, например, в Козельском уезде из 113 опрошенных по данному вопросу общин целых 85, то есть $\frac{3}{4}$, при получении надела «не дорожили им, боялись его»¹. В вышеупомянутом Вяземском уезде «нельзя насчитать сотни общин из 600 с лишком, сразу твердо ставших на ноги, не «бунтовавших» земли постоянными переделами и «подвижками», не видевших бегства от земли значительного числа работников»². В Зубцовском уезде землю «силовали» (то есть наделяли «силком») и крестьяне говорили: «лучше спуста (то есть не обрабатывая надела) будем платить за землю, а сами уйдем на сторону», – и массами, действительно, уходили. В Кашинском уезде (Тверской губ.) общины, забрасывавшие наделы после воли вследствие крайнего обременения их платежами, составляли 88,5%³. С другой же стороны, от надела отвлекали другие гораздо более выгодные заработки: во-первых, сначала была крайне дешева аренда помещичьей земли, затем требовала много рук (сравнительно с прежним) сделавшая в это время быстрые шаги промышленность, постройка железных дорог и т. д. Так, например, даже в таких местностях, как Хвалынский уезд Саратовской губ., «иногда арендные цены стояли низко потому, что население, увлекаясь сторонними заработками и промыслами, бросало землю, и ее некому было пахать и брать в аренду. В иных случаях селение было окружено дачами частных владельцев или соседей-крестьян, которые дешево сдавали землю, и эти низкие арендные цены внеадельной земли понижали цены самого надела»⁴ и т. д. В некоторых случаях дело доходило до того, что общины старались усиленно принимать к себе со стороны новых членов (например,

¹ См. «Сб. опис. Калужской губ.», т. I, в. 2, с. 34. До какой крайности доходило дело в отдельных случаях, показывают следующие примеры: «В селе Чернышине две мирские души, оставшиеся от выехавших на сторону, навалили на того, кто посильней, глядя по рылу; года два они не сеяли, а платили». В деревне Жуковой «некоторым землю прежде препоручали с притеснением: двое было и пахать не стали и не косили год, а подати все-таки заплатили» (там же, с. 33).

² См. цит. сб., с. 12.

³ См. «Сб. ст. св.» по этому у.

⁴ См. «Сб. ст. св.» по Хвалынскому у., с. 29. Само собой разумеется, что кроме этих общих был еще целый ряд более частных, случайных и, так сказать, индивидуальных причин этого послереформенного упадка и разброда. Наиболее крупной и частой из них нужно, вероятно, признать просто то усиленное движение населения – выселения, переселения «на вольные земли» и еще чаще в города, на фабрики и т. п., которое явилось неизбежным результатом прекращения «крепости» крестьян помещику; из деревни должно было сразу уйти много лиц, более активных, предприимчивых, непоседливых, которых раньше удерживала в деревне только неволя. Благодаря этому многие деревни сильно опустели и в них стало очень трудно оставшимся «тяглецам». Наконец, в иных общинах просто «много народу повымерло» «от горячки», от оспы, от холеры в конце 60-х и начале 70-х гг.; иные общины постиг ряд неурожаев или несчастий – пожаров и т. п. (см. об этих причинах, напр., «Сб. ст. св.» по Осташковск. у. Тверской г., с. 57–58 и др.). Все это во многих отдельных случаях усиливало и обостряло упадок и разброд...

бывших дворовых, николаевских солдат и т. п. безземельных), чтоб припречь их в это непосильное тягло; такие случаи были распространенным явлением, например, в Кашинском уезде и др.¹

Но такое положение продолжалось сравнительно недолго, оно характеризует полностью только 60-е гг. и начало 70-х, со второй же половины 70-х гг. (а особенно с первой половины 80-х и затем до самого настоящего времени) указанные условия сменяются другими, прямо противоположными, и эта смена представляет едва ли не наиболее крупный и характерный факт в пореформенной трансформации крестьянского хозяйства.

Наиболее резкая и более всего бросающаяся в глаза перемена произошла в отношении повинностей и цен на сельскохозяйственные продукты: первые понизились, а вторые возвысились в огромной пропорции. Уже переход от «временно-обязанных» отношений на выкуп представил обыкновенно для крестьянских общин значительное облегчение, а затем последовали понижения выкупных платежей, отмена подушной подати, в последнее время пересрочки и отсрочки недоимок по выкупным платежам и т. д.; правда, что общее благосостояние крестьянства мало выиграло от этого, так как сложные налоги заменились такими косвенными, которые ложились в основной массе на тех же крестьян, но они уже не падали именно на надел, а на весь вообще доход крестьянина, так что отношение платежей собственно к наделу должно было измениться к лучшему. Так, например, «по Ржевскому у. Тверской губ. еще в начале 80-х гг. приходилось на окладную крестьянскую душу по 8 руб. 9 коп. всех платежей, а в настоящее время (90-е гг.) их всего сходит 5 руб. 32 коп.², то есть, значит, общая сумма платежей с надела уменьшилась на целую треть, и т. п. Цены же на сельскохозяйственные продукты возвысились в такой пропорции, что, например, вышеприведенные цены на зерновые хлеба по Вяземскому уезду возросли в 2¹/₂ раза, а на сено – так

¹ Крайне характерны также такие случаи, когда общины были в таком тяжелом положении, что не забывали от обложения даже тех крестьян, которые уходили совсем на сторону на заработки, оставляя свои наделы «на мир». Такой особый налог под названием «бобыльщины» практиковался, напр., в Осташковском у. (Тверской г.); напр., в с. Климова Гора «оброки были велики... многие бежали от земли на сторону; чтоб облегчить остающихся, мир накладывал на них (ушедших) «бобыльщину» по 5 руб. («Сб. ст. св. по Тверской г.», т. XII, в. I, с. 58). Такой же характер имеет «гуляцкий оброк», весьма распространенный еще и до сих пор, напр., по Александровскому у. Владимирской губ.: «в общинах, где наделы сдаются миру крестьянами, уходящими на сторонние заработки, мир распределяет землю между остальными домохозяевами, а с уходящего «гуляка» взимает оброк от 1 до 12 руб. с надела» (см. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 56) и т. д. Также и в Дмитровском у. Московской г. «гуляцкий оброк» взимается в селениях с отхожими и фабричными заработками, а также в селениях с наделами малоодоходными... Там, где крестьяне дорожат землей, размер гуляцкого оброка бывает ниже окладных платежей; там же, где, вследствие малого числа работников, крестьяне не в силах справиться со всем наделом, запускают и залужают часть поля, гуляцкий оброк нередко превышает сумму сборов с земли» (см. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 96).

² Цитирую по «Сб. ст. св. по Тверской губ.», т. XIII, в. I, с. 43.

даже в 3–5 раз и т. п.»¹. Таким образом, во множестве случаев довольно было уже этого встречного движения цен и платежей, чтобы арендная цена надела оказалась равной или даже выше платежей.

Но в том же направлении действовал и ряд других типичных пореформенных явлений. Целый ряд их связан с наиболее элементарным и общим фактором социальной трансформации: сгущением населения вследствие естественного его прироста. На этот фактор указывают сами крестьяне как на причину того, что они стали дорожить землей: «Народу повыросло» – прямо говорят они, а это значит, что на данную неизменившуюся (или почти неизменившуюся) земельную площадь прибавилось работников, а с ними, конечно, и число рабочего (и всякого) скота должно было возрасти (что и наблюдается); значит, обработка земли улучшилась, удобрения прибавилось – последнее еще потому особенно, что в первые годы низких арендных цен крестьяне в виде соломы и сена перевезли массу удобрений с частновладельческих на свои земли; а вследствие всего этого урожайность, доходность, ценность надела не могли не возрасти². Затем, вместе с этим сгущением населения и общей интенсификацией надельного земледелия, появились и быстро развились некоторые специальные культуры; так, в большей части изучаемого сейчас общинно-выкупного района весьма крупную роль сыграло введение льноводства: «подати полегшали, да и лен потешил», «лен поднял землю», – так объясняли сами крестьяне (по Кашинскому и Зубцовскому уу.) появившийся у них в последнее время «интерес» к наделу, над которым они раньше «наплакались». Понятно, что это повышение производительности и доходности надельной земли очень часто в огромной степени способствовало превращению надела из «разорителя» в «кормителя». А благодаря этому и благодаря тому же сгущению населения, общему повышению цен на землю и уплате части выкупа возросла очень сильно и общая ценность надельной крестьянской земли.

Но не только надел начал сильнее к себе привлекать, но одновременно и параллельно с этим вненадельные занятия стали меньше от него отвлекать. Это получилось также в значительной степени благодаря тому, что «народу повыросло»: как известно, постепенно, вследствие быстрого усиления спроса на аренду помещичьих земель (а также отчасти благодаря расширению помещиками собственной запашки), цены этой аренды возросли

¹ См. тот же сб. по Вяземск. у., с. 20. Также в Мценском у. Орловской губ. сначала крестьяне «боялись земли», а затем «платежи понизились, доходность надельной земли возросла вследствие возрастания цен на хлеб, а вненадельная аренда вздорожала; многие промысловые заработки сократились и т. д., и в результате стали дорожить землей».

² В Зубцовском у., напр., «податная тяжесть зависела не от одной высоты оброков и повинностей, но и от того, что земля в то время отличалась малой производительностью: “земля тогда совсем не могла сама себя оправдать, – оброки большие, а урожаи плохие” – говорили крестьяне д. Боры (Раковской вол., бывшей помещичьей)... С течением времени в землю был вложен значительный капитал в виде удобрения, так что теперешняя производительность земли во всяком случае должна быть выше прежней» («Сб. ст. св.» по Зубцовск. у., с. 100). Так же в Мценском у. и др.

в огромной прогрессии и часто сравнивались, а затем порой и превысили платежи, лежащие на наделе. Всякого рода неземледельческие заработки также стали сокращаться: повсюду не только падал доход от кустарных промыслов, но и во всякого рода наемном труде; по общим отзывам крестьян всех обрисовываемых местностей, предложение труда стало часто с 80-х годов заметно превышать спрос, заработок сделался крайне неверным и значительно сократился: «пробовали ходить на сторону, да сторона-то без земли не прокормит», – говорили крестьяне исследователям. В том же направлении повлияли, между прочим, и развившиеся всюду у крестьян в результате того же сгущения населения и повышения его культурности семейные разделы: например, в Вяземском уезде молодые хозяева-одиночки (то есть отделившиеся от старых семей) говорили, что им «на сторону ходить нельзя... На сторону идти – заработок неверный: покуда его найдешь, семья хоть с голоду помирай; да и найдешь заработок – не легче, едва сам себя прокормишь, а другого работника у семьи нет»¹. Или в Зубцовском уезде: «Как живешь вместе, можно на сторону уйти, а как разделились, – или землю совсем бросай, или за хозяйство сам принимайся, – оттого и желателей на землю стало больше»²... Таким образом, в результате всех этих изменений, для множества семей надел получил не только бóльшую объективную, но и бóльшую субъективную ценность и стал часто не только вообще кормителем, но притом даже единственным или во всяком случае главным кормителем.

Итак, в последние 20 лет происходила и в настоящем продолжается³ коренная «смена» в хозяйственном положении всей той многомиллионной массы крестьян, которая получила при освобождении надел-«разоритель»: после периода «плача над землей» и «бегства» от нее наступает благодаря сокращению платежей, повышению продуктивности, доходности надела и цен на земледельческие продукты, возрастанию цен вненадельной аренды и сокращению вненадельных заработков – массовое «обращение к земле». Можно насчитать много десятков уездов, где имела место такая «смена», притом не только у одних помещичьих, но также кое-где довольно часто и у бывших государственных крестьян (например, в Саратовской и Тверской губерниях).

¹ См. цитир. сб. по Вяземск. у., с. 16.

² См. «Сб. ст. св.» по Зубцовск. у., с. 100.

³ По Козельскому у. Калужской губ. г. Пешехонов приводит любопытные данные о времени «обращения к земле», записанном по 62 общинам:

в	10	из	них	оно	произошл.	свыше	20	лет	тому	назад
"	15	"	"	"	"	от	15 до 20	"	"	"
"	15	"	"	"	"	"	10 до 15	"	"	"
"	19	"	"	"	"	"	5 до 10	"	"	"
"	3	"	"	"	"	"	не более 5	"	"	"

и во время исследования в 96 г. не было найдено ни одной общины, где бы землей не дорожили.

Она наблюдалась сплошь во всей Тверской губ., в значительной части Петербургской, Вятской (кое-где и в Пермской, Саратовской губерниях); она констатирована во многих уездах и во множестве случаев в Нижегородской, Владимирской, Рязанской (по-видимому, и в Московской), Калужской, Смоленской, Орловской, а в более редких случаях и во многих других губерниях. Повсюду смысл этой «смены» одинаков и совершенно одинаково и очень ясно формулируется самими крестьянами: «Прежде землей не дорожили, а теперь каждый ухватился за землю» (Кашинский уезд); «теперь все тянутся за землей: “мне дай, мне дай”, – а прежде отказывались»; «прежде плакали да брали (наделы), а теперь просят да не дают»; «раньше от земли бегали, а теперь за борозду драка бывает»... Или, например, особенно рельефно выразилась эта перемена в таком случае: в д. Карповой (Зубцовского уезда) мир раньше проиграл тяжбу одному своему члену и, рассердившись, в наказание «навалил» на него вместо 1½ бывших у него наделов целых 4 надела. Теперь землей стали дорожить, у провинившегося хозяина подросли дети, и мир не решается отнять у него землю обратно. «Хотели выучить, – недовольным тоном говорят крестьяне, – а заместо того наградили!»¹

¹ См. «Сб. ст. св. по Тверской губ.», т. VII, с. 101. Приведу еще несколько более характерных отзывов крестьян. «Раньше, – говорят, напр., крестьяне дер. Нового Карганова Зубцовского у., – плакали с землей и хотя старались наваливать уплатные души на семьянистых домохозяев, да всякий от себя отпихивал». Лет 8 как стали дорожить землей. «Ранее-то было 7 домов, а теперь 20, да и льнов-то с того разу пошло побольше: опять стали делиться, земли-то и больше потребовалось. Бывало, один или двое около земли, а прочие на сторону уходили, а теперь в разделе-то всем приходится жить дома около земли, да и заработки уже не те» («Сб. ст. св.» по Зубцовскому у., с. 101).

По Козельскому у. крестьяне так формулировали причины обращения к земле, отмеченные исследователями по 82 общинам.

Подати уменьшились – ответили	30	общин	42,7%
На выкуп сели, от барщины освободились	5	”	
Население умножилось	18	”	
Семей прибавилось	5	”	35,3%
Земли не хватать стало	6	”	
Отрезали барскую землю	4	”	
Увеличилась арендная плата	6	”	
Сократилась арендуемая площадь	3	”	17,1%
Лишились купчей земли	1	”	
Унавозили землю	2	”	
Хлеб стал родиться	1	”	4,9%
Хлеб подорожал	1	”	

Таким образом, в этих ответах самих крестьян не только даны все указанные выше основные причины, но и представлены они в общем в совершенной правильной перспективе: более важные и общие указаны чаще, чем более частные (см. «Стат. опис. Калужской губ.», т. I, в. 2, с. 34).

В этом отделе моей работы я не могу пока более подробно остановиться на этой любопытнейшей «тяге к земле» крестьян в последние десятилетия, почто вовсе, насколько знаю, не отмеченной до сих пор в общей нашей литературе. Могу поэтому только порекомендовать читателю, хорошо осведомленному лишь о «сменах» в течениях, охватывающих нашу интеллигенцию, а о сменах и «тягах» у «мужиков» знающему разве лишь по роману нашего «моментального фотографа» г. Боборыкина (сфотографировавшего, кстати сказать, эту «тягу» до такой степени моментально, что читатели не понимают и спорят, куда собственно идет «тяга»: одни «тянут» мужика на фабрику, другие – в деревню), – могу, говорю, порекомендовать читателю посмотреть об этой «тяге» в дополнение и подтверждение к сейчас сказанному хоть некоторые из работ земской статистики, – хотя бы, например, замечательную статью Харламова по Вяземскому у., прекрасные статьи г. Блеклова по Калязинскому и Зубцовскому уездам (Тверской губ.) и др. Пока же прибавлю еще только, что эта «тяга к земле» есть, несомненно, явление не только ближайшего прошлого и настоящего, но и ближайшего будущего. На это указывают не только априорные соображения о том, что основные ее причины продолжают действовать и не могут не действовать еще, по крайней мере, некоторое время, но и прямые наблюдения: в то время как «обращение к земле» констатируется по десяткам уездов в тысячах общин, причем в некоторых уездах этот процесс еще только развивается, а в иных уже даже закончился (как, например, в Козельском уезде, см. в предыдущем примечании), – в это время я встретил во всех материалах всего лишь один случай противоположного рода¹.

Таким образом, каждый случай общинно-выкупного владения состоит, собственно, всегда из трех существенно-различных и даже противоположных моментов: 1) борьбы против надела-«разорителя» и интенсивных (обыкновенно частых и частных) переделов с принудительной навалкой наделов, 2) отсутствия борьбы за наделы с отсутствием же и переделов или с

¹ Но нельзя, конечно, быть уверенным, что через некоторое время, вследствие наступления новых условий, не начнется новая обратная «смена», и в этом смысле этот единственный случай чрезвычайно характерен: быть может, он именно представляет собой в некотором роде «первую ласточку», так сказать, «капиталистической весны» в общинной России. «В д. Щедрине (Муромск. у. Владимирской г.) раздела земли не было уже лет 15; прежде силой отнимали души, а теперь так делать не приходится: сами домохозяева сдают добровольно. Повысившаяся стоимость обработки земли многих заставляет отдавать в аренду свои наделы, но никто не берет: семьи малочисленны, так как взрослые члены хозяйства уходят на Волгу бурлачить» (см. «Мат. для оц. зем. Владимирской г.», т. I, в. I, с. 35–36). Как видим, в результате отхожих заработков, имеющих в Муромском у. такое огромное развитие, что в иных общинах большая часть земли не обрабатывается хозяевами, а сдается в аренду а иногда даже частью оставляется ими для отдыха в залежь), общинно-передельная форма (принудительное снятие наделов) сменилась типичной разверсткой «по согласию» (ибо принудительной навалки все-таки еще нет). Быть может, в этом случае мы имеем прообраз, так сказать, той общинной формы, которая установится, если капиталистической промышленности в России предстоит широкое развитие или, по крайней мере, в тех отдельных районах, где она получит такое развитие? Но об этом, конечно, рано пока на основании одного исключительного случая гадать...

переделами «по согласию» в переходный период, когда надел перестает быть «разорителем», но не является еще вполне и «кормителем», и 3) борьбы за надел с момента, как он стал для всех (или почти для всех) «кормителем»; эта же борьба может иметь два противоположных исхода: либо, при победе личного права труда, может установиться наследственно-беспредельное, либо, при победе общинного права на труд, – уравнительно-передельное владение (впрочем, часто первого периода могло и не быть, а мог сразу наступать второй период; при этом продолжительность первого и второго периода бывает самой разнообразной: первый может быть кратким, а второй – длительным, но чаще, кажется, наоборот, первый был продолжительнее второго). Так как в значительном числе случаев общинно-выкупного владения мы наблюдаем еще пока только или первый период, или второй, в случаях же, когда наблюдается уже третий период, он очень часто длится еще слишком недолго, чтобы успел резко и окончательно определиться тот или иной из двух возможных поворотов, – то мы имеем пока в настоящий момент довольно мало случаев для суждения о том, какой из этих поворотов бывает чаще и какая, значит, тенденция преобладает в общинно-выкупном владении – общинная или индивидуалистическая... Остановимся прежде всего на основных априорных по этому вопросу предложениях, вытекающих из всего изложенного в этом параграфе.

В. Этот момент обращения к земле, возвращения в деревню «блудных сыновей» ее представляет высокий интерес для анализа эволюции обычного земельного права в пореформенной общине. В борьбе за землю, начинающейся в этот момент, выступает, с одной стороны, группа имеющих больше наделов семей, выстоявших в период «бегства от земли» и вынесших на своих плечах весь или значительную часть первого самого тяжелого периода выкупного «тягла»; эта группа, понятно, отстаивает свои наделы по личному праву труда. С другой же стороны, выступают обделенные молодые большей частью семьи, которые сами или еще родители которых бежали от надела «разорителя»: они опираются в своих требованиях земли либо на общее общинное право на труд, либо на частное личное право некоторых из них как ревизских душ на отведенные им ранее наделы. Сообразно с тем, какая сторона и по какому мотиву победит в этой борьбе, и устанавливается та или иная форма семейно-выкупного или общинно-передельного владения.

Несомненно, что основания и мотивы прав первой партии чрезвычайно сильны. Уже при обыкновенных условиях при владении и обработке надела в течение 15–20 лет личное трудовое право успевает пустить сильные корни. В данном же случае это не было просто владение, под которым подразумевается пользование известными выгодами, каковым беспрерывно в большей или меньшей степени и погашается затрачиваемый труд, это было выкупание земли с уплатой за нее больше, чем стоила бы аренда, то есть несение в тече-

ние целого периода известных убытков. При этом именно в этот период приходилось усиленно обрабатывать надел, унавоживать его, часто переходить к высшей системе культуры, так что тут затрата труда, и вообще сравнительно значительная во всем рассматриваемом районе, почти сплошь применяющем, например, удобрение и т. д., в этот период была исключительно крупной и в связи с уплатой столь же чрезмерных платежей давала совершенно исключительное основание для личного права труда. Понятно, что «заможные» хозяева, «добрые пахари» уже могли несравненно сильнее, чем, например, первые заимщики при развитии общины, отстаивать свое право на наделы и бороться против уравнительного передела в тот момент, когда они стали, наконец, «оправдывать» все эти вложенные в них денежные, капитальные и трудовые затраты. «Хозяйственный» мужик, – говорит г. Харламов по Вяземск. у., – удержавшийся на позиции во время бегства “маломочных”, “сподобивший землю”, плативший за нее тяжелые платежи первых лет, – естественно не расположен снова “бунтовать” землю переделами, отдавать задаром свои “сподобленные полосы”¹. «Что же, я платил, платил за свою землю подати и оброки, а теперь отдай ее чужому»; «мы что добра-то ввалили на свои полосы и деньги за землю платили»; «за дорогую платил, а дешевую отдавай»; «я сколько времени плачу за нее, удобрил ее – моя земля», – говорят мощные хозяева, выстоявшие в период, когда «над землей плакали». Надо при этом заметить, что у весьма многих, если не у большинства из них, есть, кроме того, и другое формальное личное право на их наделы: они или сами являются ревизскими душами, или прямыми наследниками их, а, как мы уже знаем, бывшие помещицы крестьяне еще сильнее государственных почитают право «ревизской души», считают, что именно им даны государственной властью наделы, и часто даже думают, что общины не имеют вовсе права «самовольно» отбирать их².

Что, спрашивается, могут противопоставить этому огромному и неоспоримому праву фактических держателей или, по замечательному крестьянскому выражению (часто встреченному исследователями по Тверской губ.), – «державцев» наделов те «новорожденцы», «новожены», которые выделились после этого тяжелого периода, и те из старых семей, которые не удержали тогда своих наделов и дезертировали, а теперь пришли пожинать плоды трудов семей, вытянувших выкупное тягло? Поскольку эти семьи в отдельных случаях опираются на лично-ревизское право и в тех случаях, когда в глазах крестьян это право стоит выше и отменяет их обычное

¹ См. «Сб. ст. св.» по Вяземск. у., с. 12.

² Как нельзя более яркие примеры силы и сознательности этого индивидуального права представляют те, правда, крайне редкие случаи, когда уже даже в общинно-выкупной период общины собираются переделить «навечно», то есть перейти фактически к подворному владению: так, две общины Рязан. у., где вообще наделом не дорожат и подати могут «задавить» даже исправного хозяина, пытались переделить навечно, – «чтобы не даром выкуп платить» («Сб. ст. св.» по Рязанск. г., т. I, с. 35).

трудовое право, они имеют шансы получить от фактических «державцев» отдельные наделы. Но общинно-уравнительное их право должно быть сравнительно очень слабым. Во-первых, как мы уже знаем, это право в значительной степени вытекает именно из выполнения обязанностей (податных и др.), так что в данном случае, поскольку эти семьи явились позже тяглого периода или даже прямо «бежали» от этого тягла, они тем самым потеряли и общинное право на труд, на надел. Во-вторых же, мы уже знаем, как трудно вообще ожидать ясного понятия об общинном земельном праве при этой общинно-выкупной форме, которая сменила принудительную, а не самопроизвольную крепостную общину и представляет такое же чисто лишь принудительное и автоматическое применение общинной функции, построена на совершенно индивидуалистическом начале выкупа и вдобавок часто, если не обыкновенно, практикуется при малоземельи, уже резко противодействующем уравнительным переделам. Понятно, как трудно при таких условиях победить общинному праву. Поэтому а priori мы обязательно должны принять, что общинно-выкупное владение только формально являет вид общины, а по существу подготавливает и обуславливает тотчас же по своем прекращении полное торжество личного земельного права и прекращение общинно-передельной функции.

Что же, спрашивается, мы видим в действительности? Действительно ли, при «обращении к земле» в общинно-выкупных общинах, в них всегда или, по крайней мере, в несомненном большинстве случаев устанавливается либо твердое и чистое личное беспередельно-наследственное владение «заможных державцев» наделов в тягловой выкупной период, либо это же владение только с отдельными поправками в пользу личного же владения других ревизских душ? К сожалению, имеющиеся в настоящий момент статистические материалы не дают пока права дать на этот вопрос вполне обстоятельный ответ. Но в общем пока они заставляют ответить на него решительно отрицательно. Рядом с индивидуалистическими порядками, действительно весьма распространенными, наблюдается, однако, очень часто и противоположный исход: переход общинно-выкупного владения в общинно-передельное. Обрисуем несколько конкретнее оба эти случая.

§ 4

А. Наиболее обыкновенный и характерный вид превращения общинно-выкупного владения в беспередельное семейно-выкупное представляет тот случай, когда с вздорожанием земли прекращаются частые свалки-навалки (с принудительными навалками), без замены их какими бы то ни было другими уравнительными переделами, и таким путем та или иная произ-

водительная разверстка общинно-выкупного фазиса прямо застывает в наследственно-беспередельное владение. Таким случаи можно наблюдать в большем или меньшем числе положительно чуть ли не в каждом уезде после вздорожания надела и возвращения к земле. Приведу несколько более характерных примеров. В Кузнецком уезде в с. Чирчим «уже года три, как стали полегче подати, наделы умерших стали удерживаться их семьями (а раньше они с них «сваливались»), и переходы душ почти прекратились»¹. В с. Демьяновке Новооскольского уезда (Курской губ.) в начале 70-х годов 14 наделов были отобраны у недоимщиков и «силом» определили их зажиточным. Теперь платежи уменьшились и прежние владельцы требуют свои наделы обратно, но взявшие надел возмущаются: «Мы уплатили за них недоимки по 50–100 руб. с души и подати вносили 15 лет, а теперь им отдай назад – это прямо денной грабеж!» – «Война большая идет в обществе по этому поводу»²... В д. Коськове Зубцовского уезда «землей сначала владели по работникам с передела 1868 г.; затем были частные свалки-навалки, земля переходила от одних членов общины к другим; в настоящее время, когда эти переходы прекратились, довольно трудно разобрать, на каких основаниях владеют землей: держат иные старики 70 лет, а для некоторых работников земли не хватает; словом, каждый держит на столько, сколько у него оказалось в руках ко времени возвышения ценности земли»³. В Хвалынском уезде крестьяне «прекращают переделы земли по работникам, но не хотят переходить и к новой разверстке, обещая нам в ближайшем будущем дать новые образцы наследственного владения, возникшего из разверстки земли по числу работников 1865 или 1870 года. Владение наделом стало выгодно, и старые работники не хотят давать земли ни наличным душам, ни новым работникам...»⁴. Таким образом, из этих примеров читатель совершенно ясно видит истинную суть, скрывающуюся под внешней общинной оболочкой общинно-выкупного владения: «заможные» хозяева, вытянувшие выкупное тягло, выкупить наделы выкупили, но только для себя, а не для общины»⁵.

¹ См. «Сб. ст. св.» по Кузнецк. у., с. 120.

² См. «Сб. ст. св.» по Новооскольск. у., с. 133.

³ См. «Сб. ст. св.» по Зубцовскому у., с. 105.

⁴ См. «Сб. ст. св.» по Хвалынскому у., с. 37.

⁵ В отдельных и довольно частых случаях это происходит и буквально именно так: многие «державцы» наделов при общинно-выкупном фазисе, тотчас по вздорожании земли или незадолго до того, прямо выкупали их в полную свою собственность, пользуясь той статьей закона, которая позволяла (до 93 г.) каждому общиннику путем единовременного взноса остающейся суммы выкупного платежа выкупать в личную собственность свои наделы. Так, напр., в Корчевск. у. (Тверской губ.) в д. Ильине «переделов было пять; последний – в 1875 г. для поравнения земли между отдельными дворами; в том же году выкуплены 9 душ». В соседней с ней д. Быкове «переделов было шесть; последний – в 1877 г.; производились переделы для распределения земли выморочных и упалых душ по силе наличных домохозяев. В 87 и 88 гг. выкуплено 5 душ, то же и еще в двух соседних общинах» и т. д. См. «Сб. ст. св. по Тверской губ.», т. IX, в. 2 («Примечания к статистич. Таблицам», с. 67 и др.).

Таким образом, как мы и ожидали а priori, семейно-выкупное владение выросло из общинно-выкупного чаще всего именно корнями лично-трудового права, – к наделам прирастали наиболее «заможные» и наиболее в них вложившие труда хозяева, и наследственно кристаллизовались разного рода производительные разверстки. Но довольно часто рядом с ними уже извне, то есть без признания со стороны обычного общинного права и часто даже вопреки ему, пускало корни формальное право ревизской души, и тогда кристаллизовалась смешанная производительно-ревизская разверстка. В той очень частой в общинах рассматриваемого типа своеобразной смене «отцов» и «детей», когда, собственно, блудные «отцы» в 60-е и 70-е годы бросали «на мир» наделы-«разорители», а их возвратившиеся в родной дом «дети» требовали себе обратно эти «полегшавшие» в 80-е годы наделы, – «заможные» «державцы» очень часто принуждены были потесниться и дать место «ревизным», не смея оспаривать их права. Так, например, в Мценском уезде (Орловской губ.) «которые раньше бежали от земли, те стали искать родовую (!) землю, требовать отцовские души»... «и во многих случаях их требования увенчались успехом»¹... В Зубцовском уезде также во многих общинах «заревизным» приходится теперь очень долго дожидаться, а часто не удается и вовсе дожидаться освобождения какого-нибудь выморочного надела, который иногда отводится им миром, «наследникам же тех ревизских хозяев (или им самим), кто ранее сдал или передал свою землю, таких трудностей в большинстве не представляется, и сход или суд обыкновенно решает дело в их пользу, постановляя отобрать землю от принявшего и передать ее наследнику. Если надел миром был передан другому домохозяйству, то дело решается очень просто – отобранием земли у нового владельца и отдачей ее прежнему; в тех же случаях, когда земля была разделена по-полосно на всех, возвратить надел бывает затруднительно, и мир иногда решается предложить взамен требуемой земли упалые души, находящиеся в его распоряжении». «Таков один ряд случаев, в которых за наследниками признается право на получение отданной раньше земли. Признание этого права иногда настолько безусловно, что наследник возвращает землю иногда не для своего личного пользования, и мир все-таки не протестует против этого»². Дело даже доходит иногда до того, что мир прямо покупает землю у наследников ревизских душ³.

В Орловском уезде (Орловской губ.) возвращение «свалочных» душ их прежним хозяевам или прямым наследникам этих последних обыкновен-

¹ См. «Сб. ст. св.» по Мценск. у. Орлов. г., с. 2.

² «Сб. ст. св.» по Тверской г., т. VII, Зубцовск. у., с. 118.

³ Так, в Кашинском у. очень часто разыскивают землю прямо ради перепродажи или арендной платы... (см. такие примеры в «Сб.» по этому у., с. 34).

но «сопровождалось спорами и несогласиями; домохозяева, принявшие эти души, или все общество... далеко не были расположены возратить землю тогда, когда она начала приносить доход. Отсюда целый ряд тяжб, при помощи которых претендентам удавалось большей частью достигнуть своего...»¹. В этом последнем примере особенно хорошо резюмирован основной характер борьбы за наделы между теперешними их «державцами» и прежними ревизскими их владельцами: борьба эта является уже и по существу, и по мотивам именно тяжбой частных лиц из-за земли, а не общинно-передельной борьбой за землю. Каждая сторона требует себе надел не во временное пользование на основании общинного права на труд, а в «родовое» владение на основании чисто личных, даже формально-личных прав. Фактические «державцы» ссылаются на то, что они уплатили за землю значительную часть выкупа, что они купили ее, – «ревизные» возражают, что хотя это так, но что правительством земля дана именно им и, значит, она принадлежит им; «державцы» указывают на «давность владения» (аргумент, как помнит читатель, свойственный еще семейно-захватному фазису), «ревизные» же повторяют все один и тот же формальный мотив, который в конце концов обыкновенно и побеждает, если не на общинном сходе², то в волостном суде, у мирового судьи (земского начальника) или в Присутствии по крестьянским делам. Последнее – утверждение формального права ревизских душ часто не самой общиной, а стоящими над ней судебными и административными инстанциями, – вообще представляет общее правило для этого рода случаев и уже окончательно исключает всякий обычно-правовой общинный элемент³, так что тут не только по существу, но даже и формаль-

¹ «Сб. ст. св. по Орловск. г.», т. VIII, отд. II, с. 34.

² Интересный образчик этого почитания крестьянами права ревизской души, как во всех случаях первого и преимущественного, представляет такой, напр., случай: дер. Косарева Осташковского у. после производительной разверстки посредством общего передела возвратилась к чистой ревизской разверстке, и крестьяне тут объяснили это «тем, что многие домохозяева, набравшие до этого чужих наделов, стали выкупать землю по 165 ст.; мир решил, что выкупать можно только ревизские души» (из 38 наделов выкуплено 11 наделов) (см. «Сб. ст. св.» по Осташковск. у.).

³ Напр., по Зубцовскому у. исследователь отмечает, что «компетенция мира в таких случаях стесняется весьма часто предписанием начальства возратить души их прежнему владельцу, и хотя иногда мир и решается не соглашаться с этим предписанием, но такая смелость мира далеко не всегда достигает цели» («Сб. ст. св. по Зубцовскому у.», с. 119). Или, напр., в дер. Сомовке Кашинского у. после воли некоторые семьи бросали свои наделы, не будучи в состоянии осилить их, но теперь подросли и потребовали себе землю; новые владельцы, ссылаясь на давность владения, отказывают; дело перешло в крестьянское присутствие, «вот уже 5 лет в спору». В дер. Токареве Козьмодемьянской вол. один домохозяин отдал одну душу, приходившуюся на ревизского мальчика, в мир, а мир передал ее другому многосемейному крестьянину. Мальчик между тем подрос и ушел из деревни в «зятя» в Калязинский у., а в последнее время, узнав, что земля вздорожала, потребовал от мира свою душу обратно. Мир отказал; тогда ищущий обратился в Присутствие, которое определило выдать ему землю. «По этому примеру, – прибавляют крестьяне, – пошли и многие другие, свалившие раньше землю...» (см. «Сб. ст. св.» по Кашинскому у., с. 34).

но общинное право, и общинная функция окончательно капитулирует перед формальным личным правом...¹

Наконец, в некоторых случаях с момента вздорожания надела и возвращения к земле начинается в общинах уже полный хаос и деморализация. С одной стороны, хотя мир еще проявляет себя, но чисто отрицательно: перераспределяя наделы, не руководится целью «поравнения», а, злоупотребляя своим правом, либо подчиняется нескольким сильным хозяевам, либо даже продается за водку и т. п. Так, например, в Козельском у. в дер. Музалевке «в последний раз насильно свалили две души – по одной из двоих хозяев, несмотря на имевшихся у них маленьких детей, и передали их другим, имевшим и без того по шести наделов. В с. Меренищах тоже был случай насильной свалки с одного брата на другого, с имевшего меньше земли на имевшего больше ее»². В Зубцовском уезде (Тверской губ.) в поселенных сведениях во многих случаях встречаются указания, что души сдаются не одним только тем, кто нуждается в земле, в зависимости от своего семейного состава, но и тем, кто выставит миру «благодарность». Во время исследования не раз слышались при опросе недовольные голоса, обвинявшие мир в том, что он дает землю тем, кто больше выставит вина в ущерб действительно нуждающимся. Например, «в д. Панюкове выморочные души общество сдает, кому захочет; в последнее время тому, кто больше поставит вина»³. И т. д. Вообще о роли «ведра» в общинной жизни

¹ Надо, впрочем, заметить, что во многих отдельных случаях это возвращение к ревизской разверстке после вздорожания земли не имеет такого резко реакционного, как в смысле общинности, так и в смысле уравнительности, значения. Вот, напр., в дер. Быковой Осташковск. у. «в 1888 году переделали по ревизским душам, находя, что такая разверстка будет справедливой и наиболее соответствующей семейному положению каждого двора» (см. «Сб. по Осташковск. у.»). По Семёновск. у. (Нижегородской г.) отмечен случай передела по ревизским душам большой сложной из 34 деревень общины, где это было вызвано жалобой одной из этих деревень на неуровнительность и несоответственность распределения земли с обложением платежами, внутри же каждой деревни «стариками стали владеть ревизскими душами до смерти, выморочные же души накладываются на того, кто «легок», то есть у кого земли мало, а работает много», то есть, иначе говоря, установилась вышеобрисованная налично-ревизская разновидность общинно-передельной разверстки. Отчасти тот же полууравнительный еще характер имел этот переход и в Мещовском и Перемышльском уу. Калужской г., в которых «где ранее бросали надел и уходили на сторону, там преобладала разверстка по рабочей силе; в настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуют ее себе. В начале этого возвратного движения разверстка производилась по-прежнему по работникам; но быстро поднявшиеся цены на землю и недостаток ее побудили крестьян перейти к разверстке по наследственным правам, принимая в основание ревизский счет. При этом, как ранее допускались отступления в разверстке земли, накладывали на более состоятельных и давали льготу много семейному, но захудалому, так и теперь при равных правах на землю отдается предпочтение беднейшему, лишь бы платил повинности без недоимок» (см. «Мат. подат. инсп.», в. II, с. 102).

² См. «Стат. опис. Калужск. г.», I, в. 1, с. 35.

³ «Сб. ст. св.» по Зубцовскому у., с. 116. Или вот еще особенно характерный образчик, до каких «продувных» приемов доходит иногда «мир». «Артемовский волостной суд (в Зубцовском же у.) разбирал дело по иску 9 крестьян д. Ульянкова с остальных крестьян той же деревни в сумме 12 руб. Обстоятельства дела следующие: весной 86 г. общество крестьян д. Ульянкова порешило сделать

я буду еще говорить подробнее во II томе, пока же укажу, что при более или менее чистых общинно-передельных формах она или сводится к ничтожной величине, или даже вовсе не констатируется наблюдателями, встретил же я ее в заметных размерах в общинах либо с самого начала не проявлявших общинной функции, либо именно при общинно-выкупном владении, то есть, точнее, после него... Понятно, что при такой деморализации общинного схода устанавливается полный простор для личного распоряжения хозяев их наделами, в обширных размерах развивается не только выкуп их в собственность, но и сдачи ее в аренду и даже продажи, завещания и т. д. Например, иногда «заревизные» семьи, отчаявшись получить надел от мира, принуждены «откупать» его, то есть покупать право на него (без срока или срочное) у «державцев», платя за то десятки рублей. Понятно, что от такого откупа до формальной покупки уже один лишь шаг, и, действительно, такие покупки «в вечное и потомственное владение» и начинают практиковаться (о них я скажу подробно в последней главе)...

Итак, как видит читатель, во множестве случаев наш априорный диагноз общинно-выкупной формы вполне подтверждается самыми яркими фактами. Мы видели, как мощно растет (в значительном, несомненно, числе случаев) под оболочкой общинно-выкупного владения личное земельное право, мотивированные права труда и выкупа и формальное право «ревизской» души, с какой силой это личное право проявляется, как быстро разлагает оно эту извне наброшенную общинную оболочку, как только исчезнут скреплявшие ее внешние рамки...

Перейдем теперь к случаям противоположного рода.

В. По Калязинскому уезду (Тверской губ.) индивидуализация владения с момента вздорожания земли проявилась особенно резко; не только во многих общинах прекратились «свалки-навалки» и обнаружались вышеописанные симптомы разложения общины, но и «целый ряд общин категорически заявляет о своем нежелании приступить к переделам»; например, крестьяне дер. Онцыно говорят: «прежде мы глупы были, потому и давали каждому, кто просил земли, а теперь некоторые просят и угощение обещают, – и то не даем»... и т. д. Но тут же рядом встречаются и такие общины, где крестьяне, например, говорят: «хочешь – не хочешь, а придется делить». Или часто решение «не делить» имеет только смысл – не производить общих качественных переделов, частные же количественные переделы, наоборот, именно этим и утверждаются; например, в дер. Куймине «с нынешнего года поставили не делить земли; если же кому нужно прибавить, а с черный передел (!), и тот, кому давали больше земли, давал денег на водку; таких денег набралось до 12 руб., но, пропивши деньги, большинство домохозяев от передела отказалось (!!). Доверенный от общества заявил, что раздел не мог состояться по недостатку желающих. Волостной суд постановил взыскать по 33 $\frac{1}{3}$ коп. с души и удовлетворить просителей» (там же, с. 116).

другого снять, пусть меняются полосами, если этого нельзя сделать, то просящему решили выделять угол где-нибудь на краю, но земли не делить», читатель видит, что в этом случае решение «не делить» есть именно приговор о порядке будущих уравнительных переделов. Также в Козельском уезде рядом с проявлениями индивидуализации «в тех общинах», где неравномерность в распределении надельной земли сделалась достаточно ощутительной, вопрос о переделах является обыкновенно спорным. Почти в каждой такой общине ведется оживленная борьба между сторонниками и противниками передела, и при этом очень часто аргументы последних и вообще препятствия к переделу имеют лишь временный и условный характер (как, например: «согласия нет», «не знают правов», «ждут ревизии», «начальство не позволяет», «приговор не утверждают» и т. п.), по существу же общины не сомневаются, что дело окончится переделом; например, в дер. Леоновой крестьяне говорили: «разговора еще большого нет... но две трети голосов найдется, нехотя, – а придется передел сделать. Навоз препятствует, да уж если дело пойдет, и на навоз не посмотрим»... И т. д., и т. д. Таким образом, г. Пешехонов должен был прийти к заключению, что хотя в Козельском у. «общинная жизнь... проявляется довольно вяло... и влияние общины на распределение поземельной собственности с каждым годом слабеет (по сравнению с более частыми переделами при общинно-выкупном фазисе), но с другой стороны воззрения на землю, на которые опирается общинное землевладение, в значительной мере сохранились еще в массе крестьянства...»¹. Уже одни такие факты несколько иначе освещают послевыкупной индивидуализационный период, не позволяют считать эту индивидуализацию неизбежной и окончательной, заставляют задаться вопросом: не есть ли она явление временное и переходное, пока крестьяне еще не успели освоиться с новыми условиями, и не обнаружится ли затем на всех или хотя бы в части таких общин новая общинная энергия? Это, действительно, мы и наблюдаем уже во многих случаях.

Во всех без исключения типичных общинно-выкупных районах мы в целом ряде случаев наблюдаем при обращении к земле и продолжение переделов, ранее вынужденных, по свободной уже инициативе общин. При этом иногда они сохраняют производительный принцип разверстки, часто принимают неопределенную ревизско-наличную разверстку, часто же превращаются в потребительные системы распределения.

Обрисую сначала первый случай. В том же Калязинском уезде «тягольная разверстка, являясь преобладающей в уезде, до сих пор держится и в тех общинах, где дорожат землей», но в части случаев «характер ее изменился: достижение рабочего возраста является не обязательством взять и тянуть

¹ См. «Стат. опис. Калужск. г.», т. I, в. 2, с. 40–47.

иногда против воли тягло, а скорее правом на получение земли; в таких общинах “мир” обязан дать подростшему работнику земли, если он ее требует, и обязательно снимает землю с 60-летнего старика, если находятся требующие»: например, в д. Валкуше «спрос на землю большой, владеют с 20 до 60 лет, со стариков обязательно снимается», в д. Кузнечкове «крестьянин после 60 лет считается все равно что мертвый, и земля его обязательно должна поступать на общество... душу дают по достижении 18 лет»¹. И т. д. Также в Семеновском уезде Нижегородской губ. в Кантауровской вол. в 28 общинах «земельные души раскладываются по работникам, порядок накладки по всему обществу (Потеминскому) такой: с 14–16 лет – $\frac{1}{2}$ души, 16–60 лет – 1 душа, 60–65 лет – $\frac{1}{2}$ души; в 65 лет хотели было всю землю снимать, да “начальство не позволило”. Принудительная “свалка-навалка”. Распоряжается все общество “по старому приговору”, сделанному еще, когда “тяга” была много тяжелее»².

Обрисованное сохранение переделов по производительному принципу и после обращения к земле с изменением только его значения объясняется в некоторых случаях тем, что крестьяне просто не успели еще выработать и применить другого, более уравнительного и обычного для общинно-передельной формы потребительного принципа, и тем, что рабочая разверстка с наибольшим удобством как бы сама собой вытекает из обычных в этих общинах частых частных «свалок-навалок»; часто же оно обуславливается тем, что необходимость производительной разверстки вызывается и другими, помимо тяжести платежей, условиями, чаще всего тяжестью работы самого надела, благодаря чему «маломочные» хотя и могут уже «оправдать подати», но не могут «соху осилить».

¹ См. «Сб. ст. св. по Тверск. г.», т. VII, с. 75.

² См. «Мат. для оц. зем.» по Семеновскому у., с. 150. Или, напр., в Макарьевском у. Нижегородской г. – «там, где доходность наделов оказалась (после понижения платежей) более или менее значительно превышающей размеры платежей» и «...принуждение стало применяться общиной не относительно накладки наделов, но относительно их скидки»; в 14 общинах у стариков, когда они достигают 60-летнего возраста, тягло принудительно снимается, причем за ними сохраняется право удержать до смерти лишь одну «душу», которой, по господствующему у крестьян мнению, нельзя лишить старика против его воли, так как душа «ревизская». Затем, в других общинах земля снимается со стариков только при смерти и передается старшему по возрасту подростку, причем в одних общинах, а именно в 37, такая передача производится строго и никаких исключений не допускается, а в других 48 общинах – душа снимается из дома умершего только в том случае, когда после умершего не осталось в его доме никакого (хотя бы новорожденного) безтягольного наследника, так что в итоге в Макарьевском у. оказывается уже целых 30,2% всего числа общин, сменивших сразу общинно-выкупную производительную разверстку общинно-передельной производительной же разверсткой, в 40,8% общин господствует пока разверстка «по согласию», и всего лишь в 3,7% общин «переделы прекратились и, по словам крестьян, более производиться не будут» (более или менее чистые потребительные разверстки отмечены в 7,6% общин, а фазис общинно-выкупной, то есть принудительные навалки, остаются еще в 17,7% общин... «Мат. для оц. зем.» по Макарьевскому у., с. 83–84).

Но во многих случаях общинно-выкупное владение прямо сменяется переделами по потребительному принципу. Так, например, в Балашовском уезде, в дер. Натальиной, «еще в начале 70-х гг. души наваливались насильно, теперь же, когда земля стала дороже, у иных хозяев ее насильно отнимают, чтобы передать тем, у кого много “едоков”¹. В Козельском уезде в сельце Лавровском с 86 г. с умершего обязательно сваливали землю, а на родившегося давали. В селе Березичах тоже с малосемейных насильно сваливали и наваливали на многосемейных, уравнивая по едокам»². В Жиздринском уезде Калужской же губ. также «со времени понижения выкупных платежей и с отменой подушной подати среди сельских обществ началось движение в пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворов. Такой способ разверстки земли в настоящее время преобладает. Движение это продолжается и вызвало во многих сельских обществах коренные переделы на срок от 12 до 20 лет»³. В Гдовском уезде Петербургской губ. также «со времени понижения выкупных платежей крестьяне стали переходить с преобладавшего ранее порядка разверстки по рабочей силе дворов и их достатку к разверстке по наличному числу мужчин во дворе, а также по общему семейному составу, почти вовсе не принимая во внимание рабочую силу»⁴. В Смоленской губ. «в трех северных уу. – Бельском, Поречском и Духовщинском – крестьяне стали более дорожить наделами со времени понижения выкупных платежей и отмены подушной подати и делят землю по наличному составу дворов без различия пола и возраста или принимая за едоков детей только с 3 или 5 лет. Прежний счет дворов по ревизии или по работникам удержался здесь только как исключение. К этим же уездам следует, по-видимому, причислить и Сычевский у.»⁵. И т. д., и т. д. Напомню, наконец, что вообще установление высшей потребительной разверстки «по семейственности» или «по едокам» констатировано было нами по целым 8 губерниям из 20, где оно отмечено «Мат. под. инсп.» именно как результат понижения платежей; хотя, вследствие краткости данных, не всегда есть прямое указание, предшествовало ли этой разверстке именно общинно-выкупное владение, но так как эти губернии (указанные уже Тверская, Нижегородская, Калужская, Смоленская, Петербургская и, кроме того, еще Владимирская, Новгородская и Вятская) заведомо в значительной своей части принадлежат к общинно-выкупному району, то несомненно, что, по крайней мере в части

¹ См. «Сб. ст. св.» по Балашовск. у., в. II, с. 118.

² См. «Стат. опис. Калужск. г.», I, в. 2, с. 35.

³ См. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 102.

⁴ Там же, в. I, с. 2.

⁵ Там же, в. II, с. 107.

этих случаев, высшая потребительная разверстка возникла здесь именно непосредственно из общинно-выкупного владения...¹

Итак, читатель видит, что наше априорное неблагоприятное для общинно-выкупной формы предсказание оправдалось только отчасти, отчасти же оказалось совершенно ошибочным: оказалось, что часто момент вздорожания земли и начало борьбы за нее вовсе не является моментом разложения общинно-выкупного владения в подворное, как, наоборот, началом превращения его в ту или иную чистую общинно-передельную форму. Естественно, встают, конечно, два вопроса: во-первых, какой исход наблюдается чаще, и, во-вторых, какими условиями объясняется это столь неожиданное развитие общинной функции? Имеющиеся пока данные, к сожалению, не дают категорического ответа на эти огромного интереса вопросы; они позволяют только слегка наметить наиболее вероятное их решение.

С. Что касается до распространения случаев того или иного исхода в пространстве, то для суждения об этом почти нет данных, так как «Материалы податных инспекторов», охватывающие период с 87 по 93 год, все-таки, таким образом, не одновременны, а, главное, дают слишком краткие указания, материалы же земской статистики еще более разновременны и охватывают только небольшую часть случаев явления. Так что из этих данных можно извлечь только отдельные глазомерные определения такого, например, рода, что, по земско-статистическим данным, в Тверской губ., особенно в таких уездах, как Калязинский, Зубцовский и т. п., общинно-выкупное владение, по-видимому, гораздо чаще разлагалось в семейно-выкупное, чем переходило в общинно-передельное; в Нижегородской же губ., то есть по крайней мере в 5 описанных ее уездах, кажется, дело шло, наоборот, скорее в пользу общинно-передельной формы; в данных же податных инспекторов я насчитал 6 уездов с преобладанием перехода общинно-выкупной формы в семейно-выкупную и 9 уездов с переходом в общинно-передельное владение; но понятно, что такие подсчеты не дают настоящего ответа, они с несомненностью указывают только на то, что и тот, и другой исход сильно распространены, а не то, чтобы один сильно преобладал, а другой представлял лишь редкое исключение.

Но в распределении их во времени обнаруживается, кажется, значительно более ясная и твердая тенденция. Тенденция эта состоит в том, что сравнительно очень редки такие случаи, чтоб с момента обращения к земле сначала началось общинно-передельное владение и затем смени-

¹ Надо заметить, что часто этот переход совершается очень постепенно и плавно. Особенно естественно и незаметно переходит разверстка «по силе» семей в разверстку «по нужде» семей, так как она не приурочена строго к определенной единице и путем нескольких «свалок-навалок» быстро превращается из общинно-выкупной производительной в общинно-передельную потребительную разверстку...

лось бы семейно-выкупным и, наоборот, очень часто после первого периода семейно-выкупного владения, непосредственно после вздорожания надела, начинаются затем по целому ряду общин уравнивательные (по потребительному или производительному принципу) переделы. Этим и объясняется, что обыкновенно чем позже по данному району производилось исследование, тем более благоприятную для общины картину оно рисует. Например, по очень неполным земско-статистическим данным 87 г. по Бежецкому уезду здесь было 32% общин с потребительной разверсткой, по данным же податных инспекторов за 87–93 годы «эта разверстка стала обычной в Бежецком уезде»¹. В Кашинском уезде

	Число общин	
	с разверсткой по налич. муж. д.	по едокам
По земско-статистическим данным	19	24
По позднейшим дан. под. инсп.	48	70

В Гдовском уезде Петербургской губ. по данным земского исследования 82 г. оказалась всецело господствующей рабочая или ревизско-рабочая разверстка, и переделы (обыкновенно частные свалки-навалки) происходили «не в интересах хозяйственной справедливости, а в интересах более успешного поступления платежей», так что г. Н. Дроздов, автор цитируемого очерка, пришел к тому заключению, что к 82 г. «... процесс обособления, начавшийся с усадеб, коснулся всех общинных угодий, за исключением разве выгонов... Это обособление затронуло... самые верховные права общины, как право переверстки наделов между отдельными хозяевами и право сдачи наделов в чужие руки. Так постепенно расчищается почва для надвигающегося участкового строя крестьянского хозяйства. На отдельные попытки, правда еще слабые, перехода к участковому владению мы можем указать даже и в настоящее время. Так, о своем желании перейти к участковому владению заявили селения Муравейно, Зовка и Еневы Заходы...»² По сведениям же, собранным в 96 г., только «в последние 6–7 лет общие и частные переделы и спорадические свалки-навалки отмечены уже по Гдовскому уезду в 30% общин, причем в огромном большинстве случаев они происходили по потребительному принципу (по мужским наличным душам или гораздо чаще «по семейственности»); они произошли также и в 2-х из упомянутых 3-х общин, собиравшихся в 82 г. перейти к подворному владению» (а о третьей я не нашел сведений, так как в материалах вовсе не оказалось всей той волости, к которой она принадлежит)³.

¹ См. «Сб. ст. св.» по Бежецк. у., с. 113 и «Мат. под. инсп.», в. II, с. 124.

² См. «Мат. по стат. нар. хоз. по Петербургск. г.», IV, с. 63.

³ См. «Статист. сбор. по Петербургск. г.», в. IV, с. 43–44, 86 и 95.

От всех этих сопоставлений получается такое впечатление, что очень часто свободные уравнительные переделы начинаются не тотчас по вздорожании надела, а после некоторого периода как бы господства индивидуалистического начала. Именно такую картину и рисует нам местное исследование Осташковского уезда, особенно типичного для рассматриваемого явления; здесь «в последнее 30-летие отношение крестьян к надельной земле подразделяется на 3 периода: 1-й – с 1861 по 1875 г., характеризующийся частыми и многочисленными свалками и навалками земли; 2-й – с 1875 по 1886 г., спокойный период, когда урегулировались практиковавшиеся до этого времени постоянные перемены в землевладении отдельных домохозяев, и 3-й – с 1886 г., когда земля приобрела в глазах крестьян весьма высокую ценность, началось требование ее со стороны слабых и многodusных семей, начались переделы с разверсткой, более отвечающей величине семьи»¹. Таким образом, на целом ряде случаев мы видим, что индивидуалистический период, непосредственно сменяющий общинно-выкупной фазис, не представляет собой окончательного, твердого, длительного порядка, а часто означает лишь как бы паузу в общинно-передельной функции – паузу, обуславливаемую, очевидно, тем, что прежний внешний двигатель переделов общинно-выкупного периода исчез, а новый внутренний двигатель свободной общинно-передельной борьбы за землю еще не успел сложиться, но после некоторого периода складывается... Понятно, что раз, таким образом, мы можем заносить (как уже сказано) в актив общинно-передельному владению почти все случаи смены им общинно-выкупного владения и не только не можем сделать того же для всех случаев наступления семейно-выкупной формы, но даже прямо знаем, что часть их (пока не известно, какая именно) перешла или скоро перейдет в общинно-передельное владение, то ясно, что мы должны ожидать для настоящего и ближайшего будущего по меньшей мере равномерного распространения этих форм, а быть может, даже, затем, и перевеса общинно-передельной над семейно-выкупной формой.

Что касается причин такого неожиданного после априорного нашего анализа вывода, то для их обнаружения в статьях земской статистики совсем не имеется данных. Мы попробуем в следующем томе вскрыть их путем статистического анализа, пока же позволим себе только наметить наиболее вероятные предположения. Отметим, прежде всего, что часто вся эта смена общинно-выкупного индивидуалистическим и последнего – общинно-передельным порядком может быть в значительной степени кажущейся:

¹ См. «Сб. ст. св. по Тверской г.», т. XII, с. 59. Надо заметить, что тут же автор отмечает, что, «с другой стороны... в это же время сильно проявилось стремление других хозяев закрепить за собой свои наделы посредством выкупа по 165 ст. полож. о выкупе».

часто мы можем принять за индивидуалистический порядок тот период равновесия между доходностью и платежами и разверстки «по согласию», который только по внешности может представлять господство личного права, а по существу означает лишь отсутствие общинного права, представляет именно лишь паузу между общинно-выкупными переделами, вызываемыми борьбой против надела, и общинно-передельными, двигаемыми борьбой за землю. Но, спрашивается, каким же образом все-таки начинается эта общинная борьба за передел и как эти переделы осуществляются, когда против них стоит такое огромное личное право, основанное на труде, выкупе и правах «ревизской души»? Тут возможны, мне кажется, два более крупных соображения.

Во-первых, мы можем допустить, что мы несколько ошибались, то есть, точнее сказать, брали лишь одну сторону явления, когда говорили, что крепостное и выкупное тягла могли скорее воспитать только неприязнь к общинному владению; быть может, мы забывали при этом, что, помимо земельных отношений, в этих общинах должны были под тяжестью этого тягла особенно сильно развиваться общая солидарность, привычка к общим делам, к мирским заботам об интересах каждого общинника – вообще та сплоченность и «дружность», тот «общинный дух», который в известных формах и пределах отнюдь не представляет выдумки «народников», а настолько ясно бросается в глаза каждому наблюдателю, что всегда легко отличить «дружное общество» от, так сказать, «разбродного», как легко отличить «дружную», «согласную» семью от «несогласной»... И т. д. С другой же стороны, что гораздо важнее, мы, может быть, сделали коренную ошибку в самой первой своей посылке, приняв всех «заможных» фактических «державцев» наделов, представляющих личное право труда, непременно противниками по этому самому и общинного права на труд. Между тем ведь в каждый данный момент только те из них являются такими противниками, у которых непропорционально много земли по сравнению с рабочим и особенно потребительным составом их семьи, которые, значит, при уравнительном переделе по одному из этих принципов проиграли бы. А само собой разумеется, что среди выстоявших в тягловой общинно-выкупной период «тяглецов»-«державцев» есть не только такие, а и другие, у которых семья разрослась больше, которые чувствуют себя обделенными при данном распределении земли и должны потому стоять за новый уравнительный передел; так что партия за передел в послевыкупной период состоит не из одних лишь «маломочных», ранее бежавших от земли и имеющих одно лишь голое общинное право на труд, но из них плюс часть «заможных» «державцев» с их правом личного труда. И если мы вспомним, что более состоятельные семьи именно и суть в большинстве

случаев семьи с наибольшим рабочим составом и вообще наиболее быстро разрастающиеся, то мы легко представим себе даже такое положение, что именно эти «заможные» «державцы» и составят ядро партии за передел. Присоединим еще, наконец, и то соображение, что личное право труда у фактических «державцев» наделов в момент их вздорования часто именно вследствие постоянных свалок-навалок в общинно-выкупной период крайне неравномерно: один тянул свой надел-«разоритель» с самой «воли», другой получил его через 10 лет после того, когда он уже значительно «полегшал», многие же взяли их «без усилия» уже в период равновесия платежей и доходности, и их право труда и выкупа – минимально...

Если читатель вдумается в эту сложнейшую и запутаннейшую сеть прав и интересов, развивающихся и сталкивающихся в общинах при «обращении к земле», то он поймет, что в этом повороте общинно-выкупного владения вместо индивидуалистической на общинную колею не так уж много странного, как это могло бы показаться с первого взгляда, и во всяком случае читатель согласится, что в этот темный лабиринт нам пока нечего и пускаться без руководящих статистических нитей в руках... Поэтому, ради систематичности изложения, мы должны пока оставить вопросительный знак на этом столь важном пункте.

§ 5

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы читатель получил ясное и конкретное представление о том своеобразном ответвлении общинной формы, которое я называю общинно-выкупным владением, и о главнейших типах и фазисах его. Ясно теперь также должно быть, почему и выделяю его в совершенно особую категорию среди других общинных форм...

В этом толковании и определении общинно-передельных организаций при платежах, превышающих рентную доходность надела, мне пришлось резко разойтись с такими, так сказать, классическими исследованиями, как работы покойного В.И. Орлова и г. В. В. Эти авторы (а за ним и большинство других) рассматривают такого рода организации как совершенно равносильные и равнозначные с общинно-уравнительными формами при нормальных условиях, то есть при превышении платежей доходностью, они считают первые и вторые как бы двумя совершенно равноправными основными стволами пореформенной общины. Такой взгляд представляется мне поверхностным, и он объясняется, вероятно, неразработанностью вопроса, недостаточностью фактических материалов в то время, когда писались упомянутые работы; этот взгляд отправляется исключительно от внешней формы общинной функции, без достаточного внимания к ее причинам и следствиям.

Можно ли, в самом деле, только глядеть на то, как действует передельный механизм при наделе-«разорителе», любоваться той строжайшей и детальнейшей уравнительностью, которую он осуществляет в перепряжке податного «тягла», когда мы знаем, что основная пружина,двигающая этот механизм, лежит вне его, в «разорительности» надела, обязательно и постоянно вынуждающей эту перепряжку, чтобы тягло не «задавило» слабых хозяев и чтобы эти недоимщики не «задавили» общей петлей круговой поруки и всю общину? Механизм этот может быть великолепным, но он все-таки остается именно только механизмом, он скорее автомат общины, а не живая община. Если общину при нормальных условиях – при наделе-«кормителе» – можно сравнить с растением, которое в зависимости от почвы и атмосферы, от окружающих естественных, экономических, политических, культурно-исторических условий может и расти, и остановиться в росте, и совершенно засохнуть и погибнуть, и дать множество самых мощных и разнообразных разветвлений во всевозможных направлениях, то тягловая податная община при наделе-«разорителе» напоминает скорее какой-то своеобразный земельно-перераспределительный механизм, соединенный приводом круговой поруки с основным двигателем фискальной системы и который движется именно только им независимо от всяких других условий, движется, как мельничное колесо, только при известном уровне податной тяжести и при известной силе «выбивания» податей и замедляется, и останавливается, как только этот уровень и эта сила до известной степени понижаются и ослабевают. Только при наделе-«кормителе» общины могут приспособливаться к среде, то есть выбирать те или иные формы, наиболее согласные с целью и условиями общинного владения, при наделе же «разорителе» уже нет самопроизвольного приспособления общин, нет выбора, так как возможна только одна извне предустановленная форма (частые частные переделы по производительному принципу), то есть еще нет, строго говоря, общины как обычно-правового института.

Из этого недостаточно ясного понимания механичности податной тягловой общины естественно вытекало и постоянное трактование ее как какого-то основного типа русской общины, в то время как она представляет именно только фазис и притом крайне скоропреходящий и, так сказать, искусственный фазис в эволюции этой общины. Помещичьи крестьяне из ада крепостного тягла, в котором они сами были объектом владения, не сразу перешли в рай свободного владения, а попали временно в чистилище выкупного периода – в своеобразное положение полусубъекта (поскольку пользовались землей), полуобъекта (поскольку выкупали ее и себя) владения. Понятно, что этот период еще не земельвыкупания не представляет самодовлеющего интереса, а важен и интересен вопрос, какая именно форма

должна его сменить, когда настанет настоящее землевладение? Но, конечно, для этого вопроса представляют слабое значение внешняя организация и функция общинно-выкупного владения: по общинным формам перепряжки выкупного тягла нельзя предвидеть, какая затем установится форма распределения земли; по формам борьбы против надела нельзя судить о результатах будущей борьбы за надел; для последнего важно проследить всю ту комбинацию прав и интересов, которая только складывается, но еще не проявляется в общинно-выкупном фазисе.

Таковы итоги уже первых двух параграфов этой главы. В последних двух параграфах мы и постарались, насколько то позволяли описательные материалы земских исследований, – осветить общинно-выкупные формы с такой динамической точки зрения. Мы очертили условия и следствия основных моментов общинно-выкупного периода, начиная с первого острого его фазиса крайней тяжести надела-тягла, фазиса «плача над землей» и «бегства от земли», продолжая, затем, постепенным смягчением, «полегшанием» надела-«разорителя» и кончая вздорожанием его (вследствие понижения платежей и повышения его объективной ценности и доходности) и общим «обращением к земле» всех общинников. Мы нашли, что в результате всех этих смен должны были под внешней общинной формой накопиться сильные элементы личного права (основанные на труде и выкупе)¹, и затем увидели, что очень часто действительно с момента «обращения к земле», когда спадает эта внешняя скрепа выкупного «тягла», из-под нее нам сразу открывается картина глубоко укоренившегося индивидуального земельного права – наследственного «родового» владения и распоряжения наделами фактических их «державцев», открывается как бы «начало конца» общины. Но рядом с этим во многих также случаях, наоборот, вынужденная общинно-выкупная передельная функция сразу переходит с момента «обращения к земле» в свободную самопроизвольную общинно-передельную организацию, а часто, что еще важнее, последняя возникает через некоторое время даже и первого рода, как бы начавших было, по-видимому, разлагаться общинах, пока, однако, мы не можем еще вполне ясно уловить корней этой неожиданной жизнеспособности общинного начала...

Таким образом, в окончательном итоге, я хотя и отказываюсь совершенно от преобладавшего ранее малообоснованного и формального взгляда на

¹ Интересно отметить, что к этому выводу пришел В.П. Григорьев еще в 81 г. Вот три из пяти основных выводов его статьи об общине в Рязанском у. «Слишком сильное несоответствие платежей с доходностью земли, вызывая потягольную разверстку, порождают частые коренные переделы, а они, так сказать, держат землю в руках общины... Влияние выкупа... по-видимому, должно слабеть при значительном понижении крестьянских платежей... Там, где платежи очень высоки, разрушительное влияние выкупа на общину – вопрос времени: от уничтожения переделов удерживает только отдаленность погашения выкупной ссуды» (см. «Сб. ст. св. по Рязанской губ.», в. I, статья по общине, с. 36).

общинно-выкупную форму как на чистое общинное владение, но не могу, хоть к этому и склоняют некоторые априорные соображения и часть имеющих фактов, признать резко перевешивающим в ней и индивидуалистический элемент. Несомненными же и твердо установленными я считаю только следующие положения: 1) общинно-выкупное владение не представляет ясной и твердо установившейся общинной формы, а, наоборот, являет максимально неопределенное, неустойчивое и искусственное сочетание личного и общинного начала; 2) эта форма может и разлагаться в семейно-выкупное, то есть переходное к подворному, владение, и переходить в общинно-передельное, так что мы должны ожидать, что части общин этого вида предстоит первый, а части – второй исход. Какой же исход был до сих пор и будет в ближайшем будущем чаще этого, вследствие недостаточности имеющихся материалов и незаконченности самого исследуемого процесса, – мы пока не можем решить.

ГЛАВА VII

После всего вышеочерченного нам осталось теперь дорисовать еще только один и наиболее теневой угол картины современного крестьянского общинного землевладения в России. Мы очертили зарождающуюся, развивающуюся, живущую и, по-видимому, жизнеспособную общину у государственных крестьян, общинно-выкупную форму у части бывших помещичьих, теперь же мы перейдем к остальной части этих помещичьих крестьян, чтобы проследить фазис упадка и разложения. Такой исход, как было уже упомянуто, наблюдается в значительной части тех бывших помещичьих общин, где доходность надела превышала платежи, и, таким образом, индивидуализирующее влияние выкупной операции и других условий могло сразу же по освобождении проявиться с полной силой. Обрисуем прежде всего еще раз эти разлагающие влияния и способ их действия.

§ 1

А. Необходимо прежде всего во всей конкретности представить себе общее положение крестьян тотчас по освобождении, их отношение к земле и формам владения ею. Я указал уже выше, что мы не имеем права ожидать в них никакой общинной традиции, никакой, скажем шире, общинной инерции как наследия от крепостного права, так как все отношение их к земле было механизировано крепостным правом, не дававшим, как общее правило, пробиться в нем ни одному ростку обычного крестьянского права. Что, спрашивается, мог дать сам момент освобождения? В этот момент крестьянство напоминало ребенка, которого внезапно распеленали; понятно, что после

200 лет пребывания в крепостных путах у него должно было явиться стремление усиленно двигаться, действовать: проявить себя и притом как можно сильнее и самостоятельнее, индивидуалистическая реакция эта должна была быть тем энергичнее, чем сильнее была подавлена личность при крепостном праве. Таким образом, освобожденное крестьянство мы должны представлять себе без общинной инерции и в индивидуалистическом, так сказать, настроении. Но и только. Именно в силу вышесказанного, у освобожденных крестьян, привыкших к автоматическому отношению к земле, не могло быть на первых порах никакого определенного отношения к ней, они в массе не могли ни ясно представить себе свое внешне-юридическое положение, ни найти и решить, какая форма владения для них наиболее в разных отношениях выгодна и желательна, – они могли, как общее правило, только ждать от распеленавшей их государственной власти определения своего положения и затем пассивно усвоить и применить ту внешнюю форму, в какую отлилось их освобождение и наделение землей. Так и случилось в действительности. В значительном большинстве случаев помещичьи крестьяне приняли способ исчисления и нарезки им надела за постоянную и обязательную для них форму владения. А именно: так как надел был нарезан по числу ревизских душ в каждом селении, то, – поняли крестьяне, – надел, значит, нарезан на ревизские души, то есть каждая ревизская душа получает в свое владение по столько-то земли. Если бы они еще могли усомниться в том, что земля нарезана именно одним ревизским душам, то это сомнение устранялось тем, что земля «выкупается», то есть, по крестьянскому пониманию, «покупается», очевидно, именно этими самыми ревизскими душами в собственность, ибо выкуп выплачивается в известный период, то есть при жизни этих ревизских душ, и именно они его выплачивают... Таким образом, сразу же землевладение помещичьих крестьян утверждалось на двух лично-формальных основаниях – ревизской души и выкупа.

Это господство земельного права ревизской души – факт глубоко интересный и характерный как показатель уровня культуры современной России. Собственно говоря, это право никем не установлено – ни государством (отводившим землю хоть на ревизских и на выкуп, но в общинное владение), ни тем более обычным крестьянским правом: оно господствует только потому, что крестьяне воображают, будто оно установлено государством. И вот эта фантастическая тень реализовалась и царит над всеми другими реальными, как обычно правовыми, так и государственными нормами крестьянского землевладения... Я затрудняюсь приводить доказательства силы и общераспространенности этого права ревизской души именно вследствие всеобщности и общеизвестности этого факта и чрезмерного количества его примеров. Не найдется, кажется, ни одного уезда, где исследование не

отметило бы фетишистского отношения к «ревизской душе» обыкновенно в значительном числе государственных и всегда в большинстве, а иногда положительно во всех помещичьих общинах. Поразительнейшие примеры силы этого права мы уже видели на тех случаях, когда при «обращении к земле» после общинно-выкупного фазиса наделы отбираются для ревизских и их наследников от хозяев, их по 20–30 лет обрабатывавших и заплативших за них большую половину выкупа, то есть когда целая совокупность сильнейших личных прав – права труда, выкупа, давности – приносится в жертву этому воображаемому праву, этому своеобразному «табу» темного крепостного крестьянства... Это «табу» так твердо, неискоренимо и последовательно, что не только на нем настаивают сами «ревизные», домогаясь или не желая уступить «заревизным» своего надела, но на нем же основываются и заревизные, отказывающиеся от этого надела, когда он является «разорителем»: среди, например, помещичьих крестьян Семеновского уезда (например, Хохломской волости) старики рады бы всю и выморочную землю наваливать на молодых, но эту землю, излишне отягощенную платежами, молодые не берут: «мы-де не ревизские и не обязаны брать ее»¹. Мало того, это право крестьяне охраняют даже прямо вопреки личным своим интересам: указаны, например, такие факты, что старик крестьянин голосует на сходе против передела, хотя он лично при нем получил бы заметную прирезку надела единственно потому, что находит передел незаконным, так как «земля дана царем ревизным». Надо, наконец, заметить, что отнюдь не в глухих каких-либо деревнях, а в самых больших и бойких селах, отнюдь даже не в одном крестьянстве, а, несомненно, весьма часто и в стоящей над ним администрации, в волостных правлениях и даже, по-видимому, в некоторых крестьянских «Присутствиях» – также свято почитается «табу» ревизской души².

¹ «Мат. по оц. земли» Семеновск. у., часть эконо., с. 143.

² Мы уже видели выше, что возвращение наделов «блудных» ревизским душам после общинно-выкупного фазиса часто происходило вопреки воле общин, резко против того восстававших, именно по решению волостных судов и крестьянских присутствий. Приведу еще аналогичный пример: «в Сердобск. у. Саратов. губ. многодушники в д. Никольской... выставляют, между прочим, такой аргумент, что вся земля будто бы принадлежит по закону ревизским душам, а родившимся после ревизии "от помещика не дано земли; поэтому они при семейных разделах не имеют права требовать от отца пашни или огорода"». То же самое подтвердило и местное волостное правление, ссылаясь на «Положение», по которому будто бы «никто не может отобрать у другого надел, за который тот в течение 25 лет вносил выкупные и иные платежи» (см. сб. по этому у., с. 141).

Приведу еще несколько отзывов (кроме приведенных уже в VI главе) для иллюстрации громадного значения «ревизской души» как тормоза для передела. В Херсонск. у. за ревизскими душами «признается если не исключительное, то преимущественное право на землю»... «Согласно этому взгляду надельная земля принадлежит семье, имеющей одну или несколько ревизских душ, на которых она была записана. Все количество этой земли находится в распоряжении хозяина-отца, который ее и завещает затем, кому знает» (см. «Сб. ст. св.» по Херсонск. у., с. 196). В Вяземск. у. Смоленск. г. некоторые общины, принявшие сначала потягольную разверстку, переходили, ввиду новых требований, к разверстке по ревизским душам, опираясь на то, что земля дана только на ревизские души, а не новые, – на работорговцев даже, не попавших в ревизию, земли нет» (см. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 13).

Надо, впрочем, оговориться, что это почитание еще не означает обязательно само по себе утверждения чистого личного права и отрицания общинного. Весьма часто крестьяне только потому не желают наделять землей заревизных и лишать наделов ревизских, что считают это делом правительства, которое своевременно либо производит новую ревизию и тем дает сигнал к такому переделу, либо прямо вскоре наделит заревизных новой землей. Так, например, в Козьмодемьянском уезде Казанской губ. часто происходят своеобразные «перевеверстки» по наличным ревизским душам, причем «заревизным» земли не дают именно потому, что ждут «ревизии» и вполне уверены, что заревизные получают при ней особую прирезку¹, и т. д. Особенно часто такое ожидание ревизии у бывших государственных крестьян. Таким образом, в этом случае это «ревизское право» нельзя считать прямо и непосредственно антиобщинным, оно только имеет, так сказать, антипередельное значение. Но понятно, что тем самым косвенно оно действует и против общинного права, так как в отсутствие переделов неизбежно растет личное право труда, и потому чем дольше нет переделов, тем труднее им начаться. Но в некоторых и очень частых случаях совершенно ясно и резко выражено бывает понимание крестьянами «ревизского права» именно как личного, наследственного, исключаяющего всякие уравнительные переделы права. Особенно резкий образчик такого полного разложения общины лично-ревизским владениям представляют те, очень редкие, правда, случаи, когда оно устанавливалось еще при предпоследней ревизии, а последняя проходила для него уже без всякого влияния. Так, например, в с. Скосогоровке Богодуховского уезда владеют по душам не X, а IX ревизии: «общество это получило свою землю в дар от помещика на души по IX ревизии, а потому в обществе поддерживается мнение, что земля принадлежит исключительно только тем душам»².

Итак, приняли ли помещичьи крестьяне ревизскую разверстку за временную впрямь до новой ревизии или они сочли ее установленной государством навсегда, «навечно», во всяком случае они усвоили ее без критики и борьбы как обязательную, как неприкосновенное «табу», и она тяжелым тормозом стала против переделов, против всякого движения общины. Понятно, однако, что с течением времени мало-помалу должны были проясняться представления крестьян, возникать сомнения в этом «табу», борьба против него. Но вместе с тем в период господства этого личного ревизского права успевали сильно разрастаться и другие личные права. Первым из них, наиболее ярким и бросающимся в глаза, было право выкупа, отчасти нераздельное с этим же правом ревизской души и обыкновенно во многих семьях совмещающееся с ним.

¹ «Сб. ст. св.» по Козьмод. у., с. 57.

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 64.

В. Как было уже указано, выкуп по самому существу своему внес в по-реформенную общину разлагающее начало, будучи справедливым только при индивидуалистическом своем осуществлении, а при общинном необходимо обуславливая вопиющую обиду одного поколения последующими, одних семей другими. Но и в основных деталях своих выкупная «операция» была как бы нарочно приспособлена к индивидуализации владения, даже, строго говоря, прямо представляла отрицание общинного владения. Я говорю, главным образом, о знаменитой 165 статье «Положения о выкупе», по которой каждый член общины мог, внося единовременно всю недоплаченную в данный момент выкупную сумму за находящийся в его пользовании в этот момент надел, выкупить его в полную личную свою собственность. Я не знаю, допустимо ли даже такое личное право при общем владении, но уже при общинном оно во всяком случае невысказано, оно в корне отрицает его. К чему, спрашивается, сводятся права владения общины на ее землю, если в каждый данный момент каждый из ее членов может завладеть в личную собственность тем участком, который община отвела ему для пользования? Что это за общинное землевладение, при котором в любой момент любые куски территории могут быть растащены их «державцами»? И понятно, какое глубокое нарушение элементарнейших не только общинных, но и личных прав вносилось этой недаром прославившейся «статьей»: один хозяин мог выплачивать 25 лет выкуп за свои, скажем, 5 наделов при наделе-«разорителе», а затем у него могли отобрать – положим, два или три из них (для «заревизной» или обделенной семьи, или даже, может быть, для «ревизского», ранее бежавшего, а теперь вернувшегося), и новый владелец, внося остаточные (к тому же пониженные) платежи, приобретает его в полную собственность, то есть выйдет, что первый выкупал их не только не прямо для себя, но и не для общины, то есть косвенно в будущем отчасти для себя же, а исключительно для одной чужой ему семьи, выйдет, что Сидор Иванов весь свой рабочий век – с 25 до 50 лет – «бился» над наделом-«разорителем» только для того, чтобы его получил, когда он стал «кормителем», Иван Сидоров без всяких жертв со своей стороны (доплата во вторую половину выкупного периода уже так мала, что гораздо ниже стоимости земли и всегда может быть взята в заем крестьянином под залог того же надела)... Во II томе я подвергну подробному статистическому анализу это растаскивание общинной земли по 165 статье, пока же должен только отметить, что оно отнюдь не осталось на бумаге, в потенции, а мало-помалу стало в некоторых губерниях принимать в конце 80-х и начале 90-х годов массовый характер, так что в 93 г. появился, наконец, закон, восстановивший в этом пункте общинное право путем установления требования такого личного досрочного выкупа,

согласия на то общины в лице $\frac{2}{3}$ ее членов; надо подчеркнуть и то, что у государственных крестьян, также переведенных на выкуп с 86 г., такой отрицающей общину статьи вовсе уже нет...

Такую же «наглядную несообразность» представило и законодательство, урегулировавшее существование и действие общины. Им установлено одинаковое требование $\frac{2}{3}$ голосов как для перехода от общинного к подворному владению, так и для производства простого общинного уравнительного передела. Таким образом, хотя община формально была оставлена, но фактически для самого основного и необходимого акта ее функционирования был поставлен такой же тормоз, как и для решения вопроса: быть ей или не быть? Понятно, что если для последнего случая квалифицированное большинство логично и необходимо, то для первого оно крайне вредно и несправедливо, так как в массе, если не в большинстве случаев, за целых 25–39 лет пореформенного периода не успевало накопиться в общине $\frac{2}{3}$ хозяев, обделенных данным распределением земли, и потому в это время переделы могли произойти и действительно происходили только потому, что за них голосовали терявшие от них хозяева!.. На последнем примере читатель с особенной яркостью видит истинный характер законодательства об общине, выработанного при освобождении крестьян: в самых основных пунктах оно нарушало самое элементарное и ясное общинное право, на главнейшую функцию его оно накладывало такую петлю, что ясно обнаруживались либо преднамеренное желание подавить общину, либо отсутствие всякого интереса и представления о том, будет ли и как именно будет она функционировать. Последнее и имело место в действительности. Авторы разбираемого законодательства в значительном большинстве совершенно не допускали возможности существования общины в пореформенный период, твердо веруя в неизбежность быстрого ее разложения, и не уничтожили ее формально только именно потому, что считали бесполезной такую насильственную ломку, «операцию» над тем, что должно было, по их мнению, легко исчезнуть путем «естественного процесса»¹. Но от этого-то ожидания их разложения общины они и приспособили все к облегчению ее кончины и ничего для ее жизни, а тем самым сильно поспособствовали первому исходу, скажем больше – прямо произвели резкую, насильственную «операцию» разложения общины...

¹ «В конце пятидесятых и начале 60-х гг., – говорит г. Иванюков, – в огромном большинстве образованного русского общества, да, кажется, и между членами редакционной комиссии, господствовало убеждение, что общинное владение не имеет будущности, что оно рано или поздно, неизбежно должно перейти в участковое. При таком взгляде в Положении 19 февраля 61 г. не было поставлено никаких правил о порядке обращения частной собственности в общинную. Внимание редакционной комиссии было обращено лишь на случаи перехода от общинного владения к частной собственности» (см. статьи об общине в «Полит. экон.» Иванюкова, цитирую по «Рус. мысли» 86 г., с. 86).

Таким образом, мы видим, что крестьяне, принявшие наделение ревизских душ с переводом на выкуп за покупку земли ревизскими душами, не были в этом случае правы только в букве, но были правы по существу, они уловили именно сам дух установленного у них вида землевладения, формально еще не уничтожавшего общины, но целой системой толчков и тормозов закрывавшей ей путь для действия, для развития и настежь открывавшего двери для процессов, ее парализующих и разлагающих. Нельзя было понять выкуп как общинный когда каждая семья могла, совершенно игнорируя существование общины, выкупить свой участок в личную собственность, но даже и при воззрении на выкуп, как на общинный, все-таки ничто не могло помешать его индивидуализирующему влиянию, так как каждый выкупной взнос представляет новый корень личного права каждого «державца» на его надел, и мало-помалу они строятся уже неразрывно. Такая роль выкупной «операции» решительно повсюду совершенно ясно указывается множеством исследователей и, как нельзя более ярко, выступает из отзывов самих крестьян. Приведу некоторые более характерные из множества их.

«Выкупная операция, – говорил г. Филимонов еще в 82 г. о Суражском уезде Черниговской губернии, – находится в прямом противоречии с принципом общинного землевладения и служит немалым тормозом к производству коренных переделов. Лишь только в той или другой общине затрагивается вопрос о коренном переделе, выступает тотчас же целая масса протестующих: “Хиба хто позволит, щоб его наделы перешли кому-нибудь другому! 20 лет каждый из нас выкупал наделы, не допивая, не доедая, а тут изволь их отдать другому ни за что, ни про что. Коли уж на то пошло, щоб у меня отняли часть наделов, то пусть тот, кому они достанутся, заплатит мне зараз весь тот выкуп, который вносил я ежегодно в продолжение 20 лет!” Эти слова всегда имеют магическое действие, и вопрос о переделе решается отрицательно. Только лишь в 7–8 общинах вопрос о коренном переделе прошел благополучно. Все же другие общины мы можем считать переходящими к частному землевладению. Окончание выкупной операции будет началом возникновения подворной земельной собственности». И действительно, «не раз приходилось видеть уже теперь в волостных правлениях приговоры о переходе к подворному владению»¹.

¹ См. «Материалы для оценки зем. Черниг. г.», т. IX, Суражский у. Приведу еще особенно отчетливое резюме г. Харизоменова о Хвалынском у.» «Причины отсутствия наличной раскладки во владельческих общинах, – говорит г. Харизоменов, – весьма просты и ясны: они указываются самими крестьянами. В деревне Ивановке Алексеевской волости большинство против передела по наличным душам; хозяева с большим числом ревизских душ говорят: “Мы платили за землю в то время, когда тяжело было, а как платежи легче стали (намек на понижение выкупных платежей), так и отдай, мол, – нет, это обидно!” Выкупная операция разрушает общинное землевладение, прекращает периодические переделы и вводит общее владение с наследственными паями, на-

С особенной яркостью то же воззрение крестьян на выкуп как на личную как бы покупку земли, выразилось в Ставропольском у. Самарской губ. Здесь, при опросе крестьян, целых 23 общества решительно высказались, что «землю переделывать совсем не станут, потому что каждый платит за нее выкуп, а по уплате выкупа она делается собственной... хоть ее продавай»¹. Вообще в этом уезде «сильные многонадельные хозяева, у которых численный состав семьи быть может не превышает 1–2 душ мужского пола, указывают миру на то, что они вот уже более 20 лет платят выкуп за 4–5 душевых наделов, уплатили за это время не менее, а, может быть, и более 1000 рублей всех платежей, все время “ухаживали за землей”, тратились на улучшение ее, а тут вдруг у них хотят отнять 3–4 надела и передать другому домохозяину, у которого хотя и народилось после ревизии до 5 душ мужского пола, но который все время платил выкуп за один душевой надел, – это несправедливо и незаконно; мир не имеет права определять землю по своему произволу, надо наперед спросить начальство, что оно скажет, или же ждать новой ревизии...»² И до какой степени именно ассоциировалась в представлении крестьян идея индивидуального владения с самым принципом выкупа – это ярко показывают следующие хотя бы примеры: в с. Крымском Славяносербского уезда крестьяне, по их словам, потому не производят передела, не знают, если ли на это воля (право), что «затем и стесняются. К тому же было наречие, что земля пойдет в

резанными по душам X ревизии или, точнее, уставной грамоты. Домохозяин, плативший более 20 лет выкупные платежи, рассчитывает через 26–27 лет совершенно освободить свою землю от этих платежей, и никакие гуманные соображения не могут его заставить участок, наполовину выкупленный, стоимость и доходность которого, благодаря быстрому росту цен на землю и хлеб, возросла за 20 лет вдвое, втрое, – уступить даром другому. Этот мотив имеет особенную силу там, где 10–15 лет тому назад земля была тягостью, арендная цена была ниже платежей, а теперь поднялась выше платежей. Естественно, что домохозяин, 15 лет терпевший все невыгоды мирского землевладения, отнюдь не намерен расставаться с наделом теперь, когда он приносит выгоду» (см. «Сб. ст. св. по Хвалынск. у.», с. 31). Нельзя не согласиться также с соображениями автора статьи об общине в Цивильском у. Казанск. г. «Переход к новому распределению земли у крестьян, бывших государственных, – говорит он, – требовал только пропорционального перераспределения текущих платежей, не представляющего никаких затруднений, между тем как крестьяне, бывшие владельческие (не дарственные), должны при этом принимать в расчет и платежи прошедшие, то есть сделанные уже взносы выкупной суммы; другими словами, изменение долей землепользования у крестьян бывших владельческих обязательно должно было бы сопровождаться доплатами со стороны домохозяев, получающих в свое пользование большое количество земли» (см. Сб. по этому уезду, с. 35). И вот, действительно, встречаются случаи, что крестьяне устанавливают такие доплаты. Напр., в д. Саблине (Зубцовск. у.) «при переделе 87 г., вызванном требованиями возвратившихся домой из городов, постановили, чтобы те, кому давались «новые» души, за каждую полученную душу платили по 15 руб. ввиду того, что получивший эту душу ранее за нее выкупа не платил. Всего собрано было с 7 хозяев 165 руб., и эти деньги были разделены между всеми по душам» («Сб. ст. св.» по Зубц. у., 112 ст.).

¹ См. «Сб. ст. св.» по Ставроп. у. Самарской губ., с. 36.

² Там же, с. 32.

собственность на выкуп...»¹. В д. Аристовке Лаишевского уезда (Казанской губернии) в 1882 году переделали землю по «новым» душам (мужским наличным); но в 1888 году опять стали делить землю по старым ревизским вследствие перехода из временно-обязанных на выкуп². Или, например, по сообщению податного инспектора Нижегородского уезда «при опросе уполномоченных от государственных крестьян (этого уезда) по преобразованию оброчной подати в выкупные платежи почти все они, за немногими исключениями, заявили опасения, что с установлением выкупных платежей прекратится общинное землевладение, и просили занести в протокол просьбу их о том, чтобы надельная земля оставалась навсегда в общинном владении. Уполномоченные говорили: “если мы не заявили об этом, то дети и внуки наши стали бы нас проклинать”...»³. И т. д., и т. д.

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы показать, как огромно и вообще разлагающе влияние выкупа, чтобы, значит, оправдать принятый мной для фазиса разложения общины термин семейно-выкупного владения. Читатель видит, что выкуп тяжело лег на пореформенную помещичью общину и не дал ей свободно двигаться, свободно развиваться или разлагаться. При крайней своей тяжести он насильственно приводит в движение общинно-передельный механизм, в остальных случаях он представляет своеобразную насильственную «операцию» «обеспложения», так сказать, общинного и прививки личного права пореформенной помещичьей общине. Как при семейно-захватном владении отдельные семьи прирастают к захваченным или «заимкам», совершенно так же при семейно-выкупном они срастаются с выкупаемыми ими наделами.

С. Таким образом, главный признак пореформенного землевладения бывших помещичьих крестьян – тот, что индивидуализация его predeterminedена уже самой его внешней установленной государством формой, помимо внутренней обычно-правовой его эволюции. Однако последняя только подавлена, но не исключена совершенно: при наделе-«кормителе» и у помещичьей общины все-таки есть возможность выбора самоопределения. Но и в этом самоопределении могущественные условия способствуют росту личного права и заглушают общинное. Главнейшие из этих условий – крайнее сокращение размеров землевладения и интенсификация земледелия.

Необходимо, кажется, признать очевидным, что при известной степени малоземелья уравнилельно-передельная функция общины должна делаться невозможной. А именно, если мы представим себе такую степень малоземелья, когда не только один надел, но и надел плюс вненадельная

¹ См. «Сб. ст. св.» по Славяносербскому у., с. 73.

² См. «Сб. ст. св.» по Лаишевскому у., с. 54.

³ Цитирую по реферату об отчетах податных инспекторов в «Русск. вед.» 95 г.

аренда и другие доступные населению данной местности отхожие заработки не дают минимума, необходимого для существования всех членов общины, то увидим, что при таких условиях уравнительный передел теряет свой смысл, ибо не достигает своей цели – наделения рабочих сил и обеспечения потребностей всех общинников; он может только в равной мере недонаделить всех хозяев. Понятно, что такое положение уравнильно-передельного, так сказать, обнищания и голодания вряд ли целесообразно теоретически и вряд ли мыслимо практически: семьи, лучше наделенные и окончательно разоряемые таким переделом, будут бороться против него с отчаянной энергией; семьи же, обделенные и уже частью успевшие разориться, «отбиться» от земледелия, уйти на сторону, часто не будут его особенно и добиваться, так как их положение уже не поправит какая-нибудь незначительная земельная прирезка. Таким образом, мы должны ожидать при таком крайнем малоземелье замиранья неосуществимого при данных условиях общинно-передельного права на труд и все большего и большего развития начала личной борьбы, выстаивания более сильных хозяев с полным отслоением из общины слабых. Об этой борьбе за землю я буду говорить еще подробно во втором томе, пока же, чтобы несколько конкретнее обрисовать этот чрезвычайно важный пункт, приведу отзыв В.И. Орлова, еще в 81 г. весьма ясно очертившего этот вопрос. «Едва ли можно сомневаться в том, – говорит он о Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, – что в настоящее время у крестьян помещичьих ощущается недостаток в земле, и так как платежи, связанные с надельной землей, не превышают ее доходности, то, естественно, всякий хозяин желает удержать за собой надел, доставшийся на его долю при совершении уставной грамоты, в таком же размере, хотя бы в его семье и произошло уменьшение душ. Домохозяевам, владеющим малым наделом (на одну, две души) при большой семье было бы, конечно, выгодно вновь переделить землю по числу наличных душ, но на это многодушники представляют то возражение, что они в течение долгого времени выкупали свои наделы и потому считают несправедливым передавать эти наделы, наполовину выкупленные, другим домохозяевам... Правда, нам лично приходилось выслушивать недоумения крестьян, что им делать с подростками, достигшими совершеннолетия и идущими в солдаты; но эти недоумения решаются ими же самими лишь надеждой на то, что начальство нарежет на подростков новые наделы из казенных или из иных земель; что же касается до теперешней надельной земли, то большинство обществ (бывших помещичьих крестьян, а не государственных!) не находят возможным верстать ею новых членов, “так как земли слишком мало и потому никто не захочет отказаться от части своих наделов”. Мы полагаем, что все это с течением времени приведет к окончательному установлению подворно-

наследственного владения надельной землей...»¹. Это положение невозможности наделения малоземельных семей без разорения других ярко выражено еще в следующих, например, отзывах некоторых общин Козельского уезда. «У нас все говорят: дай! – но насильно ни с кого не снимали, – ведь каждый – свой крестьянин (д. Слободка)... «навалить-то есть на кого, да валить-то не с кого» (д. Волковинка)...² И т. д., и т. д.

Таким образом, на приведенных примерах мы ясно видим соединенное комбинированное действие выкупа и малоземелья. Мы видим, что первый сам по себе еще очень часто, может быть, и не дал бы победы личному праву фактических «державцев», ибо, в самом деле, во всех случаях, когда надел был с самого начала кормителем, уплата выкупа не представляла ведь только одной обязанности – она компенсировалась выгодой, превышавшей эту обязанность: крестьяне, выкупавшие наделы, но зато пользовавшиеся ими, были в лучшем положении, чем не выкупавшие, но зато и не пользовавшиеся и принужденные перебиваться более дорогой внаделной арендой и менее выгодным заработком. Это совершенно ясно сознается и самими крестьянами; например, в Курском уезде на аргумент «от выкупа» сторонники передела отвечают: «мы за это время пять раз больше вас переплатили за аренду земель» – и все как бы признают большую доказательную силу за этим доводом³. И т. д. Так что в этих случаях (но не в случаях, когда в первое время надел был «разорителем») личное право выкупа проистекает не столько из самой уплаты известной денежной суммы за надел, сколько из представления, что этот выкуп является как бы монопольным правом именно данных ревизских душ, получивших надел «от царя», – представления, с течением времени, с прояснением взглядов крестьян могущего, конечно, и исчезнуть. Но вот тут на помощь этим внешним мотивам выкупа и ревизской души и явилось в значительном большинстве помещичьих общин такое крайнее малоземелье, которое сводит к абсурду общинно-передельное право на труд. Таким образом, именно это малоземелье было тем внутренним условием, той почвой, которая обеспечила быстрое и сильное действие извне привитому помещичьей общине разлагающему ферменту «выкупа».

Другим в том же направлении «предрасполагавшим» фактором было обычное и обязательно существующее в каждой земельной общине личное право труда, постоянно затрачиваемого «державцами» в их надел. А это право тоже как раз особенно сильно в значительном большинстве бывших помещичьих общин. Во-первых, они расположены обыкновенно в густона-

¹ См. «Сб. ст. св.» по Борисоглебск. у., ч. II, с. 21–22.

² См. «Стат. опис. Калужской губ.», т. I, в. 2, с. 35.

³ См. «Сб. ст. св.» по Курск. у., с. 68.

селенных центральных губерниях и в большей своей половине в нечерноземной полосе; затем, они имеют, как сказано, очень малый надел, чем в совокупности и обуславливаются обязательно более интенсивные системы земледелия и особенно выдвигается значение удобрения и улучшенной обработки земли. Почти не требует пояснения огромное влияние этого глубокого фактора. Чем дольше и чем больше затрачивается труда, тем сильнее обыкновенно сопротивление переделу со стороны «добрых пахарей», тем яснее и настоятельнее зреет в части из них идеал полного освобождения от общинно-передельного владения, висящего над ними вечной угрозой лишения «своих трудов». Такая тенденция – явление всеобщее. Просматриваешь, например, «Описание волостей и селений» Трубчевского уезда Орловской губернии – местности, где в момент исследования как раз развилось быстрым темпом унавоживание, и положительно чуть не по каждой общине встречаешь одну из двух отметок: либо «жеребьевки производятся ежегодно, так как земля не удобряется», либо «жеребьевок нет, ибо земля удобряется»¹. Масса отзывов крестьян, ярко поясняющих этот рост антипередельного права труда при интенсификации, приведена по многим губерниям, – особенно, например, по Тверской губернии; приведу хоть один-два из них по Калязинскому уезду: «в д. Заручье передел был во время Крымской войны (!). С тех пор не делили и не хотят делить, ибо не хочется “перебивать борозд; борозду не скоро завалишь и заровняешь, а кому она достанется, тот год-два без хлеба”». Или в д. Басовой: «ничего льстительного нет в перемерке, чтоб борозды получить»². И т. д., и т. д.. В Славяносербском уезде «на требование земли со стороны подростков, не попавших в ревизию, старики с жаром заявляют: как, мы, которые вынесли на своих плечах гнет крепостного права, которые отбывали паньщину и кровавым потом полили подаренную нам землю, – мы должны отдать ее другим? Да як же тогда жить на білом світі?»³. В с. Чибирлее Кузнецкого уезда (Саратовской губернии) даже уже в 1886 г. был составлен приговор о разделе земли (по работникам) «навечно» (то есть фактический переход к подворному владению), мотивированный плохим удобрянием земли и понижением от того урожая. И т. д., и т. д.

Во втором и третьем томах мы еще самым пристальным образом изучим на цифрах это влияние интенсификации земледелия на общину и влияние общины на интенсификацию, пока же мы должны дополнить сказанное выше о праве труда еще одним только замечанием об общем его характере, а именно, что оно несомненно имеет до известной степени капиталистический, так

¹ См. это «Описание волостей и сел» в сб. по Трубчевскому у.

² См. «Сб. ст. св.» по Калязинскому у., с. 87.

³ См. «Сб. ст. св.» по этому у., в. I, с. 69.

сказать, характер. Крестьяне (как впрочем и все) уважают, конечно, только производительный труд и именно постольку, поскольку он производителен. Таким образом, сила права труда обусловливается не только количеством, но и качеством этого труда. Труд «маломочного», «худого пахаря», обыкновенно однолошадного, а то и безлошадного, пашущего наймом, который как бы ни бился над своим наделом, как бы ни «ковырял» сохой землю, требующую, положим, плужной вспашки, и сколько бы «пота ни пролил» на земле, не родящей без навоза, все равно только «измотает», «испустует», «испакостит» свой надел – этот труд со слабыми средствами производства всегда будет весить в глазах крестьян меньше, чем труд многолошадного «заможного», «добротного пахаря», который «что добра-то (навоза) ввалит в свой надел», «угоил», «снодобил» его. Насколько плуг берет глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право; аргумент: «сколько я пота пролил» уступает перед аргументом: «сколько я навоза ввалил»; в праве труда выступает за человеческой силой затрата силы лошадиной и других средств производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служит рычагом, все резче разлагающим общину и застопоривающим уравнительно-передельный ее механизм.

Затем, для полноты этого перечня основных факторов, характеризующих упадочные и разлагающиеся формы общинного землевладения, необходимо упомянуть еще об одном частном, но весьма частом и обыкновенно решающем обстоятельстве: довольно заметный процент бывших помещичьих крестьян, если считать по числу душ и дворов, и очень значительный процент их – по числу общин, не имеют настоящего общинного характера вследствие крайней мелкости их. Читатель понимает, что нельзя же, собственно, назвать общиной совместное общинное владение двух, например, семей: ведь общинные отношения (в соседской, конечно, а не родовой общине) предполагают всегда по крайней мере три группы в каждом данном отношении, в каждом данном общинном вопросе: две группы противников, борющихся за что-либо, и третью – нейтральную, играющую роль третейского судьи и представителя общинного принципа. Не будет, значит, общиной и соединение из 3, 4, 5 семей; вопрос еще, считать ли общинами и формальные земельные общины от 6 до 10 дворов; даже в общинах от 10 до 15–20 дворов не может еще обыкновенно быть настоящих общинных групп, общинной борьбы, а отношения должны быть преимущественно родственными и соседскими... И действительно, повсюду, например, исследователи земской статистики заранее обыкновенно исключают из групповых общинных сопоставлений все общины, состоящие из 5 или 10 и менее дворов, как не могущие считаться общинами и фактически обыкновенно представляющие общее, а не общинное владение. Особенно, например, отчетливо резюмировано это

значение мелкости общины г. Черненковым по Кузнецкому уезду: здесь во всех наиболее мелких общинах – говорит он – строго общинных отношений, собственно говоря, не существует, и земельные порядки регулируются скорее отношениями семейными, родственными, соседскими... в таких общинах обыкновенно и складывается форма владения, близкая к подворно-наследственной с первоначальным разделом по числу тех душ, на которые был отведен надел¹.

Нельзя, наконец, взвешивая пореформенные условия помещичьей общины, забывать об общей, так сказать, пореформенной атмосфере. Не один крестьянин, а вся Россия должна была испытать с начала пореформенной эпохи усиленное индивидуалистическое, так сказать, настроение, острую индивидуалистическую реакцию, пропорциональную сословному и государственному подавлению личности в дореформенный период. Личная энергия, личная инициатива, личная борьба, личное право безудержно разлились после того, как сняты были крепостные «перегородки», и наполнили собой все социальные и экономические отношения. Таким образом, и в наши земельные общины, являющиеся только как бы островками в этом разливе индивидуалистического социально-экономического строя, не могли, конечно, не просачиваться отдельные его струи и течения и не могли не размывать общинных «устоев» там, где они были более слабы...

Этим беглым очерком условий упадочных общинных форм, наблюдаемых преимущественно или даже почти исключительно у бывших помещичьих крестьян, мы и должны пока ограничиться, так как подробный статистический их анализ составит задачу особого тома моей работы. Но и сказанного, полагаю, достаточно, чтобы читатель почувствовал всю их силу и многочисленность, чтобы он понял, что в результате их дружного натиска и при отсутствии всякой помощи внутри или извне значительное число общин, где этот натиск был особенно сконцентрирован, неизбежно должно было если не разрушиться сразу окончательно, то прийти к постепенному упадку и разложению. Под действием разлагающего общинное начало фермента выкупного права ревизских душ, с самого начала привитого освобожденной общине в соединении с действующим в том же направлении личным правом труда (особенно усиливающимся при интенсификации земледелия), на почве острого малоземелья и в пропитанной индивидуализмом атмосфере формально-общинное владение бывших помещичьих крестьян (при наделе-«кормителе») стало быстро перерождаться (причем быстрее всего погибали наиболее мелкие общинные организмы) в ту переходную к подворному владению форму, которую я называю семейно-выкупным или семейно-державническим владением. Из всего вышесказанного смысл этого последнего термина доста-

¹ См. «Сб. ст. св. по Кузнецкому у.», с. 123. То же самое см. также по Аткарск. у., в. II, с. 117 и во многих других сборниках...

точно ясен. Фактические «державцы» общинной земли прикрепляются к своим наделам, не только держа за внешнее «ревизское и выкупное право», так что термин «семейно-выкупное владение» не выражает всего явления, а только главный и наиболее характерный его признак. И лишь в крестьянском (особенно частом в Тверской и в малороссийских губерниях) слове «державец» я нахожу выраженной (как раньше в другом крестьянском же слове «захват») всю картину явления, то есть тот основной факт, что подобно тому как при ничьей земле раз захвативший участок тем самым овладевает им, так и на отведенных государством наделах «державцы» последних прирастают к ним именно вследствие и по мере их держания.

Перейдем к детальному изучению типов и фазисов этого семейно-державческого владения.

§ 2

Если, исходя из мощности обрисованных разлагающих факторов, читатель ожидает встретить сейчас картину целых масс несомненно разлагающихся и даже окончательно разложившихся общин, то он сильно ошибается. Ясный и твердый диагноз разложения общины представляет при имеющихся пока материалах большие трудности – и предсказание о неизбежности ее конца и тем более констатирование последнего возможны только в сравнительно очень редких случаях.

Очень сравнительно редко, в самом деле, мы встречаем случаи полного и формального перехода общинного владения в подворное, да и в этих даже случаях иногда в действительности переход оказывается неокончательным (подробно скажу об этом в последнем параграфе). Но нас ведь и интересует главным образом не это чистое уже подворное владение, а именно формы, только переходные к нему, и вот в определении того, какие именно разновидности считать таковыми, и возникают серьезные затруднения, и требуется большая осмотрительность.

Мы не можем, конечно, взять другого более крупного и надежного признака для определения состояния общины, как присутствие или отсутствие в момент исследования уравнительных переделов: первое обозначит общинно-передельное (или общинно-выкупное) владение, второе – семейно-державческое. Но и при этом наиболее точном критерии мы неизбежно сделаем двойную ошибку: во-первых, отнесем к общинно-передельному владению значительное число случаев семейно-державческого, так как оно часто несомненно устанавливается после переделов и даже самими этими переделами, и, во-вторых, отнесем к семейно-державческому много несомненных случаев общинно-передельного владения. Поясним конкретнее оба эти случая.

А. Основную массу тех случаев, когда семейно-державческое владение наступает после переделов, притом весьма продолжительных и интенсивных, мы имеем в рассмотренном уже выше случае обращения к земле после общинно-выкупного фазиса. Мы видели, что очень часто, если только даже не в большинстве таких случаев, действие общинно-передельного механизма сразу круто останавливается – «ровно что захлопнуло» (по крестьянскому выражению, записанному в Зубцовском уезде) – и, судя по крайней мере по отзывам самих же крестьян, не обещает больше возобновиться. Начавшаяся борьба за землю при огромном перевесе личного права труда и выкупа, укоренившихся в выкупной период, сразу резко «захлопывает» общинно-передельный механизм. Но навсегда ли? Отнюдь не известно и это. Мы уже видели, что очень часто общинно-выкупное владение не только перерождается непосредственно в общинно-передельное, но и часто после периода как бы совершенно семейно-державческого владения потом «захлопнувший» было уравнивательный механизм начинает снова действовать...

Таким образом, мы непременно должны известную часть общин, прошедших общинно-выкупной фазис, отнести к семейно-державческому владению, но пока совершенно не можем определить, какую именно часть их и, главное, наверно ли, окончательно ли.

Такую же, если не большую еще неясность, неопределенность положения не только для наблюдателя, но и для самих крестьян, мы имеем в тех кое-где встречающихся целыми десятками случаях, когда от установившейся после периода ревизского владения уравнивательной разверстки по наличным душам (обыкновенно мужского пола) общины затем снова возвращаются к старой ревизской разверстке. Особенно часты и более подробно охарактеризованы такие случаи в Таврической и Орловской губерниях; в некоторых из них индивидуалистические их мотивы и цель не подлежат сомнению. Например, в с. Ново-Поповке (Мелитопольского уезда) крестьяне так объясняют это возвращение: «Во владенной записи сказано, что через 20 лет земля будет откуплена, при разделе же на наличные души правительство дает землю только для пользования как бы в аренду» (воображаемое ревизское и выкупное право); село Ново-Успеновка в 82 г. составило приговор о разделе на ревизские души, «чтобы можно было выкупить землю...» (право выкупа); в селе Ново-Конотопке таким мотивом послужило то, что «кругом мужики стали покупать вечную землю» (влияние выкупа и общей индивидуалистической атмосферы); крестьяне Константиновки «по причине малоземелья и сознания ревизионных, что земля принадлежит им»¹.

¹ См. «Памятную книжку Таврической губ.», отд. III, с. 43–44. См. также сб. по Мелитопольскому у., где на с. 53–63 чрезвычайно ярко разобрана вообще борьба между ревизской и наличной разверсткой и особенно влияние быстрого сокращения земли в пользу оставления ревизской разверстки и возвращения к ней.

Также, например, крестьяне д. Четовой (Осташковского уезда) «в 1886 г. сделали приговор делить землю по работникам; одно поле разделили было, но потом одумались и вернулись к разверстке по ревизским душам: зажиточные домохозяева запротестовали против передела»¹. В Орловском уезде (Орловской губернии) на 14 помещичьих общин, установивших наличную разверстку и удержавших ее, приходится 14 же общин, возвратившихся от нее к ревизской: «Причиной такого возвращения являются раздоры и несогласия, возникшие после перехода к владению по наличным душам; вследствие этого приверженцы старого ревизского владения опять брали верх, – в этом они иногда встречали поддержку вне общины», то есть ревизская разверстка восстанавливалась по приказанию из волости или крестьянского Присутствия (приведены 3 весьма характерных такого рода случая)...²

Необходимо, наконец, отметить и то, что весьма часто, вероятно в большинстве случаев, передел с наличных на ревизские души не имеет уже вовсе характера уравнительного, а, наоборот, хотя и удовлетворяет часто интересы большинства (когда производится не по формальным основаниям и не по предписанию свыше), но еще более увеличивает неравномерность; так, например, по Мценскому уезду г. Черненков произвел по нескольким случаям любопытнейшее вычисление, в результате которого, например, оказалось, что, в то время как до переделов по едокам было в общинах 36,8% плохо наделенных землей хозяев, после них оказывалось только 22,6%, то есть число их сокращалось на 13,8%, в общинах же, возвратившихся к ревизской разверстке, до переделов по ревизским душам было 39,1% плохо наделенных, а в результате их оказывалось 47,4%, то есть число их увеличивалось на 8,3%...³ Само собой разумеется, что подобная же узурпация уравнительной передельной функции возможна и случается, хотя уже, конечно, в виде самого редкого исключения, и не только при возвращении к ревизской разверстке. Она, например, особенно возможна при частных свалках-навалках после общинно-выкупного фазиса; так, я указывал уже, что по Тверским уездам были встречены даже такие «миряне», которые отводили выморочные поступавшие «на мир» наделы тем из желающих, которые больше водки выставляли «старикам». И т. д., и т. д. Понятно, что во всех таких случаях мы имеем только остов общинно-передельной формы с разложившимся содержанием, имеем почти несомненно семейно-державческое, а не общинно-передельное владение.

Но в весьма многих случаях опять-таки и это заключение оказывается неправильным. Во-первых, частое возвращение к ревизской разверстке не

¹ См. «Сб. ст. св.» по Осташковскому у.

² См. «Сб. ст. св.» по Орловскому у., с. 30.

³ См. «Сб. ст. св.» по Мценскому у., с. 13.

увеличивает, а уменьшает неравномерность, так как, например, при данных комбинациях семейного состава разных семей она оказывается более близкой к рабочей разверстке, требуемой данными условиями, чем принятая было разверстка по всем мужским наличным душам, или при ней даже достигается бо́льшая уравнительность по потребительному принципу, так как ровнее наделяются женские души, обделенные при налично-мужской разверстке. Такой случай, например, имеем мы по Херсонскому уезду, где «взгляд на право женщины на землю... служит в некоторых случаях препятствием к разделу общей земли на наличные души (мужского пола), ибо в нем не видят равенства хозяйств». Так, в селах Ново-Архангельском и Киселевке против передела на наследственные души мужского пола восстало большинство хозяев из-за того, что при нем оказались бы обделенными семьи с преобладанием женских душ; но не составилось большинства и за передел по едокам, и победила коалиция из тех хозяев, кому выгодно было оставление ревизской разверстки, с теми, кому невыгодна была бы разверстка по наличным мужским душам, и в результате осталась ревизская разверстка как выгодная, по-видимому, в данном случае наибольшему числу хозяев¹. Или, например, в Новоузенском уезде (Самарской губернии) 8 общин возвратились от налично-мужской к ревизской разверстке «главным образом потому, что новонадельные дворы, имея у себя мало хозяйственного инвентаря, накопили за собой много недоимки, в других – получившие землю сами ее не обрабатывали, а сдавали в долгосрочную аренду другим лицам и податей не платили»². Такой же случай отмечен и по Чистопольскому уезду Казанской губернии³, и т. д., и т. д. Наконец, и это самое главное, даже и в наиболее индивидуалистических, так сказать, случаях мы все-таки отнюдь не можем считать этих возвращений к ревизской разверстке окончательным и решительным шагом к разложению общины. Как раньше составилось в них большинство за уравнительный передел, так, несомненно, оно через некоторое время и опять может составиться и они могут снова ввести уравнительную разверстку уже более прочно и сознательно. Такие случаи и наблюдаются. Так, например, «Мат. под. инсп.» уже вовсе не имеют ревизской разверстки по Мелитопольскому уезду у государственных крестьян, где, однако, раньше (по сведениям земско-статистического исследования) целых 16 общин возвратились от наличной к ревизской разверстке; теперь здесь всецело господствует «смешанная» ревизско-наличная (вышеописанная) разверстка⁴. Или, например, в одной из 3, возвратившихся к ревизской развязке общин Чистопольского уезда Казанской губернии «передел земли

¹ См. «Сб. ст. св.» по Херсонскому у., с. 203.

² См. «Сб. ст. св.» по Самарской губ., т. VII, с. 32.

³ См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 29.

⁴ См. «Мат. под. инсп.», в. I, с. 114.

по наличным душам был в 81 г. на 12 лет; но в 88 г., благодаря усилению некоторых хозяев и сельского старосты, которым он был невыгоден, земля снова была переделена на ревизские души. С нынешнего года (90 г.) опять думают делить на наличные души о чем уже составлен мирской приговор»¹. И т. д. Необходимо, впрочем, и вообще иметь в виду, что эти случаи, когда общинно-передельный механизм начал было работать, дал, так сказать, задний ход и снова остановился, крайне редки: всего разве уездам по 10 я встретил их в количестве от 7–8 до 14–16 на уезд; обыкновенно же их бывает по 1, 2, 3 на уезд, а во многих уездах их и вовсе не отмечено.

Несколько бóльшее, по-видимому, хотя все-таки тоже очень сравнительно незначительное распространение имеет другой вид переделов с реакционным значением, переделов, хотя и произведенных по уравнительному принципу, но постановленных «навечно», в последний раз, с решимостью больше никогда их не повторять. Мы рассмотрим их еще с некоторой подробностью ниже, пока же заметим только что подобно возвращению к ревизской разверстке, они весьма часто имеют неясный характер и часто после них переделы снова продолжают...

Таким образом, мы можем принять в нашей классификации присутствие переделов за признак, исключаящий семейно-державческое владение, только с теми существенными поправками, что такого значения не имеют все переделы общинно-выкупного фазиса и что, с другой стороны, переделы по ревизским душам и «навечно» служат скорее именно признаками начала семейно-державческого владения; а эти поправки мы должны еще корректировать контр-поправками о том, что в некоторых случаях, – но пока точно не известно, в каком именно проценте этих случаев – все-таки из этих исключений наблюдаются обратные исключения, то есть или временное и быстро преходящее только появление семейно-державческого владения, или иногда прямо общинно-передельный порядок под внешней только, так сказать, антиобщинной оболочкой...

В. Еще в более шатком и неопределенном положении очутимся мы, если попробуем повернуть в обратную сторону наш критерий: примем за семейно-державческое владение все случаи отсутствия переделов. Ненадежность этого признака, вероятно, с первого же взгляда заметна читателю. Он уже знает, что уравнильно-передельное движение развилось в пореформенной общине только с начала 80-х годов и длится до настоящего времени, а до того большинство охваченных им общин были инертны, неподвижны, часто почти не проявляли признаков жизни; таким образом, земско-статистическое (а также и податных инспекторов) исследование, начавшееся и происходившее в то же самое время, встречало и встречает целую массу общин, еще, так сказать, не проснувшихся к уравнильно-передельной деятельности, но о ко-

¹ См. «Сб. ст. св.» по Чистопольскому у., с. 50.

торых не только нет никаких данных предполагать, что они так и не проснутся и представляют именно полуподворное семейно-державческое владение, но, наоборот, часто есть много самых прямых и ярких указаний начавшегося уже их пробуждения в виде нетерпеливого ожидания ревизии, без которой думают, что не имеют права делить, сильной борьбы за передел и составленного уже, но еще не утвержденного приговора о нем, и т. д. Таким образом, если даже в настоящий момент, через 40 лет после ревизии и освобождения, процесс пробуждения жизнеспособных общин еще не завершился, то сколько же таких случаев было при земско-статистической переписи, описывавшей эти формы главным образом в начале 80-х годов? Приведу несколько примеров, чтобы показать читателю, как уже устарела и отстала от процесса трансформации пореформенной общины большая часть земско-статистического материала.

При земско-статистическом исследовании Курского уезда в 82 г. исследователь констатировал, что ни в одной общине в течение 24 лет (с ревизии) «не было не только общих коренных переделов, в нем не было даже так называемых свалок-навалок. Участки приняли тот же характер родовой собственности, как и у соседей – четвертных владельцев (то есть с формальным общим, а не общинным владением); мало того, переход их по наследству практикуется даже в более широких размерах, чем у четвертников»... и т. д. Но тут же исследователь указывал, что из-за передела идут споры, что крестьяне поголовно ждут с нетерпением дня передела ревизии, так что, например, крестьяне часто крестились и говорили: «Слава Богу, пришла ревизия», когда статистики начали подворную перепись... И вот, действительно, по данным г. В. В., переделы по наличным душам среди государственных крестьян Курского уезда начались в 1884 г., через два года после окончания исследования этого уезда¹. По Мелитопольскому уезду Таврической губернии г. Харизоменов, вглядываясь в совершившиеся уже к 85 г. переделы по наличным мужским душам и некоторые случаи возвращения от них к ревизской разверстке и возникновению смешанной ревизско-наличной, позволил себе смелое предсказание, что «стремление к налично-ревизской раскладке охватит вскоре все селения, где идет борьба между поборниками ревизских и наличных душ, и лет через 10 смешанная разверстка земли делается господствующей в Мелитопольском уезде»². И действительно, данные податных инспекторов за 87–93 гг. констатируют, что по этому уезду всюду, за исключением одной волости, населенной бывшими помещичьими крестьянами, остающимися при ревизской разверстке, «живые ревизские души получают вдвое больше участки, нежели неревизские души мужского пола»³, то есть именно уста-

¹ См. В. В. «Община», с. 276.

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 64.

³ См. «Мат. по. инсп.», в. I, с. 114.

новилась ревизско-наличная разверстка. Тот же г. Харизоменов в статье по Хвалынскому уезду Саратовской губернии также указал, что «ревизская раскладка часто остается по рутине, потому что не накопилось еще достаточно импульсов для перехода к новой»; и в самом деле, он в 85 г. констатировал здесь всего 22 общины с наличной разверсткой, а «Мат. под. инсп.» (87–93 гг.) – уже 53 общины¹. В Тамбовском уезде по земско-статистическим данным переделали по наличным душам к 85 г. всего 57 общин, а по «Мат. под. инсп.» – уже 157 общин (то есть переделал почти все государственные общины, которых всего в уезде 180). И т. д., и т. д.²

Из приведенных примеров (которыми пока я должен ограничиться) читатель ясно видит, что, отнеся к семейно-державческому владению все общины, где в момент исследования не было с ревизии или с освобождения передела и, значит, остается ревизско-наследственная разверстка, мы лишили бы этот наш термин всякого смысла, так как он стал бы охватывать не только те общины, где общинно-передельный механизм окончательно остановился и который явственно идет к разложению, но и все вообще случаи временного бездействия общинно-передельного механизма, даже и те, когда это бездействие – несомненно только временное и через несколько лет сменится самой чистой и энергичной общинно-передельной формой. Таким образом, пока еще рано подводить баланс пореформенному процессу складывания и разложения общинных форм, так как в слишком многих случаях в этом процессе видна только муть брожения и не успели маломальски твердо окристаллизироваться ни общинные, ни личные элементы. Можно только на основании позднейших данных приблизительно наметить, что у государственных крестьян в огромном большинстве случаев процесс заканчивается сложением общины и только в виде редкого исключения – в особенно разве, например, мелких и малоземельных общинах – кристаллизуется семейно-державческое владение. Для помещичьих же крестьян такого твердого и общего определения совершенно нельзя сделать: мы видели уже выше, что по целым уездам у них в последнее время складывается чистая и высшего типа общинно-передельная форма (как после надела-«разорителя»), так и после надела «кормителя»), но в очень многих случаях – вероятно в большинстве случаев – это послереформенное беспредельное состояние кажется у них таким устойчивым и личное право настолько укоренившимся, что мы имеем право заключить о крайней маловероятности пробуждения в них общинного начала, – при тех, по крайней мере, разлагающих условиях, в которых они ныне находятся. Таким образом, мы должны отнести к семейно-державческому владению не все ревизско-беспредельные (в мо-

¹ См. «Сб. ст. св.» по Хвалынскому у., с. 35 и 38 и «Мат. под. инсп.», в. I, с. 81.

² См. «Сб. ст. св.» по Тамбовск. у., с. 49 и «Мат. под инсп.», в. I, с. 90.

мент исследования) общины, а только какой-то самый минимальный процент государственных и какой-то, но несомненно весьма значительный – процент помещичьих общин.

Итак, сделанным сейчас двухсторонним ограничением (по присутствию и отсутствию переделов) мы выгородили известный круг общин, которые с некоторым правом можно отнести к переходной к подворному владению форме – семейно-державческой, хотя и нужно помнить, что наверно часть их попала в этот круг, а часть осталась вне его ошибочно... Прежде всего мы установили, что семейно-державческое владение мы можем искать почти исключительно у одних бывших помещичьих крестьян. Затем, мы должны подчеркнуть, что семейно-державческое владение представляет царство «ревизской души», что основную его массу составляют такие помещичьи общины, которые не переделывали с самого получения надела. Они не умерли еще, то есть не перешли формально в подворное владение, но и не обнаруживают признаков жизни; может быть, это только летаргический сон, но вероятнее, что это – затянувшееся умирание, так, по крайней мере, должны мы думать о тех из них, где не улавливаем ни малейшего пульса общинной жизни... Но в ряде случаев общины приходили к такому омертвлению и после периода искусственно возбужденной деятельности, после общинно-выкупного фазиса, – приходили, наконец, иногда к нему и после кратких потуг самопроизвольного функционирования (возвращение к ревизской разверстке и переделы «навечно»). Таким образом, в семейно-державческое владение застывали различные разверстки, сообразно, по-видимому, с тем основным фактором, который разлагал в них общинное и укоренял личное право: чаще всего вся совокупность вышеобрисованных индивидуальных прав, покрытая сверху формальным правом выкупа и ревизской души, кристаллизовала в семейно-державческое владение ревизскую разверстку, затем в результате права выкупа и труда, повышенной интенсификацией, кристаллизовались производительные разверстки¹, и, наконец, под влиянием, главным образом, права труда, обостренного малоземельем, застывали потребительные разверстки.

¹ В довольно заметном, впрочем, числе случаев производительная, а именно крепостная тяговая разверстка непосредственно застывала в наследственно-беспредельное семейно-державческое владение. Так, напр., в Сердобском у. «в некоторых общинах крепостная форма разверстки была удержана после 1861-го года или, очевидно, лишь по традиции (а не потому, чтобы надельная земля представляла значительную тягость для крестьян), или же по каким-либо специальным причинам. В этих общинах за отсутствием лиц, “желавших свалить” с себя земельные наделы (или в силу противодействия такой свалке со стороны общества), тяговая разверстка приобрела совершенно не свойственный ей характер полной или почти полной неизменности в раз сделанном распределении земли по семьям. В сельце Натальине Давыдовской волости до 1861 года земля со стариков снималась и передавалась подросткам; по выходе на волю крестьяне сохранили тяговую разверстку (по две души на работника), но свалка и навалка тогда же прекратилась; каждая семья теперь владеет тем числом тягол, которое получила по нарезке надела; и только 7¹/₂ «пустовых» наделов были розданы новым работникам» («Сб. ст. св. по Саратовской губернии Сердобского уезда», с. 135–136).

§ 3

Пора теперь точнее и конкретнее обрисовать весь комплекс личных и общинных прав, действующих при семейно-державческом владении. В этом отношении его можно рассматривать, во-первых, с точки зрения формального права и, во-вторых, со стороны фактических обычно-правовых отношений. В первом отношении все случаи разложения общины резко разделяются на две основные категории: первую категорию составляют случаи формального с соблюдением установленных условий и с надлежащим утверждением высших инстанций перехода к подворному владению, а вторую – фактическое лишь установление аналогичных подворному владению порядков, только со словесным или вообще не имеющим законно-юридической силы решением или даже, несравненно чаще, без всякого особого решения. Сначала мы рассмотрим второй обычно-правовой, а затем уже формальный вид разложения общины.

Читатель очень легко может представить себе обычно-правовое семейно-державческое владение, так как с внешней, по крайней мере, стороны оно чрезвычайно похоже на знакомое уже ему семейно-захватное владение. В нем так же, как и в последнем, фактически права общины, как общее правило, почти не проявляются, и тем предоставляется полный простор всевозможным проявлениям личного земельного права. Всякие уравнивательные количественные, а часто даже и качественные общинные перераспределения земли совершенно исчезают, и на их месте появляется наследование, завещание, купля-продажа наделов отдельными семьями с чисто лишь формальным, а иногда даже и без всякого контроля и санкции общины. Таким образом, фактически устанавливается, как и при семейно-захватном владении, уже не общинное, а общее владение. Часто и сами крестьяне весьма отчетливо это понимают и формулируют. Например, в Мценском уезде Орловской губернии встречаем следующее характерное явление: тут не четвертное владение (являющееся именно наиболее типичной формой общего владения) склоняется к порядкам общинного (как это констатировано по другим уездам), а совершенно наоборот: общинное владение, переходя в подворное, нередко усваивает все порядки и обычаи четвертного владения. Во всех таких случаях даже земля считается уже не «душами», а десятинами, при разделах ее между родственниками применяются те же правила, как и при четвертном владении, и т. д.; и даже сами крестьяне называют себя четвертными и говорят, что владеют землей «на четвертном праве»¹. Очертим на нескольких более характерных примерах это господство личного и подавление общинного права в семейно-державческих формах.

¹ См. «Сб. ст. св.» по Мценскому у., с. 23.

В Семеновском уезде, по прямому весьма удачному указанию г. Плотникова, ревизско-беспередельная или ревизско-наследственная разверстка «возрождает в себе традиции захватного периода. Надел, доставшийся по ревизии, за смертью первого, его получившего, остается в роду – вместе с ним дробится и делится»... Иначе говоря, все «владеют родительскими душами», «стариковскими», «родовыми»...¹ В с. Карлухе Новолодожского уезда Петербургской губернии «валка и навалка по заведенному обычаю происходит лишь между родственными семьями: земля умершего (или отказывающегося от надела, как видим, здесь еще «полувыкупной фазис») переходит к ближайшему родственнику, а не в распоряжении общества; таким образом, на место общинного начала становится родовое»². В Вольском уезде Саратовской губернии общества, «державшиеся разверстки по ревизским душам, все равно велик или мал их надел, не считают уже себя вправе отбирать землю у вдов и сирот, то есть брать ее из семьи умершего. Так, в с. Чернобулаке вдовы, хотя бы и без детей мужского пола, и сироты владеют душевым наделом умершего хозяина и «мир не имеет права отбирать землю». У живущих на стороне мир тоже земли не отбирает. При больших промежутках между переделами и при значительной устойчивости землевладения по ревизским душам легко устанавливается некоторый порядок наследования и даже развивается завещательное право³. Также в Балашовском уезде, например, в с. Андреевке, «надел может быть передан по завещанию, кому пожелает завещатель, но только однообщественнику; два хозяина “продали” свои души за 20 и 25 руб. (впрочем, судя по цене, это скорее аренда); в д. Алексине каждый домохозяин – полный господин своих “душ” и в случае смерти может завещать их кому пожелает, но только из однообщественников; тот же порядок передачи душ “в вечность” отмечен тут и в некоторых других селениях»⁴. Но особенно интенсивно развивается эта свобода личного распоряжения наделами в виде их купли-продажи в некоторых уездах Тверской губернии. Например, в Зубцовском уезде «в некоторых случаях перепродажи мы встречаемся с полным пренебрежением мирского контроля над землей и самовольной передачей»; этим мир, однако, бывает весьма недоволен. Чаще передающий или продающий спрашивает согласие мира, который и санкционирует переход земли своим приговором; как видит чита-

¹ См. «Мат. по оц. зем.» по Семеновскому у., с. 140 и 144.

² См. «Мат. по ст. нар. хоз. по Петерб. губ.», в. VIII, ч. II, с. 72.

³ Так, напр., в селе Кикине родные могут владеть душой по духовному завещанию. В дер. Хватовке душой умершего пользуются ближайшие родственники, двоюродные же братья не имеют права владеть ею; по духовному завещанию умирающий может передать душу, кому захочет, даже и не родственникам. В с. Ново-Жуковке душой умершего пользуются близкие родственники, двоюродные же братья в том случае, если жили вместе с умершим... (см. «Сб. ст. св.» по Вольскому у.).

⁴ «Сб. ст. св.» по Балашовск. у., в. II, с. 117.

тель, этот случай почти буквально повторяет первую стадию общинных отводов, когда мир только играет роль нотариуса, санкционирующего личное право... В тех случаях, когда крестьянин, не в силах будучи лично владеть своей землей, тяготится ею, раздача «в вечное и потомственное владение» совершается за подать и повинности, а также за покрытие недоимки. Принявший пользуется всеми правами прежнего владельца, в том числе правом внести единовременный выкуп за землю. В других случаях мы встречаемся с продажей земли за деньги, причем цены очень разнообразны, начиная с 25 руб. за надел (3¹/₂ души), иногда даже с посевом, и кончая 300 руб. (за 3 дес.), то есть по 100 руб. за десятину. Высота последней цены показывает, что покупатель вполне уверен, что не рискует, затрачивая такую значительную сумму... Эти факты и должны были явиться при земельных порядках, существующих в некоторых общинах, где, как говорили, например, «сами крестьяне д. Пыталова, никаких свалок-навалок не бывает, а кто нуждается в земле, тот должен купить ее у менее нуждающегося»¹. И т. д. Понятно, что такие глубоко индивидуалистические порядки нельзя уже считать как бы временным попущением не собравшейся еще, так сказать, с силой пореформенной помещичьей общины, а нужно признать проявлением весьма глубоко внедрившегося и уже более или менее сознательно действующего личного права. Довольно вдуматься в иные удивительно сильные и характерные отзывы самих крестьян-«державцев» об их личном праве, чтобы не сомневаться в этом. Например, в Новоладожском уезде Петербургской губернии «державцы», опираясь на уплаченный за наделы выкуп, говорят: «Я купил ее; пусть мне возвратят все те деньги, которые я заплатил за нее, тогда я ее отдам. Взять у меня землю – все равно что снять с плеч тулуп»². В д. Сашине Зубцовского уезда «державцы» землей дорожат и не согласятся делить землю: «а до другого мне дела нет, много он имеет земли или мало...»³. И т. д., и т. д.

Понятно, что при таком порядке и таких понятиях уже или сама мысль об уравнительном переделе никому и не приходит в голову, или крестьяне

¹ См. «Сб. ст. св.» по Зубцовскому у., с. 121. Весьма живой пример такого положения мы имеем, напр., в д. Кашинцева того же Зубцовск. у. Здесь «на новых работников земля не вырезается, и они должны ожидать, пока от кого-нибудь освободится земля. Желающих получить землю много, так что каждый из них принужден караулить, не бросит ли кто “душку”, и заранее переговорить с бросающим о передаче именно ему своего надела. При этом существует и некоторая приплата в виде угощения или прямо деньгами. Поговаривали о переделе, да никто не соглашается» (там же, с. 114).

² См. «Мат. по ст. нар. хоз. Пет. губ.», в. VII, ч. II, с. 71.

³ См. «Сб. ст. св.» по Зубцовскому у., с. 113. Надо отметить, что не только пользующиеся этим порядком державцы совершенно не признают права своих сообщинников, но и сами обделенные, по-видимому, часто перестают заявлять о них и не представляют себе даже возможности уравнительного передела. Напр., в д. Сашине того же у. «перемен в распределении земли не бывает. Иной на 2-х работников имеет 5 душ (то есть земельных наделов), “что делать его счастье!”»...

даже положительно и сознательно заявляют, что переделов у них больше не будет и даже постановляют о том приговоры. Например, в с. Рочевщине (Новоладожского уезда) «передел был лет 20 назад, а теперь не делят, хотя и сознают неравномерное распределение земли: те захватили побольше, у кого “нахрапистые” старики были...»¹ В Бугурусланском уезде Самарской губернии в 6 бывших помещичьих общинах переверсток вовсе нет, потому что на выкупаемую землю крестьяне смотрят как на личную собственность². В Макарьевском уезде Нижегородской губернии, где вообще господствуют более или менее интенсивные общинно-передельные формы, встречены, однако, исследованием 12 общин, где «переделы прекратились и, по словам крестьян, больше производится не будут»³. В Гатчинской волости Царскосельского уезда в некоторых селениях крестьяне даже с недоумением спрашивали исследователей: «Да на что же ее (землю) делить?»... «Никогда того не будет, чтобы делили»⁴... Понятно, что от такого отношения уже остается один шаг либо до прямого постановления вообще не производить в будущем переделов, либо до решения произвести передел, но с тем, чтобы это был последний передел, «навечно». Такие случаи мы действительно и встречаем. Например, в Орловском уезде среди переделавших общин есть такие, «которые считают произведенный передел последним и больше не намерены делить, разделив землю на вечное потомство»⁵. В Рязанском уезде 11 общин «постановили на словах о прекращении поравнений земли»; по Козельскому уезду отмечены 3 передела «навечно». В Касимовском уезде Рязанской губернии постановлено 4 словесных и 1 формальный письменный приговор о переделе «навечно». В Егорьевском уезде (Рязанской же губернии) даже целых 55 общин постановили такой приговор, причем, впрочем, лишь в 7–8 из них он записан и имеет формально-законное значение⁶. И т. д.

Итак, как видим, послепередельный семейно-державческий фазис представляет по размерам и по взаимоотношению общинного и личного права полную параллель допередельным семейно-захватным формам, – вся

¹ См. «Мат. по стат. нар. хоз. Петербургской губ.», в. VIII, ч. II, с. 71.

² «Сб. ст. св.» по Самарской губ., т. IV, с. 26.

³ См. «Мат. по оц. земли». Макарьевский у., с. 81.

⁴ См. «Мат. по ст. нар. хоз. Петербургской губ.», в. VII, с. 87.

⁵ См. «Сб. ст. св. по Орловской губ.», т. VIII, по отд. II, с. 31.

⁶ См. «Сб. ст. св.» по Рязанскому у., с. 5 и др. и «Ст. оп. Кал. губ.», т. I, в. 2, с. 27; последние же два примера я цитирую по книге г. В. В., с. 173. Больше примеров не привожу, так как все они однообразны и читатель может найти их в книге г. В. В., с. 171–174, где, впрочем, не отделены окончательные формальные и имеющие законную силу переходы к подворному владению от не имеющих такого значения словесных или в неопределенных выражениях составленных или не утвержденных приговоров, о которых только и идет речь в этом параграфе.

разница в том, что в последних личное право сильно, потому что общинное право еще не развилось, а в первом, наоборот, убывает общинное, а прибывает личное право. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что этот процесс разложения общины идет с такой же правильностью и постепенностью и имеет такую же ясную и неуклонную тенденцию, как мы это наблюдали в процессе ее складывания. Напротив, очень часто, если не в большинстве случаев, он не только не доходит пока до конца, но и представляет постоянно самые неожиданные колебания, противоречия и даже делает часто резкие шаги назад, к восстановлению замершего было общинного начала. Проследим несколько примеров такого рода.

Очень часто при полном отсутствии общинной функции и даже при самых резких индивидуалистических порядках огромное большинство общинников все-таки совершенно прямо и ясно выражает нежелание бросать общину и высказывает сознательное предпочтение ей перед подворным владением. Например, в с. Ивановке (Балашовского уезда Саратовской губернии) «при выходе на волю земля была разделена по ревизским душам и с тех пор ни коренных, ни частных переделов не было. Вдовы, если пожелают, могут держать надел; желающих передела в обществе немного, всякий доволен теперь своим наделом». Крестьяне так объясняют отсутствие переделов: «Как же я платил выкуп столько лет, теперь остается мало времени полатить и земля делается моей; если мы переделаем по наличным душам, то мои деньги пропадут». Но в то же время крестьяне считают общинное землевладение безусловно лучше подворного и говорят: «земля всегда останется у нас в общественном пользовании»¹. Также и в Козельском, например, уезде в общинах, по внешности совершенно замерших, исследователи встречали такие отзывы, что «через сколько бы ни было лет, а быть ей (земле) переделенной», и т. п.² И часто, действительно, после самых типичных семейно-державческих порядков мало-помалу накапливается большинство за передел, он осуществляется, и община, по-видимому, совершенно оправляется от своего летаргического сна. Так, например, в с. Садовке Вольского уезда до 83 г. «делили по ревизским душам. Складок и накладок душ не было, земля умерших переходила к родственникам и даже дальним; вдовы пользовались наделами своих умерших мужей», а в 83 г. произошел коренной передел. Или в с. Старой Яблонке Хвалынского уезда с 58 г. до 83 г. «не было ни переделов, ни частных складок-накладок тягол, а умершие души переходили к ближним кровным родственникам. Двоюродные братья и дядья наследовали выморочный надел в том случае, если владелец земли при жизни своей определял ее им» (право завещания!),

¹ См. «Сб. ст. св.» по Балашовскому у. «Описан. вол. и сел.», с. 316.

² См. «Стат. опис. Кал. губ.», т. I, в. II, с. 47.

в противном случае земель распоряжалось общество... а в 83 г. поделили по мужским наличным душам¹. И т. д., и т. д.

Множество такого рода случаев с очевидностью говорят нам о том, что очень часто рядом с укоренением и видимым господством личного права во все не исчезает и общинное, и по мере накопления в общине значительного числа обделенных этим порядком хозяев оно сразу вспыхивает и уничтожает личное. Этого, конечно, мы должны были отчасти и a priori ожидать, так как вышеобрисованные разлагающие влияния не имеют ведь безусловного и вечного характера. С повышением общей культурности крестьянства, например, оно узнает постепенно действительные свои права на землю, как они определены законом, а с этого момента исчезает фикция права «ревизской души» и выкупа земли как обязательной личной ее покупки². Малоземелье хотя и тормозит накопление большинства за передел и победу его над «консервативными» «державцами», однако же именно только тормозит, то есть отсрочивает на некоторое время, а не делает их совершенно невозможными. Интенсификация земледелия тоже в очень многих, если не в большинстве случаев, только приспособливает к себе общинно-передельную функцию, удлиняя сроки количественных и прекращая некоторые виды качественных переделов, а не вовсе исключает ее.

Понятно, что обо всем этом мы будем еще говорить подробно в своем месте, пока же необходимо указать, что все сказанное в равной мере применимо не только к случаям беспередельного застывания общины, но и к переделам «навечно». Во-первых, во множестве случаев переделы эти оказываются одним недоразумением: при них крестьяне хотели только «навечно» определить каждому хозяину одни и те же полосы, но не одного и того же размера, то есть «навечно» прекращались только качественные переделы, вредившие унавоживанию и вообще интенсификации, а не количественные. Целый ряд, например, таких случаев с несомненностью констатировали при подробных расспросах статистики Вяземского уезда (Смоленской губернии), где переделы «навечно» считаются десятками: почти все такие переделы означали тут только прекращение частных качественных переделов, а не уравнильных количественных; и во многих случаях уже при исследовании констатированы даже были новые уравнильные переделы, следовавшие за переделами «на вечность» и даже за прямыми приговорами

¹ См. «Сб. ст. св.» по Саратовскому у., с. 114, и по Хвалынскому у., с. 33.

² Приведу хоть один попавшийся мне особенно характерный пример такого выздоровления общины. По сведениям 82 г. в с. Маршагине Новоладожского у. бывшие государственные крестьяне собирались уже переделывать землю, но распространился слух, говорили они, что все переходят на выкуп, и они приостановились, полагая, что землю в данном случае «нельзя делить», но по сведениям 96 г. они-таки переделали через 2–3 года после первого исследования, очевидно, узнавши «свои права»...

о переходе к подворному владению (не имевшими, впрочем, по-видимому, законной силы и часто обязанными своим осуществлением писарю, а не самим крестьянам)¹. В других случаях, хотя у крестьян и было в самый момент передела «навечно» желание и решимость действительно прекратить всякие вообще и именно количественные переделы, но оно не было обдуманым, сознательным, а явилось в значительной степени в результате массового настроения (быть может, иногда не без влияния водки) и совершенно неясного представления о вводимой вместо общины форме владения, о действительной невозможности вернуться от нее опять к общине. Так мы находим целый ряд случаев, когда общины, переделавшие «навечно» или решившие (устно или письменно, но незаконно) перейти к подворному владению, затем преспокойно продолжают уравнительные переделы, либо объясняя, на расспросы наблюдателей, свое первое решение недоразумением, непониманием и т. п., либо даже забыв о нем, иногда даже утверждая, что ничего и не знают о таком приговоре... Так, например, из 11 упомянутых выше перешедших словесно к подворному владению общин Рязанского уезда только в некоторых, правда в большинстве, «по-видимому, довольно прочно установился новый порядок, то есть подворное владение»; в некоторых же уже через несколько лет после него обнаружилось неудовольствие, началась борьба за уравнительный передел и даже уже происходят частные свалки-навалки наделов². Или, например, в Херсонском уезде в очень крупном обществе (до 4,000 мужских наличных душ) бывших военных поселян, подобно помещичьим, совершенно не имевших в прошлом самостоятельного землевладения и в пореформенный период впервые начавших его, первым шагом был переход к подворному владению, установленный приговором (при вручении обществу владенной записи) о разделении земли «на одинаковые, постоянные, подворные участки» и, затем, осуществленный в чисто индивидуалистических беспередельных порядках, «с наследованием как сыновей, так и вдов и дочерей умершему главе хозяйства» и т. д. Но с 83 г. «начались разговоры в обществе о необходимости передела на живые души». Сначала стали хлопотать об аренде для молодых обделенных членов общины соседнего казенного участка, но когда им было в том отказано, то в 86 г. переделали на все

¹ Привожу в пример один из этих случаев. Приговор дер. Казулиной: «...как земля под рожь в сем 1876 г. поделена в настоящее время, так и должно быть на вечные времена, и передела как между нами, так и потомством нашим быть не должно, и приговор этот должен соблюдаться навсегда свято»... «Что это такое? – (спрашивает автор статьи по этому уезду) – Переход к подворно наследственному владению? Но с юридической точки зрения акт этот, разумеется, вполне ничтожен. Это недоразумение разрешено исследователями на месте; оказалось, что здесь дело идет только, как и в предыдущем случае, об уничтожении частных подвижек полос, об укреплении за каждым полосою до нового передела или “на вечность”, то есть на более или менее продолжительный срок...» (см. «Сб. ст. св. по Смоленской губ.», т. I, в. II, Вяземск. у., с. 30).

² См. «Сб. ст. св.» по Рязанскому у., 5 и 6 с.

наличные мужские души, а в 87 г. значительная часть общества стояла даже за дополнительное наделение также и некоторых женских душ¹. И т. д.

Выводя равнодействующую из всех этих столь противоречивых фактов, то полного, казалось бы, замирения общинного права, то вдруг нового его возрождения, мы принуждены присоединиться в последнем выводе к сделанным уже многими наблюдателями характеристикам этого послепередельного семейно-державческого фазиса как формы в высшей степени неопределенной и неустойчивой. «Новое земельное право, – говорит, например, г. Крейслер, – не есть свободное личное... В сущности оно не что иное, как обычное общинное владение без права на землю с вытекающими отсюда правовыми последствиями, которые заключают в себе расширение прав отдельных хозяев и соответственное тому сокращение прав общины... Это право только зарождается, и, за исключением немногих местностей, оно еще так непрочное, что не исключает возможности возврата к обычному общинному праву, то есть к общим переделам»². «Принимая переделы за существенный признак общинного владения, – говорит г. Селиванов в своей статье об общине в Рязанской губернии, – мы должны признать, что в тех земельных общинах, где переделы уже не функционируют в действительной жизни, там общинное начало *de facto* заменилось подворным»... Однако «подворное владение в том виде, в каком оно существует на западе, то есть на праве полной личной собственности, не привилось, да и не могло привиться, и, таким образом, появились те несчастные формы земельных отношений, которые могут характеризоваться чуть ли не одними отрицательными признаками; нет переделов, но могут быть, нет жеребьевок, но могут быть, и т. д., в сущности, нет никаких определенных порядков, в результате чего, разумеется, деморализация, неуверенность за будущее и полное отсутствие устойчивости»³...

¹ См. «Мат. по оц. зем. Херсонск. г.», т. VI, с. 202–203.

² См. ст. г. Ив. Кейслера «Сельская община и ее современное положение» // «Вестник Евр.», 87 г., 12 кн. Приведу еще выводы неизвестного автора статьи о формах землевладения по Елисаветградскому у.: «И формы землевладения, и обычно правовые воззрения крестьян на землю еще не выработались, не установились и находятся в каком-то переходном состоянии. Целый ряд разнообразных и враждебных друг другу начал и течений является пред нами: волчий аппетит, кулак, зародыш которого глубоко засел в крестьянстве, экономическое неравенство односельчан; традиции крепостного права и ига аракчеевских военных поселений; полное недоверие ко всему и всем; склонность к продажности сельского начальства, схода и волостного суда и стремление каждого крестьянина все это подкупить в свою пользу, с одной стороны, а с другой – подчас взрыв благородного негодования целого схода на несправедливости, предпочтении интересов «громды» (мира) притязаниям единичных личностей, стремление рассудить все по справедливости и, наконец, страх возмездия Божия – вот два течения, Ариман и Ормузд народной жизни, которые постоянно борются между собой и производят такой водоворот, что трудно разобрать, на чьей стороне в будущем будет победа, тем более что в настоящее время чаще всего светлые воды альтруизма, правды и добра все более и более поглощаются мутными потоками продажности, обособленности и эгоизма...»

³ См. «Сб. ст. св.» по Рязанск. губ., т. XI, Сводный по губ., с. 75.

Таким образом, на основании глазомерного правового анализа мы не можем пока поставить, так сказать, крест над общинами, находящимися в семейно-державческом (семейно-выкупном) фазисе, но не перешедших еще формально и окончательно к подворному владению. Мы не имеем права считать, что полное разложение и смерть их неизбежны в ближайшем же будущем; мы можем только поставить условный диагноз; констатировать трудность, опасность их положения и предсказать, что, если дело пойдет так же и дальше, как идет теперь, такой исход действительно станет неизбежным. Пойдет ли так дело и дальше? Это, конечно, будет зависеть от того, будут ли действовать и с какой именно силой те условия, которые в настоящий момент разлагают общину. Анализ этих условий составляет задачу всего II тома моей работы, и говорить сейчас о них значило бы совершенно бесполезно забегать вперед. Ограничусь поэтому только для ясности указанием, что условия эти отнюдь не имеют такого характера простоты, силы постоянства, даже непреодолимости, как выше очерченные факторы, слагающие общину в многоземельных местностях: довольно заметить, что даже самый основной фактор, естественное возрастание населения и крайнее сокращение от того размеров надела, – и тот на известной степени развития начинает парализоваться своими же собственными результатами: даже почти прекращением прироста при крайнем малоземелье и все ускоряющимся развитием выселений. Об условности же и сложности действия других факторов нечего, конечно, и говорить... Само собой разумеется, однако, что я не хочу этим сказать, что считаю более вероятным благоприятный исход: я не предreshаю вопроса, а только ставлю его, решение же его, если только оно сейчас возможно, пусть вынесут цифры.

§ 4

Нам осталось теперь еще рассмотреть последний и самый крайний вид разложения общины: случаи формальных и имеющих законную силу переходов от общинного к подворному владению. На этих случаях с особенной яркостью подтверждается все сказанное нами сейчас о трудности окончательного приговора о настоящем и будущем этих процессов разложения.

А. Едва ли не наибольшую опасность для общины и принципиально и фактически представляла вышеупомянутая 165 статья о выкупе, предоставлявшая каждому выкупать в личную собственность надел, отведенный ему общиной в пользование. Статья эта представляет как бы клин, расщепляющий общинное право до самой его сердцевины. Даже при самой сильной и сознательной привязанности к общине крестьян в основной их массе (чего, конечно, от бывших помещичьих крестьян очень трудно было ожидать), всегда не

может не найтись заметного числа хозяев, которые поспешат воспользоваться плохо лежащей землей и утянуть ее в полную собственность за какие-нибудь несколько десятков рублей. Это сделают как наиболее сильные хозяева, которых всегда стесняет община, так и совершенно обессилевшие, бросившие уже землю, которые выкупят ее для немедленной же продажи или даже на ссуду (с доплатой) от тех же более зажиточных. И вот такое растаскивание общинной земли и началось в пореформенной помещичьей общине. Сначала, пока крестьяне плохо знали эту 165 статью, а главное, пока остающаяся доплата была очень велика, случаи такого выкупа были крайне редки; но затем она сделалась очень известной и все более и более соблазнительной по мере уменьшения остаточной доплаты. Так, в 38 губерниях Европейской России (кроме Уфимской и 9-ти западных) к 82 г. было куплено досрочно 47,735 душевных наделов или 178,066 дес. земли, а к 92 г. – уже целых 127,518 над. и 492,184 дес. земли, то есть за последние 10 лет было выкуплено десятин на 75% больше, чем за предыдущие 20 лет! Что же было бы, спрашивается, в следующие годы, когда доплата сделалась бы совершенно ничтожной? Нет сомнения, что началось бы массовое непрерывное выкупание земли, началось бы настоящее «спасайся, кто может!» или, лучше сказать, «тащи, кто может!» Такое положение, впрочем, уже почти и наблюдалось в некоторых уездах, например, к 92 г. в Сумском и Романово-Борисоглебском уездах приходилось по 1 выкупленному наделу на 10 наделов, в Петербургском – 1 на 9, в Велижском, Вязниковском и Рыбинском – 1 на 8, в Шлиссельбургском – 1 на 5, и община должна была, сложа руки, смотреть, как растаскивают ее землю... Но в 93 г. был издан закон, хотя отнюдь и не уничтоживший окончательно этого личного права выкупа, но установивший требование согласия на него $\frac{2}{3}$ голосов общины. Этого было достаточно: общины и раньше, как общее правило, всеми силами противившиеся этим выкупам (например, узнавая о намерении выкупить, они заблаговременно отбирали надел, обещали отвести землю неудобную, угрожали всякими репрессалиями и т. д.), теперь наложили свое veto и разлагающий клин почти перестал действовать; например, в 93 г. было выкуплено наделов по 165 статье почти на 1 миллион рублей, а в 94 г. (с начала действия закона) – всего на 44 тыс. рублей.

Необходимо, впрочем, отметить, что даже сам этот выкуп, теперь отошедший уже почти в прошлое, часто вовсе не имел ясно выраженного индивидуалистического характера. Так, во-первых, по данным губернских совещаний, «более зажиточная часть крестьян стремилась к этому выкупу не столько из желания превратиться в подворных владельцев, сколько из желания избежать круговой поруки»¹. (То же отмечено и многими земско-статистическими данными.) В значительном, по-видимому, большинстве

¹ См. статью «Позем. община» в Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, т. 47, с. 217.

случаев, затем, выкупленные наделы не выделялись в особый участок, а оставались в чересполосном владении, иногда же даже шли в переделы при общих переделах общинной земли (но обыкновенно только уравнивались по качеству, а не по количеству). Но в некоторых случаях они, действительно, в буквальном смысле раскливали, разлагали общинное тело: например, в Тверской губернии часто «выкупившим или оставляются неприкосновенными их полосы, или же предоставляется в каждом “утине” (кону) первые от усадеб полосы, за что мир получает угощение. Начавшись с получения первых полос, обособление выкупивших идет дальше, а в некоторых общинах полосы выкупивших отделяются от общинных полос межей; при большом числе выкупивших это доходит до того, что каждый “утин” разделяется на две половины, из коих одна уже не подлежит переделам. Таким образом, община разделяется на 2 части, из которых в одной – подворное владение, в другой – общинное...»¹.

Само собой разумеется, что разлагающее влияние оказывает не только подворный, но и общинный досрочный выкуп, также допущенный законом, но фактически несравненно реже практикующийся. Понятно, что хозяева, уплатившие сразу значительную выкупную сумму, не имеют ни малейшего желания уступать затем эти «купленные» наделы другим семьям и иногда стремятся заранее обезопасить себя от этого сразу же, при взносе выкупа, переходя вместе с тем к подворному владению. Такие случаи и попадаются по нескольким уездам. Например, с. Рождественское Мценского уезда внесло досрочный выкуп за всю общинную землю, и так как каждый двор уплатил деньги за то количество земли, каким пользовался, то решено было «владеть землей без переделов»²... И т. д. Надо, наконец, упомянуть и о таких, впрочем, совершенно единичных случаях, когда целые земельные общины сразу исчезали совершенно: когда они, выкупив землю, всю продавали ее. Впрочем, и тут наблюдаются два резко противоположных исхода: когда земля продавалась, например, пригородной общиной – под фабрики, дома, заводы и т. д., то обыкновенно это полугородское крестьянское население разбрелось и окончательно, так сказать, испарялось как земледельческое население (ниже еще встретим подобный пример), иногда же, как, например, при последних продажах крестьянских общинных земель для разработки руды и угля в Екатеринославской губернии, и т. п., крестьяне, наоборот, часто на вырученные деньги покупали себе всей же общиной новую землю в большем количестве, то есть тут община только, так сказать, обновлялась, сбросив старую и перешедши в новую, более просторную, а потому и более благоприятную для общинного права земельную оболочку...

¹ См. «Сб. ст. св.» по Тверск. г., т. XIII, в. 1, с. 42.

² См. «Сб. ст. св.» по Мценскому у., с. 20.

В. Итак, из истории выкупа по 165 статье мы должны сделать сравнительно благоприятный вывод. Во-первых, $\frac{1}{2}$ миллиона дес. общинной земли, которые успели растащить отдельные хозяева за 30 лет пореформенной эпохи, представляют величину значительную только абсолютно, относительно же совершенно незначительную. Во-вторых, не всегда и не во всем этот процесс имел резко индивидуалистический характер и, в-третьих, он весь почти – в прошлом, и на нем обнаружилась значительная сила сопротивления со стороны общины, которая сейчас же почти его прекратила, как только получила к тому возможность. Но если в этом вытеснении внешнего клина, вбитого в организм общины, и проявилась живая еще в нем сила, то посмотрим, каким условиям уступает он в случаях полного его разложения и что получается в результате. По крайне интересному вопросу о причинах перехода крестьян-общинников к подворному владению мы имеем пока слишком мало данных, так что делать о них окончательные заключения нельзя. По тем же данным, которые пока имеются, можно только заключить о значительном разнообразии этих причин и, так сказать, об индивидуальном и внешнем их характере. Только иногда встречаются указания на то, что перedelали подворно для целей интенсификации земледелия: так, например, в д. Думчине Мценского уезда «при переходе в половине 60-х гг. с потягольной разверстки на подушную у многих хозяев отошла навозная земля... Это вызвало такое недовольство, что в 68 г. был постановлен приговор об отмене переделов на будущее время»¹. Чаще крестьяне принимали выкуп за обязательно-личный и именно на этом основании, переходя на выкуп, вместе с тем устанавливали формально подворное владение; такой, например, случай отмечен в сс. Тумакове и Нестерове Рязанского уезда и др.² Значительно же чаще встречается, по-видимому, такая причина, как желание крестьян избавиться от круговой поруки: именно этот мотив выставили 2 из 5 перешедших к подворному владению общин Рязанского уезда; эта же причина господствует и в десятках переходов по Мценскому уезду, где, например, также движение охватило целую волость и вызвано было именно тем, что «в этой волости был случай продажи имущества состоятельных хозяев за недоимки, накопленные несостоятельными, и этот случай произвел большой переполох»³. Весьма часто, затем, переход к подворному владению имеет место в пригородных общинах, где земли в такой

¹ См. «Сб. ст. св.» по Мценскому у., с. 21, и у г. В. В., с. 180–181; очень интересен один случай в этом же у. Солдатско-Другунская Слободка (пригородная), «не занимаясь земледелием и не будучи потому в состоянии исправно уплачивать подати, выделила одному хозяину, который лишь один ведет хозяйство», отдельный и большой против других подворный участок, а остальную посадали в аренду. См. там же.

² См. «Сб. ст. св.» по этому у., с. 5.

³ См. цит. сб. по Рязанскому у., с. 5 и по Мценскому у., с. 22. См. также В. В. «Община», с. 176–177.

огромной степени дорожат, что занятие земледелием делается совершенной бессмыслицей и крестьяне распродают свою землю, делаясь сами мелкими торговцами, и т. д. Такой именно характер имели, например, переходы к подворному владению в Петербургском уезде, где к 82 г. уже почти 11% отведенной крестьянам надельной земли оказалось в подворном владении, причем эта «земля, поступившая в подворное владение, отчуждалась в 5 раз интенсивнее, чем оставшаяся в общинном владении»¹. Или, например, в Троицкой слободе – пригородной около Рязани и подходящей своими землями к вокзалу Московско-Рязанской железной дороги, на которые цены поднялись до 600–800 руб. за десятину, – «инициатива перехода к подворному владению исходила не из среды общины», а купцы, желавшие строить тут трактиры и кирпичные заводы, подбили на то старосту, очень влиятельного мужика, которому был выгоден передел («а может быть и благодарность от купцов получил»), община мало-помалу и соблазнилась². Наконец, едва ли не наиболее характерной и общей причиной подворных разделов был чей-нибудь «совет» к тому со стороны. По такому совету какого-то заезжего «адвоката», который и черновую приговора написал, разделилась 1 из 5 общин Рязанского уезда; по Мценскому уезду крестьяне Троицкой волости (где из 35 общин 15 перешло к подворному владению), как и во многих других случаях, указывают как на одну из причин, побудивших их уничтожить общинное владение, на совет мирового посредника и, позднее, неперменного члена уездного крестьянского присутствия³. Или в Козельском уезде в двух общинах, официально значащихся перешедшими к подворному владению, «никто из крестьян не мог объяснить, почему состоялся этот переход: “господин захотел, должно быть, а мы согласились”». В Моршанском уезде (Тамбовской губернии) вся Перкинская волость, состоящая из 4 земельных общин государственных крестьян, перешла одновременно к подворному владению, уступая настояниям своего старшины (человека богатого и весьма влиятельного), и т. д., и т. д.

Итак, известные нам до сих пор случаи формального перехода от общинного к подворному владению по причинам своим представляются несколько неожиданными: мы не видим или почти не видим, среди них самых главных, общих и глубоких индивидуализирующих землевладение факторов, как малоземелье, интенсификация, сравнительно не часто встречаем даже выкуп (и то главным образом с его фиктивно-формальной стороны как обязательно-личного выкупа, а не с реально-материальной – как личных денежных затрат). Поэтому эти, по крайней мере, случаи мы

¹ См. «Мат. по ст. нар. хоз. Пет. г.», в. V, ч. II, с. 127–128.

² См. цитированный Ряз. сб., с. 4. См. подобные же случаи у г. В. В., с. 181–183.

³ См. «Ст. опис. Калужской губ.», т. I, в. 2, с. 27.

никак не можем принять за проявление общего пореформенного разложения общины, не можем считать, что община пыталась, но не смогла приспособиться к пореформенным условиям и стала потому, употребляя любимое новомарксистское выражение, «отмирать»; мы видим пока только, что разлагаются отдельные общины в силу разных индивидуальных причин. Это станет нам еще яснее, если мы вспомним, что вообще эти случаи формальных подворных разделов сравнительно очень редки, и если затем, главное, мы обратим внимание на распределение их во времени. Ясно, что если бы мы имели дело с массовым процессом разложения общины, то эти случаи должны были бы все учащаться, между тем только по некоторым уездам они, по-видимому, действительно участились в 80-е гг.; по некоторым же, наоборот, они происходили гораздо чаще в 70-е и даже 60-е гг., а иногда даже исключительно только тогда и отмечены (даже и при поздних сравнительных исследованиях). В результате таких соображений невольно возникает сомнение, так сказать, в серьезности, подлинности, реальности этих фактов, в том, могут ли они даже служить действительными симптомами разложения общины?

Для разрешения такого сомнения остается только посмотреть, что именно получилось в результате этих подворных разделов. Хотя материалов для ответа на этот вопрос также пока очень мало, но на этот раз они так согласно говорят все одно и то же, что мы можем формулировать довольно твердое и ясное заключение. Заключение это состоит в том, что в значительном проценте случаев формально-законных переходов к подворному владению оно или фактически устанавливается лишь отчасти, или даже почти вовсе не устанавливается или, затем, крестьяне стремятся возвратиться к общинному владению, что им иногда и удается. Приведу в подтверждение этого несколько лишь фактов, но зато достаточно ярких и, по-видимому, не нуждающихся в комментариях. В Мценском уезде, где было несколько десятков переходов к подворному владению, после них всегда «вполне сохраняют свое существование чересполосица долей отдельных хозяев и даже периодические жеребьевки (качественные переделы), где их производству не препятствуют какие-либо другие причины. Относительно различных угодий применяются здесь также все те виды пользования, какие мы видели при общинном владении: выгоны и пастбища находятся в нераздельном пользовании (то есть в общинном); сенокосы или делятся ежегодно между хозяевами (общинное владение), или убираются общими силами (общинное производство) – хотя, впрочем, при подворном владении иногда и луга разбиты на постоянные участки; леса находятся иногда в общественном владении, иногда в подворном» и т. д.¹. Но тут пока

¹ См. «Сб. ст. св.» по Мценскому у., с. 22.

не отмечено все-таки количественных переделов пашни и желания возвратиться к общине. И то, и другое мы находим в 5 общинах Рязанского уезда: лишь в 2-х из них тоже не отмечено переделов и недовольства подворным разделом; в 2-х же значительная часть крестьян сильно раскаивается в последнем, спрашивали исследователей, нельзя ли повернуть назад, и даже выражали намерение подать жалобу на неправильность этого приговора; в пятой же, наконец, несмотря на приговор, идут уравнительные количественные «перевалки» и переделы¹. По Тверской губернии «из всех ее известных по исследованию 9843 общин с подворным владением зарегистрировано 79, хотя большая часть и этих последних не вполне усвоили себе эту форму землевладения, так как пастбищными и сенокосными угодьями владеют на общинном начале»². Но этого мало: по Тверской губернии в сводном сборнике, напечатанном в 97 г., приведены три случая возвращения в 92 и 93 гг. к общинному владению от принятого ранее (в одном случае в 85 г.) подворного: губернское по крестьянским делам Присутствие утвердило эти единогласные просьбы крестьян, так что мы имеем тут любопытнейшие случаи возвращения, так сказать, «блудных общин», после самого крайнего индивидуалистического эксперимента, снова на лоно общинного начала... Не так счастливы были общины Моршанского уезда, перешедшие к подворному владению по совету своего старшины в начале 70-х гг. Хотя уже исследование 82 г. констатировало, что они решительно отрицали свое согласие на полный переход к подворному владению, говорили, что желали лишь удлинить сроки переделов и все настаивали на необходимости нового уравнительного передела по наличным душам, но этого не позволял, однако, старшина (сын того, который ввел подворное владение)... В 98 г. я прочел в декабрьской книжке «Русской мысли» финал всего этого «недоразумения». В 96 г., то есть через 26 лет после перехода к подворному владению, Перкинское общество (главное село волости) постановило ряд приговоров о возвращении к общинному владению, под которыми подписались единогласно все хозяева за исключением одного Иванова – волостного старшины, сына виновника перехода к подворному владению... Приговоры, вследствие

¹ См. цит. сб. по Ряз. у., с. 4 и 5.

² Напр., в Калязинском у. в дер. Нестерове при подворном владении порядок пользования подходит к общинному: пахоть чересполосна и разбита на утины и осьмаки; выгон общий, покосы делят по душам. В другой деревне, Ефимовской, следы общинного владения сказываются в том, что при образовании новых дворов им безвозмездно нарезаются усадьбы на мирской земле. Практикуется перепродажа друг другу земли, но продажа в чужие деревни не допускается обычаем. Лес и покос находятся в общем владении... То же самое встречается и в других уездах, например, Осташковском и Зубцовском. В последнем случается, что если двор вымирает и родственников в своей деревне нет, то земля поступает в пользу мира (деревня Кудрино Зубцовского у.). Огороды до сих пор у подворных владельцев – «душевые» и новый хозяин, выселяясь на край, получает новый огород, старый же делится между всеми (см. «Сводный сб. ст. св. по Тверской губ.», т. XIII, в. 1, с. 41).

некоторых формальностей, не были утверждены крестьянским присутствием, и дальнейшие приговоры и ходатайства крестьян были пресечены вышешеным в волости объявлением губернатора, разъяснившим крестьянам, что они хотят перейти к общине только по совету более богатых из них, «которые, ссужая их деньгами, хотят отобрать от неисправных своих должников землю не чересполосно, как теперь, а к одной меже»... Заключалось это объявление угрозой строжайшего наказания зачинщикам. В результате этого, конечно, у крестьян, по их словам, всякую мысль о возвращении к общинному владению словно «колом вышибло»¹.

Этим характерным фактом мы и закончим нашу беглую характеристику случаев формального перехода общинного владения в подворное. В своем месте мы проанализируем еще с возможной подробностью влияние на общину как законодательства, так и административных воздействий; здесь же этот случай мы привели, конечно, не для характеристики последнего – ибо невозможно же предположить, чтобы государственная власть, только недавно изъявшая из законодательства по общине разлагавший ее клин личного выкупа, дозволила своим представителям «колом вышибать» общинное право из крестьянства; нам сейчас важна и интересна сама возможность таких фактов, чтобы из группы крестьян через 25 лет формального подворного владения приходилось «колом вышибать» единогласное решение возвратиться к общине...

§ 5

Если от всего изложенного в этой главе у читателя осталось впечатление неясности, противоречивости, если он с недоумением спрашивает теперь себя: какой же вывод можно сделать из всех этих столь ярких и резких, в то же время настолько взаимно друг друга исключаящих фактов? – то это именно тот результат, который я имел в виду в своем изложении, ибо именно таково мое собственное впечатление от глазомерного обзора имеющих пока материалов. Мы видим в очень многих общинах симптомы разложения, встречаем небольшое количество уже разложившихся общин; но пока решительно не можем предвидеть, принимает ли или примет ли в ближайшем будущем процесс разложения массовый характер, охватит ли он примерно всю ту часть бывших помещичьих общин, которые мы а priori на основании силы индивидуализирующих их факторов могли бы обречь на разложение? Возможно, что этот вопрос пока и вообще нельзя решить, так как он не решен еще самой жизнью, и, во всяком случае, для решения его безусловно необходим статистический анализ внутренней общинной

¹ См. «Рус. мысль», 98, 12 кн., статья Н. М. «Попытка перехода от участкового владения к общинному».

борьбы и комбинаций прав и интересов; только такой анализ дал бы, может быть, возможность вывести равнодействующую индивидуалистического и общинного факторов. Пока же я могу позволить себе только несколько самых общих резюмирующих замечаний.

Рассматривая положение с внешней стороны, мы нашли в послепередельном упадочном периоде общины три основных случая: во-первых, случай полного бездействия общинно-передельного механизма в течение всего пореформенного периода, во-вторых, решительного прекращения его функционирования после некоторых попыток к этому (без решения, однако, перейти с подворному владению или с не имеющим законной силы решением) и, в-третьих, формального и окончательно перехода к подворному владению. Как со стороны количественного распространения, так и по внутреннему характеру наиболее серьезное значение имеет первая группа. Только на этом беспередельном застывании общины мы можем ясно проследить действие основных разлагающих ее факторов; случаи же прямого, так сказать, снятия общинно-передельного механизма либо не ясно мотивированы, либо мотивированы случайными, частными, внешними причинами, вообще имеют совершенно индивидуальный, казуистический характер, представляют лишь ряд случаев разложения отдельных общин, а не общий процесс разложения общины. В соответствии с этим последняя группа сравнительно очень малочисленна, например, из губернских административных «совещаний», опрошенных о распространенности переходов от общинного к подворному владению, только Бессарабское, Могилевское, Витебское, Орловское, Рязанское, Харьковское и Черниговское «констатировали более или менее значительное число» случаев такого рода (все-таки, отметим, почти никогда не более нескольких десятков случаев на уезде, а обыкновенно гораздо менее). Установление же беспередельной семейно-державческой формы без прямого перехода к подворному владению встречается решительно в каждой губернии, где только есть помещичьи крестьяне; во многих уездах оно имеет значительное распространение, а в некоторых районах даже представляет сплошное массовое явление; последнее нужно сказать особенно о западной окраине России, где, например, «Материалы податных инспекторов» по некоторым губерниям совершенно не отмечают общинного владения, в то время как официально оно считается еще существующим во многих селениях: так, в Гродненской, Киевской, Подольской, Волынской, отчасти Полтавской губерниях податные инспектора совсем не отличают общинного владения, а между тем по «Статистике позем. собств.» (изд. Центр. стат. ком. 82 г.) значилось селений с общинным землевладением в первой – 43, во второй – 298, в третьей – 80, в четвер-

той – 614...¹ Таким образом, тут, на западе, где сконцентрировались все разлагающие общину условия – крайнее малоземелье, интенсификация, выкуп, ультраиндивидуалистическая среда (здесь в огромной степени преобладает уже подворное владение) и отсутствие исторических корней (все это – общины главным образом помещичьи, которым здесь общинное землевладение было при освобождении привито совершенно искусственно), – здесь мы, по-видимому, действительно наблюдаем массовое «отмирание» общины... Но, повторю, незаконченность этого процесса, противоречия в нем и недостаточность его изучения не позволяют нам пока и в этом случае вынести окончательного приговора.

Если же мы схематизируем эти градации от общинного к подворному владению не с этой внешней, а с внутренней стороны, по объему, характеру и взаимоотношению составляющих их общинного и личного права, то получим следующие три основных момента: 1) семейно-долевое (или постоянно долевое), 2) семейно-участковое и 3) чистое личное владение.

Термин «семейно-долевое владение» наиболее ясно выражает сущность той формы, которая устанавливается при беспередельно-наследственном общинном владении и которую обыкновенно называют еще крайне невыразительным словом «общее владение» (термин этот не ясен уже хотя бы потому, что ведь даже принципиально не понятно, в чем больше должно быть коллективистического элемента – в общем или в общинном владении, а между тем в первом по существу его вовсе нет). Основной ее признак – тот, что при ней каждая из семей, совместно владеющих территорией, владеет в ней раз навсегда определенной долей. Владеет раз навсегда определенной наследственной долей, и в этом – отличие ее от общинного владения, которое в этом отношении можно бы назвать общинно- долевым или переменнo- долевым, так как в нем доли уравнительно меняются общиной и в каждый момент определяются ее количественным составом. Владеет долей земли, а не определенными участками ее – в этом состоит отличие от семейно-участкового владения, при котором каждой семье отведены раз навсегда ее участки в натуре. Из этого долевого принципа следует то важное заключение, что постоянно возможны и часто действительно происходят как качественные уравнения (вследствие разнокачественности земли, хозяева постоянно периодически меняются своими участками в не изменяющихся по количеству пропор-

¹ Или, напр., относительно некоторых уездов Псковской губ. тамошний земский статистик г. Оболенский сообщил мне такой характерный факт, что, объехав в них в последние годы вероятно до тысячи деревень, – все очень мелких поселков (напр., приходится до 2-х и более тысяч общин на 1 уезд), сплошь притом бывших помещичьих крестьян, он не встретил почти ни одного случая не только передела, но даже борьбы за передел, разговора о нем, так что, кроме чересполосицы да изредка лишения недоимщиков их наделов, он, по его словам, не нашел тут никакого следа земельной общины...

циях), так и количественные, когда, например, прибавляется или убавляется территория общего владения (примывает или отмывает берег реки, выигрывают или проигрывают землю по суду, осушают участок болота или заносится участок песком и т. д., и т. д.). Кроме того, фактически в значительном большинстве случаев семейно-долевое владение остается еще отчасти общинным, так как обыкновенно устанавливается лишь по отношению к пашне, а сенокосы, лес и пастбище остаются в общинно-уравнительном владении. Таким образом, в этом случае прекращается общинная жизнедеятельность только в основном стволе общины, а боковые побеги продолжают жить...

Именно такое семейно-долевое владение устанавливается, по-видимому, в значительном большинстве случаев не только общинного, беспередельного наследственного владения, но и формальных переходов к подворному владению: качественные переделы еще возможны и участки каждого хозяина не фиксированы раз навсегда. Но в отдельных случаях мы встречаем уже и такую фиксацию. Приведем два-три более интересных примера. В некоторых беспередельных общинах Богодуховского уезда, «где особенно благоприятствовала фигура надела и расположение усадеб, земля разделена, хотя и по душам, но каждому двору отрезано все количество земли против усадьбы полосой; на этом куске каждый домохозяин распоряжается по-своему; общей толоки нет, переделов никаких не бывает»¹. В с. Артемьевском Костромского уезда исправные плательщики в числе 18 душ отделили себе один общий участок и оставили его в общинном между собой пользовании, а остальным крестьянам-недоимщикам наделили каждому отдельный участок по числу душ². Особенно характерны такие выделения подворных участков в Новороссии: во многих уездах здесь отмечены общины с «фиксированными» раз навсегда участками, причем иногда эта фиксация имеет особенно прочный характер: так, например, в Елисаветградском уезде в некоторых обществах бывших военных поселен (также не привыкших к свободному землевладению, как и помещичьи) «многие хозяева, владеющие по балкам (ложбинам) «левадами», стараются прирезать к ним и свои наделы к одному отрубам и тут хозяйничают сами, как знают. Таким образом, иное военное поселение представляет собой два типа пользования землей: средние и беднейшие хозяйства – общесменное и чересполосное, а более богатые – подворно-хуторское. Это сплошь и рядом совершается в бывших военных поселениях и вошло даже в обычай: как только хозяин начинает богатеть, то сейчас обзаводится левадой и начинает хлопотать о прирезке надела к своей “осадыбе” (усадыбе), что на леваде.

¹ См. «Ст. сб. ст. св. по Богодуховскому у.», с. 61.

² См. «Программу для соб. св. о зел. позем. общ.» Вольно-Эконом. общ., 2-е изд., 79 г., с. 59.

В великорусском селе Злынке более бедные хозяева говорят о таком хозяйстве: «ён расцветает»¹.

При таком полном «расцвете» личного земельного права при семейно-участковой форме читатель может спросить: чем же, собственно, отличается еще она от чистого личного владения. Я нахожу три таких основных и существенных отличия. Первое состоит в том, что обыкновенно даже и в перешедших формально к подворному владению общинах остаются в общинном или, по крайней мере, «общем» владении некоторые уголья: иногда лес, чаще сенокосы, почти всегда выгон. Значит, при семейно-участковом владении часто даже общинно-передельный механизм еще не распадается совершенно, а лишь действие его сводится к минимуму (как по тому объекту, коего она касается, так и по редкости его проявлений). Нельзя не видеть, что это очень крупное, принципиальное по крайней мере, отличие.

Вторым важным отличием является общий севооборот, обязательный и при семейно-участковом владении. При нем участки отдельных семей остаются в той же чересполосице и многополосице, как и при общинном и семейно-долевом владении. Поэтому хотя не только самое производство индивидуально, но вполне индивидуально и владение средствами производства, однако условия последнего необходимо заставляют пока держаться общего плана производства, заставляют сообща вырабатывать его и сообща же наблюдать за его выполнением, предупреждать и устранять его нарушения. Это общее выполнение плана производства отчасти должно быть еще строже именно при полном отсутствии общего владения: отсутствие выгона, например, и пастьба, вследствие того, скота на толоке делает уже совершенно неизбежным строгий принудительный севооборот...

Наконец, третье обстоятельство, отличающее семейно-участковое владение от личного, заключается в большем вмешательстве односельцев в хозяйственный быт каждой семьи, зависящих от того, что владение это является именно семейным, а не личным. Все односельцы постоянно следят за хозяйством и жизнью каждой семьи: наследование сильно регламентировано обычаем и прямым влиянием односельцев; очень распространено вмешательство их при расточительности, пьянстве, несправедливости и т. п. недостатках главы семьи, разоряющих ее; наконец, попечительство о вдовах, сиротах, стариках, больных, об имуществе и делах переселяющихся и т. д., и т. д., – вообще роль «мира», «громады» как судьи или как опекуна обыкновенно гораздо крупнее при семейно-участковом, чем при обыкновенном личном владении².

¹ См. «Сборник по Елисаветградскому у.».

² Все это хорошо выяснено в некоторых земско-статистических сборниках Полтавской губ., где наблюдается типичное семейно-участковое владение.

Таким образом, если при семейно-долевом владении мы наблюдаем нечто вроде зимней остановки движения соков в основном стволе общинного организма, то при семейно-участковом мы имеем уже как бы срубленный и засохший основной ствол (а иногда уже и боковые ветви); таким образом, тут уже нет общинной жизни, но все-таки отдельные семьи связаны еще механически и нет еще полного распада общинного организма на его клеточки-семьи.

Такое распадение мы находим только при чистой форме личного владения. Оно имеет чаще всего место для отдельных хозяев при личном выкупе наделов с выделом их в одном отдельном участке или при обрисованных выше случаях распродажи общинной земли и т. п. Полное же превращение общинного владения в чисто личное у целых крестьянских общин с тем, что хозяева остаются владеть своими участками и заниматься земледелием, полное превращение общины в группу западноевропейского типа фермеров – до сих пор пока почти не наблюдалось. Я, по крайней мере, встретил до сих пор только одно такого рода указание, которое ввиду чрезвычайной его яркости и привожу полностью. В Веляжковской волости Витебского уезда, по «Материалам податных инспекторов», «в 61 из 106 селений общинная земля разделена по домохозяевам и каждая усадьба перенесена на свой участок: деревни исчезли и вместо них появилось множество отдельных ферм. Малоземельные домохозяева хотя и терпят при этом нужду в выгоне, так как прекращается общее пользование выгоном и пастьба скота на всем паровом поле или по жнивью всего селения, – однако они соглашались на такой раздел из-за большей свободы распоряжения своей землей и из-за того, что им обыкновенно отводятся прежняя приусадебная хорошо удобренная земля»¹...

Очевидно, что в этих случаях мы действительно имеем уже картину полного и безвозвратного конца общины... Во II и III томах мы пытаемся исследовать, предстоит ли в ближайшем будущем такой же конец и всей русской общине и насколько он желателен с разных точек зрения.

Заключение

Теперь мы выполнили первую часть нашей задачи. Мы окончили описание и классификацию всех наблюдаемых в России форм землевладения, официально считающихся общинными (и некоторых сопредельных с ними), и сделали определение правового их содержания и факторов, их обуславливающих, поскольку последние можно было с бесспорностью констатировать

¹ См. «Мат. под. инсп.», в. II, с. 113.

глазомерно. Так как на каждом главном этапе пройденного нами пути мы делали уже обстоятельные общие резюме, то теперь я не вижу надобности еще раз подробно пересказывать выводы, кажется, достаточно уже ясные. Подчеркну только несколько наиболее общих итогов нашего изучения, наиболее в то же время важных и, как мне кажется, наиболее доказанных.

Самый первый и общий вывод, который нельзя не вынести из произведенного нами внешнего изучения общинных форм, это, во-первых, о крайнем обилии и разнообразии их, доходящем до самых резких контрастов, и, во-вторых, о чрезвычайной подвижности, так сказать, текучести их. Мы нашли множество проявлений общинного и личного права в самых разнообразных количественных и качественных их комбинациях, нашли, что эти простейшие правовые элементы дают несколько типов сложных правообразований со множеством оттенков и градаций; мы постоянно наблюдали их в процессах, в моменты их сложения, изменения и разложения и заметили, что эти процессы трансформации имеют в разных случаях и в разные периоды прямо противоположные направления. Одним словом, мы как нельзя более осязательно убедились, что термин «русская крестьянская земельная община» охватывает такие разнообразные и, так сказать, несоизмеримые формы и такие противоположные трансформации, для которых не может быть одной общей формулы закона причинности как для прошлого и настоящего, так и для будущего.

Затем мы видели, что поскольку общинные формы определялись до сих пор политическими условиями, то они резко разделяются на два почти противоположных типа.

Первый тип, основное ядро которого составляют бывшие государственные общины (а также инородческие, казаческие, удельные и т. п.), представляет действительную крестьянскую общину в собственном смысле, то есть общину обычного права, общину, говоря крестьянскими словами, «вольную», «натуральную», «самонатурную». Само собой разумеется, что и эти «натуральные» общины никогда не были свободны, но свободны и теперь от рамок государственно-законодательных, но рамки эти настолько общи, схематичны и широки, что оставляли и оставляют значительную, иногда, по-видимому, почти полную свободу внутри общинной борьбе прав и интересов, самопроизвольной обычно-правовой эволюции. И эта «натуральная» эволюция крестьянского землевладения представляет нам в данный момент широкую и яркую картину сплошного и энергичного роста и жизнедеятельности общинного начала. Этим, как читатель знает, я не хочу сказать, что общинное начало есть всецело продукт обычного, а не государственного права: оставляя пока под вопросом, в первом ли или во втором таится первое семя общины, мы констатируем только, что, раз пустивши ростки, оно теперь питается и разви-

ваются обычно-правовыми корнями «права на труд», совершенно без всякого искусственного извне выращивания.

Землевладение остальной части общин, бывших помещичьих, наоборот, представляет в большей степени государственно-юридический, чем обычно-правовой институт. Хотя мы не имеем пока права категорически утверждать, чтобы пореформенная помещичья община была, как обычно-правовая форма, совершенно мертворожденной, но несомненно, что она могла представлять только разве слабый обычно-правовой зародыш общинного начала в прошлом и что внешние пореформенные условия были крайне неблагоприятны для его развития. Пореформенное законодательство (главным образом, в виде самого факта выкупной операции и ее резко индивидуалистических деталей) не в люльку, а в гроб уложило новорожденную помещичью общину. Мы и наблюдаем в ней преимущественно либо симптомы медленного умирания, либо лишь внешние, автоматические функции жизни и деятельности, вызванные острым и временным возбудителем, давлением надела-«разорителя». Впрочем, в довольно заметном меньшинстве случаев часть и помещичьих общин начинает, по-видимому, выходить из своего не то смертельного, не то летаргического оцепенения, начинает «самонатурно» функционировать, так что пока еще рано огулом отпевать и хоронить и помещичью общину...

Наконец, когда мы классифицируем все вообще общинные формы как обычно-правовые, поскольку они определяются естественными и экономическими факторами, то ясно намечаем ряд фазисов сначала развития, затем действия и, наконец, замирания общинного права, в зависимости, главным образом, от постепенного сокращения размеров землевладения (вследствие возрастания населения) и интенсификации земледелия.

При крайнем многоземелье общинная функция еще не нужна, и мы видим тут общину еще, так сказать, в потенции; при крайнем малоземелье она уже невозможна, и мы находим ее, если можно так выразиться, в импотенции. Таким образом, при «натуральной» эволюции земельного обычно-крестьянского права в России каждая община буквально по мере возрастания населения, сокращения землевладения и интенсификации земледелия проходит периоды роста, зрелости и одряхления. И так как географическое распределение крестьянского землевладения представляет в общем очень правильное понижение его размеров с востока на запад, то, соответственно с этим, географическая черта, проведенная, положим, от Владивостока к Витебску, представляет и историческую черту прохождения всего русского крестьянства через общину: на восток – она в будущем и развивается, в центре – в настоящем и в полной силе и на западе – в прошлом и идет к упадку и разложению...

Итак, может спросить читатель: какой же смысл имеет вопрос, сохранится ли община? – которому будет посвящен второй том моей работы, если вопрос этот уже указанной схемой решается или, по крайней мере, предрешается отрицательно. Отвечу на это, что, во-первых, схема эта именно в самой последней своей части пока только гипотеза и задачей второго тома и является попытка подвести цифровой фундамент под это априорное построение. Во-вторых же, само собой разумеется, что (как я уже говорил), исходя из одной уже общей схемы социальной трансформации всего человечества, я не считаю возможным допустить вечного, бессрочного существования общинного землевладения, так что для меня, собственно, нет общего вопроса: сохранится ли община? – а есть лишь вопрос: сколько она еще может прожить и доживет ли в основной своей массе до того момента, когда политические, экономические и культурные условия сделают возможным сплошное переобразование общинного землевладения в общинное производство?

Надеюсь, что в такой постановке вопроса, как и во всех сейчас резюмированных основанных итогах предыдущего изложения, никто не усмотрит предрешения этого вопроса. Могу, по крайней мере, сказать, что я употреблял все усилия, чтобы избежать такого предрешения и удержаться строго в пределах описательно-классификационного изучения. Понятно, однако, что и такое изучение совершенно немыслимо без глазомерной обрисовки наиболее выпуклых причинозависимостей. Невозможно говорить о формах обычного земельного права, не выясняя его оснований, нельзя дать никакого представления о трансформации этого права, не обрисовав общей руководящей ее тенденции и основных ее условий. Без этого мы не смогли бы даже, например, никак отличить два наиболее крайних момента этого права – семейно-захватное владение от семейно-державческого, так как по относительному объему личного и общинного права обе эти формы часто совершенно тождественны и отличаются до полной противоположности именно только своими основаниями и условиями и вытекающей отсюда будущей их тенденцией. Не будет преувеличением сказать, что невозможна и никакая терминология, мало-мальски намечающая существо данной комбинации личного и общинного права, которая не опиралась бы на его основания и условия, а между тем терминология очень важна и нужна, – если не для допередельного фазиса, где было даже, пожалуй, слишком много терминологий (кажется, столько же, сколько авторов), то для передельного и послепередельного периодов, которые остались необобщенными и неназванными и могли рисоваться читателю только какими-то неясными расплывающимися пятнами.

Стремясь возможно удовлетворительнее заполнить этот пробел, я, конечно, не мог ограничиться одним сухим перечислением правовых форм и составных их элементов, а принужден был подробно обрисовать их функ-

цию, обстановку, среди которой эти формы действуют, до известной степени результаты, к которым они приводят, и, наконец, самый дух, их оживляющий. Я счел недостаточным начертить одну лишь общую их схему, один лишь остов и контуры, набросать, так сказать, лишь эскиз карандашом, который может быть очень верным, но никогда живым и полным, – а нашел необходимым нарисовать их живыми красками, то есть снабдить возможно большим количеством фактических примеров, отзывов наблюдателей и больше всего самих крестьян в их подлинных выражениях. Это очень расширило размеры нашей картины, но, надеюсь, придало ей больше жизни, конкретности, реальности...

Таким образом, мы постарались собрать все, что может дать внешнее глазомерное изучение, для возможно полного и точного диагноза современного состояния различных общинных типов и фазисов. Но это была только подготовительная работа. Теперь же мы должны произвести внутреннее исследование общинных органов и функций анатомическим ножом статистического анализа. Только после такого исследования мы, может быть, получим право дать более или менее ясный и твердый ответ на вопросы: возможно ли, желательно ли сохранение общины в России?

ПРИМЕЧАНИЕ

Общинное землевладение – присущая России особая форма коллективного обладания землей. При этом земля принадлежала группе лиц, состав которой мог изменяться по своей численности. Коллектив имел право распоряжения этой землей, его отдельные члены только право пользования некоторыми частями земли на началах пропорционально-уравнительных. Общинное землевладение в России, сложившееся под влиянием особых условий русского государственного и экономического развития, имело древнейшее происхождение, было результатом чисто общинного быта русского народа (И. Беляев, В. Лешков, К. Аксаков) или его родовых особенностей (С. Соловьев, К. Кавелин).

Общинная форма землевладения была в России самой распространенной. В к. XIX – н. XX вв. в общинном владении Европейской России находилось 95 млн дес. земли, что в процентах к общему количеству земли в каждой категории крестьян составляло:

у бывших владельческих	72,3%
у бывших государственных	84,2%
у бывших удельных	97,6%
<hr/>	
в среднем	84,6%

Процентное соотношение крестьянских душ, владевших землей на общинном начале, составляло для бывших владельческих крестьян 72%, а для государственных 79%, считая численность крестьянского населения (в 50 губерниях Европейской России) в н. XX в. равным ок. 75–80 млн, следовательно, в среднем ок. $\frac{3}{4}$ этого числа, т. е. ок. 56 млн, а с присоединением к ним населения окраин России выйдет всего до 70 и более млн. Эти общие и средние цифры существенно изменялись по мере продвижения с востока на запад. Доля земель в общинном владении в разных регионах России составляла:

	% земель	% населения
1) в 22 восточных и северных городах с промышленной полосой	98,4–93	96,5
2) Великорусская и южная степь (12 губерний)	88,9–77	89
3) Западная и юго-западная (13 губерний)	39–13,9	31,4
4) Литва и прибалтийские губернии	–	–

Соответственно уменьшению общинного землевладения с востока на запад увеличивался процент и размер личных, и в т. ч. крупных, владений и уменьшался в том же направлении средний размер крестьянских наделов с 5,4 до 4 дес. Если же двигаться на восток (в Сибирь), то общинное землевладение там занимало почти всю территорию (ибо личное владение было здесь совершенно ничтожно), а равно и размеры наделов значительно возрастали (в том же приблизительно направлении).

При общинном землевладении производились регулярные земельные переделы. Главная цель их – обеспечение начала уравнительности при распределении в пользование общинных, главным образом, пахотных земель. Уравнительность эта прежде всего имела значение количественное, а затем иногда и качественное; а по количеству участвующих в переделе членов общины переделы разделялись на общие, касающиеся всех членов и всей площади данного угодья, и частные – лишь некоторых членов и частей земель. Осуществлялись переделы на сходе большинством в $\frac{2}{3}$ членов. Первые переделы назывались иногда еще коренными, вторые жеребьевками, разверстками, поравнениями, свалками-навалками и т. д. Между теми и другими существовали различные промежуточные виды переделов.

Вместе с тем необходимость переделов возникала в связи с регулярными ревизиями государственных финансовых органов для обложения крестьянского населения податями, главным образом подушной.

Существовали две формы переделов. Поровну на двор как на основную хозяйственную единицу и по числу ревизских душ как платежных единиц. Тот и другой вид переделов представлял собой первичные и потому более грубые формы поравнения, смягчавшиеся в прежнее время более или менее достаточным количеством земель. Постепенно, однако, недостатки таких основ распределения земель стали вызывать сознание необходимости их исправлений, что и создало в н. XX в. большое разнообразие видов переделов и их дальнейшие изменения. Так от переделов поровну по дворам стали переходить к переделам уравнительно по дворам, т. е. с принятием во внимание размеров дворов по числу членов семей. От чистой же казенной ревизской подушной разверстки постепенно совершался переход к переделам по душам наличным, а не счетным как нередко фиктивным, причем от душ ревизских

мужского пола переходили к лицам обоего пола, сообразуясь с их возрастом и трудоспособностью или нет. В последних случаях постепенно вырабатывались два основания уравниваний как следствия разложения двора на более мелкие единицы, рабочие и потребительские души, вследствие чего явились и два новых вида разверсток – производительные и потребительные. Каждая из этих двух разверсток допускала в свою очередь несколько вариаций в зависимости от вызвавших их условий. Как показывают уже оба эти названия разверсток, одна из них, производительная, сводила распределение земель к соответствию между рабочими силами каждой семьи и количеством или качеством подлежащей обработке земли (надела) и степени обремененности его податями. При этом принималось иногда во внимание не только количество более или менее трудоспособных членов семей, но также и средства производства (рабочий и иной скот, постройки), т. е. состоятельность или хозяйственность. В основе таких разверсток лежали или трудность обработки земли, т. е. агрикультурные неблагоприятные условия, или же чрезмерность лежавших на ней платежей сравнительно с доходностью. Здесь-то преимущественно и развивались типы переделов, носящих название свалок и навалок, особенно после крестьянской реформы и установления иногда высоких выкупных платежей. С другой стороны, производительные разверстки обуславливались сравнительной достаточностью земли. Переход к потребительным разверсткам происходил большей частью лишь постепенно, именно путем перехода от ревизско-подушной разверстки сперва к налично-мужской, а затем и к наличной по душам обоего пола, откуда уже прямой шаг к разверстке «по едокам». Последними, по выработавшейся привычке к механическому арифметическому основанию разверсток, сперва считались все члены семьи независимо от их пола, возраста и т. п. Постепенно же, однако, к этим внешним и более грубым основаниям передела стали присоединяться более тонкие признаки, как-то: «по нужде», «по семейственности», «по кормежке» и т. п. Эти потребительные разверстки являлись высшей и наиболее совершенной формой всех поравнений, потому что распространение такого типа передела служило доказательством живучести общинного начала землевладения.

Под влиянием противников общинного землевладения были приняты в к. XIX – н. XX вв. антиобщинные законы. Например, Закон 8 июня 1893 г., поставивший вопрос о производстве переделов не только в зависимость от $\frac{2}{3}$ голосов на сходе, но и под непосредственную опеку земских начальников, уездных съездов и губернских присутствий. При этом был установлен минимальный срок передела не менее 12 лет и вменено в обязанность принимать во внимание вышеупомянутые улучшения культуры отдельными домохозяйствами. Закон этот, касаясь главным образом переделов общих, стеснял отчасти и свободу частных переделов, ограничивая последние

некоторыми указанными в законе случаями, как-то: смерть домохозяина, увольнение из обществ при отсутствии других членов семейства, неисправность в платеже повинностей и т. п.

Переделы общинной земли не препятствовали улучшению культуры ведения сельского хозяйства. При переделах обязательно учитывалось качество земель, принимались во внимание произведенные улучшения. Сход, как правило, сохранял такие участки земли за обрабатывавшими их лицами или же, в случае невозможности осуществления этого, вознаграждал их за это увеличением наделов или в иной форме. Предположение о неразрывной связи с переделами чересполосицы, чрезмерного дробления наделов и т. п. опровергалось ссылками на существование таких же недостатков и при подворном землевладении. Недостатки общинного землевладения могли иметь более существенное значение только при крупных размерах всего пространства земли, принадлежавшего данной общине. Но, во-первых, те или другие размеры общин были обусловлены особыми историческими причинами их образования, равно как и в случае невыгодного в сельскохозяйственном отношении расположения площади земли, так называемого длинноземелья, с нахождением самого поселения в одном из концов удлиненной фигуры; а, во-вторых, в таких случаях опять-таки вносилась поправка, заключающаяся в следующем: для сосредоточения наделов отдельных дворов к одному месту вся общинная земля при переделе разбивалась прежде на крупные части: гридни, коны и т. п., внутри которых и происходили переделы между отдельными группами домохозяев.

К к. XIX – н. XX вв. переделы в большинстве сельских общин не производились. В 1910 г. число общин, существовавших без переделов с 1860-х гг., составило 58,5%. По России доля таких общин по отдельным губерниям варьировалась от 2–4% в Бессарабской и Полтавской губ., до 87–88% в Ярославской и Калужской (см. табл.).

Таблица

Сведения об обществах, в которых не производилось переделов с самого наделения землей (по исходящим процентам)

Губерния	Общества и отдельные селения, всего	В т. ч. не переделявшие землю	%	В них домохозяев	Количество земли в беспеределных общинах (тыс. дес.)
Калужская	4 697	4 154	88,4	143 117	1 090,5
Ярославская	10 814	9 410	87,0	141 124	1 089,8
Смоленская	10 868	9 281	85,4	191 720	1 527,3
Новгородская	11 096	9 223	83,1	163 212	1 964,0

ПРИМЕЧАНИЯ

Губерния	Общества и отдельные селения, всего	В т. ч. не пере- делявшие землю	%	В них до- мохозяев	Количество земли в беспередел- ных общинах (тыс. дес.)
Псковская	14 139	10 942	77,4	134 029	1 078,3
Тверская	10 320	7 973	77,3	223 177	1 745,5
Костромская	12 796	9 768	76,5	154 745	1 316,6
С.-Петербургская	4 682	3 579	76,4	77 614	1 170,3
Витебская	6 478	4 916	75,9	57 161	499,3
Тульская	5 092	3 808	74,5	142 216	763,7
Херсонская	2 162	1 555	71,9	168 265	915,9
Курская	3 897	2 754	70,7	139 314	647,3
Харьковская	2 461	1 736	70,5	150 111	850,1
Рязанская	5 362	3 486	65,0	120 347	676,9
Пермская	4 062	2 627	64,7	205 605	3 344,8
Екатеринославская	1 696	1 092	64,3	82 484	336,7
Орловская	5 508	3 317	60,2	145 624	829,6
Тамбовская	4 481	2 686	59,9	118 271	645,0
Олонецкая	3 554	2 084	58,6	28 174	1 775,7
Черниговская	4 079	1 950	47,8	88 644	564,9
Симбирская	2 240	1 067	47,6	81 497	418,1
Оренбургская	600	280	46,7	34 922	739,4
Уфимская	2 076	954	46,0	105 417	1 016,1
Московская	5 105	2 019	39,5	60 056	440,5
Вологодская	14 320	5 421	37,9	95 175	1 232,4
Вятская	22 170	8 353	37,7	174 238	2 553,9
Самарская	2 299	785	34,1	120 801	1 401,1
Могилевская	4 880	1 656	33,9	48 650	413,1
Воронежская	2 374	802	33,8	41 802	208,5
Владимирская	8 535	2 797	32,8	62 370	561,1
Пензенская	2 735	765	28,0	36 961	194,7
Казанская	7 683	1 873	24,4	60 519	480,6
Саратовская	2 733	667	24,4	44 871	286,0
Нижегородская	4 145	987	23,8	45 109	357,5
Таврическая	496	113	22,8	9 506	104,2
Полтавская	1 463	52	3,6	8 418	35,7
Бессарабская	1 371	31	2,3	11 174	95,2
Киевская	2	2	—	330	1,7
Астраханская	175	—	—	—	—
Архангельская	—	—	—	—	—
Итого :	213 619	124 965	58,5	3 716 770	33 372,0

Ист.: ГА РФ. Ф. 1291. Оп. 120. 1910 г. Д. 53. Л. 1–1 об.

Общинное землевладение было одним из главных устоев русской народной жизни. Неоднократные попытки уничтожить его были безуспешны. Проведение Столыпинской реформы (1906) стало попыткой уничтожить общинные землевладения и насадить частную крестьянскую земельную собственность. Выделявшимся крестьянам предоставлялось право выделиться из общины и получить участок – «отруб». Однако подавляющая часть русских крестьян отказалась участвовать в разрушении общинного землевладения. В целом по России доля земли крестьян, вышедших из общины, составляла только 14%. Во многих коренных русских губерниях доля земель крестьян, вышедших из общины, составляла менее 10%.

С. Ю., О. П.

Общие (или коренные) переделы, преследующие цели количественного поравнения, представляли собой чистейшее выражение духа общинного землевладения. Они являлись результатом частью народного сознания их необходимости, справедливости и целесообразности, по мере увеличения числа членов общины при прежнем количестве принадлежащих ей земель, частью же результатом государственного воздействия на финансово-правовую сторону жизни общин, особенно со времени производств ревизий, т. е. подушного счета податного (мужского) населения, ради обложения его податями, главным образом подушной. В зависимости от той или др. причины развивались две первоначальные формы общих переделов: поровну на двор как на основную хозяйственную единицу в первом случае и по числу ревизских душ как платежных единиц во втором случае.

От передела поровну по дворам стали переходить к переделу уравнительно по дворам, т. е. с принятием во внимание размеров дворов по числу членов семей. От чистой же казенной ревизской подушной разверстки постепенно совершался переход к переделу по душам наличным, а не счетным как нередко фиктивным, причем от душ ревизских мужского пола переходили к лицам обоего пола, сообразуясь с их возрастом и трудоспособностью или нет. В последних случаях постепенно вырабатывались два основания уравнений как следствия разложения двора на более мелкие единицы, рабочие и потребительные души, вследствие чего явились и два новых вида разверсток, производительные и потребительные. Каждая из этих двух разверсток допускала в свою очередь несколько вариаций, в зависимости от вызвавших их условий. Как показывают уже оба эти названия разверсток, одна из них, производительная, сводит распределение земель к соответствию между рабочими силами каждой семьи и количеством или качеством подлежащей обработке земли (надела) и степени обремененности его податями. При этом принимались иногда во внимание не только количество более или менее трудоспособных членов

семей, но также и средства производства (рабочий и иной скот, постройки), т. е. состоятельность или хозяйственность. В основе таких разверсток лежали или трудность обработки земли, т. е. агрикультурные неблагоприятные условия, или же чрезмерность лежавших на ней платежей сравнительно с доходностью. Здесь-то преимущественно и развивались типы переделов, носящих название свалок и навалок, особенно после крестьянской реформы и установления иногда чрезмерно высоких выкупных платежей. С другой стороны, производительные разверстки иногда обуславливались сравнительной достаточностью земли. Переход к потребительным разверсткам происходил большей частью лишь постепенно, путем перехода от ревизско-подушной разверстки сперва к налично-мужской, а затем и к наличной по душам обоого пола, откуда уже был прямой шаг к разверстке «по едокам». Последними, по выработавшейся привычке к механическому арифметическому основанию разверсток, первоначально считались все члены семьи независимо от их пола, возраста и т. п. Постепенно к этим внешним основаниям переделов стали присоединяться более тонкие признаки, как-то: «по нужде», «по семейственности», «по кормежке» и т. п. Эти потребительные разверстки являлись тем более совершенной формой поравнений, потому-то распространение такого типа передела может служить доказательством прочности общинного начала землевладения.

Навеянные противниками общинного землевладения мысли о вреде передела, возникавшие еще в сер. XIX в., в его второй половине привели к принятию законов, стеснявших общины в принятии решений о переделах. Таким был Закон 8 июня 1893 г., поставивший вопрос о производстве передела не только в зависимость от $\frac{2}{3}$ голосов на сходе, но и под непосредственную опеку земских начальников, уездных съездов и губернских присутствий. При этом был установлен минимальный срок передела не менее 12 лет и вменено в обязанность принимать во внимание улучшения сельскохозяйственных культур отдельными домохозяевами. Закон этот, касаясь главным образом передела общего, ограничивал и свободу частных переделов некоторыми указанными в законе случаями, как-то: смерть домохозяина, увольнение из общины при отлучении др. членов семейства, неисправность в платеже повинностей и т. п.

К. Д. Кавелин

Взгляд на русскую сельскую общину

Публикуется по: «Антей». 1859. № 2.

Кавелин Константин Дмитриевич (4 [16].11.1818 – 3 [15].05.1885), мыслитель, историк, правовед и общественный деятель. Родился в Петербурге. В

1839 окончил юридический факультет Московского университета. Первоначально занимал либеральные позиции, позднее отошел от них и сблизился со *славянофилами*. Стоял на позиции сильной самодержавной власти. В 1866 г. подал царю записку «О нигилизме и мерах, против него необходимых».

В своих трудах «Взгляд на юридический быт древней России» (1847), «Мысли и заметки о русской истории» (1866), «Краткий взгляд на русскую историю» (опубл. 1887) Кавелин показывает решающую роль самодержавного государства в жизни народа. По мнению ученого, Русское государство явилось высшей формой общественного бытия в жизни России. Самодержавие, по мнению Кавелина, естественная форма русской государственности, порожденная народным идеалом. В 1860-х Кавелин принял выдвинутую Б. Н. Чичериним теорию «закрепощения и раскрепощения» сословий государством. Крепостной строй Кавелин воспринимал как закономерный этап развития русского общества, как необходимое условие существования сильной центральной власти, без которой Русское государство не устояло бы в борьбе с внутренними врагами. Подчеркивая особую роль государственной власти, «спасшей» Россию, Кавелин признавал, что она не давала развиваться «лично-му началу». В 1860-х Кавелин характеризовал опричнину как политику сохранения национальной формы государственности, направленную против чужеродных западно-русских и польских элементов, привнесенных перешедшими на русскую службу литовскими князьями.

Кавелин был одним из творцов крестьянского законодательства 1861 г., в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении – основа социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся, по сути дела, коллективными владельцами земли.

Корни социального неравенства Кавелин видел в том, что «люди по физической природе, по умственным и др. своим способностям не равны между собой со дня рождения». Он доказывал утопичность социалистических теорий, обосновывавших возможность достижения социального равенства путем ликвидации частной собственности. Отмена права собственности и наследства, согласно Кавелину, противоречит «закону свободы».

В праве собственности Кавелин видел залог свободы человека. Для предотвращения социальных катаклизмов он призывал русское дворянство отказаться от сословного эгоизма, привилегий и замкнутости. При этом государство, по мнению Кавелина, должно регулировать отношения между условиями, «служить посредником, охранять и защищать низшие классы». В отличие от ортодоксальных западников, видевших в крестьянской общине только препятствие к экономической свободе и прогрессу, Кавелин выступал за ее сохранение, видя в ней способ уравновесить частную собственность, монопольное господство которой могло привести к вражде классов и общественной анархии. Ратуя за отмену уравнительного землепользования и земельных переделов внутри общины, Кавелин объективно выступал за свободное развитие крестьянского хозяйства на основе пожизненной *аренды* земли. Сочетание личной и общественной собственности Кавелин считал, с одной стороны, условием для обеспечения экономического прогресса, с др. – гарантией против пролетаризации *крестьянства*, средством сохранения социальной стабильности. Признавая, что реформа 1861 г. подорвала материальное благополучие дворянства, Кавелин видел его будущее не в искусственном сохранении привилегий, а в уравнении в гражданских правах с др. сословиями. В органическом единстве сословий Кавелин видел залог «мирного развития посредством постепенных реформ», делающий «невозможной революцию низших классов против высших». Превращение большинства народа в земельных собственников должно было превратить Россию в аграрную страну, что при всех успехах *промышленности* и *торговли* предохранит ее, по мысли Кавелина, от потрясений, характерных для стран Западной Европы.

В н. 80-х Кавелин выступил с широкой программой реформ, предусматривавшей увеличение крестьянских наделов за счет государственных субсидий, «отвода незаселенных казенных земель», а также переселенческой политики. Наряду с устранением малоземелья Кавелин считал необходимым сократить подати и др. платежи, ограничить административный произвол в отношении крестьянства, покончить «с безграмотностью и беспомощностью деревенского люда» путем развития народного образования. Залог прогресса России Кавелин видел в совместных действиях общества и бюрократии, в союзе интеллигенции, «образовывающей» народ, и государства, создающего для него сносные «внешние» условия жизни.

Будущая Россия представлялась Кавелину «мужицким царством», «необозримым морем оседлого, свободного, трудящегося, благоустроенного крестьянства с сильной центральной властью, обставленной высшей интеллигенцией». Возлагая основные надежды на преобразовательный потенциал верховной власти, Кавелин в то же время активно выступал за создание бессословного земства, без которого, по его мнению, нельзя ожидать «ника-

кой хорошей перемены в центральном управлении государством». Критикуя произвол бюрократии, Кавелин, однако, видел в ней и силу, «уравновешивающую различные общественные элементы, приходящие между собой в столкновение или соперничество». Кавелин – противник непосредственного вмешательства правительства в экономику – считал казенную промышленность «убыточной» для правительства и «обременительной» для общества.

В 1870–80-х Кавелин пришел к выводу, что самым насущным вопросом стал вопрос реформирования системы административного управления, обуздания административного произвола посредством расширения гласности, расширения прав местного самоуправления, введения в состав Государственного Совета «выборных от губернских земств». Идеальной формой государственного устройства России Кавелин считал «самодержавную республику», воплощавшую, по его мнению, единство интересов монарха и народа, бюрократии и общества.

Кавелин полагал, что переустройство России возможно только путем мирных реформ, а всякая революция губительна как для государства, так и для народа. Считая, что «царство справедливости» нельзя построить на крови и насилии, Кавелин утверждал, что революции задерживают прогресс и, вызывая реакцию, способны сокрушить государственный организм. Кавелин отрицал связь «революционной партии» в России с подлинными интересами народа.

Соч.: Собрание сочинений. Т. 1–4. СПб., 1897–1900; Наш умственный строй. Статья по философии русской истории и культуры. М., 1989.

Р. А., Д. К.

Н. Д. Иванишев

О древних сельских общинах в Юго-Западной России

Публикуется по: *Иванишев Н. Д.* О древних сельских общинах в Юго-Западной России. Киев, Универс. тип. 1876.

Иванишев Николай Дмитриевич (1811–1874) – историк, юрист. Профессор Киевского университета. Член кружка славянофилов.

В 1857 г. в «Русской беседе» вышло его исследование «О древних сельских общинах в Юго-Западной Руси».

Первоначальное образование получил в Киевском духовном училище и Киевской духовной семинарии, высшее – в Главном педагогическом институте. По окончании философско-юридического отделения был отправлен за границу для приготовления к профессорскому званию. Выдержав испытания на степень доктора российского законоведения, Иванишев в звании адъюн-

кта открыл в Киевском университете чтения о государственном устройстве и благочинии (впосл. полицейское право). После защиты докторской диссертации «О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах, в сравнении с германскою вирою» (1840) он был утвержден профессором. В 1844–1850 гг. Иванишев состоял инспектором Института благородных девиц, в 1862–1865 гг. – ректором университета. Особенно важную услугу исторической науке Иванишев принес своей более чем 20-летней деятельностью в Киевской археографической комиссии. Добывая путем сношений и поездок письменные памятники, он изыскивал способы для лучшего сохранения их, был душой издательской деятельности комиссии и совершил ряд замечательных раскопок. Под его непосредственным наблюдением изданы комиссией: 4 тома «Памятников», 3 тома «Летописи Величка», «Жизнь Курбского», Летопись Грабянки и почти все тома (до 1865 г.) «Архива Юго-Западной России». С 1865 г. по 1867 г. Иванишев был членом юридической комиссии в Варшаве; настаивал на введении в Польше судебных уставов Империи. Главные труды его: «Древнее право чехов» (в «Журн. Мин. нар. просв.», т. XXX, 1838); «Об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском» (в «Ж. М. нар. пр.», ч. XXXVI, 1841); «О древних сельских общинах в Юго-Западной Руси» (в «Русск. беседе» 1857 г.); «Сведения об унии» (ib. за 1858 г.); «Постановления дворянских провинциальных сеймов в Юго-Западной России» (К., 1860).

В. Р-в.

А. И. Васильчиков
Община против коммунизма

Публикуется по: *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 2008.

Васильчиков Александр Илларионович (27.10.1818 – 2.10.1881) – князь, ученый-экономист, юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1839). На следующий год был командирован на Кавказ к барону Гану, которому было поручено введение на Кавказе нового административного устройства.

Васильчиков рано начал деятельно заниматься хозяйством. Накопив практический опыт хозяйствования как при крепостном праве, так и после его отмены, в статье «Об абсентеизме дворянского сословия» Васильчиков решительно отверг жалобы дворянства на реформу 1861 г. как якобы «обездолившую» их сословие.

Живя в провинции, Васильчиков пользовался уважением и доверием сограждан и нередко был избираем на общественные должности. Так, в 1846 г. дворянство Новгородского у. избрало его своим предводителем, а в 1849-м он был и губернским предводителем дворянства. Начав служить в земстве (1866), оставил гражданскую службу, полагая недопустимым соединение государственной службы с общественной.

Первым научным трудом Васильчикова, получившим мировую известность, стало исследование «Русский администратор новейшей школы» с предисловием Ю.Ф. Самарина (Берлин, 1868). Оно служит ответом на записку псковского губернатора (позже товарища министра внутренних дел) Обухова, рекомендованную в свое время Министерством внутренних дел вниманию всех русских администраторов. Больше всего Васильчиков возражает против предлагаемого автором записки вмешательства администрации в земское дело и систематического отказа земству в содействии правительства. Васильчиков не может согласиться с тем, что масса русского народа – «чисто стихийная сила» и что насущная потребность минуты – «собрание и соединение консервативных элементов». В сочинении «О самоуправлении» (1-е изд. – 1869, 2-е изд. – 1872), написанном, как указано в предисловии, в эпоху ложных опасений за плодотворность начал, внесенных в русскую жизнь крестьянской и земской реформами, Васильчиков задался целью разрешить вопрос, что нужно сделать, чтобы получить условия, при которых народ был бы в состоянии осуществить полученные им права и реформа принесла бы ожидаемые плоды? Вопрос этот Васильчиков разрешает рассмотрением истории самоуправления у др. народов. Отдавая преимущество в этом отношении Англии (во Франции и Пруссии местное самоуправление было тогда в зачаточном состоянии), Васильчиков определяет самоуправление «как участие народа в местном внутреннем управлении». Существенным элементом самоуправления Васильчиков признает полную самостоятельность местных органов в пределах закона. Эта самостоятельность упрочивается постепенно, и можно подметить три периода в ее образовании: 1) стремление к тому, чтобы налоги и повинности, устанавливаемые центральной властью, раскладывались на местах по соображениям местных жителей; 2) поручение самого расходования земских сборов местным земским органам, и 3) передача местным органам контроля над раскладкой и расходованием сборов, а также передача им судебных функций. Вопрос о том, возможно ли самоуправление на русской почве, Васильчиков разрешает утвердительно и находит, что лозунгом «земства» является не социальное «братство» или политическое равенство, а земское уравнение. В основу всей земской жизни он кладет *землевладение*; правильное развитие земской организации должно, по его мнению, привести к мирному разрешению всех социальных, аграрных и политических вопро-

сов. Автор указывает и на меры, которые должны способствовать «земскому» благосостоянию, а именно: пересмотр законов о перечислении из обществ, расширение колонизации и надела крестьян государственной землей, преобразование волости в общесословное учреждение, устройство кредитных товариществ и рабочих *артелей*, введение обязательного страхования от огня и от падежа скота и установление *подоходного налога*. Придавая величайшую важность умственному и нравственному образованию народа, Васильчиков видит для него два пути: учебный – через посредство школ и практический – через участие народа в местном совещании в судах, а потому главными органами русского самоуправления считает народное училище, земское собрание и мировой суд. Возражая против взгляда, признающего самоуправление немыслимым без народного представительства, Васильчиков допускает его и при самой централизованной форме правления, но полагает, что правильное развитие самоуправления неминуемо должно привести со временем к соглашению местных потребностей с интересами всего государства.

В статье «Письмо министру народного просвещения графу Толстому от кн. Васильчикова» (Берлин, 1875) Васильчиков не признает за классицизмом значения противоядия по отношению к нигилистическим идеям; он думает, наоборот, что изучение классической древности может скорее поселить в молодых умах склонность к скептицизму. Осуждая стремление затруднить для большинства доступ к образованию, Васильчиков высказывается за лучшее устройство средних учебных заведений и за раскрытие дверей в университет не для одних только учеников гимназий.

В сочинении «Землевладение и земледелие в России и в других европейских государствах» (1-е изд. – 1876, 2-е изд. – 1881) Васильчиков задается вопросом: может ли высокая степень цивилизации Запада быть достигнута др. путями, без ошибок и несправедливостей, ознаменовавших там развитие аграрных отношений. Автор не согласен с тем, что все народы должны проходить один и тот же путь, и считает аграрное положение России особенно благоприятным, потому что оно допускает возможность мирных соглашений. В аграрном вопросе Васильчиков различает две главные стороны: а) состояние земли и ее культуры, б) порядки и формы владения и пользования, и в) положение народа, водворенного на этих землях и их возделывающего. Главную причину эмиграции и социальных смут на Западе Васильчиков видит в безземельи народной массы. Принцип невмешательства в крестьянское хозяйство он находит вредным. Современное положение аграрных отношений на Западе его нигде не удовлетворяет. Рассматривая настоящее положение землевладения в России, он хотя и признает преобладание крестьянского элемента, но указывает на малоземелье в некоторых местностях и на зарождающийся сельский пролетариат, появление которого связывает с неурав-

нительной раскладкой и несоразмерностью податей. Средством прекратить или по крайней мере задержать развитие пролетариата, помимо улучшения общинного землевладения и хозяйства, Васильчиков считает организацию особого кредита для содействия переходу помещичьих земель в руки крестьян и регулирование переселений, с установлением правильной опеки над переселениями. Труду хозяйственному, направленному всецело на пользу самого трудящегося, Васильчиков отдает предпочтение перед трудом наемным. *Общинное землевладение* Васильчиков считает исключительно чертой русского крестьянского быта. В то время, когда крестьянское дело официально признавалось законченным, положение крестьян – вполне обеспеченным, дальнейшее улучшение их быта – опасной и неблагонамеренной фантазией, Васильчиков, крупный землевладелец, аристократ по рождению и положению, смело пошел наперекор течению. Рискуя навлечь и действительно навлекши на себя обвинение в «социализме», он стал на сторону *общины*, мелкого землевладения, более правильного распределения поземельной собственности между различными классами населения; он лишил противоположный лагерь возможности утверждать, что такие взгляды находят защитников лишь между теми, которым нечего терять, которыми руководит зависть к *богатству* и ненависть к богатым.

В исследовании «Мелкий земельный кредит» (1876) кн. Васильчикову принадлежит только первая часть о необходимости кредита; вторая, написанная *А. В. Яковлевым*, включает в себе технические указания к осуществлению этой мысли. В том же 1876 г. Васильчиков написал сочинение о «восточном вопросе», оставшееся ненапечатанным. Выдержки из него, приведенные биографом кн. Васильчикова Голубевым, показывают, что, по мнению Васильчикова, «восточный вопрос» создан желанием парализовать связь России со славянскими племенами. Признавая исторические основания этой связи, Васильчиков высказывается за изгнание турок из Европы и отдачу их территории славянам и грекам. Последнее, по времени издания, исследование кн. Васильчикова «Сельский быт и сельское хозяйство в России» (1881) является сжатым конспектом его сочинения «Землевладение и земледелие». На большом фактическом материале Васильчиков доказывал необходимость сохранения и укрепления крестьянской общины как средства экономического процветания России и спасения ее от революции. Убежденный сторонник местного самоуправления, Васильчиков видел в нем необходимое условие для поднятия умственного и нравственного состояния русского народа.

Соч.: О самоуправлении. Т. 1 – 3. СПб., 1869–1871; Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1–2. СПб., 1876; Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881; Мелкий земельный кредит в России. СПб., 1876 (в соавт. с *А. В. Яковлевым*).

И. Д. Беляев

Общинное устройство славянских племен

Публикуется по: *Беляев. И. Д.* Общинное устройство славянских племен. М., 1879.

Беляев Иван Дмитриевич (1810 – 19.11.1873) – славянофил, историк, исследователь русского права и хозяйства. Родился в Москве. Из семьи священника. Окончил Московский университет (1833), служил в Московской конторе Синода, с 1844 правитель дел инспектора Московского сенатского архива, в 1845–48 гг. работал в московских архивах с целью выявления указов и др. узаконений, не вошедших в Собрание Законов. С 1848 г. занимался разбором и систематизацией архива Коллегии экономии. С 1849 г. член комиссии для печатания официальных и частных разрядных книг. С 1852 г. адъюнкт, с 1858 профессор Московского университета по кафедре истории русского права. Ввел в научный оборот значительный комплекс источников по истории России с древнейших времен до XVII в. включительно (опубликовал ряд разрядных, *писцовых*, расходных *книг*, многочисленные документы из монастырских и др. архивов).

Беляев – видный член московского кружка славянофилов (близкий друг А. С. Хомякова, братьев Аксаковых и Киреевских), в 40-х сотрудник журнала «Москвитянин» (опубликовал статьи по истории России, а также многочисленные рецензии), участвовал в «Московском сборнике» И. С. Аксакова (1852). В журнале «Русская беседа» в 1856 г. поместил 4 статьи, посвященные судьбе крестьянской *общины*. Полемизируя с Б. Н. Чичериным, Беляев доказывал, что устойчивость общины обуславливается духом русского народа, самим складом его ума; подчеркивал, что производство и закон всегда придавали общине большое значение, стремясь использовать ее в своих целях и интересах. В период подготовки крестьянской реформы 1861 г. опубликовал в «Русской беседе» свой главный труд – «Крестьяне на Руси» (1859, т. 3–6; отд. изд. М., 1860; 4-е изд., М., 1903), который стал первой монографией, посвященной истории русского крестьянства с древнейших времен до XIX в. Оценивал *крепостное право* как «болезнь русского общества», а его ликвидацию – как процесс «постепенного выздоровления», начавшийся при Павле I и продолженный законодательством по крестьянскому вопросу Александра I и Николая I. Отстаивая тезис о том, что русские крестьяне вплоть до XVIII в. были лично свободны и владели землей, Беляев рассматривал крепостничество как совокупность юридических институтов. Являясь сторонником теории «указного» прикрепления крестьян, относил этот указ к периоду между 1590 и 1592 гг.

Благодаря обилию архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, труд Беляева и ныне сохраняет научное значение.

Вскоре после отмены крепостного права Беляев по инициативе Ю. Ф. Самарина приступил к работе над книгой о судьбах выборного начала на Руси (опубликованной под названием «Судьбы земщины и выборного начала на Руси», 1905). Критически оценив проект «олигархической конституции» верховников (1730) и др. позднейшие проекты дворянской сословной конституции, Беляев противопоставил им в качестве политического идеала земские учреждения Московского государства, прежде всего земскую думу.

В 1850–70-х Беляев печатался в газете «День», «Журнале Министерства народного просвещения», журналах «Зритель», «Москва», «Русский архив» и мн. др.

Беляев – член Общества истории и древностей российских (с 1846 секретарь, в 1848–57 редактор и один из гл. авторов его «Временника»), Одесского общества истории и древностей (с 1848), Русского географического общества (с 1850), член Археографической комиссии и Общества любителей естествознания, где возглавлял антропологический отдел. Собранный Беляевым коллекция древнерусских актов и рукописных книг, а также библиотека (ок. 2,5 тыс. томов) приобретены московским Румянцевским музеем.

Соч.: О сторожевой, станичной и полевой службе. М., 1846; О наследстве без завещания по древним русским законам до Уложения царя Алексея Михайловича. М., 1858; Рассказы из русской истории, кн. 1–4. М., 1861–72; Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867; Лекции по истории русского законодательства. М., 1879 (3-е изд. М., 1901).

Б. Юрьев

И. И. Каблиц

За общинные и артельные порядки

Публикуется по: *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 2008.

Каблиц Иосиф Иванович (30.06 [12.07].1848 – 4 [16].10.1893) – социолог и публицист. Разрабатывал свои методы изучения общественной жизни. Пытался объединить положительные стороны идеализма и реализма. По мнению Каблицы, мир или «вещь в себе» существует, но не познается. При соприкосновении субъекта и «вещи в себе» образуется мир явлений, в котором живет и действует познающий субъект. «Границы действительного мира вещей

совсем не совпадают с границами мира явлений; границы этого последнего определяются только силами субъекта и вполне совпадают с этими силами».

В своей главной книге «Основы народничества» (1882), не лишенной некоторой эклектичности воззрений, Каблиц выступал против ломки вековых устоев русской хозяйственной жизни. Считал западный капитализм выражением регресса человечества, который должен быть преодолен. Каблиц справедливо утверждал, что развитие хозяйственных форм в России гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств народа, нежели от простого накопления знаний. Общинное владение землей, господствующее в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук. Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять свои социально-нравственные инстинкты, нежели это могло быть при господстве индивидуализма.

Труд Каблица «Интеллигенция и народ в общественной жизни России» (1885) в 1893 г. в значительно дополненном и переработанном виде был издан в качестве 2-го тома книги «Основы народничества». Последние годы своей жизни Каблиц служил в Государственном контроле. Горячий сторонник народничества, Каблиц взял на себя научное обоснование известного под этим именем общественно-литературного направления. Народничество, по мысли Каблица, не укладывается в тесные рамки политической программы; оно представляет собой широкую социологическую систему. Каблиц указывает на чувство как на фактор и счастье личности, как на конечную цель человеческого развития. Народ как обширная совокупность личностей занимает центральное место в нравственно-социологическом мирозерцании народников.

Уважение к правам и убеждениям отдельной личности обязывает к такому же отношению к правам и мнениям народа. Поэтому в проектах, имеющих целью благодетельствование народа, необходимо исходить не только из потребностей и интересов народа, но и из понятий его. Возражая против утверждений их еврейских и либерально-масонских оппонентов о том, что мнения и убеждения народа являются зачастую «продуктом невежества и суеверий, воспитанных в атмосфере духовной тьмы и векового рабства, и потому не могут быть обязательны для общественного деятеля, хотя бы преисполненного самых горячих стремлений быть полезными своему народу», Каблиц опирается на теорию безусловной самостоятельности и независимости нравственного развития, с одной стороны, и умственного – с другой. Духовная жизнь народа может развиваться и совершенствоваться наряду с полным застоём в политической жизни. Неправильно отдавать преимущество западно-европейскому общественному строю перед русским только потому, что Европа опередила Россию на поприще науки и технической культуры.

Русский народ в нравственном отношении выше многих цивилизованных народов; хотя и чуждый книжной учености, народ путем своих собственных наблюдений и размышлений способен доходить до самых возвышенных социальных идей, нашедших свое выражение в общинных мирских порядках. Воспитанный в этих порядках, народ оказывается не только не ниже, но даже выше интеллигенции, являющейся ее худшим и опаснейшим врагом. Отличаясь самомнением и горделивым презрением к правам и мнениям народа, интеллигенция, по справедливому замечанию Каблица, вечно стремится к тому, чтобы насильственно облагодетельствовать народ, не справляясь при этом о мнении самого народа. Русская интеллигенция, по предсказанию Каблица, воспользовалась бы политической властью, если бы получила ее исключительно ради своих эгоистических целей. К счастью, говорит Каблиц, попытки к политической самостоятельности интеллигентных классов легко обуздывались самодержавной властью, всегда в этих случаях опиравшейся на симпатии народа. В России правительство без всякого посредства либерализма может перейти к народной политике, которую оно способно осуществить, воспользовавшись непреодолимым стремлением крестьян к сближению с царской властью при помощи выборовных ходяков.

О. Платонов

Ю. Ф. Самарин

Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года

Публикуется по: *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Том 3. Издание Д. Самарина. М., Типография А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевский переулок, № 5, 1885.

Самарин Юрий Федорович (21.04.1819 – 19.03.1876) – общественный деятель, историк, философ и публицист, с сер. 1840-х годов один из главных деятелей движения славянофилов (биографические данные и характеристику творчества см. в томе «Русское мировоззрение»). Экономические воззрения Самарина определялись общими представлениями славянофилов и его положением крупного землевладельца, применявшего передовые формы ведения хозяйства с широким использованием наемного труда. В 1853–56 гг. Самарин написал и пустил в обращение в списках записку «О крепостном состоянии и о переходе от него к гражданской свободе» – проект отмены *крепостного права* в России. Он активно работал в Редакционных комиссиях по выработке крестьянской реформы 1861 г. и в Самарском губернском комитете по устройству быта крестьян. Свою задачу он видел в том, чтобы

предотвратить реформы в России по западноевропейскому пути. При этом ему приходилось выступать как против тех, кто хотел полностью игнорировать интересы помещиков, так и против тех, кто желал бы сохранить почти все привилегии, которыми этот класс пользовался при крепостном праве. Он считал, что политика России и в целом, и в частности «должна быть не консервативной и нереволюционной, а русской». Самарин тяжело пережил расправу с крестьянами, протестовавшими против несправедливых условий земельной реформы.

Самарин был сторонником сохранения *общинного землевладения* крестьян, однако подчеркивал, что «в нем таится внутреннее противоречие, свидетельствующее, что эта форма не может быть вековой, а должна изменяться путем свободного развития». Общинное землевладение стесняет развитие *промышленности*, переделы земли создают неудобства и пр. Самарин напоминал, что положением о реформе «общине дано право, при отсутствии долгов, разделить земли по дворам» и таким образом перейти «к подворному наследственному землевладению».

Работая на поприще осуществления крестьянской реформы, Самарин противился планам превращения земства в учреждение по охране привилегий дворянства и отстаивал его всесловный характер. Это вполне соответствовало его идеалу «народного самодержавия», когда монарх выступает как олицетворение народной силы. Больше, чем кто-либо другой из славянофилов, Самарин занимался изучением политической экономии, которую его учителя считали «буржуазной лженаукой». И. В. Киреевский утверждал, что если бы человеку допетровской Руси предложили курс политэкономии, то тот бы его не принял, потому что наука о *богатстве*, в отрыве от нравственной стороны жизни, показалась бы ему надуманной. А. С. Хомяков, вероятно, был того же мнения. А Самарин в 1849 г. писал Хомякову о своих занятиях политэкономией: «Эта наука (или, точнее, выводы из исторического развития народного хозяйства на Западе) не заслуживает ни того неблаговоления, с которым с некоторого времени смотрят на нее многие почтенные люди, ни той огромной важности, которую приписывают ей те, которые видят в обществе компанию акционеров, в жизни народной – торговое предприятие, а в жизни человека – процесс пищеварения. Политическая экономия, в законных пределах ее специальности, не только не вредна, но, напротив, нужна и может быть очень полезна; вольно же, с одной стороны, ожидать от нее разрешения задач, вовсе не входящих в ее круг, с другой – отвергать ее потому, что она не разрешает этих задач или разрешает их ошибочно. Что касается до практической ее применимости в России, то, за исключением некоторых ее положений (например, о превосходстве труда свободного перед трудом вынужденным, о выгоде свободного обмена, о вреде всякого искусственного возбуждения

промышленной деятельности и некоторых других), я думаю, что в том виде, в каком она существует теперь, ее должно изучать не с целью прилагать к делу советы и наставления, выдаваемые ею за безошибочные, но для собственного своего образования. Она может направить взгляд на такие стороны народной жизни, которые часто ускользают от внимания, расширить круг наблюдений, возбудить много важных вопросов.

Вот несколько примеров.

Французские и английские экономисты вдоволь насмеялись над *ateliers nationaux* (национальными мастерскими, созданными во Франции в 1848 г. буржуазным временным правительством в целях предотвращения восстания безработных. – М. А.) и прочими затеями социалистов. Им возражали обыкновенно тем, что человек трудится по нужде и по охоте. Нужда предполагает необходимость собственными средствами обеспечить себя и свое семейство; охота предполагает свободное распоряжение своими силами и обеспечение права собственности на результаты труда. Наше общество восхищалось дельностью этих возражений. Но кому же пришло в голову, что они одинаково подрывают *ateliers nationaux* и крепостное состояние у нас, что наш крестьянин обеспечен со стороны нужды обязанностью помещика кормить его, а сильной охоты к труду ощущать не может, когда трудом его распоряжается другой, нередко простирающий руку и на плоды его трудов.

От этого происходит, что сельская промышленность у нас не может развиваться. В ней нет поприща для вольного труда. Мысль о свободе нераздельна с мыслью об оставлении земледелия. Всякий, обладающий капиталом умственным или успевший зашибить капитал денежный, рвется из деревни в город, так что земледелие, жизненная, самая важная отрасль нашей промышленности, составляет как бы низшую, приготовительную степень. Всякий прогресс происходит не в ней, знаменуется оставлением ее.

Современная политическая экономия полагает как желанную, но недостижимую цель, с одной стороны, участие как можно большего числа людей в производстве национального богатства, с другой – в полном виде использовать достижения культуры. Действительно, на Западе, где развилась так исключительно идея личной собственности, не было середины между дроблением земли до бесконечности и пролетариатством. Желанное примирение не заключается ли в общинном владении?

Все писатели, изучавшие развитие финансов, полагают личный кредит как высшую ступень развития кредита, предполагающую неперменное изобилие денежных капиталов. Отчего же у нас при очевидной, чрезвычайной скудости денежных капиталов так высоко развит между купечеством личный кредит? Я думаю, что разрешение этого вопроса повело бы к важным результатам».

Из этих соображений делается вывод о политической экономии: «Изучение ее с этой точки зрения, по крайней мере, безвредно».

Особенно большое внимание Самарин уделял анализу влияния крепостного права на народное хозяйство, преимущественно в экономическом отношении. В частности, он доказывал, что «производительность труда находится в прямом отношении к свободе трудящегося. Это общий закон, давно признанный за одно из немногих бесспорных положений политической экономии, вполне применимый к современной системе земледелия в России».

Самарин выступал против широко распространенных в России идей фритредерства. По его словам, «англичане придумали теорию свободной торговли для континентального употребления». Вообще слепое подражание Западу было, по его мнению, причиной многих неудач, в т. ч. и в области сельского хозяйства. Зато эти неудачи «навели на исследование отличительных особенностей нашего сельского хозяйства, препятствующих применению иностранных теорий. Наука сельского хозяйства прочно водворилась на нашей почве и вступила в период самостоятельного своего развития».

Самарин был одним из четырех пайщиков, на средства которых издавался самый известный славянофильский журнал «Русская беседа», и частый его автор.

Соч.: Соч. Т. 1–10, 12. М., 1877–1911; Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден 1861–1876. М., 1893; Переписка с Ю. Ф. Самариным, А. И. Кошелевым, И. С. Аксаковым и проч. Из архива кн. В. А. Черкасского. 1855–1863 // Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1901–04.

М. Антонов

А. Н. Энгельгардт

Община и артельное хозяйство

Публикуется по: *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 2008.

Энгельгардт Александр Николаевич (21.07.1832 – 21.01.1893) – ученый-химик, педагог, агроном, публицист, землевладелец. Происходил из старинного дворянского рода, окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в гвардейской конной артиллерии С.-Петербурга, инспектировал пороховые заводы, в Германии знакомился с технологией производства на заводах Круппа, одновременно серьезно занимался естественными науками и особенно химией, печатался в журнале «Рассвет» (впоследствии

статьи составили «Сборник общепонятных статей по естествознанию»). Выйдя в отставку, перешел на службу в Министерство государственных имуществ. В 1855 г. основал первый в России химический журнал, в котором печатал и свои работы, и статьи Д. И. Менделеева, Н. Н. Бекетова, А. М. Бутлерова. За его труды Харьковский университет присвоил ему степень доктора химии. Создал первую частную химическую лабораторию, в которой любой желающий за небольшую плату мог производить опыты. В 1866 г. был избран профессором химии во вновь открытом Петербургском земледельческом институте, изучал месторождения фосфоритов в разных губерниях России.

В 60-е был связан с народниками, стал членом «Земли и воли». Был арестован за участие в студенческих беспорядках, а в 1871 «за вольнодумство» был сослан в родовое имение Батищево в Смоленской губ. Имение он застал совершенно разоренным, из 600 десятин земли под пашней были заняты лишь 80, все остальное было заброшено. Урожайность зерновых при обычном для тогдашней среднерусской деревни трехпольном севообороте составляла самтри, молочное животноводство велось в убыток. А весь его капитал составлял 500 руб. Увидев запустение и во всей губернии, Энгельгардт посчитал подъем своего хозяйства не только способом обретения средств к жизни, но и своим патриотическим долгом, чтобы доказать, что вся Россия могла бы быть необыкновенно богатой, если устранить бюрократические узы и устаревшие отношения собственности. И он своей цели добился, в его имение стали приезжать за передовым опытом со всех концов страны. Его письма-очерки, составившие впоследствии книгу «Из деревни», стали крупнейшим явлением русской экономической жизни. Энгельгардт воспринимался многими, особенно патриотически настроенной образованной молодежью, не просто как удачливый помещик и талантливый публицист, но и как учитель жизни, к которому потянулись многочисленные паломники.

В теоретическом наследии Энгельгардта по экономической проблематике наиболее важны две составляющие: методы и опыт постановки эффективного отдельного частнособственнического хозяйства и соображения о путях развития России.

Главное в хозяйственном опыте Энгельгардта то, что он создал систему хозяйствования, «решающим звеном» которой стала установка не просто на человека, крестьянина и работника, а именно на русского человека, живущего своим особым, национальным строем жизни. С первых же шагов своей деятельности в деревне он широко использовал артельную организацию труда.

Важнейшими причинами разорения помещичьих хозяйств в Нечерноземье в условиях рыночных отношений, быстро развивавшихся после отмены крепостного права, были отсталость агротехники и конкуренция со

стороны малороссийских и новороссийских хозяйств, у которых благодаря лучшим природно-климатическим условиям себестоимость производства зерна была значительно ниже. Помещичьему землевладению пришел конец. Свободный крестьянин не станет обрабатывать помещичье поле, а нанимать его за деньги для помещика разорительно. Помещики, даже если они накупили английских плугов и породистый скот, «разорились по науке», потому что видели в крестьянах только «мужиков» и «баб», т. е. существ низшего порядка, и были неспособны стать хозяевами. В отличие от них, Энгельгардт понимал, что в хозяйстве главное – не машины, а «хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут».

Убедившись в бесперспективности традиционного зернового и молочного хозяйства в условиях средней России, Энгельгардт сделал ставку на выращивание льна, одна десятина которого давала чистый доход в 100 руб. Он ввел 15-польный севооборот с посевами трав, особенно клевера, создав солидную кормовую базу. В итоге и урожайность зерновых поднялась в 2,5 раза, и молочное животноводство стало прибыльным.

Важным теоретическим достижением Энгельгардта стала выработка понимания хозяйства именно как целого. Необходимы, считал он, не только правильное соотношение пашни, сенокосов, пастбищ и количества скота, но и соответствие орудий труда цели производства и т. д. Энгельгардт избежал ошибки, в которую впадали многие «новаторы»: он показал, что хозяйство нельзя перестраивать по отдельным элементам. Если изменяется ведущее звено комплекса, то необходимо соответственно менять и остальные звенья. Так, переход на возделывание льна потребовал замены *сохи плугом*, использования железной *бороны*, замены лошадей и пр.

А размышляя о путях развития России, Энгельгардт показывает противоположность интересов помещика, хлеб продающего, и крестьянина, которому своего хлеба не хватает, его приходится покупать. Крестьяне считают, что *земля – Божья, частная собственность* на нее немыслима, а помещики ее захватили. У крестьян земли мало, у помещика много, хотя он без крепостных не в силах ее обработать. Пустуют земли – бедно и слабо государство.

Причиной такого положения Энгельгардт считал то, что освобождение крестьян проводилось по западным образцам: чтобы крестьяне, получив небольшой земельный надел, с которого невозможно прокормиться, нанимались на работу к помещикам, – так, как произошло в Западной Европе. Там на землевладельцев-капиталистов работал безземельный наемный работник. Но в России крестьяне сами хозяева и нанимаются на обработку помещичьей земли только по нужде. Поэтому у помещичьих хозяйств нет будущего.

Энгельгардт выступает против распространенного в среде помещиков и либеральной интеллигенции взгляда на крестьян как на существ низшего рода, особенно против представления о крестьянине как о лентяе, пьянице и недобросовестном работнике. Русский работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в течение года – он работает порывами, потому что в России полевые работы, вследствие климатических условий, должны быть произведены в очень короткий срок. Но когда требовалось, он мог сделать невероятную работу, напр., в покос. На своем опыте Энгельгардт разоблачал и убеждение помещиков, будто невозможно употреблять улучшенные орудия вследствие «недобросовестности», «невежества» русского крестьянина: его работники освоили пахоту плугами на высшем уровне качества.

Энгельгардт был убежден, что к русской деревне неприменимо учение Маркса, где в основе всего лежит экономика. У русских стремление «жить по своей воле» неизменно брало верх над соображениями экономики: «пусть будет и хуже, зато в своем углу». Причиной бедности крестьян служили не только кабальная зависимость бедняков от помещиков и кулаков, но и разобщенность в действиях крестьян и особенно семейные разделы. Крестьянская семья зажиточна, пока она велика и работы производятся сообща. Но каждой бабе хотелось быть большухой, и они подзуживают своих мужей на раздел. «Непременным результатом раздела должна быть бедность. Почти все нажитое идет при разделе на постройку новых изб... на покупку новых корыт, горшков... Разделились “богачи”, и вот один “богачев” двор обыкновенно превращается в три бедных двора».

Крестьяне считали, что земля может быть только общинной собственностью. И Энгельгардт делает вывод: раз земля должна быть общей, то в идеале и хозяйствование на ней должно стать совместным:

«Все дело в союзе... у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении». Если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные, и батраки, а такое расслоение вчера еще единого крестьянского общества может обернуться кровавыми делами. «И посмотрите, где у нас сохраняется хороший скот – ... только в монастырях, где ведется общинное хозяйство». Энгельгардт считал, что в деле возрождения русского села решающую роль призвана сыграть патриотически настроенная часть интеллигенции. Зародышем нового аграрного строя должны были стать «деревни интеллигентных мужиков» – учителей, врачей, агрономов, которые сами обрабатывали бы землю и в то же время выполняли свои профессиональные обязанности.

Но чтобы артель интеллигентных земледельцев процветала, ее должен возглавлять умный руководитель, не только умеющий выполнить любую крестьянскую работу, но и могущий при необходимости во всем идти впереди, воздействовать на других силой личного примера. Это главный признак русского понимания роли руководителя, который должен был быть для всех высшим авторитетом не в силу должности, а по праву лучшего специалиста. Выращивание таких артельных хозяев – первая задача и хозяйств, и государства.

И Энгельгардт приходит к выводу о необходимости совершенно иного строя всей жизни: «...необходимо, чтобы все лица, живущие в одной волости, – помещики, попы, мещане, арендаторы, крестьяне... составляли одно целое, были связаны общим интересом, лечились бы одним и тем же доктором, судились одним судьей, имели общую кассу для своих местных потребностей, выставляли в земство общего представителя (или представителей) волости... При теперешнем же устройстве, когда лица разных сословий, живущие в одной волости, ничего общего между собой не имеют, подчинены разным начальствам, разным судам, – ничего путного быть не может... А вот если бы: волость – единица... Свой волостной судья, в волости живущий. Свои выборные попы волостные. Своя внутренняя волостная полиция. Свой волостной совет. Тогда бы скорее мог бы явиться свой волостной доктор, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса».

Энгельгардт критиковал сложившийся порядок взимания налогов с крестьянина как раз тогда, когда цена на товар крестьянского хозяйства была самая низкая. И чиновники, и скупщики набрасывались на крестьянина. Они помогали загонять крестьян в кабалу к помещикам и кулакам.

Энгельгардт утверждал, что у крестьян мало земли, у помещиков же земли оказалось больше, чем до отмены крепостного права, и значительная часть ее оставалась необработанной из-за отсутствия рабочих рук.

Такое положение могло со временем привести к социальному взрыву. Энгельгардт считал необходимой передачу всей земли крестьянским *общинам*. Помещики же утверждали, что никакого малоземелья у российских крестьян нет, просто земля плохо используется, хозяйство крестьяне ведут экстенсивное, а нужно переходить на интенсивную систему с использованием искусственных удобрений и пр., что подтверждалось ссылками на опыт стран Западной Европы.

Энгельгардт считал, что темный и неграмотный русский мужик в смысле хозяйства оказывается более просвещенным земледельцем, чем патентованные агрономы, начитавшиеся французских книжек. Ведь частные хозяйства рациональны со своей, а не с общегосударственной точки зрения. В хозяйстве с отличным молочным скотом сено заготавливается самого раннего

закоса. Но «мужик, оставляющий свою траву подрасти, чтобы было побольше сена, поступает рациональнее, если мы посмотрим с точки зрения общей пользы хозяйства страны... Точно так же и воззрения мужика на общую систему хозяйства страны, его экстенсивная система хозяйствования разумнее интенсивной системы... что за бессмыслица такая! Огромные пространства земель, которые могут дать превосходные урожаи хлеба... мы оставим пустовать... а сами засядем на маленькие кусочки земли и будем их удобрять виллевскими туками... в нечерноземной полосе... мы должны... вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахать пустующие земли. Я утверждаю, что это единственное средство поднять наше упавшее хозяйство, единственное средство извлечь те богатства, которые теперь лежат втуне. И так как сделать все это может только мужик, так как будущность у нас имеет только общинное мужицкое хозяйство, то все старания должны быть употреблены, чтобы эти пустующие земли пришли к мужику. Этого требует благо страны, благо всех».

Расширение обрабатываемых земель позволило бы, не увеличивая много посевы хлебов, выделить площади под травы – клевер, тимофеевку, и это дало бы громадное увеличение производительности сельского хозяйства.

Не следует думать, что экстенсивное хозяйство – это отсталость, а интенсивное – прогресс. И экстенсивное хозяйство надо вести правильно, не хищнически. Отстаивая ту систему земледелия, которая, по его убеждению, наиболее подходила России, Энгельгардт ратовал за создание русской агрономической науки:

«Нет химии русской, английской или немецкой, есть только общая всему свету химия, но агрономия может быть русская, или английская, или немецкая... Мы должны создать свою, русскую агрономическую науку, и создать ее могут только совместные усилия ученых и практиков...»

На все вопросы ведения хозяйства Энгельгардт смотрел с государственной точки зрения: «Ну что толку для землевладельца, когда его земля пустует или беспутно выпаживается, что толку для фабриканта, что голодный рабочий дешев, когда фабриканту некому сбыть свой миткаль, кумач, плис?... А кто же, как не мужик-потребитель, может поддержать и фабриканта, и купца? На господах далеко не уедешь. Не тот фабрикант живет, который производит господский товар, а тот, который производит мужицкий. Богатеет тот купец, который торгует русским, то есть мужицким товаром».

Повышение уровня жизни крестьян и рабочих создает возможность для расширения внутреннего рынка и развития народного хозяйства.

Соч.: Из деревни. 12 писем 1872–1887. М., 1987; Избранные сочинения. М., 1959.

М. Антонов

В. П. Воронцов
Крестьянская община

Публикуется по: *Воронцов В. П.* Крестьянская община. М., 1892.

Воронцов Василий Павлович (1847 – дек. 1918) – ученый, экономист, социолог, по профессии врач. Выступал против развития народного хозяйства России на западных началах. Доказывал пагубность насаждения западных форм хозяйствования для народного благосостояния. В своих трудах неоднократно подчеркивал, что народное производство в России в силу определенных особенностей не подчиняется сформулированным на Западе законам политической экономии, ибо производитель стремится получить лишь массу продуктов, удовлетворяющую его потребности. Это было своеобразное обоснование принципа «нестяжательства».

Воронцов показывал пагубность капитализации народного хозяйства России, ведущей к растрате производительных сил общества и к разорению значительной части тружеников. В противовес капитализации хозяйства он предлагал развитие традиционно русских форм хозяйствования – общины, артели, кустарных промыслов народного производства. Особое внимание уделял созданию системы менового хозяйства, основанной на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности. Он отвергал неизбежность капитализма для России.

Основываясь на факте, что русский народ не только сохранил вплоть до к. XIX в. многие черты общинного быта, давно утраченные др. народами, но еще и развил их дальше, он верил, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование русского народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силой общины, и выработанный ею артельный дух приведет к той же организации производства, какая была достигнута на Западе при помощи капитала.

Соч.: Крестьянская община. М., 1892; Наши направления. СПб., 1893; Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886; Очерки теоретической экономии. СПб., 1899; Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892; Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

Перечень источников к книге В. П. Воронцова «Крестьянская община»

Материалы для оценки земель *Херсонской* губ:

Т. I. Одесский у., исследование 1883 г., с. 42–52, 58, 85–88.

Т. II. Елизаветградский у., исследование 1884 г., с. 209–217, 238–240.

Т. III. Александрыйский у., исследование 1885–6 гг., с. 135–139, 165–183.

Т. IV. Тираспольский у., исследование 1886 г., с. 92, 126–149, 154.

Т. VI. Херсонский у., исследование 1887 г., с. 190–218.

Сборник статистических сведений по *Таврической* губ., исследование 1884–1887 гг.:

Т. I. в. II, Мелитопольский у., исследование 1884 г., часть II, с. 1–131, составил С.А. Харизоменов.

Т. IX. Памятная книжка Таврической губ., отд. III, глава II и IV, составили В.И. Петровский и М.К. Мурзаев.

Т. I–VII¹. Описание отдельных волостей.

Сборник статистических сведений по *Екатеринославской* губ.:

Т. I. Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство, исследование 1883 г., с. 92–122. Составил В.К. Кузнецов.

Т. II. Бахмутский у., исследование 1884 г., с. 90–135, 179–182, составил В.К. Кузнецов.

Вып. III. Славяносербский у., формы землевладения, с. 53–158, составил В.С. Пругавин.

Сборник статистических сведений по *Саратовской* губ.:

Т. I. Саратовский у., исслед. 1882–3 г.; отд. I, гл. III, состав. Л.С. Личков.

Т. II. Царицынский у., исслед. 1883 г., отд. I, гл. III, состав. Л.С. Личков.

Т. V. Хвалынский у., исслед. 1885 г., с. 1–55, 128–130, состав. С.А. Харизоменов.

Сборник статистических сведений по *Самарской* губ., исследование 1882–1889 гг., состав. И.М. Красноперов:

Т. I. Самарский у., исслед. 1882 г., гл. II.

Т. II. Ставропольский у., исслед. 1883–1884 гг., гл. II.

Т. III. Бузулукский у., исслед. 1884 г., гл. II.

Т. IV. Бугурусланский у., исслед. 1885–1886 гг., гл. III.

Т. V. Бугульминский у., исслед. 1885–1886 гг., гл. IV.

Т. VI. Николаевский у., исслед. 1887–1888 гг., гл. IV и XIV.

Т. VII. Новоузенский у., исслед. 1889 г., гл. IV и VI.

Материалы для оценки земельных угодий *Черниговской* губ.:

Т. IX. Суражский у., исслед. 1882 г., формы землевладения, с. 13–40, состав. Е.С. Филимонов.

¹ Уезды Мелитопольский, Бердянский, Днепровский, Феодосийский, Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский.

Сборник статистических сведений по Богодуховскому у. *Харьковской* губ., исслед. 1884 г., с. 59–69, состав. А.С. Бориневич.

Сборник статистических сведений по *Воронежской* губ.:

Т. I. Воронежский у., исслед. 1883 г., с. 47–87, состав. Ф.А. Щербина.
Крестьянское хозяйство по Острогожскому у., исслед. 1885 г., т. VI, XIV, XVI, сост. Ф.А. Щербина.

Сборник статистических сведений по *Курской* губ.:

Вып. I. Курский у., исслед. 1882 г., с. 31–71, состав. И.А. Вернер.

Вып. VIII. Щигровский у., исслед. 1884 г., с. LIII–LXI, состав. И.А. Вернер.

Вып. X. Белгородский у., с. XIX–XXIV и описание волостей, составил Н.А. Добротворский.

Вып. XI. Новооскольский у., исслед. 1885 г., описание волостей, составил Н.А. Добротворский.

Вып. XII. Тимский у., исслед. 1885 г., с. XXVI–XXXIV и описание волостей, составил Н.М. Кисляков.

Вып. XIII. Корочанский у., исслед. 1885 г., описание волостей, состав. Н.А. Добротворский.

Сборник статистических сведений по *Обоянскому* у., исслед. 1882 г., с. 1–15, состав. А. Тимофеев.

Сборник статистических сведений по *Орловской* губ.:

Вып. I. Мценский у., исслед. 1886 г., с. 19–51, 268–269, состав. Н.Н. Черненко.

Т. II. Елецкий у., исслед. 1886 г., описание волостей и селений, сост. Н.Н. Черненко и В.И. Серебряков; таблица с. 278–283.

Т. III. Трубчевский у., исслед. 1886 г., описание волостей и селений; таблица с. 252–257.

Т. IV. Крамской у., исслед. 1887 г., таблица с. 122–127.

Т. V. Карачевский у., исслед. 1887 г., таблица с. 140–143.

Т. VI. Болховский у., исслед. 1887 г., таблица с. 158–162.

Сборник статистических сведений по *Рязанской* губ.:

Вып. I. Рязанский у., исслед. 1881 г., формы владения землей, составил В.Н. Григорьев.

Т. II, в. 1. Раненбургский у., исслед. 1882 г., описание волостей и селений, составил К.М. Панкеев.

Т. II, в. 2. Данковский у., исслед. 1882 г., описание волостей и селений.

Т. IV. Михайловский у., с. VIII–X и описание волостей и селений; заведующий статистическим бюро А. Селиванов.

Т. V, в. II. Егорьевский у., с. VIII–XI и описание волостей и селений.

Сборник статистических сведений по *Тамбовской* губ.:

Т. I. Борисоглебский у., исслед. 1880 г., отд. II, формы крестьянского землевладения, составил В.И. Орлов.

Т. II–XII¹. Исслед. 1880–84 гг., глава 1, состав. Н. Романов.

Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах *Казанской* губ.:

Вып. I. Свияжский у., исслед. 1884 г., с. 29–32, состав. Е.А. Смирнов.

Вып. II. Тетюшский у., исслед. 1885 г., гл. IV.

Вып. III. Казанский у., исслед. 1884 г., с. 33–39.

Вып. IV. Цивильский у., исслед. 1885 г., гл. IV.

Вып. V. Царевококшайский у., исслед. 1887 г., § 12.

Вып. VI. Мамадышский у., исслед. 1887–1888 гг., § 13.

Вып. VII. Лаишевский у., исслед. 1888 г.

Кошачковская вол. Казанского у., исслед. 1883 г., формы землевладения, составил А.А. Дудкин.

Материалы к оценке земель *Нижегородской* губ., экономическая часть:

Вып. IV. Княгининский у., исслед. 1887 г., с. 47–50.

Вып. IX. Васильский у., исслед. 1888 г., с. 51–60, сост. Н.Ф. Анненский.

Вып. XII. Макарьевский у., исслед. 1888 г., с. 80–92, сост. О.Э. Шмидт.

Сборник статистических сведений по *Смоленской* губ.:

Т. I, в. 2. Вяземский у., исслед. 1884 г., гл. I, сост. И.Н. Харламов.

Т. II. Сычевский у., исслед. 1884 г., с. 29–31, сост. Н.М. Аносов.

Т. III. Гжатский у., с. 44–47, сост. Н.М. Аносов.

Т. IV. Юхновский у., с. 58–64, сост. Н.М. Аносов.

Сборник статистических сведений по *Тверской* губ., заведующий статистическим бюро В.И. Покровский:

Ржевский у., исслед. 1883 г., с. 16–20.

Т. II. Новоторжский у., исслед. 1884 г., с. 108–111 и прим. к таблице № 3.

Т. V. Калязинский у., исслед. 1888 г., с. 72–93 и примеч. к таблицам, состав. С.М. Блеклов и В.Л. Гурвич.

¹ Уезды: Козловский, Моршанский, Темниковский, Спасский, Шацкий, Елатомский, Липецкий, Усманский, Кирсановский, Лебединский, Тамбовский.

Материалы по статистике народного хозяйства в *С.-Петербургской* губ.: Вып. I. Крестьянское хозяйство в Петергофском у., исслед. 1881 г., с. 43–52.

Вып. II. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском у., исслед. 1882 г., с. 31–40, состав. Я.В. Абрамов.

Вып. III. Крестьянское хозяйство в Ямбургском у., исслед. 1882 г., с. 85–86, 91–99, состав. С.Н. Южаков.

Вып. IV. Крестьянское хозяйство в Гдовском у., исслед. 1882–1883 гг., с. 56–63, составил Н. Дроздов.

Вып. V. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском у., исслед. 1882–1885 гг., гл. VI, состав. Я.В. Абрамов.

Вып. VI. Крестьянское хозяйство в Лужском у., исслед. 1882–1885 гг., с. 51–60, состав. Н. Дроздов.

Сборник статистических сведений по *Московской* губ.:

Отдел хозяйственной статистики, т. IV, вып. 1, формы крестьянского землевладения, исслед. конца 70-х гг., состав. В.И. Орлов.

А. А. Карелин

Общинное владение в России

Публикуется по: *Карелин А. А.* Общинное владение в России. С.-Петербург. Издание А. С. Суворина, 1893. Примечания в нашей книге приводятся по указанному изданию.

Карелин Аполлон Андреевич – русский экономист, родился в 1863 г. в СПб., сын свободного художника. Учился в нижегородской гимназии, выдержал экзамен на кандидата юридических наук (1888). Несколько раз подвергался аресту и ссылке в административном порядке; жил в Вологде. Первая статья Карелина – «Отхожие и кабальные рабочие» – появилась в «Юридическом вестнике» (1887) под псевдонимом «Макаренко». Кроме того, Аполлон Андреевич Карелин сотрудничал с изданиями: «Волжский вестник», «Казанский биржевой листок», «Дно», «Экономический журнал» (очень много статей), «Русская мысль» и «Северный вестник». Из журнальных статей Карелина важнейшие: «О кустарничестве в России» (приложение к № 2 «Экономического журнала» за 1892 г.), «Аренда крестьянских наделов» («Русская мысль», 1894, № 2), «Бродячая Русь» («Сев. вестник», 1894, № 4). Отдельными книжками вышли два труда: «Общинное владение в России» (СПб., 1893) и «Краткое изложение политической экономии» (СПб., 1894). Обе эти работы содержат интересный фактический материал,

в настоящее время малодоступный. В книге об общине, вовсе не касающейся истории общины, Карелин стоит за введение обязательных переделов в установленные законом сроки и является поклонником круговой поруки.

П. С.

Примечания к книге А. А. Карелина
«Общинное владение в России»

I

- 1) Эмиль де-Лавелэ. Первобытная собственность.
- 2) *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России, изд. 77 г., т. I.
- 3) Сб. стат. свед. по Саратов. губ., т. IV. Хвалынский у., с. 27.
- 4) Сб. стат. свед. по Самар. губ., т. IV. Бугурусланский у., 23.
- 5) Сб. материал. для изучения сельск. позем. общины, т. I, 297.
- 6) Сб. ст. свед. по Курск. губ., в. I. Курский у., 67.
- 7) Сб. ст. св. по Екатериносл. губ., т. I. Ростов-на-Дону у., 102.
- 8) Материалы по Нижегородской губ., т. IV.
- 9) Сб. ст. св. по Саратов. губ., т. II, с. 22.
- 10) Сб. ст. св. по Тавричesk. губ., т. I, в. 2, с. 63.
- 11) Сб. ст. св. по Воронеж. губ., т. II, в. 2, с. 138.
- 12) Сб. ст. св. по Смоленск. губ., т. I, в. 2, с. 10–16.
- 13) Сб. ст. св. по Самарск. губ., в. I, 28.
- 14) Материалы по Казанск. губ., т. VI. 35.
- 15) *Григорьев В.* Переселение крестьян Рязанской губ., изд. 85 г., с. 147.
- 16) *Белькович Н.П.* Отчет о положении некоторых селений Царево-кокш. у., 46.
- 17) Материалы по Нижегородской губ., т. XII, 85.
- 18) Сб. ст. св. по Орлов. губ., в. I, 30.
- 19) Личное наблюдение.
- 20) Сб. ст. св. по Орлов. губ., т. 2, 215, 407.
- 21) Рукопись курских статистиков.
- 22) *Харизоменов С.А.* Промыслы Владимирской губ., в. 5, с. 33.
- 23) Сб. ст. св. по Тамбов. губ. X, 15–16.
- 24) Сб. ст. св. по Рязанск. губ., в. I, 8.
- 25) «Отеч. зап.», 77. № 1, 231.
- 26) Сб. ст. св. по Рязанск. губ., в. I, 8.
- 27) Сб. ст. св. по Екатериносл. губ., в. III, 74.
- 28) «Вол. вест.», 85. № 51.
- 29) Личное наблюдение.
- 30) *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону, 32.

- 31) «Рус. вед.», 87, № 125; о наделении вдов землей, см. Сб. ст. св. по Тамбов. губ. III, с. 11; VII, с. 13–14; XII, с. 31; по Саратов. губ. ч. I, в. 1, с. 19. «Описания», с. 56. «Рус. вед.», 85, № 96 и многие другие источники.
- 32) Сб. ст. св. по Тамб. губ. XII, 31.
- 33) Сб. ст. св. по Ворон. губ. I, 83.
- 34) Сб. Тамбов. III, 11; Сел. поз. община в Арх. губ. 82 г., 11 20; *Потанин*. Никольский у. и его жители. Древняя и Новая России 76, 10, 144; *Красноперов И.* Молоканская община // «Экон. жур.», 86 г., № 1, с. 60 и др. ист.
- 35) Сельск. поз. общ. в Архангел. губ. 82 г. 11, 20.
- 36) *Красноперов И.* // «Эк. жур.», 86, 1, 60.
- 37) Сб. Саратов., ч. I, в. 1, с. 56. Описания.
- 38) «Рус. вед.», 85, 73.
- 39) «Рус. вед.», 88, 64.
- 40) Сб. Саратов. I, 34.
- 41) Сб. Рязанск., в. I; Смоленск. I, II; Екатериносл. III, 76; II, 124 и др.
- 42) «Сотрудник». Сент., окт. 90 г. Земельные порядки и пр.
- 43) «Сибирск. газета», 88, 10.
- 44) Материалы для изучения современ. положения землевл. и сел. промышл. в России. 80 г., I, 15.
- 45) «Сотрудник», 90 г., сент., октябрь.
- 46) Сб. Таврический, II, с. 6. Приложения.
- 47) См., например, *Тютрюмов*. Крест. наследствен. Право // «Слово», 81, 2, 49–50.
- 48) Сел. позем. общ. в Арх. губ., в. 2, 13.
- 49) *Соколовский П.* Очерк истории сел. общ. на севере России, 99, примечание.
- 50) Материалы Херсонск., I, 52.
- 51) Сб. Воронежской, I, 84.
- 52) *Михайлов К.* Общинный быт у крест. Забайкальской области // «Р. м.», 85, 12, 12–13.
- 53) *Ив.*, 13.
- 54) Сб. Самарской, V, 26.
- 55) *Ив.*, 32.
- 56) Сб. Московской, т. IV, в. 1, 81.
- 57) *Харузин М.* Св. о казацких общинах на Дону, 66.
- 58) Сб. Саратов., I, 53.
- 59) Сб. Таврической, т. I, в. 2, 89.
- 60) «Сотрудник», 90 г., Сент., окт.
- 61) Сб. Воронеж., I, 82.
- 62) «Сотрудник», 90 г., Сент., окт.

- 63) Сб. Воронежск., I, 72, 73.
 64) Сб. Воронежск., т. II, в. 2, 118.
 65) *Соколовский П.* Переделы пахотных земель // Тр. Им. В. эк. общ. 86, 10, 156.
 66) Сб. Тамбовск., III, 18.
 67) Сб. Тамбовск., V, 9.
 68) Сб. Орлов., в. 1, 41.
 69) Сб. Таврич., т. I, ч. 2, 57, 128.
 70) Материалы Нижегородск. Эк. часть. IV.
 71) *Ефименко П.* Сб. юрид. обычаев Арханг. губ. Тр. Арх. губ. ст. ком. за 67–68 гг., в. 3, 74.
 72) Сб. Таврической, II. Приложения к таблицам 21–22.
 73) *Куроптев М.* О порядке землевлад. крестьян Сарапульск. у. Вятск. г. Тр. Им. В. эк. общ., 78, 9, 91.
 74) Тр. ком. по исслед. куст. пром. в России, IX, 2031.
 75) Тр. Арх. губ. стат. комитета, 67–68, III, 77.
 76) Сб. Воронежск., I, 66; т. II, в. 2, 112.
 77) *Михайлов К.* ор. cit., 20.
 78) Сельск. поз. общ. в Арх. губ., в. 3, 91.
 79) Сб. Воронежской, т. II, в. 2, 112.
 80) *Личков.* ор. cit.
 81) «Сотрудник», 90, с., о. ор. cit.
 82) Сб. Курской, X, XXIII.
 83) Сб. Воронежск., т. II, в. 2, 112.
 84) Сб. Московск., т. IV, в. 1, 96.
 85) Труды ком. по исслед. куст. пр. Харьковск. г., в. I, 13.
 86) Сб. Воронежской, т. II, ч. 2, 108, 109.
 87) Кн. *А. Васильчиков.* Землевл. и земледел. Изд. 2, 163.
 88) Сб. Воронежск., т. II, в. 2, 124–125.
 89) Сб. Московск., IV, 1, 73.
 90) *Трирогов В.* Общ. и поддат. 118.
 91) *Сергеев П.* С Севера. Д. 80, 4, 221.
 92) *Н.Н. Деревен.* будни. «О. з.», 79, 8, 293.
 93) Сб. Московск., IV, I, 270.
 94) Сб. Орловск., III, 141.
 95) Сб. Смоленск., т. I, в. 2, 44.
 96) *Кавелин К.* Крестьянский вопрос // «Вестн. Евр.», 81, 9, 10.
 97) Сб. Московск.
 98) Сб. Самарской, III, 35.
 99) «Юрид. вестн.», 86, 8, 681.

- 100) Зем. Ежег. Моск. губ. земства, 86 г., 130 прим.
 101) Сб. по Московск., IV, I, 71.
 102) *Трирогов В.* Община и подать, 89–90.
 103) Сб. Тавричesk., III, 34.
 104) Сб. Тавричesk., т. I, в. 2, 87.
 105) Материалы Херсонской, II, 211, 121.
 106) *Иб.*
 107) Сб. Тавричesk., т. I, в. 2, 87.
 108) *Капустин С.* Экон. и сел. хозяйств. обозрение, II, Тр. Им. В. эк. общ. 86 г. 9, 33.
 109) *Постников А.* Общин. землевл., в. II, 7, слова г. Тихеева.
 110) *Григорьев В.* // «Рус. мысль», 85, 3, 10.
 111) *Иб.*, 18.
 112) Сб. Курск., XII, XXIII.
 113) Сб. Орловск., II, 128.
 114) Кн. *А. Васильчиков.* ор. cit., т. II, 131.
 115) *Кавелин К.* ор. cit., 19.
 116) *Кавелин К.* Сочинения, т. 4, 257 и «Атеней», 59, 2.
 117) *Кавелин К.* Кр. вопр., 19.
 118) Сб. Московск., IV, I, 267.
 119) Сб. матер. для изуч. сел. поз. общины, I, 202.
 120) *Иванов С.* Позем. собств. и общ. влад. // «Р. в.», 58, авг., кн. 2.
 121) Сб. Курской, X, XVII.
 122) «Вол. вестн.», 88, 64.
 123) Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 244.
 124) Матер. Казанск., II, 43.
 125) Сб. Нижегород., IV.
 126) *Панаев В.* Общин. землевлад. крест. вопрос. 81 г. 35, 36, 100.
 127) Кн. *Васильчиков.* Землевл. и земледелие.
 128) Сб. Московск., IV; в. I, 154, 155, 164.
 129) Сб. Тамбовск., IV, 15.
 130) *Иб.*, V, 10.
 131) *Иб.*, II, 42.
 132) *Иб.*, VIII, 9.
 133) *Иб.*, XI, 23.
 134) *Иб.*, VI, 11.
 135) *Иб.*, X, 25.
 136) *Иб.*, III, 13.
 137) Матер. Казанск., V, 86–107.
 138) *Иб.*, IV, 36.

- 139) *Ив.*, III, 38.
- 140) Сб. Воронеж., I, 76.
- 141) *Ив.*, II, в. 2, 133.
- 142) Матер. Казанск., VI, 36.
- 143) Сб. Гавричesk., т. I, вып. 2, 94.
- 144) Материалы Петербургск., I, 45.
- 145) Сб. Смоленск., I, в. II, 28.
- 146) *Соколовский П.* Ор. cit. Тр. Им. В. эк. общ. 86, 10, 45.
- 147) Матер. для изуч. соврем. пол. землевл. и сельскхоззяйствен. про-
мышл. в России. 80 г., в. 1, 14.
- 148) Сб. Рязанск., I, 37–38.
- 149) Матер. Казанск., II, 42, 43.
- 150) Сб. Саратовск., I, 31.
- 151) Матер. Петербургск., III, 95.
- 152) Сб. Самарск., IV, 86, 22.
- 153) *Капустин С.* // Тр. Им. Вол. Экон. общ., 86, 9, 109.
- 154) *Соколовский П.* // Тр. Им. Вол. Экон. общ., 86, 10, 160.
- 155) Сб. Орловск., в. 1, 31.
- 156) *Капустин С.* // Тр. Им. Вол. Экон. общ., 86, 9, 104.
- 157) Матер. Черниговск., изд. 84 г., X, 38.
- 158) «Рус. вед.» 87, 5.
- 159) *Ив.*
- 160) *В.В.* Очерки общ. землевл. в России // «О. з.», 82, 4.
- 161) *Тер-Масseyн.* О травосеянии и пр. // Тр. Им. В. эк. общ. 86, 10, 145.
- 162) *Постников А.*, ор. cit., 2, 81.
- 163) *Ефименко П.* // Труды Арх. губ. ст. ком., 67–68 г., III, 75.
- 164) Сел. позем. общ. в Арх. губ., в. 2, 13.
- 165) Сб. матер. для изуч. сел. поз. общ., I, 364.
- 166) *Григорьев В.* // «Р. м.», 85, 3, 11.
- 167) Сб. Полтавск., III, 5.
- 168) Матер. Черниговск., X, 34, 35.
- 169) *Гаттенбергер К.* Общ. землевл. Сб. госуд. знаний, V, 112.
- 170) Матер. Херсонск., I, 47–48.
- 171) *Капустин С.* // Тр. Имп. В. эк. общ., 86, 4; «Рус. вед.» 87, 195.
«Неделя», 85, 36.
- 172) *Тер-Масseyн.* Ор. cit. Тр. Имп. В. эк. общ., 85, 10, 138 и др. 145,
146, 147.
- 173) *Соколовский П.* О формах владения усадебн. землей // Тр. Им. В. эк.
общ. 86, 5, 50–51.
- 174) *Красноперов* // Сб. Перм. земства. 81 г., кн. III, 196.

- 175) *Бычков Г.* Опыт подворн. исслед. ... в 3 волостях Новгор. у., с. 61.
- 176) *Исаев А.* Общ. и артель // «Юрид. вестн.», 84, 1, 6, 7.
- 177) «Новости», 87, 12.
- 178) Сб. Таврическ., II. Прилож. 43.
- 179) *Иванюков.* Полит. экон. и пр. 86 г. 153, 154.
- 180) *Иванов С.* Op. cit.
- 181) *Бутовский А.* Общ. влад. и собств // «Рус. вестн.», 58, август. XVI. 34.
- 182) *Неелов Д.* О личн. и общин. владении землей // «Рус. вестн.», 58, август, кн. I, 404–439.
- 183) *Тернер Ф.* О рабочем классе и пр. 1861 г.
- 184) Ibidem.
- 185) *Маслов Е.* О влиянии различных видов позем. собств. на народное богатство. 60 г.
- 186) *Герье В. и Чичерин Б.* Русский дилетантизм и общинное владение. 78 г.
- 187) «Русск. вестн.» 58, сентябрь, кн. I, 186.
- 188) *Соловьев* // «Вест. Евр.», 88, 2.
- 189) *Чернышевский Н.Г.*; из его работ.
- 190) «От. зап.», 75 г., 6, 291–292. «Внутр. обозр.».
- 191) *Васильчиков А.* Землев. и зем., т. II, 174–175, изд. 2.
- 192) Сб. Московск., IV, 1, 307.
- 193) Сб. Тамбовск., IV, 61 и др.
- 194) *Иб.*, VI, 39.
- 195) *Георгиевский П.* Очерк быта одной сел. общ. // «Сл.», 79, 1, 116.
- 196) *Кареев Н.* Заметки о распадении общины на Западе, 76, 4, 14.
- 197) *Исаев А.* Общ. и артель. «Юр. Вестн.» 84, 1, 13.
- 198) *Русанов Н.* Общ. землевл. и платежи // «Юр. вест.», 80, 7, 443.
- 199) Матер. Нижегородск., IV.
- 200) Сб. Орловск., I, 44.
- 201) Обществен. леса // «Статистич. листок», 82, ноябрь, 11.
- 202) Сб. Московск., IV, 1, 246.
- 203) Сб. Самарск., III, 40.
- 204) Сб. Тамбовск., III, 41.
- 205) *Иб.*, 41.
- 206) *Трирогов.* Общ. и подать, 286.
- 207) Сб. Саратовск., V, 53.
- 208) Сб. Тамбовск., II, 35.
- 209) Сб. Тамбовск., I, 29.
- 210) Сб. Самарск., V, 26.
- 211) Сб. Тамбовск., II, 35.
- 212) Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 168.

- 213) Сб. Тамбовск., X, 30.
 214) Сб. Самарск., III, 40.
 215) Сб. Тамбовск., VIII, 20.
 216) «Рус. вед.», 88, 109.
 217) «Вол. вестн.», 87, 275.
 218) «Рус. вед.», 85, 9; «Вол. вестн.», 87, 172.
 219) Сб. Воронежск., II, в. 2, 134.
 220) Результаты подворной переписи Елизаветград. у., 86 г., IV.
 221) Коренная нужда на севере и принцип государств. землевладения // «От. зап.», 79, 12.
 222) *Соколовский П.* О формах и пр. // Тр. Им. В. эк. общ., 86, 4, 336.
 223) *Ив.*, 336.
 224) *Ив.*, 337–8; Сб. Моск., IV, 1, 89.
 225) Матер. по ст. нар. хоз. в С.-Петербур., IV, 57.
 226) Сб. Самарск., IV, 26–27.
 227) Сб. Екатериносл., II, 105.
 228) Сб. мат. для изуч. сел. пол. общины.
 229) «Земск. ежегодн.», 80 г., 330.
 230) Мат. для изуч. совр. полож. землевл. и сельскохоз. пром. в России, I, 10.
 231) Сб. Орловской, I, 49, 54.
 232) Мат. Петербургск., I, 50.
 233) Сб. Смоленск., I, в. 2, 31–32.
 234) Сб. Екатеринославск., III, 158.
 235) Сб. Орловск., III, 183.
 236) Матер. Петербургск., I, 47.
 237) Сб. Тамбовск., III, 59.
 238) Сб. Рязанск., I, 4, 5.
 239) *Якушкин Е.* Обычное право, в. 1, XIX.
 240) Кн. *А. Васильчиков.* Землевл. и землед., т. 2, с. 154–155, изд. 2.
 241) Сб. Перм. земства, III, 203.
 242) Матер. Петербургск., V, 2, 128.
 243) *Г-ль В.* Поземел. собств. в Перм. губ., 46 (изд. 86 г.).
 244) *Исаев А.* В Ярославск. губ. // «О. з.», 82, 8, 181–2.
 245) *Н.М.* Литературн. заметки // «О. з.», 72, 8, 396.
 246) Сб. Московск., IV, 1, 279, 276–283.
 247) Сб. Воронежск., I, 87.
 248) Сб. Самарск., I, 25.
 249) Сб. Саратовск., I, 61.
 250) *Соколовский П.* Очерк истории сельск. общины, 105, 106 прим.

- 251) Сб. мат. для изуч. сельск. общ., I, 223.
 252) Сб. Московск., IV, 1, 298, 299.
 253) Сб. Самарск., V, 21.
 254) «Вол. вестн.», 88, 64.
 255) *Кавелин К.* // «Неделя», 76. № 3–5, 144.
 256) *С. К-н.* Формы землевл. у русск. народа, 23–24.
 257) Сб. Самарск., I, 36.
 258) Сб. Саратовск., I, 55–59.
 259) Сб. Тавричesk., II, 25 примеч.
 260) «Зем. ежегод.» за 84 г. 403.
 261) Из провинциальн. печати // «Сев. вестн.», 88, 9.
 262) Матер. Нижегород., IV, 50.
 263) *Якушкин Е.* О круговой поруке // «Р. вед.», 86, 101.
 264) Ib.
 265) Ib.
 266) *Щепотьев С.* Круговая порука и пр. // «Сев. вестн.», 86, 7, 13.
 267) *Шелгунов Н.* По поводу кругов. Поруки // «Р. м.», 85, 12, 20–22.
 268) Сб. Екатериносл., III, 113.
 269) Сб. Тавричesk., т. I, в. 2, 51.
 270) Сб. Воронежск., II, в. 2, 117.
 271) *Пругавин В.* Сельск. зем. община // «Юр. вестн.», 85, 5, 101–102.
 272) Сб. Саратовск., I, 51, описание.
 273) *Анисимов И.* Разложение нашей земельн. общины // «В. Е.», 85, 1, 132.
 274) Сб. Рязанск., 1, 27.
 275) Сб. Самарск., III, 29.
 276) Сб. Тамбовск., VIII, 7.
 277) Сб. Тамбовск., II, 20 примеч.
 278) Сб. Тамбовск., XII, 31.
 279) *Пругавин В.* Op. cit. // «Юр. вестн.», 85, 5, 93.
 280) Сб. Таврич., I, 2, 189.
 281) Сб. Тамбовск., X, 24.
 282) Матер. Казанск., I, 31.
 283) *Пругавин В.* К вопросу о разрушении крестьянск. общины // «Р. м.», 84, 7, 14.
 284) «Каз. бир. листок», 88, 49.
 285) «Вол. вестн.», 88, 276.
 286) Матер. Петербургск., V, 2, 115.
 287) «Тамб. губ. ведомость». Неоф. отдел, 87 г., 120.
 288) Сб. Тавр., I, в. 2; 54.

- 289) Сб. Курск., X, XIX.
 290) Сб. Орловск., 1, 38.
 291) Сб. Тамбовск., IX, 17.
 292) В.В. Ор. cit. // «От. зап.», 82, 4, 353.
 293) Сб. Саратовск. 1, 44.
 294) Мат. Вятской, IV, 62.
 295) Сб. Екатериносл., III, 78.
 296) Сб. Воронежск., I, 74.
 297) Сб. Тамбовск. X, 21.
 298) Иб., V, 12.
 299) Иб., IV, 19.
 300) Матер. Казанск., II, 37.
 301) Иб. IV, 35.
 302) Иб. VI, 36.
 303) Сб. Смоленск., VI, 37.
 304) Сб. Тамбовск., XII, 55–59.
 305) «В. в.», 85, 51.
 306) *Ермолинский К.* Выкупные платежи и крестьян. переделы мирск. земли // «Слово», 81, 4, 52.
 307) Сб. Тамбовск., X, 22.
 308) Ржевский у., Тверской губ., 83, 18, 19.
 309) Сб. Саратовск., II, 25.
 310) Иб. т. I, в. 1, 21.
 311) Сб. Рязанск., I, 31.
 312) Сб. Курск., I, 68.
 313) Сб. Тамбовск., IV, 25.
 314) «В. вестн.», 85, 51.
 315) «Р. вед.», 86, 42.
 316) Сб. Тамбовск., VI, 9.
 317) Личн. наблюдение.
 318) *Созонов Г.* Неотчуждаемость крестьянск. земель и пр., 30.
 319) Сб. Самарск., I, 26.
 320) Иб. V, 20.
 321) «Р. вед.», 86, 90.
 322) Сб. Смоленск., IV, 63.
 323) Сб. Тамбовск., III, 23.
 324) «Р. вед.», 87, 73.
 325) *Голубцов А.* // Тр. Имп. В. эк. общ., 86, 4, 358.
 326) *Пругавин В.* // «Ю. в.», 85, 5, 107.
 327) Мат. Петербургск., V, ч. 2, 124.

- 328) Сб. Смоленск., IV, 46.
 329) Ib.
 330) Сб. Самарск., I, 23.
 331) *Голубцов А.* О выкупе по 165 ст. в Шуйск. у. // Тр. Имп. В. эк. общ., 84, 4, 361.
 332) Сб. Смоленск., III, 47.
 333) Сб. Екатериноссл., II, 133–134.
 334) Моск., IV, I, 294.
 335) Сб. Смоленск., III, 47.
 336) *Судейкин В.* Досрочн. выкуп крест. земель // «Экон. журн.», 86, 7, 36.
 337) «Новости», 85, 339.
 338) *Ковалевский М.* Общин. землевл. и пр.
 339) «Зем. ежегодник», 80, 329.
 340) Сб. Екатеринославск., III, 156–158.
 341) *Шелгунов Н.* Очерки русск. жизни // «Р. м.», 87, 2, 230.
 342) Сб. Таврическ., II, 25.
 343) Сб. Орловск., III, 157.
 344) *Марусин С.* Купля-продажа крест. земель // Сибирск. сб., 87 г.
 345) «Зем. ежегодн.», 84, 402, 551.
 346) «Внутр. обзор.». Дело. 82, 99–100.
 347) *Шелгунов Н.* По поводу кругов. пор. // «Р. м.», 85, 12, 18.
 348) «Вост. обзор.», 85, 2.
 349) «Вост. обзор.», 86, 36.
 350) «Внутр. обзор.». Дело. 78, № 8. Примеч. 124–125.
 351) «В. в.». Ор. cit. // «От. зап.», 82, 4, 352.
 352) «Неделя», 89, 2.
 353) Ржев. у., Тверск., губ., 83.
 354) *Распопов В.* Великол. у. в экономич. отнош. // Тр. Имп. В. эк. общ., 80, август. 506.
 355) «Вол. вестн.», 88, 64.
 356) Сб. Саратовск., I, 20.
 357) Личн. наблюд.
 358) Сб. Екатериноссл., III, 93–94.
 359) Сб. Казанск., I, 32.
 360) Сб. Курск., I, 69.
 361) Сб. Таврическ., II, 61.
 362) Сел. поз. общ. в Арх. губ., в. III, 5. 31.
 363) «Р. вед.», 87, 86.
 364) Об. отдел «Сев. вестн.», 86, 12, 131.
 365) *Чудновский С.* Алт. позем. общ. // «Сев. вестн.», 88, 9, 117.

- 366) «Неделя», 85, 28, 1030–31.
- 367) Стат. поз. собств. и населен. мест. Евр. России, III.
- 368) Южаков С. Стат. закон. землевл. в России // «Сев. вестн.», 86, 7, 185–6.
- 369) Лучицкий И. Следы общин. землевл. в левобережн. Укр. XVIII в. // «От. зап.», 82, 11, 92, 93.
- 370) Баратынский Н. Из губернии, 33.
- 371) Сб. по хоз. стат. Полтавск. губ., V, с. 1, 2, отдел 2.
- 372) Ib. 8, 9.
- 373) Ib. IV, 1–18.
- 374) Об. отдел «Сев. вестн.», 85, 3, с. 136; Лучицкий И. «О. з.», 82, 11, 92.
- 375) Щербина Ф. Очер. южно-русск. артелей и общ. арт. форм, 296.
- 376) Южаков С. Вопросы общин. быта // «О. з.», 83, 11, 105.
- 377) Извлечение из отчета, представл. министру финансов управляющ. крест. позем. банков по командировке весной 84 года.
- 378) Пругавин В. Прогресс в земельн. общ. // «В. Евр.», 86, 5, 387.
- 379) Крестьяне в Северо-Запад. крае // «Устой», 82, 1, 124.
- 380) Дембовецкий А. Могилевск. губ., т. 2, 785–93.
- 381) Южаков С. // «От. зап.», 83, 11, 105.
- 382) Сб. Таврическ. 1, 2, 5 примеч. к табл.; «Сев. вестн.», 85, 4, 100.
- 383) Чаславский В. Вопросы русск. аграр. устр. // «О. з.», 78, 8, 290.
- 384) Матер. Петербургск., II, 34.
- 385) Сб. Екатеринославск., I, 105.
- 386) Соколовский П. Очерк истории сел. общ., 103, 104.
- 387) Сб. Самарск., I, 33.
- 388) «Рус. вед.», 86, 129.
- 389) Кейслер // «Вестн. Евр.», 87 г., 12.
- 390) Красноперов И. Самарские чуваша «Р. м.», 84, 5, 49; Добротворский Н. // «Р. м.», 84, 9, 51.
- 391) Сообщено казанск. статистиками; «В. в.», 87, 226.
- 392) Пономарев С. // «Сев. вестн.», 88, 12.
- 393) Мат. Вятской, 79 с.
- 394) Бауэр И. // Тр. Имп. В. эк. общ., 78, т. 2, в. 2, с. 251.
- 395) Н. Н. Дерев. будни // «О. з.», 79, 8, 292, 293.
- 396) Сб. Московск., IV, I, 268.
- 397) Н. Н. Ор. cit. // «О. з.», 79, 4, 487.
- 398) Добротворский Н. Саяны // «В. Евр.», 88, 9, 20.
- 399) Щербина. Очерки юж. русск. арт., 246.
- 400) «Сев. вестн.», 89, 1. ст. Лучицкого.
- 401) С. п. общ. в Арх. г., III, 74.
- 402) Сб. мат. для изуч. с. п. общины, I, 167.

- 403) *Базилев*. По поводу изменения программы // Тр. Имп. В. эк. общ., 78, т. I, в. 3, 238.
- 404) Сб. мат. для изуч. с. п. общ., I, 199.
- 405) Сб. Екатеринослав., I, 173–175.
- 406) «Киевлянин», 76, 115.
- 407) *Щербина Ф.* Очерки и пр., 282.
- 408) Матер. Черниговск., X, стр. IX.
- 409) *Ив.*, II, 11.
- 410) Сб. Екатеринославск., III, 131.
- 411) Сб. Полтавск., V, 63.
- 412) *Ив.*, II, 101.
- 413) *Ив.*, III, 65.
- 414) *Ив.*, V, 63.
- 415) *Ив.*, VI, 91.
- 416) *Ив.*, III, 66.
- 417) Матер. Херсонск., III, 182, 183.
- 418) Сб. Воронежск., II, в. 2, 310.
- 419) «Неделя», 82, 11.
- 420) *А. Д.* Страда в нынешнем году // «О. з.», 81, 10.
- 421) «Р. вед.», 87, 120.
- 422) *Л. Т-ий.* Обществ. запашки в Симбирск. губ. // «К. б. лист», 89, 98.
- 423) *Трирогов.* Общ. и подть, 126.
- 424) *Щербина Ф.* Малорус. обществ. запашки // «Р. в.», 86, 68.
- 425) «Рус. вед.», 85, 107; 86, 94; Тр. Имп. В. эк. общ., 85, 10, 239.
- 426) Сб. Екатериносл., III, 120.
- 427) *Щербина Ф.* // «Р. в.», 86, 68.
- 428) Област. отдел. «Сев. Вест.», 85, 4, 106, 107.
- 429) *Абрамов Я.* Обязательн. и вольные запашки, 86, 49, 105, 107.
- 430) «К. б. л.», 89, 98; *Трирогов.* Общ. и подать, 124.
- 431) «Р. в.», 86, 41.
- 432) «Р. в.», 87, 346.
- 433) Прогр. для соб. свед. по общ. 42.
- 434) «Р. вед.», 88, 109.
- 435) «Р. м.», 84, 4, 105.
- 436) *Ив.*, 107.
- 437) «Зем. ежег.», 79, 170.
- 438) *Ив.*, 80 г., 77.
- 439) *Ив.*, 77.
- 440) *Ив.*, 79, 170.
- 441) *Ив.*, 173.

- 442) «Дело», 86, 5, 45.
 443) «Зем. ежег.», 80, 73.
 444) *Ив.*, 76.
 445) *Куликовский*. Арт. и мирск. запашки и пр. в Обонежье // «Р. м.», 90, 5, 32–34.
 446) Сб. Екатер., III, 130.

II

- 1) Статья *А. Щапова*, *сit.* из книги *Соколовского*: «Экономический быт» и пр., 113–114.
 2) *Личков Л.* Формы крест. и инородч. землевладения.
 3) *Гагемейстер*. Статистич. обозрение Сибири, с. 331–341.
 4) *Л-ош А.* От. зап., 74, 2, 221.
 5) *Чудновский С.* Алтайская земельная община. «С. в.», 88, 9, 113.
 6) *Личков Л.* Ор. *сit.*
 7) Материалы Петербургской губ., II, 39.
 8) *А.* Земельные порядки у сибирских крестьян // «Сотрудник», 90 г., сент.-октябрь.
 9) *Чудновский С.* // «С. в.», 88, 11.
 10) *А.* Земельные порядки у сибирских крестьян // «Сотрудник», 90 г., сентябрь-октябрь.
 11) Личное наблюдение.
 12) «Сибирск. вестн.», 86, 31; *Чудновский С.* // «С. в.» 88, 10.
 13) *Личков*. Ор. *сit.*, 144.
 14) Материалы Херсонской губ., I, 45.
 15) Сборник... Саратовск., 2, 13–14.
 16) *Пругавин В. В.* Евр. 86, 5, 383; Сб. ст. св. по Екатер. губ., III, 60, а также 53–64.
 17) *А.* // «Сотрудник», 90 г., сент.-октябрь.
 18) *Пругавин В.* // «В. Евр.» 86, 5, 386.
 19) *Ив.*, 387, также Тр. комм. по исслед. куст. пром. в России, IX, 2060.
 20) Сб. Воронежск. губ., т. 2, в. II, 100–101.
 21) *А.* // «Сотрудник», ор. *сit.*
 22) *Харузин М.* Свед. о казацких общинах на Дону, 17–18.
 23) Сб... Таврической, т. I, в. 2, 47.
 24) *Ив.*, 48.
 25) *Соколовский П.А.* Очерк истории и пр., 160.
 26) *Ив.*, 160.
 27) Сел. поз. общ. в Архангел. губ., 82 г., с. 4.

- 28) *Ив.*, 86 г., в. III, 50.
- 29) *Куроитев М.И.* Слободский у., Вятской губ., 46.
- 30) *Харузин М.* *Op. cit.*, 10.
- 31) *Соколовский П.А.* Очерк истории и пр., 166.
- 32) Сообщение генерал-адъютанта Крыжановского из книги проф. *Постникова* «Общ. землевл.», в. 2, с. 63–64.
- 33) Сб... Самарск. губ., III, 105.
- 34) *Чаславский В.* Вопросы рус. аграр. устройства // «О. з.», 78, 8, 298.
- 35) *Щербина Ф.* Земельная община кубанских казаков. 89, 204, 205.
- 36) *Трирогов В.* Наши общины // «О. з.», 80, 1, 24.
- 37) *Чаславский В.* «О. з.», 78, 8, 301.
- 38) *Григорьев В.* «Юр. вестн.», 85, 10, 330–331.
- 39) Сб... Тамбовской губ., IV, 27.
- 40) Тр. ком. по исслед. кустар. пром. в России. IX, 2060.
- 41) Материалы... Петербургской, IV, 162.
- 42) Материалы... Черниговской, X, стр. 31.
- 43) Сб... Воронежск. г. I, 56, 57, 60.
- 44) *Петропавловский П.* По Ишиму и Тоболу. Записки Западно-Сибирского отдела Импер. Рус. географ. общества. Кн. VIII, в. 1, с. 24–28.
- 45) Памятная книжка Томской губ. за 84 г., 11.
- 46) *Ив.*, 15.
- 47) Личное наблюдение.
- 48) *Харузин М.* *Op. cit.*, 62, 63.
- 49) *Михайлов.* Общинный быт и пр., с. 16.
- 50) *Ив.*
- 51) *Гагемейстер.* *Op. cit.*, 349.
- 52) *Личков Л.* Формы крест. инород. землевладения, 90 г., 113.
- 53) *Чудновский С.* Енисейская губерния.
- 54) *Щербина.* Очерки южно-русск. артелей, 302.
- 55) *Ив.*, 298–301.
- 56) Тр. ком. по исслед. куст. пром. в России, в. XII, 837.
- 57) Программа для собир. свед. о сел. хоз. общ., изд. 2, с. 42–43.
- 58) *Приклонский С.А.* Народ. жизнь на севере, 49.
- 59) «Сев. вест.», 88, 11, 155. Ст. *С. Пономарева.*
- 60) *Абрамов Я.* Секта шалопутов // «О. з.», 82. 10, 175–176.
- 61) *Абрамов Я.* К вопросу о веротерпимости // «О. з.», 82 г., 1, 37.
- 62) *Пономарев С.* Артельщина и дружества // «С. в.», 88 г., 10, 57 с.
- 63) *Щанов А.* Умств. направл. рус. раскола // «Д», 67, 10, с. 326–327.
- 63) *Абрамов Я.* К вопросу о веротерпимости // «О. з.», 82, 39.
- 65) *Красноперов И.* Антошкина община // «О. з.», 82, 6, 220–228.

- 66) «Русская беседа». 58 г., III, кн. 2, ст. *М. Милевич*.
- 67) «Дело». 78 г., № 11, 198; «Дело». Народно-юридические обычаи, № 9 (69 или 70 г.).
- 68) *С. Пономарев*. Ор. cit. // «С. в.», 88, 10, 55; *Щербина*. Договорные семьи // «С. в.», 88, 9.
- 69) «Сев. Вест.», 88. 11, 153. *Пономарев С.* Ор. cit.
- 70) *Абрамов Я.* К вопросу о веротерпимости // «О. з.». 82, 1, 37.
- 71) *Егиазаров С.А.* Свод матер. по изуч. быта государ. крестьян Закавказск. края, т. III, ч. 2, с. 11, 16.
- 72) Вологодский сборник, ст. *Ф. Щ.*, изд. 79 г., т. I, с. 17; *С. К-н.* Формы землевл. у русск. народа, 71.
- 73) *Половцов А.* К вопросу о сельск. общине // Тр. И. В. эк. общ., 78, апрель, 472; Сб. по Орловск. г., 1, 43; *Добротворский Н.* Поземельн. собств. в Орловск. у., Вятск. губ. // «Р. м.», 84, 9, с. 36–37; Мат. Петербургск. г., IV, 62; *Потанин Гр.* Никольский уезд и его жители. Древняя и Новая Россия, 76, № 10, 153; Сб. Екатеринославск. г., III, 101; Сб... Тамбов. г., XI, 24; Сб. Смолен., I, в. 2, 45; *Посников А.* Общинное землевладение, в. 2, 61. *Ефименко А.* Сб. матер. об артелях в России, в. 2, 154; Статист. очерки, изд. Псковского стат. комитета. 83 г. О сельск. позем. общине, в. 2, 4, 5; Сб. Тамбов., IV, 40; Сб. Московск., IV, 1, 73; Сб. Полтав., III, 86; Сб. Полтав., VI, 10, 12; Сб. Воронеж., 1, 67; Сб. Орловск., 2, 54, примеч. Сб. Орлов., III, 86; Мат. Казанск., II, 34; III, 36; «Вол. вест.», 88, 64; *Пономарев С.* // «Сев. вест.», 88, 11; Сб. мат. для изуч. с. поз. общ., т. I, 124; Сб. Курск., X, XXII; Сб. Воронеж., I, 67; Сб. Самарск., V, 32; Мат. Вятск., III, 67.
- 74) Сб. Тамбовской, т. II, 33; IV, 40; X, 27; VI, 33; IX, 21; III; Сб. Самарск., III, 39; 1, 30; Сб. Тавричesk., III, 12; Сб. Московск., IV, I, 73; Сб. Саратовск., V, 49; Сб. Курск., XII, с. XXXIII; *М. Харузин*. Ор. cit., 50; Мат. Казанск. г., II, 34; III, 36; Сб. Курск., X, XXII; Сел. поз. общ. в Арх. губ., 2, 4; *Пономарев С.* // «С. в.», 88, 11, 156–157; Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 123, 350; Сб. Воронежск., I, 67; II, 2, 114; *Михайлов* // «Р. м.», 85, 12; Личные наблюдения.
- 75) *Златовратский Н.* Красный куст // «О. з.», 81, 1.
- 76) Матер. Петербург., II, 31, 39; Сб. Московск., IV. I, 99; Сб. Курск., XII, XXXIII; Сб. Екатериносл., II, 109; Сб. Тамбовск., II, 35; X, 31; Сб. Воронеж., I, 62–63; II, 2, 108; Сб. Орловск., 2; Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., I, 124, 162, 340. *Пономарев С.* // «Сев. вест.», 88 г., 11, 156.
- 77) *А. Л-ш.* Сельск. община в Олонец. г. // «О. з.», 74, 2, 234–235; Сел. поз. общ. в Арханг. губ., I, 34; Сб. Москов., IV, I, 263–265; *Якушкин Е.* Обычное право, I, XVII; *Приклонский С.* Народная жизнь на севере, 48–49; *Пономарев С.* // «Сев. вест.», 88, 11, 159; «Неделя», 85, № 36, 1252; *Бауэр Н.* // Тр. Имп. Вол. эк. общ. 78 г., т. 2, в. 2, 252.
- 78) *Личков.* Формы и пр., 143.

- 79) *Гагемейстер*. Стат. обоз. Сибири, 364, 365; *Щербина*. Сольвычегодская земельная община. «О. з.», 79, 8, 183.
- 79) *Куликовский*. Арт и мирск. запашки, сенокосы и здания в Обонежье // «Р. м.», 90, 5, 29, 30, 31.
- 80) *Михайлов* // «Р. м.», 85, 12, 19, 21; личные наблюдения.
- 81) Сб. Тавричesk., II, 41; «Сев. вест.», 85, 3, 136, об. отд.
- 82) «Сев. вест.», 88, 11, 159.
- 83) Мат. по Вятской, III, 84.
- 84) Мат. по Вятской, ч. III, 55.
- 85) Сб. Самарской, 1, 21.
- 86) «Сев. вестн.», 88, 11, 160.
- 87) *Харузин М.* Ор. cit., 274.
- 88) *Л.* Что считает правом наш народ // «Рус. богатство», 80, 265.
- 89) *Исаев А.* Где лежит главная причина хозяйственных кризисов // «В. Е.», 88, 11.
- 90) Сб. госуд. знаний, т. III, 77 г., с. 111, ст. Бодуэн-де-Куртенэ.
- 91) См., например, «Рус. богатство», 80 г., I, с. 15.
- 92) «Неделя», 76, 2, 61.
- 93) Пермский сборник, 81, III, 200; *Щепотьев С.* Законодательство и старин. формы землевлад. на севере // «Сев. вест.», 86, 2, 63–64.
- 94) *Иб.*, 84.
- 95) *Щепотьев С.* К истории разрушения сложных форм. общ. землев. на севере, с. 3.
- 96) Сб. Московск., IV, 1, 251.
- 97) Матер. Петерб., II, 39.
- 98) Сб. Тавричesk., II, 39–45, примеч. к таблицам.
- 99) Мат. Казанск., III, 34.
- 100) Труды Арх. стат. комит. III, 67–68 г. II. Ефименко, с. 75.
- 101) *Харузин М.* Ор. cit., 8.
- 102) Матер. Казанск., III, 34.
- 103) *Потанин Гр.* Никольский у. и его жители. Древ. и Нов. Россия, 76, 10, 150.
- 104) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 109–110.
- 105) Сб. Орловск., II.
- 106) *Добротворский Н.* Позем. община в Орловск. у. Вятской губ. // «Р. м.», 84, 9, 31–32.
- 107) *Личков.* Формы и пр., 116, 117, 118, 123.
- 108) Сб. Москов. IV, 1, 254.
- 109) Сб. Саратов., V.
- 110) Сб. Саратов., I, 56.

- 111) Мат. Казанск., I, 30.
- 112) Мат. Казанск., II, 32–33.
- 113) *Личков*. Формы и пр., 21.
- 114) Мат. Казанск., V, 19.
- 115) Мат. Казанск., IV, 26.
- 116) *Ив.*, IV, 30.
- 117) Мат. Казанск., III, 35.
- 118) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 101.
- 119) Мат. Казанск., VI, 32.
- 120) *Харизоменов С.* Пром. Владимирск. губ., V, 35.
- 121) *Соколовский*. Эконом. быт, 115.
- 122) *Гагемейстер*. Стат. обзор. Сибири, 341, 318.
- 123) Матер. Вятской, IV, 82.
- 124) Сб. Орловск., III, 3.
- 125) Мат. Казанск., II, 34.
- 126) *А. Л-ш.* Ор. cit. // «О. з.», 74, 2, 225.
- 127) *Якушкин Е.* Обычное право, XVII.
- 128) *Щепотьев С.* К истории разрушения и пр., с. 2.
- 129) *Щепотьев С.* Законодательство и пр. // «С. в.», 86, 2, 83.
- 130) «Сев. вест.», 86, 7, 97, 99. Об. отдел.
- 131) Тр. Ком. по иссл. куст. пром. в России, VIII, 1279.
- 132) *Соколовский Н.* Очерк истории и пр., 160.
- 133) Крайняя нужда на севере и пр., 79, 6, 445.
- 134) Матер. Петербург., II, 40.
- 135) В. Трирогов.
- 136) Сб. Москов., IV, I, 258–259.
- 137) Матер. Петербургск., II, 39.
- 138) Сб. Тамбовск., III, 7.
- 139) Мат. Казанск., II, 45; V, 19.
- 140) Сб. Воронеж., т. II, в. 2, 101.
- 141) Сб. Воронеж., 1, 54.
- 142) Сб. Тамбов., III, 7.
- 143) Мат. Казанск., III, 33.
- 144) Сб. Воронеж., II, в. 2, 101.
- 145) Сб. Орловск., II.
- 146) Сб. Орловск., III.
- 147) Сб. Тамбовск., XII, 11.
- 148) Ржевск. у. Тверской г., 20.
- 149) Сб. по Самарск., 1, 25.
- 150) *Якушкин Е.* Об. право. XVIII.

- 151) «Рус. вед.», 87, 169.
 152) *Иб.*
 153) *Якушкин Е.*, XVIII.
 154) *Рева И.* Город. община // «Юр. вест.», 84, 9, 80.
 155) *Иб.*, 81, 82, 83.
 156) *Абрамов Я.* Мещане и город // «О. з.», 83, № 3, 3–4.
 157) *Боголепов И.П.* Промышленность уездных городов и посадов Московской губ.; Сб. стат. свед. по Московск. губ., т. VII, в. III, 16, 17, 18.
 158) *Дриль Д.* Городское землевладение // «Рус. кур.», 80, 158.
 159) Сб. Саратовск., ч. I, в. I, 16–18.
 160) *Потанин Гр.* Ор. cit. // «Древ. и Нов. Россия», 76, 10, 146, 147.
 161) *Рева И.* // «Юр. вест.», 84, 9, 70–71.
 162) *Абрамов Я.* // «От. Зап.», 83, 3, 20.
 163) «Р. вед.», 87, 128.
 164) Сб. Курск. г., в. I, 54.
 165) *Иб.*, 55.
 166) Сб. Курск., X, XVIII.
 167) Сб. Курск., в. I, стр. 50, 51, 52.
 168) Сб. Орловск., I, 53.
 169) Сб. Курск., X, XVIII.
 170) Сб. Орловск., в. I, 53.
 171) Сб. Тамбовск., II, 48.
 172) *Капустин С.* // Тр. Имп. В. эк. общ. 86, 9, 97.
 173) Сб. Воронежск., I, 87.
 174) Сб. Орловск., II.
 175) Сб. Орловск., I, 54.
 176) Сб. Курск., I, 61.
 177) *Иб.*, 62, 63.
 178) Сб. Тамбовск., II, 47.
 179) Сб. Курск., XII. XVIII.
 180) Сб. Орловск., II.
 181) Д. Внутренняя хроника. «О. з.», 71, 2, 251.
 182) *Клаус А.* Наши недоумения. «О. з.», 71, 5, 144, 145.
 183) *Иб.*
 184) «Вестник фин., пром. и торг.», 86 г. № 2, 79–80.
 185) Матер. Петербургск. губ., в. V, ч. 2, 105.; Сб. Таврич. III, 33–35.
 186) *Лудмер Я.* Лесные охотники на Крайнем Севере // «С. в.», 85, 4, 66–67.
 187) «Неделя», 82, 40.
 188) Сб. матер. об артелях в России, 74, в. 2, 142, 143, 146.
 189) *Щепотьев С.* К истории разрушения и пр., 3–4.

- 190) Сб. Пермского земства, III, 199, 206.
 191) Сб. Екатеринослав., II, 110.
 192) Мат. по ст. Вятск. губ., III, ч. 2, 126.
 193) *Харузин М.* Ор. cit., 68.
 194) Сб. Воронеж., т. 2, в. 2, 105.
 195) Сб. Тамбов., 11, 99.
 196) Сб. мат. об арт. в России, в. 2, 69, 67, 68, 45, 46, 73, 66; Сельск. позем. общ. в Арханг. губ. 82 г., 6.
 197) *Красноперов И.* Молоканская община и пр. // «Эк. жур.», 86, 1, 59.
 Сб. Самарской, III, 36.
 198) Сб. Самарск., III, 36.
 199) *Добротворский Н.* // «Р. м.», 84, 9, 31.
 200) *Куроптев М.* Слободский у., Вятск. г., 83.
 201) Сб. Пермск. земства. III, 199.
 202) Сб. Воронеж., I, 57.
 203) Тр. ком. по куст. пром., XIV, 13, 14.
 204) *Харузин М.* Св. о каз. об. по Дону, 63.
 205) Земельная община кубанских казаков, 89 г. 185, 187, 188.
 206) *Михайлов К.* «Р. м.», 85, 12, 22.
 207) Памятная книжка Иркутской губ. 81, 159.
 208) *Зибер Н.* Очерки первобытной эконом. культуры, изд., 83, 13.
 209) Сб. Таврич., III, 27–28.
 210) «Р. вед.», 85, 48; 87, 205.
 211) *Зибер Н.* Ор. cit., 63.
 212) *Личков.* Ор. cit., 129, 143.
 213) *Чаславский В.* Вопросы русск. аграрного устройства. «О. з.», 78, 8, 294.
 214) Сб. свед. о Ставропольск. губ., в. 2, 187.
 215) Сб. Самар., III, 19.
 216) *Г-ль В.* Поземельная собственность в Пермском крае. 86 г., стр. 46.
 217) Сб. Самарской, IV, 20.
 218) Сб. Таврической, III, 19.
 219) *Зибер Н.* Ор. cit., 14.
 220) *Ив.,* 246.
 221) Сб. мат. об артелях, в. 2, 66.
 222) *Добротворский Н.* // «Р. м.», 84, 9, 57–59.
 223) Вологодский сборник, ст. *Н. Волкова*, I, 8.
 224) *Личков.* Ор. cit.
 225) *Соколовский П.* Экон. быт и пр., 95.
 226) *Шашков С.* Прошедшее сельск. общины // «Дело», 78, 9, 139.
 227) «Вост. обозр.», 86, 44.

- 228) Сб. обычного права сибирск. инородцев, изд. Д. Самоквасова. 76 г., с. 79.
- 229) *Ib.*, 81.
- 230) *Ib.*, 81.
- 231) *Ib.*, 132.
- 232) *Ib.*, 192.
- 233) *Зибер Н.* *Op. cit.*, 246.
- 234) *Гагемейстер.* *Op. cit.*, 357.
- 235) Сб. юрид. об. сибирск. инород., 213.
- 236) *Ib.*, 214.
- 237) *Ib.*, 215.
- 238) *Ib.*, 217.
- 239) Восточное обозрение, 86, 47.
- 249) *Ib.*
- 241) *Зибер Н.* *Op. cit.*, 40.
- 242) *Соколовский П.* Экон. быт, 87; *Шашков С.* *Op. cit.*, 132; *Зибер Н.* *Op. cit.*, 245–246.
- 243) «Вост. обозр.», 86, № 36.
- 244) Матер. для изуч. юрид. обычаев киргизов, в. I, 1886 г., 38.
- 245) *Ib.*, 39.
- 246) Обзор Семипал. области за 86 год, с. 8.
- 247) «Р. вед.», 87, 205.
- 248) *Соколовский П.* *Op. cit.*, 85.
- 249) *Гагемейстер.* Ч. 2, 209.
- 250) *Ib.*, 264.
- 251) *Ib.*, 262, 263.
- 252) *Чудновский С.* Енисейская губерния, 85 г., с. 94.
- 253) *Соколовский П.* Экон. быт и пр., 88.

Н. А. Карышев

Общинное землепользование

Публикуется по: *Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 2008.

Карышев Николай Александрович (6.12.1855 – 5.02.1905) окончил юридический факультет Московского университета. Был приват-доцентом прикладной политической экономии в Московском университете, затем профессором Дерптского университета, читал статистику в Александровском лицее.

С 1896 г. до конца жизни состоял профессором политической экономии и статистики в Московском сельскохозяйственном институте. Главный труд Карышева – «Крестьянские внаделные аренды». [Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 2] (Дерпт, 1892) – посвящен анализу внаделных *аренд* в различных губерниях России. Другие труды: «Экономические беседы» (1888), «Вечно наследственный наем земель на континенте Западной Европы» (М., 1885, магистерская диссертация, 2-й том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики»); «Атлас по лесной статистике» (1885), «Труд, его роль и условия приложения в производстве» (СПб., 1897), «Земские ходатайства 1865–1884 годов» (1900).

Сочинение «Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве» («Библиотека общественных наук», М., 1905) появилось в печати после его смерти со статьей *А. Ф. Фортунатова* о Карышеве и полным списком трудов его, помещенных в различных периодических изданиях. В главном сочинении Карышева вопрос о внаделных крестьянских арендах разработан не только впервые, но и самым исчерпывающим образом; разъяснено большое значение его для крестьянского хозяйства, указаны необходимые меры для его разрешения. Проанализировав данные подворных переписей, проведенных в различных регионах России, Карышев попытался установить количественные отношения крестьянской внаделной аренды, дать ее географию, выделил т. н. многоарендную и малоарендную полосы, показал зависимость размеров аренды от величины арендного фонда, пришел к выводу, что денежная арендная плата растет быстрее, чем натуральная, однако размер натуральной арендной платы выше, чем денежной; внутри самой натуральной платы размер испольной платы выше, чем отработочной.

Признавая факт развития капиталистических отношений в русской экономике, Карышев, как и большинство экономистов-народников, связывал свои надежды на возможность преодоления их негативных последствий с укреплением *общины*, промысловых *артелей*, развитием кооперации.

Соч.: Материалы по русскому народному хозяйству. 1. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х гг. СПб., 1898.

А. Г. Щербатов

Общинное начало в землевладении

Публикуется по: *Щербатов А. Г.* Православный приход – твердыня русской народности. М., 2010.

Общественный деятель, сельский хозяин, экономист, публицист, князь Щербатов Александр Григорьевич (10.10.1850 – 24.04.1915) родился в С.-Пе-

тербурге в знатной и богатой семье. Сын попечителя С.-Петербургского учебного округа кн. Г. А. Щербатова (1819–81), внук московского военного генерал-губернатора, героя Отечественной войны 1812 кн. А. Г. Щербатова (1776–1848), он получил блестящее домашнее образование, знал несколько иностранных языков. По окончании курса в Петербургском университете некоторое время состоял на государственной службе, затем вышел в отставку. Восьмого апр. 1874 г. женился на гр. О. А. Строгановой (1856–1944), после женитьбы окончательно решил посвятить себя *сельскому хозяйству*.

Свое имение – с. Васильевское (Московская губ., Рузский у.) – скоро превратил в образцовое хозяйство. Для ознакомления с передовыми технологиями кн. Щербатов организовывал даже поездки крестьян в Англию и на сельскохозяйственные выставки. Во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. был уполномоченным Красного Креста при Руцукском отряде, которым командовал цесаревич Александр Александрович (будущий имп. Александр III), награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами. Занимался общественной деятельностью, в 1883 г. был избран Рузским уездным предводителем дворянства, избирался также гласным Рузского уездного земства. В 1883 г. кн. Щербатов был пожалован камер-юнкером Высочайшего двора. В 1891 г. принимал активное участие в работах по оказанию помощи голодающим в Самарской губ. В течение 13 лет с 1892 по 1905 г. был президентом Императорского Общества сельского хозяйства в Москве.

Кн. Щербатов был известен как заядлый путешественник. Вместе с женой они совершили 4 серьезных путешествия: два по арабскому Востоку (первое с риском для жизни), одно в Индию и Цейлон и одно даже на Яву, куда русские редко забирались. Результатом этих путешествий стали 3 книги, написанные кн. О. А. Щербатовой: «По Индии и Цейлону. Мои путевые заметки 1890–91 гг. с 2-мя дополнительными главами о религии и архитектуре Индии» (1892); «В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893» (1897) и «Верхом на родине бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по Аравийским пустыням в 1888 и 1900)» (1903). Сам кн. Щербатов написал приложение к первой книге супруги «Краткий обзор истории и современного положения Индии» и в соавторстве с братом жены гр. С. А. Строгановым «Книгу об арабской лошади» (1900).

В 1892–1904 гг. Щербатов был президентом Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). С окт. 1898 г. по инициативе Щербатова начался выпуск периодического органа МОСХ – ежемесячного «Сельскохозяйственного журнала», а с 1900 – еженедельного «Вестника сельского хозяйства» (выходил до 1929 г.).

В своих статьях в этих журналах он ставил вопрос о развитии русского сельского хозяйства, предлагал свои методы борьбы с агротехнической от-

сталостью крестьянского хозяйства. В своей книге «Упорядочение общинного крестьянского землевладения» (М., 1902) Щербатов рассматривал *общину* как «...главный устой существующего чисто русского государственного строя», «...исторически развившийся, самобытный, чисто русский институт, вполне приспособленный к условиям времени, места и различным видам народной жизни», как средство спасения России от революции и социализма. Участвовал в организации анкетного обследования причин неурожаев 1891–92 гг.; в организации в 1895 г. Всероссийской сельскохозяйственной выставки; в созыве при МОСХ в марте 1898 г. совещания представителей *ссудо-сберегательных товариществ*, рассматривавшегося как первый кооперативный съезд в России; в постановке вопроса о соединении отдельных кооперативных товариществ в союзы и т. д. Один из инициаторов организации в Москве центрального банка для учреждения мелкого кредита, что привело к созданию *Московского народного банка*. Выступал против денежной реформы 1895–97 гг., являясь противником золотого монометаллизма, защищал бумажно-денежную систему.

Один из учредителей, председатель Российского союза торговли и промышленности. Печатал экономические статьи в газете «Русские ведомости». Будучи убежденным монархистом, кн. Щербатов с самого начала принял активнейшее участие в монархическом движении. Он был одним из организаторов и первым председателем Союза русских людей (СРЛ) в Москве (стоял во главе СРЛ до 1909 г.). Первого декабря 1905 г. во главе депутации от СРЛ представлялся Государю, зачитал адрес от Союза. В адресе была сформулирована излюбленная князем (и всеми московскими славянофильскими кругами) идея о необходимости созыва Земского Собора. «Нужно восстановление народной государственной власти. Единственный к тому способ: немедленный созыв Земского Собора путем существующих сословных выборных учреждений». Однако на тот момент эта идея была несвоевременной (тогда полным ходом шла подготовка к созыву Государственной думы), и Государь дал это понять членам депутации Союза.

В н. 1906 г. составил программный документ СРЛ «Основные положения Союза русских людей для выборов в Государственную Думу». В нем нашли выражение основные положения политического кредо монархистов:

«Православная Церковь, русская государственность и русская народность находятся в неразрывной связи между собой и состоят под защитой русской народной неограниченной самодержавной царской власти. Посягательство на царское самодержавие со стороны врагов России равносильно посягательству на главенство в Русском государстве русского народа. Самодержавная власть основана на единении царя с народом». Автор документа подчеркивал также необходимость и благотворность сословного устройства общества: «Сослов-

ное деление русского народа есть основа государственного строя и народно-хозяйственного управления». Причем «все сословия между собой равны и доступ в каждое из них открыт для всех русских подданных».

Будучи принципиальным сторонником сословности, кн. Щербатов особое внимание обращал на положение рабочих. Еще в начале века он неоднократно выступал с докладами на Чтениях для фабрично-заводских рабочих, которые были организованы в Москве по инициативе государственной и церковной власти. Теперь, после вооруженного восстания рабочих в дек. 1905 г., понимая просчеты и упущения в политике в отношении рабочих, он пытался направить рабочее движение в конструктивное русло. В 1907 г. от имени СРЛ кн. Щербатов опубликовал обращение «Чего должны добиваться в Государственной Думе фабричные и заводские рабочие». Он полагал, что главная опасность состоит в том, что фабрично-заводские рабочие являются изгоями общества, ибо они не вписаны в сословную структуру русского общества. А потому, по мысли князя, рабочие прежде всего должны добиваться «получения прав отдельного самостоятельного сословного строя». Вторая цель депутатов от рабочих – добиться «точного определения законодательством их прав и отношений к владельцам фабрик и фабричной администрации». Третья цель – добиться «улучшения положения по удовлетворению их духовно-нравственных и насущных потребностей».

Словом, полагал руководитель СРЛ, «русские фабрично-заводские рабочие должны проводить в Думе русские народные начала». А именно: «Сословный общественный строй в противодействие канцелярскому приказному. Увеличение производительности русского народного труда. Лучшее вознаграждение и улучшение жизненных условий рабочего населения. Русское народное денежное обращение. Русская наука и народное образование, основанные на изучении русской народности и удовлетворяющие русским народным потребностям».

Кн. Щербатов был также членом старейшей монархической организации Русского собрания (РС), где нередко выступал с докладами по экономическим и финансовым вопросам (много откликов получили его доклады «Основные положения по вопросу о денежном обращении», прочитанный 12 янв. 1907 г., и «Земельный вопрос», прочитанный 14 дек. 1908 г.). Он был одним из главных организаторов Монархических Всероссийских съездов. Делегатами Второго Всероссийского съезда русских людей в Москве 6–12 апр. 1906 г. он был избран председателем съезда. На этом съезде князь выступил с докладом о народном государственном хозяйстве. Участвовал в работе Третьего Всероссийского съезда русских людей в Киеве 1–7 окт. 1906 г., где выступал со специальным докладом на тему денежного обращения, принимал активное участие в обсуждении программы монархи-

ческого движения. Он предлагал своим единомышленникам строить дискуссию, исходя из некоторых непреложных методологических требований. Во-первых, нужно отрешиться от повседневности, «мы должны говорить так, будто говорим пред Государем Императором и русским народом». Во-вторых, нужно избегать употребления иностранных слов.

Кроме того, кн. Щербатов предложил, чтобы монархисты подняли перед властью вопрос о необходимости объявления перед выборами в Государственную думу всеобщего поста и особого Богослужения. Это необходимо, полагал он, для соответствующего настроения во время выборов. Председательствовал он на Четвертом Всероссийском съезде объединенного русского народа в Москве 26 апр. – 1 мая 1907. Кроме того, делегатам съезда им был предложен доклад «Денежный вопрос». На Четвертом съезде кн. Щербатов был избран в состав Правления Всероссийского национального фонда для материального обеспечения интересов русского народа, куда вошли 6 видных деятелей монархического движения. Принимал он самое непосредственное участие и в деятельности монархических организаций в провинции. Был почетным председателем Третьего съезда представителей русских монархических организаций Херсонской губ. в Одессе (июнь 1908 г.), на котором выступал основным докладчиком по всем вопросам. А в нояб. 1908 г. был председателем частного, но весьма представительного Волжско-Камского съезда монархистов. В 1909 г. кн. Щербатов сложил с себя полномочия председателя СРЛ в связи с тем, что он поступил на государственную службу. В 1910 г. был назначен членом Комитета по коннозаводству. Затем стал одним из учредителей Российского союза торговли и промышленности, в котором стал первым председателем.

Кн. Щербатов был авторитетным специалистом в области сельского хозяйства и финансов, автором большого числа книг и брошюр по земледелию, коннозаводству и денежному обращению. Его внимание привлекала проблема повышения эффективности крестьянского землепользования. В работе «Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства» (1905) он предлагал: «Главным способом усовершенствования крестьянского хозяйства следует признать учреждение мелких сельскохозяйственных обществ, если возможно, в каждом приходе». Но все частные вопросы он пытался решать в контексте социально-экономического положения страны. В сочинении «Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем» (1910) кн. Щербатов с беспокойством отмечал захват иностранным капиталом командных высот в народном хозяйстве России: «В настоящее время иностранный капитал захватывает и уральское горнозаводское дело, и лесные богатства севера Европейской России, и золотые прииски Сибири, и фабричное дело в Царстве Польском, и торговлю в главных торговых центрах, и, наконец, все

банковское дело при содействии Министерства финансов посредством заграничного государственного кредита». По его оценке, «иностранный капитал в том виде, в каком он теперь в России, – безусловное зло».

В 1908 г. Щербатов опубликовал сочинение «Обновленная Россия», которое было своего рода манифестом национального хозяйственного реформаторства. Любые преобразования, полагал он, должны опираться на традицию, а «русская народность могуча своим христианством, своей самодержавной государственностью и своей творческой самобытностью». Формулируя главную идею сочинения, он писал: «Основная мысль настоящей книги в том, что вся будущность русской народности – в ее самостоятельном обновлении. Руководствуясь великим своим прошлым, приспособляясь к современным условиям и пользуясь средствами и указаниями современной науки и современной техники, русская народность должна обосновываться в единении своем с Православной Церковью, всесторонне удовлетворяющей духовным и жизненным потребностям приходской жизнью, коренящейся в Церкви на началах соборности, вокруг Церкви на началах общности. В государственном деле русская народность должна иметь своей целью пользу государственную при сильной верховной власти в лице неограниченного самодержавного царя, Божьего Помазанника, Верховного Судьи и единого своего представителя, черпающего свою власть из Божьей благодати и непосредственного единения с русским народом». Главными противниками русской народности он называл «петербургское чиновничество и иностранный капитал». Для противодействия им, по мысли кн. Щербатова, «нужно создание русского народного общественного мнения и производительная народная творческая работа». «В настоящее время главная задача русской народности – освободиться от заграничной задолженности и не допустить захвата русской земли иностранным капиталом». Не питая особенной любви и доверия к чиновничеству, кн. Щербатов уповал на монарха, на царский призыв к русскому народу, ибо «слово царское для русского народа всесильно». Только по царскому призыву «русский народ вспомнит свое прошлое и объединится на обновление России, на отпор иноплеменникам и иноверцам, жаждущим раздела России, встанет, как один человек, вокруг своего царя на защиту веры Православной, царского самодержавия и русской народности».

«Для России в настоящее время опасность худшая, чем разорение, – писал Щербатов, – это подчинение ее иностранной промышленности. При кажущейся самостоятельности государственной мы можем дожить до того времени, когда не только в столице, но и в уездных городах и селах вся торговля и промышленность будут в руках иностранцев, а русские будут использованы как чернорабочие и низшие служащие. Примеры частичного захвата России в этом виде мы видим в нефтяном деле и в Донском горнозаводском районе».

Государство не может проводить независимую национальную политику, будучи экономически закабаленным: «...Иностранный капитал своим воздействием, под влиянием той стороны, которая имеет наиболее твердое положение на мировом денежном рынке, может принудить противную сторону прекратить военные действия в то время, когда победа обеспечена за ее армиями».

Проблему безземелья Щербатов предполагает решить путем заселения огромных пространств Сибири и Д. Востока. Он критикует *Столыпинскую реформу*, считает ее противоречащей идее народности, естественному историческому развитию России. Щербатов выступает за сохранение общины, считая ее основной ячейкой, образующей государство. Повышение продуктивности сельского хозяйства может быть обеспечено, по мнению князя, кооперированием мелких крестьянских хозяйств в рамках традиционной общины при поддержке государством кредитованием.

О широте круга обсуждаемых вопросов в книге «Обновленная Россия» можно судить уже только по названиям глав книги: «Местное самоуправление», «Гражданское управление и общественная безопасность», «Иноплеменники и иноверцы», «Народное образование», «Землеустройство»... Кн. Щербатов вполне компетентен по каждому из обсуждаемых вопросов, при этом его рассуждения носят не теоретический, а сугубо практический характер. Обозначая проблему, он предлагает и конкретные способы ее преодоления. Так, говоря о засилье иностранных посредников в экспортной торговле хлебом, что приводит к 20-процентным потерям русского производителя, он пишет о необходимости широкого привлечения государственного дешевого подтоварного кредита и создании сети станционных и портовых элеваторов.

Основой обновленной России, залогом возрождения русского народа и государства Российского, по мысли кн. Щербатова, должен стать православный приход. В работе «Православный приход – твердыня русской народности» (1909) он писал: «Обновление России и пробуждение русского народа осуществимы при условии оживления православного прихода не только церковного – в Церкви, но и общежитийского – вокруг Церкви». Термин «приход» по смыслу значительно шире, чем его общеупотребительное понимание, и выбран потому, что обозначаемая им общность совпадает территориально и по населению с церковным православным приходом. По мнению князя, это самый нижний уровень государства, здесь все люди знают друг друга в лицо. Все основные государственные проблемы – экономические, образовательные, судебные, призывы в армию, полицейские – должны решаться на уровне прихода. Тогда все «враждебные русской народности силы, все существующие недоумения и неясности – все исчезнет и подчинится русскому народному духу, проявившему себя во всей широ-

те в православных приходах. Но для этого нужно, чтобы каждый православный приход представлял из себя самобытную, самодовлеющую со всех сторон, обороненную от чуждых влияний твердыню русской народности. Тогда и только тогда русская народность будет действительно неуязвимой». Он понимал, что такой взгляд на роль православного прихода требует коренной перестройки общественной жизни: «Для того чтобы православный приход был бы действительно основой государства, чтобы установить между ним и высшим правительством непосредственные сношения, чтобы он действительно удовлетворял всем духовным и жизненным потребностям населения, он должен быть оборудован всеми способами общественного самоуправления». По мысли кн. Щербатова, приходу должны быть не только переданы функции земства, но он должен стать и самостоятельной полицейской единицей со своим полицейским чином. Управлять таким приходом должно приходское попечительство, которое должно избираться из своей среды прихожанами. При приходе должны быть созданы также народно-хозяйственные общественные учреждения: мелкие сельскохозяйственные общества, свое учреждение мелкого кредита, общество взаимопомощи и потребительское общество. Трезво анализируя современное состояние русского общества, кн. Щербатов писал: «Положение русской народности в настоящее время более опасное, чем когда-либо... После испытанных неудач пошатнулась в русском народе вера в правительство, руководящие сословия и даже церковное управление». В условиях расшатанности государственного организма, ввиду грозящих России опасностей русская народность «должна утвердиться в своих православных приходах и оказать через них поддержку царскому самодержавию».

За 2 года до начала мировой войны кн. Щербатов издал свое последнее крупное сочинение «Государственная оборона России» (1912). Это был своего рода геополитический трактат. Он предлагал рассматривать дело государственной обороны как общенародную задачу: «Государственная оборона как по своим нынешним задачам, так и по современным средствам борьбы должна быть общенародной, при наивысшем напряжении всех государственных сил и средств, и потому понятие о ней гораздо более широкое, чем лишь деятельность в этом направлении правительства и боевая готовность армии и флота». Прагматично глядя на международное положение, он писал, что не стоит строить иллюзий, что «промышленная борьба между мировыми державами не разрешается окончательно никакими договорами или международными соглашениями».

Война неизбежна, утверждал кн. Щербатов, и она будет жестокой и беспринципной. «Не будет таких гадостей и подлостей с точки зрения общечеловеческой, на которые не снизойдут теперешние представители

будто бы образованных народов для обеспечения себе успеха». И начнется война неожиданным нападением, предсказывал он. Особую опасность во время войны для любого государства представляет собой «пятая колонна». Успешно бороться с происками врагов может «только стойкий, патриотический и сплоченный в своих мельчайших единицах народ», который сможет «выбросить из своей среды всякий враждебный и чуждый ему элемент». «В стране и в войске, состоящих из сплоченных мелких частиц, немислимы ни революция, ни неприятельское шпионство, ни неприятельские провокации, ни проникновение враждебных агентов для преступных действий». Обращаясь к причинам неудачной войны с Японией, он замечал: «Причины испытанных нами неудач исключительно нравственные и могут быть выражены словами: отсутствие в высших сферах решимости победить. Русский царь и русский народ остались одинокими в своей вере в свою духовную мощь».

Его тревожило, что и в современных условиях «русская народность впадает в прежнюю спячку и равнодушие ко всему, исключая скандальную хронику и поверхностную критику». Справедливо предполагая, что будущая война будет долгой («В предстоящем столкновении России, которое несомненно будет иметь общемировой характер, ей необходимо предвидеть возможность ведения войны в течение не менее двух лет и с затратой шести миллиардов рублей»), кн. Щербатов считал необходимым для подготовки к войне ввести общий государственный подоходный налог, который шел бы исключительно на обеспечение нужд государственной обороны. Причем для полноценного государственного вооружения «армия и флот должны быть преобразованы на исторических русских началах соответственно современным жизненным условиям». Кн. Щербатов призывал помнить простую геополитическую истину: «Россия – государство материковое, и потому главная оборона должна быть сухопутной». А значит, нельзя развивать морскую оборону за счет сухопутной. Чтобы война стала сразу делом всенародным, он считал необходимым для объявления войны созвать Земский Собор (одновременно должны быть вызваны в столицу делегации от окраин для Высочайшего сообщения им об объявлении войны и об их задачах в новых условиях).

В предстоящей мировой борьбе Россия будет не просто рядовой ее участницей, отстаивающей свои национальные интересы. Роль России, по мысли кн. Щербатова, гораздо значительнее. «В предстоящей мировой борьбе России приходится, с одной стороны, стоять на страже своих владений и своих интересов, с другой – все более растет ее значение как единственной державы, могущей своей военной мощью удержать другие государства от военных столкновений, т. е. быть Хранительницей мира». Именно поэтому крайне необходимо, чтобы Россия была на высоте требований современного государ-

ственного вооружения. Завершая свой трактат, кн. Щербатов возвращается к своей излюбленной идее.

Никакое самое совершенное вооружение не спасет Россию от гибели, никакие даже гениальные полководцы не приведут ее к победе, «сила России – в церковноприходском единении русской народности».

Делает Щербатов и прогнозы на ближайшее будущее: «Застрельщиками в будущей войне будут Германия и Япония, соглашение между которыми в ближайшем будущем неизбежно ввиду общего их противника – Англии: Германия – из-за торгового соперничества, Япония – из-за владычества на Тихом океане. Причины столкновения две: одна – желание захватить малонаселенные окраины России для прироста своего населения, другая – опасения перед могуществом России вследствие непомерного роста ее народности». «Множество грозных признаков... – все предсказывает мрачное политическое будущее», – писал Щербатов.

Во время русско-японской войны кн. Щербатов был уполномоченным Красного Креста в действующей армии, его супруга заведовала госпиталем, а старший сын Александр, лейтенант Императорского флота, принимал участие в боевых действиях. Во время мировой войны супруги Щербатовы в своем имении Васильевское организовали госпиталь на 100 человек. Сам кн. Щербатов снова был при действующей армии, на этот раз в должности начальника эвакуации раненых на Александровской ж. д. Рядом была и его супруга кн. Ольга Александровна, которая организовала на свои личные средства санитарный поезд и руководила им. Однажды поезд был даже захвачен немцами, так близко подходил он к линии фронта. В боевых действиях теперь не участвовал сын Александр, надежда и гордость отца, по состоянию здоровья в 1912 г. он уволился в запас и стал Николаевским уездным предводителем дворянства в Самарской губ. Весной 1915 г. он тяжело заболел в Петрограде. Получив известие о болезни сына, кн. Щербатов приехал навестить и поддержать его, но сын скоропостижно скончался на руках отца (кн. Ольга Александровна оставалась на фронте в Польше вместе со своим поездом). Неожиданная кончина любимого сына вконец расшатала здоровье кн. Щербатова. Возвращаясь с печальным известием к жене, он простудился, заболел воспалением легких и умер в Варшаве через 19 дней после потрясшей его смерти сына.

Соч.: Письма об экономическом положении России. М., 1899; Книга об арабской лошади / В соавт. с гр. С. А. Строгановым. СПб., 1900; О значении русско-японской войны. М., 1905; Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905; Статьи князя А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905; От Союза Русских Людей (О сословном начале как основе государственного управления). М., 1906; Обновленная Россия. М., 1908; Православный приход – твердыня

русской народности. М., 1909; Государственно-народное хозяйство России в ближайшем будущем. М., 1910; Государственная оборона России. М., 1912; Сообщение о Государственной Думе в СРЛ. Из адреса Братства свободы и порядка. Б. м., б. г.; «Обновленная Россия» и др. работы / под ред. И. А. Настенко. М., 1902; Ссудосберегательные товарищества. М., 1897; Письма об экономическом положении России. М., 1899; Государственное землеустройство. М., 1905; Преобразование государственного денежного хозяйства. М., 1906; Способы выяснения вопросов денежного обращения и землеустройства. М., 1906;

А. С., И. Н.

К. Р. Качоровский
Русская община.

Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие

Публикуется по: *Качоровский К. Р.* Русская община. Изд. 2. М., 1906.

Качоровский Карл Август Романович (1870 – после 1937) – экономист-аграрник, статистик. Из семьи военного врача.

Его главный труд – «Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие. (Опыт цифрового и фактического исследования)» (СПб., 1900). В работе использованы данные земской статистики по 182 уездам, сибирские экспедиционные исследования по 13 округам и материалы общинного землевладения донских, кубанских, терских и уральских казаков. Качоровский считал, что только *община* способна обеспечить прогресс в сельском хозяйстве. Он полагал, что в общественном производстве существуют только два фактора – «земля и человечество». Классификацию общин строил в зависимости от степени осуществления принципа уравнительности при переделах земли. Выделяя этот признак в качестве главного, описывал разнообразные формы и виды общинного землевладения. Пытался статистическим путем установить законы развития общины. Главный упор в своих исследованиях Качоровский делал на изучение форм землевладения и внутренних принципов организации общины. Отрицал разложение общины, разделяя теорию некапиталистического развития деревни; доказывал, что повсюду в Европе и Америке идет декапитализация *сельского хозяйства*.

Качоровский дал описание всех наблюдавшихся в России форм землевладения, считавшихся общинными. В результате исследования Качоровский пришел к выводу о существовании в России двух типов общины: основу одного составляли бывшие *государственные крестьяне* (общины «вольная», «натуральная», основанная на «*обычном праве*»), другой тип включал общины бывших помещичьих крестьян, и его Качоровский рассматривал скорее

как государственный, а не обычно-правовой институт; первый тип общины, согласно Качоровскому, был жизнеспособным, второй постепенно отмирал. Процесс сложения и развития общины Качоровский объяснял идеей трудового начала, которую оценивал как основу «обычного народного» и земельно-дольческого права, а также противопоставлением «права труда» (т. е. права на результат вложенного в земельный надел труда) «праву на труд» (т. е. праву на землю как средство существования). Качоровский предложил классифицировать все разновидности русской общины в общей схеме проявления основного признака общинного землепользования – уравнительных переделов земли. Исследование Качоровского было отмечено премией им. Ю. Ф. Самарина (учреждена Московским университетом) и премией Петербургского кооперативного института.

В 1908 г. – один из авторов коллективного исследования «Борьба за землю» (Т. 1, СПб., 1908), содержащего изложение истории русской общины на основе анализа статистических данных. На основе собранных Качоровским материалов, с его введением и под его редакцией, издана книга П. Вениаминова (П. Г. Архангельского) «Крестьянская община. (Что же она такое, к чему идет и что может дать России?)» (СПб., 1908).

В 1920 эмигрировал, жил в Праге и Белграде.

Соч.: Бюрократический закон и крестьянская община // «Русское богатство». 1910. № 7, 8; Быть или не быть общине в России // «Заветы». 1912. № 2; Община в революции и контрреволюции // «Воля России». Прага, 1924. № 18–18; Выходы из общины // Записки Института изучения в России. Т. 1. Прага, 1925; Социальный строй России. Прага, 1926.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Я.В.* (1858–1906), русский публицист и статистик, либеральный народник – 314, 997, 1319, 1331, 1333–1334, 1337
- Александр I Павлович* (1777–1825), русский император с 1801 г. – 15–16, 424, 1303
- Александр III Александрович* (1845–1894) – император всероссийский, Царь Польский и Великий Князь Финляндский с 1881 г. 1341
- Алексей Михайлович* (1629–1676), русский царь с 1645 г. – 1304
- Андреев*, прапорщик – 207
- Андреевы*, елецкая крестьянская семья – 207
- Анисимов*, ставропольский крестьянин – 353
- Анненский Н.Ф.* (1843–1912), русский экономист-статистик, публицист-народник, общественный деятель – 1318
- Аносов Н.М.*, смоленский земский статистик – 997, 1318
- Аскольд* (предположительно др.-исл. *Haskuldr* или *Höskuldr*, др.-рус. Аскольд, Никоновская летопись – Осколд; ум. 882), киевский князь в 864–882 гг. – 66
- Блеклов С.М.* (1860–1913), русский публицист и земский статистик – 369, 997, 1223, 1318
- Боголепов И.П.* (1851–1911), русский земский статистик – 997, 1337
- Богушевич* – 848
- Болтин И. Н.* – 13
- Бориневич А.С.* (1855–1946), русский земский статистик – 575, 997, 1317
- Бородин* – 998, 1029, 1055, 1062–1063, 1079, 1089–1090, 1095, 1097, 1106, 1110, 1128
- Бунин А.Н.*, елецкий помещик, отец писателя И.А. Бунина – 723, 997
- Бутовский* – 93–106, 108, 110, 112, 116–119, 122–125, 818, 1325
- Быховец* – 69
- Вагнер*, проф. – 821
- Валуев* – 851
- Варзер* – 73, 85
- Васильчиков А.* – 57, 72, 809, 820, 1299–1302, 1322–1323, 1325–1326
- Венчаков*, крестьянин – 1057
- Вернер И.А.* (1852–1927), русский земский статистик – 210, 997, 1317
- Вернер К.А.* (1850–1902), русский статистик-агроном, брат И.А. Вернера – 175

- Витте*, гр. – 980
- Воронцов-Вельяминов И.А.* – 389, 465
- Всеволожский Н.В.* – 804
- Вышинский* – 32
- Гагемейстер* – 866, 904, 1332–1336, 1339
- Гакстгаузен* – 156
- Гаттенбергер*, проф. – 815, 1324
- Герцен А.И.* – 5, 16
- Герье* – 818–819, 1302, 1325
- Голицын*, кн. – 761
- Голицына*, кн., благотворительница – 476
- Головачев А.А.* – 803
- Головин* (пост. псевд.: Орловский) К.Ф. (1843–1903), русский консервативный беллетрист, публицист, литературный критик, мемуарист – 819
- Госфорд*, генерал-губернатор Западной Сибири – 851
- Грауздин* – 997, 1144, 1145, 1214–1215
- Григоров* – 910
- Григорьев В.Н.* (1852–1925), русский статистик, экономист, публицист народнического направления – 328, 332, 811, 837, 983, 997, 1199, 1205, 1241, 1317, 1320, 1323–1324, 1333
- Гурвич В.Л.*, тверской земский статистик – 997, 1318
- Дембовецкий* – 856, 1330
- Демидов*, владелец гвоздильной фабрики под Пермью – 352
- Добротворский Н.А.* (р. 1862), русский журналист, статистик, этнограф, историк, революционный деятель – 885, 997, 1023, 1034, 1079, 1109, 1121, 1317, 1330, 1334–1335, 1338
- Дроздов Н.*, русский земский деятель – 372, 618, 997, 1236, 1319
- Дубенский* – 983, 998, 1032–1033, 1037, 1040, 1046, 1057–1058, 10 65, 1067, 1073, 1089–1090, 1124, 1179
- Дудкин А.А.*, русский земский статистик – 997, 1318
- Дюк Степанович* – 64
- Екатерина II* (1729–1796), русская императрица с 1762 г. – 989
- Елисеев* – 1134
- Ермолаев Логин*, смоленский крестьянин – 357
- Ермолинский* – 841, 983, 997–998, 1328
- Ермолов А.С.* (1847–1917), русский экономист-аграрник, писатель, государственный деятель – 17–18, 84
- Еропкин А.В.*, знаток русской общины – 17
- Ефименко* – 71, 73, 75–77, 981, 11181322, 1324, 1335
- Жадан*, мелитопольский крестьянин – 514–515
- Зейферг Иван*, пионер мукомольного дела в Саратове, и его брат – 479
- Златовратский Н.Н.* – 8, 13, 986, 1082, 1334
- Золотарев*, генерал – 367
- Зубов П.А.* (1835–1890), граф, владимирский помещик – 12
- Иванов С.* – 119–126, 129–132, 134–140, 145, 147–153, 155–158, 808, 1323, 1325

- Иванов Я.Е.*, тамбовский крестьянин – 330–331
- Иванюков* – 986–987, 1247, 1325
- Игорь*, кн. – 64–65
- Ильин* – 966
- Исаев А.А.* (1851–1924), русский экономист, статистик и социолог, народник – 71, 1325–1326, 1335
- Исаев*, проф. – 817, 881
- Ислаков Хасан*, крестьянин-татарин – 197, 1122
- Кавелин К.Д.* (1818–1885), русский писатель, юрист, психолог, этнограф, историк государственной школы, либеральный общественный деятель и публицист – 1296–1298, 1322–1323, 1327
- Кавур*, граф – 961
- Капустин С.* – 998, 1126, 1323–1324, 1337
- Капустин С.Я.* (1828–1891), русский публицист – 806, 1119
- Карев*, проф. – 821
- Картавцев* – 855
- Карышев Н.* – 905–960, 1339–1340
- Кейслер Ив.* (1843–1897), писатель по эконом. вопр. – 857–859, 1330
- Киселев П.Д.* (1788–1872), русский государственный деятель, министр государственных имуществ (1837–1856 гг.), провел реформу управления государственными крестьянами (конец 1830-х гг.) – 196
- Кисляков Н.М.* (р. 1861), русский земский статистик и географ – 893, 997, 1317
- Клаус А.А.* (1829–1870 или 1887), русский земский деятель – 1337
- Ковалевский М.* – 968, 988–989, 1035, 1029
- Козаченко* – 1355
- Константин Порфирородный* – 67–68
- Кошелев А.И.* (1806–1883), русский публицист и общественный деятель, славянофил, рязанский помещик – 119–121, 134–135, 157, 1309
- Красноперов Е.И.* (ум. 1897), русский земский статистик – 997, 1145
- Красноперов И.М.* (1840–1920), русский земский статистик – 743, 997, 1107, 1316, 1321, 1330, 1333, 1338
- Красовский* – 814
- Крен* – 882
- Кроль* – 998, 1032, 1035–1038, 1049, 1052, 1056, 1140, 1142
- Кроэр* – 80
- Крстичь, доктор* – 65
- Куликовский Г.И.* (р. 1862), русский этнограф и инженер – 1332, 1335
- Лавелэ* – 775, 793, 1320
- Лавров* – 965
- Лагофет Б.Б.*, елецкий помещик, ближайший сосед семьи писателя И.А. Бунина – 723–724
- Лесевич* – 991
- Липерт И. Х.* – 479
- Лист Фридрих* – 145
- Личков Л.С.* (1855–1943), русский земский статистик, экономист, этнограф, публицист – 292, 743, 866, 870, 983, 997–998, 1033–1034, 1038–1039, 1042, 1044, 1058, 1063, 1065, 1071, 1073, 1076, 1088–1090, 1142, 1206, 1316, 1322, 1332–1338
- Луцицкий, проф.* – 72, 854, 861, 1330

- Малинский* – 32, 46
Мальтус – 5–6
Марусин – 850, 1041, 1329
Маслов – 1329
Матвеева, кн. – 45
Менделеев Д.И. – 14–17, 1310
Миклашевский И.Н. – 5
Милль Д.С. – 142, 802
Милюков П.Н. (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист, лидер Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы, кадеты), министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. – 968
Миртов – 991
Михайлов – 1048, 1334–1335, 1338
Михайлов К.П. – 998, 1061, 1125, 1321–1322, 1333
Михайловский Н.К. – 991
Мурзаев М.К. (1856–1913), крымский общественный деятель – 997, 1110, 1316

Недзялковский – 1208
Неелов – 122, 124, 159, 818, 1325
Нестор – 29, 46–49, 60–69, 106
Николай I Павлович (1796–1855), русский император с 1825 г. – 1303

Оболенские, князя – 333, 382
Оболенский – 1281
Одарченко – 986
Олег, кн. – 63
Ольга, кн. – 64–65, 1349
Орлов В.И. (1848–1885), русский экономист, один из основателей земской статистики в России – 164, 295, 297, 318, 321, 325, 392–393, 396–398, 407, 528, 558, 595, 604, 616, 625, 631, 654, 659, 666, 685, 709, 752, 800, 803, 820, 911–912, 982, 986, 994, 997, 1102, 1114, 1116, 1202, 1205, 1239, 1251, 1318–1319
Орлова, графиня, рязанская помещица – 767, 771
Осипов – 998, 1095, 1097, 1132–1133, 1137, 1142, 1177

Павел I – 15
Павлов-Сильванский Н. П. – 7
Панаев – 809, 1323
Панкеев К.М. (псевд.: *К.П-в*, *П-ев*) – 1317
Пейкер, мировой посредник Верхотурского округа Пермской губ. – 882
Петр I Великий (Петр Алексеевич) (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый русский император (с 1721 г.) – 21, 99–100
Петровский В.И., русский агроном – 642, 874, 997, 1316
Петропавловский Н.Е. – 998, 1026, 1028, 1145, 1333
Петропавловский П. – 1333
Петрункевич И. – 997
Пешехонов – 997, 1221, 1232
Плотников М.А. (ум. 1903), русский земский деятель и публицист – 997, 1022, 1037, 1092, 1161, 1204, 1265
Победоносцев К.П. (1827–1907), российский государственный деятель – 979, 987
Подымовский С.Л. (1837–1911), русский горный инженер, предприниматель – 367–368

- Покровский В.И.* (1838–1915), русский экономист, статистик, публицист, один из основателей земской статистики – 997, 1318
- Пономарев С.* – 876–877, 1330, 1333–1334
- Попко И.* – 1094
- Посников А.С.* (1846–1921), русский экономист, общественный и политический деятель – 981, 1334
- Посников, проф.* – 807, 812, 814
- Постников* – 981
- Приклонский С.А.* (1846–1886), русский публицист – 74, 876, 1333–1334
- Прокопий* – 66
- Пругавин В.С.* (1858–1896), русский экономист, земский статистик, либеральный народник – 355, 418, 588, 606, 639, 675, 673, 836, 840, 847, 983, 997, 1316, 1326–1332
- Прыжов И.Г.* – 6
- Разуваевы* – 84
- Рансом (Ransome) Роберт* (1753–1830), английский предприниматель и изобретатель – 1357
- Ребиндер А.А.* (1826–1913), русский землевладелец и сахарозаводчик – 351
- Рева* – 886, 1337
- Ремезов* – 834
- Риль* – 98, 125
- Романов Н.Н.* (р. 1848), один из первых по времени земских статистиков в России – 997, 1273, 1318
- Романов*, исследователь Козловского уезда Тамбовской губ. – 199, 288, 331–332
- Румянцев[Задунайский] П.А.* (1725–1796), русский полководец и государственный деятель; в качестве губернатора Малороссии (1764–1768 гг.) явился инициатором проведения в 1765 г. переписи населения (так называемой Румянцевской) этого региона – 182, 1048
- Рычков А.И.* (ум. 1818), внук П.И. Рычкова – 424–425
- Рычков П.И.* (1712–1777), русский историк, экономист, географ, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук (1759 г.) – 424
- Рюрик* – 62
- Сазонов* – 986
- Салтыков-Головкин А.А.* (1826–1874), князь – 715
- Семенов* – 997, 1271, 1318
- Сергеев* – 800
- Серебряков В.И.*, орловский земский статистик – 997, 1317, 1358
- Сернец* – 882
- Смирнов Е.А.*, казанский земский статистик – 997, 1318
- Соколовский П.А.* – 70, 74–75, 81, 792, 811–812, 816, 1321–1326, 1330, 1332–1334, 1336, 1338–1339
- Соловов*, самарский землевладелец – 425
- Соловьев* – 584, 819, 1289, 1325
- Столыпин Д.А.* – 19
- Столыпин П.А.* (1862–1911), видный гос. деятель России нач. XX в. – 4, 19–20, 1294
- Талызин*, самарский механик-самоучка – 175, 303, 424
- Тенгоборский* – 119
- Тернер Ф.Г.* – 818, 987, 1325

- Тимофеев А.*, курский земский статистик – 195, 997, 1317
- Тихеев*, мировой посредник – 1323
- Трирогов В.Г.* (1834–1891), русский статистик и экономист – 1322–1323, 1325, 1331, 1333, 1336
- Трирогов* – 799, 805, 824, 863, 939, 981, 1063
- Уоллес* – 88–89
- Успенский Гл. Ив.* – 991
- Филимонов* – 318, 383, 999, 1032, 1060, 1248
- Филимонов Е.С.* (р. 1857), русский земский статистик – 997–998, 1019, 1021
- Фортулатов А.Ф.* (1856–1925), русский экономо-географ, статистик, агроном, был близок к народникам – 1001, 1003, 1016, 1340
- Хайми*, финский земский статистик – 315
- Харизоменов С.А.* (1854–1917), русский земский статистик, экономист – 169, 194, 261, 282–283, 316–319, 341, 381–382, 420, 464, 610, 983, 997, 1022, 1035, 1102, 1114–1115, 1248, 1261–1262, 1316, 1320, 1336
- Харламов* – 338, 983, 997, 1186, 1223, 1225, 1318
- Харузин* – 872, 998–999, 1320–1321, 1332–1335, 1338
- Ходский Л.В.* (1854–1919), русский экономист и статистик, после революции 1917 г. в эмиграции – 349
- Хорив* – 63, 65
- Чаплыгин*, ставропольский крестьянин – 353
- Чаславский* – 873, 1330, 1333, 1338
- Черенков* – 793
- Черепнин Л.В.* – 7
- Черненко Н.Н.* (р. 1863), русский статистик, экономист и общественный деятель – 291, 382, 983, 997, 1115, 1255, 1258, 1317
- Чернов Карп*, смоленский крестьянин – 357
- Чернышевский Н.Г.* – 819, 964, 979–981, 985–986, 989, 1325
- Черняев В.В.* (1844–1892), русский сельскохозяйственный деятель – 1359
- Чефранов* – 707
- Чехов А.* – 991
- Чичерин* – 77, 99, 124, 139, 534, 818–819
- Чичерина Б.Н.* – 988–989, 1296, 1303, 1325
- Чудновский* – 853, 867, 998, 1087–1090, 1124, 1129, 1138, 1143, 1144, 1329, 1332–1333, 1339
- Чупров А.И.*, проф. – 976
- Чурило Пленкович* – 64
- Шарапов С.Ф.* (1843–1911), русский публицист и сельский хозяин-практик, изобретатель плуга оригинальной конструкции – 1365, 1375
- Шелгунов Н.* – 835, 1327, 1329
- Шмидт О.Э.*, русский земский статистик – 997
- Шмонина Наум*, бедный общинник – 12
- Щапов* – 866, 1044, 1332, 1360
- Щек* – 63, 65
- Щербатов А.Г.*, кн. (1850–1915), русский общественный деятель,

- президент Московского общества сельского хозяйства (1892–1905 гг.) – 1344–1349, 1360, 1369
- Щербина Ф.А.* (1849–1936), русский статистик, основоположник отечественной бюджетной статистики; с 1920 г. в эмиграции – 288, 583, 738, 743, 855, 861, 864, 873, 983, 997–998, 1029, 1048, 1062, 1070, 1083, 1094–1095, 1097, 1108, 1110–1111, 1118–1119, 1124, 1137, 1141, 1155, 1191, 1317, 1330–1335
- Энгельгардт А.Н.* (1828–1893), русский агроном, публицист – 816, 1309–1314
- Южаков* – 854–856, 983, 991, 1011, 1013
- Южаков С.Н.* (1849–1910), русский публицист и социолог, близкий к субъективной школе в социологии – 1319, 1330
- Юз (Хьюз) (Hughes) Джон* (1814–1889), англо-русский предприниматель, построивший в 1869–1872 гг. Юзовский (ныне Донецкий) металлургический завод – 367
- Юзов* – 986
- Якушкин* – 835, 886
- Якушкин Е.И.* (1826–1905), русский юрист, этнограф и библиограф – 981, 1326–1327, 1334, 1336–1337
- Янчевский П.С.*, русский инженер – 367

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. 1–7. М., 1886–1887.

Аксаков И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1–2 (в 4 т.). М., 1888–1896.

Аксаков К. С. О крестьянстве в древней России // Полн. собр. соч. Т. 1. 1889.

Аксаков К. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1861.

Аксаков Н. П. И. Д. Беляев // Русская беседа. 1895. № 1.

Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.

Антонов М. Ф. Нравственность экономики. М., 1984.

Антонов М. Ф. Нравственные устои экономики. М., 1989.

Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть. М., 2005.

Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.

Афанасьев Э., Калхоун Н., Трофимова И. Христианская этика и православное христианство в деловой жизни России // Вопросы экономики. 1993. № 8.

Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова // Исторические записки. 1945. № 16.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти) // Проблемы экономики. 1940. № 4.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946.

Бак И. С. Ломоносов о сельском хозяйстве // Советская агрономия. 1947. № 1. 783

Безобразов В. П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.

Безобразов В. П. Народное хозяйство России: Москов. (центр.) пром. обл.: В 3 ч. СПб., 1882–1889. Ч. 1–3.

Беляев И. Д. О сельской общине // Русская беседа. Кн. I. 1856.

Беляев И. Д. Договор найма в древнерусском праве // Русский исторический журнал. V. 1918.

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1901.

Беляев И. Д. О земледелии в древней России // Труды Вольного экономического общества. I. 1866.

Беляев И. Д. О поземельном владении в Московском государстве. М., 1851.

Беляев И. Д. О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Московского государства // Временник ОИДР. Кн. 4. 1846.

Беляев И. Д. Разбор сочинения Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины» // Русская беседа. Кн. I и II. 1856.

Беляев И. Д. Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском вестнике», № 12) // Русская беседа. Кн. II. 1856.

Бердяев Н. А. О хозяйстве // *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. М., 1990.

Болотов А. Т. Избранные труды. М., 1988.

Болотов А. Т. Деревенское зеркало, или Общепародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять. Ч. I – III. СПб., 1798–1799.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990.

Булгаков С. Н. Краткий очерк политической экономии. М., 1906. 784

Булгаков С. Н. История экономической мысли. Т. 1. М., 1916.

Булгаков С. Н. История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте. Ч. 2. Изд. 7-е. М., 1918.

Булгаков С. Н. Христианская социология // Вестник РХД. 1991. № 161.

Бутми Г. В. К вопросу о денежной реформе. Одесса, 1896.

Бутми Г. В. Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897.

Бутми Г. В. Капиталы и долги. М., 1898.

Бутми Г. В. Золотая валюта. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Блестящие финансы и разорение России // Прямой путь. 1910. № 3.

Бутми Г. В. О финансовой и денежной системе // Прямой путь. 1910. № 4.

Васильчиков А. И. О самоуправлении. Т. 1–3. СПб., 1869–71.

Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1–2. СПб., 1876.

Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881.

Иосиф Волоцкий. Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге *В. Малнина* «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901.

[Волынский А. П.] «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень» (1724 г.) // Москвитянин. 1854. № 1, отд. IV, № 2.

Волынский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях... // Памятники древней письменности. СПб., 1881. 785

Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.

Воронцов В. П. Крестьянская община. М., 1897.

Воронцов В. П. Наши направления. СПб., 1893.

Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.

Воронцов В. П. Очерки теоретической экономии. СПб., 1899.

Воронцов В. П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

Воронцов В. П. К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.

Воронцов В. П. К истории крестьянской общины в России // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. 1902.

Воронцов В. П. Судьба капиталистической России. СПб., 1907.

Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. СПб., 1870.

Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Т. 1–2. М., 1899.

Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988–1738). СПб., 1871.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

Даниельсон Н. Ф. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское богатство. 1894. № 4–6.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. 786

«Домострой по списку Императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. II. М., 1881.

«Домострой» Сильвестровского извода. // Русская классная библиотека / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.

Домострой / Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правительница и землемерие // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926.

Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1–4. СПб., 1901–05.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. СПб., 1884.

Ефименко А. Я. Обычное право. М., 1884.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937.

Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.

Иванцов Д. Черты своеобразия русской экономической мысли // Евразийский сборник. Прага, 1929.

Ильин И. А. О частной собственности // Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.

Исаев А. Артель в России. Вып. 1–2. СПб., 1872–1873.

Исаев А. Община и артель // Юридический вестник. 1884. № 1.

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический опыт древней России. СПб., 1847.

Калачов Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864. 787

Карнович Е. Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в. // Современник. 1858. № 10, отд. IV.

Каратаев Н. К. П. И. Рычков – выдающийся русский экономист XVIII в. // Вестник Академии наук СССР. № 3. 1950.

Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890.

Качоровский К. Р. Бюрократический закон и крестьянская община // Русское богатство. 1910. № 7–8.

Качоровский К. Р. Быть или не быть общине в России // Заветы. № 2. 1912.

Клочков М. В. Посошков о крестьянах // Великая реформа. Т. 1. М., 1911.

Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в. // Научное слово. Кн. 3. М., 1904.

Кокорев В. А. Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.

Коринфский А. Народная Русь. М., 1995.

Кошелев А. И. О сословиях и состояниях в России. М. 1881.

Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.

Лешков В. Н. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии // В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855.

Лешков В. Н. Общинный быт древней России. Б. м. Б. г.

Лешков В. Н. Русская промышленность по указам Петра Великого // Юридический вестник. 1876. Январь – февраль.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг.». М., Л., 1952. 788. В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761–1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостроительства» (С. 377–13). Из вошедших в том трудов по географии 1763–1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков...»

Ломоносов М. В. (о нем). *Тихомиров И. А.* О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1914.

Менделеев Д. И. Сочинения (экономические работы). Т. XVIII – XXI. М., 1950–1952.

Менделеев Д. И. К познанию России. Изд. 1–7-е. СПб., 1906–1912; советское изд.: М., 1938.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

Меньшиков М. О. Из писем ближним. М., 1991.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

Национальные традиции и экономическая система общества // Вопросы экономики. 1993. № 8.

«*Нила Сорского* предание и устав» // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 179. СПб., 1912.

Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. СПб., 1911.

Оль П., Шаранов С. Ф. Мнимое перепроизводство серебра. СПб., 1889.

Ордин-Нащокин А. Л. (о нем). *Чистякова Е. В.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет // Труды. Т. XX.

Сборники работ по истории. Воронеж, 1950.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Писемский В., Калашинов Ю., Малофеева Е., Платонова Е. Православие и экономика // Журнал Московской патриархии. 1992. № 9.

Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях // Вопросы экономики. 1993. № 8.

Платонов О. А. Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990.

Платонов О. А. Русский труд. М., 1991.

Платонов О. А. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.

Платонов О. А. (сост.). Тысяча лет русского предпринимательства. М., 1995.

Платонов О. А. (сост.). Экономика русской цивилизации. М., 1995.

Погодин М. Биографические сведения о Посошкове // Сочинения Посошкова И. Т. М., 1863.

Погодин М. Крестьянин Иван Посошков – государственный муж времен Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 3, ч. II.

Погодин М. Посошков по вновь открытым документам // Русский вестник. 1863. Т. 45.

Посников А. Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724. Издана впервые М. Погодиным. М., 1842. Изд. 2-е по погодинскому изд., 1911, серия «Памятники русской истории» под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла под ред., со вступительной статьей и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т. (о нем). «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым Отечества». СПб., 1914 (без автора).

Посошков И. Т. (о нем). *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк. М., 1902.

Посошков И. Т. (о нем). *Брикнер А.* Иван Посошков. Соч., ч. I. «Посошков как экономист». СПб., 1876.

Посошков И. Т. (о нем), *Паиков А.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия Академии наук СССР» № 4. Отделение экономики и права. М., 1945.

Посошков И. Т. (о нем). *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989.

Православная экономика и нравственная политика. М., 1996.

«Приговор царский о кормлениях и о службе» // Полное собрание русских летописей. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого». Казань, 1855.

[*Рычков П. И.*]. Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым // Русский архив. 1905. № 10. Т. III.

Рычков П. И. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина // Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770.

Рычков П. И. О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти // Труды Вольного экономического общества. Ч. II. СПб., 1766.

Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов // Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

Рычков П. И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

[*Рычков П. И.*]. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN. // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль, апрель, декабрь.

Рычков П. И. Письмо о управлении в деревенском житии // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, ноябрь.

[*Рычков П. И.*]. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: P. // Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

[*Рычков П. И.*]. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май – июнь.

Рычков П. И. (о нем). *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

Самарин Ю. Ф. Общинное владение // Русский вестник. 1858. № 13.

Самарин Ю. Ф. Поземельная собственность и общинное владение // Русский вестник. 1858. № 1–6.

Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873.

Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1990.

Сумароков А. П. Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II... с собственноручными замечаниями государыни // Сборник Русского исторического общества. Т. X. СПб., 1872.

Сумароков А. П. О всегдашней равности в продаже товаров // Журнал «И то и сь», февраль. 1769, шестая неделя.

Сумароков А. П. О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. X. М., 1787.

Сумароков А. П. Письмо Вольному экономическому обществу. 1766 // *Ходнев А.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.

Сумароков А. П. О домостроительстве // Русская проза XVIII в. М., Л., 1950.

Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. XII, отд. «Смесь». М., 1852.

Татищев В. Н. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной // *Попов Н. В. Н.* Татищев и его время. Приложение XVI. М., 1861.

Татищев В. Н. Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег // *Попов Н. В. Н.* Татищев и его время. Приложение XVII. М., 1861.

Татищев В. Н. Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств // В сборнике работ В. Н. Татищева «Избранные труды по географии России». М., 1950.

Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793.

Татищев В. Н. Например представление о купечестве и ремеслах // Исторический архив. VII. М., 1951.

Татищев В. Н. На память о делах астраханских // Исторический архив. VII. М., 1951.

Татищев В. Н. Заводской устав // Горный журнал. 1831. Кн. 1–3, 5–10.

Татищев В. Н. Наказ шихтмейстеру // Исторический архив. VI. М., Л., 1951.

Татищев В. Н. Инструкция В. Н. Татищева по управлению имениями. 1742 // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.) / Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.

Татищев В. Н. О географии вообще и о русской // Избранные труды по географии России. М., 1950.

Татищев В. Н. Краткие экономические по деревне следующие записки // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.). М., 1987.

- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Тихомиров Л. А.* Земля и фабрика. М., 1899.
- Тихомиров Л. А.* Вопросы экономической политики. М., 1900. «Труды Вольного экономического общества». Ч. 1–52. СПб., 1765–1798.
- Фролов А.* Деньги земледельческой страны. М., 1898.
- Холодков В.* Православные традиции в российском землевладении // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.
- Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1982.
- [*Чулков М.*] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I–VII. СПб.; М., 1781–1788.
- Чулков М. Д.* История краткая российской торговли. М., 1788.
- [*Чулков М. Д.*] Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии. М., 1788.
- Чулков М. Д.* Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.
- Чулков М. Д.* Экономические записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу. М., 1788. Изд. 2-е. М., 1790.
- Чулков М. Д.* (о нем). Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.
- Шарапов С. Ф.* Сочинения. Т. 1–9. М., 1900–1906.
- Шарапов С. Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1898.
- Шарапов С. Ф.* Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб., 1895.
- Шарапов С. Ф.* Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886.
- Шарапов С. Ф.* По русским хозяйствам. М., 1893.
- Шарапов С. Ф.* Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1892.
- Шведов О. В.* Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003.
- Щапов А.* Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859.
- Щепкин М.* Экономические понятия в России в конце XVIII в. // Московские ведомости. 1859. № 142, 143, 154, 172, 177.
- Щербатов А. Г.* Письма об экономическом положении России. М., 1899.

Щербатов А. Г. Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905.

Щербатов А. Г. Статьи кн. А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905.

Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908.

Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности. М., 1909.

Щербатов А. Г. Государственно-народное хозяйство в ближайшем будущем. М., 1910.

Щербатов А. Г. Государственная оборона России. М., 1912.

Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов... В пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой. Ч. 1–40. Издатель Н. И. Новиков. М., 1780–1789.

Эри В. Ф. Христианское отношение к собственности. М., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ <i>Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885)</i>	21
О ДРЕВНИХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ <i>Иванишев Николай Дмитриевич (1811–1874)</i>	27
ОБЩИНА ПРОТИВ КОММУНИЗМА <i>Васильчиков Александр Илларионович (1818–1881)</i>	57
ОБЩИННОЕ УСТРОЙСТВО СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН <i>Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873)</i>	60
ЗА ОБЩИННЫЕ И АРТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ <i>Каблиц Иосиф Иванович (1848–1893)</i>	70
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО С 20 НОЯБРЯ 1857 ПО ИЮНЬ 1859 ГОДА <i>Самарин Юрий Федорович (1819–1876)</i>	93
ОБЩИНА И АРТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО <i>Энгельгард Александр Николаевич (1832–1893)</i>	160
КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА <i>Воронцов Василий Павлович (1847–1918)</i>	163
ОБЩИННОЕ ВЛАДЕНИЕ В РОССИИ <i>Карелин Аполлон Андреевич (1863—1926)</i>	775
ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ <i>Карышев Николай Александрович (1855–1905)</i>	905

ОБЩИННОЕ НАЧАЛО В ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

Щербатов Александр Григорьевич (1850–1915) 961

**РУССКАЯ ОБЩИНА. ВОЗМОЖНО ЛИ,
ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИ ЕЕ СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**

Качоровский Карл Август Романович (1870 – после 1937) 964

Примечание 1289

Именной указатель 1352

Литература 1359

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 90 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 25.10.2012 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 90,1 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (<i>вышел</i>)	Русская икона и религиозная живопись в двух томах (<i>вышли</i>)
Русское Православие в трех томах (<i>вышли</i>)	Русская архитектура и скульптура
Русское государство (<i>вышел</i>)	Русская живопись
Русский патриотизм (<i>вышел</i>)	Русский театр
Русское мировоззрение (<i>вышел</i>)	Русская музыка
Русский образ жизни (<i>вышел</i>)	Русская наука
Русская география	Русская школа
Русское хозяйство (<i>вышел</i>)	Русское воинство
Международные отношения	Памятники Отечества
Национальные отношения	Русские за рубежом
Русская литература (<i>вышел</i>)	Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.

Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добролюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.

Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@rw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)